

Плутарх Сравнительные жизнеописания

ТЕСЕЙ И РОМУЛ

[Перевод С.П. Маркиша]

Тесей

1. Подобно тому как ученые мужи, трудясь над описанием земель, все ускользающее от их знания оттесняют к самым краям карты, помечая на полях: «Далее безводные пески и дикие звери», или: «Болота Мрака», или: «Скифские морозы», или: «Ледовитое море», точно так же и мне, Сосий Сенецион, в работе над сравнительными жизнеописаниями пройдя чрез времена, доступные основательному изучению и служащие предметом для истории, занятой подлинными событиями, можно было бы о поре более древней сказать: «Далее чудеса и трагедии, раздолье для поэтов и мифографов, где нет места достоверности и точности». Но коль скоро мы издали рассказ о законодателе Ликурге и царе Нуме, то сочли разумным дойти и до Ромула, в ходе повествования оказавшись совсем рядом с его временем. И вот, когда я задумался, говоря словами Эсхила,

С подобным мужем выйдет кто на бой?
Кого послать? Кто с ним сравнится силой?¹

мне представилось, что с отцом непобедимого и прославленного Рима следует сопоставить и сравнить основателя прекрасных, всеми воспетых Афин. Я бы хотел, чтобы сказочный вымысел подчинился разуму и принял видимость настоящей истории. Если же кое-где он со своевольным презрением отвернется от правдоподобия и не пожелает даже приблизиться к нему, просим благосклонного читателя отнестись со снисхождением к этим рассказам о старине.

2. Итак, мне казалось, что Тесей во многом сходен с Ромулом. Оба появились на свет тайно и вне брака, обоим приписывалось божественное происхождение,

Оба славнейшие воины, в том убедились все мы²,

у обоих сила соединена с мудростью. Один основал Рим, другой Афины – два самых знаменитых города в мире. Оба – похитители женщин. Ни тот, ни другой не избегли семейных бедствий и горя в частной жизни, а под конец, говорят, стяжали ненависть сограждан – конечно, если некоторые предания, наименее баснословные, способны указать нам путь к истине.

3. Род Тесея со стороны отца восходит к Эрехтею³ и первым коренным жителям Аттики, а с материнской стороны – к Пелопу. Пелоп возвысился среди пелопоннесских

---

¹ 1. *С подобным мужем ... Кто с ним сравнится силой?* – Эсхил, Семеро против Фив, 435, 395, 396 (контаминация).

² 2. *Оба – славнейшие воины...* – Гомер, Илиада, VII, 281, о Гекторе и Аяксе.

³ 3. *Эрехтей ... – Пелоп...* – Эрехтей, сын Земли, считался одним из древнейших афинских царей; его сыном был Кекроп, внуком Пандион, правнуком Эгей, отец Тесея. *Пелоп*, по которому назван Пелопоннес, считался предком большинства ахейских царей, в том числе дедом Агамемнона и Менелая.

государей благодаря не столько богатству, сколько многочисленному потомству: многих из дочерей он выдал замуж за самых знатных граждан, а сыновей поставил во главе многих городов. Один из них, Питфей, дед Тесея, основавший небольшой город Трезен, пользовался славой ученейшего и мудрейшего мужа своего времени. Образцом и вершиною подобной мудрости были, по-видимому, изречения Гесиода, прежде всего в его «Трудах и днях»; одно из них, как сообщают, принадлежало Питфею:

Другу всегда обеспечена будь договорная плата⁴.

Такого мнения держится и философ Аристотель. А Эврипид, называя Ипполита «питомцем непорочного Питфея»⁵, показывает, сколь высоким было уважение к последнему.

Эгей, желавший иметь детей, получил от Пифии общеизвестное предсказание: бог внушал ему не вступать в связь ни с одной женщиной, пока он не прибудет в Афины. Но высказано это было не совсем ясно, и потому, придя в Трезен, Эгей поведал Питфею о божественном вещании, звучавшем так:

Нижний конец бурдюка не развязывай, воин могучий,
Раньше, чем ты посетишь народ пределов афинских.

Питфей понял, в чем дело, и то ли убедил его, то ли принудил обманом сойтись с Этрой. Узнав, что это дочь Питфея, и полагая, что она понесла, Эгей уехал, оставив в Трезене свой меч и сандалии спрятанными под огромным камнем с углублением, достаточно обширным, чтобы вместить и то, и другое. Он открылся одной только Этре и просил ее, если родится сын и, возмужав, сможет отвалить камень и достать спрятанное, отправить юношу с мечом и сандалиями к нему, но так, чтобы об этом никто не знал, сохраняя все в глубочайшей тайне: Эгей очень боялся козней Паллантидов (то были пятьдесят сыновей Палланта⁶), презиравших его за бездетность.

4. Этра родила сына, и одни утверждают, что он был назван Тесеем⁷ сразу, по кладу с приметными знаками, другие – что позже, в Афинах, когда Эгей признал его своим сыном. Пока он рос у Питфея, его наставником и воспитателем был Коннид, которому афиняне и поныне, за день до праздника Тесея⁸, приносят в жертву барана – память и почести гораздо более заслуженные, нежели те, что оказывают скульптору Силаниону и живописцу Паррасию, создателям изображений Тесея.

5. Тогда еще было принято, чтобы мальчики, выходя из детского возраста, отправлялись в Дельфы и посвящали богу первины своих волос. Посетил Дельфы и Тесей (говорят, что там есть место, которое и теперь зовется Тесея – в его честь), но волосы остриг только спереди, как, по словам Гомера⁹, стриглись абанты, и этот вид стрижки был назван

---

⁴ 4. Другу всегда ... – Гесиод, Труды и дни, 370 (пер. В. Вересаева).

⁵ 5. Эврипид называя Ипполита «питомцем непорочного Питфея»... – Эврипид, Ипполит, 11.

⁶ 6. Паллант – брат Эгея; сыновья Палланта, думая, что Эгей бездетен, считали себя наследниками его царства и потому, узнав о сопернике, могли бы убить и Эгея, и Тесея.

⁷ 7. Назван Тесеем – натянутые этимологии от thesis (клад) и от thesthai paida (усыновить ребенка).

⁸ 8. Тесеи справлялись в июле, в 8 день афинского нового года, когда Тесей прибыл в Афины (ниже, гл. 12), и через три месяца в октябре, в день, когда Тесей вернулся с Крита (ниже, гл. 36).

⁹ 9. По словам Гомера – «Илиада», II, 542. Абанты – древние жители острова Эвбеи.

«Тесеевым». Стричься так абанты начали первыми, а не выучились у арабов, как думают некоторые, и не подражали мисийцам. Они были воинственным народом, мастерами ближнего боя, и лучше всех умели сражаться в рукопашную, как о том свидетельствует и Архилох в следующих строках:

То не пращи засвистят и не с луков бесчисленных стрелы
Вдаль понесутся, когда бой на равнине зачнет
Арес могучий: мечей многостонная грянет работа.
В бое подобном они опытни боле всего, —
Мужи-владыки Эвбеи, копейщики славные...¹⁰

И вот, чтобы враги не могли ухватить их за волосы, они коротко стриглись. Из этих же соображений, бесспорно, и Александр Македонский приказал, говорят, своим военачальникам обрить македонянам бороды, к которым в битве так и тянутся руки противников.

6. В течение всего этого времени Этра скрывала истинное происхождение Тесея, а Питфей распространял слух, будто она родила от Посейдона. Дело в том, что трезенцы особенно чтут Посейдона, это их бог-хранитель, ему они посвящают начатки плодов и на монетах чеканят трезубец. Тесей был еще совсем молод, когда вместе с крепостью тела в нем обнаружились отвага, рассудительность, твердый и в то же время живой ум, и вот Этра, подведя его к камню и открыв тайну его рождения, велела ему достать опознавательные знаки, оставленные отцом, и плыть в Афины. Юноша проскользнул под камень и легко его приподнял, но плыть морем отказался, невзирая на безопасность путешествия и просьбы деда с матерью. Между тем добраться в Афины сушею было трудно: на каждом шагу путника подстерегала опасность погибнуть от руки разбойника или злодея. Тот век произвел на свет людей, мощью рук, быстротою ног и силою тела превосходивших, по-видимому, обычные человеческие возможности, людей неутомимых, но свои природные преимущества не обращавших ни на что полезное или доброе; напротив, они наслаждались своим наглым буйством, давали выход своим силам в дикости и свирепстве, в убийстве и расправе над любым встречным и, считая, что большей частью смертные хвалят совесть, справедливость и человечность, лишь не решаясь сами чинить насилия и страшась им подвергнуться, были уверены, что ни одно из этих качеств не подобает тем, кто превосходит мощью других. Странствуя по свету, Геракл часть их истребил, остальные при его приближении в ужасе разбежались, попрятались и, влача жалкое существование, были всеми забыты. Когда же с Гераклом стряслась беда и он, убив Ифита¹¹, удалился в Лидию, где долго нес рабскую службу у Омфалы, сам наложив на себя такую кару за убийство, у лидийцев воцарились мир и безмятежное спокойствие, зато в греческих землях злодеяния вновь вырвались наружу и расцвели пышным цветом: не было никого, кто бы их подавил или обуздал. Вот почему пеший путь из Пелопоннеса в Афины грозил гибелью, и Питфей, рассказывая Тесею о каждом из разбойников и злодеев в отдельности, о том, каковы они и что творят с чужестранцами, убеждал внука ехать морем. Но Тесея, как видно, уже давно тайно волновала слава Геракла: юноша питал к нему величайшее уважение и всегда был готов слушать тех, кто говорил о герое, в особенности очевидцев, свидетелей его деяний и речений. Он испытывал, несомненно, те же самые чувства, какие много позже испытал Фемистокл, признававшийся, что его лишает сна трофей¹² Мильтиада. Так и Тесею,

---

¹⁰ 10. *Архилох* – пер. В. Вересаева (фр. 3 по Диллю).

¹¹ 11. *Ифит* – друг Геракла, сброшенный им в припадке безумия с городской стены.

¹² 12. *Трофей* – у древних греков памятник, оставлявшийся на поле сражения в знак победы: столб с

восхищавшемуся доблестью Геракла, и ночью снились его подвиги, и днем не давали покоя ревность и соперничество, направляя мысль к одному – как бы свершить то же, что Геракл.

7. Они состояли в кровном родстве, ибо родились от двоюродных сестер: Этра была дочерью Питфея, Алкмена – Лисидики, а Питфей с Лисидикой были братом и сестрою, детьми Гипподамии и Пелопа. Поэтому Тесей считал нестерпимым позором, в то время как Геракл ходил на злодеев повсюду, очищая от них и сушу и море, уклониться от битв, которые сами ждут его на пути, бегством по морю унизить бога, которого молва называет его отцом, а настоящему отцу просто доставить приметные знаки – сандалии и незапятнанный кровью меч, – вместо того, чтобы сразу же обнаружить чекан своего происхождения в славных и высоких поступках.

Рассудивши так, он двинулся в дорогу с намерением никого не обижать, но не давать спуска и пощады зачинщикам насилия. (8.). И прежде всего, в Эпидаврской земле, ему довелось столкнуться с Перифетом, оружием коему служила палица (он так и звался «Палиценосным»); Перифет задержал Тесея и пытался не пустить его дальше, но был убит. Палица полюбилась Тесею, он взял ее с собой и с тех пор постоянно пользовался ею в боях, как Геракл – львиною шкурой: Геракл носил на плечах свидетельство того, сколь велик был зверь, которого он осилил, палица Тесея как бы возвещала: «Мой новый хозяин меня одолел, но в его руках я неодолима».

На Истме он казнил Синида, сгибателя сосен, – тем же самым способом, каким Синид погубил многих путников¹³. Не имея в этом деле ни навыка, ни опыта, Тесей доказал, что природная доблесть выше всякой тщательной выучки. У Синида была дочь по имени Перигуна, очень красивая и громадного роста. Она бежала, и Тесей искал ее повсюду. Забившись в густые заросли стебы и дикой спаржи, Перигуна простодушно, совсем по-детски молила эти растения – словно они могли услышать и понять – укрыть ее и спасти и клялась никогда больше их не ломать и не жечь. Но Тесей звал ее, заверяя, что позаботится о ней и не причинит ей никакой обиды, и она вышла; она родила от Тесея сына Меланиппа, а впоследствии была супругой эхалийца Деионея, сына Эврита, за которого ее выдал Тесей. От Меланиппа, сына Тесея, родился Иокс, помогавший Орниту вывести переселенцев в Карию. Вот почему у потомков Иокса исстари повелось не жечь ни стебы, ни колючек дикой спаржи, но глубоко их чтить.

9. Кроммионская свинья¹⁴ по кличке Фэя была воинственным и свирепым диким зверем, противником отнюдь не пустяшным. Мимоходом Тесей подстерег ее и убил, чтобы не казалось, будто все свои подвиги он совершает по необходимости; вдобавок он считал, что ополчаться против негодных людей храброму мужу следует лишь в ответ на их враждебные действия, но на благородного зверя должно нападать первому, невзирая на опасность. Некоторые, правда, утверждают, что Фэя была разбойница, кровожадная и разнузданная; обитала-де она там же, в Кроммионе, «Свиньей» ее прозвали за гнусный нрав и образ жизни, а Тесей, мол, ее умертвил.

10. Около границ Мегариды Тесей убил Скирона, сбросив его со скалы. Обычно говорят, что Скирон грабил прохожих, но есть и другое мнение – будто он бесчинно и нагло протягивал чужеземцам ноги и приказывал мыть, а когда те принимались за дело, ударом пятки сталкивал их в море. Однако мегарские писатели оспаривают эту молву, «воюют со стариной», по слову Симонида, настаивая на том, что Скирон не был ни наглецом, ни

навешанным на него неприятельским оружием. «Трофей Мильтиада» – при Марафоне, см. Фем., 3.

¹³ 13. ...тем же самым способом, каким Синид погубил многих путников... – Синид привязывал прохожих к верхушкам двух согнутых сосен, и они, выпрямляясь, разрывали жертву.

¹⁴ 14. Кроммионская свинья – Кроммион – городок на полпути от коринфского Истма до Мегар, близ приморских Скироновых скал.

грабителем, напротив – карал грабителей и находился в родстве и дружбе с благородными и справедливыми людьми. Ведь Эака¹⁵ считают благочестивейшим из греков, Кихрею Саламинскому воздают в Афинах божеские почести, каждому известна доблесть Пелея и Теламона, а между тем Скирон – зять Кихрея, тесть Эака, дед Пелея и Теламона, родившихся от Эндейды, дочери Скирона и Харикло. Невероятно, чтобы лучшие из лучших породнились с самым низким и подлым, отдали ему и, в свою очередь, приняли из его рук величайший и драгоценнейший дар! Тесей убил Скирона, заключают эти писатели, не в первое свое путешествие, по дороге в Афины, а позже, когда отнял у мегарян Элевсин, обманув тамошнего правителя Диокла. Таковы противоречия в преданиях о Скироне.

11. В Элевсине Тесей умертвил Керкиона, одолев его в борьбе, потом, не много далее, в Герме, – Дамаста-Растягателя¹⁶, заставив его самого сравняться длиною с ложем, точь-в-точь как тот обходился со своими гостями. Поступая так, Тесей подражал Гераклу. Геракл казнил нападавших тою же казнью, какую они готовили ему: Бусирида принес в жертву богам, Антея поборо, Кикна убил в поединке, а Термеру¹⁷ проломил череп. Отсюда, как сообщают, и пошла поговорка о Термеровом бедствии, ибо Термер разил встречных насмерть ударом головы. Таким образом и Тесей карал злодеев, терпевших от него лишь ту муку, какой они подвергали других, и несших справедливую расплату в меру собственной несправедливости.

12. Затем он пошел дальше, и у реки Кефиса его встретили мужи из рода Фиталидов¹⁸. Они первыми его приветствовали и, выслушав его просьбу об очищении, совершили положенные обряды, принесли умиловительные жертвы, а затем угостили его у себя в доме – а до тех пор он не встречал еще ни одного гостеприимного человека на своем пути.

В восьмой день месяца крония, ныне именуемого гекатомбеоном, Тесей прибыл в Афины. Он застал в городе волнения и распри, да и в семье Эгея все было неладно. С ним жила бежавшая из Коринфа Медея, которая посулила царю с помощью волшебных зелий исцелить его от бездетности. Догадавшись первой, кто такой Тесей, она уговорила Эгея, еще ни о чем не подозревавшего, дряхлого и во всем видевшего угрозу мятежа, опоить гостя ядом во время угощения. Придя к завтраку, Тесей почел за лучшее не открывать, кто он такой, но предоставить отцу возможность самому узнать сына; и вот, когда подали мясо, он вытащил нож, чтобы, разрезая еду, показать старику меч¹⁹. Эгей сразу узнал свой меч, отшвырнул чашу с ядом, расспросил сына, обнял его, и, созвавши граждан, представил им Тесея; афиняне радостно приняли юношу – они были уже наслышаны о его храбрости. Говорят, что когда чаша упала, яд разлился как раз на том месте, которое ныне обнесено

¹⁵ 15. Эак, справедливейший греческий царь, и его сыновья Пелей, отец Ахилла, и Теламон, отец Аякса, были местными героями Эгины, а Кихрей, отец Харикло – героем соседнего Саламина (ср. Сол., 9); в Афинах их чтили за доброе знамение в Саламинском бою 480 г.

¹⁶ 16. «Растягатель» – по-гречески, Prokroust²⁷⁵;s. Отсюда – знаменитое «Прокрустово ложе», на котором Дамаст слишком коротких гостей растягивал, а слишком длинным отрубал ноги.

¹⁷ 17. Термер – карийский богатырь, местный герой города Термеры близ Галикарнаса.

¹⁸ 18. Фиталиды – потомки элевсинца Фитала, принявшего в дом богиню Деметру в ее скитаниях. Жертвенник Зевсу, где Тесей принял очищение от совершенных им убийств, стоял над Кефисом еще при Плутархе.

¹⁹ 19. Вытащил нож... – «По-видимому, нож у Тесея висел рядом с мечом. Извлекая нож, Тесей привлек внимание отца к рукояти меча» (примеч. СИ. Соболевского). Возможен и более простой перевод: «вытащил меч, чтобы им разрезать мясо, и показал его Эгею».

оградой и находится в пределах Дельфиния²⁰. Эгей жил там, и изображение Гермеса, стоящее к востоку от храма, называют «Гермесом у Эгеевых врат».

13. До той поры паллантиды надеялись завладеть царством, если Эгей умрет, не оставив потомства. Но тут преемником был объявлен Тесей, и, кипя злобою от того, что над ними царствует Эгей, всего-навсего усыновленный Пандионом²¹ и не имеющий ни малейшего отношения к роду Эрехтея, а вслед за ним царем делается Тесей, тоже пришелец и чужак, они начали войну. Мятежники разбились на два отряда: одни во главе с Паллантом открыто двинулись на город со стороны Сфетта, другие устроили засаду в Гаргетте, чтобы ударить на противника с двух сторон. Среди них был глашатай, уроженец Агнунта по имени Леой²². Он сообщил Тесею о замысле паллантидов, и тот, неожиданно напав на сидевших в засаде, всех перебил. Узнав о гибели товарищей, разбежался и отряд Палланта. С тех пор, говорят, граждане из дема Паллена не заключают браков с агнунтийцами и глашатаи у них не выкрикивают обычного: «Слушайте люди!» – эти слова им ненавистны из-за предательства Леоя.

14. Не желая сидеть без дела и в то же время стараясь приобрести любовь народа, Тесей вышел против Марафонского быка, причинявшего немало зла и хлопот жителям Четырёхградия²³, и, захватив его живьем, показал афинянам, проведя через весь город, а затем принес в жертву Аполлону-Дельфинию.

Что касается предания о Гекале²⁴ и ее гостеприимстве, в нем, на мой взгляд, есть какая-то доля истины. В самом деле, окрестные демы все вместе справляли Гекалессии, принося жертвы Зевсу Гекальскому, и чтили Гекалу, называя ее уменьшительным именем, в память о том, что она, приютив Тесея, еще совсем юного, по-старушечьи приветливо встретила его и тоже называла ласкательными именами. А так как перед битвой Гекала молилась за него Зевсу и дала обет, если Тесей останется невредим, принести богу жертву, но не дожидая до его возвращения, она, по приказу Тесея, получила после смерти указанное выше воздаяние за свое радушие. Так рассказывает Филохор.

15. Немного спустя с Крита в третий раз приехали за данью. Когда после коварного, по общему убеждению, убийства Андрогее²⁵ в Аттике, Минос, воюя, причинял афинянам неисчислимые бедствия, а боги разоряли и опустошали страну, – на нее обрушился недород и страшный мор, иссякли реки, – бог возвестил, что гнев небес успокоится и бедствиям наступит конец, если афиняне умилоостивят Миноса и склонят его прекратить вражду, и вот, отправив послов с просьбой о мире, они заключили соглашение, по которому обязались каждые девять лет посылать на Крит дань – семерых не знающих брака юношей и столько же девушек. В этом согласны почти все писатели.

Если верить преданию, наиболее любезному трагикам, доставленных на Крит

²⁰ 20. В пределах Дельфиния ... – храма Аполлона в восточной части Афин; ср. ниже, гл. 14 и 18.

²¹ 21. Усыновленный Пандионом ... – Стараясь опорочить Эгея, паллантиды утверждали, что Пандион не был его родным отцом.

²² 22. Сфетт – деревня к юго-востоку, Гаргетт, Паллена и Агнунт – к востоку от Афин. «Леой» – фантастическая этимология возгласа глашатай «akouete leo» («слушайте, люди!»).

²³ 23. Четырёхградие – Марафон и три менее значительных города к северо-востоку от Афин.

²⁴ 24. ... предание о Гекале... – Предание о старушке из одноименного села, в хижине которой ночевал Тесей перед расправой с марафонским быком, было пересказано в знаменитом стихотворении Каллимаха, сохранившемся лишь в отрывках (III в.).

²⁵ 25. Андрогей – сын Миноса, критского царя, погибший в Аттике.

подростков губил в Лабиринте Минотавр, или же, по-другому, они умирали сами, блуждая и не находя выхода. Минотавр, как сказано у Эврипида²⁶, был

Пород смешенье двух, урод чудовищный

и:

Быка и мужа естество двоякое

16. Но, по словам Филохора, критяне отвергают это предание и говорят, что Лабиринт был обыкновенной тюрьмой, где заключенным не делали ничего дурного и только караулили их, чтобы они не убежали, и что Минос устраивал гимнические состязания в память об Андрогее, а победителю давал в награду афинских подростков, до поры содержавшихся под стражею в Лабиринте. На первых состязаниях победил военачальник по имени Тавр, пользовавшийся тогда у Миноса величайшим доверием, человек грубого и дикого нрава, обходившийся с подростками высокомерно и жестоко. Аристотель в «Государственном устройстве Боттии»²⁷ также совершенно ясно дает понять, что не верит, будто Минос лишал подростков жизни: они, полагает философ, успевали состариться на Крите, неся рабскую службу. Некогда критяне, исполняя старинный обет, отправили в Дельфы своих первенцев, и среди посланных были потомки афинян. Однако переселенцы не смогли прокормиться на новом месте и сначала уехали за море, в Италию; они прожили некоторое время в Иапии, а затем, возвратившись, обосновались во Фракии и получили имя боттийцев. Вот почему, заканчивает Аристотель, боттийские девушки во время жертвоприношений иногда припевают: «Пойдемте в Афины!».

Да, поистине страшное дело – ненависть города, владеющего даром слова! В аттическом театре Миноса неизменно поносили и осыпали бранью, ему не помогли ни Гесиод, ни Гомер²⁸ (первый назвал его «царственнейшим из государей», второй – «собеседником Крониона»), верх одержали трагики, вылившие на него с проскения и скены²⁹ целое море хулы и ослабившие Миноса жестоким насильником. А ведь в преданиях говорится, что он царь и законодатель, и что судья Радамант блюдет его справедливые установления.

17. Итак, подоспел срок отсылать дань в третий раз; родителям, у которых были не знавшие брака дети, приходилось, сообразно жребию, расставаться с сыновьями или дочерьми, и снова у Эгея пошли раздоры с согражданами, которые горевали и с негодованием сетовали на то, что виновник всех бедствий единственный свободен от наказания, что, завещав власть незаконнорожденному и чужеземцу, он равнодушно глядит, как они теряют законных отпрысков и остаются бездетными. Эти жалобы угнетали Тесея, и, считая своим долгом не держаться в стороне, но разделить участь сограждан, он сам, не по жребию, вызвался ехать на Крит. Все дивились его благородству и восхищались любовью к народу, а Эгей, исчерпав все свои просьбы и мольбы и видя, что сын непреклонен и неколебим, назначил по жребию остальных подростков. Гелланик, однако, утверждает, будто

---

²⁶ 26. У Эврипида – фрагменты из несохранившейся трагедии.

²⁷ 27. Боттия (Боттиэя) – область в Македонии вокруг ее столицы Пеллы. Из очерков Аристотеля о государственном устройстве 159 государств дошел только один – «Афинская полития».

²⁸ 28. Ни Гесиод, ни Гомер – Гесиод, фр. 103; Гомер, Одиссея, XIX, 179.

²⁹ 29. С проскения и скены – «скеной» в античном театре называлась палатка с расписным передом, где переодевались актеры; а играли они на «проскении», узкой площадке перед этой скеной.

никакого жребия не метали, но Минос сам приезжал в Афины и выбирал юношей и девушек и в тот раз выбрал первым Тесея; таковы-де были условия, предусматривавшие также, что афиняне снаряжают корабль, на котором пленники вместе с Миносом плывут на Крит, не везя с собою никакого «оружия брани», и что конец возмездию положит смерть Минотавра.

Прежде у отправлявшихся не оставалось никакой надежды на спасение, поэтому на корабле был черный парус в знак неминуемого несчастья. Однако на этот раз Тесей ободрял отца гордыми уверениями, что одолеет Минотавра, и Эгей дал кормчему еще один парус, белый, и велел поднять его на обратном пути, если Тесей уцелеет, если же нет – плыть под черным, возвещая о беде. Симонид пишет, что Эгей дал не белый, а «пурпурный парус, окрашенный соком цветов ветвистого дуба», и это должно было знаменовать спасение. Вел судно Ферекл, сын Амарсиада, как сообщает Симонид. Но по словам Филохора, Тесей взял у Скира с Саламина кормчего Навсифоя и помощника кормчего Феака, поскольку афиняне тогда еще не занимались мореплаванием, а в числе подростков находился Менест, внук Скира. В пользу этого свидетельствуют святилища героев Навсифоя и Феака, воздвигнутые Тесеем в Фалерах подле храма Скира; в их же честь, заключает Филохор, справляется и праздник Кибернесии³⁰.

18. Когда метанье жребия было завершено, Тесей забрал тех, кому он выпал, и, пройдя из пританея³¹ в Дельфиний, положил за них пред Аполлоном масличную ветвь³². То была ветвь со священного дерева, увитая белой шерстью. Помолвившись, он спустился к морю. Все это происходило в шестой день месяца мунихиона, в который и ныне посылают в Дельфиний девушек с мольбою о милости. Говорят, что дельфийский бог повелел Тесею взять в путеводительницы Афродиту, и когда Тесей на берегу моря приносил ей в жертву козу, животное вдруг обернулось козлом; отсюда и прозвище богини – «Козлиная».

19. Прибывши на Крит, Тесей, как говорится у большинства писателей и поэтов, получил от влюбившейся в него Ариадны нить, узнал, как не запутаться в извилах Лабиринта, убил Минотавра и снова пустился в плавание, посадив на корабль Ариадну и афинских подростков. Ферекид добавляет, что Тесей пробил дно у критских судов, лишив критян возможности преследовать беглецов. Более того, по сведениям, которые мы находим у Демона, пал военачальник Миноса Тавр, завязавший в гавани бой с Тесеем, когда тот уже снялся с якоря.

Но Филохор рассказывает все совершенно по-иному. Минос назначил день состязаний, и ожидали, что Тавр снова всех оставит позади. Мысль эта была ненавистна критянам: они тяготились могуществом Тавра из-за его грубости и вдобавок подозревали его в близости с Пасифаей³³. Вот почему, когда Тесей попросил разрешения участвовать в состязаниях, Минос согласился. На Крите было принято, чтобы и женщины смотрели игры, и Ариадну потрясла наружность Тесея и восхитила его победа над всеми соперниками. Радовался и Минос, в особенности – унижительному поражению Тавра; он вернул Тесею подростков и освободил Афины от уплаты дани.

По-своему, ни с кем не схоже, повествует об этих событиях Клидем, начинающий весьма издалека. По его словам, среди греков существовало общее мнение, что ни одна

³⁰ **30.** *Кибернесии* – праздник кормчих, справлялся в апреле-мае (в мунихионе, в день отплытия Тесея) или в октябре, т.е. при начале или при конце мореходного сезона.

³¹ **31.** *Пританей* – общественное здание в Афинах, где за государственный счет обедали дежурные должностные лица, послы, а также особо заслуженные граждане – полководцы, победители на состязаниях и др.

³² **32.** *Маслиная ветвь* – символ мольбы (ср. ниже, гл. 22 об иресионе).

³³ **33.** *Пасифая* – супруга Миноса.

триера не должна выходить в море, имея на борту...³⁴ сверх пяти человек. Лишь Ясон, начальник «Арго»...³⁵ плавал, очищая море от пиратов. Когда Дедал на небольшом корабле бежал в Афины, Минос, вопреки обычаю, пустился в погоню на больших судах, но бурей был занесен в Сицилию и там окончил свои дни. Его сын Девкалион, настроенный к афинянам враждебно, потребовал выдать ему Дедала, в противном же случае грозился умертвить заложников, взятых Миносом. Тесей отвечал мягко и сдержанно, оправдывая свой отказ тем, что Дедал – его двоюродный брат и кровный родственник через свою мать Меропу, дочь Эрехтея, а между тем принялся строить корабли как в самой Аттике, но далеко от большой дороги, в Тиметадах, так и в Трезене, с помощью Питфея: он желал сохранить свои планы в тайне. Когда суда были готовы, он двинулся в путь; проводниками ему служили Дедал и критские изгнанники. Ни о чем не подозревавшие критяне решили, что к их берегу подходят дружественные суда, а Тесей, заняв гавань и высадившись, ни минуты не медля устремился к Кноссу, завязал сражение у ворот Лабиринта и убил Девкалиона вместе с его телохранителями. Власть перешла к Ариадне, и Тесей, заключив с нею мир, получил обратно подростков-заложников; так возник дружеский союз между афинянами и критянами, которые поклялись никогда более не начинать войну.

20. Обо всем этом, равна как и об Ариадне, ходит еще немало других преданий, ни в чем друг с другом не схожих. Одни говорят, будто Ариадна удавилась, брошенная Тесеем, иные – будто моряки увезли ее на остров Наксос, и там она разделяла ложе с Онаром, жрецом Диониса. Тесей же оставил ее, полюбив другую.

Страсть пожирала его к Панопеевой дочери Эгле

гласит стих из Гесиода, который, по сообщению Гереея Мегарского, вычеркнул Писистрат, подобно тому, как, стараясь угодить афинянам, приказал вставить в Гомерово «Заклинание мертвых» стих:

Славных, богами рожденных, Тесея царя, Пиритоя³⁶.

Иные же утверждают, что Ариадна родила от Тесея Энопиона и Стафила. В их числе и хиосец Ион, который говорит о своем родном городе:

Эйопион Тесеид град этот встарь основал.

Что же касается самого благоприятного для Тесея предания, то оно, с позволения сказать, навязло у всех на зубах. Но Пеон Амафунтский излагает его совершенно отлично от других. Тесея, говорит он, прибило бурей к Кипру, беременная Ариадна, измученная качкой, сошла на берег одна, а сам Тесей хлопотал на судне, как вдруг его снова понесло в открытое море. Местные женщины приняли Ариадну, старались рассеять уныние, в которое ее погрузила разлука, приносили подложные письма, якобы писанные ей Тесеем, оказали ей помощь и сострадали ее мукам во время родов, когда она умерла, так и не разрешившись от бремени, похоронили. Затем вернулся Тесей. Страшно опечаленный, он оставил местным жителям деньги и наказал им приносить Ариадне жертвы, а также воздвиг два маленьких ее изображения, одно серебряное, другое бронзовое. Во время празднества во второй день

---

³⁴ 34. Текст в оригинале испорчен.

³⁵ 35. Текст в оригинале испорчен.

³⁶ 36. Славных, богами... – «Одиссея», XI, 631 («Заклинание мертвых» – традиционное название этой книги о спуске Одиссея в аид).

месяца горпииея кто-нибудь из молодых людей опускается на ложе и подражает стонам и движениям роженицы. Жители Амафунта называют рошу, где показывают могилу Ариадны, рощею Ариадны-Афродиты.

Некоторые писатели с Наксоса тоже по-своему передают историю Ариадны. Было якобы два Миноса и две Ариадны, из коих одна сочеталась браком с Дионисом на Наксосе и родила Стафила, а другая, младшая, была похищена Тесеем; покинутая им, она прибыла на Наксос вместе со своею кормилицей Коркиной, чья могила цела поныне. Там же, на Наксосе, умерла и Ариадна, и ей оказывают почести, не похожие на те, которыми чтут первую Ариадну: в память о старшей справляют веселый и радостный праздник, когда же приносят жертвы младшей, то они отличаются характером печальным и угрюмым.

21. Плывя с Крита назад, Тесей причалил к Делосу, принес жертву Богу и посвятил ему статую Афродиты, которую взял у Ариадны, а затем вместе со спасенными подростками исполнил пляску, которую, как сообщают, еще и теперь пляшут делосцы: мерные движения в одну сторону, то в другую как бы воспроизводят запутанные ходы Лабиринта. Этот танец делосцы называют «журавлем», как пишет Дикеарх. Плясал Тесей вокруг Рогового жертвенника, целиком сбитого из левых рогов животных³⁷. Говорят, что он устроил и состязания на Делосе, и победители тогда впервые получили в награду пальмовую ветвь.

22. Корабль уже приближался к Аттике, но и кормчий, и сам Тесей на радостях забыли поднять парус, который должен был уведомить Эгея об их спасении, и царь, обманувшись в своих надеждах, бросился вниз со скалы и погиб. Выйдя на сушу, Тесей сам остался в Фалерах, чтобы принести жертвы богам, которые он обещал им по обету, уходя в море, а в город отправил гонца с вестью о счастливом возвращении. Вестник застал многих граждан оплакивающими смерть царя, но другие, как и следовало ожидать, радовались и ликовали, услышав слова гонца, и хотели украсить его венками. Однако, приняв венки, он обвинил ими свой жезл и вернулся к морю. Тесей еще не совершил возлияний, и, не желая мешать священнодействию, гонец задержался в стороне, а когда возлияния были закончены, сообщил о смерти Эгея. Тогда с плачем и воплями все поспешно двинулись в город. Вот почему, говорят, и ныне во время Осхофорий³⁸ увенчивают не глашатая, а его жезл и возлияния сопровождаются криками: «Элеле у! Иу -иу !» Первый из них – обычно издают, творя возлияние или распевая радостные песни, второй – в смятении и замешательстве.

Похоронив отца, Тесей исполнил данный Аполлону обет. В седьмой день месяца пианепсиона спасенные юноши и девушки вступили в город. Обычай варить в этот день бобы ведет свое начало, как говорят, от того, что спасенные собрали вместе все оставшиеся у них припасы и, сварив в одном горшке, съели за общим столом. Выносят иресиону – ветвь оливы, перевитую шерстью (наподобие тех – масличных ветвей, с какими являлись тогда просители) и увешанную жертвенными первинами всевозможных плодов Земли, в память об окончании недорода, и припевают:

Иресиона, пошли нам фиги и хлеб в изобилие,
Дай нам меда вкусить, натереться оливковым маслом,
Чистого дай нам вина, чтоб сладко уснуть, опьянившись.

Некоторые, впрочем, полагают, что это обряд в честь Гераклидов, которых воспитывали афиняне³⁹, но большинство держится мнения, изложенного выше.

³⁷ 37. ...рогового жертвенника... – По преданию (Каллимах, «Гимн к Аполлону»), этот жертвенник был сделан самим Аполлоном из рогов диких коз, убитых Артемидой, и считался одним из Семи чудес света.

³⁸ 38. *Осхофории* – «приношение гроздьев», праздник, справлявшийся в октябре (седьмой день пианепсиона) в благодарность богам за сбор винограда и маслин; в этот день Тесей и вернулся с Крита.

³⁹ 39. *Гераклидов... воспитывали афиняне...* – После смерти Геракла, когда их преследовали.

23. Тридцативесельное судно, на котором Тесей с подростками вышел в плавание и благополучно вернулся, афиняне хранили вплоть до времен Деметрия Фалерского⁴⁰, убирая старые доски и балки по мере того, как они ветшали, и ставя на их место другие, крепкие, так что корабль этот сделался даже опорным примером в рассуждениях философов, определяющих понятие возрастания: одни утверждали, что он остается самим собою, другие – что он превратился в новый предмет.

Праздник Осхофорий был также учрежден Тесеем. Дело в том, что, отправляясь на Крит, он увез с собою не всех девушек, на которых пал жребий, но двух из них подменил своими друзьями, женственными и юными с виду, но мужественными и неустрашимыми духом, совершенно преобразив их наружность теплыми банями, покойною, изнеженною жизнью, умашениями, придающими мягкость волосам, гладкость и свежесть коже, научив их говорить девичьим голосом, ходить девичьей поступью, не отличаться от девушек ни осанкой, ни повадками, так что подмены никто не заметил. Когда же он вернулся, то и сам и эти двое юношей прошествовали по городу в том же облачении, в каком ныне выступают осхофоры. Они несут виноградные ветви с гроздьями – в угоду Дионису и Ариадне, если следовать преданию, или же (и последнее вернее) потому, что Тесей вернулся порою сбора плодов. Приглашаются и дипнофоры⁴¹: они участвуют в жертвоприношении, изображая матерей тех, кому выпало ехать на Крит, – подходят с хлебом и разными яствами и рассказывают сказки, так же как рассказывали матери тогда, стараясь ободрить и утешить своих детей. Эти сведения мы находим и у Демона.

Тесею отвели священный участок и распорядились покрывать его расходы по жертвоприношениям сборами с тех семейств, которые отдали своих детей в дань Миносу. Ведали священнодействиями фиталиды – так Тесей отблагодарил их за гостеприимство.

24. После смерти Эгея Тесею запала в душу великая и замечательная мысль – он собрал всех жителей Аттики, сделав их единым народом, гражданами одного города, тогда как прежде они были рассеяны, их с трудом удавалось созвать, даже если дело шло об общем благе, а нередко между ними разгорались раздоры и настоящие войны. Обходя дем за демом и род за родом, он объяснял повсюду свой план, простые граждане и бедняки быстро склонялись на его увещания, а людям влиятельным он сулил государство без царя, демократическое устройство, которое ему, Тесею, даст лишь место военачальника и стража законов, в остальном же принесет всем равенство, – и одних сумел уговорить, а другие, страшась его отваги и могущества, к тому времени уже немало, предпочли уступить добром, нежели покориться принуждению. Итак, разрушив отдельные пританеи и дома совета и распустив местные власти, он воздвиг единый, общий для всех пританеи и дом совета в нынешней старой части города, город называл Афинами и учредил Панафинеи – общее празднество с жертвоприношениями. Далее в шестнадцатый день месяца гекатомбеона он справил Метэкии⁴², которые справляются и поныне. Затем, сложив с себя, как и обещал, царскую власть, Тесей приступил к устройению государственных дел и прежде всего обратился за советом к богам. Из Дельф ему пришел следующий ответ:

Отпрыск Эгея, Тесей, Питфеевой дочери чадо!

---

⁴⁰ 40. ...до времен Деметрия Фалерского... – Т.е. до 318—307 гг., в течение почти 1000 лет.

⁴¹ 41. *Дипнофоры* – «приносящие обед», знатные гражданки, угощавшие детей, участников бега с виноградными ветвями на Осхофориях.

⁴² 42. *Метэкии* – (или Синойкии) – праздник в честь Афины в память «синойкизма» – соединения Тесеем двенадцати аттических общин в одно государство. Справлялись в первый месяц афинского нового года (в августе), за 12 дней до «всеафинских» Панафинеи.

Многих чужих городов и земель пределы и жребий
Городу вашему сам мой отец вручил и доверил.
Но не страшись чрезмерно и дух свой печалью не мучай;
Будешь, как легкий бурдюк, по морской ты плавать пучине.

То же, как сообщают, возвестила Афинам впоследствии и Сивилла:

В глубь, как бурдюк, погрузишься – тонуть же судьба не
позволит.

25. Стремясь еще увеличить город, Тесей призывал в него всех желающих, предлагая права гражданства, и возвешение: «Придите сюда, все народы» принадлежит, говорят, Тесею, хотевшему основать союз всех народов. Но он не допустил, чтобы беспорядочные толпы переселенцев вызвали в государстве смешение и расстройство – он впервые выделил сословия благородных, землевладельцев и ремесленников, и благородным предоставил судить о богопочитании, занимать высшие должности, а также учить законам и толковать установления божеские и человеческие, хотя в целом как бы уравнивал меж собою все три сословия: благородные превосходили прочих достоинством, землевладельцы полезным трудом, ремесленники численностью. О том, что Тесей, по словам Аристотеля, первым проявил благосклонность к простому люду и отказался от единовластия, свидетельствует, по-видимому, и Гомер⁴³, в «Перечне кораблей» называющих «народом» одних только афинян.

Тесей чеканил монету, выбивая на ней изображение быка: это был либо намек на Марафонского быка или на Миносова полководца, либо совет согражданам заниматься земледелием. Отсюда, говорят, пошли выражения «стоимостью в сто быков»⁴⁴, «стоимостью в десять быков».

Присоединив к Аттике Мегариду, Тесей поставил на Истме знаменитый столб с двумя ямбическими строками, разграничившими соседние земли. Одна строка, обращенная к востоку, гласила:

Сие не край Пелопов, но Иония,

а другая, глядевшая на запад, сообщала:

Сие же край Пелопов, не Иония.

Он первым пошел по стопам Геракла в устройстве состязаний, считая славою для себя, что греки, справляющие Олимпийские игры в честь Зевса благодаря Гераклу, станут благодаря ему справлять Истмийские в честь Посейдона. (Происходившие там же состязания, посвященные Меликерту⁴⁵, устраивались ночью и напоминали скорее таинства, нежели зрелище и пышный праздник.) Некоторые, правда, говорят, будто Истмийские игры посвящены Скирону, ибо Тесей хотел искупить вину за убийство родича: ведь Скирон был

---

⁴³ 43. Гомер – «Илиада», II, 547.

⁴⁴ 44. ...«стоимостью в сто быков» – выражение, встречающееся у Гомера (напр., «Илиада», XXI, 79) и отражающее быт до изобретения монеты, когда мерилom богатства был скот. Обычно греки так это и понимали, относя введение монеты к более позднему времени (VIII в., при аргосском царе Фидоне).

⁴⁵ 45. Меликерту – младенцу-сыну Афананта, утонувшему здесь и ставшему морским божеством. Истмийские игры были расширением и преобразованием этих погребальных игр.

сын Канета и Гениохи, дочери Питфея. Наконец третьи называют сыном Гениохи не Скирона, а Синида – это в его-де честь учреждены Тесеем игры. Тесей условился с коринфянами и наказал им, чтобы афинянам, прибывающим на игры, предоставлялось столько места в почетных рядах, сколько покроет развернутый парус феориды⁴⁶. Так пишут Гелланик и Андрон Галикарнасский.

26. По сообщениям Филохора и некоторых других, Тесей плавал к берегам Понта Эвксинского вместе с Гераклом, помогая ему в войне против амазонок, и в награду за храбрость получил Антиопу. Но большинство историков – в том числе Ферекид, Гелланик и Геродор – утверждают, что Тесей плавал после Геракла, на своем корабле, и захватил амазонку в плен; это звучит более убедительно, ибо ни о ком из его товарищей по оружию не рассказывают, будто он взял в плен амазонку, а Бион говорит, что и та единственная была захвачена и увезена обманом. От природы амазонки мужелюбивы, они не только не бежали, когда Тесей причалил к их земле, но даже послали ему дары госте приимства. А Тесей зазвал ту, что их принесла, на корабль и, когда она поднялась на борт, отошел от берега.

Некий Менекрат, издавший историю вифинского города Никеи, пишет, что Тесей, завладев Антиопой, не сразу покинул страну амазонок. Среди его спутников было трое молодых людей из Афин, родные братья Эвней, Фоант и Солоэнт. Последний полюбил Антиопу и, скрывая свое чувство от всех прочих, доверился одному из товарищей. Тот поговорил с Антиопой, которая решительно отвергла искания влюбленного, но отнеслась к делу разумно и терпимо и не стала жаловаться Тесею. Солоэнт, отчаявшись, бросился в какую-то реку и утонул, а Тесей, узнав о причине его гибели и о страсти юноши, был чрезвычайно огорчен, и это горе напомнило ему об одном пифийском оракуле, который он счел соответствующим тогдашним своим обстоятельствам. Пифия в Дельфах повелела ему, как скоро в чужих краях его охватит неизбывная скорбь и уныние, строить на том месте город и оставлять в нем правителями кого-нибудь из своих людей. Вот почему, основав город, он дал ему имя Пифополя, в честь Аполлона, а ближней реке – Солоэнта, в память о юноше; начальниками и законодателями нового города он поставил братьев умершего и вместе с ними Герма, афинянина из сословия благородных. По нему одно из мест в городе было названо «Домом Герма», но пифополитанцы ошибочно прибавили лишний слог и говорят «Дом Гермеса», славу, принадлежащую герою, перенося на бога.

27. Таков был повод к войне с амазонками, которая, по всей видимости, оказалась делом отнюдь не пустяшным, не женскою забавой. И верно, амазонки не разбили бы лагерь в самих Афинах и не сражались бы совсем рядом с Пниксом и Мусеем⁴⁷, если бы сначала не овладели всей страной и не подступили безбоязненно к городским стенам. Что они, как сообщает Гелланик, пришли в Аттику, перебравшись через Боспор Киммерийский по льду, поверить трудно, но о том, что они стояли лагерем почти в Акрополе, свидетельствуют названия многих мест и могилы павших. Долгое время обе стороны медлили, не решаясь начать, но, в конце концов, Тесей, следуя какому-то прорицанию, принес жертву Ужасу⁴⁸ и ударил на противника. Битва происходила в месяце боэдромии, в память о ней и справляют афиняне праздник Боэдромии. Клидем, стараясь быть точным во всем, сообщает, что левое крыло амазонок растянулось до нынешнего Амазония, правым же они надвигались на Пникс вдоль Хрисы. С правым крылом афиняне и завязали бой, спустившись с Мусея, и могилы убитых находятся на улице, ведущей к воротам подле святилища героя Халкодонта,

⁴⁶ 46. *Феорида* – священный корабль, возивший государственных послов и паломников.

⁴⁷ 47. *...рядом с Пниксом и Мусеем...* – К западу и юго-западу от афинского акрополя: все перечисляемые ниже афинские места находятся там.

⁴⁸ 48. *...принес жертву Ужасу ...* (Богу войны, спутнику Ареса) ибо он мешал афинянам начать сражение с амазонками.

которые ныне зовут Пирейскими. В этой схватке афиняне отступили перед женщинами и были уже у храма Эвменид, когда другой их отряд подоспевший от Палладия, Ардетта и Ликея, отбросил амазонок до самого лагеря, нанеся им большие потери. На четвертом месяце войны противники заключили перемирие благодаря посредничеству Ипполиты (Клидем называет подругу Тесея не Антиопой, а Ипполитой); впрочем у некоторых историков говорится, что эта женщина пала от копья Молпадии, сражаясь рядом с Тесеем, и памятник подле храма Геи Олимпийской воздвигнут над ее телом. Нет ничего удивительного в том, что история блуждает в потемках, повествуя о событиях столь отдаленных. Так, например, нам рассказывают, что раненых амазонок Антиопа тайно переправила в Халкиду, и там они получили необходимый уход, а некоторые были похоронены близ места, теперь именуемого Амазонием. Но о том, что война завершилась мирным соглашением, свидетельствует и название соседствующего с храмом Тесея Горкомосия⁴⁹, и жертвы, которые в древности приносили амазонкам накануне Тесей. Гробницу амазонок показывают у себя и мегаряне по дороге от площади к так называемому Русу, там, где стоит Ромбоид⁵⁰. Сообщают также, что иные амазонки скончались близ Херонеи и были преданы земле на берегу ручья, который когда-то, по-видимому, именовался Фермодонтом, а теперь носит название Гемона. Об этом говорится в жизнеописании Демосфена⁵¹. Кажется, что и Фессалию амазонки пересекли не без трудностей: их могилы еще и ныне показывают в Скотуссе близ Киноскефал.

28. Вот все об амазонках, что заслуживает упоминания. Что же касается рассказа автора «Тесеиды»⁵² о восстании амазонок против Тесея, женившегося на Федре, о том, как Антиопа напала на город, как следом за нею бросились другие амазонки, жаждавшие отомстить обидчику, и как Геракл их перебил, – все это слишком похоже на сказку, на вымысел.

Тесей женился на Федре после смерти Антиопы, от которой имел сына Ипполита или, как сказано у Пиндара, Демофонта. О несчастьях Федры и сына Тесея все историки и трагики пишут совершенно согласно, и потому следует допустить, что ход событий в их изложении соответствует истине.

29. Существуют и другие предания о браках Тесея⁵³, не попавшие на театр, без возвышенного начала, без счастливой развязки. Он похитил, говорят, трезенскую девушку Анакса, силою взял дочерей убитых им Синида и Керкиона, был женат на Перибее, матери Аякса, на Феребее, на Иопе, дочери Ификла. Его винят в том, что, влюбившись в Эглу, дочь Панопея, он, как уже сказано выше, бросил Ариадну, бросил неблагородно и бесчестно. И наконец, похищение Елены, наполнившее всю Аттику звоном оружия, а для самого Тесея завершившееся бегством и гибелью. Но об этом несколько позже.

То было время, когда храбрейшие мужи совершали множество трудных подвигов, но Тесей, по словам Геродора, не принимал участия ни в одном из них, кроме битвы лапифов с кентаврами. Другие пишут, что он был и в Колхиде с Ясоном, и ходил с Мелеагром на веоря (откуда-де и пословица: «Не без Тесея»), а сам свершил немало прекрасных деяний один, не нуждаясь ни в каких союзниках, и за ним укрепились слава «второго Геракла». Он помог

⁴⁹ 49. *Горкомосий* – место заключения и оформления торжественных договоров в Афинах.

⁵⁰ 50. *Ромбоид* – какое-то круглое здание («ромб» по-гречески означает всякое круглое тело). «Памятник ее [Ипполиты на мегарском акрополе] имеет форму амазонского щита», – пишет Павсаний (I, 41, 7).

⁵¹ 51. В *жизнеописании Демосфена* – Дем., 19.

⁵² 52. «*Тесеида*» – поэма (ближе неизвестна), упоминаемая еще Аристотелем в «Поэтике», 8.

⁵³ 53. ...*другие предания о браках Тесея*. – Обычно они вводят Тесея в родство с другими героями – Аяксом, Гераклом (Ификл – брат Геракла), Диоскурами с Еленою. Ср. Афиней, XIII, 557 ав.

Адрасту похоронить тела павших под Кадмеей⁵⁴, но не разбив фиванцев в сражении, как изобразил в трагедии Эврипид, а уговорами склонив их к перемирию. Таково мнение большинства писателей; Филохор добавляет даже, что это был первый договор о погребении трупов, но в действительности первым выдал неприятелю его убитых Геракл (смотри нашу книгу о нем⁵⁵). Могилы простых воинов находятся в Элевферах, а полководцев близ Элевсина: это еще одна милость, оказанная Тесеем Адрасту. Эврипидовых «Просительниц» опровергают, между прочим, и «Элевсинцы» Эсхила, где выведен Тесей, повествующий об этих событиях.

30. Дружба с Пирифоем завязалась у него следующим образом. Молва о силе и храбрости Тесея облетела всю Грецию, и вот Пирифой, желая его испытать, угнал из Марафона тесеевых коров и, услышав, что хозяин с оружием в руках пустился по следу, не бежал, но повернул ему навстречу. Едва, однако, оба мужа завидели друг друга, каждый был восхищен красотой и отвагой противника; они воздержались от битвы, и Пирифой, первым протянув руку, просил Тесея самого быть судьей: он-де согласится с любым наказанием, какое тот назначит ему за угон коров. Тесей не только отпустил ему его вину, но и предложил Пирифоею дружбу и союз в борьбе с врагами. Пирифой согласился, и свой уговор они скрепили клятвой.

Через некоторое время Пирифой, собираясь жениться на Деидамии⁵⁶, пригласил Тесея поглядеть землю лапифов и поближе с ними познакомиться. Случилось так, что на свадебный пир жених позвал и кентавров. Захмелев, они стали бесчинствовать и нагло привязываться к женщинам, лапифы дали отпор буянам и одних убили на месте, а других позже одолели в сражении и изгнали за пределы страны, и Тесей помогал в этой войне своим друзьям. Геродор излагает события по-иному: Тесей, если следовать ему, пришел на помощь лапифам, когда война уже началась, и тогда же впервые воочию увидел Геракла, поставив себе целью встретиться с ним в Трахине, где Геракл жил на покое, уже окончив свои скитания и подвиги, и что встреча была исполнена взаимного уважения, дружелюбия и обоюдных похвал. Впрочем скорее можно присоединиться к тем, кто утверждает, что они часто встречались друг с другом и что Геракл был посвящен в тайнства заботами Тесея и его же заботами очищен накануне посвящения от невольных грехов⁵⁷.

31. Уже пятидесяти лет от роду, забыв о своем возрасте, Тесей, как рассказывает Гелланик, увез Елену, и, дабы снять с него это тягчайшее из обвинений, иные говорят, будто Елену похитил не Тесей, а Идас с Линкеем, меж тем как он лишь принял ее под охрану, караулил и отвечал отказом на требование Диоскуров вернуть сестру, или же – подумать только! – будто сам Тиндар⁵⁸ передал ему дочь, совсем маленькую и несмышленную, страшась, как бы ее не захватил силой Энарефор, сын Гиппокоонта.

⁵⁴ 54. ...павших под Кадмеей... – (фиванской крепостью-акрополем) – в походе Семерых против Фив, послужившем сюжетом для многих трагедий, в том числе для «Просительниц» Эврипида (сохр.) и «Элевсинцев» Эсхила (не сохр.).

⁵⁵ 55. ...нашу книгу о нем... – Это сочинение не сохранилось.

⁵⁶ 56. Деидамия – (у всех других авторов жена Пирифоя называется Гипподамией) была царевной легендарного фессалийского племени лапифов; бой лапифов с кентаврами был одной из любимых тем греческого искусства.

⁵⁷ 57. ...от невольных грехов... – Совершенного в безумии убийства своих детей и пр.; без этого очищения Геракл не мог принять посвящение.

⁵⁸ 58. Тиндар – спартанский царь, отец Елены и Диоскуров (Кастора и Полидевка; они же названы ниже «Тиндаридами»); братом его был мессенский Афарей, отец «мессенских Диоскуров» Идаса и Линкея; а двоюродным братом – мятежный Гиппокоонт, отец Энарефора.

Вот что, однако, всего более похоже на истину и подкрепляется наибольшим числом доказательств. Тесей и Пирифой вместе явились в Спарту и, похитив девушку, когда она плясала в храме Артемиды Орфии, бежали. Высланная за ними погоня, дойдя до Тегеи, повернула назад; беспрепятственно пересекши Пелопоннес, похитители уговорились, что тот, кому по жребию достанется Елена, поможет товарищу добыть другую женщину. Жребий выпал Тесею; он забрал девушку, которой еще не приспела пора выходить замуж, привез ее в Афидны и, приставив к ней свою мать Этру, передал обеих на попечение своему другу Афидну, наказав стеречь Елену и скрывать от чужих глаз, а сам, платя Пирифойу услугою за услугу, отправился вместе с ним в Эпир добывать дочь Аидонея⁵⁹, царя молоссов. Дав жене имя Персефоны, дочери – Коры, а псу – Кербера, Аидоней предлагал биться с этим псом всякому, кто сватался к Коре, обещая, что победитель получит ее в жены. Но, узнав, что Пирифой с товарищем задумали не сватать девушку, а похитить ее, он велел схватить обоих, и Пирифоя тут же растерзал Кербер, а Тесея заперли в тюрьму.

32. Тем временем Менесфей, сын Петеоя, внук Орнея и правнук Эрехтея, как сообщают, первый из смертных, начавший в своекорыстных целях искать народной благосклонности и льстить толпе, старался возмутить и озлобить могущественных граждан, которые уже давно с трудом терпели Тесея, считая, что он, лишив знатных царской власти, принадлежавшей каждому из них в собственном деме, и загнав всех в один город, превратил их в своих подданных и рабов; он подстрекал к бунту и простой люд, внушая ему, что его свобода не более, чем сон, что на самом деле он потерял и отечество, и родные святыни, ибо вместо многих царей, законных и добрых, он со страхом обращает взоры к одному владыке – пришельцу и чужеземцу! Осуществлению мятежных планов Менесфея в значительной мере способствовала война с тиндаридами, которые вторглись в Аттику. (Некоторые вообще считают, что они явились лишь на зов Менесфея.) Не чиня сначала никому никаких обид, они требовали вернуть им сестру. Горожане отвечали, что девушки у них нет и что они не знают, где ее держат под охраной, и тогда Кастор и Полидевк приступили к военным действиям. Но Академ, каким-то образом проведав, что Елену прячут в Афиднах, все открыл Диоскурам. За это ему при жизни тиндариды оказывали почести, и впоследствии лакедемоняне, сколько раз ни нападали они на Аттику, жестоко опустошая всю страну, неизменно щадили Академию⁶⁰ в память об Академе. Правда, Дикеарх пишет, что союзниками тиндаридов были Эхем и Мараф из Аркадии и что от первого получила свое имя Эхедемия – нынешняя Академия, – а от второго дем Марафон: во исполнение некоего пророчества Мараф добровольно дал принести себя в жертву перед сражением.

Двинувшись к Афиднам, Кастор и Полидевк взяли их, разбив противника. В битве, говорят, пал Галик, сын Скирона, воевавший на стороне Диоскуров, поэтому и местность в Мегариде, где его схоронили, зовется Галик. Герей сообщает, что Галик погиб от руки самого Тесея, и в доказательство приводит следующие стихи о Галике:

... на широкой равнине Афидны
Храбро сражаясь за честь пышнокудрой Елены, повержен
Был он Тесеем...

Но мало вероятно, чтобы враги, будь Тесей среди своих, смогли захватить его мать и Афидны.

33. Итак, неприятель овладел Афиднами. Все горожане были в страхе, и Менесфей

⁵⁹ 59. *Аидоней* – форма имени подземного бога Аида; это – такое же рационалистическое переосмысление мифа о схождении Тесея в царство мертвых, как выше, гл. 16—19 – мифа о Минотавре.

⁶⁰ 60. *Академия* – посвященная Академу роща к северу от Афин; в ней учил Платон, отсюда – значение этого слова в новых языках.

уговорил народ впустить в Афины и дружелюбно принять тиндаридов, которые-де воюют с одним лишь Тесеем, зачинщиком вражды и насилия, всем же остальным людям являют себя благодетелями и спасителями. Правдивость этих слов подтверждало и поведение победителей: владея всем, они не притязали ни на что и просили только посвятить их в таинства, ссылаясь на родство, связывающее их с Афинами не менее тесно, чем Геракла. Просьба их была уважена, причем обоих усыновил Афидн, как прежде Пилий Геракла, а затем они стяжали божеские почести под именем Анаков⁶¹ в память либо о перемирии [anochái], либо о неусыпной заботе, как бы кто не потерпел какой обиды от разместившегося в городских стенах огромного войска (внимательно наблюдать или следить за чем-либо – по-гречески «анако с э хейн» [anakôs échein]; вероятно, и царей называют «а нактас» [ánaktas] по той же причине). Некоторые думают, что их называли Анаками по явившимся в небесах звездам, ибо «вверху» по-аттически «ане кас» [anékas], а «сверху» – «ане катен» [anékathen].

34. Захваченную в плен мать Тесея Этру отвели, как сообщают, в Лакедемон, а оттуда она вместе с Еленой была увезена в Трою, в пользу чего свидетельствует и Гомер, говоря, что следом за Еленой поспешали

Этра, Питфеева дочь, и Климена, с блистательным взором⁶².

Иные, однако, отвергают и этот стих, как подложный, и предание о Мунихе, которого якобы тайно родила в Трое Лаодика от Демофонта⁶³, а воспитывала вместе с нею Этра. Совершенно особые, не схожие ни с какими иными сведения об Этре приводит Истр в тридцатой книге «Истории Аттики»: согласно некоторым писателям, заявляет он, Александр-Парис был побежден Ахиллом и Патроком в битве на берегу Сперхея⁶⁴, а Гектор взял и разорил Трезен и увел оттуда Этру. Впрочем это уже совершенная бессмыслица!

35. Между тем Аидоней Молосский, принимая у себя в доме Геракла, случайно упомянул о Тесее и Пирифое – о том, зачем они пришли и как поплатились за свою дерзость, когда их изобличили, и Гераклу тяжело было услышать, что один бесславно погиб, а другому грозит гибель. Что до смерти Пирифоя, Геракл считал теперь все жалобы и упреки бесполезными, но за Тесея стал просить, убеждая царя, чтобы тот отпустил своего пленника из уважения к нему, Гераклу. Аидоней согласился, и Тесей, выйдя на волю и возвратившись в Афины, где его сторонников еще не вполне одолели, все священные участки, которые прежде отвел ему город, посвятил Гераклу, повелев впредь звать их не Тесеями, а Гераклеями, – все, кроме четырех, как указывает Филохор. Но, пожелав властвовать и управлять государством по-прежнему, он тут же столкнулся с волнениями и мятежом, убедившись, что те, кого он оставил полными ненависти к нему, теперь, вдобавок, и бояться его перестали, а народ сильно испортился – не расположен более молча выполнять приказания, но ждет угождений и заискиваний.

Тесей попытался смирить врагов силой, однако стал жертвою козней и заговоров и, в конце концов, потеряв всякую надежду на успех, детей тайком переправил на Эвбею к

⁶¹ 61. Анаков – все предлагаемые этимологии фантастичны.

⁶² 62. Этра, Питфеева дочь... – «Илиада», III, 144.

⁶³ 63. Муних – чтился как герой, по которому назывался Мунихий, гавань в Пирее. Лаодика – дочь Приама, Демофонт – сын Тесея.

⁶⁴ 64. Сперхей – река в южной Фессалии (в царстве Ахилла), недалеко от Фермопил. Это остатки мифа о том, что троянская война была не походом греков на Трою, а походом троянцев на Грецию.

Элефенору, сыну Халкодонта, а сам, торжественно проклявши афинян в Гаргетте, на том месте, что ныне зовется Аратерий⁶⁵, отплыл на Скирос, где, как он надеялся, его ждали друзья и где когда-то владел землями его отец. Царем Скироса был тогда Ликомед. Прибыв к нему, Тесей выразил желание получить назад отцовские поместья, чтобы там поселиться. Некоторые утверждают, что он просил у царя помощи против афинян. Но Ликомед, то ли страшась славы мужа, столь великого, то ли желая угодить Менесфею, повел Тесея на самую высокую гору острова, якобы для того, чтобы показать ему его владения, и столкнул со скалы. Тесей расшибся насмерть. Иные, правда, говорят, будто он сам сорвался вниз, поскользнувшись во время обычной прогулки после обеда.

В ту пору его смерть прошла незамеченной. В Афинах царствовал Менесфей⁶⁶, а дети Тесея в качестве простых граждан отправились с Элефенором под Трою. Но, когда Менесфей погиб, они вернулись в Афины и возвратили себе царство. Лишь во времена гораздо более поздние решили афиняне признать Тесея героем и соответственно его почитать; среди прочих соображений, они руководствовались и тем, что многим воинам, сражавшимся с персами при Марафоне, явился Тесей в полном вооружении, несущийся на варваров впереди греческих рядов.

36. После окончания Персидских войн, при архонте Федоне Пифия приказала афинянам, вопрошавшим оракул, собрать кости Тесея и, с почетом их похоронив, бережно хранить у себя. Но взять прах и даже обнаружить могилу оказалось делом нелегким из-за угрюмого и замкнутого нрава населявших Скирос долопов. Однакож, когда Кимон, как рассказывается в его жизнеописании⁶⁷, взял остров и горел желанием отыскать место погребения, случилось, говорят, что он заметил орла, который долбил клювом и разрывал когтями какой-то холмик. Осененный свыше, Кимон приказал копать. Под холмом нашли огромных размеров гроб, рядом лежали медное копье и меч. Когда Кимон привез все это на своей триере, афиняне, ликуя, устроили торжественную встречу, с пышными шествиями и жертвоприношениями, точно возвращался сам Тесей. Ныне его останки покоятся в центре города, подле гимнасия⁶⁸, и это место служит убежищем для рабов и вообще для всех слабых и угнетенных, которые страшатся сильного, ибо и Тесей оказывал людям защиту и покровительство и всегда благосклонно выслушивал просьбы слабых.

Главный праздник в его честь справляется восьмого пианепсиона – в день, когда он вместе с афинскими юношами и девушками вернулся с Крита. Однако ему приносят жертвы и по восьмым числам остальных месяцев – либо потому, что он впервые пришел из Трезена восьмого гекатомбеона (таково мнение Диодора Путешественника), либо полагая, что это число особенно ему близко, поскольку он считается сыном Посейдона, а жертвоприношения Посейдону совершают восьмого числа каждого месяца. Ведь восьмерка – это куб первого из четных чисел и удвоенный первый квадрат, а потому достойным образом знаменует надежность и незыблемость, свойственные могуществу бога, которого мы зовем Неколебимым и Земледержцем.

⁶⁵ 65. *Аратерий* – «место проклятий».

⁶⁶ 66. *В Афинах царствовал Менесфей...* – У Гомера («Илиада», II, 552) он назван вождем афинян под Троей, Элефенор начальствует эвбейскими абантами (ср. выше, гл. 5), а сыновья Тесея Акамонт и Демофонт не упоминаются совсем.

⁶⁷ 67. *...в его жизнеописании...* – Ким., 8.

⁶⁸ 68. *Гимнасий* – общественное место для телесных упражнений и бесед. Тесей был погребен на городской площади, чтобы стать героем культа: обычно же покойников хоронили за городскими воротами. Гимнасий рядом с его могилой был построен уже в III в. Птолемеем Филадельфом.

Ромул

1. От кого и по какой причине получил город Рим свое великое и облетевшее все народы имя, – суждения писателей неодинаковы. Одни полагают, что пеласги, обошедшие чуть ли не весь свет и покорившие чуть ли не все народы земли, поселились там и нарекли город этим именем в ознаменование силы своего оружия⁶⁹. Другие утверждают, что после взятия Трои немногочисленные беглецы, которым удалось сесть на корабли, ветром были прибиты к берегу Этрурии и стали на якорь подле устья реки Тибр. Женщины с большим трудом переносили плавание и очень страдали, и вот некая Рома, по-видимому, превосходившая прочих и знатностью рода и разумом, подала подругам мысль сжечь корабли. Так они и сделали; сначала мужья гневались, но потом волей-неволей смирились и обосновались близ Паллантия⁷⁰, а когда вскоре все сложилось лучше, чем они ожидали, – почва оказалась плодородной, соседи приняли их дружелюбно, – они почтили Рому всевозможными знаками уважения и, между прочим, назвали ее именем город, воздвигнутый благодаря ей. Говорят, что с той поры у женщин вошло в обычай целовать⁷¹ в губы родственников и мужей, потому что, предав корабли огню, именно так целовали и ласкали они своих мужей, умоляя их сменить гнев на милость. 2. Есть и такое мнение, будто имя городу дала Рома, дочь Итала и Левкарии (по другим сведениям – Телефа, сына Геракла), вышедшая замуж за Энея (по другим сведениям – за Лекания, сына Энея). Иные думают, что город основал Роман, родившийся от Одиссея и Кирки, иные – что Ром, сын Эматииона, отосланный Диомедом из Трои, иные – что тиран латинян Ромис, изгнавший этрусков, которые когда-то переселились из Фессалии в Лидию, а оттуда в Италию.

Даже те, кто высказывает самое правильное мнение, считая, что город наречен в честь Ромула, разно судят о происхождении последнего. Одни полагают, что он был сыном Энея и Дексифеи, дочери Форбанта, и попал в Италию еще совсем маленьким ребенком вместе со своим братом Ромом. В разливе реки погибли все суда, лишь то, на котором находились дети, тихо пристало к отлогому берегу; это место спасшиеся сверх ожидания и назвали Римом. Другие пишут, что Ромула родила Рома, дочь той троянки, о которой речь шла выше, и жена Латина, сына Телемаха, третьи – что он был сыном Эмилии, дочери Энея и Лавинии, зачатый ею от Ареса. Существует, наконец, и вовсе баснословный рассказ о его рождении. Царю альбанов Тархетию, человеку до крайности порочному и жестокому, было удивительное видение: из очага в его доме восстал мужской член и не исчезал много дней подряд. В Этрурии есть прорицалище Тефий, откуда Тархетию доставили прорицание, гласящее, чтобы ой сочетал с видением девушку: она-де родит сына, который стяжает громкую славу и будет отличаться доблестью, силою и удачливостью, Тархетий поведал об этом одной из своих дочерей и велел ей исполнить наказ оракула, но она, гнушаясь такого соития, послала вместо себя служанку. Разгневанный Тархетий запер обоих в тюрьму и осудил на смерть, но во сне ему явилась Веста и запретила казнить девушек; тогда царь измыслил вот какую хитрость: он дал узникам ткацкий станок и обещал, что, когда они закончат работу, то смогут выйти замуж, но все, что они успевали соткать за день, другие

---

⁶⁹ 1. ...силы своего оружия . – Rhōmē по-гречески значит «сила», «мощь». И эта и все последующие этимологии подбирают произвольные имена, созвучные с названием Рима, и по возможности связывают их с греческим мифом о бегстве Энея из Трои в Италию.

⁷⁰ 2. Паллантий – легендарное поселение на месте будущего Рима, еще за 60 лет до прихода троянцев основанное Эвандром, сыном Гермеса, царем одноименного города в Аркадии; это предание использовано Вергилием в «Энеиде», VIII.

⁷¹ 3. ...обычай целовать ... – на нем Плутарх останавливается в другом своем сочинении, «Римские вопросы», 265 вс.

женщины, по распоряжению Тархетия, ночью распускали. Рабыня родила двойню, и Тархетий отдал младенцев некоему Терапию, чтобы тот их убил. Тераций, однако, оставил детей на берегу реки, и туда к ним стала ходить волчица и кормила их своим молоком, прилетали всевозможные птицы, принося новорожденным в клювах кусочки пищи, – до тех пор, пока их не заметил какой-то пастух. Он был чрезвычайно изумлен, но все же решился подойти и унести детей. Так они были спасены, а возмужав, напали на Тархетия и одолели его. Эту повесть приводит некий Промифон в своей «Истории Италии».

3. Самую правдоподобную и подкрепленную наибольшим числом свидетельств версию в главных ее чертах впервые передал грекам Диокл с Пепарефоса. Ее принял почти без изменений Фабий Пиктор, и хотя между ними имеются некоторые расхождения, в общем содержание их рассказа сводится к следующему.

В Альбе⁷² царили потомки Энея, и порядок наследования привел к власти двух братьев – Нумитора и Амулия. Амулий разделил отцовское достояние на две части, противопоставив царству богатства, включая и золото, привезенное из Трои, и Нумитор выбрал царство. Владея богатством, которое давало ему больше влияния и возможностей, нежели те, которыми располагал брат, Амулий без труда лишил Нумитора власти и, опасаясь, как бы у дочери свергнутого царя не появились дети, назначил ее жрицею Весты, обрекши на вечное девство и безбрачие. Эту женщину одни называют Илией, другие Реей, третьи Сильвией. Немного времени спустя открылось, что она беременна и что, стало быть, закон, данный весталкам, нарушен. Лишь заступничество царской дочери Анто перед отцом спасло ее от казни, но преступницу держали взаперти, и никого к ней не допускали, дабы она не разрешилась от бремени неведомо для Амулия.

Наконец она произвела на свет двух мальчиков необыкновенной величины и красоты. Это встревожило Амулия еще сильнее, и он приказал своему слуге взять их и бросить где-нибудь подальше. Слугу звали Фаустул, как говорят некоторые, но другие утверждают, что это имя не слуги, а того, кто нашел и подобрал младенцев. Итак, слуга положил новорожденных в лохань и спустился к реке, чтобы бросить их в воду, но, увидев, как стремительно и бурливо течение, не решился приблизиться и, оставив свою ношу у края обрыва, ушел. Между тем река разлилась, половодье подхватило лохань и бережно вынесло на тихое и ровное место, которое ныне зовут Кермал⁷³, а в старину называли Герман – видимо, потому, что «братья» по-латыни «германы» [germanus].

4. Поблизости росла дикая смоковница, именовавшаяся Руминальской, – либо в честь Ромула (таково мнение большинства), либо потому, что в ее тени прятались от полуденного зноя жвачные животные [ruminantes], либо – всего вернее – потому, что новорожденные сосали там молоко: сосок древние называли «рума» [rūma], а некую богиню, надзирающую, как они думали, за вскармливанием младенцев, – Руминой, и жертвоприношения ей совершали без вина, окропляя жертву молоком. Под этим деревом и лежали дети, и волчица, как рассказывают, подносила к их губам свои сосцы, а дятел помогал ей кормить и охранять близнецов. И волчица, и дятел считаются священными животными Марса, а дятел пользуется у латинян особым почетом. Поэтому, когда дочь Нумитора утверждала, что родила от Марса, ей охотно верили. Говорят⁷⁴, впрочем, что она была введена в обман Амулием, который предстал перед нею в доспехах и силой отнял у нее девство. Согласно же иному взгляду, в сторону чистой сказки повернула предание двусмысленность имени

⁷² 4. Альба – древний город Лация, по преданию, основанный Асканием, сыном Энея; Нумитор и Амулий были его потомками в 13-м колене.

⁷³ 5. Кермал – склон Палатина со стороны Тибра. Этимология (идущая от Варрона, «О латинском языке», V, 54) фантастична.

⁷⁴ 6. ...говорят ... – В частности, Дионисий Галикарнасский, I, 77.

кормилицы. «Лупа» [lupa] по-латыни и самка волка, и женщина, занимающаяся ремеслом блудницы, но как раз такую женщиной и была жена Фаустула, по имени Акка Ларентия, выкормившая мальчиков. Римляне приносят ей жертвы, а в апреле⁷⁵ жрец Марса совершает в ее честь заупокойное возлияние, и праздник этот зовется Ларентами.

5. Римляне чтут еще одну Ларентию⁷⁶, и вот по какой причине. Однажды блюститель храма Геракла, не зная, по-видимому, чем себя развлечь, надумал сыграть с богом в кости, оговорившись, что если он выиграет, бог ниспошлет ему милость, о которой он попросит, а если проиграет, то выставит богу щедрое угощение и приведет красивую женщину. На таких условиях он бросил кости за бога, потом за себя и проиграл. Желая сдержать слово и честно выполнить уговор, он приготовил богу обед и, наняв Ларентию, миловидную и еще не предававшуюся блуду открыто, сначала потчевал ее, постлав ложе в храме, а после обеда замкнул ее там, словно бог действительно намеревался ею овладеть. Но рассказывают, что Геракл и в самом деле возлег с женщиной, а затем приказал ей рано поутру выйти на форум, поцеловать первого, кто встретится на пути, и сделать его своим возлюбленным. Встретился же ей человек преклонного возраста, богатый, бездетный и холостой, по имени Тарутий. Он познал Ларентию, привязался к ней и, умирая, оставил ее наследницей большого и богатого имущества, бо льшую часть которого Ларентия завещала народу. Она была уже знаменита среди сограждан и считалась любимицей богов, когда внезапно исчезла подле того места, где покоился прах первой Ларентии. Это место зовется теперь Велабр⁷⁷, ибо во время частых разливов реки через него переправлялись на плотах, чтобы попасть на форум, а переправа по-латыни «велатура» [velatura]. Некоторые говорят, что начиная именно с этого места устроители игр и зрелищ застилали дорогу, ведущую с форума к цирку парусиной, «парус» же у римлян – «велон» [velum]. Таково происхождение почестей, которые римляне оказывают второй Ларентии.

6. Младенцев подобрал свинопас Амулия Фаустул – тайно от всех или же (так утверждают другие, чье мнение, вероятно, ближе к истине) с веденія Нумитора, который втихомолку помогал растить найденных. Говорят, что их перевезли в Габии и там выучили грамоте и всему остальному, что полагается знать людям благородного происхождения. Детям дали имена Ромула и Рема – от слова, обозначающего сосок, ибо впервые их увидели сосавшими волчицу. С первых лет жизни мальчики отличались благородной осанкой, высоким ростом и красотой, когда же они стали постарше, оба выказали отвагу, мужество, умение твердо глядеть в глаза опасности, одним словом – полную неустрашимость. Но Ромул был, казалось, крепче умом, обнаруживал здравомыслие государственного мужа, и соседи, с которыми ему случалось общаться – по делам ли о пастьбе скота или об охоте, – ясно видели, что он создан скорее для власти, нежели для подчинения. Поэтому братья были в добрых отношениях со своей ровней и с теми, кто стоял ниже их, но с царскими надсмотрщиками, начальниками и главными пастухами, которые нимало не превосходили молодых людей силою духа, держались высокомерно, не обращая внимания ни на их гнев, ни на угрозы. Они вели жизнь, приличествующую свободным людям, считая, однако, что свобода – это не праздность, не безделье, а гимнастические упражнения, охота, состязания в беге, борьба с разбойниками, ловля воров, защита обиженных. Все это принесло им добрую

⁷⁵ 7. ...в апреле ... – т.е. в месяц основания Рима; но, по-видимому, Плутарх ошибается: римский праздник Ларент(ий) справлялся в декабре и примыкал к Сатурналиям.

⁷⁶ 8. ...еще одну Ларентию ... – первоначально она отождествлялась с блудной кормилицей Ромула, а ее 12 детей, «полевых братьев» Ромула, считались чиновниками жреческой коллегии «арвальских братьев» (Геллий, VI, 7). Потом, когда воспитание Ромула стало в легенде облагораживаться, этот образ раздвоился.

⁷⁷ 9. Велабр – низина между Капитолием и Палатином, под склоном Кермала; с севера примыкал к форуму, юга – к цирку.

славу.

7. Случилось раз, что пастухи Амулия повздорили с пастухами Нумитора и угнали их стада. Ромул и Рем, не стерпев, избили и рассеяли обидчиков и, в свою очередь, завладели большой добычей. Гнев Нумитора они не ставили ни во что и начали собирать вокруг себя и принимать в товарищи множество неимущих и рабов, внушая им дерзкие и мятежные мысли.

Однажды, когда Ромул исполнял какой-то священный обряд (он любил приносить жертвы богам и гадать о будущем), пастухи Нумитора повстречали Рема с немногими спутниками, набросились на него и, выйдя победителями из драки, в которой обе стороны получили и раны и тяжелые ушибы, захватили Рема живым. Хотя его доставили прямо к Нумитору и там изблещили, последний, страшась сурового нрава своего брата, не решился наказать преступника сам, но пошел к царю и потребовал правосудия, взывая к братским чувствам Амулия и к справедливости государя, чьи слуги нагло его, Нумитора, оскорбили. Жители Альбы разделяли гнев Нумитора, считая, что он терпит унижение, несовместное с высоким его достоинством, и, приняв это в расчет, Амулий выдал ему Рема головой. Приведя юношу к себе, Нумитор долго его разглядывал, дивясь его росту и силе, превосходившим все, что он видел до тех пор, смотрел ему в лицо, на котором были написаны самообладание и решимость, не склоняющиеся пред обстоятельствами, слушал рассказы о его делах и поступках, отвечавшие тому, в чем он теперь убедился воочию, и наконец – но прежде всего, вероятно, волею божества, направляющего первые движения великих событий, – напавши благодаря счастливой догадке и судьбе на след истины, спросил Рема, кто он таков и откуда происходит, ласковым голосом и милостивым взором внушив ему надежду и доверие. Рем твердо отвечал: «Что ж, я ничего от тебя не скрою. Мне кажется, ты ближе к истинному царю, нежели Амулий. Прежде чем наказывать, ты выслушиваешь и расследуешь. А он отдает на расправу без суда. Раньше мы считали себя детьми Фаустула и Ларентии, царских слуг (мы с братом – близнецы), но с тех пор, как нас ложно обвинили перед тобой и нам приходится защищать свою жизнь, мы слышим о себе поразительные вещи. Насколько они верны? Это, по-видимому, решит опасность, которой я теперь подвергаюсь. Говорят, что наше рождение окружено тайной и что еще более таинственно и необычно мы кормились и росли, едва появившись на свет: нас питали те самые дикие птицы и звери, на съедение которым нас бросили, – волчица поила нас своим молоком, а дятел приносил в клюве кусочки пищи, меж тем как мы лежали в лохани на берегу большой реки. Лохань эта цела до сих пор, и на ее медных скрепах – полустершиеся письмена. Быть может, когда-нибудь они станут опознавательными знаками для наших родителей, но – бесполезными, ибо нас уже не будет в живых». Выслушав эту речь и определив по внешности Рема его возраст, Нумитор не мог не загореться радостной надеждой и стал думать, как бы тайно поговорить с дочерью, все еще содержавшейся под караулом.

8. А Фаустул, узнав, что Рем схвачен и выдан Нумитору, просил Ромула выручить брата и тогда впервые поведал ему все, что знал о его рождении. Раньше он говорил об этом лишь намеками, приоткрывая истину настолько, насколько требовалось чтобы, обратив в нужном направлении мысли юношей, не дать чувству смирения поселиться в их душах. Сам же он, понимая, как опасно сложившееся положение, полный страха, взял лохань и поспешил к Нумитору. Вид пастуха внушил подозрение царской страже у городских ворот, а расспросы караульных привели его в полное замешательство, и тут они заметили лохань, которую он прятал под плащом. Среди караульных случайно оказался один из тех, кто когда-то забрал новорожденных, чтобы их бросить. Он увидел лохань, узнал ее по работе и письменам на скрепах, и у него мелькнула догадка, которую он счел немаловажной, а потому, не откладывая, предложил дело на рассмотрению царю. После долгих и жестоких пыток Фаустул не остался совершенно непоколебим, однако и не был окончательно сломен: он сказал, что дети живы, но находятся со стадами далеко от Альбы. А он-де принес лохань Илии, которая много раз говорила, что хочет взглянуть на нее и коснуться собственными руками, чтобы надежда свидеться с детьми стала еще крепче. И тут Амулий допустил ошибку, какую обыкновенно совершают те, кто действует во власти смятения, страха или

гнева: он поторопился отправить к Нумитору его друга, человека вполне порядочного, и наказал ему выведать, не доходили ли до Нумитора какие-нибудь слухи о спасении детей. Придя к Нумитору и увидев, как тот ласков и нежен с Ремом, посланный окончательно подтвердил все его предположения, советовал деду с внуком скорее браться за дело и сам остался с ними, предложив свою помощь.

Впрочем, будь они даже и не склонны к решительным поступкам, сами обстоятельства не терпели промедления. Ромул был уже близко, и к нему бежали многие граждане, боявшиеся и ненавидевшие Амулия. Кроме того, он и с собою привел немалые силы, разбитые на отряды по сто человек; предводитель каждого из отрядов нес на шесте вязанку сена и хвороста. Такие вязанки латиняне зовут «маниплами» [maniplus]. Вот откуда слово «маниплирии»⁷⁸, и ныне употребляемое в войсках. Итак, Рем поднимал мятеж в самом городе, а Ромул подходил извне, и тиранн, в растерянности и замешательстве, не зная, как спасти свою жизнь – что предпринять, на что решиться, – был захвачен врагами и убит.

Хотя основную часть этих сведений приводят и Фабий и Диокл с Пепарефоса, – по-видимому, первый историк, писавший об основании Рима, – их драматическое и сказочное обличье вселяет в иных недоверье. Но если мы подумаем, какой удивительный поэт сама судьба, и примем в рассуждение, что Римское государство никогда не достигло бы нынешней своей мощи, не будь истоки его божественными, а начало истории сопряженным с великими чудесами, – все основания для недоверия отпадают.

9. После смерти Амулия в Альбе установился прочный порядок. Ромул и Рем не захотели, однако, ни жить в городе, не правя им, ни править, пока жив дед, и, вручивши верховную власть ему, отдав долг уважения матери, решили поселиться отдельно и основать город там, где они были вскормлены. Из всех возможных объяснений это самое благовидное. Братья стояли перед выбором: либо распустить беглых рабов, во множестве собравшихся вокруг них и тем самым потерять все свое могущество, либо основать вместе с ними новое поселение. А что жители Альбы не желали ни смешиваться с беглыми рабами, ни предоставлять им права гражданства, с полной очевидностью явствует уже из похищения женщин: люди Ромула отважились на него не из дерзкого озорства, но лишь по необходимости, ибо добрую волей замуж за них никто не шел. Недаром они с таким необыкновенным уважением относились к своим силою взятым женам. Далее, едва только поднялись первые здания нового города, граждане немедленно учредили священное убежище для беглецов и нарекли его именем бога Асила⁷⁹, в этом убежище они укрывали всех подряд, не выдавая ни раба его господину, ни должника заимодавцу, ни убийцу властям, и говорили, что всем обеспечивают неприкосновенность, повинаясь изречению пифийского оракула. Поэтому город быстро разросся, хотя поначалу насчитывал не больше тысячи домов. Но об этом – ниже.

Не успели еще братья начать работу, как между ними возник спор из-за места. Ромул заложил так называемый «Рома квадрата»⁸⁰ (то есть – Четыреугольный Рим) и там же хотел воздвигнуть город, а Рем выбрал укрепленное место на Авентине, которое в его честь называлось Реморией, а ныне зовется Ригнарием. Уговорившись решить спор с помощью вещей птиц, они сели порознь и стали ждать, и со стороны Рема показалось, говорят, шесть коршунов, а со стороны Ромула – вдвое больше. Некоторые сообщают, что Рем на самом деле увидел своих птиц, а Ромул-де солгал и что лишь когда Рем подошел, тогда только

⁷⁸ 10. *Манип (у)лари* – рядовые воины, бойцы манипула (отряда из 60—120 пехотинцев).

⁷⁹ 11. *Священное убежище* ... – пифийского оракула... – Плутарх переносит на Ромулово время обычаи эллинистической эпохи, когда дельфийский оракул объявлял декретами такое-то святилище «неприкосновенным (asylon, отсюда имя „бога“ у Плутарха) убежищем от всех...»

⁸⁰ 12. ...«*Рома квадрата*» ... – Название дано по очертаниям верхней части Палатинского холма.

перед глазами Ромула появились двенадцать коршунов. Вот почему, мол, и теперь, гадая по птицам, римляне отдают предпочтение коршунам. Геродор Понтийский пишет, что и Геракл радовался, если, приступая к какому-нибудь делу, вдруг замечал коршуна. И верно, ведь это самое безобидное из всех существ на земле: он не причиняет вреда ничему из того, что сеют, выращивают или пасут люди, питается падалью, не губит и не обижает ничто живое, а пернатых, как свою родню, не трогает даже мертвых, тогда как орлы, совы и ястребы убивают и своих единоплеменников. Недаром Эсхил говорит:

Терзает птица птиц – ужель она чиста?⁸¹

Кроме того, остальные птицы так и снуют у нас перед глазами, их увидишь в любое время, а коршуна случается видеть редко, и мы едва ли найдем людей, которым бы довелось натолкнуться на гнездо с птенцами коршуна; все это в совокупности внушило некоторым нелепую мысль, будто коршуны прилетают к нам издалека, из чужих краев. Подобным образом прорицатели приписывают божественное происхождение всему, что возникает само по себе или не в строгом соответствии с законами природы.

10. Раскрыв обман, Рем был в негодовании и, когда Ромул стал копать ров, чтобы окружить стены будущего города, Рем то издевался над этой работой, а то и портил ее. Кончилось тем, что он перескочил через ров и тут же пал мертвым; одни говорят, что удар ему нанес сам Ромул, другие – что Целер, один из друзей Ромула. В стычке пали также Фаустул и его брат Плистин, вместе с Фаустулом, как гласит предание, воспитывавший Ромула. Целер бежал в Этрурию, и с той поры римляне называют «келером» [celer] каждого проворного и легкого на ногу человека. Это прозвище они дали и Квинту Метеллу, изумившись проворству, с каким он уже через несколько дней после смерти отца устроил, в память о нем, гладиаторские состязания.

11. Похоронив Рема и двух своих воспитателей на Ремории, Ромул принялся строить город. Он пригласил из Этрурии мужей, которые во всех подробностях научили его соответствующим обрядам, установлениям и правилам, словно дело шло о посвящении в таинства. На нынешнем Комитии⁸² вырыли круглую яму и сложили в нее первины всего, что люди признали полезным для себя в соответствии с законами, и всего, что сделала необходимым для них природа, а затем каждый бросил туда же горсть земли, принесенной из тех краев, откуда он пришел, и всю эту землю перемешали. Яму эту обозначают словом «мундус» – тем же, что и небо. Отсюда, как бы из центра, словно описывая круг, провели границу города. Вложив в плуг медный сошник и запрягши вместе быка и корову, основатель сам пропахал глубокую борозду по намеченной черте, а люди, которые шли за ним, весь поднятый плугом пласт отворачивали внутрь, по направлению к городу, не давая ни одному комку лечь по другую сторону борозды. Этой линией определяют очертания стены, и зовется она – с выпадением нескольких звуков – «померием»⁸³, что значит: «за стеной» или «подле стены». Там же, где думают устроить ворота, сошник вытаскивают из его гнезда, плуг приподнимают над землей, и борозда прерывается. Поэтому вся стена считается священной, кроме ворот: если бы священными считались и ворота, неизбежный и необходимый ввоз и вывоз некоторых нечистых предметов был бы кощунством.

12. По общему взгляду основание Рима приходится на одиннадцатый день до майских

⁸¹ 13. «Терзает птица птиц – ужель она чиста?» – Эсхил. Просительницы, 226.

⁸² 14. *Комитий* – место на форуме (в низине к северу от Палатина), где происходили народные собрания.

⁸³ 15. *Померий* – (поmoerium из post-Moerium, «с выпадением нескольких звуков») – священная граница города, охватывавшая Палатин, Целий, Эсквилин, Виминал и Квиринал; потом к этим 5 холмам прибавились Капитолий и Авентин.

календ⁸⁴, и римляне празднуют его, называя днем рождения отечества. Сначала, как сообщают, в этот день не приносили в жертву ни одно живое существо: граждане полагали, что праздник, носящий столь знаменательное имя, следует сохранить чистым, не обагрённым кровью. Впрочем, и до основания города в тот же самый день у них справлялся пастушеский праздник Парилии. Ныне римские календы не имеют ничего общего с греческими новомесячиями; день основания города точно совпадает, говорят, с тридцатым днем греческого месяца, когда произошло сближение луны с солнцем, повлекшее за собою затмение, о котором, по-видимому, знал эпический поэт Антимак Теосский и которое случилось в третьем году шестой олимпиады.

Одним из друзей философа Варрона, глубочайшего среди римлян знатока истории, был Тарутий, философ и математик; из любви к умозрениям он составлял гороскопы и считался замечательным астрологом. Варрон предложил ему вычислить день и час рождения Ромула по его судьбе, в которой отразилось влияние созвездий, подобно тому как решают геометрические задачи, ибо, рассуждал Варрон, то же учение, что позволяет, зная время, когда человек появился на свет, предсказать события его жизни, должно по событиям жизни определить время рождения. Тарутий согласился и, всмотревшись в деяния Ромула и выпавшие ему на долю бедствия, уточнив, сколько он прожил и как умер, сопоставив все эти и им подобные сведения, весьма отважно и уверенно объявил, что основатель Рима был зачат в первый год второй олимпиады⁸⁵, в двадцать третий день египетского месяца хеака, в третьем часу, в миг полного затмения солнца, родился в двадцать первый день месяца тоита на утренней заре, а Рим основал в девятый день месяца фармути между вторым и третьим часом (ведь астрологи думают, что не только человеку, но и городу строго отмерено время жизни, о котором можно судить по взаимному расположению светил в первые минуты его бытия). Я надеюсь, что эти подробности скорее займут читателя своею необычайностью, чем вызовут его раздражение полным неправдоподобием.

13. Заложив основания города, Ромул разделил всех, кто мог служить в войске, на отряды. Каждый отряд состоял из трех тысяч пехотинцев и трехсот всадников и назывался «легионом», ибо среди всех граждан выбирали [legere] только способных носить оружие. Все остальные считались «простым» народом и получили имя «популус» [populus]. Сто лучших граждан Ромул назначил советниками и назвал их «патрициями» [patricii], а их собрание – «сенатом» [senatus], что означает «совет старейшин». Советников звали патрициями либо потому, что они были отцами [patres] законнорожденных детей, либо, вернее, потому, что сами могли указать своих отцов: среди тех, что стекались в город в первое время, сделать это удалось лишь немногим. Некоторые выводят слово патриции от «патрония» – так называли и теперь называют римляне заступничество: среди спутников Эвандра был якобы некий Патрон⁸⁶, покровитель и помощник нуждающихся, от него-то, говорят, и пошло название самой заботы о более слабых. Однако ближе всего к истине мы подойдем, пожалуй, если предположим, что Ромул считал долгом первых и самых могущественных отеческое попечение о низших и одновременно хотел приучить остальных не бояться сильных, не досадовать на почести, которые им оказывают, но относиться к сильным с благожелательством и любовью, по-сыновнему, и даже называть их отцами. До сих пор чужестранцы именуют сенаторов «повелителями», а сами римляне – «отцами, внесенными в

⁸⁴ 16. ...одиннадцатый день до майских календ ... – 21 апреля 753 г. (ниже: «3-й год 6-й олимпиады»). Но затмения в этот день не было.

⁸⁵ 17. ...был зачат ... – В декабре 772, родился в сентябре 771, основал Рим в апреле 753 г., 18 лет. Счет ведется по египетским месяцам от того, что астрология из «халдейского» Вавилона проникала в Грецию и Рим через Египет.

⁸⁶ 18. Патрон – это имя, введенное ради этимологии, нигде более не встречается.

списки»⁸⁷. В этих словах заключено чувство величайшего уважения, к которому не примешано ни капли зависти. Сначала их звали просто «отцами», позже, когда состав сената значительно пополнился, стали звать «отцами, внесенными в списки». Таково было особо почетное наименование, которым Ромул отличил сенаторское сословие от простого народа. Ибо он отделил людей влиятельных от толпы еще по одному признаку, назвав первых «патронами», то есть заступниками, а вторых «клиентами», то есть приверженцами, и вместе с тем установил между ними удивительное взаимное доброжелательство, ставшее впоследствии источником важных прав и обязанностей. Первые объясняли вторым законы, защищали их в суде, были их советчиками и покровителями во всех случаях жизни, а вторые служили первым, не только платя им долг уважения, но и помогая бедным патронам выдавать замуж дочерей и рассчитываясь за них с заимодавцами, и ни один закон, ни одно должностное лицо не могли заставить клиента свидетельствовать против патрона или патрона против клиента. Впоследствии все прочие права и обязанности сохранили силу, но брать деньги у низших стало для человека влиятельного недостойным и позорным. Однако достаточно об этом.

14. Похищение женщин состоялось, согласно Фабию, на четвертом месяце после основания города⁸⁸. По некоторым сведениям, Ромул, воинственный от природы и, к тому же, повинаясь каким-то прорицаниям оракулов, гласившим, что Риму суждено подняться, вырасти и достигнуть величия благодаря войнам, умышленно оскорбил сабинян. Он взял-де всего-навсего тридцать девушек, ища не столько брачных союзов, сколько войны. Но это мало вероятно. Скорее, видя, что город быстро заполняется пришельцами, из которых лишь немногие были женаты, а большинство представляло собою сброд из неимущих и подозрительных людей, не внушавших никому ни малейшего уважения, ни малейшей уверенности, что они пробудут вместе длительный срок, Ромул надеялся, что если захватить в заложники женщин, это насилие некоторым образом положит начало связям и общению с сабинянами, и вот как он приступил к делу.

Прежде всего он распустил слух, будто нашел зарытый в земле алтарь какого-то бога. Бога называли Консом, считая его то ли богом Благих советов («совет» и ныне у римлян «консилиум» [consilium], а высшие должностные лица – «консулы» [consules], что значит «советники»), то ли Посейдоном-Конником, ибо алтарь этот установлен в Большом цирке, и его показывают народу только во время конных состязаний. Иные же утверждают, что, вообще, коль скоро замысел держали в тайне и старались не разглашать, было вполне разумно посвятить божеству алтарь, скрытый под землею. Когда его извлекли на свет, Ромул, предварительно известив об этом, принес щедрые жертвы и устроил игры и всенародные зрелища. На праздник сошлось множество народа, и Ромул в пурпурном плаще сидел вместе с лучшими гражданами на первых местах. Сигнал к нападению должен был подать сам царь, поднявшись, свернувши плащ и снова накинув его себе на плечи. Множество римлян с мечами не спускали с него глаз и, едва увидев условленный знак, немедленно обнажили оружие и с криком бросились на дочерей сабинян, не препятствуя отцам бежать и не преследуя их. Некоторые писатели говорят, что похищенных было только тридцать (их именами, якобы, затем назвали курии⁸⁹), Валерий Антиат называет цифру пятьсот двадцать семь, Юба – шестьсот восемьдесят три. Все это были девушки, что и служило для Ромула главным оправданием. В самом деле, замужних женщин не взяли ни

⁸⁷ 19. «...отцами, внесенными в списки ...» Перевод (спорный) официального латинского названия сенаторов: patres conscripti.

⁸⁸ 20. На четвертом месяце после основания города. – Действительно, описываемый праздник «Консуалий» справлялся 21 августа.

⁸⁹ 21. Курии – группировки из 10 родов. Десять курий составляли трибу («филу», племя: см. ниже, гл. 20).

одной, кроме Герсилии, захваченной по ошибке, а стало быть, похитители руководились не дерзким своеволием, не желанием нанести обиду, но мыслью соединить оба племени неразрывными узами, слить их воедино. Герсилию взял в жены либо Гостилий, один из знатнейших римлян, либо сам Ромул, и она родила ему детей – сперва дочь, так и названную Примой⁹⁰, а затем единственного сына, которому отец дал имя Лоллия⁹¹ в память о стечении граждан в его, Ромула, царствование, но впоследствии он был известен под именем Авиллия. Впрочем многие историки опровергают Зенодота Трезенского, приводящего последние из этих данных.

15. Среди похитителей, говорят, обращала на себя внимание кучка людей из простого народа, которые вели очень высокую и необыкновенно красивую девушку. Им навстречу попалось несколько знатных граждан, которые стали было отнимать у них добычу, тогда первые подняли крик, что ведут девушку к Таласию, человеку еще молодому, но достойному и уважаемому. Услышав это, нападавшие ответили одобрительными возгласами и рукоплесканиями, а иные, из любви и расположения к Таласию, даже повернули назад и пошли следом, радостно выкрикивая имя жениха. С тех пор и по сей день римляне на свадьбах припевают: «Таласий! Таласий!» – так же как греки «Гименей! Гименей!» – ибо брак Таласия оказался счастливым. Правда, Секстий Сулла из Карфагена, человек, не чуждый Музам и Харитам, говорил нам, что Ромул дал похитителям такой условный клич: все, уводившие девушек, восклицали «Таласий!» – и восклицание это сохранилось в свадебном обряде. Но большинство историков, в том числе и Юба, полагают, что это призыв к трудолюбию, к прилежному прядению шерсти [talasia]: тогда, мол, итальяйские слова еще не были так густо примешаны к греческим⁹². Если их предположение верно и если римляне тогда употребляли слово «таласия» в том же смысле, что мы теперь, можно все объяснить по-иному и, пожалуй, более убедительно. Ведь между сабинянами и римлянами вспыхнула война, и в мирном договоре, заключенном после ее окончания, было сказано: похищенные сабинянки не должны делать для своих мужей никакой работы, кроме прядения шерсти. И впоследствии родители невесты, или сопровождавшие ее, или вообще присутствовавшие на бракосочетании шутливо возглашали: «Таласий!», – напоминая и подтверждая, что молодой жене предстоит только прясть шерсть, а иных услуг по хозяйству требовать от нее нельзя. Принято и поныне, чтобы невеста не сама переступала порог спальни, но чтобы ее вносили на руках, ибо и сабинянки вошли в дом мужа не своею волею, но были приведены силой. Некоторые прибавляют, что и разделять волосы новобрачной острием копья принято в знак того, что первые браки были заключены, если можно так выразиться, с боя. Об этом мы говорим подробнее в «Изысканиях»⁹³.

Похищение состоялось восемнадцатого числа тогдашнего месяца секстилия, нынешнего августа; в этот день справляют праздник Консуалии.

16. Сабиняне были многочисленным и воинственным народом, но жили по деревням, не укрепленным стенами, полагая, что им, переселенцам из Лакедемона⁹⁴, подобает гордость и бесстрашие. Однако видя себя скованными великим залогом и боясь за дочерей, они отправили послов со справедливыми и умеренными предложениями: пусть-де Ромул

⁹⁰ 22. *Прима* – т.е. «первая».

⁹¹ 23. *Аоллия* – от греч. aolles – «собранный вместе».

⁹² 24. ...*примешаны к греческим* ... – Плутарх полагает, что в древние времена потомки Эвандра говорили по-гречески и лишь потом их язык был «испорчен» итальяйскими словами. Ср. Нума, 7.

⁹³ 25. ...*в «Изысканиях»* ... – «Римские вопросы», 285 с, где предлагаются три объяснения этого обычая.

⁹⁴ 26. ...*из Лакедемона* ... – См. Нума, 1. О презрении лакедемонян к стенам города см. Лик., 19.

вернет им захваченных девушек и возместит ущерб, нанесенный его насильственными действиями, а потом уже мирными и законными путями устанавливает дружеские и родственные связи между двумя народами. Девушек Ромул не отпустил, а к сабинянам обратился с призывом признать заключенные союзы, и меж тем как остальные совещались и теряли время в долгих приготовлениях, ценинский царь Акрон⁹⁵, человек горячий и опытный воин, с самого начала настороженно следивший за дерзкими поступками Ромула, а теперь, после похищения женщин, считавший, что он опасен для всех и станет совершенно невыносим, если его не наказать, – Акрон первым поднялся войною и с большими силами двинулся на Ромула, который, в свою очередь, двинулся ему навстречу. Сойдясь поближе и поглядев друг на друга, каждый из полководцев вызвал противника на поединок с тем, чтобы оба войска оставались на своих местах в боевой готовности. Ромул дал обет, если одолеет и сразит врага, самолично посвятить Юпитеру его доспехи. Он одолел и сразил Акрона, разгромил войско неприятеля и взял его город. Ромул ничем не обидел попавших под его власть жителей и только приказал им снести свои дома и перебраться в Рим, где они получили все права гражданства. Нет ничего, что бы в большей мере способствовало росту Рима, всякий раз присоединявшего побежденных к себе, вводящего их в свои стены.

Чтобы сделать свой обет как можно более угодным Юпитеру и доставить приятное и радостное зрелище согражданам, Ромул срубил у себя в лагере огромный дуб, обтесал его наподобие трофея, потом приладил и повесил в строгом порядке все части оружия Акрона, а сам нарядно оделся и украсил распущенные волосы лавровым венком. Взяв трофей на правое плечо и поддерживая его в прямом положении, он затянул победный пэан и двинулся впереди войска, в полном вооружении следовавшего за ним, а граждане встречали их, ликую и восхищаясь. Это шествие было началом и образцом дальнейших триумфов. Трофей назвали приношением Юпитеру-Феретрию (ибо «сразить» по-латыни «ферире» [ferire], а Ромул молил, чтобы ему было дано одолеть и сразить противника), а снятые с убитого доспехи – «опимиа» [opimia]. Так говорит Варрон, указывая, что «богатство» обозначается словом «опес» [opes]. С большим основанием, однако, можно было бы связать «опимиа» с «опус» [opus], что значит «дело», или «деяние». Почетное право посвятить богу «опимиа» предоставляется, в награду за доблесть полководцу, собственной рукой убившему вражеского полководца, и это выпало на долю лишь троим⁹⁶ римским военачальникам: первому – Ромулу, умертвившему ценинца Акрона, второму – Корнелию Коссу, убившему этруска Толумния, и наконец – Клавдию Марцеллу, победителю галльского царя Бритомарта. Косс и Марцелл въехали в город уже на колеснице в четверку, сами везя свои трофеи, но Дионисий ошибается⁹⁷, утверждая, будто колесницею воспользовался и Ромул. Историки сообщают, что первым царем, который придал триумфам такой пышный вид, был Тарквиний, сын Демарата; по другим сведениям, впервые поднялся на триумфальную колесницу Попликола. Как бы то ни было, но все статуи Ромула-Триумфатора в Риме изображают его пешим.

17. После взятия Ценины прочие сабиняне все еще продолжали готовиться к походу, а жители Фиден, Крустумерия и Антемны выступили против римлян, но также потерпели поражение в битве. Их города были захвачены Ромулом, поля опустошены, а сами они вынуждены переселиться в Рим. Ромул разделил между согражданами все земли побежденных, не тронув лишь те участки, которые принадлежали отцам похищенных девушек.

Остальные сабиняне были в негодовании. Выбрав главнокомандующим Татия, они

⁹⁵ 27. ...ценинский царь ... – Где жило это сабинское племя, неизвестно.

⁹⁶ 28. ...лишь троим ... – Кроме Ромула, Коссу в 437 г. и Марцеллу в 222 г. (см. Марц., 7—8).

⁹⁷ 29. Дионисий – Дионисий Галикарнасский, II, 34.

двинулись на Рим. Но город был почти неприступен: путь к нему преграждал нынешний Капитолий, на котором размещался караул под начальством Тарпея, а не девушки Тарпей, как говорят некоторые писатели, старающиеся представить Ромула простаком. Тарпея была дочерью начальника, и она сдала укрепления сабинянам, прельстившись золотыми запястьями, которые увидела на врагах, и попросив у них в уплату за предательство то, что они носят на левой руке. Татий согласился, и, отворив ночью одни из ворот, она впустила сабинян. Видимо, не одиноки были и Антигон, говоривший, что любит тех, кто собирается предать, но ненавидит тех, кто уже предал, и Цезарь, сказавший по поводу фракийца Риметалка, что любит измену, но ненавидит изменника – это общее чувство, которое испытывают к негодяям, нуждаясь в их услугах (как нуждаются иногда в яде и желчи некоторых животных): мы радуемся получаемой от них выгоде и гнушаемся их подлостью, когда цель наша достигнута. Именно такое чувство испытывал и Татий к Тарпее. Помня об уговоре, он приказал сабинянам не поскупиться для нее ничем из того, что у них на левой руке, и первый, сняв вместе с браслетом и щит, бросил их в девушку. Все последовали его примеру, и Тарпея, засыпанная золотыми украшениями и заваленная щитами, погибла под их тяжестью. За измену был осужден и Тарпей, изблещенный Ромулом, как пишет Юба, ссылаясь на Гальбу Сульпиция. Среди других рассказов о Тарпее ни малейшего доверия не вызывает сообщение, будто она была дочь сабинского главнокомандующего Татия, против воли стала супругою Ромула и, сделав то, о чем говорится выше, была наказана собственным отцом. Этот рассказ приводит и Антигон. А поэт Симил вовсе мелет вздор, утверждая, будто Тарпея сдала Капитолий не сабинянам, а кельтам, влюбившись в их царя. Вот что у него сказано:

Древле Тарпея жила на крутых Капитолия скалах;
Гибель она принесла крепкого Рима стенам.
Брачное ложе она разделить со владыкою кельтов
Страстно желая, врагу город родной предала.

А немного ниже – о смерти Тарпей:

Бойи убили ее, и бесчисленных кельтов дружины
Там же, за Падом рекой, тело ее погребли.
Бросили кучу щитов на нее их отважные руки,
Девы-преступницы труп пышным надгробьем закрыв.

18. По имени Тарпей, которую погребли там же, где она была убита, холм назывался Тарпейским вплоть до времен царя Тарквиния, который посвятил его Юпитеру. Останки девушки перенесли в другое место, а имя ее забыли. Только одна скала на Капитолии – та, с которой свергали преступников, до сих пор зовется Тарпейской.

Когда сабиняне овладели укреплениями, Ромул в гневе стал вызывать их на битву, и Татий решился на бой, видя, что в случае неудачи его людям обеспечено надежное убежище. Место, на котором предстояло встретиться войскам, было тесно зажато меж многочисленными холмами, и потому сражение обещало быть ожесточенным и тяжелым для обеих сторон, а бегство и погоня непродолжительными. Незадолго до того случился разлив реки, и стоячие воды спали лишь несколькими днями раньше, оставив на низменных участках, там, где теперь находится форум, слой ила, толстый, но неприметный для глаза. Уберечься от этой коварной топи было почти невозможно, и сабиняне, ни о чем не подозревая, неслись прямо на нее, как вдруг произошла счастливая для них случайность. Далеко впереди прочих скакал на коне Курций, человек известный, гордившийся своей славою и отвагой. Вдруг конь погрузился в трясину, Курций ударами и окриками попытался было повернуть его вспять, но, видя, что это невозможно, спасся, бросив коня. Вот почему и

в наши дни это место зовется «Куртиос лаккос» [Lacus Curtius]⁹⁸.

Избежав опасности, сабиняне начали кровавую сечу, однако ни им самим, ни их противникам не удавалось получить перевеса, хотя потери были огромны. В битве пал и Гостилий, по преданию, муж Герсилии и дед Гостилия, преемника Нумы. В течение короткого времени, как и можно было ожидать, непрерывно следовали схватка за схваткой, но самую памятной оказалась последняя, когда Ромул, раненный камнем в голову, едва не рухнул на землю и был уже не в силах сопротивляться с прежним упорством, а римляне дрогнули и, под натиском сабинян покидая равнину, бежали к Палатинскому холму. Оправившись от удара, Ромул хотел с оружием в руках броситься наперерез отступавшим, громкими криками старался задержать их и вернуть в сражение. Но вокруг него кипел настоящий водоворот бегства, никто не отваживался снова встретить врага лицом к лицу, и тогда Ромул, простерши руки к небу, взмолился Юпитеру, прося его остановить войско римлян и не дать их государству погибнуть. Не успел он закончить молитву, как стыд перед царем охватил сердца многих, и отвага снова вернулась к бегущим. Первые остановились там, где ныне воздвигнуто святилище Юпитера-Статора, то есть «Останавливающего», а затем, вновь сомкнув ряды, римляне оттеснили сабинян назад, до теперешней Регии и храма Весты.

19. Противники уже готовились возобновить сражение, как вдруг застыли, увидев поразительное, неопишемое зрелище. Отовсюду разом появились похищенные дочери сабинян и с криком, с воплями, сквозь гущу вооруженных воинов, по трупам, словно вдохновляемые божеством, ринулись к своим мужьям и отцам. Одни прижимали к груди крохотных детей, другие, распустив волосы, с мольбою протягивали их вперед, и все взывали то к сабинянам, то к римлянам, окликая их самыми ласковыми именами. И те и другие не выдержали и подались назад, освободив женщинам место меж двумя боевыми линиями, и жалобный их плач достигал последних рядов, и горячее сострадание вызывали и вид их и, еще в большей мере, речи, начавшиеся упреками, справедливыми и откровенными, а закончившиеся просьбами и заклинаниями. «Что дурного сделали мы вам, – говорили они, – чем вас так ожесточили, за что уже претерпели и терпим вновь лютые муки? Насильственно и незаконно похищенные нынешними нашими владыками, мы были забыты братьями, отцами и родичами, и это забвение оказалось столь продолжительным, что соединило нас с ненавистными похитителями теснейшими узами и ныне заставляет страшиться за вчерашних насильников и беззаконников, когда они уходят в бой, и оплакивать их, когда они погибают! Вы не пришли отомстить за нас обидчикам, пока мы еще хранили наше девство, а теперь отрываете жен от супругов и матерей от младенцев – помощь, которая для нас, несчастных, горше давешнего небрежения и предательства! Вот какую любовь мы видели от них, вот какое сострадание видим от вас! Даже если бы вы сражались по какой-либо иной причине, даже в этом случае вам бы следовало остановиться – ведь благодаря нам вы теперь тести, деды, близкие! Но коль скоро война идет из-за нас, уводите нас, но только – вместе с вашими зятьями и внуками, верните нам отцов и родичей, но только – не отнимая детей и мужей! Избавьте нас, молим, от нового рабства!»

Долго еще говорила в том же духе Герсилия, и в один голос с нею просили остальные; наконец было заключено перемирие, и командующие вступили в переговоры. А женщины подводили к отцам и братьям своих супругов, показывали детей, приносили еду и питье тем, кто хотел утолить голод или жажду, раненых доставляли к себе и ухаживали за ними, предоставляя им возможность убедиться, что каждая – хозяйка в своем доме, что мужья относятся к женам с предупредительностью, любовью и полным уважением.

⁹⁸ 30. «Куртиос лаккос» – т.е. «Курциево озеро», священный колодец на форуме; чаще его связывали с именем М. Курция, на этом месте бросившегося в пропасть, во имя Рима принося себя в жертву подземным богам (Ливий, VII, 6). Битва происходила на форуме, сабины наступали с Капитолия, римляне отступали к Палатину (где потом был поставлен храм Юпитера Статора), Регия (см. Нума, 14) и круглый храм Весты стояли на границе форума и Палатина.

Договаривающиеся сошлись на следующих условиях мира: женщины, изъявлявшие желание остаться, оставались, освобожденные, как мы уже говорили, от всякой домашней работы, кроме прядения шерсти, римляне и сабиняне поселялись в одном городе, который получал имя «Рим» в честь Ромула, зато все римляне должны были впредь называться «квиритами» в честь родины Татия⁹⁹, а царствовать и командовать войском обоим царям предстояло сообща. Место, где было достигнуто соглашение, до сих пор зовется Комитием, ибо «сходиться» по-латыни «комире» [comire].

20. Когда население города, таким образом, удвоилось, к прежним патрициям добавилось сто новых – из числа сабинян, а в легионах стало по шести тысяч пехотинцев и по шестисот всадников. Цари разделили граждан на три филы и назвали одну «Рамны» – в честь Ромула, вторую «Татии» – в честь Татия, а третью «Лукеры» – по роще¹⁰⁰, в которой многие укрывались, пользуясь правом убежища, чтобы затем получить права гражданства (роща по-латыни «лукос» [lucus]). Что фил было три, явствует из самого слова, которым обозначается у римлян фила: они и сейчас зовут филы трибами, а главу филы трибуном. Каждая триба состояла из десяти курий, названных, как утверждают некоторые, по именам похищенных женщин, но, мне кажется, это неверно: многие из них именуются по различным местностям. Впрочем, женщинам и без того оказывают многочисленные знаки уважения. Так, им уступают дорогу, никто не смеет сказать ничего непристойного в их присутствии, или появиться перед ними нагим, или привлечь их к суду по обвинению в убийстве; их дети носят на шее украшение, называемое «буллой»¹⁰¹ по сходству с пузырем, и тогу с пурпурной каймой.

Цари не сразу стали держать совет сообща: сперва они совещались порознь, каждый со своими ста сенаторами, и лишь впоследствии объединили всех в одно собрание. Татий жил на месте нынешнего храма Монеты¹⁰², а Ромул – близ лестницы, называемой «Скала Кака» [Scala Casi] (это подле спуска с Палатина к Большому цирку). Там же, говорят, росло священное кизиловое дерево, о котором существует следующее предание. Как-то раз Ромул, пытая силу, метнул с Авентина копьё с древком из кизила. Острие ушло в землю так глубоко, что, сколько людей не пытались вырвать копьё, это никому не удалось, а древко, оказавшись в тучной почве, пустило ростки и постепенно превратилось в изрядных размеров ствол кизила. Последующие поколения чтили и хранили его как одну из величайших святынь и обнесли стеной. Если кому-нибудь из прохожих казалось, что дерево менее пышно и зелено чем обычно, что оно увядает и чахнет, он сразу же громогласно извещал об этом всех встречных, а те, словно спеша на пожар, кричали: «Воды!» – и мчались отовсюду с полными кувшинами. При Гае Цезаре стали обновлять лестницу, и, как рассказывают, рабочие, копая рядом землю, ненароком повредили корни дерева, и оно засохло.

21. Сабиняне приняли римский календарь, о котором в той мере, в какой это уместно, говорится в жизнеописании Нумы¹⁰³. Ромул же заимствовал у них длинные щиты¹⁰⁴,

⁹⁹ 31. ...в честь родины Татия ... – Город Куры (в действительности слово «квириты» происходит от имени бога Квирина). Ср. Нума, 3.

¹⁰⁰ 32. ...по роще... – Цицерон и Варрон производят «лукеров» от этрусского имени Лукумон, указывая, таким образом, на третий народ, из которого вместе с латинами и сабинами, сложился римский.

¹⁰¹ 33. Булла – золотой или кожаный шарик, внутри которого был амулет. Другие объяснения этого слова – «Римские вопросы», 287 f.

¹⁰² 34. ...храм Монеты... (Юноны Монеты, «подательницы советов»; в этом храме хранились деньги, отсюда позднейшее значение этого слова) стоял в северной крепости Капитолия. «Скалой Кака» – Так назывался южный склон Палатина. Как – великан, убитый Гераклом на месте будущего Рима.

¹⁰³ 35. ...в жизнеописании Нумы – Гл. 18—19.

изменив и собственное вооружение и вооружение всех римских воинов, прежде носивших аргоские щиты. Каждый из двух народов участвовал в празднествах и жертвоприношениях другого (все они справлялись по-прежнему, как и до объединения), а также были учреждены новые праздники, и среди них Матроналии¹⁰⁵, дар женщинам за то, что они положили конец войне, и Карменталии. Карменту одни считают Мойрой, владычицей человеческих рождений (поэтому-де ее особо чтут матери), другие – супругой аркадянина Эвандра, вещью женой, дававшей предсказания в стихах и потому нареченною Карментой (стихи по-латыни «кармена» [carmina]); а настоящее имя ее – Никострата (последнее утверждение наиболее распространено). Иные же толкуют слово «кармента» как «лишенная ума», ибо божественное вдохновение отнимает рассудок; между тем лишаться у римлян «каре» [carere], а ум они зовут «ментом» [mens]. О Парилиях уже говорилось выше.

Луперкалии¹⁰⁶, если судить по времени, когда их справляют, – праздник очистительный. Он приходится на один из злосчастных дней месяца февраля (что в переводе значит «очистительный»), и самый день праздника издавна именуется Фебрата. В греческом языке названию этого праздника соответствует слово «Ликий», а стало быть, он очень древен и ведет начало от аркадян, спутников Эвандра. Впрочем, это не более чем ходячее мнение, ибо слово «луперкалии» [lupercalii] может происходить и от «волчицы». И в самом деле, мы знаем, что луперки начинают бег с того места, где, по преданию, лежал брошенный Ромул. Но смысл выполняемых ими действий едва ли постижим. Они закалывают коз, затем к ним подводят двух подростков знатного рода, и одни луперки касаются окровавленным мечом их лба, а другие немедленно стирают кровь шерстью, смоченной в молоке. После этого мальчики должны рассмеяться. Расположив козьи шкуры, луперки пускаются бежать, обнаженные, в одной лишь повязке вокруг бедер, и своими ремнями бьют всех, кто попадает им на пути. Молодые женщины не стараются увернуться от ударов, веря, что они способствуют легким родам и вынашиванию плода. Особенность праздника состоит в том, что луперки приносят в жертву собаку. Некий Бутас, пересказывающий в элегических двустихьях баснословные причины римских обычаев, говорит, что Ромул и Рем после победы над Амулием, ликуя, помчались туда, где некогда к губам новорожденных младенцев подносила свои сосцы волчица, что весь праздник есть подражание этому бегу и что подростки

Встречных разят на бегу; так некогда, Альбу покинув,
Юные Ромул и Рем мчались с мечами в руках.

Окровавленный меч у лба – намек на тогдашние опасности и убийство, а очищение молоком – напоминание о пище, которой были вскормлены близнецы. Гай Ацилий пишет, что еще до основания города у Ромула и Рема однажды пропали стада. Помолвившись Фавну, они побежали на поиски совсем нагими, чтобы их не беспокоил стекающий по телу пот; вот почему-де и луперки раздеваются донага. Наконец, собаку, коль скоро праздник

¹⁰⁴ 36. ...длинные щиты ... – Щиты прямоугольной формы были характерным оружием римского войска в классическое время; до этого же, по представлению Плутарха, римские потомки троян и аркадян носили греческие круглые щиты.

¹⁰⁵ 37. Матроналии и Карменталии – два праздника замужних женщин (матрон), Матроналии в честь Юноны Луцины (1 марта) и Карменталии 11 и 15 января. Имя Карменты, действительно, связано со словом carmen; вторая этимология фантастична.

¹⁰⁶ 38. Луперкалии – праздник в честь Фавна (15 февраля), чтившегося в Луперкале, гроте на Палатинском холме. Цель праздника – посредством очищения оживить плодородие земли, людей и стад (ср. Цез., 61; Ант., 12). Им, действительно, соответствовал аркадский праздник Зевса Волчьего (Ликийского) на горе Ликее.

очистительный, приносят, можно полагать, в очистительную жертву: ведь и греки на очистительные обряды приносят щенят и нередко совершают так называемые «перискилакисмы»¹⁰⁷. Если же это благодарственный праздник в честь волчицы – кормилицы и спасительницы Ромула, в заклании собаки нет ничего удивительного, ибо собака – враг волков. Но есть, клянусь Зевсом, и еще одно объяснение: а что если луперки просто-напросто наказывают это животное, досаждающее им во время бега?

22. Говорят, что Ромул впервые учредил и почитание огня, назначив для служения ему священных дев, именуемых весталками¹⁰⁸. Но другие историки приписывают это Нуме, сообщая, однако, что вообще Ромул был чрезвычайно благочестив и притом опытен в искусстве прорицания, а потому носил с собою так называемый «литюон» [lituus]. Это загнутая с одного конца палка, которою, садясь гадать по полету птиц, расчерчивают на части небо¹⁰⁹. «Литюон» Ромула, хранившийся на Палатине, исчез при взятии города кельтами, но когда варвары были изгнаны, нашелся под глубоким слоем пепла, не тронутый пламенем, хотя все кругом сгорело дотла.

Ромул издал также несколько законов, среди которых особою строгостью отличается один, возбраняющий жене оставлять мужа, но дающий право мужу прогнать жену, уличенную в отравительстве, подмене детей или прелюбодеянии. Если же кто разведется по какой-либо иной причине, того закон обязывает часть имущества отдать жене, а другую часть посвятить в дар Церере. А продавший жену должен быть принесен в жертву подземным богам¹¹⁰. Примечательно, что Ромул не назначил никакого наказания за отцеубийство, но назвал отцеубийством любое убийство человека, как бы считая второе тягчайшим злодеянием, но первое – вовсе невыносимым. И долгое время это суждение казалось оправданным, ибо без малого шестьсот лет никто в Риме не отваживался на такое дело. Первым отцеубийцей был, как сообщают, Луций Гостиус, совершивший это преступление после Ганнибаловой войны. Впрочем, довольно об этом.

23. На пятом году царствования Татия какие-то его домочадцы и родичи случайно повстречали дорогой лаврентских послов, направлявшихся в Рим, и попытались силою отнять у них деньги, а так как те оказали сопротивление, убили их. Узнав о страшном поступке своих сограждан, Ромул счел нужным немедленно их наказать, но Татий задерживал и откладывал казнь. Это было причиною единственного открытого столкновения между царями, в остальном же они всегда почитали друг друга и правили в полном согласии. Тогда родственники убитых, не добившись правосудия по вине Татия, напали на него, когда он вместе с Ромулом приносил жертву в Лавинии, и убили, а Ромула, громко прославляя его справедливость, проводили домой. Ромул доставил тело Татия в Рим и с почетом похоронил – его останки лежат близ так называемого Армилиустрия¹¹¹ на Авентине, – но позаботиться о возмездии нужным не счел. Некоторые писатели сообщают, что город Лаврент в страхе выдал убийц Татия, однако Ромул их отпустил, сказав, что убийство искуплено убийством. Это вызывало подозрения и толки, будто он рад, что избавился от соправителя, но ни

¹⁰⁷ 39. *Перискилакисмы* – очистительный обряд, во время которого приносили в жертву или носили вокруг жертвенника щенят (содержание обряда точно неизвестно).

¹⁰⁸ 40. *...весталками* ... ср. гл. 3, где весталкою названа мать самого Ромула.

¹⁰⁹ 41. *...расчерчивают на части небо* . – Для того, чтобы следить, с какой стороны появятся вещие птицы. О жезле Ромула ср. «Камилл», 32.

¹¹⁰ 42. *...подземным богам* . – Т.е. предан смерти.

¹¹¹ 43. *Армилиустрий* – площадь на Авентине, где римляне после военного сезона (19 октября) справляли праздник «Очищения оружия».

беспорядков, ни возмущения сабинян не последовало: одни любили царя, другие боялись, третьи верили, что он во всем без изъятия пользуется покровительством богов, и чтили его по-прежнему. Чтили Ромула и многие из чужих народов, а древние латиняне, прислав к нему послов, заключили договор о дружбе и военном союзе.

Фиденy, сопредельный Риму город, Ромул захватил, по одним сведениям, неожиданно послав туда конницу с приказом выломать крюки городских ворот¹¹², а затем, столь же неожиданно, появившись сам, по другим – в ответ на нападение фиденатов, которые взяли большую добычу и бесчинствовали по всей стране, вплоть до городских предместий; Ромул устроил врагам засаду, многих перебил и занял их город. Он не разорил и не разрушил Фиденy, но сделал их римским поселением, отправив туда в апрельские иды две с половиной тысячи римлян.

24. Вскоре затем в Риме начался мор, неся людям внезапную смерть, не предварявшуюся никакою болезнью, и в придачу поразив поля и сады неурожаем, а стада бесплодием. Затем над городом прошел кровавый дождь, и к подлинным несчастьям прибавился еще и суеверный ужас. А когда те же несчастья постигли и жителей Лаврента, никто уже более не сомневался, что гнев божества преследует оба города за погранную в делах и Татия и послов справедливость. Обе стороны выдали и наказали убийц, и бедствия заметно пошли на убыль; Ромул очистил город, как передают, с помощью обрядов, какие и ныне исполняют у Ферентинских ворот. Но еще до того, как мор прекратился, на римлян напали камерийцы¹¹³ и вторглись в их землю, считая, что обороняться они теперь не в состоянии. Ромул немедленно двинулся против них, нанес им сокрушительное поражение в битве, которая стоила неприятелю шести тысяч убитых, захватил их город и половину уцелевших от гибели переселил в Рим, а в секстильские календы прислал на их место вдвое больше римлян, чем оставалось в Камерии ее прежних жителей, – так много граждан было в его распоряжении всего через шестнадцать лет после основания Рима. Среди прочей добычи Ромул привез из Камерии бронзовую колесницу четверкой и поставил в храм Вулкана ее, а также собственную статую с богиней Победы, увенчивающей царя.

25. Итак, могущество Рима росло, и слабые его соседи с этим смиряться и радовались, если хотя бы сами были вне опасности, но сильные, боясь и ненавидя римлян, считали, что нельзя сидеть сложа руки, но следует воспротивиться их возвышению и смирить Ромула. Первыми выступили этруски из Вей, хозяева обширной страны и большого города: они нашли повод к войне, потребовав передачи им Фиден, якобы принадлежавших Вейям. Это было не только несправедливо, но просто смешно, ибо, не вступившись за фиденатов, когда те терпели опасности и сражались, они требовали у новых владельцев дома и землю тех, чьей гибели прежде отнеслись с полным равнодушием. Получив от Ромула надменный отказ, они разделили свои силы на два отряда, и один отправился против войска фиденатов, а другой – против Ромула. При Фиденax этруски одержали верх, перебив две тысячи римских граждан, но были разгромлены Ромулом и потеряли свыше восьми тысяч воинов. Затем состоялась вторая битва при Фиденax, в которой, по общему признанию, величайшие подвиги были совершены самим Ромулом, обнаружившим исключительное искусство полководца в соединении с отвагой, силу и проворство, казалось, намного превосходившие обычные, человеческие способности. Но совершенно баснословен или, вернее, вообще не заслуживает никакого доверия рассказ иных писателей, будто из четырнадцати тысяч павших, свыше половины убил Ромул собственноручно, – ведь пустой похвальбой считаются

---

¹¹² 44. ...*крюки городских ворот* ... – Створки дверей и ворот поворачивались не на петлях, а на стержнях («дверных крюках»), входивших в особые гнезда в притолоке и пороге.

¹¹³ 45. *Камерийцы* – место города Камерия, разрушенного римлянами, неустановимо (как и упоминаемого ниже Септемпагия).

и рассказы мессенцев о трех гекатомфониях¹¹⁴, которые якобы принес Аристомен после победы над лакедемонянами. Когда враги обратились в бегство, Ромул, не тратя времени на преследование уцелевших, сразу двинулся к Вейям. Сломленные страшным несчастьем граждане без сопротивления стали просить пощады и заключили договор о дружбе сроком на сто лет, уступив значительную часть своих владений – так называемый Септемпагий (то есть Семь областей), лишившись соляных копей близ реки и дав в заложники пятьдесят знатнейших граждан. Ромул справил триумф в октябрьские иды, проводя по городу множество пленных и среди них – вейского военачальника, человека уже старого, но не выказавшего на деле ни рассудительности, ни опыта, свойственных его годам. В память об этом и поныне, празднуя победу, ведут через форум на Капитолий старика в тоге с пурпурной каймой надев ему на шею детскую буллу, а глашатай возглашает: «Продаются сардийцы!»¹¹⁵ (ведь этрусков считают переселенцами из Сард, а Вейи – этрусский город).

26. Это была последняя война Ромула. Он не избег участи многих, вернее, – за малыми исключениями – всех, кого большие и неожиданные удачи вознесли к могуществу и величию: всецело полагаясь на славу своих подвигов, исполнившись непереносимой гордыни, он отказался от какой бы то ни было близости к народу и сменил ее на единовластие, ненавистное и тягостное уже одним своим внешним видом. Царь стал одеваться в красный хитон, ходил в плаще с пурпурной каймой, разбирал дела, сидя в кресле со спинкой. Вокруг него всегда были молодые люди, которых называли «келерами»¹¹⁶ за расторопность, с какою они несли свою службу. Впереди государя шли другие служители, палками раздвигавшие толпу; они были подпоясаны ремнями, чтобы немедленно связать всякого, на кого им укажет царь. «Связывать» по-латыни было в древности «лигаре» [ligare], а ныне «аллигаре» – поэтому блюстители порядка называются «ликторами», а ликторские пучки – «бакила» [bacillum], ибо в ту давнюю пору ликторы пользовались не розгами, а палками. Но вполне вероятно, что в слове «ликторы» «к» – вставное, а сначала было «литоры», чему в греческом языке соответствует «служители» (leitourgoi): ведь и сейчас еще греки называют государство «леитон» [leitōn], а народ – «лаон» [laos].

27. Когда дед Ромула Нумитор скончался, царская власть над Альбой должна была перейти к Ромулу, но, желая угодить народу, он предоставил альбанцам самим распоряжаться своими делами и только ежегодно назначал им наместника. Это навело и знатных римлян на мысль домогаться государства без царя, государства свободного, где они сами будут и управлять и подчиняться попеременно. Ведь к тому времени и патриции были уже отстранены от власти, почетными оставались только их имя и знаки оказываемого им уважения, но их собирали в Совет, скорее блюдя обычай, нежели для того, чтобы спросить их мнения: они молча выслушивали приказы Ромула и расходились, обладая единственным преимуществом перед народом – правом первыми узнать то, что решил царь. Впрочем все это было ничто по сравнению с тем, что Ромул один, по собственному усмотрению, распределил меж воинами отнятую у неприятеля землю и вернул Вейям заложников, не справляясь с мнением и желанием сенаторов – вот тут он, по-видимому оскорбил и унизил их до последней степени! И поэтому когда вскоре он внезапно исчез, подозрения и наветы пали на сенат. Исчез Ромул в ноны июля (или, по-старинному, Квинтилия), и о его кончине не существует никаких надежных, всеми признанных за истину сведений, кроме указанного выше срока. В этот день и теперь исполняют многочисленные обряды, воспроизводящие

¹¹⁴ 46. Гекатомфония – благодарственная жертва за сто убитых врагов.

¹¹⁵ 47. «Продаются сардийцы!» – Латинская поговорка о презренных, нестоящих людях. Но Sardi в этой пословице – не жители Сард в Малой Азии (откуда, по преданию, переселились в Италию этруски), а жители Сардинии, массами обращенные в рабство Семпронием Гракхом-отцом в 178 г.

¹¹⁶ 48. Келерами – ср. гл. 10 и ниже, Нума, 7.

тогдашние события. Не следует изумляться такой неопределенности – ведь когда Сципион Африканский скончался после обеда у себя в доме, оказалось невозможным установить и распознать, каким образом он умер, но одни говорят, что он был вообще слабого здоровья и умер от внезапного упадка сил, вторые – что он сам отравился, третьи – что его задушили прокрававшиеся ночью враги. А между тем труп Сципиона был доступен взорам всех граждан, вид его тела внушал каждому какие-то подозрения касательно случившегося, тогда как от Ромула не осталось ни частицы праха, ни клочка одежды. Некоторые предполагали, что сенаторы набросились на него в храме Вулкана, убили и, рассекши тело, вынесли по частям, пряча ношу за пазухой. Другие думают, что Ромул исчез не в храме Вулкана и не в присутствии одних лишь сенаторов, но за городской стеной, близ так называемого Козьего болота¹¹⁷; народ по приказу царя сошелся на собрание, как вдруг неописуемые, невероятные перемены произошли над землею: солнце затмилось, наступила ночь, но не спокойная и мирная, а с оглушительным громом и ураганными порывами ветра со всех сторон. Многочисленная толпа рассеялась и разбежалась, а первые граждане тесно сгрудились все вместе. Когда же смятение в природе прекратилось, снова стало светло и народ возвратился, начались поиски царя и горестные расспросы, и тут первые граждане запретили углубляться в розыски и проявлять чрезмерное любопытство, но приказали всем чтить Ромула и поклоняться ему, ибо он-де вознесен к богам и отныне будет для римлян благосклонным богом, как прежде был добрым царем. Большинство поверило этому и радостно разошлось, с надеждою творя молитвы, – большинство, но не все: иные, придирчиво и пристрастно исследуя дело, не давали патрициям покоя и обвиняли их в том, что они, убив царя собственными руками, морочат народ глупыми баснями.

28. Вот как складывались обстоятельства, когда один из самых знатных и уважаемых патрициев, верный и близкий друг Ромула, переселившийся в Рим из Альбы, по имени Юлий Прокул, пришел на форум и коснувшись величайших святынь, поклялся перед всем народом, что ему на дороге явился Ромул, красивее и выше, чем когда-либо раньше, в ослепительно сиявшем вооружении. Испуганный этим зрелищем Прокул спросил: «За что, с каким намерением, о царь, ты сделал нас предметом несправедливых и злых обвинений, а весь город оставил сиротой, в безмерной скорби?» Ромул отвечал: «Богам угодно было, Прокул, дабы мы, прожив долгое время среди людей и основав город, с которым никакой другой не сравнится властью и славою, снова вернулись на небеса, в прежнее наше обиталище. Прощай и скажи римлянам, что, совершенствуясь в воздержанности и мужестве, они достигнут вершины человеческого могущества. Мы же будем милостивым к вам божеством – Квирином». Нравственные качества рассказчика и его клятва заставили римлян поверить этому сообщению; вместе с тем их душ словно бы коснулось некое божественное чувство, подобное наитию, ибо ни словом не возразив Прокулу, но разом отбросив подозрения и наговоры, граждане стали взывать к богу Квирину и молиться ему.

Все это напоминает греческие предания об Аристее Проконнеском и Клеомеде Астипалейском. Рассказывают, что Аристей скончался в какой-то сукновальне, но когда друзья пришли за его телом, оказалось, что оно исчезло, а вскоре какие-то люди, как раз в это время вернувшиеся из дальних странствий, говорили, что встретили Аристeya, державшего путь в Кротон. Клеомед, отличаясь громадной силою и ростом, нравом же безрассудным и неистовым, не раз чинил насилия, а в конце концов ударом кулака сломал средний столб, поддерживавший кровлю в школе для детей, и обрушил потолок. Дети были раздавлены обломками; спасаясь от погони, Клеомед спрятался в большой ящик и, захлопнув крышку, до того крепко держал ее изнутри, что множество народа, соединив свои усилия, как ни бились, а поднять ее так и не смогли. Тогда ящик сломали, но Клеомеда ни живым, ни мертвым не обнаружили. Изумленные граждане послали в Дельфы спросить оракула, и пифия возвестила:

¹¹⁷ 49. *Козье болото* – Находится на Марсовом поле, близ позднейшего цирка Фламиния.

Это – последний герой, Клеомед из Астипалеи.

Рассказывают, что и тело Алкмены исчезло перед самыми похоронами, а на погребальном ложе нашли камень, и вообще немало существует подобных преданий, вопреки разуму и вероятию приравнивающих к богам существа смертной природы. Разумеется, совершенно отказывать доблести в божественном начале – кощунство и низость, но смешивать землю с небом – глупость. Лучше соблюдая осторожность, сказать вместе с Пиндаром:

Всякое тело должно подчиниться смерти всеильной,
Но остается навеки образ живой.
Он лишь один – от богов¹¹⁸.

Вот единственное, что роднит нас с богами: это приходит от них и к ним же возвращается – не вместе с телом, но когда совершенно избавится и отделится от тела, станет совсем чистым, бесплотным и непорочным. Это и есть, по Гераклиту, сухая и лучшая душа, вылетающая из тела, словно молния из тучи; смешанная же с телом, густо насыщенная телом, она, точно плотные, мглистые испарения, прикована долу и неспособна к взлету. Нет, не надо отсылать на небо, вопреки природе, тела достойных людей, но надо верить¹¹⁹, что добродетельные души, в согласии с природою и божественной справедливостью, возносятся от людей к героям, от героев к гениям, а от гениев – если, словно в таинствах, до конца очистятся и освялятся, отрешатся от всего смертного и чувственного – к богам, достигнув этого самого прекрасного и самого блаженного предела не постановлением государства, но воистину по законам разума.

29. Принятое Ромулом имя «Квирин» иные считают соответствующим Эниалию¹²⁰, иные указывают, что и римских граждан называли «квиритами» [quirites], иные – что дротик или копье древние называли «квирис» [quiris], что изображение Юноны, установленное на острие копья, именуется Квиритидой, а водруженное в Регии копье – Марсом, что отличившихся на войне награждают копьем, и что, стало быть, Ромул получил имя Квирина как бог-воитель или же бог-копьеносец. Храм его выстроен на холме, носящем в его честь название Квиринальского. День, когда Ромул умер, зовется «Бегством народа» и Капратинскими нонами, ибо в этот день приносят жертвы, выходя за город, к Козьему болоту, а коза по-латыни «капра» [capra]. По пути туда выкрикивают самые употребительные у римлян имена, такие как Марк, Луций, Гай, подражая тогдашнему бегству и взаимным окликам, полным ужаса и смятения. Некоторые, однако, думают, что это должно изображать не замешательство, а спешку, и приводят следующее объяснение. Когда кельты взяли Рим, а затем были изгнаны Камиллом¹²¹ и город, до крайности ослабев, с трудом приходил в себя, на него двинулось многочисленное войско латинян во главе с Ливием Постумом. Разбив лагерь невдалеке, он отправил в Рим посла, который объявил от его имени, что латиняне хотят, соединив два народа узами новых браков, восстановить

¹¹⁸ 50. *Всякое тело ... от богов ...* – фрагмент несохранившейся надгробной песни.

¹¹⁹ 51. *...надо верить ...* – По учению Плутарха, между людьми и богами стоят два класса существа – герои и гении; добродетельные души людей постепенно возвышаются до степени героев, потом гениев, а потом и богов, как было с Гераклом и Дионисом.

¹²⁰ 52. *Эниалий* – «Воинственный», эпитет Ареса.

¹²¹ 53. *...изгнаны Камиллом ...* – Подробнее Кам., 33.

дружбу и родство, уже пришедшие в упадок. Итак, если римляне пришлют побольше девушек и незамужних женщин, у них с латинянами будет доброе согласие и мир, подобный тому, какой некогда они сами заключили с сабинянами. Римляне не знали, на что решиться: они и страшились войны, и были уверены, что передача женщин, которой требуют латиняне, ничем не лучше пленения. И тут рабыня Филотида, которую иные называют Тутулой, посоветовала им не делать ни того, ни другого, но, обратившись к хитрости, избежать разом и войны и выдачи заложниц. Хитрость заключалась в том, чтобы послать к неприятелям самоё Филотиду и вместе с нею других красивых рабынь, нарядив их свободными женщинами; ночью же Филотида должна была подать знак факелом, а римляне – напасть с оружием и захватить врага во сне. Обман удался, латиняне ни о чем не подозревали, и Филотида подняла факел, взобравшись на дикую смоковницу и загородив огонь сзади покрывалами и завесами, так что противнику он был незаметен, а римлянам виден со всей отчетливостью, и они тотчас же поспешно выступили и в спешке то и дело окликали друг друга, выходя из ворот. Неожиданно ударив на латинян, римляне разбили их, и с тех пор в память о победе справляют в этот день праздник. «Капратинскими» ноны названы по смоковнице, которая у римлян обозначается словом «капрификон» [caprificus]. Женщин потчуют обедом за городскими стенами, в тени фиговых деревьев. Рабыни, собираясь вместе, разгуливают повсюду, шутят и веселятся, потом обмениваются ударами и кидают друг в дружку камнями – ведь и тогда они помогали римлянам в бою. Не многие писатели принимают это объяснение. В самом деле, взаимные оклики среди бела дня и шествие к Козьему болоту, словно на праздник, по-видимому, лучше согласуется с первым рассказом. Правда, клянусь Зевсом, оба события могли произойти в один день, но в разное время.

Говорят, что Ромул исчез из среды людей в возрасте пятидесяти четырех лет, на тридцать восьмом году своего царствования.

[Сопоставление]

30 (1). Вот и все, достойное упоминания, из тех сведений, какие нам удалось собрать о Тесее и Ромуле. Очевидно, во-первых, что один из них добровольно, без всякого принуждения, сам устремился навстречу великим подвигам, хотя мог спокойно править в Трезене, приняв по наследству царство отнюдь не безвестное, а другой, спасаясь от рабства, в котором он жил, и от наказания, которое ему грозило, сделался, как говорит Платон¹²², мужествен от страха и отважился на великое дело по необходимости, боясь испытать самые худшие бедствия. Далее, главный подвиг второго – убийство одного тиранна, царя Альбы, а для первого и Скирон, и Синид, и Прокруст-Растягатель, и Коринет – всего только проба сил; убивая их и казня, Тесей освобождал Грецию от лютых тираннов, да так, что спасенные поначалу даже не знали имени своего спасителя. Первый волен был ехать морем, без всяких хлопот, не подвергаясь нападениям разбойников, второму невозможно было жить спокойно, пока не расстался с жизнью Амулий. Вот еще важное свидетельство в пользу Тесея: сам не претерпев никакой обиды, он поднялся на злодеев не ради себя, но ради других, а Ромул и Рем, пока злоба тиранна их не коснулась, были равнодушными свидетелями его бесчинств над всеми остальными. И если немалый подвиг – тяжело раненным выстоять в битве с сабинянами, сразить Акрона, одолеть многочисленных врагов, то всему этому можно противопоставить борьбу с кентаврами и с амазонками.

То, на что решился Тесей, во имя избавления отечества от дани обрекши себя на пожранье какому-то чудовищу, или в заупокойную жертву Андрогее, или, по меньшей мере, на низкое, позорное рабство у строптивых и жестоких господ и добровольно отплыв на Крит вместе с девушками и мальчиками... впрочем нет! едва ли сыщутся слова, чтобы сказать, о

¹²² 54. Платон – «Федон», 68 d.

какой решимости, каком великодушии, какой праведной заботе об общественном благе, какой жажде, славы и добродетели свидетельствует этот поступок! И, мне кажется, философы не ошибаются, определяя любовь, как услугу богов, пекущихся о спасении молодых людей. Во всяком случае, любовь Ариадны, по-моему, – не что иное, как дело божественной заботы и орудие спасения Тесея, и никак нельзя винить ее за это чувство, напротив, следует изумляться, что не каждый и не каждая его испытали; более того, коль скоро это выпало на долю одной лишь Ариадне, я бы, не колеблясь, назвал ее достойной любви бога, ее, поклонявшуюся добру, поклонявшуюся красоте, влюбленную во все самое лучшее и высокое.

31 (2). Хотя оба владели природным даром управлять государством, ни тот, ни другой не уберегли истинно царской власти: оба ей изменили, и один превратил ее в демократию, другой в тираннию, поддавшись различным страстям, но допустив одинаковую оплошность. Главнейшая обязанность властителя – хранить самоё власть, а она сохраняется не только приверженностью должному, но ничуть не менее и отвержением недолжного. Кто совсем отпустит поводья или натянет их слишком туго, тот уже не царь и не властитель, но либо народный льстец, либо тиранн и не может внушить подвластным ничего, кроме презрения или ненависти, хотя вина первого, мне кажется, заключается в излишнем добросердечии и кротости, а второй повинен в себялюбии и жестокости.

32 (3). Если несчастья также не следует всецело относить за счет рока, если надобно и тут доискиваться различия нравов и страстей человеческих, пусть никто не оправдывает безрассудного гнева и слепой, скорой на расправу ярости, поднявших Ромула на брата, а Тесея на сына. Но, узнав, что послужило началом гнева, мы охотнее окажем снисхождение тому, кого, подобно более сильному удару, всколыхнули и вывели из себя более важные причины. Ведь едва ли возможно предположить, что, совместно обсуждая и рассматривая вопросы, касающиеся общей пользы, Ромул из-за возникших при этом разногласий был внезапно охвачен такой безудержной яростью. Тесея же ввели в заблуждение и восстановили против Ипполита те силы, воздействия которых почти никому из смертных избежать не удастся, – любовь, ревность и женская клевета. Но что еще важнее – гнев Ромула излился в действие, которое привело к печальному исходу, а ярость Тесея не пошла дальше слов, брани и старческих проклятий – в остальном, мне кажется, виновата злая судьба юноши. Таковы доводы, которые можно, пожалуй, высказать в пользу Тесея.

33 (4). Ромулу придает величия, прежде всего, то, что начал он с самого малого. Рабы и, в глазах окружающих, дети свинопаса, Ромул и Рем, не успев еще освободиться сами, освободили почти всех латинян и разом стяжали самые прекрасные имена истребителей врагов, спасителей близких, царей народов и основателей городов – да, они основали совершенно новый народ, а не привели переселенцев в уже существующий, как Тесей, который, собирая и сводя многие обиталища в одно, стер с лица земли много городов, носивших имена древних царей и героев. Ромул делал то же, но лишь впоследствии, заставляя врагов разрушать свои дома и присоединяться к победителям. Сперва же он ничего не перемещал и не расширял, но все создавал заново и только так приобрел себе страну, отечество, царство, потомство, жен и родичей, никого не губя и не умерщвляя, благодетельствуя тех, что из бездомных скитальцев желали превратиться в граждан, в народ. Разбойников и злодеев он, правда, не убивал, но покорил народы силой оружия, подчинил города и провел за собой в триумфальных шествиях царей и полководцев.

34 (5). Что касается Рема, принял ли он смерть от руки брата – вопрос спорный; большая часть вины обычно возлагается не на Ромула, а на других. Зато всем известно, что Ромул спас свою мать, погибавшую в заточении, деда, влачившего бесславное рабство, посадил на престол Энея, сделал ему по собственному почину немало добра и никогда не вредил даже непреднамеренно. Между тем нерадивость Тесея, забывшего о наказе сменить парус, вряд ли избегнет обвинения в отцеубийстве, даже после самой красноречивой защитительной речи перед самыми снисходительными судьями. Недаром один афинянин, убедившись, что при всем желании, оправдать его чрезвычайно трудно, изображает дело так,

будто Эгей, когда корабль уже подходил к берегу, побежал на Акрополь, откуда открывался широкий вид на море, но второпях поскользнулся и сорвался вниз, – точно царь был один и никто из слуг его не провожал!

35 (6). И проступки Тесея, связанные с похищением женщин, также лишены благовидных оснований. Во-вторых, они были неоднократны: ведь он похитил и Ариадну, и Антиопу, и трезенянку Анаксо, а под конец Елену, отцветший – еще не расцветшую, старик, которому и о законных-то соитиях впору было уже забыть, – малолетнюю, не созревшую для соития. Во-вторых, трезенянки, спартанки и амазонки (не говоря уже о том, что они не были с ним обручены!) рожали детей нисколько не лучше, чем афинские женщины из рода Эрехтея или Кекропа, а это наводит на мысль, что Тесеем руководили разнузданность и похоть. Ромул, во-первых, похитив без малого восемьдесят женщин, взял себе, говорят, только одну, Герсилию, остальных же разделил меж холостыми гражданами. Во-вторых, уважением, любовью и справедливостью, которыми затем были окружены эти женщины, он доказал, что его насильственный, несправедливый поступок был замечательным, мудрым деянием, направленным к объединению двух государств: и верно, ведь Ромул слил римлян с сабинянами, сплотил их в одно, открыв им источник будущего благополучия и могущества. О целомудрии и прочности, которые придал браку Ромул, о взаимной приязни супругов, свидетельствует само время: в течение двухсот тридцати лет ни один муж не решился покинуть жену, ни одна жена – мужа, и если особо любознательные из греков могут назвать имя первого отцеубийцы или матереубийцы, то у римлян каждый знает, что первым развелся с женой Карвийей Спурий, сославшись на ее бесплодие. О том, насколько правильны были установления Ромула, свидетельствуют, помимо их долговечности, сами последствия их: благодаря перекрестным брачным союзам цари разделили верховную власть, а народы – гражданские права. Напротив, браки Тесея не принесли афинянам ни дружбы, ни союза с кем бы то ни было, но лишь вражду, войны, убийства граждан и, наконец, потерю Афидн; едва-едва, лишь благодаря состраданию врагов, к которым афиняне воззвали, словно к богам, и перед которыми благоговейно преклонились, им не пришлось разделить участь, выпавшую Трое по вине Александра¹²³. Зато участь Гекубы не только грозила матери Тесея, но и постигла ее, оставленную и забытую сыном, если только пленение Этры – не вымысел, но ложь, каковою ему, этому пленению, и следовало бы оказаться вместе с большею частью остальных рассказней! Наконец, немалое различие и в преданиях о божественном вмешательстве: новорожденный Ромул был спасен при участии и явном благоволении богов, меж тем как полученное Эгеем предсказание оракула, повелевавшего ему воздерживаться на чужбине от связи с женщиной, доказывает, видимо, что Тесей родился вопреки воле богов.

ЛИКУРГ И НУМА

[Перевод С.П. Маркиша]

Ликург

1. О законодателе Ликурге невозможно сообщить ничего строго достоверного: и о его происхождении, и о путешествиях, и о кончине, а равно и о его законах, и об устройстве, которое он дал государству, существуют самые разноречивые рассказы. Но более всего расходятся сведения о том, в какую пору он жил¹²⁴. Одни утверждают, будто Ликург был

---

¹²³ 55. Александр – т.е. Парис, похититель Елены.

¹²⁴ 1. ...в какую пору он жил. – Единственная твердая дата из перечисленных – это 776 г., с которого у греков велись списки победителей Олимпийских игр; поэтому иногда считалось, что в этом году и были утверждены (элидским Ифитом и спартанским Ликуртом) устав игр и священное перемирие на время игр.

современником Ифита и вместе с ним учредил Олимпийское перемирие. Этой точки зрения придерживается среди прочих и философ Аристотель, ссылаясь в качестве доказательства на олимпийский диск, который сохраняет-де имя Ликурга. Другие, как, например, Эратосфен и Аполлодор, исчисляя время по преемственности спартанских царей, делают вывод, что он жил немногими годами ранее первой олимпиады. Тимей предполагает, что в Спарте было в разное время два Ликурга, но деяния обоих приписаны одному, более знаменитому; старший жил вскоре после Гомера, а по другим сведениям – видел Гомера собственными глазами. К глубокой древности относят Ликурга и предположения Ксенофонта¹²⁵, который говорит, что он жил при гераклидах. Правда, гераклидами по происхождению были и позднейшие из спартанских царей, но Ксенофонт, вероятно, имеет в виду первых гераклидов, ближайших к Гераклу. И все же, как ни сбивчивы наши данные, мы попытаемся, следуя сочинениям наименее противоречивым или же опирающимся на самых прославленных свидетелей, рассказать об этом человеке...¹²⁶ ибо и поэт Симонид просто заявляет, что Ликург – сын не Эвнома, а Пританида, у которого, кроме Ликурга, был еще сын по имени Эвном, большинство писателей излагает его родословную следующим образом: от Прокла, сына Аристодема, родился Сой, от Соя – Эврипонт, от Эврипонта – Пританей, от Пританея – Эвном, а Эвному первая жена родила Полидекта, вторая же, Дионасса, – Ликурга. Итак, по Диэвхиду, Ликург – потомок Прокла в шестом колене и Геракла в одиннадцатом.

2. Из предков Ликурга наибольшую известность снискал Сой, в правление которого спартанцы поработили илотов и отняли у аркадян много земли. Рассказывают, что как-то граждане Клитора окружили Соя в суровой, безводной местности, и он заключил с неприятелем соглашение, обещая вернуть захваченную спартанцами землю, если и он сам, и его люди напьются из ближайшего источника. Условия соглашения были подтверждены клятвой, и Сой, собрав своих, обещал отдать царство тому, кто не станет пить. Ни один человек, однако, не удержался, все напилось, и только сам полководец, спустившись к воде последним, лишь окропил себя, а затем на глазах у противника отошел, оставив вражеские владения за Спартой на том основании, что напиться не все. Но, хотя спартанцы и восхищались им за этот подвиг, потомков его они звали Эврипонтами, по имени его сына – потому, мне кажется, что Эврипонт первым ослабил единоначалие царской власти, заискивая перед толпою и угождая ей. Вследствие этих послаблений народ осмелел, а цари, правившие после Эврипонта, либо крутыми мерами вызывали ненависть подданных, либо, ища их благосклонности или по собственному бессилию, сами перед ними склонялись, так что беззаконие и нестроение надолго завладели Спартой. От них довелось погибнуть и царю, отцу Ликурга. Разнимая однажды дерущихся, он получил удар кухонным ножом и умер, оставив престол старшему сыну Полидекту.

3. Когда спустя немного скончался и Полидект, его преемником, по общему суждению, должен был стать Ликург, который и правил до тех пор, пока не обнаружилось, что жена умершего брата беременна. Едва лишь он это узнал, как объявил, что царство принадлежит ребенку, если только родится мальчик, сам же впредь соглашался властвовать лишь на правах опекуна. (Таких опекунов, замещающих царей-сирот, лакедемоняне называли «продиками».) Но женщина тайком подсылала к нему верных людей и, завязав переговоры, выразила готовность вытравить плод, с тем чтобы Ликург продолжал царствовать, а ее взял в жены. Гнусный замысел возмутил Ликурга, однако он не стал спорить, напротив,

---

Остальные – и счет по поколениям спартанских царей, и синхрония с Гомером – были расплывчаты уже для греков. По-видимому, легенда о Ликурге окончательно сложилась только в IV в.; царские списки уже были составлены, поэтому для него пришлось искать места вне их, не царем, а царским опекуном.

¹²⁵ 2. ...предположения Ксенофонта. .. – «Государственное устройство лакедемонян», 10, 8.

¹²⁶ 3. В тексте пропуск.

прикинулся, будто одобряет его и принимает, и возразил лишь в одном: не нужно-де истреблением плода и ядом увечить свое тело и подвергать опасности жизнь, а заботу о том, как поскорее убрать с дороги новорожденного, он, мол, берет на себя. Так он обманывал невестку до самых родов, когда же узнал, что она вот-вот разрешится, отправил к ней нескольких человек, чтобы они наблюдали за роженицей и караулили ее, предварительно наказав им, если появится на свет девочка, отдать ее женщинам, если же мальчик – немедленно доставить к нему, чем бы он в этот миг ни занимался. А случилось так, что он обедал с высшими должностными лицами, когда женщина родила мальчика и слуги принесли его Ликургу. Взяв младенца на руки, Ликург, как рассказывают, обратился к присутствовавшим: «Спартанцы, у вас родился царь!» Затем он положил ребенка на царское место и дал ему имя Харилай¹²⁷, ибо все ликовали, восторгаясь благородством и справедливостью Ликурга. Царствование Ликурга продолжалось восемь месяцев. Взгляды сограждан были постоянно обращены к нему, и людей, преданных ему в силу его высоких нравственных качеств и охотно, с усердием выполнявших его распоряжения, было больше, нежели просто повиновавшихся царскому опекуну и носителю царской власти. Были, конечно, и завистники, полагавшие, что необходимо помешать возвышению Ликурга, пока он еще молод; среди них первое место занимали родичи и близкие матери царя, считавшей себя оскорбленной деверем. Ее брат Леонид однажды особенно нагло задел Ликурга, сказав, что тот собирается завладеть престолом и ему, Леониду, это мол совершенно ясно. Такими речами он сеял подозрения и заранее опутывал Ликурга клеветой, выставлял его злоумышленником – на случай, если с царем приключится что-нибудь неладное. Подобного рода слухи исходили и от царицы. Тяжело страдая от этого и боясь неопределенного будущего, Ликург решил уехать, чтобы таким образом избавиться от злого недоверия, скитаясь вдали от отечества, пока племянник не возмужает и у него не родится преемник.

4. Отправившись в путь, Ликург сначала побывал на Крите. Он изучил государственное устройство, сблизился с самыми известными из критян и кое-какие тамошние законы одобрил и усвоил, чтобы затем насадить у себя на родине, иными же пренебрег. С неким Фалетом, одним из тех, кто пользовался на острове славою человека мудрого и искушенного в государственных делах, он подружился и ласковыми уговорами склонил его переселиться в Спарту. Слывя лирическим поэтом и прикрываясь этим именем, Фалет на деле совершал то же, что самые лучшие законодатели. Его песни были призывом к повиновению и согласию чрез напевы и ритмы, несшие в себе некий стройный порядок. Эти песни неприметно смягчали нрав слушателей и внушали им рвение к доброму и прекрасному, исторгая из души возобладавшее в ту пору в Спарте взаимное недоброжелательство, так что до некоторой степени Фалет расчистил путь Ликургу и его воспитательным трудам.

С Крита Ликург отплыл в Азию, желая, как рассказывают, сопоставить суровую простоту критян с ионийскою роскошью и изнеженностью – по примеру врачей, сравнивающих со здоровыми телами больные и недужные, – чтобы отчетливее увидеть различия в образе жизни и государственном устройстве. Там он впервые познакомился с поэмами Гомера, вероятно, сохранявшимися у потомков Креофила, и найдя, что в них, кроме рассказов, доставляющих удовольствие и развлечение, заключено много чрезвычайно ценного для воспитателя и государственного мужа, тщательно их переписал и собрал, чтобы увезти с собою. Какая-то смутная молва об этих произведениях уже распространилась среди греков, а немногие даже владели разрозненными их частями, занесенными в Грецию случайно, но полное знакомство с ними впервые произошло благодаря Ликургу.

Египтяне утверждают, что Ликург побывал и у них и, горячо похвалив обособленность воинов от всех прочих групп населения, перенес этот порядок в Спарту, отделил ремесленников и мастеровых и создал образец государства, поистине прекрасного и чистого.

---

¹²⁷ 4. *Харилай* – имя это приблизительно значит «Радость народа».

Мнение египтян поддерживают и некоторые из греческих писателей¹²⁸, но сведений о том, что Ликург посетил и Африку, и Испанию, скитался по Индии и беседовал с гимнософистами¹²⁹, мы не обнаружили ни у кого, кроме спартанца Аристократа, сына Гиппарха.

5. Лакедемоняне тосковали по Ликургу и неоднократно приглашали его вернуться, говоря, что единственное отличие их нынешних царей от народа – это титул и почести, которые им оказываются, тогда как в нем видна природа руководителя и наставника, некая сила, позволяющая ему вести за собою людей. Сами цари тоже с нетерпением ждали его возвращения, надеясь, что в его присутствии толпа будет относиться к ним более уважительно. В таком расположении духа находились спартанцы, когда Ликург приехал назад и тут же принялся изменять и преобразовывать все государственное устройство. Он был убежден, что отдельные законы не принесут никакой пользы, если, словно врачую больное тело, страдающее всевозможными недугами, с помощью очистительных средств, не уничтожить дурного смешения соков¹³⁰ и не назначить нового, совершенно иного образа жизни. С этой мыслью он прежде всего отправился в Дельфы. Принеся жертвы богу и спросив оракула, он вернулся, везя то знаменитое изречение¹³¹, в котором пифия назвала его «боголюбезным», скорее богом, нежели человеком; на просьбу о благих законах был получен ответ, что божество обещает даровать спартанцам порядки, несравненно лучшие, чем в остальных государствах. Ободренный возвещаниями оракула, Ликург решил привлечь к исполнению своего замысла лучших граждан и повел тайные переговоры сначала с друзьями, постепенно захватывая все более широкий круг и сплачивая всех для задуманного им дела. Когда же приспел срок, он приказал тридцати знатнейшим мужам выйти ранним утром с оружием на площадь, чтобы навести страх на противников. Из них двадцать, самые знаменитые, перечислены Гермиппом, первым помощником Ликурга во всех делах и наиболее ревностным соучастником издания новых законов называют Артмиада. Как только началось замешательство, царь Харилай, испугавшись, что это мятеж, укрылся в храме Афины Меднодомной¹³², но затем, поверивши уговорам и клятвам, вышел и даже сам принял участие в том, что происходило. Он был от природы кроток; недаром Архелай, разделявший с ним престол, сказал как-то людям, которые хвалили молодого царя: «Разумеется, Харилай – прекрасный человек: ведь он даже на негодяев не умеет гневаться!»

Из многочисленных нововведений Ликурга первым и самым главным был Совет старейшин. В соединении с горячечной и воспаленной, по слову Платона¹³³, царской властью, обладая равным с нею правом голоса при решении важнейших дел, этот Совет стал залогом благополучия и благоразумия. Государство, которое носилось из стороны в сторону,

¹²⁸ 5. ...некоторые из греческих писателей... – Напр., Геродот, II, 164; Страбон (по Эфору), X, 4, 19; Диодор (по Гекатею), I, 48.

¹²⁹ 6. Гимнософисты (букв. «нагие мудрецы») – так называли греки индийских брахманов – аскетов, самьяши. Ср. Ал., 64.

¹³⁰ 7. ...дурное смешение соков... – Основное понятие греческой медицины: человеческое тело содержит 4 сока (кровь, слизь, черная и желтая желчь), и от правильной их пропорции зависит здоровье. Сравнение законодателя с врачом нередко уже у Платона.

¹³¹ 8. ...знаменитое изречение... – Приводится у Геродота, VII, 65.

¹³² 9. ...в храме Афины Меднодомной... – На спартанском акрополе, где в ее храме стены были покрыты бронзовыми изображениями.

¹³³ 10. ...по слову Платона ... – «Законы», III, 691 e (та же медицинская метафора).

склоняясь то к тирании, когда победу одерживали цари, то к полной демократии, когда верх брала толпа, положив посредине, точно балласт в трюме судна, власть старейшин, обрело равновесие, устойчивость и порядок: двадцать восемь старейшин теперь постоянно поддерживали царей, оказывая сопротивление демократии, но в то же время помогали народу хранить отечество от тирании. Названное число Аристотель¹³⁴ объясняет тем, что прежде у Ликурга было тридцать сторонников, но двое, испугавшись, отошли от участия в деле. Сфер же говорит, что их с самого начала было двадцать восемь. Возможно, причина здесь та, что это число возникает от умножения семи на четыре и что, после шести оно первое из совершенных, ибо равно сумме своих множителей¹³⁵. Впрочем, по-моему, Ликург поставил двадцать восемь старейшин скорее всего для того, чтобы вместе с двумя царями их было ровно тридцать.

6. Ликург придавал столько значения власти Совета, что привез из Дельф особое прорицание на этот счет, которое называют «ретрой»¹³⁶. Оно гласит: «Воздвигнуть храм Зевса Силланийского и Афины Силланийской. Разделить на филы и обы. Учредить тридцать старейшин с вождями совокупно. От времени до времени созывать Собрание меж Бабикой и Кнакионом, и там предлагать и распускать, но господство и сила да принадлежит народу». Приказ «разделить» относится к народу, а филы и обы – названия частей и групп, на которые следовало его разделить. Под «вождями» подразумеваются цари. «Созывать Собрание» обозначено словом «апелла дзейн», ибо началом и источником своих преобразований Ликург объявил Аполлона Пифийского¹³⁷. Бабика и Кнакион теперь именуются...¹³⁸ и Энунтом, но Аристотель утверждает, что Кнакион – это река, а Бабика – мост. Между ними и происходили собрания, хотя в том месте не было ни портика, ни каких-либо иных укрытий: по мнению Ликурга, ничто подобное не способствует здравости суждений, напротив – причиняет один только вред, занимая ум собравшихся пустяками и вздором, рассеивая их внимание, ибо они, вместо того чтобы заниматься делом, разглядывают статуи, картины, проскений театра¹³⁹ или потолок Совета, чересчур пышно изукрашенный. Никому из обыкновенных граждан не дозволялось подавать свое суждение, и народ, сходясь, лишь утверждал или отклонял то, что предложат старейшины и цари. Но впоследствии толпа разного рода изъятиями и прибавлениями стала искажать и уродовать утверждаемые решения, и тогда цари Полидор и Феопомп сделали к ретре такую приписку: «Если народ постановит неверно, старейшинам и царям распустить», то есть решение принятым не считать, а уйти и распустить народ на том основании, что он извращает и переиначивает лучшее и наиболее полезное. Они даже убедили все государство в том, что таково повеление бога, как явствует из одного упоминания у Тиртея:

¹³⁴ 11. Аристотель – ссылки на него здесь имеют в виду несохранившиеся «Государственное устройство лакедемонян».

¹³⁵ 12. ...равно сумме своих множителей. .. – $28 = 1 + 2 + 4 + 7 + 14$. Такие числа греки называли «совершенными».

¹³⁶ 13. Ретра – Текст, приводимый Плутархом, написан языком с примесью дорийских слов и форм, некоторые слова в конце искажены; перевод приблизителен.

¹³⁷ 14. Апелла дзейн ...Аполлона Пифийского – народное собрание в Спарте называлось «апелла»; но связь этого слова с именем Аполлона фантастична.

¹³⁸ 15. Текст испорчен.

¹³⁹ 16. ...проскений театра... – С IV в. во многих городах народные собрания созывались в театре, Ср. Тес., примеч. 29.

Те, кто в пещере Пифона слышали Феба реченье,
 Мудрое слово богов в дом свой родной принесли:
 Пусть в Совете цари, которых боги почтили,
 Первыми будут; пускай милую Спарту хранят
 С ними советники-старцы, за ними – мужи из народа,
 Те, что должны отвечать речью прямой на вопрос.

7. Итак Ликург придал государственному управлению смешанный характер, но преемники его, видя, что олигархия все еще чересчур сильна, что она, как говорил Платон¹⁴⁰, надменна и склонна ко гневу, набрасывают на нее, словно узду, власть эфоров-блюстителей – приблизительно сто тридцать лет спустя¹⁴¹ после Ликурга, при царе Феопомпе. Первыми эфорами были Элат и его товарищи. Говорят, жена бранила Феопомпа за то, что он оставит детям царское могущество меньшим, нежели получил сам. «Напротив, большим, поскольку более продолжительным», – возразил царь. И верно, отказавшись от чрезмерной власти, спартанские цари вместе с тем избавились и от ненависти, и от зависти; им не пришлось испытать того, что мессенцы и аргивяне учинили со своими правителями, не пожелавшими поступиться ничем в пользу народа. Это делает особенно очевидными мудрость и прозорливость Ликурга для всякого, кто бы ни вспомнил о мессенцах и аргивянах, родичах и соседях спартанцев, – о раздорах между народами и царями, о скверном управлении. Поначалу они пользовались всеми теми же преимуществами, что и спартанцы, а земли им, кажется, досталось даже и побольше, но благоденствовали они недолго: бесчинства царей, а равно и своеволие народа привели в расстройство установившийся порядок вещей. Их пример показывает, что поистине счастливым даром богов был для спартанцев тот, кто так стройно сочетал и уравнивал различные силы в государстве. Но об этом – позже¹⁴².

8. Второе и самое смелое из преобразований Ликурга – передел земли. Поскольку господствовало страшное неравенство, толпы неимущих и нуждающихся обременяли город, а все богатства перешли в руки немногих, Ликург, дабы изгнать наглость, зависть, злобу, роскошь и еще более старые, еще более грозные недуги государства – богатство и бедность, уговорил спартанцев объединить все земли, а затем поделить их заново и впредь хранить имущественное равенство, превосходства же искать в доблести, ибо нет меж людьми иного различия, иного первенства, нежели то, что устанавливается порицанием постыдному и похвалою прекрасному. Переходя от слов к делу, он разделил Лаконию между периэками, или, иначе говоря, жителями окрестных мест, на тридцать тысяч участков, а земли, относящиеся к самому городу Спарте, – на девять тысяч, по числу семей спартиатов. Некоторые пишут, что Ликург нарезал шесть тысяч наделов, а еще три тысячи прибавил впоследствии Полидор, другие – что оба роздали по четыре с половиной тысячи наделов. Каждый надел был такой величины, чтобы приносить по семидесяти медимнов ячменя на одного мужчину и по двенадцати на женщину и соразмерное количество жидких продуктов. Ликург полагал, что этого окажется достаточным для такого образа жизни, который сохранит его согражданам силы и здоровье, меж тем как иных потребностей у них быть не должно. Рассказывают, что позже, возвращаясь из какой-то отлучки и проезжая по недавно сжатым полям, где ровными рядами высились одинаковые груды колосьев, он улыбнулся и

¹⁴⁰ 17. Платон – «Законы», III, 692 а.

¹⁴¹ 18. ...сто тридцать лет спустя ... – По эратосфеновской хронологии, относящей Ликурга к IX в., а эфрат к VIII в.

¹⁴² 19. ...позже. – Гл. 28—29.

промолвил своим спутникам: «Вся Лакония кажется мне собственностью многих братьев, которые только что ее поделили».

9. Затем он взялся за раздел и движимого имущества, чтобы до конца уничтожить всяческое неравенство, но, понимая, что открытое изъятие собственности вызовет резкое недовольство, одолел алчность и корыстолюбие косвенными средствами. Во-первых, он вывел из употребления всю золотую и серебряную монету, оставив в обращении только железную, да и той при огромном весе и размерах назначил ничтожную стоимость, так что для хранения суммы, равной десяти минам, требовался большой склад, а для перевозки – парная запряжка. По мере распространения новой монеты многие виды преступлений в Лакедемонии исчезли. Кому, в самом деле, могла припасть охота воровать, брать взятки или грабить, коль скоро нечисто нажитое и спрятать было немислимо, и ничего завидного оно собою не представляло, и даже разбитое на куски не получало никакого употребления? Ведь Ликург, как сообщают, велел закалять железо, окуная его в уксус, и это лишало металл крепости, он становился хрупким и ни на что более не годным, ибо никакой дальнейшей обработке уже не поддавался.

Затем Ликург изгнал из Спарты бесполезные и лишние ремесла. Впрочем, большая их часть, и без того удалась бы вслед за общепринятой монетой, не находя сбыта для своих изделий. Вozить железные деньги в другие греческие города было бессмысленно, – они не имели там ни малейшей ценности, и над ними только потешались, – так что спартанцы не могли купить ничего из чужеземных пустяков, да и вообще купеческие грузы перестали приходить в их гавани. В пределах Лаконии теперь не появлялись ни искусный оратор, ни бродячий шарлатан-предсказатель, ни сводник, ни золотых или серебряных дел мастер – ведь там не было больше монеты! Но в силу этого роскошь¹⁴³, понемногу лишившаяся всего, что ее поддерживало и питало, сама собой увяла и исчезла. Зажиточные граждане потеряли все свои преимущества, поскольку богатству был закрыт выход на люди, и оно без всякого дела пряталось взаперти по домам. По той же причине обыкновенная и необходимая утварь – ложа, кресла, столы – изготовлялась у спартанцев как нигде, а лаконский котон¹⁴⁴ считался, по словам Крития¹⁴⁵, незаменимым в походах: если приходилось пить воду, неприглядную на вид, он скрывал своим цветом цвет жидкости, а так как муть задерживалась внутри, отстаиваясь на внутренней стороне выпуклых стенок, вода достигала губ уже несколько очищенной. И здесь заслуга принадлежит законодателю, ибо ремесленники, вынужденные отказаться от производства бесполезных предметов, стали вкладывать все свое мастерство в предметы первой необходимости.

10. Чтобы нанести роскоши и страсти к богатству еще более решительный удар, Ликург провел третье и самое прекрасное преобразование – учредил общие трапезы: граждане собирались вместе и все ели одни и те же кушанья, нарочито установленные для этих трапез; они больше не проводили время у себя по домам, валяясь на мягких покрывалах у богато убранных столов, жирея благодаря заботам поваров и мастеровых, точно прожорливые скоты, которых откармливают в темноте, и растлевая не только нрав свой, но и тело, предающееся всевозможным наслаждениям и излишествам, приобретающее потребность в долгом сне, горячих купаниях, полном покое – словно в некоем ежедневном лечении. Это, конечно, чрезвычайно важно, но еще важнее, что благодаря совместному питанию и его

¹⁴³ 20. ... роскошь ... исчезла ... – По археологическим данным, этот переход от обычной греческой «роскоши» к казарменной «простоте» действительно имел место в Спарте, но позже, в начале VI в., когда II Мессенская война потребовала постоянного военного положения для поддержания власти над илотами.

¹⁴⁴ 21. Котон – глиняный сосуд с одной ручкой и с узким горлышком, очень выпуклый внизу.

¹⁴⁵ 22. ...по словам Крития... – этот отрывок из «Государственного устройства лакедемонян» Крития сохранен Афинеом, 483 в.

простоте богатство, как говорит Феофраст, перестало быть завидным, перестало быть богатством. Невозможно было ни воспользоваться роскошным убранством, ни насладиться им, ни даже выставить его на показ и хотя бы потешить свое тщеславие, коль скоро богач ходил к одной трапезе с бедняком. Таким образом из всех городов под солнцем в одной лишь Спарте оправдалась ходячая истина, что бог Богатства слеп и лежит не подымаясь, точно изображение на картине, неодушевленное и неподвижное. Нельзя было и явиться на общий обед, предварительно насытившись дома: все зорко следили друг за другом и, если обнаруживали человека, который не ест и не пьет с остальными, порицали его, называя разнузданным и изнеженным.

11. Говорят, что именно за это нововведение особенно люто возненавидели Ликурга богачи. Однажды они тесно обступили его, принялись злобно кричать, и в конце концов осыпавший градом камней он бежал с площади. Опередив всех, он уже было скрылся в храме, но один молодой человек по имени Алкандр, в общем неглупый и только слишком резкий и горячий, гонясь за ним по пятам, в тот миг, когда Ликург обернулся, ударил его палкой и выбил глаз. Несмотря на нежданную беду мужество нимало не изменило Ликургу, и, став прямо против сограждан, он показал им свое залитое кровью лицо с опустевшей глазницей. Всех охватило уныние и страшный стыд, они выдали Алкандра Ликургу и проводили раненого до дому, разделяя с ним его печаль. Ликург поблагодарил их и отпустил, Алкандра же ввел в дом и ничем его не обидел, не сказал ни единого дурного слова и только велел прислуживать, удалив обычных своих слуг и рабов. Наделенный некоторым благородством тот молча выполнял все, что ему поручали, и, находясь постоянно рядом с Ликургом, постиг кротость и невозмутимость его души, строгий образ жизни, неутомимость в трудах, так что и сам проникся величайшим расположением к этому человеку, и внушал друзьям и близким, что Ликург не жесток и не высокомерен, но, как никто, снисходителен и милосерден к окружающим. Вот так и был наказан Алкандр, такую он понес кару: из скверного, наглого юнца он превратился в самого скромного и благоразумного мужа. В память о случившемся Ликург воздвиг храм Афины, которую нарек Оптилетидой: доряне в тех местах глаз называют «оптило» [ὀπτιλος]. Однако некоторые писатели, в их числе и Диоскорид, автор сочинения о государственном устройстве Спарты, утверждают, что Ликург был только ранен в глаз, но не ослеп и воздвиг храм богине в благодарность за исцеление. Так или иначе, но после этого несчастья спартанцы перестали ходить в Собрание с палками.

12. Общие трапезы критяне зовут «андриями»¹⁴⁶, а лакедемоняне «фидитиями» — потому ли, что на них царила дружба и благожелательство [philia] или потому, что они приучали к простоте и бережливости [phaidia]. Равным образом ничто не препятствует нам предположить, по примеру некоторых, что первый звук здесь приставной и что слово «эдитии» следует производить от слова «питание» или «пища» [edidia].

На трапезы собиралось человек по пятнадцать, иной раз немногим менее или более. Каждый сотрапезник приносил ежемесячно медимн ячменной муки, восемь хоев вина, пять мин сыра, две с половиной мины смокв и, наконец, совсем незначительную сумму денег для покупки мяса и рыбы. Если кто из них совершал жертвоприношение или охотился, для общего стола поступала часть жертвенного животного или добычи, но не всё целиком, ибо замешкавшийся на охоте или из-за принесения жертвы мог пообедать дома, тогда как остальным надлежало присутствовать. Обычай совместных трапез спартанцы неукоснительно соблюдали вплоть до поздних времен. Когда царь Агид, разбив афинян, возвратился из похода и, желая пообедать с женой, послал за своей частью, полемархи отказались ее выдать. Назавтра царь в гневе не принес установленной жертвы, и полемархи наложили на него штраф.

¹⁴⁶ 23. ...критяне зовут андриями. .. — Т.е. «мужскими»; остальные этимологии сомнительны или фантастичны.

За трапезами бывали и дети. Их приводили туда точно в школу здравого смысла, где они слушали разговоры о государственных делах, были свидетелями забав, достойных свободного человека, приучались шутить и смеяться без пошлого кривляния и встречать шутки без обиды. Спокойно переносить насмешки считалось одним из главных достоинств спартанца. Кому становилось невтерпёж, тот мог просить пощады, и насмешник тотчас умолкал. Каждому из входивших старший за столом говорил, указывая на дверь: «Речи за порог не выходят». Рассказывают, что желавший стать участником трапезы, подвергался вот какому испытанию. Каждый из сотрапезников брал в руку кусок хлебного мякиша и, словно камешек для голосования, молча бросал в сосуд, который подносил, держа на голове, слуга. В знак одобрения комок просто опускали, а кто хотел выразить свое несогласие, тот предварительно сильно стискивал мякиш в кулаке. И если обнаруживали хотя бы один такой комок, соответствующий просверленному камешку¹⁴⁷, искателю в приеме отказывали, желая, чтобы все, сидящие за столом, находили удовольствие в обществе друг друга. Подобным образом отвергнутого называли «каддированным» – от слова «ка ддихос», обозначающего сосуд, в который бросали мякиш. Из спартанских кушаний самое знаменитое – черная похлебка. Старики даже отказывались от своей доли мяса и уступали ее молодым, а сами вволю наедались похлебкой. Существует рассказ, что один из понтийских царей¹⁴⁸ единственно ради этой похлебки купил себе повара-лаконца, но, попробовав, с отвращением отвернулся, и тогда повар ему сказал: «Царь, чтобы есть эту похлебку, надо сначала искупаться в Эвротe». Затем, умеренно запив обед вином, спартанцы шли по домам, не зажигая светильников: ходить с огнем им запрещалось как в этом случае, так и вообще, дабы они приучались уверенно и бесстрашно передвигаться в ночной темноте. Таково было устройство общих трапез.

13. Записывать свои законы Ликург не стал, и вот что говорится по этому поводу в одной из так называемых ретр. Главнейшие начала, всего более способствующие процветанию государства и доблести, обретают устойчивость и силу лишь укоренившись в нравах и поведении граждан, ибо для этих начал более крепкой основой, нежели необходимость, является свободная воля, а ее развивает в молодежи воспитание, исполняющее в душе каждого роль законодателя. А второстепенные и в частности денежные обязательства, которые изменяются сообразно различным потребностям, лучше не закреплять в писаных законах и незыблемых правилах: пусть в нужных случаях делаются те дополнения или изъятия, какие люди сведущие одобряют и сочтут полезными. Поэтому всю свою деятельность законодателя Ликург, в конечном счете, сводил к воспитанию.

Итак, одна из ретр, как уже сказано, гласила, что писанные законы не нужны. Другая, опять-таки направленная против роскоши, требовала, чтобы в каждом доме кровля была сделана при помощи только топора, а двери – одной лишь пилы, без применения хотя бы еще одного инструмента. И если впоследствии, как рассказывают, Эпаминонд говорил о своем столе: «За таким завтраком нет места измене», – то Ликург предвосхитил эту мысль, сообразив, что в подобного рода доме не найдется места роскоши и безумным тратам. Нет человека настолько безвкусного и безрассудного, чтобы в дом, сработанный просто и грубо, вносить ложа на серебряных ножках, пурпурные покрывала, золотые кубки и спутницу всего этого – роскошь. Волей-неволей приходится прилаживать и приспособлять к дому ложе, к ложу – постель, к постели – прочую обстановку и утварь. Этой привычкой к умеренности объясняется, между прочим, вопрос, который, как говорят, задал в Коринфе Леотихид Старший. Обедая в каком-то доме и разглядывая богато украшенный штучный потолок, он

¹⁴⁷ 24. ...просверленному камешку. .. – В афинском суде голосовали камешками, которые клали в сосуд: белый или целый – в знак оправдания, черный или просверленный в знак обвинения.

¹⁴⁸ 25. ...один из понтийских царей. .. – По другой версии (псевдо-Плутарх, «Лаконские изречения», 236 f), Дионисий Сиракузский.

спросил хозяина: «Разве деревья у вас растут четырехугольными?»

Третья ретра Ликурга, о которой упоминают писатели, запрещает вести войну постоянно с одним и тем же противником, чтобы тот, привыкнув отражать нападения, и сам не сделался воинственным. В более поздние времена царя Агесилая как раз в том и обвинили, что частыми вторжениями и походами в Беотию он превратил фиванцев в равносильных соперников. Недаром Анталкид, увидев его раненым, сказал: «Недурно заплатили тебе фиванцы за то, что, вопреки их желанию, ты выучил этих неучей сражаться!» Эти законоположения Ликург назвал ретрами¹⁴⁹, желая внушить, что они исходят от бога и представляют собою ответы оракула.

14. Начиная воспитание, в котором он видел самое важное и самое прекрасное дело законодателя, издавеле, Ликург сперва обратился к вопросам брака и рождения детей. Аристотель¹⁵⁰ неправ, утверждая, будто Ликург хотел было вразумить и наставить на истинный путь женщин, но отказался от этой мысли, не в силах сломить их своеволие и могущество – следствие частых походов, во время которых мужья вынуждены бывали оставлять их полными хозяйками в доме, а потому и оказывали им уважение большее, чем следовало, и даже называли «госпожами». Нет, Ликург в меру возможности позаботился и об этом. Он укрепил и закалил девушек упражнениями в беге, борьбе, метании диска и копья, чтобы и зародыш в здоровом теле с самого начала развивался здоровым, и сами женщины, рожая, просто и легко справлялись с муками. Заставив девушек забыть об изнеженности, баловстве и всяких женских прихотях, он приучил их не хуже, чем юношей, нагими принимать участие в торжественных шествиях, плясать и петь при исполнении некоторых священных обрядов на глазах у молодых людей. Случалось им и отпускать остроты, метко порицая провинности, и воздавать в песнях похвалы достойным, пробуждая в юношах ревнивое честолюбие. Кто удостоивался похвалы за доблесть и приобретал известность у девушек, удалялся, ликуя, а колкости, даже шуточные и остроумные, жалили не менее больно, чем строгие внушения: ведь поглядеть на это зрелище вместе с остальными гражданами приходили и цари и старейшины. При этом нагота девушек не заключала в себе ничего дурного, ибо они сохраняли стыдливость и не знали распущенности, напротив, она приучала к простоте, к заботам о здоровье и крепости тела, и женщины усваивали благородный образ мыслей, зная, что и они способны приобщиться к доблести и почету. Оттого и приходили к ним слова и мысли, подобные тем, какие произнесла, говорят, однажды Горго, жена Леонида. Какая-то женщина, видимо, чужестранка, сказала ей: «Одни только вы, лаконянки, властвуете над мужьями». «Да, но одни только мы рожаем мужей», – откликнулась Горго.

15. Все это само по себе было и средством побуждения к браку – я имею в виду шествия девушек, обнажение тела, состязания в присутствии молодых людей, которых приводила, говоря словами Платона¹⁵¹, не геометрическая, а любовная необходимость. В то же время Ликург установил и своего рода позорное наказание для холостяков: их не пускали на гимнопедии¹⁵², зимою, по приказу властей, они должны были нагими обойти вокруг площади, распевая песню, сочиненную им в укор (в песне говорилось, что они терпят справедливое возмездие за неповиновение законам), и, наконец, они были лишены тех

¹⁴⁹ 26. Ретрами – это слово значит «договор», а также «изречение оракула».

¹⁵⁰ 27. Аристотель – «Политика», II, 6, 8.

¹⁵¹ 28. ...словами Платона. .. – «Государство», V, 458 d (о сближении лучших мужчин с лучшими женщинами в идеальном государстве).

¹⁵² 29. Гимнопедии – летний спартанский праздник в честь Аполлона с состязаниями, шествиями и хорами – см. гл. 21.

почестей и уважения, какие молодежь оказывала старшим. Вот почему никто не осудил дерзости, которую пришлось выслушать даже такому прославленному человеку, как полководец Деркиллид. Какой-то юноша не уступил ему места и сказал так: «Ты не родил сына, который бы в свое время уступил место мне».

Невест брали уводом, но не слишком юных, недостижных брачного возраста, а цветущих и созревших. Похищенную принимала так называемая подружка, коротко стригла ей волосы и, нарядив в мужской плащ, обув на ноги сандалии, укладывала одну в темной комнате на подстилке из листьев. Жених, не пьяный, не размякший, но трезвый и как всегда пообедавший за общим столом, входил, распуская ей пояс и, взявши на руки, переносил на ложе. Пробыв с нею недолгое время, он скромно удалялся, чтобы по обыкновению лечь спать вместе с прочими юношами. И впредь он поступал не иначе, проводя день и отдыхая среди сверстников, а к молодой жене навещаясь тайно, с опаскою, как бы кто-нибудь в доме его не увидел. Со своей стороны и женщина прилагала усилия к тому, чтобы они могли сходиться, уловив минуту, никем не замеченные. Так тянулось довольно долго: у иных уже дети рождались, а муж все еще не видел жены при дневном свете. Такая связь была не только упражнением в воздержности и здравомыслии – тело благодаря ей всегда испытывало готовность к соитию, страсть оставалась новой и свежей, не пресыщенной и не ослабленной беспрепятственными встречами; молодые люди всякий раз оставляли друг в друге какую-то искру вожделения.

Внеся в заключение браков такой порядок, такую стыдливость и сдержанность, Ликург с неменьшим успехом изгнал пустое, бабье чувство ревности: он счел разумным и правильным, чтобы, очистив брак от всякой разнузданности, спартанцы предоставили право каждому достойному гражданину вступать в связь с женщинами ради произведения на свет потомства, и научил сограждан смеяться над теми, кто мстит за подобные действия убийством и войною, видя в супружестве собственность, не терпящую ни разделения, ни соучастия. Теперь муж молодой жены, если был у него на примете порядочный и красивый юноша, внушавший старику уважение и любовь, мог ввести его в свою опочивальню, а родившегося от его семени ребенка признать своим. С другой стороны, если честному человеку приходилась по сердцу чужая жена, плодovitая и целомудренная, он мог попросить ее у мужа, дабы, словно совершив посев в тучной почве, дать жизнь добрым детям, которые будут кровными родичами добрых граждан. Ликург первый решил, что дети принадлежат не родителям, а всему государству, и потому желал, чтобы граждане рождались не от кого попало, а от лучших отцов и матерей. В касающихся брака установлениях других законодателей он усматривал глупость и пустую спесь. Те самые люди, рассуждал он, что стараются случить сук и кобылиц с лучшими припускными самцами, суля их хозяевам и благодарность и деньги, жен своих караулят и держат под замком, требуя, чтобы те рожали только от них самих, хотя бы сами они были безмозглы, ветхи годами, недужны! Словно не им первым, главам семьи и кормильцам, предстоит испытать на себе последствия того, что дети вырастают дурными, коль скоро рождаются от дурных, и, напротив, хорошими, коль скоро происхождение их хорошо.

Эти порядки, установленные в согласии с природой и нуждами государства, были столь далеки от так называемой «доступности», возобладавшей впоследствии среди спартанских женщин, что прелюбодеяние казалось вообще немыслимым. Часто вспоминают, например, ответ спартанца Герада, жившего в очень давние времена, одному чужеземцу. Тот спросил, какое наказание несут у них прелюбодеи. «Чужеземец, у нас нет прелюбодеев», – возразил Герад. «А если все-таки объявятся?» – не уступал собеседник. «Винный даст в возмещение быка такой величины, что, вытянув шею из-за Таигета¹⁵³, он напьется в Эврот». Чужеземец удивился и сказал: «Откуда же возьмется такой бык?» «А откуда возьмется в Спарте прелюбодей?» – откликнулся, засмеявшись, Герад. Вот что сообщают писатели о

¹⁵³ 30. *Таигет* – горный кряж к западу, а *Эврот* – река к востоку от Спарты.

спартанских браках.

16. Отец был не в праве сам распорядиться воспитанием ребенка – он относил новорожденного на место, называемое «лесхой», где сидели старейшие сородичи по филе. Они осматривали ребенка и, если находили его крепким и ладно сложенным, приказывали воспитывать, тут же назначив ему один из девяти тысяч наделов. Если же ребенок был тщедушным и безобразным, его отправляли к Апофетам (так назывался обрыв на Таигете), считая, что его жизнь не нужна ни ему самому, ни государству, раз ему с самого начала отказано в здоровье и силе. По той же причине женщины обмывали новорожденных не водой, а вином, испытывая их качества: говорят, что больные падучей и вообще хворые от несмешанного вина погибают, а здоровые закаляются и становятся еще крепче. Кормилицы были заботливые и умелые, детей не пеленали, чтобы дать свободу членам тела, растили их неприхотливыми и не разборчивыми в еде, не боящимся темноты или одиночества, не знающими, что такое своеволие и плач. Поэтому иной раз даже чужестранцы покупали кормилиц родом из Лаконии. Есть сведения, что лаконянкой была и Амикла, кормившая афинянина Алкивиада. Но, как сообщает Платон¹⁵⁴, Перикл назначил в дядьки Алкивиаду Зопира, самого обыкновенного раба. Между тем спартанских детей Ликург запретил отдавать на попечение купленным за деньги или нанятым за плату воспитателям, да и отец не мог воспитывать сына, как ему заблагорассудится.

Едва мальчики достигали семилетнего возраста, Ликург отбирал их у родителей и разбивал по отрядам, чтобы они вместе жили и ели, приучаясь играть и трудиться друг подле друга. Во главе отряда он ставил того, кто превосходил прочих сообразительностью и был храбрее всех в драках. Остальные равнялись на него, исполняли его приказы и молча терпели наказания, так что главным следствием такого образа жизни была привычка повиноваться. За играми детей часто присматривали старики и постоянно ссорили их, стараясь вызвать драку, а потом внимательно наблюдали, какие у каждого от природы качества – отважен ли мальчик и упорен ли в схватках. Грамоте они учились лишь в той мере, в какой без этого нельзя было обойтись, в остальном же все воспитание сводилось к требованиям беспрекословно подчиняться, стойко переносить лишения и одерживать верх над противником. С возрастом требования делались все жестче: ребятишек коротко стригли, они бегали босиком, приучались играть нагими. В двенадцать лет они уже расхаживали без хитона, получая раз в год по гиматию¹⁵⁵, грязные, запущенные; бани и умачения были им незнакомы – за весь год лишь несколько дней они пользовались этим благом. Спали они вместе, по илам и отрядам¹⁵⁶, на подстилках, которые сами себе готовили, ломая голыми руками метелки тростника на берегу Эвроты. Зимой к тростнику подбрасывали и примешивали так называемый ликофон¹⁵⁷: считалось, что это растение обладает какою-то согревающей силой.

17. В этом возрасте у лучших юношей появляются возлюбленные. Усугубляют свой надзор и старики: они посещают гимнасии, присутствуют при состязаниях и словесных стычках, и это не забавы ради, ибо всякий считает себя до некоторой степени отцом, воспитателем и руководителем любого из подростков, так что всегда находилось, кому

¹⁵⁴ 31. Платон – «Алкивиад», 1, 122 в.

¹⁵⁵ 32. ...Хитон. .. гиматий... – Хитон – подпоясанная нижняя рубаша, обычно без рукавов, и гиматий – плащ, перекинутый через левое плечо и оставлявший свободным правое, – две части, из которых состояла обычно вся мужская одежда.

¹⁵⁶ 33. ...по илам и отрядам. .. – отряды («агелы», букв. «стада») – те, о которых речь шла выше, илы – может быть, соединения нескольких отрядов.

¹⁵⁷ 34. Ликофон – («волчья смерть») – разновидность чертополоха.

вразумить и наказать провинившегося. Тем не менее из числа достойнейших мужей назначается еще и педоном – надзирающий за детьми, а во главе каждого отряда сами подростки ставили одного из так называемых иренов – всегда наиболее рассудительного и храброго. (Иренами зовут тех, кто уже второй год как возмужал, меллиренами – самых старших мальчиков.) Ирен, достигший двадцати лет, командует своими подчиненными в драках и распоряжается ими, когда приходит пора позаботиться об обеде. Большим он дает наказ принести дров, малышам – овощей. Все добывается кражей: одни идут на огороды, другие с величайшей осторожностью, пуская в ход всю свою хитрость, пробираются на общие трапезы мужей. Если мальчишка попадался, его жестоко избивали плетью за нерадивое и неловкое воровство. Крали они и всякую иную провизию, какая только попадалась под руку, учась ловко нападать на спящих или зазевавшихся караульных. Наказанием попавшимся были не только побои, но и голод: детей кормили весьма скудно, чтобы, перенося лишения, они сами, волей-неволей, понаторели в дерзости и хитрости. Вот какое воздействие оказывала скудость питания; впрочем, как говорят, действовала она и еще в одном направлении – увеличивала рост мальчиков. Тело вытягивается в высоту, когда дыхание не стеснено слишком утомительными трудами и, с другой стороны, когда тяжелый груз пищи не гонит его вниз и вширь, напротив, когда, в силу своей легкости, дух устремляется вверх; тогда-то человек и прибавляет в росте легко и быстро. Так же, по-видимому, создается и красота форм: худоба, сухощавость легче сообразуется с правильным развитием членов тела, грузная полнота противится ему. Поэтому, бесспорно, и у женщин, которые, нося плод, постоянно очищают желудок¹⁵⁸, дети рождаются худые, но миловидные и стройные, ибо незначительное количество материи скорее уступает формирующей силе. Однако более подробно причины этого явления пусть исследуют желающие.

18. Воруя, дети соблюдали величайшую осторожность; один из них, как рассказывают, украв лисенка, спрятал его у себя под плащом, и хотя зверек разорвал ему когтями и зубами живот, мальчик, чтобы скрыть свой поступок, крепился до тех пор, пока не умер. О достоверности этого рассказа можно судить по нынешним эфебам¹⁵⁹: я сам видел, как не один из них умирал под ударами у алтаря Орфии¹⁶⁰.

Закончив обед, ирен кому приказывал петь, кому предлагал вопросы, требующие размышления и сообразительности, вроде таких, как: «Кто лучший среди мужей?» или «Каков поступок такого-то человека?» Так они с самого начала жизни приучались судить о достоинствах сограждан, ибо если тот, к кому было обращен вопрос «Кто хороший гражданин? Кто заслуживает порицания?», не находил, что ответить, это считали признаком натуры вялой и равнодушной к добродетели. В ответе полагалось назвать причину того или иного суждения и привести доказательства, облекши мысль в самые краткие слова. Того, кто говорил невпопад, не обнаруживая должного усердия, ирен наказывал – кусал за большой палец. Часто ирен наказывал мальчиков в присутствии стариков и властей, чтобы те убедились, насколько обоснованны и справедливы его действия. Во время наказания его не останавливали, но когда дети расходились, он держал ответ, если кара была строже или, напротив, мягче, чем следовало.

И добрую славу и бесчестье мальчиков разделяли с ними их возлюбленные. Рассказывают, что когда однажды какой-то мальчик, схватившись с товарищем, вдруг испугался и вскрикнул, власти наложили штраф на его возлюбленного. И, хотя у спартанцев

¹⁵⁸ 35. ...очищают желудок. – Этот совет беременным женщинам давал и Гиппократ («Афоризмы», IV, 1).

¹⁵⁹ 36. Эфебы – юноши, достигшие совершеннолетия (16—18 лет), внесенные в списки граждан, а в Афинах и некоторых других государствах несущие пограничную службу.

¹⁶⁰ 35. ...очищают желудок. – Этот совет беременным женщинам давал и Гиппократ («Афоризмы», IV, 1).

допускалась такая свобода в любви, что даже достойные и благородные женщины любили молодых девушек, соперничество было им незнакомо. Мало того: общие чувства к одному лицу становились началом и источником взаимной дружбы влюбленных, которые объединяли свои усилия в стремлении привести любимого к совершенству¹⁶¹.

19. Детей учили говорить так, чтобы в их словах едкая острота смешивалась с изяществом, чтобы краткие речи вызвали пространные размышления. Как уже сказано, Ликург придал железной монете огромный вес и ничтожную ценность. Совершенно иначе поступил он со «словесной монетою»: под немногими скупыми словами должен был таиться обширный и богатый смысл, и, заставляя детей подолгу молчать, законодатель добивался от них ответов метких к точных. Ведь подобно тому, как семя людей, безмерно жадных до соитий, большею частью бесплодно, так и несдержанность языка порождает речи пустые и глупые. Какой-то афинянин насмеялся над спартанскими мечами – так-де они коротки, что их без труда глотают фокусники в театре. «Но этими кинжалами мы отлично достаём своих врагов», – возразил ему царь Агид. Я нахожу, что речь спартанцев, при всей своей внешней краткости, отлично выражает самую суть дела и остается в сознании слушателей.

Сам Ликург говорил, по-видимому, немного и метко, насколько можно судить по его изречениям, дошедшим до нас. Так, человеку, который требовал установления демократического строя в Спарте, он сказал: «Сначала ты установи демократию у себя в доме». Кто-то спросил, почему он сделал жертвоприношения такими умеренными и скромными. «Чтобы мы никогда не переставали чтить божество», – ответил Ликург. А вот что сказал он о состязаниях: «Я разрешил согражданам лишь те виды состязаний, в которых не приходится поднимать вверх руки»¹⁶². Сообщают, что и в письмах он отвечал согражданам не менее удачно. «Как нам отвлечь от себя вторжение неприятеля?» – «Оставайтесь бедными, и пусть никто не тщится стать могущественнее другого». О городских стенах: «Лишь тот город не лишен укреплений, который окружен мужами, а не кирпичами». Трудно, однако, решить, подлинны или же подложны эти письма.

20. Об отвращении спартанцев к пространным речам свидетельствуют следующие высказывания. Когда кто-то принялся рассуждать о важном деле, но некстати, царь Леонид промолвил: «Друг, все это уместно, но в другом месте». Племянник Ликурга Харилай на вопрос, почему его дядя издал так мало законов, ответил: «Тем, кто обходится немногими словами, не нужно много законов». Какие-то люди бранили софиста Гекатея, за то что, приглашенный к общей трапезе, он весь обед промолчал. «Кто умеет говорить, знает и время для этого», – возразил им Архидамид.

А вот примеры колких, но не лишенных изящества памятных слов, о которых я уже говорил выше. Какой-то проходимец донимал Демарата нелепыми расспросами и, между прочим, все хотел узнать, кто лучший из спартанцев. «Тот, кто менее всего похож на тебя», – молвил наконец Демарат. Агид, слыша похвалы элейцам за прекрасное и справедливое устройство олимпийских игр, заметил: «Вот уж, впрямь, великое дело – раз в четыре года блюсти справедливость». Один чужеземец, чтобы выказать свои дружеские чувства, сказал Феопомпу, что у сограждан он зовется другом лаконяня. «Зваться бы тебе лучше другом сограждан», – ответил Феопомп. Сын Павсания Плистоанакт сказал афинскому оратору, назвавшему спартанцев неучами: «Ты прав – из всех греков одни только мы не выучились у вас ничему дурному». Архидамида спрашивали, сколько всего спартанцев. «Достаточно, друг, чтобы дать отпор негодяям», – заверил он. По шуткам спартанцев можно судить и об их привычках. Они никогда не болтали попусту, никогда не произносили ни слова, за которым не было бы мысли, так или иначе заслуживающей того, чтобы над нею задуматься.

¹⁶¹ 38. ...привести любимого к совершенству... (ср. Нума, 4) – идеализированная картина, представленная по образцу платоновской теории Эроса; в другом своем сочинении, «О любви», Плутарх говорит сдержаннее.

¹⁶² 39. ...поднимать вверх руки. – Жест побежденного.

Спартанца позвали послушать, как подражают пенью соловья. «Я слышал самого соловья», – отказался тот. Другой спартанец, прочтя эпиграмму:

Те, кто пожар тирании тушить попытались, погибли;
Медный Арес их настиг у селинунтских ворот,

заметил: «И поделом: надо было дать ей сгореть дотла». Какой-то юноша сказал человеку, обещавшему дать ему петухов, которые бьются до последнего издыхания: «Оставь их себе, а мне дай таких, что бьют противника до последнего издыхания». Еще один юноша, увидев людей, которые опорожняли кишечник, сидя на стульчаке, воскликнул: «Хоть бы никогда не довелось мне сидеть на таком месте, которое невозможно уступить старику!» Таковы их изречения и памятные слова, и не без основания утверждают некоторые¹⁶³, что подражать лаконцам значит прилежать душою скорее к философии, нежели к гимнастике.

21. Пению и музыке учили с неменьшим тщанием, нежели четкости и чистоте речи, но и в песнях было заключено своего рода жало, возбуждавшее мужество и понуждавшее душу восторженным порывам к действию. Слова их были просты и безыскусны, предмет – величав и нравоучителен. То были в основном прославления счастливой участи павших за Спарту и укоры трусам, обреченным влачить жизнь в ничтожестве, обещания доказать свою храбрость или – в зависимости от возраста певцов – похвальба ею. Нелишним будет поместить здесь для примера одну из подобных песен. В праздничные дни составлялись три хора – стариков, мужей и мальчиков. Старики запевали:

А мы в былые годы были крепкими!

Мужи в расцвете сил подхватывали:

А мы теперь: кто хочет, пусть попробует!

А мальчики завершали:

А мы еще сильнее будем вскорости.

Вообще, если кто поразмыслит над творениями лаконских поэтов, из которых иные сохранились до наших дней, и восстановит в памяти походные ритмы мелодий для флейты, под звуки которой спартанцы шли на врага, тот, пожалуй, признает, что Терпандр и Пиндар¹⁶⁴ были правы, находя связь между мужеством и музыкой. Первый говорит о лакедемонянах так:

Юность здесь пышно цветет, царит здесь звонкая Муза,
Правда повсюду живет...

А Пиндар восклицает:

Там старейшин советы;
Копья юных мужей в славный вступают бой,
Там хороводы ведут Муза и Красота.

---

¹⁶³ 40. *Некоторые* – Платон. Протагор, 342 е.

¹⁶⁴ 41. *Терпандр и Пиндар* – отрывки из неизвестных песен (для Терпандра, по-видимому, подложные). Ниже *спартанский поэт* – Алкман (из Лидии, но работавший в Спарте), VII в.

И тот и другой изображают спартанцев одновременно и самым музыкальным и самым воинственным народом.

И пред бранным железом сильна кифара,

сказал спартанский поэт. Недаром перед битвой царь приносил жертву Музам – для того, мне кажется, чтобы воины, вспомнив о воспитании, которое они получили, и о приговоре, который их ждет¹⁶⁵, смело шли навстречу опасности и совершали подвиги, достойные сохраниться в речах и песнях.

22. Во время войны правила поведения молодых людей делались менее суровыми: им разрешалось ухаживать за своими волосами, украшать оружие и платье, наставники радовались, видя их подобными боевым коням, которые гордо и нетерпеливо пританцовывают, фыркают и рвутся в сражение. Поэтому, хотя следить за волосами мальчики начинали, едва выйдя из детского возраста, особенно старательно их умащали и расчесывали накануне опасности, памятуя слова Ликурга о волосах, что красивых они делают еще благовиднее, а уродливых – еще страшнее. В походах и гимнастические упражнения становились менее напряженными и утомительными, да и вообще в это время с юношей спрашивали менее строго, чем обычно, так что на всей земле для одних лишь спартанцев война оказывалась отдыхом от подготовки к ней.

Когда построение боевой линии заканчивалось, царь на глазах у противника приносил в жертву козу и подавал знак всем увенчать себя венками, а флейтистам приказывал играть Касторов напев¹⁶⁶ и одновременно сам затягивал походный пеан. Зрелище было величественное и грозное: воины наступали, шагая сообразно ритму флейты, твердо держа строй, не испытывая ни малейшего смутения – спокойные и радостные, и вела их песня. В таком расположении духа, вероятно, ни страх ни гнев над человеком не властны; верх одерживают неколебимая стойкость, надежда и мужество, словно даруемые присутствием божества. Царь шел на врага в окружении тех из своих людей, которые заслужили венок победою на состязаниях. Рассказывают, что на Олимпийских играх одному лаконцу давали большую взятку, но он отказался от денег и, собрав все свои силы, одолел противника. Тогда кто-то ему сказал: «Что тебе за выгода, спартанец, от этой победы?» «Я займу место впереди царя, когда пойду в бой», – улыбаясь ответил победитель.

Разбитого неприятеля спартанцы преследовали лишь настолько, насколько это было необходимо, чтобы закрепить за собою победу, а затем немедленно возвращались, полагая неблагородным и противным греческому обычаю губить и истреблять прекративших борьбу. Это было не только прекрасно и великодушно, но и выгодно: враги их, зная, что они убивают сопротивляющихся, но щадят отступающих, находили более полезным для себя бежать, чем оставаться на месте.

23. Сам Ликург, по словам софиста Гиппия, был муж испытанной воинственности, участник многих походов. Филостефан даже приписывает ему разделение конницы по улам. Улам при Ликурге представлял собою отряд из пятидесяти всадников, построенных четырехугольником. Но Деметрий Фалерский пишет, что Ликург вообще не касался ратных дел и новый государственный строй учреждал во время мира. И верно, замысел Олимпийского перемирия мог, по-видимому, принадлежать лишь кроткому и миролюбивому человеку. Впрочем, как говорится у Гермиппа, иные утверждают, будто сначала Ликург не имел ко всему этому ни малейшего отношения и никак не был связан с Ифитом, но прибыл

---

¹⁶⁵ 42. ...о приговоре, который их ждет... – Т.е., который вынесут в своих песнях поэты.

¹⁶⁶ 43. ...Касторов напев. .. – Напев, под который шли в бой спартанцы, упоминается и у Ксенофонта («Государственное устройство лакедемонян», 13, 8) и у Пиндара.

на игры случайно. Там он услышал за спиною голос: кто-то порицал его и дивился тому, что он не склоняет сограждан принять участие в этом всеобщем торжестве. Ликург обернулся, но говорившего нигде не было видно, и, сочтя случившееся божественным знамением, он тогда только присоединился к Ифиту; вместе они сделали празднество более пышным и славным, дали ему надежное основание.

24. Воспитание спартанца длилось и в зрелые годы. Никому не разрешалось жить так, как он хочет: точно в военном лагере, все в городе подчинялось строго установленным порядкам и делали то из полезных для государства дел, какое им было назначено. Считая себя принадлежащими не себе самим, но отечеству, спартанцы, если у них не было других поручений, либо наблюдали за детьми и учили их чему-нибудь полезному, либо сами учились у стариков. Ведь одним из благ и преимуществ, которые доставил согражданам Ликург, было изобилие досуга. Заниматься ремеслом им было строго-настрого запрещено, а в погоне за наживой, требующей бесконечных трудов и хлопот, не стало никакой надобности, поскольку богатство утратило всю свою ценность и притягательную силу. Землю их возделывали илоты, внося назначенную подать. Один спартанец, находясь в Афинах и услышав, что кого-то осудили за праздность¹⁶⁷ и осужденный возвращается в глубоком унынии, сопровождаемый друзьями, тоже опечаленными и огорченными, просил окружающих показать ему человека, которому свободу вменили в преступление. Вот до какой степени низким и рабским считали они всякий ручной труд, всякие заботы, сопряженные с наживой! Как и следовало ожидать, вместе с монетой исчезли и тяжбы; и нужда и чрезмерное изобилие покинули Спарту, их место заняли равенство достатка и безмятежность полной простоты нравов. Все свободное от военной службы время спартанцы посвящали хороводам, пирам и празднествам, охоте, гимнасиям и лесхам.

25. Те, кто был моложе тридцати лет, вовсе не ходили на рынок и делали необходимые покупки через родственников и возлюбленных. Впрочем, и для людей постарше считалось зазорным беспрерывно толкаться на рынке, а не проводить большую часть дня в гимнасиях и лесхах¹⁶⁸. Собираясь там, они чинно беседовали, ни словом не упоминая ни о наживе, ни о торговле – часы текли в похвалах достойным поступкам и порицаниях дурным, похвалах, соединенных с шутками и насмешками, которые неприметно увещали и исправляли. Да и сам Ликург не был чрезмерно суров: по сообщению Сосибия, он воздвиг небольшую статую бога Смеха, желая, чтобы шутка, уместная и своевременная, пришла на пиры и подобные им собрания и стала своего рода приправою к трудам каждого дня.

Одним словом, он приучал сограждан к тому, чтобы они и не хотели и не умели жить врозь, но, подобно пчелам, находились в нерасторжимой связи с обществом, все были тесно сплочены вокруг своего руководителя и целиком принадлежали отечеству, почти что вовсе забывая о себе в порыве воодушевления и любви к славе. Этот образ мыслей можно различить и в некоторых высказываниях спартанцев. Так Педарит, не избранный в число трехсот¹⁶⁹, ушел, сияя и радуясь, что в городе есть триста человек лучших, чем он. Полистратид с товарищами прибыл посольством к полководцам персидского царя; те осведомились, явились ли они по частному делу или от лица государства. «Если все будет ладно – от лица государства, если нет – по частному делу», – ответил Полистратид. К Аргилеониде, матери Брасида, пришли несколько граждан Амфиополя, оказавшиеся в Лакедемонне, и она спросила их, как погиб Брасид и была ли его смерть достойна Спарты. Те

¹⁶⁷ 44. ...осудили за праздность. ... – См. Сол., 7.

¹⁶⁸ 45. Лесха – место для бесед (ср. гл. 16), по-видимому – портики и т.п. постройки; в аристократической Спарте они служили тем местом общения, каким в демократических Афинах был рынок («агора», городская площадь).

¹⁶⁹ 46. ...в число трехсот... – В отряд царских телохранителей.

стали превозносить покойного и заявили, что второго такого мужа в Спарте нет. «Не говорите так, чужестранцы, – промолвила мать. – Верно, Брасид был достойный человек, но в Лакедемонe есть много еще более замечательных».

26. Как уже говорилось, первых старейшин Ликург назначил из числа тех, кто принимал участие в его замысле. Затем он постановил взамен умерших всякий раз выбирать из граждан, достигших шестидесяти лет, того, кто будет признан самым доблестным. Не было, вероятно, в мире состязания более великого и победы более желанной! И верно, ведь речь шла не о том, кто среди проворных самый проворный или среди сильных самый сильный, но о том, кто среди добрых и мудрых мудрейший и самый лучший, кто в награду за добродетель получит до конца своих дней верховную, – если здесь применимо это слово, – власть в государстве, будет господином над жизнью, честью, короче говоря, над всеми высшими благами. Решение это выносилось следующим образом. Когда народ сходилcя, особые выборные закрывались в доме по соседству, так чтобы и их никто не видел, и сами они не видели, что происходит снаружи, но только слышали бы голоса собравшихся. Народ и в этом случае, как и во всех прочих, решал дело криком. Соискателей вводили не всех сразу, а по очереди, в соответствии со жребием, и они молча проходили через Собрание. У сидевших взаперти были таблички, на которых они отмечали силу крика, не зная кому это кричат, но только заключая, что вышел первый, второй, третий, вообще очередной соискатель. Избранным объявлялся тот, кому кричали больше и громче других. С венком на голове он обходил храмы богов. За ним огромной толпою следовали молодые люди, восхваляя и прославляя нового старейшину, и женщины, воспевавшие его доблесть и участь его возглашавшие счастливой. Каждый из близких просил его откусать, говоря, что этим угощением его чествует государство. Закончив обход, он отправлялся к общей трапезе; заведенный порядок ничем не нарушался, не считая того, что старейшина получал вторую долю, но не съедал ее, а откладывал. У дверей стояли его родственницы, после обеда он подзывал ту из них, которую уважал более других, и, вручая ей эту долю, говорил, что отдает награду, которой удостоился сам, после чего остальные женщины, прославляя эту избранницу, провожали ее домой.

27. Не менее замечательны были и законы, касавшиеся погребения. Во-первых, покончив со всяческим суеверием, Ликург не препятствовал хоронить мертвых в самом городе¹⁷⁰ и ставить надгробия близ храмов, чтобы молодые люди, привыкая к их виду, не боялись смерти и не считали себя оскверненными, коснувшись мертвого тела или переступив через могилу. Затем он запретил погребать что бы то ни было вместе с покойником: тело следовало предавать земле обернутым в пурпурный плащ и увитым зеленью оливы. Надписывать на могильном камне имя умершего возбранялось; исключение Ликург сделал лишь для павших на войне и для жриц. Срок траура он установил короткий – одиннадцать дней; на двенадцатый должно было принести жертву Деметре¹⁷¹ и положить предел скорби. Ликург не терпел безразличия и внутренней расслабленности, необходимые человеческие действия он так или иначе сочетал с утверждением нравственного совершенства и порицанием порока; он наполнил город множеством поучительных примеров, среди которых спартанцы вырастали, с которыми неизбежно сталкивались на каждом шагу и которые, служа образцом для подражания, вели их по пути добра.

По этой же причине он не разрешил выезжать за пределы страны и путешествовать, опасаясь, как бы не завезли в Лакедемон чужие нравы, не стали подражать чужой, неупорядоченной жизни и иному образу правления. Мало того, он изгонял тех, что стекались в Спарту без какой-либо нужды или определенной цели – не потому, как утверждает

¹⁷⁰ 47. ... хоронить мертвых в самом городе... – Ср. Тес., примеч. 66.

¹⁷¹ 48. ...жертву Деметре. .. – Как богине земли и матери подземной Персефоны. В Афинах обычный срок траура был 30 дней; ср. Нума, 12; Поп., 23.

Фукидид¹⁷², что боялся, как бы они не переняли учрежденный им строй и не выучились доблести, но, скорее, страшась, как бы эти люди сами не превратились в учителей порока. Ведь вместе с чужестранцами неизменно появляются и чужие речи, а новые речи приводят новые суждения, из которых неизбежно рождаются многие чувства и желания, столь же противные существующему государственному строю, сколь неверные звуки – слаженной песне. Поэтому Ликург считал необходимым зорче беречь город от дурных нравов, чем от заразы, которую могут занести извне.

28. Во всем этом нет и следа несправедливости, в которой иные винят законы Ликурга, полагая, будто они вполне достаточно наставляют в мужестве, но слишком мало – в справедливости. И лишь так называемая криптия, если только и она, как утверждает Аристотель, – Ликургово нововведение, могла внушить некоторым, в том числе и Платону¹⁷³, подобное суждение о спартанском государстве и его законодателе. Вот как происходили криптии. Время от времени власти отправляли бродить по окрестностям молодых людей, считавшихся наиболее сообразительными, снабдив их только короткими мечами и самым необходимым запасом продовольствия. Днем они отдыхали, прячась по укромным уголкам, а ночью, покинув свои убежища, умерщвляли всех илотов, каких захватывали на дорогах. Нередко они обходили и поля, убивая самых крепких и сильных илотов. Фукидид¹⁷⁴ в «Пелопоннесской войне» рассказывает, что спартанцы выбрали отличившихся особою храбростью илотов, и те, с венками на голове, словно готовясь получить свободу, посещали храм за храмом, но немного спустя все исчезли, – а было их более двух тысяч, – и ни тогда, ни впоследствии никто не мог сказать, как они погибли. Аристотель особо останавливается на том, что эфоры, принимая власть, первым делом объявляли войну илотам, дабы узаконить убийство последних. И вообще спартанцы обращались с ними грубо и жестоко. Они заставляли илотов пить несмешанное вино, а потом приводили их на общие трапезы, чтобы показать молодежи, что такое опьянение. Им приказывали петь дрянные песни и танцевать смехотворные танцы, запрещая развлечения, подобающие свободному человеку. Даже гораздо позже, во время похода фиванцев в Лаконию, когда захваченным в плен илотам велели спеть что-нибудь из Терпандра, Алкмана или лаконца Спендонта, они отказались, потому что господам-де это не по душе. Итак, тот, кто говорит¹⁷⁵, что в Лакедемоне свободный до конца свободен, а раб до конца поработен, совершенно верно определил сложившееся положение вещей. Но, по-моему, все эти строгости появились у спартанцев лишь впоследствии, а именно, после большого землетрясения¹⁷⁶, когда, как рассказывают, илоты, выступив вместе с мессенцами, страшно бесчинствовали по всей Лаконии и едва не погубили город. Я, по крайней мере, не могу приписать столь гнусное дело, как криптии, Ликургу, составивши себе понятие о нраве этого человека по той кротости и справедливости, которые в остальном отмечают всю его жизнь и подтверждены свидетельством божества.

29. Когда главнейшие из законов укоренились в обычаях спартанцев и государственный строй достаточно окреп, чтобы впредь сохраняться собственными силами,

¹⁷² 49. Фукидид – II, 39.

¹⁷³ 50. ...в том числе и Платону... – Платон. Законы, I, 633 в.

¹⁷⁴ 51. Фукидид – IV, 80 (неточно).

¹⁷⁵ 52. ...тот, кто говорит... – Критий, фр. 37 (ср. выше, гл. 9).

¹⁷⁶ 53. ...после большого землетрясения... – 464 г., см. Ким., 16.

то, подобно богу у Платона¹⁷⁷, возвеселившемуся при виде возникшего мироздания, впервые пришедшего в движение, Ликург был обрадован и восхищен красотой и величием своего законодательства, пущенного в ход и уже грядущего своим путем, и пожелал обеспечить ему бессмертие, неизбежность в будущем – поскольку это доступно человеческому разумению. Итак, собрав всенародное Собрание, он заявил, что теперь всему сообщена надлежащая мера, что сделанного достаточно для благоденствия и славы государства, но остается еще один вопрос, самый важный и основной, суть которого он откроет согражданам лишь после того, как спросит совета у бога. Пусть-де они неукоснительно придерживаются изданных законов и ничего в них не изменяют, пока он не вернется из Дельф, он же, когда возвратится, выполнит то, что повелит бог. Все выразили согласие и просили его поскорее отправляться, и, приняв у царей и старейшин, а затем и у прочих граждан присягу в том, что, куда не вернется Ликург, они останутся верны существующему строю, он уехал в Дельфы. Прибыв к оракулу и принеся богу жертву, Ликург спросил, хороши ли его законы и достаточны ли для того, чтобы привести город к благоденствию и нравственному совершенству. Бог отвечал, что и законы хороши, и город пребудет на вершине славы, если не изменит Ликургову устройству. Записав прорицание, Ликург отослал его в Спарту, а сам, снова принеся жертву богу и простившись с друзьями и с сыном, решил не освобождать сограждан от их клятвы и для этого добровольно умереть: он достиг возраста, когда можно еще продолжать жизнь, но можно и покинуть ее, тем более что все его замыслы пришли, по-видимому, к счастливому завершению. Он уморил себя голодом, твердо веря, что даже смерть государственного мужа не должна быть бесполезна для государства, что самой кончине его надлежит быть не безвольным подчинением, но нравственным деянием. Для него, рассудил он, после прекраснейших подвигов, которые он свершил, эта смерть будет поистине венцом удачи и счастья, а для сограждан, поклявшихся хранить верность его установлениям, пока он не вернется, – стражем тех благ, которые он доставил им при жизни. И Ликург не ошибся в своих расчетах. Спарта превосходила все греческие города благозаконием и славою на протяжении пятисот лет, пока блюла законы Ликурга, в которых ни один из четырнадцати правивших после него царей, вплоть до Агида, сына Архидамы, ничего не изменил. Создание должности эфоров послужило не ослаблению, но упрочению государства: оно лишь на первый взгляд было уступкой народу, на самом же деле – усилило аристократию.

30. В царствование Агида монета впервые проникла в Спарту, а вместе с нею вернулись корыстолюбие и стяжательство, и все по вине Лисандра¹⁷⁸. Лично он был недоступен власти денег, но исполнил отечество страстью к богатству и заразил роскошью, привезя – в обход законов Ликурга – с войны золото и серебро. Прежде, однако, когда эти законы оставались в силе, Спарта вела жизнь не обычного города, но скорее многоопытного и мудрого мужа, или, говоря еще точнее, подобно тому как Геракл в песнях поэтов обходит вселенную с одною лишь дубиной и шкурою на плечах, карая несправедливых и кровожадных тираннов, так же точно Лакедемон с помощью палки-скиталы¹⁷⁹ и простого плаща главенствовал в Греции, добровольно и охотно ему подчинявшейся, низвергал незаконную и тиранническую власть, решал споры воюющих, успокаивал мятежников, часто даже щитом не шевельнув, но отправив одного-единственного посла, распоряжениям которого все немедленно повиновались, словно пчелы, при появлении матки дружно собирающиеся и занимающие каждая свое место. Таковы были процветающие в городе благозаконие и справедливость.

¹⁷⁷ 54. ...подобно богу у Платона... – «Тимей», 37 с.

¹⁷⁸ 55. ...по вине Лисандра. – См. Лис., 2 и 16—17.

¹⁷⁹ 56. Палки-скиталы – описание этого древнейшего способа шифровки см. Лис., 19. Спарта была в Греции единственным государством, заботившимся о сохранении военных тайн.

Тем более изумляют меня некоторые писатели, утверждающие, будто спартанцы отлично исполняли приказания, но сами приказывать не умели, и с одобрением ссылающиеся на царя Феопомпа, который в ответ на чьи-то слова, что-де Спарту хранит твердая власть царей, сказал: «Нет, вернее, послушание граждан». Люди недолго слушаются тех, кто не может начальствовать, и повиновение – это искусство, которому учит властелин. Кто хорошо ведет, за тем и идут хорошо, и как мастерство укротителя коней состоит в том, чтобы сделать лошадь кроткой и смирной, так задача царя – внушать покорность, лакедемоняне же внушали остальным не только покорность, но и желание повиноваться. Ну да, ведь у них просили не кораблей, не денег, не гоплитов, а единственно лишь спартанского полководца и, получив, встречали его с почтением и боязнью, как сицилийцы Гилиппа, жители Халкиды – Брасида, а все греческое население Азии – Лисандра, Калликратида и Агесилая. Этих полководцев называли управителями и наставниками народов и властей всей земли, и на государство спартанцев взирали как на дядьку, учителя достойной жизни и мудрого управления. На это, по-видимому, шутливо намекает Стратоник, предлагая закон, по которому афинянам вменяется в обязанность справлять таинства и устраивать шествия, элейцам – быть судьями на играх, поскольку в этих занятиях они не знают себе равных, а ежели те или другие в чем провинятся – сечь лакедемонян¹⁸⁰. Но это, разумеется, озорная насмешка, не более. А вот Эсхин, последователь Сократа, видя, как хвастаются и чванятся фиванцы своей победой при Левктрах, заметил, что они ничем не отличаются от мальчишек, которые ликуют, вздвухив своего дядьку.

31. Впрочем, не это было главной целью Ликурга – он вовсе не стремился поставить свой город во главе огромного множества других, но, полагая, что благоденствие как отдельного человека, так и целого государства является следствием нравственной высоты и внутреннего согласия, все направлял к тому, чтобы спартанцы как можно дольше оставались свободными, ни от кого не зависящими и благоразумными. На тех же основаниях строили свое государство Платон, Диоген, Зенон и вообще все, кто об этом говорил и чьи труды стяжали похвалу. Но после них-то остались одни лишь писания да речи, а Ликург не в писаниях и не в речах, а на деле создал государство, равного которому не было и нет, явивши очам тех, кто не верит в существование истинного мудреца, целый город, преданный философии. Вполне понятно, что он превосходит славою всех греков, которые когда-либо выступали на государственном поприще. Вот почему Аристотель и утверждает, что Ликург не получил в Лакедемонии всего, что причитается ему по праву, хотя почести, оказываемые спартанцами своему законодателю, чрезвычайно велики: ему воздвигнут храм и ежегодно приносятся жертвы, как богу. Рассказывают, что, когда останки Ликурга были перенесены на родину, в гробницу ударила молния. Впоследствии это не выпадало на долю никому из знаменитых людей, кроме Эврипида, умершего и погребенного в Македонии близ Аретусы. С ним одним случилось после смерти то же, что некогда – с самым чистым и самым любезным богам человеком, и в глазах страстных поклонников Эврипида – это великое знамение, служащее оправданием их пылкой приверженности.

Скончался Ликург, по словам некоторых писателей, в Кирре, Аполлофемид сообщает, что незадолго до смерти он прибыл в Элиду, Тимей и Аристоксен – что последние дни его жизни прошли на Крите; Аристоксен пишет, что критяне даже показывают его могилу близ Пергама¹⁸¹ у большой дороги. Он оставил, говорят, единственного сына по имени Антиор, который умер бездетным, и род Ликурга прекратился. Но друзья и близкие, чтобы продолжить его труды, учредили общество, которое существовало долгое время, и дни, в

---

¹⁸⁰ 57. ...сечь лакедемонян. – Т.е. спартанцы как воспитатели и наставники всей Греции ответственны за ошибки своих учеников.

¹⁸¹ 58. Пергам – разумеется не цитадель Трои и не город в Малой Азии, а одноименный город на северо-западной оконечности Крита.

которые они собирались, называли «Ликургидами». Аристократ, сын Гиппарха, говорит, что, когда Ликург умер на Крите, те, кто принимал его у себя, сожгли тело и прах развеяли над морем; такова была его просьба, ибо он опасался, как бы, если останки его перевезут в Лакедемон, там не сказали, что, мол, Ликург вернулся и клятва утратила свою силу, и под этим предлогом не внесли бы изменения в созданный им строй.

Вот все, что я хотел рассказать о Ликурге.

Нума

1. О времени, в которое жил царь Нума, также идут оживленные споры, хотя, казалось бы, существуют точные и полные родословные его потомков. Но некий Клодий в «Исследовании времен» (так, кажется называется его книга) решительно настаивает на том, что первоначальные записи исчезли, когда город был разрушен кельтами, те же, которые показывают ныне, лживы, ибо составлены в угоду некоторым людям, вознамерившимся без всякого на то права протиснуться в древнейшие и самые знатные дома. Говорили, будто Нума был другом Пифагора. В ответ на это одни утверждают, что Нума вообще не получил греческого образования и что, по всей видимости, он либо оказался способен вступить на путь нравственного совершенствования без посторонней помощи, благодаря лишь природной одаренности, либо обязан своим царским воспитанием какому-то варвару, более мудрому, нежели сам Пифагор, другие – что Пифагор жил позже Нумы примерно на пять поколений, с Нумой же сблизился, путешествуя по Италии, и вместе с ним привел в порядок государственные дела Пифагор Спартанский, победитель в беге на Олимпийских играх в шестнадцатую Олимпиаду¹⁸², в третий год которой Нума принял царство. Наставлениями этого Пифагора объясняется то обстоятельство, что к римским обычаям примешалось немало лаконских¹⁸³. Кроме того Нума был родом сабинянин, а, по мнению самих сабинян, они переселенцы из Лакедемона. Точно определить время его жизни трудно, тем более, что срок этот приходится устанавливать по списку олимпийских победителей, который был обнародован элейцем Гиппием в сравнительно позднюю пору и не основан на каких бы то ни было свидетельствах, достойных полного доверия. Мы излагаем те из собранных нами сведений, которые заслуживают внимания, взяв за начало события, соответствующие предмету рассказа.

2. Шел уже тридцать седьмой год существования Рима, и по-прежнему городом правил Ромул. В пятый день¹⁸⁴ месяца (ныне этот день зовется Капратинскими нонами) он совершал за городской стеной, подле так называемого Козьего болота, общественное жертвоприношение в присутствии сената и народной толпы. Внезапно погода резко переменилась, над землею нависла туча, засвистел ветер, поднялась буря; толпа в ужасе бросилась бежать и рассеялась, а Ромул исчез, и ни живого, ни мертвого найти его не удалось. Против патрициев возникло тяжкое подозрение, и в народе пополз слух, что они, мол, уже давно тяготились царским единодержавием и, желая взять власть в свои руки, убили царя, который, к тому же, стал с ними более крут и самовластен, чем прежде. Патриции старались рассеять эти подозрения, возводя Ромула в божественное достоинство. «Он не умер, – говорили они, – но удостоился лучшей доли». А Прокул, муж, пользовавшийся уважением сограждан, дал клятву, что видел, как Ромул в доспехах

---

¹⁸² 1. ...в шестнадцатую олимпиаду ... – В 714 г. Все хронологические споры, о которых идет речь, вызваны желанием представить Нуму учеником Пифагора, жившего почти на 200 лет позже.

¹⁸³ 2. ...К римским обычаям примешалось немало лаконских ... – Имеется в виду сходный военный дух, два консула как два царя, народные трибуны как эфоры и пр.

¹⁸⁴ 3. В пятый день ... – Ошибка Плутарха: в квинтилии (июле) ноны были седьмым днем месяца.

возносился на небо, и слышал его голос, повелевавший впредь именовать его Квирином.

Волнения в городе возобновились в связи с избранием нового царя. Поскольку пришельцы еще не вполне слились с исконными римлянами, то и в народе бушевали распри, и меж патрициями шли споры, рождавшие взаимное недоверие, и хотя все стояли за царскую власть, раздоры вызывал не только вопрос, кому быть царем, но и то, к какому племени должен принадлежать будущий глава государства. Те, что первыми, вместе с Ромулом, заселили город, считали возмутительными домогательства сабинян, которые, получив от них землю и права гражданства, теперь желали властвовать над своими гостеприимцами. И сабиняне тоже рассуждали справедливо, напоминая, что, когда умер их царь Татий, они не восстали против Ромула, но согласились, чтобы он правил один, и требуя, чтобы на этот раз царь был избран из их среды. Ведь они примкнули к римлянам не как слабейшие к сильнейшим – напротив, своим присоединением они умножили их численность и подняли Рим до положения настоящего города. Вот что было причиной волнений. А чтобы в этих шатких обстоятельствах раздоры не привели государство от безначалия к полной гибели, патриции, которых было сто пятьдесят человек¹⁸⁵, условились, что каждый из них будет по очереди облекаться знаками царского достоинства на шесть ночных и шесть дневных часов, принося установленные жертвы богам и верша суд. Это разделение обеспечивало равные преимущества сенаторам обоих племен и потому было одобрено; вместе с тем частая смена властей лишала народ всяких поводов к зависти, ибо он видел, как в течение одного дня и одной ночи человек превращался из царя в простого гражданина. Такой вид власти римляне называют междуцарствием¹⁸⁶.

3. Как ни умеренно, как ни мало обременительно казалось правление патрициев, все же они не избежали неудовольствия и подозрений в том, что намерены установить олигархию и забрали всю власть, не желая подчиняться царю. Наконец обе стороны сошлись на том, что нового царя выберет одна из них, но зато – из среды противников: это, надеялись они, вернее всего положит конец вражде и соперничеству, ибо избранный будет одинаково расположен и к тем, и к другим, одних ценя за то, что они доставили ему престол, ко вторым питая добрые чувства как к кровным родичам. Сабиняне поспешили предоставить право выбора римлянам, да и последние предпочли сами поставить царя-сабинянина, чем принять римлянина, поставленного противной стороной. Итак, посовещавшись, они называют Нуму Помпилия; он не принадлежал к тем сабинянам, которые в свое время переселились в Рим, но был всем так хорошо известен нравственной своей высотой, что сабиняне встретили это предложение еще охотнее, чем римляне его сделали. Известив народ о состоявшемся решении, совместно отправляют к Нуме послов – первых граждан из обоих племен – просить его приехать и принять власть.

Нума был родом из Кур, знаменитого в Сабинской земле города, по имени которого римляне прозвали себя и соединившихся с ними сабинян «квиритами». Его отец, Помпоний, пользовался уважением сограждан и имел четверых сыновей; Нума был самый младший. Божественным изволением он родился в день, когда Ромул основал Рим, – за одиннадцать дней до майских календ. Нрав его, от природы склонный ко всяческой добродетели, еще более усовершенствовался благодаря воспитанию жизненным бедствиям и философии: Нума не только очистил душу от порицаемых всеми страстей, но отрешился и от насилия, и от корыстолюбия (которые у варваров отнюдь не считаются пороками), отрешился, истинное

¹⁸⁵ 4. ...сто пятьдесят человек ... – Так и у Дионисия Галикарнасского, II, 47; но по Ром., 13 и 20, в сенате в это время было уже 200 человек.

¹⁸⁶ 5. *Междуцарствие* – так впоследствии назывался промежуток между гибелью (или низложением) обоих консулов данного года и выбором новых. На это время власть на каждые 5 дней получал по жребию один из сенаторов («междуцарь» – интеррекс). По Цицерону («О государстве», II, 23) и Ливию (I, 17), такой пятидневный срок соблюдался и здесь.

мужество видя в том, чтобы смирять в себе желания уздою разума. Он изгнал из своего дома роскошь и расточительность, был для каждого согражданина, для каждого чужестранца безукоризненным судьей и советчиком, свой досуг посвящал не удовольствиям и не стяжанию, а служению богам и размышлению об их естестве и могуществе и всем этим приобрел славу столь громкую что Татий, соправитель Ромула в Риме, выдал за него замуж свою единственную дочь Татию. Впрочем, брак не побудил Нуму переселиться к тестю, но, чтобы ходить за престарелым отцом, он остался в Сабинской земле – вместе с Татией: она также предпочла спокойствие частной жизни, которую вел ее муж, почестям и славе в Риме, рядом с отцом. На тринадцатом году после свадьбы она умерла.

4. Тогда Нума, как сообщают, оставил город, полюбил одинокую, скитальческую жизнь под открытым небом и большую часть времени проводил в священных рощах, на лугах, отданных в дар богам, среди пустынных мест. Вот откуда, бесспорно, и слухи о связи с богиней: не в смятении, не в душевной тревоге прервал-де Нума общение с людьми, но вкусив от радостей более возвышенных – удостоившись божественного брака. Говорили, что он, счастливцев, разделяет ложе с влюбленной в него богиней Эгерией и ему открылась небесная мудрость. Что все это напоминает древнейшие предания, которые фригийцы часто рассказывали об Аттисе, вифинцы о Геродоте, аркадяне об Эндимионе¹⁸⁷, а иные народы об иных людях, слывших счастливыми и любезными богам, – совершенно очевидно. И, пожалуй, вполне разумно представляя себе бога не конелюбивым и не птицелюбивым, но человеколюбивым, верить, что он охотно общается с самыми лучшими людьми и не отвергает, не гнушается беседы с мужем благочестивым и мудрым. Но чтобы бог или демон находился с человеком в телесной близости, питал склонность к внешней прелести, – в это поверить чрезвычайно трудно. Хотя различие, которое проводят египтяне, полагающие, что женщине доступно соединение с духом божества и следствием этого бывает некое первичное зачатие, но что у мужчины с богиней соития и плотского сношения быть не может, – хотя, повторяю, это различие кажется достаточно убедительным, они упускают из виду, что всякое смешение взаимно. Так или иначе нет ничего несообразного в дружеском расположении божества к человеку и в понимаемой под этим любви, которая состоит в заботе о нравственном совершенстве любимого. А значит, не погрешают против истины те, кто рассказывает о Форбанте, Гиакинфе и Адмете, возлюбленных Аполлона, а равно и об Ипполите Сикионском, коль скоро всякий раз, как Ипполит пускался в плавание из Сикиона в Кирру, бог, говорят, радовался, чувствуя его приближение, и Пифия среди прочих прорицаний неизменно изрекала следующий стих:

Вновь Ипполит мой любимый вступает на волны морские.

Существует предание, что Пиндара¹⁸⁸ и его песни любил Пан. Ради Муз боги оказали посмертные почести Архилоху и Гесиоду. Софокл, говорят, принимал у себя Асклепия, и этот слух подтверждается многими дошедшими до нас свидетельствами, а еще один бог позаботился о его погребении. Если истинность подобных сообщений мы допускаем, вправе ли мы отрицать, что божество являлось и Залевку, Миносу, Зороастру, Нуме, Ликургу – правителям царств и законодателям? Не следует ли, вернее, думать, что общение с ними было важным делом и для богов, которые старались наставить и подвигнуть своих земных

¹⁸⁷ 6. ...об Аттисе ... об Эндимионе ... – Смертный Аттис считался любовником богини Кибелы, а Эндимион – Дианы; о вифинском Геродоте (? имя испорчено) более ничего не известно.

¹⁸⁸ 7. Пиндара ... – рассказывали, будто бога Пана видели в лесах, певшего стихи Пиндара; убийцу поэта Архилоха пифия изгнала из дельфийского храма; брошенное в море тело Гесиода вынесли на берег священные дельфины Аполлона. Обо всем этом есть упоминания в других сочинениях Плутарха. Софокл умер во время осады Афин спартанцами, и тогда бог-покровитель трагедии Дионис во сне объявил Лисандру, чтобы тот не мешал погребению поэта за афинскими воротами.

друзей к добру, тогда как с поэтами и сочинителями жалобных напевов они если и встречались, то лишь забавы ради. Но если кто судит по иному – «Дорога широка», говоря словами Вакхилида¹⁸⁹. Ведь и в другом мнении, которое высказывается о Ликурге, Нуме и прочих им подобных мужах, не меньше здравого смысла: подчиняя себе необузданную и вечно чем-нибудь недовольную толпу и внося великие новшества в государственное устройство, они, мол, сообщали своим распоряжениям видимость божеской воли – выдумка, спасительная для тех, кого они вводили в обман.

5. Нуме шел уже сороковой год, когда из Рима прибыли послы звать его на царство. Речи держали Прокул и Велес, одного из которых народ был прежде расположен избрать царем, причем за Прокула стояло племя Ромула, за Велеса – Татия. Оба говорили недолго, в уверенности, что Нума будет счастлив воспользоваться выпавшей ему удачей. Но дело оказалось совсем не таким простым – потребовалось немало слов и просьб, чтобы убедить человека, жившего спокойной и мирной жизнью, отказаться от своих правил и принять власть над городом, рождением своим и ростом обязанным, в конечном счете, войне. В присутствии отца и Марция, одного из своих родственников, Нума отвечал так: «В человеческой жизни любая перемена сопряжена с опасностью. Но у кого есть все необходимое, кому в нынешнем своем положении жаловаться не на что, того лишь безумие может заставить изменить привычным порядкам, пусть даже никакими иными преимуществами они не обладают – они заведомо более надежны, чем всякая неизвестность. К чему, однако, толковать о неизвестности? Что такое царство, ясно показывает судьба Ромула, который сначала прослыл виновником гибели Татия, разделявшего с ним престол, а потом своею смертью навлек подозрения в убийстве на сенаторов. Но Ромула сенаторы возглашают сыном богов, говорят, что какой-то демон вскормил его и своим сверхъестественным покровительством хранил младенца от бед. Я же и родом смертный, и вскормлен и воспитан людьми, которых вы и сами знаете. Все, что во мне хвалят, чрезвычайно далеко от качеств, которыми должен быть наделен будущий царь, – я имею в виду свою склонность к долговому покою и тихим размышлениям, страстную и врожденную любовь к миру, к чуждым войны занятиям, к людям, которые собираются вместе лишь для того, чтобы поклониться богам и дружески побеседовать, в остальное же время возделывают, каждый в одиночку, поля или пасут скот. Между тем Ромул оставил вам в наследство, римляне, множество войн, возможно для вас и нежеланных, но чтобы дать отпор противнику, государство нуждается в царе горячем и молодом. Впрочем благодаря успехам ваш народ привык к войнам и даже полюбил их, и все знают, что он жаждет расширить свои владения и господствовать над другими народами. Надо мною только посмеются, когда увидят, что я учу служить богам, чтить справедливость и ненавидеть насилие и войну – учу город, который больше нуждается в полководце, чем в царе».

6. Слыша, что он отказывается от царства, римляне, не щадя сил, стали молить его не ввергать их город в новые раздоры и междоусобную войну – ведь он единственный, в чью пользу склоняются мнения обеих враждующих сторон; также и отец с Марцием, когда послы удалились, приступили к Нуме с убеждениями принять великий, свыше ниспосланный дар: «Если ты, довольствуясь тем, что имеешь, не ищешь богатства, если ты никогда не домогался славы, сопряженной с властью и могуществом, владея более драгоценною славой – покоящейся на добродетели, подумай хотя бы о том, что царствовать значит служить богу, который ныне воззвал к твоей справедливости и не даст ей более лежать втуне! Не беги власти, ибо она открывает перед человеком разумным поприще великих и прекрасных деяний, на котором ты пышно почтишь богов и легче и быстрее всего смягчишь души людей, обратишь их к благочестию, употребляя на это влияние государя. Римляне полюбили пришельца Татия и обожествили память Ромула. Кто знает, быть может, этот народ-победитель пресыщен войнами, не хочет больше триумфов и добычи и с нетерпением ждет

---

¹⁸⁹ 8. ...словами Вакхилида . – Отрывок из несохранившейся песни.

вождя кроткого, друга права, который даст им благозаконие и мир? Но если даже они охвачены неистовой, всепоглощающей страстью к войне, разве не лучше, взяв в руки поводья, направить их порыв в другую сторону, дабы узы благожелательства и дружбы связали наше отечество и всех вообще сабинян с цветущим и сильным городом?» К этим речам присоединились, как сообщают, добрые знамения, а также настояния сограждан, которые, узнав о посольстве, неотступно просили Нуму принять царство, чтобы в тесном союзе слить римлян и сабинян.

7. Итак, Нума согласился. Принеся жертвы богам, он отправился в Рим. Навстречу ему, в порыве достойной изумления любви к будущему царю, вышли сенат и народ. Звучали славословия женщин, в храмах приносили жертвы, все граждане радовались так, словно не царя получили, а царство. На форуме Спурий Веттий, которому выпал жребий исполнять обязанности царя в те часы, призвал сограждан к голосованию, и Нума был избран единогласно. Ему поднесли знаки царского достоинства, но он просил подождать: пусть прежде его избрание подтвердит бог, сказал он. Вместе с прорицателями и жрецами он поднялся на Капитолий, который римляне в то время называли Тарпейским холмом. Там первый прорицатель, закутав Нуме лицо, повернул его к югу, а сам стал позади, возложил правую руку ему на голову и, помолившись, принялся наблюдать, поглядывая кругом и ожидая от богов предуказаний в виде полета птиц или иных примет. Тишина, невероятная при таком стечении народа, опустилась на форум; запрокинув головы, все ждали, гадая в душе, каков будет исход дела, пока не явилась благая примета – птицы справа. Лишь тогда Нума надел царское платье и спустился к толпе. Загремели приветственные клики в честь «благочестивейшего из смертных» и «любимца богов», как говорили римляне.

Приняв власть, Нума начал с того, что распустил отряд из трехсот телохранителей, которых Ромул постоянно держал вокруг себя и которых называл «келерами», то есть «проворными», – Нума считал для себя невозможным не доверять тем, кто оказал ему доверие, равно как и царствовать над теми, кто ему не доверяет. Затем к двум жрецам – Юпитера и Марса – он присовокупил третьего – жреца Ромула и назвал его «фламинем Квирина». Двое прежних тоже носили имя фламин – по греческому названию войлочной шляпы¹⁹⁰, которой они покрывали голову. В ту пору, говорят, в латинском языке было больше греческих слов, чем теперь. Например, Юба утверждает, будто жреческие плащи, «лены» [laena], – это наши хлены и будто мальчик, прислуживавший жрецу Юпитера, звался «камиллом» [camillus] – так же, как иные из греков звали Гермеса, имея в виду услуги, которые он оказывает прочим богам.

8. Приняв эти постановления, которые должны были доставить ему благосклонность и любовь народа, Нума тотчас же принялся как бы размягчать этот железный город, чтобы из жестокого и воинственного сделать его более кротким и справедливым. Слова Платона «город лихорадит»¹⁹¹ как нельзя более подходят к Риму того времени: он был рожден отвагою и отчаянною дерзостью отчаянных и на редкость воинственных людей, которых занесло в Лаций отовсюду; многочисленные походы и частые войны были для него пищей, на которой он вырос и налился силой, и наподобие свай, под ударами и толчками только глубже уходящих в землю, Рим, перенося опасности, становился, казалось, еще крепче. Нума видел, что направить и обратить к миру этот гордый и вспыльчивый народ очень нелегко, и призвал на помощь богов: устраивая и сам возглавляя многочисленные жертвоприношения, шествия и хороводы, в которых торжественная важность сочеталась с приятной и радостной

¹⁹⁰ 9. ...войлочной шляпы ... – По-гречески πιλος, отсюда фантастическая форма πιλαμενος, как бы «ошляпленный». Латинское «лена» и греческое «хлена» – действительно родственные слова; «Касилом» Гермес звался в самофракийском культе, но этимология этого слова неясна.

¹⁹¹ 10. Слова Платона «город лихорадит» – «Государство», II, 372 с.

забавой, он ласкою утишал строптивый и воинственный нрав римлян. Иногда же, напротив, он говорил им о бедах, которые уготовало божество, о чудовищных призраках, о грозных голосах и, внушая им суеверный ужас, подавлял и сокрушал их дух.

Отсюда главным образом и возникло мнение, будто мудрость и ученость Нумы идет от его знакомства с Пифагором. Ведь и в философии Пифагора и в государственном устройстве Нумы важное место занимало тесное общение с божеством. Говорят, что и наружный блеск, которым облекся Нума, заимствован у Пифагора. Пифагор, насколько известно, приручил орла, – и птица, откликаясь на его зов, останавливалась в полете и спускалась на землю, – а на Олимпийских играх, проходя через толпу, показал собравшимся свое золотое бедро. Рассказывают и о других его чудесах и хитрых выдумках. По этому поводу Тимон Флиунтский написал:

Древний хотел Пифагор великим прослыть чародеем;
 Души людей завлекал болтовней напыщенно-звонкой.

Нума же вывел на сцену любовь некоей богини или горной нимфы, которая, как мы уже рассказывали, якобы находилась с ним в тайной связи, а также беседы с Музами. Именно Музам приписывал он бо льшую часть своих прорицаний, а одну из них, которую он называл Такитой¹⁹², что значит «молчаливая» или «немая», велел римлянам чтить особо; последнее, по-видимому, доказывает, что он знал и уважал обычай пифагорейского безмолвия.

Распоряжения Нумы касательно статуй богов – родные братья Пифагоровых догм: философ полагал начало всего сущего неосязаемым и не воспринимаемым чувствами, не подверженным никаким впечатлениям, а также и невидимым, несотворенным и умопостигаемым, царь запретил римлянам чтить бога в образе человека или животного, и в древности у них не было написанных, ни изваянных подобий божества. На протяжении первых ста семидесяти лет¹⁹³, строя храмы и воздвигая священные здания, они не создавали вещественных изображений, считая нечестивым приравнять высшее низшему и невозможным постичь бога иначе, нежели помышлением. Порядок жертвоприношений полностью следует пифагорейским обрядам: жертвы были бескровны и большей частью состояли из муки, вина и вообще из веществ самых дешевых. Помимо указанного нами выше, те, кто сближает Нуму с Пифагором, пользуются еще иными – привлеченными извне – свидетельствами. Одно из них – то, что римляне даровали Пифагору права гражданства, как сообщает в книге, посвященной Антенору, комик Эпихарм, старинный писатель и приверженец Пифагорова учения. Другое – то, что одного из своих четырех сыновей Нума назвал Мамерком в честь Пифагора. (Говорят, что от последнего получил свое имя патрицианский род Эмилиев: за изящество и прелесть речей царь якобы дал Мамерку ласковое прозвище «Эмилия»¹⁹⁴.) Мы сами неоднократно слышали в Риме, что однажды оракул повелел римлянам воздвигнуть у себя в городе статуи самому мудрому и самому храброму из греков, и тогда-де они поставили на форуме два бронзовых изображения: одно – Алкивиада, другое – Пифагора. Впрочем все это таит в себе множество противоречий, и ввязываться в спор, выступая с обстоятельными опровержениями или же, напротив,

¹⁹² 11. *Такитой* – эта камена считалась матерью Ларов (Овидий, «Фасты», II, 571—635); когда латинские камни были отождествлены с греческими Музами, это было истолковано как знак пифагорейских симпатий Нумы – испытательный срок пятилетнего молчания был самым известным обычаем пифагорейской школы.

¹⁹³ 12. *...на протяжении первых ста семидесяти лет ...* – Т.е. до этрусского царя Тарквиния Старшего.

¹⁹⁴ 13. *Эмилия* – это имя Плутарх производит от греч. *ἐμψυχος*; «вкрадчиво-ласковый».

высказывая безоговорочное доверие, было бы чистым ребячеством.

9. Далее Нуме приписывают учреждение должности верховных жрецов (римляне зовут их «понтификами») и говорят, что первым их главою был сам царь. Понтификами называли их либо потому, что они служат могущественным богам, владыкам всего сущего, а могущественный по-латыни – «потенс» [potens], либо по мнению других, имя это намекало на возможные исключения из правила, ибо законодатель велит жрецам приносить жертвы лишь тогда, когда это возможно, если же имеется какое-либо важное препятствие, не требует от них повиновения. Однако большинство держится самого смехотворного объяснения: они утверждают, будто этих жрецов называли просто-напросто «мостостроителями»¹⁹⁵ – по жертвам, которые приносят подле моста, каковой обряд считается весьма священным и древним, а мост римляне зовут «понтем» [pons]. Защитники этого взгляда ссылаются на то, что охрана и починка моста входит в обязанности жрецов наравне с соблюдением иных обычаев, древних и нерушимых, ибо поломку деревянного моста римляне считают тяжким, непростительным прегрешением. Говорят, что, следуя какому-то оракулу, мост собирали целиком из дерева и сколотили деревянными гвоздями, вовсе обойдясь без железа. Каменный мост выстроили много позже, при квесторе Эмилии¹⁹⁶. Впрочем, говоря, что и деревянный мост во времена Нумы еще не существовал и был сооружен лишь в царствование Марция, внука Нумы. Великий понтифик приблизительно соответствует эксегету¹⁹⁷, толкователю воли богов, или, вернее, иерофанту: он надзирает не только над общественными обрядами, но следит и за частными жертвоприношениями, препятствуя нарушению установленных правил и обучая каждого, как ему почтить или умиловить богов.

Великий понтифик был также стражем священных дев, которых называют весталками. Ведь и посвящение дев-весталок, и весь вообще культ неугасимого огня, который блюдут весталки, также приписывают Нуме, который поручил чистую и нетленную сущность огня заботам тела непорочного и незапятнанного, или, быть может, находил нечто общее между бесплодием пламени и девством. В тех городах Греции, где поддерживается вечный огонь, например в Дельфах и в Афинах, за ним смотрят не девушки, а женщины, по летам уже не способные к браку. Если по какой-либо случайности огонь потухал, – как было, говорят, в Афинах со священным светильником при тиране Аристионе¹⁹⁸, или в Дельфах, когда персы сожгли храм и когда исчез не только огонь, но и самый жертвенник, – его нельзя было зажечь от другого огня, но следовало возродить сызнова от солнечного жара, чистого и ничем не оскверненного. Обыкновенно для этого пользуются зажигательным зеркалом; внутри оно полое и составлено из равнобедренных прямоугольных треугольников так, что все ребра сходятся в одной точке. Когда его держат против солнца, лучи, отражаясь от всех граней, собираются и соединяются в центре, и зеркало, истончив и разредивши самый воздух, быстро воспламеняет наиболее легкие и сухие частицы положенного перед ним топлива, ибо лучи благодаря отражению приобретают естество и жгучую силу огня. Некоторые писатели считают, что единственное занятие дев-весталок – беречь неугасимое пламя, другие думают, что они хранят некие святыни, видеть которые, кроме них, не должен никто. Все, что можно об этом услышать и рассказать, изложено в жизнеописании

¹⁹⁵ 14. ... «Мостостроители»... – Это «смехотворное объяснение» считается ныне самым вероятным.

¹⁹⁶ 15. ...при квесторе Эмилии ... – В действительности, при цензоре 179 г. М. Эмилии Лепиде.

¹⁹⁷ 16. *Эксегет* («фазъяснитель»), *профет* («прорекатель») и *иерофант* («показывающий святыни») – главные лица при посвящении в Мистерии.

¹⁹⁸ 17. ...при тиране Аристионе ... – В 88—86 гг., см. Сул., 13.

Камилла¹⁹⁹.

10. Первыми, как сообщают, Нума посвятил в весталки Геганию и Верению, затем – Канулею и Тарпею. Впоследствии Сервий²⁰⁰ прибавил к четырем еще двух, и это число остается неизменным вплоть до сего дня. Царь назначил священным девам тридцатилетний срок целомудрия: первое десятилетие они учатся тому, что должны делать, второе – делают то, чему выучились, третье – сами учат других. По истечении этого срока им разрешено выходить замуж и жить, как вздумается, сложив с себя жреческий сан. Не многие, однако, воспользовались этим правом, те же, что воспользовались, не были счастливы, но весь остаток жизни мучились и раскаивались; пример их поверг остальных в суеверный ужас, и они до старости, до самой смерти, твердо блюли обет девства.

Зато Нума дал весталкам значительные и почетные преимущества. Так, им предоставлена возможность писать завещание еще при жизни отца и вообще распоряжаться своими делами без посредства попечителя, наравне с матерями троих детей²⁰¹. Выходят они в сопровождении ликторов, и если по пути случайно встретят осужденного на казнь, приговор в исполнение не приводится; весталке только следует поклясться, что встреча была невольной, неумышленной и ненарочитой. Всякий, кто вступит под носилки, на которых покоится весталка, должен умереть. За провинности великий понтифик сечет девушек розгами, раздевая их в темном и уединенном месте донага и прикрыв лишь тонким полотном. Но потерявшую девство зарывают живьем в землю подле так называемых Коллинских ворот²⁰². Там, в пределах города, есть холм, сильно вытянутый в длину (на языке латинян он обозначается словом, соответствующим нашему «насыпь» или «вал»). В склоне холма устраивают подземное помещение небольших размеров с входом сверху; в нем ставят ложе с постелью, горящий светильник и скудный запас необходимых для поддержания жизни продуктов – хлеб, воду в кувшине, молоко, масло: римляне как бы желают снять с себя обвинение в том, что уморили голодом причастницу величайших таинств. Осужденную сажают на носилки, снаружи так тщательно закрытые и забранные ремнями переплетами, что даже голос ее невозможно услышать, и несут через форум. Все молча расступаются и следуют за носилками – не произнося ни звука, в глубочайшем унынии. Нет зрелища ужаснее, нет дня, который был бы для Рима мрачнее этого. Наконец носилки у цели. Служители распускают ремни, и глава жрецов, тайно сотворив какие-то молитвы и простерши перед страшным деянием руки к богам, выводит закутанную с головой женщину и ставит ее на лестницу, ведущую в подземный покой, а сам вместе с остальными жрецами обращается вспять. Когда осужденная сойдет вниз, лестницу поднимают и вход заваливают, засыпая яму землею до тех пор, пока поверхность холма окончательно не выровняется. Так карают нарушительницу священного девства.

11. Чтобы хранить неугасимый огонь, Нума, по преданию, воздвиг также храм Весты. Царь выстроил его круглым, воспроизводя, однако, очертания не Земли (ибо не отождествлял Весту с Землей), но всей вселенной²⁰³, в средоточии которой пифагорейцы помещают

¹⁹⁹ 18. ...в жизнеописании Камилла . – Гл. 20.

²⁰⁰ 19. Сервий – Туллий, шестой римский царь.

²⁰¹ 20. ...с матерями троих детей . – Эти привилегии многодетным были даны при Августе, в 9 г. н.э.

²⁰² 21. Коллинские ворота . – Северные ворота Рима (в стене Сервия Туллия), впоследствии знаменитые победой Суллы в 83 г. (Сул., 28—30). Описываемый холм при них назывался «Проклятое поле».

²⁰³ 22. ...всей вселенной ... – Пифагорейцы считали, что и земля, и солнце, и все светила вращаются по кругам вокруг «мирового огня»; у Платона, при всем его интересе к пифагорейству, картина мира (в «Тимее») иная, – о попытках пифагорейской ее интерпретации Плутарх пишет в «Платоновских вопросах», 8. Круглая форма храма Весты (развалины его до сих пор стоят на форуме) заимствована от этрусков и не имеет к этому

огонь, называемый или Гестией [Вестой], или же Монадой. Земля, по их учению, не недвижима и не находится в центре небосвода, но вращается вокруг огня и не принадлежит к числу самых высокочтимых составных частей вселенной. Так же, говорят, судил в старости о Земле и Платон: он пришел к мысли, что Земля занимает стороннее положение, тогда как срединное и главенствующее место подобает другому, более совершенному телу.

12. Понтифики разрешают также вопросы, касающиеся погребальных обычаев, ибо Нума научил их не страшиться мертвого тела как чего-то оскверняющего, но воздавать должное и подземным богам, в чье владение переходит важнейшая часть нашего существа, особенно – так называемой Либитине, божеству, надзирающему за похоронами (в ней видят либо Персефону, либо – с еще большим основанием – Афродиту, причем последняя точка зрения принадлежит ученым из римлян, вполне разумно соотносящих и рождения и смерти с мощью одной богини). Нума установил продолжительность траура соразмерно возрасту умершего: детей моложе трех лет оплакивать вовсе не полагалось, старше – от трех до десяти – оплакивали столько месяцев, сколько лет прожил ребенок, и это был вообще крайний срок траура, совпадавший с наименьшим сроком вдовства для женщины, потерявшей мужа. Вдова, снова вступавшая в брак до истечения этих десяти месяцев, по законам царя Нумы, приносила в жертву богам стельную корову.

Нума учредил еще множество других жреческих должностей; из них мы упомянем только о двух, в создании которых благочестие царя сказалось особенно ясно, – о салиях и фециалах. Фециалы были стражами мира и свое имя²⁰⁴, на мой взгляд, получили по самой сути своей деятельности: они старались пресечь раздор с помощью увещательных слов и не позволяли выступить в поход прежде, чем не бывала потеряна всякая надежда на справедливое удовлетворение справедливых требований. Ведь и для греков «мир» – это когда разногласия улаживаются силою слова, а не оружия! Римские фециалы нередко отправлялись к обидчикам и убеждали их образумиться, и только если те упорствовали в своем безрассудстве, фециалы, приглашая богов в свидетели и призвав на себя и на свое отечество множество ужасных проклятий, коль скоро они мстят несправедливо, объявляли войну. Вопреки их воле или без их согласия ни простому воину, ни царю не дозволено было взяться за оружие: командующему следовало сначала получить от них подтверждение, что война справедлива, а лишь затем обдумывать и строить планы. Говорят даже, что пользующееся печальной известностью взятие Рима кельтами было карою за нарушение этих священных правил. Вот как все произошло. Варвары осаждали Клузий, и к ним в лагерь был отправлен послом Фабий Амбуст с наказом заключить перемирие и добиться прекращения осады. Получив неблагоприятный ответ, Фабий счел себя освобожденным от обязанностей посла: с юношеским легкомыслием он выступил на стороне клузийцев и вызвал на бой храбрейшего из варваров. Поединок римлянин выиграл, он сразил противника и снял с него доспехи, но кельты узнали победителя и послали в Рим гонца, обвиняя Фабия в том, что он сражался против них вероломно, вопреки договору и без объявления войны. Тогда фециалы стали убеждать сенат выдать Фабия кельтам, но тот прибег к защите народа и, воспользовавшись расположением к нему толпы, ускользнул от наказания. Немного спустя подступили кельты и разрушили весь Рим, кроме Капитолия. Впрочем, об этом говорится более подробно в жизнеописании Камилла²⁰⁵.

13. Жрецов-салиев Нума, как сообщают, назначил по следующему поводу. На восьмом

отношения.

²⁰⁴ 23. ...свое имя ... – Латинское *fetialis* в действительности не имеет отношения к греч. *φητις*; «говоря», но греческое *φίλιος*; «Мир» и вправду происходит от *φίλος*; (тоже «говоря»).

²⁰⁵ 24. ...в жизнеописании Камилла . – Гл. 17—18.

году его царствования моровая болезнь, терзавшая Италию, добралась и до Рима. Римляне были в смятении, и вот, рассказывают, что неожиданно с небес в руки царю упал медный щит; по этому случаю царь поведал согражданам удивительную историю, которую якобы услышал от Эгерии и Муз. Это оружие, утверждал он, явилось во спасение городу, и его надо беречь, сделавши одиннадцать других щитов, совершенно подобных первому формой, размерами и вообще всем внешним видом, чтобы ни один вор не мог узнать «низринутого Зевсом», введенный в заблуждение их сходством. Затем луг, где упал щит, и другие соседние луга следует посвятить Музам (богини часто приходят туда побеседовать с ним, Нумою), а источник, орошающий это место, объявить священным ключом весталок, которые станут ежедневно черпать из него воду для очищения и окропления храма. Говорят, что истинность этого рассказа была засвидетельствована внезапным прекращением болезни. Когда же царь показал мастерам щит и предложил им потягаться, кто лучше достигнет сходства, все отказались от состязания, и только Ветурий Мамурий, один из самых искусных художников, добился такого подобия и такого единообразия, что даже сам Нума не мог отыскать первого щита. Хранителями и стражами щитов царь назначил жрецов-салиев. Салиями – вопреки утверждениям некоторых – они были названы не по имени некоего Салия, самофракийца или мантинейца, впервые научившего людей пляске с оружием, но скорее по самой пляске²⁰⁶, в которой они каждый год, в марте, обходят город, взявши священные щиты, облекшись в короткий пурпурный хитон, с широким медным поясом на бедрах и медным шлемом на голове, звонко ударяя в щит небольшим мечом. Вся пляска состоит из прыжков, и главное в ней – движения ног; танцоры выполняют изящные вращения, быстрые и частые повороты, обнаруживая столько же легкости, сколько силы. Сами щиты называют «анкилия» [ancile] – по их форме: они не круглые и не ограничены полукружьями, как пельты²⁰⁷, но имеют по краю вырез в виде волнистой линии, крайние точки которой близко подходят одна к другой в самой толстой части щита, придавая ему извилистые [ankýlos] очертания. Быть может, однако, «анкилия» происходит от локтя [ankōn], на котором носят щит, – таково мнение Юбы, желающего возвести это слово к греческому. Но с тем же успехом древнее это название могло указывать и на падение [anékathen] сверху и на исцеление больных, и на прекращение засухи [káesis] и, наконец, на избавление от напастей [auchmos] – по этой причине афиняне прозвали Диоскуров Анаками²⁰⁸, – коль скоро действительно следует связывать слово «анкилия» с греческим языком! Наградой Мамурию, говорят, служит то, что салии всякий раз упоминают о его искусстве в песне, под которую пляшут пирриху. Впрочем, по другим сведениям, они воспевают не Ветурия Мамурия, а «ветерем мемориам» [vetus memoria], то есть «древнее предание».

14. Закончив с учреждением жречества, Нума выстроил подле храма Весты так называемую «Регию» – царский дом и почти все время проводил там, творя священные обряды, наставляя жрецов или вместе с ними размышляя о божественных предметах. На холме Квирина у царя был еще один дом, и римляне до сих пор показывают место, на котором он стоял. Во время торжественных шествий и вообще всяких процессий с участием жрецов впереди выступали глашатаи, повелевая гражданам прекратить работы и отдаться покою. Говорят, что пифагорейцы не разрешают поклоняться и молиться богам между делом, но требуют, чтобы каждый вышел для этого из дому, соответственно настроивши свой ум; точно так же и Нума полагал, что гражданам не должно ни слышать ни видеть ничто божественное как бы мимоходом или же мельком, а потому пусть оставят все прочие

²⁰⁶ 25. ...по самой пляске ... – Плутарх производит (правильно) слово salii от лат. saltare «прыгать», греч. haltikos «прыгательный».

²⁰⁷ 26. Пельты – легкие кожаные щиты в виде полумесяца. Щиты салиев по форме напоминали восьмерку.

²⁰⁸ 27. Анаками – см. Тес., 33.

занятия и устремят помыслы к самому важному – почитанию святыни, очистив на это время улицы от криков, скрежета, вздохов и тому подобных звуков, которыми сопровождается тяжкий труд ремесленника. След этого обычая сохранился у римлян до сего дня. Когда консул гадает по птицам или приносит жертву, громко восклицают: «Хок аге!» [Нос аге!], то есть «Делай это!», призывая присутствующих к порядку и вниманию.

О пифагорейском учении напоминают и многие другие предписания Нумы. Как пифагорейцы внушали не садиться на меру для зерна, не разгребать огонь ножом²⁰⁹, не оборачиваться назад, отправляясь в путешествие, приносить в жертву небесным богам нечетное число животных, а подземным – четное, причем смысл каждого из этих наставлений от толпы утаивался, так и смысл иных правил, идущих от Нумы, остается скрытым. Например: не делать возлияний вином, полученным от необрезанной лозы, не совершать жертвоприношений без муки, молясь богам, поворачиваться, а по окончании молитвы – садиться. Два первых правила, по-видимому, указывают, на то, что возделывание почвы неотъемлемо от благочестия. Поворот во время молитвы воспроизводит, говорят, вращение вселенной. Скорее, однако, поскольку двери храмов обращены к утренней заре и, входя в храм, оказываешься к востоку спиной, молящийся сначала поворачивается лицом к Солнцу, а потом снова к изображению бога, описывая полный круг и привлекая к исполнению своей молитвы обоих этих богов. Впрочем, клянусь Зевсом, тут может быть и намек на египетские колеса²¹⁰, и тогда круговое движение знаменует непрочность всех дел и надежд человеческих и призывает, как бы ни повернул бог нашу жизнь, как бы ни распорядился ею, все принимать с любовью. Сидеть после молитвы полагалось, как сообщают, в знак того, что просьбам будет даровано исполнение, а благам, о которых просят, – надежность. Вдобавок, отдых служит границей между действиями, а потому, положив конец одному делу, присаживались перед богами, дабы затем, с их же изволения, приступить к другому. Но возможно, и это согласуется с намерениями законодателя, о которых речь уже была выше: он приучает нас вступать в общение с божеством не между делом, не впопыхах, но лишь тогда, когда у нас есть для этого время и досуг.

15. Воспитание в духе благочестия исполнило город такую покорностью, таким восхищением пред могуществом Нумы, что речи, совершенно несообразные и баснословные, стали приниматься на веру: римляне решили, что для их царя нет ничего невозможного – стоит ему только захотеть. Говорят, что однажды, позвав к себе много народу, он предложил гостям самые дешевые и простые кушанья на весьма неприглядной посуде. Когда обед уже начался, царь вдруг заявил, что к нему пришла богиня, его возлюбленная, и в тот же миг повсюду появились драгоценные кубки, а стол ломился от всевозможных яств и богатой утвари.

Но все превосходит нелепостью рассказ о встрече Нумы с Юпитером. Предание гласит, что на Авентинский холм, который тогда не принадлежал еще к городу и не был заселен, но изобиловал полноводными ключами и тенистыми рощами, нередко приходили два божества – Пик и Фавн²¹¹. Их можно было бы уподобить сатирам или панам, но, владея тайнами колдовских снадобий и заклинаний, они бродили по Италии, играя те же шутки, которые

²⁰⁹ 28. *...не садиться на меру для зерна ...* – Значит избегать лени и заботиться о пропитании;
...не разгребать огонь ножом ... – значит не раздражать гневливых (Плутарх. О воспитании детей, 17; трактат этот считается подложным).

²¹⁰ 29. *Египетские колеса* – египетские жрецы во время молитвы вертели колесо в знак переменчивости всего земного (примеч. С.И. Соболевского).

²¹¹ 30. *Пик и Фавн* – древние итальянские сельские божества; поэтический рассказ об их плане – Овидий. Фасты, III, 292. *Дактилы* – греческие божества земли, обитавшие на горе Иде во Фригии и служившие Идейской матери – Рее-Кибеле. Им приписывали изобретение обработки железа.

греки приписывают дактилам с горы Иды. Нума их поймал, подмешавши вина и меда к воде источника, из которого они обычно пили. Оказавшись в плену, Пик и Фавн многократно изменяли свой облик, совлекая всегдашнюю свою наружность и оборачиваясь непонятными и страшными для взора призраками, но, чувствуя, что царь держит их крепко и что вырваться невозможно, предсказали многие из грядущих событий и научили очищению, которое следует совершать после удара молнии и которое совершают и по сей день с помощью лука, волос и рыбешек. Некоторые утверждают, будто Пик с Фавном не открывали Нуме порядка очищения, но своим волшебством свели с неба Юпитера, а бог в гневе возвестил, что очищение надлежит произвести головами. «Луковичными?» – подхватил Нума. «Нет. Человеческими...» начал Юпитер. Желая обойти это ужасное распоряжение Нума быстро переспросил: «Волосами?» – «Нет живыми...» «Рыбешками», – перебил Нума, наученный Эгерией. Тогда Юпитер удалился, смилостивившись, отчего место, где это происходило, было названо Иликием²¹²; очищение же совершают в соответствии со словами Нумы.

Эти смехотворные басни свидетельствуют, каково было в те времена отношение людей к религии, созданное силой привычки. Сам Нума, как рассказывают, полагался на богов с уверенностью, поистине непоколебимой. Однажды ему сообщили, что приближаются враги. «А я приношу жертву», – откликнулся царь, улыбаясь.

16. По преданию, Нума впервые воздвиг храмы Верности и Термина. Он внушил римлянам, что клятва Верностью – величайшая из всех клятв, и они держатся этого убеждения и по сей час. Термин – божественное олицетворение границы; ему приносят жертвы, общественные и частные, на рубежах полей, ныне – кровавые, но когда-то – бескровные: Нума мудро рассудил, что бог рубежей, страж мира и свидетель справедливости, не должен быть запятнан убийством. По-видимому, вообще лишь Нума впервые провел границы римских владений: Ромул не хотел мерить свою землю, чтобы не признаваться, сколько земли отнял он у других. Ведь рубеж, если его соблюдать, сковывает силу, а если не соблюдать, – уличает в насилии. В самом начале владения Рима были очень невелики, и в дальнейшем бо льшую их часть Ромул приобрел вооруженной рукой.

Все эти новые приобретения Нума разделил меж неимущими гражданами, дабы уничтожить бедность, неизбежно ведущую к преступлениям, и обратить к земледелию народ, умиротворив его вместе с землею. Нет другого занятия, которое бы столь же быстро внушало страстную привязанность к миру, как труд на земле: он сохраняет воинскую доблесть, потребную для защиты своего добра, но совершенно искореняет воинственность, служащую несправедливости и корысти. Поэтому Нума, видя в земледелии своего рода приворотное средство, которым он потчевал граждан в намерении привить им любовь к миру, и ценя его как путь скорее к добрым нравам, нежели к богатству, разделил землю на участки, которые назвал «пагами» [pagus], и над каждым поставил надзирателя и стража. Случалось, что он и сам обходил поля, судя о характере того или иного гражданина по его работе, и одним свидетельствовал свое уважение и доверие, а других, нерадивых и беззаботных, бранил и порицал, стараясь образумить.

17. Среди остальных государственных преобразований Нумы наиболее замечательно разделение граждан соответственно их занятиям. Казалось, что в Риме объединены, как мы уже говорили, два народа, но вернее город был расколот надвое и никоим образом не желал слиться воедино, ни (если можно прибегнуть к такому выражению) стереть, зачеркнуть существующие различия и разногласия; между враждебными сторонами шли непрерывные столкновения и споры, и Нума, рассудив, что, когда хотят смешать твердые и по природе своей плохо поддающиеся смешению тела, их ломают и крошат, ибо малые размеры частиц способствуют взаимному сближению, решил разбить весь народ на множество разрядов,

²¹² 31. Иликий – не от греч. ἐλίκιος; ἐλίκιος; ἐλίκιος; ἐλίκιος; ἐλίκιος; ἐλίκιος; («милостивый»), как у Плутарха, а от лат. elicio («выманивать»).

чтобы заставить первоначальное и основное различие исчезнуть, рассеявшись среди менее значительных. Итак, царь создал, соответственно роду занятий, цехи флейтистов, золотых дел мастеров, плотников, красильщиков, сапожников, дубильщиков, медников и гончаров; все же остальные ремесла он свел в один цех. Каждому цеху Нума дал право на подобающие ему собрания и назначил религиозные обряды, впервые изгнав из города то чувство обособленности, которое побуждало одних называть и считать себя сабинянами, других – римлянами, одних – согражданами Татия, других – Ромула.

Хвалят еще поправку к закону, разрешавшему отцам продавать своих сыновей: Нума сделал из него исключение в пользу женатых, если брак был заключен с одобрения и по приказу отца. Царь видел страшную несправедливость в том, что женщина, вышедшая замуж за свободного, вдруг оказывается женою раба.

18. Занимался Нума и движением небесного свода – хотя и не вполне основательно, но и не вовсе без знания дела. При Ромуле в исчислении и чередовании месяцев не соблюдалось никакого порядка: в некоторых месяцах не было и двадцати дней, зато в других – целых тридцать пять, а в иных – и того более. Римляне понятия не имели о различии в обращении луны и солнца, и следили только за тем, чтобы год неизменно состоял из трехсот шестидесяти дней. Нума, высчитав, что лунный год разнится от солнечного на одиннадцать дней и что в первом триста пятьдесят четыре дня, а во втором – триста шестьдесят пять, удвоил эти одиннадцать дней и ввел дополнительный месяц (у римлян – мерцедин²¹³), повторявшийся каждые два года и следовавший за февралем; его продолжительность – двадцать два дня. Однако оказалось, что применение этого средства, которое, по мысли Нумы, должно было сгладить указанное различие, впоследствии потребовало еще более решительных поправок²¹⁴. Нума изменил и порядок месяцев. Март, который прежде был первым, он поставил третьим, а первым – январь, занимавший при Ромуле одиннадцатое место, тогда как двенадцатым и последним был тогда февраль, ныне – второй месяц. Многие считают, что январь и февраль вообще прибавлены Нумой, а что сначала римляне обходились десятью месяцами, подобно тому как иные из варваров обходятся тремя, у греков же аркадяне – четырьмя и акарнанцы – шестью. Египетский год, как сообщают, насчитывал всего один месяц, а впоследствии – четыре. Вот почему египтяне кажутся самым древним народом на земле: считая месяц за год, они вписывают себе в родословные бесконечные множества лет.

19. О том, что у римлян в году было не двенадцать месяцев, а десять, свидетельствует название последнего из них: до сих пор его именуют «десятым». А что первым был март, явствует из порядка месяцев: пятый после марта так и зовется «пятым», шестой – «шестым» и так далее. Между тем, ставя январь и февраль перед мартом, римлянам пришлось означенный выше месяц называть пятым, а числить седьмым. С другой стороны, вполне разумно предполагать, что Ромул посвятил первый месяц Марсу, чьим именем месяц и назван. Второй месяц, апрель, назван в честь Афродиты: в апреле приносят жертвы богине, а в апрельские календы женщины купаются, украсив голову венком из мирта. Некоторые, правда, считают, что слово «апрель» никак не связано с Афродитой, поскольку звук «п» в первом случае не имеет придыхания; но этот месяц, падающий на разгар весны, пускает в рост всходы и молодые побеги – таков же как раз и смысл, заложенный в слове «апрель»²¹⁵. Из следующих месяцев май назван по богине Майе (он посвящен Меркурию), июнь – по

²¹³ 32. Мерцедин – правильное, мерцедоний (ср. Цез., 59).

²¹⁴ 33. ...впоследствии ... поправок . – При Юлии Цезаре, когда в 46 г. был введен «юлианский календарь» современного образца с високосным днем каждые 4 года.

²¹⁵ 34. Апрель – Aprilis сопоставляется (правильно) с aperire «открывать», ибо он «открывает» почки растений.

Юноне. Впрочем, иные говорят, что эти два месяца получили свои наименования по двум возрастам – старшему и младшему: «майорес» [maior] по-латыни старшие, «юниорес» [iunior] – младшие. Все остальные назывались порядковыми числами, в зависимости от места, которое принадлежало каждому – пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятый и десятый. Впоследствии пятый был назван июлем в честь Цезаря, победителя Помпея, а шестой августом в честь второго императора именовавшегося Священным. Седьмому и восьмому Домициан дал было свои имена²¹⁶, но это новшество продержалось недолго: как только Домициан был убит, они опять стали называться по-прежнему. Лишь два последних всегда сохраняли каждый свое первоначальное название.

Из двух месяцев, прибавленных или переставленных Нумой, февраль – очистительный месяц: таково, во-первых, почти точное значение этого слова²¹⁷, а, во-вторых, в феврале приносят жертвы умершим и справляют праздник Луперкалий, во многом близкий обряду очищения. Первый месяц, январь, получил свое имя по богу Янусу. Мне кажется, что Нума лишил первенства март, названный в честь Марса, желая во всем без изъятия гражданскую доблесть поставить выше воинской. Ибо Янус, один из древнейших богов или царей, сторонник государства и общества, по преданию, неузнаваемо изменил дикий, звериный образ жизни, который до того вели люди. Потому его и изображают двуликим, что он придал человеческому существованию новый облик и характер.

20. В Риме Янусу воздвигнут храм с двумя дверями; храм этот называют вратами войны, ибо принято держать его отворенным, пока идет война, и закрывать во время мира. Последнее случалось весьма редко, ибо империя постоянно вела войны, в силу огромных своих размеров непрерывно обороняясь от варварских племен, ее окружающих. Все же храм был заперт при Цезаре Августе после победы над Антонием, а еще раньше – в консульство Марка Атилия²¹⁸ и Тита Манлия, однако недолго: его тотчас открыли, потому что снова вспыхнула война. Но в правление Нумы храм Януса не видели отворенным хотя бы на день – сорок три года подряд он стоял на запоре. Вот с каким тщанием вытоптал Нума повсюду семена войны! Не только римский народ смягчился и облагородился под влиянием справедливости и кротости своего царя, но и в соседних городах, – словно из Рима дохнуло каким-то целительным ветром, – начались перемены: всех охватила жажда законности и мира, желание возделывать землю, растить спокойно детей и чтить богов. По всей Италии справляли праздники и пировали, люди безбоязненно встречались, ходили друг к другу, с удовольствием оказывали друг другу гостеприимство, словно мудрость Нумы была источником, из которого добро и справедливость хлынули во все сердца, поселяя в них ясность и безмятежность, присущие римскому законодателю. Пред тогдашним благоденствием бледнеют, говорят, даже поэтические преувеличения, вроде:

И в железных щитах.
Обвиты ремни
Пауков прилежных работой

или:

Съедены ржавчиной крепкие копья,
Съеден двуострый меч.

²¹⁶ 35. Седьмому и восьмому ... свои имена ... – Сентябрь был назван «германиком», а октябрь «домицианом».

²¹⁷ 36. ...значение этого слова ... – Februarius от februo «очищать».

²¹⁸ 37. ...в консульство Марка (правильно – Гая) Атилия ... – В 235 г.; при Цезаре Августе – 11 января 28 г.

Медных труб умолкли призывы;
Сладостный сон
Не покидает ресниц²¹⁹.

За все царствование Нумы нам неизвестна ни одна война, ни один мятеж, ни единая попытка к перевороту. Более того – у него не было ни врагов, ни завистников; не было и злоумышленников и заговорщиков, которые бы рвались к власти. Быть может, страх пред богами, которые, казалось, покровительствовали Нуме, быть может, благоговение пред его нравственным совершенством, или, наконец, милость судьбы, зорко хранившей при нем жизнь народа от всякого зла, доставили убедительный пример и обоснование для знаменитого высказывания, которое Платон²²⁰ много позже, отважился сделать о государстве: лишь одно, сказал он, способно дать людям избавление от бедствий – это если вышней волею философский ум сольется с царскою властью, и, слившись, они помогут добродетели осилить и сломить порок. «Счастлив он (то есть истинный мудрец), счастливы и те, кто слышит речи, текущие из уст мудреца». Очень скоро в этом случае отпадает потребность в принуждении и угрозах, ибо народ, видя воочию на блистательном и славном примере жизни своего правителя самое добродетель, охотно обращается к здравому смыслу и соответственно преобразует себя для жизни безупречной и счастливой, в дружбе и взаимном согласии, преисполненной справедливости и воздержности – к жизни, в которой и заключена прекраснейшая цель всякого государственного правления. Более всех воистину царь тот, кто способен внушить подданным такие правила и такой образ мыслей. И никто, кажется, не видел этого яснее, чем Нума.

21. Относительно потомства и браков Нумы мнения историков не одинаковы. Одни утверждают, что он был женат только раз, на Татии, и не имел детей, кроме единственной дочери Помпилии. Вторые приписывают ему кроме Помпилии, еще четырех сыновей – Помпона, Пина, Кальпа и Мамерка, каждый из которых стал-де основателем знатного рода: от Помпона пошли Помпони, от Пина – Пинарии, от Кальпа – Кальпурнии, от Мамерка – Мамерции; все они поэтому носили прозвище «Рексы», что означает «Цари». Третьи обвиняют вторых в том, что они стараются угодить перечисленным выше домам и строят ложные родословные, выводя их от Нумы; и Помпилия, продолжают эти писатели, родилась не от Татии, а от другой женщины, Лукреции, на которой Нума женился, уже царствуя в Риме. Все, однако, согласны, что Помпилия была замужем за Марцием, сыном того Марция, который убедил Нуму принять царство. Он переселился в Рим вместе с Нумой, был возведен в звание сенатора, а после смерти царя оспаривал у Гостилия престол, но потерпел неудачу и покончил с собой. Его сын Марций, женатый на Помпилии, не покинул Рима; он был отцом Анка Марция, который царствовал после Тулла Гостилия. Анку Марцию исполнилось всего пять лет, когда Нума скончался. Кончина его не была ни скоропостижной, ни неожиданной: по словам Пизона, он угасал постепенно, от дряхлости и длительной, вяло протекавшей болезни. Прожил он немногим более восьмидесяти лет.

22. Насколько завидною была эта жизнь, показывают даже похороны, на которые собрались союзные и дружественные народы с погребальными приношениями и венками; ложе с телом подняли на плечи патриции, следом за ложем двинулись жрецы богов и толпа прочих граждан, в которой было немало женщин и детей. Казалось, будто хоронят не престарелого царя, но будто каждый, с воплем и рыданием, провожает в могилу одного из самых близких себе людей, почившего в расцвете лет. Труп не предавали огню: говорят, таково было распоряжение самого Нумы. Сделали два каменных гроба и погребли их у подножия Яникула; в один заключено было тело, в другой – священные книги, которые

²¹⁹ 38. *И в железных щитах ... – Не покидает ресниц*. Два фрагмента из пеана Вакхилида (цитата неточная).

²²⁰ 39. Платон – «Законы», IV, 711e—712a и «Государство», VI, 487e (Плутарх дает пересказ).

Нума написал собственноручно (подобно тому как начерчивали свои скрижали греческие законодатели) и, при жизни сообщив жрецам их содержание, во всех подробностях растолковав смысл этих сочинений и научив применять их на деле, велел похоронить вместе с собою, считая неподобающим доверять сохранение тайны безжизненным буквам. Исходя из тех же доводов, говорят, не записывали своего учения и пифагорейцы, но неписанным предавали его памяти достойных. И если трудные, не подлежавшие огласке геометрические исследования поверялись человеку недостойному, божество, по словам пифагорейцев, вещало, что за совершенное преступление и нечестие оно воздаст великим и всеобщим бедствием. А потому вполне извинительны ошибки тех, кто, видя так много сходного, старается сблизить Нуму с Пифагором.

Антиат сообщает, что в гробу было двенадцать жреческих книг и еще двенадцать философских, на греческом языке. Около четырехсот лет спустя²²¹, в консульство Публия Корнелия и Марка Бебия, проливные дожди размывли могильную насыпь и обнажили гробы. Крышки свалились, и когда заглянули внутрь, один оказался совершенно пуст, без малейшей частицы праха, без всяких остатков мертвого тела, а в другом нашли книги, которые прочел, говорят, тогдашний претор Петилий, и, прочтя, доложил сенату, что считает противным законам человеческим и божеским доводить их содержание до сведения толпы. Итак, книги отнесли на Комитий и сожгли.

После кончины похвала справедливому и достойному мужу звучит громче прежнего, тогда как зависть переживает умершего не намного, а иной раз даже умирает первой. Но славу Нумы сделала особенно блистательной горькая участь его преемников. Пятеро царей правили после него, и последний потерял власть и состарился в изгнании, из остальных же четырех ни один не умер своей смертью. Трех погубили злоумышленники, а Тулл Гостилий, который сменил Нуму на царском престоле, предал поношению и осмеянию почти все его добрые дела, в особенности благочестие своего предшественника, якобы превратившее римлян в бездельников и трусов, и вновь обратил сограждан к войне; однако он и сам недолго упорствовал в этой ребяческой дерзости, ибо под бременем тяжелой и непонятной болезни впал в противоположную крайность, в суеверие, не имеющее ничего общего с благоговением Нумы перед богами, и – в еще большей мере – заразил суеверными страхами народ, сгорев, как сообщают, от удара молнии.

[Сопоставление]

23 (1). Теперь, когда изложение событий жизни Нумы и Ликурга закончено и оба жизнеописания находятся у нас перед глазами, нельзя не попытаться, как это ни трудно, свести воедино все черты различия. То, что было между ними общего, сразу же обнаруживается в их поступках: это воздержность, благочестие, искусство государственного мужа, искусство воспитателя, то, наконец, что единственной основой своего законодательства оба полагали волю богов. Но вот первые из благородных действий, в которых один не схож с другим: Нума принял царство, Ликург от него отказался. Первый не искал, но взял, второй владел, но добровольно отдал. Первого, иноземца и частного гражданина, чужой народ поставил над собою владыкой, второй сам превратил себя из царя в простого гражданина. Справедливо приобрести царство – прекрасно, но прекрасно и предпочесть справедливость царству. Первого добродетель прославила настолько, что он был сочтен достойным царства, второго – так возвысила духом, что он пренебрег верховною властью.

Далее, подобно искусным музыкантам, настраивающим лиру, один натянул

---

²²¹ 40. Около четырехсот лет спустя ... – Точнее, около 500: в 181 г. Это была подавленная попытка внести какие-то изменения в римскую общественную жизнь, выдав их за заветы Нумы.

ослабевшие и потерявшие строй струны лиры спартанской, другой, в Риме, ослабил струны слишком туго натянутые, причем, бо льшие трудности выпали на долю Ликурга. Не панцири снять с себя, не отложить в сторону мечи уговаривал он сограждан, но расстаться с серебром и золотом, выбросить вон дорогие покрывала и столы, не справлять празднества и приносить жертвы богам, покончивши с войнами, но, простившись с пирами и попойками, неустанно закалять себя упражнениями с оружием и в палестрах²²². Вот почему один осуществил свои замыслы с помощью убеждений, окруженный любовью и почетом, а другой подвергался опасностям, был ранен и едва-едва достиг намеченной цели. Ласкова и человечна Муза Нумы, смягчившего необузданный и горячий нрав сограждан и повернувшего их лицом к миру и справедливости. Если же расправы над илотами – дело до крайности жестокое и противозаконное! – нам придется числить среди нововведений Ликурга, то мы должны признать Нуму законодателем, гораздо полнее воплотившим дух эллинства: ведь он даже совершенно бесправным рабам дал вкусить от радостей свободы, приучив хозяев сажать их в Сатурналии²²³ рядом с собою за один стол. Да, говорят, что и этот обычай ведет свое начало от Нумы, приглашавшего насладиться плодами годовичного труда тех, кто помог их вырастить. Некоторые же видят в этом воспоминание о пресловутом всеобщем равенстве, уцелевшее со времен Сатурна, когда не было ни раба, ни господина, но все считались родичами и пользовались одинаковыми правами.

24 (2). В целом, по-видимому, оба одинаково направляли народ к воздержности и довольству тем, что есть. Среди прочих достоинств один ставил выше всего мужество, другой – справедливость. Но, клянусь Зевсом, вполне вероятно, что несходство приемов и средств определено природой или привычками тех людей, которыми им довелось править. В самом деле, и Нума отучил римлян воевать не из трусости, но дабы положить конец насилию и обидам, и Ликург готовил спартанцев к войне не для того, чтобы чинить насилия, но чтобы оградить от них Лакедемон. Устраняя излишнее и восполняя недостающее, оба вынуждены были совершить большие перемены в жизни своих народов.

Что касается разделения граждан, то у Нумы оно всецело соответствует желаниям простонародья и угождает вкусу толпы – народ выглядит пестрою смесью из золотых дел мастеров, флейтистов, сапожников; у Ликурга же оно сурово и аристократично: занятия ремеслами Ликург презрительно и брезгливо поручает рабам и пришельцам, а гражданам оставляет только щит и копье, делая их мастерами войны и слугами Ареса, знающими одну лишь науку и одну лишь заботу – повиноваться начальникам и побеждать врагов. Свободным не разрешалось и наживать богатство – дабы они были совершенно свободны; денежные дела были отданы рабам и илотам, точно так же как прислуживание за обедом и приготовление кушаний. Нума подобных различий не устанавливал; он ограничился тем, что пресек солдатскую алчность, в остальном же обогащению не препятствовал, имущественного неравенства не уничтожил, но и богатству предоставил возрастать неограниченно, а на жестокую бедность, проникавшую в город и усиливавшуюся в нем, не обращал внимания, тогда как следовало сразу, с самого начала, пока различие в состояниях было еще невелико и все жили почти одинаково, воспротивиться корыстолюбию, по примеру Ликурга, и таким образом предупредить пагубные последствия этой страсти, последствия тягчайшие, ставшие семенем и началом многочисленных и самых грозных бедствий, постигших Рим. Передел земель, произведенный Ликургом, нельзя, по-моему, ставить ему в укор, равно как нельзя укорять Нуму за то, что он подобного передела не произвел. Первому равенство наделов доставило основу для нового государственного устройства в целом, второй, застав землю лишь недавно нарезанной на участки, не имел ни малейшего основания

²²² 41. *Палестра* – площадка, где обучали искусству борьбы.

²²³ 42. *Сатурналии* – праздник солнцеворота, 17–21 декабря, с карнавальной игрой в вывернутые наизнанку социальные отношения: господа прислуживали рабам.

ни затевать передел, ни как-либо изменять границы владений, по всей видимости, еще сохранивших свои первоначальные размеры.

25 (3). Хотя общность жен и детей и в Спарте и в Риме разумно и на благо государству изгнала чувство ревности, мысль обоих законодателей совпадала не во всем. Римлянин, полагавший, что у него достаточно детей, мог, вняв просьбам того, у кого детей не было вовсе, уступить ему свою жену²²⁴, обладая правом снова выдать ее замуж, и даже неоднократно. Спартанец разрешал вступать в связь со своею женой тому, кто об этом просил, чтобы та от него понесла, но женщина по-прежнему оставалась в доме мужа и узы законного брака не расторгались. А многие, как уже говорилось выше, сами приглашали и приводили мужчин или юношей, от которых, по их расчетам, могли родиться красивые и удачные дети. В чем же здесь различие? Не в том ли, что Ликурговы порядки предполагают полнейшее равнодушие к супруге и большинству людей принесли бы жгучие тревоги и муки ревности, а порядки Нумы как бы оставляют место стыду и скромности, прикрываются, словно завесою, новым обручением и совместность в браке признают невозможной?

Еще более согласуется с благопристойностью и женской природой учрежденный Нумою надзор над девушками, меж тем как Ликург предоставил им полную, поистине неженскую свободу, что вызвало насмешки поэтов. Спартанок зовут «оголяющими бедра» (таково слово Ивика), говорят, будто они одержимы похотью; так судит о них Эврипид²²⁵, утверждающий, что делят

Они палестру с юношей, и пеплос
Им бедра обнажает на бегах.

И в самом деле, полы девичьего хитона не были сшиты снизу, а потому при ходьбе распахивались и обнажали все бедро. Об этом совершенно ясно сказал Софокл²²⁶ в следующих стихах:

Она без столы; лишь хитоном легким
Едва прикрыто юное бедро
У Гермियोны.

Говорят еще, что по той же причине спартанки были дерзки и самонадеянны и мужской свой нрав давали чувствовать прежде всего собственным мужьям, ибо безраздельно властвовали в доме, да и в делах общественных высказывали свое мнение с величайшей свободой. Нума в неприкосновенности сохранил уважение и почет, которыми при Ромуле окружали римляне своих жен, надеясь, что это поможет им забыть о похищении. Вместе с тем он привил женщинам скромность и застенчивость, лишил их возможности вмешиваться в чужие дела, приучил к трезвости и молчанию, так что вина они не пили вовсе и в отсутствие мужа не говорили даже о самых обыденных вещах. Рассказывают, что когда какая-то женщина выступила на форуме в защиту собственного дела, сенат послал к оракулу спросить бога, что предвещает государству это знамение. Немаловажным свидетельством послушания и кротости римлянок служит память о тех, кто этими качествами не отличался. Подобно тому, как наши историки пишут, кто впервые затеял междоусобную распрю, или пошел войною на брата, или убил мать или отца, так римляне упоминают, что первым дал жене развод Спурий Карвилий, а в течение двухсот тридцати лет после основания Рима

²²⁴ 43. ...уступить свою жену ... – См. КМл., 25.

²²⁵ 44. Эврипид – «Андромаха», 597—598 (пер. И. Анненского).

²²⁶ 45. Софокл – отрывок из несохранившейся трагедии.

ничего подобного не случилось, и что впервые поссорилась со своей свекровью Геганией жена Пинария по имени Талия в царствование Тарквиния Гордого. Вот как прекрасно и стройно распорядился законодатель браками!

26 (4). Всей направленности воспитания девушек отвечало и время выдачи их замуж. Ликург обручал девушек созревшими и жаждущими брака, дабы соитие, которого требовала уже сама природа, было началом приязни и любви, а не страха и ненависти (как случается в тех случаях, когда, принуждая к супружеству, над природою чинят насилие), а тело достаточно окрепло для вынашивания плода и родовых мук, ибо единственной целью брака у спартанского законодателя было рождение детей. Римлянок же отдавали замуж двенадцати лет и еще моложе, считая, что именно в этом возрасте они приходят к жениху чище, непорочнее и телом и душою. Ясно, что спартанские порядки, пекущиеся о произведении на свет потомства, естественнее, а римские, имеющие в виду согласие между супругами, нравственнее.

Но что до присмотра за детьми, их объединения в отряды, совместного пребывания и обучения, стройности и слаженности их трапез, упражнений и забав, — в этом деле, как показывает пример Ликурга, Нума несколько не выше самого заурядного законодателя. Ведь он предоставил родителям свободу воспитывать молодых, как кому вздумается или потребуется — захочет ли отец сделать сына землепашцем, корабельным мастером, медником или флейтистом, словно не должно с самого начала внутренне направлять и вести всех единым путем или словно дети — это путешественники, которые сели на корабль по различным надобностям и соображениям и объединяются ради общего блага только в минуты опасности, страшась за собственную жизнь, в остальное же время смотрят каждый в свою сторону.

Вообще законодателей не стоит винить за упущения, причину коих была недостача знаний или же сил. Но коль скоро мудрец принял царскую власть над народом, лишь недавно возникшим и ни в чем не противящимся его начинаниям, — на что прежде следовало такому мужу обратить свои заботы, как не на воспитание детей и занятия юношей, дабы не в пестроте нравов, не в раздорах вырастали они, но были единоклубны, с самого начала вступив на единую стезю добродетели, изваянные и отчеканенные на один лад? Подобный образ действий, помимо всего прочего, способствовал незыблемости законов Ликурга. Страх, внушенный клятвою, стоил бы немногого, если бы Ликург посредством воспитания не внедрил свои законы в сердца детей, если бы преданность существующему государственному строю не усваивалась вместе с пищею и питьем. Вот почему самые главные и основные из его установлений продержались более пятисот лет, наподобие беспримесной, сильной и глубоко вошедшей в грунт краски. Напротив, то, к чему стремился на государственном поприще Нума — мир и согласие с соседями, — исчезло вместе с ним. Сразу после его кончины обе двери дома, который Нума держал всегда закрытым, точно действительно замкнул в нем укрощенную войну, распахнулись, и вся Италия обогрилась кровью и наполнилась трупами. Даже недолгое время не смогли сохраниться прекрасные и справедливые порядки, которым не хватало связующей силы — воспитания.

«Опомнись! — возразят мне. — Да разве войны не пошли Риму на благо?» На такой вопрос придется отвечать пространно, если ответа ждут люди, благо полагающие в богатстве, роскоши и главенстве, а не в безопасности, спокойствии и соединенном со справедливостью довольстве тем, что имеешь! Во всяком случае, в пользу Ликурга говорит, по-видимому, и то обстоятельство, что римляне, расставшись с порядками Нумы, достигли такого величия, а лакедемоняне, едва лишь преступили заветы Ликурга, из самых могущественных превратились в самих ничтожных, потеряли владычество над Грецией и самое Спарту поставили под угрозу гибели. А в судьбе Нумы поистине велико и божественно то, что призванному на царство чужеземцу удалось изменить все одними убеждениями и увещаниями и править городом, еще раздираемым междоусобиями, не обращаясь ни к оружию, ни к насилию (в отличие от Ликурга, поднявшего знать против народа), но сплотив Рим воедино, благодаря лишь собственной мудрости и справедливости.

СОЛОН И ПОПЛИКОЛА

Солон

[Перевод С.И. Соболевского]

1. Грамматик Дидим в своем возражении Асклепиаду относительно таблиц Солона²²⁷, цитирует какого-то Филокла, который, вопреки мнению всех писателей, упоминающих о Солоне, называет его сыном Эвфориона. Все единогласно утверждают, что отцом его был Эксекестид, человек, как они говорят, по состоянию и положению относившийся к средним гражданам, но по происхождению принадлежавший к первому по знатности дому: отдаленным его предком был Кодр. О матери Солона Гераклид Понтийский рассказывает, что она была двоюродной сестрой матери Писистрата. Первоначально между ними была дружба, как вследствие родства, так и вследствие даровитости и красоты Писистрата, в которого, как некоторые утверждают, Солон был влюблен. Поэтому, думается мне, когда между ними произошел разрыв на политической почве, их вражда не дошла до жестокой, дикой страсти; между ними сохранилось прежнее чувство взаимных обязанностей, которое поддерживало память и нежность любви: оно

Еще курится – в нем еще живет
Огонь небесный²²⁸.

Что Солон не был равнодушен к красавцам и не имел мужества вступить в борьбу с любовью, «как борец в палестре»²²⁹, это можно видеть из его стихотворений; кроме того, он издал закон, воспреещающий рабу натираться маслом для гимнастических упражнений и любить мальчиков. Он ставил это в число благородных, почтенных занятий, и некоторым образом призывал людей достойных к тому, от чего отстранял недостойных. Говорят, что и Писистрат был влюблен в Харма и поставил статую Эроса в Академии – на том месте, где зажигают огонь при беге со священными факелами²³⁰.

2. Отец Солона, как говорит Гермипп, истратил часть состояния на дела благотворительности разного рода. Хотя у Солона не оказалось бы недостатка в людях, готовых ему помочь, он считал позорным брать у других, когда сам происходил из семьи, привыкшей помогать другим. Поэтому еще в молодости он занялся торговлей. Впрочем, некоторые писатели утверждают, что Солон странствовал скорее для приобретения большего опыта и познаний, чем ради обогащения. Все согласны в том, что он был любителем науки, потому что и в старости говорил:

---

²²⁷ 1. *Таблицы Солона* – законы Солона были написаны на деревянных досках-таблицах.

²²⁸ 2. *Еще курится... // Огонь небесный.* – Эврипид. Вакханки, 8 (пер. И. Анненского).

²²⁹ 3. *...«как борец в палестре»...* – Софокл. Трахинянки, 442 (пер. Ф. Зелинского).

²³⁰ 4. *...при беге со священными факелами.* – На Больших Панафинях молодые люди бежали (во времена Плутарха) от алтаря в Академии, передавая зажженный факел из рук в руки через каждые 25 м; от каждой филы в этой эстафете участвовала команда из 40 человек.

Стар становлюсь, но всегда многому всюду учусь²³¹.

К богатству Солон не имел страсти; напротив, он говорит, что равно богат как тот,

...у кого серебра в изобилие,
Золота много, земли и плодородных полей,
Есть и кони и мулы. Но счастлив и тот, кто имеет
Крепкие бедра и грудь, силу и резвость в ногах;
Если судьба ему даст юнца иль жену молодую,
Счастлив он будет, пока сам он и молод и свеж²³².

А в другом месте он говорит:

Быть я богатым хочу, но нечестно владеть не желаю
Этим богатством: поздней час для расплаты придет.

Однако вполне возможно, что честный государственный деятель не стремится к приобретению излишнего, но в то же время не пренебрегает и заботой о предметах необходимых. А в те времена, по выражению Гесиода²³³, «никакая работа не была позором», ремесло не вносило различия между людьми, а торговля была даже в почете, потому что она знакомила эллинов с миром варваров, доставляла дружбу с царями и давала разносторонний опыт. Некоторые купцы становились даже основателями больших городов, как, например, Протид, приобретя расположение кельтов, живущих у Родана, основал Массалию. О Фалесе и о математике Гиппократе также рассказывают, что они занимались торговлей; а Платону продажа масла в Египте доставила деньги на его заграничное путешествие.

3. Расточительность Солона, его склонность к изнеженности и несколько легкомысленный, отнюдь не философский характер его стихов, в которых он рассуждает о наслаждениях, – все это, как полагают, было следствием его занятия торговлей: жизнь купца часто подвергает человека большим опасностям, и за это он желает вознаградить себя какими-нибудь радостями и наслаждениями. Но Солон причислял себя скорее к бедным, чем к богатым, как видно из следующих стихов:

Многие низкие люди богаты, а добрый беднеет;
Мы же не будем менять доблесть на денег мешок;
Ведь добродетель всегда у нас остается, а деньги
Этот сегодня имел, завтра получит другой.

К поэзии он сначала, по-видимому, не относился серьезно: она была для него игрой и досужим развлечением; но впоследствии он облакал в стихотворную форму и философские мысли и часто излагал в стихах государственные дела – не с целью увековечить их в памяти истории, но для оправдания своих действий, иногда для увещания, или наставления, или порицания афинян. По некоторым известиям, он попробовал было даже законы издать в виде поэмы; по преданию, начало ее было следующее:

---

²³¹ 5. *Стар становлюсь, но... всюду учусь...* – Все цитаты из Солона (кроме особо оговоренных) переведены Б. Фонкичем.

²³² 6. *У кого серебра...* – пер. М. Грабарь-Пассек.

²³³ 7. *По выражению Гесиода* – «Труды и дни», 309.

Прежде молитвы свои вознесем владыке Крониду,
Чтобы он этим законам успех дал и добрую славу.

Из нравственной философии он всего более любил гражданскую часть ее, как и большинство тогдашних мудрецов. В науке о природе его познания слишком уж просты и примитивны, как видно из следующих стихов:

Снежные хлопья и град низвергаются с неба из тучи,
Молнии яркой стрела грома рождает раскат.
Море бушует от вихрей; но если его не колеблет
Сила чужая, то гладь в мирном покое лежит.

Вообще, по-видимому, Фалес был тогда единственным ученым, который в своих исследованиях пошел дальше того, что нужно было для житейских потребностей; все остальные²³⁴ получили название мудрецов за свое искусство в государственных делах.

4. Рассказывают, что мудрецы эти сошлись однажды в Дельфах, а потом в Коринфе, где Периандр устроил какое-то пиршество. Но еще больше уважения и славы доставила им история с треножником, который обошел их всех, как по кругу, и который они уступали друг другу с благожелательным соревнованием. Косские рыбаки (так гласит молва) закидывали сеть, и приезжие из Милета купили улов, еще не зная, каков он будет. Оказалось, что они вытащили треножник, который, по преданию, Елена, плывя из Трои, бросила тут, вспомнив какое-то старинное предсказание оракула. Из-за треножника сперва начался спор между приезжими и рыбаками; потом города вменялись в эту ссору, дошедшую до войны; наконец, пифия повелела обеим сторонам отдать треножник мудрейшему. Сперва его послали к Фалесу в Милет: жители Коса добровольно дарили ему одному то, из-за чего они вели войну со всеми милетянами. Фалес объявил, что Биант учение его, и треножник пришел к нему; от него он был послан еще к другому, как к более мудрому. Потом, совершая круг и пересылаемый от одного к другому, треножник вторично пришел к Фалесу. В конце концов он был привезен из Милета в Фивы и посвящен Аполлону Йеменскому. Но Феофраст говорит, что треножник сперва послали в Приену к Бианту, а потом Биант отослал его в Милет к Фалесу; так обойдя всех, он вернулся к Бианту и, наконец, уже был отправлен в Дельфы. Последняя версия более распространена; только одни говорят, что подарок этот был не треножник, а чаша, посланная Крезом, а другие, – что кубок, оставшийся после Бафикла.

5. Есть рассказ о личном свидании и разговоре Солон с Анахарсисом, а также с Фалесом.

Говорят, Анахарсис пришел к Солонову дому в Афинах, постучал и сказал, что он иноземец, пришел заключить с ним союз дружбы и взаимного гостеприимства²³⁵. Солон отвечал, что лучше заводить дружбу у себя дома. «Так вот, – отвечал Анахарсис, – ты сам-то дома, так и заключи с нами союз дружбы и гостеприимства». Солон пришел в восторг от его находчивости; он принял его радушно, и некоторое время держал у себя, когда сам он уже занимался государственными делами и составлял законы. Узнав об этом, Анахарсис стал смеяться над его работой: он мечтает удержать граждан от преступлений и корыстолюбия писанными законами, которые ничем не отличаются от паутины: как паутина, так и

---

²³⁴ 8. *Все остальные* – разумеются знаменитые «Семь мудрецов» древности (ср. гл. 12), одним из которых считался Солон. Народные легенды о них были сведены воедино уже в александрийское время; сам Плутарх участвовал в их художественной разработке, сочинив «Пир семи мудрецов».

²³⁵ 9. *Взаимное гостеприимство* – «проксения», наследственная дружба, наподобие кавказского куначества, – важнейшая черта общественной жизни в раздробленной Греции.

законы, – когда попадают слабые и бедные, их удержат, а сильные и богатые вырвутся. На это Солон, говорят, возразил, что и договоры люди соблюдают, когда нарушать их невыгодно ни той ни другой стороне; и законы он так приравнивает к интересам граждан, что покажет всем, насколько лучше поступать честно, чем нарушать законы. Однако результат получился скорее тот, какой предполагал Анахарсис, чем тот, на который надеялся Солон. И Анахарсис, посетив Народное собрание, выражал удивление, что у эллинов говорят мудрецы, а дела решают невежды.

6. Когда Солон пришел к Фалесу в Милет, он удивлялся полному его равнодушию к браку и рождению детей. Фалес на этот раз промолчал, а спустя несколько дней подговорил одного приезжего рассказать, будто он недавно, десять дней назад, приехал из Афин. Солон спросил его, нет ли чего нового в Афинах. Приезжий, подученный Фалесом, сказал: «Ничего, только клянусь Зевсом, были похороны одного молодого человека, и провожал его весь город. Это был, как говорили, сын человека известного, первого в городе по своим нравственным качествам. Его самого не было; говорили, что он уже давно находится за границей». – «Какой несчастный!.. – воскликнул Солон. – А как его называли?» «Я слышал его имя, – отвечал тот, – да не помню; только много было разговоров об его уме и справедливости». Так при каждом ответе страх у Солона все возрастал; наконец, уже в полной тревоге он подсказал приезжему имя и спросил, не называли ли умершего сыном Солона. Тот ответил утвердительно. Тогда Солон стал бить себя по голове, делать и говорить все то, что делают и говорят люди в глубоком несчастии. Фалес, дотронувшись до него и засмеявшись, сказал: «Вот это, Солон, и удерживает меня от брака и рождения детей, что валит с ног и тебя, такого сильного человека. Что же касается этого рассказа, не бойся: это неправда». По свидетельству Гермиппа, так рассказывает Патек, утверждавший, что в нем душа Эзопа.

7. Однако безрассуден и малодушен тот, кто не решается приобретать нужное из боязни потерять его. Ведь в таком случае никто не стал бы любить ни богатства, ни славы, ни знания, если бы они ему достались, из страха их лишиться. Даже высокая доблесть, – самое великое и приятное благо, – как мы видим, исчезают от болезней и отрав. Да и сам Фалес, избегая брака, нисколько не обеспечил себя от страха; иначе пришлось бы ему не иметь также друзей, родных, отечества. Мало того, говорят, что он усыновил сына сестры своей, Кибисфа. Так как в душе человека есть склонность к любви и ей от природы присуща потребность любить, совершенно так же, как в ней есть способность чувствовать, мыслить и помнить, к тем, у кого нет предмета любви, закрадывается в душу и там укрепляется что-нибудь постороннее. Как домом или землей, не имеющими законных наследников, так и этой потребностью любить овладевают вселяющиеся в нее чужие, незаконные дети, слуги; они внедряют в человека не только любовь к ним, но также и заботу и страх за них. Посмотришь иногда, – человек не в меру сурово рассуждает о браке и рождении детей, а потом он же терзается горем, когда болеют или умирают дети от рабынь или наложниц, и у него вырываются малодушные вопли. Даже при смерти собак и лошадей некоторые от печали доходят до такого позорного малодушия, что жизнь становится им не мила. Напротив, другие при потере хороших людей не испытывают ничего страшного и не делают ничего недостойного, но и потом во всей остальной жизни сохраняют благоразумие. Да, слабость, а не любовь, производит безграничные печали и страхи у людей, не укрепленных разумом против ударов судьбы; у них нет даже способности наслаждаться, когда им дается в руки предмет их желаний, потому что мысль о возможности лишиться его в будущем, заставляет их вечно мучиться, трепетать, опасаться. Нет, не следует мириться с бедностью из-за того, что можешь лишиться денег, с отсутствием друзей – из-за того, что можешь потерять их, с бездетностью – из-за того, что дети могут умереть, а надо вооружиться рассудком, чтобы быть готовым ко всему. Сказанного более чем достаточно для данного случая.

8. Афиняне, утомленные долгой и тяжелой войной с мегарянами из-за Саламина, запретили законом, под страхом смертной казни, вновь в письменной или устной форме предлагать гражданам продолжать борьбу за Саламин. Солон огорчало это позорное

положение. Он видел, что многие молодые люди ждут только повода, чтобы начать войну, не решаясь сами начать ее из-за этого закона. Поэтому он притворился сумасшедшим; из его дома по городу распространился слух, что он выказывает признаки умопомешательства. Между тем, он тайно сочинил стихи, выучил их, чтобы говорить их наизусть, и вдруг бросился на площадь с шапочкой на голове²³⁶. Сбежалась масса народа, Солон, вскочив на камень, с которого говорили глашатаи, пропел стихотворение, которое начинается так:

С вестью я прибыл сюда от желанного всем Саламина,
Стройную песню сложив, здесь, вместо речи, спою.

Это стихотворение носит заглавие «Саламин» и состоит из ста стихов; оно очень изящно. Когда Солон пропел его, друзья его начали хвалить стихи, особенно же настойчиво Писистрат советовал послушаться Солона. Тогда афиняне отменили закон и опять начали войну, а военачальником поставили Солона.

Наиболее распространенное предание об этом событии такое. Солон поехал морем вместе с Писистратом на Колиаду²³⁷. Там он застал всех женщин приносящими жертву Деметре по древнему обычаю. Он послал на Саламин верного человека, который должен был выдать себя за перебежчика и посоветовать мегарянам, если они хотят захватить афинских женщин из лучших домов, как можно скорее ехать с ним на Колиаду. Мегаряне поверили ему и послали отряд на корабле. Когда Солон увидел, что корабль отчаливает от острова, он велел женщинам уйти прочь, а юношам, еще не имеющим бороды, приказал надеть их платья, головные уборы и обувь, спрятать под платьем кинжалы, играть и плясать у моря, пока неприятели не выйдут на берег и пока афиняне не завладеют кораблем. Между тем, обманутые их видом мегаряне, пристав к берегу, наперебой стали выскакивать из корабля, приняв их за женщин. Ни один из них не спасся; все погибли. А афиняне поплыли на Саламин и овладели им.

9. По другой версии, завоевание Саламина произошло не так. Сначала Солону дельфийский бог дал следующий оракул:

Первых земли той героев склони ты обильною жертвой,
Тех, кого грудью своей укрывает от нас Асопида²³⁸,
Мертвые, смотрят они в края заходящего солнца.

Солон переплыл ночью на остров и заклал жертвы героям Перифему и Кихрею. Потом он взял с собою из Афин пятьсот добровольцев; перед этим было принято постановление, что, если они займут остров, то будут стоять во главе управления им. Солон выехал с ними на множестве рыбачьих лодок в сопровождении тридцативесельного судна и пристал к Саламину подле мыса, обращенного к Эвбее²³⁹. До мегарян на Саламине дошел слух об этом, но очень неопределенный. Они в смятении бросились к оружию и отправили корабль для наблюдения за неприятелями. Когда он подошел близко, Солон овладел им и взял

²³⁶ 10. ...с шапочкой на голове... – Т.е. как сумасшедший, убежавший из дому: врачи предписывали больным надевать шапочку, а здоровые люди ходили в городе с непокрытой головой (Платон, Государство, III, 406d).

²³⁷ 11. *Колиада* – мыс с храмом у афинской гавани Фалера, обращенный к Саламину.

²³⁸ 12. *Асопида* (дочь Асопа) – поэтическое название Саламина.

²³⁹ 13. ...к Эвбее... – текст испорчен; может быть, следует читать «к Нисее», мегарской гавани (ср. гл. 12). Упоминаемый далее мыс Скирадий (по Геродоту, VIII, 94, с храмом Афины, а не Эниалия-Ареса) – по-видимому, на юго-западном берегу Саламина.

мегарян в плен. Затем он велел самым храбрым афинянам сесть на этот корабль и плыть к городу как можно более незаметно. Одновременно он взял с собою остальных афинян и на суше вступил в сражение с мегарянами. Бой еще продолжался, когда бывшие на корабле уже успели овладеть городом.

В пользу этой версии, по-видимому, говорит и следующий обряд. Афинский корабль подплывал к острову сперва в тишине; потом бывшие на нем мчались с громким военным криком; один человек, вооруженный, выскакивал на берег и с криком бежал к мысу Скирадию... [В тексте пропуск] навстречу тем, кто бежал с суши. Поблизости находится храм Эниалия, построенный Солоном в честь его победы над мегарянами. Всех, кто не был убит в этом сражении, он отпустил по договору.

10. Однако мегаряне упорствовали в намерении вернуть себе Саламин; много вреда причиняли они во время этой войны афинянам, и сами терпели от них. Наконец, обе стороны пригласили спартанцев в посредники и судьи. По свидетельству большей части авторов, Солону помог в этом споре авторитет Гомера: говорят, Солон вставил в «Список кораблей» стих и прочел его на суде:

Мощный Аякс Теламонид двенадцать судов саламинских
Вывел и с оными стал, где стояли афинян фаланги²⁴⁰.

Сами афиняне, впрочем, думают, что это вздор: Солон, говорят они, доказал судьям, что сыновья Аякса, Филей и Эврисак, получили у афинян право гражданства, передали остров им и поселились в Аттике: один в Бравроне, другой в Мелите; в Аттике есть дем, названный по имени Филея, – дем Филаиды, из которого происходил Писистрат.

Желая еще убедительнее опровергнуть мнение мегарян, Солон ссылаясь на то, что умершие похоронены на Саламине не по обычаю мегарян, а так, как хоронят афиняне: мегаряне обращают тела умерших к востоку, а афиняне – к западу. Однако мегарянин Герей на это возражает, что и мегаряне кладут тела мертвых, обращая их к западу, и, что еще важнее, у каждого афинянина есть своя отдельная могила, а у мегарян по трое или четверо лежат в одной. Но Солону, говорят, помогли и какие-то Пифийские оракулы, в которых бог назвал Саламин «Ионией»²⁴¹. Дело это разбирали пять спартанских судей: Критолайд, Амомфарет, Гипсихид, Анаксилай и Клеомен.

11. Уже этими своими деяниями Солон приобрел славу и значение. Но еще больше уважения и известности в Элладе доставила ему речь, в которой он высказал мнение о необходимости охранять дельфийский храм, не позволять жителям Кирры издеваться над оракулом, о необходимости во имя бога оказать помощь дельфийцам. По совету Солона, амфикионы начали войну, как свидетельствует, кроме других авторов, и Аристотель в своем «Списке победителей на Пифийских играх», где он приписывает инициативу Солону. Однако он не был избран главнокомандующим в этой войне, как, по свидетельству Гермиппа, утверждает Эванф Самосский: об этом не упоминает оратор Эсхин²⁴², да и в дельфийских документах афинским главнокомандующим назван Алкмеон, а не Солон.

12. Кошунство при подавлении Килонова мятежа²⁴³ уже с давних пор волновало

²⁴⁰ 14. *Мощный Аякс...* – «Илиада», II, 557—558. По преданию, стих 558 подделан Солоном. Мифическим владельцем Саламина считался Теламон, сын Эака, отец Аякса.

²⁴¹ 15. *Иония* – афиняне принадлежали к ионическому племени, а мегаряне – к дорическому.

²⁴² 16. *...амфикионы начали войну... об этом не упоминает оратор Эсхин...* – Так называемая I Священная война (604—594?) дельфийской амфикионии (союза государств, объединившихся вокруг святилища) против фокидского города Кирры. Эсхин подробно говорит о ней в речи против Ктесифонта, 107, сл.

²⁴³ 17. *Килонов мятеж* – подавленная попытка установить тиранию в Афинах (636 или 632 г.). Мятежники

афинское общество. Участников заговора Килона, искавших с мольбой защиты у богини, архонт Мегакл уговорил сойти с Акрополя и предоставить дело решению суда. Они привязали к статуе богини нитку и держались за нее. Но, когда они, сходя с акрополя, поравнялись с храмом Почтенных Богинь, нитка сама собой оборвалась. Мегакл и другие архонты бросились хватать заговорщиков под тем предлогом, что богиня отвергает их мольбу. Кто был вне храма, тех побили камнями, а кто искал прибежища у алтарей, тех закололи; они отпустили лишь тех, кто обращался с мольбой к их женам. С той поры этих убийц стали называть «проклятыми»; их все ненавидели. Оставшиеся в живых сообщники Килона опять вошли в силу и постоянно враждовали с партией Мегакла. В описываемое время этот раздор достиг высшей точки, и народ разделился на два лагеря. Солон, уже пользовавшийся тогда большой известностью, вместе с знатнейшими гражданами выступил посредником между ними; просьбами и убеждениями он уговорил так называемых «проклятых» подвергнуться суду трехсот знатнейших граждан. Обвинителем выступил Мирон из Флии. Они были осуждены; остававшиеся в живых были изгнаны, а трупы умерших были вырыты и выброшены за пределы страны.

Вследствие этих смут и одновременного нападения мегарян афиняне потеряли Нисею и опять были вытеснены из Саламина. Населением овладел суеверный страх; являлись привидения; по заявлению гадателей, жертвы указывали, что кощунства и осквернения требуют очищения. Ввиду этого по приглашению афинян приехал с Крита Эпименид из Феста, которого те, кто не включает в число семи мудрецов Периандра, считают седьмым из них. Его считали любимцем богов, знатоком науки о божестве, воспринимаемой путем вдохновения и таинств; поэтому современники называли его сыном нимфы Бласты и новым куретом²⁴⁴. По прибытии в Афины он подружился с Солоном, во многом ему тайно помогал и проложил путь для его законодательства. Он упростил религиозные обряды, смягчил выражение скорби по умершим, введя жертвоприношения непосредственно при похоронах и отменив грубые, варварские обычаи, которые соблюдались большинством женщин. Но самое главное, умиловительными жертвами, очищениями, сооружением святынь он очистил и освятил город и тем самым сделал граждан послушными голосу справедливости и более склонными к единодушию. Говорят, однажды, увидав Мунихию²⁴⁵, он долго смотрел на нее и сказал присутствовавшим: «Как слеп человек по отношению к будущему! Если бы афиняне предвидели, сколько горя причинит это место государству, они своими собственными зубами выели бы его!» Подобную догадку, говорят, высказал также Фалес. Он велел похоронить себя в заброшенном месте Милетской области и предсказал, что некогда здесь будет форум милетян. Эпименид привел в восторг всех афинян: ему предлагали много денег и великие почести; но он ничего не принял, — попросил только ветку от священной маслины²⁴⁶ и с нею уехал.

13. Когда Килонова смута кончилась и «проклятые», как сказано выше, уже ушли из Аттики, у афинян возобновился старый спор о государственном строе: население разделилось на несколько партий по числу различных территорий в Аттике. Диакрии более всех были сторонниками демократии; главными сторонниками олигархии были педиэи;

шли, держась за веревку, от статуи Афины на акрополе к Ареопагу, близ которого находилась роща «Почтенных богинь» — Эвменид, богинь возмездия.

²⁴⁴ 18. *Куреты* — критские жрецы, окружавшие юного бога Зевса.

²⁴⁵ 19. *Мунихия* — восточная гавань Пирея с крепостью. С 321 г. здесь стоял македонский гарнизон, державший Афины в зависимости от македонян.

²⁴⁶ 20. *Священные маслины* — по преданию, эту маслину в Эрехтейоне на акрополе произвела из земли сама Афина, и от нее произошли все маслины в Аттике.

третьи, паралы²⁴⁷, желали какого-то сред него, смешанного государственного строя, и не давали ни той ни другой партии взять верх. Поскольку неравенство между бедными и богатыми дошло тогда, так сказать, до высшей точки, государство находилось в чрезвычайно опасном положении: казалось, оно сможет устоять, а смуты прекратятся только в том случае, если возникнет тирания. Весь простой народ был в долгу у богатых: одни обрабатывали землю, платя богатым шестую часть урожая; их называли «гектеморам» и «фетами»²⁴⁸; другие брали у богатых в долг деньги под залог тела; их заимодавцы имели право обратить в рабство; при этом одни оставались рабами на родине, других продавали на чужбину. Многие вынуждены были продавать даже собственных детей (никакой закон не воспрещал этого) и бежать из отечества из-за жестокости заимодавцев. Но огромное большинство, и к тому же люди большой физической силы, собирались и уговаривали друг друга не оставаться равнодушными зрителями, а выбрать себе одного вожака, надежного человека и освободить должников, пропустивших срок уплаты, а землю переделить и совершенно изменить государственный строй.

14. Тогда наиболее рассудительные люди в Афинах, видя, что Солон, – пожалуй, единственный человек, за которым нет никакой вины, который не соучаствует в преступлениях богатых и в то же время не угнетен нуждой, как бедные, стали просить его взять в свои руки государственные дела и положить конец раздорам. Впрочем, Фаний Лесбосский рассказывает, что сам Солон для спасения отечества прибегнул к обману обеих сторон: неимущим он по секрету обещал раздел земли, а людям богатым – обеспечение долговых обязательств. Но, по словам самого Солона, сперва он взял на себя управление государственными делами с некоторым колебанием: боялся корыстолюбия одних и наглости других. После Филомброта его выбрали архонтом, а вместе с тем посредником и законодателем. Все приняли его с удовольствием: богатые – как человека зажиточного, а бедные – как честного. Говорят, еще до этого в народе ходило его крылатое слово, что равноправие войны не производит, а оно нравилось как состоятельным людям, так и неимущим: первые ожидали равноправия в меру знатности и доблести, вторые – равноправия по мере и числу.

Ввиду этого обе стороны были одушевлены большими надеждами; руководители их предлагали Солону установить тиранию²⁴⁹, убеждали его взяться за государственные дела с большей решительностью, когда власть будет у него в руках. Равным образом, многие не примыкавшие ни к одной из сторон граждане, видя непреодолимую трудность проведения реформ на основе только здравого рассудка и закона, не возражали против вручения верховной власти одному лицу, отличающемуся честностью и рассудительностью. По свидетельству некоторых авторов, Солону был дан в Дельфах оракул такого содержания:

Смело средину заняв корабля, управляй им спокойно.
Верных помощников в том ты найдешь среди многих афинян.

Особенно осуждали Солона друзья его за то, что он боится «единовластия» только из-за его названия, как будто оно при высоких нравственных качествах лица, получившего его,

---

²⁴⁷ 21. *Диакрии* – жители скудной горной части Аттики, *педизы* – плодородной равнинной, *паралы* – торговой приморской.

²⁴⁸ 22. *Гектеморы* – т.е. «шестидольники» (по-видимому, отдававшие не 1/6, а, наоборот, 5/6 урожая), *феты* – «наемники», безземельные.

²⁴⁹ 23. *Тирания* – слово «тиранн» обозначало всякого верховного властителя (не обязательно жестокого), который достигал власти незаконным образом и правил не по закону, а по произволу. В отличие от тиранна, законный монарх назывался *басилевс*, царь.

не могло в скором времени превратиться во власть басилевса, как будто не бывало раньше единовластия, когда в прежнее время эвбейцы выбрали тиранном Тиннонда, а теперь митиленцы – Питтака.

Однако никакие уговоры не могли поколебать его убеждений; друзьям он сказал, как говорят, что тиранния – прекрасное местечко, только выхода из него нет; а Фоку он пишет в стихах:

...Если землю пощадил
Я родную и тиранна власть суровую не взял,
То свое, тем самым, имя не покрыл позором я
И мне нечего стыдиться: так скорее всех людей
Я склоню к себе...

Как видно из этого, Солон еще и до начала своей законодательной деятельности пользовался большой славой. По поводу многочисленных насмешек на его счет за то, что он уклонился от тираннии, Солон пишет:

Нет, ни опытным, ни мудрым не был никогда Солон:
Божество ему давало много благ, но он не взял,
Радуюсь, он сеть закинул, только вытащить не смог,
Помутился его разум, был он мужества лишен.
А вот я, чтоб только властью и богатством завладеть
И тиранном стать в Афинах на один всего денек,
Дал содрать с себя бы шкуру и весь род мой погубить.

15. Так, по его изображению, говорит о нем невежественная толпа. Хотя он отказался от тираннии, однако во время своего правления не проявлял особенной мягкости и слабости, не делал уступок лицам влиятельным и в законодательной деятельности не старался угодить тем, кто его избрал. Там, где дело обстояло вполне хорошо, он не применял врачевания и не вводил ничего нового, из опасения, что «если в государстве перевернуть все вверх дном, то у него не хватит сил поставить все на место» и упорядочить наилучшим образом. Он применял лишь такие меры, которые, по его расчету, можно было провести путем убеждения, или такие, которые при проведении их в принудительном порядке не должны были встретить сопротивления. По этому поводу он и сам говорит:

Я сочетал с законом принуждение!

Вот почему впоследствии, когда его спросили, самые ли лучшие законы он дал афинянам, он ответил: «Да, самые лучшие из тех, какие они могли принять».

По замечанию новых писателей, афиняне вежливо называют пристойными, смягчающими смысл именами некоторые предметы, чтобы прикрыть их нежелательный характер: например, распутных женщин называют приятельницами, налоги – взносами, гарнизоны в городах – охраною, тюрьму – жилищем. Солон, думается мне, был первый, который употребил эту уловку, назвав уничтожение долгов «сисахфией»²⁵⁰.

Первым актом его государственной деятельности был закон, в силу которого существовавшие долги были прощены и на будущее время запрещалось давать деньги в долг «под залог тела». Впрочем, по свидетельству некоторых авторов, в том числе Андротиона, бедные удовлетворялись тем, что Солон облегчил их положение не уничтожением долгов, а уменьшением процентов, и сисахфией называли этот благотворительный закон и

---

²⁵⁰ 24. *Сисахфия* – букв. «стряхивание бремени».

одновременное с ним увеличение мер и возвышение ценности денег. Так, из мины, содержащей прежде семьдесят три драхмы, он сделал сто драхм; таким образом, должники уплачивали²⁵¹ по числу ту же сумму, но по стоимости меньшую; через это платившие получали большую пользу, а получавшие не терпели никакого убытка.

Но большинство авторов утверждают, что сисахфия состояла в уничтожении всех долговых обязательств, и стихотворения Солона находятся в большом согласии с этим свидетельством. Солон с гордостью говорит в них, что с заложенной раньше земли он

С земли камней премного закладных убрал,
Свободной стала прежде в рабстве бывшая,

и что из числа закабаленных за долги граждан одних он вернул с чужбины,

...уж аттическую речь
Забывших, словно странствовали много лет;
А тех, кто дома рабства тяжкого позор
Переносил,

он сделал свободными.

Говорят, при издании этого закона, с ним произошел в высшей степени неприятный случай. Когда он принял решение об уничтожении долгов и искал соответствующего способа выражения и подходящего предисловия, он сообщил своим ближайшим друзьям – Конону, Клинию и Гиппонику, которым особенно доверял, что трогать земельные владения он не думает, но долги решил уничтожить. Они тотчас же воспользовались этими сведениями: до издания закона заняли у богатых людей большие суммы и скупили много земли. Потом, по обнаружении закона купленную землю они использовали, а деньги кредиторам не отдали. Этим они навлекли на Солона тяжелые обвинения и нарекания: говорили, что он не жертва, а участник обмана. Однако это обвинение скоро было рассеяно: оказалось, что он дал займы пять талантов и первый отказался от них на основании своего закона. Некоторые авторы, в том числе Полизел Родосский, говорят о пятнадцати талантах. А этих друзей Солона постоянно называли «хреокопидами»²⁵².

16. Солон не угодил ни той, ни другой стороне: богатых он озлобил уничтожением долговых обязательств, а бедных – еще больше – тем, что не произвел передела земли, на который они надеялись, и, по примеру Ликурга, не установил полного равенства жизненных условий. Но Ликург был потомком Геракла в одиннадцатом колене, был царем в Спарте много лет, пользовался большим уважением, имел друзей и власть, которая отлично служила ему в исполнении задуманных им перемен в государственном строе; он действовал больше насильственными мерами, чем убеждением, так что ему даже выбили глаз. Таким путем он осуществил реформу, самую важную для блага отечества и единодушия граждан, – чтобы в государстве не было ни бедных, ни богатых. Солон своим государственным устройством не мог достигнуть этой цели, потому что он был человеком из народа и среднего состояния. Однако он сделал все, что мог, в пределах бывшей у него власти, руководясь только желанием иметь также и доверие сограждан.

Итак, он навлек на себя ненависть большинства граждан, которые ожидали от него другого; он сам говорит, что они

---

²⁵¹ 25. ...должники уплачивали... – Т.е. столько же драхм, сколько заняли, но реальная ценность драхмы теперь уменьшилась. Это было связано с переходом аттической торговли от эгинской, дорийской системы мер (мина – 630 г.) к эвбейской, ионийской (мина – 430 г.).

²⁵² 26. *Хреокопиды* – неплательщики налогов.

Все когда-то ликовали, а теперь меня всегда
Злобным взором провожают, словно я их злейший враг²⁵³.

А между тем, говорит он, если бы кто другой забрал ту же власть, тот

Не дал бы ни за что народу мирно жить,
Пока всех сливок сам не снял бы с молока.

Впрочем, афиняне скоро поняли пользу этой меры и, оставив свой ропот, устроили общее жертвоприношение, которое назвали сисахфией, а Солон назначили исправителем государственного строя и законодателем. Они предоставили ему на усмотрение все без исключения, – государственные должности, народные собрания, суды, советы, определение ценза для каждого из этих учреждений, числа членов и срока их деятельности; дали ему право отменять или сохранять все, что он найдет нужным, из существующих, сложившихся порядков.

17. Итак, Солон прежде всего отменил все законы Драконта, кроме законов об убийстве; он сделал это ввиду жесткости их и строгости наказаний: почти за все преступления было назначено одно наказание – смертная казнь; таким образом, и осужденные за праздность подвергались смертной казни, и укравшие овощи или плоды несли то же наказание, как и святотатцы и человекоубийцы. Поэтому впоследствии славилось выражение Демада, что Драконт написал законы не чернилами, а кровью. Когда Драконта спросили, почему он за большую часть преступлений назначил смертную казнь, он, как говорят, отвечал, что мелкие преступления, по его мнению, заслуживают этого наказания, а для крупных он не нашел большего.

18. Во-вторых, желая оставить все высшие должности за богатыми, как было и прежде, а к прочим должностям, в исполнении которых простой народ раньше не участвовал, допустить и его, Солон ввел оценку имущества граждан. Так, тех, кто производил в совокупности пятьсот мер продуктов, как сухих, так и жидких, он поставил первыми и назвал их «пентакосиомедимнами»²⁵⁴, вторыми поставил тех, кто мог содержать лошадь или производить триста мер; этих называли «принадлежащими к всадникам»; «зевгитами» были названы люди третьего ценза, у которых было двести мер и тех и других продуктов вместе. Все остальные назывались «фетами»; им он не позволил исполнять никакой должности; они участвовали в управлении лишь тем, что могли присутствовать в народном собрании и быть судьями. Последнее казалось в начале ничего не значащим правом, но впоследствии стало в высшей степени важным, потому что большая часть важных дел попадала к судьям. Даже на приговоры по тем делам, решение которых Солон предоставил должностным лицам, он позволил также апеллировать в суд. Говорят, даже некоторой неясностью и многочисленными противоречиями в тексте законов Солон возвысил значение судов: благодаря этому, когда предмет спора не мог быть решен на основании законов, приходилось всегда иметь надобность в судьях и всякое спорное дело вести перед ними, так как они были некоторым образом господами над законами. Об этом их авторитете Солон сам говорит в похвалу себе:

---

²⁵³ 27. *Все когда-то ликовали... / словно я их злейший враг.* – Эта и следующая цитата – в пер. М. Грабарь-Пассек.

²⁵⁴ 28. *Пентакосиомедимны* – «пятисотмерники», *зевгиты* – «упряжники»: кто имел пахотную упряжку, тот имел достаточно средств, чтобы выходить на войну в полном вооружении и считаться полноправным гражданином. О цене медимна см. ниже, гл. 23.

Власть даровал я народу в той мере, в какой он нуждался,
 Чести его не лишил, но и не дал лишних прав.
 Также о тех позаботился я, кто богатством и силой
 Всех превзошел, – чтобы их не опозорил никто.
 Встал я меж тех и других, простерев мощный щит свой над
 ними,
 И запретил побеждать несправедливо других.

Считая нужным, однако, еще больше помочь простому народу, он позволил всякому гражданину выступать в защиту потерпевшего и требовать наказания преступника. Если кого-нибудь били, производили над ним насилие, причиняли ему вред, всякий, кто мог или хотел, имел право жаловаться на преступника и преследовать его судом: законодатель правильно поступал, приучая граждан сочувствовать и соболезновать друг другу и быть как бы членами единого тела. Есть упоминание об одном ответе Солона, имеющем смысл, одинаковый с этим законом. Когда его, по-видимому, кто-то спросил, какое государство самое благоустроенное, он отвечал: «То, в котором не потерпевшие обиды преследуют судом и наказывают обидчиков не менее, чем потерпевшие».

19. Солон составил совет Ареопага из ежегодно сменяющихся архонтов²⁵⁵, он и сам был членом его как бывший архонт. Но, видя в народе дерзкие замыслы и заносчивость, порожденные уничтожением долгов, он учредил второй совет, выбрав в него по сто человек от каждой из четырех фил. Им он поручил предварительно, раньше народа, обсуждать дела и не допускать внесения ни одного дела в Народное собрание без предварительного обсуждения. А «верхнему совету» он предоставил надзор за всем и охрану законов: он рассчитывал, что государство, стоящее на двух советах, как на якорях, меньше подвержено качке и доставит больше спокойствия народу. По свидетельству большей части писателей, Ареопаг, как сказано выше, учредил Солон; в пользу их мнения говорит, по-видимому, особенно то, что Драконт нигде не упоминает об ареопагитах, и даже слова этого у него нет; говоря о делах, касающихся убийства, он всегда обращается к «эфетам»²⁵⁶. Однако на тринадцатой таблице Солона в восьмом законе сказано буквально следующее: «Из числа лиц, лишенных гражданских прав, все те, кто был лишен их раньше, чем Солон стал архонтом, должны быть восстановлены в правах, за исключением тех, которые, будучи осуждены царями²⁵⁷ в ареопаге, или у эфетов, или в пританее²⁵⁸ за убийство отдельных лиц, или за массовые убийства во время смуты, или за стремление к тирании, находились в изгнании во время обнародования этого закона». Этот закон, наоборот, показывает, что Ареопаг существовал до Солонова архонтства и законодательства. В самом деле, кто же были эти осужденные в Ареопаге до Солона, если Солон первый дал Ареопагу право судить? Правда, может быть, в тексте есть какая-то неясность или пропуск, так что по смыслу закона, лица, уже осужденные во время опубликования этого закона за преступления, подсудные теперь ареопагитам, эфетам и пританам, оставались лишенными гражданских прав, тогда как

²⁵⁵ 29. *Архонты* – 9 должностных лиц, ежегодно сменявшихся во главе Афин: первый архонт («эпоним», по которому назывался год), архонт-жрец («басилевс»), архонт-воевода («полемарх») и 6 архонтов-судей («фесмофетов»). Отбывшие срок архонты составляли совет ареопага («верхний») на Аресовом холме к западу от акрополя, при Солоне имевший политические функции, потом – только судебные. «Совет 400», установленный Солоном (по 100 человек от 4 старых фил, гл. 23) был потом заменен по реформе Клисфена 508 г. «Советом 500» (по 50 человек от 10 новых фил), и такой государственный строй держался и в V и в IV вв.

²⁵⁶ 30. *Эфеты* – коллегия, судившая дела об убийствах.

²⁵⁷ 31. *Царями* – т.е. под председательством архонтов-басилевсов.

²⁵⁸ 32. *...в пританее...* – разбирались дела о неодушевленных предметах, послуживших орудием убийства.

все остальные восстанавливались в правах. Над этим вопросом ты подумай сам.

20. Из остальных законов Солона особенно характерен и странен закон, требующий отнятия гражданских прав у гражданина, во время междоусобия не примкнувшего ни к той, ни к другой партий. Но Солон, по-видимому, хочет, чтобы гражданин не относился равнодушно и безучастно к общему делу, оградив от опасности свое состояние и хвастаясь тем, что он не участвовал в горе и бедствиях отечества; он, напротив, хочет, чтобы всякий гражданин сейчас же стал на сторону партии, защищающей доброе, правое дело, делил с нею опасности, помогал ей, а не дожидался без всякого риска, кто победит.

Нелепым и смешным кажется закон, позволяющий богатой сироте, в случае неспособности ее мужа, (который в силу закона выступает ее опекуном) к брачному сожителю, вступить в связь с кем-либо из ближайших родственников мужа. Некоторые находят, что и этот закон установлен правильно: а именно, против мужчин, не способных к брачному сожителю, но женящихся на богатых сиротах из-за денег и на основании закона производящих насилие над природой. Мужчина, видя, что такая жена отдается, кому хочет, или откажется от брака с нею, или, оставаясь в браке, будет терпеть позор, неся наказание за свою жадность и наглость. Хорошо еще и то, что богатой сироте было дано право выбирать себе любовником не всякого, а только одного из родственников мужа, чтобы ребенок был близок по крови ее мужу и происходил из одного с ним рода²⁵⁹.

Сюда же относится и закон, по которому невесте перед тем, как запереть ее с женихом, давали поест айвы, а также и тот, что муж богатой сироты должен иметь свидание с нею по крайней мере три раза в месяц. Если даже и не родятся от этого дети, то все-таки это со стороны мужа по отношению к целомудренной жене есть знак уважения и любви; это рассеивает многие неудовольствия, постоянно накапливающиеся, и не дает ей совершенно охладеть к мужу из-за ссор с ним.

Что касается других браков, то Солон уничтожил обычай давать приданое и разрешил невесте приносить с собою только три гиматия и вещи из домашней обстановки небольшой ценности – больше ничего. По его мысли, брак не должен быть каким-то доходным предприятием или куплей-продажей; сожителю мужа с женой должно иметь целью рождение детей, радость, любовь.

Когда мать Дионисия²⁶⁰ просила его выдать ее замуж за одного гражданина, он ответил ей, что законы государства он ниспровергнул как тиранн, но законы природы насиловать не может, устраивая браки, несоответствующие возрасту. А в свободных государствах такое безобразие нетерпимо: нельзя допускать союзов запоздалых, безрадостных, не выполняющих дела и цели брака. Нет, старику, который женится на молодой, разумный правитель или законодатель сказал бы то, что сказано Филоклету: «Как раз время тебе жениться, несчастный!»²⁶¹ Точно так же, найдя юношу в спальне богатой старухи, который от любовных отношений с нею жиреет, как куропатка, он заставит его

---

²⁵⁹ 33. ...из одного с ним рода – По греческим обычаям, только сыновья имели право наследования; но если не было сыновей, то имущество отца наследовали дочери, а чтобы оно не ушло с ними в чужой род (ср. гл. 21), такая дочь-наследница обязана была выйти замуж за ближайшего родственника; при равных степенях родства предпочтение отдавалось старшему из претендентов. Солон старался устранить некоторые ненормальности, возникавшие на практике вследствие этого закона.

²⁶⁰ 34. ....мать Дионисия – Старшего, сиракузского тиранна.

²⁶¹ 35. Как раз время тебе жениться, несчастный! – полустишие из неизвестной драмы; полнее цитируется Плутархом в «Заниматься ли старику государственными делами»:

Какая же невеста за тебя пойдет,
Какая дева? То-то брак несчастному!

перейти к девушке, нуждающейся в муже. Но довольно об этом!

21. Хвалят также Солонов закон, запрещающий дурно говорить об умершем. И действительно, благочестие требует считать умерших священными, справедливость – не касаться тех, кого уже нет, гражданская умеренность – не враждовать вечно. Бранить живого Солон запретил в храмах, судебных и правительственных зданиях, равно как и во время зрелищ; за нарушение этого закона он назначил штраф в три драхмы в пользу оскорбленного лица и еще два в пользу казны. Нигде не сдерживать гнев – это признак человека невоспитанного и необузданного; везде сдерживать – трудно, а для некоторых и невозможно. Поэтому законодатель при составлении закона должен иметь в виду то, что возможно для человека, если он хочет наказывать малое число виновных с пользой, а не многих – без пользы.

Солон прославился также законом о завещаниях. До него не было позволено делать завещания; деньги и дом умершего должны были оставаться в его роде; а Солон разрешил тем, кто не имел детей, отказывать свое состояние, кому кто хочет, отдавая преимущество дружбе перед родством, любви перед принуждением, и сделал имущество действительной собственностью владельца. Но, с другой стороны, он допустил завещания не во всех случаях, а лишь в тех, когда завещатель не находился под влиянием болезни или волшебного зелья, не был в заключении и вообще не был вынужден какой-либо необходимостью или, наконец, не подпал под влияние какой-либо женщины. Солон вполне правильно считал, что между убеждением, ведущим ко вреду, и принуждением нет никакой разницы, и ставил наравне обман и насилие, удовольствие и страдание, потому что все это одинаково может лишить человека рассудка.

Также и относительно выезда женщин из города, их траурных одежд, их праздников Солон издал закон, запрещающий беспорядок и неумеренность. Он разрешил женщинам при выезде из города брать с собою не больше трех гиматиев, пищи или питья не больше, чем на обол, иметь корзинку не больше локтя, отправляться ночью в дорогу только в повозке с фонарем впереди.

Далее, он запретил женщинам царапать себе лицо, бить себя в грудь, употреблять сочиненные причитания, провожать с воплями постороннего им покойника. Он не позволил приносить вола в жертву покойнику, класть с ним больше трех гиматиев, ходить на чужие могилы, кроме как в день похорон. Большая часть таких запрещений есть и в наших законах²⁶², в них прибавлена еще статья о том, чтобы нарушителей таких постановлений наказывали гинеконы²⁶³ как людей, уподобляющихся женщинам и поддающихся страстному чувству скорби, недостойному мужчины и заслуживающему порицания.

22. Солон заметил, что Афины наполняются людьми, постоянно со всех сторон стекающими в Аттику, ввиду безопасности жизни в ней, а между тем большая часть ее территории бедна и неплодородна, и купцы, ведущие морскую торговлю, ничего не привозят тем, которые ничего не могут дать в обмен. Поэтому Солон направил сограждан к занятию ремеслами и издал закон, по которому сын не обязан был содержать отца, не отдавшего его в учение ремеслу.

Что касается Ликурга, то он правил городом, очищенным от толпы иностранцев, и владел землею, которой, по выражению Эврипида²⁶⁴, «для многих было много, да и для вдвое большего числа слишком много». Но, что всего важнее, Спарта была окружена массой илотов, которых лучше было не оставлять в праздности, а угнетать и смирять постоянной

²⁶² 36. ...и в наших законах... – Т.е. в Херонее, на родине Плутарха.

²⁶³ 37. Гинеконы – должностные лица, смотревшие за поведением женщин.

²⁶⁴ 38. по выражению Эврипида... – Стих из недошедшей трагедии. Плотность населения в Лаконии была почти вдвое меньше, чем в Аттике (прим. С.И. Соболевского).

работой. Поэтому Ликургу было легко избавить граждан от трудовых ремесленных занятий и держать их постоянно под оружием, чтобы они изучали только это искусство и упражнялись в нем. Между тем, Солон приравнивал законы к окружающим обстоятельствам, а не обстоятельства к законам, и, видя, что страна по своим естественным свойствам едва-едва удовлетворяет потребностям земледельческого населения, а ничего не делающую праздную толпу не в состоянии кормить, внушил уважение к ремеслам и вменил в обязанность Ареопагу наблюдать, на какие средства живет каждый гражданин, и наказывать праздных.

Еще строже закон, по которому дети, рожденные от гетеры, тоже не обязаны были содержать отцов, как свидетельствует Гераклid Понтийский. И действительно, кто не обращает внимания на нравственную сторону в союзе с женщиной, тот берет себе женщину не ради детей, а ради наслаждения; поэтому он уже получает в этом награду и теряет право на хорошие отношения с детьми, для которых самый факт рождения служит по его вине позором.

23. Солоновы законы о женщинах вообще говоря кажутся во многом нелепыми. Тому, кто застанет любовника своей жены на месте преступления, он дал право его убить; а тот, кто похитит свободную женщину и изнасилует ее, карается штрафом в сто драхм. Если кто занимается сводничеством, – штраф в двадцать драхм; исключение он сделал только для женщин, которые «ходят открыто», – Солон понимает гетер, потому что они открыто ходят к тем, кто платит деньги. Далее, он запрещает продавать и дочерей, и сестер, если только девушку не уличат в преступной связи с мужчиной. Наказывать за один и тот же поступок то с неумолимой строгостью, то с благодушной шуткой, назначая какой попало денежный штраф, неразумно; впрочем, ввиду тогдашней редкости монеты в Афинах, трудность доставать деньги делала денежный штраф тяжелым. Так, например, при оценке жертвоприношений Солон считает овцу и драхму равноценными с медимном хлеба. Победителю на Истмийских играх он назначил в награду сто драхм, а победителю на Олимпийских – пятьсот. Кто принесет волка, тому он назначил пять драхм, а кто волчонка, – тому одну; из этих сумм, по словам Деметрия Фалерского, первая есть цена вола, а вторая – овцы. Цены, установленные им на шестнадцатой таблице за отборных жертвенных животных, естественно, во много раз выше, чем за обыкновенных, но все-таки и они, по сравнению с теперешними, невелики. А борьба с волками – старинный обычай у афинян, потому что их страна более пригодна для скотоводства, чем для земледелия.

По свидетельству некоторых писателей, и филы получили названия²⁶⁵ не по именам сыновей Иона, но в зависимости от различного образа жизни, который люди вели первоначально: воины назывались Гоплитами, ремесленники – Эргадами; из двух остальных фил Гелеонты были земледельцы, а Эгикореи – те, что пасли и разводили мелкий скот.

Что касается воды, страна недостаточно богата ни постоянно текущими реками, ни какими-либо озерами, ни обильными источниками; большая часть населения пользовалась вырытыми колодцами. Ввиду этого Солон издал закон, по которому можно было пользоваться общественным колодцем, если он находился на расстоянии не более гиппика (гиппик равнялся четырем стадиям); а где колодец находился дальше, там надо было искать собственную воду. Если на глубине десяти сажень в своем владении не находили воды, то разрешалось брать воду у соседа два раза в день по одному сосуду в шесть хоев: по мнению Солона, следовало приходить на помощь в нужде, но не потакать лени.

Солон определил, с большим знанием дела, также расстояние, которое следовало соблюдать при посадке растений. При посадке различных деревьев на поле он приказал отступать от владения соседа на пять футов, а при посадке смоковницы или маслины – на девять, потому что эти деревья пускают корни дальше других, и не для всех растений соседство с ними безвредно: они отнимают у них питание и испускают испарения, вредные

²⁶⁵ 39. ...Гоплитами и... Эргадами... Гелеонты... Эгикореи... – Эти названия образованы соответственно от корней греческих слов «оружие», «работа», «земля» и «козы».

для некоторых растений. Тем, кто хотел копать ямы и канавы, Солон приказал отступать от соседнего владения на расстояние, равное их глубине. А ставить пчельники по закону полагалось на расстоянии трехсот футов от пчельников, уже поставленных другим.

24. Из продуктов, производимых в стране, Солон разрешил продавать за границу только оливковое масло, а другие вывозить не позволил. Кто вывозил их, того по закону Солон архонт должен был подвергать проклятию, под угрозой в противном случае самому платить сто драхм в казну. Этот закон написан на первой таблице. Поэтому не следует считать совершенно неосновательным мнение, что в старину был запрещен и вывоз смокв, и что «файнейн» в доносе не вывозящих смоквы и означало «сикофантейн»²⁶⁶.

Солон издал также закон о вреде, причиняемом животными; в нем он приказывает, между прочим, собаку, укусившую кого-нибудь, выдавать пострадавшему привязанной на цепь длиною в три локтя, – средство, остроумное и обеспечивающее безопасность.

Закон Солон, касающийся «вновь пожалованных граждан», вызывает недоумение: он предоставляет права гражданства только тем, кто изгнан навсегда из родного города или переселился в Афины со всем домом для занятия ремеслом. Говорят, при этом Солон имел в виду не столько недопущение в Афины других иностранцев, сколько привлечение этих двух классов надеждою на получение гражданских прав; вместе с тем он рассчитывал, что они будут верными гражданами, – первые потому, что потеряли отечество по необходимости, вторые потому, что оставили его по своему убеждению.

Характерно для Солон также постановление о питании в общественном месте, что сам он обозначает словом «параситейн»²⁶⁷. Одному и тому же лицу он не позволяет часто пользоваться общественным столом; с другой стороны, если лицо, которому это полагается, не хочет пользоваться своим правом, он его наказывает: в первом случае он усматривает жадность, во втором презрение к обществу.

25. Солон установил, чтобы все его законы оставались в силе в течение ста лет. Они были написаны на деревянных таблицах, которые были заключены в четырехугольники²⁶⁸ и могли поворачиваться; небольшие остатки их хранились еще в наше время в пританее. По словам Аристотеля²⁶⁹, они назывались «кирбы». Комик Кратин тоже говорит об этом:

Клянусь Солоном и клянусь Драконтом я
На кирбах коих сушится ячмень теперь.

Некоторые говорят, что кирбами называются только те таблицы, которые содержат постановления о священнодействиях и жертвоприношениях, а остальные именуются «аксонами».

Совет давал присягу общую – твердо соблюдать Солоновы законы, а каждый из фесмофетов²⁷⁰ присягал особо на площади у камня, заявляя, что, если он нарушит что-либо

²⁶⁶ 40. *Сикофантейн* – «указывать на смоквы». Сикофантами назывались профессиональные «ябедники», доносчики-шантажисты, вымогавшие деньги под угрозой доносов о преступлениях, лично их не касавшихся (что прямо поощрялось законами Солон, выше, гл. 19).

²⁶⁷ 41. *Параситейн* – т.е. «питаться около»; «параситами» назывались в аттической комедии IV—III в. профессиональные прихлебатели – отсюда и наше слово «паразит»; но первоначально этим словом обозначались помощники жрецов при некоторых храмах, обедавшие вместе с жрецами на храмовый счет, а также граждане, за свои заслуги получавшие угощение в пританее (см. Тес., примеч. 31).

²⁶⁸ 42. *...заключены в четырехугольники...* – Испорченное место, недостаточно понятное.

²⁶⁹ 43. *По словам Аристотеля...* – Афинская полиция, 7, 1.

²⁷⁰ 44. *Фесмофеты* – см. выше, прим. 29. Здесь, по-видимому, имеются в виду все 9 архонтов. У камня на

в этих законах, то посвятит богу в Дельфах золотую статую, равную своему росту.

Солон заметил аномалии месяца²⁷¹ и видел, что движение луны не совпадает вполне ни с заходом солнца, ни с восходом, но часто в один и тот же день догоняет солнце и опережает его. Такой день он приказал называть «старым и молодым», ввиду того, что часть дня, предшествующая конъюнкции, относится к кончающемуся месяцу, а остальная – к уже начинающемуся. По-видимому, Солон первый правильно понял слова Гомера, который говорит, что когда

Прежний кончается месяц, на смену идет ему новый²⁷².

Следующий день он назвал новолунием. Дни от двадцатого до тридцатого он считал от конца месяца, называя их убывающими числами и сводя на нет соответственно ущерб луны.

После введения законов к Солону каждый день приходили люди: то хвалили, то бранили, то советовали вставить что-либо в текст или выбросить. Но больше всего было таких, которые обращались с вопросами, осведомлялись о чем-нибудь, просили дополнительных объяснений о смысле каждой статьи и об ее назначении. Солон нашел, что исполнять эти желания нет смысла, а не исполнять значит возбуждать ненависть к себе, и вообще хотел выйти из этого затруднительного положения и избежать недовольства и страсти сограждан к критике. По его собственному выражению,

Трудно в великих делах сразу же всем угодить.

Поэтому под тем предлогом, что ему как владельцу корабля надо странствовать по свету, он попросил у афинян позволения уехать за границу на десять лет, и отплыл из Афин: он надеялся, что за это время они и к законам привыкнут.

26. Прежде всего он приехал в Египет и жил там, по его собственному выражению,

В устье великого Нила, вблизи берегов Канобида.

Некоторое время он занимался философскими беседами также с Псенофисом из Гелиополя и Сонхисом из Саиса, самыми учеными жрецами. От них, как говорит Платон, узнал он и сказание об Атлантиде²⁷³ и попробовал изложить его в стихах, чтобы познакомить с ним эллинов.

Потом он поехал на Кипр, где его чрезвычайно полюбил один из тамошних царей, Филокипр. Он владел небольшим городом, который был основан сыном Тесея, Демофонтом. Город лежал на реке Кларии в месте хотя и неприступном, но во всех отношениях неудобном. Между тем, под городом простиралась прекрасная равнина. Солон уговорил его

городской площади – см. гл. 8.

²⁷¹ 45. ... аномалии месяца... – Аномалии заключались в том, что конец одного лунного месяца и начало другого могли не совпадать с концом одного дня и началом другого, а приходится на середину дня. «Старым и молодым» называется последний день каждого месяца; первый день назывался «новолунием», хотя бы он приходился после действительного новолуния; предпоследний день назывался «второй (день) убывающего (месяца)», третий от конца – «третий убывающего» и т.д.

²⁷² 46. *Прежний кончается месяц, на смену идет ему новый.* – «Одиссея», XIV, 162 (пер. Б. Фонкича).

²⁷³ 47. ...узнал об Атлантиде и попробовал изложить... в стихах... – Об Атлантиде Платон говорит в диалогах «Тимей» и «Критий» (последний – недописанный); предание о ней пересказывается как бы со слов Солона, но это, конечно, лишь литературный прием.

перенести город туда, увеличив его и украсив. Солон лично смотрел за стройкой и помогал царю сделать все возможно лучше для приятной и безопасной жизни в нем. Благодаря этому к Филокипру пришло много новых жителей, и другие цари завидовали ему. Поэтому он, желая почтить Солона, назвал этот город по его имени Солами, а прежде он назывался Эпеей. Солон и сам упоминает об основании этого города: обращаясь в своих элегиях к Филокипру, он говорит:

Ныне над Солами будь правителем долгие годы
Ты, и твой род пусть живет в городе этом всегда.
Мне ж пусть поможет Киприда, богиня в венке из фиалок,
Пусть мой проводит корабль, жизнь мне в пути сохранив.
Пусть она славу мне даст за то, что сей город построил,
Пусть мне окажет почет, дав возвратиться домой.

27. Что касается свидания Солона с Крезом, то некоторые авторы на основе хронологических соображений²⁷⁴ считают доказанным, что это вымысел. Однако это предание, как известно, засвидетельствовано столькими лицами и, что еще важнее, так соответствует характеру Солона, так достойно его высокого образа мыслей и мудрости, что я не решаюсь отвергнуть его из-за каких-то «хронологических сводов», которые уже тысячи ученых исправляли, но встречающихся в них противоречий до сих пор не могут согласовать.

Так вот, говорят, что Солон по просьбе Креза приехал в Сарды. С ним случилось нечто подобное тому, что бывает с жителем континентальной страны, который в первый раз идет к морю. Как тот каждую реку принимает за море, так и Солон, проходя по дворцу и видя множество придворных в богатых нарядах, важно расхаживавших в толпе слуг и телохранителей, каждого принимал за Креза, пока, наконец, его не привели к самому Крезу. На нем было надето все, что из своих драгоценных камней, цветных одежд, золотых вещей художественной работы он считал выдающимся по красоте, изысканным, завидным, — конечно, для того, чтобы глазам представилось зрелище как можно более пышное и пестрое. Но Солон, став перед ним, при этом виде ни действием, ни словом не выразил ничего такого, чего ожидал Крез; всем здравомыслящим людям было ясно, что он с презрением смотрит на отсутствие у него духовных интересов и мелочное тщеславие. Крез велел открыть ему свои сокровищницы, потом повести его и показать всю роскошную обстановку. Но Солону не было никакой надобности в этом: сам Крез собственной особой дал ему достаточно ясное понятие о своем внутреннем содержании. Когда Солон все осмотрел и его опять привели к Крезу, Крез спросил его, знает ли он человека, счастливее его. Солон отвечал, что знает такого человека: это его согражданин Телл. Затем он рассказал, что Телл был человек высокой нравственности, оставил по себе детей, пользующихся добрым именем, имущество, в котором есть все необходимое, погиб со славой, храбро сражаясь за отечество. Солон показался Крезу чудачком и деревенщиной, раз он не измеряет счастье обилием серебра и золота, а жизнь и смерть простого человека ставит выше его громадного могущества и власти. Несмотря на это, он опять спросил Солона, знает ли он кого другого после Телла, более счастливого, чем он. Солон опять сказал, что знает: это Клеобис и Битон, два брата, весьма любившие друг друга и свою мать. Когда однажды волы долго не приходили с пастбища, они сами запряглись в повозку и повезли мать в храм Геры; все граждане называли ее счастливой, и она радовалась; а они принесли жертву, напились воды, но на следующий день уже не встали; их нашли мертвыми; они, стяжав такую славу, без боли и печали узрели смерть. «А нас, — воскликнул Крез уже с гневом, — ты не ставишь совсем в

---

²⁷⁴ 48. ...на основе хронологических соображений... — Законодательство Солона — 594 г., правление Креза — 560—546; связь Креза с «семью мудрецами» (и Эзопом) — анахронизм народной легенды, закрепленный рассказом о Крезе и Солоне в «Истории» Геродота, I. 30—33 и 86—87.

число людей счастливых?». Тогда Солон, не желая ему льстить, но и не желая раздражать еще больше, сказал: «Царь Лидийский! Нам, эллинам, бог дал способность соблюдать во всем меру; а вследствие такого чувства меры и ум нам свойствен какой-то робкий, по-видимому, простонародный, а не царский, блестящий. Такой ум, видя, что в жизни всегда бывают всякие превратности судьбы, не позволяет нам гордиться счастьем данной минуты и изумляться благоденствию человека, если еще не прошло время, когда оно может перемениться. К каждому незаметно подходит будущее, полное всяких случайностей; кому бог пошлет счастье до конца жизни, того мы считаем счастливым. А называть счастливым человека при жизни, пока он еще подвержен опасностям, – это все равно, что провозглашать победителем и венчать венком атлета, еще не кончившего состязания: это дело неверное, лишенное всякого значения». После этих слов Солон удалился; Креза он обидел, но не образумил.

28. Баснописец Эзоп, бывший тогда в Сардах по приглашению Креза и пользовавшийся у него уважением, огорчился за Солон, которому был оказан, такой нелюбезный прием. Желая дать ему совет, он сказал: «С царями, Солон, надо говорить или как можно меньше, или как можно слаще». «Нет, клянусь Зевсом, – возразил Солон, – или как можно меньше, или как можно лучше».

Так пренебрежительно в то время Крез отнесся к Солону. После поражения в битве с Киром он потерял свою столицу, сам был взят в плен живым, и ему предстояла печальная участь быть сожженным на костре. Костер был уже готов; его связанного возвели на него; все персы смотрели на это зрелище, и Кир был тут. Тогда Крез, насколько у него хватило голоса, трижды воскликнул: «О Солон!» Кир удивился и послал спросить, что за человек или бог Солон, к которому одному он взывает в таком безысходном несчастье. Крез, ничего не скрывая, сказал: «Это был один из эллинских мудрецов, которого я пригласил, но не за тем, чтобы его послушать и научиться чему-нибудь такому, что мне было нужно, а для того, чтобы он полюбовался на мои богатства и, вернувшись на родину, рассказал о том благополучии, потеря которого, как оказалось, доставила больше горя, чем его приобретение – счастья. Пока оно существовало, хорошего от него только и было, что пустые разговоры да слава; а потеря его привела меня к тяжким страданиям и бедствиям, от которых нет спасения. Так вот он, глядя на мое тогдашнее положение, предугадывал то, что теперь случилось, и советовал иметь в виду конец жизни, а не гордиться и величаться непрочным достоянием». Этот ответ передали Киру; он оказался умнее Креза и, видя подтверждение слов Солон на этом примере, не только освободил Креза, но и относился к нему с уважением в течение всей его жизни. Так прославился Солон: одним словом своим одного царя спас, другого вразумил.

29. Между тем, во время отсутствия Солон, в Афинах происходили смуты. Во главе педиев стоял Ликург, во главе паралов – Мегакл, сын Алкмеона, а Писистрат – во главе диакриев, к числу которых принадлежала масса фетов, особенно враждебно настроенная против богатых. Таким образом, хотя в Афинах еще действовали законы Солон, но все ожидали переворота и желали другого государственного строя. При этом все хотели не равноправия, а надеялись при перевороте одержать верх и совершенно одолеть противную партию. Вот каково было положение дел, когда Солон вернулся в Афины. К нему все относились с уважением и почтением; но по старости он не имел уже ни силы, ни охоты по-прежнему говорить или действовать публично; только при встречах с руководителями обеих сторон он в частных беседах с ними старался уничтожить раздор и примирить их между собою. Особенно, казалось, прислушивался к его речам Писистрат. В его разговоре была вкрадчивость и любезность; бедным он готов был помогать, во вражде был мягок и умерен. Если у него не было каких-то природных качеств, он умел так хорошо притворяться, что ему верили больше, чем тем людям, которые их действительно имели: верили, что он человек осмотрительный, друг порядка, сторонник равенства, враг людей, колеблющих государственный строй и стремящихся к перевороту. Так он обманывал народ. Но Солон скоро проник в его душу и первый разгадал его злые замыслы. Однако он не возненавидел

его, а старался умиротворить и образумить: он говорил и ему самому и другим, что, если у Писистрата из души изъять любовь к первенству и исцелить его от страсти к тирании, то не будет человека более склонного к добру и лучшего гражданина.

В это время Феспид со своею труппой начал вводить преобразования в трагедию²⁷⁵ и новизной увлекал народ, но состязания между трагиками еще не были введены, Солон по своему характеру любил слушать и учиться, а в старости у него еще больше развился вкус к досужим забавам и, клянусь Зевсом, даже к попойкам и к музыке. Он пошел посмотреть Феспида, который, по обычаю древних, сам был актером. После представления Солон обратился к нему с вопросом, как не стыдно ему так бессовестно лгать при таком множестве народа. Феспид отвечал, что ничего нет предосудительного в том, чтобы так говорить и поступать в шутку. Тогда Солон сильно ударил палкой по земле и сказал: «Да, теперь мы так хвалим эту забаву, она у нас в почете, но скоро мы найдем ее и в договорах».

30. Писистрат, изранив себя, приехал в повозке на площадь и стал возмущать народ, говоря, что враги замышляют его убить за его политические убеждения. Поднялись негодующие крики. Солон подошел к Писистрату и сказал: «Нехорошо, сын Гиппократ, ты играешь роль гомеровского Одиссея²⁷⁶: он обезобразил себя, чтобы обмануть врагов, а ты это делаешь, чтобы ввести в заблуждение сограждан».

После этого толпа была готова защищать Писистрата. Было устроено народное собрание. Аристон внес предложение о том, чтобы дать Писистрату для охраны пятьдесят человек, вооруженных дубинами. Солон встал и возразил против этого предложения; при этом он высказал много мыслей, похожих на те, которые есть в его стихотворениях:

Вы ведь свой взор обратили на речи коварного мужа.
Каждый меж вами хитер и лисьими ходит стезями,
Вместе, однако, вы все слабый имеете ум.

Видя, что бедные готовы исполнить желание Писистрата и шумят, а богатые робеют и бегут, Солон ушел, говоря, что он умнее одних и храбрее других, – умнее тех, кто не понимает, что делается, а храбрее тех, кто понимает, но боится противиться тирании.

Предложение Аристона народ принял и даже не стал уже вступать в пререкания с Писистратом по поводу таких мелочей, как число стражей, вооруженных дубинами; Писистрат открыто набирал и содержал их, сколько хотел, а народ спокойно смотрел на это, пока наконец он не занял Акрополь.

После этого в городе поднялся переполох. Мегакл со всеми алкмеонидами сейчас же бежал, а Солон, несмотря на свою глубокую старость и отсутствие помощников, все-таки явился на площадь и обратился к гражданам с воззванием: то бранил их за неразумие и малодушие, то ободрял еще и убеждал не предавать свою свободу. Тут он и сказал знаменитые слова, что несколько дней назад было легче помешать возникновению тирании в самом ее зародыше, но зато теперь предстоит более славный подвиг – искоренить ее и уничтожить, когда она уже возникла и выросла. Но никто не слушал его; все были в страхе. Тогда Солон вернулся домой, взял оружие и встал вооруженный перед дверьми на улице. «Я по мере сил своих, – сказал он, – защищал отечество и законы». Во все последующее время он ничего не предпринимал, не слушал друзей, советовавших ему бежать, а писал стихи, в которых упрекал афинян:

²⁷⁵ 49. ...преобразования в трагедию... – Первоначально представления в праздники Диониса состояли только из песен хора; Феспид присоединил к ним рассказ актера и диалог актера с хором.

²⁷⁶ 50. ...гомеровского Одиссея... – «Одиссея», IV, 242 сл.: об Одиссее, под видом избитого раба проникшем лазутчиком в Трою.

Если страдаете вы из-за трусости вашей жестоко,
Не обращайтесь свой гнев против великих богов.
Сами возвысили этих людей вы, им дали поддержку
И через это теперь терпите рабства позор.

31. После этого многие предостерегали Солона, что тиранн его погубит и спрашивали, на что он рассчитывает, поступая с такой отчаянной смелостью. «На старость», – отвечал Солон.

Несмотря на это, Писистрат, захватив власть, сумел привлечь к себе Солона уважением, любезностью, приглашениями, так что Солон стал его советником и одобрял многие его мероприятия. И действительно, Писистрат сохранял большую часть Солоновых законов, сам первый исполнял их и друзей своих заставлял исполнять. Уже став тиранном, он был однажды призван на суд Ареопага по обвинению в убийстве. Он скромно предстал перед судом для своей защиты, но обвинитель не явился.

Писистрат сам издал несколько других законов, в том числе закон о содержании на счет государства солдат, изувеченных на войне. Впрочем, по словам Гераклида, еще прежде Солон сделал такое постановление в пользу изувеченного Ферсиппа, а Писистрат только подражал ему.

По свидетельству Феофраста и автором закона о праздности был не Солон, а Писистрат; благодаря этому закону в стране улучшилось земледелие, а в городе стало спокойнее.

Солон начал обширный труд, темой которого была история или сказание об Атлантиде, которое он слышал от ученых в Саисе и которое имело отношение к афинянам. Но у Солона не хватило сил довести его до конца – не по недостатку времени, как говорит Платон²⁷⁷, а скорее от старости: его испугала такая громадная работа. Свободного времени у него было очень много, как показывают его собственные слова, как например следующие:

Стар становлюсь, но всегда многому всюду учусь,

и еще:

Ныне мне стали милы Дионис, Киприда и Музы, —
Те, чьи забавы всегда радость вселяют в людей.

32. Платон ревностно старался разработать до конца и разукрасить рассказ об Атлантиде, словно почву прекрасного поля, запущенного, но принадлежащего ему по праву родства²⁷⁸. Он воздвиг вокруг начала обширное преддверие, ограды, дворы, – такие, каких никогда не бывало ни у одного исторического рассказа, мифического сказания, поэтического произведения. Но, так как он начал его слишком поздно, то окончил жизнь раньше, чем это сочинение; чем больше чарует читателя то, что он успел написать, тем более огорчает его, что оно осталось неоконченным. Как в Афинах есть только один недостроенный храм, храм Зевса Олимпийского²⁷⁹, подобно этому и гений Платона среди многих прекрасных

---

²⁷⁷ 51. ...как говорит Платон... – Платон . «Тимей», 21с («если бы поэзией занимался он не между делом... то славою превзошел бы, думается, и Гомера и Гесиода»).

²⁷⁸ 52. ...рассказ об Атлантиде... – По праву родства. – Платон по матери происходил от Солонова родственника Дропида.

²⁷⁹ 53. ...храм Зевса Олимпийского... – Строительство храма было начато Писистратом, из-за больших размеров он долго оставался неоконченным, и был достроен императором Адрианом вскоре после смерти Плутарха.

произведений оставил только одно сочинение об Атлантиде не доведенным до конца.

После начала тирании Писистрата Солон прожил, по Гераклиду Понтийскому, еще много времени, а, по Фанию Эдесскому, меньше двух лет. Писистрат стал таранном при архонте Комии, а Солон умер по свидетельству Фания, при архонте Гегестрате, следующем после Комиа.

Рассказ о том, будто пепел сожженного Солона был рассеян по острову Саламину, по своей нелепости, совершенно невероятен и баснословен. Тем не менее его передают многие авторы, заслуживающие внимания, между прочим, и философ Аристотель.

Попликола

[Перевод С.П. Маркиша]

1. С Солоном, рассказ о котором закончен, мы сопоставляем Попликолу. Попликола – это почетное прозвище, которое нашел для него римский народ, а прежде он именовался Публием Валерием, считаясь потомком того самого Валерия²⁸⁰, благодаря которому некогда помирились римляне с сабинянами и из врагов сделались одним народом: ведь это он главным образом уговорил царей прекратить вражду и прийти к согласию. К нему-то, как сообщают, и восходил родом Публий Валерий, прославившийся красноречием и богатством еще в ту пору, когда Римом правили цари. Первое он справедливо и умело употреблял только на защиту истины, вторым – щедро и доброжелательно оказывал помощь нуждающимся, так что с самого начала было ясно: если единовластие сменится демократией, Валерий станет одним из первых людей в государстве.

Когда же народ, ненавидевший Тарквиния Гордого, который и получил власть не честным путем²⁸¹, а вопреки законам божеским и человеческим, и пользовался ею не по-царски, а как надменный тиранн, когда народ, тяготясь этой властью, поднял мятеж, поводом к которому послужила смерть Лукреции, подвергшейся насилию и наложившей на себя руки, Луций Брут, возглавивший переворот, прежде всего обратился к Валерию, и тот принял самое горячее участие в изгнании царей. Пока казалось, что народ намерен выбрать вместо царя одного предводителя, Валерий сохранял спокойствие, считая, что у Брута, первого борца за свободу, больше прав на власть. Однако народу было ненавистно самое слово «единовластие», и, полагая, что разделенную власть терпеть будет не столь тягостно, он захотел поставить у кормила правления двоих, и тут Валерий стал надеяться, что будет избран вместе с Брутом и вместе с ним примет консульское достоинство. Однако он ошибся: вопреки желанию Брута его товарищем по должности оказался не Валерий, а Тарквиний Коллатин, муж Лукреции, человек отнюдь не более достойный, нежели Валерий. Но влиятельные римляне, все еще страшась царей, всячески пытавшихся из-за рубежа склонить граждан на свою сторону, желали иметь руководителем злейшего их врага, от которого изгнанники заведомо не могли ждать никаких уступок.

2. Итак, римляне не верили, что Валерий способен на все ради отечества, коль скоро лично он не потерпел от тираннов никакого зла, и в негодовании он перестал участвовать в

---

²⁸⁰ 1. ...того самого Валерия – По Дионисию Галикарнасскому (II, 46), это был сабин, советник Тита Тация, вместе с ним переселившийся в Рим; может быть, он тождествен с Велесом, упоминаемым: Нума, 5. О почетном прозвище «Попликола» (или Публикола) см. ниже, гл. 10.

²⁸¹ 2. ...получил власть не честным путем ... – Тарквиний Гордый низложил своего предшественника Сервия Туллия с помощью его дочери Туллии, которая при этом надругалась над трупом отца.

заседаниях сената, не защищал больше обвиняемых в суде и вообще полностью забросил государственные дела, так что даже пошли озабоченные толки, и многие римляне выражали опасение, как бы, поддавшись гневу, он не переметнулся на сторону царей и не погубил город, положение которого было ненадежно. А так как Брут питал подозрения и против некоторых иных лиц, он потребовал, чтобы сенат принес торжественную присягу; в назначенный день Валерий явился на форум с видом радостным и безмятежным и первым поклялся ни в чем не уступать и не поддаваться Тарквиниям, но воевать за свободу, не щадя сил. Эту клятву, которая обрадовала сенат и ободрила консулов, он скоро подкрепил делом.

От Тарквиния²⁸² прибыли послы с заманчивыми для народа грамотами, полными ласковых речей, с помощью коих посланцы твердо рассчитывали сломить ненависть толпы к царю, который-де оставил прежнее высокомерие и теперь предъявляет лишь весьма умеренные требования. Консулы решили было дать им возможность выступить перед народом, но этому воспротивился и воспрепятствовал Валерий, боясь, как бы у бедняков, для которых война тяжелее тираннии, не появились причина и повод к перевороту.

3. После этого прибыли другие послы. Они известили, что Тарквиний отказывается от царства и прекращает все враждебные действия, но просит вернуть ему, его друзьям и близким имущество и деньги, на которые они могли бы существовать в изгнании. Многие были тронуты, тем более что Коллатин поддержал просьбу царя, и тогда Брут, человек непреклонного и гневного нрава, выбежал на форум с криком, что его товарищ по должности – предатель, раз он щедрой рукой уделяет средства для войны и возрождения тираннии тем, кому и на дорогу-то дать было бы опасно. Когда граждане собрались, первым взял слово Гай Минуций, в управлении государством не участвовавший, и стал уговаривать Брута и всех римлян позаботиться о том, чтобы деньги лучше помогли им в борьбе против тираннов, нежели тираннам – в борьбе против них. Тем не менее римляне постановили, коль скоро царь не намерен отнять у них свободу, ради которой они воевали, не терять мира из-за денег, но и деньги отправить в изгнание вместе с тираннами.

Разумеется, Тарквиний меньше всего заботился о деньгах – его просьба была как бы испытанием народа и в то же время подготовкой измены. Да, именно этим и занимались послы и, уверяя, будто поглощены имущественными делами – одно, мол, продают, другое пока придерживают, третье отсылают хозяевам, – оставались в Риме до тех пор, пока не склонили к предательству два дома из числа самых знатных и благородных – Аквилеев, среди которых было трое сенаторов, и Вителлиев – с двумя сенаторами. И те и другие были через своих матерей племянниками консула Коллатина, а Вителлиев родство связывало и с Брутом: их сестра была за ним замужем и родила от него нескольких сыновей. Из них двоих, уже взрослых и находившихся с Вителлиями не только в родстве, но и в дружбе, последние привлекли на свою сторону и уговорили вступить в заговор, внушив им надежду, что, избавившись от тупости и жестокости своего отца, они породнятся с великим домом Тарквиниев и, быть может, сами достигнут царской власти. Жестокостью они называли неумолимую строгость Брута к негодяям, а с прозвищем тупицы²⁸³, под ложным обликом коего Брут скрывался долгое время, для того, видимо, чтобы обезопасить себя от покушений тираннов, ему не удалось расстаться даже после свержения царей.

4. Когда молодые люди дали свое согласие и вступили в сговор с Аквилеями, было решено всем принести великую и страшную клятву, совершив возлияние человеческой кровью и коснувшись внутренностей убитого. Для этого заговорщики собрались в доме Аквилеев. Дом, где они вознамерились исполнить такой чудовищный обряд, был, как и следовало ожидать, темен и почти пуст, и потому никто не заметил спрятавшегося там раба по имени Виндиций. Не то чтобы он спрятался по злему умыслу или по какому-то

²⁸² 3. От Тарквиния ... – Изгнанный римский царь находился в этрусском городе Тарквиниях.

²⁸³ 4. Тупица – буквальное значение имени «Брут».

предчувствию, но, случайно оказавшись внутри и увидев быстро приближающихся людей, побоялся попасться им на глаза и укрылся за пустым ящиком, так что стал свидетелем всего происходившего и подслушал все разговоры. Собравшиеся положили убить консулов и, написав об этом намерении Тарквинию, отдали письмо послам, которые, пользуясь гостеприимством Аквилеев, жили там же и присутствовали при клятве. Когда заговорщики удалились, Виндиций потихоньку выскользнул из своего укрытия; он не хотел держать в тайне то, что ему довелось узнать, но колебался, совершенно основательно считая далеко небезопасным обвинить в тяжелейшем преступлении сыновей Брута перед их отцом или племянников Коллатина перед родным дядей, а среди частных лиц не находя в Риме никого, кому бы он мог доверить сведения такой важности. Но всего менее мог он молчать, совесть не давала ему покоя, и он отправился к Валерию, привлекаемый в первую очередь обходительностью и милосердием этого мужа, который был доступен всем нуждающимся в его помощи, постоянно держал двери дома открытыми и никогда не презирал речей и нужд человека низкого звания.

5. Когда Виндиций явился к нему и обо всем рассказал в присутствии лишь жены Валерия и его брата Марка, Валерий, потрясенный и испуганный, не отпустил раба, но запер его в какую-то комнату, приставив к дверям жену, а брату велел окружить царский двор, разыскать, если удастся, письма и взять под стражу рабов, сам же с клиентами и друзьями, которых вокруг него всегда было немало, и многочисленной прислугой направился к дому Аквилеев. Хозяев Валерий не застал; так как, по-видимому, никто не ожидал его прихода, он проник внутрь и в помещении, где остановились послы, нашел письма. В это время бегом подоспели Аквиллии и, столкнувшись с Валерием в дверях, пытались вырвать у него его находку. Спутники Валерия стали защищаться и, накинув противникам на шею тоги, с огромным трудом, осыпаясь ударами и сами щедро их раздавая, узкими переулками вырвались наконец на форум. Одновременно то же случилось и на царском дворе: Марк наложил руку на другие письма, спрятанные среди уложенных и готовых к отправке вещей, и поволок на форум царских приближенных, сколько смог захватить.

6. Когда консулы положили конец беспорядку, Валерий велел привести Виндиция, и обвинение было предъявлено, а затем были прочтены письма. Уличенные не дерзнули сказать ни слова в свою защиту, смущенно и уныло молчали и все прочие, лишь немногие, желая угодить Бруту, упомянули об изгнании. Какой-то проблеск надежды усматривали также в слезах Коллатина и в безмолвии Валерия. Но Брут, окликаая каждого из сыновей в отдельности, сказал: «Ну, Тит, ну, Тиберий, что же вы не отвечаете на обвинение?» И когда, несмотря на троекратно повторенный вопрос, ни тот, ни другой не проронили ни звука, отец, обернувшись к ликторам, промолвил: «Дело теперь за вами». Те немедленно схватили молодых людей, сорвали с них одежду, завели за спину руки и принялись сечь прутьями, и меж тем как остальные не в силах были на это смотреть, сам консул, говорят, не отвел взора в сторону, сострадание нимало не смягчило гневного и сурового выражения его лица — тяжелым взглядом следил он за тем, как наказывают его детей, до тех пор пока ликторы, распластав их на земле, не отрубили им топорами головы. Передав остальных заговорщиков на суд своего товарища по должности, Брут поднялся и ушел. Его поступок, при всем желании, невозможно ни восхвалять, ни осуждать. Либо высокая доблесть сделала его душу совершенно бесстрастной, либо, напротив, великое страдание довело ее до полной бесчувственности. И то и другое — дело нешуточное, и то и другое выступает за грани человеческой природы, но первое свойственно божеству, второе — дикому зверю. Справедливее, однако, чтобы суждение об этом муже шло по стопам его славы, и наше собственное слабование не должно быть причиной недоверия к его доблести. Во всяком случае, римляне считают, что не столько трудов стоило Ромулу основать город, сколько Бруту — учредить и упрочить демократический образ правления.

7. Итак, когда Брут ушел с форума, долгое время все молчали — никто не мог опомниться от изумления и ужаса перед тем, что произошло у них на глазах. Но зная мягкость нрава Коллатина и видя его нерешительность, Аквиллии снова несколько

приободрились и попросили отсрочки для подготовки оправдательной речи, а также выдачи Виндиция, который был их рабом, и потому не следовало-де ему оставаться в руках обвинителей. Консул хотел удовлетворить их просьбу и с тем уже было распустил Собрание, но Валерий, приверженцы которого тесно обступили раба, не соглашался его выдать и не позволял народу разойтись, освободив заговорщиков. В конце концов, он силою задержал обвиняемых и принялся звать Брута, крича, что Коллатин поступает чудовищно, коль скоро, принудив товарища по должности стать убийцею собственных детей, сам теперь счел возможным в угоду женщинам подарить жизнь изменникам и врагам отечества. Консул был возмущен и приказал увести Виндиция, ликторы, раздвинув толпу, схватили раба и принялись бить тех, кто пытался его отнять, друзья Валерия вступились, народ же громко кричал, призывая Брута. Вернулся Брут, и, когда, приготовившись слушать его, все умолкли, он сказал, что над своими сыновьями сам был достаточно правомочным судьей, участь же остальных предоставляет решить свободным гражданам: пусть каждый, кто хочет, говорит и внушает народу свое мнение. Но никакие речи уже не понадобились: сразу же состоялось голосование, обвиняемые подверглись единодушному осуждению и были обезглавлены.

Коллатину из-за родства с царями, по-видимому, не вполне доверяли, да и второе имя их консула ненавистно было римлянам, принесшим священную клятву не уступать Тарквинию. То, что произошло, вызвало прямую ненависть народа к нему, и он добровольно сложил с себя власть и покинул город. Поэтому вновь были проведены выборы, и граждане со славою избрали консулом Валерия, стяжавшего достойную награду за свою преданность родине. Полагая, что благодарности заслуживает и Виндиций, Валерий постановил, чтобы он первым среди вольноотпущенников сделался римским гражданином и подавал голос, присоединившись к любой из курий. Вообще же право голоса вольноотпущенники получили лишь много времени спустя от Аппия²⁸⁴, который хотел этим угодить народу. Полное и безусловное отпущение на волю до сих пор называется «виндикта» [vindicta], как говорят – по имени того Виндиция²⁸⁵.

8. Затем консулы отдали царское добро на разграбление римлянам, а двор и городской дом сравнивали с землей. Тарквиний владел лучшей частью Марсова поля – теперь ее посвятили богу. Как раз незадолго до того сняли жатву, на поле еще лежали снопы, и, считая, что после посвящения этот хлеб нельзя ни молотить, ни употреблять в пищу, граждане собрались и побросали все в реку. Точно так же полетели в воду и деревья, которые вырубил на всем участке, и во владение бога перешла земля совсем пустая, лишенная какой бы то ни было растительности. Снопы и стволы во множестве, без всякого порядка валили в огромные кучи, и река уносила их не далеко, ибо самые первые, налетев на мель, остановились и загородили путь следующим; те застревали, зацеплялись, и связь между отдельными частями делалась все крепче и неразрывнее, усиливаемая течением, наносившим много ила, который создавал плодородную, клейкую почву, а напор воды не размывал ее, но полегоньку уплотнял и спланировал. Размеры и устойчивость этого целого способствовали дальнейшему его увеличению – там задерживалось почти все, что плыло по реке. Это и есть нынешний священный остров в Риме, на нем – храмы богов и портики для прогулок, а зовется он на латинском языке «Меж двумя мостами»²⁸⁶. Некоторые писатели сообщают, что это случилось не в ту пору, когда была посвящена земля Тарквиния, а позже, когда Тарквиния отдала богу другой, соседний с тем участок. Эта Тарквиния была дева-жрица,

²⁸⁴ 5. *Аппий* Клавдий Слепой – цензор 312 г., который первый дал вольноотпущенникам право голосовать.

²⁸⁵ 6. ...по имени того Виндиция . – На самом деле, наоборот, имя Виндиций происходит от слова vindicta – жезл, с помощью которого совершался обряд отпущения раба на волю.

²⁸⁶ 7. ...священный остров на Тибре с храмом Эскулапа находился между двумя мостами, Фабриция и Цестия, построенными в I в.

одна из весталок, за свой дар удостоившаяся великих почестей. Между прочим, ей, единственной среди женщин, было дано право выступать с показаниями в суде. Разрешением выйти замуж она не воспользовалась. Таковы предания о том, как все это произошло.

9. Тарквиния, отказавшегося от мысли вернуть себе власть с помощью предательства, охотно приняли этруски и с большим войском снарядили в поход. Консулы вывели ему навстречу римлян и выстроили их в священных местах, из которых одно зовется Арсийская роща²⁸⁷, а другое Анзуйский луг. Когда противники еще только начинали бой, столкнулись сын Тарквиния Аррунт и римский консул Брут, столкнулись не случайно, но пустив друг против друга своих коней и пылая гневом и взаимною ненавистью, один – к тиранну и врагу отечества, другой – к виновнику своего изгнания. Ими руководила скорее слепая ярость, нежели рассудок, они не щадили себя и вместе расстались с жизнью. Конец сражения был не менее свиреп и ужасен, чем его начало: оба войска нанесли неприятелю и сами потерпели одинаковый урон, но их развела непогода. Этот неопределенный исход смущал и тревожил Валерия, который видел, как воины его в одно и то же время пали духом, видя трупы своих, и гордятся тем, что учинили такое опустошение в рядах врагов: столь велико было число убитых, что истинные потери обеих сторон установить не удавалось. Но между тем как положение дел у себя было перед глазами, о том, что делается у противника, оставалось только догадываться, и потому как римляне, так и этруски считали себя скорее побежденными, чем победителями. Пришла ночь, и, как обычно бывает после жестокой битвы, лагери затихли, и тут, говорят, вдруг затряслась роща и из нее вырвался громкий голос, возвестивший, что этрусков погибло одним больше, чем римлян. Разумеется, то было божественное вещание, ибо услышав его, римляне сразу исполнились отваги и радостно закричали, а этруски совершенно пали духом, в смятении выбежали из лагеря и большей частью рассеялись кто куда. На оставшихся – их было почти пять тысяч – напали римляне и захватили их в плен, имущество же разграбили. Мертвых после подсчета оказалось у неприятеля одиннадцать тысяч триста, у римлян – на одного меньше. Битва, как сообщают, произошла за день до мартовских календ.

Валерий получил за победу триумф и первым из консулов въехал в Рим на запряженной четверкою колеснице. Это было величественное и славное зрелище, отнюдь не навлекавшее зависть и досаду зрителей, как утверждают иные. Будь они правы, триумф не был бы затем, на протяжении длиннейшего ряда лет, предметом столь ревностных исканий и честолобивых помыслов. Все одобрили и почести, которые Валерий воздал телу своего товарища по должности, и в особенности – речь, которую он сказал при погребении. Она так понравилась и полюбилась римлянам, что с тех пор повелось над каждым достойным и выдающимся мужем произносить после смерти похвальное слово, и обязанность эту выполняют лучшие граждане. Говорят даже, будто речь Валерия древнее греческих надгробных речей²⁸⁸, хотя оратор Анаксимен пишет, что и это начинание принадлежит Солону.

10. Но вот что в самом деле вызывало недовольство и неприязнь к Валерию. Брут, которого народ считал отцом свободы, не хотел властвовать один, но и раз, и другой выбрал себе товарища по должности. «А этот, – говорили граждане, – все соединивши в себе одним, наследует не консульство Брута, не имеющее к нему ни малейшего отношения, но тираннию Тарквиния. Какой толк восхвалять Брута на словах, коль скоро на деле он подражает Тарквинию и, в окружении всех ликторских связок и топоров²⁸⁹ один спускается на форум

---

²⁸⁷ 8. ...*Арсийская роща* – местность неизвестная.

²⁸⁸ 9. ...*греческих надгробных речей* ... – В Афинах во время войн они каждый год говорились осенью, при погребении праха бойцов, павших в летнюю кампанию; такую речь влагает Фукидид в уста Перикла (II, 35—46).

²⁸⁹ 10. ...*Всех ликторских связок и топоров* ... – Т.е. в сопровождении всех 24 ликторов, которые должны

из дома, такого громадного, что даже царский дом, который он разрушил, был меньше?!» И верно, Валерий жил слишком уж пышно – в доме, который стоял на так называемой Веллии²⁹⁰ и, нависая над форумом, взирал на все с высоты; взобраться наверх составляло немалый труд, а когда хозяин сходил вниз, вид у него был напыщенный, и гордая свита казалась поистине царской. Вот тут-то Валерий и доказал, какое благо для человека, поставленного у власти и вершащего делами большой важности, держать уши открытыми для откровенных и правдивых слов и закрытыми для лести. Услышав от друзей, что, по мнению народа, его поведение неправильно, он не стал возражать, не рассердился, но быстро собрал целую толпу мастеров и в ту же ночь снес, разрушил до основания весь дом, так что наутро римляне, сбежавшись и увидев это, восхищались силою духа этого мужа, жалели и оплакивали дом, его величие и красоту – точно человека, несправедливо погубленного завистниками, сокрушались, вспоминая о том, что их консул, словно бездомный, поселился у чужих. Да, Валерия приютили друзья, и он жил с ними до тех пор, пока народ не отвел ему участок и не построил дом, меньше и скромнее прежнего; ныне на этом месте стоит храм, называемый святилищем Вики Поты²⁹¹.

Желая и самое власть сделать кроткой, менее грозной и даже любезной народу, Валерий приказал вынуть топоры из ликторских связок, а связки опускать и склонять перед народом, всякий раз как консул входит в Собрание. Этот обычай, много способствовавший украшению демократии, соблюдается властями вплоть до нашего времени. Толпа не понимала, что консул не унизился перед нею, как думало большинство, но своею скромностью пресек и уничтожил зависть и настолько же расширил и укрепил свою власть, насколько, казалось, ограничил себя в правах, ибо теперь народ с охотой и радостью ему подчинялся и даже прозвал его Попликолой. Это прозвище, означающее «друг народа» и получившее большее распространение, чем прежние его имена, будем употреблять в дальнейшем и мы, рассказывая о жизни этого человека.

11. Он предоставил возможность домогаться консульства тем, кто этого пожелает, но до избрания товарища по должности, не зная, что будет дальше, и опасаясь, как бы из зависти или по невежеству товарищ не оказал противодействия его планам, воспользовался единовластием для чрезвычайно важных и полезных государственных преобразований. Во-первых, он пополнил состав сената, который сильно сократился: кто погиб раньше, в правление Тарквиния, кто в недавней битве. Говорят, что всего он внес в списки сто шестьдесят четыре человека. Затем он издал законы, из которых один наделял толпу особенно большою силой, разрешая обвиняемому обжаловать решение консулов перед народом. Другой закон осуждал на смерть тех, кто примет власть без изволения народа. Третьим законом он облегчил положение бедняков, освободив граждан от налогов: этим же законом Попликола побудил всех охотнее, чем прежде, взяться за ремесла. Закон, карающий за неповиновение консулам, также казался направленным на пользу скорее простого люда, нежели могущественных граждан. На ослушника налагался штраф в пять коров и две овцы. Цена овцы была десять оболов, коровы – сто. В ту пору деньги еще не были у римлян в широком употреблении, и богатство измерялось числом скота. Поэтому добро они до сих пор обозначают словом «пекулия» [peculium] – по названию мелкого скота²⁹², а на

были быть разделены поровну между двумя консулами. Связки прутьев с воткнутыми топорами – знак власти высших должностных лиц. Они назывались *fascēs* (гл. 12), отсюда в XX в. слово «фашизм».

²⁹⁰ 11. *Велия* – холм к востоку от форума, между Палатином и Эсквилином.

²⁹¹ 12. *Вика Пота* – «Могущественная победительница», эпитет богини Победы.

²⁹² 13. ...по названию мелкого скота ... – По-латыни *pecus*. Имя *Суиллий* происходит от слова «свинья», а *Бубульк* – от «бык».

древнейших своих монетах чеканили изображение коровы, овцы или свиньи. И детям давали имена Суиллий, Бубульк, Капрарий, Порций, ибо «капра» по-латыни коза, а «поркос» [porcus] – свинья.

12. Показав себя, таким образом, умеренным и расположенным к народу законодателем, Попликола в...²⁹³ назначил слишком строгое наказание. Он издал закон, по которому разрешалось без суда убить человека, замыслившего сделаться тиранном, причем убийца был свободен от всякой вины, коль скоро представлял доказательства, уличающие убитого. Ведь если невозможно затеявшему такое дело остаться полностью неразоблаченным, то весьма возможно, что, разоблаченный, он предупредит суд и уйдет целым и невредимым, а потому Попликола предоставил право каждому, кто окажется в состоянии, исполнить над преступником тот приговор, которого преступление пытается избежать.

Похвалы Попликоле стяжал и закон о квесторах. Поскольку граждане должны были делать из своего имущества взносы на покрытие военных расходов, а консул и сам не желал касаться хозяйственных дел, и отказывался поручить их своим друзьям, и вообще не соглашался, чтобы общественные средства поступали в частный дом, он учредил казначейство в храме Сатурна²⁹⁴, где римляне хранят казну и до сих пор, и предложил народу избрать двух молодых людей казначеями-квесторами. Первыми квесторами избрали Публия Ветурия и Марка Минуция. Денег было внесено очень много, ибо в списках значилось сто тридцать тысяч человек, не считая сирот и вдов, которые взносов не делали.

Покончив с этими заботами, Попликола принял в товарищи по должности Лукреция, отца Лукреции и, по долгу младшего, уступая первенствующее положение, передал ему так называемые «фаски». (Эта почесть, оказываемая старшему годами, вошла в обычай и сохранилась до нашего времени.) Но через несколько дней Лукреций умер. Снова состоялись выборы, и консулом стал Марк Гораций, который и правил вместе с Попликолой оставшуюся часть года.

13. Когда Тарквиний в Этрурии готовил вторую войну против римлян, было, как сообщают, важное знамение. Еще правя в Риме, Тарквиний заканчивал строительство храма Юпитера Капитолийского и, то ли повинаясь пророчеству, то ли по какой-то иной причине, решил увенчать здание глиняным изображением колесницы в четверку; он сделал заказ этрусским мастерам из Вей, а вскоре после этого лишился царства. Этруски вылепили колесницу и поставили ее в печь, но случилось совсем не то, что обычно бывает с глиною в огне, – она не сжималась и не оседала, по мере того как улетучивалась влага, напротив, поднялась и раздулась, приобретя вместе с величиной такую твердость и крепость, что ее насилу извлекли, лишь разобрав свод и разрушив стены печи. Прорицатели пришли к заключению, что это божественное знамение, сулящее благоденствие и могущество владельцам колесницы, и граждане Вей постановили не отдавать ее, а римлянам, требовавшим назад свою собственность, ответили, что колесница принадлежит Тарквинию, но не тем, кто изгнал Тарквиния. Немного дней спустя в Вейях были конные состязания, проходившие с обычной пышностью и торжественностью. Украшенный венком возница медленно погнал с гипподрома победившую четверку, как вдруг кони без всякой видимой причины, но либо волею божества, либо просто случайно, испугались и понеслись во весь опор к Риму; как ни натягивал возница поводья, как ни старался успокоить коней ласковыми уговорами – все было напрасно, ему пришлось подчиниться, он бросил поводья, и лошади мчали его до тех пор, пока, прискакав к Капитолию, не выбросили на землю подле тех ворот, что ныне зовутся Ратуменскими. После этого события граждане Вей, изумленные и

---

²⁹³ * Текст в оригинале испорчен.

²⁹⁴ 14. ...в храме Сатурна ... – На склоне Капитолия, ведущем к форуму; в 43 г. он был перестроен, и остатки этой новой постройки стоят на форуме до сих пор.

испуганные, распорядились, чтобы мастера отдали колесницу.

14. Обет воздвигнуть храм Юпитера Капитолийского принес Тарквиний, сын Демарата, во время войны с сабинянами, а выстроил его Тарквиний Гордый, сын или же внук принесшего обет, но посвятить не успел: здание было уже почти готово, когда Тарквиний потерял власть. После окончательного завершения всех работ, когда храм был должным образом украшен, Попликолой овладело честолюбивое желание самому освятить его. Однако большинство могущественных граждан завидовали ему и, еще смиряясь кое-как с теми почестями, которые ему подобали и приличествовали как законодателю и полководцу, считали, что на эту последнюю он не имеет никаких прав и не должен ее получить, а потому уговаривали и подстрекали Горация воспротивиться намерениям товарища и взять освящение на себя. Тут Попликоле пришлось выступить в поход, и его недоброжелатели, постановив, чтобы храм посвящал Гораций, отвели консула на Капитолий, отлично понимая, что никогда бы не добились своего в присутствии Попликолы. Иные утверждают, что консулам по жребию досталось одному, против воли, – идти в поход, другому – освящать храм.

О том, как это было на самом деле, можно судить по событиям, сопровождавшим освящение. В сентябрьские иды – этот день примерно совпадает с полнолунием в месяце метагитнионе²⁹⁵ – все собрались на Капитолии; когда наступила тишина, Гораций совершил обряды, и, как того требовал обычай, коснувшись рукою дверей, готовился произнести принятые слова посвящения, как вдруг брат Попликолы Марк, уже давно стоявший у дверей в ожидании этого мига, промолвил: «Консул, твой сын в лагере заболел и умер». Эта весть огорчила всех, кто ее услышал, лишь Гораций остался невозмутим и, сказав только: «Бросьте труп, куда хотите – печали нет доступа ко мне», – завершил обряд. Однако сообщение было ложным: его придумал Марк, чтобы помешать Горацию, и поразительно самообладание этого человека, который либо мгновенно разгадал обман, либо, поверив, остался непоколебим.

15. Кажется, подобными обстоятельствами отмечено и освящение второго храма. Первый, который, как уже сказано, выстроил Тарквиний, а посвятил Гораций, сгорел во время гражданских войн²⁹⁶. Второй был заново воздвигнут Суллой, который не дожидаясь завершения работ, и потому в посвячительной надписи значится имя Катула. Этот храм в свою очередь погиб во время бунта при Вителлии, и в третий раз его целиком возвел Веспасиан. Счастье сопутствовало ему как всегда, он увидел храм выстроенным, но не увидел вновь разрушенным, превзойдя Суллу удачливостью, поскольку тот умер до освящения своего труда, этот – незадолго до его низвержения: в год смерти Веспасиана Капитолий был опустошен пожаром. Наконец, четвертый, существующий ныне, закончен и освящен Домицианом.

Сообщают, что Тарквиний истратил на закладку оснований сорок тысяч фунтов серебра, но если говорить о нынешнем храме, то самого крупного из частных состояний в Риме не хватило бы на возмещение издержек по одному только золочению, составляющих более двенадцати тысяч талантов. Колонны были высечены из пентельского мрамора²⁹⁷ в самом прекрасном отношении толщины к высоте, – я сам видел их в Афинах, – но в Риме их еще раз обтесали и отшлифовали, что не столько придало им блеску, сколько лишило соразмерности и красоты: они стали казаться тонкими и жалкими. Впрочем, если кто,

²⁹⁵ 15. *Метагитнионе* – ошибка: иды 13 сентября приходятся на следующий афинский месяц, боэдромийон.

²⁹⁶ 16. *...сгорел во время гражданских войн ...* – В 83 г.; отстроен Лутацием Катулом в 80—69 гг.; вторично сгорел в 69 г. н.э. и отстроен к 71 г.; в третий раз горел в 79 г. и отстроен Домицианом к 82 г.; в таком виде он стоял еще в VI в. н.э.

²⁹⁷ 17. *...из пентельского мрамора ...* – Мрамор из села Пентелы близ горы Пентеликон к востоку от Афин.

удивившись роскоши Капитолия, увидел бы во дворце Домициана²⁹⁸ один только портик, или базилику, или бани, или покои наложниц, тот, вслед за Эпихармом, сказавшим расточителю:

Ты людей ничуть не любишь, ты помешан, а не щедр,

не мог бы не обратиться к Домициану с такими приблизительно словами: «Ты и не благочестив и даже не щедр – ты просто болен. Ты радуешься, проматывая деньги на бесконечные постройки, и, точно пресловутый Мидас, хочешь, чтобы все у тебя было из камня и золота». Впрочем, довольно об этом.

16. После большой битвы, лишившись сына, павшего в единоборстве с Брутом, Тарквиний бежал в Клузий и попросил помощи у Ларса Порсены, самого могущественного из италийских царей, славившегося, в то же время, добротой и отвагой. Порсена обещал ему свою поддержку и начал с того, что отправил в Рим послов с требованием снова принять Тарквиния. Римляне не повиновались, тогда Порсена объявил им войну, указав время и место своего вторжения, и в назначенный срок явился с большим войском. Попликола в свое отсутствие был вторично избран консулом, и вместе с ним – Тит Лукреций. Вернувшись в Рим и желая прежде всего превзойти Порсену твердостью духа, Попликола основал город Сигнурию (хотя враг был уже совсем близко), с большими затратами обнес ее стеной и отправил туда семьсот переселенцев, чтобы показать, насколько незначительной считает он эту войну и как мало ее боится. Но после ожесточенного нападения царь выбил караульных с Яникула²⁹⁹, и, стремглав убегая, они едва не привели за собой неприятеля в Рим. Лишь перед самыми воротами на выручку подоспел Попликола и, завязав сражение у реки, выдерживал натиск превосходящих сил противника до тех пор, пока, покрытый множеством ран, не упал и не был вынесен с поля сражения. Когда и второго консула, Лукреция, постигла та же участь, римляне пали духом и, спасая жизнь, побежали к городу.

Враги толпою ринулись к деревянному мосту, и Рим едва-едва не был взят приступом. Но Гораций Коклес и еще двое прославленных мужей, Германий и Ларций, первыми оказали сопротивление подле моста. Гораций получил прозвище Коклеса, потеряв на войне один глаз. Другие утверждают, будто он был до того курнос, что между глазами почти не оставалось промежутка, а брови у него срослись, и, народ, желая назвать его «Киклопом»³⁰⁰, но, плохо выговаривая это слово...³⁰¹ превратился в Коклеса. Итак, стоя перед мостом, он сдерживал врага до тех пор, пока его товарищи не сломали мост у него за спиной. Тогда он, как был, в полном вооружении, бросился в реку, переплыл ее и выбрался на противоположный высокий берег, хотя этрусское копье угодило ему в ягодицу. Восхищенный его мужеством, Попликола предложил, чтобы все римляне немедленно принесли и отдали ему столько съестных припасов, сколько каждый ежедневно потребляет сам, а впоследствии отрезали столько земли, сколько Коклес сможет опахать за день. И, наконец, ему поставили бронзовую статую в храме Вулкана³⁰², чтобы этой почестью вознаградить его за храмоту, бывшую следствием ранения.

---

²⁹⁸ 18. ...Во дворце Домициана ... – На Палатине; размеры его – не меньше, чем храма Юпитера.

²⁹⁹ 19. Яникул – холм на правом, этруском берегу Тибра.

³⁰⁰ 20. Киклопом – т.е. (по-гречески!) одноглазым; этимология восходящая (как и многие другие у Плутарха) к Варрону, VII, 71.

³⁰¹ * Текст в оригинале испорчен.

³⁰² 21. ...в храме Вулкана ... – Этот бог (греч. Гефест) тоже считался храмым.

17. Порсена теснил Рим все сильнее, и в городе начался голод, а тем временем в римские владения вторглось, по собственному почину, еще одно этруское войско. Попликола, избранный консулом в третий раз, считал, что с Порсеной следует бороться, оставаясь на месте и тщательно охраняя город, но против этрусков выступил, разбил их и обратил в бегство; неприятель потерял убитыми пять тысяч человек.

О подвиге Муция рассказывают многие, и все по-разному; следует и нам изложить это событие – в том виде, в каком оно признано наиболее близким к истине. Это был человек, исполненный всяческих доблестей, но в особенности – воинских. Задумав убить Порсену, он оделся по-этруски и, зная неприятельскую речь, проник в лагерь. Он походил вокруг возвышения, на котором сидел царь со свитой, но, не зная его в лицо, выведывая же опасаясь, обнажил меч и убил того из сидевших, кто, по его мнению, всего более напоминал царя. Муция сразу схватили и стали допрашивать; рядом он увидел жаровню с горящими углями, приготовленную для Порсены, который собирался принести жертву, Муций положил на нее правую руку и, стоя перед царем, решительно и бестрепетно смотрел ему в лицо, меж тем как огонь сжигал его руку. Это длилось до тех пор, пока пораженный Порсена не отпустил его и не отдал ему меч, протянув оружие с возвышения. Муций принял его левой рукой, и отсюда, говорят, его прозвище Сцевола, что значит «Левша». Он сказал, что победил страх перед Порсеной, но побежден его великодушием, а потому из благодарности откроет то, чего бы никогда не выдал, покоряясь насилью. «Триста римлян, – продолжал он, – с тем же намерением, что и я, бродят по твоему лагерю, выжидая удобного случая. Мне выпал жребий начать, и я не в обиде на судьбу оттого, что ошибся и не убил благородного человека, который должен быть римлянам скорее другом, чем врагом». Порсена поверил его словам и стал склоняться к мысли о перемирии – не столько, мне думается, из страха перед тремястами убийц, сколько дивясь и восхищаясь отвагой и доблестью римлян. Этого человека все называют Муцием и Сцеволой, но Афинодор, сын Сандона, в сочинении, посвященном сестре Цезаря Октавии, говорит, что у него было еще одно имя – «Поздно родившийся»³⁰³.

18. Со своей стороны, и Попликола видел в Порсене не столько грозного врага, сколько человека, достойного стать другом и союзником Рима, а поэтому он охотно предоставлял на его суд решение спора с Тарквинием: он неоднократно и с полной уверенностью в своей правоте призывал к этому царя, обещая доказать, что римляне по справедливости лишили власти самого дурного из людей. Но подобный план действий вызывал резкие возражения Тарквиния, заявлявшего, что он не подчинится никакому судье, в особенности – Порсене, коль скоро тот, прежде обещав свою помощь, теперь идет на попятный; и Порсена, возмущенный и негодующий, слыша к тому же просьбы своего сына Аррунта, усердно хлопотавшего за римлян, прекратил войну на условиях, что противник очистит захваченные им земли в Этрурии и вернет пленных, получив взамен своих перебежчиков. В подтверждение этих условий римляне выдали заложников – десять знатнейших патрициев и столько же девушек, среди которых была и дочь Попликолы Валерия.

19. Выполняя свои обязательства, Порсена уже полностью прекратил военные действия, когда как-то раз римские девушки спустились к реке искупаться – в том месте, где берег, изгибаясь полумесяцем, делает течение ровным и тихим. Не видя рядом ни стражи, ни иных каких-либо посторонних глаз на суше или на воде, они испытали вдруг неодолимое желание переправиться через Тибр – такой быстрый и изобилующий глубокими омутами. Некоторые пишут, что одна из девушек, по имени Клелия, переплыла поток на коне, ободряя остальных. Когда они благополучно прибыли к Попликоле, тот не пришел в восторг от их поступка и даже не одобрил его, а был опечален тем, что прослышет менее добросовестным, нежели Порсена, и что причину дерзости девушек сочтут коварство римлян. И вот,

---

³⁰³ 22. «Поздно родившийся». – Перевод римского имени Постум (ср. Сул., 37). Прозвище «Сцевола», действительно, значит «Левша».

собравши беглянок, он всех отправил назад к Порсене. Об этом заранее узнали люди Тарквиния и, устроив засаду у переправы, превосходящими силами ударили на тех, кто сопровождал девушек. Провожатые, однако, стали защищаться, и дочь Попликолы, Валерия, пробившись через самую гущу сражающихся, бежала, а вместе с нею – трое рабов, которые ее спасли. Прочие девушки, с немалою для себя опасностью, оставались среди бойцов, но Аррунт, сын Порсены, узнав о случившемся, тут же бросился на помощь римлянам и избавил их от смертельной опасности, обратив неприятеля в бегство. Когда девушек привели к Порсене, тот, взглянув на них, спросил, кто была зачинщицей побега и подбила на него остальных. Ему назвали Клелию. Порсена окинул ее взором благосклонным и веселым, велел привести из царских конюшен коня в богатом уборе и подарил его девушке. Это считают свидетельством своей правоты те, кто держится мнения, что Клелия одна переправилась через реку верхом. Но другие с ними не соглашаются, полагая, что этруск просто хотел почтить ее поистине мужскую отвагу. Там, где Священная улица начинает подниматься на Палатин, стоит конная статуя Клелии³⁰⁴, которую, однако, иные считают изображением Валерии.

Не говоря о многих других доказательствах царского великодушия, которые, примирившись с римлянами, дал городу Порсена, он не велел этрускам брать с собою ничего, кроме оружия, и, оставив лагерь, полный хлеба и всевозможного добра, передал его римлянам. По этой причине и теперь еще, пуская с торгов общественное имущество, сначала объявляют о продаже вещей Порсены, вечно храня память об этом человеке за его милость и благодеяние. Кроме того, рядом со зданием сената стояла бронзовая статуя Порсены грубой и старинной работы.

20. Вскоре в римские владения вторглись сабиняне; консулами были избраны брат Попликолы Марк Валерий и Постумий Туберт. Пользуясь во всех важнейших вопросах советами и прямым руководством Попликолы, Марк одержал победу в двух больших сражениях, причем за второе из них, в котором, не потеряв ни одного римлянина, он истребил тринадцать тысяч неприятелей, получил, кроме триумфа, почетный дар: на общественный счет ему был выстроен дом на Палатинском холме. В ту пору двери во всех домах распахивались внутрь, и лишь в доме Марка Валерия дверь сделали отворяющейся наружу – исключение, означавшее, что он всегда может принять участие в любом из государственных дел. Говорят, что, напротив, все греческие дома прежде открывались наружу; такое заключение делают на основании комедии, где перед тем, как выйти на улицу, бьют и колотят изнутри в собственную дверь, чтобы оповестить об этом прохожих или остановившихся подле дома и не ушибить их створами дверей, распахивающихся в узкий переулок.

21. На следующий год Попликола снова был консулом – в четвертый раз. Ждали войны с сабинянами и латинянами, которые заключили союз между собой. В то же время город оказался во власти суеверного страха: все беременные женщины выкидывали уродов, ни одной не удавалось доносить плод до конца. Следуя наставлениям Сивиллиных книг³⁰⁵, Попликола умилил Плутона, затем, по совету оракула Аполлона Пифийского, устроил игры и, надеждами на богов внушив гражданам спокойствие, обратил свой ум к опасностям, которыми грозили Риму люди: скопление врагов и их приготовления казались неслыханными.

³⁰⁴ 23. ...*Стоит конная статуя Клелии* ... – Плутарх выписывает эти слова из своего старинного источника: в действительности конная статуя девушки (амазонки?) на Священной дороге исчезла уже к концу I в. до н.э., (Дионисий Галикарнасский, V, 35).

³⁰⁵ 24. *Сивиллиных книг* – в книгах предсказаний, по преданию, купленных царем Тарквинием Гордым у Сивиллы из города Кум, искали не предсказаний будущих событий, а средств для очищения при каких-либо необыкновенных несчастьях или чудесных явлениях, как в описанном здесь случае (прим. С.И. Соболевского).

Среди сабинян был некий Аппий Клавз, человек богатый, сильный и отважный, но всего более превосходивший других нравственными качествами и красноречием. Он не избег общей участи всех выдающихся людей – зависти, и сам подал завистникам повод к обвинениям, отговаривая сограждан от войны: враги утверждали, будто он хочет возвышения Рима, чтобы лишить отечество свободы и подчинить его власти тиранна. Видя, что такие речи встречают у толпы благосклонный прием, а сам он не пользуется ни малейшим расположением большинства, настроенного весьма воинственно, Клавз побоялся обратиться в суд, но, располагая значительными силами единомышленников, друзей и родичей, готовых его защищать, поднял мятеж. Это помешало сабинянам начать войну в назначенный срок. У Попликолы, считавшего весьма существенным не только тщательно следить за этими событиями, но и всячески раздувать мятеж, нашлись верные люди, которые от его имени внушали Клавзу примерно следующее: «Попликола думает, что тебе, человеку благородному и справедливому, не следует обороняться от своих же сограждан с помощью зла, хоть ты и потерпел от них обиду. А вот если бы ты пожелал, спасая себя, переселиться, бежать от тех, кто тебя ненавидит, он и от лица государства и частным образом принял бы тебя, как того заслуживает твоя доблесть и требует слава римского народа». Тщательно все взвесив, Клавз нашел такой выход наилучшим из тех, какие ему оставались, и, позвав за собою друзей (которые также многих склонили к подобному решению), поднял с места пять тысяч семейств – мужчин, женщин и детей, самых миролюбивых, спокойных и тихих среди сабинян, и привел их в Рим. Попликола, оповещенный заранее, встретил их так радушно и благосклонно, что большего и желать было нельзя. Консул немедленно ввел семьи сабинян в состав государства и нарезал каждой по два югера земли у реки Аниена, а Клавзу дал двадцать пять югеров и внес его в списки сенаторов. Заняв с самого начала столь высокое положение, Клавз повел себя так разумно, что достиг высшего почета и большого могущества и положил основание роду Клавдиев, одному из знатнейших в Риме.

22. Благодаря этому переселению раздоры между сабинянами кончились, но своекорыстные искатели народной благосклонности не давали установиться миру и покою. Они вопрошали с негодованием: а что если Клавз, превратившись в изгнанника и врага, выполнит то, чего не добился прямыми уговорами, – не даст сабинянам рассчитаться с римлянами за все обиды?! Наконец большое войско выступило в поход и расположилось близ Фиден; спрятав две тысячи тяжеловооруженных пехотинцев перед самым Римом, в лесистой лощине, сабиняне намеревались ранним утром открыто выслать маленький отряд конницы для захвата добычи. Всадники должны были, подъехавши к городу, обратиться затем в бегство и отступать до тех пор, пока не заманят врага в засаду. Но Попликола, в тот же день узнав об этом от перебежчиков, быстро ко всему приготовился и разделил свои силы. Его зять Постумий Альб с тремя тысячами тяжелой пехоты еще вечером занял вершины холмов, под которыми засели сабиняне, и не спускал глаз с неприятеля, второму консулу, Лукрецию, с самыми молодыми и проворными воинами было поручено напасть на всадников, которые выедут за добычей; а сам Попликола, взяв оставшуюся часть войска, зашел врагам в тыл. По счастливой для римлян случайности, на рассвете упал густой туман, и вот, одновременно, Постумий с криком ударил сверху на скрывавшихся в засаде, Лукреций бросил своих людей против головного отряда конницы, а Попликола напал на вражеский лагерь. Повсюду дела сабинян шли плохо, и они несли тяжелые потери. Прекращая сопротивление и обращаясь в бегство, они немедленно погибали от руки римлян – сама надежда на спасение обернулась для них горчайшим злом. Каждый полагал, что товарищи в другом месте одержали победу, и не старался сохранить свои позиции, но одни мчались из лагеря к сидевшим в засаде, другие, наоборот, – в сторону укреплений, так что беглецы сталкивались в пути с теми, к кому они бежали, и оказывалось, что те, на чью помощь они уповают, сами нуждаются в помощи. В тот день сабиняне пали бы все до последнего, никто бы не уцелел, если бы не близость города Фиден, оказавшаяся спасительной главным образом для тех, кто ускользнул из лагеря, когда в него ворвались римляне. Все прочие были либо перебиты, либо уведены в плен.

23. Эту победу римляне, которые обычно всякий большой успех приписывают божеству, сочли заслугой одного лишь полководца, и участники битвы прямо говорили, что Попликола отдал в их руки врагов – слабоумных, слепых и разве что не связанных по рукам и ногам. Кроме того, народ окреп и разбогател благодаря добыче и пленным. Попликола справил триумф, передал власть вновь избранным консулам и сразу вслед за тем умер, совершив за свою жизнь все самое высокое и прекрасное, что только доступно людям. Римляне в убеждении, что им ни разу не удалось достойно почтить Попликолу при жизни, меж тем как их долг признательности покойному неоплачен, решили похоронить его тело на общественный счет, и каждый принес четверть асса³⁰⁶. Женщины, сговорившись между собой, целый год носили по нему траур – почетный и завидный. Похоронили его – также по решению граждан – в стенах города, подле так называемой Веллии, и весь его род имеет право на погребение в этом месте. Теперь, однако, там никого не хоронят, но лишь доставляют туда труп, опускают носилки, и кто-нибудь на мгновение подносит к ним горящий факел, тем самым подтверждая, что им дозволено выполнить обряд здесь же, но они добровольно отказываются от этой чести, после чего погребальная процессия движется дальше.

[Сопоставление]

24 (1). Не правда ли, есть в этом сопоставлении нечто особенное, чего не встретишь ни в одном из уже написанных? Я хочу сказать, что второй подражал первому, первый же как бы заранее свидетельствовал о втором. Взгляни сам и ты убедишься, что слова Солона о счастье, обращенные к Крезу, применимы скорее к Попликоле, нежели к Теллу. Телла Солон назвал блаженнейшим из смертных за счастливый удел, нравственное совершенство и счастье в детях, но ни единым похвальным словом не упомянул его в своих стихотворениях; равно ни его дети, ни исполнение им какой-либо важной государственной должности не принесли ему особой славы. Попликола и при жизни был первым среди римлян, благодаря своим нравственным качествам всех превзойдя могуществом и славой, и после смерти первенствует в самых знаменитых римских родах, ибо вплоть до нашего времени, более, чем шестьсот лет, пронесли славу своего благородного происхождения Попликолы, Мессалы и Валерии. Телл погиб, как человек храбрый и честный: он был убит в сражении с неприятелем, твердо блюдя свое место в строю. Попликола, истребив врагов, – а это завиднее и удачнее, чем самому пасть в бою, – увидев отечество победившим под его, Попликолы, главенством и руководством, стяжавши почести и справивши триумфы, обрел как раз такую кончину, к какой стремился Солон. И действительно, когда споря с Мимнермом о сроке человеческой жизни, Солон восклицает

Пусть неоплаканной смерть не останется! Пусть, умирая,
Тяжкое горе и боль всем я друзьям причину!

он объявляет счастливым Попликолу, смерть которого повергла в слезы, печаль и уныние не только друзей и близких, но весь город, многие десятки тысяч. Римлянки оплакивали его так, словно потеряли общего для всех сына, брата или отца. Солон говорил:

Быть я богатым хочу, но нечестно владеть не желаю
Этим богатством,

³⁰⁶ 25. ...четверть асса – Асс в древнее время был равен фунту меди и стоил дорого, но в историческое время четверть асса, или квадрант, был самой мелкой римской монетой (ср. Циц., 29), и это представляло Попликолу героем-бессребреником.

так как придет час расплаты – он страшился возмездия. Попликоле выпало на долю не только честно владеть богатством, но и отлично тратить его, делая добро нуждающимся. Стало быть, если Солон – мудрейший из людей, то Попликола – счастливейший. Блага, которые первый считал величайшими и самыми прекрасными, второму удалось приобрести и сохранить до самой смерти.

25 (2). Так Солон возвеличил и украсил Попликолу, а тот в свою очередь – Солона, избрав его за лучший образец для того, кто решил возвеличить демократический образ правления. Он лишил власть чванного высокомерия, сделал ее легкой, ко всем благожелательной и перенял многие из законов Солона. Право назначать высших должностных лиц он вручил большинству и предоставил обвиняемым возможность обжаловать приговор перед народом (так же как Солон – перед судьями); правда, он не создал, подобно Солону, второго Совета, но расширил существующий почти вдвое, и он же учредил должность казначеев-квесторов, чтобы консул, если он честен, располагал досугом для других, более важных дел, если же порочен – чтобы оставить ему меньше возможностей для злоупотреблений, которые он мог бы совершать, держа в своих руках и исполнительную власть и деньги.

Ненависть к тираннам у Попликолы сильнее, чем у Солона, который налагает определенное наказание на уличенного в тираннических замыслах, меж тем как Попликола велит убивать такого человека без суда. Солон справедливо гордится тем, что он отказался от тираннии, которую ему предлагало само стечение обстоятельств и которую граждане приняли бы без малейшего неудовольствия, но не менее благородны действия Попликолы, который, приняв единоличную власть, превратил ее в более демократическую и даже не воспользовался теми правами, какие она предоставляла. Но, кажется, еще раньше пользу подобных действий оценил Солон, сказав, что народ

Будет охотно тогда за вождями идти, коль не будут
Слишком ему потакать, слишком его угнетать.

26 (3). Заслуга, принадлежащая исключительно Солону, – освобождение от долгов, всего более утвердившее свободу граждан. И верно, что проку от равенства, предоставляемого законами, если его отнимают у бедняков долги, что проку, если, на первый взгляд, все наслаждаются полной свободой, а на самом деле находятся в полнейшем рабстве у богачей и, заседаая в суде, исполняя должность, выступая с ораторского возвышения, покорно следуют их воле?! Заслуга его тем замечательнее, что обычно за отменой долгов следует мятеж, и лишь Солон, точно врач, своевременно употребивший опасное, но сильно действующее средство, пресек даже прежние волнения и своею славой, своим внутренним величием подавил все грязные толки и клевету.

Если рассматривать государственную деятельность обоих в целом, то в начале ее преимущество на стороне Солона, – он сам вел вперед, а не шел следом, и большинство своих великих начинаний исполнил один, а не с чужою помощью, – но Попликола настолько удачно свое дело завершил, что ему можно позавидовать. Да, ибо Солону своими глазами довелось увидеть, как рухнул созданный им строй, а установления Попликолы хранили государство от смут вплоть до междоусобных войн. Первый, издав законы, бросил их без всякой защиты, лишь начертанными на деревянных досках, а сам уехал из Афин, второй, оставаясь в Риме и управляя государством, дал ему крепкое и надежное основание. К тому же первый, хоть и предвидел будущее, но не смог помешать Писистрату и был разбит нарождающейся тираннией; второй низверг и сокрушил царскую власть, могучую, многолетнюю и глубоко укоренившуюся, выказав такую же доблесть и руководясь теми же намерениями, но, кроме доблести, владея еще удачей и силой, способной достигнуть намеченных целей.

27 (4). Что до воинских подвигов, Солон, если верить свидетельству платейца Даимаха, непричастен даже к той войне с мегарянами, о которой мы рассказывали, Попликола же, и

сам сражаясь в строю, и командуя войском, вышел победителем из битв огромной важности. К государственным делам Солон приступил словно играя: чтобы сказать речь в защиту Саламина, он надел на себя личину безумца. Попликола с самого начала бросился в гущу грозных опасностей: он восстал против Тарквиниев, разоблачил предательство, был главным виновником того, что негодяи не ушли от наказания, он не только изгнал из Рима самих тираннов, но вырвал с корнем все их надежды. Храбро и стойко встретив события, потребовавшие борьбы, страсти, упорства, он еще лучше сумел воспользоваться мирными сношениями, где главное – убеждающая сила слова: Порсену, непобедимого и страшного, он удачно расположил в пользу римлян и склонил к дружбе.

Здесь, быть может, кто-нибудь возразит, что Солон вернул афинянам потерянный Саламин, тогда как Попликола отказался от тех земель, которыми римляне уже владели. Но всякое действие следует рассматривать в связи с обстоятельствами, лежащими в его основе. Искусство государственного деятеля в том и заключается, чтобы в каждом данном случае поступать наиболее разумным и выгодным образом: нередко, упуская часть, он спасает целое и, отказываясь от малого, получает гораздо больше, как было и с Попликолой, который, отказавшись тогда от чужой земли, надежно избавил от опасности всю собственно римскую землю. Те, кому казалось великим благом хотя бы сберечь родной город, благодаря своему консулу завладели лагерем осаждавших. Наконец, поручив решить спор с Тарквинием неприятелю, Попликола не просто выиграл эту тяжбу, но еще приобрел столько, сколько другие ради победы охотно бы отдали сами. Ведь Порсена и положил конец войне, и подарил римлянам свое военное снаряжение, поверив в доблесть и безукоризненное благородство всего народа, веру же эту ему внушил консул.

ФЕМИСТОКЛ И КАМИЛЛ

Фемистокл

[Перевод С.И. Соболевского]

1. Что касается Фемистокла, то его род был не настолько знатен³⁰⁷, чтобы способствовать его славе. Отец его Неокл не принадлежал к высшей аристократии Афин; он был из дема Фреарры, относящегося к филе Леонтиде. Со стороны матери Фемистокл был незаконнорожденный³⁰⁸, как видно из следующих стихов:

Абротонон я, фракиянка родом, но мать Фемистокла;
Мужа великого я эллинам всем родила.

Фаний, впрочем, говорит, что мать Фемистокла была не из Фракии, а из Карики, и что имя ее было не Абротонон, а Эвтерпа. Неанф указывает даже город в Карики, из которого она происходила, – Галикарнасс. Незаконнорожденные собирались в Киносарге: это – гимнасий за городскими воротами, посвященный Гераклу, потому что среди богов и он не был чистой крови, но считался незаконнорожденным по матери, которая была смертной женщиной.

---

³⁰⁷ 1. ...не настолько знатен... – Тенденциозное искажение для законченности образа Фемистокла-демократа. Из дальнейшего видно, что Фемистокл принадлежал к знатному жреческому роду Ликомидов и был архонтом.

³⁰⁸ 2. Незаконнорожденный – в Аттике только брак между гражданином и гражданкой считался вполне законным; но до Перикла (Пер., 37) дети от браков с не-гражданками все же сохраняли полноправие.

Фемистокл стал уговаривать некоторых молодых аристократов ходить в Киносарг и вместе с ним заниматься гимнастическими упражнениями. Они стали ходить. Таким лукавством он, говорят, уничтожил разницу между полноправными гражданами и незаконнорожденными. Однако несомненно, что он имел какое-то отношение к роду Ликомидов: он сам вновь отстроил и украсил картинами, как рассказывает Симонид, родовое святилище Ликомидов во Флии, сожженное варварами.

2. Еще в детстве Фемистокл, по отзывам всех, был полон бурных стремлений, по природе умен и сам развивал в себе склонность к подвигам и к общественной деятельности. Так, в часы отдыха и досуга, покончив с учебными занятиями, он не играл и не оставался праздным, как другие дети, но его находили обдумывающим и сочиняющим про себя какие-нибудь речи. Темой этих речей было обвинение или защита кого-нибудь из детей. Поэтому учитель его не раз говаривал ему: «Из тебя, мальчик, не выйдет ничего посредственного, но что-нибудь очень великое, – или доброе, или злое!» Действительно, тем предметам, которые изучаются для развития нравственности или для удовольствия и благородного времяпрепровождения, Фемистокл учился лениво и неохотно; но то, что преподавалось для развития ума или для практической жизни, он, как видно, любил не по годам, рассчитывая на свои природные дарования. Поэтому впоследствии, когда во время развлечений, носящих название благородных³⁰⁹, светских, люди, считавшие себя воспитанными, насмехались над ним, ему приходилось защищаться довольно грубо и говорить, что лиру настроить и играть на псалтири он не умеет, но, если дать ему в распоряжение город безвестный, ничем не прославившийся, то он сможет сделать его славным и великим. Стесимброт, однако, утверждает, что Фемистокл был слушателем Анаксагора и учился у физика Мелисса. Но он делает ошибку в хронологии: когда Перикл, бывший гораздо моложе Фемистокла, осаждал Самос, Мелисс был стратегом его противников, а Анаксагор был современником Перикла. Поэтому лучше верить тем авторам, которые утверждают, что Фемистокл был последователем Мнесифила Фреарского³¹⁰. Последний не был ни преподавателем красноречия, ни одним из тех философов, которых называли физиками; он избрал своей специальностью то, что тогда называли «мудростью», а в действительности было умением вести государственные дела, практическим смыслом. Это учение Мнесифил унаследовал от Солона и превратил в философскую школу. Но последующие учителя применяли к ней адвокатское крючкотворство и перевели ее от дела к слову; они были названы софистами. С этим Мнесифилом Фемистокл сблизился, когда уже был государственным деятелем.

В пору первых порывов молодости Фемистокл был неровен и непостоянен: он следовал только голосу природы, которая без руководства разума и образования производила в нем огромные перемены в ту и другую сторону – и часто уклонялась в дурную; в этом и он сам впоследствии признавался и говорил, что даже самые неукротимые жеребята становятся превосходными конями, если получают надлежащее воспитание и дрессировку. На этих чертах его характера основаны вымыслы некоторых авторов об отречении он него отца, о самоубийстве матери от горя из-за такого позора сына; эти рассказы считаются лживыми. Напротив, некоторые авторы говорят, что отец, стараясь отвлечь его от общественной деятельности, указывал ему на старые триеры, брошенные без всякого внимания на берегу моря: «Подобным образом, – говорил он, – и народ относится к государственным деятелям, когда они оказываются бесполезными».

3. Тем не менее общественная деятельность, по-видимому, рано и бурно привлекла к себе Фемистокла; сильно им овладела жажда славы, из-за которой он с самого начала, желая

³⁰⁹ 3. ...развлечений... благородных... – В данном случае – застольного пения под кифару.

³¹⁰ 4. Мнесифила Фреарского – Геродот (VIII, 57) изображает советником Фемистокла при Саламине, а сам Плутарх выводит его в «Пире семи мудрецов» их современником и собеседником; таким образом, фигура эта остается темной.

играть первую роль, смело вступал во враждебные отношения с сильными людьми, занимавшими в государстве первые места, особенно же с Аристидом, сыном Лисимаха, который всегда шел по противоположному с ним пути. Но все-таки вражда с ним, как думают, началась по совершенно ничтожному поводу: они оба полюбили красавца Стесилая, уроженца острова Кеоса, как об этом рассказывает философ Аристон. С тех пор они постоянно враждовали и на попрание общественной деятельности.

А несходство в образе жизни и в характере, по-видимому, усилило их расхождение. Аристид, человек мягкий и благородный, в общественной деятельности руководился не стремлением к популярности и славе, но благом государства, осторожностью и справедливостью. Поэтому он был вынужден часто противодействовать Фемистоклу и препятствовать его возвышению, так как Фемистокл старался вовлечь народ в разные предприятия и вводить крупные реформы. Говорят, Фемистокл горел таким безумным стремлением к славе и из честолюбия так страстно жаждал великих подвигов, что еще в молодости, после сражения с варварами при Марафоне, когда у всех на устах были речи о стратегическом искусстве Мильтиада, он был часто погружен в думы, не спал по ночам, отказывался от обычных попок; когда его спрашивали об этом и удивлялись перемене в его образе жизни, он отвечал, что спать ему не дает трофей Мильтиада. Все считали поражение варваров при Марафоне концом войны, а Фемистокл видел в нем начало более тяжелой борьбы, к которой он и сам готовился для спасения всей Эллады, и сограждан своих приучал, задолго предвидя будущее.

4. Так как у афинян был обычай делить между собою доходы от серебряных копеек на Лаврии, Фемистокл прежде всего решил выступить один в народном собрании с предложением прекратить такой дележ, а на эти деньги построить триеры³¹¹ для войны с Эгиной. Эта война в Элладе была тогда в полном разгаре: Эгина благодаря своему сильному флоту властвовала над морем. Тем легче было Фемистоклу уговорить сограждан, не страшая их ни Дарием, ни персами (они были далеко, и не было вполне твердого основания бояться их нашествия); но он как раз вовремя использовал соперничество и гнев граждан против Эгины для подготовки к войне с Персией: на эти деньги было построено сто триер, которые и сражались с Ксерксом. Затем понемногу он начал увлекать граждан к морю, указывая им, что на суше они не в состоянии померяться силами даже с соседями, а при помощи сильного флота могут не только отразить варваров, но и властвовать над Элладой. Так, по выражению Платона³¹², он сделал их из стойких гоплитов матросами и моряками. Этим он дал повод к упреку, что дескать Фемистокл отнял у сограждан копье и щит и унизил афинский народ до гребной скамейки и весла. Эту меру он провел, по свидетельству Стесимброта, одержав победу над Мильтиадом³¹³, который был против этого. Повредил ли он этим строгости и чистоте государственного строя, или нет, – это скорее вопрос философский; но что спасение эллинов тогда зависело от моря, и что те триеры восстановили Афины, это, помимо других доказательств, засвидетельствовал и сам Ксеркс. Хотя сухопутные войска его оставались еще невинны, он бежал после гибели флота, признав свое поражение, и оставил Мардония, как мне кажется, не столько для порабощения эллинов, сколько для того, чтобы помешать им

³¹¹ 5. *Триеры* – длинные узкие военные суда с тремя рядами гребцов; в это время они начинали вытеснять в Греции более старые пентеконтеры с одним рядом гребцов. Обратясь сразу к строительству триер, Афины этим разом опережали своих морских соперников.

³¹² 6. *...по выражению Платона...* – Платон. Законы, IV, 706 в: Платон считает, что пеший бой воспитывает стойкость и беззаветное мужество, а морской набег – наоборот, безнравственную готовность повернуться и ускользнуть.

³¹³ 7. *...победу над Мильтиадом...* – анахронизм: постройка триер началась лет через шесть после смерти Мильтиада.

преследовать его.

5. Говорят, Фемистокл был ревностным стяжателем, – по словам одних, вследствие своей щедрости, так как любил жертвоприношения и блеск при приемах иностранцев³¹⁴, а это требовало очень больших средств. Другие, напротив, обвиняют его в скряжничестве и мелочности, – будто бы он даже продавал присланные ему в подарок съестные припасы. Однажды он попросил жеребенка у Дифилида, имевшего конский завод; Дифилид не дал; тогда Фемистокл пригрозил, что он скоро сделает его дом деревянным конем³¹⁵: этим он намекал на то, что возбудит семейные ссоры и тяжбы между ним и некоторыми членами его дома.

В честолюбии он всех превзошел. Еще в молодости, когда он был неизвестен, он упросил Эпикла из Гермiona, кифариста, пользовавшегося большим уважением в Афинах, чтобы он занимался музыкой у него в доме: он желал из честолюбия, чтобы много людей искало доступа в его дом и ходило к нему.

Приехав однажды в Олимпию, он стал соперничать с Кимоном в роскоши пиров, палаток и вообще в блеске обстановки. Но это не нравилось эллинам: Кимону, молодому человеку, члену знатной фамилии, находили они, подобные поступки дозвольтельны; а Фемистокл, еще ничем себя не прославивший, казался даже хвастуном, потому что все видели, что он хочет себя возвеличить, не имея для этого ни средств, ни заслуг. Бывши хорегом на представлении трагедии, он одержал победу; это состязание уже тогда было предметом честолюбивого соревнования; в память этой победы он поставил доску с такой надписью: «Фемистокл фреарриец был хорегом, Фриних – автором пьесы, Адимант – архонтом»³¹⁶.

Но народу Фемистокл нравился, как потому, что на память называл по имени каждого гражданина, так и потому, что оказывался беспристрастным судьей в делах частного характера. Так, когда он был стратегом, а Симонид Кеосский просил у него чего-то незаконного, он ответил ему, что, как он, Симонид, не был бы хорошим поэтом, если бы в своих стихах не соблюдал законов стихосложения, так и он, Фемистокл, не был бы хорошим правителем, если бы в угоду кому-нибудь поступал противозаконно. В другой раз он насмеялся над Симонидом, называл его человеком безумным за то, что он ругает коринфян, жителей большого города, и что заказывает свои изображения, хотя у него такое безобразное лицо. Когда его влияние возросло и он стал популярен, он наконец одержал верх в борьбе на государственном поприще и посредством остракизма³¹⁷ заставил Аристида удалиться из Афин.

6. Когда, во время нашествия мидян на Элладу, афиняне совещались о выборе стратега³¹⁸, говорят, все добровольно отказались от этой должности из страха перед

³¹⁴ 8. ...при приемах иностранцев... – Прием своих «проксенов», наследственных гостей из других государств.

³¹⁵ 9. ...деревянным конем... – Как из троянского коня вышли греки, погубившие троянцев, так из дома Дифилида придет гибель на него самого.

³¹⁶ 10. Хорегом – вместо подоходного налога, в Афинах на богатых граждан налагались экстраординарные повинности: «хорегия» (подготовка хора для религиозного праздника), «гимнасиархия» (устройство гимнастических игр), «триерархия» (снаряжение военного корабля). Хорег, хор которого оказывался лучшим, получал в награду венки и ставил в храме Диониса доску с записью о победе. Приводимая запись относится к 476 г.

³¹⁷ 11. ...посредством остракизма... – см. Ар., 7.

³¹⁸ 12. Стратег – в Афинах коллегия из 10 стратегов, по одному от каждой филы, переизбиравшихся ежегодно, ведала всеми военными делами.

опасностью. Только Эпикид, сын Эвфемиды, главарь красноречивый, но в душе трусливый и на деньги падкий, желал получить эту должность, и можно было ожидать, что он при голосовании одержит верх. Тогда Фемистокл, опасаясь полной гибели государства, если верховное начальство достанется Эпикиду, купил деньгами у него отказ от его честолюбивых замыслов.

Хвалят также поступок Фемистокла с человеком, говорившим на двух языках, который был одним из посланцев персидского царя, требовавших земли и воды³¹⁹, и переводчиком. Согласно народному постановлению, Фемистокл велел схватить и казнить его за то, что он осмелился пользоваться эллинским языком для передачи приказаний варвара.

Хвалят еще поступок Фемистокла с Артмием из Зелеи: по его предложению, Артмия с потомством внесли в список лиц, находящихся вне закона, за то, что он привез мидийское золото в Элладу.

Но главная заслуга Фемистокла та, что он положил конец междоусобным войнам в Элладе и примирил отдельные государства между собою, убедив их отложить вражду ввиду войны с Персией; в этом деле, говорят, ему оказал очень большую помощь Хилей из Аркадии.

7. Вступив в должность стратега, Фемистокл тотчас же начал убеждать граждан сесть на триеры, оставить город и встретить варваров в море, как можно дальше от Эллады. Но ввиду сопротивления со стороны многих граждан он повел большое войско в Темпейскую долину вместе со спартанцами, чтобы защищать там Фессалию, которая тогда, как думали, еще не была на стороне персов. Но они возвратились откуда, не достигнув цели: Фессалия присоединилась к царю, и все области вплоть до Беотии были на стороне персов. Тогда афиняне стали с большим вниманием относиться к совету Фемистокла относительно моря и послали его с флотом к Артемисию для охраны пролива. Тут эллины предоставили главное командование Эврибиаду и спартанцам; но афиняне, у которых число кораблей было, пожалуй, больше, чем у всех остальных эллинов, вместе взятых, считали унижением для себя подчиняться другим. Фемистокл, понимая опасность этого, сам уступил командование Эврибиаду и успокоил афинян обещанием, что, если они покажут свою храбрость на войне, то он добьется того, чтобы эллины на будущее время добровольно подчинялись им. Поэтому Фемистокл считается главным виновником спасения Эллады; по общему признанию, именно благодаря ему афиняне прославились, – тем, что они храбростью превзошли неприятелей, благородством – союзников. Когда варварский флот подошел к Афетам³²⁰, Эврибиад испугался множества кораблей, ставших против него, и, узнав, что еще другие двести плывут по ту сторону Скиафоса, огибая его, хотел как можно скорее вернуться к внутренним областям Эллады, пристать к Пелопоннесу и привлечь к защите флота еще и сухопутное войско; он считал морскую мощь царя совершенно непреодолимой. Эвбейцы, боясь, чтобы эллины не бросили их на произвол судьбы, завели тайные переговоры с Фемистоклом и послали к нему Пелагонта с большой суммой денег. Фемистокл принял деньги и отдал их Эврибиаду, как рассказывает Геродот³²¹. Больше всех афинских граждан противодействовал ему Архитель, триерарх священного корабля³²²; за неимением денег для

³¹⁹ 13. ...земли и воды... – Т.е. полного подчинения.

³²⁰ 14. ...флот подошел к Афетам... – Большая гавань на фессалийском берегу напротив мыса Артемисия и защищаемого пролива между Эвбеей и материком.

³²¹ 15. ...рассказывает Геродот... – Геродот, VIII, 4 (добавляя, что большую часть этих денег Фемистокл утаил).

³²² 16. ...священного корабля... – Так могли называться два судна, «Парал» и «Саламиния», служившие для экстренных государственных надобностей, в частности – для религиозных посольств.

уплаты матросам, он спешил отплыть на родину. Фемистокл еще более вооружил против него матросов, так что они сбежались и отняли у него ужин. Архитектор от этого пал духом и был раздражен, Фемистокл послал ему в ящике хлеба и мяса на ужин, а вниз подложил талант серебра и велел ему теперь ужинать, а на другой день позаботиться о матросах: в противном случае он обвинит его перед гражданами в том, что он получил взятку от неприятелей. Так рассказывает Фаний Лесбосский.

8. Тогдашние сражения с варварским флотом в проливе не имели большого влияния на общий ход войны, но послужили очень полезным опытом для эллинов, которые на практике, среди опасностей, убедились, что ни множество кораблей, ни великолепие и блеск их украшений, ни хвастливые крики и варварские военные песни не заключают в себе ничего страшного для людей, умеющих сходить с неприятелями вплотную и отваживающихся с ними сражаться; что не следует обращать внимания на это, а ринуться на врагов и, схватившись с ними, биться. По-видимому, это ясно понял и Пиндар³²³, сказавший по поводу сражения при Артемисии следующее:

...там афинян сыны заложили
Славный свободы оплот.

И правда: начало победы – смелость. Артемисий – это берег Эвбеи за Гестизей, обращенный к северу, а против него как раз лежит Олизон в стране, бывшей когда-то под властью Филоктета. В Артемисии есть небольшой храм Артемиды, именуемой «Восточная». Вокруг него растут деревья и кругом поставлены колонны из белого камня; если этот камень потереть рукою, то он принимает цвет и запах шафрана. На одной из колонн была следующая надпись элегическими стихами:

Множество всяких народов, из Азии дальней пришедших,
Чада Афин поразив на море этом в бою,
Памятник сей Артемиде поставили, деве-богине,
После того как все войско погибло мидян³²⁴.

Показывают место на побережье, где среди большого количества песка из глубины извлекается черная пыль, похожая на золу, как будто горелая; предполагают, что на этом месте были сожжены обломки кораблей и трупы.

9. Когда узнали от гонцов, принесших в Артемисий известие о событиях при Фермопилах, о том, что Леонид пал, а Ксеркс овладел сухопутными проходами, флот начал отступать к внутренним областям Эллады, причем афинян за их храбрость поставили позади всех, и они гордились своими подвигами.

Плывя вдоль берегов, Фемистокл повсюду, где неприятель необходимо должен был приставать, спасаясь от бури, делал заметными буквами надписи на камнях, которые случайно находил или сам ставил около корабельных стоянок и источников. В этих надписях он обращался к ионянам с воззванием, если можно, перейти к афинянам, своим отцам³²⁵, борющимся за их свободу; а если нельзя, то, по крайней мере, вредить варварскому войску во время битвы и приводить его в расстройство. Он надеялся этими надписями или склонить ионян к измене или смутить варваров, заставив их относиться с большей подозрительностью

³²³ 17. ...там афинян сыны заложили / Славный свободы оплот. – Отрывок из несохранившегося дифирамба в честь Афин.

³²⁴ 18. Множество всяких народов... все войско погибло мидян... – Эпиграмма, приписываемая Симониду.

³²⁵ 19. Своим отцам – считалось, что ионяне выселились на острова и малоазиатское побережье из Афин.

к ионянам.

Между тем, Ксеркс через Дориду вторгся в Фокиду и жег фокейские города. Эллы не пришли к ним на помощь, несмотря на просьбы афинян идти в Беотию навстречу врагу для защиты Аттики, подобно тому, как они сами пошли им на помощь по морю, к Артемисию. Никто не слушал их: все думали только о Пелопоннесе, хотели сосредоточить все силы за Истмом и строили стену поперек Истма от моря до моря. Афиняне негодовали на такое предательство и, оставшись в одиночестве, впали в отчаяние и печаль. Сражаться с таким бесчисленным войском они и не думали; при тогдашних обстоятельствах было необходимо одно – оставить город и крепко держаться кораблей; но народ об этом и слышать не хотел: говорили, что им не нужна победа и что для них спасение – не спасение, если придется бросить храмы богов и могилы отцов.

10. Фемистокл, не зная, как склонить на свою сторону народ человеческими рассуждениями, прибег к помощи божественных знамений и оракулов, – как будто в трагедии «подняв машину»³²⁶. Так, он истолковал как знамение случай с драконом³²⁷, который в те дни, по-видимому, исчез из храма; находя нетронутой священную пищу, которую ему ежедневно приносили, жрецы рассказывали об этом народу. Фемистокл объяснял это в том смысле, что богиня оставила город и указывает им путь к морю.

В другой раз он воспользовался оракулом с демагогической целью: он сказал, что под «деревянной стеной» разумеется не что иное, как корабли; поэтому и Саламин бог называет божественным, а не ужасным или злополучным, поскольку он даст название великому, счастливому для эллинов событию. Когда его мнение было принято, он предложил принять постановление о том, чтобы городверить покровительству Афины, «владычицы Афин», чтобы все способные носить оружие сели на триеры, чтобы детей, женщин и рабов каждый спасал, как может. Когда это постановление было принято и вступило в законную силу, огромное большинство афинян отправило детей и жен в Трезен; жители его принимали их с полным радушием: они постановили содержать их на общественный счет, давая каждому по два обола, а детям позволить брать везде плоды; кроме того, платить за них жалованье учителям. Вынести такое постановление предложил Никагор.

Так как у афинян в государственной казне не было денег, то, по свидетельству Аристотеля³²⁸, Ареопаг выдал каждому гражданину, отправлявшемуся в поход, по восьми драхм; таким образом, Ареопагу принадлежит главная заслуга в том, что триеры были снабжены экипажем. Но Клидем и это приписывает хитрости Фемистокла. Именно, когда афиняне спускались в Пирей, рассказывает он, голова Горгоны³²⁹ со статуи богини пропала;

³²⁶ 20. *Подняв машину* – на которой в театре неожиданно являлись боги в вышине (пословица «как бог из машины»).

³²⁷ 21. *...случай с драконом...* – Т.е. священным змеем Афины, исчезнувшим с акрополя – жрецы толковали как знак, что богиня отступилась от своего города, а оракул о «деревянной стене» (о котором ниже) – как указание обороняться на акрополе, который в древности был огражден терновой оградой; Фемистокл перетолковал оба знамения в духе своей «морской» политики. Текст оракула приводит Геродот (VII, 141, пер. Г. Стратановского):

...Если даже поля меж скалою Кекропа высокой
И Киферона долиной святой станут вражьей добычей, –
Лишь деревянные стены дает Зевес Тритоенее
Несокрушимо стоять во спасенье тебе и потомкам.
...Все ж отступай: ведь время придет, и померишься силой!
Остров божественный, о Саламин, сыновей своих жен ты погубишь
В пору ль посева Деметры, порою ли знойною жатвы.

³²⁸ 22. *...по свидетельству Аристотеля...* – Аристотель. Афинская политая, 23.

³²⁹ 23. *...голова Горгоны... пропала...* – со щита статуи Афины, которую уносили афиняне с акрополя.

осматривая все под предлогом поисков, Фемистокл находил огромное количество денег, спрятанных в поклаже. Эти деньги были обращены в общее пользование, и садившиеся на корабли получили все нужное для пути в изобилии.

Когда весь город уезжал на кораблях, это зрелище внушало одним жалость, другим удивление по поводу такого мужества: семьи свои афиняне провожали в другое место, а сами, не уступая воплям, слезам и объятиям родителей, переправлялись на остров³³⁰. Однако многие жители, которых по причине старости оставляли в городе, возбуждали глубокое сострадание. Какое-то трогательное впечатление производили сжившиеся с человеком домашние животные, которые с жалобным воем бегали около своих кормильцев, садившихся на корабли. Между прочим, собака Ксанфиппа, отца Перикла, как рассказывают, не перенесла разлуки с ним, прыгнула в море и, плывя подле его триеры, вышла на берег Саламина и тотчас от изнеможения умерла. Там, где показывают и доныне памятник, называемый «Киноссема», говорят, и находится ее могила.

11. Велики эти дела Фемистокла; так же велико и следующее его дело. Он заметил, что граждане жалеют об Аристиде и боятся, как бы он в раздражении не пристал к царю и не погубил Элладу (он был изгнан посредством ostracismos еще до войны, побежденный в борьбе с Фемистоклом); поэтому он предложил сделать постановление, дозволявшее всем изгнанникам, за исключением изгнанных за убийство, вернуться на родину и вместе со всеми гражданами делом и словом способствовать благу Эллады.

Из уважения к Спарте главным начальником флота был Эврибиад, человек слабовольный и боявшийся опасности. Он хотел сняться с якоря и плыть к Истму, где было собрано и сухопутное войско пелопоннесцев. Фемистокл стал возражать ему; при этом и была произнесена, говорят, знаменитая фраза. Эврибиад сказал ему: «Фемистокл, на состязаниях бьют того, кто бежит раньше времени». – «Да, – отвечал Фемистокл, – однако и того, кто остается позади, не награждают венком». Эврибиад поднял палку, чтоб его ударить, а Фемистокл сказал: «Бей, но выслушай». Эврибиад удивился его кротости и велел ему говорить. Фемистокл стал повторять свое прежнее предложение; но тут кто-то сказал, что человеку, не имеющему своего города, не следует уговаривать тех, у кого он есть, оставить и бросить отечество на произвол судьбы. Тогда Фемистокл обратился к нему и сказал: «Негодяй! Да, мы оставили дома и стены, не желая быть рабами из-за бездушных вещей, а город у нас есть, больше всех городов в Элладе, – двести триер, которые теперь стоят здесь, чтобы помогать вам, если вы хотели искать спасения; а если вы уйдете вторично и измените нам, то сейчас же кое-кто из эллинов узнает, что афиняне приобрели и свободный город и землю не хуже³³¹ той, какую потеряли». После этих слов Фемистокла Эврибиадом овладело раздумье и страх, как бы афиняне не ушли, бросив их. Эретрийский военачальник попробовал было возразить Фемистоклу, но Фемистокл ему сказал: «И вы тоже рассуждаете о войне, когда у вас, как у каракатицы³³², есть меч, а сердца нет?»

12. В то время, как Фемистокл говорил об этом, стоя на палубе, на верху корабля увидели, по рассказам некоторых, как справа пролетела сова³³³ и села на мачту. Это и было

---

³³⁰ 24. ...на остров... – На Саламин. Мыс острова, вытянутый к Афинам, назывался Киноссема, «Собачья могила», отсюда местная легенда, пересказываемая Плутархом (ср. КСт., 5).

³³¹ 25. ...и землю не хуже... – У Геродота (VIII, 62) Фемистокл прямо говорит, что афиняне переселятся в италийский Сирус.

³³² 26. ...как у каракатицы – У которой «нет внутренностей, а есть лишь два твердых органа, меч и мешок с темным соком» (Аристотель, История животных, IV, 1). На эретрийских монетах чеканилось изображение каракатицы (С.И. Соболевский).

³³³ 27. ...справа пролетела сова... – Сова была священной птицей Афины; полет ее с правой стороны

главной причиной, почему согласились с мнением Фемистокла и стали готовиться к морскому сражению. Но когда неприятельский флот подошел к Аттике у Фалерской пристани и загородил окрестные берега, когда сам царь, сошедший к морю с сухопутным войском, показался во всем своем могуществе, когда собрались в одно место все его силы, из головы эллинов вылетели речи Фемистокла, и пелопоннесцы стали опять обращать взоры к Истму и были недовольны, когда кто-либо предлагал что-нибудь другое. Поэтому было решено на следующую ночь отступить, и рулевым уже отдавали приказ быть готовыми к отплытию. Тогда Фемистокл, недовольный тем, что эллины упустят случай воспользоваться выгодами, которые дает им местоположение и узость пролива, и разойдутся по городам, стал обдумывать план действий и придумал с участием Сикинна известную хитрость.

Сикинн был родом перс, пленный, но преданный Фемистоклу; он был дядькою его детей. Его-то и послал Фемистокл тайно к Ксерксу с таким сообщением: «Афинский военачальник Фемистокл переходит на сторону царя, первый извещает его о том, что эллины хотят бежать, и советует ему не дать им убежать, а напасть на них, пока они находятся в тревоге по случаю отсутствия сухопутного войска, и уничтожить их морские силы».

Ксеркс принял это сообщение с радостью, думая, что оно сделано из расположения к нему, и тотчас же стал отдавать приказы начальникам кораблей, чтобы они, не торопясь, сажали людей на суда, а с двумястами кораблей чтобы сейчас же вышли в море и окружили со всех сторон весь пролив, а между островами устроили бы заграждение, чтобы никто из неприятелей не мог уйти.

В то время, как приказание приводили в исполнение, Аристид, сын Лисимаха, первый заметивший это, пришел к палатке Фемистокла (хотя не был его другом и, как сказано, из-за него был подвергнут ostracism); когда Фемистокл вышел к нему, он сообщил ему об окружении. Фемистокл, зная его всегданнее благородство и радуясь этому его приходу, рассказал ему о деле с Сикинном и просил его, так как он пользуется большим доверием, помочь ему удержать эллинов и приложить со своей стороны все усилия к тому, чтобы они дали сражение в проливе. Аристид одобрил план Фемистокла, ходил к другим стратегам и триерархам и побуждал их к сражению. Они все-таки еще не верили его сообщению, как вдруг пришла теносская триера, бежавшая к ним от неприятелей, начальником которой был Панетий, и принесла известие об окружении. Вследствие этого, наряду с необходимостью, еще и злоба заставила эллинов решиться на сражение.

13. На рассвете Ксеркс сел на возвышенном месте, обозревая флот и его построение, по словам Фанодема, над храмом Геракла, там, где остров отделяется узким проливом от Аттики, а по словам Акестодора, – на границе с Мегаридой, над так называемыми «Рогами»³³⁴. Он велел поставить себе золотой трон; около него было много писцов, обязанность которых была записывать, что происходило во время сражения.

Когда Фемистокл совершал жертвоприношение у триеры главного начальника, к нему привели трех пленников, очень красивых собою, роскошно одетых и украшенных золотом. Как говорили, это были дети царской сестры Сандаки и Артаикта. Когда их увидел прорицатель Эвфрантид, жертвы вспыхнули большим, ярким пламенем и в то же время справа кто-то чихнул, что также было добрым предзнаменованием. Тогда Эвфрантид подал руку Фемистоклу и велел ему обречь на жертву юношей и, помолившись, всех их заклать Дионису Оместу³³⁵: в таком случае будет эллинам спасение и победа. Фемистокл пришел в ужас от этого страшного, чудовищного пророчества. Но, как обыкновенно бывает при

считался счастливым предзнаменованием.

³³⁴ 28. *Рогами* – две горы на границе Аттики с Мегаридой, на противоположной от Пирея стороне Элевсинского залива.

³³⁵ 29. *Дионису Оместу* – т.е. «сыроядцу», «кровожадному», требующему человеческих жертвоприношений.

большой опасности, в трудных обстоятельствах, толпа ожидает спасения больше от чего-то противоречащего рассудку, чем от согласного с ним: все в один голос стали взывать к богу и, подведя пленников к алтарю, заставили, как приказал прорицатель, совершить жертвоприношение. Так рассказывает философ, хорошо знакомый и с историей, – Фаний Лесбосский.

14. О числе варварских кораблей поэт Эсхил в трагедии «Персы» говорит положительно, как знающий, следующее:

У Ксеркса, верно знаю, тысяча была
Судов, какие вел он; быстрых кораблей —
Тех было дважды сто и семь; так говорят³³⁶.

Аттических кораблей было сто восемьдесят; на каждом из них было по восемнадцати человек, сражавшихся с палубы; из них четверо были стрелки, а остальные – гоплиты. Как видно, Фемистокл столь же хорошо заметил и выбрал время, как и место; он только тогда поставил свои триеры носом против варварских; когда настал час, в который всегда ветер с открытого моря³³⁷ крепнет и гонит волну через пролив. Эллинским кораблям волна не вредила, потому что они были плоски и низки; но варварские корабли, с приподнятою кормой и высокою палубой и поэтому тяжелые, удар волны при их нападении сбивал с курса и подставлял боковой стороной эллинам, которые нападали на них ожесточенно. Их внимание было обращено на Фемистокла, который, думали они, лучше всех видит, что полезно, потому что против него находился главный начальник Ксерксова флота, Ариамен, на большом корабле и оттуда, как со стены, бросал стрелы и копья. Это был человек хороший и из братьев царя самый храбрый и справедливый. Так вот Амений из Декелей и Сокл из Педиэи, плывшие вместе, когда их корабль и корабль Ариамена, налетевши носами один на другой и столкнувшись, сцепились таранами, и Ариамен хотел вскочить на их триеру, стали против него и ударами копья столкнули в море; тело его, плававшее среди корабельных обломков, узнала Артемисия и велела отнести к Ксерксу.

15. В этот период сражения, говорят, великий свет воссиял из Элевсина; шум и голоса наполнили Фриасийскую равнину до моря, как будто множество людей сразу провожало таинственного Иакха³³⁸. От этой толпы кричавших понемногу поднималась с земли туча, которая потом, как казалось, стала опускаться и легла на триеры. Другим казалось, что они видят призраки в образе вооруженных людей, простирающих руки от Эгины перед эллинскими триерами: предполагали, что это эакиды³³⁹, призванные на помощь молениями перед битвой.

Первым, взявшим корабль, был афинский триерарх Ликомед; он срубил с него украшения и посвятил их Аполлону Лавроносцу во Флии. А остальные эллины, число кораблей которых в тесном проливе равнялось числу кораблей варваров, обратили их в

³³⁶ 30. У Ксеркса... так говорят. – Эсхил. Персы, 336—339. Эсхил сам был участником Саламинского сражения.

³³⁷ 31. ...ветер с открытого моря... – Не упоминается ни у Геродота, ни у Эсхила, и в это время года и дня в Аттике не дует.

³³⁸ 32. Иакха – имя Диониса (или какого-то друг эго бога) в Элевсинских таинствах: на 6 день этих празднеств (конец сентября – начало октября, как раз около времени битвы при Саламине) процессия с изображением этого бога должна была идти, выкликая его имя, через Фриасийскую равнину из Афин в Элевсин.

³³⁹ 33. Эакиды – потомки Эака: Пелей, Теламон, Ахилл, Аякс, чтимые на Эгине, острове Эака, Эгиняне отличились в саламинском бою не меньше, чем афиняне.

бегство, так как они нападали порознь и сталкивались между собою, хотя и сопротивлялись до вечера. Так эллины, по выражению, Симонида, «подъяли ту славную, знаменитую победу», блистательнее которой ни эллинами, ни варварами не совершено ни одного морского дела. Одержана была эта победа, правда, благодаря общей храбрости и рвению всех сражавшихся, но замысел и искусство принадлежали Фемистоклу.

16. После морской битвы Ксеркс все еще не мог примириться с мыслью о неудаче и попытался по насыпям перевести сухопутное войско на Саламин, чтобы напасть на эллинов, и для этого сделал заграждение в проливе. Фемистокл, желая испытать Аристид, для вида предложил плыть на судах в Геллеспонт и разрушить мост – для того, прибавил он, «чтобы нам захватить Азию в Европе». Аристид не одобрил этого и сказал: «Теперь мы воевали с варваром, преданными неге; а если мы запрем его в Элладе и человека, имеющего под своей властью такие силы, страхом доведем до последней крайности, то уж он не будет больше сидеть под золотым балдахином и спокойно смотреть на сражение, а пойдет на все, сам, пред лицом опасности, станет участвовать во всех действиях, исправит упущения и примет лучшие меры для спасения всего в целом. Поэтому, Фемистокл, – прибавил он, – не следует нам разрушать существующий мост, а если можно, построить еще второй и поскорее выбросить этого молодца из Европы». «В таком случае, – отвечал Фемистокл, – если мы находим это полезным, теперь как раз время нам всем подумать и употребить все средства, чтобы он как можно скорее ушел из Европы». По принятии такого решения, Фемистокл отыскал среди пленных одного царского евнуха по имени Арнак и послал его к царю с приказанием передать тому, что эллины, выиграв сражение на море, решили плыть в Геллеспонт и разрушить построенный на нем мост, а Фемистокл, заботясь о царе, советует ему поспешить к своим рубежам и переправиться, пока он сам будет устраивать союзникам разные проволочки и замедлять их погоню. Услыхав это, варвар, страшно перепуганный, стал поспешно отступать. Как благоразумны были Фемистокл и Аристид, показала битва с Мардоном: хотя эллины сражались при Платеях лишь с ничтожной частью Ксерксова войска, они рисковали потерять все.

17. По словам Геродота³⁴⁰, больше всех городов отличилась Эгина; что касается отдельных лиц, то все отдали первое место Фемистоклу – хотя и неохотно, завидуя ему. Именно, когда стратеги возвратились на Истм и брали камешки с алтаря³⁴¹, каждый себя объявлял первым по храбрости, а вторым – Фемистокла. А спартанцы привезли его к себе в Спарту и Эврибиаду дали в награду за храбрость, а ему в награду за ум венок из маслины, подарили самую лучшую в городе колесницу и послали триста юношей проводить его до границ³⁴². Во время следующих Олимпийских игр, когда Фемистокл пришел на ристалище, все присутствовавшие, говорят, не обращая внимания на участников состязаний, целый день смотрела на него и показывали его иностранцам с восторгом и рукоплесканиями; и он сам с радостью признался друзьям, что пожинает должные плоды своих трудов на благо Эллады.

18. И действительно, Фемистокл был от природы чрезвычайно честлюбив, судя по его остроумным изречениям. Когда однажды граждане выбрали его главным начальником флота, он не занимался ни общественными, ни частными делами по частям, а все текущие дела откладывал на день отплытия, чтобы, исполняя сразу множество дел и разговаривая со многими людьми, получить репутацию человека великого и чрезвычайно сильного.

Глядя на выброшенные на берег моря тела, он увидел на них золотые браслеты и ожерелья; он сам прошел мимо, а своему другу, шедшему с ним, показал на них, проговорив:

³⁴⁰ 34. По словам Геродота... – VIII, 93.

³⁴¹ 35. ...брали камешки с алтаря... – Т.е. освящали их перед голосованием.

³⁴² 36. ...проводить его до границ. – Это необыкновенная честь: по Геродоту, VIII, 124, это был единственный случай.

«Возьми себе, ведь ты не Фемистокл».

Один красавец, Антифат, сперва относился к Фемистоклу с пренебрежением, а потом, из-за его славы, стал за ним ухаживать. «Молодой человек, – сказал ему Фемистокл, – хоть и поздно, но мы с тобою оба в одно время поумнели».

Он говорил, что афиняне не чувствуют к нему ни уважения, ни восхищения, а поступают с ним, как с платаном: во время бури бегут под него, а в хорошую погоду обрывают его и ломают.

Уроженец Серифа сказал Фемистоклу, что он своей славой обязан не себе, а своему городу. «Правда твоя, – отвечал Фемистокл, – как я не прославился бы, если бы был уроженцем Серифа, так и ты, если бы был афинянином».

Один стратег, оказавший отечеству, по мнению граждан, ценную услугу, был дерзок с Фемистоклом и свои заслуги сравнивал с его заслугами. Фемистокл ему сказал: «Однажды с праздником вступил в спор послепраздничный день³⁴³ и говорил, что праздник полон хлопот и утомления, а в послепраздничный день все наслаждаются на досуге тем, что приготовили; а праздник на это сказал: «Правда твоя; однако, если бы меня не было, и тебя не было бы». Так вот, – продолжал он, – и меня если бы тогда не было, где бы вы теперь были?»

Сын Фемистокла своими капризами заставлял мать исполнять все его желания, а через нее и отца. Фемистокл подсмеиваясь над этим, говорил, что его сын самый сильный человек в Элладе, потому что эллинам дают свои веления афиняне, афинянам – он сам, ему самому – мать его сына, а матери – сын.

Желая быть чем-то особенным среди всех, Фемистокл, продавая поместье, велел глашатаю объявить, что у него и сосед хороший.

Из числа женихов своей дочери он отдал предпочтение хорошему человеку перед богатым, потому что, говорил он, он ищет человека, которому нужны деньги, а не денег, которым нужен человек.

Вот каков был Фемистокл, судя по его изречениям.

19. Покончив с упомянутыми выше делами, Фемистокл тотчас принялся вновь отстраивать город и обносить его стенами. По словам Феопомпа, Фемистокл подкупил эфоров, чтобы они не противодействовали ему, а по сообщениям большинства историков, он их обманул. Он явился в Спарту под видом посла. Когда спартанцы жаловались, что афиняне строят стены вокруг города, и Полиарх, специально для этой цели присланный из Эгины, обвинял Фемистокла, он стал отрицать это и предложил послать в Афины людей для осмотра: такой проволочкой он выигрывал время для постройки стен и в то же время хотел, чтобы вместо него у афинян в руках были эти посланные. Так и случилось: спартанцы, узнав истину, не тронули его, а отпустили, затаив свое недовольство.

После этого Фемистокл стал устраивать Пирей, заметив удобное положение его пристаней. Он старался и весь город приспособить к морю; он держался политики, некоторым образом противоположной политике древних афинских царей. Последние, как говорят, старались отвлечь жителей от моря и приучить их к жизни земледельцев, а не мореплавателей. Поэтому они распустили басню³⁴⁴, будто бы Афина, споря с Посейдоном из-за этой страны, показала судьям маслину и победила. Фемистокл не то чтобы «приклеил Пирей» к городу, как выражается комик Аристофан³⁴⁵, а город привязал к Пирею и землю к

---

³⁴³ 37. ...с праздником... послепраздничный день... – Т.е. первый и второй дни праздника.

³⁴⁴ 38. Басню. – О том, как Афина и Посейдон спорили за покровительство над Аттикой; оно должно было достаться тому, кто сделает Аттике более ценный дар: Посейдон подарил коня, Афина – маслину, и осталась победительницей.

³⁴⁵ 39. как выражается Аристофан... – Аристофан, Всадники, 815.

морю. Этим он усилил демос против аристократии и придал ему смелости, так как сила перешла в руки гребцов, келевстов³⁴⁶ и рулевых. По этой причине и трибуну на Пниксе³⁴⁷, устроенную так, что она была обращена к морю, тридцать тираннов впоследствии повернули лицом к земле: они думали, что господство на море рождает демократию, а олигархией меньше тяготеют земледельцы.

20. Фемистокл задумал еще более далеко идущий план, касавшийся могущества афинян на море. Когда эллинский флот после отступления Ксеркса вошел в Пагасскую гавань и зимовал там, Фемистокл в одной своей речи перед народным собранием сказал, что у него есть план, полезный и спасительный для афинян, но что нельзя говорить о нем при всех. Афиняне предложили ему сообщить этот план одному Аристиду и, если тот одобрит его, привести его в исполнение. Фемистокл сообщил Аристиду, что он задумал поджечь эллинский флот на его стоянке. Аристид заявил в народном собрании, что нет ничего полезнее, но в то же время бесчестнее того, что задумал Фемистокл. Тогда афиняне приказали Фемистоклу оставить это намерение.

В собрание амфикионов спартанцы внесли предложение о том, чтобы города, не участвовавшие в союзе против персов, были исключены из амфикионии. Фемистокл, опасаясь, что они, удалив из собрания фессалийцев и аргосцев, а также фиванцев, станут полными господами голосования и все будет делаться по их решению, высказался в пользу этих городов и склонил пилагоров³⁴⁸ переменить мнение: он указал, что только тридцать один город принимал участие в войне, да и из них большая часть – города мелкие. Таким образом, произойдет возмутительный факт, что вся Эллада будет исключена из союза, и собрание очутится во власти двух или трех самых крупных городов. Главным образом этим Фемистокл навлек на себя вражду спартанцев; поэтому они и стали оказывать больший почет Кимону и выдвигать его как политического соперника Фемистокла.

21. Фемистокла не любили и союзники за то, что он ездил по островам и собирал с них деньги. Так, по словам Геродота³⁴⁹, требуя денег от жителей Андроса, он получил от них в ответ следующие слова. Он говорил, что привез с собою двух богов, Убеждение и Принуждение; а те отвечали, что у них есть две великие богини, Бедность и Нужда, которые мешают им давать ему деньги. Тимокреонт, родосский лирический поэт, в одном стихотворении довольно злобно нападает на Фемистокла за то, что он другим за взятки выхлопывал возвращение из изгнания на родину, а его, связанного с ним узами гостеприимства и дружбы, из-за денег бросил на произвол судьбы. Вот его слова:

Можешь Павсания ты восхвалять и можешь хвалить
Ксанфиппа,
Славь Левтихида, пожалуй, а я одного вознесу Аристиду,
Сына священных Афин,
Лучшего мужа из всех мужей. Фемистокл ненавистен Латоне.
Лжец, бесчестный предатель! На подлые деньги
польстившись,

³⁴⁶ 40. *Келевсты* – начальники гребцов.

³⁴⁷ 41. *Трибуна на Пниксе...* – Пникс – холм, где созывалось народное собрание; она имела вид каменного куба, вырубленного из скалы, и стоит там до сих пор. Ср. ГГр., 5.

³⁴⁸ 42. *Пилагоры* («говорящие у Фермопил», где они заседали) – представители союзных государств на собраниях амфикионов (см. Сол., прим. 16). Фессалийцы и фиванцы воевали на стороне персов, а аргосцы держались нейтральными.

³⁴⁹ 43. *...по словам Геродота...* – VIII, 111.

Тимокреонту, что был его другом, не дал он вернуться
В город Иалис родной.
Взяв серебра три таланта, уплыл – плыви себе на погибель!
Денег гора у него, а на Истме он всех угостил лишь мясом
холодным;
Ели все, Фемистоклу желая весны не увидеть.

Еще гораздо более дерзкую и необдуманную ругань изливает Тимокреонт на Фемистокла после его изгнания и осуждения в одном стихотворении, которое начинается так:

Муза, песню эту прославь
Ты меж эллинов навсегда;
Эта честь подобает ей.

Говорят, что в осуждении Тимокреонта на изгнание за переход на сторону мидян принимал участие и Фемистокл. Так вот, когда Фемистокл был обвинен в приверженности к мидянам, Тимокреонт сочинил на него такие стихи:

Видно, не только Тимокреонт
Другом верным мидянам был.
Есть другие – не лучше его:
Нет, не один я лисою стал,
Лисы есть похитрей меня.

22. Так как уже и сограждане из зависти охотно верили разным наветам на Фемистокла, ему приходилось поневоле докучать им в Народном собрании частыми напоминаниями о своих заслугах. «Почему вы устаете, – сказал он недовольным, – по несколько раз получать добро от одних и тех же людей?»

Он навлек на себя неудовольствие народа также и постройкой храма Артемиды, которую он назвал «Лучшей советницей», намекая этим на то, что он подал городу и всем эллинам самый лучший совет, и к тому же построил этот храм близ своего дома в Мелите, куда теперь палачи бросают тела казненных и куда выносят платья и петли удавившихся и убитых. В храме Лучшей советницы еще в наше время находилась также маленькая статуя Фемистокла; видно, что у него была не только душа, но и наружность героя.

Ввиду всего этого Фемистокла подвергли остракизму, чтобы уничтожить его авторитет и выдающееся положение; так афиняне обыкновенно поступали со всеми, могущество которых они считали тягостным для себя и не совместимым с демократическим равенством. Остракизм был не наказанием, а средством утишить и уменьшить зависть, которая радуется унижению выдающихся людей и, так сказать, дыша враждой к ним, подвергает их этому бесчестью.

23. Изгнанный из отечества Фемистокл жил в Аргосе. Случай с Павсанием³⁵⁰ дал повод его врагам к выступлению против него. Обвинителем его в измене был Леобот, сын Алкмеона из Агравлы; в обвинении приняли участие также и спартанцы. Павсаний, занимавшийся приведением в исполнение задуманного им плана известной измены, сперва скрывал это от Фемистокла, хотя он и был его другом; но, увидя, что он изгнан из отечества и негодуя на это, Павсаний осмелел и стал приглашать его к участию в этом деле: показывал ему письма от царя, вооружал его против эллинов как неблагодарных негодяев.

---

³⁵⁰ 44. Случай с Павсанием... – Он был обвинен в стремлении к единовластию и в государственной измене, замурован в храме и уморен голодом (Фукидид, I, 128—138). Точные даты этих событий неясны.

Но Фемистокл к просьбе Павсания отнесся отрицательно и от участия наотрез отказался, однако об его предложении никому не сказал и никому не донес об этом деле: может быть, он ожидал, что Павсаний сам откажется от него или что оно иным путем обнаружится, так как Павсаний затеял дело безрассудное и рискованное.

Таким образом, после казни Павсания были найдены кое-какие письма и документы, относившиеся к этому делу, которые набросили подозрение на Фемистокла. Подняли крик против него спартанцы, а обвинять стали завидовавшие ему сограждане. Его не было в Афинах; он защищался письменно – главным образом против прежних обвинений. В ответ на клевету врагов он писал согражданам, что он, всегда стремившийся к власти и не имевший ни способности, ни желания подчиняться, никогда не продал бы варварам и врагам вместе с Элладой и самого себя. Тем не менее народ поверил обвинителям и послал людей, которым велено было арестовать его и привести для суда в собрание эллинов.

24. Но Фемистокл предвидел это и переправился в Керкиру; этому городу он когда-то оказал услугу. У них с коринфянами был спор. Фемистокла они выбрали в судьи, и он примирил враждовавших, решив дело так, чтобы коринфяне уплатили двадцать талантов, а Левкадой чтобы обе стороны владели сообща, как их общей колонией. Оттуда Фемистокл бежал в Эпир; преследуемый афинянами и спартанцами, он вверился опасным и несбыточным надеждам: искал прибежища у Адмета, царя молосского. Этот Адмет однажды обратился с какой-то просьбой к афинянам, но получил презрительный отказ от Фемистокла, который тогда был на высоте могущества в государстве. С тех пор Адмет был озлоблен против него, и ясно было, что отомстит ему, если Фемистокл попадется ему в руки. Но при тогдашнем бедственном положении Фемистокл боялся вновь вспыхнувшей ненависти своих единоплеменников больше, чем старинного царского гнева. На волю его гнева, он, не колеблясь, и отдался, явившись к нему с мольбой, однако своеобразным, необыкновенным образом. Держа его маленького сына, он припал к домашнему очагу, потому что молоссы считают такое моление самым действенным молением, – почти единственным, которого нельзя отвергнуть. Некоторые говорят, что жена царя, Фтия посоветовала Фемистоклу прибегнуть к такому способу моления и посадила сына вместе с ним к очагу; а другие рассказывают, что сам Адмет сочинил и разыграл с ним эту торжественную сцену моления, чтобы перед преследователями оправдать религиозными причинами невозможность выдать его. Эпикрат-ахарнянин прислал ему туда жену и детей, которых он выкрал из Афин; за это впоследствии Кимон предал его суду, и он был казнен, как свидетельствует Стесимброт. Однако потом Стесимброт каким-то образом сам ли забыл об этом, или изобразил Фемистокла забывшим, – но только он утверждает, что Фемистокл поехал в Сицилию и просил у тиранна Гиерона, его дочь в замужество, обещая подчинить ему эллинов; но Гиерон ему отказал, и тогда Фемистокл уехал в Азию.

25. Однако невероятно, чтобы это так произошло. Феофраст в своем сочинении «О царстве» рассказывает, что когда Гиерон прислал в Олимпию лошадей на состязание и поставил роскошно убранную палатку, Фемистокл в собрании эллинов произнес речь о том, что палатку тиранна надо разграбить, а лошадей – не допускать до состязания. А Фукидид рассказывает³⁵¹, что Фемистокл, придя к другому морю, отплыл из Пидны, и никто из спутников не знал, кто он, до тех пор, пока судно буря не занесла к Наксосу, который тогда осаждали афиняне. Тут Фемистокл из страха открылся хозяину корабля и рулевому; отчасти просьбами, отчасти угрозами, что он их обвинит перед афинянами, налжет на них, будто они не по неведению, но за взятку с самого начала приняли его на судно, он заставил их проехать мимо острова и пристать к берегу Азии.

Много его денег было тайно вывезено при посредстве его друзей и пришло к нему в Азию; а количество тех денег, которые были обнаружены и конфискованы, оказалось, по

³⁵¹ 45. ...Фукидид рассказывает... – Фукидид, I, 137. «Придя к другому морю» – из Керкиры через Эпир к Эгейскому морю.

Феопомпу, равным ста талантам, а, по Феофрасту, восьмидесяти, тогда как до вступления его на политическое поприще у него не было имущества даже и на три таланта.

26. По прибытии в Киму Фемистокл заметил, что многие приморские жители подстерегают его, чтобы схватить, а особенно Эрготель и Пифодор (эта охота была выгодна для тех, кто стремился нажиться любыми средствами, так как царь назначил за голову Фемистокла двести талантов). Поэтому он бежал в эолийский городок Эги, где его никто не знал, кроме связанного с ним узами гостеприимства Никогена, владельца самого большого состояния в Эолии, который был знаком с царскими вельможами. У него он скрывался несколько дней. Затем по принесении какой-то жертвы, после ужина, дядька Никогеновых детей, Ольбий, придя в экстаз и вдохновляемый божеством, возгласил вот какие слова в форме стиха:

Ночи голос, ночи думу и победу ночи дай!

После этого Фемистокл лег спать и видел во сне, что дракон извивается по его животу и подползает к шее; коснувшись лица, он превратился в орла, обнял его крыльями, поднял и нес далеко; вдруг показался золотой кадуцей³⁵²; на него орел и поставил его в безопасности, и Фемистокл избавился от ужасного страха и тревоги.

Итак, Никоген его отправил, придумав вот какую хитрость. Большинство варваров, и особенно персам, свойственна прирожденная дикая и жестокая ревность: не только жен, но даже рабынь и наложниц они страшно оберегают, чтобы никто из посторонних не видел их; дома они живут взаперти, а в дороге их возят в повозках с занавесками, закрытых со всех сторон. Такую повозку устроили для Фемистокла; он в нее укрылся; так и везли его. На вопросы встречных провожавшие его отвечали, что везут бабенку-гречанку из Ионии к одному из царских придворных.

27. Фукидид и Харон из Лампсака рассказывают, что Ксеркса тогда уже не было в живых и что Фемистокл имел свидание с его сыном; но Эфор, Динон, Клитарх, Гераклид и еще несколько других авторов говорят, что он пришел к самому Ксерксу. С хронологическими данными, как думают, более согласен рассказ Фукидида; впрочем и в этих данных немало путаницы.

Итак, в самую решительную минуту Фемистокл обратился к тысяченачальнику Артабану и сказал ему, что он, хотя и эллин, но хочет поговорить с царем о важных делах, которыми царь особенно интересуется. Артабан ему говорит: «Чужеземец! Законы у людей различные: одно считается прекрасным у одних, другое – у других; но у всех считается прекрасным чтить и хранить родные обычаи. Вы, говорят, выше всего ставите свободу и равенство; а у нас хоть и много прекрасных законов, но прекраснее всех тот, чтобы чтить царя и падать ниц перед ним, как перед подобием бога, хранителя всего. Так, если ты, согласно с нашими обычаями, падешь ниц пред ним, то тебе можно увидеть царя и поговорить с ним; если же ты мыслишь иначе, то будешь сноситься с ним через других: несогласно с отеческими обычаями, чтобы царь слушал человека, не павшего пред ним». Выслушав это, Фемистокл говорит ему: «Нет, Артабан, я пришел сюда для того, чтобы умножить славу и силу царя; я и сам буду повиноваться вашим законам, коль скоро так угодно богу, возвеличившему персов, и благодаря мне еще больше людей, чем теперь, будет падать пред ним. Итак, да не служит это никоим образом препятствием мне сказать ему, то, что я хочу сказать». «Но кто ты, и как нам доложить о тебе?» – спросил Артабан. «По уму ты не похож на простого человека». «Этого никто не может узнать, Артабан, раньше царя», – отвечал Фемистокл.

Так рассказывает Фаний, а Эратосфен в сочинении «О богатстве» еще добавляет, что случай поговорить и познакомиться с тысяченачальником Фемистокл получил через одну

³⁵² 46. *Кадуцей* – жезл вестника и, следовательно, символ мира.

эретриянку, с которою тот жил.

28. Итак, Фемистокла ввели к царю. Он, павши ниц перед ним, потом встал и молчал. Царь приказал переводчику спросить его, кто он. Когда переводчик спросил, Фемистокл сказал: «К тебе, царь, пришел афинянин Фемистокл, изгнанник, преследуемый эллинами. Много зла видали от меня персы, но еще больше добра, так как я помешал эллинам преследовать персов, когда, благодаря спасению Эллады, безопасность родины дала возможность оказать услугу и вам. Что касается меня, то, при теперешнем моем бедственном положении, я не могу претендовать ни на что и пришел готовый как принять благодарность, если ты милостиво со мною примиришься, так и просить тебя сложить гнев, если ты помнишь зло. Но ты смотри на моих врагов как на свидетелей услуг моих персам и используй теперь мои несчастья лучше для того, чтобы показать свое великодушие, чем для того, чтобы удовлетворить свой гнев: сохранив мне жизнь, ты спасешь человека, прибегающего к тебе с мольбою, а, погубив меня, погубишь того, кто стал врагом эллинов». После этого Фемистокл в подкрепление слов своих привел указание на божественную волю и рассказал сон, который видел в доме Никогена, и оракул Додонского Зевса, который повелел ему идти к тому, кто носит имя, одинаковое с именем бога (он догадался, что бог его посылает к царю, потому что оба они – великие цари и носят это название). Выслушав это, перс ему не дал никакого ответа, хотя и восхищался величием духа его и смелостью; но пред своими приближенными он поздравил себя с этим как с величайшим счастьем и, помолвившись о том, чтобы Ариманий³⁵³ всегда внушал врагам мысль изгонять из своей страны самых лучших людей, принес, говорят, жертву богам и тотчас же приступил к попойке, а ночью во сне с радости трижды прокричал: «Афинянин Фемистокл у меня в руках!».

29. На другой день утром царь созвал своих приближенных и велел ввести Фемистокла, который не ожидал ничего доброго, видя, что придворные, как только узнали его имя, когда он вошел, были настроены враждебно и бранили его. Сверх того, когда Фемистокл, подходя к царю, шел мимо тысяченачальника Роксана, последний тихо вздохнул и сказал, хотя царь уже сидел и все другие молчали: «Змея эллинская, меняющая свои цвета! Добрый гений царя привел тебя сюда». Однако, когда он предстал пред лицом царя и опять пал ниц перед ним, царь его приветствовал и ласково сказал, что он уже должен ему двести талантов, потому что он, приведя самого себя, имеет право получить награду, назначенную тому, кто его приведет. Царь обещал ему еще гораздо больше, ободрил его и позволил говорить об эллинских делах откровенно, что хочет. Фемистокл отвечал, что речь человеческая похожа на узорчатый ковер: как ковер³⁵⁴, так и речь, если их развернуть, показывают свои узоры, а, если свернуть, то скрывают их и искажают. Поэтому ему нужно время.

Царю понравилось сравнение, и он предложил ему назначить срок. Фемистокл попросил год, выучился в достаточной степени персидскому языку и стал разговаривать с царем непосредственно. Людям, далеко стоявшим от двора, он давал повод думать, что говорит об эллинских делах; но, так как при дворе и между своими приближенными царь в то время производил много нововведений, то Фемистокл навлек на себя зависть вельмож, которые думали, что он имел дерзость и против них откровенно говорить с царем. Да и на самом деле, почести, оказываемые ему, были непохожи на почести другим иностранцам: он принимал участие вместе с царем и в охоте, и в его домашних занятиях, так что даже получил доступ к матери царя, стал у нее своим человеком и по приказанию царя изучил науку магов.

³⁵³ 47. *Ариманий* – (Анхра-Майнью) – бог зла, вечно борющийся с богом добра в дуалистической персидской религии.

³⁵⁴ 48. *...как ковер...* – Фемистокл хочет сказать, что его речь, скомканная переводчиком, получит не тот смысл, какой он сам хотел придать ей (комм. К. Циглера).

Когда спартанцу Демарату царь приказал просить подарок, он попросил позволения проехать через Сарды в прямой тиаре³⁵⁵ как цари. Тут двоюродный брат царя, Митропавст, дотронувшись до тиары Демарата, сказал: «В этой тиаре нет мозга, который бы она прикрывала, и ты не будешь Зевсом, если возьмешь молнию». Когда царь в гневе за такую просьбу прогнал от себя Демарата и, казалось, был непримиримо настроен к нему, Фемистокл ходатайствовал за него и уговорил царя примириться с ним.

Говорят, и последующие цари, при которых Персия вступила в более близкие отношения с Элладой, когда им была надобность в ком-нибудь из эллинов, в письме своем обещали ему, что он будет при царе выше Фемистокла. А сам Фемистокл, когда был великим человеком и расположения его многие искали, говорят, однажды за роскошным столом сказал детям: «Дети, мы погибли бы, если бы не погибли».

По свидетельству большинства писателей, Фемистоклу были даны три города на хлеб, на вино и на рыбу – Магнесия, Лампсак и Миунт; Неанф из Кизика и Фаний прибавляют еще два города – Перкоту и Палескепис – на постель и на одежду.

30. Когда Фемистокл поехал к морю по делам, касающимся Эллады, перс по имени Эпиксий, сатрап Верхней Фригии, задумал покушение на его жизнь. Задолго до этого он подговорил каких-то писидийцев убить его, когда тот остановится ночевать в городе Леонтокефале³⁵⁶. В полдень ему во сне, говорят, явилась Мать богов³⁵⁷ и сказала: «Фемистокл, избегай головы львов, чтобы не попасться льву. А я за это требую от тебя в служительницы Мнесиптолему». Встревоженный этим видением, Фемистокл помолился богине, свернул с большой дороги, поехал кружным путем и, миновав то место, остановился ночевать. Так как одно из выючных животных, везших его палатку, упало в реку, то слуги Фемистокла растянули намокшие завесы для сушки. Тем временем писидийцы прибежали с мечами и, не разглядевши хорошенько при лунном свете, подумали, что это – Фемистоклова палатка, и что они найдут его в ней спящим. Когда они подошли и стали поднимать завесу, сторожа набросились на них и схватили. Избежав таким образом опасности и изумившись явлению богини, Фемистокл соорудил в Магнесии храм Диндимены и сделал в нем жрицей дочь свою Мнесиптолему.

31. По прибытии в Сарды Фемистокл в свободное время осматривал архитектуру храмов и множество даров, посвященных богам. Между прочим, он увидел в храме Матери богов бронзовую статую девушки, так называемую «носительницу воды», в два локтя вышиною. Когда он был в Афинах смотрителем вод, он предал суду воров, отводивших воду; на деньги, взятые с них в виде штрафа, он приказал сделать эту статую и посвятить ее богам. Может быть, он почувствовал жалость при виде того, что его дар богам находится в плену, или он хотел показать афинянам, каким почетом и влиянием он пользуется у царя, но только он обратился к лидийскому сатрапу с просьбой отослать статую девушки в Афины. Варвар в негодовании грозил написать об этом письмо царю. Фемистокл в страхе прибегнул к заступничеству гарема и, одаривши деньгами его наложниц, утишил его гнев, но после этого стал вести себя осторожнее, опасаясь уже и зависти варваров. Он перестал разъезжать по Азии, как уверяет Феопомп, а жил в Магнесии, получал большие подарки и пользовался почетом наравне с самыми знатными персами. Много времени жил он покойно, потому что царь, занятый делами в Верхней Азии, не обращал особенного внимания на эллинские дела. Но восстание в Египте при поддержке афинян, продвижение эллинских военных кораблей до

³⁵⁵ 49. ...в прямой тиаре... – Тиара, персидский головной убор, имела вид остроконечного колпака, верхушка которого должна была свисать, и только у царя стояла прямо.

³⁵⁶ 50. Леонтокефал – (местонахождение неизвестно) – букв. «львиноголовый».

³⁵⁷ 51. Мать богов – малоазиатская богиня, иногда называвшаяся Кибелой или Кибейой (или, по месту культа, Диндименой); у греков отождествлялась с Реей, матерью Зевса.

Кипра и Киликии и господство Кимона на море, – все это привлекло внимание царя и заставило его, в свою очередь, предпринять что-либо против эллинов и препятствовать их усилению. Производился набор войск, рассылались военачальники по разным направлениям, приезжали к Фемистоклу курьеры с приказом от царя заняться эллинскими делами и исполнить свои обещания. Но Фемистокл не пылал гневом против своих соотечественников; такой великий почет и влияние также не влекли его к войне. Может быть, он считал даже неисполнимым это предприятие, потому что Эллада имела тогда великих полководцев, в числе которых Кимон особенно отличался своими необыкновенными успехами в военных делах. Но главным образом из уважения к славе собственных подвигов и прежних трофеев, он принял самое благородное решение – положить своей жизни конец, ей подобающий. Он принес жертву богам, собрал друзей, подал им руку. По наиболее распространенному преданию, он выпил бычьей крови³⁵⁸, а по свидетельству некоторых, принял быстро действующий яд и скончался в Магнесии, прожив шестьдесят пять лет, из которых большую часть провел в политической деятельности и в командовании войском. Узнав о причине его смерти и о способе ее, царь, как говорят, почувствовал к нему еще большее уважение и постоянно относился к его друзьям и родным дружелюбно.

32. Фемистокл оставил после себя от Архиппы, дочери Лисандра из Алопеки, сыновей – Архептолида, Полиевкта и Клеофанта; о последнем упоминает и философ Платон³⁵⁹ как о превосходном наезднике, но в других отношениях человеке ничего не стоящем. Из самых старших его сыновей Неокл умер еще в детстве от укуса лошади; Диокла усыновил его дед Лисандр. Дочерей у Фемистокла было несколько: на Мнесиптолеме, от второй жены, женился ее единокровный брат Архептолид³⁶⁰, на Италии – хиосец Панфид; на Сибариде – афинянин Никомед; на Никомахе – племянник Фемистокла Фрасикл: уже после смерти ее отца он приехал в Магнесию и взял ее у братьев; он же воспитал самую младшую из всех детей – Асию.

Великолепная гробница Фемистокла находится на площади в Магнесии. Что же касается останков, то не следует верить Андокиду, который в своей речи «К друзьям»³⁶¹ говорит, что афиняне украли его останки и разбросали; это он лжет с целью вооружить сторонников олигархии против демократов. Не следует верить и рассказу Филарха: он в своей истории, словно в трагедии, чуть ли не на театральной машине выводит на сцену Неокла и Демополида, сыновей Фемистокловых, чтобы произвести драматический эффект; всякий поймет, что это вымысел. Диодор Путешественник в сочинении «О памятниках» говорит, скорее в виде предположения, чем с полной уверенностью, что у большой Пирейской гавани на мысе, лежащем против Алкима, выдается в море выступ, похожий на локоть; если обогнуть его с внутренней стороны, то в месте, где море довольно покойно, есть большая площадка и на ней сооружение в форме алтаря – гробница Фемистокла. Диодор думает, что и комик Платон подтверждает его мнение в следующих стихах:

На дивном месте твой лежит могильный холм.

³⁵⁸ 52. *...бычьей крови...* – Считалось (неосновательно), что свежая бычья кровь – смертельный яд (Плиний, XI, 90). Это самоубийство Фемистокла – не более, чем моралистическая легенда. Он и его потомки чтились в Магнесии как местные герои еще во времена Плутарха.

³⁵⁹ 53. *...упоминает... Платон...* – Менон, 93d. Это тот сын, который в шутку был назван «самым сильным человеком в Элладе» (гл. 18).

³⁶⁰ 54. *Единокровный брат* – по афинскому закону, брат мог жениться на сестре единокровной, но не единокровной.

³⁶¹ 55. *«К друзьям»* – эта речь оратора Андокида не дошла до нас.

Он мореходам всем привет свой будет слать.
Кто с моря держит путь, кто в море – видит он
И смотрит, как, спеша, челны вступают в спор.

Потомкам Фемистокла до наших дней продолжали оказывать в Магнесии некоторые почести; так, ими пользовался афинянин Фемистокл, с которым мы сблизились и подружились у философа Аммония.

Камилл

[Перевод С.П. Маркиша]

1. Среди всего, что рассказывают о Фурии Камилле, наиболее примечательно и необычно, на мой взгляд, то, что этот человек, многократно командовавший войсками и одержавший важнейшие победы, пять раз избиравшийся диктатором³⁶² и четырехкратный триумфатор, человек, называемый в книгах «вторым основателем Рима», ни разу не был консулом. Причина этого – состояние, в котором находилось тогда государство: враждуя с сенатом, народ отказался выбирать консулов и голосованием назначал военных трибунов³⁶³, и хотя в их руках находилась высшая власть и они обладали всеми консульскими правами и полномочиями, само число трибунов делало отношение толпы к этой должности более благожелательным. В самом деле, во главе правления стояли теперь шестеро, а не двое, и это было отрадно тем, кто тяготился олигархией. На такую-то пору и приходится расцвет славы Камилла и его самые замечательные подвиги; вот почему он не захотел идти наперекор желанию народа и не домогался консульского достоинства, хотя собрания для выборов консулов часто созывались в этот промежуток времени. Зато, занимая иные должности – многочисленные и самые разнообразные, – он всегда проявлял себя с такой стороны, что власть (даже в тех случаях, когда она принадлежала только ему) оказывалась общим достоянием, слава же доставалась одному Камиллу (даже если главенство принадлежало нескольким лицам). Первого он достигал своей скромностью полководца, стараясь избежать зависти, второго – благодаря остроте и проницательности ума, в чем, по общему признанию, не знал себе равных.

2. В то время дом Фуриев не был еще особенно знаменит, и Камилл, служа под командой диктатора Постумия Туберта, первым из Фуриев стяжал громкую славу в большой битве с эквами и вольсками. Скача на коне впереди боевой линии своих, он получил рану в бедро, но не оставил поля сражения, а, вырвав торчавший из раны дротик, вступил в схватку с самыми храбрыми воинами противника и обратил их в бегство. За это он не только удостоился почетных даров, но и получил должность цензора³⁶⁴, имевшую в те времена огромное значение. Среди дел, которые он осуществил, исправляя обязанности цензора, упоминают одно замечательное: уговорами и угрозами он заставил неженатых мужчин взять замуж вдов, – а их, вследствие войн, было очень много, – и одно предпринятое в силу

---

³⁶² 1. ...пять раз избиравшийся диктатором ... – Камилл избирался в 396, 390, 389, 368, 367 гг.

³⁶³ 2. Военные трибуны с консульской властью – Верховные должностные лица римской республики, часто выбиравшиеся вместо консулов между 444 и 367 гг.; на эту должность могли выбираться плебеи, а на консульскую не могли. Число этих трибунов колебалось от 3 до 8; (не путать с народными трибунами, о которых см. Гай, 7, и с военными – точнее «войсковыми» – трибунами, командирами легионов в поздней республике).

³⁶⁴ 3. ...должность цензора ... – Камилл получил ее в 403 г., т.е. никак не за подвиги 431 г.

необходимости: он обложил налогом сирот, прежде не плативших никаких податей. К такой мере принуждали частые походы, требовавшие огромных издержек, главным образом – против Вей.

Этот город был красою Этрурии; изобилием оружия и числом воинов он не уступал Риму, блистал богатством, пышностью, роскошным укладом жизни и дал римлянам немало замечательных сражений, оспаривая у них славу и господство. Но к тому времени воинственный задор Вей поостыл; потерпев несколько жестоких поражений, граждане воздвигли высокие и крепкие стены, наполнили свой город оружием, метательными снарядами, хлебом и прочими припасами и спокойно терпели осаду, правда, весьма продолжительную, однако и для осаждающих не менее хлопотную и тяжкую. Дело в том, что римляне привыкли проводить в походе только лето, то есть сравнительно недолгое время, зимовать же – в своих пределах, а тут впервые, повинаясь приказу трибунов, оказались вынуждены построить укрепления, обнести лагерь стеной и проводить на вражеской земле и зиму и лето. Меж тем почти истек уже седьмой год войны, и потому военачальники, которые, по мнению солдат, были повинны в том, что вели осаду слишком вяло и нерешительно, были смещены, а взамен их избраны новые, в числе последних – и Камилл, вторично тогда занявший должность военного трибуна³⁶⁵. Однако той порой он не принял в осаде никакого участия: по жребию ему выпало воевать с Фалериями и Капеной, жители которых, пользуясь тем, что римлянам был недосуг, часто совершали набеги на их владения и вообще досаждали им на протяжении всей войны с этрусками. Они были разбиты Камиллом и, понеся большие потери, загнаны в стены своих городов.

3. Затем, в самый разгар войны, на Альбанском озере произошло несчастье, которое, по отсутствию общепонятной причины и по невозможности объяснить его через действие природных начал, напугало всех не менее, чем самое невероятное чудо. Лето, не отличавшееся изобилием дождей или упорством влажных ветров с юга, закончилось, была уже середина осени; по всей Италии в многочисленных источниках, реках и озерах влага либо вовсе иссякла, либо едва покрывала дно, а реки, как бывает обычно после долгого зноя, обмелели, и русла их сузились. Но Альбанское озеро, окруженное плодородными холмами и, так сказать, внутри себя заключающее и исток свой и устье, без всякой причины, разве что по велению божества, заметно вздулось, уровень его поднялся, и вода, на которой не появилось ни волн, ни даже ряби, мало-помалу подступила к подножьям, а там и к гребню высот. Сначала этому дивились одни лишь пастухи, но когда огромная тяжесть прорвала своего рода перешеек, преграждавший озеру путь вниз, и могучий поток хлынул по пашням и посевам к морю, не только сами римляне ужаснулись, но все народы, населяющие Италию, сочли это за великое знамение. Особенно много толков о случившемся было в лагере осаждавших Вейи, так что слух о несчастье на озере дошел и до осажденных.

4. Когда осада затягивается, между противниками обычно возникают оживленные связи, беседы, и вот случилось так, что какой-то римлянин свел знакомство и нередко по душам, вполне откровенно разговаривал с одним из неприятелей, сведущим в старинных оракулах; человек этот, по мнению товарищей, владел искусством прорицания и потому превосходил других мудростью. Узнав о разливе озера, он до крайности обрадовался и стал насмехаться над осадой; римлянин заметил его радость и сказал, что это чудо не единственное, что-де римлянам в последнее время были и другие знамения, еще более невероятные, и что он охотно о них расскажет, коль скоро его собеседник может хоть сколько-нибудь облегчить их собственную участь в этих общих бедствиях. Неприятель внимательно его выслушивает и вступает в беседу, надеясь выведать какие-то тайны, а римлянин, заманивая его разговором, незаметно уводит все дальше и, наконец, когда они очутились на значительном расстоянии от ворот, схватывает и отрывает от земли – он был сильнее противника, – а затем с помощью товарищей, во множестве набегавших из лагеря,

³⁶⁵ 4. ...вторично ... должность военного трибуна . – В 398 г. (в первый раз – в 401 г.).

окончательно одолевает его и передает военачальникам. Очутившись в такой крайности и сообразив, что чему суждено свершиться, того, не миновать, этруск открыл не подлежавшее огласке предсказание, которое возвещало, что врагам не взять Вейи до тех пор, пока они не повернут и не направят вспять разлившиеся и бегущие новыми путями воды Альбанского озера, помешав им соединиться с морем. Узнав об этом, сенат оказался в затруднении и почел за лучшее отправить в Дельфы посольство и спросить бога. Послы Косс Лициний, Валерий Потит и Фабий Амбуст, люди прославленные и влиятельные, переплыв море и получив ответ бога, возвратились, везя различные оракулы – как повелевающие заградить альбанские воды, дабы они не достигли моря, и вернуть их, если удастся, в прежнее ложе или же, если это окажется невозможным, отвести их с помощью рвов и канав на равнину и там использовать для орошения, так равно и иные, указывающие на пренебрежение к некоторым обрядам, которые исстари принято было исполнять во время так называемых Латинских празднеств³⁶⁶. Когда это стало известно, жрецы приступили к жертвоприношениям, а народ взялся за работу, чтобы дать воде иное направление.

5. На десятый год войны сенат лишил власти всех должностных лиц и назначил Камилла диктатором. Избрав в начальники конницы Корнелия Сципиона, он первым делом принес обет богам, если война закончится со славой, дать большие игры³⁶⁷ и посвятить храм богине, которую римляне называют Матерью Матутой³⁶⁸. Судя по священнодействиям, совершаемым в ее честь, можно предположить, что скорее всего это Левкофея: женщины вводят в храм служанку и бьют ее по щекам, а затем гонят вон, обнимают детей своих сестер вместо своих родных и жертвоприношение сопровождают действиями, напоминающими о воспитании Диониса и о муках, которые терпела Ино по вине наложницы.

Покончив с обетами и молитвами, Камилл вторгся в землю фалисков и в большом сражении разбил и их самих и подоспевших им на подмогу граждан Капены. Затем он обратился к осаде Вей и, видя, что приступ был бы чрезвычайно труден, стал вести подкоп, так как местность вокруг города позволяла рыть подземные ходы и быстро проникать на такую глубину, где можно было производить работы незаметно для противника. И вот, когда надежды римлян уже близились к осуществлению, сам Камилл ударил снаружи, заставив врагов подняться на стены, меж тем как часть его солдат тайно прошла подземным ходом и незаметно для неприятеля оказалась внутри крепости, под храмом Геры, который был самым большим и самым почитаемым в городе. Рассказывают, что как раз в ту пору глава этрусков приносил там жертву, и прорицатель, бросив взгляд на внутренности, громко воскликнул, что божество дарует победу тому, кто завершит это священнодействие. Его слова услышали римляне в подкопе; они тут же взломали пол, с криком, со звоном оружия появились в храме и, когда враги в ужасе разбежались, схватили внутренности и отнесли их Камиллу. Впрочем, я готов признать, что рассказ этот походит на басню.

Когда город был захвачен и римляне принялись расхищать и растаскивать его безмерные богатства, Камилл, глядя из крепости на эту картину грабежа, сначала плакал, стоя неподвижно, а затем, слыша отовсюду поздравления, простер руки к богам и так взмолился: «О, Юпитер Верховный и вы, боги, надзирающие за делами добрыми и дурными,

³⁶⁶ 5. *Латинские празднества* – праздник, справлявшийся каждый год (но не в определенный день) на Альбанской горе союзом латинских городов в честь Юпитера Латиария (покровителя Лация).

³⁶⁷ 6. *Большие игры* – Игры, посвященные Юпитеру Благому Величайшему, первоначально устраивались лишь от случая к случаю, главным образом в честь побед и триумфов, но впоследствии сделались ежегодным праздником, справлявшимся в сентябре.

³⁶⁸ 7. *Мать Матута* – древнеиталийская богиня утра, весны и рожениц, отождествленная с греческой Левкотеей. Левкотей (Ино) и ее супруг Афант воспитали Диониса, и за это ревнивая Гера поразила их безумием, Ино с маленьким сыном бросилась в море и была принята в сонм морских богов. По другой версии, она сама убила сына, ревнуя мужа к рабыне.

вы сами свидетели, что не вопреки справедливости, но, вынужденные к обороне, караем мы этот город враждебных нам и незаконных людей! Но если тем не менее и нас ждет некая расплата за нынешнюю удачу, пусть она, молю, падет, с наименьшим ущербом, на меня одного, минуя государство и войско римское!» И с этими словами он, как принято у римлян при молитве, хотел повернуться направо, но, совершая поворот, упал. Все окружающие были немало встревожены, однако Камилл, поднявшись, сказал, что все произошло по его молитве – величайшее счастье искупается маленькой неудачей.

6. Разграбив город, Камилл во исполнение обета решил перевезти в Рим статую Геры³⁶⁹. Собрались мастера, Камилл принес жертву и молил богиню не отвергнуть ревностной преданности победителей, стать доброю соседкой богов, которые и прежде хранили Рим, и статуя, как рассказывают, тихо промолвила, что она и согласна и одобряет его намерение. Правда, по словам Ливия³⁷⁰, Камилл молился и взывал к богине, касаясь рукой ее изображения, а некоторые из присутствовавших в один голос отвечали, что она-де и согласна и охотно последует за римлянами. Но те, что твердо держатся своего, решительно настаивая на чуде, располагают убедительнейшим доказательством, говорящим в их пользу: я имею в виду самую судьбу Рима, которому было бы невозможно из ничтожества и безвестности подняться на вершину славы и силы без поддержки божества, открыто проявлявшейся во многих и важных случаях. Ссылаются они и на другие подобные явления – нередко на статуях проступали капли пота, раздавались стоны, кумиры отворачивались и смежали веки. Об этом сообщают многие писатели прошлых лет, да и от наших современников мы слышали немало удивительных, заслуживающих упоминания рассказов, от которых не следует, пожалуй, отмахиваться с легкомысленным презрением. Впрочем, в подобных вещах ненадежны как пылкое доверие, так и чрезмерная недоверчивость – по причине человеческой немощи, которая не знает пределов и не владеет собою, но, устремляясь в одну сторону, приводит к суеверию и пустым вымыслам, в другую же – к пренебрежению божественными законами и отказу от них. Осмотрительность и строжайшее соблюдение меры – вот что лучше всего.

7. И тут Камилл, которого то ли величие его подвига – ведь он захватил соперничавший с Римом город на десятый год осады! – то ли похвалы его счастьем преисполнили высокомерия и спеси, совершенно нетерпимых в носителе законной гражданской власти, с чрезмерною пышностью справил свой триумф, а самое главное – проехал по Риму в колеснице, заложеной четверкою белых коней. Ни один полководец, ни до ни после него, этого не делал, ибо такую упряжку считают святынею, отданною во владение царю и родителю богов. Это вызвало недовольство сограждан, не привыкших терпеть гордыню и пренебрежение, а другой предлог к нападкам Камилл подал, выступив против закона о расселении жителей города. Народные трибуны внесли предложение разделить народ и сенат на две части, с тем чтобы одни остались жить в Риме, а другие, кому выпадет жребий, перешли в покоренный город: граждане, утверждали трибуны, станут богаче и легче сберегут и свои земли и все прочее добро, владея двумя большими и прекрасно устроенными городами. Народ, который к тому времени умножился и обеднел, радостно встретил этот план и тесно обступил возвышение для оратора, нестройными криками требуя начать голосование. Но сенат и все влиятельнейшие граждане считали, что трибуны замышляют не разделение, а низвержение Рима, и в гневе на них прибегли к помощи Камилла. А тот, страшась открытой борьбы, стал выискивать всяческие предлоги и неотложные дела для народа, с помощью которых все время оттягивал утверждение закона. И это порождало озлобление.

³⁶⁹ 8. ...Камилл решил перевезти ... статую Геры . – В знак того, что эта богиня (Юнона), покровительница Вей, будет отныне покровительницей Рима. Ей был выстроен храм на Авентине.

³⁷⁰ 9. ...по словам Ливия ... – V, 22.

Но самую ожесточенную и неприкрытую вражду к нему вызвало у народа недоразумение с десятой долей добычи; повод, за который ухватилась толпа, был если и не совсем справедлив, то все же не лишен основания. Дело, насколько можно судить, было в том, что выступая к Вейям, Камилл дал обет, в случае, если он захватит город, посвятить в дар богу десятину всей добычи. Но когда Вейи были взяты и разграблены, он, то ли не решившись докучать согражданам, то ли под бременем повседневных забот просто запамятовав о своем обете, оставил все богатства у их новых владельцев. Впоследствии, однако, когда срок его полномочий уже истек, он донес об этом случае сенату, и в то же время жрецы объявили, что жертвы возвещают гнев богов, требующий умиловительных и благодарственных обрядов.

8. Сенат постановил не учинять передела добычи, – что было бы затруднительно, – но все, получившие свою долю, обязывались сами, под присягою, вернуть десятую часть в распоряжение государства, и для воинов-бедняков, измученных тяготами войны, а ныне принуждаемых расставаться с частью того, что они считали своим и уже успели употребить на собственные нужды, это обернулось жестоким и горьким насилием. Камилл, не зная, что ответить на их упреки и не находя лучшего оправдания, прибег к самому нелепому, признавшись, что забыл об обете, а те с негодованием твердили, что, прежде пообещав посвятить богу десятую часть неприятельского имущества, он теперь взимает десятину с имущества сограждан. Тем не менее все внесли причитающуюся долю, и было решено сделать золотой кратер^[9a] и отослать его в Дельфы. Но золота в городе не хватало, власти раздумывали, откуда бы его добыть, и тут женщины, посоветовавшись друг с дружкой, сняли с себя и передали для пожертвования божеству золотые украшения, весившие все вместе восемь талантов. Желая достойным образом почтить их за эту щедрость, сенат постановил, чтобы впредь и над женщинами, точно так же как над мужчинами, произносили после смерти подобающее похвальное слово. (До того не было принято говорить речи перед народом на похоронах женщин.) Священными послами избрали троих мужей из числа самых знатных римлян и, снарядив военный корабль в праздничном уборе и с отличной командой, отправили их в плавание. Говорят, что бедствиями чревата не только буря, но и тишь, и это оправдалось на примере римских послов, которые оказались на краю гибели, а затем вопреки ожиданиям спаслись от опасности. Подле Эоловых островов³⁷¹, когда ветер стих, на них напали липарские триеры, принявшие их за пиратов. Римляне с мольбою простирали руки, и потому липарцы не стали таранить их судно, но, перекинув канат, отвели к берегу и объявили о продаже как имущества, так и людей, в полной уверенности, что корабль пиратский. Лишь с трудом согласились они освободить пленников, послушавшись одного человека – стратега Тимесифея, который пустил в ход все свое мужество и влияние. На собственные средства снарядив несколько кораблей, он проводил послов и участвовал в посвящении их дара, что и доставило ему заслуженные почести в Риме.

9. Народные трибуны уже снова заговорили о расселении, но, как нельзя более кстати, вспыхнула война с фалисками и дала возможность знатым и могущественным гражданам выбрать должностных лиц по своему суждению, а поскольку обстоятельства требовали полководца не просто опытного, но и уважаемого и прославленного, военным трибуном вместе с пятью другими был назначен Камилл. После того как народ подал голоса, Камилл, приняв командование, вторгся в землю фалисков и осадил город Фалерии, отлично укрепленный и во всех отношениях подготовленный к войне. Он понимал, что с налета, без длительных трудов Фалерии не взять, но хотел занять сограждан, дать выход их силам, чтобы, сидя дома в бездельи, они не обольщались речами своих вожakov и не затевали

[9a] **9a.** *Золотой кратер* – большой сосуд для смешивания вина с водой, из которого смесь разливалась по чашам.

³⁷¹ **10.** *Эоловы острова* – Липарские острова, сами считавшиеся гнездом пиратов.

мятежей. Римляне, точно врачи, почти всегда обращались к этому лекарству, изгоняя из государства недуги бунта и возмущения.

10. Полагаясь на укрепления, окружавшие город сплошным кольцом, фалерийцы не ставили осаду ни во что: кроме тех, кто нес караул на стенах, все по-прежнему были одеты в тоги, а дети бегали в школу, и учитель выходил с ними за стену для прогулки и гимнастических упражнений. Фалерийцы, по примеру греков, все пользовались услугами одного учителя, желая, чтобы дети с самого начала жизни и воспитывались и держались сообща. И вот учитель задумал нанести Фалериям смертельный удар, используя для этой цели детей. Каждый день он выводил их к подножью стены, оставаясь сперва на небольшом расстоянии от нее, а закончив занятия, приводил обратно. Постепенно он заходил все дальше, и дети, привыкнув, перестали бояться опасности; кончилось тем, что учитель передал всех своих учеников в руки римских часовых и просил доставить их и себя к Камиллу. Когда он очутился перед полководцем, то объяснил, что оказать услугу Камиллу для него важнее, нежели исполнить справедливые обязательства по отношению к этим детям, а он их учитель и воспитатель. «Вот почему я пришел, – закончил он, – и в их лице привожу к тебе Фалерии». Камиллу его поступок показался чудовищным; выслушав учителя, он сказал, обращаясь ко всем присутствующим, что, разумеется, война – дело безрадостное, она сопряжена со многими несправедливостями и насилием, но для порядочных людей существуют какие-то законы и на войне, и как бы желанна ни была победа, никто не должен гнаться за выгодами, источником своим имеющими преступление и нечестие, – великому полководцу подобает действовать в расчете на собственное мужество, а не на чужую подлость. И с этими словами он приказал ликторам сорвать с негодея одежду и связать ему руки за спиной, а детям раздать прутья и плети, чтобы они стегали изменника, гоня его назад в город.

Едва лишь фалерийцы узнали о предательстве учителя, как весь город – иначе и быть не могло при подобном несчастье – огласился рыданиями, мужчины и женщины без разбору, потеряв голову, ринулись к стенам и воротам, но тут показались дети, которые с позором гнали нагого и связанного учителя, называя Камилла спасителем, отцом и богом. Не только родителям детей, но и всем прочим гражданам, которые это видели, справедливость римского военачальника внушила восхищение и горячую любовь. Поспешно сойдясь в Собрание, они направили к Камиллу послов с извещением о сдаче, а тот отослал их в Рим. Выступая перед сенатом, они сказали, что римляне, предпочтя справедливость победе, помогли им подчинение оценить выше свободы – в сознании не столько своей слабости, сколько нравственного превосходства противника. Право окончательного решения сенат вновь предоставил Камиллу, и тот, взяв с фалерийцев дань и заключив дружбу со всеми фалисками, отступил.

11. Но воины, которые рассчитывали разграбить Фалерии, вернувшись в Рим с пустыми руками, принялись обвинять Камилла перед остальными гражданами в ненависти к народу, в том, что он по злобе к беднякам воспрепятствовал им поправить свои дела. Когда же народные трибуны, опять предложив закон о расселении, призывали народ подать за него голоса, никто так упорно не противился толпе, как Камилл, вовсе не думая об ее вражде и не щадя самых резких и откровенных слов. Граждане, хотя и весьма неохотно, отклонили закон, но гнев их на Камилла был так велик, что даже горе, постигшее его дом (болезнь унесла одного из сыновей Камилла), нимало не смягчило этого гнева чувством сострадания. А между тем, человек от природы кроткий и ласковый, он никак не мог оправиться после этого удара, так что, получив вызов в суд, не вышел из дому, но, не помня себя от скорби, просидел весь день взаперти вместе с женщинами.

12. Обвинителем его был Луций Апулей, в жалобе говорилось о краже добычи, взятой в Этрурии, и между прочим о каких-то захваченных там медных дверях, которые будто бы видели у обвиняемого. Судя по ожесточению народа было ясно, что он под любым предлогом подаст голоса против Камилла. Поэтому, собрав друзей и товарищей по службе в войске (а их оказалось не малое число), Камилл обратился к ним с просьбой не допустить

осуждения невинного, жертвы ложных наветов, не предавать его на посмеяние врагам. Обменявшись мнениями, друзья ответили, что чем бы то ни было помочь ему на суде они не в силах, но согласны выплатить часть штрафа, к которому его приговорят; и, не стерпев обиды, в гневе, он решил уйти в изгнание. Он простился с женою и сыном, вышел из дому и всю дорогу до городских ворот не произнес ни звука. У ворот он остановился, обернулся назад и, протянув руки к Капитолию, взмолился богам, чтобы римляне, – если только он изгнан и опозорен безвинно, по своеволию и ненависти народа, – в скором времени раскаялись и чтобы весь мир узнал, до какой степени нужен им Камилл и как они жаждут его возвращения.

13. Итак, положив, по примеру Ахилла³⁷², заклятие на сограждан, Камилл покинул отечество. Он был приговорен заочно к пятнадцати тысячам ассов штрафа, что в переводе на серебряные деньги составляет тысячу пятьсот драхм. (Десять ассов были равны по стоимости одной серебряной монете, отсюда и ее название – «денарий».) Нет среди римлян никого, кто бы не верил, что богиня Справедливости быстро вняла молитве Камилла и что за обиду ему дано было удовлетворение, правда, печальное, но знаменитое и каждому известное, – столь страшное возмездие постигло Рим, столь пагубная опасность и такой позор обрушились в ту пору на город, вследствие ли превратности слепой судьбы, потому ли, что это дело кого-нибудь из богов – не оставлять без защиты добродетель, терпящую неблагодарность.

14. Первым знамением надвигающегося великого бедствия была сочтена смерть цензора Гая Юлия³⁷³, ибо цензорскую власть римляне чтут с особым благоговением, полагая ее священной. Во-вторых, еще до изгнания Камилла некто Марк Цедиций, человек незнатный, не из числа сенаторов, но порядочный и честный, явился к военным трибунам с известием, заслуживавшим того, чтобы над ним призадуматься. Он рассказал, что прошедшею ночью на так называемой Новой улице его кто-то окликнул, он обернулся, но никого не увидел, и тогда голос, звучавший громче обычного человеческого, произнес такие слова: «Ступай, Марк Цедиций, поутру к властям и скажи, чтобы вскорости ждали галлов». Однако, выслушав Цедиция, трибуны только посмеялись и пошутили. Беда над Камиллом разлилась в недолгом времени после этого случая.

15. Галлы – народ кельтского происхождения; покинув свою землю, которая, как сообщают, не могла досыта прокормить всех по причине их многочисленности, они двинулись на поиски новых владений – десятки тысяч молодых, способных к войне мужчин и еще больше детей и женщин, которые тянулись вслед за ними. Часть их, перевалив через Рипейские горы³⁷⁴, хлынула к берегам Северного Океана и заняла самые крайние области Европы, другие, осев между Пиренейскими и Альпийскими горами, долго жили по соседству с сенонами и битуригами. Много лет спустя они впервые попробовали вина, доставленного из Италии, и этот напиток настолько их восхитил, что от неведомого прежде удовольствия все пришли в настоящее неистовство и, взявшись за оружие, захватив с собою семьи, устремились к Альпам, чтобы найти ту землю, которая рождает такой замечательный плод, все прочие земли отныне считая бесплодными и дикими.

Первым, кто привез к нам вино и склонил их к вторжению в Италию, был, говорят, этруск Аррунт, человек знатный и от природы не дурной, но вот какое случилось у него несчастье. Он был опекуном одного сироты, первого богача среди своих сограждан и на

³⁷² 11. ...по примеру Ахилла ... – «Илиада», I, 225—244: «Время придет, и данаев сыны пожелают Пелида...» Ср. Ар., 7.

³⁷³ 12. ...Смерть цензора ... – Во время исполнения должности это было дурным знамением.

³⁷⁴ 13. Рипейские горы – условное понятие античных географов: водораздел, отделяющий южные реки Европы от северных. Впоследствии это название перенесено на Уральские горы.

редкость красивого мальчика; звали его Лукумон. С самого детства он воспитывался у Аррунта, и когда подрос, не покинул его дома: делая вид, будто дорожит обществом своего опекуна, он долгое время скрывал, что соблазнил его жену или, возможно, был соблазнен ею. Когда страсть их зашла так далеко, что они уже не могли ни смирить ее, ни утаить, юноша увел женщину от мужа, чтобы жить с нею открыто, Аррунт же обратился в суд, но так как у Лукумона было много друзей и он щедро тратил деньги, истец проиграл дело и покинул отечество. Прослышав о галлах, Аррунт прибыл к ним и повел их в Италию.

16. Вторгнувшись в ее пределы, галлы тотчас захватили область, которой некогда владели этруски: она простирается от Альп до обоих морей, о чем свидетельствуют и их названия. В самом деле, море, которое лежит севернее, именуется Адриатическим – по этрускому городу Адрии, а то, что находится по другую сторону полуострова и обращено к югу, зовут Этрусским, или Тирренским. Вся эта земля изобилует лесами, пастбищами и полноводными реками; в ней было восемнадцать больших и красивых городов, удобно приспособленных и для всяческих промыслов и для роскошной, богатой жизни, и галлы, изгнав этрусков, заняли их сами. Но все это случилось значительно раньше событий, о которых идет речь у нас.

17. А в ту пору галлы осаждали этрусский город Клузий. Клузийцы, обратившись за помощью к римлянам, просили направить к варварам послов и письменные увещания. Посланы были трое из рода Фабиев, люди уважаемые и облеченные в Риме высшими званиями. Из почтения к славе Рима галлы встретили их приветливо и, прекратив бои у стен, вступили в переговоры. В ответ на вопрос послов, какую обиду нанесли клузийцы галлам и за что они напали на город, царь галлов Бренн засмеялся и ответил так: «Клузийцы тем чинят нам несправедливость, что вспахать и засеять могут мало, иметь же хотят много и ни клочка земли не уступают нам, чужеземцам, хотя мы и многочисленны и бедны. Не так ли точно и вам, римляне, чинили несправедливость прежде альбанцы, фиденаты, ардейцы, а в последнее время – жители Вей, Капены и многих городов фалисков и вольсков?! И если они не желают уделить вам части своего добра, вы идете на них походом, обращаете в рабство, грабите, разрушаете города и при всем том не делаете ничего ужасного или несправедливого, но следуете древнейшему из законов, который отдает сильному имущество слабого и которому подчиняются все, начиная с бога и кончая диким зверем. Да, ибо даже звери от природы таковы, что сильные стремятся владеть бо льшим, нежели слабые. Бросьте-ка лучше жалеть осажденных клузийцев, чтобы не научить галлов мягкосердечию и состраданию к тем, кто терпит несправедливости от римлян!»

Из этой речи римляне поняли, что Бренн не склонен к примирению; направившись в Клузий, они старались ободрить граждан и уговаривали их выйти против варваров вместе с ними – в намерении то ли узнать доблесть осажденных, то ли показать свою собственную. Клузийцы сделали вылазку, и когда у стен завязался бой, один из Фабиев, Квинт Амбуст, погнал коня на высокого и красивого – галла, скакавшего далеко впереди остальных. Сначала стремительность стычки и блеск оружия скрадывали черты лица римлянина, и он оставался неузнанным, когда же, одолев противника, он принялся снимать с убитого доспехи, Бренн узнал его и, призывая в свидетели богов, закричал, что нарушены общие всем людям и повсюду чтимые установления и обычаи, коль скоро прибывший послом действует как враг. Он сразу же прекратил битву и, забыв о клузийцах, повел войско на Рим. Не желая, чтобы думали, будто галлы рады нанесенной обиде и только ищут повода к войне, Бренн отправил в Рим требование выдать Фабия, а сам тем временем, не торопясь, продвигался вперед.

18. В Риме собрался сенат, и многие осуждали Фабия, в том числе и жрецы, которых называют фециалами³⁷⁵: усматривая в случившемся прямое кощунство, они настаивали на том, чтобы ответ за преступление сенат назначил держать одному лишь виновному и тем

³⁷⁵ 14. Фециалами – см. Нума, 12.

избавил от проклятия всех остальных. Этих фециалов Нума Помпилий, самый кроткий и справедливый из царей, поставил стражами мира, а равно и судьями, оценивающими и утверждающими поводы, которые дают право начать войну. Но когда сенат передал дело на рассмотрение народу и жрецы повторили свои обвинения против Фабия, толпа с такой неслыханной дерзостью, с такой насмешкой отнеслась к божественным законам, что даже выбрала Фабия с братьями в военные трибуны. Узнав об этом, кельты пришли в ярость, прежняя неторопливость исчезла без следа, теперь они двигались со всей быстротой, на какую были способны, и народы, через владения которых пролегал их путь, ужасались, видя их многочисленность, великолепие их снаряжения, их силу и гнев, – и всю свою землю полагали уже погибшей, а города – обреченными скорой гибели; но, вопреки ожиданиям, варвары не творили никаких насилий и ничего не забирали с полей, мало того, проходя вблизи городских стен, они кричали, что идут на Рим и одним только римлянам объявили войну, всех же прочих считают друзьями.

Навстречу стремительно надвигавшимся галлам военные трибуны повели римское войско, числом внушительное, – тяжелой пехоты набралось не менее сорока тысяч, – но плохо обученное: большею частью эти люди взялись за оружие впервые. Кроме того, полководцы с полным пренебрежением отнеслись к священным обрядам: они не дождались счастливых знамений при жертвоприношениях и даже прорицателей не спросили, как приличествовало перед грозною битвой. Столь же существенным образом смешивало все планы и начинания многовластие: ведь прежде и не для столь решительной борьбы нередко выбирали единовластного командующего (римляне называют его диктатором), отлично зная, как полезно в минуты опасности, исполняя единый замысел, повиноваться неограниченной, облеченной всеми правами власти. Наконец, огромный ущерб нанесла делу обида, причиненная Камиллу, ибо теперь стало страшно командовать войском, не лстя и не угождая подчиненным. Отойдя от города на девяносто стадиев, римляне разбили лагерь у реки Аллии³⁷⁶ недалеко от впадения ее в Тибр. Здесь они дождались появления варваров и, вступив с ними в беспорядочный и потому позорный для себя бой, были обращены в бегство. Левое крыло римлян кельты сразу сбросили в реку и истребили, те же, что занимали правое крыло, очистив под натиском неприятеля равнину и поднявшись на холмы, потерпели гораздо меньший урон. Главная их часть выскользнула из рук противника и кинулась в Рим, остальные, – некоторым удалось спастись благодаря тому, что враги устали убивать, – ночью бежали в Вейи, думая, что Рим пал и все в нем предано уничтожению.

19. Эта битва произошла после летнего солнцеворота, около полнолуния, в тот самый день³⁷⁷, который некогда принес страшное горе роду Фабиев: триста мужей из этого рода были погублены. В память о втором бедствии день этот до сих пор сохраняет имя «аллийского» – по названию реки.

Что до несчастливых дней вообще – следует ли их устанавливать или прав Гераклит, порицавший Гесиода³⁷⁸, который, не зная, что все дни по природе одинаковы, некоторые

³⁷⁶ 15. ...у реки Аллии ... – Маленький левый приток Тибра немного выше Фиден (90 стадиев – ок. 16 км к северу от Рима).

³⁷⁷ 16. ...в тот самый день ... – 18 июля 390 г. (по летоисчислению Варрона) или 387 г. (по Полибию; 386 г. по Диодору). Гибель (в засаде) 300 Фабиев, которые силами одного своего рода решились вести войну с этрусками, относится к 477 г.; единственный спасшийся Фабий стал предком всех позднейших (в том числе и диктатора Фабия Максима).

³⁷⁸ 17. ...Гераклит, порицавший Гесиода – см. «Труды и дни», 760 сл. Даты перечисляемых сражений – Левктры 371, Кересс точно неизвестен, Марафон 490, Платея 479, Арбелы 331, Наксос 376, Саламин 480, Граник 334, Кримис (Тимoleonта) 341 (?), Краннон 322, Херонея 338, разрушение Фив 335, оккупация Мунихия 322, Аравсион (Цепиона) 105, Артаксата (Лукулла) 68, поражение Архидама III в Италии – 338. Ср. также Фок., 28 и Лук., 27.

считал добрыми, некоторые дурными, – этот трудный вопрос рассматривается в другом сочинении. Но и здесь, мне кажется, будет не лишним привести несколько примеров. Так, беотийцам в пятый день месяца гипподромия, который афиняне зовут гекатомбеоном, довелось одержать две самые славные победы, освободившие греков, – одну при Левктрах, а другую (более чем двумястами годами раньше) – при Керессе, где они разгромили фессалийцев во главе с Латтамием. Далее, персы в шестой день месяца боэдромиона потерпели от греков поражение при Марафоне, в третий – одновременно при Платеях и при Микале, а в двадцать пятый были разбиты при Арбелах. В том же месяце около полнолуния афиняне выиграли морское сражение при Наксосе (в этом бою ими командовал Хабрий), а в двенадцатый день – при Саламине, как об этом рассказано в нашей книге «О днях»³⁷⁹. Фаргелион тоже доставлял варварам беду за бедой: и Александр при Гранике победил полководцев царя в месяце фаргелионе, и карфагеняне в Сицилии понесли поражения от Тимолеонта двадцать третьего числа того же месяца – в день, на который, как полагают, приблизительно приходится взятие Трои (здесь мы следуем Эфору, Каллисфену, Дамасту и Малаку). Напротив, для греков был неблагоприятен метагитнион, который беотийцы зовут панемом. И верно, седьмой день этого месяца, когда они были разбиты при Кранноне Антипатром, был днем их окончательной гибели, а раньше принес неудачу в битве с Филиппом при Херонее. В тот же самый день того же года греков, переправившихся под началом Архидама в Италию, истребили тамошние варвары. Халкедоняне остерегаются двадцать второго метагитниона – это число, по их словам, чаще, чем любое другое, чревато для них самыми грозными бедствиями. С другой стороны, мне известно, что примерно в то время, когда справлялись мистерии³⁸⁰, Александр стер с лица земли Фивы, а впоследствии афинянам пришлось принять к себе на постой македонский сторожевой отряд около двадцатого боэдромиона, то есть как раз того дня, в который они устраивают шествие с изображением Иакха. Подобным образом римляне в один и тот же день прежде – во главе с Цепионом – лишились своего лагеря, который захватили кимбры, а потом – под начальством Лукулла – победили армянского царя Тиграна. Царь Аттал и Помпей Великий умерли в день своего рождения, да и вообще можно показать, что для многих один и тот же срок оборачивался то радостью, то печалью. Как бы там ни было, день, о котором у нас идет речь, римляне считают одним из самых несчастливых, а из-за него – и два следующих для каждого месяца, ибо после случившегося при Аллии страх и суеверие разлились еще шире, чем обычно. Более основательно этот предмет излагается в «Римских изысканиях»³⁸¹.

20. Если бы галлы сразу после битвы пустились вслед за беглецами, ничто бы, вероятно, не спасло Рим от полного разорения, а всех застигнутых в нем от гибели – таким ужасом наполнили бежавшие с поля сражения тех, кто встретил их в городе, в таком неистовом смятении были они сами! Но варвары не сразу осознали все величие своей победы, да к тому же еще никак не могли нарадоваться в досталь, и делили захваченное в лагере добро; таким образом они доставили возможность покидавшим город толпам беспрепятственно бежать, а тем, кто оставался, – несколько приободриться и подготовиться к встрече неприятеля. Бросив все прочие кварталы на произвол судьбы, римляне укрепляли Капитолий и сносили туда копья, стрелы и дротики. Но прежде всего они укрыли на Капитолии некоторые святыни, святыни же Весты забрали ее девы, бежавшие вместе со жрецами. Впрочем, иные утверждают, будто весталки не хранят ничего, кроме неугасимого

³⁷⁹ 18. «О днях» – (счастливых и несчастливых) – это сочинение Плутарха до нас не дошло.

³⁸⁰ 19. Мистерии – Элевсинские, в честь Деметры, Керы и Иакха (см. Фем., прим. 32).

³⁸¹ 20. ...в «Римских изысканиях» – Плутарх, Римские вопросы, 25.

пламени, которое царь Нума³⁸² велел чтить как начало всего сущего. Ведь в природе нет ничего подвижнее огня. Между тем, бытие всегда есть некое движение, либо сопряжено с движением. Прочие частицы материи, лишенные теплоты, лежат втуне, подобные трупам, и жаждут силы огня, точно души; когда же эта сила каким бы то ни было образом коснется их, они обретают способность действовать и чувствовать. Поэтому Нума, человек необыкновенный и даже, как говорят, с Музами общавшийся по своей мудрости, объявил огонь священным и приказал хранить его неусыпно, образом вечной силы, устрояющей все в мире. Другие писатели сообщают, что огонь этот, как и у греков, – очистительный и горит перед храмом, но внутри скрыты святыни, которые не должен видеть никто, кроме упомянутых выше дев-весталок. Преобладает мнение, что там сберегается троянский палладий³⁸³, доставленный в Италию Энеем. Есть и баснословный рассказ, будто Дардан привез в Трою самофракийские святыни³⁸⁴ и, основав город, учредил в их честь таинства и другие обряды, а когда Троя оказалась во власти неприятеля, их похитил Эней и, спасши, держал у себя до тех пор, пока не поселился в Италии. По словам тех, кто притязает на более глубокие познания в этом деле, в храме стоят две небольшие бочки, одна открытая и пустая, другая – полная и запечатанная; видеть обе эти бочки дозволено только означенным священным девам. Впрочем, другие усматривают здесь заблуждение, вызванное тем, что большую часть храмовой утвари девушки побросали в две бочки, которые потом зарыли под храмом Квирина; это место еще и теперь носит название «Бочек».

21. Но самые важные, всего более чтимые святыни весталки забрали с собой и пустились бежать берегом реки. Среди бегущих этой дорогой оказался Луций Альбиний, человек из простого народа; он вез в повозке маленьких детей, жену и самые необходимые пожитки, но, увидев подле себя весталок, прижимающих к груди священные предметы, одиноких и измученных, быстро ссадил жену и детей, выгрузил вещи и отдал повозку весталкам, чтобы они могли добраться до какого-нибудь из греческих городов. Обойти молчанием благочестие Альбиния, проявившееся в самое злое время, было бы несправедливо.

Жрецы прочих богов, а также бывшие консулы и триумфаторы, люди преклонного возраста, не в силах были расстаться с городом: облекшись в священные и праздничные одежды, они во главе с верховым жрецом Фабием вознесли молитвы богам, обрекая им себя в искупительную жертву за отечество, и в этом торжественном наряде уселись на форуме в кресла из слоновой кости, ожидая своей судьбы.

22. На третий день после битвы Бренн с войском подошел к городу и, найдя ворота открытыми, а стены лишенными стражи, сначала испугался хитрости и засады – ему представлялось невероятным, чтобы римляне вообще отказались от какого бы то ни было сопротивления. Но затем он убедился в своей ошибке и через Коллинские ворота вступил в Рим, насчитывавший немногим больше трехсот шестидесяти лет, если только можно верить в точность исчисления событий тех времен: ведь неупорядоченность этого исчисления служит причиной разногласий и при определении иных, даже более новых событий. Смутные слухи об ужасной беде и о взятии города, по-видимому, сразу же достигли Греции. Гераклид Понтийский, который жил вскоре после этого, пишет в книге «О душе», что с запада докатилась молва, будто издалека, от гипербореев, пришло войско и захватило

³⁸² 21. Царь Нума – См.; Нума, 9; в этом рассуждении об огне есть отголоски философии Гераклита.

³⁸³ 22. Палладий – изображение Афины Паллады, по преданию, упавшее с неба и хранившееся в Трое как залог ее непобедимости.

³⁸⁴ 23. Самофракийские святыни – мистерии на острове Самофракии в честь загадочных подземных богов кабиров (иногда сближаемых с теми же Деметрой, Корой и др.) считались вторыми по важности после Элевсинских.

греческий город Рим, лежащий где-то в тех краях, на берегу Великого моря. Однако меня не удивляет, что Гераклид, этот сказочник и выдумщик, к истинному известию о взятии города приплел ради хвастовства гипербореев и Великое море. Точное сообщение о том, что Рим взяли кельты, несомненно, слышал философ Аристотель³⁸⁵, однако избавителя Рима он называет Луцием, между тем как Камилл был Марк, а не Луций. Впрочем, имя названо наугад.

Заняв город, Бренн расставил караулы вокруг Капитолия, а сам, пройдя на форум, с изумлением увидел там богато одетых людей, которые молча сидели в креслах и при появлении врагов не поднялись с места, не изменились в лице, даже бровью не повели, но, спокойно и твердо опираясь на посохи, которые держали в руках, невозмутимо глядели друг на друга. Это необычайное зрелище до того удивило галлов, что они долго не решались прикоснуться или даже приблизиться к сидящим, раздумывая, не боги ли перед ними. Наконец, один из них собрался с духом, подошел к Манию Папирию и, робко притронувшись к подбородку, потянул за длинную бороду, и тогда Папирий ударом посоха проломил ему голову. Варвар выхватил меч и зарубил Папирия. Тут враги набросились на остальных стариков и перебили их, а потом стали истреблять всех подряд, кто ни попадался под руку, и грабить дома. После многих дней грабежа они сожгли и до основания разрушили весь Рим – в злобе и гнев на защитников Капитолия, которые не только отказались сдаться, но, обороняя стены, наносили ощутительный урон нападавшим. Из-за этого галлы razорили город и казнили всех пленников – мужчин и женщин, старых и малых, без разбора.

23. Так как осада затягивалась, врагам приходилось заботиться о пополнении запасов продовольствия, и одни, во главе с царем, продолжали караулить Капитолий, остальные же опустошали округу, нападая на деревни, но не все вместе, а разбившись на отряды, в разных местах, по отдельности: успехи придали им самоуверенности, и они рыскали врассыпную без малейшего страха. Однако бо льшая их часть, строже других соблюдавшая порядок, двинулась к Ардее, где после изгнания из Рима поселился Камилл. Ведя жизнь частного лица и не принимая никакого участия в делах, он был, однако, далек от желания любыми средствами избежать встречи с неприятелем, напротив, надеялся и рассчитывал ему отомстить, как только представится удобный случай. И вот, видя, что численность ардейцев достаточно велика, но что по вине полководцев, которые были неопытны и малодушны, им не хватает отваги, он сначала обратился к молодежи, внушая ей, что несчастье римлян и доблесть кельтов – не одно и то же, что в бедствиях, которые пришлось испытать безрассудным, следует усматривать волю судьбы, а не дело рук тех, кто ничем не заслужил свою победу. Прекрасно и достойно, говорил он, даже ценою многих опасностей отразить натиск варваров-иноплеменников, которые, словно огонь, лишь тогда полагают конец завоеваниям, когда уничтожат побежденных. Но этого мало: если ардейцы проявят смелость и усердие, победа – в свой час – достанется им без всякой опасности. Молодежь Ардеи с одобрением приняла эту речь, и Камилл отправился к властям. Должностные лица и советники дали свое согласие, и он вооружил всех, способных нести военную службу, но удерживал их в стенах города, чтобы враг, который был неподалеку, ни о чем не проведал. Когда же галлы, объездившие весь край и обремененные громадной добычей, в полной беспечности, ни о чем не тревожась, расположились лагерем на равнине, а затем пришла ночь и на хмельной лагерь спустилась тишина, Камилл, зная обо всем через лазутчиков, вывел ардейцев за ворота, и, молча и беспрепятственно проделав весь путь, около полуночи подступил к неприятельской стоянке. Громкие крики и рев труб, зазвучавшие со всех сторон, всполошили пьяных, но, отяжелев от вина, они никак не могли опомниться. Лишь немногие, протрезвев от страха, изготовились к бою и оказали сопротивление людям Камилла, но были убиты. Бо льшую же часть галлов ардейцы захватили еще во власти сна и хмеля и умерщвляли безоружных. А тех редких беглецов, которые ночью ускользнули из лагеря и в

---

³⁸⁵ 24. *Аристотель* – в сохранившихся сочинениях Аристотеля таких упоминаний нет.

одиночку пустились блуждать по полям, днем настигла и истребила конница.

24. Молва об успехе быстро разнеслась по городам и взволновала многих, способных носить оружие, но больше всего – римлян, бежавших с поля битвы при Аллии в Вейи. «Какого полководца отняло у Рима божество, – жаловались они друг другу, – чтобы подвигами Камилла украсить и прославить Ардею, тогда как город, родивший и воспитавший этого мужа, исчез с лица земли! Оставшись без начальников, мы укрываемся в чужих стенах и смотрим, как погибает Италия. Вот что, пошлем-ка к ардейцам да потребуем назад их полководца, или же возьмем оружие и пойдем к нему сами! Ведь он теперь не изгнанник, а мы не граждане, раз отечества нашего больше не существует – им владеет неприятель». Так и порешили и, отправив к Камиллу гонцов, просили его принять командование³⁸⁶. Но он сказал, что согласится не прежде, чем граждане на Капитолии вынесут законное постановление: пока они живы, он считает их своим отечеством и готов немедленно повиноваться их приказу, а вопреки их воле не сделает ничего. Осмотрительность и безукоризненное благородство Камилла вызвали восхищение, но не находилось никого, кто бы доставил весть на Капитолий, более того, казалось вообще невозможным, чтобы вестник проник в крепость, когда город занят противником.

25. Был среди молодых римлян некий Понтий Коминий, человек не очень знатного происхождения; жадный до славы и почестей, он добровольно принял на себя это трудное дело. Не взяв никакого письма к защитникам Капитолия, чтобы враги, если бы он попался им в руки, не разгадали намерений Камилла, в скверном платье, под которым были спрятаны куски пробковой коры, он благополучно прошел днем почти весь путь и в сумерках был уже близ города, а так как переправиться через реку по мосту было нельзя (варвары караулили переправу), Понтий обмотал вокруг головы одежду, которой у него было немного, и весила она самую малость, и с помощью пробки, поддерживавшей в воде его тело, переплыл Тибр и вышел к городу. Свет и шум всякий раз выдавали ему бодрствующих неприятелей и, обходя их стороной, он, в конце концов, достиг Ворот Карменты³⁸⁷, где было тише и спокойнее всего. В том месте Капитолийский холм особенно крут, и подступы к вершине со всех сторон заграждены отвесными скалами. Там-то с огромными усилиями, по самой отчаянной круче незаметно вскарабкался Понтий и предстал перед воинами, охранявшими стену. Он поздоровался с ними, назвал себя, и его отвели к начальникам. Быстро собрался сенат, Понтий сообщил о победе Камилла, – осажденные еще не слышали о ней, – рассказал о решении войска и просил утвердить полномочия Камилла, заявив, что граждане, находящиеся вне Рима, не будут повиноваться никому, кроме него. Выслушав и обсудив это сообщение, сенат назначил Камилла диктатором, а Понтия отправил назад тем же путем. С прежним успехом он избег встречи с неприятелем и объявил своим решение сената.

26. Римляне радостно встретили это решение, и когда Камилл прибыл в Вейи, он нашел там уже двадцать тысяч вооруженных воинов; собирая в дополнение к ним вспомогательные отряды союзников, он стал готовиться к нападению на галлов. Между тем в Риме несколько варваров, оказавшись случайно подле того места, где Понтий ночью взобрался на Капитолий, замечают множество следов ног и рук (ведь он цеплялся за каждый выступ), вырванную траву и сломанный кустарник на склонах, осыпавшиеся комья земли и докладывают царю, а тот, явившись и поглядев своими глазами, сначала промолчал, но вечером, собрав самых проворных и искусных в лазании по горам кельтов, сказал им так: «Путь, которого мы не могли отыскать, нам показывают враги, свидетельствуя, что он проходим и доступен для человека, и было бы страшным позором, положив начало, бросить дело незавершенным – отступить от этой скалы, словно она и в самом деле неодолима, тогда

³⁸⁶ 25. ...Принять командование ... – Весь рассказ о том, как Камилл отбил Рим и наказал галлов, – патристическая фантазия ранних римских историков.

³⁸⁷ 26. Ворота Карменты – на северо-западе Капитолийского холма.

как неприятель сам учит нас, как ее взять! Где легко подняться одному, не так уже трудно и многим, одному за другим – наоборот, взаимная помощь прибавит им силы. А затем каждый получит подарки и почетные награды, которых заслуживает такая храбрость».

27. После этой речи царя галлы охотно обещали исполнить его поручение и примерно в полночь, собравшись во множестве у подножья, молча полезли вверх; как ни обрывиста была круча, по которой они ползли, все же на поверку подъем оказался проще, чем ожидали, и первые, достигнув вершины, уже готовились вскарабкаться на стену и броситься на спящих часовых. Ни люди, ни собаки ничего не услышали и не почуяли. Но в храме Юноны были священные гуси, которых прежде кормили вволю, а теперь, когда и людям едва хватало пищи, за ними смотрели плохо, и они голодали. Эти птицы и от природы чутки и пугливы, а тут еще голод лишил их сна и покоя. Они сразу услышали приближение галлов и, с громким гоготанием кинувшись им навстречу, всех перебудили, да и варвары, видя, что хитрость их раскрыта, уже больше не таились, но шумно рвались вперед. Схватив второпях оружие, какое кому пришлось под руку, римляне бежали навстречу врагу. Первыми увидел галлов Манлий, бывший консул, человек большой силы и испытанной твердости духа; столкнувшись с двоими сразу, он одному, который уже занес было меч, отсек правую руку, а другого ударом щита в лицо сбросил со скалы. Стоя на стене, он вместе с собравшимися вокруг него римлянами обратил вспять и остальных галлов; впрочем, их успело подняться немного и действовали они довольно нерешительно. Итак, опасность миновала, а на рассвете римляне столкнули вниз, к неприятелю, начальника караульных. Манлий за победу получил награду скорее почетную, нежели выгодную: каждый отдал ему свое дневное пропитание³⁸⁸ – полфунта (так зовется у римлян эта мера) хлеба и четверть греческой котилы вина.

28. После этого случая упорство кельтов пошло на убыль. Они терпели нужду в продовольствии, ибо страх перед Камиллом удерживал их на месте, не давая пополнять запасы, их косила подкрадываясь незаметно болезнь – ведь вокруг палаток, стоявших среди развалин, были горы трупов, толстый покров пепла под воздействием жары и ветра отравлял воздух, который становился сухим и едким, вредным для дыхания. Но хуже всего отозвалась на них перемена привычных условий жизни – из мест, богатых тенью, изобилующих надежными убежищами от летнего зноя, они прибыли жаркой осенней порой в низменную страну с нездоровым климатом, – и долгое сидение без дела у подножья Капитолийского холма. Наступил уже седьмой месяц осады. В лагере свирепствовал настоящий мор, трупов было так много, что их больше не хоронили.

Впрочем, и у осажденных дела обстояли не лучше: голод усиливался, жестоко удручало отсутствие вестей о Камилле, от которого никто не являлся, так как галлы бдительно стерегли город. Поскольку обе стороны находились в бедственном положении, начались переговоры – сперва через стражей, чаще всего общающихся между собой. Затем, когда власти одобрили их почин, встретились Бренн и военный трибун Сульпиций и договорились, что римляне выплатят тысячу фунтов золота, а галлы, получив выкуп, немедленно покинут город и римские владения. Эти условия были подтверждены клятвой, но когда принесли золото, кельты повели себя недобросовестно, сначала потихоньку, а потом и открыто наклоня чашу весов. Римляне негодовали, а Бренн, словно издеваясь над ними, отстегнул меч вместе с поясом и бросил на весы. «Что это?» – спросил Сульпиций. «Горе побежденным, вот что!», – откликнулся Бренн. Его ответ уже давно вошел в пословицу. Мнения римлян разделились: одни возмущенно требовали забрать золото и, вернувшись в крепость, терпеть осаду дальше, другие советовали закрыть глаза на эту незначительную обиду и, отдавая больше назначенного, не считать это позором, раз уж волею обстоятельств они вообще согласились отдать свое добро, что отнюдь не сладко, но, увы, необходимо.

29. В то время как они препирались с кельтами и друг с другом, в воротах появился

---

³⁸⁸ 27. *Дневное пропитание* – «награда, казалось бы, пустая, но крайний недостаток в съестных припасах делал ее блестящим доказательством непритворной любви» (Ливий, V, 47).

Камилл с войском и, узнав, что происходит, велел остальным, соблюдая строй, медленно следовать за собою, а сам в сопровождении знатнейших поспешил к римлянам. Все расступились и встретили его как подобало носителю высшей власти – почтительным молчанием, а диктатор снял с весов золото и передал его ликторам, кельтам же предложил забрать весы и гири и удалиться, прибавив, что у римлян искони заведено спасать отечество железом, а не золотом. Бренн с негодованием воскликнул, что римляне, вопреки справедливости, нарушают соглашение. «Договор незаконный и потому не имеет силы, – возразил Камилл. – С избранием диктатора полномочия всех прочих должностных лиц прекращаются, стало быть договор заключен с теми, кто не имел на это права. Пусть выскажется теперь же, кто желает: закон облек меня властью миловать тех, кто просит о прощении, и карать виновных, если они не раскаиваются». Бренн рассвирепел и подал знак к бою; и галлы, и римляне обнажили мечи, но лишь теснили друг друга в беспорядочных стычках, дальше которых дело не шло. Иного и не могло быть в узких проходах между домами, где не хватало места для боевой линии, и, быстро сообразив это, Бренн отвел кельтов (потери их были невелики) назад в лагерь, а ночью полностью очистил город и, пройдя шестьдесят стадиев, остановился подле дороги, ведущей в Габии. На рассвете его настиг Камилл с прекрасно вооруженными и теперь уже полными отваги римлянами; после ожесточенной и долгой битвы они погнали неприятеля, который понес страшный урон, и захватили его лагерь. Из беглецов некоторые пали сразу же, во время преследования, но бо́льшая их часть разбрелась по округе и была истреблена жителями соседних деревень и городов.

30. Так неожиданно был взят Рим и еще более неожиданно спасен, всего пробыв под пятою варваров семь месяцев: придя в город через несколько дней после квинтильских ид³⁸⁹, они оставили его около ид февраля. Камилл справил триумф, неоспоримо причитающийся спасителю отечества, уже погибшего, человеку, который поистине возвратил Риму Рим. Да, ибо одновременно с победителем в город вернулись беглецы вместе с женами и детьми, а им навстречу вышли защитники Капитолия, едва не погибшие от голода, и все обнимали друг друга и плакали, не веря своему счастью, а жрецы и служители богов, украсив спасенные ими святыни, которые они либо спрятали перед вражеским вторжением, либо унесли с собой, выставляли их напоказ, и радостным было это зрелище для граждан, которым казалось, будто сами боги снова сходятся в Рим. Камилл принес жертвы богам, очистил город, следуя наставлениям опытных в этом людей, а затем восстановил существовавшие прежде храмы и сам воздвиг храм Вещего Гласа³⁹⁰, найдя то самое место, на котором ночью божественный голос возвестил Цедицию о нашествии варваров.

31. Как ни тяжелы были розыски участков, на которых раньше стояли храмы, все же, благодаря усердию Камилла и неустанным трудам жрецов, дело подвигалось вперед. Но ведь надо было еще отстроить город, разрушенный до основания, и при мысли об этом народ охватывало отчаяние. Люди медлили: лишившись всего, без денег, без сил, они нуждались в покое, в какой-то передышке после бедствий, а их ждала изнурительная работа. И постепенно взгляды снова стали обращаться к Вейям, городу, сохранившемуся в целости и снабженному всем, чего можно было желать, а это положило начало новым проискам тех, кто привык угождать народу в своекорыстных целях; зазвучали мятежные речи против Камилла, что-де он из честолюбия, собственной славы ради, лишает сограждан города, где все готово для житья, заставляет их разбирать развалины и поднимать из пепла это громадное пожарище – для того лишь, чтобы зваться не только вождем и полководцем, но и основателем Рима, заслонив собою Ромула. Поэтому, сенат, опасаясь волнений, в течение целого года не разрешал Камиллу сложить полномочия – вопреки его желанию и несмотря

³⁸⁹ 28. ...после квинтильских ид ... – С середины июля (390 г. ?) до середины февраля.

³⁹⁰ 29. *Храм Вещего Гласа* (Aius Locutius) – близ храма Весты на склоне Палатина.

на то, что ни разу еще диктатор не занимал своей должности свыше шести месяцев, – а сам дружелюбными речами старался утихомирить народ, указывал ему на гробницы героев и могилы предков, на священные места, которые Ромул, Нума или кто другой из царей отдали в дар богам и вверили попечению потомков. Впрочем, толкуя о вышнем промысле, сенаторы, прежде всего поминали свежесрубленную голову³⁹¹, которая явилась взорам при основании Капитолия в знак того, что этому месту предназначено сделаться главою Италии, и огонь Весты, который после войны весталки снова зажгли, а граждане задуют и погасят, покинув Рим, и великий то будет для них позор – доведется ли им видеть свой город заселенным пришлецами и чужестранцами, останется ли он пуст и превратится в пастбище для овец! С такими горькими увещаниями не раз обращались они и к отдельным лицам, и ко многим сразу, но, вместе с тем, и сокрушались сердцем, слушая, как народ стонет в страшной нужде, как граждане, сравнивая себя с потерпевшими кораблекрушение мореходами, которые выбрались на берег нагими и беспомощными, молят не принуждать их собирать воедино остатки погибшего города, когда есть другой, целый и невредимый.

32. В конце концов, Камилл назначил заседание сената, на котором много говорил в защиту Рима сам, много говорили и другие, мыслившие с ним согласно. Затем он поднялся и попросил, чтобы Луций Лукреций, обыкновенно первым подававший свое мнение, высказался, а за ним по порядку остальные. Наступила тишина, и Лукреций уже собирался начать, как вдруг за дверями случайно прозвучал голос центуриона, который проходил мимо с отрядом дневной стражи и громко приказал знаменосцу задержаться и поставить знамя: лучше всего-де остановиться на отдых здесь. Эти слова раздались настолько своевременно, настолько прямо отвечали неуверенным раздумьям о будущем, что Лукреций, возблагодарив бога, пославшего знамение, объявил, что присоединяется к его мнению, и все остальные последовали примеру Лукреция. Поразительная перемена случилась и в настроении толпы, все призывали друг друга взяться за работу и без всякого плана или порядка выбирали себе место, где кому хотелось или было удобнее. Поэтому улицы вновь возведенного города и оказались кривыми, дома стояли как попало, а причиной всему была спешка: сообщают, что и городские стены и свои жилища римляне отстроили в течение года.

Люди, получившие от Камилла поручение разыскать и обозначить границы священных участков, – ведь все в Риме перемешалось, перепуталось! – обходя Палатинский холм, пришли к храму Марса. Как и прочие храмы, он был разрушен и сожжен врагами, и, внимательно осматривая место, которое они очищали от развалин, посланные набрали на прорицательский жезл Ромула, засыпанный толстым слоем пепла. Это загнутая с обоих концов палка, называется она «литюон»³⁹². Ею пользуются, гадая по полету птиц, для того чтобы расчерчивать небо на части; так же пользовался ею и Ромул, искуснейший из прорицателей. Когда же он исчез из среды людей, жрецы взяли жезл и приобщили его к числу неприкосновенных святынь. Найдя его теперь уцелевшим от гибели, которая не щадила ничего, римляне исполнились лучших надежд на судьбу своего города, решив, что это знамение сулит ему вечную жизнь и благополучие.

33. Эти труды и дела еще не были завершены, как началась война одновременно с эквами, вольсками и латинянами, вторгшимися в римские владения, а также с этрусками, осадившими союзный римлянам город Сутрий. Когда латиняне окружили войско, расположившееся у Мецийской горы, и командовавшие им трибуны под угрозой потери лагеря послали в Рим за помощью, Камилл был избран диктатором в третий раз.

Об этой войне существует два рассказа. Я начну с баснословного³⁹³. Передают, что

³⁹¹ 30. ...свежесрубленную голову ... – Ее нашли в земле, когда при Тарквинии Гордом начали строить храм Юпитера Капитолийского (Ливий, I, 55).

³⁹² 31. Литюон – см. Ром., 22.

³⁹³ 32. Я начну с баснословного ... – Этот рассказ Плутарх повторяет в Ром., 29.

латиняне, то ли ища повода к столкновению, то ли в самом деле желая снова породниться, попросили у римлян свободнорожденных девушек и женщин. Римляне не знали, как поступить, — они и страшились войны, еще не оправившись, не набравшись сил после галльского нашествия, и подозревали, что латинянам нужны не жены, а заложницы, и что речь о супружестве они ведут только приличия ради. И тогда рабыня по имени Тутула, которую иные называют Филотидой, посоветовала властям послать ее вместе с самыми молодыми, более других похожими на свободных гражданок рабынями, нарядив их невестами из знатных родов, а об остальном-де позаботится она сама. Власти согласились, выбрали служанок, каких Тутула нашла пригодными для своей цели, украсили их богатыми одеждами и золотом и передали латинянам, которые стояли лагерем недалеко от Рима. Ночью женщины похитили у врагов мечи, а Тутула (или Филотида) взобралась на высокую смоковницу и, растянув за спиною плащ, подала римлянам знак факелом, как и было договорено у нее с властями. Но никто больше об этом уговоре не знал, и потому воины, которых подняли и торопили начальники, выступили в беспорядке, окликали друг друга и с трудом находили свое место в строю. Они подошли к лагерю латинян, который безмятежно спал, и, захватив его, перебили большую часть неприятелей. Это случилось в ноны июля, тогда называвшегося Квинтилием, и в память о событии установлен справляемый в этот день праздник. Прежде всего, толпою высыпая за городские ворота, выкрикивают самые употребительные и распространенные у римлян имена — такие, как Гай, Марк, Луций и им подобные, подражая взаимным окликам, которые звучали в тогдашней спешке. Повсюду разгуливают рабыни в пышном уборе, осыпая встречных насмешками. Между рабынями затевается бой — ведь и некогда они приняли участие в сражении с латинянами. Обедать садятся в тени фигового дерева и самый этот день зовут «Капратинскими нонами», как полагают — по названию смоковницы, с которой девушка подала знак факелом (смоковница по латыни «капрификон»). Впрочем, другие говорят, будто бо льшая часть этих обрядов связана с исчезновением Ромула, ибо как раз в этот день он пропал за городом, неожиданно объятый мраком и бурей, или, как считают некоторые, во время солнечного затмения; по месту, где это произошло, день получил наименование «Капратинских нон». «Капра» — латыни коза, а Ромул исчез, выступая перед народом близ Козьего болота, как об этом рассказано в его жизнеописании.

34. Другой рассказ, с которым соглашается большинство писателей, таков. Избранный диктатором в третий раз и узнав, что войско во главе с трибунами окружено латинянами и вольсками, Камилл был вынужден вооружить даже тех граждан, которые уже вышли из возраста. Он пустился в далекий обход, обогнул Мецийскую гору незаметно для противника, остановился у него в тылу и, разложивши большие костры, дал знать римлянам о своем появлении. Осажденные воспрянули духом и решили сами напасть на врага. Латиняне и вольски, очутившись меж двух огней, стянули все свои силы в лагерь и стали обносить его частым палисадом, отовсюду заграждая подступы к нему в намерении дожидаться подкреплений из дому и помощи от этрусков. Камилл понял это и, опасаясь, как бы самому не пришлось испытать судьбу окруженного им противника, поспешил использовать благоприятные для римлян обстоятельства. Так как вражеские заграждения были деревянные, а с гор ранним утром дул сильный ветер, он заготовил зажигательные снаряды и, незадолго до рассвета выведя своих людей, одним приказал кричать погромче и метать копья и стрелы — всем с одной стороны, прочие же, те, кому предстояло пустить в ход огонь, под начальством самого Камилла, находясь по другую сторону, откуда обыкновенно ветер дул на лагерь резче всего, ждали своего часа. Когда битва уже завязалась, взошло солнце, ветер задул с большой силой, и тут Камилл, подав сигнал к нападению, засыпал частокол зажигательными стрелами. Вспыхнуло огромное пламя и быстро побежало вокруг, находя себе пищу во множестве деревянных столбов палисада, меж тем как у латинян не было никаких средств, чтобы с ними бороться, и скоро уже весь лагерь был объят пожаром. Враги

сбились в кучу, но затем волей-неволей начали выскакивать из огня – прямо на римлян, с оружием в руках выстроившихся перед укреплениями. Немногие избегли гибели, те же, кто остался в лагере, сгорели все до одного. Пламя бушевало до тех пор, пока его не погасили римляне, чтобы разграбить неприятельское добро.

35. После этого, оставив своего сына Луция караулить пленных и добычу, Камилл вторгся во вражеские владения, взял город эквов, привел к покорности вольсков и сразу же двинулся к Сутрию, еще не зная, что там случилось, и торопясь избавиться от опасности союзников, окруженных этрусками. А сутрийцы тем временем уже сдали город врагам и, лишившись всего имущества, выпущенные в одном только платье на теле, с женами и детьми встретили Камилла по дороге и со слезами сетовали на свою судьбу. Камилл и сам был тронут их жалким видом, и, замечая, что воины, за которых судорожно цеплялись сутрийцы, тоже плачут и негодуют, решил не откладывать возмездия, но идти на Сутрий в тот же день, рассчитывая, что люди, только что овладевшие богатым, обильным всеми благами городом, не оставившие в нем ни одного врага и не ожидающие врага извне, обнаружат полнейшую распущенность и забудут об осторожности. Расчет оказался верен: римлян никто не заметил и не задержал, не только по пути через землю сутрийцев, но и тогда, когда они уже подошли к воротам и заняли стены. Нигде не было ни одного караульного: все пьянствовали и пировали, рассеявшись по домам. Когда этруски, наконец, поняли, что находятся в руках неприятеля, многие даже не пытались бежать, но либо погибали самой позорной смертью, не выходя из домов, либо сдавались врагу, – вот до какой низости довели их обжорство и хмель. Таким образом Сутрию выпало на долю в один день быть взятым дважды: новые владельцы его потеряли, а старые приобрели вновь благодаря Камиллу.

36. Триумф по случаю побед над эквами, вольсками и этрусками принес Камиллу не меньше славы и искренней признательности, нежели первые два: даже тех из граждан, которые особенно ему завидовали и обычно все его успехи желали бы отнести за счет скорее удачливости, чем доблести, на этот раз подвиги Камилла заставили воздать должное его способностям и предприимчивости. Между его противниками и завистниками самым известным был Марк Манлий, тот, что первым сбросил с Капитолия кельтов, когда они ночью напали на крепость, и получил за это прозвище Капитолийского. Он притязал на первое место среди сограждан, но не в силах был затмить славу Камилла благородными средствами, а потому пошел самым обычным и проторенным путем, ведущим к тирании, – стал искать благосклонности толпы, прежде всего тем, что заступался за должников, одних защищая от займодавцев в суде, других силою вырывая из рук властей и препятствуя исполнению законных приговоров, так что скоро вокруг него вобралось множество неимущих, которые держались слишком дерзко и сеяли беспорядки на форуме, наводя немалый страх на лучших граждан. Чтобы с этим покончить, был назначен диктатор – Квинт Капитолийский. Он заключил Манлия в тюрьму, но тогда народ сменил одежду, что делалось обычно в знак великих несчастий, касающихся всего государства, и сенат, боясь мятежа, приказал освободить Манлия. Выпущенный на свободу, он нисколько не исправился, напротив, стал еще разнузданнее заискивать перед толпой и возмущать город. Снова был избран военным трибуном Камилл. Манлий оказался под судом, но неодолимым препятствием для обвинителей был вид на Капитолий, открывавшийся с форума, – вид того места, на котором Манлий бился с кельтами: он внушал чувство сострадания всем присутствовавшим, да и сам ответчик, простирая в ту сторону руки, со слезами напоминал о своей доблести в ночном бою, так что судьи были в затруднении и много раз откладывали дело, не желая оправдать преступление, яснейшим образом доказанное, но не в силах и применить закон, поскольку у всех перед глазами стоял подвиг обвиняемого. Сообразивши это, Камилл перенес суд за город, в Петелийскую рощу, а так как оттуда не было видно Капитолия, то и обвинитель беспрепятственно сказал свою речь, и у судей воспоминания о былом отступили перед справедливым гневом на бесчинства последнего времени. Манлия осудили на смерть, отвели на Капитолий и свергли со скалы. Одно и то же место стало

памятником и самой счастливой из его удач и величайшей неудачи. Римляне затем снесли его дом, воздвигли храм богини, которую называют Монетой³⁹⁴, и постановили, чтобы впредь ни один из патрициев не жил в крепости.

37. Камилл, которого в шестой раз призывали на должность военного трибуна, отказывался, ссылаясь на преклонные годы и в то же время, вероятно, боясь зависти и расплаты за удачу, которые ведет за собой такая слава и победа. Самым надежным и неоспоримым извинением ему служила телесная немощь: как раз в те дни он был болен. Но народ не уступал, крича, что ему не придется ни скакать верхом, ни драться в пешем строю, – не надо-де им этого, – пусть только дает советы и командует! Итак, Камилла заставили принять начальство и вместе с одним из товарищей по должности, Луцием Фурием, немедленно вести войско на врагов. Это были значительные силы пренестинцев и вольсков, разорявшие земли союзных римлянам народов. Выступив в поход и разбив лагерь невдалеке от противника, Камилл, надеясь, что время само положит войне конец, намеревался уклоняться от битвы, а в случае крайней необходимости дать ее не прежде, чем поправится его здоровье. Но Луций, товарищ Камилла по должности, в жажде славы неудержимо рвался навстречу опасности и рвением своим заражал всех начальников, и вот, опасаясь, как бы не решились, будто он из зависти лишает молодых людей успеха и славы, Камилл, вопреки своему желанию, разрешил Луцию выстроить войско к бою, сам же, по болезни, остался с немногими в лагере. Луций очертя голову ринулся на противника, но был отброшен, и когда Камилл узнал, что римляне отступают, он не сдержался, вскочил с постели и, столкнувшись с бегущими у лагерных ворот, стал вместе со своими спутниками проталкиваться через толпу в том направлении, откуда приближалась погоня, так что одни сразу же поворачивали и следовали за ним, а другие, те, что еще неслись ему навстречу, останавливались, смыкали щиты и призывали друг друга не посрамить своего полководца. Таким образом враги вынуждены были прекратить преследование. Назавтра Камилл вывел войска, начал битву и нанес противнику страшное поражение; он захватил неприятельский лагерь, ворвавшись туда на плечах беглецов и чуть ли не всех до последнего истребив. После этого, получив сообщение, что город Сатрия взят этрусками, а жители – все до одного римские граждане – перебиты, он бо льшую и наименее подвижную часть своих сил отправил в Рим и с самыми крепкими и отважными воинами напал на засевших в городе этрусков, одолел их и одних умертвил, прочих же изгнал.

38. Вернувшись в Рим с огромной добычей, Камилл доказал, что мудрее всех были те, которые не испугались старости и немощи полководца опытного и храброго и, несмотря на отказ и болезнь, избрали его, а не кого-нибудь из молодых, упорно домогавшихся власти. Поэтому, когда заговорили об отпадении тускуланцев, идти на них должен был Камилл, взяв с собою одного из пяти товарищей по должности. Хотя все пятеро выражали горячее желание его сопровождать, он пренебрег просьбами остальных и выбрал Луция Фурия. Такого выбора никто не ожидал: ведь это был тот самый Фурий, который недавно отважился, идя Камиллу наперекор, вступить в битву и проиграл ее! Но, по-видимому, желая предать забвению этот печальный случай и смыть с Луция позорное пятно, Камилл и оказал ему предпочтение перед всеми. Между тем, тускуланцы, стараясь загладить свою вину, прибегли к хитрости: хотя Камилл уже выступил против них, поля и пастбища, точно в мирное время, заполняли земледельцы и пастухи, ворота города были отворены, дети в школах продолжали учиться, ремесленники трудились у себя по мастерским, образованные горожане расхаживали в тогах по площади, власти усердно отводили римлянам дома под построй, словно никто не ожидал никакой беды и не знал за собою ничего дурного. Все это, правда, не поколебало уверенности Камилла в изменнических действиях тускуланцев, но их раскаяние в измене вызвало у него сочувствие – он велел им отправляться в Рим и просить сенат сменить гнев на милость, а затем сам помог просителям добиться для Тускула полного

³⁹⁴ 33. ...называют Монетой ... – См. Ром., 20. Место Петелийской рощи неизвестно.

прощения и возврата всех прав гражданства. Таковы наиболее замечательные деяния Камилла, относящиеся к тому году, когда он был военным трибуном в шестой раз.

39. Затем Лициний Столон учинил в Риме страшные беспорядки: народ поднялся против сената, требуя, чтобы из двух консулов один во всяком случае был плебеем, а не оба патрициями. Народные трибуны были избраны, но произвести консульские выборы толпа не дала. Так как безвластие грозило государственным делам еще большим разбродом, сенат назначил Камилла диктатором в четвертый раз – вопреки воле народа, да и сам он принял должность без всякой охоты, не желая бороться против тех, кому многочисленные и великие битвы дали право говорить с ним, Камиллом, запросто и откровенно. Ведь бо льшая часть его дел совершена была на войне, совместно с этими людьми, а не на форуме, с патрициями, которые и теперь – он это понимал! – выбрали его по злобе и зависти, чтобы он либо сокрушил силу народа, либо сам потерпел крушение, не выполнив своей задачи. Тем не менее, пытаясь как-то помочь беде, он узнал день, в который народные трибуны задумали провести закон, и, назначив на этот же день военный набор, стал звать народ с форума на Поле³⁹⁵, угрожая за неповиновение большим штрафом. Со своей стороны, трибуны на форуме грозились – и клятвою подтверждали свои угрозы – оштрафовать его на пятьдесят тысяч денариев, если он не прекратит отвлекать народ от подачи голосов, и то ли он испугался нового осуждения и изгнания, считая их позором для себя на склоне лет, после великих заслуг и подвигов, то ли не мог и не хотел бороться с неодолимою силой толпы, – во всяком случае, он ушел домой, а в ближайшие дни сложил полномочия, сославшись на болезнь. Сенат назначил другого диктатора, и тот, поставив начальником конницы³⁹⁶ самого зачинщика беспорядков, Столона, дал утвердить закон, сильнее всего опечаливший патрициев: он запрещал кому бы то ни было владеть более чем пятьюстами югеров земли. Столон было стяжал себе громкую славу этой победой при голосовании, но немного спустя, уличенный в том, что сам владеет таким количеством земли, какое воспрепятствовал иметь другим, понес наказание на основании собственного закона.

40. Нерешенным оставался вопрос об избрании консулов – самый тяжкий и мучительный, начало и первая причина беспорядков, доставивший больше всего хлопот и неприятностей сенату в его разногласиях с народом. Но тут пришло достоверное известие, что десятки тысяч кельтов, поднявшись от берегов Адриатического моря, снова движутся на Рим. Слух о войне не замедлил подтвердиться ее злыми делами: враг опустошал поля, и население, которому нелегко было добраться до Рима, разбегалось по горам. Страх перед галлами разом пресек раздоры, и, сойдясь, наконец, во мнениях, тогда и лучшие граждане, сенат и народ единогласно избрали диктатором Камилла – в пятый раз. Хотя он был глубокий старик и доживал уже восьмой десяток, но, видя в какой крайности и опасности отечество, не стал, как прежде, извиняться и приводить предлоги для отказа, а немедленно принял командование и приступил к набору. Зная, что сила варваров в мечях, которыми они рубятся, однако, без всякого искусства, истинно по-варварски, разя главным образом в плечи и голову, он приказал выковать для тяжелой пехоты шлемы сплошь из железа, с гладкою, ровною поверхностью, чтобы мечи либо соскальзывали, либо ломались, щиты же велел забрать по краю медной чешуей, так как дерево само по себе от ударов не защищало. Воинов он научил обращаться с метательным копьем, как с пикою, и подставлять его под удары вражеских мечей.

41. Когда кельты были уже близко и лагерь их, весь набитый огромною, обременительной добычей, находился у реки Аниена, Камилл вывел войско и расположил его на пологом, но иссеченном многочисленными расселинами лесистом холме, так что бо

³⁹⁵ 34. Поле – речь идет о Марсовом поле, древнем месте за городской стеною для военных упражнений и народных голосований; к концу республики оно уже было почти все застроено.

³⁹⁶ 35. Начальник конницы – так назывался помощник диктатора.

льшая часть римских сил оставалась скрытой, а та, которая была видна, словно бы в страхе теснилась на высотах. Желая укрепить в неприятеле это впечатление, Камилл не мешал грабить поля в долине, но, обнеся свой лагерь валом, не трогался с места до тех пор, пока не убедился, что иные из галлов рыскают по окрестностям в поисках продовольствия, все же прочие, сидя в лагере, только и знают, что объедаться да пьянствовать. Тогда, еще ночью выслав вперед легко вооруженных пехотинцев, чтобы они помешали варварам строиться в боевой порядок и с самого начала привели их в замешательство своим нападением, он ранним утром спустился вниз и выстроил на равнине тяжелую пехоту, многочисленную и мужественную, а не малочисленную и робкую, как ожидали варвары. Уже это одно сокрушило высокомерие кельтов, которые не верили, что враг решится на них напасть. Затем вперед бросилась легкая пехота и, непрерывно тревожа противника, заставила его принять бой, прежде чем он стал в обычном порядке и разбился по отрядам. Наконец, Камилл ввел в сражение тяжеловооруженных пехотинцев, и галлы, обнажив мечи, поспешили вступить в рукопашную, но римляне обессиливали удары, встречая их копьями и железом доспехов, так что мечи, недостаточно крепкие и тонко выкованные, быстро гнулись и иззубривались, тогда как щиты варваров тянула к земле тяжесть пробивших их насквозь копий. Поэтому галлы бросили собственное оружие и, ловя руками вражеские копья, старались отвести их в сторону. Видя, что галлы лишены какой бы то ни было защиты, римляне взялись за мечи и изрубили тех, что бились в первых рядах, остальные же бросились врассыпную по равнине: они знали, что Камилл еще раньше занял холмы и высоты, а что лагерь их, который, понадеявшись на свою храбрость, они оставили неукрепленным, захватить будет несложно.

Эта битва, как сообщают, произошла через тринадцать лет после взятия Рима³⁹⁷, и лишь она внушила римлянам твердую уверенность в своем превосходстве над кельтами, которых до той поры они очень боялись, считая, что в первый раз варвары были побеждены болезнями и неожиданной немилостью судьбы, а не мужеством римлян. Так силен был этот страх, что они издали закон, освобождавший жрецов от службы в войске во всех случаях за исключением лишь войны с галлами.

42. Это было последнее из военных сражений Камилла. Город Велитры он взял мимоходом: они покорились без боя. Но оставалось еще величайшее и труднейшее из сражений на государственном поприще – борьба с народом, который вернулся после победы с новыми силами и требовал, чтобы один из консулов был плебей – в нарушение существовавшего закона и вопреки упорному сопротивлению сената; а сенат не разрешал Камиллу сложить полномочия, полагая, что с помощью огромных прав и власти, которые дает должность диктатора, легче отстаивать дело аристократии. Однажды, когда Камилл занимался на форуме делами, служитель, посланный народными трибунами, приказал ему следовать за собой и положил руку на плечо, намереваясь увести. На форуме поднялся такой крик, такая суматоха, каких еще никогда не бывало, свита Камилла пыталась столкнуть служителя с возвышения, толпа внизу призывала тащить диктатора силой. Еще не зная толком, как поступить, Камилл все же не бросил бразды правления, но вместе с сенаторами направился в сенат; прежде, чем войти, он обернулся в сторону Капитолия и помолился богам, прося их даровать начатому самый счастливый исход и обещая, если волнения улягутся, воздвигнуть храм Согласия. В сенате разгорелся ожесточенный спор, но из двух противоположных точек зрения верх одержала более мирная, согласно которой следовало пойти на уступки народу и позволить ему выбирать одного консула из своей среды. Это решение диктатор объявил народу, и тот сразу же, как и следовало ожидать, радостно примирился с сенатом, а Камилла с восторженными возгласами и рукоплесканиями проводил домой. Назавтра римляне, собравшись, постановили: храм Согласия³⁹⁸, который

³⁹⁷ 36. ...через тринадцать лет ... – ошибка Плутарха или переписчика: битва при Аниене произошла через 23 года после взятия Рима.

³⁹⁸ 37. Храм Согласия – Храм был построен над форумом, на склоне Капитолия; впоследствии, по

обещал построить Камилл, воздвигнуть, – в память о происшедшем, – в виду сената и Народного собрания; к так называемым Латинским празднествам прибавить еще один день и справлять их четыре дня подряд; наконец, безотлагательно всем римлянам принести жертвы и украсить себя венками.

Под руководством Камилла были проведены выборы: консулами стали Марк Эмилий – из патрициев и Луций Секстий – первым из плебеев. Этим завершилась деятельность Камилла.

43. В следующем году на Рим обрушилась повальная болезнь, которая погубила бесчисленное множество простого народа и почти всех должностных лиц. Умер и Камилл, окончив свои дни в столь преклонном возрасте, какого удастся достигнуть немногим, однако эта кончина огорчила римлян сильнее, нежели смерть всех унесенных в ту пору болезнью, взятых вместе.

ПЕРИКЛ И ФАБИЙ МАКСИМ

Перикл

[Перевод С.И. Соболевского]

1. Говорят, что однажды Цезарь³⁹⁹ увидел в Риме, как какие-то богатые иностранцы носили за пазухой щенят и маленьких обезьян и ласкали их. Он спросил их, разве у них женщины не рожают детей? Этими словами, вполне достойными правителя, он дал наставление тем, которые тратят на животных присущую нам от природы потребность в любви и нежность, тогда как она должна принадлежать людям. Так как душа наша от природы имеет склонность к познанию и созерцанию, то разве не согласно с разумом порицать тех, кто делает из этой склонности дурное употребление, слушая и созерцая то, что не заслуживает внимания, и пренебрегая прекрасным и полезным? Чувствами внешними, воспринимающими все, что попадает, вследствие их пассивного отношения к впечатлениям, может быть, по необходимости приходится созерцать всякое явление, полезно ли оно или бесполезно; но умом всякий, кто хочет им пользоваться, очень легко способен всегда как направлять себя к тому, что он считает хорошим, так и изменять это направление. Поэтому надо стремиться к наилучшему, чтобы не только созерцать, но и питаться созерцанием. Как глазу нравится цвет, который своим блеском и приятностью живит и укрепляет зрение, так и ум надо направлять на такие предметы созерцания, которые, радуя его, влекут его к добру, ему свойственному. Эти предметы созерцания заключены в делах, имеющих своим источником добродетель: они внушают тем, кто их изучит, стремление к соревнованию и желание подражать. В других случаях за восхищением чем-либо сделанным не тотчас следует стремление к совершенному; напротив, часто, наслаждаясь произведением, мы презираем исполнителя его: так, например, благовонные мази и пурпурные одежды мы любим, а красильщиков и парфюмерных мастеров считаем неблагородными, ремесленниками. Поэтому умно сказал Антисфен, услышав, что Исмений хороший флейтист: «А человек он скверный; иначе не был бы он таким хорошим флейтистом». Филипп сказал сыну, когда тот на одной пирушке приятно, по правилам искусства играл на струнном инструменте: «Не стыдно тебе так хорошо играть? Довольно и того, когда у царя

заминении других подобных раздоров, было построено и несколько других храмов Согласия.

³⁹⁹ 1. Цезарь – император Август (его именем после усыновления Цезарем было тоже Гай Юлий Цезарь, а императорским титулом – Император Цезарь Август, сын Божественного).

есть время слушать музыкантов; он уже много уделяет Музам, если бывает зрителем, когда другие люди состязаются в таких искусствах».

2. Кто занимается лично низкими предметами⁴⁰⁰, употребляя труд на дела бесполезные, тот этим свидетельствует о пренебрежении своим к добродетели. Ни один юноша, благородный и одаренный, посмев на Зевса в Писе, не пожелает сделаться Фидием, или, посмотрев на Геру в Аргосе – Поликлетом, а равно Анакреонтом, или Филемоном, или Архилохом, прельстившись их сочинениями: если произведение доставляет удовольствие, из этого еще не следует, чтобы автор его заслуживал подражания. Поэтому даже и пользы не приносят зрителям такие предметы, которые не возбуждают в них рвения к подражанию и внутренней потребности, вызывающей желание и стремление к уподоблению. Но добродетель своими делами приводит людей тотчас же в такое настроение, что они в одно время и восхищаются делами ее, и желают подражать совершившим их. В благах, посылаемых судьбою, нам приятно приобретение и пользование, а в благах, исходящих от добродетели, нам приятны действия. Первые мы хотим получать от других, вторые предпочитаем сами уделять другим. Прекрасное влечет к себе самым действием своим и тотчас вселяет в нас стремление действовать; не только изображение его на сцене влияет на душу зрителя, но и рассказ о факте дает человеку решимость действовать. Поэтому и мы решили продолжать писание биографий. Эта книга (десятая в нашем сочинении)⁴⁰¹ содержит биографии Перикла и Фабия Максима, в течение всей войны боровшегося с Ганнибалом, – людей схожих во всех своих добродетелях и притом бывших чрезвычайно полезными каждому своему отечеству – прежде всего кротостью, справедливостью и способностью переносить ошибочные суждения народа и товарищей по должности. Достигли ли мы нужной нам цели, об этом можно судить на основании нашего сочинения.

3. Перикл был из филы Акамантиды, из дема Холарга – как с отцовской, так и с материнской стороны из дома и рода, занимавших первое место. Ксанфипп, победитель варварских полководцев при Микале, женился на Агаристе из рода Клисфена, который изгнал Писистратидов, мужественно низвергнул тиранию, дал афинянам законы и установил государственный строй, смешав в нем разные элементы вполне целесообразно для согласия и благополучия граждан. Агаристе приснилось, что она родила льва, и через несколько дней она родила Перикла. Телесных недостатков у него не было; только голова была продолговатая и несоразмерно большая. Вот почему он изображается почти на всех статуях со шлемом на голове, – очевидно, потому, что скульпторы не хотели представлять его в позорном виде. Но аттические поэты называли его «схинокефалом»⁴⁰², потому что морскую луковицу называют иногда «схиной» [schînos]. Один из комиков, Кратин, в «Хиронах» говорит так: «Распря и древлерожденный Кронос, сочетавшись браком, произвели на свет величайшего тиранна, которого боги называют „кефалегеретом”». Также в «Немесиде» он говорит: «Приди, Зевс, покровитель иностранцев⁴⁰³, головастый!» Телеклид говорит, что он «то сидит в городе в недоумении от множества дел, с тяжелой головой, то

⁴⁰⁰ 2. Кто занимается... низкими предметами... – Классическое выражение античного рабовладельческого отношения к труду.

⁴⁰¹ 3. ...книга (десятая)... – По порядку написания, точно нам не известному: так, «Демосфен и Цицерон» составляли V книгу (Дем., 3), а «Дион и Брут» – XII (Дион, 2); судя по ссылкам (Пер., 9, 22; Фаб., 19, 22; Лис, 17; Нума, 9, 12), до «Перикла» были написаны также «Ликург и Нума», «Фемистокл и Камилл», «Кимон и Лукулл», «Лисандр и Сулла» и «Пелопид и Марцелл».

⁴⁰² 4. Схинокефалом – «лукоголовым»; ср. ниже «кефалегеретом» – «головоносец» (как Зевс – «Нефелегерет», тученосец). Цитируемые отрывки – из несохранившихся комедий V в.

⁴⁰³ 5. Покровитель иностранцев – обычный эпитет Зевса (Ксений) и намек на покровительство Перикла Анаксагору и Аспасии.

один из головы своей огромной поднимает страшный шум». Эвполид в «Демах», спрашивая о каждом вожаке народа, поднимающемся из преисподней, говорит, когда Перикла назвали последним:

Зачем привел сюда главу подземных царств?

4. Учителем музыки у Перикла был, как сообщает большинство наших источников, Дамон (первый слог этого имени, говорят, следует произносить кратко); но Аристотель уверяет, что Перикл учился музыке у Пифоклида. Дамон был, по-видимому, замечательным софистом, но музыкой пользовался лишь как предлогом, чтобы скрывать от народа свои способности. Дамон был при Перикле учителем и руководителем в государственных делах, каким бывает учитель гимнастики при борце. Однако от народа не осталось тайной, что Дамону лира служит лишь прикрытием: как человек, мечтающий о крупных переворотах и сторонник тирании, он был изгнан посредством остракизма и доставил комикам сюжет для шуток. Так, например, у Платона одно лицо даже задает ему такой вопрос:

Прошу, ответ мне дай скорей на мой вопрос:

Ты, говорят, Хирон⁴⁰⁴, Перикла воспитал.

Перикл был слушателем также и Зенона⁴⁰⁵ из Элей, который, подобно Пармениду, занимался изучением природы и выработал в себе искусство опровергать других и возражениями приводить противников в безвыходное положение: об этом Тимон из Флиунта где-то говорит в следующих словах:

Неугомонный Зенон двуязычный, кто силою мощный

Всех переспорить готов...

Но самым близким Периклу человеком, который вдохнул в него величественный образ мыслей, возвышавший его над уровнем обыкновенного вожака народа, и вообще придал его характеру высокое достоинство, был Анаксагор из Клазомен, которого современники называли «Умом» – потому ли, что удивлялись его великому, необыкновенному уму, проявлявшемуся при исследовании природы, или потому, что он первый выставил принципом устройства вселенной не случай или необходимость, но ум, чистый, несмешанный, который во всех остальных предметах, смешанных, выделяет однородные частицы.

5. Питая необыкновенное уважение к этому человеку, проникаясь его учением о небесных и атмосферических явлениях, Перикл, как говорят, не только усвоил себе высокий образ мыслей и возвышенность речи, свободную от плоского, скверного фиглярства, – но и серьезное выражение лица, недоступное смеху, спокойная походка, скромность в манере носить одежду, не нарушаемая ни при каком аффекте во время речи, ровный голос и тому подобные свойства Перикла производили на всех удивительно сильное впечатление. Так, например, какой-то подлый нахал однажды целый день его бранил и оскорблял; он молча терпел это на площади, заканчивая в то же время какое-то неотложное дело; вечером он скромно пошел домой, а тот человек шел за ним и осыпал его всякими ругательствами. Перед тем как войти в дом, когда было уже темно, он велел своему слуге взять светильник и

---

⁴⁰⁴ 6. *Хирон* – кентавр, воспитатель Ахилла, Ясона и других мифических героев.

⁴⁰⁵ 7. *...был слушателем Зенона...* – Легенда о том, будто философ Зенон Элейский бывал в Афинах, сочинена, по-видимому, по образцу Платона, у которого в Афины приезжает учитель Зенона Парменид Элейский.

проводить этого человека до самого его дома.

Поэт Ион утверждает, что обхождение Перикла с людьми было довольно надменное и что к самохвальству его примешивалось много высокомерия и презрения к другим, а хвалит Кимона за его обходительность, гибкость и благовоспитанность в обращении. Но оставим Иона; по его мнению, при добродетели, как при трагедии, непременно должна быть и сатирическая часть⁴⁰⁶. Тем, кто называл величавость Перикла тщеславием и гордостью, Зенон советовал и самим иметь немножко такого тщеславия, потому что, говорил он, уже одно притворство в добродетели незаметно производит стремление и привычку к ней.

6. Это были не единственные плоды, которые получил Перикл от общения с Анаксагором: по-видимому, он стал выше суеверного страха, внушаемого удивительными небесными явлениями людям, которые не знают их причин, теряют рассудок и приходят в смятение от божественных дел по неведению их, тогда как наука о природе, устраняя боязнь, вместо устрашающего, болезненного суеверия дает человеку спокойное благочестие и благие надежды.

Рассказывают, что однажды Периклу принесли из деревни голову однорогого барана. Прорицатель Лампон, увидав, что рог, выросший на середине лба, был крепок и тверд, сказал, что от двух могущественных партий, существующих теперь в городе, Фукидидовой и Перикловой, сила перейдет к одному, у кого будет это чудо. А Анаксагор, разрубив череп, показал, что мозг не наполнял своего основания, но, имея форму яйца, собрался из всего вместилища своего в то место, где корень рога имел начало. Тогда все присутствовавшие удивлялись Анаксагору, а немного спустя Лампону, когда Фукидид был низвергнут, а управление всеми общественными делами перешло в руки Перикла.

По моему мнению, оба они – как натуралист, так и прорицатель, – могли быть вполне правы: первый правильно понял причину, второй цель, первый поставил себе задачей рассмотреть, по каким причинам это произошло и что это такое, а второй – предсказать, для чего оно случилось и что предвещает. Кто считает открытие причины уничтожением предзнаменования, не понимает, что он вместе с божественными знаменаниями отвергает и искусственные сигналы: звон диска, огонь факелов, тень солнечных часов; все эти предметы сделаны по известной причине и имеют определенное устройство, чтобы служить знаками чего-нибудь. Но эти вопросы, пожалуй, относятся к сочинениям другого рода.

7. В молодости Перикл очень боялся народа: собою он казался похожим на тиранна Писистрата; его приятный голос, легкость и быстрота языка в разговоре этим сходством наводили страх на очень старых людей. А так как он владел богатством, происходил из знатного рода, имел влиятельных друзей, то он боялся остракизма и потому не занимался общественными делами, но в походах был храбр и искал опасностей. Когда же Аристид умер, Фемистокл был в изгнании, а Кимона походы удерживали по большей части вне Эллады, тогда Перикл с жаром принялся за политическую деятельность. Он стал на сторону демократии и бедных, а не на сторону богатых и аристократов – вопреки своим природным наклонностям, совершенно не демократическим. По-видимому, он боялся, как бы его не заподозрили в стремлении к тирании, а кроме того видел, что Кимон стоит на стороне аристократов и чрезвычайно любим ими. Поэтому он и заручился расположением народа, чтобы обеспечить себе безопасность и приобрести силу для борьбы с Кимоном.

Сейчас же после этого Перикл переменил и весь свой образ жизни. В городе его видели идущим лишь по одной дороге – на площадь и в Совет. Он отказался от приглашений на обеды и от всех такого рода дружеских, коротких отношений, так что во время своей долгой политической деятельности он не ходил ни к кому из друзей на обед; только, когда женился его родственник Эвриптолем, он пробыл на пире до возлияния⁴⁰⁷ и тотчас потом встал из-за

⁴⁰⁶ 8. *Сатирическая часть...* – Т.е. недостаток при достоинствах: на драматических состязаниях в Афинах ставились тетралогии, состоявшие из трех трагедий и одной легкомысленной сатирической драмы.

⁴⁰⁷ 9. *...он пробыл на пире до возлияния...* – вслед за которыми должны были следовать десерт и попойка

стола. И действительно, панибратство обладает такой силой, что перед ним не может устоять никакая напускная величавость, и при коротких отношениях трудно было сохранить важность, которая рассчитана на приобретение славы. Напротив, в истинной добродетели всего прекраснее то, что в ней наиболее явно, и в добродетельных людях ничто не кажется посторонним настолько удивительным, как их повседневная жизнь — лицам, их окружающим. Перикл так же вел себя и по отношению к народу: чтобы не пресытить его постоянным своим присутствием, он появлялся среди народа лишь по временам, говорил не по всякому делу и не всегда выступал в Народном собрании, но приберегал себя, как Саламинскую триеру⁴⁰⁸, по выражению Критолая, для важных дел, а все остальное делал через своих друзей и подосланных им других ораторов. Одним из них, говорят, был Эфиальт, который сокрушил мощь Ареопага, наливая, как сказано у Платона⁴⁰⁹, гражданам много несмешанного вина свободы. Упившись ею, народ, как конь, стал своевольным и, как говорят комики, «не хотел больше повиноваться, но стал кусать Эвбею и кидаться на острова».

8. Перикл, настраивая свою речь, как музыкальный инструмент, в тон этому укладу жизни и высокому образу мыслей, во многих случаях пользовался Анаксагором, примешивая понемногу, как бы в подкрепление, к своему красноречию науку о природе. «Ту высоту мыслей и способность творить нечто совершенное во всех отношениях», — как выражается божественный Платон⁴¹⁰, — «он извлек из этого учения и присоединил к своим природным дарованиям, заимствуя из него все полезное для искусства слова». Благодаря этому он далеко превзошел всех ораторов. По этой причине, говорят, ему и было дано его известное прозвище. Впрочем, некоторые думают, что он был прозван «Олимпийцем» за те сооружения, которыми украсил город, другие — что за его успехи в государственной деятельности и в командовании войском; и нет ничего невероятного, что его славе способствовало сочетание многих качеств, ему присущих. Однако из комедий того времени⁴¹¹, авторы которых часто поминают его имя как серьезно, так и со смехом, видно, что это прозвище было дано ему главным образом за его дар слова: как они говорят, он гремел и метал молнии, когда говорил перед народом, и носил страшный перун на языке. Кто-то упоминает еще шутку Фукидида, сына Мелесия, по поводу красноречия Перикла. Этот Фукидид принадлежал к аристократической партии и очень долгое время был политическим противником Перикла. Однажды спартанский царь Архидам спросил его, кто искуснее в борьбе, он или Перикл. «Когда я в борьбе повалю его, — отвечал Фукидид, — то он говорит, что не упал, чрез это оказывается победителем и убеждает в этом тех, которые это видели».

Однако и сам Перикл был осторожен в речах и, идя к ораторской трибуне, молил богов, чтобы у него против воли не вырвалось ни одного слова, не подходящего к данному делу. Сочинений в письменном виде Перикл никаких не оставил, кроме народных постановлений; замечательных выражений его сохранилось тоже совсем мало. Так, например, он советовал Эгину⁴¹² удалить, как гнойник Пирея; он говорил, что видит, как война несется от

(«симпосий»). Ср. Фок., 8.

⁴⁰⁸ 10. Саламинскую триеру — см. Фем., прим. 16.

⁴⁰⁹ 11. ...как сказано у Платона... — Платон. Государство, VIII, 562 с.

⁴¹⁰ 12. Божественный Платон — См.: Федр., 270 а.

⁴¹¹ 13. ...из комедий того времени... — Напр., Аристофан, «Ахарняне», 530.

⁴¹² 14. Эгина — Сосед и торговый соперник Афин, примыкавшая к Пелопоннесскому союзу, после нескольких войн была побеждена Афинами в 457 г. и заселена их колонистами в 431 г. (ниже, гл. 34).

Пелопоннеса. Однажды, когда он вместе с Софоклом участвовал в морской экспедиции в должности стратега, и Софокл похвалил одного красивого мальчика, Перикл ему сказал: «У стратега, Софокл, должны быть чистыми не только руки, но и глаза». По словам Стесимброта, Перикл, произнося с трибуны надгробную речь в память граждан, павших на Самосе, назвал их бессмертными подобно богам: «Ведь и богов мы не видим, – сказал он, – но по тем почестям, которые им оказывают, и до тем благам, которые они нам даруют, мы заключаем, что они бессмертны; эти черты свойственны и тем, которые погибли в бою за отечество».

9. Фукидид⁴¹³ изображает государственный строй при Перикле как аристократический, который лишь по названию был демократическим, а на самом деле был господством одного первенствующего человека. По свидетельству многих других авторов, Перикл приучил народ к клерухиям⁴¹⁴, получению денег на зрелища, получению вознаграждения; вследствие этой дурной привычки народ из скромного и работающего под влиянием тогдашних политических мероприятий стал расточительным и своевольным. Рассмотрим причину такой перемены на основе фактов.

Вначале, как сказано выше, Перикл в борьбе со славою Кимона старался приобрести расположение народа; он уступал Кимону в богатстве и денежных средствах, которыми тот привлекал к себе бедных. Кимон приглашал каждый день нуждающихся граждан обедать, одевал престарелых, снял загородки со своих усадеб, чтобы, кто захочет, пользовался их плодами. Перикл, чувствуя себя побежденным такими демагогическими приемами, по совету Дамонида из Эй, обратился к разделу общественных денег, как свидетельствует Аристотель⁴¹⁵. Раздачею денег на зрелища, платою вознаграждения за исполнение судебных и других обязанностей и разными вспомоществованиями Перикл подкупил народную массу и стал пользоваться ею для борьбы с Ареопагом, членом которого он не был, так как ему не выпал жребий быть ни архонтом⁴¹⁶, ни царем, ни полемархом, ни фесмофетом. Эти должности с давних пор были выборными по жребию, и, пройдя их, люди, выдержавшие испытание, вступали в члены Ареопага. Итак, Перикл со своими приверженцами, приобретя большее влияние у народа, одолел Ареопаг: большая часть судебных дел была отнята у него при помощи Эфиальта, Кимон был изгнан посредством ostracism как сторонник спартанцев и враг демократии, хотя по богатству и происхождению он не уступал никому другому, хотя одержал такие славные победы над варварами и обогатил отечество большим количеством денег и военной добычи, как рассказано в его жизнеописании. Так велика была сила Перикла у народа!

10. Изгнание посредством ostracism лиц, подвергшихся ему, ограничивалось по закону определенным сроком – десятью годами. Тем временем спартанцы с большим войском сделали вторжение в Танагрскую область; афиняне тотчас собрались в поход против

⁴¹³ 15. Фукидид – II, 65.

⁴¹⁴ 16. ...к клерухиям... – *Клерухии* – колонии в завоеванных областях для безземельных граждан, которые, однако, живя там, сохраняли афинское гражданство (см. ниже, гл. 11). *Деньги на зрелища* давались в праздники, чтобы бедные люди могли участвовать в религиозных обрядах, в частности – присутствовать на драматических представлениях. Под *вознаграждением* понимается плата за участие в суде, в Совете, а потом – в Народном собрании и пр. Это была компенсация за потерю рабочего времени при исполнении гражданских обязанностей; противники демократии видели в этом источник нравственного разложения народа (напр., Платон, «Горгий», 515 e).

⁴¹⁵ 17. Аристотель – См.: «Афинская политая», 27. О Кимоне ср. Ким., 10.

⁴¹⁶ 18. *Ни архонтом* – см. прим. к Сол., 19. Выборными по жребию архонты были не «с давних пор», а с 487 г.

них. Кимон вернулся из ссылки и выступил в одном отряде с членами своей филы: он хотел делом снять с себя обвинение в приверженности к спартамцам, деля опасности с согражданами. Но друзья Перикла собрались и прогнали его как высланного. Вот почему, по-видимому, Перикл в этой битве сражался особенно храбро, не щадя жизни, и отличился перед всеми. В этом сражении пали и все до единого Кимоновы друзья, которых Перикл обвинял вместе с Кимоном в приверженности к спартамцам.

Афинянами овладело страшное раскаяние и тоска по Кимону: они были разбиты на границах Аттики и ожидали на следующую весну тяжелой войны. Как только заметил это Перикл, он без промедления решил исполнить желание народа: сам внес предложение в народное собрание и вызвал Кимона из ссылки. Последний по возвращении на родину водворил мир между обоими государствами. Спартамцы относились к Кимону настолько же дружелюбно, насколько были враждебны к Периклу и другим вождям народа. По словам некоторых авторов, Перикл сделал предложение о возвращении Кимона лишь тогда, когда между ними было заключено тайное соглашение при посредстве Кимоновой сестры Эльпиники на том условии, чтобы Кимон с эскадрой в двести кораблей уехал из Афин и командовал войском за пределами Аттики, завоевывая земли царя, а Периклу была бы предоставлена власть в городе. Было предположение, что и раньше Эльпиника смягчила вражду Перикла к Кимону, когда против него был возбужден уголовный процесс⁴¹⁷, а Перикла народ выбрал одним из обвинителей. Когда к нему пришла Эльпиника с просьбой, он улыбнулся и сказал: «Стара ты, стара, Эльпиника, чтобы делать такие дела!» Несмотря на это, Перикл только раз выступил с речью, лишь формально исполнив возложенное на него поручение, и ушел, меньше всех обвинителей повредив Кимону.

Как же после этого верить обвинению Идоменея против Перикла, будто бы он своего друга Эфиальта, принадлежавшего к одной с ним партии, коварно убил из ревности и зависти к его славе? Не знаю, откуда он взял это и, словно желчь, излил на человека, может быть, не во всем безупречного, но во всяком случае человека с благородным образом мыслей, с честью в душе, к которым не привьется ни одна такая жестокая, зверская страсть. Нет, по свидетельству Аристотеля⁴¹⁸, Эфиальта, ярого сторонника олигархии и неумолимого при сдаче отчетов и при преследовании судом преступников, тайно убили злоумышлявшие против него враги с помощью Аристодика из Танагры. Кимон умер на Кипре в должности стратега.

11. Между тем аристократическая партия, уже раньше видевшая, что Перикл стал самым влиятельным человеком в Афинах, все-таки хотела противопоставить ему какого-нибудь противника, который бы ослабил его влияние, чтобы в Афинах не образовалась полная монархия. В противовес ему они выставили Фукидида из Алопеки, человека умеренного, бывшего в свойстве с Кимоном. Фукидид не был таким любителем войны, как Кимон; но он был больше склонен к общественной жизни и к занятию политикой. Оставаясь в городе и ведя борьбу с Периклом на трибуне, он скоро восстановил равновесие между приверженцами различных взглядов. Он не позволил так называемым «прекрасным и хорошим»⁴¹⁹ рассеиваться и смешиваться с народом, как прежде, когда блеск их значения затмевался толпою; он отделил их, собрал в одно место; их общая сила приобрела значительный вес и склонила чашу весов. Уже с самого начала была в государстве, как в железе, незаметная трещина, едва-едва указывавшая на различие между демократической и аристократической партией; но теперь борьба между Периклом и Кимоном и их честолюбие сделали очень глубокий разрез в государстве: одна часть граждан стала называться

⁴¹⁷ 19. *Уголовный процесс* – в 463 г., после недостаточно удачных походов Кимона во Фракию.

⁴¹⁸ 20. *По свидетельству Аристотеля* – См.: «Афинская политая», 25.

⁴¹⁹ 21. «*Прекарасным и хорошим*» – так называли себя аристократы.

«народом», другая – «немногими». Вот почему Перикл тогда особенно ослабил узду народу и стал руководствоваться в своей политике желанием угодить ему: он постоянно устраивал в городе какие-нибудь торжественные зрелища, или пиршества, или шествия, занимал жителей благородными развлечениями, каждый год посылал по шестидесяти триер, на которых плавало много граждан по восьми месяцев и получало жалованье, вместе с тем приобретая навык и познания в морском деле. Кроме того, тысячу человек клерухов он послал в Херсонес, в Наксос пятьсот, в Андрос половину этого числа, во Фракию тысячу для поселения среди бисалтов, других в Италию, при возобновлении Сибариса, который теперь стали называть Фуриями. Проводя эти мероприятия, он руководился желанием освободить город от ничего не делающей и вследствие праздности беспокойной толпы и в то же время помочь бедным людям, а также держать союзников под страхом и наблюдением, чтобы предотвратить их попытки к восстанию поселением афинских граждан подле них.

12. Но, что доставило жителям всего больше удовольствия и послужило городу украшением, что приводило весь свет в изумление, что, наконец, является единственным доказательством того, что прославленное могущество Эллады и ее прежнее богатство не ложный слух, – это постройка величественных зданий. Но за это, более чем за всю остальную политическую деятельность Перикла, враги осуждали его и чернили в Народном собрании. «Народ позорит себя, – кричали они, – о нем идет дурная слава за то, что Перикл перенес общую эллинскую казну к себе из Делоса; самый благовидный предлог, которым может оправдываться народ от этого упрека, тот, что страх перед варварами⁴²⁰ заставил его взять оттуда общую казну и хранить ее в безопасном месте; но и это оправдание отнял у народа Перикл. Эллина понимают, что они терпят страшное насилие и подвергаются открытой тирании, видя, что на вносимые ими по принуждению деньги, предназначенные для войны, мы золотим и наряжаем город, точно женщину-щеголиху, обвешивая его дорогим мрамором, статуями богов и храмами, стоящими тысячи талантов».

Ввиду этого Перикл указывал народу: «Афиняне не обязаны отдавать союзникам отчет в деньгах, потому что они ведут войну в защиту их и сдерживают варваров, тогда как союзники не поставляют ничего – ни коня, ни корабля, ни гоплита, а только платят деньги; а деньги принадлежат не тому, кто их дает, а тому, кто получает, если он доставляет то, за что получает. Но, если государство снабжено в достаточной мере предметами, нужными для войны, необходимо тратить его богатство на такие работы, которые после окончания их доставят государству вечную славу, а во время исполнения будут служить тотчас же источником благосостояния, благодаря тому, что явится всевозможная работа и разные потребности, которые пробуждают всякие ремесла, дают занятие всем рукам, доставляют заработок чуть не всему государству, так что оно на свой счет себя и украшает, и кормит». И действительно, людям молодым и сильным давали заработок из общественных сумм походы; а Перикл хотел, чтобы рабочая масса, не несущая военной службы, не была обездолена, но вместе с тем чтобы она не получала денег в бездействии и праздности.

Поэтому Перикл представил народу множество грандиозных проектов сооружений и планов работ, требовавших применения разных ремесел и рассчитанных на долгое время, чтобы остающееся в городе население имело право пользоваться общественными суммами нисколько не меньше граждан, находящихся во флоте, в гарнизонах, в походах. И правда, там, где были материалы: камень, медь, слоновая кость, золото, черное дерево, кипарис; где были ремесленники, обрабатывающие эти материалы: плотники, мастера глиняных изделий, медники, каменотесы, красильщики золота, размягчители слоновой кости, живописцы, эмалировщики, граверы; люди причастные к перевозке и доставке этих материалов: по морю – крупные торговцы, матросы, кормчие, а по земле – тележные мастера, содержатели лошадей, кучера, крутильщики канатов, веревочники, шорники, строители дорог, рудокопы;

---

⁴²⁰ 22. ...страх перед варварами... – Союзная казна была перенесена из Делоса в Афины после большого поражения афинян от персов в Египте.

где, словно у полководца, имеющего собственную армию, у каждого ремесла была организованная масса низших рабочих, не знавших никакого мастерства, имевшая значение простого орудия, «тела» при производстве работ, – там эти работы распределяли, сеяли благосостояние во всяких, можно сказать, возрастах и способностях.

13. Между тем росли здания, грандиозные по величине, неподражаемые по красоте. Все мастера старались друг перед другом отличиться изяществом работы; особенно же удивительна была быстрота исполнения. Сооружения, из которых каждое, как думали, только в течение многих поколений и человеческих жизней с трудом будет доведено до конца, – все они были завершены в цветущий период деятельности одного государственного мужа. Правда, говорят, когда живописец Агафарх однажды хвалился, что он скоро и легко рисует фигуры живых существ, то Зевксид, услышав это, сказал: «А я так долго!» И действительно, легкость и быстрота исполнения не дает произведению ни долговечности, ни художественного совершенства. Напротив, время, затраченное на труд для исполнения его, возмещается прочностью и надежной сохранностью.

Тем более удивления поэтому заслуживают творения Перикла, что они созданы в короткое время, но для долговременного существования. По красоте своей они с самого начала были старинными, а по блестящей сохранности они доныне свежи, как будто недавно окончены: до такой степени они всегда блещут каким-то цветом новизны и сохраняют свой вид не тронутым рукою времени, как будто эти произведения проникнуты дыханием вечной юности, имеют не стареющую душу!

Всем распоряжался и за всем наблюдал у Перикла Фидий, хотя при каждом сооружении были великие зодчие и художники. Именно, Парфенон «Стофутовый»⁴²¹ сооружали Калликрат и Иктин; храм для мистерий в Элевсине начал строить Кориб: он поставил колонны на полу и соединил их архитравом. После смерти его Метаген из Ксипеты поставил на них фриз и верхние колонны; а крышу с отверстием для света на этом храме возвел Ксенокл из Холарга. Длинную стену, которую предложил возвести Перикл (Сократ говорит, что сам слышал это⁴²²), подрядился строить Калликрат. Кратин в одной комедии смеется над этой постройкой, что она медленно движется:

Перикл уже давно все строит на словах,
А дела не видать.

Одеон⁴²³ во внутренней части имел много мест для сиденья и колонн; крыша его, покатая со всех сторон, выходила из одной вершины; говорят, он был построен наподобие палатки персидского царя тоже под руководством Перикла. Вот почему Кратин во «Фракиянках» опять шутит над ним:

... Вон Зевс идет. А голова!.. – как лук!
И на макушке он свой Одеон несет;
Небось теперь он рад – изгнания страх прошел.

---

⁴²¹ 23. *Стофутовый* (Гекатомпед) – так назывался древний храм Афины на акрополе, разрушенный персами; Парфенон был построен на другом месте акрополя и был гораздо больше, но в быту сохранил то же имя.

⁴²² 24. *Сократ говорит, что сам слышал это...* – Платон. Горгий, 455 е. Речь идет о южной из двух «длинных стен» вдоль дороги из Афин в Пирей.

⁴²³ 25. *Одеон* Перикла не уцелел; может быть, он был на том же месте под южным склоном акрополя, где во II в. н.э., ученый богач Герод Аттик построил новый Одеон, развалины которого сохранились.

Во имя своего честолюбия Перикл тогда впервые добился народного постановления, чтобы на Панафинеях⁴²⁴ происходило музыкальное состязание; выбранный судьей состязания, он сам установил правила, которыми участники состязания должны руководиться при игре на флейте, пении и игре на кифаре. Тогда, как и впоследствии, в Одеоне устраивались музыкальные состязания.

Пропилеи⁴²⁵ акрополя были построены в течение пяти лет при архитекторе Мнесикле. Удивительный случай показал, что богиня не покинула постройку, а напротив, помогала и принимала участие в окончании ее. Самый деятельный и трудолюбивый из мастеров, оступившись, упал с высоты; ему было так плохо, что врачи не надеялись на выздоровление. Перикл был очень опечален этим; но богиня явилась ему во сне и указала способ лечения, при помощи которого Перикл скоро и легко вылечил больного. По этому случаю Перикл поставил бронзовую статую Афины Гигии⁴²⁶ на акрополе около алтаря, который, как говорят был и прежде.

Между тем, Фидий работал над золотой статуей богини, и в надписи на мраморной доске он назван творцом ее. Почти все лежало на нем и, как мы сказали, он по дружбе с Периклом был поставлен во главе всех мастеров. Это навлекло на одного зависть, на другого злословие, – будто Фидий принимает для Перикла свободных женщин, приходящих осматривать постройки. Комики ухватились за эту сплетню, распускали слухи о страшном распутстве Перикла, обвиняли его в связи с женой Мениппа, его друга и помощника по должности стратега, смеялись над Пирилампом, разводившим птиц, и говорили, будто он по дружбе с Периклом потихоньку посылает павлинов в подарок женщинам, с которыми Перикл находится в близких отношениях.

Впрочем, разве можно удивляться тем, кто избрал своей профессией зубоскальство, кто считает долгом приносить жертвы завистливой толпе, точно какому злему демону, злословием над выдающимися людьми, когда и Стесимброт Фасосский дерзнул обвинять Перикла в таком страшном, нечестивом преступлении, о котором говорится только в мифах, – в связи с женою собственного сына? До такой степени, по-видимому, во всех отношениях трудно путем исследования найти истину, когда позднейшим поколениям предшествующее время заслоняет познание событий, а история, современная событиям и лицам, вредит истине, искажая ее, с одной стороны, из зависти и недоброжелательства, с другой – из угодливости и лести.

14. Фукидид и ораторы его партии подняли крик, что Перикл растрчивает деньги и лишает государство доходов. Тогда Перикл в Собрании предложил народу вопрос, находит ли он, что издержано много. Ответ был, что очень много. «В таком случае, – сказал Перикл, – пусть эти издержки будут не на ваш счет, а на мой, и на зданиях я напишу свое имя». После этих слов Перикла народ, восхищенный ли величием его духа, или не желая уступить ему славу таких построек, закричал, чтобы он все издержки относил на общественный счет и тратил, ничего не жалея. Наконец, он вступил в борьбу с Фукидидом, рискуя сам подвергнуться ostracism. Он добился изгнания Фукидида и разбил противную партию.

15. Когда таким образом был совершенно устранен раздор и в государстве настало полное единение и согласие, Перикл сосредоточил в себе и сами Афины и все дела,

---

⁴²⁴ 26. Панафинеи – этот праздник справляли в Афинах с древнейших времен ежегодно (см. Тес., 24), а со времен Писистрата каждые 4 года справлялись также и «Большие Панафинеи», по значению приближавшиеся к Олимпийским и другим общегреческим играм. Писистрат добавил к обычным спортивным состязаниям декламационные, Перикл – музыкальные.

⁴²⁵ 27. Пропилеи – колоннада, образующая парадный вход на акрополь.

⁴²⁶ 28. Гигия – божественное олицетворение здоровья.

зависевшие от афинян, – взносы союзников, армии, флот, острова, море, великую силу, источником которой служили как эллины, так и варвары, и верховное владычество, огражденное покоренными народами, дружбой с царями и союзом с мелкими властителями.

Но Перикл был уже не тот, – не был, как прежде, послушным орудием народа, легко уступавшим и мирволившим страстям толпы, как будто дуновениям ветра; вместо прежней слабой, иногда несколько уступчивой демагогии, наподобие приятной, нежной музыки, он в своей политике затянул песню на аристократический и монархический лад и проводил эту политику согласно с государственным благом прямолинейно и непреклонно. По большей части он вел за собою народ убеждением и наставлением, так что народ сам хотел того же. Однако бывали случаи, когда народ выражал недовольство; тогда Перикл натягивал вожжи и, направляя его к его же благу, заставлял его повиноваться своей воле, действуя совершенно так же, как врач, который при продолжительной переменчивой болезни по временам позволяет безвредные удовольствия, по временам же применяет сильные средства и спасительные лекарства.

В народе, имеющем столь сильную власть, возникают, естественно, всевозможные страсти. Перикл один умел искусно управлять ими, воздействуя на народ главным образом надеждой и страхом, как двумя рулями: то он сдерживал его дерзкую самоуверенность, то при упадке духа ободрял и утешал его. Он доказал этим, что красноречие, говоря словами Платона⁴²⁷, есть искусство управлять душами и что главная задача его заключается в умении правильно подходить к различным характерам и страстям, будто к каким-то тонам и звукам души, для извлечения которых требуется прикосновение или удар очень умелой руки.

Однако причиной этого была не просто сила слова, но, как говорит Фукидид⁴²⁸, слава его жизни и доверие к нему: все видели его бескорыстие и неподкупность. Хотя он сделал город из великого величайшим и богатейшим, хотя он могуществом превзошел многих царей и тираннов, из которых иные заключали договоры с ним, обязательные даже для их сыновей, он ни на одну драхму не увеличил своего состояния против того, которое оставил ему отец.

16. А между тем он был всемогущ; об этом Фукидид говорит прямо; косвенным доказательством этого служат злобные выходки комиков, которые называют его друзей новыми писистратидами, а от него самого требуют клятвы, что он не будет тиранном, так как его выдающееся положение не сообразно с демократией и слишком отяготительно. А Телеклид указывает, что афиняне предоставили ему

Всю дань с городов; он город любой мог связать или оставить свободным,
И крепкой стеною его оградить и стены снова разрушить.
В руках его все: и союзы, и власть, и сила, и мир, и богатства.

Такое положение Перикла не было счастливой случайностью, не было высшей точкой какой-то мимолетной блестящей государственной деятельности или милостью народа за нее, – нет, он сорок лет первенствовал среди Эфиальтов, Леократов, Миронидов, Кимонов, Толмидов и Фукидидов, а после падения Фукидида и изгнания его остракизмом он не менее пятнадцати лет обладал непрерывной, единоличной властью, хотя должность стратега дается на один год. При такой власти он остался неподкупным, несмотря на то, что к денежным делам не относился безразлично. Для управления состоянием, доставшимся ему от отца на законном основании, он придумал такую систему, которую считал наиболее удобной и точной, чтобы оно не растратилось из-за его нерадения и, с другой стороны, чтобы не

⁴²⁷ 29. ...словами Платона... – См. «Федр», 271 с.

⁴²⁸ 30. ...как говорит Фукидид... – II, 65; здесь же – знаменитые слова, на которые Плутарх ссылается ниже: «По имени это была демократия, а на деле власть принадлежала первому гражданину».

доставляло ему, при его занятиях, много хлопот и не отнимало времени: именно, годовой урожай он продавал весь сразу, и потом покупал все нужное на рынке; такого порядка он держался в жизни и в повседневных расходах. Это не нравилось его взрослым сыновьям, и для их жен он был не щедрым давателем; они жаловались на то, что расходы были рассчитаны по дням и сведены до минимума с величайшей аккуратностью, так что ничего не было лишнего, как должно было быть в большом доме при богатом хозяйстве, а напротив, все расходы и приходы были высчитаны и вымерены. Поддерживал весь этот аккуратный порядок его слуга Эвангел, один, как никто другой, по натуре ли своей способный к хозяйству или приученный к нему Периклом.

Конечно, это несогласно с философией Анаксагора, который по вдохновению свыше или по внушениям своего великого духа бросил свой дом, оставил землю без обработки на пастбище овцам. Однако, мне думается, жизнь философа-созерцателя и государственного деятеля – не одно и то же: первый устремляет ум к прекрасному, не нуждаясь в орудиях и внешних средствах, а для второго, который применяет добродетель к человеческим потребностям, богатство в некоторых случаях может не только быть необходимым, но и служить его высоким целям, как оно и служило Периклу, помогавшему многим бедным согражданам.

Такой случай рассказывают и про самого Анаксагора. Однажды, когда Перикл был очень занят, Анаксагор, уже старик, лежал без призора, накрывши голову, чтобы покончить жизнь, уморив себя голодом. Когда известие об этом дошло до Перикла, он в испуге сейчас же побежал к старику и стал уговаривать его оставить это намерение, оплакивая не его, а себя при мысли, что лишится такого советника в государственных делах. Тогда Анаксагор открыл голову и сказал ему: «Перикл, и тот, кто имеет надобность в лампе, подливает в нее масла».

17. Когда спартанцы стали смотреть с неудовольствием на возвышение Афин, Перикл, желая еще более пробудить народную гордость и внушить гражданам стремление к великим делам, внес в Народное собрание предложение о том, чтобы все эллины, где бы они ни жили, в Европе или в Азии, в малых городах и больших, послали на общий съезд в Афины уполномоченных для совещания об эллинских храмах, сожженных варварами⁴²⁹, о жертвах, которые они должны принести за спасение Эллады по обету, данному богам, когда они сражались с варварами, о безопасном для всех плавании по морю и о мире. Для этой цели афиняне послали двадцать человек в возрасте свыше пятидесяти лет: пятеро из них приглашали ионян и дорян в Азии и островитян до Лесбоса и Родоса; пятеро отправились в места при Геллеспонте и во Фракии до Византии; еще пятеро были посланы в Беотию, Фокиду и Пелопоннес, а из него через Локриду на материк до Аккарнаний и Амбракии; остальные отправились через Эвбею к жителям Эты, к Малийскому заливу, к ахейцам во Фтиотиде и к фессалийцам. Послы уговаривали эллинов прийти в Афины и принять участие в совещаниях о мире и общих действиях Эллады. Однако ничто из этого не осуществилось на деле; представители городов не собрались, как говорят, ввиду противодействия спартанцев и неудачи этой попытки прежде всего в Пелопоннесе. Я вставил этот эпизод, чтобы показать ум и величие замыслов Перикла.

18. Как стратег, Перикл славился больше всего своею осторожностью: он добровольно не вступал в сражение, если оно было опасно и исход его был сомнителен; тем военачальникам, которые рискованным путем получали блестящий успех и возбуждали общий восторг как великие полководцы, он не подражал и не ставил их себе в образец; он неизменно говорил согражданам, что, насколько от него зависит, они навсегда останутся

---

⁴²⁹ 31. ...об эллинских храмах, сожженных варварами... – Общегреческие сборы на восстановление пострадавших храмов были обычным делом: но здесь Перикл, опираясь на эти обычаи, ставит вопрос о восстановлении за общегреческий счет именно афинских храмов: если бы этот план удался, Афины превратились бы в религиозный центр Греции, в главу новой амфикинии по образцу дельфийской, и это должно было стать сильным средством политического контроля (комм. С.Я. Лурье).

бессмертны.

Так, он увидал, что Толмид, сын Толмея, полагаясь на прежние успехи и ввиду необыкновенного почета за свои военные подвиги, в совсем не подходящий момент предпринимает вторжение в Беотию. Он уже успел склонить самых храбрых и честлюбивых юношей принять участие в походе в качестве добровольцев; их было тысяча человек, не считая остального войска. Перикл старался удержать его от этого предприятия и отговорить в Народном собрании и произнес при этом знаменитую фразу, что, если он и не послушается Перикла, то во всяком случае не сделает ошибки, если подождет самого умного советника – времени. Тогда эти слова не встретили большого одобрения; но, когда спустя несколько дней пришло известие о поражении Толмида в битве при Коронее и его гибели, а также о гибели многих славных граждан, тогда предостережение Перикла доставило ему расположение сограждан и большую славу как разумному человеку и патриоту.

19. Среди походов Перикла особенно популярен был его поход в Херсонес, доставивший спасение жившим там эллинам. Перикл не только привел с собою тысячу афинских колонистов и усилил ими население городов, но также провел поперек перешейка укрепления и заграждения от моря до моря и тем поставил препятствие набегам фракийцев, живших во множестве около Херсонеса, и положил конец непрерывной, тяжелой войне, от которой постоянно страдала эта земля, бывшая в непосредственном соприкосновении с варварами-соседями и наполненная разбойничьими шайками, как пограничными, так и находившимися в ее пределах.

За границей Перикл прославился изумительным морским походом вокруг Пелопоннеса. С эскадрой в сто триер он отплыл из Пег в Мегариде. Он опустошил не только большую часть побережья, как сделал раньше его Толмид, но и проникал с гоплитами, бывшими во флоте, в глубь страны далеко от моря: всех он приводил в страх своим нашествием и заставлял укрываться под защиту стен; только при Немее сикионцы выступили против него и начали сражение, но он обратил их в бегство в открытом бою и воздвиг трофей. В Ахайе, которая была в дружбе с Афинами, он взял на борт отряд солдат и переправился на судах к противолежащему материку; проплыв мимо Ахелоя, он опустошил Акарнанию, запер эниадцев в их городе, разорил их область и отплыл на родину, показав себя врагам – грозным, согражданам – осторожным и энергичным полководцем; действительно, с его отрядом не произошло ни одного даже и случайного несчастья.

20. Прибыв в Понт с большой эскадрой, блестяще снаряженной, он сделал для эллинских городов все, что им было нужно, и отнесся к ним дружелюбно; а окрестным варварским народам, их царям и князьям он показал великую мощь, неустрашимость, смелость афинян, которые плывут, куда хотят, и все море держат в своей власти. Жителям Синопы Перикл оставил тринадцать кораблей под командой Ламаха и отряд солдат для борьбы с тиранном Тимесилеем. После изгнания последнего и его приверженцев он провел в Народном собрании постановление о том, чтобы в Синопу было отправлено шестьсот человек афинян, изъявивших на то согласие; они должны были жить вместе с коренными гражданами Синопы, поделив с ними дома и землю, которую прежде занимали тиранны⁴³⁰. В других случаях Перикл не уступал стремлениям сограждан и не дал себя увлечь, когда они, гордые своим могуществом и такими успехами, хотели предпринять новый поход в Египет и поднять восстание в приморских областях владений персидского царя. Многие уже тогда были одержимы той роковой, злополучной страстью к Сицилии, которую впоследствии разожгли Алкивиад и ораторы, возглавлявшие его сторонников. Некоторым снилась даже Этрурия и Карфаген, и нельзя сказать, что на это не было надежды, ввиду обширности афинского государства и благоприятного течения дел.

21. Однако Перикл сдерживал такое стремление сограждан к предприятиям в чужих странах и старался отбить у них охоту вмешиваться не в свои дела. Он направлял силы

⁴³⁰ 32. Тиранны – т.е. семья тиранна и его приверженцы.

государства главным образом на охрану и укрепление наличных владений, считая уже достаточно важным делом остановить рост могущества Спарты. Поэтому он вообще относился к ней недоброжелательно. Это он показывал во многих случаях, а особенно показал своими действиями во время Священной войны. Когда спартанцы во время похода в Дельфы передали дельфийцам храм, находившийся во владении фокейцев, Перикл тотчас же пошел туда с войском и опять ввел фокейцев. Когда спартанцы получили от дельфийцев право вопрошать оракул вне очереди и вырезали это постановление на лбу медного волка⁴³¹, то Перикл добился такого же преимущества для афинян и начертал соответствующую надпись на правом боку того же волка.

22. Перикл правильно поступал, удерживая силы афинян в Элладе, как это доказали дальнейшие события. Прежде всего восстала против афинян Эвбея; туда Перикл пошел с войском. Тотчас после этого пришло известие о том, что Мегара стала во враждебные отношения к Афинам и что пелопоннесская армия под командой спартанского царя Плистоанакта стоит у границ Аттики. Перикл поспешно вернулся с Эвбеи, чтобы вести войну в Аттике. Вступить в сражение с большим храбрым войском гоплитов Перикл не осмелился, несмотря на их вызов. Но он заметил, что Плистоанакт, еще совсем молодой человек, пользуется советами главным образом Клеандрида, которого эфоры, ввиду молодости Плистоанакта, назначили наблюдателем и помощником. Перикл вошел с ним в тайные переговоры, в скором времени подкупил его и уговорил увести пелопоннессцев из Аттики. Когда войско отступило и было распущено по городам, раздраженные спартанцы наложили на царя большой денежный штраф, которого он не мог уплатить, а потому добровольно удалился из Спарты; а Клеандрид бежал из отечества и был приговорен к смертной казни.

Клеандрид был отцом Гиlippа, который нанес поражение афинянам в Сицилии. Должно быть, природа привила Гиlippу корыстолюбие, как некую наследственную болезнь; после славных подвигов он тоже из-за корыстолюбия должен был с позором бежать из Спарты. Об этом мы рассказали в жизнеописании Лисандра⁴³².

23. Когда Перикл в своем отчете по должности стратега поставил расход в десять талантов, издержанных «на необходимое», то народ принял эту статью расхода без всяких расспросов, не входя в расследование этой тайны. Некоторые авторы, в том числе философ Феофраст, свидетельствуют, что каждый год Перикл посылал в Спарту по десяти талантов, которыми он задабривал правительство и тем отвращал войну. Этим способом он не покупал мир, а только выигрывал время, в которое мог спокойно подготовиться, чтобы потом успешнее вести войну.

Итак, Перикл опять обратился против повстанцев и, прибыв на Эвбею на пятидесяти кораблях с пятью тысячами гоплитов, привел города к покорности. Из Халкиды он изгнал так называемых «гиппоботов»⁴³³ [hippobótēs], богачей, пользовавшихся особенной славой, жителей Гестиеи заставил всех выселиться из своей области и на место их поселил афинян: так непреклонен был он только к ним за то, что они, захватив афинский корабль, перебили всех бывших на нем людей.

24. После этого между афинянами и спартанцами было заключено перемирие на тридцать лет.

Перикл провел в Народном собрании постановление о походе на Самос под предлогом, что самосцы не послушались приказа прекратить войну с Милетом. Но, так как есть

⁴³¹ 33. ...на лбу медного волка... — Медный волк был приношением богу от дельфийцев (Павсаний, X, 14, 7, рассказывает храмовую легенду об этой статуе).

⁴³² 34. ...в жизнеописании Лисандра... — гл. 16—17.

⁴³³ 35. Гиппоботы — букв. «кормящие коней», крупные землевладельцы.

предположение, что Перикл предпринял поход на Самос в угоду Аспасии, то, может быть, теперь как раз было бы уместно поставить вопрос об этой женщине – каким великим искусством или силой она обладала, если подчинила себе занимавших первое место государственных деятелей и даже философы много говорили о ней как о женщине незаурядной.

Она была родом из Милета, дочерью Аксиоха; в этом все согласны. Говорят, она, идя по стопам одной старинной ионянки, некоей Фаргелии, заводила связи с мужчинами только самого высокого ранга. И Фаргелия, красавица собою, соединявшая обаяние с ловкостью в политических интригах, жила с очень многими мужчинами из эллинов и всех, бывших с нею в близких отношениях, привлекала на сторону персидского царя, а через них, как людей высокопоставленных и очень влиятельных, она сеяла в городах начала персидского влияния. Что касается Аспасии, то, по некоторым известиям, Перикл пленился ею как умной женщиной, понимавшей толк в государственных делах. Да и Сократ иногда ходил к ней со своими знакомыми, и ученики его приводили к ней своих жен, чтобы послушать ее рассуждения, хотя профессия ее была не из красивых и не из почтенных: она была содержательницей девиц легкого поведения⁴³⁴. Эсхин говорит, что и Лисикл, торговец скотом, человек ничтожный сам по себе и низкого происхождения, стал первым человеком в Афинах, потому что жил с Аспасией после смерти Перикла. У Платона в «Менексене»⁴³⁵, хотя начало его написано в шутовском тоне, все-таки есть доля исторической правды: именно, что эта женщина славилась тем, что многие в Афинах искали ее общества ради ее ораторского таланта.

Тем не менее очевидно, что привязанность Перикла к Аспасии была основана скорее на страстной любви. У него была законная жена, его родственница, бывшая прежде замужем за Гиппониом, от которого она имела сына Каллия «Богатого»; и от брака с Периклом у нее были сыновья – Ксанфипп и Парал. Потом, когда совместная жизнь перестала им нравиться, он вместе с ее опекуном с ее согласия выдал ее замуж за другого, а сам взял Аспасию и чрезвычайно ее любил. Говорят, при уходе из дома и при возвращении с площади он ежедневно приветствовал ее и целовал. В комедиях ее называют новой Омфалой, Деянирой, Герой. Кратин прямо называет ее наложницей в следующих стихах:

Геру Распутство рождает ему, наложницу с взглядом
бесстыдным.
Имя Аспасия ей.

По-видимому, от нее у Перикла был незаконнорожденный сын, которого Эвполид вывел в «Демах», где сам Перикл спрашивает так: «А незаконный-то мой жив?» На это Миронид отвечает:

Да, был бы мужем он давно,
Но срам страшит его: блуднице он родня⁴³⁶.

⁴³⁴ 36. *Содержательницей девиц легкого поведения...* – Буквально понятая шутка Аристофана (цитируемая ниже, гл. 30). Брак с иногородней женщиной считался не вполне законным, отсюда – вся молва о разврате Аспасии.

⁴³⁵ 37. *У Платона* – См.: «Менексен», 235 е: Сократ называет Аспасию своей наставницей в красноречии. Подлинность диалога сомнительна.

⁴³⁶ 38. *Да, был бы мужем... блуднице он родня...* – Т.е. «если бы на нем не лежало пятно позора незаконнорожденности, то он мог бы уже давно проявить свои способности».

Говорят, Аспасия достигла такой известности и славы, что даже Кир, – тот, который вел войну с персидским царем из-за престола, – назвал самую любимую свою наложницу, которая прежде носила имя «Мильто», Аспасией. Она была фокеечка, дочь Гермотима; когда Кир пал в сражении, ее отвели к царю, и у него она пользовалась очень большим влиянием.

Отбросить и обойти молчанием этот эпизод, вспомнившийся мне при описании последних событий, пожалуй, было бы неестественно.

25. Итак, Перикла обвиняют в том, что он провел в Народном собрании постановление о походе на Самос главным образом ради Милета – по просьбе Аспасии. Эти города вели войну из-за Приены; самосцы одерживали победы и не хотели слушать приказаний афинян прекратить войну и передать дело на решение третейского суда в Афинах. Тогда Перикл двинулся с флотом к Самосу, низложил бывшее там олигархическое правление и, взяв в заложники пятьдесят человек из числа первых лиц в городе и столько же детей, отправил их на Лемнос. Говорят, каждый из заложников давал ему за себя по таланту, и еще много денег предлагали лица, не желавшие учреждения демократического правления в городе. Кроме того, перс Писсуфн, относившийся благожелательно к самосцам, послал ему десять тысяч золотых в виде отступного за город. Однако Перикл ничего этого не взял, но, поступив с самосцами, как решил, учредил там демократическое правление и отплыл в Афины. Самосцы тотчас же восстали; Писсуфн выкрал для них заложников и сделал все приготовления к войне. Тогда Перикл опять двинулся с флотом на них, но они не унимались и не пугались, а решили со всей энергией оспаривать господство на море у афинян. Произошло жаркое сражение на море около острова, называемого Трагиями. Перикл одержал блестящую победу, разбив со своими сорока четырьмя кораблями семьдесят кораблей, из которых двадцать были грузовые⁴³⁷.

26. Одержав победу и преследуя побежденных, Перикл овладел гаванью и стал осаждать самосцев, которые все еще отваживались делать вылазки и сражаться перед своими стенами. Когда из Афин пришел другой флот, еще больший, и самосцы были совершенно заперты, Перикл взял шестьдесят триер и вышел в открытое море. По сообщению большинства наших источников, он хотел встретить финикийский флот, шедший на помощь Самосу, и дать ему сражение на возможно большем расстоянии от Самоса; а по словам Стесимброта, он имел в виду поход на Кипр, что, по-видимому, невероятно.

Тем ли, другим ли соображением он руководился, но во всяком случае он, кажется, сделал оплошность. После его отъезда философ Мелисс, сын Ифагена, бывший тогда стратегом самосцев, видя малочисленность кораблей или неопытность стратегов и относясь с пренебрежением к противнику, уговорил сограждан напасть на афинян. Произошло сражение, в котором самосцы одержали победу; они взяли много пленных, уничтожили много кораблей, стали свободно плавать по морю, запасались предметами, нужными для войны, которых прежде у них не было. По словам Аристотеля, Мелисс победил даже самого Перикла еще раньше в морском сражении.

Самосцы, в отмщение афинянам за их издевательство, ставили на лбу у пленных клеймо в виде совы⁴³⁸, потому что и афиняне ставили на пленных самосцах клеймо – «самену». Самена – это корабль, у которого выпуклая носовая часть имеет форму свиного рыла, а сам корабль широк, так что напоминает полость живота; он годится для перевозки товаров и быстро ходит. Такое название он получил оттого, что впервые появился у

⁴³⁷ 39. ...семьдесят кораблей, из которых двадцать были грузовые... – Грузовые («круглые», в отличие от боевых, «длинных» триер) корабли служили для перевозки войск и практически не годились для морских сражений.

⁴³⁸ 40. ...клеймо в виде совы... – ставили афиняне на государственных рабах (Элиан, II, 9) (священная сова – птица Афины): видимо, Плутарх или его источник допустили путаницу.

самосцев и был построен по приказанию тиранна Поликрата. На это клеймо, говорят, намекает Аристофан в стихе:

Народ самосский ввел куда как много букв⁴³⁹.

27. Итак, Перикл, узнав о несчастьи в лагере, поспешил к нему на помощь. Мелисс вышел против него, но Перикл победил неприятелей, обратил их в бегство и тотчас стал окружать город стеной, предпочитая тратить деньги и время, чтобы одолеть врагов и взять город, но не подвергать сограждан ранам и опасностям. Но афинянам наскучила эта проволочка, они жаждали боя, так что трудно было удержать их; поэтому Перикл разделил все войско на восемь частей и бросал между ними жребий: той части, которой доставался белый боб, он позволял пировать и гулять, тогда как остальные занимались ратными трудами. Вот от этого белого боба, говорят, и получилось выражение «белый день», которым люди называют день, счастливый для них.

По рассказу Эфора, Перикл употреблял при осаде и машины, возбуждавшие тогда удивление своей новизной. При нем находился механик Артемон, хромой, которого приносили на носилках, когда работа требовала его присутствия; поэтому он и был прозван «Перифоретом», то есть «Носимым вокруг». Этот факт опровергает Гераклид Понтийский на основании стихов Анакреонта, в которых Артемон Перифорет упоминается за несколько поколений до Самосской войны и этих событий. Этот Артемон, по словам Гераклида, был человек изнеженный, малодушный и трусливый, по большей части сидевший дома, причем двое слуг держали над его головой медный щит, чтобы на него ничего не упало сверху. Если ему нужно было выйти из дому, то его носили на маленькой висячей койке подле самой земли; по этой причине он и был прозван Перифоретом.

28. На девятом месяце осады самосцы сдались. Перикл разрушил их стены, отобрал корабли и наложил на них большую контрибуцию деньгами. Часть ее самосцы тотчас же внесли; другую часть обязались уплатить в назначенный срок, в обеспечение чего дали заложников.

Дурид Самосский прибавляет к этому в трагическом тоне рассказ о страшной жестокости, в которой он обвиняет афинян и Перикла; но о ней не упоминают ни Фукидид, ни Эфор, ни Аристотель; по-видимому, рассказ о жестокости – вымысел. Он говорит, будто Перикл привез самосских начальников кораблей и воинов в Милет и там на площади продержал их привязанными к доскам в течение десяти дней и, наконец, когда они были уже в изнеможении, велел их убить ударами палки по голове, а тела бросить без погребения. Но Дурид не имеет обычая держаться истины в своем повествовании даже там, где у него нет никакого личного интереса; тем более в данном случае он, по-видимому, представил в более страшном виде несчастья своей родины, чтобы навлечь нарекания на афинян.

После покорения Самоса Перикл возвратился в Афины, устроил торжественные похороны воинов, павших на войне, и, согласно обычаю, произнес на их могилах речь, которая привела всех в восторг. Когда он сходил с кафедры, все женщины приветствовали его, надевали на него венки и ленты, как на победителя на всенародных играх; но Эльпиника подошла к нему и сказала: «Да, Перикл, твои подвиги достойны восторга и венков: ты погубил много добрых граждан наших не в войне с финикийцами и мидянами, как брат мой Кимон, а при завоевании союзного и родственного нам города». На эти слова Эльпиники Перикл с легкой улыбкой, говорят, ответил стихом Архилоха⁴⁴⁰.

⁴³⁹ 41. *Народ самосский ввел куда как много букв.* – Стих из несохранившейся комедии Аристофана «Вавилоняне» (426 г.), одновременно намекающий и на подготовку перехода Афин на ионийский алфавит (см. Ар., прим. 3).

⁴⁴⁰ 42. *Не стала бы старуха мирром мазаться.* – Пер. В. Вересаева. Перикл хочет сказать, что как старухе неприлично душить, так и Эльпинике – вмешиваться в государственные дела (ср. выше, гл. 10).

Не стала бы старуха мирром мазаться.

После покорения Самоса, как рассказывает Ион, Перикл ужасно возгордился: Агамемнон в десять лет взял варварский город, а он в девять месяцев покорил первых, самых сильных ионян! И такое сознание своих заслуг нельзя назвать несправедливым: эта война на самом деле представляла большую опасность, и исход ее был очень сомнителен, если правда, что самосцы, как утверждает Фукидид⁴⁴¹, чуть-чуть не отняли у афинян господство на море.

29. После этого, когда уже поднимались волны Пелопоннесской войны, Перикл уговорил народ послать помощь Керкире, которая подверглась нападению со стороны Коринфа, и присоединить к себе остров, сильный своим флотом, ввиду того, что пелопоннесцы вот-вот начнут войну с Афинами. Когда народ вынес постановление об оказании помощи, Перикл послал только десять кораблей, поручив начальство над ними Кимонову сыну, Лакедемоний, как бы в насмешку над ним: между домом Кимоновым и спартанцами были очень благожелательные и дружественные отношения. Перикл предполагал, что, если Лакедемоний во время своего командования не совершит никакого важного, выдающегося подвига, то его можно будет еще больше обвинять в преданности Спарте; поэтому он и дал ему так мало кораблей и послал его в поход против его желания. Вообще Перикл постоянно противился возвышению Кимоновых сыновей, указывая, что они и по именам своим не настоящие афиняне, а чужие, иноземцы; и действительно, одному из них было имя Лакедемоний, другому Фессал, третьему Элей. Был слух, что все они сыновья одной аркадянки.

Перикла порицали за то, что он дал десять триер: говорили, что он оказал мало помощи керкирянам, нуждавшимся в ней, но зато дал своим противникам веский довод для обвинений. Тогда Перикл отправил в Керкиру другую эскадру побольше, но она пришла уже после сражения.

Раздраженные коринфяне жаловались в Спарте на афинян, к ним присоединились мегаряне, которые обвиняли афинян в том, что им прегражден доступ на все рынки⁴⁴², на все пристани, находящиеся во владении афинян, вопреки общему праву и клятвам между эллинами. Эгиняне тоже считали, что они терпят обиды и насилия, но жаловались спартанцам тайно, не смея обвинять афинян открыто. В это же время и Потидея, коринфская колония, но подвластная афинянам, восстала против них; афиняне стали ее осаждать, и это еще более ускорило начало войны.

Но, так как в Афины отправляли посольства и спартанский царь Архидам старался решить большую часть жалоб мирным путем и успокаивал союзников, то все эти причины, кажется, не вызвали бы войны против афинян, если бы они согласились уничтожить постановление против мегарян и примириться с ними. Поэтому Перикл, который больше всех противился этому и подстрекал народ не прекращать вражды с мегарянами, считался впоследствии единственным виновником войны.

30. Когда посольство прибыло из Спарты в Афины для переговоров по этому делу, Перикл, говорят, стал ссылаться на один закон, запрещавший уничтожать доску, на которой было написано это постановление. Тогда один из послов, Полиалк, сказал: «А ты не уничтожай доску, а только переверни ее: ведь нет закона, запрещающего это». Хотя эти слова показались остроумными, Перикл, тем не менее не уступил. Таким образом, думаю, была у него какая-то затаенная, личная ненависть к мегарянам; но он выставил против них

---

⁴⁴¹ 43. ...как утверждает Фукидид... – VIII, 76.

⁴⁴² 44. ...прегражден доступ на все рынки... – Знаменитая «мегарская псефизма» 432 г., объявлявшая экономическую блокаду Мегар, торговых соперников Афин.

обвинение открытое, затрагивавшее общие интересы: именно, что мегаряне присваивают себе священный участок земли⁴⁴³. Он предложил народу вынести постановление о том, чтобы к ним был послан глашатай, и чтобы он же был послан к спартамцам с жалобой на мегарян. Это постановление составлено Периклом; оно имело целью справедливое и мягкое решение спора. Но, так как посланный глашатай, Анфемокрит, погиб, как думали, по вине мегарян, Харин предложил вынести против них другое постановление, по которому вражда с мегарянами должна была продолжаться вечно, без перемирия и без переговоров; каждый мегарянин, вступивший на землю Аттики, подлежал смертной казни; стратеги, принося унаследованную от отцов присягу, должны были прибавлять к ней клятву, что они по два раза в год будут вторгаться в мегарскую землю. Анфемокрита постановили похоронить у Фриасийских ворот, которые теперь называются «Дипилон» – «Двойными воротами». Мегаряне отрицают свое участие в убийстве Анфемокрита и обращают обвинения на Аспасию и Перикла, цитируя в доказательство этого известные, общераспространенные стихи из «Ахарнян»⁴⁴⁴:

Но раз в Мегаре пьяные молодчики
Симету, девку уличную, выкрали.
Мегарцы, распаленные обидою,
Двух девок тут украли у Аспасии.

31. Итак, нелегко узнать, как началась война. Но отказ отменить постановление все приписывают Периклу. Только одни объясняют его упорство благородной гордостью, пониманием положения вещей и самыми лучшими намерениями: он считал, говорят они, что спартамцы хотели испытать уступчивость афинян, выставляя такое требование, и что согласиться с ним означало бы для афинян признать свою слабость. Другие видят в его высокомерном отношении к спартамцам лишь упрямство и соперничество с целью показать свою силу.

Но самое тяжкое обвинение, подтверждаемое, однако, большинством свидетелей, приблизительно такое. Скульптор Фидий подрядился изготовить статую, как сказано выше. Так как он был другом Перикла и пользовался у него большим авторитетом, то у него было много личных врагов и завистников; а другие хотели на нем испытать настроение народа – как поступит народ в случае суда над Периклом. Они уговорили одного из помощников Фидия, Менона, сесть на площади в виде молящего и просить, чтобы ему дозволено было безнаказанно сделать донос на Фидия и обвинять его. Народ принял донос благосклонно. При разборе этого дела в Народном собрании улики в воровстве не оказалось: по совету Перикла, Фидий с самого начала так приделал к статуе золото и так ее обложил им, что можно было все его снять и проверить вес, что в данном случае Перикл и предложил сделать обвинителям. Но над Фидием тяготела зависть к славе его произведений, особенно за то, что, вырезая на щите сражение с Амазонками, он изобразил и себя самого в виде плешивого старика, поднявшего камень обеими руками; точно так же он поместил тут и прекрасный портрет Перикла, сражающегося с Амазонкой. Рука Перикла, державшая поднятое копьё перед лицом, сделана мастерски, как будто хочет прикрыть сходство, но оно видно с обеих сторон.

Итак, Фидий был отведен в тюрьму и там умер от болезни, а, по свидетельству некоторых авторов, от яда, который дали ему враги Перикла, чтобы повредить тому в

⁴⁴³ 45. ...священный участок земли. – Участок между Элевсином и Мегарами, принадлежавший элевсинским богиням.

⁴⁴⁴ 46. Из «Ахарнян» – Аристофан. Ахарняне, 524 сл.

общественном мнении⁴⁴⁵.

Доносчику Менону народ, по предложению Гликона, даровал свободу от всех повинностей и приказал стратегам заботиться о его безопасности.

32. Около этого же времени против Аспасии был возбужден судебный процесс по обвинению в нечестии. Обвинителем ее выступил комический поэт Гермипп, который обвинял ее еще и в том, что к ней ходят свободные женщины, которых она принимает для Перикла. Диопиф внес предложение о том, чтобы люди, не верующие в богов или распространяющие учения о небесных явлениях, были привлекаемы к суду как государственные преступники. Он хотел набросить подозрение на Перикла косвенным путем, через Анаксагора. Так как народ охотно принимал эти наветы, то, по предложению Драконтита, было, наконец, сделано постановление о том, чтобы Перикл представил пританам отчеты в деньгах⁴⁴⁶, а судьи судили бы на акрополе и брали бы камешки с алтаря. Последнюю часть этого постановления Гагنون предложил отменить, а сам предложил, чтобы дело разбиралось судьями в числе тысячи пятисот человек, как бы ни захотели формулировать обвинение: в краже ли, или в лихоимстве, или вообще в преступлении по должности.

Что касается Аспасии, то Перикл вымолил ей пощаду, очень много слез пролив за нее во время разбирательства дела, как говорит Эсхин, и упросив судей. А за Анаксагора он боялся и дал ему возможность тайным образом уйти из города. Когда же из-за Фидиева дела его популярность пошатнулась, то он, опасаясь суда, раздул медленно тлевшее пламя войны в надежде, что обвинения рассеются и зависть смирится, когда граждане во время великих событий и опасностей вверят отечество ему одному как человеку уважаемому и авторитетному. Так вот какие указываются причины, по которым он не позволил сделать уступку спартамцам. Но истина неизвестна.

33. Спартамцы понимали, что в случае падения Перикла афиняне будут гораздо сговорчивее. Поэтому они потребовали изгнания виновных в кошунстве по делу Килона, в котором замешан был род Перикла с материнской стороны, как говорит Фукидид⁴⁴⁷. Но эта попытка дала результат, противоположный тому, какого ожидали спартамцы: вместо подозрений и злоречия сограждане окружили Перикла еще большим доверием и уважением как человека, более всех ненавистного и страшного неприятелям. Ввиду этого еще до вторжения в Аттику Архидама во главе пелопоннесцев Перикл объявил афинянам, что, если Архидам, опустошая страну, не коснется его. владений, по случаю ли дружеских отношений гостеприимства между ними или чтобы дать врагам повод чернить его, то он жертвует государству и землю, и усадьбы.

Спартамцы и их союзники с большим войском вторглись в Аттику под предводительством царя Архидама., Опустошая страну, они дошли до Ахарн и расположились там лагерем в ожидании, что афиняне под влиянием раздражения и гордости вступят в решительный бой с ними. Но Периклу казалось опасным начать сражение с шестьюдесятью тысячами пелопоннесских и беотийских гоплитов (таково было число

⁴⁴⁵ 47. *Чтобы повредить тому в общественном мнении.* – Враги Перикла, по этой версии, хотели представить дело так, будто Фидия отравил Перикл, боясь его показаний на суде. Легенда о портретности изображений на щите Фидиевой Афины впоследствии украсилась еще больше: Фидий будто бы вставил их так, что без них развалилась бы вся статуя (псевдо-Аристотель. О мире, 6).

⁴⁴⁶ 48. *Отчеты в деньгах* обычно представлялись должностными лицами в конце их годовой службы перед специальными коллегиями эвфинов и логистов; здесь для особой торжественности предлагалось отчитываться перед самим Советом пятисот (перед его дежурной пританией в 50 человек) или перед 1500 судей (вместо обычных 500).

⁴⁴⁷ 49. *...как говорит Фукидид* – см. I, 126 сл. О деле Килона подробнее см. Сол., 12. Перикл был по матери пра-пра-правнуком Мегакла, виновника скверны.

неприятелей при первом вторжении), подвергая риску самый город. Граждан, которые требовали сражения и не могли выносить происходившего опустошения страны, он старался успокоить: он указывал им, что деревья, обрезанные и срубленные, скоро вырастают, а воротить назад убитых отнюдь не так просто.

Народного собрания Перикл не созывал из опасения, что его заставят поступить вопреки его убеждению. Как кормчий на корабле, когда в открытом море поднимется ветер, приведя все в порядок, натянув канаты, действует по правилам искусства, не взирая на слезы и просьбы испуганных пассажиров, страдающих морской болезнью, так и Перикл, заперши городские ворота и расставив везде караулы для безопасности, руководился своими соображениями, мало обращая внимания на негодующие крики и недовольство граждан.

А между тем многие друзья приставали к нему с просьбами, многие враги грозили и обвиняли его, хоры⁴⁴⁸ пели насмешливые песни, чтоб его осрамить, издевались над его командованием, называя его трусливым и отдающим отечество в жертву врагам.

И Клеон уже тогда стал нападать на него, пользуясь раздражением граждан, чтобы проложить себе путь к верховенству над народом, как показывают следующие анапесты Гермиппа:

Эй, сатиров царь! Почему же ты
Не поднимешь копье? Лишь одни слова
Сыплешь ты про войну, все грозней и грозней,
А душа у тебя – Телета!
И, когда острят лезвие меча,
То, в страхе дрожа, ты зубами стучишь
От укусов смелых Клеона.

34. Однако ничто не могло поколебать Перикла: он кротко и молчаливо переносил унижение и вражду. Он послал эскадру в сто кораблей против Пелопоннеса, но сам не принял участия в походе, а оставался в городе, чтобы держать его в своих руках, пока не ушли пелопоннесцы. Ища популярности у народа, все еще роптавшего на войну, он старался задобрить его раздачею денег и предлагал выводить колонии: так, изгнав жителей Эгины всех поголовно, он разделил остров по жребию между афинянами. Некоторым утешением служили также бедствия, которые терпели неприятели: флот во время похода вокруг Пелопоннеса разорил страну на большом пространстве, разрушил деревни и небольшие города; а с суши Перикл сам сделал вторжение в Мегарскую область и опустошил ее всю. Несомненно, неприятели, нанося много вреда афинянам на суше, но и сами терпя от них много вреда с моря, не могли бы так долго вести войну, но скоро изнемогли бы, как сначала и предсказывал Перикл, если бы какая-то божественная сила не противодействовала человеческим расчетам. Однако, во-первых, разразилась губительная моровая болезнь⁴⁴⁹ и поглотила молодежь в цвете лет и сил. Болезнь имела вредное влияние и на тело, и на душу граждан: они озлобились на Перикла. Как люди, обезумевшие от болезни, оскорбляют врача или отца, так и афиняне стали дурно относиться к Периклу по наущению его врагов, которые говорили, что болезнь эту производит скопление деревенского населения в городе, когда множество народа в летнюю пору принуждено жить вместе, вповалку, в тесных хижинах и душных сараях, вести жизнь сидячую и праздную вместо прежней жизни на чистом воздухе и на просторе; а виноват в этом тот, кто в связи с войной загнал деревенский люд в городские стены и ни на что не употребляет такую массу народа, а спокойно смотрит, как

⁴⁴⁸ 50. Хоры – в комедиях, как в примере из Гермиппа.

⁴⁴⁹ 51. Моровая болезнь – болезнь, постигшая Афины, обыкновенно называемая чумой; но это мог быть и сыпной и иной тиф (преобладающее мнение) или корь.

люди, запертые подобно скоту, заражаются друг от друга, и не дает им возможности изменить свое положение и подышать свежим воздухом.

35. Чтобы помочь этому горю, а кстати и причинить некоторый вред неприятелям, Перикл снарядил полтораста кораблей, посадил на них много храбрых гоплитов и всадников и собирался уже выйти в море; такая крупная сила подавала большую надежду гражданам и внушала не меньший страх врагам. Уже войска сели на суда и сам Перикл взошел на свою триеру, как вдруг произошло солнечное затмение⁴⁵⁰, наступила темнота, все перепугались, считая это важным предзнаменованием. Перикл, видя ужас и полную растерянность кормчего, поднял свой плащ перед его глазами и, накрыв его, спросил, неужели в этом есть какое-нибудь несчастье или он считает это предзнаменованием какого-нибудь несчастья. Тот отвечал, что нет. «Так чем же то явление отличается от этого, – сказал Перикл, – как не тем, что предмет, который был причиной темноты, больше плаща?» Такой рассказ приводится в лекциях философов.

Как бы то ни было, Перикл отплыл. Но как видно, он не сделал ничего такого, чего можно было бы ожидать после столь внушительных приготовлений. В том числе и осада священного Эпидавра, хотя и была надежда взять его, успеха не имела из-за болезни, которая губила не только самих воинов, но и всех так или иначе соприкасавшихся с войском.

Эти несчастья вызывали сильное раздражение афинян против Перикла; он пробовал их успокоить и ободрить, но не мог утишить их гнев и переубедить их: их раздражение кончилось лишь тогда, когда они с камешками в руках стали голосовать против него и, получив всю полноту власти, лишили его должности стратега и наложили денежный штраф. Минимальный размер штрафа наши источники определяют в пятнадцать талантов, а максимальный – в пятьдесят. Обвинителем в жалобе был назван по Идоменею, Клеон, по Феофрасту – Симмий; а Гераклид Понтийский называет Лакратида.

36. Народное волнение, однако, продолжалось недолго: народ, нанеся Периклу удар, оставил свой гнев, как оставляет жало пчела. Но дома положение его было печально: во время эпидемии он потерял немало близких людей, и семейный раздор с давних пор беспокоил его. Старший из законных сыновей, Ксанфипп, был и сам по натуре расточителен, да к тому же у него была молодая, избалованная жена, дочь Тисандра, Эпиликова сына. Ксанфипп был недоволен расчетливостью отца, который давал ему деньги скупой и понемногу. Однажды он послал к кому-то из отцовских друзей попросить денег взаймы будто бы по поручению Перикла и получил их. Когда тот впоследствии стал требовать уплаты долга, Перикл даже начал с ним судебный процесс. Молодой Ксанфипп был огорчен этим, бранил отца, сперва представлял в смешном виде его домашние философские рассуждения и разговоры с софистами. Так, когда какой-то пентатл⁴⁵¹ нечаянно брошенным дротом убил Эпитима из Фарсала, Перикл, по словам Ксанфиппа, потратил целый день, рассуждая с Протагором о том, кого, по существу, следует считать виновником этого несчастного случая, – дрот, или бросавшего, или распорядителей состязания. Кроме того, Ксанфипп, по свидетельству Стесимброта, распространял в народе грязную сплетню по поводу своей жены, и вообще у молодого человека до смерти оставалась непримиримая вражда к отцу (Ксанфипп захворал во время эпидемии и умер).

Перикл потерял тогда также и сестру и большую часть свойственников и друзей, бывших очень полезными помощниками в его государственной деятельности. Однако он не изнемог под бременем несчастий и не потерял величия духа и твердости: его никто не видал даже плачущим ни на похоронах кого-либо из родных, ни впоследствии на могиле, пока, наконец, он не потерял и последнего из законных сыновей, Парала. Это несчастье сломило

⁴⁵⁰ 52. *Солнечное затмение* – неполное затмение, 3 августа 431 г. (т.е. еще до чумы в Афинах).

⁴⁵¹ 53. *Пентатл* – пятиборец (занимающийся прыжками, бегом, метанием диска, метанием дротика и борьбой).

его; он старался выдержать характер и сохранить душевную твердость, но, когда возлагал на умершего венок, не мог при виде его устоять против горя, разразился рыданиями и залился слезами; ничего подобного с ним не случалось во всю жизнь.

37. Между тем, афиняне испытывали других стратегов и ораторов, насколько они пригодны для ведения войны; но ни у кого из них не оказалось ни влияния, достаточного для такой высокой власти, ни авторитета, обеспечивающего надлежащее исполнение ее. Афиняне жалели о Перикле и звали его на ораторскую трибуну и в помещение для стратегов. Но Перикл лежал дома, убитый горем, и только Алкивиад и другие друзья уговорили его пойти на площадь.

Народ просил простить ему его несправедливость, и Перикл опять принял на себя управление делами и был выбран в стратеги. Тотчас после этого он потребовал отмены закона о незаконнорожденных детях, который он сам прежде внес, – для того, чтобы за отсутствием у него наследников не прекратились совершенно его род и имя.

История этого закона такова. Когда Перикл очень задолго до этого был на вершине своего политического могущества и имел, как сказано выше, законных детей, он внес предложение о том, чтобы афинскими гражданами считались только те, у которых и отец и мать были афинскими гражданами. Когда египетский царь прислал в подарок народу сорок тысяч медимнов пшеницы, и надо было гражданам делить ее между собою, то на основании этого закона возникло множество судебных процессов против незаконнорожденных, о происхождении которых до тех пор или не знали, или смотрели на это сквозь пальцы; многие делались также жертвой ложных доносов. На этом основании были признаны виновными и проданы в рабство без малого пять тысяч человек; а число сохранивших право гражданства и признанных настоящими афинянами оказалось равным четырнадцати тысячам двумстам сорока. Хотя и странным представлялось, что закон, применявшийся со всею строгостью против стольких лиц, будет отменен именно по отношению к тому, кто его издал, семейное несчастье Перикла в данном случае смягчило афинян: они полагали, что он терпит какое-то наказание за прежнюю гордость и самомнение. Находя, что постигшее его несчастье есть кара разгневанного божества и что его просьба так естественна для человека, афиняне позволили ему внести незаконного сына в список членов фратрии⁴⁵² и дать ему свое имя. Впоследствии этот сын Перикла одержал победу над пелопоннесцами в морском сражении при Аргинусских островах и был казнен вместе с другими стратегами по приговору народа.

38. Тогда, кажется, зараза коснулась Перикла, но болезнь у него носила не острый характер, как у других, не сопровождалась сильными приступами, а была тихая, затяжная, с различными колебаниями, медленно изнурявшая тело и постепенно подтачивавшая душевные силы. Феофраст, например, в своем «Моральном трактате», где он ставит вопрос, не изменяется ли духовная природа человека под влиянием внешних обстоятельств и не теряет ли он мужество под давлением телесных страданий, рассказывает, что Перикл показал одному своему другу, навестившему его, ладанку, которую женщины надели ему на шею: он хотел этим сказать, что ему очень плохо, раз уж он согласен терпеть и такую нелепость.

Когда Перикл был уже при смерти, вокруг него сидели лучшие граждане и остававшиеся в живых друзья его. Они рассуждали о его высоких качествах и политическом могуществе, перечисляли его подвиги и количество трофеев: он воздвиг девять трофеев в память побед, одержанных под его предводительством во славу отечества. Так говорили они между собою, думая, что он уже потерял сознание и не понимает их. Но Перикл внимательно все это слушал и, прервав их разговор, сказал, что удивляется, как они прославляют и вспоминают такие его заслуги, в которых равная доля принадлежит и счастью и которые бывали уже у многих полководцев, а о самой славной и важной заслуге не говорят: «Ни один

---

⁴⁵² 54. ...в список членов фратрии... – Так назывались родовые объединения, в которых велись списки граждан. Таким образом, афиняне не отменили Периклов закон о гражданстве, а только в виде исключения разрешили ему узаконить незаконного сына.

афинский гражданин, – прибавил он, – из-за меня не надел черного плаща»⁴⁵³.

39. Итак, в этом муже достойна удивления не только умеренность и кротость, которую он сохранял в своей обширной деятельности, среди ожесточенной вражды, но и благородный образ мыслей: славнейшей заслугой своей он считал то, что занимая такой высокий пост, он никогда не давал воли ни зависти, ни гневу и не смотрел ни на кого, как на непримиримого врага. Как мне кажется, известное его прозвище, наивно-горделивое, заслужено им и не может возбуждать ни в ком зависти единственно потому, что Олимпийцем прозван человек такой доброй души, жизнь которого, несмотря на его могущество, осталась чистой и незапятнанной. Подобным образом мы признаем, что боги, по самой природе своей являющиеся источником блага, но не виновниками зла, по праву властвуют и царят над миром. Мы не согласны с поэтами, которые, сбивая нас с толку невежественными учениями, опровергают сами себя своими вымыслами; место, в котором, по их словам, пребывают боги, они называют⁴⁵⁴ жилищем надежным, непоколебимым, где нет ни бурь, ни туч, где небо ласково и ясно и вечно сияет самый чистый свет; такая жизнь, говорят они, наиболее подобает существу блаженному и бессмертному. Но жизнь самих богов они изображают полной раздора, вражды, гнева и других страстей, не подобающих даже людям, имеющим разум. Впрочем, эти вопросы, пожалуй, относятся к другого рода сочинениям.

Что же касается Перикла, то события заставили афинян почувствовать, чем он был для них, и пожалеть о нем. Люди, тяготившиеся при его жизни могуществом его, потому что оно затмевало их, сейчас же, как его не стало, испытав власть других ораторов и вожakov, сознавались, что никогда не было человека, который лучше его умел соединять скромность с чувством достоинства и величавость с кротостью. А сила его, которая возбуждала зависть и которую называли единовластием и тираннией, как теперь поняли, была спасительным оплотом государственного строя: на государство обрушились губительные беды и обнаружилась глубокая испорченность нравов, которой он, ослабляя и смиряя ее, не давал возможности проявляться и превратиться в неисцелимый недуг.

Фабий Максим

[Перевод С.П. Маркиша]

1. Таков Перикл в его поступках, достойных упоминания; изложив их, переходим к рассказу о Фабии.

Какая-то нимфа (или, по другим сообщениям, смертная женщина из тех мест), сочетавшись на берегу реки Тибра с Гераклом, произвела на свет сына, Фабия, который сделался основателем многочисленного и прославленного в Риме рода Фабиев. Некоторые утверждают, будто первые в этом роду ловили диких зверей с помощью рвов и потому в древности именовались Фодиями (ведь еще и теперь рвы у римлян называются «фоссы» [fossa], а рыть – по латыни «фодере» [fodere]). С течением времени произношение двух звуков изменилось, и Фодии стали Фабиями⁴⁵⁵.

Этот дом дал много знаменитых людей; среди них самым великим был Рулл, по этой причине прозванный римлянами Максимом, то есть «Величайшим»; Фабий Максим, о котором мы пишем, – его потомок в четвертом колене. Сам он носил прозвище Веррукоза –

⁴⁵³ 55. ...черного плаща... – Черный плащ надевали в знак смерти близких или иного несчастья.

⁴⁵⁴ 56. ...они называют... – следует пересказ «Одиссеи», VI, ст. 42—45.

⁴⁵⁵ 1. ...стали Фабиями. – Плутарховская этимология фантастична; уже в древности высказывалось более вероятное предположение, что эта фамилия происходит от faba, «боб» (ср. Циц., 1).

по одному телесному изъяну: над верхней губой у него была маленькая бородавка [verruca]. Другое прозвище – Овикула, что значит «Овечка», ему дали еще в детстве за кроткий нрав и неторопливость. Спокойный, молчаливый, он был чрезвычайно умерен и осторожен в удовольствиях, свойственных детскому возрасту, медленно и с большим трудом усваивал то, чему его учили, легко уступал товарищам и подчинялся им, и потому людям посторонним внушал подозрения в вялости и тупости, и лишь немногие угадывали в его натуре глубину, непоколебимость и величие духа – одним словом, нечто львиное. Но вскоре, побужденный обстоятельствами, он доказал всем, что мнимая его бездеятельность говорит о неподвластности страстям, осторожность – о благоразумии, а недостаточная быстрота и подвижность – о неизменном, надежнейшем постоянстве.

Видя, что римское государство стоит на пороге великих свершений и многочисленных войн, он готовил к военным трудам свое тело, словно полученный от природы доспех, и в полном соответствии с той жизнью, какую ему предстояло прожить, старался превратить речь в орудие для убеждения толпы. Ораторскому дарованию Фабия были свойственны не прикрасы, не пустые дешевые приманки, но упорно противящийся чужому воздействию здравый смысл, отточенность и глубина изречений, как говорят, более всего сходных с Фукидидовыми. Сохранилась одна из речей Фабия к народу – похвала сыну⁴⁵⁶, занимавшему должность консула и вскоре после этого скончавшемуся.

2. Из пяти консульств самого Фабия первое было ознаменовано триумфом над лигурийцами. Разбитые в сражении, понеся большие потери, они были отброшены в глубину Альпийских гор и перестали тревожить пограничные области Италии набегами и разбоями.

Когда Ганнибал вторгся в Италию, одержал первую победу при реке Требий и двинулся через Этрурию, опустошая страну и приводя Рим в ужас и смятение, и одновременно распространились слухи о многих знамениях (не только о привычных римлянам громах и молниях, но и поразительных, дотоле не слыханных явлениях – рассказывали, будто щиты вдруг сами собой сделались влажными от крови, будто близ Антия жали кровавую жатву, будто сверху падали раскаленные, пылающие камни, а над Фалериями небо разверзлось и оттуда посыпалось и рассеялось по земле множество табличек, на одной из которых было написано: «Марс потрясает оружием»), консула Гая Фламиния, от природы горячего и честолюбивого, гордившегося блестящим успехом, которого он перед тем совершенно неожиданно достиг, вступивши, несмотря на приказ сената и сопротивление товарища по должности, в бой с галлами и нанеся им поражение, – Гая Фламиния все это нимало не образумило.

Всколыхнувшие толпу знамения не очень смутили и Фабия, – слишком уж они казались невероятными, – но, узнав, как малочисленны враги и как жестоко стеснены они в денежных средствах, он советовал воздержаться от сражения с человеком, закалившим свое войско во многих битвах, а лучше послать помощь союзникам, крепче держать в руках города и предоставить силам Ганнибала иссякнуть самим по себе, как постепенно угасает едва тлеющий огонек.

3. Однако переубедить Фламиния Фабий не смог. Заявив, что он не подпустит неприятеля к воротам Рима и не намерен, подобно древнему Камиллу, вести сражение за город в его стенах, Фламиний приказал военным трибунам выводить войска, а сам вскочил на коня, как вдруг конь без всякой видимой причины испугался, задрожал и сбросил консула, который, падая, ударился головой, но от прежнего решения не отступился: следуя своему плану, он двинулся навстречу Ганнибалу и выстроил римлян в боевом порядке у Тразименского озера в Этрурии. Когда воины уже сошлись в рукопашную, в самый разгар битвы, случилось землетрясение, которое разрушило города, изменило течение рек и избородило трещинами подножья скал. Но, несмотря на силу этого явления, решительно никто из сражающихся его не заметил. Фламиний, проявивший и доблесть и силу, пал, а

⁴⁵⁶ 2. ...похвала сыну ... – Тоже Кв. Фабию, консулу 213 г., воевавшему в южной Италии (см. ниже, гл. 24).

вокруг него – лучшая часть войска. Остальные обратились в бегство, началась свирепая резня, пятнадцать тысяч было перебито и столько же взято в плен. Из уважения к храбрости Фламиния Ганнибал хотел разыскать и с почетом похоронить тело, но его не нашли среди мертвых, и вообще неизвестно, как оно исчезло.

О поражении при Требии ни консул, писавший донесение в Рим, ни гонец, посланный с этим донесением, прямо не сообщили – оба лгали, будто одержана победа, хотя и сомнительная, ненадежная. На этот раз едва только претор Помпоний узнал о случившемся, он немедленно созвал народ на собрание и без всяких обиняков и околичностей сказал: «Римляне, мы проиграли важное и большое сражение, войско погибло, консул Фламиний убит. Подумайте о своем спасении и безопасности». Слова претора, словно хлестнувший по морю шквал, всколыхнули весь город, сперва никто не в силах был собраться с мыслями, но под конец все сошлись на том, что обстоятельства требуют неограниченного единовластия (римляне называют его «диктатурой») и человека, который твердо и бесстрашно возьмет в руки эту власть, а таков, по всеобщему мнению, был один только Фабий Максим: лишь его здравомыслие и нравственная безупречность соответствовали величию должности диктатора; с другой стороны, он был в том возрасте, когда телесные силы еще отвечают вынашиваемым в душе планам и с благоразумием соединена отвага.

4. После того, как решение было принято и Фабий, назначенный диктатором, в свою очередь назначил начальником конницы Марка Минуция, он прежде всего попросил у сената дозволения ездить верхом во время военных действий. Каким-то древним законом это возбранялось: то ли римляне главную свою силу полагали в пехоте и потому считали, что полководец должен оставаться в пешем строю и не покидать его, то ли, поскольку во всем прочем диктаторская власть столь огромна и равна царской, они желали, чтобы хоть в этом проявлялась зависимость диктатора от народа. Во всяком случае Фабий был, намерен сразу же показать народу величие и достоинство своей власти, дабы обеспечить себе беспрекословное повиновение сограждан, и вышел в сопровождении двадцати четырех ликторов⁴⁵⁷. Ему навстречу направился оставшийся в живых консул⁴⁵⁸, но Фабий через служителя приказал ему распустить своих ликторов, сложить с себя знаки консульского достоинства и явиться к диктатору частным образом.

Потом он воздал должное богам, как нельзя лучше приступая к исполнению своих обязанностей: он внушал народу, что причина неудачи – не трусость воинов, а нерадивое, пренебрежительное отношение полководца к божеству, призывал не страшиться противника, но умиловить и почтить богов и при этом не суеверие вселял в души, но храбрость и доблесть укреплял благочестием, добрыми надеждами на богов изгоняя и ослабляя страх перед врагами. Тогда же обратились и ко многим из тайных пророческих книг, называемых Сивиллиными⁴⁵⁹, и оказалось, как говорят, что некоторые содержащиеся в них прорицания совпали с событиями и делами тех дней. Прочитанное в этих книгах не могло быт поведено никому, но диктатор, выйдя к толпе, дал богам обет принести им в жертву весь приплод коз, свиней, овец и коров, который вскормят к концу весны горы, равнины, луга и пастбища Италии, и устроить мусические и драматические состязания, употребив на это триста тридцать три тысячи сестерциев и триста тридцать три с третью денария (это составляет в целом восемьдесят три тысячи пятисот восемьдесят три драхмы и два обولا). Почему сумма была определена с такой точностью, сказать трудно; разве что захотели прославить

⁴⁵⁷ 3. *двадцать четыре ликтора* – свита, положенная диктатору, ср. Поп., прим. II.

⁴⁵⁸ 4. *Консул* – вторым консулом 217 г. был Гн. Сервилий Гемин, но с избранием диктатора полномочия всех прочих должностных лиц (кроме народных трибунов) прекращались.

⁴⁵⁹ 5. *...пророческих книг... Сивиллины* – см.: Поп., 25; Сивиллины книги хранились под надзором 10 (потом 15) жрецов, и обращались к ним только в самые трудные минуты.

могущество троицы⁴⁶⁰ – числа совершенного по своей природе: первое среди нечетных, оно заключает в себе начало множественности, а также первоотличия и первоосновы всякого числа вообще, смешивая их и стройно сочетая друг с другом.

5. Итак, устремив помышления народа к богам, Фабий внушил ему веру в будущее, сам же всецело полагался на себя одного в твердой надежде, что бог дарует успех лишь доблести и благоразумию. Он двинулся против Ганнибала, но не для того, чтобы дать ему решающее сражение, а чтобы исподволь истощить его и сломить, противопоставив силе время, скудости – изобилие, малочисленности – многочисленность. Поэтому он неизменно разбивал лагерь на высотах, вне досягаемости для вражеской конницы, не двигался, пока оставался на месте неприятель, а когда тот пускался в путь, шел в обход через горы, то и дело показываясь на расстоянии достаточно далеком, чтобы не вступать в бой вопреки своему намерению, но достаточно близком, чтобы своим промедлением держать противника в постоянном страхе перед битвой. Однако бесконечные оттяжки и отсрочки вызывали всеобщее презрение: Фабия не только поносили в собственном лагере, но даже враги считали его трусом и никуда не годным полководцем.

Лишь один человек судил по-иному, и это был Ганнибал. Только он один разгадал искусный замысел Фабия и его план ведения войны и, понимая, что любыми средствами – хитростью или силой – нужно заставить его принять бой (ибо в противном случае карфагеняне погибли, поскольку то, в чем они сильнее, – их оружие, – остается без употребления, то же, в чем они уступают неприятелю, – люди и казна, – тает и растрачивается впустую), перепробовал все военные уловки и приемы, точно опытный борец, пытающийся нащупать слабое место противника; он нападал на Фабия, тревожил его, вынуждал часто менять позицию, стараясь, чтобы тот в конце концов забыл об осторожности.

Фабий, уверенный в преимуществах своего образа действий, твердо стоял на своем, но ему не давал покоя начальник конницы Минуций, который совершенно некстати рвался в сражение, держал себя самоуверенно и нагло и в погоне за благосклонностью воинов наполнял их души сумасбродной горячностью и пустыми надеждами. Его приверженцы с презрением и издевкой звали Фабия «Ганнибаловым дядькой», Минуция же провозглашали великим человеком и достойным Рима полководцем. Последний, еще сильнее возомнив о себе и возгордившись, стал насмехаться над лагерными стоянками на высотах, говоря, что диктатор непрестанно печется о том, чтобы его подчиненным было получше видно, как жгут и опустошают Италию, и осведомлялся у друзей Фабия, не потому ли командующий старается поднять войско в небеса, что простился с надеждой удержать за собой землю. Или, может, он хочет ускользнуть от врагов, укрывшись за тучами и облаками? Когда друзья рассказали об этом Фабия и советовали пойти навстречу опасности, чтобы пресечь дурную молву, он отвечал: «Я оказался бы еще большим трусом, чем меня считают теперь, если бы, испугавшись насмешек и хулы, изменил своему решению. В страхе за отечество нет ничего позорного, а смущаться людским мнением, клеветой и бранью – недостойно мужа, облеченного такою властью, если он не намерен сделаться рабом тех, кем ему надлежит править и повелевать, невзирая на их заблуждения».

6. Вскоре после этого Ганнибал допустил грубую ошибку. Чтобы подальше оторваться от Фабия и выйти на равнину, где было много корма для коней, он приказал проводникам сразу после обеда вести войско к Казину. Не разобрав как следует из-за его чужеземного выговора слово «Казин», проводники направились к границам Кампании, к городу Казилину, разделенному посредине рекою, которую римляне называют Волтурн. Эта местность со всех сторон окружена горами: к морю сбегает долина, в которой после разлива речек остаются болота с высокими песчаными дюнами по краям, тянущиеся до самого морского берега,

---

⁴⁶⁰ 6. ...*Могущество троицы* ... – подобная вульгарно-пифагоровская мистика чисел была смолоду близка платонику-Плутарху.

заливаемого бурными волнами и лишенного гаваней. Пока Ганнибал спускался в долину, Фабий, прекрасно знавший все дороги в тех краях, обошел его, поставил в теснине заслон из четырех тысяч тяжеловооруженных пехотинцев, остальное войско выгодно разместил на высотах, а сам с наиболее подвижными и легковооруженными воинами ударил в тыл карфагенянам и привел в смятение весь их строй; противник потерял убитыми около восьмисот человек.

Тут Ганнибал, поняв свою ошибку и видя опасность, которой подвергается, распял проводников и стал думать, как бы ему отступить, но должен был отказаться от мысли силою потеснить противника, державшего в своих руках перевал. Войско считало свое положение безвыходным, поскольку кольцо окружения замкнулось, и уже совершенно пало духом, когда полководец нашел способ обмануть врага. Вот что он придумал. Он велел отобрать из добычи примерно тысячи две коров и привязать каждой к рогам факел, пучок прутьев или вязанку хвороста, а затем ночью по условленному знаку запалить факелы и гнать животных к перевалу и к теснинам, охранявшимся вражеской стражей. Меж тем как шли необходимые приготовления, начало смеркаться, и Ганнибал со всеми, кто не был занят исполнением его приказа, медленно тронулся с места. Пока пламя было не слишком жаркое и горело только дерево, коровы, повинаясь погонщикам, спокойно шли к подножию гор, а пастухи и волопасы дивились, глядя сверху на огоньки, сиявшие на остриях рогов, – им казалось, будто внизу стройно движется целое войско, освещая себе путь множеством светильников. Когда же рога, обгорев до самых корней, передали ощущение жжения живому мясу, коровы замотали от боли головами, зажигая друг на друге шерсть, и уже без всякого порядка, вне себя от страха и муки, ринулись вперед; лбы и кончики хвостов у них ярко сверкали, и почти повсюду, где они проносились, занимался лес и кустарник. Грозное это было зрелище для римлян, карауливших перевал: огни казались светильниками в руках бегущих людей, и нестерпимый страх овладел караульными при мысли, что враги несутся на них со всех сторон, что они окружены. Итак, не выдержав, они бросили проход и отступили к большому лагерю. В тот же миг подоспела легкая пехота Ганнибала и заняла перевал, тогда как остальная часть войска подошла уже в полной безопасности, тяжело обремененная огромной добычей.

7. Фабию еще ночью удалось разгадать обман (несколько коров отбились от стада и по одиночке попали в руки римлян), однако, боясь засад и темноты, он приказал своим сохранять боевую готовность, но со стоянки не снялся. Когда рассвело, он пустился в погоню и напал на тылы карфагенян; завязался рукопашный бой, позиция была неудобная, и это вызвало немалое замешательство, продолжавшееся до тех пор, пока посланные Ганнибалом испанцы, ловкие и проворные, опытные в лазании по горам, не ударили по первым рядам тяжелой пехоты римлян и, многих перебивши, обратили Фабию вспять. Вот когда брань зазвучала громче прежнего, а презрение к Фабию достигло предела. Ведь уступая Ганнибалу первенство в силе оружия, он рассчитывал одолеть его дальновидностью и силою ума, но и тут, оказывается, терпит поражение, попавшись в расставленные врагом сети! Чтобы еще пуще разжечь гнев римлян против Фабиия, Ганнибал, подойдя к его поместью, приказал спалить и разграбить все кругом, и лишь владений диктатора запретил касаться – мало того, приставил стражу, чтобы там ничего не повредили и ничего оттуда не похитили.

Весть об этом, достигнув Рима, умножила обвинения, трибуны без устали обличали Фабиия перед народом, и более всех усердствовал в злобных нападках Метилий – не столько из личной ненависти к диктатору, сколько надеясь, что клевета на него послужит к чести и славе начальника конницы Минуция, с которым Метилий был в родстве. Сенат был тоже разгневан – его возмутило соглашение о пленных, которое Фабий заключил с Ганнибалом: они уговорились обменивать человека на человека, если же у одной из сторон пленников окажется больше – платить за каждого двести пятьдесят драхм, и, когда обмен закончился, выяснилось, что у Ганнибала остается еще двести сорок римлян. Сенат решил выкупа за них не посылать и поставил Фабию на вид, что, стараясь вернуть тех, кто попал в руки врага из-

за собственного малодушия, он поступил недостойно и нецелесообразно. Получив такое порицание, Фабий встретил гнев сограждан спокойно, но, оставшись без средств и, в то же время, не считая возможным обмануть Ганнибала и бросить на произвол судьбы своих, отправил в Рим сына, чтобы тот продал его поместья, а вырученные деньги немедленно привез к нему в лагерь. Юноша продал земли и поспешно вернулся; тогда диктатор, отослав Ганнибалу выкуп, забрал пленных. Позже многие хотели возместить ему этот убыток, но он всем простил долг и ничего с них не взял.

8. Вскоре жрецы вызвали Фабия в Рим для участия в каком-то жертвоприношении, и он передал командование Минуцию, не только на правах главнокомандующего запретив ему вступать с неприятелем в сражение или в какие бы то ни было стычки, но и сопроводив свой приказ многочисленными увещаниями и просьбами. Минуций, однако, не придав всему этому ни малейшего значения, сразу же принялся тревожить карфагенян и однажды, выждав случай, когда Ганнибал большую часть своих людей отпустил для сбора продовольствия и корма, напал на оставшихся и загнал их в лагерь, нанеся врагу тяжелый урон и всем внушив страх перед осадой; когда же войска Ганнибала стали возвращаться, в полном порядке отступил, и сам безмерно кичась успехом, и воинам внушив дерзкую уверенность в своих силах.

Слух о победе, значительно приукрашенный, быстро достиг Рима, и Фабий сказал, что больше, чем неудачи Минуция, боится его удачи, а народ, ликуя, сбежался на форум, и трибун Метилий, взойдя на возвышение, произнес речь, в которой восхвалял Минуция, Фабия же обвинял в малодушии, в трусости и даже в предательстве, и не только Фабия, но вообще самых знатных и влиятельных граждан: они-де с самого начала затеяли эту войну для того, чтобы лишить народ всех прав и подчинить государство неограниченной власти одного человека, который своей медлительностью даст Ганнибалу возможность сначала закрепиться в Италии, а затем и покорить ее, получив свежее подкрепление из Африки.

9. Затем выступил Фабий. Он даже не подумал оправдываться и отвечать трибуну, но сказал, что... [*Текст в оригинале испорчен*] как можно скорее завершить жертвоприношения и другие обряды, чтобы вернуться к войску и наказать Минуция, который, послушавшись его приказа, вступил в бой. Видя, что Минуцию грозит опасность, народ поднял невообразимый шум: ведь диктатору дозволено заключать граждан в оковы и даже казнить без суда, а все были уверены, что, долго сдерживая себя, Фабий, наконец, ожесточился и что тем суровее и беспощаднее будет теперь его гнев. В страхе никто не решался произнести ни слова, но Метилий, которому обеспечивало неприкосновенность достоинство трибуна (только это звание и сохраняло силу после выбора диктатора, когда все прочие должностные лица складывали свои полномочия), настойчиво убеждал и просил народ не выдавать Минуция, не допустить, чтобы он разделил ту участь, на которую Манлий Торкват⁴⁶¹ обрек своего сына – юношу, совершившего великий подвиг и награжденного венком, но, не взирая на все это, обезглавленного; в заключение он призвал лишить Фабия верховной власти и вручить ее тому, кто и может и хочет спасти Рим.

Граждане не остались глухи к его словам: правда, при всем своем недовольстве Фабием, они не осмелились принудить его отказаться от диктатуры, но постановили, чтобы Минуций по положению был равен командующему и чтобы военными действиями руководили оба на равных правах – беспрецедентное для Рима решение, однако вскоре, после разгрома при Каннах, повторившееся. Случилось так, что диктатор Марк Юний находился с войсками в лагере, а поскольку в битве пало много сенаторов и состав сената требовалось пополнить, для дел внутригосударственных был избран другой диктатор – Фабий Бутеон. Однако, едва появившись перед народом и назначив новых сенаторов, он в тот же день отпустил ликторов, исчез из глаз своей свиты и, смешавшись с толпой, занялся на форуме

---

⁴⁶¹ 7. Манлий Торкват – консул 340 г., приказал казнить своего сына, который вопреки распоряжению консула-отца вышел на бой с латинянами и убил в поединке врага.

своими повседневными делами, как любое частное лицо.

10. Отведя Минуцию то же поле деятельности, что и диктатору, враги рассчитывали вконец унижить Фабия. Плохо же знали они этого человека! В заблуждении толпы он не усматривал личного своего несчастья, но, подобно мудрому Диогену, который в ответ на чье-то замечание: «Они над тобой насмеваются», сказал: «Ты ошибаешься, я не слышу насмешек», – справедливо рассудив, что насмеяться можно лишь над теми, кого это задевает и тревожит, – подобно Диогену, повторяю, бесстрастно и легко переносил случившееся, подтверждая мнение тех философов, которые считают, что человека порядочного и честного нельзя ни оскорбить, ни опорочить. Безрассудство народа огорчало его лишь постольку, поскольку оно шло во вред государству, – ведь неистовое честолюбие Минуция получило теперь средства проявить себя в боях, – и боясь, что бывший начальник конницы, совершенно потеряв голову от тщеславия и высокомерия, сразу же натворит каких-нибудь бед, Фабий тайно от всех покинул Рим.

Вернувшись в лагерь, он застал Минуция раздувшимся от несносной, поистине безудержной гордости, и тот потребовал, чтобы они командовали по очереди. На это Фабий не согласился и разделил с ним войско, предпочитая один командовать частью его, нежели всем целиком, но попеременно. Первый и четвертый легионы он оставил себе, а второй и третий передал Минуцию; поровну были разделены и вспомогательные отряды союзников. Минуций радовался и чванился, что-де ради него обезображена краса высшей и самой могущественной власти, но Фабий, взывая к его здравому смыслу, советовал не забывать, что его соперник – все же не Фабий, а Ганнибал; если же он ищет победы и над товарищем по должности, пусть остерегается, как бы не сложилось мнение, что взысканный почетом победитель меньше заботится о спасении и безопасности сограждан, чем униженный ими побежденный.

11. Но Минуций не увидел в этих словах ничего, кроме язвительной старческой насмешки. Забрав доставшуюся ему часть войска, он стал лагерем отдельно от Фабия. Ни одно из этих событий не ускользнуло от взгляда Ганнибала – он зорко за всем следил, выжидая своего часа. Между стоянками римлян и карфагенян возвышался холм, которым нетрудно было овладеть и который мог стать отличным местом для лагеря, выгодным во всех отношениях. Равнина вокруг его подошвы, лишенная растительности, издали казалась совсем гладкой, но на ней были небольшие рвы и другие углубления. Пользуясь ими, ничего не стоило тайно захватить холм, однако Ганнибал предпочел оставить его в качестве приманки и повода к битве. Когда же карфагенин узнал, что Минуций отделился от Фабия, то ночью рассадил часть своих людей по рвам и ямам, а на рассвете открыто отправил небольшой отряд занять холм, рассчитывая вызвать Минуция на бой. Так оно и случилось. Сначала римлянин выслал легкую пехоту, потом всадников и, наконец, заметив, что Ганнибал идет на подмогу своим, двинулся вниз со всем войском в боевом порядке. Завязалось ожесточенное сражение с теми, что метали копья с вершины холма; оно шло с переменным успехом до тех пор, пока Ганнибал, убедившись, что обман удался прекрасно и что тылы римлян, ничем не защищенные, обращены к его солдатам в засаде, не подал им сигнал. Тут они разом вскочили и с громким криком ринулись на врага со всех сторон. Последние ряды были изрублены, неопишущий ужас и смятение поднялись среди римлян, у самого Минуция дерзости тоже поубавилось, и он робко переводил взгляд с одного начальника на другого, но даже из них ни один не отважился остаться на месте – все обратились в беспорядочное бегство, которое однако не сулило спасения: нумидийцы⁴⁶², уже торжествуя победу, носились вокруг, убивая рассеявшихся по равнине.

12. Итак, римляне терпели жесточайшее бедствие, но опасность, грозившую им, видел Фабий, который, надо полагать, заранее зная, что должно произойти, держал войско в боевой готовности и сведения о том, как разворачиваются события, получал не через гонцов, но сам

---

⁴⁶² 8. Нумидийцы – из них преимущественно состояла конница Ганнибала.

вел наблюдение, выйдя за лагерный частокол. Когда он заметил, что римлян окружают и что ряды их смешались, когда крики упорно обороняющихся сменились испуганными воплями беглецов, Фабий в досаде хлопнул себя по бедру и с тяжелым вздохом сказал своим спутникам: «Клянусь Геркулесом, Минуций губит себя куда скорее, чем я предполагал, но куда медленнее, нежели он сам к этому рвался!» Он приказал, ни минуты не медля, выносить значки⁴⁶³, а воинам – следовать за ними и крикнул: «Теперь все, кто помнит Марка Минуция, вперед! Он замечательный человек и горячо любит отечество. Если же, спеша изгнать неприятеля, он и допустил ошибку, обвинять его будем потом!» Появившись на равнине, он первым делом разогнал и обратил в бегство рыскавших по ней нумидийцев, а потом напал на тех, что зашли римлянам в тыл; все, оказавшие сопротивление, были убиты, остальные же, боясь очутиться в кольце и испытать ту же участь, которую они сами готовили римлянам, дрогнули и побежали. Когда Ганнибал увидел, что в битве наступил перелом и что Фабий с неожиданной для его лет силой прокладывает себе меж сражающимися путь к Минуцию, вверх по склону холма, он прервал бой и велел трубить отступление; карфагеняне отошли в свой лагерь, и римляне охотно последовали их примеру. Говорят, что по пути Ганнибал шутливо заметил друзьям: «Ну вот, вам, пожалуйста! Ведь я не раз предсказывал, что эта туча, обложившая вершины, в один прекрасный день разразится грозой с ливнем и градом!»

13. Фабий приказал снять доспехи с убитых врагов и отступил, не обмолвившись ни одним высокомерным или гневным словом о своем товарище по должности. Минуций же, собрав своих, сказал: «Друзья и соратники! ни разу не ошибиться, совершая подвиги, – выше человеческой природы; но человеку благородному свойственно, раз оступившись, извлечь из этого уроки на будущее. Должен признаться, что у меня не много оснований хулить судьбу и гораздо больше – ее восхвалять. За какую-то малую часть дня мне открылось то, что я так долго не понимал: я узнал, что не способен начальствовать над другими, мало того – сам не могу обойтись без начальника, и что нечего рваться к победе над тем, кому лучше покориться. У вас нет другого начальника, кроме диктатора, я же останусь вашим главою лишь в изъявлениях благодарности ему, первым исполняя все его приказания!» Затем он велел поднять орлов и повел войско к лагерю Фабия; войдя в ворота, он, сопровождаемый всеобщим изумлением и недоуменными взглядами, направился к палатке командующего. Когда вышел Фабий, Минуций приказал сложить перед ним значки и громко приветствовал его, назвав «отцом», меж тем как воины почтили воинов Фабия обращением «патроны» (этим именем вольноотпущенники зовут тех, кто отпустил их на волю). Наконец, настала тишина, и Минуций заговорил: «Две победы, диктатор, одержал ты сегодня: храбростью одолел Ганнибала, мудростью и добросердечием – товарища по должности; первую ты нас спас, вторую – научил уму-разуму, нас, потерпевших позорное поражение от Ганнибала, прекрасное и спасительное – от тебя. Я назвал тебя добрым отцом потому, что не знаю имени почтнее, но моя признательность тебе выше и горячее, нежели родному отцу, благодаря коему увидел свет один только я, меж тем как ты спас и меня и всех их!» С этими словами он обнял и поцеловал Фабия, а вслед за начальниками и воины стали обнимать и целовать друг друга, так что весь лагерь был полон радости и самых сладких слез.

14. Вскоре Фабий сложил с себя власть, и снова были избраны консулы. Первые из них, непосредственно сменившие Фабия, вели войну теми же средствами, что и он, – избегали решительного сражения с Ганнибалом, оказывали помощь союзникам, препятствовали их отложению; но когда консулом сделался Теренций Варрон, человек из малоизвестного рода, но стяжавший известность своей самонадеянностью и искательством перед народом, с самого начала было ясно, что его неопытность и дерзкое безрассудство поставят под угрозу судьбу всего государства. В Собрании он всякий раз кричал, что войне до тех пор не будет

---

⁴⁶³ 9. Значки – орлы на древках, боевые знамена легионов. Битва произошла близ Казилина, где занимал позиции Фабий Максим.

конца, пока командование поручают Фабиям, а что-де сам он разобьет противника в тот же день, как его увидит. Ведя подобные речи, он набирал такое огромное войско, какого у римлян никогда еще не бывало: в строй готовились стать восемьдесят восемь тысяч человек, и это не внушало Фабия и всем здравомыслящим римлянам ничего, кроме страха. Они были убеждены, что государству не оправиться от потери, если оно разом лишится стольких бойцов. Вот почему Фабий, обращаясь к товарищу Теренция по должности, Эмилию Павлу, искушенному в делах войны, но расположением народа не пользовавшемуся и запуганному обвинительным приговором, который был ему вынесен по какому-то делу, призывал его обуздать безумие товарища и внушал, что бороться за отечество ему предстоит не столько с Ганнибалом, сколько с Теренцием; оба, говорил он, спешат со сражением, один – не зная силы противника, другой – зная собственную слабость. «Право же, Павел, – закончил Фабий, – я заслуживаю большего доверия, чем Теренций, во всем, что касается Ганнибала, и я, не колеблясь, утверждаю, что если в этом году никто не потревожит его битвой, он либо погибнет, оставаясь в Италии, либо бежит без оглядки. Ведь даже теперь, когда он, казалось бы, победитель и владыка, никто из наших врагов к нему не примкнул, а из тех сил, какие он привел с собою, едва ли цела и третья часть». На это, как сообщают, Павел отвечал так: «Когда я думаю только о себе, Фабий, то для меня вражеские копья лучше нового суда сограждан. Но коль скоро таковы нужды государства, я предпочту, руководя войском, услышать похвалу от тебя, нежели от всех прочих, навязывающих мне противоположные решения». Сделав такой выбор, Павел уехал.

15. Но Теренций настоял на том, чтобы консулы командовали попеременно – каждый по одному дню, и, расположившись лагерем рядом с Ганнибалом, у реки Ауфиды, подле деревушки, называемой Канны, на рассвете поднял сигнал битвы (это пурпурный хитон, который растягивают над палаткой полководца). Поначалу даже карфагеняне пришли в смятение, изумленные отвагой командующего и размерами войска: ведь они уступали противнику числом более чем вдвое. Ганнибал приказал своим вооружаться, а сам в сопровождении нескольких всадников поднялся на невысокий пригорок и стал наблюдать за противником, который уже строился в боевые ряды. Один из его спутников, по имени Гискон, человек равного с ним положения, сказал, что число врагов кажется просто поразительным. «Но есть вещь еще более поразительная, Гискон, и ты ее проглядел», – возразил Ганнибал, прищурившись. «Что же это?» – спросил Гискон. «А то, что среди такого множества людей нет ни одного, которого бы звали Гисконом!» Шутка была совершенно неожиданной, все рассмеялись и, спускаясь с холма, пересказывали ее каждому встречному, так что смех все ширился, и даже сам Ганнибал не мог сдержать улыбки. Увидев это, карфагеняне приободрились, считая, что лишь глубочайшее презрение к неприятелю позволяет их полководцу так спокойно смеяться и шутить перед лицом опасности.

16. Во время битвы Ганнибал применил несколько военных хитростей. Во-первых, он так расположил своих солдат, что ветер дул им в спину. А ветер этот был подобен знойному вихрю – вздымая на открытой, песчаной равнине густую пыль, он проносил ее над рядами карфагенян и бросал в лицо римлянам, которые волей-неволей отворачивались, нарушая строй. Во-вторых, на обоих крыльях он поставил сильнейших, самых искусных и отважных воинов, а самыми ненадежными заполнил середину, выстроенную в виде выступавшего далеко вперед клина. Отборные получили приказ: когда римляне взломают центр, который, естественно, поддастся назад, принимая очертания впадины, и ворвутся внутрь карфагенского строя, совершить поворот и стремительно ударить им в оба фланга, чтобы полностью окружить неприятеля. Это, по-видимому, и было главной причиной чудовищной резни. Когда центр карфагенян стал отходить и римляне, бросившись в погоню, оказались в глубине неприятельских рядов, строй Ганнибала изменил свою форму и сделался похож на полумесяц, и тут лучшие отряды, выполняя приказ начальников, быстро повернули – один направо, другие налево, – напали на обнаженные фланги противника и, соединившись, истребили всех, кто не успел выскользнуть из их кольца.

Говорят, что и с конницей римлян приключилась неожиданная беда. Конь под Павлом

был, вероятно, ранен и сбросил хозяина; ближайшие к консулу всадники, один за другим спешившись, кинулись ему на помощь, и, увидев это, остальные решили, что была подана общая команда, соскочили с коней и начали рукопашный бой. «На мой вкус, это еще лучше, чем если бы они сами сдались в плен», – заметил тогда Ганнибал. Такие подробности приводят авторы обстоятельных исторических сочинений.

Один из консулов, Варрон, с немногими сопровождающими ускакал в город Венусию, а Павел, втянутый в гущу и водоворот бегства, весь израненный копьями и дротиками, подавленный тяжелейшей скорбью, сел на какой-то камень и ждал смерти от руки врага. Кровь так обильно залила ему голову и лицо, что даже друзья и слуги проходили мимо, не узнавая его. Только один человек заметил и узнал консула – молодой патриций Корнелий Лентул. Он спрыгнул с коня, подвел его к Павлу и принялся умолять, чтобы тот спас себя ради сограждан, которые-де теперь, как никогда, нуждаются в хорошем полководце. Но Павел не склонился на его просьбы; не обращая внимания на слезы юноши, он заставил его снова сесть на коня, подал ему руку и промолвил, поднимаясь с места: «Расскажи, Лентул, Фабию Максиму и сам будь свидетелем, что Павел Эмилий следовал его советам до конца и ни в чем не нарушил уговора, но был побежден сначала Варроном, а затем Ганнибалом». С этим поручением Павел отпустил Лентула, а сам бросился в самую сечу и нашел свою смерть. Сообщают, что в сражении погибло пятьдесят тысяч римлян, в плен попало четыре тысячи, да еще не меньше десяти тысяч было захвачено в обоих лагерях после окончания битвы.

17. После такого блистательного успеха друзья горячо убеждали Ганнибала не упускать своего счастья и по пятам беглецов ворваться в Рим. «Через четыре дня ты будешь обедать на Капитолии», – говорили они. Трудно сказать, что за соображения удержали его от этого – вернее всего, не разум, а какой-то гений или бог внушил ему эту робость и медлительность. Недаром, как сообщают, карфагенянин Барка в сердцах заявил своему главнокомандующему: «Ты умеешь побеждать, но пользоваться победой не умеешь!»

И все же победа резко изменила положение Ганнибала: если до битвы он не владел в Италии ни единым городом, торговым портом или хотя бы даже гаванью, едва-едва мог прокормить своих людей с помощью грабежа и, выступая в поход, не оставлял за спиной никакого надежного убежища, но скитался с войском, точно с огромною разбойничьей шайкой, то теперь сделался господином почти всей Италии. Большая часть самых значительных племен добровольно покорилась ему. Капуя, первый город в Италии после Рима, распахнула перед ним свои ворота. Немалое несчастье, по слову Эврипида⁴⁶⁴, должно испытать, чтобы убедиться в верности друзей, но то же следует сказать и о благоразумии полководцев. И в самом деле, трусость и равнодушие Фабия, о которых без умолку толковали до битвы, сразу же после нее обернулись не просто человеческой мудростью, но некоей божественной, поистине чудесной проницательностью, так задолго предвидевшей события, поверить в кои было нелегко даже теперь, испытав их на себе. Поэтому сразу все последние свои надежды Рим возложил на него, к рассудительности этого мужа прибег точно к храму и священному алтарю, и его здравомыслие было первой и главнейшей причиной того, что город остался цел и население не рассеялось, как во время кельтского нашествия. Тот самый человек, который прежде, когда, по общему суждению, никакой опасности не было, выказывал крайнюю осторожность и полнейшее неверие в успех, ныне, когда все погрузилось в безграничную скорбь и неодолимое смятение, один проходил по городу твердою поступью, со спокойным лицом, с ласковым приветствием на устах, обрывал женские причитания, заставлял расходиться тех, что, сбившись в кучки, горевали и плакали на людях; он уговаривал сенаторов собраться, он ободрял должностных лиц и, будучи сам воплощением власти и силы, привлек к себе взоры всех властей.

18. Он приставил к воротам караульных, чтобы чернь не разбежалась и не покинула

---

⁴⁶⁴ 10. ...по слову Эврипида – Из неизвестной трагедии.

город, назначил место и время для траура, приказав, чтобы каждый, кто пожелает, оплакивал своих мертвых у себя дома в продолжение тридцати дней; после этого всякий траур надлежит прекратить, чтобы от слез и скорби не осталось и следа. Поскольку на эти дни пришелся праздник в честь Цереры⁴⁶⁵, сочтено было за лучшее вовсе не приносить жертв и не устраивать шествия, нежели малочисленностью и унынием собравшихся воочию показать ужасные размеры бедствия: ведь и божество радуется лишь тем почестям, которые воздают счастливые люди. Зато все меры, которые по совету прорицателей следовало принять, чтобы умиловить богов и отвратить дурные знамения, были использованы. Пиктора, родственника Фабия, отправили в Дельфы спросить оракула; обнаружив двух весталок, потерявших чистоту, одну из них заживо зарыли в землю, как того требует обычай (другая сама наложила на себя руки). Но что всего больше заслуживает восхищения, так это благородное милосердие римлян, проявившее себя, когда возвратился консул Варрон, бежавший с поля сражения; он возвращался жалкий и униженный, как и подобало после такой неудачи и такого позора, но сенат и весь народ вышли к воротам, чтобы его встретить и приветствовать. Власти и знатнейшие сенаторы (в числе их и Фабий), дождавшись тишины, похвалили консула за то, что, несмотря на великое несчастье, он не поддавался отчаянию, но в уверенности, что и законы и сограждане могут еще быть спасены, вернулся, чтобы принять бразды правления.

19. Когда стало известно, что Ганнибал после битвы двинулся прочь от Рима, римляне воспрянули духом и снова стали снаряжать в поход войска и выбирать полководцев. Среди полководцев самыми знаменитыми были Фабий Максим и Клавдий Марцелл, которые стяжали почти одинаковую славу, хотя и держались взглядов чуть ли не противоположных. Марцелл, как об этом говорится в его жизнеописании⁴⁶⁶, отличался неукротимой предприимчивостью и гордостью, был могучий боец, по самой природе своей один из тех, кого Гомер называет «бранелюбивыми» и «доблестными»; дерзкому и неустрашимому Ганнибалу он противопоставил собственную дерзость, и с первых же стычек повел дела отважно, без оглядки. Между тем, Фабий, верный своим прежним расчетам, надеялся, что Ганнибал, без всяких битв и столкновений, сам нанесет себе непоправимый урон и окончательно истощит в войне свои силы – подобно борцу, который от чрезмерного напряжения очень быстро изнемогает. Поэтому, как сообщает Посидоний, римляне прозвали его «щитом», а Марцелла «мечом»; по словам того же Посидония, твердость и осторожность Фабия, соединившись с рвением Марцелла, оказались спасительными для Рима. И верно, Марцелл был для Ганнибала словно бурный поток, и встречи с ним не раз приводили карфагенянина в трепет, сеяли смятение в его войске, меж тем как Фабий изнурял и подтачивал его незаметно, будто река, которая непрерывно бьет в берег, бесшумно и понемногу его подмывая, и в конце концов, Ганнибал, утомленный боями с Марцеллом и страшившийся Фабия, который от боев воздерживался, оказался в весьма затруднительном положении. Ведь почти все время его противниками оказывались эти двое, которых сограждане выбирали то преторами, то проконсулами, то консулами: каждый из них был консулом пять раз⁴⁶⁷. Но если Марцелла в пятое его консульство Ганнибал все же заманил в засаду и убил, то с Фабием все его многочисленные попытки, как ни изоощрял он свою хитрость, кончались ничем, если не считать одного случая, когда он едва не провел римского полководца. От имени первых и влиятельнейших граждан Метапонта он написал и отправил

⁴⁶⁵ 11. ...праздник в честь Цереры ... – 13 сентября (216 г.): в этом празднике запрещалось принимать участие тем, кто был в трауре (Ливий, XXII, 56).

⁴⁶⁶ 12. ...в его жизнеописании ... – Марц., 9.

⁴⁶⁷ 13. ...каждый из них был консулом пять раз ... – Фабий был консулом в 233, 228, 215, 214, 209 гг., Марцелл – в 222, 215, 214, 210, 208 гг.

Фабию письмо, в котором говорилось, что они сдадут ему город, если он подступит к стенам Метапонта, и что участники заговора только и ждут, пока он подойдет поближе. Это послание оказало свое действие, и Фабий с частью войска уже готов был ночью двинуться в путь, но гадания по птицам предвещали беду, и он отказался от принятого решения, а в самом недолгом времени узнал, что письмо отправлено Ганнибалом, который приготовил ему у Метапонта засаду. Впрочем, этот счастливый исход можно приписать и благосклонности богов.

20. На отпадения городов и мятежи союзников Фабий предпочитал отвечать кроткими уговорами, старался мягко удержать и пристыдить бунтарей, а не учинять розыски по каждому подозрению и вообще не относиться к заподозренным сурово и непримиримо. Рассказывают, что когда один воин из племени марсов, человек знатного происхождения и первый среди союзников храбрец, подбивал кого-то из товарищей вместе изменить римлянам, Фабий не рассердился, а, напротив, признал, что того незаслуженно обошли, и только заметил, что теперь мол этот воин справедливо винит начальников, распределяющих награды скорее по своему вкусу, нежели по заслугам бойцов, но впоследствии будет сам виноват, ежели, терпя в чем-то нужду, не обратится за помощью к самому Фабию. Затем он дал марсу боевого коня, отличил его и другими почетными дарами, так что впредь этот воин славился безупречнейшею верностью и усердием. Фабий считал нелепым, что, в то время как всадники и охотники смиряют в животных норы и злобу больше заботою, ласкою и кормом, чем плеткой или ошейником, те, кто облечен властью над людьми, редко стараются их исправить посредством благожелательной снисходительности, но обходятся с подчиненными круче, нежели земледельцы с дикими смоковницами, грушами и маслинами, когда превращают эти деревья в садовые, облагораживая их породу.

Как-то раз центурионы донесли Фабию, что другой воин, родом луканец, часто отлучается из лагеря, покидая свой пост. Фабий осведомился, что вообще знают они об этом человеке. Все заверили, что второго такого воина найти нелегко, и привели несколько примеров его замечательной храбрости; тогда Фабий стал искать причину этих отлучек и выяснил, что луканец влюблен в какую-то девчонку и, уходя из лагеря, чтобы с нею встретиться, проделывает всякий раз долгий и опасный путь. И вот, не сказав ему ни слова, Фабий послал за этой бабенкой, спрятал ее у себя в палатке, а потом вызвал виновного и обратился к нему с такой речью: «Мне известно, что ты, вопреки римским обычаям и законам, часто ночуешь вне лагеря. Впрочем, и прежнее твое поведение мне небезызвестно, а потому во внимание к подвигам прощаю провинности, но на будущее приставлю к тебе новую стражу». Воин недоумевал, что все это значит, а Фабий, выведя женщину, передал ее влюбленному и промолвил: «Она будет порукой тому, что ты останешься с нами в лагере, а ты сможешь теперь на деле доказать, не уходил ли ты с какими-либо иными намерениями и не была ли любовь пустою отговоркой». Вот что об этом рассказывают.

21. Тарент, захваченный изменою, Фабий отбил у врага следующим образом. В римском войске служил молодой тарентинец, у которого в городе оставалась преданная и нежно привязанная к нему сестра. Ее полюбил бруттиец, командовавший отрядом, который Ганнибал поставил в Таренте. Это внушило тарентинцу надежду на успех, и он, с ведома и согласия Фабия, проник в город, по слухам же – бежал к сестре. Прошло несколько дней – бруттиец не показывался: женщина думала, что брат ничего не знает об их связи. Наконец юноша ей говорит: «У нас там были толки, будто ты живешь с каким-то важным начальником. Кто это такой? Если правда, что он человек порядочный и блистающий доблестью, не все ли равно, откуда он родом! Война ведь все смешивает! К тому же подчиниться принуждению – не позор, более того, великая удача, если в эту пору, когда о справедливости нет уже и речи, приходится подчиняться насилью не слишком грубому». После этого разговора женщина послала за бруттийцем и познакомила с ним брата, а тот, покровительствуя его страсти, так что сестра, казалось, стала к возлюбленному добрее и ласковее, чем прежде, быстро вошел к варвару в доверие и, в конце концов, без особого труда склонил влюбленного, да вдобавок еще наемника, к измене, посулив ему от имени

Фабия богатые дары. Так излагает эти события большинство писателей. Некоторые называют виновницей измены бруттийца не тарентинку, а бруттийку, наложницу Фабия; узнав, что начальник бруттийского отряда – ее земляк и знакомый и сообщив об этом Фабию, она отправилась к городской стене, завязала с ним беседу и убедила перейти на сторону римлян.

22. Тем временем, чтобы отвлечь внимание Ганнибала, Фабий отправил войску, стоявшему в Региі, приказ совершить набег на Бруттий и взять приступом Кавлонию; в Региі находилось восемь тысяч солдат – главным образом перебежчики и ни на что не годный сброд, перевезенный Марцеллом из Сицилии, – а потому гибель этих людей не могла причинить государству почти никакого горя или ущерба. Подставив их под удар Ганнибала, Фабий бросил приманку, которая, по его расчетам, должна была увести карфагенян от Тарента. Так оно и вышло: Ганнибал с войском немедленно устремился в Бруттий. Фабий осадил Тарент, и на шестую ночь к нему прибыл юноша, вступивший через сестру в сговор с бруттийцем; перед тем как уйти из города, он запомнил и старательно рассмотрел место, где бруттиец собирался, неся караул, впустить римлян. Тем не менее Фабий не положился на это всецело: сам он подошел к стене и стал спокойно ждать, а остальное войско, со страшным шумом и криком, бросилось на приступ одновременно и с суши и с моря, так что большинство тарентинцев побежали на подмогу тем, кто оборонял укрепления; в это время бруттиец подал Фабию знак, и римляне, взобравшись по лестницам, захватили город. И тут, по-видимому, Фабий не устоял перед соблазном честолюбия: он приказал казнить знатнейших бруттийцев, дабы не обнаружилось, что Тарент оказался в его руках вследствие предательства. Однако он не только обманулся в своих надеждах скрыть правду, но и навлек на себя обвинения в вероломстве и жесткости.

Погибли и многие тарентинцы; тридцать тысяч горожан были проданы в рабство, город разграблен войском; в казну поступило три тысячи талантов. Говорят, что в самый разгар грабежа писец спросил Фабия, что делать с богами (он имел в виду картины и статуи). «Оставим тарентинцам их разгневанных богов», – ответил Фабий. Все же он увез огромное изображение Геракла и воздвигнул его на Капитолии, а рядом – свою конную статую из бронзы, поступив в этих обстоятельствах гораздо неразумнее Марцелла или, говоря вернее, вообще показав, что своей мягкостью и человеколюбием этот муж заслуживает восхищения, как о том говорится в его жизнеописании⁴⁶⁸.

23. Рассказывают, что Ганнибал поспешно возвращался и был уже всего в сорока стадиях от Тарента; узнав, что город взят, он заявил напрямик: «Стало быть, и у римлян есть свой Ганнибал: мы потеряли Тарент так же, как раньше захватили». Тогда он впервые доверительно признался друзьям, что уже давно понял, как трудно овладеть Италией с теми силами и средствами, которыми они располагают. «Теперь же, – заключил Ганнибал, – я убедился, что это невозможно».

Свой второй триумф Фабий справил пышнее, чем первый: ведь в этой схватке с Ганнибалом он явил себя отличным борцом и легко разрушал его замыслы, словно вырываясь из обхватов, уже не отличавшихся, однако, прежнею силой. В самом деле, часть карфагенского войска опустилась и обессилела под влиянием роскоши и богатства, другая же была изнурена и точно отупела, не зная отдыха в сражениях.

Был некий Марк Ливий, он командовал отрядом в Таренте; когда Ганнибал склонил город к отпадению, он не смог вытеснить Ливия из крепости, и тот продержался до тех пор, пока римляне снова не овладели городом. Почести, оказываемые Фабию, не давали ему покоя, и однажды, сгорая от зависти и неутоленного тщеславия, он заявил сенату, что захватом Тарента Рим обязан не Фабию, а ему. «Ты прав! – засмеялся Фабий. – Если бы ты не потерял город, я бы не смог его взять».

24. Римляне всячески старались выразить Фабию свое расположение и, между прочим,

⁴⁶⁸ 14. ...в его жизнеописании ... – Марц., 21.

избрали консулом его сына, тоже Фабия по имени. Однажды, когда он, уже вступив в должность, занимался каким-то делом, связанным с войною, отец, то ли по старости и бессилию, то ли намереваясь испытать сына, хотел подъехать к нему верхом на коне, раздвинув окружающую консула толпу. Издали заметив его, молодой человек не смолчал, но через ликтора велел отцу спешиться и подойти, если у него есть дело к властям. Все были огорчены и раздосадованы этим приказом и, не произнося ни слова, обернулись к Фабию, слава которого, по общему мнению, была незаслуженно оскорблена. Но сам он поспешно соскочил на землю, подбежал к сыну, обнял его и поцеловал. «Ты верно рассудил, сын мой, – воскликнул Фабий, – и поступил верно, понимая, над кем ты властвуешь и каково величие этой власти! Именно так и мы, и предки наши возвысили Рим: благо отечества неизменно было нам дороже родителей и детей». Действительно, как сообщают, прадед Фабия⁴⁶⁹, который пользовался у римлян необыкновенным почетом и влиянием, пять раз избирался консулом и справлял блистательные триумфы, счастливо завершив самые опасные для государства войны, пошел в консульство своего сына вместе с ним на войну в звании легата, и во время триумфа сын ехал на запряженной четверкою колеснице, а отец вместе с прочими сопровождал его верхом, радуясь тому, что он, владыка над сыном, величайший среди сограждан и по существу и даже по прозвищу, подчинил себя закону и власти должностного лица. Впрочем, он заслуживал восхищения не одним только этим поступком.

Фабию выпало на долю пережить смерть сына; он встретил горе с чрезвычайно сдержанностью, как и надлежало разумному человеку и хорошему отцу, и сам сказал на форуме похвальное слово – какое обычно на похоронах знаменитого человека произносят близкие умершего, а потом записал и издал эту речь.

25. Когда же Корнелий Сципион, посланный в Испанию, изгнал оттуда карфагенян, одержав верх во многих битвах, и подчинил римлянам многое множество народов и больших городов, приобрел для них огромное богатство, снискав себе тем такую любовь и такую славу, какими до него не пользовался ни один человек, а затем, став консулом и чувствуя, что народ ожидает и требует от него великих деяний, счел борьбу с Ганнибалом в Италии вконец изжившей себя затеей, и, замыслив немедленно перенести театр войны в Африку, наводнить ее оружием и войсками и предать опустошению самый Карфаген, прилагал все усилия к тому, чтобы увлечь народ своим планом, – вот тут Фабий, запугивая город, который, по его убеждению, шел вслед за молодым и безрассудным человеком навстречу величайшей, смертельной опасности, и словом и делом старался отвлечь сограждан от решения, к которому они склонялись. Сенат ему удалось убедить, но народ считал, что Фабий противится начинаниям Сципиона, завидуя его удачам и страшась, как бы тот не совершил великого и блистательного подвига – не кончил войну вовсе или хотя бы не изгнал ее из пределов Италии: ведь в таком случае каждому станет ясно, что сам Фабий, который за столько лет не мог добиться решительной победы, действовал вяло и лениво.

Похоже на то, что вначале Фабия побуждали к сопротивлению крайняя осторожность и осмотрительность, боязнь опасности, которая казалась ему очень грозной, но затем, все больше напрягая силы и заходя все дальше, он руководился уже честолюбием. Стремясь помешать возвышению Сципиона, он даже уговаривал Красса, товарища Сципиона по должности, не уступать ему поста главнокомандующего, но самому переправиться за море и пойти на Карфаген. Мало того, его стараниями Сципион не получил денег на военные расходы и, вынужденный добывать их, как умеет, обратился за помощью к этрусским городам, питавшим к нему особое расположение. Красса же удержала в Риме прежде всего собственная натура – мягкая, спокойная и менее всего воинственная, а затем обязанности верховного жреца.

26. Тогда Фабий обрушился на Сципиона с другой стороны: он удерживал и

⁴⁶⁹ 15. Прадед Фабия – упомянутый выше (гл. 1) Кв. Фабий Максим Руллиан, консул 322, 310, 308, 297, 295 гг., триумфатор 309 и 295 гг.; сын его Кв. Фабий Максим Гургит был консулом 292 г.

отговаривал молодых людей, желавших отправиться в поход, кричал в сенате и Народном собрании, что Сципион не просто бежит от Ганнибала, но увозит из Италии всю оставшуюся у Рима силу, в своекорыстных целях соблазняя молодежь пустыми надеждами и побуждая бросить на произвол судьбы родителей, жен и отечество, у ворот которого стоит победоносный, неодолимый враг. Своими речами он запугал римлян до такой степени, что они постановили отдать под начало Сципиону лишь войско, находившееся в Сицилии да еще позволили ему взять с собою триста доказавших свою преданность воинов из числа служивших в Испании.

До тех пор казалось, что все действия Фабия вытекают из особенностей его натуры. Но когда Сципион высадился в Африке и сразу же в Рим полетели вести о его удивительных подвигах, о величии и блеске его побед, а вслед за молвою, подтверждая ее, прибыла огромная добыча и пленный нумидийский царь⁴⁷⁰, когда в один день были сожжены до тла два лагеря и пожар погубил немало вражеских солдат, немало коней и оружия, когда из Карфагена выехали послы к Ганнибалу просить его, чтобы он оставил свои неисполнившиеся и неисполнимые надежды и подал помощь отечеству, а в Риме имя Сципиона было у всех на устах, – даже тогда Фабий не удержался и предложил сменить командующего, хотя не мог привести никаких оснований и только сослался на общепринятое мнение, что, мол, небезопасно в делах большой важности полагаться на удачу одного человека, ибо трудно себе представить, чтобы счастье постоянно улыбалось одному и тому же. Но на этот раз народ выслушал его с возмущением: говорили, что он просто ворчун и завистник или же от старости растерял все свое мужество, изверился во всех надеждах и потому дрожит перед Ганнибалом больше, чем следует. И верно: Ганнибал со своим войском уже отплыл из Италии, а Фабий все еще старался омрачить радость сограждан и поколебать их уверенность в себе, твердя, что как раз теперь государство стремительно летит навстречу опасности и положение его в высшей степени ненадежно. Ведь в Африке, говорил он, под стенами Карфагена, Ганнибал будет сражаться еще ожесточеннее и Сципиону предстоит встреча с воинами, на руках у которых еще не высохла кровь многочисленных полководцев – диктаторов и консулов. В конце концов он добился своего: город снова пришел в смятение и, хотя война была перенесена в Африку, поверил, что беда подступила к Риму ближе прежнего.

27. Но скоро Сципион разбил в сражении и самого Ганнибала, низверг и растоптал гордыню покорившегося Карфагена, принеся согражданам радость, превзошедшую все ожидания, и поистине

Он город, бурей потрясенный, вновь воздвиг⁴⁷¹.

Фабий Максим не дожил, однако, до конца войны и уже не услышал о поражении Ганнибала, не увидел великого и неколебимого благополучия своего отечества: около того времени, когда Ганнибал покинул Италию, он заболел и умер.

Эпаминонда фиванцы похоронили на общественный счет – в такой бедности он скончался (говорят, что в доме умершего не нашли ничего, кроме железного вертела). Погребение Фабия не было принято на счет государства, но каждый из римлян частным образом принес ему самую мелкую монетку – не вспомоществование неимущему, но взнос на похороны отца народа, так что и по смерти этот человек стяжал почет и славу, достойные его жизни.

⁴⁷⁰ 16. Нумидийский царь – Сифак, взятый в плен в 203 г.

⁴⁷¹ 17. Он город бурей потрясенный, вновь воздвиг . – Софокл, Антигона, 163.

[Сопоставление]

28 (1). Таковы события жизни того и другого. Оба оставили много замечательных примеров гражданской и воинской доблести, но, говоря о военных заслугах, прежде всего следует заметить, что Перикл стоял у власти в ту пору, когда афинский народ находился на вершине благоденствия и могущества, а потому в неизменных удачах Перикла и полной свободе его от ошибок можно, пожалуй, видеть следствие счастливой судьбы и мощи всего государства в целом, меж тем как деятельность Фабия, принявшего на себя руководство в самое тяжелое и бедственное для Рима время, не обеспечила городу полной безопасности, но лишь улучшила его положение. После успехов Кимона, трофеев, воздвигнутых Миронидом и Леократом, великих и многочисленных побед Толмида, Перикл получил в управление город, который больше нуждался в устроителе празднеств, чем в полководце – завоевателе или защитнике. Фабий, перед глазами которого были многочисленные поражения и частое бегство, смерть многих главнокомандующих, озера, равнины и леса, заваленные убитыми, реки, текущие кровью и несущие на волнах своих трупы вплоть до самого моря, – сам сохраняя мужество, пришел на помощь государству, стал ему надежной опорой и не дал прежним промахам и ошибкам окончательно увлечь его в бездну. Правда, мне могут сказать, что не столь трудно твердо править государством, которое унижено бедствиями и в силу необходимости послушно внимает разумным наставлениям, сколь наложить узду на дерзость и наглость народа, безмерно чванящегося своим счастьем. А ведь таким-то именно образом и властвовал Перикл над афинянами! И все же тяжесть и многочисленность обрушившихся на римлян несчастий доказывают, что подлинно велик, подлинно могуч духом был Фабий Максим, который, невзирая ни на что, не смутился и не оставил своих планов.

29 (2). Самосу, захваченному Периклом, можно противопоставить взятие Тарента, Эвбее, клянусь Зевсом, – кампанские города (кроме самой Капуи, которой овладели консулы Фульвий и Аппий). В открытом бою Фабий, по-видимому, одержал победу только раз – ту, за которую получил свой первый триумф. Перикл же девятикратно воздвигал трофей, одолевая врагов на суше и на море. Но среди подвигов Перикла нет равного тому, который совершил Фабий, вырвав Минуция из когтей Ганнибала и спасши целое римское войско, – прекрасное деяние, свидетельствующее разом и о мужестве, и о мудрости, и о доброте. Зато и среди ошибок Перикла нет равной той, какую допустил Фабий, введенный в заблуждение Ганнибаловой хитростью с коровами, когда, захватив врага в ущелье, – карфагеняне забрели туда сами, по счастливой для римлян случайности, – он ночью дал ему уйти, не разгадав обмана, а днем в свою очередь подвергся нападению и был разбит тем, кого, казалось бы, уже держал в руках, но кто упредил его, превзойдя в проворстве.

Хорошему полководцу присуще не только правильно пользоваться сложившимися обстоятельствами, но и верно судить о будущем – и война для афинян завершилась точно так, как предвидел и предсказывал Перикл: вмешиваясь во множество чужих дел, они себя погубили. Напротив, римляне, не послушавшись Фабия и послав Сципиона на Карфаген, одержали полную победу не милостью судьбы, но мудростью и храбростью полководца, несмотря на сопротивление неприятеля. Итак, в первом случае несчастья отечества подтвердили правоту одного, во втором – успехи сограждан показали, как был далек от истины другой. А между тем, попадет ли полководец неожиданно в беду или упустит по своей недоверчивости счастливый случай – ошибка и вина его равно велики, ибо, по-видимому, и дерзость и робость имеют один источник – неведение, неосведомленность. Вот и все о ратном искусстве.

30 (3). Теперь о государственных делах. Главное обвинение против Перикла – это война: утверждают, что он был ее виновником, так как ни в чем не желал уступить спартанцам. Впрочем, я полагаю, что и Фабий Максим не уступил бы карфагенянам, но мужественно, не страшась опасностей боролся за первенство. А вот мягкость и снисходительность Фабия к Минуцию обличает жестокость Перикла в борьбе против Кимона и Фукидида: этих благородных людей, приверженцев аристократии, он подверг

остракизму и отправил в изгнание. Силы и власти у Перикла было больше, чем у Фабия. Поэтому он не допускал, чтобы кто-либо из стратегов своим неверным решением причинил вред государству; один лишь Толмид ускользнул, вырвался из-под его надзора и потерпел неудачу в борьбе с беотийцами, а все прочие неизменно присоединялись к его мнению и сообразовывались с его намерениями – так велика была сила Перикла. Фабий уступает ему в том отношении, что, сам храня осторожность и избегая ошибок, не мог помешать ошибаться другим. Никогда бы римляне не испытали столь жестоких бедствий, если бы Фабий у них обладал такою же властью, как Перикл у афинян. Благородное нестяжательство Перикл доказал, не приняв денег, которые ему давали, а Фабий – оказав щедрую помощь нуждающимся, когда выкупил пленных на свои собственные средства (правда, расход был не так уж велик – всего около шести талантов). Пожалуй, и не счесть, сколько возможностей поживиться за счет союзников и царей предоставляло Периклу его положение, но он остался неподкупен, ни разу не запятнал себя взяткой.

Наконец, если говорить о размерах работ и о великолепии храмов и других зданий, которыми Перикл украсил Афины, то все, выстроенное в Риме до Цезарей, даже сравнения с ними не заслуживает: величавая пышность этих сооружений бесспорно дает им право на первое место.

ГАЙ МАРЦИЙ И АЛКВИАД

[Перевод С.П. Маркиша]

Гай Марций

1. Патрицианский дом Марциев дал Риму многих знаменитых мужей, среди прочих и Анка Марция, внука Нумы и преемника царя Тулла Гостилия. Марциями были и Публий с Квинтом, соорудившие самый обильный и самый лучший из римских водопроводов⁴⁷², и Цензорин, которого римляне дважды избирали цензором, а потом по его же совету приняли закон, возбраняющий одному лицу дважды домогаться этой должности.

Гая Марция, о котором я теперь пишу, после смерти отца вырастила мать-вдова, и пример его показал, что сиротство, хоть и таит в себе множество всяких бед, нисколько не препятствует сделаться достойным и выдающимся человеком, и что повод к обвинениям и упрекам оно доставляет лишь дурным людям, утверждающим, будто они испорчены вследствие недостаточной заботы об их воспитании. Однако не в меньшей степени пример этого человека подтвердил точку зрения тех, кто полагает, что даже натура благородная и хорошая по существу, но лишенная родительского надзора, наряду с добрыми плодами приносит и немало дурных – словно тучная почва, не возделанная плугом земледельца. Мощь и упорство его души, проявлявшиеся во всех обстоятельствах, порождали великие и успешно достигавшие цели порывы к добру, но, с другой стороны, делали его характер тяжелым и неуживчивым, ибо гнев Марция не знал удержу, а честолубие не отступало ни пред чем, и те, кто восхищался его равнодушием к наслаждениям, к жизненным тяготам, к богатству, кто говорил о его воздержности, справедливости и мужестве, терпеть не могли иметь с ним дело по вопросам государственным из-за его неприятного, неуступчивого нрава и олигархических замашек. Поистине, важнейшее преимущество, какое люди извлекают из благосклонности Муз, состоит в том, что науки и воспитание совершенствуют нашу природу, приучают ее к разумной умеренности и отвращению к излишествам.

Среди всех проявлений нравственного величия выше всего римляне ставили тогда

---

⁴⁷² 1. ...самый лучший из римских водопроводов – из источников верхнего Анио на Капитолий, проведен в 144—143 гг., остатки его стоят до сих пор.

воинские подвиги, о чем свидетельствует то, что понятия нравственного величия и храбрости выражаются у них одним и тем же словом⁴⁷³: обозначение одного из признаков такого величия – мужества – сделалось общим родовым именем.

2. Марций питал к военным состязаниям врожденную страсть, более сильную, чем кто-либо из его сверстников, и с самого детства не выпускал из рук оружия, но, полагая, что благоприобретенные доспехи останутся без всякого употребления у того, кто не приготовил, не привел в порядок оружие природное и естественное, он так приучил и приспособил свое тело ко всем видам боя, что и на ногу был скор, и в рукопашной неодолим. Вот почему те, кто пытался тягаться с ним в решительности и храбрости, приписывали свое поражение телесной его мощи – мощи неиссякаемой, не слабеющей ни в каких трудах.

3. Первый свой поход он проделал еще совсем юным, когда Тарквиний, прежде царивший в Риме, а затем лишившийся своего царства, после многократных боев и поражений как бы бросил жребий в последний раз и двинулся на Рим при поддержке большей части племени латинян и многих других италийцев, которые думали не столько о том, чтобы угодить Тарквинию и вернуть его к власти, сколько о том, чтобы сокрушить римлян, страшась их и завидуя их возвышению. В битве⁴⁷⁴, исход которой долго оставался сомнительным, Марций, яростно сражаясь, вдруг увидел, что какой-то римлянин невдалеке от него упал, и не бросил беззащитного товарища, но быстро заслонив его, убил противника, который ринулся на упавшего. Это произошло на глазах у диктатора, и после победы командующий увенчал Марция в числе первых дубовым венком. Такой венок полагался в награду тому, кто в бою прикроет согражданина своим щитом, – возможно закон желал особо почтить дуб, имея в виду аркадян⁴⁷⁵, которых оракул бога назвал «поедающими желуди», или, быть может, по той причине, что дуб растет повсюду и быстро оказывается под рукой у воинов, или, наконец, потому, что дубовый венок посвящен Зевсу. Градохранителю и считается подобающе наградой за спасение согражданина. В самом деле, из дикорастущих деревьев дуб – самое плодоносное, а из культурных – самое крепкое. От него получали желуди для еды и мед для питья, он доставлял и закуску – мясо весьма многих пернатых, ибо давал людям орудие охоты – птичий клей.

Рассказывают, что участникам сражения явились Диоскуры и что сразу после битвы они показались на взмысленных конях на форуме подле источника, где теперь стоит их храм, и возвестили о победе. Вот почему и день, в который была одержана эта победа, – июльские иды – посвящен Диоскурам⁴⁷⁶.

4. У людей молодых, если их честолюбие поверхностно, слишком рано приобретенные известность и почет гасят, как мне кажется, жажду славы и быстро утоляют ее, рождая чувство пресыщения, натурам же глубоким и упорным почести придают блеск и побуждают к действию, словно свежий ветер устремляя их к целям, которые представляются юношам прекрасными. Не плату они получили, но, напротив, словно бы дали некий залог и теперь стыдятся посрамить свою славу и не превзойти ее новыми деяниями. Вот так и Марций – он самого себя вызвал на соревнование в храбрости и, постоянно стремясь проявить себя в новых деяниях, к подвигам присоединял подвиги, громоздил добычу на добычу, так что в

⁴⁷³ 2. ...одним и тем же словом ... – Virtus (доблесть) от vir (муж).

⁴⁷⁴ 3. В битве – у Регильского озера в 499 г. (традиционная дата). Упоминаемый ниже диктатор – А. Постумий Альб.

⁴⁷⁵ 4. Аркадяне – первые поселенцы Рима при Эвандре (Ром., 13): «они были первыми людьми, а дуб первым растением, рожденным на земле» (Плутарх, «Римские вопросы», 286а). По свидетельству Плиния (XVI, 5), за всю историю республики «гражданский венок» присуждался лишь 14 раз.

⁴⁷⁶ 5. Посвящен Диоскурам – праздник «Касторовы иды», 15 июля.

каждом следующем походе начальники неизменно вступали в соперничество с начальниками предыдущего, желая превзойти их в почетных наградах Марцию и восторженных свидетельствах о его доблести. В те времена у римлян сражение следовало за сражением, война за войною, и не было случая, чтобы Марций возвратился без венка или какой-либо иной награды. Другие были отважны ради славы, он искал славы, чтобы порадовать мать. Когда мать слышала, как его хвалят, видела, как его увенчивают венком, плакала от счастья в его объятиях, – в эти минуты он чувствовал, что достиг вершины почета и блаженства. Говорят, что в таких же точно чувствах признавался и Эпаминонд, считавший величайшей из своих удач, что отец и мать его дожили до битвы при Левктрах и стали свидетелями его победы. Но его восторг и ликование с ним разделили оба родителя, тогда как Марций, считая, что матери по праву принадлежит и все то уважение, каким он был бы обязан отцу, не уставал радовать ее и чтить; он и женился по ее желанию и выбору, и даже когда у него родились дети, продолжал жить в одном доме с матерью.

5. Его доблесть уже дала ему значительную известность и влияние в Риме, когда сенат, защищая богачей, вступил в столкновение с народом, который жаловался на бесчисленные и жестокие притеснения со стороны ростовщиков. Граждан среднего достатка они разоряли вконец удержанием залогов и распродажами, людей же совершенно неимущих схватывали и сажали в тюрьму – тех самых людей, чьи тела были украшены шрамами и которые столько раз получали раны и терпели лишения в войнах за отечество, между прочим, и в последней войне против сабинян, когда богачи обещали умерить свою алчность, а консул Маний Валерий⁴⁷⁷, по определению сената, в этом поручился. Народ дрался не щадя сил и одержал победу, но ростовщики по-прежнему не давали должникам ни малейшей поблажки, а сенат делал вид, будто не помнит об уговоре, и безучастно взирал на то, как бедняков снова тащат в тюрьму и обирают дочиста, и тогда в городе начались беспорядки и опасные сборища. Назревающий мятеж не остался тайной для неприятелей – они вторглись в римские владения, всё предавая огню, а поскольку на призыв консулов к оружию никто из способных носить его не откликнулся, несогласия во мнениях возникли также среди властей: одни полагали, что надо уступить неимущим и смягчить чрезмерную суровость закона, другие решительно возражали, и в их числе – Марций, который не считал вопрос о деньгах самым важным, но советовал сенаторам прислушаться к голосу рассудка и в самом зародыше пресечь, задуть неслыханную наглость черни, посягающей на законы государства.

6. В течение немногих дней сенат заседал неоднократно, но так и не вынес никакого решения, и тут бедняки неожиданно, собравшись все вместе и призвав друг друга не падать духом, покинули Рим и расположились на горе, которая теперь зовется Священной⁴⁷⁸, у реки Аниена; они не чинили насилий, не предпринимали никаких мятежных действий и только восклицали, что богачи уже давно выгнали их из города, что Италия повсюду даст им воздуха, воды и место для погребения, а разве Рим, пока они были его гражданами, дал им еще что-нибудь, кроме этого?! Ничего, не считая лишь права умереть от ран, защищая богачей! Сенат испугался и направил к ним нескольких пожилых сенаторов, славившихся особой обходительностью и расположением к народу. К беглецам обратился Менений Агриппа и долго их упрасивал, долго и без околичностей говорил в защиту сената, а закончил свою речь притчей, которую с тех пор часто вспоминают. Он рассказал, как однажды все части человеческого тела ополчились против желудка и обвинили его в том, что он-де один бездельничает и не приносит никакой пользы, меж тем как остальные, дабы утолить его алчность, несут великие труды и тяготы. Но желудок только посмеялся над их невежеством: им было невдомек, что, один принимая всю пищу, он затем возвращает ее назад, распределяет между остальными. «Такое же положение, граждане, – воскликнул

⁴⁷⁷ 6. Маний Валерий – диктатор, назначенный во время гражданских смут 494 г., а не консул.

⁴⁷⁸ 7. ...на горе ... Священной ... – В 4—5 км к северо-востоку от Рима.

Менений, – занимает среди вас сенат. Его решения, направленные ко благу государства, приносят каждому из вас пользу и выгоду».

7. После этого народ примирился с сенатом, предварительно добившись у него разрешения выбирать из своей среды пятерых заступников для тех, кому понадобится помощь, – теперь этих должностных лиц называют народными трибунами. Первыми трибунами были избраны те, кто возглавил уход, – Юний Брут и Сициний Беллут. Едва только в городе восстановилось единомыслие, народ сразу же взялся за оружие и, полный желания сразиться с врагом, предоставил себя в распоряжение консулов. Однако Марций, и сам недовольный победой народа и уступками знати, и видя, что многие из патрициев разделяют его чувство, призывал не уступать простому люду первенство в битвах за родину, но доказать, что лучшие граждане превосходят чернь не столько могуществом, сколько доблестью.

8. Среди городов племени вольсков, с которым в то время воевали римляне, первое место принадлежало Кориолам. Когда консул Коминий осадил Кориолы, остальные вольски в страхе устремились отовсюду на выручку, чтобы дать римлянам бой у стен города и, таким образом, ударить на них одновременно с двух сторон. Коминий разделил свои силы, и сам двинулся навстречу подходившим вольскам, а продолжать осаду поручил одному из храбрейших римлян, Титу Ларцию; тогда защитники Кориол, считая число оставшихся неприятелей ничтожно малым, сделали вылазку и сначала одержали верх и гнали римлян до самого лагеря. Но тут из-за укреплений выбежал Марций с немногими товарищами, уложил тех, что бросились на него первыми, задержал остальных нападавших и громкими криками стал призывать римлян вернуться в бой. Ведь он обладал всеми качествами, которые Катон считал столь важными для воина, и не только тяжестью руки или силой удара, но и звуком голоса, и грозным видом наводил неодолимый страх на противника. Когда после него собралось и выстроилось много римлян, враги испугались и отступили. Однако Марций на этом не успокоился – он преследовал бежавшего без оглядки противника до городских ворот. Видя что римляне поворачивают вспять, – со стен тучами летели дротики и стрелы, а о том, чтобы вслед за бегущими ворваться в город, переполненный вооруженными неприятелями, никто и подумать не смел, – Марций тем не менее попытался ободрить своих, крича, что не вольскам, а им распахнула судьба ворота. Охотников присоединиться к нему нашлось немного, но с ними он проложил себе дорогу к воротам и ворвался в город. Сначала никто не дерзнул оказать ему сопротивление или преградить путь, затем, однако, убедившись, что римлян всего лишь какая-нибудь горсть, вольски осмелели, и началась схватка, в которой Марций, тесно окруженный своими и чужими вперемешку, обнаружил, как сообщают, невероятную силу, проворство и отвагу; он одолевал всех подряд, на кого бы ни устремился, и одних оттеснил в самые дальние кварталы, других заставил сложить оружие, дав тем самым Ларцию возможность беспрепятственно ввести римлян в Кориолы. 9. Итак, город был взят, и сразу же бо льшая часть воинов бросилась грабить и расхищать имущество жителей, но Марций в негодовании кричал, что это просто чудовищно: консул и сограждане, должно быть, уже встретились с противником и теперь ведут бой, а они преспокойно набивают кошельки или же под этим предлогом прячутся от опасности! Не многие отозвались на его слова, и во главе этих немногих Марций выступил в путь, которым, по его представлению, ушло войско; он непрестанно торопил своих людей, убеждая их собраться с силами, и непрестанно молил богов о том, чтобы не опоздать, поспеть вовремя и разделить с согражданами все опасности сражения.

В ту пору у римлян существовал обычай, выстроившись в боевые ряды, подпоясывая плащ и уже готовясь поднять с земли щит, произносить завешание, чтобы в присутствии трех или четырех свидетелей назвать имя наследника. Этим, на глазах у противника, и были заняты воины, когда появился Марций. Сперва кое-кто перепугался, увидев его, с головы до ног залитого кровью и потом, в сопровождении всего нескольких товарищей. Но когда он подбежал к консулу, радостно протянул ему руку и сообщил, что город взят, а Коминий в свою очередь обнял и поцеловал Марция, и те, кто услышал о достигнутом успехе, и те, кто о

нем догадался, – все воспрянули духом и потребовали, чтобы их вели в бой. Марций осведомился, как расположено войско противника и где находятся его лучшие силы. Коминий ответил, что, по его мнению, в середине, где стоят антийцы, славящиеся редкостной любовью к войне и непревзойденной отвагой. «Тогда, пожалуйста, – сказал Марций, – очень тебя прошу, поставь нас против этих мужей». Консул был изумлен его рвением, но согласился. Как только полетели первые копья, Марций опрометью ринулся вперед, и вольски не выдержали – в том месте, где он ударил, строй мгновенно оказался прорванным; но затем оба крыла сделали поворот и начали обходить Марция, консул же, боясь за него, послал на выручку своих отборных воинов. Яростная схватка закипела вокруг Марция, в скором времени земля была усеяна трупами, однако римляне не ослабляли натиска и сломили врага; перед погоней они пытались было уговорить ослабевшего от усталости и ран Марция вернуться в лагерь, но он сказал, что победителю уставать негоже, и пустился вслед за беглецами. Остальная часть неприятельского войска также была разбита; многие погибли, многие попали в плен.

10. Назавтра, когда прибыл Ларций и все собрались у палатки консула, Коминий поднялся на возвышение и, вознеся богам подобающие славословия в благодарность за такую победу, обратился к Марцию. Сначала он с жаром восхвалял его подвиги, из которых иные видел в битве собственными глазами, о других же узнал от Ларция, а затем, из обильной добычи, прежде чем делить ее меж остальными, велел ему выбрать дорогие вещи, доспехи, коней и пленников – всего по десяти. Кроме того, он пожаловал Марцию почетный дар – коня в боевом уборе. Римляне одобрили решение консула, однако Марций, выйдя вперед, заявил, что коня принимает и радуется похвалам начальника, но от остального отказывается, ибо это уже не награда, а плата, и готов удовольствоваться тою же долей, что все прочие. «Лишь об одной особой милости я прошу, – добавил он, – и надеюсь, что не встречу отказа. Был у меня среди вольсков друг и гостеприимец, человек порядочный, скромный. Ныне он попал в плен, из богатого и счастливого сделался рабом. Столько бедствий на него обрушилось – пусть же их будет одним меньше: избавим его хотя бы от продажи. Вот вся моя просьба». В ответ на эту речь раздались крики еще восторженнее и громче, и большинство дивилось теперь уже не воинскому мужеству Марция, но его неподвластности соблазну обогащения. Даже те, у кого оказанные ему почести вызывали какое-то ревнивое и завистливое чувство, даже они в тот миг согласились, что он заслуживает самого большого воздаяния, отвергнув воздаяние, и горячее восхищались тою силою духа, которая презрела целое богатство, нежели тою, которая его заслужила. И правда, разумно распоряжаться деньгами важнее, чем хорошо владеть оружием, но вовсе не знать потребности в деньгах – выше умения ими распоряжаться.

11. Когда крики утихли и народ успокоился, снова заговорил Коминий: «Что же, соратники, вы не можете заставить человека принять дары, если он их не берет и не желает брать. Но дадим ему такой подарок, который он не вправе отвергнуть: постановим, чтобы впредь он звался Кориоланом, если только сам подвиг нас не опередил и уже не дал ему это прозвище». С тех пор Марций носил третье имя – Кориолан. Отсюда с полной очевидностью явствует, что собственное его имя было Гай, второе же, принадлежавшее всему дому, или роду, – Марций. Третье имя получали не сразу, и оно отвечало какому-нибудь поступку, удачному стечению событий, внешнему признаку или нравственному качеству, точно так же как у греков подвиги доставляли прозвище Сотера⁴⁷⁹ или Каллиника, внешность – Фискона или Грипа, нравственные качества – Эвергета или Филадельфа, а удача – Эвдемона (так

⁴⁷⁹ 8. ...прозвище Сотера ... Эвдемона ... – Перечисляются прозвища царей: Птолемей I Сотер («Спаситель», 305—283), Селевк II Каллиник («Прекраснопобедный», 247—227), Птолемей VII Фискон («Пузан», 146—117), Антиох VIII Грив («Горбоносый», 125—96), Птолемей III Эвергет («Благодетель», 246—221), Птолемей II Филадельф («Братолюбивый», 283—246), Батт II Эвдемон («Счастливый», VI в.), Антигон II Досон («Обещающий дать», 233—221), Птолемей VIII Лафир («Горошина», 116—80). Птолемеи были царями Египта, Батт – Кирены, Антигон – Македонии, Селевк и Антиох, – Сирии.

величали Батта Второго). Бывали у царей и насмешливые прозвания, как, например, у Антигона Досона и Птолемея Лафира. Еще чаще подобные имена давали римляне: одного из Метеллов, который из-за язвы долгое время не снимал повязки со лба, они прозвали Диадематом, другого Целером – пораженные стремительностью и быстротой, с какими он всего через несколько дней после кончины отца устроил в память о нем гладиаторские состязания. Иных и до сих пор называют в память об обстоятельствах, которыми сопровождается их появление на свет, – Прокулом⁴⁸⁰, если ребенок родился в отсутствие отца, Постумом, если отец умер, или Вописком, если родятся близнецы, а выживает лишь один из них. По телесным же признакам римляне дают прозвища не только Суллы, Нигра или Руфа, но даже Цека и Клодия, приучая слепых и вообще увечных откликаться на них так же, как на подлинные имена и, тем самым, – не стыдиться своего телесного порока и не считать название его бранным словом. Впрочем, об этом уместнее говорить в другого рода сочинениях⁴⁸¹.

12. Когда война окончилась, вожаки народа опять принялись раздувать мятеж, не имея никаких новых поводов или законных оснований для недовольства, но просто возлагая на патрициев ответственность за те беды, которые были неизбежным следствием прежних раздоров и неурядиц. Земли большею частью остались незасеянными и невозделанными, а запастись привозным продовольствием не было возможности из-за войны. Началась жестокая нужда, и, видя, что хлеба в городе нет, а если бы и был, у народа все равно нет денег его купить, вожаки повели клеветнические речи, будто голод вызван богачами, которые не забыли прежних обид.

Как раз в это время прибыло посольство велитрийцев, которые желали отдать свой город под власть римлян и просили отправить к ним поселенцев. Дело в том, что их посетила чума и произвела страшные опустошения: в живых осталась едва десятая часть всех жителей. Люди благоразумные сочли просьбу велитрийцев настоящей удачей: она доставляла некоторое облегчение в нужде, а с другой стороны, была надежда, что волнения утихнут, если избавиться от самых горячих голов, бунтующих вместе с вожаками, – так сказать, от подонков, отбросов города, болезнетворных и сеющих смуту. Таких людей консулы вносили в списки и назначали к переселению, иных же готовились послать в поход против вольсков, замышляя дать Риму передышку от внутренних раздоров и решив, что в одном войске, в общем лагере, снова сражаясь бок-о-бок в одном строю, богатые и бедные, плебеи и патриции будут относиться друг к другу более терпимо и дружелюбно.

13. Но вожаки народа, Сициний и Брут, возражали, крича, что невиннейшим словом «переселение» пытаются прикрыть неслыханную жестокость: бедняков точно в пропасть сталкивают, высылая их в город, где самый воздух заражен, в город, заваленный непогребенными трупами, и водворяя по соседству с чужим да к тому же еще разгневанным божеством. Но словно не довольствуясь тем, что иных из сограждан косит голод, а других бросают в пасть чуме – еще затевают по собственному почину войну, дабы город испытал все бедствия до последнего, за то что отказался отдать себя в рабство богачам! Наслушавшись таких речей, народ и близко не подходил к консулам с их наборными списками и решительно отверг мысль о переселении.

Сенат был в полной растерянности, и лишь Марций, к тому времени уже исполнившийся высокомерия, уверенный в собственных силах и в уважении со стороны

⁴⁸⁰ 9. ...называют Прокулом ... прозвище ... Клодия ... – Имя Прокул значит «дальний», Постум – «последний» (или, по народной этимологии, «посмертный», Сул., 37), Вописк – «оставшийся в живых близнец», Сулла – «покрытый красными пятнами» (? ср. Сул., 2), Нигер – «черный», Руф – «рыжий», Цек – «слепой», Клодий (Клавдий) – «хромой».

⁴⁸¹ 10. ...в другого рода сочинениях . – В перечне сочинений Плутарха есть и книга «Об именах и их значениях» (не сохранилась).

самых могущественных граждан, открыто и самым непримиримым образом спорил с вожаками народа. Дело кончилось тем, что римляне все же отправили колонистов в Велитры, угрозой строгого наказания заставив вытянувших жребий подчиниться. Но идти в поход плебеи отказывались наотрез, и тогда Марций сам, взяв с собою лишь собственных клиентов и тех немногих, которые поддались на его уговоры, вторгся во владения антийцев; там он нашел много хлеба, захватил много скота и рабов, но себе не взял ничего и вернулся в Рим, ведя за собою товарищей, тяжело нагруженных всевозможной добычей, так что прочие раскаивались и завидовали своим удачливым согражданам, но вместе с тем проникались ненавистью к Марцию, тяготились его славой и влиянием, возраставшими, по убеждению недовольных, во вред народу.

14. Некоторое время спустя Марций решил домогаться консульства, и толпа склонялась на его сторону – народу было стыдно унижить отказом человека, с которым никто не мог сравниться родовитостью и доблестью, оказавшего государству столько благодеяний, и каких благодеяний! В Риме было принято, чтобы лица, домогающиеся какой-либо должности, сами останавливали граждан, приветствовали их и просили содействия, выходя на форум в одной тоге, без туники, то ли для того, чтобы придать себе более смиренный вид, подобающий просителю, то ли – если у соискателя были рубцы и шрамы, – чтобы выставить напоказ эти неоспоримые приметы храбрости. Во всяком случае не из подозрений в раздаче денег или в подкупе желали тогда римляне видеть без туники и без пояса тех, кто искал благосклонности сограждан, – лишь гораздо позже купля и продажа проникли в Народное собрание, и деньги как бы получили право голоса. Затем мздоимство поразило суды и войска и, поработив оружие деньгам, привело государство к единовластию. Да, разумно кто-то сказал, что первым разрушителем демократии был тот, кто первый выставил народу угощение и роздал подарки. Надо полагать, зло это скапливалось в Риме тайно и понемногу, а не поднялось разом во весь рост. Мы не знаем, кто первым среди римлян дал взятку народу или судьям. В Афинах, говорят, впервые суд подкупил Анит, сын Антемиона, который обвинялся в измене из-за пилосской неудачи⁴⁸² в конце Пелопоннесской войны – в ту пору, когда римский форум был еще в руках золотого, не знавшего пороков поколения.

15. Так вот, под тогою Марция видно было множество шрамов, оставшихся после многочисленных сражений, в которых он отличился за семнадцать лет непрерывной службы в войске, и римляне, пристыженные доблестью этого человека, сговорились между собой отдать ему свои голоса. Но когда наступил день выборов и Марций появился на форуме в торжественном сопровождении сената, а вид окружавших его патрициев не оставлял сомнения в том, что никогда и никого из соискателей не поддерживали они с большей охотой, народ вновь сменил расположение к нему на досаду и ненависть. К этим чувствам присоединялся еще и страх, как бы ярый приверженец аристократии, пользующийся таким влиянием среди патрициев, ставши у власти, вовсе не лишил народ свободы. Рассудив таким образом, граждане голосовали против Марция.

Когда объявили имена избранных и Марция среди них не оказалось, и сенат был разгневан, полагая, что оскорбление нанесено скорее ему, нежели Марцию, и сам Марций отнесся к случившемуся без надлежащего спокойствия и сдержанности: ведь он привык постоянно уступать пылким и честолюбивым движениям своей души, видя в них признак благородства и величия, но не приобрел с помощью наук и воспитания неколебимой стойкости и в то же время мягкости нрава – главнейших качеств государственного мужа, и не знал, что коль скоро ты берешься за общественные дела и намерен вращаться среди людей, следует паче всего избегать самомнения, этого, как говорит Платон⁴⁸³, спутники

⁴⁸² 11. ... из —за пилосской неудачи ... — В 409 г., когда противный ветер помешал Аниту (будущему обвинителю Сократа) освободить от спартанской осады афинян в Пилосе.

⁴⁸³ 12. ...как говорит Платон ... — См.: [Платон.] Письмо IV, 321 с (одна из любимых сентенций Плутарха).

одинокости, и, напротив, присоединиться к числу поклонников того самого долготерпения, которое иные не устают осыпать насмешками. Но, слишком прямолинейный и упрямый, Марций не догадывался, что победа над кем бы то ни было и во что бы то ни стало свидетельствует не о храбрости, а о немощи и безволии – ведь ярость, подобно опухоли, порождает больная и страдающая часть души; и потому он удалился полный негодования и злобы против народа. Молодые патриции – весь цвет римской знати, безмерно кичившиеся своим высоким происхождением, – и всегда с удивительным рвением выказывали ему свою преданность, и в тот день не оставили его одного и (отнюдь не к добру!) еще сильнее раздували ярость Марция, деля с ним его гнев и огорчение. Впрочем, это вполне понятно: он был для них предводителем и добрым наставником в походах, и соперничество в отваге без малейшей зависти друг к другу... [Текст в оригинале испорчен], внушая гордость преуспевавшим.

16. Тем временем в Рим прибыл хлеб, широкой рукою закупленный в Италии и не в меньшем количестве присланный в подарок из Сиракуз тиранном Гелоном, и у большинства римлян появилась радостная надежда, что город освободится сразу и от нужды и от раздоров. Тут же собрался сенат, а народ, тесной толпою расположившись снаружи, ждал исхода заседания, почти не сомневаясь, что цены на рынке будут не слишком высоки, а полученные дары розданы безвозмездно. И внутри курии были люди, внушавшие сенату такое же мнение. Но тут поднялся Марций и грозно обрушился на тех, кто угождает народу; он говорил, что они в своекорыстных целях ищут благосклонности черни и предают аристократию, что они, себе на горе, выхаживают брошенные в толпу семена дерзости и распущенности, семена, которые следовало вытоптать, не давши им взойти, и что нельзя было увеличивать могущество народа, предоставляя в его распоряжение должность, сопряженную с такими полномочиями, – теперь-де народ уже стал опасен, ибо ни в чем не встречает отказа и не делает ничего вопреки собственной воле, не подчиняется консулам, но, обзаведясь вожаками безначалия, их именует своими начальниками. «Утвердить в нашем заседании эти щедрые раздачи, по примеру тех из греков, у которых власть народа особенно сильна, значит ко всеобщей гибели решительно поощрить их неповиновение. Ну да, ведь они не смогут усмотреть в этом благодарность за походы, от участия в которых они уклонились, или за мятежи, которыми предавали отечество, или за клевету, с которой нападали на сенат, но скажут, что вы уступаете им из страха, заискиваете перед ними, надеетесь как-то договориться, и впредь уже неповиновению, смутам и бунтам не будет ни конца, ни предела! Право же, это чистейшее безумие! Нет, если мы сохраняем здравый рассудок, то отберем у них должность трибуна, которая упраздняет консульство и вносит в государство раскол; оно уже не едино, как прежде, и это разделение не дает нам жить в согласии и единомыслии и покончить с нашими болезнями, с нашей мучительной для обеих сторон враждой».

17. Долго еще говорил Марций в том же духе; молодежь и почти все богачи восторженно одобрили его слова и кричали, что если есть в государстве человек, неодолимый и неприступный для лести, так это только он один. Некоторые из пожилых сенаторов пытались возражать, предвидя возможные последствия. А хорошего и в самом деле ничего не последовало. Присутствовавшие в сенате трибуны, видя, что мнение Марция берет верх, выбежали к толпе и громогласно призвали народ собраться и помочь им. В Народном собрании поднялся шум, а когда узнали, о чем говорил Марций, народ, рассвирепев, едва не ворвался в сенат. Однако трибуны всю вину возлагали на Марция и послали за ним, требуя от него оправданий. Когда же он дерзко прогнал посланных служителей, трибуны явились сами вместе с эдилами⁴⁸⁴, чтобы увести Марция силой. Но

---

⁴⁸⁴ 13. Эдилы – надзиратели за порядком и общественными постройками, вначале были чисто плебейской магистратурой и подчинялись народным трибунам; потом, с середины IV в., когда плебеи были допущены к консульству, то патриции, в свою очередь, были допущены к эдильству.

патриции, сплотившись, оттеснили трибунов, а эдилов даже избили. Тут настал вечер и прекратил беспорядки.

Наутро, когда консулы увидели, что народ вне себя от ярости и отовсюду стекается на форум, они, в страхе за государство, собрали сенат и просили обдумать, как бы с помощью благожелательных речей и мягких постановлений утихомирить и унять толпу, ибо теперь, говорили они, не время для честолюбия или для споров о славе, но – и всякий, кто в здравом уме, должен это понять – миг опасный и острый, требующий снисходительности и человеколюбия от правителей. Большинство с ними согласилось, и консулы, явившись в Собрание, принялись, как только могли, успокаивать народ: опровергали клеветнические измышления, но в совершенно доброжелательном тоне, строго соблюдая меру в увещаниях и упреках, и заверили, что из-за цен на съестные припасы никаких разногласий между ними и народом не будет.

18. Народ в общем склонен был податься на уговоры, и по тому, как чинно и вдумчиво он слушал, было ясно, что прежняя непримиримость исчезает, но тут поднялись трибуны и заявили, что, коль скоро сенат образумился, народ, в свою очередь, пойдет на уступки в той мере, в какой они будут справедливы и полезны, однако требовали, чтобы Марций оправдался в своих действиях: разве он не для того подстрекал сенат и отказался явиться на зов трибунов, чтобы привести государство в смятение и лишить народ его прав, и разве, наконец, нанося эдилам удары на форуме и осыпая их оскорблениями, он не старался, насколько это зависело от него, разжечь междоусобную войну, не звал граждан к оружию? Говоря так, они желали либо унизить Марция, если он, испугавшись, станет угождать толпе и молить ее о милости вопреки своей натуре, либо – если останется ей верен и сохранит обычное свое высокомерие – навлечь на него непримиримую ненависть народа. На это они больше всего и надеялись, зная его достаточно хорошо.

И верно, он явился, словно для того, чтобы дать объяснения и оправдаться, народ успокоился, наступила тишина, но когда люди, ожидавшие каких-то просьб, услышали, что Марций говорит с непереносимою для них резкостью и его речь скорее похожа на обвинения, чем на защиту, более того – звук его голоса и выражение лица свидетельствуют о бесстрашии, граничащем с презрением и гордыней, – народ возмутился и достаточно ясно дал понять говорившему, что дольше слушать его не намерен, а самый дерзкий из трибунов, Сициний, после краткого совещания с товарищами по должности громогласно объявил, что трибуны присудили Марция к смерти, и приказал эдилам немедленно отвести его на вершину скалы и столкнуть оттуда в пропасть. Эдилы уже схватили осужденного, но даже многим плебеем все происходившее казалось непомерно жестоким, а патриции, вне себя от горя и отчаяния, с криком бросились на выручку. Одни пытались оттолкнуть тех, кто наложил на Марция руку, и обступить его кольцом, другие умоляли толпу сжалиться, однако в таком беспорядке и смятении никакие речи и возгласы не достигали цели; в конце концов, убедившись, что лишь ценою страшной резни патрициев можно будет отвести Марция на казнь, друзья и родичи трибунов уговорили их смягчить невиданную суровость кары – не лишать виновного жизни без суда, путем прямого насилия, но предоставить народу вынести свое решение. Тогда Сициний обратился к патрициям и спросил, с какою целью пытаются они отнять Марция у народа, который желает наказать этого человека. Те в свою очередь задали ему вопрос: «А с какими намерениями и с какою целью вы так жестоко и вопреки закону, без всякого суда, ведете на казнь одного из первых людей в Риме!» «Ладно, – ответил Сициний, – пусть это не послужит вам предлогом для разногласий и раздоров с народом: вашему требованию народ уступает – этого человека будут судить. Тебе же, Марций, мы предписываем явиться в третий рыночный день и, если нет за тобою никакой вины, убедить в этом сограждан, которые и вынесут тебе приговор».

19. Патриции были вполне удовлетворены таким исходом и вместе с Марцием радостно удалились. Но не успел еще подойти третий рыночный день – рынок у римлян бывает каждый девятый день, который зовется «нундины», – как началась война с антийцами, внушившая патрициям надежду на спасительную отсрочку: война, полагали они, затянется

надолго, а народ тем временем смягчится и либо умерит свой гнев, либо даже вовсе о нем забудет, занятый ратными трудами. Однако мир с антийцами был вскоре заключен, войско возвратилось, и патриции в страхе и тревоге часто собирались, раздумывая о том, как бы и Марция не выдать и вожакам народа не доставить предлога к новым смутам. Аппий Клавдий, заслуженно считавшийся одним из самых ярых ненавистников народа, горячо утверждал, что сенат сам себя погубит и окончательно бросит государство на произвол судьбы, если допустит, чтобы народ путем голосования мог осуждать патрициев. Но старейшие и наиболее расположенные к народу сенаторы утверждали, что, получив такую власть, народ не окажет себя суровым и свирепым, напротив, он станет сговорчивее и добрее. Да, ибо он не питает презрения к сенату, но думает, будто сенат презирает его, и потому право вершить суд примет как честь и утешение: взяв в руки камешек для голосования, он тут же расстанется со своим гневом.

20. Видя, что чувства сената разделяются между благоволением к нему и страхом перед народом, Марций осведомился у трибунов, в чем его, собственно, обвиняют и за что предадут суду народа. Те отвечали: «В тираннии! Мы докажем, что ты замышлял сделаться тиранном». Услышав это, Марций поднялся и заявил, что в таком случае сам, не откладывая, идет к народу и представит ему свои оправдания, что согласен на любой суд, а если будет уличен – на любую кару. «Только смотрите, – закончил он, – не вздумайте изменить обвинение и обмануть сенат!» На этих условиях (они были подтверждены трибунами) и открылся суд.

Но когда народ собрался, трибуны сначала настояли на том, чтобы подача голосов происходила не по центуриям⁴⁸⁵, а по трибам – такое голосование давало нищей, беспокойной и равнодушной к добру и справедливости черни преимущество перед богатыми, знатными и служившими в войске гражданами. Затем, отбросив заведомо недоказуемое обвинение в тираннии, они снова припомнили Марцию речь, которую он произнес в сенате, отговаривая продавать хлеб по низкой цене и советуя лишить народ права выбирать трибунов. Кроме того, они предъявили ему и новое обвинение – раздел добычи, захваченной в Антийской земле: он-де должен был внести ее в казну, а сам вместо этого разделил между своими товарищами по оружию. Говорят, что последнее и смутило Марция более всего: он не ожидал удара с этой стороны и потому не смог сразу же вразумительно объяснить народу свой поступок, но пустился в похвалы тем, кто ходил вместе с ним в поход; в ответ послышался недовольный ропот тех, кто в поход не ходил, а они преобладали в толпе. Наконец, трибы приступили к голосованию и большинством в три голоса вынесли обвинительный приговор. Карой осужденному было назначено пожизненное изгнание.

Выслушав приговор, народ разошелся, гордясь и ликуя так, как никогда еще не ликовал на войне после победы над врагом, сенаторов же охватила печаль и глубочайшее уныние, они раскаивались, терзая себя мыслью, что следовало решиться на все и все претерпеть, но не допустить народ до такого наглого самоуправства, не давать ему такой власти. В тот день не было нужды присматриваться к одежде или другим отличительным знакам, чтобы распознать патрициев и плебеев – это становилось ясно с первого же взгляда: плебей – радуется, скорбит – патриций.

21. И только сам Марций не испугался, не пал духом, сохранил спокойствие в осанке, в лице и походке; среди всеобщего горя лишь его одного, казалось, не трогали собственные несчастья. Но это не было следствием здравого расчета или кротости нрава, не было тут и спокойствия пред лицом свершившегося – он весь пылал от ярости и досады, в чем по большей части люди не угадывают примет подлинного страдания. Ведь когда страдание,

---

⁴⁸⁵ 14. ...не по центуриям ... – На центурии римский народ был разделен по имущественному признаку, причем богатые образовывали больше (малолюдных) центурий, чем бедные (многолюдных), и поэтому имели перед ними перевес; на трибы же народ был разделен по территориальному признаку, так что во многих трибах, наоборот, бедняки имели перевес перед богачами.

словно перегоревши, обращается в гнев, оно гонит прочь малодушие и вялость; поэтому в гневе человек кажется решительным, предприимчивым, точно так же как в лихорадке – горячим, ибо душа его воспалена и напряжена до предела.

Именно в таком расположении духа находился Марций и тотчас же доказал это своими действиями. Он вернулся домой, обнял громко рыдавших мать и жену, велел им терпеливо переносить случившееся, а затем, ни минуты не медля, вышел и направился к городским воротам. Там он расстался с патрициями, которые, чуть ли не все до единого, шли за ним следом, ничего у них не взяв и ни о чем не попросив, и двинулся дальше с тремя или четырьмя клиентами. Наедине с самим собою он провел несколько дней в каком-то поместье, колеблясь между многими планами, которые подсказывал ему гнев и которые не были направлены ни к чему доброму или полезному, но единственно к тому, чтобы отомстить римлянам, и, наконец, остановился на мысли поднять на них тяжкою войной кого-нибудь из соседей. Начать он задумал с вольсков: он знал, что они все еще богаты и людьми и деньгами, а недавние поражения, полагал он, не столько подорвали их силу, сколько пробудили злобу и жажду победы.

22. Жил в городе Антии человек, которому за его богатство, храбрость и знатность рода все вольски оказывали царские почести; звали его Тулл Аттий. Марцию было известно, что ни к кому в Риме не испытывает этот человек такой лютой ненависти, как к нему: в былые времена они часто обменивались в битвах угрозами и вызовами на поединок, осыпали друг друга насмешками, – честолюбие и ревнивое соперничество всегда побуждает молодых воинов к подобным действиям, – и таким образом к общей вражде римлян с вольсками присоединилась еще особая взаимная неприязнь. Тем не менее, видя, что Туллу свойственна некая возвышенность духа и что ни один из вольсков так горячо не желает при первом же удобном случае отплатить римлянам злом за зло, Марций подтвердил правоту того, кто сказал:

Бороться с гневом трудно: за страсть он жизнью платит⁴⁸⁶.

Выбрав одежду, в которой, по его расчетам, его труднее всего было узнать, он вошел, точно Одиссей⁴⁸⁷,

...в народа враждебного город.

23. Был вечер, и многие встречались ему на пути, но ни один не догадался, кто он таков. Марций шел прямо к дому Тулла, а войдя, тотчас молча опустился на землю подле очага и, покрыв голову, замер в неподвижности. Домочадцы были изумлены, однако потревожить его не решились – и самый вид и безмолвие пришельца внушали какое-то почтение – и потому доложили о необычайном происшествии Туллу, который сидел за обедом. Тот поднялся из-за стола, подошел к Марцию и спросил, кто он и с какою нуждою явился. Тогда Марций открыл лицо и, помедлив одно мгновение, сказал: «Если ты еще не признал меня, Тулл, или не веришь своим глазам, придется мне выступить собственным обвинителем. Я Гай Марций, причинивший столько бед тебе и всем вольским и носящий прозвище Кориолана, неопровержимо об этом свидетельствующее. За все свои труды, за все опасности, которым я подвергался, я не стяжал иной награды, кроме этого имени – отличительного знака моей вражды к вам. И только оно одно остается у меня ныне: всего прочего я разом лишился – ненавистью и наглостью народа, малодушием и предательством

---

⁴⁸⁶ 15. *Бороться с гневом трудно: за страсть он жизнью платит* . – Этот афоризм приписывался Гераклиту.

⁴⁸⁷ 16. *...в народа враждебного город* . – «Одиссея», IV, 246: о том, как Одиссей лазутчиком проник в Трою.

властей и равных мне по положению. Я изгнан и просителем припадаю к твоему очагу – не ради спасения и безопасности (разве не избрал бы я иного убежища, если бы страшился смерти?), но желая воздать по заслугам моим гонителям и уже воздав им тем, что отдаю себя в твое распоряжение. Итак, если хочешь и не боишься напасть на врага, воспользуйся, благородный владыка, моей бедой – и мое несчастье станет счастьем для всех вольсков, ибо за вас я буду сражаться настолько успешнее, нежели против вас, насколько успешнее ведут войну, зная обстоятельства противника, нежели не зная их. Если же ты отказался от мысли продолжить борьбу, то и я не хочу ждать, да и тебе ни к чему сохранять жизнь давнему твоему врагу и сопернику, коль скоро нет от него ни пользы ни прока!»

Эта речь до крайности обрадовала Тулла. Подав Марцию правую руку, он воскликнул: «Встань Марций и успокойся! Великое благо для нас то, что ты явился и переходишь на нашу сторону, но будь уверен, вольски отплатят сторицей». Он радушно принял Марция, а в последующие дни они совещались вдвоем о предстоящей войне.

24. Что же касается Рима, то в нем царило смятение из-за вражды патрициев к народу, одною из главных причин которой было осуждение Марция. Но, кроме того, прорицатели, жрецы и даже частные лица то и дело сообщали о знамениях, способных внушить немалую тревогу. Об одном из них существует следующий рассказ. Был некий Тит Латиний, человек не очень знатный, но сдержанный, здравомыслящий, чуждый суеверия и еще того более – пустого хвастовства. Во сне он увидел Юпитера, и бог приказал передать сенату, что во главе процессии в его, Юпитера, честь поставили безобразного, отвратительного плясуна. Сначала, по признанию самого Латиния, он не слишком встревожился, когда же, увидев этот сон во второй, а затем и в третий раз, по-прежнему оставил его без внимания, то похоронил сына, замечательного мальчика, а затем неожиданно был разбит параличом. Обо все этом он поведал в сенате, куда его принесли на носилках. Закончив говорить, он, как сообщают, тотчас же почувствовал, что силы вновь возвращаются к нему, поднялся на ноги и ушел без чужой помощи.

Пораженные сенаторы учинили тщательнейший розыск по этому делу. И вот что обнаружилось. Какой-то хозяин предал одного из своих рабов в руки его товарищей по неволе и велел провести его, бичуя, через форум, а потом умертвить. Меж тем как они, выполняя приказ, истязали того человека, а он от боли и муки извивался, корчился и выделял разные иные уродливые телодвижения, следом за ними совершенно случайно двигалось торжественное шествие. Многие из его участников были возмущены и этими неподобающими телодвижениями и тягостным зрелищем в целом, но никто не вмешался и не пресек его, все только бранили и кляли хозяина – виновника столь жестокой расправы. К рабам тогда относились с большой снисходительностью, и это вполне понятно: трудясь собственными руками и разделяя образ жизни своих слуг, римляне и обращались с ними мягче, совсем запросто. Для провинившегося раба было уже большим наказанием, если ему надевали на шею деревянную рогатку, которой подпирают дышло телеги, и в таком виде он должен был обойти соседей. Кто подвергнулся этому позору на глазах у домочадцев и соседей, не пользовался более никаким доверием и получал кличку «фуркифер» [furgifer]: то, что у греков зовется подставкой или подпорой, римляне обозначают словом «фурка» [furca].

25. Итак, когда Латиний рассказал сенаторам свой сон и они терялись в догадках, что же это был за отвратительный плясун, возглавлявший шествие, кое-кто вспомнил о казни раба, которого провели, бичуя, через форум, а затем убили, – слишком уж необычна была казнь. Жрецы согласились с этим мнением, и хозяина постигла строгая кара, а игры и процессия в честь бога были повторены еще раз с самого начала.

Мне кажется, что Нума, который и вообще был на редкость мудрым наставником в делах, касающихся почитания богов, дал римлянам замечательный закон, призывающий к сугубой осмотрительности: когда должностные лица или жрецы исполняют какой-либо священный обряд, впереди идет глашатай и громко восклицает: «Хок аге!» что значит: «Делай это!» Этот возглас приказывает сосредоточить все внимание на обряде, не прерывать его какими-либо посторонними действиями, оставить все повседневные занятия – ведь почти

всякая работа делается по необходимости и даже по принуждению. Повторять жертвоприношения, игры и торжественные шествия у римлян принято не только по таким важным причинам, как вышеописанная, но даже по незначительным поводам. Когда, например, один из коней, везущих так называемую «тенсу» [tensa]⁴⁸⁸, слабо натянул постромки или когда возница взял вожжи в левую руку, они постановили устроить шествие вторично. В более поздние времена им случалось тридцать раз начинать сызнова одно и то же жертвоприношение, ибо всякий раз обнаруживалось какое-то упущение или препятствие. Вот каково благоговение римлян перед богами.

26. Марций и Тулл вели в Антии тайные переговоры с самыми влиятельными из вольсков, убеждая их начать войну, пока римляне поглощены внутренними раздорами. Те не решались, ссылаясь на двухлетнее перемирие, которое было у них заключено, но римляне сами доставили повод к нападению: в день священных игр⁴⁸⁹ и состязаний они, поддавшись подозрениям или послушавшись клеветы, объявили, что вольскам надлежит до захода солнца покинуть Рим. (Некоторые утверждают, будто это случилось благодаря хитрой уловке Марция, подославшего в Рим своего человека, который перед властями ложно обвинил вольсков в том, что они замыслили напасть на римлян во время игр и предать город огню.) Это распоряжение страшно ожесточило против них всех вольсков, а Тулл подливал масла в огонь, старался еще сильнее раздуть злобу и, в конце концов, уговорил своих единоплеменников отправить в Рим послов и потребовать назад земли и города, которых они лишились, проиграв войну. Римляне с негодованием выслушали послов и ответили, что вольски первыми возьмут оружие, зато римляне последними его положат. После этого Тулл созвал всенародное собрание и, когда оно высказалось за войну, советовал призвать Марция, забыв прежние обиды и веря, что Марций-союзник возместит народу весь ущерб, который причинил ему Марций-враг. 27. Когда же Марций, явившись на зов, произнес перед народом речь и все убедились, что он владеет словом не хуже, чем оружием, и столь же умен, сколь отважен, его, как и Тулла, выбрали полководцем с неограниченными полномочиями.

Опасаясь, как бы время, потребное вольскам для подготовки к войне, не оказалось слишком продолжительным и он не упустил благоприятного момента, Марций, поручив городским властям собирать войско и запастись всем необходимым, уговорил самых отважных выступить вместе с ним, не дожидаясь призыва, и вторгся в римские пределы. Нападение это было полной неожиданностью для всех, и потому он захватил столько добычи, что вольски отказались от мысли все увезти, унести или хотя бы употребить на свои нужды в лагере. Но изобилие припасов и опустошение вражеских земель были для Марция ничтожнейшими из последствий этого набега, который он предпринял с иным, куда более важным намерением – опорочить патрициев в глазах народа. Губя и разоряя все вокруг, он тщательно оберегал поместья патрициев, не разрешая причинять им вред или грабить их. Это вызвало еще большие раздоры и взаимные нападки: патриции обвиняли народ в том, что он безвинно изгнал из отечества столь могущественного человека, а толпа кричала, будто патриции, мстя за старые обиды, подбили Марция двинуться на Рим, а теперь, когда другие страдают от бедствий войны, сидят безмятежными зрителями – еще бы, ведь их богатства и имущество охраняет сам неприятель за стенами города! Достигнув своей цели и внушив вольскам мужество и презрение к врагу – а это имело для них огромное значение, – Марций в полном порядке отступил.

28. Тем временем быстро и охотно собралась вся военная сила вольсков: она оказалась такой внушительной, что было решено часть оставить для обороны своих городов, а с другой частью двинуться на римлян. Право выбора любой из двух командных должностей Марций

⁴⁸⁸ 17. *Тенса* – колесница, на которой во время цирковых зрелищ перевозили из храмов в цирк изображения богов.

⁴⁸⁹ 18. *...в день Священных игр ...* – Латинские игры, возобновленные после видения Латиния.

предоставил Туллу. Тулл сказал, что в доблести Марций нисколько ему не уступает, удачею же неизменно превосходил его во всех сражениях, и потому просил Марция встать во главе тех, что уходят в поход, а сам вызвался охранять города и снабжать войско припасами.

Итак, охваченный еще большим боевым пылом, Марций выступил сначала к Цирцеям, римской колонии, и так как город сдался, не причинил ему ни малейшего вреда. Затем он принялся опустошать землю латинян в надежде, что римляне вступятся за давних своих союзников, неоднократно посылавших в Рим просить о помощи, и дадут вольскам в Латии бой. Однако народ не проявил охоты идти на войну, да и консулы, срок полномочий которых уже истекал, не желали подвергать себя опасностям, а потому отправили латинских послов восвояси. Тогда Марций повел войско прямо на города – Толерий, Лабики, Пед и, наконец, Болу, которые оказали ему сопротивление и были взяты приступом; жителей вольски обратили в рабство, а их имущество разграбили. Но о тех, кто покорялся добровольно, Марций проявлял немалую заботу: боясь, как бы, вопреки его распоряжениям, они все же не потерпели какой-либо обиды, он разбивал лагерь как можно дальше от города и обходил стороною их владения.

29. Когда же он захватил и Бовиллы, отстоящие от Рима не более, чем на сто стадиев, овладев огромными богатствами и перебив почти всех мужчин, способных нести военную службу, и когда даже те вольски, что были размещены в городах, не в силах дольше оставаться на месте, устремились с оружием в руках к его лагерю, крича, что не признают иного полководца и начальника, кроме Марция, – имя его прогремело по всей Италии: везде дивились доблести одного человека, который своим переходом на сторону противника произвел такой невероятный перелом в ходе событий.

У римлян все было в полном разброде, они теперь и думать забыли о сражении и все дни проводили в ссорах, схватках и подстрекających к мятежу взаимных обличениях, пока не пришло известие, что враг осадил Лавиний, где у римлян находились святилища отчих богов и откуда вышло их племя: ведь то был первый город, основанный Энеем. И тут удивительная перемена произошла разом в мыслях народа, но еще более странная и уж совсем неожиданная – в мыслях патрициев. Народ выразил намерение отменить вынесенный Марцию приговор и пригласить его вернуться, а сенат, собравшись и рассмотрев это предложение, воспротивился и отклонил его – то ли вообще решив не уступать народу в чем бы то ни было, то ли не желая, чтобы Марций возвратился по милости народа, то ли, наконец, гневаясь уже и на него самого за то, что он чинил зло всем подряд, хотя далеко не все были его обидчиками, и стал врагом отечества, влиятельнейшая и лучшая часть которого, как он отлично знал, ему сочувствовала и была оскорблена не меньше, чем он сам. После того, как мнение сенаторов было объявлено во всеуслышание, народ уже не имел права путем голосования придать силу закона своим предложениям: без предварительного согласия сената это было невозможно.

30. Услышав об этом, Марций ожесточился еще сильнее; прекратив осаду, он в ярости двинулся на Рим и разбил лагерь подле так называемых Клелиевых рвов⁴⁹⁰, в сорока стадиях от города. Его появление вызвало ужас и страшное замешательство, но, силою сложившихся обстоятельств, положило конец раздорам. Никто больше не решался возражать плебеям, требовавшим возвращения Марция, – ни один сенатор, ни одно должностное лицо, но, видя, что женщины мечутся по городу, что старики в храмах со слезами взывают к богам о защите, что неоткуда ждать отважных и спасительных решений, все поняли, насколько прав был народ, склонившийся к примирению с Марцием, и какую ошибку совершил сенат, поддавшись злопамятности и гневу, когда следовало о них забыть. Итак единогласно постановили отправить к Марцию послов, которые сообщат ему, что он может вернуться на родину, и попросят положить войне конец. Посланные от сената были Марцию не чужими и потому надеялись, хотя бы в первые минуты встречи, найти радушный прием у своего

⁴⁹⁰ 19. Клелиевых рвов – в сорока стадиях от города – Т.е. в 7,5 км от Рима – место их точно неизвестно.

родича и друга, но вышло совсем по-иному. Их провели через вражеский лагерь к Марцию, который сидел, надменный и неизменно гордый, в окружении самых знатных вольсков. Он велел послам объяснить, для чего они прибыли, что те и сделали в умеренных и мягких словах, держась, как приличествовало в их положении. Когда они умолкли, Марций сначала горько и озлобленно отвечал от собственного имени, напомнив обо всем, что он претерпел, в качестве же главнокомандующего вольсков требовал, чтобы римляне вернули города и земли, захваченные во время войны, и предоставили вольскам те же гражданские права, какими пользуются латиняне. Прочный мир, закончил он, может быть заключен только на равных и справедливых условиях. Дав им тридцать дней на размышление, он сразу же после ухода послов снялся с лагеря и покинул римскую землю.

31. За это ухватились те из вольсков, для которых его могущество уже давно стало источником раздражения и зависти. Среди них оказался и Тулл: не претерпев от Марция никакой личной обиды, он просто поддался человеческой слабости. Тяжело было ему видеть, до какой степени померкла его слава и как вольски вообще перестают его замечать, считая, что Марций – это для них всё, а прочие должны довольствоваться той властью, какую он сам сообразовал им уступить. Вот откуда и пошли разбрасывавшиеся тайком первые семена обвинений: завистники собирались и делились друг с другом своим негодованием, называли вероломным попустительством отступление Марция – он выпустил из рук, правда, не городские стены и не оружие, но упустил счастливый случай, а от такого случая зависит как благополучный, так равно и гибельный исход всего дела, недаром же он дал врагу тридцать дней – за меньший срок решительных перемен не достигнуть!

Между тем в течение этого срока Марций не бездействовал, но разорял и грабил союзников неприятеля и захватил семь больших и многолюдных городов. Римляне не решались оказать помощь союзникам – души их, преисполненные робости, совершенно уподобились оцепеневшему и разбитому параличом телу. Когда назначенное время истекло и Марций со всем своим войском вернулся, они отправили к нему новое посольство – просить, чтобы он умерил свой гнев, вывел вольсков из римских владений, а затем уж приступал к действиям и переговорам, которые он находит полезными для обоих народов. Под угрозой, говорили они, римляне не пойдут ни на какие уступки, если же, по его мнению, вольски вправе притязать на своего рода милость или благодеяние, они достигнут всего, но только положив оружие. На это Марций ответил, что как полководцу вольсков ему нечего им сказать, но что как римский гражданин – а он еще сохраняет это звание – он настоятельно советует разумнее отнестись к справедливым условиям и прийти через три дня с постановлением, их утверждающим. Если же они решат по-иному и снова явятся к нему в лагерь с пустыми разговорами – он более не ручается за их безопасность.

32. Когда послы вернулись, сенат, выслушав их и видя, что на государство обрушилась жесточайшая буря, как бы бросил главный якорь, именуемый «священным». И в самом деле, сколько ни нашлось в городе жрецов – служителей святыни, участников и хранителей таинств, храмовых стражей, птицегадателей (это исконно римский и очень древний род гадания) – всем было предписано отправиться к Марцию, одевшись в те одежды, какие каждый из них надевает для совершения обрядов, и обратиться к нему с тою же просьбой – чтобы он сначала прекратил войну, а затем вел с согражданами переговоры касательно требований вольсков. Марций открыл им ворота лагеря, но на этом его уступки и кончились; он был по-прежнему непреклонен и еще раз предложил выбрать: либо мир на известных им условиях, либо война.

Когда и священнослужители возвратились ни с чем, римляне решили запереться в городе и со стен отражать натиск врагов, возлагая надежды главным образом на время и неожиданное стечение обстоятельств, ибо сами не видели для себя никаких путей к спасению, и город был объят смятением, страхом и дурными предчувствиями, пока не случилось событие, до некоторой степени сопоставимое с тем, о чем не раз говорится у Гомера, но что для многих звучит не слишком убедительно. Так, например, когда речь

заходит о действиях важных и неожиданных и поэт восклицает⁴⁹¹:

Дочь светлоокая Зевса, Афина, вселила желанье... —

или в другом месте:

Боги мой гнев укротили, представивши сердцу, какая
Будет в народе молва... —

или еще:

Было ли в нем подозрение иль демон его надоумил, —

многие с порицанием относятся к подобным словам, считая, будто невероятными измышлениями и не заслуживающими доверия рассказами Гомер отрицает способность каждого человека к разумному и свободному выбору. Но это неверно, напротив, ответственность за все обыденное, привычное, совершающееся в согласии со здравым смыслом, он возлагает на нас самих и часто высказывается так:

Тут подошел я к нему с дерзновенным намереньем сердца, —

или:

Рек он, — и горько Пелиду то стало: могучее сердце
В персях героя власатых меж двух волновался мыслей, —

или еще:

...Но к ищущей был непреклонен,
Чувств благородных исполненный, Беллерофонт
непорочный⁴⁹².

В действиях же опасных и необычайных, требующих вдохновения и как бы порыва восторга, он изображает божество не отнимающим свободный выбор, но подвигающим на него, внушающим не решимость, но образы и представления, которые приводят за собою решимость, а стало быть, отнюдь не превращает действие в вынужденное, но лишь кладет начало добровольному действию, укрепляет его бодростью и надеждой. Либо следует вообще отвергнуть божественное участие в причинах и началах наших поступков, либо, по всей видимости, боги оказывают людям помощь и содействие не прямо, а несколько иным образом: ведь они не придают ту или иную форму нашему телу, не направляют движение наших рук и ног, но с помощью неких первооснов, образов и мыслей пробуждают действенную и избирательную силы души или, напротив, сдерживают их и поворачивают вспять.

33. В те дни римские женщины молили бога по разным храмам, но больше всего их, и притом из числа самых знатных, собралось у алтаря Юпитера Капитолийского. Там была и

---

⁴⁹¹ 20. Дочь светлоокая Зевса, Афина вселила желанье ... Поэт восклицает — «Одиссея», XXI, 1; XIV, 178—179; IX, 339.

⁴⁹² 21. Тут подошел я ... Беллерофонт непорочный. — «Одиссея», IX, 299; «Илиада», I, 188—189; «Одиссея», VI, 160—161.

Валерия, сестра Попликолы, оказавшего римлянам столько важных услуг и на войне и во время мира. Самого Попликолы, как мы об этом рассказали в его жизнеописании, уже не было в живых, а Валерия пользовалась в городе доброй славой и почетом, ибо ничем не запятнала громкое имя своего рода. И вот неожиданно ее охватывает то чувство, о котором я только что говорил, мысленным взором – не без божественного наития – она постигает, что нужно делать, встает сама, велит встать всем остальным и идет к дому Волумнии, матери Марция. Волумния сидела с невесткой, держа на коленях детей Марция. Женщины обступили ее кругом по знаку своей предводительницы, и Валерия заговорила: «Мы пришли к вам, Волумния и Вергилия, как женщины к женщинам, сами, не по решению сената и не по приказу властей, но, видно, бог, внявши нашим молитвам, внушил нам мысль обратиться к вам и просить о том, что принесет спасение нам самим и прочим гражданам, а вас, если вы со мною согласитесь, увенчает славой еще более прекрасной, чем слава сабинянок, которые примирили враждовавших отцов и мужей и склонили их к дружбе. Пойдемте вместе к Марцию, присоединитесь к нашим мольбам и будьте справедливыми, неложными свидетельницами в пользу отечества; ведь оно, терпя множество бедствий, несмотря на весь свой гнев, ни в чем вас не притесняло и даже не думало притеснять, мало того, возвращает вас сыну и мужу, хотя и не ждет от него никакого снисхождения». На слова Валерии остальные женщины откликнулись громкими причитаниями, Волумния же в ответ сказала так: «В равной доле разделяя со всеми общее бедствие, мы вдобавок страдаем от горя, которого не разделяем ни с кем: слава и доблесть Марция для нас потеряны, а вражеское оружие, как мы понимаем, скорее подстерегает его, чем защищает от опасностей. Но самая горькая наша мука – это видеть отечество до такой степени обессиленным, что в нас полагает оно свои надежды!.. Не знаю, окажет ли он нам хоть сколько-нибудь уважения, если вовсе отказывается уважить отечество, которое всегда ставил выше матери, жены и детей. Тем не менее мы согласны служить вам – ведите нас к нему: если уж ни на что иное, так на то, чтобы испустить последний вздох в мольбах за отечество, мы, во всяком случае, годимся!».

34. Затем она велела подняться Вергилии и детям и вместе с остальными женщинами направилась к лагерю вольсков. Зрелище было столь горестное, что внушило почтение даже врагам и заставило их хранить молчание. Марций в это время разбирал тяжбы, сидя с начальниками на возвышении. Увидев приближающихся женщин, он сначала изумился, а затем узнал мать, которая шла впереди, и хотел было остаться верен своему неумолимому и непреклонному решению, но чувство взяло верх: взволнованный тем, что предстало его взору, он не смог усидеть на месте, дожидаясь, пока они подойдут, и, сбежав вниз, бросился им навстречу. Первой он обнял мать и долго не разжимал объятий, потом жену и детей; он уже не сдерживал ни слез, ни ласк, но как бы дал увлечь себя стремительному потоку.

35. Когда же он вдоволь насытил свое чувство и заметил, что мать хочет говорить, он подозвал поближе вольсков-советников и услышал от Волумнии следующую речь: «Сын мой, если бы даже мы не проронили ни слова, то по нашей одежде и по жалкому нашему виду ты можешь судить, на какую замкнутость обрекло нас твое изгнание. А теперь скажи: разве есть среди всех этих женщин кто-либо несчастнее нас, для которых судьба самое сладостное зрелище обратила самым ужасным, так что мне приходится смотреть, как мой сын, а ей – как ее муж осаждает родной город? Что для других утешение во всех бедствиях и горестях – молитва богам, – то для нас недоступно. Невозможно разом просить у богов и победы для отечества и для тебя – спасения, и потому все проклятия, какие только может призывать на нас враг, в наших устах становятся молитвой. Твоей жене и детям придется потерять либо отечество, либо тебя. А я – я не стану ждать, пока война рассудит, какой из этих двух жребиев мне сужден, но, если не уговорю тебя предпочесть дружбу и согласие борьбе и злым бедствиям и сделаться благодетелем обоих народов, а не губителем одного из них, – знай и будь готов к тому, что ты сможешь вступить в бой с отечеством не прежде, нежели переступишь через труп матери. Да не доживу я до того дня, когда мой сын будет справлять победу над согражданами, или, напротив, отечество – над ним! Если бы я просила

тебя спасти родину, истребивши вольсков, тогда, сын мой, ты оказался бы перед тягостными и едва ли разрешимыми сомнениями: разумеется, худо губить сограждан, однако бесчестно и предавать тех, кто тебе доверился; но ведь все, чего мы домогаемся, – это прекращение бедствий войны, одинаково спасительное для обеих сторон и лишь более славное и почетное для вольсков, о которых станут говорить, что, победив, они даровали неприятелю (впрочем, не в меньшей мере стяжали и сами) величайшие из благ – мир и дружбу. Если это свершится, главным виновником всеобщего счастья будешь ты, если же нет – оба народа станут винить тебя одного. Исход войны неясен, но совершенно ясно одно: победив, ты навсегда останешься бичом, язвою отечества, потерпишь поражение – и о тебе скажут, что, отдавшись во власть своему гневу, ты навлек на друзей и благодетелей величайшие бедствия».

36. Марций, слушал Волумнию, ничего ей не отвечая. Она уже давно закончила свою речь, а он все стоял, не проронив ни звука, и тогда Волумния заговорила снова: «Что ж ты молчишь, сын мой? Разве уступать во всем гневу и злопамятству хорошо, а уступить матери, обратившийся к тебе с такою просьбой, дурно? Или помнить обиды великому мужу подобает, а свято чтить благодеяния, которыми дети обязаны родителям, – не дело мужа великого и доблестного? А ведь никому не следует так тщательно блюсти долг благодарности, как тебе, столь беспощадно карающему неблагодарность! Ты уже сурово взыскал с отечества, но еще ничем не отблагодарил мать, а потому самым прекрасным и достойным было бы, если бы ты безо всякого принуждения удовлетворил мою просьбу, такую благородную и справедливую. Но ты глух к моим уговорам – зачем же медлю я обратиться к последней своей надежде?!» И с этими словами она упала к ногам сына вместе с его женой и детьми.

«Ах, что ты сделала со мною, мать!» – вскричал Марций и поднял Волумнию с земли. Крепко стиснув ей правую руку, он продолжал: «Ты одержала победу, счастливую для отечества, но гибельную для меня. Я уйду, потерпев поражение от тебя лишь одной!» Затем, переговорив наедине с матерью и женою, он отправил их, как они просили, назад в Рим, а наутро увел вольсков, далеко не одинаково судивших о случившемся. Одни бранили и самого Марция и его поступок, другие, напротив, одобряли, радуясь прекращению военных действий и миру, третьи были недовольны тем, что произошло, но Марция не порицали, полагая, что, сломленный такой необходимостью, он заслуживает снисхождения. Однако никто не пытался возражать: все повиновались из уважения скорее к доблести этого человека, нежели к его власти.

37. В какой страх повергли римский народ опасности этой войны, особенно убедительно показало ее завершение. Как только со стен заметили, что вольски снимаются с лагеря, тотчас римляне распахнули двери всех до единого храмов и, увенчав себя венками, словно в честь победы, стали приносить жертвы богам. Но отчетливее всего радость города проявилась в изъявлениях любви и признательности, которыми и сенат и народ единодушно почтили женщин: их прямо называли единственными виновницами спасения. Сенат постановил, чтобы любое их желание было, в знак уважения и благодарности, беспрекословно выполнено властями, но они попросили только дозволения соорудить храм Женской Удачи⁴⁹³ с тем, чтобы средства на постройку собрали они сами, а расходы по совершению обрядов и всех прочих действий, каких требует культ богов, приняло на себя государство. Когда же сенат, одобрив их честолюбивую щедрость, и святилище и статую воздвиг на общественный счет, женщины тем не менее собрали деньги и поставили второе изображение, которое, когда его водружали в храме, произнесло, по утверждению римлян, примерно такие слова: «Угоден богам, о жены, ваш дар».

38. Утверждают, будто эти слова раздались и во второй раз: нас хотят убедить в том, что похоже на небылицу и звучит весьма неубедительно. Вполне допустимо, что статуи иногда словно бы потеют или плачут, что на них могут появиться капли кроваво-красной

⁴⁹³ 22. ...храм Женской Удачи ... – Храм стоял на Латинской дороге в 6 км от Рима.

жидкости. Ведь дерево и камень часто обрастают плесенью, из которой рождается влага, нередко изнутри проступает какая-то краска или же поверхность способна принять иной цвет под воздействием окружающего воздуха, и, по-видимому, ничто не препятствует божеству таким образом как бы подавать нам некоторые знамения. Возможно также, чтобы статуя издала шум, напоминающий вздох или стон, – так бывает, когда в глубине ее произойдет разрыв или резкое смещение частиц. Но чтобы в неодушевленном предмете возникли членораздельные звуки, речь, столь ясная, внятная и отчетливая, – это совершенно немыслимо, поскольку даже душа, даже бог, если они лишены тела, снабженного органом речи, не в силах подавать голос и разговаривать. Правда, иногда история многочисленными и надежными свидетельствами заставляет нас поверить ей, но в этих случаях уверенность наша коренится в особом чувстве, которое несходно с ощущением и порождается воображающей силой души; подобным образом во сне мы слышим, не слыша, и видим, не видя. Однако люди, которые любят божество и преклоняются перед ним с излишней страстностью, так что не решаются отрицать или отвергать ни одно из подобных чудес, находят сильную поддержку своей вере во всяких удивительных явлениях и в том, что недоступно нам и возможно для божества. Ведь бог отличен от нас во всем – и в естестве и в движении, и в искусстве, и в мощи, и потому нет ничего невероятного, если он творит то, чего мы творить не в силах, и питает замыслы, для нас непостижимые. Отличаясь от нас во всем, он более всего несходен с нами и превосходит нас своими деяниями. Однако многое из того, что касается божества, как сказано у Гераклита⁴⁹⁴, ускользает от понимания по причине неверия.

39. Едва только Марций из похода возвратился в Антий, Тулл, которому зависть уже давно внушила ненависть и непримиримую злобу, задумал как можно скорее его убить, считая, что, если теперь не воспользоваться удобным случаем, в дальнейшем он уже не представится. Восстановив и настроив против него многих, он потребовал, чтобы Марций сложил с себя полномочия и отчитался перед вольсками в своих действиях. Но Марций, понимая, какой опасности он подвергнется, если сделается частным лицом в то время, как Тулл сохранит звание главнокомандующего и огромную власть над согражданами, ответил, что полномочия сложит только по требованию всех вольсков, ибо и принимал их по всеобщему требованию, отчитаться же согласен немедленно – перед теми антийцами, которые этого пожелают.

Было созвано Собрание, и некоторые вожаки народа, как было договорено заранее, выступая один за другим, настраивали толпу против Марция, но когда он поднялся с места, уважение взяло верх, оглушительные крики смолкли, и он получил возможность беспрепятственно говорить, а лучшие из антийцев, более других радовавшиеся миру, ясно дали понять, что готовы слушать благосклонно и судить справедливо. Тогда Тулл испугался защитительной речи своего врага, который был одним из самых замечательных ораторов, тем более, что прежние его подвиги и заслуженное ими право на признательность перевешивали последнюю провинность, вернее говоря, все обвинение в целом свидетельствовало, как велика должна быть эта признательность: вольски только потому и могли считать себя в обиде, не взявши Рима, что едва-едва не взяли его благодаря Марцию. Итак, Тулл решил не медлить и не подвергать испытанию чувства народа к Марцию; с криком, что мол нечего вольскам слушать изменника, стремящегося к тирании и не желающего складывать полномочий, самые дерзкие из заговорщиков разом набросились на него и убили. Никто из присутствовавших за него не вступился, но большинство вольсков не одобрило расправы над Марцием и немедленно это доказало: сойдясь из разных городов, они с почетом похоронили тело и украсили могилу оружием и захваченной у врага добычей, как приличествовало могиле героя и полководца.

Римляне, узнав о смерти Марция, не выказали к его памяти ни знаков уважения, ни,

⁴⁹⁴ 23. ...Как сказано у Гераклита ... – См.: Фрагмент 86.

напротив, непримиримой злобы, но по просьбе женщин разрешили им десятимесячный траур, какой обыкновенно носили по родителям, детям или братьям. Это был самый продолжительный срок траура, установленный Нумой Помпилием, о чем сказано в его жизнеописании⁴⁹⁵.

Что же касается вольсков, то обстоятельства скоро заставили их с тоскою вспомнить о Марции. Сначала из-за назначения главнокомандующего они повздорили со своими друзьями и союзниками эквами и дело дошло до кровопролития и резни, а затем, разбитые римлянами⁴⁹⁶, потеряв в сражении Тулла и отборнейшую часть войска, вынуждены были заключить мир на самых позорных условиях, согласившись платить римлянам дань и подчиняться их распоряжениям.

Алкивиад

1. Род Алкивиада обычно возводят к Эврисаку, сыну Аянта; по матери же – Диномахе, дочери Мегакла – он принадлежит к алкмеонидам. Его отец, Клиний, снарядив на собственные средства триеру, отличился в морском бою у Артемисия. Он погиб в сражении с беотийцами при Коронее, и опеку над Алкивиадом взяли его родичи – Перикл и Арифрон, сыновья Ксантиппа. Не без основания утверждают, что славе Алкивиада немало способствовали любовь и расположение к нему Сократа. И в самом деле, вот знаменитые его современники – Никий, Демосфен, Ламах, Формион, Фрасибул, Ферамен – мы нигде не встречаем даже имени матери хотя бы одного из них, а между тем нам известно, что кормилицей Алкивиада была лаконянка по имени Амикла, а наставником – Зопир. Первое сообщает Антисфен, второе – Платон⁴⁹⁷.

О красоте Алкивиада нет, пожалуй, нужды говорить особо; заметим только, что всегда, во всякую пору его жизни, она была в полном цвете, сообщая мальчику, юноше, а затем взрослому мужу прелесть и обаяние. Не то, чтобы, как утверждал Эврипид⁴⁹⁸, все прекрасное было прекрасно и осенью, но в применении к Алкивиаду и немногим другим это оказалось верным благодаря счастливому сложению и крепости тела. Говорят, ему была в пользу даже картавость, придававшая убедительность и редкое изящество непринужденным речам. Об этой картавости упоминает и Аристофан⁴⁹⁹ в стихах, осмеивающих Феора:

Проямлил тут Алкивиад мне на ухо:
«Теол-то булки лижет и как мелин лжет».
А что ж, проямлил мальчик правду чистую!

И Архипп, насмехаясь над сыном Алкивиада, восклицает: «Вот он идет, этот неженка, волоча по земле гиматий, и, чтобы как можно более походить на отца,

Картавит, головой своей к плечу склонясь».

---

⁴⁹⁵ 24. О чем сказано в его жизнеописании . – Нума, 12.

⁴⁹⁶ 25. ...разбитые римлянами ... – Окончательно вольски были покорены лишь через полтора года, к 338 г.

⁴⁹⁷ 1. Платон – См.: «Алкивиад», I, 122в.

⁴⁹⁸ 2. ...Как утверждал Эврипид... – Эврипид сказал это о своем друге, трагике Агафоне (Плутарх, «Изречения царей и полководцев», 177а).

⁴⁹⁹ 3. Аристофан – «Осы», 44—47. В подлиннике игра слов *koax* («ворон») и *kolax* («льстец»).

2. В его поведении и нраве было очень много разнородного и переменчивого, что, впрочем, вполне естественно для человека такой высокой и богатой превратностями судьбы. Но среди многих присущих ему от природы горячих страстей самой пылкой была жажда первенства и победы, и это явствует уже из рассказов о его детских летах. Однажды во время борьбы он был близок к поражению и, чтобы не упасть, притянул ко рту руки противника и осыпал их укусами. Тот ослабил хватку и крикнул: «Эй, Алкивиад, ты кусаешься, как баба!» – «Нет, – возразил Алкивиад, – как лев!» В другой раз, еще совсем малышом, он играл в бабки в каком-то тесном переулке, и когда очередь бросать кости дошла до него, подъехала тяжело груженная телега. Сначала мальчик попросил возницу немного обождать – бабки-де должны упасть как раз на пути телеги, – но грубый мужлан не обратил внимания на его слова и продолжал погонять лошадей, и тогда остальные дети расступились, Алкивиад же бросился ничком перед самой телегой и, вытянувшись поперек дороги, крикнул вознице: «Теперь езжай, коли хочешь!» Тот в испуге осадил назад, а остальные участники этой сцены, оправившись от изумления, с громкими криками бросились к Алкивиаду.

Приступив к учению, он внимательно и прилежно слушал всех своих наставников и только играть на флейте отказался, считая это искусство низменным и жалким: *плектр*⁵⁰⁰ и лира, говорил он, нисколько не искажают облика, подобающего свободному человеку, меж тем как, если дуешь в отверстия флейт, твое лицо становится почти неузнаваемо даже для близких друзей. Кроме того, играя на лире, ей вторят словом или песней, флейта же затыкает рот, заграждает путь голосу и речи. «А потому, – заключал Алкивиад, – пусть уж играют на флейте дети фиванцев⁵⁰¹. Говорить они все равно не умеют. Нами же, афинянами, как говорят наши отцы, предводительствует Афина, и покровитель наш – Аполлон; но первая бросила флейту, а второй содрал с флейтиста кожу»⁵⁰². Так, мешая шуточки с настойчивыми увещаниями, он и сам не занимался и других отвращал от занятий, ибо мнение, что Алкивиад прав, презирая флейту и издеваясь над теми, кто учится на ней играть, быстро укрепилось среди детей. С тех пор игра на флейте была решительно исключена из числа занятий, приличествующих свободным гражданам, и навсегда опозорена.

3. Понося Алкивиада, Антифонт пишет, что мальчиком он убежал из дома к одному из своих любовников, некоему Демократу. Арифрон был уже готов публично отказаться от воспитанника, но его отговорил Перикл, сказавши так: «Если мальчик погиб, то благодаря твоему извещению это откроется на день раньше, и только, но если он жив – вся его дальнейшая жизнь погибла». Тот же Антифонт утверждает, будто в палестре Сибиртия Алкивиад ударом палки убил одного из своих сопровождающих. Не следует, однако, верить всей этой хуле, исходящей от врага, который нимало не скрывал своей ненависти к Алкивиаду.

4. Целая толпа знатных афинян окружала Алкивиада, ходила за ним по пятам, предупреждала все его желания, и никто не сомневался в том, что привлекает их лишь удивительная красота мальчика, но любовь Сократа была надежным свидетельством его добрых природных качеств, которые философ усматривал и различал под покровом внешней прелести; опасаясь его богатства и высокого положения, а также бесчисленной толпы сограждан, чужеземцев и союзников, осыпавших подростка лестью и знаками внимания, он старался, насколько мог, оградить его от опасностей, как берегут растение в цвету, дабы оно

⁵⁰⁰ 4. *Плектр* – бряцало для игры на лире.

⁵⁰¹ 5. ...*дети фиванцев*. – Фиванцы (и другие беотийцы) считались тупицами.

⁵⁰² 6. *Афина... бросила флейту...* – Т.к. игра на этом инструменте искажала ее лик. *Аполлон... содрал с флейтиста кожу* – Флейтист сатир Марсий, со своей флейтой вызвавший на состязание Аполлона с его лирой и потерпевший поражение. Эта бравада Алкивиада тоже упоминается у Платона, «Алкивиад», 106е.

не потеряло свой плод и не зачахло. Ведь нет человека, которого судьба окружила бы настолько прочною и высокой оградой так называемых благ, чтобы он стал вовсе недоступен для философии и неуязвим для откровенных, больно жалящих слов; так и Алкивиад, с самых ранних лет избалованный и как бы замкнутый в кругу людей, которые искали только его благосклонности и не давали прислушаться к словам наставника и воспитателя, все же благодаря врожденным своим качествам узнал Сократа и сблизился с ним, отдалившись от богатых и знатных влюбленных. Они быстро подружились, и когда он услышал речи Сократа – речи не любовника, жаждущего недостойных мужа наслаждений, домогающегося поцелуев и ласк, но обличителя, бичующего его испорченность и пустую, глупую спесь,

То крылья опустил петух, как жалкий раб 503.

В деятельности Сократа Алкивиад видел подлинное служение богам, направленное к попечению о молодежи и ее спасению; он презирал самого себя и восхищался учителем, испытывал горячую благодарность за его доброжелательство и благоговейный стыд пред его добродетелью, и мало-помалу создал для себя образ любви, который Платон называет «разделенной любовью»⁵⁰⁴, так что все только диву давались, глядя, как он обедает с Сократом, вместе с ним упражняется в борьбе, живет в одной с ним палатке, с остальными же влюбленными резок и неприветлив, а с некоторыми и вызывающе груб. Один из них, Анит, сын Антемиона, как-то раз, принимая каких-то чужеземцев, пригласил на пир и Алкивиада. Приглашение Алкивиад отверг и, оставшись у себя, пил с друзьями; когда же все захмелели, то шумной ватагой отправились к Аниту. Алкивиад остановился в дверях залы, окинул взором столы, уставленные серебряными и золотыми кубками, и приказал рабам забрать половину утвари и отнести к нему домой, но войти не удостоил и, распорядившись подобным образом, удалился. Чужестранцы возмущенно закричали, что Алкивиад-де нагло оскорбил хозяина. «Напротив, – возразил Анит, – он обнаружил сдержанность и снисходительность: ведь он оставил нам эту половину, меж тем как мог забрать все».

5. Так же обходился Алкивиад и со всеми прочими влюбленными, сделав исключение лишь для одного метэка⁵⁰⁵, который как рассказывают, был небогат, но продал все, что имел, собрал сто статеров и принес деньги Алкивиаду, умоляя взять этот подарок. Тот был польщен, засмеялся и пригласил щедрого даятеля к обеду. Радушно встретив его и угостив, Алкивиад вернул ему деньги, а затем велел принять назавтра участие в торгах, с тем чтобы непременно взять на откуп общественные налоги, одержав верх над остальными откупщиками. Метэк просил уволить его от такого поручения, ссылаясь на то, что откуп будет строить много талантов, но Алкивиад (у которого были какие-то свои счета с откупщиками) пригрозил высечь его плетью, если тот не подчинится. И вот утром метэк явился на площадь и предложил на один талант больше против обычной цены. Откупщики пришли в ярость и, сговорившись, потребовали, чтобы тот назвал поручителя, – в полной уверенности, что такового ему не найти. Встревоженный и растерянный он уже готов был отступить, как вдруг поднялся Алкивиад и крикнул архонтам издали: «Пишите меня! Это мой друг, и я за него поручусь». Откупщики перепугались не на шутку: они привыкли покрывать задолженность по предыдущей аренде доходами с последующей и теперь не

503 7. *То крылья опустил петух, как жалкий раб.* – Стих Фриниха, древнейшего афинского трагического поэта. Речь идет о петушином бое.

504 8. *...разделенной любовью...* – Точнее, отображенной. Платон, Федр. 255d.

505 9. *Метэк* – не пользующийся гражданскими правами чужеземец, которому разрешено проживать и хозяйствовать в городе и который платит за это особый налог.

знали, как выйти из затруднения. Они стали просить метэка сжалиться над ними и предлагали ему денег; Алкивиад не позволил взять меньше таланта, но, когда эта сумма была внесена, велел отказаться от откупа. Вот какую услугу оказал ему Алкивиад.

6. Хотя у Сократа было много сильных соперников, временами он крепко держал Алкивиада в руках, воздействуя на присущие ему от рождения добрые качества – трогая своими словами его душу, надрывая сердце, исторгая из глаз слезы; но случалось и так, что мальчик, поддавшись на уговоры льстецов, суливших ему всевозможные удовольствия, ускользал от учителя, и тогда тот гонялся за ним, точь-в-точь как за беглым рабом, ибо одного лишь Сократа Алкивиад и стыдился и боялся, всех прочих не ставя ни во что. Вот почему Клеанф и говорил, что Сократ держал своего возлюбленного за уши, оставляя соперникам немало удобных для захвата мест, которые ему самому недоступны, – чрево, срам, глотку... Алкивиад же, бесспорно, был падок до наслаждений, как можно судить хотя бы по словам Фукидида⁵⁰⁶ о бесчинствах и излишествах в его образе жизни. Но еще более разжигали соблазнитель его честолубие и тщеславие, раньше срока старались пробудить вкус к великим начинаниям и без умолку твердили, что стоит ему взяться за государственные дела, как он разом не только затмит всех прочих военачальников и народных любимцев, но и самого Перикла превзойдет могуществом и славою среди греков. Впрочем, железо, размягченное в пламени, на холоде вновь твердеет, и все частицы его собираются воедино; так и Сократ, едва только брал под надзор раздувшегося от удовольствий и чванства Алкивиада, – тут же словно бы сжимал его и стискивал своими речами, делал робким и смиренным, втолковывая, как он еще далек от подлинной доблести.

7. Уже выйдя из детского возраста, Алкивиад явился однажды к учителю грамматики и попросил сочинения Гомера. Тот ответил, что Гомера у него нет, тогда Алкивиад ударил его кулаком и ушел. Другой учитель заявил, что у него есть Гомер, исправленный им самим. «Почему же тогда ты всего-навсего учишь грамоте, коли способен поправлять Гомера? – воскликнул Алкивиад. – Почему не воспитываешь молодежь?»

Он хотел повидаться с Периклом и пришел к дверям его дома. Ему ответили, что хозяину недосуг, что он размышляет над отчетом, который должен будет дать афинянам, и, уходя, Алкивиад заметил: «А не лучше ли было бы ему подумать о том, как вообще не давать отчетов?»

Еще подростком он участвовал в походе на Потидею, и его соседом в палатке и в строю был Сократ. В одной жаркой схватке оба сражались с отменным мужеством, но Алкивиад был ранен, и тогда Сократ прикрыл его своим телом, отразил нападавших и таким образом спас от врагов и самого Алкивиада и его оружие. Это было вполне очевидно для каждого, и Сократу по всей справедливости причиталась награда за храбрость. Но оказалось, что военачальники, из уважения к знатному роду Алкивиада, хотят присудить почетный дар ему, и Сократ, который всегда старался умножить в юноше жажду доброй славы, первым высказался в его пользу, предложив наградить его венком и полным доспехом. Много спустя, после битвы при Делии, когда афиняне обратились в бегство, Алкивиад, верхом на коне, заметил Сократа, отступавшего с несколькими товарищами пешком, и не проскакал мимо, но поехал рядом, защищая его, хотя неприятель жестоко теснил отходивших, производя в их рядах тяжелые опустошения. Впрочем, это случилось много позже.

8. Как-то раз Алкивиад ударил Гиппоника, отца Каллия, – мужа родовитого и богатого, а потому пользовавшегося большим влиянием и громкою славой, – ударил не со зла и не повздоровивши с ним, а просто для потехи, по уговору с приятелями. Слух об этой наглой выходке распространился по городу и, разумеется, был встречен всеобщим негодованием, Алкивиад же, едва рассвело, пришел к дому Гиппоника, постучался, предстал перед хозяином и, сбросив с плеч гиматий, предал себя в его руки, чтобы самому претерпеть побои и понести заслуженную кару. Гиппоник простил его и забыл обиду, а впоследствии даже

---

⁵⁰⁶ 10. ...по словам Фукидида... – См.: VI, 15.

отдал ему в жены свою дочь Гиппарету. Впрочем, некоторые утверждают, будто не Гиппоник, а его сын Каллий выдал за Алкивиада Гиппарету с приданым в десять талантов. Затем, когда она родила, Алкивиад якобы потребовал еще десять, утверждая, будто таков был уговор на тот случай, если появятся дети. Тогда Каллий, страшась покушений на свое имущество, объявил в Народном собрании, что завещает дом и все добро народу, если умрет, не оставив потомства. Гиппарета была послушной и любящей женой, но, страдая от того, что муж позорил их брак сожительством с гетерами из чужеземок и афинянок, она покинула его дом и ушла к брату. Алкивиада это несколько не озаботило, и он продолжал жить в свое удовольствие. Письмо о разводе супруга должна была подать архонту не через второе лицо, а собственноручно, и когда, повинаясь закону, она уже подавала требование, явился Алкивиад, внезапно схватил ее и понес через всю площадь домой, причем никто не посмел вступить и вырвать женщину из его рук. Гиппарета оставалась с мужем вплоть до самой смерти, а умерла она вскоре после отъезда Алкивиада в Эфес. Примененное им насилие никто не считал ни противозаконным, ни бесчеловечным: по-видимому, закон для того и приводит в общественное место женщину, покидающую своего супруга, чтобы предоставить последнему возможность вступить с ней в переговоры и попытаться удержать ее.

9. У Алкивиада была собака, удивительно красивая, которая обошлась ему в семьдесят мин, и он приказал обрубить ей хвост, служивший животному главным украшением. Друзья были недовольны его поступком и рассказывали Алкивиаду, что все жалеют собаку и бранят хозяина, но тот лишь улыбнулся в ответ и сказал: «Что ж, все складывается так, как я хочу. А хочу я, чтобы афиняне болтали именно об этом, – иначе как бы они не сказали обо мне чего-нибудь похуже!».

10. Говорят, что впервые он выступил перед народом по поводу добровольных пожертвований – выступил ненароком, без подготовки: идя как-то своей дорогой, он услышал шум, осведомился о причине и, узнав, что граждане вносят пожертвования, подошел и тоже сделал взнос. Услышав рукоплескания и одобрительные крики, он от радости забыл о перепеле, которого держал под полой гиматия. Увидев, как перепуганная птица пустилась наутек, афиняне закричали еще громче, а многие вскочили со своих мест, бросились вдогонку, и кормчий Антиох, поймав ее, вернул Алкивиаду, который с тех пор неизменно питал самые дружеские чувства к этому человеку.

Хотя происхождение, богатство, выказанное в битвах мужество, поддержка многочисленных друзей и родственников открывали ему широкий доступ к государственным делам, Алкивиад предпочитал, чтобы влияние его в народе основывалось прежде всего на присущем ему даре слова. А что он был мастер говорить, об этом свидетельствуют и комики, и величайший из ораторов⁵⁰⁷, который в речи против Мидия замечает, что Алкивиад, кроме всех своих прочих достоинств, был еще и на редкость красноречив. Если же верить Феофрасту, человеку чрезвычайно широкой начитанности и самому основательному знатоку истории среди философов, Алкивиаду не было равных в умении разыскать и обдумать предмет речи, но если приходилось выбрать, не только что, но и как следует говорить, в каких словах и выражениях, он часто испытывал неодолимые трудности, сбивался, останавливался посреди фразы и молчал, упустив нужное слово и стараясь снова его поймать.

11. Его конюшни пользовались широкой известностью, прежде всего благодаря числу колесниц, которые он выставлял на играх: и в самом деле ни один царь, ни одно частное лицо – никто, кроме него, никогда не присылал в Олимпию семи колесниц. И он не только победил, но занял, как сообщает Фукидид⁵⁰⁸, и второе место, и четвертое (а по словам

⁵⁰⁷ 11. ...Величайший из ораторов... – Демосфен, XXI, 145.

⁵⁰⁸ 12. ...сообщает Фукидид... – См.: VI, 16 (речь, в которой Алкивиад утверждает, что этот успех имеет политическое значение, среди войны показывая, насколько еще сильны Афины). Песнь, сочиненная Эврипидом, не сохранилась.

Эврипида – третье), блеском и славою превзойдя все, что способны были принести эти состязания. В песне Эврипида сказано так: «Тебя хочу воспеть, о сын Клиния! Победа прекрасна. Но несравненно прекраснее то, что выпало тебе, единственному среди всех эллинов: прийти на колеснице первым, прийти вторым и третьим, стяжать успех без труда и, с увенчанным оливою челом, дважды услышать свое имя в устах громогласного глашатая».

12. Этот блеск сделал еще более яркими почести, которые наперебой оказывали Алкивиаду разные города. Эфесяне поставили ему богато убранную палатку, город хиосцев дал корм для лошадей и множество жертвенных животных, лесбосцы – вино и другие припасы для его щедрых пиров. Впрочем, клевета, а быть может, и собственное его злонравие послужили причиной бесконечных пересудов вокруг этих почестей. Рассказывают, что жил в Афинах некий Диомед, человек вполне порядочный и друг Алкивиада. Ему очень хотелось одержать победу на Олимпийских играх, и вот, слыша много хорошего о колеснице, принадлежавшей городу Аргосу, и зная, что к Алкивиаду относятся там с большим уважением и что у него немало приятелей среди аргосцев, он упросил его купить эту колесницу. Купить-то Алкивиад ее купил, но записал на себя, предоставив Диомеду сколько угодно возмущаться и призывать в свидетели богов и людей. Кажется, дело дошло до суда; во всяком случае у Исократ⁵⁰⁹ есть речь об упряжке в защиту сына Алкивиада, только истец назван не Диомедом, а Тисием.

13. Итак, еще совсем юным вступив на поприще государственной деятельности, Алкивиад сразу же взял верх над всеми прочими искателями народной благосклонности, и лишь Феак, сын Эрасистрата, и Никий, сын Никерата, были в состоянии с ним бороться, – Никий, человек уже в годах, считавшийся лучшим военачальником в Афинах, и Феак, как и сам Алкивиад, только начинавший тогда приобретать вес и влияние, отпрыск очень знатного рода, во всем остальном, однако, в том числе и в искусстве речи, уступавший своему сопернику. По-видимому, он отличался скорее обходительностью и обаянием в частных беседах, нежели способностью вести споры на площади. Хорошо сказал о нем Эвполид:

Болтать он мастер был, а говорить не мог.

Сохранилась даже одна речь Феака против Алкивиада, где среди прочего написано, что у себя за трапезой он всякий день пользовался всею принадлежавшей государству золотой и серебряной утварью, предназначенной для торжественных процессий, – так, словно эти многочисленные сосуды были его собственные.

Был среди афинян некий Гипербол из дема Перитеды, который и у Фукидида⁵¹⁰ помянут недобрым словом, и всем авторам комедий неизменно доставлял пищу для злых насмешек на театре. Из пренебрежения доброю славою (каковое бесстыдство и безумие иные даже зовут отвагою и мужеством!) он был безразличен и нечувствителен к хуле; никто не испытывал к нему ни малейшего расположения, тем не менее народ часто обращался к его услугам, когда хотел унизить и оклеветать почтенных, уважаемых людей. В ту пору афиняне, послушавшись его совета, намерены были прибегнуть к ostracism, посредством которого они (уступая скорее чувству зависти, нежели страха) расправлялись лишь с самыми знаменитыми и могущественными из своих сограждан – отправляли их в изгнание. И так как было совершенно ясно, что кара падет на одного из этих троих, Алкивиад с Никием сговорились и, объединив силы своих сторонников, обратили ostracism против самого Гипербола. Кое-кто, правда, утверждает, будто Алкивиад договорился не с Никием, а с Феаком и Феаково содружество привлек на свою сторону, чтобы изгнать Гипербола,

---

⁵⁰⁹ 13. у Исократы – См.: речь XVI.

⁵¹⁰ 14. у Фукидида – См.: VIII, 73.

который отнюдь не ждал такой беды: ведь люди порочные и ничтожные никогда не попадали этому наказанию, как совершенно справедливо заметил и комик Платон, говоря о Гиперболе:

Хоть поделом он принял наказание,
С его клеймом никак не совместить его:
Суд черепков не для таких был выдуман.

Впрочем, сведения, касающиеся этого вопроса, изложены подробнее в другом месте⁵¹¹.

14. Алкивиаду одинаково не давали покоя как почет, которым окружали Никия сограждане, так и уважение к нему со стороны неприятелей. В самом деле, проксеном лакедемонян в Афинах был Алкивиад, и заботу о пленных, захваченных при Пилосе⁵¹², взял на себя он, но так как спартанцы, добившись мира и получив назад своих воинов главным образом благодаря Никию, платили последнему горячей любовью, а по всей Греции говорили, что Перикл начал войну, Никий же положил ей конец, и очень часто называли заключенный мир «Никиевым», Алкивиад места себе не находил от огорчения и зависти и стал помышлять о том, как бы нарушить условия договора. И вот, узнав, что аргосцы ненавидят и боятся лакедемонян и только ищут случая к отпадению, он начал с того, что тайно внушил им надежду на союз с Афинами и, через гонцов вступив в переговоры с предводителями народа в Аргосе, призвал их не падать духом, ничего не страшиться и не идти на уступки спартанцам, а обратить взор на афинян и подождать, пока они одумаются и расторгнут мирное соглашение со спартанцами; ждать, утверждал он, осталось недолго. Затем, когда лакедемоняне заключили союз с беотийцами и передали афинянам Панакт не в целости и порядке, как обещали, но предварительно разрушив укрепления, Алкивиад воспользовался гневом афинян и постарался ожесточить их еще сильнее.

Он тревожил Никия не лишними правдоподобия обвинениями в том, что, находясь на посту командующего, он не пожелал взять в плен врагов, запертых на Сфактерии, а когда они все же были захвачены другими, отпустил их восвояси, чтобы угодить лакедемонянам; в том, далее, что, будучи их другом, он, тем не менее, не отговорил их от союза с беотийцами и коринфянами, а с другой стороны, если какой-нибудь из греческих городов, не испросив загодя согласия спартанцев, сам выражал желание сделаться другом и союзником афинян, всячески этому препятствовал.

Дела уже принимали дурной для Никия оборот, как вдруг, словно нарочитою милостью судьбы, из Лакедемона прибыли послы с заранее приготовленными и вполне умеренными предложениями, облеченные, как они сообщили, неограниченными полномочиями для того, чтобы уладить все разногласия на справедливых условиях. Их благосклонно выслушал Совет, а на следующий день должен был собраться народ. Алкивиад в страхе и тревоге добился тайного свидания с послами и, когда те явились, сказал: «Что это с вами стряслось, спартанцы? Разве вы сами не знаете, что Совет с неизменной кротостью и человеколюбием принимает тех, кто к нему обращается, меж тем как народ спесив и требования его громадны? Если вы откроете им, какою властью вы облечены, они постараются загнать вас в тупик своими бессовестными притязаниями. Нет уж, забудьте о неуместном простодушии и, если желаете видеть афинян сговорчивыми, если не хотите, чтобы вас заставили поступить вопреки вашей воле и намерениям, ведите переговоры так, словно полномочий у вас нет. А я охотно окажу лакедемонянам услугу и помогу вам». Свои слова он подтвердил клятвой и тем

---

⁵¹¹ 15. ...изложены подробнее в другом месте... – См.: Ник., 11; ср. Ар., 7.

⁵¹² 16. ...о пленных, захваченных при Пилосе... – См.: Ник., 8. Среди них было 120 полноправных спартиатов – немалая часть спартанского гражданства.

совершенно отдалил послов от Никия; теперь они доверяли Алкивиаду и дивились его красноречию и разуму, обличавшими в нем, как они поняли, человека незаурядного. Назавтра сошелся народ, в Собрание привели послов, и когда Алкивиад тоном полного благожелательства задал им вопрос, верно ли, что они прибыли с неограниченными полномочиями, те ответили отрицательно. Алкивиад немедленно разразился гневными криками, точно сам сделался жертвою обмана, а не обманул других, назвал послов вероломными, коварными и заявил, что от таких людей нечего ждать здравых слов или поступков. Совет был возмущен. Народ негодовал, а Никий, не подозревавший здесь хитрости или обмана, не знал, куда деваться от изумления и стыда за непостоянство своих друзей.

15. Таким образом, лакедемоняне уехали ни с чем, а Алкивиад был избран стратегом и немедленно присоединил к числу афинских союзников аргосцев, мантинейцев и элейцев. Образа действий Алкивиада никто не одобрял, но успехи, достигнутые им, были велики: он разъединил и потряс почти весь Пелопоннес, при Мантинее выставил против лакедемонян в один день огромное войско и дал им бой в таком отдалении от Афин, что победа не принесла неприятелю существенных преимуществ, тогда как поражение поставило бы под угрозу самое Спарту.

Сразу после этой битвы «Тысяча»⁵¹³ предприняла попытку свергнуть власть народа в Аргосе и подчинить город спартанцам, а те подоспели на помощь, и демократия была свергнута. Но граждане взялись за оружие и снова одержали верх, и тут явился Алкивиад, упрочил победу народа и внушил аргосцам мысль воздвигнуть длинные стены, соединив город с морем и тем самым окончательно связав его с афинскою державой⁵¹⁴. Он привез из Афин каменотесов и мастеров-строителей и хлопотал со всем рвением, на какое был способен, стяжая и сам признательность и влияние, и в неменьшей мере доставляя их родному городу. Точно так же и жителей Патр он убедил соединить свой город с морем длинными стенами. Кто-то сказал патрейцам: «Смотрите, афиняне вас проглотят». «Возможно, – откликнулся Алкивиад, – но помаленьку и начиная с ног, а спартанцы – разом и начнут с головы». Впрочем, он же советовал афинянам зорче оберегать свои интересы и на суше и никогда не упускал случая призвать эфебов делом подкрепить клятву, которую они приносят в храме Агравлы⁵¹⁵, клянутся же они помнить, что границы Аттики обозначены пшеницей, овсом, виноградной лозой и масличными деревьями, учась считать своею всякую возделанную и плодоносящую землю.

16. Но с делами и речами государственного мужа, с искусством оратора и мудростью сочетались непомерная роскошь повседневной жизни, разнузданность в попойках и любовных удовольствиях, пурпурные, женского покроя одеяния, волочившиеся в пыли городской площади, чудовищная расточительность, особые вырезы в палубе на триерах, чтобы спать помягче – в постели, уложенной на ремни, а не брошенной на голые доски, позолоченный щит, украшенный не обычным для афинян отличительным знаком⁵¹⁶, но изображением Эрота с молнией в руке, – и, видя все это, почтенные граждане негодовали и с омерзением отплевывались, но в то же время боялись его презрения к законам и обычаям, угадывая в этом нечто чудовищное и грозящее тираннией. Чувства же к нему

⁵¹³ 17. «Тысяча» – очевидно, какой-то аристократический союз.

⁵¹⁴ 18. ...связав его с афинскою державой. – Т.е. как владычицей Эгейского моря.

⁵¹⁵ 19. ...в храме Агравлы... – Агравла – жена мифического царя Кекропа.

⁵¹⁶ 20. ...необычным... отличительным знаком... – вероятно, сохой.

народа удачно выразил Аристофан⁵¹⁷:

Желает, ненавидит, хочет все ж иметь.

И еще удачнее – в виде иносказания:

Не надо львенка в городе воспитывать.

А вырос он – его придется слушаться.

В самом деле, добровольные пожертвования, щедрость хорега, дары городу, в пышности которых он не знал себе равных, слава предков, сила слова, красота и крепость тела в соединении с воинским опытом и отвагой заставляли афинян прощать Алкивиаду все остальное, относиться к нему терпимо и всякий раз подбирать для его выходок самые мягкие названия, именуя их то шутками, то даже добрыми делами. Так было, например, когда он запер у себя художника Агафарха и держал до тех пор, пока тот не расписал ему весь дом, а потом наградил и отпустил. Или когда ударил Таврея, своего соперника по хорегии, пытавшегося отнять у него победу. Или когда выбрал себе одну из мелосских пленниц⁵¹⁸, прижил с нею ребенка и воспитал его. Этот поступок называли в числе доказательств Алкивиадова человеколюбия, забывая, однако, о том, что он был главным виновником резни на Мелосе, поддержав предложение о казни всех мужчин, способных носить оружие, и подав за него голос. Далее: Аристофонт написал Немею⁵¹⁹, обнимающую Алкивиада, который сидит у нее на коленях, и афиняне спешили полюбоваться картиной, громко выражая свое восхищение.

Но людям пожилым и это было не по душе: все это, твердили они, отдает тираннией и беззаконием. И многим казалось основательным мнение Архестрата, говорившего, что двух Алкивиадов Греция не вынесла бы. А когда однажды Тимон, человеконенавистник, встретив Алкивиада, который после громкого успеха возвращался из народного собрания в торжественном сопровождении целой толпы почитателей, не прошел, по своему обыкновению, мимо и не бросился в сторону, но направился прямо к нему, поздоровался и сказал: «Молодец, сынок, расти все выше и выше – громадным злом вырастешь ты для них всех!» – кто засмеялся, кто ответил бранью, но были и такие, кого эти слова смутили не на шутку. Вот до чего разноречивы были мнения об Алкивиаде по причине непостоянства его натуры.

17. Еще при жизни Перикла афиняне мечтали о захвате Сицилии, но за дело взялись лишь после его смерти и под предлогом помощи союзникам⁵²⁰, притесняемым Сиракузами, всякий раз посылали за море свои отряды, расчищая путь силам более внушительным. До предела, однако, разжег в них это стремление лишь Алкивиад, который убедил сограждан впредь действовать не исподволь, не постепенно, но двинуться на Сицилию с большим флотом и попытаться сразу овладеть островом. Он внушил народу великие надежды,

---

⁵¹⁷ 21. *Желает, ненавидит, хочет все ж иметь...* – Аристофан. Лягушки (пост. 405), 1425, 1432—1433.

⁵¹⁸ 22. *...мелосских пленниц...* – Т.е. захваченных в 416 г. при завоевании нейтрального острова Мелоса, все уцелевшее население которого было продано в рабство.

⁵¹⁹ 23. *Немея* – аллегорическая фигура, изображавшая Немейские игры (в Арголиде), где Алкивиад также одерживал победы в конных состязаниях. На другой картине так же были олицетворены Олимпийские и Пифийские игры (Афиной, XII, 534d).

⁵²⁰ 24. *Союзникам* – сицилийским городам, теснимым Сиракузами; первый афинский поход в Сицилию, в 426 г., был в помощь Леонтинам, второй (Алкивиадов), в 415 г. – в помощь Эгесте.

впрочем, его собственные планы и намерения были еще величественнее: если другим Сицилия представлялась целью и завершением похода, то Алкивиаду – не более чем началом. В то время как Никий, считая взятие Сиракуз трудным делом, уговаривал народ отказаться от этого замысла, Алкивиад уже грезил Карфагеном и Африкой, за которыми должны были последовать Италия и Пелопоннес, а Сицилию расценивал всего лишь как приступ или путь к войне. Своими упованиями он быстро воодушевил и увлек молодых, старики рассказывали им о чудесах и диковинках, которые они увидят в походе, и повсюду в палестрах и на полукружных скамьях во множестве собирались люди, чертили на песке карту острова, обозначали местоположение Африки и Карфагена. Говорят, впрочем, что философ Сократ и астролог Метон не ждали от этого похода ничего хорошего для Афин: первый, вероятно, услышал предупреждение своего всегдашнего гения⁵²¹, а Метон, то ли здравым рассуждением, то ли с помощью какого-то гадания открыв грядущее и страшась его, прикинулся безумным, схватил горящий факел и поджег свой дом. Иные, правда, утверждают, будто никакой игры в безумие не было, но что он просто спалил ночью свой дом, а утром явился в Собрание и слезно молил, во внимание к тяжелой беде, которая его постигла, освободить от участия в походе его сына. Эта просьба была уважена и, таким образом, он добился своего, обманув сограждан.

18. Никия избрали стратегом – вопреки его упорным отказам, и далеко не последней причиной этого нежелания принять власть, был его товарищ по должности. Однако афиняне решили, что война пойдет удачнее, если они отправят в Сицилию не одного лишь Алкивиада, но к его отваге присоединят благоразумие Никия: дело в том, что третий стратег, Ламах, несмотря на почтенные годы, выказывал в бою ничуть не меньше пылкости и любви к опасностям, нежели сам Алкивиад.

Когда обсуждали вопрос о численности войска и о средствах обеспечить его всем необходимым, Никий еще раз попытался вмешаться и предупредить войну. Алкивиад возразил ему, его мнение возобладало, и оратор Демострат внес предложение дать стратегам неограниченные полномочия на время всей войны, а также подготовки к ней. Народ принял такое постановление, и все уже было готово к отплытию, если бы не дурные знамения: как раз на те дни пришелся праздник Адониса, когда женщины повсюду выставляют изображения, напоминающие трупы покойных, и, подражая похоронным обрядам, бьют себя в грудь и поют погребальные песни. Затем в одну ночь были изуродованы лица почти у всех изображений Гермеса⁵²², и тогда всполошились многие даже среди тех, кто в иных случаях равнодушно встречал подобные вести. Сначала говорили, будто кошунство учинили коринфяне, – ведь это они некогда основали и заселили Сиракузы и теперь, мол, с помощью злых предзнаменований стараются задержать афинян или даже заставить их отказаться от войны. Народ, однако, не пожелал прислушаться ни к подобным объяснениям, ни к словам тех, кто видел во всем этом не какое-то грозное предвещание, но самую обыкновенную пьяную выходку распущенных юнцов, которые, захмелев, легко переходят от шуток к наглым бесчинствам. С гневом и страхом узнав о случившемся и видя в нем действия заговорщиков, ставящих себе цели, куда более далекие, Совет и народ начали строжайшее расследование и собирались много раз подряд в течение нескольких дней.

19. В это время Андрокл, один из вожаков толпы, привел нескольких рабов и метэков, которые заявили, что Алкивиад и его друзья уродовали другие статуи богов, а кроме того, подражали на своих попойках тайным священнодействиям. Доносчики утверждали, будто

---

⁵²¹ 25. *...всегдашнего гения...* – Гением (демонием) Сократ называл свой внутренний голос, время от времени удерживавший его от различных поступков, важных и мелких.

⁵²² 26. *...изображений Гермеса...* – Эти «гермы», каменные столбы с мужской (будто бы Гермесовой) головой, ставились на дорогах, улицах и возле домов.

какой-то Феодор разыгрывал роль глашатая⁵²³, Политион – факелоносца, сам Алкивиад – верховного жреца, а остальные приятели при этом присутствовали и называли друг друга мистами. Все это было изложено в жалобе, которую Фессал, сын Кимона, подал на Алкивиада, обвиняя его в оскорблении обеих богинь. Народ был взбешен и проклинал Алкивиада, Андрокл же (один из самых непримиримых его врагов) старался еще усилить всеобщее негодование.

Сначала Алкивиад растерялся, но, узнав, что моряки, которым предстояло повести корабли в Сицилию, по-прежнему ему преданы и сухопутное войско тоже, а гоплиты из Аргоса и Мантинеи числом тысяча, открыто говорят, что лишь ради Алкивиада они согласились двинуться в этот далекий, заморский поход и, если кто-нибудь вздумает его обидеть, они тут же повернут назад, – узнав об этом, он приободрился и готовился в назначенный день произнести речь в свою защиту, а враги снова пали духом, опасаясь, как бы приговор не оказался слишком мягким, поскольку народ нуждается в услугах Алкивиада. И вот, прибегнув к хитрости, они уговаривают ораторов, которые, по общему мнению, не были врагами Алкивиада, однако ненавидели его ничуть не меньше, нежели те, кто не скрывал своих чувств, выступить в Собрании и сказать, что нелепо полководцу, облеченному неограниченными полномочиями и поставленному во главе таких огромных сил, теперь, когда войско уже собрано и союзники прибыли, терять попусту время, пока избирают судей и отмеряют воду в часах. Пусть плывет в добрый час, а после окончания войны пусть возвратится и держит ответ перед теми же самыми законами. Злой умысел, таившийся в этой отсрочке, не укрылся от Алкивиада, и, выйдя вперед, он заявил, что страшное это дело – быть посланным на врага во главе громадного войска, не сняв с себя обвинений и наветов, без уверенности в будущем; он готов умереть, если не докажет своей правоты, но если докажет ее и будет оправдан – то пойдет на врага, не страшась клеветников.

20. Но его доводы не были приняты во внимание, он получил приказ выйти в плавание и вместе с двумя другими стратегами снялся с якоря, имея немногим менее ста сорока триер, пять тысяч сто гоплитов, около тысячи трехсот лучников, пращников и легко вооруженных пехотинцев, а также все необходимое снаряжение и припасы. Достигнув берега Италии и взяв Регий, он предложил товарищам по должности свой план военных действий. Никий решительно возражал против этого плана, Ламах одобрял его, и, переправившись в Сицилию, Алкивиад занял Катану, но ничего более сделать не успел: афиняне прислали ему распоряжение немедленно явиться на суд.

Сначала, как уже говорилось, против Алкивиада были только шаткие подозрения, основанные на показаниях рабов и метэков. Но после его отъезда враги возобновили свои нападки еще решительнее, приплетая шутовские мистерии к надругательству над статуями Гермеса, словно и то и другое – плод единого заговора, цель коего – мятеж и государственный переворот; все, хоть сколько-нибудь причастные к этому делу, были без предварительного расследования брошены в тюрьму, и народ теперь досадовал, что своевременно не предал Алкивиада суду и не покарал его за такие страшные преступления. Ненависть к нему обратилась против его друзей, родственников и близких, которым случилось тогда быть в Афинах. Изобличителей Фукидид⁵²⁴ не называет, но другие писатели называют Диоклида и Тевкра; между прочим эти имена упоминает и комический поэт Фриних в следующих стихах:

– Гермес мой милый, берегись, не уподи,

⁵²³ 27. ...роль глашатая... факелоносца... верховного жреца... – Глашатай (керик), факелоносец (дадух) и верховный жрец (иерофант) – главные лица при посвящении новообращенных в Элевсинские таинства «обеих богинь» – Деметры и Персефоны.

⁵²⁴ 28. Изобличителей Фукидид не называет... – Фукидид рассказывает об этих событиях в VI, 53, 60—61.

Не ушибись, смотри, не то ты повод дашь
Второму Диоклиду вновь донос писать.
– Остерегусь. Злодею Тевкру, чужаку,
Награды за донос дарить я не хочу.

Однако ничего надежного и достоверного доносчики показать не смогли. Один из них на вопрос, как он узнал осквернителей герм в лицо, ответил: «При свете луны», – и жесточайшим образом просчитался, поскольку все происходило в последний день старого месяца. Среди людей здравомыслящих это вызвало замешательство, однако в глазах народа даже подобная несуразица не лишила обвинений убедительности, и афиняне с прежним рвением хватали и бросали в тюрьму каждого, на кого поступал донос.

21. Среди заключенных в оковы и находившихся под стражей в ожидании суда был оратор Андокид⁵²⁵, род которого историк Гелланик возводит к самому Одиссею. Этот Андокид и вообще-то считался ненавистником народа и приверженцем олигархии, но тут главной причиной павших на него подозрений в кощунстве было огромное изображение Гермеса подле его дома, воздвигнутое филой Эгеидой: из числа, немногих, самых знаменитых в Афинах, герм лишь эта одна, пожалуй, осталась невредимой. По этой причине она ещё и теперь зовется «Андокидовой» вопреки высеченной на ней надписи. В тюрьме среди арестованных по тому же делу, Андокид ближе всего сошелся и подружился с неким Тимеем, человеком гораздо менее известным, но на редкость умным и решительным. Он советует Андокиду оговорить себя самого и еще нескольких человек. Ведь народ за чистосердечное признание особым решением обещал неприкосновенность, между тем как исход суда, неясный для всех обвиняемых без изъятия, самым грозным и страшным будет для людей знатных. Лучше спастись, возведя на себя напраслину, чем умереть позорною смертью, так и не избавившись от этого ужасного обвинения. Наконец, того же требуют и соображения общего блага: ценою жизни немногих и к тому же сомнительных личностей будет спасено от гнева толпы множество безусловно порядочных людей. Так убеждал и уговаривал Тимей Андокида, и тот согласился: донеся на себя и на других, он получил обещанное прощение, а все названные им, кроме тех, кому удалось бежать, были казнены. Чтобы внушить доверие к своим словам, Андокид среди прочих указал и на собственных рабов.

Но народ не успокаивался – скорее, напротив, расправившись с осквернителями герм, он всей силою своей ярости – теперь словно освободившейся от забот – обрушился на Алкивиада. В конце концов, за ним отправили «Саламинию», строго-настрого запретив, однако, применять насилие: посланным надлежало в сдержанных выражениях предложить Алкивиаду следовать за ними, чтобы предстать перед судом и оправдаться. Афиняне опасались волнений в войске, стоявшем на вражеской земле, или даже мятежа, вызвать который Алкивиаду, при желании было бы нетрудно. И в самом деле, после его отъезда воины пришли в уныние, предчувствуя, что под командованием Никия война затянется надолго – казалось, стрекало, понуждавшее всех и каждого к решительным действиям, исчезло; оставался, правда, Ламах, человек воинственный и храбрый, но бедность лишала его какого бы то ни было веса и влияния.

22. Готовясь к отплытию, Алкивиад успел вырвать из рук афинян Мессену. Среди мессенцев были люди, готовые сдать город; зная всех наперечет, Алкивиад выдал их сторонникам сиракузян и расстроил все дело. В Фуриях, сойдя с триеры, он скрылся, и все поиски ни к чему не привели. Кто-то узнал его и спросил: «Неужели ты не веришь родине, Алкивиад?» «Отчего же, – возразил он, – верю во всем, кроме лишь тех случаев, когда дело касается моей жизни: тут я даже родной матери не поверю – ведь и она по ошибке может

---

⁵²⁵ 29. ...оратор Андокид... – Дальнейшее пересказывается по собственным подробным признаниям Андокида в речи «О мистериях» (в 399 г., по возвращении из изгнания).

положить черный камешек вместо белого». Впоследствии, услышав, что афиняне приговорили его к смерти, Алкивиад воскликнул: «А я докажу им, что я еще жив!».

Жалоба, насколько мне известно, была составлена в следующих выражениях: «Фессал, сын Кимона, из дема Лакиады, обвиняет Алкивиада, сына Клиния, из дема Скамбониды, в том, что он нанес оскорбление богиням Деметре и Корре: в своем доме на глазах у товарищей он подражал тайным священнодействиям, облаченный в столу⁵²⁶, в какую облачается верховный жрец, когда являет святыни, и себя именовал верховным жрецом, Политиона – факелоносцем, Феодора из дема Фегея – глашатаем, остальных же приятелей называл мистами и эпоптами⁵²⁷ – вопреки законам и установлениям эвмолпидов, кериков и элевсинских жрецов». Алкивиад был осужден заочно, его имущество конфисковано, а сверх того было принято дополнительное решение, обязывающее всех жрецов и жриц предать его проклятию; говорят, что лишь Феано, дочь Менона, из дема Агравлы не подчинилась этому решению, заявив, что она посвящена в сан для благословений, а не для проклятий.

23. Пока принимались эти решения и выносился приговор, Алкивиад успел бежать из Фурий в Пелопоннес и сначала задержался в Аргосе, но затем, боясь врагов и окончательно распростившись с надеждою на возвращение в отечество, послал в Спарту гонца с просьбой о личной неприкосновенности и надежном убежище, суля за это одолжения и услуги куда более значительные, нежели тот ущерб, который он нанес спартамцам, будучи их противником. Получив все необходимые заверения и вновь исполнившись бодрости, он приехал в Лакедемон, был радушно встречен и прежде всего, видя, что спартанцы медлят с помощью сиракузянам, убедил их и чуть ли не заставил отправить в Сицилию отряд во главе с Гилиппом, чтобы сломить силы высадившихся там афинян; далее, послушавшись его советов, спартанцы возобновили военные действия против Афин в самой Греции и, наконец, обнесли стенами Декелею⁵²⁸, и это было страшнее всего прочего: никакой другой удар не мог обессилить родной город Алкивиада столь же непоправимо.

Снискав добрую славу этой дальновидностью государственного мужа, ничуть не меньшее восхищение вызывал он и своею частной жизнью: чисто спартанскими привычками и замашками он окончательно пленил народ, который, видя, как коротко он острижен, как купается в холодной воде, ест ячменные лепешки и черную похлебку, просто не мог поверить, что этот человек держал когда-то в доме повара, ходил к торговцу благовониями или хоть пальцем касался милетского плаща. И верно, среди многих его способностей было, говорят, и это искусство улавливать людей в свои сети, приноравливаясь к чужим обычаям и порядкам. Стремительностью своих превращений он оставлял позади даже хамелеона: к тому же хамелеон, как рассказывают, способен принять всякую окраску, кроме белой, тогда как Алкивиад, видел ли он вокруг добрые примеры или дурные, с одинаковой легкостью подражал и тем и другим: в Спарте он не выходил из гимнасия, был непритязателен и угрюм, в Ионии – изнежен, сластолюбив, беспечен, во Фракии беспробудно пьянствовал, в Фессалии не слезал с коня, при дворе сатрапа Тиссаферна в роскоши, спеси и пышности не уступал даже персам, и не то, чтобы он без малейших усилий изменял подлинную сбою природу и преобразовывался на любой лад в душе, отнюдь нет, но когда он замечал, что, следуя своим наклонностям, он рискует вызвать неудовольствие тех, кто его окружает, он всякий раз укрывался за любую личиною, какая только могла прийти к нему по вкусу.

⁵²⁶ 30. *Стола* – длинное широкое одеяние.

⁵²⁷ 31. *Мистами* (принявшими посвящение) и *эпоптами* (допущенными к созерцанию) – т.е. посвященными низшего и высшего разрядов. *Эвмолпиды* – род, в котором по наследству передавалась должность элевсинского верховного жреца (иерофанта); должность глашатаев (*кериков*) была наследственна в другом роду.

⁵²⁸ 32. ...обнесли стенами Декелею... Т.е. стали там укрепленным лагерем, держа под ударом всю Аттику.

Как бы то ни было, но увидев его в Лакедемоне и судя лишь по внешности, каждый сказал бы:

Он – не Ахилла сын, нет – это сам Ахилл ⁵²⁹,

но воспитанный самим Ликургом; однако приглядевшись к его истинным страстям и поступкам, вскричал бы:

Все та же это женщина! ⁵³⁰

Он совратил Тимею, жену царя Агида, который был с войском за пределами Лакедемона, и та забеременела от него, и даже не скрывала этого; она родила мальчика и дала ему имя Леотихида, но у себя, в кругу подруг и служанок, шепотом звала младенца Алкивиадом – так велика была ее любовь! А сам Алкивиад, посмеиваясь, говорил, что сделал это не из дерзкого озорства и не по вожделению, но только ради того, чтобы Спартою правили его потомки. Многие рассказывали Агиду об этом бесчинстве, но надежнейшим свидетелем оказалось для него само время: однажды ночью, испуганный землетрясением, Агид выбежал из опочивальни супруги и с тех пор не спал с нею целых десять месяцев, а Леотихид появился на свет как раз после этого срока, и Агид отказался признать его своим сыном. По этой причине Леотихид впоследствии лишился права на престол.

24. После поражения афинян в Сицилии хиосцы, лесбосцы и граждане Кизика одновременно отрядили к лакедемонянам посольства для переговоров о переходе на их сторону. За лесбосцев ходатайствовали беотийцы, просьбы из Кизика поддерживал Фарнабаз, но лакедемоняне, послушав Алкивиада, решили прежде всего оказать помощь хиосцам. Алкивиад и сам отправился в плавание, склонил к мятежу почти всю Ионию и вместе со спартанскими военачальниками причинил афинянам огромный урон. Между тем Агид, который затаил к нему ненависть, не простив бесчестия жены, теперь начал еще завидовать его славе, ибо всякое начинание, всякий успех молва приписывала Алкивиаду. Да и среди прочих спартанцев самые могущественные и честолюбивые уже тяготились Алкивиадом, тоже завидуя ему. По их настоянию власти дали приказ умертвить Алкивиада.

Алкивиад тайно проведаль об этом и, боясь за свою жизнь, по-прежнему действовал заодно с лакедемонянами, но одновременно прилагал все усилия к тому, чтобы не попасться им в руки. В конце концов, он бежал под защиту персидского сатрапа Тиссаферна. Он быстро занял самое высокое положение при его дворе: ум и поразительная изворотливость Алкивиада восхищали варвара, который и сам не был прост, но отличался низким нравом и склонностью к пороку. Да и вообще чары ежедневного общения с ним были так сильны, что никакая натура не могла остаться незатронутой ими, никакая воля не могла им противиться и даже те, кто боялся Алкивиада и ему завидовал, испытывали при встрече с ним какое-то непонятное удовольствие, радостный подъем. Вот так и Тиссаферн: от природы свирепый и в ненависти к грекам не знавший себе равных среди персов, он до такой степени поддался на обходительность Алкивиада, что даже превзошел его в ответных любезностях. Самый прекрасный из своих садов, изобиловавший полезными для здоровья водами и лужайками, с приютами для отдыха и местами для увеселений, убранными истинно по-царски, он велел впредь именовать «Алкивиадовым». И все называли его так в течение многих и многих лет.

25. Итак, разорвав отношения с вероломными спартанцами и страшась Агида,

---

⁵²⁹ 33. *Он не Ахилла сын, нет – это сам Ахилл.* – Стих из трагедии неизвестного автора (о Неоптолеме, сыне Ахилла, разорителе Трои).

⁵³⁰ 34. *Все та же это женщина!* – Эврипид. Орест, 149 (о Елене, которая и в трауре обрезает лишь кончики волос, чтобы не повредить своей красоте).

Алкивиад старался уронить и очернить своих бывших друзей в глазах Тиссаферна; он не советовал помогать им столь же усердно, как прежде, и окончательно губить Афины, но, скупом отмеряя необходимые средства, постепенно загнать оба народа в тупик, и тогда, изнузив и обессилив друг друга, они покорно склонятся перед великим царем. Тиссаферн охотно следовал его советам и так открыто свидетельствовал ему свою приязнь и восхищение, что на Алкивиада направлены были взоры обоих враждебных греческих станов. Афиняне, терпя бедствие за бедствием, теперь раскаивались в своем приговоре, но и Алкивиад мучился тревогою, как бы город не погиб и сам он не оказался во власти лакедемонян – лютых своих врагов.

В то время почти все силы афинян были сосредоточены на Самосе: выходя оттуда в плавание, они вновь приводили к покорности восставшие города или защищали свои владения. Как бы там ни было, а на море они могли еще померяться силами с неприятелем, но боялись Тиссаферна и ста пятидесяти финикийских триер, которые, по слухам, должны были вскоре появиться и с прибытием которых всякая надежда на спасение для Афин была бы потеряна. Узнав об этом, Алкивиад тайно отправляет гонца на Самос к афинским предводителям и обнадеживает их известием, что готов предоставить им расположение Тиссаферна – в угоду не толпе, которой он нисколько не доверяет, но лучшим людям, коль скоро они отважатся, доказав свою решимость и смирив разнузданность народа, взять дело спасения государства в собственные руки. Предложение Алкивиада было встречено с восторгом, и лишь один из стратегов, Фриних из дема Дирады, выступил против него, подозревая (и не ошибаясь в своих подозрениях!), что Алкивиад так же равнодушен к олигархии, как и к демократии и просто ищет путей к возвращению, а потому клеветой на народ старается выиграть во мнении самых могущественных граждан. Но суждение Фриниха было отвергнуто, а его вражда к Алкивиаду стала для всех очевидной, и тогда он тайно известил обо всем случившемся Астиоха, командующего вражеским флотом, советуя ему остерегаться Алкивиада, а еще лучше – схватить этого двурушника. Но предатель не знал, что вступает в переговоры с предателем: боясь Тиссаферна и видя, в какой чести у него Алкивиад, Астиох рассказал обоим о послании Фриниха. Алкивиад немедленно отправил на Самос своих людей, обвиняя Фриниха в измене. Все были возмущены и единодушно обрушились на Фриниха, а тот, не видя иного выхода, попытался исправить одно зло другим – еще большим. И вот он снова посылает Астиоху письмо, корит его за донос, но все же обещает предать в его руки суда и войско афинян. Однако вероломство Фриниха не причинило афинянам вреда, благодаря ответному вероломству Астиоха, который и на этот раз доложил Алкивиаду о действиях Фриниха. Последний, предвидя возможность нового обвинения со стороны Алкивиада, решил его опередить и сам объявил афинянам, что неприятель готовит удар с моря, а потому предлагал не отходить от кораблей и укрепить лагерь. Афиняне так и сделали, и когда в разгар работ снова получили вести от Алкивиада, предостерегавшего их против Фриниха, который-де намерен выдать врагу стоянку на Самосе, они не дали веры его словам, считая, что Алкивиад, во всех подробностях знающий планы и намерения персов, просто-напросто злоупотребляет своею осведомленностью, чтобы оклеветать Фриниха. Но некоторое время спустя Гермон, один из пограничных стражников, заколол Фриниха на площади кинжалом, и тут афиняне, учинив судебное расследование, посмертно признали Фриниха виновным в измене, а Гермона и его сообщников наградили венками.

26. Вслед за тем сторонники Алкивиада на Самосе одерживают верх и посылают в Афины Писандра с наказом подготовить государственный переворот – убедить самых влиятельных граждан уничтожить демократию и взять власть в свои руки: на этих-де условиях Алкивиад вызвался доставить афинянам дружбу и поддержку Тиссаферна. Таков был предлог и повод для установления олигархии. Но когда так называемые «пять тысяч» (на самом деле их было всего четыреста человек)⁵³¹ действительно пришли к власти, они и

⁵³¹ 35. «Пять тысяч» – число полноправных граждан по недолговечной олигархической конституции 411

думать забыли об Алкивиаде и продолжали вести войну слишком вяло – то ли не доверяя согражданам, которые никак не могли свыкнуться с переменой правления, то ли рассчитывая, что спартанцы, всегдашние приверженцы олигархии, обнаружат теперь большую уступчивость. В самом городе народ волей-неволей сохранял спокойствие: немалое число открытых противников четырехсот было казнено, и это держало в страхе остальных. Но те граждане, что стояли на Самосе, узнав о происшедшем, возмутились и постановили немедленно плыть в Пирей; они послали за Алкивиадом, провозгласили его стратегом и поручили ему вести их против тираннов. Но Алкивиад – в отличие от многих других, неожиданно возвеличенных милостью толпы, – отнюдь не считал себя обязанным с первой же минуты беспрекословно подчиняться и ни в чем не противоречить желаниям тех, кто из скитальца и изгнанника превратил его в стратега и отдал ему под команду столько судов и такую огромную военную силу; напротив, как и подобало великому полководцу, он воспротивился решениям, которые были подсказаны гневом, не позволил совершиться ошибке и тем спас государство от неминуемой гибели. В самом деле, если бы флот ушел тогда к своим берегам, для противника немедленно открылась бы возможность без боя завладеть всей Ионией, Геллеспонтом и островами, меж тем как афиняне сражались бы с афинянами, приведя войну в стены родного города. Помешал этому главным образом Алкивиад, который не только уговаривал и увещевал толпу, но и обращался ко многим воинам в отдельности – с мольбою к одним, к другим с порицанием. Его поддерживал Фрасибул из дема Стирия – и своим присутствием, и могучим криком: говорят, что этот Фрасибул был самым голосистым среди афинян.

А вот другое благодеяние, оказанное Алкивиадом отечеству: пообещав, что посланные царем финикийские суда, которых ожидают спартанцы, либо окажут поддержку афинянам, либо, по крайней мере, не соединятся с флотом лакедемонян, он поспешно вышел в море, и, хотя эти корабли уже появились в виду Аспенда, Тиссаферн не пустил их дальше, обманув надежды спартанцев. В том, что финикийцы повернули назад, обе стороны винили Алкивиада, и особенно горячо – лакедемоняне: они были уверены, что он внушил варвару мысль спокойно ждать, пока греки сами истребят друг друга. И верно, присоединение такой силы к одной из сторон для второй, без всякого сомнения, означало бы конец морского владычества.

27. Вскоре после этого власть четырехсот была низвергнута, причем друзья Алкивиада ревностно помогали сторонникам демократии. Граждане высказывали желание и даже требовали, чтобы Алкивиад вернулся, но тот считал, что возвращаться надо не с пустыми руками, не жалостью и милостью толпы, но с подвигами, со славой. Поэтому, с немногими кораблями покинув Самос, он направился сначала в сторону Коса и Книда. Там он узнал, что спартанец Миндар идет со всем флотом к Геллеспонту, а афиняне гонятся за ним, и сразу же поспешил на подмогу стратегам. По счастливой случайности он подоспел со своими восемнадцатью триерами в решающий момент сражения при Абидосе. Ожесточенный бой, в котором принимали участие все суда, шел с переменным успехом и затянулся до вечера. Появление Алкивиада произвело поначалу ложное впечатление на обе стороны: враги воспрянули духом, афиняне пришли в замешательство. Но над судном командующего быстро поднялся дружественный сигнал, и тотчас вновь прибывшие ударили на пелопоннесцев, которые уже побеждали и преследовали противника. Теперь в бегство обратились спартанцы, Алкивиад гнал их все ближе к берегу и, неотступно тесня, наносил судам пробоину за пробоиной, а матросы спасались вплавь под защитой пехоты Фарнабаза, которая бросилась им на выручку и пыталась с суши отстоять гибнущие суда. В конце концов, захватив тридцать вражеских судов и отбив все свои корабли, афиняне поставили трофей.

После столь блистательного успеха Алкивиаду не терпелось покрасоваться перед

г.; *четыреста* – члены реформированного государственного совета, вставшего у власти.

Тиссаферном, и вот, с подарками и подношениями, в сопровождении приличествующей полководцу свиты, он отправился к сатрапу. Но дела обернулись совсем не так, как он ожидал: Тиссаферн, который уж давно был у лакедемонян на дурном счету, теперь, опасаясь царской немилости, решил, что Алкивиад явился очень своевременно, схватил его и запер в тюрьму в Сардах, надеясь посредством этого несправедливого поступка очистить себя от всех прежних обвинений.

28. Но спустя тридцать дней Алкивиад раздобыл откуда-то коня, вырвался из-под стражи и бежал в Клазомены. Там он наклеветал на Тиссаферна, будто тот сам выпустил его на волю; затем Алкивиад отплыл в лагерь афинян. Узнав, что Миндар соединился с Фарнабазом и оба находятся в Кизике, он обратился к воинам, доказывая, что нет иного выхода, как дать противнику сражение на море, на суше и даже на стенах города. «Ибо, клянусь Зевсом, – воскликнул он, – без полной победы не видать вам денег!» Итак, он посадил людей на корабли, вышел в море и стал на якорь вблизи Проконнеса, приказав прятать малые суда между большими и принять меры к тому, чтобы у врага не возникло ни малейших подозрений о прибытии неприятельского флота. По счастливой случайности собралась гроза, хлынул дождь, все потемнело, и это во многом помогло Алкивиаду скрыто завершить свои приготовления: не только противник их не заметил, но и афиняне ни о чем не догадывались, пока вдруг не услышали приказ подняться на борт. Вскоре темнота рассеялась и показались пелопоннесские корабли, стоявшие у входа в кизикскую гавань. Алкивиад побоялся, что враги, видя, как велики его силы, отойдут к берегу, и потому приказал остальным стратегам плыть помедленнее и держаться позади, а сам с сорока кораблями двинулся навстречу спартамцам, вызывая их на сражение. Последние были введены в заблуждение мнимой малочисленностью афинян и, полагаясь на свое превосходство, устремились вперед, сошлись с неприятелем вплотную и начали бой, но тут, уже в разгаре схватки, на них напали остальные суда Алкивиада, и они обратились в беспорядочное бегство. Однако Алкивиад с двадцатью лучшими триерами не дал им уйти: стремительно причалив, он высадился и, по пятам преследуя матросов, бросивших свои суда, учинил страшную резню. Миндар и Фарнабаз пытались помочь своим, но тоже были разбиты; Миндар пал, отчаянно сопротивляясь, а Фарнабаз бежал. В руки афинян попало много трупов и оружия, они захватили все вражеские суда, мало того, заняли Кизик, брошенный Фарнабазом на произвол судьбы (отряд пелопоннесцев, карауливший город, был перебит), и не только надежно завладели Геллеспонтом, но очистили от спартамцев и остальную часть моря. Было даже перехвачено письмо к эфорам, по-лаконски кратко извещающее о случившемся несчастье: «Все пропало. Миндар убит. Люди голодают. Не знаем, что делать».

29. После этого воины Алкивиада настолько возгордились, исполнились таким высокомерием, что сочли себя неодолимыми и впредь положили не смешиваться с другими войсками, нередко терпевшими поражение. А как раз незадолго до того был разбит близ Эфеса Фрасилл, и эфесяне, в поношение афинянам, воздвигли медный трофей. Люди Алкивиада корили людей Фрасилла этим позором, восхваляли себя и своего полководца и решительно отказывались заниматься в одном с ними гимназии и стоять в одном лагере. Но после того, как они вторглись во владения абидосцев, а Фарнабаз со значительными силами конницы и пехоты напал на них, Алкивиад же, придя Фрасиллу на помощь, вместе с ним обратил врага в бегство и преследовал до самых сумерек, оба войска соединились и вместе вернулись в лагерь, радостно приветствуя друг друга. На следующий день Алкивиад поставил трофей и принялся грабить землю Фарнабаза, не встречая нигде ни малейшего сопротивления. Среди других в его власти оказалось несколько жрецов и жриц, но он приказал отпустить их без выкупа.

Затем он готовился выступить против халкедонян, расторгнувших союз с Афинами и принявших к себе спартанский отряд и правителя, но, узнав, что все добро, которое может стать добычей врага, они собрали и вывезли в дружественную им Вифинию, подошел с войском к вифинским рубежам, отправивши вперед вестника, который передал вифинцам его неудовольствие и упреки. Те испугались, выдали ему добро халкедонян и заключили с

ним дружбу.

30. Алкивиад стал окружать Халкедон стеною, ведя ее от моря к морю, и работы еще не были завершены, когда появился Фарнабаз, чтобы прорвать осаду. Халкедонский правитель Гиппократ, собрав все свои силы, сделал вылазку. Алкивиад выстроил войско так, чтобы можно было одновременно отразить натиск с обеих сторон, и Фарнабаз позорно бежал, а Гиппократ был разбит наголову и погиб вместе с немалым числом своих людей.

Затем Алкивиад поплыл для сбора дани в Геллеспонт и взял Селимбрию, нелепым образом подвергнув при этом свою жизнь страшной опасности. Люди, которые вызвались сдать ему город, обещали в полночь поднять зажженный факел, но вынуждены были сделать это раньше назначенного срока, боясь одного из своих сообщников, который неожиданно изменил. Поэтому, когда загорелся факел, войско еще не было готово, и Алкивиад побежал к стене, захватив с собой всего тридцать человек, оказавшихся под рукою, а остальным приказал следовать за ним как можно скорее. Ворота были открыты, но не успел он со своими тридцатью людьми и еще двадцатью присоединившимися к ним легковооруженными пехотинцами войти в город, как увидел селимбрийцев, которые мчались ему навстречу с оружием в руках. Всякое сопротивление казалось бесполезным и безнадежным, но для полководца, вплоть до того дня не знавшего ни единого поражения, бежать было просто невыносимо, и вот, призвавши звуком трубы к молчанию он велит одному из своих объявить селимбрийцам, чтобы те не нападали на афинян. Услышав слова глашатая, одни порастеряли свой боевой пыл (в твердой уверенности, что внутри стен находятся все вражеские силы), другие же воодушевились новыми надеждами на перемирие. Пока они, собравшись все вместе, обменивались мнениями, к Алкивиаду успело подойти его войско, и теперь, убедившись, что селимбрийцы настроены вполне миролюбиво (так это и было на самом деле), он стал опасаться, как бы фракийцы, которые во множестве следовали за Алкивиадом и из любви и расположения к нему усердно несли свою службу, не разграбили город. Поэтому он выслал их всех за городскую стену, а селимбрийцам, просившим о пощаде, не причинил ни малейшего зла, но только взял деньги, разместил у них гарнизон и удалился.

31. Тем временем стратеги, осаждавшие Халкедон, заключили с Фарнабазом соглашение, по которому последний обязался выплатить неприятелю известную сумму денег, халкедонцы возвращались под власть Афин, афиняне же брали на себя обязательство не разорять более владения Фарнабаза, который в свою очередь обещал охрану и полную безопасность афинскому посольству, направлявшемуся к царю. Когда вернулся Алкивиад, Фарнабаз пожелал, чтобы и он скрепил своей клятвой условия соглашения, но тот отказался: первым, по его мнению, должен был поклясться перс.

Когда наконец взаимные клятвы были принесены, то Алкивиад подступил к Византию, расторгшему союз с афинянами, и стал обносить город стеной. Анаксилай, Ликург и еще несколько человек уговорились с Алкивиадом, что сдадут ему город, а он пощадит жизнь и имущество византийцев; после этого, распустив слух, будто новые волнения в Ионии заставляют афинян уйти, он отплыл днем со всем флотом, но в ту же ночь возвратился, сошел на берег и, во главе тяжеловооруженных пехотинцев приблизившись к городской стене, притаился. Корабли между тем стянулись ко входу в гавань и ворвались в нее под такой оглушительный шум и крики матросов, что византийцы, для которых все это было полной неожиданностью, в ужасе бросились к морю спасать свои суда, и сторонникам афинян представилась возможность беспрепятственно открыть Алкивиаду ворота. Но без боя дело все же не обошлось. Стоявшие в Византии пелопоннесцы, беотийцы и мегаряне отразили натиск высадившихся с моря и снова загнали их на корабли, а затем, узнав, что афиняне уже в городе, выстроились в боевую линию и двинулись им навстречу. В ожесточенной схватке Алкивиад одолел на правом крыле, Ферамен на левом; около трехсот неприятелей, оставшихся в живых, попало в плен. По окончании военных действий ни один из византийцев не был казнен или отправлен в изгнание: на таких условиях сдали город те, кто указаны нами выше, не выговорив для себя никаких особых преимуществ. Именно поэтому Анаксилай, позже привлеченный в Спарте к суду за измену, не выразил ни

малейшего смущения, оправдывая свои действия. Он напомнил, что он не лакедемонянин, а византиец и что опасности у него на глазах подвергался Византий, а не Спарта: город был обнесен стеной, всякий ввоз в него прекратился, запасами, которые еще не до конца иссякли, кормились пелопоннесцы и беотийцы, а граждане Византия с женами и детьми умирали с голода. Стало быть, он не выдал врагам город, но, напротив, избавил его от самого лютого врага – от войны, по примеру достойнейших спартанцев, для коих лишь одно доподлинно прекрасно и справедливо – благо отечества. Выслушав эти доводы, лакедемоняне смутились и оправдали обвиняемых.

32. Вот теперь Алкивиад стремился на родину, впрочем; еще больше ему хотелось предстать перед согражданами в облике полководца, одержавшего столько побед над врагами. И он тронулся в путь, украсив аттические триеры по обоим бортам щитами и другой военной добычей, ведя за собой множество захваченных у неприятеля судов; еще больше неприятельских кораблей он пустил ко дну и теперь вез в Афины снятые с них носовые украшения; число тех и других вместе было не менее двухсот. Самосец Дурид (он возводит свой род к Алкивиаду) сообщает еще, что Хрисогон, победитель на Пифийских играх, играл гребцам песню на флейте, а команду им подавал трагический актер Каллипид – оба в ортостадии, ксистиде⁵³² и вообще в полном уборе, надеваемом для состязаний, – и что корабль командующего подлетел к берегам, распустив красный парус, будто гуляка, возвращающийся с пирушки; но ни Феопомп, ни Эфор, ни Ксенофонт этого не пишут, да и трудно поверить, чтобы, возвращаясь из изгнания, после таких ужасных бедствий, Алкивиад позволил себе так издеваться над афинянами. Нет, не без робости подходил он к гавани, а, войдя в нее, спустился с триеры не прежде, нежели увидел с палубы своего двоюродного брата Эвриптолема и целую толпу родственников и друзей, которые его встречали и старались ободрить радостными криками. Когда же он, наконец, спустился на берег, собравшийся народ, казалось, перестал замечать остальных стратегов – все бежали к нему, выкрикивали его имя, приветствовали его, шли за ним следом, увенчивали венками, если удавалось протиснуться поближе, те же, кому это не удавалось, старались разглядеть его издали; люди постарше показывали его молодым. К радости всего города примешано было немало слез, и нынешнее счастье омрачалось воспоминаниями о былых бедствиях; помышляли и о том, что останься тогда Алкивиад во главе войска и государственных дел – и в Сицилии все могло бы сложиться более удачно, и прочие упования не были бы обмануты, раз даже теперь, когда он застал Афины почти совершенно вытесненными с моря, а на суше едва сохранившими собственные пригороды, в самом же городе – раздоры и смуту, он принял управление и, воскресив эти горестные жалкие остатки, не только вернул родине владычество на море, но явил ее повсюду победительницей и в пеших сражениях.

33. Постановление, разрешающее ему вернуться, было уже принято раньше⁵³³ по предложению Крития, сына Каллесхра, как он сам о том написал в элегических стихах, напоминая Алкивиаду об оказанной услуге:

О возвращенье твоём говорил я открыто, пред всеми.
Речь произнес, записал, дело твоё завершил,
Крепкой печатью однако уста я свои запечатал...

Теперь же Алкивиад выступил в Собрании перед народом; с горечью, со слезами поведав о своих страданиях, он вскользь и очень сдержанно попенял народу, во всем случившемся винил лишь свою злую судьбу и зависть божества, а главным образом старался

⁵³² 36. ...в ортостадии, ксистиде... – Длинные одежды без пояса, которые носили женщины, а также актеры в драматических и мусических состязаниях.

⁵³³ 37. Постановление... принято раньше. – Тотчас по низложении олигархии 411 г.

внушить согражданам бодрость и надежды на будущее. Афиняне наградили его золотыми венками и выбрали стратегом с неограниченными полномочиями – главнокомандующим сухопутными и морскими силами. Кроме того, Собрание постановило возвратить ему имущество и снять заклятия, наложенные на него эвмолпидами и кериками по приказу народа. Все прочие жрецы повиновались, и лишь верховный жрец Феодор сказал: «Ежели он ни в чем не повинен перед государством, стало быть, и я не призывал на его голову никаких бедствий».

34. Казалось бы, ничто не омрачало благоденствия Алкивиада, но были люди, которых смущал и беспокоил самый срок его приезда. В тот день, когда он приплыл к берегу Аттики, справлялся «Праздник омовения» в честь Афины. Это тайное священнодействие, которое совершают праксиэргиды⁵³⁴ в двадцать пятый день месяца фаргелиона: они снимают с богини весь убор и окутывают статую покрывалом. Вот почему этот день афиняне считают одним из самых злосчастных в году и стараются провести его в полном бездействии. Не благосклонно, не радостно, думали они, приняла Алкивиада богиня, но закрылась и не допустила его к себе.

Тем не менее удача ни в чем не оставляла Алкивиада, и сто триер, с которыми он собирался снова выйти в море, были уже снаряжены, но какое-то благородное честолубие не давало ему покинуть Афины до конца мистерий. Ведь с тех пор как враги, укрепив Декелею, овладели дорогами, ведущими в Элевсин, торжественная процессия из сухопутной превратилась в морскую и потеряла всю свою красоту: жертвоприношения, хороводы и многие другие обряды, которыми сопровождается шествие с изображением Иакха, пришлось, по необходимости, опустить. И Алкивиаду казалось, что он исполнит долг благочестия перед богами и заслужит похвалу у людей, если вернет священнодействию исконный его вид, проведя процессию посуху и защитив ее от неприятеля: либо, рассудил Алкивиад, он совершенно унизит, втопчет в грязь Агида (коль скоро тот смирится с его затеей), либо на виду у отечества вступит в священную, угодную богам битву, и все сограждане станут свидетелями его доблести.

Сообщив о своем решении эвмолпидам и керикам, он расставил стражу на высотах и, едва рассвело, выслал вперед нескольких скороходов, а затем, взявши жрецов, мистов и мистагогов⁵³⁵ и окружив их вооруженной стражей, в строгом порядке и тишине повел вперед это воинское шествие, являвшее собою зрелище столь прекрасное и величавое, что все, кроме завистников, называли его подлинным священнодействием и таинством. Никто из неприятелей не осмелился на них напасть, и, благополучно приведя всех назад, Алкивиад и сам возгордился, и войску внушил надменную уверенность, что под его командою оно непобедимо и неодолимо, а у простого люда и бедняков снискал поистине, невиданную любовь: ни о чем другом они более не мечтали, кроме того, чтобы Алкивиад сделался над ними тиранном, иные не таясь, об этом говорили, советовали ему презреть всяческую зависть, стать выше нее и, отбросив законы и постановления отделившись от болтунов – губителей государства... [*Текст в оригинале испорчен*] действовал и правил, не страшась клеветников.

35. Какого взгляда на счет тираннии держался сам Алкивиад, нам неизвестно, но наиболее влиятельные граждане были очень испуганы и принимали все меры к тому, чтобы он отплыл как можно скорее: они неизменно одобряли все его предложения и, между прочим, подали голоса за тех лиц, каких он сам выбрал себе в товарищи по должности.

⁵³⁴ 38. *Праксиэргиды* – афинский жреческий род, женщины которого совершали ежегодно омовение древней деревянной статуи Афины Полиады в море у Фалера; этот день считался несчастливым, потому что богиня отсутствовала в своем храме. Этот праздник (Плинтерии) справлялся в начале июня, Элевсинии с процессией – в начале октября (408 г.).

⁵³⁵ 39. *Мистагоги* – посвящающие в таинства.

Выйдя в плавание со своею сотней судов и причалив к Андросу, он разбил в сражении и самих андросцев и поддерживавший их отряд лакедемонян, но города не взял, чем и подал врагам первый повод к новым обвинениям против него. Если бывали люди, которых губила собственная слава, то, пожалуй, яснее всего это видно на примере Алкивиада. Велика была слава о его доблести и уме, ее породило все, свершенное им, а потому любая неудача вызывала подозрение – ее спешили приписать нерадивости, никто и верить не желал, будто для Алкивиада существует что-либо недостижимое: да, да, если только он постарается, ему все удастся! Афиняне надеялись вскоре услышать о захвате Хиоса и вообще всей Ионии. Вот откуда и возмущение, с которым они встречали известия о том, что дела идут не так-то уж быстро, отнюдь не молниеносно, как хотелось бы им. Они не думали о том, как жестоко стеснен в средствах их полководец, ведущий войну с противником, которого снабжает деньгами сам великий царь, и что по этой причине Алкивиаду нередко приходится покидать свой лагерь в поисках жалования и пропитания для войска, мало того, последнее обстоятельство послужило основанием еще для одной жалобы на него! Когда Лисандр, поставленный лакедемонянами во главе флота, начал выдавать матросам по четыре обола вместо трех – деньги он получил от Кира, – Алкивиад, уже с трудом плативший своим даже три обола, отправился в Карию, чтобы собрать денег, а командование судами передал Антиоху, прекрасному кормчему, но человеку грубому и безрассудному. Этот Антиох, хотя и получил от Алкивиада приказ не вступать в битву даже в том случае, если неприятель нападет первым, дошел до такой наглости, до такого неповиновения, что, изготовив к бою две триеры – свою и еще одну, доплыл до Эфеса и там принялся разъезжать взад-вперед вдоль носов неприятельских кораблей, упорно раздражая противника наглым кривлянием и оскорбительными речами. Сначала Лисандр послал за ним в погоню всего лишь несколько судов, но затем, когда афиняне поспешили на подмогу своему начальнику, вывел в море и остальные и одержал верх. Антиох был убит, спартанцы захватили много кораблей и пленных и воздвигли трофей. Весть об этом дошла до Алкивиада, он вернулся на Самос, тоже вышел в море со всем флотом и пытался вызвать Лисандра на сражение, но тот, вполне довольствуясь своей победой, остался в гавани.

36. Тогда Фрасибул, сын Фрасона, один из тех, кто, ненавидя Алкивиада, служил под его началом, уехал в Афины, чтобы выступить с обвинениями; стараясь озлобить афинян, он утверждал в Собрании, будто Алкивиад потому погубил все дело и потерял суда, что с унижительным легкомыслием распорядился своими полномочиями, передав командование людям, которые заняли при нем самые высокие посты благодаря лишь умению выпивать и матросскому бахвальству, передал для того, чтобы самому беспрепятственно наживаться, плавая, куда вздумается, пьянствовать да распутничать с абидосскими и ионийскими гетерами, – и все это когда стоянка вражеских судов совсем рядом! Ему вменяли в вину также постройку крепости, которую он возвел во Фракии близ Бисанты – убежище на случай, если он не захочет или не сможет жить в отечестве, утверждали обвинители. Народ поверил врагам Алкивиада и, желая выразить ему свое нерасположение и гнев, избрал новых стратегов.

Весть об этом испугала Алкивиада, и он окончательно покинул лагерь; набрав наемников, он частным образом, на свой страх и риск, повел войну с неподвластными царями фракийцами и получал значительные суммы от продажи добычи; в то же время и греки, жившие по соседству с этими варварами, чувствовали себя в безопасности под его защитой.

Несколько позже стратеги Тидей, Менандр и Адимант со всеми судами, какие в ту пору были у афинян, расположились при устье Эгоспотамов и утром обыкновенно подплывали к Лампсаку, близ которого бросили якоря корабли Лисандра, пытались вызвать спартанцев на бой, а потом возвращались назад и, полные презрения к неприятелю, проводили день беспорядочно и беспечно. Находившийся поблизости Алкивиад узнал о таком легкомыслии и не остался к нему равнодушен: он прискакал верхом и стал было внушать стратегам, что они неудачно выбрали место для стоянки – ведь на всем берегу нет ни гаваней, ни городов, и

продовольствие приходится доставлять издалека, из Сеста, – и что напрасно смотрят они сквозь пальцы на то, как их матросы, сойдя на сушу, рассеиваются и разбредаются кто куда, когда напротив стоит на якоре огромный флот, приученный к единовластным повелениям и беспрекословному их выполнению.

37. Но стратеги не соизволили прислушаться к предостережениям Алкивиада и его совету перевести суда в Сест, а Тидей прямо велел ему убираться прочь, прибавив насмешливо: «Теперь не ты стратег, а другие». Алкивиад удалился, заподозрив их в измене, и, уезжая, говорил своим знакомым из греческого лагеря, которые вышли его проводить, что если бы не эти оскорбления, он в ближайшие дни заставил бы лакедемонян принять бой вопреки собственному желанию, в противном же случае они лишились бы своих судов. Одни решили, что он бросает слова на ветер, другие – что дело это вполне возможное: стоит ему только собрать побольше фракийских копейщиков и всадников и, ударив с суши, посеять смятение в лагере спартанцев. Как бы там ни было, но что ошибки афинян он подметил верно, вскоре показал сам ход событий. Совершенно неожиданно для афинян Лисандр напал на них, и только восемь триер под командою Конона ускользнули, все же остальные – числом около двухсот – оказались в руках неприятеля. Пленных Лисандр захватил три тысячи и всех казнил. А спустя немного он взял и самый город афинян, сжег их корабли и разрушил Длинные стены.

После этого Алкивиад в страхе перед лакедемонянами, которые властвовали теперь и на суше и на море, перебрался в Вифинию, увезя с собою огромные богатства, однако еще больше оставив в своей крепости. Но в Вифинии его обобрали тамошние разбойники-фракийцы, и, еще раз потеряв немалую долю своего имущества, он решил отправиться к Артаксерксу в надежде, что царь, узнавши его, оценит не меньше, чем прежде ценили Фемистокла. Тем более что и цель у него более благородная: ведь он не собирался, подобно Фемистоклу, предложить свои услуги для борьбы против сограждан, но хотел действовать в интересах отечества, против его врагов, и для этого просить помощи у царя. Алкивиад полагал, что Фарнабаз скорее, чем кто-либо другой, обеспечит ему удобства и безопасность в пути, а потому приехал к нему во Фригию, поселился там и, оказывая Фарнабазу все знаки почтения, в свою очередь был у него в чести.

38. Афиняне горевали, утратив первенствующее положение в Греции, но только теперь, когда Лисандр отнял у них и свободу и передал власть над городом Тридцати⁵³⁶, когда все погибло безвозвратно, они начали приходить к тем соображениям, которые, будь они приняты в расчет своевременно, могли бы их спасти; они сокрушались, перечисляя свои заблуждения и промахи, и самым непростительным среди них признавали вторую вспышку гнева против Алкивиада. И верно, ведь он ушел в изгнание без всякой вины, меж тем как они, рассердившись на его помощника, постыдно лишившегося нескольких кораблей, куда более постыдно лишили государство самого опытного и самого храброго из полководцев. Но в этих тяжких обстоятельствах у них еще теплилась смутная надежда, что не все потеряно для Афин, до тех пор пока жив Алкивиад. «И прежде, – рассуждали они, – оказавшись на чужбине, он не захотел жить в праздности и покое, и теперь, если только найдутся к этому какие-нибудь средства, не останется равнодушным свидетелем наглости лакедемонян и буйства Тридцати». Мечтания народа не лишены были здравого смысла, поскольку и Тридцать, со своей стороны, тревожились и старались выведать, что делает и что замышляет Алкивиад, придавая этому первостепенное значение. В конце концов, Критий стал внушать Лисандру, что спартанцы не смогут уверенно властвовать над Грецией, если в Афинах возобладает демократический способ правления, и что, хотя афиняне готовы отнестись к олигархии вполне терпимо и даже благожелательно, Алкивиад, пока он жив, не даст им

⁵³⁶ 40. ...власть над городом Тридцати... – По олигархической конституции 404—403 гг. число полноправных граждан было ограничено до 1000, а число членов правительства – до 30 («Тридцать тираннов») во главе с Критием.

примириться с существующим положением вещей. Лисандр однако согласился с этими доводами не прежде, чем от спартанских властей пришла скитала, предписывающая умертвить Алкивиада; вероятно, и в Спарте боялись его беспокойного нрава и страсти к великим делам, а может быть, просто хотели угодить Агиду.

39. Лисандр отправил Фарнабазу письмо с просьбой исполнить это распоряжение, а тот поручил дело своему брату Багею и дяде Сузамитре. Алкивиад в то время жил с гетерою Тимандрой в одной фригийской деревне, и как-то раз увидел вот какой сон. Приснилось ему, будто он одет в платье своей возлюбленной, а она прижимает к груди его голову и, точно женщине, расписывает лицо румянами и белилами. По другим сведениям, ему казалось, что Багей отсекает ему голову и сжигает тело. Но все согласны, что видение явилось Алкивиаду незадолго до смерти.

Войти в дом убийцы не решились, но окружили его и подожгли. Заметив начавшийся пожар, Алкивиад собрал все, какие удалось, плащи и покрывала и набросил их сверху на огонь, потому, обмотав левую руку хламидой, а в правой сжимая обнаженный меч, благополучно проскочил сквозь пламя, прежде чем успели вспыхнуть брошенные им плащи, и, появившись перед варварами, рассеял их одним своим видом. Никто не посмел преградить ему путь или вступить с ним в рукопашную, – отбежав подальше, они метали копья и пускали стрелы. Наконец Алкивиад пал, и варвары удалились; тогда Тимандра подняла тело с земли, закутала и обернула его в несколько своих хитонов и с пышностью, с почетом – насколько достало средств – похоронила.

Говорят, что она была матерью Лайды, которая носила прозвище «Коринфянки», хотя на самом деле была захвачена в плен в сицилийском городке Гиккары.

Соглашаясь со всеми изложенными здесь подробностями смерти Алкивиада, иные истинным виновником ее называют не Фарнабазу, не Лисандра и не лакедемонян, а самого Алкивиада, который соблазнил какую-то женщину из знатной семьи и держал ее при себе, а братья женщины, не стерпев такой дерзости, подожгли дом, где он тогда жил, и, как мы уже рассказывали, убили Алкивиада, едва только тот выскочил из огня.

[Сопоставление]

40 (1). Таковы поступки этих мужей, которые мы считаем достойными упоминания, и всякий может убедиться, что военные подвиги не склоняют решительно чашу весов в пользу того или другого. Оба одинаково дали многократные доказательства личного мужества и отваги, равно как и мастерства и дальновидности полководца. Правда, кто-нибудь, пожалуй, объявит лучшим военачальником Алкивиада, который вышел победителем во многих сражениях на суше и на море; зато неизменно счастливо и весьма ощутимо воздействовать на дела отечества своим присутствием и руководством и наносить им еще более ощутимый вред, перейдя на сторону противника, было свойственно обоим.

На государственном поприще не знавшее меры бесстыдство Алкивиада, грубость и шутовство, которых он не гнушался, стараясь стяжать любовь толпы, вызывали отвращение у людей благоразумных, тогда как Марция за его крайнюю суровость, высокомерие и приверженность к олигархии возненавидел римский народ. Ни то ни другое не похвально, и все же угождающий народу искатель его благосклонности заслуживает меньшего порицания, нежели те, кто, дабы их не сопричислили к подобным искателям, оскорбляет народ. Да, постыдно льстить народу ради власти, но влияние, основывающееся на страхе, угнетении и насилии, и постыдно, и бесчестно.

41 (2). Что Марций был откровенен и прямодушен, Алкивиад же в государственных делах хитер и лжив, не вызывает ни малейшего сомнения. Прежде всего, ему ставят в вину злой обман, в который он ввел (как рассказывает Фукидид⁵³⁷) спартанских послов, что

⁵³⁷ 41. ...как рассказывает Фукидид... – См.: V, 45.

привело к расторжению мира. Но если такой образ действий снова вверг Афины в войну, то он же сделал государство сильным и грозным благодаря союзу с мантинейцами и аргосцами, который был заключен стараниями Алкивиада. По сообщению Дионисия⁵³⁸, Марций также прибегнул к обману, чтобы столкнуть римлян с вольсками, – он оклеветал вольсков, прибывших на священные игры. При этом, если взглянуть на побудительную причину того и другого поступка, то худший из двух – второй. Не из честолюбия, не в пылу борьбы или соперничества на государственном поприще, как Алкивиад, но, поддавшись гневу, от которого, по слову Диона⁵³⁹, нечего ждать благодарности, Марций возмутил спокойствие многих областей Италии и в злобе на отечество, как бы мимоходом погубил много ни в чем не повинных городов.

Верно, что и гнев Алкивиада был причиною страшных бедствий для его сограждан. Но как только Алкивиад узнал, что афиняне раскаиваются, он проявил благожелательность; даже изгнанный вторично, он не радовался ошибке стратегов, не остался равнодушен к их неудачному решению и угрожавшей им опасности, а поступил так же, как некогда с Фемистоклом Аристид⁵⁴⁰, которого по сию пору не перестают хвалить за этот поступок: он приехал к тогдашним начальникам, не питавшим к нему никаких дружеских чувств, чтобы рассказать и научить, что надо делать. Марций же сначала заставил страдать все государство, хотя сам пострадал по вине далеко не всего государства, лучшая и знатнейшая часть которого была оскорблена наравне с ним и ему сочувствовала, а далее суровою непреклонностью к просьбам многих посольств, стремившихся смягчить гнев одного-единственного человека и загладить несправедливость, доказал, что затеял тяжкую и непримиримую войну не для того, чтобы вернуться в отечество, но чтобы его уничтожить. Есть тут и еще одно различие. Алкивиад перешел на сторону афинян, страхась и ненавидя спартанцев за козни, которые они против него строили, тогда как у Марция не было никаких оснований покидать вольсков, относившихся к нему безупречно: он был избран командующим, облечен и властью, и полным доверием – не то, что Алкивиад, услугами которого лакедемоняне скорее злоупотребляли, чем пользовались, и который бродил у них по городу, потом столь же бесцельно слонялся по лагерю и, в конце концов, отдал себя под покровительство Тиссаферна. Впрочем, быть может, клянусь Зевсом, он для того и угождал Тиссаферну, чтобы перс не погубил вконец Афины, куда он все же мечтал вернуться?

42 (3). Сообщают, что Алкивиад без стыда и совести брал взятки, а за счет полученного позорно ублажал свою разнузданность и страсть к роскоши. Напротив, Марция начальники не уговорили взять даже почетную награду. Вот почему он был так ненавистен народу во время разногласий из-за долгов: все утверждали, что он притесняет и поносит неимущих не по соображениям корысти, но глумясь над ними и презирая их. Антипатр, рассказывающий в каком-то письме о кончине философа Аристотеля, замечает: «Кроме всего прочего этот человек обладал обаянием». Марцию это качество было совершенно чуждо, и потому даже его достоинства и добрые поступки вызвали ненависть у людей, ими облагодетельствованных: никто не в силах был мириться с его гордостью и самомнением – спутником одиночества, как выразился Платон⁵⁴¹. Алкивиад, наоборот, умел быть любезным и обходительным с каждым встречным. Можно ли удивляться, что всякий его

⁵³⁸ 42. По сообщению Дионисия... – Дионисий Галикарнасский, VIII, 2.

⁵³⁹ 43. ...по слову Диона... – Этот автор неизвестен, а сентенция обычно приписывается комедиографу Менандру.

⁵⁴⁰ 44. Аристид – См.: Ар., 8 сл.

⁵⁴¹ 45. ...как выразился Платон. – См.: Письма, IV, 321c (подлинность письма сомнительна).

успех восхваляли до небес, встречали благожелательно и с почетом, если даже многие из его промахов и оплошностей имели в себе нечто привлекательное и милое? Вот отчего, несмотря на весь вред, который он нанес государству, его часто выбирали в стратеги и ставили во главе войска, а Марций, домогавшийся должности, на которую ему давали право многочисленных подвигов, тем не менее потерпел поражение. Первого сограждане не в силах были ненавидеть, даже страдая по его вине, второго – уважали, но не любили.

43 (4). Далее, Марций в качестве командующего перед отечеством не отличился ни разу – он отличился лишь перед неприятелями, в ущерб отечеству; Алкивиад неоднократно приносил пользу афинянам и как простой воин и как командующий. В присутствии Алкивиада его противники никогда не могли взять верх, все шло так, как того желал он, и лишь в его отсутствие набиралась сил клевета; Марций не смутил своим присутствием римлян, которые вынесли ему обвинительный приговор, не смутил и вольсков, которые его убили – убили незаконно и бесчестно, но благовидный предлог к расправе он доставил им сам: не приняв перемирия, предложенного от имени государства, он частным образом дал женщинам себя уговорить и не вырвал корня вражды, не положил предела войне, а только упустил неповторимо счастливый случай. Он не должен был отступать, не убедив сначала в правильности своих действий тех, кто ему доверился, – разумеется, если превыше всего он ставил свой долг перед ними. Если же вольски ничего не значили в его глазах и он начал войну только для того, чтобы утолить свой гнев, а затем прекратил ее, он и в этом случае поступил недостойно, ибо не ради матери следовало пощадить родину, но вместе с родиной – и мать. Ведь и мать и жена были частью родного города, который он осаждал. То, что он остался глух к просьбам целого государства, к слезным мольбам послов и жрецов, а потом в угоду матери отступил, – не было честью для матери, но скорее бесчестьем для отечества, избавленного от гибели заступлением одной-единственной женщины и из жалости к ней, точно само по себе оно пощады не заслуживало. Ненавистная, жестокая, поистине немилостивая милость! В ней не было милосердия ни к одной из воюющих сторон: ведь Марций отступил не потому, что согласился на уговоры неприятелей, и не потому, что склонил к согласию с собою товарищей по оружию. Причина всего этого – необщительный, чересчур надменный и самолюбивый нрав, который и сам по себе толпе ненавистен, а в соединении с честолюбием приобретает еще черты лютой неукротимости. Такие люди не хотят угождать народу, точно вовсе не нуждаются в почетных званиях и должностях, но потом, не получивши их, негодуют. Правда, черни не прислуживали и милостей ее не искали ни Метелл, ни Аристид, ни Эпаминонд, но они действительно презирали все, что народ властен пожаловать или отобрать, и, подвергаясь остракизму, терпя поражения на выборах и выслушивая обвинительные приговоры в суде, они не гневались на несправедливость сограждан и охотно примирались с ними, когда те раскаивались и просили изгнанников вернуться. Тому, кто менее всего заискивает перед народом, менее всего приличествует и желание ему отомстить, тогда так же, как слишком горькая обида того, кто не получил должность, проистекает из слишком горячего стремления ее добиться.

44 (5). Алкивиад никогда не скрывал, что почести радуют его, а пренебрежение печалит, и потому старался быть приятным и милым для тех, среди кого он жил. Марцию высокомерие не позволяло угождать тем, в чьей власти было и почтить его и возвысить, но когда он оказывался обойденным, честолюбие заставляло его гневаться и страдать. Именно это и могут поставить ему в упрек, ибо все прочее в нем безукоризненно. Своей воздержностью и бескорыстием он заслуживает сравнения с благороднейшими, чистейшими из греков, но, клянусь Зевсом, никак не с Алкивиадом, крайне неразборчивым в подобных вопросах и весьма мало заботившимся о доброй славе.

ЭМИЛИЙ ПАВЕЛ И ТИМОЛЕОНТ

[Перевод С.П. Маркиша]

Эмилий Павел

1. Мне случилось начать работу над этими жизнеописаниями, выполняя чужую просьбу, но продолжать ее – и притом с большой любовью – уже для себя самого: глядя в историю, словно в зеркало, я стараюсь изменить к лучшему собственную жизнь и устроить ее по примеру тех, о чьих доблестях рассказываю. Всего более это напоминает постоянное и близкое общение: благодаря истории мы точно принимаем каждого из великих людей в своем доме, как дорогого гостя, узнаем, «кто он и что»⁵⁴², и выбираем из его подвигов самые значительные и прекрасные.

О, где еще найдем такую радость мы?⁵⁴³

Что сильнее способствует исправлению нравов? Демокрит учил молиться о том, чтобы из объемлющего нас воздуха навстречу нам неизменно выходили лишь благие образы⁵⁴⁴ – сродные и полезные человеку, а не зловещие или никчемные; тем самым он внес в философию мысль, неверную и ведущую к неисчислимым предрассудкам. Что до меня, то, прилежно изучая историю и занимаясь своими писаниями, я приучаю себя постоянно хранить в душе память о самых лучших и знаменитых людях, а все дурное, порочное и низкое, что неизбежно навязывается нам при общении с окружающими, отталкивать и отвергать, спокойно и радостно устремляя свои мысли к достойнейшим из образцов.

Из их числа на этот раз я выбрал для тебя⁵⁴⁵ жизнь Тимолеонта Коринфского и Эмилия Павла – двух мужей не только одинакового образа мыслей, но и одинаково счастливой судьбы, так что трудно решить, чему они более обязаны своими самыми значительными успехами – удаче или благоразумию.

2. Большинство историков согласно утверждают, что дом Эмилиев принадлежит к числу патрицианских и самых древних в Риме; но что основателем этого дома, оставившим потомству родовое имя, был Мамерк⁵⁴⁶, сын мудреца Пифагора, прозванный Эмилием за учтивость и прелесть речей, говорят лишь некоторые из тех, кто держится мнения, будто Пифагор был учителем царя Нумы.

Почти все Эмилии, достигшие известности и славы, были взысканы удачей благодаря высоким нравственным качествам, в которых они неустанно совершенствовались. Даже неудача Луция Павла при Каннах доказала его здравомыслие и мужество: убедившись, что отговорить коллегу от битвы невозможно, он, вопреки своему желанию, рядом с товарищем по должности принял участие в битве, но не в бегстве – напротив, в то время как виновник поражения в разгар опасности бросил свое войско, Луций Павел остался на месте и погиб в бою.

---

⁵⁴² 1. «кто он и что» ... – «Илиада», XXIV, 630 (восхищение Приама Ахиллом).

⁵⁴³ 2. *О, где еще найдем такую радость мы?* – Стих из несохранившейся драмы Софокла «Тимпанисты».

⁵⁴⁴ 3. *...Благие образы ...* – По Демокриту, от всех предметов беспрерывно отделяются и разлетаются невидимые оболочки, они воздействуют на наши органы чувств, и так возникают зрение, слух и пр. Это представление воспринял от него Эпикур, с учением которого Плутарх упорно спорил.

⁵⁴⁵ 4. *...для тебя ...* – Может быть, обращение к Соссию Сенециону, адресату «Тесея» и др., может быть – вообще к читателю.

⁵⁴⁶ 5. *Мамерк* – имя итальяское (вариант имени бога Марса); предание о таком сыне Пифагора – домysel римских пифагорейцев (ср. Нума, 1 и 8).

Его дочь Эмилия была замужем за Сципионом Африканским, а сын, Павел Эмилий, которому посвящено это повествование, пришел в возраст в ту пору, когда в Риме процветали величайшие, прославленные доблестью мужи, и быстро отличился, хотя занятия его не были похожи на занятия тогдашних знатных юношей и с самого начала он шел другою дорогой. Он не выступал с речами в суде и решительно избегал радушных приветствий и благосклонных рукопожатий, которые многие рассыпали столь предупредительно и ревностно, стараясь приобрести доверие народа; не то, чтобы он был неспособен к чему-либо из этого от природы – нет, он хотел снискать лучшую и высшую славу, доставляемую храбростью, справедливостью и верностью, и в этом скоро превзошел всех своих сверстников.

3. Первая из высших должностей, которой он домогался, было должность эдила, и граждане оказали ему предпочтение перед двенадцатью другими соискателями, каждый из которых, как сообщают, был впоследствии консулом. Затем он стал жрецом, одним из так называемых авгуров, которых римляне назначают для наблюдения и надзора за гаданиями по птицам и небесным знамениям, и, неукоснительно держась отеческих обычаев, обнаружив поистине древнее благоговение перед богами, доказал, что жречество, прежде считавшееся просто-напросто почетным званием, к которому стремятся единственно славы ради, есть высочайшее искусство, и подтвердил мнение философов, определяющих благочестие как науку о почитании богов⁵⁴⁷. Все свои обязанности он выполнял умело и тщательно, не отвлекаясь ничем посторонним, ничего не пропуская и не прибавляя вновь, но постоянно спорил с товарищами по должности даже из-за самых незначительных оплошностей и внушал им, что если иным и кажется, будто божество милостиво и легко прощает малые небрежения, то для государства такое легкомыслие и нерадивость опасны. И верно, не бывает так, чтобы потрясение основ государства начиналось резким вызовом, брошенным закону, – нет, но по вине тех, кто не проявляет должного внимания к мелочам, исчезает забота о делах первостепенной важности. Столь же неутомимым исследователем и суровым стражем отеческих обычаев Эмилий выказал себя и в военных делах: он никогда не заискивал перед солдатами, никогда, командуя войском, не старался, – как поступали в ту пору очень многие, – заранее обеспечить себе новое назначение на высшую должность, потакая и угождая подчиненным, но, точно жрец каких-то страшных таинств, он посвящал своих людей во все тайны военного искусства, грозно карал ослушников и нарушителей порядка и тем самым вернул отечеству прежнюю силу, считая победу над врагами лишь побочною целью рядом с главной – воспитанием сограждан.

4. Когда у римлян началась война с Антиохом Великим и лучшие полководцы уже были заняты ею, на западе вспыхнула другая война – поднялась почти вся Испания. Туда был отправлен Эмилий в сане претора, но не с шестью ликторами, а с двенадцатью; таким образом, почести ему оказывались консульские. Он разбил варваров в двух больших сражениях⁵⁴⁸, выиграв их, по-видимому, главным образом благодаря своему мастерству полководца: воспользовавшись преимуществами местности и вовремя перейдя какую-то реку, он доставил своим воинам легкую победу. Противник потерял тридцать тысяч убитыми, двести пятьдесят городов добровольно сдались Эмилию. Восстановив в провинции мир и порядок, он вернулся в Рим, ни на единую драхму не разбогатев в этом походе. Он вообще не умел и не любил наживать деньги, хотя жил широко и щедро тратил свое состояние. А оно было совсем не так уж значительно, и после смерти Эмилия едва удалось выплатить вдове причитавшуюся ей сумму приданого.

5. Женат он был на Папирии, дочери бывшего консула Мазона, но после многих лет

⁵⁴⁷ 6. *Философов, определяющих благочестие ...* – Псевдо-Платон, «Определения», 413а.

⁵⁴⁸ 7. *...в двух больших сражениях ...* – Первое сражение было поражением, и только второе, в 190 г., победой (ср. Ливий, XXXV, 24 и XXXVII, 46).

брака развелся, хотя супруга родила ему замечательных детей – знаменитого Сципиона и Фабия Максима. Причина развода нам неизвестна (о ней не говорит ни один писатель), но пожалуй, вернее всего будет вспомнить, как некий римлянин, разводясь с женой и слыша порицания друзей, которые твердили ему: «Разве она не целомудренна? Или не хороша собою? Или бесплодна?» – выставил вперед ногу, обутую в башмак («кальтий» [calceus], как называют его римляне), и сказал: «Разве он нехорош? Или стоптан? Но кто из вас знает, где он жмет мне ногу?» В самом деле, по большей части не значительные или получившие огласку проступки жены лишают ее мужа, но мелкие, частные столкновения, проистекающие из неуступчивости или просто от несходства нравов, даже если они скрыты от посторонних глаз, вызывают непоправимое отчуждение, которое делает совместную жизнь невозможной. Разведясь с Папирией, Эмилий женился вторично; двух сыновей, которых родила ему новая жена, он оставил у себя в доме, а сыновей от первого брака ввел в самые могущественные и знатные римские семьи: старшего усыновил... [Текст в оригинале испорчен] Фабия Максима, пятикратного консула, а младшего – сын Сципиона Африканского, двоюродный брат мальчика, и дал ему имя Сципиона. Что касается дочерей Эмилия, то на одной из них женился сын Катона, а на другой – Элий Туберон, достойнейший человек, с невиданным в Риме величием переносивший свою бедность. Этих Элиев было в роду шестнадцать человек и все они совместно владели одним маленьким, тесным домиком, всех кормил один-единственный клочок земли⁵⁴⁹, все жили под одной кровлей – со своими женами и многочисленным потомством. Там жила и дочь Эмилия, двукратного консула и дважды триумфатора, жила, не стыдясь бедности мужа, но преклоняясь перед его нравственным совершенством – причиной и источником его бедности. А в наше время, пока совместные владения братьев и родичей не размежеваны, не разделены одно от другого целыми странами или, по меньшей мере, реками и стенами, раздорам нет конца. Вот над какими примерами предлагает история задуматься и поразмыслить тем, кто желает извлечь для себя полезный урок.

6. Когда Эмилий был избран консулом, он выступил в поход против приальпийских лигуров, которых иные называют лигустинцами, – воинственного и храброго народа; соседство с римлянами выучило их искусству ведения боевых действий. Вперемешку с галлами и приморскими племенами испанцев они населяют окраину Италии, прилегающую к Альпам, и часть самих Альп, которая омывается водами Тирренского моря и обращена к Африке. В ту пору они стали заниматься еще и морским разбоем: их суда заплывали до самых Геркулесовых столпов, обирая и грабя торговцев. Когда на них двинулся Эмилий, они собрали и выставили сорокатысячное войско, но Эмилий, несмотря на пятикратное преимущество, которым располагал неприятель (римлян было всего восемь тысяч), напал на лигуров, разбил их и загнал в укрепленные города, после чего предложил им мир на весьма умеренных и справедливых условиях: в намерения римлян отнюдь не входило до конца истребить племя лигуров, служившее своего рода заслоном или преградой на пути галльского вторжения, угроза которого постоянно висела над Италией. Итак, лигуры доверились Эмилию и сдали ему свои суда и города. Города, не причинив им ни малейшего ущерба и только распорядившись срыть укрепления, он вернул прежним владельцам, но суда все отобрал, не оставив ни одного корабля более чем с тремя рядами весел. Кроме того, он вернул свободу множеству пленников, захваченных пиратами на суше и на море, – как римлянам, так равно и чужеземцам. Вот какими подвигами было ознаменовано первое его консульство.

Впоследствии он многократно выказывал недвусмысленное желание снова получить должность консула и, наконец, предложил свою кандидатуру, но потерпел неудачу и в дальнейшем оставил мысль об этом, разделяя свой досуг меж исполнением жреческих

⁵⁴⁹ 8. ...всех кормил один-единственный клочок земли ... – «У которого было больше хозяев, чем требовалось работников» (Валерий Максим, IV, 3, 7), говорилось об этом классическом примере обнищания римского рода.

обязанностей и занятиями с детьми, которым он стремился дать не только обычное воспитание в староримском духе (вроде того, что получил он сам), но, – с особым рвением, – и греческое образование. Юношей окружали учителя грамматики, философии и красноречия, мало того – скульпторы, художники, объездчики, псары, наставники в искусстве охоты, – и все это были греки. И отец, если только его не отвлекали какие-либо общественные дела, всегда сам наблюдал за их уроками и упражнениями, и не было в Риме человека, который бы любил своих детей больше, чем Эмилий.

7. Что же касается государственных дел, то они обстояли следующим образом. Римляне вели войну с македонским царем Персеем и обвиняли полководцев в том, что своею неопытностью и малодушием они навлекают на отечество позор и насмешки и скорее сами терпят ущерб, нежели наносят его врагу. Ведь еще совсем недавно римляне вытеснили из Азии Антиоха, который носил прозвище «Великого», отбросили его за Тавр и заперли в Сирии, так что он был счастлив купить мир за пятнадцать тысяч талантов, а незадолго до того сокрушили в Фессалии Филиппа и избавили греков от власти македонян; наконец, они победили самого Ганнибала с которым ни один царь не смел равняться отвагою и могуществом, – и вдруг какой-то Персей сражается с ними, будто равный с равными, а сам между тем вот уже сколько времени держится лишь с остатками войска, уцелевшими после разгрома его отца! Они считали это позором для себя, не зная, что Филипп, потерпев поражение, значительно увеличил и укрепил македонские силы. Чтобы вкратце рассказать о том, как это случилось, я вернусь немного назад.

8. У Антигона, самого могущественного из Александровых военачальников и преемников, доставившего и себе самому и своему роду царский титул, был сын Деметрий; у Деметрия, в свою очередь, был сын Антигон по прозвищу Гонат, а у того – Деметрий, который процарствовал недолгое время и умер, оставив еще совсем юного сына Филиппа. Опасаясь беспорядков, первые вельможи Македонии призвали Антигона, двоюродного брата умершего, женили его на матери Филиппа и сначала назначили опекуном государя и полководцем, а затем, убедившись в кротости и умеренности его нрава, видя пользу, которую его труды приносят государству, провозгласили царем. Этого Антигона прозвали Досоном⁵⁵⁰, за то что он щедро давал обещания, но скупое их выполнял. Ему наследовал Филипп, который еще мальчиком почитался одним из величайших государей своего времени: надеялись, что он вернет Македонии ее прежнюю славу и, единственный, сможет противостать римской мощи, грозившей уже целому миру. Но, разбитый Титом Фламинином в большом сражении при Скотуссе⁵⁵¹, он был настолько сломлен и растерян, что сдался безоговорочно на милость римлян и радовался, когда ему удалось отделаться не слишком большой данью. Однако с течением времени он все более тяготился своим положением: считая, что править по милости римлян достойно скорее пленника, жадно цепляющегося за любое удовольствие, нежели храброго и разумного мужа, он вновь устремил все помыслы к войне и начал готовиться к ней, хитро скрывая свои истинные намерения. С этой целью, оставляя города при больших дорогах и на берегу моря обессиленными и почти пустыми, – чтобы не вызывать у римлян ни малейших опасений, – он накапливал в середине страны большие силы – собирал в крепостях, городах и на сторожевых постах оружие, деньги и крепких молодых людей; так постепенно он приближался к войне; но как бы скрывал ее в глубине Македонии. Оружия было запасено на тридцать тысяч человек, восемь миллионов медимнов хлеба надежно хранилось за стенами, а денег скопилось так много, что хватило бы на жалование десяти тысячам наемников в течение десяти лет. Но Филиппу так и не довелось увидеть всю эту громаду в движении и самому ввести ее в действие: он умер от

⁵⁵⁰ 9. Досоном – Т.е. «собирающим дать» (ср. Гай, 11).

⁵⁵¹ 10. ...при Скотуссе ... – Т.е. при Киноскефалах (подробнее см.: Тит., 8).

скорби и уныния, когда узнал, что безвинно погубил одного из своих сыновей, Деметрия⁵⁵², по оговору другого сына – человека негодного и порочного.

Этот оставшийся в живых сын по имени Персей унаследовал вместе с царством ненависть к римлянам, но осуществить отцовские планы он был неспособен – по ничтожеству и испорченности своей натуры, среди различных изъянов и пороков которой первое место занимало сребролюбие. Говорят даже, что он не был кровным сыном Филиппа, но что супруга царя тайно взяла его новорожденным у его настоящей матери, некоей штопальщицы из Аргоса по имени Гнафения, и выдала за своего. Главным образом поэтому, надо думать, и погубил Деметрия Персей: пока в семье был законный наследник, легче могло открыться, что сам он – незаконнорожденный.

9. И все же, вопреки собственной низости и малодушию, самым размахом приготовлений он был вовлечен в войну и долгое время держался, успешно отражая натиск римлян – значительных сухопутных и морских сил с полководцами в ранге консула во главе, – а иной раз и беря над ними верх. Он разбил в конном сражении Публия Лициния, который первым вторгся в Македонию: две с половиной тысячи отборных воинов были убиты и шестьсот попали в плен. Затем он неожиданно напал на стоянку вражеских кораблей близ Орея и двадцать судов со всею поклажей захватил и увел, остальные же, груженные хлебом, пустил ко дну; кроме того, в его руках оказались четыре пентеры⁵⁵³. Второе сражение он дал бывшему консулу Гостилию, который пытался ворваться в Элимию, и повернул римлян вспять, а когда Гостилий задумал тайно проникнуть в Македонию через Фессалию, заставил его отказаться от этой мысли, угрожая новым сражением. Одновременно с этой войной, словно желая выказать презрение противнику, который оставляет ему так много досуга, он предпринял поход против дарданов, перебил десять тысяч варваров и взял богатую добычу. Исподволь он старался двинуть на римлян и галлов, которые обитали вдоль Истра (их зовут бастарнами⁵⁵⁴), – воинственное племя, славившееся своей конницей; подстрекал вступить в войну и иллирийцев, ведя переговоры через их царя Гентия. Были даже слухи, будто Персей подкупил варваров и они готовятся через нижнюю Галлию, берегом Адриатики, вторгнуться в пределы самой Италии.

10. Когда все эти вести дошли до Рима, было решено забыть о любезностях и посулах всех, притязавших на должность командующего, и поставить во главе войска человека благоразумного и искушенного в руководстве широкими начинаниями. Таким человеком был Павел Эмилий – уже пожилой (годы его близились к шестидесяти), но крепкий телом, имевший надежную поддержку в молодых зятях и сыновьях, в многочисленных друзьях и влиятельных родичах, которые, все как один, убеждали его откликнуться на зов народа и принять консульство. Сначала Эмилий напустил на себя строгость и отклонял настояния толпы, делая вид, будто теперь власть ему не нужна, но граждане день за днем являлись к дверям его дома, громкими криками приглашая его на форум, и, в конце концов, он уступил. Едва он появился на Поле среди соискателей, у всех возникло такое чувство, словно не за консульством он пришел, но, напротив, сам принес гражданам залог победы и успеха в войне. Вот с какими надеждами и с каким воодушевлением его встретили и выбрали консулом во второй раз. Новым консулам не дали даже кинуть жребий, как бывает обыкновенно при распределении провинций, но сразу поручили Эмилию руководство Македонской войной.

⁵⁵² 11. ...погубил ... Деметрия ... – Из двух сыновей Филиппа Деметрий стоял за сближение с Римом, Персей за разрыв; борьба кончилась победой Персея.

⁵⁵³ 12. Пентера – судно с пятью рядами гребцов.

⁵⁵⁴ 13. Бастарнами – это были не галлы, а германцы (самое восточное их племя); но греки и римляне долго этого не различали.

Рассказывают, что после этого весь народ торжественно проводил его домой, и тут он застал свою маленькую дочь Терцию в слезах. Отец приласкал ее и спросил, чем она так огорчена. «Как же, отец, – отвечала девочка, обнимая и целуя его, – да ведь наш Персей умер!» (она имела в виду комнатную собачку, носившую кличку «Персей»). «В добрый час, дочка! – воскликнул Эмилий. – Да будут слова твои благим предзнаменованием!» Эту историю сообщает оратор Цицерон в книге «О гадании»⁵⁵⁵.

11. В ту пору существовал обычай, по которому вновь избранные консулы держали на форуме речь перед народом, выражая ему признательность за внимание и доверие, но Эмилий, созвав граждан на собрание, сказал им, что первого консульства с домогался потому, что сам искал власти, второго, однако, – лишь потому, что они ищут полководца. Поэтому он не обязан им ни малейшей признательностью, и если они сочтут, что кто-либо другой поведет войну лучше, чем он, Эмилий, он охотно уступит этому человеку свое место; но коль скоро они подлинно доверяют ему, пусть не вмешиваются в дела командования, не распускают вздорных слухов и без всяких прекословий готовят для войны все необходимое. В противном же случае, если они намерены начальствовать над своим начальником, они окажутся во время похода в еще более жалком и смешном положении, нежели теперь. Этой речью он внушил гражданам и глубочайшее почтение к себе и твердую уверенность в будущем: все радовались, что, пренебрегши заигрываниями льстецов, выбрали полководца прямодушного и независимого. Столь послушным слугою добродетели и чести выказывал себя римский народ ради того, чтобы подняться над остальными народами и повелевать ими.

12. Что Эмилий Павел, отправившись к театру военных действий, счастливо и легко переплыл море и быстро, без всяких происшествий прибыл в свой лагерь, – я готов приписать благосклонности божества. Но, раздумывая над тем, как удачно завершилась эта война – благодаря, во-первых, его неукротимой отваге, во-вторых, дальновидным решениям, в-третьих, горячей поддержке друзей и, наконец, присутствию духа, ясности и твердости суждения в минуты крайней опасности, – раздумывая над этим, я не могу отнести славные, замечательные подвиги Эмилия на счет его счастливой судьбы (что было бы верно в применении к другим полководцам); разве что кто-нибудь скажет, что счастливой судьбой Эмилия обернулось сребролюбие Персея, которое разрушило надежды македонян и свело на нет все их блистательные и грозные приготовления, поскольку у царя не хватило духа расстаться со своими деньгами. Вот как это случилось. По просьбе Персея к нему на подмогу явились бастарны – десять тысяч всадников и при каждом по одному пехотинцу – все до одного наемники, люди, не умеющие ни пахать землю, ни плавать по морю, ни пасти скот, опытные в одном лишь деле и одном искусстве – сражаться и побеждать врага. Когда они разбили лагерь в Медике⁵⁵⁶ и соединились с войсками царя – рослые, на диво ловкие и проворные, заносчивые, так и сыплющие угрозами по адресу неприятеля – они вселили в македонян бодрость и веру, что римляне не выстоят и дрогнут при одном только виде этих солдат и их перестроений на поле боя, ни с чем не схожих, внушающих ужас. Не успел Персей воодушевить и ободрить этими надеждами своих людей, как бастарны потребовали по тысяче золотых на каждого начальника, и мысль об этой груде денег помутила взор скупца, лишила его рассудка – он отказался от помощи, и отпустил наемников, точно не воевать собрался с римлянами, а вести их дела и готовился дать точнейший отчет в своих военных расходах как раз тем, против кого эта война начата. А ведь учителями его были все те же римляне, у которых, не считая всего прочего, было сто тысяч воинов, собранных воедино и всегда готовых к сражению. Но Персей, начиная борьбу против такой мощной силы, приступая к войне, которая требовала столько побочных затрат, судорожно пересчитывал и опечатывал свое золото, боясь коснуться его, точно чужого. И это делал не

⁵⁵⁵ 14. Цицерон – «О гадании», I, 103.

⁵⁵⁶ 15. Медика – область фракийского племени медов на среднем Стримоне.

какой-нибудь лидиец или финикиец⁵⁵⁷ родом, а человек, по праву родства притязавший на доблести Александра и Филиппа, которые неуклонно держались того убеждения, что власть и победа приобретаются за деньги, но не наоборот, – и покорили целый мир! Даже пословица ходила, что греческие города берет не Филипп, а золото Филиппа. Александр⁵⁵⁸, заметив во время индийского похода, что македоняне непомерно обременены персидскими сокровищами, которые они тащили с собою, сначала сжег свои повозки, а потом и остальных убедил поступить точно так же и идти навстречу боям налегке, словно освободившись от оков. Персей же, напротив, засыпав золотом себя самого, своих детей и царство, не пожелал спастись, пожертвовав малой толикой своих денег, но предпочел, вместе с неисчислимыми сокровищами, богатым пленником покинуть отечество, чтобы самолично показать римлянам, как много он для них скопил.

13. Он не ограничился тем, что обманул галлов и отправил их восвояси: подстрекнув иллирийца Гентия за триста талантов принять участие в войне, он приказал отсчитать и запечатать деньги в присутствии его посланцев, когда же Гентий, уверившись в том, что получил свою плату, решился на гнусное и страшное дело – задержал и заключил в тюрьму прибывших к нему римских послов, – Персей, рассудив, что теперь незачем тратить на Гентия деньги, поскольку он сам дал римлянам неопровержимые доказательства своей вражды и своим бесовестным поступком уже втянул себя в войну, лишил несчастного его трехсот талантов, а немного спустя равнодушно глядел на то, как претор Луций Аниций с войском изгнал Гентия вместе с женой и детьми из его царства, как сгоняют птицу с насиженного гнезда.

На такого-то противника и двинулся теперь Эмилий. Презирая самого Персея, он не мог не подивиться его мощи и тщательности приготовлений: у царя было четыре тысячи всадников и без малого сорок тысяч воинов в пешем строю. Он засел на берегу моря, у подножья Олимпа, в местности совершенно неприступной, а к тому же еще и укрепленной им отовсюду валами и частоколами, и чувствовал себя в полной безопасности, рассчитывая, что время и расходы истощат силы Эмилия. Последний был человеком живого ума и стал тщательнейшим образом взвешивать все способы и возможности приступить к делу. Замечая, однако, что войско, привыкшее в прошлом к распущенности, недовольно промедлением и что солдаты беспрестанно докучают начальникам нелепыми советами, он строго поставил им это на вид и приказал впредь не вмешиваться не в свои дела и не заботиться ни о чем другом, кроме собственного тела и оружия, дабы выказать свою готовность рубиться истинно по-римски, когда полководец найдет это своевременным. Ночным дозорам он велел нести службу без копий, полагая, что караульные будут зорче наблюдать и успешнее бороться со сном, если не смогут отразить нападения неприятеля.

14. Более всего римлян тяготила жажда: вода была лишь в немногих местах, скверная на вкус, да и та не текла, а скорее еле сочилась на самом берегу моря. Разглядывая вздымавшуюся над их лагерем громаду Олимпа, густо заросшего лесом, и по зелени листья определив, что в недрах горы бьют источники, а ручьи сбегают вниз, так и не выходя на поверхность, Эмилий приказал пробить у подножья побольше отдушин и колодцев. Эти колодцы немедленно наполнились чистой водой – сдавленная со всех сторон, она стремительно хлынула в образовавшиеся пустоты. Впрочем, некоторые держатся взгляда, что не существует скрытых водоемов в тех местах, откуда струятся воды, и что появление воды должно рассматривать не как обнаружение или прорыв, но скорее как рождение влаги – превращение материи в жидкость: в жидкость превращаются стиснутые в недрах земли влажные испарения, которые, сгущаясь, приобретают текучесть. Подобно тому, как женские груди не наполняются, словно сосуды, уже готовым молоком, но, усваивая попавшую в них

⁵⁵⁷ 16. ...лидиец или финикиец ... – Оба эти народа пользовались дурной славой стяжателей.

⁵⁵⁸ 17. Александр – см: Ал., 57.

пищу, вырабатывают его и затем отцеживают, точно так же прохладные и обильные источниками места не таят в себе воды или особых вместилищ, которые бы своими запасами питали столько быстрых и глубоких рек, но обращают в воду пар и воздух, сжимая их и сгущая. Когда роют яму, земля под нажимом лопаты, словно женская грудь под губами сосущего младенца, выделяет больше влаги, смачивая и умягчая испарения, а те места, где почва лежит в праздном оцепенении, неспособны родить воду – там не хватает движений, создающих жидкость.

Рассуждающие подобным образом дают людям, склонным к сомнению, основание для вывода, будто у живых существ нет крови, и она образуется лишь при ранениях, когда уплотняются некие ветры или, возможно, плавится и растворяется плоть. Эту точку зрения опровергает еще и то обстоятельство, что в подземных ходах и в рудниках попадают настоящие реки, которые не собираются капля за каплей, как следовало бы ожидать, если бы они возникали в самый миг сотрясения земли, но льются потоком. Случается также, что из гор или скал, расколотых ударом, вырывается могучая струя воды, которая затем иссякает. Впрочем довольно об этом.

15. Несколько дней Эмилий пребывал в полном бездействии; говорят, что это единственный случай, когда два огромных войска, находясь в такой близости друг к другу, стояли так мирно и спокойно. Когда же, перепробовав и испытав все средства, Эмилий, наконец, узнал, что остается один неохраняемый проход в Македонию – через Перребию⁵⁵⁹, близ Пифия и Петры, он созвал совет, скорее с надеждой думая о том, что проход не занят противником, нежели страшась явных невыгод этой позиции, из-за которых противник ее и не занял. Сципион, по прозвищу Назика, зять Сципиона Африканского, впоследствии пользовавшийся громадным влиянием в сенате, первым из присутствовавших вызвался принять на себя командование отрядом, который должен будет зайти неприятелю в тыл. Вторым поднялся и с жаром предложил свои услуги Фабий Максим, старший из сыновей Эмилия, в ту пору еще совсем юный. Эмилий весьма охотно дал им людей, но не в том количестве, которое называет Полибий⁵⁶⁰, а в том, какое указывает сам Назика в письме к одному царю⁵⁶¹, – три тысячи италийцев-союзников и все свое левое крыло, состоявшее из пяти тысяч воинов.

Прибавив к этому сто двадцать всадников и двести человек из смешанного фракийско-критского отряда Гарпала, Назика двинулся по дороге к морю и разбил лагерь близ Гераклия, словно собираясь войти в плавание и высадиться в тылу у македонян. Но когда воины поужинали и наступила темнота, он открыл начальникам свой истинный замысел и ночью повел отряд в противоположном направлении, остановив его на отдых лишь немного не доходя Пифия.

В том месте высота Олимпа более десяти стадиев, как явствует из эпиграммы⁵⁶² измерившего ее:

Где под вершиной Олимпа стоит Аполлона Пифийца

⁵⁵⁹ 18. ...через Перребию ... – Из Фессалии на северо-запад и потом на северо-восток, в обход Олимпа и позиций Персея.

⁵⁶⁰ 19. Полибий – в XXIX (большую часть утраченной) книге своей «Истории».

⁵⁶¹ 20. ...в письме к одному царю ... – Может быть, к Массиниссе Нумидийскому: условная форма пропагандистского сочинения на греческом языке о римских победах.

⁵⁶² 21. ...как явствует из эпиграммы ... – Из эпиграммы следует, что относительная (над подошвой возле храма Аполлона) высота Олимпа – ок. 1800—1900 м; в действительности – ок. 2000 м (а над уровнем моря – 2900 м): точность, для греческих географов очень высокая.

Храм, этих гор высоту точно измерил отвес.
Полностью стадиев десять, да к ним еще надо прибавить
Плефр, но потом из него четверть одну исключить.
Путь этот был Ксенагором измерен, Эвмеловым сыном.
Шлю я привет тебе, царь! Милость свою мне даруй!

Правда, сведущие землемеры утверждают, будто нет гор выше, ни морей глубже десяти стадиев, однако мне кажется, что и Ксенагор делал свои измерения не кое-как, а по всем правилам искусства, применяя необходимые инструменты.

16. Там Назика оставался до утра. Тем временем к Персею, который ни о чем не подозревал, видя, что в лагере Эмилия все спокойно, явился критянин-перебежчик, бросивший Назику в пути, и сообщил царю, что римляне его обходят. Персей был испуган, однако с места не снялся и лишь отправил десять тысяч наемников и две тысячи македонян под командованием Милона с приказом как можно скорее занять перевал. Полибий говорит, что римляне застигли этот отряд во время сна, Назика же утверждает, что на вершинах завязался ожесточенный и кровавый бой, что на него ринулся какой-то фракийский наемник и он уложил своего противника, пробив ему грудь копьем, и, наконец, что враг был сломлен, Милон позорно бежал – безоружный, в одном хитоне, – а римляне, преследуя неприятеля и не подвергаясь сами ни малейшей опасности, спустились на равнину.

После этой неудачи Персей, объятый ужасом, разом лишившись всякой надежды, поспешно двинулся назад. И все же он видел себя перед необходимостью сделать выбор: либо остановиться у Пидны и попытаться счастья в бою, либо расчленив свои силы и ждать неприятеля у стен нескольких городов одновременно, имея, однако, в виду, что коль скоро война вторгнется в пределы страны, изгнать ее оттуда без большого кровопролития будет невозможно. Но численное превосходство по-прежнему было на его стороне, и он мог предполагать, что воины будут храбро сражаться, защищая своих детей и жен, особенно на глазах у царя, в первых рядах разделяющего с ними опасность. Такими доводами ободряли Персея друзья. И вот, разбив лагерь, он стал готовиться к сражению, осматривал местность, назначал задания начальникам, чтобы сразу же, едва только римляне покажутся, двинуться им навстречу. Рядом была и равнина, что благоприятствовало передвижениям фаланги, которые требуют совершенно гладкого места, и тянущиеся непрерывной чередой холмы, за которыми легковооруженные пехотинцы могли укрыться или совершить неожиданный для врага поворот. Протекавшие посредине речки Эсон и Левк, хотя и не очень глубокие в ту пору года (лето приближалось к концу⁵⁶³), все же, по-видимому, должны были оказаться препятствием на пути римлян.

17. Соединившись с Назикой, Эмилий выстроил воинов в боевой порядок и двинулся на македонян. Увидев их построение и численность, он остановился в растерянности и задумался. Молодые военачальники, которым не терпелось померяться силами с неприятелем, подъезжали к нему и просили не медлить, а больше всех – Назика, которому успех на Олимпе придал самонадеянности. Но Эмилий ответил, улыбаясь: «Да, будь я еще в твоих летах... Но многочисленные победы объясняют мне ошибки побежденных и не велят с ходу нападать на изготавившуюся к бою фалангу». После этого он приказал передним рядам, находившимся у неприятеля перед глазами, стать по манипулам, образовав своего рода боевую линию, а тем, кто двигался в конце колонны, – повернуться кругом и приступить к сооружению рва и частокола для лагеря. К ним, отходя, непрерывно присоединялись все новые группы воинов, и таким образом Эмилию удалось, избегнув какого бы то ни было замешательства, ввести всех своих людей в лагерь, неприметным образом распустив боевую линию.

---

⁵⁶³ 22. ...лето приближалось к концу ... – Скорее, было в разгаре: лунное затмение, описываемое ниже, происходило 21 июня 168 г.

Пришла ночь, воины после ужина располагались на отдых и готовились ко сну, как вдруг луна, полная и стоявшая высоко в небе, потемнела, померкла, изменила свой цвет и, наконец, исчезла вовсе. И в то время, как римляне, призывая луну снова засиять, по своему обыкновению стучали в медные щиты и сосуды и протягивали к небу пылавшие головни и факелы, македоняне держались совсем по-иному: лагерь их был объят страхом и тревогой, потихоньку пополз слух, будто это знамение предвещает гибель царя.

Эмилий обладал некоторыми сведениями о законах затмений⁵⁶⁴, в силу которых луна через определенные промежутки времени попадает в тень земли и остается невидимой до тех пор, пока не минует темного пространства и пока солнце снова ее не осветит, но, благоговейно чтя богов, часто принося им жертвы и зная толк в прорицаниях, он, едва лишь заметил первые лучи освобождающейся от мрака луны, заколол в ее честь одиннадцать телят. На рассвете он принес в жертву Гераклу двадцать быков, одного за другим, но благоприятные предзнаменования явились лишь с двадцать первым животным⁵⁶⁵, обещав римлянам победу в том случае, если они будут защищаться. И вот, посулив богу сто быков и священные игры, Эмилий приказал военным трибунам строить войско к бою, а сам, сидя в палатке, обращенной в сторону равнины и неприятельского лагеря, стал ждать, пока солнце повернет и склонится к закату, чтобы его лучи во время сражения не били римлянам прямо в лицо.

18. Бой начался уже под вечер по почину врагов и, как сообщают иные, благодаря хитрой выдумке Эмилия: римляне выпустили на македонян невзнузданного коня, те погнались за ним, и началась первая стычка. Но другие говорят, что фракийцы под командованием Александра совершили нападение на римский обоз с сеном, а на них в свою очередь яростно бросились семьсот лигурийцев. С обеих сторон стали подходить значительные подкрепления, и сражение закипело. Эмилий, точно кормчий, уже по этим первым бурным колебаниям обоих станов предвидя, какие размеры примет предстоящая битва, вышел из палатки и, обходя легионы, стал ободрять солдат, а Назики на коне поспешил туда, где летели копья и стрелы, и увидел, что в деле участвует почти вся македонская армия. Впереди шли фракийцы, вид которых, по словам самого Назики, внушил ему настоящий ужас: огромного роста, с ярко блиставшими щитами, в сияющих поножах, одетые в черные хитоны, они потрясали тяжелыми железными мечами, вздымавшимися прямо вверх над правым плечом. Рядом с фракийцами находились наемники, они были вооружены неодинаково и смешаны с пеонийцами. За ними помещалась третья линия, состоявшая из самих македонян, – отборные воины, в расцвете лет и мужества, сверкавшие позолоченными доспехами и новыми пурпурными одеждами. В то время как они занимали свое место в строю, из-за укреплений показались ряды воинов с медными щитами, и равнина наполнилась ярким блеском железа и сиянием меди, а горы загудели от крика и громогласных взаимных увещаний. Так отважно и быстро устремились они вперед, что первые убитые пали не больше чем в двух стадиях от римского лагеря.

19. Битва уже завязалась, когда появился Эмилий и увидел, что македоняне в первых линиях успели вонзить острия своих сарисс⁵⁶⁶ в щиты римлян и, таким образом, сделались

---

⁵⁶⁴ 23. *сведениями о законах затмений* ... – Цицерон («О государстве», I, 15, 23) рассказывает, что легат Эмилия Г. Сульпиций Галл (консул 166) объяснил их войску и этим унял его суеверный страх: Цицерон подчеркивает просвещенность, Плутарх – религиозность римского военачальника.

⁵⁶⁵ 24. *...лишь с двадцать первым животным* ... – Перед битвой устраивали жертвоприношение и гадали по внутренностям жертвенных животных; если результат был неблагоприятен («боги не удовлетворены жертвой»), то закалывали новое животное и т.д. Это давало возможность оттягивать начало сражения, – что и нужно было Эмилию.

⁵⁶⁶ 25. Сарисса – длинное копье македонской фаланги: 2 м у передовых, 4 м у второго ряда, 6 м у третьего, так что фаланга встречала неприятеля тройной густотой копий.

недостижимы для их мечей. Когда же и все прочие македоняне по условленному сигналу разом отвели щиты от плеча и, взяв копья наперевес, стойко встретили натиск римлян, ему стала понятна вся сила этого сомкнутого, грозно ощерившегося строя; никогда в жизни не видел он ничего более страшного и потому ощутил испуг и замешательство, и нередко впоследствии вспоминал об этом зрелище и о впечатлении, которое оно оставило. Но тогда, скрыв свои чувства, он с веселым и беззаботным видом без шлема и панциря объезжал поле сражения. Что же касается македонского царя, то он, как сообщает Полибий⁵⁶⁷, в первый же час битвы оробел и ускакал в город – якобы для того, чтобы совершить жертвоприношение Гераклу, но этот бог не принимает жалких жертв от жалких трусов и глух к несправедливым молитвам. И в самом деле, несправедливо, чтобы не стреляющий попадал в цель, одержал победу пустившийся в бегство, или вообще – бездельник преуспевал, а негодяй благоденствовал! Молитвам же Эмилия бог внял: ведь он молился об успехе в войне и о победе, держа в руке копье, и призывал бога на помощь, сам доблестно сражаясь.

Впрочем, некий Посидоний, сообщающий о себе, что был участником событий того времени, и написавший обширную историю Персея, утверждает, будто царь удалился не из трусости и не ссылаясь ни на какое жертвоприношение, но что накануне лошадь копытом повредила ему голень. В разгар боя Персей, невзирая на свое недомогание и не слушая советов друзей, приказал подать вычную лошадь и, сев на нее верхом, присоединился к сражающимся. Панциря на нем не было, и так как с обеих сторон тучами летели копья, дротики и стрелы, одно копье, сплошь железное, угодило в царя, правда, не острием, а скользнувши вдоль левого бока, но с такой силой, что разорвало на нем хитон и оставило на теле легкий кровоподтек; этот след от удара сохранился надолго. Вот что рассказывает Посидоний в оправдание Персея.

20. Римляне никакими усилиями не могли взломать сомкнутый строй македонян, и тогда Салий, предводитель пелигнов⁵⁶⁸, схватил значок своей когорты⁵⁶⁹ и бросил его в гущу врагов. Пелигны дружно устремились к тому месту, где он упал (покинуть знамя у италийцев считается делом преступным и нечестивым), и тут обе стороны выказали крайнее ожесточение и, обе же, понесли жестокий урон. Одни пытались мечами отбиться от сарисс, или пригнуть их к земле щитами, или оттолкнуть в сторону, схватив голыми руками, а другие, еще крепче стиснув свои копья, насквозь пронзали нападающих, – ни щиты, ни панцири не могли защитить от удара сариссы, – и бросали высоко вверх, выше головы, тела пелигнов и марруцинов, которые, потеряв рассудок и озверев от ярости, рвались навстречу вражеским ударам и верной смерти. Таким образом первые ряды бойцов были истреблены, а стоявшие за ними подались назад; хотя настоящего бегства не было, все же римляне отошли до горы Олокр, и тогда Эмилий, по словам Посидония, разорвал на себе тунику, ибо, видя, что те отступили и что фаланга, окруженная отовсюду густой щетиной сарисс, неприступна, точно лагерь, пали духом и прочие римляне. Но поскольку местность была неровной, а боевая линия очень длинной, строй не мог оставаться равномерно сомкнутым, и в македонской фаланге появились многочисленные разрывы и бреши, что как правило случается с большим войском при сложных перемещениях сражающихся, когда одни части отесняются назад, а другие выдвигаются вперед; заметив это, Эмилий поспешно подъехал ближе и, разъединив когорты, приказал своим внедриться в пустые промежутки неприятельского строя и вести бой не против всей фаланги в целом, а во многих местах,

⁵⁶⁷ 26. Полибий – См.: XXIX, 18.

⁵⁶⁸ 27. Пелигны и упоминаемые ниже их соседи *марруцины* – горные сабинские племена, славившиеся своей воинственностью.

⁵⁶⁹ 28. ...значок своей когорты ... – как значком легиона был орел, так значком когорты (десятой части легиона) – дракон или иное изображение на древке.

против отдельных ее частей. Эмилий дал эти наставления начальникам, а те – солдатам, и как только римляне проникли за ограду вражеских копий, ударяя в незащищенные крылья или заходя в тыл, сила фаланги, заключающаяся в единстве действий, разом иссякла и строй распался, а в стычках один на один или небольшими группами македоняне, безуспешно пытаясь короткими кинжалами пробить крепкие щиты римлян, закрывавшие даже ноги, и своими легкими щитами оборониться от их тяжелых мечей, насквозь рассекавших все доспехи, – в этих стычках македоняне были обращены в бегство.

21. Бой был жестокий. Среди прочих в нем участвовал и Марк, сын Катона⁵⁷⁰ и зять Эмилия, который выказал чудеса храбрости, но потерял свой меч. Юноша, воспитанный со всем возможным тщанием, сознающий свой долг перед великим отцом и желающий дать ему великие доказательства собственной доблести, он решил, что недостойн жизни тот, кто сохранит ее, оставив в добычу врагу свое оружие; пробегаая по рядам и видя друга или близкого человека, он каждому рассказывал о своей беде и просил помощи. Набралось немало храбрых охотников, под предводительством Марка они пробились в первые ряды сражающихся и бросились на противника. После яростной схватки, в которой многие пали и многие были ранены, они оттеснили македонян и, очистив место от врага, принялись искать меч. Насилу найдя его под грудями оружия и трупов, они, вне себя от радости запев пеан, с еще большим воодушевлением ударили на остатки продолжавшего сопротивляться неприятеля. В конце концов три тысячи отборных воинов, не покинувших своего места в строю, были истреблены все до одного, прочие же обратились в бегство, и началась страшная резня: и равнина, и предгорье были усеяны трупами, а воды Левка даже на следующий день, когда римляне переходили реку, были красны от крови. Сообщают, что македонян было убито больше двадцати пяти тысяч. Римлян, по словам Посидония, пало сто человек, по словам же Назики, – восемьдесят.

22. Эту величайшего значения битву римляне выиграли с удивительной быстротой: началась она в девятом часу, и не было десяти, как судьба ее уже решилась⁵⁷¹, остаток дня победители преследовали беглецов, неотступно гоня их на протяжении ста двадцати стадиев, и потому вернулись лишь поздно вечером. Рабы с факелами выходили им навстречу и под радостные крики отводили в палатки, ярко освещенные и украшенные венками из плюща и лавра. Но сам полководец был в безутешном горе: из двух сыновей, служивших под его командой, бесследно исчез младший, которого он любил больше всех и который – Эмилий это видел – от природы превосходил братьев величиим духа. Отец подозревал, что пылкий и честолюбивый юноша, едва успевший войти в возраст⁵⁷², погиб, замешавшись по неопытности в самую гущу неприятеля. Его опасения и тревога стали известны всему войску; солдаты прервали свой ужин, схватили факелы, и кинулись одни к палатке Эмилия, другие – за укрепления, чтобы искать тело среди павших в первые минуты боя. Весь лагерь охватило уныние, равнина загудела от крика: «Сципион! Сципион!» – ведь римляне горячо любили этого мальчика, который более, нежели любой из его родичей, редким сочетанием духовных качеств с самого начала обещал вырасти в замечательного полководца и государственного мужа. Поздно вечером, когда уже не оставалось почти никаких надежд, он неожиданно возвратился из погони вместе с двумя или тремя товарищами, весь в свежей крови врагов – словно породистый щенок, которого упоение победой заводит иной раз слишком далеко. Это тот самый Сципион, что впоследствии разрушал Карфаген и Нумантию и намного превосходил всех без изъятия тогдашних римлян доблестью и могуществом. Так

⁵⁷⁰ 29. Марк, сын Катона – см.: КСт., 20.

⁵⁷¹ 30. ...в десятом часу ... – Т.е. битва была между 4 и 6 часами пополудни: счет часов в античности велся от рассвета.

⁵⁷² 31. ...едва успевший войти в возраст ... – Сципиону Эмилиану было 17 лет.

Судьба, отложив до другого раза злое воздаяние за этот успех, позволила Эмилию в полной мере насладиться победой.

23. Персей бежал из Пидны в Пеллу, его сопровождала конница, которая не понесла почти никакого урона в сражении. Но когда всадников настигли пехотинцы и стали осыпать их бранью, обвиняя в трусости и измене, стаскивать с коней и избивать, царь испугался, свернул с дороги и, желая остаться незамеченным, снял багряницу и положил ее перед собой на седло, а диадему взял в руки. В конце концов, он даже сошел с коня и повел его в поводу – чтобы легче было беседовать с друзьями. Но один из друзей прикинулся, будто у него развязалась сандалия, другой – что ему надо напоить коня, третий – что сам хочет пить, и так, мало-помалу, все они отстали и разбежались, страшась не римлян, а крутого нрава Персея: ожесточенный несчастьем, он только искал, на кого бы свалить свою вину за поражение. Когда же, прибыв ночью в Пеллу, он встретился с казначеями Эвктом и Эвлеем и те своими укорами, сожалениями, а также несвоевременно откровенными советами до того разозлили царя, что он выхватил короткий меч и заколол обоих, подле Персея не осталось никого, кроме критянина Эвандра, этолийца Архедама и беотийца Неона. Из воинов за ним следовали теперь только критяне: не то, чтобы они питали особое расположение к царю, нет, они просто упорно липли к его сокровищам, точно пчелы к сотам. Дело в том, что он вез с собою большие богатства, из которых критяне с молчаливого его согласия расхитили чаши, кратеры и иную драгоценную утварь, – всего на пятьдесят талантов. Однако добравшись до Амфиполя, а затем и до Галепса и немного поуспокоившись, он снова поддался врожденному и старейшему своему недугу – скупости, стал плакаться друзьям, что-де по небрежению позволил нескольким золотым сосудам, принадлежавшим еще Александру Великому, попасть в руки критян, и со слезами заклинал новых владельцев вернуть полученное и взять взамен деньги. Те, кто знал его достаточно хорошо, сразу поняли, что он намерен сыграть с критянами шутку на критский же манер⁵⁷³, но кое-кто поверил и остался ни с чем: он не только не заплатил им денег, но, сам выманив у друзей тридцать талантов (которым вскорости суждено было достаться врагу), отплыл на Самофракию и припал к алтарю кабиров⁵⁷⁴ с мольбою о защите и убежище.

24. Говорят, что македоняне всегда славились любовью к своим царям, но тут они сами сдались Эмилию и в течение двух дней отдали во власть римлян всю страну – так дом, когда подломились опоры, рушится до самого основания. Это, видимо, подкрепляет точку зрения тех, кто приписывает подвиги Эмилия счастливой судьбе. Божественным знамением были, бесспорно, и обстоятельства, сопровождавшие жертвоприношение в Амфиполе: священнодействие уже началось, как вдруг в алтарь ударила молния и, воспламенивши жертву, – заколотую Эмилием, сама завершила обряд. Но все доказательства благосклонности к нему богов и судьбы превосходит то, что рассказывают о молве про эту его победу. На четвертый день после поражения Персея под Пидной народ в Риме смотрел конные состязания, и вдруг в передних рядах театра заговорили о том, будто Эмилий в большой битве разгромил Персея и покорил всю Македонию. Эта новость, быстро сделавшись всеобщим достоянием, вызвала в народе рукоплескания и радостные крики, которые не прекращались в течение всего дня. Но поскольку надежного источника слухов обнаружить не удалось и казалось, что, неизвестно откуда взявшись, они просто переходят из уст в уста, молва угасла и затихла. Когда же, спустя немного дней, пришло уже достоверное сообщение, все дивились тому, первому, которое было одновременно и ложным и истинным.

25. Рассказывают, что и о битве италиотов при реке Сагре стало в тот же день известно

⁵⁷³ 32. ...на критский же манер ... – Критяне пользовались дурной славой обманщиков и лжецов; на стих (приписываемый Эпимениду) «Критяне всегда лжецы» ссылался даже апостол Павел («К Титу» 1, 12).

⁵⁷⁴ 33. ...к алтарю кабиров ... (текст испорчен, восстановления гадательны) – См.: Кам., прим. 23.

на Пелопоннесе, равно как в Платеях – о битве с персами при Микале⁵⁷⁵. Вскоре после победы, которую римляне одержали над Тарквиниями, выступившими против них в союзе с латинянами, в город прибыли из лагеря два высоких и красивых воина, чтобы возвестить о случившемся. Вероятно, это были Диоскуры. Первый, кто встретил их на форуме подле источника, где они вываживали взмокших от пота коней, изумился, услышав весть о победе. Тогда они, спокойно улыбаясь, коснулись рукой его бороды, и тотчас волосы из черных сделались рыжими. Это внушило доверие к их речам, а недоверчивому римлянину доставило прозвище Агенобарба, что значит «Меднобородый». Оценить по достоинству такие рассказы заставляют и события нашего времени. Когда Антоний⁵⁷⁶ восстал против Домициана и Рим был в смятении, ожидая большой войны с германцами, неожиданно и без всякого повода в народе заговорили о какой-то победе, и по городу побежал слух, будто сам Антоний убит, а вся его армия уничтожена без остатка. Доверие к этому известию было так сильно, что многие из должностных лиц даже принесли жертвы богам. Затем все же стали искать первого, кто завел эти речи, и так как никого не нашли, – следы вели от одного к другому, и наконец, терялись в толпе, словно в безбрежном море, не имея, по-видимому, никакого определенного начала, – молва в городе быстро умолкла; Домициан с войском выступил в поход, и уже в пути ему встретился гонец с донесением о победе. И тут выяснилось, что слух распространился в Риме в самый день успеха, хотя от места битвы до столицы более двадцати тысяч стадиев⁵⁷⁷. Это известно каждому из наших современников.

26. Гней Октавий, командовавший у Эмилия флотом, подошел к Самофракии и хотя из почтения к богам не нарушил неприкосновенности Персеева убежища, но принял все меры, чтобы тот не мог ускользнуть. Тем не менее Персей сумел тайно уговорить некоего критянина по имени Ороанд, владельца крохотного суденышка, взять его на борт вместе со всеми сокровищами. А тот, как истый критянин, сокровища ночью погрузил, царю же вместе с детьми и самыми доверенными слугами велел прийти на следующую ночь в гавань близ храма Деметры, но сам еще под вечер снялся с якоря. Тяжко было Персею, когда ему, а вслед за ним жене и детям, не знавшим прежде, что такое горе и скитания, пришлось протискиваться сквозь узкое окошко в стене, но куда более тяжкий стон испустил он на берегу, когда кто-то ему сказал, что видел Ороанда уже далеко в море. Начало светать, и, окончательно расставшись со всеми надеждами, он с женою поспешил обратно к стене; римляне, правда, заметили их, но схватить не успели. Детей он сам поручил заботам некоего Иона, который когда-то был возлюбленным царя, но теперь оказался изменником, что главным образом и вынудило Персея отдаться в руки врагов – ведь даже дикий зверь покорно склоняется перед тем, кто отобрал у него детенышей.

Более всего Персей доверял Назике, и с ним хотел вести переговоры, но Назика был далеко, и, проклявши свою судьбу, царь уступил необходимости и сдался Октавию. В этих обстоятельствах яснее ясного обнаружилось, что гнуснейший из его пороков – не сребролюбие, а низкое жизнелюбие, из-за которого он сам лишил себя единственного права, дарованного судьбою побежденным, – права на сострадание. Он попросил, чтобы его доставили к Эмилию, и тот, видя в Персее великого человека, претерпевшего горестное, судьбою ниспосланное падение, заплакал, поднялся с места и вместе с друзьями вышел ему навстречу. Но Персей – о, позорнейшее зрелище! – упал ниц и, касаясь руками его колен,

⁵⁷⁵ 34. ...при реке Сагре ... – Битва между кротонцами и локрийцами в конце VI в.; победа ... над Тарквиниями – при Регилльском озере в 499 (?) г.

⁵⁷⁶ 35. Антоний – Г. Антоний Сатурнин, наместник Верхней Германии, восставший против Домициана в 88 г. н.э.

⁵⁷⁷ 36. ...более двадцати тысяч стадиев ... – Т.е. ок. 3750 км, что сильно преувеличено: от Рима до мест восстания (близ нын. Базеля) по прямой ок. 800 км.

разразился жалостными криками и мольбами. Эмилий не в силах был слушать, но, с огорчением и неприязнью взглянув на царя, прервал его: «Затем ты это делаешь, несчастный, зачем снимаешь с судьбы самое веское из обвинений, доказывая, что страдаешь по справедливости и что не теперешняя, а прежняя твоя участь тобою не заслужена?! Зачем ты принижаешь мою победу и чернишь успех, открывая низкую душу недостойного римлян противника?! Доблесть потерпевшего неудачу доставляет ему истинное уважение даже у неприятеля, но нет в глазах римлян ничего презреннее трусости, даже если ей сопутствует удача!»

27. Тем не менее он поднял Персея с земли, протянул ему руку и передал пленника Туберону, а сам повел к себе в палатку сыновей, зятьев и других начальников (главным образом из числа молодых), сел и долго молчал, погруженный в свои думы. Все смотрели на него с изумлением; наконец он заговорил – о судьбе и делах человеческих: «Должно ли такому существу, как человек, в пору, когда ему улыбается счастье, гордиться и чваниться, покоривши народ, или город, или царство, или же, напротив, поразмыслить над этой превратностью судьбы, которая, являя воителю пример всеобщего нашего бессилия, учит ничто не считать постоянным и надежным? Есть ли такой час, когда человек может чувствовать себя спокойно и уверенно, раз именно победа заставляет более всего страшиться за свою участь и одно воспоминание о судьбе, вечно куда-то спешащей и лишь на миг склоняющейся то к одному, то к другому, способно отравить всякую радость? Неужели, за какой-то миг бросив к своим ногам наследие Александра, который достиг высочайшей вершины могущества и обладал безмерною властью, неужели, видя, как цари, еще совсем недавно окруженные многотысячною пехотой и конницей, получают ежедневное пропитание из рук своих врагов, – неужели после всего этого вы станете утверждать, будто наши удачи нерушимы пред лицом времени? Нет, молодые люди, оставьте это пустое тщеславие и похвальбу победою, но с неизменным смирением и робостью вглядывайтесь в будущее, ожидая беды, которою воздаст каждому из вас божество за нынешнее благополучие». Долго еще говорил Эмилий в том же духе и отпустил юношей не прежде, нежели, точно уздою, смирил их надменность своими резкими словами.

28. Затем он предоставил войску отдых, а сам отправился осматривать Грецию, воспользовавшись своим досугом и со славою и с подлинным человеколюбием. Приезжая в город, он облегчал участь народа, устанавливал наилучший способ правления и оделял одних хлебом, а других маслом из царских хранилищ. Найденные в них запасы были, говорят, так велики, что число нуждающихся подошло к концу скорее, нежели истощились эти запасы. В Дельфах он увидел высокую, белого камня колонну, которая должна была послужить основанием⁵⁷⁸ для золотой статуи Персея, и распорядился воздвигнуть на ней свое собственное изображение, сказав, что побежденные должны уступать место победителям. В Олимпии, как сообщают, он произнес слова, которые с тех пор у каждого на устах: что-де Фидий изобразил Зевса таким, каким описал его Гомер⁵⁷⁹.

Тем временем из Рима прибыло посольство (числом десять человек⁵⁸⁰), и Эмилий

⁵⁷⁸ 37. ...Колонну ... основанием ... – Эта колонна, на которой стояла статуя Эмилия Павла, уцелела в Дельфах до сих пор.

⁵⁷⁹ 38. ...описал его Гомер ... – Знаменитое место в «Илиаде», I, 528—530: Зевс дает клятву Фетиде:

...И во знаменье черными Зевс помавает бровями:
Быстро власы благовонные вверх поднялись у Кронида.
Окрест бессмертной главы, и потрясся Олимп многохолмный.

⁵⁸⁰ 39. ...десять человек ... – Такие сенаторские комиссии обычно командировались после крупных побед для организации завоеванных территорий.

возвратил македонянам их землю и города, разрешил им жить свободно и по собственным законам, и лишь обязал платить римлянам подать в сто талантов, то есть более чем вдвое меньше, нежели они платили своим царям. Он устраивал всевозможные состязания, приносил жертвы богам, задавал пиры и обеды, без труда покрывая расходы за счет царской казны и обнаруживая столько заботы о порядке, благовидности, радушном приеме и должном размещении гостей, о том, чтобы каждому были оказаны честь и дружелюбие в точном соответствии с его заслугами, что греки только дивились, как он находит время для забав и, занимаясь важнейшими государственными делами, не оставляет без наблюдения и дела маловажные. Несмотря на щедрость и пышность приготовлений, наиболее лакомым блюдом для приглашенных и отраднейшим для их взоров зрелищем бывал сам Эмилий, и это доставляло ему немалую радость; вот почему, когда изумлялись его усердию и стараниям, он отвечал, что устроить пир и выстроить боевую линию – задачи весьма сходные: первый должен быть как можно приятнее в глазах гостей, вторая – как можно страшнее в глазах врагов. Не менее горячо его хвалили за бескорыстие и великодушие: он не пожелал даже взглянуть на груды серебра и золота, которые извлекли из царских сокровищниц, но передал все квесторам для пополнения общественной казны. Он только разрешил сыновьям, большим любителям книг, забрать себе библиотеку царя и, распределяя награды за храбрость, дал своему зятю Элию Туберону чашу весом в пять фунтов. Это тот самый Туберон, о котором мы уже упоминали и который жил вместе с пятнадцатью своими родичами на доходы от одного маленького поместья. Говорят, это был первый серебряный предмет в доме Элиев, и принесла его к ним доблесть и оказанный доблести почет; до тех пор ни они сами, ни их жены никогда и не думали о серебряной или золотой утвари.

29. Благополучно покончив с делами Греции, Эмилий возвратился в Македонию и тут получил предписание сената отдать на разграбление воинам, участвовавшим в войне против Персея, эпирские города. Он призвал македонян помнить, что свободу им даровали римляне, призвал беречь свою свободу, строго выполняя законы и храня меж собою согласие, и двинулся в Эпир. Намереваясь совершить нападение неожиданно и повсюду в один час, он вызвал к себе из каждого города по десяти самых почтенных и уважаемых мужей и приказал им, чтобы все серебро и золото, хранившееся в храмах и частных домах, было в назначенный день собрано и выдано. С каждой из этих депутаций он отправил солдат во главе с центурионом – словно бы караульных, которым поручено разыскивать и принимать золото. Когда наступил указанный день, эти воины, все разом, ринулись грабить, так что в течение часа было обращено в рабство сто пятьдесят тысяч человек и разорено семьдесят городов, но в результате столь губительного и всеобщего опустошения на долю каждого солдата пришлось не более одиннадцати драхм. Всех привел в ужас такой исход войны: достояние целого народа, разменянное по мелочам, обернулось ничтожным прибытком в руках победителей.

30. Исполнив это поручение сената, в высшей степени противное его натуре, снисходительной и мягкой, Эмилий спустился в Орик. Оттуда он переправился с войском в Италию и поплыл вверх по Тибру на царском корабле с шестнадцатью рядами гребцов, пышно украшенном вражеским оружием, пурпурными тканями и коврами, так что римляне, которые несметными толпами высыпали из города и шли по берегу вровень с судном, медленно продвигавшимся против течения, в какой-то мере уже заранее насладились зрелищем триумфа.

Но воины, с вожделием взиравшие на царские сокровища, считая, что они получили меньше, чем заслуживают, втайне кипели злобою на Эмилия именно по этой причине, вслух же обвиняли его в том, что, командуя ими, он проявил суровость настоящего тиранна, и были не слишком склонны поддержать его просьбу о триумфе. Заметив это, Сервий Гальба, который был врагом Эмилия, хоть и служил у него военным трибуном, дерзнул открыто заявить, что триумф Эмилию давать не следует. Он распустил среди солдат множество клеветнических слухов об их полководце и тем еще сильнее разжег ненависть к нему, а народных трибунов просил перенести слушание дела назавтра: до конца дня оставалось всего четыре часа, которых, по словам Гальбы, для обвинения было недостаточно. Трибуны,

однако, велели ему, если у него есть что сказать, говорить немедленно, и он начал пространную, наполненную всевозможными поношениями речь, которая тянулась до самых сумерек. Наконец совсем стемнело, и трибуны распустили собрание, а солдаты, осмелев, собрались вокруг Гальбы, сговорились и на рассвете заняли Капитолий, где народные трибуны решили возобновить собрание на следующий день.

31. Утром началось голосование, и первая триба подала голос против триумфа. Это стало известно остальным трибам и сенату, и народ был до крайности опечален оскорблением, которое наносят Эмилию, но лишь громко роптал, не решаясь что бы то ни было предпринять. Однако знатнейшие сенаторы кричали, что творится страшное дело, и призывали друг друга положить предел наглости и бесчинству солдат, которые не остановятся перед любым беззаконием или насилием, если никто и ничто не помешает им лишить Павла Эмилия победных почестей. Держась все вместе, они пробились сквозь толпу, поднялись на Капитолий и выразили желание, чтобы трибуны прервали подачу голосов, пока они не выскажут народу то, что намерены ему сообщить. Когда все уgomонились и наступила тишина, вперед вышел Марк Сервилий, бывший консул, сразивший в поединках двадцать три неприятеля, и сказал, что лишь теперь он до конца уразумел, какой великий полководец Эмилий Павел, если с таким испорченным и разнuzданным войском он совершил столь прекрасные и великие подвиги, и, что он, Сервилий, не может понять, почему римляне, восторженно праздновавшие победу над иллирийцами и лигурами, теперь отказывают себе в удовольствии увидеть воочию царя македонян и всю славу Александра и Филиппа, павшую пред римским оружием. «Слыханное ли дело, – продолжал он, – прежде, когда до города докатилась лишь смутная молва о победе, вы принесли жертвы богам и молили их о том, чтобы слух поскорее подтвердился, а когда прибыл сам полководец, привезя победу с собою, вы лишаете богов почестей, а себя радости, точно боитесь взглянуть на величие достигнутого вами или щадите противника! И все же было бы лучше, если бы сострадание к врагу расстроило триумф, но не зависть к главнокомандующему. Между тем, – воскликнул он, – злоба, вашими стараниями, забрала такую силу, что о заслугах полководца и о триумфе осмеливается разглагольствовать человек без единого шрама на теле, гладкий и лоснящийся от беззаботной жизни, и где? – перед нами, которых бесчисленные раны научили судить о достоинствах и недостатках полководцев!» С этими словами он широко распахнул одежду и показал собранию невероятное множество шрамов на груди; затем повернулся и открыл некоторые части тела, которые не принято обнажать на людях. «Что, тебе смешно? – крикнул он, обращаясь к Гальбе. – А я ими горжусь перед согражданами, ради которых не слезал с коня день и ночь, зарабатывая эти язвы и рубцы! Ладно, веди их голосовать, а я спущусь, и пойду следом, и узнаю, кто те неблагодарные мерзавцы, которым больше по душе, чтобы военачальник умел льстить и заискивать, нежели командовать!»

32. Эта речь, как сообщают, поубавила у солдат спеси и столь резко изменила их настроение, что все трибы дали Эмилию свое согласие на триумф. И вот как он был отпразднован. Народ в красивых белых одеждах заполнил помосты, сколоченные в театрах для конных ристаний (римляне зовут их «цирками») и вокруг форума и занял все улицы и кварталы, откуда можно было увидеть шествие. Двери всех храмов распахнулись настежь, святилища наполнились венками и благовонными курениями; многочисленные ликторы и служители расчищали путь, оттесняя толпу, запрудившую середину дороги, и останавливая тех, кто беспорядочно метался взад и вперед. Шествие было разделено на три дня⁵⁸¹, и первый из них едва вместил назначенное зрелище: с утра дотемна на двухстах пятидесяти колесницах везли захваченные у врага статуи, картины и гигантские изваяния. На следующий день по городу проехало множество повозок с самым красивым и дорогим македонским оружием; оно сверкало только что начищенной медью и железом и, хотя было уложено искусно и весьма разумно, казалось нагроможденным без всякого порядка: шлемы

⁵⁸¹ 40. ...три дня ... – Триумф Эмилия Павла справлялся 28—30 ноября 167 г.

брошены поверх щитов, панцири – поверх поножей, критские пельты, фракийские герры⁵⁸², колчаны – вперемишку с конскими уздечками, и груды эти оцетинились обнаженными мечами и насквозь проткнуты сариссами. Отдельные предметы недостаточно плотно прилегали друг к другу, а потому, сталкиваясь в движении, издавали такой резкий и грозный лязг, что даже на эти побежденные доспехи нельзя было смотреть без страха. За повозками с оружием шли три тысячи человек и несли серебряную монету в семистах пятидесяти сосудах; каждый сосуд вмещал три таланта и требовал четырех носильщиков. За ними шли люди, искусно выставляя напоказ серебряные чаши, кубки, рога и ковши, отличавшиеся большим весом и массивностью чеканки.

33. На третий день, едва рассвело, по улицам двинулись трубачи, играя не священный и не торжественный напев, но боевой, которым римляне подбадривают себя на поле битвы. За ними вели сто двадцать откормленных быков с вызолоченными рогами, ленты и венки украшали головы животных. Их вели на заклятие юноши в передниках с пурпурной каймой, а рядом мальчики несли серебряные и золотые сосуды для возлияний. Далее несли золотую монету, рассыпанную, подобно серебряной, по сосудам вместимостью в три таланта каждый. Число их было семьдесят семь. Затем шли люди, высоко над головою поднимавшие священный ковш, отлитый, по приказу Эмилия, из чистого золота, весивший десять талантов, и украшенный драгоценными камнями, а также антигониды, селевкиды⁵⁸³, чаши работы Ферикла и золотую утварь со стола Персея. Далее следовала колесница Персея с его оружием; поверх оружия лежала диадема. А там, чуть позади колесницы, вели уже и царских детей в окружении целой толпы воспитателей, учителей и наставников, которые плакали, простирали к зрителям руки и учили детей тоже молить о сострадании. Но дети, – двое мальчиков и девочка, – по нежному своему возрасту еще не могли постигнуть всей тяжести и глубины своих бедствий. Тем большую жалость они вызывали простодушным неведением свершившихся перемен, так что на самого Персея почти никто уже и не смотрел – столь велико было сочувствие, приковавшее взоры римлян к малюткам. Многие не в силах были сдерживать слезы, и у всех это зрелище вызвало смешанное чувство радости и скорби, которое длилось, пока дети не исчезли из вида.

34. Позади детей и их прислужников шел сам царь в темном гиматии и македонских башмаках; под бременем обрушившегося на него горя он словно лишился рассудка и изумленно озирался, ничего толком не понимая. Его сопровождали друзья и близкие; их лица были искажены печалью, они плакали и не спускали с Персея глаз, всем своим видом свидетельствуя, что скорбят лишь о его судьбе, о своей же не думают и не заботятся. Царь посылал к Эмилию просить, чтобы его избавили от участия в триумфальной процессии. Но тот, по-видимому, насмехаясь над его малодушием и чрезмерной любовью к жизни, ответил: «В чем же дело? Это и прежде зависело от него, да и теперь ни от кого иного не зависит – стоит ему только пожелать!..» Эмилий недвусмысленно намекал, что позору следует предпочесть смерть, но на это несчастный не решился, теша себя какими-то непонятными надеждами, и вот – стал частью у него же взятой добычи.

Далее несли четыреста золотых венков, которые через особые посольства вручили Эмилию города, поздравляя его с победой. И наконец на великолепно убранной колеснице ехал сам полководец – муж, который и без всей этой роскоши и знаков власти был достоин всеобщего внимания; он был одет в пурпурную, затканную золотом тогу, и держал в правой руке ветку лавра. Все войско, тоже с лавровыми ветвями в руках, по центуриям и манипулам, следовало за колесницей, распевая по старинному обычаю насмешливые песни, а также гимны в честь победы и подвигов Эмилия. Все прославляли его, все называли счастливецом, и

⁵⁸² 41. *Герра* – фракийский плетеный щит, обтянутый кожей.

⁵⁸³ 42. *Антигониды*, *селевкиды* – разновидности кубков и чаш (названные по царским мастерским, где они производились).

никто из порядочных людей ему не завидовал. Но существует, вероятно, некое божество, удел коего – умерять чрезмерное счастье и так смешивать жребии человеческой жизни, дабы ни одна не осталась совершенно непричастною бедствиям и дабы, по слову Гомера⁵⁸⁴, самыми преуспевающими казались нам те, кому довелось изведать и худшие и лучшие дни.

35. У Эмилия было четыре сына; двое, Сципион и Фабий, вошли, как я уже говорил, в другие семьи, двое остальных, которые родились от второй жены и были еще подростками, воспитывались в доме отца. Один из них скончался за пять дней до триумфа Эмилия на пятнадцатом году, другой, двенадцатилетний, умер вслед за братом через три дня после триумфа, и не было среди римлян ни единого, который бы не сострадал этому горю, – все ужасались жестокости судьбы, не постыдившейся внести такую скорбь в дом счастья, радости и праздничных жертвоприношений и примешать слезы и причитания к победным гимнам триумфа.

36. Однако Эмилий справедливо рассудил, что мужество и стойкость потребны людям не только против сарисс и другого оружия, но равным образом и против всяческих ударов судьбы, и так разумно повел себя в этом сложном стечении обстоятельств, что дурное исчезло в хорошем и частное – во всеобщем, не унизив величия победы и не оскорбив ее достоинства. Едва успев похоронить сына, умершего первым, он, как уже было сказано, справил триумф, а когда после триумфа умер второй, он созвал римский народ и произнес перед ним речь – речь человека, который не сам ищет утешения, но желает утешить сограждан, удрученных его бедою. Он сказал, что никогда не боялся ничего, зависящего от рук и помыслов человеческих, но что из божеских даров неизменный страх у него вызывала удача – самое ненадежное и переменчивое из всего сущего, – особенно же во время последней войны, когда удача, точно свежий попутный ветер, способствовала всем его начинаниям, так что всякий миг он ожидал какой-нибудь перемены или перелома. «Отплыв из Брундизия, – продолжал он, я за один день пересек Ионийское море и высадился на Керкире. На пятый день после этого я принес жертву богу в Дельфах, а еще через пять дней принял под свою команду войско в Македонии. Совершив обычные очищения, я сразу же приступил к делу и в течение следующих пятнадцати дней самым успешным образом закончил войну. Благополучное течение событий усугубляло мое недоверие к судьбе, и так как неприятель был совершенно обезврежен и не грозил уже никакими опасностями, более всего я боялся, как бы счастье не изменило мне в море, на пути домой – вместе со всем этим огромным и победоносным войском, с добычей и пленным царским семейством. Но этого не случилось, я прибыл к вам целым и невредимым, весь город радовался, ликовал и приносил богам благодарственные жертвы, а я по-прежнему подозревал судьбу в коварных умыслах, зная, что никогда не раздает она людям свои великие дары безвозмездно. Мучаясь в душе, стараясь предугадать будущее нашего государства, я избавился от этого страха не прежде, чем лютое горе постигло меня в моем собственном доме и, в эти великие дни, я предал погребению моих замечательных сыновей и единственных наследников – обоих, одного за другим... Теперь главная опасность миновала, я спокоен и твердо надеюсь, что судьба пребудет неизменно к вам благосклонной: бедствиями моими и моих близких она досыта утолила свою зависть к нашим успехам в Македонии и явила в триумфаторе не менее убедительный пример человеческого бессилия, нежели в жертве триумфа, – с тою лишь разницей, что Персей, хотя и побежденный, остался отцом, а Эмилий, его победитель, осиротел».

37. Вот какую благородную, возвышенную речь, как говорят, произнес перед народом Эмилий, и слова его были искренни и непритворны. Но для Персея, которому Эмилий сочувствовал и всячески пытался помочь, ему не удалось сделать почти ничего: царя только перевели из так называемого «каркера» [carcer]⁵⁸⁵ в место почище и стали обращаться с ним

⁵⁸⁴ 43. ...по слову Гомера ... – «Илиада», XXIV, 525—533 (речь Ахилла к просителю-Приаму).

⁵⁸⁵ 44. «Каркер» – видимо, carcer Mamertinus, государственная тюрьма в Риме близ Капитолия.

чуть менее сурово, но из-под стражи не освободили, и, как сообщает бо льшая часть писателей, он уморил себя голодом. Впрочем, по некоторым сведениям, он окончил жизнь странным и необычным образом. Воины, его караулившие, по какой-то причине невзлюбили Персея и, не находя иного способа ему досадить, не давали узнику спать: они зорко следили за ним, стоило ему забыться хотя бы на миг, как его тотчас будили и с помощью всевозможнейших хитростей и выдумок заставляли бодрствовать, пока, изнуренный вконец, он не испустил дух. Умерли и двое его детей. Третий, Александр, который, как говорят, был весьма искусен в резьбе по дереву, выучился латинскому языку и грамоте и служил писцом у должностных лиц, считаясь прекрасным знатоком своего дела.

38. Подвиги в Македонии высоко ценятся, в то же время, и как величайшее благодеяние Эмилия простому народу, ибо он внес тогда в казну столько денег, что не было нужды взимать с граждан подать вплоть до консульства Гирция и Пансы⁵⁸⁶, которые исполняли должность во время первой войны Антония с Цезарем. И примечательная особенность: при всей благосклонности, при всем уважении, которые питал к нему народ, Эмилий был приверженцем аристократии и никогда ни словом ни делом не угождал толпе, но при решении любого вопроса государственной важности неизменно присоединялся к самым знатым и могущественным. Впоследствии это дало Аппию повод бросить резкий упрек Сципиону Африканскому. Оба они в ту пору пользовались в Риме наибольшим влиянием, и оба притязали на должность цензора. Один имел на своей стороне аристократию и сенат (которым с давних времен хранил верность род Аппиев), а другой, хотя был велик и могуществен сам по себе, во всех обстоятельствах полагался на любовь и поддержку народа. Как-то раз Сципион явился на форум в сопровождении нескольких вольноотпущенников и людей темного происхождения, но горластых площадных крикунов, легко увлекающих за собой толпу и потому способных коварством и насилием достигнуть чего угодно. Увидев его, Аппий громко воскликнул: «Ах, Эмилий Павел, как не застонать тебе в подземном царстве, видя, что твоего сына ведут к цензуре глашатай Эмилий и Лициний Филоник!»

Сципион пользовался благосклонностью народа за то, что безмерно его возвеличивал; но и к Эмилию, несмотря на его приверженность аристократии, простой люд питал чувства не менее горячие, нежели к самому усердному искателю расположения толпы, готовому во всем ей угождать. Это явствует из того, что, кроме всех остальных почестей, римляне удостоили его и цензуры – должности, которая считается самой высокой из всех и облакает огромною властью, между прочим, властью вершить надзор за нравами граждан. Цензоры изгоняют из сената тех, кто ведет неподобающую жизнь, объявляют самого достойного первым в сенатском списке и могут опозорить развратного молодого человека, отобрав у него коня. Кроме того, они следят за оценкой имущества и за податными списками. При Эмилии в них значилось триста тридцать семь тысяч четыреста пятьдесят два человека, первым в сенате был объявлен Марк Эмилий Лепид, занявший это почетное место уже в четвертый раз, и лишь трое сенаторов, ничем себя не прославивших, исключены из сословия. Таковую же умеренность Эмилий и его товарищ по должности Марций Филипп выказали и в отношении всадников.

39. Бо льшая часть самых важных дел была уже завершена, когда Эмилий внезапно захворал. Сначала состояние его было тяжелым, потом опасность миновала, но болезнь оставалась мучительной и упорной. По совету врачей он уехал в Элею Италийскую и там прожил долгое время в своем поместье на берегу моря в тишине и покое. Римляне тосковали по нему, и часто в театрах раздавались крики, свидетельствовавшие об их упорном желании снова его увидеть. Однажды предстояло жертвоприношение, настоятельно требовавшее его присутствия, и так как Эмилий чувствовал себя уже достаточно окрепшим, он вернулся в

---

⁵⁸⁶ 45. ...консульство Гирция и Пансы ... – В 43 г. захваченная Эмилием добыча оценивалась в 200 млн сестерциев.

Рим. Вместе с другими жрецами он принес жертву, окруженный ликующей толпой, а на завтра снова совершил жертвоприношение, на этот раз один, в благодарность богам за свое исцеление. Закончив обряд, он возвратился к себе, лег в постель и тут неожиданно, даже не осознав, не почувствовав совершившейся перемены, впал в беспамятство, лишился рассудка и на третий день скончался, достигнув в жизни всего, что, по общему убеждению, делает человека счастливым. Сами похороны его достойны восхищения: ревностное участие всех собравшихся почтило доблесть покойного самыми прекрасными и завидными погребальными дарами. То было не золото, не слоновая кость, не показная пышность убранства, но душевная склонность, почтение и любовь не только сограждан, но и противников. Все испанцы, лигуры и македоняне, сколько их ни было тогда в Риме, собрались вокруг погребального одра, молодые и сильные подняли его на плечи и понесли, а люди постарше двинулись следом, называя Эмилия благодетелем и спасителем их родной земли. И верно, не только в пору побед римского полководца узнали все они его кротость и человеколюбие, нет, и впоследствии, до конца своей жизни, он продолжал заботиться о них и оказывать им всевозможные услуги, точно родным и близким.

Наследниками своего состояния, которое, как сообщают, не превышало трехсот семидесяти тысяч, он оставил обоих сыновей, но младший, Сципион, уступил всю свою долю брату, поскольку сам был принят более богатым домом Сципиона Африканского.

Таковы, судя по различным рассказам, были жизнь и нрав Павла Эмилия.

Тимолеонт

1. Положение дел в Сиракузах до посылки Тимолеонта в Сицилию было таково. Когда Дион, изгнавший тиранна Дионисия, вскорости после этого был коварно убит, между сторонниками Диона, вместе с ним освободившими Сиракузы, начались раздоры, и бесчисленные бедствия едва вконец не опустошили город, непрерывно менявший одного тиранна на другого⁵⁸⁷, войны уже успели разорить и обезлюдить чуть ли не всю Сицилию, большая часть городов находилась в руках собравшихся отовсюду варваров и не получающих жалования солдат, которые нисколько не возражали против частой смены властей. И вот, спустя девять лет, Дионисий собрал наемников, сверг Нисея, правившего тогда Сиракузами, и опять сделался тиранном, и, если прежде казалось невероятным, что столь незначительная сила могла сокрушить самую неколебимую из всех когда-либо существовавших тиранний, еще более невероятным было это новое превращение жалкого изгнанника в господина и владыку тех, кто его изгнал. Сиракузяне, которые остались в городе, сделались рабами тиранна, — и вообще-то нравом не кроткого, а тут еще до крайности ожесточившегося в бедах, — меж тем как самые лучшие и знатные граждане обратились к Гикету, правителю Леонтин⁵⁸⁸, отдались под его покровительство и выбрали своим военачальником — не потому, что он был лучше других тираннов, но потому, что иного выхода они не видели, а Гикет сам был родом сиракузянин и обладал достаточными силами для борьбы с Дионисием; итак, они доверились Гикету.

2. В это время большой флот карфагенян подошел к берегам Сицилии, и над островом нависла тяжкая угроза; испуганные сицилийцы решили отправить посольство в Грецию, к коринфянам, и просить их о помощи, не только полагаясь на свое с ними родство⁵⁸⁹ и помня

---

⁵⁸⁷ 1. ...одного тиранна на другого... — за 9 лет в Сиракузах сменились у власти Каллипп, убийца Диона (354—353) и брата Дионисия Гиппарин (353—351) и Нисей (351—346).

⁵⁸⁸ 2. ...к Гикету, правителю Леонтин... — Этот город, заселенный наемниками Дионисия Старшего, отложился от Сиракуз в смутное десятилетие после смерти Диона.

⁵⁸⁹ 3. ...родство... — Сиракузы, по преданию, были основаны колонистами из Коринфа ок. 735 г.

о многочисленных благодеяниях, которые и прежде оказывал им Коринф, но зная, что этот город всегда отличался любовью к свободе и ненавистью к тирании и что он неоднократно вел жесточайшие войны не ради собственного владычества или обогащения, а ради свободы греков. Так как Гикет взял на себя командование, помышляя не о свободе сиракузян, а о тиранической власти над ними, он тайно вступил в переговоры с карфагенянами, но для вида во всеуслышание восхвалял решение сиракузян и одновременно с ними отправил посольство в Пелопоннес; разумеется, он отнюдь не желал, чтобы оттуда пришла помощь, но надеялся, что если коринфяне, занятые смутами и беспорядками в самой Греции, откажут просителям, – а этого вполне можно было ожидать, – он тем легче переметнется на сторону карфагенян и воспользуется услугами новых союзников в войне, но не против тиранна, а против сиракузян. Все эти замыслы немного спустя вышли наружу.

3. Когда посольство прибыло, коринфяне, неизменно проявлявшие заботу о своих колониях, а больше всего – о Сиракузах, и по счастливой случайности в ту пору не принимавшие участия в распрях между греками, но жившие в мире и покое, охотно постановили помочь сицилийцам. Стали думать, кого назначить полководцем, и должностные лица предлагали различных граждан, желавших прославиться, как вдруг поднялся кто-то из простого народа и назвал Тимолеонта, сына Тимодема, – человека, уже отошедшего от общественных дел и не питавшего ни надежд, ни склонности снова к ним вернуться, так что, вероятно, имя это было произнесено по наитию свыше: столь очевидно и незамедлительно проявилось благоволение судьбы к этому избранию, столь неизменно сопровождали ее милости все начинания Тимолеонта, украшая природную его доблесть.

Он был сыном именитых родителей – Тимодема и Демаристы, отличался любовью к отечеству и необыкновенною кротостью нрава, но ненавидел тиранию и порок. Качества воина сочетались в нем так прекрасно и равномерно, что юношей он обнаруживал не меньше благоразумия, нежели стариком – отваги. У Тимолеонта был старший брат Тимофан, несколько на него не похожий – безрассудный, испорченный страстью к единодержавию (эту страсть внушили ему дурные друзья и наемники-чужеземцы, постоянно его окружавшие), но в боях стремительный и отчаянно смелый. Этим он привлек к себе внимание сограждан, которые, полагаясь на его воинственность и предприимчивость, несколько раз назначали его командующим. В исполнении должности ему помогал Тимолеонт: промахи брата он скрывал или сильно преуменьшал, а то, что было в нем от природы привлекательного, выставлял вперед и всячески возвеличивал.

4. Во время битвы коринфян с аргивянами⁵⁹⁰ и клеонийцами, когда Тимолеонт сражался в рядах гоплитов, Тимофан, командовавший конницей, попал в беду: его конь был ранен и сбросил хозяина прямо в гущу врагов, большая часть его спутников в ужасе рассеялась, а немногие оставшиеся, отражая натиск многочисленного противника, уже едва держались. Заметив это, Тимолеонт бросился на подмогу и, прикрыв распростертого на земле Тимофана щитом, подставил под удары свои доспехи и само тело; весь израненный стрелами и мечами, он тем не менее отбросил нападавших и спас брата.

Когда же коринфяне, опасаясь, как бы им снова не потерпеть насилия от собственных союзников и снова не потерять своего города⁵⁹¹, решили держать на службе четыреста наемников и начальником отряда назначили Тимофана, последний, забыв о чести и справедливости, тотчас стал принимать меры к тому, чтобы подчинить город своей власти, казнил без суда многих виднейших граждан и, в конце концов, открыто провозгласил себя тиранном. Для Тимолеонта это было настоящей мукой, низкий поступок брата он считал своим личным несчастьем и сначала сам уговаривал Тимофана расстаться с безумным и несчастным увлечением и найти какой-нибудь способ загладить свою вину перед

⁵⁹⁰ 4. ...битва... с аргивянами... – Может быть, в 368—366 гг.

⁵⁹¹ 5. ...снова не потерять... города... – Как в 393 г., когда аргивяне разместили в Коринфе свой гарнизон.

согражданами, а когда тот высокомерно отверг все его увещания, выждал несколько дней и опять явился к тиранну, на этот раз приведя с собою из родственников – Эсхила, шурина Тимофана, а из друзей – некоего прорицателя, которого Феопомп называет Сатиром, а Эфор и Тимей Орфагором; втроем они обступили Тимофана и умоляли его хотя бы теперь опомниться и изменить образ действий. Тимофан вначале насмеялся над ними, но потом разгневался и вышел из себя, и тогда Тимолеонт отошел немного в сторону и, покрыв голову заплакал, а двое остальных обнажили мечи и уложили тиранна на месте⁵⁹².

5. Слух об этом быстро разнесся по Коринфу, и лучшие граждане хвалили Тимолеонта за силу духа и ненависть к пороку – за то, что при всей своей доброте и любви к близким он тем не менее предпочел отечество семье, честь и справедливость – собственным интересам и спас брата, когда тот храбро сражался за родину, но убил его, когда тот коварно замыслил лишить ее свободы. Те же, кто не выносил демократического правления, кто привык ловить взоры властителя, делали вид, будто радуются смерти тиранна, но Тимолеонта осуждали, называли его поступок нечестивым и гнусным и этим повергли его в глубокое уныние. А когда, узнав, что и мать безутешно горюет и призывает на его голову страшные и грозные проклятия, он пошел к ней, чтобы ее утешить, она же не захотела его видеть и заперла перед ним двери дома, Тимолеонт окончательно пал духом, тронулся в уме и решил уморить себя голодом, но друзья помешали его намерению, пустили в ход все средства убеждения и насилия, и в конце концов он согласился остаться жить, но – в полном одиночестве; и вот, бросив все государственные дела, он первое время даже не показывался в городе, но, тоскуя и сокрушаясь, бродил по самым безлюдным местам.

6. Вот каким образом решения, – если только они не черпают устойчивость и силу в философии и доводах рассудка, – уже осуществившись, могут быть легко поколеблены случайными похвалами и порицаниями или даже вовсе лишаются своих внутренних оснований. Надо, по-видимому, чтобы и само действие было прекрасным и справедливым, и суждение, из которого оно проистекает, – прочным и неизменным, вот тогда мы действуем вполне осознанно и, если по нашей слабости яркое представление о красоте завершено дела меркнет, не приходим в отчаяние, точно обжоры, которые с необыкновенной жадностью спешат набить глотку всевозможными яствами, но очень скоро наедаются до отвала и начинают испытывать отвращение к пище. Раскаяние способно и прекрасный поступок превратить в постыдный, меж тем как осмотнительно и твердо сделанный выбор не меняется даже в случае неуспеха самого предприятия. Вот почему афинянин Фокион, постоянно выступавший против начинаний Леосфена⁵⁹³, когда тот, казалось, одержал верх над врагом, сказал, глядя, как афиняне приносят жертвы и хвастаются победой: «Быть виновником этого торжества я бы хотел, но высказать иное суждение, чем прежде, ни за что не хотел бы». Еще решительнее выразился друг Платона, локриец Аристид. Дионисий Старший попросил у него в жены⁵⁹⁴ одну из дочерей, тот ответил, что охотнее увидит девушку мертвой, нежели замужем за тиранном, и тогда Дионисий немного спустя умертвил детей Аристида и, глумясь над отцом, осведомился, все ли еще он придерживается прежнего мнения касательно выдачи замуж своих дочерей. «Я скорблю о случившемся, – заявил Аристид, – но в словах своих не раскаиваюсь». Такое поведение свидетельствует о редком нравственном величии и совершенстве.

7. Мука, которую терпел Тимолеонт, – было ли то сожаление об убитом или стыд перед

⁵⁹² 6. ...уложили тиранна на месте. – по Диодору, XVI, 65 (более эффектная версия), Тимолеонт убил брата на городской площади и собственноручно.

⁵⁹³ 7. ...против начинаний Леосфена... Ламийская война (см.: Фок., 26, Дем., 27).

⁵⁹⁴ 8. ...попросил... в жены... – Брак Дионисия с девушкой из Локров Эпизефирских должен был закрепить его протекторат над этим городом. Он женился на другой локрианке и от нее имел сыном Дионисия Младшего.

матерью, – до такой степени сломила и сокрушила его дух, что без малого двадцать лет он не принимал участия ни в едином общественном деле. Но когда было произнесено его имя, а народ охотно принял это предложение и проголосовал за него, поднялся Телеклид, в ту пору самый известный и влиятельный среди граждан Коринфа, и призвал Тимолеонта выполнить свой долг, как подобает храброму и благородному человеку. «Если ты выдержишь испытание, – сказал он, – мы будем считать тебя тиранноубийцей, не выдержишь – братоубийцей».

В то время как Тимолеонт готовился к отплытию и собирал войско, к коринфянам пришло послание от Гикета, обнаружившее его измену и предательство. Сразу после отправки посольства он открыто примкнул к карфагенянам и вместе с ними боролся против Дионисия, чтобы, изгнав его, самому сделаться тиранном Сиракуз. Опасаясь, что с преждевременным прибытием из Коринфа войска и полководца все его надежды могут рухнуть, он написал коринфянам послание, которое гласило, что им вовсе ни к чему принимать на себя хлопоты и затраты – незачем снаряжать опасный морской поход в Сицилию прежде всего по той причине, что этому воспрепятствуют карфагеняне, многочисленные суда которых преградят путь их флоту; сам же он, Гикет, поскольку коринфяне мешкали, был-де вынужден вступить с карфагенянами в союз против тиранна. Если до тех пор иные из коринфян с некоторой прохладой относились к походу, то это письмо так всех ожесточило против Гикета, что каждый охотно помогал Тимолеонту и вместе с ним старался ускорить отплытие.

8. Суда были уже готовы и воины снабжены всем необходимым, когда жрицам Персефоны приснился сон, будто богини⁵⁹⁵ собираются в путь и говорят, что поплывут с Тимолеонтом в Сицилию. Поэтому коринфяне снарядили еще один корабль – священную триеру – и нарекли его именем обеих богинь. Сам Тимолеонт отправился в Дельфы принести жертвы богу, и когда он спускался в прорицалище, ему было знамение. С одного из развешанных по стенам приношений слетела повязка⁵⁹⁶, расшитая венками и изображениями Победы, и упала на голову Тимолеонту, точно сам Аполлон увенчивал его, посылая на подвиги.

Итак с семью коринфскими кораблями, двумя керкирскими и десятым, предоставленным в его распоряжение левкадийцами⁵⁹⁷, Тимолеонт пустился в плавание. Ночью, когда, пользуясь попутным ветром, он вышел в открытое море, небо над его судном внезапно будто разверзлось и оттуда вырвалось огромное и яркое пламя. Из него возник факел, похожий на те, какие носят во время мистерий, он двигался вместе с флотом и с такою же скоростью и опустился как раз в той части Италии, куда направляли путь кормчие. Прорицатели объявили, что это явление подтверждает вещей сон жриц и что свет в небесах явили богини, самолично участвующие в походе. Ведь Сицилия посвящена Персефоне: там, по преданию, она была похищена, и этот остров стал ее брачным даром.

9. Божественные знамения внушали бодрость всему флоту, который пересекал море, спеша к берегам Италии. Но вести из Сицилии приводили Тимолеонта в замешательство, а воинов погружали в уныние. Гикет, разбив Дионисия в сражении, овладел большею частью Сиракуз, загнал тиранна в крепость и на так называемый Остров⁵⁹⁸ и осаждал его там,

⁵⁹⁵ 9. *Богини* – Персефона и Деметра; чтимые в Коринфе (Павсаний, II, 4,7), они считались покровительницами земледельческой Сицилии.

⁵⁹⁶ 10. *...слетела повязка...* – Повязка со свисающими концами вокруг лба была наградой, подносимой за победу, и часто победитель потом посвящал ее богам-помощникам.

⁵⁹⁷ 11. *Левкадийцами* – Керкира и Левкада были колониями Коринфа и старались принимать участие, хотя бы символическое, в его предприятиях. Ср. ниже, гл. 15.

⁵⁹⁸ 12. *Остров* (Ортигия) – самая неприступная часть Сиракуз, узким каналом отделенная от крепости,

возведя вокруг стену, карфагенянам же советовал позаботиться о том, чтобы Тимолеонт не смог высадиться в Сицилии, внушая им, что, отразив коринфян, они спокойно поделят между собою остров. Карфагеняне отправили в Регий двадцать триер, на которых плыли и послы Гикета к Тимолеонту. Они везли с собою речи, заранее составленные и соответствовавшие поступкам пославшего их: то были благовидные отговорки и увертки, под которыми скрывались коварные замыслы. Тимолеонту, если он того пожелает, предлагалось одному прибыть к Гикету в качестве советника и разделить с ним все его успехи, а суда и воинов отправить обратно в Коринф, так как война-де уже почти завершена, а карфагеняне не дадут ему совершить высадку и встретят его с оружием в руках, если он попытается нарушить этот запрет силой. Когда коринфяне, прибыв в Регий, застали там это посольство и увидели пунийцев, стоящих на якоре неподалеку, они сочли себя оскорбленными, всех охватил гнев против Гикета и страх за сицилийцев, которые, как они ясно видели, обречены были стать наградой и платой Гикету за предательство, а карфагенянам – за помощь в установлении тирании. Казалось невозможным одолеть ни находившийся здесь, в Регий, флот варваров, численностью вдвое превосходивший коринфский, ни там, в Сицилии, – сухопутные силы Гикета, которые коринфяне прежде рассчитывали принять под свою команду.

10. Тем не менее Тимолеонт встретился с послами и с карфагенскими начальниками и заявил им, что, разумеется, подчинится их требованиям, – ведь всякое сопротивление бесполезно! – но, прежде чем удалиться, хотя бы выслушает их условия и ответить на них в присутствии граждан Регия – греческого города, одинаково дружески расположенного к обеим сторонам: для него, Тимолеонта, это будет залогом безопасности, а карфагеняне тем вернее выполняют свои обещания касательно сиракузян, если свидетелем соглашения будет народ Регия. Тимолеонт сделал это предложение лишь для отвода глаз, замышляя перевезти своих людей втайне от противника, причем все власти Регия были с ним заодно: они желали, чтобы верх в Сицилии одержали коринфяне, и страшились соседства варваров. Итак, созвав Народное собрание и приказав запереть ворота, чтобы никакие посторонние дела не отвлекали граждан, должностные лица вышли к собравшимся и, сменяя друг друга, стали произносить длиннейшие речи все на одну и ту же тему и с одною целью – оттянуть время, пока не снимутся с якоря коринфские триеры, и удержать в Народном собрании карфагенян, которые ни о чем не подозревали, видя рядом с собою Тимолеонта, делавшего вид, будто и он вот-вот поднимется и начнет говорить. Когда же кто-то шепнул ему, что все триеры уже отошли от берега и осталось только судно самого Тимолеонта, которое его ждет, он незаметно, с помощью регийцев, толпившихся вокруг возвышения для оратора, затерялся в гуще народа, спустился к морю и поспешно отплыл. Так коринфский флот пришел к сицилийскому городу Тавромению и был гостеприимно встречен властителем города Андрوماхом, уже давно приглашавшим к себе коринфян. Этот Андрوماх был отцом историка Тимея и, бесспорно, самым лучшим из тогдашних сицилийских властителей; он справедливо правил согражданами, строго соблюдал законы и всегда открыто выказывал свою вражду и отвращение к тираннам. Вот почему он разрешил Тимолеонту воспользоваться Тавромением как исходною точкой для боевых действий и убедил граждан помогать коринфянам и вместе с ними принять участие в освобождении Сицилии.

11. После отъезда Тимолеонта Народное собрание было распущено, и карфагеняне, возмущаясь тем, что их обманули, дали повод позабавиться гражданам Регия, которые притворно недоумевали, как может хитрость не радовать пунийцев⁵⁹⁹. В Тавромений была отправлена триера с послом, который долго говорил с Андрوماхом и грубо, как настоящий варвар, угрожал ему, требуя, чтобы он в кратчайший срок заставил коринфян уйти, а под

выстроенной Дионисиями.

⁵⁹⁹ 13. ....хитрость... пунийцев... – Карфагенское коварство вошло в пословицу.

конец вытянул руку ладонью вверх, перевернул ее и сказал: «То же будет и с твоим городом». В ответ Андроммах только рассмеялся и, в точности повторив движение варвара, посоветовал ему поскорее отчалить, если он не желает, чтобы то же случилось и с его судном.

Узнав о высадке Тимолеонта, Гикет в страхе призвал на помощь множество карфагенских триер. Тут сиракузяне вовсе отчаялись в своем спасении, видя, что гавань их захвачена карфагенянами, городом владеет Гикет, а в крепости засел Дионисий, Тимолеонт же едва держится в Сицилии, зацепившись за такую жалкую полоску земли, как городишко Тавромений; его надежды на будущее весьма сомнительны, а силы ничтожны: все, что у него есть, – это тысяча воинов и необходимое для них продовольствие. И города не питали к нему доверия: измученные бесконечными несчастьями, они были ожесточены против всех полководцев без изъятия, главным образом из-за коварства Каллиппа и Фарака. Первый был афинянин, второй – спартанец, и оба утверждали, будто прибыли восстановить свободу и низвергнуть единодержавных правителей, однако они доказали сицилийцам, что бедствия тираннии – это еще золото, и внушили им уверенность, что умершие в дни рабства счастливее доживших до независимости.

12. Полагая, что и коринфский военачальник ничуть не лучше тех, что и он привез к ним старые приманки и рассчитывает с помощью добрых надежд и щедрых обещаний склонить их к перемене господина, сицилийцы отнеслись к предложениям коринфян с подозрением и отвергли их; лишь адраниты, жители маленького городка, посвященного богу Адрану⁶⁰⁰, которого высоко чтут по всей Сицилии, разошлись во мнениях, и одни призвали Гикета с карфагенянами, а другие обратились к Тимолеонту. И случилось так, что оба поспешили откликнуться и прибыли одновременно. Но с Гикетом пришли пять тысяч воинов, тогда как у Тимолеонта было не больше тысячи двухсот человек. Он вел их из Тавромения, отстоящего от Адрана на триста сорок стадиев, и в первый день, пройдя небольшую часть пути, заночевал, на следующий же день, напрягши все силы, сделал длинный и трудный переход и уже под вечер получил известие, что Гикет подступил к городку и разбивает лагерь. Лохаги и таксиархи остановили было передних, чтобы воины, поев и отдохнув, храбрее дрались в предстоящем бою, но Тимолеонт просил их этого не делать, а поскорее вести войско вперед – тогда они захватят врасплох неприятеля, который теперь, без сомнения, отдыхает с дороги и занят палатками и ужином. С этими словами он поднял щит и сам повел солдат, словно уже видя перед глазами победу. А те бесстрашно двинулись за ним и, пройдя еще около тридцати стадиев, отделявших их от противника, неожиданно ударили на него. Едва завидев их, люди Гикета пришли в смятение и бросились бежать; убито было около трехсот человек, взято в плен вдвое больше и захвачен лагерь. Адраниты открыли Тимолеонту ворота и объявили, что присоединяются к нему, а потом со страхом и изумлением рассказали, что, когда началась битва, священные двери храма сами собой распахнулись и многие видели, как дрожало острие копья бога, а по лицу его обильно струился пот.

13. По-видимому, знамение предвещало не только ту победу, но и последовавшие за нею успехи, которым битва при Адране положила счастливое начало. Тотчас города начали посылать к Тимолеонту послов и переходить на его сторону; свою помощь предложил ему и тиранн Катаны Мамерк, человек воинственный, богатый и могущественный. А что важнее всего – сам Дионисий, простившись со своими надеждами и держась из последних сил, но презирая Гикета за позорное поражение, Тимолеонтом же восхищаясь, вступил с последним в переговоры и выразил намерение сдаться ему и коринфянам и сдать крепость. Воспользовавшись неожиданной удачей, Тимолеонт отправил к нему в крепость двух коринфян, Эвклида и Телемаха, с четырьмястами воинов – не всех разом и не открыто (это было невозможно, так как в гавани стоял неприятель), но тайно, небольшими отрядами. Эти

⁶⁰⁰ 14. Адран – город на склоне Этны, посвященный семитскому(?) богу огня и войны.

воины заняли крепость и дворец тиранна со всеми запасами и военным снаряжением. В крепости оказалось немалое число лошадей, машины всех видов, множество метательных снарядов, хранившееся там с давних пор оружие, которого хватило бы на семьдесят тысяч человек, и, наконец, две тысячи воинов Дионисия; воинов он, как и все прочее, передал Тимолеону, а сам, забрав деньги, тайком от Гикета, с немногими друзьями, отплыл. Он прибыл в лагерь Тимолеонта и, впервые потеряв мужество, в качестве частного лица, был отправлен в Коринф на одном-единственном судне, с небольшою суммою денег, – он, человек, родившийся и воспитанный при дворе величайшего из тираннов, сам владевший тираннической властью в течение десяти лет⁶⁰¹, следующие двенадцать лет – после похода Диона – проведенный в сражениях и войнах и претерпевший бедствия еще более горькие, нежели то зло, которое творил сам, будучи тиранном. Ему пришлось стать свидетелем того, как его взрослых сыновей убили, растлили девушек-дочерей, а сестру, бывшую вместе с тем и его женой, гнуснейшим образом изнасилованную врагами, с малыми детьми утопили в море. Подробно об этом говорится в жизнеописании Диона⁶⁰².

14. Когда Дионисий приплыл в Коринф, не было в Греции человека, который бы не стремился увидеть его и с ним поговорить. Одни радовались его несчастьям и с чувством злобного удовлетворения приходили словно для того, чтобы топтать ногами низвергнутого судьбою; другие, тронутые этой переменой, жалели его и дивились великой силе скрытых божественных начал, столь явно оказывающей себя в человеческой слабости и беспомощности. И верно, в ту пору ни природа, ни искусство не являли ничего подобного тому, что сотворила судьба: тот, кто еще недавно был тиранном Сицилии, теперь, в Коринфе, бродил на рынке по рыбным рядам, сидел в лавке у торговца благовониями, пил вино, смешанное рукою кабатчика⁶⁰³, переругивался у всех на глазах с продажными бабенками, наставлял певцов и до хрипоты спорил с ними о строе театральных песен. Кое-кто полагал, что Дионисий ведет такую жизнь от скуки или по врожденному легкомыслию и необузданности, но другие были уверены, что он не хочет внушать коринфянам страх или подозрение, будто тяготится переменой своей участи и снова жаждет власти, а потому старается вызвать презрение к себе и прикидывается, вопреки своей природе, совершеннейшим глупцом и ничтожеством.

15. Тем не менее сохранились некоторые его высказывания, свидетельствующие о том, что в сложившихся обстоятельствах он держал себя не без достоинства. Например, сойдя на берег в Левкаде, которая, как и Сиракузы, была основана коринфянами, он заметил, что испытывает то же чувство, какое бывает у набедокуривших юнцов: они охотно проводят время с братьями, но стыдятся и избегают общества родителей – так вот и он, совестью города-матери, с удовольствием бы остался жить здесь, с левкадцами.

Или еще пример. В Коринфе какой-то чужеземец, грубо подтрунивавший над знакомством Дионисия с философами, которого тот неизменно искал, пока был тиранном, спросил, наконец, что дала ему мудрость Платона. «Неужели тебе кажется, что я ничего не взял от Платона, если так спокойно переносу превратности судьбы?» – в свою очередь спросил его Дионисий.

А музыканту Аристоксену и еще нескольким людям, осведомлявшимся, что ставил он в

⁶⁰¹ 15. ...в течение десяти лет... – Тирания Дионисия Младшего; 368—358 и 346—344 гг.

⁶⁰² 16. ...в жизнеописании Диона... – По-видимому, эти слова являются интерполяцией; ср. беглое упоминание: Дион, 58. Дионисий Младший переживал изгнание в Локрах, на родине своей матери, и стал там настолько всем ненавистен, что когда он в 348 г. выступил оттуда, чтобы возвратиться в Сиракузы, то локрийцы перебили остаток его войска и расправились с его семьей.

⁶⁰³ 17. ...смешанное рукою кабатчика... – Греки пили вино, смешанное с водою; угощаясь дома, его разбавляли по собственному вкусу, а в харчевнях – довольствуясь тем, что считалось общим вкусом.

упрек Платону⁶⁰⁴ и с чего начались эти упреки, Дионисий ответил: «Тирания преисполнена множества зол, но нет среди них большего, нежели то, что ни один из так называемых „друзей“ не говорит с тобою откровенно. По их вине я и лишился расположения Платона».

Один из тех, кто желал прослыть за остроумца, в насмешку над Дионисием встряхивал, входя к нему, свой гиматий⁶⁰⁵ – ведь он входил к тиранну! – а тот, отвечая на насмешку насмешкой, советовал ему делать это выходя: тогда мол будет ясно, что он ничего не стянул.

Как-то раз на пирушке Филипп Македонский⁶⁰⁶, издеваясь, завел речь о песнях и трагедиях, которые оставил Дионисий Старший, и притворно недоумевал, когда же у него находился для этого досуг. «Как раз тогда, когда ты, я и все прочие, кого почитают счастливыми, сидели за вином», – не без остроумия ответил Дионисий.

Платон не встретился с Дионисием в Коринфе – к тому времени он уже умер. Но Диоген Синопский, увидев его в первый раз, воскликнул: «Сколь эта жизнь не заслужена тобой, Дионисий!» «Спасибо тебе, Диоген, – отвечал тот, остановившись, – что ты сострадаешь нам в наших бедствиях». «Как? – отозвался Диоген. – Ты вообразил, будто я тебе сочувствую?! Напротив – я возмущен: такой отличный раб, вполне достойный того, чтобы, подобно отцу, состариться и умереть во дворце тиранна, забавляется и веселится здесь, вместе с нами!»

Вот почему, когда я сравниваю все это с воплями Филиста, оплакивающего дочерей Лептина⁶⁰⁷, которым-де пришлось променять «великие блага» тираний на жалкую нужду, его слова кажутся мне причитаниями женщины, горюющей об утраченных алебастровых сосудах, пурпуровых одеждах и золотых украшениях. Мы полагаем, что неторопливый и сосредоточенный читатель не сочтет такие подробности бесполезными или неуместными в жизнеописаниях.

16. В той же мере, в какой несчастье Дионисия представлялось неожиданным, вызывали изумление успехи Тимолеонта. Не прошло и пятидесяти дней после его высадки в Сицилии, как он уже овладел крепостью Сиракуз и отправил тиранна в Пелопоннес. Коринфяне, воодушевленные таким началом, посылают ему две тысячи гоплитов и двести всадников; добравшись до Фурий и видя, что переправиться в Сицилию невозможно – множество карфагенских кораблей бороздили море во всех направлениях – и что придется ждать удобного случая, они употребляют это время на прекрасное и достойное дело: граждане Фурий выступили в поход против бруттиев, и коринфяне, приняв город под охрану, берегли его безукоризненно честно, будто собственную отчизну.

Гикет тем временем продолжал осаду крепости, не давая судам противника подвозить продовольствие находившимся там коринфянам, а к Тимолеонту в Адран подослал двух наемников, которые должны были предательски его убить: Тимолеонт и вообще не держал при себе телохранителей, а тут, в надежде на попечение бога, беспечно и открыто разгуливал по городу. Узнав случайно, что он готовится принести жертву, убийцы спрятали под гиматиями кинжалы, явились прямо в храм и замешались в толпу, окружавшую жертвенник. Постепенно они придвигались все ближе и уже готовы были подать друг другу знак приступить к делу, как вдруг какой-то человек ударил одного из них по голове мечом, и

⁶⁰⁴ 18. ...в упрек Платону... – О ссоре Дионисия с Платоном см. Дион, 11—13, 18—22.

⁶⁰⁵ 19. ...встряхивал свой гиматий... (плащ) – Как бы желая показать, что под ним не спрятано оружия.

⁶⁰⁶ 20. Филипп Македонский – он был в Коринфе во время общегреческого съезда 338/337 г.

⁶⁰⁷ 21. ...дочерей Лептина... – Брат Дионисия Старшего Лептин выдал одну из дочерей за Филиста, будущего историка, против воли тиранна, и тот за это своеволие отправил в изгнание и Филиста, и Лептина, и его дочерей.

когда тот упал, ни нанесший удар, ни товарищ раненого не остались на месте: первый, как был, с мечом в руке, бросился бежать и забрался на какую-то высокую скалу, а второй охватил руками жертвенник, молил Тимолеонта о пощаде и клялся все рассказать. Тимолеонт обещал сохранить ему жизнь, и тогда он открыл, что они с товарищем были подсланы убить полководца коринфян. В это время сняли со скалы и привели третьего; он кричал, что не совершил никакого преступления, но лишь справедливо отомстил за смерть отца, злодейски умерщвленного в Леонтинах этим человеком. Среди присутствовавших нашлись люди, засвидетельствовавшие его слова и дивившиеся изобретательности судьбы, которая приводит в движение одно посредством другого, сближает вещи самые отдаленные и переплетает события, казалось бы, ничего общего друг с другом не имеющие, так что исход одного становится в ее руках началом другого. Коринфяне дали убийце в награду десять мин, за то что свой справедливый гнев он предоставил в распоряжение гению-хранителю Тимолеонта и уже давно скопившуюся ярость не истратил прежде, но сберег до того дня, когда волею судьбы она послужила и его собственным целям и спасению Тимолеонта. Это происшествие, так счастливо завершившееся, внушило видевшим его добрые надежды на будущее, убедило их в том, что Тимолеонт – человек святой, волею бога явившийся освободить Сицилию, и побудило чтить его и оберегать.

17. Обманувшись в своих расчетах и видя, что многие принимают сторону Тимолеонта, Гикет стал бранить самого себя за то, что до сих пор лишь понемногу, точно совестясь, пользовался огромной силой карфагенян, находившейся в его распоряжении, и лишь тайно, украдкой привлекал союзников к делу, а потому призвал в Сиракузы военачальника Магона со всем флотом. Тот не замедлил прибыть, сто пятьдесят кораблей грозно заняли гавань, на берег высадились шестьдесят тысяч пехотинцев и расположились в самом городе; и каждый решил: свершилось то, о чем уже давно говорили и думали, – Сицилия попала под власть варваров. Ведь ни в одной еще из бесчисленных войн, которые вели в Сицилии карфагеняне, им не удавалось взять Сиракузы, а тут Гикет сам принял старинного врага и собственными руками отдал ему город, который превратился в лагерь варваров. Коринфяне, удерживавшие крепость, находились в крайне стесненном и опасном положении: они не только испытывали нужду в съестных припасах – противник неусыпно караулил гавань, – но без передышки бились на стенах и были вынуждены распылять свои силы, противодействуя всем хитростям и всевозможным уловкам осаждающих.

18. Впрочем, Тимолеонт не оставил их без всякой помощи: он посылал им хлеб из Катаны на рыбацких лодках и легких суденышках, которые незаметно проскальзывали меж вражескими триерами, когда волнение на море разбрасывало корабли варваров в разные стороны. Видя это, Магон и Гикет решили взять Катану, откуда шло продовольствие осажденным, и, отобрав лучших воинов, выступили с ними из Сиракуз. Коринфянин Неон (так звали начальника осажденных), наблюдая из крепости за оставшимися и заметив, что они несут свою службу лениво и небрежно, неожиданно на них ударил, улучив время, когда те разбрелись кто куда; многие были убиты, остальные обращены в бегство, и коринфяне овладели Ахрадиной – так называлась самая, по общему мнению, неприступная часть города Сиракуз, который состоит как бы из нескольких расположенных рядом друг с другом городов. Обнаружив там большие запасы хлеба и богатую казну, Неон не очистил это место и не отступил, но, укрепив стену вокруг Ахрадины и соединив ее с крепостью валом, расставил повсюду свои караулы. Магон и Гикет уже приближались к Катане, когда всадник из Сиракуз догнал их и сообщил о взятии Ахрадины. В сильной тревоге они поспешно повернули назад, не только не достигнув цели, ради которой двинулись в поход, но и потеряв то, чем уже владели.

19. Об этом успехе еще могут спорить между собой предусмотрительность и доблесть Тимолеонта, с одной стороны, и его удачливость, с другой; но дальнейшие события следует, по-видимому, приписать только счастливой судьбе. Коринфяне в Фуриях отчасти из страха перед карфагенским флотом, который, под командою Ганнона, их подстерегал, отчасти из-за морских бурь, длившихся уже много дней, приняли решение продолжить путь сушею, через

Бруттий, и, воздействуя на варваров где убеждением, а где и силою, благополучно достигли Регия. Непогода продолжала свирепствовать, и Ганнон, который не ждал от коринфян решительных действий и полагал, что медлит понапрасну, в полной уверенности, что измыслил тонкий и хитроумный обман, приказал матросам надеть венки, украсил триеры греческими щитами и пурпурными тканями и поплыл к Сиракузам. Проходя мимо крепости, он, чтобы нагнать уныние на осажденных, велел своим людям бить веслами по воде, хлопать в ладоши и кричать, что, мол, они разбили и одолели коринфян, захватив их в море во время переправы. Но пока он разыгрывал эту вздорную игру, коринфяне, прибывшие из Бруттия в Регий, видя, что пролив никто не охраняет, а что ветер внезапно упал и волнение совсем улеглось, быстро погрузились на плоты и рыбацьи челноки, оказавшиеся под рукой, и направились к сицилийскому берегу; насколько безопасным было их плавание и какая стояла тишь, можно судить по тому, что кони, повинувшись поводу, плыли рядом с судами.

20. Когда все высадились, Тимолеонт, приняв их под свою команду, немедленно взял Мессену и оттуда в строгом порядке выступил к Сиракузам, больше полагаясь на счастье и удачу, которые ему до сих пор сопутствовали, чем на силу: все его войско не превышало четырех тысяч человек. Весть о его приближении обеспокоила и испугала Магона, и эти недобрые предчувствия еще возросли вот по какой причине. На отменях вокруг города, где скапливается много пресной воды из источников, болот и впадающих в море рек, водятся в несметном количестве угри, и всякий желающий может в любое время рассчитывать на богатый улов. На досуге, во время перемирия, наемники обеих противных сторон вместе промышляли угрей. И те и другие были греки и не питали друг к другу личной вражды, а потому, хотя в сражениях и бились в полную силу, но когда заключалось перемирие, часто и охотно беседовали. А тут вдобавок они занимались одним делом – бок о бок ловили рыбу – и вот как-то разговорились, восхищаясь красотой моря и выгодами местоположения Сиракуз. И кто-то из коринфских воинов сказал: «Как же это, сами вы греки, и стараетесь город, такой огромный и обладающий такими красотою, подчинить варварам и тем самым приблизить к нам этих злобных, кровожадных карфагенян, тогда как можно лишь пожелать, чтобы между ними и Грецией лежала не одна, а много Сицилий! Неужели, думаете вы, они пришли сюда с войском от самых Геркулесовых столпов и Атлантического моря, чтобы терпеть опасности ради Гикета и его власти? Нет, будь у Гикета ум настоящего правителя, он бы никогда не выгнал своих родоначальников и не привел бы на их место врагов отечества, но получил бы все подобающие ему почести и власть с согласия Тимолеонта и остальных коринфян». Эти слова наемники разгласили по всему лагерю и внушили Магону, который уже давно искал предлога для разрыва, подозрения в предательстве. Вот почему, не слушая Гикета, который умолял его остаться и доказывал, что они намного сильнее противника, и считая, что карфагеняне в большей мере уступают Тимолеонту мужеством и удачливостью, нежели превосходят его численностью, Магон немедленно отплыл в Африку, псзорно и бессмысленно упустив Сицилию, которая уже была у него в руках.

21. На следующий день появился Тимолеонт, уже готовый к бою. Когда коринфяне узнали о бегстве неприятеля и увидели, что пристани пусты, они не могли не посмеяться над малодушием Магона: обходя улицы города, они повсюду громко обещали награду тому, кто укажет, куда скрылся от них карфагенский флот. Тем не менее, поскольку Гикет продолжал борьбу и не хотел сдать город, но отчаянно цеплялся за те кварталы, в которых он засел, а они были отлично укреплены и потому почти неприступны, Тимолеонт разделил свои силы и сам двинулся со стороны реки Анап, где сопротивление было особенно упорным, другому отряду, под командованием коринфянина Исия, приказал наступать от Ахрадины, а третий повели на Эпиполы Динарх и Демарет, которые только что прибыли в Сицилию во главе подкрепления из Коринфа⁶⁰⁸. Эти отряды, ударив со всех сторон одновременно, разгромили и обратили в бегство войско Гикета; захват города, который сразу же после изгнания

⁶⁰⁸ 22. ...подкрепления из Коринфа... – см. гл. 16.

неприятеля покорился, по достоинству следует приписать мужеству бойцов и искусству полководца, но в том, что ни один из коринфян не погиб и даже не был ранен, проявила себя единственно лишь счастливая судьба Тимолеонта, которая словно спорила с доблестью этого человека, чтобы, слыша о победе, люди больше дивились его удачливости, нежели достоинствам. А ведь молва о случившемся не только сразу сделалась достоянием всей Сицилии и Италии, но, спустя немного дней, и Греция огласилась победным ликованием, так что коринфяне, до той поры пребывавшие в неуверенности, достиг ли их флот цели своего плавания, одновременно узнали и о благополучной высадке и об одержанном успехе. Вот как быстро и удачно разворачивались события и вот какой яркий блеск сообщила этим деяниям та стремительность, с которой их свершала счастливая судьба.

22. Овладев крепостью, Тимолеонт не поддался чувствам, которым до него уступил Дион, и не пощадил ни красоты этого места, ни богатых построек, но, остерегаясь подозрений, которые сначала очернили, а потом и погубили Диона, известил сиракузян, что оплот тираннов срывается до основания и каждый желающий может прийти со своею киркой и принять участие в этой работе. И все пришли как один, считая это извещение и этот день доподлиннейшим началом своей свободы, и разрушили, и срыли не только крепостные стены⁶⁰⁹, но и дворцы тираннов, и памятники на их могилах. И сразу же Тимолеонт распорядился выровнять почву и воздвигнуть здание суда, не просто угождая гражданам, но с самого начала вознося демократию над тираннией.

Впрочем, в руках Тимолеонта был только город, но не граждане: одних истребили войны и мятежи, другие бежали от тираннов, и такое было в Сиракузах безлюдие, что городская площадь заросла высокой травой, и там паслись лошади, и в густой зелени лежали пастухи. Прочие города, кроме лишь очень немногих, стали обиталищем оленей и кабанов, так что люди, которым нечем было заняться, нередко охотились в предместьях и вокруг городских стен. Никто из жителей крепостей не откликнулся на зов и даже не думал переселяться в город, напротив, каждый испытывал страх и ненависть к Народному собранию, государственной деятельности, возвышению для оратора – к тому, что чаще всего порождало у них тираннов. Вот почему Тимолеонт и сиракузяне решили написать коринфянам и просить, чтобы те прислали в Сиракузы греческих поселенцев. В противном случае стране грозило запустение, а кроме того они знали, что из Африки надвигается великая война: стало известно, что карфагеняне, разъяренные неудачными действиями Магона, распяли на кресте его труп (он сам лишил себя жизни) и теперь собирают огромное войско, чтобы весною высадиться в Сицилии.

23. Когда прибыло это письмо Тимолеонта и одновременно послы из Сиракуз, умолявшие коринфян принять на себя заботу об их городе и еще раз стать его основателями, коринфяне не воспользовались удобным случаем и не присоединили город к своим владениям, но прежде всего, посещая священные игры и самые торжественные из всенародных празднеств, какие справляются в Греции, стали объявлять через глашатаев, что коринфяне, уничтожив тираннию в Сиракузах и изгнав тиранна, призывают сиракузян и остальных сицилийцев – кто бы ни пожелал – вновь обосноваться на родине, пользуясь отныне свободой и независимостью и справедливо поделив между собою землю. Затем они отправили гонцов в Азию и на острова⁶¹⁰, где, как им стало известно, была разбросана значительная часть изгнанников, и пригласили всех приехать в Коринф, обещая предоставить за собственный счет надежную охрану, суда и руководителей для возвращения в Сиракузы. Сделав такое извещение, город Коринф стяжал справедливейшие похвалы и благородную зависть: ведь он не только избавил страну от тираннов и спас от варваров, но и

---

⁶⁰⁹ 23. ...срыли... крепостные стены... – Потом, в 265 г. дворец тираннов был заново отстроен Гиероном и позднее был резиденцией римских наместников.

⁶¹⁰ 24. ...в Азию... – В Малую Азию и на острова Эгейского моря.

вернул ее законным владельцам.

Так как число собравшихся в Коринфе беглецов оказалось недостаточным, они просили разрешения взять с собою поселенцев из Коринфа и остальных земель Греции и, когда набралось не менее десяти тысяч, отплыли в Сиракузы. Кроме того, к Тимолеонту уже начали во множестве стекаться люди из Италии и из самой Сицилии, общее число граждан достигло, как сообщает Афанид, шестидесяти тысяч, и Тимолеонт разделил между ними землю, а дома продал, в целом за тысячу талантов, предоставив возможность сиракузским старожилам выкупить свои прежние жилища и в то же время найдя способ пополнить казну, которая была до того истощена, что для покрытия расходов, прежде всего военных, пришлось продать даже статуи. Над каждой из них, точно над лицами, уличенными в должностных преступлениях, совершали суд – произносили обвинение и подавали голоса. Говорят, что сиракузяне осудили их все, кроме статуи древнего тиранна Гелона, которого они ценили и уважали за победу над карфагенянами при Гимере.

24. Между тем как город снова оживал и наполнялся прибывавшими отовсюду гражданами, Тимолеонт, желая освободить и остальные города и до конца искоренить тиранию в Сицилии, двинулся на владения тираннов. Гикет вынужден был расторгнуть союз с карфагенянами, обязался скрыть все свои крепости и на правах частного лица поселиться в Леонтинах, Лептина же, тиранна, правившего Аполлонией и несколькими другими городами, который, оказавшись в безвыходном положении, сдался, Тимолеонт, сохранив ему жизнь, выслал в Коринф, считая важным и полезным, чтобы сицилийские тиранны влачили в метрополии, на глазах у всех греков, жалкую участь изгнанников. Сам он вслед за тем вернулся в Сиракузы, чтобы восстановить их государственное устройство и совместно с прибывшими из Коринфа законодателями Кефалом и Дионисием принять самые существенные и неотложные постановления, а Динарха и Демарета, желая, чтобы наемники извлекали пользу из своего ремесла и не сидели сложа руки, отправил во владения карфагенян, где они, склонив многие города к отпадению от варваров, не только сами жили в полном довольстве, но даже сберегли из захваченной добычи какую-то сумму денег для дальнейшего ведения войны.

25. Тем временем карфагенский флот из двухсот триер с семьюдесятью тысячами воинов и тысячи грузовых судов, на которых везли несметные запасы хлеба, осадные машины, боевые колесницы и другое снаряжение, подошел к Лилибею; на этот раз неприятель не был намерен вести войну против отдельных городов, но готовился вообще вытеснить греков из Сицилии. И в самом деле, этой силы хватило бы на то, чтобы одолеть всех сицилийцев даже и тогда, когда бы их не истерзали, не разорили вконец взаимные распри. Узнав, что их земли подверглись опустошению, карфагеняне под командою Гасдрубала и Гамилькара в лютой ярости немедленно выступили против коринфян⁶¹¹. Весть об этом быстро достигла Сиракуз, и граждане так испугались громадных размеров вражеского войска, что, несмотря на их многочисленность, едва нашлось три тысячи, отважившихся взяться за оружие и присоединиться к Тимолеонту. Наемников было четыре тысячи, но и из этого числа тысяча малодушно бросила своего полководца еще в дороге, считая, что Тимолеонт помешался, что он, – хотя и не так еще стар, – выжил из ума, если против семидесяти тысяч врагов идет с пятью тысячами пехотинцев⁶¹² и тысячей всадников да еще уводит их на расстояние восьми дней пути от Сиракуз – в такое место, где беглецам не спастись, а павшим остаться без погребения. Впрочем, Тимолеонт счел удачей для себя, что трусость их обнаружилась еще до битвы и, ободрив остальных, быстро повел их к реке Кримису, куда, как он слышал, стягивались и карфагеняне.

⁶¹¹ 25. ...против коринфян... – Против отряда Динарха и Демарета (гл. 24).

⁶¹² 26. ...с пятью тысячами пехотинцев... – а с авангардом Динарха и союзными отрядами Гикета и др. – до 12 000 (Диодор, XVI, 78).

26. Когда он поднимался на холм, перевалив через который коринфяне предполагали увидеть вражеское войско, ему навстречу попались мулы с грузом сельдерея. Воины решили, что это дурной знак: ведь сельдереем мы обыкновенно увенчиваем надгробные памятники. Отсюда и пословица: о тяжело больном говорят, что ему нужен сельдерей. Чтобы рассеять суеверный страх и чувство обреченности, Тимолеонт остановил своих людей и произнес подходящую к случаю речь; он сказал, что еще до победы в руки к ним сам собою попал венок, которым коринфяне венчают победителей на Истмийских играх, считая сельдерей священным с давних пор украшением. (В ту пору на Истмийских играх, как теперь на Немейских, наградою служил сельдерей⁶¹³, и лишь недавно его заменили сосновые ветви.) И с этими словами Тимолеонт первый увенчал себя сельдереем, а затем его примеру последовали остальные начальники и даже простые воины. В это время прорицатели заметили двух орлов, они приближались к коринфянам, и один нес в когтях растерзанную змею, а другой летел позади с громким и вызывающим клекотом; прорицатели указали солдатам на птиц, и все с молитвою стали призывать богов.

27. Начиналось лето, месяц фаргелион⁶¹⁴ был на исходе, и близился солнцеворот. Густой пар, который поднимался над рекой, вначале закрывал равнину мглою, так что неприятеля вовсе не было видно, и до вершины холма доносился снизу лишь невнятный, смешанный гул передвигающегося вдали огромного войска. Когда же, взойдя на холм, коринфяне остановились и положили наземь щиты, чтобы перевести дух, солнце, совершая свой путь, погнало туман вверх, мгла поднялась, сгустилась и окутала вершины гор, воздух очистился, и показались равнина у подножия, река Кримис и неприятель, который переправлялся через реку: впереди – запряженные четверкой грозные боевые колесницы⁶¹⁵, а за ними десять тысяч гоплитов с белыми щитами. По богатству вооружения, медленной поступи и строгому порядку в рядах коринфяне догадались, что это сами карфагеняне. За ними толпою текли остальные народы; тесня друг друга, они тоже приступали к переправе, и тогда Тимолеонт, сообразив, что река предоставляет коринфянам возможность отделить от сил неприятеля любую часть, с какою они сами найдут целесообразным сразиться, и показав своим, что войско врагов расчленено водами Кримиса, что одни уже переправились, а другие стоят на противоположном берегу, отдал распоряжение Демарету с конницею ударить на карфагенян и привести их в замешательство, пока они еще не заняли каждый своего места в боевой линии. Затем он и сам спустился на равнину и оба крыла поручил сицилийцам из разных городов, присоединив к ним лишь незначительное число иноземных солдат, а сиракузян и самых храбрых из наемников оставил при себе – посредине; в таком положении он немного помедлил, наблюдая за действиями своей конницы, а когда увидел, что из-за колесниц, разъезжающих перед строем карфагенян, всадники не могут вступить с ними в бой и – чтобы не потерять порядка в собственных рядах – вынуждены то и дело отходить, поворачиваться и повторять свой бросок, схватил щит и закричал, призывая пехотинцев смело следовать за ним. Звук его голоса показался воинам необычайно, сверхъестественно громким: то ли страсть и воодушевление предстоящей битвы придали ему такую силу, то ли (как думало тогда большинство) вместе с Тимолеонтом крикнул какой-то бог. Солдаты разом подхватили клич и сами потребовали, чтобы их немедленно вели вперед, и Тимолеонт, подав знак коннице очистить место перед колесницами и напасть на врага сбоку, приказал передовым бойцам сомкнуться и сдвинуть щиты; затрубила труба и они бросились на карфагенян.

---

⁶¹³ 27. ...наградою служил сельдерей... – как знак поминания о погибшем герое Меликертe, в честь которого справлялись Истмийские игры в Коринфе.

⁶¹⁴ 28. ...месяц фаргелион... – Начало июня 341 (по Диодору – 339) г.; ср. Кам., 19.

⁶¹⁵ 29. ...боевые колесницы... – Слонов карфагеняне в это время еще не употребляли в бою.

28. Первый натиск карфагеняне выдержали стойко: тело у них было защищено железным панцирем, голова покрыта медным шлемом, и, выставя вперед огромные щиты, они легко отбивали удары копий. Но когда от копий перешли к мечам и началась рукопашная, которая требует ловкости и умения не в меньшей мере, нежели силы, неожиданно со стороны гор раздались оглушительные раскаты грома и сверкнули молнии. Густой туман, окружавший вершины холмов и гор, опустился на поле сражения, неся с собою ливень, ветер и град; греков буря ударила в спину, а варварам била прямо в лицо и слепила глаза, потому что из туч хлестали потоки дождя и то и дело вырывалось пламя. Эти обстоятельства были чреваты многими опасными последствиями, особенно для неопытных воинов, но, пожалуй, больше всего вреда причиняли удары грома и яростный стук града и дождя о доспехи, заглушавший приказы начальников. Карфагенянам, вооруженным, как уже говорилось, отнюдь не легко, но закованным в панцири, мешали и грязь, и насквозь промокшие хитоны, которые, отяжелев, стесняли движения бойцов; греки без труда сбивали их с ног, а упав, они не в силах были снова подняться из грязи с таким грузом на плечах. Вдобавок Кримис, и без того уже сильно вздувшийся от дождей, переправой войска был выведен из берегов, а долина реки, в которую выходили многочисленные ущелья, наполнилась бурными потоками, непрерывно менявшими свое русло, карфагеняне беспомощно барахтались в них, с трудом выбираясь из воды. Наконец, исхлестанные бурей, потеряв четыреста воинов, павших в первом ряду, остальные обратились в бегство. Многие были настигнуты и убиты еще на равнине, многих унесла и погубила река, сталкивая их с теми, кто еще переправлялся, но больше всего перебила легкая пехота на склонах холмов. Говорят, что из десяти тысяч павших три тысячи были карфагеняне – к великой скорби их города. Ни знатностью рода, ни богатством, ни славой никто не мог сравниться с погибшими, а с другой стороны, не было еще на памяти карфагенян случая, когда бы в одной битве они лишились стольких граждан: пользуясь обычно услугами наемников – ливийцев, испанцев и нумидийцев, – они расплачивались за свои поражения чужою бедой.

29. О высоком положении убитых греки узнали по снятым с них доспехам: собирая добычу, никто и смотреть не хотел на медь и железо – так много было серебра, так много золота. Перейдя реку, греки захватили лагерь и обоз. Из пленных многие были тайком расхищены солдатами, и все же в пользу государства поступило пять тысяч человек. Наконец, в руки победителей попало двести колесниц. Величественное зрелище являла собою палатка Тимолеонта, окруженная горами всевозможного оружия, среди которого была тысяча замечательных, тончайшей работы панцирей и десять тысяч щитов. Так как трупов было много, а победителей мало, богатство же им досталось огромное, они воздвигли трофей только на третий день после битвы.

Вместе с извещением о случившемся Тимолеонт отправил в Коринф самые красивые из захваченных доспехов, надеясь доставить отечеству зависть и восхищение всего мира, когда увидят, что среди городов Греции в одном лишь Коринфе главнейшие храмы не украшены добычей, взятою в Греции, и не пробуждают горьких воспоминаний об убийстве соплеменников, но убраны варварским оружием с замечательными надписями, рассказывающими о мужестве и справедливости победителей, – о том, как коринфяне и их полководец Тимолеонт, освободив сицилийских греков от карфагенян, посвятили богам свое благодарственное приношение.

30. Оставив наемников разорять вражеские владения, Тимолеонт вернулся в Сиракузы. Тысячу солдат, покинувших его перед битвой, он приговорил к изгнанию из Сицилии и заставил их уйти из Сиракуз еще до заката солнца. Они переправились в Италию и там были вероломно перебиты бруттиями; вот какую кару за предательство назначило им божество.

Тем временем Мамерк, тиранн Катаны, и Гикет, то ли завидуя успехам Тимолеонта, то ли страшая его, как лютого врага тираннов, и потому ни в чем ему не доверяя, заключили союз с карфагенянами и настоятельно просили их прислать новое войско, если они не желают вовсе потерять Сицилию. В результате из Африки отплыли семьдесят судов во главе с Гисконом, который взял с собою и греческих наемников: до тех пор карфагеняне греков на

службу не брали, но тут должны были с восхищением признать, что нет на свете людей неодолимее и воинственнее. Союзники собрались в земле Мессены и истребили отряд вспомогательных войск из четырехсот человек, посланный туда Тимолеонтом. Другой отряд наемников, под командованием левкадийца Эвфима, они заманили в засаду и перебили во владениях карфагенян, близ города, называемого Иеты. Два последние случая особенно широко прославили удачливость Тимолеонта: это были те самые солдаты, которые вместе с фокейцем Филомелом и Ономархом захватили Дельфы и разграбили их сокровища⁶¹⁶. Подвергшись проклятию, окруженные всеобщей ненавистью и отчуждением, они бродили по Пелопоннесу до тех пор, пока их – за недостатком других солдат – не нанял Тимолеонт. В Сицилии они выиграли все битвы, в которых сражались под его командованием; но теперь, когда главные опасности остались позади и Тимолеонт отправил их на помощь другим городам, они погибли и были уничтожены – не все разом, но постепенно: кара, которую они понесли, словно старалась не повредить счастливой судьбе Тимолеонта, так чтобы наказание злодеев не причинило ни малейшего ущерба порядочным людям. Поистине и в неудачах Тимолеонта благосклонность к нему богов заслуживала не меньшего изумления, нежели в его успехах.

31. Между тем тиранны дали волю своему чванству и высокомерию, и это оскорбляло большинство сиракузян. Так, например, Мамерк, чрезвычайно гордившийся тем, что сочиняет стихи и трагедии, победив наемников, принес в дар богам их щиты со следующим издевательским двустишием:

Жалким прикрывшись щитком, щитов мы добыли немало:
Злато на них и янтарь, пурпур, слоновая кость.

Вскоре Тимолеонт выступил походом на Калаврию⁶¹⁷, и тогда Гикет вторгся в пределы Сиракузской земли, взял богатую добычу и после жестоких бесчинств и грабежей двинулся в обратный путь мимо самой Калаврии, чтобы выказать пренебрежение к Тимолеонту и его малочисленному отряду. Тимолеонт дал ему пройти, а сам с конницей и легкою пехотой пустился следом. Гикет обнаружил это, уже переправившись через Дамирий, и остановился у реки, чтобы дать противнику бой; ему придавали отваги трудности переправы и крутизны обоих берегов. Тут среди илархов⁶¹⁸ Тимолеонта вспыхнул удивительный спор, задержавший начало битвы. Ни один из них не соглашался уступить другому право первым перейти реку и схватиться с врагом, но каждый требовал, чтобы эту честь предоставили ему; поэтому переправа не могла совершиться в должном порядке – всякий старался бы оттеснить и обогнать товарища. Желая решить дело жребием, Тимолеонт взял у каждого начальника перстень, бросил все в полу своего плаща, перемешал, и на первом вынутом им перстне случайно оказалась печать с изображением трофея. Увидев это, молодые илархи закричали от радости; они не стали дожидаться следующего жребия, но, со всею поспешностью, на какую были способны, устремились к противоположному берегу и, выйдя из воды, ринулись на противника. А тот не выдержал их натиска и бежал, оставив на поле боя все оружие и тысячу убитых.

32. Немного спустя Тимолеонт вступил в землю леонтинцев и взял живыми Гикета, его сына Эвполема и начальника конницы Эвфима – их схватили и выдали собственные солдаты. Гикет и юноша были казнены как тиранны и изменники; не получил пощады и Эвфим, хоть это был отличный воин и человек редкого мужества. Его обвинили в том, что он злословил

⁶¹⁶ 30. ...захватили Дельфы и разграбили их сокровища... – Во время Священной войны 356—346 гг.

⁶¹⁷ 31. Калаврия – этот сицилийский город на реке Дамирий нигде более не упоминается.

⁶¹⁸ 32. Илархи – начальники ил, конных отрядов ок. 60 бойцов.

коринфян: когда те двинулись в поход, он будто бы выступил перед леонтинцами и сказал, что никакой опасности нет и что нечего бояться, если

Коринфские гражданки вышли из домов⁶¹⁹.

Таково большинство людей: злые слова огорчают их сильнее, чем злые поступки, они легче переносят прямой ущерб, нежели глумление. Во время войны противникам по необходимости разрешено применять действенные средства для своей защиты, но злословие, порождаемое чрезмерною ненавистью и злобой, всеми почитается излишним.

33. Когда Тимолеонт вернулся, сиракузяне в Народном собрании судили жен и дочерей Гикета и приговорили их к смерти. Мне кажется, что из всех действий Тимолеонта это – самое неблагоприятное: стоило ему только вмешаться – и эти женщины остались бы живы. Но, видимо, он не захотел принять в них участия и уступил гневу граждан, которые мстили за Диона, некогда изгнавшего Дионисия: ведь это Гикет приказал утопить в море жену Диона Арету, сестру Аристомаху и маленького сына, о чем рассказывается в жизнеописании Диона⁶²⁰.

34. Затем Тимолеонт двинулся к Катане против Мамерка, который встретил его у реки Абол, принял бой, но был разгромлен и бежал, потеряв убитыми больше двух тысяч человек, немалую часть которых составляли пунийцы, посланные Гисконом ему на помощь. Сразу же вслед за этим поражением карфагеняне заключили с Тимолеонтом мир; им удалось сохранить земли за рекою Лик⁶²¹ при условии, что они позволят всем, желающим переселиться оттуда в Сиракузы, забрать свое имущество и семьи и расторгнут союз с тираннами. Мамерк, отчаявшись в своих надеждах, отплыл в Италию, чтобы поднять против Тимолеонта и Сиракуз луканов. Но его спутники повернули триеры назад, возвратились в Сицилию и сдали Катану Тимолеонту, а Мамерку пришлось бежать в Мессену, где правил тиранн Гиппон. Тимолеонт подошел к городу и осадил его с суши и с моря, Гиппон пытался бежать на корабле, но был схвачен мессенцами, которые предали его мучительной смерти в театре, приведя туда из школ детей, чтобы показать им самое прекрасное и благородное из зрелищ – казнь тиранна. Мамерк сдался Тимолеонту, выговорив себе право предстать перед судом сиракузян, с тем чтобы сам Тимолеонт никакого участия в обвинении не принимал. Он был доставлен в Сиракузы, выступил перед народом и уже начал произносить речь, заранее им составленную, однако, встреченный недовольным ропотом, видя, что собрание настроено непреклонно, сбросил с плеч гиматий, промчался через весь театр и с разбега ударился головой о какое-то каменное сидение, чтобы лишиться себя жизни. Но ему не повезло: он остался жив, его увели и казнили той смертью, какою казнят разбойников⁶²².

35. Таким образом Тимолеонт искоренил тираннию и положил конец войнам. Остров, который он застал одичавшим от бедствий и глубоко ненавистным для его собственных обитателей, он умиротворил и сделал краем до того для каждого желанным, что иноземцы поплыли туда, откуда прежде разбегались коренные жители. В ту пору вновь заселились Акрагант и Гела, большие города, разрушенные карфагенянами после Аттической войны⁶²³;

---

⁶¹⁹ 33. *Коринфские гражданки вышли из домов.* – Эврипид. Медея, 214 (стих слегка изменен).

⁶²⁰ 34. *...в жизнеописании Диона* – Дион, 58.

⁶²¹ 35. *Лик* (чаще – Галик) считался границей греческой и карфагенской Сицилии еще по договору Дионисия Старшего в 383 г.

⁶²² 36. *...какою казнят разбойников.* – Т.е. распятием на кресте.

⁶²³ 37. *Акрагант и Гела* были разрушены соответственно в 407 и 406 гг.

собрав прежних обитателей, в Акрагант прибыли Мегелл и Ферист из Элеи, а в Гелу – Горг с Кеоса. Этим поселенцам Тимолеонт не только доставил покой и безопасность после столь изнурительной войны, но и вообще принимал такое горячее участие во всех их делах, что они любили и почитали его, словно основателя своих городов. Так же относились к нему и остальные сицилийцы: ни заключение мира, ни издание новых законов, ни раздел земли, ни перемены в государственном устройстве не считались завершенными благополучно, если к этому не прилагал руку Тимолеонт, точно художник, последними прикосновениями сообщающий уже готовому произведению прелесть, любезную богам и радующую людей.

36. Хотя в то время в Греции было много великих мужей, прославивших себя великими делами, как, например, Тимофей, Агесилай, Пелопид, наконец, Эпаминонд, который более других служил для Тимолеонта образцом, блеск их подвигов в какой-то мере затмевается насилием и тяжкими муками, так что иным из этих подвигов сопутствовало порицание и раскаяние, меж тем как среди поступков Тимолеонта – не считая лишь вынужденного убийства брата – нет ни одного, о котором, как говорит Тимей, нельзя было бы воскликнуть словами Софокла:

О боги! Кто ему помог? Киприды власть
Иль сам Эрот?⁶²⁴

Подобно тому, как поэзия Антимаха Колофонского и живопись его земляка Дионисия, отличаясь силой и внутренним напряжением, все же производят впечатление чего-то нарочитого и вымученного рядом с картинами Никомаха и стихами Гомера, которые при всей своей мощи и прелести кажутся созданными без малейшего труда, точно так же, если с походами Эпаминонда и Агесилая, полными трудностей и мучительных усилий, здраво и беспристрастно сравнить военные предприятия Тимолеонта, сочетающие красоту с чрезвычайною легкостью, каждый скажет, что они – скорее дело мужества, которому споспешествовало счастье, нежели одного только счастья.

Впрочем, сам Тимолеонт все свои успехи приписывал счастливой судьбе: в письмах к друзьям на родину, в своих речах к сиракузянам он любил повторять, что благодарен богу, который, пожелав спасти Сицилию, назначил для этой цели именно его. У себя в доме он устроил храм богине Автоматии⁶²⁵ и приносил ей жертвы, а сам дом посвятил Священному Гению. Жил он в доме, который ему подарили сиракузяне в награду за службу, и в замечательно красивом поместье; там, наслаждаясь досугом, он проводил большую часть времени вместе с женою и детьми, которых вызвал из Коринфа. Ибо сам он на родину не вернулся, решив не вмешиваться в смуты Греции и не обрекать себя ненависти сограждан, в водоворот которой бросает почти всех полководцев чрезмерная жажда почестей и власти, но оставался в Сиракузах, вкушая плоды своих трудов, из которых самым сладким было видеть столько городов и столько десятков тысяч людей, обязанных своим благодеянием ему, Тимолеонту.

37. Но так как, по всей вероятности, не только у каждого жаворонка должен появиться хохолок (по слову Симонида), но и в каждом демократическом государстве – сикофанты-доносчики, то и Тимолеонт подвергся нападкам двух своекорыстных искателей народной благосклонности, Лафистия и Деменета. Когда первый из них, намереваясь привлечь его к суду, требовал поручительства, а народ возмущенно шумел, Тимолеонт сам не позволил согражданам мешать оратору. «Для того я и перенес добровольно столько трудов и опасностей, – сказал он, – чтобы каждый сиракузянин мог при желании пользоваться своими законными правами». Деменет выступил в Народном собрании с пространными

⁶²⁴ 38. О боги... Иль сам Эрот! – Стихи из неизвестной драмы.

⁶²⁵ 39. Автоматия – «Произвольность», богиня случайности и удачи.

обвинениями и старался очернить Тимолеонта как полководца, но тот не удостоил его ответа и лишь заметил, что благодарен богам, которые вняли его молитвам и дали ему увидеть сиракузян свободно высказывающими свое суждение.

Итак, по общему признанию, величием и красотой подвигов он превзошел всех своих современников-греков: он один преуспел в тех деяниях, к которым неизменно призывали греков софисты на всенародных празднествах, благодаря счастливой судьбе он не запятнал себя кровью в бедствиях, терзавших Грецию в древние времена, и вышел из них чистым, варварам и тираннам он дал доказательства своего мужества и грозного величия, грекам и союзникам – своей справедливости и милосердия, он поставил множество трофеев, которые не стоили гражданам ни слез, ни горя, менее чем за восемь лет он избавил Сицилию от ее застарелых, уже ставших привычными зол и недугов и, очищенную, передал прежним обитателям.

Уже в старости у него начало притупляться зрение, и вскоре он совершенно ослеп – не по собственной вине и не по буйной прихоти судьбы, но, вернее всего, вследствие какой-то врожденной болезни, с годами обострившейся. Говорят, что многие из его рода в старости постепенно теряли зрение. Афанид сообщает, что признаки слепоты у Тимолеонта появились еще во время войны с Гиппоном и Мамерком, когда он стоял под Милами, и, хотя это было заметно каждому, Тимолеонт осаду не снял, но продолжал войну до тех пор, пока не захватил обоих тираннов. Затем, вернувшись в Сиракузы, он немедленно сложил с себя верховную власть и просил сограждан освободить его от дел, приведенных ныне к счастливому завершению.

38. Не следует, пожалуй, особенно удивляться тому, как спокойно переносил Тимолеонт свое несчастье, – восхищения достойны скорее знаки почета и признательности, которые оказывали ему сиракузяне: они и сами часто посещали слепого, и приводили к нему в дом или в имение чужестранцев, проездом оказавшихся в Сиракузах, чтобы показать им своего благодетеля, который – и это было предметом особенной их гордости – пренебрег великолепным приемом, ожидавшим его в Греции, и не вернулся в Коринф, но предпочел с ними доживать свои дни. Среди многих важных постановлений и действий в его честь первое место следует отвести решению сиракузского народа всякий раз, как у них случится война с иноземцами, приглашать полководца из Коринфа. Прекрасным зрелищем, также служившим к его прославлению, бывало и обсуждение дел в Народном собрании. Вопросы маловажные сиракузяне рассматривали сами, но в сложных обстоятельствах всякий раз призывали Тимолеонта. На колеснице, запряженной парой, он проезжал через площадь к театру и в той же повозке, не поднимаясь с места, представал перед народом, который единогласно его приветствовал; ответив на приветствия и подождав, пока утихнут восхваления и славословия, он выслушивал дело и подавал свое мнение. Народ одобрял его поднятием рук, и затем служители везли колесницу через театр назад, а граждане, проводив Тимолеонта криками и рукоплесканиями, решали оставшиеся вопросы самостоятельно.

39. Так он проводил свою старость, окруженный всеобщим почетом и благожелательством, точно каждому из сиракузян приходился отцом, и умер от легкой болезни, в его преклонные годы оказавшейся, однако, смертельной. По прошествии нескольких дней, в течение которых сиракузяне успели сделать все нужные приготовления к похоронам, а соседи и чужеземцы – собраться в Сиракузы, состоялось погребение, отличавшееся пышностью и торжественностью. Избранные по жребию юноши пронесли богато украшенные носилки с телом через место, где когда-то стоял дворец Дионисия. За носилками шли десятки тысяч мужчин и женщин, все в венках и чистых, светлых одеждах⁶²⁶ – так что с виду процессия несколько напоминала праздничное шествие; горестные вопли и слезы вперемешку с похвалами покойному выражали неподдельную

---

⁶²⁶ 40. ...в... чистых, светлых одеждах... – Вместо обычных черных траурных: Тимолеонта хоронили как обожествленного.

скорбь, признательность истинной любви, и ни в какой мере не были равнодушным выполнением заранее взятых на себя обязательств. Наконец, носилки поставили на погребальный костер, и Деметрий, самый голосистый среди тогдашних глашатаев, прочитал следующее объявление: «Похороны лежащего здесь мужа – Тимолеонта, сына Тимодема, коринфянина – народ сиракузский принял на свой счет, отпустив для этой цели двести мин, и решил на вечные времена чтить его память мусическими, конными и гимнастическими состязаниями, за то что он низложил тираннов, одолел варваров, отстроил и вновь заселил главные города Сицилии и вернул сицилийцам их законы». Останки сиракузяне предали земле на площади; позже они обнесли могилу портиком, устроили в нем палестру для занятий молодежи и назвали все это место «Тимолеонтий». Сохраняя государственное устройство и законы, которые им дал Тимолеонт, они долгое время⁶²⁷ жили счастливо и безмятежно.

[Сопоставление]

40 (1). Припоминая все, изложенное выше, можно заранее утверждать, что черты несходства и различия в этом сопоставлении будут весьма немногочисленны. Оба мужа вели войну с прославленным неприятелем, один – с македонянами, другой – с карфагенянами, оба одержали блистательную победу, один – покорив Македонию и пресекши династию Антигона на седьмом от ее основателя царе, другой – искоренив тиранию по всей Сицилии и вернув острову свободу. Правда, мне могут, клянусь Зевсом, возразить, что Эмилий ударил на Персея, когда тот был полон сил и успешно действовал против римлян, тогда как Дионисий, противник Тимолеонта, был уже сломлен и находился в отчаянном положении, но с другой стороны, Тимолеонт победил многочисленных тираннов и большую карфагенскую армию, командуя наспех собранным войском, и этого нельзя не поставить ему в заслугу: ведь если Эмилий имел в своем распоряжении опытных и умеющих повиноваться солдат, то под началом Тимолеонта были наемники, распущенные, привыкшие нести службу лишь ради собственного удовольствия. А равный успех, достигнутый при неравных средствах, свидетельствует о заслугах полководца.

41 (2). Оба были справедливы и безукоризненно честны в своих действиях, но в Эмилии эти качества возникли, по-видимому, сызмальства, благодаря отеческим законам, Тимолеонт же приобрел их сам, собственными усилиями. И вот доказательство: в то время все римляне без изъятия отличались строгой воздержностью, чтили обычаи, боялись законов и уважали сограждан, а у греков, кроме Диона, нельзя назвать ни единого военачальника, который бы не испортился, ступивши на землю Сицилии; впрочем, и Диона многие подозревали в том, что он стремился к единовластию и мечтал о царстве, устроенном на спартанский лад. Тимей сообщает, что сиракузяне с позором изгнали военачальника Гилиппа, уличив его в ненасытной алчности. Многие писали о бесчинствах и коварстве спартанца Фарака и афинянина Каллиппа, надеявшихся захватить власть над Сицилией. Кто же были эти люди, питавшие столь смелые надежды, какими силами они располагали? Первый прислуживал изгнанному из Сиракуз Дионисию, а Каллипп прежде командовал отрядом наемников у Диона. Напротив, Тимолеонту, посланному с неограниченными полномочиями по неотступной просьбе самих сиракузян, не пришлось бы домогаться власти – он мог просто удержать ту, которую ему вручали добровольно; и все же одновременно с низложением незаконных правителей, он сложил с себя всякое руководство.

Среди поступков Эмилия особого восхищения заслуживает то, что покорив огромное царство, он ни единой драхмы не прибавил к своему состоянию, не пожелал ни

---

⁶²⁷ 41. ...долгое время... – около 20 лет, до 317 г., когда в Сиракузах после междоусобной борьбы к власти пришел тиранн из простонародья – Агафокл.

прикоснуться, ни даже взглянуть на захваченные сокровища, хотя щедро раздавал их другим. Я не хочу сказать, что Тимолеонт, принявший в подарок от сиракузян дом и хорошее поместье, заслуживает порицания; принимать награду за подобные деяния отнюдь не позорно, и все же лучше не принимать ничего, ибо доблесть тогда достигает своей высшей ступени, когда она ясно показывает, что даже в том, что принадлежит ей по праву, она не нуждается.

Но, как тело, легко переносящее только холод или только зной, оказывается слабее другого тела, одинаково приспособленного к любым переменам, так неодолимы силы лишь той души, которую счастье не усыпляет и не отравляет высокомерием, а горе не убивает унынием. Вот почему более совершенным нам представляется Эмилий, который в тяжком бедствии и глубочайшей скорби, потеряв сыновей, выказал ничуть не меньшее величие духа, нежели в пору удач и успехов. А Тимолеонт, хоть он и поступил благородно, не смог после смерти брата одолеть скорбь доводами рассудка, но, сломленный печалью и раскаянием, целых двадцать лет не в силах был видеть площадь и возвышение для оратора. Нет слов – позора должно избегать и стыдиться, незачем, однако, боязливо прислушиваться к любому порицанию – это свойство человека совестливого и мягкого, но не обладающего подлинным величием.

ПЕЛОПИД И МАРЦЕЛЛ

[Перевод С.П. Маркиша]

Пелопид

1. Катон Старший, услышав однажды, как хвалят человека, отличавшегося безрассудной смелостью и отвагой на войне, заметил, что совсем не одно и то же – высоко ценить доблесть и ни во что не ставить собственную жизнь, и это совершенно верно. Был, например, у Антигона воин, храбрый и решительный, но болезненного вида и слабого телосложения; царь как-то спросил его, отчего он такой бледный; тот признался, что страдает каким-то непонятным недугом. Считая своим долгом ему помочь, царь приказал врачам, если остается еще какая-то надежда, испробовать самые сильные средства, но когда этот замечательный воин был исцелен, в нем не осталось ни прежнего презрения к опасности, ни неукротимой стремительности в боях, так что Антигон, удивленный этой переменой, вызвал его к себе. А тот не стал скрывать причины и сказал: «Царь, ты сам лишил меня мужества, избавив от напастей, из-за которых я перестал было радеть о своей жизни». Мне кажется, то же имел в виду и некий житель Сибариса⁶²⁸, сказав о спартанцах, что они не совершают ничего великого, охотно идя в битвах навстречу смерти, которая избавит их от бесчисленных трудов и столь сурового уклада жизни. Впрочем, вполне понятно, что сибаритам, вконец изнеженным и испорченным роскошью, казалось, будто люди, которые из стремления к прекрасному и из благородного честолюбия не страшатся смерти, ненавидят жизнь; но лакедемонянам одна и та же доблесть давала силы и радостно жить и умирать радостно, как явствует из погребальной песни, гласящей, что

Благо – не жизнь и не смерть; они умерли, благом считая
Доблестно жизнь провести, доблестно встретить конец.

---

⁶²⁸ 1. ...житель Сибариса ... – Этот итальянский город славился роскошной жизнью своих обитателей («сибаритов»), имя которых вошло в пословицу. Город был razoren соседним Кротонем, и потом на его месте были выстроены Фурии.

Нет ничего постыдного в том, чтобы бежать от гибели, если только не стараешься спасти свою жизнь бесчестными средствами, равно как нет и ничего хорошего в том, чтобы спокойно встретить смерть, если это сочетается с презрением к жизни. Вот почему Гомер самых неустрашимых и воинственных мужи всегда выводит в бой хорошо и надежно вооруженными, а греческие законодатели карают того, кто бросит свой щит, а не меч или копье, желая этим указать, что каждому (а главе государства или войска – в особенности) надлежит раньше подумать о том, как избежать гибели самому, нежели о том, как погубить врага.

2. Если, по мысли Ификрата, легковооруженные пехотинцы подобны рукам, конница – ногам, основной строй – туловищу, а полководец – голове, то разве не верно, что, действуя дерзко и безрассудно, последний выказывает пренебрежение не только к самому себе, но и ко всем, чье спасение зависит от него? И наоборот? Вот почему Калликратид, как ни велик он был, а все же дурно ответил прорицателю: тот просил его остерегаться – внутренности жертвы явно предсказывали ему гибель, но Калликратид заявил, что один человек не решает судьбы Спарты. Разумеется, сражаясь на суше или на море, участвуя в походе, Калликратид, действительно, был «одним человеком», но командуя войском, он в себе одном соединял силу всех: тот, с кем вместе погибло такое множество людей, уже не был «одним». Удачнее выразился Антигон, в ту пору уже старик, перед морской битвой при Андросе, когда кто-то сказал ему, что у противника гораздо больше кораблей. «А за сколько кораблей ты намерен считать меня?» – спросил Антигон, по справедливости высоко ценя соединенное с опытом и мужеством достоинство полководца, первая обязанность которого – оберегать того, кто должен сберечь всех остальных. И правильно возразил Тимофей Харету, выставлявшему напоказ перед афинянами шрамы и пробитый копьем щит: «А мне, – заметил он, – было очень стыдно, когда во время осады Самоса подле меня упал дротик: я понял, что веду себя легкомысленнее, чем подобает стратегу и командующему таким войском». Если полководец, рискуя собой, может решить исход всей войны, пусть не щадит ни сил, ни самой жизни, забыв о тех, кто утверждает, будто настоящий полководец должен умереть от старости или, по крайней мере, под старость. Но если счастливый оборот событий улучшит положение лишь незначительно, тогда как несчастливый может погубить все, никто не станет требовать, чтобы дело простого воина с опасностью для себя выполнял полководец.

Вот какие соображения пришло мне на мысль предпослать жизнеописаниям Пелопида и Марцелла – великих людей, павших по вине собственной опрометчивости. Оба были прекрасными воинами, каждый прославил свое отечество на редкость искусным ведением войны, к тому же оба одолели невероятно опасного врага (Марцелл нанес поражение Ганнибалу, до тех пор, как говорят, непобедимому, а Пелопид в открытом бою разгромил лакедемонян, первенствовавших на суше и на море) – и оба не пощадили себя и совершенно безрассудно пожертвовали жизнью как раз в ту пору, когда острее всего была потребность в таких людях и в их руководстве. Следуя этим чертам сходства, мы и решили сравнить их жизнеописания.

3. Род Пелопида, сына Гиппокла, был, как и род Эпаминонда, знаменит в Фивах. Воспитанный в полном достатке и еще совсем молодым получив завидное наследство, он старался помогать беднякам, достойным его помощи, чтобы оказать себя истинным хозяином своих денег, а не их рабом. В большинстве случаев, как говорит Аристотель, люди, по мелочности, либо не делают никакого употребления из своего богатства, либо, по расточительности, злоупотребляют им, и первые – вечные рабы забот, а вторые – наслаждений. Все прочие с благодарностью пользовались щедростью и человеколюбием Пелопида, и лишь одного из друзей – Эпаминонда – он не в силах был убедить принять в подарок жоть малую толику его богатства. Напротив, он сам разделял с Эпаминондом его бедность, гордясь простотою своего платья, скромностью стола, неутомимостью в трудах и

прямодушием на войне (словно Капаней у Эврипида⁶²⁹, владевший многим, но менее всего кичившийся обилием благ) и полагая постыдным для себя, если бы оказалось, что он заботится о своем теле больше, нежели самый неимущий среди фиванцев. Но Эпаминонд привычную, перешедшую к нему от родителей бедность сделал для себя еще более легкой и необременительной, занимаясь философией и с самого начала избрав жизнь в одиночестве, а Пелопид, несмотря на завидный брак, несмотря на то, что стал отцом, расстроил свое состояние, совсем не заботясь о собственных делах и отдавая все свое время делам государственным. Когда же друзья пытались увещевать его, говоря, что деньги иметь необходимо и забывать об этом не следует, он ответил: «Да, необходимо, клянусь Зевсом, но разве что вон тому Никодему», – и указал на какого-то слепого и хромого калеку.

4. Оба были превосходно одарены от природы, но Пелопид питал большую склонность к телесным упражнениям, а Эпаминонд к наукам, и первый проводил досуг в палестре и на охоте, а второй – слушая философов и размышляя над услышанным. Однако среди многих присущих им добрых и достойных всяческих похвал качеств ни одно люди рассудительные не ставят выше их взаимной приязни и дружбы, которая оставалась непоколебимой с начала до самого конца, пройдя через все битвы, через все труды командования и государственного правления. Если оглянуться на времена Аристиды и Фемистокла, Кимона и Перикла, Никия и Алкивиада и вспомнить, каких раздоров, злобы и зависти была исполнена их совместная деятельность, а затем снова посмотреть на любовь и уважение Пелопида к Эпаминонду, всякий справедливый человек скорее их назовет товарищами по должности, чем тех, которые беспрерывно враждовали, забывая о неприятеле и больше думая о том, как бы одолеть друг друга. Истинная причина этого – нравственная доблесть обоих, благодаря которой они не искали в службе отечеству ни славы, ни богатства, неизменно порождающих жестокую, неукротимую зависть, но, с самого начала одушевляемые божественной любовью к родине и желанием увидеть ее возведенной их трудами на вершину почета и могущества, и тот и другой в любом успехе товарища, направленном к этой цели, видели свой собственный успех.

Большинство полагает, что их неразрывная дружба началась при Мантинее⁶³⁰, где оба сражались в рядах вспомогательного войска, посланного фиванцами лакедемонянам, тогдашним их друзьям и союзникам. Стоя плечом к плечу в строю гоплитов, они бились с аркадянами, а когда соседнее с фиванцами крыло лакедемонян дрогнуло и большая их часть обратилась в бегство, они сомкнули щиты и продолжали защищаться. Пелопид, получив семь ран в грудь и лицо, рухнул на груды трупов своих и вражеских воинов, а Эпаминонд, хоть и считал его раненым смертельно, шагнув вперед, закрыл неприятелю путь к телу и доспехам товарища, один сдерживая целую толпу и твердо решившись скорее умереть, чем оставить поверженного Пелопида. Уже и ему самому приходилось совсем плохо (он был ранен копьем в грудь и мечом в руку), когда с другого крыла подоспел на помощь спартанский царь Агесиполид и вопреки всем ожиданиям спас обоих.

5. В дальнейшем спартанцы соблюдали видимость дружбы и союза с Фивами, но на деле с подозрением следили за намерениями этого города и его мощью, а в особенности – за дружеским сообществом Исмения и Андроклида, в котором участвовал и Пелопид и которое считалось свободолюбивым и приверженным демократии. И вот Архий, Леонтид и Филипп, сторонники олигархии, люди богатые и высокомерные, убеждают спартанца Фебида, который в ту пору проходил с войском через Беотию, неожиданно захватить Кадмею⁶³¹, изгнать из города их противников и подчинить его Спарте, установив власть немногих. Тот

⁶²⁹ 2. *Капаней у Эврипида* – «Просительницы», 861 сл., об одном из героев похода Семерых против Фив.

⁶³⁰ 3. *...при Мантинее ...* – В походе 386 г. во время Коринфской войны.

⁶³¹ 4. *Кадмея* – фиванский акрополь.

соглашается и, напав на фиванцев, безмятежно справлявших Фесмофории⁶³², овладевает крепостью; Исмений был схвачен, доставлен в Лакедемон и в скором времени убит; Пелопид, Ференик и Андроклид, бежавшие с многочисленными единомышленниками, были объявлены изгнанниками; Эпаминонд же остался на родине – враги смотрели на него с презрением, уверенные, что занятия философией превратили его в бездельника, а бедность – в ничтожество.

6. Спартанцы отрешили Фебида от командования и присудили его к штрафу в сто тысяч драхм, но свой отряд в Кадмее оставили, и все прочие греки дивились нелепости этого постановления: виновника наказывают, а вину виною не признают. У фиванцев же, лишившихся своего исконного государственного устройства и попавших в рабство к Архию и Леонтиду, не осталось ни малейшей надежды избавиться от тирании, которая, как они видели, держалась силою спартанского владычества в Греции и не могла быть свергнута до тех пор, пока не придет конец господству лакедемонян на суше и на море. Тем не менее Леонтид, узнав, что беглецы, поселившись в Афинах, стяжали любовь простого народа и уважение лучших граждан, принялся тайно злоумышлять против них: подсланные им люди, которые были незнакомы изгнанникам, коварно убили Андроклида и неудачно покушались на жизнь остальных. От лакедемонян к афинянам пришло послание, сообщавшее, что фиванские беглецы объявлены общими врагами союзников, и потому предписывавшие не принимать их и вообще никак не поддерживать, но гнать без пощады. Однако афиняне не причинили фиванцам ни малейшей обиды: к их врожденному и унаследованному от предков человеколюбию присоединилось желание отблагодарить фиванцев, которые в свое время⁶³³ больше всех способствовали возвращению афинских демократов домой, приняв постановление, чтобы, если кто из афинян станет доставлять через Беотию оружие для борьбы с тираннами, ни один фиванец этого не замечал, но всякий бы зажмурился и затыкал уши.

7. Хотя Пелопид был в числе самых младших, он призывал к действию не только каждого из изгнанников в отдельности, но обращался с речами и ко всем вместе, говоря, что позорно и нечестно глядеть равнодушно на то, как отечество терпит рабство и чужеземных стражей, радоваться лишь собственному спасению и безопасности, подчиняться постановлениям, принятым в Афинах, и без конца угождать ораторам – любимцам толпы; надо решиться на великое дело и, взяв за образец отвагу и мужество Фрасибула, подобно тому как некогда он, выйдя из Фив, сверг тираннов в Афинах, ныне, двинувшись из Афин, освободить Фивы. Наконец доводы Пелопида их убедили, и они тайно известили о своем плане друзей, остававшихся в Фивах. Те одобрили его, и Харон, самый знатный среди них, согласился предоставить в распоряжение заговорщиков свой дом, а Филлид добился назначения на должность писца при полемархах⁶³⁴ Архии и Филиппе. Что касается Эпаминонда, то он уже давно внушал молодежи уверенность в себе: в гимназиях он постоянно советовал юношам вызывать на борьбу спартанцев, а потом, видя, что они гордятся своей силой и своими победами, стыдил их, твердя, что нечему тут радоваться, раз они по собственному малодушию находятся в рабстве у тех, кого настолько превосходят силою.

8. Когда день для выступления был назначен, изгнанники решили, что соберутся под командованием Ференика в Фриасии⁶³⁵ и будут там ждать, а несколько самых молодых

⁶³² 5. *Фесмофории* – женский праздник в честь Деметры-Законодательницы, справлявшийся в Фивах летом.

⁶³³ 6. ...в свое время ... – Во время тирании Тридцати в Афинах (404—403 гг.) Фивы предоставили убежище Фрасибулу и его друзьям-демократам.

⁶³⁴ 7. *Полемархи* – три высшие выборные должностные лица в Фивах.

⁶³⁵ 8. *Фриасии* – часть элевсинской равнины, Киферонскими горами отделенной от Беотии.

попытаются проникнуть в город, и если с ними случится что-нибудь неладное, оставшиеся позаботятся о том, чтобы ни дети их, ни родители не терпели нужды. Первым вызвался идти Пелопид, за ним Мелон, Дамоклид и Феопомп – все люди из лучших фиванских домов, связанные верною дружбой, но постоянные соперники в славе и мужестве. Всего набралось двенадцать человек; попрощавшись с товарищами и отправив гонца к Харону, они двинулись в путь, накинув на плечи короткие плащи, захватив с собой охотничьих собак и шести для сетей, чтобы никто из встречаемых ни в чем их не заподозрил и они казались бы праздными гуляками, вышедшими побродить и поохотиться. Когда гонец прибыл к Харону и сообщил, что пославшие его уже в дороге, тот даже в виду надвигающейся опасности не отказался от прежнего образа мыслей, но, как человек благородный, подтвердил свое намерение принять их у себя. Но некий Гиппосфенид, человек тоже не плохой, напротив, питавший любовь к отечеству и расположенный к изгнанникам, однако чуждый той отваге, которой требовали острота сложившихся обстоятельств и предстоящие решительные действия, как бы замер в смущении пред величием готовой вспыхнуть борьбы, только тогда, наконец, сообразив, что он и его единомышленники, поверив беспочвенным чаяниям изгнанников, пытаются в какой-то мере поколебать власть лакедемонян и ниспровергнуть их могущество. Он молча отправляется домой и посылает одного из своих друзей к Мелону и Пелопиду, советуя им отложить начатое дело и, вернувшись в Афины, ждать другого, более благоприятного случая. Имя этого посланца было Хлидон; он бегом бросился домой и, выведя коня, попросил жену подать ему уздечку. Та не могла ее фазу найти и, не зная, что делать, сказала, что одолжила уздечку кому-то из близких; между ними началась перебранка, потом дошло до проклятий, и жена пожелала дурного пути и ему самому и тем, кто его послал, так что Хлидон, убивший на эту ссору значительную часть дня и сочтя случившееся злым предзнаменованием, в ярости вовсе отказывается от поездки и берется за какое-то другое дело. Так величайшие и прекраснейшие деяния едва-едва не потерпели крушения в самом начале.

9. Пелопид и его спутники, переодетые в крестьянское платье, порознь, с разных сторон, проникли в город еще при свете дня; погода вдруг изменилась, задул ветер, повалил снег, и так как большинство горожан разбежалось по домам, прячась от ненастья, тем легче было изгнанникам остаться незамеченными. Особо назначенные люди, которые должны были следить за тем, как идет дело, встречали их и немедленно отводили в дом Харона. Всего вместе с прибывшими набралось сорок восемь человек.

Что касается тираннов, то писец Филлид, который, как уже говорилось, участвовал в заговоре и во всем содействовал беглецам, уже давно назначил на этот день пирушку с вином и разгульными женщинами и пригласил Архия с товарищами, чтобы предать их в руки врагов совсем пьяными и обессиленными от наслаждений. Не успели еще те захмелеть, как получили донесение – не ложное, правда, но непроверенное и недостаточно надежное – о том, что изгнанники скрываются в городе. Филлид пытался переменить предмет разговора, но Архий отправил за Хароном одного из служителей с приказом явиться немедленно. Наступил вечер, и Пелопид с товарищами, уже облеченные в панцири, с мечами в руках, готовились к бою. Неожиданно раздался стук, кто-то побежал к дверям и, узнав от служителя, что Харона вызывают к себе полемархи, в смнении сообщил эту новость. И всем сразу же пришла одна мысль – заговор раскрыт, теперь все они погибнут, так и не свершив ничего достойного их доблести. Тем не менее было решено, что Харон подчинится и как ни в чем не бывало предстанет перед властью. Это был храбрый человек, сохранявший присутствие духа в самых грозных обстоятельствах, но тут он испугался за своих гостей и испытывал мучительную тревогу, как бы в случае гибели столь многих и столь именитых граждан на него не пало подозрение в предательстве. И вот, перед тем как уйти, он отправился на женскую половину, взял сына, еще мальчика, но красотой и силой превосходившего всех своих сверстников, и привел его к Пелопиду, прося не щадить его и

предать смерти как врага, если обнаружится хоть малейшее коварство или предательство со стороны отца. Волнение Харона и его благородство вызвали слезы на глазах у многих, и все с негодованием отвергли его предположение, будто кто-то из них настолько низок душой или настолько испуган случившимся, чтобы подозревать своего хозяина или вообще в чем бы то ни было обвинять его. Они убеждали Харона не вмешивать в их дела сына, не ставить его на пути надвигающихся бедствий, чтобы, благополучно избегнув рук тираннов, он вырос мстителем за родной город и за своих друзей. Но тот заявил, что мальчик останется с ними. «Какая жизнь, – спросил он, – какое спасение могут быть для него прекраснее, нежели эта ничем не запятнанная кончина вместе с отцом и многочисленными друзьями?» Помолвившись богам, простившись со всеми и несколько их ободривши, он ушел, весь углубившись в самого себя и думая лишь о том, как бы ни выражением лица, ни звуком голоса не выдать истинных своих намерений.

10. Едва он показался в дверях, к нему подошли Архий и Филлид, и Архий сказал: «Харон, я слышал, что какие-то люди пробрались в город и прячутся здесь, а кое-кто из граждан им помогает». Сначала Харон оторопел, но затем, спросивши, кто эти люди и кто их прячет, и видя, что Архий не может ответить ничего определенного, сообразил, что доносчик сам ничего толком не знал. «Смотрите, – заметил он, – как бы не оказалось, что вас переполошил пустой слух. Впрочем, расследуем: от таких сообщений, пожалуй, нельзя отмахиваться». Филлид, присутствовавший при этом разговоре, одобрил слова Харона и, уведя Архия назад, снова налил ему полную чашу несмешанного вина, продливши попойку надеждами на скорое появление женщин.

Вернувшись к себе и найдя заговорщиков в боевой готовности, – не на победу или спасение рассчитывали они, но решились со славой умереть, уведя за собой как можно больше врагов, – Харон открыл правду только изгнанникам, остальным же передал вымышленный разговор с Архием о каких-то совсем посторонних вещах.

Не успела миновать эта буря, как судьба уже обрушила на них другую. Из Афин от верховного жреца Архия к Архию Беотийскому, его тезке, гостеприимцу и другу, прибыл человек с письмом, в котором, как выяснилось позже, содержались уже не пустые, безосновательные подозрения, но подробный рассказ обо всем происшедшем. Гонца сразу привели к пьяному Архию, и, протянув письмо, он сказал: «Тот, кто это послал, очень просил тебя прочесть немедленно: здесь написано о делах чрезвычайной важности». Архий же, улыбнувшись, ответил: «Важные дела отложим до завтра». И, приняв письмо, сунул его под подушку, а сам вернулся к прерванному разговору с Филлидом. Эти его слова вошли в пословицу, которая еще и по сию пору в употреблении у греков.

11. Решив, что час настал, заговорщики вышли из дома, разделившись на два отряда: одни, во главе с Пелопидом и Дамоклидом, должны были совершить нападение на Леонтида и Гипата, живших неподалеку друг от друга, а на Архия и Филиппа двинулись Харон и Мелон. Эти последние со своими людьми накинули поверх панцирей женское платье, на головы надели венки из еловых и сосновых ветвей, бросавшие на лицо густую тень, и потому в первое мгновение, когда они остановились в дверях залы, среди пирующих, решивших, что это пришли женщины, которых уже давно ждали, послышались рукоплескания и крики одобрения. Но когда, тщательно оглядевшись и узнав каждого из возлежавших в лицо, пришельцы обнажили мечи и бросились, опрокидывая столы, на Архия и Филиппа, открылось, кто это такие. Лишь немногих гостей Филлид убедил соблюдать спокойствие, остальные вскочили со своих мест и вместе с полемархами пытались защищаться, однако умертвить пьяных не составило особого труда.

Пелопиду же и его людям выпала задача гораздо более трудная. Они выступили против Леонтида – противника грозного и трезвого; двери дома были заперты, хозяин уже спал, и на их стук долго никто не откликнулся. Наконец кто-то из слуг, услышав шум, вышел и отодвинул засов; едва только двери подались и приоткрылись, они ринулись все разом вперед, сбили раба с ног и помчались в спальню. Леонтид, по крикам и топоту ног догадавшийся, что происходит, выхватил кинжал, и, если бы он не упустил из виду погасить

светильник, мрак привел бы нападавших в полное замешательство. Но, отчетливо видимый в ярком свете, он бросился навстречу им к двери спальни, одним ударом уложил Кефисодора – первого, кто переступил порог, а когда тот упал, схватился со вторым – Пелопидом. Теснота дверного прохода и труп Кефисодора под ногами затрудняли и осложняли бой. Наконец Пелопид одержал верх и, прикончив Леонтида, поспешил вместе с товарищами к Гипату. Подобным же образом они силой ворвались в дом; на этот раз хозяин скорее узнал об их прибытии и кинулся было к соседям, но враги, не теряя ни мгновения, погнались за ним, схватили и убили.

12. Благополучно завершив начатое и соединившись с отрядом Мелона, они послали в Аттику за оставшимися там изгнанниками и стали призывать граждан вернуть себе свободу; присоединявшихся к ним они вооружали, забирая развешанные в портиках доспехи, некогда снятые фиванцами с убитых врагов, и взламывая находившиеся поблизости от дома копейные и мечные мастерские. На помощь к ним подоспели Эпаминонд и Горгид, окруженные немалым числом молодых людей и людей постарше из самых крепких; все были с оружием в руках. Город пришел в волнение, поднялась страшная сумятица, повсюду засветились огни, люди забегали из дома в дом; но народ еще не собирался – потрясенные случившимся, ничего толком не зная, фиванцы ждали рассвета. И тут спартанские начальники, по общему суждению, совершили ошибку: им следовало сразу же сделать вылазку и напасть первыми – ведь их отряд насчитывал около полутора тысяч воинов, да еще из города к ним сбегалось много людей, – но крик, и пламя, и огромные толпы, стекающиеся отовсюду, испугали их, и они остались на месте, в Кадмее. С наступлением дня из Аттики прибыли вооруженные изгнанники, и открылось Народное собрание. Эпаминонд и Горгид ввели Пелопида с товарищами, сопровождаемых жрецами, которые несли священные венки и, простирая к согражданам руки, призывали их постоять за отечество и за своих богов. Собрание же, рукоплеща, поднялось и встретило этих мужей радостными криками, видя в них своих благодетелей и спасителей.

13. Вслед за тем Пелопид, избранный беотархом⁶³⁶ вместе с Мелоном и Хароном, приказывает немедленно окружить крепость кольцом укреплений и начать приступ со всех сторон одновременно, спеша изгнать лакедемонян и очистить Кадмею до того, как подойдет войско из Спарты. И он торопился не напрасно: спартанцы, беспрепятственно покинув Беотию⁶³⁷ согласно заключенному договору, уже в Мегарах встретились с Клеомбротом, который во главе большого войска двигался к Фивам. Из трех наместников, правивших Фивами, двоих – Гериппида и Аркисса – лакедемоняне приговорили к смерти, а третий, Лисанорид, заплатил огромный штраф и покинул Пелопоннес.

Этот подвиг и подвиг Фрасибула греки называли «братями», имея в виду удивительно сходные в обоих случаях храбрость участников, опасности, которые им грозили, остроту борьбы и, наконец, благосклонность судьбы. Трудно назвать другой пример, когда бы горстка людей, лишенных всякой помощи и поддержки, благодаря лишь природной отваге, одолела противника, настолько превосходящего их числом и силою, оказав неоценимые услуги отечеству. Но подвиг Пелопида делает особенно славным последовавшая за ним перемена обстоятельств. Война, разрушившая величие Спарты и покончившая с господством лакедемонян на суше и на море, началась с той ночи, когда Пелопид, не захватив ни единого караульного поста, не овладевши ни стеною, ни крепостью, но просто явившись с одиннадцатью товарищами в частный дом, расторг и разбил (если воспользоваться образным выражением для описания истинных событий) узы лакедемонского владычества,

---

⁶³⁶ 9. *Беотархи* – политические и военные руководители Беотийского союза, переизбиравшиеся ежегодно; число их колебалось (7—11).

⁶³⁷ 10. *...покинув Беотию ...* – По договору Фебида с демократами, спартанский гарнизон освободил Кадмею, но был выпущен с оружием и невредимо.

считавшиеся нерасторжимыми и несокрушимыми.

14. Итак, когда большая спартанская армия вторглась в Беотию, уstraшенные афиняне отказались от союза с Фивами и, привлекая к суду всех, кто держал сторону беотийцев, одних казнили, других отправили в изгнание, третьих подвергли денежным штрафам. Положение фиванцев, оставшихся в полном одиночестве, казалось крайне затруднительным, и Пелопид с Горгидом, тогдашние беотархи, задумали снова поссорить Афины со Спартой при помощи вот какой хитрости. Спартанец Сфодрий, прекрасный воин, но человек легкомысленный, исполненный несбыточных надежд и неразумного честолюбия, был оставлен с отрядом возле Феспий, чтобы встречать и брать под защиту тех, кто пожелает бежать от фиванцев. Пелопид частным образом подослал к нему одного купца, своего друга, с деньгами и устным предложением, – оно соблазнило Сфодрия больше, чем деньги, – попытать удачи в деле более значительном, нежели то, что ему поручено, и, неожиданно напав на беспечных афинян, отбить у них Пирей. Ведь ничто не доставит спартам такой радости, как захват Афин, а фиванцы обижены на афинян, считают их предателями и помогать им не станут. Сфодрий в конце концов согласился и однажды ночью вторгся со своими воинами в пределы Аттики. Он дошел до Элевсина, но здесь воины испугались, и, видя свой замысел раскрытым, он повернул назад, ставши виновником нешуточной и нелегкой для Спарты войны.

15. После этого афиняне с величайшей охотой снова заключили союз с фиванцами и, домогаясь господства на море, разъезжали повсюду, привлекая на свою сторону склонных к отпадению греков. А между тем в Беотии фиванцы при всяком удобном случае вступали в столкновения с лакедемонянами и завязывали бои, сами по себе незначительные, но оказавшиеся отличным упражнением и подготовкой, и благодаря этому воспрянули духом и закалились телом, приобретя в борьбе опыт, воинский навык и уверенность в своих силах. Вот почему, как рассказывают, спартанец Анталкид заметил Агесилаю, когда тот вернулся из Беотии раненый: «Да, недурно заплатили тебе фиванцы за то, что, вопреки их желанию, ты выучил их воевать и сражаться». Но, по сути дела, учителем был не Агесилай, а те, кто своевременно, разумно и умело, точно щенков, напускали фиванцев на противника, а затем благополучно отводили назад, дав насладиться вкусом победы и уверенности в себе. Среди этих людей самым знаменитым был Пелопид. С тех пор как он впервые стал командующим, каждый год, до самой смерти, его неукоснительно избирали на высшие должности и он был то предводителем священного отряда, то – чаще всего – беотархом.

Спартанцы были разбиты и бежали при Платеях и Феспии, где среди прочих погиб Фебид, захвативший Кадмею; значительные силы их Пелопид обратил в бегство и при Танагре – там он убил гармоста⁶³⁸ Панфоида. Эти сражения, разумеется, придавали победителям мужества и отваги, однако и побежденные не до конца пали духом: ведь настоящих битв, когда войска открыто выстраиваются в правильные боевые линии, еще не было, но фиванцы достигали успеха в коротких и стремительных вылазках, то отступая, то сами начиная бой и преследуя неприятеля.

16. Тем не менее дело под Тегирами, явившееся в какой-то мере приготовлением к Левктрам, доставило Пелопиду громкую известность, поскольку товарищи по командованию не могли оспаривать у него честь победы, а враги – хоть чем-нибудь оправдать свое поражение. Вот как это было. Замыслив овладеть городом Орхоменом, который принял сторону Спарты и в интересах собственной безопасности впусав к себе две моры⁶³⁹ лакедемонян, Пелопид выжидал удобного случая. До него доходит известие, что гарнизон двинулся походом в Локриду, и, надеясь взять Орхомен голыми руками, он выступил со

⁶³⁸ 11. *Гармост* («устроитель») – так назывались представители Спарты и начальники спартанских гарнизонов в греческих городах после Пелопоннесской войны.

⁶³⁹ 12. *Мора* – спартанская военная единица численностью от 400 до 900 человек.

священным отрядом и немногочисленной конницей. Но, приблизившись к городу, Пелопид узнал, что гарнизон сменили прибывшие из Спарты части, и повел своих людей назад кружной дорогой, предгорьями, через Тегиры – другого пути не было, так как река Мелан начиная от самых истоков разливается глубокими болотами и озерами, делая непроходимой всю долину.

Подле самого болота стоит маленький храм Аполлона Тегирского с оракулом, который пришел в упадок сравнительно недавно, а до Персидских войн даже процветал – при жреце Эхекрате, обладавшем даром прорицания. Здесь, по преданию, бог появился на свет. Ближайшая гора называется Делос, и у ее подножия останавливаются разлившиеся воды Мелана. Позади храма бьют два ключа, изобилующие удивительно холодной и сладкой водой; один из них мы до сего дня зовем «Пальмой», а другой «Маслиной», словно богиня разрешилась от бремени не меж двух деревьев, а меж двух ручьев, Рядом и Птой, где, как передают, внезапно появился вепрь, испугавший Латону, и места, связывающие рассказы о Пифоне и Титии с рождением бога. Однако большую часть относящихся к этому доказательств я опускаю. Ведь от предков мы знаем, что Аполлон не принадлежит к числу тех божеств, что были рождены смертными, но потом, претерпев превращение, сделались бессмертны, как Геракл и Дионис, сбросившие с себя, благодаря своей доблести, все, что подвержено страданию и смерти; нет, он один из вечных и нерожденных богов, если только следует полагаться в столь важных вопросах на слова самых разумных и самых древних писателей.

17. И вот у Тегир фиванцы, отступавшие от Орхомена, встретились с лакедемонянами, которые двигались им навстречу, возвращаясь из Локриды. Как только они показались впереди, в горловине ущелья, кто-то подбежал к Пелопиду и крикнул: «Мы наткнулись на противника!» «Что ты, – ответил тот, – скорее противник – на нас», – и тут же приказал всадникам, которые находились в хвосте колонны, выдвинуться и первыми напасть на врага, а сам, оставшись с гоплитами (их было триста человек), велел теснее сомкнуть ряды, надеясь, что так, где бы он ни ударил, ему удастся прорвать строй неприятелей, превосходивших фиванцев числом: в спартанском отряде было две моры, а мора – это пятьсот воинов, как утверждает Эфор, или семьсот, по мнению Каллисфена, или даже, – по словам других авторов, в том числе и Полибия, – девятьсот. Полемархи Горголеон и Феопомп, не задумываясь, бросились на фиванцев. Натиск с обеих сторон был устремлен главным образом туда, где находились полководцы, и потому, после жестокой схватки, первыми пали спартанские полемархи, вступившие в бой с Пелопидом, а затем и окружавшие их воины погибли под мечами врага, и тут лакедемонян обуял такой страх, что они расступились, освобождая фиванцам дорогу и словно предоставляя им следовать дальше своим путем. Но Пелопид, пренебрегши этой возможностью, ринулся со своими людьми на сгрудившихся спартанцев и, истребляя всех подряд, обратил противника в беспорядочное бегство. Далеко преследовать бегущих фиванцы не решились, опасаясь как жителей Орхомена, находившегося поблизости, так и стоявшего там свежего спартанского гарнизона; тем не менее они одержали решительную победу, пробившись сквозь вражеский отряд и разгромив его наголову. Итак, воздвигнув трофей и снявши доспехи с убитых, они с гордостью вернулись домой.

До тех пор ни в одной из многочисленных войн с греками и варварами спартанцы ни разу не терпели поражений, обладая численным преимуществом или даже равными с неприятелем силами. Отсюда их уверенность в собственной неодолимости; когда дело доходило до битвы: их слава сама по себе уже нагоняла ужас, ибо никто не осмеливался считать себя равным спартанцам при равном количестве воинов. Тегирское сражение впервые доказало остальным грекам, что не только Эврот и место меж Бабиками и Кнакионом⁶⁴⁰ рождают доблестных и воинственных мужей, но что всякая страна, где

⁶⁴⁰ 13. ...Эврот и место меж Бабиками и Кнакионом ... – Т.е. Спарта: Бабиками назывался мост через Эврот, а Кнакионом – ручей, впадающий в Эврот.

юноши с малолетства приучаются стыдиться позора, ревностно домогаться доброй славы и сильнее страшиться хулы, нежели опасностей, – чрезвычайно грозный противник.

18. Священный отряд, как рассказывают, впервые был создан Горгидом: в него входили триста отборных мужей, получавших от города все необходимое для их обучения и содержания и стоявших лагерем в Кадмее; по этой причине они носили имя «городского отряда», так как в ту пору крепость обычно называли «городом». Некоторые утверждают, что отряд был составлен из любовников и возлюбленных. Сохранилось шутовское изречение Паммена, который говорил, что гомеровский Нестор оказал себя неискусным полководцем, требуя, чтобы греки соединялись для боя по коленам и племенам:

Пусть помогает колену колено и племени племя⁶⁴¹, —

вместо того, чтобы поставить любовника рядом с возлюбленным. Ведь родичи и единоплеменники мало тревожатся друг о друге в беде, тогда как строй, сплоченный взаимной любовью, нерасторжим и несокрушим, поскольку любящие, стыдясь обнаружить свою трусость, в случае опасности неизменно остаются друг подле друга. И это не удивительно, если вспомнить, что такие люди даже перед отсутствующим любимым страшатся опозориться в большей мере, нежели перед чужим человеком, находящимся рядом, – как, например, тот раненый воин, который, видя, что враг готов его добить, молил: «Рази в грудь, чтобы моему возлюбленному не пришлось краснеть, видя меня убитым ударом в спину». Говорят, что Иолай, возлюбленный Геракла, помогал ему в трудах и битвах. Аристотель сообщает, что даже в его время влюбленные перед могилой Иолая приносили друг другу клятву в верности. Вполне возможно, что отряд получил наименование «священного» по той же причине, по какой Платон⁶⁴² зовет любовника «боговдохновенным другом». Существует рассказ, что вплоть до битвы при Херонее он оставался непобедимым; когда же после битвы Филипп, осматривая трупы, оказался на том месте, где в полном вооружении, грудью встретив удары македонских копий, лежали все триста мужей, и на его вопрос ему ответили, что это отряд любовников и возлюбленных, он заплакал и промолвил: «Да погибнут злою смертью подозревающие их в том, что они были виновниками или соучастниками чего бы то ни было позорного».

19. Впрочем, поэты неправы, утверждая, будто начало этим любовным связям среди фиванцев положила страсть Лая⁶⁴³; на самом деле волею законодателей, желавших с детства ослабить и смягчить их природную горячность и необузданность, все игры и занятия мальчиков постоянно сопровождалось звуками флейты, которой было отведено почетное первое место, а в палестрах воспитывалось ясное и светлое чувство любви, умиротворявшее нравы молодежи и вносившее в них умеренность. И совершенно правильно фиванцы считают жительницей своего города богиню, родившуюся, как говорят, от Ареса и Афродиты⁶⁴⁴, ибо где боевой и воинственный дух теснее всего связан с искусством убеждения, прелестью и красотой, там, благодаря гармонии, из всех многообразных частей возникает самое стройное и самое благовидное государство.

Бойцов, священного отряда Горгид распределял по всему строю гоплитов, ставя их в

⁶⁴¹ 14. Пусть помогает колену колено и племени племя... – «Илиада», II, 363.

⁶⁴² 15. Платон – См.: «Федр», 255в.

⁶⁴³ 16. ...*страсть Лая* ... – Фиванский царь Лай влюбился в Хрисиппа, сына Пелопа, и похитил его; именно за это, по моралистической версии мифа, он был наказан смертью от руки неузнанного своего сына Эдипа.

⁶⁴⁴ 17. ...*от Ареса и Афродиты* ... – Богиня Гармония, жена Кадма, основателя Кадмеи.

первых рядах; таким образом доблесть этих людей не особенно бросалась в глаза, а их мощь не была направлена на исполнение определенного задания, поскольку они были разъединены и по большей части смешаны с воинами похуже и послабее. Лишь Пелопид, после того как они столь блистательно отличились при Тегирах, сражаясь у него на глазах, больше не разделял и не расчленял их, но использовал как единое целое, посылая вперед в самые опасные и решительные минуты боя. Подобно тому, как кони, запряженные в колесницу, бегут быстрее, нежели поодиночке, – не потому, что общими усилиями они легче рассекают воздух, но потому, что их разжигает соревнование и соперничество друг с другом, – так, полагал он, храбрые люди, внушая друг другу рвение к славе и подвигам, оказываются особенно пригодны и полезны для совместных действий.

20. Лакедемоняне, заключив мир со всеми греками, продолжали вести войну против одних только фиванцев; царь Клеомброт с десятью тысячами гоплитов и тысячей всадников вторгся в их пределы, и теперь над фиванцами нависла опасность много страшнее прежней – враги открыто и недвусмысленно грозили им изгнанием из отечества, и небывалый страх охватил всю Беотию. В эту пору жена со слезами провожала Пелопида из дома, и в ответ на ее просьбы беречь себя он сказал: «Жена, это добрый совет для простого солдата, полководцу же надлежит думать о том, как сберечь других». Прибыв в лагерь и не найдя единомышленников среди беотархов, он первым поделился мнением Эпаминонда, предлагавшего дать врагу сражение (сам он не был назначен беотархом, но командовал священным отрядом и пользовался доверием, какого по справедливости заслуживает человек, давший родине такие неопровержимые доказательства своей любви к свободе).

И вот, когда было решено попытаться счастья в бою и фиванцы расположились лагерем под Левктрами, против спартанского лагеря, Пелопид увидел сон, сильно его встревоживший. На левктрийской равнине стоят надгробья дочерей Скидаса, которых называют Левктридами – по месту, где они были похоронены, подвергшись насилию со стороны чужеземцев из Спарты. Их отец после тщетных попыток добиться в Лакедемоне возмездия за это тяжкое преступление проклял спартанцев и лишил себя жизни на могиле дочерей. С тех пор предсказания и оракулы постоянно внушали спартанцам остерегаться и беречься левктрийского гнева, но большинство не принимало в расчет этих предупреждений, не зная, к какому месту их отнести, потому что и в Лаконии один приморский городок зовется Левктрами и в Аркадии, неподалеку от Мегалополя, есть место того же имени. Вдобавок то страшное дело совершилось задолго до битвы при Левктрах.

21. Итак, Пелопиду в лагере приснились молодые женщины, плачущие подле своих памятников и проклинающие спартанцев, и сам Скидас, требующий, чтобы Пелопид, если он хочет одержать победу, принес в жертву его дочерям белокурую девушку. Это повеление показалось ему ужасным и незаконным, и, поднявшись, он стал совещаться с прорицателями и начальниками. Одни не считали возможным пренебречь приказом или послушаться его, приводя в пример Менэкея, сына Креонта⁶⁴⁵, и Макарию, дочь Геракла, а из новых времен – мудреца Ферекида, который был убит лакедемонянами и чью кожу, выполняя предписание оракула, по сию пору берегают их цари, и Леонида, который, повинувшись пророчеству, до какой-то степени принес себя в жертву за Грецию, и, наконец, персов, заколотых Фемистоклом в честь Диониса Кровожадного накануне морского сражения при Саламине; в пользу подобных действий свидетельствует счастливый исход, которым они завершались. И, напротив, когда Агесилай, отправляясь войною на того же противника и из тех же мест, что некогда Агамемнон, и увидев в Авлиде такой же сон, отказал богине, просившей отдать ей в жертву его дочь, это малодушие расстроило весь

---

⁶⁴⁵ 18. ...Менэкея, сына Креонта ... Агесилай ... – Он спас Фивы от нашествия Семерых, принесся себя в добровольную жертву богам: Макария, дочь Геракла, таким же образом принесла братьям-Гераклидам победу над их гонителями; Леонид погиб под Фермопилами; о жертвоприношении Фемистокла см. Фем., 13, Агесилай – Агес., 6. История спартанца Ферекида (явно смешиваемого с сиротским мудрецом Ферекидом, VI в.) ближе неизвестна.

поход, который окончился бесславно и бесплодно. Но другие отговаривали Пелопида, уверяя, что ни одной из вышних сил не может быть угодна столь дикая и незаконная жертва, – ведь нами правит отец всех богов и людей, а не гиганты и не пресловутые тифоны. Нелепо, пожалуй, верить в демонов, которых радует убийство и человеческая кровь, а если они и существуют, не следует обращать на них ни малейшего внимания, считая совершенно бессильными, ибо нелепые и злобные их желания могут возникать и сохранять силу только по слабости и порочности нашей души.

22. В то время как предводители были поглощены этим спором, а сам Пелопид находился в величайшем затруднении, молодая кобылица, убежав из табуна, промчалась через лагерь и на полном скаку вдруг остановилась прямо перед совещающимися. Все обратили внимание на ее светлую масть и огненно-рыжую гриву, на ее резвость, стремительность и дерзкое ржание, а прорицатель Феокрит, сообразив, что это значит, вскричал, обращаясь к Пелопиду: «Вот тебе жертва, чудак! Нечего нам ждать другой девы, бери ту, что посылает бог!» И тут же, взяв кобылицу, они повели ее к могилам девушек, украсили венками и, помолившись, радостно заклали, а потом известили все войско о сие Пелопида и об этом жертвоприношении.

23. Когда битва началась, Эпаминонд вытянул свое левое крыло⁶⁴⁶ по косой линии, чтобы как можно больше оторвать от остальных греков правое крыло спартанцев и погнать Клеомброта, разом нанеся ему сокрушительный удар с фланга. Противник, разгадав его замысел, начал перестраивать свой боевой порядок, развертывая и загибая правое крыло в намерении превосходящими силами окружить и запереть Эпаминонда, но в этот миг триста воинов Пелопида рванулись вперед, на бегу сплывая ряды, и прежде чем Клеомброт успел растянуть крыло или, вернувшись в первоначальное положение, сомкнуть строй, напали на спартанцев, еще находившихся в движении и приведенных в замешательство собственными перемещениями. Известно, что лакедемоняне, непревзойденные мастера и знатоки военного искусства, прежде всего старались приучить себя не теряться и не страшиться, если строй оказывается расторгнутым, но, где бы ни застигла каждого опасность, одновременно и восстанавливать порядок и отражать врага, используя поддержку всех товарищей позади и с обеих сторон. Однако в тот раз главные силы фиванцев, которые, под командованием Эпаминонда, минуя прочих, устремились прямо на них, и Пелопид, с непостижимою ему стремительностью и дерзостью завязавший бой, настолько поколебали их умение и уверенность в себе, что началось бегство и резня, каких спартанцы еще никогда не видывали. Вот почему, не будучи беотархом и командуя лишь малою частью войска, Пелопид стяжал этой победой такую же славу, как Эпаминонд – беотарх и главнокомандующий.

24. Но при вторжении в Пелопоннес они уже оба были беотархами; отторгнув от Лакедемона почти все союзные ему земли – Элиду, Аргос, всю Аркадию, большую часть самой Лаконии, они привлекли их на сторону фиванцев. Между тем зима была в разгаре, близился солнцеворот, до конца последнего месяца оставалось всего несколько дней, а с началом первого месяца командование должно было перейти в новые руки. Нарушающие этот порядок подлежали смертной казни, и беотархи, страшась закона и желая ускользнуть от суровой зимы, спешили увести войско домой. Но Пелопид, первым присоединившись к мнению Эпаминонда и ободрив сограждан, повел их на Спарту и перешел Эврот. Он захватил много городов лакедемонян и опустошил всю их страну до самого моря, стоя во главе семидесятитысячной греческой армии, в которой фиванцы не составляли и двенадцатой части. Но слава этих людей заставляла всех союзников, без всякого совместного о том решения и постановления, беспрекословно следовать за ними. Таков уж, по-видимому,

---

⁶⁴⁶ 19. ...вытянул свое левое крыло ... – Обычно греки выставляли лучшие силы на правое крыло, они одолевали противостоящее левое крыло противника, а потом, повернув, сходились друг с другом; Эпаминонд первый поставил лучшие силы (священный отряд) на своем выдвинутом левом крыле, чтобы с первого же удара завязать бой главными силами.

самый первый и самый властный закон: человек, ищущий спасения, отдает себя под начало тому, кто способен его спасти, подобно путешествующим по морю, которые, пока держится тихая погода или судно стоит на якоре у берега, обращаются с кормчими дерзко и грубо, но едва начинается буря и положение становится опасным – глаз с кормчего не спускают, возлагая на него все надежды. Вот так же и аргивяне, элейцы и аркадяне: сначала на советах они спорили и враждовали с фиванцами из-за первенства, но потом, в самих битвах и перед лицом грозных обстоятельств, добровольно подчинялись их полководцам.

Во время того похода вся Аркадия стала единым государством, а Мессенскую землю, которой завладели лакедемоняне, победители отделили от Спарты, вернули туда прежних ее обитателей и снова заселили город Ифому. Возвращаясь домой, они разбили афинян, которые попытались напасть на них и преградить им путь в ущелье поблизости от Кенхрея.

25. Слыша об этих подвигах, все горячо восхищались доблестью обоих мужей и дивились их счастью, но вместе со славой умножалась зависть сограждан, прежде всего – противников на государственном поприще, и эта зависть приготовила им прием, менее всего заслуженный: вернувшись, оба были привлечены к суду, за то что вопреки закону, повелевающему беотархам в течение первого месяца (который у фиванцев называется «букатием») передать свои полномочия новым лицам, они удерживали власть еще целых четыре месяца – как раз то время, когда улаживали дела Мессении, Аркадии и Лаконии. Пелопида судили первым, и, стало быть, он подвергся большей опасности, но в конце концов оба были оправданы.

Эпаминонд перенес эти клеветнические нападки спокойно, полагая терпеливость в государственных делах немаловажною составною частью мужества и величия духа, но Пелопид, более горячий и вспыльчивый от природы, да к тому же подстрекаемый друзьями, воспользовался вот каким случаем, чтобы отомстить врагам. Среди тех, что когда-то вместе с Мелоном и Пелопидом явились в дом Харона, был оратор Менеклид. Не достигнув у фиванцев такого же положения, как вожди заговора, этот человек, удивительно красноречивый, но нрава необузданного и злобного, стал искать применения своим силам в ябедах и доносах, клевета на самых лучших людей, и не унялся даже после суда над Пелопидом и Эпаминондом. Последнего он вытеснил с должности беотарха и долгое время успешно препятствовал всем его начинаниям на государственном поприще, а первого – так как перед народом очернить его был не в силах – решил поссорить с Хароном. Он прибег к средству, доставляющему утешение всем завистникам, которые, не имея возможности убедить окружающих в собственном превосходстве, всячески стараются доказать, что люди, стоящие выше их, в свою очередь ниже кого-то еще, и без конца превозносил перед народом подвиги Харона, восхваляя его искусство полководца и его победы. Незадолго до битвы при Левктрах фиванцы под командованием Харона победили в конном сражении при Платеях, и в память об этом событии Менеклид замыслил сделать священное приношение. Задолго до того кизикиец Андроклид подрядился написать для города картину с изображением битвы и работал над нею в Фивах. Когда произошло восстание, а потом началась война, картина, почти что законченная, осталась в руках у фиванцев. Ее-то Менеклид и предлагал принести в дар богу, надписавши на ней имя Харона, – чтобы затмить славу Пелопида и Эпаминонда. Нелепая затея – среди столь многих и столь важных сражений выделять и выдвигать вперед одну победу и одну-единственную схватку, тем только и отмеченную, что в ней пали никому не известный спартанец Герад и сорок его воинов. Это предложение Пелопид обжаловал как противозаконное, утверждая, что не в отеческих обычаях разделять честь победы меж отдельными лицами, но что следует сохранить ее в целости для всего отечества. На протяжении всей своей речи он расточал щедрые похвалы Харону, уличая Менеклида в клевете и злых кознях и все время ставя фиванцам один и тот же вопрос: неужели сами они не свершили никаких подвигов... [Текст в оригинале испорчен.] Менеклид был приговорен к огромному денежному штрафу, и так как уплатить его не мог, то пытался устроить государственный переворот. Последнее дает также пищу для размышлений над жизнью... [Текст в оригинале испорчен.]

26. Ферский тиранн Александр вел открытую войну со многими фессалийскими городами, питая намерение покорить всю страну, и вот фессалийцы отправили в Фивы посольство с просьбой прислать им на помощь войска и полководца. Поскольку Эпаминонд был занят делами Пелопоннеса, Пелопид предложил фессалийцам свои услуги, не желая, с одной стороны, чтобы его опыт и сила оставались в бездействии, а с другой – будучи уверен, что рядом с Эпаминондом другой полководец уже не нужен. Прибыв с войском в Фессалию, он тут же взял Лариссу; Александр явился к нему с повинной, и Пелопид попытался изменить его нрав, превратив из тиранна в умеренного и справедливого правителя. Но так как это был неисправимый злодей и на его свирепость, распущенность и корыстолюбие поступали бесчисленные жалобы, Пелопид резко и гневно выразил ему свое неудовольствие, и Александр бежал вместе со своими телохранителями. Избавив фессалийцев от страха перед тиранном и установив между ними полное единодушие, Пелопид отправился в Македонию⁶⁴⁷, где Птолемей воевал с македонским царем Александром; оба посылали за Пелопидом, чтобы он примирил их, рассудил и оказал поддержку тому, кого сочтет обиженной стороной. Он уладил раздоры, вернул изгнанников и, взяв в заложники Филиппа, брата царя, и еще тридцать мальчиков из самых знатных семей, отправил их в Фивы, чтобы показать грекам, как далеко простирается влияние фиванцев благодаря ставе об их могуществе и вере в их справедливость. Это был тот самый Филипп, который впоследствии силою оружия оспаривал у Греции ее свободу. Мальчиком он жил в Фивах у Паммена и на этом основании считался ревностным последователем Эпаминонда. Возможно, что Филипп и в самом деле кое-чему научился, видя его неутомимость в делах войны и командования (что было лишь малою частью достоинств этого мужа), но ни его воздержанностью, ни справедливостью, ни великодушием, ни милосердием, – качества, в коих он был подлинно велик! – Филипп и от природы не обладал, и подражать им не пытался.

27. Вскоре фессалийцы опять стали жаловаться на Александра Ферского, который тревожил их города; Пелопид вместе с Исмением был отправлен в Фессалию послом, и так как, не ожидая военных действий, он не привел с собою ни пехоты, ни конницы, ему приходилось в случаях крайней необходимости пользоваться силами самих фессалийцев. В это время в Македонии снова началась смута: Птолемей убил царя и захватил власть, а друзья покойного призвали Пелопида. Последний, желая вмешаться, но не располагая собственными воинами, набрал наемников и сразу же двинулся с ними на Птолемея. Когда противники были уже поблизости друг от друга, Птолемей, подкупив наемников, уговорил их перебежать на его сторону, но все же, страшась имени Пелопида и его славы, выехал ему навстречу, словно победителю, почтительно приветствовал и просил о мире, соглашаясь сохранить престол для братьев убитого и признать всех врагов фиванцев своими врагами, а всех их друзей – союзниками; в подкрепление этих условий он дал заложников – своего сына Филоксена и пятьдесят своих приближенных. Заложников Пелопид принял и отослал в Фивы; но он не простил наемникам измены: узнав, что почти все их имущество, дети и жены находятся близ Фарсала, он решил, что, захватив их, сполна рассчитается за свою обиду, и с небольшим отрядом фессалийцев нагрянул в Фарсал.

Не успел он туда явиться, как показался тиранн Александр с войском. Думая, что тот желает оправдаться в своих действиях, Пелопид и Исмений отправились к нему сами: зная всю порочность и кровожадность этого человека, они тем не менее не боялись за себя, полагаясь на величие Фив и свою собственную силу. Но Александр, увидев, что фиванские послы пришли к нему без оружия и без охраны, тут же приказал взять их под стражу, а сам занял Фарсал; этот поступок внушил величайший ужас всем его подданным, которые решили, что он, как видно, вконец распростился с надеждой на спасение и потому не станет щадить никого и ничего на своем пути.

⁶⁴⁷ 20. ...в Македонию ... – После смерти Аминта II (369) здесь спорили за престол сын Аминта Александр II и зять Аминта Птолемей.

28. Узнав об этом, фиванцы были сильно разгневаны и немедленно снарядили войско, но во главе его поставили не Эпаминонда, которым были недовольны, а каких-то других людей. А Пелопида тиранн доставил в Феры и сначала разрешил беседовать с ним всякому, кто ни пожелает, в уверенности, что он сокрушен и унижен своим несчастьем. Но Пелопид утешал и ободрял скорбящих жителей Фер (уж теперь-то, говорил он, тиранн во всяком случае понесет наказание) и даже просил передать самому Александру, что считает его человеком неразумным, если несчастных и ни в чем не повинных сограждан он что ни день пытается и казнит, но щадит Пелопида, который, как он сам отлично понимает, беспощадно расправится с ним, если только вырвется на волю. Дивясь его мужеству и бесстрашию, тиранн спросил: «Чего ради Пелопид так торопится умереть?» А тот, когда ему об этом рассказали, воскликнул: «Ради того, чтобы ты стал еще более ненавистен богам и тем скорее погиб!» После этого Александр закрыл посторонним доступ к нему. Но Фива, дочь Ясона и супруга Александра, слыша от стражей Пелопида, как храбро и благородно он себя держит, пожелала увидеть этого человека и говорить с ним. Войдя к Пелопиду, она, как и свойственно женщине, не сразу разглядела величие духа под покровом столь тяжкого несчастья, но, видя его пищу, платье и коротко остриженные волосы, поняла, что он терпит оскорбительное, недостойное его славы обращение, и заплакала; Пелопид, не зная сначала, кто эта женщина, изумился, а когда узнал, приветствовал ее, назвав дочерью Ясона, с которым был когда-то в большой дружбе. В ответ на ее слова: «Мне жаль твою жену», – он сказал: «А мне жаль тебя, если ты, без оков на руках и ногах, все еще остаешься с Александром». Эта его речь задела и встревожила женщину: Фиву удручала жестокость и распущенность тиранна, который, не говоря уже о всех прочих его бесчинствах, сделал своим возлюбленным ее младшего брата. Она очень часто бывала у Пелопида и, откровенно рассказывая обо всем, что ей приходилось терпеть, наполняла его душу гневом и непреклонной ненавистью к Александру.

29. Фиванские военачальники вторглись в Фессалию, но то ли по всей неопытности, то ли по несчастливому стечению обстоятельств не достигли никакого успеха, и позорно отступили; на каждого из них город наложил штраф в десять тысяч драхм, а против Александра отправил Эпаминонда с войском. Сразу же началось великое брожение среди фессалийцев, воодушевленных славой этого мужа, и тиранн оказался на волоске от гибели – такой страх напал на его полководцев и приближенных, так сильна была решимость подданных восстать и радостные их чаяния в недалеком будущем увидеть, как тиранн понесет заслуженную кару. Но Эпаминонд, превыше своей славы ставя спасение друга и опасаясь, как бы Александр, видя, что все кругом рушится и потому вконец отчаявшись, не набросился на Пелопида, словно дикий зверь, умышленно затягивал войну и, безостановочно кружась по стране, неторопливостью своих приготовлений сломил тиранна настолько, что, не дразня попусту его злобной горячности, в то же время ни на миг не давал воли его строптивости. Ведь Эпаминонд знал его кровожадность и презрение к добру и справедливости, знал, что тот закапывал людей в землю живыми, а иных приказывал обернуть в шкуру кабана или медведя и, спустив на них охотничьих собак, развлекался, глядя, как несчастных рвут на куски и закалывают копьями; что в Мелибее и Скотуссе, союзных и дружественных городах, его телохранители, окружив во время собрания народ на площади, истребили всех взрослых граждан поголовно; что копье, которым он умертвил своего дядю Полифрона, он объявил святыней, украсил венками и приносил ему жертвы, словно богу, называя именем Тихона⁶⁴⁸. Однажды он смотрел «Троянок» Эврипида, но вдруг поднялся и ушел из театра, велевши передать актеру, чтобы тот не огорчался и не портил из-за этого своей игры: он-де удалился не из презрения к исполнителю, но потому, что ему было бы стыдно перед согражданами, если бы они увидели, как Александр, ни разу не пожалевший никого из тех, кого он осуждал на смерть, проливает слезы над бедами

⁶⁴⁸ 21. ...именем Тихона ... – Божества случая, судьбы и удачи.

Гекубы и Андромахи. Но слава и грозное имя великого полководца, устрешили даже этого тиранна,

И крылья опустил петух, как жалкий раб⁶⁴⁹,

и он быстро отправил к Эпаминонду послов с извинениями и оправданиями. Хотя тот не считал совместным с достоинством фиванцев вступать в мирные и дружеские отношения с таким негодяем, но все же согласился на тридцатидневное перемирие и, забрав Пелопида и Исмения, вернулся домой.

30. Фиванцы, узнав, что из Спарты и Афин выехали послы для заключения договора с великим царем, со своей стороны отправили к нему Пелопида, сделав – имея в виду славу этого человека – самый лучший выбор. Прежде всего в царских провинциях, через которые он проезжал, его имя было уже хорошо известно: громкая молва о его боях с лакедемонянами, начиная с первых вестей о битве при Левктрах, прокатилась по всей Азии, а все новые и новые победы умножили ее и донесли до самых отдаленных пределов. Затем, уже при дворе, сатрапы, полководцы и начальники взирали на него с восхищением и говорили друг другу: «Видите этого человека? Он лишил лакедемонян владычества на суше и на море, отеснив за Таигет и Эврот ту самую Спарту, которая еще совсем недавно, при Агесилае, отваживалась войною оспаривать у великого царя и персов Сузы и Экбатаны». Все это радовало Артаксеркса, и, желая внушить мнение, что ему угрожают и восхищаются его счастьем самые знаменитые люди, он еще выше возносил Пелопида, громко дивясь его подвигам и повелевая оказывать ему почести. Когда же царь увидел его собственными глазами и, выслушав его речь, пришел к заключению, что он говорит основательнее афинян и откровеннее спартанцев, он полюбил Пелопида еще горячее и – истинно по-царски! – не скрыл своих чувств к нему, но дал понять прочим послам, что ставит Пелопида гораздо выше, нежели их. Впрочем, более всего из греков, мне кажется, Артаксеркс почтил спартанца Анталкида, когда, возлежа за вином, снял с головы венок, окунул его в благовония и передал своему гостю. Пелопида он, правда, так не баловал, но посылал ему самые богатые и драгоценные подарки из тех, какие обычно подносят послам, и удовлетворил все его просьбы – подтвердил независимость греков, дал согласие на восстановление Мессены и объявил фиванцев старинными друзьями царя⁶⁵⁰. Получив такие ответы, но не приняв ни единого дара, кроме тех, что были знаками благосклонности и радушия, Пелопид отправился в обратный путь.

Безупречность его поведения жесточайшим образом опорочила остальных послов. Тимагора афиняне осудили на смерть, и, если причина – обилие даров, они совершенно правы. Он взял не только золото, не только серебро, но и драгоценное ложе, и рабов, чтобы его застилать (словно греки не умеют стелить постели!), и даже восемьдесят коров с пастухами – под тем предлогом, что, страдая какой-то болезнью, постоянно нуждается в коровьем молоке; когда же, наконец, его на носилках доставили к берегу моря, носильщикам от имени царя было выдано четыре таланта. Но, по-видимому, не мздоимство больше всего разгневало афинян. Во всяком случае, когда некий Эпикрат, по прозвищу «Щитоносец», нисколько не отрицая того, что принимал от царя подарки, заявил к тому же, что предлагает Собранию вместо девяти архонтов ежегодно выбирать девять послов к царю из числа самых простых и бедных граждан, которые разбогатеют благодаря его щедротам, – народ только посмеялся. Полный успех фиванцев – вот что не давало покоя афинянам, не умевшим верно

⁶⁴⁹ 22. *И крылья опустил петух, как жалкий раб ...* – Стих из несохранившейся трагедии Фриниха (ср. Алк., прим. 7).

⁶⁵⁰ 23. *...старинными друзьями царя ...* – В память о том, что фиванцы помогали Ксерксу в его походе на Грецию.

оценить славу Пелопида – насколько больше значила она, чем всевозможные словесные красоты и ухищрения, для человека, привыкшего относиться с уважением лишь к силе оружия. (31). Это посольство, следствием которого было восстановление Мессены и независимость всех греков, принесло вернувшемуся на родину Пелопиду всеобщую любовь и благодарность.

Между тем Александр Ферский, вновь отдавшись своим природным наклонностям и побуждениям, разорил немало число фессалийских городов и расставил свои отряды по всей земле фтиотидских ахейцев и в Магнесии. При первых же вестях о возвращении Пелопида города отправили в Фивы посольство и просили, чтобы фиванцы прислали войско во главе с этим командующим. Фиванцы охотно согласились; скоро все было готово, и полководец хотел уже выступить, как вдруг солнце затмилось⁶⁵¹, и мрак посреди дня окутал город. Пелопид, видя, что все встревожены этим грозным явлением, не счел целесообразным подвергать принуждению перепуганных и павших духом людей, равно как и рисковать жизнью семи тысяч граждан, а потому решил предоставить в распоряжение фессалийцев лишь самого себя, триста всадников, последовавших за ним добровольно, да наемников-чужеземцев и тронулся в путь вопреки как советам прорицателей, так и неодобрению остальных сограждан, полагавших небесное знамение чрезвычайно важным и обращенным к какому-то великому человеку. Но Пелопида жег гнев на Александра, который подверг его таким унижениям, а кроме того, помня о своих беседах с Фивой, он надеялся найти дом тиранна уже пораженным болезнью и стоящим на краю гибели. Однако более всего его привлекала красота самого дела: он горячо желал и считал честью для себя, в то время как лакедемоняне посылали сицилийскому тиранну Дионисию полководцев и правителей, афиняне же получали от Александра деньги и даже поставили ему бронзовую статую как своему благодетелю, – в это самое время показать грекам, что одни только фиванцы выступают на защиту попавших под пяту тиранна и расторгают узы насильственной и противозаконной власти в Греции.

32. Прибывши в Фарсал и собрав войско, он тут же двинулся на Александра. Тот, видя, что фиванцев у Пелопида очень немного, а фессалийские гоплиты в его собственном войске превосходят вражеских числом более чем вдвое, встретил его подле святилища Фетиды. Кто-то сказал Пелопиду, что тиранн подошел с большою силой. «Прекрасно, – ответил он, – тем больше врагов мы победили!». Между обоими станами, в месте, называемом Киноскефалы, поднимались высокие, но покатые холмы. И Пелопид и Александр сделали попытку занять их своей пехотой, а конницу, многочисленную и хорошо обученную, Пелопид пустил против конницы врага. Неприятельские всадники были разбиты, их погнали по равнине, но тем временем Александр успел захватить холмы, и когда фессалийские гоплиты, которые появились чуть позже, пошли на приступ высот, отлично укрепленных природою, тиранн обрушился на них – и первые пали, а остальные, израненные, остановились, не достигнув цели. Тогда Пелопид отозвал конницу назад и бросил ее на сомкнутый строй врагов, а сам тут же схватил щит и побежал к тем, что сражались подле холмов. Пробившись в первые ряды, он вдохнул в каждого столько силы и отваги, что врагам показалось, будто на помощь подоспели новые, иные телом и духом люди. Две или три атаки неприятель еще отразил, но видя, что и пешие решительно наступают, и конники, прекратив преследование, возвращаются, подался и стал отходить шаг за шагом. Пелопид, которому с высоты открывалось все вражеское войско, еще не обратившееся в бегство, но уже объятые страхом и смятением, оглядывался вокруг, ища Александра. Заметив его, наконец, на правом крыле, где тот выстраивал и ободрял наемников, он не смог усилием рассудка сдержать гнев, но, распаленный этим зрелищем, забыв в порыве ярости и о себе самом, и об управлении битвой, вырвался далеко вперед и громким криком принялся вызывать тиранна на поединок. Но Александр не принял вызова и даже не остался на прежнем месте – он убежал к своим

⁶⁵¹ 24. ...солнце затмилось ... – Затмение 13 июля 364 г.

телохранителям и укрылся среди них. Передний ряд наемников был смят Пелопидом в рукопашной схватке, иные получили смертельные раны, большинство же, держась в отдалении, до тех пор метали в него копья, пробивая доспехи, пока фессалийцы в ужасной тревоге не сбежали с холма к нему на помощь. Но он уже пал. В это время примчались и всадники; они разметали весь строй врагов и все гнали и гнали их, усеяв округу трупами (убито было более трех тысяч человек).

33. Нет ничего удивительного в том, что фиванцы, оказавшиеся на поле битвы, были потрясены кончиной Пелопида, называли его отцом, спасителем, наставником во всем великом и прекрасном. Фессалийцы и их союзники решили воздать ему почести, превосходящие все те, какие принято оказывать человеческой доблести; но еще убедительнее выразили они свою благодарность Пелопиду всевозможными проявлениями скорби. Говорят, что участники сражения, узнав о его смерти, не сняли панцирей, не разнуздали коней, не перевязали ран, но прежде всего – прямо в доспехах, еще не остыв после боя, – собрались у тела Пелопида, словно он мог их увидеть или услышать, нагромодили вокруг кучи вражеского оружия, остригли гривы коням и остриглись сами, а потом разошлись по палаткам, и редко-редко кто зажег огонь или прикоснулся к еде – безмолвие и уныние объяли всех в лагере, словно и не одерживали они блистательной, великой победы, а потерпели поражение и попали в рабство к тиранну. Когда эта весть разнеслась по городам, навстречу телу отправились городские власти вместе с юношами, мальчиками и жрецами, неся в дар усопшему трофеи, венки и золотое вооружение. Перед самым выносом старейшие из фессалийцев выступили вперед и обратились к фиванцам с просьбой, чтобы хоронить мертвого предоставили им. Один из них сказал: «Достоचितимые союзники, мы просим вас о милости, которая в таком ужасном горе послужит нам и к чести и к утешению. Не провожать фессалийцам Пелопида живого и здравствующего, не оказывать ему почестей, внятных зрению его и слуху; но ежели дозволено нам будет коснуться мертвого тела, самым убрать его и похоронить... [*Текст в оригинале испорчен.*] Поймите и поверьте, что для фессалийцев это несчастье еще горше, чем для фиванцев. Вы лишились замечательного военачальника, – и только, а мы – и военачальника, и нашей свободы. В самом деле, не вернув Пелопида, как осмелимся мы просить у вас другого полководца?!». И фиванцы им не отказали.

34. Не было, видимо, похорон более блистательных, если, разумеется, не измерять блеск количеством слоновой кости, золота и пурпура, как делает Филист, воспевая похороны Дионисия и дивясь этому заключительному действию великой трагедии, имя которой – тиранния. После смерти Гефестиона Александр Великий приказал не только обрезать гривы лошадям и мулам, но и снести зубцы крепостных стен, дабы казалось, что города скорбят, являя вместо прежнего своего вида облик остриженный и жалкий. Но таковы распоряжения тираннов, выполняемые насильно, порождающие зависть к тому, ради кого они отдаются, и ненависть к отдающему их; не о любви и не о почтении свидетельствовали они, но о варварской гордыне, распушенности и бахвальстве, обращающих изобилие на пустые и суетные вещи. А тут простого гражданина, погибшего на чужбине, вдали от жены, детей и родичей, без всяких просьб или принуждений погребают столько городов и народов, оспаривая друг у друга честь проводить его до могилы и украсить венками, что с полным основанием можно считать такого человека достигшим вершины блаженства. Ибо неправ Эзоп⁶⁵², утверждая, будто смерть счастливых – самая горестная, нет, это самая завидная смерть – она помещает славу подвигов хорошего человека в безопасное место, где превратности судьбы ей более не грозят. Куда вернее судил некий спартаец, который, обняв Диагора, победителя на Олимпийских играх, дожившего до того часа, когда не только сыновья его, но и внуки оказались увенчанными в Олимпии, сказал ему: «Умри теперь,

⁶⁵² 25. ...неправ Эзоп ... – В сохранившихся текстах «басен Эзопа» такой сентенции нет, но мысль о превратности судьбы и падении счастливых повторяется у него много раз.

Диагор, раз ты не можешь взойти на Олимп». А между тем я не думаю, чтобы кто-нибудь полагал допустимым сравнивать все олимпийские и пифийские победы, вместе взятые, хотя бы с одной из битв Пелопида, который сражался так много и с таким успехом, пока, наконец, после долгих лет славы и почета, тринадцатый раз отправляя должность беотарха, не пал за свободу Фессалии в доблестном стремлении сразить тиранна.

35. Великую скорбь причинила союзникам его смерть, но еще больше она принесла им пользы; узнав о гибели Пелопида, фиванцы ни единого дня не стали мешкать с отмщением, но тут же отправили в поход семь тысяч гоплитов и семьсот всадников во главе с Малкитом и Диогитоном. Застав Александра обессиленным и загнанным в тупик, фиванские полководцы заставили его вернуть фессалийцам города, которые он захватил, освободить магнесийцев и фтиотидских ахейцев и вывести от них свои сторожевые отряды, а также поклясться, что он пойдет вместе с фиванцами, по их приказу, против любого врага, куда бы они его ни повели.

Этими требованиями фиванцы и ограничились. А теперь мы расскажем, каким образом немного спустя взыскали с Александра боги за Пелопида. Фива, его супруга, как уже говорилось выше, наученная Пелопидом не страшиться внешнего блеска и великолепия тираннии, прятаясь за спинами вооруженных телохранителей, а с другой стороны, опасаясь вероломства Александра и ненавдя его жестокость, вступила в заговор с тремя своими братьями – Тисифоном, Пифолаем и Ликофроном, и вот как взялась она за дело. Дом тиранна всю ночь караулила стража; покой, обычно служивший супругам спальней, находился в верхнем этаже, и у входа нес стражу пес на привязи, бросавшийся на всех, кроме хозяев и одного слуги, который его кормил. Когда пришел намеченный для покушения срок, Фива еще днем укрыла братьев в какой-то из соседних комнат, а сама, как обычно, вошла к тиранну одна; найдя его уже спящим, она скоро вышла обратно и приказала слуге увести пса – Александр-де желает отдохнуть покойно. Боясь, как бы лестница не закрипела под шагами молодых людей, она устлала ступени шерстью и лишь потом повела их наверх. С оружием в руках они остались у дверей, а Фива, войдя, сняла со стены меч, висевший над головой Александра, и показала его братьям в знак того, что тиранн крепко спит. Но тут юноши испугались, и, видя, что они не решаются переступить порог, сестра осыпала их бранью и гневно поклялась, что сейчас разбудит Александра и все ему откроет, – тогда они, и пристыженные и испуганные, наконец вошли и окружили ложе, а Фива поднесла поближе светильник. Один из братьев крепко стиснул тиранну ноги, другой, схватив за волосы, запрокинул ему голову, а третий ударил его мечом и убил. Такой легкой и быстрой кончины он, пожалуй, и не заслуживал, но зато оказался единственным или, во всяком случае, первым тиранном, погибшим от руки собственной жены, и тело его после смерти подверглось жестокому поруганию – оно было выброшено на улицу и растоптано гражданами Фер; таково было справедливое возмездие за все его беззакония.

Марцелл

1. Марк Клавдий, пятикратный консул Рима⁶⁵³, был, как сообщают, сыном Марка и первый носил фамильное имя «Марцелл», что, по словам Посидония, означает «Ареев», или «воинственный»⁶⁵⁴. И верно, он был опытен в делах войны, крепок телом, тяжел на руку и от природы воинствен, но свою неукротимую гордыню обнаруживал лишь в сражениях, а в остальное время отличался сдержанностью и человеколюбием; греческое образование и науки он любил настолько, что людей, в них преуспевших, осыпал почестями и похвалами,

⁶⁵³ 1. ...пятикратный консул Рима ... – См.: Фаб., прим. 13.

⁶⁵⁴ 2. «Воинственный» – от имени бога Марса – этимология неверная, фамилия Marcellus есть просто уменьшительное от имени Marcus (значение которого неизвестно).

но сам, постоянно занятый делами, не достиг той степени учености, к которой стремился. Если, как говорит Гомер⁶⁵⁵, бывали мужи, которым

С юности нежной до старости Зевс подвизаться назначил
В бранях жестоких,

то к их числу принадлежат и тогдашние вожди римлян: в молодости они воевали с карфагенянами из-за Сицилии, зрелыми мужами – с галлами, защищая самое Италию, а уже в старости снова бились с карфагенянами и Ганнибалом, ибо старость не означала для них, как для простых граждан, отдыха от военной службы, но в силу их благородства, опыта и отваги римляне неизменно поручали им верховное командование и другие высокие должности в войске.

2. Марцелл был искушен во всех видах боя, но в поединках превосходил самого себя; не было случая, чтобы он не принял вызова, ни чтобы вызвавший его вышел из схватки живым. В Сицилии он спас от гибели своего брата⁶⁵⁶ Отацилия, прикрыв его щитом и перебив нападавших. За эти подвиги он еще молодым человеком часто получал от полководцев венки и почетные дары, и когда имя его стало широко известно, народ избрал его эдилом высшего разряда⁶⁵⁷, а жрецы – авгуром. Исполняющему эту жреческую должность закон поручает наблюдение и надзор за гаданиями по птицам. Будучи эдилом, он оказался вынужден, вопреки своему желанию, начать судебное преследование. Дело в том, что у него был сын, тоже носивший имя Марцелл, мальчик поразительной красоты, славившийся в Риме и своей наружностью и, не в меньшей мере, скромностью и хорошим воспитанием. Он приглянулся Капитолину, товарищу Марцелла по должности, человеку распутному и наглому, и тот сделал ему грязное предложение. Мальчик сначала сам ответил отказом, а когда Капитолин повторил свое предложение, открыл все отцу, и Марцелл в негодовании обратился с жалобой в сенат. Перепробовав множество всяческих уверток и отписок, Капитолин апеллировал к народным трибунам, но те не приняли его апелляцию, и тогда он прибегнул к отрицанию обвинения в целом. А так как разговор его с младшим Марцеллом происходил без свидетелей, сенат решил вызвать самого мальчика. Видя его смущение, слезы и смешанный с неподдельным гневом стыд, сенаторы, не требуя никаких иных доказательств, признали Капитолина виновным и присудили его к денежному штрафу; на эти деньги Марцелл заказал серебряные сосуды для возлияний и посвятил их богам.

3. Едва успела закончиться – на двадцать втором году – первая война с Карфагеном, как у Рима снова начались столкновения с галлами. В Италии у подножия Альп обитало кельтское племя инсубров; могущественные и сами по себе, инсубры стали собирать войско, а сверх того пригласили галлов-наемников, называемых гезатами⁶⁵⁸. Казалось чудом и необыкновенной удачей, что Кельтская война не разразилась одновременно с Пунической, но что галлы, словно дожидаясь своей очереди, честно и справедливо соблюдали условия мира и лишь по окончании боевых действий бросили вызов отдыхающим от трудов победителям. Тем не менее война очень тревожила римлян – и потому, что вести ее приходилось с соседями, на собственных границах, и по причине старинной славы галлов,

---

⁶⁵⁵ 3. ...говорит Гомер ... – «Илиада», XIV, 86—87.

⁶⁵⁶ 4. брата – по-видимому, двоюродного или приемного.

⁶⁵⁷ 5. ...эдилом высшего разряда ... – «Курульным эдилом», имевшим знаки отличия, похожие на преторские и консульские. Год эдильства Марцелла неизвестен.

⁶⁵⁸ 6. Гезатами – «гезаты» по-кельтски означает «вооруженные копьями (или тяжелыми дротиками)» (комм. С.П. Маркиша).

которых римляне, по-видимому, страшались больше всякого другого противника: ведь когда-то даже их город оказался в руках галлов, после чего был принят закон, освобождающий жрецов от службы в войске во всех случаях, кроме одного – новой войны с галлами. О тревоге, охватившей город, свидетельствовали и самые приготовления (говорят, что ни до того, ни впоследствии римляне не собирали так много тысяч бойцов), и невиданные прежде жертвоприношения. Обычно избегающие всего варварского и чужестранного и в своих суждениях о богах следующие, насколько это возможно, греческой умеренности, римляне тут, когда вспыхнула эта война, вынуждены были покориться неким прорицаниям в Сивиллиных книгах и на Бычьем рынке зарыли живьем в землю двоих греков – мужчину и женщину – и двоих галлов – тоже мужчину и женщину; по этой причине и до сих пор совершаются в ноябре тайные священнодействия, видеть которые грекам и галлам воспрещено.

4. Первые столкновения, приносившие римлянам то серьезные успехи, то не менее серьезные неудачи, решающего значения, однако, не имели. Когда же консулы Фламиний и Фурий⁶⁵⁹ с большим войском двинулись на инсубров, река, которая бежит через землю Пиценов, как сообщали очевидцы, потекла кровью, пошел слух, что в окрестностях города Аримина в небе показались три луны, а жрецы, наблюдавшие во время консульских выборов за полетом птиц, решительно утверждали, что публичное провозглашение новых консулов было неправильным и сопровождалось зловещими предзнаменованиями. Поэтому сенат немедленно отправил в лагерь письмо, призывающее консулов как можно скорее вернуться и сложить с себя власть, не предпринимая в качестве должностных лиц никаких действий против неприятеля. Получив это письмо, Фламиний распечатал его лишь после того, как, вступив в сражение, разбил варваров и совершил набег на их страну. Когда он с богатой добычей возвратился в Рим, народ не вышел ему навстречу и за то, что консул не сразу откликнулся на зов и не подчинился посланию сената, он обнаружил оскорбительное высокомерие, едва не отказал ему в триумфе, а тотчас после триумфа лишил его власти, принудив вместе с коллегой клятвенно отречься от должности.

Вот до какой степени предоставляли римляне всякое дело на усмотрение богов и даже при самых больших удачах не допускали ни малейшего пренебрежения к прорицаниям и другим обычаям, считая более полезным и важным для государства, чтобы их полководцы чтили религию, нежели побеждали врага. 5. Так Тиберий Семпроний, которого горячо любили в Риме за храбрость и безукоризненную честность, будучи консулом, назвал своими преемниками Сципиона Назику и Гая Марция, и те, приняв командование войсками, уже прибыли в свои провинции, как вдруг Тиберий, просматривая священные книги, случайно открыл старинный обычай, прежде ему не знакомый. Обычай этот состоял в следующем. Если должностное лицо наблюдает за полетом птиц в специально для этого нанятом за пределами города доме или шатре и, не получив надежных замечаний, вынуждено по какой-либо причине вернуться в город, надлежит отказаться от нанятого прежде помещения, выбрать другое и произвести наблюдения еще раз, с самого начала. Тиберий, как видно, об этом не знал и объявил упомянутых выше Сципиона и Марция консулами, дважды воспользовавшись одним и тем же шатром. Позже, обнаружив свою ошибку, он доложил обо всем сенату, который не пренебрег столь, казалось бы, незначительным упущением и написал новым консулам, а те, оставив свои провинции, быстро вернулись в Рим и сложили с себя власть. Но это случилось позднее, а почти в то же время, о котором рассказывается здесь, двое жрецов из числа самых известных лишились жреческого сана: Корнелий Цетег – за то, что, передавая внутренности жертвенного животного, нарушил должную очередность, Квинт Сульпиций – за то, что у него во время жертвоприношения упала с головы шапка, которую носят так называемые фламины. А когда диктатор Минуций назначил начальником конницы Гая Фламиния и вслед за этим раздался писк мыши, которую называют «сори́ка»

⁶⁵⁹ 7. ...консулы Фламиний и Фурий ... – В 223 г., почти 20 лет спустя после конца I Пунической войны.

[sorex]⁶⁶⁰, римляне отвергли и самого диктатора и его начальника конницы и выбрали на их место других. Но, соблюдая строжайшую точность в таких мелочах, они остаются совершенно свободны от предрассудков, ибо ничего не меняют в своих старинных обычаях и никогда их не пренебрегают.

6. Итак, Фламиний и его коллега клятвенно отказываются от должности, после чего интеррексы⁶⁶¹ объявляют консулом Марцелла; вступив в должность, он избирает себе в коллеги Гнея Корнелия. Есть сведения, что галлы неоднократно предлагали римлянам заключить договор и что мира желал сенат, а Марцелл убеждал народ продолжать войну. Тем не менее мир был заключен, и тут, по-видимому, военные действия возобновили гезаты, которые перевалили через Альпы, присоединились к гораздо более многочисленным инсубрам (гезатов было всего тридцать тысяч) и, подстрекнув их к мятежу, уверенные в успехе, немедленно двинулись на город Ацерры, расположенный за рекою Пад, а царь гезатов Бритомарт с десятью тысячами своих воинов принялся опустошать земли, лежащие вдоль Пада.

Узнав о действиях Бритомарта, Марцелл оставил при Ацеррах своего коллегу со всею тяжелой пехотой и третьей частью конницы, а сам с остальными всадниками и примерно шестьюстами легко вооруженных пехотинцев бросился по следам десяти тысяч гезатов, не останавливаясь ни днем, ни ночью, пока не настиг их подле Кластидия, галльского поселения, незадолго перед тем покорившегося римлянам. Ему не пришлось дать своим людям хоть немного передохнуть: противник вскоре заметил его появление, но отнесся к этому с полным пренебрежением, потому что пехотинцев у Марцелла было очень мало, а конницу варвары вовсе в расчет не принимали. Ведь они и вообще были отличными всадниками и более всего полагались на свое искусство в конном сражении, а тут еще вдобавок намного превосходили римлян числом. И вот, не медля ни мгновения, они со страшными угрозами стремительно ринулись на неприятеля, словно решившись истребить всех до одного; впереди скакал сам царь. Опасаясь, как бы гезаты не обошли и не окружили его маленький отряд, Марцелл приказал илам⁶⁶² всадников разомкнуться и вытягивал свой фланг до тех пор, пока боевая линия римлян, потеряв в глубине, длиною почти что сравнялась с вражеской. Он был уже готов броситься вперед, как вдруг его конь, встревоженный неистовыми криками врагов, круто повернул и понес его назад. Испугавшись, как бы это не внушило римлянам суеверного страха и не вызвало смятения, Марцелл быстро рванул поводья и, снова обратив лошадь к неприятелю, стал молиться Солнцу, словно круг этот он описал не случайно, а умышленно. (Дело в том, что у римлян принято, вознося молитву богам, поворачиваться на месте). А позже, когда бой уже начался, он дал обет Юпитеру-Феретрию принести ему в дар самый красивый из вражеских доспехов.

7. В это время царь галлов заметил его и, по знакам достоинства узнав в нем полководца, выехал далеко вперед, ему навстречу, громким голосом вызывая на бой; то был человек огромного роста, выше любого из своих людей, и среди прочих выделялся горевшими как жар доспехами, отделанными золотом, серебром и всевозможными украшениями. Окинув взглядом вражеский строй, Марцелл решил, что это вооружение – самое красивое и что именно оно было им обещано в дар богу, а потому пустил коня во весь опор и первым же ударом копья пробил панцирь Бритомарта; сила столкновения была такова, что галл рухнул на землю, и Марцелл вторым или третьим ударом сразу его прикончил. Затем, соскочив с коня и возложив обе руки на оружие убитого, он сказал, обращаясь к небесам: «О Юпитер-Феретрий, взирающий на славные подвиги

⁶⁶⁰ 8. «Сорик» – землеройка (лат. – *sorex*).

⁶⁶¹ 9. *Интеррексы* («междуцари») – см.: Нума, прим. 5.

⁶⁶² 10. *Илам* – греч. ила (рим. «турма») – конный взвод ок. 30 человек.

военачальников и полководцев в сражениях и битвах, призываю тебя в свидетели, что я – третий из римских предводителей, собственной рукою сразивший вражеского предводителя и царя, и что, одолев его, я посвящаю тебе первую и самую прекрасную часть добычи. А ты и впредь даруй нам, молящимся тебе, такую же добрую удачу». После этого конница начала бой – не только с вражескими всадниками, но и с пехотинцами (те и другие стояли вперемешку) и одержала удивительнейшую, беспримерную победу: ни до того, ни после – никогда, как говорят, не случалось, чтобы столь малое число всадников победило столь многочисленную конницу и пехоту.

Перебив бо льшую часть потерпевших поражение галлов и захватив их оружие и прочее имущество, Марцелл вернулся к своему товарищу по должности, который очень неудачно действовал против кельтов близ самого большого и густо населенного из галльских городов. Город этот назывался Медиолан, тамошние кельты считали его своей столицей, а потому защищались очень храбро и, в свою очередь, осадили лагерь Корнелия. Но когда прибыл Марцелл, гезаты, узнав о поражении и гибели своего царя, ушли, и Медиолан был взят, а прочие города кельты сами не стали удерживать, полностью сдавшись на милость римлян, которые и даровали им мир на условиях умеренных и справедливых.

8. Сенат назначил триумф одному Марцеллу, и лишь немногие из триумфальных шествий вызывали столько восхищения своей пышностью, богатством, обилием добычи и могучим сложением пленных, однако особенно радостное и совершенно новое зрелище явил собою сам полководец, несущий в дар богу доспех убитого галла. Свалив высокий, прямой и легко поддающийся топору дуб, он обтесал нижнюю часть ствола в форме трофея, а потом привязал и подвесил к нему захваченное в поединке оружие, расположив и приладив все части в должном порядке. Когда шествие двинулось, он, подняв трофей, взошел на запряженную четверкой колесницу и сам провез через город прекраснейшее и достойнейшее из украшений своего триумфа. За ним следовали воины в самом лучшем вооружении, распевая песни и победные гимны, сочиненные ими в честь бога и своего полководца. Когда процессия достигла храма Юпитера-Феретрия, Марцелл вошел в храм и поставил обещанный дар – третий и вплоть до наших дней последний из таких даров. Первым Ромул⁶⁶³ принес в храм оружие Акрона, царя Ценинского, вторым был Корнелий Косс, убивший этруска Толумния, за ним следует Марцелл, победитель галльского царя Бритомарта, после Марцелла же не было никого.

Бог, которому приносят эти дары, называется Юпитером-Феретрием; иные производят это имя от греческого слова «феретре уомай» [pheretre uomai, «быть носимым в торжестве»] (в ту пору латинский язык был еще сильно смешан с греческим), другие считают, что это прозвище Зевса-громовержца («поражать» – по-латыни «фери ре» [ferire]). Третьи говорят, что имя Феретрий произошло от ударов, которые наносят в бою: ведь и теперь еще, преследуя врага, римляне то и дело кричат друг другу: «Фе ри!» [feri] – что значит «Бей!». Вообще снятые с убитого неприятеля доспехи называются по-латыни «сполия», те же, о которых идет речь у нас, имеют особое название «опимиа». Сообщают, правда, что Нума Помпилий в своих заметках упоминал о трех различных видах «опимиа» и предписывал первые из них посвящать Юпитеру-Феретрию, вторые – Марсу, а третьи – Квирину, назначая в награду за первые триста ассов, за вторые – двести, а за третьи – сто. Но преобладающим, общепринятым является мнение, что лишь те доспехи следует называть «опимиа», которые захвачены в бою первыми и сняты с полководца полководцем, сразившим своего противника в поединке. Впрочем, достаточно об этом.

Римляне так радовались победе и счастливому исходу войны, что отправили в Дельфы благодарственный дар Аполлону Пифийскому – золотой кратер весом в... [* Текст в оригинале испорчен] фунтов, щедро поделились добычей с союзными городами и послали богатые подарки сиракузскому царю Гиерону, своему другу и союзнику.

⁶⁶³ 11. Первым Ромул ... – см. Ром., 16.

9. Когда Ганнибал вторгся в Италию, Марцелл с флотом отправился к берегам Сицилии. После тяжелой неудачи при Каннах, когда десятки тысяч римлян пали, а немногие уцелевшие от гибели бежали в Канузий и все ожидали, что Ганнибал немедленно двинется на Рим, поскольку главные и лучшие силы римлян уничтожены, Марцелл сначала отправил полторы тысячи своих моряков для защиты города, а затем, получив постановление сената, прибыл в Канузий и, приняв командование над собравшимися там остатками войска, вывел их из-за лагерных укреплений, исполненный решимости не оставлять страну на произвол неприятеля.

Многие из опытных римских полководцев к тому времени погибли в битвах; среди оставшихся славой наиболее надежного и благоразумного пользовался Фабий Максим, но его чрезмерную осмотрительность, происходившую из страха перед поражением, римляне осуждали, приписывая ее робости и непредприимчивости. Видя в нем полководца, вполне пригодного для того, чтобы обеспечить их безопасность, но не способного изгнать врага, они обратили свои взоры к Марцеллу и, объединяя и сочетая отвагу и решительность второго с осторожностью и дальновидностью первого, то выбирали консулами обоих, то, попеременно, одного посылали к войскам консулом, а другого – командующим в ранге консула. Посидоний рассказывает, что Фабия прозвали «Щитом», а Марцелла – «Мечом». Сам Ганнибал говорил, что Фабия боится, как наставника, а Марцелла, как соперника: один препятствовал ему причинять вред, другой – вредил сам.

10. Прежде всего Марцелл стал истреблять вражеских солдат, которые покидали свой лагерь и рыскали по стране (после побед Ганнибала они до крайности распустились и обнаглели), и тем исподволь ослаблял карфагенян. Затем он пришел на помощь Неаполю и Ноле, и неаполитанцев, которые и без того хранили верность римлянам, еще более укрепил в их намерениях, а в Ноле застал мятеж, потому что тамошний сенат был не в силах обуздать и утихомирить народ, державший сторону Ганнибала. Жил в Ноле некий Бандий, человек очень знатный и храбрый. Он доблестно сражался при Каннах и уложил множество карфагенян, а после битвы был найден живым среди трупов – все тело его было утыкано стрелами и дротиками; подивившись его мужеству, Ганнибал не только отпустил его без всякого выкупа, но даже сам одарил и сделал своим гостем и другом. В благодарность за это Бандий стал одним из наиболее горячих приверженцев Ганнибала и, пользуясь влиянием в народе, склонял сограждан к отпадению от Рима. Казнить человека столь славной судьбы, разделявшего с римлянами опасности в самых великих битвах, Марцелл считал бесчестным; человеколюбивый от природы, он умел вдобавок силою слова привлечь к себе всякую честолобивую натуру, и вот однажды в ответ на приветствие Бандия спросил его, кто он такой, – давно уже отлично его зная, но ища предлога завязать разговор. Тот ответил: «Луций Бандий», – и тогда Марцелл, изобразив на лице радость и изумление, воскликнул: «Так значит ты тот самый Бандий, о котором сражавшиеся при Каннах без конца рассказывают в Риме, что-де ты единственный не покинул консула Эмилия Павла, но заслонил его своим телом, и бо льшая часть пущенных в него стрел попала в тебя?» «Да, это я», – ответил Бандий и показал ему некоторые из своих ран. «Но почему же, нося на себе столько доказательства своей к нам дружбы, ты не пришел ко мне сразу? – продолжал Марцелл. – Неужели ты полагаешь, что мы не способны по достоинству оценить доблесть друзей, которым оказывают уважение даже враги!» После таких ласковых слов он пожал Бандию руку и подарил ему боевого коня и пятьдесят драхм серебром.

11. С тех пор Бандий сделался верным помощником и союзником Марцелла и грозным обличителем противной партии. Она была многочисленна и замышляла, как только римляне выступят на врага, разграбить их обоз. Поэтому Марцелл выстроил своих людей в боевом порядке внутри города, обоз поставил у ворот и через глашатая запретил ноланцам приближаться к стенам. Так как нигде не было видно ни одного вооруженного воина, Ганнибал решил, что в городе волнения, и карфагеняне подступили к Ноле, совсем не соблюдая строя. Тогда Марцелл приказал распахнуть ближайшие ворота и во главе отборных всадников напал на неприятеля, ударив ему прямо в лоб. Немного спустя через другие

ворота с криком хлынули пехотинцы. Чтобы встретить их натиск, Ганнибал вынужден был разделить свои силы, но тут отворились третьи ворота, из-за стены выбежали остальные римляне и со всех сторон бросились на противника, который был испуган неожиданностью этой вылазки и ослабил сопротивление, видя подходящие на помощь врагу свежие отряды. В тот день войско Ганнибала впервые отступило перед римлянами и поспешно укрылось в своем лагере, оставив на поле боя много убитых и раненых. Говорят, что карфагенян погибло свыше пяти тысяч, а римлян – меньше пятисот. Правда, Ливий⁶⁶⁴ не считает поражение карфагенян особо значительным, а их потери такими многочисленными, но, по его мнению, Марцеллу эта битва принесла великую славу, римлянам же, после стольких бедствий, – поразительную бодрость и отвагу, ибо они разуверились в том, что враг их неодолим и неуязвим, увидев, что и он, в свою очередь, способен терпеть неудачи.

12. Вот почему, когда один из консулов умер, народ призвал Марцелла занять его место и, вопреки воле властей, отложил выборы до тех пор, пока Марцелл не приедет из лагеря. Он был избран единодушно, но во время голосования загредел гром, жрецы объявили, что это недобрый знак, и хотя из страха перед народом открыто воспротивиться его решению не посмели, Марцелл сам сложил с себя власть. Но от службы он не отказался и, полководцем в ранге консула вернувшись в лагерь под Нолой, приступил к расправе над сторонниками пунийца. Ганнибал поспешил к ним на помощь, но Марцелл уклонился от сражения, которое предлагал ему противник, а когда тот, уже не думая более о битве, разослал бо льшую часть своего войска на поиски добычи, вдруг напал на него, раздав своим пехотинцам длинные копья, какими обыкновенно вооружены участники морских боев, и приказав разить неприятеля издали, тщательно прицеливаясь. У карфагенян же копьёметателей нет и они привыкли биться короткою пикой, не выпуская ее из руки, поэтому, вероятно, они и показали римлянам спину и бросились бежать без оглядки, потеряв пять тысяч убитыми, шестьсот человек пленными и шестерых слонов – четыре были убиты и два захвачены живьем. Но вот что важнее всего: на третий день после сражения более трехсот всадников-наемников из смешанной испано-нумидийской конницы перебежали к римлянам – позор, какого никогда прежде не доводилось терпеть Ганнибалу, так долго сохранявшему согласие и единомыслие в своем войске, составленном из различных и несходных друг с другом народов. Перебежчики эти навсегда остались верны самому Марцеллу и его преемникам.

13. Избранный в третий раз консулом, Марцелл отплыл в Сицилию. Успехи Ганнибала внушали карфагенянам мысль снова завладеть этим островом, в особенности когда в Сиракузах начались волнения после смерти тиранна Иеронима. По той же причине и римляне еще раньше отправили туда войско во главе с Аппием. Когда Марцелл принял командование этим войском, к нему стали стекаться римляне с просьбою облегчить их участь. Дело заключалось вот в чем. Из числа сражавшихся с Ганнибалом при Каннах так много воинов бежало или было захвачено неприятелем, что у римлян по-видимому, не осталось людей даже для защиты стен своего города. Тем не менее они настолько сохранили гордость и величие духа, что отклонили предложение Ганнибала, соглашавшегося отпустить пленных за небольшой выкуп (и те, с молчаливого согласия соотечественников, были казнены или проданы за пределы Италии), а всех бежавших с поля боя отправили в Сицилию, запретив ступать на землю Италии до тех пор, пока длится война с Ганнибалом. Эти изгнанники толпою явились к Марцеллу и, упав к его ногам, со слезами и жалобными воплями молили вернуть им место в строю и честное имя, делом обещая доказать, что их бегство скорее следует приписывать их злой судьбе, чем трусости. Сжалившись над ними, Марцелл написал сенату, прося разрешения за их счет пополнять легионы всякий раз, как в том случится необходимость. После долгих прений сенат постановил, что для устройства общегосударственных дел римляне в трусах не нуждаются, но если Марцелл все же пожелает ими воспользоваться, никто из них не может получить от полководца венки или

---

⁶⁶⁴ 12. Ливий – см.: XXII, 16.

иной почетный дар, присуждаемый за храбрость. Это решение огорчило Марцелла, и, вернувшись после окончания Сицилийской войны в Рим, он упрекал сенат за то, что после всех многочисленных и великих услуг, оказанных государству им, Марцеллом, ему не позволили даже помочь попавшим в беду согражданам.

14. В Сицилии, жестоко возмущенный действиями сиракузского полководца Гиппократа, который, надеясь угодить карфагенянам и захватить тиранническую власть, истребил множество римлян, прежде всего... [* Текст в оригинале испорчен] у леонтинцев, взял Леонтины приступом и жителей не тронул, но всех перебежчиков, какие попались ему в руки, предал бичеванию и казнил. Гиппократ сначала послал в Сиракузы весть, будто Марцелл перебил в Леонтинах все взрослое население; когда же среди сиракузян началось смятение, Гиппократ напал на город и захватил его. Тогда Марцелл со всем своим войском двинулся к Сиракузам, разбил лагерь неподалеку и отправил послов, чтобы те рассказали гражданам правду о событиях в Леонтинах. Но это оказалось бесполезным – сиракузяне, среди которых наибольшим влиянием пользовались сторонники Гиппократа, им не верили, и Марцелл приступил к осаде одновременно и с суши и с моря: сухопутное войско повел Аппий, под командою же Марцелла были шестьдесят пентер, нагруженных всевозможным оружием и метательными снарядами. На огромный поплавок из восьми связанных друг с другом судов он поставил осадную машину и стал подходить к стене, твердо полагаясь на количество и превосходство своего снаряжения, равно как и на славу собственного имени. Но все это было совершенно бессильно перед Архимедом и его машинами.

Сам Архимед считал сооружение машин занятием, не заслуживающим ни трудов, ни внимания; большинство их появилось на свет как бы попутно, в виде забав геометрии, и то лишь потому, что царь Гиерон из честолюбия убедил Архимеда хоть ненадолго отвлечь свое искусство от умозрений и, обратив его на вещи осязаемые, в какой-то мере воплотить свою мысль, соединить ее с повседневными нуждами и таким образом сделать более ясной и зримой для большинства людей. Знаменитому и многими любимому искусству построения механических орудий положили начало Эвдокс и Архит, стремившиеся сделать геометрию более красивой и привлекательной, а также с помощью чувственных, осязаемых примеров разрешить те вопросы, доказательство которых посредством одних лишь рассуждений и чертежей затруднительно; такова проблема двух средних пропорциональных – необходимая составная часть многих задач, для разрешения которой оба применили механическое приспособление⁶⁶⁵, строя искомые линии на основе дуг и сегментов. Но так как Платон негодовал, упрекая их в том, что они губят достоинство геометрии, которая от бестелесного и умопостигаемого опускается до чувственного и вновь сопрягается с телами, требующими для своего изготовления длительного и тяжелого труда ремесленника, – механика полностью отделилась от геометрии и, сделавшись одною из военных наук, долгое время вовсе не привлекала внимания философии.

Между тем Архимед как-то раз написал царю Гиерону, с которым был в дружбе и родстве, что данную силу можно сдвинуть любой данный груз; как сообщают, увлеченный убедительностью собственных доказательств, он добавил сгоряча, что будь в его распоряжении другая земля, на которую можно было бы встать, он сдвинул бы с места нашу. Гиерон изумился и попросил претворить эту мысль в действие и показать какую-либо тяжесть, перемещаемую малым усилием, и тогда Архимед велел наполнить обычной кладью царское трехмачтовое грузовое судно, недавно с огромным трудом вытасченное на берег целою толпою людей, посадил на него большую команду матросов, а сам сел поодаль и, без всякого напряжения вытягивая конец каната, пропущенного через составной блок, придвинул к себе корабль – так медленно и ровно, точно тот плыл по морю. Царь был поражен и, осознав все могущество этого искусства, убедил Архимеда построить ему

⁶⁶⁵ 13. ...механическое приспособление ... – Т.е. какой-то инструмент, помимо общепризнанного минимума – циркуля и линейки.

несколько машин для защиты и для нападения, которые могли бы пригодиться во всякой осаде; самому Гиерону, проводшему большую часть жизни в мире и празднествах, не пришлось воспользоваться ими, но теперь и машины и их изобретатель сослужили сиракузянам верную службу.

15. Итак римляне напали с двух сторон, и сиракузяне растерялись и притихли от страха, полагая, что им нечем сдержать столь грозную силу. Но тут Архимед пустил в ход свои машины, и в неприятеля, наступающего с суши, понеслись всевозможных размеров стрелы и огромные каменные глыбы, летевшие с невероятным шумом и чудовищной скоростью, – они сокрушали всё и всех на своем пути и приводили в расстройство боевые ряды, – а на вражеские суда вдруг стали опускаться укрепленные на стенах бруссы и либо топили их силою толчка, либо, схватив железными руками или клювами вроде журавлиных, вытаскивали носом вверх из воды, а потом, кормю вперед, пускали ко дну, либо, наконец, приведенные в круговое движение скрытыми внутри оттяжными канатами, увлекали за собою корабль и, раскрутив его, швыряли на скалы и утесы у подножия стены, а моряки погибали мучительной смертью. Нередко взору открывалось ужасное зрелище: поднятый высоко над морем корабль раскачивался в разные стороны до тех пор, пока все до последнего человека не оказывались сброшенными за борт или разнесенными в клочья, а опустевшее судно разбивалось о стену или снова падало на воду, когда железные челюсти разжимались.

Машина, которую Марцелл поставил на поплавок из восьми судов, называлась «самбука»⁶⁶⁶, потому что очертаниями несколько напоминала этот музыкальный инструмент; не успела она приблизиться к стене, как в нее полетел камень весом в десять талантов, затем – другой и третий. С огромной силой и оглушительным лязгом они обрушились на машину, разбили ее основание, расшатали скрепы и... [* Текст в оригинале испорчен]

Марцелл, не видя иного выхода, и сам поспешно отплыл, и сухопутным войскам приказал отступить. На совете было решено ночью, если удастся, подойти вплотную к стене: сила натяжения канатов, которыми пользуется Архимед, рассуждали римляне, такова, что придает стрелам большую дальность полета, и, стало быть, некоторое пространство вблизи полностью защищено от ударов. Но Архимед, по-видимому, заранее все предусмотрев, приготовил машины, разящие на любое расстояние, и короткие стрелы; подле небольших, но часто пробитых отверстий в стенах были расставлены невидимые врагу скорпионы⁶⁶⁷ с малым натяжением, бьющие совсем близко.

16. И вот, когда римляне подошли к стене, как они полагали, совершенно незаметно, их снова встретил град стрел, на головы им почти отвесно посыпались камни, а сверху отовсюду полетели дротики; и они отступили. Когда же они оказались в некотором отдалении, сиракузяне опять засыпали их стрелами, поражая бегущих; многие погибли, многие корабли столкнулись, меж тем как отплатить врагу римляне были не в силах: ведь бо́льшая часть Архимедовых машин была скрыта за стенами, и римлянам казалось, что они борются с богами – столько бед обрушивалось на них неведомо откуда.

17. Впрочем, Марцелл вышел из дела невредим и, посмеиваясь над своими мастерами и механиками, сказал: «Не довольно ли нам воевать с этим Бриареем от геометрии, который вычерпывает из моря наши суда, а потом с позором швыряет их прочь, и превзошел сказочных сторуких великанов – столько снарядов он в нас мечет!» И в самом деле, прочие сиракузяне были как бы телом Архимедовых устройств, душою же, приводящею все в движение, был он один: лишь его машины обороняли город и отражали натиск неприятеля, тогда как все остальное оружие лежало без движения. В конце концов, видя, что римляне

⁶⁶⁶ 14. «самбука» – треугольный струнный инструмент восточного происхождения.

⁶⁶⁷ 15. Скорпион – машина для метания стрел и камней, работавшая, как исполинская рогатка.

запуганы до крайности и что, едва заметив на стене веревку или кусок дерева, они поднимают отчаянный крик и пускаются наутек в полной уверенности, будто Архимед наводит на них какую-то машину, – Марцелл отказался от дальнейших стычек и приступов, решив положиться на время.

Архимед был человеком такого возвышенного образа мыслей, такой глубины души и богатства познаний, что о вещах, доставивших ему славу ума не смертного, а божественного, не пожелал написать ничего, но, считая сооружение машин и вообще всякое искусство, сопричастное повседневным нуждам, низменным и грубым, все свое рвение обратил на такие занятия, в которых красота и совершенство пребывают не смешанными с потребностями жизни, – занятия, не сравнимые ни с какими другими, представляющие собою своего рода состязание между материей и доказательством, и в этом состязании первая являет величие и красоту, а второе – точность и невиданную силу: во всей геометрии не найти более трудных и сложных задач, объясненных посредством более простых и прозрачных основных положений. Некоторые приписывают это природному дарованию Архимеда, другие же считают, что лишь благодаря огромному труду все до малейших частных у него кажется возникшим легко и без всякого труда. Собственными силами вряд ли кто найдет предлагаемое Архимедом доказательство, но стоит углубиться в него – и появляется уверенность, что ты и сам мог бы его открыть: таким легким и быстрым путем ведет к цели Архимед. И нельзя не верить рассказам, будто он был тайно очарован некоей сиреной, не покидавшей его ни на миг, а потому забывал о пище и об уходе за телом, и его нередко силой приходилось тащить мыться и умащаться, но и в бане он продолжал чертить геометрические фигуры на золе очага и даже на собственном теле, натертом маслом, проводил пальцем какие-то линии – поистине вдохновленный Музами, весь во власти великого наслаждения. Он совершил множество замечательных открытий, но просил друзей и родственников поставить на его могиле лишь цилиндр с шаром внутри и надписать расчет соотношения их объемов.

18. Таков был Архимед; сам неодолимый, он, в той мере, в какой это зависело от него, сделал таким же и свой город.

Во время осады Сиракуз Марцелл взял Мегары, один из старейших греческих городов в Сицилии, и захватил лагерь Гиппократа близ Акрилл, напав на неприятеля, когда тот ставил частокол, и перебив более восьми тысяч человек; затем он прошел почти всю Сицилию, склоняя города к отпадению от Карфагена и выигрывая все битвы, на которые отваживался враг.

Случилось однажды, что в плен к римлянам попал спартанец Дамипп, плывший из Сиракуз; сиракузяне хотели его выкупить, и в ходе переговоров, потребовавших частых встреч, Марцелл обратил внимание на одну башню, охранявшуюся недостаточно бдительно и способную незаметно укрыть несколько человек, так как подле нее нетрудно было взобраться на стену. Поскольку переговоры велись невдалеке от башни, удалось достаточно точно определить ее высоту, и вот, приготовив лестницу и дождавшись дня, в который сиракузяне, справляя праздник Дианы, предавались пьянству и развлечениям, Марцелл незаметно для неприятеля не только овладел башней, но еще до рассвета заполнил своими воинами всю стену по обе стороны от нее и пробился сквозь Гексапилы⁶⁶⁸. Когда же сиракузяне наконец заметили врага и среди них поднялась тревога, он приказал повсюду трубить в трубы и этим обратил противника в беспорядочное бегство: осажденные в ужасе решили, что весь город уже в руках римлян. Но они еще владели самым красивым, обширным и лучше других укрепленным кварталом – Ахрадиной, потому что этот квартал был обнесен особою стеной, примыкавшей к стенам внешней части города (одна часть его называлась Неаполь, другая – Тихэ).

19. С рассветом Марцелл, сопровождаемый поздравлениями своих военных трибунов,

---

⁶⁶⁸ 16. Гексапилы («Шестивратье») – это место в городе точному отождествлению не поддается.

через Гексапилы спустился в город. Говорят, что, глядя сверху на Сиракузы и видя их красоту и величие, он долго плакал, сострадая грядущей их судьбе: он думал о том, как неузнаваемо неприятельский грабеж изменит вскоре их облик. Ведь не было ни одного начальника, который бы осмелился возразить солдатам, требовавшим отдать им город на разграбление, а многие и сами приказывали жечь и разрушать все подряд. Но такие речи Марцелл решительно пресек и лишь с великою неохотой дал разрешение своим людям поживиться имуществом и рабами сиракузян, свободных же не велел трогать и пальцем – ни убивать их, ни бесчестить, ни обращать в рабство. И все же, обнаружив, казалось бы, такую умеренность, он считал судьбу города жалкой и плачевной и даже в этот миг великой радости не смог скрыть своей скорби и сострадания, предвидя, что в скором времени весь этот блеск и процветание исчезнут без следа. Говорят, что в Сиракузах добычи набралось не меньше, чем впоследствии после разрушения Карфагена, ибо солдаты настояли на том, чтобы и оставшаяся часть города, которая вскоре пала по вине изменников, была разграблена, и лишь богатства царской сокровищницы поступили в казну.

Но более всего огорчила Марцелла гибель Архимеда. В тот час Архимед внимательно разглядывал какой-то чертеж и, душою и взором погруженный в созерцание, не заметил ни вторжения римлян, ни захвата города: когда вдруг перед ним вырос какой-то воин и объявил ему, что его зовет Марцелл, Архимед отказался следовать за ним до тех пор, пока не доведет до конца задачу и не отыщет доказательства. Воин рассердился и, выхватив меч, убил его. Другие рассказывают, что на него сразу бросился римлянин с мечом, Архимед же, видя, что тот хочет лишить его жизни, молил немного подождать, чтобы не пришлось бросить поставленный вопрос неразрешенным и неисследованным; но римлянин убил его, не обратив ни малейшего внимания на эти просьбы. Есть еще третий рассказ о смерти Архимеда: будто он нес к Марцеллу свои математические приборы – солнечные часы, шары, угольники, – с помощью которых измерял величину солнца, а встретившиеся ему солдаты решили, что в ларце у него золото, и убили его. Как бы это ни произошло на самом деле, все согласны в том, что Марцелл был очень опечален, от убийцы с омерзением отвернулся как от преступника, а родственников Архимеда разыскал и окружил почетом.

20. До тех пор римляне были в глазах других народов опытными воинами и грозными противниками в битвах, но не дали им никаких доказательств своей благожелательности, человеколюбия и вообще гражданских добродетелей. Марцелл в Сицилии, по-видимому, впервые позволил грекам составить более верное суждение о римской справедливости. Он так обходился с теми, кому случалось иметь с ним дело, и оказал благодеяния стольким городам и частным лицам, что, если население Энны⁶⁶⁹, мегаряне или сиракузяне потерпели слишком жестоко, вина за это, казалось, лежала скорее на побежденных, чем на победителях. Приведу один пример из многих.

Есть в Сицилии город Энгий – небольшой, но очень древний, прославленный чудесным явлением богинь, называемых «Матери». Тамошний храм, по преданию, воздвигли критяне; в храме показывают копья и медные шлемы: на одних написано имя Мериона, на других – Улисса (то есть – Одиссея), которые принесли оружие в дар богиням. Этот город был горячо предан Ганнибалу, но Никий, один из первых граждан, вполне откровенно высказывая свое мнение в Народном собрании, уговаривал земляков принять сторону римлян и изобличал противников в недалёковидности. А те, опасаясь его силы и влияния, сговорились схватить Никия и выдать карфагенянам. Почувствовав, что за ним тайно следят, Никий стал открыто вести неподобающие речи о богинях-Матерях и всеми способами выказывал неверие и пренебрежение к общепринятому преданию об их чудесном явлении – к радости своих врагов: ведь такими действиями он сам навлек на себя злую участь, которая его ожидала. В день, когда все приготовления к аресту были уже закончены, Никий, выступая в Народном

---

⁶⁶⁹ 17. ...население Энны ... – За попытку перейти на сторону Ганнибала римляне в 214 г. перебили всех мужчин этого города.

собрании перед согражданами, вдруг оборвал на полуслове свою речь и опустился на землю, а немного спустя, когда, как и следовало ожидать, все в изумлении умолкли, он поднял голову, огляделся и застонал – сначала робко и глухо, а потом все громче и пронзительнее; видя, что весь театр безмолвствует и трепещет от ужаса, он сбросил с плеч гиматий, разодрал на себе хитон, полунагой вскочил на ноги и бросился к выходу из театра, крича, что его преследуют богини-Матери. В суеверном страхе никто не дерзнул наложить на него руку или преградить ему путь, напротив, все расступались, и он добежал до городских ворот, не упустив из виду ни единого вопля или телодвижения, какие свойственны одержимым и безумцам. Жена, посвященная в его замысел и действовавшая с ним заодно, забрала детей и сначала с мольбою припала к святилищу богинь, а потом, сделав вид, будто отправляется на поиски мужа-скитальца, беспрепятственно покинула город. Таким образом они благополучно добрались до Сиракуз и прибыли к Марцеллу. Когда же впоследствии Марцелл явился в Энгий и заключил жителей в тюрьму, намереваясь расправиться с ними за всю их наглость и бесчинства, к нему пришел Никий, весь в слезах, и, касаясь рук его и колен, стал просить за своих сограждан, прежде всего за врагов; растрогавшись, Марцелл отпустил всех и городу не причинил никакого вреда, а Никию дал много земли и богатые подарки. Сообщает об этом философ Посидоний.

21. Когда римляне отозвали Марцелла из Сицилии, чтобы поручить ему руководство военными действиями в самой Италии, он вывез из Сиракуз бо льшую часть самых прекрасных украшений этого города, желая показать их во время триумфального шествия и сделать частью убранства Рима. Ведь до той поры Рим и не имел и не знал ничего красивого, в нем не было ничего привлекательного, утонченного, радующего взор: переполненный варварским оружием и окровавленными доспехами, сорванными с убитых врагов, увенчанный памятниками побед и триумфов, он являл собою зрелище мрачное, грозное и отнюдь не предназначенное для людей робких или привыкших к роскоши. Подобно тому, как Эпаминонд называл Беотийскую равнину орхестрой Ареса⁶⁷⁰, а Ксенофонт⁶⁷¹ Эфес – мастерскою войны, так, по-моему, вспомнив слова Пиндара⁶⁷², Рим в то время можно было назвать святилищем неукротимого воителя Ареса. Вот почему в народе пользовался особой славой Марцелл, украсивший город прекрасными произведениями греческого искусства, доставлявшими наслаждение каждому, кто бы на них ни глядел, а среди людей почтенных – Фабий Максим. Фабий Максим, взяв Тарент, не тронул и не вывез оттуда никаких статуй и изображений, но, забравши деньги и прочие богатства, промолвил ставшие знаменитыми слова: «Этих разгневанных богов оставим тарентинцам». Марцелла же обвиняли в том, что, проведя по городу в своем триумфальном шествии не только пленных людей, но и пленных богов, он сделал Рим предметом всеобщей ненависти, а также в том, что народ, привыкший лишь воевать да возделывать поля, не знакомый ни с роскошью, ни с праздностью, народ, который, подобно Эврипидову Гераклу,

Не знал забав пустых, но подвиги свершал⁶⁷³,

он превратил в бездельников и болтунов, тонко рассуждающих о художествах и художниках и убивающих на это бо льшую часть дня. Однако Марцелл тем как раз и похвалялся перед греками, что научил невежественных римлян ценить замечательные

⁶⁷⁰ 18. ...орхестрой Ареса ... – Т.е. «танцплощадка войны».

⁶⁷¹ 19. Ксенофонт – см.: «Греческая история», III, 4; 17.

⁶⁷² 20. ...слова Пиндара ... – см.: Пифийские оды, 2, 1; у Пиндара это сказано о Сиракузах.

⁶⁷³ 21. Не знал забав пустых, но подвиги свершал. – Отрывок из несохранившейся трагедии.

красоты Эллады и восхищаться ими.

22. Так как враги Марцелла возражали против предоставления ему триумфа, ссылаясь на то, что война в Сицилии еще не совсем окончена, а равно и на то, что третий триумф может стать источником зависти и неприязни к полководцу, он уступил им и согласился довести все великое шествие целиком лишь до Альбанской горы, а в самый город вступить малой процессией, которую греки называют «э ва», а римляне – «овация». Справляющий овацию не едет на запряженной четверкою колеснице, не увенчивается лавровым венком, вокруг него не гремят трубы; он идет пешком, обутый в сандалии, в сопровождении целой толпы флейтистов, и голова его увенчана миртом – зрелище скорее мирное и приятное, чем внушающее страх. На мой взгляд, это самым убедительным образом свидетельствует, что в древности лишь обстоятельства дела, а не его размеры определяли различия между триумфальными шествиями. Те, кто одерживал победу, выиграв сражение и истребив врага, совершали въезд воинственный и грозный, обильно украшая людей и оружие ветвями лавра, как это принято при обряде очищения войск; тем же полководцам, которые, не прибегая к насилию, улаживали все посредством убеждений и переговоров, закон назначал это мирное и праздничное шествие, сопровождавшееся радостным пзаном. Ведь флейта – миролюбивый инструмент, а мирт посвящен Афродите, которая больше всех остальных богов ненавидит насилие и войны. Этот вид триумфального шествия получил название овации не от греческого слова «эвасмос» [euasmós]⁶⁷⁴, как думают многие, – ведь и большой триумф справляют с песнями и криками ликования, и греки просто исказили латинское слово, приблизив его к одному из слов своего языка, в убеждении, что победители, между прочим, оказывают почести и Дионису, которого мы зовем Эвием и Фриамбом. На самом же деле существовал обычай, по которому полководец при большом триумфе приносил в жертву быка, а при малом – овцу. Овцы по-латыни «ова» [oves], отсюда и происходит название «овация». Любопытно отметить, что спартанский законодатель установил порядок жертвоприношений, как раз обратный римскому. В Спарте полководец, достигший своей цели благодаря хитрости и убедительным речам, приносит в жертву быка, а победивший в открытом бою – петуха. Так даже столь воинственный народ, как спартанцы, полагал слово и разум более достойным и подобающим человеку средством действия, нежели силу и отвагу. Впрочем, каждый вправе сам решить для себя этот вопрос.

23. Когда Марцелл был консулом в четвертый раз, его враги уговорили сиракузян приехать в Рим и обратиться в сенат с жалобой на жестокость и вероломство, жертвами которых они сделались. В тот день Марцелл совершал какое-то жертвоприношение на Капитолии; сиракузяне явились в курию к концу заседания и стали просить выслушать их и оказать им правосудие, но второй консул не дал им говорить, возмущенный их намерением воспользоваться отсутствием Марцелла. Однако последний, узнав о случившемся, поспешил в сенат; прежде всего, сев в курульное кресло⁶⁷⁵, он занялся делами, и лишь затем, покончив с ними, поднялся с кресла, стал, как любое частное лицо, на то место, с которого обыкновенно говорят обвиняемые, и предоставил себя в распоряжение сиракузян. Те же до крайности были смущены его достойным, уверенным видом, и его неодолимость, прежде явившая себя в боевых доспехах, показалась им теперь еще более грозной и пугающей, облаченная в тогу с пурпурной каймой. Тем не менее, ободряемые противниками Марцелла, они заговорили, и смысл их речи, где обвинения были перемешаны с жалобами, сводился к тому, что сиракузяне, друзья и союзники римского народа, испытали такие бедствия, от каких другие полководцы часто избавляли даже неприятеля. На это Марцелл ответил, что в

⁶⁷⁴ 22. «Эвасмос» [euasmōs] – крик ликования. Этимология, защищаемая Плутархом, была в Риме общепринятой.

⁶⁷⁵ 23. *Курульное кресло* – стул без спинки на выгнутых складных ножках, выложенный слоновой костью, – знак достоинства заседающих консулов, преторов и курульных эдилов.

наказание за все свои враждебные по отношению к римлянам действия сиракузяне не потерпели никаких иных бедствий, кроме тех, которые неизбежно случаются с жителями города, взятого вооруженной рукой, и воспрепятствовать которым не в силах никто, а что взят был город по их собственной вине – ведь он, Марцелл, неоднократно предлагал им вступить в переговоры, они же и слышать об этом не хотели. Не тиранны принудили их вести войну, но сами они добровольно покорились тираннам, чтобы эту войну начать. Когда речи обеих сторон были закончены и сиракузяне, в соответствии с обычаем, покинули курию, вышел и Марцелл, уступив председательство товарищу по должности, и стал у дверей, нисколько не изменившись в лице ни от страха перед приговором, ни от гнева на сиракузян, но сдержанно и совершенно спокойно ожидая исхода дела. После того как сенаторы высказали свое мнение и Марцелл был объявлен невиновным, посланцы сиракузян со слезами бросились к его ногам, умоляя выместить досаду только на них, но пощадить город, который помнит о его милостях и хранит неизменную к нему признательность. Марцелл был растроган и не только примирился со своими обвинителями, но и впредь никогда не отказывал сиракузянам в расположении и услугах. Независимость, которую он им даровал, их законы, а также право владения оставшимся у них имуществом были подтверждены сенатом. В благодарность сиракузяне почтили Марцелла неслыханными почестями и, между прочим, приняли закон, по которому всякий раз, когда он сам или кто-нибудь из его потомков ступит на землю Сицилии, сиракузяне должны надевать венки и приносить жертвы богам.

24. Затем Марцелл выступил против Ганнибала. После битвы при Каннах почти все полководцы держались одного образа действий – избегали сражения, и никто из них не дерзал встретиться с пунийцем в открытом бою: Марцелл же избрал противоположный путь, полагая что, прежде чем истечет время, которое якобы должно истощить силы Ганнибала, он сам незаметно для своих противников сокрушит Италию и что Фабий, помышляющий лишь о безопасности, плохо врачует болезнь отечества, дожидаясь, пока вместе с мощью Рима угаснет и война, – так робкие врачи, не решающиеся применить нужные лекарства, потерю сил у больного принимают за ослабление болезни.

Сначала он захватил несколько значительных самнитских городов, отпавших от Рима, и в его руки попали большие запасы хлеба, много денег, а также поставленные там Ганнибалом гарнизоны, всего три тысячи воинов. Потом, когда Ганнибал убил в Апулии бывшего консула Гнея Фульвия с одиннадцатью военными трибунами и истребил бо льшую часть его войска, Марцелл отправил в Рим послание, призывая сограждан не падать духом, ибо он уже двинулся на Ганнибала и скоро положит конец его ликованию. Это послание было прочитано, но, как сообщает Ливий⁶⁷⁶, нисколько не уняло скорбь и лишь усилило страх: римляне были уверены, что грядущая опасность настолько значительнее случившейся беды, насколько Марцелл выше Фульвия. А Марцелл, исполняя свое обещание, немедленно пустился вслед за Ганнибалом и настиг его в Лукании близ города Нумистрона; карфагеняне занимали надежные позиции на вершинах холмов, Марцелл разбил лагерь на равнине. На следующий день он первый выстроил войско в боевой порядок и, когда Ганнибал спустился с высот, дал ему сражение, решительного исхода не имевшее, но ожесточенное и весьма продолжительное: оно завязалось в третьем часу и насилиу окончилось уже в сумерках. На рассвете он снова вывел своих людей, выстроил их среди трупов и предложил Ганнибалу биться до победы. Но тот отступил, и Марцелл, сняв доспехи с убитых врагов и похоронив своих мертвых, снова двинулся за ним следом, удивительно удачно избегая расставленных ему неприятелем ловушек и одерживая верх во всех стычках.

Поэтому, когда подошло время выборов, сенат предпочел, не тревожа Марцелла, поглощенного погоней за Ганнибалом, вызвать из Сицилии второго консула и предложил ему назначить диктатора – Квинта Фульвия. Ведь диктатор не избирается ни народом, ни

⁶⁷⁶ 24. ...сообщает Ливий ... – см.: XXVII, 2.

сенатом, но один из консулов или преторов выходит к народу и объявляет диктатором того, кого сочтет нужным. Отсюда и название «диктатор»; «объявлять» по-латыни «дикере» [dicere]. Иные утверждают, будто его называют так потому, что он не назначает подачи мнений и голосов, но просто отдает приказы по своему усмотрению. А приказы властей (по-гречески – «диаатагмата» [diatagmata]) у римлян обозначаются словом «эдикта» [edictum].

25. Коллега Марцелла, прибывший из Сицилии, хотел назначить диктатора, не считаясь с советом сената, но, опасаясь, как бы его не заставили сделать выбор вопреки собственному суждению, ночью отплыл в Сицилию; тогда народ провозгласил Квинта Фульвия диктатором, а сенат написал Марцеллу, прося его утвердить решение народа. Марцелл охотно повиновался и сам был назначен на следующий год полководцем в ранге консула. Договорившись с Фабием Максимом, что тот предпримет попытку взять Тарент, а сам он, тревожа Ганнибала непрерывными стычками, постарается помешать ему оказать городу помощь, Марцелл настиг неприятеля в окрестностях Канузия и, хотя карфагеняне, уклоняясь от битвы, то и дело передвигались с места на место, всякий раз неожиданно появлялся перед ними, а в конце концов, напав на уже укрепленный лагерь, обстрелом издали заставил их принять бой; началось сражение, которое вскоре было прервано ночью темнотой. А наутро он был снова в доспехах, и войско уже стояло в боевом строю. Увидев это, Ганнибал, до крайности удрученный и встревоженный, созвал своих карфагенян и заклинал их сразиться так, чтобы упрочить все предыдущие победы. «Вы сами видите, – сказал он, – что после стольких побед мы не можем перевести дух и насладиться покоем до тех пор, пока не разделаемся с этим человеком». Затем оба полководца двинули войска вперед; Марцелл был разбит – по-видимому, из-за одного несвоевременного распоряжения. Видя, что правому крылу приходится очень трудно, он приказал какому-то из легионов выдвинуться вперед, но само перестроение вызвало замешательство в рядах и отдало победу в руки неприятеля; римлян пало две тысячи семьсот человек. Марцелл отступил в свой лагерь, собрал воинов и, обведя их взором, воскликнул, что видит римское оружие и римскую плоть, но ни единого римлянина не видит. В ответ на просьбы о прощении он заявил, что простит только победителей, но не побежденных и что завтра опять поведет их в сражение, чтобы сначала граждане узнали о победе и лишь потом – о бегстве. Закончив свою речь, он велел отмерить разбитым когортам ячменя вместо пшеницы. Все это произвело на солдат такое впечатление, что хотя многие после боя были едва живы, не оказалось ни единого, кто бы не страдал от слов Марцелла сильнее, нежели от собственных ран.

26. На рассвете, по обыкновению, был вывешен пурпурный хитон – знак предстоящей битвы; опозоренным когортам Марцелл, выполняя их просьбу, разрешил стать в первый ряд, а за ними военные трибуны выстроили остальное войско. Когда об этом донесли Ганнибалу, он воскликнул: «О Геракл! Ну как совладать с этим человеком, который одинаково не уступает ни доброй, ни злой судьбе! Лишь он один, победив, не дает противнику передышки, а побежденный – сам от нее отказывается. Видно, нам предстоит сражаться с ним вечно, потому что вечно будет у него какой-нибудь повод снова попытать счастья: после удачи – уверенность в себе, после неудачи – стыд!» Затем противники вступили в бой, и так как ни та ни другая сторона не могла добиться перевеса, Ганнибал приказал вывести вперед слонов и пустить их на римлян. Тут же в передних рядах поднялось смятение, и началась страшная давка; тогда один из военных трибунов, по имени Флавий, схватил знамя, подбежал к первому слону и, ударив его древком, заставил повернуть назад. А тот, столкнувшись с другим слоном, испугал и его, и всех остальных животных. Марцелл заметил это и приказал своим всадникам скакать во весь опор к месту столкновения и усилить замешательство среди врагов. Конница ударила на карфагенян так стремительно, что отбросила их до самого лагеря, причем убитые слоны, падая, наносили неприятелю гораздо больший урон, чем римляне, – говорят, что всего погибло более восьми тысяч человек. Римляне потеряли убитыми три тысячи, но почти все оставшиеся в живых были ранены, что и позволило карфагенянам ночью беспрепятственно сняться с места и уйти от Марцелла как можно

дальше. Он был не в силах преследовать их из-за множества раненых и медленно вернулся в Кампанию; там, в городе Синуессе, он провел лето, чтобы дать людям прийти в себя и набраться сил.

27. Таким образом, Ганнибал освободился от Марцелла и, словно распустив свое войско, принялся безбоязненно опустошать всю Италию огнем. Против Марцелла в Риме зазвучали возмущенные речи. Его враги подговорили народного трибуна Публиция Бибула, человека красноречивого и горячего, выступить с обвинением, и Бибул несколько раз собирал народ и убеждал его поручить командование другому полководцу. «Марцелл, – говорил он, – не успев по привычке к войне, уже, словно из палестры, отправился в теплые бани отдыхать». Узнав об этом, Марцелл оставил войско на попечение своих легатов, а сам вернулся в Рим, чтобы очистить себя от возведенной на него клеветы, но, как обнаружилось, клевета уже возымела свое действие: он был привлечен к суду. В назначенный день народ собрался в цирк Фламиния; поднялся Бибул и произнес обвинительную речь; Марцелл говорил в свою защиту кратко и просто, зато первые и самые уважаемые из граждан, не жалея слов, в самых резких и откровенных выражениях, предупреждали римлян, как бы, осудив Марцелла за трусость, они не оказались худшими судьями, нежели противник, который избегает встречи с одним лишь Марцеллом и столь же усердно уклоняется от битвы с ним, сколь неутомимо ищет битвы со всеми прочими полководцами. Все эти речи привели к тому, что обвинитель полностью обманулся в своих надеждах: Марцелл был не только оправдан, но даже избран консулом в пятый раз.

28. Вступив в должность, он начал с того, что пресек сильную смуту в Этрурии, направленную к отпадению от Рима, и, объехав этрусские города, успокоил их. Затем он хотел посвятить храм, который выстроил за счет сицилийской добычи, Славе и Доблести, но жрецы воспротивились, считая, что не должно поселять двух богинь в одном храме, и Марцелл, сильно раздосадованный случившейся заминкой, видя в ней дурное предзнаменование, начал строить рядом второй храм. Его тревожили и многие другие знамения: в кровли разных храмов ударяла молния, в святилище Юпитера мыши обглодали золото, ходили слухи, будто бык заговорил человеческим голосом и что родился ребенок с головою слона. Совершались искупительные жертвоприношения, чтобы отвратить гнев богов, но внутренности жертвенных животных не сулили добра, и, хотя Марцелл был вне себя от нетерпения, прорицатели удерживали его в Риме. Никто и никогда не желал чего бы то ни было так страстно, как Марцелл – решительного сражения с Ганнибалом. Об одном грезил он по ночам, об одном советовался с друзьями и товарищами по службе, об одном молился – о встрече с Ганнибалом на поле битвы. Мне кажется, более всего был бы он рад, если бы место этой встречи оказалось обнесенным стеной или частоколом, и, когда бы не громкая слава, которою он был пресыщен, и не многочисленные доказательства неколебимости и благоразумия, которые он дал, превзойдя в этом любого иного полководца, я бы сказал, что он обнаружил больше честолюбия и мальчишеской запальчивости, чем подобало человеку в его возрасте: ведь ему было уже больше шестидесяти, когда он стал консулом в пятый раз.

29. Наконец все жертвоприношения и очищения, которых требовали прорицатели, были завершены, Марцелл вместе с товарищем по должности выступил в поход и принялся всячески беспокоить Ганнибала, который расположился лагерем между городами Бантия и Венусия. От битвы Ганнибал воздержался, но, узнав, что консулы посылают большой отряд на Локры Эпизефирийские, устроил засаду под холмом близ Петелия и уничтожил две с половиной тысячи римлян. Это несчастье еще сильнее разожгло в Марцелле жажду битвы, и он подошел почти вплотную к неприятелю. Оба лагеря разделял теперь только холм, хорошо укрепленный самой природой: покатые склоны, заросшие лесом, открывали свободный обзор на обе стороны и изобиловали ключами, от которых сбегали вниз ручьи. Римляне были изумлены, что Ганнибал, который мог первым занять эту отличную позицию, оставил ее врагу. Но тот, оценив, разумеется, как удобно это место для лагеря, решил, что еще удобнее оно для засады; предпочтя использовать его именно таким образом, он расположил в лесу и в

лощинах множество копейщиков, уверенный, что выгодное положение холма привлечет внимание римлян. И надежды его оправдались: среди римлян сразу же пошли речи, что холм нужно захватить, и даже солдаты, как бы вмешиваясь в дела полководца, рассуждали о преимуществах над врагом, которые они получают, расположившись там лагерем или, по крайней мере, закрепившись на склонах и вершине.

Марцелл решил выехать на разведку с немногими всадниками и, послав за прорицателем, велел ему совершить жертвоприношение. Когда первое животное было заколото, жрец показал Марцеллу печень без головки. Заколов второе животное, обнаружили головку непомерной величины, и так как все остальные приметы были вполне благоприятны, страх, вызванный первыми впечатлениями, казалось, должен был миновать. Однако прорицатели объявили, что именно это обстоятельство особенно их пугает и тревожит: когда священные знамения из самых печальных и мрачных становятся вдруг самыми радостными, столь крутая перемена сама по себе подозрительна. Но, как сказано у Пиндара⁶⁷⁷: «Того, что послало роком, не одолеет ни огонь, ни железная стена».

И вот Марцелл, взяв с собою своего товарища по должности Криспина, сына, который был военным трибуном, и отряд всадников – всего двести двадцать человек, поскакал к холму. В отряде не было ни одного римлянина: большинство составляли этруски, а кроме них было сорок вольсков из Фрегелл, уже не раз доказавших Марцеллу свою храбрость и преданность. Так как холм зарос густым лесом, человек на вершине, наблюдавший за римским лагерем, хорошо видел неприятеля, сам оставаясь незамеченным. Он дал знать сидевшим в засаде о том, что происходит внизу, и карфагеняне, подпустив Марцелла совсем близко, внезапно поднялись, разом окружили римлян и стали метать копья и рубить врага мечами, а потом пустились в погоню за бегущими и ударили на тех, кто еще продолжал сопротивляться. Это были сорок фрегеллийцев. Этруски с самого начала в ужасе бросились кто куда, а вольски, тесно сомкнувшись, защищали обоих консулов; но в конце концов Криспин, раненный двумя дротиками, повернул коня, а Марцеллу кто-то из нападавших пробил бок копьем с широким наконечником, которое римляне называют «ланкиа» [lancea], и тогда фрегеллийцы, – а их было уже очень немного, – оставили тело своего полководца и, вырвав из рук противника раненого сына Марцелла, тоже бежали в лагерь. Убитых было не больше сорока, в плен попали пять ликторов и восемнадцать всадников. Спустя несколько дней умер от ран и Криспин. Итак, в одном сражении погибли сразу оба консула – такое несчастье еще никогда не выпадало римлянам на долю.

30. Ганнибал равнодушно выслушал донесение, но узнав о смерти Марцелла, сам поспешил к месту схватки и, стоя над трупом, долго и пристально глядел на сильное, ладное тело убитого; с его губ не слетело ни единого слова похвалы, лицо не выразило и следа радости оттого, что пал непримиримый и грозный враг, но, дивясь неожиданной гибели Марцелла, он только снял у него с пальца кольцо, а тело приказал подобающим образом украсить, убрать и со всеми почестями предать сожжению, останки же собрать в серебряную урну и, возложив на нее золотой венок, отправить сыну покойного. Но воинам, выполнявшим это поручение, случайно встретились какие-то нумидийцы и попытались отнять у них урну, те оказали сопротивление, завязалась борьба и кости рассыпались по земле. Когда об этом сообщили Ганнибалу, он промолвил: «Ничто не случается помимо воли богов», – и нумидийцев, правда, наказал, но не стал заботиться о том, чтобы останки вновь собрали и доставили в Рим, полагая, что какой-то бог судил Марцеллу столь неожиданно погибнуть и лишиться погребения. Такой рассказ⁶⁷⁸ мы находим у Корнелия Непота и

⁶⁷⁷ 25. ...у Пиндара ... – Отрывок из неизвестной оды.

⁶⁷⁸ 26. Такой рассказ ... – У Ливия (XXVII, 28) и у Валерия Максима (V, 1, 4) этих живописных подробностей нет; Непот писал об этом в несохранившейся биографии Марцелла, а Август – по-видимому, в речи над своим безвременно умершим наследником М. Марцеллом (упоминаемым ниже).

Валерия Максима, Ливий же и Цезарь Август говорят, что урна была вручена сыну и торжественно предана земле. Кроме храмов и приношений в самом Риме, Марцелл посвятил богам гимнасий, выстроенный им в Катане на острове Сицилии, а несколько статуй и картин из сиракузской добычи пожертвовал в святилище Кабиров на Самофракии и в храм Афины в Линде. В Линде была и его статуя, как сообщает Посидоний – со следующей надписью:

Здесь пред тобой, чужестранец, светило великое Рима,
Именем Клавдий Марцелл, предков прославленных сын.
Он семикратно в годину войны наивысшею властью
Был облечен, и врагов множество пало пред ним.

(Автор эпиграммы причисляет к пяти консульствам еще двукратное командование войсками в ранге консула.) Род его сохранял свой блеск вплоть до Марцелла, племянника Цезаря, – сына его сестры Октавии и Гая Марцелла; он был эдилом и умер вскоре после женитьбы на дочери Августа. В честь его и в память о нем Октавия выстроила и посвятила богам библиотеку, а Цезарь – театр, который носит имя Марцелла.

[Сопоставление]

31 (1). Вот все, что мне кажется достойным упоминания из рассказов о Марцелле и Пелопиде. При удивительном сходстве их нрава и образа мыслей – оба были храбры, неутомимы, горячи, великодушны – различие между ними можно, пожалуй, усмотреть лишь в том, что Марцелл во многих из покоренных им городов учинил кровопролитие, тогда как Эпаминонд и Пелопид, одержав победу, никогда и никого не казнили и никогда не обращали в рабство целые города. Более того, полагают, что, будь они живы, фиванцы не расправились бы так жестоко с жителями Орхомена⁶⁷⁹. Что касается их подвигов, то величайшего восхищения заслуживают действия Марцелла против кельтов, когда он с немногими всадниками разбил столь значительные силы конницы и пехоты, – не так-то просто найти в истории полководца, совершившего что-либо подобное, – и убил вражеского военачальника. То же самое пытался сделать и Пелопид, но неудачно: он погиб сам, так и не успев погубить тиранна. Впрочем, с победою римлян в борьбе против кельтов можно сравнить прославленные, великие битвы при Левктрах и Тегирах, а с другой стороны, мы не знаем у Марцелла ни одного подвига, сопряженного с тайнами и засадами, – равного возвращению Пелопида из изгнания и убийству тираннов в Фивах, а ведь это деяние, мне кажется, должно считаться самым первым среди тех, что совершились под прикрытием мрака и с помощью обмана.

Ганнибал был для римлян страшным противником и неотступно их теснил – так же, как лакедемоняне для фиванцев. Но никто не станет спорить, что спартанцы отступили перед Пелопидом при Тегирах и Левктрах, Ганнибал же, как пишет Полибий⁶⁸⁰, ни разу не потерпел поражения от Марцелла и оставался непобедимым до тех пор, пока не появился Сципион; впрочем, следуя Ливию, Цезарю и Непоту, а среди греческих историков – царю Юбе, мы склонны верить, что Марцелл несколько раз одерживал верх над Ганнибалом и обращал его в бегство. Правда, ни одна из этих битв не имела решающего значения, и можно предполагать, что самый отход ливийца был всякий раз лишь военной хитростью. В любом

---

⁶⁷⁹ 27. ...с жителями Орхомена. – В 362 г. фиванские аристократы-изгнанники, бежавшие в Орхомен, пытались свергнуть демократию в Фивах; фиванцы после этого разрушили Орхомен, перебили мужчин и продали в рабство женщин и детей.

⁶⁸⁰ 28. ...как пишет Полибий ... – В несохранившихся книгах «Истории».

случае, после стольких поражений, потеряв столько полководцев, убедившись, что само владычество их пошатнулось, римляне все же нашли в себе мужество встретиться с неприятелем лицом к лицу, и это по справедливости достойно изумления. А кто избавил войско от долгого страха и уныния, кто, увещая и ободряя, снова вдохнул в него ревность к славе и боевой зазор, а главное – желание не уступать победу при первом же натиске, но упорно за нее сражаться? Никто, кроме Марцелла! Людей, которых несчастья приучили радоваться, если удавалось благополучно ускользнуть от Ганнибала, он выучил считать позором спасение, купленное ценою бегства, стыдиться любых, самых незначительных уступок врагу и горевать, когда успех оказывался не на их стороне.

32 (2). Поскольку Пелопид, командуя войсками, ни разу не терпел поражений, а Марцелл одержал больше побед, чем любой из римских полководцев того времени, последний, почти непобедимый, мог бы, пожалуй, благодаря огромному числу своих успехов сравняться с первым – вообще не знавшим поражений. К тому же Марцелл Сиракузы взял, а Пелопид в Лакедемонне своей цели не достиг, но мне кажется, что первым из людей переправиться с враждебными намерениями через Эврот и подступить к стенам Спарты – труднее и важнее, чем захватить всю Сицилию. Правда, мне могут возразить, что это заслуга скорее Эпаминонда, чем Пелопида, точно так же, как и победа при Левктрах, Марцеллу же ни с кем не приходится делить свою славу. В самом деле, он один взял Сиракузы, один, без товарища по консульству, разгромил кельтов и один, без чьей-либо помощи, напротив, вопреки всем уговорам, двинулся против Ганнибала, первым из военачальников сменив осторожность на отвагу и тем самым дав иное направление всему ходу войны.

33 (3). А вот кончину того и другого я не решаюсь восхвалять – со скорбью и негодованием я думаю об этом непредвиденном и несчастном стечении обстоятельств. Я восхищаюсь Ганнибалом, который во всех своих сражениях – а им счету нет! – ни разу не был ранен, хвалю и Хрисанфа, о котором рассказывается в «Воспитании Кира»⁶⁸¹, как однажды в бою он уже занес меч, чтобы сразить врага, но вдруг услышал сигнал к отступлению, бросил своего противника и, соблюдая полное спокойствие, удалился. Впрочем, Пелопида извиняет и чрезмерное возбуждение, охватывающее человека в разгар боя, и благородная жажда мести. Ведь нет лучшей участи для полководца, чем победить и остаться в живых, а уж если умирать – то, как говорил Эврипид⁶⁸², славно окончить жизнь. Тогда смерть становится для умирающего уже не страданием, а подвигом. Кроме гнева, причиной порыва Пелопида было еще то, что победу он хотел увенчать убийством тиранна; а это уже не безрассудство, ибо нелегко указать какие-либо иные подвиги, имеющие цель столь же высокую и прекрасную. Между тем Марцелл, – хотя не было на то большой нужды и хотя им не владело иступление, нередко в грозные минуты берущее верх над рассудком, – ринулся очертя голову навстречу опасности и пал смертью не полководца, но солдата из головного отряда или лазутчика, бросив под ноги испанцам и нумидийцам, продавшим свою жизнь Карфагену, пять консульств, три триумфа, добычу, захваченную у чужеземных царей, и воздвигнутые трофеи. Даже сами наемники словно были испуганы собственной победой, узнав, что среди разведчиков-фрегеллийцев пал храбрейший из римлян, человек, пользовавшийся величайшим влиянием и громкою славой.

Мои слова следует понимать не как обвинение против этих мужей, но как своего рода неодобрение, откровенно высказанное им в глаза, – неодобрение им самим и их храбрости, в жертву которой они принесли все свои добрые качества, не пощадив ради нее даже жизни и погибнув словно бы в угоду собственной прихоти, а не ради отечества, друзей и союзников.

Пелопида хоронили союзники, за которых он отдал жизнь, Марцелла – враги, которые лишили его жизни. Первое – подлинное и достойное зависти счастье, но если вражда

⁶⁸¹ 29. ...в «Воспитании Кира» ... – Ксенофонт. Киропедия, VI, 1, 3.

⁶⁸² 30. ...как говорил Эврипид ... – Отрывок из несохранившейся трагедии.

преклоняется перед доблестью, не раз причинявшей ей горе, то это зрелище более величественно и внушительно, нежели проявление чувств приязни и благодарности. Ибо тут почести воздаются самому нравственному величию, и только ему, а в первом случае польза и выгода оцениваются выше доблести.

АРИСТИД И МАРК КАТОН

[Перевод С.П. Маркиша]

Аристид

1. Аристид, сын Лисимаха, происходил из дема Алопеки филы Антиохида. О его достатке судят по-разному. Одни утверждают, что он провел жизнь в крайней бедности и оставил двух дочерей, которые после смерти отца, терпя нужду, долгое время не могли выйти замуж. Эту точку зрения, разделяемую многими, оспаривает в сочинении о Сократе Деметрий Фалерский⁶⁸³, утверждая, что знает в Фалере поместье, именуемое «Аристидовым», где Аристид и похоронен, и приводя три других доказательства, свидетельствующие, по мнению Деметрия, о его состоянии: во-первых, он был архонтом-эпонимом, а на эту должность выбирались по жребию лица, принадлежавшие к самым богатым семействам, – так называемые пентакосиомедимны; во-вторых, он подвергся ostracism, между тем как ostracism никогда не применялся к беднякам, но лишь к людям знатым и могущественным, чья сила была ненавистна их согражданам; в-третьих же и в последних, он пожертвовал в храм Диониса священное приношение хорега-победителя⁶⁸⁴ – треножки, которые целы и по сей день и несут на себе следующую надпись: «Победила Антиохида, хорегом был Аристид, учителем хора Архестрат». Последнее обстоятельство кажется на первый взгляд самым важным, но в действительности оно ничего не доказывает. Ведь и Эпаминонд, который, как известно каждому, и воспитывался и жил в большой бедности, и философ Платон с достоинством несли расходы по хорегии, один – подготовив хор флейтистов, другой – киклический хор мальчиков: Платону дал денег Дион Сиракузский, а Эпаминонду – Пелопид. Люди порядочные не отвергают непримиримо и жестоко даров своих друзей, но, полагая бесчестным и унижительным принимать те из них, посредством которых утоляется корысть, не отказываются от подарков, служащих бескорыстному честолобию и славе. К тому же Панетий доказывает, что Деметрия ввело в заблуждение совпадение имен: со времени Персидских войн и до конца Пелопоннесской в списках значатся лишь два хорега Аристида, одержавшие победу в состязаниях, но ни того ни другого нельзя отождествлять с сыном Лисимаха, ибо отца первого из них звали Ксенофилом, а второй жил гораздо позже, как показывает начертание букв⁶⁸⁵ вошедших в употребление после Эвклида, и стоящее рядом имя учителя жоров Архестрата, которое ни разу не встречается в связи с событиями Персидских войн и очень часто – в связи с

---

⁶⁸³ 1. ...оспаривает ... Деметрий Филерский ... – Доводы его совершенно справедливы, а картина бедности Аристида, отстаиваемая Плутархом, – риторико-моралистическое преувеличение.

⁶⁸⁴ 2. ...хорега-победителя ... – См.: Фем., прим. 10. В музыкальных состязаниях хор строился кругом («киклически»), в драматических – прямоугольником. Победитель получал в награду треножник и посвящал его богу.

⁶⁸⁵ 3. ...начертание букв ... – В 403 г. (при архонте Эвклиде) в Афинах вместо древнеаттического был введен – и остался навсегда – ионийский алфавит. Надпись, на которую ссылается Деметрий, сохранилась (CIA, 2, 1257) и, действительно, сделана ионийским алфавитом, т.е. относится не к древнему Аристиду.

событиями Пелопоннесской войны. Однако мнение Панетия требует тщательного изучения. Что касается остракизма, то действию его мог подпасть любой, кого возносила над прочими слава, происхождение или красноречие: ведь и Дамон, учитель Перикла, отправился в изгнание за то, что казался согражданам чересчур разумным. Что же касается должности архонта, то, по словам Идоменея, Аристид получил ее не по жребию⁶⁸⁶, но был избран афинянами. Если он был архонтом после битвы при Платеях, как сообщает сам Деметрий, представляется весьма вероятным, что громкая слава и блистательные успехи помогли доблести удостоиться той же чести, какая обычно выпадала на долю богатства. Впрочем, хорошо известно, что Деметрий, считая бедность великим несчастьем, старается избавиться от нее не только Аристида, но и Сократа, утверждая, будто у последнего был собственный дом и даже семьдесят мин денег, которые Критон отдавал в рост.

2. Аристид был приверженцем Клисфена, учредившего после изгнания ти-раннов демократический образ правления, но среди государственных деятелей I он более всего восхищался лакедемонянином Ликургом и стремился ему подражать; поэтому, склоняясь на сторону аристократии, он во всем встречал сопротивление заступника народа Фемистокла, сына Неокла. Есть сведения, что еще детьми, воспитываясь вместе, они никогда не соглашались друг с другом – ни в серьезных занятиях, ни в забавах, ни на деле, ни на словах, и в этом соперничестве сразу же обнаружился характер обоих: проворство, пылкость и изворотливость Фемистокла, легко и быстро принимавшего любое решение, постоянство и основательность Аристида, всей душою устремленного к справедливости и даже в шутках не допускавшего обмана, пустой болтовни или надувательства. Аристон Кеосский сообщает, что причиной этой вражды, позже дошедшей до такого лютого ожесточения, была любовная страсть: оба горячо любили юношу Стесилая, родом также с Кеоса, намного превосходившего всех своих сверстников прелестью лица и тела, и, когда красота его отцвела, не оставили своего соперничества, но, словно то было для них предварительным упражнением, устремились на государственное поприще, пылая взаимной враждой. Фемистокл, вступив в дружеское сообщество⁶⁸⁷, приобрел таких могущественных защитников, что в ответ на чье-то замечание: «Ты мог бы стать прекрасным правителем Афин, если бы ко всем относился одинаково и беспристрастно», – сказал: «Я никогда не сяду на такой престол, который не предоставит моим друзьям больших прав и возможностей, нежели посторонним людям». Аристид же прокладывал свой путь в полном одиночестве, потому что, во-первых, не хотел угождая друзьям, чинить несправедливость остальным, равно как и обижать друзей отказом выполнить их желание, а во-вторых, видел, как часто могущество, приобретенное благодаря поддержке друзей, толкает человека на несправедливые поступки, и потому остерегался такого могущества, считая, что добрый гражданин может быть счастлив лишь тогда, когда всякое действие его и всякое слово будут честны и справедливы.

3. Тем не менее, поскольку Фемистокл, смело пуская в ход всевозможные средства, старался воспрепятствовать любому его предложению, Аристид, в свою очередь, был вынужден противодействовать начинаниям Фемистокла, отчасти для того, чтобы защитить себя, отчасти же – чтобы уменьшить влияние противника, все возраставшее благодаря расположению толпы: пусть лучше народ, думал он, оставит без внимания некоторые из полезных для государства советов, лишь бы Фемистокл не сделался всемогущим, одерживая победу за победой. В конце концов, взявши как-то раз верх над Фемистоклом, когда тот действовал разумно и целесообразно, Аристид не сдержался и, уходя из Собрании, сказал,

⁶⁸⁶ 4. ...не по жребию ... – Аристид был архонтом в 489 г., а выборы архонтов по жребию были введены только с 487 г.

⁶⁸⁷ 5. ...дружеское сообщество ... – «Гетерия» («товарищество»), религиозно-бытовой кружок, объединяющий политических единомышленников (в V в. преимущественно аристократов).

что афиняне до тех пор не будут в безопасности, пока не сбросят их обоих – и Фемистокла, и его самого – в пропасть⁶⁸⁸. В другой раз, внеся на рассмотрение народа какой-то законопроект, когда его мнение, невзирая на многочисленные и горячие возражения, все же возобладало и председатель уже готов был перейти к голосованию, Аристид убедился, что противники правы, и снял свое предложение. Нередко он обращался к Собранию через подставных лиц, чтобы Фемистокл из чувства соперничества не помешал полезному начинанию. Его твердость кажется особенно удивительной по сравнению с непостоянством других государственных деятелей: он был безразличен к почестям, в несчастьях сохранял присутствие духа, спокойствие и невозмутимость и полагал, что нужно предоставить себя в распоряжение отечества, не думая не только о вознаграждении, но и о славе и занимаясь делами государства бескорыстно. Вот почему, мне кажется, когда в театре прозвучали слова Эсхила об Амфиарае⁶⁸⁹:

Он справедливым быть желает, а не слыть.
С глубокой борозды ума снимает он
Советов добрых жатву, –

все взоры обратились к Аристиду, который, как никто другой, приблизился к этому образцу добродетели.

4. Не только благоволение и приязнь неутомимо обуздывал он, отстаивая справедливость, но и гнев, и ненависть. Рассказывают, что однажды он привлек к суду своего врага, и после обвинительной речи Аристида судьи отказались слушать ответчика, потребовав немедленного вынесения приговора; тогда Аристид вскочил и вместе с обвиняемым стал просить, чтобы того не лишали законного права высказаться в свою защиту. В другой раз, когда он был судьей в тяжбе двух частных лиц и один из них сказал, что другой причинил много неприятностей Аристиду, тот заметил: «Вот что, любезный, ты лучше говори о том, обижал ли он тебя: ведь я занимаюсь твоим делом, а не своим». Когда ему был поручен надзор за общественными доходами⁶⁹⁰, он уличил в огромных хищениях не только лиц, занимавших государственные должности одновременно с ним, но и тех, кто занимал их прежде, в особенности Фемистокла, который

Был разумом силен, да на руку нечист⁶⁹¹.

В отместку последний, собрав многих недовольных Аристидом, обвинил его, когда тот представил свой отчет, в краже и, как сообщает Идоменей, выиграл дело. Но первые и лучшие из афинян возмутились, и Аристид был освобожден от наказания и даже вновь назначен на прежнюю должность. На этот раз, делая вид, будто раскаивается в прежнем своем поведении, он выказал куда большую снисходительность и пришелся по душе расхитителям казны, которых он теперь те избличал и не допекал расследованиями, так что они, набив кошельки общественными деньгами, рассыпались в похвалах Аристиду, с немалым рвением убеждая народ переизбрать его еще раз. Перед самым началом голосования Аристид обратился к афинянам с таким упреком: «Когда я управлял вами

⁶⁸⁸ 6. *...пока не сбросят ... в пропасть* . – В пропасть сбрасывали приговоренных преступников.

⁶⁸⁹ 7. *Слова Эсхила об Амфиарае* ... – «Семеро против Фив», 579—581 (драма поставлена в 467 г.). У Эсхила – «Он лучшим быть желает...»: цитата искажена, чтобы лучше подходить к «Аристиду Справедливому».

⁶⁹⁰ 8. *...надзор за общественными доходами* ... – Анахронизм: эта должность возникла лишь в IV в.

⁶⁹¹ 9. *Был разумом силен, да на руку нечист* . – Стих из неизвестной драмы.

добросовестно и честно, меня опозорили, а теперь, когда я позволил ворам поживиться немалой толикой общественного добра, меня считают отличным гражданином. Но сам я больше стыжусь нынешней чести, чем тогдашнего осуждения, а об вас сожалею: вы охотнее одобряете того, кто угождает негодяям, нежели охраняющего государственную казну». Этими словами он и хищения разоблачил, и заткнул рот новоявленным громогласным почитателям, стяжав истинное и справедливое одобрение всех порядочных людей.

5. Когда Дарий отправил Датиса в Грецию (на словах – чтобы покарать афинян за сожжение Сард, но на деле – поработить эллинов) и персы, причалив неподалеку от Марафона, стали опустошать страну, для руководства военными действиями афиняне избрали десять стратегов, среди которых наибольшим влиянием пользовался Мильтиад, вторым же добрая слава и всеобщее доверие сделали Аристиду. Аристид присоединился к мнению Мильтиада относительно срока и плана битвы, и эта поддержка оказалась решающей. Каждому стратегу верховная власть принадлежала в течение одного дня, но когда настал черед Аристиде, он уступил командование Мильтиаду, внушая товарищам по должности, что повиноваться и помогать людям, сведущим в своем деле, и выполнять их приказания – не только не позорно, но, напротив, похвально и спасительно. Таким образом, усмирив соперничество и склонивши остальных добровольно следовать одному решению – самому правильному. и удачному, он укрепил положение Мильтиада, власть которого сделалась безраздельной: прочие стратеги, отказавшись от своих прав на однодневное начальствование, старательно выполняли его распоряжения.

В битве тяжелее всего пришлось середине боевого строя афинян, где варвары необыкновенно долго держались, отражая натиск фил Леонтиды и Антиохида, и где плечом к плечу славно сражались Фемистокл и Аристид, принадлежавшие первый к Леонтиде, а второй к Антиохида. Варвары обратились в бегство и сели на корабли, и тут афиняне, видя, что они плывут не к островам, но что ветер и течение несут их к берегу Аттики, испугались, как бы враг не захватил оставшийся без защитников город; девять фил поспешно двинулись в путь и в тот же день прибыли в Афины. Аристид, оставленный вместе со своею филой в Марафоне для охраны пленных и добычи, не обманул возлагавшихся на него надежд: хотя повсюду были груды серебра и золота, а в палатках и на захваченных судах находились в несметном числе всевозможные одежды и другое имущество, он и сам пальцем ни к чему не притронулся, и другим не позволил, разве что кто-нибудь воспользовался случаем тайком от него, как, например, факелоносец⁶⁹² Каллий. Один из персов, увидев длинные волосы и головную повязку и решив, вероятно, что перед ним – царь, бросился ему в ноги и, взявши за правую руку, привел к какой-то яме, где было зарыто много золота. Каллий же оказался самым жестоким и несправедливым из людей: золото он взял, а перса, чтобы тот не рассказал о кладе кому-нибудь еще, убил. По этой причине, говорят, всех, принадлежавших к его дому, комические поэты называли «Златокопателями», намекая на яму, в которой Каллий нашел сокровище.

Сразу вслед за этим Аристид был избран архонтом-эпонимом. Правда, Деметрий Фалерский утверждает, что Аристид исполнял эту должность незадолго до смерти, после битвы при Платеях. Но в списках архонтов после Ксанфиппида, при котором потерпел поражение при Платеях Мардоний, нельзя найти ни одного Аристиде, тогда как сразу же после Фаниппа, при котором была одержана Марафонская победа, значится архонт Аристид.

6. Из всех его качеств справедливость более других обращала на себя внимание народа: ведь польза, приносимая ею, ощутима для каждого и дает себя знать очень долгое время. Вот почему этот бедняк, человек совсем незнатный, получил самое что ни на есть царственное и божественное прозвище «Справедливого»; ни один из царей или тираннов не старался

⁶⁹² 10. Факелоносец – жреческая должность в Элевсинских мистериях (ср. Алк., прим. 27), наследственная в роде Каллия: головная повязка – знак этого жречества. Прозвище «Златокопатель» (точнее «из ямы богатый»), в действительности, вероятно, указывает на доходы Каллия от лаврийских серебряных рудников.

стяжать себе такого же, но, ценя, как видно, выше славу, даруемую силой и могуществом, а не высокими душевными качествами, они предпочитали прозвище «Сокрушителя градов»⁶⁹³, «Молнии» или «Победоносного», а иные даже «Орла» или «Ястреба». Между тем, божественная природа, к которой они с такой настойчивостью желают приблизиться, по общему мнению, отличается от человеческой тремя свойствами – вечностью, могуществом и нравственным совершенством, причем последнее – самое главное и самое божественное из всех. Вечность выпала на долю и пустоте, и стихиям, огромною силой обладают землетрясения, молнии, порывы ветра, стремительные потоки, но право и справедливость достались в удел только божественной природе – мыслящей и рассуждающей. В соответствии с этим большинство людей испытывает к божеству троякое чувство – зависти, страха и почтения; богам завидуют и называют их блаженными, потому, вероятно, что они вечны и бессмертны, их страшатся и перед ними трепещут – потому что они властны и могущественны, любят, почитают и благоговеют перед ними – потому что они справедливы. И тем не менее бессмертия, чуждого нашей природе, и могущества, зависящего большею частью от удачи, мы жаждем и домогаемся, а нравственное совершенство – единственное из божественных благ, доступное нам, – ставим на последнее место. Безумцы, мы не сознаем, что жизнь, исполненную могущества, великих удач и власти, лишь справедливость делает божественной, несправедливость же – звероподобной.

7. Прозвище Справедливого, вначале доставлявшее Аристиду любовь афинян, позже обратилось в источник ненависти к нему, главным образом потому, что Фемистокл распространял слухи, будто Аристид, разбирая и решая все дела сам, упразднил суды и незаметно для сограждан сделался единовластным правителем – вот только что стражей не обзавелся. Да и народ, чванясь своей победой и считая себя достойным величайших почестей, с неудовольствием взирал на каждого, кого возвышала над толпою слава или громкое имя. И вот, сойдясь со всех концов страны в город, афиняне подвергли Аристиду ostracism, скрывши ненависть к славе под именем страха перед тираннией. Ostracism не был наказанием за какой-нибудь низкий поступок; благопристойности ради он назывался «усмирением и обузданием гордыни и чрезмерного могущества», но по сути дела оказывался средством утишить ненависть, и средством довольно милосердным: чувство недоброжелательства находило себе выход не в чем-либо непоправимом, но лишь в десятилетнем изгнании того, кто это чувство вызвал. Когда же действию этой меры начали подпадать люди безвестные и порочные, ostracism перестал применяться. Последним из подвергшихся ему был Гипербол, изгнанный, как рассказывают, по следующей причине. Алкивиад и Никий, наиболее влиятельные в Афинах мужи, непрерывно враждовали. Народ намеревался устроить суд черепков, и было ясно, что одному из них придется покинуть город; тогда противники сговорились, объединили своих сторонников воедино и повели дело так, что в изгнание отправился Гипербол. Возмущенный тем, что ostracism сделался предметом издевательства и поношения, народ упразднил его навсегда.

Обыкновенно суд происходил так. Каждый, взяв черепок, писал на нем имя гражданина, которого считал нужным изгнать из Афин, а затем нес к определенному месту на площади, обнесенному со всех сторон оградой. Сначала архонты подсчитывали, сколько всего набралось черепков: если их было меньше шести тысяч, ostracism признавали несостоявшимся. Затем все имена раскладывались порознь, и тот, чье имя повторялось наибольшее число раз, объявлялся изгнанным на десять лет без конфискации имущества.

Рассказывают, что когда надписывали черепки, какой-то неграмотный, неотесанный крестьянин протянул Аристиду – первому, кто попался ему навстречу, – черепок и попросил написать имя Аристиды. Тот удивился и спросил, не обидел ли его каким-нибудь образом

⁶⁹³ 11. ...прозвище «Сокрушитель градов» ... «Ястреба» ... – «Сокрушитель градов» – так прозывался Деметрий Полиоркет; «Молнией» – Птолемей Керавн, сын Птолемея I; «Победоносным» – Селевк I Никатор; «Орлом» – Пирр Эпирский; «Ястребом» – Селевк II Гиеракс; это – буквальные значения их прозвищ.

Аристид. «Нет, – ответил крестьянин, – я даже не знаю этого человека, но мне надоело слышать на каждом шагу „Справедливый” да „Справедливый”!..» Аристид ничего не ответил, написал свое имя и вернул черепок. Уже покидая город, он воздел руки к небу и произнес молитву, противоположную той, с какою некогда обращался к богам Ахилл⁶⁹⁴: он молился, чтобы никогда не пришел для афинян тяжелый час, который заставил бы их вспомнить об Аристиде.

8. Спустя три года, когда Ксеркс через Фессалию и Беотию вел свое войско на Аттику, закон об изгнании был отменен, и изгнанники получили право вернуться. При этом более всего опасались, как бы Аристид, сам перейдя к врагам, не совратил своим примером многих сограждан и не переманил их на сторону персов, но неверно судили о нем афиняне: еще до упомянутого выше постановления он неустанно призывал греков защищать свободу, а после него и словом и делом всячески поддерживал Фемистокла, избранного стратегом с неограниченными полномочиями, ради общего блага прославляя до небес злейшего своего врага. Когда Эврибиад со своими приверженцами решил оставить Саламин, а персидские триеры ночью вышли в море и, наглухо заперев пролив, овладели островами, причем никто из греков об этом не знал, Аристид, не думая об опасности, прорвался сквозь строй вражеских судов, пришел среди ночи к палатке Фемистокла и, вызвав его, сказал так: «Если в нас есть хоть капля здравого смысла, Фемистокл, мы оставим пустые, недостойные мужей раздоры и вступим в благотворное и прекрасное соперничество, направленное к спасению Греции, ты – повелевая и командуя войсками, я – повинуюсь и служа тебе советом; ведь мне известно, что в нынешних обстоятельствах только ты нашел единственно правильное решение и требовал как можно скорее дать морское сражение в этом узком проходе. И можно подумать, будто сами враги решили тебе помочь, поскольку союзники с тобою не соглашались: все море кругом, и даже позади нас, усеяно вражескими судами, так что волей-неволей нам придется показать себя доблестными бойцами – путь к отступлению отрезан». На это Фемистокл сказал: «Мне бы, разумеется, не хотелось, Аристид, остаться позади тебя в таком деле; ты положил прекрасное начало – я принимаю вызов и постараюсь превзойти тебя, когда начнется битва». Вслед за тем он открыл Аристиду, какая ловушка приготовлена им для персов, и просил убедить Эврибиада (тот больше доверял Аристиду, чем Фемистоклу), что иного выхода, кроме морского сражения, у них не остается. И когда на совете стратегов коринфянин Клеокрит сказал Фемистоклу, что вот мол и Аристид не разделяет его мнения – ведь он молчит. Аристид возразил: «Нет, я не стал бы молчать, если бы Фемистокл не был прав во всем без изъятия. Не по благосклонности к нему я воздержался от речей, но потому, что одобряю его мнение».

9. Вот какие споры шли между греческими начальниками. Тем временем Аристид, видя, что Пситталия⁶⁹⁵ (это небольшой остров, лежащий в проливе как раз против Саламина) полна вражескими воинами, отобрал среди своих сограждан самых храбрых и воинственных, посадил их в лодки, подошел к Пситталии и, вступив с варварами в бой, перебил всех, кроме знатных персов, которые были захвачены живыми. Среди них оказались три сына Сандаки, сестры царя, и Аристид немедленно отослал их к Фемистоклу; говорят, что по слову оракула, изреченному прорицателем Эвфрантидом, их принесли в жертву Дионису Кровожадному. Аристид оцепил островок кольцом тяжеловооруженных пехотинцев, и каждый, кого выносило на берег, попадал в их руки, так что из своих ни один не погиб, а из врагов ни один не ускользнул. Дело в том, что, по-видимому, самые

⁶⁹⁴ 12. ...Ахилл ... – в «Илиаде», I, 233—244 он, отказываясь воевать, сулит Агамемнону, что скоро в беде «время придет, как данаев сыны пожелают Пелида...»

⁶⁹⁵ 13. ...Пситталия ... – Бой за этот остров был второстепенной частью Саламинского сражения, но стал казаться важным, когда на этом острове был поставлен трофей; так, его значение подчеркивает уже Эсхил («Персы», 445—463).

ожесточенные схватки происходили как раз вокруг этого острова, здесь чаще всего сталкивались корабли, и поэтому трофеем был воздвигнут на Пситталии.

После битвы Фемистокл, желая испытать Аристидов, сказал, что совершен славный подвиг, но впереди – другой, еще более славный: нужно захватить Азию в Европе, а для этого – плыть как можно скорее к Геллеспонту и разрушить мост. Аристид даже вскрикнул от неожиданности и стал убеждать Фемистокла отказаться от этой мысли и подумать о том, как бы поскорее изгнать персов из Греции, не закрывая им пути к бегству, ибо в противном случае царь, располагая такой огромной силой, вынужден будет защищаться и мстить; тогда Фемистокл тайно отправил к Ксерксу пленного евнуха Арнака, приказав ему донести своему господину, что греки уже готовы были плыть к мосту, но он, Фемистокл, отговорил их, заботясь о спасении царя.

10. Получив такое известие, Ксеркс в ужасе поспешил к Геллеспонту, оставив в Европе Мардония с отборным войском числом около трехсот тысяч – это был страшный враг; всецело полагаясь на свою пехоту, он написал грекам грозное письмо: «На морских судах вы одолели жителей суши, не умеющих держать весло. Но теперь перед нами – просторная Фессалия, и Беотийская равнина – удобное место, чтобы померяться силою отважным конникам и гоплитам». Афинянам он отправил особое послание, возвещая им, что царь заново отстроит их город, даст им много денег и поставит владыками над всею Грецией, если только они выйдут из войны. Узнав об этом, лакедемоняне перепугались, и в Афины прибыли их послы с предложением поселить в Спарте жен и детей афинян и доставить пропитание старикам. Весь народ жестоко нуждался, потеряв свой город и свои земли, и все же, выслушав послов, афиняне согласились с мнением Аристидов и дали достойный восхищения ответ: они прощают врагам, которые, не зная ничего дороже богатства, полагают, будто за деньги можно купить все на свете; но их возмущают лакедемоняне, которые видят лишь бедность и нужду, гнетущую ныне афинян, о доблести же и гордости их забывают, призывая сражаться за Грецию ради пропитания. Когда это мнение Аристидов было одобрено, он привел послов в Народное собрание и велел им передать лакедемонянам, что ни на земле, ни под землей не сыскать столько золота, чтобы афиняне согласились предать свободу греков. Людям же Мардония он объявил, указавши на солнце: «До тех пор, пока оно ходит в небе этим путем, афиняне будут воевать с персами за свои опустошенные земли и поруганные, сожженные храмы». Он предложил еще, чтобы жрецы предавали проклятию всех, кто вступит в мирные переговоры с персами или покинет союз греческих государств.

Когда Мардоний во второй раз вторгся в Аттику, афиняне опять перебрались на Саламин. Аристид, посланный в Спарту, упрекал лакедемонян в том, что своей медлительностью и равнодушием они снова отдали Афины во власть персов, и требовал, чтобы они оказали помощь областям Греции, еще не занятым врагами. У спартанцев справлялись гиакинфии⁶⁹⁶, и эфоры, выслушав Аристидов, днем продолжали веселиться, сохраняя беззаботный вид, а ночью выбрали пять тысяч спартиатов, каждый из которых взял с собою семерых илотов, и тайком от афинских послов отправили их в поход. Когда Аристид снова явился к ним с упреками, они, смеясь, ответили, что он, верно, бредит со сна – ведь войско, выступившее против иноземцев («иноземцами» они называли персов), уже в Орестии⁶⁹⁷; Аристид же на это сказал, что неудачное время нашли они для шуток, обманывая друзей вместо врагов. Таково сообщение Идоменея. Но в постановлении, которое было предложено Аристидом, послами названы Кимон, Ксанфипп и Миронид, а его собственное имя там не значится.

⁶⁹⁶ 14. Гиакинфии – летний спартанский праздник в городе Амиклах в честь Аполлона и его возлюбленного Гиакинфа; на эти дни прекращались все общественные дела, поэтому спартанцы и выступали в поход ночью.

⁶⁹⁷ 15. ...ведь войско ... уже в Орестии ... – (городок близ Мантинеи), т.е. проделали около четверти пути.

11. Избранный стратегом с неограниченными полномочиями на время предстоявших боевых действий, Аристид подошел к Платеям во главе восьми тысяч афинских гоплитов. Там к нему присоединился Павсаний со своими спартамцами – главнокомандующий всеми греческими силами, и туда же стекалось множество воинов из остальных греческих областей. Весь огромный лагерь варваров вытянулся, без конца и края, вдоль реки Асоп; пожитки воинов и самое ценное снаряжение защищала четырехугольная стена, каждая сторона которой была десяти стадий в длину. Элеец Тисамен предсказал Павсанию и всем грекам победу, если они будут обороняться и не нападут первыми. Аристид послал в Дельфы спросить оракула, и бог ответил, что афиняне одолеют врага, если будут молиться Зевсу, Гере Киферонской, Пану и сфрагидийским нимфам⁶⁹⁸, принесут жертвы героям Андрократу, Левкону, Писандру, Дамократу, Гипсиону, Актеону и Полииду и примут бой на собственной земле – на равнине Деметры Элевсинской и Персефоны. Получив это предсказание, Аристид стал в тупик. Ведь герои, которым бог велел принести жертвы, были родоначальниками платейцев, и пещера сфрагидийских нимф находится на одной из вершин Киферона и обращена в ту сторону, где летом заходит солнце (рассказывают, что когда-то там было и прорицалище и что многие из местных жителей обладали даром пророчества и потому про них говорили, что они «одержимы нимфами»). Упоминание же о равнине Элевсинской Деметры и о том, что лишь битва на собственной земле дарует афинянам победу, вновь заставляли думать о переносе военных действий в Аттику. Как раз в это время командующему платейцев Аримнесту приснилось, будто Зевс Спаситель спрашивает его, какое решение приняли греки, а он отвечает: «Завтра поведем войско к Элевсину, владыка, и там сразимся с варварами, повинуюсь пифийскому оракулу». Тогда бог объявил, что они глубочайшим образом заблуждаются: то, о чем вещала Пифия, – здесь во владениях платейцев, пусть поищут – и найдут. Все это привиделось Аримнесту вполне отчетливо, и, пробудившись, он тут же послал за самыми многоопытными и старыми из сограждан и, беседуя с ними, выяснил, что близ Гисий у подножья Киферона есть очень древний храм, посвященный Деметре Элевсинской и Персефоне.

Вместе с Аристидом они сразу отправились к тому месту: оно оказалось словно нарочито предназначенным для боевых действий пешего строя против превосходящих сил конницы, так как отроги Киферона делали непреодолимым для всадников край равнины, примыкающий к храму. В роще неподалеку было святилище героя Андрократа, окруженное густо разросшимися, тенистыми деревьями. А чтобы всякое слово оракула исполнилось, укрепляя надежды на победу, платейцы, следуя предложению Аримнеста, постановили уничтожить границу между Аттикой и платейскими владениями и передать всю землю афинянам: тогда те смогут сражаться за Грецию в своих собственных пределах. Великодушие платейцев приобрело такую громкую славу, что даже много лет спустя Александр, который к тому времени успел уже покорить Азию, решив обнести Платей стенами, объявил на Олимпийских играх через глашатая, что царь оказывает эту милость платейцам за их мужество и щедрость, обнаруженные в Персидской войне, когда они отдали грекам свою землю и проявили величайшую отвагу.

12. Тегейцы вступили с афинянами в спор из-за места в бою: они требовали, чтобы их поставили на левом крыле, как бывало во всех случаях, когда лакедемоняне занимали правое, и без конца восхваляли своих предков. Афиняне были возмущены, и тогда Аристид, выйдя вперед, сказал: «Отвечать тегейцам на их рассуждения о благородстве и храбрости сейчас не позволяет время, но вам, спартамцы, и всем прочим грекам мы хотим заметить, что место не отнимает доблести и не дарует ее. А потому какое бы место вы нам ни назначили, мы постараемся украсить и удержать его, не посрамив прежние наши победы. Мы пришли сюда не ссориться с союзниками, но сразиться с врагами, не прославлять отцов и дедов, но самих себя проявить неустрашимыми защитниками Греции. Предстоящая битва покажет

⁶⁹⁸ 16. *Сфрагидийские нимфы* – нимфы пещеры Сфрагидий на горе Киферон.

грекам истинную цену каждого города, полководца и отдельного воина». Выслушав эти слова, начальники и прочие участники совета согласились с афинянами и отдали другое крыло им.

13. Положение всей Греции было очень непрочным, но самым тяжким оно было для афинян; и вот в таких-то обстоятельствах люди из знатных домов, прежде очень богатые, а теперь обращенные войною в бедняков, видя, что вместе с деньгами их покинули слава и влияние, что почести и власть над согражданами перешли в другие руки, тайно собрались в каком-то доме в Платеях и сговорились свергнуть власть народа, а если им это не удастся – все пустить прахом и передать государство персам. Все это происходило в лагере, и очень многие были уже вовлечены в заговор, когда о нем узнал Аристид; опасаясь действовать круто в такое тревожное время, он решил не оставлять дела без внимания, но и не раскрывать его до конца: ведь неизвестно было, сколь значительным окажется число изобличенных, если вести расследование, сообразуясь лишь со справедливостью, а не с пользой. Итак, он приказал задержать всего восемь человек; из них двое, которые первыми были привлечены к суду да и виноваты были больше всех, ламптриец Эсхин и ахарнянин Агасий, бежали из лагеря, остальных же Аристид отпустил, желая приободрить тех, кто считал себя еще незаподозренным, и дать им возможность раскаяться. Он добавил, что битва будет для них великим судилищем, где они честной и усердной службой отечеству очистят себя от всех обвинений.

14. Вскоре после этого Мардоний попытался ударить на противника теми силами, в которых он, как ему казалось, обладал решительным перевесом: персидская конница пустилась на греков, которые засели у подножья Киферона в каменистом, надежно укрепленном природою месте, – все, кроме мегарян. Последние, числом три тысячи, разбили лагерь пониже, на равнине, и потому понесли тяжелый урон от обрушившейся на них и напавшей сразу со всех сторон конницы. Не в силах сами сдержать натиск такого множества варваров, они поспешно послали к Павсанию гонца с просьбой о подкреплении. Выслушав это да и собственными глазами видя, что туча копий и стрел закрыла лагерь мегарян, а воины уже отступили и сбились в кучу, Павсаний, который не мог с помощью тяжеловооруженных спартанских пехотинцев отбить атаку всадников, предложил находившимся подле него греческим стратегам и начальникам отрядов потягаться в мужестве и любви к славе, если кто-нибудь из них желает добровольно вступить в бой, чтобы помочь мегарянам. В то время как остальные колеблются, Аристид от имени афинян объявляет, что они берут это на себя, и посылает самого храброго из начальников, Олимпиодора, с тремястами отборных воинов, присоединив к ним лучников. Они быстро приготовились и бегом двинулись к лагерю мегарян; заметив их приближение, Масистий, начальник персидской конницы, отличавшийся поразительной силой, огромным ростом и красотой, повернул коня и понесся навстречу афинянам. Те стойко вынесли удар, и началась схватка такая ожесточенная, словно исход ее решал судьбу всей войны. Конь под Масистием, раненный стрелой, сбросил седока; упав, Масистий остался недвижим (тяжесть вооружения не давала ему подняться на ноги), но и афиняне никак не могли до него добраться, хотя и осыпали градом ударов: не только грудь и голову – даже руки и ноги Масистия прикрывали золотые, медные и железные латы. Наконец кто-то прикончил его, ударив древком копья туда, где в отверстие шлема был виден глаз; остальные персы, бросив труп, бежали. Размеры успеха греки оценили не по числу убитых врагов (их оказалось совсем немного), но по охватившей персов скорби: горя о Масистии, они остриглись, обрезали гривы лошадям и мулам и огласили всю равнину своими стонами и плачем – ведь они потеряли первого после Мардония мужа, намного превосходившего прочих доблестью и силой.

15. После этого конного сражения и греки и персы долго воздерживались от боевых столкновений: прорицатели, рассмотрев внутренности жертвенных животных, предвещали и тем, и другим победу, если они будут защищаться, и поражение – если нападут первыми. Наконец Мардоний, видя что припасов у него остается лишь на несколько дней, а число греков все растет благодаря непрерывно прибывающим подкреплениям, потерял терпение и

решил долее не медлить, но переправиться с рассветом через Асоп и неожиданно напасть на греков; свой приказ он вечером передал начальникам. Примерно в полночь какой-то всадник осторожно приблизился к греческому лагерю и, встретив часовых, велел послать за афинянином Аристидом. Тот откликнулся на зов и явился незамедлительно. «Я Александр, царь Македонский, – сказал всадник. – Питая расположение к вам, я приехал, невзирая на величайшую опасность, которая мне грозит, чтобы неожиданное нападение не привело вас в замешательство и не лишило мужества. Завтра Мардоний даст вам бой – не потому, что уверен в успехе, и не по дерзкой самонадеянности, но терпя нужду в продовольствии, хотя и прорицатели, ссылаясь на неблагоприятные жертвоприношения и вещания оракулов, отговаривают его, и войско погружено в уныние и страх. Но иного выхода нет: приходится либо дерзнуть и попытать удачи, либо оставаться на месте и терпеть жесточайшую нужду». Затем Александр попросил Аристида запомнить его слова, но никому их не пересказывать. Аристид ответил, что не годится скрывать это известие от Павсания – их главнокомандующего, но что никому больше он не скажет до битвы ни слова; зато если Греция победит, не останется ни единого человека, который бы не узнал о преданности и храбрости Александра. Тут царь македонян поехал назад. Аристид же пришел в палатку Павсания и рассказал ему об этом разговоре. Вместе они послали за остальными командующими и отдали распоряжение, чтобы войско соблюдало порядок и готовилось к битве.

16. Как сообщает Геродот⁶⁹⁹, Павсаний предложил Аристиду поставить афинян на правом крыле, против персов: они-де уже знакомы с этим противником и потому будут сражаться лучше других, а воспоминание о прежней победе придаст им уверенности в себе; своих же людей Павсаний хотел переместить на левое крыло, где против них должны были оказаться греки, перешедшие на сторону персов. Но остальные стратеги афинян сочли предложение Павсания легкомысленным и даже наглым: ведь всех прочих он оставил на прежних местах и только их одних гоняет то туда, то сюда, отводя, словно илотам, самый опасный участок. Тогда Аристид объяснил им, что они опять кругом неправы, если, только недавно поспоривши с тегейцами из-за места на левом крыле, одержав над ними верх и кичась этим, теперь, когда спартанцы добровольно отдают им правое крыло и в какой-то мере уступают первенство, они и славе не радуются, и не видят преимущества в том, чтобы сражаться не с соплеменниками и родичами, а с варварами, исконными своими врагами. После этой речи афиняне с великой охотой обменялись местами со спартанцами. Тут пошли у них разговоры и взаимные увещания, каждый напоминал товарищу, что противник вооружен не лучше и духом не крепче, чем когда-то при Марафоне, что те же у него стрелы, та же узорчатая одежда и золото, прикрывающее изнеженные тела и робкие души. «А у нас прежнее оружие и прежняя сила в руках, и лишь отваги прибавилось благодаря победам; и боремся мы не просто за свою землю и город, как тогда, а за трофеи у Марафона и на Саламине, дабы все уверились, что они воздвигнуты не Мильтиадом и не Судьбою, но – афинянами». Итак они поспешно обмениваются местами с лакедемонянами; фиванцы, узнав об этом от перебежчиков, докладывают Мардонию. То ли боясь афинян, то ли считая для себя честью сразиться со спартанцами, он немедленно перебросил персов на правое крыло, а грекам, которые были у него в войске, приказал встать против афинян. Как только это перестроение открылось, Павсаний снова перешел на правое крыло, тогда Мардоний занял левое, как было сначала, и опять очутился против лакедемонян, и в этих бесплодных занятиях прошел весь день. На совете греки решили разбить лагерь подальше, в изобилующем водою месте: все ближние источники были взбаламучены и изгажены огромною конницей варваров.

17. Когда наступила ночь, начальники повели своих людей туда, где предполагалось

---

⁶⁹⁹ 17. Геродот – см.: IX, 46. Весь рассказ Плутарха о Платейском сражении (кроме гл. 13 и некоторых мелочей) восходит к Геродоту.

раскинуть новый лагерь; те отнюдь не были расположены дружно следовать за ними, но, едва покинув прежние укрепления, понеслись к Платеям и подняли там суматоху, рассыпавшись по городу и разбивая палатки, где попало. Одни лишь спартанцы, вопреки своему желанию, остались позади прочих, и вот как это получилось. Амомфарет, человек горячий и отчаянный, уже давно рвавшийся в бой и тяготившийся бесконечными отсрочками и промедлениями, назвал это перемещение позорным бегством и заявил, что не намерен отступить ни на шаг, но со своими соратниками здесь встретит Мардония. К нему подошел Павсаний и сказал, что выполняет постановление, за которое греки голосовали на совете, тогда Амомфарет поднял обеими руками громадный камень и, бросив его к ногам Павсания, воскликнул, что и он подает свой голос⁷⁰⁰ и выбирает битву, а до трусливых советов и мнений прочих ему дела нет. Павсаний, растерявшись и не зная, что ему предпринять, послал к афинянам, которые уже тронулись в путь, и просил их подождать и идти вместе со всеми, а сам повел остальное войско к Платеям, надеясь, что Амомфарет двинется следом.

Тем временем рассвело, и Мардоний, от которого не укрылось, что греки оставили свой лагерь, под оглушительный шум и крики двинул на лакедемонян сомкнутый строй персов, изготовившихся не к бою, а к погоне за беглецами. И в самом деле, события чуть было не приняли именно такой оборот. Видя, что враг наступает, Павсаний приказал прекратить движение и каждому занять свое место в боевом строю, но совсем упустил из виду, – то ли в гневе на Амомфарета, то ли приведенный в смятение проворством врагов, – подать грекам сигнал к началу сражения. Поэтому, хотя битва уже началась, они подошли на помощь не сразу и не все вместе, но порознь, небольшими отрядами. Павсаний совершил жертвоприношение и, так как предзнаменования были неблагоприятны, приказал спартанцам положить щиты к ногам, не трогаться с места и ждать его знака, не оказывая пока неприятелю ни малейшего сопротивления, а сам продолжал приносить жертвы. Меж тем вражеские всадники рванулись вперед; стрелы их уже достигали цели, среди спартанцев были убитые и раненые. Стрела сразила и Калликрата, как рассказывают, самого красивого и самого высокого из греков, и, умирая, он промолвил: «Не смерть меня печалит (для того я и ушел из дома, чтобы отдать жизнь за Грецию), но горько умереть, ни разу не переведавшись с врагами». Тягостное то было зрелище, и поразительна выдержка воинов: никто не старался защититься от наступающего противника, но, получая рану за раной и падая в строю, они терпеливо ждали доброго знака от бога и своего полководца. Иные историки сообщают, что несколько лидийцев неожиданно напали на Павсания, приносившего жертвы и молившегося чуть в стороне от рядов, и принялись растаскивать и раскидывать священные предметы; Павсаний же и окружавшие его греки были безоружны и потому отбивались палками и бичами. И до сих пор в подражание событиям того дня в Спарте порют у алтаря юношей⁷⁰¹, а затем устраивают лидийскую процессию.

18. Итак, прорицатель закалывал одно жертвенное животное за другим⁷⁰², а Павсаний, мучась при виде того, что происходило, обратил залитое слезами лицо к святилищу Геры и, воздев руки, взмолился Киферонской Гере и прочим богам-хранителям платейской земли, чтобы греки, если уж не суждено им победить, хотя бы приняли смерть в бою и на деле доказали врагам, что те сражаются против доблестных мужей и опытных воинов. Так заклинал он богов, и в этот миг явились благие предзнаменования, и жрецы обещали победу. Был отдан приказ всем вступить в бой, и сразу же строй принял облик некоего зверя – могучего, разъяренного и ошетилившегося, а варвары уразумели, что неприятель будет

⁷⁰⁰ 18. ...подает свой голос ... – Голосования обычно производились подачей камешков.

⁷⁰¹ 19. ...порют у алтаря юношей ... – Объяснение, конечно, фантастическое; см. Лик., 18 и прим.

⁷⁰² 20. ...закалывал одно жертвенное животное за другим – Для того, чтобы оттянуть сражение, пока персы расстроят свои ряды. Ср. Эмп. прим. 24.

сражаться до последней капли крови. Наглухо закрывшись обтянутыми кожей щитами, они продолжали обстреливать спартанцев из луков. А спартанцы, сомкнув ряды и строго соблюдая строй, ринулись вперед и, отталкивая в сторону щиты, стали разить персов копьями в лицо и в грудь и многих положили, хотя и те бились горячо – голыми руками ломали чуть ли не все вражеские копья, а когда греки обнажили мечи, принялись ожесточенно рубиться кинжалами и саблями, схватывались, вырывая щиты, врукопашную и так держались долго.

Афиняне до сих пор оставались на месте, поджидая спартанцев: теперь же, когда слуха их достигли громкие крики сражающихся, а от Павсания, как рассказывают, прибыл гонец и объяснил, что происходит, они быстро двинулись на подмогу. Идя по равнине в том направлении, откуда несся шум, они столкнулись с греками, державшими сторону персов. Заметив их, Аристид сначала вышел далеко вперед и, призывая в свидетели греческих богов, закричал соотечественникам, чтобы они не ввязывались в бой и не преграждали путь афинянам, спешащим на помощь тем, кто в первых рядах дерется за свободу Греции; однако, видя, что они не обращают никакого внимания на его слова и выстраиваются в боевой порядок, Аристид отказался от первоначального намерения поддержать спартанцев и напал на греков, которых было около пятидесяти тысяч. Но большая часть их дрогнула и стала отходить, едва они заметили, что и персы обратились в бегство; говорят, что дольше всех сопротивлялись фиванцы, у которых самые знатные и могущественные граждане были безгранично преданы персам и вели за собою толпу, без рассуждений повиновавшуюся немногим, власть имущим.

19. Так битва шла раздельно в двух местах, и первыми лакедемоняне погнали персов; спартанец по имени Аимнест убил Мардония, разбив ему камнем голову, как тому и было предсказано оракулом Амфиарая⁷⁰³. В его святилище Мардоний послал какого-то лидийца, а еще одного человека, родом из Карий, отправил к Трофонию. Со вторым прорицатель заговорил на карийском языке; лидийцу же, который лег спать в храме Амфиарая, привиделось, будто некий служитель бога, остановившись подле него, велит ему уйти, а когда он отказался повиноваться, бросил ему в голову громадный камень, и посланцу почудилось, что он убит. Вот что об этом рассказывают... Беглецов спартанцы заперли в стенах деревянного укрепления. Немного спустя афиняне рассеяли фиванцев, положив в бою триста самых главных и знатных среди них. В это время явился гонец с известием, что персы заперты и осаждены. Тогда афиняне предоставили грекам искать спасения в бегстве, а сами поспешили к стенам; придя на помощь лакедемонянам, которые вели осаду очень вяло и неумело, они взяли приступом вражеский лагерь и учинили там страшную резню. Говорят, что из трехсот тысяч живыми ушли только сорок тысяч человек во главе с Артабазом, а у сражавшихся за Грецию пало всего тысяча триста шестьдесят воинов. Из них афинян было пятьдесят два – все, как сообщает Клидем, из филы Эантиды, которая билась храбрее прочих. Вот почему эантидцы, повинаясь приказу дельфийского оракула, приносили в благодарность за победу жертвы сфрагидийским нимфам, покрывая расходы за счет казны. Спартанцы потеряли девяносто одного человека, тегейцы – шестнадцать. Удивительно поэтому, как мог Геродот⁷⁰⁴ утверждать, будто в битве участвовали только афиняне, спартанцы и тегейцы, из прочих же греков – никто. И число павших, и памятники свидетельствуют о том, что успех был достигнут совместными усилиями. Если бы сражались только эти три города, а остальные пребывали в бездействии, не было бы и следующей надписи на жертвеннике:

⁷⁰³ 21. Оракул Амфиарая считался в беотийском Оропе, а оракул Трофония, подземный и страшный, в беотийской Лебадее.

⁷⁰⁴ 22. Геродот – см. IX, 85. Приводимая далее эпиграмма приписывается Симониду Кеосскому («Палатинская антология», VI, 50). Второй стих у Плутарха пропущен.

Эллины здесь одержали победу отвагой Ареса,
 [Мужеству смелой души жребий доверили свой.]
 Персов изгнали они и единой, свободной Элладой
 Этот сложили алтарь Зевсу, свободы отцу⁷⁰⁵.

Сражение произошло в четвертый день месяца боздромиона по афинскому календарю, или за четыре дня до конца месяца панема – по беотийскому. До сих пор в этот день в Платеях собираются представители греческих городов, и платейцы приносят жертвы Зевсу-Освободителю в благодарность за победу. Несовпадению дней не следует удивляться: ведь даже теперь, когда познания в астрономии стали основательнее, в разных местах по-разному исчисляют начало и конец месяца.

20. Афиняне не соглашались уступить спартам награду за храбрость и не давали им воздвигнуть трофей; еще совсем немного – и греки, взявшись за оружие, сами погубили бы себя и свое дело, если бы Аристид красноречивыми утешениями и увещаниями не сдержал своих товарищей по должности (главным образом Леократа и Миронида) и не убедил их предоставить решить этот спор всем грекам сообща. Греки начали совещаться, и мегарец Феогитон предложил присудить награду за храбрость какому-нибудь третьему городу, а иначе – как бы не вспыхнула междоусобная война. Вслед за ним поднялся коринфянин Клеокрит и все решили, что он потребует награду для коринфян: ведь после Спарты и Афин наибольшим влиянием пользовался Коринф. Но его замечательная речь, которая всем понравилась, была посвящена Платеям; он подал совет примирить ссорящихся, почтив наградой за храбрость платейцев, что не вызовет неудовольствия ни одной из сторон. Выслушав это предложение, с ним сначала согласился Аристид от имени афинян, а потом Павсаний от имени лакедемонян. Договорившись таким образом, они передали платейцам из общей добычи восемьдесят талантов, на которые те построили святилище Афины, поставили изображение богини и украсили храм картинами (они в целости сохранились вплоть до наших дней). Были воздвигнуты порознь два трофея – один лакедемонянами, другой афинянами.

Что касается жертвоприношений, то пифийский оракул, к которому они обратились, велел соорудить алтарь Зевсу-Освободителю, но жертв не приносить до тех пор, пока по всей стране не будет погашен огонь, оскверненный персами, и зажжен новый, чистый – от общего алтаря в Дельфах. Вожди греков тут же разошлись по окрестностям, заставляя всех, у кого горел огонь, тушить его, а платеец Эвхид, вызвавшись как можно скорее принести огонь от бога, отправился в Дельфы. Совершив очищения, окропив тело водой и увенчав себя лавровыми ветвями, он взял с жертвенника огонь и побежал обратно; еще до заката солнца он был в Платеях, покрыв за один день тысячу стадиев⁷⁰⁶. Приветствовав сограждан и отдав им огонь, он тут же упал и в недолгом времени испустил дух. Платейцы подняли тело с земли и похоронили его в храме Артемиды Эвклии, начертав на могильном камне следующий тетраметр:

Бег свершил Эвхид к Пифийцу и вернулся в тот же день.

«Эвклия» обыкновенно считается именем Артемиды, но некоторые утверждают, что она дочь Геракла и Мирто – дочери Менетия и сестры Патрокла – и умерла девушкой. Она пользуется почитанием у беотийцев и локрийцев: в каждом городе на площади стоит ее изображение и алтарь, и перед свадьбой ей приносят жертвы жених и невеста.

⁷⁰⁵ 23. ...в четвертый день месяца боздромиона... – Т.е. в августе 479 г.

⁷⁰⁶ 24. ...тысячу стадиев . – Т.е. ок. 180 км!

21. После этого на собрании всех греков Аристид внес предложение, чтобы ежегодно в Платеи приезжали из разных концов Греции послы для участия в священнодействии, а каждые пять лет устраивались Элевферию – «Игры Освобождения», чтобы греческое войско в десять тысяч пехотинцев и тысячу всадников и сто кораблей были всегда наготове для борьбы с варварами и чтобы платейцы пользовались неприкосновенностью и приносили жертвы богу за Грецию. Предложение было принято, и платейцы согласились каждый год совершать жертвоприношения теням греков, павших и похороненных у стен их города. Они делают это еще и теперь следующим образом. В шестнадцатый день месяца мемактериона (которому у беотийцев соответствует алалкомений), на заре, устраивается процессия; во главе ее идет трубач, играющий сигнал «к бою», за ним следуют повозки, доверху нагруженные венками и миртовыми ветвями, черный бык и свободнорожденные юноши, несущие вино и молоко в амфорах для возлияния и кувшины с маслом и благовониями (ни один раб не должен принимать участие в этом служении, ибо те мужи умерли за свободу). Замыкает шествие архонт Платей; в иное время ему запрещено прикасаться к железу и носить какую бы то ни было одежду, кроме белой, но в этот день, облаченный в пурпурный хитон, с мечом в руке, он берет в хранилище грамот сосуд для воды и через весь город направляется к могилам. Зачерпнув воды из источника, он сам обмывает надгробные камни и мажет их благовониями, потом, заколов быка и ввергнув его в костер, обращается с молитвой к Зевсу и Гермесу Подземному и призывает храбрых мужей, погибших за Грецию, на пир и кровавые возлияния. Затем он разбавляет в кратере вино и выливает его со словами: «Пью за мужей, которые пали за свободу Греции». Этот обычай платейцы соблюдают и по сей день.

22. Когда афиняне вернулись в свой город, Аристид понял, что они намерены установить демократический образ правления; полагая, что проявленной на войне доблестью народ заслуживает заботы о себе и что, с другой стороны, нелегко справиться с людьми, держащими в руках оружие, сознающими свою силу и гордящимися достигнутой победой, он предложил, чтобы впредь в управлении государством участвовали все без исключения и чтобы на должность архонта мог быть избран любой гражданин.

Фемистокл объявил, что хочет дать народу совет, полезный и даже спасительный для государства, но не подлежащий огласке, и афиняне велели Аристиду одному выслушать его и сказать свое мнение. Когда Аристид узнал, что Фемистокл замышляет сжечь стоящий на якоре греческий флот, – тогда-де афиняне будут сильнее всех и станут владыками Эллады, – он явился в Народное собрание и сказал, что дело, замышляемое Фемистоклом, самое выгодное и в то же время самое несправедливое из всех, какие ему известны. Услышав это, Собрание приказало Фемистоклу отказаться от своего плана. Вот как любил справедливость народ, и вот как преданно и надежно служил ему Аристид.

23. Посланный на войну командующим вместе с Кимоном и видя, что Павсаний и остальные начальники спартанцев грубо и высокомерно обращаются с союзниками, сам он, напротив, повел себя с ними обходительно и человеколюбиво и Кимона убедил сохранять в походах приветливость и предупредительность; таким образом, он незаметно, не прибегая ни к оружию, ни к судам, ни к боевым коням, одной лишь благожелательностью и подлинно государственной мудростью лишил спартанцев главенства. Афиняне и так уже были любезны грекам благодаря справедливости Аристида и доброте Кимона, а своекорыстие и тяжелый нрав Павсания делали их еще милее для всех. С начальниками союзников Павсаний разговаривал всегда сурово и сердито, а простых воинов наказывал палками или заставлял стоять целый день с железным якорем на плечах. Никому не разрешалось раньше спартанцев набрать соломы на подстилку, принести сена коням или подойти к источнику и зачерпнуть воды – ослушников слуги гнали прочь плетью. Когда однажды Аристид с упреком заговорил об этом с Павсанием и хотел его усовестить, тот, нахмурившись, сказал, что ему недосуг, и не пожелал слушать.

Вскоре греческие полководцы и начальники морских сил, в особенности хиосцы, самосцы и лесбосцы, стали приходить к Аристиду и уговаривать его принять главное

командование и взять под свое покровительство союзников, которые уже давно мечтают избавиться от спартанцев и примкнуть к афинянам. Аристид ответил, что они его убедили, что просьба их вполне справедлива, но если они желают приобрести его доверие, нужно отважиться на такой поступок, который не дал бы толпе впоследствии передумать еще раз. И вот, сговорившись, самосец Улиад и хиосец Антагор неподалеку от Византия, когда триера Павсания, отделившись от других, ушла вперед, напали на нее с обоих бортов. Заметив их, Павсаний в ярости вскочил и стал грозить, что скоро покажет им, на кого они совершили нападение – не на корабль Павсания, нет! но на собственное отечество! А те велели ему убираться и благодарить судьбу, которая была на его стороне при Платеях, – только память об этой победе мешает грекам рассчитаться с ним по заслугам. Дело кончилось тем, что союзники отложились и перешли на сторону афинян. И тут Спарта на деле доказала свое замечательное здравомыслие. Когда лакедемоняне поняли, что слишком большая власть портит их военачальников, они добровольно отказались от главенства и перестали посылать на войну командующих, предпочтя господству над всей Грецией мудрую воздержность граждан и верность их отеческим обычаям.

24. Еще находясь под руководством спартанцев, греки делали определенные взносы на военные нужды, и теперь, желая, чтобы каждому городу была определена надлежащая подать, они попросили афинян отрядить к ним Аристида и поручили ему, познакомившись с их землями и доходами, в соответствии с их возможностями назначить, сколько кому платить. Получив такую громадную власть – ведь Греция в какой-то мере отдала в его распоряжение все свое имущество, – бедным ушел он из дома и еще беднее вернулся, составив податной список не только безукоризненно справедливо, но и ко всеобщему удовлетворению. Подобно древним, воспевавшим век Крона, прославляли союзники афинян подать, установленную Аристидом, называя ее «счастьем Греции», в особенности, когда она по прошествии недолгого времени удвоилась, а затем и утроилась. Общая сумма, назначенная Аристидом, была около четырехсот шестидесяти талантов. Перикл увеличил ее почти на треть: как сообщает Фукидид⁷⁰⁷, в начале войны к афинянам поступало от союзников шестьсот талантов. После смерти Перикла правители довели ее, повышая понемногу, до тысячи трехсот талантов – не столько потому, что превратности долгой войны требовали больших издержек, сколько потому, что народ был уже приучен к раздачам, к получению денег на зрелища, к сооружению статуй и храмов.

Говорят, что о громкой, достойной удивления славе, которую принесла Аристиду раскладка подати, Фемистокл с насмешкой сказал: «Такая слава подобает не мужу, а скорее мешку для хранения золота». Это был его ответ, хотя и очень неудачный, на откровенное замечание Аристида, который как-то раз, когда Фемистокл заявил, что величайшим достоинством полководца считает умение распознать и предугадать замыслы противника, заметил: «Да, Фемистокл, это необходимое качество, но все же прекрасно и поистине подобает полководцу иметь чистые руки».

25. Аристид привел греков к присяге на верность, сам от имени афинян принес такую же присягу и, произнеся слова заклатья, бросил в море куски металла⁷⁰⁸, но впоследствии, когда обстоятельства потребовали власти более твердой, он просил афинян поступать так, как они находят полезным, возложив всю ответственность за нарушение клятвы на него. Вообще, по мнению Феофраста, этот человек отличался величайшей справедливостью по отношению к своим домашним и к согражданам, но в делах государственных нередко сообразовывался лишь с выгодами отечества, будто оно постоянно требовало

---

⁷⁰⁷ 25. Фукидид – см.: II, 13. В основу Аристидовой раскладки были положены взносы, расписанные по греческим общинам еще персидскими наместниками.

⁷⁰⁸ 26. *...Бросил в море куски металла ...* – В знак того, что клятва будет соблюдаться, пока утонувший металл не всплывет (ср. Геродот, I, 165).

несправедливых действий. Говорят, что когда обсуждалось предложение самосцев перевезти казну, вопреки договору, с Делоса в Афины⁷⁰⁹, Аристид сказал, что это несправедливо, но зато полезно. В конце концов его усилиями Афины приобрели власть над великим множеством людей, но сам он остался бедняком и славу о своей бедности всегда ставил ничуть не ниже, чем ту, что принесли ему воздвигнутые трофеи.

Это явствует вот из какого случая. Факелоносец Каллий, приходившийся Аристиду родственником, был привлечен врагами к суду, и обвинители требовали смертной казни. Достаточно сказав о преступлениях, которые вменялись ему в вину, они привели судьям один не относящийся к делу довод: «Вы знаете Аристида, сына Лисимаха, – сказали они, – которым восхищается вся Греция. Как, по-вашему, он живет, если – сами видите! – появляется на людях в таком рубище? Разве не похоже на то, что, коль скоро на улице он дрожит от холода, значит дома голодает и терпит нужду во всем необходимом? А Каллий, богатейший из афинян, равнодушно смотрит на то, как бедствует его двоюродный брат с женой и детьми, хотя много раз прибегал к услугам этого человека и часто обращал себе на пользу влияние, которым тот пользуется среди вас». Каллий, видя, что на судей это подействовало сильнее всего прочего и что они разгневаны, вызвал Аристида и попросил его засвидетельствовать перед судом, что не раз он, Каллий, давал ему щедрые вспомоществования и убеждал их принять, но тот отказывался, отвечая, что ему более пристало гордиться своей бедностью, чем Каллию – богатством: ведь богачей на свете много, и хороших и дурных, а человека, который бы с достоинством переносил бедность, встретить нелегко, ибо стыдятся бедности те, кто нуждается вопреки своей воле. И среди слышавших эти показания Аристида в пользу Каллия не осталось ни одного, который бы, уходя, не унес с собою желания быть лучше бедным, как Аристид, чем утопать в богатстве, как Каллий. Эту историю записал ученик Сократа Эсхин. Платон⁷¹⁰ же из всех афинян, почитающихся великими и славными, одного лишь этого мужа объявляет достойным упоминания: Фемистокл, говорит он, Кимон и Перикл наполнили город портиками, деньгами и всевозможными пустяками, меж тем как Аристид, управляя государством, вел его к нравственному совершенству.

Велика была и кротость, проявленная им по отношению к Фемистоклу. Всю жизнь тот был его противником на государственном поприще, из-за него Аристид подвергся ostracismu, но когда Фемистокл, в свою очередь, попал в беду и предстал перед судом, обвиненный в преступлении против государства, Аристид забыл старые обиды, и в то время как Алкмеон, Кимон и многие иные наперебой изобличали Фемистокла, один лишь Аристид и не сделал и не сказал ничего ему во вред; он не радовался несчастью врага, как прежде не завидовал его благоденствию.

26. Умер Аристид в Понте, куда он отплыл по общественным делам, а по другим сведениям – в Афинах, в глубокой старости, окруженный почетом и восхищением сограждан. Но вот что рассказывает македонянин Кратер о его смерти. После того, как был изгнан Фемистокл, народ непомерно возгордился, и появилось множество клеветников, которые преследовали доносами самых знатных и влиятельных людей, отдавая их на растерзание завистливой толпе, опьяненной своими успехами и своей силой. Среди привлеченных к суду был и Аристид; Диофант из дема Амфитропа обвинил его во взяточничестве (по его словам, взыскивая подать с ионийцев, Аристид принял от них денежный подарок), и так как у того не нашлось пятидесяти мин, чтобы уплатить штраф, к которому его приговорили, он уехал из Афин за море и умер где-то в Ионии. Никаких письменных доказательств, подтверждающих это, Кратер не привел – ни решения суда, ни

⁷⁰⁹ 27. ...перевезти казну с Делоса в Афины ... – Союзная казна была перенесена лишь много позже, около 454 г.

⁷¹⁰ 28. ...Платон – см.: «Горгий», 526а, ср. 519а.

постановления Народного собрания, хотя обычно в подобных случаях бывает достаточно обстоятелен и сопоставляет суждения разных историков. Почти все прочие авторы, которые писали о провинностях народа перед своими полководцами, собрали воедино и изгнание Фемистокла, и тюремное заключение Мильтиада, и штрафы, которые платил Перикл, и смерть Пахета, который, в ожидании обвинительного приговора, покончил с собою прямо в суде, на возвышении для ораторов, и многое другое в том же роде и этими рассказами уши всем прожужжали, но что касается Аристида, они говорят только об остракизме, об осуждении же не упоминают нигде.

27. К тому же в Фалерах и сейчас можно видеть его могилу; говорят, что он не оставил денег даже на погребение, и похороны ему устроил город. Сообщают еще, что его дочери были выданы замуж государством: город обручил их за счет казны и назначил каждой три тысячи драхм приданого; сын же Лисимах получил от народа сто мин серебром и сто плефров уже засеянной пашни, а также, по предложению Алкивиада, четыре драхмы на каждый день. Даже дочери Лисимаха Поликрите, пишет Каллисфен, народ после смерти отца назначил такое же содержание, как победителям на Олимпийских играх. Деметрий Фалерский, Иероним Родосский, музыкант Аристоксен и Аристотель (если только книгу «О благородстве» следует числить среди подлинно принадлежащих Аристотелю) утверждают, что Мирто, внучка Аристида, была замужем за философом Сократом, который, хотя и был женат, взял ее к себе в дом, когда она овдовела и впала в крайнюю нужду. Их мнение достаточно убедительно опровергает Панетий в сочинении о Сократе. Деметрий Фалерский в своей книге о Сократе говорит, что помнит внука Аристида, Лисимаха, человека очень бедного, который кормился тем, что, сидя подле храма Иакха, толковал сны по какой-то табличке. Деметрий предложил, чтобы народ ежедневно давал матери Лисимаха и ее сестре три обола, и предложение было принято, а получив права законодателя, сам назначил по драхме в день каждой из женщин. И нет ничего удивительного в том, что народ так заботился о потомках Аристида, обитавших в Афинах, – ведь узнав, что внучка Аристоклитона на Лемносе терпит нужду и из-за бедности не может выйти замуж, афиняне перевезли ее к себе, отдали в жены человеку знатного рода и определили ей в приданое поместье в Потаме. Многочисленные примеры такого человеколюбия и добросердечия, подаваемые этим городом и в наше время, делают его предметом заслуженного восхищения и подражания.

Марк Катон

1. Марк Катон, как сообщают, был родом из Тускула, а воспитывался в земле сабинян, в отцовских поместьях, где он провел молодые годы, до того как поступил на военную службу и начал принимать участие в государственных делах. Его предки, по-видимому, ничем себя не прославили, хотя сам Катон с похвалою вспоминает и отца своего Марка, честного человека и храброго воина, и прадеда Катона, который, по словам правнука, не раз получал награды за отвагу и потерял в сражениях пять боевых коней, но государство, по справедливости оценив его мужество, вернуло ему их стоимость. Людей, которые не могут похвастаться знаменитыми предками и достигли известности собственным заслугам, римляне обыкновенно называют «новыми людьми»⁷¹¹ – так звали и Катона; зато сам он считал, что внове ему лишь высокие должности и громкая слава, но если говорить о подвигах и нравственных достоинствах предков, он принадлежит к очень древнему роду.

---

⁷¹¹ 1. ...«Новыми людьми»... – Т.е. такими, кто первый в своем семействе или роде занимает государственную должность (римский политический термин). Обычно такие люди допускались лишь к низшим должностям, квестуре и эдильству, а дети их уже поднимались до претуры и консульства; случаи, когда «новый человек» сразу проходил всю лестницу степеней, как Катон и Цицерон, были очень редки.

Сначала его фамильное имя было не Катон, а Приск⁷¹², но впоследствии за остроту ума он получил прозвище Катона («Катус» [catus] на языке римлян – «многоопытный»). Он был рыжеват, с серо-голубыми глазами; довольно удачно обрисовал его автор следующей эпитафии:

Порций был злым, синеглазым и рыжим; ему Персефой
Даже по смерти его доступ в Аид запрещен.

Постоянный труд, умеренный образ жизни и военные походы, в которых он вырос, налили его тело силою и здоровьем. Видя в искусстве речи как бы второе тело, орудие незаменимое для мужа, который не намерен прозябать в ничтожестве и безделии, он приобрел и изощрил это искусство, выступая перед судом в соседних селах и городах в защиту всякого, кто нуждался в его помощи, и сначала прослыл усердным адвокатом, а потом – и умелым оратором.

С течением времени тем, кому приходилось с ним сталкиваться, все больше стали в нем открываться сила и возвышенность духа, ожидающие применения в великих деяниях и у кормила государственного правления. Дело не только в том, что он, по-видимому, ни разу не замарал рук платой за выступления по искам и тяжбам, гораздо важнее, что он не слишком высоко ценил славу, принесенную ему этими выступлениями, ставя несравненно выше добытую в битвах с врагами славу и желая снискать уважение прежде всего воинскими подвигами – в такой мере, что еще мальчишкой весь был разукрашен ранами, меж которыми не было ни единой, нанесенной в спину. Он сам рассказывает, что первый свой поход проделал в возрасте семнадцати лет, когда Ганнибал, сопровождаемый удачей, опустошал Италию огнем. В боях он отличался силою удара, непоколебимою стойкостью и гордым выражением лица; угрозами и свирепым криком он вселял ужас в неприятеля, справедливо полагая и внушая другим, что нередко крик разит лучше, нежели меч. Во время переходов он нес свое оружие сам, а за ним шел один-единственный слуга со съестными припасами; и рассказывают, что Катон никогда не сердился и не кричал на него, когда тот подавал завтрак или обед, но, напротив, сам помогал ему очень во многом и, освободившись от воинских трудов, вместе с ним готовил пищу. В походах он пил обыкновенно одну воду, разве что иногда, страдая жгучею жаждой, просил уксуса⁷¹³ или, изнемогая от усталости, позволял себе глоток вина.

2. Невдалеке от полей Катона стоял дом Мания Курия – трижды триумфатора. Катон очень часто бывал поблизости и, видя, как мало поместье и незамысловато жилище, всякий раз думал о том, что этот человек, величайший из римлян, покоритель воинственных племен, изгнавший из Италии Пирра, после трех своих триумфов собственными руками вскапывал этот клочок земли и жил в этом простом доме. Сюда к нему явились самнитские послы и застали его сидящим у очага и варящим репу; они давали ему много золота, но он отослал их прочь, сказав, что не нужно золота тому, кто довольствуется таким вот обедом, и что ему милее побеждать владельцев золота, нежели самому им владеть. Раздумывая обо всем этом, Катон уходил, а потом обращал взор на свой собственный дом, поля, слуг, образ жизни и еще усерднее трудился, решительно гоня прочь расточительность и роскошь.

Еще совсем молодым Катон служил под началом Фабия Максима – как раз в ту пору, когда тот взял город Тарент; там он пользовался гостеприимством одного пифагорейца по имени Неарх и старался усвоить его учение. Слушая речи этого человека (примерно так же

---

⁷¹² 2. *Приск* – Т.е. «древний»; это прозвище Катон получил, в действительности, лишь у историков, чтобы отличать его от Катона Младшего.

⁷¹³ 3. *...просил уксуса ...* – Вода с подбавленным (для гигиены) уксусом была обычным солдатским питьем (именно ее на губке подавали распятому Христу).

рассуждал и Платон⁷¹⁴) о том, что наслаждение – величайшая приманка, влекущая ко злу, а тело – первая опасность для души, которая освобождается и очищается лишь с помощью размышлений, как можно дальше уводящих ее от страстей тела, – слушая эти речи, он еще больше полюбил простоту и умеренность. В остальном же, как сообщают, он поздно познакомился с греческой образованностью и лишь в преклонном возрасте взял в руки греческие книги, усердствуя в красноречии отчасти по Фукидиду, а главным образом по Демосфену. И все же его сочинения⁷¹⁵ в достаточной мере украшены мыслями греческих философов и примерами из греческой истории, а среди его метких слов и изречений немало прямо переведенных с греческого.

3. Жил в ту пору некий муж, один из самых знатных и могущественных среди римлян, обладавший удивительной способностью распознавать зарождающуюся доблесть, воспитывать ее и выводить на путь славы. Звали его Валерий Флакк. Его земли граничили с землями Катона, от своих слуг он слышал о трудах соседа и его образе жизни и, подивившись рассказам о его добром нраве и воздержности, о том, как спозаранку он отправляется на форум и ведет дела тех, кто испытывает в этом нужду, а возвратившись к себе, работает вместе с рабами – зимою, одев тунику, а летом нагой, – за одним столом с ними ест тот же хлеб, что они, и пьет то же вино, подивившись и метким словам Катона, которые запомнились слугам, велел позвать его к обеду. С тех пор они встречались часто и, видя в Катоне учтивость и приветливость, которые, словно растение, нуждаются в подобающем уходе и почве, Валерий склонил и убедил его перебраться в Рим и принять участие в государственных делах. Сразу же по прибытии в Рим он и сам выступлениями в суде приобрел почитателей и друзей, и Валерий во многом помог ему своим именем и влиянием, и Катон был избран сначала военным трибуном, а потом квестором. Теперь он уже пользовался такой известностью и славой, что мог вместе с самим Валерием домогаться высших должностей: они вместе были консулами, а позже цензорами.

Из граждан постарше Катон сблизился с Фабием Максимом, знаменитым и чрезвычайно влиятельным человеком, однако больше всего привлекали Катона его жизненные правила, которые он взял себе за образец. Вот почему он не задумываясь стал противником Сципиона Старшего, который был тогда молод, но уже выступал против Фабия (побуждаемый, по-видимому, ненавистью Фабия к нему): посланный в Африку квестором при Сципионе и видя, что тот и на войне не отказался от своей обычной расточительности и щедро раздает солдатам деньги, Катон без всяких обиняков обличил его⁷¹⁶, ставя ему в упрек не величину расходов, а то, что он губит исконную римскую простоту, ибо воины, не зная нужды ни в чем, привыкают к удовольствиям и изнеженности. Сципион ответил, что, на всех парусах идя навстречу войне, он отнюдь не нуждается в таком чрезмерно аккуратном квесторе – ведь не в деньгах, а в подвигах ему придется отчитываться перед римским народом. Тогда Катон покинул Сицилию и вместе с Фабием в сенате обвинил Сципиона в том, что он бросил на ветер огромные деньги и вел себя как мальчишка, пропадая в палестрах и театрах, точно не на войну, а на праздник приехал. Дело кончилось тем, что в Сицилию послали народных трибунов с поручением привести Сципиона в Рим, если обвинения подтвердятся, однако тот, убедительно показав, что подготовка к войне есть залог победы, что он, действительно, старался на досуге угодить друзьям, но что его

⁷¹⁴ 4. ...так рассуждал и Платон ... – «Тимей», 69d.

⁷¹⁵ 5. ...Сочинения ... – из многочисленных и разнообразных сочинений Катона до нас дошло лишь одно «О сельском хозяйстве».

⁷¹⁶ 6. ...обличил его ... – вопреки римским обычаям, по которым консул должен был быть «в отца место» (по выражению Цицерона) состоящему при нем квестору. Впрочем, в действительности Катон покинул Сципиона лишь по истечении служебного срока, и ревизоры из Рима были присланы независимо от него.

человеколюбие и щедрость никак не означают легкомыслия по отношению к серьезным и важным делам, отплыл в Африку.

4. После этой речи в сенате авторитет Катона весьма возрос, и многие стали называть его римским Демосфеном, однако жизнью своей он заслуживал еще более высокого имени и более громкой славы. Ведь искусство речи было для всей римской молодежи вожделенной приманкой, словно наградой победителю в состязаниях. Но человек, который, следуя примеру предков, продолжал трудиться собственными руками, охотно довольствовался нехитрым обедом, холодным завтраком, дешевой одеждой, простым жилищем и считал, что достойнее не нуждаться в излишнем, нежели им владеть, такой человек был редкостью, ибо Римское государство, увеличившись и окрепнув, уже не сохраняло прежней чистоты и, приобретя власть над великим множеством стран и людей, восприняло множество различных обычаев и усвоило всевозможные жизненные правила. Должно ли изумляться, если римляне восхищались Катонем, видя, что иных надломили тяготы, иных изнежили наслаждения и одного лишь его ни те, ни другие не смогли одолеть – не только в ту пору, когда он был еще молод и честолюбив, но и в глубокой старости, когда и консульство и триумф уже были позади; так привыкший побеждать атлет не прекращает обычных упражнений и остается все тем же до самой смерти. Катон сам говорит, что никогда не носил платья дороже ста денариев, пил и во время своей претуры и во время консульства такое же вино, как его работники, припасов к обеду покупалось на рынке всего на тридцать ассов, да и то лишь ради государства, чтобы сохранить силы для службы в войске. Получив однажды по наследству вавилонский узорчатый ковер⁷¹⁷, он тут же его продал, ни один из его деревенских домов не был оштукатурен, ни разу не приобрел он раба дороже, чем за тысячу пятьсот денариев, потому что, как он говорит, ему нужны были не изнеженные красавчики, а люди работающие и крепкие – конюхи и волопасы. Да и тех, когда они стареют, следует, по его мнению, продавать⁷¹⁸, чтобы даром не кормить. Вообще он полагал, что лишнее всегда дорого и что если за вещь, которая не нужна, просят хотя бы один асс, то и это слишком большая цена. Он предпочитал покупать такие участки земли, на которых можно сеять хлеб или пасти скот, а не те, которые придется подметать и поливать⁷¹⁹.

5. Кто называл это скряжничеством, кто с одобрением думал, что он хочет исправить и образумить других и лишь с этой целью так резко ограничивает во всем самого себя. Но мне то, что он, выжав из рабов, словно из выючного скота, все соки, к старости выгонял их вон и продавал, – мне это кажется признаком нрава слишком крутого и жестокого, не признающего никаких иных связей между людьми, кроме корыстных. А между тем мы видим, что доброта простирается шире, нежели справедливость. Законом справедливости мы, разумеется, руководимся лишь в отношениях к людям, что же до благодеяний и милостей, то они, словно исторгаясь из богатейшего источника кротости душевной, проливаются иной раз и на бессловесных тварей. Человеку порядочному приличествует доставлять пропитание обессиленным от работы коням и не только вскармливать щенков, но и печься об одряхлевших псах. Афиняне, строившие Гекатомпед⁷²⁰, если замечали, что какой-нибудь мул трудится особенно усердно, отпускали его пастись на воле; рассказывают, что один из таких «отпущенников» по собственному почину вернулся назад и стал ходить

⁷¹⁷ 7. ...*вавилонский узорчатый ковер* ... – Вавилонские ковры, тканые из разноцветной шерсти, считались в Греции и Риме символом крайней роскоши.

⁷¹⁸ 8. *Да и тех ... продавать* ... – «Старых быков, молочный скот, молочных овец..., раба состарившегося, раба больного и все, что еще окажется лишнего» («О земледелии», 2).

⁷¹⁹ 9. ...*подметать и поливать* ... – Выпад против распространяющейся восточной моды на сады.

⁷²⁰ 10. *Гекатомпед* – («стофутовый храм») – т.е. Парфенон: см.: Пер., 13.

вместе с запряженными животными, поднимаясь впереди них на акрополь и словно подбадривая их, и афиняне постановили кормить его на общественный счет до самой смерти. И кони Кимона⁷²¹, с которыми он трижды одержал победу на Олимпийских играх, зарыты близ его гробницы. Так же многие обходились и со своими собаками, ставшими для них близкими товарищами, а в древности пса, который плыл за триремой до самого Саламина, когда афиняне покидали свой город, знаменитый Ксанфипп схоронил на мысу, по сей день носящем имя «Киноссема»⁷²². Нельзя обращаться с живыми существами так же, как с сандалиями или горшками, которые выбрасывают, когда они от долгой службы прохудятся и придут в негодность, и если уж не по какой-либо иной причине, то хотя бы в интересах человеколюбия должно обходиться с ними мягко и ласково. Сам я не то что одряхлевшего человека, но даже старого вола не продал бы, лишая его земли, на которой он воспитался, и привычного образа жизни и ради ничтожного барыша словно отправляя его в изгнание, когда он уже одинаково не нужен ни покупателю, ни продавцу. А Катон, точно бахвалясь, рассказывает, что даже коня, на котором ездил, исполняя обязанности консула и полководца, он оставил в Испании, не желая обременять государство расходами на перевозку его через море. Следует ли приписывать это величию души или же скарденности – пусть каждый судит по собственному убеждению.

6. Но в остальном этот муж заслуживает величайшего уважения своей редкою воздержностью. Так, например, командуя войском, он брал в поход для себя и для своих приближенных не больше трех аттических медимнов пшеницы на месяц и меньше полутора медимнов ячменя на день для вьючных животных. Когда он получил в управление провинцию Сардинию, где до него преторы на общественный счет нанимали жилища, покупали ложа и тоги, содержали многочисленных слуг и друзей и обременяли население расходами на съестные припасы и приготовление изысканных блюд, – он явил пример неслыханной бережливости. Он ни разу не потребовал от сардинцев никаких затрат и обходил города пешком, не пользуясь даже повозкой, в сопровождении одного-единственного служителя, который нес его платье и чашу для возлияния богам. Он был до такой степени скромнен и невзыскателен, а с другой стороны, обнаружил столько сурового достоинства, неумолимо верша суд и зорко следя за строжайшим выполнением своих приказаний, что никогда власть римлян не была для подданных ни страшнее, ни любезнее.

7. Такими же качествами отличались, мне кажется, и его речи. Он умел быть одновременно ласковым и грозным, приветливым и страшным, шутливым и резким, умел говорить метко и остро; так Сократ, по словам Платона⁷²³ казался на первый взгляд неотесанным и дерзким, настоящим сатиром, но он был полон высоких дум, вызывавших слезы на глазах у слушателей и глубоко трогавших их сердца. Вот почему я не могу понять тех, кто считает⁷²⁴, будто речи Катона больше всего похожи на Лисиевы. Впрочем, пусть об этом судят люди, которым более подобает разбираться в видах ораторских речей, мы же просто запишем несколько достопамятных его высказываний, ибо, по нашему мнению, в речи гораздо более, нежели в лице, как думают некоторые, открывается характер человека.

8. Однажды, когда римский народ несвоевременно домогался раздачи хлеба, Катон,

⁷²¹ 11. ...кони Кимона ... – отца Мильтиада; кроме него, известен только один случай трех олимпийских побед с одной упряжкой (Геродот, VI, 103).

⁷²² 12. Киноссема – см. Фем., 10.

⁷²³ 13. ...по словам Платона – см.: «Пир», 215 (речь Алкивиада).

⁷²⁴ 14. ...кто считает ... сравнение Катона с Лисием – традиционный мотив греко-римских культурных параллелизмов: «оба точны, изящны, остроумны, лаконичны, но эллин во всех достоинствах удачливее» (Цицерон, Брут, 16, 63).

желая отвратить сограждан от их намерения, начал свою речь так: «Тяжелая задача, квириты, говорить с желудком, у которого нет ушей».

Обвиняя римлян в расточительности, он сказал, что трудно уберечься от гибели городу, в котором за рыбу платят дороже, чем за быка.

В другой раз он сравнил римлян с овцами, которые порознь не желают повиноваться, зато все вместе покорно следуют за пастухами. «Вот так же и вы, – заключил Катон. – Тем самым людям, советом которых каждый из вас в отдельности и не подумал бы воспользоваться, вы смело доверяетесь, собравшись воедино».

По поводу владычества женщин, он заметил: «Во всем мире мужья повелевают женами, всем миром повелеваем мы, а нами повелевают наши жены»⁷²⁵. Впрочем, это перевод одного из метких слов Фемистокла⁷²⁶, который однажды, когда его сын, через мать, требовал то одного, то другого, сказал так: «Вот что, жена! Афиняне властвуют над Грецией, я – над афинянами, надо мною – ты, а над тобою – сын, пусть же он не злоупотребляет своей властью, благодаря которой при всем своем неразумии оказывается самым могущественным среди греков».

Римский народ, утверждал Катон, назначает цену не только пурпурным краскам, но и различным занятиям: «Подобно тому, как красильщики больше всего красят той краской, которая нравится покупателям, наши юноши особенно усердны в тех науках, искусностью в которых можно снискать вашу похвалу».

Он призывал граждан: «Если вы достигли величия доблестью и умеренностью, не меняйтесь к худшему; если же невоздержностью и пороком – изменитесь к лучшему: ведь применяя низкие эти приемы вы уже достаточно возвысились».

О тех, кто часто домогается должностей, он говорил, что они, вероятно, не знают дороги и, боясь заблудиться, стараются всегда ходить с ликторами. Порицая граждан за то, что они по многу раз выбирают на высшие государственные должности одних и тех же лиц, он сказал: «Все решат, что либо, по вашему мнению, занимать эти должности – не слишком большая честь, либо слишком немногие этой чести достойны».

Один из его врагов вел жизнь недостойную и постыдную, и Катон заметил: «Если кто говорит его матери, что сходя в могилу, она оставит по себе сына, для нее это не доброе утешение, а проклятие».

Приводя в пример кого-то, кто продал отцовское поместье на берегу моря, он притворно изумлялся: «Да ведь он сильнее моря! То, что море едва-едва лизало своими волнами, он проглотил без всякого труда».

Когда царь Эвмен⁷²⁷ прибыл в Рим и сенат принимал его с чрезмерным радушием, а первые люди государства наперебой искали его дружбы, Катон не скрывал недоверчивого и подозрительного отношения к нему. Кто-то ему сказал: «Это прекрасный человек и друг римлян». «Возможно, – возразил Катон, – но по самой своей природе царь – животное плотоядное». Ни один из слывающих счастливыми царей не заслуживал в его глазах сравнения с Эпаминондом, Периклом, Фемистоклом, Манием Курием или Гамилькаром Баркой.

Он говорил, что враги ненавидят его за то, что каждый день он поднимается чуть свет и, отложив в сторону собственные дела, берется за государственные. Он говорил, что предпочитает не получить награды за добрый поступок, лишь бы не остаться без наказания

---

⁷²⁵ 15. ...«нами повелевают наши жены» – По поводу отмены Оппиева закона об ограничении женской роскоши (принят в 215, отменен в 195 г.).

⁷²⁶ 16. Фемистокл – см.: Фем., 8.

⁷²⁷ 17. ...Царь Эвмен ... – Эвмен Пергамский приезжал в Рим зимой 173—172 г. для заключения союза против Персея Македонского.

за дурной; и что готов простить ошибку каждому, кроме самого себя.

9. Когда римляне отрядили в Вифинию трех послов, из которых один страдал подагрой, у другого на голове был глубокий рубец, оставшийся после операции, а третий слыл глупцом, Катон пошутил, что посольство у римлян безное, безголовое и безмозглное.

Сципион по просьбе Полибия ходатайствовал перед ним за ахейских изгнанников⁷²⁸ и после долгих прений в сенате, – одни соглашались вернуть их на родину, другие решительно возражали, – Катон поднялся и заявил: «Можно подумать, что нам нечего делать: целый день сидим и рассуждаем, кому хоронить старикашек-греков, – нам или ахейским могильщикам». Постановлено было разрешить им вернуться, а через несколько дней Полибий и его единомышленники решили войти в сенат с новым предложением – возратить изгнанникам почетные должности, которые они прежде занимали в Ахайе, и попытались заранее узнать мнение Катона. А тот с улыбкой ответил, что Полибий – точно Одиссей, который, забыв в пещере Полифема шляпу и пояс, решил было за ними вернуться.

Он говорил, что умным больше пользы от дураков, чем дуракам от умных: первые стараются не повторять ошибок вторых, а вторые не подражают доброму примеру первых.

Среди юношей, замечал он, ему милее краснеющие, чем бледнеющие, ему не нужны солдаты, которые при переходах не дают покоя рукам, а в битве – ногам, у которых храп громче, нежели боевой клич.

Порицая одного толстяка, он сказал: «Какую пользу государству может принести тело, в котором все, от горла до промежности, – одно лишь брюхо?»

Некий любитель наслаждений пожелал стать его другом, но Катон в дружбе отказал, объявив, что не может жить рядом с человеком, у которого небо чуткостью превосходит сердце.

Душа влюбленного, говорил он, живет в чужом теле.

За всю жизнь он лишь трижды раскаивался в своих поступках: в первый раз – доверив жене тайну, во второй – отправившись морем в такое место, куда можно добраться посуху, и в третий – на день пропустив срок составления завещания.

Развратному старику он сказал: «Послушай, в старости и так много уродливого, зачем же ты еще сильнее уродуешь ее своей гнусностью?»

Народному трибуну, который, пользуясь недоброй славой ядосмесителя, горячо отстаивал внесенный им дурной законопроект, Катон сказал: «Молодой человек, я не знаю, что страшнее – пить твои зелья или одобрять твои писания».

В ответ на поношения человека, известного своей беспутной и порочной жизнью, он заявил: «Мне с тобою биться не с руки: ты с легкостью выслушиваешь брань и сам бранишься, не задумываясь, мне же первое непривычно, а второе неприятно».

Вот какого рода были достопамятные слова Катона.

10. Избранный консулом вместе со своим близким другом Валерием Флакком, он получил по жребию провинцию, которую римляне называют Внутренней Испанией. В то время как он покорял тамошние племена или привлекал их на свою сторону силою убеждения, на него неожиданно напало большое войско варваров. Появилась опасность позорного отступления за пределы страны, и потому Катон призвал на подмогу живших по соседству кельтиберов. Те потребовали в уплату за услугу двести талантов, и, в то время как все прочие сочли неприемлемым для римлян обещать варварам плату за помощь, Катон заявил, что не видит в этом ничего страшного. «Если мы победим, – сказал он, – то рассчитаемся не своими деньгами, а деньгами врагов, а если потерпим поражение, некому будет ни предъявлять требования, ни отвечать на них». В последовавшей за этим битве он одержал решительную победу да и в дальнейшем ему сопутствовала удача. Полибий⁷²⁹

---

⁷²⁸ 18. ...за ахейских изгнанников ... – 1000 заложников (среди них – историк Полибий), вывезенных в Рим после окончания войны с Персеем; они провели на чужбине 16 лет, и домой вернулось лишь 300 человек.

⁷²⁹ 19. Полибий – XIX, 1.

сообщает, что в один и тот же день по его приказу были разрушены стены всех городов по эту сторону реки Бетис, а были они весьма многочисленны и изобиловали воинственно настроенными жителями. А сам Катон говорит, что взял в Испании больше городов, нежели провел в ней дней. И это сказано не для красного словца, если верно, что число покоренных городов достигло четырехсот⁷³⁰.

Своим солдатам, и без того изрядно нажившимся во время похода, он роздал вдобавок по фунту серебра, сказав, что пусть лучше многие римляне привезут домой серебро, чем немногие – золото, самому же ему, по его словам, не досталось из добычи ничего, не считая лишь выпитого и съеденного. «Я не порицаю, – замечает Катон, – тех, кто старается обратить войну в средство наживы, но предпочитаю соревноваться с доблестными в доблестях, чем с богатыми в богатствах или же с корыстолюбивыми в корыстолюбии». Однако не только собственные руки, но и руки близких к нему людей он сохранил чистыми от грабежа. В походе с ним было пятеро рабов. Один из них, по имени Паккий, купил трех пленных мальчиков. Катон об этом узнал, и Паккий, боясь показаться ему на глаза, повесился, а Катон продал мальчиков и внес деньги в казну.

11. Тем временем враг Катона Сципион Старший, желая помешать ему успешно довести войну до конца и стремясь взять в свои руки командование в Испании, добился назначения в эту провинцию и должен был сменить Катона на его посту. Он приложил все усилия к тому, чтобы как можно скорее лишить власти своего предшественника. Но тот с пятью когортами тяжело вооруженных пехотинцев и пятьюстами всадниками, сопровождавшими его до границы, покорил племя лацетанов и, захватив шестьсот перебежчиков, приказал их казнить. В ответ на резкие упреки Сципиона Катон насмешливо заметил, что Рим лишь в том случае достигнет высшего могущества, если знаменитые и великие мужи будут стараться не уступить первенство в доблести людям никому не известным, а плебеи вроде него самого станут оспаривать это первенство у тех, кто славен и благороден. И так как сенат постановил, что ни одно из распоряжений Катона не должно быть изменено или объявлено утратившим силу, наместничество Сципиона в Испании прошло в праздности и бездельи, нанеся куда больший ущерб его славе, чем славе Катона. Ибо Катон, справив триумф, не уподобился столь многим, кто ищет не доблести, а славы и, достигнув высших почестей – получив консульство и триумф, – отходит от государственных дел, весь остаток жизни посвящая наслаждениям и покою; он не ослабил своего рвения к добродетели и не расстался с ним, но, словно те, кто впервые выступил на поприще государственного правления и жаждет почестей и славы, как бы еще раз начал все с самого начала, открыто предоставив себя в распоряжение друзей и сограждан и не отказываясь ни от выступлений в суде, ни от военной службы.

12. Так, он был легатом у консула Тиберия Семпрония⁷³¹ и помогал ему в управлении Фракией и прилегающими к Дунаю землями, а потом – военным трибуном у Манья Ацилия, действовавшего в Греции против Антиоха. Со времен Ганнибала ни один враг не внушал римлянам большего страха, чем Антиох, который, вновь овладев почти всей Азией, некогда принадлежавшей Селевку Никатору, и покорив множество воинственных варварских племен, уже не видел иных достойных себя противников и дерзнул напасть на римлян. Благовидным поводом к войне он выставил намерение освободить греков, – которые нимало в этом не нуждались, напротив того, только что получили свободу и независимость из рук римлян, избавивших их от Филиппа Македонского, – и с большим войском переправился в

---

⁷³⁰ 20. ...число покоренных городов достигло четырехсот . – Четырехсот городов в Испании, конечно, не было: Катон считал даже неукрепленные деревни.

⁷³¹ 21. ... у консула Тиберия Семпрония ... (194 г.) – по-видимому, ошибка, этот консул воевал не во Фракии, а в предальпийской Галлии.

Европу. И сразу в Греции начались смуты, она вся закипела, соблазняемая надеждами на помощь царя, которые сеяли вожаки народа.

Маний разослал легатов по городам, и большинство из тех, где замышлялся мятеж, было умиротворено и успокоено Титом Фламинином, как о том уже говорилось в его жизнеописании⁷³². Катон же склонил на сторону римлян Коринф, Патры и Эги; дольше всего он задержался в Афинах. Некоторые сообщают, что сохранилась речь, произнесенная им по-гречески в Народном собрании; он выражал в ней восхищение доблестью древних афинян, а также красотой и размерами города. Но это неверно: Катон говорил с афинянами через переводчика – не потому, что не знал их языка, но сохраняя верность отеческим обычаям. Он насмехался над теми, кто неумеренно почитал все греческое. О Постумии Альбине, написавшем свою «Историю» по-гречески и просившем за то извинения у читателя, он язвительно заметил, что автор заслуживал бы извинения, будь он вынужден был взять на себя этот труд по приговору амфикионов⁷³³. Катон говорит, что афинян изумляла краткость и меткость его высказываний: какие-нибудь несколько его слов переводчик объяснял долго и пространно. Вообще же, заключает он, греки произносят речи языком, а римляне – сердцем.

13. Антиох занял Фермопильские теснины и, добавив к природным укреплениям валы и стены, спокойно ждал, полагая, что всякая возможность военных действий исключена; римляне совершенно отказались от мысли атаковать противника в лоб, и тут Катон вспомнил о знаменитом обходном маневре персов. Ночью он выступил с частью войска, но когда римляне поднялись повыше, проводник из пленных сбился с пути и повел войско наугад, по непроходимым кручам, вселяя в солдат уныние и страх. Видя, как велика опасность, Катон приказал остановиться и ждать, а сам, захватив с собой некоего Луция Манлия, опытного в хождении по горам человека, не щадя себя и презирая опасность, не в силах ничего толком разглядеть за зарослями дикой маслины и скалами, закрывавшими обзор, блуждал в глухой безлунной ночи до тех пор, пока не набрел на какую-то тропинку, спускающуюся (как они решили) к неприятельскому лагерю. На хорошо заметных издали вершинах, поднимающихся над Каллидромом⁷³⁴, они поставили опознавательные знаки, а потом, вернувшись назад, повели войско, держа направление на эти знаки, и, вступив на тропу, двинулись по ней вниз, но вскоре она оборвалась на краю пропасти. Опять воцарились растерянность и страх; между тем никто не догадывался и не замечал, что враги совсем рядом, но в это время рассвело, и послышались какие-то голоса, а затем стал виден греческий лагерь и передовые дозоры под кручей. Тогда Катон остановил войско и, приказав остальным не двигаться с места, вызвал к себе фирмийцев⁷³⁵, которых всегда считал особенно преданными и ревностными воинами. Они подбежали и тесно обступили его, а Катон сказал: «Нужно взять живым одного из врагов; тогда я смогу узнать, что это за передовые дозорные, сколько их, каково общее построение войска, его боевой порядок и как приготовился неприятель отразить наше нападение. Все дело в быстроте и отваге, полагаясь на которые и львы – безоружные! – дерзко нападают на робких животных». Не успел он договорить, как фирмийцы, не медля ни мгновения, стремглав бросились вниз по склону и внезапно обрушились на дозорных, распугав и рассеяв всех, кроме одного, который был захвачен и со всем своим оружием доставлен к Катону. Пленный рассказал, что основные силы во главе с царем засели в теснинах, а этот перевал охраняют шестьсот отборных этолийцев. Катон, сочтя и

⁷³² 22. ...как о том уже говорилось ... – Тит, 15.

⁷³³ 23. ...по приговору амфикионов ... – Т.е. поневоле.

⁷³⁴ 24. Каллидром – восточная часть горного кряжа Эты над обходной тропой при Фермопилах.

⁷³⁵ 25. Фирмийцы – жители Фирма в Пицене на берегу Адриатического моря.

малочисленность этого отряда и его беспечность заслуживающими презрения, тут же, под рев труб и воинственные клики, повел римлян на неприятеля, первый обнажив меч. А враги, видя, что с крутого склона на них несутся римляне, бросились бежать в большой лагерь, сея повсюду смятение.

14. Тут и Маний внизу устремляется на приступ стен, бросая все силы в ущелье. Антиох, раненный камнем в лицо, с выбитыми зубами, страдая от нестерпимой боли, поворачивает коня; из войска его ни один отряд не попытался сдержать натиск римлян, но, хотя для бегства не было никаких возможностей – ни дорог, ни троп, хотя глубокие болота и острые камни ждали тех, кто упадет или сорвется, все густым потоком хлынули через теснины и, страшась ударов вражеского меча, сами губили друг друга. Катон, который вероятно, никогда не скупился на похвалы самому себе и отнюдь не избегал прямого хвастовства, считая его спутником великих деяний, до небес превозносит события того дня. Тем, уверяет он, кто видел, как он гонит и разит врага, приходило на ум, что не столько Катон в долгу у народа, сколько народ у Катона, а сам консул Маний, разгоряченный битвой и победой, обнял его, тоже еще не остывшего, и долго целовал, радостно восклицая, что ни он, Маний, ни весь народ не в силах достойно отплатить Катону за его благодеяния. Сразу после сражения Катон сам выехал в Рим, чтобы возвестить о случившемся. Он благополучно высадился в Брундизии, за день добрался оттуда до Тарента, провел в дороге еще четыре дня, а на пятый прибыл в Рим; он был первым вестником победы и наполнил город ликованием и дымом жертвоприношений, а народу внушил уверенность, что римляне способны овладеть всей сушей и морем.

15. Вот, пожалуй, самые замечательные из военных подвигов Катона. Что же касается государственной деятельности, то, по-видимому, весьма важной ее частью он считал привлечение к ответу и изобличение преступников. Он и сам не раз выступал с обвинениями в суде, и поддерживал других обвинителей, а иных и подстрекал к таким выступлениям, как, например, Петилия⁷³⁶, обвинявшего Сципиона. Погубить Сципиона, благородством своего происхождения и подлинным величием духа поправшего клевету, ему не удалось, и потому он отступился; но брата его Луция, объединившись с другими обвинителями, он подвел под наказание – тот должен был внести огромный штраф в казну, а так как платить было нечем, ему угрожали оковы, и лишь обращение к народным трибунам насилу избавило его от заключения в тюрьму. Рассказывают, что, встретив как-то на форуме некоего молодого человека возвращавшегося из суда, где этот юноша унизил и опозорил врага своего покойного отца, Катон приветствовал его и заметил: «Да, вот что нужно приносить в жертву умершим родителям – не овец и козлят, но слезы осужденных врагов».

Впрочем, и сам он не был избавлен от подобных тревог и опасностей: при всяком удобном случае враги возбуждали против него обвинения. Говорят, что он был под судом чуть ли не пятьдесят раз, причем в последний раз – на восемьдесят седьмом году. Тогда-то он и произнес свои знаменитые слова: «Тяжело, если жизнь прожита с одними, а оправдываться приходится перед другими».

Однако и тут он все еще не уgomонился: четыре года спустя, уже в девяностолетнем возрасте, он выступил против Сервия Гальбы⁷³⁷. Я бы сказал, что, подобно Нестору, он был ровесником и соратником трех поколений⁷³⁸. И верно, как уже говорилось, в

⁷³⁶ 26. *Петилия* – два Квинта Петилия, народные трибуны 187 г., обвинили Сципиона и его брата в утайке части добычи, захваченной у Антиоха. Подробности этого знаменитого процесса (Ливий, XXXVIII, 50—57) передаются противоречиво.

⁷³⁷ 27. *Сервия Гальбы* – Гальба, будучи наместником в Испании, перебил или продал в рабство 7 тысяч испанцев, перешедших на сторону римлян. Суд был в 149 г., в год смерти 85-летнего Катона.

⁷³⁸ 28. *...подобно Нестору ... трех поколений* – См.: «Илиада», I, 250—252: «...над третьим уж племенем царствовал старец».

государственных делах он часто соперничал со Сципионом Старшим и дожил до времен Сципиона Младшего, который был приемным внуком первого Сципиона, а сыном Павла, разгромившего Персея Македонского.

16. Через десять лет после своего консульства Катон решил домогаться цензуры. Это вершина всех почетных должностей, в своем роде высшая точка, какой можно достигнуть на государственном поприще; помимо всего прочего цензору принадлежит надзор за частной жизнью и нравами граждан. Римляне полагают, что ни чей бы то ни было брак, ни рождение детей, ни порядки в любом частном доме, ни устройство пиров не должно оставлять без внимания и обсуждения, с тем чтобы каждый действовал по собственному желанию и выбору; и считая, что в этом гораздо отчетливее усматривается характер человека, нежели в делах общественных, открытых всеобщему наблюдению, они избирают двух стражей, одного из патрициев, а другого из плебеев, вразумителей и карателей, дабы никто, поддавшись искушению, не свернул с правильного пути и не изменил привычному, установившемуся образу жизни. Их-то и называют цензорами; они властны отнять у всадника коня⁷³⁹ или изгнать из сената того, кто живет невоздержанно и беспорядочно; они же производят оценку имущества граждан и по цензорским спискам устанавливают их принадлежность к тому или иному роду и сословию; в их руках находятся и иные важные права.

Вот почему избранию Катона воспротивились почти все самые знатные и влиятельные сенаторы. Во-первых, патрициев вообще грызла зависть, когда люди низкого происхождения достигали высших почестей и высшей власти, – они видели в этом поношение знати; далее, те, кто был повинен в грязных поступках и в отступлении от отеческих нравов, страшились, как бы неумолимая строгость Катона не обернулась против них, если он получит должность. И вот, сойдясь в этом мнении и заранее сговорившись, они выставили против Катона семерых соискателей, которые заискивали перед народом и прельщали его «добрыми» надеждами на кротость и снисходительность своей власти, полагая, что именно таких обещаний ждет от них народ. Напротив, Катон, не обнаруживая ни малейшей уступчивости, но открыто, с ораторской трибуны обличая погрязших в пороке, кричал, что городу потребно великое очищение, и настоятельно убеждал римлян, если они в здравом уме, выбрать врача не самого осторожного, но самого решительного, то есть его самого, а из патрициев – Валерия Флакка. Лишь при его помощи он надеялся не на шутку расправиться с изнеженностью и роскошью, отсекая этим гидрам головы и прижигая раны огнем. Все прочие кандидаты, понимал он, домогаются власти бесчестными путями, потому что боятся домогающихся ее честно. И тут римский народ показал себя подлинно великим и достойным великих предводителей: он не испугался грозной надменности Катона и, отвергнув тех сладкоречивых и угодливых, избрал его и Флакка. Можно было подумать, что Катон не ищет должности, но уже занимает ее и народ повинуется его приказаниям.

17. Внеся первым в список сенаторов своего друга и товарища по цензорству Луция Валерия Флакка, Катон изгнал из сената очень многих, и среди них – Луция Квинтия, бывшего за семь лет до того консулом, но прославившегося не столько своим консульством, сколько тем, что он был братом Тита Фламинина, победителя царя Филиппа. Причина этого изгнания была такова. Луций держал мальчишку-любownika, совсем молоденького, не отпускал его от себя ни на шаг, даже в походах с ним не расставался, и мальчишка был у него в такой чести и пользовался таким влиянием, каким не мог похвастаться ни один из самых близких друзей и домочадцев. Как бывший консул Луций получил в управление провинцию, и вот однажды на пиру мальчишка, возлежа за столом по обыкновению рядом с Луцием, всячески льстил ему (а тот был уже пьян, и его нетрудно было склонить к чему

---

⁷³⁹ 29. ...отнять у всадника коня ... – Т.е. исключить из всаднического (второго после сенаторского) сословия.

удовольствием) и между прочим сказал: «Я так тебя люблю, что приехал сюда, хотя в Риме были назначены гладиаторские игры, а я никогда еще их не видел и очень хотел поглядеть, как убивают человека». Тогда Луций, отвечая любезностью на любезность, воскликнул: «Ну, из-за этого нечего тебе огорчаться – я все улажу», – и тут же приказал привести на пир кого-нибудь из осужденных на смерть, а ликтору с топором стать рядом. Потом он еще раз спросил своего любимчика, желает ли он поглядеть, как человека зарубят, и когда тот ответил, что да, желает, распорядился отсечь преступнику голову. В таком виде передают эту историю многие, а Цицерон в диалоге «О старости»⁷⁴⁰ вкладывает ее в уста самому Катону. Но Ливий сообщает, что казненный был галл-перебежчик, что умертвил его не ликтор, а сам Луций, собственными руками, и что об этом говорится в одной из речей Катона.

Когда Луций был изгнан Катонем из сената, брат его, огорченный и раздосадованный, обратился с жалобой к народу и потребовал, чтобы Катон изложил причины своего решения. Катон подробно рассказал о том пире, Луций пытался было все отрицать, но когда Катон предложил ему внести денежный залог⁷⁴¹, тот отказался. И всем стало ясно, что он понес справедливое наказание. Но некоторое время спустя были игры в театре, и Луций, пройдя мимо консульских мест, сел много выше; народ был растроган и криками заставил Луция спуститься, словно предавая забвению случившееся и по возможности восстанавливая его доброе имя. Катон изгнал из сената и Манилия, который должен был в ближайшем будущем получить должность консула, за то что тот среди бела дня, в присутствии дочери, поцеловал жену. Сам же Катон, по его словам, лишь во время сильной грозы позволял жене обнимать его, и шутливо замечал, что бывает счастлив, когда гремит гром.

18. Еще одной причиной недовольства Катонем было то, что он отобрал коня у брата Сципиона Луция, в прошлом триумфатора; многим казалось, что он сделал это, желая оскорбить память Сципиона Африканского.

Но больше всего врагов ему доставила борьба с роскошью; покончить с нею открыто не представлялось возможным, поскольку слишком многие были уже заражены и развращены ею, и потому он решил действовать окольными путями и настоял на том, чтобы одежда, повозки, женские украшения и домашняя утварь, стоившие более полутора тысяч денариев, оценивались в десять раз выше своей настоящей стоимости, имея в виду, что с бо льших сумм будут взыскиваться и бо льшие подати. Кроме того, он увеличил сбор до трех ассов с каждой тысячи⁷⁴², чтобы римляне, тяготясь уплатой налога и видя, как люди скромные и неприхотливые платят с такого же имущества меньшие налоги, сами расстались с роскошью. И он был ненавистен как тем, кому из-за роскоши приходилось терпеть тяжелые подати, так равно и тем, кто из-за тяжелых податей отказался от роскоши. Ведь невозможность похвастаться богатством люди полагают равносильной его потере, а хвастаются всегда вещами излишними, а не необходимыми. Именно этому, говорят, и дивился более всего философ Аристон: он никак не мог понять, почему счастливыми считаются скорее владеющие излишним, нежели не терпящие недостатка в необходимом и полезном. Зато фессалиец Скопад, когда один из друзей попросил у него какую-то не очень нужную ему вещь, говоря, что не просит ничего особенно полезного или нужного, ответил: «Да ведь как раз эти бесполезные, лишние вещи и делают меня богачом». Итак, жажда богатства не связана ни с какою природною страстью, но приходит к человеку извне, возникая из чуждых ему общих мнений.

⁷⁴⁰ 30. Цицерон – см.: «О старости», 12, 42; ср. Ливий, XXXIX, 42. Об этом же см.: Тит, 18.

⁷⁴¹ 31. ...денежный залог ... – Этот залог должен был пропасть, если бы Луций проиграл дело.

⁷⁴² 32. ...Увеличил сбор ... с каждой тысячи ... – Т.е. с 0,1% до 0,3% для небольших состояний и до 3% с больших состояний.

19. Нимало не обеспокоенный упреками и порицаниями, Катон действовал все ретивее: он приказал перекрыть желоба, по которым вода из общественного водопровода текла в частные дома и сады, разрушить и снести здания, выступившие за пределы частных владений на общественную землю, сократил плату за подряды и до предела поднял цену откупов государственных налогов; следствием всего этого была лютая ненависть к нему. В результате Тит со своими сторонниками⁷⁴³, выступив против него в сенате, добился расторжения заключенных им арендных сделок на построение храмов и производство общественных работ, как сделок убыточных, и подстрекнул самых дерзких из народных трибунов привлечь Катона к суду народа и взыскать с него два таланта штрафа. С немалым сопротивлением столкнулся он и при постройке базилики, которую воздвиг за счет казны на форуме позади курии и назвал «Порциевой базиликой»⁷⁴⁴.

Но народ, по-видимому, был доволен цензором Катона, проявляя в этом удивительное единодушие. Поставив ему статую в храме богини Здоровья⁷⁴⁵, римляне не упомянули ни о его походах, ни о триумфе, но вот какую сделали надпись (привожу ее в переводе): «За то, что, став цензором, он здоровыми советами, разумными наставлениями и поучениями снова вывел на правильный путь уже клонившееся к упадку Римское государство». Впрочем, прежде он сам всегда насмехался над любителями изображений: те, говорил он, кто кичится творениями медников и живописцев, не замечают, что самые прекрасные изображения Катона граждане носят повсюду в своих душах. Когда иные изумлялись тому, что многим – недостойным этой почести – воздвигнуты статуи, ему же – нет, он отвечал: «Мне больше по душе вопрос „Почему нигде не стоят твои статуи?“ нежели „Почему они стоят?“». Вообще он полагал, что долг хорошего гражданина – пресекать похвалы по своему адресу – разве что похвалы эти служат общественному благу. При этом вряд ли сыщется человек, который бы чаще восхвалял самого себя: он гордился и тем, что люди совершившие какой-нибудь проступок, а затем уличенные в нем, говорят своим обвинителям: «Понапрасну вы нас корите – мы ведь не Катоны»; и тем, что иных, безуспешно пытающихся подражать его поступкам, называют «неудачливыми Катонами»; и тем, что в грозный час все взоры в сенате всегда обращаются к нему, словно на корабле – к кормчему, и часто, если его не было в курии, особо важные вопросы откладывались. Его собственные слова подтверждаются и чужими свидетельствами: благодаря безупречной жизни, преклонному возрасту и красноречию он пользовался в Риме огромным влиянием.

20. Он был прекрасным отцом, хорошим супругом, рачительным хозяином и никогда не считал заботы о доме маловажными или незначительными. А потому, мне кажется, будет не лишним рассказать и об этом. Он взял жену скорее хорошего рода, чем богатую, полагая, правда, что и родовитости и богатству одинаково свойственны достоинство и некоторая гордыня, но надеясь, что женщина знатного происхождения, страшась всего низкого и позорного, окажется особенно чуткой к добрым правилам, которые внушает ей муж. Тот, кто бьет жену или ребенка, говорил он, поднимает руку на самую высокую святыню. Он считал более почетной славу хорошего мужа, чем великого сенатора, и в Сократе, знаменитом мудреце древности, его восхищало лишь то, как неизменно снисходителен и ласков был он со своей сварливой женой и тупыми детьми.

У Катона родился сын, и не было дела настолько важного (не считая лишь государственных), которое бы он не отложил, чтобы постоять рядом с женой, когда она мыла

⁷⁴³ 33. ...Тит со своими сторонниками ... – См. Тит, 19.

⁷⁴⁴ 34. ...«Порциевой базиликой» ... – Это была первая базилика в Риме, выстроенная по эллинистическому образцу; она сгорела в 52 г. при похоронах Клодия.

⁷⁴⁵ 35. ...в храме богини Здоровья ... – Так Плутарх перевел templum Salutis «храм Спасения (римского народа)» конца IV в., на Квиринале.

или пеленала новорожденного. Она сама выкармливала младенца, а нередко подносила к своей груди и детишек рабов, желая такого рода общим воспитанием внушить им преданность и любовь к сыну. Когда мальчик начал приходить в возраст, Катон сам стал учить его грамоте, хотя имел раба по имени Хилон – опытного наставника, у которого было много учеников. «Не подобает рабу, – говорил он, – бранить моего сына или драть его за уши, если он не сразу усвоит урок, не подобает и сыну быть обязанным рабу благодарностью за первые в жизни познания». И он сам обучил мальчика и грамоте, и законам, и гимнастическим упражнениям, обучил его не только метать копье, сражаться в тяжелых доспехах и скакать на коне, но и биться на кулаках, терпеть зной и стужу и вплавь перебираться через реку, изобилующую водоворотами и стремнинами. Далее он рассказывает, что сочинил и собственноручно, крупными буквами, написал историю Рима⁷⁴⁶, чтобы сын от молодых ногтей узнавал, с пользою для себя, нравы и деяния предков. При ребенке он с такой же тщательностью избегал непристойных слов, как в присутствии священных дев, которых римляне зовут весталками, и никогда не мылся с ним вместе. По-видимому, так вообще было заведено у римлян: ведь и зять старался не мыться вместе с тестем, стыдясь своей наготы. Но затем, переняв у греков обычай обнажать тело, они, в свою очередь, научили греков раздеваться донага даже среди женщин. Катон воспитывал сына, стараясь возможно ближе подвести его к образцу добродетели; это был прекрасный замысел, но видя, что мальчик, отличаясь безупречным усердием и врожденным послушанием, недостаточно крепок телом и с трудом переносит тяготы и лишения, отец несколько смягчил слишком суровый и скудный образ жизни, предписанный им сыну. А тот, невзирая на свою слабость, выказал в походах мужество и стойкость и под командованием Павла⁷⁴⁷ доблестно бился с македонянами Персея. В этом сражении у него выбили из рук меч (рукоять просто выскользнула из вспотевшей ладони); сокрушаясь об этой потере, он призвал на помощь нескольких друзей и вместе с ними снова бросился на противника. После ожесточенной схватки он силой проложил себе путь и с большим трудом нашел свой меч среди огромных груд оружия и мертвых тел врагов и своих. Сам полководец Павел был восхищен юношей, и говорят, что Катон прислал сыну письмо, в котором до небес превозносил его честолюбие, обнаружившееся в непреклонном желании вернуть себе меч. Позже молодой Катон даже женился на дочери Павла Терции, сестре Сципиона; он был принят в столь знатный род как за свои собственные достоинства, так и ради славы отца. Вот как заботы Катона о сыне получили достойное завершение.

21. У Катона было много рабов из числа пленных; охотнее всего он покупал молодых, которые подобно щенкам или жеребятam еще поддаются воспитанию и обучению. Ни один из рабов никогда не появлялся в чужом доме иначе как по поручению самого Катона или его жены. На вопрос: «Что делает Катон?» – каждый неизменно отвечал: «Не знаю». Слуга должен был либо заниматься каким-нибудь полезным делом по хозяйству, либо спать. И Катон был очень доволен, если рабы любили поспать, полагая, что такие люди спокойнее, чем постоянно бодрствующие, и что для любого дела более пригодны выспавшиеся вволю, чем недоспавшие. Он считал, что главная причина легкомыслия и небрежности рабов – любовные похождения, и потому разрешал им за определенную плату сходитьcя со служанками, строго запрещая связываться с чужими женщинами.

Вначале, когда он был еще беден и нес военную службу, он никогда не сердился, если еда была ему не по вкусу, и не раз говорил, что нет ничего позорнее, как ссориться со слугою из-за брюха. Но позже, разбогатев и задавая пиры друзьям и товарищам по должности, он сразу же после трапезы наказывал ремнем тех, кто плохо собрал на стол или недостаточно

---

⁷⁴⁶ 36. ...историю Рима ... – Эта книга называлась «Начала» и была древнейшим сочинением по истории Италии и Рима на латинском языке.

⁷⁴⁷ 37. ...под командованием Павла ... – При Пидне в 168 г. (см. ЭМП., 21).

внимательно прислуживал гостям. Он всегда тайком поддерживал распри между рабами и взаимную вражду – их единодушие казалось ему подозрительным и опасным. Тех, кто совершал злодеяние, заслуживающее казни, он осуждал на смерть не раньше, чем все рабы согласно решали, что преступник должен умереть.

Усердно хлопоча о приумножении своего имущества, он пришел к мысли, что земледелие – скорее приятное времяпрепровождение, нежели источник дохода, и потому стал помещать деньги надежно и основательно: он приобретал водоемы, горячие источники, участки пригодные для устройства валяльной мастерской, плодородные земли с пастбищами и лесами (ни те, ни другие не требуют забот), и все это приносило ему много денег, меж тем как, по словам самого Катона, даже Юпитер не в силах был причинить ущерб его собственности. Занимался он и ростовщичеством, и вдобавок самым гнусным его видом: ссудой денег под заморскую торговлю⁷⁴⁸. Вот как он это делал. Он основывал сообщество и приглашал получивших ссуду вступить в него. Когда их набиралось пятьдесят человек и столько же судов, Катон через посредство вольноотпущенника Квинктиона (который вел все дела совместно с должниками и вместе с ними пускался в плавание), брал себе одну долю из пятидесяти. Так, рискуя лишь незначительною частью целого, он получал огромные барыши. Он ссужал в долг и собственным рабам; те покупали мальчиков, а потом, через год, как следует выучив и вымуштровав их на средства Катона, продавали. Многих оставлял себе Катон – за ту цену, которую мог бы дать самый щедрый покупатель. Стараясь и сыну внушить интерес к подобным занятиям, он говорил, что не мужчине, но лишь слабой вдове приличествует уменьшать свое состояние. Еще резче высказался он, не поколебавшись назвать божественным и достойным восхищения мужем всякого, чьи счета после его смерти покажут, что за свою жизнь он приобрел больше, чем получил в наследство.

22. Катон был уже стариком, когда в Рим прибыли афинские послы⁷⁴⁹ – платоник Карнеад и стоик Диоген – хлопотать об отмене штрафа в пятьсот талантов, к которому заочно присудили афинский народ сикионяне по жалобе граждан Оропа. Сразу же к ним потянулись самые образованные молодые люди, которые с восхищением внимали каждому их слову. Наибольшим влиянием пользовался Карнеад: неотразимая сила его речей и не уступающая ей молва об этой силе привлекала влиятельных и стремившихся к знаниям слушателей, и его слава разнеслась по всему городу. Пошли упорные слухи, будто некий грек, муж исключительного дарования, каким-то чудом покоряющий и пленяющий всех и вся, пробудил в молодежи такую горячую любовь, что, забыв о всех прочих занятиях и удовольствиях, она бредит только философией. Римлянам это пришлось по душе, и они с удовольствием глядели на то, как их сыновья приобщаются к греческому образованию и проводят время с людьми, столь высоко почитаемыми. Но Катон с самого начала был недоволен страстью к умозрениям, проникающей в Рим, опасаясь, как бы юноши, обратив в эту сторону свои честолюбивые помыслы, не стали предпочитать славу речей славе воинских подвигов. Когда же восхищенная молва о философах распространилась повсюду и первые их речи к сенату были переведены славным мужем Гаем Ацилием, который не без труда выговорил себе это право, он решил, соблюдая все приличия, очистить город от философов. И вот, явившись в сенат, он упрекнул правителей в том, что посольство, составленное из мужей, способных играючи убедить кого угодно в чем угодно, так долго без толку сидит в Риме. «Нужно, – сказал он, – как можно скорее рассмотреть их просьбу и принять решение, дабы они, вернувшись в свои школы, вели ученые беседы с детьми эллинов, а римская молодежь по-прежнему внимала законам и властям».

⁷⁴⁸ 38. ...на заморскую торговлю ... – За такие ссуды, ввиду особенно большого риска, взимались очень высокие проценты.

⁷⁴⁹ 39. ...афинские послы ... – Третьим в этом философском посольстве 155 г. был перипатетик Критолай; они просили о снятии штрафа за разграбление афинянами Оропа во время III Македонской войны.

23. И сделал он это не из ненависти к Карнеаду, как полагают иные, но в поношение философии вообще, желая, из какого-то чувства ревности, смешать с грязью всю греческую науку и образованность. Ведь он и о Сократе говорил, что-де этот пустомеля и властолюбец пытался любыми средствами захватить тиранническую власть над отечеством, что он растлевал нравы и настойчиво внушал согражданам суждения, противные законам. Насмехаясь над школой Исократ⁷⁵⁰, он уверял, будто ученики оставались в ней до седых волос, словно собираясь блеснуть приобретенными знаниями в Аиде и вести тяжбы перед Миносом. Он хотел опорочить Грецию в глазах своего сына и, злоупотребляя правами старости, дерзко возвещал и предсказывал, что римляне, заразившись греческой ученостью, погубят свое могущество. Но будущее показало неосновательность этого злого пророчества. Рим достиг вершины своего могущества, хотя принял с полной благожелательностью греческие науки и греческое воспитание. Катон ненавидел не только греческих философов, но с подозрением глядел и на врачей, лечивших в Риме. Он слышал, по-видимому, о Гиппократе, который на приглашение персидского царя, сулившего ему много талантов жалования, ответил, что никогда не станет служить варварам – врагам греков. Катон утверждал, что подобную клятву приносят все врачи и советовал сыну остерегаться любого из них. У него самого были памятные записи, по которым он лечил больных у себя в доме и назначал им питание; никому и никогда не приказывал он воздерживаться от пищи, но кормил занемогшего овощами, утиной, голубиным мясом или зайчатинной: эту еду он считал легкой и полезной для нездорового человека, предупреждая в то же время, что она часто вызывает сновидения. По словам Катона, таким уходом и питанием он сохранил здоровье самому себе и своим домочадцам.

24. Однако это его утверждение не осталось, как явствует из событий, непровергнутым: он лишился жены и сына. Сам же он, отличаясь железным здоровьем и незыблемой крепостью тела, держался дольше всех, так что даже в глубокой старости продолжал спать с женщиной и – отнюдь не по возрасту – женился вот при каких обстоятельствах. Потеряв жену, он женил сына на дочери Павла, приходившейся сестрою Сципиону, а сам, вдовствуя, жил с молодой служанкой, которая ходила к нему потихоньку. Но в маленьком доме, где бок о бок с ним жила невестка, связь эта не осталась тайной. И вот однажды, когда эта бабенка прошла мимо спальни, держась, по-видимому, слишком развязно, старик заметил, что сын, не сказав, правда, ни слова, посмотрел на нее с резкою неприязнью и отвернулся. Катон понял, что его близкие недовольны этой связью. Никого не упрекая и не порицая, он, как обычно, отправился в окружении друзей на форум и по пути, обратившись к некоему Салонию, который прежде служил у него младшим писцом, громко спросил, просватал ли тот уже свою дочь. Салоний сказал, что никогда не решился бы это сделать, не спросивши сначала его совета. «Что ж, – заметил Катон, – я нашел тебе подходящего зятя, вот только, клянусь Зевсом, как бы возраст его вас не смутил: вообще-то он жених хоть куда, но очень стар». В ответ Салоний просил его принять на себя эту заботу и отдать дочь тому, кого сам выберет: ведь она его клиентка и нуждается в его покровительстве; тогда Катон, не откладывая, объявил, что просит девушку за себя. Сначала, как и следовало ожидать, Салоний был ошеломлен этой речью, справедливо полагая, что Катон слишком стар для брака, а сам он слишком ничтожен для родственной связи с домом консула и триумфатора, но, видя, что тот не шутит, с радостью принял предложение, и, придя на форум, они тут же объявили о помолвке. Когда шли приготовления к свадьбе, сын вместе с родственниками явился к Катону и спросил, не потому ли появляется в семье мачеха, что он каким-то образом упрекнул или чем-то огорчил отца. «Да что ты, сын мой! – вскричал Катон. – Все в тебе совершенно, я не нахожу ничего, достойного порицания, и просто хотел бы оставить после себя еще сыновей, чтобы у государства было побольше таких граждан, как ты». Говорят, что эту мысль впервые высказал афинский тиранн

⁷⁵⁰ 40. ...над школой Исократы ... – Т.е. над риторами.

Писистрат, который, имея взрослых детей, женился вторично на аргивянке Тимонассе, родившей ему, как сообщают, Иофонта и Фессала.

У Катона от второй жены был сын, названный в честь матери Салонием. Старший его сын умер, достигнув должности претора. В своих сочинениях Катон часто вспоминает о нем как о человеке достойном; есть сведения, что несчастье Катон перенес спокойно, как настоящий философ, нимало не утратив из-за него интереса к управлению государством. Состарившись, он не сделался равнодушен к общественным делам, как впоследствии Луций Лукулл и Метелл Пий, считая участие в них своим долгом; не последовал он и примеру Сципиона Африканского, который, видя, что его слава вызывает недоброжелательство и зависть, отвернулся от народа и провел остаток жизни в бездействии; но, словно Дионисий, которого кто-то убедил, будто лучше всего умереть тиранном, он полагал, что лучше всего стареть, управляя свободным государством, а когда случался досуг, посвящал его писанию книг и земледелию, находя в этом и отдых и развлечение.

25. Он писал сочинения различного содержания, между прочим – и исторические. Земледелию он в молодые годы посвящал себя по необходимости (он говорит, что в ту пору у него было только два источника дохода – земледелие и бережливость), а позже сельские работы доставляли ему приятное времяпрепровождение, равно как и пищу для размышлений. Он написал книгу о земледелии, где упомянул даже о том, как печь лепешки⁷⁵¹ и хранить плоды, стремясь в любом занятии быть самобытным и превосходить других. В деревне стол его был обильнее, чем в городе: он всякий день звал к себе друзей из ближних поместий и весело проводил с ними время, он был приятным и желанным собеседником не только для своих сверстников, но и для молодежи, потому что многому научился на собственном опыте и много любопытного читал и слышал. По его мнению, мало что так сближает людей как совместная трапеза, и за обедом часто раздавались похвалы достойным и честным гражданам, но никто ни единым словом не вспоминал дурных и порочных: ни порицанию, ни похвале по адресу таких людей Катон не давал доступа на свои пиры.

26. Последним из его деяний на государственном поприще считают разрушение Карфагена. На деле его стер с лица земли Сципион Младший, но войну римляне начали прежде всего по советам и настояниям Катона, и вот что оказалось поводом к ее началу. Карфагеняне и нумидийский царь Масинисса воевали, и Катон был отправлен в Африку, чтобы исследовать причины этого раздора. Дело в том, что Масинисса всегда был другом римского народа, карфагеняне же, расставшись после поражения, которое им нанес Сципион, со своим владычеством, обремененные тяжелой данью, ослабевшие и униженные, стали союзниками Рима. Найдя Карфаген не в плачевном положении и не в бедственных обстоятельствах, как полагали римляне, но изобилующим юношами и крепкими мужами, сказочно богатым, переполненным всевозможным оружием и военным снаряжением и потому твердо полагающимся на свою силу, Катон решил, что теперь не время заниматься делами нумидийцев и Масиниссы и улаживать их, но что если римляне не захватят город, исстари им враждебный, а теперь озлобленный и невероятно усилившийся, они снова окажутся перед лицом такой же точно опасности, как прежде. Без всякого промедления вернувшись, он стал внушать сенату, что прошлые поражения и беды, по-видимому, не столько убавили карфагенянам силы, сколько безрассудства, сделали их не беспомощнее, но опытнее в военном искусстве, что нападением на нумидийцев они начинают борьбу против римлян и, выжидая удобного случая, под видом исправного выполнения условий мирного договора, готовятся к войне.

27. Говорят, что закончив свою речь, Катон умышленно распахнул тогу, и на пол курии посыпались африканские фиги. Сенаторы подивились их размерам и красоте, и тогда Катон сказал, что земля, рождающая эти плоды, лежит в трех днях плавания от Рима. Впрочем, он

⁷⁵¹ 41. ...как печь лепешки ... – см.: «О земледелии», 76, 92, 143.

призывал к насилию и более открыто; высказывая свое суждение по какому бы то ни было вопросу, он всякий раз присовокуплял: «Кажется мне, что Карфаген не должен существовать». Напротив, Публий Сципион Назика, отвечая на запрос или высказываясь по собственному почину, всегда говорил: «Мне кажется, что Карфаген должен существовать». Замечая, по-видимому, что народ становится непомерно заносчив и уже совершает множество просчетов, что, упиваясь своими удачами, исполнившись гордыни, он выходит из повиновения у сената и упорно тянет за собою все государство туда, куда его влекут страсти, – замечая это, Назика хотел, чтобы хоть этот страх перед Карфагеном был уздой сдерживающей наглость толпы: он полагал, что карфагеняне не настолько сильны, чтобы римляне не смогли с ними совладать, но и не настолько слабы, чтобы относиться к ним с презрением. То же самое тревожило и Катона, но он считал опасной угрозой, нависающую со стороны государства и прежде великого, а теперь еще отрезвленного и наказанного пережитыми бедствиями, меж тем как римский народ буйствует и, опьяненный своим могуществом, делает ошибку за ошибкой; опасным казалось ему приниматься за лечение внутренних недугов, не избавившись сначала полностью от страха перед покушением на римское владычество извне. Такими доводами, говорят, Катон достиг своей цели: третья и последняя Пуническая война была объявлена. Он умер в самом начале военных действий, предсказав, кому суждено завершить войну; человек этот был тогда еще молод и, занимая должность военного трибуна, обнаруживал в сражениях рассудительность и отвагу. Его подвиги стали известны в Риме, и Катон, услышав о них, сказал:

Он лишь с умом; все другие безумными тенями веют⁷⁵².

И Сципион скоро подкрепил его слова своими делами.

Катон оставил одного сына от второй жены, носившего, как мы уже говорили, прозвище Салония, и одного внука от умершего сына. Салоний умер, достигнув должности претора, а сын Салония Марк был консулом. Он приходится дедом философу Катону⁷⁵³ – мужу великой доблести, одному из самых славных людей своего времени.

[Сопоставление]

28 (1). Если теперь, написав об Аристиде и Катоне все, что достойно упоминания, сравнить в целом жизнь одного с жизнью другого, нелегко усмотреть различие за столь многими и столь важными чертами сходства. Но расчленим ту и другую по частям, как делают, изучая поэму или картину, – и общим для обоих окажется то, что, начавши с полной неизвестности, они достигли власти и славы только благодаря совершенным нравственным качествам и силе характера. Правда, как мы видим, Аристид прославился в ту пору, когда Афины еще не возвысились и когда вожди народа и полководцы обладали умеренным богатством, ненамного превосходившим состояние самого Аристида. К первому разряду граждан принадлежали тогда владельцы имущества, приносившего пятьсот медимнов дохода, второй разряд – всадники – получал триста медимнов, третий и последний – зевгиты – двести. А Катон, выйдя из маленького городишки, оторвавшись, по-видимому, от грубой деревенской жизни, бросился в необъятное море государственных дел Рима, который управлялся уже не Куриями, Фабрициями и Атилиями, не возводил более на ораторское

⁷⁵² 42. Он лишь с умом, все другие – бездушными тенями веют. – «Одиссея», X, 495; у Гомера эти слова относятся к прорицателю Тиресию в царстве мертвых, у Катона – к Сципиону Эмилиану.

⁷⁵³ 43. ...дедом философу Катону ... (т.е. Катону Младшему) – Не дедом, а отцом; и консулом был не этот М. Катон Салониан, а его брат Луций (в 89 г.).

возвышение бедняков, собственными руками возделывающих свое поле, призывая их прямо от плуга или заступа и превращая в должностных лиц и вождей, но приучился смотреть на знатность рода, богатство, раздачи и заискивания и в сознании своего величия и могущества даже издевался над домогавшимися должностей. Совсем не одно и то же – иметь соперником Фемистокла, человека отнюдь не высокого происхождения и скромных возможностей (говорят, что когда он впервые выступил на государственном поприще, у него было всего три или, самое большее, пять талантов), или состязаться за первенство со Сципионами Африканскими, Сервиями Гальбами и Квинтиями Фламиниями без всяких средств борьбы, не считая лишь голоса, смело звучащего в защиту справедливости.

29 (2). Далее, Аристид при Марафоне, а позже при Платеях был одним из десяти командующих, Катон же был избран одним из двух консулов и одним из двух цензоров, победив семерых соискателей из числа самых видных граждан. Ни в одном счастливо закончившемся деле Аристид не был первым – при Марафоне первенство принадлежало Мильтиаду, при Саламине Фемистоклу, при Платеях, по мнению Геродота⁷⁵⁴, самый блестящий успех выпал на долю Павсания, и даже второе место оспаривают у Аристида всякие там Софаны, Аминии, Каллимахи и Кинегиры, отличившиеся в этих битвах. Напротив, Катон всех оставил позади и как мудрый полководец и как храбрый воин: не только в Испанской войне, когда он был консулом, но даже при Фермопилах, когда командовал другой консул, а сам Катон был при нем легатом, всю славу снова стяжал он, нанеся царю, приготовившемуся грудью отразить нападение, удар в спину и тем самым распахнув ворота к победе над Антиохом. Да, ибо этот успех, которым римляне, бесспорно, обязаны были Катону, изгнал Азию из Греции и перебросил для Сципиона мост через Геллеспонт⁷⁵⁵.

В войне оба были непобедимы, но на поприще государственных дел Аристид потерпел поражение и был подвергнут остракизму сторонниками Фемистокла; Катон же, с которым враждовали чуть ли не все самые могущественные и знатные люди Рима, словно атлет, боролся до глубокой старости и ни разу не был сбит с ног. Многократно участвуя в судебных процессах, то в качестве обвинителя, то в качестве обвиняемого, он подвел под наказание многих своих противников, сам же не подвергался ему ни разу, причем действенным оружием защиты и нападения ему служила сила речи, которой с бо льшим правом, нежели счастливой судьбе или гению-хранителю этого человека, можно приписать то обстоятельство, что за всю свою жизнь он не претерпел ничего, противного его достоинству. Это замечательное свойство было присуще и философу Аристотелю, который, по словам Антипатра, писавшего о нем после его смерти, кроме прочих достоинств, обладал также даром убеждения.

30 (3). Общепризнанно, что из всех добродетелей человека самая высшая – государственная; немаловажной ее частью большинство считает умение управлять домом, поскольку государство есть некая совокупность объединившихся частных домов и сильно лишь в том случае, если преуспевают его граждане – каждый в отдельности; даже Ликург, изгнав из Спарты серебро, изгнав золото и заменив их монетой из обожженного и изуродованного огнем железа, отнюдь не имел в виду отбить у сограждан охоту заниматься своим хозяйством – он просто удалил из богатства все изнеживающее, нездоровое, разжигающее страсти и, как ни один другой законодатель, заботился о том, чтобы всякий мог наслаждаться обилием полезных и необходимых вещей, полагая более опасным для общего блага вечно нуждающегося, бездомного бедняка, чем непомерного богача. Мне кажется, что Катон показал себя столь же завидным главою дома, сколь и государства. Он и сам увеличил

⁷⁵⁴ 44. ...по мнению Геродота ... – см.: IX, 64.

⁷⁵⁵ 45. ... мост через Геллеспонт ... – Т.е. возможность перейти в Малую Азию, где в 190 г. Антиох был окончательно разбит при Магнесии.

свое состояние и других учил вести хозяйство и обрабатывать землю, собрав много относящихся к этому полезных сведений. Аристид же своей бедностью опорочил самое справедливость, внушив многим подозрения, будто она губит дом, порождает нищету и меньше всего приносит пользы тому, кто ею обладает. А между тем Гесиод⁷⁵⁶, который, не щадя сил, призывает нас к справедливости и к рачительному ведению хозяйства, связывает одно с другим и бранит лень – начало всякой несправедливости. Хорошо сказано об этом и у Гомера⁷⁵⁷:

Полевого труда не любил я, ни тихой
Жизни домашней, где милым мы детям даем воспитанье:
Островесельные мне корабли привлекательней были,
Бой, и крылатые стрелы, и медноблестящие копья.

Из этих слов явствует, что люди, пренебрегающие своим домом, в несправедливостях ищут средств к существованию. Не следует сравнивать справедливость с маслом⁷⁵⁸, которое как наружное средство весьма благотворно, по мнению врачей, действует на тело, а употребляемое вовнутрь причиняет ему непоправимый вред, и неверно, будто справедливый человек приносит пользу другим, но совершенно не печется о себе самом и о своих делах; вернее думать, что государственный ум просто изменил здесь Аристиду, если, как утверждает большинство писателей, он не оставил денег ни на собственное погребение, ни на приданое дочерям. Вот почему дом Катона вплоть до четвертого колена давал Риму преторов и консулов (его внуки и даже их сыновья занимали высшие государственные должности), меж тем как потомков Аристида, который был некогда первым человеком в Греции, крайняя, безысходная нужда заставила взяться за шарлатанские таблички или протягивать руку за общественным вспомоществованием и не дала никому из них даже помыслить ни о чем великом и достойном их предка.

31 (4). Однако не вызовет ли это возражений? Ведь бедность позорна отнюдь не сама по себе, но лишь как следствие беспечности, невоздержанности, расточительности, неразумия, у человека же рассудительного, трудолюбивого, справедливого, мужественного, все свои добрые качества посвятившего родному городу, она служит признаком величия духа и величия ума. Невозможно вершить великое, тревожась о малом, ни помочь многим нуждающимся, если сам нуждаешься во многом. К государственной деятельности надежнее всего ведет не богатство, но довольство тем, что имеешь: кто в частной жизни не испытывает потребности ни в чем излишнем, всего себя посвящает общественным делам. Никаких нужд не знает только бог⁷⁵⁹, и потому среди человеческих добродетелей нет более совершенных и божественных, нежели те, что, елико возможно, ограничивают наши желания. Подобно тому как тело, здоровое от природы, не нуждается ни в лишнем платье, ни в лишней пище, так здраво устроенные жизнь и дом обходятся имеющимися в наличии средствами. Нужно только, чтобы состояние было соразмерно потребностям, потому что, если человек собирает много, а пользуется немногим, это не есть довольство тем, что имеешь: такой человек либо

---

⁷⁵⁶ 46. ...Гесиод ... призывает ... к справедливости ... – См.: «Труды и дни», 311: «Нет никакого позора в работе – позорно безделье».

⁷⁵⁷ 47. Хорошо сказано об этом у Гомера – «Одиссея», XIV, 222 сл. (Одиссей, встретясь со свинопасом Эвмеем, выдает себя за критянина).

⁷⁵⁸ 48. Не следует сравнивать справедливость с маслом ... – ср. Платон, Протагор, 334 с.

⁷⁵⁹ 49. Никаких нужд не знает только бог ... – мысль Сократа (напр., Ксенофонт, Воспоминания, I, 6, 10), усвоенная всей позднейшей философией, особенно киниками.

глупец – если стяжает вещи, которые не способны доставить ему радость, либо жалкий страдалец – если по мелочности препятствует себе насладиться ими. Я бы охотно спросил самого Катона: «Если наслаждаться богатством не зазорно, почему ты кичишься тем, что, владея многим, довольствуешься скромной долей своего имущества? Если же прекрасно (а это и в самом деле прекрасно!) есть хлеб, какой придется, пить то же вино, что пьют наши работники и слуги, и смотреть равнодушно на пурпурные одеяния и выбеленные дома – значит во всем правы были Аристид, Эпаминонд, Маний Курий, Гай Фабриций, отказываясь владеть имуществом, пользоваться которым они не желали». Право же не стал бы человек, который считает репу самым вкусным кушаньем и собственноручно варит ее, меж тем как жена месит тесто, поднимать такой шум из-за одного асса и поучать, каким путем можно скорее всего разбогатеть. Великое преимущество простоты и довольства тем, что имеешь, как раз в том и состоит, что они избавляют и от страсти ко всему излишнему и вообще от заботы о нем. Недаром Аристид, выступая свидетелем по делу Каллия, сказал, что бедности должны стыдиться те, кто бедны не по своей воле, а добровольные бедняки, вроде него самого, – вменять ее себе в похвалу. Смешно было бы говорить о том, что бедность Аристида – порождение его собственной беспечности: ведь у него была полная возможность разбогатеть, не совершая ничего постыдного, – стоило только снять доспехи с какого-нибудь убитого перса или захватить хоть одну палатку. Впрочем, достаточно об этом.

32 (5). Военные действия под командованием Катона не прибавили ничего великого к великим уже и без того завоеваниям; напротив, среди ратных трудов Аристида числятся самые славные, блистательные и важные в греческой истории – Марафон, Саламин и Платеи. Антиох так же мало заслуживает сравнения с Ксерксом, как разрушенные стены испанских городов – со многими десятками тысяч персов, павших на суше и на море. В этих битвах Аристид подвигами затмевал любого, но славу и венки, равно как и деньги и всякое иное богатство, неизменно оставлял тем, кто более жадно их искал, потому что сам стоял выше всего этого. Я не порицаю Катона за то, что он постоянно возвеличивает и ставит на первое место самого себя (хотя в одной своей речи он говорил, что и превозносить и поносить себя – одинаково нелепо), но, мне кажется, ближе к совершенству тот, кто не нуждается даже в чужих похвалах, нежели пускающийся то и дело в похвалы самому себе. Скромность более многого другого способствует кротости и мягкости в делах правления, честолюбие же, которое вовсе не было знакомо Аристиду, но полностью подчинило себе Катона, – неиссякаемый источник недоброжелательства и зависти. Аристид, поддержав Фемистокла в его самых важных начинаниях и даже в какой-то мере оберегая его, словно телохранитель, спас Афины, тогда как Катон, противодействуя Сципиону, едва не расстроил и не погубил его поход на Карфаген, а ведь именно в этом походе был низвергнут непобедимый Ганнибал; и он до тех пор не переставал сеять подозрения и клевету, пока не изгнал Сципиона из Рима, а его брата не заклеил позорным клеймом вора, осужденного за казнокрадство.

33 (6). И ту воздержность, которую Катон изукрасил самыми высокими и самыми прекрасными похвалами, сохранил поистине чистой и незапятнанной Аристид, а Катон навлек на нее немалые и тяжелые упреки своей женитьбой, противной и его достоинству, и его возрасту. Отнюдь не к чести старика, дожившего до таких лет, было жениться вторично на дочери человека, который когда-то служил у него, получая от государства жалование, и дать ее в мачехи своему уже взрослому сыну и его молодой супруге; он сделал это, либо уступив потребности в удовольствиях, либо гневаясь на сына из-за своей возлюбленной и желая отомстить ему, – как бы то ни было, но и само действие и повод к нему позорны. Насмешливое объяснение, которое он дал сыну, не было искренним. Если он в самом деле хотел произвести на свет добрых сыновей, похожих на старшего, нужно было подумать об этом с самого начала и заключить брак с женщиной хорошего рода, а не попросту спать с наложницей, пока это оставалось в тайне, а потом, когда все открылось, не брать в тестя человека, которого ничего не стоило к этому склонить и свойство с которым заведомо не могло принести никакой чести.

ФИЛОПЕМЕН И ТИТ

Филопемени

[Перевод С.И. Соболевского]

1. Клеандр принадлежал к первому по знатности роду и был одним из самых влиятельных граждан в Мантинее. С ним произошло несчастье, и ему пришлось бежать из родного города. Он переселился в Мегалополи, главным образом потому, что там жил отец Филопемени, Кравгид, человек во всех отношениях прославленный и дружественно к нему расположенный. При жизни Кравгида Клеандр получал от него все необходимое; по смерти его он, в благодарность за гостеприимство, воспитал его сына-сироту, подобно тому, как, по словам Гомера, Феникс воспитал Ахилла. Поэтому духовное развитие мальчика с самого начала носило благородный, как бы царственный характер. Когда Филопемени вышел из детского возраста, заботу о его воспитании взяли на себя мегалопольские граждане Экдем и Мегалофан, друзья Аркесилая по Академии, которые более всех своих современников стремились поставить философию на службу государственной деятельности и практической жизни. Они освободили свою родину от тирании⁷⁶⁰, тайно подготовив будущих убийц Аристодема; помогли Арату изгнать сикионского тирана Никокла; по просьбе киренцев они поехали в Кирену, где были смуты и неурядицы, и установили там законность и порядок. Однако, наряду с прочими своими делами, они занимались и воспитанием Филопемени, стремясь, чтобы изучение философии сделало из него человека, полезного для всей Греции; ибо, как мать, родившая сына в старости, так и Греция, произведя его на свет много позже доблестных вождей древности, любила Филопемени исключительной любовью и содействовала росту его славы и его мощи. А один римлянин⁷⁶¹ назвал его последним из эллинов, потому что после него Греция не дала уже ни одного великого мужа, достойного ее.

2. Филопемени не был безобразен⁷⁶², как думают некоторые: доступна обозрению его статуя, еще и теперь находящаяся в Дельфах. Правда, мегарская хозяйка не узнала его, но, говорят, это произошло из-за его простоты в обращении и скромности в одежде. Узнав, что к ним идет ахейский стратег, она заспешила с обедом, а мужа ее случайно не было дома. В это время вошел Филопемени, одетый в простой военный плащ. Хозяйка приняла его за одного из приближенных Филопемени, за посланного вперед гонца, и попросила его помочь ей в приготовлениях к обеду. Филопемени тотчас сбросил плащ и стал колоть дрова. В это время вошел хозяин и, увидев это, воскликнул: «Что это значит, Филопемени?» «Только то, – отвечал тот на дорическом наречии, – что я плачусь за свою скверную наружность». Тит, насмехаясь над телосложением Филопемени, однажды сказал ему: «Какие у тебя прекрасные руки и ноги, Филопемени, а живота нет!» Действительно, в поясе он был слишком тонок. Впрочем, эта насмешка относилась скорее к войску Филопемени: у него была хорошая пехота и конница, а в деньгах он часто нуждался. Вот что рассказывают о Филопемени в

---

⁷⁶⁰ 1. ...освободили... от тирании... – Речь идет о событиях 252—250 гг., когда в Греции ослабела власть Антигона Македонского, поддерживавшего тирании, и усилилось влияние Птолемея, поддерживавшего демократии.

⁷⁶¹ 2. ...один римлянин... – Лицо неизвестное. Павсаний (VIII, 52) говорит, что Мильтиад был первым благодетелем всего греческого народа, а Филопемени последним.

⁷⁶² 3. ...не был безобразен... – По словам Павсания (VIII, 49) Филопемени был нехорош лицом, но зато высок и крепок.

школах.

3. Честолюбивый характер его был не вполне свободен от запальчивости и гнева. Стремясь соревноваться прежде всего с Эпаминондом, он упорно подражал ему, но только в энергии, благоразумии и неподкупности: гнев и задор мешали ему во время гражданских усобиц сохранять мягкость, душевное равновесие и гуманность, свойственные Эпаминонду. Поэтому Филопемена считали более способным к воинским подвигам, чем к проявлению гражданских добродетелей. И действительно, с самого детства он любил военное дело и охотно учился тому, что было полезно для этой цели, – вести бой в тяжелых доспехах и ездить верхом. Так как в нем замечали способности к борьбе, некоторые друзья и наставники советовали ему заняться атлетикой. Но Филопемени спросили, не повредят ли атлетические упражнения военным. Ему отвечали (как оно и было на самом деле), что телесные качества и образ жизни атлета и солдата во всем различны, особенно же отличаются упражнения и повседневное времяпрепровождение: атлеты долгим сном, постоянной сытостью, установленными движениями и покоем стараются развивать крепость тела и сохранять ее, так как она подвержена переменам при малейшем нарушении равновесия и отступлении от обычного образа жизни; тело солдата, напротив, должно быть приучено к любым переменам и превратностям, прежде всего – способно легко переносить недостаток еды и сна. Получив такой ответ, Филопемени не только сам отказался от профессии атлета и осмеял ее, но впоследствии, будучи стратегом, насколько это было в его власти, выводил из употребления всякого рода атлетические упражнения, предавая их позору и поруганию, так как они делают непригодными к боям людей, самых способных к ним от природы.

4. Расставшись с учителями и воспитателями, Филопемени стал участвовать в походах граждан в Лаконику, куда они вторгались для захвата добычи. Он приучал себя идти первым при выступлении в поход, последним – при возвращении из похода. В свободное время Филопемени укреплял тело либо охотой, придавая ему тем самым легкость и силу, либо земледельческими работами. У него было прекрасное поместье в двадцати стадиях от города. Туда он ходил каждый день после обеда или после ужина и ложился спать на первую попавшуюся постель из соломы, как любой из работников. Вставши рано утром, он работал вместе с виноградарями или пахарями и опять возвращался в город, где с друзьями и должностными лицами занимался общественными делами. Все, что он получал от походов, Филопемени тратил на лошадей, оружие и выкуп пленных, а в хозяйстве употреблял доходы от земледелия – самого честного средства приобрести богатство. На земледелие он не смотрел как на дело второстепенное, считая, что тому, кто не хочет брать чужого, совершенно необходимо приобретать свое. Он слушал рассуждения философов и читал их сочинения, впрочем, не все, а лишь те, которые, как он думал, могут способствовать нравственному усовершенствованию. В поэмах Гомера он обращал внимание на все места, которые, по его мнению, возбуждают мысли о мужестве, воспаляют душу. Из других сочинений его постоянным чтением была прежде всего «Тактика» Эвангела и исторические сочинения об Александре; он был убежден, что если сочинение – не бесплодная болтовня, предназначенная для пустого времяпрепровождения, то слова переходят в дела. Схемы и чертежи, сделанные на табличках, Филопемени оставлял без внимания, а тактические теории рассматривал на местности: во время поездок он сам изучал теснины в гористых местах, обрывы на равнинах и всякие изменения в построении фаланги, когда она при переправе через реку или в узком проходе должна размыкаться и опять смыкаться, и задавал задачи своим спутникам. По-видимому, он сверх всякой меры пристрастился к военному делу, полюбил войну как чрезвычайно широкое поприще для проявления своего таланта, а на людей, не отдававшихся ей, смотрел с презрением, как на бездельников.

5. Когда Филопемени было уже тридцать лет, спартанский царь Клеомен ночью неожиданно напал на Мегалополь⁷⁶³ и, оттеснив караулы, ворвался внутрь города и занял

⁷⁶³ 4. ...Клеомен... напал на Мегалополь... – См.: Кл., 23—24.

площадь. Филопemen поспешил на помощь согражданам, но не мог изгнать неприятелей, хотя бился отважно и не щадя сил. Однако гражданам он дал возможность уйти незаметно, сражаясь с преследовавшим их неприятелем и привлекая на себя внимание Клеомена. Сам он с трудом ушел последним – раненый, потеряв коня. Жители удалились в Мессену. Клеомен послал к ним гонца с предложением возвратить им город со всем имуществом и область. Видя, что граждане с удовольствием готовы принять предложение и спешат вернуться на родину, Филопemen восстал против этого и удержал их, доказывая, что цель Клеомена – не возвратить им город, а приобрести себе новых граждан, чтобы вернее владеть городом. «Клеомен не может, – говорил он, – сидеть праздно в городе и охранять дома и пустые стены, но бросит и их, вынужденный к тому безлюдьем». Такими доводами он склонил граждан отказаться от их намерения, но Клеомен получил возможность разорить и разрушить большую часть города и уйти с богатой добычей.

6. Царь Антигон пришел на помощь ахейцам и вместе с ними выступил в поход против Клеомена, занимавшего высоты и проходы при Селласии. Он выстроил войско близ этого места, намереваясь напасть на Клеомена и вытеснить его с позиции. Филопemen вместе со своими согражданами в это время находился в рядах конницы: подле него стояли иллирийцы, прикрывая боевую линию; их было много и они были воинственны. Ахейцам было приказано оставаться в бездействии, не трогаясь с места, пока на другом фланге царь не поднимет на копье красный плащ. Когда вожди иллирийцев сделали попытку вытеснить спартанцев с позиции, а ахейцы, согласно приказанию, оставались в резерве, брат Клеомена, Эвклид, заметив образовавшуюся в неприятельском строю брешь, поспешно послал в обход своих самых быстрых легковооруженных воинов, приказав им напасть с тыла на иллирийцев, так как они остались без прикрытия конницы. Пока легковооруженные воины старались отвлечь и привести в замешательство иллирийцев, Филопemen заметил, что проще и вернее всего атаковать легковооруженных и что само стечение обстоятельств подсказывает этот маневр. Сначала он сообщил свой план начальникам царского войска, но не мог убедить их: они сочли Филопемена за сумасшедшего и отнеслись к нему с презрением, так как он еще не был настолько прославленным, чтобы доверили ему такое важное предприятие. Тогда Филопemen сам бросился в атаку и увлек за собою сограждан. Среди легковооруженных воинов произошло замешательство, затем началось бегство; много было убитых. Желая еще более воодушевить царское войско и скорее вступить в рукопашный бой с приведенными в смятение неприятелями, Филопemen соскочил с коня и, с великим трудом передвигаясь в своих всаднических доспехах, с очень тяжелым оружием, пошел по неровной, изобилующей ручьями и оврагами местности. В это время метательное копье пробило ему насквозь оба бедра. Удар был не смертельный, но сильный, так что острие вышло по другую сторону тела. Сперва он, будто скованный, совершенно не знал, что делать: ременная петля⁷⁶⁴ мешала извлечь копье из тела. Присутствовавшие не решались коснуться его, а между тем битва достигла высшей точки напряжения. Пылая гневом и жадой славы, Филопemen рвался в бой; вытягивая вперед ноги и двигая ими попеременно, он сломал копье посередине и велел извлечь каждый обломок отдельно. Освободившись таким образом, он обнажил меч и пошел через первые ряды на врагов, воодушевив этим воинов и внушив стремление состязаться в храбрости. После победы Антигон, испытывая македонян, спрашивал их, почему они без его приказания двинули конницу. В свое оправдание они говорили, что против своей воли были вынуждены вступить в бой с противниками, потому что какой-то мальчишка из Мегалополя первый бросился вперед. Антигон рассмеялся и сказал: «Ну, так знайте, что этот мальчишка совершил дело великого полководца».

7. Благодаря этому Филопemen, как и следовало ожидать, приобрел славу. Антигон старался привлечь его к участию в совместном походе и предлагал ему должность командира и деньги; но Филопemen отказался, главным образом потому, что знал свой характер –

---

⁷⁶⁴ 5. ... *ременная петля*... – Для метания копья.

строптивый, не склонный к подчинению. Однако, не желая оставаться без дела, в праздности, он, ради упражнения в военном деле, поехал воевать на Крит. Тут он прошел хорошую школу, находясь долгое время в кругу людей воинственных, способных умело пользоваться обстоятельствами при ведении войны, к тому же воздержных, привыкших к простому образу жизни.

Оттуда он вернулся к ахейцам в таком блеске славы, что тотчас же был назначен начальником конницы⁷⁶⁵. Всадники, которых он принял от своего предшественника, являлись с плохими лошаденками, какие им попадались, когда случался поход, или же вовсе уклонялись от походов, посылая вместо себя других, все были совершенно незнакомы с делом и трусливы; власти неизменно смотрели на это сквозь пальцы, потому что у ахейцев всадники были людьми очень влиятельными и в их руках было право награждать и наказывать. Но Филопemen не отступил, не отказался от своего намерения: он ездил по городам, старался в каждом юноше пробудить чувство честолюбия, наказывал тех, к кому надо было применять принудительные меры, устраивал учения, процессии, состязания в тех местах, где можно было рассчитывать на большое стечение зрителей. Действуя так, Филопemen в короткое время влил во всех изумительную силу и энергию и, что всего важнее, сделал всадников быстрыми и подвижными при выполнении как целым отрядом, так и в одиночку полуоборотов и полных оборотов; они достигли в этом такого совершенства, что целый отряд легкостью перестроения напоминал одно тело, движущееся по собственной воле. Во время жаркого сражения ахейцев с этолийцами и элейцами при реке Лариссе начальник элейской конницы Дамофант выехал вперед и бросился на Филопемена. Филопemen не уклонился от нападения, но успел первым нанести удар копьем и свалить Дамофанта. После его падения враги тотчас же обратились в бегство. Филопemen был в блеске славы: силой руки он не уступал никому из юношей, разумом – никому из старших; он был в равной мере способен и сам сражаться и командовать войском.

8. Арат первый возвысил и усилил Ахейский союз, до того времени слабый, раздробленный на отдельные города. Он соединил их, ввел эллинское, гуманное государственное устройство. Подобно тому, как в воде, когда небольшое количество мелких тел вдруг остановится, притекающие после наталкиваются на первые, задерживаются ими и образуют, благодаря взаимному сцеплению, крепкую, компактную массу, – подобно этому в тогдашней Греции, слабой, легко раздробляемой на отдельные города, ахейцы первые сплотились; окрестные города они частью присоединяли к себе, помогая им и освобождая их от тираннов, частью же привлекали к союзу своим единодушием и совершенством государственного устройства. Таким путем думали они сделать Пелопоннес единым телом, единой силой. Но при жизни Арата они еще подчинялись македонскому оружию, искали милости у Птолемея, потом у Антигона и Филиппа, которые вмешивались в дела Греции. Когда же Филопemen достиг первенствующего положения, ахейцы уже были равны силами с самыми могущественными противниками и перестали пользоваться покровительством иноземцев. Арат не выказывал большой склонности к военным походам и в большинстве случаев достигал успеха путем переговоров, благодаря своему мягкому характеру и дружбе с царями, как сказано в его жизнеописании. А Филопemen, доблестный воитель, умевший действовать оружием, удачливый и победоносный уже с самых первых сражений, вместе с силою возвысил и дух ахейцев: с ним они привыкли к победам и удаче в своих военных предприятиях.

9. Прежде всего Филопemen изменил построение войска и вооружение, которые у ахейцев были плохи: у них были в употреблении длинные щиты, тонкие и поэтому очень легкие, а кроме того, такие узкие, что не прикрывали тела, копья же их были гораздо короче сарисс. Благодаря легкости копий, ахейцы могли поражать врагов издали; но в рукопашном

---

⁷⁶⁵ 6. ...начальником конницы... – Так назывался помощник стратега, ежегодно переизбираемого вождем Ахейского союза.

бою с врагом они были в менее выгодном положении. Построение мелкими отрядами ахейцам было незнакомо; у них было в употреблении построение фалангой, в которой копья не выставлялись вперед и щиты не смыкались, как в македонской фаланге; поэтому легко было их сбить с позиции и расстроить. Филопemen указал им на это и убедил вместо длинного щита и короткого копья употреблять круглый щит и сариссу, закрываться шлемом, панцирем и поножами и учиться стоять твердо на месте во время боя, а не бегать, как пельтасты⁷⁶⁶. Уговорив молодых людей вооружиться таким образом, Филопemen прежде всего одушевил их надеждою, что теперь они стали непобедимы, а затем дал очень полезное направление их любви к роскоши и большим тратам. Искоренить совсем эту страсть было невозможно: с давних пор они были заражены этим пустым, безрассудным соперничеством, любили пышные наряды, красили в пурпур покрывала, гордились обилием и убранством стола. Филопemen стал направлять их любовь к украшениям от предметов ненужных на предметы полезные и похвальные. Скоро он убедил всех урезать ежедневные расходы на личные потребности и употреблять деньги на то, чтобы отличаться красотой военного снаряжения. И вот можно было видеть такое зрелище: мастерские были наполнены кубками и Ферикловыми чашами, отданными в переплавку, там золотили панцири, серебрили щиты и уздечки; на ристалищах обьезжали молодых коней; юноши упражнялись в полном вооружении; у женщин в руках были шлемы и перья, которые они красили, всаднические хитоны и солдатские плащи, вышитые разными цветами. Это зрелище увеличивало отвагу, возбуждало пыл, делало каждого отчаянным, готовым идти на всякую опасность. Действительно, в иных случаях роскошь влечет за собою изнеженность, расслабляет зрителей, так же как сила духа надламывается, если чувства испытывают постоянные уколы и беспокойство. Напротив, роскошь в подобных предметах укрепляет и возвышает дух. Так, Ахилл у Гомера⁷⁶⁷ при виде нового оружия, положенного близ него, как бы приходит в экстаз и горит желанием пустить его в ход. Украсив так юношей, Филопemen велел им заниматься гимнастикой и упражняться в различных движениях, что они охотно и усердно выполняли. Боевой строй им чрезвычайно нравился: казалось, что плотность, которую он получает, несокрушима. К вооружению тело привыкало, оно начинало казаться легким; воины брали его в руки и носили с удовольствием благодаря его блеску и красоте, хотели сражаться в нем и как можно скорее померяться силою с врагами в решительном бою.

10. Тогда у ахейцев была война с тиранном спартанским Маханидом, который с большим, сильным войском угрожал всему Пелопоннесу. Когда пришло известие об его вторжении в Мантинейскую землю, Филопemen поспешно выступил против него со своим войском. Обе армии, в составе которых была почти вся военная сила граждан и большое число наемников, выстроились близ города. Когда начался рукопашный бой, Маханид со своими наемниками обратил в бегство копейщиков и тарентинцев⁷⁶⁸, стоявших впереди ахейцев; но вместо того, чтобы сейчас же идти на ахейцев и прорвать их тесно сплоченные ряды, он увлекся преследованием и прошел мимо фаланги ахейцев, остававшихся в боевом порядке. Несмотря на такую огромную неудачу в самом начале сражения, когда казалось, что все погибло безвозвратно, Филопemen делал вид, будто не обращает на это внимания и не видит никакой опасности. Заметив, какую ошибку сделали враги при преследовании, оторвавшись от своей фаланги и оставив за собой пустое пространство, он не пошел им

⁷⁶⁶ 7. *Пельтасты* – легкая пехота, отличавшаяся большой маневренностью: без панцирей, с короткими копьями, сражавшаяся в рассыпном строю. Филопemen реформировал ахейскую пехоту по образцу македонской; ср. подобную же реформу и в спартанском войске, Кл., 11.

⁷⁶⁷ 8. *...Ахилл у Гомера...* – «Илиада», XIX, 15 сл. (Фетида приносит Ахиллу новое оружие, выкованное Гефестом).

⁷⁶⁸ 9. *Тарентинцы* – особый род легкой кавалерии (впервые появившийся в городе Тарент).

навстречу, не помешал им преследовать бегущих, а дал им возможность пройти мимо и удалиться на значительное расстояние. Тотчас после этого он повел войско на спартанских гоплитов, видя, что их фаланга осталась без прикрытия, и ударил с фланга; между тем у спартанцев не было командира, и они не ожидали боя, так как считали себя полными победителями, видя, что Маханид преследует неприятеля. Отбросив их с большим для них уроном (говорят, что было убито более четырех тысяч), Филопемени бросился на Маханида, возвращавшегося с наемниками после преследования. Между ними был большой глубокий ров, и они разъезжали по разные стороны его друг против друга: один, желая переправиться и убежать, другой – помешать этому. Вид был такой, будто это не полководцы сражаются, а ловкий охотник Филопемени сошелся со зверем, вынужденным обороняться. Тут конь тиранна, сильный и горячий, с обоих боков окровавленный шпорами, отважился перескочить ров: выдвинув грудь вперед, он изо всех сил старался упереться передними ногами в противоположный край рва. В это время Симмий и Полиен, которые постоянно находились при Филопемени в сражениях и прикрывали его щитами, одновременно подлетели к этому месту с копьями, направленными на Маханида. Но Филопемени успел раньше их броситься ему навстречу. Видя, что лошадь Маханида поднятой головой заслоняет его тело, он заставил своего коня немного податься в сторону и, стиснув в руке копьё, сильным ударом сбил Маханида с лошади. В этом положении Филопемени изображен на бронзовой статуе в Дельфах, поставленной ахейцами, высоко ценившими как его подвиг, так и вообще его командование в этом походе.

11. Говорят, во время Немейского праздника⁷⁶⁹ Филопемени, бывший во второй раз стратегом и незадолго до этого одержавший победу в битве при Мантинее, а в это время по случаю праздника ничем не занятый, сначала показал грекам свою фалангу в разукрашенном виде, производившую в лад, с большой быстротой и силой, привычные ей боевые движения. Потом, во время состязания кифаредов, Филопемени вошел в театр с молодыми людьми в военных плащах и пурпуровых нижних одеждах: они все были одних лет и превосходно развиты физически; они оказывали глубокое почтение начальнику и были полны юношеской гордости вследствие многочисленных славных сражений. Только что они вошли, как случайно кифаред Пилад, певший «Персов» Тимофея⁷⁷⁰, начал так:

Дар для Эллады стяжал великий и славный – свободу.

Торжественность стиха гармонировала со звучным голосом певца, зрители со всех сторон устремили взоры на Филопемени, раздались радостные рукоплескания: греки в надеждах и мечтах возвращались к славному прошлому и, исполнившись мужества, величием духа приближались к героям прежних времен.

12. Как молодой конь, неся непривычного седока, тоскует и робеет, так и ахейское войско во время сражений и опасностей под начальством другого полководца падало духом и обращало взоры к Филопемени, при одном виде его становясь сильным и смелым, благодаря вере в своего полководца: все замечали, что и противники, судя по их действиям, только ему одному из всех стратегов не могут смотреть в лицо, бояться его славы и имени. Так, македонский царь Филипп, думая, что если устранить Филопемени, то ахейцы устроятся и вновь покорятся ему, тайно послал в Аргос убийц⁷⁷¹. Когда его коварный

⁷⁶⁹ 10. Немейский праздник – всеэллинские священные игры, справлявшиеся каждые два года в Арголиде; здесь – в июле 205 г.

⁷⁷⁰ 11. ...«Персов» Тимофея... (IV в.) – Знаменитое песнопение в память битвы при Саламине (Пер. С. Ошерева).

⁷⁷¹ 12. ...в Аргос убийц... – Видимо, в том же 205 г., когда Филопемени был в Арголиде для празднования Немейских игр.

замысел был раскрыт, он навлек на себя ярую ненависть греков. Беотийцы осаждали Мегары и надеялись скоро взять этот город. Вдруг среди них разнесся слух, оказавшийся неверным, будто Филопемени идет на помощь осажденным и находится уже близко; осаждающие бросили лестницы, уже приставленные к стенам, и бежали. Набид, спартанский тиранн, правивший после Маханида, внезапно захватил Мессену. Филопемени был тогда частным лицом и не командовал никаким войском. Ему не удалось убедить ахейского стратега Лисиппа оказать помощь мессенцам: тот говорил, что город безвозвратно потерян, так как неприятели уже находятся внутри его. Тогда Филопемени выступил сам со своими согражданами, которые, не дожидаясь его избрания по закону, пошли за ним, как за своим постоянным вождем, убежденные в его природном превосходстве. Он был уже близко от Мессены, и Набид, услышав об этом, не стал ждать его, хотя и стоял лагерем в городе; он поспешно увел войско другими воротами, считая для себя счастьем благополучно уйти от Филопемени. Убежать ему удалось, а Мессена была освобождена.

13. Таковы славные дела Филопемени. Но вторичная поездка его на Крит по просьбе гортинцев, которые подвергались нападению врагов и хотели воевать под его началом, навлекла на Филопемени нарекания: говорили, что в то время как его отечество вело войну с Набидом, он уехал, чтобы уклониться от сражения или из честолюбивого желания в такой неподходящий момент отличиться перед чужими. Ведь мегалополитанцы терпели тогда величайшие бедствия из-за войны: они не выходили из стен города, сеяли на улицах, лишенные своей земли, ибо враги стояли лагерем чуть не у самых ворот. Между тем Филопемени, ведя войну с критянами и исполняя за морем обязанности военачальника, подавал врагам своим повод к обвинениям, будто он уклоняется от войны на родине. Впрочем, были и такие, кто говорил, что раз ахейцы выбрали в правители других, Филопемени, оставшись без должности, отдал свое время гортинцам, которые просили его быть военачальником. И действительно, ему чуждо было бездействие: он хотел, чтобы его способности военачальника и воина, подобно какому-нибудь другому предмету, всегда были в употреблении и в действии, как видно из его отзыва о царе Птолемеи. Когда Птолемея восхваляли за то, что он каждый день в доспехах и с оружием в руках усердно занимается гимнастическими упражнениями, Филопемени сказал: «Да, но кто может относиться с уважением к царю, который в этом возрасте не показывает своих дарований на деле, а все еще учится?» Итак, мегалополитанцы негодовали на Филопемени за его отсутствие и считали это изменой. Они задумали изгнать его из отечества. Но этому воспрепятствовали ахейцы: они послали в Мегалополь стратега Аристена, который, хотя и был политическим противником Филопемени, все-таки не дал привести в исполнение этот приговор. Видя такое пренебрежение со стороны сограждан, Филопемени склонил к отпадению от Мегалополя много окрестных селений и подучил жителей говорить, что они не входили в состав городской общины и первоначально не были подчинены городу. Филопемени открыто поддержал это заявление их и в собрании ахейцев действовал в пользу врагов города. Но это произошло позже.

На Крите Филопемени вел войну на стороне гортинцев, но не открытую, благородную войну, как следовало пелопоннесцу и аркадянину: он усвоил критские нравы и, действуя против критян их же средствами – обманом, хитростью, воровскими уловками, засадами, – скоро показал, что они мальчишки, что против истинного искусства их хитрости бессмысленны и бесполезны.

14. Снискав уважение за совершенные подвиги, увенчанный славой, Филопемени возвратился в Пелопоннес. Он застал там такое положение дел: Филипп был побежден Титом⁷⁷², а Набид воевал с ахейцами и римлянами. Тотчас выбранный военачальником, Филопемени отважился на морское сражение: но с ним случилось то же, что с

---

⁷⁷² 13. ...Филипп был побежден Титом... – При Киноскефалах (см.: Тит, 7—8).

Эпаминондом⁷⁷³: в морском бою он проявил меньше таланта и не стяжал себе славы. Впрочем, как рассказывают некоторые, Эпаминонд не хотел дать согражданам возможности вкушать выгод, доставляемых морем, чтобы, говоря словами Платона⁷⁷⁴, они незаметно не превратились из стойких гоплитов в моряков и не развратились; по этой причине он добровольно ушел из Азии и с островов, не сделав ничего замечательного. Между тем Филопемени был убежден, что его умения вести сухопутную войну будет достаточно и для того, чтобы со славою воевать на море. И тут он понял, как много значит в любом искусстве упражнение, сколько силы придает оно людям, привыкшим к определенному делу. В морском бою Филопемени по своей неопытности оказался слабее противников; кроме того, он спустил на воду старый, хотя и знаменитый корабль⁷⁷⁵, сорок лет не бывший в употреблении; корабль дал течь, ехавшие на нем оказались в опасности. Узнав, что неприятели относятся к нему с пренебрежением, думая, что он совершенно изгнан с моря, и, упоенные гордостью, осаждают Гифий, Филопемени тотчас подошел с моря, когда они этого не ожидали и по случаю победы не соблюдали порядка. Он ночью высадил солдат, подвел их к неприятельскому лагерю, поджег палатки, спалил дотла лагерь и перебил много людей. Несколько дней спустя Набид вдруг появился перед ним на дороге в местах труднопроходимых и привел ахейцев в ужас: они думали, что нет надежды спастись из таких опасных мест, находящихся во власти неприятелей. Филопемени остановился, окинул взором окрестность и дальнейшими своими действиями доказал, что тактика есть венец военного искусства. Посредством незначительного перемещения он перестроил свою фалангу сообразно со сложившимся положением, легко без всякого смятения разрешил все трудности, напал на врагов и обратил их в беспорядочное бегство. Видя, что они бегут не к городу, а враспынную (местность же была холмистая, покрытая лесом, с ручьями и оврагами и потому неудобная для конницы), он удержал своих воинов от преследования и еще засветло расположился лагерем. Догадываясь, что противники будут возвращаться в город по одному, по двое, в темноте, он разместил много ахейцев с кинжалами в засадах на пути к городу, близ ручьев и на холмах. Так погибли многие воины Набиды: возвращаясь порознь, как кому привелось, они около города попадали в руки врагов, как птицы.

15. За это греки любили Филопемени и оказывали ему исключительный почет в театрах, на что втайне обижался честолюбивый Тит. Как римский консул, он считал себя вправе пользоваться большим уважением ахейцев, чем какой-то аркадянин; он считал, что его благодеяния ставят его гораздо выше Филопемени: ведь одним объявлением глашатая он даровал свободу Греции⁷⁷⁶, которая прежде того была в рабстве у Филиппа и македонян. По этой причине Тит прекратил войну с Набидом; но тот был коварно убит этолийцами⁷⁷⁷.

В Спарте произошли волнения. Филопемени воспользовался благоприятным моментом, чтобы напасть на Спарту, и заставил жителей — частью силой, частью путем убеждения —

⁷⁷³ 14. ...с Эпаминондом... — В 365 г. Эпаминонд с нововыстроенным беотийским флотом совершил поход по Эгейскому морю, но после его смерти (в 362 г.) борьба фиванцев за морское владычество прекратилась.

⁷⁷⁴ 15. ...словами Платона... — «Законы», IV, 706в (об афинянах).

⁷⁷⁵ 16. ...старый, хотя и знаменитый корабль... — Македонская quadrireme (тяжелое судно с 4 рядами гребцов), захваченное ахейцами за 80 лет до этого; тогда он считался лучшим в царском флоте, но теперь потонул при первом же столкновении с неприятелем.

⁷⁷⁶ 17. ...даровал свободу Греции... — см.: ниже, Тит, 10.

⁷⁷⁷ 18. ...убит этолийцами... — В 192 г. Этолийцы по просьбе Набиды послали ему на подмогу отряд с тайным приказом умертвить Набиды. Когда приказ был выполнен и этолийцы принялись грабить город, началась гражданская война, в которую и вмешался Филопемени.

присоединиться к нему и передать город Ахейскому союзу, Филопемени стяжал себе огромную славу у ахейцев тем, что присоединил к союзу город, такой прославленный и сильный; немаловажное было дело, что Спарта стала частью Ахайи. Филопемени привлек на свою сторону и спартанских аристократов, которые надеялись обрести в нем хранителя свободы. По этой причине, продав дом и имущество Набида, они решили вырученные сто двадцать талантов принести ему в подарок и отправили с этой целью посольство. Тут со всей ясностью обнаружилось, что он не только казался, но и был⁷⁷⁸ человеком в высшей степени благородным. Во-первых, никто из спартиатов не хотел вести с таким человеком разговор о подарке; все уклонялись от этого и, наконец, выбрали для этой цели Тимолая, с которым Филопемени был связан узами гостеприимства. По прибытии в Мегалополис Тимолай обедал у Филопемени, услышал его речь, полную достоинства, увидел вблизи простоту его жизни и понял, что его характер недоступен подкупу. Он умолчал о подарке, а, придумав какой-то другой повод своего приезда, уехал обратно. Его послали вторично, но произошло то же самое. При третьей поездке он с трудом изложил Филопемени свою просьбу и сообщил о расположении к нему своих сограждан. Филопемени выслушал его с удовольствием, сам приехал в Спарту и посоветовал спартамцам не подкупать друзей и честных людей, добрыми качествами которых можно пользоваться даром, а покупать и соблазнять негодяев, которые сеют смуту в городе, ведут его к гибели; надо зажать им рот взяткой, чтобы они меньше беспокоили сограждан; лучше отнимать свободу слова у врагов, чем у друзей. Так бескорыстен был Филопемени!

16. Ахейский стратег Диофан слышал, что спартамцы опять затеяли смуту. Он хотел наказать их, но они взялись за оружие и вызвали волнения в Пелопоннесе. Филопемени старался успокоить Диофана и умерить его гнев, указывая на то, что царь Антиох и римляне производят в Греции передвижения огромных войск, что именно на это правитель должен обращать внимание, не касаясь местных дел, а на иные проступки глядя сквозь пальцы. Диофан не слушал его, а вступил вместе с Титом в Лаконику, и они сейчас же двинулись на Спарту. Раздраженный этим, Филопемени решился на дело незаконное, трудно оправдываемое с точки зрения справедливости, но великое и с великим мужеством совершенное: он пришел в Спарту и, хотя был частным лицом, не пустил в город ахейского стратега и римского консула; волнения в городе он прекратил и вернул спартамцев в союз, в котором они состояли раньше.

А некоторое время спустя Филопемени, бывший тогда стратегом, в чем-то обвинил спартамцев, вернул на родину изгнанников и казнил, по свидетельству Полибия⁷⁷⁹, восемьдесят спартиатов, а по свидетельству Аристократа – триста пятьдесят. Стены города он срыл, значительную часть земли отрезал и отдал мегалополитанцам. Всех, кому тираны дали право гражданства в Спарте, он переселил в Ахайю, кроме трех тысяч, оказывавших упорное неповиновение и не желавших уйти из Спарты; их он продал и, как бы в насмешку, построил на эти деньги в Мегалополе портик. Чтобы насытить свою ненависть к спартамцам, он, издеваясь над их незаслуженным несчастьем, предпринял дело в высшей степени жестокое и незаконное – отменил и уничтожил порядки, введенные Ликургом, заставил унаследованную от отцов систему воспитания спартанских детей и юношей переменить на ахейскую, имея в виду, что, живя по Ликурговым законам, спартамцы никогда не хотели смирить себя. Под гнетом страшных бедствий спартамцы позволили тогда Филопемени, так сказать, перерезать жилы своего государства и сделались ручными и смиренными, но несколько спустя⁷⁸⁰ выпросили у римлян позволение отменить ахейские порядки и

⁷⁷⁸ 19. ...не только казался, но и был... – Реминисценция из Эсхила, «Семеро против Фив», 589: «Он хочет быть, а не казаться праведным» (пер. А. Пиотровского).

⁷⁷⁹ 20. ...по свидетельству Полибия... – В недошедшей части его сочинения.

⁷⁸⁰ 21. ...несколько спустя... – Расправа Филопемени со Спартой произошла в 189, реставрация – в 184 г.:

восстановили унаследованные от отцов учреждения, насколько это можно было сделать после таких губительных бедствий.

17. Когда у римлян началась в Греции война с Антиохом, Филопмен был частным лицом. Видя, что Антиох сам сидит праздн в Халкиде и не по годам занят свадьбами⁷⁸¹ и любовью к девушкам, а сирийцы в совершенном беспорядке, без командиров, праздн слоняются в городах, предаваясь роскоши, Филопмен досадовал, что он не занимает должности стратега у ахейцев, и говорил, что завидует победе римлян. «Будь я сейчас стратегом, – говорил он, – я перебил бы этих воинов в питейных домах». Победив Антиоха, римляне стали еще больше вмешиваться в дела Греции и подчинять своей власти ахейцев, вожаки которых склонялись на сторону римлян. Мощь римлян, по воле божества, распространялась все шире и шире: близка была цель, которой должна была достигнуть судьба в своем круговороте. Филопмен, как хороший кормчий, борющийся с волною, был вынужден в некоторых случаях покоряться обстоятельствам, но по большей части противился им, стараясь привлекать на сторону свободы людей, сильных словом и делом. Когда Аристен из Мегалополя, пользовавшийся большим влиянием среди ахейцев, но постоянно заискивавший перед римлянами, высказывал мнение, что ахейцы не должны противиться римлянам, не должны быть неуслужливыми по отношению к ним, Филопмен, говорят, молча, но с негодованием слушал его в Собрании, а под конец не мог сдержаться и гневно сказал: «Негодяй, что ты торопишься увидеть роковой день Эллады?» Когда римский консул Маний⁷⁸², победитель Антиоха, требовал от ахейцев, чтобы они позволили спартанским изгнанникам вернуться на родину, и Тит предъявлял такое же требование, Филопмен воспрепятствовал этому, но не из вражды к изгнанникам, а желая, чтобы это совершилось по воле его и ахейцев, а не по милости Тита и римлян. И действительно, став стратегом в следующем году, он сам возвратил изгнанников. Вот с какой враждебностью и ревностью он по своей гордости относился ко всякой чужой власти.

18. На семидесятом году жизни Филопмен был в восьмой раз ахейским стратегом. Он надеялся, что обстоятельства позволят ему не только время этого своего правления провести без войны, но и остаток жизни прожить в покое. Как болезни, по-видимому, ослабевают вместе с телесными силами, так и в греческих городах с истощением сил утихала страсть к раздорам. Но Немезида в конце жизни повалила Филопмена, как атлета, дотоле счастливо подвизавшегося на своем поприще. Когда в одном собрании присутствовавшие хвалили кого-то, считавшегося искусным стратегом, Филопмен, говорят, сказал: «Да разве стоит говорить о человеке, который живым был взят в плен неприятелями?». Через несколько дней мессенец Динократ, личный враг Филопмена, ненавистный всем за свою подлость и распутство, отторгнул Мессению от ахейцев и, по дошедшим сведениям, готовился захватить селение, называемое Колонидой. Филопмен в это время находился в Аргосе, больной лихорадкой. Получив это известие, он поспешил в Мегалополь и проехал в один день с лишком четыреста стадиев⁷⁸³. Оттуда он немедленно двинулся выручать Мессену с конницей, состоявшей из самых именитых, но совсем молодых граждан, добровольно принявших участие в походе по примеру Филопмена и из любви к нему. Подъехав к Мессене, они вступили в бой с Динократом, встретившим их у Эвандрова холма, и обратили его в бегство. Но их внезапно атаковал отряд в пятьсот человек, несший сторожевую службу в Мессенской области. Увидев это, ранее разбитые противники опять стали собираться на

римляне предпочитали поддерживать в Пелопоннесе двоевластие.

⁷⁸¹ 22. ....занят свадьбами... – См.: Тит, 16.

⁷⁸² 23. ....консул Маний... – Ман. Ацилий Глабрион, разбивший Антиоха при Фермопилах в 191 г.

⁷⁸³ 24. ....с лишком четыреста стадиев... – Более 70 км.

холмах. Филопемён, боясь очутиться в окружении и жалея своих всадников, начал отступать по труднопроходимой местности. Он сам был в хвосте отряда и часто устремлялся на врага, стараясь привлечь его внимание на себя; но враги не смели нападать на него, а только издали кричали и метались без всякого толка. Таким образом, часто останавливаясь ради спасения своих молодых всадников, пропуская их поодиночке мимо себя, Филопемён незаметно для себя остался один среди многочисленных врагов. Вступить в рукопашный бой с ним никто не отваживался; враги лишь издали стреляли в него, оттесняя к местам каменистым и обрывистым, где он едва справлялся с лошадью и ранил ее шпорами. Благодаря частым упражнениям, Филопемён, несмотря на старость, был легок и проворен, и годы нисколько не помешали бы ему спастись; но тогда он был ослаблен болезнью, утомлен дорогой и потому отяжелел и уже насилу двигался. Лошадь его споткнулась, и он упал на землю. Падение было неудачным: у Филопемёна оказалась поврежденной голова, и долгое время он лежал, не издавая ни звука, так что враги, считая его мертвым, стали поворачивать тело и снимать доспехи. Когда же он поднял голову и раскрыл глаза, все сразу бросились на него и, связав руки за спиной, с издевательствами и бранью повели человека, которому и во сне не снилось, что когда-нибудь он подвергнется такому поношению от Динократа.

19. Горожане, сильно возбужденные этим известием, собрались у ворот. При виде Филопемёна, которого тащили таким недостойным образом, невзирая на его славу, прежние подвиги и трофеи, большинство их почувствовало жалость и сострадание к нему и даже заплакало; с презрением говорили они о человеческом могуществе, которое так ничтожно и ненадежно. Понемногу среди народа стали слышаться человеколюбивые речи о том, что надо помнить о прежних благодеяниях, о свободе, которую Филопемён возвратил им, изгнав тирана Набида. Лишь немногие граждане в угоду Динократу требовали пытки и казни Филопемёна как врага жестокого, непримиримого, который будет еще страшнее для Динократа, если останется жив после плена и поругания. Несмотря на эти толки, Филопемёна все-таки посадили в так называемое «Казнохранилище» – подземелье, куда не проникал снаружи ни воздух, ни свет; оно не имело дверей, а запиралось большим камнем. Туда его спустили и, завалив вход камнем, поставили вокруг вооруженных людей.

А тем временем ахейские всадники, собравшись после бегства и видя, что Филопемён нигде не показывается, предположили, что он убит. Долго стояли они и звали его рассуждая между собою, что спасение их позорно и бесчестно, если они оставили в жертву врагам своего военачальника, не пощадившего жизни ради них. Потом они поехали дальше и, расспрашивая встречных, узнали о пленении Филопемёна и разнесли эту весть по ахейским городам. Ахейцы сочли случившееся большим несчастьем, решили отправить посольство к мессенцам и требовать выдачи пленного, а сами стали готовиться к походу.

20. Итак, вот чем были заняты ахейцы. Между тем Динократ, больше всего боясь времени, которое могло спасти Филопемёна, с наступлением ночи, когда народ разошелся, отворил темницу и послал туда раба с ядом, приказав поднести яд Филопемёну и подождать, пока он не выпьет. Филопемён лежал, закутавшись в плащ, но не спал, погруженный в горе и беспокойство. Увидав свет и стоящего близ него человека с чашей яда, он, с трудом придя в себя от слабости, сел. Взяв чашу, он спросил раба, не слыхал ли тот каких-нибудь вестей о всадниках, особенно о Ликорте. Раб ответил, что большая часть их спаслась бегством. Филопемён кивнул головою, ласково взглянул на него и сказал: «Хорошо. У нас дела не совсем еще плохи». Не произнеся больше ни слова, не испустив ни одного звука, он выпил яд и опять лег; немного хлопот доставил он яду и вскоре угас от слабости.

21. Как только слух об его кончине дошел до ахейцев, все города их охватило уныние и скорбь. Все способные носить оружие вместе с членами Совета собрались в Мегалополе, выбрали в стратеги Ликорта и, не откладывая мщения, вторглись в Мессению и опустошали страну до тех пор, пока мессенцы, по соглашению между собою, не впустили ахейцев в город. Динократ успел покончить с собою; что же касается остальных, то те, кто требовал казни Филопемёна, должны были сами лишиться себя жизни; а тех, кто советовал еще и пытаться его, Ликорт арестовывал, чтобы они погибли в мучениях. Тело Филопемёна ахейцы сожгли

на месте, останки собрали в урну и отправились в обратный путь – не в беспорядке, не как попало, но соединив с погребением своего рода победную процессию. Вот какое зрелище можно было наблюдать. Ахейцы шли в венках, но в то же время плакали, врагов вели в оковах. Самую урну едва было видно из-за множества лент и венков; нес ее сын ахейского стратега Полибий, окруженный первыми ахейскими гражданами. За ними следовали воины в полном вооружении, на красиво убранных конях; они не были печальны, как следовало бы при такой скорби, но и не кичились победой. Жители городов и деревень, лежавших по дороге, выходили навстречу, как будто приветствуя Филопемена при возвращении из похода, касались урны и шли вместе с процессией в Мегалополь. К процессии присоединились старики, женщины и дети, и жалобные вопли их раздавались теперь по всему войску и доносились до самого города. Граждане жалели о Филопемене, горевали, думая, что вместе с ним они лишились первенства среди ахейцев. Он был похоронен с подобающей честью, и около его памятника были побиты камнями мессенские пленники. Много статуй его было воздвигнуто, много почестей было оказано ему по постановлению городов. Во время бедствий, которые испытывала Греция при разрушении Коринфа, один римлянин попытался все эти почести уничтожить и преследовать Филопемена судом, доказывая, словно тот был еще жив, что он был недругом римлян, относился к ним враждебно. Были произнесены речи; обвинителю возражал Полибий; ни Муммий, ни послы⁷⁸⁴ не решились лишить почестей такого славного мужа, хотя он часто шел против Тита и Манья. Как видно, они отделяли добродетель от выгоды, похвальное от полезного, держась убеждения, – правильного, похвального убеждения! – что получившие благодеяние всегда обязаны приносить благодарность своим благодетелям, что добродетельные люди должны чтить память людей добродетельных. Вот все, что мы знаем о Филопемене.

Тит

[Перевод Е.В. Пастернак]

1. С Филопеменом мы можем сопоставить Тита Квинтия Фламинина, чья бронзовая статуя, если кто захочет знать, каков он был с виду, стоит в Риме, прямо против цирка, рядом с вывезенным из Карфагена большим Аполлоном; надпись на ней сделана по-гречески. Нравом, как рассказывают, он был горяч и не знал меры ни в гневе, ни в милости, но выражалось это по-разному: карал он мягко и не был злопамятен. В благодеяниях же, напротив, был неумерен и всегда благожелательно расположен к тем, кому оказал одолжение, как будто они сделали добро ему и составляют лучшее его приобретение, всегда готов прийти на помощь тем, кто прежде пользовался его услугами. Человек в высшей степени честлюбивый и жадный до славы, он хотел совершать благородные и великие подвиги сам, своими собственными силами; те, кто в нем нуждался, были ему более приятны, чем те, кто мог быть полезен ему самому, так как в первых он видел повод для проявления величия своей души, во вторых – как бы соперников в славе. С самого детства он воспитывался для военных трудов, ибо в ту пору Рим вел много больших войн, и молодых людей прежде всего учили искусству военачальника. Во время войны с Ганнибалом Тит сперва служил под началом консула Марцелла. Марцелл попал в засаду и погиб, а Тит был назначен правителем отбитого у врага Тарента и прославился своим правосудием не меньше, чем военными подвигами. За это его послали во главе переселенцев в два города, Нарнию и Коссу, и он был избран основателем колонии⁷⁸⁵.

⁷⁸⁴ 25. ...ни Муммий, ни послы... – Консул 146 г., разрушитель Коринфа, и коллегия 10 сенаторов, посланная для наведения порядка в завоеванной Греции.

⁷⁸⁵ 1. ...основателем колонии ... – «Триумвиром для выведения колоний» в итальянских городах,

2. Это-то больше всего и побудило его, перешагнув через промежуточные, предназначенные для молодых должности – народного трибуна, претора и эдила, сразу счесть себя достойным консульства, и он вернулся в Рим, сопровождаемый преданными сторонниками из числа переселенцев. Народные трибуны Фульвий и Маний воспротивились его намерению, они считали чудовищным, чтобы молодой человек, еще не посвященный в первые таинства государственного управления, вопреки законам, силою домогался высшей должности. Тогда сенат предоставил решить вопрос Народному собранию, и, хотя Титу не было еще тридцати лет⁷⁸⁶, народ избрал его консулом вместе с Секстом Элием. Ему выпал жребий воевать с Филиппом и македонянами, и это было чудесной удачей для римлян, потому что для войны с этим народом им не нужен был полководец, во всем полагающийся лишь на силу, напротив – успеха скорее можно было добиться убеждением и переговорами. Македонская держава давала Филиппу достаточно войска для одного сражения, но в случае длительной войны все пополнение фаланги, снабжение деньгами и снаряжением, убежища, где можно было бы укрыться, зависели от греков, и если бы не удалось отрезать Грецию от Филиппа, судьба войны не решилась бы одним сражением. Ни разу до этого Греция не соприкасалась так близко с Римом и тогда впервые оказалась замешанной в его дела, и не будь римский полководец от природы человеком великодушным, чаще обращающимся к речам, чем к оружию, не будь он так убедителен в своих просьбах и так отзывчив к чужим просьбам, не будь он так настойчив, защищая справедливость, – Греция отнюдь не столь легко предпочла бы новую чужеземную власть прежней, привычной. Это станет ясным из рассказа о делах Тита.

3. Зная, что его предшественники – сначала Сульпиций, а потом Публий вторгались в Македонию и начинали военные действия слишком поздно, что они тратили время попусту, оспаривая у противника выгодные позиции и вступая с ним в мелкие стычки из-за дорог и подвоза провианта, Тит считал невозможным, следуя их примеру, провести год дома, принимая почести и занимаясь государственными делами, и лишь затем выступить в поход, выгадывая таким образом еще год власти: год он был бы консулом и год – главнокомандующим. Напротив, страстно желая использовать свою власть для войны, он отказался от почестей в Риме, испросил у сената позволение, чтобы его брат Луций отправился вместе с ним в должности начальника флота, выбрал из числа воинов, под командованием Сципиона победивших Гасдрубала в Испании и самого Ганнибала в Африке, тех, кто сохранил еще храбрость, крепость и силу, и с этим трехтысячным отрядом, образовавшим как бы ядро войска, благополучно переправился в Эпир. Публий уже долгое время стоял лагерем против Филиппа, который удерживал тесные проходы у реки Апсоса. Неприступность неприятельских позиций сковывала Публия, и Тит, приняв войско, отпустил Публия и велел разведать местность. Она была так же неприступна, как Темпы⁷⁸⁷, но лишена тех прекрасных деревьев, зеленых лесов, приятных мест для отдыха и душистых лугов, какими славится долина Пеней. Высокие горы, поднимаясь с обеих сторон, образуют широкое и глубокое ущелье, по которому несется Апсос, стремительностью и всем своим видом напоминая Пеней, и заливают подошвы гор, оставляя только узкую каменистую тропу вдоль реки; по ней и так-то нелегко пройти войску, а если ее охраняют, то она и вовсе непроходима.

4. Некоторые советовали Титу повести войско безопасной и легкой дорогой в обход, через Дассаретиду к Лику. Но Тит опасался, что оказавшись вдали от моря в бесплодных и

обезлюдённых в войне с Ганнибалом.

⁷⁸⁶ 2. *...не было еще тридцати лет ...* – Тогда как обычай (а с 180 г. – закон) предписывал для квестора возраст 30 лет, для эдила – 37, для претора – 40, для консула – 43 года.

⁷⁸⁷ 3. *Темпы* – Темпейская долина нижнего Пеней в Фессалии, одно из красивейших мест в Греции.

нищих краях, гонясь за Филиппом, уклоняющимся от сражения, он останется без хлеба и, подобно своему предшественнику, вынужден будет отойти назад к морю, так ничего и не добившись, а потому решил силою проложить себе путь через горы. Но так как в ущелье засел со своей фалангой Филипп, на римлян со всех сторон полетели стрелы и копья, посыпались удары, завязались жестокие стычки, убитые падали с обеих сторон, и конца сражению не было видно. И тут к Титу явилось несколько тамошних пастухов. Они сообщили, что есть окольный путь, не замеченный врагами, и обещали провести римлян так, чтобы самое большее на третий день добраться до вершин. Свидетелем своей верности Риму и поручителем они назвали Харопа, сына Махата, первого человека в Эпире, сочувствовавшего римлянам и тайком – из страха перед Филиппом – им содействовавшего. Тит поверил ему и послал с проводниками одного из военных трибунов во главе четырех тысяч пеших и трехсот всадников. Их повели связанные по рукам пастухи. Днем воины укрывались в пещерах или в лесной чаще, ночью передвигались при свете луны (было как раз полнолуние). Отправив этот отряд, Тит дал всему войску двухдневный отдых и тревожил врага лишь незначительными перестрелками, а на заре того дня, когда посланные в обход должны были показаться на вершинах, разом двинул всю свою пехоту – и тяжелую и легкую. Разделив войско на три части, Тит под стрелами македонян сам повел выстроенные в колонну когорты вдоль реки к теснинам, преодолевая сопротивление врагов, а остальные два отряда одновременно по обе стороны от него упорно карабкались по круче, стараясь не отстать; между тем взошло солнце, и вдали показался легкий дымок, похожий на горный туман, но македоняне его не замечали, он поднимался у них за спиною над вершинами, уже захваченными неприятелем. Римляне еще в этом сомневались и среди трудностей сражения пока только надеялись на исполнение своих желаний. Когда же дым усилился и, затемняя воздух, поднялся большими клубами над всей местностью и стало очевидным, что огонь разведен руками друзей, римляне с воинственным кличем ринулись на врагов и с новыми силами стали теснить их к скалам, а те, кто был на вершинах, позади врага, отвечали им сверху таким же кличем.

5. Тотчас все македоняне обратились в стремительное бегство, но убитыми пало не более двух тысяч: пересеченная местность делала погоню невозможной. Римляне захватили деньги, палатки и рабов, овладели проходами в горах и двинулись через Эпир в строгом порядке. Их самообладание было так велико, что, находясь вдали от моря и своих кораблей, не получив месячного пайка и не имея возможности купить вдоволь хлеба, они тем не менее удержались от грабежа, хотя страна сулила богатую добычу. Дело в том, что Филипп, проходя через Фессалию, вел себя как беглец – угонял жителей из городов в горы, города жег, а имущество, брошенное жителями потому ли, что его было слишком много, или же потому, что оно было слишком тяжелым, отдавал своим воинам на разграбление, словно уже уступая страну римлянам. Узнав об этом, Тит загорелся честолюбием и стал убеждать солдат щадить страну, по которой они идут: ведь она отдана им и стала их собственностью. Скоро римляне смогли убедиться, какие преимущества дают им выдержка и порядок. Как только они подошли к Фессалии, ее города начали присоединяться к ним, греки к югу от Фермопил с нетерпением ждали Тита, чтобы вступить с ним в союз, ахейцы, разорвав соглашение с Филиппом, решили воевать против него на стороне римлян. Жители Опунта, которым этолийцы, в то время храбро сражавшиеся вместе с римлянами, предложили взять город под свою защиту, ответили отказом, послали за Титом и вверили ему свою судьбу. Рассказывают про Пирра, что, когда ему впервые пришлось наблюдать боевой порядок римских войск, он сказал, что строй этих варваров не кажется ему варварским; и у греков, впервые встречающихся с Титом, невольно вырывалось такое же восклицание. Ведь они от македонян слышали, что предводитель варварского войска разрушает все на своем пути и поработывает жителей силою оружия, и они были поражены, когда затем встретились с человеком молодых лет и приятной наружности, без всякого чужеземного выговора изъясняющимся по-гречески и стремящимся к истинной славе; очарованные, они возвращались к себе, без меры восхваляли Тита и говорили, что в нем они нашли борца за

свою свободу. Когда, встретившись с Филиппом⁷⁸⁸, пожелавшим вступить с ним в переговоры, Тит предложил ему мир и дружбу при условии, что тот вернет грекам независимость и выведет караульные отряды из греческих городов, а Филипп этого условия не принял, все, даже приверженцы Филиппа, поняли, что римляне пришли воевать не против Греции, а против Македонии за освобождение Греции.

6. Все греческие города без сопротивления переходили на сторону римлян. Когда же Тит мирно вступил в Беотию, ему навстречу вышли знатные фиванцы; хотя, благодаря усилиям Брахилла, они сочувствовали Македонии, Тита они приветствовали радушно и почтительно, давая понять, что дружественно относятся к обеим воюющим сторонам. Тит любезно их принял, ответил на приветствие и спокойно продолжал путь, то задавая им вопросы, то сам принимаясь рассказывать, чтобы выгадать время и дать воинам подтянуться после совершенного перехода. Так во главе своего отряда он вошел в город вместе с фиванцами, которым это было не по душе, но воспротивиться они не решились, потому что за Титом следовало значительное число воинов. И все же Тит выступил в Собрании и стал убеждать фиванцев принять сторону римлян, словно город уже и без того не был в его власти. Его поддерживал царь Аттал⁷⁸⁹, но, видимо, желая предстать в глазах Тита как можно более красноречивым, он забыл о своих годах – во время речи у него то ли началось головокружение, то ли случился удар, и, внезапно лишившись чувств, он упал; вскоре его переправили морем в Азию, где он и умер. Беотийцы же присоединились к римлянам.

7. Филипп отправил в Рим послов, и Тит тоже послал от себя несколько человек просить сенат продлить срок его полномочий, если война затянется, а в случае отказа – позволить ему заключить мир: в своем крайнем честолюбии он боялся, что вместо него пришлют другого полководца и тем лишат его славы. Друзья Тита добились своего, и Филиппу было в его просьбах отказано, а за Титом оставлено предводительство в Македонской войне. Как только Тит получил постановление сената, он, полный надежд, тотчас двинулся на Филиппа в Фессалию с двадцатью шестью тысячами воинов, среди которых было шесть тысяч пеших и четыреста конных этолийцев. Приблизительно такими же силами располагал и Филипп. Двигаясь навстречу друг друга, они сошлись у Скотуссы, там намереваясь дать решительное сражение; вопреки ожиданиям, воины не боялись близкого соседства с неприятелем, напротив, это исполняло их еще большей отвагой и решимостью, ибо римляне мечтали одолеть македонян, которые славились в Италии благодаря доблести и мощи Александра, а македоняне, ставя римлян выше персов, надеялись в случае победы вознести Филиппа превыше самого Александра. Тит призывал воинов быть особенно храбрыми и мужественными, ибо им предстоит сразиться с самым достойным противником на подмостках лучшего театра – на земле Эллады. Филипп тоже начал было речь, какую обыкновенно говорят, чтобы ободрить солдат перед битвой, но при этом, то ли случайно, то ли в неуместной спешке, взобрался, выйдя из лагеря, на холм, который служил могильной насыпью, и войско его, увидев в этом дурное предзнаменование, впало в глубокое уныние. Смутился и сам Филипп и переждал этот день, не начиная сражения.

8. На заре следующего дня после сырой и дождливой ночи облака сгустились в туман, и вся долина покрылась мраком, непроницаемая пелена, спустившаяся с гор, разделила лагеря, так что даже с наступлением утра вся местность оставалась скрытой во мгле. Высланные с обеих сторон для засад и разведки воины вскоре столкнулись друг с другом и вступили в бой неподалеку от так называемых Киноскефал, получивших свое имя за сходство с собачьими

⁷⁸⁸ 4. ...встретившись с Филиппом ... – В Никее Локридской, осенью 198 г.; результатом свидания было двухмесячное перемирие, во время которого оба противника отправили своих послов в Рим (ниже, гл. 7).

⁷⁸⁹ 5. Его поддерживал царь Аттал ... – Царь Аттал I Пергамский в свои 73 года воевал в Средней Греции в союзе с Римом и сопровождал Фламинина в дипломатических переговорах.

головами⁷⁹⁰, – частых островерхих холмов, тянувшихся рядами друг подле друга. Как всегда бывает на пересеченной местности, бегство попеременно сменялось преследованием, и тем, кого теснили и кому приходилось отступать, оба полководца время от времени посылали подмогу, но лишь когда туман рассеялся и стало видно, что происходит, они ввели в бой все войска. На правом крыле преимущество было на стороне Филиппа, который бросил всю свою фалангу на римлян и погнал их вниз по склону холма, они не выдержали натиска сомкнутых щитов и силы удара сарисс. Оставив разбитое крыло, Тит быстро поскакал к другому, где неприятельский строй был растянут, и там напал на македонян, которым холмистая местность мешала образовать фалангу и сомкнуть на всю глубину ряды, что составляло главную силу их боевого порядка, ибо драться врукопашную они не могли из-за тяжелого, сковывающего движения оружия. Поистине фаланга напоминает могучего зверя: она неуязвима до тех пор, пока представляет собою единое тело, но если ее расчленишь, каждый сражающийся лишается силы, потому что они сильны не каждый сам по себе, а взаимной поддержкой. Вскоре македоняне обратились в бегство, часть римлян начала преследовать бегущих, а остальные ударили во фланг тем, кто успешно сражался на правом крыле, и скоро опрокинули недавних победителей и заставили их бежать, бросая оружие. Пало не менее восьми тысяч человек, около пяти тысяч было взято в плен. Однако Филипп благополучно ушел, и в этом виноваты этолийцы, которые бросились грабить и разорять неприятельский лагерь, когда римляне еще преследовали разбитого врага, так что, вернувшись, римляне уже ничего для себя не нашли.

9. Это послужило началом раздоров и взаимных обвинений. Впоследствии этолийцы все больше и больше раздражали Тита, приписывая себе честь победы; они сумели так прославиться среди греков, что, воспевая или описывая это событие, их первыми упоминали и поэты и люди, чуждые поэзии. Наибольшую известность приобрела следующая эпитафия:

Здесь без могильных холмов, без надгробных рыданий, о
путник,
Тридцать нас тысяч лежит на Фессалийской земле.
Нас этолийская доблесть повергла и храбрость латинян,
С Титом пришедших сюда от Италийских равнин.
Горе стране македонской! Сломилась надменность Филиппа,
С битвы, оленя быстрей, он, задыхаясь, бежал.

Эти строки написал Алкей; издеваясь, над Филиппом, он сильно преувеличил число убитых; стихи повторяли все и повсюду, и это более огорчало Тита, нежели Филиппа. Филипп только посмеялся над Алкеем, ответив ему двустихием:

Здесь без коры, без листвы возвышается кол заостренный.
Путник, взгляни на него! Ждет он Алкея к себе.

Тит, старавшийся снискать добрую славу у греков, был этим в высшей степени возмущен. Поэтому в дальнейшем он действовал самостоятельно, не считаясь с этолийцами. Те были недовольны, и, когда Тит принял посольство македонян и начал переговоры о мире, этолийцы пустились по всем городам Греции, громогласно обвиняя Тита в том, что он продает Филиппу мир, тогда как в его силах выкорчевать с корнем войну и низвергнуть державу, впервые поработившую эллинский мир. Речи этолийцев смущали союзников римского народа, но Филипп сам уничтожил все подозрения, отдав себя и свое государство во власть Тита и римлян. Вот на каких условиях Тит заключил мир: он вернул Филиппу

---

⁷⁹⁰ 6. ...с собачьими головами ... – *Kynos kephalai*, «собачьи головы», нередкое географическое название в холмистой Греции. Подле этих холмов в 364 г. пал Пелопид (Пел., 32).

Македонское царство, но приказал ему не вмешиваться в дела Греции, наложил на него контрибуцию в тысячу талантов, отнял флот, оставив лишь десять кораблей, взял заложником одного из двух его сыновей, Деметрия, и отправил его в Рим. Тит не только наилучшим образом использовал сложившиеся обстоятельства, но и предвидел будущее: дело в том, что африканец Ганнибал, злейший враг римлян, находившийся в изгнании, был в ту пору при дворе царя Антиоха и побуждал его действовать, пока счастье благоприятствует его начинаниям. Антиох, за свои великие дела прозванный Великим, и сам думал о всемирном господстве и с особенной враждою взирал на римлян. И если бы Тит не принял всего этого в соображение и не выказал благоразумия, пойдя на заключение мира, к продолжающейся войне с Филиппом прибавилась бы война с Антиохом в Греции, эти в то время сильнейшие и могущественнейшие цари объединились бы для борьбы против Рима и римлянам снова пришлось бы пережить испытания и опасности не меньшие, чем в войне с Ганнибалом. Тит вовремя установил мир, разделивший две войны, и покончил с предыдущей, прежде чем началась следующая, тем самым лишив Филиппа его последней надежды, Антиоха – первой и главной.

10. Отряженное сенатом посольство из десяти человек предложило Титу дать независимость всей Греции, но оставить войска в Коринфе, Халкиде и Деметриаде⁷⁹¹, чтобы обезопасить себя от Антиоха, и тут этолийцы стали открыто возмущать города и громогласно обвинять Тита, требуя, чтобы он снял с Греции оковы (так Филипп называл вышеупомянутые города), и вопрошая греков, нравится ли им носить теперешние колодки, более гладкие, но гораздо более тяжелые, чем те, что они носили раньше, и по-прежнему ли они считают Тита своим благодетелем за то, что, развязав Греции ноги, он накинул веревку ей на шею. Тита жестоко удручали эти нападки, он долго убеждал сенат и, наконец, добился разрешения освободить от римских караульных отрядов и эти три города, чтобы милость, которую он оказал грекам, была действительно полной. И вот начались Истмийские игры, и на ристалище огромные толпы народа сидели и смотрели на гимнастические состязания – ведь Греция справляла этот праздник, положив конец многолетним войнам, во время прочного мира и в надежде на свое освобождение, – и вдруг при звуке трубы, призвавшей всех к молчанию, на середину вышел глашатай и объявил, что римский сенат и Тит Квинтий, главнокомандующий и консул⁷⁹², победив царя Филиппа и македонян, возвращают независимость и право жить по отеческим законам коринфянам, локрийцам, фокейцам, эвбейцам, ахейцам, жителям Фтии, Магнесии, Фессалии и Перребии, освобождают их от постоя войск и от податей. Однако на первый раз не все достаточно ясно расслышали слова глашатая, и среди собравшихся на ристалище поднялось волнение и шум: удивлялись, переспрашивали, требовали повторить; когда же восстановилась тишина и глашатай громко повторил сказанное, так что слышали все, раздался радостный крик такой невероятной силы, что он долетел до моря, весь театр встал, никому уже не было дела до состязаний, все рвались приветствовать спасителя и защитника Греции. Тут можно было наблюдать явление, которое часто приводят как пример огромной силы человеческого голоса: вороны, пролетающие над толпой, упали на ристалище. Причина тому – разрыв воздуха, ибо когда раздается сильный и громкий звук, он разрывает воздух, который больше не может поддерживать летящих, и те словно проваливаются в пустоту и гибнут, падая на землю. Возможно, правда, что они падают, насмерть пораженные ударом, словно пронзенные стрелой. Возможно также, что в этих случаях возникает вращение воздуха, подобно тому, как сильное волнение на море рождает водовороты и стремительные отливы.

11. Если бы Тит, предвидя натиск толпы, не ушел сразу же по окончании игр, едва ли

⁷⁹¹ 7. ...в Коринфе, Халкиде и Деметриаде ... – Для контроля над южной, средней и северной Грецией.

⁷⁹² 8. Консул – Фламинин уже не был консулом, но по постановлению сената сохранял консульские полномочия.

он уцелел бы, когда столько людей ринулось к нему одновременно со всех сторон. Но в конце концов они устали кричать, стоя перед его палаткой, и с наступлением ночи, поздравляя и обнимая по пути друзей и сограждан, отправились ужинать и пировать. За ужином, естественно, их ликование возрастало, они размышляли и разговаривали о судьбе Греции – о том, что в многочисленных войнах, которые она вела за свою свободу, ей никогда не удавалось достичь ничего более прочного и радостного, чем теперь, когда за нее сражались другие и когда она, почти не пролив собственной крови, без горя и забот получила самую прекрасную и желанную награду. Как ни редки в людях мужество и светлый ум, самая редкая из добродетелей – справедливость. Агесилаи, Лисандры, Никии, Алкивиады умели, разумеется, успешно вести войны, одерживать победы на суше и на море, но достойно использовать свои успехи на общее благо они не могли. И правда, за исключением Марафонской битвы, морского сражения при Саламине, Платей, Фермопил, побед Кимона при Эвримедонте и близ Кипра, Греция во всех сражениях воевала сама с собою, за собственное рабство, и любой из ее трофеев может служить памятником ее беды и позора, потому что своим упадком она обязана главным образом низости и соперничеству своих вождей. Между тем чужеземцы, сохранившие, вероятно, лишь слабые искорки общего древнего родства, чужеземцы, от которых странно было ожидать даже доброго слова в пользу Греции, – эти люди понесли величайшие труды и опасности ради того, чтобы избавить Грецию от жестоких властителей и тираннов.

12. Вот что приходило на ум грекам; и дальнейшие события соответствовали объявленному на играх. Тит послал Лентула в Азию – вернуть свободу Баргилиям⁷⁹³, а Стертиния во Фракию – вывести из городов и с островов караульные отряды Филиппа. Публий Виллий отплыл к Антиоху для переговоров об освобождении греков, находившихся под властью этого царя. Сам Тит направился в Халкиду, а затем поплыл в Магнесию; он выводил из городов войска и передавал управление народу. Избранный в Аргосе распорядителем Немейских игр, он устроил великолепные празднества и здесь снова через глашатая объявил свободу грекам. Обезжая города, Тит повсюду устанавливал закон и порядок, полное единомыслие и взаимное согласие, прекращал волнения и возвращал изгнанников, не меньше радуясь тому, что ему удастся вразумить и примирить греков, чем своей победе над македонянами, так что само освобождение кажется самым незначительным из благодеяний, которые он оказал Греции. Рассказывают, что философа Ксенократа вели в тюрьму сборщики податей за неуплату налога с метэков⁷⁹⁴, а оратор Ликург освободил его и наказал сборщиков за бесчинство; впоследствии Ксенократ встретил сыновей Ликурга и сказал им: «Юноши, я честно оплатил вашему отцу: весь мир хвалит его за то, что он сделал». Тит и римляне, однако, тем, что они сделали для греков, заслужили не только похвалу, но и приобрели всеобщее доверие и огромное влияние – и по справедливости. Римских наместников не только охотно принимали, но и сами приглашали их, им вверяли свою судьбу, и не только народы и города – даже цари, обиженные другими царями, искали защиты у римлян, так что в скором времени, вероятно, не без участия богов, все стало им подвластно. Сам Тит больше всего гордился тем, что дал Греции свободу. Он послал в Дельфы несколько серебряных щитов и свой собственный щит со следующей надписью:

Отпрыски юные Зевса и Спарты цари, Тиндариды,
Вы, чьи сердца веселит скачка ретивых коней!
Вам этот дар дорогой посылает потомок Энея
Тит. Он Эллады сынам снова свободу принес.

⁷⁹³ 9. *Баргилиям* – этот город был опорным пунктом Филиппа в Малой Азии.

⁷⁹⁴ 10. *Метэк* – см.: Алк., прим. 9; о Ксенократе ср.: Фок., 29.

Он также посвятил Аполлону золотой венок с надписью:

Чтобы достойно твои благовонные кудри украсить,
Этот венец золотой сыну Латоны принес
Вождь Энеадов великий. Даруй же и ты, Стреловец,
Титу, что равен богам, славу за доблесть его.

Случилось так, что дважды в Коринфе было оказано Греции одно и то же благодеяние. Да, именно, в Коринфе прежде Тит, а в наше время Нерон⁷⁹⁵, снова на Истмийских играх, объявил грекам свободу и право жить по собственным законам; только первый, как мы говорили, – через глашатая, а Нерон – сам, в речи к народу, которую он произнес с помоста на рыночной площади. Но это было позднее.

13. В то время Тит начал славную и справедливую войну против Набида Спартанского, самого преступного и незаконного из тираннов, однако в конечном счете он обманул надежды греков: он не захотел, хотя это было возможно, захватить тиранна в плен и заключил с ним мир⁷⁹⁶, тем самым обрекши Спарту на недостойное рабство. То ли он боялся, что в случае длительной войны из Рима прибудет другой полководец и переймет его славу, то ли ревновал к почестям, оказываемым Филопемени, самому выдающемуся человеку среди греков, который в этой войне показал чудеса смелости и ратного искусства, так что ахейцы превозносили его наравне с Титом и одинаково чествовали их в своих театрах. И это очень раздражало Тита, который считал для себя оскорбительным, что какой-то аркадянин, предводительствовавший лишь в незначительных войнах с соседями, пользуется таким же признанием, как римский консул, воюющий за Грецию. Как бы то ни было, сам Тит в оправдание своих действий говорил, что он предвидел страшные бедствия, которые повлечет за собою для всех спартанцев гибель тиранна, и потому прекратил войну. Ахейцы присудили Титу много почетных наград, но ничто, пожалуй, не было достойно его благодеяний, за исключением одного подарка, который доставил ему больше удовольствия, чем все остальные, вместе взятые.

А дело было вот в чем. Римляне, которые попали в плен во время войны с Ганнибалом, были обращены в рабство и распроданы кто куда. В Греции их насчитывалось до тысячи двухсот человек. Судьба их всегда вызывала жалость, но, разумеется, особенно в те дни, когда одни встречали своих сыновей, другие братьев, третьи домочадцев, когда рабы встречались со свободными и пленники с победителями. Тит не стал бы отбирать их у владельцев, хотя и был удручен их положением, но ахейцы выкупили их, уплатив по пяти мин за человека, собрали всех вместе и передали Титу уже перед самым отплытием, так что он отплыл домой с радостным чувством: его благородные дела получили благородное вознаграждение, достойное великого человека, любящего своих сограждан. Это придало особый блеск его триумфу. Эти люди обрили головы и надели войлочные шляпы, как полагается рабам, когда их отпускают на свободу, и в таком виде следовали за триумфальной колесницей Тита.

14. Удивительно красиво выглядела в праздничной процессии военная добыча – греческие шлемы, македонские щиты и сариссы. Денег тоже было немало: как сказано у Тудитана, в этом триумфальном шествии пронесли три тысячи семьсот тринадцать фунтов золота в слитках, сорок три тысячи двести семьдесят фунтов серебра и четырнадцать тысяч пятьсот четырнадцать золотых монет с изображением Филиппа; помимо этого, Филипп

---

⁷⁹⁵ 11. ...Нерон ... объявил грекам свободу ... – Т.е. даровал греческим городам «свободу» (т.е. освобождение от подати и местное самоуправление) в 66 г. во время своей артистической поездки по Греции.

⁷⁹⁶ 12. ...заключил с ним мир (195 г.). – Спарта лишалась всех владений вне Лаконии, а также гаваней в самой Лаконии, но Набид оставался у власти.

должен был заплатить еще тысячу талантов. Впоследствии, однако, римляне, главным образом благодаря настояниям Тита, согласились простить этот долг Филиппу, решили признать его союзником римского народа и вернули ему сына, которого взяли в заложники.

15. Когда же Антиох со множеством кораблей и большим войском переправился в Грецию и стал склонять города к отпадению и восстанию, этолийцы, которые уже давно относились к римлянам враждебно, содействовали ему в этом и посоветовали в качестве предлога и повода к войне избрать освобождение греков. Греки в этом не нуждались – ведь они уже были свободны, но более благовидную причину назвать было невозможно и потому этолийцы научили Антиоха воспользоваться этим самым прекрасным из всех слов. Римляне были очень испуганы вестями об отпадении греческих городов и о могуществе Антиоха и послали для ведения войны консула Манья Ацилия, легатом же при консуле в угоду грекам сделали Тита. Само присутствие Тита укрепило многих в верности Риму, для тех же, у кого появились первые признаки болезни, известность, которой он пользовался, оказалась чем-то вроде своевременно принятого лекарства, так что они исцелились и удержались от ошибок. Немногие все же остались глухи к его призывам, так как уже предались этолийцам и были совершенно развращены ими, но даже и их, несмотря на свое раздражение и ожесточение, Тит пощадил после битвы.

Как известно, Антиох потерпел поражение при Фермопилах, бежал и сразу же переправился в Азию, а консул Маний пошел против этолийцев и некоторые из их городов осадил сам, другие же оставил на разорение царю Филиппу. И вот, когда македоняне уводили в плен и грабили долопов, магнесийцев, афаманов и аперантов, а сам Маний, разрушив Гераклею, осаждал Навпакт, находившийся в руках этолийцев, Тит, полный жалости к грекам, приплыл к консулу из Пелопоннеса. Сначала он попенял Манию за то, что победу он одержал сам, а военную награду позволяет взять Филиппу и теперь, срывая злобу, теряет время, осаждая один город, тогда как македоняне покоряют целые народы и царства. Осажденные, увидев Тита со стен, громко звали его и с мольбою простирали к нему руки, и тогда он отвернулся, разразился слезами и ушел, не сказав ни слова. Однако потом он виделся с Манием, успокоил его гнев и уговорил заключить с этолийцами перемирие, чтобы они могли послать в Рим послов с просьбой о мире на умеренных условиях.

16. Но больше всех усилий и труда положил Тит на то, чтобы добиться у Манья прощения для халкидян. Консул был ожесточен против них за то, что в их городе уже после начала войны Антиох справлял свою свадьбу: престарелый царь, вопреки и возрасту своему и обстоятельствам, влюбился в очень молодую девушку, дочь Клеоптолема, славившуюся несравненной красотой. По этой причине халкидяне стали ревностными сторонниками царя и город их стал служить ему опорой во время войны. Бежав с поля сражения, Антиох прибыл в Халкиду и, взяв с собою молодую жену, сокровища и друзей, отплыл в Азию. Маний в гневе немедленно двинулся на халкидян; за ним следовал Тит, умоляя его смягчиться, и, наконец, убедил и успокоил его, обращаясь как к самому консулу, так и к другим влиятельным римлянам. Спасенные Титом халкидяне посвятили ему все самое прекрасное и величественное в своем городе. На многих зданиях и сейчас можно видеть такие надписи: «Этот гимнасий посвящен народом Титу и Гераклу»; или в другом месте: «Этот Дельфиний⁷⁹⁷ посвящен народом Титу и Аполлону». Больше того, и по сию пору поднятием рук выбирают жреца – служителя Тита, приносят ему жертвы, совершают возлияния, а затем поют сложенный в его честь пэан. Он слишком длинен, и потому, опуская остальное, мы приведем лишь заключительные стихи:

Верность великую римлян мы чтим,
Клянемся ее охранять.

⁷⁹⁷ 13. Дельфиний – храм Аполлона (священным животным которого был дельфин, а главным местом культа – Дельфы).

Девы, воспойте
Зевса великого, римлян и Тита.
О, Пэан Аполлон! О, Тит избавитель!

17. Греки не только оказывали Титу подобающие почести, но делали это с полной искренностью, что объясняется исключительной любовью, вызванной его благожелательностью. Ибо даже если волею обстоятельств или из честолюбия он бывал с кем-нибудь в плохих отношениях, как, например, с Филопеменом или впоследствии с ахейским стратегом Диофаном, он никогда не доходил до ожесточения и никогда ничего не предпринимал, будучи во власти раздражения, но изливал свой гнев, открыто выступая в споре, как подобает государственному мужу. Он не был груб, хотя многим казался вспыльчивым и от природы непостоянным, в обхождении он был на редкость приятен, в разговоре остроумен и красноречив. Так, когда ахейцы хотели захватить остров Закинф, Тит, отговаривая их, сказал, что, как черепахе из панциря, им опасно высовывать голову за пределы Пелопоннеса. Когда они с Филиппом в первый раз встретились для переговоров о мире, на замечание царя, что Тит явился с большой свитой, тогда как он, Филипп, приехал один, Тит ответил: «Ты ведь сам сделал себя одиноким, убив своих друзей и родных»⁷⁹⁸. Когда мессенец Динократ, находясь в Риме, во время пирушки напился и плясал, надев женское платье, а на следующий день просил Тита поддержать его в намерении отделить Мессению от Ахейского союза, Тит сказал, что подумает об этом, но выразил удивление, как он может, занимаясь такими важными делами, плясать и петь на пирушке. Послы Антиоха рассказывали ахейцам о многочисленности царских войск, называя и перечисляя различные их подразделения, и Тит припомнил, как однажды, ужиная у приятеля, он упрекал хозяина за множество мясных блюд на его столе, удивляясь в то же время, откуда у него такое обилие разнообразной снеди, а тот ответил, что это все свинина, которая различается лишь приправами. «Так и вы, ахейцы, – сказал Тит, – не удивляйтесь, слыша о копейщиках, метателях дротиков и пешей гвардии. Это все сирийцы, которые различаются лишь вооружением».

18. После умиротворения Греции и окончания войны с Антиохом Тит был избран цензором – это высшая должность в Риме и в известном смысле вершина государственной деятельности. Вместе с ним в этой должности был сын Марцелла, пятикратного консула; цензоры исключили из сената четырех человек недостаточно знатного происхождения и приняли в число граждан всех, кто был рожден от свободных родителей. К этому их принудил народный трибун Теренций Кулеон, который, стремясь унижить знать, убедил Народное собрание проголосовать за эту меру.

Два самых знаменитых в Риме человека, имевших самое большое влияние на сограждан, Сципион Африканский и Марк Катон, враждовали друг с другом. Сципиона Тит поставил первым в списке сенаторов⁷⁹⁹ видя в нем безупречного человека, лучшего представителя своего сословия, с Катоном же он находился в неприязненных отношениях – и вот по какой причине. У Тита был брат Луций Фламинин, во всех отношениях не похожий на брата, особенно же – своим постыдным пристрастием к удовольствиям и полным презрением к приличиям. Луций держал мальчика-любовника и никогда не расставался с ним, даже командуя войском или управляя провинцией. Однажды на пиру этот мальчик, заигрывая с Луцием, сказал: «Я так тебя люблю, что упустил случай поглядеть на гладиаторские игры, хотя еще ни разу в жизни не видел, как убивают человека». Этим он желал доказать, что

---

⁷⁹⁸ 14. ...убив своих друзей и родных ... – Имеется в виду, в частности, убийство Деметрия, сына Филиппа (ЭмП., 8), бывшего заложника в Риме (выше, Тит, 14).

⁷⁹⁹ 15. ...Сципиона ... первым в списке сенаторов ... – «Принцепсом», первоопрашиваемым при голосованиях: это звание не давало никаких полномочий, но было важным знаком нравственного авторитета.

удовольствия Луция для него дороже его собственных. Восхищенный Луций сказал: «Не горюй, я исполню твое желание». Он велел привести из тюрьмы одного из приговоренных к смерти и, позвав ликтора, приказал отрубить человеку голову здесь же на пиру. Валерий Антиат, однако, пишет, что Луций сделал это в угоду не любовнику, а любовнице. По сообщению Ливия, в одной из речей самого Катона говорится, что к дверям Луция пришел перебежчик галл с женой и детьми, а Луций впустил его и собственноручно убил на пиру, желая угодить любовнику. Похоже, однако, что Катон преувеличивает, чтобы усугубить обвинение. Убитый был не перебежчик, а узник, приговоренный к смерти, как свидетельствуют многие, и среди них оратор Цицерон; в трактате «О старости»⁸⁰⁰ он рассказывает об этом словами самого Катона.

19. И вот, когда Катон стал цензором и очищал сенат от недостойных, он исключил из него Луция Фламинина, хотя тот был ранее консулом и его бесчестие бросало тень и на Тита. Тогда оба брата, удрученные, с заплаканными глазами, пришли в Народное собрание с просьбой к гражданам, и, по-видимому, вполне справедливой, чтобы Катон объяснил причины и соображения, побудившие его нанести славному роду такую обиду. Не колеблясь, Катон выступил вперед вместе со вторым цензором и спросил Тита, знает ли он о том пире. Тит ответил, что не знает, и Катон рассказал об этом происшествии и предложил Луцию объявить перед судом, что именно в этом рассказе он считает ложным. Но Луций молчал, и народ, увидя, что он наказан по заслугам, с почетом проводил Катона домой. Тит был настолько задет несчастьем брата, что примкнул к тем, кто издавна ненавидел Катона, и, склонив сенат на свою сторону, расторг и отменил все заключенные Катонем арендные договоры и сделки по откупам. Кроме того, он часто выдвигал против него тяжкие обвинения в суде, и я не стану утверждать, что, непримиримо враждуя из-за своего недостойного родственника, понесшего заслуженное наказание, с прекрасным гражданином, строго исполняющим свой долг, Тит поступал, как порядочный человек или добрый гражданин. Тем не менее однажды, когда римляне смотрели представление в театре и сенаторы занимали, как обычно, свои почетные места в первых рядах, вдруг заметили Луция, грустно сидевшего где-то сзади и вызывавшего сострадание своим жалким видом; толпа не могла вынести этого зрелища и, призывая его пересесть, кричала до тех пор, пока прежние консулы не дали ему места среди них.

20. Пока природное честолюбие Тита находило себе выход в войнах, о которых мы рассказали, он пользовался уважением сограждан. Уже после консульства он снова служил в войске, теперь в должности военного трибуна, хотя в этом не было необходимости. Но когда, постарев, он отошел от дел, он часто слышал упреки за то, что, вступив в возраст, когда можно быть свободным от всяких забот, он, тем не менее, не может сдерживать своей юношеской запальчивости и жажды славы. По-видимому, один из таких безудержных порывов привел к его столкновению с Ганнибалом, после чего он многим стал отвратителен. Ганнибал, тайно бежав из своего родного Карфагена, жил какое-то время у Антиоха, но когда Антиох после битвы во Фригии охотно принял условия мира, Ганнибал снова бежал и после долгих странствий нашел, наконец, пристанище в Вифинии, при дворе царя Прусия, и в Риме все об этом знали, но никто не обращал внимания на бывшего врага – бессильного, старого и оставленного счастьем. Однако Тит, посланный сенатом к Пруссию по каким-то делам, увидел Ганнибала и разгневался, что этот человек все еще жив, и хотя Прусий неоднократно и горячо просил за изгнанника, нашедшего у него убежище, и своего друга, Тит не уступил. Говорят, что существовало древнее пророчество о кончине Ганнибала:

Ливийский край сокроет Ганнибала прах.

Сам Ганнибал считал, что здесь говорится о Ливии и о могиле в Карфагене, и верил,

---

⁸⁰⁰ 16. ...в трактате «О старости» ... – Цицерон, О старости, 12, 42 (ср. КСт., 17 и 19).

что там ему суждено умереть; но в Вифинии, недалеко от моря, есть место, подле которого расположено большое селение, называемое Ливиссой. Там и жил Ганнибал. Он никогда не доверял слабовольному Прусию и опасался римлян, а потому устроил семь подземных ходов, которые из его комнаты расходились под землей в разных направлениях и кончались тайными выходами вдали от дома. И вот, услышав о требовании Тита, он попробовал спастись, воспользовавшись подземным ходом, но повстречал царскую стражу и решил покончить с собой. Рассказывают, что, обернув плащ вокруг шеи, он велел рабу упереться коленом ему в ягодицы и, откинувшись назад как можно дальше, тянуть, пока он не задохнется. Другие же говорят, что Ганнибал выпил бычьей крови в подражание Фемистоклу и Мидасу⁸⁰¹; но Ливий сообщает⁸⁰², что у него был яд, который он приказал растворить, и взял чашу со словами: «Снимем, наконец, тяжелую заботу с плеч римлян, которые считают слишком долгим и трудным дожидаться смерти ненавистного им старика». Однако эта победа Тита ни у кого не возбудит зависти, она недостойна его предков, которые, воюя с Пирром⁸⁰³ и терпя поражение, тайно предупредили царя, что его собираются отравить.

21. Таковы сведения о смерти Ганнибала. Когда это известие дошло до сената, многим из сенаторов поступок Тита показался отвратительным, бессмысленным и жестоким: он убил Ганнибала, которого оставили жить, подобно птице, слишком старой, уже бесхвостой, лишившейся диких повадок и неспособной больше летать, убил без всякой необходимости, лишь из тщеславного желания, чтобы его имя было связано с гибелью карфагенского вождя. Приводили в пример мягкость и великодушие Сципиона Африканского, особенно восхищаясь им за то, что, победив в Африке грозного и не знавшего ранее поражений Ганнибала, он не только не изгнал его из Карфагена и не потребовал у карфагенян его выдачи, а напротив, еще до битвы встретившись с ним для переговоров, дружески приветствовал его, а после битвы, при заключении мира, ни в чем не унизил и не оскорбил врага, которому изменила удача. Рассказывают, что в Эфесе они встретились еще раз, и когда они вместе прогуливались, Ганнибал шел впереди, хотя почетное место более приличествовало Сципиону как победителю, но Сципион смолчал и шел как ни в чем не бывало. А потом он заговорил о полководцах, и Ганнибал объявил, что лучшим из полководцев был Александр, за ним Пирр, а третьим назвал себя. И тут Сципион, тихо улыбнувшись, спросил: «А что бы ты сказал, если бы я не победил тебя?» – на что Ганнибал ответил: «Тогда бы не третьим, а первым считал я себя среди полководцев». Большинство восхищалось поступками Сципиона и порицало Тита, который наложил руку на того, кого сразил другой.

Но были и такие, которые одобряли его действия, а Ганнибала, пока он жив, считали огнем, который стоит только раздуть: ведь и в молодые годы Ганнибала не тело его и не руки были страшны римлянам, но искусство и опытность в соединении с владевшими им злобой и ненавистью, которые не уменьшаются в старости, ибо природа человека остается неизменной, а судьба в своем непостоянстве всякий раз дразнит новыми надеждами и толкает к новым начинаниям того, кого ненависть сделала вечным врагом. Последующие события еще больше подтвердили правоту Тита, ибо, с одной стороны, Аристоник, отпрыск какого-то кифариста, злоупотребив славным именем Эвмена⁸⁰⁴, ввергнул всю Азию в огонь

⁸⁰¹ 17. ...в подражание Фемистоклу ... и Мидасу ... – см. Фем., 31. Мидас – полулегендарный фригийский царь, разбитый в VIII в. нашествием киммерийцев.

⁸⁰² 18. ...Ливий сообщает ... – См.: XXXIX, 50.

⁸⁰³ 19. ...воюя с Пирром ... – См.: Пирр, 21.

⁸⁰⁴ 20. ...славным именем Эвмена ... – Пергамского царя Эвмена II, побочным сыном которого был Аристоник.

войны и восстания, с другой – Митридат, хотя и был разбит Суллой и Фимбрией, потеряв без счета воинов и полководцев, вновь выступил грозным противником Лукулла на суше и на море. И все же Ганнибал никогда не был в таком унижении, как Гай Марий. Он до конца оставался другом царя, и дни его, как и прежде, были заняты плаванием на судах, верховой ездой и заботами о войске, тогда как Марий, нищим странствуя по Африке, был в своих несчастьях посмешищем для римлян. Однако спустя немного времени он вернулся, и римляне под топорами и плетью униженно молили о пощаде⁸⁰⁵. Итак, если заглянуть в будущее, ничто в настоящем не может считаться ни великим, ни малым, а превратностям судьбы приходит конец лишь одновременно со смертью. Вот почему некоторые утверждают, что Тит предпринял этот шаг не по собственной воле, но что посольство, в котором он участвовал, вместе с Луцием Сципионом, не имело иной цели, кроме убийства Ганнибала. Поскольку о дальнейшей военной или гражданской деятельности Тита мы ничего не знаем, а умер он мирною смертью⁸⁰⁶, перейдем к сравнению.

[Сопоставление]

22 (1). По значению благодеяний, оказанных Греции, ни Филопмен, ни многие иные, более славные, нежели Филопмен, не достойны сравнения с Титом, ибо они были греками, а воевали против греков, тогда как Тит не был греком, а воевал за Грецию. И в то время, когда Филопмен не стал защищать собственных сограждан от нападения врагов и уехал на Крит, в то самое время Тит одержал победу над Филиппом в сердце Греции и дал свободу всем ее народам и городам. Если внимательно проследить за сражениями, которые давал каждый из них, обнаружится, что ахейский полководец Филопмен погубил больше греков, чем заступник Греции Тит – македонян.

Что до их ошибок, то у одного они были следствием честолюбия, у другого же – упрямства, один был вспыльчив, другой к тому же злопамятен. В самом деле, Тит сохранил Филиппу царское достоинство и оказал милость этолийцам, тогда как злоба Филопмена заставила его отнять у своего родного города близлежащие селения. И далее, один был всегда неизменно благосклонен к тем, кому однажды сделал добро, тогда как другой во власти гнева в любой момент способен был отказать в своем расположении. Так, хотя Филопмен и был благодетелем Спарты, он после этого разрушил ее стены, уменьшил ее владения и, наконец, изменил и уничтожил самые законы города. По-видимому, и погиб он, принеся свою жизнь в жертву раздражению и соперничеству, потому что вторгся в Мессению раньше, чем позволили обстоятельства, и быстрее, чем было возможно. Ибо на войне он руководствовался, подобно Титу, голосом рассудка и требованиями безопасности.

23 (2). Но, конечно, число войн и побед Филопмена дало ему больший военный опыт. Борьба Тита против Филиппа решилась в двух сражениях, тогда как Филопмен одерживал победы в бесчисленных битвах, и нет ни малейшего сомнения в том, что своими успехами он обязан не удаче, а собственному умению. И, кроме того, Тит обязан своими успехами могуществу Рима, находившемуся в расцвете, тогда как Филопмен прославился, когда Греция была уже в упадке, и поэтому успех Филопмена был делом его собственных рук, а успех Тита достигнут усилиями многих. У Тита под командой были хорошие воины, тогда как Филопмен, командуя, сам сделал своих солдат хорошими. И то, что Филопмен побеждал греков, служит убедительным, хотя и печальным доказательством его мужества, потому что там, где все прочие условия равны, победителем выходит более мужественный.

---

⁸⁰⁵ 21. ...молили о пощаде ... – См.: Мар., 40 сл.

⁸⁰⁶ 22. ...умер он мирною смертью ... – О времени и обстоятельствах смерти Тита Фламинина, действительно, никаких сведений не сохранилось.

Филопemen боролся с наиболее воинственными из греков, а именно с критянами и лакедемонянами, и превзошел первых в хитрости, хоть они были самыми коварными, а вторых, хоть они и были самыми храбрыми, – отвагой. Еще следует сказать, что Тит одержал свои победы, используя вооружение и боевой строй, которые существовали и до него, тогда как Филопemen вводил новые и изменял старые порядки, и все, что обеспечивало ему победу, он создавал сам, тогда как первый пользовался готовыми средствами.

Филопemen дал высокие образцы личной храбрости, а Тит не проявил ее вовсе, и один этолиец, Архедем, даже высмеивал его за то, что когда он, Архедем, выхватил меч и бросился на сомкнутый строй македонян, Тит стоял, воздев руки к небу и молил богов о помощи.

24 (3). Далее, все свои славные дела Тит совершил, облеченный властью либо полководца, либо посла, в то время как Филопemen, будучи простым гражданином, обнаружил не меньше предприимчивости и принес не меньше пользы, чем в ту пору, когда был полководцем. Он был простым гражданином, когда изгнал Набида из Мессении и освободил мессенцев, когда закрыл ворота Спарты при приближении стратега Диофана и Тита и этим спас лакедемонян. Обладая природным даром вождя, он не только умел использовать этот дар в согласии с законами, но – ради общего блага – и вопреки законам; он не ждал, чтобы народ вручил ему власть, но всякий раз брал ее сам, когда того требовали обстоятельства, полагая, что человек, который принимает на себя заботу о других, – их настоящий полководец, и даже с большим основанием, чем если бы он был ими выбран. Велико благородство Тита, сказавшееся в той человечности и мягкости, которые он проявил к грекам, но еще более велико благородство Филопемена, сказавшееся в его неистребимой любви к свободе, с которой он противостоял римлянам, ибо легче оказывать милость просителю, чем ожесточать сопротивлением тех, кто сильнее тебя.

Итак, путем сравнения трудно установить, каково между ними различие, а потому пусть читатель судит сам, не сделаем ли мы ошибки, если присудим греку венок за военное искусство и талант полководца, а римлянину – за справедливость и сердечную доброту.

ПИРР И ГАЙ МАРИЙ

[Перевод С.А. Ошерова]

Пирр

1. Предание гласит, что после потопа первым царем молоссов и феспротов был Фазтонт, один из тех, кто пришел в Эпир вместе с Пеласгом, но есть и другой рассказ: среди молоссов поселились Девкалион и Пирра, основавшие святилище в Додоне. Много спустя Неоптолем, сын Ахилла, явился сюда во главе своего племени, захватил страну и положил начало царской династии Пирридов, носивших это имя потому, что и сам Неоптолем прозывался в детстве Пирром, и одного из своих сыновей, рожденных от Ланассы, дочери Клеодема, сына Гилла, назвал Пирром. С этих пор там чтут наравне с богами и Ахилла, называя его на местном наречии Аспетом. Однако при преемниках первых царей их род захирел, впал в варварство и утратил былую власть, и только Таррип, как сообщают, просветил государство эллинскими обычаями и ученостью, впервые дал ему человеколюбивые законы и тем прославил свое имя. У Таррипа был сын Алкет, у Алкета – Арибб, у Арибба и Троады – Эакид. Последний был женат на Фтии, дочери фессалийца Менона, который стяжал славу во время Ламийской войны и, после Леосфена, пользовался среди союзников наибольшим почетом. У Эакида и Фтии родились дочери Деидамия и Троада и сын Пирр.

2. Когда восставшие молоссы изгнали Эакида⁸⁰⁷ и возвели на престол детей Неоптолема, а приверженцев Эакида захватили и убили, Андроклид и Ангел бежали, тайно увезя мальчика Пирра, которого уже разыскивали враги. Однако им пришлось взять с собой нескольких рабов и женщин, чтобы ходить за ребенком, и это настолько затруднило и замедлило бегство, что погоня уже настигала их, и тогда они передали мальчика Андроклиону, Гиппию и Неандру, юношам верным и сильным, приказав им бежать что есть духу и остановиться в македонском городке Мегары, сами же то просьбами, то силой оружия до вечера удерживали преследователей, и едва только те повернули вспять, поспешили догнать своих спутников, увозивших Пирра. Солнце уже село, и беглецы обрели было надежду на близкое спасение, но тут же ее утратили: перед ними оказалась протекавшая около города река, бурная и грозная, недоступная для переправы; ее мутные воды вздулись от выпавших дождей, и во мраке она казалась особенно ужасной. Андроклид и его спутники поняли, что собственными силами им с ребенком и женщинами никак не переправиться, и, увидев за рекой каких-то местных жителей, стали громко кричать, показывая им Пирра и умоляя помочь перебраться на другой берег. Но шум и грохот потока заглушал голоса, и кричавшие лишь теряли время впустую, потому что люди на той стороне их не слышали. Наконец кто-то, догадавшись, сорвал кору с дубка, нацарапал на ней иглою записку, в которой рассказал об их положении и о судьбе мальчика, и, завернув в кору камень, чтобы придать ей устойчивость в полете, перебросил ее через реку; другие рассказывают, что корой обернули дротик и метнули его на тот берег. Когда люди, стоявшие по ту сторону, прочли записку и поняли, что время не терпит, они принялись рубить деревья и, связав их, переправились через поток. И случилось так, что первым переправился и принял Пирра человек по имени Ахилл. Остальных, – кому кого пришлось, – перевезли прочие местные жители.

3. Ускользнув таким образом от преследования и очутившись вне опасности, беглецы прибыли в Иллирию, в дом к царю Главкию, и там, увидев царя, сидевшего вместе с женой, они положили ребенка на пол посреди покоя. Царь... [*Текст в оригинале испорчен*] в нерешительности, он боялся Кассандра – врага Эакида, и потому долго молчал, размышляя. В это время Пирр сам подполз к нему и, схватившись ручонками за полы его плаща, приподнялся, дотянулся до колен Главкия, улыбнулся, а потом заплакал, словно проситель, со слезами умоляющий о чем-то. Другие говорят, что младенец приблизился не к Главкию, а к алтарю богов, и, обхватив его руками, встал на ноги. Главкию это показалось изъяслением воли богов, и он тотчас поручил ребенка жене, приказав ей воспитать его вместе с их собственными детьми, и когда спустя некоторое время враги потребовали отдать им мальчика, а Кассандр даже предлагал за него двадцать талантов, он не выдал Пирра, более того, когда Пирру исполнилось двенадцать лет, Главкий с войском явился в Эпир и вернул своему воспитаннику престол.

Лицо у Пирра было царственное, но выражение лица скорее пугающее, нежели величавое. Зубы у него не отделялись друг от друга: вся верхняя челюсть состояла из одной сплошной кости, и промежутки между зубами были намечены лишь тоненькими бороздками. Верили, что Пирр может доставить облегчение страдающим болезнью селезенки, стоит ему только принести в жертву белого петуха и его правой лапкой несколько раз легонько надавить на живот лежащего навзничь больного. И ни один человек, даже самый бедный и незнатный, не встречал у него отказа, если просил о таком лечении: Пирр брал петуха и приносил его в жертву, и такая просьба была для него самым приятным даром. Говорят еще, что большой палец одной его ноги обладал сверхъестественными свойствами, так что, когда

⁸⁰⁷ 1. ...изгнали Эакида... – В Эпире боролись за власть две ветви царского дома, потомки двух сыновей Алкета – Неоптолема и Арибба; первую поддерживали македонские цари, вторую – их противники. Власть переходила от Эакида, сына Арибба (уб. 313) к брату Эакида Алкету (ум. 307) и к сыну Эакида Пирру (с 306), но в 313 и 302—296 гг. ее перехватывал Неоптолем Младший, внук Неоптолема. Дом Неоптолема поддерживал Кассандр, дом Эакида – Деметрий и Птолемей.

после его кончины все тело сгорело на погребальном костре, этот палец был найден целым и невредимым. Но это относится к временам более поздним.

4. Когда Пирру исполнилось семнадцать лет, он, считая, что власть его достаточно крепка, отправился за пределы своей страны, чтобы взять в жены одну из дочерей Главкия, вместе с которыми он воспитывался. Тогда молоссы снова восстали, изгнали его приверженцев, разграбили имущество и призвали на царство Неоптолема. А Пирр, утратив власть и лишившись всего своего достояния, примкнул к Деметрию, сыну Антигона, женатому на его сестре Деидами. Она еще девочкой была просватана за Александра, сына Роксаны, но когда дело Александра и его матери оказалось проигранным, ее, уже созревшую для брака, взял в жены Деметрий. В большой битве при Ипсе, где сражались все цари, Пирр, в ту пору еще совсем юный, принял участие на стороне Деметрия и отличился в этом бою, обратив противников в бегство. Когда же Деметрий потерпел поражение, Пирр не покинул его, но сперва по его поручению охранял города Эллады, а после заключения перемирия был отправлен заложником к Птолемею в Египет. Там на охотах и в гимназиях он сумел показать Птолемею свою силу и выносливость, но особенно старался угодить Беренике, так как видел, что она, превосходя остальных жен Птолемея добродетелью и разумом, пользуется у царя наибольшим влиянием. Пирр умел войти в доверие к самым знатным людям, которые могли быть ему полезны, а к низшим относился с презрением, жизнь вел умеренную и целомудренную, и потому среди многих юношей царского рода ему оказали предпочтение и отдали ему в жены Антигону, дочь Береники, которую она родила от Филиппа⁸⁰⁸ еще до того, как вышла за Птолемея. (5). После женитьбы Пирр стяжал себе еще более громкое имя, да и Антигона была ему хорошей женой, и потому он добился, чтобы его, снабдив деньгами, отправили с войском в Эпир отвоевать себе царство. Там многие были рады его приходу, ибо ненавидели Неоптолема за его жестокое и незаконное правление. Все же опасаясь, как бы Неоптолем не обратился за помощью к кому-нибудь из царей, Пирр прекратил военные действия и по-дружески договорился с ним о совместной власти.

Однако с течением времени нашлись люди, которые стали тайно разжигать их взаимную неприязнь и подозрения. И нашлась причина, более всех прочих побудившая Пирра действовать. По старинному обычаю цари, совершая в молосском городе Пассароне жертвоприношение Аресу и Зевсу, присягают эпиротам, что будут править согласно законам, и в свою очередь принимают от подданных присягу, что те будут согласно законам охранять царскую власть. Пока длился этот обряд, оба царя с многочисленными приближенными проводили время вместе, обмениваясь щедрыми дарами. Гелон, которому Неоптолем особенно доверял, дружелюбно приветствовал Пирра и подарил ему две упряжки подъяремных быков. Их попросил у Пирра Миртил, один из виночерпиев, а когда царь отказал ему и отдал быков другому, Миртил был жестоко оскорблен. Его обида не укрылась от Гелона, который, как говорят, пригласил этого цветущего юношу на пир и, за вином овладев им, принялся уговаривать перейти на сторону Неоптолемея и известить Пирра ядом. Миртил сделал вид, будто одобряет замыслы Гелона и поддается на уговоры, а сам сообщил обо всем Пирру. По его приказу он представил Гелону и начальника виночерпиев Алексикрата, готового якобы примкнуть к их заговору. Пирр хотел иметь как можно больше улик готовящегося злодеяния. Так был обманут Гелон, а вместе с ним и Неоптолем, который, полагая, что идет прямой дорогой к осуществлению своего умысла, не сдержался и на радостях открыл его приближенным. Кроме того, на пиру у своей сестры Кадмеи он все выболтал ей, думая, что ни один человек их не слышит, ибо рядом с ними не было никого кроме Фенареты, жены Самона, ведавшего стадами и пастбищами Неоптолемея, которая, казалось, спала на своем ложе, отвернувшись к стене. Но она все слышала и, тайком придя на следующий день к Антигоне, жене Пирра, пересказала ей все, что Неоптолем говорил

---

⁸⁰⁸ 2. ...дочь Береники... от Филиппа... – Береника, супруга и единокровная сестра Птолемея I, была прежде замужем за знатным македонянином Филиппом.

сестре. Узнав об этом, Пирр поначалу не подал виду, но во время празднества пригласил Неоптолема на пир и убил его, зная, что это одобряют самые могущественные эпироты, которые еще раньше призывали его устранить Неоптолема и не довольствоваться долею принадлежащей ему частицей власти, не пренебрегать своими природными способностями, но обратиться к великим делам, а Неоптолема уничтожить при первом же подозрении, не дав ему времени что-либо предпринять.

6. Помня о Беренике и Птолемею, Пирр назвал сына, которого родила ему Антигона, Птолемею, а городу, основанному на Эпирском полуострове, дал название Береникида.

С тех пор он питал в душе много великих замыслов, однако больше всего надежд сулило ему вмешательство в дела соседей-македонян, для которого он нашел вот какой предлог. Антипатр, старший сын Кассандра, убил свою мать Фессалонику и изгнал брата Александра. Тот отправил послов к Деметрию с просьбой о помощи и одновременно призвал Пирра. Деметрий, занятый другими делами, замешкался, а Пирр тотчас явился и потребовал в награду за союз Стимфею и Паравею, подвластные македонянам, а также Амбракию, Акарнанию и Амфилохию, принадлежавшие покоренным ими народам. Когда юноша согласился, Пирр захватил эти области, оставил в них свои гарнизоны, а остальные владения, отобрав у Антипатра, вернул Александру. Царь Лисимах хотел помочь Антипатру, но, отвлекаемый другими делами и зная, что Пирр не пожелает оказаться неблагодарным и ни в чем не откажет Птолемею, послал Пирру от имени Птолемея подложное письмо с требованием прекратить войну, взяв у Антипатра тридцать талантов. Вскрыв письмо, Пирр тотчас разгадал обман: в письме стояло не обычное обращение – «Отец приветствует сына», а другое – «Царь Птолемей приветствует царя Пирра». Выбрав Лисимаха, он тем не менее заключил мир и встретился с ним и Антипатром, чтобы скрепить договор жертвоприношением и клятвой. Когда привели барана, быка и кабана, баран неожиданно околел; все засмеялись, а предсказатель Феодот запретил Пирру клясться, объявив, что божество возвещает смерть одному из трех царей. Так Пирр отказался от мирного договора. (7). Деметрий прибыл, когда дела Александра были улажены и тот в нем уже не нуждался. Он лишь испугал Александра, а пробыв несколько дней вместе, оба прониклись взаимным недоверием и стали строить друг другу козни. Деметрию первому представился удобный случай, он умертвил юношу и был провозглашен царем Македонии.

У Деметрия и раньше были разногласия с Пирром, который уже совершил несколько набегов на Фессалию и чья алчность – врожденный порок всех самодержцев – делала соседство с ним опасным и беспокойным, особенно после смерти Деидамии. Когда же Пирр и Деметрий, поделив Македонию, столкнулись, поводов для раздора стало еще больше, и, наконец, Деметрий, завершив поход на этолийцев, разбив их и оставив в Этолии большие силы во главе с Пантавхом, сам выступил против Пирра, который, узнав об этом, двинулся ему навстречу. Однако оба сбились с пути и разминулись; Деметрий вторгся в Эпир и разграбил его, а Пирр напал на Пантавха и завязал с ним бой. Ожесточенно бились в этом сражении воины, но еще ожесточенней – полководцы. Пантавх, с которым, по общему признанию, ни один из военачальников Деметрия не мог сравниться ни храбростью, ни силой, ни крепостью тела, с присущей ему дерзостью и высокомерием вызывал Пирра на поединок, а тот, не желая никому из царей уступать в мужестве и стремясь, чтобы слава Ахилла досталась ему по заслугам, а не в наследство от предков, прошел через первый ряд своих воинов и выступил навстречу Пантавху. Сперва они метнули друг в друга копья, а потом, сойдясь врукопашную, бились на мечах столь же упорно, сколь и умело. Пирр получил одну рану, а сам ранил противника дважды – один раз в бедро, другой в шею – и свалил его, но умертвить не смог, так как друзья отбили Пантавха и унесли. Эпироты, ободренные победой своего царя и дивившиеся его доблести, прорвали своим натиском строй македонян, бросились преследовать бегущих и многих убили, а пять тысяч взяли в плен.

8. Этот поединок и поражение, нанесенное македонянам, не столько разгневали их и вызвали ненависть к Пирру, сколько умножили его славу и внушили свидетелям и

участникам битвы восхищение его доблестью. О нем много говорили и считали, что и внешностью своей, и быстротой движений он напоминает Александра, а видя его силу и натиск в бою, все думали, будто перед ними – тень Александра или его подобие, и если остальные цари доказывали свое сходство с Александром лишь пурпурными облачениями, свитой, наклоном головы⁸⁰⁹ да высокомерным тоном, то Пирр доказал его с оружием в руках. О его познаниях и способностях в военном деле можно судить по сочинениям на эту тему, которые он оставил. Рассказывают, что на вопрос, кого он считает лучшим полководцем, Антигон ответил (говоря лишь о своих современниках): «Пирра, если он доживет до старости». А Ганнибал утверждал, что опытом и талантом Пирр превосходит вообще всех полководцев, второе место отводил Сципиону, а третье – себе, как мы рассказали в жизнеописании Сципиона⁸¹⁰. Судя по всему, Пирр занимался одним военным делом и только в него углублялся, считая, что лишь это пристало знать царю, и совершенно не ценя всякую иную образованность. Говорят, что как-то на пиру ему задали вопрос: какой флейтист кажется ему лучше, Пифон или Кафисий? Он же отвечал: «Полководец Полисперхонт, ибо царю пристойно знать и рассуждать только о ратном искусстве». К приближенным Пирр был благосклонен, не гневлив и всегда готов немедленно оказать друзьям благодеяние. Когда умер Аэроп, он был очень огорчен его смертью и, говоря, что того постиг конец, неизбежный для всех людей, бранил и упрекал себя за то, что вечно собираясь и откладывая, так и не успел оказать ему свои милости. Ведь долги можно вернуть даже наследнику заимодавца, но не воздать благодетелю, пока тот жив и в состоянии оценить это, невыносимо для человека честного и справедливого. Однажды в Амбракии кто-то ругал и позорил Пирра, и все считали, что нужно отправить виновного в изгнание, но Пирр сказал: «Пусть лучше остается на месте и бранит нас перед немногими людьми, чем, странствуя, позорит перед всем светом». Как-то раз уличили юношей, поносивших его во время попойки, и Пирр спросил, правда ли, что они вели такие разговоры. Один из них ответил: «Все правда, царь. Мы бы еще больше наговорили, если бы у нас было побольше вина». Пирр рассмеялся и всех отпустил.

9. После смерти Антигоны он женился еще не раз и всегда из расчета, желая расширить свои владения. Он был женат на дочери Автолеонта, царя пэонийцев, на Биркенне, дочери Бардиллия, царя иллирийцев, и на Ланассе, дочери Агафокла Сиракузского, которая принесла ему в приданое захваченный Агафоклом город Керкиру. От Антигоны у него был сын Птолемей, от Ланассы – Александр, а от Биркенны – Гелен, самый младший. Всех их он с самого рождения закалял для будущих битв и воспитал храбрыми и пылкими в бою. Говорят, что один из них в детстве спросил отца, кому он оставит царство, и Пирр отвечал: «Тому из вас, у кого будет самый острый меч». Это ничем не отличается от проклятия из трагедии: пусть братья

Мечом двуострым делят меж собою дом⁸¹¹.

Вот к каким чудовищным раздорам ведет жажда власти!

10. После битвы Пирр вернулся домой, ликуя и блистая славой. Эпироты дали ему прозвище Орел, и он отвечал: «Благодаря вам я сделался орлом. Да и как же иначе? Ведь ваше оружие, словно крылья, вознесло меня ввысь!» Спустя недолгое время, узнав о тяжелой болезни Деметрия, он внезапно вторгся в Македонию и, хотя это был лишь набег ради

⁸⁰⁹ 3. ...наклоном головы... – См.: Ал., 4.

⁸¹⁰ 4. ...в жизнеописании Сципиона. ... – Утрачено.

⁸¹¹ 5. ...Мечом двуострым делят меж собою дом... – Эврипид, Финикиянки, 67 (проклятие Эдипа над своими сыновьями), пер. С. Ошерова.

добычи, чуть было не овладел всей страной и не захватил без боя целое царство: вплоть до самой Эдессы он прошел, не встречая сопротивления, причем многие присоединялись к нему и вместе с ним выступали в поход. Опасность заставила Деметрия подняться и вернула ему силы, а его приближенные и военачальники, за короткий срок собрав большое войско, решительно и быстро двинулись навстречу Пирру. А тот, явившийся с намерением всего лишь пограбить, не мешкая пустился в бегство, по дороге потеряв под ударами македонян часть своего войска. В короткий срок легко изгнав Пирра из страны, Деметрий на этом не успокоился, но задумал большой поход, собрал стотысячное войско и снарядил флот из пятисот кораблей, чтобы вернуть себе отцовское царство⁸¹². Поставив такую цель, он не желал ни тратить силы, сражаясь с Пирром, ни оставлять у границ Македонии такого опасного и докучного соседа, а потому, не имея возможности продолжать военные действия против Пирра, решил сперва заключить с ним мир, а затем обратиться против других царей.

Когда соглашение было заключено, а замыслы Деметрия и размеры подготовленных им сил стали известны всем, напуганные цари стали посылать к Пирру вестников и писать ему, что они, мол, удивляются, почему он упускает удобный для войны момент и ждет, когда такой момент представится Деметрию, почему не воспользуется возможностью изгнать его из Македонии, пока он занят делами и тесним со всех сторон, почему медлит, пока тот не развяжет себе руки и не умножит силы настолько, что молоссам придется сражаться на своей земле за святилища и могилы отцов: ведь враг уже отнял у него Керкиру вместе с женой. Дело в том, что Ланасса, часто упрекавшая Пирра за то, что он больше привязан к женам-варваркам, чем к ней, удалилась в Керкиру и, желая вступить в брак с другим царем, призвала Деметрия, который, как она знала, был более других царей охоч до женщин. Деметрий приплыл в Керкиру, сошелся с Ланассой и поставил в городе гарнизон.

11. Посылая Пирру такие письма, цари, пока Деметрий собирался и готовился, сами двинулись на него войной. Птолемей приплыл с большим флотом и стал подстрекать греческие города к отпадению, а Лисимах, вторгшись из Фракии в Верхнюю Македонию, разорял ее. Одновременно с ними Пирр пошел на Верою, полагая – и совершенно справедливо, – что Деметрий, выступив против Лисимаха, оставил без защиты Нижнюю Македонию. В ту ночь Пирру приснилось, будто его зовет Александр Великий; приблизившись, он увидел, что царь не в силах подняться с ложа, однако обращается к нему с ласковой и дружелюбной речью и обещает немедленно помочь. Когда же он осмелился спросить: «Как ты, царь, сможешь помочь мне? Ведь ты болен!» – Александр ответил: «Одним моим именем» – и, сев верхом на нисейского коня⁸¹³ поехал впереди Пирра. Ободренный этим сновидением, Пирр, не теряя времени, быстро прошел все расстояние до Верои, занял город и там остановился с большей частью войска, а остальные города захватили его полководцы. Услышав об этом и узнав, что недовольные македоняне в его лагере стали роптать, Деметрий побоялся вести их дальше, чтобы они не перебежали к прославленному царю, македонянину по рождению⁸¹⁴, когда окажутся поблизости от него. Потому он повернул вспять и повел их на Пирра – чужестранца, ненавистного македонянам. Однако когда он разбил свой лагерь неподалеку от Пиррова войска, из Верои явилось множество людей, и все восхваляли Пирра – знаменитого, непобедимого в сражениях и в то же время милостивого и благосклонного к тем, кто оказывался под его властью. А некоторые, подосланные Пирром и выдававшие себя за македонян, говорили, что настало

⁸¹² 6. ...отцовское царство... – Азиатские владения Антигона, захваченные Селевком (Дем., 43).

⁸¹³ 7. ...на нисейского коня... – Из персидской Рагианы (к югу от Каспийского моря), где паслись табуны персидского царя.

⁸¹⁴ 8. ...к прославленному царю, македонянину по рождению... – Т.е. к Лисимаху. Плутарх не совсем точен: по отцу Лисимах был греком-фессалийцем.

время избавиться от жестокости Деметрия и перейти на сторону Пирра, друга воинов и простого народа. И вот, подстрекаемые такими речами, многие македоняне стали искать и высматривать Пирра: он в это время был как раз без шлема, и они смогли узнать его только когда он, сообразив, что происходит, снова надел свой знаменитый шлем с султаном и козлиными рогами. Сбежавшись к нему, иные македоняне стали спрашивать у него пароль⁸¹⁵, а иные увенчали себя свежими ветвями дуба, ибо видели, что многие приближенные Пирра носят такие же венки. Нашлись и такие, кто осмелился заявить Деметрию в лицо, что, по их мнению, он поступит разумно, если все бросит и откажется от власти. Видя, что это не пустые слова и что им полностью отвечает настроение в лагере, Деметрий испугался и тайком бежал, надев широкополую шляпу и накинув простой плащ. Пирр двинулся на лагерь, без боя занял его и был провозглашен царем македонским. (12). Когда появился Лисимах и, считая разгром Деметрия общей заслугой, стал требовать у Пирра раздела власти, тот принял его предложение, потому что, сомневаясь в македонянах, не мог твердо на них положиться, и цари поделили между собою страну и города.

Сперва это решение послужило им на пользу и прекратило войну, но вскоре оба убедились, что раздел власти стал для них не концом вражды, а лишь источником распрей и взаимных обвинений. Да и как же те, для чьей алчности не служат пределом ни море, ни горы, ни безлюдная пустыня, чьи вождения не останавливаются перед границами, отделяющими Европу от Азии, как могут они довольствоваться тем, что имеют, и не посягать друг на друга, когда их владения соседствуют и соприкасаются между собой? Коварство и зависть, присущие им от природы, всегда побуждают их воевать, и, смотря по обстоятельствам, они пользуются словом «мир» или «война», будто разменной монетой, не во имя справедливости, а ради собственной выгоды. И лучше, когда они воюют открыто и не говорят о дружбе и справедливости, между тем как сами воздерживаются лишь от прямого и явного нарушения права. Все это Пирр ясно доказал на деле: желая помешать и воспрепятствовать Деметрию, вновь крепнувшему и набиравшемуся сил, точно после тяжелой болезни, он явился в Афины, чтобы оказать помощь грекам. Поднявшись на акрополь, он принес жертвы Афине и в тот же день, сойдя вниз, объявил народу, что доволен его расположением и верностью и что афиняне, если они в здравом уме, уже не впустят в город никого из царей и ни перед кем не раскроют ворота. Затем Пирр заключил мир с Деметрием, но вскоре, когда тот отправился воевать в Азию, он по совету Лисимаха стал побуждать Фессалию к отпадению и тревожить набегамися греческие гарнизоны, используя отряды македонян, которые были надежнее в походе, чем на отдыхе; впрочем, и сам он не был рожден для мирной жизни. После поражения Деметрия в Сирии Лисимах, избавленный от постоянной заботы и тревоги, двинулся, наконец, на Пирра, который стоял лагерем под Эдессой. Сперва он напал на обозы, подвозившие продовольствие, захватил их и этим вызвал в войске Пирра голод, затем письмами и речами побудил знатнейших македонян к измене, пристыдив их за то, что они поставили над собой господином чужестранца, чьи предки всегда были рабами македонян, а друзей и ближайших соратников Александра изгнали из Македонии. Когда многие склонились на уговоры Лисимаха, Пирр, испугавшись, ушел с войсками эпиротов и союзников, потеряв Македонию так же, как прежде приобрел. Значит, цари не имеют оснований обвинять народ, что он всегда на стороне того, с кем выгодней идти: ведь, поступая так, народ лишь подражает им, подлинным наставникам в вероломстве и предательстве, верящим, что наиболее преуспевает тот, кто меньше всего считается с правом.

13. Тут судьба дала Пирру, изгнанному в Эпир и потерявшему Македонию, возможность спокойно владеть тем, что он имел, и мирно править своими эпиротами. Однако он тяготился такой жизнью и скучал, когда сам не чинил никому зла и ему никто не

---

⁸¹⁵ 9. ...стали спрашивать у него пароль... – В знак того, что признают его своим начальником.

доставлял хлопот. Словно Ахилл⁸¹⁶, он,

сокрушающий сердце печалью,
Праздный сидел, но душою алкал он и боя, и брани.

И вот, ему, томящемуся в ожидании счастливого случая, представилась новая возможность действовать.

Римляне напали на тарентинцев. У тех не было сил вести войну, но бесчестная дерзость вожаков народа не давала им сложить оружие, и тогда они задумали призвать и сделать военачальником в войне против римлян Пирра, отличного полководца и в то время самого праздного из царей. Правда, старейшие и наиболее благоразумные граждане были против такого замысла, однако тех из них, кто выступал открыто, сторонники войны криками и прямым насилием прогнали из Собрания, прочие же, видя это, удалились сами. И вот один рассудительный человек, по имени Метон, в день, когда должны были принять решение, надел увядающий венок, взял в руки факел, как делают обычно пьяные, и явился в Народное собрание, сопровождаемый флейтисткой. Как бывает везде, где власть народа не знает должных пределов, толпа, увидев это шествие, встретила его рукоплесканиями и смехом, и никто не остановил Метона, напротив, его просили вместе с флейтисткой выйти на середину и спеть. Он сделал вид, будто так и собирается поступить, но когда воцарилось молчание, сказал: «Тарентинцы! Как хорошо вы делаете, что позволяете желающим бражничать и шутить, пока можно. Но если вы в здравом уме, то поспешите и сами воспользоваться этой вольностью: ведь когда в город явится Пирр, дела пойдут иначе и другая жизнь начнется для нас». Эти слова многим тарентинцам показались убедительными, и Собрание подняло крик, что Метон правильно говорит. Однако те, кто боялся, как бы после заключения мира их не выдали римлянам, обругали народ за то, что он так добродушно позволяет пьяному бесстыднику высмеивать его, а Метона сообща прогнали. Итак, мнение сторонников войны возобладало, и в Эпир отправили послов, чтобы отвезти Пирру дары от имени не только тарентинцев, но всех вообще италиотов⁸¹⁷, и сказать, что им нужен разумный и прославленный полководец и что в их распоряжении есть большие силы луканцев, мессапов, самнитов и тарентинцев: всадников около двадцати тысяч, а пехотинцев триста пятьдесят тысяч. Эти речи воспламенили не только Пирра, но и эпиротам внушили нетерпеливое желание выступить в поход.

14. Жил тогда некто Киней, фессалиец, человек, по общему мнению, очень разумный, ученик Демосфена и, кажется, единственный среди ораторов того времени, чья речь силой и страстностью заставляла слушателей вспоминать его учителя. Пирр, которому он служил, посылал его в разные города, и Киней на деле подтвердил изречение Эврипида⁸¹⁸:

Словом можно сделать все,
Чего с оружием в битвах добиваются.

Пирр говорил, что Киней своими речами взял больше городов, чем он сам с мечом в руках, и всегда оказывал этому человеку высокое уважение и пользовался его услугами. Видя, что Пирр готов выступить в поход на Италию, Киней выбрал момент, когда царь не был занят, и обратился к нему с такими словами: «Говорят, что римляне народ доблестный, и к тому же им подвластно много воинственных племен. Если бог пошлет нам победу над

---

⁸¹⁶ 10. Словно Ахилл... – «Илиада», I, 491—492.

⁸¹⁷ 11. Италиоты – греческие жители Италии.

⁸¹⁸ 12. Словом... добиваются... изречение Эврипида... – «Финикиянки», 528—529.

ними, что даст она нам»? Пирр отвечал: «Ты, Киней, спрашиваешь о вещах, которые сами собой понятны. Если мы победим римлян, то ни один варварский или греческий город в Италии не сможет нам сопротивляться, и мы быстро овладеем всей страной; а уж кому, как не тебе, знать, сколь она обширна, богата и сильна!» Выждав немного, Киней продолжал: «А что мы будем делать, царь, когда завладеем Италией?» Не разгадав еще, куда он клонит, Пирр отвечал: «Совсем рядом лежит Сицилия, цветущий и многолюдный остров, она простирает к нам руки, и взять ее ничего не стоит: ведь теперь, после смерти Агафокла, там все охвачено восстанием и в городах безначалие и буйство вожаков толпы». «Что же, это справедливо, – продолжал Киней. – Значит, взяв Сицилию, мы закончим поход?» Но Пирр возразил: «Если бог пошлет нам успех и победу, это будет только приступом к великим делам. Как же нам не пойти на Африку, на Карфаген, если до них оттуда рукой подать? Ведь Агафокл, тайком ускользнув из Сиракуз и переправившись с ничтожным флотом через море, чуть было их не захватил!⁸¹⁹ А если мы ими овладеем, никакой враг, ныне оскорбляющий нас, не в силах будет нам сопротивляться, – не так ли?». «Так, – отвечал Киней. – Ясно, что с такими силами можно будет и вернуть Македонию, и упрочить власть над Грецией. Но когда все это сбудется, что мы тогда станем делать?» И Пирр сказал с улыбкой: «Будет у нас, почтеннейший, полный досуг, ежедневные пиры и приятные беседы». Тут Киней прервал его, спросив: «Что же мешает нам теперь, если захотим, пировать и на досуге беседовать друг с другом? Ведь у нас и так есть уже то, чего мы стремимся достичь ценой многих лишений, опасностей и обильного кровопролития и ради чего нам придется самим испытать и причинить другим множество бедствий». Такими словами Киней скорее огорчил Пирра, чем переубедил: тот хотя и понял, с каким благополучием расстанется, но был уже не в силах отказаться от своих желаний и надежд.

15. Сперва он послал к тарентинцам Кинейя во главе трех тысяч солдат, затем погрузил на прибывшие из Тарента грузовые суда двадцать слонов, три тысячи всадников, двадцать тысяч пехотинцев, две тысячи лучников и пятьсот пращников. Как только все было готово, Пирр отчалил; но когда он вышел на середину Ионийского моря, его суда понес необычный для этого времени года бурный северный ветер. Благодаря храбрости и расторопности гребцов и кормчих, не щадивших труда и рисковавших самую жизнь, кораблю Пирра удалось приблизиться к берегу. Остальные корабли были рассеяны бурей, причем часть их снесена мимо берегов Италии в Ливийское и Сицилийское море, а прочие не смогли миновать Япигский мыс и, застигнутые ночной тьмой, были прибиты сильными волнами к непроходимым мелям. Погибли все корабли, кроме царского, который, благодаря своей величине и прочности, выдерживал натиск моря, пока волна била ему в борт; но затем ветер подул с суши, и появилась опасность, что, идя навстречу огромным валам, корабль будет разбит, а носиться в бушующем море по воле ветра, то и дело менявшего направление, казалось самым страшным из всех грозящих бедствий. Поэтому Пирр выбросился в море, а приближенные и телохранители немедленно кинулись его спасать. Однако в темноте, в шуме прибоя, среди откатывающихся назад валов трудно было оказать ему помощь, и только на рассвете, когда ветер спал, Пирр выбрался на берег, изможденный телом, но бодрый духом, отважный и готовый преодолеть любые превратности. Тут сбежались мессапы, на землю которых его вынесло море, по мере сил оказали ему помощь и подвели к земле немногие уцелевшие корабли, на которых было несколько десятков всадников; меньше двух тысяч пехотинцев и два слона.

16. С этими силами Пирр направился в Тарент. Киней, узнав о прибытии царя, вышел с солдатами ему навстречу. Вступив в город, Пирр ничего не предпринимал против желания тарентинцев, пока не подошли спасшиеся корабли и не собралась большая часть его войска.

---

⁸¹⁹ 13. ...чуть было их не захватил! – Имеется в виду исключительный по дерзости поход Агафокла на Карфаген в 310 г., когда разбитый и осажденный в Сиракузах Агафокл тайно бежал из блокированной неприятелем гавани, высадился в Африке и едва не взял Карфагена.

К этому времени Пирр увидел, что чернь в Таренте по доброй воле не склонна ни защищаться, ни защищать кого бы то ни было, а хочет лишь отправить в бой его, чтобы самой остаться дома и не покидать бань и пирушек. Потому он закрыл все гимнасии и портики, где тарентинцы, прогуливаясь, вершили военные дела на словах, положил конец неуместным пирам, попойкам и шествиям и многих призвал в войско. Производя этот набор, Пирр был так неумолимо суров, что многие из тарентинцев, которые не привыкли повиноваться и жили в свое удовольствие, а всякую иную жизнь считали рабством, покинули город.

Когда пришло известие, что римский консул Левин с большими силами опустошил Луканию и наступает на Тарент, Пирр счет недостойным в бездействии смотреть, как приближается враг, и выступил с войском, не дождавшись прихода союзных отрядов. Предварительно он послал к римлянам вестника, предложив им без войны получить от италиотов законное удовлетворение, а его, Пирра, сделать при этом судьей и посредником. Когда же Левин ответил, что римлянам его посредничество не нужно, а война с ним не страшна, Пирр выступил в поход и расположился лагерем на равнине между Пандосией и Гераклеей.

Узнав, что римляне остановились неподалеку, за рекой Сирисом, Пирр верхом отправился к реке на разведку; осмотрев охрану, расположение и все устройство римского лагеря, увидев царивший повсюду порядок, он с удивлением сказал своему приближенному Мегаклу, стоявшему рядом: «Порядок в войсках у этих варваров совсем не варварский. А каковы они в деле – посмотрим». И, уже опасаясь за дальнейшее, он решил дожидаться союзников, а на тот случай, если римляне попытаются перейти реку раньше, поставил стражу, чтобы помешать переправе. Но римляне, чтобы не дать Пирру выполнить задуманное, поспешили начать переправу, причем пехота переходила реку там, где был брод, а конница – в разных местах, так что греки, боясь окружения, отступили. Узнав об этом, Пирр встревожился и приказал своим военачальникам построить пехоту и держать ее в боевой готовности, а сам во главе трех тысяч всадников поскакал вперед, надеясь застигнуть римлян до того, как они, переправившись, встанут в боевой порядок. Приблизившись, он увидел над рекой множество щитов и конницу, двигавшуюся строем, и первым бросился вперед, пришпорив коня. Во время битвы красота его оружия и блеск роскошного убора делали его заметным отовсюду, и он делом доказывал, что его слава вполне соответствует доблести, ибо, сражаясь с оружием в руках и храбро отражая натиск врагов, он не терял хладнокровия и командовал войском так, словно следил за битвой издали, поспевая на помощь всем, кого, казалось, одолевал противник. Один македонянин, по имени Леоннат, заметил, что какой-то италиец неотступно скачет вслед за Пирром, направляя своего коня туда же, куда он, и следя за каждым его движением. «Видишь, царь, – сказал Леоннат, – того варвара на вороном коне с белыми бабками? Кажется, он замышляет грозное и страшное дело. Он полон злобы и дерзости, он не спускает с тебя глаз и повсюду преследует тебя, ни на кого больше не обращая внимания. Остерегайся его!» А Пирр ответил: «От судьбы, Леоннат, не уйдешь. А безнаказанно сойтись со мной врукопашную ни ему, ни иному кому из италийцев не удастся!» Пока они так разговаривали, италиец, занеся копье и дав шпоры коню, напал на Пирра. Он поразил копьем царского скакуна, и одновременно Леоннат, метнув копье, поразил его коня. Кони упали, Пирра унесли окружавшие его приближенные, а италийца, продолжавшего сопротивляться, убили. Он был френтан родом, командовал конным отрядом и звали его Оплак.

17. Этот случай научил Пирра осторожности; видя, что его конница отступает, он послал за пехотой и выстроил ее в фалангу, сам же отдал свой плащ и оружие одному из приближенных, Мегаклу, надел его вооружение и повел войско на римлян. Те выдержали натиск, и завязался бой, исход которого долгое время не мог определиться: говорят, что семь раз противники поочередно то обращались в бегство, то пускались в погоню за бегущими. А обмен оружием, который в другое время послужил бы на пользу царю, чуть было не погубил его дело и не отнял у него победу, ибо за Мегаклом гналось много врагов, и первый, кому

удалось сразить его, римлянин по имени Дексий, сорвал с него шлем и плащ, подскочил к Левину и показал ему добычу, крича, что убил Пирра. Когда шлем и плащ стали передавать по рядам и показывать всем, римляне подняли радостный крик, а греки пали духом и ободрились лишь после того, как Пирр узнав о случившемся, проехал по полю боя, открыв лицо, простирая к сражающимся правую руку и громко окликая их, чтобы его могли узнать по голосу. В конце битвы римлян сильно потеснили слоны, так как римские кони не выносили вида этих чудовищ и мчались вместе со всадниками вспять, не успев приблизиться к врагам, а Пирр, напав во главе фессалийской конницы на пришедших в замешательство противников, обратил их в бегство и многих перебил. Дионисий сообщает, что в битве пало без малого пятнадцать тысяч римлян, Иероним утверждает, что только семь, Пирр же потерял, согласно Дионисию, тринадцать тысяч человек, согласно Иерониму – меньше четырех тысяч, но зато самых сильных и храбрых, и вдобавок из полководцев и приближенных он лишился тех, кому больше всего доверял и всегда поручал самые важные дела. Зато он взял лагерь, покинутый римлянами, привлек на свою сторону многие союзные с Римом города, опустошил обширную область и продвинулся вперед настолько, что от Рима его отделяло лишь триста стадиев⁸²⁰. После битвы к нему пришло множество луканов и самнитов, и хотя Пирр упрекнул их за промедление, было ясно, что он радуется и гордится, одержав победу над огромными силами римлян только со своими воинами и с тарентинцами.

18. Римляне не лишили Левина власти, хотя, как говорят, Гай Фабриций, считавший, что поражение потерпел полководец, а не войско, заявил: «Не эпироты победили римлян, а Пирр – Левина». Пополнив свои легионы и набрав новые, римляне продолжали говорить о войне так, что Пирр был поражен их бесстрашием и надменностью. Полагая, что разгромить римлян окончательно и взять их город дело нелегкое, а при его военных силах и вовсе невозможное, он решил отправить в Рим посольство и разведать, не расположены ли там пойти на соглашение: ведь он лишь приумножил бы свою славу, прекратив войну и заключив союз после победы. Киней, отправленный послом, встретился с самыми знатными римлянами, а их женам и сыновьям поднес от имени царя подарки. Этих подарков никто не принял, но все отвечали, что если их государство заключит с царем союз, то и они с радостью предложат ему свою дружбу. Когда же Киней привели в сенат и он в пространной и дружелюбной речи сказал, что царь без выкупа отпускает всех взятых в бою пленных и обещает римлянам помощь в завоевании Италии, ничего не требуя взамен, кроме дружеского союза с ним и неприкосновенности Тарента, никто не высказал ни радости, ни готовности принять это предложение, хотя многие открыто склонялись к заключению мира, считая себя побежденными в решительном сражении и ожидая новых неудач после того, как итальянцы присоединятся к Пирру и силы его возрастут.

Тем временем о царском посольстве узнал Аппий Клавдий. Прославленный муж, он по старости и слепоте уже оставил государственную деятельность, но когда распространились слухи, что сенат собирается принять решение о перемирии, не выдержал и приказал рабам нести его на носилках через форум в курию. У дверей его окружили сыновья и зятья и ввели в зал; сенат встретил его почтительным молчанием. (19). А он, тотчас же взяв слово, сказал: «До сих пор, римляне, я никак не мог примириться с потерей зрения, но теперь, слыша ваши совещания и решения, которые обращают в ничто славу римлян, я жалею, что только слеп, а не глух. Где же те слова, которые вы всем и повсюду твердите и повторяете, слова о том, что если бы пришел в Италию великий Александр и встретился бы с нами, когда мы были юны, или с нашими отцами, которые были тогда в расцвете сил, то не прославляли бы теперь его непобедимость, но своим бегством или гибелью он возвысил бы славу римлян? Вы доказали, что все это было болтовней, пустым бахвальством! Вы боитесь молоссов и хаонов, которые всегда были добычей македонян, вы трепещете перед Пирром, который всегда, как слуга, следовал за каким-нибудь из телохранителей Александра, а теперь бродит по Италии не с

⁸²⁰ 14. ...триста стадиев... – 55, 5 км.

тем, чтобы помочь здешним грекам, а чтобы убежать от своих тамошних врагов. И он обещает доставить нам первенство среди италийцев с тем войском, что не могло удержать для него самого и малую часть Македонии! Не думайте, что, вступив с ним в дружбу, вы от него избавитесь, нет, вы только откроете дорогу тем, кто будет презирать нас в уверенности, что любому нетрудно нас покорить, раз уж Пирр ушел, не поплатившись за свою дерзость, и даже унес награду, сделав римлян посмешищем для тарентинцев и самнитов». Эта речь Аппия внушила сенаторам решимость продолжать войну, и они отослали Киней, передав с ним такой ответ: пусть Пирр уходит из Италии и тогда, если хочет, ведет переговоры о дружбе, а пока он остается с войсками в Италии, римляне будут воевать с ним, доколе хватит сил, даже если он обратит в бегство еще тысячу Левинов. Говорят, что Киней во время своего посольства старался присмотреться к жизни римлян, понять, в чем достоинства их государственного устройства, побеседовать со знатнейшими из них и что, рассказав обо всем Пирру, он прибавил, что сенат показался ему собранием царей, а если говорить о народе, то он, Киней, боится, как бы не пришлось сражаться с неким подобием Лернейской гидры: ведь у консула насчитывается уже вдвое больше войск, чем было раньше, а в Риме остается еще во много раз больше людей, способных носить оружие.

20. После этого к Пирру отправилось из Рима посольство вести переговоры о пленных, и среди послов был Гай Фабриций, человек крайне бедный, но доблестный и воинственный, чье слово, как утверждал Киней, было для римлян решающим. Пирр наедине дружелюбно убеждал его принять в подарок золото, уверяя, что дает ему деньги не в награду за позорную измену, а просто в знак дружбы и гостеприимства. Фабриций отказался, и Пирр в тот день ничего больше не предпринял, но, желая поразить римлянина, никогда не выдавшего слона, приказал на следующий день во время переговоров поставить самое большое из этих животных позади послов, скрыв его занавесом. Так и было сделано: по знаку царя занавес отдернули, слон неожиданно протянул хобот над головой Фабриция и оглушительно затрубил. Но тот спокойно улыбнулся и сказал Пирру: «Право, сегодня вид этого чудовища смутил меня не больше, чем вчера – золото». Во время пира они беседовали о разных предметах, но больше всего – о Греции и ее философах, и Киней, случайно упомянув об Эпикуре, рассказал, что говорят его ученики о богах, государстве, о цели жизни: ее они видят в удовольствиях, избегают государственной деятельности, ибо она лишь нарушает и отнимает счастье, а божеству, чуждому гнева и милосердия, не заботящемуся о наших делах, они приписывают жизнь праздную и полную наслаждений. Киней еще не кончил рассказывать, как Фабриций вскричал: «О Геракл, если бы и Пирр, и самниты придерживались этого учения, пока воюют с нами!» Пирр был поражен его бескорыстием и благородством и еще больше укрепился в желании стать союзником Рима, а не воевать с ним. Фабрицию же он предложил, если тот добьется заключения мира, уехать вместе с ним и быть первым среди его приближенных и полководцев. Но, как рассказывают, тот спокойно ответил: «Ведь это невыгодно для тебя, царь: те, кто теперь дивится тебе и чтит тебя, захотят иметь царем меня, едва узнают мой нрав». Таков был Фабриций. Пирр, однако, не разгневался на его слова, как сделал бы любой деспот, но рассказал друзьям о величии его духа и ему одному доверил пленных, с условием, что их отошлют обратно после того, как они повидаются с близкими и справят дома Сатурналии, если до этого времени сенат не примет решения о мире. И в самом деле, пленные были отосланы назад к Пирру, причем сенат постановил карать смертной казнью тех, кто не возвратится.

21. Спустя некоторое время, когда командование перешло к Фабрицию, к нему в лагерь явился человек и принес письмо, написанное царским врачом: тот предложил известить Пирра ядом и тем самым без всякой опасности для римлян избавить их от войны, если они пообещают вознаградить его. Но Фабриций, возмущенный его вероломством, убедил своего товарища по должности отправить Пирру письмо, заключавшее совет остерегаться козней врача. Вот что было в нем написано: «Консулы Гай Фабриций и Квинт Эмилий приветствуют царя Пирра. Кажется нам, что ты не умеешь отличать врагов от друзей. Прочти посланное нами письмо и узнай, что с людьми честными и справедливыми ты

ведешь войну, а бесчестным и негодным доверяешь. Мы же предупреждаем тебя не из расположения к тебе, но чтобы твоя гибель не навлекла на нас клевету, чтобы не пошли толки, будто мы победили в войне хитростью, не сумев победить доблестью». Получив письмо и узнав о злом умысле, Пирр покарал врача и, желая отблагодарить Фабриция и римлян, отпустил без выкупа всех пленных, Кинея же снова послал добиваться мира. Римляне считали не подобающим для себя принимать пленных от врага ни в знак его приязни, ни в награду за то, что они воздержались от преступления, а потому без выкупа вернули пленных самнитам и тарентинцам, отказавшись, однако, начать переговоры о мире и союзе прежде, чем Пирр не прекратит войну и не отплывет с войском обратно в Эпир на тех же судах, на которых прибыл.

Тогда Пирр, которого обстоятельства заставляли искать нового сражения, выступил и встретился с римлянами близ города Аскула, но неприятель оттеснил его в места, непроходимые для конницы, к лесистым берегам быстрой реки, откуда слоны не могли напасть на вражеский строй. Много воинов было ранено и убито в этом сражении, пока ночь не прервала его. На следующий день, задумав перенести битву на равнину и бросить в бой слонов, Пирр заранее укрепил наиболее уязвимые позиции караульными отрядами и, расставив между слонами множество метателей дротиков и стрелков из лука, стремительно двинул на врага плотно сомкнутый строй. Римляне не могли уклониться в сторону и ударить с фланга, как в предыдущем сражении, и встретили противника на равнине лицом к лицу, стремясь скорее отбросить тяжелую пехоту, пока не подошли слоны. Римские воины упорно бились мечами против сарисс и, не шадя себя, не обращая внимания на раны, думали только о том, как бы поразить и уничтожить побольше врагов. Говорят, что много времени прошло, прежде чем они начали отступать, и именно там, где их теснил сам Пирр. Но и ему принес успех главным образом мощный натиск слонов, ибо против них воинская доблесть была бессильна и римляне считали, что перед этой силой, словно перед прибывающей водой или разрушительным землетрясением, следует отступить, а не упорствовать и гибнуть понапрасну самой страшной смертью там, где нельзя помочь делу. Римляне бежали в свой лагерь, который был неподалеку. Иероним говорит, что погибло шесть тысяч римлян, а воинов Пирра, как сказано в царских записках, было убито три тысячи пятьсот человек. Дионисий же отрицает, что под Аскулом было два сражения, и пишет, что римляне не признавали себя побежденными; по его словам, все произошло в течение одного дня, битва продолжалась до захода солнца, и враги разошлись лишь после того, как Пирр был ранен дротиком в руку, а самниты разграбили его обоз, причем и из войска Пирра, и у римлян погибло более чем по пятнадцати тысяч человек. Сигнал к отступлению подали обе стороны, и говорят, что Пирр заметил какому-то человеку, радовавшемуся победе: «Если мы одержим еще одну победу над римлянами, то окончательно погибнем»⁸²¹. Погибла большая часть войска, которое он привез с собой, и почти все его приближенные и полководцы, других воинов, которых можно было бы вызвать в Италию, у него уже не было, а кроме того он видел, что пыл его местных союзников остыл, в то время как вражеский лагерь быстро пополняется людьми, словно они притекают из какого-то бьющего в Риме неиссякаемого источника, и что после всех поражений римляне не пали духом, но гнев лишь приумножил их упорство.

22. В этот трудный момент у Пирра появились новые надежды. Ему даже пришлось выбирать, потому что одновременно к нему обратились сицилийцы, предложившие занять Акрагант, Сиракузы и Леонтины и просившие изгнать карфагенян и освободить остров от тираннов, и вестники из Греции, сообщившие, что Птолемей Керавн пал в битве с галатами и теперь самое время явиться в Македонию, лишившуюся царя. Пирр сетовал на судьбу, которая в один и тот же час представила ему две возможности совершить великие дела, ибо

⁸²¹ 15. «...то окончательно погибнем». – Эта «Пиррова победа» произошла в 279 г., т.е. еще до консульства Фабриция.

понимал, что от одной из них необходимо отказаться, и долго колебался. Но затем, решив, что в Сицилии его ждут более славные подвиги и что оттуда недалеко до Африки, он предпочел двинуться на остров и, как обычно, тотчас же послал вперед Кинея для предварительных переговоров с сицилийскими городами. В Таренте он поставил караульный отряд, а тарентинцам, с негодованием требовавшим, чтобы он либо вел войну с римлянами, ради которой явился, либо покинул страну и оставил им город таким, каким его принял, отвечал высокомерно, советуя спокойно ждать, пока придет их черед. Затем он отплыл в Сицилию, где все шло так, как он предполагал: города с готовностью присоединялись к нему, так что на первых порах ему нигде не приходилось прибегать к военной силе, и всего с тридцатью тысячами пеших, двумя с половиною тысячами конных воинов и двадцатью судами он разбил карфагенян и занял их владения. Лишь Эрик, недоступный по своему местоположению и хорошо укрепленный, Пирр решил взять приступом. Когда войско изготовилось к бою, Пирр, надев доспехи, подошел к стенам и обратился с мольбой к Гераклу⁸²², обещая устроить игры и принести благодарственные жертвы, если тот поможет ему в бою доказать сицилийцам, что он достоин своих предков и собственной славы. Когда по его знаку протрубили сигнал и разогнали варваров стрелами, он первым взобрался на стену, как только к ней пододвинули лестницы. Отражая натиск многочисленных врагов, одних он сбросил со стены, других сразил мечом, и, нагромоздив вокруг себя груды мертвых тел, сам остался невредим. Одним видом своим устрашая врагов, Пирр доказал правоту многоопытного Гомера, который утверждал, что из всех добродетелей лишь храбрость сродни безумию, ибо увлекает человека безоглядным порывом⁸²³. Взяв город, Пирр принес богу великолепные жертвы и устроил пышные игры и зрелища.

23. Возле Мессены жили варвары, именовавшиеся мамертинцами, которые немало досаждали грекам, а некоторых из них обложили данью; были они очень многочисленны и воинственны, почему и назывались на латинском языке «племенем Ареса»⁸²⁴. Пирр захватил и убил мамертинских сборщиков податей, а их самих разбил в сражении и разрушил многие принадлежавшие им крепости.

Карфагеняне, стремящиеся к миру, согласны были заплатить ему деньги и прислать суда, если он заключит с ними союз, но Пирр, жаждавший добиться большего, ответил, что заключит мир только в том случае, если они покинут Сицилию, чтобы границей между ними и греками стало Ливийское море. Гордый своей мощью и успехами, стремясь осуществить то, ради чего он и приплыл в Сицилию, а больше всего мечтая об Африке, Пирр стал набирать по городам гребцов, которых не хватало на многих его кораблях, и при этом действовал уже не мягко и снисходительно, а властно и жестоко, прибегая к насилиям и наказаниям. Сначала он не был таким, напротив, как никто другой, привлекал к себе приветливым обхождением, всем доверял и никого не стеснял, зато позже, превратившись из вождя народа в тиранна, своею суровостью стяжал себе славу человека жестокого и коварного. Как бы то ни было, но города, пусть и неохотно, выполняли его требования, пока вскоре он не стал подозревать в измене Фенона и Сострата, знатных сиракузян, которые первыми уговорили его приехать в Сицилию, открыли перед ним город, едва он явился, и больше всех помогали ему в сицилийском походе. Пирр не желал ни брать их с собой, ни оставлять на острове. Сострат в страхе перешел на сторону врага, а Фенона Пирр умертвил,

⁸²² 16. ...к Гераклу... – Согласно мифу, близ горы Эрик Геркулес убил в кулачном бою великана Эрика, сына Афродиты. Пирр считал себя потомком Геракла и его сына Гилла (гл. 1).

⁸²³ 17. ...Гомера, который утверждал, что... увлекает человека безоглядным порывом. – В разных местах «Илиады», напр., IX, 237 сл.

⁸²⁴ 18. «Племенем Ареса» – Это были италийцы на греческой службе, имя их – от сабинского бога Мамерса (лат. Марса).

приписав ему то же намерение. И тут дела царя сразу же приняли иной оборот: города возненавидели его страшной ненавистью, одни из них присоединились к карфагенянам, другие призывали мамертинцев. В эту пору, когда Пирр повсюду видел измену, заговоры и восстания, к нему прибыли письма от самнитов и тарентинцев, которые, лишившись своих земель и с трудом отстаивая от врагов города, просили его о помощи. Это помогло Пирру скрыть, что его отплытие означает отказ от всех замыслов и бегство, ибо на самом деле Сицилия, словно потрясаемый бурей корабль, уже не повиновалась ему, и он, ища выхода, поспешно бросился в Италию. Говорят, что покидая остров и оглянувшись, он сказал стоявшим рядом с ним: «Какое ристалище для состязаний оставляем мы римлянам и карфагенянам, друзья!» И спустя недолгое время то, что он предугадал, сбылось⁸²⁵.

24. Когда Пирр отплывал, варвары объединились против него: карфагеняне дали ему в самом проливе морское сражение, в котором он потерял немало кораблей, а мамертинцы, числом не менее десяти тысяч, переправившись раньше Пирра, но не осмеливаясь встретиться с ним лицом к лицу, заняли неприступные позиции, а когда Пирр на уцелевших судах прибыл в Италию, напали на него и рассеяли все его войско. Погибли два слона и множество воинов из тылового отряда. Пирр сам отражал натиск врага и без страха сражался с опытным и дерзким противником. Когда он был ранен мечом в голову и ненадолго вышел из боя, мамертинцы воспрянули духом. Один из них, огромного роста, в сверкающих доспехах, выбежал вперед и грозным голосом стал вызывать Пирра, если тот еще жив, выйти и сразиться с ним. Пирр, раздраженный, повернулся и, пробившись сквозь ряды своих щитоносцев⁸²⁶, пытавшихся его удержать, вышел гневный, со страшным, забрызганным кровью лицом. Опередив варвара, Пирр ударил его мечом по голове, и, благодаря силе его рук и отличной закалке стали, лезвие рассекло туловище сверху до низу, так что в один миг две половины разрубленного тела упали в разные стороны. Это удержало варваров от новых нападений: они были поражены и дивились Пирру, словно, какому-то сверхъестественному существу.

Остальной путь Пирр прошел беспрепятственно и с двадцатью тысячами пехотинцев и тремя тысячами всадников прибыл в Тарент. Пополнив там войско самыми храбрыми из тарентинцев, он тотчас выступил против римлян, стоявших лагерем в Самнии. (25). Дела у самнитов в это время шли совсем плохо: разбитые римлянами во многих сражениях, они пали духом, да и отплытие Пирра в Сицилию у них вызвало недовольство, так что присоединились к нему лишь немногие. Разделив свое войско, Пирр половину послал в Луканию, желая задержать там одного из консулов, чтобы тот не пришел на помощь товарищу по должности, а другую часть сам повел на Мания Курия, стоявшего лагерем в безопасном месте возле города Беневента и ожидавшего подкреплений из Лукании (впрочем, он бездействовал еще и потому, что его удерживали предсказания жрецов и птицегадателей). Пирр спешил напасть на римлян прежде, чем подойдет второй консул, и поэтому, собрав самых сильных людей и самых свирепых слонов, ночью двинулся на лагерь врага. Но дорога была длинная, шла через густой лес, воины заблудились в темноте, и таким образом время было потеряно. Наступило утро, на рассвете враги ясно увидели Пирра, двигавшегося по гребню холмов. В лагере римлян поднялись шум и суматоха, и так как обстоятельства требовали решительных действий, а жертвы предвещали Манию удачу, консул вышел из лагеря, напал на передние ряды наступающих и обратил их в бегство, чем привел в смятение и остальных. Было перебито множество солдат Пирра, захвачено несколько слонов, брошенных во время отступления, и эта победа позволила Манию перенести бой на равнину.

⁸²⁵ 19. ...то, что он предугадал, сбылось. – Имеется в виду I Пуническая война Рима и Карфагена за обладание Сицилией (264—241).

⁸²⁶ 20. Щитоносцы (гипасписты) – так в македонском (и организованном по македонскому образцу) войске называлась пешая гвардия.

На глазах врага собрав свои легионы, он в одних местах обратил противника в бегство, но в других под натиском слонов отступил к самому лагерю и вызвал оттуда караульных, которых много стояло на валу в полном вооружении. Со свежими силами выйдя из-за укреплений, они забросали слонов копьями и повернули их вспять, а бегство слонов вызвало беспорядок и замешательство среди наступавших под их прикрытием воинов, и это не только принесло римлянам победу, но и решило спор о том, кому будет принадлежать верховное владычество над Италией. Доказав в этих битвах свою доблесть, они обрели уверенность в своей мощи и, прославив непобедимыми, вскоре захватили всю Италию, а через некоторое время и Сицилию.

26. Так рухнули все надежды Пирра и Италии и в Сицилии; шесть лет потратил он на эти войны и хотя был побежден, но и в поражениях сохранил свое мужество непоколебленным и по-прежнему считался повсюду самым опытным, сильным и отважным из современных ему царей. Однако добытое подвигами он терял ради надежд на будущее и, алчущий далекого и нового, не мог удержать достигнутого, если для этого нужно было проявить упорство. Поэтому Антигон и сравнил Пирра с игроком в кости, который умеет сделать ловкий бросок, но не знает, как воспользоваться своей удачей.

Вернувшись в Эпир с восемью тысячами пехотинцев и пятьюстами всадниками, растратив всю казну, Пирр стал искать новой войны, чтобы прокормить войско. К нему присоединились некоторые из галатов, и он напал на Македонию, где царствовал тогда Антигон, сын Деметрия. Целью его был захват добычи, но после того как ему удалось взять многие города и две тысячи неприятельских воинов перешли на его сторону, Пирр, преисполнившись надеждами, пошел в наступление на самого Антигона и, напав на него в узком ущелье, поверг в смятение все его войско. Только многочисленный отряд галатов в тылу у Антигона упорно сопротивлялся, и в завязавшемся жестоком бою большинство их было перебито, а вожак слонов, окруженный вместе с животными, сдался в плен. Увеличив таким образом свои силы и более полагаясь на свою удачу, чем трезво все размыслив, Пирр ударил на фалангу македонян, которые после понесенного галатами поражения были полны смятения и страха. Македоняне уклонились от боя, и тогда Пирр, простерши к ним руку, стал поименно окликать подряд всех начальников, и старших, и младших, чем и побудил пехоту Антигона перейти на его сторону. Отступая, Антигон удержал за собой всего несколько прибрежных городов. Пирр, для которого все сложилось так счастливо, был уверен, что наибольшую славу он стяжал победой над галатами, и поэтому лучшую и самую блестящую часть добычи он сложил в храме Афины Итонийской, написав следующие стихи:

Пирр, молоссов владыка, повесил в храме Афины
Длинные эти щиты, дерзких галатов разбив.
Он Антигона войска разгромил. Чему ж тут дивиться?
В битвах и ныне, как встарь, род экидов могуч.

Тотчас после сражения Пирр захватил Эги и другие города, где не только сам всячески притеснял жителей, но и разместил караульные отряды галатов, служивших в его войске. А галаты, народ крайне алчный, принялись разрывать могилы похороненных в Эгах царей, причем сокровища они расхитили, а кости, осквернив, разбросали. Пирр, кажется, не придавал их поступку большого значения и то ли за недосугом отложил наказание, то ли вообще не осмелился покарать варваров, из-за чего ему и пришлось услышать от македонян немало упреков.

Не дождавшись, пока его дела устроятся и положение упрочится, Пирр опять увлекся новыми надеждами. Он насмеялся над Антигоном, называя его бесстыдным за то, что тот не надевает плаща и продолжает носить царскую порфиру, и охотно поддался на уговоры Клеонима Спартанского, который прибыл, чтобы звать его в Лакедемон.

Клеоним принадлежал к царскому роду, на вид казался сильным и властным, а потому

не пользовался в Спарте ни расположением, ни доверием, и правил вместо него Арей. Это и было причиной его давней обиды на всех сограждан. Кроме того, он уже в старости женился на Хилониде, дочери Леотихида, женщине красивой и царского рода. Но она влюбилась в цветущего юношу Акротата, сына Арея, так что любившему ее Клеониму этот брак принес только горе и позор, ибо ни для кого из спартанцев не осталось тайной, как презирает его жена. И вот, когда к прежним обидам присоединились эти домашние неприятности, Клеоним, разгневанный и удрученный, привел в Спарту Пирра с двадцатью пятью тысячами пехотинцев, двумя тысячами всадников и двадцатью четырьмя слонами. Уже сама многочисленность этого войска ясно показывала, что Пирр хочет приобрести не Спарту для Клеонима, а весь Пелопоннес – для себя, но на словах он упорно отрицал это перед прибывшими к нему в Мегалополь лакедемонскими послами. Он говорил, что пришел освободить покоренные Антигоном города, и именем Зевса клялся, если ничто ему не помешает, послать своих младших сыновей в Спарту на воспитание, чтобы они усвоили лаконские нравы и благодаря этому одному превзошли всех царей. Обманув этой ложью тех, кто встречался ему на пути, Пирр тотчас же по приходе в Лаконию занялся грабежами. Послы стали обвинять его в том, что он начал военные действия, не объявляя войны, но он ответил: «Никогда мы не слыхали, чтобы вы, спартанцы, открывали кому-нибудь свои намерения». На это один из присутствующих, по имени Мандроклид, сказал на лаконском наречии: «Если ты бог, то с нами ничего не случится – мы ничем против тебя не погрешили, если же ты человек, то найдется кто-нибудь посильнее тебя».

27. После этого Пирр приблизился к Спарте. Клеоним предложил сразу идти на приступ, но, как сообщают, Пирр, опасавшийся, как бы воины, напав на город ночью, не разграбили его, отложил штурм, говоря, что возьмет Спарту днем. Спартанцев было мало, и они не были приготовлены к внезапному нападению, тем более что сам Арей отправился на Крит, чтобы оказать гортинцам помощь в войне. Самоуверенность врагов, презиравших обезлюдевший и бессильный город, спасла Спарту. Пирр, полагая, что ему не с кем воевать, остановился на ночлег, а илоты и приближенные Клеонима начали убирать и украшать его дом так, словно на следующий день Пирру предстояло там пировать. Ночью спартанцы держали совет и постановили прежде всего отослать на Крит женщин, но те воспротивились, а одна из них, Архидамия, явилась с мечом в Совет старейшин и от имени всех спартанок стала упрекать мужчин, которые хотят, чтобы женщины пережили гибель Спарты. Было решено провести вдоль вражеского лагеря ров, а справа и слева от него расставить колесницы, врытые в землю до ступиц, чтобы они прочно стояли на месте и не давали пройти слонам. Когда мужчины начали работу, к ним подошли женщины, одни – в плащах и подпоясанных хитонах, другие – в одних хитонах, чтобы помочь старикам, а тех, кому предстояло сражаться, они просили поберечь силы, и сами сделали третью часть работы, узнав предварительно размеры рва. Шириной он был в шесть локтей, глубиной в четыре, а в длину имел восемь плефров, как сообщает Филарх; по рассказу же Иеронима, он был меньше. Утром, когда враг двинулся в наступление, женщины подали мужчинам оружие и наказали им охранять и защищать ров, говоря, что славно победить на глазах у соотечественников, но почетно и умереть на руках у матерей и жен, доблестно пав за Спарту. А Хилонида, вдали от остальных, приготовила для себя петлю, чтобы не попасть снова в руки Клеонима, если город будет взят.

28. Сам Пирр со своими гоплитами ударил на спартанцев, которые оборонялись, выставив щиты, и пытался преодолеть ров, непроходимый потому, что рыхлая почва на краю его осыпалась под ногами воинов, не давая им твердо ступить. Сын Пирра Птолемей с двумя тысячами галатов и отборными воинами из хаонов двинулся вдоль рва, стараясь прорваться через ряд колесниц, но они были врыты так глубоко и расставлены так часто, что не только загородили дорогу воинам Птолемея, но и самим лакедемонянам мешали обороняться. Когда же галаты вырвали колеса из земли и стащили колесницы в реку, юноша Акротат, заметив опасность, с тремя сотнями воинов бегом пересек город, обошел Птолемея, скрывшись от него за склонами холмов, и, напав с тыла, заставил врагов повернуться и разделить свои

силы. Солдаты Птолемея толкали друг друга, падали в ров и меж колесниц и, наконец, были отброшены, понеся большой урон. На подвиг Акротата смотрело множество стариков и женщин, и когда, залитый кровью, гордый победой и всеми восхваляемый, он возвращался через город, он казался спартанкам еще прекраснее, и они завидовали любви Хилониды. А некоторые старики, следуя за ним, кричали: «Ступай, Акротат, взойди на ложе Хилониды, чтобы подарить Спарте достойных потомков!». Вокруг самого Пирра завязалось ожесточенное сражение, в котором доблестно бились многие воины, но упорнее всех сопротивлялся и больше всего врагов убил Филлий. когда же он почувствовал, что слабеет от множества ран, то уступил место стоявшему с ним рядом воину и умер за строем своих, чтобы и мертвым не попасть в руки врага.

29. Ночь прервала битву. Во сне Пирр увидел, будто он мечет молнии в Лакедемон и вся страна охвачена огнем, он же радуется этому. От радости проснувшись, он приказал военачальникам держать войско наготове, а приближенным рассказал о своем сновидении, полагая, что оно знаменует взятие города. Все были удивлены и согласились с Пирром, только Лисимаху сон царя не понравился; он высказывал опасение, что раз нельзя ступить на места, пораженные молнией, значит и этот город, как предвещает божество, останется для Пирра недоступным. Но Пирр ответил, что все это вздор, достойный праздной черни, и что им следует, держа в руках оружие, только повторять самим себе:

Знаменье лучшее всех – за Пиррово дело сражаться⁸²⁷.

Этими словами он ободрил войска и с наступлением дня повел их в бой. Спартанцы, обороняясь, превосходили самих себя доблестью и самоотверженностью, женщины помогали им, подавая стрелы, поднося проголодавшимся еду и питье, подбирая раненых. Македоняне собрали много хворосту и пытались завалить им ров, засыпая при этом мертвые тела и оружие. Лакедемоняне, собравшиеся на помощь, увидели Пирра, который гнал коня мимо рва и колесниц, пробиваясь в город. Оборонявшиеся подняли крик, сбежались воины, раздались вопли женщин. Пирр уже помчался вперед и налетел на стоявших перед ним врагов, когда его конь, раненный в брюхо критской стрелой, в предсмертных мучениях сбросил седока на скользкий склон. Наступавшие вместе с Пирром воины пришли в замешательство, подбежавшие спартанцы стрелами заставили их отойти. Вслед за тем Пирр повсюду прекратил сражение в надежде на то, что лакедемоняне, почти все раненные и многих потерявшие убитыми, хоть немного ослабели. Но счастливая судьба города то ли испытывала мужей, то ли желала показать, как велика ее власть даже в безвыходном положении, и на помощь лакедемонянам, уже терявшим всякую надежду, явился из Коринфа полководец Антигона фокеец Аминий со своими наемниками. Не успели спартанцы принять его, как с Крита вернулся царь Арей, ведя за собой двухтысячное войско. Женщины немедленно разошлись по домам, ибо им больше не нужно было заботиться о ратных делах, отпущены были и те, кто несмотря на преклонный возраст, по необходимости взялся за оружие. Прибывшие воины приготовились к сражению. (30). Пирром овладело честолюбивое желание захватить город именно после того, как туда пришло подкрепление, однако, не добившись ничего и получив отпор, он отступил и стал опустошать страну, собираясь перезимовать в ней.

Но того, чему суждено свершиться, нельзя избежать. В Аргосе шли распри между Аристеем и Аристиппом. И так как Аристипп считался другом Антигона, то Аристей поспешил призвать в Аргос Пирра. Пирр, всегда легко переходивший от одной надежды к другой, всякий успех считал лишь началом дела, а каждую неудачу стремился возместить новыми подвигами; поэтому ни победа, ни поражение не приносили мира и покоя ни ему, ни

⁸²⁷ 21. Знаменье, лучшее всех – за Пиррово дело сражаться. – Перефразированный знаменитый стих из «Илиады», XII, 243 – ответ Гектора на слова, что знамения неблагоприятны для троянцев.

его противникам. Немедленно двинулся он на Аргос. Арей же, устроив множество засад и заняв труднопроходимые места на его пути, отрезал от войска шедших в хвосте галатов и молоссов. Один гадатель, рассмотрев внутренности жертвенных животных, счел знамения неблагоприятными и предсказал Пирру, что ему суждено потерять одного из близких. Но среди шума и суеты Пирр совсем позабыл о предсказании и велел своему сыну Птолемею, взяв телохранителей, идти на помощь хвостовому отряду, а сам двинулся вперед, чтобы поскорее вывести войско из теснин. Вокруг Птолемея завязалась ожесточенная битва, отборные лакедемонские воины во главе с Эвалком врукопашную бились со стоявшими впереди царского сына македонянами, и тут критянин из Аптеры по имени Оресс, человек воинственный и проворный, сбоку подбежал к отважно сражавшемуся юноше, ударил его копьем и поверг наземь. После его гибели те, кто был рядом с ним, обратились в бегство, лакедемоняне, преследуя их, забыли обо всем и вырвались на равнину, оставив своих гоплитов позади. И тут на них повернул молосскую конницу Пирр, уже услышавший о смерти сына и потрясенный горем. Он первым ворвался в ряды спартанцев, стремясь убийством насытить жажду мести, и хотя в бою он всегда казался страшным и непобедимым, но на этот раз своей дерзостью и силой затмил все, что бывало в прежних битвах. Когда он направил своего коня на Эвалка, тот, уклонившись в сторону, мечом разрубил поводья Пирра и чуть было не отсек руку, державшую их. Пирр в то же мгновение ударом копья поразил Эвалка и, спрыгнув с седла, в пешем бою уложил рядом с Эвалком весь его отборный отряд. К таким бессмысленным потерям привело Спарту уже после конца войны чрезмерное честолюбие ее правителей.

31. Слово бы почтив убитого сына такой жертвой и в гневе на врагов изливши большую часть своей скорби, Пирр справил пышные поминальные игры и пошел дальше на Аргос. Узнав, что Антигон уже занял высоты над равниной, он стал лагерем близ Навплии. На следующий день он послал к Антигону вестника, называя царя погубителем и приглашая сойти на равнину, чтобы сразиться за власть. Тот отвечал, что на войне для него важнее удобный момент, чем сила оружия, и что если Пирру не терпится умереть, то для него открыто множество путей к смерти. Между тем и к Пирру, и к Антигону прибыли из Аргоса послы с просьбой отойти от города и предоставить аргосцам возможность, не подчиняясь ни одному из них, сохранять дружбу с обоими. Антигон согласился и отдал аргосцам в заложники сына, а Пирр, также согласившись отступить, ничем не подтвердил своих обещаний и тем внушил горожанам большие подозрения. В это время Пирру явилось страшное знамение: в жертву приносили быков, их головы, уже отделенные от тел, на глазах у всех высунули языки и стали слизывать собственную кровь, а в Аргосе Аполлониды, прорицательница Ликейского бога⁸²⁸, выбежала, крича, что ей привиделся город, полный убитых, и орел, который шел в сражение, а потом исчез.

32. В глубокой темноте Пирр приблизился к стенам и обнаружил, что ворота, именуемые Проходными, уже отперты для него Аристеем. Пока галаты Пирра крадучись входили в город и занимали площадь, им удалось остаться незамеченными. Но слоны не могли пройти в ворота, пришлось снимать с их спин башни, а потом в темноте вновь водружать их; это задержало нападающих, и аргосцы, услышав шум, поспешили занять Аспиду и другие укрепленные места и отправили гонцов к Антигону. Тот, приблизившись к городу, сам остановился, но послал на помощь аргосцам своего сына и полководцев с большим отрядом. Подошел и Арей с тысячей критян и легко вооруженных спартанцев. Вместе напав на галатов, они повергли их в смятение. В это время Пирр с шумом и криками входил в город возле Киларабиса⁸²⁹, и галаты в ответ тоже закричали, но в их крике не было

⁸²⁸ 22. *Ликейского бога* («волчьего», ср. ниже, гл. 32) – Аполлона, чтимого в Аргосе.

⁸²⁹ 23. *Аспида* («Щит») – крутая и укрепленная высота в Аргосе; *Киларабис* – гимнасий за городской стеной Аргоса, учрежденный в честь героя Килараба.

бодрости и уверенности, – всем показалось, что это вопль страха и отчаяния. Тогда Пирр поспешно бросил вперед двигавшихся во главе войска всадников, но те лишь с большим трудом и риском для жизни могли проехать среди каналов, которыми был изрезан весь город. В этой ночной битве нельзя было разобраться ни в действиях войск, ни в приказах начальников. Разобщенные отряды блуждали по узким улицам, во мраке, в тесноте, среди доносившихся отовсюду криков; не было возможности руководить войсками, все медлили и ждали утра. Когда рассвело, Пирр устранился, увидев Аспиду, занятую вооруженными врагами, и заметив на площади среди множества украшений медную статую волка и быка, готовых схватиться друг с другом, он вспомнил давнее предсказание, что ему суждено погибнуть там, где он увидит волка, сражающегося с быком. Аргосцы говорят, что эта статуя стоит у них в память очень давнего события: когда Данай впервые вступил в эту страну, то по пути в Аргос, близ Пирамий в Фиреатиде, он увидел волка, сражающегося с быком. Решив, что он сам, чужестранец, напавший на местных жителей, подобен этому волку, Данай стал наблюдать драку. Когда волк победил, Данай вознес молебны Аполлону Ликейскому и, одолев и изгнав с помощью мятежных аргосцев царствовавшего тогда в Аргосе Геланора, захватил власть. (33). Заметив статую и видя к тому же, что ни одна из его надежд не сбывается, Пирр пал духом и решил отступить; опасаясь узких ворот, он послал своему сыну Гелену, оставшемуся со значительными силами вне города, приказ разрушить часть стены и помочь выходящим, если враг будет насаждать на них. Однако в спешке и суматохе гонец неясно передал приказ, произошла ошибка, и юноша, взяв остальных слонов и самых сильных солдат, вошел через ворота в город на помощь отцу. Пирр в это время уже отходил. Сражаясь на площади, где было достаточно места и для отступления и для боя, Пирр, повернувшись лицом к врагу, отражал его натиск. Но его оттеснили в узкую улицу, которая вела к воротам, и там он столкнулся со спешившими на помощь войсками. Пирр закричал, чтобы они повернули назад, но большинство его не услышало, а тем, кто готов был повиноваться, преграждали путь новые отряды, вливавшиеся в город через ворота. Кроме того, самый большой слон, упав поперек ворот, лежал, трубя и мешая отступающим пройти, а другой слон, из тех, что вошли в город раньше, по кличке Никон, ища раненого жока, упавшего с его спины, неся навстречу отступавшим, гоня и опрокидывая вперемешку врагов и друзей, пока, наконец, не нашел труп и, подняв его хоботом и подхватив обоими клыками, не повернул назад, словно взбесившись, валя наземь и убивая всех встречных. Сбитые в кучу и плотно прижатые друг к другу, воины не могли ничего предпринять поодиночке: словно единое тело, толпа ворочалась и колыхалась из стороны в сторону. Мало кто бился с врагами, зажатыми между воинами Пирра или наседавшими сзади, – большей частью солдаты ранили друг друга, ибо тот, кто обнажил меч или замахивался копьем, не мог ни опустить руку, ни вложить клинок в ножны: оружие разило, кого придется, и люди гибли от руки своих же товарищей.

34. Пирр, оглядев бушевавшие вокруг бурные волны, снял диадему, украшавшую шлем, передал ее одному из телохранителей и, доверившись коню, напал на врагов, следовавших за ним по пятам. Копье пронзило ему панцирь, и он, получив рану, не смертельную и даже не тяжелую, устремился на того, кто нанес удар. То был аргосец, незнатный человек, сын бедной старой женщины. Она в это время, как и остальные аргивянки, с крыши дома глядела на битву и, увидев, что ее сын вступил в единоборство с Пирром, испуганная грозившей ему опасностью, сорвала с крыши черепицу и обеими руками бросила ее в Пирра⁸³⁰. Черепица ударила его в голову ниже шлема и перебила позвонки у основания шеи; у Пирра помутилось в глазах, руки опустили поводья, и он упал возле

⁸³⁰ 24. ...бросила ее в Пирра. – Аргивяне утверждали, что обличье этой старухи приняла сама богиня Деметра (Павсаний, I, 13, 8). На месте, где погиб Пирр, они воздвигли храм Деметре и погребли там останки Пирра.

святилища Ликимния⁸³¹, почти никем не узанный. Некий Зопир, воевавший на стороне Антигона, и еще два-три человека подъехали к нему и, узнав, оттащили его в преддверие какого-то дома. Между тем Пирр начал приходить в себя, Зопир вытащил иллирийский меч, чтобы отсечь ему голову, но Пирр так страшно взглянул на него, что тот, перепуганный полный смятения и трепета, сделал это медленно и с трудом, то опуская дрожащие руки, то вновь принимаясь рубить, не попадая и нанося удары возле рта и подбородка. Между тем многие услышали о случившемся, и Алкионей, желая убедиться, подъехал и потребовал голову. С нею он ускакал к отцу и бросил ее перед царем, сидевшим в кругу приближенных. Взглянув и узнав Пирра, Антигон палочными ударами прогнал сына, называя его варваром и нечестивцем, а потом, прикрыв глаза плащом, заплакал, вспомнив о деде своем Антигоне и об отце Деметрии, которые в его собственной семье являли пример переменчивости судьбы. Украсив голову и тело Пирра, он предал их сожжению, а когда Алкионей встретил Гелена, жалкого, одетого в бедный плащ, и, дружелюбно приветствовав его, привел к отцу, Антигон сказал: «Сейчас, мой сын, ты поступил лучше, чем тогда; но ты сделал неправильно, не сняв с него этой одежды, ибо больше, чем его, она позорит нас, которых считают победителями». После этого он по-дружески принял Гелена и, пристойно одев его, отправил в Эпир, а заняв лагерь Пирра и захватив в плен все его войско, обошелся с его друзьями кротко и благосклонно.

Гай Марий

1. Мы не можем назвать третьего имени Гая Мария, равно как и Квинта Сертория, захватившего Испанию, или Луция Муммия, взявшего Коринф (Ахейским Муммий был назван за свой подвиг, как Сципион – Африканским, а Метелл – Македонским). Этим убедительнее всего, как думает Посидоний, опровергается мнение, будто собственным служит у римлян третье имя⁸³², как, например, Камилл, Марцелл, Катон: будь это так, человек, имеющий только два имени, оказался бы безымянным. Но Посидоний не замечает, что, по его собственному суждению, безымянны все женщины, ибо ни одна не имеет первого имени, которое, как он считает, и служит у римлян собственным. Что касается остальных двух имен, то одно из них – общее для всей семьи, например Помпеи, Манлии и Корнелии (как у нас говорят: Гераклиды или Пелопиды), другое – как бы прозвище, определяющее нрав человека или его наружность с ее недостатками либо данное ему за какой-нибудь подвиг; таковы имена Макрин, Торкват, Сулла, подобно тому как у нас – Мнемон, Грип или Каллиник. Повод к спорам здесь дает перемена в обычае.

2. О наружности Мария можно судить по его мраморному изображению, которое мы видели в Равенне, в Галлии, и наше впечатление вполне соответствует тому, что рассказывают о мрачности и суровости его нрава. Мужественный по природе, воинственный, воспитанный скорее как солдат, чем как мирный гражданин, Марий, придя к власти, не умел укрощать свой гнев. Говорят, он так и не выучился греческой грамоте и ни в одном серьезном деле не пользовался греческим языком, почитая смешным обучаться наукам у

⁸³¹ 25. ...возле святилища Ликимния... – Местного аргосского героя, убитого своим племянником Тлеполемом, сыном Геракла.

⁸³² 1. ...третье имя ... – римляне обычно носили два или три имени: личное, родовое и (в очень разветвленных родах) фамильное, напр., Гай Юлий Цезарь; сколько-нибудь понятный этимологический смысл могло иметь лишь третье имя (Макрин – «тощий», Торкват – «украшенный ожерельем» как воинским знаком отличия, Сулла «покрытый красными пятнами», ср.: Сул., 2; Плутарх сближает их с царскими прозвищами Ахеменидов и Селевкидов – Мнемон, «памятливый», Грип, «горбоносый», Каллиник «славный победами»). Женщины носили только родовое имя; сестры звались «Юлия I», «Юлия II» и т.д. В более древние времена человека называли чаще всего первым его именем, но в эпоху империи более употребительным стало третье или же четвертое имя, что и имеет в виду Плутарх, говоря о «перемене в обычае».

наставников, которые сами в рабстве у других. После своего второго триумфа, устроив греческие игры по случаю освящения какого-то храма, он пришел в театр, но, едва присев, тотчас же удалился. Платон часто говорил философу Ксенократу, который отличался угрюмым характером: «Ксенократ, приноси жертвы Харитам»⁸³³. И если бы кто-нибудь так же уговорил Мария приносить жертвы эллинским Музам и Харитам, то его славные деяния на войне и в управлении государством не завершились бы столь безобразно, а гневливость, недостойное властолюбие и ненасытная алчность не сделали бы его в старости таким свирепым и жестоким. Все это мы сейчас увидим из его дел.

3. Родители Мария были люди совсем не знатные, бедные, добывавшие пропитание собственным трудом; отец носил то же имя, что и сын, мать звали Фульцинией. Марий поздно попал в город и узнал городскую жизнь, а до того у себя, в Арпинской земле, в деревне Цереаты, он жил, не ведая городской утонченности, просто, но зато целомудренно, воспитываясь так, как римские юноши в старину. Военную службу он начал в Кельтиберии, где Сципион Африканский осаждал Нуманцию. От полководца не укрылось, что Марий превосходит прочих молодых людей мужеством и легко переносит перемену в образе жизни, к которой Сципион принуждал испорченных роскошью и наслаждениями воинов. Рассказывают, что он на глазах полководца сразил врага, с которым сошелся один на один. Сципион заметно отличал его, а однажды, когда на пиру зашла речь о полководцах и кто-то из присутствующих, то ли вправду, то ли желая сказать приятное Сципиону, спросил, будет ли еще когда-нибудь у римского народа такой же, как и он, вождь и защитник, Сципион, хлопнув лежащего рядом с ним Мария по плечу, ответил: «Будет, и, может быть, даже он». Оба они были так богато одарены природой, что Марий еще в юном возрасте казался человеком незаурядным, а Сципион, видя начало, мог предугадать конец.

4. Говорят, что Марий, воодушевленный этими словами, словно прорицанием божества, и преисполненный надежд, обратился к государственной деятельности и с помощью Цецилия Метелла, дому которого служил еще его отец⁸³⁴, добился должности народного трибуна. Исполняя эту должность, он внес закон о подаче голосов⁸³⁵, который, как ожидали, должен был уменьшить могущество знати в судах. Его противником выступил консул Котта, который убедил сенат бороться против нового закона, а самого Мария призвать к ответу. Когда это предложение было принято, Марий явился в сенат, но не как робкий новичок, только что вступивший на государственное поприще и не совершивший еще ничего великого; напротив, уже тогда выказав решительность, которая потом проявлялась во всех его поступках, он пригрозил Котте тюрьмой, если тот не отменит вынесенного решения. Тогда консул, обратившись к Метеллу, спросил его мнения, и Метелл во всем с ним согласился, но Марий вызвал ликтора и приказал отвести в тюрьму самого Метелла. Метелл обратился к остальным трибунам, но те не поддержали его, и сенат, уступив, переменял свое решение. Со славой вышел Марий к народу, и новый закон получил утверждение в Народном собрании. Все поняли, что Мария нельзя ни запугать, ни усовестить и что в своем стремлении заслужить расположение толпы он будет упорно бороться против сената. Но вскоре это мнение переменялось, после того, как он решительно воспротивился предложению о раздаче хлеба гражданам и одержал верх. Обе враждебные стороны стали одинаково уважать его за то, что он не желает угождать ни тем, ни другим вопреки пользе государства.

⁸³³ 2. *Харитам* – богиням радости; «принеси жертвы» – т.е. «чтобы они от тебя не отворачивались».

⁸³⁴ 3. *...служил еще его отец ...* – Видимо, Марии были клиентами при семье Метеллов, как Катоны при семье Валериев Флакков (КСт., 3).

⁸³⁵ 4. *...закон о подаче голосов ...* – Этот закон уменьшал возможность подкупов при голосовании; этот закон продолжал мероприятия Гракхов, а протест против раздачи хлеба шел против них.

5. В следующем году Марий стал домогаться должности эдила высшего разряда. Есть два разряда эдилов⁸³⁶: одни получили название по креслу с изогнутыми ножками, в котором они сидят, исполняя свои обязанности, другие, уступающие первым достоинством, именуются народными. Лишь после того, как первые уже избраны, начинают подавать голоса за вторых. Когда Марию стало ясно, что высшей из этих двух должностей ему не получить, он тотчас стал домогаться другой, но и тут его постигла неудача, потому что все считали его слишком дерзким и высокомерным. Однако даже две неудачи за один день, – чего никогда и ни с кем еще не случалось, – нисколько не убавили ему самоуверенности, и спустя немного времени он начал домогаться претуры, но и на этот раз едва не потерпел поражение – был избран последним из кандидатов, а после выборов обвинен в подкупе. Больше всего подозрений внушало то обстоятельство, что за перегородкой среди голосующих видели одного из рабов⁸³⁷ Кассия Сабакона, а Сабакон был самым ярким приверженцем Мария. На суде Марий заявил, будто, истомленный зноем и жаждой, он попросил холодной воды, и раб, принесший ему чашу, ушел, как только он напился. После этого цензоры изгнали его из сената: признано было, что он заслуживает наказания либо за лжесвидетельство, либо за невоздержность. Гай Геренний, вызванный свидетелем против Мария, сказал, что свидетельствовать против клиента – противно отеческим обычаям и что закон освобождает патрона (так римляне называют покровителя) от такой необходимости (и родители Мария, и он сам были клиентами Геренниев). Судьи приняли этот отказ, но Марий сам возразил Гереннию, что с получением магистратуры он освобождается от клиентской зависимости. Это было сказано не совсем точно: не всякая магистратура освобождает тех, кто ее получил, и их потомков от обязанностей перед покровителем, но только та, которая дает право на почетное кресло. Хотя поначалу дела Мария в суде шли плохо и судьи были настроены неблагоприятно, в конце концов голоса их разделились поровну, и Марий, вопреки всем ожиданиям, был оправдан.

6. Исполняя должность претора, он не снискал себе особых похвал, а по истечении срока получил по жребию Внешнюю Испанию, которую, как сообщают, очистил от разбойников (жители этой провинции отличались дикими, почти звериными нравами, а разбой считали самым почетным занятием). Выступив на гражданском поприще, Марий не обладал ни богатством, ни красноречием, с помощью которых люди, пользовавшиеся в то время наибольшим почетом, вели за собой народ. Однако граждане высоко ценили его за постоянные труды, простой образ жизни и даже за его высокомерие, а всеобщее уважение открывало ему дорогу к могуществу, так что он даже смог вступить в выгодный брак, взяв в жены Юлию из знатного дома Цезарей, племянник которой, Цезарь, немного лет спустя стал самым великим из римлян и, как сказано в его жизнеописании⁸³⁸, часто стремился подражать своему родственнику Марию. О самообладании и выносливости Мария свидетельствует многое, например, то, как он перенес хирургическую операцию. Страдая, по-видимому, сильным расширением вен на обоих бедрах и досадуя на то, что ноги его обезображены, он решил позвать врача и, не дав связать себя, подставил под нож одно бедро. Не шевельнувшись, не застонав, не изменившись в лице, он молча вытерпел невероятную боль от надрезов. Но когда врач хотел перейти ко второй ноге, Марий не дал ему резать, сказав: «Я вижу, что исцеление не стоит такой боли».

7. Консул Цецилий Метелл, которому было поручено командование в войне против

⁸³⁶ 5. ...два разряда эдилов ... – Курульные (первоначально только для патрициев) и народные (для плебеев); «курульное кресло» было знаком власти также и для преторов и консулов.

⁸³⁷ 6. ...одного из рабов ... – Рабу было нечего делать при голосовании, поэтому и возникло предположение, что он раздавал взятки.

⁸³⁸ 7. ...в его жизнеописании ... – Цез., 1.

Югурты, отправляясь в Африку, взял с собою Мария легатом. Совершив там немалые подвиги и со славой сражаясь во многих битвах, Марий и не думал приумножать этим славу Метелла или, подобно остальным, прислуживаться к нему, но, считая, что не Метелл назначил его легатом, а счастливая судьба в самый подходящий момент дала ему высокие подмошки для подвигов, старался показать всю свою доблесть и мужество. Война несет с собой много тягостных забот, и Марий не избегал больших трудов и не пренебрегал малыми; он превосходил равных себе благоразумием и предусмотрительностью во всем, что могло оказаться полезным, а воздержностью и выносливостью не уступал простым воинам, чем и снискал себе их расположение. Вероятно, лучшее облегчение тягот для человека видеть, как другой переносит те же тяготы добровольно: тогда принуждение словно исчезает. А для римских солдат самое приятное – видеть, как полководец у них на глазах ест тот же хлеб и спит на простой подстилке или с ними вместе копает ров и ставит частокол. Воины восхищаются больше всего не теми вождями, что раздают почести и деньги, а теми, кто делит с ними труды и опасности, и любят не тех, кто позволяет им бездельничать, а тех, кто по своей воле трудится вместе с ними. Делая все это, Марий быстро стал любимцем войска и наполнил всю Африку, а затем и весь Рим славой своего имени, ибо все писали из лагеря домой, что не будет ни конца, ни предела войне с варварами, пока Гая Мария не изберут консулом. (8). Все это явно раздражало Метелла, но больше всего его огорчило дело Турпилия. Этот Турпилий, связанный с Метеллом наследственными узами гостеприимства, служил в то время в его войске начальником плотников и строителей. Стоя во главе караульного отряда в большом городе Баге, он не притеснял местных жителей, относился к ним мягко и дружелюбно, беспечно доверял им и потому попал в руки врагов. Впустив в Багу Югурту, горожане не сделали Турпилию ничего дурного, а, наоборот, упроясив царя, отпустили его целым и невредимым. За это его обвинили в измене; Марий, присутствовавший на суде, был очень суров к Турпилию и так настроил против него большинство судей, что Метелл был вынужден, вопреки своему желанию, приговорить этого человека к смерти. Спустя некоторое время выяснилось, что обвинение было ложным, и все горевали с удрученным Метеллом – все, кроме Мария, который, не стыдясь, говорил повсюду, что это дело его рук и что так он воздвиг на Метелла демона, мстящего за убийство друга. С тех пор они враждовали открыто, и рассказывают, что однажды Метелл язвительно сказал Марию: «Так, значит, ты, милейший, собираешься покинуть нас и плыть домой помогать консульства? А не хочешь ли стать консулом в один год вот с этим моим сыном»? (Сын Метелла был тогда еще мальчишкой⁸³⁹.)

Как бы то ни было, но когда Марий стал добиваться разрешения уехать, Метелл долго чинил ему препятствия и отпустил только за двадцать дней до консульских выборов, Марий прошел длинный путь от лагеря до Утики за два дня и одну ночь и перед отплытием принес жертвы. Как говорят, гадатель объявил Марию, будто божество возвещает ему небывалый, превосходящий все ожидания успех. Ободренный этим предсказанием, он отчалил и с попутным ветром за четыре дня пересек море. В Риме он тотчас показался народу, с нетерпением ожидавшему его, и, когда один из трибунов вывел его к толпе, он просил дать ему консульство, возводя на Метелла множество обвинений и обещая захватить Югурту живым или мертвым. (9). Избранный консулом при всеобщем ликовании, Марий тотчас провел набор, вопреки закону и обычаю записав в войско много неимущих и рабов, которых все прежние полководцы не допускали в легионы, доверяя оружие, словно некую ценность, только достойным – тем, чье имущество как бы служило надежным залогом. Но больше всего нареканий вызвали не действия Мария, а его высокомерные, полные дерзости речи, оскорблявшие самых знатных римлян: он говорил, что консульство – это трофей, с бою взятый им у изнеженной знати и богачей, или что он может похвастаться перед народом

---

⁸³⁹ 8. ...еще мальчишкой ... – По Саллюстию («Югуртинская война», 64), младшему Метеллу (будущему противнику Сертория) было в это время 20 лет, тогда как возрастной ценз для консульства был 43 года.

своими собственными ранами, а не памятниками умерших и чужими изображениями⁸⁴⁰. Неоднократно, упомянув неудачливых полководцев – Бестию или Альбина, отпрысков знатных семейств, но людей невоинственных и по неопытности терпевших в Африке поражения, Марий спрашивал у окружающих, неужели предки этих военачальников, завоевавшие славу не знатностью происхождения, а доблестью и подвигами, не предпочли бы иметь таких потомков, как он. Все это он говорил не ради пустого бахвальства, не с тем, чтобы понапрасну вызвать ненависть к себе среди первых в Риме людей: народ, привыкший звонкостью речей измерять величие духа, ликовал, слыша хулу сенату, и превозносил Мария, этим побуждая его в угоду простонародью не щадить лучших граждан.

10. Когда Марий прибыл в Африку, Метелл, одолеваемый завистью, не стал ждать встречи с ним. Метеллу не давала покоя мысль о Марии, который потому и возвысился, что забыл о благодарности за все, чем был обязан ему, а теперь, когда война закончена и остается только захватить Югурту, явился, чтобы вырвать у своего благодетеля венец и триумф. Поэтому он удалился, а войско Марию передал Рутилий, легат Метелла. Но, в конце концов, Мария настигло возмездие: Сулла отнял у него славу так же, как он сам отнял ее у Метелла; как это произошло, я расскажу кратко, потому что подробно об этом говорится в жизнеописании Суллы⁸⁴¹. Тестем Югурты был Бокх, царь варваров, живших в глубине материка, однако он не очень помогал зятю в войне, якобы страшась его вероломства, а в действительности опасаясь его возраставшего могущества. Когда у Югурты, который скитался, спасаясь от римлян, осталась только одна надежда – на тестя, он явился к Бокху, и тот принял его, скорее стыдясь отказать молящему, чем испытывая расположение к нему. Держа его в руках, Бокх для вида просил за него Мария и смело писал, что не выдаст Югурту, но втайне замыслил измену и послал за Луцием Суллой, который был квестором у Мария и во время войны оказал царю какие-то услуги. Когда Сулла, доверяя ему, приехал, варвар переменил свое намерение и несколько дней колебался, выдать ли Югурту Сулле либо не отпускать его самого. Наконец он решился на давно задуманную измену и живым выдал Югурту, тем самым посеяв между Марием и Суллой непримиримую и жестокую вражду, которая чуть было не погубила Рим. Многие, завидуя Марию, утверждали, что подвиг совершен Суллой, да и сам он заказал драгоценный камень с изображением Бокха, передающего ему Югурту, и постоянно носил кольцо с этой геммой, пользуясь ею как печатью. Это раздражало Мариа, человека честолюбивого, не желавшего ни с кем делиться своей славой и склонного к раздорам, но сильнее всего разжигали его гнев противники, которые приписывали первые и самые великие подвиги в этой войне Метеллу, а завершение ее – Сулле, стремясь умерить восторг народа и приверженность его к Марию.

11. Но всю эту зависть, всю клевету и ненависть к Марию тотчас рассеяла и уничтожила опасность, надвигавшаяся на Италию с запада. Когда понадобился великий полководец и республика стала искать, кого бы ей поставить кормчим, дабы выстоять в столь страшной военной буре, ни один из отпрысков знатных и богатых семейств не получил должность на консульских выборах, но единодушно был избран отсутствующий Марий. Вместе с известием о пленении Югурты в Рим пришла молва о кимврах и тевтонах; сперва слухам о силе и многочисленности надвигающихся полчищ не верили, но потом убедились, что они даже уступают действительности. В самом деле, только вооруженных мужчин шло триста тысяч, а за ними толпа женщин и детей, как говорили, превосходившая их числом. Им нужна была земля, которая могла бы прокормить такое множество людей, и города, где они могли бы жить, – так же как галлам, которые, как им было известно, некогда отняли у

⁸⁴⁰ 9. ...чужими изображениями ... – Восковыми масками предков, которые хранились в знатных домах.

⁸⁴¹ 10. ...в жизнеописании Суллы ... – Сул., 3.

этрусков⁸⁴² лучшую часть Италии. Кимвры ни с кем не вступали в сношения, а страна, из которой они явились, была так обширна, что никто не знал, что за люди и откуда они, словно туча, надвинулись на Италию и Галлию. Большинство полагало⁸⁴³, что они принадлежат к германским племенам, живущим возле Северного океана, как свидетельствуют их огромный рост, голубые глаза, а также и то, что кимврами германцы называют разбойников. Но некоторые утверждали, будто земля кельтов так велика и обширна, что от Внешнего моря и самых северных областей обитаемого мира простирается на восток до Мэотиды и граничит со Скифией Понтийской. Здесь кельты и скифы смешиваются и отсюда начинается их передвижение; и они не стремятся пройти весь свой путь за один поход и не кочуют непрерывно, но, каждое лето снимаясь с места, продвигаются все дальше и дальше и уже долгое время ведут войны по всему матерiku. И хотя каждая часть племени носит свое имя, все войско носит общее имя – кельтоскифы. Третьи же говорили, что киммерийцы, знакомые в старину грекам, составляли только небольшую часть племени, ибо это были лишь предводимые неким Лигдамидом мятежники и беглецы, которых скифы вынудили переселиться с берегов Мэотиды в Азию, а что самая большая и воинственная часть киммерийцев живет у Внешнего моря, в стране столь лесистой, что солнце там никогда не проникает сквозь чащи высоких деревьев, простирающиеся до самого Герцинского леса. Небо в тех краях таково, что полюс стоит чрезвычайно высоко и вследствие склонения параллелей почти совпадает с зенитом, а дни и ночи – равной длины и делят год на две части; отсюда у Гомера рассказ о киммерийцах в «Вызывании теней»⁸⁴⁴. Вот из этих-то мест и двинулись на Италию варвары, которых сперва называли киммерийцами, а позже, и не без основания, кимврами. Но все это скорее предположение, нежели достоверная история. Что же касается численности варваров, то многие утверждают, будто их было не меньше, а больше, чем сказано выше. Перед их отвагой и дерзостью нельзя было устоять, а в битве быстротой и силой они были подобны огню, так что натиска их никто не выдерживал и все, на кого они нападали, становились их добычей. От них потерпели бесславное поражение многие армии римлян во главе с управлявшими Заальпийской Галлией полководцами, которые сражались плохо, чем более всего побудили варваров наступать на Рим, ибо, побеждая всех, кого ни встречали, и захватывая богатую добычу, кимвры решили обосноваться на месте не раньше, чем разгромят Рим и опустошат Италию.

12. Узнав обо всем этом, римляне многократно звали Мария встать во главе войска. Он был вторично избран консулом, хотя закон запрещал избирать кандидата, если его нет в Риме и если еще не прошел положенный срок со времени предыдущего консульства⁸⁴⁵. Народ прогнал всех, кто выступал против Мария, считая, что не впервые законом жертвуют ради общественной пользы и что теперь для этого есть не менее веская причина, чем в то время, когда вопреки закону был избран консулом Сципион⁸⁴⁶; ведь тогда не боялись

⁸⁴² 11. ...отняли у этрусков ... – В 391 г., см. Кам., 15 сл.

⁸⁴³ 12. Большинство полагало, они принадлежат к германским племенам... – т.е. германцы – самостоятельная народность; другие – что это смесь северо-западных варваров, кельтов, с северо-восточными варварами, скифами; третьи (фантастически сближая имена «кимвры» и «киммерийцы») – что это потомки киммерийцев, доскифского населения Причерноморья.

⁸⁴⁴ 13. ...в «Вызывании теней»... – «Одиссея», XI, 14—19:... «Там киммериян печальная область, покрытая вечно Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет Оку людей там лица лучезарного Гелия... Ночь безотрадная там искони окружает живущих».

⁸⁴⁵ 14. ...положенный срок со времени предыдущего консульства. – 10 лет.

⁸⁴⁶ 15. ...вопреки закону был избран консулом Сципион ... – Сципиону Младшему было в 147 г. 37 лет вместо положенных 43-х.

гибели собственного города, а только хотели разрушить Карфаген. Было принято постановление, и Марий вместе с войском прибыл из Африки и в день январских календ⁸⁴⁷, с которого римляне начинают год, одновременно вступил в должность консула и отпраздновал триумф, проведя по городу пленного Югурту, при виде которого римляне глазам своим не поверили, ибо ни один из них не надеялся при жизни царя одолеть нумидийцев. Этот человек умел приспосабливаться к любой перемене судьбы, и низость сочеталась в нем с мужеством, но торжественное шествие, как рассказывают, сбilo с него спесь. После триумфа его отвели в тюрьму, где одни стражники сорвали с него одежду, другие, спеша завладеть золотыми серьгами, разодрали ему мочки ушей, после чего его голым бросили в яму, и он, полный страха, но насмешливо улыбаясь, сказал: «О Геракл, какая холодная у вас баня!» Шесть дней боролся он с голодом и до последнего часа цеплялся за жизнь, но все же понес наказание, достойное его преступлений. Говорят, что во время триумфа несли три тысячи семь фунтов золота, пять тысяч семьсот семьдесят пять фунтов серебра в слитках и двести восемьдесят семь тысяч драхм звонкой монетой. После триумфа Марий созвал на Капитолии сенат и, то ли по забывчивости, то ли грубо злоупотребляя своей удачей, явился туда в облачении триумфатора, однако, заметив недовольство сенаторов, вышел и, сменив платье, вернулся в тоге с пурпурной каймой⁸⁴⁸.

13. В походе Марий закалял войско, заставляя солдат много бегать, совершать длинные переходы, готовить пищу и нести на себе свою поклажу, и с тех пор людей трудолюбивых, безропотно и с готовностью исполнявших все приказания, стали называть «Мариевыми мулами». Правда, многие указывают, что эта поговорка возникла при иных обстоятельствах. Сципион, осаждая Нуманцию, решил проверить, как его солдаты привели в порядок и подготовили не только свое оружие и коней, но и повозки и мулов. Тогда Марий вывел отлично откормленную лошадь и мула, превосходившего всех свой крепостью, силой и послушным нравом. Полководцу так понравились животные, что он часто вспоминал о них, и потому, когда человека хотят шутливо похвалить за стойкость выносливость и трудолюбие, его называют «Мариевым мулом». (14). Большой удачей для Мария было, видимо, то обстоятельство, что варвары отхлынули, словно волны, и напали раньше на Испанию: благодаря этому Марий выиграл время для того, чтобы его солдаты окрепли и воспрянули духом, а главное, увидели, каков он сам. Ибо суровость, с какой он управлял, и неумолимость, с какой налагал наказания, представлялись теперь воинам, которых он отучил от нарушений дисциплины и неповиновения, справедливыми и полезными, а спустя недолгое время, привыкнув к его неукротимому нраву, грубому голосу и мрачному виду, они даже стали говорить, что все это страшно не им, а врагам. Больше всего солдатам нравилась справедливость Мария в суде. Между прочим рассказывают о таком случае. Под началом Мария служил военным трибуном его племянник Гай Лузий, человек вообще не плохой, но одержимый страстью к красивым мальчикам. Влюбившись в одного из своих молодых солдат, Требония, он часто пытался совратить его, – но ничего не достиг. Наконец, однажды ночью, отослав слугу, он велел позвать Требония. Юноша явился, так как не мог ослушаться приказа начальника, но когда его ввели в палатку и Лузий попытался овладеть им насильно, Требоний выхватил меч и заколол Лузия. Все это произошло в отсутствие Мария, который, возвратившись, велел предать Требония суду. Многие поддерживали обвинение, никто не сказал ни слова в защиту юноши, и тогда он сам встал, смело рассказал, как было дело, и представил свидетелей, подтвердивших, что он неоднократно отказывал соблазнявшему его

⁸⁴⁷ 16. ...в день январских календ ... – 1 января 104 г.; Марий еще избирался консулом четыре раза подряд до 100 г. включительно.

⁸⁴⁸ 17. ...в тоге с пурпурной каймой . – Т.е. в обычной консульской одежде, тогда как триумфатор надевал тогу, вышитую золотом.

Лузию и не отдался ему, даже когда тот предлагал большие деньги. Удивленный и восхищенный, Марий приказал подать венок, которым по обычаю предков награждают за подвиги, и, взяв его, сам увенчал Требония за прекрасный поступок, совершенный в то время, когда особенно нужны благие примеры. Этот случай стал известен в Риме, что немало способствовало третьему избранию Мария в консулы. К тому же, ожидая летом варваров, римляне не желали вступать с ними в бой под началом какого-нибудь другого полководца. Но кимвры появились позже, чем их ожидали, и срок консульства Мария вновь истек.

Незадолго до консульских выборов его товарищ по должности скончался, и Марий, оставив во главе войск Мания Аквилія, явился в Рим. Поскольку консульства домогались многие знатные римляне, Луций Сатурнин, который из всех трибунов пользовался в народе наибольшим влиянием и которого Марий привлек на свою сторону, выступил с речью и убеждал избрать консулом Мария. Когда же тот стал притворно отказываться, говоря, что ему не нужна власть, Сатурнин назвал его предателем отечества, бросающим свои обязанности полководца в такое опасное время. Все явно видели, что он лишь неумело подыгрывает Марию, но, понимая, что в такой момент нужны решительность и удачливость Мария, в четвертый раз избрали его консулом, дав ему в товарищи Лутация Катула, человека, почитаемого среди знати и в то же время угодного народу.

15. Марий, узнав, что враги близко, поспешил перейти Альпы и, разбив лагерь близ реки Родана, свез в него много продовольствия, чтобы недостаток самого необходимого не вынудил его вступить в битву до того, как он сам сочтет это нужным. Прежде подвоз всех припасов, в которых нуждалось войско, был долгим и трудным, но Марию удалось облегчить и ускорить дело, проложив путь по морю. Устье Родана, где волнение и прилив оставляют много ила и морского песка, почти на всю глубину занесено ими, и поэтому грузовым судам трудно и опасно входить в реку. Послав туда праздно стоявшее войско, Марий прорыл огромный ров и, пустив в него воду из реки, провел достаточно глубокий и доступный для самых больших судов канал к более удобному участку побережья, где прибой не затруднял сток речной воды в море. И поныне еще канал носит имя Мария.

Между тем варвары разделились: кимвры должны были наступать через Норик на Катула и прорваться в Италию, а тевтонам и амбронам предстояло двигаться на Мария вдоль Лигурийского побережья. Кимвры замешкались, а тевтоны и амброны, быстро пройдя весь путь, появились перед римлянами, бесчисленные, страшные, голосом и криком не походившие ни на один народ. Заняв огромную равнину и став лагерем, они принялись вызывать Мария на бой. (16). Однако он пренебрег вызовом и продолжал удерживать воинов в лагере, а слишком уж горячих, рвавшихся в бой и делавших далекие вылазки, резко порицал, называя предателями: ведь сейчас главное не справить триумф или воздвигнуть трофей, но отвести эту грозную тучу, этот удар молнии и спасти Италию. Так Марий говорил каждому из военных трибунов и равным им по достоинству начальникам, солдат же группами выстраивал на валу и заставлял смотреть на врагов, желая приучить римлян к виду и страшному, грубому голосу варваров, познакомить их с оружием и боевыми приемами противника и тем самым добиться, чтобы солдаты постепенно освоились и привыкли к зрелищу, прежде пугавшему их. Марий вообще полагал, что новизна прибавляет много напрасных страхов, а привычка уменьшит робость даже перед тем, что действительно страшно. И в самом деле, не только привычка смотреть на варваров день ото дня утишала смятение, но и угрозы и несносная наглость врагов, грабивших все вокруг и даже осмеливавшихся открыто нападать на стены лагеря, разжигали мужество римлян и воспаляли их душу. Марию стали доносить о таких разговорах возмущенных воинов: «Разве мы показали себя малодушными и у Мария есть причина не пускать нас в бой и караулить, запирая на замок, словно женщин? Давайте спросим его, как подобает свободным людям: неужели он ждет других воинов, чтобы сражаться за Италию? Почему он использует нас только для всяких работ – когда нужно копать ров, расчищать реку от ила или повернуть ее в другое русло? Видно, для этого он и закалял нас тяжелым трудом, это и есть те подвиги, о которых он расскажет гражданам, когда вернется в Рим после всех своих консульств.

Неужто он опасается судьбы Карбона и Цепиона, которых разбили враги? Но ведь они намного уступали Марию доблестью и славой, и намного хуже были войска, которыми они командовали. И потом лучше потерпеть поражение в бою, как они, чем, сложа руки, смотреть, как разоряют союзников».

17. Услышав об этом, Марий обрадовался и поспешил успокоить солдат, сказав, что не питает к ним недоверия, но в соответствии с предсказанием ждет должного срока и места для победы. За ним всегда торжественно несли на носилках некую сириянку, по имени Марфа, слывшую гадательницей, по совету которой он совершал жертвоприношения. Незадолго до этого сенат изгнал ее, когда она стала предрекать будущее сенаторам, но она вошла в доверие к женщинам, на деле доказав свое умение гадать, особенно в одном случае, когда, сидя у ног жены Мария, предсказала, какой из двух гладиаторов, выйдет победителем. Та отослала Марфу к мужу, и у него она пользовалась уважением. Чаще всего она оставалась в носилках, а во время жертвоприношений сходила с них, облаченная в двойное пурпурное одеяние, держа копье, увитое лентами и гирляндами цветов. Это давало много поводов для споров, в самом ли деле Марий верит гадательнице или же притворяется, разыгрывая перед людьми представление и сам участвуя в нем? Удивительный рассказ находим мы и у Александра Миндского: по его словам, войско Мария перед каждым успехом сопровождали два коршуна, которых можно было узнать по медным ожерельям (эти ожерелья воины, поймав птиц, надели им на шею, а потом отпустили их). С этих пор, увидев коршунов, воины приветствовали их и, когда те появлялись перед походом, радовались, веря, что их ждет верная удача.

Много знамений было в то время, но все они не относились прямо к будущему Мария, кроме одного: из итальянских городов Америи и Тудерта сообщили, что ночью там видели в небе огненные копья и щиты, которые сперва были разделены некоторым расстоянием, а затем встретились и стали двигаться, словно ими сражаются люди, потом одна часть отступила, другая погналась следом, и все видение понеслось к западу. Примерно в то же время из Пессинунта прибыл в Рим жрец Великой Матери богов Батак и возвестил, что богиня из своего святилища предсказала римлянам успех в сражении и победу в войне. Сенат, поверив предсказанию, постановил воздвигнуть богине храм в благодарность за победу, и Батак, выйдя к народу, хотел сообщить ему об этом, однако трибун Авл Помпей помешал ему, обозвав жреца обманщиком и согнав его с возвышения. Но это лишь укрепило веру в слова Батака, ибо не успел Авл распустить Собрание и возвратиться домой, как его схватила страшная лихорадка, от которой он на седьмой день умер; это стало известно всему городу, и все говорили об этом случае.

18. Тевтоны, пользуясь бездействием Мария, попытались взять лагерь приступом, но были встречены градом стрел, летевших из-за частокола. Потеряв немало воинов, они решили трогаться дальше, считая, что без труда перевалят через Альпы, и, собравшись, двинулись мимо лагеря римлян, которые лишь теперь, когда варвары бесконечно длинной вереницей шли перед ними, поняли, сколь многочисленны их враги. Говорят, что это шествие непрерывно тянулось мимо укреплений Мария шесть дней. Проходя под самым валом, тевтоны со смехом спрашивали римских солдат, не желают ли они что-нибудь передать женам, ибо скоро тевтоны будут в Риме. Когда, наконец, варвары миновали лагерь, Марий поднялся и, не спеша, последовал за ними, всякий раз останавливаясь поблизости от них в недоступных местах и воздвигая укрепления, чтобы ночевать в безопасности.

Так достигли они местности, именуемой Секстиевыми Водами, откуда лишь немного оставалось пройти до Альп. Здесь Марий приготовился дать сражение и занял лагерем неприступный холм, на котором не было, однако, воды (этим он хотел, как говорят, еще больше ожесточить солдат). Когда многие из них стали возмущаться и кричать, что хотят пить, Марий, указав рукой на реку, протекавшую возле вражеского вала, сказал: «Вот вам питье, за которое придется платить кровью». «Так почему же ты не ведешь нас на них, пока кровь в наших жилах еще не высохла?» – спросили воины. «Сперва нужно укрепить лагерь», – спокойно отвечал Марий. (19). Солдаты подчинились, хотя и с досадой, но рабы,

во множестве следовавшие за войском, не имея воды ни для себя, ни для вьючных животных, гурьбой спустились к реке. Они захватили с собой, кроме сосудов, секиры и топоры, а некоторые даже мечи и копья, чтобы добыть воды – пусть даже с бою. Сначала на них напала только малая часть противников: все остальные в это время или купались, или завтракали после купания. В тех краях бьют горячие ключи и римляне застigli варваров в такой момент, когда многие из них, окружив эти источники, благодумствовали и предавались праздности, восхищаясь прелестью местности. На крик сражающихся сбежалось много римлян, ибо Марию было трудно удержать солдат, боявшихся за своих рабов. Самые воинственные из варваров – амброны – тоже бросились к оружию. Число их превосходило тридцать тысяч, и они уже нанесли поражение римлянам, сражавшимся под командованием Манлия и Цепиона. Хотя тела их были отягощены пищей, а души разгорячены вином и исполнены дерзости, все же они мчались вперед не разъяренной, беспорядочной толпой, а крики, которые они издавали, не были невнятные: ритмично ударяя мечами и копьями о щиты, они все разом подпрыгивали и выкрикивали: «Амброны!», – то ли оклика друг друга, то ли желая таким предупреждением испугать врага. Лигуры, первыми из италийцев спустившиеся им навстречу, услышав и разобрав их клич, стали кричать в ответ, что и они, и предки из их рода в род прозывались амбронами. И прежде чем противники сошлись врукопашную, над полем стоял непрерывный вопль, потому что оба войска, поочередно издавая клич, старались перекрыть друг друга, и крики еще больше воспаляли их, возбуждая мужество.

Сперва амброны стояли за рекой, но не успели они переправиться и выстроиться, как лигуры бегом ринулись на врагов, ступивших на берег первыми, и завязали рукопашный бой, а римляне, примчавшиеся с холма на помощь лигурам, налетели на варваров и обратили их в бегство. Многие из амбронов, еще стоявшие у реки, были сброшены в воду своими же и погибли, запрудив русло трупами, а те, кому удалось переправиться, не решались встретить врага лицом к лицу, и римляне гнали их до самых лагерей и повозок, убивая бегущих. Но тут появились женщины, вооруженные топорами и мечами: со страшным криком напали они и на беглецов, и на преследователей, одних встречая как предателей, других – как врагов. Замешавшись в ряды сражающихся, они голыми руками вырывали у римлян щиты и хватались за мечи, не чувствуя порезов и ран, и только смерть смирляла их отвагу. Так описывают эту битву у реки, происшедшую скорее по воле случая, чем по замыслу полководца.

20. Перебив множество амбронов, римляне с наступлением сумерек отошли, но не победные пзаны, не пиры по шатрам и не веселые трапезы ожидали войско после такой удачи, и даже целительный сон, который так сладок для счастливо сражавшихся воинов, не пришел к ним, ибо еще ни одну ночь не проводили они в таком страхе и трепете, как эту. Лагерь их не был защищен ни валом, ни частоколом, а внизу еще оставалось несчетное множество непобедимых варваров. К ним присоединились амброны, которые спаслись бегством, и всю ночь раздавались их жалобы, похожие больше на звериный рык и вой, чем на человеческий плач и стенания; с жалобами смешивались тысячеустые угрозы и вопли, их повторяли окрестные горы и речная долина, наполняя округу страшным гулом, а сердца – римлян – ужасом. Сам Марий был в смятении, опасаясь, как бы не началось беспорядочное, бессмысленное ночное сражение. Однако враги не напали ни в эту ночь, ни на следующий день, употребив все время на подготовку к бою.

Между тем Марий, увидев, что над головой варваров нависают лесистые склоны, прорезанные ущельями, сплошь заросшими дубами, послал Клавдия Марцелла с тремя тысячами тяжело вооруженных воинов, приказав ему укрыться в засаде и во время битвы напасть на врага с тыла. Остальных пехотинцев, выпавшихся и рано позавтракавших, он с рассветом выстроил перед лагерем, а конницу выслал вперед, на равнину. Увидев это, тевтоны, не дождавшись, пока римляне спустятся вниз и положение сражающихся сторон уравнивается, второпях схватили оружие и в гневе бросились вверх по холму. Марий разослал во все стороны начальников с приказом твердо стоять на месте и, когда неприятель окажется

в пределах досягаемости, забросать его копьями, а затем пустить в ход мечи и сталкивать врагов щитами: покатоое место лишит их удары силы и расшатает сомкнутый строй, ибо на такой крутизне трудно стоять твердо и удерживать равновесие. Это Марий внушал всем, и сам первый на деле показывал пример, никому не уступая силой и ловкостью и далеко превосходя всех отвагой. (21). Римляне, принимая и отражая натиск рвавшихся вверх варваров, стали сами понемногу теснить противника и, в конце концов, спустились на ровное место. Пока передние ряды варваров строились на равнине в боевой порядок, в задних возникло замешательство и поднялся крик. Когда его звук долетел до холмов, Марцелл, поняв, что удобный момент настал, поднял своих солдат и с воинственным кличем напал на варваров с тыла, убивая стоявших в последних рядах. Те, увлекая за собой соседей, вскоре привели в смятение все войско, которое недолго сопротивлялось двойному удару римлян, но, смешавшись в беспорядочную толпу, обратилось в бегство. Преследуя бегущих, римляне убили и взяли в плен больше ста тысяч человек, захватили палатки, повозки и деньги, а все, что уцелело от разграбления, решили отдать Марию. Однако все считали, что даже этот богатейший дар – недостаточная награда для полководца, отвратившего столь огромную опасность. Впрочем, некоторые сообщают о подаренной Марию добыче и о числе убитых другие сведения⁸⁴⁹. Во всяком случае, жители Массилии костями павших огораживали виноградники, а земля, в которой истлели мертвые тела, стала после зимних дождей такой тучной от наполнившего ее на большую глубину перегноя, что принесла в конце лета небывало обильные плоды, чем подтвердились слова Архилоха, что так вот и удобряется пашня. После больших сражений, как говорят, обычно идут проливные дожди: видимо, либо какое-то божество очищает землю, проливая на нее чистую небесную влагу, либо гниющие трупы выделяют тяжелые, сырые испарения, сгущающие воздух до такой степени, что малейшая причина легко вызывает в нем большие перемены.

22. После битвы Марий отобрал из варварского оружия и добычи все самое лучшее и наименее пострадавшее, чтобы придать великолепию своему триумфальному шествию, а из остального велел сложить огромный костер и принес великолепную жертву. Воины стояли вокруг в полном вооружении, с венками на голове, а сам он, препоясанный по обычаю предков и одетый в тогу с пурпурной каймой, взял в каждую руку по горящему факелу, вознес их к небу и уже готов был поджечь костер, как вдруг показались его друзья, быстро мчавшиеся к нему на конях. Все смолкли в ожидании, а прибывшие, подъехав ближе и спешившись, приветствовали Мария, сообщили ему, что он в пятый раз избран консулом, и вручили письма. Эта радостная весть увеличила победное ликование, и воины излили свой восторг в рукоплесканиях и бряцании оружия, военные трибуны увенчали Мария лавровым венком, а затем он поджег костер и завершил жертвоприношение.

23. Но судьба, или Немесида, или естественный порядок вещей, который, не давая людям насладиться полным и безраздельным успехом, чередует в их жизни удачи и неудачи, спустя немного дней принес Марию известие о его товарище по должности – Катуле. И снова, словно туча на ясном, чистом небе, навис над Римом страх новой бури. Дело в том, что Катул, действовавший против кимров, опасаясь дробить свои силы, чтобы их не ослабить, отказался от намерения защищать Альпийские перевалы, быстро спустился в Италию и занял оборону по реке Натизону, воздвигнув у брода на обоих берегах сильные укрепления и наведя переправу с тем, чтобы помочь стоявшему за рекой отряду, если варвары прорвутся через теснины и нападут на него. А те преисполнились такой дерзости и презрения к врагам, что даже не по необходимости, а лишь для того, чтобы показать свою выносливость и храбрость, нагими шли сквозь снегопад, по ледникам и глубокому снегу взбирались на вершины и, подложив под себя широкие щиты, сверху съезжали на них по скользким склонам самых высоких и крутых гор. Став лагерем неподалеку от римлян и

⁸⁴⁹ 18. ...другие сведения ... – Ливий (эпитома 68) называет 200 тыс. убитых и 90 тыс. пленных, Веллей Патеркул (II, 12) – 150 тыс. убитых.

разведав брод, они стали сооружать насыпь: подобно гигантам, срывали они окрестные холмы и бросали в воду огромные глыбы земли вместе с вырванными с корнем деревьями и обломками скал, так что река вышла из берегов, а по течению они пускали тяжелые плоты, которые с силой ударялись об устои моста и расшатывали их. Очень многие римские солдаты в испуге стали покидать большой лагерь и разбегаться. И тут Катул показал, что он, как положено благородному и безупречному полководцу, больше заботится о славе сограждан, чем о своей собственной. Не сумев убедить солдат остаться и увидев, что они в страхе собираются в путь, он приказал снять с места орла, бегом настиг первых из отступавших и пошел впереди, желая чтобы позор пал на него, а не на отечество, и стараясь придать бегству вид отступления, возглавленного полководцем. Варвары, напав на лагерь за Натизоном, взяли его, но, восхищенные римлянами, оборонявшимися с доблестью, достойной их отчизны, отпустили пленных, заключив перемирие и поклявшись на медном быке⁸⁵⁰, который впоследствии, после битвы, был захвачен и перенесен в дом Катула как его доля добычи. Затем, рассеявшись по стране, лишенной защиты, кимвры опустошили ее.

24. После этого Мария вызвали в Рим. Все ожидали, что он отпразднует триумф, который сенат охотно предоставил ему, но Марий отказался, то ли не желая лишать этой чести своих соратников – воинов, то ли стараясь ободрить народ перед лицом надвигающейся опасности и для этого как бы вверяя судьбе города славу своих прежних подвигов, чтобы после второй победы вернуть ее себе еще более блестящей. Произнеся подобающую случаю речь, он отбыл к Катулу, ободрил его и вызвал своих солдат из Галлии. Едва они явились, Марий перешел Эридан, чтобы не пропустить варваров в глубь Италии. Но кимвры уклонялись от боя, говоря, что ожидают тевтонов и удивляются их задержке, – то ли они в самом деле ничего не знали о их гибели, то ли притворялись, будто не верят этому известию. Тех, кто сообщал им о разгроме, они подвергали суровому наказанию, а к Марию прислали посольство с требованием предоставить им и их братьям достаточно обширную область и города для поселения. Когда на вопрос Мария, кто же их братья, послы назвали тевтонов, все засмеялись, а Марий пошутил: «Оставьте в покое ваших братьев; они уже получили от нас землю, и получили навсегда». Послы, поняв насмешку, стали бранить Мария, говоря, что ему придется дать ответ кимврам – сейчас же, а тевтонам – когда они будут здесь. «Да они уже здесь, – ответил Марий, – и негоже вам уйти, не обняв ваших братьев». С этими словами он велел привести связанных тевтонских царей, которых секваны захватили в Альпах во время бегства. (25). Когда послы рассказали об этом кимврам, они тотчас же выступили против Мария, не двигавшегося с места и лишь охранявшего свои лагерь.

Считается, что именно в этой битве Марий впервые ввел новшество в устройство копья. Раньше наконечник крепился к древку двумя железными шипами, а Марий, оставив один из них на прежнем месте, другой велел вынуть и вместо него вставить ломкий деревянный гвоздь. Благодаря этому копье, ударившись о вражеский щит, не оставалось прямым: деревянный гвоздь ломался, железный гнулся, искривившийся наконечник просто застревал в щите, а древко волочилось по земле.

Бойориг, царь кимвров, с небольшим отрядом подъехал к самому лагерю и предложил Марию, назначив день и место, выйти, чтобы биться за власть над страной. Марий ответил ему, что никогда еще римляне не совещались о битвах с противником, но он сделает кимврам эту уступку; решено было сражаться на третий день, а место было выбрано у Верцелл, на равнине, удобной и для римской конницы, и для развернутого строя варваров. В назначенный срок оба войска выстроились друг против друга. У Катула было двадцать тысяч триста воинов, у Мария – тридцать две тысячи; Сулла, участник этой битвы, пишет, что Марий разделил своих людей на две части и занял оба крыла, а Катул оставался в середине.

⁸⁵⁰ 19. ...поклявшись на медном быке ... – Возможно, что медный бык был у кимвров военным знаменем, как у римских легионов – серебряный орел (комм. С.П. Маркиша).

Сулла утверждает, будто Марий разместил свои силы таким образом в надежде на то, что неприятель нападет на выдвинутые вперед крылья и потому победа достанется лишь его воинам, а Катулу вообще не придется принять участие в битве и схватиться с противником, ибо центр, как всегда бывает при столь длинном фронте, был оттянут назад. Передают, что и сам Катул говорил в свою защиту то же самое⁸⁵¹, обвиняя Мария в недоброжелательстве. Пехота кимвров не спеша вышла из укрепленного лагеря; глубина строя у них была равна ширине и каждая сторона квадрата имела тридцать стадиев. А конница, числом до пятнадцати тысяч, выехала во всем своем блеске, с шлемами в виде страшных, чудовищных звериных морд с разинутой пастью, над которыми поднимались султаны из перьев, отчего еще выше казались всадники, одетые в железные панцири и державшие сверкающие белые щиты. У каждого был дротик с двумя наконечниками, а врукопашную кимвры сражались большими и тяжелыми мечами.

26. Всадники не ударили на римлян прямо в лоб, а отклонились вправо и понемногу завлекли их в промежуток между конницей и выстроившейся левее пехотой. Римские военачальники разгадали хитрость противника, но не успели удержать солдат, которые сразу же бросились вдогонку, едва один из них закричал, что враг отступает. Тем временем варварская пехота приближалась, колыхаясь, точно безбрежное море. Тогда Марий, омыв руки, поднял их к небу и взмолился богам, обещая принести им гекатомбу; молился и Катул, также воздев руки и творя обеты Судьбе сегодняшнего дня. Рассказывают, что Марий, когда ему во время жертвоприношения показали закланных животных, громко вскричал: «Победа моя!» Но, когда завязалось сражение, Мария, как сообщает Сулла, постигло заслуженное наказание. Огромное облако пыли поднялось и, как бывает всегда, застлало воинам глаза, и потому Марий, первым двинувшийся преследовать врага и увлекший за собой свои легионы, упустил противника, пройдя мимо варварского строя, и долго блуждал по равнине; кимвры же по счастливой случайности натолкнулись на Катула, и самое жаркое сражение шло там, где стоял он и его солдаты, среди которых находился и Сулла, по его собственным словам. Даже солнце, светившее кимврам в глаза, и зной сражались на стороне римлян, ибо варвары, выросшие, как было сказано выше, в туманных, холодных странах, терпеливые к морозу, в жару покрывались обильным потом, задыхались и щитами прикрывали лица, а битва происходила после летнего солнцеворота, по римскому исчислению – в третий день перед календами месяца секстилия⁸⁵², как его тогда называли (теперь он именуется августом). Пыль, скрыв врага от глаз солдат, увеличила их храбрость, ибо они не видели огромных толп варваров, пока те были далеко, и каждый, сходясь врукопашную с теми, кто подбегал к нему вплотную, не был уstraшен видом остальных врагов. Римские солдаты были так выносливы и закалены, что ни одного из них нельзя было увидеть покрытым потом или задыхающимся, несмотря на духоту и частые перебежки, как об этом, говорят, писал сам Катул, возвеличивая подвиг своих солдат. (27). Бо льшая и самая воинственная часть врагов погибла на месте, ибо сражавшиеся в первых рядах, чтобы не разрывать строя, были связаны друг с другом длинными цепями, прикрепленными к нижней части панциря. Римляне, которые, преследуя варваров, достигали вражеского лагеря, видели там страшное зрелище: женщины в черных одеждах стояли на повозках и убивали беглецов – кто мужа, кто брата, кто отца, потом собственными руками душили маленьких детей, бросали их под колеса или под копыта лошадей и закалывались сами. Рассказывают, что одна из них повесилась на дышле, привязав к щиколоткам петли и повесив на них своих детей, а мужчины, которым не хватило

⁸⁵¹ 20. *Передают, что и сам Катул говорил ...* (ср. и ниже, гл. 26, конец). – Т.е., по-видимому, Плутарх знал записки Катула (на латинском языке) только из вторых рук, тогда как записки Суллы (на греческом языке) читал сам.

⁸⁵² 21. *...в третий день перед календами месяца секстилия ...* – 30 июля 101 г. (по доюлианскому календарю),

деревьев, привязывали себя за шею к рогам или крупам быков, потом кололи их стрелами и гибли под копытами, влекомые мечущимися животными. Хотя они и кончали с собою таким образом, в плен было захвачено шестьдесят тысяч человек, убитых же насчитывалось вдвое больше.

Имущество варваров расхитили солдаты Мария, а доспехи, военные значки и трубы принесены были в лагерь Катула, и это послужило для него самым веским доказательством, что именно он победил кимвров. Однако между солдатами, как водится, начался спор, третейскими судьями в нем выбрали оказавшихся тогда в лагере послов из Пармы, которых люди Катула водили среди убитых врагов и показывали тела, пронзенные их копьями: наконечники этих копий легко было отличить, потому что на них возле древка было выбито имя Катула. И все же первая победа и уважение к власти Мария⁸⁵³ заставили приписать весь подвиг ему. Больше того, простой люд называл его третьим основателем города⁸⁵⁴, полагая, что он не уступает полководцу, отразившему нашествие галлов. Дома, за праздничной трапезой с женой и детьми, каждый посвящал начатки яств и совершал возлияние Марию наравне с богами, все требовали, чтобы он один справил оба триумфа. Но он сделал это вместе с Катулом, потому что хотел и в счастье казаться умеренным, а быть может, и потому, что опасался, как бы воины, стоявшие в боевой готовности, не помешали ему справить триумф, если он лишит Катула этой чести.

28. Все это Марий совершил во время своего пятого консульства. Шестого он домогался так, как другие не добиваются и первого; обхаживая для этого народ, он не только угождал толпе в ущерб достоинству и значению власти, но и старался быть мягким и снисходительным, вопреки собственной природе, лишенной этих свойств. Однако, как утверждают, честолюбие делало его робким на гражданском поприще, ропот толпы пугал его, присущие ему в битвах непоколебимость и стойкость покидали его в Народном собрании, и любой мог хвалой или хулой заставить его воспрянуть или пасть духом. Правда, даровав римское гражданство тысяче камерийцев⁸⁵⁵, отличившихся в сражении, Марий в ответ на обвинения в том, что поступил противозаконно, сказал: «Грохот оружия заглушал голос закона». Но в большинстве случаев он терялся и робел перед криками в Народном собрании. На войне, где без него не могли обойтись, Марий пользовался властью и уважением, а в государственных делах его влияние ограничивали всеми средствами, и потому он стал добиваться расположения народа и, стремясь стать выше всех, не старался быть лучше всех.

Враждуя с первыми гражданами, он больше всего боялся Метелла, который пал жертвой его неблагодарности и чья врожденная неподкупная честность всегда восставала против людей, желавших привлечь народ не заботой об общем благе, а лестью и угождением. Этого человека Марий задумал изгнать, ради чего приблизил к себе Сатурнина и Главцию, людей наглых и всегда окруженных толпой обнищавших смутьянов. С их помощью он внес несколько законов и, рассеяв в толпе народа, сошедшегося на выборы, своих солдат, кознями победил Метелла. Согласно рассказу Рутилия, человека честного и правдивого, но враждебного Марию, тот, раздав по трибам⁸⁵⁶ деньги, купил себе шестое консульство, золотом лишив власти Метелла и взяв Валерия Флакка скорее пособником, чем товарищем по должности. До Мария народ никому, кроме Валерия Корвина, не давал

⁸⁵³ 22. ...уважение к власти Мария ... – Марий командовал как консул текущего 101 г., *Катул* – как бывший консул минувшего 102 г.

⁸⁵⁴ 23. ...третьим основателем города ... – После Ромула и Камилла.

⁸⁵⁵ 24. ...тысяча камерийцев ... – Из Камерии, сабинского города в Лации.

⁸⁵⁶ 25. ...по трибам ... – По 35 римским избирательным округам.

консульства столько раз, но у того между первым и шестым консульством протекло сорок пять лет, а Марий после первого получил еще пять как единый дар судьбы. (29). Более всего было ненавистно согражданам последнее консульство Мария, когда заодно с Сатурнином он совершил множество преступлений. К числу их принадлежит убийство Нония, который домогался трибуната, соперничая с Сатурнином, и был заколот им.

Став трибуном, Сатурнин предложил закон о земле⁸⁵⁷ и прибавил к нему требование, чтобы сенат поклялся без возражений принять все, что постановит народ. В сенате Марий сделал вид, будто порицает эту часть закона, заявив, что и сам не принесет клятвы и не думает, чтобы это сделал любой здравомыслящий человек: даже если закон и не плох, наглость – заставлять сенат принять его не по доброй воле, а по принуждению. Однако думал он иначе и, говоря так, лишь готовил коварную ловушку Метеллу. Считая ложь неотъемлемым свойством доблестного и разумного человека, Марий не собирался выполнить то, о чем говорил в сенате, и зная стойкость Метелла, уверенного, что – пользуясь выражением Пиндара – «правдивость есть начало добродетели», хотел использовать его отказ принести клятву, чтобы вызвать в народе жестокую ненависть к нему. Так оно и вышло. Когда Метелл заявил, что присягать не будет, Марий распустил сенат, а через несколько дней Сатурнин созвал членов курии к возвышению для ораторов и стал требовать от них клятвы. При появлении Мария все смолкли, выжидаяще глядя на него, а он, пренебрегши всем, о чем пылко говорил в сенате, заявил, что у него не такая толстая шея⁸⁵⁸, чтобы раз навсегда высказать свое мнение в столь важном деле, и что он даст клятву и будет повиноваться закону, если только это закон. (Этой «мудрой» оговоркой он хотел прикрыть свое бесстыдство.) Народ, узнав, что Марий принес клятву, приветствовал его рукоплесканиями и криками, а среди лучших граждан измена Мария вызвала уныние и ненависть к нему. Боясь народа, все, кроме Метелла, один за другим принесли клятву. Метелл, несмотря на уговоры и просьбы друзей присягнуть и не подвергать себя страшному наказанию, которого Сатурнин требовал для всех, не давших клятвы, не изменил своей гордости, не присягнул и удалился с собрания, верный себе и готовый претерпеть самую страшную муку, но не совершить ничего постыдного. Уходя, он говорил друзьям, что дурной поступок – это подлость, поступить хорошо, ничем при этом не рискуя, может всякий, но лишь доблестному мужу присуще поступать хорошо, невзирая на риск. После этого Сатурнин внес предложение, чтобы консулы лишили Метелла крова, огня и воды⁸⁵⁹, а злобная чернь готова была убить его. Когда лучшие граждане в тревоге сбежались к Метеллу, он запретил им начинать из-за него распрю и покинул Рим, считая это самым разумным. «Если дела пойдут лучше, – говорил он, – и народ одумается, я вернусь по его призыву, а если все останется по-прежнему, то лучше быть подальше». Однако о том, как он снискал себе в изгнании общее расположение и почет, как жил на Родосе жизнью философа, будет уместно рассказать в его жизнеописании⁸⁶⁰.

30. За эту услугу Сатурнина Марий должен был закрыть глаза на то, что тот дошел до предела в своей наглости и приобрел огромную власть; так незаметно для себя Марий

⁸⁵⁷ 26. ...закон о земле ... – Закон продолжал политику Гракхов: предлагался раздел (между ветеранами Мария) земель в Африке и Предальпийской Галлии, несмотря на то, что галлы были союзниками римского народа.

⁸⁵⁸ 27. ...толстая шея ... – Это считалось признаком высокомерия и гордыни.

⁸⁵⁹ 28. ...лишили Метелла огня и воды ... – Римская формула изгнания. Метелл покинул Рим, не дожидаясь законного приговора.

⁸⁶⁰ 29. ...в его жизнеописании ... – Биография Метелла в «Сравнительные жизнеописания» не вошла и до нас не дошла.

причинил Риму страшное зло, допустив, чтобы трибун, грозя оружием и убийствами, открыто стремился к государственному перевороту и тирании. Стыдясь знати и угождая черни, Марий совершил совсем уже бесчестный и низкий поступок. Когда ночью к нему пришли первые люди в государстве и стали убеждать его расправиться с Сатурнином, Марий тайком от них впустил через другую дверь самого Сатурнина и, солгав, что страдает расстройством желудка, под этим предлогом бегал через весь дом то к одним, то к другому, подзадоривая и подстрекая обе стороны друг против друга. Когда же и сенаторы, и всадники устроили сходку, негодуя против мятежников, Марий вывел на форум вооруженных воинов⁸⁶¹, загнал сторонников Сатурнина на Капитолий и, перерезав водопровод, взял их измором: ослабев от жажды, они призвали Мария и сдались, получив от имени государства заверения в личной неприкосновенности. Он делал все, чтобы их спасти, но ничем не мог помочь, и едва они спустились на форум, как их тотчас же убили. С этого времени Марий стал ненавистен не только знати, но и простому народу, и потому, несмотря на свою громкую славу, он, опасаясь неудачи, даже не принял участия в цензорских выборах, допустив, чтобы избрали менее известных лиц, сам же лицемерно говорил, что не хочет навлекать на себя ненависть множества людей, сурово расследуя их жизнь и нравы.

31. Когда было внесено предложение вернуть Метелла из изгнания, Марий словом и делом старался помешать этому, но ничего не добился; после того, как народ охотно принял это решение, он, будучи не в силах перенести возвращение Метелла, отплыл в Каппадокию и Галатию под тем предлогом, что по обету должен принести жертвы Матери богов, в действительности же имея другую причину для путешествия, многим неизвестную. Дело в том, что Марий, по природе неспособный к мирной гражданской деятельности и достигший величия благодаря войнам, полагал, будто в праздности и спокойствии его власть и слава постепенно увядают. Ища возможностей для новых подвигов, он надеялся, что если ему удастся возмутить царей и подстрекнуть Митридата к войне, которую, как все подозревали, тот давно уже замышлял, то его выберут полководцем и он наполнит Рим славой новых триумфов, а свой дом – понтийской добычей и царскими богатствами. Поэтому, хотя Митридат принял его любезно и почтительно, Марий не смягчился и не стал уступчивее, но сказал царю: «Либо постарайся накопить больше сил, чем у римлян, либо молчи и делай, что тебе приказывают», – и этим поверг в страх Митридата, часто слышавшего язык римлян, но впервые узнавшего, какова бывает откровенность их речей.

32. Вернувшись в Рим, Марий построил дом неподалеку от форума, не желая, по его собственным словам, затруднять дальней дорогой приходивших почтить его, а на самом деле полагая, что к нему приходит меньше народу, чем к другим знатым римлянам, лишь из-за удаленности его жилища. В действительности же дело было не в этом. Уступая другим в любезном обхождении и во влиянии на дела государства, Марий жил теперь в пренебрежении, подобный орудю войны во время мира. Никто из тех, кто превосходил его славой, не заставлял его так страдать и терзаться, как Сулла, который приобрел могущество, используя ненависть знати к Марию, и сделал вражду с ним основой своего возвышения. Когда же нумидиец Бокх, объявленный союзником римского народа, воздвиг на Капитолии статуи Победы, несущей трофеи, а рядом с ними – золотое изображение Югурты, передаваемого им Сулле, Марий, уязвленный в своем честолюбии и разгневанный тем, что Сулла приписывает себе его подвиги, готовился силой сбросить дары Бокха. Сулла воспротивился этому, и распря уже готова была вспыхнуть, но ее пресекла Союзническая война, неожиданно обрушившаяся на Рим. Самые многочисленные и воинственные из италийских народов восстали против Рима и едва не низвергли его владычество, ибо были

---

⁸⁶¹ 30. ...Марий вывел ... вооруженных воинов ... – Главция, товарищ Сатурнина, стал вооруженной силой добиваться консульства на следующий, 99 г., сенат объявил военное положение («пусть консулы примут меры, чтобы республика не потерпела ущерба») и Марий произвел жестокую расправу над своими прежними союзниками.

сильны не только людьми и оружием, но и талантом полководцев, которые не уступали римлянам ни отвагой, ни опытностью. (33). Эта война, с ее бедствиями и превратностями судьбы, настолько же увеличила славу Суллы, насколько отняла ее у Мария. Ибо он стал медлителен в наступлении, всегда был полон робости и колебаний, то ли потому, что старость угасила в нем прежний пыл и решительность (ему было уже больше шестидесяти пяти лет), то ли потому, что, страдая болезнью нервов и ослабев телом, он, по собственному признанию, лишь из боязни позора нес непосильное для него бремя войны. И все же он одержал большую победу⁸⁶², истребив шесть тысяч вражеских воинов, и при этом его войско было неуязвимым для врагов, потому что он остался на месте, когда они окружили его рвом, и не поддавался гневу, когда они вызывали его на бой и насмехались над ним. Рассказывают, что Помпедий Силон, пользовавшийся среди италийцев наибольшей властью и влиянием, сказал ему: «Если ты великий полководец, Марий, выйди и сразись со мной»; на это Марий ответил: «Если сам ты великий полководец, то заставь меня сразиться с тобой против моей воли». В другой раз, когда неосмотрительность врагов создала удобный случай напасть на них, а римляне настолько оробели, что обе стороны стали отступать, Марий, созвав своих солдат на сходку, сказал им: «Затрудняюсь решить, кто более труслив – наши противники или мы: ни они не решились взглянуть нам в спину, ни мы им в затылок». Однако, в конце концов, по причине телесной немощи и болезни он сложил с себя обязанности полководца.

34. Когда война в Италии близилась к концу и многие в Риме стали искать расположения народа, чтобы получить командование в войне с Митридатом, народный трибун Сульпиций, человек крайне дерзкий, совершенно неожиданно для сограждан вывел Мария на форум и предложил облечь его консульскими полномочиями и отправить полководцем против Митридата. Народ разделился: одни хотели избрать Мария, другие призывали Суллу, а Мария посылали в Байи горячими ваннами лечить тело, изнуренное, как он сам говорил, старостью и ревматизмом. Там, возле Мизен, у Мария был великолепный дом, предназначенный для жизни куда более изнеженной и роскошной, чем подобало человеку, прошедшему столько войн и походов. Рассказывают, что Корнелия купила его за семьдесят пять тысяч, а спустя недолгое время Луций Лукулл заплатил за него два с половиною миллиона – так быстро поднялась цена и возросла страсть к роскоши. Тем не менее Марий, из честолюбия упрямо не желал признавать себя старым и слабым, ежедневно приходил на Поле и упражнялся вместе с юношами, показывая, как легко он владеет оружием и как крепко сидит в седле, несмотря на старость, сделавшую его тело неповоротливым, грузным и тучным. Некоторым нравился его образ действий, и они охотно приходили смотреть, как честолюбиво состязается он с молодыми, но достойные граждане при виде подобных занятий жалели этого жадного до славы человека, который, став богатым из бедного и великим из ничтожного, не ведает, что и его счастью положен предел, не довольствуется созерцанием достигнутых благ и спокойным обладанием ими, но после стольких славных триумфов, на склоне лет стремится, точно безвестный бедняк, в Каппадокию и к Эвксинскому Понту сражаться с Архелаем и Неоптолемом, сатрапами Митридата. Что же касается оправданий Мария, утверждавшего, будто он хочет сам закалить и обучить в походе сына, то они казались совершенно нелепыми.

35. Такие распри раздирали Рим, давно уже больной изнутри, когда Марий, на общую погибель, нашел себе превосходное орудие – дерзость Сульпиция, который восхищался Сатурнином и во всем подражал ему, упрекая лишь за нерешительность и медлительность. Сам же Сульпиций не медлил: окружив себя, словно телохранителями, шестьюстами гражданами из всаднического сословия, которых он именовал антисенатом, он с оружием в

---

⁸⁶² 31. ...одержал большую победу ... – В 90 г. в области марсов; но и ее успех был приписан Сулле, отрезавшему путь неприятелю.

руках напал в Народном собрании на консулов⁸⁶³, и когда один из них бежал с форума, мятежники захватили и убили его сына. Сулла же, за которым гнались враги, пробега мимо дома Мария, неожиданно для всех ворвался в него и скрылся от прормчавшихся дальше преследователей; рассказывают, что сам Марий выпустил его невредимым через другую дверь, и так Сулла пробрался к войску⁸⁶⁴. Но Сулла в своих воспоминаниях говорит, что не сам он прибежал к Марию, а был отведен туда, чтобы обсудить постановления, которые Сульпиций вынуждал его принять против воли: мятежники окружили его с обнаженными мечами и заставили пойти в дом Мария, после чего он вернулся на форум и отменил, как они требовали, неприсутственные дни. Вышедший победителем Сульпиций добился избрания Мария, который стал готовиться к походу и отправил двух легатов принять войско у Суллы. Тот, возмущив воинов (у него было больше тридцати пяти тысяч тяжело вооруженных пехотинцев), повел их на Рим. А легатов, посланных Марием, солдаты умертвили. Марий в Риме также убил множество сторонников Суллы и объявил, что даст свободу рабам, которые выйдут сражаться за него, однако, как рассказывают, к нему присоединилось всего трое. Когда же в город ворвался Сулла, Марий после недолгого сопротивления был разгромлен и бежал. Едва он был выбит из города, все, кто был с ним, рассеялись а сам Марий с наступлением ночи добрался до Солония, одного из своих имений. Послав сына в расположенные неподалеку владения своего зятя Муция за необходимыми припасами, он отправился в Остию, где один из его друзей, Нумерий, снарядил для него корабль, и отплыл вместе со своим пасынком Гранием. А юноша, явившись во владения Муция и собирая там все необходимое, не избежал встречи с врагом, ибо, движимые подозрением, они на рассвете прислали туда всадников. Однако управитель имения, издали увидев их, спрятал Мария-младшего в телеге, груженной бобами, и, запрягши в нее быков, выехал навстречу всадникам и погнал повозку в город. Так Марий был доставлен в дом своей жены, откуда, взяв все необходимое, он ночью добрался до моря и, сев на корабль, плывший в Африку, переправился туда.

36. Между тем Марий-старший плыл с попутным ветром вдоль берегов Италии, причем, боясь одного из своих врагов – некоего Геминия, таррацинского гражданина, он просил матросов не заходить в Таррацину. Те охотно повиновались бы ему, но ветер переменился и подул с моря, подняв большие волны, так что, казалось, корабль не выдержит бури, и сам Марий чувствовал себя плохо, страдая морской болезнью. С трудом достигли они суши возле Цирцей, буря становилась сильнее, съестные припасы стали подходить к концу, матросы без цели бродили по берегу и, как всегда бывает в больших затруднениях, спеша уйти от уже постигших их бед, как от самых тяжелых, возлагали надежды на неведомое будущее. А ведь им была враждебна земля, враждебно и море, страшно было встретиться с людьми, но страшно и не встретиться – из-за нужды в самом необходимом. Вечером им попало навстречу несколько пастухов, которые ничего не могли им дать, но, узнав Мария, сообщили, что совсем недавно видели на этом месте множество разыскивавших его всадников и советовали ему поскорее бежать. Однако спутники Мария совсем ослабели от голода, он очутился в безвыходном положении, и вот, свернув с дороги, он зашел поглубже в лес и кое-как провел там ночь. На следующий день, гонимый нуждой, еще раз напрягши свои силы, прежде чем они совсем иссякнут, он вышел на берег и, ободряя своих спутников, убеждал их не терять последней надежды, которую он сам хранит, веря

---

⁸⁶³ 32. напал ... на консулов ... (Суллу и Кв. Помпея Руфа) – Сульпиций предложил амнистию сторонникам Сатурнина, чистку сената и такое перераспределение граждан по трибам, которое обеспечило бы при голосовании большинство за врагами сенатской олигархии. Консулы в ответ на это объявили «неприсутственные дни» – приостановили все дела в государстве. Нападение на консулов и было следствием этой меры.

⁸⁶⁴ 33. ...к войску ... – Собранному для войны с Митридатом и стоявшему в Кампании.

давнему предсказанию. Ибо еще совсем молодым человеком, живя в деревне, он однажды полою плаща подхватил падающее орлиное гнездо с семью птенцами, и когда родители, увидев это, удивились и обратились к гадалкам, те отвечали, что он станет славнейшим из смертных и непременно семь раз получит высшую власть. Одни утверждают, что такой случай действительно произошел с Марием, другие – что вся эта история совершенно баснословна, а записали ее, поверив Марию, люди, которые в тот день или позже, во время его изгнания, слышали ее. Дело в том, что орел производит на свет не более двух птенцов; поэтому и Мусей солгал, говорят они, написав, что орел три яйца кладет, высиживает двух птенцов, питает одного. Однако все сходятся на том, что во время бегства в самых трудных положениях Марий часто говорил, что достигнет седьмого консульства.

37. Не доехав всего двадцати стадиев до италийского города Минтурны, они заметили, что за ними гонится отряд всадников, а по морю, к счастью, плывут два грузовых судна. Беглецы что было мочи ринулись к морю, бросились в воду и подплыли к кораблям. Граний взобрался на один из них и был доставлен на расположенный напротив остров, именуемый Энарией, а самого Мария, грузного и неповоротливого, двое рабов с трудом поддерживали на поверхности моря и подняли на другой корабль. Тем временем всадники достигли берега и потребовали, чтобы мореходы либо пристали, либо сбросили Мария в воду и плыли куда угодно. Марий принялся со слезами молить судовладельцев, и те, хотя и колебались некоторое время, не зная, к чему склониться, все же ответили всадникам, что не выдадут его. Когда всадники в гневе удалились, судовладельцы тотчас переменили решение, направились к земле и, бросив якорь возле болотистого устья реки Лирис, предложили Марию выйти на сушу, чтобы подкрепиться там пищей и дать покой изнуренному телу, пока не подует попутный ветер, – подует же он тогда, когда ветер с моря в обычный час уляжется, а ток воздуха, испускаемый болотом, станет достаточно сильным. Марий, поверив им, так и поступил, матросы высадили его на сушу, и он лег на траву, не подозревая, что его ждет. А мореходы поскорее взойшли на корабль, подняли якорь и бежали, полагая, что выдать Мария бесчестно, а спасать его опасно. Всеми покинутый, одинокий, Марий долгое время безмолвно лежал на берегу, потом едва-едва поднялся и с трудом побрел по бездорожью. Перебравшись через глубокие топи и рвы, полные водой и грязью, он набрел на хижину старого рыбака; столкнувшись с ним, Марий стал молить его помочь и спасти человека, который, если теперь ему удастся скрыться, воздаст благодарностью, превосходящей все ожидания. Старик, то ли раньше встречавший Мария, то ли по виду признавший в нем человека незаурядного, сказал, что если гость нуждается в отдыхе, то ему подойдет и этот шалаш, если же он скитается, спасаясь бегством, то можно скрыть его в более безопасном месте. Об этом Марий и попросил его, и старик, отведя его в болото, велел спрятаться в тесной пещере неподалеку от реки, а сам собрал и набросал сверху тростника, легких трав и веток, под которыми Марий мог лежать без всякого вреда. (38). Спустя недолгое время к нему донеслись со стороны хижины шум и крики. Геминий из Таррацины разослал множество людей в погоню за Марием, некоторые из них, случайно оказавшись возле хижины, стали пугать старика и кричать, что он принял и укрыл врага римского народа. Тогда Марий поднялся, разделся и бросился в густую, илистую воду болота. Но и это не помогло ему скрыться: преследователи вытащили его из топи и, как он был, голого, покрытого грязью отвели в Минтурны и передали властям. По городам уже объявили, что надлежит всем народом искать Мария, а изловив, убить. И все же власти решили сперва посоветаться, а Мария поместили в дом некой Фаннии, женщины, у которой, казалось, давно уже были причины относиться к нему враждебно. Дело в том, что Фанния, разведясь со своим мужем Тиннием, потребовала возврата приданого, весьма богатого, он же обвинил ее в прелюбодеянии⁸⁶⁵. Судьей был Марий во время своего шестого консульства. Когда

⁸⁶⁵ 34. ...обвинил ее в прелюбодеянии ... – Если причиной развода было прелюбодеяние жены, муж имел право удержать за собой часть приданого, которое в остальных случаях подлежало возврату целиком.

после разбора дело стало ясно, что Фанния вела жизнь распутную, а муж, хотя и знал об этом, все же взял ее в жены и долго жил с ней в браке, Марий осудил обоих: Тиннию он велел вернуть приданое, а женщину в знак бесчестия приговорил к штрафу в четыре медных монеты⁸⁶⁶. Несмотря на это, Фанния не высказала обычных чувств оскорбленной женщины, но, едва увидев Мария, далекая от всякого злопамятства, помогла ему, насколько это было в ее силах, и ободрила его. А он поблагодарил ее и сказал, что не теряет мужества, ибо ему было хорошее предзнаменование: когда его вели к дому Фаннии и уже отворили ворота, со двора выбежал, чтобы напиться из протекавшего поблизости источника, осел, который весело и лукаво взглянув на Мария, сперва остановился против него, потом пронзительно закричал и запрыгал от радости. Из этого Марий заключил, что божество указывает ему на спасение, которое придет скорее с моря, чем с суши, ибо осел, не притронувшись к сухому корму, побегал прямо к воде. Побеседовав так с Фаннией, Марий лег отдохнуть, велел прикрыть двери дома.

39. Посоветовавшись, должностные лица и члены совета Минтурн решили немедленно умертвить Мария. Однако никто из граждан не хотел взять это на себя, лишь один солдат конницы, родом галл или кимвр (историки сообщают и то и другое), вошел к нему с мечом. В той части дома, где лежал Марий, было мало света, и в полутьме солдату показалось, будто глаза Мария горят ярким огнем, а из густой тени его окликнул громкий голос: «Неужели ты дерзнешь убить Гая Мария?» Варвар тотчас убежал, бросив по пути меч, и в дверях завопил: «Я не могу убить Гая Мария!» Всех граждан обуял ужас, ему на смену пришли жалость и раскаяние в незаконном решении, которое они приняли, забыв о благодарности спасителю Италии, не помочь которому – тяжкое преступление. «Пусть беглец идет куда угодно и в другом месте претерпит все, что ему суждено. А мы должны молиться, чтобы боги не покарали нас за то, что мы изгоняем из города Мария, нагого и преследуемого». С такими мыслями все должностные лица вместе вошли к Марию и, окружив его, отвели к морю. Хотя каждый готов был чем-нибудь услужить ему и все очень спешили, по пути все же вышла задержка. Дело в том, что дорогу к морю преграждала посвященная Марике⁸⁶⁷ роща, которую там чтили, как святыню, и заботились, чтобы ничто внесенное в нее не выносилось обратно. Чтобы обойти ее кругом, нужно было потратить много времени, и тогда один из старейших провожатых вскричал, что ни одна дорога не заповедна, если по ней идет к спасению Марий, первым взял на плечи часть поклажи, которую несли на корабль, и прошел через рощу. (40). Добрая воля спутников помогла быстро собрать все необходимое, некий Белей предоставил Марию судно, а потом, изобразив все эти события на картине, посвятил ее в храм.

Взойдя на корабль, Марий отчалил и, по счастливой случайности, попутный ветер привел его на остров Энарию, где он нашел Грания и остальных друзей, с которыми отплыл в Африку. Из-за недостатка воды Марий со спутниками вынужден был пристать в Сицилии близ Эрика. Эти места охранялись римским квестором, который едва не захватил высадившегося на берег Мария и убил шестнадцать человек, посланных им за водой. Марий поскорее отчалил и переправился на остров Менинг, где впервые узнал, что его сын спасся вместе с Цетегом и теперь держит путь к Гиempсалу, царю нумидийцев, просить у него помощи. Ободренный этими известиями, Марий отважился переплыть с острова на Карфагенскую землю. Наместником Африки был тогда бывший претор Секстилий, человек, которому Марий не сделал ни зла, ни добра и от которого ожидал сочувствия и поддержки. Однако, едва Марий с немногими спутниками сошел на берег, его встретил посланец наместника и сказал: «Претор Секстилий запрещает тебе, Марий, высаживаться в Африке, а

⁸⁶⁶ 35. ...к штрафу в четыре медных монеты ... – Штраф был чисто символическим, главной карой было сопряженное с ним бесчестье, т.е. поражение в некоторых гражданских правах.

⁸⁶⁷ 36. Марика – местная италийская нимфа.

иначе он встанет на защиту постановлений сената и поступит с тобой, как с врагом римского народа». Услышав это, Марий был так удручен и опечален, что не мог вымолвить ни слова и долго молчал, мрачно глядя на вестника. Когда же тот спросил, что передать претору, Марий ответил с громким стоном: «Возвести ему, что ты видел, как изгнанник Марий сидит на развалинах Карфагена». Так в назидание наместнику он удачно сравнил участь этого города с превратностями своей судьбы.

Между тем Гиёмпсал, царь нумидийский, не зная, на что решиться, с почетом принял Мария-младшего и его спутников, но всякий раз, как они собирались уезжать, удерживал их под каким-либо предлогом, и было ясно, что все эти отсрочки нужны ему для недоброго дела. Однако на помощь пришел случай. Марий-младший был очень красив, и одну из царских наложниц весьма огорчала его незаслуженно тяжкая судьба; эта жалость явилась началом и причиной любви. Марий сперва отверг влюбленную, но потом, видя, что другого пути к бегству нет и что влюбленной движет чувство более глубокое, чем бесстыдная жажда наслаждений, он принял ее любовь и с помощью этой женщины бежал вместе с друзьями и прибыл к отцу. После первых приветствий оба пошли вдоль моря и увидели дерущихся скорпионов, и Марию это показалось дурным предзнаменованием. Тотчас же взойдя на рыбацье судно, они переправились на Керкину, остров, лежащий вблизи материка, и едва успели отчалить, как увидели всадников, посланных царем вдогонку и явившихся на то место, с которого они только что отплыли. Так Марий избег еще одной опасности, ничуть не меньшей, чем все прочие.

41. Из Италии стали доходить слухи, что Сулла отправился из Рима в Беотию воевать с полководцами Митридата, а между консулами⁸⁶⁸ пошли раздоры, окончившиеся вооруженной борьбой. В битве Октавий одержал верх и изгнал Цинну, стремившегося к тирании, и вместо него поставил консулом Корнелия Мерулу; Цинна же тотчас пошел на них войной, набрав войско в Италии. Марий, узнав об этом, решил немедленно плыть на родину. Взяв из Африки небольшое число мавританских всадников, а также беглецов, явившихся к нему из Италии (тех и других вместе было не более тысячи), Марий отплыл и прибыл в этрусский город Теламон, где объявил, что даст свободу рабам, а также убедил присоединиться к нему самых молодых и крепких из свободных пастухов и земледельцев, которые сбежались к морю, привлеченные его славой. Так за несколько дней он собрал большой отряд, которым заполнил сорок кораблей. Зная, что Октавий – человек благородный, желающий править законным образом, а Цинна находится у Суллы под подозрением и настроен враждебно к установленным им порядкам, Марий решил присоединиться с войском к Цинне и послал известие, что готов подчиняться ему, как консулу. Цинна согласился и, назначив Мария проконсулом, отправил ему фасции и прочие знаки власти, но Марий заявил, что в его участи не подобает принимать их, и, одетый в грязное платье, не стриженный со дня изгнания, он, несмотря на свои семьдесят с лишним лет, пешком отправился к Цинне, желая вызвать сострадание. Но к жалости примешивался ужас, который он всегда внушал своим видом: и в унижении видно было, что дух его не только не сломлен, но еще более ожесточен переменой судьбы. (42). Поздоровавшись с Цинной и обратившись с приветствием к солдатам, Марий немедля взялся за дело, и все сразу же пошло по-иному.

Прежде всего его корабли отрезали подвоз хлеба и, грабя купцов, он сделался хозяином всех товаров. Затем он напал с моря на прибрежные города и захватил их. Наконец, с помощью предательства он взял самоё Остию, разграбил ее, убив множество людей, а затем перегородил мостом Тибр и полностью отрезал путь тем, кто вез с моря припасы для его врагов. После этого он подошел с войском к Риму и занял холм, именуемый Яникулом. Октавий вредил делу не столько своей неопытностью, сколько стремлением всегда

⁸⁶⁸ 37. ...между консулами ... – Консулы 87 г. – Гн. Октавий, сторонник сената, и Корнелий Цинна, сторонник Мария и убитого Сульпиция.

соблюдать законность, ради которой он упускал все, что могло принести пользу: например, многие советовали ему призвать рабов, пообещав им свободу, но он отказался, заявив, что не отдаст рабам родину, доступ в которую во имя защиты законов он возбраняет Гаю Марию. Когда в Рим прибыл Метелл, сын Метелла, бывшего полководцем в Африке и изгнанного по вине Мария, все решили, что он более способен возглавить войско, чем Октавий, и солдаты, бросив Октавия, пришли к нему, моля взять власть и спасти город и уверяя, что под началом человека опытного и деятельного они будут хорошо сражаться и одержат победу. Когда же Метелл, негодуя, приказал им возвратиться к консулу, они ушли к врагу. И Метелл, отчаявшись в судьбе Рима, также удалился. А Октавия какие-то халдейские прорицатели, гадатели по Сивиллиным книгам и жрецы убедили, что все будет хорошо, и удержали в городе. Вообще, кажется, этот человек, во всех делах превосходивший благоразумием прочих римлян, не запятнавший достоинство консульской власти благосклонностью к льстецам, верный законам и нравам предков, которые он соблюдал неукоснительно, словно непререкаемые правила, этот человек питал особую слабость к гаданию и больше времени проводил с шарлатанами и прорицателями, чем с людьми государственными или полководцами. Еще прежде, чем Марий взял город, высланные им вперед солдаты стащили консула с возвышения для ораторов и закололи; при этом, как рассказывают, за пазухой у убитого нашли халдейский гороскоп. И вот что кажется весьма странным: оба знаменитых мужа были привержены к гаданию, но Марию это принесло спасение, а Октавию – гибель.

43. При таком положении дел собравшийся сенат отправил к Марию и Цинне послов просить их войти в город и пощадить граждан. Цинна, который как консул принял послов, сидя на должностном кресле, дал им милостивые ответы, но Марий, стоявший рядом с креслом, не проронил ни звука, суровым выражением лица и мрачным взглядом давая понять, что скоро наполнит город резнёю. Когда же их войска поднялись с места и двинулись на город, Цинна, окруженный телохранителями, вошел в Рим, а Марий остановился перед воротами и, прикрывая гнев иронией, заявил, что он, мол, изгнанник и закон запрещает ему возврат на родину, а если кто-нибудь нуждается в его присутствии, то нужно новым постановлением отменить прежнее, изгнавшее его. Так он медлил, словно послушный законам гражданин или словно ему предстояло войти в свободный город. Народ созвали на форум, но не успели три или четыре трибы подать голоса, как Марий, отбросив притворство и все речи об изгнании, двинулся в город в сопровождении отборной стражи из преданных ему рабов, которых он называл «бардиеями»⁸⁶⁹. Многих они убили по приказу или по знаку Мария, а Анхария, сенатора и бывшего претора, повалили наземь и пронзили мечами только потому, что Марий при встрече не ответил на его приветствие. С тех пор это стало служить как бы условным знаком: всех, кому Марий не отвечал на приветствие, убивали прямо на улицах, так что даже друзья, подходившие к Марию, чтобы поздороваться с ним, были полны смятения и страха. Когда множество граждан было перебито, Цинна насытился резней и смягчился, но Марий, с каждым днем все больше распаляясь гневом и жаждой крови, нападал на всех, против кого питал хоть какое-нибудь подозрение. Все улицы, весь город кишели преследователями, охотившимися за теми, кто убегал или скрывался. В это время стало ясно, что в превратностях судьбы нельзя полагаться на узы дружбы или гостеприимства: ведь лишь немногие не выдавали палачам друзей, искавших у них убежища. Потому достойны удивления и восхищения рабы Корнута, которые спрятали своего господина дома, а потом, повесив за шею одного из многочисленных мертвецов и надев ему на палец перстень, показали его телохранителям Мария и после этого пышно похоронили, словно своего господина. Никто не заподозрил обмана, и Корнут был тайком перевезен рабами в Галлию.

44. Благородного друга нашел и оратор Марк Антоний, но все же злая судьба настигла его. Друг этот был человек простой и бедный; дружелюбно принимая одного из первых

⁸⁶⁹ 38. *Бардиеями* – искаженное название одного из иллирийских племен.

римлян и потчuya его тем, что было в доме, он послал раба в ближайшую лавочку за вином. Когда раб стал заботливо пробовать купленное и требовать вина получше, торговец спросил, почему это он покупает не молодое и простое вино, как обычно, а более изысканное и дорогое. Тот отвечал ему прямо, как близкому знакомцу, что хозяин угощает Марка Антония, который прячется у него. Торговец, человек нечестивый и гнусный, едва раб ушел, поспешил к Марию и, введенный в покой, где в это время пировал Марий, пообещал выдать Антония. Рассказывают, что Марий, услышав это, громко закричал, захлопал в ладоши от радости и чуть было сам не вскочил из-за стола и не побежал к указанному месту, однако друзья удержали его, и тогда он послал Анния с солдатами, приказав им поскорее принести голову Антония. Анний остался у дверей, а солдаты по лестницам влезли в дом и, увидев Антония, стали выталкивать один другого вперед и побуждать друг друга убить его. И, как видно, в речах этого человека было такое обаяние и прелесть, что, когда он заговорил, моля пощадить его, ни один из солдат уже не смел не только приблизиться, но хотя бы поднять глаза, и все стояли, потупив взоры, и плакали. Удивленный задержкой, Анний поднялся в дом и, увидев, что Антоний держит речь, а солдаты слушают, смущенные и взволнованные, обругал их, подбежал к оратору и отрубил ему голову.

А Лутаций Катул, который был коллегой Мария по консульству и вместе с ним получил триумф за победу над кимврами, после того как Марий ответил просившим и молившим за него: «Он должен умереть», – заперся у себя в доме, зажег угли и задохнулся в дыму.

При виде разбросанных по улицам и попираемых ногами обезглавленных трупов никто уже не испытывал жалости, но лишь страх и трепет. Больше всего народ удручали бесчинства бардиеев. Они убивали хозяев в их домах, бесчестили детей и насиловали жен, и до тех пор не удавалось положить конец грабежам и убийствам, пока Цинна и Серторий, сговорившись, не напали со своими сторонниками на лагерь бардиеев и, захватив их во время сна, всех перебили.

45. Между тем, словно переменился ветер, отовсюду стали приходить известия, что Сулла, завершив войну с Митридатом и отвоевав провинции, плывет с большим войском на Рим. Это на краткое время остановило насильников, полагавших, что война вот-вот приблизится к ним, и дало гражданам передышку в их несказанных бедах. Марий был в седьмой раз избран консулом и, едва вступив в должность, в январские календы – это первый день года – сбросил со скалы некоего Секста Лициния; все сочли это грозным предвестием нависших над городом и гражданами бед. Сам Марий, изнуренный трудами, обремененный заботами, был уже слаб; его душа трепетала при мысли о новой войне и новых сражениях, весь ужас и тягость которых он знал по опыту. Думал он и о том, что не Октавий и Мерула, предводители нестройных толп мятежного сброда, грозят ему, а наступает сам Сулла, когда-то изгнавший его из отчизны, а теперь оттеснивший Митридата к Понту Эвксинскому. Перед его глазами вставали долгие странствия, опасности, преследования, гнавшие его по земле и по морю, и, сломленный этими мыслями, он впал в отчаяние. Его одолевали ночные страхи и кошмары, ему казалось, что он непрерывно слышит голос, твердящий:

Даже в отсутствие льва его логово людям ужасно⁸⁷⁰.

Больше всего страхась бессонницы, Марий предался непристойному в его возрасте пьянству, желая таким способом призвать сон, избавляющий от забот. Наконец с моря прибыл вестник, и новые страхи, отягчившие его ужас перед грядущим и отвращение к настоящему, явились последней каплей, переполнившей чашу. У него началось колотье в боку, как сообщает философ Посидоний, утверждающий, что сам навещал Мария и

⁸⁷⁰ 39. *Даже в отсутствие льва ... его логово людям ужасно* . – Сентенция неизвестного автора.

беседовал с ним, уже больным, о делах своего посольства⁸⁷¹. А некий Гай Пизон, историк, сообщает, что Марий, после обеда, гуляя с друзьями, стал перечислять свои подвиги с самого начала и рассказывать обо всех счастливых и несчастных переменах в своей участи и при этом сказал, что неразумно и дальше верить в удачу, а потом, попрощавшись со всеми, лег и, пролежав не поднимаясь семь дней, умер. Некоторые рассказывают, что во время болезни обнаружилось все его честолюбие, которое привело к нелепой мании: ему чудилось, будто он послан военачальником на войну с Митридатом, и потому он проделывал всякие телодвижения и часто издавал громкие крики и вопли, как это бывает во время битвы. Вот какую жестокую, неутолимую страсть к воинским подвигам поселили в его душе властолюбие и зависть. Потому-то Марий, проживший семьдесят лет, первым из римлян семь раз избранный консулом, накопивший в своем доме богатства, не уступающие царским, оплакивал свою судьбу, посылающую смерть прежде, чем он достиг всего, чего желал.

46. А вот Платон, умирая, восхвалял своего гения и свою судьбу за то, что, во-первых, родился человеком, во-вторых, эллином, а не варваром и не бессловесным животным, а также и за то, что жить ему пришлось во времена Сократа. И Антипатр Тарсский точно так же перед кончиною перечислил все, что с ним случилось хорошего, не забыв при этом даже удачное плавание из родного города в Афины, ибо каждый дар благосклонной судьбы он считал за великую милость и все сохранил в памяти, потому что у человека нет более надежной кладовой для всяческих благ. У людей же неразумных и беспамятных все случившееся с ними уплывает вместе с течением времени, и, ничего не удержав, ничего не накопив, вечно лишены благ, но полные надежд, они смотрят в будущее, не замечая настоящего. И хотя судьба может и не дать их надеждам сбыться, а все хорошее, что было в прошлом, неотъемлемо, – тем не менее они проходят мимо верных даров судьбы, грезят о ненадежном будущем и в результате получают по заслугам. Пренебрегая разумом и образованием – единственной твердой основой всех внешних благ, они собирают и копят лишь эти блага и никогда не могут насытить алчность своей души.

Марий умер на семнадцатый день⁸⁷² своего седьмого консульства. Римом тотчас овладела огромная радость, все ободрилось, избавившись от тяжелой тираннии, но спустя немного дней они узнали, что ими правит новый, уже не престарелый, а цветущий и сильный деспот – Марий, сын умершего, который, проявив страшную жестокость и свирепость, умертвил многих знатных и славных римлян. Сперва его считали воинственным и отважным и называли сыном Ареса, но затем он делами обнаружил свой нрав, и его прозвали сыном Афродиты. Осажденный Суллой в Пренесте, он тщетно пытался избежать гибели и после падения города, оказавшись в безвыходном положении, покончил с собой.

ЛИСАНДР И СУЛЛА

Лисандр

[перевод М.Е. Сергеевко]

1. На сокровищнице аканфийцев в Дельфах⁸⁷³ сделана такая надпись: «Брасид и

⁸⁷¹ 40. ...о делах своего посольства. – Цель посольства Посидония с Родоса неизвестна. Посидонию принадлежала (несохранившаяся) история Рима и Средиземноморья конца II – начала I в., т.е. как раз времени первых гражданских войн.

⁸⁷² 41. ...на семнадцатый день ... – 17 января 82 г.

⁸⁷³ 1. На сокровищнице аканфийцев в Дельфах... – Т.е. на часовне, где хранились приношения, сделанные

аканфийцы принесли в дар добычу, взятую у афинян». Поэтому многие думают, что каменная статуя, стоящая внутри храма у двери, – изображение Брасида. На самом деле это изображен Лисандр – по старинному обычаю с длинными волосами и бородой. Рассказы о том, что аргивяне⁸⁷⁴ после своего великого поражения остриглись в знак печали, а спартанцы в противоположность им отпустили волосы, величавшись своими подвигами, или что бакхиады⁸⁷⁵, бежавшие из Коринфа в Лакедемон, выглядели столь жалко и безобразно с бритыми головами, что спартанцам захотелось носить длинные волосы, – все эти рассказы неверны. Это – Ликургово предписание⁸⁷⁶: говорят, он сказал, что длинные волосы красивому лицу придают вид еще более достойный, а уродов делают еще страшнее.

2. Рассказывают, что отец Лисандра, Аристокрит, не принадлежал к царскому роду, хотя и происходил от Гераклидов. Лисандр вырос в бедности и обнаружил величайшую приверженность к порядку и отеческим обычаям и поистине мужской нрав, чуждый всяким радостям, кроме тех, какие получает человек, окруженный почетом за совершенные им прекрасные деяния. Погоня за такими радостями не считается в Спарте позором для юноши: родители хотят, чтобы дети их с самого начала были чувствительны к доброй славе – огорчались бы от порицаний и гордились похвалами. Юношу, который и то и другое переносит равнодушно и безучастно, презирают как лентяя, лишённого честолюбивого рвения к доблести.

Честолюбие и жажда первенства были прочно внушены Лисандру лаконским воспитанием, и нельзя в сколько-нибудь значительной степени считать причиной этого его природный склад. Но в его природе было больше угодливости перед сильными людьми, чем это свойственно спартиатам, и в случае нужды он спокойно терпел тяжесть чужого самовластия (некоторые считают это важным достоинством государственного мужа). Аристотель говорит⁸⁷⁷, что великие люди, например Сократ, Платон и Геракл, страдали разлитием черной желчи, и рассказывает про Лисандра, что он не сразу, правда, а в старости тоже страдал этим недугом. Его главным отличительным свойством было умение легко переносить бедность: его нельзя было соблазнить и подкупить деньгами, но, не взирая на это, он обогатил свою родину и сделал ее корыстолюбивой, и по его вине Спарта потеряла уважение, которым прежде пользовалась за свое равнодушие к богатству. После войны с Афинами он привез массу золота и серебра, но не оставил себе ни одной драхмы. Когда тиранн Дионисий прислал ему для его дочерей дорогие сицилийские хитоны, он не взял их, сказав, что боится, как бы дочери его не стали казаться в них еще уродливее. Однако, когда немного спустя он был отправлен послом от своего города к этому же тиранну и тот прислал ему два одеяния, предложив выбрать любое и отвезти дочери, Лисандр сказал, что она сама выберет лучшее, и отправился домой, захватив оба одеяния.

3. Между тем Пелопоннесская война затянулась, и после сицилийского разгрома стало ясно, что афиняне не удержатся на море и вскоре вообще прекратят борьбу. Но, когда Алкивиад, вернувшись из изгнания, стал во главе государства, положение значительно изменилось и равновесие на море было восстановлено. Лакедемоняне опять испугались, решив с новой энергией продолжать войну, для которой требовались искусный военачальник

Аполлону Дельфийскому в разные времена жителями города Аканфа в Халкидике, в 423 г. перешедшего от Афин к Брасиду.

⁸⁷⁴ 2. ...рассказы о том, что аргивяне... – Геродот, I, 82 (о борьбе Аргоса и Спарты за Фирею в VI в.).

⁸⁷⁵ 3. Бакхиады – знатный коринфский род, правивший Коринфом в VIII—VII вв. и изгнанный Кипселом.

⁸⁷⁶ 4. Ликургово предписание – см.: Лик., 22.

⁸⁷⁷ 5. Аристотель говорит... – пс. Аристотель, «Проблемы», 30.

и более значительные, чем прежде, силы, и послали командовать на море Лисандра. Прибыв в Эфес, Лисандр встретил там расположение к себе и полную преданность Спарте. Самому же городу приходилось туго: постоянное общение с варварами и проникновение персидских обычаев грозило решительным возобладанием варварского начала. Город со всех сторон был окружен лидийскими владениями, и персидские военачальники подолгу жили в нем. Лисандр расположился лагерем, приказал со всех сторон стянуть к Эфесу грузовые суда, открыл верфь для постройки триер, возобновил торговлю в гавани и работу ремесленников на площади. В домах и мастерских закипела работа, и, благодаря Лисандру, с того времени Эфес стал мечтать о влиянии и силе, какими он обладает теперь.

4. Узнав, что Кир, сын царя, прибыл в Сарды, Лисандр отправился туда для переговоров с ним и с обвинением против Тиссаферна, который, получив приказание помогать лакедемонянам и вытеснить афинян с моря, как говорили, по наущению Алкивиада действовал вяло и губил спартанский флот своей скупостью. Кир охотно прислушивался к обвинениям против Тиссаферна и ко всем слухам, которые его чернили, ибо Тиссаферн был не только порочным человеком, но и его личным врагом. Слова Лисандра и его манера держаться расположили Кира к спартанскому военачальнику; своим угодливым тоном Лисандр окончательно пленил юношу и внушил ему намерение продолжать войну. Когда Лисандр уже собирался уезжать, Кир, угощая его, убеждал не отвергать его благосклонности и просить, чего он только хочет, потому что ему ни в чем не будет отказа. «Если ты так добр ко мне, Кир, – сказал Лисандр, – прошу тебя, прибавь морякам к их жалованию по оболу, чтобы они получали по четыре оболы вместо трех». В восторге от честолобивой щедрости Лисандра, Кир распорядился выдать ему десять тысяч дариков. Тот употребил их на выдачу добавочного оболы морякам и так прославился этим, что очень скоро вражеские корабли опустели. Большая часть моряков переходила к тому, кто платил больше, а оставшиеся, работая спустя рукава и бунтуя, только доставляли ежедневные неприятности своим начальникам. Морского сражения, однако, Лисандр боялся, несмотря на то, что сократил число врагов и ухудшил их положение: ему был страшен Алкивиад, человек решительный, имевший много кораблей и не проигравший до тех пор ни одного сражения ни на суше, ни на море.

5. Алкивиад, отплывая с Самоса в Фокею, оставил начальником флота кормчего Антиоха. Антиох, желая оскорбить Лисандра, смело вошел, на двух триерах в Эфесскую гавань и под крики и хохот своих моряков быстро проплыл мимо стоявших на якоре вражеских судов. Раздосадованный Лисандр погнался за ним сначала на нескольких триерах, но, увидев, что афиняне собираются выйти на помощь своим, вывел в море и другие корабли. В конце концов, завязался морской бой. Победителем остался Лисандр, захвативший пятнадцать триер и воздвигший трофей. В Афинах Народное собрание, разгневавшись на Алкивиада за это поражение, отрешило его от должности, а воины на Самосе стали открыто поносить его, и, слыша громкую хулу, он отплыл из лагеря в Херсонес. Так сражение, само по себе ничтожное, стало знаменитым из-за постигшего Алкивиада несчастья.

Созвав в Эфес представителей от городов, которых он считал наиболее разумными и отважными среди сограждан, Лисандр впервые внушил им мысль о перевороте и создании власти десяти⁸⁷⁸, которая впоследствии и установилась при его содействии. Он убеждал этих людей объединиться в тайные общества и внимательно наблюдать за состоянием государственных дел, обещая одновременно с крушением Афин уничтожить демократию и дать им неограниченную власть в родном городе. Его дела внушали доверие к этим обещаниям: и прежде он возводил своих друзей и гостеприимцев на высокие и почетные должности, поручал им командование войсками, ради их выгоды становился соучастником их несправедливых и ошибочных действий. Взоры всех были устремлены на него, все

⁸⁷⁸ 6. ...власти десяти... (декархии) – Организация олигархической власти, насаждавшаяся спартамцами в Ионии; потом по этому образцу была организована «тирания Тридцати» в Афинах.

угождали ему и выражали глубокую преданность, рассчитывая, что под его начальством они достигнут всего, даже того, что кажется недостижимым. Поэтому Калликратида, явившегося на смену Лисандру командовать флотом, сразу приняли неприветливо, а впоследствии, когда он доказал свое исключительное благородство и справедливость, все же были недовольны его властью – простой, бесхитростной, истинно дорийской. Они дивились ему, как прекрасной статуе героя, но тосковали по Лисандру с его рвением, преданностью друзьям и умением доставить им выгоду. Когда Лисандр отплывал, его провожали с отчаянием и слезами.

6. Лисандр еще более настроил своих приверженцев против Калликратида, отослав назад в Сарды остаток тех денег, которые Кир дал ему на содержание флота. Он сказал Калликратиду, что если ему угодно, пусть сам попросит денег и позаботится о том, как содержать воинов. Наконец, перед самым отплытием, он торжественно заявил Калликратиду, что передает ему флот, который является господином моря. Тот, желая положить конец этому пустому хвастовству, спросил: «Почему же тебе не оставить Самос слева и не плыть в Милет, чтобы там передать мне триеры? Если мы господствуем на море, то можем без опасения плыть мимо засевших на Самосе врагов». На это Лисандр ответил, что флотом командует не он, а Калликратид, и отплыл в Пелопоннес, оставив своего преемника в большом затруднении. Калликратид приехал без денег и не мог решиться силою взять их с городов, которым и без того приходилось туго. Оставалось обивать пороги царских военачальников и просить, как просил Лисандр. Меньше, чем кто-либо иной, был способен на это Калликратид, независимый и гордый человек, считавший, что для греков достойнее понести поражение от своих же соотечественников, чем с протянутой рукой бродить у порога варваров и льстить этим людям, у которых, кроме груды золота, нет никаких достоинств. Находясь, однако, в безвыходном положении, он был вынужден отправиться в Лидию, явился прямо во дворец Кира и велел доложить ему, что пришел наварх⁸⁷⁹ Калликратид, который хочет с ним говорить. «Сейчас Киру некогда, чужестранец: он пьет вино», – ответил ему один из привратников. «Пустяки, – простодушно возразил Калликратид, – я постою и подожду, пока он кончит пить». Его приняли за неотесанного мужлана, и он ушел, осмеянный варварами. Явившись во второй раз, он снова не был допущен и в гневе уехал в Эфес, осыпая проклятиями тех, кто впервые позволил варварам издеваться над собой и научил их чваниться своим богатством. Он поклялся спутникам, что как только вернется в Спарту, сделает все для восстановления мира между греками, чтобы впредь они внушали варварам ужас и перестали обращаться к ним за помощью в борьбе друг против друга.

7. Но Калликратид, чей образ мыслей был достоин лакедемонянина и кто по своей справедливости, великодушию и мужеству мог соперничать с первыми людьми Греции, в скором времени был разбит в морском сражении при Аргинусских островах и погиб.

Дела союзников пошатнулись, и они отправили в Спарту посольство просить в навархи Лисандра, обещая, что они энергичнее возьмутся за дело под его начальством. Кир послал такую же просьбу. По закону один и тот же человек не мог быть навархом дважды, но лакедемонянам не хотелось отказывать союзникам, и они облекли званием наварха некоего Арака, а Лисандра отправили как бы его помощником, а на деле – главнокомандующим. Большинство из тех, кто принимал участие в управлении и пользовался властью в городах, давно уже ждали его появления: при нем они рассчитывали еще более усилить свою власть, окончательно упразднив демократическое правление. Тем же, кому нравились в правителе простота и благородство, Лисандр по сравнению с Калликратидом казался лукавым софистом: на войне он шел к цели большею частью путем обмана, превозносил справедливость, если это было ему выгодно, а в противном случае объявлял прекрасным полезное, считал, что по самой природе своей правда не лучше лжи, но отдавал честь той или

⁸⁷⁹ 7. Наварх – командующий флотом.

другой, в зависимости от выгоды, какую они способны принести. Когда ему говорили, что потомкам Геракла не подобает добиваться побед при помощи хитрости, он отвечал на эти упреки презрительным смехом. «Где львиная шкура⁸⁸⁰ коротка, там надо подшить лисью», – говорил он.

8. Подобным образом, как сообщают, держал он себя и во время событий в Милете. Когда его друзья и гостеприимцы, которым он обещал уничтожить демократию и изгнать их противников, изменили свой образ мыслей и примирились с врагами, он притворялся на людях, что радуется этому и сам принимает участие в примирении, но с глазу на глаз бранил и поносил своих друзей, подстрекая их к нападению на народ. Когда же он увидел, что начинается восстание, то устремился в город на помощь мятежникам, но на первых же встретившихся ему восставших грозно прикрикнул, громогласно обещая их наказать, сторонникам же демократии велел ободриться и не ждать для себя ничего дурного в его присутствии. Так лицемерил он, появляясь в разных личинах, ибо хотел, чтобы наиболее влиятельные и преданные народу люди не бежали, а остались в городе и были убиты. Так и случилось. Все, кто положился на его заверения, были перерезаны. Андроклид вспоминает его слова, изобличающие легкость, с какой Лисандр относился к клятвам: он советовал, сообщает Андроклид, обманывать взрослых людей клятвами, как детей игральными костями, следуя примеру Поликрата Самосского. И это отнюдь не похвально. Военачальник не должен был подражать тиранну, и не по-лаконски было относиться к богам, как к неприятелю, и даже с еще большей дерзостью, потому что клятву, данную врагу, нарушают из страха перед ним, а данную богу – из пренебрежения к нему.

9. Кир пригласил Лисандра в Сарды, дал ему денег, обещал позднее дать еще и, желая доставить ему удовольствие, с юношеским легкомыслием заявил, что если ничего не получит от отца, пустит в ход собственные средства. Если у него ничего не останется, сказал он, он разобьет свой сделанный из золота и серебра трон, сидя на котором, он занимался государственными делами. В заключение, отправляясь в Мидию к отцу, он поручил Лисандру собирать подати с городов и доверил ему управление. На прощанье он просил его не вступать на море в сражение с афинянами, пока он не вернется, вернуться же обещал с большим числом кораблей из Финикии и Киликии. После этого он отправился к царю. Лисандр, не будучи в состоянии ни сражаться с вражеским флотом, почти равным по силам его собственному, ни сидеть без дела с таким числом кораблей, снялся с якоря, завладел несколькими островами и, высадившись, произвел набег на Эгину и Салимин. Появившись в Аттике, он после приветствий Агиду⁸⁸¹ (тот спустился к нему из Декелии) показал сухопутному войску, здесь находившемуся, свой мощный флот, с которым-де он, хозяин моря, может плыть, куда ему угодно. Узнав, однако, что афиняне собираются отправиться за ним в погоню, он другим путем, между островами, убежал в Азию. Найдя Геллеспонт лишенным охраны, он осадил Лампсак с моря, а Форак с пешим войском направился туда же и подступил к городским стенам. Взяв Лампсак штурмом, Лисандр отдал его на разграбление воинам.

Как раз в это время афинский флот численностью в сто восемьдесят триер пристал к Элеунту на Херсонесе. Узнав о падении Лампсака, афиняне тотчас же отправилась в Сест. Запасшись там провиантом, они зашли в Эгоспотамы, против которых, у Лампсака, еще стоял на якоре неприятель. Среди прочих афинских военачальников находился и Филокл, убедивший когда-то афинян принять постановление о том, чтобы каждому военнопленному отрубали большой палец на правой руке, дабы они могли грести, но не были в состоянии держать копье.

⁸⁸⁰ 8. ...львиная шкура... – Неизменное облачение Геракла.

⁸⁸¹ 9. Агиду – Агид II командовал спартанским гарнизоном в Декелее, державшим под контролем центральную Аттику (см.: Алк., 23, 34).

10. В этот день все отдыхали, рассчитывая сразиться на следующий день. Хотя у Лисандра было на уме другое, но, словно и в самом деле собираясь начать сражение с наступлением дня, он приказал матросам и кормчим взойти с рассветом на триеры, занять свои места и молча ждать его распоряжений. Такую же тишину должны были соблюдать и выстроенные у моря пехотинцы. Когда взошло солнце, афиняне выплыли сомкнутым строем и стали вызывать врага на битву. Корабли Лисандра стояли носами к неприятелю, и посадка произведена была еще ночью, однако он не двинулся с места и послал к передним судам лодки с приказом не двигаться с места и оставаться в строю, сохраняя спокойствие и не выходя навстречу врагу. Когда афиняне с наступлением сумерек повернули обратно, он снял воинов с кораблей, но лишь после того, как две или три триеры, отправленные им на разведку, вернулись с известием, что враги высадились на берег. На следующий и на третий день повторилось то же самое, пока, наконец, на четвертый день афиняне не исполнились отваги и презрения к врагу, казалось, явно испуганному и уклоняющемуся от бятвы. В это время Алкивиад (он жил тогда в Херсонесе в своей крепости), прискакав верхом к афинскому войску, поставил на вид военачальникам, что, во-первых, неразумно и небезопасно располагаться лагерем на морском берегу – плоском, открытом и лишенном надежных гаваней и что, далее, они делают ошибку, получая провиант из такого далекого места, как Сест, но что им лучше поскорее перебраться в порт и город Сест и уйти подальше от стоянки врага: ведь действиями неприятеля распоряжается один человек, из страха перед которым все немедленно выполняется по одному его знаку. Советов Алкивиада не послушали, и Тидей дерзко ответил ему, что войсками командует не он, а другие.

11. Алкивиад, увидев в этом не только высокомерие, но и признаки измены, уехал обратно. На пятый день, после того как афинские суда сначала вышли вперед, а потом, по обыкновению, повернули обратно с пренебрежительным и надменным видом, Лисандр выслал свои корабли на разведку и приказал начальникам триер, как только они увидят, что афиняне уже высадились, повернуть и плыть как можно скорее обратно, а на середине пути поднять на носу корабля медный щит – знак нападения. Сам он, подплывая к каждому судну, вызывал кормчих и начальников триер и уговаривал каждого держать в порядке и гребцов и воинов, а по данному им знаку решительно и изо всех сил ударить на врага. Когда на кораблях был поднят щит и труба с командирского судна проиграла сигнал к выступлению, флот снялся с якоря, а пехотинцы наперегонки бросились по берегу к мысу. Расстояние между материками в этом месте равно пятнадцати стадиям⁸⁸², и, благодаря рвению и энергии гребцов, суда быстро оставили его за собой. Конон первым из афинских военачальников увидел подплывающий флот и стал кричать, чтобы воины садились на суда. Вне себя от отчаяния он одних звал, других просил, третьих силой заставлял идти на триеры. Но все его старания были тщетны, так как люди разошлись кто куда. Высадившись и не ожидая ничего плохого, они сразу же отправились кто на рынок, кто просто побродить, а некоторые легли спать в палатках или принялись готовить завтрак. Из-за неопытности своих начальников афиняне были очень далеки от мысли о том, что им предстояло, и враги уже подходили, крича и громко ударяя веслами по воде, когда Конону удалось ускользнуть с восемью кораблями: он бежал на Кипр к Эвагору. Пелопоннесцы, напав на остальной флот, одни корабли захватили совсем пустыми, а другим наносили пробоины, когда вражеские моряки пытались подняться на борт. Люди, поодиночке спешившие на помощь, умирали безоружными возле кораблей, а тех, кто пытался бежать в глубь страны, убивали высадившиеся враги. Лисандр захватил три тысячи человек вместе с военачальниками и весь флот, находившийся на стоянке, кроме «Парала»⁸⁸³ и восьми кораблей, бежавших с Кононом. Взяв суда на буксир и опустошив лагерь, Лисандр под звуки флейт и победных

⁸⁸² 10. Пятнадцать стадий – менее 3 км.

⁸⁸³ 11. ...кроме «Парала»... – см. примеч. к Фем., 7.

песен отплыл в Лампсак, совершив величайшее дело с самой незначительной затратой сил и в один час положив конец войне, самой долгой из всех, что бывали раньше, и, как ни одна другая, богатой разными случайностями и превратностями. Война эта представляет собою бесконечную вереницу сражений и неожиданных перемен, в течение ее погибло больше полководцев, чем за все войны, бывшие прежде в Элладе, а конец ей был положен благоразумием и опытностью одного человека. Вот почему победу эту считали делом божества.

12. Некоторые говорили, что, когда корабль Лисандра в первый раз вышел из гавани против врагов, над ним по обе стороны кормы сверкали Диоскуры⁸⁸⁴ в виде звезд. Некоторые утверждали, что знаменем, предвещавшим поражение, было падение камня: на берегу Эгоспотамов свалился огромный камень, и большинство уверяло, что он упал с неба. Его показывают и сейчас, и для жителей Херсонеса он служит предметом поклонения. Говорят, будто Анаксагор предсказывал, что одно из прикрепленных к небу тел в случае колебания или сотрясения может оборваться и рухнуть вниз. Ни одна из звезд, утверждал он далее, не находится теперь на искони присущем ей месте: каменистые по составу и тяжелые, светящиеся вследствие сопротивления и разрыва эфира, они удерживаются в вышине, увлекаемые огромною силой вихревого круговорота, примерно так же, как были они удержаны от падения на землю первоначально, когда тяжелые и холодные части отделялись от вселенной. Существует, однако, иное, более правдоподобное объяснение: некоторые полагают, что падающие звезды не являются ни током или разлитием эфирного огня, угасающего в воздухе сразу вслед за вспышкой, ни воспламенением воздуха, проникшего в большом количестве в верхние сферы, но что это – небесные тела, срывающиеся и падающие вследствие каких-то причин, подобных уменьшению напряжения и изменению обычного пути движения. Сойдя со своего пути, они в большинстве случаев падают не в населенных местах земли, а за пределами их, в обширном море. Поэтому мы их и не видим. Даимах в сочинении «О благочестии» подтверждает слова Анаксагора, рассказывая, что в течение семидесяти пяти дней до падения камня на небе непрерывно было видно огромное, похожее на пылающее облако огненное тело, которое не стояло на месте, а несло сложным, кривым путем, так что вследствие мощного сотрясения от него отрывались огненные куски, которые разлетались во все стороны и сверкали, как падающие звезды. После того как это тело рухнуло в названном месте на землю и тамошние жители, придя в себя от изумления и страха, сошлись к нему, они не увидели никаких следов огня; перед ними лежал камень, правда, большой, но совершенно несоизмеримый с тем огромным огненным телом. Что Даимах нуждается в снисходительных слушателях, это ясно. Если же рассказ его соответствует истине, тогда полностью опровергается мнение людей, утверждающих, что это обломок скалы, который был оторван ветрами и бурями от какой-то горной вершины и неся, подхваченный вихрем, подобно волчку, а потом упал в том месте, где подхватившая его вращающая сила сдала и ослабела. Могло ведь быть и так, что пламя, которое наблюдали в течение многих дней, было настоящим огнем, и тогда его угасание вызвало в воздухе перемену, следствием которой явились сильные и порывистые ветры, вызвавшие падение камня. Но об этом следует говорить подробнее в работе иного рода.

13. Когда три тысячи афинян, взятых Лисандром в плен, были приговорены советом к смерти, Лисандр позвал к себе стратега Филокла и спросил, какое наказание назначит он самому себе за то, что убеждал граждан так жестоко обходиться с пленными греками. Филокл, не сломленный своим несчастьем, ответил Лисандру, что нечего ему брать на себя роль обвинителя там, где нет судьи; пусть он, победитель, творит то, что в случае поражения претерпел бы сам. После этого, вымывшись и надев чистый плащ, он во главе своих сограждан пошел на казнь. Так сообщает Феофраст.

---

⁸⁸⁴ 12. Диоскуры – Кастор и Поллукс, впоследствии отождествленные с созвездием Близнецов, считались героями-хранителями Спарты.

После этого Лисандр отправился с флотом по городам и велел всем афинянам, которых он там застал, вернуться в Афины, пригрозив, что он не пощадит ни одного афинского гражданина, найденного им вне Афин: все будут казнены. Таким образом он согнал всех афинян в Афины, желая, чтобы там начались нужда и лютый голод и тем самым он был бы избавлен от хлопот, которые бы доставило ему население, легко выдерживающее осаду. Уничтожая демократию и другие законные формы правления, Лисандр повсюду оставлял по одному гармосту из лакедемонян и по десять правителей из членов тайных обществ, организованных им по городам. Так он действовал без различия во вражеских и в союзнических городах, исподволь подготавливая себе в известном смысле господство над Грецией. Правителей он назначал не по знатности или богатству: члены тайных обществ и друзья, связанные с ним узами гостеприимства, были ему ближе всего, и он предоставлял им неограниченное право награждать и карать. Лично присутствуя при многих казнях, изгоняя врагов своих друзей, он дал грекам образчик лакедемонского правления, судя по которому добра от Спарты ждать было нечего. Вот почему, мне кажется, неудачным сравнение, принадлежащее комическому поэту Феопомпу: он сопоставил лакедемонян с трактирщицами, сказавши, что, в то время как эллины вкушали сладостнейший напиток свободы, спартанцы подлили туда уксусу. Нет, питье с первого же глотка оказалось противным и горьким, так как Лисандр не только не позволил народу распоряжаться своими делами, но вдобавок, передавая власть над городами в руки немногих, выбирал среди них самых дерзких честолюбцев.

14. Проведя недолгое время за этими делами, Лисандр послал гонцов в Лакедемон с известием, что он идет с двумястами кораблей, а сам в Аттике соединился с царями Агидом и Павсанием, чтобы совместными силами поскорее взять Афины. Но афиняне держались, и он вместе со своим флотом отбыл обратно в Азию. Во всех городах без исключения он уничтожил законный государственный строй, поставил правительства из десяти человек и в каждом городе многих граждан казнил, а многих заставил бежать. Самосцев он изгнал всех, а город передал бывшим изгнанникам. Отняв у афинян Сест, он не разрешил его жителям остаться в городе, а отдал его вместе с землей кормчим и начальникам гребцов, служившим под его начальством. Это был первый его поступок, который в Лакедемонии отказались одобрить, и жители Сеста были возвращены обратно. Все греки, однако, с удовлетворением наблюдали, как эгинцы⁸⁸⁵, благодаря Лисандру, спустя долгое время после выселения, снова возвращаются в свой город и как афиняне, изгнанные с Мелоса и из Скионы, вынуждены были отдать тамошние города их прежним владельцам, которых Лисандр и водворил на старом месте.

Узнав, что афиняне начинают страдать от голода, он отплыл в Пирей и принудил город к сдаче, заставив просить мира на условиях, им предписанных. Лакедемонские писатели рассказывают, что Лисандр сообщил эфорам: «Афины взяты», – а эфоры ответили ему: «Этого достаточно». Рассказ этот, однако, придуман для того, чтобы придать случившемуся вид благопристойный. Подлинное же распоряжение эфоров было следующим: «Власти Лакедемона постановляют: если вы разрушите Пирей и Длинные стены, уйдете из всех городов и сохраните только собственную землю, вы получите мир, если вам угодно. Кроме того, вы примете обратно изгнанников. Что же касается количества кораблей, вы поступите так, как будет решено на месте». Афиняне по совету Ферамена, сына Гагнона, согласились на эти требования. Рассказывают, что некий Клеомен, один из молодых вожаков толпы, спросил его, как он смеет словом и делом идти наперекор Фемистоклу, выдавая лакедемонянам стены, которые тот воздвиг против воли лакедемонян. «Я не иду наперекор Фемистоклу, юноша, – ответил Терамен. – И он воздвиг эти стены для блага граждан, и мы разрушим их для их же блага. Если бы счастье городов зависело от стен, то хуже всех

---

⁸⁸⁵ 13. Эгинцы – Жители Эгины были выселены афинянами в 431 г., жители острова Мелоса – в 416 г., а фракийской Скионы – в 421 г., и земли их были заняты афинскими поселенцами.

жилось бы Спарте, не имеющей стен вовсе».

15. Забрав у афинян все корабли, кроме двенадцати, Лисандр вошел в город в 16-й день месяца мунихиона – в тот самый день, в который некогда афиняне победили варваров в морской битве при Саламине⁸⁸⁶. Он решил тотчас же изменить государственный строй Афин. Афиняне не желали с этим смириться, и он заявил народу, что город нарушил условия мира, что стены еще стоят, хотя сроки, назначенные для их срытия, уже прошли, и что он внесет теперь новое предложение, касающееся афинян, так как прежнее соглашение ими не выполнено. Говорят, на собрании союзников некоторые действительно предлагали продать афинян в рабство, а фиванец Эриант посоветовал разрушить город и обратить место, на котором он стоял, в пастбище для овец. Но когда затем военачальники собрались вместе на пир и один фокеец запел первую песню хора из «Электры» Эврипида⁸⁸⁷, которая начинается так:

...Агамемнона дочь,
В сельский дом твой пришли мы, Электра,

все были растроганы, все решили, что покончить со столь славным городом, давшим таких великих людей, и уничтожить его было бы делом чудовищно жестоким.

Теперь афиняне соглашались на все. Лисандр потребовал, чтобы город дал большое число флейтисток, прибавил к ним всех, какие были у него в лагере, и под звуки флейт в присутствии союзников, украсивших себя венками и певших победную песню, ибо день этот был началом свободы, срыл стены и сжег триеры. Тотчас же было изменено и государственное управление: в Афинах было назначено тридцать правителей, в Пирее – десять, на Акрополе размещен сторожевой отряд и гармостом поставлен спартанец Каллибий. Когда однажды он замахнулся палкой на атлета Автолика, которому Ксенофонт посвятил свой «Пир», тот, схватив его за ноги, бросил на обе лопатки. Лисандр не рассердился на Автолика, но выбрал Каллибия, заметив ему, что он не умеет управлять свободными людьми. Вскоре, однако, Автолик был казнен Тридцатью в угоду Каллибию.

16. Покончив с этим, Лисандр сам отплыл во Фракию, оставшиеся же деньги, а также полученные им дары и венки (многие, как и следовало ожидать, подносили подарки самому могущественному из греков, своего рода владыке всей Греции) отправил в Лакедемон с Гилиппом, который ранее командовал войсками в Сицилии. Про Гилиппа рассказывают, что он расшил мешки по нижнему шву, взял из каждого значительную сумму и затем зашил снова, не знал того, что в каждый мешок была вложена записка с указанием суммы, в нем находящейся. Прибыв в Спарту, он спрятал похищенное под черепичной крышей своего дома, а мешки передал эфорам, обратив их внимание на то, что печати целы. Вскрыв мешки, подсчитав деньги и обнаружив расхождение между наличностью и указанной в записке суммой, эфоры пришли в недоумение. Слуга Гилиппа навел их на след, загадочно сказав, что в Керамике⁸⁸⁸ спит много сов. Как известно, на большинстве монет того времени под афинским влиянием была вычеканена сова.

17. Гилипп, завершивший столь низким и позорным поступком свою прежнюю великую и блестящую деятельность, добровольно оставил Лакедемон. Наиболее проницательным из спартанцев его пример внушил страх прежде всего перед властью денег,

⁸⁸⁶ 14. ...морской бой при Саламине... – Кипрском: эта последняя битва греко-персидских войн (449 г., см.: Ким., 18—19) отмечалась ежегодно как праздник «Мунихии».

⁸⁸⁷ 15. ...из «Электры» Эврипида... – ст. 167—168: микенские девушки навещают царевну Электру, выданную за бедного крестьянина, и сочувствуют горькой перемене в ее судьбе.

⁸⁸⁸ 16. ...в Керамике... – «Гончарный квартал» в Афинах: намек на черепичную кровлю (keramos) домов.

подчиняющей себе и незаурядных граждан. Лисандра стали бранить и заклинали эфоров отречься, как от скверны, от золота и серебра, несущих городу гибель. Вопрос был поставлен на обсуждение. По словам Феоппа, Скирафид (а по сообщению Эфора, Флогид) высказался за то, чтобы не допускать в Спарту золотых и серебряных денег, а пользоваться только старинными, унаследованными от предков. То были деньги из железа, которое прямо из огня опускали в уксус: после такой закалки металл нельзя было ковать, до того хрупким и ломким он становился. Кроме того, деньги эти при большом весе и размерах имели весьма малую стоимость, были очень тяжелы, их было трудно переносить с места на место. По-видимому, обычай пользоваться в качестве денег железными или медными палочками в форме вертела был очень древним. Поэтому для мелкой монеты и доныне удержалось название оболы⁸⁸⁹, а шесть оболы называются драхмой, потому что в горсти умещалось как раз столько этих монет. Друзья Лисандра стали возражать и приложили все усилия к тому, чтобы деньги остались в городе. Постановлено было, однако, ввозить эти деньги только для государственных надобностей, если же они оказывались во владении у частного лица, ему грозила смерть. Как будто Ликург боялся денег, а не страсти к деньгам! Между тем последняя не только не была уничтожена запрещением, наложенным на частных лиц, но вследствие разрешения, данного государству, крепко укоренилась: употребление денег давало понятие об их ценности и внушало желание их приобрести. Честный человек не мог презирать как безделку то, что, как он видел, пользуется уважением в государстве, и в собственном хозяйстве считать ничего не стоящим предмет, столь высоко ценимый в общественной жизни. Ведь строй частной жизни в гораздо большей степени определяется общественными установлениями, нежели наоборот: ошибки и страсти отдельных лиц приносят государству гораздо меньше зла. Испорченность целого естественно влечет за собой ухудшение и отдельных частей, в то время как погрешности отдельных частей встречают сопротивление со стороны здоровых элементов и бывают ими исправлены. Грозный закон поставлен был стражем, не допускавшим проникновения денег в дома спартанцев, но сохранить в душах граждан стойкое равнодушие к деньгам не удалось: всем было внушено стремление к богатству как к чему-то великому и достойному. За это мы укоряли лакедемонян и в другом нашем сочинении⁸⁹⁰.

18. За счет полученной добычи Лисандр поставил в Дельфах медные изображения – свое и всех навархов – и золотые звезды Диоскуров, позже, перед сражением при Левктрах, исчезнувшие. В сокровищнице Брасида и аканфийцев лежала триера длиной в два локтя, сделанная из золота и слоновой кости, которую Кир послал Лисандру в качестве награды за победу. Дельфиец Анаксандрид рассказывает, что Лисандр оставил в Дельфах вклад в сумме одного таланта серебром, пятидесяти двух мин и одиннадцати статеров, что не согласуется с единодушными свидетельствами о его бедности. Тогда-то Лисандр, пользовавшийся такой властью, какой не имел до него ни один из греков, стал проявлять заносчивость и самонадеянность, не соответствующие даже его власти. Дурид рассказывает, что ему первому среди греков города стали воздвигать алтари и приносить жертвы как богу и он был первым, в честь кого стали петь пэаны. Начало одного из них таково:

Сына спартанских равнин,
Эллады прекрасной вождя,
Мы песней прославим своей –
Ио, Пэан!

⁸⁸⁹ 17. ...название оболы... – Действительно, родственно слову obelos «вертел», а «драхма» означает «горсть», «охват».

⁸⁹⁰ 18. ...в другом нашем сочинении. – вероятно, Лик., 30.

Самосцы постановили, чтобы праздник в честь Геры, справляющийся у них, назывался Лисандриями. Лисандр постоянно держал при себе поэта Херила, который своим поэтическим искусством должен был украшать его деяния. Когда Антилох написал о нем несколько зауридных стихов, он так обрадовался, что отдал ему свою шляпу, насыпав ее доверху серебром. Антимах из Колофона и какой-то Никерат из Гераклеи состязались между собой в его присутствии, читая каждый поэму, озаглавленную «Лисандрия». Он увенчал Никерата, и раздосадованный Антимах уничтожил свое произведение. Платон, который был тогда молод и восхищался поэзией Антимаха, видя, как тяжело переносит он свое поражение, пригласил его к себе и стал утешать, говоря, что для непонимающих непонимание такое же зло, как слепота для незрячих. Когда же кифарист Аристоной, шесть раз одержавший победу на Пифийских играх, угодливо заявил Лисандру, что в случае новой победы он объявит себя через глашатая Лисандровым⁸⁹¹, – «Рабом, конечно?» – подхватил тот.

19. Честолюбие Лисандра было тягостно только для людей, занимавших первые места в государстве и равных ему по достоинству. Однако лесть окружающих привела к тому, что наряду с честолюбием в характере его появилась надменность и нетерпимость. Ни в почестях, ни в наказаниях он не знал меры, свойственной демократическому образу правления: наградой за дружбу и гостеприимство была у него неограниченная, тираническая власть над городами, а успокоить его гнев могла только смерть ненавистного врага – удаляться в изгнание противникам Лисандра не позволялось. В Милете, боясь, как бы главари народа не бежали, и желая выманить спрятавшихся, он поклялся не чинить насилий. Ему поверили: одни остались, другие вышли из своих убежищ, он же и тех и других – а было их не меньше восьмисот человек – отдал на расправу олигархам. Число сторонников народа, убитых по городам, счесть вообще невозможно; Лисандр казнил, не только карая за проступки, но, угождая своим друзьям, повсюду помогал им сводить счеты с многочисленными врагами и потакал их ненасытному корыстолюбию. Поэтому такую известность приобрели слова лакедемонянина Этеокла о том, что двух Лисандров Греция вынести бы не смогла. Феофраст говорит, что то же самое сказал Архестрат об Алкивиаде⁸⁹². Но у Алкивиада были непереносимы главным образом его заносчивость, страсть к роскоши и своеволие, власть же Лисандра делал тяжелой и страшной его жестокий нрав.

Лакедемоняне не придавали особенного значения жалобам на Лисандра, но когда Фарнабаз, возмущенный разбоем и грабежами, которые Лисандр чинил в его области, послал обвинение в Спарту, эфоры возмутились и казнили Форака, одного из друзей Лисандра, вместе с ним командовавшего войском и уличенного во владении деньгами, а Лисандру послали скиталу с требованием вернуться. А скитала вот что такое. Отправляя к месту службы начальника флота или сухопутного войска, эфоры берут две круглые палки совершенно одинаковой длины и толщины. Одну они оставляют себе, другую передают отъезжающему. Эти палки и называют скитами. Когда эфорам нужно сообщить какую-нибудь важную тайну, они вырезают длинную и узкую, вроде ремня, полосу папируса, наматывают ее на свою скиталу, не оставляя на ней ни одного промежутка, так чтобы вся поверхность палки была охвачена этой полосой. Затем, оставляя папирус на скитале в том виде, как он есть, они пишут на нем то, что нужно, а написав, снимают полосу и без палки отправляют ее военачальнику. Так как буквы на ней стоят без всякой связи, но разбросаны в беспорядке, прочитав написанное он может, только взяв свою скиталу и намотав на нее вырезанную полосу, располагая ее извивы в прежнем порядке, чтобы,водя глазами вокруг палки и переходя от предыдущего к последующему, иметь перед собой связное сообщение.

⁸⁹¹ 19. ...объявит себя. ... Лисандровым... – Т.е. публично посвятит ему свою победу.

⁸⁹² 20. ...об Алкивиаде... – Алк., 16.

Полоса папируса называется, как и деревянная палка, «скиталой», подобно тому как измеряемый предмет называется по мере.

20. Лисандр, которого скитала нашла на Геллеспонте, пришел в смятение. Очень боясь обвинений Фарнабаза, он постарался лично встретиться и переговорить с ним, чтобы достигнуть примирения. При встрече он попросил его написать эфорам другое письмо и в нем сообщить, что он не терпел от Лисандра никаких обид и ни в чем его не винит. Не зная Фарнабаза, он не подозревал, что ведет себя, говоря словами пословицы, «с критянином по-критски»⁸⁹³. Фарнабаз обещал все исполнить и на глазах у Лисандра написал письмо, о котором тот его просил. Но у него было с собой другое, тайком написанное. Прикладывая печати, он подменил письмо другим, по виду ничем не отличавшимся от первого, и дал Лисандру то, которое было написано тайком. Явившись в Лакедемон и направившись по обычаю в здание, где находились должностные лица, Лисандр передал эфорам письмо Фарнабаза, уверенный, что самое главное обвинение с него снято: Фарнабаза любили в Лакедемонии, так как во время войны он среди царских военачальников действовал наиболее энергично. Когда же эфоры, прочтя письмо, показали его Лисандру, он понял, что

Хитрец Лаэрта сын, но ведь не он один⁸⁹⁴,

и ушел чрезвычайно встревоженный. Встретившись через несколько дней с эфорами, он сказал им, что ему нужно отправиться к храму Аммона и принести жертвы, которые он обещал богу перед битвами. Некоторые рассказывают, что, действительно, Лисандру, когда он осаждал город Афиту во Фракии, явился во сне Аммон и что, следуя будто бы велению божества, он снял осаду и велел афитийцам приносить жертвы Аммону, а сам отправился в Африку⁸⁹⁵, чтобы умиловать бога. Но большинство сочло его ссылку на бога просто предлогом: Лисандр боялся эфоров, домашнее ярмо было для него невыносимо, он не терпел власти над собой и потому стремился вырваться на свободу, словно лошадь, вернувшаяся с заповедных лугов и пастбищ назад к яслям и снова приневоленная к обычной работе. Приводимую же Эфором причину этого путешествия я изложу несколько позже. (21). С большим трудом добившись от эфоров разрешения уехать, Лисандр отплыл.

После его отъезда цари сообразили, что он господствует над всей Грецией, с помощью тайных обществ держа в своих руках города, и стали действовать так, чтобы вернуть к власти сторонников народа, а друзей Лисандра изгнать. Опять произошли перевороты, и прежде всего афиняне из Филы⁸⁹⁶ напали на Тридцать и одолели их. Лисандр, спешно вернувшись, убедил лакедемонян помочь олигархам в городах и наказать народ. Прежде всего они послали Тридцати сто талантов на военные расходы и Лисандра в качестве военачальника. Цари, завидуя Лисандру и боясь, как бы он не взял Афины, постановили, что один из них выступит в поход. Выступил Павсаний, будто бы на помощь тираннам против народа, а на деле стремясь закончить войну, чтобы Лисандр с помощью своих друзей опять

⁸⁹³ 21. ...с критянином по-критски... – см. Эм. П., примеч. 32.

⁸⁹⁴ 22. *Хитрец Лаэрта сын, но ведь не он один...* – стих (об Одиссее) из несохранившейся трагедии Эврипида «Телеф».

⁸⁹⁵ 23. ...в Африку... – Храм и оракул египетского бога Аммона, которого греки отождествляли с Зевсом, находился в оазисе среди Ливийской пустыни; ср. Ал., 26—27.

⁸⁹⁶ 24. ...афиняне из Филы... – Фрасибул и другие изгнанники-демократы, бежавшие в Фивы, затем захватившие аттическую крепость Филу (см. ниже, 27), а потом и всю Аттику. После нескольких месяцев борьбы между демократами, крайними и умеренными олигархами (в которой посредником был спартанский царь Павсаний), демократия в Афинах была восстановлена.

не стал господином Афин. Цели своей он достиг легко: примирил афинян, прекратил междоусобную борьбу и нанес удар честолюбию Лисандра. Немного времени спустя афиняне снова отложились, и Павсания стали обвинять в том, что он распустил народ, обузданный было властью немногих, снова дав простор его дерзкому своеволию. За Лисандром осталась слава человека, который в своих действиях не ищет угодить другим, не гонится за показным блеском, но распоряжается по собственному усмотрению в интересах Спарты.

22. В разговоре с противниками он был резок и грозен. Когда аргивяне, споря с лакедемонянами о разделяющей Арголиду и Лаконию границе, заявили, что их доводы справедливее, он показал им меч и промолвил: «Кто держит в руке вот это, лучше всех рассуждает о границах». Как-то один мегарянин дерзко разговаривал с ним в собрании. «Для убедительности твоих слов надо бы иметь побольше государство, чужестранец», – заметил ему Лисандр. Беотийцев, колебавшихся, к какой стороне примкнуть, он спросил, как ему пройти через их землю: подняв копье или опустив его. Явившись после отпадения Коринфа под стены города, он увидел, что лакедемоняне не торопятся взять его приступом. Как-то на глазах у всех заяц перескочил через ров. «Вам не стыдно бояться врага такого ленивого, что у него под стенами спят зайцы?» – обратился он к войску.

Царь Агид умер, оставив после себя Леотихида, считавшегося его сыном, и брата Агесилая. Лисандр, любивший Агесилая, убедил его завладеть царской властью по праву законнорожденного Гераклида. Про Леотихида говорили, что он сын Алкивиада, который, живя в Спарте изгнанником, тайком сошелся с женою Агида Тимеей. Рассказывают, что Агид, рассчитав, что жена на могла быть беременна от него, не обращал внимания на Леотихида и в течение всей жизни открыто не признавал его. Когда же его больным привезли в Герею и он уже был близок к смерти, под влиянием просьб и самого юноши и своих друзей, он в присутствии многих свидетелей признал Леотихида своим сыном и, попросив присутствующих объявить это лакедемонянам, умер. Свидетельство в пользу Леотихида было дано. Агесилаю, человеку известному и к тому же пользовавшемуся поддержкой Лисандра, оказывал противодействие Диопиф, прославленный прорицатель, отнесший на счет хромого Агесилая следующее предсказание:

Спарта! Одумайся ныне! Хотя ты, с душою надменной,
Поступью твердой идешь, но власть взрастишь ты хромую.
Много придется тебе неожиданных бедствий изведать,
Долго хлестать тебя будут войны губительной волны.

Многие послушались оракула и перешли на сторону Леотихида, но Лисандр заявил, что Диопиф толкует предсказание неправильно: бог не разгневается, если Лакедемоном будет управлять царь, хромающий на одну ногу, но царская власть окажется хромою, если царствовать будут не Гераклиды, а люди низкого происхождения и незаконнорожденные. Такими доводами и силою своего влияния он убедил народ, и царем стал Агесилай.

23. Лисандр тотчас стал убеждать его идти походом в Азию, внушая ему надежды на низвержение персидской державы и на великую славу в будущем. Своим друзьям в Азии он написал, чтобы они просили лакедемонян послать к ним Агесилая военачальником для борьбы с варварами. Те послушались и отправили в Лакедемон послов с такою просьбой. На наш взгляд, в этом случае Лисандр облагодетельствовал Агесилая не меньше, чем когда доставил ему царскую власть. Но человеку с честолюбивым характером, хотя бы он и был способным полководцем, путь к славным подвигам преграждает зависть к равным, вызываемая их славой: тех, кто мог бы стать его помощниками, такой человек делает своими соперниками. Агесилай взял с собой Лисандра в числе тридцати советников, рассчитывая иметь в нем самого первого и близкого друга. Но когда они прибыли в Азию, местные жители, для которых Агесилай был новым человеком, обращались к нему редко. Лисандр же был их старым знакомым, и друзья – из желания угодить, а люди, попавшие под

подозрение, – из страха толпились у его дверей и ходили за ним по пятам. На сцене случается, что трагический актер, играющий какого-нибудь вестника или слугу, стяжает восторженные похвалы и роль его делается первой, владыку же в диадеме и со скипетром зрители едва слушают. Так было и здесь: все достоинство царской власти принадлежало царскому советнику, самому же царю не осталось ничего, кроме титула.

Следовало, пожалуй, обуздать это неуместное честолюбие и отодвинуть Лисандра на второй план, но совершенно прогнать и очернить благодетеля и друга, завидуя его славе, было делом, недостойным Агесилая. Сначала он лишил его возможности действовать самостоятельно и перестал доверять командование военными отрядами. Затем те люди, за которых, как он знал, хлопочет Лисандр, стали уходить от него неизменно с пустыми руками, добившись меньшего, чем любой другой проситель. Таким образом, он исподволь уничтожал и ослаблял влияние Лисандра. Терпя во всем неудачи, Лисандр понял, что его хлопоты обращаются во вред его друзьям. Он перестал помогать им, просил их не приходить и не оказывать ему знаков почтения и советовал обращаться к царю и к тем, кто сейчас может быть более полезен для своих приверженцев. Большинство, выслушав это, перестало беспокоить его своими делами и продолжало почтительно сопровождать его на прогулках и в гимназиях, вызывая тем самым еще большую зависть и раздражение Агесилая. Назначив, наконец, многих простых воинов начальниками либо доверив им управление городами, он пожаловал Лисандру должность раздатчика мяса⁸⁹⁷. «Пусть эти люди теперь пойдут на поклон к моему раздатчику мяса», – сказал он, глумясь над ионийцами. Лисандр решил прийти к нему поговорить. Разговор был короткий, в лаконичном духе. «Ты прекрасно умеешь унижать друзей, Агесилай». – «Если они хотят быть выше меня. А те, кто способствует усилению моей власти, по справедливости должны делить ее со мной». – «Может быть, Агесилай, твои слова правильнее моих поступков. Но я прошу тебя – кроме всего прочего, из-за чужеземцев, которые смотрят на нас, – дай мне такое место в своем войске, на котором я был бы тебе менее всего неприятен и более всего полезен».

24. После этого разговора Агесилай отправил его послом на Геллеспонт. Сердясь на Агесилая, Лисандр тем не менее старательно выполнял свои обязанности. Знатного перса Спифридата, стоявшего во главе войска и не поладившего с Фарнабазом, он убедил восстать и привел его к Агесилаю. Больше, впрочем, он никаких военных поручений не исполнял и по истечении своего срока бесславно отплыл в Лакедемон, гневаясь на Агесилая и больше прежнего ненавидя весь государственный строй Спарты.

Он решил, не откладывая, взяться за осуществление своих старых замыслов относительно мятежа и государственного переворота. Заключались они в следующем. Гераклиды, объединившиеся с дорийцами и вернувшиеся в Пелопоннес, были большим и славным родом, но царская власть не была уделом всякого, кто принадлежал к нему. Царями были представители только двух домов – агиадов и эврипонтидов, всем остальным их знатность не давала никаких преимуществ, но высокую должность как награду за доблесть мог получить каждый гражданин, которому это было по силам. Лисандр, принадлежавший к Гераклидам, пользовавшийся громкой славой за свои деяния, имевший влияние и множество друзей, с досадой видел, что Спарта возвышается благодаря ему, а царствуют в ней другие, ничуть не превосходящие его знатностью. Он задумал отобрать царскую власть у двух названных выше домов и сделать ее достоянием всех Гераклидов, а по словам некоторых – даже не Гераклидов, а всех спартанцев, чтобы она стала почетным даром не тем, кто происходит от Геракла, а тем, кто, подобно Гераклу, выделяется своей доблестью, которая и возвела его к богам. Он надеялся, что царская власть, присуждаемая таким образом, не достанется никому, кроме него.

---

⁸⁹⁷ 25. ...раздатчик мяса... – Т.е. начальник интендантской службы. Должность эта сама по себе была ответственной и почетной (Плутарх. Застольные беседы, II, 10), но в глазах боевых военачальников унижительна.

25. Готовясь убедить сограждан в своей правоте, он стал заучивать наизусть речь, которую написал для него Клеон Галикарнасский. Затем, видя, что задуманный им план переворота по необычности своей и размаху требует средств более бессовестных, он решил пустить в ход против своих сограждан нечто вроде театральной машины⁸⁹⁸ и сочинил ложные оракулы и предсказания Пифии. Ему стало ясно, что все искусство Клеона не принесет ему никакой пользы, если прежде, чем ознакомить граждан с его соображениями, не потрясти их суеверным ужасом перед богами и не подготовить их таким образом к восприятию этой речи. Эфор рассказывает, что его попытка подкупить пифию и через Ферекла склонить на свою сторону додонских жриц⁸⁹⁹, потерпела неудачу, после чего он отправился к Аммону и обещал много золота его прорицателям. Возмущенные, они послали гонца в Спарту с обвинением против Лисандра. Тем не менее, он был оправдан, и ливийцы, уходя, сказали: «Мы, о спартанцы, будем судить лучше, когда вы прибудете в Африку, чтобы поселиться среди нас». (Существовал старинный оракул, что лакедемоняне переселятся в Африку.)

Теперь мы изложим, следуя рассказу одного историка⁹⁰⁰ и философа, тщательно разработанный, тонкий и точно рассчитанный план Лисандра: как математическая задача, он основывался на многих и важных предпосылках и вел к цели через сложные дополнительные затруднения.

26. В Понте жила женщина, утверждавшая, что она беременна от Аполлона. Многие, естественно, не верили этому, другие же относились с доверием к ее словам, и когда у нее родился мальчик, нашлось немало людей, и при этом знатных, которые приняли ревностное участие в его воспитании. Ребенку по какой-то причине было дано имя Силен. Взявши это событие за основу, Лисандр с помощью многочисленных и влиятельных помощников соткал и сплел на ней все остальное. Не возбуждая никаких подозрений, они добились полного доверия к толкам о рождении мальчика, а затем стали распространять в Спарте рассказ, привезенный ими из Дельф, будто там, в тайных записях, хранимых жрецами, есть очень древние предсказания, взять и прочесть которые не дозволено никому, кроме сына Аполлона, который однажды придет, предъявит хранителям ясное доказательство своего происхождения и заберет таблички с предсказаниями. После того как эти приготовления были завершены, Силен должен был явиться в Дельфы и в качестве Аполлонова сына потребовать эти предсказания, а жрецы-соучастники, тщательно расследовав обстоятельства его рождения и, в конце концов, убедившись в справедливости его слов, показать ему как сыну Аполлона эти записи. Он должен был прочесть их перед множеством собравшихся и, среди прочих предсказаний, огласить оракул о царской власти – тот, ради которого было придумано все остальное, – а именно, что спартанцам значительно целесообразнее выбирать царя из числа лучших граждан. Силен был уже юношей и явился, чтобы приступить к делу, когда вся постановка Лисандра провалилась из-за робости одного актера и соучастника, который, уже принявшись было за дело, струсил и пошел на попятный. Все это раскрылось после смерти Лисандра; при жизни его ничего не было известно.

27. Прежде чем Агесилай вернулся из Азии, Лисандр погиб, ввязавшись в Беотийскую войну или, вернее, ввергнув в нее Грецию. Об этом судят по-разному: одни возлагают вину на Лисандра, другие на фиванцев, некоторые считают виновными обе стороны. Фиванцев обвиняют в том, что они сбросили жертвы с жертвенников в Авлиде⁹⁰¹ и что Андроклид и

⁸⁹⁸ 26. ...вроде театральной машины... – Такой, с помощью которой в вышине над сценой появлялись боги.

⁸⁹⁹ 27. ...додонских жриц... – Т.е. Лисандр сперва хотел подкупить древний оракул Зевса в Додоне, потом оракул Аммона в Ливии, и наконец, дельфийский оракул Аполлона.

⁹⁰⁰ 28. ...одного историка... – По-видимому, Эфора.

⁹⁰¹ 29. ...сбросили жертвы... в Авлиде... – При отплытии Агесилая в 396 г., см.: Агес., 6. Поводом к

Амфитей, подкупленные деньгами царя и обещавшие поднять в Греции войну против лакедемонян, побудили беотийцев напасть на фокейцев и опустошить их страну. Про Лисандра же говорят, что он был сердит на фиванцев, которые, в то время как остальные союзники молчали, единственные осмелились заявить притязания на десятую часть военной добычи и выразили недовольство тем, что Лисандр отправил деньги в Спарту. Особенно же был он раздосадован тем, что они первые помогли афинянам освободиться от тридцати тираннов, которых Лисандр поставил, а лакедемоняне сделали еще страшнее и могущественнее своим решением, гласившим, что беглецы из Афин должны быть отовсюду возвращены назад, а кто этому воспрепятствует, исключается из союза. На это фиванцы ответили постановлением, достойным подвигов Геракла и Диониса⁹⁰² и сходным с ними: все дома и города в Беотии открыты для афинян, нуждающихся в приюте; человек, не пришедший на помощь беглецу, которого уведут вопреки его желанию, платит талант штрафа; если кто-нибудь понесет через Беотию оружие в Афины для борьбы против тираннов, фиванцы закроют глаза и заткнут уши. Они не ограничились только постановлением, истинно эллинским и человеческим, – тому, что было в нем записано, соответствовали их действия: Фрасибул с товарищами захватил Филу, выйдя из Фив, причем фиванцы снабдили их оружием и деньгами, скрывали их и помогли приступить к делу. Такие обвинения предъявлял фиванцам Лисандр.

28. Гнев Лисандра был вообще страшен вследствие разлития черной желчи – недуга, усиливающегося к старости. Он уговорил эфоров объявить поход против Фив и сам отправился во главе войска. Спустя некоторое время был отправлен с войском и царь Павсаний. Пройдя кружным путем, Павсаний собирался вторгнуться в Беотию через Киферон, Лисандр же с большим войском выступил через Фокиду⁹⁰³. Он взял Орхомен, добровольно ему сдавшийся, а Лебадию захватил силою и разграбил. Письмом он предложил Павсанию выступить из Платей на соединение с ним к Галиарту, обещая, что с наступлением дня сам будет под его стенами. Письмо это попало в руки фиванцев, так как гонец натолкнулся на их разведку. Они оставили свой город под охраной афинян, явившихся к ним на помощь, а сами, двинувшись в путь, едва настала ночь, оказались под Галиартом чуть раньше Лисандра и частью своих сил заняли город. Лисандр решил сначала, расположившись на холме, ждать Павсания, но время шло, Лисандр не мог больше оставаться на месте, и вот, приказав воинам взять оружие и ободрив союзников, он двинул своих людей колоннами вдоль дороги к городским стенам. Фиванцы, оставшиеся вне города, обошли Галиарт слева и ударили врагу в тыл подле источника, называемого Киссусой, в котором, как рассказывают, кормилицы выкупали Диониса тотчас же после рождения. Вода в нем цветом несколько напоминает вино, прозрачна и очень вкусна. Неподалеку растут критские стираксы⁹⁰⁴, на которые жители Галиарта указывают в подтверждение того, что у них жил Радамант⁹⁰⁵; они показывают и его могилу, которая зовется могилой Алея. Поблизости находится и памятник Алкмене: став после смерти Амфитриона женою

Коринфской войне послужил пограничный спор между Локридой Озольской, союзной с Фивами, и Фокидой, союзной с Лакедемоном.

⁹⁰² 30. ...Геракла и Диониса... – Эти боги особо чтились в Фивах (где они будто бы родились) и считались покровителями и заступниками слабых и гонимых.

⁹⁰³ 31. ...Лисандр... выступил через Фокиду... – переправившись туда через Коринфский залив.

⁹⁰⁴ 32. *Стиракс* – дерево, дающее благовонную смолу.

⁹⁰⁵ 33. *Радамант* – сын Зевса, ставший в подземном царстве судьей мертвых; по местному беотийскому мифу, он бежал сюда от своего брата Миноса Критского и женился на Алкмене, матери Геракла (Аполлодор, II, 4, 11).

Радаманта, она здесь, как сообщают, была предана погребению.

Фиванцы, вошедшие в город и соединившиеся с галиартцами, сперва не двигались с места, когда же они увидели, что Лисандр с передовым отрядом приближается к стенам, они, внезапно открыв ворота, ударили на противника, убили Лисандра, прорицателя и еще нескольких человек, а потом бегом вернулись к основным силам. Не давая врагам опомниться, фиванцы напали на них, загнали на холмы и перебили тысячу человек. Фиванцев погибло триста, они пали, преследуя неприятеля на голых, крутых склонах. Это были те, кого обвиняли в симпатии к лаконцам: стремясь оправдаться перед согражданами, они не щадили себя и погибли во время погони.

29. Павсаний узнал о поражении по пути из Платей в Феспии. Выстроив войско в боевой порядок, он двинулся к Галиарту. Прибыл туда из Фив и Фрасибул с афинянами. Павсаний хотел заключить перемирие и просить о выдаче тел, но между спартамцами старшего возраста поднялся ропот, они пришли к царю и с негодованием заявили, что вернуть тело Лисандра надо не посредством перемирия, но силой оружия, сражаясь вокруг павшего, и, победив, похоронить; для побежденных же славно будет лечь на том же месте, рядом со своим начальником. Так говорили старики, но Павсаний, видя, что одолеть в битве фиванцев, только что одержавших победу, дело трудное и что тело Лисандра лежит у самой стены и, стало быть, без перемирия его нелегко будет взять даже в случае победы, послал к фиванцам вестника, заключил перемирие и отступил. Лисандра похоронили сейчас же за границей Беотии, на земле дружественного и союзного города Панопея. Там теперь стоит памятник на дороге из Дельф в Херонею. Войско расположилось там на стоянку, и какой-то фокеец стал рассказывать про сражение при Галиарте своему земляку, не принимавшему в нем участия. Между прочим, он сказал, что враги напали на них, когда Лисандр уже перешел Гоплит. Один спартанец, друг Лисандра, с изумлением спросил, что он имеет в виду: это название ему неизвестно. «Да ведь именно там, – ответил рассказчик, – враги и обрушились на наши первые ряды: Гоплитом называется ручеек под городом!» Услышав это, спартанец заплакал и сказал, что человек не может избежать своей судьбы. Есть сведения, что Лисандру был дан такой оракул:

Бойся Гоплита, тебе мой совет, шумящего грозно,
Также змеи, что землей рождена и разит тебя с тыла.

Некоторые, правда, утверждают, что Гоплит течет не возле Галиарта, но что это поток, сбегаящий с гор возле Коронеи и там же впадающий в реку Филар; раньше его называли Гоплией, а теперь Исомантом. Галиартец Неохор, убивший Лисандра, имел на щите изображение змеи: это, видимо, и возвещал оракул. Рассказывают, что приблизительно во время Пелопоннесской войны фиванцам был дан в Исмении⁹⁰⁶ оракул, предсказавший сразу и битву при Делии и битву при Галиарте, отделенную от первой промежутком в тридцать лет:

С дротом идя на волков, берегись краев пограничных
И орхалидских высот, где лиса в засаде таится.

Местность около Делия, там, где Беотия граничит с Аттикой, называется «Краем»; Орхалидой именовался холм, который теперь зовется Лисым: он находится в той части Галиарта, которая обращена к Геликону.

30. Неожданную гибель Лисандра спартамцы восприняли так тяжело, что предъявили своему царю обвинение, грозившее ему смертью. Он не явился на суд, а бежал в Тегею и жил там до конца своих дней в качестве молящего о защите на священном участке,

---

⁹⁰⁶ 34. В Исмении – храм Аполлона Исмения с оракулом находился на южной окраине Фив.

принадлежащем Афине. Бедность Лисандра, обнаружившаяся после его смерти, показала особенно отчетливо его добродетель: имея в руках такую власть и такие средства, осыпавший дарами от городов и царя, он не взял ни обола на украшение собственного дома. Так рассказывает Феопомп, чьей похвале можно верить больше, чем порицанию, ибо он порицает охотнее, чем хвалит.

Впоследствии, сообщает Эфор, когда у Спарты возникли разногласия с союзниками, понадобилось посмотреть записи, которые находились у Лисандра, и Агесилай пришел к нему в дом. Он нашел у него рассуждение о государственном строе, где говорилось, что эврипontiдов и агиадов следует лишить царской власти и, сделав ее доступной для всех, выбирать царя из лучших граждан. Агесилай хотел немедленно сообщить всем о своей находке и показать, каким гражданином был на самом деле Лисандр, хотя этого никто и не замечал; Лакратид же, человек разумный, бывший тогда первым эфором, остановил Агесилая, сказав, что надо не выкапывать из могилы Лисандра, а закопать вместе с ним это рассуждение – до того убедительно и коварно было оно составлено. Несмотря на это, Лисандру были возданы все посмертные почести, и, между прочим, женихи его дочерей, отказавшиеся после его смерти взять их в жены, так как отец оказался бедняком, были приговорены к штрафу за то, что они оказывали ему почтение, пока считали его богачом, но отреклись от него, когда бедность умершего открыла его справедливость и достоинство. В Спарте существовало, по-видимому, наказание не только за безбрачие⁹⁰⁷, но и за поздний или недостойный брак. Последнее налагали по преимуществу на тех, кто сватался к девушкам из богатых, а не из хороших и близких семей.

Вот что мы можем рассказать о Лисандре.

Сулла

[перевод В.М. Смирин]

1. Луций Корнелий Сулла родом был из патрициев, или, как мы бы сказали, эвпатридов⁹⁰⁸, и один из предков его, Руфин⁹⁰⁹, был, говорят, консулом. Впрочем, этот Руфин более известен не оказанною ему честью, а выпавшим ему на долю бесчестьем: уличенный в том, что он имел больше десяти фунтов серебряной посуды (а закон этого не позволял), он был исключен из сената. Потомки его жили уже в постоянной бедности, да и сам Сулла вырос в небогатой семье, а с молодых лет ютился у чужих, снимая за небольшую плату помещение, чем ему и кололи глаза впоследствии – счастье его казалось несогласным с его достоинством. Так, рассказывали, что когда после африканского похода⁹¹⁰ он возгордился и стал держаться надменно, кто-то из людей благородных сказал ему: «Ну, как тебе быть порядочным, если ты, ничего не унаследовав от отца, владеешь таким состоянием?» Дело в том, что, хотя и тогда нравы не сохраняли прежней строгости и чистоты, но под тлетворным воздействием соперничества в роскоши и расточительстве стали портиться, тем не менее равный позор навлекал на себя и тот, кто промотал свое богатство, и

---

⁹⁰⁷ 35. ...наказание не только за безразличие... – см. Лик., 15.

⁹⁰⁸ 1. *Эвпатридов* – так называлась родовая аристократия в Афинах (букв. «от хороших отцов», как и латинское слово «патриции»).

⁹⁰⁹ 2. *Руфин* – прапрадед Суллы, был дважды консулом (290 и 277 г.); Руф Сулла, прадед, и Сулла, дед – только преторами (218 и 186 г.); а отец, Л. Сулла, не поднялся и до преторства.

⁹¹⁰ 3. ...после африканского похода ... – Т.е. югуртинской войны, на которой богатели все полководцы.

тот, кто не остался верен отцовской бедности. Позднее, когда Сулла пришел к власти и многих лишил жизни, какой-то человек из отпущенников, заподозренный в укрывательстве одного из объявленных вне закона и приговоренный к свержению в пропасть, попрекал Суллу тем, что тот долгое время жил с ним под одной крышей и сам он платил две тысячи нуммов за верхний этаж, а Сулла – три за нижний, так что вся разница в их положении измерялась одной тысячей нуммов или двумястами пятьюдесятью аттических драхм. Вот что рассказывают о молодых годах Суллы.

2. Все черты внешнего облика Суллы переданы в его статуях, кроме разве взгляда его светло-голубых глаз – тяжелого и пронизательного – и цвета его лица, который делал еще более страшным этот и без того трудно переносимый взгляд. Все лицо его было покрыто неровною красной сыпью, под которой лишь кое-где была видна белая кожа. Поэтому говорят, что имя Сулла – это прозвище⁹¹¹, которое он получил за цвет лица, а в Афинах кто-то из насмешников сложил такой издевательский стих:

Сулла – смоквы плод багровый, чуть присыпанный мукой.

Прибегать к подобным свидетельствам вполне уместно, когда речь идет о человеке, который, как рассказывают, был по природе таким любителем шуток, что молодым и еще безвестным проводил целые дни с мимами и шутами, распутничая вместе с ними, а когда стал верховным властелином, то всякий вечер собирал самых бесстыдных из людей театра и сцены и пьянствовал в их обществе, состязаясь с ними в остроловии; о человеке, который в старости, по общему мнению, вел себя не так, как подобало его возрасту, и, унижая свое высокое звание, пренебрегал многим, о чем ему следовало бы помнить. Так, за обедом Сулла и слышать не хотел ни о чем серьезном и, в другое время деятельный и, скорее, мрачный, становился совершенно другим человеком, стоило ему оказаться на дружеской пирушке. Здесь он во всем покорялся актерам и плясунам и готов был выполнить любую просьбу. Эта распущенность, видимо, и породила в нем болезненную склонность к чувственным наслаждениям и неутолимую страсть к удовольствиям, от которой Сулла не отказался и в старости. Вот еще какой счастливый случай с ним приключился: влюбившись с общедоступную, но состоятельную женщину по имени Никопола, он перешел потом на положение ее любимца (в силу привычки и удовольствия, которое доставляла ей его юность), а после смерти этой женщины унаследовал по завещанию ее имущество. Наследовал он и своей мачехе, которая любила его как сына. Таким образом приобрел он изрядное состояние.

3. Назначенный квестором к консулу Марию в первое его консульство, Сулла с ним вместе отплыл в Африку воевать с Югуртой. Во время военных действий Сулла во всем показал себя с лучшей стороны и сумел воспользоваться представившимся случаем, чтобы приобрести дружбу нумидийского царя⁹¹² Бокха. Послы Бокха, ускользнувшие от шайки нумидийских разбойников, были радушно приняты Суллой, который, отсылая их назад, одарил их и дал им надежных провожатых. А Бокх, давно уже ненавидя и боясь приходившегося ему зятем Югурту, теперь, когда тот, гонимый военными неудачами, бежал к нему, решил его погубить. Бокх вызвал к себе Суллу, предпочитая чужими, а не собственными руками схватить и выдать Югурту врагам. С ведома Мария Сулла, взяв с собою нескольких солдат, пошел навстречу величайшей опасности, ради поимки неприятеля доверив свою жизнь варвару, не хранившему верности даже самым близким ему людям.

---

⁹¹¹ 4. *Прозвище* – ср. Гай, 11; такое значение слова «Сулла» в латинском языке неизвестно, обычно его производят от *suga* (икра ноги) – уменьшительное *surula* – *surla-sulla.

⁹¹² 5. *...нумидийского царя ...* – Обмолвка: Бокх был царем Мавритании (н. Марокко), а не Нумидии (н. Алжир).

Впрочем, Бокх, в руках которого оказались и Сулла и Югурта и который сам поставил себя перед необходимостью нарушить уговор с одним из них, очень долго колебался и размышлял, но, в конце концов, решился на предательство, задуманное им прежде, и передал Сулле Югурту. Триумф за это достался, конечно, Марию, который, втайне был уязвлен тем, что его недоброжелатели и завистники славу и успех стали приписывать Сулле. Да и сам Сулла, от природы самонадеянный, теперь, когда после жизни скудной и безвестной о нем впервые пошла добрая молва среди сограждан и он вкусил почета, в честолюбии своем дошел до того, что приказал вырезать изображение своего подвига на печатке перстня и с тех пор постоянно ею пользовался. На печатке был изображен Сулла, принимающий Югурту из рук Бокха.

4. Все это раздражало Мария, но он еще пользовался в походах услугами Суллы, считая, что тот слишком ничтожен, а потому не заслуживает зависти. Сулла был легатом Мария в его второе консульство и военным трибуном в третье, и Марий был обязан ему многими успехами. Так, в бытность свою легатом Сулла захватил вождя тектосагов⁹¹³ Копилла, а будучи военным трибуном, склонил большой и многолюдный народ марсов к дружбе и союзу с римлянами. После этого, почувствовав, что он восстановил против себя Мария, который уже не желал поручать ему никаких дел и противился его возвышению, Сулла сблизился с Катулom, товарищем Мария по должности, прекрасным человеком, хотя и не столь способным полководцем. Пользуясь его доверием в самых важных и значительных делах, Сулла прославился и вошел в силу. Он покорил большую часть альпийских варваров, а когда у римлян вышло продовольствие, принял эту заботу на себя и сумел запасти столько, что воины Катула не только сами не знали ни в чем нужды, но и смогли поделиться с людьми Мария. Этим Сулла, по собственным его словам, сильно озлобил Мария. И вот эта-то вражда, столь незначительная и по-детски мелочная в своих истоках, но затем, через кровавые усобицы и жесточайшие смуты приведшая к тирании и полному расстройству дел в государстве, показывает, сколь мудрым и сведущим в общественных недугах человеком был Эврипид⁹¹⁴, который советовал остерегаться честолюбия, как демона, самого злого и пагубного для каждого, кто им одержим.

5. Сулла думал, что достаточно уже прославил себя воинскими подвигами, чтобы выступить на государственном поприще, — сразу после похода он посвятил себя гражданским делам; он записался кандидатом в городские преторы, но при выборах потерпел неудачу. Виновницею тому была, по его мнению, чернь: зная дружбу его с Бокхом и ожидая — в случае, если он, прежде чем стать претором, займет должность эдила, — великолепной травли африканских зверей⁹¹⁵, она избрала преторами других соискателей, чтобы заставить его пройти через эдильскую должность. Но похоже на то, что Сулла скрывает истинную причину своей неудачи — сами события уличают его в этом. Ведь спустя год претура все-таки досталась Сулле, который лестью и подкупом расположил народ в свою пользу. Вот почему Цезарь, которому Сулла в гневе пригрозил употребить против него свою власть претора, издевательски ответил ему: «По праву ты считаешь своей эту власть — разве ты не купил ее?».

После претуры Суллу посылают в Каппадокию⁹¹⁶, как было объявлено, чтобы вернуть

⁹¹³ 6. *Тектосаги* — южногалльское племя, союзное с вторгшимися кимврами и тевтонами; *марсы* — германское племя, в I в. н.э. жившее за средним Рейном.

⁹¹⁴ 7. *Эврипид* — «Финикиянки», 531 сл. (слова Иокасты ее сыну Этеоклу).

⁹¹⁵ 8. *...травли ... зверей ...* — Ее Сулла устроил для народа, когда добился претуры в 93 г.; кроме зверей, он привез из Африки охотников и впервые в Риме травил зверей, не привязанных к столбам, а свободных, как на настоящей охоте (Плиний, VIII, 16, 20).

⁹¹⁶ 9. *...в Каппадокию ...* — За эту страну боролись вифинский царь Никомед и понтийский царь Митридат,

туда Ариобарзана, а на деле – чтобы обуздать Митридата, который стал не в меру предприимчив и чуть ли не вдвое увеличил свое могущество и державу. Войско, которое Сулла привел с собою, было невелико, но с помощью ревностных союзников он, перебив много каппадокийцев и еще больше пришедших им на подмогу армян, изгнал Гордия и водворил на царство Ариобарзана.

Когда Сулла стоял у Евфрата, к нему явился парфянин Оробаз, посол царя Арсака. До тех пор оба народа еще не соприкасались друг с другом; видимо, счастьем своему Сулла обязан и тем, что первым из римлян, к кому обратились парфяне с просьбой о союзе и дружбе, оказался именно он. Рассказывают, что Сулла поставил три кресла – одно для Ариобарзана, другое для Оробаза, третье для себя – и во время переговоров сидел посредине. Оробаза парфянский царь впоследствии за это казнил, а Суллу одни хвалили за то, что он унижил варваров, а другие хулили за наглость и неуместное тщеславие. Среди спутников Оробаза, как передают, был один халдей⁹¹⁷, который, посмотрев в лицо Сулле и познакомившись с движениями его духа и тела – не мельком, но изучив их природу согласно с правилами своей науки, – сказал, что человек этот непременно достигнет самого высокого положения, да и сейчас приходится удивляться, как он терпит над собой чью-то власть.

По возвращении Суллы в Рим Цензорин обвинил его во взяточничестве, потому что из дружественного и союзного царства он вернулся с большой суммой денег, собранной вопреки закону. Впрочем, Цензорин не явился в суд, отказавшись от обвинения.

6. Между тем вражда Суллы и Мария получала все новую пищу; на этот раз поводом послужило честолюбие Бокха. Желая польстить римскому народу и в то же время угодить Сулле, Бокх поставил на Капитолии статуи Победы с трофеями в руках, а подле них золотое изображение Югурты, которого Бокх передает Сулле. Когда рассерженный Марий собрался было уничтожить эти изваяния, а сторонники Суллы готовились встать на его защиту и раздор между приверженцами того и другого едва не вверг в пламя весь город, тогда-то разразилась, сдержав на этот раз распрю, давно уже угрожавшая городу Союзническая война. В войне этой, которая оказалась и чрезвычайно жестокой, и полной всяческих превратностей, которая принесла римлянам многочисленные бедствия и самые тяжкие опасности, в этой войне Марий не смог совершить ничего великого и тем самым доказал, что воинская доблесть нуждается в цветущем возрасте и силе; Сулла же замечательными подвигами стяжал у сограждан славу великого полководца, у друзей – величайшего и даже у врагов – самого счастливого и удачливого.

Однако Сулла избежал участи Тимофея, сына Конона, чьи враги, приписывая его успехи счастливому случаю, заказали картину, на которой был представлен спящий Тимофей и Счастье, улавливающее города своею сетью. Тимофей разгневался и бушевал, как последний мужлан, словно у него отнимали славу его дел, и как-то, вернувшись из похода, как считали, вполне удачного, сказал, обращаясь к народу: «А уж в этом походе, афиняне, Счастье не принимало никакого участия». В отместку за такое нескрываемое честолюбие божество, говорят, зло подшутило над Тимофеем: он уже не совершил ни одного славного подвига, потерял удачу во всех своих делах и, рассорившись с народом, был изгнан из родного города. Сулла же, напротив, не только испытывал удовольствие, когда завистники называли его счастливым, но даже сам раздувал эти толки, все свои успехи приписывая богам и объясняя все своим счастьем – то ли из хвастовства, то ли действительно следуя своим представлениям о божестве. Ведь и в «Воспоминаниях» Суллы написано, что дела, на которые он отваживался по внезапному побуждению, удавались ему лучше тех, которые он считал хорошо обдуманскими. Там же он говорит, что больше одарен счастьем, чем

агентом которого был Гордий; Рим взялся разрешить конфликт, объявил Каппадокию независимой от обоих и посадил там своего ставленника Ариобарзана.

⁹¹⁷ 10. Халдей – так греки и римляне называли восточных ученых и предсказателей (по названию народа, владевшего в VI в. Вавилонией).

военными способностями, а стало быть, отдает предпочтение счастью перед доблестью; вообще он считал себя любимцем божества – ведь даже согласие с Метеллом⁹¹⁸, своим товарищем по должности и свойственником, он приписывал некоей божественной удаче. В самом деле, тот, кто, как можно было ожидать, доставит Сулле немало хлопот, оказался самым сговорчивым товарищем по должности. Кроме того, в «Воспоминаниях» Сулла убеждает Лукулла (которому это сочинение посвящено) ни на что не полагаться с такой уверенностью, как на то, что укажет ему ночью божество. Когда он был послан с войском на Союзническую войну, рассказывает Сулла, то близ Лаверны⁹¹⁹ широко разверзлась земля, оттуда вырвался язык пламени и огненным столпом уперся в небо. Это, по словам предсказателей, означало, что доблестный муж, с прекрасною и необычною внешностью, придет к власти и прекратит нынешние смуты в государстве. И вот он-то сам, утверждал Сулла, и есть этот муж: ведь золотистые волосы отличают его среди других людей, а о доблести своей после стольких прекрасных и великих подвигов он может говорить без ложного стыда. Таковы были его представления о божественном.

В остальном же он производил впечатление человека переменчивого и с самим собой несогласного: он много отбирал насильно и еще больше раздавал, без оснований возносил и без оснований оскорблял, обхаживал тех, в ком имел нужду, и чванился перед теми, кто имел нужду в нем, так что непонятно, что было более свойственно его натуре – высокомерие или угодливость. За случайные провинности он засекал до смерти, но смотрел сквозь пальцы на самые тяжкие преступления, легко мирился с лютой обидой, а за мелкие и ничтожные оскорбления мстил казнями и конфискациями имущества; такую несоразмерность в наказаниях можно, пожалуй, объяснить тем, что, крутой нравом и мстительный от природы, Сулла, ради пользы, умел сдерживать гнев, уступая расчету. Так, когда его солдаты в ту же Союзническую войну камнями и палками убили легата Альбина, бывшего претора, Сулла оставил столь тяжкий проступок безнаказанным и даже гордился этим, не без хвастовства говоря, что благодаря этому его люди, дескать, станут еще воинственнее, искупая храбростью свою вину. На тех, кто осуждал его, Сулла не обращал никакого внимания, но угождал собственному войску, уже тогда замышляя покончить с Марием, и считая, что война с союзниками окончена, надеялся получить командование в войне с Митридатом.

По возвращении Суллы в Рим его выбрали консулом вместе с Квинтом Помпеем. Сулле было тогда пятьдесят лет, и в ту пору он вступил в почетный для него брак с Цецилией, дочерью верховного жреца Метелла. За это Суллу высмеивали в многочисленных песенках, ходивших среди простонародья, да и среди высшей знати многие были возмущены, считая, говоря словами Тита⁹²⁰, что этот человек недостойн такой жены, хотя сами признали его достойным консульства. Замужем за Суллой побывала, впрочем, не одна Метелла: впервые, еще юнцом, он женился на Илии, которая родила ему дочку, затем, после нее, на Элии, в третий же раз на Клелии. Последней, под предлогом ее бесплодия, он дал развод, отпустив ее с почетом: он и сказал о ней много хорошего, и богато одарил. Однако, введя всего через несколько дней в свой дом Метеллу, он показал, что не был честен в своих упреках Клелии. Метелле он, правда, угождал всегда и во всем, так что римскому народу, когда тот пожелал вернуть из изгнания сторонников Мария, пришлось после полученного от Суллы отказа призвать на помощь Метеллу. Вероятно, и с афинянами, взяв их город, он обошелся особенно жестоко, потому что они, насмехаясь над ним с городских стен, грубо

---

⁹¹⁸ 11. *Метелл* (впоследствии воевавший против Сертория в Испании) – приходился двоюродным братом жене Суллы и был вместе с ним консулом в 80 г.

⁹¹⁹ 12. *Лаверна* – италийская богиня воров; место ее культа в вулканической зоне Апеннин точно не известно.

⁹²⁰ 13. *Тит* – Ливий, кн. 77 (не сохранилась). Метелла славилась своим дурным нравом.

поносили Метеллу. Но об этом ниже⁹²¹.

7. Когда Сулла, невысоко ценя консульство в сравнении с тем, что он для себя готовил, в мыслях своих стремился к войне с Митридатом, соперником его выступил Марий, снедаемый тщеславием и честолюбием – не подвластными возрасту страстями. Этот обрюзгший человек, которому в недавней войне из-за преклонных уже лет изменили силы, рвался за море, в дальние походы. И вот, когда Сулла отправился к войску, куда его призывали не завершённые ещё дела, Марий оставаясь дома, занялся подготовкой пагубнейшей распри, принесшей Риму больше вреда, чем все войны вместе взятые, как то и предвещали знамения, посланные римлянам божеством. А именно, на древках знамен сам сабою вспыхнул огонь, который едва погасили, три ворона притащили своих птенцов на дорогу и съели, а остатки унесли обратно в гнездо. Мыши прогрызли золотые приношения, выставленные в храме, а когда служители поймали одну самку, она принесла пятерых мышат прямо в мышеловке и троих загрызла. И самое главное: с безоблачного, совершенно ясного неба прозвучал трубный глас, такой пронзительный и горестный, что все обезумели от страха перед величием этого знамения. Этруссские толкователи объявили, что чудо это предвещает смену поколений и преобразование всего сущего. Существует, говорили они, восемь человеческих поколений, различающихся между собой нравами и укладом жизни, и для каждого божеством отведено и исчислено время, ограниченное кругом большого года⁹²². Когда же этому кругу приходит конец, и начинается новый, всякий раз то ли из земли, то ли с неба приходит какое-нибудь удивительное знамение, чтобы те, кто размышлял над такими вещами и умудрен в них, тотчас поняли, что в мир явились люди, и живущие, и мыслящие по-иному, и боги пекутся о них больше или меньше, чем о прежних. Среди прочего, продолжали прорицатели, при чередовании поколений большие перемены испытывает и сама наука предсказания будущего: она то обретает большое уважение, а также точность и надёжность, благодаря идущим от богов ясным знамениям, то – при новом поколении, – напротив, влачит жалкое существование, рассуждая о многом наугад и пытаясь проникнуть в грядущее с помощью темных и ненадёжных средств. Вот какие предания рассказывали самые ученые из толкователей-этрусков, те, что считались наиболее сведущими. Когда сенаторы, заседа в храме Беллоны, слушали рассуждения гадателей об этих предметах, в храм на глазах у всех влетел воробей, в клюве у него была цикада, часть которой он выронил, а другую унес с собой. Гадатели возымели подозрение, что это предвещает распрю и раздоры между имущими и площадною чернью города. Последняя ведь голосиста, словно цикада, а те, другие, – сельские жители, обитающие среди полей.

8. Марий тем временем заручился поддержкой народного трибуна Сульпиция, человека, не знавшего себе равных в самых гнусных пороках⁹²³, так что не стоило и задаваться вопросом, кого он превосходит испорченностью: можно было спрашивать только, в чем он испорченнее самого себя. Жестокость, дерзость и жадность делали его нечувствительным к позору и способным на любую мерзость: ведь это он, поставив посреди форума стол, не таясь, подсчитывал деньги, вырученные от продажи вольноотпущенникам и пришлым прав римского гражданства. Сульпиций содержал три тысячи вооружённых

⁹²¹ 14. Ниже – гл. 13.

⁹²² 15. *...кругом большого года ...* – У гадателей так назывался срок жизни одного поколения, определяемый по возрасту самого долговечного человека этого поколения: так, по счету этрусков, семь «больших лет» их истории длились 100, 100, 100, 100, 123, 119 и 119 лет, в I в. до н.э. шло восьмое поколение, а после десятого должен был прийти «конец даже имени этрусков» (Цензорин, 17, 5, по Варрону).

⁹²³ 16. *...в самых гнусных пороках ...* – Эта характеристика Сульпиция Руфа явно заимствована Плутархом из «Воспоминаний» Суллы или другого столь же враждебного источника, а более мягкая в «Марии», 34–35, – из марианских авторов.

мечами бойцов и окружил себя толпой готовых на все молодых людей из всаднического сословия, которых именовал антисенатом. Он провел закон, по которому сенаторам запрещалось иметь долг, превышающий две тысячи драхм, а сам оставил после себя долгов на три миллиона. Этот-то человек, обратившись по поручению Мария к народу и нарушив силой оружия весь ход дел в государстве, предложил несколько вредных законопроектов, одним из которых он передавал Марию командование в Митридатовой войне. Это вынудило консулов объявить неприсутственные дни, тогда Сульпиций во время собрания, созванного консулами у храма Диоскуров⁹²⁴, возмущил против них толпу, и в числе многих других на форуме погиб молодой сын консула Помпея. Сам Помпей бежал и скрылся, а Сулле, загнанному погоней в дом Мария, пришлось выйти к народу и отменить решение о неприсутственных днях. Поэтому Сульпиций, который Помпей отрешил от должности, у Суллы консульства не отобрал, но лишь перепоручил поход против Митридата Марию и тут же послал в Нолу военных трибунов, чтобы те, приняв войско, привели его к Марию.

9. Но Сулла, бежавший в лагерь, успел опередить трибунов, и воины, узнав о случившемся, побили посланцев Сульпиция камнями, а приверженцы Мария в Риме со своей стороны принялись избивать друзей Суллы и грабить их имущество. Появились изгнанники и беглецы: одни пробирались в город из лагеря, другие из города в лагерь. Сенат, который уже не был свободен в своих решениях, но руководился предписаниями Мария и Сульпиция, узнав, что Сулла идет на город, послал двух преторов, Брута и Сервилия, чтобы те запретили ему двигаться дальше. Преторы говорили с Суллой слишком дерзко, и воины, кинувшись на них, хотели их растерзать, но только изломали ликторские розги⁹²⁵, сорвали с преторов окаймленные пурпуром тоги и после многих оскорблений отослали их назад. Вид преторов, лишенных знаков отличия, и принесенное ими известие о том, что усобицу уже невозможно сдержать и положение непоправимо, произвели тяжелое и страшное впечатление. Марий был теперь занят подготовкой к борьбе, а Сулла, располагая шестью полными легионами, вместе с товарищем по должности двигался от Нолы; он видел, что войско готово немедленно идти на город, но сам колебался, испытывая страх перед опасным начинанием. Однако когда он совершил жертвоприношение, прорицатель Постумий, протянув к нему обе руки, потребовал, чтобы его связали и до сражения продержали под стражей: он-де готов пойти на казнь, если все дела Суллы не придут к скорому и благополучному завершению. Да и самому Сулле, как рассказывают, во сне явилась богиня, чтить которую римляне научились от каппадокийцев⁹²⁶, это то ли Луна, то ли Минерва, то ли Беллона. Сулле снилось, будто богиня, представ перед ним, протягивает ему молнию и, называя по имени каждого из его врагов, повелевает поразить их, и, пораженные молнией, они падают и исчезают. Доверившись этому видению и рассказав о нем товарищу по должности, Сулла, как только рассвело, повел войско на Рим. У Пикт⁹²⁷ его встретило посольство: послы умоляли повременить, так как сенат восстановит справедливость, издав соответствующие постановления. Сулла согласился разбить лагерь здесь же и приказал командирам сделать для этого обычные в таких случаях промеры, так что послы, поверив ему, ушли. Однако тотчас вслед за тем Сулла выслал вперед Луция Базилла и Гая Муммия, которые захватили ворота и стену у Эсквилинского холма, а потом и сам устремился за ними со всею

⁹²⁴ 17. ...у храма Диоскуров ... – Этот храм на форуме (развалины которого сохранились) часто был местом заседаний сената, а народные сходки созывались перед ним.

⁹²⁵ 18. ...ликторские розги ... – Свита претора состояла из 6 ликторов.

⁹²⁶ 19. ...богиня ... каппадокийцев ... – Великая Матерь с ее кровавым оргиастическим культом.

⁹²⁷ 20. Пикты – почтовая станция в 40 км от Рима по юго-восточной Латинской дороге, за Эсквилинскими воротами.

поспешностью, на какую был способен. Хотя отряд Базилла, ворвавшись в город, стал одолевая врага, многочисленная толпа безоружного народа остановила его продвижение и оттеснила назад к стене. Но тут подоспел Сулла: увидев, что происходит, он громким голосом отдал приказание поджигать дома и, схватив пылающий факел, сам кинулся вперед, а лучникам дал приказ осыпать кровли домов зажигательными стрелами. Он не следовал заранее намеченному плану, но, потеряв власть над собой, предоставил своему гневу распоряжаться происходящим. Перед глазами его были одни враги, и он, нисколько не задумываясь о друзьях, родственниках, домашних, нимало не сочувствуя им, прокладывал себе путь огнем, не разбирающим правых и виноватых. Тем временем Марий, оттесненный к храму Земли⁹²⁸, воззвал к рабам, обещая им свободу, но, осиленный наступавшим противником, бежал из города.

10. Сулла, созвав сенат, осудил на смерть самого Мария и еще нескольких человек, в их числе и народного трибуна Сульпиция. Сульпиций, преданный своим рабом, был убит (раба этого Сулла сперва освободил, а затем приказал сбросить со скалы), а за голову Мария Сулла назначил награду, не обнаружив тем самым ни благоразумия, ни порядочности – ведь совсем незадолго он, придя в дом Мария и сдавшись на его милость, был отпущен целым и невредимым. Если бы Марий тогда не отпустил Суллу, а дал Сульпицию расправиться с ним, он остался бы полным хозяином положения, и все же он Суллу пощадил, а немного спустя, когда Марий сам оказался в такой же крайности, с ним обошлись совсем по-иному. Сенат втайне досадовал на это, а народ и на деле дал Сулле почувствовать свою враждебность и возмущение. Так, провалив с позором Нония, племянника Суллы, и Сервилия, которые помогали должностям, народ должности эти отдал тем, чье избрание, как предполагали, доставит Сулле наибольшее огорчение.

Сулла же делал вид, что это его радует, – ведь благодаря ему народ, дескать, и пользуется свободой поступать, как хочет, – а чтобы отвести от себя ненависть толпы, провел в консулы принадлежавшего к стану его противников Луция Цинну, взяв с него скрепленное страшными клятвами обещание поддерживать дело Суллы. Цинна поднялся на Капитолий и, держа в руке камень, принес присягу на верность, скрепив ее таким заклятием: пусть будет он, если не сохранит доброго отношения к Сулле, вышвырнут из города, подобно этому камню, брошенному его собственной рукой. После этого в присутствии многих свидетелей он бросил камень на землю. Но вступив в должность Цинна тут же принялся расшатывать устои существовавшего порядка. Он подготовил судебное дело против Суллы, поручив обвинение одному из народных трибунов – Виргинию. Но Сулла, пожелав и обвинителю и судьям долго здравствовать, отправился на войну с Митридатом.

11. Говорят, что в те самые дни, когда Сулла с войском готовился покинуть Италию, Митридату, находившемуся тогда в Пергаме, явились многие знамения: так, пергамцы с помощью каких-то приспособлений опускали на него сверху изображение Победы с венцом в руке, и над самой головой Митридата статуя развалилась, а венец упал наземь и разбился на куски, так что народ в театре был повергнут в ужас, а Митридат – в глубокое уныние, хотя успехи его в то время превосходили все ожидания. Отняв Азию у римлян, а Вифинию и Каппадокию у тамошних царей, он обосновался в Пергаме, наделяя своих друзей богатствами, землями и неограниченной властью; из сыновей его один, не тревожимый никем, управлял старинными владениями в Понте и Боспоре вплоть до необитаемых областей за Мэотидой, другой же, Ариарат, с большим войском покорял Фракию и Македонию. И в иных краях, подчиняя их власти Митридата, действовали его полководцы, самым выдающимся из которых был Архелай. Корабли Архелая господствовали почти над всем морем, он подчинил себе Киклады и другие расположенные по эту сторону мыса Малей острова, завладел даже самой Эвбеей; выступив из Афин, он склонил к отпадению от Рима

---

⁹²⁸ 21. *Храм Земли* – по дороге от взятого Суллой Эсквилина к Палатину и Капитолию; здесь тоже часто собирался сенат.

все греческие племена до границ Фессалии и лишь при Херонее потерпел небольшую неудачу. Здесь встретил его Бруттий Сура, легат Сентия, претора Македонии, человек замечательной отваги и ума. Оказав упорное сопротивление Архелаю, который подобно бурному потоку неся по Беотии, и выдержав при Херонее три битвы, Бруттий задержал его и вновь оттеснил к морю. Но, получив от Луция Лукулла приказание освободить место для приближающегося Суллы, которому сенат поручил вести эту войну, Бруттий тотчас оставил Беотию и вернулся к Сентию, хотя дела его шли успешнее, чем он мог надеяться, а греки, привлеченные его безупречным благородством, уже готовы были перейти на сторону римлян. И все же именно эти подвиги прославили Бруттия всего сильнее.

12. Сразу овладев остальными городами Греции, призвавшими его через послов, Сулла подступил со всеми своими силами к Афинам, которые держали сторону царя, вынуждаемые к этому тиранном Аристионом и, окружив Пирей, повел осаду, установив всевозможные военные машины и вступая во всякого рода стычки. И хотя, выжди Сулла немного, он без малейшей опасности взял бы Верхний город⁹²⁹, уже доведенный голодом до крайности, но стремясь поскорее возвратиться в Рим из боязни, как бы там не произошел новый переворот, он торопил события, не останавливаясь в ходе войны перед опасными предприятиями, многочисленными сражениями и громадными расходами: не говоря о прочих приготовлениях, только на работах по сооружению осадных машин ежедневно были заняты десять тысяч пар мулов. Так как многие машины выходили из строя – рушились под собственной тяжестью или сгорали, подожженные зажигательными стрелами врагов, и потому не хватало леса, Сулла принялся за священные рощи: он опустошил Академию, самый богатый деревьями пригород, и Ликей⁹³⁰.

Нуждаясь в больших деньгах для ведения войны, Сулла не оставил в покое и святилища Эллады, посылая то в Эпидавр⁹³¹, то в Олимпию за прекраснейшими и ценнейшими из приношений. Даже дельфийским амфикиционам он написал, что сокровища бога лучше было бы перевезти к нему, у него-де они будут целее, а если он и воспользуется ими, то возместит взятое в прежних размерах. Вслед за тем он послал туда своего друга, фокейца Кафиса, приказав ему принять каждую вещь по весу. Кафис прибыл в Дельфы, но не решался прикоснуться к святыням и пролил много слез, оплакивая при амфикиционах свою участь. И когда кто-то сказал ему, что слышал, как зазвучала находящаяся в храме кифара, Кафис, то ли поверив этому, то ли желая внушить Сулле страх перед божеством, написал ему об этом. Но Сулла насмешливо ответил, что удивляется Кафису: неужели тот не понимает, что пением выражают веселье, а не гнев, и велел своему посланцу быть смелее и принять вещи, которые бог отдает с радостью. И вот, когда все прочие сокровища втайне от большинства греков были отправлены к Сулле, амфикиционам пришлось, наконец, сломать серебряную бочку, которая одна еще оставалась нетронутой из царских пожертвований⁹³² и которую из-за ее величины и тяжести нельзя было взвалить целиком на вьючных животных. Тут им вспомнились Тит Фламинин, Маний Ацилий и Эмилий Павел: один из них выгнал из Греции Антиоха, двое других разгромили в войнах македонских царей, и все же они не

⁹²⁹ 22. *Верхний город* – Афины, в отличие от приморского Пирея.

⁹³⁰ 23. *Академия* – в роще к северу от Афин (о ней см. Тес., 32) и *Ликей* – в парке к востоку от Афин славились как философские школы, первая – последователей Платона, вторая – последователей Аристотеля.

⁹³¹ 24. *Эпидавр* – в этом городе находился знаменитый и богатый храм бога врачевания Асклепия. *Олимпия* с ее храмом Зевса еще ни разу не была разграблена и дала Сулле больше всего средств.

⁹³² 25. *...царских пожертвований ...* Речь идет о пожертвованиях Креза Лидийского (560—546), имя которого стало нарицательным. Из четырех серебряных бочек, им подаренных (Геродот, I, 51) три уже были похищены во время Священной войны 356—346 гг.

только не тронули эллинских святилищ, но даже сами пополнили их новыми дарами, почтили и возвеличили. Да, но ведь они в согласии с законом распоряжались людьми воздержными, привыкшими беспрекословно повиноваться начальствующим, и сами, обладая царственной возвышенностью духа, соблюдали умеренность в расходах, ограничиваясь скромными и строго определенными тратами, а лезть войску почитали более позорной, нежели страх перед врагом; теперь же полководцы добивались первенства не доблестью, а насилием и, нуждаясь в войске больше для борьбы друг против друга, чем против врагов, вынуждены были, командуя, заискивать перед подчиненными и сами не заметили, как, бросая солдатам деньги на удовлетворение их низменных потребностей и тем покупая их труды, сделали предметом купли-продажи и самую родину, а желая властвовать над лучшими, оказались в рабстве у худших из худших. Вот что изгнало Мария, а потом вернуло его для войны с Суллою, вот что сделало Цинну убийцею Октавия и Фимбрию убийцею Флакка⁹³³. Но едва ли не главным виновником, положившим начало этому злу, был Сулла, который, чтобы соблазнить и сманить тех, кто служил под чужою командой, слишком щедро оделял своих солдат; тем самым он развращал и чужих воинов, толкая их на предательство, и своих, делая их людьми безнадежно распущенными. Понятно, что он нуждался в крупных суммах, и всего более для осады Афин.

13. Дело в том, что Суллой овладело неодолимое, безумное желание взять Афины – потому ли, что он в каком-то исступлении бился с тенью былой славы города, потому ли, что он приходил в бешенство, терпя насмешки и издевательства, которыми с городских стен ежедневно осыпал его, глумясь и потешаясь над ним и над Метеллой, тиранн Аристион. Человек этот, чья душа была сплавом из наглости и жестокости, который усвоил и совместил в себе худшие из Митридатовых пороков и страстей, подобно смертоносной болезни, обрушился на город, прошедший некогда невредимым сквозь бесчисленные войны, претерпевший многие тираннии и усобицы, а теперь стоявший на краю гибели. И хотя медимн пшеницы стоил тогда в Афинах тысячу драхм, а люди питались девичьей ромашкой, росшей вокруг акрополя, варили сандали и лекифы⁹³⁴, Аристион проводил время в ежедневных попойках и пирушках, военных плясках и насмешках над врагами, не тревожась о том, что священная лампада богини⁹³⁵ потухла из-за недостатка масла. Верховной жрице, которая попросила у него половину гектя пшеницы, он послал перцу, а членов Совета и жрецов, умолявших его пожалеть город и заключить соглашение с Суллой, разогнал стрелами. Уже гораздо позже, и то с большой неохотой, он послал для переговоров о мире двоих или троих из своих собутыльников, которые, нисколько не интересуясь спасением города, важно повели речь о Тесее, об Эвмолпе, о Персидских войнах, так что Сулла сказал им: «Идите-ка отсюда, милейшие, и все свои рассказы прихватите с собой: римляне ведь послали меня в Афины не учиться, а умирять изменников».

14. Тогда-то, как передают, и донес кто-то Сулле о подслушанном в Керамике разговоре: старики беседовали между собой и бранили тиранна, который не охраняет подступы к стене у Гептахалка, в том единственном месте, где враги могут легко через нее перебраться. Сулла не пропустил мимо ушей это донесение, но посетив ночью удобное для приступа место и осмотрев его, взялся за дело. Как рассказывает в своих «Воспоминаниях» сам Сулла, первым взшел на стену Марк Атей. На неприятельского воина, который преградил ему путь, Атей обрушил такой удар, что переломил меч о его шлем, и все-таки не отступил, остался на своем месте и упорно его удерживал. Именно с этой стороны и был взят

⁹³³ 26. *Убийцею Флакка*. – См. Мар., 42 и ниже Сул., 23.

⁹³⁴ 27. *Лекифы* – сосуды для масла, иногда изготовлявшиеся из кожи.

⁹³⁵ 28. *...священная лампада богини ...* – См.: Нума, 9; эта лампада горела на акрополе в Эрехтейоне и наполнялась маслом только раз в год (Павсаний, I, 26, 7).

город, как об этом рассказывают старейшие из афинян. А сам Сулла, срыв и сравняв с землей стену между Пирейскими и Священными воротами⁹³⁶, вступил в город в полночь – грозный, под рев бесчисленных труб и рогов, под победные клики и улюлюканье солдат, которые, получив от Суллы позволение грабить и убивать, с обнаженными мечами носились по узким улицам. Убитых не считали, и вплоть до сего дня лишь по огромному пространству, залитому тогда кровью, судят об их множестве. Ведь, не говоря уже о тех, кто погиб в других частях города, только резня вокруг Площади обагрила кровью весь Керамик по самые Двойные ворота, а многие говорят, что кровь вытекла за ворота и затопила пригород. Но сколь ни велико было число людей, погибших насильственной смертью, не меньше было и тех, что покончили с собой, скорбя об участи родного города, который, как они думали, ожидало разрушение. Это наполняло отчаянием лучших граждан – они боялись остаться в живых, не надеясь найти в Сулле никакого чувства меры, ни малейшего человеколюбия. Но когда в ноги Сулле повалились с мольбою изгнанники Мидий и Каллифонт, когда с просьбой пощадить город обратились к нему также соратники-сенаторы, он, и сам уже пресытившись местью, произнес несколько слов в похвалу древним афинянам и сказал, что дарует немногих многим, милуя живых ради мертвых.

Сулла взял Афины, как сам он говорил в «Воспоминаниях», в мартовские календы, в день, почти совпадающий с новолунием месяца анфестериона; в этом месяце, по случайному совпадению, афиняне творят многочисленные обряды в память о страшных бедствиях, причиненных проливными дождями, так как примерно в это время, по их расчетам, случился некогда потоп⁹³⁷.

Когда город был взят, началась осада Акрополя, куда бежал тиранн. Она была поручена Куриону. Тиранн стойко продержался немалое время, пока жажда не вынудила его сдаться. И божество тотчас дало знамение, так как в тот самый день и час, когда Курион свел пленника вниз, на чистом до того небе собрались облака и хлынул ливень, насытивший водою Акрополь. Немного спустя Сулла взял Пирей и сжег бо льшую часть его зданий, в том числе и удивительное строение – арсенал Филона⁹³⁸.

15. Тем временем военачальник Митридата Таксил, спустившись из Фракии и Македонии со ста тысячами пехотинцев, десятью тысячами всадников и девятью десятками серпоносных колесниц, вызвал к себе Архелая, который все еще стоял на якоре у Мунихии, не желая очистить море, но и не стремясь к схватке с римлянами, а считая разумным затянуть военные действия, чтобы оставить противника без припасов. Сулла, однако, предвидел все это гораздо лучше, чем Архелай, а потому из мест скудных, которые и в мирное время не могут прокормить собственных обитателей, отошел в Беотию. Расчет его многим казался ошибочным, ибо, зная, что сила врага в колесницах и коннице, Сулла тем не менее покинул суровую и неудобную для действий конницы Аттику и оказался среди равнин и открытых пространств Беотии. Но, чтобы избежать, как было сказано, голода и нужды, он вынужден был пойти навстречу опасностям, которыми грозило сражение. Кроме того, Сулла боялся за Гортензия. Этого искусного и горячего полководца, который вел к Сулле войско из Фессалии, подстерегали в теснинах варвары. Вот какие причины заставили Суллу отойти в Беотию. Но Гортензия провел другою дорогою наш земляк⁹³⁹ Кафис. Обманув варваров⁹⁴⁰,

⁹³⁶ 29. ...между Пирейскими и Священными воротами ... На протяжении свыше 300 м.

⁹³⁷ 30. *Потоп* – мифический потоп, из которого спасся лишь герой Девкалион; расселину, в которую ушли воды этого потопа, показывали за восточной стеной Афин, и в новолуние анфестериона там приносили жертвы (Павсаний, I, 18).

⁹³⁸ 31. ...арсенал Филона ... (нач. III в.) – Морской арсенал, вмещавший до тысячи боевых судов.

⁹³⁹ 32. ...наш земляк Кафис ... – Кафис был фокейцем (фокидянином), а Херонея, родина Плутарха, стояла в получасе пути от границы Фокиды, родины Кафиса.

он вывел его через Парнас к самой Титоре, которая была тогда не городом, как ныне, но крепостцою на крутой скале; в древности там укрылись и спасли свою жизнь и имущество бежавшие от Ксеркса фокейцы. Гортензий расположился лагерем и днем отразил натиск врагов, а ночью, преодолев трудный спуск к Патрониде, присоединился к вышедшему ему навстречу Сулле.

16. Оказавшись вместе, они заняли холм, возвышающийся посреди Элатийской равнины; холм этот велик, плодороден, а у подножия его есть вода. Он называется Филобеот, и Сулла очень хвалит его природу и местоположение. Когда римляне разбили лагерь, враги увидели, что их совсем немного: всадников оказалось не больше полутора тысяч, а пеших меньше пятнадцати тысяч. Поэтому, вопреки сопротивлению Архелая, остальные военачальники выстроили войско к бою, покрыв всю равнину конями, колесницами, щитами. Воздух не вмещал крика и шума, поднятого множеством племен, одновременно строившихся в боевой порядок. Даже чванливая пышность драгоценного снаряжения отнюдь не была бесполезна, но делала свое дело, устрашая противника: сверкание оружия, богато украшенного золотом и серебром, яркие краски мидийских и скифских одеяний, сочетаясь с блеском меди и железа, — все это волновалось и двигалось, создавая огненную, устрашающую картину, так что римляне сгрудились в своем лагере, и Сулла, который никакими уговорами не мог вывести их из оцепенения, ничего не предпринимал, не желая применять силу к уклоняющимся от битвы, и с трудом сдерживал себя, глядя на варваров, с хвастливым смехом потешавшихся над римлянами. Но именно это и обернулось для Суллы величайшей выгодой. Враги, которые и без того были не слишком послушны своим многочисленным начальникам, из презрения к римлянам перестали соблюдать какой бы то ни было порядок. Лишь небольшая часть их оставалась в лагере, а все остальные в поисках добычи разбредались на расстояние многих дней пути от лагеря. Сообщают, что они разрушили Панопей и разорили Лебадию, ограбив святилище⁹⁴¹, и все это — без приказа кого-либо из начальников. А Сулла, негодуя и печалься о судьбе городов, которые гибли у него на глазах, не позволял своим воинам бездельничать, но принуждал их работать, заставляя отводить русло Кефиса и копать рвы; он не давал им никакой передышки и беспощадно наказывал нерадивых, чтобы отвращение к изнурительному труду заставило воинов самих желать опасности.

Так и вышло. На третий день работы они с криком стали просить проходившего мимо Суллу, чтобы он вел их на врагов. Сулла ответил, что слышит это не от желающих сражаться, а от не желающих работать, однако, если они и в самом деле хотят боя, пусть сразу идут с оружием туда — и он указал им на бывший акрополь Парапотамиев⁹⁴². Этот разрушенный к тому времени город⁹⁴³ стоял на крутом, скалистом холме; от горы Гедилия холм отделяет только река Асс, которая у самого подножия этого холма сливается с Кефисом, становясь от этого бурной и стремительной и превращая холм в природное укрепление, подходящее для лагеря. Поэтому Сулла, заметивший, что неприятельские «медные щиты» устремились к этой высоте, захотел предупредить их и овладеть ею первым. И он ею овладел, благодаря усердию своих солдат. А когда вытесненный оттуда Архелай

---

⁹⁴⁰ 33. *Обманув варваров ...* — Вероятно, Гортензий должен был пройти через Фермопилы, но Кафис провел его горными тропами юго-западнее. *Титора* — одна из вершин Парнасского кряжа, где фокияде укрывались от персов в 480 г. *Патрониде* — город в Фокиде.

⁹⁴¹ 34. *...разорили Лебадию, ограбив святилище ...* — Знаменитый подземный оракул Трофония.

⁹⁴² 35. *Парапотамии* были разрушены Ксерксом в 480 г. и вторично македонянами ок. 346 г.

⁹⁴³ 35. *Парапотамии* были разрушены Ксерксом в 480 г. и вторично македонянами ок. 346 г.

двинулся на Херонею, херонейцы, служившие в римской войске, обратились к Сулле с просьбой не оставлять их город в беде. Сулла послал туда одного из военных трибунов, Габиния, с легионом и отпустил херонейцев, которые хотели было опередить Габиния, но не смогли. Вот как благороден был этот человек: неся спасение, он превзошел усердием самих спасаемых. Юба, впрочем, говорит, что послан был не Габиний, а Эриций. Вот как близка была опасность, которой счастливо избег наш город.

17. Из Лебадии римлянам были присланы благоприятные вещания Трофония и предсказания победы. Об этом у местных жителей существует множество рассказов, а в «Воспоминаниях» самого Суллы, в десятой книге, написано, что когда Херонейское сражение было уже выиграно, к нему пришел Квинт Титий, человек отнюдь не безвестный среди тех, что вели торговые дела в Греции, и сообщил, что Трофоний предсказывает в ближайшее время и на том же месте еще одну битву и победу. После этого строевой солдат по имени Сальвиен принес от бога ответ, какой оборот примут дела в Италии. Об облике бога оба рассказали одно и то же: он показался им прекрасным и великим, подобным Зевсу Олимпийскому.

Перейдя через Асс, Сулла расположился лагерем у подножия Гедилия против Архелая, соорудившего сильное укрепление между Аконтием и Гедилием. Место, где тот разбил свои шатры, и по сей день зовется Архелаем по его имени. Переждав один день, Сулла оставил здесь Мурену с легионом и двумя когортами, чтобы помешать врагу беспрепятственно выстроиться в боевой порядок, а сам принес у Кефиса жертвы и по окончании священнодействия двинулся к Херонее, где должен был принять стоявшее там войско и осмотреть так называемый Фурий, захваченный к тому времени врагами. Фурий – это скалистая вершина конусообразной горы, которую мы зовем Орфопагом, внизу под ним – речка Мол и храм Аполлона Фурийского. Этим именем бог называется в память о Фурии, матери Херона, который, как передают, основал Херонею. Другие, впрочем, рассказывают, что здесь явилась Кадму корова⁹⁴⁴, данная ему в проводники Пикийским богом, и от нее место получило такое название: словом «фор» финикийцы обозначают корову.

Когда Сулла подходил к Херонее, военный трибун, которому было поручено командование в городе, во главе вооруженных воинов вышел навстречу, неся лавровый венок. Сулла принял венок, приветствовал солдат и призвал их смело встретить опасность. После этого к нему обратились двое херонейцев – Гомолоих и Анаксидам, которые брались, получив от Суллы небольшое число солдат, выбить врагов, державших Фурий. Есть, говорили они, тропинка, неизвестная неприятелю, – от так называемого Петраха мимо святилища Муз она выведет на Фурий, так что окажешься прямо над головой у противника; пройдя по ней, нетрудно напасть на врагов и перебить их сверху камнями или согнать на равнину. Габиний засвидетельствовал мужество и верность этих людей, и Сулла велел им взяться за дело. А сам он выстроил пехотинцев и, распределив конницу по двум крыльям, правое принял сам, а левое передал Мурене. Легаты же Гальба и Гортензий с запасными когортами поставлены были в тылу на высотах, чтобы не допустить окружения: было видно, что неприятель, укрепив одно из своих крыльев многочисленной конницей и проворной легкой пехотой, сделал его гибким и подвижным, готовясь сильно растянуть его и обойти римлян.

18. Тем временем херонейцы, во главе которых Сулла поставил Эриция, незаметно обойдя Фурий и появившись перед варварами, привели их в сильное смятение и обратили в бегство. Многие погибли от руки товарищей, ибо понеслись вниз по склону, натываясь на собственные копья и сталкивая друг друга со скал, а неприятель, напавший сверху, поражал их в спину, на защищенную доспехами, так что павшие при Фурии исчисляются

---

⁹⁴⁴ 36. *Корова* – согласно мифу, финикийский царевич Кадм был послан искать свою сестру Европу, похищенную Зевсом, но Аполлон велел ему вместо этого идти следом за встреченной коровой и там, где она ляжет, основать город; так были основаны Фивы.

тремя тысячами. Из бежавших одни нашли свою гибель, встретившись с двигавшимся им наперерез Муреной, который уже выстроил своих в боевой порядок, а другие, кинувшись к своему лагерю и впопыхах налетев на фалангу, перепугали и привели в замешательство большинство солдат, военачальников же заставили потерять время, что принесло огромный вред, ибо Сулла, едва заметив смятение в рядах противника, тут же ударил и быстро преодолел расстояние, разделявшее оба войска, чем лишил силы серпоносные колесницы. Дело в том, что главное для этих колесниц – продолжительный разбег, который сообщает стремительность и мощь их прорыву сквозь неприятельские ряды, а на коротком расстоянии они бесполезны и бессильны, словно стрелы, пущенные из плохо натянутого лука. Так и вышло в тот раз у варваров, и римляне, отразив вялое нападение лениво двигавшихся первых колесниц, с рукоплесканиями и смехом потребовали новых, как они обычно делают на бегах в цирке. Затем в бой вступила пехота; варвары выставили вперед сариссы⁹⁴⁵ и, сдвинув щиты, пытались сохранить сомкнутый строй. Но римляне побросали свои дротики и обнаженными мечами отбивали вражеские копья, стремясь, поскорее схватиться врукопашную, так как были охвачены гневом. Дело в том, что в первых рядах вражеского строя они увидели пятнадцать тысяч рабов, которых царские полководцы набрали по городам, объявили свободными и включили в число гоплитов. Какой-то римский центурион, говорят, сказал, что только на Сатурналиях⁹⁴⁶ случалось ему видеть, чтобы рабы пользовались свободой, да и то лишь в речах. Тем не менее, благодаря глубине и плотности своего строя, рабы слишком медленно уступали напору римской тяжелой пехоты и, вопреки своей природе, стояли отважно. Только множество дротиков и зажигательных стрел, пущенных римлянами из задних рядов, обратило их в беспорядочное бегство.

19. Тогда Архелай повел правое крыло в обход, а Гортензий послал для бокового удара свои когорты, двинувшиеся беглым шагом. Но Архелай быстро повернул против него две тысячи находившихся при нем всадников, и под натиском превосходящих сил противника Гортензию пришлось отойти к склону горы, а враги мало-помалу оттесняли его от основных сил римлян и захватывали в кольцо. Узнав об этом, Сулла бросил правое крыло, где бой еще не начался, и кинулся на помощь Гортензию. Но Архелай, догадавшись об этом перестроении по поднявшейся пыли, оставил Гортензия в покое, а сам повернул своих и устремился туда, откуда ушел Сулла, на правый фланг, чтобы в отсутствие командующего захватить римлян врасплох. В тот же миг и Мурена был атакован Таксилем с его «медными щитами», так что доносившиеся с двух сторон и отражавшиеся от окрестных гор крики остановили Суллу, который не мог решить, где его присутствие нужнее. Он принял решение вернуться на прежнее место, на помощь Мурене отправил Гортензия с четырьмя когортами, а сам, приказав пятой следовать за собой, поспешил на правый фланг, который и без него успешно выдерживал натиск Архелая. С появлением Суллы враг был полностью сломлен, разбит и бежал без оглядки, а римляне гнали беглецов до реки и горы Аконтия. Сулла не кинул в опасности и Мурену, но устремился на подмогу его воинам, а увидав, что они уже одолевают неприятеля, присоединился к преследователям. Многие из варваров погибли на равнине, но большинство было изрублено во время бегства к лагерю, так что из несметного множества их лишь десять тысяч добрались до Халкиды. Сулла не досчитался, как он сам рассказывает, четырнадцати солдат, да и из тех двое к вечеру вернулись. Поэтому на поставленных им трофеях Сулла написал имена Марса, Победы и Венеры⁹⁴⁷ – в знак того,

⁹⁴⁵ 37. *Сариссы* – длинные копья (2 м у первой шеренги, до 6 м у следующих шеренг), которыми была вооружена фаланга македонского образца.

⁹⁴⁶ 38. *...на Сатурналиях ...* – Во время этого римского праздника солнцеворота, 17—21 декабря, в память о золотом веке всеобщего равенства при боге Сатурне рабы получали на один день «карнавальную» свободу, и господа им прислуживали.

⁹⁴⁷ 39. *Венеры* – как богини удачи; самый удачный бросок в игре в кости назывался по-латыни Венерой.

что своим успехом не менее обязан счастьем, чем искусству и силе. Один трофей, в память о сражении на равнине, Сулла поставил там, где началось отступление воинов Архелая, бежавших до ручья Мола, а другой воздвигнут на вершине Фурия в память об окружении варваров, и греческие письма на нем называют героев этого дела – Гомолоиха и Анаксидама.

Победу Сулла отпраздновал в Фивах, соорудив театр у Эдипова источника. Судьями на состязаниях были греки, вызванные из других городов, так как к фиванцам Сулла питал непримиримую вражду⁹⁴⁸ и отрезал у них половину земли, посвятив ее Пифийскому и Олимпийскому богам и приказав, чтобы из доходов с этих земель были возмещены богам те деньги, которые он взял.

20. После этого Сулла, узнав, что принадлежавший к стану его противников Флакк избран консулом и плывет с войском через Ионийское море будто бы для борьбы с Митридатом, а на деле – с ним, Суллою, двинулся навстречу ему в Фессалию. Когда Сулла находился у города Мелитии, с разных сторон стали приходить вести, что в тылу у него опять действует, опустошая все на своем пути, царская армия, численностью не уступающая прежней. В Халкиду с множеством кораблей прибыл Дорилай, который привез восемьдесят тысяч отборных воинов Митридата, наилучшим образом обученных и привыкших к порядку и повиновению, тотчас вторгся в Беотию и овладел всей страной. Не взирая на сопротивление Архелая, Дорилай очень хотел принудить Суллу вступить в бой, а насчет предыдущего сражения говорил, что не без предательства, дескать, стала возможной гибель такого огромного войска. Впрочем, Сулла быстро вернулся и показал Дорилаю, что Архелай и разумен и хорошо знаком с доблестью римлян: после небольшой стычки с Суллою у Тилфоссия Дорилай сам оказался первым среди тех, кто предпочитал не решать дело битвой, но затягивая войну, вынуждать противника к напрасной потере средств и времени. Тем не менее сама позиция придала решимости Архелаю, который расположился лагерем у Орхомена, ибо местность здесь предоставляла наилучшие условия для сражения тому, чья сила была в коннице. Среди всех равнин Беотии, отличающихся обширностью и красотой, лишь та, что примыкает к Орхомену, совершенно лишена деревьев и простирается до самых болот, в которых теряется река Мелан, берущая свое начало под городом орхоменцев. Это единственная из греческих рек, которая велика и судоходна в верховьях, а к летнему солнцестоянию разливается, подобно Нилу, и возвращает растения, подобные нильским – только здесь они малорослы и не приносят плодов. Но протяженность ее невелика, почти вся вода вскоре теряется в глухих болотах и лишь небольшая часть ее вливается в Кефис – как раз там, где на болоте больше всего тростника, который идет на флейты.

21. Когда обе армии стали лагерем поблизости одна от другой, Архелай расположился на отдых, а Сулла стал вести рвы с двух сторон, чтобы, если удастся, отрезать врагов от удобных для конницы мест с твердой почвой и оттеснить в болота. Враги, однако, этого не потерпели, но, получив от своих полководцев разрешение действовать, потоком хлынули на римлян и не только рассеяли тех, кого Сулла назначил на работы, но и смяли бо льшую часть выстроенного к бою войска, которое обратилось в бегство. Тогда Сулла, спрыгнув с коня и схватив знамя, сам кинулся навстречу врагам, пробиваясь сквозь толпу бегущих и крича: «Римляне, здесь, видно, найду я прекрасную смерть, а вы запомните что на вопрос: „Где предали вы своего императора?“⁹⁴⁹ – вам придется отвечать: „При Орхомене“». Слова эти заставили бегущих повернуть, и с правого крыла на помощь Сулле подошли две когорты, во главе которых он оттеснил врага. Затем, отведя своих чуть-чуть назад и дав им позавтракать, Сулла вновь принялся рыть ров перед вражеским лагерем. Противники снова атаковали – в

⁹⁴⁸ 40. ...непримиримую вражду ... – За поддержку Архелая.

⁹⁴⁹ 41. Императора – слово это первоначально было почетным титулом победоносного полководца.

более строгим порядке, чем прежде. В этой стычке на правом крыле погиб, сражаясь с замечательной доблестью, пасынок Архелая Диоген, а лучники, теснимые римлянами так, что не могли натянуть лук, пытались отразить противника, сжимая в кулаке пучок стрел и действуя им наподобие меча. Наконец их загнали в лагерь, и они провели тяжелую ночь, страдая от ран и горюя о погибших. На следующий день Сулла опять подвел своих солдат к вражескому лагерю и продолжил работу. Враги высыпали во множестве, готовые к сражению, Сулла напал на них и, обратив в бегство, взял штурмом лагерь, который остальные варвары, видя поражение своих, уже не отважились защищать. Кровь убитых наполнила болота, озеро⁹⁵⁰ было завалено трупами, и до сих пор, по прошествии почти двухсот лет, в трясине находят во множестве варварские стрелы, шлемы, обломки железных панцирей и мечи. Вот что, насколько нам известно, произошло у Херонеи и при Орхомене.

22. Между тем в Риме Цинна и Карбон чинили незаконные насилия над знатнейшими людьми и многие бежали от тирании, устремляясь, как в надежную гавань, в лагерь Суллы, так что недолгое время спустя вокруг него собралось подобие сената. К нему прибыла и Метелла, которая, взяв детей, с трудом выбралась из города. Она принесла Сулле весть о том, что дом и имения его сожжены недругами, и молила прийти на помощь оставшимся на родине. И вот, когда Сулла колебался, не зная, что предпринять (он не мог оставить отечество в беде, но и уходить, бросив неоконченным столь важное начинание – войну против Митридата, не собиравшись), явился к нему делосский купец Архелай, который тайно привез многообещающие предложения от царского полководца Архелая. Это так обрадовало Суллу, что он поспешил встретиться с вражеским полководцем для переговоров. Встретились они у моря, близ Делия, где находится святилище Аполлона. Первым говорил Архелай; он убеждал Суллу оставить Азию и Понт и, взяв у царя деньги, триеры и сколько понадобится войска, плыть в Рим, чтобы начать войну со своими противниками. Сулла же в свою очередь советовал Архелая не заботиться о Митридате, но воцарившись вместо него, сделаться союзником римского народа и выдать флот. А когда Архелай отверг мысль о предательстве, Сулла сказал: «Так, значит, ты, Архелай, каппадокиец и раб, или, если угодно, друг царя-варвара, не соглашаешься на постыдное дело даже ради таких великих благ, а со мною, Суллою, римским полководцем, смеешь заводить разговор о предательстве. Будто ты не тот самый Архелай, что бежал от Херонеи с горсткой солдат, уцелевших от двадцатитысячного войска, два дня прятался в Орхоменских болотах и завалил все дороги Беотии трупами своих людей!» После этого Архелай стал вести себя по-другому и, простершись ниц, умолял Суллу прекратить военные действия и примириться с Митридатом. Сулла согласился, предложив такие условия мира: Митридат уходит из Азии и Пафлагонии, отказывается от Вифинии в пользу Никомеда и от Каппадокии в пользу Ариобарзана, выплачивает римлянам две тысячи талантов и передает им семьдесят обитых медью кораблей с соответствующим снаряжением, Сулла же закрепляет за Митридатом все прочие владения и объявляет его союзником римлян.

23. Договорившись с Архелаем, Сулла повернул назад и через Фессалию и Македонию двинулся к Геллеспонту вместе с Архелаем, которому оказывал все знаки уважения. Когда близ Лариссы Архелай опасно заболел, Сулла, прервав поход, заботился о нем, как об одном из собственных полководцев. Это внушало подозрения, что Херонейская битва не была честной. К тому же Сулла, отпустив из плена захваченных им друзей Митридата, лишь тиранна Аристиона, который был врагом Архелая, умертвил ядом. Наконец, что всего важнее, Сулла подарил Архелая десять тысяч плефров земли на Эвбее и объявил его другом и союзником римского народа. Во всяком случае сам Сулла в своих «Воспоминаниях» защищает себя от таких обвинений.

Вскоре прибыли послы от Митридата и сообщили, что он принимает все условия, но

---

⁹⁵⁰ 42. Озеро – большое озеро Копайда, окруженное болотами, куда возле Орхомена впадал Кефис; ныне оно осушено.

просит, чтобы у него не отбирали Пафлагонию, и с требованием о выдаче флота решительно не согласен. «Что вы говорите? – отвечал в гневе Сулла. – Митридат притязает на Пафлагонию и спорит о флоте? А я-то думал, что он поклонится мне в ноги, если я оставлю ему правую его руку, которою он погубил столько римлян?»⁹⁵¹ Но погодите, скоро я переправлюсь в Азию, и тогда он заговорит по-другому, а то сидит в Пергаме и отдает последние распоряжения в войне, которой и в глаза не видал!» Послы, напуганные, замолчали, Архелай же принялся умолять Суллу и старался смягчить его гнев, взяв его за правую руку и проливая слезы. Наконец он уговорил Суллу, чтобы тот послал к Митридату его самого: он-де добьется мира на тех условиях, каких хочет Сулла, а если не убедит царя, то покончит с собой. С тем Сулла его и отправил, а сам, вторгшись в страну медов и сильно опустошив ее, опять повернул в Македонию. Подле Филипп его поджидал Архелай с вестью, что все улажено и что Митридат очень просит Суллу встретиться с ним для переговоров. Главной причиной тому был Фимбрия, который, умертвив Флакка – консула, принадлежавшего к противникам Суллы, и победив Митридатовых полководцев, шел теперь на самого царя. Страшась его, Митридат предпочел добиваться дружбы Суллы.

24. Итак, встреча состоялась в Дардане, что в Троаде. Митридата сопровождали двести военных кораблей, двадцать тысяч гоплитов, шесть тысяч всадников и множество серпоносных колесниц, Суллу – четыре когорты пехоты и двести всадников. Митридат вышел навстречу Сулле и протянул ему руку, но тот начал с вопроса, прекратит ли он войну на условиях, которые согласованы с Архелаем. Царь отвечал молчанием, которое Сулла прервал словами: «Просители говорят первыми – молчать могут победители». Тогда Митридат, защищаясь, начал речь о войне, пытаясь одно приписать воле богов, а за другое возложить вину на самих римлян. Тут Сулла, перебив его, сказал, что он давно слышал от других, а теперь и сам видит, сколь силен Митридат в красноречии: ведь даже держа речь о таких подлых и незаконных делах, он без всякого труда находит для них благовидные объяснения. Изобличив царя в совершенных им жестокостях и высказав свои обвинения, Сулла еще раз спросил, выполнит ли Митридат условия, договоренность о которых была достигнута через Архелая. Царь ответил, что выполнит, и только тогда Сулла приветствовал его и, обняв, поцеловал, а затем подвел к нему царей Ариобарзана и Никомеда и примирил его с ними. Наконец, передав Сулле семьдесят кораблей и пятьсот лучников, Митридат отплыл в Понт. Сулла чувствовал, что его воины возмущены мирным соглашением, ибо они считали для себя страшным позором то, что ненавистнейший из царей, по приказу которого в один день перерезаны сто пятьдесят тысяч живших в Азии римлян, беспрепятственно отплывает из Азии, с богатой добычей, взятой в этой стране, которую он в течение четырех лет не переставал грабить и облагать поборами. Поэтому Сулла стал оправдываться перед ними, говоря, что если бы Фимбрия и Митридат объединились против него, то воевать сразу с обоими было бы ему не по силам.

25. Выступив против Фимбрии, который стоял лагерем у Фиатир, Сулла остановился поблизости и стал обводить его лагерь рвом. Воины Фимбрии, выходя за частокол в одних туниках, приветствовали солдат Суллы и принимались усердно помогать им в работе. Сам Фимбрия, убедившись в измене и боясь Суллы, в котором видел непримиримого врага, покончил самоубийством в собственном лагере.

Азию же Сулла покарал⁹⁵² общим штрафом в двадцать тысяч талантов, а кроме того, наглым вымогательством размещенных на постой солдат разорил чуть не каждый частный дом. Было указано, что домохозяин обязан ежедневно выдавать своему постояльцу по

⁹⁵¹ 43. ...погубил столько римлян ... – Когда по приказанию Митридата (в начале войны, 88 г.) по всей Малой Азии было перебито множество римлян и италиков (более 80 тыс. за один день в одной Вифинии).

⁹⁵² 44. Азию ... покарал ... – За поддержку Митридата; с самого Митридата Сулла взял вдвое меньше (гл. 22). Оставшиеся верными Риму общины (напр., Родос) были щедро награждены.

четыре тетрадрахмы и кормить обедом его самого и его друзей, сколько бы тому ни вздумалось привести, а центурион получал пятьдесят драхм в день и одежду – отдельно для дома и для улицы.

26. Сулла отплыл из Эфеса со всеми кораблями и на третий день вошел в гавань Пирея. Его посвятили в таинства⁹⁵³, и он забрал себе библиотеку теосца Аpellикона, в которой были почти все сочинения Аристотеля и Феофраста, тогда еще мало кому известные. Когда библиотека была доставлена в Рим, грамматик Тираннион, как рассказывают, многое привел в порядок, а родосец Андроник, получив от Тиранниона копии привезенных книг, обнародовал их и составил указатели, которыми пользуются и поныне. Старшие же перипатетики сами по себе были, видимо, людьми умными и учеными, но из сочинений Аристотеля и Феофраста знали, кажется, немного, и то не слишком хорошо, потому что наследство скепсийца Нелея, которому Феофраст оставил свои книги, досталось людям невежественным и безразличным к науке.

Сулла находился в Афинах, когда его стало мучить болезненное оцепенение и тяжесть в ногах – то, что Страбон⁹⁵⁴ называет «детским лепетом подагры». Перебравшись из-за этого в Эдессу⁹⁵⁵, он лечился теплыми водами и развлекался, проводя время в обществе актеров. Раз, когда он прогуливался по берегу моря, какие-то рыбаки поднесли ему несколько великолепных рыб. Узнав, что рыбаки из Галеи, Сулла, обрадованный подарком, спросил: «Так кто-то из галейцев еще жив?» (Преследуя врага после победы при Орхомене, Сулла разрушил сразу три беотийских города – Анфедон, Ларимну и Галеи.) У рыбаков от ужаса отнялся язык, но Сулла, улыбнувшись, разрешил им удалиться, не страшась за будущее: дескать, заступники, с которыми они к нему пришли, неплохи и заслуживают внимания. Говорят, что после этого галейцы, осмелев, вернулись в свой город.

27. А Сулла, спустившись через Фессалию и Македонию к морю, готовился на тысяче двухстах кораблях переправиться из Диррахия в Брундизий. Невдалеке от Диррахия расположена Аполлония, а с нею рядом Нимфей – священное место, где в горах, среди зелени лесов и лугов, бьют источники неугасимого огня. Рассказывают, что здесь поймали спящего сатира, такого, каких изображают ваятели и живописцы. Его привели к Сулле и, призвав многочисленных переводчиков, стали расспрашивать, кто он такой. Но он не произнес ничего вразумительного, а только испустил грубый крик, более всего напоминавший смесь конского ржания с козлиным блеянием. Напуганный Сулла велел прогнать его с глаз долой.

Собираясь перевезти воинов через море, Сулла боялся, как бы, достигнув Италии, они не разбрелись по своим городам⁹⁵⁶. Но они по собственному почину принесли клятву не расходиться и самовольно не чинить в Италии никаких насилий, а затем, видя, что Сулла нуждается в больших деньгах, устроили сбор пожертвований и вносили каждый по своим возможностям. Сулла, правда, не принял пожертвований, но похвалил своих людей за усердие, и ободрил их, а затем, как он сам рассказывает, приступил к переправе, чтобы

⁹⁵³ 45. ...в таинства ... – В Элевсинские мистерии. Это был такой же жест внимания к греческой культуре, как и приобретение сочинений Аристотеля и Феофраста. Сочинения Аристотеля делились на «эксотерические» (для широкого читателя) и «эсотерические» (для наследников Аристотеля по философской школе): эти последние постепенно были забыты, и конфискация Суллы вернула им известность: до нас дошли (частично) только они, а эксотерические, славившиеся в древности, не дошли.

⁹⁵⁴ 46. Страбон – в сохранившейся «Географии» его таких слов нет; видимо, они – из несохранившихся «Исторических записок» Страбона.

⁹⁵⁵ 47. Эдесса – на Эвбее славился целебными тепловыми источниками.

⁹⁵⁶ 48. ...не разбрелись по своим городам ... – Вернувшись из похода и вступив в Италию, римский полководец должен был распускать свое войско, но Сулла не собирался этого делать.

выступить против пятнадцати неприятельских полководцев, располагавших четырьмястами пятьюдесятью когортами⁹⁵⁷. Божество недвусмысленно возвестило ему удачу, ибо, когда, только что переправившись, он совершал близ Тарента жертвоприношение, на печени жертвенного животного увидели очертания лаврового венка с двумя лентами. А незадолго до переправы близ горы Тифаты⁹⁵⁸ в Кампании среди бела дня появились два огромных козла; они дрались, воспроизводя все движения людей в бою. Но то было лишь видение: мало-помалу поднимаясь от земли, оно расплылось в воздухе, подобно неясным теням, и, наконец, исчезло. Спустя недолгое время на этом самом месте, куда Марий-младший и консул Норбан привели большие силы, Сулла, даже не выстроив и не разделив войско на отряды, но положившись на всеобщее воодушевление и единодушный порыв отваги, обратил врагов в бегство и, перебив семь тысяч, загнал Норбана в город Капую. Это, по словам Суллы⁹⁵⁹, и послужило причиной тому, что воины его не разошлись по городам, но остались в строю и исполнились презрения к противнику, гораздо более многочисленному. В Сильвии, рассказывает Сулла, повстречался ему раб некоего Понтия, одержимый божественным наитием, и сказал, что его устами Беллона возвещает Сулле успех и победу в этой войне, но, если Сулла не поторопится, сгорит Капитолий, что и случилось в предсказанный рабом день, а именно, накануне квинтильских (или, как мы теперь их называем, июльских) нон⁹⁶⁰.

А вот что произошло с Марком Лукуллом, одним из полководцев Суллы. Он стоял у Фидентии с шестнадцатью когортами против пятидесяти когорт противника, и хотя видел боевой пыл своих воинов, не решался начать сражение, так как многие из его людей были безоружны. Пока он медлил и раздумывал, подул мягкий, ласковый ветерок и осыпал войско дождем цветов, принесенных с соседнего луга, и цветы сами собою так легли на щиты и шлемы воинов, что врагам показалось, будто бы это венки. Воодушевленные этим, воины Лукулла начали сражение и, перебив восемнадцать тысяч, захватили неприятельский лагерь. Этот Лукулл приходился братом тому, который впоследствии победил Митридата и Тиграна.

28. Все еще видя себя окруженным многочисленными лагерями и значительными силами противника, а потому действуя как оружием, так и хитростью, Сулла пригласил к себе для мирных переговоров второго консула – Сципиона. Тот принял его приглашение, начались встречи и совещания, но Сулла, постоянно находя новые предлоги, все откладывал окончательное решение, а тем временем разлагал солдат Сципиона с помощью собственных воинов, которые были столь же искусны во всякого рода хитростях и кознях, как и сам их полководец. Они приходили в лагерь к неприятелям и, оказываясь среди них, одних сразу сманивали деньгами, других обещаниями, третьих лестью и уговорами. Наконец Сулла с двадцатью когортами подошел вплотную к лагерю Сципиона. Солдаты Суллы приветствовали солдат Сципиона, а те ответили на приветствие и присоединились к ним. Покинутый Сципион был схвачен в своей палатке, но отпущен, а Сулла, который, как на подсадных птиц, приманил на свои двадцать когорт сорок неприятельских, увел всех в свой

⁹⁵⁷ 49. ...четырьмястами пятьюдесятью когортами ... – Т.е., по полному набору, 225 тыс. человек (45 легионов) против 40 тыс. человек (5 легионов с вспомогательными войсками) у Суллы – контраст явно преувеличенный. Среди «пятнадцати неприятельских полководцев» были консулы Сципион и Норбан, Марий Младший, Серторий и др. вплоть до Телезина (гл. 29).

⁹⁵⁸ 50. *Тифата* – гора в Апеннинах к северу от Капуи; битва Суллы с Норбаном была между Тифатой и Капудей.

⁹⁵⁹ 51. ...по словам Суллы ... – В его автобиографических «Записках» (на греческом языке), главном источнике Плутарха.

⁹⁶⁰ 52. ...накануне ... (...июльских) нон – 6 июля 83 г. (по доюлианскому календарю); храм Юпитера Капитолийского, главная римская святыня, сгорел по невыясненным причинам, и это было сочтено знаком падения республики.

лагерь. Вот почему Карбон, говорят, сказал, что, воюя с жившими в душе Суллы лисицей и львом, он больше терпел от лисицы.

После этого при Сигнии Марий, у которого было восемьдесят пять когорт, стал вызывать Суллу на бой. Сулла и сам жаждал сражения именно в этот день, потому что увидел такой сон: приснилось ему, что старик Марий, уже давно умерший, советует Марию, своему сыну, остерегаться наступающего дня, который-де несет ему тяжкую неудачу. Поэтому Сулла жаждал боя и послал за Долабеллой, чей лагерь находился поодаль. Но так как дороги были заняты врагами, преграждавшими путь Сулле, солдаты его, с боем прокладывая себе дорогу, устали, а заставший их за этими трудами ливень измучил их окончательно. Центурионы подошли к Сулле и указали ему на солдат, которые, не держась на ногах от усталости, отдыхали на земле, подложив под себя щиты, и просили отложить сражение. Но когда Сулла нехотя согласился, а солдаты стали насыпать вал для лагеря и рыть ров, на них напал Марий. Гордо скакал он перед строем, надеясь, что рассеет войско, в котором царит замешательство и беспорядок. И тут волею божества совершилось то, о чем Сулла слышал во сне. Гнев овладел его солдатами и, бросив работу и воткнув свои копья в землю подле рва, они выхватили мечи и вступили в рукопашный бой с противниками. Те долго не продержались, но обратились в бегство, и множество их было убито. Марий бежал в Пренесту, но нашел ворота уже запертыми. Он обвязался спущенною ему веревкой и был поднят на стену. Некоторые (в их числе и Фенестелла) говорят, что Марий и не заметил, как началось сражение: отдав все распоряжения, измученный бессонницей и усталый, он прилег на землю и заснул где-то в тени; лишь потом, когда началось бегство, его с трудом разбудили. В этом сражении Сулла, говорят, потерял только двадцать три человека, а врагов перебил двадцать тысяч. Столь же успешны были действия его полководцев – Помпея, Красса, Метелла, Сервилия. Не потерпев почти ни одной неудачи, – разве что самые незначительные, – они сокрушили большие силы врагов, так что глава стана противников, Карбон, ночью сбежал от собственного войска и отплыл в Африку.

29. Но в последнем сражении самниту Телезину, который напал на Суллу, как запасной борец на утомленного атлета, едва не удалось разбить и уничтожить его у самых ворот Рима. Дело было так. Собрав большой отряд, Телезин вместе с луканцем Лампонием спешил к Пренесте, чтобы освободить от осады Мария, но тут узнал, что навстречу ему уже движется Сулла, а с тыла подходит Помпей. Ни вперед, ни назад пути не было, и Телезин, опытный воин, испытанный в тяжелых боях, снявшись ночью с лагеря, тронулся со всеми войсками прямо к Риму. Еще немного – и он ворвался бы в незащищенный город. Но, не доходя десяти стадиев до Коллинских ворот⁹⁶¹, Телезин, высоко занесясь в своих надеждах и гордясь тем, что столько полководцев (и каких!) стали жертвами его хитрости, сделал привал. С рассветом против него выступил конный отряд, составленный из знатнейших юношей города. Многие из них были убиты и среди других благородный и прекрасный человек Аппий Клавдий. В городе началось обычное в таких случаях смятение – крики женщин, беспорядочная беготня, как будто он был уже взят приступом, и тут римляне увидели Бальба: гоня во весь опор, он прискакал от Суллы с семьями всадников. Остановившись ненадолго, чтобы дать передышку взмыленным коням, он приказал поскорее взнуздать их снова и напал на противника. Тем временем появился и сам Сулла. Он велел своим передовым, не теряя времени, завтракать и принялся строить боевую линию. Долабелла и Торкват упрашивали его подождать, не идти с усталыми солдатами на крайне рискованное дело (ведь не с Карбоном и Марием предстояло им сражаться, а с самнитами и луканцами, самыми лютыми врагами Рима и самыми воинственными племенами), но он не внял их просьбам и распорядился протрубить сигнал к нападению, хотя уже перевалило за девятый

⁹⁶¹ 53. ...до коллинских ворот ... – Северные ворота Рима, за которые вела дорога в Самний; отсюда пытались брать Рим и галлы, и Ганнибал, и сам Сулла в 88 г.

час дня⁹⁶². Началось сражение, каких дотоле не бывало. На правом крыле, куда был поставлен Красс, дела шли блестяще и римляне побеждали, но левому приходилось худо, и Сулла кинулся туда на выручку. Под ним был белый конь, горячий и очень резвый, – по этому-то коню узнали его двое из врагов и направили на него свои копья. Сам Сулла этого не заметил, но его конюх успел хлестнуть коня и заставить его отскочить как раз настолько, чтобы копья воткнулись в землю у самого хвоста. Рассказывают, что у Суллы было золотое изваяньице Аполлона, вывезенное из Дельф, которое он в сражениях всегда носил спрятанным на груди, а в этот раз, целуя его, обратился к нему со словами: «О Аполлон Пифийский, ты, кто в стольких сражениях прославил и возвеличил счастливого Суллу Корнелия, кто довел его до ворот родного города, неужели ты бросишь его теперь вместе с согражданами на позорную гибель?». Воззвав в таких словах к богу, Сулла, как рассказывают, принялся одних умолять, другим угрожать, третьих стыдить. Наконец, когда левое крыло все же было разбито, он, смешавшись с бегущими, укрылся в лагере, потеряв много товарищей и близких. Немало римлян, которые вышли поглядеть на сражение, тоже нашли свою гибель под копытами лошадей, так что с городом, казалось, было уже покончено, и немногого не доставало, чтобы Марий освободился от осады. Многие из беглецов кинулись к Пренесте и советовали Лукрецию Офелле, оставленному для руководства осадой, немедленно сниматься с лагеря, так как Сулла-де погиб и Рим в руках неприятеля.

30. Но уже глубокой ночью в лагерь Суллы прибыли люди Красса за продовольствием для него и его воинов, которые после одержанной победы преследовали врагов до самой Антемны⁹⁶³, и там же расположились лагерем. Выслушав это известие и узнав, что бо льшая часть врагов погибла, Сулла с рассветом пришел к Антемне. Три тысячи неприятелей прислали к нему вестника с просьбой о пощаде, и Сулла обещал им безопасность, если они явятся к нему, прежде нанеся ущерб остальным его врагам. Те поверили, напали на своих, и многие с обеих сторон полегли от рук недавних товарищей. Однако всех уцелевших, как из нападавших, так и из защищавшихся, всего около шести тысяч, Сулла собрал у цирка⁹⁶⁴, а сам созвал сенаторов на заседание в храм Беллоны. И в то самое время, когда Сулла начал говорить, отряженные им люди принялись за избивание этих шести тысяч. Жертвы, которых было так много и которых резали в страшной тесноте, разумеется, подняли отчаянный крик. Сенаторы были потрясены, но уже державший речь Сулла, несколько не изменившись в лице, сказал им, что требует внимания к своим словам, а то, что происходит снаружи, их не касается: там-де по его повелению вразумляют кое-кого из негодяев.

Тут уж и самому недогадливому из римлян стало ясно, что произошла смена тираннов, а не падение тирании. Марий с самого начала был крутого нрава, и власть лишь усугубила его прирожденную свирепость, а не изменила его естество. Сулла же, напротив, вкусив счастья, сперва вел себя умеренно и просто, его стали считать и вождем знати и благодетелем народа, к тому же он с молодых лет был смешлив и столь жалостлив, что легко давал волю слезам. Он по справедливости навлек на великую власть обвинение в том, что она не дает человеку сохранить свой прежний нрав, но делает его непостоянным, высокомерным и бесчеловечным. В чем тут причина: счастье ли колеблет и меняет человеческую природу или, что вернее, полновластье делает явными глубоко спрятанные пороки, – это следовало бы рассмотреть в другом сочинении.

31. Теперь Сулла занялся убийствами, кровавым делам в городе не было ни числа, ни

⁹⁶² 54. ...девятый час дня ... (считая от рассвета) – Т.е. ок. 3 часов пополудни.

⁹⁶³ 55. Антемна – городок в нескольких километрах к северу от Рима; здесь погиб Телезин и другие италики-марианцы.

⁹⁶⁴ 56. ...у цирка ... – Фламиниев цирк на Марсовом поле близ храма Беллоны, богини войны.

предела, и многие, у кого и дел-то с Суллой никаких не было, были уничтожены личными врагами, потому что, угождая своим приверженцам, он охотно разрешал им эти бесчинства. Наконец, один из молодых людей, Гай Метелл, отважился спросить в сенате у Суллы, чем кончится это бедствие и как далеко оно должно зайти, чтобы можно стало ждать прекращения того, что теперь творится. «Ведь мы просим у тебя, – сказал он, – не избавления от кары для тех, кого ты решил уничтожить, но избавления от неизвестности для тех, кого ты решил оставить в живых». На возражение Суллы, что он-де еще не решил, кого прощает, Метелл ответил: «Ну так объяви, кого ты решил покарать». И Сулла обещал сделать это. Некоторые, правда, приписывают эти слова не Метеллу, а какому-то Фуфидию, одному из окружавших Суллу льстецов. Не посоветовавшись ни с кем из должностных лиц, Сулла тотчас составил список⁹⁶⁵ из восьмидесяти имен. Несмотря на всеобщее недовольство, спустя день он включил в список еще двести двадцать человек, а на третий – опять по меньшей мере столько же. Выступив по этому поводу с речью перед народом, Сулла сказал, что он переписал тех, кого ему удалось вспомнить, а те, кого он сейчас запамätовал, будут внесены в список в следующий раз. Тех, кто принял у себя или спас осужденного, Сулла тоже осудил, карой за человеколюбие назначив смерть и не делая исключения ни для брата, ни для сына, ни для отца. Зато тому, кто умертвит осужденного, он назначил награду за убийство – два таланта, даже если раб убьет господина, даже если сын – отца. Но самым несправедливым было постановление о том, что гражданской чести лишаются и сыновья и внуки осужденных, а их имущество подлежит конфискации. Списки составлялись не в одном Риме, но в каждом городе Италии. И не остались не запятнанными убийством ни храм бога, ни очаг гостеприимца, ни отчий дом. Мужей резали на глазах жен, детей – на глазах матерей. Павших жертвою гнева и вражды было ничтожно мало по сравнению с теми, кто был убит из-за денег, да и сами каратели, случалось, признавались, что такого-то погубил его большой дом, другого – сад, а иногда – теплые воды. Квинт Аврелий, человек, чуждавшийся государственных дел, полагал, что беда касается его лишь постольку, поскольку он сострадает несчастным. Придя на форум, он стал читать список и, найдя там свое имя, промолвил: «Горе мне! За мною гонится мое альбанское имя»⁹⁶⁶. Он не ушел далеко, кто-то бросился следом и прирезал его.

32. Тем временем Марий-младший, чтобы избежать плена, покончил с собой. Сулла прибыл в Пренесту и приступил к расправе: сперва он выносил приговор каждому в отдельности, а затем, не желая тратить времени, распорядился всех пренестинцев (их было двенадцать тысяч) собрать вместе и перерезать. Он подарил прощение лишь хозяину дома, где остановился. Но тот, с большим благородством сказав Сулле, что никогда не захочет быть благодарным за спасение своей жизни палачу родного города, постарался затеряться среди сограждан и добровольно погиб вместе с ними. Самым неслыханным, однако, был, видимо, случай с Луцием Катилиной. Еще до того, как положение в государстве определилось, он убил своего брата, а теперь просил Суллу внести убитого в список, словно живого, что и было сделано. В благодарность за это Катилина убил некоего Марка Мария, человека из стана противников Суллы. Голову его он поднес сидевшему на форуме Сулле, а сам подошел к находившемуся поблизости храму Аполлона⁹⁶⁷ и умыл руки в священной кропильнице.

⁹⁶⁵ 57. *Список* – по-латыни, «проскрипцию». По подсчетам историков, только в Риме погибли при Марии ок. 50 сенаторов и 1000 всадников, при Сулле – ок. 40 сенаторов и 1000 всадников.

⁹⁶⁶ 58. *...альбанское имя* . – В Лации было несколько местностей, называвшихся Альба.

⁹⁶⁷ 59. *...к находившемуся поблизости храму Аполлона ...* – Т.е. поблизости от Марсова поля, где велся учет проскрипциям. Перед храмами стояли сосуды с освященной (погружением факела, зажженного от алтаря) водой для омовения всех входящих.

33. Но, не говоря об убийствах, и остальные поступки Суллы тоже никого не радовали. Он провозгласил себя диктатором, по прошествии ста двадцати лет⁹⁶⁸ восстановив эту должность. Было постановлено, что он не несет никакой ответственности за все происшедшее, а на будущее получает полную власть карать смертью, лишать имущества, выводить колонии, основывать и разрушать города, отбирать царства и жаловать их, кому вздумается.

Сидя на своем кресле, он с таким высокомерным самоуправством проводил распродажи конфискованных имуществ, что, отдавая их почти задаром, вызывал еще большее озлобление, чем отбирая, так как красивым женщинам, певцам, мимическим актерам и подонкам из вольноотпущенников он жаловал земли целых народов и доходы целых городов, а иным из своих приближенных – даже жен, совсем не жаждавших такого брака. Так было с Помпеем Великим: желая с ним породниться, Сулла предписал ему дать прежней жене развод, а в дом его ввел дочь Скавра и своей жены Метеллы, Эмилию, которую беременной разлучил с Манием Глабрионом. У Помпея она и умерла от родов.

Лукреций Офелла, тот, что успешно осаждал Мария в Пренесте, стал домогаться консульства и выступил соискателем. Сулла сперва старался не допустить этого. Но, когда Офелла, пользуясь поддержкой толпы, ворвался на форум, Сулла послал одного из своих центурионов зарезать его, а сам, сидя на своем кресле в храме Диоскуров, с высоты наблюдал за убийством. Люди схватили центуриона и привели его к креслу Суллы, но тот велел возмущенным замолчать и сказал, что так распорядился он сам, а центуриона приказал отпустить.

34. Захваченная у Митридата добыча, великолепная и дотоле невиданная, придавала триумфу Суллы особую пышность, но еще более ценным украшением триумфа и поистине прекрасным зрелищем были изгнанники. Самые знатные и могущественные из граждан, увенчанные, сопровождали Суллу, величая его спасителем и отцом, потому что и вправду благодаря ему вернулись они на родину, привезли домой детей и жен.

Когда торжество уже было закончено, Сулла, выступив перед народом, стал перечислять свои деяния, подсчитывая свои удачи с не меньшим тщанием, чем подвиги, и в заключение повелел именовать себя Счастливым – именно таков должен быть самый точный перевод слова «Феликс» [Felix]. Сам он, впрочем, переписываясь и ведя дела с греками, называл себя Любимцем Афродиты. И на трофеях его в нашей земле написано: «Луций Корнелий Сулла Любимец Афродиты». А когда Метелла родила двойню, он назвал мальчика Фавстом, а девочку Фавстой, потому что у римлян слово «фавстон» [faustum] значит «счастливое», «радостное». И настолько вера Суллы в свое счастье превосходила веру его в свое дело, что после того, как такое множество людей было им перебито, после того, как в городе произошли такие перемены и преобразования, он сложил с себя власть и предоставил народу распоряжаться консульскими выборами, а сам не принял в них участия, но присутствовал на форуме как частное лицо, показывая свою готовность дать отчет любому, кто захочет. К неудовольствию Суллы, наиболее вероятным было избрание в консулы Марка Лепида. Этот дерзкий человек и недруг Суллы достиг такого успеха не собственными силами, а с помощью Помпея, который пользовался расположением народа и просил за Лепида. Поэтому Сулла, увидал идущего с выборов Помпея, который радовался своей победе, подозвал его и сказал: «Как хорошо, мальчик, разобрался ты в государственных делах, проведя на должность Лепида впереди Катуга⁹⁶⁹, человека шального впереди достойного. Теперь уж тебе не спать спокойно – ты сам создал себе соперника». Эти слова

⁹⁶⁸ 60. ...ста двадцати лет ... – с 202 г., когда в последний раз был назначен диктатор (Г. Сервилий Гемин) – только чтобы провести консульские выборы в отсутствие должностных лиц.

⁹⁶⁹ 61. ...Лепида впереди Катуга ... – Т.е. благодаря Помпею, Лепид получил на выборах больше голосов, чем Катуга.

оказались как бы пророческими. Вскоре Лепид, преисполнившись гордыней, начал войну против Помпея.

35. Пожертвовав Геркулесу⁹⁷⁰ десятую часть своего имущества, Сулла с большой расточительностью стал задавать игры для народа. Излишек заготовленных припасов был так велик, что каждый день много еды вываливали в реку, а вино пили сорокалетнее и еще более старое. В разгар этого затянувшегося на много дней пиршества заболела и умерла Метелла. Сулла, которому жрецы не разрешали ни подходить к умирающей, ни осквернять свой дом похоронами⁹⁷¹, написал Метелле разводное письмо и велел, пока она еще жива, перенести ее в другой дом. Так из суеверного страха Сулла неукоснительно исполнил все предусмотренное обычаями, но, не поскупившись в затратах на похороны, он преступил закон об ограничении расходов на погребение, внесенный им самим. Преступал он и собственные постановления об умеренности в еде, стремясь рассеять свою печаль в попойках и пирушках, лакомясь изысканными кушаньями и слушая болтовню шутов. Несколько месяцев спустя на гладиаторских играх – в ту пору места в театре еще не были разделены и женщины сидели вперемишку с мужчинами – случайно поблизости от Суллы села женщина по имени Валерия, красивая и знатная родом (она приходилась дочерью Мессале и сестрою оратору Гортензию⁹⁷²), недавно разведенная с мужем. Проходя мимо Суллы, за его спиной, она, протянув руку, вытащила шерстинку из его тоги и проследовала на свое место. На удивленный взгляд Суллы Валерия ответила: «Да ничего особенного, император, просто и я хочу для себя малой доли твоего счастья». Сулле приятно было это слышать, и он явно не остался равнодушен, потому что через подосланных людей разузнал об имени этой женщины, выведал, кто она родом и как живет. После этого пошли у них перемигивания, переглядывания, улыбки, и все кончилось сговором и браком. Валерии все это, быть может, и не в укор, но Суллу к этому браку – пусть с безупречно целомудренной и благородною женщиной – привели чувства отнюдь не прекрасные и не безупречные; как юнец, он был покорен смелыми взглядами и заигрываниями – тем, что обычно порождает самые позорные и разнузданные страсти.

36. Впрочем, и поселив Валерию в своем доме, он не отказался от общества актрис, актеров и кифаристок. С самого утра он пьянствовал с ними, валяясь на ложах. Ведь кто в те дни имел над ним власть? Прежде всего комический актер Росций, первый мим Сорик и изображавший на сцене женщин Метробий, которого Сулла, не скрываясь, любил до конца своих дней, хотя тот и постарел.

Все это питало болезнь Суллы, которая долгое время не давала о себе знать, – он вначале и не подозревал, что внутренности его поражены язвами. От этого вся его плоть сгнила, превратившись во вшей, и хотя их обирали день и ночь (чем были заняты многие прислужники), все-таки удалить удавалось лишь ничтожную часть вновь появлявшихся. Вся одежда Суллы, ванна, в которой он купался, вода, которой он умывал руки, вся его еда оказывались запакошены этой пагубой, этим неиссякаемым потоком – вот до чего дошло. По многу раз на дню погружался он в воду, обмывая и очищая свое тело. Но ничто не помогало. Справиться с перерождением из-за быстроты его было невозможно, и тьма насекомых делала тщетными все средства и старания.

⁹⁷⁰ 62. Геркулесу – чтившемуся как податель богатств. В «Римских вопросах», 15, Плутарх обсуждает, «почему многие богатые люди посвящают Геркулесу десятую часть имущества».

⁹⁷¹ 63. ...осквернять свой дом похоронами ... – Сулла был понтификом и не имел права общаться с умирающими и мертвыми.

⁹⁷² 64. ...сестрою оратору Гортензию ... – Ошибка: сестра Гортензия была замужем за Валерием Мессалой, родственником Валерии.

Говорят, что в далекой древности вшивая болезнь⁹⁷³ погубила Акаста, сына Пелия, а позднее поэта и певца Алкмана, богослова Ферекида, Каллисфена Олинфского, брошенного в темницу, а также юриста Муция. Если же сюда добавить и тех, кто не прославился ничем полезным, но все же приобрел известность, то упомянем и беглого раба по имени Эвн, который начал рабскую войну в Сицилии; пойманный и привезенный в Рим, он умер от вшивой болезни.

37. Сулла не только предчувствовал свою кончину, но даже писал о ней. За два дня до смерти он завершил двадцать вторую книгу «Воспоминаний», где говорит, будто халдеи предсказали ему, что, прожив прекрасную жизнь, он умрет на вершине счастья. Там же Сулла рассказывает, что ему явился во сне его сын, умерший немного раньше Метеллы. Дурно одетый, он, стоя у ложа, просил отца отрешиться от забот, уйти вместе с ним к матери, Метелле, и жить с нею в тишине и покое. Однако Сулла не оставил занятий государственными делами. Так, за десять дней до кончины он установил в Дикеархии⁹⁷⁴ мир между враждовавшими сторонами и на будущее написал для ее жителей закон об управлении городом. А за день до кончины ему стало известно, что Граний, занимавший одну из высших должностей в городе, ожидая смерти Суллы, не возвращает казне денег, которые задолжал. Сулла вызвал его к себе в опочивальню, и, окружив своими слугами, велел удавить. От крика и судорог у Суллы прорвался гнойник, и его обильно вырвало кровью. После этого силы покинули его, и, проведя тяжелую ночь, он умер, оставив после себя двоих еще несмышленных детей от Метеллы. Валерия после его смерти родила дочку, которую называли Постумой. Такое имя римляне дают тем, кто появляется на свет после смерти отца.

38. Многие поднялись и сплотились вокруг Лепида, чтобы лишить тело Суллы подобающего погребения. Но Помпей, хотя и был недоволен Суллой (из своих друзей тот обошел в завещании его одного), преодолел сопротивление одних просьбами и обходительными речами, на других воздействовал угрозами и, доставив тело в Рим, дал возможность похоронить его без помех и с почестями. Рассказывают, что женщины принесли Сулле столько благовоний, что они заняли двести десять носилок, а кроме того, из драгоценного ладана и киннамона было изготовлено большое изображение самого Суллы и изображение ликтора. День с утра выдался пасмурный, ждали дождя, и погребальная процессия тронулась только в девятом часу. Но сильный ветер раздул костер, вспыхнуло жаркое пламя, которое охватило труп целиком. Когда костер уже угасал и огня почти не осталось, хлынул ливень, не прекращавшийся до самой ночи, так что счастье, можно сказать, не покинуло Суллу даже на похоронах.

Надгробный памятник Сулле стоит на Марсовом поле⁹⁷⁵. Надпись для него, говорят, написана и оставлена им самим. Смысл ее тот, что никто не сделал больше добра друзьям и зла врагам, чем Сулла.

[Сопоставление]

⁹⁷³ 65. ...вшивая болезнь ... (фтириазис). – Болезнь, при которой тело разлагается заживо, не раз упоминается античными авторами, но точному отождествлению не поддается. По последующему описанию, Сулла умер естественной смертью от разрыва кровеносных сосудов. *Акаст* – мифический царь Иолка, сын Пелия.

⁹⁷⁴ 66. *Дикеархия* – греческое название кампанского города Путеолы, близ которого находилось имение Суллы.

⁹⁷⁵ 67. ...на Марсовом поле ... – Где хоронили только царей (подчеркивает Аппиан, I, 106, в подробном описании этих великолепных похорон).

39 (1). Теперь, когда жизнь Суллы тоже рассказана нами, приступим к сопоставлению. Так вот, оба они, и Лисандр и Сулла, сходным образом достигли величия, сами положив начало своему возвышению, но только Лисандр получал должности по доброй воле граждан правильно устроенного государства, ничего не домогаясь насилием, вопреки их желанию, и не основывал свое могущество на нарушении законов.

Часто при распрях почет достается в удел негодяю⁹⁷⁶.

Именно так в Риме в те времена, при полной развращенности народа и болезненном расстройстве государственной жизни, появляется то один, то другой могущественный властитель, и нет ничего удивительного в том, что Сулла пришел к власти, если Главции и Сатурнины изгоняли из города Метеллов, если в Народном собрании убивали консульских сыновей, если чуть что брались за оружие, серебром и золотом подкупая воинов, огнем и мечом устанавливая законы, силой подавляя несогласных. Я не обвиняю того, кто при таких обстоятельствах достиг высшей власти, но не считаю, что когда дела в государстве так плохи, стать первым – значит быть лучшим. Напротив, Лисандр, которого Спарта, где царили тогда порядок и благоразумие, отправляла предводителем в самые важные походы и поручала ему самые важные дела, почитался едва ли не лучшим из лучших и первым из первых. Поэтому он не раз возвращал свою власть гражданам и не раз получал ее вновь, ведь честь, воздававшаяся его доблести и обеспечивавшая ему первенство, всегда оставалась при нем. А Сулла, раз только поставленный над войском, десять лет подряд не выпускал из рук оружия, назначая себя то консулом, то проконсулом, то диктатором и всегда оставаясь тиранном.

40 (2). И Лисандр, правда, как было сказано, намеревался изменить государственный строй, но более мягкими и законными способами, чем Сулла, воздействуя убеждением, а не силой оружия, и не опрокидывая все разом, как тот, а изменив к лучшему самый порядок поставления царей; впрочем, и естественная справедливость, казалось, требовала, чтобы городом, стоявшим во главе Эллады, правил лучший из лучших в силу высоких нравственных качеств, а не родовитости. Ведь и охотник ищет собаку, а не щенков от той или иной суки, и всадник – коня, а не потомство от той или иной кобылы (а что как от кобылы родится мул?). Точно так же и для государственного мужа самой большой ошибкой будет думать не о том, что за человек правитель, а о том, от кого он происходит. Спартанцы и сами лишали власти иных царей за то, что те были не настоящими царями, а жалкими ничтожествами. А если порок заслуживает презрения невзирая на знатность рода, то не в силу благородства происхождения, а сама по себе почтенна добродетель.

Далее, один бывал несправедлив ради друзей, а другой – и к друзьям. Лисандр, по общему мнению, больше всего дурных поступков совершил из-за друзей и больше всего убийств – чтобы утвердить их господство и тиранническую власть. Сулла же и у Помпея⁹⁷⁷, завидуя ему, отобрал войско, и у Долабеллы, сперва поручив ему флот, пытался потом отнять командование, и Лукреция Офеллу, который за многие и важные свои заслуги хотел получить консульство, приказал зарезать у себя на глазах. Так, уничтожая самых близких себе людей, Сулла заставлял всех смотреть на него со страхом и трепетом.

41 (3). Различное отношение Лисандра и Суллы к наслаждениям и деньгам еще яснее показывает, что один предпочитал действовать, как подлинный правитель, а другой – как тиранн. Первый при всей своей неограниченной власти и могуществе ни разу, кажется, не позволил себе никакой распушенности, ни одной мальчишеской выходки, и уж если к кому

⁹⁷⁶ 68. *Часто при распрях почет достается в удел негодяю* . – Анонимный гексаметр-пословица (ср.: Ник., 11; Ал., 53).

⁹⁷⁷ 69. *И у Помпея* – см.: Пом., 13. О столкновении Суллы с Долабеллой ничего не известно.

из спартанцев не приложима поговорка

Хоть дома львы, да в поле лисы хитрые⁹⁷⁸,

так это к нему – настолько скромно, воздержно, истинно по-лаконски вел он себя повсюду. А желания Суллы не умерялись ни бедностью в юности, ни возрастом в старости, и, как говорит Саллюстий⁹⁷⁹, он, вводя для сограждан законы о браке и умеренности, сам предавался сластолюбию и распутству. Этим Сулла настолько истощил и опустошил государственную казну, что стал за деньги продавать союзным и дружественным городам свободу и самоуправление, хотя каждый день конфисковывал и назначал к торгам имущество самых богатых и знатных домов. Но никакого счета не было тому, что он расточал на лстецов. Да и можно ли было ждать, чтобы в тесном кругу, за вином и развлечениями, оказался хоть мало-мальски расчетливым и бережливым тот, кто однажды, в присутствии целой толпы народа продавая большое имение, нисколько не таясь, приказал отдать его одному из своих друзей за первую же цену, которую тот назвал, а когда кто-то другой предложил больше и глашатай объявил о надбавке, разгневался и сказал: «Друзья-сограждане, меня притесняют жестоко и тираннически! Неужели мне не позволено распоряжаться моей добычей, как я хочу?» Лисандр же, напротив, даже поднесенные лично ему подарки вместе со всем прочим добром отослал согражданам. Поступок этот я, кстати сказать, не одобряю, потому что равный вред нанесли своим городам и Лисандр, который добывал деньги для Спарты, и Сулла, который грабил Рим, но хочу о нем упомянуть, ибо он показывает, что человек этот был чужд корыстолюбия. В том, что касалось родного города, у каждого из них была своя беда. Сулла наставлял сограждан в умеренности, сам будучи невоздержан и расточителен, а Лисандр населил свой город страстями, от которых сам был свободен; стало быть, вина одного в том, что он сам был хуже собственных законов, а другого в том, что он делал сограждан хуже, чем был сам. Да, ибо Лисандр научил Спарту чувствовать нужду в том, в чем сам умел нужды не чувствовать. Вот каковы они были в делах гражданских.

42 (4). Что же до дел военных, до битв, успехов полководца, грозных опасностей и числа воздвигнутых трофеев, то здесь Лисандр вообще не выдерживает сравнения с Суллой. Правда, Лисандр одержал две победы в двух морских сражениях. Прибавим сюда осаду Афин – дело само по себе не столь уж великое, но превознесенное молвой. То, что случилось в Беотии при Галиарте, произошло, быть может, из-за неудачного стечения обстоятельств, но скорее из-за нерасчетливости: Лисандр не стал ждать большого войска во главе с царем, которое вот-вот должно было прийти из Платей, но в гневе, побуждаемый честолюбием, не вовремя бросился к стене и пал совершенно бессмысленно в результате случайной вылазки врагов. Не отбиваясь от могучего противника, как Клеомброт при Левктрах, не тесня отступающих и тем упрочивая свою победу, как Кир или Эпаминонд⁹⁸⁰, получил Лисандр смертельный удар. И если те умерли смертью царей и полководцев, то Лисандр пожертвовал собою без славы, погибнув подобно простому пехотинцу из передового отряда и на собственном примере показав, что древние спартанцы справедливо опасались сражений под стенами города, где от руки случайного человека и даже ребенка или женщины иной раз

---

⁹⁷⁸ 70. *Хоть дома – львы, да в поле лисы хитрые ...* (пер. С.А. Ошерова) – Пословица, перефразируемая Аристофаном, «Мир», 1189. Смысл: дома спартанцы блюдут простоту нравов, но за рубежом купаются в роскоши.

⁹⁷⁹ 71. *Саллюстий* – в I книге «Истории» (не сохранилась).

⁹⁸⁰ 72. *Кир или Эпаминонд* – оба они погибли от ран, полученных в самом конце уже выигранных битв при Кунаксе и Мантинее.

гибнет сильнейший воин, подобно тому как Ахилл, говорят, был убит Парисом в воротах. А сколько побед в открытом бою одержал Сулла, сколько десятков тысяч врагов он истребил, не легко и сосчитать. Самый Рим он брал дважды, и Пирей, афинскую гавань, он взял не измором, как Лисандр, но после многих и великих битв, сбросив Архелая в море.

Важно сравнить и противников Суллы и Лисандра. Мне кажется, что развлечением, детской забавою было воевать на море с Антиохом, кормчим Алкивиада, или дурачить жожака народа в Афинах Филокла, который

Бесчестным плутом был, да острым на язык⁹⁸¹.

Ведь таких людей Митридат не счел бы возможным равнять со своим конюхом, а Марий – со своим ликтором! Но, обходя молчанием всех прочих поднявшихся против Суллы властителей, консулов, полководцев, народных вожаков, я хочу спросить только одно: кто среди римлян был грознее Мария, среди царей – могущественнее Митридата, среди италийцев – воинственнее Лампония и Телезина? Сулла же первого изгнал, второго покорил, а двух последних убил.

43 (5). Но важнее всего сказанного, по-моему, то, что Лисандру во всех его начинаниях сопутствовала помощь соотечественников, а Сулла был изгнанником, был побежден врагами. И в то самое время, как преследовали его жену, сравнивали с землею его дом, убивали его друзей, он, сражаясь в Беотии против бесчисленных полчищ и подвергаясь опасности ради отечества, воздвиг трофей и не сделал никакой уступки, не оказал никакого снисхождения Митридату; хотя тот предлагал ему союз и предоставлял войско для похода на врагов, Сулла лишь тогда приветствовал царя, лишь тогда подал ему руку, когда из собственных его уст услышал, что тот оставляет Азию, передает римлянам флот и возвращает Вифинию и Каппадокию их царям. Ничего более прекрасного, ничего более высокого по духу, чем эти подвиги, Сулла, кажется, вообще не совершил; он поставил общее выше личного и, словно породистый пес, вцепившись, не разжал челюстей, прежде чем противник не сдался; тогда только обратился он к мести за свои обиды.

Наконец, при сравнении характеров Суллы и Лисандра имеет какой-то вес и все то, что связано с Афинами. Если Сулла, овладев городом, когда тот вел войну ради укрепления мощи и владычества Митридата, оставил афинянам свободу и самоуправление, то Лисандр не пощадил Афин, когда они потеряли собственное владычество, собственную державу, столь великую прежде, но, уничтожив в Афинах демократическое правление, поставил над ними бесчеловечнейших и преступных тираннов.

Теперь, стараясь не слишком погрешить против истины, мы рассудим так: подвиги Суллы – больше, но провинности Лисандра – меньше, а потому отдадим одному из них награду за воздержанность и благоразумие, а другому – за искусство полководца и мужество.

КИМОН И ЛУКУЛЛ

Кимон

[перевод В.В. Петуховой]

1. Прорицатель Перипольт⁹⁸², тот, что привел из Фессалии в Беотию царя Офельта и

---

⁹⁸¹ 73. Бесчестным плутом ... был , да острым на язык . – Стих неизвестного автора.

⁹⁸² 1. Прорицатель Перипольт – местный херонейский герой, связанный с малоизвестными преданиями о «переселении эолян» из Фессалии в Беотию вслед за «переселением дорян» из Средней Греции в Пелопоннес

подвластные ему народы, оставил после себя род, долгое время бывший в почете. Большая часть потомков Перипольта жила в Херонее (этот город они захватили первым, изгнав из него варваров). Они отличались врожденной воинственностью и отвагой и настолько не щадили своей жизни, что почти все погибли во времена нашествия мидян и борьбы с галлами⁹⁸³. Среди уцелевших был мальчик, круглый сирота, по имени Дамон и по прозвищу Перипольт, намного превосходивший своих сверстников красотой тела и гордостью духа, но дурно воспитанный, со строптивым характером. В этого юношу, только что вышедшего из отроческого возраста, влюбился начальник одной когорты, стоявшей в Херонее на зимних квартирах, и когда римлянин ни просьбами, ни подарками ничего не добился, стало ясно, что он не остановится перед насилием, тем более что дела нашего города находились тогда в плачевном состоянии и из-за своей незначительности и бедности он был у всех в пренебрежении. И вот Дамон, страшаясь насилия и взбешенный уже самими домогательствами, замыслил убить этого человека и вовлек в заговор нескольких сверстников – немногих, чтобы сохранить дело в тайне: всего их набралось шестнадцать человек. Ночью они вымазали себе лица сажей, напились несмешанным вином и на рассвете напали на римлянина, когда тот совершал на площади жертвоприношение. Умертвив его и нескольких человек из числа стоявших вокруг, они скрылись из города. Среди общего замешательства собрался городской совет Хероней и осудил заговорщиков на смерть, что должно было искупить вину города перед римлянами. Когда после этого городские власти по обычаю собрались вечером за общим ужином, товарищи Дамона ворвались в здание Совета и перебили их, а затем снова бежали.

Как раз в эти дни через Херонею проходил с воинами Луций Лукулл⁹⁸⁴. Прервав свой поход, он по свежим следам расследовал дело и выяснил, что граждане не только ни в чем не повинны, но, скорее, сами оказались в числе потерпевших. Затем он выступил в путь и увел с собой размещавшихся в городе солдат. Тем временем Дамон разорял разбойничьими набегами окрестности и тревожил самый город, пока граждане через послов не уговорили его вернуться, приняв благоприятные для него постановления. Когда он явился, его поставили начальником гимназия, но затем убили в парильне, когда он натирался маслом. После этого, по рассказам наших отцов, в этом месте долго появлялись какие-то призраки и слышались стоны, так что двери парильни забили. До сих пор люди, живущие по соседству с этим местом, верят, что там показываются привидения и звучат устрашающие возгласы. Потомков рода, к которому принадлежал Дамон (некоторые из них еще живы и обитают главным образом подле Стирея в Фокиде), по-эолийски зовут Мазаными, так как Дамон вышел на убийство, намазавшись сажей.

2. Между тем орхоменцы, соседи и недруги херонейцев, наняли в Риме доносчика, и тот возбудил против нашего города судебное преследование, обвиняя всех граждан, словно одно лицо, в гибели убитых Дамоном римлян. Дело поступило на рассмотрение претора Македонии (в Грецию римляне в то время еще не посылали наместников⁹⁸⁵), но ораторы, защищавшие в суде наш город, сослались на свидетельство Лукулла, а тот в ответ на запрос претора изложил подлинный ход событий, и таким образом Херонея, подвергавшаяся самой серьезной опасности, была оправдана.

(традиционная дата – XI в.).

⁹⁸³ 2. ...нашествие мидян и борьба с галлами. – Нашествие мидян – Греко-персидские войны; борьба с галлами – 279—275 гг.

⁹⁸⁴ 3. ...проходил... Лукулл. – В 86—85 гг., в войне с Митридатом.

⁹⁸⁵ 4. ...еще не посылали наместников... – С 146 г. Греция считалась частью провинции Македонии, и только с 27 г. стала отдельной провинцией («Ахайей») с отдельным наместником в Коринфе.

Тогдашние граждане Херонеи, которых благодеяние Лукулла коснулось непосредственно, поставили ему на площади, подле кумира Диониса, мраморную статую. Нас от тех времен отделяет много поколений, но мы считаем, что долг благодарности Лукуллу распространяется и на нас; полагая, с другой стороны, что памятник, воспроизводящий телесный облик человека, намного уступает такому, который давал бы представление о его нравственных качествах, мы включаем рассказ о деяниях этого мужа в наши «Сравнительные жизнеописания». При этом мы будем держаться истины: ведь благодарного воспоминания о его подвигах достаточно, а принять в оплату за свое правдивое свидетельское показание лживые вымыслы о себе он и сам не пожелал бы. Когда живописец рисует прекрасный, полный прелести облик, мы требуем от него, если этому облику присущ какой-нибудь мелкий недостаток, чтобы он не опускал его совсем, но и не воспроизводил слишком тщательно: ведь в последнем случае теряется красота, в первом – сходство. Равным образом, раз уж трудно или, вернее сказать, просто невозможно показать человеческую жизнь, безупречно чистую, то, как и при передаче сходства, лишь воспроизводя прекрасное, следует держаться истины во всей ее полноте. А в ошибках и недостатках, вкрадывающихся в деяния человека под воздействием страсти или в силу государственной необходимости, должно видеть проявление скорее несовершенства в добродетели, чем порочности, и в повествовании не следует на них останавливаться чересчур охотно и подробно, но словно стыдясь за человеческую природу, раз она не создает характеров безукоризненно прекрасных и добродетельных.

3. Обдумывая, кого можно поставить рядом с Лукуллом, мы остановились на Кимоне. Оба они были воинственны, оба показали свою доблесть в борьбе с варварами, но на гражданском поприще проявили миролюбие и больше всего стремились доставить своему отечеству отдых от междоусобных смут, в то время как за его пределами воздвигли трофеи и одержали славные победы. Ни один грек до Кимона, ни один римлянин до Лукулла не заходил так далеко с оружием в руках, если не считать походов Геракла и Диониса⁹⁸⁶, да еще подвиг Персея в землях эфиопов, мидян и армян или деяний Ясона, если свидетельства об этих подвигах и деяниях спустя столько времени еще можно считать надежными. Общая черта для обоих, пожалуй, и то, что их деятельность как полководцев осталась незавершенной: оба сумели разгромить противника, но ни одному не удалось уничтожить его окончательно. Но наибольшее сходство между ними состоит в той широте натуры, в той расточительности, с какой они задавали пиры и помогали друзьям, да в юношеской несдержанности образа жизни. Другие черты сходства, которые нетрудно будет уловить из самого рассказа, нам представляется разумным оставить без упоминания.

4. Кимон, сын Мильтиада, родился от матери-фракиянки, Гегесипилы, дочери царя Олора, как это видно из посвященных ему стихов Архелая и Меланфия. Вот почему историк Фукидид, который приходился Кимону родственником, был также сыном Олора, носившего это имя в честь своего предка, и владел золотыми рудниками во Фракии. Скончался же Фукидид, как сообщают, в Скаптесиле (место это находится во Фракии), где он был убит. Останки были перевезены в Аттику, и гробницу его показывают в Кимоновой усыпальнице, рядом с могилой сестры Кимона Эльпиники. Но Фукидид происходил из дема Галимунта, а Мильтиад и его род – из дема Лакиады.

Как известно, Мильтиад, присужденный к штрафу⁹⁸⁷ в пятьдесят талантов и посаженный впредь до выплаты этой суммы в тюрьму, умер в заключении. Кимон,

⁹⁸⁶ 5. ...походов Геракла... – На запад, к «Геркулесовым столбам»; Диониса – на восток, в сказочную Индию; Персея – на юг, где он спас Андромеду, дочь эфиопского царя, и в землю мидян, где от него повели начало персы; Ясона – в Колхиду, на самом северном из известных грекам морей.

⁹⁸⁷ 6. ...штрафу... – В возмещение издержек неудачного похода 489 г. против острова Пароса. После его смерти штраф должны были выплатить дети; для этого им дал денег Каллий (ниже, гл. 4).

оставшись после отца вместе с молодой, еще незамужней сестрой совершенным юнцом, первые годы пользовался в городе дурной славой, прослыл беспутным кутилой, похожим по нраву на деда своего Кимона, который, говорят, за простодушие был прозван Коалемом⁹⁸⁸. Стесимброт с Фасоса, родившийся приблизительно в одно время с Кимоном, свидетельствует, что тот не выучился ни искусствам, ни чему-либо из общеобразовательных наук, бывших в ходу среди греков, и вовсе не обладал даром изощренного аттического красноречия, но в характере его было много благородного и искреннего и по своему душевному складу муж этот был скорее пелопоннонец.

И груб, и прост, но в подвигах велик⁹⁸⁹,

подобно Гераклу у Эврипида, – вот что можно прибавить к словам Стесимброта.

Еще в юные годы на него пало обвинение в близких отношениях с сестрой. Да и помимо того, говорят, Эльпиника была поведения не безупречного, но была близка и с живописцем Полигнотом, почему и утверждают, что, изображая троянок в Писианактовом портике, который теперь называют Расписным, художник в образе Лаодики написал Эльпинику⁹⁹⁰. Полигнот не принадлежал к числу художников-ремесленников и расписывал портик не из корысти, а безвозмездно, желая отличиться перед согражданами. Так, по крайней мере, пишут историки, и поэт Меланфий выразил это следующим образом:

Храмы и площадь Кекропа украсил, затрат не жалея,
Кистью своей восхвалив славных героев труды.

Есть и такие, которые говорят, что Эльпиника жила с Кимоном не тайно, а в открытом замужестве, затрудняясь из-за бедности своей найти жениха, достойного ее происхождения. Но когда Каллий, один из афинских богачей, прельстившись Эльпиникой и познакомившись с ней, выразил готовность внести в казну наложенный на ее отца штраф, она согласилась, и Кимон выдал ее за Каллия. Во всяком случае Кимон, по-видимому, вообще был склонен увлекаться женщинами. Недаром поэт Меланфий, подшучивая над Кимоном в элегических стихах, упоминает об Астерии родом с Саламина и еще о какой-то Мнестре, как о предметах его страсти. Известно также, как горячо любил Кимон Исодику, дочь Эвриптолема, сына Мегакла, свою законную жену; когда она умерла, он был вне себя от горя, если можно верить элегиям, написанным для утешения его в скорби. Автором их философ Панетий считает естествоиспытателя Архелая, небезосновательно сопоставляя даты.

5. Все остальное в характере Кимона свидетельствует о благородстве, достойном удивления. Ибо, не уступая отвагою своей Мильтиаду, а разумом Фемистоклу, он, по общему признанию, был справедливее их обоих. Ничуть не менее талантливый, чем они, в военном деле, Кимон еще в молодости, не имея военного опыта, бесконечно превзошел их гражданской доблестью. Когда при нашествии персов Фемистокл посоветовал народу уйти из города, покинуть страну, сесть на корабли у Саламина и сразиться с врагом на море, большинство граждан было потрясено столь смелым замыслом. В это-то время Кимон с сияющим лицом первым показался на Акрополе, куда он поднялся через Керамик в сопровождении товарищей, неся в руках конские удила, чтобы посвятить их богине: это как бы означало, что сейчас государство нуждается не в конной войне, а в боях-морях.

---

⁹⁸⁸ 7. Коалемом – Т.е. «глупцом».

⁹⁸⁹ 8. *И груб, и прост, но в подвигах велик...* – Стих из несохранившейся трагедии Эврипида «Ликимний».

⁹⁹⁰ 9. *...в Писианактовом портике...* – В V в. он был расписан фресками Полиглота и получил название Расписного (или Пестрого); он дал имя школе стойков. *Лаодика* – одна из дочерей Приама.

Посвятив удила, вооружившись одним из висевших в храме щитов и помолившись богине, он спустился к морю и тем самым первый показал пример неустрашимости. Был он, по свидетельству поэта Иона, безупречен и внешне – высок, с прекрасными густыми вьющимися волосами.

Выказав в сражении⁹⁹¹ блестящую храбрость, он вскоре начал пользоваться известностью среди сограждан и их благоволением, так что многие из них собирались вокруг него и побуждали, не откладывая, задумать и совершить что-нибудь достойное Марафона. А когда он стал помогать участия в государственных делах, народ с радостью его принял и, пресытившись Фемистоклом, вознес Кимона до высших государственных должностей и почестей, видя в нем человека, умеющего действовать сообразно обстоятельствам и удобного простому люду своим ласковым обхождением и прямодушием. Особенно же возвеличил его Аристид, сын Лисимаха, который видел прекрасные качества его характера и как бы создавал в нем соперника Фемистоклу в таланте и смелости.

6. Когда персы уже оставили Грецию, афиняне же не имели еще первенства на море, а подчинялись Павсанию⁹⁹² и лакедемонянам, Кимон, отправленный на войну стратегом, прежде всего всегда заботился о том, чтобы граждане в походах соблюдали строжайший порядок и намного превосходили всех прочих смелостью. Далее, в то время как Павсаний вел изменнические переговоры с варварами и переписывался с царем, с союзниками же обращался сурово и надменно, держа себя крайне нагло, в опьянении властью и безумной гордостью, Кимон ласково принимал обиженных под свою защиту, кротко обходясь с ними; действуя не силою оружия, а словом и личным обаянием, он незаметно отнял у лакедемонян верховное владычество над Грецией. Естественно, что к Кимону с Аристидом примкнула большая часть союзников, не будучи в состоянии долее переносить тяжелый нрав и высокомерие Павсания. А те, склоняя их на свою сторону, в то же время посылали сказать эфторам, чтобы они отозвали Павсания, по вине которого подвергается бесчестию Спарта и сеется смута во всей Греции. Рассказывают, что Павсаний приказал доставить к нему некую девушку по имени Клеоника, родом из Византия, дочь знатных родителей, с намерением обесчестить ее, а родители, в страхе подчиняясь насилию, позволили увести ее. У входа в спальню она попросила стоявших у двери людей погасить свет, а сама, подходя в темноте к ложу, в то время как Павсаний уже спал, нечаянно наткнулась на светильник и опрокинула его. Встревоженный шумом и вообразив, что к нему приближается какой-нибудь злоумышленник, Павсаний схватил лежавший близ него кинжал и ударом его уложил девушку. Она умерла от раны и с тех пор не давала Павсанию покоя: являясь к нему ночью во сне в виде призрака, она изрекала в гнев следующий героический стих⁹⁹³:

Каре навстречу гряди: необузданность гибельна мужу.

Крайне возмущенные этим преступлением союзники во главе с Кимоном осадили Павсания. Павсаний бежал из Византия и, все еще тревожимый видением, укрылся, как рассказывают, в гераклеиском прорицалище мертвых⁹⁹⁴, где вызвал душу Клеоники и умолял ее смягчить свой гнев. Явившаяся к нему Клеоника сказала, что по прибытии в Спарту он скоро освободится от своих мук, намекая, по-видимому, на гибель, которая его

⁹⁹¹ 10. В сражении – при Саламине.

⁹⁹² 11. ...подчинялись Павсанию... – см.: Ар., 23; Фем., 23.

⁹⁹³ 12. ...героический стих... – Гексаметр, размер героического эпоса.

⁹⁹⁴ 13. ...в гераклеиском прорицалище мертвых... – Гераклея Понтийская лежала в устье реки, называвшейся, как река в царстве мертвых, Ахеронтом; поэтому здесь было и прорицалище, где вызывали души умерших.

ожидала. Об этом повествуют многие историки.

7. А Кимон, к которому уже присоединились союзники, отплыл, предводительствуя войском, во Фракию. До его сведения дошло, что несколько знатных персов, родственников царя, овладели Эионом, городом, расположенным на реке Стримон, и тревожат окрестное греческое население. Он начал с того, что разбил в сражении самих персов и запер их в городе, а затем, изгнав фракийцев, живших за Стримоном, откуда персам доставлялся хлеб, и приказав караулить всю их землю, поставил осажденных в столь безвыходное положение, что царский военачальник Бут, потеряв всякую надежду, поджег город и погиб в огне вместе с друзьями и имуществом. Так Кимон взял город, но никакой мало-мальски существенной пользы от того не получил: почти все сгорело вместе с варварами. Зато местность, отличавшуюся красотой и плодородием, он отдал под поселения афинянам. Народ разрешил ему поставить каменные гермы, на первой из которых написали:

Много пришлось претерпеть и тем, что с сынами мидийцев
Встретясь в Эионском краю, их у Стримона реки
Голодом жгучим терзали и в схватках Ареса кровавых
Первыми ввергли врагов в горе и злую нужду.

На второй надпись гласила:

Здесь в награду вождям афинский народ благодарный
В память великих заслуг им эту герму дарит.
Пусть же, взглянув на нее, стремится каждый потомок,
Общему благу служа, смело на битву идти.

На третьей написали:

Некогда царь Менесфей⁹⁹⁵ отсюда с Атридами вместе
К Трои священной полям мощное войско повел.
Был он, Гомер говорит, среди крепкоброннных данайцев
Славен искусством своим воинов строить на бой.
Вот почему и теперь подобает афинянам зваться
Славными в ратных делах, доблесть являя свою.

8. Надписи эти, хоть имя Кимона в них ни разу не названо, казались, по содержанию своему, людям того времени верхом почета. Ибо ни Фемистокл, ни Мильтиад ничего подобного не удостоились. Мильтиад домогался было масличного венка, но декелиец Софан, встав со своего места в Народном собрании, произнес хотя и не слишком умные, но все же понравившиеся народу слова: «Когда ты, Мильтиад, в одиночку побьешь варваров, тогда и требуй почестей для себя одного». Но почему афиняне были в таком восхищении от подвига Кимона? Не потому ли, что при других военачальниках они сражались с врагами лишь затем, чтобы избавиться от беды, а под начальством Кимона были настолько сильны, что сами наносили вред неприятелям, вторгаясь с оружием в их владения, и приобрели новые земли, основав колонии и в самом Эионе и в Амфиполе?

Поселились они и на острове Скиросе, который был завоеван Кимоном вот при каких обстоятельствах. Остров населяли долопы. Земледельцы они были плохие, издавна занимались морским разбоем и перестали щадить даже тех чужеземцев, которые приезжали к ним по делам: несколько фессалийских купцов, приставших к Ктесию, были долопами ограблены и брошены в тюрьму. Убежав из тюрьмы, люди эти принесли жалобу на город в

---

⁹⁹⁵ 14. Менесфей – правитель Афин и вождь афинян в троянской войне («Илиада», II, 253): см. Тес., 32.

союз амфикионцев. Но так как граждане отказались принять возмещение убытков на общественный счет и требовали, чтобы их покрыли те, кто совершил грабеж и владеет награбленным, эти последние испугались и отправили к Кимону письмо, прося его прибыть с флотом и занять город, который они ему сдадут. Захватив таким путем остров, Кимон изгнал долопов и обезопасил Эгейское море. Прослышав, что древний Тесея, сын Эгея, бежавший из Афин на Скирос, был здесь изменнически убит боявшимся его царем Ликомедом, Кимон принялся усердно искать его могилу, тем более что афинянам было дано прорицание оракула, повелевавшее им перевезти в свой город останки Тесея и оказывать ему почести, какие подобают герою, но они не знали, где именно он покоем, а жители Скироса утверждали, что никакой могилы Тесея у них нет, и не позволяли ее искать. И все же место погребения с большим трудом, после усердных поисков, было найдено, и, приняв останки на свой корабль и великолепно его разукрасив, Кимон привез прах Тесея на родину по прошествии без малого четырехсот лет⁹⁹⁶ после смерти героя. За это народ выказывал Кимону величайшее благоволение.

К его славе послужило также ставшее впоследствии знаменитым состязание между поэтами-трагиками. Софокл, тогда еще юноша, ставил свою первую пьесу, и архонт Апсефион, заметив несогласия и споры между зрителями, не стал бросать жребий для избрания судей, но, когда Кимон, войдя в театр со своими сотоварищами-стратегами, совершил установленные возлияния богу, остановил их и, приведя к присяге, заставил сесть и судить состязание – всех десяти, так что каждый оказался представителем от одной из фил. Почет, каким пользовались эти судьи, возбудил, конечно, в исполнителях особенное рвение и соперничество. Победил Софокл, а Эсхил, опечаленный и удрученный, лишь короткое после этого время пробыл, как сообщают, в Афинах, а затем с досады уехал в Сицилию. Там он умер и похоронен близ Гелы.

9. Ион рассказывает, что, когда он еще в ранней юности прибыл с Хиоса в Афины, ему пришлось обедать у Лаомедонта в обществе Кимона. После возлияний Кимона попросили спеть, и тот спел очень хорошо, так что все его похвалили и нашли, что в обществе он приятнее Фемистокла: последний говорил, что петь и играть на кифаре он не умеет, но как сделать великим и богатым город – это он знает. Затем, как обыкновенно бывает за чашей вина, разговор перешел на подвиги Кимона, стали вспоминать о самых выдающихся из них, и он сам рассказал об одной из своих хитростей, по его мнению, самой удачной. Союзники, захватив в Сесте и Византии множество варваров, поручили Кимону произвести дележ добычи, и тот распорядился так, что по одну сторону поставили самих пленных, а по другую сложили украшения, которые они носили; союзники стали порочить такой дележ, называя его несправедливым, и тогда он предложил им взять любую из частей: какую бы они ни оставили, афиняне-де будут довольны. По совету самосца Герофита, считавшего, что лучше приобрести вещи персов, чем самих персов, союзники взяли себе наряды и украшения, оставив на долю афинян пленных. Все сочли тогда, что этим дележом Кимон просто выставил себя на посмеяние: союзники уносили золотые запястья, ожерелья, шейные цепочки, персидские кафтаны, пурпурную одежду, афинянам же пришлось взять себе нагие тела мало привычных к труду людей. Вскоре, однако, съехавшиеся из Фригии и Ликии друзья и родственники пленных стали выкупать их, платя за каждого большие деньги, так что у Кимона собрались средства, которых хватило на содержание флота в течение четырех месяцев, а кроме того, немало золота из выкупных сумм осталось и для казны.

10. Военные труды Кимона возместились сторицей, и это богатство, по общему мнению, было им добыто с честью – на войне от врагов; еще с большей для себя честью Кимон тратил его на сограждан. Так, например, он велел снять ограды, окружавшие его владения, дабы чужеземцы и неимущие сограждане могли, не опасаясь, пользоваться

---

⁹⁹⁶ 15. *Четырехсот лет* – обмолвка: от легендарной датировки Тесея до V в. тело его «пролежало» на Скиросе ок. 800 лет.

плодами, а дома у себя приказывал ежедневно готовить обед, хотя и скромный, но достаточный для пропитания многих. Каждый бедняк, если хотел, приходил на обед и получал пищу и, не будучи вынужден зарабатывать себе на пропитание, мог заниматься только общественными делами. Впрочем, по свидетельству Аристотеля, обеды эти приготавливались не для всех афинян, но лишь для желающих из числа земляков Кимона из дема Лакиады. Его постоянно сопровождали двое или трое юношей в богатой одежде, и если им случалось встретить какого-нибудь убого одетого старика из горожан, один из них менялся с ним платьем – зрелище, казавшееся величественным. Те же юноши, щедро снабженные мелкими деньгами, замечая на площади людей бедных, но порядочных, останавливались подле них и молча вкладывали им в руку несколько монет.

Об этом, по-видимому, и вспоминает комический поэт Кратин в следующих стихах «Архилохов»:

И я молил, чтоб мне, писцу Метробию,
Дожить свой век при муже том божественном,
Что лучше всех досель рожденных эллинов, —
При Кимоне, который рад всегда гостям.
При нем и в старости жирел бы я. Но он
Покинул первым свет⁹⁹⁷.

Равным образом и леонтинец Горгий говорил, что Кимон приобрел имущество, чтобы пользоваться им, а пользовался им так, чтобы заслужить почет. А Критий, один из тридцати тираннов, говорит в своих элегиях, что хотел бы иметь

Столько богатств, как Скопады, великую щедрость Кимона,
И с Аркесилом числом славных сравниться побед.

Если спартанец Лих, как мы знаем, прославился среди греков единственно тем, что угощал обедами иноземцев во время гимнопедий⁹⁹⁸, то безграничная щедрость Кимона превзошла радушие и человеколюбие даже древних афинян⁹⁹⁹, которыми по праву гордится государство. Те распространили среди греков годные в пищу злаки, а также научили людей отыскивать ключевую воду и добывать огонь для своих нужд, Кимон же, сделавший из своего дома общий для всех граждан пританей¹⁰⁰⁰ и в поместьях своих предоставивший чужеземцам брать для их надобностей начатки поспевших плодов и все блага, какие приносят с собою разные времена года, как бы снова ввел в жизнь ту сказочную общность владения, которая была во времена Кроноса¹⁰⁰¹. Что же касается лиц, распространявших клевету, будто все это – не что иное, как желание угодить черни и своекорыстное

---

⁹⁹⁷ 16. *И я молил...* / *Покинул первым свет*. – Пер. С.А. Ошерова.

⁹⁹⁸ 17. *Гимнопедии* – спартанский праздник в честь Аполлона, с гимнастическими и музыкальными состязаниями.

⁹⁹⁹ 18. *...древних афинян...* – Намек на миф об элевсинском Триптолеме, воспитатнике Деметры, учившем людей хлебопашеству.

¹⁰⁰⁰ 19. *Пританей* – здание на городской площади, где получали бесплатный обед должностные лица и почетные граждане.

¹⁰⁰¹ 20. *...времена Кроноса...* (бога, царившего над миром до Зевса) – сказочный золотой век равенства и изобилия.

искательство народной благосклонности, то лучшей уликой против них служит образ мыслей Кимона, во всем остальном аристократический и спартанский. Ведь пошел же он рука об руку с Аристидом против Фемистокла, старавшегося больше, чем следует, возвысить демократию, и позже выступил противником Эфиальта из-за того, что тот в угоду народу старался уничтожить Ареопаг. Будучи свидетелем того, как все, за исключением Аристида и Эфиальта, жадно наживались за счет общественных доходов, сам он до конца дней своих остался неподкупным, незапятнанным взятками, бескорыстным и искренним во всем, что он делал или говорил. Вот, например, что о нем рассказывают. Какой-то варвар, по имени Ройсак, взбунтовался против царя и с большой суммой денег прибыл в Афины. Тут на него накнулись клеветники и доносчики, и, решившись искать защиты у Кимона, Ройсак поставил в дверях его, выходящих во двор, две чаши, наполненные одна – серебряными дарами, другая – золотыми. Увидя это и улыбнувшись, Кимон спросил варвара, кого он предполагает приобрести в Кимоне – наемника или друга. Тот ответил, что друга. «В таком случае ступай, – сказал ему Кимон, – и заberi с собой эти деньги. Став твоим другом, я воспользуюсь ими, когда мне это понадобится».

11. С течением времени союзники, продолжая вносить деньги в союзную казну, стали, вопреки принятым обязательствам, воздерживаться от поставки кораблей и людей и отказывались от участия в походах. Теперь, после того как персы удалились и больше их не тревожили, они не видели никакой нужды в войне и желали жить мирно, занимаясь земледелием, а потому и кораблей не снаряжали, и людей не посылали; афинские же стратеги, все, кроме Кимона, принуждали их к этому, непокорных привлекали к суду, подвергали карам и в результате сделали афинское господство ненавистным и тягостным. Но Кимон, занимая должность стратега, шел по пути, совершенно противоположному: силой никого из греков ни к чему не принуждал, а от нежелающих отбывать военную службу принимал деньги или порожние суда, предоставляя тем, кого прельщала спокойная жизнь, проводить время за хозяйственными делами и, безрассудно изнеживаясь, превращаться из людей воинственных в мирных земледельцев и торговцев. Афинян же он по очереди сажал многочисленными отрядами на корабли, закалял в походах и в скором времени сделал их, благодаря денежным средствам, поступавшим от союзников на содержание войска, господами самих плательщиков. Ибо, находясь постоянно в плавании, не выпуская из рук оружия, афиняне, благодаря нежеланию союзников служить, получали в походах военное воспитание и подготовку, а союзники, приучившись бояться афинян и лстить им, незаметно превратились в данников и рабов.

12. Поистине, никто не смирил и не умерил гордыни великого царя так, как это сделал Кимон. Ибо он не оставил царя в покое и после того, как тот удалился из Греции, но преследовал его чуть ли не по пятам и, не давая варварам ни передохнуть, ни расположиться лагерем, одни из их областей опустошал и покорял, другие склонял к отпадению и привлекал на сторону греков, так что вся Азия – от Ионии до Памфилии – была совершенно очищена от персидских войск. Получив известие, что царские военачальники расположились с большим войском и флотом близ пределов Памфилии, и решив дать им урок, который показал бы им, что вся часть моря, лежащая по эту сторону Ласточкиных островов, для них закрыта наглухо, Кимон спешно двинулся из Книда и Триопия на двухстах превосходных триерах, построенных Фемистоклом, которые с самого начала отличались быстротой хода и подвижностью. Теперь Кимон уширил их и соединил палубы мостками¹⁰⁰², чтобы, приняв на борт значительное число гоплитов, они обладали большею силой в бою. Приплыв к Фаселиде, жители которой хоть и были родом греки, но не приняли греческого флота и не пожелали отпасть от царя, Кимон опустошил их страну и приказал штурмовать город. Но плывшие вместе с Кимоном хиосцы, которые с давних пор были в дружбе с фаселитами,

¹⁰⁰² 21. ...соединил палубы мостками... – Триеры Фемистокла имели палубный настил для воинов только на носу и на корме, теперь же на переброшенных Кимоном мостках они могли размещаться вдоль всего борта.

стали упрашивать его смириться и одновременно оповестили фаселитов о намерениях своего полководца, пуская через стены стрелы с привязанными к ним записками. В конце концов они примирили Кимона с фаселитами, причем последние обязались уплатить десять талантов, последовать за Кимоном и принять участие в походе против варваров.

Эфор утверждает, что царским флотом предводительствовал Тифравст, а пехотой – Ферендат; по свидетельству же Каллисфена, высшее начальствование над военными силами персов принадлежало Ариоманду, сыну Гобрия. Не желая вступать в битву с греками, Ариоманд, согласно Каллисфену, стал на якорь у реки Эвримедонта и поджидал там прибытия восьмидесяти финикийских кораблей, плывших к нему от острова Кипра. Решив покончить с врагом до их прибытия, Кимон вышел в море, готовый в случае, если бы неприятель не принял сражения, принудить его к этому силой. Персы же, чтобы уклониться от боя, сначала вошли в реку, но, как только афиняне двинулись за ними, выплыли им навстречу на шестистах судах, как пишет Фанодем, по Эфору же – на трехстах пятидесяти. Но ничего достойного таких огромных сил ими совершено не было, по крайней мере, на море: они тотчас повернули к берегу, передние прыгнули на землю и бросились бежать к выстроившейся поблизости пехоте, а те, которые были настигнуты греками, погибли вместе с кораблями. Какое множество вооруженных судов было у варваров, видно из того, что, хотя многие из них, естественно, ускользнули, а многие были совершенно разбиты, афиняне все же захватили двести кораблей.

13. Пехота персов спустилась к морю. С ходу высадиться и бросить утомленных боем греков против свежих и во много раз превосходящих их численностью сил неприятеля казалось Кимону делом сложным. Но, видя, что люди бодры духом, преисполнены мужества и горят желанием схватиться с варварами, он все же высадил на берег своих гоплитов. Еще не остывшие после жаркой морской битвы, они с громкими криками беглым шагом устремились на врага. Персы выдержали удар и встретили их храбро. Началась жестокая битва; в ней пало немало славных, доблестных и пользовавшихся высочайшим уважением афинян. После продолжительного сражения обратив варваров в бегство, афиняне убивали бегущих, а затем стали брать их в плен, захватывая заодно и палатки, полные всякого добра.

Кимон же, одержав, подобно искусному борцу на играх, в один день две победы и затмив сухопутным боем славу Саламина, а морским – подвиг при Платеях, присоединил к ним третью. Получив известие, что те восемьдесят финикийских триер, которые не успели к сражению, пристали к Гидру, он поспешно вышел в море – в то время как финикийские начальники, не имея никаких достоверных сведений о главных силах, все еще не верили слухам и пребывали в нерешительности. Теперь их охватил ужас, и они потеряли все свои корабли, причем погибла и большая часть людей.

Этот подвиг настолько смирил гордость царя, что он согласился заключить тот знаменитый мирный договор¹⁰⁰³, по которому персы обязались никогда не подходить к Греческому морю ближе, чем на расстояние дневного конского пробега, и не плавать на военных кораблях или судах с медными носами в водах между Темными скалами и Ласточкиными островами. Каллисфен., впрочем, говорит, что варвар такого договора не заключал, но на деле выполнял эти условия из страха, внушенного ему этим поражением, и так далеко отступил от пределов Греции, что Перикл с пятьюдесятью кораблями и Эфиальт всего лишь с тридцатью, даже миновав Ласточкины острова, не встретили за ними ни одного персидского военного судна. Однако ж в сборник постановлений Народного собрания, составленный Кратером, включена копия договора как существовавшего в действительности. Говорят даже, что по случаю этого события афиняне воздвигли алтарь Мира и оказывали

¹⁰⁰³ 22. ...*тот знаменитый договор... Ласточкины острова...* – Договор, завершивший греко-персидские войны, если и не является плодом патриотической фантазии историков, то был заключен не после Эвримедонта (мнимый «Кимонов мир»), а в 449 г. после битвы при Саламине Кипрском («Каллиев мир»). *Темные скалы*, выход из Босфора в Черное море (название – из мифа об аргонавтах), и *Ласточкины острова* у берегов Ликии – восточные границы Эгейского бассейна.

особые почести Каллию, участвовавшему в посольстве к царю.

После распродажи военной добычи народ не только приобрел средства на покрытие текущих расходов, но и получил возможность, благодаря все тому же походу, пристроить к Акрополю южную стену. Сообщают еще, что Длинные стены, так называемые «Ноги», были закончены постройкой позднее, но что первый их фундамент был прочно заложен Кимоном; работы пришлось вести в местах топких и болотистых, но трясины были завалены огромным количеством щебня и тяжелыми камнями, и все необходимые средства добывались и выдавались также Кимоном. Он же первый отвел и благоустроил места, где можно было проводить время в утонченных и достойных свободных граждан занятиях и беседах: городскую площадь он обсадил платанами, Академию же, до того лишенную воды и запущенную, превратил в обильно орошаемую рощу с искусно проведенными дорожками для бега и тенистыми аллеями. Эти места составили украшение города и в скором времени чрезвычайно полюбились афинянам.

14. Некоторые из персов относясь с пренебрежением к Кимону, который отплыл из Афин с ничтожно малым числом триер, не хотели покидать Херсонеса и призвали к себе на помощь фракийцев из внутренних областей. Но Кимон, напав на них с четырьмя кораблями, захватил у них тринадцать судов. Изгнав персов и победив фракийцев, он подчинил весь Херсонес власти афинского государства, а затем, сразившись на море с фасосцами, отпавшими от афинян, захватил тридцать три корабля, осадил и взял город, а сверх того, приобрел для афинян находившиеся по другую сторону пролива золотые рудники и овладел всеми бывшими под управлением фасосцев землями. Отсюда он легко мог бы напасть на Македонию и отторгнуть значительную часть ее. Считали, что он не захотел этого сделать, и обвинили его в том, что он вошел в соглашение с царем Александром и принял от него подарки. Враги объединились, и Кимон был привлечен к суду. Защищаясь перед судьями, Кимон говорил, что он связал себя узами гостеприимства и дружбы не с ионянами и не с фессалийцами, людьми богатыми, как это делали другие, чтобы за ними ухаживали и подносили им дары, а с лакедемонянами, любит и старается перенять их простоту, их умеренность жизни, никакого богатства не ценит выше этих качеств, но, сам обогащая государство за счет его врагов, гордится этим. Упоминая о процессе, Стесимброт рассказывает, что Эльпиника, решившись ходатайствовать за Кимона перед Периклом, как перед самым влиятельным из обвинителей, пришла к нему домой, а тот, улыбнувшись, заметил ей: «Стара ты стала, Эльпиника, чтобы браться за такого рода дела»; однако же в суде Перикл был очень снисходителен к Кимону и выступил против него только однажды, да и то как бы по обязанности.

15. Итак, на этот раз Кимон был оправдан. В остальные годы своей государственной деятельности он, находясь в Афинах, старался подчинить своему влиянию и обуздывать народ, выступавший против знати и стремившийся присвоить себе всю власть и силу. Но лишь только он отбыл с флотом в новый поход, народ, дав себе полную волю, нарушил весь порядок государственного управления и старинные постановления, которыми до того руководствовался, и во главе с Эфиальтом отнял у Ареопага все, за малыми исключениями, судебные дела, сделал себя хозяином судилищ и отдал город в руки сторонников крайней демократии; в это время уже вошел в силу и Перикл, примкнувший к народной партии. Поэтому, когда Кимон вернулся и, вознегодовав на оскорбление, нанесенное достоинству Ареопага, пытался вернуть ему судебные дела и восстановить то значение знати в государстве, какое она имела при Клисфене, объединившиеся противники подняли шум и стали подстрекать народ, повторяя все те же сплетни об отношениях Кимона с сестрой и обвиняя его в приверженности к Спарте. К этой же болтовне относится и следующий известный выпад Эвполида против Кимона:

...плохим

Он не был, хоть и был беспечным пьяницей,
Хоть часто ездил даже в Спарту ночевать,

Оставив Эльпинику в одиночестве.

Если Кимон, будучи беспечным пьяницей, взял столько городов и одержал столько побед, то не ясно ли, что, будь он воздержан и бдителен, ни до, ни после него не нашлось бы грека, превзошедшего его подвигами?

16. Впрочем, Кимон и в самом деле с юных лет был поклонником всего лаконского. Так, из двух сыновей-близнецов, рожденных от матери-клеиторянки¹⁰⁰⁴, одного он назвал Лакедемонянином, а другого – Элейцем, как о том пишет Стесимброт, и потому Перикл часто корил их происхождением с материнской стороны. Но Диодор Путешественник утверждает, что как эти двое, так и третий сын Кимона, Фессал, родились от Исодики, дочери Мегаклова сына Эвриптолема. Зато и возвысился он с помощью лакедемонян еще в ту пору, когда они вели борьбу с Фемистоклом и хотели, чтобы Кимон, несмотря на его юные годы, имел в Афинах большее значение и влияние. Да и афиняне сначала смотрели на это благосклонно, извлекая из расположения спартанцев к Кимону немалые выгоды. В первые годы роста их могущества, когда им так много приходилось заниматься делами военного союза, почет и уважение, оказываемые Кимону, их не раздражали, ибо почти все общегреческие дела они доводили до благополучного конца благодаря посредничеству того же Кимона, умевшего мягко обходиться с союзниками и угодного лакедемонянам. Но сделавшись сильнее, они стали выражать недовольство горячей приверженностью Кимона к спартанцам. К тому же сам он по всякому поводу восхвалял Лакедемон перед афинянами, в особенности когда ему приходилось упрекать их или побуждать к чему-нибудь. В этих случаях, пишет Стесимброт, он имел привычку говорить: «А вот спартанцы не таковы». Так навлекал на себя Кимон нерасположение и, пожалуй, даже вражду своих сограждан. Но из всех клевет, на него возводившихся, самая страшная, несомненно, была порождена следующими обстоятельствами.

В четвертый год царствования в Спарте Архидама, сына Зевксидама, произошло сильнейшее из всех сохранившихся в народной памяти землетрясений – такой силы, что земля лакедемонян во многих местах обрушилась в разверзшиеся пропасти, а некоторые из вершин Тайгета откололись. Весь город был обращен в развалины, все дома за исключением пяти, были разрушены землетрясением. Рассказывают, что юноши и мальчики занимались гимнастикой внутри портика, и за несколько мгновений до землетрясения около них показался заяц, и мальчики, как были натерты маслом, бросились, резвясь, вдогонку ему, а на оставшихся юношей обрушилось здание, и они все до единого погибли. Гробницу их и поныне называют Воздвигнутой землетрясением. Архидам, тотчас поняв, какая опасность угрожает государству, и видя, что граждане только тем и заняты, что стараются вынести из жилищ наиболее ценное имущество, велел протрубить сигнал, как будто бы наступал неприятель, дабы все, нимало не медля, собрались вокруг него с оружием в руках. Только это одно и спасло Спарту при тогдашних обстоятельствах: отовсюду с полей сбежались илоты с намерением захватить врасплох тех из спартанцев, которым удалось спастись; застав же их вооруженными и построенными в боевой порядок, они разбежались по городам, начали открытую войну и переманили на свою сторону немалое число перизков. Одновременно с ними напали на спартанцев и мессенцы. И вот, нуждаясь в помощи, лакедемоняне шлют в Афины Периклида, того самого, который, как Аристофан представляет его в комедии¹⁰⁰⁵, бледный, в пурпурном плаще, сидел у алтарей и молил прислать подмогу.

В то время как Эфиальт старался этому воспрепятствовать и заклинал народ не помогать спартанцам, чтобы не дать подняться городу, во всем противодействующему Афинам, а оставить его поверженным, с растоптанной в прах его гордыней, Кимон, как

¹⁰⁰⁴ 23. Клейторянки – из североаркадского города Клейтора.

¹⁰⁰⁵ 24. Аристофан... в комедии... – «Лисистрата», 1138 сл.

говорит Критий, ради лакедемонян поступившись возможностью возвеличить собственное отечество, склонил народ на свою сторону и выступил на помощь Спарте во главе большого отряда гоплитов. А Ион припоминает и слова, которыми Кимон больше всего подействовал на афинян: он предостерегал, как бы Эллада не стала хромой и афинское государство не осталось в упряжке одно, без своего напарника.

17. В Коринфе, через который Кимон, оказав помощь лакедемонянам, повел свое войско домой, его встретил Лахарт и стал упрекать за то, что он ввел в город вооруженные силы, не испросив предварительно согласия коринфян: всякий, мол, постучавшийся в чужую дверь входит в дом не раньше, чем его пригласит хозяин. «Однако ж вы, Лахарт, – заметил ему Кимон, – не постучались, а ворвались с оружием в руках, изрубив двери в щепки, к клеонянам и мегарянам¹⁰⁰⁶, считая, что более сильному все открыто». Так смело и кстати ответил он коринфянину и прошел с войском через город. Спартанцы же вторично призвали афинянина против засевших на Ифоме мессенцев и илотов, но, когда те явились, убоялись их смелости и славы и из всех союзников их одних отослали обратно, обвинив в склонности к переворотам. В гневе покинув Спарту, афиняне стали уже открыто выражать свое негодование против сторонников лакедемонян и, ухватившись за ничтожные поводы, изгнали Кимона посредством остракизма на десять лет, ибо таков был срок, в течение которого таким изгнанникам предписывалось жить вдали от родины.

Но когда лакедемоняне, возвращаясь из Дельф, освобожденных ими от фокейцев, расположились лагерем у Танагры и афиняне выступили, чтобы дать им решительный бой, Кимон в полном вооружении появился среди своих сограждан по филе Энеиде, готовый вместе с ними сражаться против лакедемонян. Однако Совет пятисот, узнав об этом, запретил военачальникам принимать его, напуганный криками недругов Кимона, утверждавших, будто тот хочет возмутить войско и ввести лакедемонян в город. И Кимон удалился, моля Эвтиппа из дема Анафлист и других своих товарищей, над которыми в наибольшей мере тяготело обвинение в приверженности к Спарте, твердо стоять в бою и подвигами своими оправдаться перед согражданами. А те, взяв его доспехи, поместили их посреди своего отряда, тесно сплотились друг с другом, и сто человек их пало в ожесточенном бою, оставив в афинянах чувство глубокой скорби и раскаяния в том, что несправедливо их обвиняли. После этого афиняне уже недолго гневались на Кимона, отчасти потому, вероятно, что хорошо помнили обо всем, что он для них сделал, отчасти же соображаясь с обстоятельствами. Победенные в большом сражении при Танагре и ожидая на лето похода против них пелопоннесцев, они вызвали из изгнания Кимона¹⁰⁰⁷, и тот был возвращен постановлением Народного собрания по предложению Перикла. Таковы были тогда разногласия на государственном поприще и столь велика уравновешенность умов и готовность идти на уступки, когда дело касалось общего блага; даже честолюбие – страсть, господствующая над всеми чувствами, – отступало перед интересами отечества.

18. Итак, Кимон тотчас же по возвращении своем прекратил войну и примирил друг с другом враждующие государства. Но когда наступил мир, ему стало ясно, что афинянам не сидится на месте, что они намерены, постоянно оставаясь в движении, увеличивать свое могущество военными походами. Чтобы они не причиняли большого беспокойства грекам или, разъезжая на своих многочисленных судах вокруг островов и Пелопоннеса, не давали поводов к междоусобным войнам и к жалобам союзников на афинское государство, Кимон отплыл с двумястами триерами для вторичного похода против Египта и Кипра. Ему

¹⁰⁰⁶ 25. ...к клеонянам и мегарянам... – Клеоны (между Коринфом и Аргосом) были захвачены Коринфом в 460-х годах, Мегары постоянно враждовали с Коринфом.

¹⁰⁰⁷ 26. ...вызвали из изгнания Кимона... – Это, как и весь рассказ о появлении Кимона при Танагре, – олигархическая легенда; в действительности Кимон пробыл в изгнании весь десятилетний срок 461—451 гг. (битва при Танагре – 457 г.).

хотелось, чтобы афиняне и закалялись в боях с варварами, и извлекали бы из этого законную пользу, привозя в Грецию богатства своих природных врагов. И вот, когда все уже было подготовлено и войско стояло у кораблей, Кимон увидел сон. Ему представилось, что на него злобно лает сука и, вперемежку с лаем, произносит такие слова:

Ну, поспешай! Это будет на радость и мне, и щенятам.

Столь непонятное видение было истолковано другом Кимона, посидонийцем Астифилом, обладавшим даром прорицателя, в том смысле, что оно предвещает ему смерть. Рассуждал он так. Собака, лающая на человека, – враг ему, а врагу ничем нельзя больше удружить, как своею смертью, смешение же лая с человеческой речью показывает, кто неприятель: это персы, ибо персидское войско представляет собой смесь греков и варваров. Затем, когда после своего видения Кимон приносил жертву Дионису, а жрец рассекал жертвенное животное, муравьи, собравшись во множестве, стали хватать сгустки крови и переносить их к Кимону; их долго никто не замечал, и понемногу они облепили этими сгустками большой палец его ноги. И случилось так, что в тот миг, когда Кимон это увидел, подошедший жрец показал ему печень, у которой не оказалось верхней части. Но так как отказаться от похода было уже невозможно, Кимон отплыл и, послав шестьдесят судов в Египет, с остальными двинулся к Кипру. Там он разбил царский флот, состоявший из финикийских и киликийских кораблей, и покорил окрестные города. Не упускал он из вида и Египта, задумав не более и не менее как полный разгром Персидской державы. К этому он особенно стремился по той причине, что ему стало известно, сколь великой славой и влиянием пользуется у варваров Фемистокл, обязавшийся перед царем в случае похода на греков принять на себя командование его войсками. В действительности же, как говорят, Фемистокл, не надеясь взять верх над счастьем и доблестью Кимона, оставил всякую мысль об успешных действиях против греков и добровольно покончил с собой. А Кимон, замысливший обширные военные планы и державший свой флот в водах Кипра, отправил посланцев к оракулу Аммона, поручив испросить у бога некое тайное прорицание, ибо никто не знает, для чего именно они были посланы, и бог ничего не изрек им в ответ, а сразу по прибытии повелел удалиться, так как сам Кимон находится-де уже при нем. Повинуясь повелению, посланцы сошли к морю и, прибыв в лагерь греков, находившийся тогда у границы Египта, узнали, что Кимон умер. Исчислив, сколько дней прошло после того, как бог отослал их назад, они поняли, что слова его заключали намек на кончину этого мужа, уже пребывавшего тогда у богов.

19. Скончался Кимон при осаде Кития, по свидетельству большинства авторов – от болезни, по мнению же некоторых из них – от раны, которую получил в бою с варварами. Умирая, он приказал своим сподвижникам немедленно отплыть, скрывая его смерть, что и было исполнено; ни враги, ни союзники ни о чем не догадывались, афиняне же благополучно возвратились «под начальством Кимона, за тридцать дней до того умершего», как выразился Фанодем.

После смерти Кимона уже ни один из греков, предводительствовавших войсками, не совершил ничего блестящего в борьбе с варварами. Они оказались во власти своекорыстных искателей народной благосклонности и разжигателей междоусобных войн, и не было никого, кто содействовал бы их примирению; поэтому они бросились, очертя голову, в борьбу, тем самым дав царю передышку и причинив несказанный ущерб могуществу греков. Лишь много спустя Агесилай и его военачальники вступили с войском в Азию, но и они недолго воевали с персидскими полководцами, господствовавшими над приморской областью, не совершили ничего блестящего и великого и, вовлеченные в водоворот возникших в Греции новых распр и волнений, ушли, оставив в союзных и дружественных городах персидских сборщиков податей, тогда как при Кимоне, когда он был стратегом, ни один персидский гонец не спускался на побережье, ни один конный не показывался ближе, чем в четырехстах стадиях от моря.

Что останки Кимона были действительно перевезены в Аттіку, о том свидетельствуют памятники, которые и поныне называются Кимоновыми. Однако и китийцы, как уверяет оратор Навсикрат, чтут какую-то Кимонову могилу, ибо однажды, в годину голода и неурожая, бог повелел им не пренебрегать памятью Кимона, но оказывать ему знаки благоговения, как высшему существу, и почитать его.

Лукулл

[перевод С.С. Аверинцева]

1. Дед Лукулла¹⁰⁰⁸ занимал некогда должность консула, а Метелл Нумидийский приходился ему дядей по матери. Что касается, однако, его родителей, то отец его был уличен в казнокрадстве, а мать, Цецилия, слыла за женщину дурных нравов. Сам Лукулл в молодые годы, прежде чем вступить на поприще государственной деятельности, добиваясь какой-либо должности, начал с того, что привлек к суду обвинителя своего отца, авгура Сервилия, уличая его в должностном злоупотреблении. Римлянам такой поступок показался прекрасным, и суд этот был у всех на устах, в нем видели проявление высокой доблести. Выступить с обвинением даже без особого к тому предлога вообще считалось у римлян делом отнюдь не бесславленным, напротив, им очень нравилось, когда молодые люди травили нарушителей закона, словно породистые щенки – диких зверей. Во время этого суда страсти так разгорелись, что не обошлось без раненых и даже убитых; все же Сервилий был оправдан.

Лукулл выучился довольно искусно говорить на обоих языках, так что Сулла даже посвятил ему составленное им самим описание своих деяний¹⁰⁰⁹ с тем, чтобы Лукулл обработал и придал стройность этому повествованию. В самом деле, речь Лукулла была изящной и слово было послушно ему не только там, где того требовали нужды практической деятельности, не так, как у иных, речь которых волнует площадь,

Как моря гладь мутит тунец стремительный¹⁰¹⁰,

но вне площади становится «сухой и грубой, чуждой Музам». Нет, он еще в юные годы всей душой прилежал к той изощренной образованности, которую называют «вольной»¹⁰¹¹ и которая предметом своим имеет прекрасное. Когда же он достиг преклонных лет, то, отдыхая от многочисленных битв, целиком предался философии, пробуждая в себе склонность к умозрению, а честолюбивые стремления, вспыхнувшие вследствие ссоры с Помпеем, весьма вовремя унимая и подавляя. О его ученых занятиях, помимо сказанного, сообщают также вот что. В юности он в шутку (которая затем, однако, обернулась серьезным занятием) условился с оратором Гортензием и историком Сизенной, что напишет стихами

---

¹⁰⁰⁸ 1. Дед Лукулла ... – Тоже Луций Лициний Лукулл, первый в своем роду был консулом в 151 г.; отец Лукулла был наместником Сицилии в 102 г. (во время восстания рабов), там проворовался и был наказан изгнанием.

¹⁰⁰⁹ 2. ...описание своих деяний ... Сулла составил его на греческом языке, поэтому Плутарх очень широко им пользовался.

¹⁰¹⁰ 3. Как моря гладь мутит тунец стремительный ... – Стих из неизвестной трагедии.

¹⁰¹¹ 4. Вольной (досузей) – т.е. достойной свободного человека, которому не приходится своими знаниями зарабатывать на жизнь. Лукуллу посвятил Цицерон один из своих философских диалогов («Академика»).

или прозой, на греческом или латинском языке, как выпадет жребий, сочинение о войне с марсами. По-видимому, ему досталось писать прозой и по-гречески; какая-то история Марсийской войны на греческом языке существует и поныне.

Свою привязанность к брату Марку он обнаружил во множестве поступков, но римляне чаще всего вспоминают о самом первом из них: хотя Лукулл был старше, он не пожелал без брата добиваться какой-либо должности и решил ждать, покуда тот достигнет положенного возраста. Этим он настолько расположил к себе римлян, что в свое отсутствие был избран в эдилы вместе с братом.

2. Юношей, приняв участие в Марсийской войне, он сумел неоднократно выказать свою отвагу и сметливость. За эти качества и еще больше за постоянство и незлобивость Сулла приблизил его к себе и с самого начала постоянно доверял ему поручения особой важности; к их числу принадлежал, например, надзор за монетным делом. Во время Митридатовой войны бо льшая часть монеты в Пелопоннесе чеканилась под наблюдением Лукулла и в честь его даже получила наименование «Лукулловой». Ею оплачивались необходимые закупки для военных нужд, и она быстро разошлась, а после долго имела хождение.

Когда Сулла оказался в таком положении, что, засев в Афинах, он господствовал на суше, но на море хозяйничали враги, отрезая ему возможность подвоза продовольствия, он отправил Лукулла в Египет и Ливию, чтобы тот привел оттуда суда. Было это в самый разгар зимних бурь; на трех легких греческих суденышках и стольких же родосских ладьях с двумя рядами весел Лукулл пустился в открытое море, навстречу вражеским кораблям, которые повсюду во множестве бороздили море, пользуясь численным преимуществом. Все же ему удалось достигнуть Крита и привлечь его на свою сторону. Затем он явился избавителем для киренцев, город которых был приведен в тяжелое состояние беспрестанными смутами и войнами, и упорядочил их государственный строй, заставив киренцев припомнить одно изречение Платона, с которым тот некогда пророчески к ним обратился. Дело, кажется, происходило так: когда они просили философа составить для них законы и сделать из их народа своего рода образец разумно устроенного государства, он ответил, что трудно быть законодателем у киренцев, покуда они пользуются таким благополучием. В самом деле, никто не может быть строптивее человека, которому кажется, что ему улыбается удача; напротив, никто не повинуется приказу с такой готовностью, как тот, кто смирен судьбою. Так было и на этот раз, и киренцы послушно приняли законы, данные им Лукуллом.

Оттуда он отплыл в Египет. По дороге на римлян напали пираты, и Лукулл потерял бо льшую часть своих судов, но сам спасся и торжественно высадился в Александрии. Навстречу ему вышел весь флот в великолепном убранстве, как это принято при возвращении царя. Юный Птолемей, наряду с другими знаками исключительного внимания к гостю, предоставил ему кров и стол в своем дворце; до того времени туда не допускался еще ни один чужеземный полководец. Средства на его содержание были отпущены вчетверо большие, чем обыкновенно, однако Лукулл не принимал ничего сверх необходимого. Он отказался также и от присланного царем подарка – а тот стоил целых восемьдесят талантов! По рассказам, он не стал ни посещать Мемфис, ни осматривать другие прославленные достопримечательности Египта, заметив, что это прилично делать досужему путешественнику, разъезжающему в свое удовольствие, а не тому, кто, как он, оставил своего полководца в палатке, в открытом поле, неподалеку от укреплений врага.

3. От союза с римлянами Птолемей, страшась войны, уклонился. Однако он предоставил Лукуллу суда, которые сопровождали его до Кипра, а при отплытии преподнес ему в знак своего расположения и почтения оправленный в золото смарагд огромной цены. Лукулл поначалу вежливо отказывался, но когда царь показал ему, что на камне вырезано его собственное изображение, Лукулл остерегся отвергать дар, чтобы не рассориться с Птолемеем окончательно и не стать на море жертвой его козней:

Он поплыл вдоль берега и набрал в приморских городах, кроме тех из них, что принимали участие в пиратских беззакониях, множество кораблей и с ними прибыл на Кипр.

Там он узнал, что неприятели укрылись в засаде у мысов и поджидают его; тогда он распорядился вытащить на берег все суда и обратился к городам с просьбой приготовить зимние квартиры и продовольствие, как будто намеревался задержаться на Кипре до весны. Но как только задул попутный ветер, он неожиданно велел спустить корабли на воду и отплыл; днем он шел с подвязанными и спущенными парусами, ночью – на всех парусах. Таким образом он благополучно достиг Родоса. У родосцев он получил корабли, а граждан Коса и Книда уговорил изменить царю и вместе идти на самосцев. Хиос он своими силами очистил от царских войск, освободил колофонян и схватил их тиранна Эпигона.

В это самое время Митридат уже сдал Пергам и вынужден был запереться в Питане. Там его окружил и осадил с суши Фимбрия, так что царь обратил свои взоры к морю; оставив даже мысль о том, чтобы продолжать борьбу с таким решительным и победоносным противником, как Фимбрия, он начал отовсюду собирать и призывать к себе свои суда. Фимбрия видел все это, но у него не хватало морских сил, поэтому он послал к Лукуллу, упрасывая его прийти со своими кораблями и помочь изловить самого ненавистного и враждебного из царей, чтобы не ушла от римлян эта драгоценная добыча, ради которой было принято столько ратных трудов, – Митридат, который уже попал в западню и окружен тенетами! Когда он будет захвачен, продолжал Фимбрия, никому не достанется большей славы, нежели тому, кто заградил ему выходы и настиг при бегстве. Если он, Фимбрия, будет теснить Митридата с суши, а Лукулл запрет его с моря, то честь победы будет принадлежать им двоим, а хваленые победы Суллы у Орхомена и под Херонеей римляне не будут ставить ни во что.

Слова Фимбрии были далеко не лишены смысла; напротив, всякому ясно, что послушайся его тогда Лукулл, приведи он в Питану свои корабли (они и находились-то неподалеку) и замкни гавань – войне пришел бы конец и мир был бы избавлен от бесчисленных бед. Но Лукулл, по-видимому, ставил свой долг перед Суллой превыше как своего собственного, так и государственного блага. Возможно также, что он не желал иметь ничего общего с Фимбрией, этим негодяем, который недавно из властолюбия убил своего друга и полководца, а может быть, на то была воля божества, чтобы он спас Митридата – своего будущего противника. Как бы то ни было, он не принял этого предложения, так что Митридат смог уплыть, смеясь над Фимбрией и его войском. Сам Лукулл сначала разбил в морском сражении при Лекте Троадском встретившиеся ему царские корабли. Затем он заметил, что у Тенедоса стоят на якоре превосходящие силы Неоптолема, и двинулся на них во главе своих судов на родосской пентере, которую вел Дамагор, человек, преданный римлянам и весьма опытный в морских сражениях. Когда Неоптолем стремительно поплыл навстречу и приказал своему кормчему таранить корабль Лукулла, Дамагор, опасаясь тяжести царского корабля с его окованным медью носом, не решился принять удар носовой частью, но стремительным движением повернул корабль и подставил под таран корму. Удар был нанесен, но не причинил судну вреда, так как не задел его подводную часть. Тем временем подоспели на помощь свои, и Лукулл велел снова повернуть на врагов; совершив немало достопамятных подвигов, он обратил врагов в бегство и пустился в погоню за Неоптолемом.

4. Оттуда он направился на соединение с Суллой, который уже стоял под Херсонесом и готовился переправиться в Малую Азию. Лукулл обеспечил безопасность переправы и помог перевезти войска. Когда затем, по заключении мира, Митридат отплыл в обратный путь Понтом Эвксинским, а Сулла наложил на Азию штраф в двадцать тысяч талантов, сбор этих денег и чеканка монеты были поручены Лукуллу. Надо полагать, это явилось для городов, испытавших на себе жестокость Суллы, некоторым утешением, ибо, исполняя столь неприятную и суровую обязанность, Лукулл выказал себя не только бескорыстным и справедливым, но и человечным.

С митиленцами, которые осмелились на явную измену, он тоже хотел было обойтись

мягко, назначив им умеренное наказание за то, что они сделали с Манием¹⁰¹². Когда же он увидел, что они упорствуют в своем безумии, он двинулся на них с моря, одолел в сражении, запер в городских стенах и начал осаду. Вскоре, однако, он среди бела дня, у всех на глазах, удалился в Элею – чтобы незаметно вернуться и притаиться в засаде близ города. И вот, когда митиленцы дерзко и без всякого порядка вышли, надеясь беспрепятственно разграбить пустой лагерь, он ударил на них, великое множество взял в плен, пятьсот мятежников перебил в бою и захватил шесть тысяч рабов и несметную добычу.

Волею богов дела задерживали Лукулла в Азии, и он остался непричастен к тем ужасам, которые щедро и на разные лады творили в Италии Сулла и Марий. Это не помешало Сулле питать к нему не меньшее благоволение, нежели к кому бы то ни было другому из своих друзей, и в знак своей привязанности он посвятил Лукуллу, как уже было сказано, свои «Воспоминания», а умирая, в завещании назначил его опекуном своего сына, обойдя Помпея. Кажется, именно это послужило первой причиной для ревнивой зависти и раздора между Лукуллом и Помпеем – ведь оба были еще молодыми людьми, загорающимися при мысли о славе.

5. Вскоре после кончины Суллы, около сто семьдесят шестой олимпиады¹⁰¹³, Лукулл вместе с Марком Коттой был избран консулом. В ту пору многие стремились снова разжечь войну с Митридатом, и Марк сказал о войне, что она «не умерла, а только задремала». Поэтому Лукулл был огорчен, когда ему досталась в управление Галлия, лежащая по сю сторону Альп, где не представлялось возможности совершить что-нибудь значительное. Всего же более тревожила его слава, завоеванная Помпеем в Испании¹⁰¹⁴: сумеет только тот покончить с Испанской войной, и наверняка его, и никого другого, тотчас изберут полководцем для войны с Митридатом. Когда Помпей потребовал денег и написал, что, если ему ничего не пришлют, он оставит Испанию и Сертория и отведет войска в Италию, Лукулл с великой охотой содействовал высылке денег, лишь бы тот ни под каким видом не возвращался во время его консульства: если бы тот явился с таким огромным войском, все государство оказалось бы в его руках! Вдобавок Цетег, человек, пользовавшийся тогда наибольшим влиянием в государстве, ибо словом и делом угождал толпе, относился к Лукуллу довольно враждебно, потому что тому были омерзительны его постыдные любовные похождения, его наглость и распушенность. С ним Лукулл вступил в открытую борьбу, в то время как Луция Квинтия, другого народного вожака, который восстал против установлений Суллы и пытался насильственно изменить государственный строй, он многочисленными частными беседами и публичными увещаниями убедил отказаться от своих планов и унять свое честолюбие; так, действуя как можно более сдержанно, он к величайшей пользе для государства пресек страшную болезнь при самом ее возникновении.

6. Тем временем пришло известие, что Октавий, правитель Киликии, умер. Многие жаждали получить эту провинцию и заискивали перед Цетегом как перед человеком, который более, чем кто-либо иной, мог в этом помочь. Лукулла сама по себе Киликия не очень привлекала, но он рассчитывал, что если она достанется ему, то рядом окажется Каппадокия, и тогда уже никого другого воевать с Митридатом не пошлют. Поэтому он пустил в ход все средства, лишь бы никому не уступить эту провинцию, и кончил тем, что под гнетом обстоятельств, изменив собственной природе, решился на дело недостойное и

¹⁰¹² 5. ...с Манием . – Аквилем, консулом 101 г. (подавителем сицилийского восстания рабов); разбитый Митридатом, он бежал в Митилены, был выдан Митридату и казнен им.

¹⁰¹³ 6. ...около сто семьдесят шестой олимпиады ... – В 76—73 гг. (консульство Лукулла и Котты – 74 г.). Счет лет по олимпиадам иногда использовался греческими историками (с III в.) для удобства хронологии, но никогда не употреблялся в государственных документах.

¹⁰¹⁴ 7. Помпеем в Испании – в войне с Серторием.

непохвальное, однако ж весьма полезное для достижения его цели. Жила тогда в Риме некая Преция, которая была известна всему городу своей красотой и наглостью. Вообще-то она была ничем не лучше любой женщины, открыто торгующей собой, но у нее было умение использовать тех, кто посещал ее и проводил с ней время, для своих замыслов, касавшихся государственных дел и имевших в виду выгоду ее друзей. Благодаря этому в придачу к прочим своим притягательным свойствам она приобрела славу деятельного ходатая за своих поклонников, и ее влияние необычайно возросло. Когда же ей удалось завлечь в свои сети и сделать своим любовником Цетег, который в это время был на вершине славы и прямо-таки правил Римом, тут уже вся мощь государства оказалась в ее руках: в общественных делах ничто не двигалось без участия Цетег, а у Цетег – без приказа Преции. Так вот ее-то Лукуллу удалось привлечь на свою сторону подарками или заискиванием (впрочем, для этой надменной и тщеславной женщины сама по себе возможность делить с Лукуллом его честолюбивые замыслы казалась, вероятно, чрезвычайно заманчивой). Как бы то ни было, Цетег сразу принялся всюду восхвалять Лукулла и сосватал ему Киликию. Но стоило Лукуллу добиться своего – и ему уже не было нужды в дальнейшем содействии Преции или Цетег: все сограждане в полном единодушии поручили ему Митридову войну, считая, что никто другой не способен лучше довести ее до конца: Помпей все еще бился с Серторием, Метелл был слишком стар, – а ведь только этих двоих и можно было считать достойными соперниками Лукулла в борьбе за звание полководца. Тем не менее и Котта, товарищ Лукулла по должности, после долгих и настоятельных просьб в сенате был послан с кораблями для охраны Пропонтиды и для обороны Вифинии.

7. И вот Лукулл во главе легиона, который он сам набрал в Италии, переправился в Малую Азию. Там он принял командование над остальными силами. Все войско было давно испорчено привычкой к роскоши и жадой наживы, а особенно этим отличались так называемые фимбрианцы, которых совсем невозможно было держать в руках: сказывалась привычка к безначалию! Ведь это они во главе с Фимбрией убили своего консула и полководца Флакка, а затем и самого Фимбрию предали Сулле. Все это были люди строптивые и буйные, хотя в то же время храбрые, выносливые и обладавшие большим военным опытом. Однако Лукуллу удалось в короткое время сломить дерзость фимбрианцев и навести порядок среди остальных. Должно быть, им впервые пришлось тогда столкнуться с настоящим начальником и полководцем, ведь до сей поры перед ними заискивали, приучая их обращать воинскую службу в забаву.

Между тем дела у врагов обстояли следующим образом. Поначалу, когда Митридат двинул на римлян свое войско, изнутри прогнившее, хотя на первый взгляд блистательное и горделивое, он был, словно шарлатаны-софисты, хвастлив и надменен, но затем с позором пал. Однако неудача прибавила ему ума. Задумав начать войну во второй раз, он ограничил свои силы и их вооружение тем, что было действительно нужно для дела. Он отказался от пестрых полчищ, от устрашающих разноязыких варварских воплей, не приказывал больше готовить изукрашенного золотом и драгоценными камнями оружия, которое прибавляло не мощи своему обладателю, а только жадности врагу. Мечи он велел ковать по римскому образцу, приказал готовить длинные щиты и коней подбирал таких, что хоть и не нарядно разубраны, зато хорошо выучены. Пехоты он набрал сто двадцать тысяч и снарядил ее наподобие римской; всадников было шестнадцать тысяч, не считая серпоносных колесниц. К этому он прибавил еще корабли, на сей раз без раззолоченных шатров, без бань для наложниц и роскошных покоев для женщин, но зато полные оружием, метательными снарядами и деньгами. Закончив эти приготовления, царь вторгся в Вифинию. Города снова встречали его с радостью, и не только в одной Вифинии: всю Малую Азию охватил приступ прежнего недуга, ибо то, что она терпела от римских ростовщиков и сборщиков податей, переносить было невозможно. Впоследствии Лукулл прогнал этих хищных гарпий, вырывавших у народа его хлеб, но первоначально он лишь увещевал их, призывая к умеренности, чем и удерживал от полного отпадения общины, из которых, можно сказать, ни одна не хранила спокойствия.

8. Пока Лукулл был занят этими делами, Котта решил, что настал его счастливый час, и начал готовиться к битве с Митридатом. Приходили вести, что Лукулл подходит и уже остановился во Фригии, и вот Котта, воображая, что триумф почти что в его руках, и боясь, что придется делить славу с Лукуллом, поторопился со сражением – и достиг того, что в один день был разбит и на суше, и на море, потеряв шестьдесят судов со всеми людьми и четыре тысячи пехотинцев. Сам он был заперт и осажден в Халкедоне, так что ему оставалось ждать избавления только от Лукулла. Тогда стали раздаваться голоса, призывавшие Лукулла бросить Котту на произвол судьбы, идти вперед и захватить Митридастовы владения, пока они лишены защитников. Такие речи вели главным образом солдаты, досадовавшие, что Котта своим безрассудством не только навлек злую погибель на себя и своих подначальных, но и для них становится помехой как раз тогда, когда они могли бы выиграть войну без единой битвы. Однако Лукулл выступил перед солдатами с речью, в которой заявил, что предпочел бы вызволить из рук врагов хоть одного римлянина, нежели завладеть всем достоянием вражеским. Архелай (тот, что возглавлял войска Митридата в Беотии, но затем отложился от него и перешел на службу к римлянам) заверял, что стоит только Лукуллу появиться в Понтийском царстве, тотчас все оно окажется в его руках. Лукулл возразил, что он не трусливее обыкновенных охотников и не станет обходить зверя, чтобы идти войной на его опустевшее логово. После таких слов он двинулся на Митридата, имея в своем распоряжении тридцать тысяч пехотинцев и две с половиной тысячи конников.

Став лагерем в виду вражеских войск, он был поражен их многочисленностью и решил было в бой не вступать, а выиграть время, затягивая войну; однако Марий, военачальник Сертория, посланный им во главе отряда из Испании к Митридату, вышел навстречу Лукуллу и вызвал его на бой. Тот выстроил свои войска в боевой порядок, и противники уже вот-вот должны были сойтись, как вдруг, совершенно внезапно, небо разверзлось и показалось большое огненное тело, которое несло вниз, в промежуток между обеими ратями; по виду своему оно более всего походило на бочку, а по цвету – на расплавленное серебро. Противники, уstraшенные знаменем, разошлись без боя. Это случилось, как рассказывают, во Фригии, около места, которое называют Офрия. Лукулл рассчитал, что при любых приготовлениях и самых больших средствах долгое время обеспечивать пропитанием в непосредственной близости от врага такое множество солдат, какое было у Митридата, – выше сил человеческих. Он велел привести к себе одного из пленных и сначала спросил его, много ли товарищей было с ним в одной палатке, а затем – сколько в палатке было запасено продовольствия. Когда тот ответил, Лукулл велел ему уйти и подверг такому же допросу другого, третьего, затем сопоставил количество заготовленного продовольствия с числом едоков и пришел к выводу, что запасы врагов кончатся в три-четыре дня. Это окончательно убедило его, что спешить с битвой не следует. Он велел делать в лагере огромные запасы, чтобы можно было, вдоволь обеспечив себя, поджидать, когда нужда доведет врага до крайности.

9. Тем временем Митридат замыслил напасть на кизикийцев, которые уже понесли большие жертвы в сражении при Халкедоне, – они потеряли четыре тысячи солдат и десять судов. Желая скрыть свои действия от Лукулла, он двинулся немедленно после ужина, темной и ненастной ночью, а на рассвете уже расположил свои силы перед городом, под горой Адрастии. Лукулл, узнав об этом, отправился за ним следом. Довольный тем, что не пришлось столкнуться с неприятелем, еще не успев выстроить своих в боевой порядок, он разместил солдат лагерем возле деревни, название которой было Фракия; по природным качествам эта позиция наилучшим образом обеспечила господство над местностью и дорогами, по которым только и могло идти продовольствие солдатам Митридата. Предвидя в своих расчетах будущее, он не делал из них тайны, но когда лагерь был устроен и работы кончены, созвал солдат на сходку и гордо заявил, что через несколько дней добудет им бескровную победу.

Между тем Митридат окружил Кизик с суши десятью лагерями, занял кораблями пролив, отделяющий город от материка, и повел осаду с обеих сторон. Кизикийцы с полным

бесстрашием относились к опасности, твердо решившись вынести любые беды, но сохранить верность римлянам; однако они не знали, где находится Лукулл, и отсутствие всяких о нем сведений внушало им тревогу. Между тем его лагерь находился от них так близко, что был им прекрасно виден, но их вводили в обман воины Митридата, которые, показывая на римлян, раскинувших на возвышенном месте свои палатки, говорили: «Видите? Это армянские и мидийские войска, их прислал на помощь Митридату Тигран!» Осажденные приходили в ужас от того, что такое множество врагов окружает их, и начинали думать, что даже если бы Лукулл и пришел, он уже не смог бы им помочь. Первым сообщил им о близости Лукулла Демонакт, посланец Архелая. Ему они не поверили, думая, что он лжет, чтобы утешить их в бедствиях, но тут явился мальчик, захваченный врагами в плен и сумевший бежать, и когда они принялись его расспрашивать, не слышно ли, где Лукулл, он принял это за шутку и засмеялся, а поняв, что они спрашивают всерьез, показал рукой на римский лагерь. Тогда к кизикийцам вернулась бодрость.

По Даскилийскому озеру плавали довольно большие челны, и вот Лукулл велел вытащить самый большой из них на берег и довести на повозке до моря, а затем посадил в него столько воинов, сколько в нем поместилось. Ночью они незаметно переправились через пролив и пробрались в город.

10. Кажется, и само божество, благосклонно взирая на отвагу кизикийцев, старалось их ободрить, что проявилось как в иных очевидных знамениях, так в особенности в следующем. Когда наступил праздник Феррефаттий¹⁰¹⁵, у осажденных не было черной коровы для жертвы, и они вылепили из теста и поставили у алтаря ее изображение. Между тем посвященная богине корова, которую нарочно для этого откармливали, паслась, как и весь скот кизикийцев, на противоположном берегу пролива, однако в самый день празднества она покинула стадо, одна добралась вплавь до города и предоставила себя для жертвоприношения. Богиня сама явилась в сновидении городскому писцу Аристагору и молвила: «Вот, я пришла и веду на трубача понтийского флейтиста ливийского¹⁰¹⁶. Возвести же гражданам, чтобы они ободрились!» Кизикийцы дивились такому вещанию, между тем на заре подул резкий северный ветер, и море взволновалось. Осадные машины царя, дивные творения фессалийца Никонида, придвинутые к стенам города, своим шумом и лязгом первыми дали понять, что произойдет в ближайшем будущем. Затем с невероятной силой забушевал южный ветер, в короткое время он сокрушил все машины и среди прочих раскачал и повалил деревянную осадную башню в сотню локтей высотой. Рассказывают также, что многим жителям Илиона являлась во сне Афина. Богиня обливалась потом и, показывая свое разодранное одеяние, говорила, что только что пришла из Кизика, за граждан которого она билась. Илионцы даже показывают каменную плиту, на которой начертаны постановления и записи, касающиеся этого случая.

11. До сего времени Митридата обманывали его собственные полководцы, и он пребывал в неведении относительно голода, царившего в его лагере, досадуя на то, что кизикийцы все еще не сдаются. Но скоро настал конец его честолубивому и воинственному пылу: он узнал, какая нужда терзала его солдат, доводя их до людоедства. Да, Лукулл не превращал войну в зрелище и не стремился к показному блеску: как говорится, он бил врага по желудку и прилагал все усилия к тому, чтобы лишить его пропитания. Поэтому, когда Лукулл занялся осадой какого-то укрепления, Митридат поспешил воспользоваться случаем и отослал в Вифинию всю свою конницу вместе с обозом и наименее боеспособную часть пехоты. Как только Лукулл узнал об этом, он поспешил ночью прибыть в лагерь и ранним

¹⁰¹⁵ 8. ...праздник Феррефаттий ... – В честь Персефоны-Ферсефаты, которая считалась богиней-хранительницей Кизика. Подземным богам приносили в жертву животных темной масти.

¹⁰¹⁶ 9. ...на трубача понтийского флейтиста ливийского . – Т.е. против северного ветра – южный (в буквальном и переносном смысле: Митридат и Лукулл наступали с севера и с юга).

утром (было все это зимой) пустился в погоню во главе десяти когорт и конницы. Преследователи попали в снежную бурю и терпели немалые трудности. Многие солдаты из-за холода выбились из сил и отстали, но с оставшимися Лукулл настиг врагов у реки Риндака и нанес им такое поражение, после которого женщины из Аполлонии выходили за стены собирать поклажу Митридатовых солдат и грабить трупы. Убито было врагов в этом сражении, надо полагать, множество, а захватить удалось шесть тысяч коней, несметное количество вьючного скота и пятнадцать тысяч пленных. Всю эту добычу Лукулл провел мимо вражеского лагеря. Меня удивляет утверждение Саллюстия¹⁰¹⁷, будто римляне тогда впервые увидели верблюдов. Неужели он полагает, что ни войску Сципиона, победившему в свое время Антиоха, ни тем римским солдатам, которые незадолго до того бились с Архелаем под Орхоменом и при Херонее, не было случая познакомиться с этим животным?

Митридат решил отступать как можно скорее и, чтобы отвлечь внимание Лукулла и задержать его с тыла, послал в Греческое море флот под командою Аристоники. Лукулл изменой захватил последнего почти в миг его отплытия, а при нем десять тысяч золотых, которыми тот надеялся подкупить кого-нибудь в римском войске. После этого Митридат бежал морем, а войско начальники пехоты повели сушей. Лукулл ударил на отступающих около реки Граника, взял множество пленных и перебил двадцать тысяч. Говорят, что если считать вместе и обозных и воинов, то у врагов погибло немногим меньше трехсот тысяч человек.

12. После этого Лукулл вступил в Кизик и наслаждался заслуженными почестями и любовью граждан. Затем он двинулся вдоль Геллеспонта, набирая корабли. Прибыв в Троаду, он расположился на ночлег в храме Афродиты, и ночью, во сне, ему предстала богиня, которая молвила:

Лев могучий, что спишь? От тебя недалеко олени!

Лукулл поднялся, созвал друзей и рассказал им о своем видении. Еще не рассветало, когда из Илиона пришли с известием, что возле Ахейской гавани показалось тринадцать царских пентер, плывущих на Лемнос. Лукулл немедленно вышел в море, захватил эти суда, убив начальствовавшего над ними Исидора, а затем двинулся дальше – против остальных. Враги в это время стояли на якоре. Они подтянули все суда вплотную к берегу и принялись ожесточенно биться с палуб, нанося урон солдатам Лукулла. Место было такое, что оказалось невозможным обойти корабли неприятеля, а так как Лукулловы суда качались на волнах, а суда противника спокойно стояли на твердом дне, одолеть их прямым натиском также было немыслимо. С трудом удалось Лукуллу высадить своих отборных солдат в таком месте острова, где к берегу хоть как-то можно было пристать, и, ударив на врагов с тыла, они одних перебили, других принудили рубить канаты и спасаться, уходя в море, а там неприятельские суда сталкивались друг с другом и попадали под таран кораблей Лукулла. Множество врагов было убито, а в числе пленных оказался сам Марий – полководец, присланный Серториєм. Он был крив на один глаз, и еще перед нападением Лукулл отдал солдатам приказ не убивать одноглазых, чтобы Марий перед смертью претерпел поношение и позор.

13. Покончив с этим, Лукулл устремился в погоню уже за самим Митридатом. Он рассчитывал настигнуть его еще в Вифинии, где его должен быть запереть Воконий, посланный с кораблями в Никомедию, чтобы не дать царю бежать. Однако Воконий, занявшись посвящением в самофракийские таинства и торжествами по этому случаю, упустил время, и Митридат отплыл со своим флотом. Царь спешил уйти в воды Понта Эвксинского прежде, чем Лукулл за ним погонится, но его застигла сильная буря; часть судов она рассеяла, а прочие потопила, так что все взморье еще много дней было усеяно

¹⁰¹⁷ 10. ...утверждение Саллюстия ... – История, отр. III, 42.

обломками кораблей, которые выбрасывал прибой. Грузовое судно, на котором плыл сам Митридат, из-за своей величины не могло подойти к берегу, и кормчие остановили его в разбушевавшемся море, среди ярости волн, но и на воде оно уже не могло держаться, так как в трюм набралась вода, и царю пришлось перейти на легкое пиратское суденышко, доверив свою жизнь морским разбойникам. Этим опасным способом ему удалось, вопреки всякому ожиданию, благополучно достичь Гераклеи Понтийской.

Таким образом, судьба не покарала Лукулла за его похвальбу перед сенатом. Когда сенаторы постановили выделить на постройку военных судов три тысячи талантов, он воспротивился этому и высокомерно заверил их в письме, что и без таких затрат и хлопот, с одними только кораблями союзников сумеет прогнать Митридата с моря. Не без божественной помощи это удалось ему: говорят, что бурю на понтийский флот наслала Артемиды Приапская¹⁰¹⁸, гневаясь на ограбление своего храма и похищение кумира.

14. Многие советовали тогда Лукуллу на время прекратить военные действия; но он пренебрег этими советами и через Вифинию и Галатию вторгся во владения царя. Сначала он терпел недостаток в съестных припасах, так что тридцати тысячам галатов было приказано следовать за его войском и нести на плечах по медимну зерна, но он шел вперед, преодолевая все препятствия на своем пути, и дождался такого изобилия, что бык стоил в лагере драхму, раб – четыре драхмы, а прочую добычу вообще ни во что не ставили и либо бросали, либо уничтожали. В самом деле, сбыть ее товарищу воин не мог – у того ведь тоже было всего вдоволь. Однако вплоть до самой Фемискиры и долины Фермодонта и конники и пехотинцы могли производить разрушения и грабежи лишь в сельских местностях, а потому стали укорять Лукулла, что он приводит все города к подчинению мирным путем и не дает им случая нажиться, взяв хотя бы один из них приступом. «Ведь вот и теперь, – говорили воины, – мы легко могли бы взять Амис, этот цветущий и богатый город, стоит только живее взяться за осаду, но нам приходится все бросить, чтобы идти за этим человеком в Тибаренскую и Халдейскую глушь воевать с Митридатом!» Не думал Лукулл, что все это доведет солдат до такого безумия, до какого они дошли впоследствии, и оставлял подобные речи без внимания, пропуская их мимо ушей. Скорее он находил нужным оправдывать свои действия перед тем, кто, напротив, обвинял его в медлительности за то, что, задерживаясь возле маловажных селений и городов, он дает Митридату возможность накопить силы. «Это-то мне и нужно, – возражал он им, – я медлю с умыслом: пусть царь снова усилится и соберет достаточные для борьбы войска, так, чтобы он оставался на месте и не убегал при нашем приближении. Или вы не видите, что за спиной у него беспредельные просторы пустыни, а рядом – Кавказ, огромный горный край с глубокими ущельями, где могут найти защиту и прибежище хоть тысячи царей, избегающих встречи с врагом. К тому же от Кабир всего несколько дней пути до Армении, а в Армении царствует Тигран, царь царей, который со своей ратью преграждает парфянам дорогу в Малую Азию, а греческие городские общины переселяет в Мидию, который завладел Сирией и Палестиной, а царей из рода Селевка предаст смерти и уведет в неволю их жен и дочерей. И такой человек – родственник, зять Митридату! Уже если тот прибегнет к его защите, он не оставит его в беде и начнет с ними войну. Как бы нам, торопясь выгнать Митридата из его владений, не связаться на свою беду с Тиграном! Ведь он уже давно ищет предлога для войны с нами, а где же он найдет лучший, чем помочь в беде царственному родичу? К чему нам добиваться этого, зачем учить Митридата, к чьей помощи прибегнуть в борьбе против нас? Зачем загонять его в объятия Тиграна, когда он сам этого не хочет и считает за бесчестие? Не лучше ли будет дать ему время собрать собственные силы и снова воспрянуть духом – ведь тогда нам придется сражаться не с мидянами и армянами, а с колхами, тибаренами и каппадокийцами, которых мы много раз бивали!»

15. Таковы были соображения, по которым Лукулл долго стоял перед Амисом и не

---

¹⁰¹⁸ 11. *Артемиды Приапская* – чтимая в Приапе, городе на Пропонтиде близ устья Граника.

прилагал особого усердия к его осаде. Однако по окончании зимы он поручил осаду Мурене, а сам двинулся на Митридата, который в это время стоял в Кабирах, намереваясь там дать отпор римлянам. Царю удалось набрать около сорока тысяч пехотинцев и четыре тысячи всадников, на которых он возлагал особые надежды. Митридат перешел реку Лик и там, в долине, стал вызывать римлян на бой. Разыгралось конное сражение, и римляне бежали. Некий Помпоний, человек не безвестный, был ранен и попал в плен. Когда его, тяжело страдающего от ран, привели к Митридату и царь спросил его, станет ли он ему другом, если будет пощажен, Помпоний ответил: «Если ты заключишь с римлянами мир – да. Если нет – я враг!». Митридат подивился ему и не причинил ему никакого зла.

Лукулл боялся сойти на равнину, так как перевес в коннице был на стороне врагов, но идти длинной горной дорогой, по лесистым, труднопроходимым местам он тоже не решался. По счастью, к нему, привели нескольких греков, которые прятались в какой-то пещере, и старший среди них, Артемидор, обещал Лукуллу послужить ему проводником и доставить в такое место, где войско может безопасно расположиться лагерем и где есть небольшое укрепление, нависающее над Кабирами. Лукулл поверил ему и с наступлением ночи велел развести костры и трогаться в путь. Благополучно миновав узкие проходы, он занял укрепление, и на заре враги снизу увидели, что он разбивает лагерь прямо над ними, в таком месте, откуда может, если пожелает, на них напасть, а если решит сидеть спокойно, будет для них недостижим.

Ни та, ни другая сторона пока не намеревалась попытать удачу в битве. Но, как рассказывают, случилось так, что воины царя погнались за оленем, а наперерез им бросились римляне. Завязалась стычка, и к тем, и к другим на подмогу все время подходили товарищи, наконец, царские солдаты победили. Те римляне, которые из лагеря видели бегство своих товарищей, в негодовании сбежались к Лукуллу, упрашивая его вести их на врага и требуя подать сигнал к сражению. Но Лукулл решил показать им, чего стоит в трудах и опасностях войны присутствие умного полководца, и поэтому велел им не трогаться с места, а сам спустился на равнину и первым же беглецам, которые попались ему навстречу, приказал остановиться и идти с ним на врага. Те повиновались, а когда и остальные повернули назад и собрались все вместе, они без особого труда обратили врагов в бегство и гнались за ними до самого лагеря. Возвратившись к своему войску, Лукулл наложил на беглецов обычное в таких случаях позорное наказание: они должны были на глазах других воинов в одних туниках, без пояса, вырыть ров в двенадцать футов длиной.

16. Был в войске Митридата некто Олтак, из дандарийских правителей; дандарии – это одно из варварских племен, что живут по берегам Мэотиды. Человек этот в бою выделялся незаурядную силу и отвагу, мог подать совет в самых важных делах и к тому же отличался приятным обхождением и услужливостью. И вот этот Олтак постоянно вел ревнивый спор о первенстве с одним из единоплеменных правителей, что и побудило его обещать Митридату совершить великое деяние – убить Лукулла. Царь одобрил этот замысел и для вида несколько раз оскорбил Олтака, чтобы тому легче было разыграть ярость, после чего Олтак на коне перебежал к Лукуллу. Тот принял его с радостью и вскоре, испытав на деле его сметливость и готовность услужить, настолько привязался к нему, что иногда допускал его к своей трапезе и на совещания с военачальниками. Наконец дандарий решил, что благоприятный миг настал. Он велел слугам вывести своего коня за пределы лагеря, а сам в полдень, когда солдаты отдыхали, пошел к палатке полководца, рассчитывая, что никто не помешает ему войти: ведь он уже стал своим человеком и к тому же он может сказать, что у него важные вести. Он бы и вошел беспрепятственно, если бы Лукулла не спасло то, что стольких полководцев сгубило, – сон. Как раз в это время Лукулл задремал, и Менедом, один из его слуг, стоявший у дверей, заявил Олтаку, что тот пришел не вовремя: Лукулл только что заснул после тяжелых трудов и множества бессонных ночей. Олтак не послушался его и не ушел, сказав, что войдет и без спроса: ему-де нужно переговорить об очень нужном и важном деле. Тут Менедом рассердился и со словами: «Нет дела важнее, чем беречь Лукулла!» – вытолкал обеими руками надоедливое дандария. Тот, в страхе, тихонько

выбрался из лагеря, сел на коня и вернулся в Митридатов лагерь, так ничего и не сделав. Вот так и дела человеческие, подобно снадобьям, получают спасительную или губительную силу в зависимости от обстоятельств.

17. Вскоре после этого Сорнатий с десятью когортами был отправлен на поиски продовольствия. За ним погнался Менандр, один из полководцев Митридата, но Сорнатий вступил с ним в бой, нанес ему немалый урон и обратил врагов в бегство. Затем, чтобы солдаты имели хлеб в полном изобилии, был снова отряжен с войсками Адриан. Митридат не оставил этого без внимания и выслал против него значительные пешие и конные силы под предводительством Менемаха и Мирона, однако, говорят, все они, кроме двоих человек, были изрублены римлянами. Митридат пытался скрывать размеры этой беды: просто-де его полководцы по неопытности своей потерпели небольшую неудачу. Но когда Адриан торжественно прошествовал мимо его лагеря в сопровождении множества повозок, груженных продовольствием и боевой добычей, царь впал в уныние, а его солдат охватили смутнение и неодолимый страх. Тогда было решено немедленно отступать. Царские служители заблаговременно начали потихоньку вывозить свое имущество, а другим не давали этого делать. Солдаты пришли в ярость, столпились у выхода из лагеря и начались бесчинства: имущество расхищалось, а владельцев предавали смерти. Полководцу Дорилаю, у которого только и было, что пурпурное платье на плечах, пришлось из-за него погибнуть, жреца Гермия насмерть затоптали в воротах. Сам Митридат, брошенный всеми своими прислужниками и конюхами, смешался с толпой и насилу выбрался из лагеря. Он даже не смог взять из царских конюшен коня, и лишь позднее евнух Птолемей, заметив его в потоке бегущих, прыгнул со своей лошади и уступил ее царю. В это время римляне уже напирали сзади и гнались за царем с такой быстротой, что вполне могли бы его захватить. Но когда они были совсем близко от цели, эта добыча, за которой так долго охотились, претерпевая тяжкие труды и великие опасности, из-за алчности и корыстолюбия солдат ускользнула от римлян, и Лукулл, уже победив, лишился победного венка! Дело было так. Погоня уже настигла было коня, уносившего Митридата, как вдруг между царем и преследователями оказался один из мулов, на которых везли золото: может быть, он попал туда случайно, а возможно, царь с умыслом подsunул его римлянам. Солдаты стали расхватывать поклажу мула, и пока они подбирали золото и дрались между собою, время было упущено. То был не единственный плод их алчности, горечь которого довелось тогда вкусить Лукуллу. Когда был взят в плен Каллистрат, поверенный тайн царя, солдатам было приказано отвести его в лагерь живым, но по дороге они заметили у него в поясе пятьсот золотых и убили его. Несмотря на это, Лукулл отдал им неприятельский лагерь на разграбление.

18. Когда Кабирь и почти все остальные крепости были взяты, в руках Лукулла оказались богатые сокровищницы, а также темницы, в которых было заточено множество греков и немало царевых родичей; все они уже давно считали себя погибшими, и Лукулл мало сказать принес им избавление – он воскресил их и вернул к жизни. Этому спасительному пленению подверглась в числе прочих и сестра Митридата Нисса, в то время как его жены и другие сестры, пребывавшие близ Фарнакии, казалось бы, вдали от бед, в полной безопасности, погибли жалким образом. Во время бегства Митридат послал к ним евнуха Бакхида, чтобы тот предал их смерти. Среди многих других женщин там были две сестры царя – Роксана и Статира, досидевшие в девицах до сорока лет, и две его жены, родом ионянки, – Береника с Хиоса и Монима из Милета. О последней особенно много говорили в Греции: когда в свое время царь домогался ее благосклонности и послал ей пятнадцать тысяч золотых, она на все отвечала отказом, пока он не подписал с ней брачный договор и не провозгласил ее царицей, прислав диадему. Она проводила дни свои в скорби и кляла свою красоту, которая дала ей господина вместо супруга и варварскую темницу вместо замужества и домашнего очага, заставила жить вдали от Греции, только во сне видя то счастье, на которое она понадеялась и на которое променяла подлинные блага эллинской жизни. Когда явился Бакхид и велел женщинам самим умертвить себя тем способом, который каждая из них сочтет самым легким и безболезненным, Монима сорвала с головы

диадему, обернула ее вокруг шеи и повесилась, но тут же сорвалась. «Проклятый лоскут, – молвила она, – и этой услуги ты не оказал мне!» Плюнув на диадему, она отшвырнула ее и подставила горло Бакхиду, чтобы он ее зарезал. Береника взяла чашу с ядом, но ей пришлось поделиться им со своей матерью, которая была рядом и попросила ее об этом. Они испили вместе, но силы яда достало только на более слабую из них, а Беренику, выпившую меньше, чем было нужно, отравы никак не могла прикончить, и она мучилась до тех пор, пока Бакхид не придушил ее. О незамужних сестрах царя рассказывают, что если одна из них выпила яд с громкой бранью и отчаянными проклятиями, то у Статире не вырвалось ни одного злого или недостойного ее слова; напротив, она воздала хвалу своему брату за то, что, сам находясь в смертельной опасности, он не забыл позаботиться, чтобы они умерли свободными и избегли бесчестия. Лукуллу, от природы доброму и человеколюбивому, все это доставило немалое огорчение.

19. Теперь он двинулся вперед и дошел до Талавр. Однако Митридат четырьмя днями раньше успел бежать к Тиграну в Армению, и Лукулл повернул назад. Он покорила халдеев и тибаренов, захватил Малую Армению и заставил сдаться много крепостей и городов. Затем он послал к Тиграну Аппия с требованием выдать Митридата, а сам направился к Амису, который все еще не был взят. Причиной тому было искусство полководца Каллимаха в изготовлении боевых машин и его невероятная изобретательность. Он делал все возможное в условиях осады, чтобы повредить римлянам, и впоследствии жестоко за это поплатился; Лукулл однако перехитрил его: неожиданно бросившись на приступ в тот час, когда Каллимах обыкновенно отпускал солдат на отдых, Лукулл овладел небольшой частью стены, и Каллимах бежал, но перед этим поджег город – то ли для того, чтобы римляне не смогли воспользоваться победой, то ли стараясь облегчить себе бегство: в самом деле, когда беглецы садились на суда, всем было не до них. Когда мощное пламя, выбившись вверх, охватило стены, солдаты приготовились грабить. Сожалея о гибнущем городе, Лукулл пытался снаружи подать помощь и приказывал гасить пожар, но никто его не слушал. Войско с криком, гремя оружием, требовало добычи, пока Лукулл не уступил насилию, надеясь, что так, по крайней мере, сам город будет спасен от огня. Но он ошибся в своих расчетах. Солдаты повсюду шарили с факелами, всюду заносили огонь и таким образом сами погубили бо льшую часть строений. Когда на следующий день Лукулл вступил в город, он со слезами молвил друзьям, что если и прежде не раз завидовал Сулле, то сегодня как никогда дивится его удачливости: ведь он пожелал спасти Афины и спас их. «А я, – продолжал он, – хотел состязаться с ним в этом, но судьба уготовила мне славу Муммий!» Все же он старался помочь городу оправиться, насколько это было возможно. Пожар был затушен ливнем, который не без божьего изволения хлынул во время взятия города. Бо льшую часть домов, пострадавших от огня, Лукулл велел отстроить еще в своем присутствии; он ласково принял бежавших жителей Амиса, когда те возвратились в город, позволил селиться в нем всем желающим из греков, а также прирезал к землям города сто двадцать стадиев. Амис был основан афинянами в те времена, когда их держава процветала и властвовала над морем; потому-то множество афинян, желавших спастись от тирании Аристиона, приезжали сюда, селились и приобретали права гражданства. Так довелось им, убежав от домашних бед, отвести горя на чужбине. Впрочем, те из них, кто спасся, получили от Лукулла пристойную одежду и по двести драхм каждый, а затем были отпущены с миром.

В числе других попал тогда в плен и грамматик Тираннион. Мурена выпросил его себе и затем отпустил на волю, недостойно воспользовавшись этим подарком. Конечно, Лукулл не хотел, чтобы такому человеку, высоко почитаемому за свою ученость, пришлось стать сначала рабом, а потом вольноотпущенником: подарить ему мнимую свободу означало отнять настоящую¹⁰¹⁹. Впрочем, это был не единственный случай, когда Мурена показал

¹⁰¹⁹ 12. ...Мнимую свободу ... – Т.е. сделать его из свободного человека рабом, а из раба вольноотпущенником.

себя человеком, намного уступавшим в душевном благородстве своему полководцу.

20. Между тем Лукулл занялся городами Азии. Теперь, когда он освободился от военных забот, он хотел сделать так, чтобы и сюда пришли правосудие и законность – провинция была давно уже их лишена и терпела невероятные, несказанные бедствия. Откупщики налогов и ростовщики грабили и закабалили страну: частных лиц они принуждали продавать своих красивых сыновей и девушек-дочерей, а города – храмовые приношения, картины и кумиры. Всех должников ожидал один конец – рабство, но то, что им приходилось вытерпеть перед этим, было еще тяжелее: их держали в оковах, гноили в тюрьмах, пытали на «кобыле»¹⁰²⁰ и заставляли стоять под открытым небом в жару на солнцепеке, а в мороз в грязи или на льду, так что после этого даже рабство казалось им облегчением.

Застав провинцию в столь бедственном положении, Лукулл сумел в короткий срок избавить этих несчастных от их притеснителей. Он начал с того, что запретил брать за ссуду более одного процента¹⁰²¹; далее, он ограничил общую сумму процентов размером самой ссуды; наконец, третье и самое важное его постановление предоставляло займодавцу право лишь на четвертую часть доходов должника. Ростовщик, включавший проценты в сумму первоначального долга, терял все. Не прошло и четырех лет, как благодаря этим мерам все долги были выплачены и имения вернулись к своим владельцам незаложенными. Эта всеобщая задолженность была последствием того штрафа в двадцать тысяч талантов, который наложил на провинцию Сулла. Ростовщикам уже было выплачено вдвое больше, чем они ссудили, но при помощи процентов они довели долг до ста двадцати тысяч талантов. Теперь эти ростовщики кричали в Риме, что Лукулл-де чинит им страшную несправедливость, и подкупами натравливали на него кое-кого из народных вожakov; эти дельцы пользовались большим влиянием и держали в руках многих государственных деятелей, которые были их должниками. Зато Лукулла теперь любили не только облагодетельствованные им общины, но и другие провинции считали за счастье получить такого правителя.

21. Тем временем Аппий Клодий направился к Тиграну (этот Клодий приходился братом тогдашней жене Лукулла). Сначала царские проводники повели его кружным путем, через верхнюю часть страны, заставив попусту потерять много времени. Узнав от одного вольноотпущенника-сирийца прямую дорогу, Клодий отказался от прежней – длинной и запутанной, как софизм, и распростился с проводниками-варварами. Через несколько дней он переправился через Евфрат и прибыл в Антиохию «при Дафне»¹⁰²². Там ему и велено было дожидаться Тиграна: тот находился в отлучке, занятый покорением каких-то финикийских городов. За это время Клодий успел привлечь на свою сторону многих правителей, втайне тяготившихся господством армянского владыки (в их числе был и Зарбиен, царь Гордиены). Многие поработанные города тайно отправляли к нему посланцев, и он обещал им помощь от имени Лукулла, но пока советовал воздерживаться от решительных действий. Для греков армянское владычество было невыносимым бременем, в особенности потому, что под влиянием своих необычайных удач царь преисполнился дерзости и высокомерия: ему стало казаться, будто все, что составляет предмет зависти и восхищения со стороны обыкновенных людей, не только находится в его власти, но

¹⁰²⁰ 13. ...на «кобыле» ... – Это было горизонтальное бревно, на котором пытаемому растягивали конечности.

¹⁰²¹ 14. ...ссуду более одного процента ... – В месяц, т.е. 12% годовых: высшая норма процентов, признаваемая римскими законами.

¹⁰²² 15. «При Дафне» – так назывался знаменитый пригород-парк, по которому Антиохию – столицу Сирийского царства отличали от других многочисленных Антиохий.

нарочито ради него создано. Когда Тигран начинал, его возможности и планы были совсем ничтожны, а теперь он покорил множество народов, сломил, как не удавалось еще никому другому, мощь парфян и переполнил Месопотамию греками, которых он во множестве насильно переселил туда из Киликии и Каппадокии. Из других народов он согнал с прежних мест также кочевые племена арабов, которых поселил поближе к своей столице, чтобы использовать их для торговых надобностей. При нем находилось много царей на положении слуг, а четырех из них он постоянно держал подле себя в качестве провожатых или телохранителей: когда он ехал на коне, они бежали рядом в коротеньких хитонах, а когда сидел и занимался делами – становились по бокам, скрестив руки на груди. Считалось, что эта поза наилучшим образом выражает полное признание своей рабской зависимости: принимавшие ее как бы отдавали в распоряжение господина вместе со своим телом и свою свободу и выражали готовность все снести, стерпеть без возражений.

Однако Аппий, нимало не смущенный и не испуганный этим пышным зрелищем, с самого начала напрямик заявил, что пришел с тем, чтобы или получить Митридата, который должен быть проведен в триумфальном шествии Лукулла, или объявить Тиграну войну. Тигран силился слушать его с невозмутимым лицом и деланной усмешкой, но от присутствовавших не укрылось, до какой степени поразила его прямота речи этого юноши. Едва ли не впервые ему пришлось услышать голос свободного человека – впервые за те двадцать пять лет, что он царствовал, или, лучше сказать, глумился над народами. Ответ, данный им Аппию, гласил, что Митридата он не выдаст, а если римляне начнут войну, окажет им отпор. Разгневавшись на Лукулла за то, что тот именовал его в письме просто «царем», а не «царем царей», он и сам в своем ответе не назвал его императором. Однако Аппию он послал роскошные дары, а когда тот отказался их принять, добавил к ним еще новые. Аппий, не желая, чтобы думали, будто он отвергает подарки из вражды к Тиграну, взял одну чашу, а остальное отослал обратно и поспешил вернуться к своему полководцу.

22. До сего времени Тигран не разу не пожелал ни видеть Митридата, ни говорить с ним – это со своим-то родичем, лишившимся столь великого царства! Он обращался с ним презрительно и надменно и держал его, словно узника, вдали от себя, в болотистых и нездоровых местах. Однако теперь он вызвал его ко двору, оказывая знаки почтения и любви; цари устроили тайное совещание, стараясь устранить причины для взаимного недоверия – на беду своим приближенным, ибо на них они сваливали вину. В числе последних оказался Метродор из Скепсия, человек немалой учености и не чуждый красноречия, который при Митридате достиг такого влияния, что его называли «отцом царя». Рассказывают, что когда Митридат послал его к Тиграну просить помощи против римлян, Тигран спросил: «А сам ты, Метродор, как посоветуешь мне поступить в этом деле?» То ли желая блага Тиграну, то ли зла Митридату, Метродор ответил, что как посол он просит за своего государя, но как советчик рекомендует отказать ему. Теперь Тигран все рассказал Митридату, попросив его не быть с Метродором слишком жестоким; но тот был немедленно умерщвлен, и Тиграну пришлось раскаиваться в своей откровенности. Впрочем, откровенность эта была не единственной причиной гибели Метродора, она только дала последний толчок недобрым намерениям Митридата, который уже давно втайне ненавидел своего приближенного. Это стало совершенно очевидно, когда были захвачены тайные бумаги царя, среди которых был приказ о казни Метродора. Тигран устроил Метродору великолепные похороны, не пожалев никаких трат, чтобы почтить после смерти того, кого он предал при жизни.

При дворе Тиграна нашел конец и ритор Амфикрат, если только стоит упомянуть и его ради его афинского происхождения. По рассказам, он изгнанником прибыл в Селевкию на Тигре, и, когда его попросили там давать уроки красноречия, он кичливо и презрительно ответил: «В лохани дельфин не уместится!» Потом он уехал ко двору Клеопатры, Тиграновой супруги и дочери Митридата, но вскоре был оклеветан; ему запретили всякие сношения с греками, и он уморил себя голодом. Он тоже был с почестями похоронен Клеопатрой, и могила его находится близ Сафы (это название какой-то местности в той

стране).

23. Тем временем Лукулл, полной мерой одарив провинцию Азию правосудием и миром, не пренебрег и тем, что служит к веселью и удовольствию. Остановившись в Эфесе, от старался угодить городам победными шествиями и празднествами, состязаниями атлетов и гладиаторов. Со своей стороны, города отвечали ему учреждением в его честь Лукулловых игр и той искренней преданностью, которая дороже всяких почестей.

Когда возвратился Клодий и решено было идти войной на Тиграна, Лукулл снова направился с войском в Понтийское царство и осадил Синопу – или, лучше сказать, захвативших ее киликийцев, которые держали сторону царя. Враги ночью бежали, успев умертвить множество синопцев и поджечь город; когда Лукулл обнаружил их бегство, он вступил в Синопу, перебил восемь тысяч неприятелей, которые попали в его руки, а гражданам вернул их имущество и вообще проявил особую заботу об этом городе, причиной чего было одно видение. Некто предстал перед ним во сне с такими словами: «Подойди поближе, Лукулл! Автолик здесь и желает встретиться с тобой!» Проснувшись, Лукулл сначала не мог понять, что означает его сновидение. В тот же день он взял Синопу и во время преследования бежавших к своим судам киликийцев увидел лежащее у берега изваяние, которое киликийцы не успели дотащить до корабля: это было одно из лучших творений Сфенида. И вот кто-то говорит Лукуллу, что это изваяние изображает Автолика, героя, основавшего Синопу! Этот Автолик, как передают, ходил с Гераклом из Фессалии в поход на амазонок, а отцом его был Деимах; когда он вместе с Демолеонтом и Флогием плыл назад, его корабль разбился возле Педалия на полуострове, однако сам он вместе с доспехами и товарищами спасся и отвоевал у сирийцев Синопу; до этого городом владели сирийцы, согласно преданию, возводившие свой род к Сиру, сыну Аполлона, и Синопе, дочери Асопа. Когда Лукулл услышал все это, ему пришло на ум наставление Суллы, который в своих «Воспоминаниях» советует ничего не считать столь достоверным и надежным, как то, что возведено сновидением.

Между тем он получил известие, что Митридат и Тигран намерены в ближайшее время вступить со своими силами в Ликаонию и Киликию, чтобы первыми открыть военные действия, вторгнувшись в Азийскую провинцию. Это заставило его подивиться армянскому царю: если уж тот имел намерение напасть на римлян, почему он не заключил союз с Митридатом, когда понтиец был в расцвете могущества, почему не соединил свои войска с его ратью, когда та еще была полна мощи, зачем дал ему пасть и обессилеть, а теперь начинает войну при ничтожных надеждах на успех, обрекая себя на гибель вместе с теми, кто уже не может оправиться и подняться?

24. Когда к тому же Махар, сын Митридата, правивший Боспорским царством, прислал Лукуллу венец ценой в тысячу золотых с просьбой признать его другом и союзником римского народа, Лукулл счел, что прежняя война уже окончена, и, оставив Сорнатия с шеститысячным отрядом стеречь Понтийскую область, сам с двенадцатью тысячами пехоты и меньше чем тремя тысячами конницы отправился вести следующую войну. Могло показаться, что какой-то дикий, враждебный здравому смыслу порыв гонит его в средоточие воинственных племен с их бесчисленной конницей, в необозримую страну, отовсюду окруженную глубокими реками и горами, на которых не тает снег. Его солдаты, которые и без того не отличались послушанием, шли в поход неохотно, открыто выражая свое недовольство. Тем временем в Риме народные вожаки выступали с шумными нареканиями и обвинениями против Лукулла: он-де бросается из одной войны в другую, – хотя государство не имеет в том никакой надобности, – лишь бы оставаться главнокомандующим и по-прежнему извлекать выгоду из опасностей, в которые он ввергает отечество. Со временем эти наветы достигли своей цели.

Между тем Лукулл поспешно проделал путь до Евфрата и огорчился, найдя реку разлившейся и мутной от зимних ливней: он думал, что будет очень долгим и хлопотным делом собрать плоты и навести переправу. Однако с вечера вода стала убывать, за ночь еще спала, и к утру уже можно было видеть реку, снова вошедшую в берега. Когда местные

жители заметили, что на месте брода поднялись маленькие островки и река вокруг них обмелела, они стали воздавать Лукуллу божеские почести, ибо раньше такие вещи случались редко, а теперь, как им казалось, река сама, по доброй воле, покорно и кротко подчинилась ему, дав возможность переправиться быстро и без труда. Итак, Лукулл воспользовался счастливым случаем и перевел войска через Евфрат. При переправе ему было благоприятное знамение. В тех местах пасутся коровы, посвященные персидской Артемиде, которую варвары, обитающие по ту сторону Евфрата, чтут превыше всех божеств; эти коровы предназначаются только для жертвоприношений, они вольно бродят по округе, клейменные тавром богини в виде светоча, и изловить в случае надобности одну из них стоит немало труда. И вот во время переправы Лукуллова войска через Евфрат одна из этих коров подошла к камню, который считается посвященным богине, встала на него и, наклонив голову так, словно ее пригнули веревками, предала себя Лукуллу на заклятие. Он принес также быка в жертву Евфрату в благодарность за благополучную переправу. Этот день войско отдыхало, а начиная со следующего Лукулл стал продвигаться по Софене, ничем не обижая местных жителей, которые охотно покорялись ему и радушно принимали римское войско. Когда солдаты выражали желание захватить крепость, в которой, по слухам, находились большие сокровища, Лукулл ответил: «Возьмите лучше вот ту крепость! – и показал на далекие горы Тавра, – а это все и так достанется победителям». Поспешно продолжая путь, он перешел Тигр и вступил в Армению.

25. Первому вестнику, который сообщил Тиграну о приближении Лукулла, вместо награды отрубили голову; больше никто об этом не заговаривал, и Тигран продолжал пребывать в спокойном неведении, когда пламя войны уже подступало к нему со всех сторон. Он слушал только тех, кто твердил, что Лукулл явит себя великим полководцем, если у него хватит смелости хотя бы дожидаться Тиграна в Эфесе и не убежать из Азии, едва завидев такую несметную рать. Да, не всякий ум способен остаться непомятым после великих удач, как не всякое тело в силах вынести много неразбавленного вина. Первым из Тиграновых приближенных осмелился открыть ему правду Митробарзан. И он тоже получил за свою откровенность плохую награду – во главе трех тысяч конницы и великого множества пехоты он был немедленно выслан против Лукулла с наказом самого полководца взять живым, а остальных растоптать! В это время часть войска Лукулла уже расположилась лагерем, а остальные были еще в пути; когда передовая стража сообщила о приближении неприятеля, Лукулл был обеспокоен тем, что солдаты не все в сборе и не выстроены в боевую линию и нападение врагов может вызвать замешательство. Устройство лагеря он взял на себя, а своего легата Секстилия выслал вперед с тысячью шестьюстами конных и немного большим числом тяжелой и легкой пехоты, приказав ему приблизиться к неприятелю и выжидать, пока не придет известие, что оставшиеся с Лукуллом солдаты уже разместились в лагере. Секстилий так и хотел поступить, но Митробарзан дерзким нападением принудил его вступить в бой, и началось сражение. Митробарзан пал с оружием в руках, его солдаты, за исключением немногих, были перебиты при бегстве.

После этого Тигран оставил Тигранокерты, огромный город, основанный им самим, и отступил к Тавру; туда он начал отовсюду собирать войска. Чтобы не дать ему времени на эти приготовления, Лукулл выслал Мурену, поручив ему нападать на идущие к Тиграну силы, мешая их соединению, а также Секстилия – чтобы тот преградил дорогу огромному отряду арабов, который тоже шел на помощь царю. Секстилий напал на арабов, когда они были заняты устройством лагеря, и перебил бо льшую часть их; в это же время Мурена, следуя за Тиграном по пятам, улучил миг, когда тот проходил узким и тесным ущельем, по которому растянулось его войско, и напал на него. Сам Тигран бежал, бросив весь свой обоз; множество армян погибло, а еще больше было захвачено в плен.

26. И вот, когда дела шли столь удачно, Лукулл снялся с лагеря, пошел на Тигранокерты и, расположившись у стен этого города, начал осаду. В Тигранокертах жило множество греков, насильно переселенных из Киликии, и варваров, которых постигла та же судьба – адиабенцев, ассирийцев, гордиенцев, каппадокийцев, родные города которых

Тигран разрушил, а самих пригнал сюда и принудил здесь поселиться. Тигранокерты изобиловали сокровищами и дорогими приношениями богам, ибо частные лица и правители наперебой расширяли и украшали город, желая угодить царю. Потому-то Лукулл усиленно вел осаду, рассчитывая, что Тигран не выдержит, но уступит гневу и, вопреки собственному намерению, придет, чтобы дать решительное сражение. И он рассчитал верно. Правда, не раз – и через нарочных, и в письмах – Митридат советовал Тиграну уклоняться от сражения, но при помощи конницы отрезать неприятеля от подвоза продовольствия. Столь же настоятельно уговаривал царя быть осторожнее и избегать встречи с «неодолимым», как он говорил, римским оружием и Таксил, который прибыл от Митридата и принимал участие в походе. Сначала Тигран спокойно выслушивал такие советы, но когда собрались к нему со всеми силами армяне и гордиенцы и явились во главе своих войск мидийские и адиабенские царьки, когда от Вавилонского моря прибыли полчища арабов, а от Каспийского – толпы альбанов и сопредельных им иберов, да к ним еще присоединились, тоже в немалом числе, вольные племена с берегов Аракса, привлеченные лаской и подарками Тиграна, – тут уж и на царских пирах, и в царском совете только и слышны были самонадеянные похвалы и угрозы в духе варваров. Таксилу стала угрожать казнь за то, что он выступает против битвы, и даже самого Митридата Тигран заподозрил в том, что тот из зависти старается отговорить его от великого подвига. Именно поэтому он не стал его дожидаться, чтобы не делить с ним славу, и выступил со всем своим войском. По рассказам, он жаловался при этом своим друзьям на великую досаду, охватывающую его при мысли, что придется помериться силами с одним Лукуллом, а не со всеми римскими полководцами сразу. Его самонадеянность нельзя назвать совсем уж безумной и безрассудной – ведь в своей рати он видел столько племен и царей, столько боевых колонн тяжелой пехоты, такие тучи конницы! Действительно, лучников и пращников у него было двадцать тысяч, всадников – пятьдесят пять тысяч, из которых семнадцать тысяч были закованы в броню (это число приводится в донесении Лукулла сенату), тяжелой пехоты полтора-два тысяч (в соединениях различной численности). Работников, которые были заняты прокладыванием дорог, наведением мостов, очисткой рек, рубкой леса и другими работами, было тридцать пять тысяч, они были выстроены позади бойцов и придавали войску еще более внушительный вид, вместе с тем увеличивая его мощь.

27. Когда Тигран, перевалив через Тавр, показался со своей ратью и увидел расположившееся у Тигранокерт римское войско, осажденные варвары встретили его появление рукоплесканиями и оглушительными криками и со стен стали с угрозами показывать римлянам на армян. На военном совете у Лукулла одни предлагали идти навстречу Тиграну, сняв осаду, другие же говорили, что нельзя оставлять позади себя столько неприятелей, а стало быть, нельзя и прекращать осаду. Лукулл объявил, что обе стороны, каждая порознь, неправы, но вместе они дают хороший совет, и разделил войско на две части: Мурену с шестью тысячами пехотинцев он оставил продолжать осаду, а сам взял с собой двадцать четыре когорты, которые составляли не более десяти тысяч тяжеловооруженной пехоты, а также всю конницу и около тысячи пращников и стрелков из лука и двинулся с ними на врага. Когда он остановился лагерем у реки, в широкой долине, его войско показалось Тиграну совсем ничтожным. Это доставило льстецам царя повод для острот: одни изощрялись в насмешках, другие потехи ради метали жребий о будущей добыче, и не было полководца или царька, который не обратился бы к Тиграну с просьбой поручить все дело ему одному, а самому сидеть в качестве зрителя. Самому Тиграну тоже захотелось показать себя изящным остроумцем, и он сказал своим всем известные слова: «Для посольства их много, а для войска мало». Так, в шутках и забавах, прошел этот день.

На рассвете следующего дня Лукулл вывел своих людей в полном вооружении. Неприятельское войско стояло к востоку от реки, между тем река делает там поворот на запад, и в этом направлении находится самое удобное место для переправы; и вот, когда Лукулл поспешно повел туда войско, Тигран вообразил, что он отступает. Он подозревал к себе Таксила и сказал ему со смехом: «Видишь, как бегут твои „неодолимые“ римские

пехотинцы?» Таксил молвил в ответ: «Хотелось бы мне, государь, чтобы ради твоей счастливой судьбы совершилось невозможное! Но ведь эти люди не надевают в дорогу свое самое лучшее платье, не начищают щитов и не обнажают шлемов, как теперь, когда они вынули доспехи из кожаных чехлов. Этот блеск показывает, что они намерены сражаться и уже сейчас идут на врага». Он еще не кончил говорить, как Лукулл повернул свои войска, показался первый орел¹⁰²³ и когорты стали выстраиваться по центуриям для переправы. Тигран с трудом пришел в себя, словно после опьянения, и два или три раза воскликнул: «Это они на нас?» Среди великого смятения его полчища начали строиться в боевой порядок. Сам царь принял командование над средней частью войска, левое крыло доверил адиабенскому царю, а правое, в передних рядах которого находилась также большая часть броненосной конницы – мидийскому.

Когда Лукулл еще только собирался переходить реку, некоторые из военачальников убеждали его остерегаться этого дня – одного из несчастных, так называемых «черных» дней года: в этот день некогда погибло в битве с кимврами римское войско, которым предводительствовал Цепион. Но Лукулл ответил достопамятным словом: «Что ж, я и этот день сделаю для римлян счастливым!» Это был канун октябрьских нон¹⁰²⁴.

28. Дав такой ответ и призвав солдат ободриться, он переправился через реку и сам пошел на врага впереди своего войска; на нем был блестящий чешуйчатый панцирь из железа и обшитая бахромой накидка. Он сразу же обнажил меч – в знак того, что с этим противником, привыкшим бить издали стрелами, надо не медля сойтись врукопашную, поскорее пробежав пространство, простреливаемое из лука. Тут он заметил, что закованная в броню конница, на которую неприятель возлагал особые надежды, выстроена под холмом с плоской и широкой вершиной, причем дорога в четыре стадия длиною, которая вела на вершину, нигде не была трудной или крутой. Тогда он приказал находившимся в его распоряжении фракийским и галатским всадникам ударить на неприятельскую конницу сбоку и мечами отбивать ее копыта: ведь вся сила этой броненосной конницы – в копытах, у нее нет никаких других средств защитить себя или нанести вред врагу, так как она словно замурована в свою тяжелую, негнущуюся броню. Сам Лукулл во главе двух когорт устремился к холму; солдаты шли за ним, полные решимости, ибо они видели, что их полководец, с оружием в руках, пеший, первым идет на врага, деля с ними труды и опасности. Взойдя на холм и встав на такое место, которое отовсюду было хорошо видно, он вскричал: «Победа наша, наша, соратники!» С этими словами он повел солдат на броненосную конницу, наказав при этом не пускать больше в ход дротиков, но подходить к врагу вплотную и разить мечом в бедра и голени – единственные части тела, которые не закрывала броня. Впрочем, во всем этом не оказалось надобности: броненосные всадники не дождались нападения римлян, но с воплями обратились в постыднейшее бегство, врезавшись со своими отягощенными броней конями в строй своей же пехоты, прежде чем та успела принять какое-либо участие в сражении. Так без пролития крови было наголову разбито столь огромное войско. Тиграновы воины бежали, или, вернее, пытались бежать, – из-за густоты и глубины своих рядов они сами же себе не давали дороги, – и началась страшная резня. Тигран в начале битвы пустился в бегство в сопровождении немногих спутников. Увидев, что сын делит с ним его беду, он снял со своей головы диадему и, прослезившись, вручил ему, приказав спастись другой дорогой, используя любую возможность. Но юноша не осмелился надеть диадему и отдал ее на сохранение самому надежному из своих слуг. Случилось так, что этот слуга попал в плен, и таким образом диадема Тиграна была присоединена к остальной военной добыче. Говорят, что у неприятеля погибло свыше ста тысяч пехотинцев, а из всадников не ушел живым почти никто. У римлян было ранено сто

¹⁰²³ 16. Первый орел – легионное знамя.

¹⁰²⁴ 17. ...канун октябрьских нон – 6 октября 69 г.

человек и убито пять.

Философ Антиох в сочинении «О богах», говоря об этой битве, утверждает, что солнце еще не видело ей подобной, а другой философ, Страбон, в «Исторических записках» рассказывает, что сами римляне чувствовали себя пристыженными и смеялись над собою, оттого что подняли оружие против такого сброда. По словам Ливия¹⁰²⁵, римляне никогда не вступали в бой с врагом, настолько превосходящим их численностью: в самом деле, победители вряд ли составляли и двадцатую часть побежденных. Что касается самых способных и опытных в военном деле римских полководцев, то они больше всего хвалили Лукулла за то, что он одолел двоих самых прославленных и могущественных царей двумя противоположными средствами – стремительностью и неторопливостью: если Митридата, находившегося в то время в расцвете своего могущества, он вконец измотал, затягивая войну, то Тиграна сокрушил молниеносным ударом. Во все времена не много было таких, как он, полководцев, которые выжиданием прокладывали бы себе путь к действию, а отважным натиском обеспечивали безопасность.

29. Как раз поэтому Митридат и не спешил, полагая, что Лукулл будет вести войну со своей обычной осторожностью, уклоняясь от битв. Он неторопливо шел на соединение с Тиграном, как вдруг ему повстречалось несколько армян, в смятении и ужасе отступавших по той же дороге. Он начал догадываться, что случилось недоброе. Затем он встретил безоружных и израненных беглецов уже в большем числе и от них услышал о поражении, после чего принялся разыскивать Тиграна. Найдя его всеми покинутым и жалким, Митридат не стал припоминать ему былых обид, – напротив, он сошел с коня и начал вместе с ним оплакивать их общую горе, а затем предоставил в его распоряжение слуг из собственной свиты и стал ободрять его надеждами на будущее. После это они принялись снова набирать войско.

Между тем в Тигранокертах греческое население восстало против варваров с намерением передать город Лукуллу, и тот взял его приступом. Забрав находившиеся в Тигранокертах сокровища, он самый город отдал на разграбление солдатам, которые нашли в нем, наряду с прочим добром, на восемь тысяч талантов одной монеты; помимо этого, он роздал им из добычи по восемьсот драхм на каждого. Узнав, что в городе находится множество актеров, которых Тигран отовсюду набрал для торжественного открытия выстроенного им театра, Лукулл использовал их для игр и зрелищ по случаю своей победы. Греков Лукулл отпустил на родину, снабдив на дорогу деньгами, и точно так же поступил с варварами, насильно поселенными в Тигранокертах. Так разрушение одного города дало возможность возродиться многим, вернув им жителей; эти города чтили теперь Лукулла как своего благодетеля и нового основателя.

Успешно шли у Лукулла и все прочие дела, и он заслуживал этого – ведь он больше стремился к тем похвалам, которые воздаются за правосудие и человеколюбие, нежели к тем, которыми награждают военные подвиги. Последними он в немалой степени был обязан войску, а еще более – судьбе, в первых же сказывалась его душевная кротость и отличное воспитание, и именно этими качествами Лукулл без оружия покорял чужеземные народы. Так, к нему явились царьки арабов, отдавая в его руки свои владения; к нему примкнуло также племя софенцев. У гордиенцев он вызвал такую преданность, что они хотели было оставить свои города и с женами и детьми следовать за ним. Причиной тому послужило вот что. Зарбиен, царь гордиенский, как уже говорилось, вел с Лукуллом через Аппия тайные переговоры о союзе, так как тяготился тиранническим владычеством Тиграна. На него донесли и он был казнен, причем вместе с ним погибли его дети и жена (это было еще до вторжения римлян в Армению). Лукулл не забыл об этом: вступив в страну гордиенцев, он устроил Зарбиену торжественные похороны, причем погребальный костер был украшен тканями, царским золотом и отнятыми у Тиграна драгоценностями; своими руками Лукулл

---

¹⁰²⁵ 18. ...по словам Ливия ... – в 98 (несохранившейся) книге «Истории».

зажег его и вместе с друзьями и близкими покойного совершил заупокойное возлияние, именую Зарбиена другом и союзником римского народа. По приказу Лукулла ему был также поставлен памятник, который стоил немалых денег, – ведь Лукулл нашел во дворце Зарбиена великое множество золота и серебра и три миллиона медимнов зерна, так что и солдатам было чем поживиться, и Лукулл заслужил всеобщее восхищение тем, что вел войну на средства, приносимые ею самой, не беря ни драхмы из государственной казны.

30. В это время к нему явилось посольство и от парфянского царя с предложением дружбы и союза. Лукулл был рад этому и со своей стороны отправил к парфянину послов, но те уличили этого царя в предательстве: он тайно просил у Тиграна Месопотамию в виде платы за союз с ним. Когда Лукулл узнал об этом, он решил оставить в покое Тиграна и Митридата, считая этих противников уже сломленными, а идти на парфян, чтобы помериться с ними силами. Очень уж заманчивым казалось ему одним воинственным натиском, словно борцу, одолеть трех царей и с победами пройти из конца в конец три величайшие под солнцем державы. Поэтому он отправил в Понтийскую область Сорнатия и другим военачальникам отдал приказ вести к нему размещенные там войска (он намеревался выступить в подход из Гордиены). Однако если эти военачальники и раньше встречали со стороны воинов угрюмое неповиновение, то тут им пришлось убедиться в полной разнузданности своих подчиненных. Ни лаской, ни строгостью они ничего не могли добиться от солдат, которые громко кричали, что даже и здесь они не намерены оставаться и уйдут из Понта, бросив его без единого защитника. Когда вести об этом дошли до Лукулла, они оказали дурное воздействие и на ту часть войска, что была при нем. Привыкнув к богатству и роскоши, солдаты сделались равнодушны к службе и желали покоя; узнав о дерзких речах своих понтийских товарищей, они называли их настоящими мужчинами и стали говорить, что этот пример достоин подражания: ведь своими подвигами они давно заслужили себе право на избавление от трудов и отдых!

31. Такие-то речи, и еще похуже, приходилось слушать Лукуллу. Он отказался от похода на парфян и в разгар лета снова выступил против Тиграна. Когда он перевалил через Тавр, его привело в отчаяние то, что поля были еще зелены – настолько запаздывают там времена года из-за холодного воздуха! Все же он спустился, дважды или трижды разбил армян, которые осмеливались на него нападать, и начал беспрепятственно разорять селения; ему удалось при этом захватить хлебные запасы, приготовленные для Тиграна, и таким образом он обрек неприятелей на лишения, которых перед этим опасался сам. Лукулл неоднократно пытался вызвать армян на бой, окружая их лагерь рвами или разоряя страну у них на глазах; однако они, после того как он столько раз наносил им поражения, сидели смирно. Тогда он двинулся к Артаксатам, Тиграновой столице, где находились малолетние дети царя и его жены, – уж этого города, думал он, Тигран без боя не уступит!

Рассказывают, что карфагенянин Ганнибал, после того как Антиох окончательно проиграл войну с римлянами, перешел ко двору Артакса Армянского, которому дал множество полезных советов и наставлений. Между прочим он заметил местность, чрезвычайно удачно расположенную и красивую, но лежавшую в запустении, и, сделав предварительные наброски для будущего города, позвал Артакса, показал ему эту местность и убедил застроить ее. Царь остался доволен и попросил Ганнибала, чтобы тот сам взял на себя надзор над строительством. Возник большой и очень красивый город, которому царь дал свое имя и провозгласил его столицей Армении.

На этот город и двинулся теперь Лукулл, и Тигран не мог этого снести. Он выступил со своим войском в поход и на четвертый день расположился лагерем возле римлян; его отделяла от них река Арсаний, через которую римлянам необходимо было переправиться на пути к Артаксатам. Лукулл принес богам жертвы, словно победа уже была в его руках, и начал переправлять войско, выстроив его таким образом, что впереди находилось двенадцать когорт, а остальные охраняли тыл, чтобы враг не ударил римлянам в спину. Ведь перед ними выстроилось великое множество конницы и отборных бойцов врага, а в первых рядах заняли место мардийские лучники на конях и иберийские копейщики, на которых – среди

иноплеменных солдат – Тигран возлагал особые надежды, как на самых воинственных. Но с их стороны не последовало никаких подвигов: после небольшой стычки с римской конницей они не выдержали натиска пехоты и разбежались кто куда. Римские всадники погнались за ними и тоже рассыпались в разные стороны, но в этот миг вышла вперед конница Тиграна. Лукулл был уstraшен ее грозным видом и огромной численностью и велел своей коннице прекратить преследование. Сам он первым ударил на атропатенцев, чьи лучшие силы находились как раз против него, и сразу же нагнал на них такого страха, что они побежали прежде, чем дошло до рукопашной. Три царя участвовали в этой битве против Лукулла, и постыднее всех бежал, кажется Митридат Понтийский, который не смог выдержать даже боевого клича римлян. Преследование продолжалось долго и затянулось на всю ночь, пока римляне не устали не только рубить, но даже брать пленных и собирать добычу. По утверждению Ливия, если в первой битве потери неприятеля были многочисленнее, то на этот раз погибли и попали в плен более знатные и видные люди.

32. Воодушевленный и ободренный таким успехом, Лукулл вознамерился продолжить свой путь в глубь страны и окончательно сломить сопротивление врага. Но уже в пору осеннего равноденствия неожиданно наступила жестокая непогода: почти беспрестанно сыпал снег, а когда небо прояснилось, садился иней и ударял мороз. Лошади едва могли пить ледяную воду; тяжело приходилось им на переправах, когда лед ломался и острыми краями рассекал им жилы. Большая часть этой страны изобилует густыми лесами, ущельями и болотами, так что солдаты никак не могли обсушиться: во время переходов их заваливало снегом, а на привалах они мучились, ночуя в сырых местах. Поэтому после сражения они всего несколько дней шли за Лукуллом, а затем начался ропот. Сначала они обращались к нему с просьбами через военных трибунов, но затем их сходки стали уже более буйными, и ночью они кричали по своим палаткам, а это служит признаком близкого бунта в войске. И хотя Лукулл перепробовал множество настоятельных увещаний, упрасывая их запастись терпением, пока не будет взят «армянский Карфаген» и стерто с лица земли это творение злейшего врага римлян (он имел в виду Ганнибала), ничто не помогало, и он вынужден был повернуть назад. На обратном пути он перешел через Тавр другими перевалами и спустился в плодородную и теплую страну, называемую Мигдонией. В ней находится большой и многолюдный город, который варвары зовут Нисибидой, а греки – Антиохией Мигдонийской. В этом городе правили два человека: по своему высокому положению правителем был Гур, брат Тиграна, но, в силу своей опытности и тонкого мастерства в сооружении машин, – тот самый Каллимах, который доставил Лукуллу столько хлопот под Амисом. Лукулл раскинул у стен Нисибиды лагерь и пустил в ход все приемы осадного искусства; вскоре город был взят приступом. Гур сдался добровольно и встретил милостивое обращение, но Каллимаха, хотя тот и обещал показать римлянам тайные клады с великими сокровищами, Лукулл не стал слушать и велел заковать в цепи, чтобы впоследствии расправиться с ним за тот пожар, который разрушил Амис и отнял у Лукулла случай польстить своему честолюбию и выказать грекам свое расположение.

33. До сего времени счастье, можно сказать, сопровождало Лукуллу в его походах, но отныне словно упал попутный для него ветер – таких трудов стоило ему каждое дело, с такими препятствиями приходилось сталкиваться повсюду. Он по-прежнему проявлял отвагу и твердость духа, достойные прекрасного полководца, но его новые деяния не принесли ему ни славы, ни благодарности. Мало того, в неудачных начинаниях и бесполезных раздорах он едва не растерял и свою прежнюю славу. Не последней причиной тому было его собственное поведение: он никогда не умел быть ласковым с солдатской толпой, почитая всякое угождение подчиненным за унижение и подрыв власти начальствующего. А хуже всего было то, что с людьми могущественными и равными ему по положению он тоже ладил плохо, глядел на всех свысока и считал ничтожествами по сравнению с собой. Да, такие недостатки, говорят, соседствовали с многочисленными достоинствами Лукулла, который был статным, красивым, искусным в красноречии и выказывал острый ум как на форуме, так и в походах.

Саллюстий утверждает¹⁰²⁶, что солдаты невзлюбили его с самого начала войны, когда он заставил их провести в лагере две зимы подряд: одну под Кизиком, вторую под Амисом. Потом каждую зиму им тоже приходилось нелегко: или они должны были зимовать во враждебной стране, или располагались на земле союзников в палатках, под открытым небом – ведь в греческий и дружественный город Лукулл не входил с войском ни разу. Их недобрым чувствам к полководцу в изобилии давали новую пищу вожаки народа в Риме, которые из зависти обвиняли Лукулла в том, что затягивать войну его побуждают властолюбие и корыстолюбие, в то время как в его руках почти целиком находятся Киликия и Азийская провинция, Вифиния и Понт, Армения и земли, простирающиеся до Фасиса, что недавно он еще к тому же разорил дворец Тиграна, словно его послали грабить царей, а не воевать с ними. Такие речи вел, как передают, Луций Квинтий, один из преторов; он-то главным образом и добился решения назначить Лукуллу преемником в управлении провинцией. Было решено также уволить от службы многих солдат, находившихся под его началом.

34. Уже эти неприятности были достаточно серьезны, но к ним прибавилось еще одно обстоятельство, которое окончательно погубило Лукулла. Был некий Публий Клодий, человек наглый и преисполненный величайшей заносчивости и самонадеянности. Он приходился братом жене Лукулла, и про него, между прочим, ходила молва, что он состоит с ней в преступной связи (она была крайне развратной женщиной). В ту пору он находился в войске Лукулла и пользовался там не таким почетом, как ему хотелось, а хотелось ему быть выше всех. Между тем из-за своего образа жизни ему приходилось стоять ниже многих. Поэтому он начал исподтишка заигрывать с фимбрианцами и настраивать их против Лукулла, а те охотно слушали его льстивые слова: угодливость и искательство начальника были им не нове. Ведь это их когда-то Фимбрия подговорил убить консула Флакка и выбрать полководцем его самого. Вот и теперь они охотно слушали Клодия и называли его «другом солдат» за то, что тот притворялся, будто принимает их дела близко к сердцу. Клодий же постоянно возмущался, что войнам и мукам не видно конца, что до последнего дыхания их заставляют биться со всеми народами, сколько их ни есть, и гоняют по всей земле, между тем как достойной награды за все эти походы им нет, а вместо этого приходится сопровождать повозки и верблюдов Лукулла, нагруженных золотыми чашами в драгоценных камнях! То ли дело, продолжал он, солдаты Помпея! Они уже давно мирные граждане и живут со своими женами и детьми где-нибудь на плодородных землях или по городам, а ведь им не пришлось загонять Митридата и Тиграна в необитаемые пустыни или ниспровергать азийские столицы, они всего-то и воевали, что с изгнанниками в Испании да с беглыми рабами в Италии! «Уж если, – завершал он, – нам приходится нести службу без отдыха и срока, почему бы нам не поберечь остаток сил и жизни для такого вождя, который видит для себя высшую честь в обогащении своих солдат?»

Эти нападки оказали свое воздействие на войско Лукулла, и оно не пошло за своим полководцем ни на Тиграна, ни на Митридата. Последний не преминул снова вторгнуться из Армении в Понт и уже отвоевывал свое царство, а римские солдаты праздно сидели в Гордиене, ссылаясь на зимнее время и поджидая, что вот-вот явится Помпей или другой полководец, чтобы сменить Лукулла.

35. Когда, однако, пришло известие, что Митридат разбил Фабия и идет на Сорнатия и Триария, они устыдились и пошли за Лукуллом. Триарий из честолюбия захотел, не дожидаясь Лукулла, который был близко, добыть легкую, как ему казалось, победу, но вместо этого потерпел крупное поражение: как передают, в битве polegло более семи тысяч римлян, в числе которых было сто пятьдесят центурионов и двадцать четыре военных трибуна. Лагерь попал в руки Митридата. Когда через несколько дней подошел Лукулл, ему пришлось прятать Триария от разъяренных солдат. Митридат уклонялся от сражения с

¹⁰²⁶ 19. ...Саллюстий утверждает ... – «История», отр. V, 10.

Лукуллом, поджидая Тиграна, который с большими силами шел на соединение с ним, и Лукулл решил двинуться навстречу Тиграну и дать ему бой прежде, чем враги снова соединятся. Однако по пути фимбрианцы подняли бунт и покинули свое место в строю, ссылаясь на то, что они уволены от службы постановлением сената, а Лукулл не имеет больше права приказывать им, поскольку провинции переданы другим. Нет такого унижения, которому не подверг бы себя тогда Лукулл: он уговаривал каждого из солдат поодиночке, с малодушными слезами ходил из палатки в палатку, некоторых даже брал за руку. Но солдаты отталкивали его руку, швыряли ему под ноги пустые кошельки и предлагали одному биться с врагами – сумел же он один поживиться за счет неприятеля! Все же остальные воины своими просьбами вынудили фимбрианцев согласиться прослужить лето с условием, что они будут уволены, если за это время не появится неприятель, чтобы дать им сражение. Необходимость заставила Лукулла довольствоваться и этой малостью, чтобы не остаться одному и не отдать страну противнику. Он держал солдат всех вместе, ни к чему их больше не принуждал и не вел на врага – лишь бы они от него не уходили. Ему пришлось мириться с тем, что Тигран опустошает Каппадокию, что к Митридату вернулась прежняя дерзость – к Митридату, о котором он доносил сенату, что с ним покончено! После этого донесения из Рима были отправлены должностные лица в количестве десяти человек для устройства дел в Понте, как в стране окончательно покоренной, а когда они явились, им пришлось убедиться, что Лукулл даже над самим собою не властен – им, как хотят, помыкают его солдаты. Их бесстыдство в отношении к своему полководцу дошло до того, что в конце лета они надели доспехи, обнажили мечи и принялись звать на бой врагов, которых не было и в помине. Они прокричали военный клич, помахали потехи ради мечами и покинули лагерь, заявив, что срок, в продолжение которого они обещали Лукуллу оставаться с ним, уже вышел. Между тем остальных солдат вызывал к себе письмами Помпей. Благодаря любви к нему народа и угодливости народных вожаков, он уже был назначен полководцем для военных действий против Митридата и Тиграна, хотя сенат и лучшие граждане считали, что с Лукуллом поступают несправедливо, назначая ему преемника не столько для войны, сколько для триумфа, и заставляя его уступать другому не труды полководца, но награду за эти труды.

36. Еще более предосудительным казалось происходящее тем, кто находился тогда в провинции. И в самом деле, у Лукулла отняли право награждать и наказывать солдат, Помпей никому не разрешал приходить к нему или поступать согласно его приказаниям и тем распоряжениям, которые Лукулл издавал совместно с десятью посланцами сената. Эти распоряжения Помпей отменял, издавая собственные указы, и его присутствия приходилось бояться, так как сила была на его стороне. Все же друзья обоих полководцев решили устроить между ними встречу, которая и произошла в одной деревне в Галатии. Они любезно приветствовали друг друга и принесли взаимные поздравления с одержанными победами; если Лукулл был старше по возрасту, то Помпей пользовался большим почетом, так как он большее число раз был полководцем и имел два триумфа. Перед обоими ликторы несли пучки розог, увитые лаврами, чтобы почтить их победы. Но Помпею пришлось проделать долгий путь по безводным и сухим местам, и лавры, обвивавшие розги его ликторов, засохли; заметив это, ликторы Лукулла дружески поделились с ними своими лаврами, которые были свежи и зелены. Друзья Помпея сочли это благим знамением – и действительно, деяния Лукулла послужили к украшению похода Помпея.

Что же касается переговоров, то они не привели к примирению, и полководцы разошлись в еще большей отчужденности, чем пришли. Помпей объявил недействительными распоряжения Лукулла и отнял у него всех солдат, оставив только тысячу шестьсот человек для триумфа, но и те последовали за Лукуллом не слишком охотно. До какой же степени не хватало ему природного дара или удачи в том, что для полководца необходимее всего! Ведь если бы при стольких своих отличных качествах – отваге и осмотрительности, уме и справедливости, он имел еще и это достоинство, то не Евфрат был бы рубежом римской державы в Азии, но край света и Гирканское море. В самом деле, все остальные народы уже

ранее покорил Тигран, а парфяне во времена Лукулла еще не достигли той мощи, что во времена Красса; их государство еще не было таким сплоченным и из-за междоусобных войн и раздоров с соседями не в силах было дать отпор нападениям армян. Но должен добавить, что, на мой взгляд, вред, нанесенный Лукуллом своему отечеству через других людей, перевешивает пользу, которую он принес ему сам. В самом деле, армянские трофеи, воздвигнутые совсем недалеко от границ Парфии, взятие Тигранокерт и Нисибиды, великие богатства, доставленные из этих городов в Рим, диадема Тиграна, захваченная и пронесенная в триумфальном шествии, – все это подстрекнуло Красса к походу в Азию, внушив ему мысль, что ее обитатели – только добыча и средство наживы, и ничего больше. Вскоре, однако, он познакомился с парфянскими стрелами и примером своим доказал, что Лукулл добился победы не потому, что враги были слишком глупы и малодушны, но благодаря собственному мужеству и искусству полководца. Но это случилось позднее.

37. Вернувшись в Рим, Лукулл прежде всего узнал, что брат его Марк привлечен Гаем Меммием к суду за то, что ему приходилось делать по приказанию Суллы, исполняя должность квестора. Марка оправдали, но тут Меммий обратил свои нападки уже на самого Лукулла и стал настраивать народ против него, советуя отказать ему в триумфе за то, что он-де нажился на войне и с умыслом затягивал ее. Лукулл оказался втянутым в жестокую распрю, и лишь когда первые и наиболее влиятельные граждане пошли по трибам, им насилу удалось, потратив много стараний и просьб, уговорить народ дать согласие на триумф. ... [Текст в оригинале испорчен.] Триумф Лукулла не был, как другие, рассчитан на то, чтобы удивить чернь протяженностью шествия и обилием проносимых в нем предметов. Зато Лукулл украсил Фламиниев цирк великим множеством вражеского оружия и военными машинами царя, и уже одно это зрелище было на редкость внушительным. В триумфальном шествии прошли несколько закованных в броню всадников, десяток серпоносных колесниц и шестьдесят приближенных и полководцев царя; за ними следовали сто десять военных кораблей с окованными медью носами, золотая статуя самого Митридата в шесть футов высотой, его щит, усыпанный драгоценными камнями, затем двадцать носилок с серебряной посудой и еще носилки с золотыми кубками, доспехами и монетой, в количестве тридцати двух. Все это несли носильщики, а восемь мулов везли золотые лежа, еще пятьдесят шесть – серебро в слитках и еще сто семь – серебряную монету, которой набралось без малого на два миллиона семьсот тысяч драхм. На больших писчих досках значилось, сколько денег передано Лукуллом Помпею на ведение войны с пиратами, сколько внесено в казну, а сверх того – что каждому солдату выдано по девятьсот пятьдесят драхм. Затем Лукулл устроил великолепное угощение для жителей Рима и окрестных сел, которые римляне называют «виками» [vici].

38. Разведясь с Клодией, женщиной разнузданной и бесчестной, Лукулл женился на сестре Катона, Сервилии, но и этот брак не был удачным. Чтобы сравняться с Клодией, Сервилии не доставало одного – молвы, что она согрешила с родным братом, в остальном она была такой же гнусной и бесстыдной. Уважение к Катону долго заставляло Лукулла терпеть ее, но в конце концов он с ней разошелся.

Сенат возлагал на Лукулла необычайные надежды, рассчитывая найти в его лице человека, который, опираясь на свою огромную славу и влияние, даст отпор самовластию Помпея и возглавит борьбу лучших граждан. Однако Лукулл расстался с государственными делами. Быть может, он видел, что государство поражено недугом, не поддающимся исцелению, возможно также, что он, как полагают некоторые, пресытился славой и решил после стольких битв и трудов, которые увенчались не слишком счастливым концом, отдался жизни, чуждой каких бы то ни было забот и огорчений. Некоторые одобряют происшедшую в нем перемену, избавившую его от печальной участи Мария, который после побед над кимврами, после великих и славных подвигов не пожелал дать себе покой, хотя и был окружен завидным для каждого почетом; неутолимая жажда славы и власти побудила его, старика, тягаться с молодыми на государственном поприще и довела до страшных поступков и бед, еще более страшных, чем поступки. Говорят, что и Цицерон лучше провел бы свою

старость, уйди он на покой после победы над Катилиной, и Сципион – если бы он, прибавив к Карфагену Нуманцию, на этом и остановился¹⁰²⁷. Поистине, и в государственной деятельности есть свой круг побед¹⁰²⁸, и когда он завершен, пора кончать. В состязаниях на государственном поприще – ничуть не меньше, чем в гимнасии, – тотчас обнаруживается, если борца покидают молодые силы. Напротив, Красс и Помпей насмеялись над тем, что Лукулл предался наслаждениям и расточительству, словно жизнь в свое удовольствие была менее подобающей его летам, чем государственные дела и походы.

39. В жизнеописании Лукулла, словно в древней комедии¹⁰²⁹, поначалу приходится читать о государственных и военных делах, а к концу – о попойках и пирушках, чуть ли не о пьяных шествиях с песнями и факелами и вообще о всяческих забавах. Ведь к забавам следует отнести, по-моему, и расточительное строительство, расчистку мест для прогулок, сооружение купален, а особенно – увлечение картинами и статуями, которые Лукулл собирал, не жалея денег. На эти вещи он щедро тратил огромное богатство, накопленное им в походах, так что даже в наше время, когда роскошь безмерно возросла, Лукулловы сады стоят в одном ряду с самыми великолепными императорскими садами. К этому надо добавить постройки на побережье и в окрестностях Неаполя, где он насыпал искусственные холмы, окружал свои дома проведенными от моря каналами, в которых разводили рыб, а также воздвигал строения посреди самого моря. Когда стоик Туберон увидел все это, он назвал Лукулла «Ксерксом в тоге»¹⁰³⁰. Подле Тускула у него были загородные жилища, с открытыми залами и портиками, с башнями, откуда открывался широкий вид на окрестность; когда там побывал Помпей, он неодобрительно сказал Лукуллу, что тот наилучшим образом приспособил поместье для летнего времени, но сделал его непригодным для жизни зимой. Лукулл со смехом возразил: «Что же, ты думаешь, что я глупее журавлей и аистов и не знаю, что надо менять жилье с переменой времени года?» Как-то одному претору захотелось блеснуть играми, которые он давал народу, и он попросил у Лукулла пурпурных плащей, чтобы нарядить хор. Лукулл ответил, что посмотрит, сможет ли он дать, а на следующий день спросил, сколько нужно. Когда претор ответил, что сотни хватит, ему было предложено взять вдвое больше. По этому поводу поэт Флакк¹⁰³¹ заметил, что не может признать богатым такой дом, где заброшенные и забытые вещи не превышают своим числом те, которые лежат на виду.

40. Лукулл устраивал ежедневные пиры с тщеславной роскошью человека, которому внове его богатство. Не только застланные пурпурными тканями ложа, украшенные драгоценными камнями чаши, увеселительное пение и пляски, но также разнообразные яства и не в меру хитро приготовленные печенья вызывали зависть у людей с низменными вкусами. Помпей, напротив, заслужил похвалы своим поведением во время болезни: когда врач предписал ему съесть дрозда, а слуги заявили, что летом дрозда не найдешь нигде, кроме как у Лукулла, который их разводил, Помпей не позволил обращаться туда, сказав:

¹⁰²⁷ 20. ...на этом и остановился . – Т.е. не вредил бы своей популярности противодействием делу Гракхов.

¹⁰²⁸ 21. ...круг побед ... – Как у греческих атлетов, которые, победив на Немейских, Истмийских, Пифийских и, наконец, Олимпийских играх, уже не знали более высокой славы.

¹⁰²⁹ 22. ...в древней комедии ... – у Аристофана и его современников, где основная часть комедии служила агитации на политические темы, а концовка, по фольклорной обрядовой традиции, посвящалась празднику и пиру.

¹⁰³⁰ 23. «Ксерксом в тоге » . – Т.е. превращал сушу в море и море в сушу (намек на Афонский канал и мост через Геллеспонт).

¹⁰³¹ 24. ...поэт Флакк ... – Гораций . Послания, I, 6, 40—46; ср. КМл. 19.

«Неужели жизнь Помпея может зависеть от причуд роскоши Лукулла?» Катон был Лукуллу другом и свояком, но образ жизни Лукулла ему совсем не нравился, и когда в сенате один юнец завел длинную речь, в которой назойливо распространялся о бережливости и воздержности, Катон встал и сказал: «Да перестань! Ты богат, как Красс, живешь, как Лукулл, а говоришь, как Катон!» Некоторые утверждают, что эти слова действительно были сказаны, но не Катонем.

41. Как бы то ни было, Лукулл не только получал удовольствие от такого образа жизни, но и гордился им, что ясно видно из его памятных словечек. Так, сообщают, что ему случилось много дней подряд угощать каких-то греков, приехавших в Рим, и эти люди, в которых и впрямь проснулось что-то эллинское, засовестившись, что из-за них каждый день производятся такие расходы, стали отказываться от приглашения. Но Лукулл с улыбкой сказал им: «Кое-что из этих расходов делается и ради вас, достойные греки, но большая часть – ради Лукулла». Когда однажды он обедал в одиночестве и ему приготовили один стол и скромную трапезу, он рассердился и позвал приставленного к этому делу раба; тот ответил, что раз гостей не звали, он не думал, что нужно готовить дорогой обед, на что его господин сказал: «Как, ты не знал, что сегодня Лукулл угощает Лукулла?» Об этом, как водится, в городе много говорили. И вот однажды, когда Лукулл прогуливался на форуме, к нему подошли Цицерон и Помпей. Первый был одним из его лучших друзей, а с Помпеем, хотя у них и была распря из-за командования в Митридатовой войне, они часто встречались и беседовали, как добрые знакомые. После приветствия Цицерон спросил, нельзя ли к нему зайти; Лукулл ответил, что был бы очень рад, и стал их приглашать, и тогда Цицерон сказал: «Мы хотели бы отобедать у тебя сегодня, но только так, как уже приготовлено для тебя самого». Лукулл замаялся и стал просить отсрочить посещение, но они не соглашались и даже не позволили ему поговорить со слугами, чтобы он не мог распорядиться о каких-либо приготовлениях сверх тех, какие делались для него самого. Он выговорил у них только одну уступку – чтобы они разрешили ему сказать в их присутствии одному из слуг, что сегодня он обедает в «Аполлоне» (так назывался один из роскошных покоев в его доме). Это было уловкой, при помощи которой он все же провел своих друзей: по-видимому, для каждой столовой у Лукулла была установлена стоимость обеда и каждая имела свое убранство и утварь, так что рабам достаточно было услышать, где он хочет обедать, и они уже знали, каковы должны быть издержки, как все устроить и в какой последовательности подавать кушанья. По заведенному порядку обед в «Аполлоне» стоил пятьдесят тысяч драхм; и на этот раз было потрачено столько же, причем Лукуллу удалось поразить Помпея не только величиной расходов, но и быстротой, с которой все было приготовлено. Вот на что Лукулл недостойно расточал свое богатство, словно ни на миг не забывал, что это добыча, захваченная у варваров.

42. Однако следует с похвалой упомянуть о другом его увлечении – книгами. Он собрал множество прекрасных рукописей и в пользовании ими проявлял еще больше благородной щедрости, чем при самом их приобретении, предоставляя свои книгохранилища всем желающим. Без всякого ограничения открыл он доступ грекам в примыкавшие к книгохранилищам помещения для занятий и портики для прогулок, и, разделившись с другими делами, они с радостью хаживали туда, словно в некую обитель Муз, и проводили время в совместных беседах. Часто Лукулл сам заходил в портики и беседовал с любителями учености, а тем, кто занимался общественными делами, помогал в соответствии с их нуждами, – коротко говоря, для всех греков, приезжающих в Рим, его дом был родным очагом и эллинским пританеем. Что касается философии, то если ко всем учениям он относился с интересом и сочувствием, особое пристрастие и любовь он всегда питал к Академии – не к той, которую называют Новой и которая как раз в ту пору расцветала благодаря учению Карнеада, распространявшемуся Филоном, но к Древней, которую возглавлял тогда Антиох Аскалонский, человек глубокомысленный и очень красноречивый. Лукулл приложил немало стараний, чтобы сделать Антиоха своим другом и постоянным сотрапезником, и выставял его на бой против последователей Филона. В числе последних

был, между прочим, и Цицерон, который написал об этой философской школе очень изящное сочинение; в нем он вкладывает в уста Лукулла речь в защиту возможности познания, а сам отстаивает противоположную точку зрения. Книжка так и озаглавлена – «Лукулл»¹⁰³². С Цицероном Лукулла связывали, как уже было сказано, близкая дружба и сходный взгляд на государственные дела. Надо сказать, что Лукулл не совсем покинул государственное поприще, хотя от честолюбивых споров о первенстве и влиятельности, участвуя в которых, как он видел, не избежать опасностей и жестоких оскорблений, он сразу же отказался в пользу Красса и Катона (те, кто с подозрением взирал на могущество Помпея, когда Лукулл отказался их возглавить, сделали своими вождами в сенате именно этих двоих). Он бывал на форуме по делам своих друзей, а в сенате – когда нужно было дать отпор какому-нибудь честолюбивому замыслу Помпея. Так, он добивался отмены распоряжений, которые тот сделал после своей победы над царями: Помпей потребовал раздачи земельных участков своим солдатам, но Лукулл при поддержке Катона расстроил его планы, после чего Помпей прибег к поддержке Красса и Цезаря¹⁰³³ или, лучше сказать, вступил с ними в заговор, наполнил город вооруженными солдатами и насилием добился исполнения своих требований, прогнав с форума приверженцев Катона и Лукулла. Лучшие из граждан были этим возмущены, и тогда помпейцы привели некоего Веттия, который якобы был схвачен при попытке покушения на жизнь Помпея. На допросе в сенате Веттий назвал несколько имен, но перед народом заявил, что убить Помпея его подстрекал Лукулл. Словам его никто не придавал значения – всем сразу стало ясно, что этого человека подучили клеветать сторонники Помпея. Дело стало еще яснее через несколько дней, когда из тюрьмы был выброшен труп Веттия, и хотя уверяли, будто он умер своей смертью, на его теле были следы удушения и побоев. Очевидно, что его позаботились убрать те самые люди, по чьему наущению он выступил со своим наветом.

43. Все это побудило Лукулла еще дальше отойти от государственной деятельности; когда же Цицерон ушел в изгнание, а Катон был отправлен на Кипр, он окончательно с нею расстался. Говорят, что к тому же незадолго до смерти его рассудок помрачился и стал мало-помалу угасать. По утверждению Корнелия Непота¹⁰³⁴, Лукулл повредился в уме не от старости и не из-за болезни, но потому, что его извел своими снадобьями Каллисфен, один из его вольноотпущенников. Каллисфен думал, что действие снадобий внушит его господину бо льшую привязанность к нему, но вместо этого оно расстроило и сгубило рассудок Лукулла, так что еще при его жизни управление имуществом взял на себя его брат. И все же, когда Лукулл умер, можно было подумать, что кончина застигла его в самом разгаре военной или государственной деятельности: народ сбегался в печали, тело было вынесено на форум знатнейшими юношами, а затем толпа хотела силой добиться, чтобы его схоронили на Марсовом поле, где был погребен Сулла. Так как этого никто не ожидал и приготовить все необходимое для погребения было нелегко, брат Лукулла стал уговаривать народ и в конце концов убедил, чтобы ему дали похоронить умершего в поместье близ Тускула, где все уже было готово. После этого и сам Марк прожил недолго. Подобно тому, как возрастом и славой он не намного отставал от горячего брата, так и в смерти он не замедлил последовать за ним.

[Сопоставление]

¹⁰³² 25. «Лукулл» – II книга сочинения «Академика».

¹⁰³³ 26. ...Помпей прибег к поддержке ... – См. Пом., 47 сл. и Цез., 13—14 (в 59 г.).

¹⁰³⁴ 27. По утверждению Корнелия Непота ... – Его биография Лукулла (из сборника «О знаменитых людях») до нас не дошла.

44 (1). Самым завидным в жизни Лукулла можно, пожалуй, считать ее завершение: он успел умереть раньше, чем в жизни римского государства настали те перемены, которые уже тогда уготовлялись ему роком в междоусобных войнах, и окончил дни свои в отечестве, пораженном недугом, но еще свободном. В этом у него особенно много общего с Кимоном – и тому суждено было умереть в пору, когда эллинское могущество, еще не ослабленное раздорами, находилось в расцвете. Впрочем, есть здесь и разница: Кимон умер в походе, пал смертью полководца, не отказавшись от дел и не предаваясь праздности, он не искал награды за бранные труды в пиршествах и попойках – наподобие тех Орфеевых учеников, которых высмеивает Платон¹⁰³⁵ за их утверждения, будто награда, ожидающая праведников в Аиде, состоит в вечном пьянстве. В самом деле, если мирный досуг и занятия, дающие радость умозрения, представляют собой самое пристойное отдохновение для человека, который в преклонных летах расстается с военными и государственными заботами, то завершить свои славные подвиги чувственными удовольствиями, перейти от войн и походов к любовным утехам и предаваться забавам и роскоши – все это уже недостойно прославленной Академии и прилично не подражателю Ксенократа, но скорее тому, кто склоняется к Эпикуру. При этом вот что удивительно: как раз смолоду Кимон вел себя предосудительно и невоздержно, в то время как молодость Лукулла была благопристойной и целомудренной. В этом отношении выше из них тот, кто менялся к лучшему: более похвальным является такой душевный склад, худшие свойства которого с годами дряхлеют, а прекрасные – расцветают.

Если и Кимон, и Лукулл были в равной мере богатыми, то пользовались своим богатством они по-разному: в самом деле, нельзя помещать в один ряд строительство южной стены афинского Акрополя, которое было закончено на деньги, предоставленные Кимоном, и те чертоги в Неаполе, те омываемые морем башни, которые воздвигал Лукулл на свою восточную добычу. Нельзя сравнивать и обеды Кимона, простые и радушные, с сатраповской роскошью пиров Лукулла: стол Кимона ценой малых издержек ежедневно питал толпы, стол Лукулла с огромными затратами служил немногим любителям роскоши. Возможно, впрочем, что различие в их поведении вызвано только обстоятельствами: кто знает, если бы Кимону довелось после трудов и походов дожить до старости, чуждой военным и гражданским занятиям, не предался ли бы он еще более разнузданной жизни, не знающей удержа в наслаждениях? Ведь он, как я уже говорил, любил вино и веселье и подвергался нареканиям молвы из-за женщин. С другой стороны, успехи в серьезных делах, принося с собой иные, высшие наслаждения, так действуют на души, от природы способные к государственной деятельности и жадные до славы, что не оставляют им досуга для низких страстей и побуждают вовсе забывать о них; поэтому если бы Лукулл окончил век в бранях и походах, то даже самый злоречивый и склонный к порицаниям человек, мне кажется, не нашел бы случая осудить его. Вот все, что я хотел сказать относительно их образа жизни.

45 (2). Что касается их бранных дел, то нет сомнения, что оба выказали себя славными воителями и на суше, и на море. Однако если мы зовем «победителями сверх ожидания» тех атлетов, которые в один день увенчали себя победой в борьбе и в панкратии¹⁰³⁶, то и Кимон, в один день увенчавший Элладу венками победы на суше и на море, заслуживает особого места среди полководцев. Кроме того, Лукуллу вручила верховное предводительство его родина, а Кимон сам добыл его своей родине: если первый покорял земли врагов в такое время, когда его отечество уже имело главенство над союзниками, то второй, застав родной город в подчиненном положении, дал ему разом и владычество над союзниками и победу над врагами: персов он силой принудил очистить море, спартанцев убедил покинуть его добровольно.

¹⁰³⁵ 28. ...высмеивает Платон ... – «Государство», II, 363 с.

¹⁰³⁶ 29. В панкратии – «всеборье», сочетание борьбы с кулачным боем, часть всех греческих состязаний.

Если величайшее достоинство полководца состоит в умении добиться, чтобы ему повиновались охотно, из преданности, то следует сказать, что Лукулла ни во что не ставило его собственное войско, Кимон же вызывал восхищение у союзников; от первого солдаты ушли к другим, ко второму перешли от других. Один вернулся из похода, брошенный теми, кого он повел с собой, а другой возвратился из плавания, уже повелевая теми, с кем вместе его отправили в поход, чтобы исполнять чужие приказания, и оказал своему отечеству три важнейших услуги сразу: достиг с врагами мира, над союзниками – главенства, с лакедемонянами – согласия.

Оба пытались ниспровергнуть великие царства и покорить всю Азию, и оба – безуспешно. С Кимоном это случилось единственно по воле судьбы – ведь он умер посреди походов и побед; что касается Лукулла, то с него нельзя вполне снять вину за то, что он, по неведению или по небрежности, не принимал мер против того солдатского недовольства и ропота, из которых родилась столь великая ненависть к нему. Быть может, впрочем, и в этом у него есть что-то общее с Кимоном. Ведь и Кимона граждане привлекали к суду и в конце концов подвергли остракизму, чтобы десять лет, как говорит Платон¹⁰³⁷, и голоса его не слышать. Люди, от природы склонные к аристократическому образу мыслей, редко попадают в тон народу и не умеют ему угождать: обычно они действуют силой и, стремясь вразумить и исправить распушенную толпу, вызывают у нее озлобление, подобно тому как повязки тяготят больных, хотя и возвращают к природному состоянию вывихнутые члены. Итак, это обвинение следует, пожалуй, снять с обоих.

46 (3). С другой стороны, Лукулл прошел в своих походах гораздо дальше Кимона. Он первым из римлян перевалил с войском через Тавр и переправился через Тигр; он взял и сжег азийские столицы – Тигранокерты и Кабиры, Синопу и Нисибиду – на глазах их государей; земли, простирающиеся к северу до Фасиса и к востоку до Мидии, а также на юг до Красного моря, он покорил при помощи арабских царьков и вконец сокрушил мощь азийских владык, так что оставалось только переловить их самих, убежавших, словно звери, в пустыни и непроходимые леса. Веским доказательством тому служит вот что: если персы, словно они не столь уж и пострадали от Кимона, вскоре вооружились против греков и наголову разбили их сильный отряд в Египте, то после побед Лукулла уже ни Митридат, ни Тигран ничего не смогли совершить. Митридат, обессиленный и измотанный в прежних сражениях, ни разу не осмелился показать Помпею свое войско за пределами лагерного частоккола, а затем бежал в Боспор и там окончил свою жизнь; что касается Тиграна, то он сам явился к Помпею совершенно безоружный, повергся перед ним и, сняв со своей головы диадему, сложил ее к его ногам, льстиво поднося Помпею то, что ему уже не принадлежало, но было в триумфальном шествии провезено Лукуллом. Он радовался, получая обратно знаки царского достоинства, и тем самым признал, что лишился их прежде. Выше следует поставить того полководца, – как и того атлета, – которому удастся больше измотать силы противника, прежде чем он передаст его своему преемнику в борьбе. Вдобавок, если Кимону пришлось воевать с персами после того, как их непрестанно обращал в бегство то Фемистокл, то Павсаний, то Леотихид, когда мощь царя была уже ослаблена и гордыня персов сломлена великими поражениями, так что ему нетрудно было их одолеть, поскольку дух их уже прежде был сломлен и подавлен, то Лукулл столкнулся с Тиграном в пору, когда тот еще не испытал поражения ни в одной из множества данных им битв и был преисполнен заносчивости. По численности также нельзя и сравнивать силы, разбитые Кимоном, с теми, которые объединились против Лукулла.

Таким образом, если все принять во внимание, нелегко решить, кому же следует отдать предпочтение, – тем более, что и божество, по-видимому, проявляло благосклонность к обоим, открывая одному, что следует делать, другому – чего нужно беречься. Сами боги, стало быть своим приговором обоих признают людьми достойными и по природе своей им

---

¹⁰³⁷ 30. ...как говорит Платон ... – Горгий, 516d.

близкими.

НИКИЙ И КРАСС

Никий

[перевод Т.А. Миллер]

1. Нам представляется целесообразным сравнить Никия с Крассом и парфянские бедствия с сицилийскими, и мы должны сразу же настоятельно просить тех, пред кем лежит наше сочинение, не думать, будто, повествуя о событиях, с недостижимым мастерством изложенных у Фукидида¹⁰³⁸, превзошедшего самого себя в силе, ясности и красочности описаний, мы поддались тому же соблазну, что и Тимей, который, надеясь затмить Фукидида выразительностью, Филиста же выставить полным невеждой и неучем, погружается в описание боев, морских сражений и выступлений в Народном собрании, про которые по большей части уже существует удачный рассказ у этих историков. Тимей при этом, клянусь Зевсом, отнюдь не похож на того, кто, по слову Пиндара¹⁰³⁹,

За Лидийскую колесницу пешком поспевал,

скорее он напоминает невежественного недоучку и, как говорит Дифил,

Раздувшись весь от сала сицилийского,

во многих местах близок к Ксенарху. Так, например, он видит чудесное знамение афинянам в том, что полководец, носящий имя победы¹⁰⁴⁰, отказался взять на себя командование, он находит, что изувечением герм божество указывало на великие страдания, которые во время войны принесет афинянам Гермократ, сын Гермона, он пишет, что Геракл, видимо, помогал сиракузянам ради Кору, от которой он получил Кербера, и гневался на афинян за то, что они оказывали помощь гражданам Эгесты, отпрыскам троянцев, тогда как сам Геракл¹⁰⁴¹ за обиду, нанесенную ему Лаомедонтом, разрушил Трою. Пожалуй, Тимей из одних и тех же побуждений писал подобные вещи, исправлял слог Филиста, бранил последователей Платона и Аристотеля. А на мой взгляд, соперничать и состязаться в слоге – затея по сути своей ничтожная и софистическая, а если речь идет о вещах неподражаемых, то и просто глупая.

---

¹⁰³⁸ 1. ...изложенных у Фукидида... – В VI—VII книгах: Фукидид был главным источником Плутарха для этой биографии.

¹⁰³⁹ 2. ...по слову Пиндара... – Этот отрывок (из неизвестной оды) и остальные неоговоренные стихотворные цитаты в этой биографии переведены М.Л. Гаспаровым.

¹⁰⁴⁰ 3. ...носящий имя победы... – Никий от *nikē*; – «победа».

¹⁰⁴¹ 4. ...Геракл, видимо, помогал сиракузянам... гневался на афинян... разрушил Трою... – Геракл был врагом троянцев (которые его обманули и чей город он разрушил в «первой троянской войне» против царя Лаомедонта) и другом сицилийцев (покровительница которых Персефона, дочь Деметры, подземная царица, помогла ему добыть подземного пса Кербера); афиняне, наоборот, шли на сицилийцев войной по приглашению жителей Эгесты, потомков троянцев.

Нельзя, конечно, обойти молчанием события, описанные у Фукидида и Филиста, а потому я вынужден бегло коснуться их, и прежде всего тех, которые выявляют характер и природные качества Никия, трудно распознаваемые в пучине бедствий; во избежание упреков в небрежности и лени я попытался собрать то, что большинству остается неизвестным, – беглые упоминания, содержащиеся в разных сочинениях, надписи на древних памятниках, решения Народных собраний. Я старался избежать нагромождения бессвязных историй, а изложить то, что необходимо для понимания образа мыслей и характера человека.

2. Итак, рассказ о Никии можно начать словами Аристотеля¹⁰⁴², писавшего, что было три лучших гражданина, питавших отеческую благожелательность к народу, – это Никий, сын Никерата, Фукидид, сын Мелесия, и Ферамен, сын Гагнона, последний в меньшей степени, чем два первых, Ферамена, уроженца Коса, корили его происхождением, а за непостоянство политических привязанностей прозвали Котурном¹⁰⁴³. Старший из них, Фукидид, возглавлял сторонников аристократии, и его деятельность во многом была направлена против Перикла, вождя народа. Самым молодым был Никий. Он пользовался почетом еще при жизни Перикла, был вместе с ним стратегом и сам занимал многие высшие должности, а после смерти Перикла сразу выдвинулся на первое место. Богатые и знатные граждане выставили его противником наглому и дерзкому Клеону, но это не мешало ему пользоваться благосклонностью и уважением народа. Ведь Клеон вошел в силу,

Обхаживая старца и доход суля¹⁰⁴⁴.

Однако алчность, бесстыдство, чванство Клеона заставили очень многих из тех, кому он старался угодить, перейти на сторону Никия. Никий в своем величии не был ни строгим, ни придирчивым, ему присуща была какая-то осторожность, и эта видимость робости привлекала к нему народ. Пугливый и нерешительный от природы, он удачно скрывал свое малодушие во время военных действий, так что походы завершал неизменной победой. Осмотрительность в государственных делах и страх перед доносчиками казались свойствами демократическими и чрезвычайно усилили Никия, расположив в его пользу народ, который боится презирающих его и возвышает боящихся. Ведь для простого народа величайшая честь, если люди высокопоставленные им не пренебрегают.

3. Перикл, обладавший и силой слова, и истинной доблестью, руководил государством, не приспособляясь к черни, не ища ее доверия. У Никия же не было этих качеств, но было богатство, которое помогало ему вести за собой народ. Афиняне привыкли находить удовольствие в легкомысленных и пошлых выходках Клеона, и в этом Никий не мог с ним соперничать, зато он принимал на себя хорегии, гимнасиархии и другие затраты, всех своих предшественников и современников затмевая щедростью и тонким вкусом и тем склоняя на свою сторону народ. Из сделанных Никием приношений богам до наших дней продолжают стоять статуя Паллады на Акрополе, с которой уже сползла позолота, и поставленный на священном участке Диониса¹⁰⁴⁵ храм для треножников, которые получали в награду хореги-победители. Ведь победы он одерживал часто, поражений же не терпел никогда. Рассказывают, что во время какого-то представления роль Диониса играл его раб – огромного роста красавец, еще безбородый, Афиняне пришли в восторг от этого зрелища и

¹⁰⁴² 5. ...словами Аристотеля... – «Афинская полития», 28, 5.

¹⁰⁴³ 6. Котурном – т.е. Сапогом на обе ноги.

¹⁰⁴⁴ 7. Обхаживая старца и доход суля. – Стих из неизвестной комедии.

¹⁰⁴⁵ 8. ...на священном участке Диониса... – Рядом с театром Диониса под южным склоном Акрополя.

долго рукоплескали, а Никий, поднявшись, сказал, что нечестиво было бы удерживать в неволе тело, посвященное богу, и отпустил юношу на свободу. Также и Делос хранит память о честолубии Никия, о его великолепных и достойных бога дарах. Ведь посылавшиеся городами хоры для пения гимнов в честь бога¹⁰⁴⁶ приставали к берегу как попало, а толпа встречала их прямо у кораблей и сразу же заставляла петь, хотя и нестройно, без всякого порядка, меж тем как они поспешно выходили на берег, возлагали на себя венки и переодевались – все одновременно. Когда же священное посольство повел Никий, то он вместе с хором, жертвенными животными и утварью высадился на Рении, а неширокий пролив между Ренией и Делосом ночью перекрыл мостом, который по заданному размеру был уже изготовлен в Афинах, великолепно позолочен, раскрашен, убран венками и коврами. На рассвете он провел через мост торжественное шествие в честь бога при звуках песен, исполнявшихся богато наряженным хором. После жертвоприношения, состязания и угощений он поставил в дар богу медную пальму и посвятил ему участок, за который уплатил десять тысяч драхм. Доходы с этой земли делосцы должны были тратить на жертвы и угощения, испрашивая при этом у богов многие блага для Никия. Это условие было записано на каменной плите, которую Никий оставил как бы стражем своего дара на Делосе. Пальма впоследствии сломалась от ветра, упала и опрокинула большую статую, воздвигнутую наксосцами.

4. В этих поступках многое, на первый взгляд, вызвано жаждой славы и показною щедростью, однако все остальное поведение Никия и его привычки позволяют верить, что подобная широта и желание угодить народу были плодами его благочестия. Ведь он, по словам Фукидида¹⁰⁴⁷, благоговел перед богами и верил прорицаниям.

В одном из диалогов Пасифонта написано, что Никий ежедневно приносил жертвы богам и, держа у себя в доме гадателя, делал вид, что постоянно спрашивает у него совета насчет общественных дел, в действительности же совещался с ним о своих личных делах, главным образом о серебряных рудниках. У него было в Лавриотике много копей, и весьма доходных, однако разработка их была делом небезопасным. Там у него находилось множество рабов, и большая часть его имущества заключалась в серебре. Немало людей поэтому просило и получало у него деньги в долг. Он с одинаковой готовностью давал как тем, кто мог причинить ему вред, так и тем, кто заслуживал хорошего отношения к себе. Злодеям на руку было его малодушие, порядочным людям – его человечность. Свидетелями этого могут служить даже комические поэты. Телеклид, например, на какого-то доносчика сочинил такие стихи:

Мину дал Харикл намердни, чтобы я не говорил,
Что у матери родился первым он из... кошелька¹⁰⁴⁸.
И четыре дал мне мины Никий, Никератов сын.
А за что я получил их, это знаем я да он;
Я ж молчу; он мне приятель и, как видно, не дурак.

Лицо, выведенное Эвполидом в комедии «Марика», толкует на свой лад слова какого-то далекого от общественных дел бедняка и говорит:

– Скажи, а ты давно ли видел Никия?

¹⁰⁴⁶ 9. ...в честь бога... – На Делосе, родине Аполлона, справлялись каждый четвертый год всеионийские празднества в день рождения бога. Никий был главой афинского «священного посольства» в 417 г.

¹⁰⁴⁷ 10. По словам Фукидида – VII, 50.

¹⁰⁴⁸ 11. ...родился... из кошелька. – Т.е. получил права гражданства за взятку.

– Совсем не видел – разве что на площади.
– Ага! признался он, что видел Никия!
А для чего? Конечно, для предательства!
– Слышите, приятели?
Уже с поличным изловили Никия!
– Вам ли, полоумные,
Ловить с поличным мужа столь достойного!

У Аристофана¹⁰⁴⁹ Клеон грозитя:

Взьерошу всех говорунов и Никия взлохмачу.

И Фриних тоже смотрит на Никия как на человека запуганного и боязливого:

Он гражданином видным был, – я знал его, –
Он не ходил, как Никий, вечно съезжившись.

5. Итак, остерегаясь доносчиков, Никий избегал и общих трапез, и бесед с согражданами, да и вообще был далек от подобного времяпрепровождения. Когда он бывал занят делами управления, то просиживал до поздней ночи в стратегии¹⁰⁵⁰ и уходил последним из Совета, придя туда первым, а когда общественных дел не было, он становился необщителен, неразговорчив и сидел у себя взаперти. Друзья Никия встречали посетителей в дверях и просили извинить его, так как, по их словам, он и дома занят какими-то необходимыми для государства делами. Чаще всего участвовал в этой игре и окружал громкой славой имя Никия его воспитанник Гиерон, обученный им грамоте и музыке, который выдавал себя за сына Дионисия, прозванного Медяком – того, кто вывел переселенцев в Италию и основал Турии и чьи стихи дошли до нас. Этот Гиерон устраивал Никию тайные свидания с гадателями и распускал в народе слухи о непомерных трудах Никия, живущего исключительно интересами своего города. «И в бане, и за обедом, – говорил Гиерон, – его постоянно беспокоит какое-нибудь государственное дело; забросив в заботах об общественном благе свои собственные дела, он едва успевает лечь, когда другие уже крепко спят. Поэтому у него расстроено здоровье, он неласков и нелюбезен с друзьями, которых, как и денег, лишился, занимаясь государственными делами. А другие и друзей приобретают, и себя обогащают, благоденствуют на общественный счет и плюют на интересы государства». Действительно, жизнь Никия была такова, что он мог сказать о себе словами Агамемнона¹⁰⁵¹:

Защитою нам спесь, но перед чернью мы
Являемся рабами...

6. Никий видел, что народ в некоторых случаях с удовольствием использует опытных, сильных в красноречии и рассудительных людей, однако всегда с подозрением и страхом относится к их таланту, старается унижить их славу и гордость, что проявилось и в осуждении Перикла, и в изгнании Дамона, и в недоверии к Антифону из Рамнунта, и особенно на примере Пахета, который, после того как взял Лесбос, при сдаче отчета о своем

---

¹⁰⁴⁹ 12. У Аристофана – «Всадники», 358 (пер. А. Пиотровского).

¹⁰⁵⁰ 13. В стратегии – здании военного совета.

¹⁰⁵¹ 14. ...словами Агамемнона... – Эврипид, Ифигения в Авлиде, 449—450 (пер. М.Е. Грабарь-Пассек).

походе, тут же, не выходя из судилища, выхватил меч и заколол себя. Поэтому Никий старательно уклонялся от руководства длительными и тяжелыми походами, а когда принимал на себя командование, то прежде всего думал о безопасности и, как и следовало ожидать, в большинстве случаев с успехом завершал начатое, однако подвиги свои приписывал не собственной мудрости, силе или доблести, но все относил на счет судьбы и ссылался на волю богов, дабы избежать зависти, которую навлекает на себя слава. Об этом говорят сами события. Ведь Никий не был причастен ни к одному из множества великих бедствий, которые обрушились тогда на Афины: поражение от халкидян¹⁰⁵² во Фракии потерпели командующие Каллий и Ксенофонт, несчастье в Этолии произошло в архонтство Демосфена, предводителем тысячи афинян, павших при Делии, был Гиппократ, Перикла, который во время войны запер в городе сельское население, называли главным виновником моровой язвы, вспыхнувшей из-за переселения на новое место¹⁰⁵³, при котором нарушился обычный уклад жизни.

Никий остался в стороне от всех этих бед. Напротив, командуя войском, он захватил Киферу, остров с лаконским населением, выгодно расположенный против Лаконии; во Фракии он занял и подчинил Афинам многие из отпавших городов, запер мегарян в их городе и тотчас же взял остров Миною, затем, через некоторое время выступив оттуда, покорил Нисею, высадился на коринфской земле и выиграл сражение, убив многих коринфян и среди них военачальника Ликофрона. Случилось так, что афиняне оставили там непогребенными трупы двоих воинов. Как только Никий об этом узнал, он остановил флот и послал к врагам договориться о погребении. А между тем существовал закон и обычай, по которому тот, кому по договоренности выдавали тела убитых, тем самым как бы отказывался от победы и лишался права ставить трофей – ведь побеждает тот, кто сильнее, а просители, которые иначе, чем просьбами, не могут достигнуть своего, силой не обладают. И все же Никий предпочитал лишиться награды и славы победителя, чем оставить непохороненными двух своих сограждан. Опустошив прибрежную область Лаконии, обратив в бегство выступивших против него лакедемонян, Никий занял Фирею, которой владели эгинцы¹⁰⁵⁴, и отправил пленных в Афины.

7. Когда Демосфен укрепил стеною Пилос, пелопоннесцы начали войну одновременно на суше и на море. Произошло сражение, и около четырехсот спартанцев оказались запертыми на острове Сфактерии. Для афинян, как они справедливо полагали, было очень важно их захватить, но тяжело и мучительно было вести осаду в безводной местности, куда возить издалека продовольствие летом дорого, а зимой опасно или даже вообще невозможно. Афиняне раскаивались и досадовали, что отвергли посольство лакедемонян, приезжавшее к ним для переговоров о мире. Эти переговоры расстроил Клеон, в значительной мере из-за ненависти к Никию. Он был его врагом и, видя готовность Никия содействовать лакедемонянам, убедил народ голосовать против перемирия. Осада затянулась, стали приходить известия о страшных лишениях в лагере, и тогда гнев афинян обрушился на Клеона. Клеон принялся укорять Никия в трусости и вялости, винить его в том, что он щадит врагов, хвалился, что если бы командование было поручено ему, Клеону, то неприятель не держался бы так долго. Афиняне поймали его на слове: «Что же ты сам не выходишь в море, и притом немедленно?» – спросили его. И Никий, поднявшись, уступил ему командование войском при Пилосе, советуя не хвастаться своей храбростью в безопасном месте, а на деле

---

¹⁰⁵² 15. ...поражение от халкидян... – В 429 г. (но Каллия тогда уже не было в живых), в Этолии – в 426 г., при Делии – в 424 г.

¹⁰⁵³ 16. ...на новое место... – Из сел в тесный город, см. Пер., 34.

¹⁰⁵⁴ 17. Эгинцы – в Фирее (на границе Лаконии и Аргониды) спартанцы поселили граждан Эгины, выселенных афинянами в 431 г.

оказать городу какую-нибудь серьезную услугу. Клеон, смутившись от неожиданности, начал отнекиваться, но афиняне стояли на своем, и Никий так горячо его упрекал, что честолубие Клеона распалось и он принял на себя командование, пообещав через двадцать дней либо перебить врагов на месте, либо доставить их живыми в Афины. Афиняне больше смеялись, чем верили, ведь они вообще охотно шутили над его легкомыслием и сумасбродством. Как-то раз, говорят, было созвано Народное собрание, и народ долгое время сидел на Пниксе в ожидании Клеона. Наконец тот пришел с венком на голове и предложил перенести собрание на завтра. «Сегодня мне некогда, – сказал он, – я собираюсь потчевать гостей и уже успел принести жертву богам». С хохотом афиняне встали со своих мест и распустили собрание.

8. Однако на сей раз судьба была на его стороне. Военные действия, которые Клеон вел вместе с Демосфеном, завершились блестяще: за тот срок, который он себе назначил, оставшиеся в живых спартанцы сложили оружие и были взяты в плен. Никию это событие принесло дурную славу. Добровольно, из трусости, отказаться от командования и дать своему врагу возможность совершить столь блестящий подвиг было в глазах афинян хуже и позорнее, чем бросить щит. Аристофан¹⁰⁵⁵ не упустил случая посмеяться над ним за это в «Птицах»:

Свидетель Зевс, дремать теперь не время нам,
Как сонный Никий колебаться некогда.

А в «Земледельцах» он пишет так:

– Пахать хочу! – А кто тебе препятствует?
– Вы сами! Драhm я отсчитаю тысячу,
Коль снимете с меня правленья тяготы.
– Идет! А вместе с Никиевой взяточю
Две тысячи их будет...

И государству, конечно, Никий причинил немалый вред тем, что позволил Клеону прославиться и усилить свое влияние. Теперь Клеон раздулся от гордости, наглость его стала беспредельной, и он принес городу множество бедствий, которые в немалой степени коснулись и самого Никия. Клеон перестал соблюдать всякие приличия на возвышении для оратора: он был первым, кто, говоря перед народом, стал вопить, скидывать с плеч плащ, бить себя по ляжкам, бегать во время речи; так он заразил государственных деятелей распушенностью и презрением к долгу, которые вскоре погубили все.

9. В ту пору афинян начал привлекать к себе Алкивиад – тоже своекорыстный искатель народной благосклонности, но не столь откровенно наглый, как Клеон. Он подобен был плодородной египетской земле, которая, говорят,

...много
Злаков рождает и добрых, целебных, и злых, ядовитых¹⁰⁵⁶.

Щедро одаренный от природы, он кидался из одной крайности в другую и был охвачен страстью к переворотам. Поэтому, даже отделившись от Клеона, Никий не успел водворить в городе тишину и спокойствие: едва направив дела по спасительному пути, он вынужден был

---

¹⁰⁵⁵ 18. Аристофан... в «Птицах» – ст. 638—639 (пер А. Пиотровского); комедия «Земледельцы» не сохранилась.

¹⁰⁵⁶ 19. ...много / Злаков рождает и добрых, целебных, и злых, ядовитых. – «Одиссея», IV, 230.

отступить от него, ибо из-за неистового честолюбия Алкивиада был втянут в новую войну. Произошло это так.

Самыми заядлыми врагами мира в Греции были Клеон и Брасид. Война делала незаметным ничтожество первого из них и придавала блеск доблести второго. Одному она открывала простор для великих беззаконий, другому – для подвигов. Оба они погибли при Амфиполе, и Никий, чувствуя, что спартанцы хотят мира и афиняне уже не отваживаются продолжать войну, что и те и другие как бы опустили руки в изнеможении, сразу же постарался наладить добрые отношения между обоими государствами, избавить от бед и умиротворить остальных греков и этим обеспечить счастье на будущее время. Люди зажиточные и пожилые, а также большинство земледельцев были настроены мирно. Из остальных многие охладели к войне после личных встреч с Никием и его наставлений. Таким образом, Никий мог уже обнадежить спартанцев, приглашая и склоняя их подумать о мирном договоре. Они доверяли ему, зная его порядочность и видя его заботу о брошенных в тюрьму пилосских пленных, которым его доброта облегчала их горькую участь. Уже раньше афиняне и спартанцы договорились о прекращении военных действий сроком на год. В течение этого года они встречались друг с другом, общались с чужеземцами и близкими, избавились от страха, и вновь вкусили покоя и жаждали и впредь жить без кровопролитий и войн. Им приятно было слушать, как хор поет:

Пусть копья лежат паутиной, как тканью, обвиты¹⁰⁵⁷,

приятно было вспоминать изречение, что во время мира пробуждают спящих не трубы, а петухи. С бранью отшатывались от тех, кто говорил, что войне суждено тянуться три десятилетия¹⁰⁵⁸. Договорившись по всем спорным вопросам, они заключили мир. Большинство граждан верило, что пришел конец несчастьям. Про Никия все твердили, что он муж, угодный богам, и что по их воле в награду за благочестие его именем нарекли величайшее и самое прекрасное из благ. И действительно, мир называли делом рук Никия, войну – Перикла. Ведь последний из-за ничтожного повода вверг греков в великие бедствия, первый же сделал их друзьями, заставив забыть о величайших бедствиях. Вот почему и поныне этот мир зовется Никиевым.

10. По условиям договора укрепления, города и пленные, захваченные обеими сторонами, подлежали возврату. Поскольку вопрос, какая сторона будет первой возвращать захваченное, решался жребием, Никий тайно купил счастливый жребий, и, таким образом, первыми стали выполнять договор лакедемоняне. Это рассказано у Феофраста. Когда коринфяне и беотийцы, недовольные происшедшим, снова чуть было не вызвали войну своими обвинениями и нападками, Никий убедил афинян и лакедемонян дополнить мирное соглашение военным союзом: миру это придаст особую прочность, говорил он, а их сделает более грозными для изменников, более верными друг другу.

Между тем Алкивиад, самой природой не созданный для покоя, в гневе на лакедемонян, относившихся к Никию с уважением и почтительностью, а к нему с пренебрежением и презрением, вначале открыто выступил и восстал против мира, но безуспешно. Потом, замечая, что поведение лакедемонян начинает раздражать афинян, которых оскорблял их союз с Беотией и нарушение уговора о возврате Панакта и Амфиполя¹⁰⁵⁹, Алкивиад, пользуясь настроением сограждан, по любому поводу подстрекал

¹⁰⁵⁷ 20. Пусть копья лежат паутиной, как тканью обвиты... – Стих из несохранившейся трагедии Эврипида «Эрехтей».

¹⁰⁵⁸ 21. ...три десятилетия... – Таково, по Фукидиду (V, 26), было многократное предсказание различных оракулов.

¹⁰⁵⁹ 22. Панакта и Амфиполя – пограничная крепость Панакт была возвращена Афинам, но совершенно

народ против лакедемонян. В конце концов, он уговорил аргивян прислать в Афины посольство и хлопотал о заключении с ними военного союза. Когда же послы, прибывшие из Лакедемона с неограниченными полномочиями, на предварительной встрече в Совете доказали, что явились со справедливыми предложениями, Алкивиад, испугавшись, как бы их доводы не оказались убедительными и для народа, завлек послов в ловушку, поклявшись помочь им в их деле, если они скроют, что облечены полномочиями, ибо таким путем будто бы легче достигнуть цели. Убедив их покинуть Никию и перейти на его сторону, Алкивиад ввел послов в Народное собрание и, прежде всего, спросил, облечены ли они неограниченными полномочиями. Послы ответили отрицательно, и тут Алкивиад, изменив своим обещаниям, призвал Совет в свидетели их слов, заклиная народ не внимать и не верить тем, кто так бесстыдно лжет и представляет дело то так, то этак. Послы, разумеется, растерялись от неожиданности, Никий, повергнутый в огорчение и замешательство, ничего не мог сказать, а народ уже готов был призвать аргивян и заключить с ними союз, однако тут Никия выручило землетрясение, заставившее всех разойтись. На следующий день народ вновь собрался, и Никию нелегко было убедить афинян воздержаться ненадолго от переговоров с аргивянами, а его послать к лакедемонянам в надежде, что все уладится. Спартанцы встретили его с почетом, как человека достойного и благожелательно к ним относящегося, но отпустили ни с чем, поскольку верх взяли сторонники беотийцев¹⁰⁶⁰. Никий не только был опозорен и обеславлен, – он боялся афинян, их огорчения и гнева за то, что, поверив ему, они вернули Спарте столь многих важных лиц. Ведь доставленные из Пилоса пленные принадлежали к лучшим семействам Спарты, и их друзья и родственники были людьми чрезвычайно влиятельными. Правда, гнев не заставил афинян обойтись с Никием слишком сурово, они только выбрали Алкивиада в стратеги и, наряду с аргивянами, сделали своими союзниками отколовшихся от лакедемонян элейцев и мантинейцев, а также послали отряд в Пилос, чтобы грабить Лаконию. Так они снова втянулись в войну.

11. Наступал срок суда черепков, к которому время от времени прибегает народ, изгоняя на десять лет кого-нибудь из лиц, вызывающих либо зависть из-за своей славы и богатства, либо подозрение. Раздор между Никием и Алкивиадом был в самом разгаре, положение обоих было шатким и опасным, ибо один из них непременно должен был подпасть под ostracism. Алкивиада ненавидели за его поведение и опасались его наглости, о чем подробнее говорится в его жизнеописании; Никию же завидовали из-за богатства, и самое главное – весь уклад его жизни заставлял думать, что в этом человеке нет ни доброты, ни любви к народу, что его неуживчивость и все его странности проистекают от сочувствия олигархии; он вызывал ненависть к себе тем, что приносил пользу насильно, вопреки желаниям и вкусам сограждан. Одним словом, задорная молодежь спорила с людьми миролюбивыми и степенными, и одни собирались изгнать Никию, другие – Алкивиада.

Часто при распрях почет достается в удел негодяю¹⁰⁶¹.

Так вышло и тогда: народ, расколовшись на две партии, развязал руки самым отъявленным негодяям, в числе которых был Гипербол из Перитед. Не сила делала этого человека дерзким, но дерзость дала ему силу, и слава, которой он достиг, была бесславием для города. Гипербол полагал, что ostracism ему не грозит, понимая, что ему подобает скорее колодка. Он надеялся, что после изгнания одного из двух мужей он, как равный, выступит соперником другого; было известно, что он радуется раздору между ними и

разрушенной, Амфиполя спартанцы не вернули вовсе, афиняне же, в свою очередь, не вернули им Пилос.

¹⁰⁶⁰ 23. ...сторонники беотийцев... – Т.е. враги афинян.

¹⁰⁶¹ 24. Часто при распрях почет достается в удел негодяю. – Анонимный стих-пословица.

восстанавливает народ против обоих. Сторонники Никия и Алкивиада поняли этого негодяя и, тайно сговорившись между собой, уладили разногласия, объединились и победили, так что от остракизма пострадал не Никий и не Алкивиад, а Гипербол. Народ сначала весело смеялся, но затем вознегодовал, находя оскорбительным злоупотреблением применять такую меру к человеку бесчестному: ведь и наказанию присуща своего рода честь. Считали, что для Фукидида, Аристиды и подобных им лиц остракизм – наказание, для Гипербола же – почесть и лишний повод к хвастовству, поскольку негодяй испытал ту же участь, что и самые достойные. У комика Платона где-то так и сказано про него.

Хоть подлость в нем достойна наказания,
Да слишком много чести для клейменого:
Суд черепков не для таких был выдуман.

С тех пор вообще никого не подвергали остракизму, Гипербол был последним, первым – Гиппарх из Холарга, состоявший в каком-то родстве с тиранном¹⁰⁶².

Но судьба – вещь загадочная и разумом не постижимая. Ведь если бы во время суда черепков Никий отважился выступить против Алкивиада, то либо победил бы и жил без тревог, изгнав соперника, либо, побежденный, удалился бы, не дожидаясь бедствий, постигших его потом, и слава отличного полководца осталась бы при нем. Я знаю, что, по словам Феофраста, Гипербол отправился в изгнание из-за ссоры Алкивиада с Феаком, а не с Никием, однако большинство писателей излагает эту историю именно так, как я здесь.

12. Никию не удалось отговорить афинян от похода в Сицилию, к которому их склоняли послы Эгесты и Леонтин. Сильнее Никия оказался честолюбивый Алкивиад, который еще до созыва Собрания воодушевил толпу своими многообещающими планами и расчетами, так что и юноши в палестрах, и старики, собираясь в мастерских и на полукружных скамьях, рисовали карту Сицилии, омывающее ее море, ее гавани и часть острова, обращенную в сторону Африки. На Сицилию смотрели не как на конечную цель войны, а как на отправной пункт для нападения на Карфаген, для захвата Африки и моря вплоть до Геракловых столпов. Все настолько увлеклись этим, что мало кто из влиятельных лиц выражал сочувствие доводам Никия. Люди обеспеченные не высказывали вслух своих мыслей из страха, что их упрекнут в нежелании нести расходы по снаряжению судов. Никий, однако, не отказывался от борьбы, и даже после того, как афиняне проголосовали за войну и выбрали его первым стратегом вместе с Алкивиадом и Ламахом, он, выступив на следующем заседании Народного собрания, с мольбой отговаривал их и, заканчивая речь, упрекал Алкивиада в том, что ради личных выгод, из честолюбия тот ввергает свой город в грозные опасности войны за морем. Но все было напрасно. Опытность Никия казалась афинянам важным залогом безопасности: смелость Алкивиада и горячность Ламаха соединялись с его осторожностью, и в глазах сограждан это делало выбор стратегов весьма удачным. Демострат, больше всех народных вожakov подстрекавший афинян к войне, встал тогда и, пообещав разом положить конец отговоркам Никия, предложил облечь стратегов неограниченной властью, дав им право решать дела, как им угодно, и дома и в походе. Народ проголосовал за его предложение.

13. Рассказывают, однако, что и жрецы сообщали о многих неблагоприятных для похода предзнаменованиях. Тем не менее, Алкивиад, полагаясь на других гадателей, из каких-то древних оракулов выводил заключение, что в Сицилии афинян ждет громкая слава. И от Аммона к нему явились какие-то провидцы передать предсказание, что афиняне захватят всех сиракузян, о дурных же приметах не говорили из страха произнести зловещее слово. Афиняне не могли заставить опомниться даже явные и очевидные знамения, такие, как

---

¹⁰⁶² 25. С тиранном – Т.е. с Писистратом: остракизм был установлен именно как средство предотвращения тираннии.

случай с гермами, когда все они за одну ночь были изуродованы (кроме одной – ее зовут гермой Андокида, она была приношением филы Эгеиды и находилась против дома, принадлежавшего тогда Андокиду), или то, что произошло у алтаря двенадцати богов: какой-то человек вдруг вскочил на алтарь, уселся на него и камнем отсек себе детородный член. В Дельфах на медной пальме стояло золотое изображение Паллады – дар Афин из добычи, захваченной у персов. Много дней подряд вороны клевали статую, а сделанные из золота плоды пальмы откусывали и бросали вниз. Но афиняне говорили, что все это выдумки дельфийских жрецов, подученных сиракузянами. Оракул велел доставить из Клазомен в Афины жрицу, за нею послали, и оказалось, что имя привезенной Гесихия, т.е. Тишина. Беречь именно ее, тишину, божество наставляло тогда афинян. То ли напуганный этим знамением, то ли чисто по-человечески все взвесив и обдумав, астролог Метон, уже назначенный начальником какой-то части войска, прикинулся безумным и сделал вид, будто пытается поджечь свой дом. Некоторые сообщают, что он не разыгрывал сумасшествия, но действительно ночью сжег дом и, выйдя на площадь, жалостно упрасивал сограждан посочувствовать такой беде и не посылать в поход его сына, уже назначенного в Сицилию командиром триеры. Мудрецу Сократу его гений обычным условным знаком возвестил, что морской поход затевается на гибель городу. Сократ рассказал об этом своим знакомым и друзьям, и слова его стали известны многим. Немало людей было встревожено и самым сроком, на который было назначено отплытие. Женщины в те дни справляли праздник Адониса, и повсюду в городе лежали его статуи, а женщины били себя в грудь, совершая обряд погребения бога, так что те, кто сколько-нибудь считается с приметами, горевали о снаряженном тогда отряде, опасаясь, как бы столь яркий блеск его в скором времени не померк.

14. Когда Никий противился Народному собранию, когда он твердо стоял на своем, не поддаваясь соблазну власти и приносимого ею величия, он вел себя как человек дельный и благоразумный. Однако после того, как он не смог ни отговорить народ от войны, ни сам уклониться от командования, но как бы силой взят был народом, возвышен и облечен званием стратега, уже не время было озираться, медлить, как ребенку смотреть с корабля назад, терзать и расхолаживать даже своих товарищей по командованию, беспрестанно твердя о своем несогласии, и тем губить все дело – подобало, наоборот, преследовать врага по пятам и в битвах искать счастья. Никий же отверг как предложение Ламаха плыть против сиракузян и дать бой у самого города, так и план Алкивиада, замышлявшего поднять против сиракузян другие города и уже потом выступить против Сиракуз; наперекор им Никий советовал спокойно плавать вдоль берегов Сицилии, блеснуть оружием и показать триеры, а потом вернуться в Афины, выделив небольшие силы в помощь Эгесте; этим Никий сразу разрушил замыслы своих товарищей и поверг их в уныние. Алкивиад вскоре вызвали на суд в Афины, и Никий, считавшийся вторым полководцем, на деле же – главнокомандующий, продолжал попусту тратить время, то плавая вокруг острова, то устраивая совещания, пока у солдат не пропала надежда, а у врагов не прошли изумление и ужас, в которые сначала их поверг вид вражеской мощи. Еще прежде, чем Алкивиад покинул войско, афиняне подошли к Сиракузам на шестидесяти кораблях. Они встали в боевой готовности у выхода из гавани, и десять кораблей было послано в гавань на разведку. Подойдя к берегу, они через глашатая потребовали возвратить леонтинцев в родной город, а в гавани им удалось захватить вражеский корабль и на нем таблицы с перечнем имен всех сиракузян по филам. Хранились эти таблицы за городом, в святилище Зевса Олимпийского, и их перевозили тогда для подсчета взрослого населения. Когда таблицы были взяты и принесены афинским стратегам и те увидели множество имен, гадатели забеспокоились – не есть ли это исполнение предсказания, что афиняне захватят всех сиракузян. Впрочем, передают, что таблицы достались афинянам иначе, – когда афинянин Каллипп, убив Диона, завладел Сиракузами¹⁰⁶³.

¹⁰⁶³ 26. ...Каллипп... завладел Сиракузами. – См.: Дион, 56—58.

15. Вскоре после отплытия Алкивиада из Сицилии верховное командование целиком перешло к Никию. Ламах был человеком мужественным и справедливым, в сражениях рука его рубила без устали, но жил он в такой бедности и простоте, что всякий раз, как его назначали стратегом, он предъявлял афинянам счет на небольшую сумму для покупки себе одежды и обуви. Влияние же Никия, наряду со многими другими причинами, объяснялось и его богатством. Существует рассказ, что однажды военачальники совещались о чем-то в палатке полководца, и на приглашение высказать свое мнение первым поэт Софокл ответил Никию: «Я самый старый, ты самый старший». Так и теперь Никий держал в подчинении Ламаха, полководца более талантливого, чем он сам, и действовал осторожно и медлительно. Плавая сначала вдоль берега Сицилии на далеком расстоянии от врагов, он придал им этим храбрости, потом, не сумев захватить маленький город Гиблу и отступив от него ни с чем, покрыл себя позором. В конце концов он отошел к Катане, покорив лишь Гиккары, варварский городок, из которого, как рассказывают, среди прочих пленных была вывезена и продана в Пелопоннес гетера Лаида, в ту пору еще маленькая девочка.

16. Лето кончилось¹⁰⁶⁴, и Никий уже понимал, что сиракузяне, победившие свой страх, первыми выступят против афинян; вражеские всадники дерзко приближались к самому лагерю и спрашивали афинян, для чего они явились – поселиться вместе с катанцами или водворить на прежнее место леонтинцев. Тут Никий, наконец, повел флот против Сиракуз. Желая без страха и беспокойства разбить свой лагерь, Никий из Катаны тайно послал к сиракузянам человека, чтобы тот дал совет, если они хотят голыми руками захватить лагерь и оружие афинян, в условленный день подступить к Катане со всем войском. Подосланный Никием человек рассказал сиракузянам, что афиняне почти весь день проводят в городе и что сторонники сиракузян в Катане сговорились при первом известии о приближении сиракузян запереть ворота и немедленно поджечь стоящие на якоре корабли; заговорщиков, по его словам, уже много, и они ждут сиракузян. Это было лучшим военным успехом Никия в Сицилии. Он заставил врага вывести все войско и оставить город почти без защитников, а сам, покинув Катану, занял гавани и разместил войско в таком месте, откуда рассчитывал беспрепятственно вести военные действия, применяя средства, в которых он был силен, и терпя самый незначительный урон от того, в чем был слабее врагов. Когда сиракузяне вернулись из Катаны и выстроились в боевой порядок у стен города, Никий немедленно повел афинян в наступление и победил. Убитыми враг потерял немного, так как бегство его прикрывала конница. Никий приказал разрушить мосты через реку и тем доставил Гермократу, который произносил речь, ободряя сиракузян, повод заявить, что Никий просто смешон: все его замыслы направлены к тому, чтобы уклониться от боя, как будто не для боя приплыл он в Сицилию. Тем не менее, сиракузяне пришли в такой ужас и смятение, что вместо бывших у них тогда пятнадцати стратегов выбрали трех других, которым народ поклялся в верности и дал неограниченные полномочия.

Афиняне рвались к близлежащему храму Зевса Олимпийского, где находилось множество золотых и серебряных приношений. Но Никий нарочно оттягивал захват святилища и не помешал сиракузскому караулу занять его; он рассудил, что если сокровища разграбят солдаты, то государству это впрок не пойдет, а ответственность за святотатство будет нести он.

Никий никак не воспользовался своей славной победой: через несколько дней он возвратился в Наксос, где и провел зиму, много тратя на содержание огромного войска, но ничего не достигнув, если не считать союза с немногими перешедшими на его сторону сицилийскими городами, так что сиракузяне опять воспрянули духом, послали войско в Катану, разорили окрестности города и сожгли афинский лагерь. За это, конечно, все упрекали Никия, находя, что пока он раздумывал, собирался и выжидал, оказался

---

¹⁰⁶⁴ 27. Лето кончилось... – Лето 415 г.

упущенным благоприятный для действий момент. Надо сказать, что сами действия его никогда не вызывали нареканий. Раз начавши, он становился затем бесстрашен и решителен, но, когда надо было решиться, медлил и робел.

17. Когда он снова двинулся с войском против Сиракуз, то сделал это столь стремительно и в то же время с такой осторожностью, что, незаметно причалив к Тапсу и высадившись, успел занять Эпиполы, а из подоспевшего на помощь отряда отборных воинов взял в плен триста человек и обратил в бегство вражескую конницу, до тех пор не знавшую поражений. В особенности поразило сицилийцев, а грекам показалось сказкою то, что в короткий срок Никий окружил стеной Сиракузы – город, по величине не уступавший Афинам, но гораздо менее удобный для постройки вокруг него такой длинной стены из-за неровной местности, окрестных болот и близости моря. Никий лишь немного не закончил строительство, хотя эти заботы легли на него, когда он уже потерял здоровье и страдал болезнью почек, в которой и следует искать причину того, что работы остались незавершенными. Меня восхищает заботливость полководца и отвага воинов, с успехом выполнявших свое дело. Уже после их поражения и гибели Эврипид сочинил такую эпитафию:

Эти мужи восемь раз сиракузян в бою побеждали;
Равными были тогда жребии волей богов¹⁰⁶⁵.

Но можно было бы показать, что не восемь, а значительно большее число раз сиракузяне терпели поражение, пока, и в самом деле, то ли боги, то ли судьба не отвернулись от афинян именно в тот миг, когда они были на вершине своего могущества.

18. Несмотря на недуг, Никий участвовал почти в каждом деле. Как-то раз болезнь особенно мучила его, он не мог встать и остался в лагере с небольшим числом слуг. Ламах же принял командование и вступил в бой с сиракузянами, которые со стороны города воздвигали стену наперерез той, которую строили афиняне; таким путем сиракузяне должны были помешать врагу замкнуть кольцо вокруг города.

Почувствовав себя победителями, афиняне расстроили ряды и бросились преследовать врага, и Ламаху чуть ли не одному пришлось встретить натиск неприятельской конницы. Вел ее Калликрат, человек воинственный и горячий. Вызванный на единоборство, Ламах вступил с ним в поединок, первый получил удар, затем ударил сам, упал и умер вместе с Калликратом. Завладев его телом и оружием, сиракузяне бросились к афинской стене, подле которой лежал беспомощный Никий. Беда, однако, заставила его подняться. Понимая опасность, Никий приказал бывшим при нем слугам поджечь около стен все бревна, предназначенные для сооружения машин, да и сами машины тоже. Это остановило сиракузян и спасло как Никию, так и стену и имущество афинян: увидев огромное пламя, отделявшее их от вражеского лагеря, сиракузяне отступили.

Теперь единственным стратегом оставался Никий, и он надеялся на успех. Ведь города переходили на его сторону, груженные хлебом суда отовсюду прибывали к его лагерю, все искали союза с тем, кому сопутствовала удача. Сиракузяне, отчаявшись, стали поговаривать о сдаче города. Тогда и Гилипп, спешивший из Лакедемона к ним на помощь, узнав о возводимой афинянами стене и о безвыходном положении Сиракуз, решил, что Сицилия уже захвачена неприятелем, и плыл теперь лишь для того, чтобы оборонять италийские города, если это удастся. Громкая молва шла о том, что афиняне сильнее всех и что их полководца делает непобедимым его счастливая судьба и разум.

Даже самому Никию, несмотря на его характер, сила и удача придали бодрости. Полагаясь на тайные донесения из Сиракуз, гласившие, что город вот-вот начнет переговоры о сдаче, Никий не принял в расчет приближение Гилиппа, не выставил своевременно

¹⁰⁶⁵ 28. *Эти мужи... волей богов.* – Пер. М.Е. Грабарь-Пассек.

караулов. Такая беззаботность со стороны врага предоставила Гилиппу случай незаметно переплыть пролив¹⁰⁶⁶, высадиться вдали от Сиракуз и собрать большое войско. Сиракузянам ничего не было известно о его прибытии, и они вовсе не ждали его. Назначено было Народное собрание для обсуждения условий договора с Никием, и кое-кто уже направлялся на площадь с мыслью, что надо решить вопрос прежде, чем афиняне успеют окончательно запереть город стенами. Недостроенным оставался небольшой участок ее, и весь материал для окончания работ был заготовлен.

19. В этот решающий миг из Коринфа прибыл на одной триере Гонгил, и сбежавшиеся к нему сиракузяне узнали, что на помощь им скоро подойдет Гилипп и приплывут еще корабли. Гонгилу не решались еще поверить, как уже явился гонец от Гилиппа с наказом встречать спартанцев. Воспрянув духом, сиракузяне взяли за оружие, а Гилипп прямо с дороги выстроил воинов в боевой порядок и повел их на афинян. Когда Никий тоже привел своих в боевую готовность, Гилипп остановился против афинян и послал глашатая передать, что позволяет им беспрепятственно уйти из Сицилии. Никий не счел нужным отвечать ему. Некоторые воины со смехом спрашивали, неужели один спартанский плащ и палка так усилили сиракузян, что им уже не страшны афиняне, которые держали в оковах и вернули лакедемонянам триста человек посильнее Гилиппа и носивших более длинные волосы, чем он. Тимей передает, что и сицилийцы не уважали Гилиппа; в его алчности и скупости они убедились позднее, при первом же знакомстве подшучивали над его волосами и потертым плащом. Тот же писатель далее сообщает, что к Гилиппу, как к внезапно появившейся сове, слетелись очень многие и охотно встали под его команду. Это последнее известие более правдоподобно, чем первое. Ведь к нему шли потому, что смотрели на палку и на плащ¹⁰⁶⁷, как на символы спартанского достоинства. Что все последующее развитие событий в Сицилии – заслуга Гилиппа, считал не только Фукидид, но и сиракузянин Филлист, очевидец этих событий.

В первом сражении перевес остался на стороне афинян, убивших нескольких сиракузян и коринфянина Гонгила. Но уже на следующий день Гилипп показал, на что способен опытный полководец. Он начал битву тем же самым оружием, на тех же конях, в том же самом месте – лишь иначе расставил своих людей, и победа досталась ему. Афиняне бежали в свой лагерь, а Гилипп приказал сиракузянам воспользоваться афинскими запасами камня и леса и воздвиг укрепление, перерезавшее стену афинян так, чтобы она не могла им уже пригодиться даже в случае победы. Осмелевшие после этого успеха сиракузяне стали пополнять экипажи кораблей и, делая набегі силами своей и союзнической конницы, захватывали многих афинян в плен. Гилипп сам ездил по городам, вселял в жителей мужество и добился повиновения и надежной поддержки, так что Никий, при изменившемся положении дел возвращаясь к прежнему образу мыслей, приходил в уныние и писал в Афины, настаивая, чтобы в Сицилию выслали новое войско или отозвали бы и прежнее, а себя, ссылаясь на болезнь, настойчиво просил избавить от командования.

20. Афиняне и раньше хотели послать подкрепление в Сицилию, но из зависти к первым и столь многообещающим успехам Никия долго откладывали решение, теперь же, наконец, поспешили помочь. Весною в Сицилию должен был отплыть с большим флотом Демосфен, а еще зимой отплыл туда Эвримедонт, чтобы передать Никию деньги и объявить о назначении стратегами Эвфидема и Менандра – из числа тех, кто воевал вместе с ним.

Тем временем Никию был нанесен внезапный удар с суши и с моря; хотя корабли его сначала не выдержали натиска, он все же отогнал и потопил много неприятельских судов, однако прийти на помощь пехоте не успел, и Племирий оказался в руках неожиданно

¹⁰⁶⁶ 29. ....переплыть пролив... – Мессинский пролив между Италией и Сицилией.

¹⁰⁶⁷ 30. На палку (палочную – в буквальном смысле слова – дисциплину в спартанском войске) и на плащ (как бы мундир, простой и грубый) – ср. Лик., 30.

появившегося Гириппа, который завладел всем хранившимся там морским снаряжением и большой суммой денег, перебив и забрав в плен немало людей, Но самое важное было то, что он отрезал Никию от подвоза продовольствия. Ведь через Племирий, пока в нем стояли афиняне, провизия доставлялась быстро и беспрепятственно, когда же мыс перешел в руки Гириппа, дело осложнилось, ибо приходилось отбиваться от вражеских кораблей, стоявших там на якоре. К тому же сиракузянам теперь казалось, что и флот их побежден был не силой противника, а из-за недостатка порядка у них самих во время бегства. Они опять снаряжали корабли и рвались в бой. Никий уклонялся от битвы на море, считая величайшей глупостью с малым числом кораблей, да к тому же плохо оснащенных, ввязываться в сражение, когда уже совсем близко Демосфен с большим флотом и свежими силами. Но Менандр и Эвфидем, только что получившие командные посты, были охвачены духом соперничества и зависти к обоим полководцам, желая опередить в подвигах Демосфена и затмить славу Никия. Говоря о величии родного города, которое-де померкнет и рассеется, если афиняне будут страшиться плывущих на них сиракузских кораблей, они принудили Никию дать морское сражение. Придуманная коринфским кормчим Аристоном хитрость с завтраком привела, как пишет Фукидид¹⁰⁶⁸, к тому, что афиняне оказались полностью разбитыми и понесли большие потери. Глубочайшее уныние охватило Никию, ведь и при единоличном командовании его постигали несчастья, и теперь он вновь потерпел неудачу по вине своих товарищей.

21. В это время у входа в гавань показался флот Демосфена, сверкая вооружением и ужасая врагов видом семидесяти трех кораблей с пятью тысячами гоплитов и не менее чем тремя тысячами копейщиков, лучников и пращников. Демосфен сумел, как в театре, ошеломить врагов блеском оружия, отличительными знаками на триерах, великим множеством начальников над гребцами и флейтистов¹⁰⁶⁹. Сиракузяне, как и следовало ожидать, снова были в большом страхе за свою судьбу, понимая, что мучаются и гибнут напрасно, без надежды увидеть конец и прекращение бедствий. Но недолго радовало Никию прибытие подкрепления, при первой же встрече с ним Демосфен предложил либо немедленно идти на врагов, возможно скорее дать решающий бой и захватить Сиракузы, либо плыть назад. В страхе и изумлении перед такой безрассудной стремительностью Никий просил Демосфена не поступать необдуманно и опрометчиво. Время, утверждал он, действует против неприятеля, не имеющего больших запасов и не надеющегося на длительную поддержку союзников. Теснимые нуждой, враги скоро, как уже было однажды, обратятся к нему для переговоров. И действительно, в Сиракузах было немало людей, тайно сносившихся с Никием и советовавших ему выжидать: сиракузяне, дескать, уже теперь истомленные войной и недовольные Гириппом, окончательно лишатся сил, если нужда сдавит их еще немного. Кое о чем Никий говорил намеками, кое-чего вообще не захотел высказать и дал остальным стратегам повод обвинить его в трусости. Они заявляли, что Никий возвращается к старому – к своим проволочкам, затяжкам, мелочной осторожности, из-за которых у неприятеля первое впечатление от мощи афинян притупилось и, когда они, наконец, ударили на врага, страх успел смениться презрением. Стратеги присоединились к мнению Демосфена, и Никий волей-неволей вынужден был уступить.

Итак, Демосфен ночью ударил с пехотой на Эпиполы, часть врагов истребил, не дав им опомниться, обороняющихся же обратил в бегство. Не довольствуясь достигнутым, он продвигался дальше, пока не столкнулся с беотийцами; сомкнутым строем, выставив копья, беотийцы первыми с криком бросились на афинян и многих сразили. Во всем войске

¹⁰⁶⁸ 31. ...хитрость с завтраком... – Хитрость состояла в том, что сиракузяне организовали для своих воинов рынок не в городе, а на берегу; поэтому в перерыв после утреннего боя их моряки поели быстрее, чем афинские, и вышли на второй бой раньше и сильнее. ...как пишет Фукидид... – VII, 39–41.

¹⁰⁶⁹ 32. Флейтистов – задававших флейтой темп гребцам.

Демосфена сразу поднялись страх и смятение. Обратившиеся в бегство смешались с теми, кто еще теснил противника, тем, кто рвался вперед, путь преграждали свои же, охваченные ужасом, и они сбивали друг друга с ног, и падали друг на друга, и принимали бегущих за преследующих и друзей за врагов. Все смешалось, всеми владел страх и неуверенность, обманчиво мерцала ночь, не беспроглядно темная, но и не достаточно светлая, как всегда бывает при заходе луны, движущаяся масса человеческих тел бросала густую тень, тусклый свет, в котором ничего нельзя было толком разглядеть, заставлял из страха перед врагом с подозрением всматриваться в лицо друга, – все это, вместе взятое, привело афинян к страшной, гибельной развязке. Случилось так, что луна светила им в спину и они все время оставались скрытыми собственной тенью, так что неприятель не видел ни мощи их оружия, ни его великолепия, щиты же врагов, отражая сияние луны, сверкали ярче, и казалось, что их больше, чем было на самом деле. Враги продолжали теснить со всех сторон, и кончилось тем, что, когда силы афинян иссякли, они предались бегству, и одни были сражены врагами, другие – своими же, третьи погибли, сорвавшись с кручи. Тех, которые рассеялись и блуждали по округе, с наступлением дня догнала и перебила вражеская конница. Афинян пало две тысячи, а из уцелевших лишь немногие сохранили свое оружие.

22. Никий, предвидевший этот удар, винил Демосфена в опрометчивости, а тот, кое-как оправдавшись, советовал как можно скорее плыть на родину. Ведь нового подкрепления им уже не получить, говорил он, а имеющихся сил недостаточно для победы над врагами; даже и в случае победы им следовало бы уехать, бежать из этой местности, всегда опасной и нездоровой, а теперь, в это время года, как они видят, просто губительной (как раз начиналась осень, и уже многие в войске недомогали, а приуныли все). Никий с тяжелым сердцем слушал слова о бегстве и отплытии – и не потому, что не страшился сиракузян, а потому, что еще больший страх внушали ему афиняне, их суды и доносы. Он возражал, что не ждет здесь никакой беды, а если бы она и случилась, то легче умереть от руки врагов, чем сограждан. Мысль эта противоположна тому, что позднее сказал своим согражданам Леонт Византийский: «Мне приятнее принять смерть от ваших рук, чем разделить ее с вами». О том, в какое место перенести лагерь, Никий обещал подумать на досуге. Выслушав его возражения, Демосфен, первый план которого так позорно провалился, не стал настаивать, остальные же, уверенные, что Никий выжидает, полагаясь на своих сторонников в Сиракузах, и поэтому противится отплытию, приняли его сторону. Однако, когда к сиракузянам прибыло подкрепление, в то время как среди афинян все росло число больных, Никий тоже решился отступить и приказал солдатам готовиться к отплытию.

23. Все приготовления были окончены, а враги, ни о чем не подозревавшие, не выставили никакого караула, но вдруг случилось лунное затмение¹⁰⁷⁰, вселившее великий страх в Никию и в остальных, – во всех, кто по своему невежеству или суеверию привык с трепетом взирать на подобные явления. Что солнце может иногда затмиться в тридцатый день месяца и что затмевает его луна, – это было уже понятно и толпе. Но трудно было постичь, с чем встречается сама луна и отчего в полнолуние она вдруг теряет свой блеск и меняет цвет. В этом видели нечто сверхъестественное, некое божественное знамение, возвещающее великие бедствия. Первым, кто создал чрезвычайно ясное и смелое учение о луне, об ее сиянии и затмениях, был Анаксагор, но и сам он не принадлежал к числу древних писателей, и сочинение его еще не было широко известно, но считалось не подлежащим огласке и лишь тайно, с осторожностью передавалось из рук в руки отдельными лицами. В те времена не терпели естествоиспытателей и любителей потолковать о делах заоблачных – так называемых метеоролесхов [meteōroléschai]. В них видели людей, которые унижают божественное начало, сводят его к слепым неразумным причинам, к неизъяснимым силам, к неизбежной последовательности событий. И Протагор был изгнан, и Анаксагора Периклу едва удалось освободить из темницы, и Сократ, непричастный ни в коей мере ни к

¹⁰⁷⁰ 33. Лунное затмение – 27 августа 413 г.

чему подобному, все-таки погиб из-за философии. В дальнейшем Платон, прославившись и самую свою жизнью, и тем, что естественную необходимость он поставил ниже божественных и более важных начал, рассеял ложное мнение о такого рода сочинениях и сделал эти науки достоянием всех. Так, например, его друга Диона не смутило наступление лунного затмения в тот момент, когда он собирался сняться с якоря в Закинфе и плыть против Дионисия: он вышел в открытое море и, достигнув Сиракуз, низложил тирана¹⁰⁷¹.

По несчастливому стечению обстоятельств подле Никия тогда не было толкового прорицателя, так как незадолго до того умер его близкий товарищ Стилбид, избавлявший Никия от многих суеверных страхов. По словам Филохора, правда, это знамение отнюдь не дурное, а, напротив, даже благоприятное для убегающих, поскольку дела, совершаемые с опаской, должны быть скрыты и свет им помеха. И вообще, как написано в «Толкованиях» Автоклида, злоторного воздействия солнца или луны следует ожидать лишь в первые три дня после затмения.

Но Никий уговорил афинян дожидаться конца следующего оборота луны, так как, по его наблюдениям, она стала чистой не сразу после того, как прошла темное место, заслоненное землей.

24. Отложив чуть ли не все дела, Никий приносил жертвы и гадал, а тем временем враги подступили вплотную, осадили стены и лагерь афинян, заперли своими кораблями гавань, и теперь уже не только триеры, но и мальчишки на рыбацких лодках подплывали к афинянам, дразнили их и кричали обидные слова. Одного из этих мальчишек, Гераклида, сына уважаемых родителей, далеко заплывшего на своем челноке, настиг и захватил афинский корабль. В страхе за мальчика его дядя Поллих повел на афинян десять вверенных ему триер, остальные же, опасаясь гибели Поллиха, последовали за ним. Произошла ожесточенная морская битва, победили сиракузяне, среди многих погибших был и Эвримедонт.

Держаться дольше афиняне не могли, они осыпали бранью стратегов, требуя, чтобы те начинали отступать сушей: дело в том, что, одержав верх, сиракузяне сразу же загородили и отрезали выход из гавани. Но Никий не согласился на это требование. Бросить множество грузовых судов и около двухсот триер представлялось делом неслыханным, поэтому отборных пехотинцев и самых лучших копейщиков посадили на суда, приведя таким образом в боевую готовность сто десять триер – для остальных не достало весел. Прочих солдат Никий расставил вдоль морского берега, окончательно уйдя из большого лагеря и от стен, тянувшихся вплоть до святилища Геракла, так что сиракузские жрецы и полководцы вошли в храм и сразу принесли обычную жертву Гераклу, которая долгое время не приносилась.

25. Моряки уже поднимались на суда когда гадатели, рассмотрев внутренности жертвенных животных, обещали сиракузянам блестящую победу, если они не станут затевать боя, а будут лишь обороняться: ведь и Геракл выходил победителем тогда, когда защищался и первый принимал на себя удар. Корабли вышли в море, и завязалась битва, необыкновенно жестокая и упорная, причем очевидцы сражения не в меньшей мере, чем его участники, терзались волнением, наблюдая за частыми и неожиданными поворотами в ходе боя. Собственное снаряжение причиняло афинянам не меньший вред, чем неприятель, ибо тяжелые корабли афинян шли сомкнутым строем и с разных сторон на них кидались легкие суда неприятеля, а на град камней, которые поражают с одинаковой силой, как бы они ни упали, афиняне отвечали дротиками и стрелами, которые из-за качки невозможно было метнуть точно, так что далеко не все они летели острием вперед. Это предусмотрел и растолковал сиракузянам коринфский кормчий Аристон; сам он пал в этой битве, в яростной схватке, когда победа клонилась уже на сторону сиракузян.

Разгром был полный и окончательный, путь к бегству морем был закрыт, и, сознавая,

---

¹⁰⁷¹ 34. ....низложил тирана. – См.: Дион, 24 сл.

что на суше им также будет нелегко спастись, афиняне позволяли врагам у себя на глазах уводить корабли, не просили для погребения тела убитых, так как еще печальнее, чем не похоронить погибших, было бросить на произвол судьбы больных и раненых, а эта картина носилась уже перед их взором. Впрочем, и их самих, полагали они, после многих бед ждет такой же плачевный конец.

26. Ночью афиняне приготовились бежать. Гилипп, наблюдая, как сиракузяне устраивали жертвоприношения и попойки в честь победы и праздника, предвидел, что их невозможно будет ни уговорить, ни заставить ударить на удаляющегося неприятеля. Но Гермократ задумал хитрость и послал к Никию своих товарищей, которые сказали, что они явились по поручению тех, кто с самого начала войны тайно сносился с Никием, чтобы передать совет не выступать ночью, так как сиракузяне приготовили неприятелю засады и заранее заняли дороги. Введенный в заблуждение, Никий не тронулся с места, пока действительно не случилось то, чего он ложно опасался. На рассвете сиракузяне поспешили занять выгодные позиции на дорогах, выстроили преграды у переправ через реки, разрушили мосты, расставили всадников на равнинах и полях, так что афиняне теперь уже нигде не могли пройти без боя. После целого дня и ночи ожидания афиняне двинулись в путь, рыдая и сетуя так, словно покидали не вражескую, а родную землю. Они страдали от отсутствия самого необходимого, от того, что приходилось бросать беспомощных друзей и близких. А впереди, по их расчетам, предвиделись бедствия, еще более тяжелые.

Среди многих ужасов, которые можно было наблюдать в лагере, самое жалкое зрелище являл собою сам Никий, удрученный недугом и вынужденный, несмотря на свое звание, довольствоваться скудным дорожным пайком, хотя больное тело требовало несравненно большего; обессиленный, он выдерживал то, что было не под силу многим здоровым; все видели, что не ради себя, не из привязанности к жизни он терпит муки, но ради своих воинов не позволяет себе впадать в отчаяние. Ведь если другие плакали и стонали от страха и горя, то слезы Никия, несомненно, были вызваны тем, что он сравнивал постыдный провал похода с теми великими и славными подвигами, которые он надеялся совершить. Глядя на него, а еще больше вспоминая его слова, его увещания, которыми он пытался не допустить отплытия в Сицилию, афиняне все больше проникались мыслью, что Никий наказан незаслуженно. У них пропадала всякая надежда на богов при виде того, как мужа благочестивого, принесшего столько прекрасных даров божеству, постигает участь, ничуть не лучшая, чем самых негодных и малодушных солдат.

27. Несмотря ни на что, Никий своими речами, выражением лица и обхождением с воинами старался показать, что он выше постигшего их несчастья. В течение всех восьми дней пути, когда неприятель преследовал их и наносил удар за ударом, Никий берег от разгрома свое войско, пока у Полизеловой усадьбы не попал в окружение отряд Демосфена, оторвавшийся от своих во время схватки с врагом. Демосфен тогда сам пронзил себя мечом, но не умер, так как враги тут же обступили и удержали его. Никию эту весть принесли подскакавшие сиракузяне; узнав же от посланных им самим всадников, что отряд Демосфена захвачен врагом, он счел нужным предложить Гилиппу перемирие с тем, чтобы афиняне получили возможность уйти из Сицилии, оставив заложников впредь до возмещения сиракузянам убытков, которые принесла им война. Но сиракузяне отвергли эти условия, с яростной бранью, издевательствами и угрозами они продолжали метать копья и пускать стрелы в афинян, уже оставшихся без воды и без пищи. Тем не менее, Никий продержался всю ночь и на следующий день, теснимый врагом, подошел к реке Асинару. И здесь одних столкнули в поток враги, других заставила прыгнуть туда жажда. Началось чудовищное в своей жестокости избиение, когда глоток воды оказывался последним в жизни, пока Никий не пал перед Гилиппом со словами: «Пощады, Гилипп, вы победили! Нет, не за себя прошу, прославившего свое имя столь великими несчастьями, а за остальных афинян. Вспомните, что на войне беда может случиться со всяким и что афиняне, когда им сопутствовала удача, обошлись с вами благосклонно и мягко». Гилиппа тронули и слова и вид Никия. Он знал, сколько добра сделал Никий лакедемонянам при заключении мира, к тому же захват живыми

стратегов противника сулил еще большую славу. Подняв Никия с земли, Гилипп старался его успокоить и отдал приказ прекратить резню. Распоряжение это доходило до солдат медленно, так что оставшихся в живых было гораздо меньше, чем убитых. Многих, впрочем, незаметно увели к себе сами солдаты¹⁰⁷². Оставшихся пленных сиракузяне свели в одно место, все вооружение, снятое с афинян, развесили вдоль реки на самых больших и красивых деревьях. Возложив на себя венки, нарядно украсив своих коней, а афинским остригши гривы, они повернули назад, к Сиракузам. Ценой величайшего напряжения всех сил, небывалого мужества и отваги они одержали полную победу в самой знаменитой из войн, какая велась между греками.

28. В совместном собрании сиракузян и союзников народный главарь Эврикл предложил объявить день захвата Никия в плен праздником и отмечать его принесением жертв и отдыхом от трудов, праздник же именовать Асинарией в честь реки. День этот пришелся на двадцать шестое число месяца карнея, который у афинян называется метагитнионом. С афинянами же Эврикл предлагал поступить так: рабов и союзников продать, самих же афинян и перешедших на их сторону сицилийцев послать под охраной в каменоломни, за исключением стратегов, которых надлежит казнить. Сиракузяне одобряли его мнение, и слова Гермократа, что хорошо использовать победу важнее, чем победить, были встречены возмущенным криком, а Гилиппу, который настаивал, чтобы стратеги живыми были увезены в Лакедемон, граждане, уже раздувшиеся от гордости своими победами, ответили бранью. Впрочем, еще во время войны сиракузяне тяготились грубостью Гилиппа и его лаконскою манерой командования; как сказано у Тимея, ему ставили в вину скупость и алчность, эту наследственную болезнь, из-за которой его отец Клеандрид, бравший взятки, принужден был покинуть отечество. Да и сам Гилипп со страшным позором удалился в изгнание, когда на него донесли, что он похитил и спрятал под крышей своего дома тридцать талантов из той тысячи, что Лисандр отправил в Спарту. Подробнее об этом говорится в жизнеописании Лисандра¹⁰⁷³.

Тимей сообщает, что Демосфен и Никий не были казнены по приказу сиракузян, как утверждают Филист и Фукидид, но, предупрежденные Гермократом, воспользовались отсутствием караульных и покончили с собою, пока еще шло Народное собрание. Тела их были выброшены к воротам и лежали там, доступные взорам всех любопытствовавших. Мне приходилось слышать, что в Сиракузах, в одном из храмов, до сих пор показывают искусно отделанный золотом и пурпуром щит, якобы принадлежавший Никию.

29. Множество афинян погибло в каменоломнях от болезней и скверной пищи: им давали в день две котилы ячменя и котилу воды, но немалое их число, – те, кто был похищен или выдавал себя за раба, – было продано. Их продавали в рабство и ставили на лбу клеймо в виде лошади. Да, были и такие, кому вдобавок к неволе привелось терпеть еще и это. Но даже в такой крайности им приносило пользу чувство собственного достоинства и умение себя держать. Владельцы либо отпускали их на свободу, либо высоко ценили. А некоторых спас Эврипид. Дело в том, что сицилийцы, вероятно, больше всех греков, живущих за пределами Аттики, чтит талант Эврипида. Когда приезжающие доставляли им небольшие отрывки из его произведений, сицилийцы с наслаждением вытверживали их наизусть и повторяли друг другу. Говорят, что в ту пору многие из благополучно возвратившихся домой горячо приветствовали Эврипида и рассказывали ему, как они получали свободу, обучив хозяина тому, что осталось в памяти из его стихов, или как, блуждая после битвы, зарабатывали себе пищу и воду пением песен из его трагедий. Нет, стало быть, ничего невероятного в рассказе о том, что в Кавне какому-то судну сначала не позволяли укрыться в гавани от пиратов, а затем впустили его, когда после расспросов удостоверились, что моряки

¹⁰⁷² 35. ...увели к себе... – Для того чтобы потом продать в рабство.

¹⁰⁷³ 36. ...в жизнеописании Лисандра. – Лис, 16.

помнят наизусть стихи Эврипида.

30. В Афинах, как рассказывают, не поверили вести о беде, главным образом из-за того, кто эту весть принес. По-видимому, какой-то чужеземец сошел на берег в Пирее и, сидя у цирюльника, заговорил о случившемся, как о чем-то для афинян хорошо известном. Выслушав его, цирюльник, пока еще никто ничего не узнал, помчался в город и, прибежав к архонтам, прямо на площади пересказал им слова чужеземца. Как и следовало ожидать, все были испуганы и смущены, архонты созвали Народное собрание и пригласили цирюльника. Он не смог ответить вразумительно на вопрос, кто сообщил ему эту новость. Его сочли выдумщиком и смутьяном и долго пытали, привязав к колесу, пока не прибыли люди, во всех подробностях поведавшие о несчастье. Лишь тогда афиняне поверили, что Никий на себе испытал то, о чем так часто их предупреждал.

Красс

[перевод биографии – В.В. Петуховой; перевод сопоставления – Т.А. Миллер]

1. Марк Красс, отец которого был цензором и триумфатором¹⁰⁷⁴, воспитывался в небольшом доме вместе с двумя братьями. Те женились еще при жизни родителей, и все сходились за общим обеденным столом. Такая обстановка, по-видимому, весьма содействовала тому, что Красс в течение всей жизни оставался воздержным и умеренным. После смерти одного из братьев он женился на его вдове, имел от нее детей и с этой стороны не уступал в добронравии никому из римлян. В более зрелом возрасте, однако, он был обвинен в сожительстве с одной из дев-весталок – Лицинией. Лициния также подверглась судебному преследованию со стороны некоего Плотина. У Лицинии было прекрасное имение в окрестностях Рима, и Красс, желая дешево его купить, усердно ухаживал за Лицинией, оказывал ей услуги и тем навлек на себя подозрения. Но он как-то сумел, ссылаясь на корыстолюбивые свои побуждения, снять с себя обвинение в прелюбодеянии, и судьи оправдали его. От Лицинии же он отстал не раньше, чем завладел ее имением.

2. Римляне утверждают, что блеск его многочисленных добродетелей омрачается лишь одним пороком – жадной наживой. А я думаю, что этот порок, взяв верх над остальными его пороками, сделал их лишь менее заметными. Лучшим доказательством его корыстолюбия служат и те способы, какими он добывал деньги, и огромные размеры его состояния. Ибо первоначально Красс имел не более трехсот талантов, а когда он стал во главе государства, то, посвятив Геркулесу десятую часть своего имущества, устроив угощение для народа, выдав каждому римлянину из своих средств на три месяца продовольствия, – при подсчете своих богатств перед парфянским походом все же нашел, что стоимость их равна семи тысячам ста талантам. Если говорить правду, далеко не делающую ему чести, то бо льшую часть этих богатств он извлек из пламени пожаров и бедствий войны, используя общественные несчастья как средство для получения огромнейших барышей. Ибо, когда Сулла, овладев Римом, стал распродавать имущество казненных, считая и называя его своей добычей, и стремился сделать соучастниками своего преступления возможно большее число лиц, и притом самых влиятельных, Красс не отказывался ни брать от него, ни покупать. Кроме того, имея перед глазами постоянный бич Рима – пожары и осадку зданий, вызываемую их громоздкостью и скученностью, он стал приобретать рабов-архитекторов и строителей, а затем, когда их набралось у него более пятисот, начал скупать горевшие и смежные с ними постройки, которые задешево продавались хозяевами, побуждаемыми к

---

¹⁰⁷⁴ 1. Красс, отец которого ... – П. Лициний Красс, был консулом 97 г., цензором 89 г., триумфатором (над испанскими лузитанами) 93 г., покончил самоубийством в гражданской войне 87 г.

тому страхом и неуверенностью. Таким-то образом большая часть Рима стала его собственностью. Располагая столь значительным числом мастеров, сам он, однако: кроме собственного дома, не выстроил ничего, а о любителях строиться говорил, что они помимо всяких врагов сами себя разоряют. Он владел также великим множеством серебряных рудников, богатых земель, обеспеченных работниками, но все это можно было считать ничтожным по сравнению со стоимостью его рабов – столько их у него было, да притом таких, как чтецы, писцы, пробирщики серебра, домоправители, подавальщики. За обучением их он надзирал сам, внимательно наблюдая и давая указания, и вообще держался того мнения, что господину прежде всего надлежит заботиться о своих рабах как об одушевленных хозяйственных орудиях. Красс был, конечно, прав, полагая, что всем прочим в хозяйстве следует, как он говорил, распоряжаться через рабов, а рабами должно управлять самому. Ибо мы видим, что умение вести хозяйство, в том, что касается неодушевленных предметов, сводится к увеличению доходов, когда же дело касается людей, – это уже искусство управления. Но неумно было с его стороны не признавать и не называть богатым того, кто не в состоянии содержать на свои средства целое войско¹⁰⁷⁵. Ибо, как сказал Архидам, война питается не по норме, а потому денежные средства, которых она требует, неограниченны. И здесь Красс сильно расходится во взглядах с Марием, который, наделив солдат земель по четырнадцати югеров на каждого и узнав, что они требуют больше, сказал: «Да не будет впредь ни одного римлянина, который считал бы малым надел, достаточный для его пропитания».

3. Красс любил показывать свою щедрость гостям. Дом его был открыт для всех, а своим друзьям он даже давал деньги в займы без процентов, но вместе с тем по истечении срока требовал их от должников без снисхождения, так что бескорыстие его становилось тяжелее высоких процентов. На обедах его приглашенными были преимущественно люди из народа, простота стола соединялась с опрятностью и радушием, более приятным, чем роскошь.

Что касается умственных занятий, то он упражнялся главным образом в ораторском искусстве, стремясь завоевать известность у народа. Будучи от природы одним из первых ораторов среди римлян, Красс старанием и трудом достиг того, что превзошел даровитейших мастеров красноречия. Не было, говорят, такого мелкого и ничтожного дела, за которое он взялся бы не подготовясь. И не раз, когда Цезарь, Помпей или Цицерон не решались взять на себя защиту, Красс проводил ее успешно. Этим-то всего больше он и нравился народу, прославив человеком, заботящимся о других и готовым помочь. Нравились также его обходительность и доступность, проявлявшиеся в том, как он здоровался с приветствовавшими его. Не было в Риме такого безвестного и незначительного человека, которого он при встрече, отвечая на приветствие, не назвал бы по имени. Говорят еще, что Красс был сведущ в истории и не чужд философии. Следовал он учению Аристотеля, наставником же его был Александр, который совместную жизнь с Крассом доказал свою непритязательность и кротость, ибо трудно сказать, был ли он беднее до того, как пришел к Крассу, или, напротив, стал еще беднее после этого. Так, хотя из всех друзей Красса только Александр сопровождал его в путешествиях, он получал в дорогу кожаный плащ, который по возвращении у него требовали обратно. Но об этом ниже.

4. Вскоре после того, как Цинна и Марий взяли верх, с полной очевидностью выяснилось, что возвращаются они не на благо отечества, а с неприкрытым намерением казнить и губить знатных: те, кого они захватили, были умерщвлены, в числе их отец и брат Красса. Сам он, тогда еще молодой человек, избежал непосредственной опасности, но, видя, что он окружен со всех сторон и что тиранны его отслеживают, Красс взял с собой троих друзей и десять слуг и с величайшей поспешностью бежал в Испанию, где прежде, в

¹⁰⁷⁵ 2. ...не называть богатым ... целое войско. – Это суждение Красса было очень популярно (Цицерон. Об обязанностях, I, 25 и др.): в богатстве виделось лишь средство к военной диктатуре.

бытность отца его наместником, он жил и приобрел друзей. Там он застал всех в великом страхе и трепете перед жестокостью Мария, как будто тот находился среди них, и, не решившись кому-либо открыться, кинулся в приморское поместье Вибия Пациана, где была большая пещера, спрятался в ней, а к Вибии послал одного из своих рабов на разведку, так как и припасы его были уже на исходе. Вибий же, услышав о Крассе, обрадовался его спасению, спросил о числе его спутников и где они находятся. От личного свидания он воздержался, но, тотчас проведя к тому месту управляющего имением, приказал ежедневно носить Крассу готовый обед, ставить его на камень и молча удаляться, не любопытствуя и ничего не высматривая. За излишнее любопытство Вибий пригрозил ему смертью, а за верную службу обещал свободу.

Пещера эта находится неподалеку от моря. Замыкающие ее со всех сторон скалы оставляют проход – узкую, едва заметную расщелину, ведущую внутрь. Всякого входящего туда поражает необычайная высота пещеры, а в ширину она расходится в виде просторных, сообщающихся между собой гротов. Здесь нет недостатка ни в воде, ни в свете, так как под самой скалой бьет источник чрезвычайно приятной на вкус воды, а природные трещины, обращенные в ту сторону, где скалы всего ярче освещены, пропускают в пещеру свет, так что днем в ней бывает светло. Воздух внутри не влажен и чист, потому что благодаря плотности своей скала не впитывает струящуюся влагу, а дает ей стекать в источник.

5. Все время, пока Красс с товарищами жил здесь, ежедневно появлялся человек, приносивший еду. Он их не видел и не знал; им же он был виден, так как они поджидали его, зная время его прихода. Кушанья к обеду бывали приготовлены в изобилии и не только удовлетворяли их потребности, но и доставляли удовольствие, ибо Вибий решил в заботах своих о Крассе всячески выказывать ему радушие. Пришла ему также в голову мысль о возрасте Красса¹⁰⁷⁶, о том, что он еще молод и что следует подумать о приличествующих его годам удовольствиях, ибо, как полагал Вибий, удовлетворять только насущные нужды – значит служить скорее по необходимости, чем из расположения. Итак, взяв с собою двух красивых прислужниц, он пошел к морю, а придя на место, указал им вход в пещеру и велел войти туда, откинув страх. При виде вошедших Красс испугался, полагая, что убежище его выслежено и обнаружено, и спросил девушек, кто они и что им нужно. Когда же те, наученные Вибием, ответили, что ищут скрывающегося здесь своего господина, Красс, поняв любезную шутку Вибия, принял девушек, и они жили с ним все остальное время, осведомляя о его нуждах Вибия. Фенестелла говорит, что видел одну из них уже старухой и не раз слышал, как она охотно вспоминала и рассказывала об этом случае.

6. Так прожил Красс, скрываясь, восемь месяцев и вышел лишь после того, как узнал о смерти Цинны. К нему стеклось немало людей. Красс отобрал из них две тысячи пятьсот человек и выступил, держа путь через города. По свидетельству многих писателей, он разграбил один из них – Малаку, но сам он, говорят, отрицал это и опровергал тех, кто заводил об этом речь.

Собрав затем несколько грузовых судов и переправившись в Африку, Красс явился к Метеллу Пию, знатному мужу, собравшему немалое войско. Пробыл здесь Красс, однако, недолго. Поссорившись с Метеллом, он уехал к Сулле и оставался среди его приверженцев, пользуясь величайшим почетом. После переправы в Италию Сулла, желая использовать всю бывшую с ним молодежь как усердных соратников, каждого из них приставил к какому-нибудь делу. Красс, которому поручено было отправиться в землю марсов для набора войска, просил дать ему охрану, так как дорога проходила вблизи неприятеля. Сулла же, разгневавшись на него, резко ответил: «Я даю тебе в провожатые твоего отца, брата, друзей, родных – за них, незаконно и без вины казненных, я мщу убийцам!». Получив такую отповедь, Красс, задетый за живое, тотчас же отправился и, отважно пробившись сквозь неприятельское расположение, собрал многочисленное войско, а затем ревностно помогал

---

¹⁰⁷⁶ 3. ...о возрасте Красса ... – Ему было около 30 лет.

Сулле в его борьбе. После этих-то успехов, говорят, и зародились в нем впервые честолюбивые замыслы и стремление соперничать в славе с Помпеем. Помпей, хотя и годами был моложе Красса, и родился от отца, пользовавшегося в Риме дурною репутацией, навлекшего на себя глубокую ненависть сограждан, уже покрыл себя блеском побед в тогдашних войнах и выказал себя поистине великим, так что Сулла вставал при его появлении, обнажал голову и называл его императором – такой чести он не часто удостоивал даже и старших по возрасту и равных себе по положению людей. Это раззадоривало и раздражало Красса, которого не без основания ставили ниже Помпея. Ему не доставало опытности, а красоту его подвигов губили владевшие им от природы злые силы – корыстолюбие и скаредность. Так, после взятия умбрийского города Тудертии он был заподозрен в присвоении большей части ценностей, и об этом донесли Сулле. Но в сражении под Римом, оказавшемся самым большим из всех и последним, в то время как Сулла потерпел поражение и его войска были отброшены и частью перебиты, Красс, начальствовавший над правым крылом, одержал победу и преследовал неприятеля до самой ночи, после чего послал к Сулле сообщить об успехе и просить обеда для воинов.

Во время казней и конфискаций о нем опять пошла дурная слава – что он скупает за бесценок богатейшие имущества или выпрашивает их себе в дар. Говорят также, что в Бруттии он кого-то внес в списки не по приказу Суллы, а из корыстных побуждений и что возмущенный этим Сулла уже больше не пользовался его услугами ни для каких общественных дел. Красс был очень силен в умении уловлять людей лестью, но и в свою очередь легко уловлялся лстивыми речами. Отмечают в нем еще одну особенность: будучи сам до последней степени алчен, он терпеть не мог себе подобных и всячески поносил их.

7. Его мучило, что Помпей достиг замечательных успехов, предводительствуя войсками, что он получил триумф до того, как стал сенатором, и что сограждане прозвали его Магном [Magnus], т.е. Великим. И когда однажды кто-то сказал, что пришел Помпей Великий, Красс со смехом спросил, какой же он величины. Отчаявшись сравняться с Помпеем на военном поприще, он погрузился в гражданские дела и ценою больших усилий, ведя судебные защиты, ссужая деньгами и поддерживая тех, кто домогался чего-либо у народа, приобрел влияние и славу, равную той, какую снискал себе Помпей многими великими походами. В результате же с ними происходило нечто неожиданное: пока Помпея не было в Риме, влияние и известность его были преобладающими благодаря славе его походов. Когда же Помпей сам был в Риме, в борьбе за влияние его часто побеждал Красс, причиною чего было высокомерие Помпея и его недоступность в обхождении: он избегал народа, держался вдали от форума, а из просивших о поддержке помогал лишь немногим и то неохотно, предпочитая в полной мере сохранить влияние, которым он располагал, на случай, если придется использовать его для самого себя. Красс же постоянно оказывал всем содействие, не был ни нелюдимым, ни недоступным и, живя среди непрерывных хлопот, обходительностью своей и доброжелательством брал верх над чванным Помпеем. Что касается внешней представительности, убедительности речи и привлекательности черт лица, то качества эти, как говорят, были одинаково присущи обоим.

Соперничество не увлекало, однако, Красса на путь вражды или какого-нибудь недоброжелательства; его огорчало, что Помпей и Цезарь почитались стоящими выше его, но к честолюбию не присоединялось ни враждебности, ни коварства. Правда, Цезарь, взятый в плен пиратами¹⁰⁷⁷, находясь под стражей, воскликнул: «Какую радость вкусишь ты, Красс, когда узнаешь о моем пленении!» Но позже они по-дружески сблизились между собой, и, когда Цезарь собирался отправиться в Испанию в качестве претора, денег же не имел, а кредиторы донимали его и задерживали отъезд, Красс не остался в стороне и выручил Цезаря, поручившись за него на сумму в восемьсот тридцать талантов.

Между тем Рим разделился на три стана – Помпея, Цезаря и Красса (ибо слава Катона

¹⁰⁷⁷ 4. ...взятый в плен пиратами ... – См: Цез., 1—2.

была больше его влияния и сила его заключалась главным образом в том, что им восхищались), причем разумная, положительная часть граждан почитала Помпея, люди пылкие и неуравновешенные воспламенялись надеждами, внушаемыми Цезарем, Красс же, занимая промежуточную позицию, с выгодой пользовался поддержкой и тех и других. Постоянно меняя свои взгляды на дела управления, он не был ни надежным другом, ни непримиримым врагом, а легко отказывался ради личной выгоды как от расположения, так и от вражды, так что в короткое время много раз был то сторонником, то противником одних и тех же людей либо одних и тех же законов. Сила его заключалась и в умении угождать, но прежде всего – во внушаемом им страхе. Недаром Сициний, человек, доставлявший немало хлопот тогдашним должностным лицам и вожакам народа, на вопрос, почему он одного лишь Красса не трогает и оставляет в покое, ответил: «У него сено на рогах». Дело в том, что римляне имели обыкновение навязывать бодливому быку на рога сено для предостережения прохожих.

8. Восстание гладиаторов, известное также под названием Спартаковой войны и сопровождавшееся разграблением всей Италии, было вызвано следующими обстоятельствами.

Некий Лентул Батиат содержал в Капуе школу гладиаторов, большинство которых были родом галлы и фракийцы. Попали эти люди в школу не за какие-нибудь преступления, но исключительно из-за жестокости хозяина, насильно заставившего их учиться ремеслу гладиаторов. Двести из них сговорились бежать. Замысел был обнаружен, но наиболее дальновидные, в числе семидесяти восьми, все же успели убежать, запасшись захваченными где-то кухонными ножами и вертелами. По пути они встретили несколько повозок, везших в другой город гладиаторское снаряжение, расхитили груз и вооружились. Заняв затем укрепленное место, гладиаторы выбрали себе трех предводителей. Первым из них был Спартак, фракиец, происходивший из племени медов, – человек, не только отличавшийся выдающейся отвагой и физической силой, но по уму и мягкости характера стоявший выше своего положения и вообще более походивший на эллина, чем можно было ожидать от человека его племени. Рассказывают, что однажды, когда Спартак впервые был приведен в Рим на продажу, увидели, в то время как он спал, обвившуюся вокруг его лица змею. Жена Спартака, его соплеменница, одаренная однако же даром пророчества и причастная к Дионисовым таинствам, объявила, что это знак предуготованной ему великой и грозной власти, которая приведет его к злополучному концу. Жена и теперь была с ним, сопровождая его в бегстве.

9. Прежде всего гладиаторы отбили нападение отрядов, пришедших из Капуи, и, захватив большое количество воинского снаряжения, с радостью заменили им гладиаторское оружие, которое и бросили как позорное и варварское. После этого для борьбы с ними был послан из Рима претор Клавдий с трехтысячным отрядом. Клавдий осадил их на горе¹⁰⁷⁸, взобраться на которую можно было только по одной узкой и чрезвычайно крутой тропинке. Единственный этот путь Клавдий приказал стеречь; со всех остальных сторон были отвесные гладкие скалы, густо заросшие сверху диким виноградом. Нарезав подходящих для этого лоз, гладиаторы сплели из них прочные лестницы такой длины, чтобы те могли достать с верхнего края скал до подножия, и затем благополучно спустились все, кроме одного, оставшегося наверху с оружием. Когда прочие оказались внизу, он спустил к ним все оружие и, кончив это дело, благополучно спустился и сам. Римляне этого не заметили, и гладиаторы, обойдя их с тыла, обратили пораженных неожиданностью врагов в бегство и захватили их лагерь. Тогда к ним присоединились многие из местных волопасов и овчаров – народ все крепкий и проворный. Одни из этих пастухов стали тяжеловооруженными воинами, из других гладиаторы составили отряды лазутчиков и легковооруженных.

Вторым против гладиаторов был послан претор Публий Вариний. Вступив сначала в

---

¹⁰⁷⁸ 5. На горе – имеется в виду Везувий.

бой с его помощником, Фурием, предводительствовавшим отрядом в три тысячи человек, гладиаторы обратили его в бегство, а затем Спартак подстерег явившегося с большими силами Коссиния, советника Вариния и его товарища по должности, в то время как он купался близ Салин¹⁰⁷⁹, и едва не взял его в плен. Коссинию удалось спастись с величайшим трудом, Спартак же, овладев его снаряжением, стал немедленно преследовать его по пятам и после кровопролитного боя захватил его лагерь. В битве погиб и Коссиний. Вскоре Спартак, разбив в нескольких сражениях самого претора, в конце концов взял в плен его ликторов и захватил его коня.

Теперь Спартак стал уже великой и грозной силой, но как здравомыслящий человек ясно понимал, что ему все же не сломить могущества римлян, и повел свое войско к Альпам, рассчитывая перейти через горы и, таким образом, дать каждому возможность вернуться домой – иным во Фракию, другим в Галлию. Но люди его, полагаясь на свою силу и слишком много возомнив о себе, не послушались и на пути стали опустошать Италию.

Раздражение, вызванное в сенате низким и недостойным характером восстания, уступило место страху и сознанию опасности, и сенат отправил против восставших, как на одну из труднейших и величайших войн, обоих консулов разом. Один из них, Геллий, неожиданно напав на отряд германцев, из высокомерия и заносчивости отделившихся от Спартака, уничтожил его целиком. Другой, Лентул, с большими силами окружил самого Спартака, но тот, перейдя в наступление, разбил его легатов и захватил весь обоз. Затем он двинулся к Альпам, навстречу же ему во главе десяти тысячного войска выступил Кассий, наместник той части Галлии, что лежит по реке Паду. В завязавшемся сражении претор был разбит наголову, понес огромные потери в людях и сам едва спасся бегством.

10. Узнав обо всем этом, возмущенный сенат приказал консулам не трогаться с места и поставил во главе римских сил Красса. За Крассом последовали многие представители знати, увлеченные его славой и чувством личной дружбы к нему. Сам он расположился у границы Пицены, рассчитывая захватить направлявшегося туда Спартака, а легата своего Муммия во главе двух легионов послал в обход с приказанием следовать за неприятелем, не вступая, однако, в сражение и избегая даже мелких стычек. Но Муммий, при первом же случае, позволявшем рассчитывать на успех, начал бой и потерпел поражение, причем многие из его людей были убиты, другие спаслись бегством, побросав оружие. Оказав Муммию суровый прием, Красс вновь вооружил разбитые части, но потребовал от них поручителей в том, что оружие свое они впредь будут беречь. Отобрав затем пятьсот человек – зачинщиков бегства и разделив их на пятьдесят десятков, он приказал предать смерти из каждого десятка по одному человеку – на кого укажет жребий. Так Красс возобновил бывшее в ходу у древних и с давних пор уже не применявшееся наказание воинов¹⁰⁸⁰, этот вид казни сопряжен с позором и сопровождается жуткими и мрачными обрядами, совершающимися у всех на глазах.

Восстановив порядок в войсках, Красс повел их на врагов, а Спартак тем временем отступил через Луканию и вышел к морю. Встретив в проливе киликийских пиратов, он решил перебраться с их помощью в Сицилию, высадить на острове две тысячи человек и снова разжечь восстание сицилийских рабов, едва затухшее незадолго перед тем¹⁰⁸¹: достаточно было бы искры, чтобы оно вспыхнуло с новой силой. Но киликийцы,

¹⁰⁷⁹ 6. ...близ Салин ... – По-видимому, Геракловы Салины («солеварни») между Геркуланумом и Помпеями.

¹⁰⁸⁰ 7. ...наказание воинов ... – Так называемая децимация («выбор десятого»). Военно-уголовные законодательства европейских государств сохраняли децимацию в различных формах до середины прошлого века и даже позже; в России она была отменена лишь в 1868 г. (комм. С.П. Маркиша).

¹⁰⁸¹ 8. ...восстание ... едва затухшее ... – Два большие восстания рабов в Сицилии были в 135—131 и 104—100 гг.

условившись со Спартаксом о перевозке и приняв дары, обманули его и ушли из пролива. Вынужденный отступить от побережья, Спартак расположился с войском на Регийском полуострове. Сюда же подошел и Красс. Сама природа этого места подсказала ему, что надо делать. Он решил прекратить сообщение через перешеек, имея в виду двоякую цель: уберечь солдат от вредного безделья и в то же время лишить врагов подвоза продовольствия. Велика и трудна была эта работа, но Красс выполнил ее до конца и сверх ожидания быстро. Поперек перешейка, от одного моря до другого, вырыл он ров длиной в триста стадиев¹⁰⁸², шириною и глубиною в пятнадцать футов, а вдоль всего рва возвел стену, поражающую своей высотой и прочностью. Сначала сооружения эти мало заботили Спартака, относившегося к ним с полным пренебрежением, но когда припасы подошли к концу и нужно было перебираться в другое место, он увидел себя запертым на полуострове, где ничего нельзя было достать. Тогда Спартак, дождавшись снежной и бурной зимней ночи, засыпал небольшую часть рва землей, хворостом и ветками и перевел через него третью часть своего войска.

11. Красс испугался; его встревожила мысль, как бы Спартак не вздумал двинуться прямо на Рим. Вскоре, однако, он ободрился, узнав, что среди восставших возникли раздоры и многие, отпав от Спартака, расположились отдельным лагерем у Луканского озера. (Вода в этом озере, как говорят, время от времени меняет свои свойства, становясь то пресной, то соленой и негодной для питья). Напав на этот отряд, Красс прогнал его от озера, но не смог преследовать и истреблять врагов, так как внезапное появление Спартака остановило их бегство. Раньше Красс писал сенату о необходимости вызвать и Лукулла из Фракии^[10—11] и Помпея из Испании, но теперь сожалел о своем шаге и спешил окончить войну до прибытия этих полководцев, так как предвидел, что весь успех будет приписан не ему, Крассу, а тому из них, который явится к нему на помощь. По этим соображениям он решил, не медля, напасть на те неприятельские части, которые, отделившись, действовали самостоятельно под предводительством Гая Канниция и Каста. Намереваясь занять один из окрестных холмов, он отрядил туда шесть тысяч человек с приказанием сделать все возможное, чтобы пробраться незаметно. Стараясь ничем себя не обнаружить, люди эти прикрыли свои шлемы. Тем не менее их увидели две женщины, приносившие жертвы перед неприятельским лагерем, и отряд оказался бы в опасном положении, если бы Красс не подоспел вовремя и не дал врагам сражения – самого кровопролитного за всю войну. Положив на месте двенадцать тысяч триста неприятелей, он нашел среди них только двоих, раненных в спину, все остальные пали, оставаясь в строю и сражаясь против римлян.

За Спартаксом, отступавшим после этого поражения к Петелийским горам, следовали по пятам Квинтий, один из легатов Красса, и квестор Скрофа. Но когда Спартак обернулся против римлян, они бежали без оглядки и едва спаслись, с большим трудом вынеся из битвы раненого квестора. Этот успех и погубил Спартака, вскружив головы беглым рабам. Они теперь и слышать не хотели об отступлении и не только отказывались повиноваться своим начальникам, но, окружив их на пути, с оружием в руках принудили вести войско назад через Луканию на римлян. Шли они туда же, куда спешил и Красс, до которого стали доходить вести о приближавшемся Помпее; да и в дни выборов было много толков о том, что победа над врагами должна быть делом Помпея: стоит ему явиться – и с войной будет покончено одним ударом. Итак, Красс, желая возможно скорее сразиться с врагами, расположился рядом с ними и начал рыть ров. В то время как его люди были заняты этим делом, рабы тревожили их своими налетами. С той и другой стороны стали подходить все бо́льшие подкрепления, и Спартак был, наконец, поставлен в необходимость выстроить все свое войско. Перед началом боя ему подвели коня, но он выхватил меч и убил его, говоря,

¹⁰⁸² 9. ...в триста стадиев ... – Т.е. 50,5 км поперек «носки» итальянского «сапога».

[10—11] 10—11. ...Лукулл из Фракии ... – М. Лукулл, брат Л. Лукулла, в 72 г. был наместником Македонии и вел войну в соседней Фракии.

что в случае победы получит много хороших коней от врагов, а в случае поражения не будет нуждаться и в своем. С этими словами он устремился на самого Красса; ни вражеское оружие, ни раны не могли его остановить, и все же к Крассу он не пробился и лишь убил двух столкнувшихся с ним центурионов. Наконец, покинутый своими соратниками, бежавшими с поля битвы, окруженный врагами, он пал под их ударами, не отступая ни на шаг и сражаясь до конца.

Хотя Красс умело использовал случай, предводительствовал успешно и лично подвергался опасности, все же счастье его не устояло перед славой Помпея. Ибо те рабы, которые ускользнули от него, были истреблены Помпеем, и последний писал в сенат, что в открытом бою беглых рабов победил Красс, а он уничтожил самый корень войны. Помпей, конечно, со славой отпраздновал триумф как победитель Сертория и покоритель Испании. Красс и не пытался требовать большого триумфа за победу в войне с рабами, но даже и пеший триумф, называемый овацией, который ему предоставили, был сочтен неуместным и унижающим достоинство этого почетного отличия. Чем пеший триумф отличается от большого и о названии его говорится в жизнеописании Марцелла¹⁰⁸³.

12. Тотчас же вслед за этим Помпею было предложено консульство, а Красс, надеясь стать его товарищем по должности, не задумался просить Помпея о содействии, и тот с радостью выразил свою полную на то готовность, ибо ему хотелось, чтобы Красс так или иначе всегда был обязан ему за какую-нибудь любезность; он стал усердно хлопотать и, наконец, заявил в Народном собрании, что он будет столь же благодарен за товарища по должности, как и за само консульство. Однако, находясь у власти, Красс и Помпей не сохранили дружеских отношений. Расходясь почти во всем, ожесточаясь друг против друга и соперничая между собой, они сделали свое консульство бесполезным для государства и ничем его не ознаменовали, если не считать того, что Красс, совершив грандиозное жертвоприношение Гераклу, угостил народ на десяти тысячах столов и дал каждому хлеба на три месяца. Уже консульство их подходило к концу, когда однажды в Народном собрании римский всадник Гай Аврелий, человек не знатный, по образу жизни сельский житель, общественными делами не занимавшийся, поднявшись на возвышение для оратора, рассказал о бывшем ему во сне видении: «Сам Юпитер, – сказал он, – явился мне и велел объявить всенародно его волю, чтобы вы не ранее дозволили консулам сложить с себя власть, чем они станут друзьями». В то время как человек этот говорил, а народ призывал консулов к примирению, Помпей стоял молча, а Красс первый, подав ему руку, сказал: «Полагаю, сограждане, что я не совершаю ничего низкого или недостойного себя, делая первый шаг и предлагая любовь и дружбу Помпею, которого вы, когда он еще был безбородым, провозгласили Великим и еще не участвующего в сенате признали заслуживающим триумфа».

13. Вот все, что в консульстве Красса достойно упоминания, цензорство же его оказалось совершенно бесцельным и безрезультатным, ибо он не произвел ни пересмотра списков сената, ни обследования всадников, ни оценки имущества граждан. Товарищем его по должности был Лутаций Катул, человек самый кроткий из всех римлян, и все же, когда Красс затеял опасное и несправедливое дело, намереваясь превратить Египет в данника римлян, Катул, говорят, воспротивился этому самым решительным образом. Отсюда возникло разногласие между ними, и они добровольно сложили с себя власть.

Во время важных событий, связанных с заговором Катилины и едва не приведших к ниспровержению государственного порядка в Риме, некоторое подозрение коснулось и Красса: нашелся человек, назвавший его заговорщиком, но никто этому не поверил. Правда, и Цицерон¹⁰⁸⁴ в одном из своих сочинений недвусмысленно винит Красса и Цезаря, но это

¹⁰⁸³ 12. ...в жизнеописании Марцелла . – Марц., 22.

¹⁰⁸⁴ 13. ...Цицерон ... – Ни названная речь, ни сочинение «О своем консульстве» не сохранились (ср.: Циц., 15). Причастность Красса и Цезаря к заговору Катилины представляется историкам несомненной.

сочинение было издано лишь после смерти их обоих. В другом же сочинении – «О консульстве» – Цицерон рассказывает, как Красс, явившись к нему ночью, принес письмо, касавшееся дела Катилины, и уже тогда подтвердил, что заговор существует. Как бы то ни было, Красс с тех пор питал постоянную ненависть к Цицерону, но открыто вредить последнему мешал ему сын. Ибо Публий, начитанный и любознательный, был привязан к Цицерону в такой степени, что, когда тот подвергся судебному преследованию, он вместе с ним сменил одежду на траурную и заставил сделать то же и других молодых людей. В конце концов он убедил отца примириться с Цицероном.

14. Цезарь же, едва возвратившись из провинции, стал готовиться к соисканию консульской должности. Он видел, что Красс и Помпей снова не ладят друг с другом, и не хотел просьбами, обращенными к одному, сделать себя врагом другого, а вместе с тем не надеялся на успех без поддержки обоих. Тогда он занялся их примирением, постоянно внушая им, что, вредя друг другу, они лишь усиливают Цицеронов, Катулов и Катонов, влияние которых обратится в ничто, если они, Красс и Помпей, соединившись в дружеский союз, будут править совместными силами и по единому плану. Убедив и примирив их, Цезарь составил и слил из всех троих непреодолимую силу, лишившую власти и сенат и народ, причем повел дело так, что те двое не стали сильнее один через другого, но сам он через них приобрел силу и вскоре при поддержке того и другого блистательно прошел в консулы. Цезарь превосходно управлял делами, и постановлением Народного собрания Красс и Помпей дали ему войско и послали в Галлию, засадив его таким образом как бы в крепость и полагая, что, закрепив за ним власть над доставшейся ему провинцией, они смогут без помехи поделить между собой все остальное. Помпея на этот шаг толкнуло его безмерное честолюбие, а к старой болезни Красса – корыстолюбию – из-за подвигов Цезаря присоединилась новая неудержимая страсть к трофеям и триумфам. Уступая Цезарю в этом одном и считая себя в остальном выше него, Красс не успокоился до тех пор, пока замыслы его не привели к его бесславной смерти и к народному бедствию.

Цезарь приехал из Галлии в город Луку, и туда же собрались многие из римлян, в том числе Красс и Помпей, которые частным образом сговорились с ним крепко держаться за власть и подчинить себе все управление: Цезарю предстояло остаться во главе своего войска, а Красс и Помпей должны были взять себе другие провинции и войска. Путь к этому был один – искать второго консульства, а для этого нужно было, чтобы Цезарь, в то время как они будут домогаться власти, помогал им, переписываясь с друзьями и посылая побольше воинов для подачи голосов в их пользу.

15. Вернувшись после этого в Рим, Красс и его сторонники встретили общую подозрительность: распространилась упорная молва, что не к добру было то свидание. Когда в сенате Марцеллин и Домиций спросили Помпея, намерен ли он выставить свою кандидатуру, тот ответил, что, быть может, он ее и выставит, а может быть, и нет. На вторичный вопрос о том же он сказал, что сделает это для добрых граждан, но не сделает для дурных. Помпей в ответах своих показался всем надменным и чванным, Красс же ответил скромнее, заявив, что если это может принести пользу государству, то он будет домогаться власти, в противном случае – воздержится. После такого ответа искать консульства решились и некоторые другие, в том числе Домиций. Но когда Красс и Помпей явно обнаружили свои намерения, иные из соискателей, испугавшись, отступили, Домиция же, своего родственника и друга, подбодрял Катон, увещая и побуждая не отказываться от надежды, так как ему предстоит бороться за общую свободу; ибо Помпею и Крассу нужна не консульская должность, а тиранния, и то, что ими делается, – не соискание консульства, а захват провинций и войск. Внушая все это и сам думая так, Катон привел Домиция на форум едва ли не против его воли, причем многие к ним примкнули. И немало удивлялись люди: «Почему Помпей и Красс вторично ищут консульства, почему опять оба вместе, почему не с кем-либо другим? Ведь у нас есть много мужей, несомненно достойных управлять делами

вместе с Крассом или вместе с Помпеем». Устрашившись этих толков, пособники Помпея не остановились ни перед какими бесчинствами и насилиями и в довершение всего устроили засаду Домицию, еще до света спускавшемуся на форум в сопровождении других лиц, убили несшего перед ним факел, многих ранили, в том числе Катона, а прочих обратили в бегство и заперли в доме, после чего Помпей и Красс были избраны консулами. Вскоре они опять окружили курию вооруженными людьми, прогнали с форума Катона и убили нескольких человек, оказавших сопротивление; Цезарю они продлили власть на второе пятилетие, а себе из провинций выбрали Сирию и обе Испании. Был брошен жребий: Сирия досталась Крассу, испанские же провинции – Помпею.

16. Жеребьевка эта удовлетворила всех. Большинство народа желало, чтобы Помпей находился поблизости от города, да и Помпей, влюбленный в свою жену¹⁰⁸⁵, намерен был проводить здесь бо льшую часть времени. Красс же, как только выпал ему жребий, не мог скрыть своей радости, считая, что более блестящей удачи, чем на этот раз, у него еще не бывало. Перед народом и посторонними он еще как-то себя сдерживал, но среди близких ему людей говорил много пустого и ребяческого, не соответствующего ни его возрасту, ни характеру, ибо вообще-то он вовсе не был хвастуном и гордецом. Но тогда, возгордясь безмерно и утратив рассудок, уже не Сирией и не парфянами ограничивал он поле своих успехов, называл детскими забавами походы Лукулла против Тиграна и Помпея против Митридата, и мечты его простирались до бактрийцев, индийцев и до моря, за ними лежащего. Хотя в постановлении Народного собрания, касавшемся Красса, ничего не было сказано о парфянской войне, но все знали, что Красс к ней неудержимо стремится. К тому же Цезарь написал ему из Галлии, одобряя его намерения и поощряя его к войне. Так как народный трибун Атей обнаружил намерение препятствовать походу Красса и многие к нему присоединились, считая недопустимым, чтобы кто-либо пошел войной против людей, ни в чем не провинившихся, да притом еще связанных с Римом договором, Красс, испугавшись, обратился к Помпею с просьбой оказать ему поддержку и проводить его из города. Ибо велик был почет, каким пользовался Помпей среди простого народа. И на этот раз вид Помпея, идущего впереди со спокойным взором и спокойным лицом, успокоил толпу, собравшуюся было поднять крик и задержать Красса: люди молча расступились и дали им дорогу. Но навстречу выступил Атей и начал с того, что обратился к Крассу, умоляя не идти дальше, а затем приказал ликтору схватить и остановить его. Однако другие трибуны этому воспротивились, и ликтор отпустил Красса, Атей же подбежал к городским воротам, поставил там пылающую жаровню, и, когда Красс подошел, Атей, воскурив фимиам и совершая возлияния, начал изрекать страшные, приводящие в трепет заклания и призывать, произнося их имена, каких-то ужасных, неведомых богов. По словам римлян, эти таинственные древние заклинания имеют такую силу, что никто из подвергшихся им не избежал их действия, да и сам произносящий навлекает на себя несчастье, а потому изрекают их лишь немногие и в исключительных случаях. Поэтому и Атея порицали за то, что он, вознегодовав на Красса ради государства, на это же государство наложил такие заклания и навел такой страх.

17. Красс прибыл в Брундизий. Море, как всегда зимою, было беспокойно, но Красс ждать не стал, отплыл и потерял в пути много судов. Собрав уцелевшую часть войска, он спешно двинулся сушей, через Галатию. Здесь застал он царя Дейотара, человека очень старого, занятого тогда основанием нового города. «Царь! – сказал он ему шутя, – в двенадцатом часу¹⁰⁸⁶ начинаешь ты строить». А галат, засмеявшись, ответил: «Да и ты, император, как я вижу, не слишком-то рано идешь на парфян». Крассу было за шестьдесят, а выглядел он еще старше своих лет.

¹⁰⁸⁵ 14. ...влюбленный в свою жену... – Юлию, дочь Цезаря; в следующем, 54 г. она умерла.

¹⁰⁸⁶ 15. ...в двенадцатом часу ... – Т.е. в последнем часу дня.

На первых порах по прибытии на место течение дел отвечало надеждам Красса. Ибо он без труда навел мост через Евфрат, спокойно переправил войско и занял многие города в Месопотамии, сдавшиеся ему добровольно. В одном из них, где неограниченно правил некий Аполлоний, было убито сто римских солдат, после чего Красс привел к городу войско и, овладев им, разграбил все ценности, а жителей продал в рабство. Греки называли этот город Зенодотией. По случаю покорения его Красс позволил войску провозгласить себя императором, чем навлек на себя великий стыд, так как, удовлетворившись столь малым, показал, что у него нет никакой надежды совершить что-либо большее. Оставив в покоренных городах караульные отряды, общим числом в семь тысяч пехотинцев и тысячу всадников, сам Красс ушел в Сирию на зимние квартиры и, кроме того, – чтобы встретиться с сыном, который во главе тысячи отборных всадников прибыл от Цезаря из Галлии, украшенный знаками отличия за доблесть.

Можно полагать, что это было первой его ошибкой (если не считать самого похода, оказавшегося величайшей из ошибок): вместо того, чтобы идти вперед и занять Вавилон и Селевкию, города, неизменно враждебные парфянам, он дал врагам время подготовиться. Обвиняли Красса и за дела его в Сирии, которые подобали скорее дельцу, чем полководцу. Ибо не проверкою своих вооруженных сил занимался он и не упражнением солдат в военных состязаниях, а исчислял доходы с городов и много дней подряд взвешивал и мерил сокровища богини в Иераполе¹⁰⁸⁷, предписывал городам и правителям производить набор воинов, а потом за деньги освобождал их от этой повинности. Всем этим Красс обесславил себя и заслужил презрение. И вот от этой самой богини, которую иные называют Афродитой, иные Герой, а иные считают причиной и естественной силой, породившей из влаги начала и зачатки всего и открывшей людям первоисточник всех благ, было ему первое знамение: при выходе из храма первым упал молодой Красс, а затем, запнувшись за него, упал и старший.

18. В то время как Красс стал уже стягивать войска, снимая их с зимних стоянок, к нему явились послы от Арсака с кратким извещением: они заявили, что если войско послано римским народом, то война будет жестокой и непримиримой, если же, как слышно, Красс поднял на парфян оружие и захватил их земли не по воле отечества, а ради собственной выгоды, то Арсак воздерживается от войны и, снисходя к годам Красса, отпускает римлянам их солдат, которые находятся скорее под стражей, чем на сторожевой службе. Когда же Красс стал хвастаться, что даст ответ в Селевкии, старший из послов, Вагиз, засмеялся и, показав ему на обращенную вверх ладонь, ответил: «Скорее тут вырастут волосы, Красс, чем ты увидишь Селевкию». Затем послы возвратились к царю Гироду и объявили, что предстоит война.

Между тем из городов Месопотамии, в которых стояли римские гарнизоны, явились, насилиу вырвавшись оттуда, несколько солдат с тревожными вестями. Они видели собственными глазами целые скопища врагов и были свидетелями сражений, данных неприятелем при штурмах городов. Все это они передавали, как водится, в преувеличенно страшном виде, уверяя, будто от преследующих парфян убежать невозможно, сами же они в бегстве неуловимы, будто их диковинные стрелы невидимы в полете и раньше, чем заметишь стрелка, пронзают насквозь все, что ни попадает на пути, а вооружение закованных в броню всадников такой работы, что копья их все пробивают, а панцири выдерживают любой удар. Солдаты слышали это, и мужество их таяло. Раньше они были уверены, что парфяне ничем не отличаются ни от армян, ни от каппадокийцев, которых Лукулл бил и грабил, сколько хотел, считали, что самое трудное в этой войне – предстоящий долгий путь и преследование беглецов, ускользающих из рук, а теперь, вопреки надеждам, предвидели борьбу и большие опасности, так что даже некоторые из начальников полагали,

---

¹⁰⁸⁷ 16. ...в Иераполе ... – Иераполь («Священный город», местное название – Бамбика) был центром культа «Сирийской богини» Атаргатис (Деркетю).

что Крассу следовало бы остановиться и созвать совет, чтобы вновь обсудить общее положение дел. В числе их был и квестор Кассий¹⁰⁸⁸. Да и гадалы тайно давали знать, что при жертвоприношениях Крассу постоянно выходят дурные и неотвратимые предзнаменования. Но Красс не обращал внимания ни на гадалок, ни на тех, кто советовал ему что-либо другое, кроме как торопиться.

19. В особенности же ободрил Красса Артабаз, царь армянский. Он прибыл в лагерь с шестью тысячами всадников – то были, как их называли, царские стражи и провожатые. Артабаз обещал еще десять тысяч конных латников и три тысячи пехоты, беря их содержание на себя. Царь убеждал Красса вторгнуться в Парфию через Армению, так как там он не только будет иметь в изобилии все необходимое для войска, – об этом позаботится сам царь, – но и совершит путь в безопасности, будучи защищен он врага горами, непрерывной чередой холмов, словом местностью, неудобопроходимой для конницы – единственной силы парфян. Красс остался очень доволен расположением царя и его щедрой помощью, но сказал, что пойдет через Месопотамию, где оставлено много храбрых римских воинов. После этого царь армянский уехал.

В то время как Красс переправлял войско через реку¹⁰⁸⁹ у Зевгмы, много раз прогрохотал небывалой силы гром, частые молнии засверкали навстречу войску, и ветер, сопровождаемый тучами и грозой, налетев на понтонный мост, разрушил и разметал бо́льшую его часть. Место, где Красс предполагал разбить лагерь, было дважды поражено молнией. Одна из лошадей полководца в блестящей сбруе увлекла возничего к реке и исчезла под водою. Говорят также, что первый орел, который был поднят, сам собою повернулся назад. И еще совпадение: когда после переправы солдатам стали раздавать еду, в первую очередь были выданы чечевица и соль, которые у римлян считаются знаками траура и ставятся перед умершими. Затем у самого Красса, когда он произносил речь, вырвались слова, страшно смутившие войско. Ибо он сказал, что мост через реку он приказывает разрушить, дабы никто из солдат не вернулся назад. Он должен был бы, почувствовав неуместность этих слов, взять их обратно или объяснить их смысл оробевшим людям. Но Красс со свойственной ему самоуверенностью пренебрег этим. Наконец, в то время как он приносил очистительную жертву и жрец подал ему внутренности животного, он выронил их из рук. Видя опечаленные лица присутствующих, Красс, улыбнувшись, сказал: «Такова уж старость! Но оружия мои руки не выронят».

20. С этого места он двинулся вдоль реки с семью легионами, без малого четырьмя тысячами всадников и легковооруженными в числе, приблизительно равном числу всадников. Несколько лазутчиков, вернувшись из разведки, донесли, что местность совершенно безлюдна, но замечены следы множества лошадей, как бы совершивших поворот и уходящих от преследования. После этого и сам Красс еще больше утвердился в своих надеждах на успех, и воины прониклись пренебрежением к парфянам, думая, что те даже не вступят в бой. Кассий же вновь обратился к Крассу с советом, говоря, что лучше всего было бы ему задержать войско в одном из охраняемых караульными отрядами городов, пока он не узнает о неприятеле чего-либо достоверного, если же не узнает, то двигаться на Селевкию вдоль реки. В этом случае суда с продовольствием, идя рядом с войском, смогут в изобилии доставлять продукты, и к тому же река защитит войско от обходов с фланга, и оно будет в постоянной готовности встретить противника лицом к лицу и вступить в бой на равных условиях.

21. Пока Красс все это обдумывал и взвешивал, явился вождь арабского племени по имени Абгар, человек лукавый и коварный, ставший для Красса и его войска самым

---

¹⁰⁸⁸ 17. *Квестор Кассий* – будущий убийца Цезаря. После поражения Красса он два года руководил обороной Сирии от парфянского контрнаступления.

¹⁰⁸⁹ 18. ...*через реку* ... – Через Евфрат.

большим и решающим злом из всех, какие судьба соединила для их гибели. Некоторые из тех, кто участвовал в походах Помпея, знали его как человека, в какой-то мере пользовавшегося вниманием римского полководца и прославившего другом римского народа. А теперь он был подослан военачальниками парфянского царя с тем, чтобы, сопутствуя Крассу, попытаться завлечь его как можно дальше от реки и холмов на необъятную равнину, где можно было бы его окружить, ибо парфяне решили пойти на все, лишь бы избежать встречи с римлянами лицом к лицу. Итак, явившись к Крассу, варвар (а речь его обладала силою убеждения) стал превозносить Помпея как своего благодетеля, выразил восхищение воинской мощью Красса, но вместе с тем порицал его за медлительность, за то, что он чего-то ждет и все готовится, как будто ему нужно оружие, а не проворность рук и ног для борьбы против людей, которые давно только о том и помышляют, как бы, забрав наиболее ценные вещи и тех, кто им дорог, умчаться к скифам и гирканам. «Но все же, если ты намерен сразиться, – говорил он, – следует поспешить, пока царь не собрал в одно место все свои силы, потому что теперь против вас брошены только Сурена¹⁰⁹⁰ и Силлак с наказом отвлечь на себя ваше внимание, самого же царя нигде не видно».

Все это была ложь: Гирод, разделив с самого начала свои силы на две части, сам в отместку Артабазу разорял Армению, Сурену же послал против римлян – и поступил он так отнюдь не из высокомерия, как говорят иные. Ибо не подобало бы тому, кто даже Красса, первого человека в Риме, считает недостойным себя противником, идти войной на Артабазу, нападать на армянские села и опустошать их. На самом деле царь, как видно, испугался опасности и словно бы засел в засаде в ожидании будущего, а Сурену послал вперед помериться с неприятелем силами в бою и сбивать его с пути. Сурена же был человек далеко недюжинный: по богатству, знатности рода и славе он занимал второе место после царя, мужеством же и талантом превосходил среди парфян всех своих современников; к тому же никто не мог сравниться с ним ни ростом, ни красотой. В поход выступал он не иначе, как везя за собой припасы на тысяче верблюдов и двести повозок с наложницами; тысячи конников, закованных в броню, и еще большее число легковооруженных сопровождали его особу; всех же всадников, прислужников и рабов было у него не менее десяти тысяч. По происхождению своему он владел наследственным правом первым возложить на царя диадему при вступлении его на престол. А того же Гирода, находившегося в изгнании, он вернул парфянам и овладел для него великою Селевкией, первым взойдя на стену и собственной рукою обратив в бегство противников. В ту пору ему не было еще и тридцати лет, а он заслужил уже величайшую славу своей рассудительностью и умом. Ими-то главным образом он и погубил Красса, ибо тот, отуманенный сначала самонадеянностью и гордыней, а позже под влиянием страхов и несчастий стал легко поддаваться на обманы.

22. Итак, варвар, убедив Красса и отвлекши его от реки, вел римлян по равнине – дорогой, сначала удобной и легкой, а затем крайне тяжелой: на пути лежали глубокие пески, и трудно было идти по безлесным и безводным равнинам, уходящим из глаз в беспредельную даль. Воины не только изнемогали от жажды и трудностей пути, но и впадали в уныние от безотрадных картин: они не видели ни куста, ни ручья, ни горного склона, ни зеленеющих трав – их взорам представлялись морю подобные волны песков, окружавшие войско со всех сторон. Уже в этом проглядывал коварный замысел, а тут явились и послы от Артабаза Армянского и рассказали о том, как жестоко страдает он в напряженной борьбе с обрушившимся на него Гиродом; лишенный возможности послать подмогу Крассу, он советует ему либо – что лучше всего – повернуть и, соединясь с армянами, сообща бороться против Гирода, либо идти дальше, но при этом всегда становиться лагерем на высотах, избегая мест, удобных для конницы. Однако Красс, в гнев

¹⁰⁹⁰ 19. Сурена – не собственное имя (как, по-видимому, считает Плутарх), а титул главы самого могущественного после Арсакидов парфянского рода. Собственное имя сурены, поставившего на престол Орода II (Гирода) и правившего при нем, неизвестно.

и безрассудстве своем, ничего в ответ не написал и велел лишь сказать, что теперь у него нет времени для Армении, а позже он явится туда для расправы с Артабазом за его предательство.

Кассий вознегодовал и на этот раз, но Красса, не желавшего его слушать, перестал переубеждать, варвара же наедине осыпал бранью: «Какой злой дух, сквернейший из людей, привел тебя к нам? Какими зельями и приворотами соблазнил ты Красса, ввергнув войско в разверстую глубь пустыни, идти путем, приличествующим скорее главарю разбойничьей шайки кочевников, чем римскому полководцу?» А лукавый варвар униженно просил и уговаривал потерпеть еще немного, а над воинами, идя рядом и оказывая им помощь, подшучивал и говорил со смехом: «Вы, должно быть, воображаете себя шагающими по родной Кампании, если так тоскуете по воде ключей и ручьев, по тени деревьев, по баням и гостиницам, забывая, что вы уже переступили границы арабов и ассирийцев!» Так-то Абгар поучал римлян и, прежде чем его предательство обнаружилось, усккал, не таясь от Красса, а уверив его в том, что хочет подготовить ему успех и спутать все расчеты неприятеля.

23. В тот день Красс, говорят, вышел не в пурпурном плаще, как это в обычае у римских полководцев, а в черном, спохватившись же, тотчас его сменил; затем, некоторые из знамен были подняты знаменосцами с таким трудом и после столь долгих усилий, будто они вросли в землю. Красс, однако, смеялся над этим и спешил в путь, принуждая пехоту поспевать за конницей. Но тут несколько человек из числа посланных в разведку вернулись с известием, что остальные перебиты неприятелем, что сами они с трудом спаслись бегством, а враги в великом множестве смело идут на римлян. Все встревожились, Красс же, совершенно ошеломленный, еще не совсем придя в себя, стал наспех строить войско в боевой порядок. Сначала он, как предлагал Кассий, растянул пеший строй по равнине на возможно большее расстояние в предупреждение обходов, конницу же распределил по обоим крыльям, но потом изменил свое решение и, сомкнув ряды, построил войско в глубокое каре, причем с каждой стороны выставил по двенадцати когорт, а каждой когорте придал по отряду всадников, дабы ни одна из частей войска не осталась без прикрытия конницы и можно было бы ударить на врага в любом направлении, не страшась за собственную безопасность. Один из флангов он поручил Кассию, другой – молодому Крассу, а сам стал в центре. Продвигаясь в таком порядке, они подошли к реке, название которой Баллис. Река была невелика и не обильна водой, но в эту сушь и зной, после трудностей безводного, полного тягот пути, воины очень ей обрадовались. Большая часть начальников полагала, что здесь и надлежит расположиться на отдых и ночевку, разузнать, насколько это возможно, какова численность и боевое построение врагов, а с рассветом двинуться против них. Но, побуждаемый сыном и его всадниками, которые советовали идти вперед и вступить в бой, Красс приказал, чтобы, кто хочет, ели и пили, оставаясь в строю, и, не дав людям как следует утолить голод и жажду, повел их не ровным шагом, с передышками, как это делается перед битвой, а быстро, без остановок, до тех пор, пока они не увидели неприятеля, который, против ожидания, не показался римлянам ни многочисленным, ни грозным: Сурена заслонил передовыми отрядами основные свои силы и скрыл блеск вооружения, приказав воинам заслониться плащами и кожами. Когда же парфяне подошли ближе, их военачальник подал знак, и вся равнина сразу огласилась глухим гулом и наводящим трепет шумом. Ибо парфяне, воодушевляя себя перед боем, не трубят в рога и трубы, а поднимают шум, колотя в обтянутые кожей полые инструменты, которые обвешиваются кругом медными побрякушками. Эти инструменты издают какой-то низкий, устрашающий звук, смешанный как бы со звериным ревом и раскатами грома; парфяне хорошо знают, что из всех чувствований слух особенно легко приводит душу в замешательство, скорее всех других возбуждает в ней страсти и лишает ее способности к здравому суждению.

24. Устрашив римлян этими звуками, парфяне вдруг сбросили с доспехов покровы и предстали перед неприятелем пламени подобные – сами в шлемах и латах из маргианской, ослепительно сверкавшей стали, кони же их в латах медных и железных. Явился и сам Сурена, огромный ростом и самый красивый из всех; его женственная красота, казалось, не

соответствовала молве об его мужестве – по обычаю мидян, он притирал лицо румянами и разделял волосы пробором, тогда как прочие парфяне, чтобы казаться страшнее, носят волосы на скифский лад, опуская их на лоб. Первым намерением парфян было прорваться с копьями, расстроить и оттеснить передние ряды, но, когда они распознали глубину сомкнутого строя, стойкость и сплоченность воинов, то отступили назад и, делая вид, будто в смятении рассеиваются кто куда, незаметно для римлян охватывали каре кольцом. Красс приказал легковооруженным броситься на неприятеля, но не успели они пробежать и нескольких шагов, как были встречены тучей стрел; они отступили назад, в ряды тяжелой пехоты и положили начало беспорядку и смятению в войске, видевшем, с какой скоростью и силой летят парфянские стрелы, ломая оружие и пронзая все защитные покровы – и жесткие и мягкие – одинаково. А парфяне, разомкнувшись, начали издали со всех сторон пускать стрелы, почти не целясь (римляне стояли так скученно и тесно, что и умышленно трудно было промахнуться), круто сгибая свои тугие большие луки и тем придавая стреле огромную силу удара. Уже тогда положение римлян становилось бедственным: оставаясь в строю, они получали рану за раной, а пытаясь перейти в наступление, были бессильны уравнивать условия боя, так как парфяне убегали, не прекращая пускать стрелы. В этом они после скифов искуснее всех; да и нет ничего разумнее, как, спасаясь, защищаться и тем снимать с себя позор бегства.

25. Пока римляне надеялись, что парфяне, истощив запас стрел, либо воздержатся от сражения, либо вступят в рукопашный бой, они все же не теряли мужества. Но когда стало известно, что поблизости стоит множество верблюдов, навьюченных стрелами, откуда, подъезжая, их берут передовые воины, Красс, не видя этому конца, стал падать духом. Через посланных он велел своему сыну постараться заставить неприятелей принять бой раньше, чем они его окружают: ибо парфянская конница устремлялась главным образом на него, чтобы обойти крыло, которым он командовал, и ударить ему в тыл. Итак, молодой Красс, взяв тысячу триста всадников, в том числе тысячу прибывших от Цезаря, пятьсот лучников, а из тяжеловооруженных – ближайшие восемь когорт, повел их обходным движением в атаку. Но стремившиеся окружить его парфяне, потому ли, что попали в болото¹⁰⁹¹, как некоторые полагают, или же замышляя захватить Красса как можно дальше от отца, повернули назад и поспешно усаkali. Красс, крича, что враги дрогнули, погнался за ними, а с ним вместе Цензорин и Мегабакх. Последний выдавался мужеством и силой, Цензорин же был удостоен сенаторского звания и отличался как оратор; оба были товарищи Красса и его сверстники. Они увлекли за собой конницу, пехота тоже не отставала, в надежде на победу охваченная рвением и радостью.

Римлянам представлялось, что они одерживают верх и гонятся за неприятелем, пока, продвинувшись далеко вперед, они не поняли обмана: враги, которых они считали убегающими, повернули против них, и сюда же устремились другие, в еще большем числе. Римляне остановились в расчете, что, видя их малочисленность, парфяне вступят в рукопашный бой. Но те выстроили против римлян лишь своих броненосных конников, остальную же конницу не построили в боевой порядок, а пустили скакать вокруг них. Взрывая копытами равнину, парфянские кони подняли такое огромное облако песчаной пыли, что римляне не могли ни ясно видеть, ни свободно говорить. Стиснутые на небольшом пространстве, они сталкивались друг с другом и, поражаемые врагами, умирали не легкою и не скорою смертью, но корчились от нестерпимой боли, и, катаясь с вонзившимися в тело стрелами по земле, обламывали их в самих ранах, пытаясь же вытащить зубчатые острия, проникшие сквозь жилы и вены, рвали и терзали самих себя. Так умирали многие, но и остальные не были в состоянии защищаться. И когда Публий призывал их ударить на броненосных конников, они показывали ему свои руки, приколотые к щитам, и ноги, насквозь пробитые и пригвожденные к земле, так что они не были способны ни к бегству, ни

¹⁰⁹¹ 20. ...в болото ... – Текст оригинала искажен, и перевод не надежен.

к защите. Тогда Публий, ободрив конницу, стремительно ринулся на врагов и схватился с ними врукопашную. Но не равны были его силы с неприятельскими ни в нападении, ни в обороне: галлы били легкими, коротенькими дротиками в панцири из сыромятной кожи или железные, а сами получали удары копьем в слабо защищенные, обнаженные тела. Публий же больше всего полагался именно на них и с ними показал чудеса храбрости. Галлы хватались за вражеские копья и, сходясь вплотную с врагами, стесненными в движениях тяжестью доспехов, сбрасывали их с коней. Многие же из них, спешившись и подлезая под брюхо неприятельским коням, поражали их в живот. Лошади вздымались на дыбы от боли и умирали, давя и седоков своих и противников, перемешавшихся друг с другом. Но галлов жестоко мучила непривычная для них жажда и зной. Да и лошадей своих они чуть ли не всех потеряли, когда устремлялись на парфянские копья. Итак, им поневоле пришлось отступить к тяжелой пехоте, ведя с собой Публия, уже изнемогавшего от ран. Увидя поблизости песчаный холм, римляне отошли к нему; внутри образовавшегося круга они поместили лошадей, а сами сомкнули щиты, рассчитывая, что так им легче будет отражать варваров. Но на деле произошло обратное. Ибо на ровном месте находящиеся в первых рядах до известной степени облегчают участь стоящих за ними, а на склоне холма, где все стоят один над другим и те, что сзади, возвышаются над остальными, они не могли спастись и все одинаково подвергались обстрелу, оплакивая свое бессилие и свой бесславный конец.

При Публии находились двое греков из числа жителей соседнего города Карры – Иероним и Никомах. Они убеждали его тайно уйти с ними и бежать в Ихны – лежащий поблизости город, принявший сторону римлян. Но он ответил, что нет такой страшной смерти, испугавшись которой Публий покинул бы людей, погибающих по его вине, а грекам приказал спастись и, попрощавшись, расстался с ними. Сам же он, не владея рукой, которую пронзила стрела, велел оруженосцу ударить его мечом и подставил ему бок. Говорят, что и Цензорин умер подобным же образом, а Мегабакх сам покончил с собою, как и другие виднейшие сподвижники Публия. Остальных, продолжавших еще сражаться, парфяне, поднимаясь по склону, пронзали копьями, а живыми, как говорят, взяли не более пятисот человек. Затем, отрезав головы Публию и его товарищам, они тотчас же поскакали к Крассу.

26. А положение Красса было вот какое. После того как он приказал сыну напасть на парфян, кто-то принес ему известие, что неприятель обращен в бегство и римляне, не щадя сил, пустились в погоню. Заметив вдобавок, что и те парфяне, которые действовали против него, уже не так настойчиво нападают (ведь бо льшая их часть ушла вслед за Публием), Красс несколько ободрился, собрал свое войско и отвел его на возвышенность в надежде, что скоро вернется и сын. Из людей, которых Публий, очутившись в опасности, отправлял к нему, посланные первыми погибли, наткнувшись на варваров, а другие, с великим трудом проскользнув, сообщали, что Публий пропал, если ему не будет скорой и сильной подмоги. Тогда Крассом овладели одновременно многие чувства, и он уже ни в чем не отдавал себе ясного отчета. Терзаемый разом и беспокойством за исход всего дела и страстным желанием прийти на помощь сыну, он, в конце концов, сделал попытку двинуть войско вперед. Но в это самое время стали подходить враги, еще больше прежнего нагоняя страх своими криками и победными песнями, и опять бесчисленные литавры загремели вокруг римлян, ожидавших начала новой битвы. Те из парфян, которые несли воткнутую на копье голову Публия, подъехали ближе, показали ее врагам и, издеваясь, спрашивали, кто его родители и какого он роду, ибо ни с чем не сообразно, чтобы от такого отца, как Красс, – малодушнейшего и худшего из людей, мог родиться столь благородный и блистающий доблестью сын. Зрелище это сильнее всех прочих бед сокрушило и расслабило души римлян, и не жажда отмщения, как следовало бы ожидать, охватила их всех, а трепет и ужас. Однако же Красс, как сообщают, в этом несчастье превзошел мужеством самого себя. Вот что говорил он, обходя ряды: «Римляне, меня одного касается это горе! А великая судьба и слава Рима, еще не сокрушенные и не поколебленные, зиждутся на вашем спасении. И если у вас есть сколько-нибудь жалости ко мне, потерявшему сына, лучшего на свете, докажите это своим гневом против врагов. Отнимите у них радость, покарайте их за свирепость, не смущайтесь тем, что

случилось: стремящимся к великому должно при случае и терпеть. Не без пролития крови низвергнул Лукулл Тиграна и Сципион Антиоха; тысячу кораблей потеряли предки наши в Сицилии, в Италии же – многих полководцев и военачальников, но ведь ни один из них своим поражением не помешал впоследствии одолеть победителей. Ибо не только счастьем, а стойким и доблестным преодолением несчастий достигло римское государство столь великого могущества».

27. Так говорил Красс, ободряя своих солдат, но тут же убедился, что лишь немногие из них мужественно внимали ему. Приказав им издать боевой клич, он сразу обнаружил унылое настроение войска – так слаб, разрознен и неровен был этот клич, тогда как крики варваров раздавались по-прежнему отчетливо и смело. Между тем враги перешли к действиям. Прислужники и оруженосцы, разъезжая вдоль флангов, стали пускать стрелы, а передовые бойцы, действуя копьями, стеснили римлян на малом пространстве – исключая тех немногих, которые решались, дабы избежать гибели от стрел, бросаться на врагов, но, не причинив им большого вреда, сами умирали скорой смертью от тяжких ран: парфяне вонзали во всадников тяжелые, с железным острием копья, часто с одного удара пробивавшие двух человек. Так сражались они, а с наступлением ночи удалились, говоря, что даруют Крассу одну ночь для оплакивания сына – разве что он предпочтет сам прийти к Арсаку, не дожидаясь, пока его приведут силой.

Итак, парфяне, расположившись поблизости, были преисполнены надежд. Для римлян же наступила ужасная ночь; никто не думал ни о погребении умерших, ни об уходе за ранеными и умирающими, но всякий оплакивал лишь самого себя. Ибо, казалось, не было никакого исхода – все равно, будут ли они тут дожидаться дня или бросятся ночью в беспредельную равнину. Притом и раненые сильно обременяли войско: если нести их, то они будут помехой при поспешном отступлении, а если оставить, то криком своим они дадут знать о бегстве. И хотя Красса считали виновником всех бед, воины все же хотели видеть его и слышать его голос. Но он, закутавшись, лежал в темноте, служа для толпы примером непостоянства судьбы, для людей же здравомыслящих – примером безрассудного честолюбия; ибо Красс не удовлетворялся тем, что был первым и влиятельнейшим человеком среди тысяч и тысяч людей, но считал себя совсем обездоленным только потому, что его ставили ниже тех двоих. Легат Октавий и Кассий пытались поднять и ободрить его, но он наотрез отказался, после чего те по собственному почину созвали на совещание центурионов и остальных начальников и, когда выяснилось, что никто не хочет оставаться на месте, подняли войско, не подавая трубных сигналов, в полной тишине. Но лишь только неспособные двигаться поняли, что их бросают, лагерем овладели страшный беспорядок и смятение, сопровождавшиеся воплями и криками, и это вызвало сильную тревогу и среди тех, кто уже двинулся вперед, – им показалось, что нападают враги. И много раз сходили они с дороги, много раз снова строились в ряды, одних из следовавших за ними раненых брали с собой, других бросали и таким образом потеряли много времени – все, если не считать трехсот всадников, которых начальник их Эгнатий привел глубокой ночью к Каррам. Окликнув на латинском языке охранявшую стены стражу, Эгнатий, как только караульные отозвались, приказал передать начальнику отряда Копонию, что между Крассом и парфянами произошло большое сражение. Ничего не прибавив к этому и не сказав, кто он, Эгнатий поскакал дальше к Зевгме и спас свой отряд, но заслужил худую славу тем, что покинул своего полководца. Впрочем, брошенные им тогда Копонию слова оказались полезными для Красса. Сообразив, что такая поспешность и неясность в речи изобличают человека, не имеющего сообщить ничего хорошего, Копоний приказал солдатам вооружиться и, лишь только услышал, что Красс двинулся в путь, вышел к нему навстречу и проводил войско в город.

28. Парфяне, заметив бегство римлян, не стали, однако, их преследовать ночью, но с наступлением дня, подъехав к лагерю, перебили оставшихся в нем, в числе не менее четырех тысяч человек, а многих, блуждавших по равнине, захватили, догнав на конях. Легат же Варгунтей еще ночью оторвался от войска с четырьмя когортами, но сбился с дороги.

Окружив их на каком-то холме, враги, хоть те и защищались, истребили всех, за исключением двадцати, пробившихся сквозь их ряды с обнаженными мечами, – этих они отпустили живыми, дивясь их мужеству, и дали им спокойно уйти в Карры.

До Сулены дошло ложное известие, будто Красс с лучшей частью войска бежал, а толпа, которая стеклась в Карры, – не что иное, как не стоящий внимания сброд. Итак, полагая, что плоды победы потеряны, но все еще сомневаясь и желая узнать истину, дабы решить, оставаться ли ему на месте и осадить город или преследовать Красса, оставив жителей Карр в покое, – Сулена подослал к городским стенам одного из бывших при нем переводчиков с поручением вызвать, изъясняясь по-латински, самого Красса или Кассия и передать, что Сулена желает с ними встретиться для переговоров. Переводчик сказал, что требовалось, слова его были переданы Крассу, и тот принял предложение, а вскоре явились от варваров арабы, хорошо знавшие в лицо и Красса и Кассия, так как до сражения они побывали в римском лагере. Увидев стоящего на стене Кассия, они сообщили, что Сулена готов заключить с римлянами перемирие и дать им беспрепятственно уйти, если они дружественно относятся к царю и покинут Месопотамию: он уверен, что это будет для обеих сторон выгоднее, чем доводить дело до последней крайности. Кассий согласился и потребовал, чтобы было назначено место и время для свидания Красса с Суеною. Арабы, пообещав все исполнить, усаkali.

29. Сулена, обрадованный тем, что противники попали в положение осажденных, на следующий же день привел к городу парфян, которые вели себя дерзко и требовали, чтобы римляне, если хотят получить мир, выдали им Красса и Кассия заключенными в оковы. Осажденные досадовали на то, что поддались обману, и, советуя Крассу отбросить отдаленные и напрасные надежды на армян, держались того мнения, что нужно бежать, но так, чтобы никто из жителей Карр не узнал о том до времени. Но обо всем узнал Андромах, из них самый вероломный, – Красс не только открыл ему тайну, но и доверил быть проводником в пути. Таким образом, ничто не укрылось от парфян: Андромах осведомлял их о каждом шаге римлян. Но так как парфянам было трудно сражаться ночью¹⁰⁹² и это вообще не в их обычае, Красс же выступил именно ночью, чтобы погоня не слишком отстала, Андромах пустился на хитрости: он шел то по одной, то по другой дороге и, наконец, после долгих и изнурительных блужданий завел тех, кто за ним следовал, в болотистое, пересеченное многочисленными рвами место. Нашлись, впрочем, среди римлян и такие, которые догадались, что не к добру кружит и путает их Андромах, и отказались за ним следовать. Кассий снова вернулся в Карры. Проводники его (они были арабы) советовали переждать там, пока луна не пройдет через созвездие Скорпиона, но Кассий ответил им: «А я вот еще более того опасаюсь Стрельца», – и с пятьюстами всадников уехал в Сирию. Те римляне, которых вели надежные проводники, достигли гористой местности, называемой Синнаками, и еще до рассвета оказались в безопасности. Их было до пяти тысяч, а предводительствовал ими доблестный Октавий. Красса же, опутанного сетями Андромаха, день застал в непроходимой местности, среди болот. С ним было четыре когорты, совсем немного всадников и пять ликторов. С большим трудом попав на дорогу, в то время как враги уже наседали, а, чтобы соединиться с Октавием, оставалось пройти еще двенадцать стадиев, он взобрался на холм, не слишком недоступный для конницы и малонадежный, расположенный под Синнаками и соединенный с ними длинной грядой, которая тянется через равнину. Октавий видел всю опасность его положения и первый устремился к нему на выручку с горстью людей, а затем, укоряя самих себя, помчались вслед за ним и остальные. Они отбросили врагов от холма, окружили Красса и оградили его щитами, похваляясь, что нет такой парфянской стрелы, которая коснулась бы полководца прежде, чем все они умрут, сражаясь за него.

30. Сулена, видя, что парфяне уже не с прежним пылом идут навстречу опасности, и

¹⁰⁹² 21. ...трудно сражаться ночью ... – Когда лучники не могут целиться.

сообразив, что если с наступлением ночи римляне окажутся среди гор, то задержать их будет невозможно, решил взять Красса хитростью. А именно, он отпустил часть пленных, слышавших в лагере варваров преднамеренные разговоры о том, что царь совсем не хочет непримиримой вражды с римлянами, а желал бы, великодушно обойдись с Крассом, приобрести их дружбу. Варвары прекратили бой, и Сурена, в сопровождении высших начальников спокойно подъехав к холму, спустил тетиву лука и протянул правую руку. Он приглашал Красса обсудить условия перемирия, говоря, что мужество и мощь царя испытаны римлянами против его воли, кротость же свою и доброжелательство царь выказывает по собственному желанию, ныне, когда они отступают, заключая мир и не препятствуя им спастись. Эти слова Сурены все приняли с удовлетворением и были ими чрезвычайно обрадованы. Но Красс, терпевший беды не от чего иного, как от обманов парфян, считая столь внезапную перемену невероятной, не поверил и стал совещаться. Между тем воины подняли крик, требуя переговоров с врагом, и затем стали поносить и хулить Красса за то, что он бросает их в бой против тех, с кем сам он не решается даже вступить в переговоры, хотя они и безоружны. Красс сделал было попытку их убедить, говорил, что, проведя остаток дня в гористой, пересеченной местности, они ночью смогут двинуться в путь, указывал им дорогу и уговаривал не терять надежды, когда спасение уже близко. Но так как те пришли в неистовство и, гремя оружием, стали угрожать ему, Красс, испугавшись, уступил и, обратясь к своим, сказал только: «Октавий и Петроний и вы все, сколько вас здесь есть, римские военачальники! Вы видите, что я вынужден идти, и сами хорошо понимаете, какой позор и насилие мне приходится терпеть. Но если вы спасетесь, скажите всем, что Красс погиб, обманутый врагами, а не преданный своими согражданами».

31. Октавий не остался на холме, но спустился вместе с Крассом; ликторов же, которые было двинулись за ним, Красс отослал обратно. Первыми из варваров, встретивших его, были двое полуэллинов. Соскочив с коней, они поклонились Крассу и, изъясняясь по-гречески, просили его послать вперед несколько человек, которым Сурена покажет, что и сам он и те, кто с ним, едут, сняв доспехи и безоружные. На это Красс ответил, что если бы он хоть сколько-нибудь заботился о сохранении своей жизни, то не отдался бы им в руки. Все же он послал двух братьев Росциев узнать, на каких условиях должна состояться встреча и сколько человек отправляются на переговоры. Сурена тотчас же схватил и задержал их, а затем с высшими начальниками подъехал на коне к римлянам: «Что это? – молвил он. – Римский император идет пеший, а мы едем верхами!» – и приказал подвести Крассу коня. Красс же на это заметил, что ни он, ни Сурена не погрешат, поступая при свидании каждый по обычаю своей страны. Затем Сурена заявил, что, хотя военные действия между римлянами и царем Гиродом прекращены и вражда сменилась миром, все же следует, доехав до реки, написать его условия. «Ибо, – добавил он, – вы, римляне, вовсе не помните о договорах», – и протянул Крассу руку. Когда же Красс приказал привести свою лошадь, Сурена сказал: «Не надо, царь дарит тебе вот эту», – и в ту же минуту рядом с Крассом очутился конь, украшенный золотой уздой. Конюшие, посадив Красса и окружив его, начали подгонять лошадь ударами. Первым схватился за поводья Октавий, за ним военный трибун Петроний, а затем и прочие стали вокруг, силясь удержать лошадь и оттолкнуть парфян, теснивших Красса с обеих сторон. Началась сумятица, затем посыпались и удары; Октавий, выхватив меч, убивает у варваров одного из конюхов, другой конюх – самого Октавия, поразив его сзади. Петроний был безоружен, он получил удар в панцирь, но соскочил с лошади невредимый. Красса же убил парфянин по имени Эксатр. Иные говорят, что это неверно, что умертвил его другой, а Эксатр лишь отсек голову и руку у трупа. Впрочем, об этом скорее догадываются, чем судят наверняка, ибо одни из находившихся там римлян погибли, сражаясь вокруг Красса, другие же поспешили ускакать на холм. Подъехавшие к холму парфяне объявили, что Красс наказан по заслугам, а прочим Сурена предлагает смело сойти вниз. Одни сдались, спустившись с холма, другие ночью рассеялись, но спаслись из них лишь немногие, остальных же выследили, захватили и убили арабы. Говорят, что погибло здесь двадцать тысяч, а живыми было взято десять тысяч человек.

32. Сурена послал Гироду в Армению голову и руку Красса, а сам, передав через гонцов в Селевкию весть, что везет туда Красса живого, устроил нечто вроде шутовского шествия, издевательски называя его триумфом. Один из военнопленных, Гай Пакциан, очень похожий на Красса, одетый в парфянское женское платье и наученный откликаться на имя Красса и титул императора, ехал верхом на лошади; впереди его ехали на верблюдах несколько трубачей и ликторов, к их розгам были привязаны кошельки, а на секиры насажены свежесрубленные головы римлян; позади следовали селевкийские гетеры-актрисы, в шутовских песнях на все лады издевавшиеся над слабостью и малодушием Красса. А народ смотрел на это. Сурена же, собрав селевкийский совет старейшин, представил ему срамные книги «Милетских рассказов» Аристида¹⁰⁹³. На этот раз он не солгал: рассказы были действительно найдены в поклаже Рустия и дали повод Сурене поносить и осмеивать римлян за то, что они, даже воюя, не могут воздержаться от подобных деяний и книг. Но мудрым показался селевкийцам Эзоп¹⁰⁹⁴, когда они смотрели на Сурену, подвесившего суму с милетскими непотребствами спереди, а за собой везущего целый парфянский Сибарис в виде длинной вереницы повозок с наложницами. Все в целом это шествие напоминало гадюку или же скиталу¹⁰⁹⁵: передняя и бросающаяся в глаза его часть была схожа с диким зверем и наводила ужас своими копытами, луками и конницей, а кончалось оно – у хвоста походной колонны – блудницами, погремками, песнями и ночными оргиями с женщинами. Достоин, конечно, порицания Рустий, но наглы и хулившие его за «Милетские рассказы» парфяне – те самые, над которыми не раз царствовали «Арсакиды», родившиеся от милетских и ионийских гетер¹⁰⁹⁶.

33. В то время, как все это происходило, Гирод уже примирился с Артабазом Армянским и согласился на брак его сестры и своего сына Пакора. Они задавали друг другу пиры и попойки, часто устраивали и греческие представления, ибо Гироду были не чужды греческий язык и литература, Артабаз же даже сочинял трагедии и писал речи и исторические сочинения, из которых часть сохранилась. Когда ко двору привезли голову Красса, со столов было уже убрано и трагический актер Ясон из Тралл декламировал из «Вакханок» Эврипида стихи, в которых говорится об Агаве¹⁰⁹⁷. В то время как ему рукоплескали, в залу вошел Силлак, пал ниц перед царем и затем бросил на середину залы голову Красса. Парфяне рукоплескали с радостными криками, и слуги, по приказанию царя, пригласили Силлака возлечь. Ясон же передал одному из актеров костюм Пенфея, схватил голову Красса и, впад в состояние вакхического исступления, начал восторженно декламировать следующие стихи:

Только что срезанный плющ –

¹⁰⁹³ 22. «Милетских рассказов» – так назывался сборник эротических, фантастических и приключенческих новелл II в., переведенных на латинский язык Сизенной при Сулле; о нем можно судить по подражанию Апулея в «Метаморфозах» («Золотом осле»).

¹⁰⁹⁴ 23. Эзоп – басня 266 П. (359 X.) о том, что каждый человек несет перед глазами суму, полную чужими пороками, а за спиной – свои собственные. Сибарис – греческий город в Италии; изнеженность его жителей («сибаритов») вошла в поговорку.

¹⁰⁹⁵ 24. Скитала – здесь: род змей.

¹⁰⁹⁶ 25. ...от милетских и ионийских гетер. – т.е. от греческих жен в царских гаремах.

¹⁰⁹⁷ 26. ...из «Вакханок» Эврипида ... – ст. 1169—1171 и 1178—1179 с искажениями (пер. С.А. Ошерова): царица Агава в вакхическом исступлении убивает своего сына Пенфея, приняв его за дикого зверя, и вакханки несут его растерзанное тело как охотничий трофей.

Нашей охоты добычу счастливую –
С гор несем мы в чертог.

Всем присутствующим это доставило наслаждение. А когда он дошел до стихов, где хор и Агава поют, чередуясь друг с другом:

«Кем же убит он?»
«Мой это подвиг!» –

то Эксатр, который присутствовал на пире, вскочил с места и выхватил у Ясона голову в знак того, что произносить эти слова подобает скорее ему, чем Ясону. Царь в восхищении наградил его по обычаю своей страны, а Ясону дал талант серебра. Таков, говорят, был конец, которым, словно трагедия, завершился поход Красса.

Но и жестокосердие Гирода и вероломство Сурены получили достойное возмездие. Сурену Гирод вскоре умертвил из зависти к его славе, а сам потерял своего сына Пакора, побежденного римлянами в сражении. Затем, когда его постиг недуг, перешедший в водянку, другой сын его, Фраат, со злым умыслом дал отцу акониту. Но яд подействовал, как лекарство, и вышел вместе с водой, так что больному стало легче, и тогда Фраат, избрав самый верный путь, задушил отца.

[Сопоставление]

34. (1). Приступая к сравнению, надо прежде всего сказать, что Никий нажил свое богатство менее постыдным путем, что Красс. Вообще говоря, трудно одобрить доходы от рудников, в которых работают главным образом преступники или варвары, причем некоторые из них заключены в оковы и гибнут в опасных и вредных для здоровья местах, однако рядом с барышами, которые извлечены из пожаров и распродаж конфискованного Суллой имущества, они кажутся более пристойными. А ведь Красс использовал эти способы обогащения столь же открыто, как земледелие и ростовщичество. Красса изобличали в том, что он берет взятки за свои выступления в сенате, оскорбляет союзников, заискивает перед женщинами, укрывает негодяев. Сам он решительно отвергал такие обвинения, но Никия ни в чем подобном никто не упрекал, хотя бы и ложно. Правда, вызывало насмешки его малодушие, когда он задабривал деньгами доносчиков, что было бы недостойно, конечно, Перикла и Аристида, но неизбежно для него, от природы лишенного храбрости. В более позднее время оратор Ликург, которому вменяли в вину подкуп какого-то доносчика, не смущаясь, оправдывался в Народном собрании: «Я доволен, что после столь долгого исполнения государственных обязанностей, вы ловите меня на том, что я давал, а не брал».

В расходах Никий проявил больше здравого смысла, ища себе славы в щедрых приношениях богам, устройстве гимнастических состязаний и театральных зрелищ. Однако по сравнению с тем, что тратил Красс на угощение многих десятков тысяч людей или даже на полный их прокорм, все имущество Никия вместе с его расходами представляется каплей в море. Поэтому мне удивительно, как люди могут не понимать, что с известной точки зрения порок есть не что иное, как разноречивость и непоследовательность, – коль скоро они видят, как нажитое нечестным путем тратится затем без всякой пользы.

35. (2). Сказанного о богатстве достаточно. В государственных делах Никию и на волос не было свойственно ни коварство, ни несправедливость, ни насилие, ни наглость. Напротив, он сам оказывался жертвой Алкивиадовых хитростей и перед народом всегда выступал с уважением и осторожностью. Крассу же ставят в вину страшное вероломство и низость, имея в виду его непостоянство и во вражде и в дружбе. Он сам не отрицал, что пришел к консульству путем насилия, наняв людей, которые покушались на Катона и Домиция. Когда народ голосованием решал вопрос о распределении провинций, многие тогда получили

раны, четверо были убиты, и Красс сам, – о чем я не упомянул в его жизнеописании, – ударом кулака разбил в кровь лицо Луцию Аннию и выгнал прочь этого сенатора, перечившего ему. Но если Красс был склонен к насилию и тирании, то Никий заслуживает самого сурового порицания за нерешительность в государственных делах, за малодушие и попустительство самым последним мерзавцам. Красс в подобных случаях выказывал мужество и величие духа, и соперниками его были, клянусь Зевсом, не какие-нибудь там Клеон и Гипербол, а прославленный Цезарь и трижды триумфатор Помпей. Ни перед одним из них он не отступил, но с обоими сравнился могуществом, а добившись избрания на должность цензора, достиг даже большего, чем Помпей. Занимаясь делами величайшей государственной важности, нужно думать не о том, что может избавить тебя от завистников, а о том, как стяжать славу, которая своим величием способна ослабить зависть. Если тебе дороже всего безопасность и тишина, если на ораторском возвышении ты робеешь перед Алкивиадом, в Пилосе – перед лакедемонянами, перед Пердиккой – во Фракии, то в Афинах было много удобных для отдыха мест, чтобы вдали от забот сплести себе венок безмятежности, как говорят некоторые философы. Страстное влечение Никия к миру было поистине божественным качеством, а прекращение войны – самым высоким проявлением эллинского духа на государственном поприще. В этом отношении Красс недостоин, чтобы его сравнивали с Никием, хотя бы он подчинил Риму Каспийское море и Индийский океан.

36. (3). В государстве, где живо понятие о нравственном совершенстве, лицо, облеченное высшими полномочиями, не вправе уступать дорогу негодяям, власть – людям беспринципным и оказывать доверие лицам, не заслуживающим его, как это сделал Никий, когда сам передал командование Клеону, который в государстве был никем и лишь без всякого стыда горланил с возвышения для ораторов. Я не хвалю Красса, который во время Спартаковой войны торопился дать решительное сражение, забывая об осторожности. Однако его толкало на это честолубивое опасение, как бы не подоспел Помпей и не лишил его славы, как Муммий – Метелла в Коринфе¹⁰⁹⁸. Но совершенно нелепо и непростительно вел себя Никий. Ведь не честь, не власть, сопряженную с надеждами на легкий успех, уступил он врагу, но, предвидя огромные трудности, грозящие командующему под Пилосом, пожертвовал общим благом ради собственного спокойствия и безопасности. Не в пример ему Фемистокл¹⁰⁹⁹ во время Персидских войн, чтобы не допустить к командованию человека никчемного и не погубить государство, подкупом убедил его отказаться от должности, и Катон выступил соискателем на выборах народных трибунов именно тогда, когда увидел, что государство стоит перед величайшими затруднениями и опасностями. Тот же, кто берегает свое военное искусство для борьбы против Минои, Киферы и жалких мелосцев¹¹⁰⁰, а когда нужно дать бой лакедемонянам, снимает с себя воинский плащ и передает неопытному и самонадеянному Клеону корабли, людей, оружие и командование в походе, требующем особой, чрезвычайной опытности, – тот губит не свою личную славу, а свободу и независимость отечества. В дальнейшем его насильно, вопреки собственному желанию, заставили воевать с сиракузянами, и было похоже, что он дал Сицилии уйти из рук афинян по своей слабохарактерности и малодушию, а не потому, что находил захват острова бесполезным.

Однако он неизменно пользовался благоволением сограждан – недаром афиняне постоянно голосовали за него, как за самого опытного и лучшего полководца, хотя он

¹⁰⁹⁸ 27. ...как Муммий – Метелла ... – Метелл («Македонский») в 146 г. разбил силы Ахейского союза, восставшего против Рима, но лавры победы получили сменивший его консул Г. Муммий, разрушитель Коринфа.

¹⁰⁹⁹ 28. Фемистокл – См.: Фем., 6 и КМл., 20 сл.

¹¹⁰⁰ 29. Мелосцев – неудачный поход Никия против острова Мелоса (426 г.) в жизнеописании не упомянут.

никогда не любил воевать и уклонялся от поста командующего. Крассу же, который все время рвался к должности командующего, никак не удавалось ее получить, если не считать войны против рабов, когда в Риме не было ни Помпея, ни Метелла, ни обоих Лукуллов и у римлян не было иного выбора. А ведь именно в ту пору Красс пользовался наибольшим почетом и влиянием, но даже ревностные его приверженцы понимали, что, как говорит комический поэт,

Он доблестен везде, где нет оружия¹¹⁰¹.

Разумеется, никакого проку от его добрых качеств не было тем римлянам, которых, вопреки их желанию, повели в поход властолюбие и честолюбие Красса. Если афиняне насильно послали на войну Никия, то Красс насильно повел в бой римлян, и по вине Красса пострадало государство, а Никий сам пострадал по вине государства.

37. (4). Впрочем, если судить о событиях, которыми завершается их жизнь, Никий больше заслуживает похвалы, чем Красс порицания. Ведь Никий, полагаясь на свой опыт и расчеты, как и подобает мудрому полководцу, не увлекся надеждами сограждан, но решительно отверг план захвата Сицилии, Красс же повинен в том, что к Парфянской войне, им же самим затеянной, относился с крайним легкомыслием. У Красса были далеко идущие замыслы: пока Цезарь покорял западные области – кельтов, германцев, Британию, Красс рвался на восток, к Индийскому океану, желая присоединить к римской державе всю Азию, что уже пытался исполнить Помпей, а до него – Лукулл, мужи, неизменно пользовавшиеся доброй славой, однако домогавшиеся того же, что и Красс, и следовавшие тем же побуждениям. Сенат противился назначению Помпея на должность командующего, а когда Цезарь разбил триста тысяч германцев, Катон советовал¹¹⁰² выдать его побежденным и тем самым гнев богов за вероломство обратить на него одного. Но народ отвернулся от Катона и пятнадцать дней приносил благодарственные жертвы за победу, всецело отдавшись ликованию. А какие чувства возникли бы и сколько дней сжигались бы жертвы, если бы Красс из Вавилона послал весть о победе, а затем двинулся бы дальше и сделал римскими владениями Мидию, Персиду, Гирканию, Сузы, Бактры! Если, по слову Эврипида¹¹⁰³, «неизбежно творит беззаконие» тот, кому в тягость мирная жизнь и кто не умеет довольствоваться тем, что есть, – тогда уж, по крайней мере, подобало не Скандию, не Менду¹¹⁰⁴ разрушать до основания, не за беглецами-эгинцами, покинувшими родину и прятавшимися в чужой стране, охотиться, словно за дичью. Нет, отступая от справедливости, надо и к самой несправедливости относиться с уважением и не чинить ее по случайному поводу, не обращать на предметы нестоящие и ничтожные. Те, которые одобряют намерения, вызвавшие поход Александра, намерения же, руководившие Крассом, порицают, неправильно судят о начале дела по его исходу.

38. (5). В самих военных действиях Никия немало доблестного. Он побеждал врага во многих битвах и чуть было не взял Сиракузы. Не он один несет ответственность за все бедствия, тут можно винить и его болезнь и зависть сограждан в Афинах. Красс же множеством своих ошибок отпугнул от себя счастье, и поразительно не то, что этот глупец оказался слабее парфян, а то, что перед его глупостью не устояла даже удачливость римлян. Никий благоговел перед наукой прорицания, Красс смеялся надо всем, что к ней относится,

¹¹⁰¹ 30. Он доблестен везде, где нет оружия. – Стих неизвестного автора.

¹¹⁰² 31. Катон советовал ... – См. Цез., 22 и КМл., 51.

¹¹⁰³ 32. ...по слову Эврипида ... – «Финикиянки», 524.

¹¹⁰⁴ 33. ...не Скандию, не Менду ... – Небольшие города на Кифере и в Халкидике, завоеванные Никием.

однако обоих постиг один конец, поэтому трудно судить, какой путь надежнее. Лучше все же ошибиться из осторожности, следуя старинным убеждениям и обычаям, чем самонадеянно их преступать. Если, наконец, сопоставить гибель того и другого, то Красс заслуживает меньше упреков: ведь он не сдался в плен, не был ни связан, ни введен в заблуждение ложными упованиями, но уступил просьбе друзей и пал жертвой вероломства врагов; Никий же, в надежде ценою позора и бесславия получить спасение, сдался врагам – и сделал свою смерть особенно позорной.

СЕРТОРИЙ И ЭВМЕН

Серторий

[перевод А.П. Каждана]

1. Поскольку поток времени бесконечен, а судьба изменчива, не приходится, пожалуй, удивляться тому, что часто происходят сходные между собой события. Действительно, если количество основных частиц мироздания неограниченно велико, то в самом богатстве своего материала судьба находит щедрый источник для созидания подобий; если же, напротив, события сплетаются из ограниченного числа начальных частиц, то неминуемо должны по многу раз происходить сходные события, порожденные одними и теми же причинами. Иные люди охотно отыскивают в исторических книгах и устных преданиях примеры случайного сходства, которые могут показаться порождением разумной воли и провидения. Таковы истории двух Аттисов – сирийского и аркадского (оба они были убиты вепрем), такова судьба двух Актеонов¹¹⁰⁵ (одного из них растерзали собаки, а другого – любовники) или двух Сципионов: сперва один Сципион одержал победу над карфагенянами, а затем второй окончательно разгромил их. Илион был взят Гераклом¹¹⁰⁶ из-за коней Лаомедонта и затем Агамемноном при помощи так называемого деревянного коня, а в третий раз город занял Харидем – и опять-таки потому, что какой-то конь оказался в воротах и жители Илиона не смогли достаточно быстро их запереть. Есть два города, носящих имена самых благоуханных растений: Иос и Смирна¹¹⁰⁷ – и говорят, что поэт Гомер родился в одном из них и умер в другом. К этому я прибавил бы еще одно наблюдение: среди полководцев самыми воинственными, самыми хитроумными и решительными были одноглазые, а именно Филипп, Антигон, Ганнибал и, наконец, тот, о ком пойдет речь в этом жизнеописании, – Серторий. Его можно было бы назвать более целомудренным, чем Филипп, более верным к друзьям, чем Антигон, более мягким к врагам, нежели Ганнибал. Ни одному из них он не уступал умом, но всех их превзошел своими несчастьями, ибо судьба была к нему более суровой, чем откровенные враги. Он сравнился военным опытом с Метеллом, отвагой – с

---

¹¹⁰⁵ 1. ...история двух Аттисов ... двух Актеонов ... – Сирийский (фригийский) Аттис – возлюбленный Матери богов Кибелы, погибший (как Адонис) от вепря на охоте; об аркадском Аттисе ничего не известно. Из двух Актеонов один – беотийский охотник, увидевший нагую Артемиду, за это превращенный ею в оленя и растерзанный собственными псами; другой – коринфский мальчик, погибший, когда влюбленный в него согражданин вырывал его из рук родственников (Плутарх. Любовные рассказы, 2).

¹¹⁰⁶ 2. Илион (Троя) был взят Гераклом из-за коней Лаомедонта ... – Царь Лаомедонт пообещал Гераклу в награду за помощь упряжку чудесных коней, но не исполнил обещания (ср.: Ник., 1); история Харидема ближе не известна.

¹¹⁰⁷ 3. Иос и Смирна ... – Название Иоса Плутарх производит от *ion* (фиалка), а Смирны – от одноименной душистой смолы (мирра); обе этимологии произвольны.

Помпеем, удачей – с Суллой; его отряды соперничали с римским войском – а был он всего лишь беглецом, нашедшим приют у варваров и ставшим их предводителем.

Среди греков я уподобил бы ему скорее всего Эвмена Кардийского: оба были прирожденными военачальниками, изобретательно действовавшими против неприятеля; оба стали изгнанниками и имели под своим началом чужеземцев; обоим судьба сулила кончину горестную и насильственную: они стали жертвой заговора, погибли от руки тех, с кем вместе одерживали победы над врагом.

2. Квинт Серторий принадлежал к видному роду сабинского города Нурсия. Он рано потерял отца и получил достойное воспитание под наблюдением матери, которую, кажется, любил очень сильно. Есть сведения, что его мать звали Реей. Он отдавал много сил изучению права и, будучи еще совсем юношей, благодаря своему красноречию приобрел некоторое влияние в городе, однако блестящие военные успехи направили честолюбие Сертория по иному пути.

3. Первый подвиг он совершил, когда кимвры и тевтоны вторглись в Галлию, разгромили римлян и обратили их в бегство. Серторий (он служил под начальством Цепиона), потерявший коня и раненный, все же переправился через Родан вплавь и, несмотря на сильное течение, не бросил ни панциря, ни щита – настолько был он крепок и закален упражнениями. Второй раз он отличился во время нового наступления этих варваров; собрались такие полчища их и столь грозными они казались, что в ту пору считалось великим подвигом, если римлянин оставался в строю и повиновался полководцу. Войсками командовал Марий, а Серторий был послан на разведку во вражеский стан. Одевшись по-кельтски и усвоив наиболее ходовые выражения, необходимые, если придется поддерживать разговор, Серторий смешался с варварами; кое-что важное увидев своими глазами, а о другом узнав по рассказам, он возвратился к Марию. Уже на этот раз Серторий был удостоен награды, а так как и во время дальнейших военных действий неоднократно проявлял разум и отвагу, то приобрел славу и стал пользоваться доверием полководца.

Когда кончилась война с кимврами и тевтонами, Серторий был послан в Испанию военным трибуном при полководце Дидии и проводил зиму в кельтиберийском городе Кастулоне. Так как воины, живя в роскоши, распустились и без просыпа пьянствовали, варвары стали относиться к ним с пренебрежением и, призвав на помощь своих соседей истургийцев, напали ночью на жилища римлян. Многие были убиты. Серторию вместе с некоторыми другими удалось ускользнуть; собрав уцелевших воинов, он обошел вокруг города. Найдя открытыми ворота, через которые варвары тайно прокрались внутрь, Серторий не повторил их небрежности – напротив, он установил стражу у ворот и, овладев городом, перебил всех способных носить оружие. Когда резня закончилась, он приказал воинам сбросить одежды и сложить оружие и, облачившись во все варварское, двинуться против того города, откуда пришли люди, ночью напавшие на римлян. Вид воинов Сертория обманул варваров, и они не стали запираť ворота; перед Серторием оказалось множество людей, полагавших, что они встречают друзей и сограждан, возвращающихся с победой. В результате бо льшую часть жителей римляне перебили у ворот, а остальные сдались и были проданы в рабство.

4. Эти события принесли Серторию известность в Испании, и едва он вернулся в Рим, как был назначен на должность квестора той Галлии, что лежит по реке Паду, – и это было весьма ко времени. Уже назревала Марсийская война, и Серторий получил приказание собирать воинов и готовить оружие; он проявил в этом деле такое рвение и стремительность (особенно если сравнивать с медлительностью и вялостью других молодых военачальников), что приобрел добрую славу человека деятельного. Даже став начальником, Серторий не забывал о воинской отваге и сам творил в бою чудеса; он не щадил себя в сражениях и, в конце концов, потерял один глаз – чем, впрочем, неизменно гордился. По его словам, другие не могут всегда носить на себе награды, полученные за подвиги, но снимают почетные цепи, убирают копья и венки – он же постоянно сохраняет свое отличие, напоминающее всем, кто видит Сертория, о его доблести и вместе с тем о его потере. И народ воздал ему

соответствующие почести: когда Серторий появился в театре, его встретили шумными приветственными кликами – а это нелегко было заслужить даже людям, которые намного превосходили его и возрастом и славой. Однако когда он стал добиваться трибуната, Сулла противодействовал ему, и попытка Сертория закончилась неудачей; по-видимому, из-за этого он и возненавидел Суллу.

Когда Марий, потерпев поражение от Суллы, бежал, а сам Сулла отправился на войну против Митридата, когда из двух консулов Октавий поддерживал Суллу, а Цинна задумывал переворот и старался возродить ослабленную группировку приверженцев Мария, – тогда Серторий примкнул к сторонникам Цинны, видя, помимо всего прочего, что Октавий – человек вялый и к тому же недоверчиво относится к друзьям Мария. Из большого сражения между консулами, которое произошло на форуме, победителем вышел Октавий, Цинна же и Серторий бежали, потеряв чуть ли не десять тысяч своих приверженцев. Но затем им удалось склонить на свою сторону бо́льшую часть стоявших в разных частях Италии войск, и, таким образом, они уже вскоре показали себя достойными противниками Октавия.

5. Когда Марий приплыл из Африки и предложил, что он как обыкновенный гражданин встанет под командование Цинны – консула, все готовы были его принять. Только Серторий выступил против этого, то ли полагая, что присутствие столь опытного полководца, как Марий, неблагоприятно скажется на отношении Цинны к самому Серторию, то ли боясь тяжелого характера Мария и опасаясь, что тот, не зная меры в своем гневе, вызовет ужасные беспорядки и в час победы преступит пределы права и законности. Серторий говорил, что уже почти все сделано, что они и так уже добились победы, но если они примут Мария, их успех послужит на пользу его славе и могуществу, а он человек недоверчивый и неспособный делить власть с другими. Цинна отвечал, что соображения Сертория основательны, но что ему совесть не позволяет оттолкнуть Мария, которого он сам призывал принять участие в их борьбе. На это Серторий заметил: «В своем решении я исходил из того, что Марий явился в Италию по собственному почину. Что же касается тебя, твоя ошибка уже в том, что ты стал обсуждать вопрос о человеке, которого сам пригласил: конечно, его нужно принять, ибо верность своим обязательствам не подлежит обсуждению». Итак, Цинна призвал Мария; войска были разделены на три части, и во главе их стояли три командира.

Когда военные действия кончились, Цинна и Марий поступали так нагло и злобно, что римляне готовы были счесть золотыми дарами испытанные ими во время войны бедствия. Передают, что в ту пору один Серторий не поддавался чувству гнева и никого не убивал, что он не пользовался правом победителя и не творил насилий; напротив, он возмущался Марием и в частных беседах уговаривал Цинну действовать мягче. Рабы, ставшие соратниками Мария на поле боя и опорой его тирании, превратились во влиятельных и богатых людей: они то получали награды по приказанию Мария, то насильственно присваивали добро своих господ, убивая их самих, сходясь с их женами, насилуя их детей; в конце концов Серторий счел их действия нетерпимыми и перебил их, когда все они находились в одном лагере, – а было всех рабов не менее четырех тысяч.

6. Когда Марий умер, а Цинна вскоре после того был убит, когда Марий Младший присвоил консульскую власть вопреки воле Сертория и в нарушение законов, а разные Карбоны, Норбаны и Сципионы плохо вели войну против наступавшего Суллы, дела приняли дурной оборот частично из-за трусости и распущенности командиров, частично же из-за прямого предательства. Серторию было уже бессмысленно оставаться и наблюдать, как положение становится все хуже из-за бездарности высших командиров. Поэтому, когда, в конце концов, Сулла, став лагерем возле лагеря Сципиона и разыгрывая из себя друга, ищущего мира, подкупом перетянул на свою сторону войска противника – Серторий заранее предупреждал Сципиона, чем все это кончится, но тот не прислушался к его словам, – Серторий, окончательно потеряв надежду удержаться в городе, отправился в Испанию. Его целью было превратить эту страну, коль скоро удастся овладеть ею, в убежище для друзей, разбитых в Италии. В горах его встретила непогода, а варвары требовали уплаты дани и пошлины за проход через их владения. Спутники Сертория негодовали и возмущались, что

римлянину, облеченному консульским достоинством, приходится платить дань жалким варварам, но сам он не придавал значения тому, что им казалось позорным, и говорил, что он покупает время, а время особенно дорого человеку, стремящемуся к великой цели.

Успокоив варваров выплатой денег, он быстро подчинил себе Испанию. Серторий встретил здесь племена многолюдные и воинственные, но относившиеся ко всему связанному с Римом враждебно – из-за постоянных вымогательств и высокомерия наместников, которых сюда присылали; знать он привлек на свою сторону обходительностью, а народ – снижением податей; особое расположение он завоевал, отменив построй: он принуждал воинов устраивать зимние квартиры в пригородах и сам первый показал пример. Впрочем, он строил свои расчеты не на одном только расположении варваров: он вооружил способных носить оружие римских поселенцев, а также приказал изготовить всевозможные военные машины и построить триеры. Города он держал под пристальным наблюдением. Он был мягок в решении гражданских дел, враги же испытывали ужас, видя его военные приготовления.

7. Когда Серторию стало известно, что Сулла овладел Римом, а сторонники Мария и Карбона разбиты, он стал ожидать, что в Испанию будет послан полководец с войсками для решительной войны против серторианцев. Поэтому он сразу же приказал Ливию Салинатору с шестью тысячами тяжеловооруженных воинов занять проходы в Пиренейских горах. И действительно, Гай Анний, который некоторое время спустя был послан Суллой в Испанию, убедился, что Ливий недосыгаем, и не зная, что предпринять, медлил у подножия гор. Лишь после того, как некто Кальпурний, по прозвищу Ланарий, коварно убил Ливия и воины покинули высоты Пиренеев, Анний перевалил через горы и двинулся вперед с большим войском, сокрушая сопротивление противника. Серторий, который был не в состоянии принять бой, бежал с тремя тысячами воинов в Новый Карфаген; там они сели на корабли, пересекли море и высадились в Африке, в стране мавританцев. Варвары напали на них в тот момент, когда воины, не выставив охранения, таскали воду; и вот Серторий, потеряв многих, вновь поплыл в Испанию. Оттуда он тоже был отброшен, но тут к нему присоединились пираты-киликийцы, и он высадился на острове Пифиуса и занял его, слолив сопротивление оставленного Аннием караульного отряда. Немного спустя, однако, явился Анний с большим числом кораблей и пятью тысячами тяжеловооруженных воинов; Серторий предпринял попытку дать решительное сражение, несмотря на то, что его суда были легкими, пригодными для быстрого плавания, но не для битвы. Но тут подул сильный западный ветер, на море поднялась буря, и бо льшая часть неустойчивых судов Сертория была отнесена в сторону, к скалистому берегу; сам Серторий, уйдя с немногими кораблями, десять дней провел в труднейших условиях, гонимый встречным прибоем и суровыми волнами; буря не давала ему выйти в открытое море, а враги – пристать к берегу.

8. Ветер спал, и Сертория отнесло к каким-то разбросанным по морю безводным островам, где он провел ночь; оттуда, пройдя Гадесский пролив, он двинулся, имея по правому борту омываемые Океаном берега Испании. Тут он и высадился, чуть выше устья Бетиса – реки, которая изливается в Атлантический океан и дает имя окрестным областям Испании¹¹⁰⁸.

Там ему повстречались какие-то моряки, которые недавно приплыли с Атлантических островов; этих островов два; они разделены совсем узким проливом и отстоят на десять тысяч стадиев от Африки; имя их – Острова блаженных¹¹⁰⁹. Там изредка выпадают слабые дожди, постоянно дуют мягкие и влажные ветры; на этих островах не только можно сеять и сажать на доброй и тучной земле – нет, народ там, не обременяя себя ни трудами, ни хлопотами, в изобилии собирает сладкие плоды, которые растут сами по себе. Воздух на

¹¹⁰⁸ 4. ...и дает имя ... областям Испании ... – Бетика (Андалусия) по реке Бетис (Гвадалкивир).

¹¹⁰⁹ 5. ...Остров блаженных . – Далее следует идеализированное описание Канарских островов.

островах животворен благодаря мягкости климата и отсутствию резкой разницы меж временами года, ибо северные и восточные вихри, рожденные в наших пределах, из-за дальности расстояния слабеют, рассеиваются на бескрайних просторах и теряют мощь, а дующие с моря южные и западные ветры изредка приносят слабый дождь, чаще же их влажное и прохладное дыхание только смягчает зной и питает землю. Недаром даже среди варваров укрепилось твердое убеждение, что там – Елисейские поля и обиталище блаженных, воспетое Гомером¹¹¹⁰.

9. Когда Серторий услышал этот рассказ, у него родилось страстное желание поселиться на Островах блаженных и жить там безмятежно, не ведая ни тираннии, ни бесконечных войн. Зато киликийцы, узнав о его стремлении, отплыли в Африку, намереваясь вернуть Аскалиду, сыну Ифты, мавританский престол, – ведь киликийцы жаждали богатства и добычи, а не покоя и мира. Тем не менее Серторий не отчаивался, напротив, он решил оказать помощь тем, кто сражался против Аскалиды; он рассчитывал, что его соратники, ободренные новыми успехами, увидят в них залог дальнейших подвигов и потому не рассеются, охваченные унынием. Радостно принятый мавританцами, он тут же принялся за дело, разбил Аскалиду и осадил его. Сулла послал на помощь Аскалиду Пакциана с войском, но Серторий убил его в сражении, а побежденных воинов привлек на свою сторону; затем он взял Тингис, где Аскалид с братьями искали убежища. Ливийцы рассказывали, что в этом городе был похоронен Антей¹¹¹¹. Серторий приказал раскопать его гробницу, не веря рассказам варваров о росте Антея. Но, обнаружив тело длиной в шестьдесят локтей, он, как передают, был поражен и, зажав жертвенное животное, велел засыпать могилу; и этим Серторий способствовал еще большему почитанию и славе Антея. По преданиям тингитов, после смерти Антея его вдова Тингис сошлась с Гераклом и родила от него сына по имени Софак, который стал царем этой страны и дал основанному им городу имя своей матери. Сыном Софака был Диодор, которому подчинились многие ливийские племена – ведь у него было греческое войско из поселенных там Гераклом ольвийцев и микенцев. Мы рассказали здесь об этом ради Юбы, который более всех царей любил историю: ибо передают, что предки Юбы были потомками Софака и Диодора.

Серторий, оказавшись господином положения, не был несправедлив к тем, кто призвал его и доверял ему, – он отдал им и деньги, и города, и власть и взял себе лишь то, что они дали ему добровольно.

10. В то время как Серторий раздумывал, куда ему теперь устремиться, лузитанцы отправили к нему послов, приглашая его стать их вождем; опасаясь римлян, они искали себе предводителя, который был бы человеком достойным и опытным; узнав о характере Сертория от его спутников, лузитанцы желали доверить свои дела ему и только ему.

Современники рассказывают, что Серторию не свойственна была ни жажда наслаждений, ни чувство страха и сама природа наделила его даром и тягости переносить не дрогнув, и не зазнаваться от удачи. Не было среди полководцев того времени более отважного, чем он, в открытом бою и вместе с тем более изобретательного во всем, что касалось военных хитростей и умения занять выгодную позицию или осуществить переправу, что требовало быстроты, притворства, а если надо, то и лжи. Он был щедр, раздавая награды за подвиги, но оставался умеренным, карая проступки. Возможно, однако, что подлинную его натуру выдает проявленная им в конце жизни жестокость и мстительность по отношению к заложникам: он не был добрым по природе, но, руководствуясь необходимостью и расчетом, надевал личину доброты. По-моему, добродетель истинная и основанная на разуме ни в коем случае не может превратиться в свою противоположность, но вполне вероятно, что честные характеры и натуры становятся

¹¹¹⁰ 6. ...воспетое Гомером . – «Одиссея», IV, 563—568.

¹¹¹¹ 7. Антей – великан, сын Земли (черпавший из нее силы в борьбе), убитый Гераклом.

хуже под влиянием больших и незаслуженных невзгод; их свойства меняются вместе с изменением их судьбы. Думаю, что именно это и произошло с Серторием, когда счастье уже стало покидать его: дурной оборот дела сделал его жестоким к тем, кто выступал против него.

11. Итак, в ту пору Серторий покинул Африку, приглашенный лузитанцами. Он сразу же навел у них порядок, действуя как главнокомандующий с неограниченными полномочиями, и подчинил ближайшие области Испании. Большая часть покоренных перешла на его сторону добровольно, привлекаемая прежде всего мягкостью и отвагой Сертория; однако в некоторых случаях он прибегал к хитроумным проделкам, чтобы прельстить и обмануть варваров. В важнейшей из его выдумок главная роль принадлежала лани. Дело происходило таким образом. На Спана, простолюдина из местных жителей, случайно выбежала самка оленя, вместе с новорожденным детенышем ухидившая от охотников; мать он не смог схватить, но олененка, поразившего его необычайной мастью (он был совершенно белый), Спан стал преследовать и поймал. Случилось так, что Серторий как раз находился в этих краях; а так как он с удовольствием принимал в дар любые плоды охоты или земледелия и щедро вознаграждал тех, кто хотел ему услужить, то Спан привел олененка и вручил ему. Серторий принял дар. На первых порах он не видел в подарке ничего необычайного. Однако прошло некоторое время, лань стала ручной и так привыкла к людям, что откликалась на зов и повсюду ходила за Серторием, не обращая внимания на толпу и шум военного лагеря. Затем Серторий объявил лань божественным даром Дианы, утверждая, будто не раз это животное раскрывало ему неведомое: он хорошо знал, сколь суеверны варвары по своей природе. Немногим позже Серторий придумал еще вот что. Если он получал тайное извещение, что враги напали на какую-либо часть его страны или побуждали отложиться какой-либо город, он притворялся, что это открыла ему во сне лань, наказывая держать войска в боевой готовности. И точно так же, если Серторий получал известие о победе кого-нибудь из своих полководцев, он никому не сообщал о приходе гонца, а выводил лань, украшенную венками в знак добрых вестей, и приказывал радоваться и приносить жертвы богам, уверяя, что скоро все узнают о каком-то счастливом событии.

12. Благодаря этому варвары стали охотнее подчиняться Серторию; они благосклоннее относились ко всем его замыслам, считая, что повинуются не воле какого-то чужака, но божеству. К тому же самый ход событий укреплял их в этом убеждении, ибо могущество Сертория необычайно возрастало. В его распоряжении было две тысячи шестьсот человек, которых он называл римлянами¹¹¹², да еще семьсот ливийцев, переправившихся вместе с ним в Лузитанию, а самих лузитанцев – четыре тысячи легкой пехоты и семьсот всадников; и с этими силами он воевал против четырех римских полководцев, которые имели в своем подчинении сто двадцать тысяч пехотинцев, шесть тысяч всадников, две тысячи лучников и пращников; к тому же у них было бесчисленное множество городов, тогда как Серторий первоначально располагал всего двадцатью. И вот, начав с незначительными, ничтожными силами, он не только подчинил себе большие племена и взял много городов, но одного из посланных против него полководцев – Котту – разгромил в морском сражении в проливе у Менарии, наместника Бетики Фуфидия обратил в бегство в битве на Бетисе, где в сражении пало две тысячи римлян, а Домиций Кальвин, наместник другой Испании, был разбит квестором Сертория¹¹¹³; Торий, посланный Метеллом во главе войска, пал в битве, а самому Метеллу, одному из величайших и знаменитейших римлян того времени, Серторий нанес немало поражений и поставил его в положение столь безвыходное, что ему на помощь должен был прийти Луций Манлий из Нарбонской Галлии; в то же самое время из Рима был

¹¹¹² 8. ...называл римлянами ... – Речь идет о товарищах по эмиграции и уроженцах римских поселений в Испании.

¹¹¹³ 9. ...квестором Сертория ... – Имеется в виду Луций Гиртулей.

поспешно отправлен Помпей Магн с войсками. Да, Метелл был бессилен что-либо сделать, ибо ему приходилось вести войну с человеком отважным, избегавшим открытого сражения и к тому же чрезвычайно быстро передвигавшимся благодаря подвижности легковооруженного испанского войска. Тактика, к которой привык сам Метелл, была рассчитана на столкновения регулярных тяжеловооруженных отрядов. Он командовал плотной и малоподвижной фалангой, которая была прекрасно обучена отражать и опрокидывать врага в рукопашной схватке, но оказалась непригодной для горных переходов и для столкновений с быстрыми, как ветер, воинами, когда без конца приходилось преследовать и убегать, когда надо было – подобно людям Сертория – терпеть голод, жить, не зажигая огня и не разбивая палаток.

13. К тому же Метелл – человек уже в годах, вынесший многочисленные и тяжкие битвы, – был склонен к неге и роскоши, а тот, с кем ему пришлось воевать, Серторий, отличался зрелостью духа и вместе с тем удивительной силой, подвижностью и простотой образа жизни. Он не пьянствовал даже в свободные от трудов дни – наоборот, он привык к тяжелой работе, дальним переходам, постоянному бодрствованию и довольствовался скудной и непривлекательной пищей. На досуге Серторий бродил или охотился, а потому знал местности как легко доступные, так и непроходимые, и вот, отступая, он всегда находил, где проскользнуть, а преследуя – как окружить противника. Поэтому Метелл, не вступая в битву, испытывал все невзгоды, выпадающие на долю побежденных, тогда как Серторий, убегая от противника, оказывался на положении преследователя. Серторий лишал римлян воды и препятствовал подвозу продовольствия; когда они продвигались вперед, он ускользал с их дороги, но стоило им стать лагерем, как он начинал их тревожить; если они осаждали какой-нибудь город, появлялся Серторий и в свою очередь держал их в осаде, создавая нехватку в самом необходимом. В конце концов римские воины потеряли надежду на успех и, когда Серторий вызвал Метелла на единоборство, стали требовать и кричать, чтобы они сразились – полководец с полководцем и римлянин с римлянином; они издевались над Метеллом, когда тот ответил отказом. Но Метелл высмеял их требования, и был прав, ибо полководец, как говорил Феофраст, должен умирать смертью полководца, а не рядового.

Когда Метелл узнал, что лангобригийцев, которые оказывали Серторию немалую помощь, жадной легко принудить к сдаче (у них в городе был один колодец, тогда как источники, находившиеся в предместьях и у городских стен, легко могли оказаться в руках осаждающих), Метелл подошел к городу, рассчитывая взять его после двухдневной осады, когда у варваров не останется воды. В соответствии со своим планом он приказал воинам нести с собой пропитание только на пять дней. Но Серторий мгновенно пришел на выручку. Он приказал наполнить водой две тысячи мехов, назначив за каждый мех значительную сумму денег. Так как многие испанцы, а также и мавританцы готовы были принять участие в деле, Серторий отобрал людей сильных и быстроногих и послал их через горы; он приказал передать меха горожанам, а затем вывести из крепости негодную чернь, чтобы защитникам хватило воды. Узнав об этом, Метелл пришел в дурное расположение духа, потому что припасы у его воинов подходили к концу, и послал за продовольствием Аквина с шеститысячным отрядом. Но Серторий, от которого это не укрылось, устроил засаду на пути Аквина; три тысячи воинов, выскочив из темного ущелья, напали на Аквина с тыла, в то время как сам Серторий ударил ему в лоб; римляне были обращены в бегство, часть из них пала, другие оказались в плену. Аквин вернулся, потеряв коня и оружие, Метелл должен был с позором отступить, провожаемый непрерывными насмешками испанцев.

14. Все эти подвиги Сертория восхищали варваров, а особенно они полюбили его за то, что он ввел у них римское вооружение, военный строй, сигналы и команды и, покончив с их дикой, звериной удалью, создал из большой разбойничьей банды настоящее войско. Он привлек сердца испанцев еще и тем, что щедро расточал серебро и золото для украшений их шлемов и щитов, и тем, что ввел моду на цветистые плащи и туники, снабжая варваров всем необходимым и способствуя исполнению их желаний. Но всего более он покорила их своим отношением к детям. Он собрал в большом городе Оске знатных мальчиков из разных

племен и приставил к ним учителей, чтобы познакомить с наукой греков и римлян. По существу он сделал их заложниками, но по видимости – воспитывал их, чтобы, возмужав, они могли взять на себя управление и власть. А отцы необычайно радовались, когда видели, как их дети в окаймленных пурпуром тогах проходят в строгом порядке в школу, как Серторий оплачивает их учителей, как он устраивает частые испытания, как он раздает награды достойным и наделяет лучших золотыми шейными украшениями, которые у римлян называются «буллы»¹¹¹⁴ [bullae].

По испанскому обычаю, если какой-нибудь вождь погибал, его приближенные должны были умереть вместе с ним – клятва поступить таким образом называлась у тамошних варваров «посвящением». Так вот, у других полководцев число оруженосцев и сподвижников было невелико, тогда как за Серторием следовали многие десятки тысяч посвятивших себя людей. Рассказывают, что однажды около какого-то города он потерпел поражение и враги теснили его; испанцы, не заботясь о себе, думали лишь о том, как спасти Сертория, и, подняв его на руки, передавали один другому, пока не втащили на стену; только когда их вождь оказался в безопасности, все они обратились в бегство.

15. Его любили не только испанцы, но и воины из Италии. Так, Перперна Вентон, принадлежавший к той же группировке, что и Серторий, явился в Испанию с богатой казной и большим войском; когда он решил на свой страх и риск воевать против Метелла, воины стали выражать недовольство, и в лагере стали непрерывно вспоминать о Сертории – к огорчению Перперны, чванившегося своим благородством и богатством. Позднее, когда пришла весть о том, что Помпей переходит через Пиренеи, воины, схватив оружие и боевые значки, с шумом явились к Перперне и стали требовать, чтобы он вел их к Серторию. В противном случае они угрожали оставить Перперну и без него перейти к мужу, способному спасти и себя и других. Перперна уступил им, повел их к Серторию и соединил с ним свои силы, насчитывавшие пятьдесят три когорты.

16. Поскольку все племена, обитавшие по эту сторону реки Ибер, объединились и приняли сторону Сертория, он располагал большими силами: к нему отовсюду постоянно стекались люди. Но его печалило свойственное варварам отсутствие порядка и безрассудство, и так как они кричали, что надо напасть на врага, и сетовали на напрасную трату времени, Серторий пытался успокоить их разумными доводами. Но видя, что они раздосадованы и готовы силой принудить его к несвоевременным действиям, он уступил им и стал смотреть сквозь пальцы на подготовку схватки с противником, надеясь, что испанцы не будут полностью уничтожены, но получат хороший урок и в дальнейшем станут более послушными. Когда же все случилось так, как он и предполагал, Серторий пришел на помощь разбитым, прикрыл их отступление и обеспечил безопасный отход в лагерь. Желая рассеять дурное настроение, он через несколько дней созвал всенародную сходку и приказал вывести двух лошадей: одну совершенно обессилевшую и старую, другую же статную, могучую и, главное, с удивительно густым и красивым хвостом. Дряхлого коня вел человек огромного роста и силы, а могучего – маленький и жалкий человечек. Как только был подан знак, силач обеими руками схватил свою лошадь за хвост и всю принялся тянуть, стараясь выдернуть, а немощный человек стал между тем по одному выдергивать волосы из хвоста могучего коня. Великие труды первого оказались безрезультатными, и он бросил свое дело, вызвав лишь хохот зрителей, а немощный его соперник скоро и без особого напряжения выщипал хвост своей лошади. После этого поднялся Серторий и сказал: «Видите, другие соратники, настойчивость полезнее силы, и многое, чего нельзя совершить одним махом, удается сделать, если действовать постепенно. Постоянный нажим непреодолим: с его помощью время ломает и уничтожает любую силу, оно оборачивается благосклонным союзником человека, который умеет разумно выбрать свой час, и отчаянным врагом всех, кто некстати торопит события». Всякий раз придумывая такие убедительные примеры,

¹¹¹⁴ 10. Буллы – см.: Нума, примеч. 33.

Серторий учил варваров выжидать благоприятных обстоятельств.

17. Не менее других военных подвигов удивительными были его успешные действия против так называемых харакитан. Это – племя, обитающее за рекою Тагом¹¹¹⁵; не в городах и не в селах они живут, но у них есть огромный и высокий холм, на северном склоне которого расположены подземелья в скале и пещеры. Вся лежащая у подножия местность изобилует пористой глиной, а это почва рыхлая и нестойкая, она не выдерживает человеческого шага и, даже если едва прикоснуться к ней, рассыпается, словно известь или зола. И вот эти варвары всякий раз, как возникала угроза войны, прятались в пещеры и уносили туда свое имущество; здесь они чувствовали себя в безопасности, потому что силой их нельзя было подчинить. Как-то раз Серторий, уходя от Метелла, разбил лагерь неподалеку от холма харакитан, которые обошлись с ним надменно как с потерпевшим поражение. Тогда Серторий, едва только занялся день, прискакал к этому месту, чтобы осмотреть его: то ли он был разгневан, то ли не желал, чтобы его сочли беглецом. Но пещеры были недоступны. Серторий бесцельно разъезжал перед холмом и посылал варварам пустые угрозы, как вдруг заметил, что ветер относит вверх к харакитанам тучи пыли, поднятой с рыхлой земли. Ведь пещеры, как я уже сказал, были обращены на север, а из здешних ветров самый упорный и сильный – северный, тот, который называют кекием¹¹¹⁶ [Kaikías]; его образуют, сливаясь, потоки воздуха, идущие от влажных долин и от покрытых снегом гор. Лето стояло в разгаре, и таявшие на севере снега усиливали ветер, который был особенно приятен, освежая в дневную пору и варваров и их скот. Все это Серторий и сам сообразил, и слышал от местных жителей. Он приказал воинам набрать этой рыхлой, похожей на золу, земли и, перетаскав, насыпать кучей как раз напротив холма. А варвары, предполагая, что Серторий возводит насыпь для штурма пещер, забрасывали его насмешками. И вот воины трудились в тот день до ночи, а затем вернулись в лагерь. С началом дня подул нежный ветерок, который поднимал в воздух легчайшие частицы снесенной отовсюду земли, развеивая их, словно мякину; потом, по мере того как поднималось солнце, разыгрывался неудержимый кекий; когда же холмы стало заносить пылью, пришли воины и перевернули земляную насыпь – всю до основания; одни дробили комья грязи, а другие гоняли взад и вперед лошадей, чтобы земля стала еще более рыхлой и ветер легче мог уносить ее. А ветер подхватывал всю эту грязь, размельченную и приведенную в движение, и нес ее вверх, к жилищам варваров, двери которых были раскрыты для кекия. И так как в пещеры варваров не было доступа воздуха с другой стороны, кроме той, откуда теперь ветер нес клубы пыли, они, вдыхая тяжелый и насыщенный грязью воздух, скоро начали слепнуть и задыхаться. Вот почему они с трудом выдержали два дня и на третий сдались, что увеличило не столько силы Сертория, сколько славу, ибо его искусство принудило к подчинению тех, против кого было бессильно оружие.

18. До той поры, покуда противником Сертория был Метелл, казалось, что успехи испанцев объясняются в первую очередь старостью и природной медлительностью римского военачальника, неспособного соперничать с отважным полководцем, за которым шли отряды, состоявшие скорее из разбойников, нежели из воинов. Когда же Серторию пришлось встретиться с перешедшим через Пиренеи Помпеем и оба они проявили полководческое искусство, только Серторий превзошел противника и умением применять военные хитрости, и предусмотрительностью, – тут, действительно, молва о нем дошла до Рима, и его стали считать способнейшим из современных полководцев. Ибо не малой была слава Помпея, напротив, она находилась тогда в зените; особенные почести принесли Помпею его подвиги в борьбе за дело Суллы, который в награду назвал его Магном (это значит Великий) и

¹¹¹⁵ 11. ...за рекою Тагом ... – В районе современного Мадрида.

¹¹¹⁶ 12. ...северный ... называют кекием ... – Неточность: кекий (лат. аквилон) – не северный, а северо-восточный ветер.

удостоил Помпея, еще не брившего бороды, триумфа. Из-за этого даже жители многих подчинявшихся Серторию городов, с уважением взирая на Помпея, готовы были перейти на его сторону; впрочем, вскоре эта мысль была оставлена, чему причиной послужила совершенно неожиданная неудача у Лаврона. В то время как Серторий осаждал этот город, Помпей со всем войском явился на помощь осажденным. Расчет Сертория состоял в том, чтобы занять господствовавший над городом холм – Помпей же стремился ему воспрепятствовать. Но Серторий опередил его, и тогда Помпей остановил свои войска и решил, что обстоятельства ему благоприятствуют, ибо противник оказался зажатым между отрядами Помпея и городом. Он отправил также гонца к жителям Лаврона – пусть-де они уповают на успех и с городских стен наблюдают, как он станет осаждать Сертория. А тот, услышав все это, рассмеялся и сказал, что «ученика Суллы» (так, издеваясь, он прозвал Помпея) он сам обучит тому, что полководец должен чаще смотреть назад, чем вперед. И с этими словами он указал тем, кто был осажден вместе с ним, на шесть тысяч тяжеловооруженных воинов, оставленных им в старом лагере, который он покинул, чтобы занять холм; этим людям было приказано ударить в тыл Помпею, как только он двинется на Сертория. Позднее и Помпей сообразил все это, и так как, с одной стороны, он не решался начать штурм, опасаясь окружения, а с другой – ему было стыдно покинуть жителей Лаврона в беде, то он был вынужден оставаться на месте и, не вмешиваясь, наблюдать падение города, ибо варвары, отчаявшись, сдались Серторию. А Серторий сохранил им жизнь и всех отпустил, но самый город предал огню. Он поступил так, руководясь не гневом или жестокостью (пожалуй, именно он менее всех полководцев склонен был давать волю страстям), но стремясь вызвать стыд и уныние среди почитателей Помпея, а у варваров – разговоры о том, что, мол, Помпей был поблизости и разве что только не грелся у пламени, пожиравшего союзный город, но на помощь не пришел.

19. Конечно, и на долю Сертория выпадало немало поражений, и если сам он и его отряды оставались непобежденными, то по вине других полководцев войскам Сертория приходилось искать спасения в бегстве. И то, как он оправлялся после поражений, вызывало большее удивление, нежели победы его противников. Так было в сражении с Помпеем при Сукроне и в другой раз в битве при Сегунтии против Помпея и Метелла. Говорят, что Помпей торопился начать бой при Сукроне, чтобы Метелл не мог разделить с ним победу. Да и Серторий хотел сразиться с Помпеем до подхода воинов Метелла; к тому же он развернул свои войска под вечер, рассчитывая, что его противники – чужеземцы, не знающие местности, и потому наступившая темнота послужит им помехой и если надо будет бежать, и если придется преследовать. Началась рукопашная схватка, и перед Серторием, находившимся на правом фланге, оказался не сам Помпей, а Афраний, командовавший левым крылом римских войск. Однако когда Серторию донесли, что его войска, сражавшиеся против Помпея, отходят под натиском римлян и терпят поражение, он, оставив правый фланг на других командиров, поспешил на помощь разгромленным. Собрав тех, кто уже показал врагу спину, и тех, кто еще оставался в строю, он вдохнул в них мужество и снова ударил на Помпея, преследовавшего испанцев; тут римляне так стремительно обратились в бегство, что самому Помпею угрожала смерть и, раненный, он спасся лишь чудом, благодаря тому, что ливийцы из армии Сертория, захватив коня Помпея, украшенного золотом и покрытого драгоценными бляхами, настолько увлеклись разделом добычи и спорами, что прекратили преследование. Когда Серторий удалился на другой фланг, чтобы помочь своим, Афраний опрокинул стоявшие против него отряды и погнал их к лагерю. Было уже темно, когда он ворвался туда на плечах врага; воины принялись грабить. Афраний не знал о бегстве Помпея, да и не был в состоянии удержать своих от грабежа. Тут как раз возвратился Серторий, добившийся на левом фланге победы; он напал на воинов Афрания, которые в своих бесчинствах растеряли боевой дух, и многих из них перебил. Поутру он снова вооружил войска и вывел их для битвы, но затем, узнав о приближении Метелла, распустил боевой строй и отошел, сказав: «Когда бы не эта старуха, я отстегал бы того мальчишку и отправил его в Рим».

20. Большое огорчение причинило Серторию исчезновение его лани: тем самым он лишился чудесного средства воздействовать на варваров, как раз тогда весьма нуждавшихся в ободрении. Однако вскоре какие-то люди, бесцельно бродившие ночью, натолкнулись на лань и, узнав ее по масти, схватили. Когда об этом сообщили Серторию, он обещал щедро наградить тех, кто привел лань, если только они умолчат о своей находке, и сам скрыл животное. Выждав несколько дней, он явился с просветленным лицом к судейскому возвышению и сообщил вождям варваров, что видел во сне божество, предвещавшее великое счастье; затем, поднявшись на помост, Серторий начал беседовать с теми, у кого были к нему дела. В этот момент находившиеся поблизости сторожа отпустили лань, а она, увидев Серторию, помчалась, охваченная радостью, к возвышению и, став возле хозяина, положила ему на колени голову и принялась лизать правую руку (еще раньше она была приучена так делать). Когда же Серторий приласкал ее (радость его выглядела вполне правдоподобно) и даже пролил несколько слез, присутствующие сперва замерли пораженные, а затем с шумом и криком проводили Серторию домой, считая его удивительным человеком и другом богов. Это событие внушило варварам радость и добрые надежды.

21. Серторий довел римлян, запертых в Сегунтийской долине, до крайне стесненного положения, но когда они снялись с лагеря, чтобы с помощью грабежа добыть себе продовольствие, он был вынужден принять бой. Обе стороны сражались превосходно. Меммий, один из способнейших помощников Помпея, уже пал в гуще битвы, а Серторий теснил врага и пробивался к самому Метеллу, сметая на пути тех, кто еще держался. Метелл, несмотря на свои годы, оказал упорное сопротивление и великолепно вел бой, покуда не был ранен копьем. Римляне, которые видели это или слышали об этом от других, не смели помыслить о том, чтобы покинуть своего полководца; их охватил гнев, и поэтому, оградив Метелла щитами и вынеся его с поля брани, они решительно отбивали натиск испанцев. Когда победа, таким образом, стала склоняться на сторону неприятеля, Серторий пошел на хитрость и решил отвести своих людей в безопасное место и спокойно выждать, пока к нему подойдет подкрепление. Он отступил к надежно защищенному городу, расположенному в горах, и стал приводить в порядок стены и укреплять ворота, хотя вовсе не думал, что ему придется выдержать здесь осаду. Но противника он полностью ввел в заблуждение. Римляне осаждали его, рассчитывая без труда взять этот город, а на убежавших варваров не обращали внимания и пренебрегали тем, что войска вновь собирались на помощь Серторию. Войска действительно прибывали, так как Серторий разослал командиров по городам. Он приказал сообщить ему, когда число воинов станет достаточно большим. Как только прибыл гонец, Серторий без особых усилий пробился через кольцо врагов и соединился со своими. Он снова стал нападать на римлян, ведя за собой большое войско; засады, окружения, быстрая переброска отрядов Сертория в любом направлении лишали врага возможности получать припасы по суше, а подвозу с моря Серторий препятствовал с помощью пиратов: их корабли блокировали побережье. В результате римские полководцы были вынуждены разделить свои силы: один из них отошел в Галлию, а Помпей провел зиму в области вакцеев, страдая от нехватки припасов. Он писал сенату¹¹¹⁷, что отведет из Испании войска, если ему не будут присланы деньги, ибо свое состояние он уже исчерпал во время прежней войны за Италию. В Риме упорно поговаривали, что Серторий раньше Помпея явится в Италию. Вот до чего довело первых и влиятельнейших полководцев того времени искусство Сертория!

22. Да и Метелл ясно показал, как он напуган Серторием и насколько высоко его ценит. Действительно, он объявил через глашатаев, что римлянину, который покончит с Серторием, он выдаст сто талантов серебра и земли двадцать тысяч югеров, а если это совершит изгнанник, ему будет даровано право вернуться в Рим. Намереваясь купить голову Сертория при помощи предательства, Метелл тем самым обнаружил, что не надеется победить в

---

¹¹¹⁷ 13. Он писал сенату ... – В риторической переработке это письмо приводится у Саллюстия, «История», среди отрывков III книги.

открытой борьбе. Более того, разбив Сертория в каком-то сражении, он настолько возгордился и так восторгался своим успехом, что позволил назвать себя императором, а города, куда он прибывал, устраивали в его честь жертвоприношения и воздвигали жертвенники. Рассказывают еще, что Метелл не противился, когда ему сплетали венки и приглашали на пышные пиры, где он пил в облачении триумфатора и где с помощью особых машин сверху спускались изображения Победы, протягивающие ему венки и золотые трофеи, а хоры мальчиков и женщин пели в его честь победные гимны. Тем самым, конечно, он выставил себя в смешном виде, поскольку так возгордился и радовался, одержав победу над отступавшим Серторием, которого сам обзывал беглецом, избежавшим руки Суллы, и последышем рассеянных сторонников 7Карбона.

Напротив, возвышенный нрав Сертория обнаружился прежде всего в том, что он объявил сенатом собрание бежавших из Рима и присоединившихся к нему сенаторов. Из них он назначал квесторов и преторов и во всем действовал в соответствии с отеческими обычаями. Затем, опираясь на вооруженные силы, денежные средства и города испанцев, Серторий даже не делал вида, что допускает их к высшей власти, но назначал над ними командиров и начальников из римлян, ибо он боролся за свободу римлян и не хотел в ущерб римлянам вознести испанцев. Ведь он любил свое отечество и страстно желал возвратиться на родину. Даже терпя неудачи, Серторий вел себя мужественно и перед лицом врагов не унижался, когда же одерживал победы, то сообщал и Метеллу и Помпею, что готов сложить оружие и жить частным человеком, если только получит право вернуться. Ибо, говорил он, ему лучше жить ничтожнейшим гражданином Рима, чем, покинув родину, быть провозглашенным владыкой всего остального мира. Есть сведения, что желание Сертория возвратиться на родину объяснялось прежде всего его любовью к матери; она воспитала его, когда он остался сиротой, и он был ей искренне предан. Как раз в тот момент, когда его друзья в Испании предложили ему верховное командование, он узнал о кончине матери и от горя едва не лишился жизни. Семь дней лежал он, не отдавая приказов и не допуская к себе друзей, и огромного труда стоило его товарищам-полководцам и знатым лицам, окружившим палатку, принудить Сертория выйти к воинам и принять участие в делах, которые как раз разворачивались благоприятно. В силу этого многие считали его человеком по природе мягким и расположенным к мирной жизни, который лишь в силу необходимости, против собственного желания, принял на себя военное командование; не находя безопасного пристанища, вынужденный взяться за оружие, он обрел в войне необходимое средство, для того, чтобы сохранить жизнь.

23. Натура Сертория проявилась и в переговорах с Митридатом. Когда Митридат после поражения, нанесенного ему Суллой, вновь поднялся против Рима и, вторично начав военные действия, пытался завладеть Азией, громкая слава Сертория разнеслась повсюду; приплывавшие с Запада наводнили молвой о нем, словно иноземными товарами, весь Понт. И вот Митридат решил отправить к нему послов, настоятельно побуждаемый к тому хвастливыми льстецами, которые уподобляли Сертория Ганнибалу, а Митридата – Пирру. Эти льстецы говорили, что стоит только вступить в союз способнейшему полководцу с величайшим среди царей – и римляне не выдержат, вынужденные вести войну против двух столь одаренных людей и двух таких армий. Итак, Митридат отправляет в Испанию послов с адресованными Серторию письмами и с предложениями, которые они должны были передать ему на словах. Царь обещал предоставить деньги и корабли для ведения войны, а сам просил, чтобы Серторий уступил ему всю Азию, которую, по договору, заключенному с Суллой, Митридат отдал римлянам. Когда Серторий созвал совет, который он называл сенатом, все члены совета рекомендовали принять и одобрить предложения царя, полагая, будто они уступают Митридату ничего не означающее имя и права на то, что им самим не принадлежит, а взамен получают самое для них необходимое. Однако Серторий с ними не согласился и сказал, что не возражает против передачи Митридату Вифинии и Каппадокии, поскольку обитающие там племена привыкли к царской власти и никак не связаны с римлянами. «Но ведь Митридат, – продолжал он, – захватил и удерживал под своей властью

также и провинцию, которая досталась римлянам наизаконнейшим путем, а потом, когда Фимбрия выгнал его оттуда, он сам, заключив договор с Суллой, отказался от нее. Я не могу смотреть равнодушно, как эта провинция вновь переходит под власть Митридата. Нужно, чтобы твои победы увеличивали мощь твоей страны, но не следует искать успеха за счет владений отечества, ибо благородный муж жаждет только той победы, которая одержана честно, а ценой позора он не согласится даже спасти себе жизнь».

24. Ответ Сертория изумил Митридата; сохранилось предание, что он обратился к друзьям со следующими словами: «Какие же требования предъявит к нам Серторий, воссев на Палатинском холме¹¹¹⁸, если теперь, загнанный к самому Атлантическому морю, он устанавливает границы нашего царства и грозит войной, если мы попытаемся занять Азию?» Все же были заключены соглашения и принесены клятвы в том, что Каппадокия и Вифиния будут принадлежать Митридату, что Серторий пришлет ему полководца и воинов и что, в свою очередь, Серторий получит от Митридата три тысячи талантов и сорок кораблей. Полководцем в Азию Серторий отправил Марка Мария, одного из укрывшихся у него сенаторов. Тот помог Митридату взять некоторые города Азии, и, когда Марий въезжал туда, окруженный прислужниками, несшими связки розог и секиры, Митридат уступал ему первенство и следовал за ним, добровольно принимая облик подчиненного. А Марий одним городам даровал вольности, другие освободил именем Сертория от уплаты налогов, так что Азия, которая перед этим вновь испытала притеснения сборщиков податей, равно как и алчность и высокомерие размещенных в ней воинов, жила теперь новыми надеждами и жаждала предполагаемой перемены власти.

25. А в Испании события развивались следующим образом. Едва только окружавшие Сертория сенаторы и другие знатные лица, избавившись от страха, почувствовали себя достойными противниками римлян, как в их среде родилась зависть к Серторию и бессмысленная ревность к его могуществу. Эти настроения разжигал Перперна, который, гордясь своим благородным происхождением, лелеял в душе пустое стремление к верховной власти; тайно он вел со своими приверженцами бесчестные разговоры. «Какой злой гений, – говорил он, – овладел нами и влечет от дурного к худшему? Мы ведь сочли недостойным остаться на родине и выполнять приказы Суллы, господина всей земли и моря, а явились сюда, где ждет нас верная гибель, ибо, рассчитывая жить свободными, мы добровольно стали свитой беглеца Сертория. Мы составили здесь сенат, и это название вызывает насмешки всех, кто его слышит, а вместе с тем на нас обрушиваются брань, приказы и повинности, словно на каких-то испанцев и лузитанцев». Многие, внимательно слушая подобные речи, не решались, однако, из страха перед могуществом Сертория открыто от него отложиться, но тайно причиняли вред его делу и ожесточали варваров, налагая на них (якобы по приказу Сертория) суровые кары и высокие подати. От этого начались восстания и смуты в городах. А те, кого Серторий посылал, чтобы исправить положение дел и успокоить восставших, еще больше разжигали вражду и обостряли зарождавшееся неповиновение, так что Серторий, забыв прежнюю терпимость и мягкость, дал волю своему гневу и испанских мальчиков, воспитывавшихся в Оске, частью казнил, а частью продал в рабство.

26. Перперна, который уже собрал вокруг себя большое число заговорщиков, готовивших покушение на Сертория, привлек к заговору также и Манлия, одного из высших командиров. Этот Манлий был влюблен в какого-то красивого мальчишку и в знак своего расположения раскрыл ему замыслы заговорщиков, потребовав, чтобы тот пренебрег поклонниками и принадлежал только ему одному, поскольку в самое ближайшее время он, Манлий, станет великим человеком. А мальчишка передал весь разговор другому своему поклоннику, Авфидию, который нравился ему больше. Авфидий, выслушав его, был поражен: сам причастный к тайному сговору против Сертория, он, однако, не знал, что

---

¹¹¹⁸ 14. ...воссев на Палатинском холме ... – Анахронизм: Палатин стал резиденцией правителей только в императорскую эпоху.

Манлий тоже вовлечен в него. Когда же мальчик назвал имена Перперны, Грецина и некоторых других, кто, как было известно и Авфидию, находился в числе заговорщиков, Авфидий перепугался; он, правда, посмеялся над этими рассказами и убеждал мальчика отнестись к Манлию как к пустому хвастуну, но сам направился к Перперне и, раскрыв ему всю опасность положения, настаивал на необходимости действовать. Заговорщики согласились с Авфидием и ввели к Серторию своего человека под видом гонца, принесшего послания, в которых сообщалось о победе одного из полководцев и о гибели множества врагов. Обрадованный этой новостью, Серторий совершил благодарственное жертвоприношение; тут Перперна объявил, что устраивает пир для Сертория и для других присутствующих (все это были участники заговора), и после долгих настояний убедил Сертория прийти. Трапезы, на которых присутствовал Серторий, всегда отличались умеренностью и порядком; он не допускал ни бесстыдных зрелищ, ни распущенной болтовни и приучал сотрапезников довольствоваться благопристойными шутками и скромными развлечениями. Но на этот раз когда выпивка уже была в разгаре, гости, искавшие предлога для столкновения, распустили языки и, прикидываясь сильно пьяными, говорили непристойности, рассчитывая вывести Сертория из себя. Серторий, однако, – то ли потому, что был недоволен нарушением порядка, то ли разгадав по дерзости речей и по необычному пренебрежению к себе замысел заговорщиков, – лишь повернулся на ложе и лег навзничь, стараясь не замечать и не слышать ничего. Тогда Перперна поднял чашу неразбавленного вина и, пригубив, со звоном уронил ее. Это был условный знак, и тут же Антоний, возлежавший рядом с Серторием, ударил его мечом. Серторий повернулся в его сторону и хотел было встать, но Антоний бросился ему на грудь и схватил за руки; лишенный возможности сопротивляться, Серторий умер под ударами множества заговорщиков.

27. Сразу же после этого большинство испанцев отпало от Перперны и, отправив послов к Помпею и Метеллу, изъявило покорность, Перперна же, возглавив оставшихся, попытался хоть что-нибудь предпринять. Он использовал созданные Серторием военные силы только для того, чтобы обнаружить собственное ничтожество и показать, что по своей природе он не годен ни повелевать, ни подчиняться. Он напал на Помпея, но тут же был разгромлен и оказался в плену. И этот последний удар судьбы Перперна не перенес так, как подобает полководцу. У него в руках была переписка Сертория, и он обещал Помпею показать собственноручные письма бывших консулов и других наиболее влиятельных в Риме лиц, которые призывали Сертория в Италию, утверждая, что там многие готовы подняться против существующих порядков и совершить переворот. Но Помпей повел себя не как неразумный юноша, а как человек зрелого и сильного ума и тем самым избавил Рим от великих опасностей и потрясений. Поступил он так: собрав послания и письма Сертория, он все предал огню, и сам не читая их, и другим не разрешив, а Перперну немедленно казнил, опасаясь, как бы тот не назвал имена, что могло послужить причиной восстаний и смут.

Одни из участников заговора Перперны были доставлены к Помпею и казнены, другие бежали в Африку и погибли от копий мавританцев. Никто из них не спасся, кроме Авфидия – того самого, который был соперником Манлия в любви: то ли ему удалось скрыться, то ли на него не обратили внимания, но он дожил до преклонных лет в какой-то варварской деревне в нищете и полном забвении.

Эвмен

[перевод биографии – Л.А. Фрейберг; перевод сопоставления – М.Л. Гаспарова]

1. Как сообщает историк Дурид, кардиец Эвмен родился в семье бедного херсонесского возчика, но получил воспитание, какое подобает свободному человеку, преуспев и в науках,

и в телесных упражнениях. Когда Эвмен был еще подростком, Филиппу случилось остановиться в Кардии, и он на досуге смотрел состязания мальчиков в панкратии и борьбе. В этих состязаниях отличился Эвмен, показав себя ловким, смелым и сообразительным, и Филипп заметил его и увез с собой. Впрочем, видимо, более правы те, кто утверждает, что Филипп был связан с отцом Эвмена узами гостеприимства, а потому и взял к себе мальчика. После смерти Филиппа Эвмен, по общему мнению, ни умом, ни преданностью не уступавший никому из окружения Александра, получил должность главного писца, но пользовался почетом наравне с ближайшими товарищами и друзьями царя, а впоследствии, в индийском походе, был назначен полководцем с правом самостоятельного командования; когда же Пердикка заменил умершего Гефестиона¹¹¹⁹, Эвмен принял от Пердикки должность начальника конницы. Поэтому македоняне посмеивались над начальником щитоносцев Неоптолемом, который после кончины Александра рассказывал, что сам он всегда сопровождал царя со щитом и копьем, а Эвмен – всего лишь с табличкой и палочкой для письма. Ведь было известно, что, не считая всех прочих милостей, царь удостоил Эвмена чести породниться с ним по браку. Первой женщиной¹¹²⁰, с которою Александр был близок в Азии, была Барсина, дочь Артабаза, и от нее у царя родился сын Геракл; когда же царь делил знатных персиянок между своими друзьями, он отдал ее сестер Птолемию и Эвмену: первому – Апаму, второму – Артониду.

2. Но часто случалось Эвмену и обиды терпеть от Александра, и впадать в немилость – из-за Гефестиона. Однажды Гефестион отдал флейтисту Эвию дом, уже нанятый рабами для Эвмена. Эвмен вне себя от раздражения явился в сопровождении Ментора к Александру и кричал, что куда выгоднее бросить оружие и сделаться трагическим актером или играть на флейте, так что Александр сначала принял его сторону и выбрал Гефестиона. Однако вскоре царь переменял мнение и обратил свой гнев на Эвмена, видя в его поступке скорее недостаток уважения к царю, нежели желание откровенно обличить Гефестиона. В другой раз Александр отправлял Неарха с флотом в дальнейшее плавание¹¹²¹ и, так как царская казна была пуста, попросил денег у своих друзей. У Эвмена царь попросил триста талантов, а тот дал только сто, да и их, по его словам, насилу удалось собрать через управляющих. Александр ничего не сказал и денег не принял, но приказал слугам потихоньку поджечь палатку Эвмена, чтобы поймать лжеца с поличным, когда из огня станут выносить деньги. Но палатка сгорела скорее, чем ожидали, и Александр жалел о погибшем архиве, а расплавленного золота и серебра оказалось больше, чем на тысячу талантов. Царь ничего не взял, а всем сатрапам и стратегам написал, чтобы они прислали копии сгоревших документов, которые он приказал принимать Эвмену. Из-за какого-то подарка Эвмен опять повздорил с Гефестионом, выслушав и наговорив при этом много неприятного, однако на этот раз вышел из стычки победителем. Но немного спустя Гефестион умер, и удрученный горем царь стал суров и жесток со всеми, кто, как он думал, завидовал Гефестиону при жизни и радовался его смерти. При этом самое сильное подозрение пало на Эвмена, и царь часто вспоминал ему его раздоры с умершим. Тогда хитрый и владевший даром убеждения Эвмен попробовал в том, что грозило ему гибелью, найти источник спасения. Полагаясь на дружеские чувства Александра к Гефестиону, он щедро и с готовностью дал деньги на погребение и таким образом всех превзошел в почестях, какие принято оказывать покойнику.

¹¹¹⁹ 1. ...Пердикка заменил умершего Гефестиона... – Речь идет об узком круге (около десяти человек) ближайших друзей Александра из македонской знати, звавшихся «телохранителями» (не путать с отрядом настоящих воинов-телохранителей, «щитоносцев», начальником которых был Неоптолем).

¹¹²⁰ 2. Первой женщиной... – См.: Ал., 21.

¹¹²¹ 3. ...отправлял Неарха... в плавание... – См.: Ал., 66. Рассказ, по-видимому, вымышлен.

3. Когда после смерти Александра между отборной конницей и пехотным войском возникли разногласия¹¹²², Эвмен в душе был на стороне первых, но внешне держал себя в какой-то мере как единомышленник обеих сторон и как человек незаинтересованный, иноземец, которому неудобно вмешиваться в споры македонян. Поэтому, когда другие полководцы ушли из Вавилона, Эвмен остался в городе, успокоил многих пехотинцев и склонил их к примирению. Когда же, уладив первые неурядицы и раздоры, полководцы встретились и стали делить между собой сатрапии и командные должности, Эвмен получил Каппадокию, Пафлагонию и земли вдоль Понта Эвксинского до Трапезунта – тогда это еще не были владения македонян и там царствовал Ариарат. Было решено, что Леоннат и Антигон с большим войском водворят туда Эвмена и сделают его сатрапом этой страны.

Но Антигон, уже вынашивая далеко идущие планы и мысленно презирая всех, не подчинялся распоряжениям Пердикки, Леоннат же спустился во Фригию, чтобы помочь Эвмену, но в это время к нему явился кардийский тиранн Гекатей и стал просить сперва помочь Антипатру и осажденным в Ламии македонянам, и Леоннат решил переправиться в Европу и звал с собой Эвмена, стремясь при этом помирить его с Гекатеем. Эти два человека с давних времен питали друг к другу недоверие из-за разногласий в государственных делах. Эвмен часто в открытую обвинял Гекатея и убеждал Александра избавить кардийцев от тиранна и дать им свободу. Вот и тогда Эвмен стал отказываться от участия в походе против греков, говоря, что он боится, как бы Антипатр не убил его из давнишней ненависти и из желания угодить Гекатею, и Леоннат поверил ему и откровенно рассказал о своих планах. Помощь осажденным была для него лишь предлогом, на самом деле он решил, как только переправится, домогаться власти над Македонией. Он показал несколько писем от Клеопатры, которая приглашала его к Пеллу, обещая выйти за него замуж. Но Эвмен, то ли действительно боясь Антипатра, то ли не надеясь на легкомысленного, непостоянного и подверженного случайным порывам Леонната, ночью покинул лагерь, захватив свое имущество. У него было триста всадников, двести рабов-телохранителей и золотой монеты на пять талантов серебра¹¹²³. Бежав таким образом, он открыл планы Леонната Пердикке, у которого сразу же приобрел большое влияние и стал одним из его советников.

Немного позже он вступил в Каппадокию с войском, во главе которого стоял сам Пердикка. После того как Ариарат был взят в плен и страна стала подвластной Македонии, Эвмен был назначен сатрапом. Он роздал города своим друзьям, расставил караульные отряды и назначил по своему усмотрению судей и правителей, так как Пердикка совсем об этом не заботился, а сам последовал за Пердиккой, отчасти чтобы показать свою готовность служить, а еще потому, что не хотел держаться вдали от царей¹¹²⁴.

4. Но Пердикка полагал, что осуществит задуманное собственными силами, а оставленные им области нуждаются в деятельном и надежном страже. Поэтому он отправил Эвмена из Киликии назад, на словах – для управления собственной сатрапией, на деле же –

¹¹²² 4. ...возникли разногласия... – Речь идет о разногласиях между «гетерами» («товарищами»), высоко привилегированной конной гвардией Александра, и пехотной фалангой, главной боевой силой македонской армии. Гетеры, уже чувствовавшие себя хозяевами Востока, требовали, чтобы престол перешел к сыну Александра от бактриянки Роксаны, тогда как пехотинцы, державшиеся старых македонских традиций, считали, что наследовать должен незаконнорожденный брат Александра Арридей. См.: Ал., 77.

¹¹²³ 5. ...золотой монеты на пять талантов серебра. – Золотая монета была грекам еще непривычна, и оценивалась в пересчете на серебро.

¹¹²⁴ 6. ...вдали от царей. – Т.е. от слабоумного Арридея и новорожденного Александра, сына Роксаны, – Пердикка был опекуном обоих. Эвмен, который как грек не мог командовать македонянами от своего имени, должен был держаться Пердикки как номинального хранителя верховной власти; между тем, против Пердикки уже сплотилась коалиция Антигона, Антипатра, Кратера и Птолемея. Пердикка отправился в Египет воевать против Птолемея, а Эвмену поручил малоазиатский фронт.

чтобы не упустить из рук соседнюю Армению, где сеял смуту Неоптолем. Этого полководца, несмотря на его надменность и пустую чванливость, Эвмен пытался унять посредством миролюбивых увещаний. При этом он убедился, что македонская пехота полна самонадеянности и дерзости, и как бы в противовес ей стал готовить конницу. Тех из местных жителей, кто умел ездить верхом, он освободил от податей и налогов, а своим приближенным, к которым питал особое доверие, раздавал купленных им самим лошадей, щедрыми подарками старался удвоить их мужество и усердие и неустанно закалял их всевозможными упражнениями, так что одни из македонян были поражены, а другие воспрянули духом, видя, как за короткое время у Эвмена собралось не менее шести тысяч всадников.

5. Вскоре Кратер и Антипатр, победив греков, переправились в Азию, чтобы свергнуть власть Пердикки, и пошли слухи об их намерении вторгнуться в Каппадокию. Тогда Пердикка, занятый войной с Птолемеем, назначил Эвмена главнокомандующим войск, стоявших в Каппадокии и Армении, и дал ему неограниченные полномочия. Он разослал письменные распоряжения, где приказывал Алкету и Неоптолему повиноваться Эвмену, а самому Эвмену поручал вести дела так, как он найдет нужным. Алкет решительно отказался от участия в военных действиях, говоря, что его македоняне с Антипатром воевать стыдятся, а Кратеру даже сами готовы подчиниться – так велико их расположение к этому человеку. Что же до Неоптолема, то он более уже не скрывал своих предательских намерений и, получив приказ Эвмена явиться, не подчинился, а стал приводить войско в боевой порядок. И тут Эвмен в первый раз вкусил плоды своей заботливой предусмотрительности. Его пехота потерпела поражение, но с помощью конницы он обратил Неоптолема в бегство и, захватив его обоз, всею силою своих всадников обрушился на пехотинцев, которые, преследуя неприятеля, разомкнули ряды и рассыпались, а потом заставил их сложить оружие и дать клятву, что они будут воевать под его командой.

Неоптолем с немногими спутниками, которых он смог собрать во время бегства, двинулся к Кратеру и Антипатру. А эти двое еще прежде отправили к Эвмену послов, предлагая присоединиться к ним с условием, что он оставит за собой свои прежние сатрапии и примет от них новые владения и военные силы, но зато сменит вражду к Антипатру на дружбу, а Кратера не сделает из друга недругом. Эвмен на это отвечал, что с Антипатром, давним своим врагом, он другом не станет, и в особенности теперь, когда он видит, что Антипатр и с друзьями обращается как с врагами, Кратера же охотно сведет с Пердиккой и примирит их на равных и справедливых условиях. Если же кто-нибудь из них нарушит соглашение, он будет помогать обиженному до последнего вздоха и скорее пожертвует жизнью, чем изменит своему слову.

6. Получив этот ответ, Антипатр с Кратером неторопливо обдумывали создавшееся положение, как вдруг появился Неоптолем и сообщил им о битве и о своем бегстве. Он полагал, что было бы лучше всего, если бы ему помогли оба, но Кратер должен помочь непременно. Ведь любовь македонян к Кратеру, рассуждал он, исключительна. Они строятся в боевой порядок и берутся за оружие при одном только виде его кавсии¹¹²⁵ и при звуке его голоса. В самом деле, Кратер пользовался огромным влиянием и многие после смерти Александра желали видеть его правителем, памятуя, как часто из-за них он навлекал на себя немилость царя, сопротивляясь увлечению Александра всем персидским¹¹²⁶ и защищая отеческие обычаи, которые приходили в упадок под воздействием роскоши и чванства. И вот Кратер отослал Антипатра в Киликию, а сам вместе с Неоптолем повел на Эвмена значительную часть войска, рассчитывая, что солдаты после недавней победы пьянствуют где попало и он захватит неприятеля врасплох.

---

¹¹²⁵ 7. *Кавсия* – македонский головной убор, широкополая войлочная шляпа.

¹¹²⁶ 8. *...увлечению Александра всем персидским...* – См.: Ал., 47.

В том, что Эвмен заранее узнал о походе Кратера и приготовился дать отпор, не было ничего необыкновенного – это лишь обличает в нем бдительного и здравомыслящего полководца. Но он не только врагам не дал догадаться о том, чего, по его суждению, им знать не следовало, он и от своих солдат ухитрился скрыть имя полководца противной стороны, так что, выступая против Кратера, они не знали, с кем им предстоит сразиться, – и в этом я усматриваю уже лишь ему одному свойственное искусство. Он распространил слух, что вернулся Неоптолем и привел за собою Пигрета с пафлагонской и каппадокийской конницей. Ночью, перед тем как сняться с лагеря, он заснул и увидел странный сон. Ему приснилось, что два Александра, каждый во главе фаланги, готовятся сразиться друг с другом и к одному из них пришла на помощь Афина, к другому – Деметра. Затем произошла жестокая битва и побежден был тот, кому помогала Афина, а Деметра сплела победителю венок из колосьев. Эвмен тут же истолковал сон в свою пользу: ведь он оборонял тучные плодородные нивы, в ту пору уже обильно заколосившиеся. Вся земля была возделана, и пышно зеленеющие равнины являли глубоко мирное зрелище. Еще больше Эвмен уверился, что сон истолкован им правильно, когда узнал, что пароль у врагов – «Афина и Александр». Он объявил тогда, что его паролем будет «Деметра и Александр», а потому приказал солдатам надеть венки из колосьев и колосьями украсить оружие. Несколько раз Эвмен порывался рассказать своим полководцам и начальникам, против кого они будут сражаться, открыть им тайну, которую обстоятельства принуждали его держать про себя, но все-таки остался верен первоначальному решению, доверяясь в опасности только собственному благоразумию.

7. Против Кратера Эвмен не выставил никого из македонян. Он отправил два отряда иноземной конницы, которыми командовали Фарнабаз, сын Артабаза, и Феникс с Тенедоса, с приказанием, как только они увидят неприятельские войска, гнать во всю мочь и завязать бой, не дав врагам времени повернуть, не слушая их речей и ни в коем случае не принимая от них глашатая. Эвмен очень боялся, что македоняне узнают Кратера и перебегут к нему. А сам он выстроил в боевой порядок триста отборных всадников и устремился с ними на правый фланг, чтобы напасть на Неоптолема. Когда стало видно, как, перевалив через холм посреди равнины, они спускаются по склону, как стремительно и горячо идут в наступление, потрясенный Кратер обратился к Неоптолему с упреками, что тот обманул его и скрыл от него измену македонян. Затем, приказав своим полководцам держаться стойко, он двинулся навстречу врагу. В первой жестокой схватке копья быстро сломались, и враги начали биться мечами. Кратер не посрамил славы Александра – многих противников он уложил на месте, многих обратил в бегство. Наконец, его поразил какой-то вынырнувший сбоку фракиец, и он соскользнул с коня. Когда он упал и лежал в мучительной агонии, многие, не узнавая его, пробежали мимо, и лишь Горгий, один из начальников Эвмена, его узнал; он спешил и окружил умирающего стражей.

В это время Неоптолем встретился в бою с Эвменом. Несмотря на давнюю ненависть и наполнявшую их злобу, в двух столкновениях они проглядели друг друга и лишь в третьем, с криком обнажив мечи, ринулись один другому навстречу. Когда их кони сшиблись со страшной силой, словно триеры, оба выпустили из рук поводья и, вцепившись друг в друга, стали стаскивать с противника шлем и ломать панцирь на плечах. Во время этой драки оба коня выскользнули из-под своих седоков и умчались, а всадники, упав на землю, лежа продолжали яростную борьбу. Неоптолем попробовал было приподняться, но Эвмен перебил ему колено, а сам вскочил на ноги. Опершись на здоровое колено и не обращая внимания на поврежденное, Неоптолем отчаянно защищался, однако удары его были неопасны, и, наконец, пораженный в шею, он упал и вытянулся на земле. Весь во власти гнева и старинной ненависти, Эвмен с проклятиями стал сдирать с него доспехи, но умирающий незаметно просунул свой меч, который все еще держал в руке, под панцирь Эвмена и ранил его в пах, где доспех неплотно прилегает к телу. Удар, нанесенный слабеющей рукой, был неопасен и больше испугал Эвмена, чем повредил ему. Когда Эвмен обобрал труп, он почувствовал себя плохо – ведь ноги и руки его сплошь были покрыты ранами, – но все же

сел на коня и поскакал на другой фланг, где враг, как он думал, был еще силен. Тут он узнал о несчастье, постигшем Кратера, и помчался к нему. Кратер умирал, но был еще в сознании, и Эвмен, сойдя с коня, зарыдал, протянул в знак примирения руку и стал осыпать бранью Неоптолема. Он оплакивал судьбу Кратера и жалел самого себя, потому что был поставлен перед необходимостью либо погибнуть самому, либо погубить близкого друга.

8. Эту победу Эвмен одержал дней через десять после первой. Она принесла ему громкую славу мудрого и храброго полководца, но зато навлекла на него зависть и ненависть как врагов, так и союзников: ведь он, пришелец и чужеземец, сразил первого и самого славного из македонян руками и оружием самих македонян. Если бы Пердикка успел узнать о гибели Кратера, разумеется, лишь он – и никто иной – занял бы первое место среди македонян. Но Пердикка был убит в Египте во время бунта за два дня до того, как в его лагерь пришла весть о происшедшем сражении, и возмущенные македоняне немедленно вынесли Эвмену смертный приговор. Для войны с ним полководцами были назначены Антигон и Антипатр.

В эту пору Эвмен оказался случайно у подножия Иды¹¹²⁷, где паслись царские табуны, и взял из них лошадей, сколько ему было нужно, а управляющим послал расписку, и Антипатр, как сообщают, узнав об этом, засмеялся и сказал, что он восхищен предусмотрительностью Эвмена, который надеется то ли от них, Антигона и Антипатра, получить, то ли им дать отчет в использовании царского имущества. Эвмен превосходил противника в коннице и потому замыслил дать сражение близ Сард на Лидийской равнине, рассчитывая одновременно показать свое войско Клеопатре¹¹²⁸, но по ее просьбе (она боялась навлечь на себя обвинения со стороны Антипатра) удалился в Верхнюю Фригию и остался зимовать в Келенах. Там полководцы Алкет, Полемон и Доким стали оспаривать у него верховное командование, и Эвмен им сказал: «Выходит по пословице – „О дурном конце и думы нет!“».

Пообещав солдатам выплатить жалование в течение трех дней, Эвмен стал распродавать им находившиеся в этой области поместья и крепости, полные рабов и скота. Покупатель – начальник македонского или иноземного отряда, – получив от Эвмена военные машины, осаждал и захватывал свою покупку. Добыча делилась солдатами в соответствии с причитавшейся каждому суммой невыплаченного жалования. Так Эвмен снова завоевал симпатии войска, и когда в лагере были обнаружены письма, подброшенные по приказу вражеских полководцев, которые сулили сто талантов и почетные награды тому, кто убьет Эвмена, македоняне, до крайности этим ожесточенные, вынесли решение, чтобы тысяча телохранителей из числа командиров по очереди охраняла полководца и днем и ночью. Эти командиры беспрекословно приняли свое новое назначение и радовались, получая от Эвмена подарки, какие обыкновенно цари делают приближенным: Эвмен был облечен правом раздавать им пурпуровые кавсии и плащи, что считается у македонян наиболее ценным и почетным подарком.

9. Успех возвышает даже мелкие от природы характеры, и при свете счастливых обстоятельств в них обнаруживается какое-то величие и достоинство. И напротив, истинное величие и твердость духа с особою ясностью познаются по непоколебимости в бедах и несчастьях, чему примером может служить Эвмен. Сперва, по вине предателя, он был разбит Антигоном при Оркиниях в Каппадокии и бежал, но при этом не упустил изменника, который пытался уйти к неприятелю, а поймал и повесил его. В ходе отступления он неприметно для врагов повернул и двинулся другой дорогой назад, к полю сражения, а

---

¹¹²⁷ 9. ...у подножия Иды... – Гора в Троаде.

¹¹²⁸ 10. ...на Лидийской равнине... показать свое войско Клеопатре... – Клеопатра, сестра Александра Македонского, после его смерти предложила свою руку регенту Пердикке и приехала из Македонии в Малую Азию, но Пердикка уже погиб.

прибыв туда, расположился лагерем. Он собрал трупы¹¹²⁹, выломал в окрестных деревнях двери домов, сжег тела командиров отдельно от остальных воинов и, насыпав могильные холмы, удалился, так что сам Антигон, подоспевший позже, удивлялся его мужеству и упорству.

Затем Эвмен наткнулся на Антигонов обоз и мог бы легко захватить множество рабов и свободных, а также огромное богатство, добытое в непрерывных войнах и грабежах, но побоялся, что воинов обременит добыча и они сделаются неспособны проворно отступать и слишком изнежены, чтобы терпеть бесконечные странствия в затяжной войне, – а на это он больше всего рассчитывал, надеясь таким способом заставить Антигона прекратить преследование. Но так как просто запретить македонянам прикасаться к деньгам, которые были почти уже в руках, представлялось слишком трудным, он приказал воинам сначала привести себя в порядок, задать корму лошадям, а потом идти на неприятеля.

Сам же он тем временем потихоньку послал человека к начальнику обоза Менандру, словно бы заботясь о своем близком знакомце, и советовал ему быть поосторожнее и как можно скорее подняться из низины, удобной для нападения, на ближайшее предгорье, где конница не сможет его окружить. После того как Менандр понял опасность и удалился, Эвмен на глазах у всех выслал вперед разведчиков и, словно готовясь выступить, отдал приказ воинам вооружаться и взнуздывать коней. Но тут разведчики сообщили, что Менандр укрылся на неприступных позициях и достать его невозможно, тогда Эвмен притворился огорченным и увел свое войско. Сообщают, что Менандр доложил об этом Антигону, и македоняне стали хвалить Эвмена и прониклись к нему дружескими чувствами за то, что он пощадил их жен и детей: первых не предал позору, а вторых не сделал рабами, но Антигон сказал: «Чудаки вы! Вовсе не об вас он заботился, не тронув ваших близких, – он просто-напросто боялся, что в бегстве эта добыча станет для него тяжкими оковами».

10. Блуждая и прячась, Эвмен убедил многих солдат покинуть его. Он не только заботился об их благополучии, но и не хотел водить за собой войско, недостаточное для сражений, но слишком большое, чтобы скрываться. В сопровождении пятисот всадников и двухсот пехотинцев Эвмен прибыл в Норы, городок на границе Ликаонии и Каппадокии. Отсюда также многие его воины и друзья, не выдержав суровости климата и тяжелого образа жизни, захотели уйти, и он всех их отпустил с приветом и лаской. Когда же спустя некоторое время к Норам подошел Антигон и прежде, чем осадить крепость, стал предлагать Эвмену переговоры, тот отвечал, что у Антигона много друзей и много полководцев, способных заступить его место, а среди тех, за кого воюет он, Эвмен, ему некого оставить после себя. Поэтому, если Антигон хочет говорить с ним лично, пусть присылает заложников. На требование Антигона обращаться к нему как к высшему по достоинству Эвмен сказал: «Я никого не считаю выше себя, пока владею этим мечом». Все же Антигон послал своего племянника Птолемея в Норы, как требовал Эвмен. Тогда Эвмен спустился к нему, и они обнялись как старые друзья и знакомые – ведь прежде долгое время оба питали друг к другу самые лучшие чувства. Беседа их продолжалась долго, но Эвмен ни словом не обмолвился ни об условиях, на которых может быть обеспечена безопасность ему самому, ни вообще о перемирии – он требовал подтвердить за ним право на его сатрапии и возратить все почетные пожалования, так что присутствующие были удивлены и восхищены таким постоянством и величием души. Многие из македонян сбежались к месту переговоров, горя любопытством посмотреть, каков из себя тот, о ком после гибели Кратера больше всего говорили в войске. Антигон боялся, что Эвмен станет жертвой насилия, и сперва кричал, запрещая воинам подходить близко, потом стал швырять в них камнями. В конце концов он обнял Эвмена и, с помощью телохранителей раздвинув толпу, с большим трудом вывел его в безопасное место.

11. Потом, обнеся Норы стеной и оставив отряд для осады, Антигон удалился. В этом

¹¹²⁹ 11. ...собрал трупы... – т.е. исполнил обряд, показывавший, что поле боя в его власти и он не побежден.

месте, где в достатке были только хлеб, соль и вода, где не было больше ничего съестного, никакой приправы к сухому хлебу, Эвмену приходилось тяжело, и все же он, как мог, старался облегчить существование своим товарищам, приглашая их по очереди к собственному столу и скрашивая общую трапезу занимательной и ласковой беседой. Эвмен обладал приятной наружностью и не походил на воина, не выпускающего из рук оружия. Он был моложав, строен и на редкость соразмерно сложен, точно статуя, выполненная по всем правилам искусства; особым красноречием он не отличался, но говорил приятно и убедительно, как видно из его писем.

Больше всего его войско страдало от тесноты. Оно было размещено в маленьких, убогих домишках, а вся крепость имела в окружности два стадия, так что солдаты и сами нагуливали жир, не выполняя необходимых упражнений, и раскармливали лошадей, стоявших постоянно на привязи. Желая не только дать занятие людям, терявшим силы от безделья, но и приготовить их к бегству при первом удобном случае, Эвмен предоставил воинам для прогулок самый большой двор в Норах, длиной в четырнадцать локтей, и приказал постепенно усложнять движения. Каждую лошадь он приказывал обвязывать свешивающимся с потолка ремнем и слегка приподнимать на блоке так, чтобы она прочно стояла на задних ногах, а передние лишь кончиками копыт касались пола. Подвешенных таким образом лошадей конюхи начинали погонять криками и плетью. Раздраженные лошади в ярости били задними ногами, а затем пытались твердо опереться на передние, напрягаясь всем телом и обильно потея, и это было прекрасное упражнение, восстанавливавшее силу и быстроту. К тому же кормили животных толченым ячменем, чтобы он скорее и лучше переваривался.

12. Осада тянулась уже долгое время, когда Антигон, узнав о смерти Антипатра в Македонии и о всеобщем смятении, которое вызвала распря Полисперхонта с Кассандром¹¹³⁰, забыл о своих прежних скромных надеждах и, уже видя себя верховным владыкой, захотел, чтобы Эвмен был ему другом и помощником. Он послал к нему Иеронима, чтобы начать переговоры о перемирии, и при этом предложил Эвмену принять присягу. Эвмен исправил ее содержание и обратился к осаждавшим Норы македонянам с просьбой решить, какая присяга более справедлива. Антигон лишь для вида упомянул вначале о царях, всею же остальной присягой требовал верности только себе, а Эвмен первой после царей поставил Олимпиаду и клялся быть верным не только Антигону, но и Олимпиаде, и царям, чтобы у них были общие друзья и враги. Македоняне сочли более справедливой исправленную присягу; Эвмен присягнул, и они сняли осаду, а затем послали к Антигону просить, чтобы и он, со своей стороны, присягнул в верности Эвмену. Тем временем Эвмен возвратил находившихся у него в Норах заложников-каппадокийцев и получил взамен лошадей, вьючный скот и палатки; он собрал всех своих воинов, которые после проигранного сражения, спасаясь бегством, разбрелись по стране, так что вскоре у него оказалось около тысячи человек конницы. Вместе с ними он поспешил покинуть Норы и бежал, не без основания боясь Антигона, который не только отдал приказ снова окружить Эвмена и продолжать осаду, но и сурово разбранных македонян за то, что они одобрили исправления в присяге.

13. Во время бегства Эвмен получил письмо из Македонии от тех, кто боялся усиления Антигона. Олимпиада приглашала его приехать и взять на себя воспитание и защиту малолетнего сына Александра, против которого постоянно строились козни, а Полисперхонт и царь Филипп¹¹³¹ приказывали принять команду над войсками в Каппадокии и выступить

---

¹¹³⁰ 12. ...распря Полисперхонта с Кассандром... – Антипатр, умирая (319 г.), назначил правителем Македонии не своего сына Кассандра, а своего помощника Полисперхонта. Полисперхонт вскоре заключил союз с Эвменом, и тот как бы во главе авангарда Полисперхонта двинулся в глубь владений Антигона – в Киликию, Сирию и Месопотамию, на соединение с восставшим против Антигона Певкестом.

¹¹³¹ 13. Царь Филипп (III) – тронное имя Арридея.

против Антигона. Из хранившейся в Квиндах казны они разрешили ему взять пятьсот талантов, чтобы поправить собственные дела, а на войну истратить столько, сколько он сочтет нужным. Обо всем этом они еще раньше написали начальникам аргираспидов¹¹³² Антигену и Тевтаму. Получив письмо, те на словах приняли Эвмена приветливо, но так и кипели завистью и честолюбием, полагая для себя унижением быть на втором плане. Их зависть Эвмен умерил тем, что не взял денег, словно не нуждался в них, а против честолюбия и властолюбия этих людей, которые командовать были неспособны, а подчиняться не хотели, он использовал их суеверность. Эвмен сообщил, что во сне ему явился Александр и, показав какую-то по-царски убранную палатку с тронem внутри, объявил, что если в этой палатке они станут вместе собираться на совет, он сам будет присутствовать, руководить ими и участвовать в обсуждении всех дел, какие они предпримут его именем. Антиген и Тевтам, не желавшие ходить к Эвмену, который в свою очередь считал для себя недостойным стучаться в чужие двери, охотно на это согласились. И вот, поставив царскую палатку, а в ней трон, посвященный Александру, они стали сходиться там, чтобы совещаться о делах первостепенной важности.

Продвигаясь в глубь страны, они встретили друга Эвмена, Певкеста, с другими сатрапами и объединили свои силы. Многочисленность войск и великолепное вооружение воодушевили македонян, однако сами полководцы после смерти Александра сделались благодаря неограниченной власти невыносимы и предались изнеженности и роскоши. Набравшись варварского бахвальства, все они по образу мыслей стали походить на тираннов, все питали неприязнь друг к другу, и никакого согласия между ними не было, македонянам же они наперебой угождали, устраивая роскошные пиршества и праздничные жертвоприношения, и в короткое время превратили лагерь в притон разврата, а воинов – в чернь, перед которой заискивают на выборах начальников, словно в государстве с демократическим образом правления. Чувствуя, что они презирают друг друга, а его боятся и только ждут удобного случая, чтобы его умертвить, Эвмен сделал вид, что нуждается в деньгах, и занял большие суммы у тех, кто особенно сильно его ненавидел, чтобы эти люди верили ему и оставили мысли о покушении, спасая таким образом свои деньги. Получилось так, что чужое богатство стало на страже его жизни, и в то время как другие ради собственного спасения дают деньги, он единственный добыл себе безопасность тем, что взял деньги в долг.

14. Между тем македоняне, развращенные бездельем, уважали только тех, кто делал им подарки или окружал себя телохранителями, стремясь к верховному начальствованию. Но когда Антигон расположился недалеко от них с огромным войском и сложившиеся обстоятельства сами за себя говорили достаточно красноречиво, – тогда понадобился настоящий полководец, и тут не только простые воины обратили взоры к Эвмену, но даже все те, кто только в мирных утехах и в роскоши обнаруживал свое величие, повиновались ему и безропотно занимали назначенное им место. Когда Антигон попытался перейти реку Паситигр, остальные полководцы, караулившие переправу, ничего не заметили, и только Эвмен преградил ему путь и дал сражение, где многих перебил и завалил реку трупами; в плен было взято четыре тысячи человек. Что думали об Эвмене македоняне, стало особенно ясно во время его болезни: другие полководцы, по их мнению, способны были устраивать празднества и пышные угощения, но командовать войском и вести войну мог только Эвмен. Рассчитывая стать главнокомандующим, Певкест в Персиде угостил войско отличным обедом и каждому воину дал по жертвенному барану, а несколькими днями позже войско двинулось на неприятеля; опасно больного Эвмена несли на носилках чуть поодаль от строя,

---

¹¹³² 14. *Аргираспиды* («сереброштитные») – пешая часть македонской гвардии, сформированная Александром из старых греческих наемников Филиппа (ср.: ниже, гл. 16); легкой пехотой при них были «гипасписты», а конницей – гетеры. После смерти Александра под их охрану была отдана царская казна, находившаяся в это время в Квиндах в Киликии (местоположение неясно).

так как он страдал бессонницей и нуждался в покое. Когда войско прошло некоторое расстояние, перед ним внезапно появились враги – они переходили холмы и спускались на равнину. Воины шагали в строгом порядке, блеснуло на солнце золото оружия, стали видны башни на слонах и пурпуровые покрывала, которыми украшали животных, когда вели их в сражение, и македоняне, шедшие в первых рядах, остановились и стали громко звать Эвмена, заявляя, что пока он не примет командования, они не тронутся с места. Они поставили щиты на землю и призывали друг друга ждать, а начальникам советовали сохранять спокойствие и без Эвмена не вступать в сражение с врагом. Услышав это, Эвмен приказал носильщикам пуститься бегом и, очутившись перед войском, приподнял занавеси с обеих сторон носилок и бодро приветствовал солдат, протягивая к ним правую руку. Солдаты тотчас же увидели его и ответили на приветствие по-македонски, а потом подняли с земли щиты, ударили в них сариссами и воинственно закричали, вызывая врагов на бой, так как их полководец был теперь с ними.

15. Узнав от пленных, что ослабленного болезнью Эвмена носят на носилках, Антигон решил, что если главный противник выбыл из строя, одолеть остальных – дело нехитрое, и потому спешно начал наступление. Но проехав мимо вражеских войск и увидев, в каком порядке строятся они в боевую линию, Антигон оцепенел и долго оставался в неподвижности, а потом, заметив носилки, которые переносили с одного крыла на другое, громко рассмеялся по своему обыкновению и сказал друзьям: «Видимо, эти носилки и дадут нам отпор!» Вслед за тем он немедленно отступил и расположился лагерем.

Но воины Эвмена, едва оправившись от страха, снова стали чутки к лести и заискиваниям. Ни во что не ставя своих начальников, они заняли под зимние квартиры почти всю Габиену так, что расстояние между крайними стоянками достигало чуть ли не тысячи стадиев. Узнав об этом, Антигон внезапно двинулся на них трудным и безводным, но коротким путем. Он надеялся, что если нападет на вражеских солдат, рассеянных по зимним квартирам, полководцам будет нелегко собрать свои силы воедино. Но в необитаемой степи, где вскоре очутились войска Антигона, продвигаться было трудно, солдаты страдали от сильных ветров и жестокого холода. Приходилось часто зажигать костры, что не могло остаться неведомым для неприятеля. Варвары, обитающие по склонам гор у края пустыни, изумленные множеством огней, отправили на верблюдах гонцов к Певкесту. Выслушав их, Певкест совершенно потерял голову от страха и, видя, что остальные настроены не лучше, бросился бежать, уводя за собой лишь те отряды, которые попадались ему по дороге. Но Эвмен подавил это смятение и страх, обещая своим остановить быстрое продвижение неприятеля, так что он явился тремя днями позже ожидаемого срока. Все успокоились, и Эвмен разослал повсюду гонцов с приказанием, чтобы остальные воины как можно скорее снимались с зимних квартир и двигались к месту сбора, а сам вместе с другими полководцами выехал в открытое поле и, выбрав позицию, хорошо видную со стороны степи, отмерил определенное пространство, на котором приказал разжечь как можно больше костров на некотором расстоянии один от другого. Это должно было создать видимость лагеря. Приказание было исполнено, и когда Антигон заметил огни, им овладели злоба и уныние; он решил, что Эвмен давно уже знает о его выступлении и вышел ему навстречу. Чтобы не заставлять свое войско, изнуренное трудным переходом, сражаться с подготовленным к битве противником, проводившим зиму в хороших условиях, Антигон отказался от кратчайшего пути. Он двинулся через селения и города, давая воинам отдохнуть и набраться сил. Ему не встретилось никаких препятствий, как это обычно бывает, если неприятель находится поблизости, и местные жители сообщили, что войска они вообще никакого не видели, а на том месте, где Антигон ожидал найти лагерь Эвмена, просто горит множество костров. Антигон понял, что побежден военной хитростью неприятеля, – это глубоко задело его, и он двинулся вперед с намерением дать решительное сражение.

16. Тем временем к Эвмену уже собралась бо льшая часть воинов, которые восхищались его находчивостью и требовали, чтобы только он командовал ими. Тогда начальники аргираспидов Антиген и Тевтам, обиженные этим и терзаемые завистью,

устроили против него заговор. Они созвали бо льшую часть сатрапов и военачальников, чтобы решить, когда и каким способом умертвить Эвмена. Все сочли, что надо использовать его в сражении, а потом тотчас же убить, но Федим и начальник слонов Эвдам тайно сообщили Эвмену об этих планах, правда, вовсе не из симпатии или благожелательности, а потому, что боялись потерять данные ему займы деньги. Эвмен поблагодарил их и удалился в свою палатку, сказав друзьям, что чувствует себя окруженным дикими зверями. Затем он написал завещание и уничтожил письма, не желая, чтобы содержащиеся в них секретные сведения после его смерти дали повод для обвинений и доносов на тех, кто их писал.

Покончив с этим, он стал размышлять, отдаться ли в руки врагов или бежать через Мидию и Армению и укрыться в Каппадокии. Несмотря на неотступные просьбы друзей, он не пришел ни к какому решению. Как человек, испытавший превратности судьбы, он обдумывал различные планы, но, ни на что не решившись в присутствии друзей, стал строить войско. Он призывал к храбрости греков и варваров и сам слышал ободряющие клики македонской фаланги и аргираспидов, что враг не выдержит их натиска. Ведь это были самые старые солдаты Филиппа и Александра, своего рода атлеты на войне, никогда еще не отступавшие в битве; среди них никого не было моложе шестидесяти лет, а многие достигли семидесяти. Поэтому, идя в наступление, они закричали воинам Антигона: «Вы поднимаете руку на своих отцов, мерзавцы!» – и, яростно бросившись на врага, смешали всю фалангу, так что никто не мог оказать сопротивления и очень многие погибли на месте, в рукопашном бою.

Таким образом, пехота Антигона потерпела полное поражение, но конница его, напротив, одержала победу, так как Певкест сражался очень трусливо и вяло, и Антигон, используя преимущества, которые давала местность, и действуя ввиду опасности осторожно, отбил у него весь обоз. Ведь это происходило на огромной равнине, песчаная почва которой с большой примесью солончаков не была ни тучной и вязкой, ни твердой и плотной. Копыта бесчисленных лошадей и тысячи солдатских сапог подняли во время битвы пыль, похожую на известь, стоявшую туманом в воздухе и застилавшую глаза. Поэтому Антигон незаметно и легко овладел обозом неприятеля.

17. Сейчас же по окончании битвы люди Тевтама отправились к Антигону просить назад обоз. И так как Антигон обещал аргираспидам не только вернуть их имущество, но и вообще отнестись к ним милостиво, если он захватит Эвмена, аргираспиды замыслили страшное дело – живым предать Эвмена в руки врагов. Сначала они расхаживали около него, не выдавая своих намерений, и только следили за ним: кто жалел потерянный обоз, кто советовал Эвмену не терять мужества – ведь он остался победителем, а некоторые обвиняли других полководцев. Затем внезапно они напали на Эвмена, выхватили у него меч и связали руки ремнем. Немного спустя явился Никанор, посланный Антигоном, чтобы взять пленника, и когда Эвмена вели сквозь ряды македонян, он попросил дать ему возможность обратиться с речью к войскам, но вовсе не для того, чтобы умолять о пощаде, а чтобы сказать им кое-что полезное. Все умолкли, а он встал на возвышение и, протягивая связанные руки, сказал: «Подлейшие из македонян! Вы выдаете как пленника своего полководца – не воздвигаете ли вы собственными руками трофей, равный которому не поставил бы, пожалуй, и Антигон, если бы он победил вас! И в самом деле, разве не отвратительно, что из-за отнятого у вас обоза вы признаете себя побежденными, как будто победа заключается не в превосходстве оружия, а в захвате имущества, и как выкуп за свои пожитки вы посылаете врагу своего полководца. Меня, непобежденного и победителя, ведут в плен и губят мои же соратники! Заклинаю вас Зевсом-Воителем и другими богами – убейте меня здесь сами! Если меня убьют там – все равно это будет ваших рук дело. Антигон не упрекнет вас: ему нужен мертвый Эвмен, а не живой. Если вы бережете свои руки, достаточно развязать одну из моих и все будет кончено. Если вы не доверяете мне меч, бросьте меня связанного диким зверям. Сделайте это – и я освобожу вас от вины: вы в полной мере воздадите должное своему полководцу».

18. Эта речь Эвмена повергла в уныние бо льшую часть войска; солдаты плакали, и

только аргираспиды кричали, что надо вести его, не обращая внимания на эту болтовню: не будет ничего ужасного, если негодяй-херсонесец поплатился за то, что заставил македонян без конца длить войну; хуже будет, если лучшие воины Александра и Филиппа, претерпев столько лишений, на старости лет потеряют свои награды и будут жить за счет милости других; и так уже третью ночь их жены делят ложе с врагами. С этими словами они стали подгонять Эвмена. Антигон испугался огромной толпы – ведь в лагере не осталось ни одного солдата – и, чтобы разогнать ее, выслал десять лучших слонов, а с ними мидийских и парфянских копьеносцев. Взглянуть на Эвмена он не решился, так как вспомнил об их прежней дружбе, а когда стражи спросили его, как следует стеречь пленника, ответил: «Как слона или льва!» Однако через некоторое время он смягчился, приказал снять с Эвмена тяжелые оковы и послал к нему одного из его доверенных рабов, чтобы смазать маслом натертые суставы; друзьям Эвмена было разрешено, если они пожелают, проводить с ним время и приносить ему все необходимое. Антигон не один день раздумывал о судьбе пленника и выслушивал различные советы и предложения: сын Антигона, Деметрий, и критянин Неарх горячо советовали сохранить Эвмену жизнь, но почти все остальные воспротивились этому и требовали его казни. Рассказывают, что Эвмен спросил приставленного к нему Ономарха, почему Антигон, захватив ненавистного своего врага, ничего не предпринимает: и казнить его не торопится, и не отпускает великодушно. В ответ на дерзкие слова Ономарха, что отважно встречать смерть следовало в битве, а не здесь, Эвмен сказал: «Клянусь Зевсом, в битвах-то я и был отважен – спроси тех, с кем я сражался; но я что-то никого не встречал сильнее себя». Тогда Ономарх сказал: «А теперь ты нашел такого человека, так почему бы тебе не дожидаться спокойно того срока, какой он назначит?»

19. Решив казнить Эвмена, Антигон приказал не давать ему пищи. В течение двух или трех дней пленник медленно умирал голодной смертью. Когда же внезапно войско Антигона выступило в поход, Эвмена умертвил специально для этого посланный человек. Антигон выдал тело друзьям и приказал сжечь его, а прах собрать в серебряную урну и передать жене и детям.

Такова была кончина Эвмена. Наказать за нее предавших его полководцев и солдат божество не позволило никому постороннему: Антигон сам, видя в аргираспидах жестоких и разнузданных преступников, удалил их от себя и передал правителю Арахосии Сибиртию с приказанием уничтожить всех до одного, чтобы никто из них не вернулся в Македонию и не увидел Греческого моря.

[Сопоставление]

20. (1). Вот какие достойные упоминания дела Эвмена и Сертория нам известны. Если мы сопоставим их судьбу, то обнаружится общее для обоих: и тот и другой, будучи чужаками, иноземцами и изгнанниками, до самого конца командовали самыми различными племенами и большими воинственными армиями.

А несходство их жизненных путей проявилось в том, что соратники Сертория единодушно вручили ему верховную власть, ценя его достоинства, тогда как Эвмен, у которого многие оспаривали власть, обеспечил себе первенство сам, своими делами. Далее, за одним шли те, кто искал справедливого начальника, второму же подчинились ради своей выгоды те, которые сами были неспособны начальствовать. Один, будучи римлянином, возглавил испанцев и лузитанцев, другой, херсонесец по происхождению, командовал македонянами, и если первые давно были покорены римлянами, то вторые в ту пору подчинили себе все человечество. К тому же Серторий достиг власти после того, как в сенате и в должности претора заслужил всеобщее уважение, Эвмен же – после того, как должность писца принесла ему презрение.

И не только условия, в которых Эвмен начинал свою деятельность, были куда менее благоприятными для успеха – в дальнейшем он тоже встретил больше препятствий. Ведь его

окружало много явных врагов и тайных злоумышленников, тогда как против Сертория никто не выступал открыто, а тайно – только в последние месяцы его жизни; да и тогда лишь немногие из его соратников склонились к мятежу. Поэтому для одного победа над врагом сулила конец опасностей, тогда как победы второго лишь увеличивали опасность, которая грозила ему со стороны завистников.

21. (2). В военном искусстве они были достойны друг друга и сходны между собой, но во всем остальном значительно различались. Эвмен любил войны и борьбу, тогда как Серторию были свойственны миролюбие и кротость. И действительно, одному стоило уклониться с пути тех, кто притязал на власть, и он мог бы жить спокойно и пользоваться уважением, но он провел жизнь в битвах и опасностях, тогда как другому, отнюдь не искавшему власти, пришлось ради собственной жизни вести войну против тех, кто не хотел мира. Ведь если бы Эвмен прекратил борьбу за первенство и согласился занять место после Антигона, тот с радостью пошел бы на это – Серторию же Помпей и его сторонники не склонны были даровать жизнь, даже если бы он отказался от участия в борьбе. Таким образом, один воевал по доброй воле, ради власти, тогда как другой – вопреки своему желанию, вынужденный сохранять власть, поскольку войну вели против него. Пожалуй, тот человек любит войну, кто ставит властолюбие выше собственной безопасности, но великий воин – тот, кто войной приобретает себе безопасность.

Далее, смерть пришла к одному, когда он и не думал о ней, к другому – когда он ждал конца. Один пал жертвой своей порядочности, ибо он хотел показать, что доверяет друзьям, другой погиб от бессилия: он собирался бежать, но был схвачен. И смерть одного не запятнала его жизни, ибо он пал от руки сподвижников, совершивших то, чего не удалось никому из врагов; второй же, когда ему не удалось избежать плена, готов был жить и в плену. Он не смог с достоинством ни избежать смерти, ни встретить ее, но просил о милосердии врага, которому принадлежало только его тело, и тем самым отдал ему свою душу.

АГЕСИЛАЙ И ПОМПЕЙ

Агесилай

[перевод К.П. Лампсакова]

1. Царь Архидам, сын Зевксидама, правивший лакедемонянами с большой славой, оставил после себя сына по имени Агид от своей первой жены Лампидо, женщины замечательной и достойной, и второго, младшего – Агесилая от Эвполии, дочери Мелесиппида. Так как власть царя по закону должна была перейти к Агиду, а Агесилаю предстояло жить, как обыкновенному гражданину, он получил обычное спартанское воспитание, очень строгое и полное трудов, но зато приучавшее юношей к повиновению. Поэтому-то, как сообщают, Симонид и назвал Спарту «укрошающей смертных»: благодаря своему укладу жизни, она делает граждан необычайно послушными закону и порядку, подобно тому как лошадь с самого начала приучают к узде. Детей же, которых ожидает царская власть, закон освобождает от подобных обязанностей. Следовательно, положение Агесилая отличалось от обычного тем, что он пришел к власти, после того как сам приучен был повиноваться. Вот почему он умел лучше других царей обходиться со своими подданными, соединяя с природными качествами вождя и правителя простоту и человеколюбие, полученные благодаря воспитанию.

2. Когда он находился в так называемых агелах¹¹³³ вместе с другими мальчиками, его

---

¹¹³³ 1. *Агелы* – возрастные отряды; см.: Лик., 16.

возлюбленным был Лисандр, пленившийся прежде всего его природой сдержанностью и скромностью, ибо, блистая среди юношей пылким усердием, желанием быть первым во всем, обладая крепостью тела и живостью нрава, которую ничем нельзя было сдержать, Агесилай отличался в то же время таким послушанием и кротостью, что все приказания выполнял не за страх, а за совесть: его более огорчали упреки, чем трудная работа. Красота его в юные годы делала незаметным телесный порок – хромоту. К тому же он переносил ее легко и жизнерадостно, всегда первый смеялся над своим недостатком и этим как бы исправлял его. От этого еще более заметным делалось его честолюбие, так как он никогда не выставял свою хромоту в качестве предлога, чтобы отказаться от какого-либо дела или работы.

Мы не имеем ни одного изображения Агесилая, ибо он сам не хотел этого и даже перед смертью запретил рисовать свое мертвое тело или лепить статую. Есть сведения, что он был небольшого роста и с виду ничем не замечателен, но живость и жизнерадостность при любых обстоятельствах, веселый нрав, привлекательные черты и приятный голос заставляли до самой старости предпочитать его красивым и цветущим людям. Как сообщает Феофраст, эфоры наложили штраф на Архидаму за то, что он взял себе жену слишком маленького роста, «ибо, – сказали они, – она будет рожать нам не царей, а царьков».

3. Во время правления Агида Алкивиад¹¹³⁴ бежал из Сицилии в Лакедемон. Не успел он толком обжиться в Спарте, как его уже обвинили в связи с женой Агида Тимеей. Агид сам сказал, что родившегося у нее ребенка он не признает своим, но что это сын Алкивиада. Тимея, как сообщает Дурид, отнюдь не была огорчена этим и дома в присутствии служанок шепотом называла ребенка Алкивиадом, а не Леотихидом, а сам Алкивиад говорил, что сошелся с Тимеей, не имея в виду ее обесчестить, но из честолюбивого желания, чтобы его потомки царствовали над спартанцами. После случившегося Алкивиад тайно скрылся из Лакедемона, опасаясь Агида. К мальчику же Агид всегда относился с презрением, считая его незаконнорожденным. Но во время последней болезни Агида Леотихид плачем и просьбами добился того, что царь в присутствии многих признал его своим сыном. Однако после смерти Агида Лисандр, одержавший над афинянами победу на море и пользовавшийся большим влиянием в Спарте, предложил передать царскую власть Агесилаю, так как Леотихид – незаконнорожденный и недостойн получить ее. Многие другие граждане также выступили за Агесилая и принялись ревностно поддерживать его, уважая его за высокие нравственные качества и еще за то, что он воспитывался вместе с ними и прошел спартанское обучение. Однако в Спарте был некий предсказатель Диопиф, знавший много старинных прорицаний и считавшийся очень сведущим в божественных делах. Он заявил, что будет грехом, если спартанцы выберут царем хромого, и во время разбора этого дела прочитал следующее прорицание:

Спарта! Одумайся ныне! Хотя ты, с душою надменной,
Поступью твердой идешь, но власть взрастишь ты хромую.
Много придется тебе нежданных бедствий изведать,
Долго хлестать тебя будут войны губительной волны.

Против этого возразил Лисандр, говоря, что если спартанцы так боятся этого оракула, то они должны скорее остерегаться Леотихида. «Ибо, – сказал он, – божеству безразлично, если царствует кто-либо хромающий на ногу, но если царем будет незаконнорожденный и, следовательно, не потомок Геракла, то это и будет „хромым цареньем”». Агесилай прибавил к этому, что сам Посейдон засвидетельствовал незаконное рождение Леотихида, изгнав землетрясением Агида из спальни, а Леотихид родился более чем через десять месяцев после этого.

---

¹¹³⁴ 2. Алкивиад – см. Алк., 23.

4. На этих-то основаниях и при таких обстоятельствах Агесилай был провозглашен царем; он тотчас вступил во владение имуществом Агида, лишив этого права Леотихида как незаконнорожденного. Однако, видя, что родственники Леотихида с материнской стороны, люди вполне порядочные, сильно нуждаются, Агесилай отдал им половину имущества; так распорядившись наследством, он вместо зависти и недоброжелательства стяжал себе славу и расположение сограждан.

По словам Ксенофонта¹¹³⁵, Агесилай, во всем повинувшись своему отечеству, достиг величайшей власти и делал все, что хотел. Вот что имеет в виду Ксенофонт. В то время самой большой силой в государстве были эфоры и старейшины; первые из них находились у власти только один год, вторые же сохраняли свое достоинство пожизненно и имели полномочия, ограничивающие власть царей, как об этом рассказано в жизнеописании Ликурга¹¹³⁶. Поэтому цари с давних времен живут с ними в раздорах, передавая эту вражду от отца к сыну. Но Агесилай избрал другой путь. Вместо того, чтобы ссориться с ними и делать их своими врагами, он всячески угождал им, не предпринимая ничего без их совета, а будучи призван ими, всегда торопился явиться как можно скорее. Всякий раз, как подходили эфоры, когда он, сидя на царском троне, решал дела, он поднимался им навстречу; каждому вновь избранному старейшине он всегда посылал в качестве почетного дара теплый плащ и быка. Этими поступками он хотел показать, что почитает их и тем возвышает их достоинство, в действительности же незаметно для окружающих все более укреплял собственное могущество и увеличивал значение царской власти благодаря всеобщему расположению, которым он пользовался.

5. В своих отношениях с согражданами он был безупречен, когда дело касалось врагов, но не друзей: противникам он не причинял вреда несправедливо, друзей же поддерживал и в несправедливых поступках. Агесилай считал постыдным не уважать своих противников, если они действовали достойно, но не мог порицать своих друзей, когда они ошибались, более того, он гордился, что помогал им, принимая тем самым участие в совершаемых ошибках, ибо полагал, что никакая помощь, оказываемая друзьям, не позорна. Когда его враги попадали в беду, он первым выражал им свое сочувствие и охотно приходил на подмогу, если они об этом просили; так он завоевывал всеобщую любовь и привлекал всех на свою сторону. Заметив это, эфоры, опасаясь усиления Агесилая, наложили на него штраф под тем предлогом, что граждан, принадлежавших всему городу, он делает как бы своей собственностью. Ибо подобно тому, как естествоиспытатели полагают, что если бы во вселенной исчезли спор и вражда¹¹³⁷, то из-за согласия всех вещей между собой не только остановились бы небесные светила, но прекратилось бы всякое рождение и движение, – так, очевидно, и законодатель лакедемонский внес в свое государство честолбие и соперничество как средство для разжигания добродетели, желая, чтобы споры и соревнование всегда существовали в среде достойных граждан; ибо взаимное послушание и благожелательство, достигнутое без предварительной борьбы, есть проявление бездеятельности и робости и несправедливо носит имя единомыслия. Для некоторых очевидно, что это понимал еще Гомер: он не изобразил бы Агамемнона довольным тем, что Одиссей и Ахилл бранят друг друга «ужасными словами»¹¹³⁸, если бы не считал, что

¹¹³⁵ 3. По словам Ксенофонта... – «Агесилай», 6.

¹¹³⁶ 4. ...как об этом рассказано в жизнеописании Ликурга. – Лик., 5 и 26.

¹¹³⁷ 5. ...если бы во вселенной исчезли спор и вражда... – Имеется в виду учение Гераклита («война – отец всего») или Эмпедокла (четыре стихии поочередно то сливаются под влиянием Любви, то разделяются под влиянием Вражды).

¹¹³⁸ 6. ...«ужасными словами»... – «Одиссея», VIII, 75 сл.: Агамемнону было предсказано, что эта ссора будет добрым знаменьем его делу.

ревнивые несогласия лучших людей друг с другом приносят большую пользу общему делу. Однако тут невозможно обойтись без известных ограничений, ибо слишком далеко идущее соревнование вредит государству и приносит много бедствий.

6. Едва успел Агесилай вступить на царствование, как люди, прибывшие из Азии, известили, что персидский царь готовит большой флот, чтобы вытеснить лакедемонян с моря. Лисандр, желая тотчас отправиться в Азию, чтобы помочь своим друзьям, которых он оставил там правителями и владыками городов и которые затем за жестокости и насилия были либо изгнаны согражданами, либо убиты, убедил Агесилая начать войну и предпринять далекий поход, переправившись через море прежде, чем варвар закончит свои приготовления. Одновременно Лисандр написал своим друзьям в Азию, чтобы они отправили послов в Лакедемон и просили в полководцы Агесилая. Итак, Агесилай явился в Народное собрание и согласился принять на себя руководство войной, если ему дадут тридцать спартанцев в качестве военачальников и советников, две тысячи отборных новограждан¹¹³⁹ и шесть тысяч воинов из числа союзников. Благодаря содействию Лисандра, эти требования были охотно приняты и Агесилай послан вместе с тридцатью спартанцами, среди которых Лисандр был поистине первым не только по своей славе и влиянию, но и из-за дружбы с Агесилаем, считавшим себя еще более обязанным ему за этот поход, чем за царскую власть.

В то время как его войско собиралось в Гересте, Агесилай со своими друзьями прибыл в Авлиду¹¹⁴⁰ и заночевал там. Во сне ему привиделось, что кто-то обращается к нему со словами: «Царь лакедемонян, ты понимаешь, конечно, что никто еще не выступал как вождь всей Греции, кроме Агамемнона в прежние времена и тебя в настоящее время. Так как ты теперь руководишь тем же народом, выступаешь против тех же врагов и отправляешься на войну с того же самого места, то ясно, что и тебе нужно принести богине жертву, которую принес Агамемнон, отплывая отсюда». Агесилай сразу же вспомнил о девушке, которую отец принес в жертву, повинаясь жрецам. Однако он не испугался, но, проснувшись, рассказал свой сон друзьям и заявил, что необходимо оказать богине те почести, которые доставляют ей удовольствие, но что подражать невежественности древнего полководца он не намерен. По предписанию Агесилая была украшена венком лань, и его жрец принес животное в жертву, однако не по тому обряду, которому обычно следовал жрец, поставленный беотийцами. Услышав об этом, беотархи сильно разгневались и отправили своих служителей к Агесилаю, запрещая ему приносить жертвы вопреки законам и старинным обычаям беотийцев. Служители же не только выполнили порученное, но и сбросили с алтаря части жертвенных животных. Раздосадованный Агесилай отплыл, негодуя на фиванцев и в то же время сильно смутившись этим предзнаменованием, думая, что теперь поход будет для него неудачным и он не выполнит того, что наметил.

7. Когда они прибыли в Эфес, влияние Лисандра и всеобщее к нему уважение стали вскоре тягостны и невыносимы Агесилаю. Действительно, народ толпился у дверей Лисандра и все ходили за ним, прислуживая лишь ему, как если бы Агесилай обладал только титулом и именем командующего, полученными благодаря закону, действительным же владыкой, который все может и всем вершит, был Лисандр. Ведь никто из полководцев, посылавшихся в Азию, не смог стать таким могущественным и грозным, никто не сделал больше добра своим друзьям и зла своим врагам. Все это было еще свежо в памяти людей. К

---

¹¹³⁹ 7. ...отборных новограждан... — Новогражданами (неодамодами) назывались илоты, получившие свободу и (неполное?) гражданство для пополнения поредевшего спартанского войска.

¹¹⁴⁰ 8. Авлида — из этого беотийского городка отплывал на троянскую войну Агамемнон с всеэллинской ратью и перед отплытием должен был принести в жертву Артемиде свою дочь Ифигению, но в последнее мгновение богиня подменила ему девушку ланью. Место стало считаться священным, и беотархи заведовали в нем жертвоприношениями.

тому же, видя простоту в обхождении, безыскусственность и общительность Агесилая, в то время как Лисандр проявлял резкость, суровость и краткость в речах, они заискивали перед Лисандром, стараясь всячески угодить только ему. Остальные спартанцы тяжело переносили необходимость быть более прислужниками Лисандра, чем советниками царя. Наконец, почувствовал себя задетым и сам Агесилай, который, хотя и не был завистлив и не огорчился оттого, что почести оказываются кому-то еще, однако был очень честолюбив и не хотел стоять ниже других; более всего он опасался, что если будут совершены блестящие деяния, их припишут Лисандру из-за его прежней славы. Поэтому он стал вести себя таким образом: во-первых, он выступал против всех советов Лисандра, – все начинания, к которым тот уже приступил с особенным усердием, Агесилай отменил и проводил вместо них совсем другие; затем, из тех, кто приходил к нему с просьбами, он отпускал ни с чем всех, кто, как он узнавал, особенно полагается на Лисандра. Точно так же и в суде те, кому Лисандр собирался повредить, выигрывали дело и, наоборот, тем, кому он явно и усердно покровительствовал, трудно было уйти от наказания. Так как это было не случайно, но делалось изо дня в день и как бы с намерением, Лисандр, наконец, понял причину и не скрыл этого от своих друзей, но прямо сказал им, что те попали в немилость из-за него; при этом он призывал их угождать теперь царю и тем, кто имеет больший вес, чем он, Лисандр.

8. Однако многим казалось, что таким поведением и подобными речами он хочет вызвать недоброжелательство к царю. Поэтому Агесилай, желая задеть его еще больше, поручил ему раздачу мяса¹¹⁴¹ и, как говорят, в присутствии многих заявил: «Пусть теперь эти люди пойдут на поклон к моему раздатчику мяса». Удрученный этим, Лисандр сказал ему: «Ты хорошо умеешь, Агесилай, унижать друзей». «Да, – ответил Агесилай, – тех, которые хотят быть более могущественными, чем я». Лисандр возразил: «Быть может, это верно скорее в применении к твоим словам, чем к моим поступкам; дай мне, однако, какое-нибудь место или должность, где я смогу быть тебе полезным, не огорчая тебя». После этого Лисандр был послан к Геллеспонту и склонил там на сторону Агесилая перса Спифридата из сатрапии Фарнабаза; перс этот имел большие богатства и двести всадников. Однако гнев Лисандра не утих: затаив обиду, он замыслил даже отнять царскую власть у двух родов и передать ее всем спартиатам. И, наверное, из вражды к Агесилаю он произвел бы большой переворот в государстве, если бы не погиб раньше, во время беотийского похода. Так обычно честолюбивые натуры, если они не соблюдают меры в своих поступках на государственном поприще, терпят беды вместо ожидаемых выгод. Если Лисандр был груб и не знал меры в своем честолюбии, то и Агесилай, разумеется, мог бы иными, более достойными средствами исправить ошибки этого выдающегося и честолюбивого человека. Но, видимо, одна и та же страсть мешала первому признать власть своего начальника, а второму – без раздражения стерпеть ошибки своего товарища.

9. Сначала Тиссаферн, боясь Агесилая, заключил с ним договор, по которому персидский царь обещал предоставить греческим городам свободу и право жить по собственным законам. Позже, однако, решив, что у него уже достаточно сил, он начал войну. Агесилай охотно принял вызов, так как возлагал большие надежды на свой поход. К тому же он считал постыдным, что «десять тысяч»¹¹⁴² под начальством Ксенофонта дошли до самого моря, нанося поражения царю, когда только они хотели этого, в то время как он, предводительствуя лакедемонянами, достигшими верховного владычества на суше и на море, не мог показать грекам ни одного деяния, достойного памяти. Чтобы поскорее отплатить Тиссаферну за его вероломство дозволенной хитростью, он сделал вид, что

¹¹⁴¹ 9. ...раздачу мяса... – Ср.: Лис., 23—24.

¹¹⁴² 10. ...«десять тысяч»... – Десять тысяч греческих наемников Кира Младшего (см.: Арт., 6—13) ходили с ним на Вавилон, а после гибели Кира с боями совершили отступление на север до Черного моря; Ксенофонт, один из вождей этого трудного отхода, описал его в «Анабасисе».

собирается выступить в Карию. Когда же там собрались воинские силы варваров, он неожиданно вторгся во Фригию. Здесь он завоевал много городов и захватил большие богатства. Этим он показал своим друзьям, что нарушение договора означает презрение к богам, обман же врага, напротив, не только справедлив, но и доставляет большую славу, удовлетворение и выгоду.

Так как враг превосходил его конницей и к тому же знамения при жертвоприношениях были неблагоприятны, Агесилай вернулся в Эфес и стал собирать конницу, приказывая, чтобы каждый богатый человек, если он сам не хочет участвовать в походе, выставил за себя по одной лошади и всаднику. Многие согласились на это, и вскоре вместо трусливых гоплитов у Агесилая собралась многочисленная и боеспособная конница. Он говорил, что и Агамемнон поступил прекрасно, когда отпустил из войска трусливого богача, получив вместо него прекрасную кобылу¹¹⁴³. По приказанию Агесилая торговцы добычей продавали пленников обнаженными. Одежду покупали охотно, но над пленными, чьи нагие тела были белыми и рыхлыми из-за изнеженного образа жизни, все насмехались, считая их бесполезными для работы, не имеющими никакой цены. Увидя это, Агесилай поднялся и сказал: «Это люди, с которыми вы воюете, а это вещи, из-за которых вы ведете войну».

10. Когда подошло время для возобновления военных действий, Агесилай объявил, что поведет войско в Лидию. На этот раз он не обманывал Тиссаферна, но тот, не доверяя Агесилаю после того как был введен им в заблуждение, теперь обманул самого себя. Он считал, что Агесилай, который, по его мнению, испытывал недостаток в коннице, выступит теперь в Карию, где местность не благоприятствует передвижению всадников. Когда же Агесилай, как он говорил ранее, прибыл на равнину у Сард, Тиссаферн вынужден был поспешить на помощь городу. При этом он напал со своей конницей на воинов противника, которые разбрелись по равнине с целью грабежа, и многих из них уничтожил. Агесилай, сообразив, что пехота противника еще не подошла, сам же он имеет под рукой все свое войско, решил дать сражение как можно скорее. Поставив легкую пехоту между всадниками, он приказал им выступать и ударить на противника, не теряя ни минуты, сам же следом повел тяжелую пехоту. Варвары были обращены в бегство, и греки, устремившиеся в погоню, многих убили и захватили вражеский лагерь. После этой битвы греки не только могли беспрепятственно брать добычу и уводить рабов и скот из царских владений, но с удовлетворением увидели, что Тиссаферн, злейший враг греков, понес справедливое возмездие. Царь немедленно отправил против него Тифравста, который отрубил голову Тиссаферну, а затем обратился к Агесилаю с просьбой прекратить войну и отплыть домой, предлагая ему при этом деньги, но тот ответил, что вопрос о мире может решить только сама Спарта, а что касается до него, то он больше находит удовольствия в обогащении своих солдат, чем в том, чтобы самому стать богатым. Вообще же, сказал он, у греков считается прекрасным брать у врага не подарки, а добычу. Однако, чтобы выказать признательность Тифравсту, наказавшему общего врага греков Тиссаферна, он выступил со своим войском во Фригию, взяв у перса тридцать талантов¹¹⁴⁴ на путевые издержки.

По дороге он получил скиталу от спартанских властей, приказывавших ему взять командование и над флотом. Такую честь не оказывали никому, кроме Агесилая. Он бесспорно был, как говорит и Феопомп, величайшим и известнейшим среди своих современников, но и за всем тем более гордился своими личными качествами, чем огромною властью. Теперь, однако, он, как кажется, совершил ошибку, поручив командование флотом Писандру. Несмотря на то, что были более опытные и рассудительные люди, он принял во

¹¹⁴³ 11. ...получив... прекрасную кобылу. – Агамемнон получил эту кобылу от Эхепола, – сына Анхиса, – «Илиада», XXIII, 295 сл.

¹¹⁴⁴ 12. ...взяв у перса тридцать талантов... – за то, чтобы опустошать не его сатрапию, а соседнюю, Фарнабазову.

внимание не интересы отечества, а родственные чувства и в угоду своей жене, братом которой был Писандр, поставил его во главе морских сил.

11. Сам Агесилай, вступив с войском в землю, подчиненную Фарнабазу, не только оказался в местах, изобилующих всем необходимым, но и собрал много денег. Пройдя до самой Пафлагонии, он привлек на свою сторону пафлагонского царя Котия, который желал дружбы с ним, восхищаясь его доблестью и честностью. Спифридат же, с тех пор как отделился от Фарнабаза и перешел к Агесилаю, постоянно сопровождал его во всех походах. У него был сын – прекрасный юноша по имени Мегабат, которого Агесилай горячо любил. Спифридат имел также и дочь, красивую девушку на выданье. Агесилай уговорил Котия жениться на ней, а сам, взяв у него тысячу всадников и две тысячи легковооруженных пехотинцев, возвратился во Фригию. Он принялся опустошать землю Фарнабаза, который не оказывал сопротивления, не доверяя даже крепостям, но, захватив с собою и большую часть своей казны и сокровищ, бродил по всей стране, избегая встречи с Агесилаем. Наконец, Спифридат с помощью спартанца Гериппида захватил его лагерь и овладел всеми его богатствами. Однако Гериппид учинил такой строгий надзор над захваченным, вынуждая варваров возвращать добычу и все подробно осматривая и расследуя, что рассердил Спифридату, и тот сразу же ушел со всеми пафлагонцами в Сарды¹¹⁴⁵. Это, как сообщают, до крайности опечалило Агесилая. Он был недоволен прежде всего тем, что лишился такого благородного человека, как Спифридат, а с ним – и значительных военных сил; затем, он стыдился, что его могут упрекнуть в скряжничестве и корыстолюбии, в то время как он всегда стремился очистить от них не только собственную душу, но и отечество. Кроме этих двух явных причин, его не менее мучила и любовь к Мегабату, хотя, когда юноша бывал с ним, он упорно, всеми силами старался побороть эту страсть. Однажды, когда Мегабат подошел к нему с приветствием и хотел обнять и поцеловать его, Агесилай уклонился от поцелуя. Юноша был сконфужен, перестал подходить к нему и приветствовал его лишь издали. Тогда Агесилай, жалея, что лишился его ласки, с притворным удивлением спросил, что случилось с Мегабатом, отчего тот перестал приветствовать его поцелуями. «Ты сам виноват, – ответили его друзья, – так как не принимаешь поцелуев красивого мальчика, но в страхе бежишь от них. Его же и сейчас можно убедить прийти к тебе с поцелуями, если ты только снова не проявишь робости». После некоторого молчания и раздумья Агесилай ответил: «Вам не нужно уговаривать его, так как я нахожу больше удовольствия в том, чтобы снова начать с самим собою эту борьбу за его поцелуи, чем в том, чтобы иметь все сокровища, которые я когда-либо видел». Так держал себя Агесилай, когда Мегабат был поблизости; когда же тот удалился, он почувствовал такую страсть к нему, что трудно сказать, удержался ли бы он от поцелуев, если бы тот снова появился перед ним.

12. Некоторое время спустя Фарнабаз захотел вступить с Агесилаем в переговоры. Встречу им устроил кизикиец Аполлофан, гостеприимец того и другого. Агесилай, прибывший первым к назначенному месту со своими друзьями, расположился в тени на густой траве, поджидая Фарнабаза. Когда тот прибыл и увидел лежащего Агесилая, то из почтения к нему, не обращая внимания на разостланные для него мягкие шкуры и пестрые ковры, и сам опустился на землю, хотя был одет в удивительно тонкое и роскошно вышитое платье. После первых приветствий у Фарнабаза не оказалось недостатка в упреках по адресу лакедемонян; ибо те были многим обязаны ему во время войны с афинянами, теперь же грабили его землю. Агесилай видел, что сопровождавшие его спартанцы потупились от стыда и находятся в затруднении, понимая, что Фарнабаз действительно обижен несправедливо. Поэтому он ответил: «Да, Фарнабаз, раньше мы были друзьями царя и по-дружески относились к его интересам; теперь мы стали его врагами и поступаем с ним по-вражески. Видя, что ты сам желаешь быть собственностью царя, мы, конечно, стараемся вредить ему в твоём лице. Но с того дня, как ты предпочтешь называться другом и

¹¹⁴⁵ 13. ...ушел... в Сарды – Т.е. к Тифравсту: Сарды были центром его сатрапии.

союзником греков, а не рабом царя, можешь быть уверен, что и это войско, и это оружие, и суда, и каждый из нас сделается защитником твоего имущества и твоей свободы, без которой для людей не существует ничего прекрасного и ничего желанного». Тогда Фарнабаз открыл ему свои истинные намерения. «Если царь, – сказал он, – пришлет другого полководца, то я буду вашим союзником; если же он передаст верховное командование мне, то у меня не будет недостатка в рвении, чтобы сражаться с вами за моего царя и вредить вам». Агесилай остался доволен этим ответом и, взяв Фарнабаз за правую руку и став с ним рядом, сказал: «Я желал бы, Фарнабаз, чтобы ты, с подобными чувствами, был бы нам лучше другом, чем врагом».

13. Фарнабаз со своими людьми удалился, а сын его, задержавшись, подбежал к Агесилаю и сказал ему, улыбаясь: «Агесилай, я делаю тебя моим гостеприимцем». И с этими словами он отдал ему дротик, который держал в руке. Агесилай охотно принял подарок и, очарованный красотой и дружелюбием юноши, оглядел присутствующих, чтобы найти у них что-нибудь достойное для ответного дара прекрасному и благородному персу. Заметив лошадь писца Идея с дорогими бляхами на сбруе, он тотчас снял это украшение и подарил юноше. И в дальнейшем он постоянно о нем вспоминал, и когда впоследствии тот был изгнан из отеческого дома своими братьями и искал убежища в Пелопоннесе, Агесилай проявил к нему величайшее внимание и помогал ему даже в его любовных делах. Тот влюбился в афинского мальчика-борца, а так как тот был для ребенка слишком высок и крепок, его могли не допустить к участию в Олимпийских состязаниях¹¹⁴⁶. Перс обратился с просьбами за него к Агесилаю, который, желая угодить своему гостеприимцу, горячо взялся за дело и довел его до конца, хотя и с большим трудом. Агесилай во всем прочем строго придерживался законов, но когда дело касалось дружбы, считал неукоснительную приверженность справедливости пустой отговоркой. Так, передают, что им была написана карийцу Гидриею записка следующего содержания: «Если Никий невиновен – отпусти его, если он виновен – отпусти его из любви к нам; итак, отпусти его в любом случае». Вот как по большей части относился Агесилай к друзьям. Однако, когда того требовало общее дело, он более считался с обстоятельствами. Так, например, он доказал это однажды, когда, снимаясь поспешно с лагеря, покинул своего возлюбленного, находившегося в болезненном состоянии. Тот звал его и молил остаться, но Агесилай повернулся и сказал «Трудно быть и сострадательным и рассудительным одновременно». Об этом случае рассказывает философ Иероним.

14. Прошло только два года командования Агесилая, а слух о нем распространился далеко. При этом особенно прославлялись его рассудительность, простота и умеренность. На своем пути он останавливался в пределах самых чтимых святилищ отдельно от своих спутников, делая богов свидетелями и очевидцами таких поступков, которые мы обычно совершаем в уединении, избегая чужих взоров. Среди многих тысяч воинов трудно было бы найти такого, у которого постель была бы проще и дешевле, чем у Агесилая. К жаре и холоду он был настолько безразличен, как если бы один лишь он был создан, чтобы переносить любые перемены погоды, посылаемые богами. Но самым приятным зрелищем для греков, населяющих Азию, было видеть, как полководцы и наместники, обычно невыносимо гордые, изнеженные богатством и роскошью, с трепетом угождают человеку в простом, поношенном плаще и беспрекословно меняют свое поведение, выслушав от него лишь одно по-лаконски немногословное замечание. При этом многим приходили на ум слова Тимофея:

Арес – тиранн, а золота Эллада не страшится.

---

¹¹⁴⁶ 14. ...могли не допустить к участию в Олимпийских состязаниях. – На Олимпийских играх устраивались особые состязания для мальчиков; граница возраста между мальчиками и взрослыми определялась на глаз.

15. В то время Азия сильно волновалась и склонна была к отпадению от персов. Агесилай навел порядок в азиатских городах и придал им надлежащее государственное устройство, не прибегая к казням и изгнанию граждан. Затем он решил двинуться дальше, чтобы, удалив войну от Греческого моря, заставить царя сразиться за его собственную жизнь и сокровища Суз и Экбатан и таким образом лишить его возможности возбуждать войну среди греков, сидя спокойно на своем троне и подкупая своекорыстных искателей народной благосклонности. Однако в это время к нему прибыл спартанец Эпикидид с известием, что Спарте угрожает опасная война в самой Греции и что эфоры призывают его, приказывая прийти на помощь согражданам.

О, скольких тяжких бед виной вы, эллины!¹¹⁴⁷

Ибо каким еще словом можно назвать эту зависть, эти объединения и вооруженные приготовления греков для борьбы с греками же – все то, чем они сами отвратили уже склонившееся на их сторону счастье, обернув оружие, направленное против варваров, и войну, ведущуюся вдали от Греции, против самих себя? Я не согласен с коринфянином Демаратом¹¹⁴⁸, сказавшим, что все греки, не видевшие Александра сидевшим на троне Дария, были лишены величайшего наслаждения. Я полагаю, им бы скорее нужно было плакать при мысли, что полководцы эллинов, сражавшиеся при Левктрах, Коронее, Коринфе, являются виновниками того, что честь эта выпала на долю Александра и Македонии. Из всех поступков Агесилая нет более славного, чем это возвращение, – нельзя найти лучшего примера справедливости и повиновения властям. Ибо если Ганнибал, когда он находился в отчаянном положении и когда его уже почти вовсе вытеснили из Италии, лишь с большим трудом повиновался тем, кто призывал его для защиты родины; если Александр при известии о сражении между Антипатром и Агидом сказал с усмешкой: «Похоже, друзья, что в то время, как мы побеждаем Дария, в Аркадии идет война мышей»¹¹⁴⁹, – то как не считать счастливой Спарту, когда Агесилай проявил такое уважение к отечеству и почтительность к законам? Едва успела прийти к нему скитала, как он отказался и от блестящих успехов, и от могущества, и от заманчивых надежд и, оставив «несвершенным дело»¹¹⁵⁰, тотчас же отплыл. Он покинул своих союзников в глубокой печали по нем, опровергая слова Эрасистрата, сына Феака, о том, что лакедемоняне лучше в общественных, афиняне же в частных делах. Ибо если он проявил себя прекрасным царем и полководцем, то еще более безупречен и приятен был как товарищ и друг для тех, кто находился с ним в близких отношениях.

Так как персидские монеты чеканились с изображением стрелка из лука, Агесилай сказал, снимаясь с лагеря, что персидский царь изгоняет его из Азии с помощью десяти тысяч стрелков: такова была сумма, доставленная в Афины и Фивы и разделенная между народными вожаками, чтобы они подстрекали народ к войне со спартанцами.

16. Перейдя через Геллеспонт, Агесилай двинулся по Фракии, не спрашивая на то разрешения ни у одного из варварских племен; он лишь отправил к каждому из них гонца с

¹¹⁴⁷ 15. *О, скольких тяжких бед...* и далее. – Эврипид. Троянки, 764.

¹¹⁴⁸ 16. *Демарат* – см.: Ал., 37 и 56.

¹¹⁴⁹ 17. *...о сражении между Антипатром и Агидом...* – Сражение между Антипатром (македонским наместником Александра) и Агидом (спартанским царем, восставшим против македонского господства) произошло при Мегалополе, в 331/330 г., и было для Греции второй Херонеей. «Война мышей и лягушек» – известная шутливая поэма, приписывавшаяся Гомеру.

¹¹⁵⁰ 18. *...«несвершенным дело»...* – «Илиада», IV, 175.

вопросом, желают ли они, чтобы он прошел через их страну как друг или как враг. Все приняли его дружелюбно и посылали ему для охраны столько людей, сколько было в их силах; одни лишь так называемые трохалы, которым даже Ксеркс, говорят, должен был уплатить за проход через их землю, потребовали у Агесилая сто талантов серебра и столько же женщин. Но Агесилай, насмехаясь над ними, спросил: «Почему же они сразу не пришли, чтобы получить плату?» Он двинулся против них, вступил в сражение и обратил варваров в бегство, нанеся им тяжелые потери. С тем же вопросом он обратился к царю Македонии; тот ответил, что подумает, а Агесилай сказал: «Хорошо, пусть он думает, а мы пока пойдем вперед». Царь удивился его смелости и, испугавшись, сообщил ему, что он может пройти по его стране как друг.

Так как фессалийцы были в союзе с врагами Спарты, Агесилай стал опустошать их владения, послав, однако, в то же время в Лариссу Ксенокла и Скифа с предложением дружбы. Оба они были схвачены и заключены в тюрьму. Все возмущались этим и полагали, что Агесилаю необходимо тотчас выступить и осадить Лариссу, однако он, сказав, что не хочет занять даже всю Фессалию ценою жизни хотя бы одного из этих двоих, получил обоим обратно, заключив мирное соглашение. Но этому, быть может, не стоит и удивляться: ведь когда в другой раз Агесилай узнал, что у Коринфа произошла большая битва и со стороны спартанцев пало совсем немного, со стороны же противника – множество, он не проявил ни радости, ни гордости и лишь сказал с глубоким вздохом: «Горе тебе, Греция, что ты сама погубила столько людей, которые, если бы они еще жили, способны были бы, объединившись, победить всех варваров вместе взятых».

Во время его похода фарсальцы нападали на него и наносили урон войску. Агесилай, возглавив пятьсот всадников, напал на фарсальцев, обратил их в бегство и поставил трофей у Нарфакия. Этой победе он особенно радовался, ибо лишь с конницей, созданной им самим, победил людей, гордившихся более всего своим искусством в верховой езде.

17. Сюда к нему прибыл из Спарты эфор Дифрид, принеся приказание, тотчас вторгнуться в Беотию. Агесилай, считая, что этот план должен быть выполнен позже, после более тщательных приготовлений, полагал, однако, что нельзя оказывать неповиновение властям. Он объявил своим войскам, что скоро настанет тот день, ради которого они пришли из Азии, и призвал к себе две дружины¹¹⁵¹ из стоявших у Коринфа сил. Лакедемоняне, чтобы оказать ему особую честь, возвестили в Спарте, что те из юношей, кто желает выступить на помощь царю, могут записаться в списки. Так как охотно записались все, власти отобрали 50 человек, наиболее цветущих и сильных, и отослали их в войско.

Агесилай, между тем, пройдя через Фермопилы, двинулся по Фокиде, дружественно к нему расположенной. Но лишь только он вступил в Беотию и встал лагерем у Херонеи, как во время затмения солнца¹¹⁵², которое приняло очертания луны, получил известие о смерти Лисандра и о победе Фарнабаза и Конона в морской битве при Книде. Агесилай был сильно опечален как гибелью Лисандра, так и ущербом, который понесло отечество, однако, чтобы не внушить воинам робости и отчаяния, в то время как они готовились к борьбе, он приказал людям, прибывшим с моря, говорить противоположное действительности – что битва была выиграна спартанцами. Он сам появился с венком на голове, принес жертвы богам за хорошее известие и отослал друзьям части жертвенных животных.

18. Отсюда он выступил дальше и, оказавшись при Коронее лицом к лицу с противником, выстроил войско в боевой порядок, поручив орхоменцам левое крыло и став во главе правого. У неприятеля на правом фланге стояли фиванцы, на левом – аргивяне.

¹¹⁵¹ 19. ...две дружины... – См.: Пел., примеч. 12.

¹¹⁵² 20. ...во время затмения солнца... – 14 августа 394 г.

Ксенофонт, вернувшийся из Азии¹¹⁵³ и сам участвовавший в сражении рядом с Агесилаем, рассказывает, что эта битва была наиболее ожесточенной из всех, которые происходили в те времена. Первое столкновение не вызывало, правда, упорной и длительной борьбы: фиванцы обратили в бегство орхоменцев, а Агесилай – аргивян. Однако и те и другие, узнав, что их левое крыло опрокинуто и отступает, повернули назад. Агесилай мог бы обеспечить себе верную победу, если бы он не ударил фиванцам в лоб, а дал им пройти мимо и бросился бы на них сзади. Однако из-за ожесточения и честолюбия он сшибся с противником грудью с грудью, желая опрокинуть его своим натиском. Враги приняли удар с не меньшей отвагой, и вспыхнуло горячее сражение по всей боевой линии, особенно напряженное в том месте, где стоял Агесилай, окруженный пятьюдесятью спартанцами, боевой пыл которых, как кажется, послужил на этот раз спасением для царя. Ибо они сражались, защищая его, с величайшей храбростью и, хотя и не смогли уберечь царя от ран, однако, когда его панцирь был уже пробит во многих местах мечами и копьями, вынесли его с большим трудом, но живого; тесно сплотившись вокруг него, они многих врагов положили на месте и сами потеряли многих. Когда обнаружилось, что одолеть фиванцев прямым ударом – задача слишком трудная, спартанцы принуждены были принять план, отвергнутый ими в начале сражения. Они расступились перед фиванцами и дали им пройти между своими рядами, а когда те, увидев, что прорыв уже совершен, нарушили строй, спартанцы погнались за ними и, поравнявшись, напали с флангов. Однако им не удалось обратить врагов в бегство: фиванцы отошли к Геликону, причем эта битва преисполнила их самомнением, так как им удалось остаться непобежденными, несмотря на то, что они были одни, без союзников.

19. Агесилай, хотя и страдал от многочисленных ран, не удалился сразу в палатку, но приказал отнести себя на носилках к строю своих, чтобы убедиться, что трупы убитых собраны и находятся в пределах досягаемости. Противников, которые укрывались в близлежащем храме Афины Итонийской, он приказал отпустить. Около этого храма находился трофей, который поставили в свое время беотийцы во главе со Спартоном, когда они на этом месте победили афинян и убили Толмида. На следующее утро Агесилай, чтобы испытать, желают ли фиванцы возобновить сражение, приказал воинам украсить себя венками и под звуки флейт поставить пышный трофей, как подобает победителям. Когда же противники прислала послов с просьбой о выдаче трупов¹¹⁵⁴, он заключил с ними перемирие и, закрепив таким образом победу, отправился на носилках в Дельфы, где в это время происходили Пифийские игры. Агесилай устроил торжественное шествие в честь Аполлона и посвятил богу десятую часть добычи, захваченной им в Азии, что составляло сто талантов.

По возвращении в Спарту он сразу же завоевал симпатии граждан и всеобщее удивление своими привычками и образом жизни. Ибо, в отличие от большинства полководцев, он не вернулся с чужбины другим человеком, преобразившимся под воздействием чужеземных нравов, недовольным всем отечественным, ссорящимся со своими согражданами; наоборот, он вел себя так, как если бы никогда не переходил на другую сторону Эвроты¹¹⁵⁵, уважал и любил родные обычаи, не изменил ничего ни в пище, ни в купаньях, ни в образе жизни своей жены, ни в украшении своего оружия, ни в домашнем хозяйстве. Даже двери собственного дома, которые были настолько древними, что, казалось,

¹¹⁵³ 21. Ксенофонт, вернувшийся из Азии (после возвращения 10 000 греков)... – См. «Греческая история», IV, 3, 16 и «Агесилай», 2.

¹¹⁵⁴ 22. ...с просьбой о выдаче трупов... – Это означало признание, что поле боя осталось за неприятелем, т.е. было равносильно признанию своего поражения; ср. Ник., 6.

¹¹⁵⁵ 23. ...на другую сторону Эвроты... – Т.е. за пределами Лаконии.

были поставлены еще Аристодемом¹¹⁵⁶, он сохранил в прежнем состоянии. По словам Ксенофонта¹¹⁵⁷, канатр его дочери не был более пышным, чем у других. Канатром лакедемоняне называют деревянные изображения грифов и трагелафов¹¹⁵⁸, в которых они возят своих дочерей во время торжественных шествий. Ксенофонт не записал имени дочери Агесилая, и Дикеарх досадовал на то, что мы не знаем имен ни дочери Агесилая, ни матери Эпаминонда. Однако в лаконских записках¹¹⁵⁹ мы нашли, что жена Агесилая носила имя Клеоры, дочерей же звали Эвполия и Ипполита. В Лакедемоне и поныне хранится также копье Агесилая, ничем не отличающееся от других.

20. Замечая, как некоторые из граждан гордятся и чванятся тем, что выкармливают коней для ристалищ, Агесилай уговорил сестру свою Киниску отправить колесницу для участия в олимпийских состязаниях¹¹⁶⁰. Этим он хотел показать грекам, что подобная победа не требует никакой доблести, а лишь богатства и расточительности. Мудрецу Ксенофону, который всегда находился при нем и пользовался его вниманием, он посоветовал привезти своих детей в Лакедемон для воспитания, чтобы они овладели прекраснейшей из наук – повиноваться и властвовать.

После смерти Лисандра Агесилай раскрыл большой заговор, который тот устроил против него тотчас по возвращении из Азии, и решил показать, каким гражданином был Лисандр при жизни. Прочтя сохранившуюся в бумагах Лисандра речь, сочиненную Клеоном Галикарнасским, которую Лисандр от своего имени намеревался держать перед народом, речь, содержавшую призывы к перевороту и изменению государственного устройства, Агесилай хотел обнародовать ее. Однако один из старейшин, прочитав эту речь и ужаснувшись искусству убеждения, с каким она была написана, посоветовал Агесилаю не выкапывать Лисандра из могилы, но лучше похоронить вместе с ним и эту речь. Агесилай последовал совету и отказался от своего намерения. Своим противникам он никогда не причинял вреда открыто, но умел добиться, чтобы они были назначены полководцами или начальствующими лицами, затем уличал их в недобросовестности и корыстолюбии при исполнении своих обязанностей и, наконец, когда дело доходило до суда, поддерживал их и помогал им. Таким образом он делал из врагов друзей и привлекал их на свою сторону, так что не имел ни одного противника. Второй царь, Агесиполид, был сыном изгнанника¹¹⁶¹ и к тому же еще очень молод по возрасту, а по характеру кроток и мягок, и потому принимал мало участия в государственных делах. Однако Агесилай счел необходимым обязать благодарностью и его. Оба царя, когда находились в городе, ходили к одной и той же фидитии и питались за одним столом. Зная, что Агесиполид, так же как и сам он, очень расположен к любовным делам, Агесилай всегда заводил с ним разговор о прекрасных мальчиках. Он склонял юношу к любовным утехам и сам помогал ему в его увлечениях.

¹¹⁵⁶ 24. ...еще (царем) Аристодемом... (ср.: Лик., 1). – Т.е. лет за 700 до Агесилая.

¹¹⁵⁷ 25. По словам Ксенофонта... – «Агесилай», 8.

¹¹⁵⁸ 26. Грифы (звери с птичьими головами) и трагелафы (козлы с оленьими головами) – сказочные чудовища.

¹¹⁵⁹ 27. Лаконские записки – источник, ближе неизвестный.

¹¹⁶⁰ 28. ...в олимпийских состязаниях. – Колесницы на состязаниях вели, конечно, профессиональные возницы, но победителем провозглашался человек, снарядивший колесницу. Женщинам было запрещено присутствовать на состязаниях даже среди зрителей.

¹¹⁶¹ 29. ...сыном изгнанника... – Отцом Агесиполида был Павсаний, которого спартанцы изгнали после гибели Лисандра; см.: Лис., 29—30.

Дело в том, что в лаконских любовных связях нет ничего грязного, наоборот, они сочетаются с большой стыдливостью, честолубием и стремлением к добродетели, как сказано в жизнеописании Ликурга¹¹⁶².

21. Благодаря своему большому влиянию в государстве, Агесилай добился, чтобы командование флотом было поручено его сводному брату по матери Телевтию. Затем он предпринял поход в Коринф и сам захватил с суши Длинные стены¹¹⁶³, Телевтий же на кораблях... [*Текст в оригинале испорчен.*] В это время аргивяне, которые тогда владели Коринфом, справляли Истмийские игры¹¹⁶⁴. Появившись в коринфской земле, когда они только что совершили жертвоприношение, Агесилай заставил их бежать, бросив все приготовления к празднеству. Бывшие с ним коринфские изгнанники обратились к нему с просьбой взять на себя распорядительство в состязаниях, но он отказался и, предоставив это им самим, ждал, чтобы обезопасить их от нападения, пока не окончатся жертвоприношения и состязания. Некоторое время спустя, когда он удалился, аргивяне справили Истмийские игры еще раз, и при этом оказалось, что из числа состязавшихся некоторые были вторично провозглашены победителями, но были и такие, которые в первый раз победили, а во второй попали в список побежденных. Узнав об этом, Агесилай объявил, что аргивяне сами себя уличили в трусости, так как, полагая распорядительство на играх чем-то большим и важным, не осмелились сразиться с ним за эту честь. Сам он считал необходимым ко всем подобным вещам относиться сдержанно. У себя в отечестве он готовил хоры, устраивал состязания и всегда на них присутствовал, проявляя большое честолубие и усердие и не пропуская даже ни одного состязания мальчиков и девочек, но то, что восхищало остальных, ему было словно вовсе неведомо и незнакомо. Однажды он встретился с трагическим актером Каллиппидом, имя которого было прославлено среди греков и который пользовался всеобщим признанием. Каллиппид первым приветствовал Агесилая, а затем с гордым видом смешался с сопровождавшими царя на прогулке, рассчитывая, что тот скажет ему какую-либо любезность. Наконец, Каллиппид не вытерпел и сказал: «Разве ты не узнаешь меня, царь?» – на что Агесилай, повернувшись к нему, ответил: «Сдается мне, что ты Каллиппид, дикеликт?» – так называют лакедемоняне мимов. В другой раз его позвали послушать человека, подражающего пению соловья. Агесилай отказался, сказав: «Я слышал самого соловья». Врач Менеkrat за успешное излечение в нескольких безнадежных случаях получил прозвище Зевса. Он бесстыдно пользовался этим прозвищем и отважился даже написать Агесилаю: «Менеkrat—Зевс желает здравствовать Агесилаю»¹¹⁶⁵. Агесилай написал в ответ: «Царь Агесилай желает Менеkrату быть в здравом уме».

22. Когда Агесилай находился еще около Коринфа и после захвата Герей¹¹⁶⁶ наблюдал, как его воины уводят пленных и уносят добычу, к нему прибыли послы из Фив с предложением дружественного союза. Агесилай, всегда ненавидевший этот город, нашел такой случай подходящим, чтобы выразить свое презрение к фиванцам, и сделал вид, что не видит и не слышит послов. Но он потерпел заслуженное возмездие за свою гордыню. Ибо еще не успели фиванцы уйти, как прибыли к нему гонцы с известием, что целая дружина спартанцев изрублена Ификратом. Такое большое несчастье уже давно не постигало

¹¹⁶² 30. ...в жизнеописании Ликурга. – Лик., 17—18.

¹¹⁶³ 31. Длинные стены – соединяли город Коринф с его западной гаванью Лехеем.

¹¹⁶⁴ 32. Истмийские игры (в честь Посейдона) – справлялись каждые два года в конце весны; здесь речь идет об играх 390 г.

¹¹⁶⁵ 33. (Такой-то такому-то) желает здравствовать – обычная формула начала греческих писем.

¹¹⁶⁶ 34. Герей – святилище Геры в 15-ти км севернее Коринфа.

лакедемонян: они потеряли многих славных воинов, причем гоплиты оказались побежденными легкой пехотой и лакедемоняне – наемниками. Агесилай тотчас поспешил на выручку, но, когда узнал, что дело уже совершилось, быстро вернулся в Герей и уже сам предложил явиться беотийским послам. А фиванцы, платя ему той же монетой, теперь ни словом не упомянули о мире, а лишь просили пропустить их в Коринф. Агесилай, разгневанный, сказал: «Если вы желаете видеть, как ваши друзья гордятся своими успехами, вы вполне можете подождать до завтра». И, взяв их с собой, он на следующий день опустошил коринфские владения и подошел к самому городу. Доказав этим, что коринфяне не отваживаются оказывать ему сопротивление, он отпустил посольство фиванцев. Присоединив к себе людей, уцелевших из потерпевшей поражение моры, Агесилай отвел войско в Лакедемон; по пути он снимался с лагеря до рассвета и останавливался лишь с наступлением темноты, чтобы те из аркадян, которые ненавидели его и завидовали ему, не могли теперь радоваться его несчастью.

Несколько позже он, из расположения к ахейцам, предпринял вместе с ними поход в Акарнанию и захватил там большую добычу, победив акарнанцев в сражении. Ахейцы просили его остаться у них до зимы, чтобы помешать противникам засеять поля. Однако Агесилай ответил, что он сделает как раз обратное, ибо враги будут тем более страшиться войны, если к лету земля будет засеяна. Так и случилось: когда акарнанцы узнали о готовящемся новом походе Агесилая, они заключили с ахейцами мир.

23. После того как Конон и Фарнабаз, с помощью царского флота, завоевав владычество на море, стали опустошать берега Лаконии, а афиняне на деньги, полученные от Фарнабаза, вновь укрепили свой город, лакедемоняне решили заключить мир с царем. Они послали Анталкида к Тирибазу с тем, чтобы позорнейшим, несправедливейшим образом предать царю греков, населяющих Азию, – тех греков, за которых столько сражался Агесилай. Потому и вышло, что этот позор меньше всего коснулся самого Агесилая; к тому же Анталкид был его врагом и всеми силами содействовал миру, полагая, что война укрепляет власть Агесилая, увеличивает его славу и влияние. Все же человеку, который сказал, что лакедемоняне стали приверженцами персов, Агесилай ответил: «А по-моему, скорее персы – лакедемоняне». Кроме того, он угрожал объявлением войны тем, кто не желал принять условия мира, и заставил таким образом всех подчиниться тем требованиям, которые предъявил персидский царь. При этом больше всего Агесилай добивался, чтобы фиванцы, провозгласив самостоятельность Беотии, тем самым ослабили себя.

Однако его намерения стали вполне ясными лишь из его дальнейшего поведения. Ибо, когда Фебид совершил недостойное дело, захватив Кадмею¹¹⁶⁷ в мирное время, все греки были охвачены негодованием; возмущались и сами спартанцы, особенно же противники Агесилая. В гневе они спрашивали Фебида, по чьему приказанию он так поступил, и всеобщие подозрения были обращены на Агесилая. Но Агесилай без колебаний открыто выступил на защиту Фебида, говоря, что важно выяснить только, принес ли этот поступок какую-нибудь пользу. «Ибо все, что приносит пользу Лакедемону, – говорит он, – вполне допустимо совершать на свой страх и риск, даже без чьего-либо приказания». И этот человек на словах считал справедливость высшей добродетелью, утверждая при всяком удобном случае, что храбрость не приносит никакой пользы там, где нет справедливости, и что если бы все стали справедливыми, храбрость вообще была бы не нужна! Когда ему говорили, что то или иное угодно великому царю, он отвечал: «Но почему он должен быть более великим, чем я, если он не более справедлив?» – вполне разумно полагая, что превосходство в величии должно определяться справедливостью, ибо это и есть подлинно царская мера. Он не принял письма, в котором царь после заключения мира предлагал ему гостеприимство и дружбу, ответив, что достаточно общей дружбы их государств и нет необходимости в какой-то частной дружбе. Однако в своих поступках он не остался верен этим убеждениям, он был

¹¹⁶⁷ 35. ...Фебид... захватив Кадмею... – См.: Пел., 5—6; об освобождении Кадмеи – Пел., 7—12.

слишком увлечен честолюбием и жадной первенства, и это особенно ясно обнаружилось в истории с занятием Фив. Он не только спас жизнь Фебиду, но и убедил государство взять ответственность за это преступление, разместить в Кадмее караульный отряд и предоставить фиванские дела и государственное устройство на произвол Архия и Леонтида, с помощью которых Фебид вошел в город и захватил крепость.

24. Вот почему уже в первую минуту у всех явилась мысль, что Фебид был только исполнителем, а зачинщик всего дела – Агесилай. Дальнейшие события с несомненностью подтвердили это подозрение. Ибо когда фиванцы изгнали спартанский отряд и освободили свой город, Агесилай обвинил их в том, что они убили Архия и Леонтида (а те лишь по имени были полемархами, на деле же – тираннами), и объявил им войну. На этот раз с войском в Беотию был отправлен Клеомброт, ставший царем после смерти Агесиполида. Агесилай же, поскольку уже сорок лет назад вышел из отроческого возраста и по законам мог не участвовать в походах, отказался от командования, так как незадолго до того он воевал с флиунтцами¹¹⁶⁸ из-за изгнанников и теперь ему было неловко чинить насилие над фиванцами во имя дела тираннов.

В это время гармостом в Феспиях был спартанец Сфодрий, принадлежавший к числу противников Агесилая. Это был человек далеко не без смелости и не без честолюбия, но более преисполненный пустых надежд, чем благоразумия. Он-то, желая стяжать славу и считая, что Фебид, благодаря своему дерзкому поступку в Фивах, стал знаменит, пришел к выводу, что он приобретет имя еще более громкое, если неожиданным нападением захватит Пирей и этим отрежет афинян от моря. Передают также, что это была затея беотархов с Меломом и Пелопидом во главе. Они подослали к Сфодрию людей, прикинувшихся друзьями лакедемонян, которые льстивыми похвалами и уверениями, что лишь он один достоин такого подвига, побудили Сфодрия взяться за дело. Этот поступок по своей несправедливости и противозаконности был подобен поступку Фебида, но в исполнении его не было ни такой же смелости, ни такого же успеха. Ибо Сфодрий надеялся за ночь достичь Пирея, но день застал его на Фриасийской равнине. Говорят, что при виде яркого света, лившегося со стороны элевсинских святилищ, его солдат охватили смятение и ужас. Мужество покинуло и его самого, так как замысел его уже не мог более оставаться в тайне, и, захватив небольшую добычу, он позорно и бесславно отступил в Феспии. Тогда в Спарту были отправлены послы из Афин, чтобы обвинить Сфодрия. Однако по прибытии их в Лакедемон обнаружилось, что спартанские власти не нуждаются ни в каких обвинителях и уже привлекают Сфодрия к суду по обвинению, угрожающему смертной казнью. Однако тот не являлся на суд, опасаясь гнева сограждан, которые, стыдясь афинян, хотели сами казаться оскорбленными, чтобы их не считали соучастниками преступлений.

25. У Сфодрия был сын Клеоним, еще совсем юный и красивой наружности, к которому пылал страстью сын царя Агесилая Архидам. Последний, разумеется, разделял беспокойство Клеонима по поводу опасности, угрожающей его отцу, однако не мог открыто ничего для него сделать и вообще как-либо ему помочь, ибо Сфодрий принадлежал к числу противников Агесилая. Тем не менее, Клеоним пришел к Архидаму и со слезами умолял его, чтобы он умилиствовал Агесилая, которого друзья Сфодрия опасались больше всего. В течение трех или четырех дней Архидам повсюду ходил за Агесилаем, не решаясь, однако, из страха и стыда заговорить с ним о деле. Наконец, когда день суда был уже близок, он решился сказать Агесилаю, что Клеоним обратился к нему, прося за своего отца. Агесилай знал о страсти Архидама, но не препятствовал ей, так как Клеоним еще с детства больше, чем кто-либо другой, подавал надежды на то, что станет выдающимся человеком. Тем не менее, когда сын обратился к нему с этой просьбой, Агесилай никак его не обнадежил, ответив только, что он подумает, что можно сделать, не нарушая приличия и

---

¹¹⁶⁸ 36. Агесилай... отказался от командования... воевал с флиунтцами... – чтобы восстановить в Флиунте власть изгнанных олигархов. Конечно, это был только предлог для отказа.

благопристойности. С этими словами он удалился. Архидам был так пристыжен, что прекратил свои свидания с Клеонимом, хотя до этого привык видеть его по нескольку раз в день. Друзья Сфодрия считали его дело окончательно проигранным, пока один из приятелей Агесилая, Этимокл, не открыл им истинное мнение Агесилая: по его словам, тот очень порицал поступок Сфодрия, но во всем прочем считал его доблестным мужем и полагал, что государство нуждается в подобных воинах. Из расположения к сыну Агесилая при всяком удобном случае высказывал это суждение о деле Сфодрия, так что и Клеоним вскоре узнал о хлопотах Архидама, и друзья Сфодрия с большей смелостью стали помогать обвиняемому. Агесилай вообще очень любил своих детей, и о нем часто рассказывают забавную историю, будто он дома играл со своими детьми, когда они были еще маленькими, и ездили вместе с ними верхом на палочке, а когда один из друзей увидел его за этим занятием, Агесилай попросил не говорить об этом никому, пока тот сам не станет отцом.

26. Сфодрий был оправдан, и афиняне, узнав об этом, решились на войну. Агесилая резко порицали, считая, что из-за нелепой ребяческой страсти своего сына он воспрепятствовал справедливому решению суда и таким образом сделал свое отечество повинным в величайшем беззаконии по отношению ко всем грекам. Однако, когда Агесилай увидел, что Клеомброт не расположен вести борьбу с фиванцами, он отказался от применения закона, которым воспользовался перед этим походом, и сам стал совершать набеги на Беотию. Он причинял много вреда фиванцам, однако и сам терпел от них немало, так что, когда он был ранен, Анталкид сказал ему: «Да, недурно заплатили тебе фиванцы за то, что вопреки их невежеству и нежеланию учиться, ты все же выучил их сражаться». Действительно, как сообщают, фиванцы в ту пору стали более искусными в военном деле, чем когда бы то ни было прежде, как бы получая закалку во время многочисленных походов лакедемонян на их владения. Поэтому и Ликург в древности, в трех так называемых ретрах¹¹⁶⁹, запретил выступать много раз против одних и тех же врагов, чтобы те не научились искусству ведения войны. Даже союзники лакедемонян были очень недовольны Агесилаем, видя, что он стремится погубить фиванцев не за вину их перед Спартой, а только из-за оскорбленного честолюбия. Не имея никакой необходимости разорять Беотию, говорили союзники, они почему-то в большом числе ежегодно должны следовать повсюду за лакедемонянами, хотя самих лакедемонян бывает в походе так немного. В ответ на это Агесилай, желая показать, какова цена их многочисленности, проделал, как говорят, следующее. Он велел сесть с одной стороны союзникам, всем вместе, с другой – одним лакедемонянам. Затем через глашатая он пригласил встать сначала всех гончаров, когда же те встали, предложил сделать то же всем кузнецам, затем – плотникам, строителям и всем прочим ремесленникам по очереди. В конце концов, поднялись почти все союзники, но ни один из лакедемонян, которым было строго запрещено заниматься каким-либо искусством или обучаться какому-либо ремеслу. Тогда Агесилай улыбнулся и сказал: «Ну вот, друзья, вы видите, насколько больше высылаем воинов мы, чем вы».

27. На обратном пути из Фив, в Мегарах, когда Агесилай подымался на акрополь к правительственному зданию, он почувствовал судорогу и жестокую боль в здоровой ноге. Голень вздулась, налилась кровью – судя по внешнему виду – и необычайно воспалилась. Какой-то врач из Сиракуз вскрыл ему жилу ниже лодыжки. Мучения прекратились, однако вышло столько крови и текла она так неудержимо, что последовал глубокий обморок и возникла серьезная опасность для жизни Агесилая. Наконец, кровотечение было остановлено, и Агесилая доставили на носилках в Лакедемон, где он долгое время пролежал больным, не будучи в состоянии выступить в поход.

За это время спартанцы потерпели много неудач как на суше, так и на море. Величайшей из них было сражение при Тегирах, где спартанцы впервые были побеждены фиванцами в открытом бою. Все уже пришли к выводу о необходимости заключить

¹¹⁶⁹ 37. ...в трех так называемых ретрах... – См.: Лик., 6, 13.

всеобщий мир. В Лакедемон съехались посольства из всех концов Греции для обсуждения условий договора. В числе послов был Эпаминонд – муж, знаменитый своей образованностью и познаниями в философии, но тогда еще не проявивший себя как полководец. Видя, что все прочие пресмыкаются перед Агесилаем, он один решился выступить с откровенной речью, в которой говорил не только об интересах фиванцев, но и об общем благе всей Греции. Он указал, что война увеличивает могущество Спарты, отчего все остальные терпят ущерб, что мир должен быть основан на началах всеобщего равенства и справедливости, что он будет прочным лишь в том случае, если все будут между собой равны.

28. Агесилай, замечая, что Эпаминонд пользуется вниманием и горячими симпатиями присутствующих греков, задал ему вопрос: «Считаешь ли ты правильным с точки зрения всеобщего равенства и справедливости, чтобы беотийские города пользовались независимостью?» Эпаминонд, не задумываясь и не смущаясь, ответил Агесилаю тоже вопросом: не считает ли тот справедливым, чтобы и жители Лаконии получили независимость? Тогда Агесилай в страшном гневе вскочил с места и потребовал, чтобы Эпаминонд заявил определенно, готов ли он предоставить независимость Беотии. Эпаминонд в свою очередь спросил его, предоставят ли спартанцы независимость жителям Лаконии. Агесилай был возмущен и охотно ухватился за удобный предлог для того, чтобы немедленно вычеркнуть фиванцев из списка заключивших мирный договор и объявить им войну. Всем прочим грекам он предложил, заключив мир, разойтись по домам; дела, поддающиеся мирному решению, он советовал разрешить мирным путем, а не поддающиеся – войной, так как очень трудно было найти путь к уничтожению всех разногласий.

В это время Клеомброт с войском стоял в Фокиде. Эфоры тотчас отправили ему приказ выступить против фиванцев, разослав в то же время повсюду людей для сбора союзников, которые, хотя и не желали воевать и тяготились войной, еще не осмеливались противоречить лакедемонянам или отказывать им в послушании. Было много дурных предзнаменований, о которых уже рассказано в жизнеописании Эпаминонда¹¹⁷⁰, и лакедемонянин Профой возражал против похода; несмотря на это Агесилай не отступился от своего намерения и начал войну, надеясь, что при создавшихся обстоятельствах, когда вся Греция на их стороне и фиванцы одни исключены из мирного договора, представляется удобный случай отомстить Фивам. Однако ход событий вскоре показал, что причиной этой войны был скорее гнев, чем хладнокровный расчет. В самом деле, мирный договор был заключен в Лакедедоне четырнадцатого скирофориона, а уже через двадцать дней – пятого гекатомбеона спартанцы были побеждены в битве при Левктрах. В этой битве погибла тысяча лакедемонян, царь Клеомброт и окружавшие его храбрейшие спартанцы. Среди них, как говорят, был и красавец Клеоним, сын Сфодрия, который три раза падал под ударами врагов около царя и столько же раз поднимался, пока не был убит, сражаясь с фиванцами.

29. Это поражение было неожиданным для спартанцев и столь же неожиданным был успех фиванцев, подобного которому еще не бывало в войнах греков между собой. Тем не менее доблесть побежденных вызвала не меньше восхищения и сочувствия, чем доблесть победителей. Ксенофонт говорит¹¹⁷¹, что поведение и разговоры выдающихся людей замечательны даже в забавах и за вином, и он прав; но не менее, а еще более следует обращать внимание на то, что делают или говорят выдающиеся люди, стремясь и в несчастье сохранить свое достоинство. В это время в Спарте как раз справлялся праздник Гимнопедий при большом стечении в город иноземцев, и в театре состязались хоры, когда прибыли

---

¹¹⁷⁰ 38. ...в жизнеописании Эпаминонда... – Оно до нас не дошло.

¹¹⁷¹ 39. Ксенофонт говорит... – «Пир», I, 1.

вестники из Левктр¹¹⁷² с рассказом о поражении. Эфоры, хотя им и было ясно с самого начала, что эта неудача подкосила благополучие Спарты и что власть ее в Греции погибла, тем не менее не позволили ни удалить из театра хоры, ни изменить чего-либо в порядке праздника; они лишь сообщили имена убитых их родственникам, разослав гонцов по домам, сами же продолжали руководить зрелищами и состязанием хоров. На следующее утро, когда всем уже стали известны имена погибших и уцелевших, отцы, родственники и близкие убитых сошлись на площади и с сияющими лицами, преисполненные гордостью и радостью приветствовали друг друга. Родственники же уцелевших, напротив, оставались вместе с женами дома, как бы находясь в трауре; и если кто-нибудь из них вынужден был выйти из дому, то по его внешнему виду, голосу и взгляду видно было, как велики его уныние и подавленность. Это было особенно заметно на женщинах: те, которые ожидали встретить своего сына живым после битвы, ходили в печальном молчании, те же, о смерти сыновей которых было объявлено, тотчас появились в храмах и навещали друг друга с веселым, гордым видом.

30. Однако, когда союзники отпали от Спарты и все ждали, что Эпаминонд, гордый своей победой, вторгнется в Пелопоннес, многие спартанцы вновь вспомнили предсказание о хромоте Агесилая. Они впали в величайшее уныние и прониклись страхом перед божеством, полагая, что несчастья обрушились на город из-за того, что они удалили от царствования человека со здоровыми ногами, избрав царем хромого и увечного, и тем самым нарушили приказание божества, которое больше всего предостерегало их именно против этого. И все же, благодаря славе Агесилая, его доблести и другим заслугам, они продолжали пользоваться его услугами не только в военных делах – в качестве царя и полководца, но и в гражданских трудностях – в качестве целителя и посредника. Дело в том, что спартанцы не решались, как полагалось по закону, лишить гражданской чести тех граждан, которые проявили трусость в сражении (в Спарте их называли «убоявшимися»), ибо таких было очень много, и в том числе виднейшие люди, так что можно было предполагать, что они подымут восстание. Такие «убоявшиеся» по закону не только лишаются права занимать какую-либо должность, но считается позорным вступать с кем бы то ни было из них в родство по браку. Каждый, кто встречает их, может их ударить. Они обязаны ходить жалкими, неопрятными, в старом, потертom плаще с разноцветными заплатами и брить только полбороды. Вот почему и было опасно оставлять в городе много таких граждан, в то время как он нуждался в немалом числе воинов. В этих обстоятельствах спартанцы избрали Агесилая законодателем. Не прибавив, не вычеркнув и не изменив ничего в законах, он пришел в Народное собрание и сказал: «Сегодня нужно позволить спасть законам, но с завтрашнего дня и впредь законы эти должны иметь полную силу». Этим он не только сохранил государству законы, но и гражданскую честь – всем тем людям.

Затем, желая вывести молодежь из состояния уныния и печали, он вторгся в Аркадию. Здесь он остерегался вступить в решительное сражение с противником, но захватил один небольшой городок близ Мантиней и опустошил поля. Благодаря этому он внушил своим согражданам новые, лучшие надежды на будущее, показав, что отчаиваться рано.

31. Вскоре после этого Эпаминонд вместе с союзниками вторгся в Лаконию, имея не менее сорока тысяч гоплитов, за которыми с целью грабежа следовало множество легковооруженных или же вовсе не вооруженных, так что общая численность вторгшихся достигала семидесяти тысяч. К этому времени доряне занимали Лакедемон уже в продолжение не менее шестисот лет, и за весь этот период еще ни один враг не отважился вступить в их страну: беотийцы были первыми врагами, которых спартанцы увидели на своей земле и которые теперь опустошали ее – ни разу дотоле не тронутую и не

---

¹¹⁷² 40. Праздник Гимнопедий – в честь Аполлона, Артемиды и Латоны, главный праздник спартанского религиозного календаря, справлялся в июле; битва при Левктрах произошла в начале июля 371 г.

разграбленную – огнем и мечом, дойдя беспрепятственно до самой реки¹¹⁷³ и города. Дело в том, что Агесилай не разрешил спартамцам сразиться с таким, как говорит Феопомп, «валом и потоком войны», но занял центр города и самые важные пункты, терпеливо снося угрозы и похвалы фиванцев, которые выкликали его имя, призывая его как подстрекателя войны и виновника всех несчастий сразиться за свою страну. Но не менее заботил Агесилая царивший в городе переполох, вопли и беспорядочные метания пожилых людей, негодовавших по поводу случившегося, и женщин, которые не могли оставаться спокойными и совершенно обезумели от крика неприятелей и вида их костров. Тяжелым ударом для его славы было и то, что, приняв город самым сильным и могущественным в Греции, он теперь видел, как сила этого города пошатнулась и неуместной стала горделивая похвальба, которую он сам часто повторял, – что, мол, еще ни одна лакедемонская женщина не видела дыма вражеского лагеря. Говорят, что и Анталкид в споре с афинянином о храбрости, когда тот сказал: «А мы вас часто отгоняли от Кефиса», – ответил: «Но мы вас никогда не отгоняли от Эвроты». Подобным же образом один ничем не замечательный спартанец в ответ на замечание аргивянина: «Много вас лежит погребенными в Арголиде», возразил: «Но ни один из вас – в Лаконии».

32. Сообщают, что Анталкид, который был тогда эфором, в страхе тайно переправил своих детей на Киферу. Агесилай же, когда заметил, что враги намереваются перейти Эврот и силой ворваться в город, оставил все другие позиции и выстроил лакедемонян перед центральными, возвышенными частями города. Как раз в это время Эврот из-за обилия снегов на горах выступил из берегов и разлился шире обыкновенного, но переправу вброд не столько затрудняла быстрота течения, сколько ледяной холод воды. Агесилаю указали на Эпаминонда, который выступал перед строем; как говорят, он долго смотрел на фиванского полководца, провожая его глазами, однако сказал лишь: «Какой беспокойный человек!» Как ни старался Эпаминонд из честолюбия завязать сражение в самом городе и поставить трофей, он не смог выманить Агесилая или вызвать его на бой, а потому снялся с лагеря, отошел от города и стал опустошать страну.

В Лакедемонне, между тем, около двухсот граждан, из числа недостойных и испорченных, которые уже давно составили заговор¹¹⁷⁴, захватили Иссорий, сильно укрепленный и неприступный пункт, где находилось святилище Артемиды. Лакедемоняне хотели тотчас кинуться на них, но Агесилай, опасаясь мятежа, приказал остальным соблюдать спокойствие, сам же, одетый в плащ, в сопровождении лишь одного раба приблизился к заговорщикам, говоря, что они не поняли его приказания: он посылал их не сюда и не всех вместе, а одних – туда (он указал на другое место), других – в иные кварталы города. Те же, услышав его, обрадовались, считая, что их замысел не раскрыт, и, разделившись, разошлись по тем местам, которые он указал. Агесилай немедленно послал за другими воинами и занял с ними Иссорий; ночью же он приказал арестовать и убить около пятнадцати человек из числа заговорщиков. Вскоре был раскрыт другой, еще более значительный заговор спартанцев, которые собирались тайно в одном доме, подготавливая переворот. Но при величайшем беспорядке было одинаково опасно как привлечь их к суду, так и оставить заговор без внимания. Поэтому Агесилай, посоветовавшись с эфорами, приказал убить их без суда, хотя прежде ни один спартанец не подвергался смертной казни без судебного разбирательства. Из перизков и илотов, которые были включены в состав войска, многие перебежали из города к врагу. Так как это вызывало упадок духа в войске, Агесилай предписал своим служителям обходить каждое утро постели воинов в лагере, забирать оружие перебежчиков и прятать его; благодаря этому число перебежчиков

¹¹⁷³ 41. ...до самой реки... – Т.е. до Эвроты, на котором стояла Спарта (как близ Кефиса – Афины). Следует помнить, что Спарта не была окружена стенами.

¹¹⁷⁴ 42. ...составили заговор... – Заговор с целью выдать город фиванцам; подробности заговора неясны.

оставалось неизвестным.

Одни писатели говорят, что фиванцы отступили из Лаконии из-за начавшихся холодов, а также оттого, что аркадяне стали в беспорядке уходить и разбегаться, другие – что они и так провели там целых три месяца и успели опустошить большую часть страны. Феопомп же сообщает иное: беотархи уже решили отступить, когда к ним прибыл спартанец Фрикс, доставив им от Агесилая в качестве платы за отступление десять талантов, так что, выполняя то, что было задумано прежде, они еще получили от врагов деньги на дорогу. Но я не понимаю, как мог один лишь Феопомп знать об этом, в то время как остальным это осталось неизвестным.

33. Но все утверждают единогласно, что спасением своим Спарта была тогда обязана Агесилаю, который на этот раз отрешился от присущих ему по природе качеств – честолюбия и упрямства и действовал с большой осторожностью. Тем не менее после этого падения он не смог поднять мощь и славу своего города на прежнюю высоту. Как случается со здоровым телом, которое приучено к постоянному и строжайшему режиму, так случилось и с государством: чтобы погубить все его благополучие, оказалось достаточным одной лишь ошибки, одного лишь колебания весов. Иначе и быть не могло, ибо с государственным устройством, наилучшим образом приспособленным для мира, единомыслия и добродетели, пытались соединить насильственную власть и господство над другими – то, что Ликург считал совершенно ненужным для счастья и процветания города. Это и привело Спарту к упадку.

Агесилай отказался впредь от командования в походах из-за своего преклонного возраста. Сын же его, Архидам, с войском, пришедшим ему на помощь от тиранна из Сицилии¹¹⁷⁵, победил аркадян в так называемой «Бесслезной битве» (в ней из воинов Архидам не был убит ни один, а врагов пало очень много). Эта битва была самым лучшим доказательством того, как обессилела Спарта. Прежде победа над врагами считалась таким обычным делом, что в честь ее не приносили никаких жертв, кроме петуха; возвратившиеся из сражения не испытывали особенной гордости, и весть о победе даже никого особенно не радовала. Так, после битвы при Мантинее, которую описывает Фукидид¹¹⁷⁶, первому, кто прибыл с известием о победе, спартанские власти не послали в качестве награды за радостную весть ничего иного, кроме куска мяса от общей трапезы. В этот же раз, когда получилось сообщение о битве, а затем прибыл Архидам, никто уже не мог удержаться от выражения своих чувств; первым встретил его отец в слезах радости вместе со всеми властями; множество стариков и женщин спустились к реке, воздымая к небу руки и благодаря богов, словно лишь в тот день Спарта смыла свой позор и вновь обрела право смотреть на лучезарное солнце. Говорят, что до этой битвы мужья не решались прямо взглянуть на жен, стыдясь своего поражения.

34. Когда Мессена была вновь основана Эпаминондом и прежние ее граждане¹¹⁷⁷ стали стекаться туда со всех сторон, лакедемоняне не были в состоянии помешать этому и не отважились выступить с оружием, но негодовали и гневались на Агесилая за то, что в его царствование они лишились страны, не уступавшей Лаконии по размерам и превосходящей плодородием другие области Греции, страны, которой они столько времени владели. Вот почему Агесилай и не принял предложенного фиванцами мира. Однако, не желая на словах

¹¹⁷⁵ 43. ...от тиранна из Сицилии... – Помощь пришла от Дионисия Старшего; Сиракузы держались союза со Спартой с самых времен сицилийской экспедиции Алкивиада.

¹¹⁷⁶ 44. ...описывает Фукидид... – V, 64—74 (битва 418 г.).

¹¹⁷⁷ 45. Мессена – новая столица Мессении, впервые после 300 лет освобожденной от спартанской власти; прежние ее граждане – потомки мессенцев, выселившихся после мессенского восстания 464—462 гг. (см.: Ким., 16—17).

уступить эту страну тем, кто на деле уже держал ее в своих руках, и упорствуя в этом, он не только не получил обратно этой области, но чуть было не потерял самое Спарту, обманутый военной хитростью неприятеля. Дело в том, что, когда мантинейцы вновь отложились от Фив и призвали на помощь лакедемонян, Эпаминонд, узнав, что Агесилай вышел с войском и приближается к нему, ночью незаметно для мантинейцев снялся с лагеря и повел армию из Тегеи прямо на Лакедемон. Обойдя Агесилая, он едва не захватил внезапным нападением город, лишенный всякой защиты. Однако Агесилаю донес об этом, по словам Каллисфена, феспиец Эвфин, по Ксенофону¹¹⁷⁸ же – какой-то критянин. Агесилай немедленно послал в Спарту конного гонца, а через короткое время явился и сам. Немного позже фиванцы перешли Эврот и совершили нападение на город. Агесилай отбивался не по возрасту решительно и ожесточенно, так как видел, что спасение теперь уже не в осмотрительной обороне, но в безоглядной отваге. Такой отваге он никогда раньше не доверял и не давал ей воли, но теперь лишь благодаря ей отразил опасность, вырвал город из рук Эпаминонда, поставил трофей и показал детям и женщинам, что лакедемоняне самым достойным образом платят отечеству за то воспитание, которое оно им дало. Особенно отличался в этом сражении Архидам, который с необычайным мужеством и ловкостью быстро перебежал по тесным улочкам в наиболее опасные места и вместе с небольшой кучкой окружавших его воинов повсюду оказывал врагу сопротивление. Великолепное и достойное удивления зрелище не только согражданам, но и противникам доставил также Исад, сын Фебида. Прекрасно сложенный, высокий и стройный, он был в том возрасте, когда люди, переходя от отрочества к возмужалости, находятся в расцвете сил. Он выскочил из своего дома совершенно нагой, не прикрыв ни доспехами, ни одеждой свое тело, натертое маслом, держа в одной руке копье, в другой меч, и бросился в гущу врагов, повергая наземь и поражая всех, кто выступал ему навстречу. Он даже не был ранен, потому ли, что в награду за храбрость его охраняло божество, или потому, что показался врагам существом сверхъестественным. Говорят, что эфоры сначала наградили его венком, а затем наказали штрафом в тысячу драхм за то, что он отважился выйти навстречу опасности без доспехов.

35. Несколько дней спустя произошла битва при Мантинее; и Эпаминонд уже опрокинул первые ряды противника, тесня врагов и быстро преследуя их, когда, как рассказывает Диоскорид, против него выступил лаконянин Антикрат и пронзил его копьем. Однако лакедемоняне еще и теперь называют потомков Антикрата Махерионами [Machairíōnes], и это доказывает, что Эпаминонд был поражен махерой [máchaira] – коротким мечом. Испытывая при жизни Эпаминонда вечный страх перед ним, спартанцы так восхищались подвигом Антикрата, что не только даровали ему постановлением Народного собрания особые почести и награды, но и всему его роду предоставили освобождение от налогов, которым и в наше время еще пользуется Калликрат, один из потомков Антикрата. После этой битвы и смерти Эпаминонда греки заключили между собой мир. Агесилай хотел исключить из мирного договора мессенцев, не признавая в них граждан самостоятельного государства. Так как все остальные греки стояли за включение мессенцев в число участников договора и за принятие от них клятвы, лакедемоняне отказались участвовать в мире и одни продолжали войну, надеясь вернуть себе Мессению. Из-за этого Агесилая считали человеком жестким и упрямым, вечно жаждущим войны: ведь он всеми способами подкапывался под всеобщий мир и препятствовал ему, а с другой стороны, испытывая нужду в деньгах, должен был отягощать своих друзей в Спарте займами и поборами вместо того, чтобы в таких тяжелых обстоятельствах, упустив из своих рук столько городов и такую власть на суше и на море, положить конец бедствиям и не домогаться столь алчно мессенских владений и доходов.

36. Еще худшую славу стяжал он, когда поступил на службу к Таху, правителю Египта. Никто не одобрял того, что человек, считавшийся первым во всей Греции, чья слава

¹¹⁷⁸ 46. ...по Ксенофону... – «Греческая история», VII, 5.

распространилась по всему миру, теперь предоставил себя в распоряжение варвару, отпавшему от своего царя, продал за деньги свое имя и славу, превратившись в предводителя наемного войска. Даже если бы в возрасте свыше восьмидесяти лет, с телом, испещренным рубцами от ран, он вновь принял на себя, как прежде, славное и прекрасное предводительство в борьбе за свободу греков, то и в этом случае нельзя было бы не упрекнуть его за излишнее честолюбие. Ведь и для славного дела есть соответствующий возраст и подходящее время, да и вообще славное отличается от позорного более всего надлежащей мерой. Но Агесилай совершенно не заботился об этом и ничто не считал недостойным, если это было на пользу государству; напротив, ему казалось недостойным жить в городе без дела и спокойно ожидать смерти. Поэтому он набрал наемников на средства, посланные Тахом, снарядил несколько судов и отплыл, взяв с собою, как и прежде, тридцать спартанцев в качестве советников.

Когда Агесилай прибыл в Египет, к его судну отправились виднейшие полководцы и сановники царя, чтобы засвидетельствовать свое почтение. И остальные египтяне, много наслышанные об Агесилае, ожидали его с нетерпением; все сбегались, чтобы посмотреть на него. Когда же вместо блеска и пышного окружения они увидели лежащего на траве у моря старого человека маленького роста и простой наружности, одетого в дешевый грубый плащ, они принялись шутить и насмехаться над ним. Некоторые даже говорили: «Совсем как в басне: гора мучилась в родах, а разрешилась мышью». Еще более удивились они его странным вкусам, когда из принесенных и приведенных даров гостеприимства он принял только пшеничную муку, телят и гусей, отказавшись от изысканных лакомств, печений и благовоний, и в ответ на настойчивые просьбы принять и эти дары предложил раздать их илотам. Однако, как говорит Феофраст, ему понравился египетский тростник, из которого плетут простые, изящные венки, и при отплытии он попросил и получил от царя немного этого тростника.

37. По прибытии он соединился с Тахом, который был занят приготовлениями к походу. Однако Агесилай был назначен не главнокомандующим, как он рассчитывал, а лишь предводителем наемников; флотом командовал афинянин Хабрий, а всем войском – сам Тах. Это было первым, что огорчило Агесилая, но, кроме того, и во всем прочем он вынужден был с досадой переносить хвастовство и тщеславие египтянина. Он сопровождал его в морском походе в Финикию, беспрекословно ему подчиняясь – вопреки своему достоинству и нраву, пока, наконец, обстоятельства не сложились более благоприятно. Дело в том, что Нектанебид, двоюродный брат Таха, начальствовавший над одной из частей его войска, отпал от него, был провозглашен египтянами царем и отправил людей к Агесилаю с просьбой о помощи. О том же просил он и Хабрия, обещая обоим большие подарки. Когда Тах узнал об этом, он принялся убеждать их не уходить от него, и Хабрий пытался увещаниями и уговорами сохранить дружеские отношения между Агесилаем и Тахом. Но Агесилай отвечал: «Ты, Хабрий, прибыл сюда по собственному желанию и потому волен поступать, как вздумается, меня же отправило полководцем к египтянам мое отечество. Следовательно, я не могу воевать с теми, к кому прислан в качестве союзника, если не получу из Спарты нового приказания». После этого разговора он послал в Спарту несколько человек, которые должны были там обвинять Таха, Нектанебида же всячески восхвалять. Тах и Хабрий со своей стороны послали в Спарту уполномоченных, при этом первый ссылался на старинную дружбу и союз, второй же обещал быть еще более преданным другом Спарты, чем до тех пор. Лакедемоняне, выслушав послов, ответили египтянам, что предоставляют дело на благоусмотрение Агесилая, самому же Агесилаю отправили приказ смотреть лишь за тем, чтобы его поступки принесли пользу Спарте.

Таким-то образом Агесилай со своими наемниками перешел на сторону Нектанебида, совершив под предлогом пользы для отечества неуместный и неподобающий поступок; ибо, если отнять этот предлог, то наиболее справедливым названием для такого поступка будет предательство. Но лакедемоняне, считающие главным признаком блага пользу, приносимую отечеству, не признают ничего справедливого, кроме того, что, по их мнению, увеличивает

мощь Спарты.

38. Тах, когда наемники покинули его, обратился в бегство, но в Мендесе¹¹⁷⁹ восстал против Нектанебида другой человек, также провозглашенный царем, и двинулся на него, собрав войско из ста тысяч человек. Желая ободрить Агесилая, Нектанебид говорил ему, что хотя враги и многочисленны, они представляют собой нестройную толпу ремесленников, неопытных в военном деле, и потому с ними можно не считаться. Агесилай отвечал на это: «Но я боюсь не их численности, а как раз их неопытности и невежества, которые всегда трудно обмануть. Ибо неожиданно обмануть можно только тех, кто подозревает обман, ожидает его и пытается от него защищаться. Тот же, кто ничего не подозревает и не ожидает, не дает никакой зацепки желающему провести его, подобно тому, как стоящий неподвижно борец не дает возможности противнику вывести его из этого положения». Вскоре после этого мендесец попытался привлечь Агесилая на свою сторону, подослав к нему своих людей. Это внушило опасения Нектанебиду. Когда же Агесилай стал убеждать его вступить как можно скорей в сражение и не затягивать войны с людьми, которые, хоть они и неопытны в военном деле, могут благодаря своей многочисленности легко окружить его, обвести в своем его лагерь и вообще во многом предупредить его шаги, Нектанебид стал еще больше подозревать и бояться своего союзника и отступил в большой, хорошо укрепленный город. Агесилай был очень оскорблен этим недоверием, однако, стыдясь еще раз перейти на сторону противника и покинуть дело неоконченным, последовал за Нектанебидом и вошел вместе с ним в крепость.

39. Неприятель выступил следом и начал окружать город валом и рвом. Египтянином вновь овладел страх – он боялся осады и хотел вступить в бой, греки горячо поддерживали его, так как в крепости не было запасов хлеба. Но Агесилай решительно препятствовал этому намерению, и египтяне пуще прежнего хулили и поносили его, называя предателем царя. Однако теперь он сносил клевету гораздо спокойнее и выжидал удобного случая, чтобы привести в исполнение военную хитрость, которую он замыслил. Хитрость же эта заключалась в следующем. Враги вели глубокий ров вокруг городских стен, чтобы окончательно запереть осажденных. Когда оба конца рва, окружавшего весь город, подошли близко один к другому, Агесилай, дождавшись темноты, приказал грекам вооружиться, явился к царю и сказал ему следующее: «Юноша, час спасения настал; я не говорил о нем прежде, чем он наступит, чтобы не помешать его приходу. Враги сами, собственноручно рассеяли грозившую нам опасность, выкопав такой ров, что готовая часть его представляет препятствие для них самих, лишая их численного превосходства, оставшееся же между концами рва пространство позволяет нам сразиться с ними на равных условиях. Смелей же! Постарайся проявить себя доблестным мужем, устремись вперед вместе с нами и спаси себя и все войско. Ведь стоящие против нас враги не выдержат нашего натиска, а остальные отделены от нас рвом и не смогут причинить нам вреда». Нектанебид изумился изобретательности Агесилая, стал в середину греческого строя и, напав на врагов, легко обратил их в бегство.

Как только Агесилай овладел доверием Нектанебида, он вновь прибегнул к той же военной хитрости: то отступая, то приближаясь, то делая обходные движения, Агесилай загнал большую часть неприятелей в такое место, которое с двух сторон было окаймлено глубокими, наполненными водой рвами. Промежуток между рвами он перегородил, построив там боевую линию своей фаланги, и этим добился того, что враги могли выступить против него только с равным числом бойцов и в то же время были не в состоянии зайти ему во фланг или в тыл. Поэтому после недолгого сопротивления они обратились в бегство. Многие из них были убиты, остальные же рассеялись.

40. После этого египтянин укрепил и упрочил свою власть. Желая выразить свою

¹¹⁷⁹ 47. Мендес – из этого города в дельте Нила происходила предыдущая династия правителей восставшего Египта, правившая в 398—381 гг.; может быть, новый претендент был их потомком.

любовь и расположение к Агесилаю, Нектанебид стал просить его остаться с ним и провести в Египте зиму. Но Агесилай спешил домой, зная, что Спарта ведет войну, содержит наемников и потому нуждается в деньгах. Нектанебид отпустил его с большими почестями, щедро наградив и дав в числе прочих почетных подарков двести тридцать талантов для ведения войны. Уже наступила зима, и Агесилай держался со своими кораблями поближе к суше. Он высадился на побережье Африки, в пустынном месте, которое носит название Менелаявой гавани¹¹⁸⁰, и здесь умер в возрасте восьмидесяти четырех лет, после того как процарствовал в Спарте более сорока одного года, из коих свыше тридцати лет, вплоть до битвы при Левктрах, был наиболее влиятельным и могущественным человеком в Лакедемонии и считался как бы предводителем и царем всей Греции.

У лакедемонян существует обычай: тела тех, кто умер на чужбине, погребать на месте кончины, тела же царей доставлять на родину. Поэтому сопровождавшие Агесилая спартанцы залили тело за неимением меда расплавленным воском¹¹⁸¹ и доставили затем в Лакедемон. Царская власть перешла к сыну Агесилая Архидаму и оставалась за его родом вплоть до Агида, который был пятым царем после Агесилая и при попытке восстановить старинное государственное устройство пал от руки Леонида.

Помпей

[перевод Г.А. Стратановского]

1. К Помпею римский народ, по-видимому, испытывал вначале такие же чувства, какие Эсхил Прометей к Гераклу, своему спасителю, которого он приветствует следующими словами:

Любимый нами сын отца враждебного¹¹⁸².

Действительно, ни одного полководца римляне не ненавидели так сильно и так жестоко, как отца Помпея – Страбона. При жизни последнего они опасались силы его оружия (он был замечательным воином), когда же Страбон умер от удара молнии, тело его во время выноса сбросили с погребального ложа и осквернили. С другой стороны, никто из римлян, кроме Помпея, не пользовался такой любовью народа, – любовью, которая возникла бы столь рано, столь стремительно возрастала в счастье и оказалась бы столь надежной в несчастьях. Причина ненависти к отцу Помпея была лишь одна – его ненасытное корыстолюбие. Напротив, для любви к сыну было много оснований: умеренный образ жизни, любовь к военным упражнениям, убедительность в речах, честный характер, приветливое обхождение, так что никто не был менее его назойливым в своих домогательствах, никто не умел более приятно оказывать услуги нуждающемуся в них. К тому же, когда он что-нибудь давал, то делал это непринужденно, а принимал дары с достоинством.

2. В юности Помпей имел довольно привлекательную внешность, которая располагала в его пользу прежде, чем он успевал заговорить. Приятная наружность соединялась с

---

¹¹⁸⁰ 48. Менелаява гавань – лежала против острова Крита, к западу от Египта.

¹¹⁸¹ 49. ...за неимением меда... воском... – Речь идет о старом спартанском обычае бальзамирования умерших на чужбине.

¹¹⁸² 1. Любимый нами сын враждебного отца .– Стих из несохранившейся трагедии Эсхила «Освобожденный Прометей», где Геракл является освободить Прометея от оков, наложенных по повелению Зевса, отца Геракла.

величием и человеколюбием, и в его цветущей юности уже предчувствовались зрелая сила и царственные повадки. Мягкие откинутые назад волосы и живые, блестящие глаза придавали ему сходство с изображениями царя Александра (впрочем, не столько было истинного сходства, сколько разговоров о нем). Поэтому вначале, когда Помпею давали имя этого героя, он не отвергал его, так что некоторые даже в насмешку стали называть его Александром. Так, Луций Филипп¹¹⁸³, бывший консул, защищая Помпея на суде, сказал: «Нет ничего неожиданного в том, что Филипп любит Александра». Сообщают, что гетера по имени Флора уже старухой постоянно с удовольствием вспоминала о своей связи с Помпеем, говоря, что никогда не покидала его ложа без чувства сожаления. Флора рассказывала еще, что в нее был влюблен один из приятелей Помпея, некто Геминий, доставлявший ей много хлопот своим ухаживанием. Наконец, она объявила, что не может согласиться на его домогательства из-за Помпея. Тогда Геминий обратился к самому Помпею, и тот уступил гетеру приятелю. С этих пор Помпей разошелся с Флорой и даже больше не встречался с ней, хотя, по-видимому, продолжал ее любить. Флора, однако, перенесла свой разрыв с Помпеем не так, как это обычно бывает у гетер, а долгое время мучилась от печали и тоски. Между тем, как говорят, Флора находилась тогда в расцвете своей красоты и получила такую известность, что Цецилий Метелл, украшая храм Диоскуров картинами и статуями, велел написать ее портрет и посвятил его богам. У одного из вольноотпущенников Помпея, Деметрия, который пользовался у него огромным влиянием и оставил состояние в четыре тысячи талантов, была жена неотразимой красоты. Помпей обходился с ней, против своего обыкновения, довольно грубо и сурово из опасения, как бы не подумали, что он пленился ее прославленной прелестью. Несмотря на такую, далеко идущую осторожность и осмотрительность в подобного рода делах, Помпею не удалось все же избежать укоров со стороны недругов. Последние обвиняли его в связях с замужними женщинами, утверждая, что в угоду им он часто не считается с общественными делами и пренебрегает ими.

О скромности и простоте образа жизни Помпея приводят такой рассказ. Во время болезни, когда он потерял аппетит, врач предписал больному в пищу дрозда. Слуги, как ни искали, не смогли найти птицы в продаже, так как сезон прошел, и один слуга сказал, что дроздов можно сыскать у Лукулла, который откармливает их круглый год. Больной ответил на это: «Неужели жизнь Помпея может зависеть от причуд роскоши Лукулла?» И, пренебрегши советом врача, он съел какое-то кушанье из самых доступных. Этот случай относится, впрочем, к более позднему времени его жизни.

3. Когда Помпей еще очень молодым отправился вместе со своим отцом в поход против Цинны, он жил в одной палатке со своим приятелем, неким Луцием Теренцием. Этот Теренций был подкуплен Цинной и собирался убить Помпея, в то время как его сообщники должны были поджечь палатку полководца. Помпею сообщили о заговоре во время обеда. Молодой человек несколько не смутился, напротив, он выпил вина с большим удовольствием, чем обычно, и ласково говорил с Теренцием, когда же пришла пора ложиться спать, тайком вышел из своей палатки и выставил охрану около палатки отца, сохраняя при этом полное спокойствие. Между тем, Теренций, как только решил, что настало время действовать, вскочил, вытащил меч, подошел к ложу Помпея и, предполагая, что тот лежит на постели, стал наносить удар за ударом. Тотчас вслед за тем в лагере поднялась суматоха, и воины, горя ненавистью к своему полководцу и подстрекая друг друга к мятежу, начали разбирать палатки и браться за оружие. Сам полководец, испугавшись шума, не выходил из палатки. Напротив, Помпей открыто появился среди воинов, с плачем умолял их не покидать отца и, наконец, бросился ничком на землю перед воротами лагеря. Там он лежал и, проливая слезы, просил уходящих воинов растоптать его ногами. Воины, устыдившись, возвращались, и таким образом все, кроме восьмисот человек, изменили свое намерение и

¹¹⁸³ 2. *Луций Марций Филипп* – защищал Помпея в 86 г., когда того обвинили в незаконном присвоении добычи, захваченной в Союзнической войне (гл. 4).

примирились с полководцем.

4. Сразу после кончины Страбона Помпей был привлечен, вместо умершего, к суду по делу о хищении государственных денег. Изобличив одного из вольноотпущенников, Александра, Помпей доказал, что бо льшая часть денег похищена этим вольноотпущенником. Однако самого Помпея обвинили в том, что он присвоил охотничьи сети и книги из добычи, захваченной в Аскуле¹¹⁸⁴. Эти вещи он действительно получил от отца после взятия Аскула, но потерял их, когда после возвращения Цинны в Рим его телохранители ворвались в дом Помпея и разграбили его. На этом процессе у Помпея было немало предварительных столкновений с обвинителем. В них молодой человек выказал быструю сообразительность и твердый не по летам ум и тем стяжал немалую славу и симпатии сограждан, так что претор Антистий, который был судьей на процессе, полюбил Помпея и предложил ему в жены свою дочь. Об этом он вел переговоры с друзьями Помпея. Помпей принял предложение и между ними было заключено тайное соглашение, однако из-за хлопот Антистия в пользу Помпея об этой сделке стало известно народу. Наконец, когда Антистий огласил вынесенный судьями оправдательный приговор, то, как по команде, народ издал возглас, произносимый по старинному обычаю на свадьбах, – «Таласию!»¹¹⁸⁵ Происхождение этого обычая, как говорят, следующее. Когда самые доблестные римляне похищали дочерей сабинян, пришедших в Рим посмотреть на игры, несколько безвестных поденщиков и пастухов схватили красивую и высокую девушку и, взвалив ее на плечи, понесли. Чтобы какой-нибудь знатный человек при встрече не отнял добычи, они бежали с криком «Таласию!» Таласий был одним из всеми любимых и известных граждан, и потому, слыша это имя, встречные хлопали в ладоши как бы в знак радости и одобрения. Так как брак Таласия оказался счастливым, это восклицание, как говорят, стало употребляться в шутку на свадьбах. Это объяснение наиболее правдоподобно из всех. Спустя несколько дней Помпей вступил в брак с Антистией.

5. Отправившись в лагерь Цинны, Помпей затем испугался каких-то ложных обвинений и наговоров и тайком быстро покинул лагерь. Так как Помпей нигде не показывался, то в лагере прошел слух, будто Цинна велел убить юношу. Тогда старые враги и ненавистники Цинны подняли против него восстание. Цинна бежал, но был схвачен каким-то центурионом, преследовавшим его с обнаженным мечом. Припав к коленям врага, Цинна протянул ему свой драгоценный перстень с печаткой, а тот с жестокою издевкой ответил: «Я пришел сюда не скреплять печатью договор, а покарать нечестивого и незаконного тиранна». С этими словами он убил Цинну. После смерти Цинны его сменил, став во главе правления, Карбон – тиранн, еще более безрассудный, чем Цинна. Однако был уже близок Сулла, ожидавшийся с нетерпением большинством граждан, которые из-за выпавших на их долю бедствий уже самое перемену властителя почитали великим благом. Несчастья довели государство до такого состояния, что люди, не надеясь больше на свободу, мечтали лишь о более или менее снисходительном господине.

6. Помпей находился тогда в италийской области Пицене, отправившись туда отчасти потому, что там были его земельные владения, но главным образом из-за того, что ему были приятны чувства любви и преданности, которые в память об отце питали к нему тамошние города. Помпей видел, что самые знатные и лучшие граждане оставляют свое имущество и отовсюду, словно корабли в надежную гавань, стекаются в лагерь Суллы в поисках убежища. Сам он счел ниже своего достоинства явиться к Сулле бессильным беглецом, умоляя о помощи, но предпочел прибыть к нему, оказав важную услугу, с почетом, во главе войска. Поэтому он предпринял попытку возмутить пиценцев, которые охотно ему повиновались и

---

¹¹⁸⁴ 3. Аскул – опорный пункт восставших союзников, был взят Помпеем-отцом в 89 г.

¹¹⁸⁵ 4. «Таласию!» – см.: Ром., 15. Видимо, когда Плутарх писал биографию Помпея, биография Ромула не была еще им написана.

не слушали уговоров посланцев Карбона. Когда некто Ведий сказал пиценцам, что вождем у них – Помпей, только что сошедший со школьной скамьи, они разъярились и, напав на Ведия, убили его. Двадцати трех лет отроду Помпей, никем не назначенный, по собственному почину облек себя полномочиями полководца; на площади большого города Ауксима он воздвиг судейское возвышение и особым эдиктом повелел двум сторонникам Карбона, весьма влиятельным в городе братьям Вентидиям, покинуть Ауксим. Затем Помпей стал набирать воинов и, как полагается, назначил им центурионов; то же самое он делал, объезжая соседние города. Все сторонники Карбона бежали, прочие же с радостью отдали себя в распоряжение Помпея. Таким образом за короткое время он набрал три полных легиона, запаса продовольствием, выючными животными, повозками и всем прочим снаряжением и двинулся к Сулле, не спеша и не желая скрываться, но задерживаясь в пути, чтобы тревожить неприятеля, и во всех областях Италии, через которые он проходил, стараясь поднять восстание против Карбона.

7. Против Помпея выступили сразу три неприятельских полководца – Каррина, Целий и Брут, но они ударили на него не все разом и не в лоб, а совершали обходное движение тремя отрядами с целью окружить и уничтожить противника. Помпей, однако, не испугался, но, собрав свои силы в одном пункте, во главе конницы напал на войско Брута. Со стороны неприятеля выступила галльская конница, и Помпей, метнув дротик, поразил начальника, отличавшегося необыкновенной силой. После этого остальные всадники повернули назад и расстроили ряды пехотинцев, так что началось общее бегство. Затем между неприятельскими начальниками пошли раздоры, и каждый отступил в полном беспорядке. Города стали переходить на сторону Помпея, считая, что враги от страха уже совершенно рассеялись. Вскоре на него напал консул Сципион. Однако не успели еще оба войска пустить в ход дротики, как воины Сципиона, приветствуя воинов Помпея, перешли на его сторону, Сципиону же пришлось бежать. Наконец, сам Карбон выслал к реке Эзии многочисленные отряды всадников, но и этому нападению Помпей оказал решительное сопротивление: враг был обращен в бегство и загнан во время преследования в неудобную и непроходимую для конницы местность. Неприятельские воины, видя, что нет надежды спастись, вынуждены были сдаться со своим оружием и конями.

8. Сулла ничего не знал еще об этих событиях. При первых известиях и слухах о том, что Помпей должен действовать против стольких неприятельских полководцев, располагавших столь большими силами, Сулла испугался за Помпея и немедленно выступил ему на помощь. Когда Помпей узнал, что Сулла уже недалеко, он приказал командирам вооружить воинов и выстроить их в боевом порядке для смотра, чтобы они произвели на главнокомандующего самое лучшее, блестящее впечатление. Помпей рассчитывал на великие почести со стороны Суллы, но получил даже больше, чем ожидал. Завидев приближение Помпея с войском, состоявшим из сильных и здоровых людей, гордых своими победами, Сулла соскочил с коня. Как только Помпей приветствовал его по обычаю, назвав императором, Сулла, в свою очередь, назвал его этим же именем, причем никто не ожидал, что Сулла присвоит человеку молодому, еще даже не сенатору, тот титул, за который сам он сражался со Сципионами и Мариями. И дальнейшее поведение Суллы вполне соответствовало этим первым проявлениям любезности: так, когда приходил Помпей, Сулла вставал и обнажал голову – почесть, которую он не часто оказывал кому-либо другому, хотя в его окружении было много уважаемых людей.

Однако от этих почестей Помпей не возгордился. Напротив, когда Сулла вознамерился немедленно послать его в Галлию, где Метелл во время своего управления, по-видимому, не совершил ничего достойного тех огромных сил, какие были в его распоряжении, Помпей заявил, что неблагородно было бы лишать командования человека, старшего годами и превосходящего его славой; однако если Метелл и пожелает и сам потребует, то он, Помпей, готов ему помогать на войне и во всем остальном окажет поддержку. Метелл принял предложение и написал Помпею, чтобы тот приезжал. После этого Помпей вторгся в Галлию и не только совершил сам удивительные подвиги, но сумел подогреть и разжечь уже почти

угасший от старости воинственный пыл и отвагу Метелла. Так расплавленная на огне медь, если облить ею твердые и холодные куски металла, как говорят, размягчает и плавит их скорее самого огня. Но ведь подобно тому, как не принимают в расчет и не вносят в списки юношеские победы борца, который занял впоследствии первое место среди взрослых и повсюду с почетом побеждал на состязаниях, так и подвиги, совершенные тогда Помпеем в Галлии, хотя сами по себе и удивительные, все же меркнут перед множеством великих битв и войн позднейшего времени. Поэтому я не решился во всех подробностях описывать дела Помпея в Галлии, чтобы не пропустить более значительных его деяний и событий, в которых как раз обнаруживается характер этого мужа.

9. Став владыкой Италии и провозглашенный диктатором, Сулла вознаграждал всех своих полководцев и всех начальников: он обогащал их, возводил на высшие государственные должности и щедро и охотно удовлетворял все их желания. Помпей вызывал восхищение Суллы своей воинской доблестью. Последний хотел породниться с Помпеем, считая, что это будет весьма полезно для его власти. Жена Суллы Метелла одобряла планы мужа; и вот оба они уговаривают Помпея развестись с Антистией и взять в жены падчерицу Суллы, дочь Метеллы и Скавра Эмилию, которая была в это время замужем и уже беременна. Способ заключения этого брака был, конечно, тираннический и скорее в духе времен Суллы, чем в характере Помпея: беременную Эмилию приводят от ее мужа к Помпею, а Антистию изгоняют позорным и самым жалким образом, хотя она недавно из-за своего мужа потеряла отца: Антистий был убит в курии, так как из-за Помпея его считали сторонником Суллы. Мать Антистии не перенесла всех этих несчастий и сама наложила на себя руки, так что к трагедии Помпеева брака присоединилось и это горестное обстоятельство и, клянусь Зевсом, еще одно: Эмилия сразу же умерла от родов в доме своего нового мужа.

10. Спустя некоторое время пришла весть о том, что Перперна укрепляется в Сицилии, стараясь превратить остров в опорный пункт для остатков враждебного стана приверженцев Мария; там же, близ Сицилии, находился Карбон с флотом, а Домиций вторгся в Африку, и много других важных изгнанников, успевших избежать гибели, стекалось туда же. Против них был послан Помпей с большим войском. Перперна немедленно уступил ему остров, и он начал восстанавливать разрушенные города, обходясь милостиво со всеми, кроме мамертинцев¹¹⁸⁶ в Мессене. Мамертинцы не пожелали явиться к его судейскому креслу и признать его власть, ссылаясь на то, что были освобождены от нее старинным римским законом. Тогда Помпей заявил им: «Перестаньте приводить статьи законов тому, у кого за поясом меч». И отношение Помпея к Карбону представляется бесчеловечным глумлением над его несчастьями. Ведь если убийство Карбона было необходимо (как, быть может, оно и было), то его следовало совершить немедленно после пленения, и тогда ответственность пала бы на того, кто отдал приказ¹¹⁸⁷. Однако вместо этого Помпей велел привести к себе римлянина, трижды бывшего консулом, и в оковах заставил его стоять перед своим судейским креслом, а сам, к негодованию и раздражению присутствующих, вел следствие сидя. Затем последовал приказ увести и казнить Карбона. Когда приговоренного привели к месту казни, он, увидев обнаженный меч, просил, как передают, дать ему место и немного времени для отправления естественных потребностей. Гай Оппий, один из друзей Цезаря, рассказывает о бесчеловечном поступке Помпея с Квинтом Валерием. Помпей знал, что Валерий – человек большой учености и исключительно преданный науке. Когда Валерия привели пленником к Помпею, тот принял его дружески; после совместной прогулки, выпросив у него все нужные сведения, Помпей велел слугам немедленно отвести несчастного на казнь. Однако к рассказам Оппия о врагах и друзьях Цезаря следует

¹¹⁸⁶ 5. Мамертинцы – см.: Пирр, примеч. 18.

¹¹⁸⁷ 6. ...на того, кто отдал приказ. – Т.е. на Суллу.

относиться с большой осторожностью.

Помпей карал, и то лишь по необходимости, наиболее знатных и явных врагов Суллы, захваченных в плен, остальным же, насколько было возможно, позволял скрыться, а некоторым даже сам помогал бежать. Помпей решил наказать город гимерцев за то, что жители его держали сторону враждебного стана. Народный вожак Сфенний попросил слова и сказал, что Помпей поступит несправедливо, если, отпустив виновного, погубит ни в чем не повинных людей. На вопрос Помпея, кого именно он считает виновным, Сфенний ответил: «Себя: своих друзей я убедил примкнуть к твоим противникам, а врагов заставил силой». Помпей был восхищен смелостью и благородством этого человека и сначала даровал прощение ему, а затем простил и всех прочих. Узнав из донесений, что воины его в походе позволяют себе всякие бесчинства, Помпей опечатал их мечи, и в случае взлома печати виновный подвергался наказанию.

11. В то время как Помпей занимался этими делами и управлял Сицилией, он получил постановление сената и письмо Суллы с приказанием отплыть в Африку со всеми силами для войны против Домиция. Последний собрал войско во много раз большее, чем то, с каким незадолго до того Марий, переправившийся из Африки в Италию, захватил верховную власть над римлянами и из изгнанника сделался тиранном. Спешно окончив все приготовления, Помпей оставил правителем Сицилии Меммия, мужа своей сестры, а сам отплыл на ста двадцати боевых кораблях и восьмистах грузовых с продовольствием, оружием, деньгами и военными машинами. Как только одна часть флота пристала к берегу в Утике, а другая в Карфагене, на сторону Помпея перешли семь тысяч неприятельских воинов, сам же он привел с собой шесть полных легионов. По прибытии в Африку с ним случилось, говорят, забавное происшествие. Какие-то из его воинов, по-видимому, случайно наткнувшись на клад, добыли большие деньги. Когда об этой находке стало известно, у других воинов явилась мысль, что вся эта местность полна кладов, спрятанных карфагенянами в пору их бедствий¹¹⁸⁸. Много дней Помпей не мог совладать со своими воинами, которые искали клад. Он ходил вокруг и со смехом наблюдал, как столько тысяч людей копают и переворачивают пласты земли на равнине. Наконец воины утомились от этой работы и предложили Помпею вести их, куда ему угодно, так как они достаточно наказаны за свою глупость.

12. Домиций выстроил свое войско к бою, но, так как от неприятеля его отделял трудный для перехода овраг с крутыми склонами, а сильный ветер с дождем, поднявшийся с утра, никак не утихал, Домиций решил в тот день отказаться от сражения и дал сигнал отступить. Помпей же, видя в отходе противника удобный случай для нападения, внезапно двинувшись вперед, перешел овраг. Враги уже расстроили ряды, среди них царил беспорядок, только отдельные воины там и сям смогли оказать сопротивление. Кроме того, ветер переменялся и дождь хлестал им прямо в лицо. Правда, и римлянам буря причиняла много затруднений, так как они не могли ясно видеть друг друга. Сам Помпей подвергся опасности и едва не был убит каким-то воином, который, не узнав его, спросил пароль и не сразу получил ответ. В жестокой сече (из двадцати тысяч сторонников Домиция, как сообщают, уцелело только три тысячи) враг был разбит. Солдаты приветствовали Помпея, называя его императором. Помпей, однако, отказался от этого почетного звания, пока лагерь врагов еще не взят; если же, сказал он, воины считают его достойным этого почетного титула, они должны сначала разрушить лагерь. Воины тотчас устремились на вражеский частокол; сам Помпей сражался без шлема, опасаясь повторения недавнего случая. Лагерь был захвачен, и Домиций пал. Затем одни города тотчас же добровольно подчинились Помпею, другие были взяты приступом.

Один из тамошних царей, Иарб, союзник Домиция, попал в плен, а царская власть была передана Гиёмпсалу. Используя свой успех и боевой пыл войска, Помпей вторгся в

---

¹¹⁸⁸ 7. ...в пору их бедствий . – Т.е. перед гибелью Карфагена в III Пунической войне (146 г.).

Нумидию. Многодневный путь прошел он по этой стране и одолел всех, кто попадался ему навстречу. Страх перед римлянами, уже ослабевший было в душах варваров, Помпей восстановил в прежней силе. Он говорил, что даже звери, обитающие в Африке, должны узнать мощь и отвагу римлян, и поэтому несколько дней провел в охоте на львов и слонов. Как сообщают, он одолел врагов, подчинил Африку и уладил разногласия царей в течение всего сорока дней. Тогда ему было двадцать четыре года.

13. По возвращении в Утику Помпей получил письменное приказание Суллы распустить войско и с одним легионом ожидать на месте своего преемника по командованию. Этот приказ вызвал тайное неудовольствие и возмущение Помпея и открытое негодование войска. Когда Помпей стал убеждать воинов возвратиться на родину, они принялись ругать Суллу, заявили, что ни в коем случае не оставят своего полководца, и просили Помпея не доверять тиранну. Сперва Помпей пытался успокоить воинов убеждением, когда же это не удалось, он сошел с возвышения и в слезах удалился в свою палатку. Воины вывели его и снова посадили на возвышение. Большая часть этого дня прошла в переговорах: солдаты предлагали Помпею остаться и быть их начальником, а тот упрашивал их подчиниться и не бунтовать; это продолжалось до тех пор, пока в ответ на их настойчивые крики Помпей не поклялся, что наложит на себя руки, если они вздумают применить насилие, и лишь эта угроза едва заставила воинов отказаться от своего намерения.

Между тем Сулла сначала получил известие об отложении Помпея. Он сказал тогда своим друзьям, что, видимо, его удел в преклонном возрасте воевать с мальчиками, потому что и Марий¹¹⁸⁹, будучи еще совсем молодым, доставил ему множество хлопот и подверг смертельной опасности. Когда же выяснилось истинное положение дел и Сулла увидел, что все римляне готовы радостно встретить и принять Помпея, тогда диктатор поспешил превзойти всех. Он встретил Помпея далеко за городом, приветствовал его как нельзя более сердечно и не только сам громко назвал его «Магном», но и всем присутствующим велел называть Помпея этим именем. Слово «Магн» означает «великий». По сообщениям некоторых писателей, сначала это прозвище Помпей получил от своего войска в Африке, но в полную силу оно вошло лишь после того, как Сулла его подтвердил. Сам Помпей позже всех и лишь спустя долгий срок, уже посланный в качестве проконсула в Испанию против Сертория, начал в своих письмах и распоряжениях именовать себя Помпеем Магном: к тому времени это имя стало уже настолько привычным, что больше не вызывало зависти. Я не могу упустить случая, чтобы не выразить восхищения древними римлянами, которые давали такие имена и прозвища в награду не только за воинские подвиги, но и за заслуги и доблести в жизни гражданской. Так, народ даровал прозвище «Максим» (Maximus), что значит «величайший», Валерию за примирение восставшего народа с сенатом, а также Фабию Руллу в награду за то, что тот исключил из сената попавших туда нескольких разбогатевших сыновей вольноотпущенников.

14. Спустя некоторое время Помпей стал домогаться триумфа, Сулла же не соглашался, потому что закон-де не разрешает триумфа никому, кроме консула и претора. Ведь и Сципион Старший, одержав более великие и более важные победы над карфагенянами в Испании, не требовал себе триумфа, так как он не был ни консулом, ни претором. Если же Помпей, у которого еще не совсем пробился пушок на подбородке, который по годам еще не может заседать в сенате¹¹⁹⁰, совершит триумфальный въезд в Рим, это возбудит всеобщую ненависть и против его, Суллы, власти, и против оказанных Помпею почестей. Таковы были доводы Суллы, который хотел показать, что не даст Помпею исполнить свое намерение, а если тот ослушается, то воспротивится этому и накажет его за упрямство. Однако Помпей не

¹¹⁸⁹ 8. Марий – Марий Младший.

¹¹⁹⁰ 9. ...еще не может заседать в сенате ... – Возрастной ценз для сенатора был 27 лет (возраст квесторства).

смутился, но сказал Сулле, что больше людей поклоняется восходящему солнцу, чем заходящему, намекая на то, что могущество Помпея растет, а силы диктатора слабеют и истощаются. Слова Помпея Сулла не расслышал, но видя по выражению лиц и жестам присутствующих, что они изумлены, спросил, что сказал Помпей. Когда ему повторили его слова, Сулла, пораженный смелостью Помпея, дважды вскричал: «Пусть празднует триумф!». Многие были раздражены и возмущены, и из желания еще больше огорчить их Помпей, как сообщают, задумал ехать на колеснице, запряженной четырьмя слонами, так как он привез из Африки много этих животных, захваченных у тамошних царей. Но так как ворота оказались слишком узкими, то ему пришлось отказаться от своего намерения и заменить слонов конями. Воины его, получив меньше, чем ожидали, намеревались расстроить шумом и суматохой триумфальное шествие. Помпей заявил, что ему безразличны их угрозы и что он скорее готов отказаться от триумфа, чем заискивать перед солдатами. При этом Сервилий, человек знатный и особенно противившийся триумфу Помпея, сказал, что видит теперь, что Помпей поистине велик и достоин триумфа. Без сомнения, если бы Помпей захотел, он легко бы попал тогда в сенат. Однако он не прилагал к этому никаких усилий, стремясь прийти к славе необычным путем. Ведь не было бы ничего удивительного, если бы Помпей сделался сенатором раньше установленного возраста, однако совершенно особенной честью являлся триумф, разрешенный тому, кто еще не был сенатором. Это обстоятельство немало помогло Помпею приобрести расположение народа: народ веселился, когда после триумфа Помпею пришлось участвовать в смотре¹¹⁹¹ наряду с прочими всадниками.

15. Сулла был раздосадован, видя, какой славы и могущества достиг Помпей; однако, стыдясь чинить препятствия молодому человеку, он ничего не предпринимал. Исключение составил только случай, когда Помпей силой и против воли диктатора сделал консулом Лепида, поддержав его кандидатуру и благодаря собственному влиянию доставив ему народную благосклонность. Видя, как Помпей возвращается домой через форум в сопровождении толпы народа, Сулла сказал: «Я вижу, молодой человек, что ты рад своему успеху. Как это благородно и прекрасно с твоей стороны, что Лепид, отъявленный негодяй, по твоему ходатайству перед народом избран консулом, и даже более успешно, чем Катул, один из самых добропорядочных людей. Пришла пора тебе не дремать и быть на страже: ведь ты приобрел врага, гораздо более сильного, чем ты сам». Свое неблагоприятное отношение к Помпею Сулла весьма ясно выразил в оставленном им завещании, так как всем своим друзьям, назначив их опекунами своего малолетнего сына, он отказал по завещанию подарки, Помпея же вовсе обошел. Последний вынес эту обиду весьма спокойно и с достоинством. Поэтому, когда Лепид и некоторые другие пытались воспрепятствовать сожжению тела Суллы на Поле и устройству похорон за счет государства, Помпей, вмешавшись, добился и погребальных почестей для умершего, и принятия мер безопасности во время погребения.

16. Вскоре после кончины Суллы его предсказания исполнились. Лепид, желая присвоить себе власть умершего диктатора, стал действовать напрямик, открытым путем: он тотчас взялся за оружие, собрал около себя и привел в движение расстроенные остатки приверженцев Мария, которым удалось спастись от преследований Суллы. Товарищ Лепида по должности, Катул, к которому присоединялась благонамеренная и здравомыслящая часть сената и народа, пользовался особенным уважением за свое благоразумие и справедливость и был тогда одним из наиболее значительных людей в Риме, однако он, видимо, имел склонность скорее к государственной деятельности, чем к военному искусству. В силу такого стечения обстоятельств пришлось обратиться к Помпею. Последний не колебался, к какой стороне ему примкнуть, – он присоединился к лучшим гражданам и тотчас же был назначен главнокомандующим в войне против Лепида, который уже подчинил себе бо

¹¹⁹¹ 10. ...в (цензорском) *смотре* ... – См. ниже, гл. 22.

льшую часть Италии и с помощью войска Брута завладел Галлией по эту сторону Альп. Начав борьбу, Помпей повсюду легко одолел своих врагов, и только у Мутины в Галлии ему пришлось стоять долгое время, осаждая Брута. Между тем Лепид устремился на Рим и, расположившись лагерем под его стенами, требовал себе вторичного консульства, устрашая жителей своим многочисленным войском. Письмо Помпея с сообщением об успешном и бескровном окончании войны рассеяло все страхи. Ибо Брут то ли сам сдался вместе с войском, то ли войско, изменив своему полководцу, покинуло его. Бруту пришлось отдаться в руки Помпея; получив в провожатые несколько всадников, он удалился в какой-то городок на реке Паде, где на следующий день был убит подосланным Помпеем Геминием. Этот поступок Помпея навлек на него множество упреков. В самом деле, тотчас после перехода к нему войска Брута Помпей написал сенату, что Брут якобы сдался добровольно, а затем, после убийства Брута, отправил второе письмо с обвинениями против него. Сын этого Брута вместе с Кассием убил Цезаря. Однако сын не был похож на отца ни тем, как он вел войну, ни своей кончиной, как об этом рассказывается в его жизнеописании.

Лепид между тем тотчас бежал из Италии и переправился в Сардинию. Там он занемог и умер, совершенно упав духом, но, как говорят, не из-за крушения своего предприятия, а потому что ему случайно попало письмо, из которого он узнал о неверности своей жены.

17. В это время Серторий, полководец, вовсе не похожий на Лепида, завладел Испанией и внушал римлянам ужас, так как к нему, словно к последнему очагу воспаления, стеклись все дурные соки гражданских войн. Он разбил уже многих второстепенных полководцев и воевал тогда с Метеллом Пием. Метелл был знаменитым и отважным воином, но, видимо, от старости сделался слишком вялым, чтобы уметь пользоваться удобным случаем на войне, лишился способности быстро разбираться в сложных обстоятельствах. Серторий же дерзко, по-разбойничьи, нападал на него; он постоянно беспокоил засадами и обходными движениями старого полководца, опытного в руководстве тяжелым и неповоротливым войском, сражающимся в выстроенных по всем правилам боевых порядках. Помпей, у которого войско было наготове, добивался, чтобы его отправили на помощь Метеллу. Несмотря на приказание Катугла, Помпей не распускал своего войска, но под разными предложениями все время держал его под оружием около Рима, до тех пор пока, по предложению Луция Филиппа, ему не предоставили должности главнокомандующего в войне с Серторием. Рассказывают, что когда кто-то с удивлением спросил Филиппа в сенате, неужели он считает нужным облечь Помпея консульскими полномочиями, или, как говорят в Риме, послать его в звании вместо консула¹¹⁹², Филипп отвечал: «Нет, вместо обоих консулов», – желая дать понять этим, что оба тогдашних консула – полнейшие ничтожества.

18. По прибытии в Испанию (как это обычно бывает при появлении нового прославленного полководца) Помпей возбудил у многих новые надежды. Некоторые племена, еще непрочно связанные с Серторием, пришли в движение и стали переходить на сторону Помпея. Серторий же презрительно отзывался о Помпее: так, например, он в шутку говорил, что ему было бы не нужно другого оружия, кроме розги и плетки, против этого мальчишки, если бы он не боялся той старухи (он имел в виду Метелла). На самом же деле он весьма остерегался Помпея и из страха перед ним стал вести войну с большей осторожностью, чем прежде. А Метелл, вопреки всем ожиданиям, целиком предался распутной жизни и удовольствиям, нрав его внезапно переменился, он сделался тщеславным и расточительным, и это обстоятельство лишь увеличивало громкую известность Помпея, принося ему расположение сограждан, так как он стремился показать простоту своего образа жизни, что, конечно, не стоило ему больших усилий. Ведь по своей натуре Помпей отличался умеренностью и умением сдерживать свои желания.

Среди различных событий и превратностей войны особенно огорчило Помпея взятие

¹¹⁹² 11. ...в звании вместо консула ... – Это – буквальный смысл слова «проконсул». Помпей еще не был консулом, а стало быть, не имел законного права звать себя проконсулом.

Серторием Лаврона. В уверенности, что он окружил Сертория, Помпей даже хвастался этим, но вдруг оказалось, что он сам окружен врагами. Не смея двинуться, он вынужден был наблюдать, как враги в его присутствии сожгли город дотла. Однако Помпей разгромил у Валентин Геренния и Перперну – полководцев, бежавших к Серторию и командовавших у него войсками, и перебил при этом свыше десяти тысяч человек.

19. Гордый своим успехом и окрыленный великими надеждами, Помпей поспешно двинулся против самого Сертория, чтобы не делить с Метеллом славу победы. На реке Сукроне, когда день уже клонился к вечеру, войска вступили в сражение, причем оба полководца опасались прихода Метелла, так как Помпей хотел сражаться один, а Серторий – только с одним противником. Исход битвы оказался, однако, неопределенным, так как с обеих сторон победу одержало одно крыло. Но из двух полководцев больше славы заслужил Серторий, так как он обратил в бегство стоявшее против него крыло вражеского войска. Что касается Помпея, который сражался верхом, то на него бросился вражеский пехотинец огромного роста. Они сошлись друг с другом в рукопашной схватке, причем ударом меча каждый поразил другого в руку, но результат был различен: Помпей был только ранен, а своему противнику отрубил руку напрочь. Затем еще несколько вражеских воинов бросилось на Помпея, римляне обратились в бегство, но самому Помпею все-таки удалось, вопреки ожиданию, ускользнуть, бросив врагам коня, украшенного золотой уздечкой и драгоценной сбруей. Враги начали делить добычу и, споря из-за нее, упустили Помпея. С наступлением следующего дня оба полководца снова построили войска в боевой порядок, чтобы довершить дело, но после прибытия Метелла Серторий отступил, приказав своему войску рассеяться. Так обычно войско его расходилось, а затем люди собирались вновь. Поэтому нередко Серторию случалось блуждать одному, но нередко, подобно внезапно вздувшемуся горному потоку, он устремлялся на врагов во главе стопятидесяти тысяч войска.

После битвы Помпей двинулся навстречу Метеллу и, когда они находились поблизости друг от друга, приказал ликторам опустить связки прутьев в знак уважения к Метеллу как к человеку, облеченному более высоким званием. Метелл, однако, отклонил эту честь и, хотя занимал прежде должность консула и по возрасту был гораздо старше, во всем проявлял по отношению к своему молодому товарищу дружелюбие и предупредительность, не требуя для себя никаких преимуществ, за исключением лишь того, что во время совместной стоянки лагерем пароль обоим войскам давал Метелл. Однако большей частью они стояли по отдельности, так как хитрый враг, стремительно передвигаясь и завязывая бой то в одном, то в другом месте, всегда ухитрялся разъединить их и отдалить друг от друга. В конце концов Серторий вытеснил обоих полководцев из подвластной ему Испании: он перерезал пути подвоза продовольствия, опустошал страну и господствовал на море, и из-за недостатка съестных припасов они вынуждены были отступить в другие провинции.

20. Помпей уже истратил бо льшую часть своего имущества на эту войну и стал просить денег у сената. Он заявил, что, в случае отказа, явится с войском в Италию требовать денег. Консулом тогда был Лукулл, враждовавший с Помпеем. Однако Лукулл ускорил высылку денег Помпею, так как, помогая командованию в войне с Митридатом, он боялся дать Помпею повод отказаться от борьбы с Серторием и обратиться против Митридата – противника, борьба с которым, казалось, обещала славу и легкую победу.

Между тем Серторий был предательски умерщвлен своими друзьями. Самый главный из них – Перперна – пытался продолжать дело Сертория. У Перперны были те же самые силы и средства, но не хватало способностей и разума для столь же успешного их применения. Помпей тотчас выступил против него и, заметив нерешительность Перперны, выслал вперед десять когорт в качестве приманки, приказав им рассеяться по равнине. Лишь только Перперна напал на них и стал преследовать, Помпей явился со всем своим войском и в завязавшемся сражении разбил врага наголову. Сам Перперна был взят в плен и приведен к Помпею, который велел его казнить. Помпея не следует обвинять в неблагодарности или в

забвении услуги, оказанной ему в Сицилии¹¹⁹³ (как это делают некоторые): он действовал с великою мудростью, исходя из соображений всеобщего блага. Ведь Перперна, завладев перепиской Сертория, показывал письма к нему некоторых весьма влиятельных римлян, которые желали, возбудив волнения в государстве, изменить тогдашнюю форму правления и приглашали Сертория в Италию. Из опасения, как бы эти письма не послужили причиной еще более ужасных войн, чем только что окончившиеся, Помпей велел убить Перперну, а письма сжег, даже не прочитав их.

21. После этого Помпей остался в Испании еще на некоторое время, чтобы успокоить наиболее сильные волнения. Наведя порядок и прекратив смуты, он переправил свое войско в Италию, как раз в самый разгар войны с рабами. Поэтому главнокомандующий Красс поспешил с безумной смелостью дать сражение рабам; счастье сопутствовало Крассу в этой битве, и он уничтожил двенадцать тысяч триста вражеских воинов. Однако судьба сделала Помпея в какой-то степени участником и этой победы, так как пять тысяч беглецов с поля сражения попали в его руки. Казнив всех пленников, Помпей поспешно написал сенату, что Красс разбил гладиаторов в открытом бою, а он, Помпей, вырвал войну с корнем. Из расположения к Помпею римляне благосклонно выслушивали и повторяли эти слова, и никто даже в шутку не осмеливался утверждать, что победы над Серторием в Испании принадлежат кому-нибудь другому, и не являются всецело делом Помпея.

Однако столь великое уважение и надежды, возлагавшиеся на Помпея, в какой-то мере соединялись с подозрениями и страхом, что он не распустит своего войска, а тотчас с помощью вооруженной силы станет на путь единовластия и пойдет по стопам Суллы. Поэтому было почти столько же людей, выходивших к нему навстречу с дружескими приветствиями, сколько и тех, кто делал это из страха. Когда Помпей рассеял и это подозрение, объявив, что распустит войско сразу после триумфа, у его недоброжелателей остался только один повод для обвинений, а именно: они упрекали Помпея в том, что он скорее держит сторону народа, чем сената, и решил восстановлением власти народных трибунов, которую отменил Сулла, добиться народного расположения. И это было верно, ибо ни к чему другому народ римский не стремился более неистово, ничего не желал более страстно, как видеть восстановленной власть народных трибунов. Поэтому Помпей считал большой удачей, что ему представляется удобный случай для проведения в жизнь этой меры: он полагал, что не найдет другого способа отблагодарить граждан за их любовь к нему, если этим средством воспользуется до него кто-либо иной.

22. Затем Помпею был назначен второй триумф, и он был избран консулом. Однако не эти почести вызывали удивление перед ним и делали его великим в глазах народа. Доказательством его славы было то, что Красс, замечательный оратор, один из самых богатых и наиболее влиятельный из тогдашних государственных деятелей, Красс, который смотрел свысока на самого Помпея и всех прочих, не решился все же домогаться консульства, не испросив согласия у Помпея. Помпей, однако, с удовольствием принял просьбу Красса, так как давно уже хотел оказать ему какую-нибудь услугу и любезность, и обратился к народу, настоятельно рекомендуя ему Красса; он заявил открыто, что будет столь же благодарен гражданам за товарища по должности, как и за самую должность. Однако после избрания консулы во всем разошлись друг с другом и начали враждовать. Красс имел больше влияния в сенате, а сила Помпея была в исключительной любви народа. Ибо Помпей восстановил власть народных трибунов и допустил внесение закона, вновь предоставлявшего суды в распоряжение всадников¹¹⁹⁴.

---

¹¹⁹³ 12. ...услуги, оказанной ему в Сицилии ... – В 82 г. Перперна очистил Сицилию без боя (см. гл. 10) – вероятно, по договоренности с Помпеем.

¹¹⁹⁴ 13. ...закона, вновь предоставлявшего суды в распоряжение всадников. – Первоначально судебная власть принадлежала только сенаторам; Г. Гракх в 123 г. допустил к участию в судах также и всадников, после чего суды стали важным средством контроля над деятельностью сенатской олигархии. Сулла вернул суды

Но всего более радовался народ, видя, как Помпей просит освободить его от военной службы. Дело в том, что у римских всадников существует обычай по истечении установленного законом срока военной службы приводить своего коня на форум, чтобы его осмотрели двое должностных лиц, так называемые цензоры. При этом каждый должен перечислить полководцев, под начальством которых он служил, представить отчет о своих подвигах и получить отставку; каждому, в зависимости от его поведения, присуждается похвала или порицание. Цензоры Геллий и Лентул восседали тогда на своих креслах в полном облачении, и перед ними проходили всадники, подвергавшиеся цензу. Среди этих всадников показался и Помпей: он спускался на форум, имея на себе знаки отличия своей должности и ведя под уздцы своего коня. Когда Помпей приблизился настолько, что цензоры могли его видеть, он приказал ликторам расчистить дорогу и повел лошадь к возвышению, на котором сидели власти. Среди изумленного народа воцарилось молчание, а у цензоров это зрелище вызвало смешанное чувство почтительного уважения и радости. Затем старший из них спросил: «Помпей Магн, я спрашиваю тебя, все ли походы, предписанные законом, ты совершил?» Помпей отвечал громким голосом: «Я совершил все походы и все под моим собственным началом». После этих слов раздались ликующие крики народа, которые уже невозможно было прекратить. Цензоры встали со своих мест и проводили Помпея домой в угоду согражданам, которые, рукоплещая, следовали за ними.

23. Уже подходил конец консульства Помпея, а между тем несогласия его с Крассом усиливались. В это время некто Гай Аврелий, человек, принадлежавший к сословию всадников, но державшийся в стороне от общественной жизни, поднялся в Народном собрании на возвышение для оратора и обратился к народу с речью. Он рассказал, что во сне ему явился Юпитер и повелел сказать консулам, чтобы те не сдавали должности, не примирившись друг с другом. После этого заявления Помпей продолжал стоять неподвижно, а Красс, приветствуя Помпея, заговорил с ним. Затем, обратившись к народу, он сказал: «Полагаю, граждане, что я не совершу ничего недостойного или низкого, если первым пойду навстречу Помпею, которого вы еще безбородым юношей удостоили почетного прозвания „Великий“, и когда он еще не был сенатором, почтили двумя триумфами». Итак, консулы примирились и сложили свои полномочия.

После этого Красс не изменил прежнего образа жизни, что же касается Помпея, то он теперь избегал брать на себя защиту граждан в суде, мало-помалу оставил форум и редко посещал общественные места, да и то всегда в сопровождении большой свиты своих сторонников. Нелегко было теперь встретить его одного, не окруженного толпой, и даже вообще увидеть его. Охотнее всего Помпей появлялся в сопровождении многочисленной толпы клиентов, думая, что придаст себе этим важности и величия; он был убежден, что слишком частое и близкое общение с народом может умалить его достоинство. Действительно, люди, величие которых родилось на поле брани и которые не могут приспособиться к гражданскому равенству, облачившись в тогу¹¹⁹⁵, подвергаются опасности потерять свою славу. Ведь кто был первым на войне, и в гражданской жизни желает быть первым, а те, кому на войне приходилось довольствоваться вторыми местами, почитают невыносимым чье-либо превосходство в гражданской жизни. Поэтому, когда они застают на форуме человека, увенчанного славой побед и триумфов, они стараются подчинить и унижить его; а тому, кто, сломив свою гордость, отступает перед ними, они оставляют добытые на войне почести и могущество, не завидуя им. Доказательством этого будут события, которые послужат вскоре предметом нашего рассказа.

24. Могущество пиратов зародилось сперва в Киликии. Вначале они действовали

сенаторам; Помпей и Красс восстановили (и даже еще больше демократизовали) гракханский порядок.

¹¹⁹⁵ 14. ...облачившись в тогу (вместо панциря и плаща)... – Т.е. перейдя от военной деятельности к гражданской.

отважно и рискованно, но вполне скрытно. Самоуверенными и дерзкими они стали только со времени Митридатовой войны, так как служили матросами у царя. Когда римляне в пору гражданских войн сражались у самых ворот Рима, море, оставленное без охраны, стало мало-помалу привлекать пиратов и поощряло их на дальнейшие предприятия, так что они не только принялись нападать на мореходов, но даже опустошали острова и прибрежные города. Уже многие люди, состоятельные, знатные и, по общему суждению, благоразумные, начали вступать на борт разбойничьих кораблей и принимать участие в пиратском промысле, как будто он мог принести им славу и почет. Во многих местах у пиратов были якорные стоянки и крепкие наблюдательные башни. Флотилии, которые они высылали в море, отличались не только прекрасными, как на подбор, матросами, но также искусством кормчих, быстротой и легкостью кораблей, предназначенных специально для этого промысла. Гнусная роскошь пиратов возбуждала скорее отвращение, чем ужас перед ними: выставляя напоказ вызолоченные кормовые мачты кораблей, пурпурные занавесы и оправленные в серебро весла, пираты словно издевались над своими жертвами и кичились своими злодеяниями. Попойки с музыкой и песнями на каждом берегу, захват в плен высоких должностных лиц, контрибуции, налагаемые на захваченные города, – все это являлось позором для римского владычества. Число разбойничьих кораблей превышало тысячу, и пиратам удалось захватить до четырехсот городов. Они разграбили много неприкосновенных до того времени святынь – кларосское, дидимское, самофракийское, храм Хтонии¹¹⁹⁶ в Гермione, храм Асклепия в Эпидавре, храмы Посейдона на Истме, на мысе Тенаре и на Калаврии, храмы Аполлона в Акции и на Левкаде, храмы Геры на Самосе, в Аргосе и на мысе Лакинии. Сами пираты справляли в Олимпе¹¹⁹⁷ странные, непонятные празднества и совершали какие-то таинства; из них до сих пор еще имеют распространение таинства Митры, впервые введенные ими.

Чаще всего пираты совершали злодеяния против римлян; высаживаясь на берег, они грабили на больших дорогах и разоряли имения вблизи от моря. Однажды они похитили и увезли с собой даже двух преторов, Секстилия и Беллина – в окаймленных пурпуром тогах, со слугами и ликторами. Они захватили также дочь триумфатора Антония, когда она отправлялась в загородный дом; Антонию пришлось выкупить ее за большую сумму денег. Однако самым наглым их злодеянием было вот какое. Когда какой-нибудь пленник кричал, что он римлянин, и называл свое имя, они, притворяясь испуганными и смущенными, хлопали себя по бедрам и, становясь на колени, умоляли о прощении. Несчастный пленник верил им, видя их униженные просьбы. Затем одни надевали ему башмаки, другие облачали в тогу, для того-де, чтобы опять не ошибиться. Вдоволь поиздевавшись над ним таким образом и насладившись его муками, они, наконец, спускали среди моря сходни и приказывали высаживаться, желая счастливого пути, если же несчастный отказывался, то его сталкивали за борт и топили.

25. Могущество пиратов распространилось почти что на все Средиземноморье, так что море стало совершенно недоступным для мореходства и торговли. Именно это обстоятельство и побудило римлян, уже испытывавших недостачу продовольствия и опасавшихся жестокого голода, послать Помпея очистить море от пиратов. Один из друзей Помпея, Габиний, внес законопроект, предоставлявший Помпею не только командование флотом, но прямое единовластие и неограниченные полномочия во всех провинциях. Действительно, этот законопроект давал полководцу власть на море по эту сторону

¹¹⁹⁶ 15. ...много святилищ – кларосское, дидимское, самофракийское, храм Хтонии ... – Эти храмы находились близ Колофона и близ Милета и были посвящены Аполлону. Хтония («подземная») – богиня Деметра.

¹¹⁹⁷ 16. Олимп – город в Ликии, на южном берегу Малой Азии, служивший основной базой для пиратов.

Гермакулых столпов и повсюду на суше на расстоянии четырехсот стадиев¹¹⁹⁸ от моря. Из области, на которую распространялась власть полководца, исключались только немногие страны среди тех, что находились под господством римлян; в нее входили наиболее значительные варварские племена и владения самых могущественных царей. Кроме этого, Помпей был уполномочен выбрать из числа сенаторов пятнадцать легатов в качестве подчиненных ему начальников на местах, брать сколько угодно денег из казначейства и от откупщиков и снарядить флот из двухсот кораблей, причем ему было предоставлено право набирать как воинов, так и экипажи гребцов.

После прочтения этого закона народ принял его с чрезвычайным удовольствием, но знатнейшие и наиболее влиятельные сенаторы держались мнения, что такая неограниченная и неопределенного характера власть должна возбуждать скорее страх, чем зависть. Поэтому все они были против закона, кроме Цезаря, который поддержал закон, конечно, меньше всего ради Помпея, но с самого начала заискивая у народа и стараясь приобрести его расположение. Прочие сенаторы сильно нападали на Помпея. Один из консулов сказал, что если Помпей желает подражать Ромулу, то ему не избежать участи последнего¹¹⁹⁹. За эти слова консулу угрожала опасность быть растерзанным народом. Когда против закона выступил Катул, то народ, из чувства уважения, выслушал его с полным спокойствием. После во многом совершенно беспристрастных похвал Помпею он посоветовал беречь такого человека, а не подвергать его опасностям в войнах, следующих одна за другой. «Кого же другого вы найдете, – сказал он, – если потеряете Помпея?» «Тебя!» – закричали все единодушно. Так Катулу пришлось удалиться, не убедив народа. Затем начал говорить Росций, но так как никто его не слушал, то он пальцами показал, что Помпея следует выбрать не одного, но дать ему товарища. Это предложение, как сообщают, исторгло у раздраженного народа крик такой силы, что пролетающий над форумом ворон упал бездыханный в толпу. Падение птиц, по-моему, происходит не оттого, что в воздухе, в силу его разрыва или рассеяния, образуется большое пустое пространство, но скорее потому, что звук поражает пернатых словно ударом, когда он, поднимаясь с такой силой, производит сильные колебания и волнения воздуха.

26. На этот раз собрание разошлось, не приняв никакого решения. А в тот день, когда нужно было утвердить закон, Помпей тайно выехал в свое имение. Узнав же о принятии закона, он ночью возвратился в Рим, чтобы избежать зависти, которую могла возбудить встреча его толпою народа. На следующее утро Помпей появился открыто и принес жертву богам; снова было созвано Народное собрание, и Помпей добился принятия, кроме утвержденного уже закона, многих других постановлений, так что почти удвоил свои военные силы. Действительно, он снарядил пятьсот кораблей, набрал сто двадцать тысяч тяжелой пехоты и пять тысяч всадников. Помпей выбрал двадцать четыре сенатора в качестве подчиненных себе начальников; кроме того, ему были даны два квестора. Тотчас же цены на продовольствие упали, и это обстоятельство подало повод обрадованному народу говорить, что самое имя Помпей положило конец войне.

Помпей разделил все Средиземное море на тринадцать частей; в каждой части он сосредоточил определенное число кораблей во главе с начальником. Таким образом, распределив свои силы повсюду, Помпей тотчас захватил как бы в сеть большое количество пиратских кораблей и отвел их в свои гавани. Успевшие спастись корабли, гонимые со всех сторон, начали прятаться в Киликии, как пчелы в улье. Против них выступил в поход сам Помпей с шестьюдесятью кораблями. До этого похода он за сорок дней, благодаря своей неутомимой деятельности и рвению начальников, совершенно очистил от пиратских кораблей Тирренское и Ливийское моря, а также море вокруг Сардинии, Корсики и Сицилии.

¹¹⁹⁸ 17. ...*четырёхсот стадиев* ... – Около 75 км.

¹¹⁹⁹ 18. ...*участи последнего* . – См.: Ром., 27.

27. Между тем в Риме консул Пизон, ненавидя Помпея и завидуя ему, чинил всевозможные препятствия его начинаниям и приказал даже распустить экипажи кораблей. Тогда Помпей отправил флот в Брундизий, а сам через Этрурию направился в Рим. Лишь только в Риме узнали об этом, все высыпали на дорогу встречать полководца, как будто они только что не провожали его. Быстрота и внезапность перемены вызывала радость у римлян, так как рынок в изобилии наполнился продовольствием. Поэтому Пизону грозила опасность лишиться должности, и Габиний уже составил для этой цели проект закона. Помпей, однако, воспротивился этому и в остальных делах, выступая в Народном собрании, проявил снисходительность. Закончив все необходимые дела, Помпей направился в Брундизий и оттуда вышел в море. Будучи стеснен во времени, Помпей поспешно плыл мимо многих городов, однако Афины он не миновал. Высадившись там, он принес жертвы богам и обратился к народу с речью, а затем тотчас вернулся на корабль. Возвращаясь, он прочитал обращенные к нему две надписи, состоящие из одного стиха каждая. Одна, на внутренней стороне ворот, гласила:

Человек ты, помни это! В той же мере ты и бог.

А снаружи была начертана такая надпись:

Ожидали, преклонялись, увидали – в добрый путь!¹²⁰⁰

Некоторые из находившихся еще в открытом море и державшихся вместе пиратских кораблей изъявили Помпею покорность. Последний обошелся с ними милостиво: он взял суда, не причинив зла команде. Тогда остальные пираты, в надежде на пощаду, вместе с женами и детьми начали сдаваться самому Помпею, избегая иметь дело с подчиненными ему начальниками. Помпей всем им оказывал милосердие и с их помощью выслеживал тех, которые еще скрывались, сознавая свои страшные преступления; когда же эти последние попадали в его руки, Помпей подвергал их наказанию.

28. Большинство самых могущественных пиратов, однако, поместило свои семьи и сокровища, а также всех, кто не был способен носить оружие, в крепостях и укрепленных городах на Тавре, а сами, снарядив свои корабли, ожидали шедшего против них Помпея у Коракесия в Киликии. В происшедшем сражении пираты были разбиты и осаждены в своих крепостях. В конце концов разбойники отправили к Помпею посланцев просить пощады и сдались вместе с городами и островами, которыми они овладели, а затем укрепили их настолько, что не только взять их силой, но даже подступить к ним было нелегко.

Таким образом, война была завершена, и не более как за три месяца с морским разбоем было покончено повсюду. Кроме множества других кораблей, Помпей захватил девяносто судов с окованными медью носами. Что касается самих пиратов (а их было взято в плен больше двадцати тысяч), то казнить всех Помпей не решился; с другой стороны, он считал неблагоразумным отпустить разбойников на свободу и позволить им рассеяться или вновь собраться в значительном числе, так как это большей частью были люди обнищавшие и вместе с тем закаленные войной. Помпей исходил из убеждения, что по природе своей человек никогда не был и не является диким, необузданным существом, но что он портится, предаваясь пороку вопреки своему естеству, мирные же обычаи и перемена образа жизни и местожительства облагораживают его. Даже лютые звери, когда с ними обращаются более мягко, утрачивают свою лютость и свирепость. Поэтому Помпей решил переселить этих людей в местность, находящуюся вдали от моря, дать им возможность испробовать прелесть добродетельной жизни и приучить их жить в городах и обрабатывать землю. Часть пиратов по приказанию Помпея приняли маленькие и безлюдные города Киликии, население

---

¹²⁰⁰ 19. Человек ты, помни это ... и далее – Пер. М.Е. Грабарь-Пассек.

которых получило добавочный земельный надел и смешалось с новыми поселенцами. Солы, незадолго до того опустошенные армянским царем Тиграном, Помпей приказал восстановить и поселил там много разбойников. Большинству же их он назначил местом жительства Диму в Ахайе, так как этот город, будучи совершенно безлюдным, обладал большим количеством плодородной земли.

29. Эти действия Помпея вызвали порицание со стороны завистников, а его поступок с Метеллом не встретил одобрения даже у близких друзей. Дело в том, что Метелл, родственник того Метелла¹²⁰¹, который был товарищем Помпея по командованию в Испании, был послан на Крит еще до избрания Помпея главнокомандующим. Остров Крит был тогда вторым после Киликии средоточием пиратских шаяк. Метелл захватил множество пиратов в плен, разрушил их гнезда и самих их велел казнить. Оставшиеся в живых были осаждены Метеллом. Они отправили посланцев к Помпею, умоляя прибыть на остров, так как он-де является частью подвластной ему земли и во всех отношениях входит в определенную законом приморскую полосу. Помпей благосклонно выслушал просьбу пиратов и письменно приказал Метеллу прекратить войну. Вместе с тем он повелел городам на Крите не подчиняться Метеллу и послал туда претором одного из подчиненных ему начальников – Луция Октавия. Последний присоединился к осажденным пиратам и, сражаясь вместе с ними, не только доставил Помпею неприятности, но и выставил его в смешном виде: из зависти и ревности к Метеллу Помпей как бы ссудил свое имя таким нечестивым и безбожным людям, а своею славою разрешил прикрываться для защиты и пользоваться как амулетом. Уже Ахилл, говорят, распаленный жаждой славы, поступал не как подобает мужу, а как безрассудный юноша, запрещая другим метать стрелы в Гектора:

Славы б не отнял пронзивший, а он бы вторым не явился¹²⁰².

А Помпей даже взял под защиту общего врага, заступился за него, чтобы лишить триумфа полководца, потратившего так много труда на борьбу с разбойниками. Метелл, однако, не сдал командования; он захватил пиратов в плен и подверг их наказанию, Октавия же с оскорблениями и бранью отпустил из лагеря.

30. Когда в Рим пришло известие, что война с пиратами окончена, а Помпей на досуге объезжает города, один из народных трибунов, Манилий, предложил закон о передаче Помпею всех провинций и войск, во главе которых стоял Лукулл, с прибавлением Вифинии (где наместником был Глабрион), для войны с царями Митридатом и Тиграном; за Помпеем должны были также сохраниться морские силы и командование на море на прежних условиях. Эта мера была не чем иным, как подчинением всей римской державы произволу одного человека. Действительно, из провинций, которые он еще не получил в свое распоряжение на основании прежнего закона, теперь переходили под его власть Фригия, Ликаония, Галатия, Каппадокия, Киликия, Верхняя Колхида и Армения вместе с лагерями и войсками, бывшими под начальством Лукулла в войне против Митридата и Тиграна. Этот закон лишал Лукулла славы и наград за совершенные им подвиги, и он получал преемника скорее для триумфа, чем для ведения войны. Однако знать не придавала этому большого значения, хотя и понимала, что Лукулл незаслуженно терпит обиду, – знатым римлянам была тягостна власть Помпея. Считая ее настоящей тираннией, они втайне побуждали и ободряли друг друга противодействовать закону, чтобы не потерять свободы, но когда наступило время, из страха перед народом все уклонились от обсуждения и молчали. Только

¹²⁰¹ 20. ...родственник того Метелла ... – Кв. Метелл Критский был внуком Метелла Македонского, консула 143 г., а Кв. Метелл Пий (воевавший в Испании) – внуком Метелла Кальва, консула 142 г., брата Македонского.

¹²⁰² 21. Славы б не отнял ... не явился . – «Илиада», XXII, 207.

Катул выступил со множеством доводов против закона и с обвинениями против Манилия; но так как в Народном собрании ему не удалось никого убедить, то он обратился к сенату и много раз кричал с ораторского возвышения, что по примеру предков сенат должен искать гору или скалу, удалившись на которую¹²⁰³ он спасет свободу. Все же законопроект был утвержден, как сообщают, всеми трибами, и Помпей во время своего отсутствия был облечен почти всей полнотой власти, чего Сулла добился от государства войной и насилием.

Получив письмо с известием о постановлении Народного собрания, в присутствии друзей, приносивших ему поздравления, Помпей, говорят, нахмутив брови и хлопнув себя по бедру, сказал, как бы уже утомленный и недовольный властью: «Увы, что за бесконечная борьба! Насколько лучше было бы остаться одним из незаметных людей – ведь теперь я никогда не избавлюсь от войн, никогда не спасусь от зависти, не смогу мирно жить в деревне с женой!» Даже самым близким друзьям Помпея эти лицемерные слова были неприятны, так как друзья прекрасно понимали, что раздоры с Лукуллом, разжигавшие его врожденное честолюбие и стремление господствовать, доставляли ему радость.

31. Действительно, его поступки вскоре показали это. Помпей всюду издавал распоряжения, созывал воинов, приглашал к себе подвластных римлянам правителей и царей и, проезжая через провинции, не оставлял неприкосновенным ни одного указа Лукулла: он отменял наложенные наказания, отнимал полученные награды и вообще ревностно старался во всем показать сторонникам Лукулла, что тот уже не имеет никакой власти. Так как Лукулл через своих друзей принес жалобу на действия Помпея, то было решено, чтобы оба полководца встретились. Встреча произошла в Галатии. Так как оба они были великие полководцы, прославленные блестящими победами, то их сопровождали ликторы с пучками прутьев, увитых лавровыми ветвями. Лукулл прибыл из стран, богатых растительностью и тенистыми деревьями, Помпей же как раз прошел через безлесную и сухую область. Когда ликторы Лукулла увидели засохшие и совершенно увядшие лавры Помпея, они поделились своими свежими лавровыми ветвями и увенчали ими связки прутьев Помпея. Это происшествие сочли предзнаменованием того, что Помпей явился, чтобы похитить славу и плоды побед Лукулла.

Лукулл был старше по консульству и по летам, но Помпей – выше достоинством, так как имел два триумфа. Впрочем, при первой встрече они обошлись друг с другом как можно более вежливо и любезно, прославляли подвиги друг друга и поздравляли друг друга с победами. Однако при дальнейших переговорах, не придя ни к какому справедливому и умеренному соглашению, они стали упрекать друг друга: Помпей упрекал Лукулла в алчности, а Лукулл его – во властолюбии, и лишь с великим трудом друзьям удалось прекратить ссору. Лукулл распределил часть захваченных в Галатии земель и другие награды по своему усмотрению. Помпей же, расположившись лагерем в некотором отдалении, запретил повиноваться Лукуллу и отнял у последнего всех его воинов, кроме тысячи шестисот, которых из-за строптивого нрава считал для себя бесполезными, а для Лукулла – опасными. Кроме того, открыто издеваясь над подвигами Лукулла, он говорил, что тот сражался с театральными и призрачными царями, ему же предстоит борьба с настоящим войском, научившимся воевать на неудачах, так как Митридат обратился теперь к коннице, мечам и большим щитам. В ответ на это Лукулл говорил, что Помпей явился сюда сражаться с тенью войны, он привык-де, подобно стервятнику, набрасываться на убитых чужою рукой и разрывать в клочья останки войны. Так, Помпей приписал себе победы над Серторием, Лепидом и Спартаксом, которые принадлежали, собственно, Крассу, Метеллу и Катулу. Поэтому неудивительно, что человек, который сумел присоединиться к триумфу над беглыми рабами, теперь всячески старается присвоить себе славу армянской и понтийской войны.

---

¹²⁰³ 22. ...сенат должен искать гору ... удалившись на которую ... – Когда-то, наоборот, плебеи уходили от сената на Священную гору (Гай, 6).

32. После этого Лукулл уехал, Помпей же, разделив весь свой флот для охраны моря между Финикией и Боспором¹²⁰⁴, сам выступил против Митридата. Хотя у царя было тридцать тысяч человек пехоты и две тысячи конницы, он все же не решался дать Помпею сражение. Сначала Митридат расположился лагерем на сильно укрепленной и неприступной горе, но покинул эту позицию из-за недостатка воды. Гору занял затем Помпей. Предположив по виду растительности и по характеру горных ущелий, что на этом месте должны быть источники воды, он приказал прорыть повсюду колодцы, и тотчас в лагере появилась вода в изобилии; Помпей дивился, как это Митридат за все время стоянки здесь об этом не догадался. Затем Помпей окружил вражеский лагерь и стал обносить его валом. Митридат выдерживал осаду в течение сорока пяти дней, а затем, перебив неспособных носить оружие и больных, незаметно бежал с лучшей частью своего войска.

Помпей, однако, настиг царя на Евфрате и устроил свой лагерь рядом. Боясь, как бы Митридат не успел раньше него переправиться через Евфрат, Помпей в полночь построил войско в боевой порядок и выступил. В это время Митридату, как передают, было видение, раскрывшее ему будущее. Царю показалось, будто он плывет с попутным ветром по Эвксинскому понту и, находясь уже в виду Боспора, приветствует своих спутников как человек, радующийся надежному и верному спасению. Но вдруг царь увидел, что, всеми покинутый, он носится по волнам на жалком обломке судна. Когда Митридат находился еще под впечатлением сна, пришли друзья и, подняв его, сообщили о приближении Помпея. Необходимо было принять меры для защиты лагеря, и начальники вывели войско, выстроив его в боевой порядок. Помпей же, заметив приготовления врагов, опасался пойти на такое рискованное дело, как битва в темноте, считая, что достаточно только окружить врагов со всех сторон, чтобы они не могли бежать; днем же он надеялся неожиданно напасть на царя, несмотря на превосходство его сил. Но старшие начальники войска Помпея пришли к нему с настоятельной просьбой и советом немедленно начать атаку. Действительно, мрак не был непроницаемым, так как луна на ущербе давала еще достаточно света, чтобы различать предметы. Это-то обстоятельство как раз и погубило царское войско. Луна была за спиною у нападавших римлян, и так как она уже заходила, тени от предметов, вытягиваясь далеко вперед, доходили до врагов, которые не могли правильно определить расстояние. Враги думали, что римляне достаточно близко от них, и метали дротики впустую, никого не поражая. Когда римляне это заметили, они с криком устремились на врагов. Последние уже не решались сопротивляться, и римляне стали убивать охваченных страхом и бегущих воинов; врагов погибло больше десяти тысяч, лагерь их был взят.

Сам Митридат в начале сражения вместе с отрядом из восьмисот всадников прорвался сквозь ряды римлян, однако отряд этот быстро рассеялся и царь остался всего лишь с тремя спутниками. Среди них находилась его наложница Гипсикратия, всегда проявлявшая мужество и смелость, так что царь называл ее Гипсикратом. Наложница была одета в мужскую персидскую одежду и ехала верхом; она не чувствовала утомления от долгого пути и не уставала ухаживать за царем и его конем, пока, наконец, они не прибыли в крепость Синору, где находилось множество царских сокровищ и драгоценностей. Митридат взял оттуда драгоценные одежды и роздал их тем, кто собрался снова вокруг него после бегства. Каждого из своих друзей царь снабдил смертоносным ядом, чтобы никто против своей воли не попался в руки врагов. Отсюда Митридат направился в Армению к Тиграну. Но после того как Тигран отказал ему в убежище и даже объявил награду в сто талантов за его голову, Митридат, миновав истоки Евфрата, продолжал свое бегство через Колхиду.

33. Между тем Помпей совершил вторжение в Армению, куда его приглашал молодой Тигран. Последний уже восстал против своего отца и встретил Помпея у реки Аракса. Эта река начинается в той же местности, что и Евфрат, но, поворачивая на восток, впадает в Каспийское море. Помпей и молодой Тигран шли вперед, захватывая города, встречавшиеся

¹²⁰⁴ 23. ...между Финикией и Боспором ... – Боспором Киммерийским, т.е. Керченским проливом.

на пути. Однако царь Тигран, совсем недавно разбитый Лукуллом, узнав о мягком и добром характере Помпея, впустил римский сторожевой отряд в свой дворец, а сам в сопровождении друзей и родственников отправился к Помпею, чтобы отдаться в его руки.

Когда царь верхом прибыл к лагерю, двое ликторов Помпея, подойдя к нему, велели сойти с коня и идти пешком, так как никогда в римском лагере не видели ни одного всадника. Тигран повиновался и даже, отвязав свой меч, передал им. Наконец, когда царь предстал перед Помпеем, он снял свою китару¹²⁰⁵, намереваясь сложить ее к ногам полководца и, что самое постыдное, упасть перед ним на колени. Помпей, однако, успел схватить царя за правую руку и привлечь к себе. Затем он усадил его рядом с собой, а сына по другую сторону. Он объявил царю, что виновник всех прежних его несчастий – Лукулл, который отнял у него Сирию, Финикию, Киликию, Галатию и Софену. Землями же, которые еще остались у него, пусть он владеет, выплатив римлянам за нанесенную обиду, семь тысяч талантов, а царем в Софене будет его сын. Эти условия Тигран охотно принял, и тогда римляне приветствовали его, как подобает царю, а Тигран, чрезвычайно обрадованный, обещал дать каждому воину по полмины серебра, центуриону по десяти мин, трибуну по таланту. Сын, напротив, сильно досадовал и когда его пригласили на угощение, заявил, что не нуждается в таких почестях со стороны Помпея, ибо может найти себе другого римлянина. Тогда Помпей велел наложить на него оковы и содержать в тюрьме для триумфа. Немного спустя Фраат, царь парфян, прислал к Помпею послов, требуя выдачи молодого Тиграна как своего зятя и предлагая считать границей обеих держав Евфрат. Помпей отвечал, что Тигран больше родственник отцу, чем тестю, а что касается границы, то она будет установлена по справедливости.

34. Затем Помпей оставил Афрания для охраны Армении, а сам, не видя иного выхода, направился преследовать Митридата через земли, населенные кавказскими племенами. Самые многочисленные из этих племен – альбаны и иберы; область иберов простирается до Московских гор и Эвксинского понта, а альбаны живут к востоку до Каспийского моря. Альбаны сперва согласились пропустить Помпея через их страну. Но, когда зима застигла римское войско в этой земле и римляне справляли праздник Сатурналий¹²⁰⁶, альбаны, собравшись числом не менее сорока тысяч, переправились через реку Кирн¹²⁰⁷ и напали на них. Река Кирн берет начало с Иберийских гор, принимает в себя Аракс, текущий из Армении, и затем впадает двенадцатью устьями в Каспийское море. Некоторые, однако, утверждают, что Кирн не сливается с Араксом, но сам по себе, хотя и очень близко от Аракса, впадает в то же море.

Помпей спокойно позволил варварам совершить переправу, хотя мог воспрепятствовать ей. Затем он напал на врагов и обратил их в бегство, многих перебив. Когда царь альбанов через послов попросил пощады, Помпей простил ему обиду и, заключив мир, двинулся против иберов. Последние не уступали по численности альбанам, но были гораздо воинственнее; они горели желанием показать свою преданность Митридату и прогнать Помпея. Иберы не были подвластны ни мидийцам, ни персам; им удалось даже избежать власти македонян, так как Александр слишком быстро должен был отступить из Гиркании. Однако Помпей разгромил и их в большом сражении, перебив девять тысяч и взяв в плен больше десяти тысяч человек. После этого он вторгся в Колхиду. Здесь на реке Фасид его встретил Сервилий во главе флота, который охранял Эвксинский понт.

35. Преследование Митридата, который скрылся в области племен, живущих на Боспоре и вокруг Мэотиды, представляло большие затруднения. Кроме того, Помпей

¹²⁰⁵ **24.** *Китара* – головной убор персидских царей.

¹²⁰⁶ **25.** ...праздник *Сатурналий* ... – 17 декабря 66 г.

¹²⁰⁷ **26.** *Кири* (или Кир) – нынешняя р. Кура.

получил известие о новом бунте альбанов. В раздражении и гнев Помпей повернул назад, против них; он снова перешел реку Кирн – с трудом и подвергая войско опасности, ибо варвары возвели на реке длинный частокол. Так как ему предстоял долгий и мучительный путь на безводной местности, он приказал наполнить водой десять тысяч бурдюков. Выступив против врагов, Помпей нашел их у реки Абанта¹²⁰⁸ уже построившимися в боевой порядок. Войско варваров состояло из шестидесяти тысяч пехотинцев и двенадцати тысяч всадников; однако большинство воинов было плохо вооружено и одето в звериные шкуры. Во главе войска стоял брат царя по имени Косид; он, как только дело дошло до рукопашной, напав на Помпея, метнул в него дротик и попал в створку панциря. Помпей же, пронзив его копьем, убил на месте. В этой битве, как передают, на стороне варваров сражались также амазонки, пришедшие с гор у реки Фермодонта. Действительно, после битвы, когда римляне стали грабить тела убитых варваров, им попадались щиты и котурны амазонок, однако ни одного трупа женщины не было замечено. Амазонки живут в той части Кавказа, что простирается до Гирканского моря, однако они не граничат с альбанами непосредственно, но между ними обитают гелы и леги¹²⁰⁹. С этими племенами они ежегодно встречаются на реке Фермодонте и проводят с ними вместе два месяца, а затем удаляются в свою страну и живут там сами по себе, без мужчин.

36. После этой битвы Помпей намеревался пройти до Каспийского моря, но вынужден был повернуть назад из-за множества ядовитых пресмыкающихся, хотя находился от моря на расстоянии всего трех дней пути. Затем он отступил в Малую Армению. Царям элимеев и мидийцев в ответ на их посольства Помпей отправил дружественные послания. Против парфянского царя, который совершил вторжение в Гордиену и разорял подвластные Тиграну племена, Помпей послал войско во главе с Афранием. Последний изгнал парфян и преследовал их вплоть до Арбелитиды.

Из всех захваченных в плен наложниц Митридата Помпей не сошелся ни с одной, но всех их отослал родителям и родственникам. Ведь большинство их были дочери полководцев и правителей. Только Стратоника, которая имела наибольшее влияние на царя и которая управляла одной из крепостей с самыми богатыми сокровищами, была, по-видимому, дочерью какого-то старого и бедного арфиста. Играя на арфе однажды во время ужина, она сразу произвела на Митридата столь сильное впечатление, что, забрав ее с собою, он отправился в опочивальню, а старика отослал домой, раздраженного тем, что у него не спросили в вежливой форме разрешения. Однако, проснувшись на следующее утро, отец увидел в своей комнате столы с серебряными и золотыми кубками и толпу слуг, евнухов и мальчиков, протягивавших ему драгоценные одежды; перед дверью стоял конь, украшенный роскошной сбруей, подобно коням, принадлежащим друзьям царя. Полагая, что это шутка, что над ним издеваются, старик собирался уже выбежать за дверь, но слуги задержали его, объявив, что царь подарил ему большой дом недавно умершего богача и эти дары только начатки и малый образец остального добра и сокровищ, которые его ожидают. В конце концов, насилу поверив своему счастью и надев на себя пурпурную одежду, старик, вскочил на коня и поскакал по городу с криком: «Все это мое!» Людям, которые смеялись над ним, он говорил, что не этому должны они удивляться, а тому, что он, обезумев от радости, не бросает в них камнями. Такой-то вот породы и крови¹²¹⁰ была Стратоника. Она не только

¹²⁰⁸ 27. ...у реки Абанта ... – Приток Куры, возможно, нынешняя Алазань.

¹²⁰⁹ 28. Амазонки и их соседи гелы и леги – народы сказочные, как и река Фермодонт, которая искусственно отождествлялась античными географами с разными речками то каспийского (как здесь), то черноморского (как в Лук., 14) бассейна.

¹²¹⁰ 29. Такой-то вот породы и крови ... – Ироническая реминисценция из «Илиады» (VI, 211), где Главк заключает свою родословную словами: «Вот и порода и кровь, каковыми тебе я хвалюсь».

передала Помпею крепость, но и поднесла много подарков; из них Помпей принял лишь те, которые могли служить украшением храмов или годились для его триумфа, всем же остальным велел ей владеть на здоровье. Также он передал квесторам для государственного казначейства ложе, стол и трон – все из золота, которые ему прислал царь иберов с просьбою принять в дар.

37. В Новой крепости Помпей нашел тайные записи Митридата и прочел их не без удовольствия, так как в них содержалось много сведений, объясняющих характер этого царя. Это были воспоминания, из которых явствовало, что царь среди многих других отравил и собственного сына Ариарата, а также Алкея из Сард за то, что тот победил его на конских ристаниях. Кроме того, там находились толкования сновидений, которые видел сам царь и некоторые из его жен; затем непристойная переписка между ним и Монимой. По словам Феофана, среди бумаг была найдена записка Рутилия, побуждающая царя к избиению римлян в Азии. Большинство писателей разумно считает это злостной выдумкой Феофана, который ненавидел Рутилия, может быть, из-за того, что тот представлял по характеру полную ему противоположность; возможно также, что Феофан хотел оказать услугу Помпею, отца которого Рутилий изобразил в своей истории величайшим негодяем.

38. Из Новой крепости Помпей прибыл в Амис. Здесь под влиянием своего безмерного честолюбия он совершил поступки, достойные порицания. Ведь прежде он сам издевался над Лукуллом за то, что тот, – хотя враг не был еще добит, – раздавал награды и почести, как обычно делают победители по окончании войны. А теперь, – хотя Митридат еще был владыкой на Боспоре и располагал боеспособным войском, – Помпей сам поступал точно так же: распоряжался провинциями (как будто с врагом уже было покончено) и раздавал награды, когда к нему во множестве являлись полководцы и властители; он награждал и двенадцать варварских царьков. В угоду последним Помпей не захотел в ответной грамоте парфянскому царю обратиться к нему, величая титулом «царь царей», как это делали при обращении остальные.

Теперь им овладело бурное стремление захватить Сирию и проникнуть через Аравию к Красному морю, чтобы победоносно достигнуть Океана, окружающего со всех сторон обитаемый мир. Ведь и в Африке он первый дошел с победой до Внешнего моря, и в Испании сделал Атлантический океан границей Римской державы, – а незадолго до того, преследуя альбанов, едва не дошел до Гирканского моря. Итак, Помпей решил снова выступить с войском, чтобы замкнуть Красным морем круг своих походов; кроме того, он видел, что к Митридату трудно подступиться с оружием и что при бегстве он опаснее, чем в сражении. 39. Объявив, что он обрекает царя в жертву врагу более страшному, чем он сам, – голоду, Помпей своим флотом преградил путь купеческим кораблям в Боспор. Тем, кто будет пойман при попытке прорвать заслон, было объявлено наказание – смертная казнь.

Затем во главе большей части войска Помпей выступил в поход. Найдя еще не погребенные тела тех, кто пал во главе с Триарием в несчастном сражении¹²¹¹ с Митридатов, Помпей приказал похоронить их всех с почетом и пышностью (это упущение Лукулла, видимо, особенно возбудило против него ненависть воинов). Афраний подчинил обитавших у подножья Амана арабов, а сам Помпей между тем спустился в Сирию и под предлогом отсутствия в ней законных царей объявил эту страну провинцией и достоянием римского народа. Помпей покорил также Иудею и захватил в плен царя Аристобула. Что касается городов, то многие он основал, а многие освободил, подвергая наказанию тираннов, захвативших их. Больше всего времени он посвящал разбирательству судебных дел, улаживая споры городов и царей. Куда он сам не мог прибыть, он посылал своих друзей. Так, он послал трех посредников и третейских судей к армянам и парфянам, которые попросили его решить их спор об одной области. Действительно, слава его могущества была велика, но не меньшей была и слава его справедливости и милосердия. Эта его слава

¹²¹¹ 30. ...в несчастном сражении ... – При Зеле в 67 г. (см.: Лук., 35).

покрывала большинство проступков его друзей и доверенных лиц, так как по натуре он был неспособен обуздывать или карать провинившихся. Сам же он оказывал такой ласковый прием всем, кто имел с ним дело, что обиженные легко забывали и прощали алчность и грубость его помощников.

40. Первым и самым влиятельным любимцем Помпея был вольноотпущенник Деметрий, молодой человек, весьма неглупый, однако слишком злоупотреблявший своим счастливым положением. О нем передают такие рассказы. Философ Катон, будучи еще юношей, но уже заслужив великое уважение за доблесть и высокие качества духа, в отсутствие Помпея приехал в Антиохию с целью осмотреть город. Сам он, как обычно, ходил пешком, а сопровождавшие его друзья ехали верхом. Перед городскими воротами Катон заметил толпу людей в белых одеждах; вдоль дороги по одной стороне стояли рядами юноши, по другой – мальчики. Это обстоятельство сильно раздосадовало Катона, так как он решил, что все это устроено в его честь, из уважения к нему, хотя он вовсе не нуждался ни в чем подобном. Он предложил, однако, друзьям спешиться и идти вместе с ним. Когда они подошли ближе, их встретил распорядитель церемонии с венком на голове и жезлом и осведомился у них, где они оставили Деметрия и когда он изволит прибыть. Друзей Катона стал разбирать смех. Сам же Катон, воскликнув: «О несчастный город!» – прошел мимо, ничего не ответив на вопрос. Впрочем, Помпей смягчал ненависть окружающих к Деметрию тем, что и сам безропотно переносил дерзости вольноотпущенника. Действительно, как передают, на пирах у Помпея, когда хозяин сам еще ожидал и принимал других гостей, Деметрий зачастую уже с важностью возлежал за столом, закутавшись в тогу по самые уши. Еще до своего возвращения в Италию он приобрел великолепные дома в предместьях Рима, редкостной красоты места для прогулок и увеселений и дорогостоящие сады, которые обычно называли Деметриевыми. Напротив, сам Помпей вплоть до своего третьего триумфа жил умеренно и неприхотливо. Впоследствии, когда он воздвиг римлянам прекрасный и знаменитый театр, он велел пристроить для себя дом – как бы в дополнение к театру; этот дом был лучше прежнего, но все же до того скромный, что тот, кто стал его владельцем после Помпея, войдя в дом впервые, с удивлением спросил: «Где же обедал Помпей Магн?» Так рассказывают об этом.

41. Царь петрейских арабов сначала ни во что не ставил римлян, а теперь в сильном испуге отправил Помпею послание, извещая о своей готовности во всем ему подчиниться. Желая укрепить такое настроение царя, Помпей двинулся к Петре. Многие порицали Помпея за этот поход, считая его лишь предлогом для отказа от преследования Митридата, и требовали, чтобы Помпей обратился теперь против этого старинного врага, вновь воспрянувшего духом и собиравшего силы. Как сообщали, Митридат готовился вести свое войско в Италию через земли скифов и пэонийцев. Однако Помпей полагал, что ему будет легче разбить войско Митридата в открытом бою, чем захватить его в бегстве; поэтому он не желал напрасно тратить силы на преследование врага и проводил другие военные начинания, умышленно замедляя ход событий. Сама судьба счастливо разрешила это затруднение. Когда Помпею оставалась лишь небольшая часть пути до Петры и на этот день уже был разбит лагерь, а Помпей упражнялся близ него в верховой езде, прибыли гонцы из Понта с радостной вестью. Об этом можно было судить по наконечникам их копий, которые были обвиты лаврами. Лишь только воины заметили лавры, они стали собираться к Помпею. Последний хотел сперва закончить свои упражнения, но воины начали кричать и так настоятельно требовали, чтобы он прочитал донесения, что он, соскочив с коня, отправился с ними в лагерь. В лагере не было готового возвышения для полководца и даже походного не успели соорудить (его обычно складывают из плотных кусков дерна), но воины поспешно, с чрезмерным усердием стащили в одно место выючные седла и сделали из них возвышение. Помпей поднялся на него и сообщил воинам о смерти Митридата, который покончил с собой, после того как его собственный сын Фарнак поднял против него восстание. Фарнак овладел всем, что принадлежало его отцу, и написал Помпею, что он сделал это ради него и римского народа.

42. Эта весть, как и следовало ожидать, чрезвычайно обрадовала войско; воины приносили жертвы и устраивали угощения, как будто в лице Митридата погибли десятки тысяч врагов. Помпей счастливо закончил теперь все свои дела и походы, хотя и не надеялся, что это произойдет так легко, и тотчас возвратился из Аравии. Затем, быстро проследовав через лежащие по пути провинции, он прибыл в Амис, где нашел множество присланных Фарнаком подарков и многочисленные трупы членов царской семьи. Среди них находился и труп самого Митридата, который трудно было опознать (потому что слуги при бальзамировании забыли удалить мозг); однако те, кому поручили произвести осмотр, опознали царя по шрамам. Что касается Помпея, то он не решился посмотреть на тело Митридата, но, чтобы умиловить гнев карающего божества, тотчас велел отослать труп в Синопу. Однако Помпей с удивлением рассматривал одежды, которые носил царь, и его великолепное драгоценное оружие. Ножны от меча Митридата стоимостью в четыреста талантов некий Публий украл и продал Ариарату, а изумительной работы китару Гай, выросший с Митридатом, тайно передал сыну Суллы Фавсту, который его об этом просил. Но Помпей тогда ничего не узнал, Фарнак же открыл пропажу и наказал похитителей.

Устроив и приведя в порядок азиатские дела, Помпей с необычайной пышностью направился в обратный путь. По прибытии в Митилену он объявил город свободным ради Феофана и присутствовал там на учрежденном в старину состязании поэтов, единственной темой которого в тот раз было прославление его подвигов. Театр в Митилене так понравился Помпею, что он велел снять план его, чтобы построить в Риме подобное же здание, но большего размера и более великолепное. На Родосе он слушал выступления всех софистов и подарил каждому по таланту. Посидоний записал свою лекцию об изобретении вообще¹²¹², читанную им в присутствии Помпея и направленную против ритора Гермагора. В Афинах Помпей выказал подобную же щедрость по отношению к философам; на восстановление города он пожертвовал пятьдесят талантов.

Он надеялся возвратиться в Италию с такой славой, какой не стяжал до него ни один человек, и страстно желал, чтобы его семья встретила его с такими же чувствами, какие он сам питал к ней. Однако божество всегда ревниво старается примешивать к блестящим и великим дарам судьбы некоторую частицу невзгод; оно уже давно подстерегало Помпея, готовясь испортить ему счастливое возвращение. Супруга Помпея – Муция – в его отсутствие нарушила супружескую верность. Пока Помпей находился далеко, он не обращал внимания на доходявшие до него слухи, но теперь, вблизи Италии, видимо, имея время более тщательно обдумать дело, он послал Муции разводное письмо. Ни тогда, ни впоследствии он не объяснил причины развода; причина эта названа Цицероном в его письмах¹²¹³.

43. В Риме шли о Помпее всевозможные слухи, и еще до его прибытия поднялось сильное смятение, так как опасались, что он поведет тотчас свое войско на Рим и установит твердое единовластие. Красс, взяв с собой детей и деньги, уехал из Рима, оттого ли, что он действительно испугался, или, скорее, желая дать пищу клевете, чтобы усилить зависть к Помпею. Помпей же тотчас по прибытии в Италию собрал на сходку своих воинов. В подходящей к случаю речи он благодарил их за верную службу и приказал разойтись по домам, помня о том, что нужно будет вновь собраться для его триумфа. После того, как войско таким образом разошлось и все узнали об этом, случилось нечто совершенно неожиданное. Жители городов видели, как Помпей Магн без оружия, в сопровождении небольшой свиты, возвращается, как будто из обычного путешествия. И вот из любви к нему они толпами устремлялись навстречу и провожали его до Рима, так что он шел во главе

¹²¹² 31. ...об изобретении вообще ... – Имеется в виду лекция о подборе материала для речи (это один из пяти основных разделов риторики – науки, только что реформированной Гермагором Темноским).

¹²¹³ 32. ...он не объяснил причины развода ; причина эта названа Цицероном в его письмах . – В дошедших до нас письмах Цицерона этих сведений нет.

большей силы, чем та, которую он только что распустил. Если бы он задумал совершить государственный переворот, для этого ему вовсе не нужно было бы войска.

44. Так как закон не разрешал триумфатору перед триумфом вступать в город, то Помпей послал сенату просьбу оказать ему услугу и отложить выборы консулов, чтобы он мог своим присутствием содействовать избранию Пизона. Катон выступил против этого, и план Помпея на этот раз не удался. Помпей удивлялся смелости и настойчивости, с какими этот человек, один, открыто выступил в защиту права, и пожелал любым способом привлечь его на свою сторону. У Катона было две племянницы, и Помпей намеревался сам жениться на одной, а другую дать в жены своему сыну. Катон, однако, заподозрил здесь хитрость, поняв, что его хотят некоторым образом подкупить. Но его сестра и жена досадовали на то, что он отверг свойство с Помпеем Магном. Между тем Помпей, желая сделать консулом Афрания, роздал за него много денег по центуриям¹²¹⁴, и граждане приходили за деньгами в сады Помпея. Дело это получило огласку, и Помпей стал подвергаться нападкам за то, что высшую должность, которой сам добился своими великими деяниями, сделал продажной для тех, кто не мог завоевать ее доблестью. Катон сказал тогда своим женщинам: «Этот позор должны будут разделить те, кто вступит в родство с Помпеем». И женщины согласились, что Катон лучше их судит о том, что прилично и что подобает.

45. Триумф Помпея был столь велик, что, хотя и был распределен на два дня, времени не хватило и многие приготовления, которые послужили бы украшению любого другого великолепного триумфа, выпали из программы зрелища. На таблицах, которые несли впереди, были обозначены страны и народы, над которыми справлялся триумф: Понт, Армения, Каппадокия, Пафлагония, Мидия, Колхида, иберы, альбаны, Сирия, Киликия, Месопотамия, племена Финикии и Палестины, Иудея, Аравия, а также пираты, окончательно уничтоженные на суше и на море. В этих странах было взято не менее тысячи крепостей и почти девятьсот городов, у пиратов было захвачено восемьсот кораблей, тридцать девять опустошенных городов были заселены вновь. Кроме того, на особых таблицах указывалось, что доходы от податей составляли до сих пор пятьдесят миллионов драхм, тогда как завоеванные им земли принесут восемьдесят пять миллионов. Помпей внес в государственную казну чеканной монеты и серебряных и золотых сосудов на двадцать тысяч талантов, не считая того, что он роздал воинам, причем получившему самую меньшую долю досталось тысяча пятьсот драхм. В триумфальной процессии, не считая главарей пиратов, вели как пленников сына Тиграна, царя Армении, вместе с женой и дочерью, жену самого Тиграна, Зосиму, царя иудеев Ариобула, сестру Митридата, пятерых его детей и скифских жен; затем вели заложников, взятых у альбанов, иберов и царя Коммагены. Было выставлено множество трофеев, в целом равное числу побед, одержанных самим Помпеем и его полководцами. Но что больше всего принесло славы Помпею, что ни одному римлянину еще не выпадало на долю, это то, что свой третий триумф он праздновал за победу над третьей частью света. До него и другие трижды справляли триумф, но Помпей получил первый триумф за победу над Африкой, второй – над Европой, а этот последний – над Азией, так что после трех его триумфов создавалось впечатление, будто он некоторым образом покорил весь обитаемый мир.

46. Помпею тогда не было еще, как утверждают писатели, во всем сравнивающие и сближающие его с Александром, тридцати четырех лет; в действительности же возраст его приближался к сорока¹²¹⁵. Каким счастьем было бы для него как раз тогда окончить свою жизнь, когда ему еще сопутствовала Александрова удача. Вся остальная его жизнь приносила ему либо успехи, навлекавшие на него зависть и ненависть, либо непоправимые

¹²¹⁴ 33. *Центурии* – так назывались подразделения триб, избирательных округов, каждый из которых подавал в собрании один голос.

¹²¹⁵ 34. ...приближался к сорока . – В год триумфа (61 г.) Помпею было 45 лет.

несчастья. Действительно, свое влияние в государстве, приобретенное благодаря собственным заслугам, он употреблял на пользу других людей, и употреблял недостойным образом; так, способствуя усилению других, он наносил ущерб своему доброму имени и незаметно был сломлен собственной силой и величием. Когда в руки неприятеля попадают ключевые позиции в городе, они умножают вражескую мощь – подобным образом Цезарь, обязанный своим возвышением в государстве влиянию Помпея, совершенно уничтожил того самого человека, благодаря которому одержал верх над остальными. Произошло это следующим образом.

После возвращения из Азии Лукулла, смертельно оскорбленного Помпеем, сенат не только устроил Лукуллу торжественный прием, но и стал побуждать его к государственной деятельности, чтобы с его помощью ограничить влияние Помпея, который также был уже в Риме. Лукулл, правда, растерял свой пыл и охладел к государственной деятельности, предавшись удовольствиям и развлечениям праздности и богатства. Тем не менее он напал на Помпея и принялся так настойчиво защищать свои распоряжения в Азии, которые Помпей отменил, что при поддержке Катона достиг в сенате полной победы.

Потерпев поражение и теснимый в сенате, Помпей был вынужден прибегнуть к помощи народных трибунов и связаться с мальчишками. Самый отвратительный и наглый из них, Клодий, охотно пойдя навстречу Помпею, поставил его в полную зависимость от народа. Клодий заставлял Помпея, вопреки его достоинству, бегать за собой по форуму и пользовался его поддержкой, чтобы придать вес законопроектам, которые он предлагал, и речам, которые он произносил, желая лестью снискать расположение толпы. Кроме того, – словно обществом своим он не позорил, но благодетельствовал Помпея, – Клодий требовал еще награды, которую впоследствии и получил, – Помпей принес ему в жертву Цицерона, который был другом Помпея и очень часто оказывал ему услуги на государственном поприще. Когда Цицерон в минуту опасности обратился за помощью к Помпею, последний даже не принял его, но, приказав закрыть двери перед всеми, кто приходил к нему, сам ушел через другой выход. Цицерону пришлось тогда из страха перед судебным процессом тайно покинуть Рим¹²¹⁶.

47. В это время Цезарь по возвращении в Рим после претуры предпринял такой ход, который в тот момент стяжал ему горячую любовь сограждан, а впоследствии доставил огромную власть, Помпею же и самому государству нанес тяжелейший ущерб. Цезарь стал добиваться своего первого консульства. Несогласия между Помпеем и Крассом, если бы Цезарь присоединился к одному из них, сразу делали его врагом другого. Имея это в виду, Цезарь попытался примирить обоих государственных деятелей – дело само по себе прекрасное, мудрое и отвечающее интересам государства, но затеянное с дурным намерением и проведенное с тонким коварством. До сих пор разделенное на две части могущество, как груз на корабле, выравнивало крен и поддерживало равновесие в государстве. Теперь же могущество сосредоточилось в одном пункте и сделалось настолько неодолимым, что опрокинуло и разрушило весь существующий порядок вещей. Поэтому Катон в ответ на утверждение, что республику ниспровергла возникшая впоследствии вражда между Цезарем и Помпеем, заявил, что ошибаются те, кто считает причиной гибели республики это последнее обстоятельство. Действительно, не раздоры, не вражда этих государственных деятелей, а их объединение и дружба принесли республике первейшее и величайшее несчастье.

Цезарь был избран консулом и тотчас в угоду беднякам и неимущим внес законопроект об основании колоний и раздаче земель¹²¹⁷; тем самым он нарушил достоинство своего

¹²¹⁶ 35. ...покинуть Рим . – Подробнее см.: Циц., 28—33.

¹²¹⁷ 36. ...об основании колоний и раздаче земель ... – В первую очередь земли в колониях раздавались ветеранам восточных походов Помпея.

сана, превратив консульство в своего рода трибунат. Когда товарищ Цезаря по должности, Бибул, воспротивился его намерениям, а Катон старался всемерно помочь Бибулу, Цезарь просто выпустил на ораторское возвышение Помпея и, обратившись к нему, спросил, одобряет ли тот внесенные им законопроекты. Когда последовал утвердительный ответ, Цезарь продолжал: «Итак, если кто-нибудь вздумает насильем помешать законопроекту, придешь ли ты на помощь народу?» «Конечно, – ответил Помпей, – против тех, кто угрожает мечом, я выступлю с мечом и щитом». Ничего более грубого Помпей, кажется, до этого дня еще не говорил и не совершал. Поэтому в оправдание Помпея говорили, что эти слова сорвались у него с языка сгоряча. Однако последующие события ясно показали, что Помпей совершенно подчинился Цезарю. Действительно, вопреки всем ожиданиям, Помпей женился на Юлии, дочери Цезаря, уже обрученной с Цепионом и собиравшейся выйти замуж через несколько дней. Чтобы смягчить гнев Цепиона, Помпей обещал ему в жены собственную дочь, хотя она тоже была ранее обручена с Фавстом, сыном Суллы. Сам Цезарь женился на Кальпурнии, дочери Пизона.

48. После этого Помпей наполнил Рим своими воинами и вершил все дела путем открытого насилия. Так, его воины внезапно напали на Бибула, когда тот спускался на форум вместе с Лукуллом и Катоном, и переломали прутья его ликторов; кто-то из них высыпал на голову Бибула корзину с навозом; двое народных трибунов, его сопровождавшие, были ранены. Очистив таким образом форум от своих противников, Цезарь и Помпей утвердили закон о распределении земель. Соблазненный этим законом, народ сделался сговорчивым и склонным принимать всякое их предложение; теперь он вовсе не вникал ни во что, но молчаливо одобрял их законопроекты. Таким образом были утверждены распоряжения Помпея, из-за которых у него шел спор с Лукуллом, Цезарю же были предоставлены Галлия по эту и по ту стороны Альп и Иллирия, а также четыре полных легиона сроком на пять лет; консулами на следующий год были выбраны Пизон, тесть Цезаря, и Габиний, один из наиболее отвратительных льстецов Помпея. Во время этих событий Бибул сидел взаперти в своем доме; в течение восьми месяцев он не появлялся для выполнения своих обязанностей консула, а лишь издавал указы, полные злобных обвинений против его противников – Помпея и Цезаря. Что касается Катона, то он, словно одержимый пророческим наитием, предвещал в сенате предстоящую судьбу республики и самого Помпея. Лукулл же, устав от борьбы, жил на покое, как человек, уже неспособный больше к государственной деятельности. По этому поводу Помпей заметил, что старику предаваться роскоши подобает еще меньше, чем заниматься государственными делами.

Тем не менее и сам Помпей быстро растерял свою энергию, ухаживая за молодой женой; он посвящал ей бо льшую часть своего времени, проводя вместе с нею целые дни в загородных имениях и садах и вовсе не обращая внимания на то, что творилось на форуме. Клодий, бывший тогда народным трибуном, стал относиться к нему пренебрежительно и позволил себе весьма наглые поступки. Так, он изгнал из Рима Цицерона и послал Катона на Кипр под предлогом ведения войны на этом острове. Видя, что народ всецело ему предан, потому что он во всем угождает народу, Клодий сразу же после отъезда Цезаря в Галлию сделал попытку отменить некоторые распоряжения Помпея. Он захватил пленного Тиграна и держал его в своем доме, а затем возбудил судебные процессы против друзей Помпея, чтобы испытать, какова сила влияния Помпея. В конце концов, когда Помпей лично выступил на одном из таких процессов, Клодий в окружении толпы бесстыдных негодяев поднялся на возвышение и задал такие вопросы: «Кто разнузданный тиранн? Кто этот человек, ищущий человека? Кто почесывает одним пальцем голову?»¹²¹⁸ На каждый вопрос толпа громко и стройно, словно хорошо обученный хор, выкрикивала, едва лишь Клодий встряхивал краем тоги, – «Помпей».

49. Эти нападки, конечно, сильно огорчали Помпея, который не привык подвергаться

¹²¹⁸ 37. ...почесывает ... голову? – См.: Цез., 3, примеч. 5.

поношениям и был совершенно неопытен в подобного рода борьбе. Однако еще больше он опечалился, узнав, что сенат злорадствует по поводу нанесенных ему оскорблений, считая его наказанным за предательство по отношению к Цицерону. Между тем на форуме дело дошло до драки, причем несколько человек было ранено, а одного из рабов Клодия поймали с обнаженным мечом при попытке пробраться к Помпею сквозь толпу обступивших его людей. Помпей, боявшийся наглых выходок и злословия Клодия, воспользовался этим предложением, чтобы больше не появляться на форуме, пока Клодий оставался в своей должности. Все это время Помпей не выходил из своего дома, обсуждая с друзьями, как бы смягчить гнев сената и лучших граждан против него. Куллеон советовал ему развестись с Юлией и, порвав с Цезарем, перейти на сторону сената. Помпей отверг этот совет, а принял предложение тех, кто желал возвращения Цицерона, заклятого врага Клодия, человека, пользовавшегося величайшим расположением сената. Во главе сильного отряда Помпей проводил на форум брата Цицерона, и тот обратился к народу с просьбой за изгнанника; после схватки, в которой было множество раненых и даже несколько убитых, Помпею удалось одолеть Клодия. Возвратившись законным порядком из изгнания, Цицерон не только сразу же примирил Помпея с сенатом, но, выступив в пользу хлебного закона¹²¹⁹, снова сделал Помпея до некоторой степени владыкой всех земель и морей, принадлежавших римлянам. Ибо власти и надзору Помпея были подчинены гавани, торговые центры, продажа зерна, — одним словом, вся деятельность мореходов и земледельцев. Клодий обвинял Помпея, доказывая, что этот закон внесен не из-за нехватки хлеба, а наоборот, нехватка искусственно вызвана, чтобы провести закон и чтобы новые полномочия опять оживили как бы парализованную силу Помпея. Другие видели во всем этом хитрую выдумку консула Спинтера, который желал облечь Помпея высшей властью для того, чтобы его самого послали на помощь царю Птолемею¹²²⁰. Однако народный трибун Каниний предложил законопроект, по которому Помпей должен был без военной силы, а только с двумя ликторами примирить александрийцев с царем. Помпей, видимо, был доволен этим предложением, сенат же отверг его под тем благовидным предлогом, что он опасается за жизнь Помпея. На форуме и около сенатской курии были найдены разбросанные грамоты, в которых говорилось, что Птолемей просит назначить полководцем в помощь ему Помпея, а не Спинтера. Тимаген говорит, что Птолемей покинул Египет без настоящей необходимости, но лишь по совету Феофана, который старался доставить Помпею новый источник личного обогащения и создать предлог для нового похода. Подлая угодливость Феофана сообщает, конечно, убедительность этой истории, но, с другой стороны, сам характер Помпея, который неспособен был из честолюбия на столь низкое коварство, делает ее совершенно невероятной.

50. Поставленный во главе снабжения хлебом, Помпей начал направлять в различные области своих легатов и друзей, сам же, отплыв в Сицилию, Сардинию и Африку, собрал там большое количество хлеба. Когда он собирался выйти в море, поднялась буря, и кормчие не решались сняться с якоря. Тогда Помпей первым взшел на борт корабля и, приказав отдать якорь, вскричал: «Плыть необходимо, а жить — нет!» При такой отваге и рвении Помпею сопутствовало счастье, и ему удалось наполнить рынки хлебом, а море покрыть грузовыми судами с продовольствием. Поэтому была оказана помощь даже чужеземцам, и изобилие из богатого источника потоком разлилось по всем землям.

51. Цезарь в это время, благодаря Галльской войне, достиг большого могущества. И хотя он находился так далеко от Рима и был, по-видимому, занят войной с белгами, свевами и британцами, однако благодаря своей хитрости умел в самых важных делах незаметно

¹²¹⁹ 38. ...в пользу хлебного закона ... — Эта речь Цицерона (57 г.) не сохранилась.

¹²²⁰ 39. ...на помощь царю Птолемею . — Птолемею XII Авлету, который в 58 г. бежал в Рим просить помощи против своих восставших подданных.

оказывать противодействие Помпею в Народном собрании. Со своим войском он обращался, как с живым телом, не просто направляя его против варваров, но боями с неприятелем, словно охотой или травлей зверей, закаляя его и делая непобедимым и страшным. Золото, серебро и прочую богатую добычу, захваченную в бесчисленных походах, Цезарь отсылал в Рим. Эти средства он употреблял на подарки эдилам, преторам, консулам и их женам, чем приобрел расположение многих. Поэтому, когда он, перейдя Альпы, зимовал в Луке, туда наперерыв устремилось множество мужчин и женщин и среди прочих – двести сенаторов (в их числе Помпей и Красс), так что у дверей дома Цезаря можно было увидеть сто двадцать ликторских связок, различных лиц в консульском и преторском ранге. Всех прибывших Цезарь отпустил, щедро раздавая деньги и посулы, а с Помпеем и Крассом он заключил соглашение. Последние должны были добиваться консульства, а Цезарь в помощь им обещал послать большой отряд воинов для голосования. Как только совершится их избрание, они разделят между собой провинции и командование войском, за Цезарем же должны быть утверждены его провинции на следующее пятилетие.

Это соглашение, ставшее известным в народе, первые лица в государстве встретили с большим неудовольствием. Марцеллин, выступая перед собравшимся народом, спросил обоих претендентов, будут ли они домогаться консульства. Когда народ потребовал, чтобы они дали ответ, Помпей отвечал первым, сказав, что, может быть, он будет домогаться консульства, а может быть, и нет. Красс же дал более скромный ответ, заявив, что поступит так, как считает полезным для общего блага. Когда, наконец, Марцеллин выступил против Помпея и, видимо, допустил в своей речи резкие выражения, Помпей объявил, что Марцеллин самый несправедливый человек на свете, вовсе не знающий благодарности: ведь он, Помпей, сделал его из немого красноречивым, а из голодного пресыщенным обжорой.

52. Все прочие претенденты на должность консула отступились от своих домогательств, и только Луция Домиция Катон убедил не отказываться, всячески его ободряя и говоря, что борьба с тираннами идет не за консульскую должность, а за свободу. Помпей, боясь упорства Катона, опасаясь, как бы он, и без того ведя за собой весь сенат, не привлек на свою сторону здравомыслящую часть народа, не допустил Домиция на форум; он подослал вооруженных людей, которые убили сопровождавшего Домиция факелоносца, а остальных обратили в бегство. Последним отступил Катон: защищая Домиция, он получил рану в правый локоть.

Такими-то средствами Помпей и Красс добились консульства, но и в прочих своих действиях при исполнении должности они проявили не больше скромности. Прежде всего, когда народ хотел выбрать Катона претором и уже приступил к голосованию, Помпей распустил собрание под предлогом неблагоприятных знамений. Вместо Катона подкупленные центурии выбрали претором Ватиния. Затем через народного трибуна Требония Помпей и Красс внесли законопроект, по которому, – как было условлено прежде, – полномочия Цезаря были продлены на второе пятилетие; Крассу была предоставлена Сирия и ведение войны против парфян, а самому Помпею – вся Африка и обе Испании с четырьмя легионами, из которых два Помпей по просьбе Цезаря на время передал ему для Галльской войны. По истечении срока консульства Красс отправился в свою провинцию, Помпей же, освятив воздвигнутый им театр, устроил гимнастические и мусические состязания, а также травлю диких зверей, при которой было убито пятьсот львов. Под конец Помпей показал еще битву со слонами – зрелище, всего более поразившее римлян.

53. Эти зрелища вызвали у народа изумление перед Помпеем и любовь к нему, но, с другой стороны, и не меньшую зависть. Помпей передал войска и управление провинциями своим доверенным легатам, а сам проводил время с женой в Италии, в своих имениях, переезжая из одного места в другое и не решаясь оставить ее то ли из любви к ней, то ли из-за ее привязанности к нему. Ибо приводят и это последнее основание. Всем была известна нежность к Помпею молодой женщины, страстно любившей мужа, невзирая на его годы. Отчасти причиной этому была, по-видимому, воздержность мужа, который довольствовался

только своей женой, отчасти же его природная величавость, соединявшаяся с приятным и привлекательным обхождением, особенно соблазнительным для женщин, если признать за истину свидетельство гетеры Флоры.

При выборах эдилов дело дошло до рукопашной схватки, и много людей около Помпея было убито, так что ему пришлось переменить запачканную кровью одежду. Слуги, принесшие одежду Помпея, произвели своей беготней сильный шум в доме. При виде окровавленной тоги молодая женщина, бывшая в ту пору беременной, лишилась чувств и с трудом пришла в себя. От такого сильного испуга и волнения у нее начались преждевременные роды. Поэтому даже те, кто весьма резко порицал дружбу Помпея с Цезарем, не могли сказать ничего дурного о любви этой женщины. Она забеременела снова и, родив дочь, скончалась от родов, ребенок же пережил мать лишь на немного дней. Помпей совершил уже все приготовления для похорон в своем альбанском имении, однако народ силой заставил перенести тело на Марсово поле, скорее из сострадания к молодой женщине, чем в угоду Помпею и Цезарю. Из них обоих, однако, народ, по-видимому, больше уважения оказывал отсутствующему Цезарю, чем Помпею, который был в Риме.

Тотчас же после смерти Юлии город пришел в волнение, всюду царило беспокойство и слышались сеющие смуту речи. Родственный союз, который прежде скорее скрывал, чем сдерживал, властолюбие этих двух людей, был теперь разорван. Вскоре пришло известие о гибели Красса в войне с парфянами. Его гибель устранила еще одно важное препятствие для возникновения гражданской войны. Действительно, из страха перед Крассом оба соперника так или иначе держались по отношению друг к другу в пределах законности. Но после того, как судьба унесла третьего участника состязания, можно было вместе с комическим поэтом сказать, что один борец, выходя на борьбу с другим,

Маслом себя умащает и руки песком натирает¹²²¹.

Нет, для человеческой природы любого счастья мало! Насытить и удовлетворить ее невозможно, поскольку даже такая огромная власть, распространявшаяся на столь обширное пространство, не могла утишить честолюбия этих двух людей. Хотя им и приходилось слушать и читать о том, что даже у богов

Натрое все делено и досталось каждому царство¹²²²,

они считали, что для них двоих не хватает всей римской державы.

54. Выступая как-то в Народном собрании, Помпей заметил, что всякую почетную должность ему давали скорее, чем он того ожидал, и он отказывался от этой должности раньше, чем ожидали другие. О справедливости этого замечания свидетельствует то, что он всегда распускал после похода свои войска. Но тогда, полагая, что Цезарь войска не распустил, Помпей старался в противовес ему упрочить собственное положение, обеспечив высшие государственные должности за своими приверженцами. Впрочем, он не вводил никаких новшеств и не желал обнаруживать своего недоверия к Цезарю, – напротив, старался показать, что презирает его и ни во что не ставит.

Когда же Помпей стал замечать, что высшие государственные должности распределяются не по его желанию, так как граждане подкуплены, он решил не препятствовать смуте. Тотчас пошли толки о диктаторе. Первым осмелился открыто заявить об этом народный трибун Луцилий, убеждая народ выбрать Помпея диктатором. Катон так

---

¹²²¹ 40. *Маслом себя умащает и руки песком натирает* . – Стихи из неизвестной комедии.

¹²²² 41. *Натрое все делено ... и далее* . – «Илиада», XV, 189 (о разделе мира между Зевсом, Посейдоном и Аидом).

резко возражал против этого, что Луцилию грозила опасность потерять должность трибуна. Многие друзья Помпея выступили в его защиту, утверждая, что он не ищет и не желает этой должности. Катон похвалил за это Помпея и убеждал его позаботиться о восстановлении законного порядка. Тогда Помпей, устыдившись, принял меры к восстановлению порядка, и были избраны консулы – Домиций и Мессала.

Потом, однако, опять началась смута, и многие стали уже более решительно толковать о диктаторе. Катон, боясь, что его вынудят подчиниться насилию, решил, что лучше предоставить Помпею какую-либо законную должность и тем отвратить его от этой неограниченной и тираннической власти. Даже Бибул, хотя и был врагом Помпея, первым подал свое мнение в сенате об избрании Помпея единственным консулом, ибо таким образом республика или избавится от теперешних беспорядков, или будет порабощена самым доблестным мужем. Это предложение показалось странным, имея в виду лицо, от которого оно исходило. Тогда встал Катон; все ждали, что он будет возражать против нового законопроекта, но, когда в сенате воцарилось молчание, он заявил, что сам не внес бы такого предложения, однако, коль скоро оно уже внесено другим, он советует его принять, предпочитая любую власть безвластию; кроме того, он считает, что лучше Помпея никто не сумеет управлять государством при таком беспорядке. Сенат принял предложение и постановил, чтобы Помпей, выбранный консулом, правил один; если же он сам потребует себе товарища, пусть изберет его не раньше, как через два месяца. Итак, междуцарь¹²²³ Сульпиций назначил Помпея консулом, и Помпей дружески приветствовал Катона, выразив тому большую благодарность и прося частным образом помогать ему советом при выполнении должности. Катон же отвечал, что, по его мнению, Помпей вовсе не обязан его благодарить, так как все, что он, Катон, говорил в сенате, он сказал не ради него, Помпея, а ради государства; он будет, добавил Катон, давать Помпею советы частным образом, если к нему обратятся, а если не обратятся, он публично выскажет то, что сочтет полезным и нужным. Таков Катон был во всем.

55. По прибытии в город Помпей женился на Корнелии, дочери Метелла Сципиона и вдове погибшего в войне с парфянами Публия, сына Красса, на которой тот женился, когда она была еще девушкой. У этой молодой женщины, кроме юности и красоты, было много и других достоинств. Действительно, она получила прекрасное образование, знала музыку и геометрию и привыкла с пользой для себя слушать рассуждения философов. Эти ее качества соединялись с характером, лишенным несносного тщеславия – недостатка, который у молодых женщин вызывается занятием науками. Происхождение и доброе имя ее отца были безупречны. Тем не менее брак не встретил одобрения из-за большой разницы в возрасте жениха и невесты: ведь по годам Корнелия скорее годилась в жены сыну Помпея. Более проницательные люди полагали, что Помпей пренебрегает интересами государства: находясь в затруднительном положении, государство избрало его своим врачом и всецело доверилось ему одному, а он в это время увенчивает себя венками и справляет свадебные торжества, меж тем как ему следовало бы считать несчастьем это свое консульство, ибо, конечно, оно не было бы предоставлено ему вопреки установившимся обычаям, если бы в отечестве все обстояло благополучно.

Когда Помпей начал процессы о подкупе и лихоимстве и издал законы, на основании которых были возбуждены судебные преследования, он вел все дела со строгим беспристрастием, добился безопасности, порядка и спокойствия в судах, председательствуя там под охраной вооруженной силы. Однако в одном из таких процессов оказался замешанным тесть его Сципион, и тут Помпей пригласил к себе триста шестьдесят судей и просил их помочь тестю. Обвинитель отказался от процесса, увидев, что судьи провожают

---

¹²²³ 42. *Междуцарь* (интеррекс) – должностное лицо из сенаторов, назначаемое (на несколько дней), чтобы созвать народное собрание для избрания новых консулов. Обычно это делалось, когда действующие консулы погибли или были в отлучке.

Сципиона с форума. Поэтому о Помпее снова пошла дурная слава. Но еще более резким порицанием он подвергся, когда в нарушение собственного закона, запрещавшего похвальные речи лицу, привлеченному к судебной ответственности, выступил с похвалой Планку¹²²⁴. Катон, который как раз был в числе судей, закрыв руками уши, объявил, что не подобает ему слушать похвалы в нарушение закона. Катон был исключен из числа судей перед голосованием, но, к стыду для Помпея, Планк все же был осужден голосами остальных судей. Спустя несколько дней бывший консул Гипсей¹²²⁵, обвиняемый в подкупе, подкараулил Помпея, когда тот возвращался после бани домой, к обеду, и стал умолять о помощи, обнимая его колени. Помпей же, пройдя мимо него, заметил презрительно, что тот может испортить ему обед, но ничего другого не добьется. Эта видимая неровность в его поведении навлекла на него порицания. Впрочем, все государственные дела Помпей привел в порядок. На оставшиеся пять месяцев своего пребывания в должности он выбрал сотоварищем своего тестя. Было вынесено постановление продлить Помпею срок управления провинциями на следующее четырехлетие; кроме того, ему было дано по тысяче талантов в год на содержание войска.

56. Друзья Цезаря воспользовались этим предлогом, чтобы потребовать некоторого внимания и к Цезарю – человеку, который вел так много войн для распространения римского владычества. В самом деле, говорили они, Цезарь заслуживает второго консульства или продления срока командования, чтобы другой начальник, придя на смену, не похитил у него славы великих подвигов, но чтобы тот, кто их совершил, продолжал командовать в покое и почете. Когда из-за этих требований возникли разногласия, Помпей, как бы стремясь из дружеского расположения к Цезарю избавить его от зависти, объявил, что у него есть письма Цезаря, в которых тот выражает желание принять преемника и отказаться от командования; однако было бы справедливо предоставить ему право заочно домогаться консульства. Против этого восстал Катон, потребовавший, чтобы Цезарь искал себе какой-либо награды у сограждан только как частный человек, сложив оружие. Помпей, словно убежденный доводами Катона, не настаивал на своем мнении, и тем сделал свои замыслы по отношению к Цезарю еще более подозрительными. Он послал Цезарю требование вернуть переданные ему легионы под предлогом предстоящей войны с парфянами. Цезарь отослал воинов назад, щедро одарив, хотя и знал, зачем у него их требовали.

57. После этого Помпей опасно занемог в Неаполе, но поправился. Неаполитанцы, по предложению Праксагора, справили благодарственное празднество в честь избавления его от опасности. Неаполитанцам стали подражать соседи, и, таким образом, празднества распространились по всей Италии, так что маленькие и большие города один за другим справляли многодневные праздники. Не хватало места для тех, кто отовсюду сходил на праздник: дороги, селения и гавани были переполнены народом, справлявшим празднества с жертвоприношениями и пиршествами. Многие встречали Помпея, украсив себя венками, с пылающими факелами в руках, а провожая, осыпали его цветами, так что его возвращение в Рим представляло собой прекрасное и внушительное зрелище.

Это-то обстоятельство, как говорят, больше всего и способствовало возникновению войны. Ибо гордыня и великая радость овладели Помпеем и вытеснили все разумные соображения об истинном положении дел. Помпей совершенно отбросил теперь свою обычную осторожность, которая прежде всегда обеспечивала безопасность и успех его предприятиям, стал чрезмерно дерзок и с пренебрежением говорил о могуществе Цезаря. Он считал, что ему не будет нужды пускаться в ход против Цезаря оружием или обращаться к

¹²²⁴ 43. ...с похвалой Планку . – Планк был привлечен к суду за участие в беспорядках, последовавших за смертью Клодия.

¹²²⁵ 44. ...бывший консул Гипсей ... – Гипсей был не бывшим консулом, а кандидатом в консулы – обмолвка Плутарха.

каким-либо затруднительным и хлопотливым действиям, но что теперь он гораздо легче уничтожит соперника, чем когда-то его возвысил. К тому же в это время из Галлии прибыл Аппий с легионами, которые Помпей дал взаймы Цезарю. Аппий сильно умалял подвиги Цезаря в Галлии и распространял о нем клеветнические толки. Помпей, говорил он, не имеет представления о своем собственном могуществе и славе, если хочет бороться против Цезаря каким-то иным оружием, в то время как он может сокрушить соперника с помощью его же собственного войска, лишь только появится перед ним, – так велика, дескать, в этом войске ненависть к Цезарю и любовь к Помпею. Так Помпей проникался все большим высокомерием и, веря в свое могущество, дошел до такого пренебрежения к силам соперника, что высмеивал тех, кто страшился войны; тех же, кто говорил ему, что не видит войска, которое будет сражаться против Цезаря, если тот пойдет на Рим, Помпей с веселой улыбкой просил не беспокоиться. «Стоит мне только, – говорил он, – топнуть ногой в любом месте Италии, как тотчас же из-под земли появится и пешее и конное войско».

58. В противоположность Помпею Цезарь взялся за дело более решительно. Он не удалялся более на значительное расстояние от Италии и от времени до времени посылал в Рим своих воинов на выборы должностных лиц. Многих высших магистратов он тайно привлекал на свою сторону, подкупая их деньгами. Среди них были консул Павел, за тысячу пятьсот талантов изменивший Помпею, народный трибун Курион, избавленный Цезарем от его огромных долгов, и Марк Антоний, который по дружбе к Куриону был причастен к его долгам. Один из начальников, посланных Цезарем в Рим, как рассказывали, стоял у сенатской курии и, услышав, что сенат отказывается продлить срок командования Цезаря, ударил рукой по мечу и вскричал: «Ну, тогда вот этот меч даст ему разрешение!» К этой же цели были направлены все действия и приготовления Цезаря.

Впрочем, требования и предложения Куриона в защиту Цезаря по виду были вполне разумны и направлены к общему благу. А предложил он одно из двух: или лишить Помпея командования, или, если Помпей удержит его, не отнимать войска у Цезаря; пусть они либо, став частными лицами, блюдут закон и справедливость, либо, оставаясь соперниками, довольствуются нынешним положением и не стараются его изменить. Тот, кто ослабит одного из них, только удвоит этим могущество, которого страшится. В ответ на это предложение консул Марцелл назвал Цезаря разбойником и потребовал объявить его врагом отечества, если он не сложит оружия. Тем не менее Куриону с помощью Антония и Пизона удалось заставить сенат высказаться: он предложил отойти в сторону тем сенаторам, которые требовали, чтобы только один Цезарь сложил оружие, а Помпей сохранил командование. И бо льшая часть сенаторов отошла в сторону. Когда же Курион попросил отойти в сторону тех, кто считает, что оба соперника должны сложить оружие и отказаться от власти, то за Помпея подали голос двадцать пять сенаторов, а за предложение Куриона – все остальные. Сияющий от радости, думая, что уже одержал победу, Курион выбежал из курии и устремился в Народное собрание, где его встретили рукоплесканиями, осыпав венками и цветами.

Помпей не присутствовал на заседании сената, потому что полководцы, командующие легионами, не имеют права вступать в город. Между тем поднялся Марцелл и заявил, что не может дольше сидеть и выслушивать все эти рассуждения: он видит, как десять легионов уже переходят Альпы, и потому идет, чтобы снарядить в путь того, кто станет сражаться против них за отечество. 59. После этого, как бы в знак траура, сенаторы переменили свою одежду. Марцелл, сопровождаемый всем сенатом, пошел через форум за городскую черту к Помпею. Став против него, Марцелл сказал: «Приказываю тебе, Помпей, оказать помощь отечеству, пользуясь для этого не только наличными вооруженными силами, но и набирая новые легионы». То же самое заявил и Лентул, один из двух избранных на следующий год консулов.

Помпей принялся набирать войско, однако одни вовсе не подчинялись его приказам, иные – немногие – собирались с трудом и неохотно, большинство же громко требовало примирения соперников. Ибо, несмотря на противодействие сената, Антоний прочитал в

Народном собрании письмо Цезаря с весьма соблазнительными для народа предложениями. А именно, Цезарь предлагал обоим вернуться из своих провинций и распустить войска, затем, отдавшись в распоряжение и на милость народа, представить отчет о своей деятельности. Но Лентул, вступивший уже в должность консула, не созывал сената. Цицерон, который незадолго до того возвратился из Киликии, хлопотал о соглашении и внес предложение, чтобы Цезарь, покинув Галлию и распустив все остальное войско, сохранил за собою лишь два легиона и провинцию Иллирию и ожидал своего второго консульства. Однако, когда Лентул выступил против этого, а Катон громко заявил, что Помпей совершит ошибку, позволив еще раз себя обмануть, соглашение не состоялось.

60. Между тем пришло сообщение, что Цезарь занял Аримин, большой город в Италии, и со всем войском идет прямо на Рим. Последнее известие, однако, было ложным. Ибо Цезарь шел, ведя за собой не больше трехсот всадников и пяти тысяч пехотинцев. Он не стал дожидаться подхода остальных сил, стоявших за Альпами, так как предпочитал напасть на врага врасплох, когда тот находится в замешательстве, чем дать ему время подготовиться к войне. Подойдя к реке Рубикону, по которой проходила граница его провинции, Цезарь остановился в молчании и нерешительности, взвешивая, насколько велик риск его отважного предприятия. Наконец, подобно тем, кто бросается с кручи в зияющую пропасть, от откинул рассуждения, зажмурил глаза перед опасностью и, громко сказав по-гречески окружающим: «Пусть будет брошен жребий», – стал переводить войско через реку¹²²⁶.

Лишь только распространились первые слухи об этом событии, в Риме воцарилось беспокойство, страх и смятение, какого не бывало никогда раньше. Сенат тотчас с величайшей поспешностью собрался к Помпею, явились и высшие должностные лица. Тулл спросил Помпея, где его войско и насколько оно многочисленно. После некоторого промедления Помпей неуверенно ответил, что легионы, пришедшие от Цезаря, находятся в готовности, а кроме того, он предполагает быстро свести воедино набранные прежде тридцать тысяч человек. Тогда Тулл вскричал: «Ты обманул нас, Помпей!» – и предложил послать послов к Цезарю. Некто Фавоний, вообще человек незлобивый, но уверенный, что своей упрямой надменностью он подражает благородному прямодушию Катона, предложил Помпею топнуть ногой и вывести из-под земли обещанные легионы. Помпей спокойно вынес эту бестактную издевку. Когда же Катон стал напоминать ему о том, что еще вначале говорил о Цезаре, Помпей ответил, что предсказания Катона оказались более верными, а он, Помпей, действовал более дружелюбно, чем следовало. 61. Катон предложил выбрать Помпея главнокомандующим с неограниченными полномочиями, прибавив, что виновник этих великих бед должен сам положить им конец. Катон тотчас выехал в Сицилию (ему была назначена эта провинция), так же поступил и каждый из остальных должностных лиц, отправившись в назначенную ему по жребию провинцию.

Между тем почти вся Италия была охвачена смятением, и деловая жизнь находилась в расстройстве. Иногородние отовсюду поспешно сбегались в Рим, а столичные жители, напротив, уезжали, оставляя город, где при таком смятении и беспорядке достойные граждане проявили слабость, а буйная чернь оказала дерзкое неповиновение властям. Действительно, никак не удавалось успокоить страхи и опасения, и действовать в согласии со здравым размышлением Помпею не давали, но в каком бы состоянии духа кто ни находился, – будь то страх, печаль или беспокойство, – он со своими заботами являлся к Помпею, так что в один и тот же день нередко принимались противоположные решения. Получить о врагах достоверные сведения Помпей не мог, так как слишком много было вестников-очевидцев, выражавших неудовольствие, если он им не верил. Наконец, он издал

---

¹²²⁶ 45. ...стал переводить войско через реку. – В ночь с 10 на 11 января 49 г. Цезарь перевел войско через Рубикон. Какая именно из мелких речек, текущих с Апеннин в Адриатику, называлась Рубиконом, точно установить невозможно. В «Записках» Цезаря момент перехода через Рубикон не выделен, символическое значение ему стали приписывать лишь позднее. Слова «Пусть будет брошен жребий» – греческая поговорка, означающая: «пусть случай решит дело».

указ, в котором объявил, что в городе начался мятеж, а потому велел всем сенаторам следовать за собой, предупреждая, что будет считать всякого оставшегося другом Цезаря. Так, поздно вечером, Помпей покинул город. Консулы бежали, даже не совершив полагающегося по обычаю перед началом войны жертвоприношения. Но, несмотря на все обрушившиеся на Помпея невзгоды, его по-прежнему можно было назвать счастливым из-за любви к нему людей: хотя многие выражали недовольство войной, но не было никого, кто бы ненавидел военачальника. Напротив, нашлось, пожалуй, больше таких, кто не в силах был покинуть Помпея, нежели тех, кто бежал во имя свободы.

62. Спустя немного дней Цезарь, вступив в Рим, овладел городом. Со всеми он обошелся милостиво и расположил жителей к себе; только одному из народных трибунов, Метеллу, когда тот попытался помешать ему взять деньги из казнохранилища, он пригрозил смертью, добавив слова еще более суровые, чем сама угроза: он сказал, что ему тяжелее произнести угрозу, чем привести ее в исполнение. Прогнав Метелла и взяв из казначейства что ему было нужно, Цезарь начал преследовать Помпея: он спешил изгнать последнего из Италии, пока не прибыло из Испании его войско.

Между тем Помпей захватил Брундиций и, приготовив достаточное число кораблей, тотчас отправил на них консулов с тридцатью когортами в Диррахий; тестя своего Сципиона и сына Гнея он отослал в Сирию собирать флот. В Брундиции Помпей велел между тем укрепить городские ворота и поставить на стены наиболее проворных воинов; жителям он приказал сидеть спокойно по домам, а весь город внутри стен избороздить рвами и на всех улицах, кроме двух, по которым он сам отступил к морю, вбить острые колья. На третий день Помпею удалось беспрепятственно погрузить на корабли остальное войско. Затем он внезапно дал сигнал воинам, охранявшим стены, и, быстро приняв на борт подбежавших, отошел от берега. Увидев оставленные защитниками стены, Цезарь понял, что враги бежали, и, преследуя их, едва не набрел на ямы и колья, однако, предупрежденный брундизийцами, принял меры предосторожности и двинулся в обход; обнаружилось, что все вражеские корабли вышли в море, кроме двух, да и те имели на борту лишь незначительное число воинов.

63. Нередко отплытие Помпея считают одной из самых удачных его военных хитростей. Сам Цезарь, однако, выражал удивление, почему Помпей, владея укрепленным городом, ожидая подхода войска из Испании и господствуя на море, все-таки оставил Италию. Цицерон также порицает¹²²⁷ Помпея за то, что, ведя войну, тот скорее подражал тактике Фемистокла, чем Перикла, хотя находился в положении, сходном скорее с Перикловым, чем с Фемистокловым. Цезарь на деле показал, как сильно он боится затяжной войны. Действительно, он послал в Брундиций захваченного в плен Нумерия, друга Помпея, предлагая соглашение на справедливых условиях. Однако Нумерий отплыл вместе с Помпеем. После этого Цезарь в течение шестидесяти дней без кровопролития стал владыкой всей Италии. Сперва он думал тотчас же начать преследование Помпея, но из-за отсутствия кораблей пошел походом в Испанию, имея в виду склонить на свою сторону находившиеся там войска Помпея.

64. Между тем Помпей успел собрать большие военные силы. Флот Помпея не имел себе равных. Он состоял из пятисот боевых кораблей и огромного числа легких и сторожевых судов. Что касается его конницы, то к ней принадлежал цвет молодежи Рима и Италии в числе семи тысяч человек, выдающихся своим происхождением, богатством и отвагой. Пешее войско, однако, было смешанным по составу и еще требовало выучки. Во время пребывания в Берое Помпей рьяно взялся за его обучение, принимая личное участие в военных упражнениях, словно человек, находящийся в полном расцвете сил. Личный пример полководца имел громадное влияние на мужество воинов. Они видели, как

¹²²⁷ 46. Цицерон ... порицает ... – «Письма к Аттику», VII, 11: Перикл назван как образец войны измором, Фемистокл – войны ударом.

пятидесятивосьмилетний Помпей Магн то состязался пешим в полном вооружении, то верхом, на полном скаку, ловко вытаскивал и вновь вкладывал в ножны меч, то в метании дротика показывал не только необыкновенную точность попадания, но и такую силу броска, что даже многие из молодых воинов не могли его превзойти.

К нему прибывали цари и властители различных народностей, и в его свите находилось так много знатных римлян, что они составляли целый сенат. К Помпею приехали, покинув Цезаря, Лабиен, близкий друг последнего, воевавший вместе с ним в Галлии, и Брут – сын того Брута, который был убит в Галлии. Этот Брут был человеком возвышенного образа мыслей, который никогда прежде не обращался к Помпею и даже не приветствовал его при встречах, считая убийцей своего отца. Теперь же Брут пожелал служить под начальством Помпея как освободителя Рима. Цицерон, хотя в своих сочинениях и советах проводил совершенно иные мысли, считал, однако, постыдным для себя не принадлежать к числу тех, кто подвергается опасности ради отечества. Прибыл к Помпею в Македонию также некий Тидий Секстий, человек весьма преклонного возраста и к тому же хромым. Другие не могли удержаться от насмешек и шуток над ним, но Помпей, завидев Тидия, поднялся и бросился к нему навстречу. В его прибытии Помпей усматривал прекрасное доказательство правоты своего дела, раз находились люди, которые, несмотря на возраст и немощь, предпочитали переносить опасность вместе с ним, отказавшись от покойной и мирной жизни.

65. После того как сенат, по предложению Катона, вынес постановление не предавать смерти ни одного римлянина, кроме как в открытом бою, и не грабить подвластных римлянам городов, сторонники Помпея приобрели еще большие симпатии. Даже те, кто не имел к войне ни малейшего отношения – потому ли, что жил слишком далеко, или же потому, что был слишком слаб и вовсе не принимался в расчет, – даже они соединили свои желания с помпейцами и в речах сражались за правое дело, объявляя врагом богов и людей всякого, кто от всей души не желает победы Помпею. Впрочем, и Цезарь выказывал милосердие при своих победах. Так, разбив и вынудив сдаться войско Помпея в Испании¹²²⁸, он отпустил полководцев на свободу, а воинов присоединил к своему войску. Затем он снова перешел Альпы и, пройдя всю Италию, прибыл около зимнего солнцеворота в Брундизий. Отсюда от переправился через море и высадился в Орике. Затем он послал к Помпею его друга Вибиллия, которого держал в плену, предлагая встретиться, а после встречи, на третий день, распустить все свои войска и затем, поклявшись сохранять дружбу, возвратиться в Италию. Это предложение Помпей опять счел подстроенной ему западней. Он поспешно спустился к морю и занял все укрепленные места, которые были сильными опорными пунктами для пехоты, а также гавани и пристани, удобные для мореходов, так что всякий ветер дул на счастье Помпею, принося ему хлеб, войска или деньги. Что касается Цезаря, то ему и на суше и на море приходилось встречаться с затруднениями: необходимость вынуждала его искать сражения, часто нападая на вражеские укрепления и при каждом удобном случае вызывая неприятеля на бой. В большинстве стычек Цезарь одерживал верх, но однажды едва не потерпел полного поражения и чуть не лишился своего войска. Помпей сражался с замечательным мужеством, пока не обратился в бегство всех врагов, перебив две тысячи воинов Цезаря. Однако он не смог – или побоялся – ворваться в лагерь Цезаря. Поэтому, обращаясь к друзьям, Цезарь сказал: «Сегодня победа осталась бы за противниками, если бы у них было кому побеждать».

66. Этим успехом помпейцы сильно возгордились и спешили теперь решить дело в открытом бою. Сам Помпей уже писал чужеземным царям, полководцам и городам в тоне победителя; все же он страшился опасностей битвы, надеясь длительной войной и лишениями сокрушить врагов, неодолимых в сражении и издавна привыкших побеждать в одном строю, но утомленных и от старости уже неспособных более нести все тяготы походной жизни – длительные переходы, частые перемены стоянок, рытье рвов и возведение

¹²²⁸ 47. ...разбив ... войско Помпея в Испании ... – В августе 49 г. при Илерде.

стен – и поэтому спешивших как можно скорее вступить в рукопашную схватку. Прежде Помпей умел каким-то образом убедить своих сторонников сохранять спокойствие. Но теперь, после битвы, когда Цезарь из-за недостатка продовольствия выступил в поход, направляясь через область афаманов в Фессалию, уже нельзя было сдержать воинственный пыл помпейцев: одни кричали, что Цезарь обратился в бегство, и предлагали следовать за ним по пятам, другие считали, что нужно переправиться в Италию, третьи, наконец, стали посылать в Рим своих слуг и друзей, чтобы заранее занять дома вблизи форума, намереваясь тотчас же по возвращении домогаться высших должностей. Многие по собственному почину отплыли к Корнелии на Лесбос, куда ее тайно отправил Помпей, чтобы сообщить ей радостную весть об окончании войны.

Когда собрался сенат, Афраний внес предложение напасть на Италию, так как эта страна – самая славная награда за победу на войне, и к тем, кто ею владеет, тотчас присоединяются Сицилия, Сардиния, Корсика, Испания и вся Галлия. Помпей должен теперь, продолжал он, главное внимание обратить на отечество: ведь Италия находится рядом и протягивает к нему руки с мольбой о помощи, поэтому не подобает равнодушно смотреть, как она томится в позорном рабстве у прислужников и льстецов тираннов. Сам Помпей объявил, однако, что считает бесчестным вторично бежать перед Цезарем и снова оказаться в положении преследуемого, когда счастливый случай дает ему возможность гнаться по пятам за врагом. Кроме того, было бы противно совести и долгу бросить на произвол судьбы Сципиона и бывших консулов¹²²⁹ в Греции и Фессалии – ведь эти люди вместе с большими денежными средствами и значительным войском попадут в руки Цезаря; о Риме же больше всего печется тот, кто воюет как можно дальше от него, – для того чтобы этот город мог спокойно ожидать победителя, не испытывая бедствий войны и даже не слыша о них.

67. После этого заявления Помпей начал преследовать Цезаря, твердо решив уклоняться от схватки, но взять врага измором, тесня и преследуя его по пятам. Он и вообще считал этот план весьма разумным, и, кроме того, до него дошли какие-то толки, ходившие среди всадников, что, дескать, нужно как можно скорее разгромить Цезаря, а затем уничтожить и его, Помпея. Некоторые утверждают, что Помпей не давал Катону никакого важного поручения, но когда шел против Цезаря, то оставил его при обозе на берегу моря из опасения, как бы Катон после победы над Цезарем не вынудил его, Помпея, отказаться от командования. Между тем, пока Помпей таким образом спокойно следовал за врагом, окружающие начали осыпать его упреками, обвиняя в том, что он-де воюет не против Цезаря, а против отечества и сената, чтобы навсегда сохранить свою власть и навсегда превратить тех, кто считали себя владыками вселенной, в своих слуг и телохранителей. С другой стороны, Домиций Агенобарб, называя Помпея при каждом удобном случае Агамемноном и царем царей, возбудил к нему сильную зависть. И Фавоний досаждал Помпею своими шутками не менее, чем иные – несвоевременными откровенностями. «Друзья, – кричал Фавоний, – неужели в нынешнем году не будет нам тускульских фиг?» Луций Афраний, который потерял войско в Испании и за это был обвинен в измене, видя теперь, что Помпей избегает сражения, сказал, что очень удивлен, почему это его обвинители не дают битвы оптовому покупщику провинций.

Этими и множеством других подобных речей окружающие заставили Помпея, человека, для которого слава и уважение друзей были превыше всего, оставить свои лучшие планы и увлечься их надеждами и стремлениями – уступчивость, которая не подобает даже кормчему корабля, не говоря уже о полководце, обладающем неограниченной властью под столькими народами и армиями. Помпей никогда не хвалил врачей, потворствующих желаниям больных, однако уступил больной части своего войска, опасаясь неприязни тех, чье спасение было его целью. В самом деле, можно ли считать находящимися в здравом уме

¹²²⁹ 48. ...Бывших консулов ... – Марцелл и Лентул.

людей, которые, расхаживая по лагерю, уже домогались консульства и претуры или, как Спинтер, Домиций и Сципион, яростно спорили между собой из-за должности верховного жреца, принадлежавшей Цезарю, и вербовали себе сторонников? Словно перед ними стоял лагерем армянский царь Тигран или царь набатеев, а не знаменитый Цезарь и его войско, с которым он завоевал тысячу городов, покорил более трехсот народов и, оставаясь всегда победителем в бесчисленных битвах с германцами и галлами, захватил в плен миллион человек и столько же уничтожил в сражениях!

68. Все же, когда войско спустилось на Фарсальскую равнину, настойчивые и шумные требования заставили Помпея назначить военный совет. Первым на совете поднялся Лабие, начальник конницы, и клятвенно заверил, что не отступит в битве ни на шаг, пока не обратит врага в бегство. Такую же клятву принесли и все остальные.

Ночью Помпей видел во сне, будто народ встречает его при входе в театр рукоплесканиями, а сам он украшает храм Венеры Победоносной¹²³⁰ приношениями из добычи. Это видение, с одной стороны, внушило Помпею мужество, а с другой – причинило беспокойство, так как Помпей опасался принести роду Цезаря, который вел свое происхождение от Венеры, блеск и славу. Проснулся Помпей от безотчетного смятения, охватившего лагерь. В утреннюю стражу над лагерем Цезаря, где царило полное спокойствие, засиял яркий свет. От него загорелся ярким пламенем факел и, поднявшись на воздух, упал в лагере Помпея. Цезарь говорит, что сам видел это знамение при обходе караульных постов.

С наступлением дня Цезарь начал было движение на Скотуссу, и его воины уже снимали палатки и высылали вперед обоз и рабов. В это время прибыли разведчики с сообщением, что во вражеском лагере переносят с места на место много оружия, что они заметили там движение и шум, какие обычно бывают перед битвой. Затем прибыли другие разведчики и объявили, что передовые части врага уже строятся в боевой порядок. Цезарь сказал, что наступил долгожданный день, что наконец они будут сражаться не с голодом и нуждой, а с людьми, и отдал приказ быстро поднять перед своей палаткой пурпурный хитон, что у римлян служит сигналом к битве. Заметив сигнал, воины с радостными криками оставили свои палатки и кинулись к оружию. И когда начальники повели их туда, где было назначено построение, то каждый, словно отлично выученный участник хора, спокойно и быстро занял свое место.

69. Сам Помпей стоял на правом фланге, чтобы сражаться против Антония, в центре, против Луция Кальвина, он поставил своего тестя Сципиона, на левом же крыле находился Луций Домиций, поддерживаемый значительными силами конницы. Здесь Помпей сосредоточил почти всех своих всадников, чтобы с их помощью сокрушить Цезаря, прорвав боевую линию прославленного своей исключительной храбростью десятого легиона, в рядах которого обычно сражался сам Цезарь. Цезарь, заметивший, что левый фланг неприятеля так надежно прикрыт конницей, и испуганный блеском ее оружия, послал за шестью когортами и поставил их позади десятого легиона с приказанием сохранять спокойствие, чтобы враги не заметили их. Когда же конница врага двинется вперед, им надлежит, пробившись через передние ряды бойцов, не метать копья, как обычно делают самые храбрые, спеша начать рукопашную, а бить вверх, целя противнику в глаза и в лицо¹²³¹. Ведь эти юные красавцы-плясуны говорил он, не устоят и, сохраняя свою красоту, не смогут смотреть на железо, направляемое им прямо в глаза.

Таковы были распоряжения Цезаря. В это время Помпей верхом на коне осматривал

¹²³⁰ 49. *Храм Венеры Победоносной* – был воздвигнут Помпеем в Риме при его театре на Марсовом поле. Сыном Венеры и Анхиса считался Эней, а сыном Энея – Юл, родоначальник Юлиев.

¹²³¹ 50. *...целя ... в лицо* . – Риторическая расцветка обычной тактики использования резерва. Ср. ниже тираду в гл. 70.

боевой порядок своего войска. Он увидел, что противники, выстроившись, спокойно ожидают подходящего момента для нападения, тогда как бо́льшая часть его собственного войска не сохраняет спокойствия, а по неопытности волнуется и даже охвачена смятением. В страхе, что уже в начале битвы его войско будет смято и рассеяно, Помпей приказал передовым бойцам крепко стоять на месте и с копьями наперевес ожидать нападения врага. Цезарь порицает¹²³² такую тактику. Этот приказ, по его мнению, ослабил силу, которой обладает удар, нанесенный с разбегу, а так как Помпей запретил атаку, которая более всего наполняет воинов воодушевлением и пылом, ибо крик и стремительное движение усиливают их мужество, то этим он охладил и сковал их волю к победе.

В войске Цезаря насчитывалось двадцать две тысячи человек, а у Помпея – немногим больше чем вдвое.

70. Уже с обеих сторон был дан сигнал и раздались трубные звуки, призывающие к битве. Большинство участников думало лишь о себе, и только немногие – благороднейшие из римлян, а также несколько греков, прямого участия в сражении не принимавшие, – с приближением страшного часа битвы стали задумываться о том, как далеко завели римскую державу алчность и честолюбие. Здесь сошлись друг с другом братские войска, родственное оружие, общие знамена, мужество и мощь государства обратились против него же самого, показывая этим, до чего слепа и безумна охваченная страстью человеческая натура! Ведь если бы эти люди захотели спокойно властвовать и наслаждаться плодами своих побед, то бо́льшая и лучшая часть суши и моря была бы уже подчинена их доблести. Если бы им было угодно, они могли бы удовлетворить свою страсть к трофеям и триумфам, утоляя жажду славы в войнах против парфян и германцев. Поле их деятельности представляли бы Скифия и Индия, и при этом у них было бы благовидное прикрытие для своей алчности – они бы просвещали и облагораживали варварские народы. Разве могла бы какая-нибудь скифская конница, парфянские стрелки или богатство индийцев устоять перед натиском семидесяти тысяч римлян под предводительством Помпея и Цезаря, чьи имена эти народы слышали гораздо раньше имени римлян – так много диких народов они покорили своим победоносным оружием?! Теперь они сошлись на бой, не щадя своей славы (ради которой принесли в жертву даже отечество): ведь до этого дня каждый из них носил имя непобедимого. Да, их прежнее свойство, очарование Юлии, тот знаменитый брак с самого начала были всего лишь обманными залогами, выданными с корыстной целью; истинной же дружбы в их отношениях не было вовсе.

71. Как только Фарсальская долина наполнилась людьми и конями и с обеих сторон были подняты сигналы к нападению, из боевой линии войска Цезаря первым вырвался вперед некий Гай Крассиан во главе ста двадцати человек, чтобы выполнить данное им Цезарю великое обещание. Дело в том, что Цезарь, выходя из лагеря, первым увидел этого человека и, обратившись к нему, спросил, что он думает о предстоящем сражении. Подняв правую руку, Крассиан закричал в ответ: «Ты одержишь, Цезарь, блестящую победу, а меня ты сегодня похвалишь живого или мертвого!» Помня эти свои слова, он устремился вперед, увлекая за собой многих воинов, и затем обрушился на самый центр вражеского строя. Тотчас пошли в ход мечи, было много убитых. Крассиану удалось пробиться вглубь, изрубив бойцов первой линии, но какой-то неприятельский воин остановился и нанес ему удар такой силы, что острое, пройдя через рот, вышло под затылком. Когда Крассиан пал, битва здесь некоторое время шла с переменным успехом.

На правом крыле Помпей не скоро начал атаку, но все оглядывался на другое крыло и медлил, ожидая, к чему приведут действия конницы. Конница уже развернула свои отряды, чтобы окружить Цезаря и опрокинуть на пехоту его немногочисленных всадников, выставленных впереди. Однако по сигналу Цезаря его конница отступила, а выстроенные позади воины числом три тысячи человек, дабы избежать охвата, внезапно выступили вперед

¹²³² 51. Цезарь порицает ... – «Записки о гражданской войне», III, 92.

и пошли на врага, а затем, как им было приказано, подняли копья вверх, целясь врагам прямо в лицо. Всадники Помпея, и вообще-то неопытные в военном деле, не ожидали такого маневра и не были к нему подготовлены, а потому не вынесли ударов в глаза и лицо: они отворачивались, закрывали себе глаза руками и, наконец, бесславно обратились в бегство. Не обращая внимания на бегущих, воины Цезаря двинулись против вражеской пехоты; пехота Помпея была теперь лишена прикрытия конницы, и ее легко можно было обойти с фланга и окружить. Когда эти воины нанесли удар во фланг, а десятый легион одновременно ринулся вперед, неприятели, не выдержав натиска, бросились врассыпную, так как видели, что как раз там, где они думали окружить врагов, им самим грозит окружение.

72. Когда они обратились в бегство, Помпей, увидев облако пыли, догадался о поражении своей конницы. Трудно сказать, о чем он думал в тот миг, но он совершенно уподобился безумцу, потерявшему способность действовать целесообразно. Забыв, что он – Помпей Магн, ни к кому не обращаясь, медленно шел он в лагерь, так что к нему прекрасно подходили известные стихи¹²³³:

Зевс же, владыка превыспренний, страх ниспослал на Аякса:
Стал он смущенный и, щит свой назад семикожный забросив,
Вспять отступал, меж толпою враждебных, как зверь,
озираясь.

В таком состоянии Помпей пришел в свою палатку и безмолвно сидел там до тех пор, пока вместе с беглецами в лагерь не ворвалось множество преследователей. Тогда он произнес только: «Неужели уже дошло до лагеря?» Затем, ничего больше не прибавив, поднялся, надел подходящую к обстоятельствам одежду и вышел из лагеря. Остальные легионы Помпея также бежали, и победители устроили в лагере страшную резню обозных и карауливших палатки слуг. Воинов пало только шесть тысяч, как утверждает Азиний Поллион, который сражался в этой битве на стороне Цезаря.

При взятии лагеря выявилось безрассудное легкомыслие помпеянцев: каждая палатка была увита миртовыми ветвями и украшена цветными коврами, всюду стояли столы с чашами для питья, были поставлены кратеры¹²³⁴ с вином и вообще все было приспособлено и приготовлено скорее для жертвоприношения и празднества, чем для бегства. Так, обольщенное надеждами и полное безумной дерзости, шло на бой войско Помпея.

73. Удалившись немного от лагеря, Помпей пустил коня во весь опор и – так как погони не было – в сопровождении немногих друзей беспрепятственно продолжал путь, предаваясь размышлениям, каких и следовало ожидать от человека, который в течение тридцати четырех лет привык покорять всех неприятелей. Только теперь, на старости лет, в первый раз узнав, что такое поражение и бегство, Помпей вспоминал битвы и войны, в которых выросла его слава, потерянная ныне за один час, и думал о том, что еще недавно он стоял во главе столь великих сил, пеших и конных, и множества кораблей, а теперь бежит, жалкий и униженный, вынужденный скрываться от преследования врагов.

Миновав Лариссу, Помпей добрался до Темпейской долины. Почувствовав сильную жажду, он бросился ничком на землю и стал пить прямо из реки, затем поднялся и продолжал путь через Темпейскую долину, пока не достиг моря. Там он остановился до утра в какой-то рыбацкой хижине. На рассвете Помпей в сопровождении свободных спутников взшел на борт речного судна, рабам же велел, ничего не боясь, идти к Цезарю. Плывая вдоль берега, Помпей заметил большой торговый корабль, готовый к отплытию. Хозяином его был римлянин по имени Петиций, совершенно не связанный с Помпеем дружескими

¹²³³ 52. ...известные стихи ... – «Илиада», XI, 544—546.

¹²³⁴ 53. Кратеры – большие сосуды для смешивания вина с водой.

отношениями, но знавший его в лицо. Этому человеку прошлой ночью Помпей явился во сне (но не таким, каким Петицию часто приходилось видеть его наяву, а в жалком и униженном облики) и заговорил с ним. Этот свой сон он как раз рассказывал спутникам – люди досужные любят порассуждать о делах первостепенной важности, – как вдруг один из матросов сообщил, что видит речное судно, идущее на веслах от берега, и каких-то людей, которые машут одеждой и протягивают к ним руки. Остановившись, Петиций сразу узнал Помпея, каким тот явился ему во сне. Ударив себя по лбу, он велел матросам спустить шлюпку и протянул правую руку, приглашая Помпея взойти на корабль. По одному виду Помпея Петиций догадался о происшедшей в его судьбе перемене и, не ожидая ни обращений, ни слов, принял его на борт со всеми, кого тот попросил принять (это были оба Лентула¹²³⁵ и Фавоний); затем он вышел в море. Немного спустя, увидев царя Дейотара, спешившего к морю, они также взяли его на корабль.

Между тем наступила обеденная пора, и хозяин корабля приготовил обед из припасов, которые были под рукой. Фавоний, увидев, что Помпей, оставшись без слуг, начал сам разуваться, тотчас подбежал, разул его и помог натереться маслом. Вообще с того времени Фавоний ухаживал за Помпеем, постоянно прислуживая ему, как рабы служат господам, – вплоть до омовения ног и приготовления обеда, так что, увидев эти благородные, искренние и непритворные услуги, можно было бы сказать:

О, сколь прекрасно все меж благородными!¹²³⁶

74. Так Помпей прибыл в Амфиполь, а оттуда направился в Митилену, чтобы взять с собой Корнелию и сына. Став на якорь у берега, он отправил в город посланца с сообщением, но не с тем, какого ожидала Корнелия, которая, получая радостные вести и письма, надеялась, что исход войны решится при Диррахии и Помпею осталось только преследовать Цезаря. Вот в каком положении застал ее посланец и потому не решился ее приветствовать; скорее слезами, чем словами рассказав ей почти обо всех самых важных несчастьях, он попросил ее поспешить, если она желает увидеть Помпея, едущего на единственном корабле, и к тому же чужом. Услышав это, Корнелия упала на землю и долгое время лежала безмолвная, лишившаяся чувств; затем, с трудом придя в себя и сообразив, что теперь не время жаловаться и плакать, она бросилась бежать через город к морю. Помпей встретил ее и подхватил на руки, так как она снова едва не рухнула наземь. «Я вижу, о мой супруг, – сказала она, – что не твоя судьба, а моя бросила тебя на этот единственный корабль, тебя, который до женитьбы на Корнелии объезжал это море на пятистах кораблях. Зачем ты приехал повидаться со мною? Почему не оставил меня в жертву моему пагубному демону, меня, которая осквернила и тебя столь великим бедствием? Какой была бы я счастливой женщиной, если бы умерла до печального известия о кончине моего первого мужа Публия на войне с парфянами! Как благоразумно поступила бы, покончив с собой после его смерти, как я желала этого! Но я осталась жить на горе Помпею Магну!»

75. На это обращение Корнелии Помпей, как сообщают, отвечал так: «Да, Корнелия, до сих пор ты знала лишь один из моих жребиев – счастливый, и он-то, быть может, тебя и обманул, потому что оставался неизменным дольше, чем это бывает обычно. Но мы – люди, и нам приходится терпеть и такую участь, как ныне, а потому следует еще раз попытаться счастья. Ведь еще есть надежда из теперешнего положения вернуться к прежнему для того, кто сменил прежнее на теперешнее». В ответ на эти слова Корнелия послала в город за своими вещами и слугами. Между тем митиленцы приветствовали Помпея и приглашали его прибыть в город. Помпей, однако, отклонил их предложение и посоветовал подчиниться

¹²³⁵ 54. ...оба Лентула ... – Лентул Марцеллин и Лентул Крус, консулы 56 и 49 гг.

¹²³⁶ 55. О, сколь прекрасно ... и далее. – Стих из неизвестной трагедии Эврипида.

победителю и не унывать, ибо Цезарь – человек благожелательный и мягкого характера. Затем Помпей вступил в беседу с философом Кратиппом, который прибыл из города, чтобы повидаться с ним, причем жаловался на провидение, высказывая свои сомнения на этот счет. Кратипп, согласившись с его доводами, пытался внушить ему лучшие надежды, чтобы не докучать ему неуместными возражениями. В противном же случае он мог бы легко доказать Помпею¹²³⁷, что римскому государству из-за полного расстройств в делах правления необходимо единовластие. Затем он мог бы спросить: «Каким же образом и с помощью каких доводов, Помпей, мы убедимся, что ты, одержав верх, пользовался бы своим счастьем лучше, чем Цезарь? Нет, нам должно принимать свершившееся, смиряясь с волей богов».

76. Затем Помпей принял на корабль жену и друзей и продолжал плавание, заходя во все гавани, где была вода и продовольствие. Первым городом, куда он прибыл, была Атталия в Памфилии. Там к нему присоединилось несколько триер из Киликии, собрались воины, и снова при нем оказалось шестьдесят сенаторов. Когда Помпей узнал, что его флот стоит в боевой готовности, а Катон с большим войском переправился в Африку, он начал горько жаловаться на своих друзей и упрекать себя за то, что позволил уговорить себя дать сражение только на суше, без всякого участия морских сил, в которых он обладал бесспорным перевесом, и не держал флот наготове: в последнем случае, даже потерпев поражение на суше, он мог бы на море противопоставить противнику огромную мощь. Действительно, важнейшей ошибкой Помпея и самой ловкой военной хитростью Цезаря было то, что эта битва разыгралась в местности, расположенной так далеко от моря.

Между тем Помпей, вынужденный все же что-то предпринять, исходя из сложившегося положения дел, послал за помощью в окрестные города. Некоторые города он объезжал сам, требуя денег и снаряженных судов. Помпей опасался, однако, как бы враг со свойственной ему стремительностью и быстротой не захватил его самого врасплох, прежде чем будут закончены необходимые приготовления, и начал подыскивать себе убежище, где бы он мог в случае нужды найти приют. После совещания выяснилось, что ни одна провинция не годится для этой цели. Что же касается чужеземных царств, то сам Помпей высказал мнение, что парфянское царство меж них самое сильное и в состоянии не только принять и защитить их в теперешнем жалком положении, но и снова усилить и вернуть назад с огромным войском. Из остальных участников совещания большинство высказалось в пользу Африки и царя Юбы. Однако Феофан Лесбосский объявил, что ему представляется нелепым, оставив без внимания Египет, находящийся всего лишь в трех днях пути, и Птолемея, хотя еще и очень молодого человека, но по отцу обязанного Помпею дружбой и благодарностью¹²³⁸, отдаться в руки парфян – самого вероломного из народов. Помпей, продолжал он, не желает уступить римлянину, своему бывшему тестю, первенство и удовольствоваться вторым после него местом, отказывается подвергнуть испытанию его великодушие, но готов отдаться на волю Арсака¹²³⁹, который даже Красса согласился принять под свою власть только мертвым. Он хочет свою молодую супругу из рода Сципионов отвезти в страну варваров, которые мерой своего могущества считают необузданное своеволие; пусть она даже и не подвергнется там никаким оскорблениям – все равно для нее было бы ужасно оказаться во власти тех, кто может их причинить. Это последнее обстоятельство, как говорят, одно лишь удержало Помпея от пути на Евфрат, если только он вообще руководился какими-либо соображениями, а не демон направлял его по этому пути.

¹²³⁷ 56. ...доказать Помпею ... – Текст в оригинале испорчен, перевод по общему смыслу.

¹²³⁸ 57. ...Птолемея ... по отцу обязанного ... благодарностью ... – Птолемей, XII Авлет (см. выше, примеч. 34) был восстановлен на престоле римским военачальником А. Габинием по предложению Помпея; правивший теперь в Египте Птолемей XIII (брат Клеопатры) был его сыном.

¹²³⁹ 58. ...на волю Арсака – т.е. парфянского царя.

77. Таким образом, верх одержало предложение отправиться в Египет, и Помпей с женой отплыл с Кипра на севкийской триере; остальные спутники плыли вместе с ним частью на боевых, частью на грузовых кораблях. Море удалось пересечь беспрепятственно. Узнав затем, что Птолемей стоит с войском у Пелусия и ведет войну против своей сестры, Помпей двинулся туда, отправив вперед посланца объявить царю о своем прибытии и просить о помощи. Птолемей был еще очень молод. Потин, управлявший всеми делами, собрал совет самых влиятельных людей (их влияние зависело исключительно от его произвола) и велел каждому высказать свое мнение. Возмутительно было, что о Помпее Магне совет держали евнух Потин, хиосец Феодот – нанятый за плату учитель риторики, и египтянин Ахилла. Эти советники были самыми главными среди спальников и воспитателей царя. И решения такого-то совета должен был ожидать, стоя на якоре в открытом море вдали от берега, Помпей, который считал ниже своего достоинства быть обязанным своим спасением Цезарю!

Советники разошлись во мнениях: одни предлагали отправить Помпея восвояси, другие же – пригласить и принять. Феодот, однако, желая показать свою проницательность и красноречие, высказал мысль, что оба предложения представляют опасность: ведь, приняв Помпея, сказал он, мы сделаем Цезаря врагом, а Помпея своим владыкой; в случае же отказа Помпей, конечно, поставит нам в вину свое изгнание, а Цезарь – необходимость преследовать Помпея. Поэтому наилучшим выходом из положения было бы пригласить Помпея и затем убить его. В самом деле, этим мы окажем и Цезарю великую услугу, и Помпея нам уже не придется опасаться. «Мертвец не кусается», – с улыбкой закончил он.

78. Советники одобрили этот замысел, возложив осуществление его на Ахиллу. Последний, взяв с собой некоего Септимия, ранее служившего военным трибуном у Помпея, Сальвия, который был у него центурионом, и трех или четырех слуг, вышел из гавани и направился к кораблю Помпея. На борту корабля находились в этот миг знатнейшие из спутников Помпея, чтобы наблюдать происходящее. Когда они заметили, что прием не отличается царственной пышностью и вовсе не соответствует ожиданиям Феодота, так как всего только несколько человек на одной рыбацкой лодке плывут навстречу кораблю, им показалось подозрительным это неуважение, и они стали советовать Помпею немедленно выйти в море, пока они находятся еще вне обстрела. Между тем лодка приблизилась, Септимий встал первым и, обратившись к Помпею по-латыни, назвал его императором. Ахилла же приветствовал его по-гречески и пригласил сойти в лодку, так как, дескать, здесь очень мелко и из-за песчаных отмелей проплыть на триере невозможно. В это время спутники Помпея заметили несколько царских кораблей, на борт которых поднимались воины; берег был занят пехотинцами. Поэтому спастись бегством, даже если бы Помпей переменил свое решение, казалось немыслимым, а к тому же выказать недоверие означало бы дать убийцам оправдание в их преступлении. Итак, простившись с Корнелией, которая заранее оплакивала его кончину, Помпей приказал двоим центурионам, вольноотпущеннику Филиппу и рабу по имени Скиф спуститься в лодку. И когда Ахилла уже протянул ему с лодки руки, он повернулся к жене и сыну и произнес ямбы Софокла:

Когда к тиранну в дом войдет свободный муж,
Он в тот же самый миг рабом становится¹²⁴⁰.

79. Это были последние слова, с которыми Помпей обратился к близким, затем он вошел в лодку. Корабль находился на значительном расстоянии от берега, и так как никто из спутников не сказал ему ни единого дружеского слова, то Помпей, посмотрев на Септимия, промолвил: «Если я не ошибаюсь, то узнаю моего старого соратника». Тот кивнул только головой в знак согласия, но ничего не ответил и видом своим не показал дружеского

¹²⁴⁰ 59. Когда ... рабом становится. – Стихи из неизвестной драмы.

расположения. Затем последовало долгое молчание, в течение которого Помпей читал маленький свиток с написанной им по-гречески речью к Птолемею. Когда Помпей стал приближаться к берегу, Корнелия с друзьями в сильном волнении наблюдала с корабля за тем, что произойдет, и начала уже собираться с духом, видя, что к месту высадки стекается множество придворных, как будто для почетной встречи. Но в тот момент, когда Помпей оперся на руку Филиппа, чтобы легче было подняться, Септимий сзади пронзил его мечом, а затем вытащили свои мечи Сальвий и Ахилла. Помпей обеими руками натянул на лицо тогу, не сказав и не сделав ничего не соответствующего его достоинству; он издал только стон и мужественно принял удары. Помпей скончался пятидесяти девяти лет, на завтра после дня своего рождения.

80. Спутники Помпея на кораблях, как только увидели убийство, испустили жалобный вопль, слышный даже на берегу. Затем, подняв якоря, они поспешно обратились в бегство, причем сильный ветер помогал беглецам выйти в открытое море. Поэтому египтянам, которые пустились было за ними вслед, пришлось отказаться от своего намерения.

Убийцы отрубили Помпею голову, а нагое тело выбросили из лодки, оставив лежать напоказ любителям подобных зрелищ. Филипп не отходил от убитого, пока народ не насмотрелся досыта. Затем он обмыл тело морской водой и обернул его какой-то из своих одежд. Так как ничего другого под руками не было, он осмотрел берег и нашел обломки маленькой лодки, старые и трухлявые; все же их оказалось достаточно, чтобы послужить погребальным костром для нагого и к тому же изувеченного трупа. Когда Филипп переносил и складывал обломки, к нему подошел какой-то уже преклонного возраста римлянин, который еще в молодости участвовал в первых походах Помпея. «Кто ты такой, приятель, – спросил он Филиппа, – коли собираешься погребать Помпея Магна?» Когда тот ответил, что он вольноотпущенник Помпея, старик продолжал: «Эта честь не должна принадлежать одному тебе! Прими и меня как бы в участники благочестивой находки, чтобы мне не во всем сетовать на свое пребывание на чужбине, которое после стольких тяжких превратностей дает мне случай исполнить, по крайней мере, хотя одно благородное дело – коснуться собственными руками и отдать последний долг великому полководцу римлян». Так совершалось погребение Помпея.

На следующий день прибыл с Кипра Луций Лентул; ничего не зная о происшедшем, он плыл вдоль берегов Египта. Увидев погребальный костер и стоящего рядом человека, но не узнав издали Филиппа, он вскричал: «Кто это свершил срок, определенный судьбой, и покоится здесь?», – а затем со вздохом прибавил: «Быть может, это ты, Помпей Магн!» Вскоре при высадке на берег он был схвачен и также казнен. Таков был конец Помпея.

Немного спустя Цезарь прибыл в Египет – страну, запятнавшую себя таким неслыханным злодеянием. Он отвернулся как от убийцы от того, кто принес ему голову Помпея, и, взяв кольцо Помпея, заплакал. На печатке был вырезан лев, держащий меч. Ахиллу и Потина Цезарь приказал казнить. Сам царь был разбит в сражении и утонул в реке. Софисту же Феодоту удалось ускользнуть от наказания, назначенного ему Цезарем, так как он бежал из Египта и скитался, ведя жалкую жизнь и ненавидимый всеми. Когда Марк Брут после убийства Цезаря завладел Азией, он отыскал там Феодота и приказал подвергнуть его мучительной казни.

Останки Помпея были переданы Корнелии, которая похоронила их в Альбанском имении.

[Сопоставление]

81. (1). Так как жизнеописания этих двух людей у нас перед глазами, рассмотрим теперь вкратце и сопоставим их отличительные особенности.

Первая особенность состоит в том, что Помпей достиг могущества и прославился исключительно законными путями, по собственному почину оказав много важных услуг

Сулле, когда тот освобождал Италию от тираннов. Что же касается Агесилая, то он, напротив, как кажется, овладел царской властью не безупречным – с точки зрения и божеских, и человеческих законов – способом. Так, он объявил незаконнорожденным Леотихида, которого его брат сам признал законным наследником, и выставил в смешном виде оракул о хромом царствовании.

Во-вторых, Помпей и при жизни Суллы постоянно воздавал диктатору подобающие почести, и после его кончины, вопреки противодействию Лепида, позаботился о погребении умершего и даже выдал свою дочь замуж за сына Суллы Фавста. Агесилай же, воспользовавшись случайным предлогом, отдалил от себя Лисандра и подверг его грубым оскорблениям. Услуги, оказанные Сулле Помпеем, были не менее тех, какие оказал ему Сулла, тогда как Агесилай Лисандр сделал царем Спарты и полководцем всей Греции.

Третье различье состоит в том, что несправедливости, допускавшиеся Помпеем в государственных делах и судах, вызывались родственными связями. Действительно, Помпею приходилось быть соучастником большинства неблагоприятных поступков Цезаря и Сципиона, каждый из которых был его тестем. С другой стороны, Сфодрия, которого должны были казнить за несправедливый поступок с афинянами, Агесилай избавил от заслуженной кары и из-за страсти своего сына, а решительную поддержку Фебиду, нарушителю мирного договора с фиванцами, он оказал, бесспорно, покрывая само преступление. Вообще, сколько вреда причинил Помпей римлянам, уступая друзьям или по неведению, столько же бед навлек Агесилай на лакедемонян, раздув пламя Беотийской войны в угоду своему пылкому честолюбию.

82. (2). Если в неудачах обоих этих людей следует усматривать также и недоброжелательство судьбы, то участь Помпея оказалась совершенно неожиданной для римлян, лакедемоняне же заранее знали судьбу Агесилая, но он не дал им уберечься от хромого царствования. В самом деле, если бы Леотихид даже тысячу раз был уличен в том, что он чужеземец и незаконнорожденный, то, конечно, эврипонтидам не трудно было бы найти для Спарты законного царя со здоровыми ногами, если бы только Лисандр не заставил их забыть об оракуле. То целительное средство, которое в затруднительных обстоятельствах после несчастной битвы при Левктрах Агесилай применил к «убоявшимся», предложив на один день позволить законам спать, обнаруживает его замечательную государственную мудрость, и в жизни Помпея нельзя найти ничего подобного. Последний не считал себя обязанным соблюдать им же самим установленные законы, чтобы показать друзьям свое могущество. Агесилай же, поставленный перед необходимостью ради спасения сограждан отменить законы, нашел средство, благодаря которому законы и не погубили граждан, и в то же время не были отменены, чтобы их не погубить. Неподражаемым примером государственной мудрости Агесилая мне представляется также и тот известный его поступок, когда он сразу же по получении скиталы прекратил свой азиатский поход. Агесилай не пользовался мощью государства в такой мере, как Помпей, и своим величием он обязан самому себе, но ради блага отечества он отказался от такого могущества и славы, какой никто не обладал ни прежде, ни после него, за исключением Александра.

83. (3). С другой стороны, что касается походов и военных подвигов, то сам Ксенофонт¹²⁴¹, я думаю, не стал бы сравнивать победы Агесилая с числом трофеев Помпея, величиной армий, бывших под его начальством, количеством битв и одержанных им побед, хотя этому писателю ради его прочих достоинств предоставлено как бы преимущественное право писать и говорить об Агесилае что ему угодно.

Думается также, что Помпей своим милостивым отношением к врагам выгодно отличается от Агесилая. Последний хотел поработить Фивы и превратить в пустыню Мессену (хотя Мессена и Спарта владели равными долями в общем наследии¹²⁴², а Фивы

¹²⁴¹ 60. Ксенофонт – здесь – как автор безудержно-панегирического сочинения «Агесилай».

¹²⁴² 61. ...в общем наследии ... – Речь идет о дележе Пелопоннеса между тремя завоевателями-Гераклидами,

были городом, откуда происходил его род) и из-за этого чуть было не лишился самой Спарты и потерял владычество над Грецией. Помпей же не только поселил в городах пиратов, которые, изменив свое ремесло, перешли к новому образу жизни, но и сделал своим союзником побежденного армянского царя Тиграна, – которого мог бы провести пленником в своей триумфальной процессии, – заявив, что вечность для него ценнее одного дня.

Но если на войне следует отдавать предпочтение только важнейшим делам и планам, которые имели решительный успех, то лакедемонянин талантом полководца далеко превзошел римлянина. Действительно, во-первых, он не покинул и не отдал города врагам, хотя они вторглись в страну с семидесятитысячным войском, а у него была лишь горстка воинов, да к тому же потерпевших поражение при Левктрах. Помпей, напротив, в страхе бежал из Рима, едва только Цезарь с пятью тысячами тремястами человек захватил единственный город Италии: он либо малодушно отступил перед малочисленным противником, либо ошибочно счел врагов значительно сильнее. Кроме того, Помпей отправился в путь с женой и детьми, а семьи остальных граждан оставил беззащитными, между тем как ему следовало бы или победить, сражаясь за родину, или же принять мирные предложения сильнейшего противника, тем более, что тот был его согражданином и свойственником. А в результате как раз тому человеку, которому он считал опасным продлить срок командования или предоставить консульство, он дал возможность захватить Рим и объявить Метеллу, что он считает его самого и всех остальных своими пленниками.

84. (4). Действуя в соответствии с непреложным и важнейшим для хорошего полководца правилом: будучи сильным – принуждать врага к сражению, а чувствуя слабость – уклоняться от боя, Агесилай всегда оставался непобедимым. Цезарь, когда был слабее, ускользал от Помпея, чтобы не потерпеть поражения, а лишь только стал сильнее, то заставил его в одном сухопутном сражении рискнуть всем, что было в его руках, и сразу завладел богатствами, продовольствием и господством на море; если бы все это по-прежнему оставалось в руках врага, то последний мог бы покончить с Цезарем без всякой битвы. То, что при этом приводят в качестве наилучшего оправдания, служит самым сильным упреком опытному полководцу. Действительно, для молодого полководца (к тому же еще смущенного криком и шумом своих воинов и недостаточно сильного, чтобы противостоять их требованиям) было бы естественно и простительно отказаться от своих самых надежных расчетов. Но кто может найти извинение тому, что Помпей Магн, чей лагерь римляне называли отечеством, а палатку – сенатом, считая отступниками и предателями тех, кто вершил государственными делами в Риме, о котором было известно, что он никогда не подчинялся никакому начальнику, но все свои походы с великой славой проделал главнокомандующим, – кто найдет извинение тому, повторяю я, что такой человек из-за пустяков, из-за шуток Фавония и Домиция, из-за того, чтобы его не называли Агамемноном, ринулся в опасное сражение, рискуя верховной властью и свободой? Если он принимал в расчет славу и позор лишь одного дня, он должен был бы сразу начать сопротивление врагу и защищать Рим, а, выдавая свое бегство за Фемистоклову военную хитрость, не должен был впоследствии считать позорным промедление перед битвой в Фессалии. Ведь божество не указало именно на Фарсальскую равнину как на арену для битвы за господство над миром, и глашатай не призывал соперников спуститься на равнину и не увенчал одного из них венком. Напротив, господствуя на море, Помпей имел возможность выбрать множество других равнин, тысячи городов; наконец, в его распоряжении был бы весь мир, если бы он только захотел подражать Фабию Максиму, Марию, Лукуллу и даже самому Агесилаю. Этому последнему не только в Спарте пришлось выдержать такое же мятежное недовольство сограждан, которые хотели защищать от фиванцев свою землю, но также и в Египте терпеливо выносить подозрения и клеветнические обвинения со стороны царя, которому он советовал сохранять спокойствие. Агесилай, умея быть настойчивым в выполнении своих

получившими по жребию Лаконию, Мессению и Арголиду. Фивы – родина их общего предка Геракла.

планов, раз уж он признал их наилучшими, не только спас египтян против их воли и постоянно оберегал Спарту во время столь сильных потрясений, но даже воздвиг в самом городе памятник победы над фиванцами, дав согражданам возможность вновь одержать победу, благодаря тому что раньше не дал им пасть жертвой собственного своеволия. Поэтому впоследствии Агесилая хвалили те, своеволию которых он противился. Напротив, Помпея, который допускал ошибки по вине других, порицали те самые люди, которые побуждали его их совершать.

Некоторые утверждают, однако, что его обманул тесть Сципион, похитив и утаив большую часть денег, привезенных из Азии, с тем, чтобы заставить Помпея дать сражение, так как иначе-де не хватит денег. Если бы это даже было и верно, все же полководец не должен, попав в подобные обстоятельства, так легко позволить себя обмануть, не должен опрометчиво идти на риск решительного сражения. Вот в чем мы усматриваем различие между этими двумя людьми.

85. (5). Помпей отплыл в Египет по необходимости, как изгнанник, Агесилай же отправился туда не по необходимости, но и не из благородных побуждений, а ради денег, чтобы на средства, полученные от варваров, воевать против греков. Затем то самое, в чем мы виним египтян, погубивших Помпея, египтяне ставят в вину Агесилаю. Действительно, Помпей доверился им и поплатился за это жизнью, Агесилай же был облечен египтянами полным доверием, но покинул на произвол судьбы тех, к кому он прибыл на помощь, перейдя на сторону их врагов.

АЛЕКСАНДР И ЦЕЗАРЬ

Александр

[перевод М.Н. Ботвинника и И.А. Перельмутера]

1. Описывая в этой книге жизнь царя Александра и жизнь Цезаря, победителя Помпея, мы из-за множества событий, которые предстоит рассмотреть, не предположим этим жизнеописаниям иного введения, кроме просьбы к читателям не винить нас за то, что мы перечислим не все знаменитые подвиги этих людей, не будем обстоятельно разбирать каждый из них в отдельности, и наше изложение по большей части будет кратким. Мы пишем не историю, а жизнеописания, и не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность, но часто какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека, чем битвы, в которых гибнут десятки тысяч, руководство огромными армиями и осады городов. Подобно тому, как художники, мало обращая внимания на прочие части тела, добиваются сходства благодаря точному изображению лица и выражения глаз, в которых проявляется характер человека, так и нам пусть будет позволено углубиться в изучение признаков, отражающих душу человека, и на основании этого составлять каждое жизнеописание, предоставив другим воспевать великие дела и битвы.

2. Происхождение Александра не вызывает никаких споров: со стороны отца он вел свой род от Геракла через Карана, а со стороны матери – от Эака через Неоптолема¹²⁴³. Сообщают, что Филипп был посвящен в Самофракийские таинства¹²⁴⁴ одновременно с

---

¹²⁴³ 1. ...через Карана (легендарного основателя македонского царства)... и далее. Генеалогические конструкции, имевшие целью связать македонских царей с Гераклом и с Ахиллом (внуком Эака и отцом Неоптолема).

¹²⁴⁴ 2. Самофракийские таинства – культ подземных богов Кабиров.

Олимпиадой, когда он сам был еще отроком, а она девочкой, потерявшей своих родителей. Филипп влюбился в нее и сочетался с ней браком, добившись согласия ее брата Арибба. Накануне той ночи, когда невесту с женихом закрыли в брачном покое, Олимпиаде привиделось, что раздался удар грома и молния ударила ей в чрево, и от этого удара вспыхнул сильный огонь; языки пламени побежали во всех направлениях и затем угасли. Спустя некоторое время после свадьбы Филиппу приснилось, что он запечатал чрево жены: на печати, как ему показалось, был вырезан лев. Все предсказатели истолковывали этот сон в том смысле, что Филиппу следует строже охранять свои супружеские права, но Аристандр из Тельмесса сказал, что Олимпиада беременна, ибо ничего пустого не запечатывают, и что беременна она сыном, который будет обладать отважным, львиным характером. Однажды увидели также змея, который лежал, вытянувшись вдоль тела спящей Олимпиады; говорят, что это больше, чем что-либо другое, охладило влечение и любовь Филиппа к жене и он стал реже проводить с нею ночи – то ли потому, что боялся, как бы женщина его не околдовала или же не опоила, то ли считая, что она связана с высшим существом, и потому избегая близости с ней. О том же самом существует и другой рассказ. Издревле все женщины той страны участвуют в орфических таинствах и в оргиях в честь Диониса; участниц таинств называют клодонками и мималлонками, а действия их во многом сходны с обрядами эдонянок, а также фракиянок, живущих у подножья Гемоса (этим последним, по-моему, обязано своим происхождением слово «фрэскэуэйн» [thrēskeúein], служащее для обозначения неумеренных, сопряженных с излишествами священнодействий). Олимпиада ревностнее других была привержена этим таинствам и неистовствовала совсем по-варварски; во время торжественных шествий она несла больших ручных змей, которые часто наводили страх на мужчин, когда, выползая из-под плюща и из священных корзин, они обвивали тирсы и венки женщин.

3. После явившегося ему знамения Филипп отправил в Дельфы мегалополитанца Херона, и тот привез ему оракул Аполлона, предписывавший приносить жертвы Аммону и чтить этого бога больше всех других. Говорят также, что Филипп потерял тот глаз¹²⁴⁵, которым он, подглядывая сквозь щель в двери, увидел бога, спавшего в образе змея с его женой. Как сообщает Эратосфен, Олимпиада, провожая Александра в поход, ему одному открыла тайну его рождения и настоятельно просила его не уронить величия своего происхождения. Другие историки, наоборот, рассказывают, что Олимпиада опровергала эти толки и восклицала нередко: «Когда же Александр перестанет оговаривать меня перед Герой?»

Александр родился в шестой день месяца гекатомбеона, который у македонян называется лой, в тот самый день, когда был сожжен храм Артемиды Эфесской. По этому поводу Гегесий из Магнесии произнес остроуту, от которой веет таким холодом, что он мог бы заморозить пламя пожара, уничтожившего храм. «Нет ничего удивительного, – сказал он, – в том, что храм Артемиды сгорел: ведь богиня была в это время занята, помогая Александру появиться на свет». Находившиеся в Эфесе маги считали несчастье, приключившееся с храмом, предвестием новых бед; они бегали по городу, били себя по лицу и кричали, что этот день породил горе и великое бедствие для Азии. Филипп, который только что завоевал Потидею, одновременно получил три известия: во-первых, что Парменион в большой битве победил иллирийцев, во-вторых, что принадлежавшая ему скаковая лошадь одержала победу на Олимпийских играх, и, наконец, третье – о рождении Александра. Вполне понятно, что Филипп был сильно обрадован, а предсказатели умножили его радость объявив, что сын, рождение которого совпало с тремя победами, будет непобедим.

4. Внешность Александра лучше всего передают статуи Лисиппа, и сам он считал, что

¹²⁴⁵ 3. ...потерял тот глаз... – по Диодору (XVI, 34), во время осады Мефоны в прибрежной Македонии.

только этот скульптор достоин ваять его изображения. Этот мастер сумел точно воспроизвести то, чему впоследствии подражали многие из преемников и друзей царя, – легкий наклон шеи влево и томность взгляда. Апеллес, рисуя Александра в образе громовержца, не передал свойственный царю цвет кожи, а изобразил его темнее, чем он был на самом деле. Как сообщают, Александр был очень светлым, и белизна его кожи переходила местами в красноту, особенно на груди и на лице. Кожа Александра очень приятно пахла, а изо рта и от всего тела исходило благоухание¹²⁴⁶, которое передавалось его одежде, – это я читал в записках Аристоксена. Причиной этого, возможно, была температура его тела, горячего и огненного, ибо, как думает Феофраст, благовоние возникает в результате воздействия теплоты на влагу. Поэтому больше всего благовоний, и притом самых лучших, производят сухие и жаркие страны, ибо солнце удаляет с поверхности тел влагу, которая дает пищу гниению. Этой же теплотой тела, как кажется, порождалась у Александра и склонность к пьянству и вспыльчивость.

Еще в детские годы обнаружилась его воздержность: будучи во всем остальном неистовым и безудержным, он был равнодушен к телесным радостям и предавался им весьма умеренно; честолюбие же Александра приводило к тому, что его образ мыслей был не по возрасту серьезным и возвышенным. Он любил не всякую славу и искал ее не где попало, как это делал Филипп, подобно софисту хваставшийся своим красноречием и увековечивший победы своих колесниц в Олимпии изображениями на монетах. Однажды, когда приближенные спросили Александра, отличавшегося быстротой ног, не пожелает ли он состязаться в беге на Олимпийских играх, он ответил: «Да, если моими соперниками будут цари!» Вообще Александр, по-видимому, не любил атлетов: он устраивал множество состязаний трагических поэтов, флейтистов, кифаредов и рапсодов, а также различные охотничьи соревнования и бои на палках, но не проявлял никакого интереса к кулачным боям или к панкратию и не назначал наград их участникам.

5. Когда в отсутствие Филиппа в Македонию прибыли послы персидского царя, Александр, не растерявшись, радушно их принял; он настолько покорило послов своей приветливостью и тем, что не задал ни одного детского или малозначительного вопроса, а расспрашивал о протяженности дорог, о способах путешествия в глубь Персии, о самом царе – каков он в борьбе с врагами, а также о том, каковы силы и могущество персов, что они немало удивлялись и пришли к выводу, что прославленные способности Филиппа меркнут перед величием замыслов и стремлений этого мальчика. Всякий раз, как приходило известие, что Филипп завоевал какой-либо известный город или одержал славную победу, Александр мрачнел, слыша это, и говорил своим сверстникам: «Мальчики, отец успеет захватить все, так что мне вместе с вами не удастся совершить ничего великого и блестящего». Стремясь не к наслаждению и богатству, а к доблести и славе, Александр считал, что чем больше получит он от своего отца, тем меньше сможет сделать сам. Возрастание македонского могущества порождало у Александра опасения, что все великие деяния будут совершены до него, а он хотел унаследовать власть, чреватую не роскошью, удовольствиями и богатством, но битвами, войнами и борьбой за славу.

Само собой разумеется, что образованием Александра занимались многочисленные воспитатели, наставники и учителя, во главе которых стоял родственник Олимпиады Леонид, муж сурового нрава; хотя сам Леонид и не стыдился звания воспитателя и дядьки, звания по существу прекрасного и достойного, но из уважения к нему и его родственным связям все называли его руководителем и наставником Александра. Дядькой же по положению и по званию был Лисимах, акарнанец родом. В этом человеке не было никакой утонченности, но лишь за то, что он себя называл Фениксом¹²⁴⁷, Александра – Ахиллом, а

¹²⁴⁶ 4. ...благоухание... – По-видимому, оно рассматривалось как знак божественного происхождения Александра.

¹²⁴⁷ 5. ...называл Фениксом... – Т.е. воспитателем Ахилла, Пелеева сына, сопровождавшим его под Троей (ср.

Филиппа – Пелеем, его высоко ценили и среди воспитателей он занимал второе место.

6. Фессалиец Филоник привел Филиппу Букефала¹²⁴⁸, предлагая продать его за тринадцать талантов, и, чтобы испытать коня, его вывели на поле. Букефал оказался диким и неукротимым; никто из свиты Филиппа не мог заставить его слушаться своего голоса, никому не позволял он сесть на себя верхом и всякий раз взвизгивал на дыбы. Филипп рассердился и приказал увести Букефала, считая, что объездить его невозможно. Тогда присутствовавший при этом Александр сказал: «Какого коня теряют эти люди только потому, что по собственной трусости и неловкости не могут укротить его». Филипп сперва промолчал, но когда Александр несколько раз с огорчением повторил эти слова, царь сказал: «Ты упрекаешь старших, будто больше их смыслишь или лучше умеешь обращаться с конем». «С этим, по крайней мере, я справлюсь лучше, чем кто-либо другой», – ответил Александр. «А если не справишься, какое наказание понесешь ты за свою дерзость?» – спросил Филипп. «Клянусь Зевсом, – сказал Александр, – я заплачу то, что стоит конь!» Поднялся смех, а затем отец с сыном побились об заклад на сумму, равную цене коня. Александр сразу подбежал к коню, схватил его за узду и повернул мордой к солнцу: по-видимому, он заметил, что конь пугается, видя впереди себя колеблющуюся тень. Некоторое время Александр пробежал рядом с конем, поглаживая его рукой. Убедившись, что Букефал успокоился и дышит полной грудью, Александр сбросил с себя плащ и легким прыжком вскочил на коня. Сперва, слегка натянув поводья, он сдерживал Букефала, не нанося ему ударов и не дергая за узду. Когда же Александр увидел, что норов коня не грозит больше никакой бедой и что Букефал рвется вперед, он дал ему волю и даже стал понукать его громкими восклицаниями и ударами ноги. Филипп и его свита молчали, объятые тревогой, но когда Александр, по всем правилам повернув коня, возвратился к ним, гордый и ликующий, все разразилось громкими криками. Отец, как говорят, даже прослезился от радости, поцеловал сошедшего с коня Александра и сказал: «Ищи, сын мой, царство по себе, ибо Македония для тебя слишком мала!»

7. Филипп видел, что Александр от природы упрям, а когда рассердится, то не уступает никакому насилию, но зато разумным словом его легко можно склонить к принятию правильного решения; поэтому отец старался больше убеждать, чем приказывать. Филипп не решался полностью доверить обучение и воспитание сына учителям музыки и других наук, входящих в круг общего образования, считая, что дело это чрезвычайно сложное и, как говорит Софокл,

Кормило нужно тут и твердая узда¹²⁴⁹.

Поэтому царь призвал Аристотеля¹²⁵⁰, самого знаменитого и ученого из греческих философов, а за обучение расплатился с ним прекрасным и достойным способом: Филипп восстановил им же самим разрушенный город Стагиру, откуда Аристотель был родом, и возвратил туда бежавших или находившихся в рабстве граждан. Для занятий и бесед он

ниже гл. 24).

¹²⁴⁸ 6. *Букефала* – буквально «Быкоглавый»: так называлась порода лучших фессалийских коней. Цена в 13 талантов раз в 60 больше средней цены IV в.

¹²⁴⁹ 7. ...*Кормило нужно тут и твердая узда.* – Стих из неизвестной трагедии Софокла.

¹²⁵⁰ 8. ...*царь призвал Аристотеля...* – Аристотель еще не был «самым знаменитым» из греческих философов, но он был свойственником правителя малоазиатского Атарнея, где Филипп рассчитывал иметь опору против персидского царя.

отвел Аристотелю и Александру рощу около Миезы¹²⁵¹, посвященную нимфам, где и поныне показывают каменные скамьи, на которых сидел Аристотель, и тенистые места, где он гулял со своим учеником. Александр, по-видимому, не только усвоил учения о нравственности и государстве, но приобщился и к тайным, более глубоким учениям, которые философы называли «устными» и «скрытыми»¹²⁵² и не предавали широкой огласке. Находясь уже в Азии, Александр узнал, что Аристотель некоторые из этих учений обнародовал в книгах, и написал ему откровенное письмо¹²⁵³ в защиту философии, текст которого гласит: «Александр Аристотелю желает благополучия! Ты поступил неправильно, обнародовав учения, предназначенные только для устного преподавания. Чем же будем мы отличаться от остальных людей, если те самые учения, на которых мы были воспитаны, сделаются общим достоянием? Я хотел бы превосходить других не столько могуществом, сколько знаниями о высших предметах. Будь здоров». Успокаивая уязвленное честолюбие Александра, Аристотель оправдывается, утверждая, что эти учения хотя и обнародованы, но вместе с тем как бы и не обнародованы. В самом деле, сочинение о природе было с самого начала предназначено для людей образованных и совсем не годится ни для преподавания, ни для самостоятельного изучения.

8. Мне кажется, что и любовь к врачеванию Александру более, чем кто-либо другой, внушил Аристотель¹²⁵⁴. Царь интересовался не только отвлеченной стороной этой науки, но, как можно заключить из его писем, приходил на помощь заболевшим друзьям, назначая различные способы лечения и лечебный режим. Вообще Александр от природы был склонен к изучению наук и чтению книг. Он считал, и нередко говорил об этом, что изучение «Илиады» – хорошее средство для достижения военной доблести. Список «Илиады», исправленный Аристотелем и известный под названием «Илиада из шкатулки»¹²⁵⁵, он всегда имел при себе, храня его под подушкой вместе с кинжалом, как об этом сообщает Онесикрит. Так как в глубине Азии Александр не имел под рукой никаких иных книг, Гарпал по приказу царя прислал ему сочинения Филиста, многие из трагедий Эврипида, Софокла и Эсхила, а также дифирамбы Телеста и Филоксена. Александр сначала восхищался Аристотелем и, по его собственным словам, любил учителя не меньше, чем отца, говоря, что Филиппу он обязан тем, что живет, а Аристотелю тем, что живет достойно. Впоследствии царь стал относиться к Аристотелю с подозрительностью, впрочем, не настолько большою, чтобы причинить ему какой-либо вред, но уже самое ослабление его любви и привязанности к философу было свидетельством отчуждения. Однако врожденные и привитые ему с детства рвение и страсть к философии не угасли в душе Александра, как это доказывают почести, оказанные им Анаксарху, пятьдесят талантов, посланные Ксенократу, и заботы о Дандамиде и Калане.

9. Когда Филипп пошел походом против византийцев, Александр, которому было только шестнадцать лет, остался правителем Македонии, и ему была доверена

¹²⁵¹ 9. *Миеза* – городок в южной Македонии.

¹²⁵² 10. ...«устными» и «скрытыми»... – Среди сочинений Аристотеля, действительно, были «эксотерические», предназначенные для всякого читателя, и «эсотерические», предназначенные для учеников и последователей, но «таинственность» их Плутархом преувеличена.

¹²⁵³ 11. ...*письмо*... – По-видимому (как и большинство других цитируемых «писем»), позднейшая риторическая подделка.

¹²⁵⁴ 12. ...*любовь к врачеванию*... *внушил Аристотель*. – Отец Аристотеля был профессиональным врачом при Филиппе Македонском.

¹²⁵⁵ 13. «*Илиада из шкатулки*». – См. ниже, гл. 26.

государственная печать. За это время Александр покорил восставших медов, захватил их город, изгнал оттуда варваров и, заселив его переселенцами из различных мест, назвал Александрополем. Александр участвовал также в битве с греками при Херонее и, говорят, первый бросился в бой со священным отрядом фиванцев¹²⁵⁶. И в наши дни показывают старый дуб у реки Кефиса – так называемый дуб Александра, возле которого стояла его палатка; неподалеку находятся могилы македонян. За все это Филипп, естественно, очень любил сына, так что даже радовался, когда македоняне называли Александра своим царем, а Филиппа полководцем.

Однако неприятности в царской семье, вызванные браками и любовными похождениями Филиппа, перешагнули за пределы женской половины его дома и стали влиять на положение дел в государстве; это порождало многочисленные жалобы и жестокие раздоры, которые усугублялись тяжестью нрава ревливой и скорой на гнев Олимпиады, постоянно восстанавливавшей Александра против отца. Самая сильная ссора между ними произошла по вине Аттала на свадьбе Клеопатры, молодой девушки, с которой Филипп вступал в брак, влюбившись в нее несмотря на свой возраст. Аттал, дядя невесты, опьянев во время пиршества, стал призывать македонян молить богов, чтобы у Филиппа и Клеопатры родился законный наследник престола. Взбешенный этим Александр вскричал: «Так что же, негодяй, я по-твоему незаконнорожденный, что ли?» – и швырнул в Аттала чашу. Филипп бросился на сына, обнажив меч, но по счастью для обоих гнев и вино сделали свое дело: царь споткнулся и упал. Александр, издеваясь над отцом, сказал: «Смотрите люди! Этот человек, который собирается переправиться из Европы в Азию¹²⁵⁷, растянулся, переправляясь от ложа к ложу». После этой пьяной ссоры Александр забрал Олимпиаду и, устроив ее жить в Эпире, сам поселился в Иллирии. В это время коринфянин Демарат, связанный с царским домом узами гостеприимства и пользовавшийся поэтому правом свободно говорить с царем, приехал к Филиппу. После первых приветствий и обмена любезностями Филипп спросил его, как ладят между собою греки. «Что и говорить, Филипп, кому как не тебе заботиться о Греции, – отвечал Демарат, – тебе, который в свой собственный дом внес распрю и беды!» Эти слова заставили Филиппа одуматься, и он послал за Александром, уговорив его, через посредничество Демарата, вернуться домой.

10. Когда Пиксодар, сатрап Карики, стремясь заключить военный союз с Филиппом, задумал породниться с ним и предложил свою старшую дочь в жены сыну царя Арридею, он послал с этой целью в Македонию Аристокрита. Опять пошли разговоры; и друзья и мать Александра стали клеветать на его отца, утверждая, будто Филипп блестящей женитьбой и сильными связями хочет обеспечить Арридею царскую власть. Весьма обеспокоенный этим Александр послал трагического актера Фессала в Карию, поручив ему убедить Пиксодара отвергнуть незаконнорожденного и к тому же слабоумного Арридея, а вместо этого породниться с Александром. Этот план понравился Пиксодару гораздо больше первоначального. Узнав об этом, Филипп... [*текст в оригинале испорчен*] вошел в комнату Александра вместе с одним из его близких друзей – Филотом, сыном Пармениона. Царь горько корил сына и резко бранил его, называя человеком низменным, недостойным своего высокого положения, раз он хочет стать зятем карийца, подвластного царю варваров. Коринфянам же Филипп написал, чтобы они, заковав Фессала в цепи, прислали его в Македонию. Из остальных друзей Александра Филипп изгнал из Македонии Гарпала, Неарха, а также Эригия и Птолемея; впоследствии Александр вернул их и осыпал величайшими почестями.

Когда Павсаний, потерпевший жестокую обиду из-за Аттала и Клеопатры, не нашел справедливости у Филиппа и убил его, то в этом преступлении больше всего обвиняли

¹²⁵⁶ 14. ...со священным отрядом фиванцев. – См.: Пел., 18—19.

¹²⁵⁷ 15. ...из Европы в Азию... – Филипп уже готовился к войне против Персии.

Олимпиаду, утверждая, будто она подговорила и побудила к действию разъяренного молодого человека. Обвинение коснулось и Александра: шли толки, что, когда после нанесенного ему оскорбления Павсаний встретил Александра и пожаловался ему на свою судьбу, тот ответил стихом из «Медеи»:

Всем отмстить – отцу, невесте, жениху¹²⁵⁸.

Тем не менее, разыскав участников заговора, Александр наказал их и очень возмущался тем, что Олимпиада в его отсутствие жестоко расправилась с Клеопатрой.

11. Итак, двадцати лет от роду Александр получил царство, которому из-за сильной зависти и страшной ненависти соседей грозили со всех сторон опасности. Варварские племена не хотели быть рабами, но стремились восстановить искони существовавшую у них царскую власть; что же касается Греции, то Филипп, покоривший ее силой оружия, не успел принудить греков смириться и покорно нести свое бремя. Филипп только перевернул и смешал там все, оставив страну в великом разброде и волнении, вызванном непривычным порядком вещей. Все это внушало македонянам опасения, и они считали, что Александру вовсе не следует вмешиваться в дела Греции и прибегать там к насилию, а восставших варваров надо привести к покорности, не обращаясь к жестоким мерам и стараясь пресекать попытки к перевороту в самом зародыше. Александр придерживался противоположного мнения и стремился добиться безопасности и спасти положение дерзостью и неустрашимостью, так как полагал, что, прояви он хоть малейшую уступчивость, и все враги тотчас на него набросятся. Волнениям среди варваров и войнам в их землях он сразу же положил конец, быстро пройдя с войском вплоть до реки Истра, где он в большой битве разбил царя трибаллов Сирма. Узнав, что фиванцы восстали и что афиняне в союзе с ними, Александр немедленно повел свои войска через Фермопилы и объявил, что он хочет, чтобы Демосфен, который назвал его мальчиком¹²⁵⁹, когда он воевал с иллирийцами и трибаллами, и подростком, когда он достиг Фессалии, увидел его мужчиной под стенами Афин. Подойдя к Фивам, Александр, желая еще раз дать жителям возможность раскаяться в содеянном, потребовал выдать только Феника и Протита и обещал безнаказанность тем, кто перейдет на его сторону. Фиванцы, с своей стороны, потребовали выдачи Филота и Антипатра и призвали тех, кто хочет помочь освобождению греков, перейти на их сторону. Тогда Александр приказал македонянам начать сражение. Фиванцы бились с мужеством и доблестью, превышавшими их силы, оказывая сопротивление врагу во много раз более многочисленному. Однако, когда македонский гарнизон, занимавший Кадмею, выйдя из крепости, напал на них с тыла, большинство фиванцев попало в окружение и погибло в битве. Город был взят, разграблен и стерт с лица земли. Александр рассчитывал, что греки, потрясенные таким бедствием, впредь из страха будут сохранять спокойствие; кроме того, он оправдывал свои действия тем, что удовлетворил своих союзников, ибо фокейцы и платейцы выдвигали против фиванцев ряд обвинений. Пощадив только жрецов, граждан, связанных с македонянами узами гостеприимства, потомков Пиндара¹²⁶⁰, а также тех, кто голосовал против восстания, Александр продал всех остальных в рабство, а их оказалось более тридцати тысяч. Убитых было более шести тысяч.

12. Среди многочисленных бедствий и несчастий, постигших город, произошло

---

¹²⁵⁸ 16. *Всем отмстить – отцу, невесте, жениху.* – Стих из «Медеи» Эврипида, ст. 288: у Эврипида имеются в виду Креонт, Креуса и Ясон, которым грозит отмстить Медея, здесь – Аттал, Клеопатра и Филипп.

¹²⁵⁹ 17. *...назвал его мальчиком...* – Ср. : Дем., 23.

¹²⁶⁰ 18. *Пиндар* – этот поэт сочинял похвальные песни македонскому царю Александру I.

следующее. Несколько фракийцев ворвались в дом Тимоклеи¹²⁶¹, женщины добродетельной и пользовавшейся доброй славой. Пока фракийцы грабили имущество Тимоклеи, их предводитель насильно овладел женщиной, а потом спросил ее, не спрятала ли она где-нибудь золото или серебро. Тимоклея ответила утвердительно и, отведя фракийца в сад, показала колодец, куда, по ее словам, она бросила во время взятия города самые ценные из своих сокровищ. Фракиец наклонился над колодцем, чтобы заглянуть туда, а Тимоклея, став сзади, толкнула его вниз и бросала камни до тех пор, пока не убила врага. Когда связанную Тимоклею привели к Александру, уже по походе и осанке можно было судить о величии духа этой женщины – так спокойно и бесстрашно следовала она за ведущими ее фракийцами. На вопрос царя, кто она такая, Тимоклея ответила, что она сестра полководца Феагена, сражавшегося против Филиппа за свободу греков и павшего при Херонее. Пораженный ее ответом и тем, что она сделала, Александр приказал отпустить на свободу и женщину, и ее детей.

13. Александр заключил мир с афинянами, несмотря на то, что они проявили большое сочувствие к бедствию, постигшему Фивы: уже начав справлять таинства, они в знак траура отменили праздник и оказали всяческую поддержку беглецам из Фив. То ли потому, что Александр, подобно льву, уже насытил свой гнев, то ли потому, что он хотел противопоставить жесточайшему и бесчеловечнейшему деянию милосердный поступок, однако царь не только простил афинянам все их провинности, но даже дал им наказ внимательно следить за положением дел в стране: по его мысли, в том случае если бы с ним случилась беда, именно Афинам предстояло править Грецией. Говорят, что впоследствии Александр не раз сожалел о несчастье фиванцев и это заставляло его со многими из них обходиться милостиво. Более того, убийство Клита, совершенное им в состоянии опьянения, и трусливый отказ македонян следовать за ним против индийцев, отказ, который оставил его поход незавершенным, а славу не полной, – все это Александр приписывал гневу и мести Диониса¹²⁶². Из оставшихся в живых фиванцев не было ни одного, кто бы впоследствии, придя к царю и попросив у него что-нибудь, получил отказ. Вот то, что касается Фив.

14. Собравшись на Истме и постановив вместе с Александром идти войной на персов, греки провозгласили его своим вождем. В связи с этим многие государственные мужи и философы приходили к царю и выражали свою радость. Александр предполагал, что так же поступит и Диоген из Синопы, живший тогда возле Коринфа. Однако Диоген, ни мало не заботясь об Александре, спокойно проводил время в Крании¹²⁶³, и царь отправился к нему сам. Диоген лежал и грелся на солнце. Слегка приподнявшись при виде такого множества приближающихся к нему людей, философ пристально посмотрел на Александра. Поздоровавшись, царь спросил Диогена, нет ли у него какой-нибудь просьбы: «Отступи чуть в сторону, – ответил тот, – не заслоняй мне солнца». Говорят, что слова Диогена произвели на Александра огромное впечатление и он был поражен гордостью и величием души этого человека, отнесшегося к нему с таким пренебрежением. На обратном пути он сказал своим спутникам, шутившим и насмехавшимся над философом: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном».

Желая спросить бога о предстоящем походе, Александр прибыл в Дельфы. Случилось так, что его приезд совпал с одним из несчастливых дней, когда закон не позволяет давать предсказания. Сначала Александр послал за прорицательницей, но так как она, ссылаясь на закон, отказалась прийти, Александр пошел за ней сам, чтобы силой притащить ее в храм.

¹²⁶¹ 19. ...ворвались в дом Тимоклеи... – Плутарх повторяет этот рассказ в сочинении «О доблестях женщин», 24.

¹²⁶² 20. ....мести Диониса. – Дионис родился и чтился в Фивах. О Клите см. ниже, гл. 50.

¹²⁶³ 21. Краний – пригород Коринфа.

Тогда жрица, уступая настойчивости царя, воскликнула: «Ты непобедим, сын мой!» Услышав это, Александр сказал, что он не нуждается больше в прорицании, так как уже получил оракул, который хотел получить.

Когда Александр выступил в поход, среди прочих знамений, которые явило ему божество, было вот какое: в эти дни с находившейся в Либетрах¹²⁶⁴ деревянной статуи Орфея (она была сделана из кипарисового дерева) обильно капал пот. Все боялись этого знамения, но Аристандр призвал не терять мужества, говоря, что Александр совершит подвиги, достойные песен и сказаний, и тем заставит потеть и трудиться певцов и сочинителей гимнов.

15. Войско Александра состояло, по сообщению тех, которые указывают наименьшее число, из тридцати тысяч пехотинцев и четырех тысяч всадников, а по сведениям тех, которые называют наибольшее, – из сорока трех тысяч пехотинцев и пяти тысяч всадников. Средств на содержание войска у Александра было, как сообщает Аристобул, не более семидесяти талантов, по словам Дурида, продовольствия было только на тридцать дней, кроме того, по сведениям Онесикрита, царь задолжал двести талантов. Несмотря на то, что при выступлении Александр располагал столь немногим и был так стеснен в средствах, царь прежде, чем взойти на корабль, разузнал об имущественном положении своих друзей и одного наделил поместьем, другого – деревней, третьего – доходами с какого-нибудь поселения или гавани. Когда, наконец, почти все царское достояние было распределено и роздано, Пердикка спросил его: «Что же, царь, оставляешь ты себе?» «Надежды!» – ответил Александр. «В таком случае, – сказал Пердикка, – и мы, выступающие вместе с тобой, хотим иметь в них долю». Пердикка отказался от пожалованного ему имущества, и некоторые из друзей Александра последовали его примеру. Тем же, кто просил и принимал его благодеяния, Александр дарил охотно, и таким образом он роздал почти все, чем владел в Македонии.

С такой решимостью и таким образом мыслей Александр переправился через Геллеспонт. Прибыв к Илиону, Александр принес жертвы Афине и совершил возлияния героям. У надгробия Ахилла он, согласно обычаю, умастил тело и нагой состязался с друзьями в беге вокруг памятника; затем, возложив венок, он сказал, что считает Ахилла счастливым, потому что при жизни он имел преданного друга, а после смерти – великого глашатая своей славы¹²⁶⁵. Когда царь проходил по Илиону и осматривал достопримечательности, кто-то спросил его, не хочет ли он увидеть лиру Александра¹²⁶⁶. Царь ответил, что она его несколько не интересует, разыскивает же он лиру Ахилла, под звуки которой тот воспевал славу и подвиги доблестных мужей.

16. Между тем полководцы Дария собрали большое войско и построили его у переправы через Граник. Сражение было неизбежно, ибо здесь находились как бы ворота Азии, и, чтобы начать вторжение, надо было биться за право входа. Однако многих пугала глубина реки, обрывистость и крутизна противоположного берега, который предстояло брать с боем. Некоторые полагали также, что следует считаться с обычаем, установившимся в отношении месяца десия: в этом месяце македонские цари обыкновенно не начинали походов. Однако Александр поправил дело, приказав называть этот месяц вторым артемисием¹²⁶⁷. Пармениону, который настаивал на том, что в такое позднее время дня

¹²⁶⁴ 22. ...в Либетрах... – Святилище Орфея у подножья Олимпа.

¹²⁶⁵ 23. Преданного друга – Патрокла, глашатая славы – Гомера. По Арриану, когда Александр увенчал курган Ахилла, то друг его Гефестион – курган Патрокла.

¹²⁶⁶ 24. ...лиру Александра. – Т.е. Париса. В «Илиаде» о ней не упоминается; об Ахилловой же лире см. IX, 189.

¹²⁶⁷ 25. ...вторым артемисием. – Александр вставил в календарь этого года дополнительный месяц, что

переправа слишком рискованна, Александр ответил, что ему будет стыдно перед Геллеспонтом, если, переправившись через пролив, он убоится Граника, и с тринадцатью илами¹²⁶⁸ всадников царь бросился в реку. Он вел войско навстречу неприятельским копьям и стрелам на обрывистые скалы, усеянные пехотой и конницей врага, через реку, которая течением сносила коней и накрывала всадников с головой, и казалось, что им руководит не разум, а безрассудство и что он действует, как безумец. Как бы то ни было, Александр упорно продолжал переправу и ценой огромного напряжения сил овладел противоположным берегом, мокрым и скользким, так как почва там была глинистая. Тотчас пришлось начать беспорядочное сражение, воины по-одному вступали в рукопашный бой с наступающим противником, пока, наконец, удалось построить войско хоть в какой-то боевой порядок. Враги нападали с криком, направляя конницу против конницы; всадники пускали в ход копья, а когда копья сломались, стали биться мечами. Многие устремились на Александра, которого легко было узнать по щиту и по султану на шлеме: с обеих сторон султана было по перу удивительной величины и белизны. Пущенный в царя дротик пробил сгиб панциря, но тела не коснулся. Тут на Александра одновременно бросились два персидских военачальника, Ресак и Спифридат. От одного царь увернулся, а на Ресака напал первым и ударил его копьем, но копье от удара о панцирь сломалось, и Александр взялся за меч. Спифридат, остановив коня сбоку от сражавшихся и быстро приподнявшись в седле, нанес Александру удар персидской саблей. Гребень шлема с одним из перьев отлетел и шлем едва выдержал удар, так что острие сабли коснулось волос Александра. Спифридат снова приподнялся, но перса опередил Клит, по прозвищу Черный, пронзив его насквозь копьем. Одновременно упал и Ресак, пораженный мечом Александра.

Пока конница Александра вела этот опасный бой, македонская фаланга переправилась через реку и сошлась с пехотой противника. Персы сопротивлялись вяло и недолго; в скором времени все, кроме греческих наемников, обратились в бегство. Эти последние, сомкнув ряды у подножья какого-то холма, были готовы сдаться при условии, если Александр обещает им безопасность. Однако, руководясь скорее гневом, чем расчетом, Александр напал на них первым и при этом потерял своего коня, пораженного в бок мечом (это был не Букефал, а другой конь). Именно в этой схватке больше всего македонян было ранено и убито, так как сражаться пришлось с людьми воинственными и отчаявшимися в спасении. Передают, что варвары потеряли двадцать тысяч пехотинцев и две тысячи пятьсот всадников. Аристобул сообщает, что в войске Александра погибло всего тридцать четыре человека, из них девять пехотинцев. Александр приказал воздвигнуть бронзовые статуи погибших; статуи эти изваял Лисипп. Разделяя часть победы с греками, царь особо выделил афинянам триста захваченных у врага щитов, а на остальной добыче приказал от имени всех победителей сделать гордую надпись: «Александр, сын Филиппа, и греки, за исключением лакедемонян, взяли у варваров, населяющих Азию». Кубки, пурпурные ткани и другие вещи подобного рода, захваченные у персов, за небольшим исключением, Александр отослал матери.

17. Это сражение сразу изменило положение дел в пользу Александра, и он занял Сарды – главную твердыню приморских владений варваров. Многие города и области также подчинились ему, сопротивление оказали только Галикарнас и Милет. Овладев силой этими городами и подчинив окрестные земли, Александр стал думать, что делать дальше, и много раз менял свои решения: то он хотел поскорее встретиться с Дарием для решающей битвы, то останавливался на мысли сперва воспользоваться богатствами приморских областей и лишь потом, усилившись, идти против царя.

Недалеко от города Ксанфа, в Ликии, есть источник, который, говорят, как раз в это

делалось каждые несколько лет.

¹²⁶⁸ 26. Ила – конный отряд численностью около 60 бойцов.

время без всякой видимой причины пришел в волнение, разлился и вынес из глубины медную таблицу со следами древних писмен. Там было начертано, что персидскому государству придет конец и что оно будет разрушено греками. Вдохновленный этим предсказанием, Александр поспешил освободить от персов приморские области вплоть до Финикии и Киликии. Быстрое продвижение македонян через Памфилию дало многим историкам живописный материал для вымыслов и преувеличений. Как они рассказывают, море, по божественному изволению, отступило перед Александром, хотя обычно оно стремительно катило свои волны на берег, лишь изредка оставляя обнаженными небольшие утесы у подножья крутой, изрезанной ущельями горной цепи. Несомненно, что именно этот неправдоподобный рассказ высмеивает Менандр в одной из своих комедий:

Все, совсем как Александру, удастся мне. Когда
Отыскать хочу кого-то, сразу он найдется сам.
Если надо мне за море, я и по морю пройду.

Между тем сам Александр не упоминает в своих письмах о каких-либо чудесах такого рода, но говорит, что он двигался по так называемой «Лестнице»¹²⁶⁹ и прошел ее, выйдя из Фаселиды. В этом городе он провел несколько дней и видел там стоявшую на рыночной площади статую недавно скончавшегося Феодекта (он был родом из Фаселиды). После ужина Александр, пьяный, в сопровождении веселой компании, направился к памятнику и набросал к его подножью много венков. Так, забавляясь, он воздал дань признательности человеку, с которым познакомился благодаря Аристотелю и занятиям философией.

18. После этого царь покорил оказавших ему сопротивление жителей Писидии и занял Фригию. Взяв город Гордий, о котором говорят, что он был родиной древнего царя Мидаса, Александр увидел знаменитую колесницу, дышло которой было скреплено с ярмом кизиловой корою, и услышал предание (в истинности его варвары были вполне убеждены), будто тому, кто развяжет узел, закреплявший ярмо, суждено стать царем всего мира. Большинство писателей рассказывает, что узел был столь запутанным, а концы так искусно запряганы, что Александр не сумел его развязать и разрубил мечом; тогда в месте разруба обнаружились многочисленные концы креплений. Но по рассказу Аристула, Александру легко удалось разрешить задачу и освободить ярмо, вынув из переднего конца дышла крюк – так называемый «гестор» [héstōr], которым закрепляется ярменный ремень.

Вскоре после этого, подчинив Пафлагонию и Каппадокию, Александр узнал о смерти Мемнона, от которого, более чем от любого из полководцев Дария в приморских областях, можно было ждать бесчисленных хлопот и затруднений. Это известие еще больше укрепило Александра в его намерении совершить поход в глубь страны.

В это время Дарий двигался из Суз по направлению к морю. Он полагался на численность своего войска (под его началом было шестьсот тысяч¹²⁷⁰) и к тому же царя воодушевило сновидение, которое маги истолковывали, исходя из желания скорее угодить, чем раскрыть истинное его значение. Дарию приснилось, что македонская фаланга вся объята огнем и что Александр прислуживает ему, а на Александре та самая стола, которую он, Дарий, носил, еще будучи царским гонцом; потом Александр вошел в храм Бела и исчез. Божество, по-видимому, возвещало этим сном, что македоняне совершат блестящие подвиги, молва о которых разнесется повсюду, и что Александр завладеет Азией, подобно тому как завладел ею Дарий, который был гонцом, а стал царем, и что вскоре после этого македонский царь со славой окончит свою жизнь.

---

¹²⁶⁹ 27. «Лестница» – это была горная тропа вдоль ликийского берега.

¹²⁷⁰ 28. ...шестьсот тысяч... – Эта и другие цифры численности персидских войск, как обычно у греческих историков, фантастически завышены.

19. Узнав о длительном пребывании Александра в Киликии, Дарий счел это признаком трусости, что еще больше ободрило его. В действительности же причиной задержки была болезнь царя, вызванная по мнению одних переутомлением, а по мнению других – простудой после купанья в ледяной воде реки Кидна. Никто из врачей не решался лечить Александра, считая, что опасность слишком велика и что ее нельзя одолеть никаким лекарством; в случае неудачи врачи боялись навлечь на себя обвинения и гнев македонян. Один только Филипп, акарнанец, видя тяжелое состояние больного, поставил дружбу превыше всего и счел преступным не разделить опасность с Александром и не исчерпать – пусть даже с риском для себя – все средства. Он приготовил лекарство и убедил царя оставить все сомнения и выпить его, если он желает восстановить свои силы для продолжения войны. В это самое время находившийся в лагере македонян Парменион послал царю письмо, советуя ему остерегаться Филиппа, так как Дарий будто бы посулил врачу большие подарки и руку своей дочери и тем склонил его к убийству Александра. Царь прочитал письмо и, не показав его никому из друзей положил себе под подушку. В установленный час Филипп в сопровождении друзей царя вошел к нему, неся чашу с лекарством. Александр передал ему письмо, а сам без колебаний, доверчиво взял у него из рук лекарство. Это было удивительное, достойное созерцания зрелище. В то время как Филипп читал письмо, Александр пил лекарство, затем оба одновременно взглянули друг на друга, но несходно было их поведение: на ясном, открытом лице Александра отражалось благоволение и доверие к Филиппу, между тем как врач, возмущенный клеветой, то вздымал руки к небу и призывал богов в свидетели, то, бросаясь к ложу царя, умолял его мужаться и доверять ему. Лекарство сначала очень сильно подействовало на Александра и как бы загнало вглубь его телесные силы: утратив дар речи, больной впал в беспамятство и едва подавал признаки жизни. Вскоре, однако, Александр был приведен Филиппом в чувство, быстро окреп и, наконец, появился перед македонянами, уныние которых не прекращалось, пока они не увидели царя.

20. В войске Дария находился бежавший со своей родины македонянин по имени Аминт, хорошо знавший характер Александра. Видя, что Дарий намеревается идти на Александра узкими горными проходами, Аминт посоветовал персидскому царю оставаться на месте, чтобы дать сражение на широких, открытых равнинах и использовать свое значительное численное превосходство. Дарий ответил, что боится, как бы враги не обратились в бегство и Александр от него не ускользнул. «Этого, царь, – сказал Аминт, – ты можешь не опасаться. Александр обязательно пойдет против тебя и, наверно, уже идет». Однако Аминт не сумел убедить царя, и Дарий, снявшись с лагеря, направился в Киликию, а Александр в это же время двинул свои войска на персов в Сирию. Ночью оба войска разминувшись, и каждое точас повернуло назад. Александр, обрадованный счастливой случайностью, спешил захватить персов в горных проходах, а Дарий стремился вывести свою армию из теснин и вернуться в прежний лагерь. Он уже осознал, что совершил ошибку, вступив в эту сильно пересеченную местность, зажатую между морем и горами, разделенную посередине рекой Пинаром и неудобную для конницы, но очень выгодную для действий малочисленных сил врага. Отличную позицию Александру предоставила судьба, но победу ему обеспечило скорее искусное командование, чем слепое счастье. Несмотря на то, что его силы значительно уступали численностью силам варваров, Александр не дал себя окружить, напротив, обойдя своим правым крылом левое крыло вражеского войска, он ударил персам во фланг и обратил стоявших против него варваров в бегство. Сражаясь в первых рядах, Александр был ранен мечом в бедро, как сообщает Харет, самим Дарием, ибо дело дошло до рукопашной схватки между ними. Но Александр, рассказывая об этой битве в письме к Антипатру, не называет того, кто нанес ему рану. Он пишет, что был ранен в бедро кинжалом, но что ранение не было опасным.

Александр одержал блестящую победу, уничтожил более ста десяти тысяч врагов, но не смог захватить Дария, который, спасаясь бегством, опередил его на четыре или пять стадиев. Во время погони Александру удалось захватить колесницу и лук царя. По

возвращении он обнаружил, что македоняне грабят лагерь варваров, вынося оттуда всякого рода ценности, которых было огромное множество, несмотря на то, что большую часть обоза персы оставили в Дамаске и пришли к месту битвы налегке. Воины предназначили для Александра наполненную драгоценностями палатку Дария со множеством прислуги и богатой утварью. Александр тотчас снял доспехи и направившись в купальню, сказал: «Пойдем, смоем пот битвы в купальне Дария!» «Не Дария, а Александра! – воскликнул один из друзей царя. – Ведь собственность побежденных должна не только принадлежать победителям, но и называться по их имени». Когда Александр увидел всякого рода сосуды – кувшины, тазы, флаконы для притираний, все искусно сделанные из чистого золота, когда он услышал удивительный запах душистых трав и других благовоний, когда, наконец, он прошел в палатку, изумлявшую своими размерами, высотой, убранством лож и столов, – царь посмотрел на своих друзей и сказал: «Вот это, по-видимому, и значит царствовать!»

21. Александр уже собрался обедать, когда ему сообщили, что взятые в плен мать, жена и две незамужние дочери Дария, увидев его колесницу и лук, зарыдали и стали бить себя в грудь, полагая, что царь погиб. Долгое время Александр молчал: несчастья семьи Дария волновали его больше, чем собственная судьба. Наконец, он отправил Леоннату, поручив ему сообщить женщинам, что Дарий жив, а им нечего бояться Александра, ибо войну за верховное владычество он ведет только с Дарием, им же будет предоставлено все то, чем они пользовались прежде, когда еще правил Дарий. Слова эти показались женщинам милостивыми и благожелательными, но еще более человечными были поступки Александра. Он разрешил им похоронить павших в битве персов – всех, кого они пожелают, взяв для этой цели одежды и украшения из военной добычи, не лишил семью Дария почестей, которыми она пользовалась прежде, не уменьшил числа слуг, а средства на ее содержание даже увеличил.

Однако самым царственным и прекрасным благодеянием Александра было то, что этим благородным и целомудренным женщинам, оказавшимся у него в плену, не пришлось ни слышать, ни опасаться, ни ждать ничего такого, что могло бы их опозорить. Никто не имел доступа к ним, не видел их, и они вели такую жизнь, словно находились не во вражеском лагере, а в священном и чистом девичьем покое. А ведь, по рассказам, жена Дария была самой красивой из всех цариц, точно так же как и Дарий был самым красивым и рослым среди мужчин; дочери же их походили на родителей. Александр, который, по-видимому, считал, что способность владеть собой для царя важнее, нежели даже умение побеждать врагов, не тронул пленниц; вообще до своей женитьбы он не знал, кроме Барсины, ни одной женщины. Барсина, вдова Мемнона¹²⁷¹, была взята в плен под Дамаском. Она получила греческое воспитание... [текст в оригинале испорчен] отличалась хорошим характером; отцом ее был Артабаз, сын царской дочери. Как рассказывает Аристокл, Александр последовал совету Пармениона, предложившему ему сблизиться с этой красивой и благородной женщиной. Глядя на других красивых и статных пленниц, Александр говорил шутя, что вид персиянок мучителен для глаз. Желая противопоставить их привлекательности красоту своего самообладания и целомудрия, царь не обращал на них никакого внимания, как будто они были не живыми женщинами, а безжизненными статуями.

22. Однажды Филоксен, командовавший войском, стоявшим на берегу моря, написал Александру, что у него находится некий тарентинец Феодор, желающий продать двух мальчиков замечательной красоты, и осведомлялся у царя, не хочет ли он их купить. Александр был крайне возмущен письмом и не раз жаловался друзьям, спрашивая, неужели Филоксен так плохо думает о нем, что предлагает ему эту мерзость. Самого Филоксена он жестоко изругал в письме и велел ему прогнать прочь Феодора вместе с его товаром. Не

---

¹²⁷¹ 29. Барсина, вдова Мемнона... – Плутарх смешивает двух тезок: Барсину, дочь Артабаза и вдову Ментора, брата Мемнона и его товарища по военачальству, – и Барсину, старшую дочь самого Дария, действительно взятую в плен в Дамаске и ставшую любовницей Александра.

менее резко выбранил он и Гагнона, который написал, что собирается купить и привезти ему знаменитого в Коринфе мальчика Кробила. Узнав, что два македонянина, служившие под началом Пармениона, – Дамон и Тимофей, обесчестили жен каких-то наемников, царь письменно приказал Пармениону в случае, если это будет доказано, убить их, как диких зверей, сотворенных на пагубу людям. В том же письме царь пишет о себе дословно следующее: «Никто не сможет сказать, что я видел жену Дария, желал ее увидеть или хотя бы прислушивался к тем, кто рассказывал мне о ее красоте». Александр говорил, что сон и близость с женщиной более всего другого заставляют его ощущать себя смертным, так как утомление и сладострастие проистекают от одной и той же слабости человеческой природы.

Александр отличался также крайней воздержностью в пище, чему он дал множество ясных доказательств; одним из таких доказательств были его слова, обращенные к Аде, которую он назвал своей матерью и сделал царицей Карики. В знак любви Ада ежедневно посылала ему изысканные яства и печения, а потом отправила к нему своих самых искусных поваров и пекарей. Царь велел передать Аде, что он не нуждается ни в ком и ни в чем подобном, так как его воспитатель Леонид дал ему лучших поваров: для завтрака – ночной переход, а для обеда – скудный завтрак. «Мой воспитатель, – сказал он, – имел обыкновение обшаривать мою постель и одежду, разыскивая, не спрятала ли мне туда мать какого-нибудь лакомства или чего-нибудь сверх положенного».

23. И к вину Александр был привержен меньше, чем это обычно считали; думали же так потому, что он долго засиживался за пиршественным столом. Но в действительности Александр больше разговаривал, чем пил, и каждый кубок сопровождал длинной речью. Да и пировал он только тогда, когда у него было много свободного времени. Если же доходило до дела, Александра не могли удержать, как это не раз бывало с другими полководцами, ни вино, ни сон, ни развлечения, ни женщины, ни занимательные зрелища. Об этом свидетельствует вся его жизнь, которую, как коротка она ни была, он сумел заполнить многочисленными и великими подвигами. В свободные дни Александр, встав ото сна, прежде всего приносил жертвы богам, а сразу после этого завтракал сидя; день он проводил в охоте, разбирая судебные дела, отдавал распоряжения по войску или читал. Во время похода, если не надо было торопиться, Александр упражнялся в стрельбе из лука или выскакивал на ходу из движущейся колесницы и снова вскакивал в нее. Нередко Александр, как это видно из дневников¹²⁷², забавлялся охотой на лисиц или на птиц. На стоянках царь совершал омовения или умащал тело; в это время он расспрашивал тех, кто ведал поварями или пекарями, приготовлено ли все, что следует, к обеду. Было уже поздно и темно, когда Александр, возлежа на ложе, приступал к обеду. Во время трапезы царь проявлял удивительную заботливость о сотрапезниках и внимательно наблюдал, чтобы никто не был обижен или обделен. Из-за своей разговорчивости царь, как уже было сказано, много времени приводил за вином. В остальное время Александр был самым обходительным из всех царей и умел всех расположить к себе, но за пиршественным столом его хвастливость становилась тягостной. Он и сам безудержно хвастался и жадно прислушивался к словам льстецов, ставя тем самым в затруднительное положение наиболее порядочных из присутствовавших гостей, которым не хотелось ни соревноваться с льстецами, ни отставать от них в восхвалении Александра: первое казалось позорным, а второе – чреватое опасностями. После пира Александр совершал омовение и спал нередко до полудня, а иногда проводил в постели весь последующий день.

Александр был равнодушен к лакомствам и изысканным блюдам: часто, когда ему привозили с побережья редчайшие фрукты или рыбу, он все раздаривал друзьям, ничего не оставляя себе. Однако обеды, которые устраивал Александр, всегда были великолепны, и

¹²⁷² 30. ...из дневников... – Дневники эти велись (в позднейшие годы, уже под влиянием вавилонских обычаев) в канцелярии Александра под наблюдением Эвмена; ср. ниже, гл. 76.

расходы на них росли вместе с его успехами, пока не достигли десяти тысяч драхм¹²⁷³. Больше этого царь сам никогда не расходовал и не разрешал тратить тем, кто принимал его у себя.

24. После битвы при Иссе Александр послал войска в Дамаск и захватил деньги, пожитки, жен и детей персов. Большая часть добычи досталась фессалийским всадникам, особо отличившимся в битве: Александр намеренно послал в Дамаск именно их, желая дать им возможность обогатиться. Остальное войско Александра также имело все в изобилии. Македоняне тогда впервые научились ценить золото, серебро, женщин, вкусили прелесть варварского образа жизни и, точно псы, почуявшие след, торопились разыскать и захватить все богатства персов.

Александр, однако, решил сперва покорить приморские области. Тотчас к нему с изъявлением покорности явились цари Кипра. Вся Финикия также покорила – за исключением Тира. Александр осаждал Тир в течение семи месяцев: он насыпал валы, соорудил военные машины и запер город со стороны моря флотом в двести триер. Во время осады Александр увидел во сне, что Геракл¹²⁷⁴ протягивает ему со стены руку и зовет его к себе. В то же время многим жителям Тира приснилось, будто Аполлон сказал, что он перейдет к Александру, так как ему не нравится то, что происходит в городе. Тогда, словно человека, пойманного с поличным при попытке перебежать к врагу, тирийцы опутали огромную статую бога веревками и пригвоздили ее к цоколю, обзывая Аполлона «александристом». Александру приснился еще один сон: он увидел сатира, который издали заигрывал с ним, но увертывался и убегал, когда царь пытался его схватить, и дал себя поймать лишь после долгой погони и уговоров. Прорицатели убедительно истолковали этот сон, разделив слово «сатир» на две части: «Са» [твой] и «Тир». И сейчас показывают источник, возле которого Александр в сновидении гонялся за сатиром.

Во время осады Александр совершил поход на обитавших в горах Антиливана арабов. В этом походе царь из-за своего воспитателя Лисимаха подверг свою жизнь серьезной опасности. Этот Лисимах повсюду сопровождал Александра, ссылаясь на то, что он не старше и не слабее Феникса. Когда воины Александра приблизились к горам, они оставили коней и двинулись дальше пешком. Все ушли далеко вперед, но царь не решался покинуть уставшего Лисимаха, тем более что наступал вечер и враги были близко. Одобряя старика и идя с ним рядом, Александр с немногими воинами незаметно отстал от войска и, когда стало темно и очень холодно, остановился на ночлег в месте суровом и опасном. Вдали там и сям виднелись костры, разведенные неприятелем. Александр, который в беде всегда умел собственным примером ободрить македонян, рассчитывая на быстроту своих ног, побежал к ближайшему костру. Двух варваров, сидевших возле огня, царь поразил мечом, затем, выхватив из костра головню, он вернулся к своим. Македоняне развели такой большой костер, что часть варваров была устрешена и обратилась в бегство, тех же, кто отважился приблизиться, они отбросили и остаток ночи провели спокойно. Об этом случае сообщает Харет.

25. Осада Тира закончилась так. После многочисленных сражений Александр основным своим силам предоставил отдых, но, чтобы не давать покоя врагу, посылал небольшие отряды к городским стенам. В эти дни прорицатель Аристандр заклал жертву и, рассмотрев внутренности, смело объявил присутствовавшим, что город непременно будет взят еще в этом месяце. Слова предсказателя были встречены смехом и шутками – ведь шел как раз последний день месяца. Увидев, что прорицатель оказался в затруднительном

---

¹²⁷³ 31. Десять тысяч драхм – т.е. около 150 на каждого из 60—70 гостей, – нормы, принятые у персидских царей (Афиней, 146с) которые унаследовал Александр.

¹²⁷⁴ 32. ...увидел во сне, что Геракл... – С ним отождествлялся финикийский Мелькарт, бог-покровитель Тира.

положении, Александр, который всегда покровительствовал гаданиям, приказал считать этот день не тридцатым, а двадцать восьмым¹²⁷⁵. Затем, приказав протрубить сигнал, он начал штурмовать стены Тира более решительно, чем первоначально намеревался. Атака была столь ожесточенной, что даже оставленные в лагере не усидели на месте и бросились на помощь. Тирийцы прекратили сопротивление, и город был взят в тот же самый день.

Вскоре после этого, когда Александр осаждал Газу, самый большой город Сирии, на плечо ему упал ком земли, сброшенный сверху пролетавшей мимо птицы. Эта птица, усевшись затем на одну из осадных машин, запуталась в сухожилиях, с помощью которых закрепляют канаты. Это знамение сумел правильно истолковать Аристандр: Александр был ранен в плечо, но город все-таки взял.

Значительную часть захваченной здесь добычи Александр отправил Олимпиаде, Клеопатре и друзьям. Воспитателю Леониду, вспомнив об одной своей детской мечте, он послал пятьсот талантов ладана и сто талантов мирры. Некогда Леонид во время жертвоприношения упрекнул Александра, хватавшего благовония целыми пригоршнями и бросавшего их в огонь: «Ты будешь так щедро жечь благовония, когда захватишь страны, ими изобилующие. Пока же расходуешь то, чем располагаешь, бережливо». Теперь Александр написал Леониду: «Я послал тебе достаточно ладана и мирры, чтобы ты впредь не скупился во время жертвоприношений!»

26. Однажды Александру принесли шкатулку, которая казалась разбиравшим захваченное у Дария имущество самой ценной вещью из всего, что попало в руки победителей. Александр спросил своих друзей, какую ценность посоветуют они положить в эту шкатулку. Одни говорили одно, другие – другое, но царь сказал, что будет хранить в ней «Илиаду». Это свидетельствуют многие лица, заслуживающие доверия. Если верно то, что, ссылаясь на Гераклида, сообщают александрийцы, Гомер оказался нужным и полезным для Александра спутником в походе.

Рассказывают, например, что, захватив Египет, Александр хотел основать там большой, многолюдный греческий город и дать ему свое имя. По совету зодчих он было уже отвел и огородил место для будущего города, но ночью увидел удивительный сон. Ему приснилось, что почтенный старец с седыми волосами, встав возле него, прочел следующие стихи¹²⁷⁶:

На море шумно-широком находится остров, лежащий
Против Египта; его именуют нам жители Фарос.

Тотчас поднявшись, Александр отправился на Фарос, расположенный несколько выше Канобского устья; в ту пору он был еще островом, а теперь соединен с материком насыпью. Александр увидел местность, удивительно выгодно расположенную. То была полоса земли, подобная довольно широкому перешейку; она отделяла обширное озеро от моря, которое как раз в этом месте образует большую и удобную гавань. Царь воскликнул, что Гомер, достойный восхищения во всех отношениях, вдобавок ко всему – мудрейший зодчий. Тут же Александр приказал начертить план города, сообразуясь с характером местности. Под рукой не оказалось мела, и зодчие, взяв ячменной муки, наметили ею на черной земле большую кривую, равномерно стянутую с противоположных сторон прямыми линиями, так что образовалась фигура, напоминающая военный плащ. Царь был доволен планировкой, но вдруг, подобно туче, с озера и с реки налетело бесчисленное множество больших и

¹²⁷⁵ 33. *...не тридцатым, а двадцать восьмым.* – Не 30-м, а 28-м гекатомбеона (332 г.), т.е. Александр приказал считать следующий день вставным (ср. гл. 16) и, вероятно, намеревался продолжать это до конца осады.

¹²⁷⁶ 34. *...следующие стихи...* и далее – «Одиссея», IV, 354—355. Канобское устье – самый западный рукав нильской дельты.

маленьких птиц различных пород и склевывали всю муку. Александр был встревожен этим знамением, но ободрился, когда предсказатели разъяснили, что оно значит: основанный им город, объявили они, будет процветать и кормить людей самых различных стран.

После этого, приказав надзирателям следить за постройкой, Александр отправился к храму Аммона. Дорога туда была длинная, тяжелая и утомительная. Более всего путникам грозили две опасности: отсутствие воды, ибо много дней они шли пустыней, и свирепый южный ветер, который обрушивался на них среди зыбучих, бесконечных песков. Говорят, что когда-то в древности этот ветер воздвиг вокруг войска Камбиза¹²⁷⁷ огромный песчаный вал и, приведя в движение всю пустыню, засыпал и погубил пятьдесят тысяч человек. Все это было заранее известно почти всем, но, если Александр ставил перед собой какую-либо цель, удержать его было невозможно. Ибо судьба, покровительствовавшая его устремлениям, делала его упрямым. Он не только ни разу не был побежден врагами, но даже оказывался сильнее пространства и времени; это поощряло его и без того пылкое честолюбие и увлекало на осуществление самых пылких замыслов.

27. Помощь, которую оказывало божество Александру в этом трудном походе, внушила людям больше веры в него, чем оракулы, полученные позднее; мало того, именно эта помощь, пожалуй, и породила доверие к оракулам. Начать с того, что посланные Зевсом обильные и продолжительные дожди освободили людей от страха перед муками жажды. Дожди охладили раскаленный песок, сделав его влажным и твердым, и очистили воздух, так что стало легко дышать. Затем, когда оказалось, что вехи, расставленные в помощь проводникам, уничтожены и македоняне блуждали без дороги, теряя друг друга, вдруг появились вороны и стали указывать путь. Они быстро летели впереди, когда люди шли за ними следом, и поджидали медливших и отстававших. Самое удивительное, как рассказывает Каллисфен, заключалось в том, что ночью птицы криком призывали сбившихся с пути и каркали до тех пор, пока люди снова не находили дорогу.

Когда пустыня осталась позади и царь подошел к храму, жрец Аммона, обратившись к Александру, сказал ему, что бог Аммон приветствует его как своего сына. Царь спросил, не избег ли наказания кто-либо из убийц его отца. Но жрец запретил Александру кощунствовать и сказал, что отец его – не из числа смертных. Тогда царь изменил форму вопроса и осведомился, все ли убийцы Филиппа понесли наказание, а затем спросил о себе, будет ли ему дано стать властителем всех людей. Бог ответил, что это будет ему дано и что Филипп отомщен полностью. Царь принес богу великолепные дары, а людям роздал деньги.

Так пишет об ответах оракула большинство историков. Сам же Александр в письме к матери говорит, что он получил некие тайные предсказания, о которых по возвращении расскажет ей одной. Некоторые сообщают, что жрец, желая дружески приветствовать Александра, обратился к нему по-гречески: «О пайдион!» («О, дитя!»), но из-за своего варварского произношения выговорил «с» вместо «н», так что получилось «О пайдиос!» («О, сын Зевса!»). Александру пришлось по душе эта оговорка, а отсюда ведет начало рассказ о том, что бог назвал его сыном Зевса. Говорят также, что Александр слушал в Египте Псаммона; из всего сказанного философом ему больше всего понравилась мысль о том, что всеми людьми управляет бог. Ибо руководящее начало в каждом человеке – божественного происхождения. Сам Александр по этому поводу судил еще более мудро и говорил, что бог – это общий отец всех людей, но что он особо приближает к себе лучших из них.

28. Вообще Александр держал себя по отношению к варварам очень гордо – так, словно был совершенно убежден, что он происходит от богов и сын бога; с греками же он вел себя сдержаннее и менее настойчиво требовал, чтобы его признавали богом. Правда, в письме к афинянам по поводу Самоса он пишет: «Я бы не отдал вам этот свободный и прославленный город, но уж владейте им, раз вы получили его от того, кто был тогда вашим властелином и назывался моим отцом». При этом он имел в виду Филиппа. Позднее, однако, раненный

¹²⁷⁷ 35. ...когда-то в древности... вокруг войска Камбиза... – Во время завоевания Египта персами в 525 г.

стрелой и испытывая жестокие страдания, Александр сказал: «Это, друзья, течет кровь, а не

Влага, какая струится у жителей неба счастливых!»¹²⁷⁸

Однажды, когда раздался сильный удар грома и все испугались, присутствовавший при этом софист Анаксарх обратился к Александру: «Ты ведь не можешь сделать ничего похожего, сын Зевса?» «И не хочу. Зачем мне внушать ужас своим друзьям, как ты это советуешь? – ответил Александр смеясь. – Тебе ведь не нравится мой обед потому, что ты видишь на столах рыб, а не головы сатрапов». В самом деле, говорят, что, увидев рыбешек, присланных царем Гефестиону, Анаксарх сказал нечто подобное, желая высмеять тех, кто, подвергая себя опасностям, ценой великих усилий добивается славы, но в наслаждениях и удовольствиях мало или почти совсем не отличается от обыкновенных людей. Из всего сказанного ясно, что Александр сам не верил в свое божественное происхождение и не чванился им, но лишь пользовался этим вымыслом для того, чтобы поработать других.

29. Возвратившись из Египта в Финикию, Александр принес жертвы богам и устроил торжественные шествия и состязания киклических и трагических хоров¹²⁷⁹. Эти соревнования были замечательны не только пышностью обстановки, но и соперничеством устроителей, ибо хорегами были цари Кипра. Словно избранные жребием по филам афинские граждане, они с удивительным рвением состязались друг с другом. Особенно упорной была борьба между саламинцем Никокреонтом и солийцем Пасикратом. По жребию им достались самые знаменитые актеры: Пасикрату – Афинодор, а Никокреонту – Фессал, в успехе которого был заинтересован сам Александр. Однако он не обнаружил своего расположения к этому актеру, прежде чем голосование не присудило победы Афинодору, и только тогда, как сообщают, уже покидая театр, сказал, что одобряет судей, но предпочел бы отдать часть своего царства, чтобы не видеть Фессала побежденным. Впрочем, когда Афинодор, оштрафованный афинянами за то, что не явился на состязания в дни Дионисий¹²⁸⁰, попросил царя послать письмо в его защиту, Александр, хотя и не сделал этого, но заплатил за него штраф. Ликон Скарфийский, со славою игравший на сцене, добавил к своей роли в какой-то комедии строку, в которой заключалась просьба о десяти талантах. Александр засмеялся и подарил их актеру.

Тем временем Дарий прислал своих друзей с письмом к македонскому царю, предлагая Александру десять тысяч талантов выкупа за пленных, все земли по эту сторону Евфрата, одну из дочерей в жены, а также свою дружбу и союз. Когда Александр сообщил об этом предложении приближенным, Парменион сказал: «Будь я Александром, я принял бы эти условия». «Клянусь Зевсом, я сделал бы так же, – воскликнул Александр, – будь я Парменионом!» Дарию же Александр написал, что тот может рассчитывать на самый радушный прием, если явится к македонянам; в противном случае он сам пойдет на персидского царя.

30. Вскоре, однако, он пожалел об этом ответе, так как жена Дария умерла родами. Александр не скрывал своего огорчения тем, что упустил благоприятный случай проявить великодушие. Он приказал похоронить царицу со всей пышностью, не жалея никаких расходов. Тирей, один из евнухов, которые были захвачены вместе с персидскими женщинами, бежал из македонского лагеря и, проделав долгий путь верхом, добрался до Дария, чтобы сообщить ему о смерти жены. Громко зарывав, царь стал бить себя по голове и

¹²⁷⁸ 36. Влага, какая струится... и далее. – «Илиада», V, 340.

¹²⁷⁹ 37. ...киклических (круговых) и трагических хоров. – Хоры, певшие в дифирамбах, строились кругом, а в трагедиях – прямоугольником.

¹²⁸⁰ 38. ...состязания в дни Дионисий... – Большие драматические состязания в конце марта.

воскликнул: «О, злой рок персов! Жена и сестра царя живой попала в руки врага, а скончавшись, была лишена царского погребения!» «Но, царь, – перебил его евнух, – что касается похорон и подобающих царице почестей, у тебя нет оснований жаловаться на злую судьбу персов. Ни госпоже моей Статире, пока она была жива, ни твоей матери, ни дочерям не пришлось ни в чем нуждаться. Они пользовались всеми теми благами и преимуществами, что и прежде, за исключением только возможности видеть исходящий от тебя свет, который, по воле владыки Оромазда¹²⁸¹, вновь воссияет в былом блеске. Когда же Сатира умерла, не было таких почестей, которых бы ей не воздали, и даже враги оплакивали ее. Ведь Александр столь же милостив к побежденным, сколь страшен в битве».

После того, как Дарий выслушал этот рассказ, волнение и скорбь вызвали у него чудовищное подозрение, и, отведя евнуха подальше в глубь палатки, он сказал: «Если ты сам, подобно военному счастью персов, не перешел на сторону македонян и по-прежнему считаешь меня, Дария, своим господином, заклинаю тебя великим светом Митры¹²⁸² и правой рукой твоего царя, скажи мне, не оплакиваю ли я сейчас лишь меньшую из бед, постигших Статиру, и не поразили ли нас еще более жестокие беды, пока она была жива? Не лучше ли было бы для нашей чести, если б в злосчастьях наших столкнулись мы с врагом кровожадным и жестоким? Разве стал бы молодой человек воздавать такие почести жене врага, будь его отношение к ней чистым?» Не успел царь произнести эти слова, как Тирей упал к его ногам, умоляя не обвинять Александра понапрасну и не бесчестить покойную жену и сестру свою. Не следует, говорил он, попав в беду, лишать себя самого большого утешения – сознания, что ты побежден человеком, обладающим сверхчеловеческой природой. Тирей призывал Дария отдать дань восхищения тому, чья скромность в обращении с персидскими женщинами даже превосходит храбрость, проявленную им в столкновении с персидскими мужами. Истинность своих слов евнух подтвердил страшными клятвами, а также привел много примеров воздержности и великодушия Александра. Тогда, выйдя к своим приближенным, Дарий воздел руки к небу и обратился с мольбой к богам: «Боги, покровительствующие моему роду и царству, дайте мне восстановить могущество персов, чтобы моя держава вновь была столь же счастливой, какой я ее получил, и чтобы, став победителем, я мог отблагодарить Александра за все, что он сделал для моих близких, когда я попал в беду. Если же наступит роковой час возмездия и великих перемен, когда падет персидская держава, пусть никто, кроме Александра, не воссядет на трон Кира». Большинство писателей именно так передают эти события и речи.

31. После того как Александр завоевал все земли до Евфрата, он пошел на Дария, двигавшегося ему навстречу с армией, численность которой достигала миллиона. В пути кто-то из приближенных, желая рассмешить царя, рассказал ему, какую игру затеяли обозные: разделившись на две партии, в каждой из которой был свой предводитель и полководец, они назвали одного Александром, а другого Дарием. Сперва они бросали друг в друга комьями земли, потом начался кулачный бой и, наконец, в пылу борьбы они взялись за камни и дубины; многих из них невозможно было унять. Услышав это, царь приказал, чтобы оба предводителя сразились один на один. Он сам вооружил «Александра», а Филот – «Дария». Все войско наблюдало за поединком, пытаясь в происходящем усмотреть грядущее. В упорном сражении победил тот, которого называли Александром. Царь подарил ему двенадцать деревень и предоставил право носить персидское платье. Об этом рассказывает Эратосфен.

Великая битва с Дарием произошла не под Арбелами, как пишут многие, а под

---

¹²⁸¹ 39. ...владыки Оромазда... – Ахурамазда, верховное божество персидской религии, бог света и добра.

¹²⁸² 40. *Митра* – бог солнца и правды в персидской религии; впоследствии культ его распространился и в Греции, и в Риме.

Гавгамелами¹²⁸³. Название это на местном наречии означает «Верблюжий дом», так как один из древних царей, спасшись от врагов на одногорбом верблюде, поместил его здесь и назначил на его содержание доходы с нескольких деревень.

В месяце боэдромионе, приблизительно в то время, когда в Афинах начинают справлять таинства, произошло лунное затмение¹²⁸⁴. На одиннадцатую ночь после затмения, когда оба войска находились уже на виду друг у друга, Дарий приказал воинам оставаться в строю и при свете факелов устроил смотр. Александр же, пока македоняне спали, вместе с предсказателем Аристандром совершал перед своей палаткой какие-то тайные священные обряды и приносил жертвы богу Фобу¹²⁸⁵. Вся равнина между Нифатом и Гордиейскими горами была освещена огнями варварского войска, из лагеря персов доносился неясный гул, подобный шуму безбрежного моря. Старейшие из приближенных Александра, и в особенности Парменион, были поражены многочисленностью врага и говорили друг другу, что одолеть такое войско в открытом бою было бы слишком трудным делом. Подойдя к царю, только что закончившему жертвоприношения, они посоветовали Александру напасть на врагов ночью, чтобы темнотою было скрыто то, что в предстоящей битве может внушить наибольший страх македонянам. Знаменитый ответ Александра: «Я не краду победу» – показался некоторым чересчур легкомысленным и неуместным перед лицом такой опасности. Другие считали, что Александр твердо уповал на свои силы и правильно предвидел будущее. Он не хотел, чтобы Дарий, обвинявший в прежней неудаче горы, теснины и море, усмотрел причину своего нынешнего поражения в ночном времени и темноте и отважился бы еще на одну битву. Александр понимал, что Дарий, располагающий столь великими силами и столь обширной страной, из-за недостатка людей или вооружения войны не прекратит, но сделает это только тогда, когда побежденный в открытом сражении, потеряет мужество и утратит надежду.

32. Приближенные покинули царя, и Александр прилег отдохнуть в своей палатке; говорят, он так крепко проспал остаток ночи, что, против обыкновения, не проснулся на рассвете. Удивленные этим полководцы сами отдали первый приказ воинам – приступать к завтраку. Время не позволяло медлить долее, и Парменион, войдя в палатку и встав рядом с ложем Александра, два или три раза окликнул его. Когда Александр проснулся, Парменион спросил, почему он спит сном победителя, хотя впереди у него величайшее сражение. Александр, улыбнувшись, сказал: «А что? Разве ты не считаешь, что мы уже одержали победу, хотя бы потому, что не должны более бродить по этой огромной и пустынной стране, преследуя уклоняющегося от битвы Дария?».

Не только перед битвой, но и в разгар сражения Александр проявил себя великим воином, никогда не теряющим мужества и присутствия духа. В бою левый фланг, находившийся под командованием Пармениона, стал в беспорядке отступать, теснимый бактрийской конницей, которая с шумом и криком стремительно ударила на македонян, в то время как всадники Мазея обошли флангу и напали на охрану обоза. Парменион через гонцов сообщил Александру, что лагерь и обоз будут потеряны, если царь немедленно не пришлет тыловым отрядам сильное подкрепление, сняв для этого часть войск с передней боевой линии. Как раз в это время Александр подавал окружающим его воинам сигнал к наступлению. Услышав просьбу о помощи, он воскликнул, что Парменион, наверное, не в

¹²⁸³ 41. ...не под Арбелами... а под Гавгамелами. – Арбелы были городом, а не деревушкой, и имя их было благозвучнее, поэтому греческие историки предпочитали упоминать Арбелы.

¹²⁸⁴ 42. В месяце боэдромионе... справлять таинства... лунное затмение. – Таинства (Элевсинские) справлялись в Афинах 16—25 боэдромиона (конец сентября); лунное затмение произошло в ночь на 21 сентября 331 г.

¹²⁸⁵ 43. Фоб – бог Ужаса, спутник Ареса (ср.: Тес., 27).

своим умом, если в расстройстве и волнении забыл, что победителям достанется все имущество врагов, а побежденным следует заботиться не об имуществе и рабах, а о том, чтобы, храбро сражаясь, со славой принять смерть.

Приказав передать это Пармениону, Александр надел шлем. Все остальные доспехи он надел еще в палатке: сицилийской работы гипендиму¹²⁸⁶ с поясом, а поверх нее двойной льняной панцирь, взятый из захваченной при Иссе добычи. Железный шлем работы Феофила блестел так, словно был из чистого серебра. К нему был прикреплен усыпанный драгоценными камнями железный щиток, защищавший шею. Александр носил меч, подарок царя китийцев, удивительно легкий и прекрасной закалки; в сражениях меч обычно был его главным оружием. Богаче всего был плащ, который царь носил поверх доспехов. Это одеяние работы Геликона Старшего Александру подарили в знак уважения жители города Родоса, и он, готовясь к бою, всегда надевал его. Устанавливая боевой порядок, отдавая приказы, одобряя воинов и проверяя их готовность, Александр объезжал строй не на Букефале, а на другом коне, ибо Букефал был уже немолод и его силы надо было щадить. Но перед самым боем к царю подвели Букефала, и, вскочив на него, Александр тотчас начинал наступление.

33. Долгий разговор с фессалийцами и остальными греками, которые с громким криком призывали его вести их на варваров, придал Александру еще больше твердости и, взяв копье в левую руку, а правую подняв вверх, он, как рассказывает Каллисфен, обратился к богам с мольбой, чтобы они, если он действительно сын Зевса, помогли грекам и вдохнули в них мужество. Прорицатель Аристандр в белом одеянии и золотом венке, скакавший рядом с царем, показал на орла, парившего над головой Александра и летевшего прямо в сторону врагов. Все видевшие это воодушевились. Воины ободряли друг друга, и фаланга, вслед за конницей, хлынула на врага. Варвары отступили прежде, чем передние ряды успели завязать бой. Яростно преследуя разбитого врага, Александр теснил персов к центру неприятельского расположения, где находился сам Дарий. Александр приметил его издали, сквозь передние ряды персидских воинов, – Дарий стоял на высокой колеснице в середине царского отряда, рослый и красивый, окруженный множеством всадников в блестящем вооружении, сомкнувшихся вокруг его колесницы и готовых встретить врага. Однако чем ближе был Александр, тем более приходили они в смятение: гоня перед собой отступающих, разбивая строй тех, кто еще держался, он устрасил и рассеял почти всех телохранителей Дария. Только самые смелые и благородные бились за своего царя до последнего вздоха; падая друг на друга, они затрудняли преследование, судорожно вцепляясь во вражеских всадников и их коней. Это страшное зрелище развертывалось на глазах у Дария, и окружавшие царя персидские воины уже гибли у самых его ног. Но повернуть колесницу и выехать на ней было невозможно, так как множество мертвых тел не давало колесам сдвинуться с места, а кони, почти скрытые под грудой трупов, становились на дыбы, делая возницу совершенно беспомощным. Бросив оружие и колесницу, Дарий, как рассказывают, вскочил на недавно ожеребившуюся кобылу и бежал. По-видимому, ему не удалось бы на этот раз скрыться, если бы снова не прискакали гонцы от Пармениона, призывая Александра на помощь, ибо на их фланге значительные силы врагов еще не были сломлены и оказывали сопротивление. Вообще Пармениона обвиняют в том, что в этой битве он был медлителен и бездеятелен, – то ли под старость в нем не было уже прежней отваги, то ли, как утверждает Каллисфен, он тяготился возрастающей властью и могуществом Александра и завидовал ему. Раздосадованный тем, что Парменион требует помощи, Александр, не сообщая воинам правды о положении дел, подал сигнал прекратить преследование, будто бы потому, что наступила темнота и пора положить конец кровопролитию. Устремившись к той части войска, которая находилась в опасности, Александр по пути узнал, что враги полностью разбиты и обращены в бегство.

---

¹²⁸⁶ 44. *Гипендима* – род нижней одежды.

34. Такой исход битвы, казалось, окончательно сломил могущество персов. Провозглашенный царем Азии, Александр устраивал пышные жертвоприношения, раздаривал своим друзьям богатства, дворцы, отдавал им в управление целые области. Стремясь заслужить уважение греков, Александр написал им, что власть тираннов должна быть повсюду уничтожена и все государства становятся свободными и независимыми. Платейцам же он отправил особое послание, обещая заново отстроить их город¹²⁸⁷, ибо предки их некогда предоставили свою землю для сражения за свободу Греции. Часть военной добычи царь послал в Италию жителям Кротона, желая почтить доблесть и усердие атлета Фаилла, который во время персидских войн, несмотря на то, что все остальные италийцы уже отчаялись в победе греков, снарядил на собственный счет корабль и поплыл к Саламину, желая разделить опасность со всеми. Так ценил Александр доблесть, так усердно хранил он благодарную память о славных деяниях.

35. Во время перехода через Вавилонию, которая вся сразу же покорила ему, Александр более всего был поражен пропастью в... [текст в оригинале испорчен] из которой, словно из некоего источника, непрерывно вырывался огонь, и обильным потоком нефти, образовавшим озеро невдалеке от пропасти. Нефть очень напоминает горную смолу, но она столь восприимчива к огню, что загорается еще до соприкосновения с пламенем от одного только света, излучаемого огнем, и нередко воспламеняет окружающий воздух. Желая показать Александру природную силу нефти, варвары опрыскивали этой жидкостью улицу, которая вела к дому, где остановился царь; затем, когда стемнело, они встали на одном конце этой улицы и поднесли факелы к местам, смоченным нефтью. Нефть тотчас вспыхнула; пламя распространилось молниеносно, в мгновение ока оно достигло противоположного конца улицы, так что вся она казалась объята огнем.

Среди тех, кто обычно омывал и умащал царя, забавляя его разными шутками и стремясь привести в веселое расположение духа, был некий афинянин Афинофан. Однажды, когда в купальне вместе с царем находился мальчик Стефан, обладавший прекрасным голосом, но очень некрасивый и смешной, Афинофан сказал: «Не хочешь ли, царь, чтобы мы испробовали это вещество на Стефана? Если даже к нему оно пристанет и не потухнет, то я без колебаний признаю, что сила этого вещества страшна и неодолима!» Стефан сам охотно соглашался на это испытание, но, как только мальчика обмазали нефтью и огонь коснулся его, яркое пламя охватило его с головы до пят, что привело Александра в крайнее смятение и страх. Не случись там, по счастью, нескольких прислужников, державших в руках сосуды с водой, предназначенной для омовения, остановить пламя не удалось бы вовсе, но даже и эти прислужники лишь с большим трудом потушили огонь на теле мальчика, который после этого находился очень в тяжелом состоянии.

Некоторые люди, стремясь примирить предание с истиной, вполне правдоподобно утверждают, что именно нефть была тем зельем, которым Медея смазала воспетые в трагедиях венки и пеплос¹²⁸⁸. По их предположению, огонь не вырвался из этих предметов и не возник сам по себе; лишь когда пламя было поднесено близко, венки и пеплос сразу же притянули его к себе и мгновенно загорелись, ибо притекающие издали лучи и струи огня некоторым телам приносят только свет и тепло, а в других телах, сухих и пористых или пропитанных жирной влагой, скапливаются, превращаются в огонь и быстро изменяют вещество.

По вопросу о происхождении нефти возникли споры, была ли она... [текст в оригинале испорчен] или, скорее, горючей жидкостью, вытекающей из недр там, где земля по своей

¹²⁸⁷ 45. ...отстроить их город... – Платеи были разрушены фиванцами в 427 г., восстановлены в 386 и вновь разрушены в 373 г.

¹²⁸⁸ 46. ...венки и пеплос (платье). – Медея поднесла их невесте Ясона, к которой она ревновала, и та сгорела заживо.

природе жирная и огненная. Вавилония – страна очень жаркая, так что ячменные зерна нередко подпрыгивают и отскакивают от почвы, которая в этих местах под влиянием зноя постоянно колеблется; жители же Вавилонии в жаркую погоду спят на кожаных мехах, наполненных водою. Гарпал, оставленный наместником в этой стране, пожелал украсить греческими растениями царский дворец и места для прогулок и добился успеха; только плюща земля не принимала. Климат там знойный, а плющ – растение, любящее прохладу, совместить это невозможно, и потому плющ неизменно погибает. Я думаю, что подобные отступления, если только они не будут слишком пространными, не вызовут упреков даже со стороны придирчивых читателей.

36. Александр овладел Сузами, где нашел в царском дворце сорок тысяч талантов в чеканной монете, а также различную утварь и бесчисленные сокровища. Обнаружили там, как рассказывают, и пять тысяч талантов гермионского пурпура¹²⁸⁹, пролежавшего в сокровищнице сто девяносто лет, но все еще сохранявшего свежесть и яркость. Это было возможно, как полагают, благодаря тому, что краску для багряных тканей изготавливают на меду, а для белых – на белом масле, а мед и масло надолго придают тканям чистый и яркий блеск. Динон рассказывает, что персидские цари хранили в своей сокровищнице сосуды с водой, привезенной из Нила и из Истра, что должно было свидетельствовать об огромных размерах персидской державы и могуществе власти, покоровшей себе весь мир.

37. Вторжение в Персиду было связано с большими трудностями, так как места там горные, малодоступные; к тому же страну обороняли знатнейшие персы (сам Дарий обратился в бегство). Но у Александра оказался проводник, который повел войско в обход, кратчайшим путем. Человек этот владел двумя языками, так как по отцу был ликийцем, а по матери – персом. Это, как говорят, и имела в виду Пифия, предсказавшая Александру, тогда еще мальчику, что ликиец будет служить ему проводником в походе на персов... [*Текст в оригинале испорчен.*] Здесь было перебито множество пленников. Сам Александр пишет, что отдал приказ умертвить пленных, ибо считал это полезным для себя. Рассказывают, что денег там было найдено столько же, сколько в Сузах, а сокровища и драгоценности были вывезены оттуда на десяти тысячах повозок, запряженных мулами, и на пяти тысячах верблюдов.

Увидев большую статую Ксеркса, опрокинутую толпой, беспорядочно стекавшейся в царский дворец, Александр остановился и, обратившись к статуе, как к живому человеку, сказал: «Оставить ли тебя лежать здесь за то, что ты пошел войной на греков, или поднять тебя за величие духа и доблесть, проявленные тобой в других делах?» Простояв долгое время в раздумье, Александр молча отошел. Желая дать отдых своим воинам, – а время было зимнее, – он провел там четыре месяца.

Рассказывают, что, когда он в первый раз сел под шитый золотом балдахин на царский трон, коринфянин Демарат, преданный друг Филиппа и Александра, по-стариковски заплакал и сказал: «Какой великой радости лишились те из греков, которые умерли, не увидав Александра восседающим на троне Дария!»

38. Однажды, перед тем как снова пуститься в погоню за Дарием, Александр пировал и веселился с друзьями. В общем веселье вместе со своими возлюбленными принимали участие и женщины. Среди них особенно выделялась Фаида, родом из Аттики, подруга будущего царя Птолемея. То умно прославляя Александра, то подшучивая над ним, она, во власти хмеля, решилась произнести слова, вполне соответствующие нравам и обычаям ее родины, но слишком возвышенные для нее самой. Фаида сказала, что в этот день, глумясь над надменными чертогами персидских царей, она чувствует себя вознагражденной за все лишения, испытанные ею в скитаниях по Азии. Но еще приятнее было бы для нее теперь же с веселой гурьбой пирующих пойти и собственной рукой на глазах у царя поджечь дворец

¹²⁸⁹ 47. Обнаружили там, как рассказывают... гермионского пурпура... – Гермионский пурпур (из Арголиды) упоминается лишь у поздних античных авторов.

Ксеркса, предавшего Афины губительному огню. Пусть говорят люди, что женщины, сопровождавшие Александра, сумели отомстить персам за Грецию лучше, чем знаменитые предводители войска и флота. Слова эти были встречены гулом одобрения и громкими рукоплесканиями. Побуждаемый упорными настояниями друзей, Александр вскочил с места и с венком на голове и с факелом в руке пошел впереди всех. Последовавшие за ним шумной толпой окружили царский дворец, сюда же с великой радостью сбежались, неся в руках факелы, и другие македоняне, узнавшие о происшедшем. Они надеялись, что, раз Александр хочет поджечь и уничтожить царский дворец, значит, он помышляет о возвращении на родину и не намеревается жить среди варваров. Так рассказывают об этом некоторые, другие же утверждают, будто поджог дворца был здраво обдуман заранее. Но все сходятся в одном: Александр вскоре одумался и приказал потушить огонь.

39. Необыкновенная щедрость, свойственная Александру от природы, в еще большей мере, чем прежде, проявлялась теперь, когда могущество его столь возросло. При этом щедрости всегда сопутствовала благожелательность, которая одна только и придает дарам подлинную ценность. Приведу лишь немногие примеры. Аристон, предводитель пэонийцев, убил как-то вражеского воина и, показав его голову Александру, сказал: «Такой дар считается у нас достойным золотого кубка». «Всего лишь пустого кубка, – ответил Александр, смеясь, – и я подарю тебе кубок, но сначала наполню его вином и выпью за твое здоровье». Один македонянин из рядовых воинов гнал однажды мула, нагруженного царским золотом. Животное устало, и воин, взвалил груз на себя, сам понес его дальше. Когда царь увидел его мучения и разузнал, в чем дело, он сказал македонянину, намеревавшемуся снять с себя ношу: «Не поддавайся усталости, пройди остаток пути и отнеси это к себе в палатку». Вообще же он больше сердился на тех, кто отказывался от его даров, чем на тех, кто выпрашивал их. Так, Александр написал однажды в письме Фокиону, что не будет более считать его своим другом, если он и впредь будет отклонять его благодеяния. Серапиону, одному из тех юношей, с которыми он играл в мяч, он не дал ничего, так как тот ни о чем его и не просил. Однажды во время игры Серапион ни разу не бросил мяч Александру. Царь спросил его: «Почему ты не бросаешь мяч мне?» Серапион ответил: «Так ты ведь не просишь». Тогда Александр рассмеялся и щедро одарил юношу. Протей, один из тех, кто умел развлекать царя шутками за вином, казалось, впал у Александра в немилость. Когда друзья стали просить за него и сам он заплакал, Александр сказал, что прощает его. «О царь, – попросил Протей, – дай же мне какой-нибудь залог твоего расположения». В ответ на это Александр приказал выдать ему пять талантов.

О том, сколь огромны были богатства, которые Александр раздавал друзьям и телохранителям, можно понять из письма Олимпиады к сыну: «Оказывай своим друзьям благодеяния и проявляй к ним уважение как-нибудь иначе: ведь ты делаешь их всех равными царю, ты предоставляешь им возможность иметь много друзей, самого же себя обрекаешь на одиночество». Такие письма Александр получал от Олимпиады часто, но хранил их в тайне. Только однажды, когда Гефестион хотел по обыкновению вместе с ним прочесть распечатанное письмо, Александр не воспрепятствовал ему, но, сняв с пальца кольцо, приложил печать к губам Гефестиона.

Сына Мазея, одного из влиятельнейших людей при дворе Дария, Александр жаловал второй сатрапией, еще более обширной, чем та, которой он уже управлял, но сатрап не принял дара и сказал царю: «Некогда был один Дарий, теперь же ты создал много Александров». Пармениону Александр подарил дворец Багоя, в котором, как говорят, было захвачено одеяний на тысячу талантов. В письме к Антипатру он велел ему завести телохранителей, чтобы они защищали его от злоумышленников. Своей матери Александр отослал много даров, но не позволял ей вмешиваться в государственные и военные дела и кротко сносил ее упреки по этому поводу. Однажды, прочтя длинное письмо Антипатра с обвинениями против Олимпиады, Александр сказал: «Антипатр не знает, что одна слеза матери заставит забыть тысячи таких писем».

40. Александр видел, что его приближенные изнежились вконец, что их роскошь

превысила всякую меру: теосец Гагنون носил башмаки с серебряными гвоздями; Леоннату для гимнаasia привозили на верблюдах песок из Египта; у Филота скопилось так много сетей для охоты, что их можно было растянуть на сто стадиев; при купании и натирании друзья царя чаще пользовались благовонной мазью, чем оливковым маслом, повсюду возили с собой банщиков и спальников. За все это царь мягко и разумно упрекал своих приближенных. Александр высказывал удивление, как это они, побывавшие в стольких жестоких боях, не помнят о том, что потрудившиеся и победившие спят слаще побежденных. Разве не видят они, сравнивая свой образ жизни с образом жизни персов, что нет ничего более рабского, чем роскошь и нега, и ничего более царственного, чем труд? «Сможет ли кто-либо из вас, – говорил он, – сам ухаживать за конем, чистить свое копьё или свой шлем, если вы отвыкли прикасаться руками к тому, что всего дороже, – к собственному телу? Разве вы не знаете, что конечная цель победы заключается для нас в том, чтобы не делать того, что делают побежденные?» Сам он еще больше, чем прежде, подвергал себя лишениям и опасностям в походах и на охоте. Однажды лаконский посол, видевший, как Александр убил большого льва, воскликнул: «Александр, ты прекрасно сражался со львом за царскую власть». Изображение этой охоты Кратер пожертвовал в Дельфы. Медные статуи льва, собак, царя, вступившего в борьбу со львом, и самого Кратера, бегущего на помощь, созданы частью Лисиппом, частью Леохаром.

41. Возлагая труды на себя и побуждая к доблести других, Александр не избегал никаких опасностей, а его друзья, разбогатеи и возгордившись, стремились только к роскоши и безделью, они стали тяготиться скитаниями и походами и постепенно дошли до того, что осмеливались порицать царя и дурно отзываться о нем. Сначала Александр относился к этому очень спокойно, он говорил, что царям не в диковину слышать хулу в ответ на свои благодеяния. Действительно, даже самое малое из того, что он сделал для своих приближенных, свидетельствовало о его большой любви и уважении к ним. Я приведу лишь несколько примеров.

Певкеста, который был ранен медведем, Александр упрекал в письме за то, что он не известил его об этом, хотя сообщил о своем ранении многим другим. «Но теперь, – просил Александр, – напиши мне, как ты себя чувствуешь, а также сообщи, кто из твоих спутников на охоте покинул тебя в беде, ибо эти люди должны понести наказание». Гефестиону, уехавшему куда-то по делам, Александр сообщает, что Пердикка копьем случайно ранил Кратера в бедро, в то время как они дразнили мангусту. Как-то раз, когда Певкест оправился от болезни, Александр написал его врачу Алексиппу благодарственное письмо. Увидев однажды во сне, что Кратер болен, Александр и сам принес за него жертвы, и Кратеру велел сделать то же самое. Врачу Павсанию, намеревавшемуся лечить Кратера чемерицей, Александр написал письмо, в котором выражал свою тревогу и советовал, как лучше применять это средство. Эфиальта и Кисса, которые первыми сообщили об измене и бегстве Гарпала, Александр велел заковать в кандалы как клеветников. Когда Александр отправлял на родину больных и старых воинов, некий Эврилох из Эг записался в число больных. Но впоследствии было обнаружено, что он ничем не болен, и Эврилох признался, что он горячо любит Телесиппу и хотел отправиться к морю вместе с ней. Александр спросил тогда, кто эта женщина, и услышав в ответ, что она свободная гетера, сказал: «Мы сочувствуем твоей любви, Эврилох, но ведь Телесиппа свободнорожденная – постарайся же с помощью речей или подарков склонить ее к тому, чтобы она осталась здесь».

42. Можно только удивляться тому, сколько внимания уделял он своим друзьям. Он находил время писать письма даже о самых маловажных вещах, если только они касались близких ему людей. В одном письме он приказывает, чтобы был разыскан раб Селевка, бежавший в Киликию. Певкесту он выражает в письме благодарность за то, что тот поймал некоего Никона, который был рабом Кратера. Мегабизу Александр пишет о рабе, нашедшем убежище в храме: он советует Мегабизу при первой возможности выманить этого раба из его убежища и схватить вне храма, но внутри храма не трогать его. Рассказывают, что в первые годы царствования, разбирая дела об уголовных преступлениях, наказуемых смертной

казню, Александр во время речи обвинителя закрывал рукой одно ухо, чтобы сохранить слух беспристрастным и не предубежденным против обвиняемого. Позднее, однако, его ожесточили многочисленные измышления, скрывавшие ложь под личиной истины, и в эту пору, если до него доходили оскорбительные речи по его адресу, он совершенно выходил из себя, становился неумолимым и беспощадным, так как славой дорожил больше, чем жизнью и царской властью.

Намереваясь вновь сразиться с Дарием, Александр выступил в поход. Услышав о том, что Дарий взят в плен Бессом, Александр отпустил домой фессалийцев, вручив им в подарок, помимо жалованья, две тысячи талантов. Преследование было тягостным и длительным: за одиннадцать дней они проехали верхом три тысячи триста стадиев, многие воины были изнурены до предела, главным образом из-за отсутствия воды. В этих местах Александр однажды встретил каких-то македонян, возивших на мулах меха с водой из реки. Увидев Александра, страдавшего от жажды – был уже полдень, – они быстро наполнили водой шлем и поднесли его царю. Александр спросил их, кому везут они воду, и македоняне ответили: «Нашим сыновьям; но если ты будешь жить, мы родим других детей, пусть даже и потеряем этих». Услышав это, Александр взял в руки шлем, но, оглянувшись и увидев, что все окружавшие его всадники обернулись и смотрят на воду, он возвратил шлем, не отхлебнув ни глотка. Похвалив тех, кто принес ему воду, он сказал: «Если я буду пить один, они падут духом». Видя самообладание и великодушие царя, всадники, хлестнув коней, воскликнули, чтобы он не колеблясь вел их дальше, ибо они не могут чувствовать усталости, не могут испытывать жажду и даже смертными считать себя не могут, пока имеют такого царя.

43. Все проявили одинаковое усердие, но только шестьдесят всадников ворвалось во вражеский лагерь вместе с царем. Не обратив внимания на разбросанное повсюду в изобилии серебро и золото, проскакав мимо многочисленных повозок, которые были переполнены детьми и женщинами и катились без цели и направления, лишенные возничих, македоняне устремились за теми, кто бежал впереди, полагая, что Дарий находится среди них. Наконец, они нашли лежащего на колеснице Дария, пронзенного множеством копий и уже умирающего. Дарий попросил пить, и Полистрат принес холодной воды; Дарий, утолив жажду, сказал: «То, что я не могу воздать благодарность за оказанное мне благодеяние, – вершина моего несчастья, но Александр вознаградит тебя, а Александра вознаградят боги за ту доброту, которую он проявил к моей матери, моей жене и моим детям. Передай ему мое рукопожатие». С этими словами он взял руку Полистрата и тотчас скончался.

Александр подошел к труп и с нескрываемою скорбью снял с себя плащ и покрыл тело Дария. Впоследствии Александр нашел Бесса и казнил его. Два прямых дерева были согнуты и соединены вершинами, к вершинам привязали Бесса, а затем деревья отпустили, и, с силою выпрямившись, они разорвали его. Тело Дария, убранное по-царски, Александр отослал его матери, а Эксатра, брата Дария, принял в свое окружение.

44. Затем Александр с лучшей частью войска отправился в Гирканию. Там он увидел морской залив, вода в котором была гораздо менее соленой, чем в других морях. Об этом заливе, который, казалось, не уступал по величине Понту, Александру не удалось узнать ничего определенного, и царь решил, что это край Мэотиды. Между тем естествоиспытатели были уже знакомы с истиной: за много лет до похода Александра они писали, что Гирканский залив, или Каспийское море, – самый северный из четырех заливов Океана¹²⁹⁰.

В тех местах какие-то варвары похитили царского коня Букефала, неожиданно напав на конюхов. Александр пришел в ярость и объявил через вестника, что если ему не возвратят коня, он перебьет всех местных жителей с их детьми и женами. Но когда ему привели коня и города добровольно покорились ему, Александр обошелся со всеми милостиво и даже

¹²⁹⁰ 48. ...Каспийское море – самый северный из четырех заливов Океана. – Это было господствующее мнение античных географов (только Птолемей признавал его замкнутым бассейном). Другие три «залива» – Персидский, Аравийский (Красное море) и Средиземноморский.

заплатил похитителям выкуп за Букефала.

45. Из Гиркании Александр выступил с войсками в Парфию, и в этой стране, отдыхая от трудов, он впервые надел варварское платье, то ли потому, что умышленно подражал местным нравам, хорошо понимая, сколь подкупает людей все привычное и родное, то ли, готовясь учредить поклонение собственной особе, он хотел таким способом постепенно приучить македонян к новым обычаям. Но все же он не пожелал облачаться полностью в мидийское платье, которое было слишком уж варварским и необычным, не надел ни шаровар, ни кандия, ни тиары¹²⁹¹, а выбрал такое одеяние, в котором удачно сочеталось кое-что от мидийского платья и кое-что от персидского: более скромное, чем первое, оно было пышнее второго. Сначала он надевал это платье только тогда, когда встречался с варварами или беседовал дома с друзьями, но позднее его можно было видеть в таком одеянии даже во время выездов и приемов. Зрелище это было тягостным для македонян, но, восхищаясь доблестью, которую он проявлял во всем остальном, они относились снисходительно к таким его слабостям, как любовь к наслаждениям и показному блеску. Ведь, не говоря уже о том, что он перенес прежде, совсем незадолго до описываемых здесь событий он был ранен стрелой в голень, и так сильно, что кость сломалась и вышла наружу, в другой раз он получил удар камнем в шею, и долгое время туманная пелена застилала ему взор. И все же он не щадил себя, а непрестанно рвался навстречу всяческим опасностям; так, страдая поносом, он перешел реку Орексарт, которую принял за Танаид, и, обратив скифов в бегство, гнался за ними верхом на коне целых сто стадиев.

46. Многие, в том числе Клитарх, Поликлет, Онесикрит, Антиген и Истр, рассказывают, что в тех местах к Александру явилась амазонка, но Аристобул, секретарь Александра Харет, Птолемей, Антиклид, Филон Фиванский, Филипп из Феангелы, а также Гекатей Эретрийский, Филипп Халкидский и Дурид Самосский утверждают, что это выдумка. Их мнение как будто подтверждает и сам Александр. В подробном письме к Антипатру он говорит, что царь скифов дал ему в жены свою дочь, а об амазонке даже не упоминает. Рассказывают, что, когда много времени спустя Онесикрит читал Лисимаху, тогда уже царю, четвертую книгу своего сочинения, в которой написано об амазонке, Лисимах с легкой усмешкой спросил историка: «А где же я был тогда?» Но как бы мы ни относились к этому рассказу – как к правдивому или как к вымышленному, – наше восхищение Александром не становится от этого ни меньшим, ни большим.

47. Александр боялся, что македоняне падут духом и не захотят продолжать поход. Не тревожа до времени остальное войско, он обратился к тем лучшим из лучших, которые были с ним в Гиркании, – двадцати тысячам пехотинцев и трем тысячам всадников. Он говорил, что до сих пор варвары видели македонян как бы во сне, если же теперь, едва лишь приведя Азию в замешательство, македоняне решат уйти из этой страны, варвары сразу же нападут на них, как на женщин. Впрочем, тех, кто хочет уйти, он не собирается удерживать. Но пусть боги будут свидетелями, что македоняне покинули его с немногими друзьями и добровольцами на произвол судьбы, – его, который стремился приобрести для македонян весь мир. Примерно в тех же выражениях Александр пересказывает эту речь в письме к Антипатру; там же царь пишет, что, когда он кончил говорить, все воины закричали, чтобы он вел их хоть на край света. После того, как Александр добился успеха у этой части войска, было уже нетрудно убедить все остальное множество воинов, которые добровольно выразили готовность следовать за царем.

С этих пор он стал все больше приспособливать свой образ жизни к местным обычаям, одновременно сближая их с македонскими, ибо полагал, что благодаря такому смешению и сближению он добром, а не силой укрепит свою власть на тот случай, если отправится в далекий поход. С этой же целью он отобрал тридцать тысяч мальчиков и поставил над ними

---

¹²⁹¹ 49. *Кандий* – шерстяной кафтан с широкими рукавами: вместе с шароварами и остроконечной тиарой (китарой) считался национальной персидской одеждой.

многочисленных наставников, чтобы выучить их греческой грамоте и обращению с македонским оружием. И его брак с Роксаной, красивой и цветущей девушкой, в которую он однажды влюбился, увидев ее в хороводе на пиру, как всем казалось, вполне соответствовал его замыслу, ибо брак этот сблизил Александра с варварами, и они прониклись к нему доверием и горячо полюбили его за то, что он проявил величайшую воздержанность и не захотел незаконно овладеть даже той единственной женщиной, которая покорила его.

Когда Александр увидел, что один из его ближайших друзей, Гефестион, одобряет его сближение с варварами и сам подражает ему в этом, а другой, Кратер, остается верен отеческим нравам, он стал вести дела с варварами через Гефестиона, а с греками и с македонянами – через Кратера. Горячо любя первого и глубоко уважая второго, Александр часто говорил, что Гефестион – друг Александра, а Кратер – друг царя. Из-за этого Гефестион и Кратер питали скрытую вражду друг к другу и нередко ссорились. Однажды в Индии ссора их дошла до того, что они обнажили мечи. К тому и к другому бросились на помощь друзья, но Александр, прищпорив коня, подъехал к ним и при всех обругал Гефестиона, назвал его глупцом и безумцем, не желающим понять, что он был бы ничем, если бы кто-нибудь отнял у него Александра. Кратера он сурово разбил с глазу на глаз, а потом, приведя их обоих к себе и примирив друг с другом, поклялся Аммоном и всеми другими богами, что никого из людей не любит так, как их двоих, но если он узнает когда-нибудь, что они опять ссорятся, то непременно убьет либо их обоих, либо зачинщика. Рассказывают, что после этого они даже в шутку ни словом, ни делом не пытались поддеть или уколоть друг друга.

48. Филот, сын Пармениона, пользовался большим уважением среди македонян. Его считали мужественным и твердым человеком, после Александра не было никого, кто был бы столь же щедрым и отзывчивым. Рассказывают, что как-то один из его друзей попросил у него денег и Филот велел своему домоуправителю выдать их. Домоуправитель отказался, сославшись на то, что денег нет, но Филот сказал ему: «Что ты говоришь? Разве у тебя нет какого-нибудь кубка или платья?» Однако высокомерием и чрезмерным богатством, слишком тщательным уходом за своим телом, необычным для частного лица образом жизни, а также тем, что гордость свою он проявлял неумеренно, грубо и вызывающе, Филот возбудил к себе недоверие и зависть. Даже отец его, Парменион, сказал ему однажды: «Спустишься-ка, сынок, пониже». У Александра он уже давно был на дурном счету. Когда в Дамаске были захвачены богатства Дария, потерпевшего поражение в Киликии, в лагерь привели много пленных. Среди них находилась женщина по имени Антигона, родом из Пидны, выделявшаяся своей красотой. Филот взял ее себе. Как это свойственно молодым людям, Филот нередко, выпив вина, хвастался перед влюбленной своими воинскими подвигами, приписывая величайшие из деяний себе и своему отцу и называя Александра мальчишкой, который им обоим обязан своим могуществом. Женщина рассказала об этом одному из своих приятелей, тот, как водится, другому, и так молва дошла до слуха Кратера, который вызвал эту женщину и тайно привел ее к Александру. Выслушав ее рассказ, Александр велел ей продолжать встречаться с Филотом и обо всем, что бы она ни узнала, доносить ему лично.

49. Ни о чем не подозревая, Филот по-прежнему бахвалился перед Антигоной и в пылу раздражения говорил о царе неподобающим образом. Но хотя против Филота выдвигались серьезные обвинения, Александр все терпеливо сносил – то ли потому, что полагался на преданность Пармениона, то ли потому, что страшился славы и силы этих людей. В это время один македонянин по имени Димн, родом из Халастры, злоумышлявший против Александра, попытался вовлечь в свой заговор юношу Никомаха, своего возлюбленного, но тот отказался участвовать в заговоре и рассказал обо всем своему брату Кебалину. Кебалин пошел к Филоту и просил его отвести их с братом к Александру, так как они должны сообщить царю о деле важном и неотложном. Филот, неизвестно по какой причине, не повел их к Александру, ссылаясь на то, что царь занят более значительными делами. И так он поступил дважды. Поведение Филота вызвало у братьев подозрение, и они обратились к

другому человеку. Приведенные этим человеком к Александру, они сначала рассказали о Димне, а потом мимоходом упомянули и о Филоте, сообщив, что он дважды отверг их просьбу. Это чрезвычайно ожесточило Александра. Воин, посланный арестовать Димна, вынужден был убить его, так как Димн оказал сопротивление, и это еще более усилило тревогу Александра: царь полагал, что смерть Димна лишает его улики, необходимых для раскрытия заговора. Разгневанный на Филота, Александр привлек к себе тех людей, которые издавна ненавидели сына Пармениона и теперь открыто говорили, что царь проявляет беспечность, полагая, будто жалкий халастриец Димн по собственному почину решился на столь великое преступление. Димн, утверждали эти люди, – не более как исполнитель, вернее даже орудие, направляемое чьей-то более могущественной рукой, а истинных заговорщиков надо искать среди тех, кому выгодно, чтобы все оставалось скрытым. Так как царь охотно прислушивался к таким речам, враги возвели на Филота еще тысячи других обвинений. Наконец, Филот был схвачен и приведен на допрос. Его подвергли пыткам в присутствии ближайших друзей царя, а сам Александр слышал все, спрятавшись за занавесом. Рассказывают, что, когда Филот жалобно застонал и стал униженно молить Гефестиона о пощаде, Александр произнес: «Как же это ты, Филот, такой слабый и трусливый, решился на такое дело?»

После смерти Филота Александр сразу же послал в Мидию людей, чтобы убить Пармениона – того Пармениона, который оказал Филиппу самые значительные услуги и который был, пожалуй, единственным из старших друзей Александра, побуждавшим царя к походу на Азию. Из трех сыновей Пармениона двое погибли в сражениях на глазах у отца, а вместе с третьим сыном погиб он сам.

Все это внушило многим друзьям Александра страх перед царем, в особенности же – Антипатру, который, тайно отправив послов к этолийцам, заключил с ними союз. Этолийцы очень боялись Александра из-за того, что они разрушили Эниады¹²⁹², ибо, узнав о гибели города, царь сказал, что не дети эниадян, но он сам отомстит за это этолийцам.

50. За этими событиями вскоре последовало убийство Клита. Если рассказывать о нем без подробностей, оно может показаться еще более жестоким, чем убийство Филота, но если сообщить причину и все обстоятельства его, станет ясным, что оно совершилось не предумышленно, а в результате несчастного случая, что гнев и опьянение царя лишь сослужили службу злему року Клита.

Вот как все случилось. Какие-то люди, приехавшие из-за моря, принесли Александру плоды из Греции. Восхищаясь красотой и свежестью плодов, царь позвал Клита, чтобы показать ему фрукты и дать часть из них. Клит в это время как раз приносил жертвы, но, услышав приказ царя, приостановил жертвоприношение и сразу же отправился к Александру, а три овцы, над которыми были уже совершены возлияния, побежали за ним. Узнав об этом, царь обратился за разъяснением к прорицателям – Аристандру и лакедемонянину Аристомену. Они сказали, что это дурной знак, и Александр велел как можно скорее принести умиловительную жертву за Клита. (Дело в том, что за три дня до этого Александр видел странный сон. Ему приснилось, что Клит вместе с сыновьями Пармениона сидит в черных одеждах и все они мертвы.) Но Клит не дождался конца жертвоприношения и отправился на пир к царю, который только что принес жертвы Диоскурам.

В разгаре веселого пиршества кто-то стал петь песенки некоего Праниха, – или, по словам других писателей, Пиериона, – в которых высмеивались полководцы, недавно потерпевшие поражение от варваров¹²⁹³. Старшие из присутствовавших сердились и бранили сочинителя и певца, но Александр и окружавшие его молодые люди слушали с

¹²⁹² 50. ...разрушили Эниады... – Город в Акарнании, захваченный этолийцами в 330 г.

¹²⁹³ 51. ...поражение от варваров. – Имеется в виду поражение македонян при Мараканде в 328 г.

удовольствием и велели певцу продолжать. Клит, уже пьяный и к тому же от природы несдержанный и своевольный, негодовал больше всех. Он говорил, что недостойно среди варваров и врагов оскорблять македонян, которые, хотя и попали в беду, все же много лучше тех, кто над ними смеется. Когда Александр заметил, что Клит, должно быть, хочет оправдать самого себя, называя трусость бедою, Клит вскочил с места и воскликнул: «Но эта самая трусость спасла тебя, рожденный богами, когда ты уже подставил свою спину мечу Спифридата! Ведь благодаря крови македонян и этим вот ранам ты столь вознесся, что, отрекшись от Филиппа, называешь себя сыном Аммона!»

51. С гневом Александр отвечал: «Долго ли еще, негодяй, думаешь ты радоваться, понося нас при каждом удобном случае и призывая македонян к неповиновению?» «Да мы и теперь не радуемся, Александр, вкушая такие „сладкие“ плоды наших трудов, – возразил Клит. – Мы считаем счастливыми тех, кто умер еще до того, как македонян начали сечь мидийскими розгами, до того, как македоняне оказались в таком положении, что вынуждены обращаться к персам, чтобы получить доступ к царю». В ответ на эти дерзкие речи поднялись друзья Александра и стали бранить Клита, а люди постарше пытались уговорить спорящих. Александр же, обратившись к Ксенодоху Кардийскому и Артемию Колофонскому, сказал: «Не кажется ли вам, что греки прогуливаются среди македонян, словно полубоги среди диких зверей?» Клит не унимался, он требовал, чтобы Александр при всех высказал то, что думает, или же чтобы он больше не приглашал к себе на пир людей свободных, привыкших говорить откровенно, а жил среди варваров и рабов, которые будут поклоняться его персидскому поясу и белому хитону.

Александр уже не мог сдержать гнева: схватив лежавшее около него яблоко, он бросил им в Клита и стал искать свой кинжал. Но так как один из телохранителей, Аристофан, успел вовремя убрать кинжал, а все остальные окружили Александра и умоляли его успокоиться, он вскочил с места, по-македонски кликнул царскую стражу (это был условный знак крайней опасности), велел трубачу подать сигнал тревоги и ударил его кулаком, заметив, что тот медлит. Впоследствии этот трубач пользовался большим уважением за то, что благодаря его самообладанию весь лагерь не был приведен в смятение. Клита, не желавшего уступить, друзья с трудом вытолкали из пиршественного зала, но он снова вошел через другие двери, с превеликой дерзостью читая ямбы из «Андромахи» Эврипида:

Какой плохой обычай есть у эллинов...¹²⁹⁴

Тут Александр выхватил копье у одного из телохранителей и, метнув его в Клита, который отбросил дверную завесу и шел навстречу царю, пронзил дерзкого насквозь. Клит, громко застонав, упал, и гнев Александра сразу же угас. Опомившись и увидев друзей, безмолвно стоявших вокруг, Александр вытащил из трупа копье и попытался вонзить его себе в шею, но ему помешали – телохранители схватили его за руки и насильно унесли в спальню.

52. Проведя всю ночь в рыданиях, он настолько изнемог от крика и плача, что на следующий день лежал безмолвно, испуская лишь тяжкие стоны. Друзья, напуганные его молчанием, без разрешения вошли в спальню. Но речи их не тронули Александра. Только когда прорицатель Аристандр, напомнив царю о сновидении, в котором ему явился Клит, и о дурном знамении при жертвоприношении, сказал, что все случившееся было уже давно определено судьбою, Александр, казалось, несколько успокоился.

Затем к нему привели Анаксарха из Абдер и философа Каллисфена – родственника Аристотеля. Каллисфен пытался кроткой и ласковой речью смягчить горе царя, а Анаксарх, который с самого начала пошел в философии особым путем и был известен своим

¹²⁹⁴ 52. Какой плохой обычай есть у эллинов... – Из «Андромахи» Эврипида, ст. 693: слова Пелея о том, что после победы вся слава достается царю, а заслуги воинов забыты.

презрительным отношением к общепринятым взглядам, подойдя к Александру, воскликнул: «И это Александр, на которого смотрит теперь весь мир! Вот он лежит, рыдая, словно раб, страшась закона и порицания людей, хотя он сам должен быть для них и законом и мерою справедливости, если только он победил для того, чтобы править и повелевать, а не для того, чтобы быть прислужником пустой молвы. Разве ты не знаешь, – продолжал он, – что Зевс для того посадил с собой рядом Справедливость и Правосудие, дабы всё, что ни совершается повелителем, было правым и справедливым?» Такими речами Анаксарх несколько успокоил царя, но зато на будущее время внушил ему еще большую надменность и пренебрежение к законам. Пользуясь расположением Александра, Анаксарх усилил его неприязнь к Каллисфену, которого царь и прежде-то недолго любил за строгость и суровость. Рассказывают, что однажды на пиру, когда разговор зашел о временах года и погоде, Каллисфен, разделявший взгляды тех, которые считают, что в Азии холоднее, чем в Греции, в ответ на возражения Анаксарха сказал так: «Ты-то уж должен был бы согласиться с тем, что здесь холоднее, чем в Греции. Там ты всю зиму ходил в изношенном плаще, а здесь лежишь, укрывшись тремя коврами». После этого Анаксарх стал еще больше ненавидеть Каллисфена.

53. Другим софистам и льстецам Каллисфен был также ненавистен, ибо юноши любили его за красоту речей, а пожилым людям он в неменьшей мере был приятен тем, что вел жизнь безупречную, чистую, чуждую искательства. Его жизнь неопровержимо доказывала, что он не уклонялся от истины, когда говорил, что отправился за Александром лишь затем, чтобы восстановить свой родной город¹²⁹⁵ и вернуть туда жителей. Ненавидимый из-за своей славы, он и поведением своим давал врагам пищу для клеветы, ибо большей частью отклонял приглашения к царскому столу, а если и приходил, то своей суровостью и молчанием показывал, что он не одобряет происходящего. Оттого-то Александр и сказал про него:

Противен мне мудрец, что для себя не мудр¹²⁹⁶.

Рассказывают, что однажды на царском пиру при большом стечении приглашенных Каллисфену поручили произнести за кубком вина хвалебную речь в честь македонян, и он говорил на эту тему с таким красноречием, что присутствовавшие, стоя, рукоплескали и бросали ему свои венки. Тогда Александр привел слова Эврипида¹²⁹⁷ о том, что прекрасно говорить о прекрасном предмете – дело нетрудное, и сказал: «Теперь покажи нам свою силу, произнеши обвинительную речь против македонян, чтобы, узнав свои ошибки, они стали лучше». Тут уже Каллисфен заговорил по-другому, в откровенной речи он предъявил македонянам многие обвинения. Он сказал, что раздор среди греков был единственной причиной успехов Филиппа и его возвышения, и в доказательство своей правоты привел стих:

Часто при распрях почет достается в удел негодяю¹²⁹⁸.

Этой речью Каллисфен возбудил против себя лютую ненависть со стороны македонян,

¹²⁹⁵ 53. ...восстановить свой родной город... – Каллисфен был родом из Олинфа, разрушенного Филиппом в 348 г.; ср. гл. 7 о восстановлении Стагиры.

¹²⁹⁶ 54. Противен мне мудрец, что для себя не мудр. – Стих из неизвестной трагедии Эврипида.

¹²⁹⁷ 55. ...слова Эврипида... – «Вакханки», 266 сл.

¹²⁹⁸ 56. Часто при распрях... и далее. – Пословица, любимая Плутархом (ср.: Ник., 11; Сул., 39).

а Александр сказал, что Каллисфен показал не столько силу своего красноречия, сколько силу своей вражды к македонянам.

54. По словам Гермиппа, об этом случае рассказал Аристотелю Стреб, чтец Каллисфена. Гермипп добавляет, что Каллисфен почувствовал недовольство царя и, прежде чем выйти из зала, два или три раза повторил, обращаясь к нему:

Умер Патрокл, несравненно тебя превосходнейший
смертный¹²⁹⁹.

Аристотель, по-видимому, не ошибался, когда говорил, что Каллисфен – прекрасный оратор, но человек неумный.

Впрочем, благодаря тому, что Каллисфен упорно, как подобает философу, боролся против обычая падать ниц перед царем и один осмеливался открыто говорить о том, что вызывало тайное возмущение у лучших и старейших из македонян, он избавил греков от большого позора, а Александра – от еще большего, но себе самому уготовил гибель, ибо казалось, что он не столько убедил царя, сколько принудил его отказаться от почестей благоговейного поклонения.

Харет из Митилены рассказывает, что однажды на пиру Александр, отпив вина, протянул чашу одному из друзей. Тот, приняв чашу, встал перед жертвенником и, выпив вино, сначала пал ниц, потом поцеловал Александра и вернулся на свое место. Так поступили все. Когда очередь дошла до Каллисфена, он взял чашу (царь в это время отвлекся беседой с Гепестием), выпил вино и подошел к царю для поцелуя. Но тут Деметрий, по прозвищу Фидон, воскликнул: «О царь, не целуй его, он один из всех не пал пред тобою ниц». Александр уклонился от поцелуя, а Каллисфен сказал громким голосом: «Что ж, одним поцелуем будет у меня меньше».

55. Своим поведением Каллисфен очень озлобил Александра, и тот охотно поверил Гепестию, который сказал, что философ обещал ему пасть ниц перед царем, но не сдержал своего слова. Потом на Каллисфена обрушились Лисимах и Гагنون: они говорили, что софист расхаживает с таким гордым видом, словно он уничтожил тиранию, что отовсюду к нему стекаются зеленые юнцы, восторгающиеся им, как человеком, который один среди стольких тысяч сумел остаться свободным. Поэтому, когда был раскрыт заговор Гермоя, обвинения, которые возвели на Каллисфена его враги, представились царю вполне правдоподобными. А враги утверждали, будто на вопрос Гермоя, как стать самым знаменитым, Каллисфен ответил: «Для этого надо убить самого знаменитого». Клеветники говорили, будто Каллисфен подстрекал Гермоя к решительным действиям, убеждал его не бояться золотого ложа и помнить, что перед ним человек, столь же подверженный болезням и столь же уязвимый, как и все остальные люди. Все же никто из заговорщиков даже под самыми страшными пытками не назвал Каллисфена виновным. И сам Александр вскоре после этого написал Кратеру, Атталу и Алкету, что мальчишки во время пыток брали всю вину на себя, уверяя, что у них не было соучастников. Позднее, однако, в письме к Антипатру Александр возлагает вину и на Каллисфена: «Мальчишек, – пишет он, – македоняне побили камнями, а софиста я еще накажу, как, впрочем, и тех, кто его прислал и кто радушно принимает в своих городах заговорщиков, посягающих на мою жизнь». Здесь Александр явно намекает на Аристотеля, ибо Каллисфен был его родственником, сыном его двоюродной сестры Геро, и воспитывался в его доме. Некоторые сообщают, что Александр повесил Каллисфена, а другие – что Каллисфен умер в тюрьме от болезни. Харет рассказывает, что Каллисфена семь месяцев держали в оковах, под стражей, чтобы позднее судить его в большом собрании, в присутствии Аристотеля, но как раз в те самые дни, когда

---

¹²⁹⁹ 57. Умер Патрокл... превосходнейший смертный. – «Илиада», XXI, 107 : слова Ахилла к врагу, тщетно молящему о пощаде.

Александр был ранен в Индии, Каллисфен умер от ожирения и вшивой болезни.

56. Но это случилось позднее. А в ту пору коринфянин Демарат, будучи уже в преклонных годах, пожелал отправиться к Александру. Представ пред царем, он сказал, что великой радости лишились те из греков, которые умерли, не увидев Александра восседающим на троне Дария. Недолго довелось Демарту пользоваться благоволением царя, но когда он умер от старческой немощи, то удостоился пышного погребения. Воины насыпали в его честь огромный курган высотой в восемьдесят локтей, а останки его на великолепно украшенной колеснице были отвезены к морю.

57. Александр намеревался отправиться в Индию, но, видя, что из-за огромной добычи войско отяжелело и стало малоподвижным, однажды на рассвете велел нагрузить повозки и сначала сжег те из них, которые принадлежали ему самому и его друзьям, а потом приказал поджечь повозки остальных македонян. Оказалось, что отважиться на это дело было гораздо труднее, чем совершить его. Лишь немногие были огорчены, большинство же, раздав необходимое нуждающимся, в каком-то порыве восторга с криком и шумом принялось сжигать и уничтожать все излишнее. Это еще более воодушевило Александра и придало ему твердости. В ту пору он был уже страшен в гневе и беспощаден при наказании виновных. Одного из своих приближенных, некоего Менандра, назначенного начальником караульного отряда в какой-то крепости, Александр приказал казнить только за то, что тот отказался там остаться. Орсодата, изменившего ему варвара, он собственной рукой застрелил из лука.

Около этого времени овца принесла ягненка, у которого на голове был нарост, формой и цветом напоминающий тиару, а по обеим сторонам нароста – по паре яичек. У Александра это знамение вызвало такое отвращение, что он пожелал очиститься от скверны. Обряд совершили вавилоняне, которых царь обыкновенно призывал к себе в подобных случаях. Другим Александр говорил, что он беспокоится не о себе, а об них, что он страшится, как бы божество после его смерти не вручило верховную власть человеку незнатному и бессильному. Но в скором времени печаль его была рассеяна добрым предзнаменованием. Начальник царских спальников, македонянин по имени Проксен, готовя у реки Оке место для палатки Александра, обнаружил источник густой и жирной жидкости. Когда вычерпали то, что находилось на поверхности, из источника забила чистая и светлая струя, ни по запаху, ни по вкусу не отличавшаяся от оливкового масла, такая же прозрачная и жирная. Это было особенно удивительным потому, что в тех местах не растут оливковые деревья. Рассказывают, что в самом Оксе вода очень мягкая, и у купающихся в этой реке кожа покрывается жиром. Как обрадовался Александр этому предзнаменованию, можно видеть из его письма к Антипатру. Он пишет, что это одно из величайших предзнаменований, когда-либо полученных им от божества. Прорицатели же утверждали, что оно предвещает поход славный, но тяжкий и суровый, ибо божество дало людям оливковое масло для того, чтобы облегчить их труды.

58. В боях Александр подвергал себя множеству опасностей и получил несколько тяжелых ранений, войско же его больше всего страдало от недостатка в съестных припасах и от скверного климата. Александр стремился дерзостью одолеть судьбу, а силу – мужеством, ибо он считал, что для смелых нет никакой преграды, а для трусов – никакой опоры. Рассказывают, что Александр долго осаждал неприступную скалу, которую оборонял Сисимитр. Когда воины совсем уже пали духом, Александр спросил Оксиарта, храбрый ли человек Сисимитр, и Оксиарт ответил, что Сисимитр – трусливейший из людей. Тогда Александр сказал: «Выходит дело, что мы можем захватить эту скалу, – ведь вершина у нее непрочная». Устрашив Сисимитра, он взял твердыню приступом. В другой раз, когда войско штурмовало столь же крутую и неприступную скалу, Александр послал вперед молодых македонян и, обратившись к одному юноше, которого тоже звали Александром, сказал ему: «Твое имя обязывает тебя быть мужественным». Храбро сражаясь, юноша пал в битве, и это очень огорчило царя.

Перед крепостью, называвшейся Нисой, македоняне остановились в нерешительности, так как их отделяла от нее глубокая река. Став на берегу, Александр сказал: «Почему я,

глупец, не научился плавать?» И все же, взяв в руки щит, он хотел броситься в реку... [*Текст в оригинале испорчен.*] Когда Александр прекратил битву, к нему явились послы осажденных городов просить о мире. Сначала они были очень напуганы, увидев царя в простой одежде и с оружием в руках, но потом царю принесли подушку, и он велел старшему из послов, Акуфиду, сесть на нее. Пораженный великодушием и человечностью Александра, Акуфид спросил, чем могут они заслужить его дружбу. Александр сказал: «Пусть твои соотечественники изберут тебя правителем, а к нам пусть пришлют сто лучших мужей». На это Акуфид, рассмеявшись, отвечал: «Но мне будет легче править, царь, если я пришлю тебе худших, а не лучших».

59. Таксил, как сообщают, владел в Индии страной, по размерам не уступавшей Египту, к тому же плодородной и богатой пастбищами, а сам он был человек мудрый. Приветливо приняв Александра, он сказал ему: «Зачем нам воевать друг с другом, Александр, – ведь ты же не собираешься отнять у нас воду и необходимые средства к жизни, ради чего только и стоит сражаться людям разумным? Всем остальным имуществом я охотно поделюсь с тобою, если я богаче тебя, а если беднее – с благодарностью приму дары от тебя». С удовольствием выслушав эту речь, Александр протянул Таксилу правую руку и сказал: «Не думаешь ли ты, что благодаря этим радушным словам между нами не будет сражения? Ты ошибаешься. Я буду бороться с тобой благодеяниями, чтобы ты не превзошел меня своей щедростью». Приняв богатые дары от Таксила, Александр преподнес ему дары еще более богатые, а потом подарил тысячу талантов в чеканной монете. Этот поступок очень огорчил его друзей, но зато привлек к нему многих варваров.

Храбрейшие из индийцев-наемников, переходившие из города в город, сражались отчаянно и причинили Александру немало вреда. В одном из городов Александр заключил с ними мир, а когда они вышли за городские стены, царь напал на них в пути и, захватив в плен, перебил всех до одного. Это единственный позорный поступок, пятнающий поведение Александра на войне, ибо во всех остальных случаях Александр вел военные действия в согласии со справедливостью, истинно по-царски. Не меньше хлопот доставили Александру индийские философы¹³⁰⁰, которые порицали царей, перешедших на его сторону, и призывали к восстанию свободные народы. За это многие из философов были повешены по приказу Александра.

60. О войне с Пором Александр сам подробно рассказывает в своих письмах. Между враждебными лагерями, сообщает он, протекала река Гидасп. Выставив вперед слонов, Пор постоянно вел наблюдение за переправой. Александр же велел каждый день поднимать в лагере сильный шум, чтобы варвары привыкли к нему. Однажды холодной и безлунной ночью Александр, взяв с собой часть пехоты и отборных всадников, ушел далеко в сторону от врагов и переправился на небольшой остров. В это время пошел проливной дождь, подул ураганный ветер, в лагерь то и дело ударяли молнии. На глазах у Александра несколько воинов было убито и испепелено молнией, и все же он отплыл от острова и попытался пристать к противоположному берегу. Из-за непогоды Гидасп вздулся и рассвирепел, во многих местах берег обрушился, и туда бурным потоком устремилась вода, к суше нельзя было подступиться, так как нога не держалась на скользком, изрытом дне. Рассказывают, что Александр воскликнул тогда: «О, афиняне, знаете ли вы, каким опасностям я подвергаюсь, чтобы заслужить ваше одобрение?» Так говорит Онесикрит, сам же Александр сообщает, что они оставили плоты и, погрузившись в воду по грудь, с оружием в руках двинулись вброд.

Выйдя на берег, Александр с конницей устремился вперед, опередив пехоту на двадцать стадиев. Александр полагал, что если враги начнут конное сражение, то он легко победит их, если же они двинут вперед пехотинцев, то его пехота успеет вовремя присоединиться к нему. Сбылось первое из этих предположений. Тысячу всадников и

¹³⁰⁰ 58. Индийские философы – брахманы, которых Плутарх отождествляет с «голыми мудрецами» – гимнософистами (см. ниже гл. 64).

шестьдесят колесниц, которые выступили против него, он обратил в бегство. Всеми колесницами он овладел, а всадников пало четыреста человек. Пор понял, что Александр уже перешел реку, и выступил ему навстречу со всем своим войском, оставив на месте лишь небольшой отряд, который должен был помешать переправиться остальным македонянам. Напуганный видом слонов и многочисленностью неприятеля, Александр сам напал на левый фланг, а Кену приказал атаковать правый. Враги дрогнули на обоих флангах, но всякий раз они отходили к слонам, собирались там и оттуда вновь бросались в атаку сомкнутым строем. Битва шла поэтому с переменным успехом, и лишь на восьмой час сопротивление врагов было сломлено. Так описал это сражение в своих письмах тот, по чьей воле оно произошло. Большинство историков в полном согласии друг с другом сообщает, что благодаря своему росту в четыре локтя и пядь¹³⁰¹, а также могучему телосложению Пор выглядел на слоне так же, как всадник на коне, хотя слон под ним был самый большой. Этот слон проявил замечательную понятливость и трогательную заботу о царе. Пока царь еще сохранял силы, слон защищал его от нападавших врагов, но, почувствовав, что царь изнемогает от множества дротиков, вонзившихся в его тело, и боясь, как бы он не упал, слон медленно опустился на колени и начал осторожно вынимать хоботом из его тела один дротик за другим.

Когда Пора взяли в плен и Александр спросил его, как следует с ним обращаться, Пор сказал: «По-царски». Александр спросил, не хочет ли он добавить еще что-нибудь. На это Пор ответил: «Все заключено в одном слове: „по-царски”». Назначив Пора сатрапом, Александр не только оставил в его власти всю ту область, над которой он царствовал, но даже присоединил к ней новые земли, подчинив Пору индийцев, прежде независимых. Рассказывают, что на этих землях, населенных пятнадцатью народами, находилось пять тысяч больших городов и великое множество деревень. Над другой областью, в три раза большей, Александр поставил сатрапом Филиппа, одного из своих близких друзей.

61. Битва с Пором стоила жизни Букефалу. Как сообщает большинство историков, конь погиб от ран, но не сразу, а позднее, во время лечения. Онесикрит же утверждает, что Букефал издох от старости тридцати лет от роду. Александр был очень опечален смертью коня, он так тосковал, словно потерял близкого друга. В память о коне он основал город у Гидаспа и назвал его Букефалией. Рассказывают также, что, потеряв любимую собаку Периту, которую он сам вырастил, Александр основал город, названный ее именем. Сотиион говорит, что слышал об этом от Потамона Лесбосского.

62. Сражение с Пором охладило пыл македонян и отбило у них охоту проникнуть дальше в глубь Индии. Лишь с большим трудом им удалось победить этого царя, выставившего только двадцать тысяч пехотинцев и две тысячи всадников. Македоняне решительно воспротивились намерению Александра переправиться через Ганг: они слышали, что эта река имеет тридцать два стадия в ширину и сто оргий в глубину и что противоположный берег весь занят вооруженными людьми, конями и слонами. Шла молва, что на том берегу их ожидают цари гандаритов и пресиев¹³⁰² с огромным войском из восьмидесяти тысяч всадников, двухсот тысяч пехотинцев, восьми тысяч колесниц и шести тысяч боевых слонов. И это не было преувеличением. Андрокотт, который вскоре вступил на престол, подарил Селевку пятьсот слонов и с войском в шестьсот тысяч человек покорил всю Индию.

Сначала Александр заперся в палатке и долго лежал там в тоске и гневе. Сознавая, что ему не удастся перейти через Ганг, он уже не радовался ранее совершенным подвигам и

---

¹³⁰¹ 59. ...в четыре локтя и пядь... – Около 1 м 92 см. (Или, если счет не на аттические, а на македонские локти, – немного меньше).

¹³⁰² 60. Гандариты и пресии – народы из Гандхара и Магадха; царем Магадха с 322 г. стал упомянутый ниже Андрокотт (Чандрагупта), в 304 г. подаривший Селевку боевых слонов в обмен за права на долину Инда.

считал, что возвращение назад было бы открытым признанием своего поражения. Но так как друзья приводили ему разумные доводы, а воины плакали у входа в палатку, Александр смягчился и решил сняться с лагеря. Перед тем, однако, он пошел ради славы на хитрость. По его приказу изготовили оружие и конские уздечки необычайного размера и веса и разбросали их вокруг. Богам были сооружены алтари, к которым до сих пор приходят цари пресиев, чтобы поклониться им и совершить жертвоприношения по греческому обряду. Андрокотт еще юношей видел Александра. Как передают, он часто говорил впоследствии, что Александру было бы нетрудно овладеть и этой страной, ибо жители ее ненавидели и презирали своего царя за порочность и низкое происхождение.

63. Желая увидеть Океан, Александр построил большое число плотов и гребных кораблей, на которых македоняне медленно поплыли вниз по рекам. Но и во время плавания Александр не предавался праздности и не прекращал военных действий. Часто, сходя на берег, он совершал нападения на города и покорял все вокруг. В стране маллов, которые считались самыми воинственными из индийцев, он едва не был убит. Согнав врагов дротиками со стены, он первый взобрался на нее по лестнице. Но лестница сломалась, а варвары, стоявшие внизу у стены, подвергли его и тех немногих воинов, которые успели к нему присоединиться, яростному обстрелу. Александр спрыгнул вниз, в гущу врагов и, к счастью, сразу же вскочил на ноги. Потрясая оружием, царь устремился на врагов, и варварам показалось, будто от его тела исходит какое-то чудесное сияние. Сперва они в ужасе бросились врассыпную, но затем, видя, что рядом с Александром всего лишь два телохранителя, ринулись на него и, несмотря на его мужественное сопротивление, нанесли ему мечами и копьями много тяжелых ран. Один из варваров, встав чуть поодаль, пустил стрелу с такой силой, что она пробила панцирь и глубоко вонзилась в кость около соска. От удара Александр согнулся, и воин пустивший стрелу, подбежал к царю, обнажив варварский меч. Певкест и Лимней заслонили царя, но обоих тяжело ранили. Лимней сразу же испустил дух, Певкест удержался на ногах, а варвара убил сам Александр. Весь израненный, получив напоследок удар дубиной по шее, царь прислонился к стене, обратив лицо к врагам. Но в этот миг Александра окружили македоняне и, схватив его, уже потерявшего сознание, отнесли в палатку. В лагере тотчас же распространился слух, что царь мертв. С трудом спилив древко стрелы и сняв с Александра панцирь, принялись вырезать вонзившееся в кость острие, которое, как говорят, было шириной в три пальца, а длиной – в четыре пальца¹³⁰³. В это время царь впал в глубокий обморок и был уже на волоске от смерти, но пришел в себя, когда острие было извлечено. Избежав смертельной опасности, он еще долгое время был очень слаб и нуждался в лечении и покое. Однажды он услышал, что македоняне шумят перед его палаткой, выражая желание увидеть своего царя. Накинув плащ, он вышел к ним и принес богам жертвы, а потом двинулся дальше, продолжая по пути покорять города и земли.

64. Александр захватил в плен десять гимнософистов из числа тех, что особенно старались склонить Саббу к измене и причинили македонянам немало вреда. Этим людям, которые были известны своим умением давать краткие и меткие ответы, Александр предложил несколько трудных вопросов, объявив, что того, кто даст неверный ответ, он убьет первым, а потом – всех остальных по очереди. Старшему из них он велел быть судьей. Первый гимнософист на вопрос, кого больше – живых или мертвых, ответил, что живых, так как мертвых уже нет. Второй гимнософист на вопрос о том, земля или море возвращает зверей более крупных, ответил, что земля, так как море – это только часть земли. Третьего Александр спросил, какое из животных самое хитрое, и тот сказал, что самое хитрое – то животное, которое человек до сих пор не узнал. Четвертый, которого спросили, из каких

¹³⁰³ 61. ...острие... было шириной в три пальца, а длиной – в четыре пальца. – В декламации «О доблести или силе Александра» Плутарх называет соответственно 4 и 5 пальцев: «Плутарх-ритор на палец преувеличивает размеры, названные Плутархом-биографом» (комм. Ф. Бэббита).

побуждений склонял он Саббу к измене, ответил, что он хотел, чтобы Сабба либо жил прекрасно, либо прекрасно умер. Пятому был задан вопрос, что было раньше – день или ночь, и тот ответил, что день был на один день раньше, а потом, заметив удивление царя, добавил, что задающий мудреные вопросы неизбежно получит мудреные ответы. Обратившись к шестому, Александр спросил его, как должен человек себя вести, чтобы его любили больше всех, и тот ответил, что наибольшей любви достоин такой человек, который, будучи самым могущественным, не внушает страха. Из трех остальных одного спросили, как может человек превратиться в бога, и софист ответил, что человек превратится в бога, если совершит нечто такое, что невозможно совершить человеку. Другому задали вопрос, что сильнее – жизнь или смерть, и софист сказал, что жизнь сильнее, раз она способна переносить столь великие невзгоды. Последнего софиста Александр спросил, до каких пор следует жить человеку, и тот ответил, что человеку следует жить до тех пор, пока он не сочтет, что умереть лучше, чем жить. Тут царь обратился к судье и велел ему объявить приговор. Когда судья сказал, что они отвечали один хуже другого, царь воскликнул: «Раз ты вынес такое решение, ты умрешь первым». На это софист возразил: «Но тогда ты окажешься лжецом, о царь: ведь ты сказал, что первым убьешь того, кто даст самый плохой ответ».

65. Богато одарив этих гимнософистов, Александр отпустил их, а к самым прославленным, жившим уединенно, вдали от людей, послал Онесикрита, через которого пригласил их к себе. Онесикрит был сам философом из школы киника Диогена. По его словам, Калан принял его сурово и надменно, велел ему снять хитон и вести беседу нагим, так как иначе, дескать, он не станет с ним говорить, будь Онесикрит посланцем даже самого Зевса. Дандамид был гораздо любезнее. Выслушав рассказ Онесикрита о Сократе, Пифагоре и Диогене, он сказал, что эти люди обладали, по-видимому, замечательным дарованием, но слишком уж почитали законы. По другим сведениям, Дандамид произнес только одну фразу: «Чего ради Александр явился сюда, проделав такой огромный путь?»

Калана Таксил уговорил явиться к Александру. Этого философа звали, собственно, Сфин, но так как он приветствовал всех встречных по-индийски – словом «кале», греки прозвали его Калан. Рассказывают, что Калан воочию показал Александру, что представляет собой его царство. Бросив на землю высохшую и затвердевшую шкуру, Калан наступил на ее край, и вся она поднялась вверх. Обходя вокруг шкуры, Калан наступал на нее с краю в разных местах, и всякий раз повторялось то же самое. Когда же он встал на середину и крепко прижал ее к земле, вся шкура осталась неподвижной. Этим Калан хотел сказать, что Александр должен утвердиться в середине своего царства и не слишком от нее удаляться.

66. Плавание вниз по течению рек продолжалось семь месяцев. Когда корабли вышли в Океан, Александр приплыл к острову, который он сам называет Скиллустидой, а другие – Псилтукой. Высадившись на берег, он принес жертвы богам и, насколько это было возможно, ознакомился с природой моря и побережья. Потом он обратился к богам с молитвой, чтобы никто из людей после него не зашел дальше тех рубежей, которых он достиг со своим войском. После этого он начал обратный путь. Кораблям он приказал плыть вдоль суши так, чтобы берег Индии находился справа, начальником флота назначил Неарха, а главным кормчим – Онесикрита. Сам Александр, двинувшись сушею через страну оритов, оказался в чрезвычайно тяжелом положении и потерял множество людей, так что ему не удалось привести из Индии даже четверти своего войска, а в начале похода у него было сто двадцать тысяч пехотинцев и пятнадцать тысяч всадников. Тяжелые болезни, скверная пища, нестерпимый зной и в особенности голод погубили многих в этой бесплодной стране, населенной нищими людьми, все имущество которых состояло из жалких овец, да и те были в ничтожном числе. Овцы питались морской рыбой, и потому мясо их было зловонным и неприятным на вкус. Лишь по прошествии шестидесяти дней Александру удалось выбраться из этой страны, и как только он достиг Гедрозии, у него сразу же все появилось в изобилии, так как сатрапы и цари ближайших стран позаботились об этом заранее.

67. Восстановив свои силы, македоняне в течение семи дней веселой процессией шествовали через Карманию. Восьмерка коней медленно везла Александра, который

беспрерывно, днем и ночью, пировал с ближайшими друзьями, восседа на своего рода сцене, утвержденной на высоком, отовсюду видном помосте. Затем следовало множество колесниц, защищенных от солнечных лучей пурпурными и пестрыми коврами или же зелеными, постоянно свежими ветвями, на этих колесницах сидели остальные друзья и полководцы, украшенные венками и весело пирующие. Нигде не было видно ни щитов, ни шлемов, ни копий, на всем пути воины чашами, кружками и кубками черпали вино из пифосов и кратеров¹³⁰⁴ и пили за здоровье друг друга, одни при этом продолжали идти вперед, а другие падали наземь. Повсюду раздавались звуки свирелей и флейт, звенели песни, слышались вакхические восклицания женщин. В течение всего этого беспорядочного перехода царило такое необузданное веселье, как будто сам Вакх присутствовал тут же и участвовал в этом радостном шествии. Прибыв в столицу Гедрозии, Александр вновь предоставил войску отдых и устроил празднества. Рассказывают, что однажды, хмельной, он присутствовал на состязании хоров, один из которых возглавлял его любимец Багой. Одержав победу, Багой в полном наряде прошел через театр и сел рядом с царем. Увидев это, македоняне принялись рукоплескать и закричали, чтобы царь поцеловал Багоя; они не успокоились до тех пор, пока Александр не обнял и не поцеловал его.

68. Там же к нему явился Неварх со своими людьми. Александр очень обрадовался и, выслушав рассказ о плавании, вознамерился сам поплыть с большим флотом вниз по течению Евфрата, затем обогнуть Аравию и Африку и через Геракловы столпы пройти во Внутреннее море¹³⁰⁵. С этой целью у Тапсака начали строить различные суда и отовсюду собирать мореходов и кормчих. Но слухи о том, что поход в глубь материка оказался очень тяжелым, что царь получил ранение в битве с маллами, что войско понесло большие потери, порождали сомнения в том, что Александр вернется невредимым, побуждали подвластные народы к мятежам, а полководцев и сатрапов толкали на несправедливости, бесчинства и своеволие. Вообще повсюду воцарился дух беспокойства и стремление к переменам. В это же время Олимпиада и Клеопатра окончательно рассорились с Антипатром и поделили царство между собой: Олимпиада взяла себе Эпир, а Клеопатра – Македонию. Узнав об этом, Александр сказал, что мать поступила разумнее, ибо македоняне не потерпят, чтобы над ними царствовала женщина¹³⁰⁶.

Сообразуясь с обстоятельствами, Александр вновь послал Неварха к морю, поручив ему опустошить вооруженной рукой все прибрежные страны, а сам отправился в дальнейший путь, чтобы наказать провинившихся полководцев. Оксиарта, одного из сыновей Абулита, он убил сам, пронзив его копьем. Абулит не приготовил съестных припасов, а поднес царю три тысячи талантов в чеканной монете, и Александр велел ему бросить эти деньги коням. Кони, разумеется, не притронулись к такому «корму», и царь, воскликнув: «Что нам за польза в твоих припасах?» – приказал бросить Абулита в тюрьму.

69. В Персиде Александр прежде всего роздал женщинам деньги по обычаю прежних царей, которые всякий раз, когда они являлись в эту страну, давали каждой женщине по золотому. Рассказывают, что именно поэтому некоторые цари приезжали в Персиду очень редко, а Ох из жадности так ни разу туда и не явился, превратив себя в добровольного изгнанника.

¹³⁰⁴ 62. ...из пифосов и кратеров... – Из пифосов (круглых глиняных бочек) пили, по варварскому обычаю, неразбавленное вино, из кратеров (широких емких чаш) – по греческому обычаю, смешанное с водою.

¹³⁰⁵ 63. ...пройти во Внутреннее (т.е. Средиземное) море. – Плавание Неварха доказало, что Аравийское море соединяется с Персидским заливом, теперь предстояло доказать, что есть такой же морской путь из Персидского залива в Красное море и из Красного моря в Атлантический океан.

¹³⁰⁶ 64. ...царствовала женщина. – Властная Олимпиада могла притязать на «царствование» над Македонией, но Клеопатра должна была подчиниться Антипатру.

Когда Александр узнал, что могила Кира разграблена, он велел казнить Поламаха, совершившего это преступление, хотя это был один из знатнейших граждан Пеллы. Прочтя надгробную надпись, Александр приказал начертать ее также и по-гречески, а она гласила: «О человек, кто бы ты ни был и откуда бы ты ни явился, – ибо я знаю, что ты придешь, – я Кир, создавший персидскую державу. Не лишай же меня той горстки земли, которая покрывает мое тело». Эти слова произвели на Александра глубокое и сильное впечатление и навели его на горестные размышления о превратностях человеческой судьбы.

Здесь Калан, долгое время страдавший болезнью желудка, попросил соорудить для себя костер. Подъехав к костру на коне, он помолился, окропил себя, словно жертвенное животное, и срезал со своей головы клочок волос в приношение богам. Затем, взойдя на костер, он попрощался с присутствовавшими македонянами, попросил их и царя провести этот день в веселой попойке и сказал, что царя он вскоре увидит в Вавилоне. Произнеся эти слова, он лег и укрылся с головой. Огонь подбирался все ближе, но он не двинулся с места, не шевельнул ни рукой, ни ногой. Так он принес себя в жертву богам по древнему обычаю мудрецов своей страны. Много лет спустя в Афинах то же самое совершил другой индиец¹³⁰⁷, находившийся тогда в свите Цезаря. До сих пор там можно видеть могильный памятник, который называют «надгробием индийца».

70. Возвратившись к себе после самосожжения Калана, Александр созвал на пир друзей и полководцев. На пиру он предложил потягаться в умении пить и назначил победителю в награду венок. Больше всех выпил Промах, который дошел до четырех хоев¹³⁰⁸; в награду он получил венок ценою в талант, но через три дня скончался. Кроме него, как сообщает Харет, умерли еще сорок один человек, которых после попойки охватил сильнейший озноб.

В Сузах Александр женился на дочери Дария Статире и одновременно отпраздновал свадьбы друзей, отдав в жены самым лучшим своим воинам самых прекрасных персидских девушек. Для македонян, которые уже были женаты, он устроил общее свадебное пиршество; сообщают, что на этом пиру каждому из девяти тысяч приглашенных была вручена золотая чаша для возлияний. Изумительная щедрость царя проявилась и в том, что он из собственных средств заплатил долги своих воинов, израсходовав на это девять тысяч восьмьсот семьдесят талантов. Этим воспользовался Антиген Одноглазый. Обманным путем занеся свое имя в список должников и приведя к столу человека, который назвался его заимодавцем, он получил деньги. Но вскоре обман был раскрыт, и царь, вне себя от гнева, выгнал Антигена из дворца и отрешил его от командования. Этот Антиген проявил себя замечательным воином. Когда он был еще юношей и находился в войсках Филиппа, осаждавших Перинф, ему в глаз попала стрела из катапульты, но он не позволил вынуть стрелу и не покинул строя до тех пор, пока враги не были оттеснены и заперты в стенах города. Свой позор он переносил чрезвычайно тяжело: было видно, что от горя и тоски он готов наложить на себя руки. Опасаясь этого, царь смягчился и приказал Антигену оставить эти деньги у себя.

71. Тридцать тысяч мальчиков, которых Александр велел обучать и закалять, оказались не только сильными и красивыми, но также замечательно ловкими и умелыми в военных упражнениях. Александр очень этому радовался, а македоняне огорчались, опасаясь, что царь будет теперь меньше дорожить ими. Поэтому, когда Александр собирался отослать к морю больных и изувеченных воинов, македоняне сочли это обидой и оскорблением, они говорили, что царь выжал из этих людей все, что они могли дать, а теперь, с позором выбрасывая их, возвращает их отечеству и родителям уже совсем не такими, какими взял. Пусть же царь признает бесполезными всех македонян и отпустит их всех, раз у него есть

¹³⁰⁷ 65. ...другой индиец... – Зарианохег, участник индийского посольства к Августу в 20 г. до н.э. (Страбон, IV, 1, 4).

¹³⁰⁸ 66. ...до четырех хоев... – Т.е. около 13 л.

эти молокососы-плясуны, с которыми он намерен покорить мир. Эти речи возмутили Александра. Гневно разбравив македонян, он прогнал их прочь и поручил охранять себя персам, выбрав из их числа телохранителей и жезлоносцев. Видя Александра окруженным персами, а самих себя устранными и опозоренными, македоняне пали духом. Делясь друг с другом своими мыслями, они чувствовали, что от зависти и гнева готовы сойти с ума. Наконец, кое-как опомнившись, безоружные, в одних хитонах, они пошли к палатке Александра. С криком и плачем они отдали себя на волю царя, умоляя его поступить с ними, как с неблагодарными негодями. Александр, хотя и несколько смягчился, все же не допустил их к себе, но они не ушли, а два дня и две ночи терпеливо простояли перед палаткой, рыдая и призывая своего повелителя. На третий день Александр вышел к ним и, увидев их такими несчастными и жалкими, горько заплакал. Затем, мягко упрекнув их, он заговорил с ними милостиво и отпустил бесполезных воинов, щедро наградив их и написав Антипатру, чтобы на всех состязаниях и театральных зрелищах они сидели на почетных местах, украшенные венками, а осиротевшим детям погибших приказал выплачивать жалование их отцов.

72. Прибыв в Экбатаны Мидийские и устроив там необходимые дела, Александр стал снова бывать в театрах и на празднествах, так как из Греции к нему явились три тысячи актеров.

В эти дни тяжело заболел Гефестион. Человек молодой и воин, он не мог подчиниться строгим предписаниям врача и однажды, воспользовавшись тем, что врач его Главк ушел в театр, съел за завтраком вареного петуха и выпил большую кружку вина. После этого он почувствовал себя очень плохо и вскоре умер. Горе Александра не знало границ, он приказал в знак траура остричь гривы у коней и мулов, снял зубцы с крепостных стен близлежащих городов, распял на кресте несчастного врача, на долгое время запретил в лагере играть на флейте и вообще не мог слышать звуков музыки, пока от Аммона не пришло повеление оказывать Гефестиону почести и приносить ему жертвы как герою. Утешением в скорби для Александра была война, которую он превратил в охоту на людей: покорив племя коссеев, он перебил всех способных носить оружие. И это называли заупокойною жертвой в честь Гефестиона. На похороны, сооружение могильного кургана и на убранство, потребное для исполнения всех обрядов, Александр решил потратить десять тысяч талантов, но он хотел, чтобы совершенство исполнения превзошло денежные затраты. Более чем всеми другими мастерами, Александр дорожил Стасикратом, замыслы которого отличались великолепием, дерзостью, блеском и новизной. Незадолго до того Стасикрат обратился к царю и сказал, что Афону во Фракии скорее, чем какой-либо другой горе, можно придать вид человеческой фигуры и что, по приказанию Александра, он готов превратить Афон в самую незыблемую и самую величественную статую царя, левой рукой охватывающую многолюдный город, а правой – изливающую в море многоводный поток. Царь отверг тогда это предложение, но теперь он только тем и занимался, что вместе с мастерами придумывал еще более нелепые и разорительные затеи.

73. На пути в Вавилон к Александру вновь присоединился Неарх, корабли которого вошли в Евфрат из Великого моря. Неарх сообщил Александру, что ему встретились какие-то халдеи, которые просили передать царю, чтобы он не вступал в Вавилон. Но Александр не обратил на это внимания и продолжал путь. Приблизившись к стенам города, царь увидел множество воронов, которые ссорились между собой и клевали друг друга, причем некоторые из них падали мертвыми на землю у его ног. Вскоре после этого Александру донесли, что Аполлодор, командующий войсками в Вавилоне, пытался узнать о судьбе царя по внутренностям жертвенных животных. Прорицатель Пифагор, которого Александр призвал к себе, подтвердил это и на вопрос царя, каковы были внутренности, ответил, что печень оказалась с изъяном. «Увы, – воскликнул Александр, – это плохой знак!» Пифагору он не причинил никакого зла, на себя же очень досадовал, что не послушался Неарха.

Большую часть времени он проводил вне стен Вавилона, располагаясь лагерем в разных местах и совершая на корабле поездки по Евфрату. Его тревожили многие знамения.

На самого большого и красивого льва из тех, что содержались в зверинце, напал домашний осел и ударом копыт убил его. Однажды Александр, раздевшись для натираания, играл в мяч. Когда пришло время одеваться, юноши, игравшие вместе с ним, увидели, что на троне молча сидит какой-то человек в царском облачении с диадемой на голове. Человека спросили, кто он такой, но тот долгое время безмолвствовал. Наконец, придя в себя, он сказал, что зовут его Дионисий и родом он из Мессении; обвиненный в каком-то преступлении, он был привезен сюда по морю и очень долго находился в оковах; только что ему явился Серапис¹³⁰⁹, снял с него оковы и, приведя его в это место, повелел надеть царское облачение и диадему и молча сидеть на троне.

74. Александр, по совету прорицателей, казнил этого человека, но уныние его еще усугубилось, он совсем потерял надежду на божество и доверие к друзьям. Особенно боялся царь Антипатра и его сыновей, один из которых, Иол, был главным царским виночерпием, а другой, Кассандр, приехал к Александру лишь недавно. Этот Кассандр однажды увидел каких-то варваров, простершихся ниц перед царем, и как человек, воспитанный в эллинском духе и никогда не видевший ничего подобного, невольно рассмеялся. Разгневанный Александр схватил обеими руками Кассандра за волосы и принялся с силой бить его головой о стену. В другой раз, когда Кассандр пытался что-то возразить людям, возводившим обвинение на Антипатра, Александр перебил его и сказал: «Что ты там толкуешь? Неужели ты думаешь, что эти люди, не претерпев никакой обиды, проделали такой длинный путь только ради того, чтобы наклеветать?» Кассандр возразил, что как раз это и доказывает несправедливость обвинения: затем, дескать, они и пришли издалека, чтобы их труднее было уличить во лжи. На это Александр сказал рассмеявшись: «Дорого же вам обойдутся эти Аристотелевы софизмы, это умение говорить об одном и том же и за и против, если только обнаружится, что вы хоть в чем-то обидели эти людей!» Вообще, как сообщают, непреодолимый страх перед Александром так глубоко проник в душу Кассандра и так прочно в ней укоренился, что много лет спустя, когда Кассандр, к тому времени уже царь македонян и властитель Греции, однажды прогуливался по Дельфам и, разглядывая статуи, неожиданно увидел изображение Александра, он почувствовал головокружение, задрожал всем телом и едва смог прийти в себя.

75. Исполненный тревоги и робости, Александр сделался суеверен, все сколько-нибудь необычное и странное казалось ему чудом, знамением свыше, в царском дворце появилось великое множество людей, приносивших жертвы, совершавших очистительные обряды и предсказывавших будущее. Сколь губительно неверие в богов и презрение к ним, столь же губительно и суеверие, которое подобно воде, всегда стекающей в низменные места... [*Текст в оригинале испорчен.*]

Со всем тем, получив от Аммона прорицание, касавшееся Гефестиона, Александр отменил траур и стал снова бывать на религиозных празднествах и на пиршествах.

Однажды после великолепного приема в честь Неарха и его спутников Александр принял ванну, как он делал обычно перед сном, и собирался уже было лечь, но, вняв просьбе Медия, отправился к нему на пир. Там он пил весь следующий день, а к концу дня его стало лихорадить. Некоторые писатели утверждают, будто Александр осушил кубок Геракла¹³¹⁰ и внезапно ощутил острую боль в спине, как от удара копьем, – все это они считают нужным измыслить, чтобы придать великой драме окончание трагическое и трогательное. Аристокл же сообщает, что жестоко страдая от лихорадки, Александр почувствовал сильную жажду и

---

¹³⁰⁹ **67.** *Серапис* («Осирис-Апис») – мемфисский бог подземного царства и возрождения, отождествлявшийся греками с Плутоном и Дионисом; культ его получил широкое распространение уже в последующие века. Казнь Дионисия, может быть, была ритуальным убийством ложного царя, чтобы отвратить смерть от настоящего.

¹³¹⁰ **68.** *Кубок Геракла* – низкая вместительная чаша с двумя ручками.

выпил много вина, после чего впал в горячечный бред и на тридцатый день месяца десья умер.

76. В «Дневниках» о болезни Александра сказано следующее. На восемнадцатый день месяца десья он почувствовал в бане сильнейший озноб и заснул там. На следующее утро он помылся, пошел в спальню и провел день, играя с Медием в кости. Вечером он принял ванну, принес богам жертвы и поел, а ночью его сильно лихорадило. На двадцатый день он принял ванну, совершил обычное жертвоприношение и, лежа в бане, беседовал с Неархом, который рассказывал ему о своем плавании по Великому морю. Двадцать первый день он провел таким же образом, но жар усилился, а ночью он почувствовал себя очень плохо, и весь следующий день его лихорадило. Перенесенный в большую купальню, он беседовал там с военачальниками о назначении достойных людей на освободившиеся должности в войске. На двадцать четвертый день у Александра был сильный приступ лихорадки. Его пришлось отнести к жертвеннику, чтобы он мог совершить жертвоприношение. Высшим военачальникам он приказал остаться во дворце, а таксиархам и пентакосиархам¹³¹¹ – провести ночь поблизости. На двадцать пятый день, перенесенный в другую часть дворца, он немного поспал, но лихорадка не унималась. Когда к нему пришли военачальники, он не мог произнести ни слова, то же повторилось и на двадцать шестой день. Македоняне заподозрили, что царь уже мертв; с криком и угрозами они потребовали у царских товарищей, чтобы их пропустили во дворец. Наконец они добились своего: двери дворца были открыты, и македоняне в одних хитонах по одному прошли мимо ложа царя. В этот же день Пифон и Селевк были посланы в храм Сераписа, чтобы спросить у бога, не надо ли перенести Александра в его храм. Бог велел оставить Александра на месте. На двадцать восьмой день¹³¹² к вечеру Александр скончался. (77). Все это почти слово в слово можно прочесть в «Дневниках».

Ни у кого тогда не возникло подозрения, что Александра отравили, но, как рассказывают, спустя пять лет Олимпиада поверила доносу и многих казнила. Останки Иола, который к тому времени умер, она приказала выбросить из могилы за то, что он будто бы подал Александру яд. Те, кто утверждает, что яд был послан Антипатром и что Антипатр сделал это по совету Аристотеля, ссылаются на рассказ некоего Гагнофемида, который сообщает, что слышал об этом от царя Антигона. Ядом, как передают, послужила ледяная вода, которая по каплям, как роса, стекает с какой-то скалы близ Нонакриды¹³¹³; ее собирают и сливают в ослиное копыто. Ни в чем другом хранить эту жидкость нельзя, так как, будучи очень холодной и едкой, она разрушает любой сосуд. Большинство писателей, однако, считает, что вообще все это выдумка и что никакого отравления не было. Убедительным доводом в пользу этого мнения может служить то, что на теле Александра, в течение многих дней, пока военачальники ссорились между собой, пролежавшем без всякого присмотра в жарком и душном месте, не появилось никаких признаков, которые свидетельствовали бы об отравлении; все это время труп оставался чистым и свежим.

Роксана была тогда беременна и потому пользовалась большим уважением у македонян. До крайности ревнивая и страстно ненавидевшая Статиру, она при помощи подложного письма заманила ее и ее сестру к себе, обеих убила, бросила трупы в колодец и засыпала землей, причем Пердикка знал об этом и даже помогал ей. Сразу же после смерти Александра Пердикка приобрел огромную власть – тем, что повсюду таскал за собой Арридея – эту куклу на царском троне. Арридей, сын Филиппа от распутницы Филинны, был

¹³¹¹ **69.** *Таксиарх* – начальник отряда; *пентакосиарх* – начальник отряда в 500 бойцов.

¹³¹² **70.** *На двадцать восьмой день* (месяца десья)... – По расчетам историков, 10 июня 323 г.

¹³¹³ **71.** *Нонакрида* – город в Аркадии; считалось, что этот ледяной источник – адская река Стикс, пробившаяся на поверхность земли.

слабоумным из-за телесного недуга. Недуг этот не был врожденным и возник не сам собой: рассказывают, что, когда Арридей был ребенком, у него проявлялись добрые и благородные наклонности, но потом Олимпиада при помощи всяческих зелий довела его до того, что он лишился рассудка¹³¹⁴...

Цезарь

[перевод Г.А. Стратановского и К.П. Лампсакова]

1. ... Когда Сулла захватил власть, он не смог ни угрозами, ни обещаниями побудить Цезаря к разводу с Корнелией, дочерью Цинны, бывшего одно время единоличным властителем Рима; поэтому Сулла конфисковал приданое Корнелии. Причиной же ненависти Суллы к Цезарю было родство последнего с Марием, ибо Марий Старший был женат на Юлии, тетке Цезаря; от этого брака родился Марий Младший, который был, следовательно, двоюродным братом Цезаря. Занятый вначале многочисленными убийствами и неотложными делами, Сулла не обращал на Цезаря внимания, но тот, не довольствуясь этим, выступил публично, добиваясь жреческой должности¹³¹⁵, хотя сам едва достиг юношеского возраста. Сулла воспротивился этому и сделал так, что Цезарь потерпел неудачу. Он намеревался даже уничтожить Цезаря и, когда ему говорили, что бессмысленно убивать такого мальчишку, ответил: «Вы ничего не понимаете, если не видите, что в этом мальчишке – много Мариев». Когда Цезарь узнал об этих словах Суллы, он долгое время скрывался, скитаясь в земле сабинян. Но однажды, когда он занемог и его переносили из одного дома в другой, он наткнулся ночью на отряд сулланских воинов, осматривавших эту местность, чтобы задерживать всех скрывающихся. Дав начальнику отряда Корнелию два таланта, Цезарь добился того, что был отпущен, и тотчас, добравшись до моря, отплыл в Вифинию, к царю Никомеду.

Проведя здесь немного времени, он на обратном пути у острова Фармакуссы¹³¹⁶ был захвачен в плен пиратами, которые уже тогда имели большой флот и с помощью своих бесчисленных кораблей властвовали над морем. 2. Когда пираты потребовали у него выкупа в двадцать талантов, Цезарь рассмеялся, заявив, что они не знают, кого захватили в плен, и сам предложил дать им пятьдесят талантов. Затем, разослав своих людей в различные города за деньгами, он остался среди этих свирепых киликийцев с одним только другом и двумя слугами; несмотря на это, он вел себя так высокомерно, что всякий раз, собираясь отдохнуть, посылал приказать пиратам, чтобы те не шумели. Тридцать восемь дней пробыл он у пиратов, ведя себя так, как если бы они были его телохранителями, а не он их пленником, и без малейшего страха забавлялся и шутил с ними. Он писал поэмы и речи, декламировал их пиратам и тем, кто не выражал своего восхищения, называл в лицо неучами и варварами, часто со смехом угрожая повесить их. Те же охотно выслушивали эти вольные речи, видя в них проявление благодушия и шутливости. Однако, как только прибыли выкупные деньги из Милета и Цезарь, выплатив их, был освобожден, он тотчас снарядил корабли и вышел из милетской гавани против пиратов. Он застал их еще стоящими на якоре у острова и захватил в плен бо льшую часть из них. Захваченные богатства он взял себе в качестве добычи, а

---

¹³¹⁴ 72. ...лишился рассудка... – Конец жизнеописания Александра (и начало жизнеописания Цезаря) утрачены.

¹³¹⁵ 1. ...добиваясь жреческой должности ... – По другим сведениям (Веллей, II, 43; Светоний, I), Цезарь стал жрецом Юпитера еще при Марии и Цинне, а Сулла лишил его этого достоинства.

¹³¹⁶ 2. ...у острова Фармакуссы ... – Недалеко от Милета.

людей заключил в тюрьму в Пергаме. Сам он отправился к Юнку, наместнику Азии, находя, что тому, как претору, надлежит наказать взятых в плен пиратов. Однако Юнк, смотревший с завистью на захваченные деньги (ибо их было немало), заявил, что займется рассмотрением дела пленников, когда у него будет время; тогда Цезарь, распрощавшись с ним, направился в Пергам, приказал вывести пиратов и всех до единого распять, как он часто предсказывал им на острове, когда они считали его слова шуткой.

3. Тем временем могущество Суллы пошло на убыль, а друзья Цезаря стали звать его в Рим. Однако Цезарь сначала отправился на Родос, в школу Аполлония, сына Молона, у которого учился и Цицерон и который славился не только ораторским искусством, но и своими нравственными достоинствами. Цезарь, как сообщают, и от природы был в высшей степени одарен способностями к красноречию на государственном поприще и ревностно упражнял свое дарование, так что, бесспорно, ему принадлежало второе место¹³¹⁷ в этом искусстве; однако первенствовать в красноречии он отказался, заботясь больше о том, чтобы стать первым благодаря власти и силе оружия; будучи занят военными и гражданскими предприятиями, с помощью которых он подчинил себе государство, он не дошел в ораторском искусстве до того предела, который был ему указан природой. Позднее в своем произведении, направленном против сочинения Цицерона о Катоне¹³¹⁸, он сам просил не сравнивать это слово воина с искусной речью одаренного оратора, посвятившего много времени усовершенствованию своего дара.

4. По прибытии в Рим Цезарь привлек к суду Долабеллу по обвинению в вымогательствах в провинции, и многие из греческих городов представили ему свидетелей. Долабелла, однако, был оправдан. Чтобы отблагодарить греков за их усердие, Цезарь взялся вести их дело, которое они начали у претора Македонии Марка Лукулла против Публия Антония, обвиняя его во взяточничестве. Цезарь так энергично повел дело, что Антоний обратился с жалобой к народным трибунам в Рим, ссылаясь на то, что в Греции он не находится в равном положении с греками.

В самом Риме Цезарь, благодаря своим красноречивым защитительным речам в судах, добился блестящих успехов, а своей вежливостью и ласковой обходительностью стяжал любовь простонародья, ибо он был более внимателен к каждому, чем можно было ожидать в его возрасте. Да и его обеды, пиры и вообще блестящий образ жизни содействовали постепенному росту его влияния в государстве. Сначала завистники Цезаря не обращали на это внимания, считая, что он будет забыт сразу же после того, как иссякнут его средства. Лишь когда было поздно, когда эта сила уже так выросла, что ей трудно было что-либо противопоставить, и направилась прямо на ниспровержение существующего строя, они поняли, что нельзя считать незначительным начало ни в каком деле. То, что не пресечено в зародыше, быстро возрастает, ибо в самом пренебрежении оно находит условия для беспрепятственного развития. Цицерон, как кажется, был первым, кто считал подозрительной и внушающей опасения деятельность Цезаря, по внешности спокойную, подобно гладкому морю, и распознал в этом человеке смелый и решительный характер, скрывающийся под маской ласковости и веселости. Он говорил, что во всех помыслах и образе действий Цезаря он усматривает тираннические намерения. «Но, – добавлял он, – когда я вижу, как тщательно уложены его волосы и как он почесывает голову одним пальцем¹³¹⁹, мне всегда кажется, что этот человек не может замышлять такое преступление, как ниспровержение римского государственного строя». Но об этом – позже.

5. Первое доказательство любви к нему народа Цезарь получил в то время, когда,

---

¹³¹⁷ 3. ...принадлежало второе место ... – После Цицерона.

¹³¹⁸ 4. ...против сочинения Цицерона о Катоне ... – См. ниже, гл. 54.

¹³¹⁹ 5. ...почесывает голову одним пальцем ... – В Риме этот жест считался знаком изнеженности.

добиваясь должности военного трибуна одновременно с Гаем Помпилием, был избран большим числом голосов, нежели тот, второе же, и еще более явное, когда после смерти своей тетки Юлии, жены Мария, он не только произнес на форуме блестящую похвальную речь умершей, но и осмелился выставить во время похорон изображения Мария, которые были показаны впервые со времени прихода к власти Суллы, так как Марий и его сторонники были объявлены врагами государства. Некоторые подняли голос против этого поступка, но народ криком и громкими рукоплесканиями показал свое одобрение Цезарю, который спустя столь долгое время как бы возвращал честь Мария из Аида в Рим.

Держать надгробные речи при погребении старых женщин было у римлян в обычае, в отношении же молодых такого обычая не было, и первым сделал это Цезарь, когда умерла его жена. И это вызвало одобрение народа и привлекло его симпатии к Цезарю, как к человеку кроткого и благородного нрава. После похорон жены он отправился в Испанию в качестве квестора при преторе Ветере, которого он всегда почитал и сына которого позже, когда сам стал претором, сделал квестором. Вернувшись после отправления этой должности, он женился третьим браком¹³²⁰ на Помпее, имея от Корнелии дочь, которую впоследствии выдал замуж за Помпея Магна.

Щедро расточая свои деньги и покупая, казалось, ценой величайших трат краткую и непрочную славу, в действительности же стяжая величайшие блага за дешевую цену, он, как говорят, прежде чем получить первую должность, имел долгов на тысячу триста талантов. Назначенный смотрителем Аппиевой дороги¹³²¹, он издержал много собственных денег, затем, будучи эдилом, выставил триста двадцать пар гладиаторов, а пышными издержками на театры, церемонии и обеды затмил всех своих предшественников. Но и народ, со своей стороны, стал настолько расположен к нему, что каждый выискивал новые должности и почести, которыми можно было вознаградить Цезаря.

6. Рим тогда разделялся на два стана – приверженцев Суллы, имевших большую силу, и сторонников Мария, которые были полностью разгромлены, унижены и влачили жалкое существование. Чтобы вновь укрепить и повести за собой марианцев, Цезарь, когда воспоминания о его щедрости в должности эдила были еще свежи, ночью принес на Капитолий и поставил сделанные втайне изображения Мария и богинь Победы, несущих трофеи. На следующее утро вид этих блестящих золотом и сделанных чрезвычайно искусно изображений, надписи на которых повествовали о победах над кимврами, вызвал у смотрящих чувство изумления перед отвагой человека, воздвигнувшего их (имя его, конечно, не осталось неизвестным). Слух об этом вскоре распространился, и римляне сбегались поглядеть на изображения. При этом одни кричали, что Цезарь замышляет тираннию, восстанавливая почести, погребенные законами и постановлениями сената, и что он испытывает народ, желая узнать, готов ли тот, подкупленный его щедростью, покорно терпеть его шутки и затеи. Марианцы же, напротив, сразу появившись во множестве, подбодряли друг друга и с рукоплесканиями заполнили Капитолий; у многих из них выступили слезы радости при виде изображения Мария, и они превозносили Цезаря величайшими похвалами, как единственного человека, который достоин родства с Марием. По этому поводу было созвано заседание сената, и Лутаций Катул, пользовавшийся тогда наибольшим влиянием у римлян, выступил с обвинением против Цезаря, бросив известную фразу: «Итак, Цезарь покушается на государство уже не путем подкопа, но с осадными машинами». Но Цезарь так умело выступил в свою защиту, что сенат остался удовлетворенным, и сторонники Цезаря еще более осмелели и призывали его ни перед чем

¹³²⁰ 6. ...*третьим браком* ... – Первую жену Цезаря звали Коссутция, второй была Корнелия, третья, Помпея, находилась в дальнем родстве с Помпеем Великим.

¹³²¹ 7. *Аппиева дорога* – «царица римских дорог», проложенная Аппием Клавдием Слепым в 312 г., вела из Рима в Капую, а затем в Брундизий.

не отступать в своих замыслах, ибо поддержка народа обеспечит ему первенство и победу над противниками.

7. Между тем умер верховный жрец Метелл, и два известнейших человека, пользовавшихся огромным влиянием в сенате, – Сервилий Исаурийский и Катул, – боролись друг с другом, добиваясь этой должности. Цезарь не отступил перед ними и также выставил в Народном собрании свою кандидатуру. Казалось, что все соискатели пользуются равной поддержкой, но Катул, из-за высокого положения, которое он занимал, более других опасался неясного исхода борьбы и потому начал переговоры с Цезарем, предлагая ему большую сумму денег, если он откажется от соперничества. Цезарь, однако, ответил, что будет продолжать борьбу, даже если для этого придется еще бо льшую сумму взять в долг. В день выборов, прощаясь со своей матерью, которая прослезилась, провожая его до дверей, он сказал: «Сегодня, мать, ты увидишь своего сына либо верховным жрецом, либо изгнанником». На выборах Цезарь одержал верх и этим внушил сенату и знати опасение, что он сможет увлечь народ на любую дерзость.

Поэтому Пизон и Катул упрекали Цицерона, пощадившего Цезаря, который был замешан в заговоре Катилины. Как известно, Катилина намеревался не только свергнуть существующий строй, но и уничтожить всякую власть и произвести полный переворот. Сам он покинул город, когда против него появились лишь незначительные улики, а важнейшие замыслы оставались еще скрытыми, Лентула же и Цетега оставил в Риме, чтобы они продолжали плести заговор.

Неизвестно, оказывал ли тайно Цезарь в чем-нибудь поддержку и выражал ли сочувствие этим людям, но в сенате, когда они были полностью изобличены и консул Цицерон спрашивал у каждого сенатора его мнение о наказании виновных, все высказывались за смертную казнь, пока очередь не дошла до Цезаря, который выступил с заранее обдуманной речью, заявив, что убивать без суда людей, выдающихся по происхождению своему и достоинству, несправедливо и не в обычае римлян, если это не вызвано крайней необходимостью. Если же впредь до полной победы над Катилиной они будут содержаться под стражей в итальянских городах, которые может выбрать сам Цицерон, то позже сенат сможет в обстановке мира и спокойствия решить вопрос о судьбе каждого из них.

8. Это предложение показалось настолько человеколюбивым и было так сильно и убедительно обосновано, что не только те, кто выступал после Цезаря, присоединились к нему, но и многие из говоривших ранее стали отказываться от своего мнения и поддерживать предложение Цезаря, пока очередь не дошла до Катона и Катула. Эти же начали горячо возражать, а Катон даже высказал в своей речи подозрение против Цезаря и выступил против него со всей резкостью. Наконец, было решено казнить заговорщиков, а когда Цезарь выходил из здания сената, то на него набросилось с обнаженными мечами много сбежавшихся юношей из числа охранявших тогда Цицерона. Но, как сообщают, Курион, прикрыв Цезаря своей тогой, благополучно вывел его, да и сам Цицерон, когда юноши оглянулись, знаком удержал их, либо испугавшись народа, либо вообще считая такое убийство несправедливым и противозаконным. Если все это правда, то я не понимаю, почему Цицерон в сочинении о своем консульстве¹³²² ничего об этом не говорит. Позже его обвиняли в том, что он не воспользовался представившейся тогда прекрасной возможностью избавиться от Цезаря, а испугался народа, необычайно привязанного к Цезарю. Эта привязанность проявилась через несколько дней, когда Цезарь пришел в сенат, чтобы защищаться против выдвинутых подозрений, и был встречен враждебным шумом. Видя, что заседание затягивается дольше обычного, народ с криками сбежался и обступил здание, настоятельно требуя отпустить Цезаря.

¹³²² 8. ...в сочинении о своем консульстве ... – Оно существовало в двух вариантах, в греческой прозе (им и пользовался Плутарх) и в латинских стихах; сохранились лишь отрывки из стихотворной обработки.

Поэтому и Катон, сильно опасаясь восстания неимущих, которые, возлагая надежды на Цезаря, воспаляли и весь народ, убедил сенат учредить ежемесячные хлебные раздачи для бедняков. Это прибавило к остальным расходам государства новый – в сумме семи миллионов пятисот тысяч драхм ежегодно, но зато отвратило непосредственно угрожавшую великую опасность, так как лишило Цезаря большей части его влияния как раз в то время, когда он собирался занять должность претора и вследствие этого должен был стать еще опаснее.

9. Однако год его претуры прошел спокойно, и лишь в собственном доме Цезаря произошел неприятный случай. Был некий человек¹³²³ из числа старинной знати, известный своим богатством и красноречием, но в бесчинстве и дерзости не уступавший никому из прославленных распутников. Он был влюблен в Помпею, жену Цезаря, и пользовался взаимностью. Но женские комнаты строго охранялись, а мать Цезаря Аврелия, почтенная женщина, своим постоянным наблюдением за невесткой делала свидания влюбленных трудными и опасными.

У римлян есть богиня, которую они называют Доброю¹³²⁴, а греки – Женскою. Фригийцы выдают ее за свою, считая супругою их царя Мидаса, римляне утверждают, что это нимфа Дриада, жена Фавна, по словам же греков – она та из матерей Диониса, имя которой нельзя называть. Поэтому женщины, участвующие в ее празднике, покрывают шатер виноградными лозами, и у ног богини помещается, в соответствии с мифом, священная змея. Ни одному мужчине нельзя присутствовать на празднестве и даже находиться в доме, где справляется торжество; лишь женщины творят священные обряды, во многом, как говорят, похожие на орфические. Когда приходит день праздника, консул или претор, в доме которого он справляется, должен покинуть дом вместе со всеми мужчинами, жена же его, приняв дом, производит священнодействия. Главная часть их совершается ночью, сопровождаясь играми и музыкой.

10. В том году праздник справляла Помпея, и Клодий, не имевший еще бороды и поэтому рассчитывавший остаться незамеченным, явился туда, переодевшись в наряд арфистки и неотличимый от молодой женщины. Он нашел двери отпертыми и был благополучно проведен в дом одною из служанок, посвященной в тайну, которая и отправилась вперед, чтобы известить Помпею. Так как она долго не возвращалась, Клодий не вытерпел ожидания на одном месте, где он был оставлен, и стал пробираться вперед по большому дому, избегая ярко освещенных мест. Но с ним столкнулась служанка Аврелии и полагая, что перед ней женщина, стала приглашать его принять участие в играх и, несмотря на его сопротивление, повлекла его к остальным, спрашивая, кто он и откуда. Когда Клодий ответил, что он ожидает Абру (так звали ту служанку Помпеи), голос выдал его, и служанка Аврелии бросилась на свет, к толпе, и стала кричать, что она обнаружила мужчину. Все женщины были перепуганы этим, Аврелия же, прекратив совершение таинств и прикрыв святыни, приказала запереть двери и начала обходить со светильниками весь дом в поисках Клодия. Наконец его нашли укрывшимся в комнате служанки, которая помогла ему войти в дом, и женщины, обнаружившие его, выгнали его вон. Женщины, разойдясь по домам, еще ночью рассказали своим мужьям о случившемся.

На следующий день по всему Риму распространился слух, что Клодий совершил кощунство и повинен не только перед оскорбленными им, но и перед городом и богами. Один из народных трибунов публично обвинил Клодия в нечестии, и наиболее влиятельные сенаторы выступили против него, обвиняя его наряду с прочими гнусными беспутствами в связи со своей собственной сестрой, женой Лукулла. Но народ воспротивился их стараниям и принял Клодия под защиту, что принесло тому большую пользу в суде, ибо судьи были

¹³²³ 9. ...некий человек ... – П. Клодий, будущий трибун 58 г. и знаменитый враг Цицерона.

¹³²⁴ 10. ...есть богиня ... называют Доброю ... – «Добрая богиня», тайный женский культ в Риме.

напуганы и дрожали перед чернью. Цезарь тотчас же развелся с Помпеей. Однако, будучи призван на суд в качестве свидетеля, он заявил, что ему ничего не известно относительно того, в чем обвиняют Клодия. Это заявление показалось очень странным, и обвинитель спросил его: «Но почему же тогда ты развелся со своей женой?» «Потому, – ответил Цезарь, – что на мою жену не должна падать даже тень подозрения». Одни говорят, что он ответил так, как действительно думал, другие же – что он сделал это из угождения народу, желавшему спасти Клодия. Клодий был оправдан, так как большинство судей подало при голосовании таблички с неразборчивой подписью¹³²⁵, чтобы осуждением не навлечь на себя гнев черни, а оправданием – бесславие среди знатных.

11. После претуры Цезарь получил в управление провинцию Испанию. Так как он не смог прийти к соглашению со своими кредиторами, с криком осаждавшими его и противодействовавшими его отъезду, он обратился за помощью к Крассу, самому богатому из римлян. Крассу нужны были сила и энергия Цезаря для борьбы против Помпея; поэтому он удовлетворил наиболее настойчивых и неумолимых кредиторов Цезаря и, дав поручительство на сумму в восемьсот тридцать талантов, предоставил Цезарю возможность отправиться в провинцию.

Рассказывают, что, когда Цезарь перевалил через Альпы и проезжал мимо бедного городка с крайне немногочисленным варварским населением, его приятели спросили со смехом: «Неужели и здесь есть соревнование из-за должностей, споры о первенстве, раздоры среди знати?» «Что касается меня, – ответил им Цезарь с полной серьезностью, – то я предпочел бы быть первым здесь, чем вторым в Риме». В другой раз, уже в Испании, читая на досуге что-то из написанного о деяниях Александра, Цезарь погрузился на долгое время в задумчивость, а потом даже прослезился. Когда удивленные друзья спросили его о причине, он ответил: «Неужели вам кажется недостаточной причиной для печали то, что в моем возрасте Александр уже правил столькими народами, а я до сих пор еще не совершил ничего замечательного!»

12. Сразу же по прибытии в Испанию он развил энергичную деятельность. Присоединив в течение нескольких дней к своим двадцати когортам еще десять, но выступил с ними против каллаиков и лузитанцев, которых и победил, дойдя затем до Внешнего моря и покорив несколько племен, ранее не подвластных римлянам. Достигнув такого успеха в делах военных, Цезарь не хуже руководил и гражданскими: он установил согласие в городах и прежде всего уладил споры между займодавцами и должниками. А именно, он предписал, чтобы из ежегодных доходов должника одна треть оставалась ему, остальное же шло займодавцам, пока таким образом долг не будет выплачен. Совершив эти дела, получившие всеобщее одобрение, Цезарь выехал из провинции, где он и сам разбогател и дал возможность обогатиться во время походов своим воинам, которые провозгласили его императором.

13. Лицам, домогающимся триумфа, надлежало оставаться вне Рима, а ищущим консульской должности – присутствовать в городе. Цезарь, который вернулся как раз во время консульских выборов, не знал, что ему предпочесть, и поэтому обратился в сенат с просьбой разрешить ему домогаться консульской должности заочно, через друзей. Катон первым выступил против этого требования, настаивая на соблюдении закона. Когда же он увидел, что Цезарь успел многих расположить в свою пользу, то, чтобы затянуть разрешение вопроса, произнес речь, которая продолжалась целый день. Тогда Цезарь решил отказаться от триумфа и добиваться должности консула.

Итак, он прибыл в Рим и сразу же предпринял ловкий шаг, введя в заблуждение всех, кроме Катона. Ему удалось примирить Помпея и Красса, двух людей, пользовавшихся наибольшим влиянием в Риме. Тем, что Цезарь взамен прежней вражды соединил их

¹³²⁵ 11. ...с неразборчивой подписью ... – На табличках для голосования римские судьи писали (одной буквой) «оправдываю», «осуждаю» или «воздерживаюсь».

дружбой, он поставил могущество обоих на службу себе самому и под прикрытием этого человеколюбивого поступка произвел незаметно для всех настоящий государственный переворот. Ибо причиной гражданских войн была не вражда Цезаря и Помпея, как думает большинство, но в большей степени их дружба, когда они сначала соединились для уничтожения власти аристократии, а затем поднялись друг против друга. Катон же, который часто верно предсказывал исход событий, приобрел за это вначале репутацию неуживчивого и сварливого человека, а впоследствии – славу советчика, хотя и разумного, но несчастливой.

14. Итак, Цезарь, поддерживаемый с двух сторон, благодаря дружбе с Помпеем и Крассом, добился успеха на выборах и с почетом был провозглашен консулом вместе с Кальпурнием Бибулом. Едва лишь он вступил в должность, как из желания угодить черни внес законопроекты, более приличествовавшие какому-нибудь дерзкому народному трибуну, нежели консулу, – законопроекты, предлагавшие вывод колоний и раздачу земель. В сенате все лучшие граждане высказались против этого, и Цезарь, который давно уже искал к тому повода, поклялся громогласно, что черствость и высокомерие сенаторов вынуждают его против его воли обратиться к народу для совместных действий. С этими словами он вышел на форум. Здесь, поставив рядом с собой с одной стороны Помпея, с другой – Красса, он спросил, одобряют ли они предложенные законы. Когда они ответили утвердительно, Цезарь обратился к ним с просьбой помочь ему против тех, кто грозит противодействовать этим законопроектам с мечом в руке. Оба обещали ему свою поддержку, а Помпей прибавил, что против поднявших мечи он выйдет не только с мечом, но и со щитом. Эти слова огорчили аристократов, которые сочли это выступление сумасбродной, ребяческой речью, не приличествующей достоинству самого Помпея и роняющей уважение к сенату, зато народу они очень понравились.

Чтобы еще свободнее использовать в своих целях могущество Помпея, Цезарь выдал за него свою дочь Юлию, хотя она и была уже помолвлена с Сервилием Цепионом, последнему же он обещал дочь Помпея, которая также не была свободна, ибо была обручена с Фавстом, сыном Суллы. Немного позже сам Цезарь женился на Кальпурнии, дочери Пизона, которого он провел в консулы на следующий год. Это вызвало сильное негодование Катона, заявлявшего, что нет сил терпеть этих людей, которые брачными союзами добывают высшую власть в государстве и с помощью женщин передают друг другу войска, провинции и должности.

Бибул, товарищ Цезаря по консульству, всеми силами противодействовал его законопроектам; но так как он ничего не добился и даже вместе с Катонем рисковал быть убитым на форуме, то заперся у себя дома и не появлялся до истечения срока должности. Помпей вскоре же после своей свадьбы заполнил форум вооруженными воинами и этим помог народу добиться утверждения законов, а Цезарю получить в управление на пять лет обе Галлии – Предальпийскую и Заальпийскую – вместе с Иллириком и четыре легиона. Катона, который отважился выступить против этого, Цезарь отправил в тюрьму, рассчитывая, что тот обратится с жалобой к народным трибунам. Однако, видя, что Катон, не говоря ни слова, позволяет увести себя и что не только лучшие граждане угнетены этим, но и народ, из уважения к добродетели Катона, молча и в унынии следует за ним, Цезарь сам тайком попросил одного из народных трибунов освободить Катона.

Из остальных сенаторов лишь очень немногие посещали вместе с Цезарем заседания сената, прочие же, недовольные оскорблением их достоинства, воздерживались от участия в делах. Когда Консидий, один из самых престарелых, сказал однажды, что они не приходят из страха перед оружием и воинами, Цезарь спросил его: «Так почему же ты не боишься и не остаешься дома?» Консидий отвечал: «Меня освобождает от страха моя старость, ибо краткий срок жизни, оставшийся мне, не требует большой осторожности».

Но наиболее позорным из всех тогдашних событий считали то, что в консульство Цезаря народным трибуном был избран тот самый Клодий, который осквернил и брак Цезаря и таинство ночного священнодействия. Избран же он был с целью погубить Цицерона; и сам

Цезарь отправился в свою провинцию лишь после того, как с помощью Клодия ниспроверг Цицерона и добился его изгнания из Италии.

15. Таковы были дела, которые он совершил перед Галльскими войнами. Что же касается до времени, когда Цезарь вел эти войны и ходил в походы, подчинившие Галлию, то здесь он как бы начал иную жизнь, вступив на путь новых деяний. Он выказал себя не уступающим никому из величайших, удивительнейших полководцев и военных деятелей. Ибо, если сравнить с ним Фабиев, Сципионов и Метеллов или живших одновременно с ним и незадолго до него Суллу, Мария, обоих Лукуллов и даже самого Помпея, воинская слава которого превозносилась тогда до небес, то Цезарь своими подвигами одних оставит позади по причине суровости мест, в которых он вел войну, других – в силу размеров страны, которую он завоевал, третьих – имея в виду численность и мощь неприятеля, которого он победил, четвертых – принимая в расчет дикость и коварство, с которыми ему пришлось столкнуться, пятых – человеколюбием и снисходительностью к пленным, шестых – подарками и щедростью к своим воинам и, наконец, всех – тем, что он дал больше всего сражений и истребил наибольшее число врагов. Ибо за те неполные десять лет, в течение которых он вел войну в Галлии, он взял штурмом более восьмисот городов, покорил триста племен, сражался с тремя миллионами людей, из которых один миллион уничтожил во время битв и столько же захватил в плен.

16. Он пользовался такой любовью и преданностью своих воинов, что даже те люди, которые в других войнах ничем не отличились, с непреодолимой отвагой шли на любую опасность ради славы Цезаря. Примером может служить Ацилий, который в морском сражении у Массилии¹³²⁶ вскочил на вражеский корабль и, когда ему отрубили мечом правую руку, удержал щит в левой, а затем, нанося этим щитом удары врагам в лицо, обратил всех в бегство и завладел кораблем.

Другой пример – Кассий Сцева, который в битве при Диррахии, лишившись глаза, выбитого стрелой, раненный в плечо и бедро дротиками и принявший своим щитом удары ста тридцати стрел, кликнул врагов, как бы желая сдаться; но когда двое из них подошли к нему, то одному он отрубил руку мечом, другого обратил в бегство ударом в лицо, а сам был спасен своими, подоспевшими на помощь.

В Британии однажды передовые центурионы попали в болотистые, залитые водой места и подверглись здесь нападению противника. И вот один на глазах Цезаря, наблюдавшего за стычкой, бросился вперед и, совершив много удивительных по смелости подвигов, спас центурионов из рук варваров, которые разбежались, а сам последним кинулся в протоку, и где вплавь, где вброд перебрался на другую сторону, насилу преодолев все препятствия и потеряв при этом щит. Цезарь и стоявшие вокруг встретили его криками изумления и радости, а воин в большом смущении, со слезами бросился к ногам Цезаря, прося у него прощения за потерю щита.

В Африке Сципион захватил одно из судов Цезаря, на котором плыл назначенный квестором Граний Петрон. Захватившие объявили всю команду корабля своей добычей, квестору же обещали свободу. Но тот ответил, что воины Цезаря привыкли дарить пощаду, но не получать ее от других, и с этими словами бросился на собственный меч.

17. Подобное мужество и любовь к славе Цезарь сам взрастил и воспитал в своих воинах прежде всего тем, что щедро раздавал почести и подарки: он желал показать, что добытые в походах богатства копит не для себя, не для того, чтобы самому утопать в роскоши и наслаждениях, но хранит их как общее достояние и награду за воинские заслуги, оставляя за собой лишь право распределять награды между отличившимися. Вторым средством воспитания войска было то, что он сам добровольно бросался навстречу любой опасности и не отказывался переносить какие угодно трудности. Любовь его к опасностям не

---

¹³²⁶ 12. ...в морском сражении у Массилии ... – Сражение во время гражданской войны в 49 г. Такую же подборку рассказов о подвигах солдат Цезаря дает Светоний, «Божественный Юлий», 68.

вызывала удивления у тех, кто знал его честолюбие, но всех поражало, как он переносил лишения, которые, казалось, превосходили его физические силы, ибо он был слабого телосложения, с белой и нежной кожей, страдал головными болями и падучей, первый припадок которой, как говорят, случился с ним в Кордубе. Однако он не использовал свою болезненность как предлог для изнеженной жизни, но, сделав средством исцеления военную службу, старался беспрестанными переходами, скудным питанием, постоянным пребыванием под открытым небом и лишениями победить свою слабость и укрепить свое тело. Спал он большей частью на повозке или на носилках, чтобы использовать для дела и часы отдыха. Днем он объезжал города, караульные отряды и крепости, причем рядом с ним сидел раб, умевший записывать за ним, а позади один воин с мечом. Он передвигался с такой быстротой, что в первый раз проделал путь от Рима до Родана за восемь дней. Верховая езда с детства была для него привычным делом. Он умел, отведя руки назад и сложив их за спиной, пустить коня во весь опор. А во время этого похода он упражнялся еще и в том, чтобы, сидя на коне, диктовать письма, занимая одновременно двух или даже, как утверждает Оппий, еще большее число писцов. Говорят, что Цезарь первым пришел к мысли беседовать с друзьями по поводу неотложных дел посредством писем, когда величина города и исключительная занятость не позволяли встречаться лично.

Как пример его умеренности в пище приводят следующий рассказ. Однажды в Медиолане он обедал у своего гостеприимца Валерия Леона, и тот подал спаржу, приправленную не обыкновенным оливковым маслом, а миррой. Цезарь спокойно съел это блюдо, а к своим друзьям, выразившим недовольство, обратился с порицанием: «Если вам что-либо не нравится, – сказал он, – то вполне достаточно, если вы откажетесь есть. Но если кто берется порицать подобного рода невежество, тот сам невежа». Однажды он был застигнут в пути непогодой и попал в хижину одного бедняка. Найдя там единственную комнату, которая едва была в состоянии вместить одного человека, он обратился к своим друзьям со словами: «Почетное нужно предоставлять сильнейшим, а необходимое – слабейшим», – и предложил Оппию отдыхать в комнате, а сам вместе с остальными улегся спать под навесом перед дверью.

18. Первою из галльских войн, которую ему пришлось вести, была с гельветами и тигуринами¹³²⁷. Эти племена сожгли двенадцать своих городов и четыреста деревень и двинулись через подвластную римлянам Галлию, как прежде кимвры и тевтоны, которым они, казалось, не уступали ни смелостью, ни многолюдством, ибо всего их было триста тысяч, в том числе способных сражаться – сто девяносто тысяч. Тигуринов победил не сам Цезарь, а Лабиен, которого он выслал против них и который разгромил их у реки Арара. Гельветы же напали на Цезаря неожиданно, когда он направлялся с войском к одному из союзных городов; тем не менее он успел занять надежную позицию и здесь, собрав свои силы, выстроил их в боевой порядок. Когда ему подвели коня, Цезарь сказал: «Я им воспользуюсь после победы, когда дело дойдет до погони. А сейчас – вперед, на врага!» – и с этими словами начал наступление в пешем строю. После долгой и упорной битвы он разбил войско варваров, но наибольшие трудности встретил в лагере, у повозок, ибо там сражались не только вновь сплотившиеся воины, но и женщины и дети, защищавшиеся вместе с ними до последней капли крови. Все были изрублены, и битва закончилась только к полуночи. К этой замечательной победе Цезарь присоединил еще более славное деяние, заставив варваров, уцелевших после сражения (а таких было свыше ста тысяч), соединиться и вновь заселить ту землю, которую они покинули, и города, которые они разорили. Сделал же он это из опасения, что в опустевшие области перейдут германцы и захватят их.

19. Вторую войну он вел уже загаллов против германцев, хотя раньше и объявил в

---

¹³²⁷ 13. ...с гельветами и тигуринами (тигурины – одно из 4 племен гельветов). – Этот народ, теснимый германцами, начал переселение из области современной Швейцарии на запад, тесня другие галльские племена, и Цезарь воспользовался этим как поводом для вооруженного вмешательства в галльские дела.

Риме их царя Ариовиста союзником римского народа. Но германцы были несносными соседями для покоренных Цезарем народностей, и было ясно, что они не удовлетворятся существующим порядком вещей, но, при первом удобном случае, захватят всю Галлию и укрепятся в ней. Когда Цезарь заметил, что начальники в его войске робеют, в особенности те молодые люди из знатных семей, которые последовали за ним из желания обогатиться и жить в роскоши, он собрал их на совет и объявил, что те, кто настроен так трусливо и малодушно, могут возвратиться домой и не подвергать себя опасности против своего желания. «Я же, – сказал он, – пойду на варваров с одним только десятым легионом, ибо те, с кем мне предстоит сражаться, не сильнее кимвров, а сам я не считаю себя полководцем слабее Мария». Узнав об этом, десятый легион отправил к нему делегатов, чтобы выразить свою благодарность, остальные же легионы осуждали своих начальников и, наконец, все, исполнившись смелости и воодушевления, последовали за Цезарем и после многодневного пути разбили лагерь в двухстах стадиях от противника. Уже самый приход Цезаря несколько расстроил дерзкие планы Ариовиста, ибо он никак не ожидал, что римляне, которые, казалось, не смогут выдержать натиска германцев, сами решатся на нападение. Он дивился отваге Цезаря и в то же время увидел, что его собственная армия приведена в замешательство. Но еще более ослабило мужество германцев предсказание священных жен, которые, наблюдая водовороты в реках и прислушиваясь к шуму потоков, возвестили, что нельзя начинать сражение раньше новолуния. Когда Цезарь узнал об этом и увидел, что германцы воздерживаются от нападения, он решил, что лучше напасть на них, пока они не расположены к бою, чем оставаться в бездеятельности, позволяя им выжидать более подходящего для них времени. Совершая налеты на укрепления вокруг холмов, где они разбили свой лагерь, он так раздражил германцев, что те в гневе вышли из лагеря и вступили в битву. Цезарь нанес им сокрушительное поражение и, обратив в бегство, гнал их до самого Рейна, на расстоянии в четыреста стадиев, покрыв все это пространство трупами врагов и их оружием. Ариовист с немногими людьми успел все же переправиться через Рейн. Число убитых, как сообщают, достигло восьмидесяти тысяч.

20. После этого, оставив свое войско на зимних квартирах в земле секванов, Цезарь сам, чтобы заняться делами Рима, направился в Галлию, лежащую вдоль реки Пада и входившую в состав назначенной ему провинции, ибо границей между Предальпийской Галлией и собственно Италией служит река Рубикон. Сюда к Цезарю приезжали многие из Рима, и он имел возможность увеличить свое влияние, исполняя просьбы каждого, так что все уходило от него, либо получив то, чего желали, либо надеясь это получить. Таким образом действовал он в течение всей войны: то побеждал врагов оружием сограждан, то овладевал самими гражданами при помощи денег, захваченных у неприятеля. А Помпей ничего не замечал.

Между тем белги, наиболее могущественные из галлов, владевшие третьей частью всей Галлии, отложились от римлян и собрали многотысячное войско. Цезарь выступил против них со всей поспешностью и напал на врагов, в то время как они опустошали земли союзных римлянам племен. Он опрокинул полчища врагов, оказавших лишь ничтожное сопротивление, и учинил такую резню, что болота и глубокие реки, заваленные множеством трупов, стали легко проходимыми для римлян. После этого все народы, живущие на берегу Океана, добровольно покорились вновь, но против нервиев, наиболее диких и воинственных из племен, населяющих страну белгов, Цезарь должен был выступить в поход. Нервии, обитавшие в густых чащобах, укрыли свои семьи и имущество далеко от врага, а сами в глубине леса в количестве шестидесяти тысяч человек напали на Цезаря как раз тогда, когда он, занятый сооружением вала вокруг лагеря, никак не ожидал нападения. Варвары опрокинули римскую конницу и, окружив двенадцатый и седьмой легионы, перебили всех центурионов. Если бы Цезарь, прорвавшись сквозь гущу сражающихся, не бросился со щитом в руке на варваров и если бы при виде опасности, угрожающей полководцу, десятый легион не ринулся с высот на врага и не смял его ряды, вряд ли уцелел бы хоть один римский воин. Но смелость Цезаря привела к тому, что римляне бились, можно сказать, выше своих

сил и, так как нервы все же не обратились в бегство, уничтожили их, несмотря на отчаянное сопротивление. Из шестидесяти тысяч варваров осталось в живых только пятьсот, а из четырехсот их сенаторов – только трое.

21. Когда весть об этом пришла в Рим, сенат постановил устроить пятнадцатидневные празднества в честь богов, чего не бывало раньше ни при какой победе. Но, с другой стороны, и сама опасность, когда восстало одновременно столько враждебных племен, казалась огромной, и любовь народа к Цезарю окружила его победы особенно ярким блеском.

Приведя в порядок дела в Галлии, Цезарь вновь перезимовал в долине Пада, укрепляя свое влияние в Риме, ибо те, кто, пользуясь его помощью, добивался должностей, подкупали народ его деньгами, а получив должность, делали все, что могло увеличить могущество Цезаря. Мало того, большинство из наиболее знатных и выдающихся людей съехались к нему в Луку, в том числе Помпей, Красс, претор Сардинии Аппий и наместник Испании Непот, так что всего там собралось сто двадцать ликторов и более двухсот сенаторов. На совещании было решено следующее: Помпей и Красс должны быть избраны консулами, Цезарю же, кроме продления консульских полномочий еще на пять лет, должна быть также выдана определенная сумма денег. Это последнее условие казалось весьма странным всем здравомыслящим людям. Ибо как раз те лица, которые получили от Цезаря столько денег, предлагали сенату или, скорее, принуждали его, вопреки его желанию, выдать Цезарю деньги, как будто бы он не имел их. Катона тогда не было – его нарочно отправили на Кипр, Фавоний же, который был приверженцем Катона, не добившись ничего своими возражениями в сенате, выбежал из дверей курии, громко взывая к народу. Но никто его не слушал: иные боялись Помпея и Красса, а большинство молчало из угождения Цезарю, на которого оно возлагало все свои надежды.

22. Цезарь же, снова возвратясь к своим войскам в Галлию, застал там тяжелую войну: два германских племени – узипеты и тенктеры – перешли через Рейн, ища новых земель. О войне с ними Цезарь рассказывает¹³²⁸ в своих «Записках» следующее. Варвары отправили к нему послов, но во время перемирия неожиданно напали на него в пути, и потому их отряд из восьмисот всадников обратил в бегство пять тысяч всадников Цезаря, застигнутых врасплох. Затем они вторично отправили послов с целью снова обмануть его, но он задержал послов и повел на германцев войско, считая, что глупо доверять на слово столь вероломным и коварным людям. Танузий, правда, сообщает, что, когда сенат выносил постановления о празднике и жертвоприношениях в честь победы, Катон выступил с предложением выдать Цезаря варварам, чтобы очистить город от пятна клятвопреступления¹³²⁹ и обратить проклятие на того, кто один в этом повинен. Из тех, что перешли Рейн, четыреста тысяч было изрублено; немногие вернувшиеся назад были дружелюбно приняты германским племенем сугамбров.

Желая приобрести славу первого человека, перешедшего с войском Рейн, Цезарь использовал это в качестве предлога для похода на сугамбров и начал постройку моста через широкий поток, который как раз в этом месте был особенно полноводным и бурным и обладал такой силой течения, что ударами несущихся бревен угрожал снести столбы, поддерживавшие мост. Но Цезарь приказал вколотить в дно реки огромные и толстые сваи и, как бы обуздав силу потока, в течение десяти дней навел мост, вид которого превосходил всякие ожидания. 23.. Затем он перевел свои войска на другой берег, не встречая никакого сопротивления, ибо даже свевы, самые могущественные среди германцев, укрылись в

---

¹³²⁸ 14. ...Цезарь рассказывает ... – О войне с узипетами и тенктерами – в «Записках о галльской войне», IV, 1—15; о переправе через Рейн – IV, 16—19.

¹³²⁹ 15. от пятна клятвопреступления – Цезарь вступил в переговоры с послами узипетов и тенктеров, а затем без предупреждения ударил на германцев (зима 56—55 г.).

далеких лесных дебрях. Поэтому он опустошил огнем землю врагов, укрепил бодрость тех, которые постоянно были союзниками римлян, и вернулся в Галлию, проведя в Германии восемнадцать дней.

Поход против британцев доказал исключительную смелость Цезаря. Ибо он был первым, кто вышел в Западный океан и переправился с войском через Атлантическое море, кто расширил римское господство за пределы известного круга земель, попытавшись овладеть островом столь невероятных размеров, что многие писатели утверждают, будто его и не существует, а рассказы о нем и самое его название – одна лишь выдумка. Цезарь дважды переправлялся на этот остров с противоположного берега Галлии, но после того, как он нанес более вреда противнику, чем доставил выгоды своим войскам (у этих бедных и скудно живущих людей не было ничего, что стоило бы захватить), он закончил эту войну не так, как желал: взяв заложников у царя варваров и обложив их данью, он покинул Британию.

В Галлии его ждало письмо, которое не успели доставить ему в Британию. Друзья, находящиеся в Риме, сообщали о смерти его дочери, супруги Помпея, скончавшейся от родов. Как Помпеем, так и Цезарем овладела великая скорбь, друзей же их охватило смятение, потому что теперь распались узы родства, которое еще поддерживало мир и согласие в страдающем от раздоров государстве: ребенок также вскоре умер, пережив свою мать лишь на несколько дней. Тело Юлии народ, несмотря на противодействие народных трибунов, отнес на Марсово поле и там похоронил.

24. Чтобы поставить свое сильно увеличившееся войско на зимние квартиры, Цезарь вынужден был разделить его на много частей, а сам, как обычно, отправился в Италию. Но в это время вновь вспыхнуло всеобщее восстание в Галлии, и полчища восставших, бродя по стране, разоряли зимние квартиры римлян и нападали даже на укрепленные римские лагеря. Наибольшая и сильнейшая часть повстанцев во главе с Амбиоригом перебила отряд Котты и Титурия. Затем с шестидесятитысячной армией Амбиориг осадил легион Цицерона¹³³⁰ и едва не взял лагерь штурмом, ибо римляне все были ранены и держались скорее благодаря своей отваге, нежели силе.

Когда Цезарь, находившийся уже далеко, получил известие об этом, он тотчас вернулся и, собрав семь тысяч воинов, поспешил с ними на выручку к осажденному Цицерону. Осаждающие, узнав о его приближении, выступили навстречу, относясь с презрением к малочисленному противнику и рассчитывая сразу же его уничтожить. Цезарь, все время искусно избегая встречи с ними, достиг такого места, где можно было успешно обороняться против превосходящих сил врага, и здесь стал лагерем. Он удерживал своих воинов от всяких стычек с галлами и заставил их возвести вал и выстроить ворота, как бы обнаруживая страх перед врагом и поощряя его заносчивость. Когда же враги, исполнившись дерзости, стали нападать без всякого порядка, он сделал вылазку, обратил их в бегство и многих уничтожил.

25. Эта победа пресекла многочисленные восстания местных галлов, да и сам Цезарь в течение зимы разъезжал повсюду, энергично подавляя возникающие беспорядки. К тому же на смену погибшим легионам прибыло три легиона из Италии: два из них предоставил Цезарю Помпей из числа бывших под его командованием, а третий был набран заново в галльских областях по реке Пад.

Но вскоре обнаружились первые признаки самой большой и опасной войны, какая когда-либо велась в Галлии. Замысел ее давно уже созревал втайне и распространялся влиятельнейшими людьми среди самых воинственных племен. В их распоряжении были и многочисленные вооруженные силы, и большие суммы денег, собранные для войны, и укрепленные города, и труднопроходимые местности. А так как по причине зимнего времени реки покрылись льдом, леса – снегом, долины были затоплены, тропы в одних местах

---

¹³³⁰ 16. легион Цицерона – Имеется в виду Кв. Туллий Цицерон, брат оратора; был легатом у Цезаря в 54—52 гг.; его лагерь в 54 г. находился в Бельгике.

исчезли под толстою снежной пеленой, в других сделались ненадежны из-за болот и разлившихся вод, то казалось совершенно очевидным, что Цезарь не сможет ничего сделать с восставшими. Поднялось много племен, но очагом восстания были земли арвернов и карнутов. Общим главнокомандующим повстанцы избрали Верцингеторига, отца которого галлы ранее казнили, подозревая его в стремлении к тирании.

26. Верцингеториг разделил свои силы на много отдельных отрядов, поставив во главе их многочисленных начальников, и склонил на свою сторону всю область, расположенную вокруг Арара. Он рассчитывал поднять всю Галлию, в то время как в самом Риме начали объединяться противники Цезаря. Если бы он сделал это немного позже, когда Цезарь был уже вовлечен в гражданскую войну, то Италии угрожала бы не меньшая опасность, чем во время нашествия кимбров.

Но Цезарь, который, как никто другой, умел использовать на войне любое преимущество и прежде всего – благоприятное стечение обстоятельств, выступил со своим войском тотчас же по получении известия о восстании; большое пространство, которое он прошел в короткое время, быстрота и стремительность передвижения по зимнему бездорожью показали варварам, что на них движется непреодолимая и непобедимая сила. Ибо в тех местах, куда, казалось, и вестник с письмом не сможет проникнуть, даже пробираясь в течение долгого времени, они увидели вдруг самого Цезаря со всем войском. Цезарь шел, опустошая поля, уничтожая укрепления, покоряя города, присоединяя сдающихся, пока против него не выступило племя эдуев. Эдуи ранее были провозглашены братьями римского народа и пользовались особенным почетом, а потому теперь, примкнув к восставшим, они повергли войско Цезаря в тяжкое уныние. Цезарь был вынужден очистить их страну и направился через область лингонов к секванам, которые были его союзниками и земля которых отделяла восставшие галльские области от Италии. Во время этого похода он подвергся нападению врагов, окруживших его огромными полчищами, и решился дать битву. После долгого и кровопролитного сражения он в конце концов одолел и разбил варваров. Вначале, однако, он, по-видимому, терпел урон, – по крайней мере арверны и ныне показывают висящий в храме меч Цезаря, захваченный в бою. Он сам впоследствии, увидав этот меч, улыбнулся и, когда его друзья хотели убрать меч, не позволил сделать это, считая приношение священным.

27. Между тем большинство варваров из числа уцелевших в сражении скрылось со своим царем в городе Алезии. Во время осады этого города, казавшегося неприступным из-за высоких стен и многочисленности осажденных, Цезарь подвергся огромной опасности, ибо отборные силы всех галльских племен, объединившихся между собой, прибыли к Алезии в количестве трехсот тысяч человек, в то время как число запершихся в городе было не менее ста семидесяти тысяч. Стиснутый и зажатый меж двумя столь большими силами, Цезарь был вынужден возвести две стены: одну – против города, другую – против пришедших галлов, ибо было ясно, что если враги объединятся, то ему конец. Борьба под Алезией пользуется заслуженной славой, так как ни одна другая война не дает примеров таких смелых и искусных подвигов. Но более всего удивительно, как Цезарь, сразившись с многочисленным войском за стенами города и разбив его, проделал это незаметно не только для осажденных, но даже и для тех римлян, которые охраняли стену, обращенную к городу. Последние узнали о победе не раньше, чем услышали доносящиеся из Алезии плач и рыдания мужчин и женщин, которые увидели, как римляне с противоположной стороны несут в свой лагерь множество щитов, украшенных серебром и золотом, панцирей, залитых кровью, множество кубков и галльских палаток. Так мгновенно, подобно сну или призраку, была уничтожена и рассеяна эта несметная сила, причем бо льшая часть варваров погибла в битве. Наконец сдались и защитники Алезии – после того, как причинили немало хлопот и Цезарю и самим себе. Верцингеториг, руководитель всей войны, надев самое красивое вооружение и богато украсив коня, выехал из ворот. Объехав вокруг возвышения, на котором сидел Цезарь, он соскочил с коня, сорвал с себя все доспехи и, сев у ног Цезаря, оставался там, пока его не заключили под стражу, чтобы сохранить для триумфа.

28. Цезарь давно уже решил низвергнуть Помпея – так же, конечно, как и Помпей его. После того как Красс, которого любой из них в случае победы имел бы своим противником, погиб в борьбе с парфянами, Цезарю, если он хотел быть первым, не оставалось ничего иного, как уничтожить того, кому первенство уже принадлежало, а Помпей, чтобы не допустить такого исхода, должен был своевременно устранить того, кого он страшился. Помпей лишь недавно начал опасаться Цезаря, а прежде относился к нему с пренебрежением, считая, что не трудно будет уничтожить того, кто обязан своим возвышением ему, Помпею. Цезарь же, – который с самого начала питал эти намерения, – словно атлет, надолго удалился из поля зрения своих соперников. В галльских войнах он упражнял и себя и войско и подвигами своими настолько увеличил свою славу, что она сравнялась со славой побед Помпея. Теперь он пользовался всеми поводами, какие давали ему и сам Помпей, и условия времени, и упадок гражданской жизни в Риме, приведший к тому, что лица, домогающиеся должностей, сидели на площади за своими столиками с деньгами и бесстыдно подкупали чернь, а нанятый народ приходил в Собрание, чтобы бороться за того, кто дал ему денег, – бороться не с помощью голосования, а луками, прашами и мечами. Нередко собравшиеся расходились лишь после того, как осквернят возвышение для оратора трупами и запятнают его кровью. Государство погружалось в пучину анархии, подобно судну, несущемуся без управления, так что здравомыслящие люди считали счастливым исходом, если после таких безумств и бедствий течение событий приведет к единовластию, а не к чему-либо еще худшему. Многие уже осмеливались говорить открыто, что государство не может быть исцелено ничем, кроме единовластия, и нужно принять это лекарство из рук наиболее кроткого врача, под каковым они подразумевали Помпея. Помпей же, притворно, на словах, отнекиваясь от такой роли, на деле более всего добивался именно того, чтобы его провозгласили диктатором. Катон и его друзья поняли это и провели в сенате предложение избрать Помпея единственным консулом, чтобы тот, удовольствовавшись таким, более или менее законным, единовластием, не добивался диктатуры. Было решено также продлить ему время управления провинциями, которых у него было две – Испания и Африка. Управлял он ими при помощи легатов, ежегодно получая на содержание своих войск тысячу талантов из государственной казны.

29. Между тем Цезарь, отправляя посредников в Рим, домогался консульства и требовал продления своих полномочий в провинциях. В то время как Помпей вначале хранил молчание, Марцелл и Лентул, всегда ненавидевшие Цезаря, выступили против исполнения его просьбы; к тем соображениям, которые диктовались обстоятельствами, они прибавили без нужды и многое иное, направленное к оскорблению и поношению Цезаря. Так, они требовали отнять права гражданства у обитателей Нового Кома¹³³¹ в Галлии – колонии, вновь основанной Цезарем незадолго до этого, а одного из членов тамошнего совета, прибывшего в Рим, консул Марцелл даже высек розгами, заметив: «Это тебе в знак того, что ты не римский гражданин, отправляйся теперь домой и покажи рубцы Цезарю». Когда же Цезарь после этого возмутительного поступка Марцелла обильным потоком направил галльские богатства ко всем участвовавшим в управлении государством и не только освободил народного трибуна Куриона от больших долгов, но и дал консулу Павлу тысячу пятисот талантов, на которые тот украсил форум знаменитым сооружением – базиликой, воздвигнув ее на месте прежней базилики Фульвии, Помпей, напуганный этими кознями, уже открыто и сам и через своих друзей стал ратовать за то, чтобы Цезарю был назначен преемник по управлению провинциями. Одновременно он потребовал у Цезаря обратно легионы, которые предоставил ему для войн в Галлии. Цезарь тотчас же отослал эти войска, наградив каждого воина двумястами пятьюдесятью драхмами.

Те, кто привел эти легионы к Помпею, распространяли в народе дурные слухи о Цезаре,

---

¹³³¹ 17. *Новый Ком* – эта колония на берегу озера Комо получила права римского гражданства в консульство Цезаря.

одновременно ослепляя самого Помпея пустыми надеждами: эти люди уверяли его, что по нем тоскует войско Цезаря, и если здесь, в государстве, страдающем от скрытого недуга, он едва в силах бороться с завистниками, то там к его услугам войско, готовое тотчас, как только оно окажется в Италии, выступить на его стороне, – такую-де неприязнь навлек на себя Цезарь непрерывными походами, такое недоверие – своим стремлением к единовластию. Заслушавшись подобными речами, Помпей оставил всякие опасения, не заботился о приобретении воинской силы и думал победить Цезаря с помощью речей и законопроектов. Но Цезаря нимало не заботили постановления, которые выносил против него Помпей. Рассказывают, что один из военачальников Цезаря, посланный им в Рим, стоя перед зданием сената и слыша, что сенат отказывается продлить Цезарю срок командования, сказал, положив руку на рукоятку меча: «Ну, что ж, тогда вот это даст ему продление».

30. Впрочем, требования Цезаря внешне казались вполне справедливыми. А именно, он предлагал сам распустить свои войска, если и Помпей сделает то же самое, и оба они в качестве частных лиц будут ожидать от сограждан вознаграждения за свои дела. Ведь если у него отберут войско, а за Помпеем оставят и укрепят его силы, то, обвиняя одного в стремлении к тирании, сделают тиранном другого. Куриона, сообщившего об этом предложении Цезаря народу, приветствовали шумными рукоплесканиями, ему даже бросали венки, как победителю на играх. Народный трибун Антоний вскоре принес в Народное собрание письмо Цезаря по поводу этого предложения и прочел его, несмотря на сопротивление консулов. Но в сенате тесть Помпея Сципион внес предложение объявить Цезаря врагом отечества, если он не сложит оружия в течение определенного срока. Консулы начали опрос, кто голосует за то, чтобы Помпей распустил свои войска, и кто за то, чтобы Цезарь распустил свои; за первое предложение высказались очень немногие, за второе же – почти все. Тогда Антоний внес предложение, чтобы оба одновременно сложили с себя полномочия, и к этому предложению единодушно присоединился весь сенат. Но так как Сципион решительно выступил против этого, а консул Лентул кричал, что против разбойника надо действовать оружием, а не постановлениями, сенаторы разошлись и надели траурные одежды по поводу такого раздора.

31. После этого от Цезаря прибыли письма с очень умеренными предложениями. Он изъявлял согласие отказаться от всех требований, если ему отдадут Предальпийскую Галлию и Иллирик с двумя легионами до тех пор, пока он сможет вторично выступить соискателем на консульских выборах. Оратор Цицерон, который только что прибыл из Киликии и стремился примирить враждующих, пытался смягчить Помпея, но тот, уступая в остальном, не соглашался оставить Цезарю войско. Тогда Цицерон убедил друзей Цезаря ограничиться упомянутыми провинциями и шестью тысячами воинов и положить конец вражде; на это соглашался и Помпей. Но консул Лентул и его друзья воспротивились и дошли до того, что позорным и бесчестным образом выгнали Антония и Куриона из сената. Тем самым они дали Цезарю наилучшее средство разжечь гнев воинов – надо было лишь указать им на то, что почтенные мужи, занимающие высокие государственные должности, вынуждены были бежать в одежде рабов на наемной повозке (к этому, из страха перед врагами, они прибегли, чтобы тайно ускользнуть из Рима).

32. У Цезаря было не более трехсот всадников и пяти тысяч человек пехоты. Остальные его воины оставались за Альпами, и он уже отправил за ними своих легатов. Но так как он видел, что для начала задуманного им предприятия и для первого приступа более необходимы чудеса отваги и ошеломительный по скорости удар, чем многочисленное войско (ибо ему казалось легче утратить врага неожиданным нападением, чем одолеть его, придя с хорошо вооруженным войском), то он дал приказ своим командирам и центурионам, вооружившись кинжалами, без всякого другого оружия занять Аримин¹³³², значительный

---

¹³³² 18. *занять Аримин* – Город, находящийся уже на территории не галльской провинции, наместником которой был Цезарь, а самой Италии: захват этот был равносителен объявлению гражданской войны. О переходе через Рубикон ср. Пом., 60.

город в Галлии, избегая, насколько возможно, шума и кровопролития. Командование войском он поручил Гортензию, сам же провел целый день на виду у всех и даже присутствовал при упражнениях гладиаторов. К вечеру, приняв ванну, он направился в обеденный зал и здесь некоторое время оставался с гостями. Когда уже стемнело, он встал и вежливо предложил гостям ожидать здесь, пока он вернется. Немногим же доверенным друзьям он еще прежде сказал, чтобы они последовали за ним, но выходили не все сразу, а поодиночке. Сам он сел в наемную повозку и поехал сначала по другой дороге, а затем повернул к Аримину. Когда он приблизился к речке под названием Рубикон, которая отделяет Предальпийскую Галлию от собственно Италии, его охватило глубокое раздумье при мысли о наступающей минуте, и он заколебался перед величием своего дерзания. Остановив повозку, он вновь долгое время молча обдумывал со всех сторон свой замысел, принимая то одно, то другое решение. Затем он поделился своими сомнениями с присутствовавшими друзьями, среди которых был и Азиний Поллион; он понимал, началом каких бедствий для всех людей будет переход через эту реку и как оценит этот шаг потомство. Наконец, как бы отбросив размышления и отважно устремляясь навстречу будущему, он произнес слова обычные для людей, вступающих в отважное предприятие, исход которого сомнителен: «Пусть будет брошен жребий!» – и двинулся к переходу. Промчавшись остаток пути без отдыха, он еще до рассвета ворвался в Аримин, который и занял. Говорят, что в ночь накануне этого перехода Цезарь видел зловещий сон; ему приснилось, что он совершил ужасное кровосмешение, сойдясь с собственной матерью¹³³³.

33. После взятия Аримина как бы широко распахнулись ворота перед войною во всех странах и на всех морях, и вместе с границей провинции были нарушены и стерты все римские законы; казалось, что не только мужчины и женщины в ужасе бродят по Италии, как это бывало и прежде, но и сами, города, поднявшись со своих мест, бегут, враждуя друг с другом. В самом Риме, который был затоплен потоком беглецов из окрестных селений, власти не могли поддержать порядка ни убеждением, ни приказами. И немногого недоставало, чтобы город сам себя погубил в этом великом смятении и буре. Повсюду господствовали противоборствующие страсти и неистовое волнение. Ибо даже сторона, которая на какое-то время торжествовала, не оставалась в покое, но, вновь сталкиваясь в огромном городе с уstraшенным и поверженным противником, дерзко возвещала ему еще более страшное будущее, и борьба возобновлялась. Помпей, который был ошеломлен не менее других, теперь осаждали со всех сторон. Одни возлагали на него ответственность за то, что он содействовал усилению Цезаря во вред и самому себе и государству, другие ставили ему в вину, что он позволил Лентулу оскорбить Цезаря, когда тот уже шел на уступки и предлагал справедливые условия примирения. Фавоний же предлагал ему топнуть ногой о землю, ибо Помпей как-то, похваляясь, говорил сенаторам, что незачем им суетиться и заботиться о приготовлениях к войне: если только Цезарь придет, то стоит ему, Помпею, топнуть ногою оземь, как вся Италия наполнится войсками. Впрочем, и теперь еще Помпей превосходил Цезаря числом вооруженных воинов; никто, однако, не позволял ему действовать в соответствии с собственными расчетами. Поэтому он поверил ложным слухам, что война уже у ворот, что она охватила всю страну, и, поддаваясь общему настроению, объявил публично, что в городе восстание и безвластие, а затем покинул город, приказав следовать за собой сенаторам и всем тем, кто предпочитает отечество и свободу тираннии.

34. Итак, консулы бежали, не совершив даже обычных жертвоприношений перед дорогой; бежало и большинство сенаторов – с такою поспешностью, что они захватывали с собой из своего имущества первое попавшееся под руку, словно имели дело с чужим добром. Были и такие, которые раньше горячо поддерживали Цезаря, теперь же, потеряв от ужаса способность рассуждать, дали без всякой нужды увлечь себя этому потоку всеобщего

---

¹³³³ 19. сойдясь с собственной матерью – Символ овладения родной землей.

бегства. Но самым печальным зрелищем был вид самого города, который накануне великой бури казался подобным судну с отчаявшимися кормчими, носящемуся по волнам и брошенному на произвол слепого случая. И все же, как бы много боли ни причиняло это переселение, римляне из любви к Помпею считали землю изгнания своим отечеством и покидали Рим, словно он уже стал лагерем Цезаря. Даже Лабиен, один из ближайших друзей Цезаря, бывший его легатом и самым ревностным помощником его в галльских войнах, теперь бежал от него и перешел на сторону Помпея. Цезарь же отправил ему вслед его деньги и пожитки.

Прежде всего Цезарь двинулся на Домиция, который с тридцатью когортами занял Корфиний, и расположился лагерем у этого города. Домиций, отчаявшись в успехе, потребовал у своего врача-раба яд и выпил его, желая покончить с собой. Но вскоре, услышав, что Цезарь удивительно милостив к пленным, он принялся оплакивать себя и осуждать свое слишком поспешное решение. Однако врач успокоил его, заверив, что дал ему вместо яда снотворное средство. Домиций, воспрянув духом, поспешил к Цезарю, получил от него прощение и вновь перебежал к Помпею. Эти новости, дойдя до Рима, успокоили жителей, и некоторые из бежавших вернулись назад.

35. Цезарь включил в состав своего войска отряд Домиция, а также всех набравшихся для Помпея воинов, которых он захватил в итальянских городах, и с этими силами, уже многочисленными и грозными, двинулся на самого Помпея. Но тот не стал дожидаться его прихода, бежал в Брундизий и, послав сначала консулов с войском в Диррахий, вскоре, когда Цезарь был уже совсем рядом, сам отплыл туда же; об этом будет рассказано подробно в его жизнеописании¹³³⁴. Цезарь хотел тотчас же поспешить за ним, но у него не было кораблей, и потому он вернулся в Рим, в течение шестидесяти дней сделавшись без всякого кровопролития господином всей Италии. Рим он нашел в более спокойном состоянии, чем ожидал, и так как много сенаторов оказалось на месте, он обратился к ним с примирительной речью, предлагая отправить делегацию к Помпею, чтобы достигнуть соглашения на разумных условиях. Однако никто из них не принял этого предложения, либо из страха перед Помпеем, которого они покинули в опасности, либо не доверяя Цезарю и считая его речь неискренней.

Народный трибун Метелл хотел воспрепятствовать Цезарю взять деньги из государственной казны и ссылаясь при этом на законы. Цезарь ответил на это: «Оружие и законы не уживаются друг с другом. Если ты недоволен моими действиями, то иди-ка лучше прочь, ибо война не терпит никаких возражений. Когда же после заключения мира я отложу оружие в сторону, ты можешь появиться снова и ораторствовать перед народом. Уже тем, – прибавил он, – что я говорю это, я поступаю моими правами: ведь и ты, и все мои противники, которых я здесь захватил, находитесь целиком в моей власти». Сказав это Метеллу, он направился к дверям казнохранилища и, так как не нашел ключей, послал за мастерами и приказал взломать дверь. Метелл, ободряемый похвалами нескольких присутствовавших, вновь стал ему противодействовать. Тогда Цезарь решительно пригрозил Метеллу, что убьет его, если тот не перестанет ему досаждать. «Знай, юнец, – прибавил он, – что мне гораздо труднее сказать это, чем сделать». Эти слова заставили Метелла удалиться в страхе, и все потребное для войны было доставлено Цезарю быстро и без помех.

36. Цезарь направился в Испанию, решив прежде всего изгнать оттуда Афрания и Варрона, легатов Помпея и, подчинив себе тамошние легионы и провинции, чтобы в тылу у него уже не было противников, выступить затем против самого Помпея. В Испании Цезарь не раз попадал в засады, так что его жизнь оказывалась в опасности, воины его жестоко голодали, и все же он неустанно преследовал неприятелей, вызывал их на сражения, окружал рвами, пока, наконец, не овладел и лагерями и армиями. Предводители бежали к Помпею.

37. По возвращении Цезаря в Рим его тесть Пизон стал убеждать его послать к Помпею

¹³³⁴ 20. в его жизнеописании . – Пом., 62

послов для переговоров о перемирии, но Сервилий Исаврийский в угоду Цезарю возражал против этого. Сенат назначил Цезаря диктатором, после чего он вернул изгнанников и возвратил гражданские права детям лиц, объявленных при Сулле вне закона, а также путем некоторого снижения учетного процента облегчил положение должников. Издав еще несколько подобных распоряжений, он через одиннадцать дней отказался от единоличной власти диктатора, объявив себя консулом вместе с Сервилием Исаврийским, и выступил в поход.

В начале января, который приблизительно соответствует афинскому месяцу посидеону, около зимнего солнцеворота он отплыл с отборным отрядом конницы в шестьсот человек и пятью легионами, оставив остальное войско позади, чтобы не терять времени. После переправы через Ионийское море он занял Аполлонию и Орик, а флот снова отправил в Брундизий за отставшей частью войска. Солдаты были еще в пути. Молодые годы их миновали, и, утомленные бесконечными войнами, они громко жаловались на Цезаря, говоря: «Куда же, в какой край завезет нас этот человек, обращаясь с нами так, как будто мы не живые люди, подвластные усталости? Но ведь и меч изнашивается от ударов, и панцирю и щиту нужно дать покой после столь продолжительной службы. Неужели даже наши раны не заставляют Цезаря понять, что он командует смертными людьми и что мы чувствуем лишения и страдания, как и все прочие? Теперь пора бурь и ветров на море, и даже богу невозможно смирить силой стихию, а он идет на все, словно не преследует врагов, а спасается от них». С такими речами они медленно подвигались к Брундизию. Но когда, прибыв туда, они узнали, что Цезарь уже отплыл, их настроение быстро изменилось. Они бранили себя, называли себя предателями своего императора, бранили и начальников за то, что те не торопили их в пути. Расположившись на возвышенности, солдаты смотрели на море, в сторону Эпира, дожидаясь кораблей, на которых они должны были переправиться к Цезарю.

38. Между тем Цезарь, не имея в Аполлонии военных сил, достаточных для борьбы, и видя, что войска из Италии медлят с переправой, оказался в затруднительном положении. Поэтому он решился на отчаянное предприятие – на двенадцативесельном судне тайно от всех вернуться в Брундизий, хотя множество неприятельских кораблей бороздило море. Он поднялся на борт ночью в одежде раба и, усевшись поодаль, как самый незначительный человек, хранил молчание. Течением реки Аоя корабль уносило в море, но утренний ветер, который обыкновенно успокаивал волнение в устье реки, прогоняя волны в море, уступил натиску сильного морского ветра, задувшего ночью. Река свирепо боролась с морским приливом. Сопrotивляясь прибою, она шумела и вздувалась, образуя страшные водовороты. Кормчий, бессильный совладать со стихией, приказал матросам повернуть корабль назад. Услыхав это, Цезарь выступил вперед и, взяв пораженного кормчего за руку, сказал: «Вперед, любезный, смелей, не бойся ничего: ты везешь Цезаря и его счастье». Матросы забыли про бурю и, как бы приросши к веслам, с величайшим усердием боролись с течением. Однако идти дальше было невозможно, так как в трюм набралось много воды и в устье корабль подвергался грозной опасности. Цезарь, хотя и с большой неохотой, согласился повернуть назад. По возвращении Цезаря солдаты толпой вышли ему навстречу, упрекая его за то, что он не надеется на победу с ними одними, но огорчается из-за отставших и идет на риск, словно не доверяя тем легионам, которые высадились вместе с ним.

39. Наконец прибыл из Брундизия Антоний с войсками. Цезарь, осмелев, начал вызывать Помпея на сражение. Помпей разбил лагерь в удобном месте, имея возможность снабжать в изобилии свои войска с моря и с суши, тогда как солдаты Цезаря уже с самого начала испытывали недостаток в продовольствии, а потом из-за отсутствия самого необходимого стали есть какие-то корни, кроша их на мелкие части и смешивая с молоком. Иногда они лепили из этой смеси хлебцы и, нападая на передовые караулы противника, бросали эти хлебцы, крича, что не прекратят осады Помпея до тех пор, пока земля будет рождать такие корни. Помпей старался скрыть и эти хлебцы и эти речи от своих солдат, ибо те начали падать духом, страшась бесчувственности врагов и считая их какими-то

дикими зверями.

Около укреплений Помпея постоянно происходили отдельные стычки. Победа во всех этих столкновениях оставалась за Цезарем, кроме одного случая, когда, потерпев неудачу, Цезарь чуть не лишился своего лагеря. Помпей произвел набег, против которого никто не устоял: рвы наполнились трупами, солдаты Цезаря падали подле собственного вала и частокола, поражаемые неприятелем во время поспешного бегства. Цезарь вышел навстречу солдатам, тщетно пытаясь повернуть бегущих назад. Он хватался за знамена, но знаменосцы бросали их, так что неприятели захватили тридцать два знамени. Сам Цезарь едва не был при этом убит. Схватив какого-то рослого и сильного солдата, бежавшего мимо, он приказал ему остановиться и повернуть на неприятеля. Тот в смятении пред лицом ужасной опасности поднял меч, чтобы поразить Цезаря, но оруженосец Цезаря подоспел и отрубил ему руку.

Однако Помпей – то ли по какой-то нерешительности, то ли случайно – не до конца воспользовался своим успехом, но отступил, загнав беглецов в их лагерь. Цезарь, который уже потерял было всякую надежду, сказал после этого своим друзьям: «Сегодня победа осталась бы за противниками, если бы у них было кому победить». Сам же, придя к себе в палатку и улегшись, он провел ночь в мучительной тревоге и тяжелых размышлениях о том, как неразумно он командует. Он говорил себе, что перед ним лежат обширные равнины и богатые македонские и фессалийские города, а он вместо того, чтобы перенести туда военные действия, расположился лагерем у моря, на котором перевес принадлежит противнику, так что скорее он сам терпит лишения осажденного, нежели осаждает врага. В таком мучительном душевном состоянии, угнетаемый недостатком продовольствия и неблагоприятно сложившейся обстановкой, Цезарь принял решение двинуться против Сципиона в Македонию, рассчитывая либо заманить Помпея туда, где тот должен будет сражаться в одинаковых с ним условиях, не получая поддержки с моря, либо разгромить Сципиона, предоставленного самому себе.

40. В войске Помпея и среди начальников это вызвало пылкое желание пуститься в погоню, так как казалось, что Цезарь побежден и бежит. Но сам Помпей был слишком осторожен, чтобы отважиться на сражение, которое может решить исход всего дела. Обеспеченный всем необходимым на долгий срок, он предпочитал ждать, пока противник истощит свои силы. Лучшая часть войска Цезаря имела боевой опыт и неодолимую отвагу в битвах. Однако его солдаты из-за преклонного возраста уставали от длительных переходов, от лагерной жизни, строительных работ и ночных бодрствований. Страдая от тяжких трудов вследствие телесной слабости, они теряли и бодрость духа. К тому же, как тогда говорили, дурное питание вызвало в армии Цезаря какую-то повальную болезнь. Но самое главное – у Цезаря не было ни денег, ни запасов продовольствия, и казалось, что в течение короткого времени его армия сама собой распадется.

41. Один Катон, который при виде павших в бою неприятелей (их было около тысячи) ушел, закрыв лицо в знак печали, и заплакал, хвалил Помпея за то, что тот уклоняется от сражения и щадит сограждан. Все же остальные обвиняли Помпея в трусости и насмешливо звали его Агамемноном и царем царей: не желая отказаться от единоличной власти, он, дескать, гордится тем, что столько полководцев находится у него в подчинении и ходит за распоряжениями к нему в палатку. Фавоний, подражая откровенным речам Катона, жаловался, что из-за властолюбия Помпея они в этом году не отведают тускульских фиг. Афраний, недавно прибывший из Испании, после столь неудачного командования и подозреваемый в том, что он за деньги продал свою армию Цезарю, спрашивал, почему же не сражаются с купцом, купившим у него провинции. Под давлением всего этого Помпей против воли начал преследование Цезаря.

А Цезарь проделал большую часть пути в тяжелых условиях, ниоткуда не получая продовольствия, но повсюду видя лишь пренебрежение из-за своей недавней неудачи. Однако после захвата Фессалийского города Гомфы ему не только удалось накормить армию, но и неожиданно найти для солдат избавление от болезни. В городе оказалось много вина, и солдаты вдоволь пили в пути, предаваясь безудержному разгулу. Хмель гнал недуг

прочь, вновь возвращая заболевшим здоровье.

42. Оба войска вступили на равнину Фарсала и расположились там лагерем. Помпей опять обратился к своему прежнему плану, тем более что и предзнаменования и сновидения были неблагоприятны. Зато окружавшие Помпея были до того самонадеянны и уверены в победе, что Домиций, Спинтер и Сципион яростно спорили между собой о том, кто из них получит должность верховного жреца, принадлежавшую Цезарю. Они посылали в Рим заранее нанимать дома, приличествующие для консулов и преторов, рассчитывая сразу после войны занять эти должности. Особенно неудержимо рвались в бой всадники. Они очень гордились своим боевым искусством, блеском оружия, красотой коней, а также численным превосходством: против семи тысяч всадников Помпея у Цезаря была всего лишь одна тысяча. Количество пехоты также не было равным: у Цезаря было в строю двадцать две тысячи против сорока пяти тысяч у неприятеля.

43. Цезарь собрал свои войска и, сообщив им, что два легиона под командой Корнифиция находятся неподалеку, а пятнадцать когорт во главе с Каленом расположены около Мегар и Афин, спросил, желают ли они ожидать этих подкреплений или предпочитают рискнуть сами. Солдаты с громкими криками просили его не ждать, но вести их в бой и приложить старания к тому, чтобы они могли как можно скорее встретиться с неприятелем. Когда Цезарь совершал очистительное жертвоприношение, по заклинании первого животного жрец тотчас объявил, что в ближайшие три дня борьба с неприятелем будет решена сражением. На вопрос Цезаря, не замечает ли он по жертве каких-либо признаков благополучного исхода битвы, жрец отвечал: «Ты сам лучше меня можешь ответить на этот вопрос. Боги возвещают великую перемену существующего положения вещей. Поэтому, если ты полагаешь, что настоящее положение вещей для тебя благоприятно, то ожидай неудачи, если же неблагоприятно – жди успеха». В полночь накануне битвы, когда Цезарь обходил посты, на небе видели огненный факел, который, казалось, пронесся над лагерем Цезаря и, вспыхнув ярким светом, упал в расположение Помпея, а в утреннюю стражу из лагеря Цезаря было заметно смятение в стане врагов. В этот день, однако, Цезарь не ожидал сражения. Он приказал сниматься с лагеря, намереваясь выступить по направлению к Скотуссе.

44. Когда уже свернули лагерные палатки, к Цезарю прискакали разведчики с сообщением, что неприятель движется в боевом строю. Цезарь весьма обрадовался и, сотворив молитвы богам, стал строить войско, разделив его на три части. В центре он поставил Домиция Кальвина, левым флангом командовал Антоний, сам же он стоял во главе правого крыла, намереваясь сражаться в рядах десятого легиона. Увидев, однако, что против этого легиона расположена неприятельская конница, встревоженный ее численностью и блеском ее оружия, Цезарь приказал шести когортам, расположенным в глубине строя, незаметно перейти к нему и поставил их позади правого крыла, пояснив, как надо действовать, когда вражеская конница пойдет в наступление.

Помпей командовал правым флангом своей армии, левым – Домиций, а в центре находился Сципион, тесть Помпея. Вся конница Помпея была сосредоточена на левом фланге. Она должна была обойти правое крыло Цезаря и нанести неприятелям решительное поражение именно там, где командовал их полководец: полагали, что, какой бы глубины ни был строй неприятельской пехоты, она не сможет выдержать напора, но будет сокрушена и разбита под одновременным натиском многочисленной конницы.

Обе стороны собирались дать сигнал к нападению. Помпей приказал тяжеловооруженным не двигаться с места и с дротиками наготове ожидать, пока противник не приблизится на расстояние полета дротика. По словам Цезаря, Помпей допустил ошибку, не оценив, насколько стремительность натиска увеличивает силу первого удара и воодушевляет мужеством сражающихся. Цезарь уже был готов двинуть свои войска вперед, когда заметил одного из центурионов, преданного ему и опытного в военном деле. Центурион ободрял своих солдат и призывал их показать образец мужества. Цезарь обратился к центуриону, назвав его по имени: «Гай Крассиний, каковы у нас надежды на

успех и каково настроение?» Крассиний, протянув правую руку, громко закричал ему в ответ: «Мы одержим, Цезарь, блестящую победу. Сегодня ты меня похвалишь живым или мертвым!» С этими словами он первым ринулся на неприятеля, увлекая за собой сто двадцать своих солдат; изрубив первых встретившихся врагов и с силой пробиваясь вперед, он многих положил, пока, наконец, сам не был сражен ударом меча в рот, так что клинок прошел насквозь и вышел через затылок.

45. Так в центре сражалась пехота, а между тем конница Помпея с левого фланга горделиво тронулась в наступление, рассыпаясь и растягиваясь, чтобы охватить правое крыло противника. Однако, прежде чем она успела атаковать, вперед выбежали когорты Цезаря, которые против обыкновения не метали копий и не поражали неприятеля в ноги, а, по приказу Цезаря, целили врагам в глаза и наносили раны в лицо. Цезарь рассчитывал, что молодые солдаты Помпея, кичившиеся своей красотой и юностью, не привыкшие к войнам и ранам, более всего будут опасаться таких ударов и не устоят, уstraшенные как самую опасностью, так и угрозой оказаться обезображенными. Так оно и случилось. Помпеянцы отступали перед поднятыми вверх копьями, теряя отвагу при виде направленного против них оружия; оберегая лицо, они отворачивались и закрывались. В конце концов они расстроили свои ряды и обратились в позорное бегство, погубив все дело, ибо победители немедленно стали окружать и, нападая с тыла, рубить вражескую пехоту.

Когда Помпей с противоположного фланга увидел, что его конница рассеяна и бежит, он перестал быть самим собою, забыл, что он Помпей Магн. Он походил скорее всего на человека, которого божество лишило рассудка. Не сказав ни слова, он удалился в палатку и там напряженно ожидал, что произойдет дальше, не двигаясь с места до тех пор, пока не началось всеобщее бегство и враги, ворвавшись в лагерь, не вступили в бой с караульными. Тогда лишь он как бы опомнился и сказал, как передают, только одну фразу: «Неужели уже дошло до лагеря?» Сняв боевое убранство полководца и заменив его подобающей беглецу одеждой, он незаметно удалился. О дальнейшей его участи, как он, доверившись египтянам, был убит, мы рассказываем в его жизнеописании¹³³⁵.

46. А Цезарь, прибыв в лагерь Помпея и увидев трупы врагов и продолжающуюся резню, со стоном воскликнул: «Вот чего они хотели, вот до какой крайности меня довели! Если бы Гай Цезарь, свершитель величайших воинских деяний, отказался тогда от командования, надо мною был бы, вероятно, произнесен смертный приговор». Азиний Поллион передает, что Цезарь произнес эти слова по-латыни, а сам он записал их по-гречески. Большинство убитых, как он сообщает, оказалось рабами, павшими при захвате лагеря, а воинов погибло не более шести тысяч. Бо льшую часть пленных Цезарь включил в свои легионы. Многим знатным римлянам он даровал прощение; в числе их был и Брут – впоследствии его убийца. Цезарь, говорят, был встревожен, не видя Брута, и очень обрадовался, когда тот оказался в числе уцелевших и пришел к нему.

47. Среди многих чудесных знамений, предвещавших победу Цезаря, как о самом замечательном сообщают о знамении в городе Траллах. В храме Победы стояло изображение Цезаря. Земля вокруг статуи была от природы бесплодна и к тому же замощена камнем, и на ней-то, как сообщают, у самого цоколя выросла пальма.

В Патавии некто Гай Корнелий, человек знаменитый искусством гадания, соотечественник и знакомый писателя Ливия, как раз в тот день сидел и наблюдал за полетом птиц. По рассказу Ливия¹³³⁶, он прежде всех узнал о времени битвы и заявил присутствующим, что дело уже началось и противники вступили в бой. Затем он продолжал наблюдение и, увидав новое знамение, вскопчил с возгласом: «Ты победил, Цезарь!» Присутствующие были поражены, а он, сняв с головы венок, клятвенно заверил, что не

¹³³⁵ 21. в его жизнеописании – Пом., 73—80.

¹³³⁶ 22. По рассказу Ливия – Кн. CXI (не сохранилась). Ливий сам был уроженцем Патавия (Падуи).

возложит его вновь, пока его искусство гадания не подтвердится на деле. Ливий утверждает, что все это было именно так.

48. Цезарь, даровав в ознаменование победы свободу фессалийцам, начал преследование Помпея. По прибытии в Азии об объявил свободными граждан Книда из расположения к Феопомпу, составителю свода мифов, а всем жителям Азии уменьшил подати на одну треть. Цезарь прибыл в Александрию, когда Помпей был уже мертв. Здесь Феодот поднес ему голову Помпея, но Цезарь отвернулся и, взяв в руки кольцо с его печатью, пролил слезы. Всех друзей и близких Помпея, которые, скитаясь по Египту, были взяты в плен царем, он привлек к себе и благодетельствовал. Своим друзьям в Риме Цезарь писал, что в победе для него самое приятное и сладостное – возможность даровать спасение все новым из воевавших с ним граждан.

Что касается Александрийской войны, то одни писатели не считают ее необходимой и говорят, что единственной причиной этого опасного и бесславного для Цезаря похода была его страсть к Клеопатре; другие выставляют виновниками войны царских придворных, в особенности могущественного евнуха Потина, который незадолго до того убил Помпея, изгнал Клеопатру и тайно злоумышлял против Цезаря. По этой причине, чтобы обезопасить себя от покушений, Цезарь, как сообщают, и начал тогда проводить ночи в попойках. Но Потин и открыто проявлял враждебность – во многих словах и поступках, направленных к поношению Цезаря. Солдат Цезаря он велел кормить самым черствым хлебом, говоря, что они должны быть довольны и этим, раз едят чужое. К обеду он выдавал глиняную и деревянную посуду, ссылаясь на то, что всю золотую и серебряную Цезарь, якобы, отобрал за долги. Действительно, отец царствовавшего тогда царя был должен Цезарю семнадцать с половиной миллионов драхм, часть этого долга Цезарь простил его детям, а десять миллионов потребовал теперь на прокормление войска. Потин советовал ему покинуть Египет и заняться великими своими делами, обещая позже вернуть деньги с благодарностью. Цезарь ответил на это, что он меньше всего нуждается в египетских советниках, и тайно вызвал Клеопатру из изгнания¹³³⁷.

49. Клеопатра, взяв с собой лишь одного из друзей, Аполлодора Сицилийского, села в маленькую лодку и при наступлении темноты пристала вблизи царского дворца. Так как иначе трудно было остаться незамеченной, то она забралась в мешок для постели и вытянулась в нем во всю длину. Аполлодор обвязал мешок ремнем и внес его через двор к Цезарю. Говорят, что уже эта хитрость Клеопатры показалась Цезарю смелой и пленила его. Окончательно покоренный обходительностью Клеопатры и ее красотой, он примирил ее с царем для того, чтобы они царствовали совместно.

Во время всеобщего пира в честь примирения раб Цезаря, цирюльник, из трусости (в которой он всех превосходил) не пропускавший ничего мимо ушей, все подслушивавший и выведывавший, проведал о заговоре, подготовляемом против Цезаря военачальником Ахиллой и евнухом Потиним. Узнав о заговоре, Цезарь велел окружить стражей пиршественную залу. Потин был убит, Ахилле же удалось бежать к войску, и он начал против Цезаря продолжительную и тяжелую войну, в которой Цезарю пришлось с незначительными силами защищаться против населения огромного города и большой египетской армии. Прежде всего он подвергся опасности остаться без воды, так как водопроводные каналы были засыпаны неприятелем. Затем враги пытались отрезать его от кораблей. Цезарь принужден был отвлечь опасность, устроив пожар, который, распространившись со стороны верфей, уничтожил огромную библиотеку. Наконец, во время битвы при Фаросе¹³³⁸, когда Цезарь соскочил с насыпи в лодку, чтобы оказать

---

¹³³⁷ 23. *Клеопатру из изгнания* – Египтом правили молодой Птолемей XIII и его старшая сестра и жена Клеопатра; между ними шла борьба, и Клеопатра со своими сторонниками в это время находилась вне Александрии.

¹³³⁸ 24. *во время битвы при Фаросе* – Цезарь был осажден войском Ахиллы на острове Фаросе,

помощь своим, и к лодке со всех сторон устремились египтяне, Цезарь бросился в море и лишь с трудом выплыл. Говорят, что он подвергался в это время обстрелу из луков и, погружаясь в воду, все-таки не выпускал из рук записных книжек. Одной рукой он поднимал их высоко над водой, а другой греб, лодка же сразу была потоплена. В конце концов, когда царь встал на сторону противников, Цезарь напал на него и одержал в сражении победу. Враги понесли большие потери, а царь пропал без вести.

Затем, оставив Клеопатру, которая вскоре родила от него сына (александрійцы называли его Цезарионом), Цезарь направился в Сирию. 50. Прибыв оттуда в Азию, Цезарь узнал, что Домиций разбит сыном Митридата Фарнаком и с немногочисленной свитой бежал из Понта, а Фарнак, с жадностью используя свой успех, занял Вифинию и Каппадокию, напал на так называемую Малую Армению и подстрекает к восстанию всех тамошних царей и тетрархов. Цезарь тотчас же выступил против Фарнака с тремя легионами, в большой битве при городе Зеле совершенно уничтожил войско Фарнака и самого его изгнал из Понта. Сообщая об этом в Рим одному из своих друзей, Матию, Цезарь выразил внезапность и быстроту этой битвы тремя словами: «Пришел, увидел, победил». По-латыни эти слова, имеющие одинаковые окончания¹³³⁹, создают впечатление убедительной краткости.

51. Затем Цезарь переправился в Италию и прибыл в Рим в конце года, на который он был вторично избран диктатором, хотя ранее эта должность никогда не была годичной. На следующий год он был избран консулом. Цезаря порицали за его отношение к восставшим солдатам, которые убили двух бывших преторов – Коскония и Гальбу: он наказал их лишь тем, что, обращаясь к ним, назвал их гражданами, а не воинами, а затем дал каждому по тысяче драхм и выделил большие участки земли в Италии. На Цезаря возлагали также вину за сумасбродства Долабеллы, корыстолюбие Матия и кутежи Антония; последний, в довершение ко всему прочему, присвоил какими-то нечистыми средствами дом Помпея и приказал его перестроить, так как он показался ему недостаточно вместительным. Среди римлян распространялось недовольство подобными поступками. Цезарь все это замечал, однако положение дел в государстве вынуждало его пользоваться услугами таких помощников.

52. Катон и Сципион после сражения при Фарсале бежали в Африку и там при содействии царя Юбы собрали значительные силы. Цезарь решил выступить против них. Он переправился в Сицилию около времени зимнего солнцеворота¹³⁴⁰ и, желая лишить своих командиров всякой надежды на промедление и проволочку, сразу же велел раскинуть свою палатку на самом морском берегу. Как только подул попутный ветер, он отплыл с тремя тысячами пехоты и небольшим отрядом конницы. Высадив эти войска, он незаметно отплыл назад, боясь за свои главные силы. Он встретил их уже в море и благополучно доставил в лагерь. Узнав, что противники полагаются на какой-то старинный оракул, гласящий, что роду Сципионов всегда суждено побеждать в Африке, Цезарь – трудно сказать, в шутку ли, чтобы выставить в смешном виде Сципиона, полководца своих врагов, или всерьез, желая истолковать предсказание в свою пользу, – в каждом сражении отводил какому-то Сципиону почетное место во главе войска, словно главнокомандующему (среди людей Цезаря был некий Сципион Салутион из семьи Сципионов Африканских, человек во всех других отношениях ничтожный и всеми презираемый). Сталкиваясь же с неприятелем и искать сражения приходилось часто: армия Цезаря страдала от недостачи продовольствия и корма для лошадей, так что воины вынуждены были кормить лошадей морским мхом, смывая с него морскую соль и примешивая в качестве приправы немного травы.

прикрывавшем с моря александрийскую гавань.

¹³³⁹ 25. имеющие одинаковые окончания – Знаменитое *veni, vidi, vici*.

¹³⁴⁰ 26. около времени зимнего солнцеворота – В конце 47 г.

Неприятельская конница из нумидийцев господствовала над местностью, быстро появляясь всякий раз в большом числе. Однажды, когда конный отряд Цезаря расположился на отдых и какой-то ливиец плясал, замечательно подыгрывая себе на флейте, а солдаты веселились, поручив присмотр за лошадьми рабам, внезапно неприятели окружили и атаковали их. Часть воинов Цезаря была убита на месте, другие пали во время поспешного бегства в лагерь. Если бы сам Цезарь и Азиний Поллион не поспешили из лагеря на подмогу, война, пожалуй, была бы кончена. Во время другого сражения, как сообщают, неприятель также одержал было верх в завязавшейся рукопашной схватке, но Цезарь ухватил за шею бежавшего со всех ног знаменосца и повернул его кругом со словами: «Вон где враги!»

53. Эти успехи побудили Сципиона помериться силами в решительном сражении. Оставив Афрания в лагере и недалеко от него Юбу, сам он занялся укреплением позиции для нового лагеря над озером около города Тапса, имея в виду создать здесь прибежище и опору в битве для всего войска. В то время как Сципион трудился над этим, Цезарь, с невероятной быстротой пройдя лесистыми местами, удобными для неожиданного нападения, одну часть его войска окружил, а другой ударил в лоб. Обратив врага в бегство, Цезарь воспользовался благоприятным моментом и сопутствием счастливой судьбы: при первом же натиске ему удалось захватить лагерь Афрания и после бегства Юбы совершенно уничтожить лагерь нумидийцев. В несколько часов Цезарь завладел тремя лагерями, причем пало пятьдесят тысяч неприятелей; Цезарь же потерял не более пятидесяти человек. Так рассказывают об этой битве одни писатели. Другие утверждают, что Цезарь даже не участвовал в деле, но что его поразила припадок обычной болезни как раз в то время, когда он строил войско в боевой порядок. Как только он почувствовал приближение припадка, то, прежде чем болезнь совершенно завладела им и он лишился сознания, его отнесли в стоявшую поблизости башню и там оставили.

Некоторые из спасшихся бегством бывших консулов и преторов, попав в плен, покончили самоубийством, а многих Цезарь приказал казнить. 54. Горю желанием захватить Катона живым, Цезарь поспешил к Утике: Катон охранял этот город и поэтому не принял участия в сражении. Узнав о самоубийстве Катона, Цезарь явно опечалился, но никто не знал, чем именно. Он сказал только: «О, Катон, мне ненавистна твоя смерть, ибо тебе было ненавистно принять от меня спасение». Но сочинение, впоследствии написанное Цезарем против Катона, не содержит признаков мягкого, примирительного настроения. Как же он мог пощадить Катона живым, если на мертвого излил так много гнева? С другой стороны, снисходительность, проявленная Цезарем по отношению к Цицерону, Бруту и множеству других побежденных, заставляет некоторых заключить, что упомянутое выше сочинение родилось не из ненависти к Катону, а из соперничества на государственном поприще, и вот по какому поводу. Цицерон написал хвалебное сочинение в честь Катона под заглавием «Катон». Сочинение это, естественно, у многих имело большой успех, так как оно было написано знаменитым оратором и на благороднейшую тему. Цезарь был уязвлен этим сочинением, считая, что похвала тому, чьей смерти он был причиной, служит обвинением против него. Он собрал много обвинений против Катона и назвал свою книгу «Антикатон». Каждое из этих двух произведений имело много сторонников в зависимости от того, кому кто сочувствовал – Катону или Цезарю.

55. По возвращении из Африки в Рим Цезарь прежде всего произнес речь к народу, восхваляя свою победу. Он сказал, что захватил так много земли, что ежегодно будет доставлять в государственное хранилище двести тысяч аттических медимнов зерна и три миллиона фунтов оливкового масла. Затем он отпраздновал триумфы¹³⁴¹ – египетский, понтийский, африканский – не над Сципионом, разумеется, а над царем Юбой. Сына царя Юбы, еще совсем маленького мальчика, вели в триумфальной процессии. Он попал в

¹³⁴¹ 27. *триумфы* – египетский, понтийский, африканский... – Плутарх не упоминает еще об одном триумфе, галльском.

счастливейший плен, так как из варвара и нумидийца превратился в одного из самых ученых греческих писателей. После триумфов Цезарь принялся раздавать солдатам богатые подарки, а народу устраивал угощения и игры. На двадцати двух тысячах столов было устроено угощение для всех граждан. Игры – гладиаторские бои и морские сражения – он дал в честь своей давно умершей дочери Юлии.

Затем была произведена перепись граждан. Вместо трехсот двадцати тысяч человек, насчитывавшихся прежде, теперь оказалось налицо всего сто пятьдесят тысяч. Такой урон принесли гражданские войны, столь значительную часть народа они истребили – и это еще не принимая в расчет бедствий, постигших остальную Италию и провинции!

56. После этого Цезарь был избран в четвертый раз консулом и затем отправился с войсками в Испанию против сыновей Помпея, которые, несмотря на свою молодость, собрали удивительно большую армию и выказали необходимую для полководцев отвагу, так что поставили Цезаря в крайне опасное положение. Большое сражение произошло около города Мунды. Цезарь, видя что неприятель теснит его войско, которое сопротивляется слабо, закричал, пробегая сквозь ряды солдат, что если они уже ничего не стыдятся, то пусть возьмут и выдадут его мальчишкам. Осилить неприятелей Цезарю удалось лишь с большим трудом. Противник потерял свыше тридцати тысяч человек; у Цезаря же пала тысяча самых лучших солдат. После сражения Цезарь сказал своим друзьям, что он часто сражался за победу, теперь же впервые сражался за жизнь. Эту победу он одержал во время праздника Дионисий¹³⁴² – в тот самый день, когда, как сообщают, вступил в войну Помпей Магн. Промежуток времени между этими двумя событиями – четыре года. Младший из сыновей Помпея бежал, а немного дней спустя Дидий принес голову старшего.

Эта война была последней, которую вел Цезарь. Отпразднованный по случаю победы триумф, как ничто другое, огорчил римлян. Негоже было Цезарю справлять триумф над несчастьями отечества, гордиться тем, чему оправданием перед богами и людьми могла служить одна лишь необходимость. Ведь Цезарь победил не чужеземных вождей и не варварских царей, но уничтожил детей и род человека, знаменитейшего среди римлян, попавшего в несчастье. Вдобавок, прежде сам Цезарь ни через посланцев, ни письменно не сообщал о своих победах в гражданских войнах, но стыдился такой славы.

57. Однако, склонившись перед счастливой судьбой этого человека и позволив надеть на себя узду, римляне считали, что единоличная власть есть отдых от гражданских войн и прочих бедствий. Они выбрали его диктатором пожизненно. Эта несменяемость в соединении с неограниченным единовластием была открытой тираннией. По предложению Цицерона, сенат назначил ему почести¹³⁴³, которые еще оставались в пределах человеческого величия, но другие наперебой предлагали чрезмерные почести, неуместность которых привела к тому, что Цезарь сделался неприятен и ненавистен даже самым благонамеренным людям. Ненавистники Цезаря, как думают, не меньше его льстецов помогали принимать эти решения, чтобы было как можно больше предлогов к недовольству и чтобы их обвинения казались вполне обоснованными. В остальном же Цезарь по окончании гражданских войн держал себя безупречно. Было даже постановлено – и, как думают, с полным основанием – посвятить ему храм Милосердия в знак благодарности за его человеколюбие. Действительно, он простил многих выступавших против него с оружием в руках, а некоторым, как например Бруту и Кассию, предоставил почетные должности: оба они были преторами. Цезарь не допустил, чтобы статуи Помпея лежали сброшенными с цоколя, но велел поставить их на прежнее место. По этому поводу Цицерон сказал, что

---

¹³⁴² 28. во время праздника Дионисий – Так Плутарх называет римский праздник Либералии. – Спасся после Мунды Секст Помпей, погиб Гней Помпей Младший.

¹³⁴³ 29. сенат назначил ему почести – Консульство на десять лет вперед, наследственное звание «императора» и пр., но об особой роли Цицерона при этих действиях ничего не известно.

Цезарь, восстановив статуи Помпея, утвердил свои собственные. Друзья Цезаря просили, чтобы он окружил себя телохранителями, и многие предлагали свои услуги. Цезарь не согласился, заявив, что, по его мнению, лучше один раз умереть, чем постоянно ожидать смерти. Видя в расположении к себе самую лучшую и надежную охрану и добиваясь такого расположения, он снова прибег к угощениям и хлебным раздачам для народа. Для солдат он основывал колонии. Из них самые известные – Карфаген и Коринф, города, которым ранее довелось быть одновременно разрушенными, а теперь – одновременно восстановленными.

58. Что касается знати, то одним он обещал на будущее должности консулов и преторов, других прельщал другими должностями и почестями и всем одинаково внушал большие надежды, стремясь к тому, чтобы властвовать над добровольно подчиняющимися. Когда умер консул Максим, то на оставшийся до окончания срока его власти один день Цезарь назначил консулом Каниния Ребилия. По обычаю, многие направлялись приветствовать его, и Цицерон сказал: «Поспешим, чтобы успеть застать его в должности консула».

Многочисленные успехи не были для деятельной натуры Цезаря основанием спокойно пользоваться плодами своих трудов. Напротив, как бы воспламеняя и подстрекая его, они порождали планы еще более великих предприятий в будущем и стремление к новой славе, как будто достигнутая его не удовлетворяла. Это было некое соревнование с самим собой, словно с соперником, и стремление будущими подвигами превзойти совершенные ранее. Он готовился к войне с парфянами, а после покорения их имел намерение, пройдя через Гирканию вдоль Каспийского моря и Кавказа, обойти Понт и вторгнуться в Скифию, затем напасть на соседние с Германией страны и на самое Германию и возвратиться в Италию через Галлию, сомкнув круг римских владений так, чтобы со всех сторон империя граничила с Океаном.

Среди приготовлений к походу Цезарь задумал прорыть канал через коринфский перешеек и поручил наблюдение за этим Аниену. Затем он предпринял устройство глубокого канала, который перехватил бы у самого города воды Тибра, чтобы повернуть течение реки к Цирцеям и заставить Тибр впадать в море у Таррацины, сделав таким образом более безопасным и легким плавание для купцов, направляющихся в Рим. Кроме этого, он хотел осушить болота близ городов Пометии и Сетии с тем, чтобы предоставить плодородную землю многим десяткам тысяч людей. Далее, он хотел возвести плотину в море вблизи Рима и, расчистив мели у Остийского берега, устроить надежные гавани и якорные стоянки для имеющего столь важное значение судоходства. Таковы были его приготовления.

59. Остроумно задуманное и завершенное им устройство календаря с исправлением ошибок, вкравшихся в летоисчисление, принесло огромную пользу. Дело не только в том, что у римлян в очень древние времена лунный цикл не был согласован с действительной длиной года, вследствие чего жертвоприношения и праздники постепенно передвигались и стали приходиться на противоположные первоначальным времена года: даже когда был введен солнечный год, который и применялся в описываемое нами время, никто не умел рассчитывать его продолжительность, и только одни жрецы знали, в какой момент надо произвести исправление, и неожиданно для всех включали вставной месяц, который они называли мерцедонием. Говорят, впервые еще Нума стал вставлять дополнительный месяц, найдя в этом средство для исправления погрешности в календаре, однако средство, действительное лишь на недолгое время. Об этом говорится в его жизнеописании¹³⁴⁴. Цезарь предложил лучшим ученым и астрологам разрешить этот вопрос, а затем, изучив предложенные способы, создал собственный, тщательно продуманный и улучшенный календарь. Римляне до сих пор пользуются этим календарем и, по-видимому, у них

¹³⁴⁴ 30. в его жизнеописании – Нума, 18—19. Цезарь ввел с 1 января 45 г так называемый юлианский календарь, которым античная и католическая Европа пользовалась до григорианской реформы XVI в., а протестантская и православная – и еще дольше.

погрешностей в летоисчислении меньше, чем у других народов. Однако и это преобразование дало людям злокозненным и враждебным власти Цезаря повод для обвинений. Так, например, известный оратор Цицерон, когда кто-то заметил, что «завтра взойдет созвездие Лиры», сказал: «Да, по указу», как будто бы и это явление, происходящее в силу естественной необходимости, могло произойти по желанию людей.

60. Стремление Цезаря к царской власти более всего возбуждало явную ненависть против него и стремление его убить. Для народа в этом была главная вина Цезаря; у тайных же недоброжелателей это давно уже стало благовидным предлогом для вражды к нему. Люди, уговаривавшие Цезаря принять эту власть, распространяли в народе слух, якобы основанный на Сивиллиных книгах, что завоевание парфянского царства римлянами возможно только под предводительством царя, иначе же оно недостижимо. Однажды, когда Цезарь возвратился из Альбы в Рим, они отважились приветствовать его как царя. Видя замешательство в народе, Цезарь разгневался и заметил на это, что его зовут не царем, а Цезарем. Так как эти слова были встречены всеобщим молчанием, Цезарь удалился в настроении весьма невеселом и немилостивом.

В другой раз сенат назначил ему какие-то чрезвычайные почести. Цезарь сидел на возвышении для ораторов. Когда к нему подошли консулы и преторы вместе с сенатом в полном составе, он не поднялся со своего места, а обращаясь к ним, словно к частным лицам, отвечал, что почести скорее следует уменьшить, чем увеличить. Таким поведением он вызвал, однако, недовольство не только сената, но и среди народа, так как все считали, что в лице сената Цезарь нанес оскорбление государству. Те, кому можно было не оставаться долее, тотчас же покинули заседание, сильно огорченные. Тогда Цезарь, поняв, что их поведение вызвано его поступком, тотчас возвратился домой, и в присутствии друзей откинул с шеи одежду, крича, что он готов позволить любому желающему нанести ему удар. Впоследствии он оправдывал свой поступок болезнью, которая не дает чувствам одержимых его людей оставаться в покое, когда они, стоя, произносят речь к народу; болезнь эта быстро приводит в потрясение все чувства: сначала она вызывает головокружение, а затем судороги. Но в действительности Цезарь не был болен: передают что он хотел, как и подобало, встать перед сенатом, но его удержал один из друзей или вернее льстецов – Корнелий Бальб, который сказал: «Разве ты не помнишь, что ты Цезарь? Неужели ты не потребуешь, чтобы тебе оказывали почитание, как высшему существу?»

61. К этим случаям присоединилось еще оскорбление народных трибунов. Справлялся праздник Луперкалий, о котором многие пишут, что в древности это был пастушеский праздник; в самом деле, он несколько напоминает аркадские Ликеи¹³⁴⁵. Многие молодые люди из знатных семейств и даже лица, занимающие высшие государственные должности, во время праздника пробегают нагие через город и под смех, под веселые шутки встречных бьют всех, кто попадется им на пути, косматыми шкурами. Многие женщины, в том числе и занимающие высокое общественное положение, выходят навстречу и нарочно, как в школе, подставляют обе руки под удары. Они верят, что это облегчает роды беременным, а бездетным помогает понести. Это зрелище Цезарь наблюдал с возвышения для ораторов, сидя на золотом кресле, разряженный, как для триумфа. Антоний в качестве консула также был одним из зрителей священного бега. Антоний вышел на форум и, когда толпа расступилась перед ним, протянул Цезарю корону, обвитую лавровым венком. В народе, как было заранее подготовлено, раздались жидкие рукоплескания. Когда же Цезарь отверг корону, весь народ зааплодировал. После того как Антоний вторично поднес корону, опять раздались недружные хлопки. При вторичном отказе Цезаря вновь рукоплескали все. Когда таким образом затея была раскрыта, Цезарь встал со своего места и приказал отнести корону на Капитолий. Тут народ увидел, что статуи Цезаря увенчаны царскими коронами. Двое народных трибунов, Флавий и Марулл, подошли и сняли венки со статуй, а тех, кто первыми

¹³⁴⁵ 31. праздник Луперкалий аркадские Ликеи (ср. Ром., 21). – 15 февраля 44 г., за месяц до гибели Цезаря.

приветствовали Цезаря как царя, отвели в тюрьму. Народ следовал за ними с рукоплесканиями, называя обоих трибунов «Брутами», потому что Брут уничтожил наследственное царское достоинство и ту власть, которая принадлежала единоличным правителям, передал сенату и народу. Цезарь, раздраженный этим поступком, лишил Флавия и Марулла власти. В обвинительной речи он, желая оскорбить народ, много раз назвал их «брутами» и «киманцами»¹³⁴⁶.

62. Поэтому народ обратил свои надежды на Марка Брута. С отцовской стороны он происходил, как полагали, от знаменитого древнего Брута, а по материнской линии – из другого знатного рода, Сервилиев, и был зятем и племянником Катона. Почести и милости, оказанные ему Цезарем, усыпили в нем намерение уничтожить единовластие. Ведь Брут не только был спасен Цезарем во время бегства Помпея при Фарсале и не только своими просьбами спас многих своих друзей, но и вообще пользовался большим доверием Цезаря. Брут получил в то время самую высокую из преторских должностей¹³⁴⁷ и через три года должен был быть консулом. Цезарь предпочел его Кассию, хотя Кассий тоже притязал на эту должность. По этому поводу Цезарь, как передают, сказал, что, хотя притязания Кассия, пожалуй, и более основательны, он, тем не менее, не может пренебречь Брутом. Когда уже во время заговора какие-то люди донесли на Брута, Цезарь не обратил на это внимания. Прикоснувшись рукой к своему телу, он сказал доносчику: «Брут повременит еще с этим телом!» – желая этим сказать, что, по его мнению, Брут за свою доблесть вполне достоин высшей власти, но стремление к ней не может сделать его неблагодарным и низким.

Люди, стремившиеся к государственному перевороту, либо обращали свои взоры на одного Брута, либо среди других отдавали ему предпочтение, но, не решаясь говорить с ним об этом, исписали ночью надписями судейское возвышение, сидя на котором Брут разбирал дела, исполняя обязанности претора. Большая часть этих надписей была приблизительно следующего содержания: «Ты спишь, Брут!» или: «Ты не Брут!» Кассий, заметив, что эти надписи все более возбуждают Брута, стал еще настойчивее подстрекать его, ибо Кассий питал к Цезарю личную вражду в силу причин, которые мы изложили в жизнеописании Брута¹³⁴⁸. Цезарь подозревал его в этом. «Как вы думаете, чего хочет Кассий? Мне не нравится его чрезмерная бледность», – сказал он как-то друзьям. В другой раз, получив донос о том, что Антоний и Долабелла замышляют мятеж, он сказал: «Я не особенно боюсь этих длинноволосых толстяков, а скорее – бледных и тощих», – намекая на Кассия и Брута.

63. Но, по-видимому, то, что назначено судьбой, бывает не столько неожиданным, сколько неотвратимым. И в этом случае были явлены, как сообщают, удивительные знамения и видения: вспышки света на небе, неоднократно раздававшийся по ночам шум, спускавшиеся на форум одинокие птицы – обо всем этом, может быть, и не стоит упоминать при таком ужасном событии. Но, с другой стороны, философ Страбон пишет, что появилось много огненных людей, куда-то несущихся; у раба одного воина из руки извергалось сильное пламя – наблюдавшим казалось, что он горит, однако, когда пламя исчезло, раб оказался невредимым. При совершении самим Цезарем жертвоприношения у жертвенного животного не было обнаружено сердца. Это было страшным предзнаменованием, так как нет в природе ни одного животного без сердца. Многие рассказывают также, что какой-то гадатель предсказал Цезарю, что в тот день месяца марта, который римляне называют идами¹³⁴⁹, ему

¹³⁴⁶ 32. «брутами» и «киманцами». – Имя «Брут» значит «тупица» (ср. Поп., 3); жители Кимы в Ионии устойчиво слыли поголовными дураками.

¹³⁴⁷ 33. самую высокую из преторских должностей – Должность городского претора, руководившего всей судебной деятельностью в городе Рима.

¹³⁴⁸ 34. в жизнеописании Брута – Гл. 8.

¹³⁴⁹ 35. идами – 15 марта 44 г.

следует остерегаться большой опасности. Когда наступил этот день, Цезарь, отправляясь в сенат, поздоровался с предсказателем и шутя сказал ему: «А ведь мартовские иды наступили!», на что тот спокойно ответил: «Да, наступили, но не прошли!»

За день до этого во время обеда, устроенного для него Марком Лепидом, Цезарь, как обычно, лежа за столом, подписывал какие-то письма. Речь зашла о том, какой род смерти самый лучший. Цезарь раньше всех вскричал: «Неожиданный!» После этого, когда Цезарь покоился на ложе рядом со своей женой, все двери и окна в его спальне разом растворились. Разбуженный шумом и ярким светом луны, Цезарь увидел, что Кальпурния рыдает во сне, издавая неясные, нечленораздельные звуки. Ей привиделось, что она держит в объятиях убитого мужа. Другие, впрочем, отрицают, что жена Цезаря видела такой сон; у Ливия говорится¹³⁵⁰, что дом Цезаря был по постановлению сената, желавшего почтить Цезаря, украшен фронтоном и этот фронтон Кальпурния увидела во сне разрушенным, а потому причитала и плакала. С наступлением дня она стала просить Цезаря, если возможно, не выходить и отложить заседание сената; если же он совсем не обращает внимания на ее сны, то хотя бы посредством других предзнаменований и жертвоприношений пусть разумеет будущее. Тут, по-видимому, и в душу Цезаря вкрались тревога и опасения, ибо раньше он никогда не замечал у Кальпурнии суеверного страха, столь свойственного женской природе, теперь же он увидел ее сильно взволнованной. Когда гадатели после многочисленных жертвоприношений объявили ему о неблагоприятных предзнаменованиях, Цезарь решил послать Антония, чтобы он распустил сенат.

64. В это время Децим Брут по прозвищу Альбин (пользовавшийся таким доверием Цезаря, что тот записал его вторым наследником в своем завещании), один из участников заговора Брута и Кассия, боясь, как бы о заговоре не стало известно, если Цезарь отменит на этот день заседание сената, начал высмеивать гадателей, говоря, что Цезарь навлечет на себя обвинения и упреки в недоброжелательстве со стороны сенаторов, так как создается впечатление, что он издевается над сенатом. Действительно, продолжал он, сенат собрался по предложению Цезаря, и все готовы постановить, чтобы он был провозглашен царем внеиталийских провинций и носил царскую корону, находясь в других землях и морях; если же кто-нибудь объявит уже собравшимся сенаторам, чтобы они разошлись и собрались снова, когда Кальпурнии случится увидеть более благоприятные сны, – что станут тогда говорить недоброжелатели Цезаря? И если после этого кто-либо из друзей Цезаря станет утверждать, что такое положение вещей – не рабство, не тирания, кто пожелает прислушаться к их словам? А если Цезарь из-за дурных предзнаменований все же решил считать этот день неприсутственным, то лучше ему самому прийти и, обратившись с приветствием к сенату, отсрочить заседание. С этими словами Брут взял Цезаря за руку и повел. Когда Цезарь немного отошел от дома, навстречу ему направился какой-то чужой раб и хотел с ним заговорить; однако оттесненный напором окружавшей Цезаря толпы раб вынужден был войти в дом. Он передал себя в распоряжение Кальпурнии и просил оставить его в доме, пока не вернется Цезарь, так как он должен сообщить Цезарю важные известия.

65. Артемидор из Книды, знаток греческой литературы, сошелся на этой почве с некоторыми лицами, участвовавшими в заговоре Брута, и ему удалось узнать почти все, что делалось у них. Он подошел к Цезарю, держа в руке свиток, в котором было написано все, что он намеревался донести Цезарю о заговоре. Увидев, что все свитки, которые ему вручают, Цезарь передает окружающим его рабам, он подошел совсем близко, придвинулся к нему вплотную и сказал: «Прочитай это, Цезарь, сам, не показывая другим, – и немедленно! Здесь написано об очень важном для тебя деле». Цезарь взял в руки свиток, однако прочесть его ему помешало множество просителей, хотя он и пытался много раз это сделать. Так он и вошел в сенат, держа в руках только этот свиток. Некоторые, впрочем,

---

¹³⁵⁰ 36. у Ливия говорится – В несохранившейся CXVI книге.

сообщают, что кто-то другой передал этот свиток Цезарю и что Артемидор вовсе не смог подойти к Цезарю, оттесняемый от него толпой во все время пути.

66. Однако это, может быть, просто игра случая; но место, где произошла борьба и убийство Цезаря и где собрался в тот раз сенат, без всякого сомнения, было избрано и назначено божеством; это было одно из прекрасно украшенных зданий, построенных Помпеем, рядом с его театром; здесь находилось изображение Помпея. Перед убийством Кассий, говорят, посмотрел на статую Помпея и молча призвал его в помощники, несмотря на то, что не был чужд эпикурейской философии¹³⁵¹; однако, приближение минуты, когда должно было произойти ужасное деяние, по-видимому, привело его в какое-то исступление, заставившее забыть все прежние мысли. Антония, верного Цезарю и отличавшегося большой телесной силой, Брут Альбин нарочно задержал на улице, заведя с ним длинный разговор.

При входе Цезаря сенат поднялся с места в знак уважения. Заговорщики же, возглавляемые Брутом, разделились на две части: одни стали позади кресла Цезаря, другие вышли навстречу, чтобы вместе с Туллием Кимвром просить за его изгнанного брата; с этими просьбами заговорщики провожали Цезаря до самого кресла. Цезарь, сев в кресло, отклонил их просьбы, а когда заговорщики приступили к нему с просьбами, еще более настойчивыми, выразил каждому из них свое неудовольствие. Тут Туллий схватил обеими руками тогу Цезаря и начал стаскивать ее с шеи, что было знаком к нападению. Каска первым нанес удар мечом в затылок; рана эта, однако, была неглубока и несмертельна. Каска, по-видимому, вначале был смущен дерзновенностью своего ужасного поступка. Цезарь, повернувшись, схватил и задержал меч. Почти одновременно оба закричали: раненый Цезарь по-латыни – «Негодяй Каска, что ты делаешь?», а Каска по-гречески, обращаясь к брату, – «Брат, помоги!» Непосвященные в заговор сенаторы, пораженные страхом, не смели ни бежать, ни защищать Цезаря, ни даже кричать. Все заговорщики, готовые к убийству, с обнаженными мечами окружили Цезаря: куда бы он ни обращал взор, он, подобно дикому зверю, окруженному ловцами, встречал удары мечей, направленные ему в лицо и в глаза, так как было условлено, что все заговорщики примут участие в убийстве и как бы вкусят жертвенной крови. Поэтому и Брут нанес Цезарю удар в пах. Некоторые писатели рассказывают, что, отбиваясь от заговорщиков, Цезарь метался и кричал, но, увидев Брута с обнаженным мечом, накинул на голову тогу и подставил себя под удары. Либо сами убийцы оттолкнули тело Цезаря к цоколю, на котором стояла статуя Помпея, либо оно там оказалось случайно. Цоколь был сильно забрызган кровью. Можно было подумать, что сам Помпей явился для отмщенья своему противнику, распростертому у его ног, покрытому ранами и еще содрогавшемуся. Цезарь, как сообщают, получил двадцать три раны. Многие заговорщики, переранили друг друга, направляя столько ударов в одно тело.

67. После убийства Цезаря Брут выступил вперед, как бы желая что-то сказать о том, что было совершено; но сенаторы, не выдержав, бросились бежать, распространив в народе смятение и непреодолимый страх. Одни закрывали дома, другие оставляли без присмотра свои меняльные лавки и торговые помещения; многие бегом направлялись к месту убийства, чтобы взглянуть на случившееся, многие бежали уже оттуда, насмотревшись. Антоний и Лепид, наиболее близкие друзья Цезаря, ускользнув из курии, укрылись в чужих домах. Заговорщики во главе с Брутом, еще не успокоившись после убийства, сверкая обнаженными мечами, собрались вместе и отправились из курии на Капитолий. Они не были похожи на беглецов: радостно и смело они призывали народ к свободе, а людей знатного происхождения, встречавшихся им на пути, приглашали принять участие в их шествии. Некоторые, например Гай Октавий и Лентул Спинтер, шли вместе с ними и, выдавая себя за соучастников убийства, приписывали себе славу. Позже они дорого поплатились за свое хвастовство: они были казнены Антонием и молодым Цезарем. Так они и не насладились

---

¹³⁵¹ 37. не был чужд эпикурейской философии – Эпикурейская философия не допускала вмешательства богов в человеческие дела.

славой, из-за которой умирали, ибо им никто не верил, и даже те, кто подвергал их наказанию, карали их не за совершенный проступок, а за злое намерение.

На следующий день заговорщики во главе с Брутом вышли на форум и произнесли речи к народу. Народ слушал ораторов, не выражая ни неудовольствия, ни одобрения, и полным безмолвием показывал, что жалеет Цезаря, но чтит Брута. Сенат же, стараясь о забвении прошлого и всеобщем примирении, с одной стороны, назначил Цезарю божеские почести и не отменил даже самых маловажных его распоряжений, а с другой – распределил провинции между заговорщиками, шедшими за Брутом, почтив и их подобающими почестями; поэтому все думали, что положение дел в государстве упрочилось и снова достигнуто наилучшее равновесие.

68. После вскрытия завещания Цезаря обнаружилось, что он оставил каждому римлянину значительный подарок. Видя, как его труп, обезображенный ударами, несут через форум, толпы народа не сохранили спокойствия и порядка; они нагромодили вокруг трупа скамейки, решетки и столы менял с форума, подожгли все это и таким образом предали труп сожжению. Затем одни, схватив горящие головы, бросились поджигать дом убийц Цезаря; другие побежали по всему городу в поисках заговорщиков, стараясь схватить их, чтобы разорвать на месте. Однако никого из заговорщиков найти не удалось, все надежно укрылись в домах.

Рассказывают, что некто Цинна, один из друзей Цезаря, как раз в прошедшую ночь видел странный сон. Ему приснилось, что Цезарь пригласил его на обед; он отказался, но Цезарь, не слушая возражений, взял его за руку и повел за собой. Услышав, что на форуме сжигают тело Цезаря, Цинна направился туда, чтобы отдать ему последний долг, хотя он был полон страха из-за своего сна и его лихорадило. Кто-то из толпы, увидев его, назвал другому, – спросившему, кто это, – его имя; тот передал третьему и тотчас распространился слух, что это один из убийц Цезаря. Среди заговорщиков действительно был некий Цинна – тезка этому. Решив, что он и есть тот человек, толпа кинулась на Цинну и тотчас разорвала несчастного на глазах у всех. Брут, Кассий и остальные заговорщики, страшно напуганные этим происшествием, через несколько дней уехали из города. Их дальнейшие действия, поражение и конец описаны нами в жизнеописании Брута¹³⁵².

69. Цезарь умер всего пятидесяти шести лет от роду, пережив Помпея не многим более чем на четыре года. Цезарю не пришлось воспользоваться могуществом и властью, к которым он ценой величайших опасностей стремился всю жизнь и которых достиг с таким трудом. Ему достались только имя владыки и слава, принесшая зависть и недоброжелательство сограждан. Его могучий гений-хранитель, помогавший ему в течение всей жизни, и после смерти не оставил его, став мстителем за убийство, преследуя убийц и гонясь за ними через моря и земли, пока никого из них не осталось в живых. Он наказал тех, кто хоть как-то был причастен либо к осуществлению убийства, либо к замыслам заговорщиков.

Из всех случайностей человеческой жизни самая удивительная выпала на долю Кассия. Потерпев поражение при Филиппах, он покончил с собой, заколовшись тем самым коротким мечом, который убил Цезаря.

Из сверхъестественных же явлений самым замечательным было появление великой кометы¹³⁵³, которая ярко засияла спустя семь ночей после убийства Цезаря и затем исчезла, а также ослабление солнечного света. Ибо весь тот год солнечный свет был бледным, солнце восходило тусклым и давало мало тепла. Поэтому воздух был мутным и тяжелым, ибо у солнечной теплоты не хватало силы проникнуть до земли; в холодном воздухе плоды

---

¹³⁵² 38. в жизнеописании Брута – Гл. 21 сл.

¹³⁵³ 39. великой кометы – Астрономы затрудняются ее отождествить. Может быть, это легенда, возникшая вскоре после гибели Цезаря.

увядали и падали недозрелыми. Явление призрака Цезаря Бруту показало с особенной ясностью, что это убийство негодно богам. Вот как все происходило. Брут намеревался переправить свое войско из Абидоса на другой материк¹³⁵⁴. Как обычно, ночью он отдыхал в палатке, но не спал, а думал о будущем. Рассказывают, что этот человек менее всех полководцев нуждался в сне и от природы был способен бодрствовать наибольшее количество времени. Ему слышался какой-то шум около двери палатки. Осмотрев палатку при свете уже гаснувшей лампы, он увидел страшный призрак человека огромного роста и грозного на вид. Сначала Брут был поражен, а затем, как только увидел, что призрак бездействует и даже не издает никаких звуков, но молча стоит около его постели, спросил, кто он. Призрак отвечал: «Брут, я – твой злой дух. Ты увидишь меня при Филиппах». Брут бесстрашно отвечал: «Увижу», – и призрак тотчас же исчез. Спустя недолгое время Брут стоял при Филиппах со своим войском против Антония и Цезаря. В первом сражении он одержал победу, обратив в бегство стоявшую против него армию Цезаря, и во время преследования разорил его лагерь. Когда Брут задумал дать второе сражение, ночью к нему явился призрак; он ничего не сказал Бруту, но Брут понял, что судьба его решена, и бросился навстречу опасности. Однако он не пал в сражении; во время бегства своей армии он, как сообщают, поднялся на какой-то обрыв и, бросившись обнаженной грудью на меч, который подставил ему кто-то из друзей, скончался.

ФОКИОН И КАТОН

[Перевод С.П. Маркиша]

Фокион

1. Оратор Демад, который угодничеством перед македонянами и Антипатром приобрел в Афинах большую силу, но часто бывал вынужден выступать вопреки достоинству и обычаям своего города, любил оправдывать себя тем, что управляет лишь обломками государственного корабля. В устах Демада эти слова звучали слишком дерзко и вызывающе, зато, как мне кажется, их вполне можно применить к Фокиону и его деятельности на государственном поприще. Демад сам был погибелью для государства, отличаясь и в частной жизни, и у кормила правления такой разнузданностью, что как-то раз, когда Демад уже состарился, Антипатр сказал: «От него, как от закланной жертвы, остались только язык да желудок»¹³⁵⁵. А высокие достоинства Фокиона в самих обстоятельствах тогдашнего времени встретили грозного и жестокого противника, и славу их помрачили и затуманили несчастья Греции. Не надо прислушиваться к стихам Софокла¹³⁵⁶, где он изображает доблесть бессильной:

О государь, и прирожденный ум
В несчастьях устоять подчас не может.

Но, с другой стороны, нельзя и отрицать, что судьба, борясь с людьми достойными и

---

¹³⁵⁴ 40. на другой материк – Т.е. в Европу, через Геллеспонт.

¹³⁵⁵ 1. ...остались только язык да желудок. – Из частей жертвенного животного не сжигали при жертвоприношении ни языка, ни желудка: желудок подавали с начинкой к столу, язык же сжигали в честь Гермеса после жертвенного обеда.

¹³⁵⁶ 2. ...к стихам Софокла... «Антигона», 563—564: слова Исмены в защиту Антигоны и свою.

порядочными, способна иным из них вместо заслуженной благодарности и славы принести злую хулу и клеветнические обвинения и ослабить доверие к их нравственным достоинствам.

2. Принято думать, что народ особенно охотно глумится над видными людьми в пору удач, кичась своими подвигами и своей силой, но случается и обратное. Беды делают характер желчным, обидчивым, вспыльчивым, а слух чересчур раздражительным, нетерпимым к любому резкому слову. Осуждение промахов и неверных поступков кажется тогда насмешкой над несчастьями, а откровенные, прямые речи – знаком презрения. И подобно тому, как мед разъедает раны и язвы, так правдивые и разумные слова, если нет в них мягкости и сочувствия к тем, кто в беде, нередко обостряют боль. Вот почему, без сомнения, поэт именует приятное «уступающим сердцу»¹³⁵⁷: приятное, по его мнению, это то, что уступает желаниям души и не борется с ними, не стремится их переломить. Воспаленный глаз охотнее всего останавливается на темных и тусклых красках, отворачиваясь от светлых и ярких; так же и государство, терпящее бедствие, слишком малодушно и, по слабости своей, слишком избалованно, чтобы вынести откровенные речи, хотя в них-то оно как раз больше всего и нуждается, ибо иных возможностей исправить положение не существует. Поэтому такое государство в высшей степени ненадежно: того, кто ему угождает, оно влечет к гибели вместе с собою, а того, кто не хочет ему угождать, обрекает на гибель еще раньше. Солнце, учат математики, движется не так же точно, как небесный свод, и не прямо навстречу ему, в противоположном направлении, но слегка наклонным путем и описывает плавную, широкую дугу, что и хранит вселенную, вызывая наилучшее сочетание образующих ее частей. Подобным образом и в государственной деятельности чрезмерная прямолинейность и постоянны споры с народом неуместны и жестоки, хотя, с другой стороны, рискованно и чревато опасностями тянуться вслед заблуждающимся, куда бы ни повернула толпа. Управление людьми, которые бывают настроены дружелюбно к властям и оказывают им множество важных услуг, если власти, в свою очередь, действуют не одним лишь насилием, но иногда уступают добровольно повинующимся, идут навстречу их желаниям, а затем снова настаивают на соображениях общественной пользы, – такое управление не только спасительно, но и до крайности сложно, ибо величие, как правило, несовместимо с уступчивостью. Если же эти качества все-таки совмещаются, то сочетание это являет собою самую прекрасную из всех соразмерностей, самую стройную из гармоний, посредством которой, говорят, и бог правит миром – правит не насильственно, но смягчая необходимость разумным убеждением.

3. Сказанное выше подтверждает своим примером и Катон Младший. Он был совершенно неспособен ни увлечь толпу, ни приобрести ее любовь и мало чего достиг, опираясь на расположение народа. Цицерон говорил¹³⁵⁸, что Катон действовал так, словно жил в государстве Платона, а не среди выродившихся потомков Ромула, и потому, домогаясь консульства, потерпел неудачу, а я бы сказал, что он разделил участь не в срок поспевших плодов: ими охотно любят, дивятся на них, но не едят, – вот так же и Катонova приверженность старине, явившаяся с таким опозданием, в век испорченных нравов и всеобщей разнузданности, стяжала ему уважение и громкую славу, но пользы никакой не принесла, потому что высота и величие этой доблести совершенно не соответствовали времени. Его отечество, в противоположность Афинам при Фокионе, не было на краю гибели, но все же жестоко страдало от бури и неистовых волн. Катон, хотя от кормила его оттеснили, и он, поставленный у парусов и канатов, лишь помогал другим, облеченным большею властью, долго был неодолимым препятствием для судьбы: чтобы низвергнуть существующий государственный строй, ей пришлось прибегнуть к помощи других лиц и

¹³⁵⁷ 3. ...«уступающим сердцу»... – Menoeikēs, частый гомеровский эпитет.

¹³⁵⁸ 4. ...Цицерон говорил... – «Письма к Аттику», II, 1, 8.

выдержать тяжелую и затянувшуюся борьбу, причем республика едва не вышла победительницей – благодаря Катону и Катовой доблести.

С этой доблестью мы хотим сравнить нравственное совершенство Фокиона – но не в силу поверхностного подобия, не потому, что оба были порядочными людьми и государственными мужами. Ведь бесспорно, что храбрость храбрости рознь – как в Алкивиаде и Эпаминонде, и точно так же здравомыслие здравомыслию – как в Фемистокле и Аристиде, и справедливость справедливости – как в Нуме и Агесилае. Но высокие качества Катона и Фокиона, до последних, самых мелких особенностей, несут один и тот же чекан и образ, свидетельствуют об одних и тех же оттенках характера: в равных пропорциях смешаны в обоих строгость и милосердие, осторожность и мужество, забота о других и личное бесстрашие, одинаково сочетаются отвращение ко всему грязному и горячая преданность справедливости, так что требуется большая тонкость суждения, чтобы обнаружить и разглядеть несходные черты.

4. Все писатели согласно утверждают, что Катон происходил из знатного рода (об этом мы еще будем говорить в своем месте); что касается Фокиона, то и его род, насколько я могу судить, не был ни бесславным, ни совсем низким. Будь он сыном ремесленника, точившего песты для ступок, – как мы читаем у Идоменея, – Главкипп, сын Гиперида, конечно, не умолчал бы об этом в своей речи, где он собрал и излил на Фокиона тысячи всевозможных поношений, да и сам Фокион не жил бы такую достойную жизнью и не получил бы такого разумного воспитания, чтобы еще подростком заниматься у Платона, а позже у Ксенократа в Академии и с самого начала неуклонно стремиться к лучшим, самым высоким целям. По словам Дурида, редко кому из афинян доводилось видеть Фокиона смеющимся или плачущим, моющимся на виду у всех в бане или выпроставшим руки из-под плаща, когда он бывал одет. За городом и на войне он всегда ходил разутым и без верхнего платья – разве что ударят нестерпимые холода, и солдаты шутили, что Фокион в плаще – признак суровой зимы.

5. Удивительно добрый и человеколюбивый по натуре, он обладал внешностью настолько неприветливой и угрюмой, что люди, мало его знавшие, не решались заговаривать с ним с глазу на глаз. Вот почему, когда Харет как-то раз упомянул о его хмуром лице и афиняне одобрительно засмеялись, Фокион сказал: «Моя хмурость никогда не причиняла вам никаких огорчений, а смех этих господ уже стоил нашему городу многих слез». Равным образом и речи его, изобиловавшие удачными мыслями и определениями, были на редкость содержательны, отличаясь в то же время властной, суровой, колючею краткостью. Зенон говорил, что философу, прежде чем произнести слово, надлежит погрузить его в смысл, и речи Фокиона в немногих словах заключали глубочайший смысл. Это, по всей вероятности, имел в виду Полиевкт из дема Сфетт, когда сказал, что Демосфен – самый лучший из ораторов, а Фокион – самый искусный. Подобно тому как ценная монета обладает очень высоким достоинством при очень малых размерах, искусство красноречия – это, скорее всего, умение в немногом выразить многое. Рассказывают, что однажды, когда театр уже наполнялся народом, Фокион расхаживал у сцены¹³⁵⁹, один, углубленный в свои думы. «Похоже, ты о чем-то размышляешь, Фокион», – заметил один из друзей. «Да, клянусь Зевсом, размышляю – нельзя ли что-нибудь убавить в речи, которую я буду сейчас говорить перед афинянами», – последовал ответ. А Демосфен, ни во что не ставивший всех прочих ораторов, когда с места поднимался Фокион, обыкновенно шептал друзьям: «Вот нож, направленный в грудь моим речам». Возможно, впрочем, что силу влияния Фокиона следует отнести на счет характера этого человека, ибо одно-единственное слово, один кивок достойного мужа внушает столько же доверия, сколько тысячи хитрых умозаключений и

¹³⁵⁹ 5. ...театр уже наполнялся народом... у сцены... – Народные собрания в Афинах в IV в. иногда происходили не на Пниксе, а в театре Диониса. Сцена (см. Тес., примеч. 29) – сарай перед игровой площадкой, в котором переодевались актеры и передняя стена которого служила декорацией.

громоздких периодов.

6. В молодые годы Фокион сблизился с полководцем Хабрием и повсюду следовал за ним, приобретая богатый опыт в военном деле, а кое-когда и предупреждая ошибки своего друга, от природы неровного и не умевшего владеть собою. В иное время вялый и тяжелый на подъем, Хабрий в сражениях пылал боевым духом и, совершенно забыв об осторожности, рвался вперед вместе с самыми отчаянными. Как и следовало ожидать, один из таких порывов оказался для него роковым: он погиб на Хиосе, первым подойдя к берегу на своей триере и пытаясь высадиться. Фокион, осторожный и решительный в одно и то же время, разжигал мужество Хабрия, когда тот медлил, а в других случаях, напротив, сдерживал его несвоевременную горячность, за что Хабрий, человек благожелательный и справедливый, любил Фокиона, часто давал ему поручения и ставил начальником; так, пользуясь его услугами в самых важных делах, он создал Фокиону известность среди греков. Особенно громкою славой он окружил своего соратника за участие в морском сражении при Наксосу¹³⁶⁰. В этом сражении Хабрий поручил Фокиону командование левым крылом, где разгорелся ожесточенный бой, вскоре завершившийся бегством неприятеля. Это была первая морская битва, которую афиняне после взятия их города¹³⁶¹ выиграли, сражаясь против греков, – собственными силами, без всякой поддержки, и потому они не только прониклись пламенной любовью к Хабрию, но и заговорили о Фокионе как о даровитом полководце. Победа была одержана в дни Великих мистерий¹³⁶², и в память о ней Хабрий установил ежегодную раздачу вина афинянам в шестнадцатый день боэдромиона.

7. Затем Хабрий решил отправить Фокиона собрать подать с островов и давал ему двадцать кораблей, но Фокион, как передают, возразил: «Если меня посылают на войну, нужны силы побольше, а если к союзникам – хватит и одного корабля». Выйдя в море на своей триере, он начал переговоры с городами и обнаружил по отношению к их властям такую умеренность и такое прямоту, что вернулся с целым флотом: то были суда, которые снарядили союзники, чтобы доставить афинянам деньги.

Фокион не только верно служил Хабрию и оказывал ему неизменное уважение на протяжении всей его жизни, но и после смерти друга принимал горячее участие в судьбе его близких. Его сына Ктесиппа он хотел вырастить человеком достойным и, даже убедившись в легкомыслии и распушенности юноши, все-таки не отказался от мысли его исправить и всякий раз покрывал его безобразные поступки. Лишь однажды, когда в каком-то походе Ктесипп нестерпимо досаждал ему неуместными расспросами и советами, словно наставляя полководца и вмешиваясь в его распоряжения, Фокион, как сообщают, промолвил: «Ах, Хабрий, Хабрий, я щедро отплатил тебе за дружбу – тем, что терплю твоего сына!»

Видя, что тогдашние вершители общественных дел, словно по жребию, разделили между собою поприща военное и гражданское и что одни, как, например, Эвбул, Аристофонт, Демосфен, Ликург, Гиперид, только говорят в Народном собрании и предлагают для обсуждения новые законы, а другие, такие как Диопиф, Менесфей, Леосфен, Харет, приобретают вес и влияние, руководя войсками, – Фокион желал усвоить сам и возродить к жизни обычаи и правила Перикла, Аристиды, Солона, считая их совершенными, поскольку этими правилами охватывались обе стороны государственной жизни. К каждому из этих трех мужей казались приложимы слова Архилоха:

Был он воином храбрым, служителем бога Ареса,

¹³⁶⁰ 6. ...сражении при Наксосу. – В 386 г.: победа афинян над отложившимися союзниками.

¹³⁶¹ 7. ...после взятия их города... – После капитуляции в 404 г. перед Лисандром. Победу Конона при Книде (Агес., 17; Арт., 21) Плутарх не засчитывает, так как она была одержана на персидский счет.

¹³⁶² 8. Великие мистерии – элевсинские, справлявшиеся в боэдромионе.

Муз прелестнейших дар тоже был ведом ему.

Вдобавок он помнил, что сама Афина – богиня и войны, и гражданского устройства, такова она по своей божественной сути, так именуется¹³⁶³ и среди людей.

8. Усвоив эти убеждения, он постоянно, если стоял у власти, стремился направлять государство к миру и покою, но, наряду с тем, исполнял обязанности стратега чаще, чем любой из его современников и даже предшественников, – никогда не домогаясь и не ища высокого назначения, но и не отказываясь, не отнекиваясь, если государство его призывало. Все писатели согласно сообщают, что он занимал должность стратега сорок пять раз, причем сам на выборы не являлся ни разу, но всегда за ним посылали. Люди неразумные и недальновидные не могли надивиться поведению народа: Фокион беспрерывно перечил афинянам, никогда ни в чем не угождал им ни словом, ни делом, а они – по примеру царей, которые не должны преклонять слух к речам льстецов раньше, чем вымоют после трапезы руки¹³⁶⁴, – пользовались услугами веселых и блещущих остроумием искателей народной благосклонности лишь для забавы, к власти же, рассуждая трезво и здраво, призывали самого строгого и разумного из граждан, а именно того, кто один (или, по крайней мере, упорнее всех других) противостоял их желаниям и склонностям. Однажды, когда был оглашен привезенный из Дельф оракул, где говорилось, что все афиняне единомысленны, но один человек мыслит несогласно с целым городом, выступил Фокион и просил афинян не тревожить себя поисками, ибо человек этот – он: ведь ему одному не по душе все их начинания. В другой раз он излагал перед народом какое-то свое суждение и был выслушан внимательно и благосклонно. Тогда, видя, что все одобряют его речь, он обернулся к друзьям и спросил: «Уж не сказал ли я ненароком что-нибудь неуместное?»

9. Афиняне собирали добровольные взносы на какое-то жертвоприношение, и все прочие давали, а Фокион в ответ на неоднократные призывы сделать пожертвование ответил: «Просите вон у тех богачей, а мне стыдно дать вам хотя бы медяк, не рассчитавшись сперва вот с ним», – и он указал на своего заимодавца Калликла. Сборщики, однако, продолжали кричать и наседать на него, и тогда он рассказал им такую притчу¹³⁶⁵: «Трус отправился на войну, но, услышав карканье воронов, остановился и положил оружие. Потом снова поднял его и продолжал путь, но вороны снова закаркали, и он опять остановился. В конце концов он воскликнул: „Кричите себе, сколько влезет, – меня вы все равно не съедите!“» Как-то раз афиняне хотели, чтобы Фокион вел их на врага, а тот не соглашался, и они обзывали его трусом и бабой. «Ни вам не внушить мне отваги, ни мне вам – робости, – заметил Фокион. – Слишком хорошо мы знакомы друг с другом». В другой раз народ, до крайности ожесточенный против Фокиона, требовал у него, несмотря на тревожные обстоятельства, денежного отчета в его действиях на посту стратега, и он сказал: «Чудаки, подумайте-ка лучше о собственном спасении!» Однажды во время военных действий афиняне вели себя недостойно, малодушно, а после заключения мира набрались дерзости и стали громогласно обвинять Фокиона в том, что он, дескать, лишил их победы. «Ваше счастье, – отвечал на это Фокион, – что у вас есть полководец, который вас хорошо знает. А иначе – вы бы уже давно все погибли». Когда афиняне желали решить пограничный спор с беотийцами не судом, а войной, Фокион советовал им состязаться словами, в которых они сильнее, а не оружием, в котором сила не на их стороне. Случилось раз, что народ не давал ему говорить и отказывался слушать. «Заставить меня действовать вопреки моему желанию вы еще можете,

¹³⁶³ 9. ...так именуется... – Афина Промяхос («Первоборствующая») и Афина Полиада («Гражданственная»).

¹³⁶⁴ 10. ...вымоют... руки... – И перейдут от чинной «трапезы» к бездумной «попойке» (симпозию).

¹³⁶⁵ 11. ...притчу... – Эзоп, 266П. (379X).

но говорить то, чего я не думаю, никогда не заставите!» – заявил Фокион. Один из его противников на государственном поприще, оратор Демосфен, сказал: «Афиняне убьют тебя, Фокион». – «Да, – подхватил Фокион, – если сойдут с ума, а тебя – если образумятся». Увидев, как Полиевкт из дема Сфетт, задыхаясь, обливаясь потом и то и дело освежая себя глотком воды (день выдался знойным, а Полиевкт отличался необыкновенной тучностью), убеждает афинян начать войну против Филиппа, Фокион заметил: «Вам бы стоило, сограждане, отнестись со вниманием к его речам и объявить войну. Только, как по-вашему, что он станет делать в панцире и со щитом вблизи от неприятеля, если даже теперь, произнося перед вами речь, заранее обдуманную и приготовленную, того и гляди задохнется?» Ликург в Народном собрании осыпал Фокиона хулой и упреками, главным образом за то, что он советовал выдать Александру десять граждан¹³⁶⁶, которых требовал македонский царь. «Эти люди, – возразил Фокион, указывая на собравшихся, – получали от меня много прекрасных и полезных советов, но следовать им не хотели и не хотят».

10. Жил в Афинах некий Архибиад по прозвищу Лаконец: он отрастил себе огромную бороду, не сбрасывал с плеч потрепанного плаща и всегда хранил мрачный вид¹³⁶⁷. Этого-то человека Фокион, приведенный однажды в замешательство враждебными криками Совета, призвал засвидетельствовать правоту его слов и попросил о поддержке. Когда же тот, поднявшись, высказался так, чтобы угодить афинянам, Фокион схватил его за бороду и воскликнул: «Коли так, отчего же ты до сих пор не побрился, Архибиад?» Доносчик Аристокитон, всегда воинственно гремевший в Собрании и подстрекавший народ к решительным действиям, когда был объявлен воинский набор, явился с перевязанною ногой, опираясь на палку. Фокион с возвышения для оратора заметил его еще издали и громко крикнул: «Не забудьте записать и хромого негодяя Аристокитона!» Нельзя не удивляться, как человек столь колючий и непокладистый получил прозвище Доброго. На мой взгляд, все-таки возможно (хотя примеры тому сыскать нелегко), чтобы человек, как и вино, был разом и приятен и резок, и, напротив, встречаются люди, которые на чужой взгляд – сама приветливость, но в высшей степени неприятны для тех, кто связан с ними непосредственно. Сообщают, правда, что Гиперид однажды заявил в Народном собрании: «Вы, господа афиняне, смотрите не только на то, кусается ли Гиперид, но главное – бескорыстны ли его укусы». Как будто одно лишь своекорыстие вызывает отвращение и неприязнь! Нет, народ куда больше боится и гнушается тех, кто злоупотребляет властью из наглости, ненависти, гнева или страсти к раздорам. Что касается Фокиона, то он никому из сограждан не причинил зла по личной вражде и вообще никого не считал своим врагом, но бывал жесток, неприступен и непреклонен лишь постольку, поскольку этого требовала борьба с противниками тех начинаний, которые он предпринимал ради общего блага, в остальном же был со всеми приветлив, обходителен и любезен, так что даже приходил на помощь противникам, попавшим в беду, и брал на себя защиту, если они оказывались под судом. Другьям, упрекавшим его за то, что он защищал в суде какого-то негодяя, он ответил, что люди порядочные в помощи не нуждаются. Когда доносчик Аристокитон после вынесенного ему обвинительного приговора послал за Фокионом и просил его прийти, тот откликнулся на зов и пошел в тюрьму, сказавши другьям, которые пытались его задержать: «Пустите меня, чудаки! Подумайте сами, есть ли еще место, где я бы охотнее встретился с Аристокитоном?»

11. Союзники и островитяне принимали афинский флот, если им командовал любой другой начальник, так, словно приближался неприятель – укрепляли стены, перегораживали насыпью гавань, сгоняли из деревень в город скот и рабов, приводили жен и детей, если же

¹³⁶⁶ 12. ...выдать Александру десять граждан... – Требование Александра после взятия и разрушения Фив в 335 г.: ср.: Дем., 23; Ал., 13. Среди 10 выдаваемых был сам Ликург.

¹³⁶⁷ 13. ...отрастил... огромную бороду... хранил мрачный вид. – Черты «спартанской простоты» облика, которому, однако, не соответствовала «спартанская прямота» поведения.

во главе афинских сил стоял Фокион, то, украсив себя венками, они выходили на своих кораблях далеко в море ему навстречу и с приветственными кликами провожали в город.

12. Филипп хотел незаметно утвердиться на Эвбее и с этой целью высаживал там македонских воинов и через тираннов склонял на свою сторону города, но Плутарх Эретрийский стал призывать афинян освободить остров, который вот-вот захватит македонский царь, и на Эвбею был отправлен Фокион, однако с незначительными силами, так как афиняне надеялись, что местные жители с готовностью к нему присоединятся. Вместо этого Фокион обнаружил повсюду одну измену, гниль и подкуп, а потому и сам попал в очень опасное положение. Он занял холм, лежащий на Таминской равнине и окруженный глубоким оврагом, и там сосредоточил самую боеспособную часть своего отряда. Люди своевольные, болтливые и малодушные бежали из лагеря и возвращались восвояси, но Фокион посоветовал младшим начальникам не обращать на это никакого внимания. «Ведь здесь, – говорил он, – они будут бесполезны и своим нежеланием повиноваться причинят только вред настоящим бойцам, а дома, зная за собою такой тяжелый проступок, меньше станут обвинять меня и не решатся на прямую клевету».

13. Когда враги двинулись вперед, Фокион приказал своим воинам, сохраняя боевую готовность, не трогаться с места до тех пор, пока он не завершит жертвоприношения, но при этом замешкался дольше обычного – то ли потому, что знамения оказались неблагоприятны, то ли желая подпустить противника поближе. И вот Плутарх, решив, что он медлит от робости, во главе наемников бросается навстречу врагу. Увидев это, не смогли сдержать себя и эвбейские всадники и, без всякого порядка, врассыпную покидая лагерь, немедленно ринулись в том же направлении. Передовые были разбиты, все остальные рассеяны, Плутарх бежал. Часть неприятелей подступила вплотную к лагерному валу и, считая победу решительной и полной, принялась уже его разрушать, но именно в этот миг жертвоприношение было закончено, и сразу же афиняне, хлынув из лагеря потоком, стремительно отбросили и погнали врагов, перебив чуть ли не всех, кто был настигнут подле укреплений. Фокион приказал основному строю пехоты оставаться на месте, собирая тех, кого раскидало бегство, а сам с отборными воинами продолжал преследование. Завязался ожесточенный бой, все сражались яростно, не щадя крови и сил; среди тех, кто находился рядом с полководцем, особенно отличились Талл, сын Кинейя, и Главк, сын Полимеда. Чрезвычайно важную роль сыграл в этой битве и Клеофан: призывая бежавшую конницу вернуться и громко заклиная ее помочь полководцу, которому грозит опасность, он, в конце концов, добился своего – всадники повернули, и победа пехотинцев была закреплена.

Вслед за тем Фокион изгнал из Эретрии Плутарха и занял караульное укрепление Заретру, на редкость выгодно расположенное: оно стояло там, где остров, с обеих сторон сдавленный морем, сужается более всего, образуя тесный перешеек. Всех греков, захваченных в плен, он отпустил на волю, опасаясь, как бы ораторы в Афинах не ожесточили против них народ и те не потерпели бы незаслуженную муку.

14. Завершив дела на Эвбее, Фокион возвратился домой, и тут вскоре не только союзники стали с тоскою вспоминать о его доброте и справедливости, но и афиняне так же скоро оценили опыт и силу духа этого человека: сменивший его на посту полководца Молосс¹³⁶⁸ повел войну так, что сам живым попал в руки врагов.

Позже, когда Филипп, лелея далеко идущие планы, появился со всем своим войском на берегах Геллеспонта в надежде завладеть Херсонесом, Перинфом и Византием одновременно, афиняне загорелись желанием прийти этим городам на помощь и, поддавшись уговорам ораторов, военачальником послали Харета. Харет вышел в море, но не совершил ничего достойного тех сил, которые были предоставлены в его распоряжение, мало того – города на Геллеспонте вообще не приняли афинский флот, и, окруженный

---

¹³⁶⁸ 14. *Молосс* – был разбит в следующем 348 г. при Заретре оттого, что в решающий момент Плутарх Эретрийский перешел на сторону македонян.

всеобщими подозрениями, а у врага не вызывая ничего, кроме презрения, Харет скитался по морю и вымогал у союзников деньги, а народ, подстрекаемый ораторами, возмущался и сожалел о своем решении помочь византийцам. В эти дни Фокион выступил в Собрании и заявил, что сердиться следует не на союзников, выражающих недоверие, а на стратегов, которые это недоверие внушают: «Ведь они вызывают страх перед вами даже у тех, кому без вашей поддержки спастись невозможно», – сказал он. Народ был смущен этой речью и, резко переменяя образ мыслей, поручил самому Фокиону собрать новые силы и поспешить на помощь союзникам на Геллеспонте. Это было решающим обстоятельством, определившим судьбу Византии. Ибо слава Фокиона и без того прогремела уже широко, а тут еще Леонт, в силу нравственных своих достоинств не знавший себе равных среди византийцев и близко знакомый с Фокионом по Академии, поручился за него перед согражданами, так что те не позволили афинскому полководцу разбить лагерь за стенами города, как он первоначально предполагал, но, отворив ворота, впустили афинян и разместились вперемешку с ними, афиняне же не только соблюдали безукоризненный порядок и строгую воздержность, но, помня об оказанном доверии, сражались с величайшей отвагой. Таким образом Филипп потерпел на Геллеспонте неудачу, и страх греков сменился пренебрежением, тогда как прежде они считали македонского царя непобедимым, не знающим себе равных. Фокион захватил несколько вражеских кораблей, занял несколько городов, охранявшихся македонскими караульными отрядами, во многих местах высаживался на берег, предавая все опустошению и разграблению, пока, наконец, не был ранен в стычках с подоспевшими на выручку македонскими войсками и не отплыл домой.

15. Мегаряне тайно просили о защите, и Фокион, боясь, как бы беотийцы, прознав об этом, не поспели с подмогою раньше афинян, чуть свет созвал Народное собрание, пересказал гражданам просьбу мегарян и, как только решение было принято, подал сигнал трубой и прямо из Собрания повел воинов в поход, приказав им только захватить оружие. Мегаряне радостно встретили афинян. Фокион укрепил Нисею и воздвиг между Мегарами и гаванью Длинные стены¹³⁶⁹, соединив город с морем, так что мегаряне, почти полностью избавившись от угрозы нападения с суши, вместе с тем попали в зависимость от афинян.

16. Афиняне начали уже открытую борьбу с Филиппом и, так как Фокиона в ту пору в городе не было, избрали для руководства этой войной других полководцев, но Фокион, едва только возвратился с островов, прежде всего попытался убедить народ принять предложенное Филиппом перемирие, ибо царь действительно был настроен миролюбиво и очень страшился военных опасностей. Кто-то из тех, кто сделал своим ремеслом доносы и постоянно терся вокруг гелиеи¹³⁷⁰, возразил ему: «Неужели, Фокион, ты решаешься отговаривать от войны афинян, когда они уже держат в руках оружие?» – «Да, решаюсь, – ответил Фокион, – хотя и отлично знаю, что на войне я буду начальствовать над тобой, а во время мира – ты надо мною». Но уговоры его успеха не имели, верх взяло мнение Демосфена, предлагавшего афинянам дать неприятелю сражение как можно дальше от границ Аттики. «Милый ты мой, – заметил ему Фокион, – не об том надо думать, где нам сражаться, но как победить. Только в этом случае война будет от нас далеко, а если мы будем разбиты, все беды и ужасы окажутся у нас прямо перед глазами».

Македоняне одержали победу, и городские смутьяны и бунтовщики тащили Харидема к возвышению для ораторов, требуя поручить ему командование. Виднейшие граждане испугались, и, так как совет Ареопага был на их стороне, то с большим трудом, ценою многих слез и обращенных к народу мольб, им удалось убедить афинян вверить судьбу

---

¹³⁶⁹ 15. ...Длинные стены... – Стены (как в Афинах) вдоль дороги от города Мегар до гавани Нисеи – к морю, на котором господствовали афиняне.

¹³⁷⁰ 16. Гелиея – суд присяжных в Афинах, фактический орган политического контроля над должностными лицами.

государства Фокиону. Фокион считал нужным подчиниться всем требованиям Филиппа и полагаться на его человеколюбивые обещания. Но когда Демад внес предложение, чтобы Афины вдобавок приняли участие в общем мирном договоре и совещании всех греков¹³⁷¹, Фокион не соглашался с ним, советуя выждать, пока не станет известно, какие условия предложит Филипп грекам. Обстоятельства, однако, были против Фокиона, и совет его не был принят. Убедившись вскоре, что афиняне раскаиваются в этом решении, ибо им пришлось передать Филиппу свои триеры и конницу, он сказал согражданам: «Вот чего я и боялся и потому возражал Демаду. Но раз уж вы заключили договор, не надо ни огорчаться, ни отчаиваться, помня, что и предки наши, то начальствуя, то подчиняясь, но одинаково хорошо исполняя и то, и другое, спасли и свой город, и всю Грецию».

Когда умер Филипп, Фокион отговаривал народ приносить благодарственные жертвы богам. Во-первых, сказал он, неблагородно радоваться по такому поводу, а во-вторых, сила, стоявшая против них при Херонее, сделалась меньше всего лишь на одного человека.

17. Когда Демосфен осыпал бранью Александра, меж тем как македонское войско уже подходило к Фивам, Фокион сказал:

«О злополучный! Зачем раздражаешь ты грозного мужа¹³⁷²

и жаждущего великой славы? Или, может, ты хочешь, раз уж поблизости пылает такой громадный пожар, поджечь заодно и наш город? Но я ради того и принял должность стратега, чтобы не дать этим людям погибнуть, хотя бы даже они и рвались навстречу гибели». Когда же после разрушения Фив Александр потребовал выдачи Демосфена, Ликурга, Гиперида и Харидема и взоры Собрания были обращены на Фокиона, а многие граждане выкрикивали его имя, он поднялся с места, поставил рядом с собою одного из друзей, с которым был связан теснее всего, доверял ему больше всех и сильнее всех любил, и сказал, указывая на него: «До такой крайности довели глупцы и негодяи наш город, что если кто потребует выдать даже его, Никокла, я посоветую выдать, ибо и сам я счел бы для себя счастьем, если бы мог умереть ради вас всех. Жаль мне, правда, афиняне, и фиванцев, укрывшихся у нас, но достаточно и тех слез, которые греки проливают по Фивам. Поэтому лучше не вступать с победителями в борьбу, но смягчить их гнев и вымолить у них пощаду и себе, и беглецам».

Передают, что, получив первое постановление афинян, Александр швырнул его на землю, повернулся к послам спиной и бросился прочь, но второе, которое принес Фокион, принял, потому что от старших знал, что этого человека высоко ценил и Филипп. Царь не только встретился с Фокионом и разрешил ему изложить свою просьбу, но даже выслушал его советы. Советовал же он положить войне конец, если Александр жаждет мира, или же увести ее из греческих пределов и взвалить на плечи варварам, если он стремится к славе. Он высказал еще много иных суждений, которые в точности отвечали характеру и желаниям самого Александра, и настолько унял его гнев, настолько изменил направление его мыслей, что царь повелел афинянам внимательно следить за ходом событий, ибо если с ним, Александром, приключится что-нибудь неладное, главенство над Грецией должно перейти к Афинам. С самим Фокионом он заключил союз дружбы и гостеприимства, и оказывал ему такое уважение, каким пользовались лишь немногие из постоянных приближенных царя. Так, Дурид сообщает, что, исполнившись величия после победы над Дарием, Александр уже

¹³⁷¹ 17. ...совещание всех греков... – Коринфский конгресс 338 г., провозгласивший Филиппа командующим всех греко-македонских войск в войне против Персии; отсюда – требование передать Филиппу корабли и конницу.

¹³⁷² 18. О, злополучный!... и далее – «Одиссея», IX, 494 (пер. М.Е. Грабарь-Пасек): о насмешках Одиссея над ослепленным киклопом Полифемом. Ср.: Дем., 23.

не начинал свои письма обычным пожеланием здоровья, однако, для Фокиона делал исключение: лишь к нему, так же как к Антипатру, обращался он с этим приветствием. Те же сведения мы находим и у Харета.

18. Теперь о подарках. Все писатели сходятся на том, что Александр послал Фокиону сто талантов. Когда эти деньги были доставлены в Афины, Фокион спросил тех, кто их привез, почему среди такого множества афинян царь лишь его одного одаряет столь щедро. «Потому, что лишь тебя одного он считает человеком достойным во всех отношениях», – последовал ответ. «Пусть же он не лишает меня возможности оставаться таким и впредь – и в чужих глазах, и по существу», – сказал Фокион. Посланцы проводили его до дому и, увидев во всем чрезвычайную скромность, увидев, как жена Фокиона месит тесто, а сам он достал воды из колодца и моет себе ноги, принялись еще упорнее настаивать на своем и с негодованием говорили, что это, дескать, просто неслыханно: друг царя живет в такой скудости и убожестве! Тогда Фокион, заметив какого-то бедного старика в потрепанном, грязном плаще, спросил своих гостей, не считают ли они, что ему приходится хуже, чем этому случайному прохожему. «Что ты, что ты!» – воскликнули посланцы. «А ведь он тратит куда меньше моего и все-таки доволен. И вообще говоря, либо я совсем не сумею воспользоваться царскими деньгами, и они будут лежать у меня без всякого проку, либо, если воспользуюсь, опорочу и себя самого, и царя перед всем городом». Так эти деньги и вернулись из Афин восвояси, послужив для греков доказательством, что человек, не принимающий такого подарка, богаче того, кто его делает. Александр рассердился и написал Фокиону, что если друзьям ничего от него не нужно, он их друзьями не считает, но Фокион и тогда денег не взял, а попросил отпустить на волю софиста Эхекратиды, имбросца Афинодора и двух родосцев – Демарата и Спартона, арестованных за какие-то проступки и брошенных в тюрьму в Сардах. Александр немедленно их освободил, а Кратеру, посылая его в Македонию, велел предложить Фокиону на выбор один из четырех городов¹³⁷³ Азии – Киос, Гергит, Элею или Миласы, внушая при этом еще настоятельнее, что будет разгневан, если тот откажется. Тем не менее Фокион отказался, а царь вскорости умер. Дом Фокиона еще и поныне показывают в Мелите¹³⁷⁴; он украшен медной обшивкой, а в остальном незатейлив и прост.

19. Фокион был женат дважды, но о первой из его жен не сохранилось никаких сведений, кроме того, что она была сестрою скульптора Кефисодота, что-же касается второй, то ее сдержанность и скромность пользовались у афинян не меньшей известностью, нежели честность Фокиона. Однажды на театре давали новые трагедии, и актер, игравший роль царицы, уже перед самым выходом потребовал у хорега целую свиту богато наряженных прислужниц. Тот не соглашался, актер был возмущен и не желал появляться перед зрителями, заставляя весь театр ждать. Тогда хорег Меланфий стал выталкивать его на проскений, крича: «Ты разве не видел, что жена Фокиона ходит повсюду с одной-единственной служанкой? Твое бахвальство испортит нам всю женскую половину дома!» Слова эти были услышаны, и театр откликнулся на них громкими рукоплесканиями и одобрительным шумом. Та же самая вторая жена Фокиона сказала приехавшей из Ионии гостье, которая с гордостью показывала ей золотые, усыпанные драгоценными камнями ожерелья и диадемы: «А мое украшение – это Фокион, который вот уже двадцатый год командует войсками афинян».

20. Его сын Фок хотел принять участие в состязаниях апобатов¹³⁷⁵ на празднике

¹³⁷³ 19. ...один из четырех городов... – в подражание подарку Фемистоклу от Артаксеркса I (Фем., 29).

¹³⁷⁴ 20. ...в Мелите... – Западный квартал в Афинах.

¹³⁷⁵ 21. ...в состязаниях апобатов... – Состязания «соскакивателей», которые среди колесничных скачек на всем ходу соскакивали с колесницы и заканчивали дистанцию пешим бегом.

Панафиней, и отец дал согласие – не потому, что мечтал о победе для сына, но надеясь, что, закаляя упражнениями свое тело, он станет крепче и нравственно: юноша был беспутный и любил выпить. Когда же сын все-таки победил и многие вызывались устроить пир в честь его победы, Фокион, отказав всем прочим, предоставил это почетное право лишь одному. Сам он тоже явился на пир, и, увидев среди иного убранства тазы для омовения ног, которые наполняли вином, смешанным с благовониями, и подносили входящим, подозвал сына и сказал: «Неужели, Фок, ты не остановишь своего приятеля? Ведь он губит твою победу!» Желая, чтобы молодой человек совершенно расстался с таким образом жизни, он отвез его в Лакедемон и присоединил к числу юношей, получавших столь знаменитое повсюду спартанское воспитание. Это огорчило афинян: в поступке Фокиона они усмотрели пренебрежение и даже презрение к обычаям родного города. Демад однажды обратился к нему с такими словами: «Почему бы, Фокион, нам не убедить афинян принять лаконское государственное устройство? Скажи только слово – и я охотно внесу предложение и выступлю перед народом». – «Ну, конечно, – возразил Фокион, – кому как не тебе, так и благоухающему духами и одетому в такой прекрасный плащ, толковать с афинянами о достоинствах общих трапез и восхвалять Ликурга!»

21. Александр написал афинянам, чтобы они прислали ему триеры¹³⁷⁶, ораторы решительно возражали, а Совет просил Фокиона высказать свое мнение. «Говорю вам прямо, – объявил он, – либо побеждайте вооруженной рукой, либо храните дружбу с победителями».

Пифея, который тогда только начинал появляться на возвышении для оратора, но уже успел проявить себя человеком болтливым и наглым, он оборвал, крикнув: «Уж ты-то, во всяком случае, помалкивай – среди рабов народа ты еще новичок!»

Когда Гарпал с огромными деньгами бежал из Азии от Александра и прибыл в Аттику, и все те, кто привыкли извлекать прибыли из ораторского возвышения, наперебой кинулись к нему в надежде поживиться, он из великого своего богатства бросил им лишь понемногу в виде приманки, а Фокиону предложил семьсот талантов, вверяя все, что у него было, и себя самого в придачу защите и охране одного только Фокиона. Но тот резко ответил, что Гарпал горько наплачется, если не прекратит развращать город подкупом, и тот, подавленный и униженный, отказался от своего намерения, а вскоре афиняне собрались на совещание, и тут Гарпал увидел, что люди, которые брали у него деньги, говорят теперь совсем иным языком и, чтобы замести следы, выступают с прямыми обвинениями, Фокион же, который не взял ничего, принимает в расчет не только соображения общественной пользы, но – в какой-то мере – думает и о его безопасности. И снова Гарпал загорелся желанием угодить этому человеку, но как его ни обхаживал, убедился лишь в том, что Фокион совершенно неприступен, точно крепость, и могуществу золота не подвластен. Зато Харикла, зятя Фокиона, Гарпал сделал своим закадычным другом и, во всем ему доверяя, во всяком деле пользуясь его услугами, безнадежно его опорочил.

22. Так, когда умерла гетера Пифоника, возлюбленная Гарпала, которую он держал при себе и прижил с нею дочь, Гарпал решил поставить ей дорогой памятник и поручил заняться этим Хариклу. Услугу эту, и саму-то по себе не слишком благородную, сделал особенно позорно жалкий вид завершенного надгробья. Его и теперь можно увидеть в Гермии, что на дороге между Афинами и Элевсином, и оно ни в коем случае не стоит тридцати талантов, которые, как сообщают, значились в счете, поданном Гарпалу Хариклом. Тем не менее, после смерти самого Гарпала¹³⁷⁷ Харикл и Фокион взяли к себе его дочь и заботились о

¹³⁷⁶ 22. ...прислали ему триеры... – Как вождю коринфского союза, для охраны морских путей между Грецией и войском Александра в Азии.

¹³⁷⁷ 23. ...после смерти... Гарпала... – Когда афиняне из страха перед Александром отказались дать Гарпалу убежище, он бежал на Крит вербовать наемников и был там убит. Памятник Пифионике представлял собой целый храм с алтарем Афродите-Пифионике (Афинея, 594е—595с).

ней, как только могли. Впоследствии за дружбу с Гарпалом Харикл попал под суд и просил тестя поддержать его и вместе появиться перед судьями, однако Фокион ему отказал, промолвив: «Нет, Харикл, я брал тебя в зятя в расчете лишь на честь, а не на бесчестье».

Первым, кто сообщил афинянам о смерти Александра, был Асклепиад, сын Гиппарха; Демад советовал не давать веры его словам, потому, дескать, что будь это так, запах тления уже давно наполнил бы всю вселенную, а Фокион, видя, что народ склонен к мятежу и перевороту, пытался утихомирить сограждан. Меж тем как многие избегали на ораторское возвышение и кричали оттуда, что весть, принесенная Асклепиадом, верна и что Александр действительно умер, Фокион сказал: «Что же, если он мертв сегодня, то останется мертвым и завтра, и послезавтра, стало быть, мы можем держать совет спокойно и, главное, ничего не опасаясь».

23. Вскоре Леосфен силою втянул Афины в Греческую войну¹³⁷⁸ и как-то раз насмешливо спросил Фокиона, до крайности недовольного его действиями, какую пользу принес он государству, столько лет исполняя должность стратега. «Немалую, – отвечал Фокион, – благодаря мне афинских граждан хоронили в их собственных гробах и могилах». В ответ на пространные, дерзкие и хвастливые речи Леосфена в Народном собрании Фокион заметил: «Твои слова, мальчик, похожи на кипарис – так же высоки и так же бесплодны». Гиперид поднялся и спросил: «А по-твоему, когда нужно афинянам вступить в войну, Фокион?» – «Когда я увижу, что юноши полны желания удержать свое место в строю, богачи – исправно платить налоги, а ораторы – не запускать руки в казну», – последовал ответ. Многие восхищались силою войска, которое набрал Леосфен, и спрашивали Фокиона, что он думает о сделанных приготовлениях. «К бегу на один стадий мы вполне готовы, – сказал он, – но длинного пробега¹³⁷⁹ я боюсь, потому что больше у нашего города нет ни денег, ни кораблей, ни пехотинцев». Дальнейшие события подтвердили его правоту. Сперва Леосфен стяжал громкую славу своими подвигами: он нанес сокрушительное поражение беотийцам¹³⁸⁰ и запер в Ламии Антипатра. Город, как сообщают, был преисполнен самых радужных надежд, афиняне беспрерывно справляли благодарственные празднества и приносили жертвы богам, но Фокион, отвечая тем, кто, надеясь уличить его в ошибке, допытывался, неужели, дескать, он не хотел бы, чтобы все эти успехи были одержаны не Леосфеном, а им, говорил: «Разумеется, этого я хотел бы, однако прежнего моего суждения назад не возьму». И так как с театра войны продолжали, одна за другой, поступать добрые вести, то на словах, то в письменных донесениях, он воскликнул, не выдержав: «Когда же, наконец, мы перестанем побеждать?!»

24. После гибели Леосфена те, кто опасался, как бы не был отправлен командующим Фокион и не положил войне конец, подучили какого-то совершенно безвестного человека выступить в Собрании и сказать, что на правах друга Фокиона и его товарища по школе он советует пощадить и побережь этого мужа, ибо другого такого у афинян нет, а к войску послать Антифила. Афиняне одобрили его предложение, и тогда Фокион, поднявшись на возвышение, заявил, что никогда не ходил в школу вместе с этим человеком и вообще не был с ним ни дружен, ни даже просто знаком. «Но отныне и впредь, – продолжал он, – ты мне близкий приятель, потому что подал мнение, очень для меня полезное». Он противился сначала и намерению афинян выступить против беотийцев и на предупреждения друзей, что,

¹³⁷⁸ 24. ...в Греческую войну... – Так называемая Ламийская (Леосфенова) война 323—322 гг.

¹³⁷⁹ 25. ...на один стадий... – но длинного пробега... – Обычная длина спортивного бега – один стадий (отсюда наше слово «стадион»); длинный пробег – до 24 стадиев, т.е. ок. 4 км.

¹³⁸⁰ 26. Леосфен... нанес... поражение беотийцам... – Союзникам македонян, пытавшимся заградить Леосфену путь, при Платее, летом 323 г.

упорствуя в споре с согражданами, он погибнет, отвечал: «Да, незаслуженно, если действую им на благо, если же нет – то по заслугам». Видя, однако, что они не уступают и возмущенно кричат, он велел глашатаю объявить, чтобы все способные носить оружие в возрасте до шестидесяти лет запасались на пять дней продовольствием, и прямо из Собрания он поведет их в поход. Поднялся ужасный переполох, старики кричали и вскакивали с мест. «Напрасно вы шумите, – спокойно заметил Фокион, – ведь вашим начальником буду я, а мне уже восемьдесят». Так он утихомирил афинян и убедил их в тот раз отказаться от своих планов.

25. Микион с сильным отрядом македонян и наемников высадился в Рамнунте и стал опустошать побережье. Фокион возглавил двинувшихся против врага афинян, и так как к нему то и дело подбегали с различными советами и поучениями, убеждая его занять такой-то холм, или отправить туда-то конницу, или там-то расположиться лагерем, он воскликнул: «О, Геракл, как много вокруг меня полководцев и как мало воинов!» Он уже выстроил пехоту в боевой порядок, как вдруг один пехотинец сперва выбежал далеко вперед, а потом, испугавшись вражеского воина, бросившегося ему навстречу, вернулся в строй, – и, увидев это, Фокион крикнул: «Эй, мальчуган, как тебе не стыдно! Ты уже дважды покинул свое место – то, куда тебя поставил стратег, и то, которое ты назначил себе сам». Ударив на врагов, афиняне после ожесточенной схватки обратили их в бегство, многих уложив на поле боя; среди убитых был и сам Микион. Одержало победу и греческое войско в Фессалии, хотя к Антипатру присоединился Леоннат с возвратившимися из Азии македонянами. Леоннат пал в сражении. Пехотою греков командовал Антифил, конницей – фессалиец Менон.

26. Но вскоре из Азии в Европу переправился с большой военной силой Кратер, при Кранноне противники встретились снова, и на этот раз греки потерпели поражение. Оно оказалось не слишком тяжелым, не особенно велики были и потери, однако из-за неповиновения начальникам, молодым и чересчур снисходительным, и еще потому, что Антипатр склонял города к измене общему делу¹³⁸¹, побежденные разбрелись, позорно бросив свою свободу на произвол судьбы. Антипатр немедленно двинулся к Афинам, Демосфен и Гиперид бежали из города, и Демад, получивший тогда помилование (он был семикратно осужден по обвинениям в попытке изменить действующее законодательство и, так как не мог уплатить ни единого из наложенных на него штрафов, лишился гражданских прав, в частности, – права говорить перед народом), внес предложение отправить к Антипатру послов, одев их неограниченными полномочиями для переговоров о мире. Народ в испуге призвал Фокиона, крича, что доверяет лишь ему одному. «Ах, если бы вы раньше с доверием прислушивались к моим советам, не приходилось бы нам сейчас совещаться по такому тяжкому поводу», – ответил он. Итак, постановление было принято, и Фокион поехал к Антипагру, который расположился лагерем в Кадмее с намерением без промедления вторгнуться в Аттику. Первое, о чем он просил, это чтобы перемирие было заключено на месте, без перемены позиций. «Фокион толкает нас на несправедливость: он хочет, чтобы мы оставались на земле своих друзей и союзников и причиняли убытки им, в то время как можем существовать за счет противника», – возразил Кратер, однако Антипатр, взяв его за руку, промолвил: «Надо оказать эту милость Фокиону». Но все остальное афиняне должны предоставить на усмотрение македонян, потребовал он далее: точно такие же требования предъявил ему прежде Леосфен под стенами Ламии.

27. Фокион вернулся домой и, когда афиняне волей-неволей одобрили привезенные им условия перемирия, снова отправился в Фивы вместе с прочими послами, среди которых был и философ Ксенократ. Добрая слава Ксенократа и всеобщее восхищение его нравственным совершенством были так велики, что, казалось, нет человека настолько закосневшего в высокомерии, жестокости или злобе, чтобы, при одном лишь взгляде на Ксенократа, его души не коснулась какая-то тень робости и уважения. Но упрямое своеобразие Антипатра и

¹³⁸¹ 27. ...к измене общему делу... – Антипатр отказался от переговоров с союзом греческих государств и потребовал, чтобы каждый город вел переговоры и заключал перемирие отдельно.

его ненависть к добру опрокинули все расчеты афинян. Началось с того, что он не удостоил Ксенократа приветствием, хотя с остальными любезно поздоровался. На это, как сообщают, Ксенократ сказал, что Антипатр прав, перед ним одним стыдясь за те несправедливые кары, которые он готовит Афинам. Затем, когда Ксенократ заговорил, Антипатр не пожелал выслушать его, но, без конца перебивая и придираясь по мелочам, заставил философа замолчать.

В ответ на речь Фокиона Антипатр заявил, что заключит с афинянами дружбу и союз, если они выдадут Демосфена и Гиперида, восстановят старинное государственное устройство¹³⁸², при котором все определяется имущественным положением граждан, впустят в Мунихию македонский караульный отряд и, сверх того, возместят военные издержки и уплатят денежный штраф. Все послы, кроме Ксенократа, признали эти условия мягкими и остались довольны, а Ксенократ сказал, что будь афиняне рабами, требования Антипатра можно бы назвать скромными, но для людей свободных они слишком тяжелы. Фокион просил не вводить в Мунихию караульный отряд, но Антипатр якобы ответил: «Фокион, мы готовы уступить тебе во всем, кроме того, что может погубить и тебя, и нас». Существует и другой рассказ – будто бы Антипатр спросил Фокиона, ручается ли он, что афиняне, если их освободить от караульного отряда, не нарушат мира и не пустятся снова в опасные предприятия. Фокион медлил с ответом и молчал, и тогда Каллимедонт по прозвищу «Краб», человек горячий и ненавидевший афинский народ, вскочив с места, воскликнул: «Ну, а если он и станет молоть какой-нибудь вздор – что же, Антипатр, ты так ему и поверишь, и не выполнишь своего намерения?»

28. Итак, афиняне впустили македонский сторожевой отряд, которым командовал Менилл, отличавшийся справедливым нравом, и к тому же приятель Фокиона. Решение македонян представлялось афинянам высокомерным – скорее хвастливым показом могущества, которое служит грубому насилию, нежели, действительно, мерой безопасности. Во многом усугубило горе побежденных самое время этих событий. Дело в том, что караульный отряд вошел в Мунихию двадцатого боэдромиона – в день Великих мистерий, в тот самый день, когда в торжественном шествии несут Иакха из города в Элевсин, и так как священнодействие было расстроено, большинство граждан невольно сопоставляло божественные деяния в минувшие и нынешние времена. Некогда в пору тягчайших несчастий являлись таинственные образы и звучали таинственные голоса¹³⁸³, повергавшие врагов в ужас и изумление, а теперь, при тех же празднествах, боги равнодушно взирают на горчайшие муки Греции, на то, как предаются глумлению самые святые и самые радостные дни года, которые впредь станут памятными днями неслыханных бедствий. Немногими годами раньше додонские жрицы дали афинянам прорицание, повелев им оберегать мыс Артемиды¹³⁸⁴, дабы он не попал в чужие руки. А в то время, о котором идет речь сейчас, афиняне красили ленты для перевязей на священных корзинах¹³⁸⁵, и цвет вместо пурпурного получился изжелта-бледный, мертвенный, но что особенно удивительно – все обыкновенные предметы, которые красили вместе с лентами, приобрели надлежащий цвет.

¹³⁸² 28. ...старинное государственное устройство... – Государственное устройство с ограничением гражданских прав для неимущих и малоимущих, как при Солоне.

¹³⁸³ 29. ...звучали таинственные голоса... – Ср. Фем., 15; Агес., 24.

¹³⁸⁴ 30. ...додонские жрицы... мыс Артемиды... – Додонские жрицы – из архаического святилища Зевса в Эпире с оракулом, дававшим предсказания шелестом дуба; в Мунихии находился храм Артемиды.

¹³⁸⁵ 31. ...на священных корзинах... – В этих корзинах несли из Афин в Элевсин неназываемые священные предметы, которые извлекались только во время обряда и раздавались только посвященным.

Один из посвященных в таинства купал в Канфарской бухте поросенка¹³⁸⁶, и на него напала акула и отхватила всю нижнюю половину тела вплоть до живота. Божество недвусмысленно возвещало афинянам, что они лишатся нижней, приморской части своих владений, но сохранят верхний город.

Македонская стража благодаря Мениллу несколько не тяготила жителей, но число лиц, по бедности своей лишенных права голоса, превысило двенадцать тысяч, и одни из них, оставшиеся в городе, считали себя несчастными и опозоренными, а другие, покинувшие из-за этого Афины и переселившиеся во Фракию, где Антипатр предоставил им землю и город, уподобились побежденным, которых изгнал из отечества победоносный враг.

29. Смерть Демосфена на Калаврии и Гиперида близ Клеон, – о чем рассказано в других наших сочинениях¹³⁸⁷, – пробудила в афинянах чуть ли не тоску по Александру и Филиппу. И подобно тому, как впоследствии, после гибели Антигона, когда его убийцы начали притеснять и мучить народ, один фригийский крестьянин, копавший землю, на вопрос, что он делает, с горьким вздохом ответил: «Ищу Антигона», – подобные слова могли бы сказать тогда многие, вспоминая двух умерших царей, даже в гневе своем обнаруживавших величие души и благородную снисходительность, – не то, что Антипатр, который, под маскою частного лица, под плохоньким плащом и скромным образом жизни коварно пряча огромное могущество, был особенно ненавистен несчастным, чьим владыкою и тиранном он себя сделал. Фокион, однако, своим заступничеством перед Антипатром, многих совсем избавил от изгнания, а для изгнанных – в том числе для доносчика Гагнонида – добился разрешения поселиться в Пелопоннесе, а не оставлять Грецию, не удаляться, как в остальных случаях, за Керавнские горы и мыс Тенар¹³⁸⁸. Соблюдая в руководстве делами города умеренность и верность законам, Фокион постоянно привлекал к управлению людей мягких и образованных, а беспокойным, бунтарям, которым уже само отстранение от власти, от шумной деятельности, сильно поубавило пыла, советовал побольше сидеть в деревне и целиком отдаться сельским работам.

Зная, что Ксенократ платит подать, взимаемую с метэков, он хотел внести его в списки граждан, но тот отказался, объявив, что негоже ему получать гражданские права в таком государстве, возникновению которого он пытался помешать в качестве посла.

30. Менилл хотел дать Фокиону деньги в подарок, но он отвечал: «Ты не лучше Александра, а причина, по которой я мог бы сейчас принять подношение, ничуть не основательнее той, которая тогда не убедила меня его принять». Менилл стал просить, чтобы Фокион взял деньги для сына. «Фоку, – возразил тот, – если он образумится, будет достаточно и отцовского состояния, а если останется таким, как теперь, его ничем не насытишь». Когда Антипатр однажды решил воспользоваться помощью Фокиона в каком-то недостойном деле, он резко отверг это предложение, сказав: «Я не могу быть для Антипатра и другом, и льстивым угодником одновременно». А сам Антипатр, как сообщают, говорил, что у него в Афинах два друга – Фокион и Демад: первого он никак не убедит принять от него подарок, а второму, сколько ни дарит, все мало. И Фокион как высшим достоинством гордился бедностью, в которой прожил всю жизнь, хотя столько раз бывал афинским стратегом и дружил с царями, а Демад рисовался своим богатством, не останавливаясь при этом даже перед нарушением законов. Действовавший тогда в Афинах закон запрещал чужеземцу участвовать в выступлениях хора под угрозой штрафа в тысячу драхм,

¹³⁸⁶ 32. ...купал... поросенка... – Поросенка, очищенного омовением, приносили в жертву Деметре – главному божеству Элевсинских таинств.

¹³⁸⁷ 33. ...в других наших сочинениях... – См. Дем., 28—30; более подробный рассказ о смерти Гиперида в изложении Плутарха неизвестен.

¹³⁸⁸ 34. ...Керавнские горы и мыс Тенар. – Западный и южный пределы Греции.

налагавшегося на хорега, и вот Демад собрал хор из одних чужеземцев, числом в сто человек, и явился с ними в театр, сразу же захватив по тысяче драхм на каждого для уплаты штрафа. Справляя свадьбу своего сына Демеи, он сказал: «Когда я, сынок, женился на твоей матери, этого не заметил даже сосед, а с расходами по твоей женитьбе мне бы не справиться без помощи царей и властителей».

Афиняне без конца тревожили Фокиона просьбою, чтобы он уговорил Антипатра вывести караульный отряд, но тот, либо не надеясь на успех таких уговоров, либо видя, что народ под воздействием страха сделался благоразумнее, а государственная жизнь – более упорядоченной, все время уклонялся от этого поручения; вместе с тем он убедил Антипатра не взыскивать с афинян деньги, но дать им отсрочку, подождать. Тогда афиняне обратились с той же просьбой к Демаду. Демад охотно согласился и вместе с сыном выехал в Македонию, но – ведомый, по-видимому, каким-то злым гением – прибыл как раз тогда, когда Антипатр был уже тяжело болен и всею властью завладел Кассандр, который перехватил письмо Демада, отправленное к Антигону, в Азию. Демад призывал Антигона вмешаться в дела Греции и Македонии, которые, как писал он, издеваясь над Антипатром, болтаются на старой и гнилой нитке. Поэтому Кассандр приказал схватить Демада, едва тот появится у него перед глазами, и, прежде всего, велел убить его сына, поставив юношу так близко от отца, что Демад был залит кровью с головы до ног и несколько капель попали ему даже за пазуху, а потом, осыпав его грубейшею бранью и упреками в неблагодарности и предательстве, казнил.

31. Антипатр умер, назначив Полисперхонта стратегом, а Кассандра – хилиархом¹³⁸⁹, и Кассандр немедленно восстал. Чтобы предупредить своего соперника и оставить главенство за собой, он спешно посылает Никанора сменить Менилла на посту начальника сторожевого отряда в Мунихии, прежде чем известие о смерти Антипатра получит огласку. Все вышло так, как Кассандр и замыслил, но когда афиняне несколькими днями позже услышали, что Антипатр умер, они стали обвинять Фокиона в том, что он заранее обо всем знал, но молчал в угоду Никанору. Фокион не обращал никакого внимания на эти толки, он встретился с Никанором и, расположив его в пользу афинян, уговорил не только вообще обходиться с ними мягко, по-дружески, но и показать им свою щедрость: Никанор обещал дать народу игры и в качестве судьи и устроителя принять расходы на себя.

32. В это время Полисперхонт, опекун царя, стараясь хитростью расстроить планы Кассандра, прислал афинянам письмо с сообщением, что царь разрешает афинянам восстановить демократическое устройство и хочет, чтобы в государственной жизни, по обычаю предков, принимали участие все граждане. Это был злой умысел, направленный против Фокиона. Предполагая подчинить город своему влиянию – что вскоре и обнаружили его действия, – Полисперхонт не надеялся достигнуть цели иначе, как добившись падения Фокиона, а он должен был непременно пасть, если бы лишённые гражданства вновь появились на государственном поприще и ораторским возвышением опять завладели доносчики и своекорыстные искатели народной благосклонности. Послание Полисперхонта взволновало афинян, Никанор хотел побеседовать с ними и, доверившись Фокиону, который обещал ему полную неприкосновенность, пришел в Пирей, где собрался Совет. Но Деркилл, командовавший стоявшим в Аттике войском, готовился его схватить, и Никанор, заблаговременно узнав об этом, бежал, недвусмысленно пригрозив, что в ближайшем будущем отомстит городу. Фокиона порицали за то, что он не задержал Никанора и дал начальнику македонян уйти, однако он сказал, что верит Никанору и не ждет от него никакой беды, если же он и заблуждается, то ему легче стерпеть прямую обиду, нежели самому открыто обижать другого. Если кто станет раздумывать над этими словами в применении к самому себе, то, возможно, они покажутся безукоризненно благородными, но

---

¹³⁸⁹ 35. Хилиарх, «тысячачальник» – второе лицо в государстве после стратега; это звание было введено Александром по персидскому примеру (Диодор, XVIII, 48).

коль скоро речь идет о человеке, рискующем судьбою отечества, о полководце и главе государства, – не знаю, не погрешает ли он тем самым против более высокого и важного долга, долга перед согражданами. Нельзя сказать также, что Фокион пощадил Никанора, боясь втянуть Афины в войну, верность же и долг помянул лишь для того, чтобы и македонянин из чувства долга хранил спокойствие и не причинял афинянам зла, – нет, он, по-видимому, действительно питал к Никанору огромное доверие. Он и раньше не желал прислушиваться к многочисленным обвинениям против этого человека – доносили, что Никанор стремится захватить Пирей, переправляет на Саламин наемников, старается подкупом склонить на свою сторону кое-кого из жителей Пирея. И даже теперь, когда Филомел из дема Ламптры внес предложение, чтобы все афиняне находились в боевой готовности, в любой миг ожидая приказаний своего полководца Фокиона, сам полководец сохранял прежнюю беспечность, пока Никанор с вооруженным отрядом не выступил из Мунихии и не принялся обводить Пирей рвом.

33. Последнее событие вызвало среди афинян громкое возмущение против Фокиона, так что они с презрением отказались повиноваться, когда он хотел двинуться с ними против македонян. Тем временем подрос с войском Александр, сын Полисперхонта, на словах – чтобы оказать городу помощь в борьбе с Никанором, но по сути дела – чтобы попытаться захватить раздираемые изнутри смутю Афины. Дело в том, что Александр привел с собою изгнанников, и они сразу же оказались в городе, а к ним присоединились чужеземцы и все лишенные гражданских прав, и составилось Собрание, беспорядочное и чрезвычайно пестрое, на котором отрешили от власти Фокиона и выбрали новых стратегов. Но, к счастью для себя, граждане обнаружили, что Александр, один, без провожатых, много раз выходил за стену и беседовал там с Никанором, и их свидания насторожили афинян; не случись этого – и город был бы обречен.

Оратор Гагнонид немедленно набросился на Фокиона и обвинил его и его сторонников в измене, тогда Каллимедонт и Харикл в страхе бежали, а Фокион и оставшиеся с ним друзья отправились к Полисперхонту. Вместе с ними, из желания помочь Фокиону, выехали платеец Солон и коринфянин Динарх, считавшиеся близкими друзьями Полисперхонта. По пути Динарх занемог, и они надолго задержались в Элатии, а тем временем народ в Афинах принял горячо поддержанное Гагнонидом предложение Архестрата и отрядил послов с обвинениями против Фокиона. И те и другие прибыли к Полисперхонту одновременно, встретив его, вместе с царем, в дороге, близ фокидской деревни Фариги, у подошвы горы Акрурий, которую в наши дни называют Галатом. Полисперхонт, распорядившись тут же, на месте встречи раскинуть затканый золотом балдахин, усадил под ним царя со свитой и первым делом приказал, как только покажется Динарх, схватить его и, предав пытке, казнить, а затем предложил афинянам высказаться. Те подняли страшный крик, обвиняя друг друга перед царским советом, и, в конце концов, Гагнонид, выступив вперед, сказал: «Посадите нас всех в одну клетку и отправьте в Афины – пусть афиняне нас выслушают и рассудят». Царь засмеялся, но обступившие балдахин македоняне и чужеземцы желали, скуки ради, послушать тяжущихся и знаками призывали послов выложить свои обвинения. Впрочем, стороны оказались в условиях, далеко не равных: Фокиона Полисперхонт много раз перебивал, до тех пор пока тот, стукнув палкой о землю, не отступил в сторону и не замолчал. Когда Гегемон призвал самого Полисперхонта в свидетели своей преданности народу, а тот в гневе ответил: «Перестань оговаривать меня перед царем!» – царь вскочил и уже готов был пронзить Гегемона копьем, но Полисперхонт мгновенно обхватил его обеими руками. Сразу вслед за тем совет был распушен.

34. Фокиона и его спутников окружила стража, и те из друзей, которые, по случайности, стояли в стороне, увидев это, поспешили скрыться и спастись бегством. А задержанных Клит повез в Афины, якобы на суд, а в действительности на казнь, ибо судьба их была уже решена. Тягостное то было зрелище, когда их на телегах везли через Керамик к театру. Именно туда доставил их Клит и там караулил, пока архонты не созвали Народное собрание, не препятствуя участвовать в нем ни рабу, ни чужеземцу, ни лишенному прав, но

всем мужчинам и женщинам открыв доступ в театр и на ораторское возвышение.

Когда прочитали послание царя, в котором он говорил, что, хотя и признал обвиняемых виновными в измене, решать дело предоставляет им, афинянам, ныне вновь свободным и независимым, и Клит ввел подсудимых, все лучшие и самые честные граждане, увидев Фокиона, закрыли лица, поникли головами и заплакали, а один из них отважился подняться и сказать, что, коль скоро царь доверил народу решение дела такой важности, было бы правильно, чтобы рабы и чужеземцы покинули Собрание. Но толпа заревела от возмущения, раздались крики, что надо побить камнями приверженцев олигархии и врагов демократии, и больше уже никто не пытался сказать хоть слово в пользу Фокиона, а собственный его голос был едва слышен из-за шума. «Вы хотите лишить нас жизни несправедливо или же по справедливости?» – спросил он. Несколько человек отвечали, что по справедливости. «Но как вы убедитесь в своей справедливости, не выслушав нас?» – возразил Фокион. Однако никто уже вообще не обращал внимания на его слова, и тогда, сделав несколько шагов вперед, он сказал: «Я признаю себя виновным и считаю, что моя деятельность на государственном поприще заслуживает наказания смертью. Но, афиняне, за что вы хотите казнить этих людей, ни в чем не повинных?» – «За то, что они твои друзья!» – раздались многочисленные голоса, и Фокион отступил и умолк, а Гагнонид прочитал заранее приготовленное предложение: народ должен большинством голосов решить, виновны ли обвиняемые, и если голосование будет не в их пользу, они умрут.

35. Некоторые считали нужным прибавить к этому предложению, что Фокиона следует перед смертью пытаться, и уже требовали принести колесо и кликнуть палачей. Но Гагнонид, заметив, что даже Клит этим недоволен, да и сам считая такую жестокость гнусным варварством, сказал: «Подождите, господа афиняне: поймем висельника Каллимедонта, и его будем пытаться, а к Фокиону применить эту меру я не считаю возможным». – «Ты совершенно прав: если мы станем пытаться Фокиона, как же нам потом поступить с тобою?» – воскликнул в ответ кто-то из достойных людей.

Предложение было одобрено, и когда началось голосование, никто не остался сидеть, но все поднялись со своих мест и так, стоя, очень многие с венками на головах, потребовали смертной казни для обвиняемых, среди которых, кроме Фокиона, были Никокл, Фудипп, Гегемон и Пифокл. Деметрий Фалерский, Каллимедонт, Харикл и еще несколько человек были присуждены к смерти заочно.

36. Собрание было распущено, и осужденных повели в тюрьму, и тут, по пути, все остальные, попав в объятия друзей и близких, горько жаловались и обливались слезами, но лицо Фокиона хранило то же выражение, какое бывало у него, когда сограждане провожали своего стратега из Собрания домой, так что все, видевшие этого человека, дивились его бесстрастию и величию духа. Лишь враги шли рядом и бранились, а один даже забежал вперед и плюнул ему в лицо. Тогда, как сообщают, Фокион, обернувшись к архонтам, промолвил: «Неужели никто не уймёт этого безобразника?»

В тюрьме, когда Фудипп, увидев, что уже трут цикуту, потерял присутствие духа и стал оплакивать свою судьбу, крича, что незаслуженно погибает вместе с Фокионом, тот промолвил: «Как? Разве ты не радуешься, что умираешь вместе с Фокионом?» Кто-то из друзей спросил, не хочет ли он что-нибудь передать своему сыну Фоку. «Да, конечно, – ответил Фокион, – я хочу ему сказать, чтобы он не держал злобы против афинян». Никокл, который был самым верным из его друзей, попросил чтобы Фокион позволил ему выпить яд первому. «Тяжела и мучительна для меня твоя просьба, Никокл, – сказал Фокион. – Но раз уже я никогда и ни в чем не отказывал тебе при жизни, не откажу и сейчас».

Выпили все, но яду не достало, а палач сказал, что не будет больше тереть, если не получит двенадцать драхм – столько, сколько стоила полная порция цикуты. Возникла заминка, время шло, и тогда Фокион велел позвать кого-то из друзей и, пожаловавшись ему, что в Афинах даже умереть даром нельзя, попросил дать палачу эти несколько монет.

37. То был девятнадцатый день месяца мунихиона, и всадники, прославляя Зевса¹³⁹⁰, в торжественном шествии объезжали город. Иные из них сняли венки, иные со слезами взглянули на двери темницы. Всякому, кто не до конца озверел и развратился душою под воздействием гнева и ненависти, было ясно, что не повременить хотя бы день и запятнать казнью город, справляющий праздник, было величайшим нечестием.

И тем не менее, враги Фокиона, словно все еще не насытившись борьбою, провели новое постановление – чтобы труп его был выброшен за пределы Аттики и чтобы ни один афинянин не смел разжечь огонь для его погребального костра. Поэтому никто из друзей не решился коснуться его тела, и некий Конопион, обыкновенно бравший на себя за плату подобного рода поручения, увез мертвого за Элевсин и там сжег, принеся огонь из Мегариды. На похоронах присутствовала супруга Фокиона со своими рабынями, она насыпала на месте костра могильный холм и совершила надгробные возлияния, но кости спрятала у себя на груди и, принеся ночью к себе в дом, зарыла у очага с такими словами: «Тебе, мой родной очаг, я вверяю эти останки прекрасного человека. Ты же отдай их отчей могиле, когда афиняне образумятся».

38. И в самом деле, не много времени потребовалось, чтобы сами обстоятельства показали, какого вождя, какого стража разума и справедливости погубил народ, и ему была поставлена бронзовая статуя, а кости его преданы погребению на общественный счет. Одного из обвинителей, Гагнонида, афиняне сами приговорили к смерти и казнили, а с Эпикуром и Демофилом, бежавшими из города, расправился сын Фокиона. Но вообще, как сообщают, из этого сына так и не вышло ничего путного. Он влюбился в девчонку из какого-то притона и, оказавшись однажды по чистой случайности в Ликее¹³⁹¹, где держал тогда речь Феодор Безбожник, рассуждая примерно так: «Если выкупить друга не позорно, то не более позорно выкупить и подругу, если не стыдно выкупить любимца, не стыдно – и возлюбленную», – применил это рассуждение, сочтя его вполне обоснованным, к себе и своей страсти и выкупил возлюбленную.

Следует добавить, что плачевный конец Фокиона вновь напомнил грекам о гибели Сократа, ибо сходными были в обоих случаях и само заблуждение, и беда, принесенная им государству.

Катон

1. Началом своей громкой славы род Катона обязан прадеду Катона Младшего, человеку, чья нравственная высота доставила ему огромную известность среди римлян и высшую власть, как об этом рассказывается в его жизнеописании¹³⁹². После смерти родителей Катон с братом Цепионом и сестрою Порцией остались круглыми сиротами. Вместе с ними осиротела и Сервилия, единокровная сестра Катона, и все дети росли и воспитывались в доме Ливия Друза, своего дяди с материнской стороны, который руководил в ту пору государственными делами; ибо он отличался замечательным красноречием и величайшей воздержностью, да и умом никому из римлян не уступал.

Сообщают, что уже в детские годы Катон манерою речи, выражением лица, даже ребяческими своими играми и забавами обнаруживал нрав твердый, непреклонный и

¹³⁹⁰ 36. ...прославляя Зевса... – В эти дни (апрель-май 318 г.) в Афинах справлялся праздник Зевса Олимпийского; Плутарх напоминает об этом, чтобы сравнить смерть Фокиона со смертью Сократа в тюрьме (гл. 38), которому хотя бы была дана отсрочка на время праздничного посольства.

¹³⁹¹ 37. Ликей – пригородный гимнасий, где собирались философы, ученики Аристотеля, а Феодор, по видимому, был их гостем.

¹³⁹² 1. ...в его жизнеописании . – КСт., 16 (о цензуре как о вершине должностного пути римлянина).

бесстрастный. Его желаниям была присуща упорная – не по возрасту – целеустремленность; если ему льстили, он бывал несговорчив и груб, но еще сильнее противился тому, кто пытался его запугать. Он был и не смешлив – настолько, что даже улыбка редко когда смягчала его черты, – и на гнев не скор, но рассердившись, ни за что не желал простить обидчика. Учился он вяло и усваивал значения медленно, но раз усвоенное запоминал крепко и надолго. И вообще, дети способные легче припоминают услышанное однажды, но у тех, кто воспринимает слова учителя с усилием, с напряжением, память более цепкая: все, что они выучат, словно выжженное огнем, запечатлевается в душе. Кроме того учение Катону затрудняла, по-видимому, и его упрямая недоверчивость. В самом деле, учиться – значит не что иное, как испытывать на себе определенное воздействие, а быстро склоняться на уговоры свойственно тем, у кого меньшая сила сопротивления. Вот почему скорее мы убедим в чем бы то ни было молодого, нежели старика, больного, нежели здорового: согласие проще всего найти там, где слабее всего способность сомневаться. Катон слушался своего наставника и выполнял все его приказания, но каждый раз допытывался о причинах и задавал вопрос «почему»? Наставник его, по имени Сарпедон, был, правда, человек мягкий и наготове для ученика держал обыкновенно объяснение, а не колотушку.

2. Катон был еще мальчиком, когда союзники римлян стали домогаться прав римского гражданства. И вот однажды Помпедий Силон, воинственный и очень влиятельный человек, приятель Ливия Друза, несколько дней гостивший в его доме и подружившийся с детьми, сказал им: «Попросите-ка за нас дядю, чтобы он помог нам в хлопотах о гражданстве». Цепион, улыбнувшись, согласился, а Катон, ничего не отвечая, глядел на гостей угрюмым и неподвижным взором, и тогда Помпедий продолжал, обращаясь к нему: «Ну, а ты что скажешь нам, мальчик? Разве ты не можешь вместе с братом заступиться за нас, чужеземцев, перед дядей?» Катон по-прежнему не отвечал ни слова, но и самым молчанием, и угрюмостью лица, казалось, отвергал их просьбу. Помпедий поднял его над окном и, словно намереваясь разжать руки, пригрозил: «Соглашайся или сейчас брошу тебя вниз!» – но, хотя он говорил суровым тоном и много раз встряхивал висевшее в его руках тело, Катон без трепета, без боязни выдержал это долгое испытание. В конце концов, Помпедий опустил его на пол и тихо промолвил своим друзьям: «Какая удача для Италии, что он еще ребенок! Будь он мужчиной, мы бы, по-моему, не получили у народа ни единого голоса в нашу пользу».

Один из родственников в день своего рождения пригласил Катона вместе с другими мальчиками на праздничный обед, и все дети, старшие и младшие вперемешку, собравшись в какой-то части дома, играли в суд – произносили обвинительные речи, уводили в тюрьму осужденных. И вот кто-то из старших отвел одного «осужденного» – очень красивого мальчика – в спальню и заперся с ним наедине. Мальчик стал звать на помощь Катона. Тот, быстро сообразив, в чем дело, подбежал к дверям, оттолкнул тех, кто караулил вход и преградил ему дорогу, вывел мальчика и, в гневе, пошел с ним домой, а следом, провожая Катона, двинулись другие дети.

3. Он приобрел такую славу, что когда Сулла, готовя для публичного зрелища так называемую Трою¹³⁹³ – священные конные состязания для подростков – и собрав мальчиков благородного происхождения, назначил им двух предводителей, то одного из них мальчишки приняли из почтения к его матери (он был сыном Метеллы, супруги Суллы), а другого, Секста, племянника Помпея, принять отказывались и не желали ни упражняться под его началом, ни слушать его распоряжений. Сулла спросил, кого же они хотят в начальники, все закричали: «Катона!» – и Секст сам, добровольно уступил Катону эту честь, признавая в нем более достойного.

Сулла был старым другом семьи Катона и время от времени приглашал его к себе и беседовал с ним – милость, которую он оказывал очень немногим по причине величия своей

¹³⁹³ 2. ...так называемую Трою ... – Обрядовая игра знатной молодежи, род конного турнира, учрежденного, по преданию, еще Энеем («Энеида», V, 545—603).

власти и высоты своего могущества. Сарпедон очень дорожил этими посещениями, считая, что они служат не только чести, но и безопасности его воспитанника, и часто водил мальчика приветствовать Суллу, чей дом в ту пору, из-за бесчисленного множества приводимых на допрос и страдавших под пытками, с виду ничем не отличался от застенка. Катону был тогда четырнадцатый год. Видя, как выносят головы людей, известных в Риме, и присутствующие потихоньку вздыхают, он спросил как-то раз своего наставника, почему никто не убьет хозяина этого дома. Сарпедон ответил: «Его бояться, сынок, еще больше, чем ненавидят». – «Почему же тогда, – продолжал мальчик, – ты не дал мне меч – я бы его убил и избавил отечество от рабства!» Услышав эту речь и увидев его глаза, его пылающее гневом и яростью лицо, Сарпедон был испуган до крайности и впредь зорко за ним следил, чтобы Катон не отважился на какой-нибудь слишком дерзкий поступок.

Когда он был еще совсем маленький, его спросили однажды: «Кого ты любишь больше всех?» – «Брата». – «А потом?» – «Брата», – ответил он снова. То же повторилось и в третий раз, и четвертый и так до тех пор, пока спрашивающий не отступился. Возмужав, Катон привязался к брату еще сильнее. Ему было уже двадцать лет, но он никогда не обедал без Цепиона, никуда не ездил без него и даже не ходил на форум. Вот только пристрастия брата к благовониям он не разделял и вообще вел жизнь бережливую и строгую. Поэтому Цепион, когда восхищались его воздержностью и скромностью, говорил, что по сравнению с остальными он, действительно, и скромен и воздержан. «Но, – прибавлял он, – когда я сравниваю свою жизнь с жизнью Катона, мне кажется, что я ничем не лучше Сиппия». (Этот Сиппий, имя которого он называл, был одним из тех, кто пользовался скверною славой неженки и охотника за наслаждениями).

4. Катон получил сан жреца Аполлона и поселился особо. Он зажил еще скромнее, – хотя после раздела отцовского состояния на его долю пришлось сто двадцать талантов, – подружился со стоическим философом Антипатром Тирским и больше всего интереса проявлял к учениям о нравственности и о государстве: неудержимо, словно по наитию свыше, стремясь ко всякой добродетели, он особенно горячо полюбил справедливость – прямолинейную, не знающую уступок ни по снисходительности, ни по личному расположению. Он упражнялся и в ораторском искусстве, видя в красноречии своего рода оружие и считая, что учение о государстве, точно так же как любой большой город, должно быть боеспособно. Однако он никогда не упражнялся в чужом обществе, никто не слышал его речей, так что однажды кто-то из приятелей сказал ему: «Катон, люди порицают твое молчание». – «Лишь бы они не порицали мою жизнь, – отвечал Катон. – Я начну говорить лишь тогда, когда буду уверен, что мне не лучше было бы промолчать».

5. Так называемая Порциева базилика была воздвигнута Катонем Старшим в те годы, когда он занимал должность цензора. Там обыкновенно занимались делами народные трибуны, и так как одна из колонн загораживала их кресла, они решили снести ее или же переставить. Это впервые привело Катона на форум. Он оспорил решение трибунов и восхитил сограждан первой пробой своего красноречия и своего мужества. Слова его не блистали ни свежестью, ни изяществом, но были откровенны, полновесны, суровы. Впрочем, к суровости мысли присоединялось радующее слух благозвучие, а запечатленный в речи характер вызывал улыбку, сообщая какую-то веселость важной манере оратора. Сам голос был такой силы, что его слышали все собравшиеся на форуме, и вдобавок не знал утомления: впоследствии Катону не раз случалось говорить целый день без отдыха и перерыва. Тем не менее, выиграв дело, он снова вернулся к молчанию и упражнениям.

Неутомимо закалял он и тело, приучая себя и в жару и в морозы ходить с непокрытой головой и во всякое время года передвигаться только пешком. Спутники его ехали верхом, а сам Катон шел рядом, присоединяясь то к одному, то к другому и беседуя с каждым поочередно. С удивительной выдержкой и терпением переносил Катон болезни. Если его лихорадило, он запирался и никого к себе не пускал до тех пор, пока не чувствовал перелома в недуге и надежного облегчения.

6. За обедом бросали жребий, кому брать кушанье первому, и если жребий выпадал

неудачно для Катона, а друзья все-таки желали уступить первенство ему, он говорил, что не годится нарушать волю Венеры¹³⁹⁴. Вначале он пил только одну чашу и сразу же поднимался из-за стола, но со временем стал выказывать чрезвычайную приверженность к питью, так что часто проводил за вином всю ночь до зари. Причину этого друзья видели в общественных делах, которые отнимают у Катона весь день, ничего не оставляя для ученых бесед, а потому до рассвета он сидит с философами над чашею вина. И когда некий Меммий в присутствии Цицерона обронил замечание, что, дескать, Катон ночи напролет пьянствует, Цицерон его перебил: «Ты еще скажи, что дни напролет он играет в кости!»

Глядя на своих современников и находя их нравы и привычки испорченными и нуждающимися в коренном изменении, Катон считал необходимым во всем идти противоположными путями: так, видя всеобщее увлечение ярко-красной тканью, сам стал одеваться в темное. Часто он появлялся после завтрака в общественных местах босой и в тоге на голом теле – не для того, чтобы снискать этими странными замашками славу, но приучая себя стыдиться только истинно позорного, на любое же иное неодобрение отвечать презрительным равнодушием. Получив от своего двоюродного брата Катона наследство стоимостью в сто талантов, он обратил все в деньги и предложил их взаймы без процентов нуждающимся друзьям. А иные из друзей, с согласия и одобрения Катона, даже закладывали в казну его поместья и рабов.

7. Когда Катон решил, что пришло время жениться, – а до той поры он не был близок ни с одной женщиной, – он сначала обручился с Лепидой, до него просватанной за Метелла Сципиона, который затем, однако, отказался от уговора, так что помолвка была расторгнута. Но перед самою свадьбой Лепиды Сципион снова передумал и всеми правдами и неправдами отнял у Катона невесту. В страшном гневе и ожесточении Катон хотел было обратиться в суд, но друзья удержали его, и тогда его юношеский запал и жгучая обида излились в ямбах: он осыпал Сципиона бранью, употребив для этого всю едкость Архилоха¹³⁹⁵, но не позволяя себе его разнузданных и мальчишеских выходок. Женился он на Атилии, дочери Сорана, и она была его первой женщиной – первой, но не единственной, как у Лелия, друга Сципиона. Лелий оказался удачливее: за всю долгую жизнь он не знал иной женщины, кроме той, которую взял в жены с самого начала.

8. Когда началась война с рабами – ее называют еще Спартаковой войной, – Катон вступил добровольцем в войско, которым командовал Геллий. Он сделал это ради своего брата Цепиона, служившего у Геллия военным трибуном. Хотя ему и не удалось найти применение для своего мужества и усердия в той мере, в какой ему хотелось, ибо начальники вели войну плохо, все же среди изнеженности и страсти к роскоши, которые владели тогда солдатами, он обнаружил такое умение повиноваться, столько выдержки, столько отваги, неизменно соединявшейся с трезвым расчетом, что, казалось, ни в чем не уступал Катону Старшему. Геллий отметил его наградами и славными почестями, но Катон не принял ни одной из них, сказав, что не совершил ничего, заслуживающего награды, и уже с той поры прослыл чудачком.

Вскоре был принят закон, запрещающий соискателям высших должностей пользоваться услугами номенклатора¹³⁹⁶, и единственным человеком, повиновавшимся этому закону, оказался Катон, который выступил кандидатом на должность военного трибуна. Он принял

¹³⁹⁴ 3. ...*волю Венеры* . – «Венерой» назывался самый удачный бросок костей, когда все четыре кости падали разными очками. Таким жребием решалось, кто будет председателем пирушки.

¹³⁹⁵ 4. ...*едкость Архилоха* ... – Самыми знаменитыми стихами Архилоха были ямбы, бичевавшие неверную невесту Необулу и ее отца Ликамба.

¹³⁹⁶ 5. *Номенклатор* – раб, подсказывавший хозяину имена всех встречных, чтобы тот, собирая голоса избирателей, мог приветствовать каждого.

на себя труд без чужой помощи приветствовать встречаемых, называя их по имени, больно задевши этим даже своих приверженцев и почитателей: чем яснее постигали они благородство его поступков, тем горше становилось им при мысли, что подражать Катону они не в силах.

9. Избранный военным трибуном, Катон был отправлен в Македонию к претору Рубрию. Сообщают, что супруга его сокрушалась и плакала, и один из друзей Катона, Мунатий, сказал ей так: «Будь покойна, Атилия, я сберегу тебе твоего Катона». – «Конечно», – подтвердил Катон. После первого дневного перехода, едва закончив обед, он обратился к Мунатию: «Смотри, не вздумай нарушить обещание, которое ты дал Атилии, – не оставляй меня ни днем, ни ночью», – и сразу же приказал приготовить две постели в одной спальне. И впредь Мунатий всегда спал с ним рядом, сам очутившись под потешною охраною Катона.

Всего Катона сопровождали пятнадцать рабов¹³⁹⁷, два вольноотпущенника и четверо друзей; сопровождающие ехали верхами, а сам он все время шел пешком, присоединяясь то к одному, то к другому и беседуя с каждым поочередно. Когда он прибыл в лагерь и претор назначил его начальником одного из многих стоявших там легионов, то считая важным, поистине царственным делом, проявить не собственную доблесть – доблесть лишь одного человека, но сделать похожими на себя своих подчиненных, он к грозной силе, какая свойственна власти, присоединил силу слова, в каждом случае убеждал и наставлял, подкрепляя затем убеждения наградами и наказаниями, и трудно было сказать, какими вследствие всех этих трудов стали его воины: более миролюбивыми или более воинственными, более отважными или более справедливыми – столько ужаса наводили они на врагов, так приветливо и дружелюбно обходились с союзниками, так боялись совершить несправедливость, так горячо жаждали заслужить похвалу. И то, о чем Катон совершенно не старался и не заботился, окружало его в изобилии – добрая слава у солдат, их любовь и безграничное уважение. Ибо, приказывая другим, он сам добровольно подчинялся тем же приказам и одеждою, пешей ходьбою, всем своим образом жизни скорее напоминал солдат, чем начальников, зато характером, разумом и красноречием превосходил любого из тех, кого именовали императорами и полководцами; все это мало-помалу и принесло ему искреннюю преданность подчиненных. Подлинная, неложная жажда доблести возникает лишь из глубочайшей преданности и уважения к тому, кто подает в ней пример; просто хвалить достойных людей, не любя их, – значит почитать их добрую славу, не восхищаясь самою доблестью и не желая подражать ей.

10. Узнав, что Афинодор, по прозвищу «Горбун», большой знаток стоического учения, живет в Пергаме, но по старости лет самым решительным образом отвергает какие бы то ни было дружеские связи с царями и властителями, Катон решил, что и он ничего не достигнет, посылая к философу письма или же нарочных, и, так как закон предоставлял ему право на два месяца покинуть службу, сам отплыл в Азию, надеясь, что достоинства собственной души помогут ему не упустить эту добычу. Он встретился с Афинодором, одолел его в споре и, заставив изменить прежний образ мыслей, привез с собою в лагерь, ликуя и гордясь, в полной уверенности, что завладел достоянием более прекрасным и славным, нежели царства и народы, которые Помпей и Лукулл покоряли в ту пору силой оружия.

11. Катон еще служил, когда его брат, на пути в Азию, заболел и слег во фракийском городе Эне. Катона немедленно известили об этом письмом. На море была сильная буря, большого корабля, годного для такого путешествия, в Фессалонике не нашлось, и Катон с двумя друзьями и тремя слугами вышел из гавани на маленьком грузовом судне. Едва-едва не утонув и спасшись лишь благодаря какой-то удивительной случайности, он все же не застал Цепиона в живых и, насколько мы можем судить, перенес эту потерю более тяжело,

¹³⁹⁷ 6. ...пятнадцать рабов ... – «Числом больше, чем у Катона Старшего, по смыслу же меньше, если вспомнить, как изменились (к роскоши) времена и нравы» (Валерий Максим, IV, 3, 12).

чем полагалось философу: я имею в виду не только слезы, не только ласки, которые он расточал мертвому телу, сжимая его в объятиях, и вообще силу скорби, но и расходы на погребение – он сжег вместе с трупом дорогие благовония и одежды, а затем поставил на площади в Эне памятник из тесаного фасосского мрамора стоимостью в восемь талантов. Об этом злорадно толковали иные, привыкшие ко всегдашней неприязнательности Катона, а потому и не понимавшие, сколько мягкости и нежности было в этом непоколебимом и суровом человеке, не поддававшемся ни страху, ни жажде наслаждений, ни бесстыдным просьбам. Города и властители, чтобы почтить умершего, прислали к похоронам много разных даров, но Катон денег не принял ни у кого, а благовония и украшения оставил, возместив, однако, приславшим стоимость их подарков. Наследниками Цепиона были его маленькая дочь и сам Катон, однако при разделе наследства он не потребовал ничего в счет понесенных им расходов. И все же, хотя он и тогда поступил безупречно, и в дальнейшем поступал не иначе, нашелся человек¹³⁹⁸, который написал, будто Катон просеял прах умершего через решето, ища расплавившегося в огне золота! Да, как видно, не только меч свой, но и стиль¹³⁹⁹ считал этот человек не подлежащими ни суду, ни ответу!

12. Когда срок службы Катона пришел к концу, его проводили не только добрыми пожеланиями – это дело обычное – и не похвалами, но плачем и нескончаемыми объятиями, бросали ему под ноги плащи, устилая путь, и целовали руки – честь, которую римляне в ту пору оказывали очень немногим из императоров.

Прежде чем выступить на государственном поприще, Катон из любознательности пожелал объехать Азию, чтобы познакомиться с особенностями каждой провинции, ее обычаями и образом жизни, а заодно угодить галату Дейотару, который, по праву старинной дружбы и гостеприимства, связывавших их семьи, просил его побывать в Галатии, – и вот как он путешествовал. На рассвете он отправлял своего хлебопека и повара в то место, где думал провести следующую ночь. Очень скромно, без всякого шума они прибывали в город и, если только там не оказывалось никого из друзей или знакомых отца Катона, готовили своему хозяину пристанище на постоялом дворе, никому не причиняя беспокойства. Если же не было и постоялого двора, лишь тогда они обращались к городским властям и с благодарностью принимали любую квартиру, какую бы те не отвели. Нередко случалось, что их словам вообще не давали веры и с пренебрежением отмахивались от посланцев – потому лишь, что они являлись к властям спокойно, без угроз, и тогда Катон находил их на улице, с пустыми руками. Впрочем, к самому Катону власти проявляли еще меньше внимания: видя, как он молча сидит на своей клади, они были почти уверены, что это человек робкий и ничтожный. В таких случаях он обыкновенно вызывал их и говорил им: «Негодяи, неужели вы не боитесь так обращаться с гостями? Не одни Катоны будут к вам приезжать. Дружелюбием и гостеприимством умерьте могущество победителей, которые только и ищут повода применить насилие на том основании, что миром ничего получить не могут».

13. В Сирии, как сообщают, с ним случилось забавное происшествие. Подходя к Антиохии, он заметил у городских ворот множество людей, выстроившихся по обе стороны дороги: среди них был отряд молодых юношей в коротких плащах, против юношей в скромном безмолвии стояли мальчишки, некоторые из собравшихся – вероятно, жрецы или главы города – оделись в белое платье и увенчали себя венками. Первою мыслью Катона было, что город устраивает ему почетную встречу, и, уже гневаясь на своих людей, высланных вперед, которые этому не воспрепятствовали, он велел друзьям спешиться, и все вместе они двинулись дальше пешком. Когда же они были совсем близко, распорядитель всего этого торжества, строивший толпу в ряды, человек уже почтенного возраста, с посохом и в венке, подошел один к Катону и, даже не поздоровавшись, спросил, где они оставили

---

¹³⁹⁸ 7. ...нашелся человек ... – По-видимому, Юлий Цезарь в своем «Антикатоне» (Цез., 54).

¹³⁹⁹ 8. ...стиль ... – Здесь: писчая палочка, грифель.

Деметрия и когда он будет здесь. Деметрий был вольноотпущенник Помпея и пользовался у него заслуженно большим доверием, а потому все наперебой старались угодить этому человеку: ведь тогда, если можно так выразиться, взоры целого мира были устремлены к Помпею. На друзей Катона напал такой смех, что они не в силах были прийти в себя, даже проходя через ряды антиохийцев, а Катон, в сильном смущении, сказал только: «Несчастный город!» – и не проронил больше ни звука, но впоследствии обыкновенно тоже смеялся, вспоминая или рассказывая об этом случае.

14. Впрочем Помпей собственным примером наставил на истинный путь тех, кто по неведению относился к Катону неподобающим образом. Когда Катон пришел в Эфес и явился к Помпею, чтобы приветствовать его – старшего годами, намного превосходившего его самого славой и стоявшего тогда во главе несметного войска, Помпей, увидев Катона, не оставался на месте, не позволил себе принять его сидя, но бросился навстречу, словно к кому-нибудь из самых влиятельных людей, и подал ему руку. Восхищаясь нравственной высотой Катона, он горячо хвалил его и во время самого свидания, перемежая похвалы с ласковыми приветствиями, и еще горячее – позже, за глаза, так что теперь уже все пристально наблюдали за Катonom, дивились в нем как раз тому, что раньше вызывало презрение, размышляли о его кротости и великодушии. Вместе с тем очевидно было, что в предупредительности и заботах Помпея о Катоне больше уважения, чем любви, и ни от кого не укрылось, что Помпей, как ни радовался присутствию Катона, все же вздохнул с облегчением, когда тот собрался уезжать. И действительно, всех прочих молодых людей, которые к нему прибывали, Помпей всячески старался удержать и оставить при себе, Катона же ни о чем подобном не просил и с легким сердцем проводил гостя – точно его появление каким-то образом ограничило полноту власти Помпея. Однако среди всех, отплывавших в Рим, лишь одному Катону, по сути дела, поручил он своих детей и жену, которая, впрочем, была с Катonom в родстве.

После встречи Катона с Помпеем слава Катона разнеслась далеко, города наперебой старались выказать ему свою заботу, осаждали приглашениями, устраивали пиры в его честь, так что он даже просил друзей следить за тем, как бы он, ненароком, не подтвердил предсказания Куриона. Курион, друг и близкий товарищ Катона, нисколько не одобрявший, однако, его суровости, как-то спросил, думает ли он после окончания военной службы поехать посмотреть Азию. Тот отвечал, что непременно поедет. «И прекрасно сделаешь, – заметил Курион, – ты вернешься оттуда более приветливым и обходительным». Таковы примерно были его подлинные слова.

15. Галат Дейотар, человек уже преклонных лет, звал к себе Катона, чтобы доверить его надзору свой дом и сыновей, и едва тот прибыл, осыпал его всевозможными дарами, а затем неотступными просьбами их принять до такой степени озлобил гостя, что, приехав под вечер и переночевав, он на следующее же утро, около третьего часа¹⁴⁰⁰, снова пустился в путь. Но, пройдя дневной переход, он в Пессинунте застал новые дары, еще богаче и обильнее прежних, и письмо от Дейотара, просившего не отказываться от подарков; если же он все-таки откажется, продолжал галат, пусть хотя бы друзьям позволит разделить их между собою, ибо друзья его, без сомнения, достойны получить награду из рук Катона, хотя собственных его средств на это и не хватает. Однако Катон не согласился, – даже видя, что некоторые из друзей поддались соблазну и в душе ропщут, – и сказал только, что всякое мздоимство легко находит для себя предлог и оправдание, друзья же его получают свою долю во всем, что он сможет приобрести честно и заслуженно. Затем он отослал дары обратно.

Когда он уже искал корабль, идущий в Брундизий, друзья говорили ему, что прах Цепиона не следовало бы везти на том же судне, но Катон ответил им, что скорее расстанется со своею душой, чем с этим прахом, и вышел в море. И сообщают, что плавание, по какому-то стечению обстоятельств, оказалось до крайности опасным, меж тем как

¹⁴⁰⁰ 9. ...Около третьего часа ... – Т.е. ок. 9 часов утра: часы отсчитывались от рассвета.

остальные добрались довольно благополучно.

16. Возвратившись в Рим, он проводил время либо дома, в обществе Афинодора, либо на форуме, подавая помощь друзьям в суде. Возраст уже позволял ему искать должности квестора, но он выступил соискателем лишь тогда, когда прочел все относящиеся к исполнению этой должности законы, расспросил сведущих людей обо всех частностях и подробностях и составил себе представление о размерах власти и правах квестора. Вот почему он сразу же, как занял должность, произвел большие перемены в деятельности служителей и писцов казначейства, которые, постоянно держа в своих руках государственные акты и законы, а начальников получая всякий раз молодых¹⁴⁰¹ и, по неопытности, безусловно нуждающихся в учителях и наставниках, не повиновались им, но скорее сами становились их начальниками, – и так продолжалось до тех пор, пока за дело с жаром не взялся Катон. Он не удовольствовался званием квестора и почестями, которые оно давало, но, владея и разумом, и мужеством, и собственным суждением, решил, что впредь писцы будут выполнять лишь те обязанности, какие им надлежит выполнять, а именно – обязанности слуг; с тем он и принялся изобличать виновных в злоупотреблениях и учить заблуждающихся по неведению. Но так как эти наглецы перед остальными квесторами заискивали, против Катона же дружно ополчились, он одного из них выгнал, уличив в мошенничестве при разделе наследства, а другого привлек к суду за легкомысленное отношение к своим обязанностям. Защищать последнего взялся цензор Лутаций Катул, пользовавшийся всеобщим уважением не только по высокому достоинству своей должности, но, в первую очередь, благодаря собственным качествам, – ибо не было римлянина, который превосходил бы его в справедливости и воздержности, – друг Катона и поклонник его жизненных правил. Видя, что ни малейших законных оснований выиграть дело нет, он с полной откровенностью стал просить о помиловании для своего подзащитного. Катон убеждал его замолчать, но Катул настаивал на своем все упорнее, и тогда Катон сказал: «Позор, Катул, что тебя, чей долг – испытывать и проверять наши нравы, лишают цензорского достоинства писцы казначейства!» Выслушав это замечание, Катул поднял глаза на Катона, словно собираясь ему возразить, но не сказал ничего и молча, не находя слов то ли от гнева, то ли от стыда, в полном расстройстве ушел. И все же писец не был осужден, ибо голосов, поданных в его пользу, было лишь одним меньше, чем тех, что соглашались с обвинителем, а Марк Лоллий, один из товарищей Катона по должности, заболел и не явился в суд, и Катул послал к нему, прося помочь своему подзащитному. Лоллий велел отнести себя на форум и, уже после окончания дела, подал голос за оправдание¹⁴⁰². Но Катон более не пользовался услугами этого писца и не платил ему жалование, ибо отказался принять в расчет суждение и голос Лоллия.

17. Сломив таким образом своеволие писцов и ведая делами по собственному усмотрению, Катон в короткий срок достиг того, что казначейству стали оказывать больше уважения, нежели сенату, и все в Риме считали и открыто говорили, что Катон придал квестуре консульское достоинство. Во-первых, обнаружив множество старых долгов, которыми частные лица были обязаны казне или же, напротив, казна частным лицам, он разом положил конец беззакониям, которые и терпело и само творило государство: с одних он строго и неумолимо взыскал причитающиеся суммы, другим быстро и неукоснительно выплатил, внушив народу почтение и страх, ибо люди видели, как те, кто надеялся присвоить чужое, вынуждены раскошеляться и, напротив, получают деньги те, кто уже не

---

¹⁴⁰¹ 10. ...начальников получая ... молодых ... – должность квестора (заведующего финансами в Риме или при провинциальных наместниках) занималась молодыми людьми лет в 27, и с нее начиналась обычная сенаторская карьера (квестор – народный трибун – эдил – претор – консул – цензор).

¹⁴⁰² 11. ...голос за оправдание . – Если голоса судей разделялись поровну, то дело считалось решенным в пользу ответчика.

рассчитывал вернуть своего. Затем, во многих случаях документы представлялись не надлежащим образом, а прежние квесторы, угождая друзьям или же склоняясь на просьбы, часто принимали у граждан подложные постановления. Ничто подобное не могло укрыться от взгляда Катона, и как-то раз, сомневаясь в подлинности одного постановления и не давая веры многочисленным свидетельским показаниям, он внес его в свои книги не прежде, чем консулы явились сами и клятвенно подтвердили, что документ подлинный.

Еще были живы многие, кому Сулла давал по тысяче двести драхм в награду за каждого убитого из числа объявленных вне закона, и все их ненавидели, считали гнусными преступниками, но привлечь к ответу никто не решался, и лишь Катон, вызывая каждого поодиночке, требовал вернуть общественные деньги, которыми они владеют без всякого на то права, и одновременно яростными словами клеймил их безбожный, незаконный поступок. Всех, кто через это прошел, считали обвиненными и, до известной степени, уже изобличенными в убийстве, их немедленно предавали суду, и суд воздавал им по заслугам – к радости всех граждан, считавших, что вместе с убийцами искореняется тирания минувшего времени и что они собственными глазами видят, как несет наказание сам Сулла.

18. Нравилось народу и постоянное, неослабное усердие Катона. Никто из его товарищей по должности не приходил в казначейство раньше, никто не уходил позднее. Он никогда не пропускал Народного собрания или заседания сената, не сводил глаз с тех, которые, из личной благосклонности, охотно предлагали отсрочить тому или иному уплату долга или налога или же выдать вспомоществование за казенный счет. Показав гражданам казначейство, очищенное от плутов и недоступное для них, но, вместе с тем, полное денег, он убедил римлян, что и воздерживаясь от несправедливости, государство может быть богатым. Некоторым товарищам по должности он пришлось сперва по не душе, не по нраву, но позже приобрел их любовь тем, что всю неприязнь, которую возбудил отказ квесторов раздавать общественные деньги и судить пристрастно, принял на себя один и дал в руки остальным прекрасное оправдание перед назойливыми просителями: дескать, без согласия Катона ничего сделать нельзя.

В последний день своей квестуры, когда чуть ли не весь Рим торжественно проводил его до дому, он вдруг услышал, что Марцелла в казначействе окружила целая толпа влиятельных друзей и понуждает выдать им какую-то сумму – якобы в возмещение ссуды, сделанной казне. Марцелл был с детских лет товарищем Катона и вместе с ним безупречно выполнял свои обязанности квестора, но сам совершенно не умел и как бы стыдился отказывать просителям и легко делал людям всевозможные одолжения. Катон немедленно вернулся, обнаружил, что Марцелла уже заставили сделать соответствующую запись, и, потребовав писчие доски, на глазах у безмолвствовавшего Марцелла стер запись. Затем он вывел Марцелла из казначейства и доставил домой, и ни в тот день, ни позже Марцелл ни единым словом его не упрекнул, напротив, до конца сохранил к нему прежнюю дружбу и приязнь.

Уже и сложив с себя квестуру, Катон не оставил казначейство без присмотра: что ни день там бывали его рабы, переписывая ежедневную ведомость прихода и расхода, а сам он за пять талантов купил книги, содержавшие расчеты по заведованию государственным достоянием со времени Суллы, и постоянно держал их под рукой.

19. В сенат он приходил первым и уходил с заседания последним, и нередко, пока остальные не торопясь собирались, Катон сидел молча и читал, прикрывая книгу тогой. В пору заседаний он никогда не уезжал из города. В более поздние времена Помпей, убедившись, что Катон неизменно и с непоколебимым упорством противодействует его незаконным начинаниям, стал применять всевозможные уловки, чтобы помешать Катону явиться в сенат: то надо было сказать речь в защиту друга, то принять участие в третейском суде, то обнаруживалось еще что-нибудь неотложное. Но Катон быстро разгадал злой умысел и стал отказывать всем, взявши за правило во время заседаний сената ничем иным не заниматься. Ведь он посвятил себя государственным делам не ради славы или наживы и не по воле случая, как некоторые другие, но избрал государственное поприще, считая его

нарочито предназначенным для честного и порядочного человека, в твердом убеждении, что общественным нуждам следует уделять больше внимания, чем уделяет пчела своим сотам; между прочим он позаботился и о том, чтобы друзья и гостеприимцы, которые были у него повсюду, сообщали ему, какие важные события произошли в провинциях, и присылали копии вынесенных там важнейших распоряжений и судебных приговоров. Однажды, когда он выступил против народного вожака Клодия, сеявшего великие смуты и мятежи и старавшегося очернить в глазах народа жрецов и жриц (опасности подвергалась даже Фабия, сестра Теренции, супруги Цицерона), когда, повторяю, он выступил против Клодия и, навлекши на него бесславие и позор, заставил покинуть город, то в ответ на слова признательности, с которыми обратился к нему Цицерон, заметил, что признательность следует питать к государству, ибо лишь ради государства трудится и борется с противниками Катон.

Благодаря всему этому он пользовался такой громкой славой, что раз, во время какого-то процесса, оратор, увидев, что противная сторона выставила одного-единственного свидетеля, сказал, обращаясь к судьям: «Одному свидетелю верить нельзя, будь то даже сам Катон», а у народа его имя уже тогда вошло в пословицу, и о вещах необыкновенных и невероятных говорили, что это, дескать, и в устах Катона было бы похоже на выдумку. Некий сенатор, человек порочный и расточительный, держал речь о бережливости и воздержности, и Амней, поднявшись со своего места, воскликнул: «Послушай, это, право же, непереносимо! Ты обедаешь, как Лукулл, строишь дворцы, как Красс, а поучаешь нас, как Катон!» И вообще людей испорченных и разнузданных, но любителей важных и суровых слов в насмешку звали Катонами.

20. Многие убеждали Катона искать должности народного трибуна, но он не считал разумным употреблять сопряженную с нею огромную власть в обычных обстоятельствах – ведь и сильное лекарство, говорил он, применяют лишь в случаях крайней необходимости. Теперь он был свободен от общественных дел и, забрав с собою книги и философов, отправился в Луканию, в свои поместья, предоставлявшие возможность проводить время самым приятным и благородным образом. В дороге ему встретилась целая толпа слуг с выючными животными, нагруженными всевозможной утварью, и услышав, что это возвращается в Рим Метелл Непот, собирающийся домогаться должности народного трибуна, Катон остановился в молчании и, немного помедлив, приказал своим поворачивать назад. На изумленные взгляды и вопросы друзей он ответил так: «Разве вы не понимаете, что Метелл опасен уже и сам по себе – своим безрассудством, а теперь, вернувшись по замыслу и по желанию Помпея, он грозно обрушится на государство и все приведет в смятение? Нет, сейчас не время для путешествия и отдыха, нужно либо одолеть этого человека, либо погибнуть славною смертью в борьбе за свободу». Все же, уступая просьбам друзей, он добрался сначала до своих поместий и провел там несколько дней, а затем пустился в обратный путь. Прибыв в город вечером, он на другое же утро явился на форум и предложил свою кандидатуру на должность трибуна – чтобы в дальнейшем, имея власть, противостоять Метеллу и его планам. Дело в том, что главная сила трибуна – в праве запрещать, а не действовать самому, и если решение одобряется голосами всех трибунов, кроме одного, верх берет этот единственный несогласный голос.

21. Сперва Катона поддерживали лишь немногочисленные друзья, но стоило намерениям его обнаружиться, как вот уже все порядочные и известные граждане сплотились вокруг него, предсказывая верный успех на выборах и уверяя, что с их стороны в этом не будет ни малейшей заслуги, напротив – это он оказывает отечеству и лучшим из римлян величайшую услугу, намереваясь теперь, ради свободы и спасения государства, вступить в опасную борьбу за должность, которую прежде столько раз мог получить без всяких хлопот, но – не пожелал. Толпа приверженцев и единомышленников, сошедшихся к нему, была, как сообщают, до того многочисленна, что он лишь с величайшим трудом и даже с угрозой для жизни смог проложить себе путь на форум. Избранный трибуном вместе с Метеллом и другими кандидатами, Катон вскоре обнаружил, что соискатели консульства

действовали подкупом, и обратился к народу с резким укором, закончив свою речь клятвой выступить, не взирая на лица, с обвинением против любого, кто раздавал гражданам деньги¹⁴⁰³. Все же Силану, который был женат на его сестре Сервилии, и следовательно, приходился ему свойственником, он сделал снисхождение и оставил его в покое, а Луция Мурену привлек к суду за то, что тот, якобы, с помощью подкупа достиг должности вместе с Силаном. По закону обвиняемый имел право приставить к обвинителю постоянного стража, чтобы быть осведомленным обо всех приготовлениях к обвинительной речи, но человек, приставленный Муреною к Катону и сначала следивший за каждым его шагом, скоро увидел, что тот не пользуется никакими противозаконными или же злонамеренными приемами, напротив – идет к обвинению прямым и честным путем, проявляя и благородство, и даже доброжелательность; убедившись в этом, он проникся таким восхищением перед нравом и образом мыслей Катона, что, встретившись с ним на форуме или же подойдя к дверям дома, спрашивал, будет ли он сегодня заниматься делами, связанными с обвинением, и если Катон отвечал, что не будет, уходил с полным доверием к его словам. Защищал Мурену Цицерон, консул того года, и на суде, метя в Катона, без конца шутил и подтрунивал над стоическими философами и над их так называемыми странными суждениями¹⁴⁰⁴. Судьи смеялись, а Катон, как сообщают, улыбнувшись краешком губ, сказал своим соседям: «Какой шутник у нас консул, господа римляне». Мурена был оправдан. Он не последовал примеру людей скверных и глупых, не затаил злого чувства против Катона, но во время своего консульства спрашивал его совета в самых важных делах и вообще оказывал ему и уважение и доверие. Впрочем, Катон был обязан этим самому себе: грозный и страшный на ораторском возвышении или в сенате, когда дело шло о защите справедливости, он в остальное время бывал со всеми благожелателен и приветлив.

22. Еще до своего вступления в должность Катон много раз приходил на помощь Цицерону, который был тогда консулом и выдерживал частые битвы с противниками, между прочим – помог ему успешно завершить самое великое и славное из его деяний – борьбу против Катилины. Сам Катилина, замышлявший пагубный для Рима переворот и старавшийся разжечь разом и мятеж и войну, был изобличен Цицероном и бежал из города. Однако Лентул, Цетег и с ними многие другие участники заговора, обвиняя Катилину в малодушии и нерешительности, замыслили сжечь Рим дотла и ниспровергнуть его владычество, вызвав восстание италийских племен и войну на границах. Но, как об этом рассказано в жизнеописании Цицерона¹⁴⁰⁵, их планы обнаружились, собрался сенат, и первый подал свое мнение Силан, который заявил, что считает необходимым применить крайнюю меру наказания. Его поддержал другой, третий, и так все – вплоть до Цезаря. Искушенный в мастерстве красноречия и склонный скорее раздуть любую смуту в государстве, чем дать ей погаснуть, – ибо в переворотах и смутах он видел благоприятную почву для собственных замыслов, – Цезарь поднялся с места и, произнеся много увлекательных и человеколюбивых фраз, в заключение советовал не казнить заговорщиков без суда, но запереть их в тюрьме и некоторое время выждать. Своей речью он до такой степени изменил унастроение сенаторов, боявшихся народа, что даже Силан отрекся от

¹⁴⁰³ 12. ...кто раздавал гражданам деньги. – Трибуны (в том числе Катон) вступали в должность 10 декабря (63 г.), консулы (Д. Юний Силан и Л. Лициний Мурена) – 1 января (62 г.), хотя выборы проводились еще летом. Видимо, в этот 20-дневный промежуток Катон и возбудил дело о подкупе избирателей (комм. С.П. Маркиша).

¹⁴⁰⁴ 13. ...странными суждениями ... – Имеются в виду парадоксы о том, что только стоический мудрец знает все, что нет разницы между проступком большим и малым и т.п.; Цицерон говорит об этом в речи «За Мурену», 58–83, и сам Плутарх написал несколько трактатов против этих парадоксов.

¹⁴⁰⁵ 14. ...в жизнеописании Цицерона ... – Гл. 20 сл.

прежней решимости и объяснил, что и он имел в виду не смерть, а лишь тюрьму: это, дескать, крайнее из наказаний, какому можно подвергнуть римского гражданина.

23. При виде такой перемены, когда все вдруг прониклись сдержанностью и человеколюбием, против нового мнения, не медля ни минуты, гневно и страстно выступил Катон: резко осудив Силана за слабость и непостоянство, он затем набросился на Цезаря, который, прикрываясь человеколюбивыми фразами и лицемерным желанием угодить народу, подкапывается под основы государства и запугивает сенат, а между тем сам должен бы трепетать, должен радоваться, если все окончится для него благополучно и он уйдет свободным от подозрения и наказания, после того как столь явно и дерзко пытается спасти общих врагов и, судя по его же словам, нисколько не жалеет о великом и прекрасном отечестве, стоящем на краю гибели, зато печалится и проливает горькие слезы о тех, кому лучше бы вообще не родиться на свет, – горюет, что они своею смертью избавят Рим от страшного кровопролития и грозных опасностей. Говорят, что из речей Катона сохранилась лишь эта одна, ибо консул Цицерон, заранее выбрав отличавшихся быстротою руки писцов и научив их несложным значкам, которые заменяли по многу букв каждый, рассадил этих писцов по всей курии. Тогда еще не готовили так называемых стенографов и вообще не владели этим искусством, но, как видно, лишь напали на первые его следы¹⁴⁰⁶. Итак, верх взял Катон: он еще раз переубедил сенаторов и заговорщикам был вынесен смертный приговор.

24. Мы как бы набрасываем здесь изображение души, и если при этом не следует пропускать даже незначительных черточек, в которых находит свое отражение характер, то вот какой существует рассказ. Когда между Цезарем и Катоном шла напряженная борьба и жаркий спор и внимание всего сената было приковано к ним двоим, Цезарю откуда-то подали маленькую табличку. Катон заподозрил неладное и, желая бросить на Цезаря тень, стал обвинять его в тайных связях с заговорщиками и потребовал прочесть записку вслух. Тогда Цезарь передал табличку прямо в руки Катону, и тот прочитал бесстыдное письмо своей сестры Сервилии к Цезарю, который ее соблазнил и которого она горячо любила. «Держи, пропойца» – промолвил Катон, снова бросая табличку Цезарю, и вернулся к начатой речи.

По-видимому, вообще женская половина семьи доставляла Катону одни неприятности. Та сестра, о которой мы только что говорили, пользовалась дурной славой из-за Цезаря. Другая Сервилия вела себя еще безобразнее. Она вышла замуж за Лукулла, одного из первых в Риме людей, и родила ему ребенка, но затем муж выгнал ее из дому – за распутство. А самое позорное, что и супруга Катона, Атилия, не была свободна от такой же вины, и ее скандальное поведение вынудило Катона расстаться с нею, несмотря на двоих детей, которых он прижил с этой женщиной.

25. Затем он женился на Марции, дочери Филиппа; она считалась нравственной женщиной, но о ней ходит множество толков самого различного свойства. Впрочем, эта сторона жизни Катона вообще полна необъяснимых загадок – словно какая-нибудь драма на театре. Фрасея, ссылаясь на Мунатия, товарища и близкого друга Катона, излагает дело так. Среди многих почитателей Катона были такие, что явственнее прочих выказывали свое восхищение и любовь, и к их числу принадлежал Квинт Гортензий, человек с громким именем и благородного нрава. Желая быть не просто приятелем и другом Катона, но связать себя самыми тесными узами со всем его домом и родом, он попытался уговорить Катона, чтобы тот передал ему свою дочь Порцию, которая жила в супружестве с Бибулом и уже родила двоих детей: пусть, словно благодатная почва, она произведет потомство и от него, Гортензия. По избитым человеческим понятиям, правда, нелепо, продолжал он, но зато

¹⁴⁰⁶ 15. ...не владели этим искусством ... лишь напали на первые его следы . – Первая в Риме система стенографического письма была разработана вольноотпущенником, секретарем и биографом Цицерона Тираном.

согласно с природою и полезно для государства, чтобы женщина в расцвете лет и сил и не пустовала, подавив в себе способность к деторождению, и не рождала больше, чем нужно, непосильно обременяя и разоряя супруга, но чтобы право на потомство принадлежало всем достойным людям сообща, – нравственные качества тогда щедро умножатся и разольются в изобилии по всем родам и семьям, а государство благодаря этим связям надежно сплотится изнутри. Впрочем, если Бибул привязан к жене, он, Гортензий, вернет ее сразу после родов, когда через общих детей сделается еще ближе и самому Бибулу и Катону. Катон на это ответил, что, любя Гортензия и отнюдь не возражая против родственной связи с ним, находит, однако, странным вести речь о замужестве дочери, уже выданной за другого, и тут Гортензий заговорил по-иному и, без всяких околичностей раскрыв свой замысел, попросил жену самого Катона: она еще достаточно молода, чтобы рожать, а у Катона уже и так много детей. И нельзя сказать, что он отважился на такой шаг, подозревая равнодушие Катона к жене, – напротив, говорят, что как раз в ту пору она была беременна. Видя, что Гортензий не шутит, но полон настойчивости, Катон ему не отказал и заметил только, что надо еще узнать, согласен ли на это и Филипп, отец Марции. Обратились к Филиппу, и он, уступив просьбам Гортензия, обручил дочь – на том, однако, условии, чтобы Катон присутствовал при помолвке и удостоверил ее. Хоть это и относится ко времени более позднему, я не счел целесообразным откладывать рассказ, раз уже вообще зашла речь о женщинах.

26. После казни Лентула и его товарищей Цезарь не оставил без внимания нападки и укоры, сделанные ему в сенате, но прибег к защите народа и, возбуждая главным образом пораженные недугом, растленные слои общества и привлекая их на свою сторону, настолько испугал Катона, что тот убедил сенат снова поддержать неимущую чернь продовольственными раздачами; расходы составили, правда, тысячу двести пятьдесят талантов ежегодно, но зато человеколюбивая и щедрая эта мера разом свела на нет созданную Цезарем угрозу.

Вскоре Метелл, вступив в должность трибуна, принялся возмущать народ в Собрании и предложил закон, призывающий Помпея Магна как можно скорее прибыть с войском в Италию и взять на себя спасение государства от бед, которые готовит ему Катилина. Это был лишь благовидный предлог, самая же суть закона и его цель состояла в том, чтобы передать верховную власть над Римом в руки Помпея. Собрался сенат, и так как Катон не напал на Метелла с обычной резкостью, но вполне дружелюбно и мягко его увещевал, а под конец обратился даже к просьбам и расточал похвалы дому Метеллов за постоянную верность аристократии, то Метелл возомнил о себе еще больше, исполнился презрения к Катону, – который, как ему показалось, в испуге отступает, – и разразился высокомерной и дерзкой речью, угрожая ни в чем не считаться с волей сената. Тогда Катон, изменившись в лице и заговорив совсем иным тоном и в иной манере, ко всем прежним словам прибавил решительное утверждение, что, покуда он жив, Помпею с оружием в городе не бывать, и этими словами внушил сенату уверенность, что ни сам он, ни его противник собою не владеют и не в силах рассуждать здраво: поведение Метелла было настоящим безумием, ослепленный злобою и пороком, он увлекал государство к гибели, а в Катоне была видна одержимость добродетели, яростно отстаивающей благо и справедливость.

27. Наступил день, когда народу предстояло одобрить или же отвергнуть закон Метелла; в распоряжении последнего находились выстроившиеся на форуме наемники-чужеземцы, гладиаторы и рабы, а также немалая часть народа, которая возлагала на переворот большие надежды и потому с нетерпением ждала Помпея, да и в руках Цезаря, – в то время претора, – была немалая сила, с Катоном же были только виднейшие граждане, да и те разделяли скорее его негодование и обиду, нежели решимость бороться, а потому домом Катона владели величайшее уныние и страх, так что иные из друзей, собравшись вместе, бодрствовали всю ночь в тяжких и бесплодных раздумьях, не чувствуя голода, а жена и сестры плакали и молились, но сам он беседовал со всеми смело и уверенно, старался успокоить тревогу близких, пообедал как обычно и крепко спал до утра, пока его не разбудил один из товарищей по должности – Минуций Терм.

Они спустились на форум, и провожали их немногие, зато многие шли навстречу и настоятельно просили поберечь себя. Увидев, что храм Диоскуров окружен вооруженными людьми и лестница охраняется гладиаторами, а наверху сидят сам Метелл и рядом с ним Цезарь, Катон остановился и сказал, обернувшись к друзьям: «Наглый трус! Вы только поглядите, какое войско он набрал против одного, и к тому же совершенно безоружного человека!» Вместе с Термом он немедленно направился прямо к ним. Занимавшие лестницу гладиаторы расступились перед обоими трибунами, но больше не пустили никого, так что Катон едва сумел втащить за собою на ступени Мунатия, схватив его за руку. Поднявшись, он сразу же сел между Метеллом и Цезарем и этим прервал все их разговоры. Оба они были в замешательстве, а все расположенные к Катону граждане, увидевшие его лицо и восхищенные его дерзкой отвагой, подошли ближе и громкими криками призывали Катона мужаться, а друг друга – сплотиться, стоять крепко и не покидать в беде свободу и ее защитника.

28. Служитель взял в руки текст законопроекта, но Катон запретил ему читать, тогда Метелл стал читать сам, но Катон вырвал у него свиток, а когда Метелл, знавший текст наизусть, продолжал читать по памяти, Терм зажал ему рот рукой и вообще не давал вымолвить ни звука, и так продолжалось до тех пор, пока Метелл, убедившись, что борьба эта безнадежна, а, главное, замечая, что народ начинает колебаться и склоняется на сторону победителей, не передал вооруженным бойцам приказание броситься с угрожающим криком вперед. Все разбежались кто куда, на месте остался только Катон, засыпаемый сверху камнями и палками, и единственный, кто о нем позаботился, был Мурена – тот самый, которого он прежде привлек к суду: он прикрыл его своей тогой, громко взывал к людям Метелла, чтобы они перестали бросать камни, и, в конце концов, обнимая Катона, с настоятельными увещаниями увел его в храм Диоскуров. Когда Метелл увидел, что противники его бегут с форума и подле ораторского возвышения никого нет, он счел свою победу полной и окончательной, дал приказ бойцам снова удалиться, а сам, с важным видом выступив вперед, приготовился открыть голосование. Между тем беглецы быстро оправились от испуга, повернули и ворвались на форум с таким грозным криком, что приверженцев Метелла охватило смятение и страх: решив, что враги раздобылись где-то оружием и вот-вот на них набросятся, они дружно, все как один, покинули ораторское возвышение. Когда они рассеялись, Катон вышел к народу со словами похвалы и ободрения, народ же теперь был готов любыми средствами низвергнуть Метелла, а сенат объявил, что поддерживает Катона и решительно против законопроекта, который несет Риму мятеж и междоусобную войну.

29. Сам Метелл был человеком упорным и бесстрашным, но, видя, что его сторонники трепещут при одном имени Катона и считают его совершенно неодолимым, он неожиданно появился на форуме, скликнул народ и произнес длинную, полную ненависти к Катону речь, а в конце закричал, что бежит от тирании Катона и от составленного против Помпея заговора и что Рим, оскорбляющий великого мужа, скоро об этом пожалеет. Сразу вслед за тем он отбыл в Азию, чтобы доложить обо всем Помпею, и ярко блистала слава Катона, который избавил город от тяжелого бремени трибунского самовластия: свалив Метелла, он до известной степени подорвал могущество самого Помпея. Но еще больше славу он стяжал, когда воспротивился намерению сената с позором лишить Метелла должности и добился для него прощения. В том, что он не растоптал своего врага и не надругался над повергнутым, народ видел признаки человеколюбия и воздержности, а люди, мыслящие более глубоко, полагали, что он не хочет озлоблять Помпея, и находили это правильным и целесообразным.

Вскоре возвратился из своих походов Лукулл¹⁴⁰⁷. Мало того, что Помпей, по-видимому, отнял у него счастливое завершение и славу этих походов – теперь он мог еще

¹⁴⁰⁷ 16. Вскоре возвратился ... Лукулл . – Ошибка: Лукулл вернулся в Рим еще в 66 г., а триумф получил в 63 г., за год до описываемых событий.

лишиться триумфа, ибо Гай Меммий возводил на Лукулла всевозможные вины и подстрекал против него народ – скорее из желания угодить Помпею, нежели из какой-то личной ненависти. Катон, находившийся в свойстве с Лукуллом – тот женился на его сестре Сервилии – а кроме того глубоко возмущенный страшной несправедливостью самого дела, выступил против Меммия, навлекши этим и на себя множество обвинений и наветов. В конце концов, едва не лишившись должности, якобы превращенной им в оружие тираннии, он все же вышел из борьбы победителем, заставив Меммия самого отказаться от суда и тяжбы. Лукулл справил триумф и еще крепче подружился с Катоном, приобретя в нем надежную защиту и оплот против всевластия Помпея.

30. Между тем Помпей во всем своем величии возвращается из похода, и великолепие и радушие приема, который ему оказывают, внушает ему уверенность, что ни одна его просьба не встретит отказа у сограждан, а потому он отправляет вперед своего посланца просить сенат отложить консульские выборы, чтобы он мог сам поддержать кандидатуру Пизона. Большинство сенаторов готово было согласиться, но Катон, не столько тревожась об отсрочке самой по себе, сколько желая разочаровать Помпея в первых же его надеждах, возражал и, склонив сенат на свою сторону, убедил его ответить отказом. Это немало встревожило Помпея, и в уверенности, что он будет сталкиваться с Катоном на каждом шагу, если только не приобретет его дружбы, он пригласил к себе Мунатия, друга Катона, чтобы сообщить ему о своем желании породниться с Катоном, женившись на старшей из двух его взрослых племянниц и взяв младшую в жены сыну. (Некоторые, правда, сообщают, что он посватался не к племянницам, а к дочерям Катона.) Мунатий рассказал об этом Катону, его супруге и сестрам, и женщины, соблазненные могуществом и славой Помпея, были в восторге от его предложения, но Катон, нимало не медля и не раздумывая, с глубокою обидою отвечал: «Ступай, Мунатий, ступай и скажи Помпею, что Катона в сети гинекея¹⁴⁰⁸ не поймать! Но расположение его я ценю и, если он будет поступать справедливо, не откажу ему в дружбе, которая окажется прочнее всякого родства, однако заложников Помпеевой славы во вред отечеству не выдам!» Женщины были очень огорчены, а друзья порицали Катона, находя его ответ вместе и грубым и высокомерным.

Но вскорости, стараясь доставить кому-то из друзей должность консула, Помпей разослал по трибам¹⁴⁰⁹ деньги, и этот подкуп стал широко известен, так как деньги отсчитывались в садах Помпея. Тогда Катон заметил жене и сестрам: «Вот в каких делах должны соучаствовать и нести свою долю позора те, кто связан с Помпеем» – и они согласились, что он решил правильнее, отвергнув сватовство. Впрочем, если судить по дальнейшим событиям, Катон совершил страшную ошибку, не пожелав вступить с Помпеем в родство и тем самым обратив его помыслы к Цезарю и представив случай заключить брак, который, слив воедино силу Помпея и Цезаря, едва вообще не погубил римского могущества, а существовавшему в ту пору государственному устройству положил конец. Ничего этого, возможно, и не случилось бы, если бы Катон, страшась мелких проступков Помпея, не просмотрел и не остался равнодушен к самому главному – к тому, что тот своим могуществом увеличил могущество Цезаря.

31. Но эти события были еще впереди. А в ту пору Лукулл горячо спорил с Помпеем из-за порядков в Понте – каждый требовал, чтобы утверждены были его распоряжения, – Катон, считая, что Лукуллу наносится вопиющая обида, был на его стороне, и Помпей, видя, что в сенате он терпит поражение, и желая приобрести поддержку народа, стал призывать солдат к разделу земли. Когда же Катон и тут воспротивился и не дал закону пройти, лишь

¹⁴⁰⁸ 17. *Гинекей* – женская половина дома у греков.

¹⁴⁰⁹ 18. ...стараясь доставить кому-то ... должность консула ... разослал по трибам ... – Л. Афранию, постоянному помощнику Помпея, избранному в консулы на 60 г.; триба – избирательный округ; их было 35, каждый подавал один голос на консульских выборах.

тогда Помпей был вынужден обратиться к Клодию, наглейшему из вожаков народа и его льстецов, и стал сближаться с Цезарем, и в какой-то мере причиной этому послужил сам Катон. Дело в том, что Цезарь, возвратившись из Испании, которой он управлял в звании претора, хотел искать консульства на выборах и в то же время добивался триумфа, а так как закон требовал, чтобы соискатели высших должностей находились в Риме, а полководец в ожидании триумфального шествия оставался за городскими стенами, Цезарь просил у сената дозволения хлопотать о консульстве заочно. Многие сочувствовали его желанию, но Катон был против и, зная, что сенаторы готовы уступить Цезарю, говорил весь день до темноты, тем самым помешав сенату принять решение. Тогда Цезарь, махнув рукой на триумф, немедленно приехал в город и стал домогаться консульства и дружбы Помпея. После благополучного избрания он обручил с Помпеем свою дочь Юлию, и тут-то они и заключили союз для совместной борьбы с государством: один предлагал новые законы о разделе земли между неимущими и устройстве колоний, а другой всячески поддерживал эти предложения. Лукулл и Цицерон, примкнувши ко второму консулу, Бибулу, пытались противодействовать их планам, но горячее всех боролся Катон, уже тогда подозревавший, что от дружбы и единства Цезаря с Помпеем ничего хорошего и честного ждать не приходится. «Не столько я боюсь раздела земель, — говорил он, — сколько награды, которой потребуют за него эти совратители и потатчики народа».

32. Сенат разделял его суждение, и немалое число граждан за стенами курии соглашались с Катонем, недовольные странным поведением Цезаря. И верно, то, на что прежде отваживались в угоду толпе лишь самые дерзкие и отчаянные из народных трибунов, делал теперь человек, облеченный консульской властью, позорно и низко заискивая перед народом. Недовольство римлян испугало Помпея и Цезаря, и они перешли к прямому насилию. Прежде всего, по пути к форуму на голову Бибулу вывернули корзину навоза, затем напали на его ликторов и изломали им розги, и, наконец, полетели камни и дротики, многие были ранены, а все остальные опрометью бежали с форума. Последним уходил Катон — медленным шагом, то и дело оборачиваясь и призывая сограждан в свидетели. Таким-то вот образом был не только утвержден раздел земли, но и принято дополнительное постановление, чтобы весь сенат поклялся признать закон действительным и защищать его от любого противника, причем отказавшемуся произнести клятву грозило жестокое наказание. Все вынуждены были поклясться, держа в памяти горькую участь старого Метелла¹⁴¹⁰, который не пожелал присягнуть в верности такому же примерно закону и изгнанником покинул Италию при полном безразличии народа к его судьбе. Поэтому вся женская половина дома, проливая обильные слезы, молила Катона уступить и принести клятву, и друзья и знакомые неотступно просили его о том же. Самое успешное воздействие оказал на него и, в конце концов, убедил дать присягу оратор Цицерон. Он внушал Катону, что, считая своим долгом в полном одиночестве противиться общему решению, он, возможно, нарушает и законы справедливости, но, во всяком случае, глупость и безумие не щадить своей жизни из-за сделанного и завершеного дела, в котором ничего уже не изменишь, и наихудшим злом будет, если он бросит государство на произвол злоумышленников, то самое государство, ради которого терпит все труды и муки, и словно бы с облегчением, с удовольствием перестанет за него бороться. Если Катон не нуждается в Риме, то Рим в Катоне нуждается, нуждаются в нем и все его друзья, и первый — он сам, Цицерон: ведь ему готовит гибель Клодий, который так и рвется в бой и уже почти вооружился трибунской властью. Такие и подобные им просьбы и доводы, звучавшие непрерывно, дома и на форуме, как сообщают, смягчили Катона и, в конце концов, сломили его упорство — хотя и последним (не считая лишь Фавония, одного из ближайших его друзей), он все-таки пошел к присяге.

33. Воодушевленный своим успехом, Цезарь предложил еще один закон — о разделе

¹⁴¹⁰ 19. ...старого Метелла ... — Метелл Нумидийский, изгнанный в 100—99 гг. (см.: Мар., 28—29).

почти всей Кампании¹⁴¹¹ между неимущими и нуждающимися гражданами. Ему не противоречил никто, кроме Катона. Цезарь приказал прямо с ораторского возвышения отвести его в тюрьму, но и тут Катон не пал духом, не умолк, – напротив, по дороге в тюрьму он продолжал говорить о новом законе, призывая римлян обуздать тех, кто вершит дела государства подобным образом. Следом за ним шел сенат в глубоком унынии и лучшая часть народа – огорченная, негодующая, хотя и безмолвная, и от Цезаря не укрылось их угрюмое неодобрение, но он не отменил своего приказа – во-первых, из упорства, а затем, ожидая, что Катон обратится с жалобой и просьбой о помощи к трибунам. Когда же стало ясно, что он этого ни в коем случае не сделает, Цезарь сам, не зная, куда деваться от стыда, подослал кого-то из трибунов с поручением отнять Катона у стражи.

Этими своими законами и милостями Помпей и Цезарь приручили толпу, так что Цезарю были отданы в управление Иллирия и вся Галлия вместе с войском из четырех легионов сроком на пять лет (услышав об этом, Катон сказал вещее слово – что, дескать, римляне сами, своим же постановлением впускают тиранна в цитадель), а Публия Клодия, выведя его, вопреки обычаю и праву, из числа патрициев и присоединив к плебейам, выбрали народным трибуном. Помпей и Цезарь заверили его, что не будут препятствовать изгнанию Цицерона, и в благодарность он готов был во всем подчиниться их воле. Консулами были избраны Кальпурний Пизон – тесть Цезаря, и Авл Габиний – один из усерднейших льстецов Помпея, как утверждают те, кому известны были его характер и образ жизни.

34. Но, хотя эти люди держали власть так твердо, хотя они и подчинили себе римлян, одних – щедрыми милостями, других – страхом, Катона они по-прежнему боялись. Вдобавок им было тягостно и мучительно вспоминать, что победа над этим человеком досталась им не даром, но ценою напряженных усилий, срама и позорных изобличений. Клодий даже и не надеялся свалить Цицерона, пока рядом был Катон, но, только об этом и думая, он, сразу же как вступил в должность, пригласил к себе Катона и заявил, что видит в нем честнейшего и достойнейшего из римлян и готов дать доказательства своей искренности. Многие, продолжал он, хотят получить в управление Кипр и привести к покорности Птолемея¹⁴¹² и просят их туда отправить, но лишь одного Катона он, Клодий, считает достойным и охотно оказывает ему услугу. «Какая же это услуга – это ловушка и надругательство!» – вскричал Катон, и Клодий с нестерпимым высокомерием отвечал: «Что ж, если ты такой неблагодарный и не признаешь моих услуг, поедешь вопреки собственной воле». С этими словами он отправился в Народное собрание и провел закон о назначении Катона. Снаряжая его в путь, Клодий не дал ему ни единого корабля, ни единого воина, ни единого служителя – никого, кроме двух писцов, из которых один был вор и отъявленный негодяй, а другой – клиент Клодия. А вдобавок, словно дела Кипра и Птолемея были сущей безделицей, он поручил Катону вернуть на родину византийских изгнанников – желая, чтобы тот как можно дольше находился вдали от Рима, пока сам он исполняет свою должность.

35. Оказавшись сам в такой крайности, Катон дал совет Цицерону, которого Клодий уже гнал и теснил, не поднимать мятежа, не ввергать государство в кровопролитную войну, но подчиниться обстоятельствам, тем самым спасая родину еще раз. На Кипр он отправил одного из друзей, Канидия, советуя Птолемею уступить без сопротивления и обещая ему в этом случае жизнь безбедную и почетную, ибо римский народ готов сделать его жрецом богини в Пафосе¹⁴¹³. Сам Катон оставался на Родосе, занимаясь необходимыми

¹⁴¹¹ 20. ...о разделе ... Кампании ... – Самый плодородный участок старых общественных земель, давно прибранный к рукам сенатской знатью.

¹⁴¹² 21. ...привести к покорности Птолемея ... – Птолемей Кипрский, брат и вассал египетского царя; речь шла о том, чтобы отобрать у него Кипр и сделать его римской провинцией.

¹⁴¹³ 22. ...богини в Пафосе . – Т.е. Афродиты, чтившейся в этом кипрском городе.

приготовлениями и ожидая ответа.

В это время на Родос прибыл египетский царь Птолемей. У него вышел раздор с подданными и, в гневе на них, он покинул Александрию и держал путь в Рим, надеясь, что Помпей и Цезарь вооруженной рукой вернут его на царство. Птолемей хотел встретиться с Катонем и известил его о своем приезде, ожидая, что тот посетит его сам. Катон, однако, как раз перед тем принял слабительного и пригласил Птолемея прийти к нему, если царь пожелает, а когда он явился, не вышел ему навстречу и даже не поднялся с места, но приветствовал, как любого случайного гостя, и просил сесть. Сперва Птолемей был немало озадачен, дивясь такому высокомерию и крутости нрава, никак не сочетавшимися с простой и скромной наружностью хозяина, но потом, когда заговорил о своих делах и услышал речи, полные разума и глубокой откровенности, услышал порицания Катона, объяснявшего ему, с каким благополучием он расстался и каким мучениям себя обрекает, отдаваясь во власть римских властителей, чье мздоимство и алчность едва ли насытишь, даже если обратишь в деньги весь Египет, когда услышал совет плыть назад и примириться с подданными и обещание, что Катон сам поплывет вместе с ним и поможет восстановить мир, – услышав все это, царь словно очнулся от какого-то безумия или же умоисступления и, ясно видя всю правоту и всю мудрость Катона, захотел было последовать его увещаниям. Друзья, однако ж, отговорили его, но стоило ему оказаться в Риме¹⁴¹⁴ и в первый раз приблизиться к дверям кого-то из власть имущих, как он горько пожалел о своем неразумном решении и подумал, что не речью достойного человека он пренебрег, а скорее вещанием бога.

36. Между тем, на счастье Катона, Птолемей Кипрский покончил с собой, отравившись ядом. Хотя, судя по слухам, он оставил огромные богатства, Катон все же решил плыть в Византий, а на Кипр, не вполне полагаясь на Канидию, отправил Брута, своего племянника. В Византии он примирил изгнанников с их согражданами и, восстановив в городе согласие, отплыл на Кипр. Там он нашел горы поистине царской утвари и украшений – чаши, столы, драгоценные камни, пурпур, – которые надо было продать и обратить в деньги, но, желая вникнуть во все возможно глубже, и за каждую вещь получить наивысшую цену, и повсюду побывать самому, и все высчитать с величайшей точностью, он не только отказывался доверять порядкам и обычаям, принятым на торгах, но и вообще подозревал всех подряд – слуг, глашатаев, покупателей, даже друзей; в конце концов, он сам стал вести переговоры и торговаться с каждым из покупателей в отдельности и таким образом продал почти весь товар. Своим недоверием он оскорбил всех друзей, а самого близкого из них, Мунатия, едва не превратил в злейшего врага, так что этот случай доставил Цезарю, когда он писал книгу против Катона, пищу для самых едких замечаний и нападок.

37. Впрочем сам Мунатий сообщает, что причиной его гнева и злобы была не подозрительность Катона, а недостаток внимания к нему, Мунатию, и его собственная ревность к Канидию. Ведь Мунатий и сам издал о Катоне сочинение, которому в основном следует Фрасея. Итак, он пишет, что прибыл на Кипр последним и получил очень незавидное помещение для жилья. Он направился было к Катону, но у дверей его остановили, сказав, что Катон с Канидием разбирают какой-то сложный вопрос, а позже на свои сдержанные упреки он получил весьма несдержанный ответ, что, дескать, слишком горячая любовь, по слову Феофраста, нередко рискует сделаться причиной ненависти. «Вот и ты, – продолжал Катон, – любя с непомерною силой, считаешь, что тебя ценят меньше, чем ты того заслуживаешь, а потому сердись. Но я обращаюсь к Канидию чаще, чем к другим, ради его опытности и ради верности: во-первых, он прибыл сюда раньше нас, а во-вторых, показал себя безукоризненно честным». Катон говорил это Мунатию с глаза на глаз, но затем передал их разговор Канидию. Узнав об этом, Мунатий больше не стал ходить к обеду и не являлся, если его звали посоветоваться о делах. Катон пригрозил, что потребует с него денежный

¹⁴¹⁴ 23. ...оказаться в Риме ... – Здесь Птолемей ничего не добился, 58—55 гг. провел в изгнании в Эфесе и лишь затем с помощью Помпея был восстановлен на престоле А. Габинием с помощью вооруженного отряда.

залог – так обычно поступают с ослушниками, – но Мунатий, пренебрегши этой угрозой, покинул Кипр и долгое время хранил гнев и обиду. Позже Марция, которая была тогда еще за Катонем, переговорила и с тем, и с другим, а тут как раз случилось, что Барка пригласил обоих к обеду. Катон пришел последним, когда остальные были уже за столами, и спросил, где ему лечь. «Где угодно», – отвечал Барка, и тогда Катон, обведя глазами присутствующих, сказал, что ляжет рядом с Мунатием, обогнул стол и занял соседнее с ним место, ничем иным, однако, в продолжение обеда своей доброжелательности не обнаружив. Лишь после новых просьб Марции Катон написал Мунатию, что хочет встретиться с ним для какого-то разговора, и Мунатий явился чуть свет, но Марция его задержала, пока не разошлись все остальные посетители, а затем вошел Катон, крепко обнял гостя и приветствовал его самым дружеским образом. Мы задержались на этом рассказе так долго, ибо считаем, что подобные происшествия не менее, чем великие, бросающиеся в глаза деяния и подвиги, позволяют понять и ясно представить себе человеческий характер.

38. Всего у Катона собралось без малого семь тысяч серебряных талантов, и, страшась долгого пути морем, он распорядился приготовить много сосудов, вмещавших по два таланта и пятьсот драхм каждый, и к каждому привязать длинную веревку с огромным куском пробковой коры на конце, чтобы, в случае крушения судна, этот «поплавок», поднявшись сквозь пучину на поверхность, показывал, где легло «грузило». И деньги, за исключением какой-то незначительной суммы, прибыли благополучно, но счета по всем сделкам, которые Катон совершил, заботливо и тщательно вписанные в две книги, погибли: одну из них вез его вольноотпущенник по имени Филаргир, и корабль вскоре после выхода из Кенхрей перевернулся, так что весь груз пошел ко дну, а другую он сам сохранял вплоть до Керкиры, где велел разбить на городской площади палатки, а ночью моряки, страдая от холода, развели такой громадный костер, что занялись палатки и книга погибла. Правда, присутствие царских управляющих, которых он привез с собой в Рим, должно было зажать рот врагам и клеветникам, но самого Катона эта неудача грызла и терзала, ибо не столько он хотел представить доказательства собственного бескорыстия, сколько лелеял честлюбивую мечту дать другим пример строжайшей точности, однако судьба не позволила этой мечте сбыться.

39. Когда суда завершили морской переход, об этом тут же стало известно в Риме, и все должностные лица и жрецы, весь сенат и бо льшая часть народа вышли навстречу Катону к реке, так что оба берега были усеяны людьми и это плавание вверх по Тибру пышным и торжественным своим видом нисколько не уступало триумфу. Впрочем, иным показалось глупой заносчивостью, что, увидев консулов и преторов, Катон и сам не высадился, чтобы их приветствовать, и даже не остановил суда, но на царском корабле с шестью рядами весел стремительно мчал вдоль берегов, пока не ввел свой флот в гавань. Однако ж, когда деньги понесли через форум, не только народ дивился их обилию, но и сенат, собравшись и воздав Катону подобающие похвалы, постановил предоставить ему чрезвычайную претуру и право появляться на зрелищах в тоге с пурпурной каймой. Но Катон отверг эти почести и лишь просил сенат – и получил от него обещание – отпустить на волю управляющего царским имуществом Никия, засвидетельствовав усердие и верность этого человека. Консулом был тогда Филипп, отец Марции, и в известной мере достоинство и сила его власти возвышали и Катона, хотя надо сказать, что товарищ Филиппа по должности¹⁴¹⁵ оказывал Катону всяческое уважение столько же ради замечательных его качеств, сколько из-за свойства с Филиппом.

40. Цицерон, возвратившийся из изгнания, которым обязан был Клодию, и вновь приобретший большой вес, в отсутствие своего врага силою сбросил с места и разбил трибунские таблицы, написанные и поставленные на Капитолии по распоряжению Клодия, и

¹⁴¹⁵ 24. ...товарищ Филиппа по должности ... – Вторым консулом 56 г. был Гн. Корнелий Лентул Марцеллин.

когда собрался сенат и Клодий выступил с обвинением, ответил, что Клодий занял должность вопреки закону, а потому все его действия, предложения и записи следует полагать несостоявшимися и не имеющими силы. Катона больно задела эта речь и, в конце концов, он поднялся и сказал так: «Поведение и поступки Клодия в должности трибуна я не считаю ни здоровыми, ни полезными, но если кто отрицает все, сделанное им, то надо объявить несостоявшимися и мои труды на Кипре, а самое назначение мое – незаконным, поскольку его предложил избранный вопреки законам трибун. Однако ж в избрании его не было ничего противозаконного, ибо он с согласия и разрешения закона перешел из патрицианского рода в плебейский, а если он, как и многие другие, оказался в должности никуда не годным, надо за совершенные злоупотребления потребовать к ответу его самого, но не унижать должность, которая также стала жертвой его злоупотреблений». Цицерон жестоко обиделся на Катона, и дружба их на долгое время прекратилась, но впоследствии они вновь стали друзьями.

41. Вскоре Помпей и Красс, встретившись с Цезарем, который приехал из-за Альп, договорились с ним, что будут помогать второму консульству, и если его достигнут, то через Народное собрание продлят Цезарю полномочия еще на такой же срок, а сами получают важнейшие из провинций, а также необходимые денежные суммы и войско. То был заговор для раздела верховной власти и ниспровержения существующего государственного строя. Многие порядочные люди готовились в тот год предложить свою кандидатуру на консульских выборах, но, увидев в числе соискателей Красса и Помпея, в страхе отступились – все, кроме лишь Луция Домиция, супруга сестры Катона, Порции, которого Катон убедил ни в коем случае не отказываться от прежнего намерения, ибо, говорил он, это борьба не за должность, а за свободу римлян. Впрочем, и среди сохранявшей еще здравый рассудок части граждан шли речи, что нельзя позволять могуществу Красса и Помпея слиться воедино, – ибо тогда консульская власть сделается непомерно и невыносимо тяжелой, – но одному из них следует в консульстве отказать. Эти граждане поддерживали Домиция, убеждали его мужаться и крепко стоять на своем, – при голосовании, дескать, даже многие из тех, что теперь от страха молчат, будут на его стороне. Именно этого Помпей и опасался и, когда Домиций, едва забрезжило утро, спускался при свете факелов на Поле, устроил ему засаду. Первый удар достался факелоносцу самого Домиция – он упал и сразу испустил дух, потом получили раны и остальные и все бросились бежать. Только Домиция Катон, хотя и сам раненный в шею, удерживал на месте, убеждая остаться и до последнего дыхания не покидать битвы за свободу против тираннов: ведь какова будет их власть, они достаточно ясно дают понять уже теперь, идя к ней дорогою таких преступлений. 42.. Домиций, однако, не пожелал подвергать себя прямой опасности, но укрылся в своем доме, и консулами были избраны Помпей и Красс.

Все же Катон и тут не сложил оружия – теперь он сам выступил соискателем должности претора, чтобы приобрести опорную позицию для будущих сражений и чтобы, имея противниками консулов, самому не оставаться частным лицом. Но те, понимая, что претора благодаря Катону может сделаться достойной противницей консульства, и страшась этого, прежде всего, неожиданно и не оповестив значительную часть сенаторов, созвали сенат и провели решение, чтобы новые преторы вступили в должность немедленно после избрания¹⁴¹⁶, не дожидаясь назначенного законом срока, в который обыкновенно проходили судебные дела против виновных в подкупе народа. Затем, обеспечив себе этим решением право безнаказанно подкупать граждан, они поставили преторами своих прислужников и друзей, сами раздавая деньги и сами же возглавляя подачу голосов. Впрочем слава и нравственное совершенство Катона взяли сперва верх и над этими кознями, ибо народ робел, считая чудовищным злодеянием продать на выборах Катона – Катона, которого Риму не грех было бы и купить себе в преторы! – и триба, призванная к

¹⁴¹⁶ 25. ...немедленно после избрания ... – Т.е. летом, а не с 1 января, вместе с консулами.

голосованию первой, высказалась за него. Тогда Помпей, самым бессовестным образом солгав, будто он слышал раскат грома, внезапно распустил Собрание: римляне верят, что такие явления требуют искупительных жертв, и потому при каких бы то ни было знаках с небес любое решение считают недействительным.

Снова был пущен в ход обильный и щедрый подкуп, лучших граждан выгнали с Поля и, наконец, силою добились своего: претором вместо Катона был избран Ватиний. Затем, как сообщают, все, подавшие голоса, в таком вопиющем противоречии с законами и справедливостью, немедленно удалились чуть ли не бегом, остальные же, полные негодования, не желали расходиться, с разрешения кого-то из трибунов тут же открылось Собрание¹⁴¹⁷, и Катон, словно вдохновленный богами, предрек Риму все его будущее, и предостерегал граждан против Помпея и Красса, которые вынашивают такие замыслы и намерены править государством так, что должны бояться Катона – как бы он, сделавшись претором, не взял над ними верх и не расстроил их планы. Когда же, наконец, он пошел домой, его провожало больше народу, нежели всех вновь избранных преторов вместе взятых.

43. Гай Требоний предложил законопроект о разделе провинций между консулами, заключавшийся в том, что одному из них предназначалась Испания и Африка, а другому – Сирия и Египет с правом начинать и вести войну на суше и на море с любым противником и покорять любые народы по собственному усмотрению и выбору, и все остальные, отчаявшись в возможности дать отпор или хотя бы помешать этому предложению, не стали против него и высказываться, лишь Катон перед голосованием поднялся на ораторское возвышение и попросил слова. Он получил – и то с большим трудом – разрешение говорить два часа, не более, и когда, многое внушая и многое предсказывая римлянам, израсходовал это время, ему велели замолчать, а так как он оставался на прежнем месте, подошел ликтор и силой стащил его с возвышения. Но и стоя внизу, он продолжал кричать, находя слушателей, разделявших его негодование, и ликтор снова схватил его и увел с форума прочь; не успел ликтор его отпустить, как он тут же вернулся и подошел к возвышению, громко взывая к согражданам о защите. Это повторялось много раз, пока Требоний, в крайнем раздражении, не приказал отвести его в тюрьму, но следом за ним двинулась целая толпа, внимавшая его словам, ибо он не умолкал и на ходу, и Требоний, испугавшись, велел его освободить. Так из-за Катона весь день прошел впустую. Но в последующие дни Помпей и Красс сумели часть граждан запугать, а иных склонить на свою сторону взятками и одолжениями, и вот, заперев народного трибуна Аквилу в курии и приставив к дверям вооруженный караул, а самого Катона, кричавшего, что гремел гром, прогнавши с форума, немало народу ранив и нескольких человек уложив на месте, приверженцы консулов, наконец, утвердили закон, но насилие было настолько очевидным, что многочисленная толпа в ярости бросилась опрокидывать статуи Помпея. Однако этому воспрепятствовал вовремя подоспевший Катон.

Вслед за тем было внесено еще одно предложение – о провинциях и войсках Цезаря, и тут Катон обратился уже не к народу, а к самому Помпею, заверяя и предупреждая его, что себе на шею сажает он теперь Цезаря, сам того не ведая, и скоро начнет мучительно тяготиться этим бременем, но уже ни сбросить его, ни дальше нести не сможет, и тогда рухнет вместе с ним на город, и вспомнит увещания Катона, убедившись, что пользы для самого Помпея в них заключилось ничуть не меньше, нежели благородства и справедливости. Помпей, однако, слышал подобные речи не в первый раз и всегда пропускал их мимо ушей, не веря в измену Цезаря потому, что слишком крепко верил в собственную удачу и могущество.

44. На следующий год Катон был избран в преторы, но не столько придал этой должности веса и величия прекрасным ее исполнением, сколько унизил и осрамил тем, что часто являлся к преторскому возвышению босой и в тоге на голом теле и в таком виде

¹⁴¹⁷ 26. ...открылось Собрание ... – Точнее, сходка (contio, а не comitium), законодательной власти не имевшая и созывавшаяся (чаще всего трибунами) только для обсуждения текущих дел.

выносил решения по делам, где речь шла о жизни или смерти видных людей. Некоторые сообщают даже, что ему случалось судить и под хмельком, выпив за завтраком вина, но это неправда.

Так как честолубцы продолжали развращать народ подкупом и большинство уже успело сделать для себя взятки привычным промыслом, Катон, желая совершенно искоренить этот недуг римского государства, убедил сенат принять постановление, по которому вновь избранные должностные лица, даже в том случае если против них не было выдвинуто никаких обвинений, обязывались явиться перед судом присяжных и представить отчет о своем избрании. Этим были возмущены и искатели должностей, и – еще сильнее – продажная чернь. Однажды ранним утром, когда Катон направлялся к преторскому возвышению, недовольные дружно напали на него и принялись кричать, браниться и бросать камни, так что все, находившиеся подле возвышения, бежали, а сам Катон, отесненный и отброшенный толпою, едва выбрался к ораторскому возвышению. Поднявшись наверх, он одним своим видом, бесстрашным и решительным, тотчас пресек шум и волнение и, сказав отвечающую обстоятельствам речь, которая была выслушана вполне спокойно, положил конец беспорядкам. Сенат обратился к нему с похвалами. «А вот я вас не могу похвалить – вы покинули в опасности своего претора и не пришли ему на помощь», – отвечал Катон.

Все соискатели оказались в большом затруднении, боясь действовать подкупом сами, но в то же время опасаясь потерпеть неудачу на выборах, если кто-нибудь из противников все-таки прибегнет к подкупу. И вот они сошлись на том, что каждый дает в залог по сто двадцать тысяч драхм и затем ищет должности только честными и справедливыми средствами, а кто нарушит условия и станет подкупать граждан, лишается своих денег. Свидетелем, судьей и блюстителем своего соглашения они избрали Катона, понесли к нему деньги и подписали в его доме договор; деньги, однако, он принять не захотел и предложил, чтобы вместо этого каждый выставил поручителя.

Когда пришел решающий день, Катон, встав рядом с трибуном, который руководил голосованием, и внимательно следя за подачей голосов, избличил одного из участников соглашения в недобросовестности и велел ему отдать деньги остальным соискателям. Те громко восхищались справедливостью Катона, деньги, однако, решили не брать, считая, что виновный и без того уже достаточно наказан. Но всех прочих поступок Катона сильно раздосадовал и вызвал к нему зависть и ненависть, ибо он, по общему мнению, присвоил себе власть сената, суда и высших должностных лиц. Нет ни одного нравственного качества, чья слава и влияние рождали бы больше зависти, нежели справедливость, ибо ей обычно сопутствует и могущество, и огромное доверие у народа. Справедливых не только уважают, как уважают храбрых, не только дивятся и восхищаются ими, как восхищаются мудрыми, но любят их, твердо на них полагаются, верят им, тогда как к храбрым и мудрым питают либо страх, либо недоверие. Вдобавок считается, что и храбрые и мудрые выше остальных от природы, а не по собственной воле и что храбрость – это особая крепость души, а мудрость – особая ее острота. Между тем, чтобы стать справедливым, достаточно собственного желания. Вот почему несправедливости, порока, который ничем не скрыть и не оправдать, стыдятся так, как никакого другого.

45. Именно по этой причине и враждовали с Катоном все видные люди Рима, словно без конца посрамляемые его превосходством. Помпей, в славе Катона видевший гибель собственного могущества, все время напускал на него каких-либо хулителей, среди которых был и народный вожак Клодий: он снова примкнул к Помпею и теперь громогласно обвинял Катона в том, что он похитил на Кипре огромные деньги, а с Помпеем воюет, обманувшись в надеждах выдать за него свою дочь. Катон на это отвечал, что, не взяв с собою ни единого всадника, ни единого пехотинца, собрал для государства столько денег, сколько Помпей не привез, потрясши и взбудоражив всю вселенную, после всех своих бесчисленных войн и триумфов, о свойстве же с Помпеем он никогда и не помышлял – не то, чтобы считая Помпея недостойным такого свойства, но видя глубокое различие в их правилах и убеждениях. «Я, – продолжал он, – отказался от провинции, которую мне давали после претуры, а он одни

провинции захватывает силой, другие сам раздает, а теперь, в довершение всего, одолжил Цезарю шесть тысяч солдат для войны в Галлии. Цезарь просил их не у вас, римляне, и не с вашего одобрения дал их Помпей – нет, такие громадные силы, столько оружия и боевых коней превращены в дары, которыми обмениваются частные лица! Именуясь императором и военачальником, он передал другим войска и провинции, а сам засел близ Рима, подстрекая к беспорядкам на выборах и разжигая волнения, – ясно, что через безначалие и безвластие он рвется к единовластию».

46. Так оборонялся Катон против Помпея. Был у Катона друг и ревностный приверженец Марк Фавоний – такой же, каким, судя по рассказам писателей, был некогда при Сократе Аполлодор Фалерский, – человек страстный и безмерно увлеченный речами Катона, которые действовали на него не постепенно, не мало-помалу, но вдруг, точно несмешанное вино, и разом лишали рассудка. Он искал должности эдила и потерпел поражение, но Катон, присутствовавший на выборах, обратил внимание на то, что все таблички надписаны одной рукой. Разоблачив обман, он тут же обратился с жалобой к народному трибуну, и выборы были признаны недействительными. Фавоний получил должность, и Катон вместе с ним исполнял все обязанности эдила, между прочим – устраивал театральные зрелища. Участникам хора и музыкантам он приготовил в награду не золотые венки, а масличные, как в Олимпии, и вместо дорогих подарков грекам решил дать свеклу, салат, редьку, груши, а римлянам – кувшины с вином, свинину, смоквы, дыни и вязанки дров. Одни насмехались над скудостью этих подарков, а другие радовались, видя, что всегда суровый и черствый Катон хоть немного развеселился. В конце концов Фавоний смешался с толпой, сел среди зрителей и стал рукоплескать Катону, крича, чтобы он сам вручил отличившимся почетные награды, и приглашая зрителей присоединиться к его просьбе, потому что, дескать, все свои полномочия он передал Катону. В это время Курион, товарищ Фавония по должности, давал в другом театре роскошное и пышное празднество, но граждане оставили Куриона, перешли к Фавонию и вместе с ним от всей души веселились, глядя, как он разыгрывает роль частного лица, а Катон – эдила. Придумал же это Катон, чтобы высмеять тех, кто не щадя трудов, хлопочет о вещах, по сути дела ничего не стоящих, и воочию показать римлянам, что на играх все, действительно, должно быть игрою и что радушная простота в таких обстоятельствах уместнее, чем сложные приготовления и разорительная роскошь.

47. Когда соискателями консульства выступили Сципион, Гипсей и Милон и уже не просто пустили в ход привычные и глубоко укоренившиеся злоупотребления – взятки и подкуп, но дерзко и безумно, не останавливаясь ни пред вооруженным насилием, ни пред убийствами, рвались навстречу междоусобной войне и некоторые предлагали верховный надзор за выборами поручить Помпею, Катон сперва возражал, говоря, что не законам нужно искать защиты у Помпея, а Помпею у законов. Но так как безначалие все продолжалось, и, что ни день, три враждебных лагеря окружали форум, и зло уже вот-вот должно было сделаться неодолимым, – он решил, что лучше теперь, пока еще не дошло до крайности, предоставить Помпею неограниченные полномочия волею и милостью сената и, воспользовавшись самым малым из беззаконий, как целительным средством ради спасения государства от величайшей опасности, сознательно ввести единовластие, а не доводить дело до того, чтобы единовластие выросло из мятежа само по себе. И вот Бибул, родич Катона, заявляет в сенате, что надо избрать Помпея единственным консулом: либо под его управлением все пойдет на лад, либо, по крайней мере, Рим окажется в рабстве у сильнейшего и достойнейшего из граждан. Затем выступает Катон и, вопреки всеобщим ожиданиям, поддерживает Бибула, говоря, что любая власть лучше безвластия, а Помпей, как он надеется, сумеет употребить свое нынешнее могущество наилучшим образом и сбережет доверенное ему охране государство.

48. Так Помпей был избран консулом и тут же пригласил Катона к себе, в загородное имение. Он встретил гостя приветливо, дружелюбно, обходительно, засвидетельствовал свою признательность и просил постоянно помогать ему советами во время этого

консульства. Катон отвечал, что ни одно из прежних его выступлений не было вызвано ненавистью к Помпею, точно так же как и это, последнее, – желанием ему угодить, но все они имели одну цель – благо государства. Частным образом, продолжал Катон, он будет давать советы, если Помпей этого пожелает, но высказывать свои суждения перед сенатом и народом намерен в любом случае, не справляясь с желанием Помпея. Слова его не разошлись с делом. Во-первых, когда Помпей объявил, что наложит новые, тяжкие наказания на тех, кто подкупал народ, Катон призвал забыть о прошлом и подумать о будущем. Ведь не так просто решить, как далеко должны зайти розыски по старым преступлениям и где следует остановиться, и затем, если за прежние провинности будут назначены новые наказания, это в высшей степени несправедливо: люди понесут кару в соответствии с законом, которого они, совершая преступление, не нарушали! Во-вторых, Катон видел, что, привлекая к ответственности немало знатных римлян, и среди них даже собственных друзей и родичей, Помпей во многих случаях проявляет чрезмерную снисходительность, и резко его за это порицал, требуя решительных действий. Когда же Помпей особым законом отменил обычай произносить похвальные речи в честь обвиняемых, а сам написал похвалу Мунатия Планку¹⁴¹⁸ и представил ее в суд, Катон, оказавшийся в числе судей, зажал уши руками, чтобы остановить служителя, читавшего показания Помпея. В ответ на это Планк, когда прения сторон окончились, заявил ему отвод, но все-таки был осужден. И вообще Катон был для обвиняемых тяжелой, неодолимой помехой – видеть его среди судей они не хотели, а заявить отвод не решались, ибо уклоняться от встречи с Катонем означало, по мнению судей, обнаружить неуверенность в собственной правоте, и это обстоятельство нередко оказывалось решающим. А иной раз и в перебранке, как тяжкий и позорный укор, противнику ставилось на вид, что он, дескать, не принял в число своих судей Катона.

49. Цезарь оставался с войском в Галлии и вел войну за войной, но, в то же время, при помощи друзей и щедрых подарков, делал все возможное, чтобы приобрести влияние в самом Риме, так что теперь прорицания Катона побудили, наконец, Помпея распротиться с прежним слепым неверием в перемены и, – пока еще смутно, словно во сне, – увидеть надвигающуюся опасность. Однако медлительность и робкое ожидание владели им безраздельно, он не решался ни пресечь происки Цезаря, ни ударить первым, и Катон решил искать консульства, чтобы немедленно вырвать у Цезаря из рук оружие или, по крайней мере, разоблачить его умыслы. Оба его соперника на будущих выборах были люди достойные. Правда, один из них, Сульпиций, в прошлом был многим обязан славе и влиянию Катона, а потому его действия казались и несправедливыми и неблагодарными, но Катон не винил Сульпиция. «Можно ли удивляться, – говорил он, – если человек не хочет уступать другому того, что сам считает величайшим из благ?» Он убедил сенат принять постановление, чтобы соискатели приветствовали народ сами, а не просили за себя через других лиц, и тем еще сильнее озлобил римлян: мало ему, говорили в городе, что он разорил народ, лишив его права принимать вознаграждение, – теперь он отнимает у него влияние и достоинство, запрещая дарить свою благосклонность. Вдобавок, Катон был совершенно неспособен просить за себя, но предпочитал сберечь в неприкосновенности славу своей жизни, приобретенную благодаря собственному характеру и в согласии с ним, и не присоединять к ней славу консульства, добытую ценою искательства и лицемерного радушия; а так как он и друзьям не разрешил каким бы то ни было образом привлекать и улавливать толпу, то на выборах потерпел неудачу.

50. Подобные неудачи, как правило, на много дней выводят из равновесия не только самого потерпевшего, но и его друзей и родичей, терзая их стыдом, унынием и печалью. Катон, однако, перенес случившееся с таким хладнокровием, что тут же, на Поле, натерся

---

¹⁴¹⁸ 27. Мунатий Планк – народный трибун 52 г.; был привлечен к суду за участие в смутах, вспыхнувших вокруг гибели Клодия (Циц., 35).

маслом и стал играть в мяч, а после завтрака, спустившись на форум, как обычно босой и в тоге на голом теле, прогуливался с друзьями. Цицерон порицает его за то, что хотя сами обстоятельства требовали тогда такого консула, как Катон, он, со своей стороны, не проявил должного усердия, не постарался ласковым обхождением приобрести любовь народа и даже на будущее отказался от всяких надежд, словно уставши от борьбы, тогда как прежде, потерпев неудачу на преторских выборах, он выставил свою кандидатуру еще раз. Катон, возражая, объяснял, что претуры он не получил вопреки истинному суждению народа, который был либо подкуплен, либо уступил насилию; но на консульских выборах, проходивших без всяких злоупотреблений, он убедился, что народ относится к нему неприязненно из-за его нрава, а человеку разумному не к лицу ни менять свой нрав в угоду другим, ни, оставаясь верным себе, снова терпеть прежние разочарования.

51. Когда Цезарь, отважно вторгшись в земли воинственных племен, одержал победу и распространился слух, будто он напал на германцев во время перемирия и перебил триста тысяч, все считали, что народ, в благодарность за радостную весть, должен принести жертвы богам и справить праздник, и только Катон настоятельно советовал выдать Цезаря тем, кто пострадал от его вероломства, не брать ответственность за преступление на себя и не возлагать ее на государство. «Нет, – воскликнул он, – давайте за то возблагодарим богов жертвами, что безумие и безрассудство полководца они не вменили в вину воинам и по-прежнему щадят наш город!» После этого Цезарь прислал сенату письмо, полное хулы и обвинений против Катона. Когда оно было прочитано перед сенаторами, Катон поднялся и без гнева, без запальчивости, но, словно заранее обдумав и взвесив каждое слово, доказал, что все эти жалобы – не более, чем брань и издевательство, что все это – мальчишеское шутовство, которое разрешает себе Цезарь, а затем перешел к его замыслам и намерениям и раскрыл их от начала до конца, не как враг, но словно единомышленник и соучастник, внушая, что не потомков германцев и кельтов, но его, Цезаря, должно страшиться римлянам, если только они еще в здравом уме. Его речь многих убедила и взволновала, и друзья Цезаря горько пожалели, что, прочтя в сенате письмо, дали Катону случай выступить с такими меткими и справедливыми обвинениями.

Решения, впрочем, не было принято никакого, говорили только, что следовало бы послать Цезарю преемника. Но друзья его требовали, чтобы и Помпей одновременно сложил оружие и передал свои провинции новому наместнику или же – чтобы к этому не принуждали и Цезаря, и тогда Катон стал кричать повсюду, что ныне его предсказания сбываются – Цезарь уже открыто грозит насилием, пользуясь властью, которую приобрел тайком, обманывая государство. Однако за стенами курии никто его не слушал, ибо именно Цезаря, и никого иного, хотел увидеть народ на вершине могущества, а сенат разделял мнение Катона, но боялся народа.

52. Когда же Цезарь занял Аримин и пришло известие, что он движется с войском на Рим, взоры всех – и народа, и Помпея – обратились к Катону, единственному, кто с самого начала разгадал планы Цезаря, и первому, кто о них предупредил. В ответ Катон заметил: «Если бы вы прежде прислушивались к моим предупреждениям и советам, сограждане, не надо было бы вам сейчас ни страшиться одного-единственного человека, ни возлагать все надежды опять-таки на одного». Помпей возразил только, что Катон вещал как настоящий пророк, а он сам действовал как настоящий друг, а затем Катон предложил сенату облечь Помпея неограниченными полномочиями: кто сделался причиной великих бедствий, тот пусть их и утишит. Но у Помпея не было войска наготове, а те воины, которых он принялся собирать, не обнаруживали никакого желания сражаться, и, убедившись в этом, он покинул Рим. Катон, решив следовать за ним и разделить его участь в изгнании, отправил младшего сына в Бруттий к Мунатию, а старшего захватил с собой. А так как его дом и дочери нуждались в присмотре, он снова взял в жены Марцию, оставшуюся вдовой с большим состоянием, ибо Гортензий умер, назначив ее своей наследницей. За это яростно бранит Катона Цезарь, обвиняя его в неумном корыстолюбии, – брак, дескать, был для него доходным промыслом. Зачем, спрашивается, надо было уступать жену другому, если она

нужна тебе самому, а если не нужна – зачем было брать ее назад? Ясное дело, что он с самого начала хотел поймать Гортензия на эту приманку, и ссудил ему Марцию молодой, чтобы получить назад богатой! На эти нападки уместно ответить стихами Эврипида¹⁴¹⁹:

Начну с кощунства твоего; ведь, право,
Кощунство – трусом называть Геракла!

Ибо корить Катона низкой алчностью – все равно, что Геракла называть трусом. Нет ли в этом браке каких-либо иных изъянов – вот чему следовало бы уделить внимание. Ведь нам известно только одно: женившись и доверив заботам Марции свой дом и дочерей, Катон немедленно пустился вслед за Помпеем.

53. Сообщают, что с того дня Катон не стриг больше волос, не брил бороды, не возлагал на голову венки и – в знак несчастий отечества – до самого конца хранил вид печальный, унылый и суровый, всегда один и тот же, независимо от побед или поражений его друзей.

Получив по жребию в управление Сицилию, он переправился в Сиракузы и узнав, что Азиний Поллион, полководец из вражеского стана, прибыл с войском в Мессену, потребовал у него ответа, на каком основании высадился он в Сицилии. Но тот, в свою очередь, потребовал, чтобы Катон принял в расчет совершившиеся перемены; и, узнав, что Помпей окончательно покинул Италию и стоит лагерем в Диррахии, Катон сказал, что, поистине, шатки и темны решения богов, если Помпей, пока творил одни безумства и беззакония, оставался непобедимым, а теперь, когда он хочет спасти отечество и защищает свободу, счастье ему изменило. Азиния, продолжал Катон, он мог бы вытеснить из Сицилии, но на подмогу противнику подходят новые силы, а он не хочет вконец разорить остров войной. Дав сиракузянам совет позаботиться о своем спасении и принять сторону победителя, он вышел в море.

Соединившись с Помпеем, Катон неизменно держался одной мысли – что войну следует затягивать, ибо надеялся на перемирие и не хотел, чтобы государство в битве нанесло поражение самому себе и потерпело величайший, невозместимый урон, решив спор оружием. Он даже убедил Помпея и его советников вынести постановление не предавать грабежу ни единого из подвластных Риму городов и вне поля битвы ни единого из римских граждан не убивать. Это принесло славу делу Помпея и привлекло в его стан многих, высоко ценивших такую кротость и человечность.

54. Отправившись в Азию, на помощь тем, кто собирал там войско и боевые суда, Катон повез с собою свою сестру Сервилию вместе с ее ребенком от Лукулла. Она была вдовою и последовала за братом, и этим поступком сильно приглушила дурную молву о своем прежнем беспутстве, ибо добровольно разделила с Катоном его скитания и суровый образ жизни. Впрочем Цезарь и по этому случаю не преминул осыпать Катона бранью. Как видно, полководцы Помпея нисколько не нуждались в помощи Катона. Единственное, что он сделал, – это склонил на свою сторону родосцев, а затем, оставив у них Сервилию с ребенком, вернулся к Помпею, уже располагавшему значительной сухопутной и морской силой. Тут Помпей, как нам кажется, с наибольшей ясностью обнаружил свой образ мыслей. Он решил было поручить Катону начальство над флотом, который насчитывал не менее пятисот боевых кораблей и огромное множество либурнских, сторожевых и легких судов, но вскоре, то ли сам приняв в рассуждение, то ли прислушавшись к голосам друзей, что для Катона существует лишь одна-единственная цель – освободить отечество и что, следовательно, ставши владыкою таких огромных сил, он в тот самый день, как будет достигнута победа над Цезарем, потребует, чтобы и Помпей сложил оружие и подчинился законам, – приняв все это в рассуждение, передумал (хотя уже успел сообщить Катону о

¹⁴¹⁹ 28. ...стихами Эврипида ... – «Геракл», 174—175 (пер. И. Анненского).

своих планах) и начальником флота назначил Бибула. – Но он не заметил, чтобы усердие и рвение Катона после этого ослабли. Напротив, перед одной из битв при Диррахии, когда Помпей хотел воодушевить войско и велел каждому из начальников сказать солдатам несколько ободряющих слов, воины слушали молча и равнодушно, но вот, после всех, выступил Катон и кратко, насколько позволяли обстоятельства, но с полной внутренней убежденностью рассказал, что говорит философия о свободе, доблести, смерти и славе, заключив свою речь призывом к богам – «свидетелям и очевидцам нашей битвы за отечество». Поднялся такой крик, такое волнение, что все начальники зажглись надеждой и во главе своих людей бросились навстречу опасности. Противник был разбит и обращен в бегство, но полную победу у приверженцев Помпея, воспользовавшись для этого осторожностью их полководца и его неверием в успех, добрый гений Цезаря все же отнял. Об этом рассказано в жизнеописании Помпея. Все радовались и превозносили до небес свою удачу, и только Катон оплакивал отечество и губительное, злополучное властолюбие и сокрушался, видя, как много честных граждан лишили друг друга жизни.

55. Когда Помпей, преследуя Цезаря, двинулся в Фессалию и оставил у Диррахии много оружия, денег и многих своих родичей и друзей, охранять их он поручил Катону с пятнадцатью когортами воинов – в одно и то же время и доверяя этому человеку и страшась его. Он знал, что в случае поражения может рассчитывать на Катона, как ни на кого другого, но, если он победит, Катон, находясь рядом, не даст ему выполнить своих намерений. По той же причине Помпей оставил в Диррахии вместе с Катоном многих видных людей.

После разгрома при Фарсале Катон принял такое решение: если Помпей погиб, он доставит воинов и всех своих подопечных в Италию, а сам будет жить изгнанником как можно дальше от тиранна и его власти, если же Помпей жив, он сбережет ему войско во что бы то ни стало. С этим он переправился на Керкиру, где стоял флот, и хотел уступить командование Цицерону – бывшему консулу, тогда как сам он занимал в прошлом лишь должность претора, но Цицерон, уже приготовившийся отплыть в Италию, отказался. Тут Катон, заметив, что Помпей¹⁴²⁰ с неуместной заносчивостью и самоуверенностью хочет наказать отъезжающих и прежде всего намерен схватить Цицерона, в частной беседе образумил и унял молодого человека и таким образом не только спас от верной смерти самого Цицерона, но и всех остальных избавил от опасности.

56. Катон предполагал, что Помпей Магн будет искать убежища в Египте или в Африке, и, спеша к нему, вышел со всем своим отрядом в море, но перед тем как сняться с якоря предоставил каждому, кто не желал участвовать в походе, право остаться или же уехать в другом направлении. Плывая вдоль африканского берега, он встретился с Секстом, младшим из двух сыновей Помпея, и тот сообщил ему о гибели отца в Египте. Все были в страшном горе, но теперь, когда Помпей умер и пока Катон был среди них, никто и слышать не хотел ни о каком другом полководце. И Катон, жалея этих достойных людей, давших ему явное доказательство преданности и доверия, стыдясь бросить их на произвол судьбы в чужом краю, одиноких и беспомощных, принял командование. Он направил путь в Кирену, и жители впустили его, хотя Лабием, несколькими днями ранее, доступа в город не получил. Узнавши в Кирене, что Сципиона, тестя Помпея, дружески принял царь Юба и что там же находится со своим войском Аттий Вар, назначенный Помпеем наместник Африки, Катон двинулся к ним сушею, так как время было зимнее¹⁴²¹, собрав для этого путешествия огромное множество ослов, которые несли воду, гоня следом за войском огромное стадо скота и ведя множество повозок. Взял он с собою и так называемых псиллов¹⁴²², которые

¹⁴²⁰ 29. Помпей – старший сын триумвира, Гней, служивший во флоте отца.

¹⁴²¹ 30. ...время было зимнее ... – Т.е. бурное, несудоходное.

¹⁴²² 31. Псиллы – племя, жившее в африканских степях; у римлян – почти нарицательное имя для заклинателей змей.

исцеляют от укусов змей, высасывая ртом яд, а самих змей заворачивают и укрощают заклинаниями. Переход длился двадцать семь дней кряду, и все это время Катон шел впереди пешком, ни разу не сев ни на верхового коня, ни на вьючное животное. Обедал он сидя¹⁴²³: с того дня, как он узнал о поражении при Фарсале, к прочим знакам скорби он прибавил еще один – иначе, как для сна, не ложиться. Всю зиму он оставался в Африке... [*Текст в оригинале испорчен*]. Численность его войска была немногим менее десяти тысяч.

57. Сципион и Вар находились в незавидном положении, ибо, погрязнув в раздорах, они оба заискивали перед Юбой и угождали ему, меж тем как царь и вообще-то был невыносим из-за тяжелого нрава и непомерной гордости своим богатством и могуществом. При первой встрече с Катонем он хотел сесть посередине, а Катона и Сципиона посадить по обе стороны трона. Но Катон, заметив это, поднял свой стул и переставил его на другую сторону, отдавая срединное место Сципиону, хотя тот был его врагом и даже издал книгу, в которой бранил и оскорблял Катона. И еще находятся люди, которые этому поступку не придают никакой цены, зато простить Катону не могут, что он как-то в Сицилии, на прогулке, из уважения к философии уступил почетное место Филострату! Так Катон сбил спесь с Юбы, уже смотревшего на Сципиона как на своего сатрапа, а затем примирил Сципиона с Варом. Все требовали, чтобы он принял начальствование, и первые – Сципион и Вар, охотно уступавшие ему власть, но он заявил, что не нарушит законов, ради которых ведет войну с тем, кто их нарушает, и не поставит себя, бывшего претора, выше полководца в ранге консула. Дело в том, что Сципиону были даны консульские полномочия, и его имя внушало народу уверенность в победе: ведь в Африке командовал Сципион!

58. Но едва Сципион принял власть, как тут же, в угоду Юбе, решил перебить всех взрослых мужчин в Утике, а самый город разрушить – за сочувствие Цезарю. Катон не мог вынести такой вопиющей несправедливости: призывая в свидетели богов и людей, он кричал в совете до тех пор, пока все же не вырвал этих несчастных из когтей Юбы и Сципиона. Отчасти по просьбе самих жителей, отчасти по требованию Сципиона он взялся охранять город, чтобы Утика ни добровольно, ни вопреки своему желанию не присоединилась к Цезарю. Это была позиция, во всех отношениях чрезвычайно выгодная для того, кто ею владел, а Катон усилил ее еще более. Он сделал огромные запасы хлеба и привел в порядок укрепления, воздвигнув башни, проведя перед городом глубокие рвы и насыпав вал. Тем из жителей, кто был помоложе, он приказал сдать оружие и поселил их в укрепленном лагере, а остальных держал в городе, строго следя, чтобы римляне их не притесняли и не чинили им никаких обид. Много оружия, денег и хлеба он отправил основным силам, стоявшим в лагере, и вообще превратил Утику в военный склад. Он давал Сципиону те же советы, что прежде Помпею, – не вступать в битву с опытным и страшным противником, но положиться на время, которое истощает силу всякой тирании. Однако Сципион самоуверенно пренебрегал его советами, а однажды, упрекая его в трусости, написал: «Мало тебе того, что ты сам сидишь в городе, за крепкими стенами, – ты и другим не позволяешь воспользоваться удобным случаем и отважно осуществить свои замыслы!» На это Катон отвечал, что готов взять своих пехотинцев и всадников, которых он привез в Африку, переправиться с ними в Италию и обратить удар Цезаря на себя, отвлекши его внимание от Сципиона. Но Сципион только смеялся, получив его письмо, и тогда Катон уже совершенно открыто стал сокрушаться, что уступил власть человеку, который и военными действиями руководит плохо и в случае успеха, оказавшись сверх ожидания победителем, будет слишком крут и суров со своими согражданами. Вот почему Катон пришел к мысли (которой не скрывал и от друзей), что не следует питать никаких надежд на благополучный исход войны – слишком неопытны и заносчивы их полководцы, а если бы вдруг случилась удача и Цезарь был свергнут, он, Катон, все равно не останется в Риме, но бежит от тяжелого и жестокого нрава

---

¹⁴²³ 32. Обедал он сидя ... – По общему античному обычаю обедали лежа.

Сципиона, который уже теперь позволяет себе с возмутительным высокомерием угрожать многим людям.

Но все его опасения померкли перед истинными размерами бедствия. Поздним вечером из лагеря прибыл гонец, который провел в пути три дня; он сообщил, что при Тапсе было большое сражение, что всё безнадежно проиграно и погублено, что Цезарь овладел лагерем, а Сципион, Юба и немногие уцелевшие спаслись бегством, остальное же войско истреблено до последнего человека.

59. Когда эта весть разнеслась по городу, жители почти что обезумели и едва не покинули городских стен – иного, впрочем, нельзя было и ожидать в ночной темноте и в военное время. Катон немедленно вышел на улицу и, останавливая метавшихся и истошно вопивших жителей, старался успокоить каждого в отдельности, хоть сколько-нибудь унять их страх и смятение, говорил, что, возможно, события отнюдь не так ужасны, но просто преувеличены молвой. Так он, в конце концов, водворил порядок. Наутро, едва рассвело, он созвал в храм Зевса триста человек, составлявших при нем совет (все это были римские граждане, которые жили в Африке, занимаясь торговлей и отдачею денег в рост), а также всех находившихся в Утике сенаторов и их сыновей. Пока они сходились, появился и сам Катон, с таким спокойствием и уверенностью, словно ничего не произошло, сел и стал читать книгу, которую держал в руке. В книге были описи военным машинам, оружию, стрелам, хлебу и списки солдат. Когда все собрались, он обратился сперва к этим тремстам и, горячо похвалив их преданность и верность, которую они доказали, поддерживая его и деньгами, и рабочею силой, и советами – с величайшею пользою для дела, – убеждал их не разлучаться друг с другом, не искать спасения и прибежища каждому порознь, но остаться всем вместе – тогда Цезарь будет глядеть на них с бо льшим уважением, если они решат продолжать войну, и скорее их помилует, если они запросят пощады. Он призывал их обсудить свое положение самим, без его участия, заверяя, что в любом случае не станет порицать их выбор, но, если они повернут вслед за удачею и счастьем, сочтет такую перемену волей судьбы. Если же они захотят противостать беде и не побоятся подвергнуть себя опасностям во имя свободы, он не только похвалит их мужество, но будет им восхищен и предложит себя в соратники и вожди, пока участь отечества не откроется им до конца. Отечество же их – не Утика и не Адрумет, но Рим, благодаря великой своей силе не раз оправлявшийся от еще более страшных ударов. Многие обстоятельства позволяют уповать на спасение и благополучие, и главное из них – то, что противника осаждают множество забот сразу: Испания приняла сторону Помпея Младшего, самый Рим еще далеко не освоился с непривычною для него уздой, но негодует и на любую перемену ответит дружным восстанием. А стало быть, надо не уклоняться от опасности, но последовать примеру врага, который не щадит своей жизни в борьбе, и притом – ради величайших насилий и несправедливостей, так что неясный пока исход войны не сулит ему, как им самим, безмерно счастливой жизни в случае победы и столь же завидной смерти в случае поражения. Впрочем, прибавил Катон, они должны все обдумать сами. Свою речь он завершил молитвою, чтобы, в награду за прежнюю их храбрость и верность, любое решение, какое они ни примут, было им на благо.

60. Некоторых слова Катона лишь немного приободрили, но самую значительную часть собравшихся его бесстрашие, благородство и человеколюбие заставили почти что забыть об истинном положении дел, и они просили его – единственно неодолимого среди вождей, стоящего выше всякой судьбы и всякой удачи – распоряжаться их жизнью, имуществом и оружием, как он сочтет нужным, ибо лучше умереть, повинуясь его приказам, нежели спасти свою жизнь, предавши доблесть, столь высокую. Кто-то предложил издать указ об освобождении рабов, и большинство совета одобрило эту мысль, но Катон ее отверг, сказав, что это было бы противно и законам и справедливости; однако, заметил он, если хозяева сами отпустят своих рабов на волю, он возьмет тех, что способны к службе в войске. Со всех сторон зазвучали обещания, и Катон, попросив каждого из желающих записаться, ушел.

Вскоре ему доставили письма от Юбы и Сципиона. Юба, укрывшийся с немногими

спутниками в горах, спрашивал, как намерен действовать Катон, и обещал ждать его на месте, если он оставит Утику, или же, напротив, явиться с войском на помощь, если он примет осаду. Сципион стоял с флотом у какого-то мыса недалеко от Утики и тоже ждал ответа.

61. Катон решил задержать гонцов до тех пор, пока не подтвердятся обещания и намерения Трехсот. Ибо сенаторы, действительно, были полны решимости и немедленно вооружили своих рабов, отпустив их на волю, но у Трехсот, судовладельцев и ростовщиков, чье состояние почти целиком заключено было в рабах, слова Катона оставались в памяти недолго. Подобно тому, как пористые тела быстро вбирают тепло, и столь же быстро его отдают, остывают, стоит лишь унести огонь, – так же точно вид Катона оживлял и согревал этих людей, но когда они принялись обсуждать дело наедине, страх перед Цезарем вытеснил благоговение пред Катонем и пред нравственной красотой. «Кто такие мы, – говорили они, – и кому дерзаем отказывать в повиновении? Разве не к Цезарю перешла теперь вся мощь и сила римлян? А ведь из нас ни один не может назвать себя ни Сципионом, ни Помпеем, ни Катонем! И в то самое время, когда все прочие от страха преисполнены покорности даже больше, чем это необходимо, мы беремся защищать римскую свободу и выступаем из Утики войною против того, кому отдали Италию Катон с Помпеем Магном, – отдали, а сами бежали! – мы освобождаем рабов, а у самих свободы ровно столько, сколько соблаговолит оставить нам Цезарь! Так давайте, жалкие мы люди, хотя бы теперь опомнимся и пошлем к победителю просить пощады». Так говорили наиболее умеренные из Трехсот, а большинство уже плело козни против сенаторов, советуя их задержать, в надежде, что это смягчит гнев Цезаря. 62. Катон догадывался об этой перемене, но виду не подавал и только отпустил гонцов, сообщая Сципиону и Юбе, что Триста ненадежны и что им надо держаться подальше от Утики.

В это время к городу приблизился значительный конный отряд – то были уцелевшие в битве остатки римской конницы, – и всадники прислали Катону трех нарочных с тремя различными мнениями: часть отряда стояла за то, чтобы уйти к Юбе, другая хотела присоединиться к Катону, а третьи боялись вступать в Утику. Выслушав нарочных, Катон приказал Марку Рубрию присматривать за Тремястами и собирать списки тех, кто намерен освободить своих рабов, но делать это мирно, не прибегая к насилию, а сам, забрав с собою сенаторов, выехал за стены Утики, встретился с начальниками конницы и стал просить их не бросать на произвол судьбы стольких римских граждан из senatorского сословия и не ставить над собою полководцем Юбу вместо Катона, но спастись всем сообща и спасти других, войдя в город, совершенно неприступный и располагающий запасами хлеба и всякого снаряжения на многие годы. О том же с плачем молили сенаторы, и начальники конницы принялись совещаться со своими всадниками, а Катон сел на какой-то холмик и вместе с сенаторами ждал ответа.

63. Но тут появился Рубрий с гневными обвинениями против Трехсот, которые, дескать, решили перейти на сторону врага, а потому сеют в городе беспорядок и смятение. При этом известии сенаторы, в полном отчаянии, разразились слезами и жалобами, Катон же старался их ободрить, а к Тремстам отправил человека с просьбою помедлить еще немного. Следом за Рубрием подъехали и всадники. Требования их были суровы. Они заявили, что нисколько не нуждаются в жаловании Юбы и столь же мало страшатся Цезаря, если Катон примет над ними команду, но запереться в Утике, вместе с коварными пунийцами, – дело опасное: теперь они, может быть, и спокойны, но когда Цезарь подойдет ближе, они все вместе нападут на римлян и выдадут их врагу. Итак, вот их условие: кто нуждается в их присутствии и военной помощи, пусть сперва изгонит из Утики жителей или перебьет всех до единого, а уж потом приглашает их в город, очищенный от врагов и варваров. Катон нашел это условие чудовищно жестоким и варварским, но спокойно отвечал, что посоветуется с Тремястами. Тут же вернувшись в город, он встретился со своими бывшими советниками, которые, забыв всякий стыд, не думали больше ни о каких отговорках и оправданиях, но открыто негодовали, что их заставляют воевать с Цезарем, хотя у них нет ни

сил, ни желания для такой войны, а некоторые добавляли и насчет сенаторов, что-де надо бы их задержать в городе, раз Цезарь уже рядом. Катон, однако, сделал вид, будто не слышит (он, и в самом деле, был туговат на ухо), и ничего на это не ответил. Когда же кто-то подошел и сказал ему, что всадники уходят, он, опасаясь, как бы Триста не совершили над сенаторами какой-нибудь уже вконец отчаянной жестокости, поспешно двинулся с друзьями за город. Видя, что отряд успел уйти довольно далеко, он вскочил на коня и пустился вдогонку, а всадники, заметив Катона, подняли радостный крик, остановились и звали его спастись вместе с ними. Но Катон, как сообщают, стал молить за сенаторов, простирал, обливаясь слезами, руки, даже поворачивал коней и хватался за оружие воинов, пока наконец не упросил их пробить в Утике хотя бы день и дать этим несчастным возможность беспрепятственно скрыться.

64. Когда он вернулся в сопровождении всадников и одних поставил у ворот, а другим поручил караулить крепость, Триста испугались, как бы им не пришлось поплатиться за свое вероломство, и послали к Катону просить, чтобы он непременно к ним пришел. Но сенаторы окружили его и не пускали, говоря, что не доверят своего спасителя и заступника коварным предателям. Вероятно, именно тогда все находившиеся в Утике яснее ясного увидели и с величайшим восхищением оценили нравственную высоту Катона, ибо ни капли притворства, ни капли хитрости не было примешано к его действиям. Человек, уже давно решившийся покончить с собой, принимал неслыханной тяжести труды, терпел заботы и муки, чтобы, избавив от опасности всех остальных, самому уйти из жизни. Да, его стремление к смерти не осталось незамеченным, хотя он никому не говорил ни слова. Итак, он уступает настояниям Трехсот и, успокоив сперва сенаторов, отправляется к ним один. Те благодарили его, умоляли рассчитывать на их на верность и услуги, а если они не Катоны и не способны вместить благородства Катона, – снизить к их слабости. Они решили просить у Цезаря пощады, но, прежде всего и главным образом, их посланец будет просить за него, Катона, если же они ничего не достигнут, то и сами не примут милости и будут защищать Катона до последнего дыхания. Катон похвалил их добрые намерения и сказал, чтобы они поскорее отряжали посланца, но только ради собственного спасения, за него же просить не надо: ведь просят побежденные и молят о прощении те, кто чинит неправду, а он не только не знал поражений в течение всей жизни, но и одолевал Цезаря, побеждал его тем оружием, которое сам избрал, – благородством и справедливостью своих действий. Напротив, Цезарь изобличен и побежден, ибо его давние козни против отечества, в которых он никогда не признавался теперь, раскрыты и обнаружены.

65. Затем он расстался с Тремястами. Получив известие, что Цезарь со всем своим войском уже на пути к Утике, он промолвил: «Ха, он еще думает встретить здесь мужчин!» – и, обратившись к сенаторам, советовал им не терять времени, но спастись, пока всадники в городе. Он приказал запереть все ворота, кроме одних, которые вели к морю, распределил суда между своими подопечными, поддерживал порядок, пресекая всякое насилие и унимая суматоху, снабжал припасами на дорогу тех, кто остался без средств к существованию. Именно в эту пору Марк Октавий с двумя легионами разбил лагерь недалеко от Утики и прислал к Катону своего человека с предложением условиться о разделе власти и начальствования. Октавию Катон не дал никакого ответа, а друзьям сказал: «Можно ли удивляться, что дело наше погибло, если властолюбие не оставляет нас даже на самом краю бездны!»

Между тем он услышал, что римская конница уже покидает город и грабит имущество жителей. Катон бегом ринулся к всадникам и у первых, кто попался ему на глаза, вырвал добычу из рук, остальные же сами стали бросать и складывать похищенное, и все удалялись, понутив голову, не смея вымолвить от стыда ни слова. Потом Катон велел собрать в город всех жителей Утики и просил их не ожесточать Цезаря против Трехсот, но искать спасения всем вместе, стоя друг за друга. Вернувшись затем к морю, он наблюдал, как идет погрузка и посадка, и прощался с друзьями, которых убедил уехать. Сына, однако, он не убедил сесть на корабль; впрочем он и не считал нужным мешать ему в исполнении сыновнего долга.

Был среди римлян некий Статилий, человек еще молодой, но желавший проявить твердость духа и убеждений и стремившийся подражать бесстрастию Катона. Катон настаивал, чтобы он отплыл вместе с другими, ибо ненависть его к Цезарю была известна всем. Статилий не соглашался, и тогда Катон, обернувшись к стоику Аполлониду и перипатетику Деметрию, сказал: «Ваше дело – сломить этого гордеца и направить его на путь собственной пользы». Снаряжая в плавание последних беглецов, подавая помощь и совет тем, кто испытывал потребность в них, он провел за этим занятием всю ночь и большую часть следующего дня.

66. Луций Цезарь, родственник того Цезаря, должен был отправиться послом от Трехсот и просил Катона составить для него убедительную речь, с которой он, дескать, выступит в их защиту. «Ради тебя же самого, – прибавил он, – мне не стыдно будет ни припасть к коленам Цезаря, ни ловить его руки». Но Катон просил Луция не делать этого. «Если бы я хотел спастись милостью Цезаря, – сказал он, – мне бы самому следовало к нему идти. Но я не желаю, чтобы тиранн, творя беззаконие, еще и связал бы меня благодарностью. В самом деле, ведь он нарушает законы, даря, словно господин и владыка, спасение тем, над кем не должен иметь никакой власти! А как тебе выпросить у него прощение для Трехсот, мы подумаем сообща, если хочешь». Он обсудил с Луцием его дело, а затем представил ему своего сына и друзей. Проводив гостя и дружески с ним простившись, Катон вернулся домой, позвал сына и друзей и долго беседовал с ними о разных предметах, между прочим – запретил юноше касаться государственных дел: обстоятельства, сказал он, больше не позволяют заниматься этими делами так, как достойно Катона, заниматься же ими по-иному – позорно.

Под вечер он пошел в баню. Тут он вспомнил про Статилия и громко воскликнул: «Ну что, Аполлонид, отправил ты Статилия, сбил с него спесь? Неужели он отплыл, даже не попрощавшись с нами?» – «Как бы не так! – отвечал Аполлонид. – Сколько мы с ним ни говорили – все впустую. Он горд и непреклонен, уверяет, что останется и сделает то же, что ты». И Катон с улыбкою заметил: «Ну, это скоро будет видно».

67. Помывшись, он обедал – в многочисленном обществе, но, как всегда после битвы при Фарсале, сидя: ложился он только для сна. С ним обедали правители Утики и все друзья. После обеда, за вином, пошел ученый и приятный разговор, один философский вопрос сменялся другим, пока, наконец, беседующие не коснулись одного из так называемых «странных суждений» стоиков, а именно – что только порядочный, нравственный человек свободен, а все дурные люди – рабы. Когда перипатетик, как и следовало ожидать, стал оспаривать это суждение, Катон резко, суровым тоном его прервал и произнес чрезвычайно пространную и удивительно горячую речь, из которой каждому стало ясно, что он решил положить предел своей жизни и разом избавиться от всех бедствий. За столом воцарилась тишина и всеобщее уныние, и Катон, чтобы ободрить друзей и развеять их подозрения, снова вернулся к заботам дня, выражая свою тревогу за тех, кто вышел в море, и за тех, кто бредет по безводной, населенной лишь варварами пустыне.

68. Катон отпустил гостей, совершил с друзьями обычную послеобеденную прогулку, отдал начальникам караулов необходимые распоряжения, но, уходя к себе, обнял и приветствовал друзей и сына теплее, чем всегда, и этим снова возбудил у них подозрения. Войдя в спальню, он лег и взял диалог Платона «О душе»¹⁴²⁴. Он прочел книгу почти до конца, когда, подняв взор, заметил, что его меч больше не висит на своем обычном месте, над изголовьем, – сын унес оружие еще во время обеда. Катон позвал раба и спросил, кто забрал меч, слуга молчал, и Катон снова взялся за книгу, а немного спустя, – чтобы не казалось, будто он обеспокоен или же дело к спеху, но словно вообще желая разыскать меч, – велел его принести. Время шло, но с мечом никто не являлся, и Катон, дочитав книгу, стал кликать раба за рабом и громче прежнего требовать меч. Одного он даже ударил

¹⁴²⁴ 33. «О душе» – Платон, «Федон», о бессмертии души.

кулаком в лицо и разбил себе в кровь руку; полный негодования, он теперь громко кричал, что сын и слуги обезоружили его и хотят предать в руки врага, пока, наконец, не вбежал с плачем его сын вместе с друзьями и не бросился к отцу, умоляя его успокоиться. Но Катон выпрямился, грозно посмотрел на него и сказал: «Где и когда, неведомо для меня самого, уличили меня в безумии, что теперь никто со мною не разговаривает, никто не старается разубедить в неудачном, на чужой взгляд, выборе или решении, но силою препятствуют мне следовать моим правилам и отбирают оружие? Что же ты, мой милейший? Ты еще вдобавок свяжи отца, скрути ему за спиною руки, чтобы, когда придет Цезарь, я бы уже и сопротивляться не смог! Да, сопротивляться, ибо против себя самого мне не нужно никакого меча – я могу умереть, на короткое время задержав дыхание или одним ударом размозжив себе голову об стену».

69. После этих его слов молодой человек вышел, рыдая, и за ним все остальные, кроме Деметрия и Аполлониды. Обращаясь к ним уже более сдержанно и спокойно, Катон сказал: «Неужели и вы думаете силою удерживать среди живых человека в таких летах, как мои, и караулить меня, молча сидя рядом? Или же вы принесли доводы и доказательства, что Катону не страшно и не стыдно ждать спасения от врага, коль скоро иного выхода он не находит? Отчего же вы не пытаетесь внушить нам это, не переучиваете на новый лад, чтобы мы, отбросив прежние убеждения и взгляды, с которыми прожили целую жизнь, стали благодаря Цезарю мудрее и тем большую питали к нему признательность? Со всем тем я еще не решил, как мне с собою быть, но, когда приму решение, я должен иметь силу и средства его выполнить. Решать же я буду, в известной мере, вместе с вами – сообразуясь с теми взглядами, каких, философствуя, держитесь и вы. Итак, будьте покойны, ступайте и внушите моему сыну, чтобы он, коль скоро уговорить отца не может, не обращался к принуждению».

70. Деметрий и Аполлонид ни словом на это не возразили и тихо вышли, обливаясь слезами. Потом маленький мальчик принес меч, Катон извлек его из ножен и внимательно осмотрел. Убедившись, что острие цело и лезвие хорошо отточено, он сказал: «Ну, теперь я сам себе хозяин», – отложил меч и снова взял книгу; как сообщают, он перечел ее отначала до конца еще дважды. Потом он заснул так крепко, что храп был слышен даже за дверями спальни, а около полуночи позвал двоих вольноотпущенников – Клеанта, лекаря, и Бута, который чаще всего помогал ему в государственных делах. Бута он послал к морю, чтобы тот поглядел и сообщил, все ли отплыли, а лекаря дал перевязать руку, воспалившуюся и распухшую от удара, который он нанес рабу. Это всех обрадовало – все подумали, что он останется жить. Вскоре вернулся Бут и сказал, что отплыли все, кроме Красса, которого что-то задержало на берегу, но и он уже садится на корабль, хотя на море волнение и сильный ветер. Услышав это, Катон тяжело вздохнул о тех, кто вышел в плавание, и снова послал Бута к морю посмотреть, не вернулся ли кто и не нужно ли им чем-нибудь помочь. Уже пели петухи. Катон было снова задремал, когда появился Бут и сообщил, что в гавани все спокойно, и Катон велел ему затворить дверь, а сам лег, словно собираясь проспать остаток ночи. Едва, однако, Бут вышел, как он обнажил меч и вонзил себе в живот пониже груди; большая рука не смогла нанести достаточно сильного удара, и он скончался не сразу, но в предсмертных муках упал с кровати, опрокинув стоявший рядом столик со счетною доской, так что рабы услышали грохот, закричали, и тут же в спальню ворвались сын и друзья. Увидев его, плавающего в крови, с вывалившимися внутренностями, но еще живого – взор его еще не потускнел – они оцепенели от ужаса, и только лекарь, приблизившись, попытался вложить на место нетронутую мечом часть кишок и зашить рану. Но тут Катон очнулся, оттолкнул врача и, собственными руками снова разодрав рану, испустил дух.

71. Никто бы не поверил, что о случившейся беде успели узнать хотя бы все домохозяева, – а Триста были уже у дверей, а немного погодя собрался и народ Утики, и все в один голос зывали к умершему, именуя его благодетелем и спасителем, единственно свободным и единственно неодолимым. Здесь их и застала весть, что Цезарь приближается, но ни страх, ни желание угодить победителю, ни взаимные несогласия и раздор не могли притупить или ослабить их уважения к Катону. Они богато убрали тело, устроили пышное

похоронное шествие и предали труп погребению на берегу моря, там, где теперь стоит статуя Катона с мечом в руке. Лишь затем они обратились к заботам о спасении города и собственной жизни.

72. Цезарь знал от тех, кто прибывал к нему из Утики, что Катон даже не думает о бегстве и, отсылая всех остальных, сам с сыном и друзьями без всякой боязни остается в городе. Постигнуть замысел Катона он не мог, но, видя в этом человеке одного из главнейших своих противников, поспешно двинулся с войском к Утике. Услышав о смерти Катона, он, как сообщают, промолвил: «Ох, Катон, ненавистна мне твоя смерть, потому что и тебе ненавистно было принять от меня спасение!» И в самом деле, согласись Катон принять от Цезаря помилование, он, видимо, не столько запятнал бы собственную славу, сколько украсил славу Цезаря. Правда, не совсем ясно, как поступил бы в этом случае сам победитель, но естественнее было ждать от Цезаря милости, нежели непримиримого ожесточения.

73. Катон умер в возрасте сорока восьми лет. Сыну его Цезарь не причинил ни малейшего зла. Это был, насколько можно судить, человек легкомысленный и чересчур падкий на женскую прелесть. Приехав однажды в Каппадокию, он остановился у своего гостеприимца Марфадата, происходившего из царского рода и женатого на очень красивой женщине: молодой Катон прожил у него дольше, чем позволяли приличия, давши повод к всевозможным насмешкам и язвительным стихам, вроде, например, следующего:

Наш Катон уедет завтра – прогостил лишь тридцать дней,

или же такого:

С Марфадатом Порций дружен – завладел его «душой»,

(жену Марфадата звали Психеей), или еще:

Славен Порций благородный – у него «душа» царя¹⁴²⁵.

Однако всю эту дурную славу он зачеркнул и стер своею смертью. Он сражался при Филиппах за свободу против Цезаря и Антония и, когда боевой строй уже дрогнул, не пожелал ни бежать, ни вообще скрываться, но пал, бросая врагам вызов, громко крича им свое имя и ободряя товарищей, оставшихся с ним рядом, так что даже противник не мог не восхищаться его отвагой.

Дочь Катона, еще менее уступавшая отцу не только мужеством, но и воздержностью, была замужем за Брутом, убийцею Цезаря. Она участвовала в том же заговоре и достойно ушла из жизни – в согласии с высоким своим происхождением и высокими нравственными качествами, как об этом рассказано в жизнеописании Брута.

Стабий, утверждавший, что последует примеру Катона, хотел сразу же покончить с собой, но философы помешали ему исполнить задуманное; впоследствии он был среди вернейших и лучших соратников Брута и погиб при Филиппах.

АГИД И КЛЕОМЕН И ТИБЕРИЙ И ГАЙ ГРАКХИ

[Перевод С.П. Маркиша]

Агид и Клеомен

---

¹⁴²⁵ 34. ...«душа» царя . – «Душа», по-гречески, psyche.

[АГИД]

1. Вполне разумно и основательно предполагают некоторые, будто миф о том, как Иксион сочетался с облаком, приняв его за Геру, и как от этой связи родились кентавры, придуман в поучение честолюбцам. Ведь и честолюбцы, лаская славу, то есть некое подобие или призрак доблести, никогда не следуют истине, единой, строго согласной с собою, но совершают много неверных, как бы стоящих между злом и добром поступков и, одержимые то одним, то другим стремлением, служат зависти и прочим страстям. Пастухи у Софокла¹⁴²⁶ говорят о своих стадах:

Да, мы их господа, и мы же их рабы;
Хотя они молчат, но мы покорствуем,

и то же самое испытывают государственные мужи, если, повинаясь желаниям толпы, по-рабски ей угождают ради звания «вождей народа» и «правителей». Подобно тому, как носовой начальник¹⁴²⁷ то и дело оборачивается на кормчего и выполняет его приказы, хотя море перед судном видно ему лучше, яснее, точно так же государственные мужи, жаждущие славы, – слуги толпы и только по имени ее правители.

2. Человеку совершенному и безукоризненному слава не нужна вообще, кроме лишь той, которая, создавая доверие, облегчает ему путь к действиям. Надо, правда, добавить, что молодому, самолюбивому человеку простительно в меру гордиться славою своих добрых и доблестных поступков. Ростки прекрасных качеств, всходящие в молодых душах, сперва, как говорит Феофраст, крепнут от похвал, а потом поднимаются выше уже под воздействием благородного образа мыслей.

Чрезмерность опасна во всем, при любых обстоятельствах, но чрезмерное честолюбие на государственном поприще просто губительно. Людей, достигших большой власти, оно приводит к умоисступлению и явному помешательству, когда они уже отказываются достойным славы считать прекрасное, а, напротив, считают прекрасным то, что стяжало славу. Фокион сказал однажды Антипатру, который просил у него помощи в каком-то неприглядном деле: «Я не могу быть для тебя и другом, и лстивым угодником одновременно!» Так следовало бы сказать и народу: «Один и тот же человек не может быть у вас вместе и правителем, и прислужником». А иначе все получается точь-в-точь, как со змеею в басне¹⁴²⁸: хвост взбунтовался против головы и потребовал, чтобы ему не тащиться постоянно сзади, но чтобы им с головою чередоваться, а когда занял место впереди, то полз как попало, так что и себя погубил злою смертью и разбил вдребезги голову, которой пришлось, наперекор природе, следовать за слепым и глухим вожаком. Мы знаем, что такая участь выпала многим из тех, кто, правя государством, ни в чем не хотел идти народу наперекор. Поставивши себя в зависимость от слепо несущейся вперед толпы, они потом не могли уже ни остановиться сами, ни остановить смуту.

На эти мысли о славе у толпы, о том, каким могуществом обладает подобная слава, меня навела судьба Тиберия и Гая Гракхов: прекрасные от природы люди, получившие

---

¹⁴²⁶ [АГИД]1. ...у Софокла... – Далее следуют строки из недошедшей трагедии «Пастухи».

¹⁴²⁷ 2. Носовой начальник (прорат, букв. «впередсмотрящий») – был помощником кормчего и командовал гребцами.

¹⁴²⁸ 3. ...в басне... – Эзоп, 362П. (344X.), вариант известной басни Менения Агриппы о желудке и членах (Гай, 6).

прекрасное воспитание, руководившиеся прекрасными правилами, они были погублены не столько безмерною жаждой славы, сколько страхом перед бесславием, страхом, основания которого отнюдь не лишены были благородства. Снискав горячую любовь сограждан, они стыдились остаться у них в долгу и, постоянно стремясь полезными для народа начинаниями превзойти полученные от него почести, а за это получая все новые доказательства благодарности и доверия, разожгли своего рода честолюбивое соревнование между собою и народом и незаметно для себя вступили в такую область, где и двигаться дальше было ошибкой, но и остановиться уже оказывалось позором. Впрочем, суди об этом сам, когда прочтешь мой рассказ.

Сравнить же с ними я хочу чету лаконских вождей народа – царей Агида и Клеомена. Они тоже возвеличивали народ, как и те двое, и, пытаясь восстановить прекрасный и справедливый образ правления, уже давно утраченный и преданный забвению, точно так же стяжали ненависть сильных, не желавших расставаться со своими старинными преимуществами. Братями лаконцы не были, но родственным и братским был путь, который они себе избрали, вступив на него вот каким образом:

3. Когда в город лакедемонян впервые вкралась страсть к серебру и золоту¹⁴²⁹ и следом за приобретением богатства пришли корыстолюбие и скупость, а следом за вкушением первых его плодов – роскошь, изнеженность и расточительство, Спарта лишилась почти всех своих замечательных качеств и вела жалкое, недостойное ее прошлого существование вплоть до тех времен, когда на престол вступили Агид и Леонид. Эврипонтид Агид, сын Эвдамида, был шестым царем после Агесилая¹⁴³⁰, который ходил походом в Азию и по праву считался самым могущественным среди греков. У Агесилая был сын Архидам, которого убили мессапии близ Мандория в Италии. Старший сын Архидам был Агид, младший – Эвдамид, который, после гибели Агида в сражении с Антипатром при Мегалополе, наследовал бездетному брату. Его сыном был Архидам, сыном Архидам – еще один Эвдамид, а сыном Эвдамида – Агид, чью жизнь мы здесь и описываем. Леонид, сын Клеонима, происходил из другого царского дома, агиадов, и был на престоле восьмым после Павсания¹⁴³¹, разгромившего в битве при Платеях Мардония. У Павсания был сын Плистоанакт, у Плистоанакта Павсаний, который бежал из Лакедемона в Тегею, и на царство вступил его старший сын Агесиполид, а после смерти Агесиполида (он умер бездетным) – младший сын Павсания, Клеомброт. От Клеомброта родились еще один Агесиполид и Клеомен; Агесиполид царствовал недолго и детей не имел, а правивший после него Клеомен пережил старшего из своих сыновей, Акротата, и оставил младшего, Клеонима, который, однако, царем не стал: престол занял Арей, внук Клеомена и сын Акротата. Арей пал в бою при Коринфе, и власть унаследовал его сын Акротат. Потом, разбитый тиранном Аристодемом в сражении при Мегалополе, погиб и Акротат, оставив жену беременной. Родился мальчик, опеку над ним взял Леонид, сын Клеонима, а когда ребенок, не войдя в возраст, умер, царство перешло к Леониду, плохо ладившему с согражданами. Хотя общий упадок и испорченность сказались на всех без изъятия спартанцах, в Леониде измена отеческим нравам была видна особенно ясно, потому что он много времени провел при

¹⁴²⁹ 4. ...вкралась страсть к серебру и золоту... – см. Лик., 30; Лис., 16—17.

¹⁴³⁰ 5. ...после Агесилая... – Архидам III (360—338) погиб в день Херонеи, Агид III (338—331) погиб в восстании против македонян, затем Эвдамид I (331 – ок. 305), Архидам IV (ок. 305—275), Эвдамид II (275—244), Агид IV (244—241).

¹⁴³¹ 6. ...после Павсания... – Плистоанакт (459—409), Павсаний II (409—395, бежал после битвы при Галиарте), Агесиполид I (395—380, погиб при Олинфе), Клеомброт (380—371, погиб при Левктрах), Агесиполид II (371—370), Клеомен II (370—309), Арей I (309—265, воевавший с Пирром), Акротат (265—262, погиб при Мегалополе), Арей II (малолетний, 262—254), Леонид II (254—235), Клеомен III (235—222).

дворах сатрапов, служил Селевку¹⁴³² и теперь, не зная ни стыда, ни меры, проявлял азиатскую надменность и в пользовании царскою властью, призванной повиноваться законам, и в своем отношении к делам греков.

4. Что же касается Агида, то благородством и возвышенностью духа он настолько превосходил и Леонида, и чуть ли не всех царей, правивших после Агесилая Великого, что, не достигнув еще двадцати лет, воспитанный в богатстве и роскоши своею матерью Агесистратой и бабкою Архидамией, самыми состоятельными в Лакедемонне женщинами, сразу же объявил войну удовольствиям, сорвал с себя украшения, сообщающие, как всем казалось, особый блеск и прелесть наружности человека, решительно отверг какую бы то ни было расточительность, гордился своим потрепанным плащом, мечтал о лаконских обедах, купаниях и вообще о спартанском образе жизни и говорил, что ему ни к чему была бы царская власть, если бы не надежда возродить с ее помощью старинные законы и обычаи.

5. Начало порчи и недуга Лакедемонского государства восходит примерно к тем временам, когда спартанцы, низвергнув афинское владычество, наводнили собственный город золотом и серебром. И однако, пока семьи, сохраняясь в том числе, какое установил Ликург¹⁴³³, соблюдали такое правило наследования, что отец передавал свое владение только сыну, этот порядок и это имущественное равенство каким-то образом избавляли Спарту от всяких прочих бед. Когда же эфором стал некий Эпитадей, человек влиятельный, но своенравный и тяжелый, он, повздоривши с сыном, предложил новую ретру¹⁴³⁴ – чтобы впредь каждый мог подарить при жизни или оставить по завещанию свой дом и надел кому угодно. Эпитадей внес этот законопроект только ради того, чтобы утолить собственный гнев, а остальные приняли его из алчности и, утвердив, уничтожили замечательное и мудрое установление. Сильные стали наживаться безо всякого удержу, оттесняя прямых наследников, и скоро богатство собралось в руках немногих, а государством завладела бедность, которая, вместе с завистью и враждою к имущим, приводит за собою разного рода низменные занятия, не оставляющие досуга¹⁴³⁵ ни для чего достойного и прекрасного. Спартиатов было теперь не более семисот, да и среди тех лишь около ста владели землею и наследственным имуществом, а все остальные нищею и жалкою толпой сидели в городе, вяло и неохотно поднимаясь на защиту Лакедемона от врагов, но в постоянной готовности воспользоваться любым случаем для переворота и изменения существующих порядков.

6. Вот почему Агид считал важной и благородной задачей восстановить в городе равенство и пополнить число граждан. С этой целью он стал испытывать настроения спартанцев. Молодежь, вопреки ожиданиям Агида, быстро откликнулась на его слова и с увлечением посвятила себя доблести, ради свободы переменяя весь свой образ жизни, точно одежду. Но пожилые люди, которых порча коснулась гораздо глубже, большею частью испытывали те же чувства, что беглые рабы, когда их ведут назад к господину: они трепетали перед Ликургом и бранили Агида, скорбевшего о тогдашнем положении дел и тосковавшего по былому величию Спарты.

Впрочем, и среди пожилых некоторые одобряли и поощряли честолюбие Агида, и горячее других – Лисандр, сын Либия, Мандроклид, сын Экфана, и Агесилай. Лисандр пользовался у сограждан высочайшим уважением, а Мандроклид не знал себе равных среди греков в искусстве вести тайные дела и с отвагою соединял осмотрительность и хитрость. Дядя царя, Агесилай, умелый оратор, но человек развращенный и сребролюбивый, делал

¹⁴³² 7. ...служил Селевку... – Селевк I погиб в 281 г., т.е. Леонид застал его в своей ранней молодости.

¹⁴³³ 8. ...в том числе, какое установил Ликург... – Т.е. 9000 (Лик., 8).

¹⁴³⁴ 9. Ретра – так назывались законы Ликурга, чтившиеся как божественные (см.: Лик., 6 и 13).

¹⁴³⁵ 10. ...не оставляющие досуга... – О спартанском досуге ср. Лик., 24.

вид, будто откликнулся на внушения и уговоры своего сына, Гиппомедонта, прославленного воина, чья сила заключалась в любви к нему молодежи; но в действительности причиной, побудившею Агесилая принять участие в начинаниях Агида, было обилие долгов, от которых он надеялся избавиться с помощью государственного переворота. Склонив на свою сторону дядю, Агид тут же стал пытаться, с его помощью, привлечь и мать, сестру Агесилая, пользовавшуюся, благодаря множеству зависимых людей, должников и друзей, огромным влиянием в городе и нередко вершившую государственные дела.

7. Выслушав сына в первый раз, Агесистрата испугалась и стала убеждать его бросить начатое дело – оно, дескать, и неисполнимо, и бесполезно. Но Агесилай внушал ей, что начатое будет успешно завершено и послужит общему благу, а сам царь просил мать пожертвовать богатством ради его славы и чести. Ведь в деньгах ему нечего и тягаться с остальными царями, раз слуги сатрапов и рабы наместников Птолемея и Селевка богаче всех спартанских царей, вместе взятых, но если своею воздержностью, простотою и величием духа он одержит победу над их роскошью, если установит меж гражданами имущественное равенство и введет общий для всех образ жизни, то приобретет имя и славу поистине великого царя. Обе женщины зажглись честолюбивыми мечтами юноши и настолько переменили свое мнение, были охвачены, – если можно так выразиться, – столь неудержимым порывом к прекрасному, что сами ободряли и торопили Агида; мало того, они созывали своих друзей и обращались к ним со словами убеждения, они беседовали с женщинами, зная, что лакедемоняне издавна привыкли покоряться женам и больше позволяют им вмешиваться в общественные дела, нежели себе – в дела домашние.

Но чуть ли не все богатства Лаконии находились тогда в руках женщин¹⁴³⁶, и это сильно осложняло и затрудняло задачу Агида. Женщины воспротивились его намерениям не только потому, что не хотели расставаться с роскошью, в которой, по неведению подлинно прекрасного, полагали свое счастье, но и потому, что лишились бы почета и силы, которые приносило им богатство. Они обратились к Леониду и просили, чтобы он, по праву старшего, остановил Агида и помешал его начинаниям. Леонид хотел помочь богатым, но из страха перед народом, мечтавшим о переменах, открыто ничего не предпринимал, втайне же старался нанести делу вред и окончательно его расстроить, клеветая на Агида властям, будто молодой царь сулит беднякам имущество богатых в виде платы за тиранническую власть и что раздачею земли и отменой долгов готовится скорее купить для себя многочисленных телохранителей, чем приобрести граждан для Спарты.

8. Тем не менее, хлопотами Агида Лисандр был избран в эфоры, и через него царь немедленно предложил старейшинам ретру, главные разделы которой были таковы: долги должникам прощаются, земля делится заново, так что от лощины у Пеллены¹⁴³⁷ до Таигета, Малей и Селласии будет нарезано четыре тысячи пятьсот наделов, а за этими пределами – еще пятнадцать тысяч, и последние распределяются между способными носить оружие перизками, а первые, те, что в указанных выше пределах, – между самими спартамцами, число которых пополнится за счет перизков и чужеземцев, получивших достойное воспитание, хорошей наружности и в цветущем возрасте; все спартамцы составляют пятнадцать фидитиев¹⁴³⁸ по четыреста и по двести человек и ведут такой образ жизни,

¹⁴³⁶ 11. ...в руках женщин... – в Спарте еще при Аристотеле в руках женщин сосредоточивались 2/5 спартанских земель («Политика», II, 6, 11). В военном сословии Спарты смертность была выше обычной, и поэтому многие семьи вымирали без мужского потомства, а новые в привилегированное сословие не допускались.

¹⁴³⁷ 12. ...от лощины у Пеллены... (на северо-западе Лаконии) – долина Эвроты, ближайшие окрестности Спарты.

¹⁴³⁸ 13. Фидитиев – при Ликурге это были отряды человек по 15, собиравшиеся за одним столом (Лик., 12), теперь значение слова переменялось.

какой вели их предки.

9. Так как мнения старейшин разошлись, Лисандр созвал Собрание и сам говорил с народом, а вместе с ним Мандроклид и Агесилай убеждали сограждан не глядеть равнодушно, – в угоду немногим, которые лишь издеваются над ними, – на повергнутое достоинство Спарты, но вспомнить и о древних прорицаниях¹⁴³⁹, наказывавших остерегаться сребролюбия – смертельного для Спарты недуга, – и о новом, которое недавно принесли им от Пасифаи. Храм Пасифаи с прорицалищем находился в Таламах. По сообщениям одних писателей, эта Пасифая – одна из Атлантид, родившая Зевсу сына Аммона¹⁴⁴⁰, по мнению других – это Кассандра, дочь Приама, которая умерла в Таламах¹⁴⁴¹ и получила имя Пасифаи за то, что всем открывала [решения] будущее. И лишь Филарх пишет, что это была дочь Амикла, что звали ее Дафна¹⁴⁴² и что она бежала от Аполлона, домогавшегося ее любви, и превратилась в дерево, а бог почтил ее и наградил даром прорицания. Итак, полученный от нее оракул гласил, как передают, что спартанцы должны восстановить между собою равенство – в согласии с изначальным законом Ликурга.

Под конец с кратким словом выступил царь Агид, объявив, что делает огромный вклад в основание нового строя – первым отдает во всеобщее пользование свое имущество, заключающееся в обширных полях и пастбищах, а также в шестистах талантах звонкой монетой. Так же точно прибавил он, поступают его мать и бабка, а равно и друзья, и родичи – богатейшие люди Спарты.

10. Народ был поражен великодушием и благородством юноши и испытывал великую радость оттого, что, спустя почти триста лет¹⁴⁴³, появился царь, достойный Спарты. Но тут Леонид уже открыто и с крайним ожесточением обрушился на Агида. Рассудив, что и сам будет вынужден последовать примеру молодого царя и его друзей, но равной благодарности у сограждан не получит, ибо все отдадут свое добро одинаково, а честь целиком достанется тому, кто выступил первым, Леонид задал Агиду вопрос, считает ли он справедливым и честным Ликурга, и, когда тот ответил утвердительно, продолжал: «Но разве Ликург отменял долги или давал чужеземцам права гражданства – тот самый Ликург, который считал, что без изгнания чужестранцев¹⁴⁴⁴ государству вообще не выстоять?!» Нет ничего удивительного, отвечал Агид, если Леонид, воспитанный в чужих краях и приживший детей с дочерьми сатрапов, не знает, что Ликург, вместе с монетой, изгнал из Спарты долги и ссуды и не столько был недоволен поселяющимися в городах чужеземцами, сколько людьми чуждых нравов и привычек. Этих людей он действительно изгонял, но не потому, что враждовал с ними, а потому, что боялся их образа жизни, боялся, как бы, общаясь с гражданами, они не заронили им в душу страсть к роскоши, изнеженности и стяжательству, меж тем как

¹⁴³⁹ 14. ...о древних прорицаниях... – «Корыстолюбие Спарту погубит, иное – не страшно»: иногда этот оракул возводился к ликурговым временам.

¹⁴⁴⁰ 15. ...одна из Атлантид, родившая... Аммона... – Атлантиды – дочери титана Атланта, превращенные в созвездие Плеяд; Аммон был египетским солнечным божеством, обычно отождествляемым с самим Зевсом.

¹⁴⁴¹ 16. ...Кассандра... которая умерла в Таламах... – Кассандра обычно считалась погибшей в Микенах вместе с Агамемноном.

¹⁴⁴² 17. Дафна – аркадская, ане лаконская нимфа.

¹⁴⁴³ 18. ...спустя почти 300 лет... – По-видимому, считая от греко-персидских войн.

¹⁴⁴⁴ 19. ...изгнания чужестранцев... – см. Лик., 27.

Терпандра, Фалета и Ферекида¹⁴⁴⁵, которые были чужестранцами, но песнями своими и своей философией неизменно преследовали те же цели, что и Ликург, в Спарте высоко почитали. «А ты, – продолжал Агид, – Экпрепа, который, находясь в должности эфора, рассек топором две из девяти струн на кифаре Фриннида, Экпрепа, повторяю, ты хвалишь, хвалишь и тех, кто подобным же образом обошелся с Тимофеем¹⁴⁴⁶, меня же бранишь за то, что я хочу изгнать из Спарты роскошь и кичливую расточительность! Но ведь и те люди опасались в музыке лишь чрезмерной замысловатости, не желали, чтобы это дурное ее качество переступило рубеж, за которым возникает нестройное и неверное звучание в жизни и нравах, приводящее государство к внутреннему несогласию и разброду».

11. Народ последовал за Агидом, но богачи заклинали Леонида не оставлять их в беде, умоляли о помощи старейшин, которым принадлежало право предварительного решения¹⁴⁴⁷ – в этом и была их главная сила – и, наконец, добились своего: ретра была отвергнута большинством в один голос. Тогда Лисандр, который еще оставался эфором, решил привлечь Леонида к суду на основании одного древнего закона, запрещавшего Гераклиду приживать детей с чужестранкой и грозившего ему смертью, если он покидает Спарту, чтобы поселиться в другой стране. Однако выступить с обвинением против Леонида Лисандр подучил других, сам же он в это время вместе с товарищами по должности следил за появлением особого небесного знамения.

Дело в том, что каждые девять лет эфоры, выбрав ясную, но безлунную ночь, садятся и в полном молчании следят за небом, и если из одной его части в другую пролетит звезда, они объявляют царей виновными в преступлении перед божеством и отрешают их от власти до тех пор, пока из Дельф или из Олимпии не придет оракул, защищающий осужденных царей. Это знамение, как объявил Лисандр, ему явилось, и вот он назначает разбирательство по делу Леонида и представляет двух свидетелей в том, что царь прижил двоих детей с женщиной азиатского происхождения, которую выдал за него какой-то начальник конницы у Селевка, но впоследствии жена прониклась к нему неприязнью и отвращением, и он, вопреки собственному желанию, вернулся домой, где и завладел престолом, поскольку других наследников не оказалось. Вместе с тем он уговаривает зятя царя, Клеомброта, который тоже был царской крови, заявить притязания на власть. Леонид был жестоко напуган и, с мольбой об убежище, укрылся в храме Афины Меднодомной; вместе с ним была его дочь, оставившая Клеомброта. Он получил вызов в суд, но не вышел из храма, и тогда спартанцы передали царство Клеомброту.

12. Тем временем год миновал, и Лисандр лишился власти. Вновь вступившие в должность эфоры разрешили Леониду покинуть его убежище, а Лисандра и Мандроклида привлекли к суду за то, что предложение об отмене долгов и переделе земли было внесено в нарушение существующих законов. Видя грозящую им опасность, обвиняемые убеждают царей твердо стоять друг за друга, пренебрегая решениями эфоров: ведь вся их сила – в разногласиях между царями, ибо они должны отдать свой голос тому, чье мнение правильное, если второй судит вопреки пользе. Если же оба держатся одних взглядов, их власть непреложна и бороться с ними – противозаконно, ибо эфорам принадлежит право

¹⁴⁴⁵ 20. ...Терпандра, Фалета, Ферекида... – Терпандр и Фалет ввели принятые в Спарте религиозные песнопения (унивавшие междоусобные раздоры и пр.); какой пифагорейской легендой был связан со Спартой мудрец Ферекид, неясно.

¹⁴⁴⁶ 21. Фриннид – к семи струнам традиционной Терпандровой кифары он прибавил еще две, а Тимофей – еще несколько; это было сочтено признаком недостойной изнеженности вкуса и в Спарте осуждено особым указом эфоров.

¹⁴⁴⁷ 22. ...право предварительного решения... – Т.е. предыдущее обращение Агида к народу было неофициальным, а официальная постановка законопроекта на голосование оказалась запрещена советом старейшин.

быть посредниками и судьями в случае спора царей, но не вмешиваться в их дела, когда они единодушны. Согласившись с этими доводами, Агид и Клеомброт в сопровождении друзей явились на площадь, согнали эфоров с их кресел и назначили новых, в числе которых был и Агесилай. Затем они вооружили многих молодых людей и освободили заключенных, приведя в трепет противников, которые ждали обильного кровопролития. Но цари никого не тронули, напротив, когда Леонид тайно бежал в Тегею, а Агесилай послал вдогонку убийц, которые должны были расправиться с ним в пути, Агид, узнав об этом, отправил других, верных ему людей, те окружили Леонида кольцом и благополучно доставили в Тегею.

13. Меж тем как дело счастливо подвигалось вперед и никто уже не мешал ему и не препятствовал, один-единственный человек – Агесилай – все погубил и расстроил, замарав прекраснейший, в полном смысле слова спартанский, замысел позорнейшим из пороков – корыстолюбием. Богатство Агесилая состояло главным образом в обширных и тучных полях, но он был кругом в долгу и, так как расплатиться с займодавцами не мог, а терять землю не хотел, то убедил Агида, что, если осуществить оба намерения разом, в городе начнется настоящий мятеж, но если сперва угодить землевладельцам отменой долгов, они потом мирно и спокойно согласятся на передел. Так полагал и Лисандр, тоже обманутый Агесилаем. Итак, долговые расписки – они называются «клариями» [κλάρια] – снесли на площадь, сложили все в одну кучу и подожгли. Когда костер вспыхнул, богачи и ростовщики, в крайнем огорчении и расстройстве, удалились, а Агесилай, словно издеваясь, крикнул им вслед, что никогда не видел света ярче и огня чище этого.

Народ требовал, чтобы немедленно приступали к разделу земли, и цари отдали такой приказ, но Агесилай, всякий раз отыскивая неотложные заботы и придумывая все новые увертки, затягивал дело до тех пор, пока Агиду не пришлось выступить в поход: ахейцы, союзники Лакедемона¹⁴⁴⁸, просили помощи, опасаясь, что этолийцы через Мегариду вторгнутся в Пелопоннес. Чтобы дать им отпор, ахейский стратег Арат собирал войско и о своих приготовлениях написал эфорам.

14. Эфоры немедленно отправили к Арату Агида, гордившегося честолюбивым рвением и преданностью своих воинов. Почти всё это были люди молодые и бедные, недавно избавившиеся и освободившиеся от долгов и полные надежд получить землю, когда вернутся из похода. Они беспрекословно повиновались каждому распоряжению Агида и являли собою замечательное зрелище, когда, не причиняя никому ни малейшего вреда, спокойно и почти бесшумно проходили через государства Пелопоннеса, так что греки только дивились и спрашивали друг друга, какой же был порядок в лаконском войске под водительством Агесилая, прославленного Лисандра или древнего Леонида, если и ныне воины обнаруживают столько почтения и страха перед юношей, который моложе чуть ли не любого из них. Впрочем, и сам юноша – простой, трудолюбивый, несколько не отличавшийся своей одеждой и вооружением от обыкновенных воинов – привлекал всеобщее внимание и восхищение. Но богачам его действия в Спарте были не по душе, они боялись, как бы народ, последовав этому примеру, не изменил установившиеся порядки повсюду.

15. Соединившись у Коринфа с Аратом, который еще не решил, даст ли он противнику битву, Агид обнаружил и горячее усердие, и отвагу, однако не отчаянную и не безрассудную. Он говорил, что, по его мнению, следует сражаться и не пропускать войну за ворота Пелопоннеса, но что поступит он так, как сочтет нужным Арат, ибо Арат и старше его, и стоит во главе ахейцев, а он явился не для того, чтобы взять над ахейцами команду, но чтобы оказать им помощь и поддержку в боях. Правда, Батон из Синопсиса утверждает, будто Агид не хотел участвовать в битве вопреки распоряжению Арата, но он просто не читал, что пишет об этом сам Арат. Оправдывая свои действия, Арат говорит, что поскольку крестьяне уже

¹⁴⁴⁸ 23. ...союзники Лакедемона... – Мир и союз между Спартой и Ахейским союзом был заключен в начале правления Агида.

свезли с полей весь урожай, он считал более целесообразным открыть дорогу врагам, нежели в решающем сражении поставить под угрозу судьбу ахейцев в целом. Итак, отказавшись от мысли о битве, он, с благодарностью и похвалами, отпустил союзников, и Агид, сопровождаемый восторгами пелопоннесцев, тронулся в обратный путь, в Спарту, где тем временем произошли большие перемены и начались беспорядки.

16. Агесилай, который был эфором, сбросив с плеч тяготившую его до той поры заботу, смело шел на любое преступление и насилие, если оно приносило деньги; он не постеснялся нарушить утвержденное обычаем течение и порядок времени и, — хотя год этого не требовал, — вставил тринадцатый месяц¹⁴⁴⁹, чтобы взыскать за него налоги. Боясь тех, кому он чинил обиды, и окруженный ненавистью всех сограждан, он нанял вооруженных телохранителей и без них в здание Совета не ходил. Он нарочито стремился показать, что одного из царей вообще ни во что не ставит, Агид же если и пользуется некоторым его уважением, то скорее по праву родства, чем царского достоинства. Вдобавок он распустил слух, что останется эфором и на следующий срок.

Враги его решили не медлить, они составили заговор, открыто вернули Леонида из Тегей и вновь передали ему царство при молчаливом одобрении народа, который был возмущен, видя свои надежды на раздел земли обманутыми. Агесилая спас и тайно вывел из города его сын Гиппомедонт, которого все любили за храбрость и который молил сограждан помиловать отца. Агид укрылся в храме Афины Меднодомной, а другой царь, Клеомброт, пришел с мольбою о защите в святилище Посейдона, ибо казалось бесспорным, что против него Леонид озлоблен сильнее. И в самом деле, не тронув пока Агида, он явился в сопровождении воинов к Клеомброту и осыпал гневной бранью и укорами зятя, который коварными кознями лишил тестя царства и помог врагам изгнать его из отечества.

17. Клеомброт, которому нечего было ответить, сидел в глубоком смущении и молчал. Между тем Хилонида, дочь царя, которая прежде, когда жертвой насилия сделался ее отец, сочла, что обида нанесена и ей самой, и, оставив вступившего на царство Клеомброта, старалась поддержать Леонида в беде, не выходя вместе с ним из храма, где он искал защиты, а затем, после его бегства, безутешно горевала, негодуя на мужа, — Хилонида теперь, с переменою судьбы переменившись и сама, сидела просительницею вместе с Клеомбротом, обняв его обеими руками и посадив по обе стороны от себя двоих детей. Все дивились и плакали, видя доброту и верность этой женщины, а она, коснувшись своей кое-как накинутой одежды и неприбранных волос, сказала: «Этот вид и обличие, отец, мне придала не жалость к Клеомброту, нет, но со времени твоих несчастий, со дня твоего бегства скорбь была моей неразлучной подругой и соседкой. А теперь, когда ты победил и снова царствуешь в Спарте, должна ли я по-прежнему проводить жизнь в горе или же мне облечься в пышное царское платье, после того, как ты, у меня на глазах, убьешь моего супруга, который взял меня в девичество? Впрочем, если он не вымолит у тебя прощения, если не смягчит тебя слезами своих детей и жены, то понесет за свое безрассудство кару даже более тяжкую, чем задумал ты сам, — прежде, чем умереть, он увидит смерть горячо любимой супруги. Как посмею я жить и смотреть в глаза другим женщинам, если ни муж, ни отец не сжалились надо мною, но остались глухи к моим просьбам? И жена, и дочь — в обоих лицах — разделяю я беду и позор моих близких! Если у моего мужа и было какое-нибудь основание для вражды с тобою, я его отняла, когда встала на твою сторону, подав тем самым свидетельство против Клеомброта и его замыслов. Но теперь ты словно бы сам оправдываешь его преступление, ибо, глядя на тебя, каждый поверит, что царская власть поистине вожделенное и неоценимое благо, — ведь ради нее справедливо и зарезать зятя, и равнодушно оттолкнуть родную дочь!»

18. Произнося эти полные отчаяния жалобы, Хилонида прижалась щекою к голове

---

¹⁴⁴⁹ 24. *Тринадцатый месяц* — вставлялся в счет каждые 2—3 года, чтобы наверстать отставание лунного календаря от солнечного.

Клеомброта и обвела присутствующих помутившимся, изнуренным от муки взглядом. Леонид, переговорив с друзьями, приказал Клеомброту подняться и немедленно уйти за пределы страны, а дочь просил не покидать отца, который так ее любит, что подарил спасение ее мужу. Но убедить Хилониду он не смог, она передала одного из детей поднявшемуся с земли мужу, другого взяла сама и, преклонившись пред алтарем бога, вышла вместе с Клеомбротом, который, не будь он вконец испорчен пустою славой, счел бы изгнание, разделяемое с такою супругой, большей для себя удачей, нежели царскую власть.

Изгнав Клеомброта, отрешив от должности прежних эфоров и назначив других, Леонид тут же стал готовить гибель Агиду. Сперва он убеждал царя выйти из убежища и по-старому править вместе: граждане, дескать, его прощают, понимая, что Агесилай, вместе со многими другими, обманул и его, совсем еще юного и такого честлюбивого. Но Агид подозревал недоброе и оставался в храме, и Леонид, наконец, прекратил лгать и хитрить.

Амфарет, Дамохарет и Аркесилай постоянно навещали Агида и развлекали его беседой, а иной раз даже брали с собою в баню, выводя из храма и доставляя обратно после мытья. Все трое были прежде его добрые знакомые, но Амфарет, который незадолго до того взял на время у Агесистраты несколько дорогих чаш и плащей, а возвращать эти вещи не хотел, тайл коварный умысел против царя и обеих женщин. Он, как передают, особенно охотно поддался на уговоры Леонида и, кроме того, ожесточил против Агида эфоров – своих товарищей по должности.

19. Так как Агид проводил все дни в своем убежище и только изредка, если случалась возможность, ходил в баню, решено было схватить его в пути, за пределами храма. «Друзья» подстерегли его, когда он возвращался из бани, подошли с приветствием и дальше двинулись вместе под шуточные речи, какие и принято вести с молодым человеком и близким знакомцем. Но как только они оказались у поворота, где начиналась дорога к тюрьме, Амфарет, по праву эфора, схватил Агида за плечо и промолвил: «Я веду тебя к эфорам, Агид, ты представишь им отчет в своих действиях», – а рослый и сильный Дамохарет накинул ему на шею скрученный жгутом плащ и поволок за собой, остальные же исполняя уговор, подталкивали царя сзади. Так как место было безлюдное, никто на помощь Агиду не пришел, и его бросили в тюрьму. Немедленно появился Леонид с большим отрядом наемников и окружил здание, а эфоры вошли к Агиду и, пригласив в тюрьму тех старейшин, которые были одного с ними образа мыслей (они желали придать происходившему видимость судебного разбирательства), потребовали, чтобы он оправдался в своих поступках. Царь только засмеялся в ответ на это притворство, и Амфарет заметил ему, что он горько поплатится за свою дерзость. Другой из эфоров, словно идя Агиду навстречу и показывая ему, как уклониться от обвинения, спросил, не действовал ли он вопреки своей воле, по принуждению Лисандра и Агесилая, а когда Агид ответил, что никто его не принуждал, но что он следовал примеру и образцу Ликурга, стремясь к тому же государственному устройству, какое было в старину, – задал ему еще вопрос: раскаивается ли он в содеянном. Юноша ответил, что нисколько не раскаивается в этих прекрасных и благородных замыслах, даже если увидит, что его ждет самая жестокая кара, и эфоры вынесли ему смертный приговор.

Служители получили приказ вести Агида в так называемую Дехаду – это особое помещение в тюрьме, где удавливают осужденных. Замечая, что прислужники не смеют коснуться Агида и что даже наемники отворачиваются и не хотят принимать участия в таком деле (ведь все знали, что поднять руку на царя – противно и законам, и обычаям!), Дамохарет осыпал их угрозами и бранью и сам потащил Агида в Дехаду. Многие уже знали, что Агид в тюрьме, у дверей стоял шум, мелькали частые факелы; появились мать и бабка Агида, они громко кричали, требуя, чтобы царя спартанцев выслушал и судил народ. Вот почему, главным образом, эфоры и поспешили завершить начатое, опасаясь, как бы ночью, если соберется толпа побольше, царя не вырвали у них из рук.

20. По пути на казнь Агид заметил, что один из прислужников до крайности опечален и не может сдержать слезы, и промолвил ему: «Не надо оплакивать меня, милый. Я умираю

вопреки закону и справедливости, но уже поэтому я лучше и выше моих убийц». Сказавши так, он сам вложил голову в петлю.

После этого Амфарет вышел к дверям, и Агесистрата, по давнему знакомству и дружбе, бросилась к нему с мольбою, а он поднял ее с земли и заверил, что с Агидом не случится ничего страшного и непоправимого. Если она хочет, добавил он, то и сама может пройти к сыну. Агесистрата просила, чтобы вместе с нею впустили мать, и Амфарет ответил, что ничего против не имеет. Пропустивши обеих и приказав снова запереть дверь тюрьмы, он первую передал палачам Архидамию, уже глубокую старуху, всю жизнь пользовавшуюся огромным уважением среди спартанских женщин, когда же ее умертвили, позвал внутрь Агесистрату. Она вошла – и увидела сына на полу и висящую в петле мать. Сама, с помощью прислужников, она вынула Архидамию из петли, уложила ее рядом с Агидом и тщательно укрыла труп, а потом, упавши на тело сына и поцеловав мертвое лицо, промолвила: «Ах, сынок, твоя чрезмерная совестливость, твоя мягкость и человеколюбие погубили и тебя, и нас вместе с тобою!» Амфарет, который стоя у дверей, все видел и слышал, вошел в Дехаду и со злобою сказал Агесистрате: «Если ты разделяла мысли сына, то поделишь и его жребий!» И Агесистрата, поднимаясь навстречу петле, откликнулась: «Только бы это было на пользу Спарте!»

21. Когда весть об этом страшном событии разнеслась по городу и из тюрьмы были вынесены три мертвых тела, страх оказался не настолько силен, чтобы граждане захотели или же смогли хоть сколько-нибудь скрыть свое горе и свою ненависть к Леониду и Амфарету, ибо ни разу еще с тех пор, как дорийцы населяют Пелопоннес, не случилось в Спарте ничего более ужасного и нечестивого. Сколько можно судить, на царя лакедемонян даже враги не решались занести руку, но, встречаясь с ним на поле боя, поворачивали вспять из страха и почтения пред его высоким достоинством. Вот почему до времен Филиппа¹⁴⁵⁰ во всех многочисленных сражениях, какие были у лакедемонян с остальными греками, только один царь – Клеомброт – был убит ударом копья при Левктрах. Правда, мессенцы говорят, будто еще Феопомп пал от руки Аристомена, но лакедемоняне утверждают, что это неверно и что Феопомп был только ранен. По этому поводу мнения писателей различны. А в самом Лакедемоне первым из царей погиб Агид, казненный эфорами, – погиб, начавши прекрасное и достойное Спарты дело, погиб в том возрасте, когда ошибкам принято оказывать снисхождение, и заслужив укоры скорее друзей, нежели врагов, ибо он сохранил жизнь Леониду и вообще, по своей удивительной кротости и мягкости, слишком доверял людям.

[КЛЕОМЕН]

22 (1). Сразу же после смерти Агида его брат Архидам бежал, так что его Леонид захватить не успел, но супругу убитого с новорожденным ребенком он увел из дома мужа и силою выдал за своего сына Клеомена. Правда, Клеомену не пришла еще пора жениться, однако ж отдать Агиатиду другому Леонид не хотел: она должна была унаследовать богатое состояние своего отца Гилиппа, по красоте же и пригожеству не знала себе равных среди гречанок, обладая, вдобавок, нравом добрым и кротким. Как передают, она исчерпала все средства, моля избавить ее от этого насильственного брака, однако, соединившись с Клеоменом, ненависть к Леониду сохранила, но женою была замечательной, горячо привязанной к молодому мужу, который с первого же дня страстно ее полюбил и даже относился с сочувствием к ее полным нежности воспоминаниям об Агиде, так что нередко и сам расспрашивал обо всем происшедшем и внимательно слушал рассказы Агиатиды о намерениях и образе мыслей ее первого супруга.

---

¹⁴⁵⁰ 25. ...до времен Филиппа... – Точнее, до 331 г., когда в битве при Мегалополе пал от македонян Агид III.

Клеомен был и честлюбив, и благороден, и не менее Агида склонен по натуре к воздержности и простоте, но мягкости и крайней осторожности Агида в нем не было, – напротив, в душе его как бы сидело острое, подстрекавшее волю, и он неудержимо рвался к цели, которая однажды представилась ему прекрасной. А прекраснее всего, казалось ему, – править охотно подчиняющимися своему царю подданными; вместе с тем он считал прекрасным и взять верх над непокорными, направляя их к добру силой.

23 (2). Тогдашнее положение города ничуть его не радовало: граждане вконец изнежились от праздности и забав, царь ко всему относился с полным равнодушием – лишь бы никто не мешал ему жить в богатстве и роскоши, государственные же дела были в пренебрежении, ибо каждый думал лишь о своем доме и о собственной выгоде. О скромности и регулярных упражнениях молодежи, о выдержке и равенстве – обо всем этом теперь, после гибели Агида, небезопасно было даже вспоминать.

Сообщают, что Клеомен еще подростком познакомился с учениями философов благодаря Сферу из Борисфена¹⁴⁵¹, который приехал в Лакедемон и много времени уделял беседам с мальчиками и юношами. Этот Сфер был одним из самых способных учеников Зенона Китийского, он, по-видимому, полюбил Клеомена за его природное мужество и разжег в нем честлюбие. Когда однажды в старину Леонида спросили, что он думает о поэте Тиртее, тот, говорят, ответил: «Он прекрасно воспаляет души молодых». И верно, стихи Тиртея наполняли молодых воинов таким воодушевлением, что они не щадили собственной жизни в битвах. Так и стоическое учение – оно таит в себе что-то опасное для сильных и горячих характеров, но превращается в громадное, ничем иным не приобретаемое благо, проникая в натуру глубокую и мягкую¹⁴⁵².

24 (3). Когда после смерти Леонида Клеомен вступил на царство и убедился, что государство вконец обессилело, – богачи, поглощенные заботой о собственных удовольствиях и наживе, пренебрегали общественными делами, а народ, страдая от нужды, и на войну шел неохотно, и даже в воспитании детей не искал более для себя никакой чести, – а сам он царь только по имени, власть же целиком принадлежит эфорам, он немедленно проникся решимостью все это переменить и опрокинуть. Прежде всего, он стал испытывать своего друга Ксенара (в прошлом царь был любимцем этого человека – такую связь сами лакедемоняне называют «вдохновенной любовью»¹⁴⁵³); он расспрашивал Ксенара об Агиде – что это был за правитель, и каким образом и с чьей помощью вступил он на свой путь. Сначала Ксенар охотно говорил об этих событиях, вспоминая их во всех подробностях, но когда заметил, что Клеомен слишком поглощен его рассказом, что нововведения Агида до крайности волнуют молодого царя и он хочет слышать о них еще и еще раз, то в сердцах выбранил Клеомена, сказал ему, что он просто не в своем уме, а в конце концов, перестал и беседовать с ним и даже ходить к нему. Причину их размолвки Ксенар, впрочем, никому не открыл и отвечал только, что царь хорошо знает, в чем дело.

Видя такое недоброжелательство Ксенара, Клеомен полагал, что и остальные настроены не иначе, и ни с кем своими замыслами не делился. Он считал, что переворот легче произвести во время войны, чем в мирную пору, а потому столкнул Спарту с ахейцами, поведение которых неоднократно давало повод для жалоб и упреков. Арат, наиболее сильный и влиятельный человек среди ахейцев, с самого начала задумал соединить всех

¹⁴⁵¹ [КЛЕОМЕН]1. *Сфер из Борисфена* – этот стоик работал при александрийском дворе и был прислан в Спарту от Птолемея II; среди его сочинений (не сохранившихся) были «О Ликурге и Сократе» и «О спартанском государственном устройстве».

¹⁴⁵² 2. *Так и стоическое учение...* и далее... – Стоическое учение привлекало Плутарха своим морализмом и отталкивало парадоксализмом (см. КМл., примеч. 12); это двойственное отношение выражено и здесь.

¹⁴⁵³ 3. ...«вдохновенной любовью»... – Платоническое выражение, ср. Лик., 17—18.

пелопоннесцев в один союз и именно эту цель преследовал, командуя войсками в многочисленных походах и долгие годы руководя государственными делами, ибо твердо держался убеждения, что только тогда Пелопоннес станет неприступен для врагов извне. Почти все города уже были в числе союзников, оставались только Лакедемон, Элида да часть аркадян, находившаяся в зависимости от Спарты, и сразу после смерти Леонида Арат принялся тревожить аркадян, разоряя главным образом земли, пограничные с ахейскими, – чтобы поглядеть, как ответят на это лакедемоняне, и, вместе с тем, выказать пренебрежение к молодому и неискушенному в войне Клеомену.

25 (4). Прежде всего эфоры поручают Клеомену захватить храм Афины поблизости от Бельбины. Эта местность представляет собою проход в Лаконию, и в ту пору Спарта вела из-за нее спор с Мегалополем. Клеомен захватил храм и обнес его укреплениями, и Арат ни словом на это не возразил, но двинулся ночью с войском, чтобы напасть на Тегею и Орхомен. Однако изменники, пообещавшие сдать город, в последний миг оробели, и Арат отступил, считая, что остался незамеченным, но Клеомен тут же написал ему, осведомляясь, словно бы у приятеля, куда это он ходил ночью. Тот написал в ответ, что узнал, будто Клеомен намеревается укрепить Бельбину, и хотел ему помешать, и Клеомен, еще одним письмом, заверил Арата, что нисколько не сомневается в его словах, но только, если это не составит для начальника ахейцев особого труда, просит сообщить, зачем он брал с собою факелы и лестницы. Шутка рассмешила Арата, и он стал спрашивать, что за юноша этот Клеомен, и тогда лакедемонский изгнанник Дамократ сказал ему: «Если ты замышляешь что-нибудь против Спарты, тебе надо торопиться, пока у этого петушка не отрасли шпоры».

Клеомен с небольшим отрядом конницы и тремястами пехотинцев стал лагерем в Аркадии, но немного спустя эфоры, боясь войны, приказали ему отступить. Едва однако ж он отошел, как Арат взял Кафии, и эфоры снова отправили Клеомена в поход. Он занял Мефидрий и разорил набегами Арголиду. Против него двинулось ахейское войско из двадцати тысяч пехоты и тысячи всадников под начальством Аристомаха. Клеомен встретил ахейцев у Паллантия и хотел завязать сражение, но Арат, испугавшись его дерзкой отваги, не дал стратегу принять вызов и отступил – под ропот и брань ахейцев и издевательства лакедемонян, которые не насчитывали в своих рядах и пяти тысяч. Этот успех преисполнил Клеомена самоуверенности, и он пустился в хвастливые речи перед согражданами, так что те вспоминали одного из своих древних царей¹⁴⁵⁴, который сказал, что лакедемоняне спрашивают не сколько врагов, а где они.

26 (5). Поспешив на помощь гражданам Элиды, которые оборонялись от ахейцев, Клеомен близ Ликея ударил на неприятелей, уже пустившихся в обратный путь, и разметал все ахейское войско. Многие были убиты, многие попали в плен, так что по Греции даже прошел слух, будто погиб и Арат, однако Арат сумел как нельзя лучше использовать сложившееся положение дел – едва оправившись от бегства, он пошел на Мантинею и, так как никто этого не ожидал, захватил город и поставил в нем своих воинов. Лакедемоняне совершенно пали духом и требовали, чтобы Клеомен прекратил войну, и это натолкнуло его на мысль вызвать из Мессены брата Агида, Архидама, из другого царского дома, которому по закону принадлежал второй престол¹⁴⁵⁵ в Спарте: Клеомен надеялся, что могущество эфоров уменьшится, если царская власть вернет себе прежнюю полноту и равновесие. Но убийцы Агида, проведавши об этом и опасаясь, как бы, если Архидам вернется, им не пришлось дать ответ за прошлое, дружелюбно его приняли и даже сами помогли тайно проникнуть в город, но сразу же умертвили – быть может, против воли Клеомена, как полагает Филарх, а может быть, он и сдался на уговоры своих друзей и уступил им Архидама

¹⁴⁵⁴ 4. ...одного из... древних царей... – Это был Агид II (426—401).

¹⁴⁵⁵ 5. ... второй престол... – Номинально соправителем Клеомена считался малолетний Эвридамид, сын Агида (и пасынок самого Клеомена – см. гл. 1), а после его смерти Клеомен правил один.

сам. Но и в этом случае главная доля вины падает на них, ибо ходила молва, что они вырвали у Клеомена согласие силой.

27 (6). И все же Клеомен решил не медлить со своими планами, а потому, подкупив эфоров, получил от них распоряжение готовиться к походу. И многих других склонил он на свою сторону, пользуясь поддержкой матери, Кратесиклеи, которая щедро покрывала его расходы и сочувствовала честолюбивым замыслам сына. Ради него, как сообщают, она даже вышла второй раз замуж (хотя сама к браку не стремилась), выбрав одного из виднейших и наиболее влиятельных граждан в Спарте.

Выступив в поход, царь занял принадлежавший мегалополитанцам городок Левктры. Ахейцы во главе с Аратом быстро двинулись на выручку, и Клеомен выстроил лакедемонян к бою у самых стен Мегалополя. Часть спартанского войска была разбита, но когда Арат остановил преследование, не разрешив ахейцам переправиться через какой-то глубокий ров, а мегалополитанец Лидиад, возмущенный этим приказом, бросил своих всадников вперед и, гоня врага все дальше, попал на виноградник, весь изрезанный канавами и загородками, так что боевой порядок конницы оказался безнадежно и непоправимо нарушенным, – заметив это, Клеомен немедленно послал туда тарентинцев и критян¹⁴⁵⁶, и Лидиад, несмотря на отчаянное сопротивление, был убит. Лакедемоняне воспрянули духом, с криком ринулись на ахейцев и всех обратили в бегство. Трупы убитых – а их на поле битвы осталось великое множество – Клеомен выдал ахейцам, заключив с ними перемирие, и только тело Лидиада велел принести к себе, украсил мертвого пурпурным одеянием, возложил ему на голову венки и так отправил к воротам Мегалополя. Это был тот самый Лидиад, который сложил с себя тиранническую власть, вернул гражданам свободу и присоединил свой город к Ахейскому союзу.

28 (7). После этой победы Клеомен возгордился уже не на шутку и, в твердой уверенности, что легко одолеет ахейцев, если поведет войну по собственному усмотрению, стал убеждать своего отчима Мегистоноя, что пора избавиться от эфоров, сделать имущество граждан общим достоянием и, с помощью равенства, возродить Спарту, вернуть ей верховное владычество над Грецией. Мегистоной согласился с ним, и царь склонил на свою сторону еще двух или трех друзей.

Случилось так, что в эти дни одному из эфоров приснился в святилище Пасифаи удивительный сон. Привиделось ему, будто на том месте, где обычно сидят, занимаясь делами, эфоры, осталось только одно кресло, а остальные четыре исчезли и в ответ на его изумление из храма прозвучал голос, возвестивший, что так лучше для Спарты. Когда эфор рассказал Клеомену свое видение, тот сначала встревожился, решив, будто враги подозревают недоброе и хотят выведать его мысли, но затем понял, что рассказчик не лжет, и успокоился. Взяв с собою тех граждан, которые, как он ожидал, должны были оказать его действиям особенно упорное сопротивление, он захватил подвластные ахейцам города Герею и Альсею, доставил в Орхомен продовольствие и, наконец, расположившись лагерем у Мантинеи и дальними вылазками настолько утомив лакедемонян, что они сами просили дать им передышку, оставил большую часть своего войска в Аркадии, а сам с наемниками двинулся к Спарте. Поделившись по пути своими планами с несколькими солдатами, в чьей преданности он был совершенно уверен, Клеомен медленно шел вперед, чтобы напасть на эфоров во время обеда.

29 (8). Когда до города было уже совсем недалеко, Клеомен послал в общую трапезную¹⁴⁵⁷ к эфорам Эвриклида, якобы с каким-то известием из похода от царя, а следом за ним, с несколькими воинами, отправились Ферикион, Фебид и двое так называемых

---

¹⁴⁵⁶ 6. ...тарентинцев и критян... – Тарентинцами называлась легкая конница, вооруженная дротиками, а критянами – пешие лучники; откуда были они родом, к этому времени уже не считалось важным.

¹⁴⁵⁷ 7. *Общая трапезная* – правительственный сисситий на городской площади.

мофаков¹⁴⁵⁸ – товарищей детства Клеомена. Эвриклид еще не кончил свою речь, как они уже набросились на эфоров и стали разить их мечами. Первым упал под ударами Агилей, и его сочли мертвым, но он мало-помалу собрался с силами, выполз из залы и забился в какое-то низкое и тесное строение, оказавшееся святилищем Страха, – оно всегда стояло запертым, но в этот день случайно было открыто. Проскользнув туда, он замкнул за собою дверь. Остальные четверо были убиты, и еще не более десяти человек, которые пытались подать им помощь. Из тех, кто соблюдал спокойствие, не погиб ни один, точно так же и покидавшим город никаких препятствий не чинилось. Пощадили даже Агилея, когда он на другой день вышел из храма.

30 (9). У лакедемонян есть храмы, посвященные не только Страху, но и Смерти, и Смеху, и иным сходного рода душевным состояниям. Страх они чтут не оттого, что считают его пагубным, – подобно злым духам, отвращаемым с помощью заклинаний, – но в уверенности, что страх – это главная сила, которою держится государство. Поэтому-то, как сообщает Аристотель, эфоры, вступая в должность, через глашатая приказывали гражданам остригать себе усы и повиноваться законам, дабы законы не обходились с ними сурово. Требование насчет усов, на мой взгляд, объявлялось для того, чтобы приучить молодых людей к послушанию даже в мелочах. И еще мне кажется, что мужеством древние считают не бесстрашие, но страх перед укором и боязнь бесславия. Кто больше всех робеет перед законами, всех отважнее пред лицом неприятеля, и меньше других страшится беды и боли тот, кому особенно страшна дурная молва. Вот почему прав поэт¹⁴⁵⁹, говоря:

Где страх, там и стыд.

И у Гомера¹⁴⁶⁰ хорошо сказано:

Ты и почтен для меня, возлюбленный свекор, и страшен.

И еще:

Войско молчит, почитая начальников.

Больше всего толпа почитает тех, перед кем испытывает страх. Потому лакедемоняне и воздвигли храм Страху подле трапезной эфоров, как бы уподобив их звание единовластию.

31 (10). Наутро Клеомен объявил имена восьмидесяти граждан, которым надлежало покинуть Спарту, и распорядился убрать все кресла эфоров, кроме одного, где намерен был сидеть, занимаясь делами, он сам. Затем он созвал Собрание, чтобы оправдать перед народом свои действия. Ликург, сказал он, к царям присоединил старейшин, и долгий срок город управлялся этими двумя властями, не нуждаясь ни в какой третьей, но позднее, во время сильно затянувшейся войны против мессенцев, цари, постоянно занятые походами, стали выбирать судей из числа своих друзей и оставляли их гражданам вместо себя, назвав «эфорами»¹⁴⁶¹, то есть блюстителями. Сначала они были просто царскими слугами и

¹⁴⁵⁸ **8.** *Мофаки* – так назывались дети спартанцев от илоток, получившие образование со свободными юношами.

¹⁴⁵⁹ **9.** *...поэт...* – Стасин Кипрский; в сочинении «О сдержании гнева» (459d) Плутарх перетолковывает цитируемые им слова: «в ком есть стыд, в том есть и научающий сдержанности страх».

¹⁴⁶⁰ **10.** *...у Гомера...* – «Илиада», III, 172, слова Елены. Следующая цитата – «Илиада», IV, 431.

¹⁴⁶¹ **11.** *Ликург, сказал он... назвав «эфорами»...* – Эту же гипотезу, что эфоры – позднейшее нововведение в Спарте (традиционная дата I Мессенской войны – конец VIII в.), излагает Плутарх, и в Лик., 7; обычно же (еще

помощниками, однако мало-помалу сами вошли в силу, и так, незаметно, образовалась как бы особая должность, или управление. Верное этому свидетельство – то, что еще и поныне, когда эфоры посылают за царем, он в первый и во второй раз не откликается на их зов и, лишь получивши третье приглашение, встает и идет к ним; следует помнить вдобавок, что Астероп, первый, кто укрепил и расширил власть эфоров, жил много поколений спустя после того, как появилось это звание. Впрочем, продолжал Клеомен, соблюдай они хоть какую-то воздержность, лучше было бы их терпеть, но коль скоро незаконно присвоенною силой они подрывают и упраздняют древнюю власть, изгоняя одних царей, убивая без суда других и запугивая угрозами каждого, кто мечтает узреть Спарту вновь обретшей самое прекрасное, поистине божественное устройство, – это совершенно непереносимо. Если бы оказалось возможным без крови и жертв избавить Лакедемон от занесенных извне недугов – роскоши, расточительности, долгов, ростовщичества и двух еще более застарелых язв – бедности и богатства, он почитал бы себя самым счастливым из царей и, словно опытный врач, исцелил бы отечество, не причиняя ему никаких страданий. Но и при нынешних обстоятельствах его оправдывает пример самого Ликурга, который не был облечен ни царскими, ни иными какими-либо правами и только хотел получить власть, а все-таки явился на площадь с оружием, так что царь Харилл¹⁴⁶² в ужасе искал спасения у алтаря. Однако Харилл был человек честный и желавший отечеству добра, а потому скоро сам сделался помощником Ликурга, одоблив его перемены в устройстве государства. Стало быть, Ликург делом засвидетельствовал, что без принуждения и страха существующий порядок изменить трудно. «Я же, – добавил Клеомен, – воспользовался обоими этими средствами с крайней умеренностью – я только устранил тех, кто преграждал Спарте путь к спасению и благополучию. А для блага остальных я поделю всю землю поровну, освобожу должников от их долгов и устрою проверку и отбор чужеземцев, чтобы лучшие из них стали гражданами Спарты и с оружием в руках оберегали наш город и чтобы нам больше не видеть, как Лакония, лишенная защитников, достается в добычу этолийцам и иллирийцам».

32 (11). После этой речи Клеомен первым отдал свое достояние в общее пользование, вслед за царем то же самое сделал его отчим Мегистоной и каждый из друзей, а затем и остальные граждане. Земля была поделена заново. Клеомен отвел наделы и каждому изгнаннику, пообещав вернуть всех до последнего, когда в государстве восстановится спокойствие. Пополнив число граждан самыми достойными из периэков, он создал четырехтысячный отряд тяжелой пехоты, научил этих воинов биться вместо копья сариссой, держа ее обеими руками, и заменил съемную рукоять¹⁴⁶³ щита ремнем, натянутым из края в край.

Затем он обратился к воспитанию молодых – знаменитому спартанскому воспитанию, – при самой деятельной помощи и поддержке Сфера, и в скором времени мальчики и юноши усвоили надлежащий порядок телесных упражнений и общих трапез, причем насилие оказалось потребным лишь в немногих случаях, большинство же быстро и охотно свыклось с простым, истинно лаконским образом жизни. За всем тем, чтобы не слышать слова «единовластие», Клеомен отдал второй престол своему брату Эвклиду. Это был единственный случай, когда спартанцами правили два царя из одного дома.

33 (12). Догадываясь, что ахейцы и сам Арат уверены, будто положение его после совершившихся перемен ненадежно, а потому он ни в коем случае не отважится выйти за

у Геродота, I, 65) эфорат считался исконным «ликурговским» учреждением.

¹⁴⁶² 12. ...царь Харилл... – В Лик., 5 он назван Харилаем.

¹⁴⁶³ 13. Съемная рукоять – представляла собою петлю или кольцо в центре щита; в щите нового образца воин продевал руку под натянутый ремень и мог в строю держать длинную сариссу обеими руками. Клеомен заменил старые спартанские боевые порядки на новые македонские.

рубежи Лакедемона, оставив город, еще не оправившийся от такого потрясения, – Клеомен счел делом и славным, и полезным показать врагам боевой дух спартанского войска. Он вторгся во владения Мегалополя, взял богатую добычу и опустошил немалую часть страны. Под конец похода в его руки попали актеры, куда-то направлявшиеся из Мессены, и тогда Клеомен, сколотив посреди вражеской земли подмостки и не пожалев сорока мин на расходы, устроил игры и целый день провел в театре – не потому, что жаждал зрелищ, но словно издеваясь над врагами и своим презрением показывая, насколько он превосходит их силою. А вообще среди всех греческих и царских войск спартанское было единственным, которое не вело и не везло за собою мимов, фокусников, плясуний и кифаристок, но было свободно от всякой разнузданности, шутовства и расточительности; большую часть дня молодые люди отдавали учению, а те, что постарше, наставляли учившихся, если же случался досуг, то обменивались остроумными шутками и забавными высказываниями в лаконском вкусе. Какова польза подобного рода забав, рассказано в жизнеописании Ликурга.

34 (13). Во всем без изъятия Клеомен сам был наставником для своих подданных, предложив им, как пример воздержности и здравого смысла, собственную жизнь – простую, скромную, начисто лишенную пошлого чванства и ничем не отличавшуюся от жизни любого человека из народа, что, кстати говоря, имело некоторое значение и для общегреческих дел. Те, кому доводилось встречаться с другими царями, не столько бывали поражены их богатством и роскошью, сколько испытывали отвращение к высокомерию и гордыне этих властителей, к их неприветливости и грубости с окружающими. Когда же, являясь к Клеомену, царю и по имени, и в каждом из своих деяний, люди не видели на нем ни багряницы, ни иной какой пышной одежды, не видели драгоценных лож и покойных носилок, когда убеждались, что он не окружен толпою гонцов и привратников и дает ответы просителям не через своих писцов, да и то с крайнею неохотой, но, напротив, одетый в простой плащ, сам идет к посетителю навстречу, радушно его приветствует, терпеливо выслушивает и мягко, любезно отвечает, – все бывали восхищены и очарованы и твердили, что единственный подлинный потомок Геракла – это Клеомен.

Обыкновенный, повседневный обед подавался на столе с тремя ложами, трапеза бывала совсем скудной и чисто лаконской. Если же царь принимал у себя послов или чужеземных гостей, ставили еще два ложа и слуги несколько украшали обед, но не какими-нибудь изысканными блюдами и не печеньями, а просто сравнительным обилием еды и питья. Клеомен даже выговаривал как-то одному из друзей, когда услышал, что тот, угощая чужеземцев, предложил им черной похлебки и ячменных лепешек, как на спартанских общих трапезах: в подобных случаях, сказал он, да еще с иноземцами, нет никакой нужды слишком строго держаться лаконских нравов. Когда стол убирали, приносили треножник с медным кратером, полным вина, два серебряных ковша вместимостью по две котилы и несколько – совсем немного – серебряных чаш, из которых пил всякий, кто хотел, но вопреки желанию пить никого не принуждали. Никаких услаждений для слуха не было, да и не требовалось. Царь сам направлял беседу и занимал гостей за вином, то расспрашивая других, то что-нибудь рассказывая сам, и серьезные его речи были не лишены приятности, а шутки отличались мягкостью и тонкостью. Гоняться за людьми, приманивая и развращая их деньгами и подарками, как поступали прочие цари, он считал и безвкусным, и несправедливым, а вот дружелюбной беседой, приятным и внушающим доверие словом расположить и привлечь к себе всякого, с кем довелось встретиться, – это представлялось ему делом поистине прекрасным и поистине царским, ибо, говорил он, друг отличается от наемника лишь тем, что одного приобретают обаянием собственного нрава и речей, а другого – деньгами.

35 (14). Первыми, кто обратился к Клеомену за помощью, были мантинейцы: ночью они незаметно открыли ему ворота и, прогнав с его помощью ахейский караульный отряд, отдались под власть Спарты. Но Клеомен вернул, им их прежние законы и государственное устройство и в тот же день возвратился в Тегею. Вскоре после этого Клеомен, обогнув Аркадию, подступил к ахейскому городу Ферам, рассчитывая либо вызвать ахейцев на

сражение, либо опорочить и очернить Арата, если тот уклонится от битвы и оставит страну на произвол врага. Стратегом был тогда Гипербат, но вся власть в Ахейском союзе принадлежала Арату, Ахейцы собрали все свои силы и стали лагерем близ Димы подле Гекатомбея, туда же подошел и Клеомен, заняв позицию, по-видимому, весьма невыгодную, – между неприятельским городом Димой и ахейским войском. Несмотря на это он отважно бросал ахейцам вызов за вызовом, заставил их принять бой и нанес врагу решительное поражение, обратив в бегство весь строй пехоты; многие погибли в битве, многие живыми попали в руки спартанцев. Затем Клеомен двинулся к Лангону, изгнал оттуда ахейский сторожевой отряд и вернул город элейцам.

36 (15). Итак, ахейцы были разбиты и ослаблены, и в этих обстоятельствах Арат, который обыкновенно бывал стратегом каждый второй год, не пожелал принять должность и ответил отказом на все призывы и просьбы сограждан. Недостойный поступок – когда буря усиливается, оставить кормило и уступить команду другому. Вначале Клеомен предложил ахейским послам умеренные, казалось бы, условия, однако вслед за тем сам отправил послов и потребовал передать ему верховную власть, обещая, что во всем остальном спорить с ними не станет, но немедленно вернет и пленных, и захваченные области. Ахейцы готовы были принять перемирие на этих условиях и приглашали Клеомена в Лерну¹⁴⁶⁴, где они хотели созвать Собрание, но тут вышло так, что царь после какого-то напряженного перехода совсем не ко времени напился воды, у него пошла кровь горлом, и он потерял голос. Поэтому он только отослал ахейцам самых видных и знатных пленных, а встречу отложил и вернулся в Лакедемон.

37 (16). Эта случайность погубила Грецию, которая именно в те дни могла еще как-то оправиться от своих бед и спастись от высокомерия и алчности македонян. В самом деле, Арат, то ли не доверяя Клеомену и боясь его, то ли завидуя его неожиданной удаче и считая страшной несправедливостью, чтобы после тридцати трех лет главенства молодой, лишь недавно появившийся соперник завладел разом и славой его, и влиянием и перенял власть, которую он так расширил и возвысил и так долго держал в своих руках, – Арат сначала пытался силой удержать ахейцев от их намерения. Но ахейцы, пораженные отвагой Клеомена, не поддавались, мало того – они считали справедливым желание лакедемонян вернуть Пелопоннесу его старинное устройство, и тогда Арат решился на шаг, никому из греков не подобавший, а для него и вовсе постыдный, в высшей мере недостойный прежних его действий на обоих поприщах – и государственном, и военном, – решился призвать в Грецию Антигона и наводнить Пелопоннес македонянами, которых сам же, освободив Акрокоринф, еще мальчишкой изгнал из Пелопоннеса; решился призвать царя, хотя сам был враждебен и подозрителен в глазах всех царей, призвать наконец того самого Антигона¹⁴⁶⁵, на чью голову в своих «Воспоминаниях» обрушивает целый поток бранных слов. Он пишет, что принял много трудов и опасностей ради афинян, чтобы избавить их город от македонского караульного отряда, – и этих же македонян, вооруженных, привел в свой родной город, к собственному очагу, к дверям женской половины дома¹⁴⁶⁶. Потомку Геракла и царю спартанцев, который хотел натянуть ослабевшие струны древнего государственного устройства и сообщить им прежний лад – в согласии с законами Ликурга и чистыми правилами дорийской жизни, он не считал возможным предоставить право

¹⁴⁶⁴ 14. Лерна – город в Аргониде, между Ахайей и Спартой; обычно же собрания происходили в самой Ахайе, в Эгии.

¹⁴⁶⁵ 15. ...того самого Антигона... – Обмолвка Плутарха: многолетним врагом Арата был Антигон II Гонат (283—239), а в Пелопоннес был призван Антигон III Досон (229—221).

¹⁴⁶⁶ 16. ...привел... к дверям женской половины дома! – Может быть, намек на Филиппа Македонского и невестку Арата; см. Арат, 49 и 51.

называться главою сикионян и тритейцев и, в страхе перед ячменной лепешкой, потертым плащом, а самое главное, перед уничтожением богатства и облегчением мук бедности (это было основное, в чем обвинял Клеомена Арат), подчинил ахейцев и самого себя диадеме, багрянице и приказам македонских сатрапов. Ради того, чтобы никто не подумал, будто Арат исполняет распоряжения Клеомена, он согласился справлять Антигонии¹⁴⁶⁷ и, украсив голову венком, приносить жертвы и петь хвалебные гимны в честь человека, который истлевал от чахотки. Все это мы пишем не в укор Арату, который так часто выказывал истинное величие и преданность Греции, но скорбя о слабости человеческой природы, коль скоро даже в характерах, столь замечательных, столь щедро одаренных нравственно, она неспособна явить прекрасное без малейшего пятна и изъяна.

38 (17). Когда ахейцы снова сошлись на Собрание, на этот раз – в Аргос, и туда же прибыл из Тегеи Клеомен, все горячо надеялись, что наконец-то будет заключен мир. Но Арат, который в основном уже договорился с Антигоном, опасаясь как бы Клеомен, убеждениями или даже силой склонив народ на свою сторону, успешно не завершил все задуманное, выдвинул такое требование: пусть Клеомен возьмет триста заложников, но зато явится в Собрание один, а в противном случае пусть подойдет со своим войском к гимнасию Киларабису и встретится с ахейцами там, за стенами города. Клеомен ответил, что это прямая обида и что следовало известить его заранее, а не отказывать в доверии и не гнать теперь, когда он уже у ворот. Он написал ахейцам письмо, состоявшее почти сплошь из обвинений против Арата. Арат, со своей стороны, всячески чернил его перед народом, и Клеомен поспешно снялся с лагеря, отправив ахейцам вестника с объявлением войны, но не в Аргос, а в Эгий, – для того, как утверждает Арат, чтобы противник не успел приготовиться и был захвачен врасплох.

Среди ахейцев началось брожение, в городах пошли речи о выходе из союза, ибо народ мечтал о разделе земли и об отмене долговых обязательств, да и первые граждане во многих местах были недовольны Аратом, а некоторые открыто возмущались его планом привести в Пелопоннес македонян, так что Клеомен вторгся в Ахайю, воодушевленный лучшими надеждами. Прежде всего, он внезапным нападением захватил Пеллену и с помощью самих ахейцев изгнал оттуда караульный отряд, а затем покорил Феней и Пентелий. Когда же ахейцы, опасаясь измены в Коринфе и Сикионе, послали туда из Аргоса всадников и наемную пехоту, а сами собрались в Аргос на Немейские празднества¹⁴⁶⁸, Клеомен рассчитал, – и рассчитал правильно, – что, если неожиданно ударит на город, переполненный праздничной толпой зрителей, то произведет страшное смятение и переполох. И вот ночью, подведя войско к городским стенам, он занял Аспиду – неприступную позицию на круче над самым театром, и привел ахейцев в такой ужас, что никто и не подумал взяться за оружие, напротив – граждане беспрекословно приняли спартанский отряд, выдали двадцать заложников и стали союзниками лакедемонян, предоставив верховное главенство Клеомену.

39 (18). Эта удача немало прибавила к его славе и силе. Ибо ни цари Лакедемона в старину не смогли, как ни старались, надежно покорить Аргос, ни искуснейший из полководцев, Пирр, не удержал города, но, ворвавшись в него силою, был убит, и вместе с ним погибла значительная часть войска. Все только дивились проворству и глубокой проницательности Клеомена, и те, кто прежде посмеивался над ним, когда он говорил, что отменю долгов и уравнием имущества подражает Солону и Ликургу, теперь были твердо убеждены, что спартанцы ему одному обязаны переменою, которая с ними совершилась. Ведь до тех пор они влачили такое жалкое существование, настолько неспособны были себя

---

¹⁴⁶⁷ 17. *Антигонии* – празднество в честь Антигона; ср. Арат, 45.

¹⁴⁶⁸ 18. *Немейские празднества* – с всегреческим священным перемирием справлялись раз в два года в долине севернее Аргоса, но к этому времени, по-видимому, переместились уже в аргосский городской театр (устроенный, как обычно, под открытым небом на склоне горы Аспиды).

защитить, что этолийцы, вторгшись в Лаконию, увели пятьдесят тысяч рабов¹⁴⁶⁹. (Как сообщают, какой-то старик-спартанец заметил тогда, что враги оказали Лаконии услугу, освободив ее от такого бремени.) А вскоре после этого, едва узнавши вкус отеческих обычаев, едва пустившись по следам древнего и прославленного устройства жизни, они уже дали Ликургу, который словно бы сам присутствовал среди них и вместе вершил делами, убедительные доказательства своего мужества и послушания, возвращая Лакедемону владычество над Грецией и вновь овладевая Пелопоннесом.

40 (19). Сразу после взятия Аргоса к Клеомену присоединились Клеоны и Флиунт. Арат находился тогда в Коринфе, ведя расследование по делу коринфских граждан, обвинявшихся в связях со Спартой. Встревоженный полученными вестями, ощущая уже, что город склоняется на сторону Клеомена и хочет избавиться от власти ахейцев, он велел созвать коринфян к зданию Совета, а сам незаметно выбрался к воротам. Здесь ему подали коня, и он бежал в Сикион. Коринфяне, пишет Арат, бросились в Аргос, к Клеомену, с такою поспешностью, что все до одного загнали лошадей, а Клеомен еще выбралил их за то, что они не схватили Арата, но дали ему уйти. Тем не менее, продолжает Арат, к нему явился Мегистоной с предложением от Клеомена за большие деньги передать спартанцам Акрокоринф (там еще стоял ахейский сторожевой отряд); на это он отвечал, что больше не направляет течения событий, но скорее сам плывет по течению. Так рассказывает Арат.

Выступив из Аргоса и приведя к покорности Трезену, Эпидавр и Гермению, Клеомен вошел в Коринф. Крепость, которую ахейцы не хотели оставить, он распорядился обнести частоколом, затем вызвал к себе друзей и управляющих Арата и приказал первым оберегать его дом и имущество, а вторым – вести дела по-прежнему. После этого он снова послал к Арату своего человека, на сей раз – мессенца Тритималла, и предложил, чтобы ахейцы и лакедемоняне несли стражу в Акрокоринфе совместно, а от себя обещал Арату двойное содержание против того, какое он получает от царя Птолемея¹⁴⁷⁰. Когда же Арат не только ответил отказом, но, в числе других заложников, отправил к Антигону своего сына и убедил ахейцев вынести решение о передаче Акрокоринфа Антигону, Клеомен вторгся в землю сикионян и опустошил ее, а также принял в дар от коринфян имущество Арата.

41 (20). Антигон с большим войском перевалил через Геранию, и Клеомен счел более разумным воздвигнуть укрепления не на Истме, а на склонах Ония, и дать отпор македонянам, используя преимущества местности, а не вступать в открытое сражение с прекрасно выученной фалангой. Исполняя свой замысел, он действительно поставил Антигона в трудное положение: достаточных запасов продовольствия у него не было, а сломить сопротивление Клеомена и пробиться вперед оказалось нелегко. Он попробовал было ночью пройти через Лехей, но потерпел неудачу и вернулся, потеряв нескольких воинов, так что Клеомен совершенно уверился в своих силах, а его люди, гордые победой, спокойно принялись за ужин. Антигон был в унынии, безвыходность положения подсказывала планы один другого неисполнимее. Он уже думал о том, чтоб перенести лагерь на мыс Герей и оттуда перевезти войско в Сикион морем, хотя это требовало и долгого времени, и тщательной подготовки. Но тут, под вечер, из Аргоса приплыли друзья Арата и стали приглашать Антигона к себе, заверяя, что аргосцы готовы изменить Клеомену. Зачинщиком этой измены был Аристотель, который без труда увлек за собою народ, возмущенный тем, что Клеомен обманул всеобщие ожидания и не уничтожил долгов. Сам Арат взял у Антигона полторы тысячи воинов и на кораблях переправил их в Эпидавр. Аристотель меж тем не стал дожидаться македонян, но во главе сограждан осадил крепость,

¹⁴⁶⁹ 19. ...увели пятьдесят тысяч рабов (т.е. илотов). – «Конечно, не только насилием, а и как добровольных перебежчиков» (Комм. К. Синтениса – К. Фура).

¹⁴⁷⁰ 20. ...от царя Птолемея. – Птолемей считался покровителем и верховным командующим Ахейского союза; Арат получал от него субсидию в 6 талантов в год.

где стоял караульный отряд. Вместе с ним был Тимоксен, который привел на подмогу ахейцев из Сикиона.

42 (21). Весть об этом Клеомен получил во вторую стражу ночи¹⁴⁷¹ и, вызвав к себе Мегистоноя, в сильном гневе приказал ему немедленно выступить с подкреплением в Аргос. (Мегистоной особенно горячо ручался за аргивян перед царем и помешал ему изгнать из города всех подозрительных.) Отправив Мегистоноя с двумя тысячами воинов, Клеомен усилил наблюдение за Антигоном и постарался успокоить коринфян, внушая им, что в Аргосе ничего особенного не случилось, а просто кучка бунтовщиков пыталась посеять беспорядки.

Мегистоной ворвался в Аргос, но был убит в бою, а осажденные, уже едва выдерживая натиск неприятеля, посылали к царю гонца за гонцом, и Клеомен, боясь, как бы враги, овладев Аргосом, не отрезали ему путь назад, а сами, беспрепятственно и безнаказанно, не опустошили Лаконию и не подошли к стенам оставшейся без защитников Спарты, увел свое войско от Коринфа. Он сразу же лишился этого города – в Коринф вступил Антигон и поставил там свой караульный отряд.

Приблизившись к Аргосу, Клеомен сперва попытался преодолеть городские укрепления с ходу и для этого собрал в кулак растянувшееся на походе войско, но потом пробил подземные своды, выведенные пониже Аспиды, и, таким образом проникнув в город, соединился со своими, которые еще продолжали оказывать сопротивление ахейцам. Отсюда он с помощью лестниц проник в верхние кварталы, захватил их и очистил от врага узкие, тесные улицы, приказав критянам не жалеть стрел. Но когда он увидел, что пехота Антигона сходит с высот на равнину, а большой отряд конницы уже мчится к городу, то, отказавшись от надежды на победу, собрал всех своих, благополучно спустился вниз и выбрался за стену. В кратчайший срок он достиг поразительных успехов и за один поход едва не сделался владыкою чуть ли не всего Пелопоннеса, но тут же все снова потерял: часть союзников бросила его немедленно, а другие, немного спустя, отдали свои города под власть Антигона.

43 (22). Завершив таким образом военные действия, Клеомен вел войско назад, и близ Тегеи, уже под вечер, его встретили гонцы из Лакедемона с вестями не менее горькими, нежели те, какие вез он сам: они сообщили царю о смерти его супруги, разлуку с которой он не в силах был выносить, – как бы счастливо ни складывались для него обстоятельства на войне, он то и дело наезжал в Спарту, страстно любя Агиатиду и ценя ее выше всех на свете. Новое несчастье поразило его в самое сердце – по-иному и не могло быть с молодым мужем, лишившимся такой прекрасной и целомудренной жены, – но в скорби своей он не потерял и не посрамил ни разума, ни величия духа, его голос, выражение лица, весь его облик остались прежними, он отдавал необходимые распоряжения начальникам и думал о том, как обеспечить безопасность Тегеи. На рассвете следующего дня он приехал в Спарту и, оплакав дома свою беду¹⁴⁷² вместе с матерью и детьми, тут же обратился мыслью к делам государства.

Египетский царь Птолемей предлагал Клеомену помощь, но требовал в заложники его детей и мать, и Клеомен долгое время стыдился рассказать об этом матери – сколько раз ни приходил он к ней для решительного разговора, слова неизменно застревают у него в горле, так что Кратесиклея сама заподозрила неладное и стала допытываться у друзей царя: может, он хочет о чем-то ее попросить, но не смеет. Наконец, Клеомен отважился высказаться, и она воскликнула с громким смехом: «Так вот о чем ты столько раз порывался переговорить со мною, но робел? Немедленно сажай нас на корабль и пошли туда, где, по твоему разумению, это тело сумеет принести Спарте как можно больше пользы – пока еще его не изнурила

¹⁴⁷¹ 21. ...во вторую стражу ночи... – Около полуночи. У греков ночь делилась на три стражи (смены караула), у римлян на четыре.

¹⁴⁷² 22. ...оплакав... свою беду... – Ликург назначал для траура 11-дневный срок (Лик., 27).

старость здесь, безо всякого толка и дела!» Когда все было готово к отъезду, они вместе пришли пешком к Тенару; их провожало войско в полном вооружении. Перед тем, как взойти на борт, Кратесиклея увела Клеомена одного в храм Посейдона, обняла его, расстроенного и опечаленного, горячо поцеловала и промолвила: «А теперь, царь лакедемонян, когда мы выйдем наружу, пусть никто не увидит наших слез, никто не обвинит нас в поступке, недостойном Спарты! Это одно в наших руках. А судьбы наши определит божество». Сказавши так, она приняла спокойный вид, поднялась с внуком на корабль и велела кормчему отчаливать поскорее.

Прибыв в Египет, она узнала, что Птолемей принимает послов Антигона и благосклонно их выслушивает, а что Клеомен, в то же самое время, боясь за нее, не решается без согласия Птолемея прекратить войну, хотя ахейцы предлагают ему перемирие, и написала сыну, чтобы он имел в виду лишь достоинство Спарты и ее выгоды и не оглядывался постоянно на Птолемея из-за одной старухи и малых ребят. Вот какую, говорят, выказала себя эта женщина в несчастьях!

44 (23). Между тем Антигон взял Тегею и разграбил Мантинею и Орхомен, и тут спартанский царь, загнанный в пределы самой Лаконии, освободив тех илотов, которые смогли внести пять аттических мин выкупа, и собрав таким образом пятьсот талантов¹⁴⁷³, вооружил на македонский лад две тысячи человек – нарочито для борьбы с левкаспидами¹⁴⁷⁴ Антигона – и задумал важный, никем не предвиденный шаг.

В ту пору Мегалополь и сам по себе нисколько не уступал Лакедемону ни величиною, ни силой и вдобавок мог всегда рассчитывать на помощь ахейцев и Антигона; последний стоял лагерем совсем рядом, и вообще, как тогда считалось, ахейцы обратились к нему за помощью главным образом благодаря хлопотам мегалополитанцев. Решив разграбить Мегалополь (ибо никакой иной цели, по-видимому, не могла преследовать эта затея, исполненная так стремительно и так неожиданно), Клеомен приказал войскам взять продовольствия на пять дней и повел их к Селласии словно бы с намерением совершить набег на Арголиду. Но от Селласии он спустился во владения Мегалополя и, остановив войско на обед у Ретей, сразу вслед за тем двинулся через Геликунт прямо на город. Подойдя поближе, он отправил вперед Пантея с двумя отрядами лакедемонян и приказал ему захватить часть стены между башнями, – где, как он слышал, караульных не было вовсе, – а сам, с остальными силами, не торопясь продолжал путь. Пантей нашел неохраняемым не только этот промежуток, но и всю стену на значительном протяжении и, перебив случайных часовых, кое-где разрушил ее, кое-где немедленно расставил своих людей, а тут подоспел и Клеомен, и не успели мегалополитанцы почуть беду, как он уже был в городе.

45 (24). В конце концов, случившееся все же открылось жителям, и одни немедленно, забирая что попадалось под руку из имущества, бежали, а другие, схватив оружие, тесным отрядом кинулись навстречу неприятелю, и если отразить его все же не смогли, то, по крайней мере, дали возможность беглецам беспрепятственно покинуть город, так что спартанцы захватили не больше тысячи человек, а все остальные вместе с детьми и женами успели уйти в Мессену. Спаслась и большая часть тех, кто сражался на улицах, прикрывая бежавших. Среди пленных, которых было очень немного, оказались двое из числа самых знатных и влиятельных граждан Мегалополя – Лисандрид и Феарид. Обоих немедленно повели к Клеомену. Лисандрид, едва увидев царя, еще издали крикнул ему: «Царь лакедемонян, тебе представляется случай совершить деяние более прекрасное и царственное, чем только что завершленное, и прославиться еще больше!» Клеомен, уже догадавшись, к чему он клонит, спросил: «Что ты имеешь в виду, Лисандрид? Ведь, я надеюсь, ты не

¹⁴⁷³ 23. ...пятьсот талантов... – Т.е. зажиточных илотов было освобождено 6 000.

¹⁴⁷⁴ 24. *Левкаспиды* («белощитные») – отряды отборной пехоты в македонской гвардии, по образцу «аргираспидов» Александра Македонского.

станешь советовать мне вернуть город вам?» А Лисандрид в ответ: «Это именно я имею в виду и советую! Не губи такой громадный город, но наполни его верными друзьями и надежными союзниками, возвратив мегалополитанцам их отечество и сделавшись спасителем целого народа!». Немного помолчав, Клеомен сказал: «Трудно этому поверить... Но пусть всегда слава берет у нас верх над пользой!» Итак, он отправляет обоих пленников в Мессену, а вместе с ними своего посланца, изъявив согласие вернуть Мегалополь его гражданам при условии, что они заключат с ним дружбу и союз и порвут с ахейцами. Но великодушие и человеколюбие Клеомена пропали даром, ибо Филопемени не позволил мегалополитанцам нарушить слово, данное ахейцам, и, обвиняя царя в том, что он хочет не город вернуть, но, – в придачу к городу, – завладеть и гражданами, выгнал Феарида и Лисандрида вон из Мессены. Это был тот самый Филопемени, который, – как рассказано в посвященном ему сочинении, – впоследствии стоял во главе ахейцев и пользовался самою громкою славой во всей Греции.

46 (25). Когда об этом донесли Клеомену, до сих пор хранившему город в полной неприкосновенности, так что ни одна мелочь не была украдена, царь пришел в совершенное неистовство. Имуущество жителей он приказал разграбить, статуи и картины увезти в Спарту, разрушил и сравнял с землею почти все крупнейшие кварталы Мегалополя и, наконец, отступил, боясь Антигона и ахейцев. Впрочем, ни тот, ни другие ничем его не потревожили.

Ахейцы как раз в те дни собрались в Эгии на Совет. Арат поднялся на возвышение и долго плакал, закрыв лицо плащом, и в ответ на изумленные вопросы и требования объяснить, в чем дело, промолвил, что Клеомен уничтожил Мегалополь. Собрание немедленно было распущено – так потрясло ахейцев это громадное и неожиданное горе. Антигон хотел было прийти на помощь союзникам, но, видя, что войско снимается с зимних квартир слишком медленно, отменил свой приказ и велел всем оставаться на месте, а сам, с небольшим отрядом, ушел в Аргос. Это натолкнуло Клеомена еще на одну мысль, казалось бы, дерзкую до безумия, но осуществленную с точным расчетом, как утверждает Полибий¹⁴⁷⁵. Клеомен, пишет он, зная, что македоняне на зиму размещены по многим городам, а Антигон с друзьями и незначительным числом наемников зимует в Аргосе, вторгся в Аргolidу, надеясь либо разбить Антигона в бою, если стыд вынудит его решиться на сражение, либо, в противном случае, совершенно его опозорить в глазах аргивян. Так оно и вышло. Клеомен разорял и беспощадно грабил страну, и граждане Аргоса в негодовании толпились у дверей македонского царя, громко требуя, чтобы он дрался с врагом или же уступил начальство другим, более храбрым. Но Антигон, – как и подобало умному полководцу, – считал постыдным подвергать себя опасности вопреки здравому смыслу, а брани и хулы чужих людей нисколько не стыдился и потому прежних планов не переменил, так что Клеомен смог подойти с войском к самым стенам Аргоса и, всласть поглумившись над врагами, беспрепятственно отступил.

47 (26). Немного спустя, узнав, что Антигон снова идет на Тегею, чтобы оттуда начать вторжение в Лаконию, Клеомен быстро собрал своих воинов, пустился в обход и на следующее утро был уже в окрестностях Аргоса. Его люди принялись опустошать поля на равнине, но не срезали хлеб серпами или ножами, как обычно в таких случаях, а ломали стебли ударами длинных палок, вырезанных наподобие фракийского меча¹⁴⁷⁶, так что как бы играючи, походя, без всякого труда губили и истребляли посевы. Но когда спартанцы оказались возле гимнасия Киларабиса и хотели его поджечь, царь запретил, засвидетельствовав этим, что и с Мегалополем он обошелся так жестоко скорее ослепленный гневом, чем умышленно и преднамеренно. Антигон немедленно возвратился в Аргос и

¹⁴⁷⁵ 25. Полибий – II, 64.

¹⁴⁷⁶ 26. ...наподобие фракийского меча... – Фракийский меч был длинный и кривой; точная форма его неизвестна.

расставил караулы на всех высотах и перевалах, но Клеомен, делая вид, будто это его нисколько не тревожит, отправил в город посланцев с издевательской просьбой дать им ключи от храма Геры¹⁴⁷⁷, ибо царь перед уходом желает принести жертвы богине. Посмеявшись и позабавившись над врагами и принеся жертву у запертых дверей храма, он увел войско во Флиунт, а оттуда, выбив неприятельский сторожевой отряд из Олигирта, спустился к Орхомену. Все это не только ободрило и воодушевило сограждан Клеомена, но убедило и врагов, что царь спартанцев – замечательный полководец, достойный великого будущего. И верно, силами одного-единственного города вести войну против македонян, всего Пелопоннеса и царской казны в придачу, и не только сохранять в неприкосновенности Лаконию, но самому разорять землю неприятелей и захватывать такие большие и могущественные города – это ли не признак редкостного искусства и величия духа?

48 (27). Однако ж тот, кто первый сказал, что деньги – это жилы¹⁴⁷⁸ всякой вещи и всякого дела, главным образом, мне кажется, имел в виду дела военные. Вот и Демад, когда афиняне требовали спустить на воду новые триеры и набрать для них людей, а денег в казне не было, заметил: «Сперва надо замесить хлеб, а потом уж высматривать, свободно ли место на носу»¹⁴⁷⁹. Передают, что и Архидам в старину, в самом начале Пелопоннесской войны, в ответ на просьбы союзников назначить каждому точную меру его вноса, объявил: война меры не знает. Подобно тому, как борцы, надежно закалившие свои мышцы, продолжительностью схватки изматывают и, наконец, одолевают проворных и ловких противников, так же точно и Антигон, располагая большими возможностями и потому непрерывно поддерживая огонь войны, смертельно изнурял Клеомена, который был уже едва способен платить жалование¹⁴⁸⁰ наемникам и давать содержание гражданам.

Но, с другой стороны, затяжная война заключала в себе и преимущества для Клеомена, ибо события в Македонии призывали Антигона вернуться домой. В его отсутствие варвары тревожили и разоряли страну набегами, а как раз в ту пору с севера вторглось огромное войско иллирийцев, и македоняне, терпя бедствие, посылали за своим царем. Это письмо вполне могло прийти к нему и до битвы, и случись так, он бы немедленно удалился, забывши и думать об ахейцах. Но судьба, так часто решающая исход важнейших дел посредством мелких и, по-видимому, ничего не значащих обстоятельств, показала тут всю силу и значение счастливой случайности: письмо пришло к Антигону сразу после сражения при Селласии, в котором Клеомен потерял и власть, и отечество. Это делает беду Клеомена особенно горькой и плачевной. Выжди он еще хотя бы два дня, уклоняясь от битвы, – и ему бы уже вообще не пришлось биться с противником, а после ухода македонян он заключил бы с ахейцами мир на любых угодных ему условиях. Но, как мы уже говорили, терпя крайнюю нужду в деньгах, он все надежды возлагал на удачу в бою и принужден был выставить двадцать тысяч своих (как сообщает Полибий¹⁴⁸¹) против тридцати тысяч неприятеля.

49 (28). В этот грозный час Клеомен проявил себя превосходным полководцем, со всем усердием сражались под его командою и спартанцы, не в чем было упрекнуть и наемников; достоинства вражеского вооружения и мощь фаланги – вот что вырвало победу у

¹⁴⁷⁷ 27. ...от храма Геры... – Гера считалась покровительницей Аргоса; храм стоял в 7 км от города.

¹⁴⁷⁸ 28. ...деньги – это жилы... – Ходячее выражение, приписывавшееся кинику Биону (Диоген Лаэртский, IV, 48) и встречающееся у Цицерона.

¹⁴⁷⁹ 29. ...место на носу. – См. выше, Агид, примеч. 2. Текст оригинала, по-видимому, испорчен.

¹⁴⁸⁰ 30. ...платить жалование... – До сих пор для этого Клеомену посылал деньги Птолемей, но за 10 дней до сражения он прекратил выплату (Полибий, II, 63 по Филарху) и этим заставил торопиться с битвой.

¹⁴⁸¹ 31. ...сообщает Полибий... – II, 65.

лакедемонян. Филарх же сообщает, что главным образом спартанцев погубила измена. Антигон сперва приказал иллирийцам и акарнанцам незаметно обойти и окружить один из вражеских флангов, – тот, который подчинялся Эвклиду, брату Клеомена, – и лишь потом стал строить к бою остальное войско, и Клеомен, наблюдая за противником и не видя нигде иллирийских и акарнанских отрядов, забеспокоился, не готовит ли Антигон с их помощью какого-нибудь внезапного удара. Он распорядился позвать Дамотеля, руководившего криптиями¹⁴⁸², и велел ему тщательно проверить, нет ли чего подозрительного по краям и позади строя. Дамотель, которого, как сообщают, Антигон заранее подкупил, донес царю, что тревожиться нечего – там, дескать, все спокойно, и советовал все внимание обратить на тех, что вот-вот ударят спартанцам в лоб, и дать отпор им. Поверив его донесению, Клеомен двинулся вперед, натиск его спартанцев опрокинул фалангу, и целые пять стадиев они победоносно гнали отступавших македонян. Тем временем Эвклид на другом фланге был зажат в кольцо. Остановившись и оценив опасность, Клеомен воскликнул: «Ты пропал, брат мой, мой любимый, ты пропал, но ты покрыл себя славою, и наши дети будут завидовать тебе, а женщины воспевают тебя в песнях!» Эвклид и его воины были перебиты, и, покончив с ними, враги немедленно ринулись на Клеомена. Видя, что его люди в смятении и уже не смеют сопротивляться, царь решил позаботиться о собственном спасении. Передают, что наемников погибло очень много, а спартанцы пали почти все – из шести тысяч уцелело лишь двести.

50 (29). Добравшись до города, Клеомен дал совет гражданам, которые вышли ему навстречу, открыть ворота Антигону, добавив, что сам он намерен поступить так, как будет полезнее для Спарты, и лишь в зависимости от этого останется жить или умрет. Видя, что женщины подбегают к тем, кто спасся вместе с ним, снимают с них доспехи, подносят пить, он тоже пошел к себе домой, но когда молодая рабыня, из свободных гражданок Мегалополя, с которою он жил после смерти жены, подошла и хотела за ним поухаживать, как всегда после возвращения из похода, он не стал пить, хотя изнывал от жажды, и даже не сел, хотя едва держался на ногах. Не снимая панциря, он уперся локтем в какую-то колонну, положил лицо на согнутую руку и так немного передохнул, перебирая в уме все возможные планы действий, а затем, вместе с друзьями, двинулся дальше – в Гифий. Там они сели на корабли, заранее приготовленные специально на этот случай, и вышли в море.

51 (30). Антигон занял город с первой попытки и обошелся с лакедемонянами очень мягко, ничем не унизил и не оскорбил достоинство Спарты, но, вернув ей прежние законы и государственное устройство и принеся жертвы богам, на третий день тронулся в обратный путь, уже зная, что в Македонии идет тяжелая война и что страну разоряют варвары. Вдобавок он был тяжело болен – у него открылась чахотка с непрерывным кровохарканьем. Тем не менее, он не отступил перед собственным недугом, но собрал и нашел в себе силы для борьбы за свою землю, так что умер славною смертью уже после великой и кровавой победы над варварами. Вполне вероятно (как об этом и говорится у Филарха), что во время сражения он надорвал себе внутренности криком, но ходил и другой рассказ, который часто можно было услышать в досужих беседах, – будто после победы он громко воскликнул на радостях: «Какой замечательный день!» – и сразу же у него хлынула кровь горлом, потом началась горячка и он скончался. Но достаточно об Антигоне.

52 (31). Клеомен отплыл с Киферы и пристал к другому острову – Эгиилии; оттуда он хотел переправиться в Кирену. И вот один из друзей, по имени Ферикион, и в делах всегда выказывавший незаурядное мужество, и в речах постоянно заносчивый и надменный, улучшает мгновение, когда подле царя никого нет, и, с глазу на глаз, говорит ему так: «Самую прекрасную смерть – смерть в битве – мы упустили, хотя все слышали, как мы клялись, что только мертвого одолеет Антигон царя спартанцев. Но ближайшая к ней по славе и доблести

---

¹⁴⁸² 32. ...Дамотеля, руководившего криптиями... – Об этих расправах с илотами см. Лик., 28. Может быть, следует понимать: «Дамотеля, начальника секретной службы».

кончина еще в нашей власти. Так куда же мы плывем, безрассудно убегая от близкой беды и гонясь за далекою? Если только вообще не позорно потомству Геракла быть в услужении у преемников Филиппа и Александра, мы избавим себя хотя бы от долгого путешествия, сдавшись Антигону, у которого, бесспорно, столько же преимуществ против Птолемея, сколько у македонян против египтян. А если мы считаем ниже своего достоинства подчиниться власти тех, кто нанес нам поражение в честном бою, для чего ставим себе господином человека, который нас не побеждал, – для того, разве, чтобы показать, что мы слабее не только Антигона, от которого бежали, но и Птолемея, перед которым заискиваем, – не одного, но сразу двоих?! Или, может, мы рассудим так, что едем в Египет ради твоей матери? Вот уж поистине прекрасным и завидным зрелищем будешь ты для матери, когда она станет представлять женам Птолемея своего сына – прежде царя, а теперь пленника и изгнанника! Не лучше ли, пока мечи наши еще у нас в руках, а берег Лаконии не пропал еще из виду, здесь рассчитаться с судьбою и оправдать себя перед теми, кто пал за Спарту при Селласии, нежели сидеть покойно в Египте, ожидая известий, кого Антигон оставил сатрапом в Лакедемоне?!» На эти слова Ферикиона Клеомен отвечал: «Ах ты малодушный! Ты гонишься за смертью – самым легким и доступным, что только есть на свете у человека, а себе самому кажешься образцом мужества, не замечая, что предаешься бегству позорнее прежнего! И получше нас воины уступали врагу – то ли покинутые удачей, то ли сломленные силой, но кто отступает перед трудами и муками или же перед молвою и порицаниями людей, тот побежден собственной слабостью. Добровольная смерть должна быть не бегством от деяний, но – деянием! Позорно и жить только для себя и умереть ради себя одного. Но именно к этому ты нас и призываешь теперь, спеша избавиться от нынешних плачевных обстоятельств и не преследуя никакой иной, благородной или полезной цели. А я полагаю, что ни тебе, ни мне нельзя оставлять надежды на лучшее будущее нашего отечества; если же надежда оставит нас – вот тогда мы умрем, и умрем без труда, стоит нам только пожелать». Ферикион не возразил царю ни единым словом, но, едва лишь ему представилась возможность отлучиться, ушел на берег моря и покончил с собой.

53 (32). С Эгиилии Клеомен приплыл в Африку, и царские посланцы доставили его в Александрию. При первом свидании Птолемей встретил его любезно, но сдержанно, как всякого другого, когда же он дал убедительные доказательства своего ума, обнаружил себя человеком рассудительным, способным в повседневном общении соединять спартанскую простоту с благородной учтивостью и, ни в чем не роняя высокого своего достоинства, не склоняясь перед судьбой, очень скоро стал внушать большее доверие к себе, чем угодливо поддакивающие льстецы, – Птолемей от души раскаялся, что бросил его в беде и отдал в жертву Антигону, стяжавшему своею победой и громкую славу, и грозное могущество. Почестями и лаской стараясь ободрить Клеомена, Птолемей обещал снабдить его деньгами и судами и отправить в Грецию, где он вернет себе царство. Он назначил Клеомену и содержание, по двадцать четыре таланта на год. Однако царь с друзьями жил просто и воздержно и основную часть этих денег тратил на щедрую помощь тем, кто бежал из Греции в Египет.

54 (33). Но старый Птолемей умер, не успев исполнить своего обещания и послать Клеомена в Грецию. Новое царствование началось с беспробудного пьянства, разврата и владычества женщин, и о Клеомене забыли. Сам молодой Птолемей был до такой степени испорчен распутством и вином, что в часы величайшей трезвости и особо серьезного расположения духа справлял таинства и с тимпаном в руке обходил дворец, собирая подаяние для богини¹⁴⁸³, а делами первостепенной важности правила царская любовница Агафоклея и ее мать Энанта, содержательница притона. Вначале, впрочем, казалось, что

¹⁴⁸³ 33. ...Птолемей... справлял таинства... собирая подаяние для богини... – Богиня Кибела, Матерь Богов, которой служили, побираясь, бродячие жрецы-галлы. Птолемей IV был предан мистическими экстатическим культам, называл себя «Новый Дионис» и сочинял трагедию об Адонисе.

какая-то нужда в Клеомене есть: боясь своего брата Мага, который, благодаря матери¹⁴⁸⁴, пользовался сильной поддержкой войска, и замыслив его убить, Птолемей хотел опереться на Клеомена и приглашал его на свои тайные совещания. Все остальные убеждали царя исполнить этот замысел, и только Клеомен отговаривал его, сказав, что скорее, если бы только это было возможно, следовало бы взрастить для царя побольше братьев – ради надежности и прочности власти. Сосибий, самый влиятельный из друзей царя, возразил, что пока Маг жив, им нельзя полагаться на наемников, но Клеомен уверял, что об этом тревожиться нечего: ведь среди наемных солдат больше трех тысяч – пелопоннесцы, которые ему вполне преданы и, стоит ему только кивнуть, немедленно явятся с оружием в руках. Эти слова создали тогда и твердую веру в доброжелательство Клеомена, и высокое мнение об его силе, но впоследствии, когда Птолемей, сознавая свою беспомощность, сделался еще трусливее и, как всегда бывает с людьми, совершенно лишенными разума, ему стало казаться, что самое безопасное – бояться всех и не доверять никому, придворные тоже стали взирать на Клеомена со страхом, вспоминая о его влиянии среди наемников, и часто можно было услышать, что это, дескать, лев, поселившийся среди овец. И в самом деле, именно львиный выказывал он характер, спокойно и зорко, но неприязненно наблюдая за всем, что делалось во дворце.

55 (34). Он уже отказался от надежды получить суда и войско и только когда узнал, что Антигон умер, что ахейцы начали войну с этолийцами и что обстоятельства требуют его возвращения, ибо весь Пелопоннес охвачен волнениями и раздором, стал просить отправить его одного с друзьями, но никто не откликнулся на его просьбы. Царь вообще не принял его и не выслушал, отдавая все свое время женщинам, попойкам и празднествам, а Сосибий, ведавший и распоряжавшийся всем без изъятия, считал, что Клеомен, если его задерживать против воли, будет в своей строптивости опасен, но не решался и отпустить этого человека, такого дерзкого и предприимчивого, после того, в особенности, как он собственными глазами видел все язвы египетского царства. Ведь даже дары не смягчали его сердца, но подобно тому как Апис¹⁴⁸⁵, при всем изобилии и роскоши, которыми он, казалось бы, должен наслаждаться, хочет жить в согласии со своею природой, тоскует по вольному бегу и прыжкам и явно тяготится уходом и присмотром жрецов, точно так же и Клеомен нисколько не радовался безмятежному существованию, но

...сокрушая сердце тоскою¹⁴⁸⁶,

словно Ахилл,

Праздный сидел, но душою алкал он и брани, и боя.

56 (35). Вот как обстояли его дела, когда в Александрию прибыл мессенец Никагор¹⁴⁸⁷, злейший враг Клеомена, прикидывавшийся, однако, его другом. Он продал спартанскому царю хорошее поместье, но денег с него не получил – вероятнее всего, просто

---

¹⁴⁸⁴ 34. ...благодаря матери... – Речь идет о Беренике, второй жене Птолемея III.

¹⁴⁸⁵ 35. Апис – священный бык, воплощение Осириса; он жил в мемфисском храме, окруженный царской роскошью.

¹⁴⁸⁶ 36. ...сокрушая сердце тоскою... – «Илиада», I, 491—492 (об Ахилле после ссоры с Агамемноном и удаления от войны).

¹⁴⁸⁷ 37. Мессенец Никагор – был другом царя Архидама V (гл. 5) и мстил Клеомену за его гибель (Полибий, V, 37).

потому, что война не оставляла Клеомену никакого досуга. Этого-то человека Клеомен, как-то раз прогуливаясь по набережной, заметил, когда он сходил с грузового судна, ласково с ним поздоровался и спросил, что привело его в Египет. Никагор дружелюбно ответил на приветствие и сказал, что привез Птолемею хороших боевых коней. Клеомен засмеялся и промолвил: «Лучше бы ты привез ему арфисток и распутных мальчишек – царю сейчас всего нужнее именно этот товар». Никагор тогда только улыбнулся в ответ. Несколько дней спустя он напомнил Клеомену об имении и просил расплатиться хотя бы теперь, добавив, что не стал бы ему с этим докучать, если бы не потерпел больших убытков, сбывая свой товар. Клеомен возразил, что из денег, которые ему здесь дали, у него уже ничего нет, и тогда Никагор, в раздражении и злобе, пересказал его остроту Сосибия. Тот очень обрадовался, но, желая иметь улики более веские, чтобы тем вернее ожесточить царя, упросил Никагора оставить письмо, где говорилось, что Клеомен решил, если получит от царя триеры и воинов, захватить Кирену. Написав такое письмо, Никагор отплыл, а Сосибий четыре дня спустя принес письмо Птолемею, словно бы только что поданное. Молодой царь был так разгневан, что распорядился, не лишая Клеомена прежнего содержания, поместить его в просторном доме и никуда оттуда не выпускать.

57 (36). Уже это было мукой для Клеомена, но еще мрачнее представлялось ему будущее, особенно – после такого случая. Птолемея, сын Хрисерма, один из друзей царя, относился к спартанскому изгнаннику с неизменной приязнью, они в какой-то мере сблизились и были откровенны друг с другом. Когда Клеомен был уже под стражей, Птолемея отозвался на его приглашение, пришел и говорил мягко и сдержанно, стараясь рассеять подозрения Клеомена и оправдывая царя. Но уходя и не заметив за своей спиной Клеомена, который потихоньку следовал за ним до самых дверей, он строго выбранил часовых, за то что они так нерадиво караулят такого опасного и коварного зверя. Клеомен слышал это собственными ушами. Так и не замеченный Птолемеем, он удалился и рассказал обо всем друзьям. Те, разом отбросив всякую надежду, в гневе решили отомстить Птолемею за наглую обиду и умереть смертью, достойною Спарты, не дожидаясь, пока их зарежут, точно откормленных для жертвы баранов. Ведь это просто чудовищно, если Клеомен, презрительно отвергший мир с Антигоном, настоящим мужем и воином, станет сидеть сложа руки и терпеливо ждать, когда, наконец, царь – этот сборщик подаяний для Кибелы – найдет свободный миг, чтобы, отложив в сторону тимпан и оторвавшись от чаши с вином, прикончить своих пленников!

58 (37). Приняв такое решение и воспользовавшись тем, что Птолемея случайно в Александрии не было (он уехал в Каноп¹⁴⁸⁸), они, первым делом, распустили слух, будто царь освобождает их из-под стражи. Далее, так как при дворе было заведено посылать богатый обед и всякие подарки тому, кто скоро будет освобожден, друзья Клеомена приготовили на стороне много подобного рода подношений и отправили их домой, вводя в обман караульных, которые полагали, что все это прислано царем. И действительно, Клеомен приносил жертвы богам, щедро угощал солдат и сам пировал с друзьями, украсив голову венком.

Как сообщают, он приступил к делу раньше, чем было намечено, узнав, что один из рабов, посвященный в их замысел, уходил из дома на свидание к любовнице, – он опасался доноса. Итак, примерно в полдень, убедившись, что часовые захмелели и спят, он надел хитон, распустил шов на правом плече¹⁴⁸⁹ и с обнаженным мечом выскочил наружу в сопровождении тринадцати друзей, одетых и вооруженных так же точно. Среди них был

¹⁴⁸⁸ 38. *Каноп* – город в нескольких километрах к востоку от Александрии, был местом столичных праздников и развлечений (Страбон, XVII, 1, 17).

¹⁴⁸⁹ 39. *...распустил шов на правом плече...* – Это делалось для того, чтобы ничто не стесняло движений правой руки.

один хромоногий, по имени Гиппит, который, в первом порыве, бросился вместе со всеми, но затем, видя, что товарищи из-за него бегут медленнее, чем могли бы, потребовал, чтобы его прикончили на месте и не губили всего дела, волоча за собою ни на что не пригодный груз. Но случилось так, что какой-то александриец проходил мимо ворот, ведя в поводу лошадь; отобрав ее и посадив Гиппита верхом, спартанцы помчались по улицам, призывая народ к освобождению. Но у граждан, видимо, хватило мужества лишь настолько, чтобы восхищаться дерзостью и отвагой Клеомена, – последовать за ним, оказать ему поддержку не посмел никто.

На Птолемя, сына Хрисерма, когда он выходил из дворца, напали сразу трое и тут же его убили. Другой Птолемей, начальник городской стражи, погнал на них свою колесницу, но они сами ринулись ему навстречу, рассеяли его прислужников и телохранителей, а начальника стащили с колесницы и тоже убили. Потом они двинулись к крепости, намереваясь открыть тюрьму и взбунтовать всех заключенных. Но часовые успели надежно закрыть и загородить все входы, и, потерпевши неудачу и в этой своей попытке, Клеомен принялся бродить по городу без всякой цели и смысла, ибо ни один человек к нему не присоединялся, но все бежали в страхе.

В конце концов, отчаявшись, он сказал друзьям: «Что удивительного, если мужчинами, которые бегут от свободы, правят женщины?» – и призвал всех умереть, не посрамивши своего царя и былых подвигов. Первым упал Гиппит, попросивший кого-нибудь из младших убить его, а потом каждый спокойно и бесстрашно покончил с собою сам. В живых оставался только Панфей, тот, что первым вошел в Мегалополь. Самый красивый из молодых и лучше всех усвоивший начала и правила спартанского воспитания, он был когда-то возлюбленным царя и теперь получил от него приказ умереть последним, когда убедится, что и Клеомен, и все прочие мертвы. Панфей обходил лежавшие на земле тела, испытывая острием кинжала, не теплятся ли в ком остатки жизни. Уколов Клеомена в лодыжку и заметив, что лицо его исказилось, он поцеловал царя и сел подле него. Когда же Клеомен испустил дух, Панфей обнял труп и, не разжимая объятий, заколол себя. [59 (38)]. Вот как погиб Клеомен – царь, правивший Спартой шестнадцать лет и покрывший себя неувядаемой славой.

Слух об этом быстро разнесся по городу, и Кратесиклея, несмотря на все свое мужество и благородство, не устояла перед страшною тяжестью бедствия – прижав к себе внуков, она зарыдала. Вдруг старший вырвался у нее из рук и прежде, чем кто-нибудь успел сообразить, что он задумал, бросился вниз головой с крыши. Он жестоко расшибся, однако ж не до смерти и, когда его подняли и понесли, стал кричать, негодуя на то, что ему не дают умереть.

Птолемей, узнав о случившемся, распорядился тело Клеомена зашить в звериную шкуру и распять, а детей, Кратесиклею и женщин, которые ее окружали, казнить. Среди этих женщин была и супруга Панфея, отличавшаяся редкостной красотой. Они лишь недавно сочетались браком, и горькая судьба постигла обоих еще в самый разгар их любви. Она хотела покинуть Грецию вместе с мужем, но родители не пустили ее, силою заперли дома и зорко караулили. Тем не менее, она вскорости же раздобыла себе коня, достала денег и ночью бежала. Без отдыха скакала она до Тенара, там села на корабль, отплывающий в Египет, и, приехав к мужу, спокойно и радостно делила с ним жизнь на чужбине. Теперь, когда солдаты повели Кратесиклею, она держала ее руку, несла подол ее платья и призывала ее мужаться. Впрочем, сама смерть нимало не страшила Кратесиклею, и только об одном она молила – чтобы ей разрешили умереть раньше детей; но когда их доставили, наконец, к месту казни, палачи сперва убили детей на глазах у старухи, которая, глядя на это чудовищное зрелище, промолвила лишь: «Куда вы ушли, мои маленькие?» Супруга Панфея, женщина крепкая и рослая, подобрав плащ, молча, без единого слова, склонялась над каждым из трупов и, насколько оказывалось возможным, убирала их, готовя к погребению. После всех она приготовила к смерти и самое себя, опустила полы плаща и, не позволив подойти никому, кроме того, кому предстояло исполнить приговор, погибла, как истинная героиня, не нуждаясь в чужой руке, которая прибрала бы и покрыла ее после

кончины. Так даже в смерти она осталась чиста душой и столь же строго охраняла свое тело, как и при жизни.

60 (39). Этой трагедией, где женщины состязались в мужестве с мужчинами, Спарта напоследок показала, что истинную доблесть даже судьбе одолеть не дано. Немного дней спустя часовые, приставленные к распятому телу Клеомена, увидели, что голову мертвого обвила огромная змея, закрыв ему все лицо, так что ни одна хищная птица не подлетала близко. Это внушило царю суеверный ужас. Женщины при дворе тоже были охвачены страхом и стали справлять особые искупительные обряды в уверенности, что погиб человек, угодный и близкий богам. Александрийцы, приходя к тому месту, даже обращались к Клеомену с молитвами, именуя его героем и сыном бога, – до тех пор, пока люди более сведущие не разъяснили им, что гниющая плоть быка обращается в пчел¹⁴⁹⁰, коня – в ос, что из трупа осла вылетают жуки, человеческое же тело, когда гниющие околосозговые жидкости сольются и загустеют, порождает змей. Это замечали еще древние, вот почему из всех животных они чаще всего посвящали героям змею.

Тиберий и Гай Гракхи

[ТИБЕРИЙ ГРАКХ]

1. Закончив первое повествование, обратимся теперь к не менее тягостным бедствиям римской четы, которую будем сравнивать со спартанской, – к жизни Тиберия и Гая. Они были сыновья Тиберия Гракха – цензора, дважды консула и дважды триумфатора¹⁴⁹¹, но не эти почести, а нравственная высота были главным источником его славы и достоинства. Именно поэтому он удостоился чести после смерти Сципиона, одержавшего победу над Ганнибалом, стать мужем его дочери Корнелии, хотя и не был другом Сципиона, а скорее его противником.

Однажды, как сообщают, он нашел у себя на постели пару змей, и прорицатели, поразмыслив над этим знамением, объявили, что нельзя ни убивать, ни отпускать обеих сразу: если убить самца, умрет Тиберий, если самку – Корнелия. Любя жену и считая, вдобавок, что справедливее первым умереть старшему (Корнелия была еще молода), Тиберий самца убил, а самку выпустил на волю. Вскоре после этого он умер, оставив от брака с Корнелией двенадцать душ детей. Корнелия приняла на себя все заботы о доме и обнаружила столько благородства, здравого смысла и любви к детям, что, казалось, Тиберий сделал прекрасный выбор, решив умереть вместо такой супруги, которая отвергла сватовство Птолемея¹⁴⁹², желавшего разделить с нею царский венец, но осталась вдовой и, потерявши всех детей, кроме троих, дочь выдала замуж за Сципиона Младшего, а двух сыновей, Тиберия и Гая, чья жизнь описана нами здесь, растила с таким честолюбивым усердием, что они, – бесспорно, самые даровитые среди римлян, – своими прекрасными качествами больше, по-видимому, были обязаны воспитанию, чем природе.

2. Точно так же, как статуи и картины, изображающие Диоскуров¹⁴⁹³, наряду с

---

¹⁴⁹⁰ 40. ...*обращается в пчел...* – Устойчивое в древности поверье; ср. Вергилий, «Георгики», IV, 182 сл. и Овидий «Метаморфозы», XV, 364 сл.

¹⁴⁹¹ [ТИБЕРИЙ ГРАКХ]1. ...*дважды триумфатора* ... – В 179 г. за победы в Испании и в 175 г. за покорение Сардинии.

¹⁴⁹² 2. *Птолемей* – Птолемей VI (180—145) или Птолемей VII, брат его (145—116): оба приезжали в Рим, но это было еще при жизни Гракха-отца.

¹⁴⁹³ 3. ...*Диоскуров* ... – Из этих двух сыновей Зевса «кулачным бойцом» считался Полидевк, а

подобием передают и некоторое несходство во внешности кулачного бойца по сравнению с наездником, так и эти юноши, одинаково храбрые, воздержные, бескорыстные, красноречивые, великодушные, в поступках своих и делах правления обнаружили с полной ясностью немалые различия, о чем мне кажется нелишним сказать в самом начале.

Во-первых, выражение лица, взгляд и жесты у Тиберия были мягче, сдержаннее, у Гая резче и горячее, так что, и выступая с речами, Тиберий скромно стоял на месте, а Гай первым среди римлян стал во время речи расхаживать по ораторскому возвышению и срывать с плеча тогу¹⁴⁹⁴, – как афинянин Клеон, насколько можно судить по сообщениям писателей, был вообще первым, кто, выступая перед народом, сорвал с себя плащ и хлопнул себя по бедру. Далее, Гай говорил грозно, страстно и зажигательно, а речь Тиберия радовала слух и легко вызвала сострадание. Наконец, слог у Тиберия был чистый и старательно отделанный, у Гая – захватывающий и пышный. Так же различались они и образом жизни в целом: Тиберий жил просто и скромно, Гай в сравнении с остальными казался воздержным и суровым, но рядом с братом – легкомысленным и расточительным, в чем и упрекал его Друз, когда он купил серебряных дельфинов, заплатив по тысяче двести драхм за каждый фунт веса.

Несходству в речах отвечало и несходство нрава: один был снисходителен и мягок, другой колюч и вспыльчив настолько, что нередко во время речи терял над собою власть и, весь отдавшись гневу, начинал кричать, сыпать бранью, так что, в конце концов, сбивался и умолкал. Чтобы избавиться от этой напасти, он прибег к услугам смышленного раба Лициния. Взяв в руки инструмент, который употребляют учителя пения¹⁴⁹⁵, Лициний, всякий раз когда Гай выступал, становился позади и, замечая, что он повысил голос и уже готов вспыхнуть, брал тихий и нежный звук; откликаясь на него, Гай тут же убавлял силу и чувства и голоса, приходил в себя и успокаивался.

3. Таковы были различия между братьями, что же касается отваги перед лицом неприятеля, справедливости к подчиненным, ревности к службе, умеренности в наслаждениях... [*Текст в оригинале испорчен* .] они не расходились нисколько. Тиберий был старше девятью годами, поэтому они выступили порознь на государственном поприще, что нанесло огромный ущерб их делу, ибо в разное время достиг каждый из них своей вершины и слить силы воедино они не могли. А такая совместная сила была бы громадной и неодолимой. Вот почему я должен говорить о каждом в отдельности, и сперва – о старшем.

4. Едва выйдя из детского возраста, Тиберий стяжал известность столь громкую, что был удостоен жреческого сана и включен в число так называемых авгуров¹⁴⁹⁶ – скорее за свои безупречные качества, нежели по благородству происхождения. Одно из доказательств этому дал Аппий Клавдий, бывший консул и цензор, внесенный первым в список римских сенаторов и величием духа намного превосходивший всех своих современников. Однажды, за общею трапезою жрецов¹⁴⁹⁷, он дружески заговорил с Тиберием и сам предложил ему в жены свою дочь. Тот с радостью согласился; таким образом обручение состоялось, и Аппий, придя домой, еще с порога громко крикнул жене: «Послушай, Антистия, я просватал нашу Клавдию!» Та в изумлении отвечала: «К чему такая поспешность? Уж не Тиберия ли Гракха

«наездником» Кастор.

¹⁴⁹⁴ 4. ...срывать с плеча тогу ... – Таким образом освобождались руки для жестов. Ср.: Ник., 8.

¹⁴⁹⁵ 5. ...инструмент ... – Особого рода свирель или флейта.

¹⁴⁹⁶ 6. *Авгуры* – так называлась коллегия жрецов-птицегадателей, пополнявшаяся кооптацией после смерти каждого члена.

¹⁴⁹⁷ 7. ...трапезою жрецов ... – Речь идет об обряде в честь вступления Тиберия в коллегияу авгуров.

ты нашел ей в женихи?» Я отлично знаю, что некоторые писатели относят эту историю к отцу Гракхов и к Сципиону Африканскому, но большинство излагает ее так же, как мы здесь, а Полибий прямо говорит¹⁴⁹⁸, что после смерти Сципиона Африканского его родичи из всех женихов выбрали для Корнелии Тиберия, ибо отец не успел ни выдать ее замуж, ни просватать.

Младший Тиберий воевал в Африке под начальством второго Сципиона, который был женат на его сестре, и, так как жил с полководцем в одной палатке, скоро узнал его нрав, обнаруживавший многие черты неподдельного величия и тем побуждавший других соревноваться с ним в доблести и подражать его поступкам. Скоро Тиберий превзошел всех молодых храбростью и умением повиноваться. Фанний сообщает, что во время приступа Тиберий поднялся на стену первым, и добавляет, что сам он был рядом с Тиберием и поделил с ним славу этого подвига. Находясь в лагере, Тиберий пользовался горячей любовью воинов, а уехав, оставил по себе добрую память и сожаления.

5. После этого похода он был избран квестором, и ему выпал жребий воевать с нумантинцами под командованием консула Гая Манцина, человека в общем не плохого, но между всеми римскими военачальниками самого злополучного. Среди необычайных несчастий и на редкость тягостных обстоятельств особенно ярко просияли и острый ум, и отвага Тиберия, и – что было всего замечательнее – его глубокое уважение к начальнику, который под бременем обрушившихся на него бедствий уже и сам не знал, полководец он или нет.

Разбитый в нескольких больших сражениях, Манцин попытался ночью бросить лагерь и уйти из-под городских стен, но нумантинцы, проведав об этом, и лагерь немедленно захватили, и бросились в погоню за беглецами. Истребляя замыкающих, они окружили все римское войско и принялись оттеснять его к таким местам, откуда выбраться было уже невозможно, и Манцин, отказавшись от надежды пробиться, отправил к неприятелю посланца с просьбой о перемирии и прекращении военных действий. Нумантинцы ответили, что не питают доверия ни к кому из римлян, кроме Тиберия, и потребовали, чтобы консул прислал его. Условие это они выдвинули не только из уважения к молодому человеку, о котором много говорили в войске, но и храня память об его отце, Тиберии, который, завершив войну в Испании и покоривши множество народов, с нумантинцами заключил мир и всегда старался, чтобы римский народ твердо и нерушимо его хранил. Итак, послом был отправлен Тиберий и, кое в чем заставив врага уступить, кое в чем уступивши сам, завершил переговоры перемирием и спас от верной смерти двадцать тысяч римских граждан, не считая рабов и нестроющих.

6. Все захваченное в лагере имущество нумантинцы разграбили. В их руки попали и таблички с записями и расчетами Тиберия, которые он вел, исполняя свою должность, и так как для него было чрезвычайно важно вернуть эти записи, он с тремя или четырьмя провожатыми снова явился к воротам Нуманции, когда войско ушло уже далеко вперед. Вызвав тех, кто стоял во главе города, он просил разыскать и принести ему таблички, потому что иначе он не сможет отчитаться в своем управлении и даст своим врагам в Риме повод его оклеветать. Нумантинцы были рады случаю оказать ему услугу и приглашали его войти в город; меж тем как он медлил в раздумии, они подошли ближе, взяли его за руки и горячо просили не считать их больше врагами, но дать полную веру их дружеским чувствам. Желая получить таблички и, вместе с тем, боясь озлобить нумантинцев недоверием, Тиберий решил уступить. Когда он вошел в город, граждане первым делом приготовили завтрак и хотели, чтобы он непременно с ними поел, потом возвратили таблички и предлагали взять все, что он пожелает, из имущества. Он не взял ничего, кроме ладана, который был ему нужен для общественных жертвоприношений, и, сердечно распрощавшись с нумантинцами, пустился

---

¹⁴⁹⁸ 8. ...Полибий ... говорит ... – XXXII, 13 (книга полностью не сохранилась). К браку Корнелии относит этот рассказ и Ливий, XXXVIII, 57.

догонять своих.

7. Но когда он вернулся в Рим, действия в Испании были признаны страшным позором для римлян и подверглись резким порицаниям. Родственники и друзья воинов, то есть немалая часть народа, собираясь вокруг Тиберия, кричали, что весь срам целиком падает на полководца, между тем как Гракх спас от смерти столько граждан. Те, кто более других был возмущен случившимся, предлагали последовать примеру предков, которые, когда римские военачальники согласились принять постыдное освобождение из рук самнитов, выдали врагам и самим полководцев, безоружными и нагими, и всех причастных к перемирию и способствовавших ему, как, например, квесторов и военных трибунов, чтобы на них обратить вину за клятвopеcтyплeниe и измену договору¹⁴⁹⁹. Вот тут-то народ и обнаружил с полною ясностью свою любовь к Тиберию: консула, нагого и в цепях, римляне постановили отправить к нумантинцам, а всех остальных пощадили ради Тиберия. Не обошлось, по-видимому, и без помощи Сципиона, обладавшего тогда в Риме огромною силой. И все же Сципиона осуждали, за то что он не спас Манцина и не настаивал на утверждении перемирия с нумантинцами, заключенного усилиями Тиберия, его родича и друга. Однако главною причиною разлада между Сципионом и Тиберием было, скорее всего, честолубие обоих и подстрекательство со стороны друзей Тиберия и софистов. До открытой и непримиримой вражды дело, впрочем, не дошло, и мне кажется даже, что с Тиберием никогда не случилось бы непоправимого несчастья, если бы в пору его выступления на государственном поприще рядом с ним находился Сципион Африканский. Но Сципион был уже под Нуманцией и вел войну, когда Тиберий начал предлагать новые законы – и вот по каким причинам.

8. Земли, отторгнутые в войнах у соседей, римляне частью продавали, а частью, обратив в общественное достояние, делили между нуждающимися и неимущими гражданами, которые платили за это казне умеренные подати. Но богачи стали предлагать казне бо льшую подать и таким образом вытесняли бедняков, и тогда был издан закон, запрещающий владеть более, чем пятьюстами югеров¹⁵⁰⁰. Сперва этот указ обуздал алчность и помог бедным остаться на земле, отданной им внаем, так что каждый продолжал возделывать тот участок, который держал с самого начала. Но затем богачи исхитрились прибирать к рукам соседние участки через подставных лиц, а под конец уже и открыто завладели почти всею землей, так что согнанные с насиженных мест бедняки и в войско шли без всякой охоты, и к воспитанию детей проявляли полное равнодушие, и вскорости вся Италия ощутила нехватку в свободном населении, зато все росло число рабских темниц¹⁵⁰¹: они были полны варваров, которые обрабатывали землю, отобранную богачами у своих сограждан.

Делу пытался помочь еще Гай Лелий, друг Сципиона, но, натолкнувшись на жестокое сопротивление могущественных граждан и боясь беспорядков, оставил свое намерение, за что и получил прозвище Мудрого или Рассудительного: слово «сапиенс» [sapiens], по-видимому, употребляется в обоих этих значениях. Избранный в народные трибуны, Тиберий немедленно взялся за ту же задачу, как утверждает большинство писателей – по совету и внушению оратора Диофана и философа Блоссия. Первый был митиленским изгнанником, а

¹⁴⁹⁹ 9. ...когда римские военачальники ... и измену договору. – В 321 г. в войне с самнитами римское войско было заперто в Кавдинском ущелье Апеннин и капитулировало с позорным обрядом «прохода под ярмом». Сенат отказался утвердить этот мир, «изменил договору» и поступил так, как рассказывает Плутарх.

¹⁵⁰⁰ 10. ...издан закон ... и далее. – Это знаменитый закон народных трибунов Секстия и Лициния (367 г.). Впрочем, норма в 500 югеров (ок. 125 га), по-видимому, установилась лишь значительно позже.

¹⁵⁰¹ 11. Рабские темницы – греч. «десмотерии», лат. «эргастулы», бараки, куда запирали на ночь рабов, занятых на полевых работах.

второй – уроженцем самой Италии, выходцем из Кум; в Риме он близко сошелся с Антипатром Тарским, и тот даже посвящал ему свои философские сочинения. Некоторые возлагают долю вины и на Корнелию, которая часто корила сыновей тем, что римляне все еще зовут ее тещею Сципиона, а не матерью Гракхов. Третьи невольным виновником всего называют некоего Спурия Постумия, сверстника Тиберия и его соперника в славе первого судебного оратора: возвратившись из похода и увидев, что Спурий намного опередил его славою и силой и служит предметом всеобщего восхищения, Тиберий, сколько можно судить, загорелся желанием, в свою очередь, оставить его позади, сделав смелый, и даже опасный, но многое сулящий ход. А брат его Гай в одной из книг пишет, что Тиберий, держа путь в Нуманцию, проезжал через Этрурию и видел запустение земли, видел, что и пахари и пастухи – сплошь варвары, рабы из чужих краев, и тогда впервые ему пришел на ум замысел, ставший впоследствии для обоих братьев источником неисчислимых бед. Впрочем, всего больше разжег его решимость и честолюбие сам народ, исписывая колонны портиков, памятники и стены домов призывами к Тиберию вернуть общественную землю беднякам.

9. Тем не менее он составил свой закон не один, но обратился за советом к самым достойным и видным из граждан. Среди них были верховный жрец Красс, законовед Муций Сцевола, занимавший в ту пору должность консула, и тесть Тиберия Аппий Клавдий. И, мне кажется, никогда против такой страшной несправедливости и такой алчности не предлагали закона снисходительнее и мягче!¹⁵⁰² Тем, кто заслуживал суровой кары за самоволие, кто бы должен был уплатить штраф и немедленно расстаться с землею, которою пользовался в нарушение законов, – этим людям предлагалось, получив возмещение, уйти с полей, приобретенных вопреки справедливости, и уступить их гражданам, нуждающимся в помощи и поддержке.

При всей мягкости и сдержанности этой меры народ, готовый забыть о прошлом, радовался, что впредь беззакониям настанет конец, но богатым и имущим своекорыстие внушало ненависть к самому закону, а гнев и упорство – к законодателю, и они принялись убеждать народ отвергнуть предложения Тиберия, твердя, будто передел земли – только средство, настоящая же цель Гракха – смута в государстве и полный переворот существующих порядков. Но они ничего не достигли, ибо Тиберий отстаивал это прекрасное и справедливое начинание с красноречием, способным возвысить даже предметы, далеко не столь благородные, и был грозен, был неодолим, когда, взойдя на ораторское возвышение, окруженное народом, говорил о страданиях бедняков примерно так: дикие звери, населяющие Италию, имеют норы, у каждого есть свое место и свое пристанище, а у тех, кто сражается и умирает за Италию, нет ничего, кроме воздуха и света, бездомными скитальцами бродят они по стране вместе с женами и детьми, а полководцы лгут, когда перед битвой призывают воинов защищать от врага родные могилы и святыни, ибо ни у кого из такого множества римлян не осталось отчего алтаря, никто не покажет, где могильный холм его предков, нет! – и воюют и умирают они за чужую роскошь и богатство, эти «владыки вселенной», как их называют, которые ни единого комка земли не могут назвать своим!

10. На такие речи, подсказанные величием духа и подлинной страстью и обращенные к народу, который приходил в неистовое возбуждение, никто из противников возражать не решался. Итак, откинув мысль о спорах, они обращаются к Марку Октавию, одному из народных трибунов, молодому человеку степенного и скромного нрава. Он был близким товарищем Тиберия и, стыдясь предать друга, сначала отклонял все предложения, которые ему делались, но, в конце концов, сломленный неотступными просьбами многих влиятельных граждан, как бы вопреки собственной воле выступил против Тиберия и его

¹⁵⁰² 12. ...закона снисходительнее и мягче! – Законопроект Тиберия Гракха состоял в следующем: во владении одной семьи не должно сосредоточиваться более 1000 югеров общественной земли (500 на отца и по 250 на двух старших сыновей); все излишки возвращаются в казну и распределяются между неимущими в наследственную и неотчуждаемую аренду по 30 югеров на душу.

закона¹⁵⁰³.

Среди народных трибунов сила на стороне того, кто налагает запрет, и если даже все остальные согласны друг с другом, они ничего не достигнут, пока есть хотя бы один, противящийся их суждению. Возмущенный поступком Октавия, Тиберий взял назад свой первый, более кроткий законопроект и внес новый, более приятный для народа и более суровый к нарушителям права, которым на сей раз вменялось в обязанность освободить все земли, какие когда-либо были приобретены в обход прежде изданных законов. Чуть не ежедневно у Тиберия бывали схватки с Октавием на ораторском возвышении, но, хотя спорили они с величайшей горячностью и упорством, ни один из них, как сообщают, не сказал о другом ничего оскорбительного, ни один не поддался гневу, не проронил неподобающего или непристойного слова. Как видно, не только на вакхических празднествах¹⁵⁰⁴, но и в пламенных пререканиях добрые задатки и разумное воспитание удерживают дух от безобразных крайностей. Зная, что действию закона подпадает и сам Октавий, у которого было много общественной земли, Тиберий просил его отказаться от борьбы, соглашаясь возместить ему потери за счет собственного состояния, кстати сказать – отнюдь не блестящего. Но Октавий был непреклонен, и тогда Тиберий особым указом объявил полномочия всех должностных лиц, кроме трибунов, прекращенными до тех пор, пока законопроект не пройдет голосования. Он опечатав собственную печатью храм Сатурна, чтобы квесторы не могли ничего принести или вынести из казначейства¹⁵⁰⁵, и через глашатаев пригрозил штрафом преторам, которые окажут неповиновение, так что все в испуге прервали исполнение своих обычных дел и обязанностей. Тут владельцы земель переменили одежды и стали появляться на форуме с видом жалким и подавленным, но втайне злоумышляли против Тиберия и уже приготовили убийц для покушения, так что и он, ни от кого не таясь, опоясался разбойничьим кинжалом, который называют «долоном» [dólōn].

11. Когда настал назначенный день и Тиберий был готов призвать народ к голосованию, обнаружилось, что урны¹⁵⁰⁶ похищены богачами. Поднялся страшный беспорядок. Приверженцы Тиберия были достаточно многочисленны, чтобы применить насилие, и уже собирались вместе, но Манлий и Фульвий, оба бывшие консулы, бросились к Тиберию и, касаясь его рук, со слезами на глазах, молили остановиться. Тиберий, и сам видя надвигающуюся беду и питая уважение к обоим этим мужам, спросил их, как они советуют ему поступить, но они отвечали, что не могут положиться на себя одних в таком деле и уговорили Тиберия предоставить все на усмотрение сената. Когда же и сенат, собравшись, ничего не решил по вине богачей, которые имели в нем большую силу, Тиберий обратился к средству и незаконному, и недостойному – не находя никакой иной возможности провести голосование, он лишил Октавия власти. Но прежде, на глазах у всех, он говорил с Октавием в самом ласковом и дружеском тоне и, касаясь его рук, умолял уступить народу, который не требует ничего, кроме справедливости, и за великие труды и опасности получит лишь самое скромное вознаграждение. Но Октавий снова отвечал отказом, и Тиберий заявил, что если оба они останутся в должности, облеченные одинаковой властью, но расходясь во мнениях по важнейшим вопросам, год не закончится без войны, а стало быть, одного из них народ должен лишить полномочий – иного пути к исцелению недуга он не видит. Он предложил

¹⁵⁰³ 13. ...выступил против Тиберия и его закона . – Наложил трибунское вето на его законопроект.

¹⁵⁰⁴ 14. ...на вакхических празднествах ... – Реминисценция из Эврипида, «Вакханки», 317; «И в празднествах вакхических / Не развратится та, что целомудренна».

¹⁵⁰⁵ 15. ...из казначейства ... – В храме Сатурна на форуме хранилась государственная казна.

¹⁵⁰⁶ 16. Урны – те, из которых вынимались жребии, определявшие порядок голосования 35 римских триб.

Октавию, чтобы сперва голоса были поданы о нем, Тиберии, заверяя, что спустится с возвышения частным лицом, если так будет угодно согражданам. Когда же Октавий и тут не пожелал дать своего согласия, Тиберий, наконец, объявил, что сам устроит голосование о судьбе Октавия, если он не откажется от прежних намерений.

12. На этом он и распустил Собрание в тот день. А на следующий, когда народ снова заполнил площадь, Тиберий, поднявшись на возвышение, снова пытался уговаривать Октавия. Октавий был неумолим, и Тиберий предложил закон, лишаящий его достоинства народного трибуна, и призвал граждан немедленно подать голоса. Когда из тридцати пяти триб проголосовали уже семнадцать и не доставало лишь одного голоса, чтобы Октавий сделался частным лицом, Тиберий устроил перерыв и снова умолял Октавия, обнимал и целовал его на виду у народа, заклиная и себя не подвергать бесчестию, и на него не навлекать укоров за такой суровый и мрачный образ действий. Как сообщают, Октавий не остался совершенно бесчувствен и глух к этим просьбам, но глаза его наполнились слезами, и он долго молчал. Затем, однако, он взглянул на богатых и имущих, тесною толпою стоявших в одном месте, и стыд перед ними, боязнь бесславия, которым они его покроют, перевесили, по-видимому, все сомнения – он решил мужественно вытерпеть любую беду и предложил Тиберию делать то, что он считает нужным. Таким образом, закон был одобрен, и Тиберий приказал кому-то из своих вольноотпущенников стащить Октавия с возвышения. Служителями и помощниками при нем были его же отпущенники, а потому Октавий, которого насильно тащили вниз, являл собою зрелище особенно жалостное; и все же народ сразу ринулся на него, но богатые граждане подоспели на помощь и собственными руками заслонили от толпы Октавия, который насилу спасся, между тем как его верному рабу, защищавшему хозяина, вышибли оба глаза. Все случилось без ведома Тиберия – напротив, едва узнав о происходящем, он поспешил туда, где слышался шум, чтобы пресечь беспорядки.

13. Вслед за тем принимается закон о земле, и народ выбирает троих для размежевания и раздела полей – самого Тиберия, его тестя, Аппия Клавдия, и брата, Гая Гракха, которого в ту пору не было в Риме: под начальством Сципиона он воевал у стен Нуманции. Оба эти дела Тиберий довел до конца мирно, без всякого сопротивления с чьей бы то ни было стороны, а потом поставил трибуном вместо Октавия не кого-нибудь из видных людей, а своего клиента, какого-то Муция, и могущественные граждане, возмущаясь всеми его поступками и страшась его растущей на глазах силы, старались унижить его в сенате, как только могли. По заведенному обычаю, он просил выдать ему за казенный счет палатку, в которой бы он жил, занимаясь разделом земель, но получил отказ, хотя другим часто давали и при меньшей надобности, а содержания ему назначили девять оболов на день¹⁵⁰⁷. Зачинщиком всякий раз выступал Публий Назика, люто ненавидевший Тиберия: он владел обширными участками общественной земли и был в ярости от того, что теперь приходится с ними расставаться. Это ожесточило народ еще пуще. Когда скоропостижно умер кто-то из друзей Тиберия и на трупе выступили подозрительные пятна, римляне кричали повсюду, что он отравлен, сбежались к выносу, сами подняли и понесли погребальное ложе и не отходили от костра. Подозрения их, как видно, полностью оправдались, ибо труп лопнул, и хлынуло так много смрадной жидкости, что огонь потух. Принесли еще огня, но тело все не загоралось, пока костер не сложили в другом месте, и там, после долгих хлопот, пламя наконец поглотило отравленного. Воспользовавшись этим случаем, чтобы еще сильнее озлобить и взволновать народ, Тиберий переменял одежды¹⁵⁰⁸, вывел на форум детей и просил всех позаботиться о них и об их матери, ибо сам он обречен.

14. В это время умер Аттал Филометор, и когда пергамец Эвдем привез его завещание,

¹⁵⁰⁷ 17. Девять оболов на день – т.е. полтора денария в день – издевательский прожиточный минимум.

¹⁵⁰⁸ 18. ...переменял одежды ... – Т.е. оделся в черное, как бы предвидя свою смерть.

в котором царь назначал своим наследником римский народ, Тиберий, в угоду толпе, немедленно внес предложение доставить царскую казну в Рим и разделить между гражданами, которые получили землю, чтобы те могли обзавестись земледельческими орудиями и начать хозяйствовать. Что же касается городов, принадлежавших Атталу, то их судьбою надлежит распоряжаться не сенату, а потому он, Тиберий, изложит свое мнение перед народом. Последнее оскорбило сенат сверх всякой меры, и Помпей, поднявшись, заявил, что живет рядом с Тиберием, а потому знает, что пергамец Эвдем передал ему из царских сокровищ диадему и багряницу, ибо Тиберий готовится и рассчитывает стать в Риме царем. Квинт Метелл с резким укором напомнил Тиберию, что когда его отец¹⁵⁰⁹, в бытность свою цензором, возвращался после обеда домой, граждане тушили у себя огни, опасаясь, как бы кто не подумал, будто они слишком много времени уделяют вину и веселым беседам, меж тем как ему по ночам освещают дорогу самые дерзкие и нищие из простолудинов. Тит Анний, человек незначительный и не большого ума, но считавшийся непобедимым в спорах, просил Тиберия дать определенный и недвусмысленный ответ, подверг ли он унижению своего товарища по должности – лицо, согласно законам, священное и неприкосновенное. В сенате поднялся шум, а Тиберий бросился вон из курии, стал скликать народ и распорядился привести Анния, чтобы безотлагательно выступить с обвинением. Анний, который намного уступал Тиберию и в силе слова и в доброй славе, решил укрыться под защитой своей находчивости и призвал Тиберия, прежде чем он начнет речь, ответить на один небольшой вопрос. Тиберий согласился, и когда все умолкли, Анний спросил: «Если ты вздумаешь унижать меня и бесчестить, а я обращусь за помощью к кому-нибудь из твоих товарищей по должности и он заступится за меня, а ты разгневаешься, – неужели ты и его отресишь от власти?». Вопрос этот, как сообщают, поверг Тиберия в такое замешательство, что при всей непревзойденной остроте своего языка, при всей своей дерзости и решимости он не смог раскрыть рот.

15. Итак, в тот день он распустил Собрание. Позже, замечая, что из всех его действий поступок с Октавием особенно сильно беспокоит не только могущественных граждан, но и народ, – великое и высокое достоинство народных трибунов, до той поры нерушимо соблюдавшееся, казалось поруганным и уничтоженным, – он произнес в Собрании пространную речь, приведя в ней доводы, которые вполне уместно – хотя бы вкратце – изложить здесь, чтобы дать некоторое представление об убедительности слова и глубине мысли этого человека.

Народный трибун, говорил он, лицо священное и неприкосновенное постольку, поскольку он посвятил себя народу и защищает народ. Стало быть, если он, изменив своему назначению, чинит народу обиды, умаляет его силу, не дает ему воспользоваться правом голоса, он сам лишает себя чести, не выполняя обязанностей, ради которых только и был этой честью облечен. Даже если он разрушит Капитолий и сожжет корабельные верфи, он должен остаться трибуном. Если он так поступит, он разумеется, плохой трибун. Но если он вредит народу, он вообще не трибун. Разве это не бессмысленно, чтобы народный трибун мог отправить консула в тюрьму, а народ не мог отнять власть у трибуна, коль скоро он пользуется ею во вред тому, кто дал ему власть? Ведь и консула и трибуна одинаково выбирает народ! Царское владычество не только соединяло в себе все должности, но и особыми, неслыханно грозными обрядами посвящалось божеству. А все-таки город изгнал Тарквиния, нарушившего справедливость и законы, и за бесчинства одного человека была уничтожена древняя власть, которой Рим обязан своим возникновением. Что римляне чтут столь же свято, как дев, хранящих¹⁵¹⁰ неугасимый огонь? Но если какая-нибудь из них

¹⁵⁰⁹ 19. ...его отец ... – Отец Кв. Метелла был цензором в 169 г. и оставил долгую память о своей суровости. Речь Метелла с упоминанием об этом имела такой успех, что, по словам Цицерона, Фанний записал ее в свою «Историю» («Брут», 81).

¹⁵¹⁰ 20. ...дев, хранящих ... – О весталках см.: Нума, 10.

провинится, ее живьем зарывают в землю, ибо, кощунственно оскорбляя богов, она уже не может притязать на неприкосновенность, которая дана ей во имя и ради богов. А значит, несправедливо, чтобы и трибун, причиняющий народу вред, пользовался неприкосновенностью, данной ему во имя и ради народа, ибо он сам уничтожает ту силу, из которой черпает собственное могущество. Если он на законном основании получил должность, когда бо льшая часть триб отдала ему голоса, то разве меньше оснований лишить его должности, когда все трибы голосуют против него? Нет ничего священнее и неприкосновеннее, чем дары и приношения богам. Но никто не препятствует народу употреблять их по своему усмотрению, двигать и переносить с места на место. В таком случае и звание трибуна, словно некое приношение, народ вправе переносить с одного лица на другое. И можно ли назвать эту власть неприкосновенной и совершенно неотъемлемой, если хорошо известно, что многие добровольно слагали ее или же отказывались принять? 16. Таковы были главные оправдания, приведенные Тиберием.

Друзья Тиберия, слыша угрозы врагов и видя их сплоченность, считали, что ему следует вторично домогаться должности трибуна, сохранить ее за собой и на следующий год¹⁵¹¹, и он продолжал располагать к себе народ все новыми законопроектами – предложил сократить срок службы в войске, дать гражданам право обжаловать решения судей перед Народным собранием, ввести в суды, которые состояли тогда сплошь из сенаторов, равное число судей-всадников и вообще всеми средствами и способами старался ограничить могущество сената, скорее в гневе, в ожесточении, нежели ради справедливости и общественной пользы. Когда же наступил день выборов и приверженцы Тиберия убедились, что противники берут верх, ибо сошелся не весь народ, Тиберий сперва, чтобы затянуть время, стал хулить товарищей по должности, а потом распустил Собрание, приказав всем явиться завтра. После этого он вышел на форум и удрученно, униженно, со слезами на глазах молил граждан о защите, а потом сказал, что боится, как бы враги ночью не вломились к нему в дом и не убили его, и так взволновал народ, что целая толпа окружила его дом и караулила всю ночь напролет.

17. На рассвете человек, ходивший за курами, по которым римляне гадают о будущем, бросил им корму. Но птицы оставались в клетке, когда же прислужник резко ее встряхнул, вышла только одна, да и та не прикоснулась к корму¹⁵¹², а только подняла левое крыло, вытянула одну ногу и снова вбежала в клетку. Это напомнило Тиберию еще об одном знамении. У него был великолепный, богато украшенный шлем, который он надевал во все битвы. Туда незаметно заползли змеи, снесли яйца и высидели детенышей. Вот почему поведение кур особенно встревожило Тиберия. Тем не менее, услышав, что народ собирается на Капитолии, он двинулся туда же. Выходя, он споткнулся о порог и так сильно ушиб ногу, что на большом пальце сломался ноготь и сквозь башмак проступила кровь. Не успел он отойти от дома, как слева на крыше увидел двух дерущихся воронов¹⁵¹³, и хотя легко себе представить, что много людей шло вместе с ним, камень, сброшенный одним из воронов, упал именно к его ногам. Это озадачило даже самых бесстрашных из его окружения. Но Блоссий из Кум воскликнул: «Какой будет срам и позор, если Тиберий, сын Гракха, внук Сципиона Африканского, заступник римского народа, не откликнется на зов сограждан,

---

¹⁵¹¹ 21. ...вторично домогаться должности трибуна ... и на следующий год ... – По закону 342 г. это разрешалось только через 10 лет.

¹⁵¹² 22. ...птицы оставались в клетке ... не прикоснулась к корму ... – Хорошим знаменьем считалось, когда священные куры, выпущенные из клетки, жадно набрасывались на корм.

¹⁵¹³ 23. ...слева ... увидел ... воронов ... – Ворон слева считался в Риме дурным знаменьем (а ворона – добрым).

испугавшись ворона! И не только позор, ибо враги не смеяться станут над тобою, но будут вопить в Собрании, что ты уже тиранн и уже своевольничаешь, как хочешь». В этот миг к Тиберию подбежало сразу много посланцев с Капитолия от друзей, которые советовали поторопиться, потому что все-де идет прекрасно. И в самом деле, вначале события разворачивались благоприятно для Тиберия. Появление его народ встретил дружелюбным криком, а когда он поднимался по склону холма, ревниво его окружил, не подпуская никого из чужих.

18. Но когда Муций снова пригласил трибы к урнам, приступить к делу оказалось невозможным, ибо по краям площади началась свалка: сторонники Тиберия старались оттеснить врагов, которые, в свою очередь, теснили тех, силою прокладывая себе путь вперед. В это время сенатор Фульвий Флакк встал на видное место и, так как звуки голоса терялись в шуме, знаком руки показал Тиберию, что хочет о чем-то сказать ему с глазу на глаз. Тиберий велел народу пропустить его, и, с трудом протиснувшись, он сообщил, что заседание сената открылось, но богатые не могут привлечь консула¹⁵¹⁴ на свою сторону, а потому замышляют расправиться с Тиберием сами и что в их распоряжении много вооруженных рабов и друзей.

19. Когда Тиберий передал эту весть окружающим, те сразу же подпоясались, подобрали тоги и принялись ломать на части копья прислужников, которыми они обычно сдерживают толпу, а потом стали разбирать обломки, готовясь защищаться от нападения. Те, что находились подальше, недоумевали, и в ответ на их крики Тиберий коснулся рукою головы – он дал понять, что его жизнь в опасности, прибегнув к жесту, раз голоса не было слышно. Но противники, увидевши это, помчались в сенат с известием, что Тиберий требует себе царской диадемы и что тому есть прямое доказательство: он притронулся рукою к голове! Все пришли в смятение. Назика призвал консула защитить государство и свергнуть тиранна. Когда же консул сдержанно возразил, что первым к насилию не прибегнет и никого из граждан казнить без суда не будет, но если Тиберий убедит или же принудит народ постановить что-либо вопреки законам, то с таким постановлением он считаться не станет, – Назика, вскочив с места, закричал: «Ну что ж, если глава государства – изменник, тогда все, кто готов защищать законы, – за мной!»¹⁵¹⁵ И с этими словами, накинув край тоги на голову, он двинулся к Капитолию. Каждый из шагавших следом сенаторов обернул тогу вокруг левой руки, а правою очищал себе путь, и так велико было уважение к этим людям, что никто не смел оказать сопротивления, но все разбежались, топча друг друга. Те, кто их сопровождал, несли захваченные из дому дубины и палки, а сами сенаторы подбирали обломки и ножки скамей, разбитых бежавшею толпой, и шли прямо на Тиберия, разя всех, кто стоял впереди него. Многие испустили дух под ударами, остальные бросились врассыпную. Тиберий тоже бежал, кто-то ухватил его за тогу, он сбросил ее с плеч и пустился дальше в одной тунике, но поскользнулся и рухнул на трупы тех, что пали раньше него. Он пытался привстать, и тут Публий Сатурей, один из его товарищей по должности, первым ударил его по голове ножкою скамьи. Это было известно всем, на второй же удар заявлял притязания Луций Руф, гордившийся и чванившийся своим «подвигом». Всего погибло больше трехсот человек, убитых дубинами и камнями, и не было ни одного, кто бы умер от меча.

20. Как передают, после изгнания царей это был первый в Риме раздор, завершившийся кровопролитием и избиением граждан: все прочие, хотя бы и нелегкие и отнюдь не по ничтожным причинам возникшие, удавалось прекратить благодаря взаимным уступкам и

---

¹⁵¹⁴ 24. ...привлечь консула ... – Т.е. П. Муция Сцеволу, упомянутого в гл. 9; второй консул был в Сицилии, усмиряя восстание рабов.

¹⁵¹⁵ 25. ...за мной! – «Кто хочет спасения республики, за мной!» – по словам Сервия (к «Энеиде», VII, 614), это была обычная формула консулов при общественных беспорядках.

власть имущих, которые боялись народа, и самого народа, который питал уважение к сенату. По-видимому, и теперь Тиберий легко поддавался бы увещаниям, и если бы на него не напали, если бы ему не грозила смерть, он, бесспорно, пошел бы на уступки, тем более, что число его сторонников не превышало трех тысяч. Но, как видно, злоба и ненависть главным образом сплотили против него богачей, а вовсе не те соображения¹⁵¹⁶, которые они использовали как предлог для побоища. Что именно так оно и было свидетельствует зверское и незаконное надругательство над трупом Тиберия. Несмотря на просьбы брата, враги не разрешили ему забрать тело и ночью предать погребению, но бросили Тиберия в реку вместе с другими мертвыми. Впрочем, это был еще не конец: иных из друзей убитого они изгнали без суда, иных хватили и казнили. Погиб и оратор Диофан. Гая Биллия посадили в мешок, бросили туда же ядовитых змей и так замучили¹⁵¹⁷. Блоссия привели к консулам, и в ответ на их расспросы он объявил, что слепо выполнял все приказы Тиберия. Тогда вмешался Назика: «А что если бы Тиберий приказал тебе сжечь Капитолий?» Сперва Блоссий стоял на том, что Тиберий никогда бы этого не приказал, но вопрос Назики повторили многие, и, в конце концов, он ответил: «Что же, если бы он распорядился, я бы счел для себя честью исполнить. Ибо Тиберий не отдал бы такого распоряжения, не будь оно на благо народу». Блоссию удалось избежать гибели, и позже он отправился в Азию, к Аристонику, а когда дело Аристоника было проиграно, покончил с собой.

21. В сложившихся обстоятельствах сенат считал нужным успокоить народ, а потому больше не возражал против раздела земли и позволил выбрать вместо Тиберия другого размежевателя. Состоялось голосование, и был избран Публий Красс¹⁵¹⁸, родич Гракха: его дочь Лициния была замужем за Гаем Гракхом. Правда, Корнелий Непот утверждает, будто Гай женился на дочери не Красса, а Брута – того, что справил триумф после победы над лузитанцами. Но большинство писателей говорит то же, что мы здесь.

Народ, однако, негодовал по-прежнему и не скрывал, что при первом же удобном случае постарается отомстить за смерть Тиберия, а против Назики уже возбуждали дело в суде. Боясь за его судьбу, сенат без всякой нужды отправил Назику в Азию. Римляне открыто высказывали ему при встречах свою ненависть, возмущенно кричали ему в лицо, что он проклятый преступник и тиранн и что наиболее чтимый храм города¹⁵¹⁹ он запятнал кровью трибуна – лица священного и неприкосновенного. И Назика покинул Италию, хотя был главнейшим и первым среди жрецов¹⁵²⁰, и с отечеством, кроме всего прочего, его связывало исполнение обрядов величайшей важности. Тоскливо и бесславно скитался он на чужбине и вскорости умер где-то недалеко от Пергама. Можно ли удивляться, что народ так ненавидел Назику, если даже Сципион Африканский, которого римляне, по-видимому, любили и больше и заслуженнее всех прочих, едва окончательно не потерял расположение народа, за то что, сначала, получивши под Нуманцией весть о кончине Тиберия, прочитал на

¹⁵¹⁶ 26. Но ... не те соображения ... – Т.е. будто Тиберий требует царской власти.

¹⁵¹⁷ 27. ...посадили в мешок ... и так замучили . – Древнее наказание за отцеубийство, считавшееся самым страшным из преступлений.

¹⁵¹⁸ 28. Публий Красс – скоро погиб в борьбе с Аристоникум, а Аппий Клавдий умер; в комиссии по землеустройству их заменили Фульвий Флакк и Папирий Карбон.

¹⁵¹⁹ 29. ...наиболее чтимый храм города ... – Храм Юпитера Капитолийского; собрание происходило на площади перед ним.

¹⁵²⁰ 30. И Назика ... был ... первым среди жрецов ... – Назика был избран великим понтификом после смерти П. Красса уже заочно, во время изгнания.

память стих из Гомера¹⁵²¹:

Так да погибнет любой, кто свершит подобное дело,

впоследствии же, когда Гай и Фульвий задали ему в Собрании вопрос, что он думает о смерти Тиберия, отозвался о его деятельности с неодобрением. Народ прервал речь Сципиона возмущенным криком, чего раньше никогда не случалось, а сам он был до того раздосадован, что грубо оскорбил народ. Об этом подробно рассказано в жизнеописании Сципиона¹⁵²².

[ГАЙ ГРАКХ]

22 (1). После гибели Тиберия Гай в первое время, то ли боясь врагов, то ли с целью восстановить против них сограждан, совершенно не показывался на форуме и жил тихо и уединенно, словно человек, который не только подавлен и удручен обстоятельствами, но и впредь намерен держаться в стороне от общественных дел; это давало повод для толков, будто он осуждает и отвергает начинания Тиберия. Но он был еще слишком молод, на девять лет моложе брата, а Тиберий умер, не дожив до тридцати. Когда же с течением времени мало-помалу стал обнаруживаться его нрав, чуждый праздности, изнеженности, страсти к вину и к наживе, когда он принялся оттачивать свой дар слова, как бы готовя себе крылья, которые вознесут его на государственном поприще, с полною очевидностью открылось, что спокойствию Гая скоро придет конец. Защищая как-то в суде своего друга Веттия, он доставил народу такую радость и вызвал такое неистовое воодушевление, что все прочие ораторы показались в сравнении с ним жалкими мальчишками, а у могущественных граждан зародились новые опасения, и они много говорили между собою, что ни в коем случае нельзя допускать Гая к должности трибуна.

По чистой случайности ему выпал жребий ехать в Сардинию квестором при консуле Оресте, что обрадовало его врагов и несколько не огорчило самого Гая. Воинственный от природы и владевший оружием не хуже, чем тонкостями права, он, вместе с тем, еще страшился государственной деятельности и ораторского возвышения, а устоять перед призывами народа и друзей чувствовал себя не в силах и потому с большим удовольствием воспользовался случаем уехать из Рима. Правда, господствует упорное мнение, будто Гай был самым необузданным искателем народной благосклонности и гораздо горячее Тиберия гнался за славою у толпы. Но это ложь. Напротив, скорее по необходимости, нежели по свободному выбору, сколько можно судить, занялся он делами государства. Ведь и оратор Цицерон сообщает¹⁵²³, что Гай не хотел принимать никаких должностей, предпочитал жить в тишине и покое, но брат явился ему во сне и сказал так: «Что же ты медлишь, Гай? Иного пути нет. Одна и та же суждена нам обоим жизнь, одна и та же смерть в борьбе за благо народа!»

23 (2). В Сардинии Гай дал всесторонние доказательства своей доблести и нравственной высоты, намного превзойдя всех молодых и отвагою в битвах и справедливостью к подчиненным, и почтительной любовью к полководцу, а в воздержности, простоте и трудолюбию оставив позади и старших. Зимой, которая в Сардинии на редкость

---

¹⁵²¹ 31. ...стих из Гомера ... – «Одиссея», I, 47 (пер. М.Е. Грабарь-Пассек): слова Афины о расправе Ореста с Эгисфом.

¹⁵²² 32. ...в жизнеописании Сципиона . – Оно не сохранилось.

¹⁵²³ [ГАЙ ГРАКХ]1. ...Цицерон сообщает ... – «О предвидении», I, 26, 56.

холодна и нездорова, консул потребовал от городов теплого платья для своих воинов, но граждане отправили в Рим просьбу отменить это требование. Сенат принял просителей благосклонно и отдал консулу приказ одеть воинов иными средствами, и так как консул был в затруднении, а воины меж тем жестоко мерзли, Гай, объехавши города, убедил их помочь римлянам добровольно. Весть об этом пришла в Рим, и сенат был снова обеспокоен, усмотрев в поведении Гая первую попытку проложить себе путь к народной благосклонности. И, прежде всего, когда прибыло посольство из Африки от царя Миципсы, который велел передать, что в знак расположения к Гаю Гракху он отправил полководцу в Сардинию хлеб, сенаторы, в гневе, прогнали послов, а затем вынесли постановление: войско в Сардинии сменить, но Ореста оставить на прежнем месте – имея в виду, что долг службы задержит при полководце и Гая. Гай однако ж, едва узнал о случившемся, в крайнем раздражении сел на корабль и неожиданно появился в Риме, так что не только враги хулили его повсюду, но и народу казалось странным, как это квестор слагает с себя обязанности раньше наместника. Однако, когда против него возбудили обвинение перед цензорами, Гай, попросив слова, сумел произвести полную перемену в суждениях своих слушателей, которые под конец были уже твердо убеждены, что он сам – жертва величайшей несправедливости. Он прослужил в войске, сказал Гай, двенадцать лет, тогда как обязательный срок службы – всего десять, и пробыл квестором при полководце три года¹⁵²⁴, тогда как по закону мог бы вернуться через год. Единственный из всего войска, он взял с собою в Сардинию полный кошелек и увез его оттуда пустым, тогда как остальные, выпив взятое из дому вино, везут в Рим амфоры, доверху насыпанные серебром и золотом.

24 (3). Вскоре Гая вновь привлекли к суду, обвиняя в том, что он склонял союзников к отпадению от Рима и был участником раскрытого во Фрегеллах¹⁵²⁵ заговора. Однако он был оправдан и, очистившись от всех подозрений, немедленно стал искать должности трибуна, причем все, как один, известные и видные граждане выступали против него, а народ, поддерживавший Гая, собрался со всей Италии в таком количестве, что многие не нашли себе в городе пристанища, а Поле¹⁵²⁶ всех не вместило и крики голосующих неслись с крыш и глинобитных кровель домов.

Власть имущие лишь в той мере взяли над народом верх и не дали свершиться надеждам Гая, что он оказался избранным не первым, как рассчитывал, а четвертым¹⁵²⁷. Но едва он занял должность, как тут же первенство перешло к нему, ибо силою речей он превосходил всех своих товарищей-трибунов, а страшная смерть Тиберия давала ему право говорить с большой смелостью, оплакивая участь брата. Между тем он при всяком удобном случае обращал мысли народа в эту сторону, напоминая о случившемся и приводя для сравнения примеры из прошлого – как их предки объявили войну фалискам, за то что они оскорбили народного трибуна, некоего Генуция, и как казнили Гая Ветурия¹⁵²⁸, за то что он один не уступил дорогу народному трибуну, проходившему через форум. «А у вас на глазах, – продолжал он, – Тиберия насмерть били дубьем, а потом с Капитолия волокли его

¹⁵²⁴ 2. ...три года ... – 126—124 гг. 10 лет были обязательным сроком службы в коннице, 20 лет – в пехоте.

¹⁵²⁵ 3. *Фрегеллы* – в этом городе в 125 г. вспыхнуло восстание италиков, подавленное претором Л. Опимием, будущим противником Гая Гракха.

¹⁵²⁶ 4. *Поле* – Марсово поле; здесь, по-видимому, по ошибке вместо «форума».

¹⁵²⁷ 5. ...четвертым . – Т.е. среди 10 вновь избранных трибунов был четвертым по числу собранных голосов.

¹⁵²⁸ 6. ...как ... объявили войну фалискам ... как казнили Гая Ветурия ... – Фалиски, жители Фалерий в Этрурии; упоминаемые события ближе неизвестны.

тело по городу и швырнули в реку, у вас на глазах ловили его друзей и убивали без суда! Но разве не принято у нас искони, если на человека взведено обвинение, грозящее смертной казнью, а он не является перед судьями, то на заре к дверям его дома приходит трубач и звуком трубы еще раз вызывает его явиться, и лишь тогда, но не раньше, выносится ему приговор?! Вот как осторожны и осмотрительны были наши отцы в судебных делах».

25 (4). Заранее возмущив и растревожив народ такими речами – а он владел не только искусством слова, но и могучим, на редкость звучным голосом, – Гай внес два законопроекта: во-первых, если народ отрешает должностное лицо от власти, ему и впредь никакая должность дана быть не может, а во-вторых, народу предоставляется право судить должностное лицо, изгнавшее гражданина без суда. Один из них, без всякого сомнения, покрывал позором Марка Октавия, которого Тиберий лишил должности трибуна, второй был направлен против Попилия, который был претором¹⁵²⁹ в год гибели Тиберия и отправил в изгнание его друзей. Попилий не отважился подвергнуть себя опасности суда и бежал из Италии, а другое предложение Гай сам взял обратно, сказав, что милует Октавия по просьбе своей матери Корнелии. Народ был восхищен и дал свое согласие. Римляне уважали Корнелию ради ее детей нисколько не меньше, нежели ради отца, и впоследствии поставили бронзовое ее изображение с надписью: «Корнелия, мать Гракхов». Часто вспоминают несколько метких, но слишком резких слов Гая, сказанных в защиту матери одному из врагов. «Ты, – воскликнул он, – смеешь хулить Корнелию, которая родила на свет Тиберия Гракха?!» И, так как за незадачливым хулителем была дурная слава человека изнеженного и распутного, продолжал: «Как у тебя только язык поворачивается сравнивать себя с Корнелией! Ты что, рожал детей, как она? А ведь в Риме каждый знает, что она дольше спит без мужчины, чем мужчины без тебя!» Вот какова была язвительность речей Гая, и примеров подобного рода можно найти в его сохранившихся книгах немало.

26 (5). Среди законов, которые он предлагал, угождая народу и подрывая могущество сената, один касался вывода колоний и, одновременно, предусматривал раздел общественной земли между бедняками, второй заботился о воинах, требуя, чтобы их снабжали одеждой на казенный счет, без всяких вычетов из жалования, и чтобы никого моложе семнадцати лет в войско не призывали¹⁵³⁰. Закон о союзниках должен был уравнивать в правах италийцев с римскими гражданами, хлебный закон – снизить цены на продовольствие для бедняков. Самый сильный удар по сенату наносил законопроект о судах. До тех пор судьями были только сенаторы, и потому они внушали страх и народу и всадникам. Гай присоединил к тремстам сенаторам такое же число всадников, с тем чтобы судебные дела находились в общем ведении этих шестисот человек.

Сообщают, что, внося это предложение, Гай и вообще выказал особую страсть и пыл, и, между прочим, в то время как до него все выступающие перед народом становились лицом к сенату¹⁵³¹ и так называемому комитию [comitium], впервые тогда повернулся к форуму. Он взял себе это за правило и в дальнейшем и легким поворотом туловища сделал перемену огромной важности – превратил, до известной степени, государственный строй из аристократического в демократический, внушая, что ораторы должны обращаться с речью к

¹⁵²⁹ 7. ...претором ... – Обмолвка: Попилий был консулом, избранным на следующий, 132 г.

¹⁵³⁰ 8. Среди законов ... и далее – По Ливию (эпитома, кн. 60), законы хлебный, аграрный и судебный были проведены в первый трибунал Гая (123 г.), а о колониях – во второй. Закон о воинах в других источниках не упоминается.

¹⁵³¹ 9. ...лицом к сенату ... – Ораторская трибуна («фостры») стояла недалеко от края форума, рядом с нею находилось место для голосования («комиций») и здание заседаний сената («Гостилиева курия»); до Гая ораторы стояли лицом к сенату, теперь – к народу. Ср.: Фем., 19. Защитительные речи Гая Гракха остались памятны, фрагменты их сохранил А. Геллий (XV, 12).

народу, а не к сенату.

27 (6). Народ не только принял предложение Гая, но и поручил ему избрать новых судей из всаднического сословия, так что он приобрел своего рода единоличную власть и даже сенат стал прислушиваться к его советам. Впрочем, он неизменно подавал лишь такие советы, которые могли послужить к чести и славе сената. В их числе было и замечательное, на редкость справедливое мнение, как распорядиться с хлебом, присланным из Испании наместником Фабием. Гай убедил сенаторов хлеб продать и вырученные деньги вернуть испанским городам, а к Фабию обратиться со строгим порицанием, за то что он делает власть Рима ненавистной и непереносимой. Этим он стяжал немалую славу и любовь в провинциях.

Он внес еще законопроекты – о новых колониях, о строительстве дорог и хлебных амбаров, и во главе всех начинаний становился сам, нисколько не утомляясь ни от важности трудов, ни от их многочисленности, но каждое из дел исполняя с такою быстротой и тщательностью, словно оно было единственным, и даже злейшие враги, ненавидевшие и боявшиеся его, дивились целеустремленности и успехам Гая Гракха. А народ и вовсе был восхищен, видя его постоянно окруженным подрядчиками, мастеровыми, послами, должностными лицами, воинами, учеными, видя, как он со всеми обходителен и приветлив и всякому воздает по заслугам, нисколько не роняя при этом собственного достоинства, но избобличая злобных клеветников, которые называли его страшным, грубым, жестоким. Так за непринужденными беседами и совместными занятиями он еще более искусно располагал к себе народ, нежели произнося речи с ораторского возвышения.

28 (7). Больше всего заботы вкладывал он в строительство дорог, имея в виду не только пользу, но и удобства, и красоту. Дороги¹⁵³² проводились совершенно прямые. Их мостили тесаным камнем либо же покрывали слоем плотно убитого песка. Там, где путь пересекали ручьи или овраги, перебрасывались мосты и выводились насыпи, а потом уровни по обеим сторонам в точности сравнивались, так что вся работа в целом была радостью для глаза. Кроме того Гай измерил каждую дорогу, от начала до конца, по милям (миля – немногим менее восьми стадиев) и отметил расстояние каменными столбами. Поближе один к другому были расставлены по обе стороны дороги еще камни, чтобы всадники могли садиться с них на коня, не нуждаясь в стремяном.

29 (8). Меж тем как народ прославлял Гая до небес и готов был дать ему любые доказательства своей благосклонности, он, выступая однажды, сказал, что будет просить об одном одолжении и если просьбу его уважат, сочтет себя на вершине удачи, однако ж ни словом не упрекнет сограждан и тогда, если получит отказ. Речь эта была принята за просьбу о консульстве, и все решили что он хочет искать одновременно должности и консула и народного трибуна¹⁵³³. Но когда настали консульские выборы и все были взволнованы и насторожены, Гай появился рядом с Гаем Фаннием и повел его на Поле, чтобы вместе с другими друзьями оказать ему поддержку. Такой неожиданный оборот событий дал Фаннию громадное преимущество перед остальными соискателями, и он был избран консулом, а Гай, во второй раз¹⁵³⁴, народным трибуном – единственно из преданности народа, ибо сам он об этом не просил и даже не заговаривал.

¹⁵³² 10. Дороги – у римлян до Гая служили прежде всего стратегическим целям; Гай заботился о них как о средстве обеспечить римский плебс продовольствием.

¹⁵³³ 11. ...искать одновременно должности и консула и народного трибуна . – Искать одновременно двух должностей запрещалось римскими законами.

¹⁵³⁴ 12. ...во второй раз ... – Переизбрание народных трибунов продолжало оставаться незаконным, но между выступлениями Тиберия и Гая Гракхов был принят закон, по которому, если после голосования оказывалось избрано меньше кандидатов, чем нужно, то на вакантные места народ избирал, кого хотел, без ограничений (Аппиан . Гражданские войны, I, 21).

Но вскоре он убедился, что расположение к нему Фанния сильно охладело, а ненависть сената становится открытой, и потому укрепил любовь народа новыми законопроектами, предлагая вывести колонии в Тарент и Капую и даровать права гражданства всем латинянам. Тогда сенат, боясь, как бы он не сделался совершенно неодолимым, предпринял попытку изменить настроение толпы необычным, прежде не употреблявшимся способом – стал состязаться с Гаем в лстивой угодливости перед народом вопреки соображениям общего блага.

Среди товарищей Гая по должности был Ливий Друз, человек, ни происхождением своим, ни воспитанием никому в Риме не уступавший, а нравом, красноречием и богатством способный соперничать с самыми уважаемыми и могущественными из сограждан. К нему-то и обратились виднейшие сенаторы и убеждали объединиться с ними и начать действовать против Гракха – не прибегая к насилию и не идя наперекор народу, напротив, угождая ему во всем, даже в таких случаях, когда по сути вещей следовало бы сопротивляться до последней возможности.

30 (9). Предоставив ради этой цели свою власть трибуна в распоряжение сената, Ливий внес несколько законопроектов, не имевших ничего общего ни с пользой, ни со справедливостью, но, словно в комедии¹⁵³⁵, преследовавших лишь одну цель – любой ценой превзойти Гая в умении порадовать народ и угодить ему. Так сенат с полнейшей ясностью обнаружил, что не поступки и начинания Гая его возмущают, но что он хочет уничтожить или хотя бы предельно унижить самого Гракха. Когда Гай предлагал вывести две колонии и включал в списки переселенцев самых достойных граждан, его обвиняли в том, что он заискивает перед народом, а Ливию, который намеревался устроить двенадцать новых колоний¹⁵³⁶ и отправить в каждую по три тысячи бедняков, оказывали всяческую поддержку. Один разделял землю между неимущими, назначая всем платить подать в казну – и его бешено ненавидели, кричали, что он льстит толпе, другой снимал и подать с получивших наделы – и его хвалили. Намерение Гая предоставить латинянам равноправие удручало сенаторов, но к закону, предложенному Ливием и запрещавшему бить палкой кого бы то ни было из латинян¹⁵³⁷ даже во время службы в войске, относились благосклонно. Да и сам Ливий, выступая, никогда не пропускал случая отметить, что пекущийся о народе сенат одобряет его предложения. Кстати говоря, во всей его деятельности это было единственно полезным, ибо народ перестал смотреть на сенат с прежним ожесточением: раньше виднейшие граждане вызывали у народа лишь подозрения и ненависть, а Ливию, который заверял, будто именно с их согласия и по их совету он угождает народу и потворствует его желаниям, удалось смягчить и ослабить это угрюмое злопамятство.

31 (10). Больше всего веры в добрые намерения Друза и его справедливость внушало народу то обстоятельство, что ни единым из своих предложений, насколько можно было судить, он не преследовал никакой выгоды для себя самого. И основателями колоний он всегда посылал других, и в денежные расчеты никогда не входил, тогда как Гай бо льшую часть самых важных дел подобного рода брал на себя.

Как раз в эту пору еще один трибун, Рубрий, предложил вновь заселить разрушенный

---

¹⁵³⁵ 13. ...словно в комедии ... – Намек на «Всадников» Аристофана, где Колбасник и Клеон наперебой заискивают перед Демосом.

¹⁵³⁶ 14. ...двенадцать новых колоний ... – Для такого количества колоний в Италии не хватило бы незанятой земли, и это скомпрометировало бы идею и репутацию Гракха. Конечно, эти 12 колоний так и остались в проекте.

¹⁵³⁷ 15. ...запрещавшему бить палкой кого бы то ни было из латинян ... – Полноправные же римские граждане были освобождены от телесных наказаний еще с IV в.

Сципионом Карфаген¹⁵³⁸, жребий руководить переселением выпал Гаю, и он отплыл в Африку, а Друз, в его отсутствие, двинулся дальше и начал успешно переманивать народ на свою сторону, причем главным орудием ему служили обвинения против Фульвия. Этот Фульвий был другом Гая, и вместе с Гаем его избрали для раздела земель. Человек он был беспокойный и сенату внушал прямую ненависть, а всем прочим – немалые подозрения: говорили, будто он бунтует союзников и тайно подстрекает италийцев к отпадению от Рима. То были всего лишь слухи, бездоказательные и ненадежные, но Фульвий своим безрассудством и далеко не мирными склонностями сам сообщал им своего рода достоверность. Это всего более подорвало влияние Гая, ибо ненависть к Фульвию отчасти перешла и на него. Когда без всякой видимой причины умер Сципион Африканский и на теле выступили какие-то следы, как оказалось – следы насилия (мы уже говорили об этом в жизнеописании Сципиона), главными виновниками этой смерти молва называла Фульвия, который был врагом Сципиона и в самый день кончины поносил его с ораторского возвышения. Подозрение пало и на Гая. И все же злодейство, столь страшное и дерзкое, обратившееся против первого и величайшего среди римлян мужа, осталось безнаказанным и даже неизобличенным, потому что народ дело прекратил, боясь за Гая, – как бы при расследовании обвинение в убийстве не коснулось и его. Впрочем все это произошло раньше изображаемых здесь событий.

32 (11). А в то время в Африке божество, как сообщают, всячески противилось новому основанию Карфагена, который Гай назвал Юнонией¹⁵³⁹, то есть Градом Геры. Ветер рвал главное знамя из рук знаменосца с такой силой, что сломал древко, смерч разметал жертвы, лежавшие на алтарях, и забросил их за межевые столбики, которыми наметили границы будущего города, а потом набежали волки, выдернули самые столбики и утащили далеко прочь. Тем не менее Гай все устроил и завершил в течение семидесяти дней и, получая вести, что Друз теснит Фульвия и что обстоятельства требуют его присутствия, вернулся в Рим.

Дело в том, что Луций Опиций, сторонник олигархии и влиятельный сенатор, который год назад искал консульства, но потерпел неудачу, ибо помощь, оказанная Гаем Фаннию, решила исход выборов, – этот Луций Опиций теперь заручился поддержкою многочисленных приверженцев, и были веские основания предполагать, что он станет консулом, а вступивши в должность, раздавит Гая. Ведь сила Гая в известной мере уже шла на убыль, а народ был пресыщен планами и замыслами, подобными тем, какие предлагал Гракх, потому что искателей народной благосклонности развелось великое множество, да и сам сенат охотно угождал толпе.

33 (12). После возвращения из Африки Гай, первым делом, переселился с Палатинского холма¹⁵⁴⁰ в ту часть города, что лежала пониже форума и считалась кварталами простонародья, ибо туда собрался на жительство чуть ли не весь неимущий Рим. Затем он предложил еще несколько законопроектов, чтобы вынести их на голосование. На его призыв явился простой люд отовсюду, но сенат убедил консула Фанния удалить из города всех, кроме римских граждан. Когда было оглашено это странное и необычное распоряжение, чтобы никто из союзников и друзей римского народа не показывался в Риме в ближайшие дни, Гай, в свою очередь, издал указ, в котором порицал действия консула и вызывался

---

¹⁵³⁸ 16. ...вновь заселить ... Карфаген ... – По закону о колониях, на его месте должна была быть построена первая колония римских граждан за пределами Италии. Она была уничтожена после гибели Гая и вновь основана (уже под другим именем) Юлием Цезарем.

¹⁵³⁹ 17. Юнония – Гера—Юнона (отождествляемая с финикийской Астартой) считалась у греков и римлян покровительницей Карфагена; такова ее роль и в сюжете «Энеиды».

¹⁵⁴⁰ 18. ...с палатинского холма ... – На Палатинском холме с древнейших времен жила знать, а впоследствии – императоры.

защитить союзников, если они не подчинятся. Никого, однако, он не защитил, и даже видя, как ликторы Фанния волокут его, Гая, приятеля и гостеприимца, прошел мимо, – то ли боясь обнаружить упадок своего влияния, то ли, как объяснял он сам, не желая доставлять противникам повода к схваткам и стычкам, повода, которого они жадно искали.

Случилось так, что он вызвал негодование и у товарищей по должности, вот при каких обстоятельствах. Для народа устраивались гладиаторские игры на форуме, и власти почти единодушно решили сколотить вокруг помосты и продавать места. Гай требовал, чтобы эти постройки разобрали, предоставив бедным возможность смотреть на состязания бесплатно. Но никто к его словам не прислушался, и, дождавшись ночи накануне игр, он созвал всех мастеровых, какие были в его распоряжении и снес помосты, так что на рассвете народ увидел форум пустым. Народ расхваливал Гая, называл его настоящим мужчиной, но товарищи-трибуны были удручены этим дерзким насилием. Вот отчего, как видно, он и не получил должности трибуна в третий раз, хотя громадное большинство голосов было подано за него: объявляя имена избранных, его сотоварищи прибегли к преступному обману. А впрочем, твердо судить об этом нельзя. Узнав о поражении, Гай, как сообщают, потерял над собою власть и с неумеренной дерзостью крикнул врагам, которые над ним насмехались, что, дескать смех их сардонический¹⁵⁴¹ – они еще и не подозревают, каким мраком окутали их его начинания.

34 (13). Однако враги, поставив Описию консулом, тут же принялись хлопотать об отмене многих законов Гая Гракха и нападали на распоряжения, сделанные им в Карфагене. Они хотели вывести Гая из себя, чтобы он и им дал повод вспылить, а затем, в ожесточении, расправиться с противником, но Гай первое время сдерживался, и только подстрекательства друзей, главным образом Фульвия, побудили его снова сплотить своих единомышленников, на сей раз – для борьбы с консулом. Передают, что в этом заговоре приняла участие и его мать и что она тайно набирала иноземцев-наемников, посылая их в Рим под видом жнецов, – такие намеки, якобы, содержатся в ее письмах к сыну. Но другие писатели утверждают, что Корнелия решительно не одобряла всего происходившего.

В день, когда Описий намеревался отменить законы Гракха, оба противных стана заняли Капитолий с самого раннего утра. Консул принес жертву богам, и один из его ликторов, по имени Квинт Антиллий, держа внутренности жертвенного животного, сказал тем, кто окружал Фульвия: «Ну, вы, негодяи, посторонитесь, дайте дорогу честным гражданам!» Некоторые добавляют, что при этих словах он обнажил руку по плечо и сделал оскорбительный жест. Так это было или иначе, но Антиллий тут же упал мертвый, пронзенный длинными палочками для письма, как сообщают – нарочито для такой цели приготовленными. Весь народ пришел в страшное замешательство, а оба предводителя испытали чувства резко противоположные: Гай был сильно озабочен и бранил своих сторонников за то, что они дали врагу давно желанный повод перейти к решительным действиям, а Описий, и вправду видя в убийстве Антиллия удачный для себя случай, злорадствовал и призывал народ к мести.

35 (14). Но начался дождь и все разошлись¹⁵⁴². А на другой день рано поутру консул созвал сенат, и, меж тем как он занимался в курии делами, нагой труп Антиллия, по заранее намеченному плану, положили на погребальное ложе и с воплями, с причитаниями понесли через форум мимо курии, и хотя Описий отлично знал, что происходит, он прикинулся удивленным, чем побудил выйти наружу и остальных. Ложе поставили посередине, сенаторы обступили его и громко сокрушались, словно бы о громадном и ужасном несчастье, но народу это зрелище не внушило ничего, кроме злобы и отвращения к приверженцам

¹⁵⁴¹ 19. ...смех их сардонический ... – Т.е. предсмертный; выражение это обычно производилось от ядовитой сардинской травы: отравившиеся ею умирали с судорожно искривленным ртом, словно смеясь.

¹⁵⁴² 20. ...начался дождь ... – Дурное знамение; ср.: КМл., 42.

олигархии: Тиберий Гракх, народный трибун, был убит ими на Капитолии, и над телом его безжалостно надругались, а ликтор Антиллий, пострадавший, быть может, и несоразмерно своей вине, но все же повинный в собственной гибели больше, нежели кто-нибудь другой, выставлен на форуме, и вокруг стоит римский сенат, оплакивая и провожая наемного слугу¹⁵⁴³ ради того только, чтобы легче было разделаться с единственным оставшимся у народа заступником.

Затем сенаторы вернулись в курию и вынесли постановление, предписывавшее консулу Опимию спасти государство любыми средствами¹⁵⁴⁴ и низложить тираннов. Так как Опимий велел сенаторам взяться за оружие, а каждому из всадников отправил приказ явиться на заре с двумя вооруженными рабами, то и Фульвий, в свою очередь, стал готовиться к борьбе и собирать народ, а Гай, уходя с форума, остановился перед изображением отца и долго смотрел на него, не произнося ни слова; потом он заплакал и со стоном удалился. Многие из тех, кто видел это, прониклись сочувствием к Гаю, и, жестоко осудив себя за то, что бросают и предают его в беде, они пришли к дому Гракха и караулили у дверей всю ночь – совсем иначе, чем стража, окружавшая Фульвия. Те провели ночь под звуки песен и рукоплесканий, за вином и хвастливыми речами, и сам Фульвий, первым напившись пьян, и говорил и держал себя не по летам развязно, тогда как защитники Гая понимали, что несчастье нависло надо всем отечеством, и потому хранили полную тишину и размышляли о будущем, по очереди отдыхая и заступая в караул.

36 (15). На рассвете, насилу разбудив хозяина, – с похмелья он никак не мог проснуться, – люди Фульвия разобрали хранившиеся в его доме оружие и доспехи, которые он в свое консульство отнял у разбитых им галлов¹⁵⁴⁵, и с угрозами, с оглушительным криком устремились к Авентинскому холму¹⁵⁴⁶ и заняли его. Гай не хотел вооружаться вовсе, но, словно отправляясь на форум, вышел в тоге, лишь с коротким кинжалом у пояса. В дверях к нему бросилась жена и, обнявши одной рукою его, а другой ребенка, воскликнула: «Не народного трибуна, как в былые дни, не законодателя провожаю я сегодня, мой Гай, и идешь ты не к ораторскому возвышению и даже не на войну, где ждет тебя слава, чтобы оставить мне хотя бы почетную и чтимую каждым печаль, если бы случилось тебе разделить участь общую всем людям, нет! – но сам отдаешь себя в руки убийц Тиберия. Ты идешь безоружный, и ты прав, предпочитая претерпеть зло, нежели причинить его, но ты умрешь без всякой пользы для государства. Зло уже победило. Меч и насилие решают споры и вершат суд. Если бы Тиберий пал при Нуманции, условия перемирия вернули бы нам его тело. А ныне, быть может, и я буду молить какую-нибудь реку или же море поведать, где скрыли они твой труп! После убийства твоего брата есть ли еще место доверию к законам или вере в богов?» Так сокрушалась Лициния, а Гай мягко отвел ее руку и молча двинулся следом за друзьями. Она уцепилась было за его плащ, но рухнула наземь и долго лежала, не произнося ни звука, пока наконец слуги не подняли ее в глубоком обмороке и не отнесли к брату, Крассу.

37 (16). Когда все были в сборе, Фульвий, послушавшись совета Гая, отправил на

¹⁵⁴³ 21. ...наемного слугу ... – Ликторская служба считалась унижительной, в противоположность безвозмездной службе трибунов и других выборных лиц.

¹⁵⁴⁴ 22. ...консулу ... спасти государство ... – Формула декрета о чрезвычайном положении: «консулы да озаботятся, чтобы государство не потерпело никакого ущерба», – этим консулу давалось диктаторское полномочие (ср.: Циц., 15). При расправе с Гракхом это было сделано в первый раз (ниже, гл. 18).

¹⁵⁴⁵ 23. ...у разбитых им галлов ... – Близ Массилии, в 125 г.

¹⁵⁴⁶ 24. ...к Авентинскому холму ... – Этот холм с храмом Дианы (гл. 16) считался плебейским районом города; по преданию, в 449 г. именно на Авентин уходили плебеи в знак протеста против власти патрициев.

форум своего младшего сына с жезлом глашатая¹⁵⁴⁷. Юноша, отличавшийся на редкость красивой наружностью, скромно и почтительно приблизился и, не отирая слез на глазах, обратился к консулу и сенату со словами примирения. Большинство присутствовавших готово было откликнуться на этот призыв. Но Опимий воскликнул, что такие люди не вправе вести переговоры через посланцев, – пусть придут сами, как приходят на суд с повинной, и, целиком отдавшись во власть сената, только так пытаются утишить его гнев. Юноше он велел либо вернуться с согласием, либо вовсе не возвращаться. Гай, как сообщают, выражал готовность идти и склонять сенат к миру, но никто его не поддержал, и Фульвий снова отправил сына с предложениями и условиями, мало чем отличавшимися от прежних. Опимию не терпелось начать бой, и юношу он тут же приказал схватить и бросить в тюрьму, а на Фульвия двинулся с большим отрядом пехотинцев и критских лучников; лучники, главным образом, и привели противника в смятение, метко пуская свои стрелы и многих ранив.

Когда началось бегство, Фульвий укрылся в какой-то заброшенной бане, где его вскоре обнаружили и вместе со старшим сыном убили, а Гай вообще не участвовал в схватке. Не в силах даже видеть то, что происходило вокруг, он ушел в храм Дианы и хотел покончить с собой, но двое самых верных друзей, Помпоний и Лициний, его удержали – отняли меч и уговорили бежать. Тогда, как сообщают, преклонив пред богиней колена и простерши к ней руки, Гай проклял римский народ, моля, чтобы в возмездие за свою измену и черную неблагодарность он остался рабом навеки. Ибо громадное большинство народа открыто переметнулось на сторону врагов Гракха, едва только через глашатаев было обещано помилование.

38 (17). Враги бросились вдогонку и настигли Гая подле деревянного моста¹⁵⁴⁸, и тогда друзья велели ему бежать дальше, а сами преградили погоне дорогу и дрались, никого не пуская на мост, до тех пор, пока не пали оба. Теперь Гая сопровождал только один раб, по имени Филократ; точно на состязаниях, все призывали их бежать скорее, но заступиться за Гая не пожелал никто, и даже коня никто ему не дал, как он ни просил, – враги были уже совсем рядом. Тем не менее он успел добраться до маленькой рощицы, посвященной Фуриям¹⁵⁴⁹, и там Филократ убил сначала его, а потом себя. Некоторые, правда пишут, что обоих враги захватили живыми, но раб обнимал господина так крепко, что оказалось невозможным нанести смертельный удар второму, пока под бесчисленными ударами не умер первый.

Голову Гая, как передают, какой-то человек отрубил и понес к консулу, но друг Опимия, некий Септимулей, отнял у него эту добычу, ибо в начале битвы глашатаи объявили: кто принесет головы Гая и Фульвия, получит столько золота, сколько потянет каждая из голов. Воткнув голову на копье, Септимулей явился к Опимию, и когда ее положили на весы, весы показали семнадцать фунтов и две трети¹⁵⁵⁰. Дело в том, что Септимулей и тут повел себя как подлый обманщик – он вытащил мозг и залил череп свинцом. А те, кто принес голову Фульвия, были люди совсем безвестные и не получили

¹⁵⁴⁷ 25. ...с жезлом глашатая ... (оливковым, украшенным венками). – Плутарх переносит на Рим греческий обычай; в Риме глашатаи выходили с пучком священных трав, собранных на Капитолийском холме.

¹⁵⁴⁸ 26. ...деревянного моста ... – Древнейший римский мост, прославленный подвигом Коклеса (Поп., 16). Друзей Гая, задержавших врагов, звали Помпоний (гл. 16) и Леторий.

¹⁵⁴⁹ 27. Фурии – греч. Эвмениды, богини возмездия; в Риме культ их был почти забыт (Цицерон. О природе богов, III, 46).

¹⁵⁵⁰ 28. ...семнадцать и две трети . – Т.е. 5,8 кг.

ничего. Тела обоих, так же как и всех прочих убитых (а их было три тысячи¹⁵⁵¹), бросили в реку, имущество передали в казну. Женам запретили оплакивать своих мужей, а у Лицинии, супруги Гая, даже отобрали приданое¹⁵⁵². Но всего чудовищнее была жестокость победителей с младшим сыном Фульвия, который не был в числе бойцов и вообще не поднял ни на кого руки, но пришел вестником мира: его схватили до битвы, а сразу после битвы безжалостно умертвили. Впрочем, сильнее всего огорчила и уязвила народ постройка храма Согласия¹⁵⁵³, который воздвигнул Опимий, словно бы величаясь, и гордясь, и торжествуя победу после избиения стольких граждан! И однажды ночью под посвятителем надписью на храме появился такой стих:

Злой глас Раздора храм воздвиг Согласию.

39 (18). Этот Опимий, который, первым употребив в консульском звании власть диктатора, убил без суда три тысячи граждан и среди них Фульвия Флакка, бывшего консула и триумфатора, и Гая Гракха, всех в своем поколении превзошедшего славою и великими качествами души, – этот Опимий впоследствии замарал себя еще и взяткой: отправленный послом к нумидийцу Югурте, он принял от него в подарок деньги. Опимий был самым позорным образом осужден за мздоимство и состарился в бесславии¹⁵⁵⁴, окруженный ненавистью и презрением народа, в первое время после событий униженного и подавленного, но уже очень скоро показавшего, как велика была его любовь и тоска по Гракхам. Народ открыто поставил и торжественно освятил их изображения и благоговейно чтит места, где они были убиты, даруя братьям первины плодов, какие рождает каждое из времен года, а многие ходили туда, словно в храмы богов, ежедневно приносили жертвы и молились.

40 (19). Корнелия, как сообщают, благородно и величественно перенесла все эти беды, а об освященных народом местах сказала, что ее мертвые получили достойные могилы. Сама она провела остаток своих дней близ Мизен, нисколько не изменив обычного образа жизни. По-прежнему у нее было много друзей, дом ее славился гостеприимством и прекрасным столом, в ее окружении постоянно бывали греки и ученые, и она обменивалась подарками со всеми царями. Все, кто ее посещал или же вообще входил в круг ее знакомых, испытывали величайшее удовольствие, слушая рассказы Корнелии о жизни и правилах ее отца, Сципиона Африканского, но всего больше изумления вызывала она, когда, без печали и слез, вспоминала о сыновьях и отвечала на вопросы об их делах и об их гибели, словно бы повествуя о событиях седой старины. Некоторые даже думали, будто от старости или невыносимых страданий она лишилась рассудка и сделалась бесчувственной к несчастьям, но сами они бесчувственны, эти люди, которым невдомек, как много значат в борьбе со скорбью природные качества, хорошее происхождение и воспитание: они не знают и не видят, что, пока доблесть старается оградить себя от бедствий, судьба нередко одерживает над нею верх, но отнять у доблести силу разумно переносить свое поражение она не может.

¹⁵⁵¹ 29. ...три тысячи ... – Т.е. вместе с погибшими при последующих репрессиях в бою на Авентине пало ок. 250 человек (Орозий, V, 12, 9—10).

¹⁵⁵² 30. ...отобрали приданое . – Т.е. конфисковали имущество не только Гая, но и ее собственное.

¹⁵⁵³ 31. Храм Согласия – был воздвигнут в 367 г. в память о примирении плебеев с патрициями (Кам., 42); сенат разрешил Опимию снести старый храм и за счет конфискованного имущества выстроить новый.

¹⁵⁵⁴ 32. ...состарился в бесславии ... – Т.е. в изгнании в Диррахии.

[Сопоставление]

41 (1). Теперь, когда к концу пришел и этот рассказ, нам остается только рассмотреть жизнь всех четверых в сопоставлении.

Даже самые отъявленные враги Гракхов, поносившие их при всяком удобном случае, не смели отрицать, что среди римлян не было равных им по врожденному тяготению ко всему нравственно прекрасному и что оба получили отличное воспитание и образование. Но одаренность Агида и Клеомена представляется еще более глубокой и могучей – не получив должного образования, воспитанные в таких нравах и обычаях, которые развратили уже не одно поколение до них, они сами сделались наставниками своих сограждан в простоте и воздержности. Далее, Гракхи, в пору, когда слава и величие Рима были в полном расцвете, считали для себя позором отказаться от состязания в прекрасных поступках, как бы завещанного им доблестью отцов и дедов, а спартанские цари родились от отцов, державшихся противоположного образа мыслей, нежели сыновья, и застали отечество жалким, униженным, томящимся недугами, но все это несколько не охладило их рвения к прекрасному. Самым верным свидетельством презрения Гракхов к богатству, их полного равнодушия к деньгам, служит то, что, занимая высшие должности и верша делами государства, они сохранили себя незапятнанными бесчестной наживой. Но Агид был бы до крайности возмущен, если бы его стали хвалить за то, что он не присвоил ничего чужого, – это он, который, не считая прочего имущества, отдал согражданам шестьсот талантов звонкой монетой. Каким же страшным пороком считал бесчестное стяжание этот человек, если иметь больше другого, хотя бы и вполне честно, казалось ему излишним и даже корыстным?!

42 (2). Чрезвычайно различны широта и смелость, с какими те и другие совершали свои нововведения. Один был занят строительством дорог и основанием городов; самым дерзким из предприятий Тиберия было возвращение общественной земли в собственность государства, Гая – смешанные суды, куда он ввел, в дополнение к сенаторам, триста всадников. Напротив, Агид и Клеомен решили, что лечить и искоренять мелкие недуги один за другим – то же самое, что, по слову Платона¹⁵⁵⁵, рубить головы гидре, и произвели перемену, способную убить все зло разом. Вернее, впрочем, было бы сказать, что они уничтожили ту перемену, которая привела за собою все зло, и вернули государство к первоначальному его устройству и порядкам.

Можно, пожалуй, сделать еще и такое наблюдение: замыслам и деятельности Гракхов противились самые могущественные из римлян, а в основе того, что начал Агид и осуществил Клеомен, лежал наиболее прекрасный и совершенный из образцов – древние ретры о воздержности и равенстве, и если спартанские цари призывали в поручители Ликурга, то ретры были освящены поручительством самого Пифийского бога¹⁵⁵⁶. Но что всего важнее, начинания Гракхов несколько не увеличили мощь Рима, тогда как действия Клеомена за короткий срок дали Греции возможность увидеть Спарту властвующей над Пелопоннесом и ведущей с самыми сильными в ту пору противниками борьбу за верховное владычество, борьбу, целью которой было избавить Грецию от иллирийских и галатских мечей¹⁵⁵⁷ и вернуть ее под управление Гераклидов.

43 (3). Мне кажется, что и кончина этих людей обнаруживает известное различие в их нравственных качествах. Оба римлянина сражались со своими согражданами и, обращенные

---

¹⁵⁵⁵ 33. ...по слову Платона ... – «Государство», IV, 426е.

¹⁵⁵⁶ 34. Пифийский бог – Аполлон Дельфийский (см.: Лик., 5).

¹⁵⁵⁷ 35. ...от иллирийских и галатских мечей ... – Иллирийцы (Кл., 28) и галлы (Полибий, II, 65) служили в войске Антигона.

в бегство, пали, а из двух спартанцев Агид принял смерть чуть ли не добровольно – чтобы не лишать жизни никого из сограждан, а Клеомен пытался отомстить за обиды и оскорбления, но обстоятельства сложились неудачно, и он храбро покончил с собой.

Теперь взглянем на всех с иной стороны. Агид вовсе не успел отличиться на войне, потому что погиб слишком рано, а многочисленным и славным победам Клеомена можно противопоставить захват городской стены в Карфагене – подвиг немалый! – и заключенное при Нуманции перемирие, которым Тиберий спас двадцать тысяч римских воинов, иной надежды на спасение не имевших. Гай, в свою очередь, проявил немалое мужество и под Нуманцией, и, позже, в Сардинии, так что оба Гракха могли бы достойно соперничать с первыми римскими полководцами, если бы не безвременная смерть.

44 (4). Государственные дела Агид вел слишком вяло: уступив Агесилаю, он не исполнил обещания о разделе земли, которое дал согражданам, и вообще, по молодости лет и присущей его годам нерешительности, не доводил до конца, того, что задумал и во всеуслышание объявлял. Напротив, Клеомен начал свои преобразования насилием, чересчур дерзким и жестоким, ибо незаконно умертвил эфоров, которых легко мог бы одолеть, угрожая оружием, и отправить в изгнание, как он изгнал немало других граждан. Прибегать к железу без крайней необходимости не подобает ни врачу, ни государственному мужу – это свидетельствует об их невежестве, а во втором случае к невежеству надо присоединить еще несправедливость и жестокость. Из Гракхов ни один не был зачинщиком междоусобного кровопролития, а Гай, как сообщают, не пожелал защищаться даже под градом стрел, но, столь пылкий и решительный на войне, во время мятежа проявил полную бездеятельность. Он и из дому вышел безоружным, и из битвы удалился, и вообще было очевидно, что он более думает о том, как бы не причинить зла другим, нежели не потерпеть самому. Вот почему и в бегстве Гракхов следует видеть признак не робости, но мудрой осмотрительности: приходилось либо отступить перед нападающими, либо, решивши встретить их натиск, драться не на жизнь, а на смерть.

45 (5). Из обвинений против Тиберия наиболее тяжкое состоит в том, что он лишил власти своего товарища-трибуна и сам искал трибунской должности во второй раз. Что же до Гая, то убийство Антиллия вменялось ему в вину несправедливо и несогласно с истиною; ликтор был заколот не только вопреки воле Гая, но и к великому его негодованию. Клеомен – не говоря уже об избиении эфоров – освободил всех рабов и царствовал по сути вещей один и лишь на словах вдвоем, ибо в соправителя взял собственного брата Эвклида, из одного с собою дома, Архидама же, который, происходя из другого царского дома, имел законное право на престол, уговорил возвратиться из Мессены в Спарту, а когда Архидама убили, не наказал преступников, подтвердив тем самым подозрения, падавшие на него самого. А ведь Ликург, которого Клеомен, по его же упорным заверениям, взял себе за образец, добровольно отказался от царской власти в пользу своего племянника Харилла, а затем, опасаясь, что в случае смерти мальчика подозрения, какова бы ни была причина этой смерти, все равно коснутся и его, долгое время странствовал за пределами отечества и возвратился не раньше, чем у Харилла родился сын и преемник. Впрочем сравнения с Ликуртом никому из греков не выдержать!

Что Клеомен шел дальше остальных в своих нововведениях и решительнее нарушал законы, мы уже показали. К этому нужно прибавить, что люди, порицающие нрав обоих спартанцев, утверждают, будто с самого начала им было присуще стремление к тирании и страсть к войне. Напротив, Гракхов даже недоброжелатели не могли упрекнуть ни в чем, кроме непомерного честолюбия, и соглашались, что лишь распаленные борьбою с врагами, во власти гнева изменили они своей природе и, под конец, как бы отдали государство на волю ветров. Ибо что могло быть прекраснее и справедливее первоначального их образа мыслей, если бы богачи не попытались насильно и самовластно отвергнуть предложенный закон и не навязали обоим нескончаемой череды боев, в которых одному приходилось опасаться за свою жизнь, а другой мстил за брата, убитого без суда и без приговора властей?

Из всего сказанного ты и сам легко выведешь, каково различие между теми и другими.

Если же следует вынести суждение о каждом в отдельности, то я ставлю Тиберия выше всех по достоинствам души, меньше всего упреков за совершенные ошибки заслуживает юный Агид, а деяниями и отвагой Гай намного позади Клеомена.

ДЕМОСФЕН И ЦИЦЕРОН

[Перевод С.П. Маркиша]

Демосфен

1. Тот, кто написал похвальную песнь Алкивиаду¹⁵⁵⁸ по случаю одержанной в Олимпии победы на конских бегах, – был ли то Эврипид, как принято считать, или кто другой, – утверждает, что первое условие полного счастья есть «прославленный град отеческий». А на мой взгляд, Сосий Сенецион, если кто стремится к истинному счастью, которое главным образом зависит от характера и расположения духа, для такого человека столь же безразлично, если он родился в городе скромном и безвестном, как если мать его некрасива и мала ростом. Смешно, в самом деле, думать, будто Иулида, малая частица невеликого острова Кеоса, или же Эгина, которую один афинянин¹⁵⁵⁹ называл бельмом на глазу Пирея, хороших актеров и поэтов возвращает, а мужа справедливого, довольствующегося немногим, разумного и великодушного произвести на свет не может. Вполне вероятно, что искусства и ремесла, целью своей имеющие доход или же славу, в маленьких и безвестных городках увядают, но нравственное совершенство, точно сильное и цепкое растение, пускает корни во всяком месте, где находит добрые задатки и трудолюбивую душу. И сам я, если в чем бы то ни было отступлю от надлежащего образа жизни или мыслей, вину за это по справедливости возложу на себя, но никак не на скромное свое отечество.

2. Однако ж, если кто поставил себе целью написать историческое повествование, для которого мало прочесть то, что находится под рукою или же поблизости, но потребны, большею частью, чужеземные, рассеянные по далеким краям сочинения, – тому, конечно, в первую очередь, необходим прославленный, тонко образованный и многолюдный город: там у него будет изобилие всевозможных книг, а что ускользнуло от внимания писателей, но надежно сохраняется в памяти, он разыщет и соберет, расспрашивая людей, и, таким образом, издаст труд, в котором останется не столь уже много важных пробелов.

Что до меня, то я живу в маленьком городе и, чтобы он не сделался еще меньше, охотно в нем остаюсь, а когда жил в Риме и в других местах Италии, государственные заботы и ученики, с которыми я занимался философией, не оставляли мне досуга упражняться в языке римлян, так что лишь поздно, на склоне лет я начал читать по-латыни. И тут – как ни удивительно это покажется – со мною случилось, вот что: не из слов узнавал я вещи и события, но, напротив, зная в какой-то мере события, улавливал благодаря этому и смысл слов. Постигнуть красоту и стремительность римского слога, его метафоры, его стройность, коротко говоря – все, что украшает речь, мне кажется задачей приятной и увлекательной, но она требует упорного труда и по плечу лишь тем, у кого больше досуга и чьи годы еще не препятствуют таким достойным усилиям.

3. Вот почему, рассказывая в этой – пятой по счету – книге сравнительных жизнеописаний о Демосфене и Цицероне, я буду исследовать и сопоставлять нрав обоих по

---

¹⁵⁵⁸ 1. ...похвальную песнь Алкивиаду... – Ср.: Алк., 11.

¹⁵⁵⁹ 2. Иулида на Кеосе – родина поэтов Симонида и Вакхилида; Эгина – родина актера Пола (о котором ниже, гл. 28); один афинянин – Перикл (см.: Пер., 8).

их обыденным поступкам и действиям на государственном поприще, а рассматривать их речи и выяснять, который из двух говорил приятнее или сильнее, не стану. Мне бы не хотелось на собственном примере оправдывать слова Иона о дельфине¹⁵⁶⁰, выброшенном на сушу, которых безудержно дерзкий¹⁵⁶¹ во всем Цицилий не знал и сгоряча выпустил в свет сопоставление Демосфена с Цицероном¹⁵⁶². А впрочем, если бы знаменитое «Познай самого себя»¹⁵⁶³ неизменно держал в уме каждый, оно бы уже, видимо, не казалось нам божественным повелением.

Божество, с самого начала, как мне представляется, создав Демосфена и Цицерона по одному образцу, не только характеру того и другого сообщило много сходного, – как, например, честолюбие, любовь к свободе, определившая их путь на государственном поприще, робость пред лицом опасностей и неприятелей, – но к этому основному сходству прибавило немало повторяющихся случайностей. Вряд ли удастся найти двух ораторов, которые – оба – от ничтожества и безвестности поднялись бы к силе и величию, враждовали с царями и тираннами, лишились дочерей, были изгнаны из отечества, вернулись с почетом, снова бежали и, попав в руки противников, простились с жизнью тогда же, когда умерла свобода их сограждан. И если бы между характером и случаем, словно между художниками, устроить состязание, трудно было бы решить, чем в большей мере определяется подобие этих мужей – чертами их нрава или жизненными обстоятельствами. Сперва мы расскажем о том, который жил раньше.

4. Отец Демосфена, тоже Демосфен, принадлежал, как сообщает Феопомп, к числу лучших людей государства; он носил прозвище Ножовщика, так как владел большою мастерской, где искусные рабы изготовляли мечи и ножи. Что касается утверждения оратора Эсхина, будто мать Демосфена была дочерью некоего Гилона, обвиненного в измене и потому бежавшего из Афин, и женщины-варварки¹⁵⁶⁴, – мы не можем установить, говорит ли он правду, или клеветет. Семи лет Демосфен осиротел, унаследовав от отца хорошее состояние (оно оценивалось почти в пятнадцать талантов), но опекуны¹⁵⁶⁵ обошлись с мальчиком бесчестно, нисколько не заботясь о его делах, а часть имущества и прямо расхитив, так что даже его учителя не получали причитавшегося жалования. Вероятно, именно по этой причине он и остался без образования, подобавшего мальчику из хорошего рода, а еще – из-за слабого и нежного сложения, ибо мать оберегала его от всяких утомительных занятий, а дядьки-наставники не принуждали учиться. С самого детства он был чахлый и болезненный; в насмешку над его бессилием товарищи прозвали его Баталом¹⁵⁶⁶. Этот Батал, как говорят некоторые, был флейтист, чья порочная изнеженность

---

¹⁵⁶⁰ 3. ...о дельфине... – Пословица о тех, кто берется не за свое дело.

¹⁵⁶¹ 4. ...безудержно дерзкий... – Почему так назван Цицилий Калактинский, видный ритор I в. (его сочинения не сохранились, но сохранился возражающий ему анонимный трактат «О возвышенном»), неясно.

¹⁵⁶² 5. ...сопоставление Демосфена с Цицероном. – Это (и другие) сочинения Цицилия Калактинского не сохранились, и «дерзость» его (попытка грека судить о латинском стиле?) неясна.

¹⁵⁶³ 6. «Познай самого себя» – знаменитое изречение, начертанное на дельфийском храме Аполлона.

¹⁵⁶⁴ 7. ...будто мать Демосфена была дочерью... Гилона... и женщины-варварки... – Женщина-варварка – скифянка, т.к. Гилон жил в изгнании в боспорском Пантикапее (Керчь) (Эсхин. Против Ктесифонта, 172). Демосфен никогда не опровергал этого упрека.

¹⁵⁶⁵ 8. ...опекуны... – Опекунами Демосфена были его двоюродные братья Афоб (женившийся на его матери) и Демофонт (женившийся на его сестре) и сосед Фериппид.

¹⁵⁶⁶ 9. Батал – непристойное перетолкование невинного прозвища «Баттал» («заика»).

послужила Антифану темой для злой комедии. Другие упоминают о поэте Батале, сочинявшем пиршественные песни слишком вольного содержания. Кроме того, сколько можно судить, словом «батал» [bátalos] обозначалась тогда у афинян одна не совсем удобопроизносимая часть тела. А другое прозвание, Арг, ему дали либо за резкий и злой нрав (иные из поэтов «аргом» [argâs] именуют змею), либо за тягостную для слуха речь – по имени поэта, писавшего скверные, неблагозвучные стихи. Но довольно об этом.

5. Сообщают, что желание посвятить себя красноречию впервые возникло у Демосфена вот при каких обстоятельствах. Оратор Каллистрат должен был выступать перед судом по делу об Оропе¹⁵⁶⁷, и все с нетерпением ждали этого выступления, что объяснялось не только широкой известностью самого дела, но и мастерством оратора, находившегося тогда на вершине славы. Заметив, как учителя и дядьки сговариваются пойти послушать Каллистрата, Демосфен упросил и умолил своего дядьку взять с собою и его. А тот был в дружбе с привратниками суда и раздобыл место, откуда мальчик, никем не замеченный, мог слышать все, что говорилось. Каллистрат выступил очень удачно, стяжав огромное восхищение слушателей, и Демосфен позавидовал его славе, видя, как целая толпа с громкими похвалами провожает оратора домой, но еще больше был поражен силою слова, которая, как он тогда понял, способна одолеть и покорить все. И вот, забросив прочие науки и мальчишеские забавы, он целиком отдался упражнению в красноречии, чтобы со временем и самому сделаться оратором. Он учился у Исея, хотя в ту пору преподавал и Исократ, возможно, как считают некоторые, оттого, что по сиротству своему не в силах был внести назначенной Исократом платы в десять мин, или же, вероятнее, отдавая предпочтение речам Исея, как более действенным и хитроумным. А Гермипп говорит, что в каком-то сочинении неизвестного автора он прочел, будто Демосфен посещал школу Платона¹⁵⁶⁸ и более всех своим красноречием был обязан ему. Тот же Гермипп, ссылаясь на Ктесибия, сообщает, что Демосфен основательно изучил наставления Исократа и Алкидаманта, тайно получивши их от сиракузянина Каллия и некоторых других.

6. Едва только Демосфен вошел в возраст, он сразу же привлек к суду своих опекунов¹⁵⁶⁹ и, так как те находили все новые увертки и поводы для пересмотра дела, писал против них речь за речью. Приобретая, по слову Фукидида¹⁵⁷⁰, навык и опыт среди трудов и опасностей, он в конце концов выиграл и, хотя не смог вернуть и малейшей части отцовского наследства, зато привык выступать и почувствовал достаточную уверенность в себе, а главное – узнал вкус чести и силы, приобретаемых победою в борьбе мнений, так что впредь решил выступать перед народом и заниматься делами государства.

Рассказывают, что Лаомедонт из Орхомена, страдая каким-то расстройством селезенки и упражняясь по совету врачей в беге на большие расстояния, развил в себе эту способность, а потом принял участие в состязаниях и сделался одним из лучших бегунов, – подобным же образом и Демосфен сперва обратился к искусству речи, чтобы поправить собственные дела,

¹⁵⁶⁷ 10. *Ороп* – пограничная крепость, предмет раздоров между Афинами и Фивами. Каллистрат и Хабрий обвинялись в том, что временно уступили Ороп фиванцам, а те отказались его покинуть. Демосфен, однако, был тогда уже не мальчиком, а юношей.

¹⁵⁶⁸ 11. *...будто Демосфен посещал школу Платона...* – Живучая легенда, старавшаяся связать крупнейшего философа и крупнейшего оратора Афин.

¹⁵⁶⁹ 12. *...привлек к суду своих опекунов...* – Афоба (который был вынужден бежать из Афин) и его свойственника Онетора (предъявлявшего притязания на его имущество). Речи Демосфена сохранились (речи 27—31).

¹⁵⁷⁰ 13. *...по слову Фукидида...* – I, 18: о воинском опыте, приобретенном греками между персидскими войнами и Пелопоннесской войной.

а впоследствии, достигши мастерства и силы, стал первым уже в состязаниях на государственном поприще и превзошел всех своих сограждан, поднимавшихся на ораторское возвышение. А между тем в первый раз народ встретил его недовольным шумом и осмелял за необычное строение речи, периоды которой казались запутанными и сбивчивыми, а доводы натянутыми и неестественными. К этому присоединялись, сколько можно судить, слабость голоса, неясный выговор и, наконец, короткое дыхание, которое, разрывая периоды, нарушало смысл произносимого. Демосфен перестал бывать в Собрании, и однажды, когда он уныло бродил по Пирею, его заметил Эвном из Фрии, уже глубокий старик, и выбрал за то, что, владея даром слова, почти таким же, как у Перикла, он по робости и безволию изменяет самому себе, если не оказывает решительного сопротивления толпе и не готовит для борьбы свое тело, но позволяет ему увядать от безделья и изнеженности.

7. Однако ж, как сообщают, и новая попытка Демосфена успеха не имела, и тут, когда в полном отчаянии, закрывши от стыда лицо плащом, он отправился домой, его пошел проводить актер Сатир, близкий его приятель. Демосфен стал ему жаловаться, что из всех ораторов он самый трудолюбивый и отдает красноречию чуть ли не все силы без остатка, а народ знать его не желает, между тем как пьяницы, мореходы¹⁵⁷¹ и полные невежды всегда находят слушателей и не сходят с возвышения. «Верно, Демосфен, – отвечал Сатир, – но я быстро помогу твоей беде. Прочти-ка мне, пожалуйста, наизусть какой-нибудь отрывок из Эврипида или Софокла». Демосфен прочитал, а Сатир повторил, но при этом так передал соответствующий характер и настроение, что Демосфену и самому этот отрывок показался совсем иным. Так он убедился, сколько стройности и красоты придает речи «игра»¹⁵⁷², и понял, что сами по себе упражнения значат очень мало или даже вообще ничего не значат, если ты не думаешь о том, как лучше всего преподнести и передать слушателям содержание твоих слов. Он устроил себе в подземелье комнату для занятий, которая цела и до нашего времени, и, неукоснительно уходя туда всякий день, учился актерской игре и укреплял голос, а нередко уединялся и на два-три месяца подряд, выбрив себе половину головы, чтобы от стыда невозможно было выйти наружу, даже если очень захочется.

8. Но этого мало – любую встречу, беседу, деловой разговор он тут же превращал в предлог и предмет для усердной работы. Оставшись один, он поскорее спускался к себе в подземелье и излагал последовательно все обстоятельства вместе с относящимися к каждому из них доводами. Запоминая речи, которые ему случалось услышать, он затем восстанавливал ход рассуждений и периоды; он повторял слова, сказанные другими или же им самим, и придумывал всевозможные поправки и способы выразить ту же мысль иначе. Отсюда возникло мнение, будто Демосфен мало одарен от природы и все его мастерство, вся его сила добыты трудом, и вот что, казалось, подтверждало это мнение с большой убедительностью: очень трудно было услышать Демосфена говорящим без подготовки¹⁵⁷³, но, сидя в Собрании, где народ часто выкрикивал его имя, он никогда не выступал, если не обдумал и не составил речь заранее. Над этим потешались многие из вожakov народа и искателей его благосклонности, а Пифей однажды сострил, что, дескать, доводы Демосфена отдают фитилем. «Фитили моей и твоей лампы, любезнейший, видят совсем не одно и то же», – язвительно возразил ему Демосфен. Но вообще-то он и сам признавался, что, хотя не

¹⁵⁷¹ 14. ...пьяницы, мореходы... – Намек на оратора Демада, бывшего моряка.

¹⁵⁷² 15. «Игра» – термин, обозначавший выразительное произнесение речи: одна из 5 частей «работы над речью» (нахождение материала, расположение, изложение, запоминание и произнесение). «Которая часть важнее?» – спросили Демосфена. – «Игра». – «А потом?» – «Тоже игра». – «А потом?» – «Тоже игра» (популярный анекдот, пересказываемый в псевдо-плутарховских «Жизнеописаниях 10 ораторов», 845в).

¹⁵⁷³ 16. ...без подготовки... – Ср.: Там же, 848в, где на упрек в обдуманности речей Демосфен отвечает: «Стыдней было бы перед стольким народом говорить необдуманно».

пишет всей речи целиком, никогда не говорит без предварительных замечаний. При этом он доказывал, что человек, который готовится к своим выступлениям, – истинный сторонник демократии, ибо такая подготовка – знак внимания к народу, а не проявлять ни малейшей заботы о том, как воспримет народ твою речь, свойственно приверженцу олигархии, больше полагающемуся на силу рук, нежели силу слова. Приводят и еще одно доказательство его страха перед непредвиденными выступлениями: если слушатели начинали шуметь и Демосфен сбивался, Демад не раз вставал со своего места и быстро приходил ему на помощь, но никогда Демосфен не оказывал подобных услуг Демаду.

9. Но почему же тогда Эсхин – могут мне возразить – называл¹⁵⁷⁴ этого человека поразительно смелым оратором? Как объяснить, что, когда Пифон Византийский обрушил на афинян целый поток дерзких обвинений, отпор ему дал один лишь Демосфен? Или, когда Ламах Смирнский читал в Олимпии похвальное слово царям Александру и Филиппу, где жестоко поносил граждан Фив и Олинфа, кто, как не Демосфен, поднялся и, обратившись к истории, показал, сколько добра принесли Греции фиванцы и халкидяне и, напротив, источником каких зол и бедствий были для нее льстивые прислужники македонян, и своею речью до того изменил настроение присутствовавших, что софист, испуганный криками и шумом, незаметно исчез из собрания? По-видимому, Демосфен не считал необходимым подражать Периклу во многом другом, но важность его, нарочитую неторопливость, привычку высказываться не вдруг и не обо всем стремился перенять, полагая, что на них покоилось величие Перикла, а потому, хоть и не пренебрегал без всяких оговорок славою случайных речей, с большою неохотой и очень редко доверялся слепому счастью. Во всяком случае, если верить Эратосфену, Деметрию Фалерскому и комическим поэтам, живое его слово отличалось большею дерзостью и отвагой, нежели написанное. Эратосфен утверждает, что часто во время речи Демосфена охватывало как бы вакхическое неистовство, а Деметрий говорит, что как-то раз, словно вдохновленный свыше, он произнес перед народом клятву в стихах:

Землей клянусь, ручьем, потоком, родником!

Один комический поэт называет Демосфена «пусто-болто-мелей», другой, насмехаясь над его пристрастием к противоположениям, говорит так:

Забрал он снова то, что отобрал; ему
Ведь по сердцу всегда словечки подбирать¹⁵⁷⁵.

А впрочем, клянусь Зевсом, Антифан пожалуй, подшучивает здесь, над речью о Галоннесе, в которой Демосфен, играя слогами, советует афинянам не брать остров, но отобрать¹⁵⁷⁶ его у Филиппа.

10. И однако все соглашались, что Демад, полагавшийся только на свой природный дар, был непобедим и, выступая без всякой подготовки, брал верх над Демосфеном со всеми его предварительными размышлениями и трудами. Аристон Хиосский приводит, между прочим, суждение Феофраста об этих ораторах. На вопрос, что он думает об ораторе Демосфене,

¹⁵⁷⁴ 17. ...Эсхин... называл... – «Против Ктесифонта», 152 («ты, самый негодный для больших и честных дел и самый могучий для смелых слов...»).

¹⁵⁷⁵ 18. *Забрал он... и далее* – Цитата из несохранившейся комедии Антифана.

¹⁵⁷⁶ 19. ...не брать... но отобрать... – Филипп Македонский захватил принадлежавший Афинам остров Галоннес, но готов был его вернуть; Демосфен подчеркивал, что афиняне не признают прав Филиппа на этот остров и принимают его не как дар, а как должное.

Феофраст отвечал: «Достоин своего города», а о Демаде – «Выше своего города». А Полиевкт из дема Сфетт, один из тех, кто ведал тогда государственными делами в Афинах, по словам того же Аристона, заявлял, что Демосфен – величайший из ораторов, но самый искусный – Фокион, который в кратчайшие слова вкладывает больше всего смысла. И сам Демосфен, говорят, всякий раз как Фокион¹⁵⁷⁷, собираясь возражать ему, всходил на ораторское возвышение, шептал друзьям: «Вот поднимается нож, направленный в грудь моим речам». Неясно, впрочем, имел ли в виду Демосфен силу речей Фокиона или безукоризненность его жизни и блеск славы, понимая, что одно-единственное слово, один кивок человека, внушающего к себе доверие, весит больше многих и пространных периодов.

11. Деметрий Фалерский пишет, что Демосфен уже в старости сам рассказывал ему, какими упражнениями он старался исправить свои телесные изъяны и слабости. Неясный, шепелявый выговор он одолевал, вкладывая в рот камешки и так читая на память отрывки из поэтов, голос укреплял бегом, разговором на крутых подъемах и тем, что, не переводя дыхания, произносил несколько стихов или какие-нибудь длинные фразы. Дома у него было большое зеркало, и перед ним он выполнял задания, которые сам себе ставил. Рассказывают, будто однажды к Демосфену пришел какой-то человек и, жалуясь, что ему нанесли побои, просил выступить на суде в его защиту. «Да ведь с тобою ничего подобного и не случилось», – возразил Демосфен. Гость сразу возвысил голос до крика: «Да ты что, Демосфен? Как так „не случилось“?» – «Вот теперь, клянусь Зевсом, – промолвил Демосфен, – я слышу голос обиженного и потерпевшего». Вот в какой мере, по его мнению, зависела убедительность речи от тона и «игры» говорящего.

Собственная его «игра» приводила народ в восторг, но люди образованные, знатоки – и среди них Деметрий Фалерский – находили ее низменной, пошлой и бессильной. По сообщению Гермиппа, Эсиона однажды спросили о древних и новых ораторах, и тот сказал, что, если бы кому довелось услышать древних, он был бы поражен, как красиво и величественно говорят они к народу, но речи Демосфена, когда их читаешь, кажутся намного выше благодаря своей стройности и силе. Что записанные речи Демосфена отличаются большой резкостью и суровостью, вряд ли нужно доказывать, но в случайных ответах и быстрых возражениях он иной раз умел и остро пошутить. Демад как-то воскликнул: «Смотри-ка, Демосфен меня поучает – свинья учит Афины!»¹⁵⁷⁸ – «Да, но эту Афины позавчера поймали в Коллите в чужой постели!» – немедленно откликнулся Демосфен. Известный вор, по прозвищу Медяк, тоже пытался что-то сказать о его бдениях и ночных занятиях. «Знаю, знаю, – перебил его Демосфен, – тебе не по душе, что у меня горит свег. А вы, господа афиняне, не удивляйтесь частым кражам – ведь воры-то у нас медные, а стены глиняные». На этом мы остановимся, хотя могли бы привести гораздо больше таких рассказов и подробностей. Но мы должны познакомиться еще с теми чертами его нрава и поведения, которые отразились в действиях Демосфена на государственном поприще.

12. Демосфен и сам говорит¹⁵⁷⁹, и из филиппик можно заключить, что принимать участие в делах государства он начал, когда вспыхнула Фокидская война: некоторые из речей¹⁵⁸⁰ против Филиппа произнесены уже после завершения войны, а самые первые касаются событий, непосредственно с нею связанных. Очевидно, затем, что обвинение

¹⁵⁷⁷ 20. Фокион – см.: Фок., 5.

¹⁵⁷⁸ 21. ...свинья учит Афины! – Известная пословица; свинья для древних воплощала нечистоплотность, а глупость.

¹⁵⁷⁹ 22. Демосфен и сам говорит... – «О венке», 18.

¹⁵⁸⁰ 23. ...некоторые из речей... – К годам Фокидской священной войны (356—346) относятся 1-я филиппика и 3-я олинфская речь, к непосредственно последующим – 2-я филиппика и др.

против Мидия¹⁵⁸¹ он готовил тридцати двух лет от роду, еще не пользуясь ни влиянием, ни известностью в государстве. Именно это в основном, как мне кажется, и побудило его принять деньги и помириться с обидчиком,

Ибо то был не ласковый муж и сердцем не добрый¹⁵⁸²,

а вспыльчивый и мстительный. Но видя, что свалить человека, надежно защищенного своим богатством, красноречием и дружескими связями, — дело не из простых и не по его силам, он уступил тем, кто просил за Мидия. А сами по себе три тысячи драхм не умерили бы, по-моему, раздражения Демосфена, если бы он надеялся и мог выиграть дело.

Найдя прекрасный предмет для своей деятельности на государственном поприще в защите греков против Филиппа и достойно ведя эту борьбу, он вскоре прославился красноречием и смелостью настолько, что вся Греция восхищалась им, великий царь¹⁵⁸³ высоко его ценил, а при дворе Филиппа ни об одном из народных вождей не было столько разговоров, сколько о Демосфене, и даже его противники признавали, что ненавистный их враг — человек знаменитый. Так отзываются о Демосфене его неизменные обвинители Эсхин и Гиперид¹⁵⁸⁴.

13. Вот почему я просто не понимаю, что имел в виду Феопомп, говоря, будто нрава Демосфен был непостоянного¹⁵⁸⁵ и не мог долго хранить верность одному делу и одним людям. Каждому известно, что он до конца оставался на той стороне и в том стане, к которому примкнул с самого начала, что он не только никогда в жизни не менял своих взглядов, но, не желая им изменить, не пощадил и жизни. Он не был похож ни на Демада, который, пытаясь оправдать перемену в своих убеждениях, говорил, что себе самому он противоречил часто, но благу государства — никогда; ни на Меланопу, который выступал против Каллистрата, но не раз, подкупленный им, отказывался от своих возражений и в таких случаях обыкновенно говорил народу: «Каллистрат — мне враг, однако ж польза отечества должна стоять выше всего»; ни на мессенца Никодема, который сперва поддерживал Кассандра, а потом, присоединившись к Деметрию, утверждал, будто никто не может упрекнуть его в непоследовательности — он, дескать, всегда считал, что надо повиноваться сильнейшему. Нет, Демосфен не сбивался с прямого пути ни словом, ни делом, этого про него сказать нельзя, напротив, он вел государственные дела, если можно так выразиться, в одном неизменном ладу, постоянно сохраняя все тот же тон. По словам философа Панетия, и речи Демосфена в подавляющем своем большинстве написаны с тою мыслью, что лишь прекрасное заслуживает выбора и предпочтения, и к тому же — само по себе; таковы речи о венке, против Аристократа, об освобождении от повинностей¹⁵⁸⁶,

¹⁵⁸¹ 24. *...обвинение против Мидия...* — Демосфен долго с ним враждовал, написал речь (в ней, § 154, он упоминает, что ему 32 года), но до суда дело не дошло.

¹⁵⁸² 25. *Ибо то был...* и далее. — «Илиада», XX, 467 (об Ахилле).

¹⁵⁸³ 26. *...великий царь...* — Артаксеркс III (359—338).

¹⁵⁸⁴ 27. *...неизменные обвинители Эсхин и Гиперид.* — Преувеличение: Гиперид был политическим союзником Демосфена и лишь изредка выступал против него (напр., по делу о Гарпаловом подкупе, гл. 26).

¹⁵⁸⁵ 28. *...права... непостоянного...* — По-видимому, этот упрек относился к самым первым годам политической карьеры Демосфена.

¹⁵⁸⁶ 29. *...об освобождении от повинностей...* — Эта речь (20-я) более известна под названием «Против Лептина».

филиппики, в которых Демосфен направляет сограждан не к тому, что всего приятнее, легче или выгоднее, но говорит им о долге во многих случаях поставить собственное спасение и безопасность на втором месте по сравнению с прекрасным и достойным. Одним словом, если бы с высотой его замыслов и правил и с благородством речей сочетались воинское мужество и полное бескорыстие, он бы заслуживал чести стоять в одном ряду не с Мероклом, Полиэвктом, Гиперидом и другими ораторами, но гораздо выше – рядом с Кимоном, Фукидидом и Периклом.

14. И верно, среди его современников Фокион, чьи взгляды не пользовались одобрением, считавшийся приверженцем македонян, тем не менее мужеством и справедливостью нисколько, казалось, не уступал Эфиальту, Аристиду и Кимону. А Демосфен, и воин не надежный, как называет его Деметрий, и к деньгам не вовсе равнодушный, – оставаясь неприступным для взяток из Македонии, от Филиппа, он позволил захлестнуть себя золотому потоку, лившемуся из дальних краев, из Суз и Экбатан¹⁵⁸⁷, – Демосфен, повторяю, как никто другой, умел восхвалять доблести предков, но подражал им куда хуже. Впрочем, современных ему ораторов (я не говорю здесь о Фокионе) он превосходит и славою своей жизни. Из его речей видно, что он говорил с народом прямее и откровеннее остальных, не уступая желаниям толпы и беспощадно порицая ее заблуждения и пороки. Феопомп рассказывает, что однажды афиняне назначали его обвинителем, Демосфен отказывался, а, в ответ на недовольный шум, выступил и заявил так: «Афиняне, советчиком вашим я буду и впредь, хотите вы этого или не хотите, но клеветником и доносчиком – никогда, как бы вы этого ни хотели!» Крайним сторонником аристократии выказал он себя и в деле Антифонта¹⁵⁸⁸: не взирая на то, что Собранием Антифонт был оправдан, Демосфен его задержал и предал суду Ареопага, ни во что не ставя оскорбление, которое наносит этим народу. Он изобличил обвиняемого, который, как выяснилось, пообещал Филиппу сжечь верфи, и Ареопаг осудил Антифонта на смерть. Он выдвинул обвинение и против жрицы Феориды, утверждая, что, помимо множества прочих бесчестных поступков, она учила рабов обманывать своих господ, потребовал смертного приговора и добился казни.

15. Говорят, что и речь Аполлодора против полководца Тимофея, которого суд приговорил к денежному штрафу, написал Аполлодору Демосфен, точно так же, как и речи против Формиона и Стефана¹⁵⁸⁹, за что его справедливо порицали и бранили. Ведь и Формион выступал против Аполлодора с речью, написанной Демосфеном, который, стало быть, из одной оружейной лавки¹⁵⁹⁰ продавал кинжалы обеим враждебным сторонам.

Из речей, касающихся дел государства, для других он написал речи против Андروتiona, Тимократа и Аристократа¹⁵⁹¹, сколько я могу судить – двадцати семи или восемью лет от роду, то есть еще до того, как впервые выступил на государственном поприще сам. Но речь против Аристогитона он говорил сам, так же как и речь об освобождении от

¹⁵⁸⁷ 30. ...из Суз и Экбатан... – Зимняя (долинная) и летняя (горная) резиденции персидских царей.

¹⁵⁸⁸ 31. ...в деле Антифонта... – Дело Антифонта пересказано самим Демосфеном в речи «О венке», 132—134.

¹⁵⁸⁹ 32. ...речь... против Тимофея – 362 г. (сохранилась в собрании речей Демосфена, но считается подделкой); речи против Формиона и Стефана – 351 г.

¹⁵⁹⁰ 33. ...из одной оружейной лавки... – Намек на ремесло отца Демосфена. В действительности речи для Аполлодора и для Формиона писались по случаю разных процессов.

¹⁵⁹¹ 34. ...речи против Андروتiona – 355 г., против Тимократа и Аристократа – 352 г., т.е. в 29—32-летнем возрасте.

повинностей; он сделал это ради Ктесиппа, сына Хабрия¹⁵⁹², как утверждает сам оратор, или же, как думают иные, потому, что сватался к матери этого юноши. Брак их, впрочем, не состоялся, и он взял за себя какую-то женщину родом с Самоса; об этом сообщает Деметрий Магнесийский в сочинении «О соименниках». Что касается речи против Эсхина¹⁵⁹³, о недобросовестном исполнении посольских обязанностей, неизвестно, была ли она произнесена вообще. Идомеией пишет, что Эсхин был оправдан всего тридцатью голосами, но, видимо, дело обстояло не так, если основываться на обеих речах о венке – и Демосфена, и Эсхина: ни тот, ни другой нигде ясно и определенно не говорят, дошел ли их спор до суда. Однако другие выскажутся об этом и с большим правом, и большей уверенностью.

16. Еще во время мира намерения и взгляды Демосфена были вполне ясны, ибо он порицал все действия Филиппа без исключения и любой его шаг использовал для того, чтобы возмущать и восстанавливать афинян против македонского царя. И о нем при дворе Филиппа говорили больше, чем о ком-либо другом, так что, когда в числе десяти послов он прибыл в Македонию, Филипп, выслушав всех, отвечал и возражал преимущественно Демосфену. Правда, особых почестей и дружеского расположения царь ему не оказывал, стараясь расположить к себе главным образом Эсхина и Филократа. Поэтому, когда они превозносили Филиппа, вспоминая, как прекрасно он говорит, как хорош собою и даже – клянусь Зевсом! – как много может выпить в кругу друзей, Демосфен язвительно шутил¹⁵⁹⁴, что, дескать, первое из этих качеств похвально для софиста, второе для женщины, третье для губки, но для царя – ни одно.

17. Когда же дело подошло к войне, ибо и Филипп не мог оставаться в покое, и афиняне, подстрекаемые Демосфеном, ожесточались все сильнее, Демосфен, прежде всего, побудил сограждан вмешаться в дела Эвбеи, которую тираны отдали во власть Филиппа. Одобрив его предложение, афиняне переправились на остров и изгнали македонян. Далее, он оказал поддержку Византию и Перинфу, подвергшимся нападению Филиппа: он убедил народ оставить прежнюю вражду, забыть об обидах Союзнической войны и послать помощь, которая и спасла оба города. Затем, разъезжая послом по Греции и произнося зажигательные речи против Филиппа, он сплотил для борьбы с Македонией почти все государства, так что оказалось возможным набрать войско в пятнадцать тысяч пеших и две тысячи всадников, – помимо отрядов граждан, – и каждый город охотно вносил деньги для уплаты жалования наемникам. Именно тогда, как пишет Феофраст, в ответ на просьбы союзников назначить каждому точную меру его вноса, народный вожак Кробил заметил, что война меры не знает¹⁵⁹⁵.

Вся Греция была в напряженном ожидании, многие народы и города уже сплотились – эвбеицы, ахейцы, коринфяне, мегаряне, жители Левкады и Керкиры, но самый важный из боев был еще впереди: Демосфену предстояло присоединить к союзу фиванцев, которые населяли страну, соседнюю с Аттикой, владели значительной боевой силой и считались тогда лучшими воинами среди греков. Однако нелегкое было дело склонить к выступлению против Филиппа фиванцев, которых он только недавно, во время Фокидской войны, привлек

¹⁵⁹² 35. *Хабрий* – за услуги отечеству получил потомственную свободу от государственных повинностей, перешедшую к его распутному сыну (ср. Фок., 7); Лептин хотел отменить такое освобождение, и Демосфен выступил (в знаменитой речи 354 г.) против него.

¹⁵⁹³ 36. *...речи против Эсхина* (о недобросовестном поведении его во время посольства 346 г. для мирных переговоров с Филиппом)... – Эсхин был оправдан ничтожным большинством голосов, поэтому оба оратора избегали упоминать об этом «суде вничью».

¹⁵⁹⁴ 37. *...язвительно шутил...* – Против Эсхина, см.: «О недобросовестном посольстве», 51—52 и 112.

¹⁵⁹⁵ 38. *...война меры не знает.* – Т.е. пайками не кормится.

к себе благодеяниями, тем более что из-за пограничных столкновений распри между Афинами и Фивами почти не прекращались.

18. Тем не менее, когда Филипп, гордый своим успехом при Амфиссе, внезапно захватил Элатию и занял всю Фокиду и афиняне были потрясены настолько, что никто не решался взойти на ораторское возвышение и не знал, что сказать, Демосфен, поднявшись один среди всеобщего молчания и растерянности, советовал объединиться с фиванцами; этою и еще другими надеждами он, как всегда, ободрил и воодушевил народ и принял поручение вместе с несколькими согражданами выехать в Фивы. Отправил своих послов, как сообщает Марсий, и Филипп – македонян Аминта, Клеандра и Кассандра, фессалийца Даоха и Дикеарха, которые должны были выступить против афинян. Фиванцы ясно видели, в чем для них польза и в чем вред, ибо у каждого в глазах еще стояли ужасы войны и раны фокейских боев были совсем свежи. Но сила Демосфенова красноречия, по словам Феопомпа, оживила их мужество, разожгла честолюбие и помрачила все прочие чувства, и в этом высоком воодушевлении они забыли и о страхе, и о благоразумии, и о благодарности, всем сердцем и всеми помыслами устремляясь лишь к доблести. Этот подвиг оратора произвел такое огромное и яркое впечатление, что не только Филипп немедленно послал вестника с просьбой о мире, но и вся Греция воспрянула и с надеждою глядела в будущее, а Демосфену подчинялись и выполняли его приказы не только стратеги, но и беотархи¹⁵⁹⁶; в Собрании фиванцев голос его имел столько же значения, сколько у афинян, и он пользовался любовью обоих народов и властью над ними не вопреки справедливости, как заявляет Феопомп, но в высшей мере заслуженно.

19. Но, видимо, божественная судьба – или же круговорот событий – этот именно срок полагала свободе Греции, а потому противодействовала всем начинаниям и являла множество знамений, приоткрывая грядущее. Грозные прорицания изрекала пифия, многие вспоминали старинный Сивиллин оракул:

О, если б мне довелось не сражаться в бою Фермодонтском,
Но, уподобясь орлу, на битву взирать с поднебесья!
Плачет о доле своей побежденный, погиб победивший.

Говорят, что Фермодонт – маленькая речушка в наших краях, под Херонеей, и что впадает она в Кефис. Однако в нынешнее время мы не знаем ни одного ручья под таким именем, а потому предполагаем, что Фермодонтом когда-то называли Гемон. Ведь он протекает мимо святилища Геракла, подле которого находился греческий лагерь, и отсюда можно заключить, что река изменила название после битвы, переполнившись трупами и кровью¹⁵⁹⁷. Дурид, правда, пишет, что Фермодонт вообще не река: по его словам какие-то люди, ставя палатку, случайно выкопали из земли маленькую каменную статую с надписью, сообщавшею, что это Фермодонт, который несет на руках раненную амазонку. В связи с этой находкой, продолжает Дурид, приводили другой оракул:

Ты Фермодонтского боя дождись, черноперая птица!
Там человеческой плотью насытишься ты в изобилие.

20. Как обстоит дело в действительности, решить не легко. Между тем Демосфен, твердо полагаясь на силу греческого оружия, гордый мощью и боевым рвением такого

¹⁵⁹⁶ 39. *Беотархи* – политические и военные руководители Беотийского союза, избиравшиеся ежегодно, сперва – от союзных городов, потом – из числа фиванцев, которым принадлежала гегемония. Число их колебалось (7—11).

¹⁵⁹⁷ 40. *...река... кровью*. – Народная этимология слов *haima* (кровь) и *Haimon* (название реки). Ср.: Тес., 27.

громадного множества людей, отважно бросающих врагу вызов, не позволял своим обращать внимание на оракулы и прислушиваться к прорицаниям и даже пифию подозревал в сочувствии Филиппу. Афинянам он приводил в пример Перикла, а фиванцам Эпаминонда, которые подобного рода опасения считали отговорками для трусов и всегда следовали только здравому смыслу. Вплоть до этого времени Демосфен держал себя, как подобало храброму и благородному человеку, но в битве не совершил ничего прекрасного, ничего, что бы отвечало его же собственным речам, напротив – оставил свое место в строю и самым позорным образом бежал, бросив оружие и не постыдившись, как говорил Пифей, даже надписи на щите, где золотыми буквами было начертано: «В добрый час!»

После победы Филипп, вне себя от радости и гордыни, буйно пьянствовал прямо среди трупов и распевал первые слова Демосфенова законопроекта, деля их на стопы и отбивая ногою такт:

Демосфен, сын Демосфена, предложил афинянам...

Однако ж протрезвев и осмыслив всю великую опасность завершившейся борьбы, он ужаснулся пред искусством и силою оратора, который вынудил его в какую-то краткую долю дня поставить под угрозу не только свое владычество, но и самую жизнь. Весть о случившемся докатилась и до персидского царя, и он отправил сатрапам приморских областей приказ давать Демосфену деньги и оказывать помощь, как никому из греков, ибо он способен отвлечь внимание Филиппа и удержать его в Греции. Это впоследствии раскрыл Александр, обнаружив в Сардах письма самого Демосфена и записи царских полководцев, в которых значились выданные ему суммы.

21. Беда, обрушившаяся на греков, дала случай ораторам из противного стана наброситься на Демосфена, привлечь его к суду и требовать строгого должностного отчета. Афиняне, однако, не только освободили его от всех обвинений, но и продолжали уважать по-прежнему, и призывали вновь взяться за государственные дела, видя в нем верного народу человека, и даже, когда останки павших¹⁵⁹⁸ при Херонее были привезены в Афины для погребения, ему было поручено сказать похвальное слово умершим. Стало быть, народ переносил несчастье отнюдь не с малодушным смирением, как, трагически преувеличивая, пишет Феопомп, – наоборот, он украшает особою почестью своего советчика и этим дает понять, что не раскаивается в прежнем решении. Похвальное слово Демосфен сказал, но свои законопроекты впредь помечал не собственным именем, а именами того или иного из друзей, суеверно страшаясь своего гения и злой судьбы. Вновь приободрился он лишь после смерти Филиппа, который не namного пережил свой успех при Херонее. Это, по-видимому, и предвещал оракул последним стихом:

Плачет о доле своей побежденный, погиб победивший.

22. Весть о кончине Филиппа Демосфен получил тайно и, чтобы первым внушить афинянам лучшие надежды на будущее, пришел в Совет радостный, ликующий и объявил, будто видел сон, который сулит афинянам какую-то большую удачу. А вскорости прибыли гонцы, сообщившие о смерти Филиппа. Граждане немедленно постановили устроить благодарственное жертвоприношение и наградить Павсания венком¹⁵⁹⁹. Демосфен появился среди народа в светлом, красивом плаще, с венком на голове, хотя всего за семь

---

¹⁵⁹⁸ 41. *Останки павших* в бою, хоронились каждый год с почетом на государственный счет, речи над ними поручались лучшим ораторам (в Пелопоннесскую войну – Периклу).

¹⁵⁹⁹ 42. *...наградить Павсания венком.* – Т.е. поставить убийце Филиппа статую и увенчать ее.

дней до того умерла его дочь, как говорит Эсхин¹⁶⁰⁰, резко порицающий Демосфена и ставящий ему в вину ненависть к родным детям. Однако ж сам он низок и малодушен, если в скорби и причитаниях видит признак кроткой и нежной натуры, а твердость и сдержанность в подобных несчастьях осуждает. Я не сказал бы, что хорошо надевать венки и приносить жертвы по случаю смерти царя, который, одержав победу, обошелся с вами, побежденными, так мягко и человеколюбиво, – не говоря уже о гневе богов, низко и неблагородно живому оказывать почести и даровать ему право афинского гражданства, а когда он пал от руки убийцы, в восторге забыться настолько, чтобы попирать ногами труп и петь торжествующие гимны, словно сами совершили невесть какой подвиг! Но если Демосфен свои семейные беды, слезы и сетования оставляет на долю женщин, а сам делает то, что находит полезным для государства, я хвалю его и полагаю свойством и долгом мужественной и созданной для государственных дел души постоянно думать об общем благе, забывать ради него о собственных скорбях и невзгодах и хранить свое достоинство куда тщательнее, нежели актеры, которые играют царей и тираннов и которых мы видим на театре плачущими или же смеющимися не тогда, когда им хочется, но когда этого требует действие и роль. Да и помимо того, если несчастного следует не бросать без внимания, наедине с его скорбью, но утешать дружескими речами, направляя его думы к предметам более отрадным, – так же, как страдающему глазами обыкновенно советуют отворачиваться от всего яркого и резкого и больше глядеть на зеленые и мягкие краски, – что может быть для человека лучшим источником утешения, чем успехи и благоденствие отечества? Если общественные удачи чередуются с семейными бедствиями, то хорошее словно бы заслоняет собою печальное. Я не мог не сказать об этом, ибо вижу, что Эсхин своею речью многих разжалобил и склонил к состраданию, недостойному мужей.

23. Снова зазвучали зажигательные увещания Демосфена, и греческие государства снова сплотились. Раздобыв с помощью Демосфена оружие, фиванцы напали на сторожевой отряд¹⁶⁰¹ и истребили значительную его часть. Афиняне готовились к войне в твердой решимости поддержать фиванцев. Демосфен владел ораторским возвышением безраздельно. Он писал царским полководцам в Азии, призывая их тоже выступить против Александра, которого называл мальчишкой и Маргитом¹⁶⁰². Но когда Александр, приведя в порядок дела у себя в стране, появился с войском в Беотии, смелость афинян пропала, и Демосфен разом сник. Фиванцы, брошенные на произвол судьбы, сражались с македонянами в полном одиночестве и потеряли свой город. Афинян охватило страшное смятение, и Демосфен вместе с другими был отправлен послом к Александру, но, страшась его гнева, у Киферона¹⁶⁰³ расстался с товарищами по посольству и вернулся назад. И тут же в Афины прибыл гонец Александра с требованием выдать десять народных вожakov. Так говорят Идомений и Дурид, однако большинство писателей, и к тому же самые надежные, называют только восьмерых – Демосфена, Полиэвкта, Эфиальта, Ликурга, Мерокла, Демона, Каллисфена и Харидема. Вот тогда-то и сказал Демосфен притчу об овцах¹⁶⁰⁴, которые выдали сторожевых собак волкам, сравнив себя и своих товарищей с собаками, бившимися за народ, а Александра Македонского назвав неслыханно лютым волком. И еще он сказал:

¹⁶⁰⁰ 43. ....говорит Эсхин... – «Против Ктесифонта», 77.

¹⁶⁰¹ 44. ....сторожевой отряд... – Т.е. македонский гарнизон, стоявший в Фивах после битвы при Херонее.

¹⁶⁰² 45. ....Маргитом... – Герой псевдогомеровской пародийной поэмы, сказочный дурак, который «знал многое, да все это знал плохо» (намек на уроки Александра у Аристотеля и на его соперничество с Ахиллом).

¹⁶⁰³ 46. ....у Киферона... – Т.е. на беотийской границе; насмешка над этим: Эсхин. Против Ктесифонта, 161.

¹⁶⁰⁴ 47. ....притчу об овцах... – Эзоп, 153 П. (268 X).

«Каждый видел, как купцы носят на блюде горсть пшеницы и по этому малому образцу продают весь товар, точно так же и вы – выдавая нас, незаметно выдаёте головою себя самих». Это сообщает Аристобул из Кассандрии. Афиняне совещались и не знали, на что решиться, пока, наконец, Демад, принявши от тех, кому грозила выдача, пять талантов, не согласился просить за них царя: то ли он рассчитывал на свою дружбу с Александром, то ли ожидал найти его, точно льва, уже сытым убийствами и кровью. Во всяком случае, Демад поехал послом, уговорил царя помиловать всех восьмерых и примирил его с афинянами.

24. Во время похода Александра вся сила перешла в руки Демада и его приверженцев, Демосфен был подавлен и унижен. Когда зашевелились спартанцы во главе с Агидом, воспрянул ненадолго и он, но затем отступил в испуге, ибо афиняне Спарту не поддерживали, Агид пал и лакедемоняне потерпели решительное поражение. В ту пору суд рассмотрел иск против Ктесифонта по делу о венке¹⁶⁰⁵. Дело это было возбуждено еще при архонте Херонде, незадолго до Херонейской битвы, однако решалось спустя десять лет, при архонте Аристофонте, и пользуется большей известностью, чем любое из государственных обвинений, – отчасти из-за славы ораторов, но вместе с тем и по благородству судей, которые голосовали не в угоду гонителям Демосфена, державшим сторону македонян и потому властвовавшим в Афинах, но высказались в его пользу, и с таким замечательным единодушием, что Эсхин не собрал и пятой части голосов¹⁶⁰⁶. Последний немедленно покинул Афины и остаток жизни прожил на Родосе и в Ионии, обучая за плату красноречию и философии.

25. Вскоре после этого в Афины из Азии приехал Гарпал, бежавший от Александра: он знал за собою немало преступлений, вызванных мотовством и распутством, и страшился гнева царя, который был теперь с друзьями далеко не так милостив, как прежде. Когда он обратился к народу с мольбою об убежище и отдался в его руки вместе со всеми своими сокровищами и кораблями, другие ораторы, с вожделием поглядывая на богатства Гарпала, тут же оказали ему поддержку и убеждали афинян принять и защитить просителя, но Демосфен советовал выпроводить его вон, чтобы не ввергать государство в войну по ничтожному и несправедливому поводу. Несколькими днями позже, во время осмотра привезенного имущества, Гарпал, заметив, что Демосфен восхищен каким-то персидским кубком и любит его формою и рельефами на стенках, предложил ему взвесить сосуд на руке и определить, сколько в нем золота. Кубок оказался очень тяжелым, и Демосфен с изумлением спросил какой же его точный вес. «Для тебя – двадцать талантов», – ответил Гарпал, улыбнувшись, и, едва стемнело, отправил ему кубок вместе с двадцатью талантами денег. Гарпал, конечно, был великий искусник по выражению лица и несколькими беглыми взглядами угадывать в человеке страсть к золоту, а Демосфен не устоял, но, соблазненный подарком, принял сторону Гарпала, словно бы сдаваясь и открывая ворота вражескому караульному отряду. На другой день, старательно обернув горло шерстяной повязкой, он пришел в таком виде в Собрание и, когда народ потребовал, чтобы выступил Демосфен, только знаками показывал, что, дескать, лишился голоса. Люди остроумные шутили, что этот недуг – последствие золотой лихорадки, которая трясла оратора ночью. Скоро, однако, о взятке узнал весь народ, и когда Демосфен просил слова, чтобы защищаться, негодующий шум не давал ему говорить. Тут кто-то поднялся со своего места и язвительно крикнул:

¹⁶⁰⁵ 48. ...по делу о венке. – В 336 г. (у Плутарха ошибка: архонтство Херонда – 338 г.) Ктесифонт предложил наградить Демосфена венком за заслуги перед государством; Эсхин привлёк Ктесифонта к суду за противозаконность такого предложения. Дело решилось, однако, лишь 6 (а не 10) лет спустя, причем за Ктесифонта Эсхина отвечал сам Демосфен знаменитой речью «О венке».

¹⁶⁰⁶ 49. ...не собрал и пятой части голосов. – За это обвинителю полагался штраф в 1000 драхм и запрет выступать с обвинениями.

«Неужели, господа афиняне, вы не выслушаете того, в чьих руках кубок?»¹⁶⁰⁷

Афиняне выслали Гарпала и, опасаясь, как бы с них не потребовали отчета в расхищенном ораторами имуществе, учинили строжайшее расследование и обыскивали подряд дом за домом. Не тронули только Калликла, сына Арренида, который недавно женился, – щадя стыдливость новобрачной, как сообщает Феопомп.

26. Тут Демосфен, пытаясь отразить удар, предложил, чтобы разбором дела занялся Ареопаг и все, кого он признает виновными, понесли наказание. Но в числе первых Ареопаг объявил виновным его самого. Демосфен явился в суд, был приговорен к штрафу в пятьдесят талантов и посажен в тюрьму, но бежал, по его словам¹⁶⁰⁸, – от стыда перед своею виной, а также по немощи тела, неспособного долго терпеть тяготы заключения; часть караульных удалось обмануть, другие же сами помогли ему скрыться. О бегстве Демосфена существует вот какой рассказ. Он был еще недалеко от города, как вдруг заметил, что его догоняют несколько афинян из числа его противников, и хотел было спрятаться, но те окликнули его по имени, подошли ближе и просили принять от них небольшую сумму на дорогу – ради этого, дескать, они и гонятся за ним, взяв из дому деньги; одновременно они убеждали его не терять мужества и спокойнее относиться к случившемуся, но Демосфен заплакал еще горше и воскликнул: «Ну как сохранить спокойствие, расставшись с городом, где у тебя даже враги такие, какие в ином месте навряд ли сыщутся друзья!»

Изгнание он переносил малодушно, сидя большей частью на Эгине или в Трезене и не сводя с Аттики залитых слезами глаз, так что и в изречениях его, сохраняющихся от тех дней, нет ни благородства, ни юношеской пылкости, отличавшей его, бывало, в государственных делах. Передают, что покидая Афины, он простер руки к Акрополю и промолвил: «Зачем, о Владычняя хранительница града сего, ты благосклонна к трем самым злобным на свете тварям – сове, змее¹⁶⁰⁹ и народу?» Молодых людей, навещавших его и беседовавших с ним, он уговаривал никогда не касаться дел государства, заверяя, что если бы с самого начала перед ним лежали два пути – один к Народному собранию и возвышению для ораторов, а другой прямо к гибели – и если бы он заранее знал все сопряженные с государственными занятиями беды, страхи, опасности, зависть, клевету, то без колебаний выбрал бы второй, ведущий к смерти.

27. Он был еще в изгнании, когда умер Александр, и греки снова начали объединяться, воодушевляемые подвигами Леосфена, который запер и осадил Антипатра в Ламии. Оратор Пифей и Каллимедонт по прозвищу «Краб» бежали из Афин, перешли к Антипатру и вместе с его друзьями и посланцами объезжали города Греции, чтобы помешать им выйти из-под власти Македонии и примкнуть к афинянам. В эти дни двинулся в путь и Демосфен – вместе с афинскими послами, горячо их поддерживая и, так же как они, убеждая города дружно напасть на македонян и изгнать врага из Греции. Филарх сообщает, что как-то в Аркадии даже вспыхнула перепалка между Пифеем и Демосфеном, когда один отстаивал в Собрании дело македонян, а другой – греков. Подобно тому, как в доме, куда носят молоко ослицы¹⁶¹⁰, уж что-нибудь да неладно, заявил Пифей, так же точно можно не сомневаться, что болен город, куда прибывает афинское посольство. Вывернув его сравнение наизнанку, Демосфен отвечал, что как молоко ослицы возвращает здоровье, так и прибытие афинян

¹⁶⁰⁷ 50. *Неужели... вы не выслушаете того, в чьих руках кубок?* – Имеется в виду круговая чаша на пиру – у кого она была в руках, того не полагалось перебивать.

¹⁶⁰⁸ 51. *...по его словам...* – Во 2-м из 6-ти писем Демосфена (по-видимому, подложных).

¹⁶⁰⁹ 52. *Сова и змея* – священные животные Афины Полиады («Градовладычицы»), статуя которой далеко видна была с афинского акрополя.

¹⁶¹⁰ 53. *Молоко ослицы* считалось средством от чахотки.

возвещает больным спасение.

Афинский народ, довольный последними поступками Демосфена, постановил вернуть его в отечество. Предложение внес Демон из дема Пэания, двоюродный брат оратора. За Демосфеном послали на Эгину триеру. Когда он поднимался из Пирея в город, навстречу вышли не только все власти и все жрецы, но и остальные граждане, чуть ли не до последнего человека, и восторженно его приветствовали. Тогда, как рассказывает Деметрий Магнесийский, Демосфен воздел руки к небесам и назвал себя блаженным, а этот день – счастливейшим в своей жизни, ибо он возвращается лучше, достойнее Алкивиада¹⁶¹¹: он убедил, а не вынудил сограждан принять его вновь.

Однако денежный штраф лежал на нем по-прежнему, – отменить приговор расположение народа не могло, – и вот к какой прибегли уловке, чтобы обойти закон. Существовал обычай, принося жертву Зевсу Спасителю, платить деньги тем, кто сооружал и убирал алтарь, и на сей раз афиняне поручили эту работу Демосфену за вознаграждение в пятьдесят талантов, которые и составляли сумму штрафа.

28. Но недолго радовался Демосфен обретенному вновь отечеству – все надежды греков вскорости рухнули. В метагитнионе была проиграна битва при Кранноне, в боэдромионе в Мунихию вступил македонский сторожевой отряд, а в пианепсионе Демосфен погиб. Обстоятельства его кончины таковы. Когда начали поступать вести, что Антипатр и Кратер движутся на Афины, Демосфен и его сторонники, не теряя времени, бежали, и народ, по предложению Демада, вынес им смертный приговор. Бежавшие рассеялись кто куда, и, чтобы всех переловить, Антипатр выслал отряд под начальством Архия по прозвищу «Охотник за беглецами». Рассказывают, будто он был родом из Фурий и прежде играл в трагедиях, и что у него учился эгинец Пол, не знавший себе равных в этом искусстве. Но Гермипп называет Архия одним из учеников оратора Лакрита, а по словам Деметрия, он посещал школу Анаксимена. Оратора Гиперида, марафонца Аристоники и Гимерея, брата Деметрия Фалерского, которые укрылись на Эгине, этот самый Архий силою выволок из храма Эака и отправил в Клеоны к Антипатру. Там они были казнены, а Гиперида перед смертью еще и вырезали язык.

29. Узнав, что Демосфен на Калаврии и ищет защиты у алтаря Посейдона, Архий с фракийскими копейщиками переправился туда на нескольких суденышках и стал уговаривать Демосфена выйти из храма и вместе поехать к Антипатру, который, дескать, не сделает ему ничего дурного. А Демосфен как раз накануне ночью видел странный сон. Снилось ему, будто они с Архием состязаются в трагической игре, и хотя он играет прекрасно и весь театр на его стороне, из-за бедности и скудости постановки победа достается противнику. Поэтому, выслушав пространные и вкрадчивые разглагольствования Архия, он, не поднимаясь с земли, взглянул на него и сказал: «Вот что, Архий, прежде неубедительна была для меня твоя игра, а теперь столь же неубедительны твои посулы». Взбешенный Архий разразился угрозами, и Демосфен заметил: «Вот они, истинные прорицания с македонского треножника¹⁶¹², а раньше ты просто играл роль. Обожди немного, я хочу послать несколько слов своим». Затем, удалившись в глубину храма, он взял листок, словно бы для письма, поднес к губам тростниковое перо и прикусил кончик, как делал всегда, обдумывая фразу. Так он сидел несколько времени, потом закутался в плащ и уронил голову на грудь. Думая, что он робеет, стоявшие у дверей копейщики насмеялись над ним, бранили трусом и бабою. Снова подошел Архий и предложил ему встать, повторив прежние речи и опять суля мир с Антипатром. Демосфен, который уже чувствовал силу разлившегося по жилам яда, откинул плащ, пристально взглянул на Архия и вымолвил:

¹⁶¹¹ 54. ...*достойнее Алкивиада*... – См.: Алк., 32—33.

¹⁶¹² 55. ...*с македонского треножника*... – «Говорить с треножника» (как дельфийская пророчица) – пословица, означавшая «говорить правду».

«Теперь, если угодно, можешь сыграть Креонта из трагедии¹⁶¹³ и бросить это тело без погребения. Я, о гостеприимец Посейдон, не оскверню святилище своим трупом, но будь свидетелем, что Антипатр и македоняне не пощадили даже твоего храма!» Сказавши так, он попросил поддержать его, ибо уже шатался и дрожал всем телом, но, едва миновав жертвенник, упал и со стоном испустил дух.

30. Аристон сообщает, что яд он принял из тростникового пера, как говорится и у нас. Но по утверждению некоего Паппа, рассказ которого повторяет Гермипп, когда Демосфен упал подле жертвенника и на листке не оказалось ничего, кроме самых первых слов письма: «Демосфен Антипатру...», – все были изумлены внезапностью этой смерти. Фракийцы, караулившие при входе, объясняли, будто он переложил яд из какого-то лоскутка на ладонь, поднес ко рту и проглотил, а они-де подумали, что он глотает золото. Архий расспросил рабыню, ходившую за умершим, и она сказала, что Демосфен уже давно носил при себе этот узелок, словно талисман. Еще по-иному рассказывает Эратосфен: Демосфен будто бы хранил яд в полном запястье, которое не снимал с руки. Разноречивые повествования остальных авторов, писавших о Демосфене, – а их чрезвычайно много, – нет необходимости рассматривать здесь, и я приведу лишь суждение Демохарета, Демосфенова родича, который верил, что Демосфен умер не от яда, но что боги взыскали его наградою и попечением, вырвав из жестоких когтей македонян и даровав кончину скорую и безболезненную.

Он погиб в шестнадцатый день месяца пианепсиона – самый мрачный день Фесмофорий¹⁶¹⁴, который женщины проводят в строгом посте, подле храма богини. Прошло немного времени, и афинский народ воздал ему почести по достоинству: он воздвиг бронзовое изображение Демосфена и предоставил старшему из его рода право кормиться в пританее¹⁶¹⁵. На цоколе статуи была вырезана известная каждому надпись:

Если бы мощь, Демосфен, ты имел такую, как разум,
Власть бы в Элладе не смог взять македонский Арей.

Те, кто утверждает, будто стихи эти сочинил сам Демосфен перед тем, как принять яд на Калаврии, несут совершеннейший вздор.

31. В Афинах, незадолго до нашего приезда, случилось, как нам говорили, одно любопытное происшествие. Какой-то воин, отданный начальником под суд, положил все деньги, какие у него были, – сумму весьма скромную, – на руки статуи Демосфена. Рядом с оратором, который стоит, переплетя пальцы рук, рос невысокий платан. Ворох листьев с этого дерева, – то ли случайно принесенных ветром, то ли умышленно накиданных сверху солдатом, – прикрыл деньги и долгое время прятал их под собою. Когда же воин, вернувшись, нашел деньги нетронутыми и слух об этом разнесся по городу, многие остроумцы усмотрели в случившемся доказательство Демосфенова бескорыстия и наперебой сочиняли стихи в его честь.

Демад недолго наслаждался своей черною славой – мстящая за Демосфена Справедливость привела его в Македонию, и те самые люди, перед которыми он так подло заискивал, предали его заслуженной казни. Он и прежде вызывал у них неприязнь, а тут еще

¹⁶¹³ 56. ...Креонта из трагедии.... – Т.е. из «Антигоны» Софокла, где фиванский царь Креонт запрещает погребать тело Полиника, шедшего войной на родной город.

¹⁶¹⁴ 57. *Фесмофории* – женский праздник в честь Деметры-Законодательницы. Во второй день его справлялся скорбный пост в память о похищении Персефоны.

¹⁶¹⁵ 58. *Пританей* – общественное здание, где заседала коллегия пританов, т.е. дежурная часть афинского Совета, занимавшаяся текущими делами; здесь же кормили на государственный счет должностных лиц, заслуженных граждан и иностранных послов.

оказался неопровержимо уличенным в измене: было перехвачено его письмо, где он призывал Пердикку напасть на Македонию и спасти греков, которые, дескать, повисли на ветхой и гнилой нитке (он намекал на Антипатра). Коринфянин Динарх обвинил его перед Кассандром, и тот, вне себя от ярости, приказал убить его сына в объятиях отца, а потом – и самого Демада, который ценою величайших, непоправимых несчастий убедился, наконец, сколь справедливы были частые, но тщетные предостережения Демосфена, что первыми предатели продают себя самих.

Вот тебе, Сосий, жизнеописание Демосфена, составившееся из всего, что я читал или же слышал о нем.

Цицерон

1. Мать Цицерона, Гельвия, была, как сообщают, женщина хорошего происхождения и безупречной жизни, но об отце его не удалось узнать ничего определенного и достоверного. Одни говорят, будто он и появился на свет и вырос в мастерской сукновала¹⁶¹⁶, другие возводят его род к Туллу Аттию, который со славою царил над вольсками и, не щадя сил, вел войну против Рима. Первый в роду, кто носил прозвище Цицерона, был, видимо, человек незаурядный, ибо потомки его не отвергли этого прозвища, но, напротив, охотно сохранили, хотя оно и давало повод для частых насмешек. Дело в том, что слово «кикер» [cicer] в латинском языке обозначает горох, и, вероятно, у того Цицерона кончик носа был широкий и приплюснутый – с бороздкой, как на горошине. Когда Цицерон, о котором идет наш рассказ, впервые выступил на государственном поприще и искал первой в своей жизни должности, друзья советовали ему переменить имя, но он, как рассказывают, с юношеской запальчивостью обещал постараться, чтобы имя Цицерон звучало громче, чем Скавр или Катул¹⁶¹⁷. Позже, когда он служил квестором в Сицилии, он как-то сделал богам священное приношение из серебра и первых два своих имени, Марк и Туллий, велел написать, а вместо третьего просил мастера в шутку рядом с буквами вырезать горошину. Вот что сообщают об его имени.

2. Родился Цицерон на третий день после новогодних календ¹⁶¹⁸ – теперь в этот день власти молятся и приносят жертвы за благополучие главы государства. Говорят, что мать произвела его на свет легко и без страданий. Кормилице его явился призрак и возвестил, что она выкормит великое благо для всех римлян. Все считали это вздором, сонным видением, но Цицерон быстро доказал, что пророчество было неложным: едва войдя в школьный возраст, он так ярко заблистал своим природным даром и приобрел такую славу среди товарищей, что даже их отцы приходили на занятия, желая собственными глазами увидеть Цицерона и убедиться в его без конца восхваляемой понятливости и способностях к учению, а иные, более грубые и неотесанные, возмущались, видя, как на улице их сыновья уступают ему среднее, самое почетное место. Готовый – как того и требует Платон¹⁶¹⁹ от любознательной, истинно философской натуры – со страстью впитывать всякую науку, не пренебрегая ни единым из видов знания и образованности, особенно горячее влечение обнаруживал Цицерон к поэзии. Сохранилось еще детское его стихотворение «Главк

---

¹⁶¹⁶ 1. ...*будто он и появился ... и вырос в мастерской сукновала* ... – Обычный наговор политических врагов, в данном случае – Фуфия Калена.

¹⁶¹⁷ 2. *Скавр* и *Катул* – такие же родовые прозвища в знатных домах Эмилиев и Лутациев. Плиний сопоставлял «гороховое» имя Цицерона с «бобовым» Фабиев и «чечевичным» Лентулов (от слов *faba*, *lens*).

¹⁶¹⁸ 3. ...*на третий день после новогодних календ* . – 3 января 106 г.

¹⁶¹⁹ 4. ...*требуется Платон* ... – «Государство», V, 475 в.

Понтийский»¹⁶²⁰, написанное тетрами. Впоследствии он с большим разнообразием и тонкостью подвизался в этом искусстве, и многие считали его не только первым римским оратором, но и лучшим поэтом. Однако ж ораторская слава Цицерона нерушима и поныне, хотя в красноречии произошли немалые перемены, а поэтическая – по вине многих великих дарований, явившихся после него, – забыта и исчезла без следа.

3. Завершив школьные занятия, Цицерон слушал академика Филона: среди последователей Клитобаха он больше всех внушал римлянам восхищение и любовь не только своим учением, но и нравом. Вместе с тем молодой человек входил в круг друзей Муция, видного государственного мужа и одного из самых влиятельных сенаторов, что принесло ему глубокие познания в законах. Некоторое время служил он и в войске – под начальством Суллы, в Марсийскую войну. Но затем, видя, что надвигаются мятежи и усобицы, а следом за ними – неограниченное единовластие, он обратился к жизни тихой и созерцательной, постоянно бывал в обществе ученых греков и усердно занимался науками, до тех пор пока Сулла не вышел из борьбы победителем и государство, как казалось тогда, не обрело вновь некоторой устойчивости.

В это время вольноотпущенник Суллы Хрисогон назначил к торгам имение одного человека, объявленного вне закона и убитого, и сам же его купил всего за две тысячи драхм. Росций, сын и наследник умершего, в негодовании доказывал, что поместье стоит двести пятьдесят талантов¹⁶²¹, и тогда Сулла, обозленный этим разоблачением, через Хрисогона обвинил Росция в отцеубийстве и привлек к суду. Никто не хотел оказать помощь юноше – все страшилось жестокости Суллы, – и, видя себя в полном одиночестве, он обратился к Цицерону, которому друзья говорили, что более блестящего, более прекрасного случая начать путь к славе ему не представится. Цицерон взял на себя защиту и, к радостному изумлению сограждан, дело выиграл, но, боясь мести Суллы, сразу же уехал в Грецию, распуслав слух, будто ему надо поправить здоровье. И в самом деле, он был на редкость тощ и по слабости желудка ел очень умеренно, да и то лишь на ночь. Голос его, большой и красивый, но резкий, еще не отделанный, в речах, требовавших силы и страсти, постоянно возвышался настолько, что это могло оказаться небезопасным для жизни.

4. В Афинах Цицерон слушал Антиоха из Аскалона, восхищаясь плавностью и благозвучием его слога, но перемен, произведенных им в основах учения¹⁶²², не одобрял. Антиох в ту пору уже отступил от так называемой Новой Академии, разошелся с направлением Карнеада и, – то ли уступая достоверности вещей и чувств, то ли, как утверждают некоторые, не ладя и соперничая с последователями Клитобаха и Филона, – в основном разделял взгляды стоиков. Цицерона больше привлекали воззрения противников Антиоха, он учился с огромным усердием, намереваясь, в случае если все надежды выступить на государственном поприще будут потеряны, переселиться в Афины, забыть о форуме и о делах государства и проводить жизнь в покое, целиком отдавшись философии. Но когда он получил известие о смерти Суллы, – а к этому времени и тело его, закаленное упражнениями, окрепло и поздоровело, и голос, приобретя отделанность, стал приятным для слуха, мощным и, главное, соразмерным телесному его сложению, – а друзья из Рима

¹⁶²⁰ 5. «Главк Понтийский» – эта мифологическая (о беотийском пастухе, превратившемся в морское божество) поэма не сохранилась даже в отрывках.

¹⁶²¹ 6. ...двести пятьдесят талантов ... – Т.е. в 750 раз дороже, чем вышеупомянутое имение было куплено (у Цицерона, «За Росция Америкского», 2, 6, названа разница еще больше).

¹⁶²² 7. ...в основах учения ... – Основой учения Средней и Новой Академии, главным представителем которого был Карнеад (а при Цицероне – Филон Ларисейский), был скептицизм, считавший, что к истине приводит не доказательность, а убедительность доводов; это было хорошей философской почвой для разработки убеждающего красноречия. Антиох отошел от этого скептицизма к этическому догматизму стоиков.

принялись засыпать его письмами, убеждая вернуться, и сам Антиох настоятельно советовал посвятить себя государственным делам, Цицерон снова взялся за красноречие, оттачивая его, словно оружие, и пробуждая в себе способности, необходимые в управлении государством. Он старательно работал и сам, и посещал знаменитых ораторов, предприняв ради этого путешествие в Азию и на Родос. Среди азийских ораторов он побывал у Ксенокла из Адрамиттия, Дионисия Магнесийского и карийца Мениппа, а на Родосе – у оратора Аполлония, сына Молона, и философа Посидония. Рассказывают, что Аполлоний, не знавший языка римлян, попросил Цицерона произнести речь по-гречески. Тот охотно согласился, считая, что так Аполлоний сможет лучше указать ему его изъяны. Когда он умолк, все присутствующие были поражены и наперебой восхваляли оратора, лишь Аполлоний и, слушая, ничем не выразил удовольствия, и после окончания речи долго сидел, погруженный в какие-то тревожные думы. Наконец, заметив, что Цицерон опечален, он промолвил: «Тебя Цицерон, я хвалю и твоим искусством восхищаюсь, но мне больно за Грецию, когда я вижу, как единичные наши преимущества и последняя гордость – образованность и красноречие – по твоей вине тоже уходят к римлянам».

5. Цицерон был полон лучших упований и только один не совсем благоприятный оракул несколько умерил его пыл. Он спрашивал Дельфийского бога, как ему достичь великой славы, и пифия в ответ повелела ему руководиться в жизни собственной природой, а не славою у толпы. Вернувшись в Рим, Цицерон первое время держал себя очень осторожно и не спешил домогаться должностей, а потому не пользовался никаким влиянием и часто слышал за спиною: «Грек!», «Ученый!» – самые обычные и распространенные среди римской черни бранные слова. Но так как по натуре он был честолобив, а отец и друзья еще разжигали в нем это свойство, он стал выступать защитником в суде и достиг первенства не постепенно, но сразу, стяжавши громкую известность и затмив всех, кто ни подвизался на форуме. Говорят, что в «игре»¹⁶²³ Цицерон был слаб, – точно так же, как Демосфен, – и прилежно учился у комического актера Росция и у трагика Эзопа. Про этого Эзопа существует рассказ, будто он играл однажды Атрея, раздумывающего, как отомстить Фиесту, а мимо неожиданно пробежал какой-то прислужник, и Эзоп в полном исступлении, не владея собой, ударил его скипетром и уложил на месте. «Игра» была для Цицерона одним из немаловажных средств, сообщающих речи убедительность. Он насмехался над ораторами, которые громко кричат, и говорил, что они по своей немощи не в состоянии обойтись без крика, как хромые без лошади. Насмешки и шутки подобного рода казались изящными и вполне уместными в суде, но Цицерон злоупотреблял ими, и многим это не нравилось, так что он прослыл человеком недоброго нрава.

6. Цицерон был избран квестором как раз в ту пору, когда в Риме не хватало хлеба, и, получив по жребию Сицилию, сперва пришелся не по душе сицилийцам, которых заставлял посылать продовольствие в столицу; затем, однако, они узнали его ревностное отношение к службе, его справедливость и мягкость и оказали ему такие почести, каких никогда не оказывали ни одному из правителей. А когда много знатных молодых римлян, служивших в войске, предстали перед судом сицилийского претора – их обвиняли в неповиновении начальникам и недостойном поведении, – Цицерон блестящей защитительной речью спас обвиняемых. Гордый всеми своими успехами Цицерон возвращался в Рим, и по пути, как он рассказывает¹⁶²⁴, с ним произошел забавный случай. В Кампании ему встретился один видный римлянин, которого он считал своим другом, и Цицерон, в уверенности, что Рим полон славою его имени и деяний, спросил, как судят граждане об его поступках. «Погоди-ка, Цицерон, а где же ты был в последнее время?» – услышал он в ответ, и сразу же совершенно пал духом, ибо понял, что молва о нем потерялась в городе, словно канула в

¹⁶²³ 8. ...в «игре» ... – См.: Дем., примеч. 14.

¹⁶²⁴ 9. ...он рассказывает ... – «За Гн. Планция», 26, 64.

безбрежное море, так ничего и не прибавив к прежней его известности. Но затем, поразмысливши и напомнив себе, что борется он за славу, а слава бесконечна и достигаемых пределов не ведаёт, – он сильно умерил свои честолюбивые притязания. Тем не менее страсть к похвалам и слишком горячая жажда славы были присущи ему до конца и нередко расстраивали лучшие его замыслы.

7. С жаром приступая к делам управления, он считал недопустимым, что ремесленники, пользующиеся бездушными орудиями и снастями, твердо знают их название, употребление и надлежащее место, а государственный муж, которому для успешного исполнения своего долга необходимы помощь и служба живых людей, иной раз легкомысленно пренебрегает знакомством с согражданами. Сам он взял за правило не только запоминать имена, но и старался выяснить, где кто живет, где владеет землею, какими окружен друзьями и соседями. Поэтому, проезжая по любой из областей Италии, Цицерон без труда мог назвать и показать имена своих друзей.

Состояние Цицерона было довольно скромным, – хотя и целиком покрывало его нужды и расходы, – и все же ни платы ни подарков за свои выступления в суде он не брал¹⁶²⁵, вызывая восхищение, которое стало всеобщим после дела Верреса. Веррес прежде был наместником Сицилии и запятнал себя множеством бесчестных поступков, а затем сицилийцы привлекли его к ответственности, и победу над ним Цицерон одержал не речью, но скорее тем, что воздержался от речи. Преторы, покровительствуя Верресу, бесчисленными отсрочками и переносами оттянули разбирательство до последнего дня, а так как было ясно, что дневного срока для речей не хватит, и, стало быть, суд завершиться не сможет, Цицерон поднялся, объявил, что в речах нет нужды, а затем, представив и допросив свидетелей, просил судей голосовать. Тем не менее сохранилось немало острых словечек, сказанных Цицероном по ходу этого дела. «Верресом» [verres] римляне называют холощеного борова. И вот, когда какой-то вольноотпущенник, по имени Цецилий, которого упрекали в приверженности к иудейской религии, пытался отстранить сицилийцев от обвинения и выступить против Верреса сам¹⁶²⁶, Цицерон сказал ему: «Какое дело иудею до свинины?» У Верреса был сын-подросток, про которого говорили, будто он плохо оберегает свою юную красоту, и в ответ на брань Верреса, кричавшего, что Цицерон развратник, последний заметил: «Сыновей будешь бранить у себя дома». Оратор Гортензий открыто защищать Верреса не решился, но дал согласие участвовать в оценке убытков и в вознаграждение получил слоновой кости сфинкса. Цицерон бросил Гортензию какой-то намек и, когда тот ответил, что не умеет отгадывать загадки, воскликнул: «Как же, ведь у тебя дома сфинкс!»

8. После осуждения Верреса Цицерон потребовал возмещения убытков в сумме семисот пятидесяти тысяч драхм. Враги распускали слухи, будто его подкупили и он преуменьшил размеры ущерба, однако благородные сицилийцы в год, когда он был эдилом, несли и посылали ему подарок за подарком, из которых сам он не воспользовался ничем, но благодаря щедрости своих подзащитных снизил цены на продовольствие.

У него было хорошее поместье близ Арпина и два небольших имения, одно подле Неаполя, другое около Помпей. Кроме того в приданое за своей супругой Теренцией он взял сто двадцать тысяч драхм и еще девяносто тысяч получил от кого-то по завещанию. На эти средства он жил и широко и, вместе с тем, воздержно, окружив себя учеными греками и

¹⁶²⁵ 10. ...платы ... не брал ... – Закон запрещал адвокатам принимать какой бы то ни было гонорар от подзащитных, но, конечно, этот закон всячески обходился.

¹⁶²⁶ 11. ...Цецилий ... пытался ... выступить ... сам ... – Когда Цицерон подал претору жалобу на Верреса, покровители Верреса решили перебить опасного обвинителя, выдвинув с таким же обвинением своего человека, Кв. Цецилия, бывшего квестора при Верресе. Такие конфликты решались в особом заседании суда с речами обоих конкурентов.

римлянами, и редко когда ложился к столу до захода солнца – не столько за недосугом, сколько по нездоровью, опасаясь за свой желудок. Он и вообще необычайно строго следил за собою, и ни в растираниях, ни в прогулках никогда не преступал назначенной врачом меры. Таким образом он укреплял свое тело, делая его невосприимчивым к болезням и способным выдерживать многочисленные труды и ожесточенную борьбу.

Отцовский дом он уступил брату, а сам поселился у Палатина, чтобы не обременять далекими хождениями тех, кто желал засвидетельствовать ему свою преданность, ибо к дверям его что ни день являлось не меньше народу, чем к Крассу или Помпею, которых тогда чтили как никого в Риме, первого – за богатство, второго за огромное влияние в войске. Да и сам Помпей оказывал Цицерону знаки уважения, и деятельность Цицерона во многом способствовала росту его славы и могущества.

9. Должности претора Цицерон искал вместе со многими значительными людьми и все же был избран первым¹⁶²⁷. По общему мнению, он был безукоризненным и очень умелым судьей. Среди прочих, как сообщают, он разбирал дело Лициния Макра, обвинявшегося в казнокрадстве. Лициний, и сам по себе далеко не последний в Риме человек, и к тому же пользовавшийся поддержкою Красса, твердо полагался на собственную силу и усердие друзей, а потому, когда судьи еще только подавали голоса, отправился домой, поспешно постригся, надел, словно бы уже оправданный, белую тогу, и пошел было обратно на форум, но у дверей дома его встретил Красс и сообщил, что он осужден единогласно. Лициний вернулся к себе, лег в постель и умер. Этот случай принес новую славу Цицерону, выполнившему свой долг с таким усердием и строгостью.

Однажды Ватиний, отличавшийся в судебных речах некоторой дерзостью и неуважением к властям, пришел к Цицерону и о чем-то его просил и, когда тот не ответил согласием сразу же, но довольно долго раздумывал, сказал, что, будь он претором, он бы в таком деле не колебался. Тогда Цицерон, взглянув на его шею с раздувшимся зобом, промолвил: «Да, но ведь у меня не такая толстая шея»¹⁶²⁸.

Цицерону оставалось всего два или три дня до выхода из должности, когда кто-то подал ему жалобу на Манилия, обвиняя его в хищениях. К этому Манилию народ относился с благосклонностью и горячим сочувствием, в уверенности, что его преследуют из-за Помпея: они были друзьями. Манилий просил отсрочки, но Цицерон дал ему всего один, следующий день. Народ был возмущен, потому что как правило преторы давали обвиняемым по меньшей мере десять дней. Народные трибуны привели Цицерона на ораторское возвышение и заявили, что он поступает недобросовестно, однако Цицерон, попросив слова, объяснил, что всегда бывал снисходителен и мягок с ответчиками – насколько, разумеется, позволяли законы, – а потому считал несправедливым лишить Манилия такого преимущества и умышленно отвел для разбирательства тот единственный день, на который еще распространяется его власть претора: оставить дело другому судье отнюдь не означало бы желания помочь. Эти слова вызвали в чувствах народа мгновенную перемену. Все шумно восхваляли Цицерона и просили его взять на себя защиту Манилия. Тот охотно согласился (главным образом – в угоду Помпею, которого тогда не было в Риме) и, снова выступив перед народом, сказал речь¹⁶²⁹, полную горячих нападок на приверженцев олигархии и завистников Помпея.

10. И все же консульской должностью был обязан сторонникам аристократии не меньше, нежели народу. Обе стороны оказали ему поддержку ради блага государства и вот

¹⁶²⁷ 12. ...избран первым. – Т.е. собрал больше всего голосов.

¹⁶²⁸ 13. Толстая шея считалась признаком наглости и высокомерия; ср.: Мар., 29.

¹⁶²⁹ 14. ...сказал речь ... – Эта речь в защиту Манилия от обвинения в хищениях (если Плутарх не путает ее с известной речью «О законе Манилия» в пользу Помпея) не сохранилась.

по какой причине. Новшества, внесенные Суллою в государственное устройство, вначале представлялись нелепыми и даже чудовищными, но к тому времени уже сделались привычными и приобрели в глазах народа немалые достоинства. Но были люди, которые, преследуя цели сугубо своекорыстные, стремились потрясти и переменить существующий порядок вещей, пока – как они рассуждали – Помпей еще воюет с царями Понтийским и Армянским, а в Риме нет никакой силы, способной оказать противодействие тем, кто жаждет переворота. Во главе их стоял Луций Катилина, человек дерзких и широких замыслов и коварного нрава. Не говоря уже о других крупных преступлениях, его обвиняли в том, что он лишил девства собственную дочь и убил родного брата; из страха перед карою за второе из этих злодеяний он уговорил Суллу¹⁶³⁰ включить убитого в список осужденных на смерть, словно тот был еще жив. Поставив его над собою вожаком, злодеи поклялись друг другу в верности, а в довершение всех клятв закололи в жертву человека и каждый отведал его мяса. Катилина развратил немалую часть римской молодежи, постоянно доставляя юношам всевозможные удовольствия, устраивая попойки, сводя их с женщинами и щедро снабжая деньгами на расходы. К мятежу была готова вся Этрурия и многие области Предальпийской Галлии. Впрочем, на грани переворота находился и Рим – из-за имущественного неравенства: самые знатные и высокие семьи разорились, издержав все на театральные игры, угощения, постройки и честолюбивые замыслы, и богатства стеклись в руки людей низкого происхождения и образа мыслей, так что любой смельчак легким толчком мог опрокинуть государство, уже разъединенное недугом изнутри.

11. Тем не менее Катилина хотел обеспечить себе надежную исходную позицию и потому стал домогаться консульства. Он тешил себя надеждою, что в товарищи по должности получит Гая Антония, который сам не был способен направить дела ни в лучшую ни в худшую сторону, но под чужим водительством увеличил бы силу вожда. Отчетливо это предвидя, почти все лучшие граждане оказывали поддержку Цицерону, а так как и народ встретил его искания с полной благосклонностью, Катилина потерпел неудачу, избраны же были Цицерон и Гай Антоний, несмотря на то что среди всех соискателей один лишь Цицерон был сыном всадника, а не сенатора.

12. Замыслы Катилины оставались пока скрытыми, и все же консульство Цицерона началось с тяжелых – хотя еще только предварительных – схваток. Во-первых, те, кому законы Суллы¹⁶³¹ закрывали путь к управлению государством (а такие люди были и многочисленны, и не бессильны), притязали тем не менее на высшие должности; они заискивали у народа и осыпали тираннию Суллы обвинениями, и верными и справедливыми, но до крайности несвоевременными – колебавшими основы существующего порядка. Во-вторых, народные трибуны¹⁶³², преследуя те же цели, предлагали избрать десять человек, наделить их неограниченными полномочиями и подчинить их власти Италию, Сирию и все недавно присоединенные Помпеем земли, предоставив этим десяти право пускать в продажу общественные имущества, привлекать к суду и отправлять в изгнание всех, кого они сочтут нужным, выводить колонии, требовать деньги из казначейства, содержать войска, – сколько бы ни потребовалось, – и производить новые наборы. Именно поэтому многие видные люди сочувствовали предложению трибунов, а больше всех – Антоний, товарищ Цицерона по

¹⁶³⁰ 15. ...уговорил Суллу ... – Ср.: Сул., 32. Все античные представления о Катиле восходят к речам Цицерона и историческому сочинению Саллюстия, поэтому они полны враждебных передержек, которые Плутарх принимает за чистую монету.

¹⁶³¹ 16. ...те, кому законы Суллы ... – Имеются в виду сыновья тех, кто Суллою был объявлен вне закона.

¹⁶³² 17. ...народные трибуны ... предлагали ... – Речь идет об аграрном законопроекте П. Сервилия Рулла, народного трибуна 64 г.; Цицерон произнес против него 4 речи, из которых 3 сохранились. Рулл взял свое предложение обратно, так и не поставив на голосование.

консульству, рассчитывавший войти в число десяти. Предполагали, что он осведомлен и о заговорщических планах Катилины, но, обремененный огромными долгами, молчит; последнее обстоятельство внушало лучшим гражданам особенно сильный страх. Прежде всего, Цицерон считал необходимым ублаготворить этого человека и дал ему в управление Македонию, сам одновременно отказавшись от Галлии, и этим благодеянием заставил Антония, словно наемного актера, играть при себе вторую роль на благо и во спасение государства. Прибравши Антония к рукам, Цицерон тем решительнее двинулся в наступление на тех, кто лелеял мысль о перевороте. В сенате он произнес речь против нового законопроекта и так испугал его составителей, что они не посмели возразить ему ни единым словом. Когда же они взялись за дело сызнова и, приготовившись к борьбе, вызвали консулов в Собрание, Цицерон, нимало не оробев и не растерявшись, предложил всем сенаторам следовать за собою, появился во главе сената перед народом и не только провалил законопроект, но и принудил трибунов отказаться от всех прочих планов – до такой степени подавило их его красноречие.

13. Цицерон, как никто другой, показал римлянам, сколько сладости сообщает красноречие прекрасному, научил их, что справедливое неодолимо, если выражено верными и точными словами, и что разумному государственному мужу в поступках своих надлежит неизменно предпочитать прекрасное утешительному, но в речах – внушать полезные мысли, не причиняя боли. Сколько пленяющего очарования было в собственных речах Цицерона, показывает одно небольшое происшествие, случившееся в его консульство. Прежде всадники сидели в театрах вперемишку с народом, где придется, и первым, кто, в знак уважения к этому сословию, отделил их от прочих граждан, был претор Марк Отон, назначивший всадникам особые места, которые они удерживают за собою и по сей день. Народ увидел в этом прямую для себя обиду и, когда Отон появился в театре, встретил его свистом, всадники же, напротив, принялись рукоплескать претору. Народ засвистал еще сильнее, но и всадники рукоплескали все громче. Наконец, посыпались взаимные оскорбления, и весь театр был охвачен беспорядком. Тут пришел Цицерон, вызвал народ из театра, собрал его у храма Беллоны, и, выслушав укоры и увещания консула, все вернулись в театр и с восторгом рукоплескали Отону, состязаясь с всадниками в изъявлении лучших к нему чувств.

14. Заговорщики были сперва не на шутку испуганы, но затем успокоились, ободрились и снова стали устраивать сборища, призывая друг друга смелее браться за дело, пока нет Помпея, который, как шел слух, уже пустился в обратный путь вместе с войском. Горячее других подстрекали Катилину к выступлению бывшие воины Суллы. Они осели по всей стране, однако главная их часть, и к тому же самые воинственные, были рассыпаны по этрусским городам, и теперь эти люди снова мечтали о грабежах и расхищении богатств, которые словно бы сами просились им в руки. Во главе с Манлием, прекрасно воевавшим в свое время под начальством Суллы, они примкнули к Катилине и явились в Рим, чтобы оказать ему поддержку на выборах: Катилина снова домогался консульства и замышлял убить Цицерона, возбудив смуту при подаче голосов. Казалось, что само божество возвещало о происходивших в те дни событиях колебанием земли, ударами молний и всевозможными видениями. Что же касается свидетельств, поступавших от различных людей, то, хотя они и отличались надежностью, все же их было недостаточно, чтобы изблечь такого знатного и могущественного человека, как Катилина. Поэтому Цицерон отложил выборы, вызвал Катилину в сенат и спросил его, что думает он сам о носящихся повсюду слухах. Тогда Катилина, уверенный, что и в сенате многие с нетерпением ждут переворота, и, вместе с тем, желая блеснуть перед своими сообщниками, дал ответ поистине безумный: «Что плохого или ужасного в моих действиях, – сказал он, – если, видя перед собою два тела – одно тощее и совсем зачахшее, но с головою, а другое безголовое, но могучее и огромное, – я приставляю второму голову?» Услыхав этот прозрачный намек на сенат и народ, Цицерон испугался еще сильнее и пришел на Поле, надевши панцирь, в окружении всех влиятельных граждан и целой толпы молодых людей, которые

сопровождали его от самого дома. Умышленно спустивши с плеч тунику, он выставял свой панцирь напоказ, чтобы всех оповестить об опасности, которая ему угрожает. Народ негодовал и обступал Цицерона тесным кольцом. Кончилось дело тем, что Катилина снова потерпел поражение, а консулами были избраны Силан и Мурена.

15. Немного спустя, когда приверженцы Катилины в Этрурии уже собирались в отряды и день, назначенный для выступления, близился, к дому Цицерона среди ночи пришли трое первых и самых влиятельных в Риме людей – Марк Красс, Марк Марцелл и Метелл Сципион. Постучавшись у дверей, они велели привратнику разбудить хозяина и доложить ему о них. Дело было вот в чем. После обеда привратник Красса подал ему письма, доставленные каким-то неизвестным. Все они предназначались разным лицам, и лишь одно, никем не подписанное, самому Крассу. Его только одно Красс и прочел и, так как письмо извещало, что Катилина готовит страшную резню, и советовало тайно покинуть город, не стал вскрывать остальных, но тут же бросился к Цицерону – в ужасе перед грядущим бедствием и, вместе с тем, желая очистить себя от обвинений, которые падали на него из-за дружбы с Катилиной. Посоветовавшись с ночными посетителями, Цицерон на рассвете созвал сенат и, раздав принесенные с собою письма тем, кому они были направлены, велел прочесть вслух. Все одинаково извещали о злодейском умысле Катилины. Когда же бывший претор Квинт Аррий сообщил об отрядах в Этрурии и пришло известие, что Манлий с большою шайкою бродит окрест этрусских городов, каждый миг ожидая новостей из Рима, сенат принял постановление вверить государство охране консулов¹⁶³³, чтобы те оберегали его, принимая любые меры, какие сочтут нужными. На такой шаг сенат решался лишь в редких случаях, перед лицом крайней опасности.

16. Получив такие полномочия, Цицерон дела за пределами Рима доверил Квинту Метеллу, а на себя принял заботы о самом городе и что ни день появлялся на людях под такой сильной охраною, что, когда приходил на форум, значительная часть площади оказывалась заполненной его провожатыми. Медлить дольше у Катилины не достало твердости, и он решил бежать к Манлию, Марцию же и Цетегу приказал, взяв мечи, проникнуть на заре к Цицерону, – под тем предлогом, что они хотят приветствовать консула, – а затем наброситься на него и убить. Это открыла Цицерону одна знатная женщина, по имени Фульвия¹⁶³⁴, постучавшись к нему ночью с настоятельным советом остерегаться Цетега и его товарищей. А те пришли ранним утром и, когда их не пустили, подняли возмущенный крик у дверей, чем укрепили падавшие на них подозрения. Цицерон созвал сенат в храме Юпитера Останавливающего, которого римляне зовут Статором [Stator]; этот храм воздвигнут в начале Священной улицы, у подъема на Палатин. Вместе с остальными туда явился и Катилина, который был намерен оправдываться, и ни один из сенаторов не пожелал сидеть с ним рядом – все пересели на другие скамьи. Он начал было говорить, но его то и дело прерывали возмущенным криком. В конце концов, поднялся Цицерон и приказал Катилине покинуть город. «Я действую словом, – сказал он, – ты – силою оружия, а это значит, что между нами должна встать городская стена»¹⁶³⁵. Катилина с тремястами вооруженных телохранителей немедленно ушел из Рима, окружил себя, словно должностное лицо, свитою ликторов с розгами и топорами, поднял военные знамена и двинулся к Манлию. Во главе двадцати тысяч мятежников он принялся обходить города, склоняя их к восстанию. Это означало открытую войну, и Антоний с войском выступил в

¹⁶³³ 18. ...*вверить государство охране консулов* ... – Т.е. объявить чрезвычайное военное положение (ср. примеч. к ТГр., 14).

¹⁶³⁴ 19. ...*открыла* ... *Фульвия* ... – Фульвия узнала о заговоре от своего любовника Кв. Курия, одного из его участников.

¹⁶³⁵ 20. *Я действую словом ... и далее* . – В дошедшей до нас «I речи против Катилины» этих слов нет.

Этрурию.

17. Тех совращенных Катилиною граждан, которые оставались в Риме, собирал и убеждал их не падать духом Корнелий Лентул, по прозвищу Сура, человек высокого происхождения, но дурной жизни, изгнанный из сената за беспутство и теперь вторично исполнявший должность претора, как принято у римлян, когда они хотят вернуть себе утраченное сенаторское достоинство. Рассказывают, что прозвище «Сура» он приобрел вот по какому поводу. Во время Суллы он был квестором и промотал много казенных денег. Сулла разгневался и в сенате потребовал у него отчета. Лентул вышел вперед, с видом презрительным и безразличным, и объявил, что отчета не даст, но готов показать голень, – так делают мальчишки, когда, играя в мяч, промахнутся. С тех пор его прозвали Сурой: у римлян это слово [sura] обозначает голень. В другой раз, когда Лентул попал под суд и, подкупивши часть судей, был оправдан всего двумя голосами, он жаловался, что вышла бесполезная трата – ему, дескать, было бы достаточно и большинства в один голос. Этого человека, отчаянного от природы и распаленного подстрекательствами Катилины, окончательно ослепили пустыми надеждами лжегадатели и шарлатаны, твердя ему вымышленные прорицания и оракулы, будто бы почерпнутые из Сивиллиных книг и гласящие, что трем Корнелиям назначено судьбою безраздельно властвовать в Риме и над двумя – Цинною и Суллой – предреченное уже сбылось, третий же и последний – он сам: божество готово облечь его единовластием, и нужно, не раздумывая, принять дар богов, а не губить счастливого случая промедлением по примеру Катилины.

18. А замышлял Лентул дело не малое и не простое. Он решил перебить весь сенат и сколько удастся из остальных граждан, а самый город спалить дотла и не щадить никого, кроме детей Помпея, которых следовало похитить и держать заложниками, чтобы потом добиться мира с Помпеем, ибо ходил упорный и надежный слух, что он возвращается из своего великого похода. Для выступления была назначена одна из ночей Сатурналий¹⁶³⁶, и заговорщики несли к Цетегу и прятали у него в доме мечи, паклю и серу. Выбрали сто человек и, разделив на столько же частей Рим, каждому назначили особую часть, чтобы город запылал сразу со всех концов. Другие должны были закупорить водопроводы и убивать тех, кто попытается достать воды.

В эту самую пору в Риме случайно находились два посла племени аллоброгов¹⁶³⁷, которое тогда особенно страдало от римского владычества и безмерно им тяготилось. Считая, что, воспользовавшись их помощью, можно возмутить Галлию, Лентул вовлек обоих в заговор и дал им письма к их сенату и к Катилине. Сенату аллоброгов он обещал освобождение, а Катилине советовал объявить волю рабам и двигаться на Рим. Одновременно с аллоброгами письма к Катилине повез некий Тит, родом из Кротона. Но против этих людей, таких ненадежных и опрометчивых, державших совет большей частью за вином и в присутствии женщин, были неустанные труды, трезвый расчет и редкостный ум Цицерона. Многие вместе с ним выслеживали заговорщиков и зорко наблюдали за всем происходившим, многие присоединились к заговору лишь для вида, а на самом деле заслуживали полного доверия и тайно сносились с консулом, который таким образом узнал о совещаниях с чужеземцами. Устроив засаду, он захватил ночью кротонца с письмами, чему исподволь содействовали и сами аллоброги.

19. На рассвете Цицерон собрал сенаторов в храме Согласия, прочитал захваченные письма и предоставил слово изобличителям. Среди них был Юний Силан, заявивший, что знает людей, которые собственными ушами слышали слова Цетега, что готовится убийство

¹⁶³⁶ 21. ...одна из ночей Сатурналий ... – 17—21 декабря 63 г.

¹⁶³⁷ 22. ...два посла ... племени аллоброгов ... – Это заальпийское племя, покоренное в 121 г., прислало послов с жалобой на поборы римских наместников; не получив удовлетворения, через два года аллоброги восстали (61 г.), но восстание было подавлено.

трех консулов¹⁶³⁸ и четырех преторов. Подобное же сообщение сделал и бывший консул Пизон. Один из преторов, Гай Сульпиций, отправился к Цетегу домой и обнаружил там груды дротиков и панцирей и несметное число только что наостренных мечей и кинжалов. В конце концов, Лентул был полностью изобличен показаниями кротонца, которому сенат за это обещал неприкосновенность. Он сложил с себя власть (мы уже говорили, что в том году Лентул исполнял должность претора), тут же, не выходя из курии, сменил тогу¹⁶³⁹ с пурпурной каймой на одежду, приличествующую новым его обстоятельствам, и вместе с сообщниками был передан преторам для содержания под стражею, но без оков.

Уже смерклось, перед храмом, где заседал сенат, ждала толпа. Появившись перед нею, Цицерон рассказал гражданам¹⁶⁴⁰ о событиях этого дня, а затем народ проводил его в дом кого-то из друзей, жившего по соседству, ибо собственный его дом находился в распоряжении женщин, справлявших тайные священнодействия в честь богини, которую римляне зовут Доброю, а греки Женскою. Торжественные жертвы ей приносятся ежегодно в доме консула его супругою или матерью при участии дев-весталок. Итак, Цицерон пришел к соседу и, в окружении очень немногих, стал раздумывать, как поступить со злоумышленниками. Применять самое строгое наказание, которого заслуживали такие проступки, он очень не хотел, прежде всего, по мягкости характера, а затем и опасаясь толков, будто он злоупотребляет властью и обходится слишком сурово с людьми из первых в Риме домов, обладающими, вдобавок, влиятельными друзьями. Поступить же с ними не так круто он просто боялся, зная, что ничем, кроме казни, их не смирить и что, оставшись в живых, они к давней подлости присоединят еще новую злобу и не остановятся ни перед каким, самым отчаянным преступлением. Да и сам он в этом случае предстал бы перед народом безвольным трусом, тем более что славою храбреца вообще никогда не пользовался.

20. Меж тем как Цицерон не знал, на что решиться, женщинам, приносившим жертву богине, явилось удивительное знамение. Когда огонь на алтаре, казалось, уже совсем погас, из пепла и истлевших углей вдруг вырвался столб яркого пламени, увидевши которое все прочие в страхе разбежались, а девственные жрицы велели супруге Цицерона Теренции, не теряя времени, идти к мужу и сказать, чтобы он смелее выполнял задуманное ради спасения отечества, ибо великим этим светом богиня возвещает Цицерону благополучие и славу. А Теренция, женщина от природы не тихая и не робкая, – но честолюбивая и, как говорит Цицерон, скорее участвовавшая в государственных заботах своего супруга, чем делившаяся с ним заботами по дому, не только передала консулу слова весталок, но и сама всемерно его ожесточала против Лентула и его сообщников. Подобным же образом действовали его брат Квинт и Публий Нигидий, с которым Цицерона связывали совместные занятия философией и чьи советы он выслушивал почти по всем самым важным вопросам.

На другой день сенат решал, какому наказанию подвергнуть заговорщиков, и первым должен был высказаться Силан, который предложил перевести задержанных в тюрьму и применить крайнюю меру наказания. К его мнению присоединялись, один за другим, все сенаторы, пока не встал Гай Цезарь, впоследствии сделавшийся диктатором. Тогда он был еще молод и закладывал лишь первые камни в основание будущего своего величия, но уже вступил на ту дорогу, по которой впоследствии привел римское государство к единовластию. Все поступки, все надежды Цезаря согласовывались с основною его целью, которая от остальных оставалась скрытою, Цицерону же внушала сильные подозрения, хотя прямых улик против себя Цезарь не давал. Можно было, правда, услышать толки, будто он едва-едва

¹⁶³⁸ 23. ...трех консулов ... – Т.е. Цицерона и новоизбранных консулов 62 г., Силана и Мурены.

¹⁶³⁹ 24. ...сменил тогу ... – Тога с широкой пурпурной каймой была знаком сенатского достоинства; Лентул сменил ее на темное, траурное платье. Ср. выше гл. 9 и ниже гл. 35.

¹⁶⁴⁰ 25. ...рассказал гражданам ... – Это «III речь против Катилины» (3 декабря 63 г.).

выскользнул из рук Цицерона, но некоторые утверждают, что консул умышленно оставил без внимания донос, избличавший Цезаря, и не дал ему хода; он боялся его друзей и его силы и считал бесспорным, что скорее заговорщики разделили бы с Цезарем оправдательный приговор, нежели он с ними – осуждение и возмездие.

21. Итак, когда очередь дошла до Цезаря, он поднялся и заявил, что задержанных, как ему кажется, следует не казнить, но развезти по городам Италии, какие выберет Цицерон, и там держать в строгом заключении до тех пор, пока не будет разгромлен Катилина, имущество же их передать в казну. Этому снисходительному и с величайшим мастерством изложенному взгляду немалую поддержку оказал и сам Цицерон. В особой речи¹⁶⁴¹ он оценил оба предложения и в чем-то одобрил первое, а в чем-то второе, но все друзья консула считали, что Цезарь указывает более выгодный для него путь, – ибо, оставив заговорщиков жить, Цицерон избегнет в дальнейшем многих наветов, – и склонялись на сторону второго мнения. Отказался от собственных слов даже Силан, объяснив, что и он не имел в виду смертного приговора, ибо крайняя мера наказания для римского сенатора – не смерть, а тюрьма. Нашлись, однако, у Цезаря и сильные противники. Первым возражал ему Катул Лутаций, а затем слово взял Катон и, со страстью перечислив падавшие на Цезаря подозрения, наполнил души сенаторов таким гневом и такою непреклонностью, что Лентул с товарищами был осужден на смерть. Что касается передачи имущества в казну, то теперь против этой меры выступил сам Цезарь, считая, как он объявил, несправедливым, чтобы сенат воспользовался лишь самой суровой частью его предложения, отвергнув в нем все милосердное. Многие, тем не менее, продолжали настаивать на конфискации, и Цезарь обратился за содействием к народным трибунам. Те, однако, не пожелали прийти ему на помощь, но Цицерон уступил сам, прекратив разногласия по этому вопросу.

22. В сопровождении сената Цицерон отправился за осужденными. Все они были в разных местах, каждый – под охраной одного из преторов. Первым делом, он забрал с Палатина Лентула и повел его Священной улицей, а затем через форум. Самые видные граждане окружали консула кольцом, словно телохранители, а народ с трепетом взирал на происходящее и молча проходил мимо, особенно молодежь, которой чудилось, будто все это – некий грозный и жуткий обряд, приобщающий ее к древним таинствам, что знаменуют мощь благородного сословия. Миновав форум и подойдя к тюрьме, Цицерон передал Лентула палачу и приказал умертвить, затем точно так же привел Цетега и остальных, одного за другим. Видя многих участников заговора, которые толпились на форуме и, не подозревая правды, ждали ночи в уверенности, что их главари живы и что их можно будет похитить, Цицерон громко крикнул им: «Они жили!» – так говорят римляне о мертвых, не желая произносить зловещих слов.

Было уже темно, когда он через форум двинулся домой, и теперь граждане не провожали его в безмолвии и строгом порядке, но на всем пути приветствовали криками и рукоплесканиями, называя спасителем и новым основателем Рима. Улицы и переулки сияли огнями факелов, выставленных чуть не в каждой двери. На крышах стояли женщины со светильниками, чтобы почтить и увидеть консула, который с торжеством возвращался к себе в блистательном сопровождении самых знаменитых людей города. Едва ли не всё это были воины, которые не раз со славою завершали дальние и трудные походы, справляли триумфы и далеко раздвинули рубежи римской державы и на суше и на море, а теперь они единодушно говорили о том, что многим тогдашним полководцам римский народ был обязан богатством, добычей и могуществом, но спасением своим и спокойствием – одному лишь Цицерону, избавившему его от такой великой и грозной опасности. Удивительным казалось не то, что он пресек преступные действия и покарал преступников, но что самый значительный из заговоров, какие когда-либо возникали в Риме, подавил ценою столь незначительных жертв, избежав смуты и мятежа. И верно, бо льшая часть тех, что стеклись

¹⁶⁴¹ 26. В особой речи ... – «IV речь против Катилины» (5 декабря 63 г.).

под знамена Катилины, бросила его, едва узнав о казни Лентула и Цетега; во главе остальных Катилина сражался против Антония и погиб вместе со всем своим отрядом.

23. Находились, однако, люди, готовые отомстить Цицерону и словом и делом, и вождями их были избранные на следующий год должностные лица – претор Цезарь и народные трибуны Метелл и Бестия. Вступив в должность незадолго до истечения консульских полномочий Цицерона, они не давали ему говорить перед народом – перенесли свои скамьи на возвышение для ораторов и зорко следили, чтобы консул не нарушил их запрета, соглашаясь отменить его лишь при одном неременном условии: если Цицерон произнесет клятву с отречением от власти¹⁶⁴² и тут же спустится вниз. Цицерон обещал выполнить их требование, но, когда народ затих, произнес не старинную и привычную, а собственную, совершенно новую клятву в том, что спас отечество и сберег Риму господство над миром. И весь народ повторил за ним эти слова. Ожесточенные пуще прежнего, Цезарь и оба трибуна ковали против Цицерона всевозможные козни и, в том числе, внесли предложение вызвать Помпея с войском, чтобы положить конец своевластию Цицерона. Но тут важную услугу Цицерону и всему государству оказал Катон, который тоже был народным трибуном и воспротивился замыслу своих товарищей по должности, пользуясь равною с ними властью и гораздо большею славой. Он не только без труда расстроил все их планы, но, в речи к народу, так превозносил консульство Цицерона, что победителю Катилины были назначены невиданные прежде почести и присвоено звание «отца отечества». Мне кажется, Цицерон был первым среди римлян, кто получил этот титул, с которым к нему обратился в Собрании Катон.

24. В ту пору сила и влияние Цицерона достигли предела, однако же именно тогда многие прониклись к нему неприязнью и даже ненавистью – не за какой-нибудь дурной поступок, но лишь потому, что он без конца восхвалял самого себя. Ни сенату, ни народу, ни судьям не удавалось собраться и разойтись, не выслушав еще раз старой песни про Катилину и Лентула. Затем он наводнил похвальбами свои книги и сочинения, а его речи, всегда такие благозвучные и чарующие, сделались мукою для слушателей – несносная привычка въелась в него точно злая язва. При всем том, несмотря на чрезмерное честолюбие, Цицерон не знал, что такое зависть и, сколько можно заключить из его сочинений, очень часто с восторгом отзывался о своих предшественниках и современниках. Немало сохранилось и достопамятных его слов подобного рода¹⁶⁴³. Об Аристотеле, например, он говорил, что это река, текущая чистым золотом, о диалогах Платона – что так изъяснялся бы Зевс, вздумай он вступить в беседу со смертным. Феофраста он всегда называл своей утехой. На вопрос, какую из речей Демосфена он считает самой лучшей, Цицерон сказал: «Самую длинную». Находятся, правда, люди – из числа тех, кто притязает на особую верность Демосфену, – которые не могут простить Цицерону словечка, оброненного в письме к одному из друзей, что, дескать, временами Демосфен в своих речах дремлет. Но эти люди не помнят громких и удивительных похвал, которыми по любому поводу осыпает Цицерон греческого оратора, не помнят, что собственные речи, отнявшие у него всего более сил и труда, речи против Антония, Цицерон назвал «филиппиками».

Что касается современников, не было среди них ни одного, кто бы славился красноречием или ученостью и чью славу Цицерон не умножил бы своим благожелательным суждением в речи, в книге или же в письме. Цезаря, когда он уже стоял во главе государственных дел, Цицерон убедил даровать перипатетику Кратиппу права римского

¹⁶⁴² 27. Вступив в должность ... – Трибуны вступали в должность 10 декабря, консулы покидали должность 1 января, давая клятву с отречением от власти – в том, что исполняли свои обязанности добросовестно и честно.

¹⁶⁴³ 28. ...достопамятных его слов ... – «Академика», II, 119 (об Аристотеле), «Брут», 121 (о Платоне), ср.: «Оратор», 104 (о несовершенстве Демосфена).

гражданства, а совет Ареопага – просить этого философа остаться в Афинах, ибо, как говорилось в постановлении Ареопага, его беседы с молодыми людьми украшают город. Сохранились письма Цицерона¹⁶⁴⁴ к Героду и к сыну, где он настаивает, чтобы юноша занимался философией у Кратиппа, и запрещает ему встречаться с оратором Горгием, который, по его словам, приучает молодого человека к сладострастию и пьянству. Это письмо да еще другое, к Пелопу Византийскому, – пожалуй, единственные среди греческих писем Цицерона, написанные в сердцах. Горгия, если он, в самом деле, был таким распутным негодяем, как о нем говорили, Цицерон бранит справедливо, но Пелопа упрекает по ничтожному поводу, – тот, видите ли, не позаботился, чтобы византийцы вынесли какие-то постановления в честь Цицерона.

25. Виною этому честолюбие, и то же самое честолюбие нередко заставляло Цицерона, упивавшегося силою собственного слова, нарушать все приличия. Рассказывают, что как-то раз он защищал Мунатия, а тот, благополучно избежав наказания, привлек к суду Сабина, одного из друзей своего защитника, и Цицерон, вне себя от гнева, воскликнул: «Ты, видно, воображаешь, Мунатий, будто выиграл в тот раз собственными силами? Ну-ка, вспомни, как я в суде навел тень на ясный день!» Он хвалил Марка Красса, и эта речь имела большой успех, а несколько дней спустя, снова выступая перед народом, порицал Красса, и когда тот заметил ему: «Не с этого ли самого места ты восхвалял меня чуть ли не вчера?» – Цицерон возразил: «Я просто-напросто упражнялся в искусстве говорить о низких предметах». Однажды Красс объявил, что никто из их рода не жил дольше шестидесяти лет, но затем принялся отпираться от своих слов и спрашивал: «С какой бы стати я это сказал?» – «Ты знал, что римляне будут рады такой вести и хотел им угодить», – ответил Цицерон. Красс говорил, что ему по душе стойки, утверждающие, будто каждый порядочный человек богат. «А может, дело скорее в том, что, по их мнению, мудрому принадлежит все?» – осведомился Цицерон, намекая на сребролюбие, которое ставили в укор Крассу. Один из двоих сыновей Красса, лицом похожий на некоего Аксия (что пятнало его мать позорными подозрениями), произнес в курии речь, которая понравилась сенаторам, а Цицерон, когда его спросили, что он думает об этой речи, отвечал по-гречески: «Достойна Красса»¹⁶⁴⁵ [Aksios, Krássou].

26. Готовясь отплыть в Сирию, Красс предпочитал оставить Цицерона другом, а не врагом и однажды, приветливо поздоровавшись сказал, что хотел бы у него отобедать. Цицерон принял его с полным радушием. Немного спустя друзья стали просить Цицерона за Ватиния, который до тех пор был его врагом, но теперь, дескать, жаждет примирения. «Что? – удивился Цицерон, – Ватиний тоже хочет у меня пообедать?» Вот как обходился он с Крассом. А Ватиния, когда он выступал в суде, Цицерон, взглянув на его раздутою зобом шею, назвал дутым оратором. Раз он услышал, будто Ватиний умер, но почти тут же узнал, что это неверно, и воскликнул: «Жестокою смертью пропасть бы тому, кто так жестоко солгал!» Когда Цезарь предложил разделить между воинами кампанские земли и многие в сенате негодовали, а Луций Геллий, едва ли не самый старый среди сенаторов, объявил, что, пока он жив, этому не бывать, Цицерон сказал: «Давайте повременим – не такой уже большой отсрочки просит Геллий». Был некий Октавий, которому ставили в вину, будто он родом из Африки. Во время какого-то судебного разбирательства он сказал Цицерону, что не слышит его, а тот в ответ: «Удивительно! Ведь уши-то у тебя продырявлены»¹⁶⁴⁶. Метеллу Непоту, который корил его тем, что, выступая свидетелем, он

¹⁶⁴⁴ 29. ...письма Цицерона ... – Ср. ответное письмо Цицерона-сына (Цицерон. К близким, XVI, 21).

¹⁶⁴⁵ 30. «Достойна Красса» – двусмысленность: эти два греческие слова можно перевести еще как «Аксий, сын Красса».

¹⁶⁴⁶ 31. ...уши-то ... продырявлены . – Т.е. как у африканских рабов.

погубил больше народу, чем спас в качестве защитника, Цицерон возразил: «Готов признать, что честности во мне больше, чем красноречия». Один юнец, которого обвиняли в том, что он поднес отцу яд в лепешке, грозился осыпать Цицерона бранью. «Я охотнее приму от тебя брань, чем лепешку», – заметил тот. В каком-то деле Публий Сестий пригласил в защитники Цицерона и еще нескольких человек, но все хотел сказать сам и никому не давал произнести ни слова, и когда стало ясно, что судьи его оправдают и уже началось голосование, Цицерон промолвил: «До конца воспользуйся сегодняшним случаем, Сестий, ведь завтра тебя уже никто слушать не станет». Некого Публия Косту, человека невежественного и бездарного, но желавшего слыть знатоком законов, Цицерон вызвал свидетелем по одному делу и, когда тот объявил, что ничего не знает, сказал ему: «Ты, видно, думаешь, что наши вопросы касаются права и законов». Во время какого-то спора Метелл Непот несколько раз крикнул Цицерону: «Скажи, кто твой отец!» – «Тебе на такой вопрос ответить куда труднее – по милости твоей матери», – бросил ему Цицерон. Мать Непота славилась распутством, а сам он – легкомыслием и ненадежностью. Как-то он даже оставил должность народного трибуна и уплыл в Сирию к Помпею, а потом неожиданно вернулся оттуда – поступок уже и вовсе бессмысленный. Он устроил пышные похороны своему учителю Филагру и поставил мраморного ворона на могиле. «Это ты разумно сделал, – сказал ему Цицерон, – ведь он скорее научил тебя летать, чем говорить». Марк Аппий в суде начал свою речь с того, что друг и подзащитный просил его проявить все усердие, красноречие и верность. «Неужели ты совсем бесчувственный и не проявишь ни единого из тех качеств, о которых говорил тебе друг?» – перебил его Цицерон.

27. Едкие насмешки над врагами и противниками в суде можно признать правом оратора, но Цицерон обижал всех подряд, походя, ради одной лишь забавы, и этим стяжал жестокую ненависть к себе. Приведу несколько примеров. Марка Аквиллия, у которого два зятя были в изгнании, он прозвал Адрастом¹⁶⁴⁷. Когда Цицерон искал консульства, цензором был Луций Котта, большой пьяница, и как-то раз, утоляя жажду, Цицерон молвил друзьям, стоявшим вокруг: «Я знаю, вы боитесь, как бы цензор не разгневался на меня за то, что я пью воду, – и вы правы». Ему встретился Воконий с тремя на редкость безобразными дочерьми, и Цицерон воскликнул:

Он против воли Феба их на свет родил!¹⁶⁴⁸

Марк Геллий, чье происхождение от свободных родителей никому не внушало доверия, громким и звучным голосом прочитал в сенате какие-то письма. «Чему удивляться, – сказал Цицерон, – ведь он и сам из глашатаев»¹⁶⁴⁹. Когда Фавст Сулла, сын диктатора, единолично правившего в Риме и объявившего вне закона многих граждан, промотал большую часть состояния, запутался в долгах и вынужден был объявить о продаже своего имущества с торгов, Цицерон заметил, что это объявление ему куда больше по сердцу, нежели те, какие делал Сулла-отец.

28. Таким злоязычием он приобрел множество врагов, в числе которых оказались и приверженцы Клодия. Вот что послужило этому причиной. Клодий был человек знатного рода, годами молодой, нрава дерзкого, заносчивого и самонадеянного. Он любил Помпею,

¹⁶⁴⁷ 32. *Адраст* – мифический царь Аргоса; одну дочь он выдал за Полиника, изгнанника из Фив, другую – за Тидея, изгнанника из Этолии.

¹⁶⁴⁸ 33. *Он против воли Феба* ... и далее. – Стих из неизвестной трагедии; может быть, о Лане, родившем Эдипа, своего будущего убийцу.

¹⁶⁴⁹ 34. *...сам из глашатаев*. – Глашатаи были, как правило, либо вольноотпущенниками, либо сыновьями отпущенников.

супругу Цезаря и, одевшись кифаристкой, незаметно проскользнул к нему в дом, где в то время были одни женщины, справлявшие тайное и строго сокрываемое от всякого мужского взгляда празднество. Но Клодий, еще безбородый мальчишка¹⁶⁵⁰, рассчитывал остаться неузнанным и, затерявшись между женщин, проникнуть к Помпее. Однако, попавши ночью в большой незнакомый дом, он заблудился, его заметила какая-то из служанок Аврелии, матери Цезаря, и спросила мнимую кифаристку, как ее зовут. Клодий вынужден был заговорить и отвечал, что ищет Аbru, рабыню Помпеи, а служанка, узнав по голосу мужчину, в ужасе закричала и стала скликать женщин. Те немедленно запирают двери и, обшарив все сверху донизу, обнаруживают Клодия, забившегося в комнату рабыни, которая провела его в дом. Дело получило широкую огласку, и Цезарь дал Помпее развод, а... [*Текст в оригинале испорчен* .] возбудил против Клодия обвинение в кощунстве.

29. Цицерон был другом Клодия, который во время борьбы с Катилиной оказывал консулу самую ревностную поддержку и зорко оберегал его от покушений. Но теперь, когда Клодий, пытаясь отвести от себя вину, стал утверждать, будто его тогда и в Риме-то не было и он находился в своих самых отдаленных поместьях, Цицерон показал, что как раз накануне Клодий приходил к нему и о чем-то беседовал. Так оно и было, но все считали, что Цицерон дал показания против Клодия не из любви к истине, а желая оправдаться перед Теренцией, своею супругой. Теренция ненавидела Клодия из-за его сестры, Клодии, которая, как ей казалось, мечтала выйти замуж за Цицерона и вела дело через некоего Тулла, одного из самых близких приятелей Цицерона. Этот Тулл жил по соседству с Клодией, часто бывал у нее и оказывал ей всевозможные услуги, чем и возбудил подозрения Теренции. А так как добротою и кротостью эта женщина не отличалась и, вдобавок, крепко держала мужа в руках, она и заставила его выступить свидетелем против Клодия. Неблагоприятные для Клодия показания дали многие из лучших людей Рима, избличая его в ложных клятвах, мошенничестве, подкупе народа и совращении женщин. Лукулл даже представил суду рабынь, которые утверждали, что Клодий находился в связи с младшею из своих сестер, в пору, когда та была женою Лукулла. Впрочем упорно говорили, будто он спал и с двумя другими сестрами – Терцией, супругою Марция Рекса, и Клодией, мужем которой был Метелл Целер и которую прозвали Квадрантарией, за то что один из любовников вместо серебряных денег прислал ей кошелек с медяками, а самая мелкая медная монета зовется квадрантом [quadrans]. Именно этой сестре Клодий во многом был обязан своею худой славой.

Однако народ был страшно недоволен свидетелями, единодушно выступившими против Клодия, так что судьи, в испуге, окружили себя вооруженной охраной и очень многие подали таблички с неразборчиво написанными буквами¹⁶⁵¹. Все же, как выяснилось, большинство голосовало за оправдание, и говорили, что дело не обошлось без подкупа. Поэтому Катул, встретивший судей, сказал им: «Охрана вам, действительно, была необходима – ведь вы боялись, как бы у вас не отняли деньги». А Цицерон, отвечая Клодию, который ему заметил, что, дескать, судьи не дали веры его показаниям, бросил такие слова: «Нет, мне поверили двадцать пять судей – все, кто голосовал за осуждение. А остальные тридцать не поверили тебе, ибо только получив деньги, они вынесли оправдательный приговор». Цезарь был тоже вызван в суд, но против Клодия не показывал и жену в прелюбодеянии не винил, развод же с нею объяснял тем, что не только грязные действия, но и грязная молва не должны пятнать брака Цезаря.

30. Благополучно ускользнув от наказания, Клодий был избран народным трибуном и тут же ополчился на Цицерона, возбуждая и натравливая против него всех и вся. С этой

¹⁶⁵⁰ 35. ...безбородый мальчишка ... – Преувеличение: Клодию было 27—30 лет.

¹⁶⁵¹ 36. ...с неразборчиво написанными буквами . – Надписи должны были означать «осуждаю», «оправдываю» или «воздерживаюсь».

целью он многообещающими законами расположил к себе народ, обоим консулам доставил назначения в большие провинции, – Пизону в Македонию, а Габинию в Сирию, – использовал для своих целей и планов множество неимущих граждан, окружил себя стражею из вооруженных рабов. Среди троих, которые тогда обладали в Риме наибольшею силой, Красс открыто враждовал с Цицероном, Помпей был неискренен с обоими противниками, и Цицерон прибег к покровительству Цезаря, хотя и тот не был ему другом и еще со времени заговора Катилины внушал ему немалые подозрения. Цицерон попросился легатом к Цезарю, который готовился выступить с войском в Галлию, и не встретил отказа. Но тут Клодий, видя, что Цицерон ускользает из-под его власти трибуна, прикинулся, будто хочет мира, всю вину стал взваливать на Теренцию, о самом же Цицероне всякий раз отзывался с неизменным доброжелательством, словно не питал к нему ни малейшей ненависти или злобы, но лишь по-дружески сдержанно его порицал, и этим настолько усыпил опасения своего врага, что тот отказался от должности легата и вновь занялся делами государства. Цезарь был разгневан. Он утвердил Клодия в его намерениях, Помпея полностью отдалил от Цицерона, а сам выступил перед народом и заявил, что казнить без суда таких людей, как Лентул и Цетег, было и недостойно и противозаконно. В этом и заключалась суть обвинения, по которому Цицерона привлекали к суду. Оказавшись в опасности, он переменял одежду, перестал стричься и брить бороду и обходил город, умоляя народ о защите. Но повсюду, на любой улице, ему встречался Клодий, окруженный наглыми и буйными молодцами, которые разнузданно потешались над переменою в облики Цицерона, а нередко и забрасывали его грязью и камнями, не давая просить о помощи.

31. Тем не менее сперва почти все всадническое сословие тоже переменяло свои одежды, и не меньше двадцати тысяч молодых людей, с нестриженными волосами, ходило вслед за Цицероном, вместе с ним умоляя народ. Потом собрался сенат и хотел вынести постановление, предписывающее всему народу одеться в траурное платье. Когда же консулы этому воспрепятствовали, а Клодий расставил вооруженных людей вокруг курии, многие сенаторы выбежали наружу и с криками стали рвать на себе платье. Но даже такое зрелище не вызвало ни стыда, ни сочувствия, и Цицерон, видя себя перед необходимостью либо уйти в изгнание, либо решить тяжбу с Клодием силой оружия, обратился за поддержкою к Помпею, который умышленно ни во что не вмешивался, живя безвыездно в альбанском поместьи. Сначала он послал к нему своего зятя Пизона, потом поехал сам. Узнав о приезде Цицерона, Помпей не отважился показаться ему на глаза – его терзал страшный стыд перед этим человеком, который выдержал ради Помпея не одну тяжелую битву и оказал ему на государственном поприще немало услуг. Но он был зятем Цезаря и ради него изменил давнему долгу благодарности. Выйдя через другие двери, он избежал неприятной для себя встречи. Итак, Цицерон был предан Помпеем и, оставшись в одиночестве, напоследок попытался искать помощи у консулов. Габиний принял его, как всегда, грубо и сурово, а Пизон разговаривал мягче, но советовал уступить бешеному напору Клодия, примириться с переменою обстоятельств и, тем самым, еще раз стать спасителем отечества, ввергнутого из-за него в злую смуту. Получив такой ответ, Цицерон стал совещаться с друзьями. Лукулл убеждал его остаться, ибо, в конце концов, победа будет на его стороне, но другие говорили, что лучше покинуть Рим, ибо народ вскорости сам пожалеет о нем, когда пресытится безумием и отчаянностью Клодия. К этому мнению и склонился Цицерон. В доме у него много лет стояла статуя Минервы, которую он чтил с особенным благоговением. Теперь он велел доставить статую на Капитолий и принес ее в дар богине, надписав на цоколе: «Минерве, хранительнице Рима», а затем принял от друзей провожатых и около полуночи выехал из города, двинувшись сухим путем через Луканию, чтобы переправиться в Сицилию.

32. Едва только стало известно, что Цицерон бежал, Клодий провел голосование об его ссылке и издал указ, чтобы в пределах пятисот миль от Рима никто не давал изгнаннику огня

и воды¹⁶⁵² и не пускал его под свой кров. Нигде, однако, не желали исполнять этот указ – слишком велико было уважение к Цицерону; его повсюду принимали с полным дружелюбием и заботливо провожали дальше в дорогу. Только в луканском городе Гиппонии – нынешнем Вибоне – некто Вибий, сицилиец родом, извлекий из дружбы с Цицероном немало всевозможных преимуществ и, между прочим, назначенный в его консульство начальником строителей, не принял беглеца к себе в дом, но предложил ему приют в своем имении, да наместник Сицилии Гай Вергилий, которому Цицерон оказывал прежде весьма важные услуги, написал ему, чтобы он не появлялся в Сицилии. Павши духом, Цицерон направился в Брундизий и оттуда с попутным ветром отплыл в Диррахий, но задул ветер с моря, и на другой день он снова был в Брундизии, а затем снялся с якоря во второй раз. Рассказывают, что, когда он прибыл в Диррахий и готовился сойти на берег, земля заколебалась и на море поднялась буря, из чего гадатели заключили, что изгнание его будет недолгим: то были, по их словам, знамения перемены судьбы.

Хотя множество посетителей навещало Цицерона, чтобы засвидетельствовать свою дружбу и расположение, хотя греческие города наперебой посылали к нему почетные посольства, он оставался безутешен, не отрывал, словно отвергнутый любовник, жадных взоров от Италии и проявил пред лицом несчастья такую подавленность, такое бессилие и малодушие, каких никто не ждал от человека, всю свою жизнь столь близкого к подлинной мудрости и учености. Ведь он сам не раз просил друзей звать его не оратором, а философом, – потому, дескать, что философию избрал он своим занятием, а красноречие – всего лишь орудие, потребное ему на государственном поприще. Однако жажда славы способна смыть истинное знание точно краску, и долгим общением с толпою отпечатать в душе государственного мужа все ее страсти, если только он не бережет себя с величайшей бдительностью, так чтобы столкновение с внешними обстоятельствами делало его сопричастным самой сути вещей, но не восприятием их или же страстям, этими вещами порождаемым.

33. Изгнав Цицерона, Клодий сжег и загородные его жилища, и городской дом и на месте последнего выстроил храм Свободы. Остальное имущество изгнанника он назначил к продаже, но напрасно глашатай день за днем объявлял о торгах – никто ничего не покупал. Сторонникам аристократии поступки Клодия внушали настоящий ужас, когда же он, увлекая за собою народ, чья дерзость и наглость уже перешла всяческие границы, принялся за самого Помпея и стал поносить некоторые его распоряжения, сделанные во время походов, Помпей, чувствуя, как слава его колеблется, пожалел о том, что бросил Цицерона на произвол судьбы. Теперь он прилагал все усилия, чтобы с помощью друзей Цицерона возвратить его из ссылки, и так как Клодий ожесточенно сопротивлялся, сенат постановил не решать ни единого из общественных дел, пока Цицерон не получит позволения вернуться. В консульство Лентула¹⁶⁵³, когда раздоры зашли так далеко, что в стычках на форуме были ранены трибуны, а брат Цицерона Квинт ускользнул от гибели, лишь спрятавшись среди трупов и прикинувшись мертвым, народ начал охладевать к Клодию, и трибун Анний Милон первым отважился привлечь его к суду, обвиняя в насилии. На помощь Помпею стеклись многие из римлян и из жителей соседних городов. Явившись с ними на форум, он прогнал оттуда Клодия и призвал народ подать голоса, и никогда, как сообщают, не голосовал народ с таким единодушием. И сенат, как бы состязаясь с народом, выразил признательность городам, которые оказывали уважение и услуги Цицерону во время ссылки, и распорядился отстроить за счет казны его дом и усадьбы, разрушенные Клодием.

---

¹⁶⁵² 37. ...не давал ... огня и воды ... – Традиционная римская формула изгнания. Большую часть изгнания Цицерон провел в Македонии, в Фессалонике, у своего друга Гн. Планция, служившего квестором при наместнике.

¹⁶⁵³ 38. В консульство Лентула – в 57 г.

Цицерон возвратился на шестнадцатом месяце изгнания. Города и граждане встречали его с такой радостью, с таким воодушевлением, что даже слова самого Цицерона, какими он впоследствии живописал эти дни, кажутся недостаточно выразительными. (Он говорил¹⁶⁵⁴, что Италия на собственных плечах внесла его в Рим.) Даже Красс, который до изгнания был врагом Цицерона, горячо его приветствовал и примирился с ним, как он объяснял – в угоду своему сыну Публию, ревностному почитателю Цицерона.

34. Вскоре после возвращения, выбрав время, когда Клодия не было в городе, Цицерон с многочисленными провожатыми поднялся на Капитолий, сорвал доски, на которых были записаны постановления и указы трибунов, и уничтожил их. Когда же Клодий выступил с жалобой, Цицерон заявил, что Клодий – родом патриций и, стало быть, сделался народным трибуном вопреки законам, а потому ни единое из его действий не имеет законной силы. Катон был возмущен этой речью и возразил, что он сам, конечно, Клодия несколько не хвалит и поступки его с отвращением осуждает, однако же будет неслыханным насилием, если сенат объявит несостоявшимися столько распоряжений и действий, среди которых окажутся и его, Катона, труды на Кипре и в Византии. С тех пор Цицерон затаил обиду на Катона; в открытую вражду она, правда, не вылилась, но прежнему безусловному доброжелательству настал конец.

35. Вслед за тем Милон убил Клодия и, оказавшись под судом, выставил защитником Цицерона. Сенат боялся волнений – ведь угроза нависла над таким известным и горячим человеком, как Милон, – и поручил Помпею председательство при разборе этого и некоторых других дел, с тем, чтобы он позаботился о порядке и безопасности в городе и в судах. Помпей еще в ночь окружил форум, расставив воинов на высотах, и Милон, опасаясь, что Цицерону, встревоженному этим непривычным зрелищем, не достанет мужества для борьбы, уговорил его прибыть на форум в носилках и не выходить наружу, пока все судьи не соберутся и не займут свои места. Цицерон, как видно, робел не только в строю – он и говорить начинал со страхом и насилию перестал трястись и дрожать лишь после того, как его красноречие, окрепнув во многих тяжбах, достигло высочайшего расцвета. Однажды, когда Катон возбудил обвинение против Лициния и Мурены, а Цицерон взял на себя защиту обвиняемого, он во что бы то ни стало стремился превзойти Гортензия, выступившего с большим успехом, и за ночь не сомкнул глаз ни на миг, но чрезмерная тревога и бессонная ночь до такой степени его изнурили, что слушатели просто не узнавали Цицерона и были глубоко разочарованы. А теперь, выйдя из носилок и увидев Помпея, сидевшего на возвышении, словно посреди военного лагеря, увидев сверкающий оружием форум, он растерялся и едва смог приступить к речи – голос его прерывался, руки и ноги дрожали, – меж тем как сам Милон предстал перед судом без малейшей робости или же страха и счел ниже своего достоинства не стричь волосы и надеть темную одежду. (Надо думать, что эта самоуверенность во многом способствовала неблагоприятному для него приговору.) Однако в поведении Цицерона усмотрели тогда скорее любовь и заботу о друге, нежели трусость.

36. После смерти молодого Красса, убитого в Парфии¹⁶⁵⁵, Цицерон занял его место среди жрецов, которых римляне зовут авгурами. Затем он получил по жребию провинцию Киликию и войско из двенадцати тысяч пехотинцев и двух тысяч шестисот конников и отплыл из Италии. Среди прочего ему поручили примирить каппадокийцев с их царем Ариобарзаном и привести их к покорности. Он выполнил поручение безукоризненно и пресек мятеж, не прибегая к войне, мало того – и киликийцев, среди которых начались брожения после разгрома римлян в Парфии и бунта в Сирии, он успокоил не силой оружия, но мерами кротости. Даров он не принял даже от царей и освободил жителей провинции от пиров в честь наместника, напротив, самые образованные среди них получили приглашение

¹⁶⁵⁴ 39. Он говорил ... – «Речь в сенате по возвращении из изгнания», 15, 39.

¹⁶⁵⁵ 40. ...убитого в Парфии ... – О гибели молодого Красса см.: Кр., 25.

к его столу, и он что ни день потчевал гостей – без роскоши, но вполне достойно. В его доме не было привратника, и ни один человек не видел Цицерона лежащим праздно: с первыми лучами солнца он уже стоял или расхаживал у дверей своей спальни, приветствуя посетителей. Рассказывают, что он никого не высек розгами, ни с кого не сорвал платья, в гневе никогда не бранился, не накладывал унижительных и позорных наказаний. Обнаружив крупные хищения, он вернул городам их имущество, однако и расхитителей ничем, кроме штрафов и возмещения убытков, не покарал и гражданских прав не лишил. Вел он и войну, нанеся поражение разбойникам, обитавшим на склонах Амана, и воины наградили его званием императора. Когда оратор Целий просил прислать ему в Рим леопардов для каких-то игр, Цицерон с гордостью отвечал, что в Киликии леопардов нет¹⁶⁵⁶: убедившись, что одним лишь им приходится терпеть бедствия войны, тогда как всё кругом наслаждается миром, они возмутились и бежали в Карию.

Плывя из провинции домой, он сначала причалил на Родосе, а затем с удовольствием остановился в Афинах, живо и любовно вспоминая свои прежние занятия и забавы. Встретившись с самыми знаменитыми учеными, навестив друзей и знакомых и приняв от Греции заслуженную дань уважения, он возвратился в Рим, который, словно в лихорадке, уже рвался навстречу междоусобной войне.

37. Сенат хотел дать Цицерону триумф, но он сказал, что гораздо охотнее пошел бы за триумфальной колесницей Цезаря, если бы удалось примирить враждующих. От себя он обращался с советами к обоим, – Цезарю посылал письмо за письмом, Помпея уговаривал и умолял при всяком удобном случае, – стараясь смягчить взаимное озлобление. Но беда была неотвратима, Цезарь двинулся на Рим, а Помпей, в сопровождении многих лучших граждан, бежал без всякого сопротивления, и так как Цицерон в этом бегстве участия не принял, решили, что он присоединяется к Цезарю. И в самом деле, он был в страшной тревоге и долго колебался между двумя решениями. В письмах он говорит, что просто не знает, чью сторону принять: у Помпея славный и справедливый повод к войне, зато Цезарь ведет борьбу искуснее и больше заботится о спасении своих друзей и собственной безопасности, так что, заключает Цицерон¹⁶⁵⁷, от кого бежать, ему ясно, но неясно, к кому. В это время он получил письмо от некоего Требатия, друга Цезаря. Цезарь, писал Требатий, считает, что Цицерону лучше всего примкнуть к его стану и разделить его надежды, если же, по старости лет, он отвергнет это предложение, пусть едет в Грецию и живет в тишине, не поддерживая ни тех ни других и ни во что не вмешиваясь. Однако Цицерон, неприятно пораженный тем, что Цезарь не написал ему сам, в сердцах обещал Требатию¹⁶⁵⁸ ничем не опорочить прежних своих деяний. Таковы сведения, почерпнутые из его писем.

38. Как только Цезарь отправился в Испанию, Цицерон отплыл к Помпею. Все радовались его приезду, и лишь Катон, с глазу на глаз, резко осудил сделанный Цицероном выбор. Для него, Катона, было бы позором бросить свое место на государственном поприще, избранное с самого начала, но Цицерон мог принести больше пользы и отечеству и друзьям, если бы остался в Риме беспристрастным наблюдателем и согласовал свои поступки с исходом событий. «Безрассудно и без всякой нужды сделался ты врагом Цезаря и безрассудно поделишь с нами великую опасность, явившись сюда», – сказал ему Катон. Эти доводы совершенно изменили образ мыслей Цицерона, чему немало способствовало и то обстоятельство, что Помпей не пользовался его услугами ни в одном важном деле. Виновником такого недоверия был, впрочем, он сам, ибо не скрывал и не отрицал своего раскаяния, но, не ставя ни во что приготовления Помпея, порицая исподтишка все его планы,

¹⁶⁵⁶ 41. ...Цицерон ... отвечал ... и далее. – В сохранившейся переписке Цицерона и Целия таких слов нет.

¹⁶⁵⁷ 42. ...заключает Цицерон ... – «К Аттику», VIII, 7, 2.

¹⁶⁵⁸ 43. ...обещал Требатию ... – «К близким», VII, 22.

осыпая язвительными шутками союзников, расхаживал по лагерю и, сам всегда угрюмый, без тени улыбки на губах, вызывал неуместный и ненужный смех своими остротами. Некоторые из них отнюдь не лишне привести и здесь. Домиций хотел назначить в начальники какого-то человека, мало способного к войне, и в свое оправдание говорил, что у того прекрасный характер и редкое благоразумие. «Что же ты не побережешь его в опекуны для своих детей?» – спросил Домиция Цицерон. Многие хвалили Феофана с Лесбоса, который был в лагере начальником рабочего отряда¹⁶⁵⁹, за то, как умело утешил он родосцев, потерявших свой флот, но Цицерон заметил: «Вот уж, поистине, велика радость – ходить под началом у грека!» Когда Цезарь одерживал успех за успехом и уже как бы осаждал войско Помпея, а Лентул объявил, будто ему известно, что друзья Цезаря мрачны и подавлены, Цицерон спросил: «Ты, кажется, имеешь в виду, что они недовольны Цезарем?» Некому Марцию, который незадолго до того прибыл из Италии и рассказывал, что в Риме ходит упорная молва, будто Помпей попал в осаду, он сказал: «Значит, ты пустился в плавание, желая увидеть это собственными глазами?» После поражения Ноний говорил, что отчаиваться рано – ведь в лагере Помпея еще целых семь орлов. «Ты бы нас вполне ободрил – если бы мы воевали с галками», – промолвил Цицерон. Лабиен, полагаясь на какие-то оракулы, утверждал, что Помпей непременно должен победить. «Вот оно что, значит, это была военная хитрость, когда мы отдали врагу свой лагерь», – заметил ему Цицерон.

39. Тем не менее после битвы при Фарсале и бегства Помпея Катон в Диррахии, стоявший во главе многочисленного войска и сильного флота, хотел передать команду Цицерону (который не принимал участия в битве по нездоровью) – звание бывшего консула давало ему законное преимущество перед Катоном. Цицерон не только отказывался от власти, но и выражал желание вообще оставить ряды воюющих, однако едва не был убит Помпеем Младшим и его друзьями, которые называли его предателем и уже готовы были обнажить мечи, если бы не Катон: насилу избавив Цицерона от смерти, он отпустил его из лагеря. Цицерон перебрался в Брундизий и там ждал возвращения Цезаря, надолго задержанного делами в Азии и Египте. Когда же пришло известие, что Цезарь прибыл в Тарент и оттуда сухим путем идет к Брундизию, Цицерон двинулся ему навстречу, не столько отчаиваясь в спасении, сколько стыдясь на глазах у многих подвергать испытанию великодушие своего победоносного врага. Однако ни словом ни делом не пришлось ему унизить свое достоинство. Едва лишь Цезарь увидел Цицерона, который шел далеко впереди остальных встречавших, он соскочил с коня, поздоровался и довольно долго беседовал с ним одним, шагая рядом. С тех пор Цезарь относился к Цицерону с неизменным уважением и дружелюбием, так что, даже опровергая его похвальное сочинение о Катоне, самого Цицерона уподоблял Периклу и Ферамену и восхвалял его жизнь и его красноречие. Сочинение Цицерона называется «Катон», а Цезаря – «Антикатон». Передают, что когда Квинт Лигарий оказался под судом за свою былую вражду к Цезарю и защиту взял на себя Цицерон, Цезарь сказал друзьям: «Почему бы и не послушать Цицерона после такого долгого перерыва? Тем более, что дело это уже решенное: Лигарий – негодяй и мой враг». Но Цицерон с первых же слов взволновал своих слушателей до глубины души; речь текла все дальше, на редкость прекрасная, поражавшая силою страсти и разнообразием ее оттенков, и Цезарь, часто меняясь в лице, выдал противоречивые чувства, которые им завладели, а под конец, когда оратор заговорил о Фарсале¹⁶⁶⁰, вздрогнул всем телом в совершеннейшем расстройстве и выронил из рук какие-то записи. Сломленный, он был вынужден простить Лигарию его вину.

40. В дальнейшем, видя, что демократическое правление сменилось единовластием, Цицерон удалился от общественных дел и свой досуг отдавал молодым людям, желавшим

¹⁶⁵⁹ 44. ...начальником рабочего отряда ... – Т.е. осадных машин, саперов и обозных.

¹⁶⁶⁰ 45. ...заговорил о Фарсале ... – «За Лигария» (46 г.), 3; т.е. в начале, а не в конце речи.

изучать философию; все это были юноши из самых знатных и влиятельных домов, так что дружба с ними вновь укрепила положение Цицерона в Риме. Главным занятием его было теперь сочинение и перевод философских диалогов¹⁶⁶¹. Каждому из понятий диалектики и физики он подыскивал соответствующее выражение в латинском языке: говорят, что он первым ввел или же утвердил у римлян такие понятия, как «представление», «приятие», «воздержание от суждения», «постижение», а также «простое», «неделимое», «пустота» и многие другие, и, с помощью метафоры и некоторых иных приемов, сделал их ясными, доступными и общеупотребительными. А поэзия была для него лишь забавой, и говорят, что всякий раз, как ему припадало желание позабавиться подобным образом, он писал по пятисот стихов в ночь.

В ту пору бо льшую часть года он оставался в своем поместьи близ Тускула и писал друзьям, что ведет жизнь Лаэрта¹⁶⁶² – то ли просто шутя, по своему неизменному обычаю, то ли полный честолюбивого стремления вернуться к государственным делам и глубоко подавленный тогдашними обстоятельствами. Изредка он наезжал в Рим, чтобы засвидетельствовать Цезарю свою преданность, и был всегда первым среди тех, кто пылко одобрял назначавшиеся диктатору почести и считал честью для себя сказать что-нибудь новое в похвалу Цезарю и его деяниям. К числу таких высказываний относятся и слова Цицерона о статуях Помпея. Они были убраны и сброшены, а Цезарь распорядился поставить их на прежнее место, и Цицерон сказал, что этой милостью Цезарь не только поднимает из праха изображения Помпея, но и утверждает на цоколях свои собственные.

41. Как сообщают, Цицерон думал написать полную историю Рима¹⁶⁶³, вплетя в нее многие события из греческой истории и вообще собранные им рассказы и предания, однако ему помешали многочисленные заботы и огорчения, и домашние и общественные, бо льшую часть которых, сколько можно судить, он навлек на себя сам. Во-первых, он развелся со своею супругою Теренцией, за то что в войну она не проявляла ни малейшей заботы о муже. Он и покинул Италию без всяких средств, и, вернувшись, не встретил радушного приема: сама Теренция вообще не приехала в Брундиций, где Цицерон прожил долгое время, а когда в такой дальний путь пустилась, несмотря на молодость, их дочь, не дала ей в достаточном количестве ни провожатых, ни денег на расходы, мало того – она совершенно опустошила дом в Риме, задолжав многим и помногу. Таковы самые благовидные причины этого развода. Теренция, впрочем, решительно их отвергала, а Цицерон еще и подкрепил ее оправдания скорой женитьбою на юной девушке. Теренция распускала слух, будто он просто-напросто влюбился в девчонку, но вольноотпущенник Цицерона Тирон пишет, что он хотел развязаться с долгами. Невеста была очень богата, а Цицерон управлял ее имуществом на правах доверенного сонаследника¹⁶⁶⁴; между тем он совершенно погряз в долгах, и тогда друзья вместе с родичами уговорили его жениться, – вопреки громадной разнице в возрасте, – и, воспользовавшись состоянием молодой женщины, покончить с жалобами

¹⁶⁶¹ 46. ...философских диалогов. – В эти годы были написаны «Академика», «О пределах добра и зла», «Тускуланские беседы», «О природе богов», «О гадании», «О роке», «О старости», «О дружбе», «О законах», «Об обязанностях» и несохранившиеся «Гортензий», «Утешение», «О славе» и др., а из переводов «Тимей» Платона и «Домострой» Ксенофонта.

¹⁶⁶² 47. ...ведет ... жизнь Лаэрта ... – Т.е. живет как престарелый отец гомеровского Одиссея, удалившийся от дворцовых бесчинств в свою пригородную усадьбу.

¹⁶⁶³ 48. ...написать ... историю Рима ... – Ср.: «О законах», I, 5—10, где с этим предложением к Цицерону обращается Аттик.

¹⁶⁶⁴ 49. Доверенный сонаследник – род душеприказчика: человек, которому отказывается имущество, чтобы тот передал (тотчас или по истечении срока) это имущество другому лицу. Вторую жену Цицерона звали Публилия.

заимодавцев. Об этом браке упоминает Антоний в своих возражениях на «Филиппики». Он говорит, что Цицерон выгнал жену, подле которой состарился, и заодно едко высмеивает его домоседство – домоседство бездельника и труса, как он утверждает.

Вскоре вслед за тем скончалась родами дочь Цицерона. Она была женою Лентула¹⁶⁶⁵, выйдя за него после смерти Пизона, первого своего мужа. Отовсюду собрались философы, чтобы утешить отца. Цицерон был убит горем и даже развелся с молодой супругой, которая, как ему казалось, была обрадована смертью Туллии. 42. Таковы были его семейные обстоятельства.

В заговоре против Цезаря Цицерон не участвовал, хотя входил в число ближайших друзей Брута и, по-видимому, как никто, тяготился сложившимся положением дел и тосковал о прошлом. Но заговорщики относились с недоверием и к его натуре, всегда бедной отвагою, и к годам, в которые даже самые сильные натуры лишаются прежней храбрости.

Когда Брут и Кассий осуществили свой замысел, а друзья Цезаря сплотились против убийц и над государством вновь нависла угроза междоусобной войны, Антоний, консул того года, собрал сенат и выступил с кратким призывом к единомыслию, а затем поднялся Цицерон и, произнеся пространную и подходящую к случаю речь, убедил сенаторов последовать примеру афинян¹⁶⁶⁶ и предать забвению все, происходившее при Цезаре, Кассию же и Бруту назначить провинции. Ни одна из этих мер, однако, исполнена не была. Народ, и без того проникнутый состраданием к убитому, едва лишь увидел его останки, вынесенные в погребальном шествии на форум, увидел в руках Антония одежду Цезаря, всю залитую кровью и разодранную мечами, вспыхнул неистовой яростью и ринулся искать заговорщиков. Никого из них на форуме не нашли, и толпа, с факелами, помчалась поджигать их дома. Этой опасности заговорщики, правда, избегли, оттого что были к ней готовы и не дали застигнуть себя врасплох, но предвидя новые, – грозные и многочисленные, – бежали из Рима.

43. Антоний сразу вошел в силу, и все испытывали страх, подозревая его в стремлении к единовластию, но особенно страшен был он для Цицерона. Он видел, что Цицерон снова пользуется большим влиянием в государственных делах, знал о его дружбе с Брутом и потому сильно тяготился присутствием этого человека. Вдобавок и прежде их разделяла взаимная неприязнь, вызванная полным несходством жизненных правил. Немало всем этим встревоженный, Цицерон решил было уехать в Сирию легатом при Долабелле¹⁶⁶⁷. Но Гирций и Панса, избранные консулами на следующий год, люди, бесспорно, порядочные и большие почитатели Цицерона, стали просить его не оставлять их одних, обещая сокрушить могущество Антония, если только он окажет им помощь, и Цицерон, и веря, и не веря этим обещаниям, от поездки с Долабеллою отказался, Гирцию же и Пансе объявил, что проведет лето в Афинах, а как только они вступят в должность, вернется. С тем он и пустился в путь, но плавание затянулось и, как обычно бывает в таких случаях, из Рима пришли свежие вести. С Антонием, писали друзья, случилась удивительная перемена, теперь он во всем покорен сенату, и не хватает лишь его, Цицерона, чтобы дела приняли самый лучший и счастливый оборот. Выбравив себя за чрезмерную осторожность, Цицерон немедленно возвратился в Рим. Первые впечатления вполне отвечали его надеждам: навстречу ему высыпало такое

¹⁶⁶⁵ 50. ...женою Лентула ... – Т.е. П. Корнелия Долабеллы, усыновленного П. Лентулом Спинтером, консулом 57 г. Долабелла был не вторым, а третьим мужем Туллии, и умерла она бывшею его женою, ибо за несколько месяцев до родов она развелась с ним.

¹⁶⁶⁶ 51. ...примеру афинян ... – В 403 г. в Афинах после изгнания Тридцати тираннов была объявлена всеобщая политическая амнистия («забвение прошлого»), одна из первых в европейской истории.

¹⁶⁶⁷ 52. ...легатом при Долабелле . – Т.е. при бывшем своем зяте, который получил на 43 г. проконсульство в Сирии, но был вытеснен оттуда Кассием.

множество ликующего народа, что приветствия у городских ворот и на пути к дому заняли почти целый день. Назавтра Антоний созвал сенат и пригласил Цицерона, но тот не явился, оставшись в постели и ссылаясь на слабость после утомительного путешествия. Но, сколько можно судить, истинною причиной была не усталость, а страх перед умыслами врагов, ибо некоторые обстоятельства, о которых ему сделалось известно дорогою, заставляли подозревать недоброе. Антоний, предельно возмущенный таким недоверием, отправил воинов с приказом либо привести Цицерона, либо сжечь его дом, но уступил возражениям и просьбам многих сенаторов и, приняв залог, отменил свой приказ. С тех пор они не здоровались и постоянно остерегались друг друга, и так продолжалось до приезда из Аполлонии молодого Цезаря¹⁶⁶⁸, который вступил во владение имуществом убитого и порвал с Антонием, присвоившим из наследства двадцать пять миллионов драхм.

44. Сразу вслед за этим отчим молодого Цезаря Филипп и его зять Марцелл пришли вместе с юношей к Цицерону и уговорились, что Цицерон будет поддерживать Цезаря в сенате и перед народом, употребляя на это всю силу своего красноречия и все влияние, каким он пользуется в государстве, а Цезарь, в свою очередь, обеспечит ему безопасность с помощью денег и оружия. Уже в ту пору в распоряжении молодого человека находилось немало бывших воинов Цезаря. Но, как тогда говорили, у Цицерона было и другое, не менее важное основание охотно принять дружбу Цезаря. Еще при жизни Помпея и старшего Цезаря он увидел замечательный сон. Снилось ему, что кто-то созывает сенаторских сыновей на Капитолий и что одного из них Юпитеру угодно назначить владыкою и главою Рима. Поспешно сбегаются граждане и обступают храм, молча сидят дети в тогах с пурпурною каймой¹⁶⁶⁹. Внезапно двери растворяются, мальчики по очереди встают и обходят вокруг бога, а бог оглядывает каждого и одного за другим отпускает, к немалому их огорчению. Но вот приблизился молодой Цезарь, и тут Юпитер, простерши десницу, возвестил: «Римляне! Междоусобиям вашим придет конец, когда владыкою станет *он*». Облик мальчика накрепко врезался Цицерону в память, хотя, кто это такой, он не знал. На другой день он спускался на Марсово поле, когда дети, уже закончив свои упражнения, расходились, и первым на глаза Цицерону попался мальчик, которого он видел во сне. Растерянный и изумленный, Цицерон спросил, чей он сын. Оказалось, что отец мальчика – Октавий, человек не слишком известный, а мать – Аттия, племянница Цезаря. Поэтому Цезарь, у которого своих сыновей не было, впоследствии отказал ему по завещанию свой дом и все имущество. С тех пор, говорят, Цицерон при каждой встрече внимательно беседовал с мальчиком, а тот охотно принимал эти знаки расположения. Кстати сказать, волею случая он родился в год, когда Цицерон был консулом.

45. Таковы были причины их дружбы, которые называла молва. Но по сути вещей Цицерона сблизил с Цезарем прежде всего ненависть к Антонию, а затем собственная натура, столь жадная до почестей. Он твердо рассчитывал присоединить к своему опыту государственного мужа силу Цезаря, ибо юноша заискивал перед ним настолько откровенно, что даже называл отцом. Брут в полном негодовании писал Аттику¹⁶⁷⁰, что Цицерон угождает Цезарю единственно из страха перед Антонием, а стало быть, ищет не свободы для отечества, а доброго господина для себя. Тем не менее сына Цицерона, занимавшегося в Афинах философией, Брут взял к себе, назначил начальником и часто давал ему разного рода поручения, которые молодой Цицерон с успехом исполнял.

¹⁶⁶⁸ 53. ...*молодого Цезаря* ... – Т.е. Октавиана, который в эпирской Аполлонии готовился сопровождать Цезаря на Восток. Ср. Бр., 22, Ант., 16.

¹⁶⁶⁹ 54. ...*в тогах с пурпурною каймой* . – Такие тоги носили, с одной стороны, несовершеннолетние, с другой стороны (ср. выше, примеч. 24) – сенаторы.

¹⁶⁷⁰ 55. *Брут ... писал Аттику* ... – См.: Цицерон. К Бруту, 1, 17.

Никогда сила и могущество Цицерона не были столь велики, как в ту пору. Распоряжаясь делами по собственному усмотрению, он изгнал из Рима Антония, выслал против него войско во главе с двумя консулами, Гирцием и Пансой, и убедил сенат облечь Цезаря, который, дескать, защищает отечество от врагов, всеми знаками преторского достоинства, не исключая и ликторской свиты. Но когда после битвы¹⁶⁷¹, в которой Антоний был разгромлен, а оба консула погибли, победившие войска присоединились к Цезарю и перешли под его начальство, сенат, испуганный беспримерными удачами этого юноши, попытался с помощью подарков и почестей отторгнуть от него воинов и уменьшить его силу – под тем предлогом, что не нуждается больше в защитниках, ибо Антоний бежал. Цезарь, встревожившись в свою очередь, через доверенных людей убеждал Цицерона домогаться консульства для них обоих вместе, заверяя, что, получив власть, править Цицерон будет один, руководя каждым шагом мальчика, мечтающего лишь о славе и громком имени. Цезарь и сам признавал впоследствии, что, боясь, как бы войско его не было распущено и он не остался в одиночестве, он вовремя использовал в своих целях властолюбие Цицерона и склонил его искать консульства, обещая свое содействие и поддержку на выборах.

46. Эти посулы соблазнили и разожгли Цицерона, и он, старик, дал провести себя мальчишке – просил за него народ, расположил в его пользу сенаторов. Друзья бранили и осуждали его еще тогда же, а вскоре он и сам почувствовал, что погубил себя и предал свободу римлян, ибо стоило юноше получить должность и возвыситься¹⁶⁷², как он и слышать больше не хотел о Цицероне, заключил дружбу с Антонием и Лепидом, и эти трое, слив свои силы воедино, поделили верховную власть, точно какое-нибудь поле или имение. Составили они и список осужденных на смерть, включив в него больше двухсот человек. Самый ожесточенный раздор между ними вызвало имя Цицерона: Антоний непреклонно требовал его казни, отвергая в противном случае какие бы то ни было переговоры, Лепид поддерживал Антония, а Цезарь спорил с обоими. Тайное совещание происходило близ города Бононии, вдаль от лагерей, на каком-то островке посреди реки, и продолжалось три дня. Рассказывают, что первые два дня Цезарь отстаивал Цицерона, а на третий сдался и выдал его врагам. Взаимные уступки были таковы: Цезарь жертвовал Цицероном, Лепид – своим братом Павлом, Антоний – Луцием Цезарем, дядею со стороны матери. Так, обуянные гневом и лютой злобой, они забыли обо всем человеческом или, говоря вернее, доказали, что нет зверя свирепее человека, если к страстям его присоединяется власть.

47. Цицерон с братом Квинтом находился тогда в своем имении близ Тускула. Узнав, что оба они объявлены вне закона, они сочли за лучшее добраться до Астуры, небольшого приморского поместья Цицерона, а оттуда плыть в Македонию, к Бруту: уже ходили слухи, будто власть в тех краях принадлежит ему. Их несли в носилках – от горя они обессилели, – и, часто отдыхая дорогой и ставя рядом носилки, они вместе оплакивали свою судьбу. Особенно пал духом Квинт, которого, кроме всего прочего, угнетала мысль о нужде. Он и сам ничего не взял из дому, и у Цицерона денег было в обрез, а потому Квинт предлагал, чтобы Цицерон ехал вперед, а он-де догонит брата позже, запасшись дома всем необходимым. На том и порешили. Они обнялись и, громко рыдая, расстались. Квинт спустя несколько дней был выдан собственными рабами и убит вместе с сыном, а Цицерон прибыл в Астуру и, найдя судно, тотчас поднялся на борт. С попутным ветром они плыли вдоль берега до Цирцей. Кормчие хотели, не задерживаясь, продолжать путь, но Цицерон, то ли испытывая страх перед морем, то ли не до конца еще изверившись в Цезаре, высадился и

¹⁶⁷¹ 56. ...после битвы ... – Имеется в виду битва при Мутине в апреле 43 г.

¹⁶⁷² 57. ...получить должность и возвыситься ... – Выборы состоялись в августе 43 г. (коллегою Октавиана сделался не Цицерон, а Кв. Педий, двоюродный брат Октавиана), а уже в ноябре был организован «второй триумвират» Октавиана, Антония и Лепида.

прошел около ста стадиев по направлению к Риму. Затем снова передумал и, не найдя себе места от тревоги, вернулся к морю, в Астуру. Там он провел ночь в тяжких думах и безысходной тоске. Ему являлась даже мысль тайно пробраться в дом к Цезарю, убить себя у очага и тем воздвигнуть на хозяина духа мщения, но страх перед муками заставил его отвергнуть и этот план. Перебирая и отбрасывая одно за другим сбивчивые, противоречивые решения, он велел, наконец, рабам морем доставить его в Кайету, подле которой находилось одно из его имений – замечательное прибежище от летнего зноя, в пору когда этесии¹⁶⁷³ дуют всего приятнее. В том месте над морем стоит маленький храм Аполлона. С кровли храма поднялась стая воронов и с карканьем полетела к судну Цицерона, на веслах подходившему к суше; птицы сели на нее, по обе стороны мачты, и одни кричали, а другие клювами долбили концы снастей. Все сочли это дурным предзнаменованием. Цицерон сошел на берег, поднялся в усадьбу и лег отдохнуть. Вороны теперь уселись на окне и не давали ему покоя своим криком, а один слетел к кровати, где, закутавшись с головою, лежал Цицерон, и клювом чуть сдвинул плащ с его лица. Тут рабы стали бранить себя, за то что нисколько не радуют о спасении господина, но безучастно ждут минуты, когда сделаются свидетелями его смерти, меж тем как даже дикие твари выказывают ему – гибнущему без вины – свою заботу. Они упростили, а вернее принудили Цицерона лечь в носилки и понесли его к морю.

48. Тем временем подросли палачи со своими подручными – центурион Геренний и военный трибун Попий, которого Цицерон когда-то защищал от обвинения в отцеубийстве. Найдя двери запертыми, они вломились в дом силой, но Цицерона не нашли, а все, кто был внутри, твердили, что знать ничего не знают, и лишь какой-то юнец, по имени Филолог, получивший у Цицерона благородное воспитание и образование, вольноотпущенник его брата Квинта, шепнул трибуну, что носилки глухими тенистыми дорожками понесли к морю. Захватив с собою нескольких человек, трибун поспешил к выходу из рощи окольным путем, а Геренний бегом бросился по дорожкам. Цицерон услышал топот и приказал рабам остановиться и опустить носилки на землю. Подперев, по своему обыкновению, подбородок левою рукой, он пристальным взглядом смотрел на палачей, грязный, давно не стриженный, с иссушенным мучительной заботой лицом, и большинство присутствовавших отвернулось, когда палач подбежал к носилкам. Цицерон сам вытянул шею навстречу мечу, и Геренний перерезал ему горло. Так он погиб на шестьдесят четвертом году жизни. По приказу Антония, Геренний отсек ему голову и руки, которыми он писал «Филиппики». Цицерон сам назвал речи против Антония «Филиппиками», и это название они сохраняют по сей день.

49. Антоний проводил выборы должностных лиц, когда ему сообщили, что эта кровавая добыча доставлена в Рим; увидав ее собственными глазами, он воскликнул: «Теперь казням конец!» Голову и руки он приказал выставить на ораторском возвышении, над корабельными носами¹⁶⁷⁴, – к ужасу римлян, которым казалось, будто они видят не облик Цицерона, но образ души Антония. И лишь в одном рассудил он справедливо – выдал Филолога Помпонии, супруге Квинта. Когда изменник оказался в ее руках, Помпония подвергла его страшным пыткам, среди которых была и такая: он отрезал по кусочкам собственное мясо, жарил и ел. Так рассказывают некоторые писатели, однако, отпущенник Цицерона Тирон ни словом не упоминает о предательстве Филолога.

Слышал я, что как-то раз, много времени спустя, Цезарь пришел к одному из своих внуков, а в это время в руках у мальчика было какое-то сочинение Цицерона, и он в испуге спрятал свиток под тогой. Цезарь заметил это, взял у него книгу и, стоя, прочитал большую

---

¹⁶⁷³ 58. *Этесии* – северо-восточные пассатные ветры, дующие на Средиземном море в середине лета.

¹⁶⁷⁴ 59. ...*над корабельными носами* ... – Т.е. «рострами», которыми была украшена ораторская трибуна на форуме.

ее часть, а потом вернул свиток внуку и промолвил: «Ученый был человек, что правда, то правда, и любил отечество». Как только Антоний потерпел окончательное поражение, Цезарь, сам исполнявший должность консула, своим товарищем по должности назначил сына Цицерона, и в его правление сенат распорядился убрать изображения Антония, отменил все прочие почести, какие были ему назначены, и, наконец, постановил, чтобы впредь никто в роду Антониев не носил имени Марка. Так завершить возмездие над Антонием божество предоставило дому Цицерона.

[Сопоставление]

50 (1). Насколько нам удалось выяснить, это все, что заслуживает памяти в жизни Демосфена и Цицерона. Ораторские их достоинства я сопоставлять не буду, но считал бы неправильным оставить без упоминания, что Демосфен все без изъятия, чем наградили его природа и упорный труд, отдавал ораторскому искусству, убедительностью и силой превосходя своих соперников в судах и собраниях, пышностью и внешним великолепием – самых блестящих краснобаев, а точностью и мастерством – софистов. Цицерон, необыкновенно образованный, разносторонний и неутомимо совершенствовавшийся оратор, вместе с тем оставил немало собственных философских сочинений в духе учения академиков, и даже в судебных его речах ясно ощущается желание выставить напоказ свою ученость.

Виден в речах и характер каждого из них. Красноречие Демосфена, чуждое каких бы то ни было прикрас и забав, – это сама сила и сама внушительность, и отдавало оно не светильней, как язвил Пифей, но свидетельствовало о безупречной трезвости, о глубоких раздумиях и о суровом, желчном нраве, который был известен всем. Напротив, Цицерона страсть к острословию сплошь и рядом доводила до шутовства. Желая насмешить слушателей, он и в суде говорил о предметах, требующих полной серьезности, тоном недопустимого легкомыслия. Так, в речи¹⁶⁷⁵ за Целия он заявил, что нет ничего удивительного, если его подзащитный в этот век, склонный к пышности и роскошеству, не отказывает себе в наслаждениях, ибо не пользоваться доступным и дозволенным – безумие, особенно когда самые знаменитые философы именно в наслаждении усматривают высшее благо¹⁶⁷⁶. Рассказывают еще, что в свое консульство он защищал Мурену, которого привлек к суду Катон, и, – метя в Катона, – долго высмеивал¹⁶⁷⁷ стоическую школу за нелепость так называемых странных суждений. Кругом оглушительно хохотали, наконец не выдержали и судьи, а Катон слегка улыбнулся и заметил сидевшим подле: «Какой шутник у нас консул, господа римляне». По-видимому, и вообще, по натуре своей, Цицерон был склонен к веселью и шуткам – лицо его всегда было ясно, на губах играла улыбка. А с лица Демосфена не сходила печать раздумий и напряженной заботы, и потому враги, как сообщает он сам, называли его брюзгой и упрямым.

51 (2). Из сочинений обоих видно также, что один хвалил себя сдержанно, неназойливо и не ради самой похвалы, но лишь имея в виду иную, более высокую цель, в остальных же случаях бывал осмотрителен и скромн, тогда как буйное хвастовство Цицерона выдает безмерную жажду славы. Он кричит, что оружие должно склониться пред тогою, а лавр

¹⁶⁷⁵ 60. ...в речи ... – «За Целия», 17, 41.

¹⁶⁷⁶ 61. ...в наслаждении ... благо . – Злой выпад против последователей Эпикура, философских оппонентов Цицерона и Плутарха.

¹⁶⁷⁷ 62. ...защищал Мурену ... долго высмеивал ... – Шутки над стоическим догматизмом в речи «За Мурену» есть, напр, в § 58—66, ср. 3; 13 и др.

триумфатора – пред силою слова¹⁶⁷⁸, и превозносит не только свои деяния и подвиги, но даже речи, которые говорил и записывал, – точно мальчишка, силящийся превзойти Исократа, Анаксимена и прочих софистов, а не государственный муж, считающий себя призванным вести и наставлять римский народ.

Чей мощный меч в бою всегда врагам грозит¹⁶⁷⁹.

Нет спора, тому кто стоит у кормила правления, искусство речи необходимо, но без памяти любить славу, которую это искусство доставляет, легкомысленно и недостойно. И если рассматривать обоих с этой точки зрения, то все преимущества на стороне Демосфена, который говорил¹⁶⁸⁰, что его красноречие – своего рода сноровка, совершенно бесполезная, когда слушатели отказывают в благосклонности, а тех, кто подобной сноровкою чванится, справедливо считал низкими ремесленниками.

52 (3). В Народном собрании и в государственных делах влияние обоих было огромно, так что даже военачальники и полководцы искали у них поддержки, у Демосфена – Харет, Диопиф, Леосфен, у Цицерона – Помпей и молодой Цезарь, как свидетельствует сам Цезарь в своих воспоминаниях, посвященных Агриппе и Меценату. Того, однако же, в чем, по общему взгляду и суждению, всего вернее выявляется и испытывается характер, а именно власти на высоком государственном посту, – власти, приводящей в движение каждую из страстей и раскрывающей все дурные черты человеческой натуры, у Демосфена никогда не было, и с этой стороны он нам неизвестен, ибо ни одной важной должности не исполнял; даже силами, которые он собрал для борьбы с Филиппом, командовали другие. Напротив, Цицерона посылали квестором в Сицилию и правителем в Киликию и Каппадокию, и в ту пору, когда корыстолюбие процветало, когда военачальники и наместники не просто обворовывали провинции, но грабили их открыто, когда брать чужое не считалось зазорным и всякий, кто соблюдал меру в хищениях, тем самым уже приобретал любовь жителей, в эту пору Цицерон дал надежные доказательства своего презрения к наживе, своего человеколюбия и честности. А в самом Риме, избранный консулом, но, в сущности, получивший для борьбы с заговором Катилины ничем не ограниченную власть диктатора, он подтвердил пророческие слова Платона¹⁶⁸¹, что государства лишь тогда избавятся и отдохнут от бедствий, когда по милости судьбы большое могущество и мудрость соединятся со справедливостью.

Демосфена порицают за то, что из своего красноречия он сделал доходное занятие – писал тайком речи для Формиона и Аполлодора, которые вели тяжбу друг против друга; принял, покрывши себя позором, деньги от персидского царя; наконец, он был подкуплен Гарпалом и осужден. Даже если бы мы решились упрекнуть во лжи тех, кто это пишет (а их отнюдь не мало), невозможно отрицать, что глядеть равнодушно на царские дары, предлагаемые благосклонно и с почетом, у Демосфена не хватало мужества и что трудно ждать иного от человека, который ссужал деньги под залог кораблей¹⁶⁸². А Цицерон, как

¹⁶⁷⁸ 63. *Он кричит ...* и далее. – Ср. «II филиппика», 30 и стих (из поэмы «О своем консульстве») «Меч, пред тогой склонись; ветвь лавра, склонись пред заслугой!»

¹⁶⁷⁹ 64. *Чей мощный меч ... врагам грозит* . – Стих из неизвестной трагедии Эсхила.

¹⁶⁸⁰ 65. *...который говорит ...* – См.: Демосфен. О венке, 277 (свободный пересказ).

¹⁶⁸¹ 66. *...пророческие слова Платона ...* – «Государство», V, 473d.

¹⁶⁸² 67. *...ссужал деньги под залог кораблей* . – Т.е. ссужал деньги с очень высокими процентами за риск (ср.: КСт., 21).

уже говорилось, не взял ничего ни у сицилийцев, когда был эдилом, ни, в бытность свою наместником, у царя Каппадокии, ни у друзей, когда уходил в изгнание, отклонивши их щедрость и настоятельные просьбы.

53 (4). И само изгнание для одного, уличенного в мздоимстве, было позором, а другому стяжало прекрасную славу, ибо он пострадал без вины, избавив отечество от злодеев. Поэтому за Демосфена никто не заступился, тогда как, скорбя об участи Цицерона, весь сенат переменял одежды, а позже отказался обсуждать какие бы то ни было дела, пока народ не разрешит Цицерону вернуться. Но зато Цицерон провел изгнание в бездействии, праздно сидя в Македонии, а у Демосфена и на пору изгнания приходится немалая толика трудов, принятых во имя и ради государства. Как уже говорилось, он помогал грекам и ездил из города в город, выгоняя македонских послов и проявив себя гораздо лучшим гражданином, нежели когда-то, в подобных обстоятельствах, Фемистокл и Алкивиад. И возвратившись, он неуклонно продолжал держаться прежнего направления, воюя против Антипатра и македонян. А Цицерона Лелий открыто порицал в сенате за то, что он молчит, меж тем как Цезарь, безбородый юнец, домогается консульства вопреки закону. Корит его в письмах и Брут¹⁶⁸³, обвиняя в том, что он взрастил тиранию, более грозную и тяжкую, чем низвергнутая им, Брутом.

54 (5). И в заключение – о кончине обоих. Об одном можно лишь пожалеть, вспоминая, как его, одержимого страхом старика, носили с места на место рабы, как он бежал от смерти и прятался от убийц, которые пришли за ним не многим раньше срока, назначенного природой, и как он все-таки был зарезан. Другой, – хотя он и пытался было вымолить себе жизнь, – заслуживает восхищения и тем, что вовремя раздобыл и крепко берег ядовитое зелье, и тем, как его употребил, когда бог отказал ему в убежище и когда он словно бы спасся под защитой иного, высшего алтаря, вырвавшись из лап наемных копейщиков и насмеявшись над жестокостью Антипатра.

ДЕМЕТРИЙ И АНТОНИЙ

[Перевод С.П. Маркиша]

Деметрий

1. Те, кому впервые пришло на мысль сравнить искусства с человеческими ощущениями, главным образом, как мне кажется, имели в виду свойственную обоим способность различения, благодаря которой мы можем как через чувственные восприятия, так равно и чрез искусства постигать вещи противоположные. На этом, однако, сходство между ними заканчивается, ибо цели, которым эта способность служит, далеки одна от другой. Восприятие не отдает никакого предпочтения белому перед черным, сладкому перед горьким, мягкому и податливому перед твердым и неподатливым – задача его состоит в том, чтобы прийти в движение под воздействием каждой из встречающихся ему вещей и передать воспринятое рассудку. Между тем искусства изначально сопряжены с разумом, чтобы избирать и удерживать сродное себе и избегать, сторониться чуждого, а потому главным образом и по собственному почину рассматривают первое, второе же – только от случая к случаю и с единственным намерением: впредь остерегаться его. Так искусству врачевания приходится исследовать недуги, а искусству гармонии неблагозвучия ради того, чтобы создать противоположные свойства и состояния, и даже самые совершенные среди искусств

---

¹⁶⁸³ 68. Корит его в письмах и Брут ... – См.: Цицерон. К Бруту, 1, 16.

– воздержность, справедливость и мудрость¹⁶⁸⁴ – судят не только о прекрасном, справедливом и полезном, но и о пагубном, постыдном и несправедливом, и отнюдь не хвалят невинности, кичащейся неведением зла, но считают ее признаком незнания того, что обязан знать всякий человек, желающий жить достойно.

В давние времена спартанцы по праздникам напавали илотов¹⁶⁸⁵ несмешанным вином и потом приводили их на пиры, чтобы показать молодым, что такое опьянение. Исправлять одних людей ценою развращения других, на наш взгляд, и бесчеловечно, и вредно для государства, но поместить среди наших жизнеописаний, призванных служить примером и образцом, один или два парных рассказа о людях, которые распорядились своими дарованиями с крайним безрассудством и, несмотря на громадную власть и могущество, прославились одними лишь пороками, будет, пожалуй, небесполезно. Я не думаю, клянусь Зевсом, о том, чтобы потешить и развлечь читателей пестротой моих писаний, но, подобно фиванцу Исмению, который показывал ученикам и хороших, и никуда не годных флейтистов, приговаривая: «Вот как надо играть» или: «Вот как не надо играть», подобно Антигениду, полагавшему, что молодые люди с тем большим удовольствием будут слушать искусных музыкантов, если познакомятся и с плохими, – точно так же и я убежден, что мы внимательнее станем всматриваться в жизнь лучших людей и охотнее им подражать, если узнаем, как жили те, кого порицают и хулят.

В эту книгу войдут жизнеописания Деметрия Полиоркета и императора Антония, двух мужей, на которых убедительнее всего оправдались слова Платона, что великие натуры могут таить в себе и великие пороки, и великие доблести¹⁶⁸⁶. Оба они были одинаково сластолюбивы, оба пьяницы, оба воинственны, расточительны, привержены роскоши, разнузданны и буйны, а потому и участь обоих была сходной: в течение всей жизни они то достигали блестящих успехов, то терпели жесточайшие поражения, завоевывали непомерно много и непомерно много теряли, падали внезапно на самое дно и вопреки всем ожиданиям вновь выплывали на поверхность и даже погибли почти одинаково: Деметрий – схваченный врагами, Антоний – едва не попавши к ним в руки.

2. От Стратоники, дочери Коррага, у Антигона было двое сыновей; одного он назвал Деметрием, в честь брата, другого, в честь отца – Филиппом. Так сообщает большинство писателей, но некоторые пишут, что Деметрий приходился Антигону не сыном, а племянником и что отец его умер, когда он был еще младенцем, а мать сразу после этого вышла замуж за Антигона и поэтому все считали Деметрия его сыном. Филипп родился немногими годами позже брата и умер своею смертью. Роста Деметрий был высокого, хотя и пониже Антигона, а лицом до того красив, что все только дивились и ни один из ваятелей и живописцев не мог достигнуть полного сходства, ибо черты его были разом и прелестны, и внушительны, и грозны, юношеская отвага сочеталась в них с какою-то неизобразимою героической силой и царским величием. И нравом он был примерно таков же, внушая людям ужас и, одновременно, горячую привязанность к себе. В дни и часы досуга, за вином, среди наслаждений и повседневных занятий он был приятнейшим из собеседников и самым изнеженным из царей, но в делах настойчив, неутомим и упорен, как никто. Поэтому среди богов он больше всего старался походить на Диониса, великого воителя¹⁶⁸⁷, но, вместе с

¹⁶⁸⁴ 1. ...воздержанность, справедливость и мудрость (и четвертое качество, мужество) – общий для всей греческой философии канон добродетелей.

¹⁶⁸⁵ 2. ...напавали илотов... – См.: Лик., 28.

¹⁶⁸⁶ 3. ...слова Платона... и далее (в вольном пересказе). – «Государство», VI, 491e или «Горгий», 525e.

¹⁶⁸⁷ 4. ...на Диониса, великого воителя... – Имеется в виду поздний миф о походе Диониса, благодетеля человечества, по всей земле вплоть до Индии.

тем, и несравненного искусника обращать войну в мир со всеми его радостями и удовольствиями.

3. Деметрий горячо любил отца, а его уважение к матери и заботы о ней показывают, что и отца он чтил скорее из искреннего чувства, нежели преклоняясь пред его могуществом. Однажды Антигон принимал какое-то посольство. Деметрий вернулся с охоты и, как был, с копьями в руке, вошел к отцу, поцеловал его и сел рядом. Антигон уже отпустил было послов, но тут остановил их и громко воскликнул: «И об этом не забудьте рассказать у себя, господа послы, что вот как относимся мы друг к другу». В согласии с сыном и доверии к нему он видел одну из надежнейших основ своего царства и признак его мощи. До какой же степени угрюма и замкнута всякая власть, полна недоверия и зложелательства, если величайший и старейший из преемников Александра горд тем, что не боится родного сына, но подпускает его к себе с оружием в руках! И гордость его небезосновательна: пожалуй, единственный царский дом, который на протяжении многих поколений не ведал подобных нападений, это дом Антигона, или, говоря понятнее и точнее, среди всех его потомков только Филипп убил своего сына¹⁶⁸⁸. А ведь история чуть ли не любого престола так пестрит убийствами детей, матерей, жен. Что же касается избиения братьев, то оно повсюду признавалось необходимым для царя условием безопасности, вроде тех необходимых условий¹⁶⁸⁹, какие выдвигают и принимают геометры.

4. Вначале Деметрий отличался и человеколюбием, и привязанностью к товарищам, о чем свидетельствует, например, вот какое происшествие. При дворе Антигона служил сын Ариобарзана Митридат, ровесник и близкий друг Деметрия. Он был человек вполне порядочный и пользовался доброй славой, но Антигон проникся подозрениями против него, увидев однажды странный сон. Царю снилось, будто он идет красивой и обширной равниной и засеивает ее крупинками золота; из них поднимается золотая жатва, но когда Антигон, немного спустя, снова приходит на поле, он не видит ничего, кроме колючего жнивья. До крайности раздосадованный и опечаленный, он слышит чьи-то голоса, что, дескать, золотую жатву убрал Митридат и бежал к Эвксинскому Понту. Царь сильно встревожился. Взявши с сына клятву хранить молчание, он открыл ему свой сон и сказал, что намерен любыми средствами избавиться от Митридата и лишить его жизни. Услышав это, Деметрий был вне себя от огорчения, и, когда Митридат, по заведенному обычаю, пришел к нему, чтобы вместе провести время, Деметрий нарушить клятву и хотя бы словом обмолвиться о разговоре с отцом не посмел, но, отведя друга в сторону и убедившись, что никого рядом нет, древком копья написал на земле: «Беги, Митридат». Митридат все понял и тою же ночью бежал в Каппадокию. А сну Антигона суждено было вскорости сбыться: Митридат завладел обширной и богатой страной и был основателем династии понтийских царей, которая прекратилась примерно в восьмом от него колене, свергнутая римлянами. Так проявляла себя врожденная доброта и справедливость Деметрия.

5. Как среди первоначал Эмпедокла¹⁶⁹⁰, одержимых взаимною ненавистью, царит раздор и вражда, особенно жестокие между теми, что соседствуют и касаются друг друга, так и непрерывная война, которая шла между всеми преемниками Александра, время от времени разгоралась особенно жарко из-за близости их владений и столкновения интересов. В ту пору, которой касается наш рассказ, борьба вспыхнула между Антигоном и

¹⁶⁸⁸ 5. ...Филипп убил своего сына. – Филипп V Македонский убил своего сына Деметрия, сочувствовавшего римлянам, по проискам другого сына, Персея, враждебного римлянам. Ср.: Арат, 54.

¹⁶⁸⁹ 6. ...необходимых условий... – Т.е. постулатов или аксиом.

¹⁶⁹⁰ 7. ...первоначал Эмпедокла... – По учению этого философа, мир состоит из 4 стихий-первоначал (земля, вода, воздух, огонь), то сливающихся под влиянием Любви, то вскипающих друг на друга под влиянием Вражды.

Птолемеем¹⁶⁹¹. Сам Антигон находился во Фригии и, получив известие, что Птолемей переправился с Кипра в Сирию и грабит страну, а города либо склоняет к измене, либо захватывает силой, выслал против него сына, Деметрия, двадцати двух лет от роду, который тогда впервые выступил главнокомандующим в большой и трудный поход. Неопытный юнец, он столкнулся с мужем из Александровой палестры¹⁶⁹², который уже и один, после смерти учителя, выдержал немало трудных боев, – столкнулся и, разумеется, потерпел неудачу и был разбит у города Газы, потеряв восемь тысяч пленными и пять тысяч убитыми. Враги захватили и палатку Деметрия, и его казну, и всех слуг. Впрочем и добро, и слуг, так же как и попавших в плен друзей Деметрия, Птолемей ему вернул с доброжелательным и человеколюбивым объяснением, что предметом их борьбы должна быть лишь слава и власть. Приняв этот дар, Деметрий обратился к богам с молитвою, чтобы недолго пришлось ему оставаться в долгу у неприятеля, но поскорее довелось отплатить милостью за милость. Неудачу, постигшую его в самом начале пути, он перенес не как мальчишка, но как опытный полководец, хорошо знакомый с переменчивостью воинского счастья, – набирал войска, готовил оружие, предупреждал восстания в городах и учил новобранцев.

6. Когда Антигон узнал о битве при Газе, он заметил, что Птолемей одержал победу над безбородыми подростками, но теперь ему снова предстоит иметь дело с мужами; не желая, однако, унижать гордость сына, который просил дать ему право еще раз сразиться с врагом самому, он не настаивал на своем и согласился. И вот, спустя немного, во главе большого войска появляется полководец Птолемея Килл с намерением очистить всю Сирию и вытеснить Деметрия, который после своего поражения казался несостоящим противником. Но Деметрий неожиданным ударом наводит на врага такой ужас, что захватывает весь лагерь вместе с военачальником. В руки его попадают семь тысяч пленных и огромная добыча. Впрочем не столько радовали Деметрия богатство и слава, принесенные победою, сколько возможность вернуть захваченное и тем отблагодарить Птолемея за его человеколюбие. Действовать по собственному усмотрению он, однако же, не решился и написал отцу. Антигон позволил сыну распорядиться добычею, как он желает, и Деметрий, щедро одарив Килла и его друзей, отправил их к Птолемею. Эти события изгнали Птолемея из Сирии, Антигона же, который наслаждался успехом и хотел видеть сына, побудили расстаться с Келенами.

7. Вслед за тем Антигон отправил Деметрия на покорение аравийского племени набатеев, и тут, попав в безводную пустыню, он подвергся немалой опасности, однако, сохраняя мужество и присутствие духа, настолько испугал варваров, что смог отступить с богатой добычей, среди которой было семьсот верблюдов.

Когда Селевк, изгнанный Антигоном из Вавилонии, затем возвратился, вернул себе власть и, утвердившись в своих прежних владениях, двинулся с войском вглубь материка, чтобы подчинить соседние с индийцами народы и прикавказские области, Деметрий, надеясь найти Месопотамию беззащитной, внезапно переправился через Евфрат и напал на Вавилон. Он захватил одну из цитаделей – всего их было две – выбив оттуда караульный отряд Селевка и разместив семь тысяч своих воинов, а затем, приказав войску грабить страну и уносить с собою все, что удастся, снова отошел к морю. Этим походом Деметрий лишь укрепил власть Селевка, ибо разоряя Вавилонию, словно чужую землю, он как бы отрекался от всяких прав на нее.

Птолемей осадил Галикарнасс, и Деметрий, немедленно бросившись на помощь,

¹⁶⁹¹ 8. ...борьба... между Антигоном и Птолемеем. – После смерти регентов Пердикки, Антипатра и Полисперхонта и гибели всех членов царской династии, самым сильным из диадохов остался Антигон, отец Деметрия; на него и встали войной Птолемей из Египта, Селевк из Вавилонии и Кассандр из Македонии, и с ними по очереди воевал Деметрий.

¹⁶⁹² 9. ...из Александровой палестры... – Т.е. Александровой выучки.

вырвал город из рук неприятеля. (8). Слух об этом прекрасном подвиге разнесся повсюду, и тут Антигоном и Деметрием овладело горячее желание освободить всю Грецию, поработленную Кассандром и Птолемеем. Никогда ни один из царей не вел войны благороднее и справедливее, ибо те богатства, которые отец с сыном скопили, умирняя варваров, тратились теперь на греков – славы и чести ради. Когда было решено сначала плыть в Афины и один из друзей посоветовал Антигону оставить город за собою, если он будет захвачен, ибо, дескать, это сходни, переброшенные на берег Греции, Антигон отверг его совет, сказав, что самые прочные сходни – это доверие и расположение, а что Афины – сторожевая башня всего света, с высоты которой весть о любых деяниях быстро домчится до самых отдаленных народов земли. Итак, Деметрий вышел в море с пятью тысячами талантов серебра и флотом из двухсот пятидесяти судов и двинулся к Афинам, где, в самом городе, правил назначенный Кассандром Деметрий Фалерский, а в Мунихии стоял сторожевой отряд. Дальновидным планам Деметрия сопутствовала удача, и в двадцать шестой день месяца фаргелиона он появился в виду Пирея, совершенно неожиданно для его защитников, а потому, когда флот стал приближаться, все решили, что это корабли Птолемея, и принялись готовиться к встрече. Лишь много спустя начальники, обнаружив свою ошибку, отдали необходимые распоряжения, и тут поднялось страшное замешательство, естественное и неизбежное в тех случаях, когда приходится отбивать внезапную высадку неприятеля. И в самом деле, Деметрий уже вошел в гавань, найдя проходы незапертыми, и теперь, стоя на виду у всех, приказал подать с корабля знак, призывающий к тишине и вниманию. Все примолкли, и, поставив рядом с собою глашатая, Деметрий объявил, что прислан отцом, дабы в добрый час освободить афинян¹⁶⁹³, изгнать сторожевой отряд и вернуть гражданам их законы и старинное государственное устройство.

9. После этих слов глашатая, большая часть воинов тут же сложила щиты к ногам и с громкими рукоплесканиями стала приглашать Деметрия сойти на берег, называя его благодетелем и спасителем. Деметрий Фалерский, считая, что победителю следует покоряться в любом случае, даже если он не намерен исполнить ни единого из своих обещаний, отправил к нему посольство с изъявлением покорности. Деметрий ласково принял послов, а когда те тронулись в обратный путь, в свою очередь отправил к афинянам Аристодема Милетского, одного из друзей своего отца. После совершившейся так внезапно перемены Деметрий Фалерский больше, нежели неприятелей, страшился собственных сограждан. Полный глубокого уважения к славе и нравственной чистоте этого человека, Деметрий позаботился о нем и, исполняя его желание, отправил под надежную охрану в Фивы. Сам же он объявил, что, как ни хочется ему повидать Афины, он вступит в город не прежде, чем завершит его освобождение, изгнав караульный отряд. Обведя Мунихию валом и рвом, Деметрий морем двинулся на Мегары, занятые воинами Кассандра.

В Патрах жила знаменитая красавица Кратесиполида, бывшая супруга Александра, сына Полисперхонта, и узнав, что она готова встретиться с ним, Деметрий бросил войско близ Мегар и пустился в путь в сопровождении нескольких легковооруженных пехотинцев, но и немногочисленным этим провожатым не велел приближаться к своей палатке, чтобы женщина могла приходить к нему тайно. Враги, однако, обо всем проведали и неожиданно напали на Деметрия, который в страхе бежал, едва успев накинуть на плечи плащ. Так он чуть было не попал в позорнейший плен из-за своей распущенности, но все же счастливо ускользнул от опасности, а палатку со всем ее содержимым захватили и унесли враги.

Когда Мегары были взяты и воины уже начинали грабить город, горячие просьбы афинян убедили Деметрия сменить гнев на милость. Он изгнал неприятельский караульный отряд и объявил город свободным. Занимаясь делами мегарян, он вспомнил о философе

---

¹⁶⁹³ 10. ...освободить афинян... – Кассандр, правя в близкой Македонии, опирался в Греции на свои гарнизоны и тираннические режимы, Антигон и Деметрий в противоположность этому поддерживали демократию.

Стильпоне, который, как говорили, решил провести остаток своих дней в уединении и тишине. Деметрий послал за ним и спросил, не унес ли кто из воинов его имущества. «Нет, – отвечал Стильпон, – никто. Во всяком случае, я не видел никого, кто бы уносил знание». Почти все рабы были расхищены победителями, и когда Деметрий, прощаясь со Стильпоном, в заключение дружелюбной беседы, заметил: «Я оставляю ваш город свободным» – философ сказал ему: «Что правда, то правда: ты не оставил нам ни одного раба».

10. Вернувшись к Мунихии и став лагерем перед ее стенами, Деметрий, наконец, выбил из крепости сторожевой отряд, а самое крепость разрушил и лишь тогда принял приглашения афинян, вошел в город и, созвав Народное собрание, восстановил старинное государственное устройство. Кроме того он обещал, что отец пришлет им сто пятьдесят тысяч медимнов хлеба и корабельного леса на сто триер. Так после четырнадцати лет олигархии – со времен Ламийской войны и битвы при Кранноне – олигархии, которую могущество Деметрия Фалерского, по сути дела, превратило в единовластие, афиняне вновь обрели демократическое правление. Благодеяние это само по себе прославило и возвеличило Деметрия, зато афиняне, желая воздать по заслугам своему освободителю, неумеренностью почестей вызвали только ненависть к нему. Афиняне были первыми, кто провозгласил Деметрия и Антигона царями, хотя до того оба всячески отвергали это звание – оно считалось единственным из царских преимуществ, по-прежнему остающимся за потомками Филиппа и Александра и недостижимым, недоступным для прочих. Афиняне были единственными, кто нарек их богами-спасителями; отменивши старинное достоинство архонта-эпонима, они решили ежегодно избирать «жреца спасителей» и все постановления и договоры помечать его именем. Они постановили далее, чтобы на священном пеплосе¹⁶⁹⁴, вместе с остальными богами, ткались изображения Антигона и Деметрия. Место, куда впервые ступил Деметрий, сойдя с колесницы, они освятили и воздвигли там жертвенник Деметрию Нисходящему¹⁶⁹⁵, к прежнему филам¹⁶⁹⁶ присоединили две новые – Деметриаду и Антигониду и число членов Совета увеличили с пятисот до шестисот, ибо каждая фила выставляла по пятидесяти советников.

11. Самой чудовищной выдумкой Стратокла (так звался изобретатель всего этого хитроумнейшего и утонченного раболепия) было предложение, чтобы лица, отправляемые Собранием к Антигону или Деметрию, именовались не послами, но феорами – словно те, кто на общегреческих празднествах при дельфийском Пифоне или в Олимпии приносят от имени своих городов установленные древним обычаем жертвы.

Этот Стратокл и вообще отличался необыкновенною дерзостью, жизнь вел беспутную и разнузданную и в своем беззаботном и пренебрежительном отношении к народу подражал, казалось, гнусному шутовству Клеона. Он взял к себе в дом гетеру Филакион. Как-то раз она принесла с рынка мозги и шеи. «Смотри-ка, – воскликнул Стратокл, – ты купила к обеду те самые мячи, которыми мы перебрасываемся, когда решаем государственные дела!» Когда афинский флот потерпел поражение при Аморгосе, Стратокл, опередивши гонцов, прошествовал с венком на голове через Керамик, возвестил, что одержана победа, и тут же предложил устроить благодарственные жертвоприношения и раздачу мяса по филам. Немного спустя моряки привели уцелевшие в битве суда, и афиняне в ярости потребовали Стратокла к ответу, а тот, нимало не смущенный гневным шумом толпы, выступил и сказал:

¹⁶⁹⁴ 11. *Священный пеплос* – одеяние богини Афины, украшенное изображением борьбы богов с гигантами, которое ткалось каждый год заново к празднику Панафиней.

¹⁶⁹⁵ 12. *Нисходящий* – этот эпитет (kataibates) прилагается к Зевсу, грозой низвергающемуся на землю.

¹⁶⁹⁶ 13. *...к прежнему филам...* – Речь идет о 10 филах, на которые делилось афинское гражданство со времени Клисфена (конец VI в.).

«А что, собственно, страшного с вами приключилось? Вы провели в радости два дня – только и всего!» Вот какова была наглость Стратокла.

12. Но, как говорит Аристофан¹⁶⁹⁷, бывает кое-что и погорячее огня. Нашелся еще льстец, низостью превзошедший самого Стратокла, и предложил, чтобы всякий раз, как Деметрий прибудет в Афины, его принимали с таким же почетом, какой воздают Деметре и Дионису, и чтобы тот, кто сумеет обставить этот прием наиболее торжественно и пышно, приносил за казенный счет памятный дар богам. В довершение всего афиняне назвали месяц мунихион деметрионом, канун новолуния деметриадой, а праздник Дионисии переименовали в Деметрии. Чуть ли не каждое из нововведений божество отметило дурным знаменем. Когда пеплос, на котором постановили выткать Деметрия и Антигона рядом с Зевсом и Афиною, понесли через Керамик, налетел ураган и разодрал священное одеяние пополам. Вокруг новых жертвенников густо поднялась цикута, хотя вообще земля в Аттике редко рождает эту траву. В день, на который падали Дионисии, праздничное шествие пришлось отменить, ибо ударил сильный, не по времени года, мороз и выпал густой иней; стужа сожгла не только все виноградники и фиговые деревья, но побила и зелены. Надеясь на эти события, противник Стратокла Филиппид пишет о нем в комедии так:

Он – тот, по чьей вине на лозы иней пал
И кто нечестием порвал богини плащ;
Воздал он смертным людям божьи почести.
Вот кто народ сгубил, а не комедия.

Филиппид был другом Лисимаха, и царь из уважения к нему сделал афинскому народу немало добра. Встретиться и повидаться с ним перед каким-нибудь важным делом или походом Лисимах почитал за счастливое предзнаменование. Добрым именем пользовался Филиппид и за свой нрав, ибо никогда никому не навязывался и был свободен от придворной суетливости и любопытства. Однажды, ласково беседуя с ним, Лисимах спросил: «Чем бы мне поделиться с тобою, Филиппид?» – «Чем угодно, царь, только не тайною», – был ответ. Я умышленно сопоставляю здесь этих двух людей: одного из них выкормило ораторское возвышение, другого – театр.

13. Однако ж наиболее бессмысленной, наиболее глупой среди всех почестей была вот такая: в связи с намерением афинян посвятить Дельфийскому богу щиты Дромоклид из дема Сфетт предложил просить об оракуле... Деметрия! Привожу это предложение дословно. «В добрый час! Народ да соблаговолит определить: избрать одного из афинян и отправить к Спасителю, дабы, принеся надлежащие жертвы, он спросил Спасителя, как лучше, скорее и благочестивее всего может народ посвятить свой дар; что изречет Спаситель, то да исполнит народ». Подобного рода издевательская лесть пагубно действовала на рассудок Деметрия, и без того не слишком крепкий и здоровый.

14. Находясь в Афинах и отдыхая от трудов, Деметрий женился на Эвридике, вдове Офельта, властителя Кирены. Она вела свой род от древнего Мильтиада и после смерти Офельта снова вернулась в отечество. Брак этот афиняне расценили как особую милость и честь для своего города. Однако Деметрий был до того скор и легок на заключение браков, что жил в супружестве со многими женщинами сразу. Наибольшим уважением среди них пользовалась Фила – как по праву дочери Антипатра, так и потому, что прежде была женою Кратера, который среди всех преемников Александра оставил по себе у македонян самую добрую память. На Филе, которая была старше его, Деметрий, тогда еще совсем юный, женился, послушавшись уговоров отца, но без всякой охоты, и Антигон, как рассказывают, шепнул ему на ухо измененный стих из Эврипида¹⁶⁹⁸:

¹⁶⁹⁷ 14. ...говорит Аристофан... – «Всадники», 382.

¹⁶⁹⁸ 15. ...стих из Эврипида... – «Финикиянки», 395.

За прибыль станешь ты не вольно женихом,

удачно подставив вместо «и нехотя рабом» сходные с ними по звучанию слова. За всем тем «уважение» Деметрия к Филе и прочим его супругам было такого свойства, что он открыто, не таясь, жил со многими гетерами и свободными женщинами, и ни единому из тогдашних царей не приносило сластолюбие столь скверной славы, как ему.

15. Антигон призывал сына начать войну с Птолемеем за остров Кипр, и послушаться Деметрий не смел, но, сокрушаясь, что должен оставить борьбу куда более славную и прекрасную, – борьбу за Грецию, – он подослал своего человека к полководцу Птолемею Клеониду, начальнику сторожевых отрядов в Сикионе и Коринфе, и предлагал ему денег, если он возвратит свободу этим городам. Когда же Клеонид отвечал отказом, Деметрий, не теряя времени, вышел в море и со всем войском поплыл к Кипру. Менелая, брата Птолемея, он разбил в первом же сражении, а когда появился сам Птолемей с большими сухопутными и морскими силами, зазвучали взаимные угрозы и хвастливые, вызывающие речи. Птолемей советовал Деметрию убраться вон, пока он еще не раздавлен собранной воедино мощью врага, а Деметрий сулил Птолемею отпустить его восвояси, если он пообещает очистить Сикион и Коринф. Эта борьба неопределенностью своего исхода держала в напряженном ожидании не только самих противников, но и каждого из остальных властителей, ибо ясно было, что успех отдает в руки победителя не Кипр и не Сирию, но верховное главенство.

16. Птолемей отошел от берега на ста пятидесяти судах, а Менелая с шестьюдесятью кораблями приказал ждать у Саламина, чтобы в самый разгар сражения напасть на Деметрия с тыла и расстроить его боевой порядок. Против этих шестидесяти Деметрий выставил только десять, – ибо десяти судов оказалось достаточно, чтобы замкнуть узкий выход из гавани, – разместил пехоту на всех далеко выступающих в море мысах, а сам со ста восьмьюдесятью судами двинулся против Птолемея. Стремительным и яростным ударом он сломил сопротивление противника и обратил его в бегство. Птолемей ускользнул всего на восьми судах (остальные были потоплены, а семьдесят попали в плен вместе с моряками и солдатами), что же касается стоявших на якоре грузовых кораблей с несметными толпами рабов, женщин и приближенных Птолемея, с оружием, деньгами и осадными машинами, – Деметрий захватил все до последнего. Среди добычи, доставленной в лагерь, оказалась знаменитая Ламия, которая вначале была известна мастерской игрою на флейте, а впоследствии стяжала громкую славу искусством любви. В ту пору красота ее уже отцветала, и разница в годах между нею и Деметрием была очень велика, и все же своими чарами и обаянием Ламия уловила и оплела его так крепко, что одна лишь она могла называть Деметрия своим любовником – остальным женщинам он только позволял себя любить.

После морского сражения не долго сопротивлялся и Менелай, но сдал Деметрию и Саламин, и флот, и сухопутное войско – тысячу двести конников и двенадцать тысяч пехотинцев.

17. Эту прекрасную, славную победу Деметрий украсил еще более своей добротой и человеколюбием, с почестями предав погребению тела убитых врагов, отпустив на волю пленных и подаривши афинянам из добычи тысячу двести полных dospехов.

К отцу с вестью о победе Деметрий отправил милетца Аристодема, первого льстеца среди всех придворных, который, видимо, приготовился увенчать происшедшее неслыханно пышной лестью. Он благополучно завершил плавание с Кипра, но причаливать не велел и, отдавши приказ бросить якоря и всем оставаться на борту, один спустился в лодку, вышел на берег и двинулся дальше к Антигону, который был в том расположении духа, какое только и может быть у человека, тревожно и нетерпеливо ожидающего исхода столь важных событий. Когда царь узнал, что гонец уже прибыл, беспокойство его достигло предела, он едва нашел

в себе силы остаться дома и посылал одного за другим слуг и приближенных спросить Аристодема, чем закончилась битва. Но тот не отвечал никому ни слова и, шаг за шагом, нахмуривши лоб, храня глубокое молчание, подвигался вперед, так что, в конце концов, Антигон, в полном смятении, не выдержал и встретил Аристодема у дверей, меж тем как следом за вестником шла уже целая толпа и новые толпы сбегались ко дворцу. Подойдя совсем близко, Аристодем вытянул правую руку и громко воскликнул: «Радуйся и славься, царь Антигон¹⁶⁹⁹, мы победили Птолемея в морском бою, в наших руках Кипр и шестнадцать тысяч восьмьсот пленных!» А царь в ответ: «И ты, клянусь Зевсом, радуйся, но жестокая пытка, которой ты нас подверг, даром тебе не пройдет – награду за добрую весть получишь не скоро!»

18. Тогда народ впервые провозгласил Антигона и Деметрия царями. Отца друзья увенчали диадемой немедленно, а сыну Антигон отправил венец вместе с посланием, в котором называл Деметрия царем. Тогда Египет поднес царский титул Птолемею, – чтобы никто не подумал, будто побежденные лишились мужества и впали в отчаяние, – а дух соперничества заставил последовать этому примеру и остальных преемников Александра. Стал носить диадему Лисимах, надевал ее теперь при встречах с греками Селевк, который, ведя дела с варварами, и прежде именовал себя царским титулом. И лишь Кассандр, хотя все прочие и в письмах и в беседах величали его царем, сам писал свои письма точно так же, как и прежде.

Все это означало не только дополнение к имени и перемену во внешнем облики: новое достоинство внушило властителям новый образ мыслей, подняло их в собственных глазах, внесло в их жизнь и обхождение с окружающими нарочитую степенность и суровость – так трагические актеры вместе с платьем и маской меняют и походку, и голос, манеру ложиться к столу и разговаривать с людьми. С этих пор они стали нетерпимее и жестче в своих требованиях, откинув притворную скромность, которая прежде прикрывала их могущество, делая его сравнительно легким и необременительным для подданных. Такой огромною силой обладало одно-единственное слово льстеца, и такой переворот произвело оно в целом мире!

19. Воодушевленный подвигами Деметрия на Кипре, Антигон без промедления выступил против Птолемея, приняв на себя командование сухопутными силами, меж тем как Деметрий плыл рядом во главе большого флота. Каким образом суждено было завершиться этому начинанию, увидел во сне Медий, один из друзей Антигона. Снилось ему, будто Антигон со всем войском участвует в двойном пробеге¹⁷⁰⁰ и сперва бежит размашисто и скоро, но затем начинает сдавать, а после поворота и вовсе слабеет, едва переводит дух и с трудом держится на ногах. И верно, Антигон столкнулся на суше со многими непреодолимыми препятствиями, а Деметрия страшная буря и огромные волны чуть было не выбросили на дикий, лишенный гаваней берег, и он потерял немалую часть своих судов, так что оба вернулись ни с чем.

Антигону было уже без малого восемьдесят, но не столько годы, сколько тяжесть грузного тела, непомерно обременявшая носильщиков, уже не позволяла ему исполнять обязанности полководца, а потому впредь он пользовался службою сына, который с блеском распоряжался самыми важными и трудными делами благодаря своему опыту и удаче. Мотовство сына, его страсть к роскоши и вину не слишком беспокоили старого царя, ибо лишь во время мира необузданно предавался Деметрий своим страстям и на досуге утопал в наслаждениях, не зная ни предела, ни меры, но стоило начаться войне – и он сразу трезвел, обнаруживая рассудительность человека, воздержного от природы. Рассказывают, что

---

¹⁶⁹⁹ 16. ...царь Антигон... – До этого времени царский титул считался достоянием только потомков и родственников Александра.

¹⁷⁰⁰ 17. Двойной пробег – на два стадия, т.е. из конца в конец стадиона и обратно (ок. 370 м).

однажды, когда власть Ламии уже не была ни для кого тайною, Деметрий, вернувшись из путешествия, нежно целовал отца, и Антигон со смехом заметил: «Тебе, верно, кажется, что ты целуешь Ламию, мой мальчик». В другой раз он много дней подряд пьянствовал, а всем говорил, будто болезненные истечения не давали ему выйти из дому. «Это я знаю, – сказал Антигон, – да только что там текло – фасосское или хиосское¹⁷⁰¹?» Услышав, что сын снова занемог, Антигон отправился его навестить и в дверях столкнулся с каким-то красивым мальчиком. Он сел подле постели больного и взял его руку, чтобы сосчитать пульс, а когда Деметрий сказал, что лихорадка теперь уже ушла, ответил: «Конечно, ушла, сынок, и даже только что встретила меня в дверях». Так снисходителен был Антигон к подобным проступкам Деметрия ради иных его деяний. Скифы, если напиваются допьяна, чуть пощипывают тетивы луков, словно пробуждая свой дух, расслабленный и усыпленный наслаждением, но Деметрий отдавал себя всего безраздельно то заботе, то удовольствию, никогда не смешивая и не сочетая одну с другим, и потому, готовясь к войне, проявлял свое усердие и искусство в полном блеске.

20. Да, именно готовя боевую силу, а не используя ее в деле, обнаруживал Деметрий, сколько можно судить, лучшие стороны своего военного дарования. Он хотел, чтобы все необходимое было под рукою в изобилии; он был ненасытен в строительстве огромных кораблей и осадных машин и находил немалое удовольствие в наблюдении за этими работами. Способный и вдумчивый, он не обращал природную изобретательность на бесполезные забавы, как иные из царей, которые играли на флейте, занимались живописью или ремеслом чеканщика. Македонянин Аэроп¹⁷⁰² на досуге мастерил маленькие столики и светильники. Аттал Филометор разводил целебные растения – не только белену и чемерицу, но и цикуту, наперстянку и живокость, – сам сеял и выращивал их в дворцовом саду, старался распознать свойства их соков и плодов и никогда не забывал вовремя собрать посеянное. Скифские цари гордились тем, что собственными руками оттачивают и заостряют наконечники стрел. Однако у Деметрия даже занятия ремеслами были поистине царскими, замыслы его отличались широким размахом, а творения, кроме изощренной изобретательности, обнаруживали высоту и благородство мысли, так что казались достойными не только ума или могущества, но и рук царя. Гигантскими размерами труды эти пугали даже друзей, красотою тешили даже врагов. Это сказано всерьез, а не для красного словца. Враги дивились и восхищались, глядя на корабли с шестнадцатью и пятнадцатью рядами весел, проплывавшие мимо их берегов, а «Погубительницы городов»¹⁷⁰³ так и приковывали взоры осажденных – сами события неопровержимо об этом свидетельствуют. Когда Деметрий осаждал Солю в Киликии, Лисимах, его противник и вообще самый злой враг Деметрия среди царей, прислал к нему гонца с просьбою показать военные машины и корабли в плавании. Деметрий показал, и Лисимах в изумлении удалился от Сол. Родосцы, которых Деметрий долго держал в осаде, после конца войны просили оставить им несколько машин как памятник его мощи и их мужества.

21. Родосцы были союзниками Птолемея. Объявивши им войну, Деметрий подвел к стенам Родоса самую большую из «Погубительниц», с опорой в виде прямоугольника, каждая сторона которого в нижней части равнялась сорока восьми локтям¹⁷⁰⁴, а в высоту машина была шестидесяти шести локтей, причемверху грани начинали сходиться, так что

¹⁷⁰¹ 18. ...фасосское или хиосское... – Сорты хорошего вина с островов Эгейского моря.

¹⁷⁰² 19. Аэроп – было два македонских царя с таким именем – в VI и в IV в. Ср. также: Дион, 9.

¹⁷⁰³ 20. «Погубительницы городов» – осадные башни, придвигавшиеся к стенам для удара на них сверху. За свою осадную технику Деметрий остался в истории с прозвищем Полиоркет («Градоимец»).

¹⁷⁰⁴ 21. ...сорока восьми локтям... – Т.е. ок. 20 м в основании и ок. 30 м в высоту.

вершина башни была уже основания. Изнутри она разделялась на ярусы со многими помещениями, и с лицевой, обращенной к неприятелю грани на каждом ярусе открывались бойницы, сквозь которые летели всевозможные метательные снаряды: башня была полна воинами любого рода и выучки. На ходу она не шаталась и не раскачивалась, а ровно и неколебимо стояла на своей опоре, подвигаясь вперед с оглушительным скрипом и грохотом, вселяя ужас в сердце зрителей, но взорам их неся невольную радость.

Нарочито для войны с родосцами Деметрию привезли с Кипра два железных панциря весом по сорок мин каждый. Чтобы показать несокрушимую их крепость, оружейник Зоил велел выстрелить из катапульты с двадцати шагов, и стрела не только не пробила железо, но даже царапину оставила едва заметную, словно бы нанесенную палочкой для письма. Этот панцирь Деметрий взял себе, а второй отдал эпирцу Алкиму, самому воинственному и крепкому из своих подчиненных: полный доспех его весил два таланта – вдвое больше, чем у любого из остальных солдат. Там же на Родосе, в битве близ театра, Алким погиб.

22. Родосцы ожесточенно сопротивлялись, но Деметрий, хотя успехи его были ничтожны, упорно продолжал осаду, до крайности озлобленный тем, что враги перехватили судно с письмами, одеждой и покрывалами, которые послала ему его супруга Фила, и отправили корабль и весь груз к Птолемею, не взявши за образец благородное человеколюбие афинян, которые, когда в их руки попались гонцы Филиппа, все остальные письма прочли и только письма Олимпиады не вскрыли и нераспечатанными доставили противнику. Деметрий был глубоко оскорблен, но когда вскоре представился случай отплатить родосцам обидой за обиду, он этим случаем не воспользовался. Как раз в ту пору Протоген из Кавна писал для них картину, изображающую историю Иалиса¹⁷⁰⁵, и эту картину, уже почти законченную, Деметрий захватил в каком-то пригороде. Родосцы через глашатая молили его пощадить работу Протогена, и Деметрий в ответ заявил, что скорее сожжет изображения своего отца, чем погубит столь великий труд художника. Говорят, что семь лет жизни потратил Протоген на свою картину. Апеллес, глядя на нее, был до того потрясен, что, по его же собственным словам, лишился дара речи и лишь позже промолвил: «Велик был труд и изумительно творение». Однако, прибавил он, этой картине не достаёт той небесной прелести, которая присуща его собственной живописи. Впоследствии эту картину вместе со всеми остальными увезли в Рим, и там она сгорела во время какого-то пожара.

Родосцы отбивались с прежним мужеством, и Деметрий уже искал лишь благовидного предлога, чтобы снять осаду. Тут появились афиняне и примирили враждующих на условии, что родосцы будут союзниками Антигона и Деметрия во всех случаях, кроме войны с Птолемеем.

23. Кассандр осадил Афины, и город звал Деметрия на выручку. Выйдя в плавание с тремястами судов и большим пешим войском, он не только изгнал Кассандра из Аттики, но преследовал бегущего до самых Фермопил, нанес ему там еще одно поражение и занял Гераклею, добровольно к нему присоединившуюся. После этой победы шесть тысяч македонян перебежали на сторону Деметрия. Возвращаясь назад, он объявил свободу всем грекам, обитавшим к югу от Фермопильского прохода, заключил договор о союзе с беотийцами, взял Кенхреи и, захвативши Филу и Панакт, две аттические крепости, где стояли сторожевые отряды Кассандра, передал их афинянам. А те, хотя уже прежде излили на него все мыслимые и немыслимые почести, еще раз показали себя неисчерпаемо изобретательными льстецами, отведя Деметрию для жилья внутреннюю часть Парфенона. Там он и поместился, и все говорили, что Афина принимает в своем доме гостя, – не слишком-то скромного, клянусь богами, гостя и мало подобающего для девичьих покоев!¹⁷⁰⁶

¹⁷⁰⁵ 22. *Иалис* – герой-охотник, мифический основатель одноименного города на Родосе.

¹⁷⁰⁶ 23. ...*для девичьих покоев!* – Игра буквальным значением слова «Парфенон» («храм Девы»).

В самом деле, однажды, когда брат Деметрия Филипп остановился в доме, где жили три молодые женщины, Антигон, узнав об этом, самому Филиппу не сказал ни слова, но, послав за человеком, который разводил свиту на постой, обратился к нему в присутствии сына: «Эй, ты, любезный, изволь-ка вызволить моего сына из этой тесноты!»

(24). А Деметрий, которому надлежало чтить Афины если не по иным каким соображениям, то хотя бы по долгу младшего брата богини – ибо так он пожелал именоваться, – день за днем осквернял Акрополь столь гнусными насилиями над горожанками и свободнорожденными мальчиками, что чище всего это место казалось, когда он распутничал с Хрисидой, Ламией, Демо , Антикирой, всесветно знаменитыми потаскухами. Вообще излагать подробности я не стану – из уважения к Афинам, – но было бы неправильно и несправедливо обойти молчанием доблесть и чистоту Дамокла. Этот Дамокл, еще совсем юный, не избегнул, однако, внимания Деметрия, ибо само прозвище мальчика выдавало редкую его прелесть: его прозвали Дамоклом Прекрасным. Ни на какие обольщения, подарки или же угрозы он не поддавался и, в конце концов, перестал посещать палестры и гимнасий и только ходил мыться в частную баню. Туда и проскользнул Деметрий следом за ним, улучив время, когда Дамокл остался один, а мальчик, убедившись, что помощи ждать не от кого, сбросил крышку с медного котла и прыгнул в кипящую воду. Так он погиб незаслуженною и жалкою смертью, но выказал благородство, достойное его отечества и его красоты, – не то, что Клеэнет, сын Клеомедонта, который «исхлопотал» помилование своему отцу, присужденному к штрафу в пятьдесят талантов, и, предъявив народу письмо Деметрия, не только опозорил самого себя, но и в городе посеял смуту и беспорядки. Ибо Клеомедонта афиняне от наказания освободили, но вслед за тем приняли закон, чтобы никто из граждан писем от Деметрия не приносил. Деметрий не на шутку разгневался, и афиняне, вновь перепугавшись, не только отменили закон, но и тех, кто его предложил или высказывался в его поддержку, изгнали, а иных даже казнили. В довершение ко всему было вынесено следующее решение: «Афинский народ постановляет – все, что ни повелит царь Деметрий, да будет непорочно в глазах богов и справедливо в глазах людей». Когда же кто-то из лучших граждан воскликнул, что Стратокл, который предлагал это постановление, просто безумец, Демохар из дема Левконоя заметил: «Напротив, он был бы безумцем, если бы не был безумцем». И верно, Стратокл извлек немало выгод из своей лести. За эти слова Демохар поплатился доносом и изгнанием. Так-то вот жили афиняне, казалось бы, свободные после избавления от вражеского сторожевого отряда!

25. Затем Деметрий двинулся в Пелопоннес; никто из противников не смел оказать ему сопротивления, но все бежали, бросая города, и он присоединил к себе так называемый Скалистый берег и всю Аркадию, кроме Мантиней, а Сикион, Аргос и Коринф очистил от сторожевых отрядов, подкупив солдат и начальников взяткою в сто талантов. В Аргосе он взял на себя распорядительство на играх – как раз подошло время Герей¹⁷⁰⁷ – и, справляя праздник вместе с греками, женился на Деидами, дочери царя молоссов Эакида и сестре Пирра. Сикионянам он сказал, что они поселились не там, где следовало, и убедил их перебраться туда, где они обитают и поныне. Заодно с местом Деметрий изменил и название города, переименовав его из Сикиона в Деметриаду.

На Истме состоялся Всеобщий совет, и при громадном стечении народа Деметрий был провозглашен вождем Эллады, как прежде Филипп и Александр; обоих, однако ж, Деметрий, кичась своим счастьем, которое тогда так приветливо ему улыбалось, и своим огромным могуществом, полагал гораздо ниже себя. Александр никого из царей титула не лишил и себя царем царей никогда не называл, хотя многие приняли из его рук и венец, и царство, а Деметрий зло потешался над теми, кто именовал царем кого бы то ни было еще, кроме него самого и Антигона, и с удовольствием прислушивался, когда за вином звучали здравицы в

---

¹⁷⁰⁷ 24. ...*время Герей...* – Т.е. время религиозных празднеств в честь Геры, ср.: Пирр, 4.

честь царя Деметрия, Селевка – начальника слонов, Птолемея – начальника флота, Лисимаха – хранителя казны, Агафокла – правителя Сицилии. Другим царям доносили об этих потехах Деметрия, но они лишь посмеивались, и только один Лисимах негодовал на то, что Деметрий считает его скопцом: как правило, хранители казны были евнухи. Вообще Лисимах был самым заклятым его врагом. Глумясь над любовью Деметрия к Ламии, он говорил, что впервые видит потаскуху выступающей в трагедии, а Деметрий в ответ: «Моя потаскуха чище Лисимаховой Пенелопы».

26. Отправляясь в обратный путь, Деметрий написал в Афины, что немедленно, как только прибудет, желает пройти посвящение в таинства, причем весь обряд целиком, от низшей до созерцательной ступени, намерен постигнуть сразу. Это было противно священным законам и никогда прежде не случалось, ибо Малые таинства справлялись в месяце анфестерионе, Великие – в боэдромионе, а к созерцательной ступени посвященных допускали не раньше, чем через год после Великих таинств¹⁷⁰⁸. Но когда прочитали письмо Деметрия, выступить с возражениями отважился один лишь факелonosец Пифодор, да и то безо всякого толку, потому что афиняне, послушавшись совета Стратокла, решили называть и считать мунихион анфестерионом и справили, нарочито для Деметрия, священнодействия в Агре¹⁷⁰⁹. После этого мунихион из анфестериона превратился в боэдромион, Деметрий принял дальнейшее посвящение и сразу же был приобщен к числу «созерцателей». По этому случаю Филиппид в укор и поношение Стратоклу написал:

Годичный целый срок в единый месяц сжал.

И еще – насчет поста в Парфеноне:

Святой акрополь наш в харчевню превратив,
К Афине-деве в храм распутниц он привел.

27. Среди многочисленных злоупотреблений и беззаконий, которые тогда творились, большее всего, как сообщают, уязвил афинян приказ безотлагательно раздобыть двести пятьдесят талантов, ибо, увидев, что деньги собраны – а взыскивались они с неумолимою строгостью, – Деметрий распорядился передать всё Ламии и другим гетерам на мыло, румяна и притирания. Больше убытка граждан тяготил позор, и молва была горше самого дела. Некоторые, правда, говорят, что эту шутку Деметрий сыграл не с афинянами, а с фессалийцами. Кроме того Ламия и сама, готовя для царя пир, многих обложила своего рода налогом, и пир этот роскошью и великолепием прославился настолько, что Линкей Самосский описал его в особом сочинении. Вот почему один из комических поэтов очень удачно и верно прозвал Ламию «Погубительницей городов». А самого Деметрия Демохар из Сол называл «Мифом»: в мифах, дескать, своя Ламия¹⁷¹⁰, а у него – своя. Любовь и расположение Деметрия к этой женщине внушали ревность и зависть не только его супругам, но и друзьям. Однажды от него прибыло посольство к Лисимаху, и тот, на досуге, показывал гостям глубокие шрамы у себя на бедрах и на руках, и говорил, что это следы львиных когтей и что остались они после схватки со зверем, наедине с которым запер его когда-то царь Александр. Тут послы со смехом заметили, что их царь тоже носит на шее

¹⁷⁰⁸ 25. ...через год после Великих Таинств. – Таким образом, весь трехступенчатый цикл посвящения занимал около полутора лет. «Созерцатели» (эпопты) – высшая степень посвящения.

¹⁷⁰⁹ 26. Агра – предместье Афин, где справлялись Малые Элевсинии.

¹⁷¹⁰ 27. ...в мифах... своя Ламия... – В греческих поверьях так называлась кровожадная ведьма, пожирающая детей.

следы от укусов дикого и страшного зверя – Ламии. Удивительно, как Деметрий, который вначале питал отвращение к Филе из-за различия в годах, впоследствии не устоял перед Ламией и так долго любил ее, уж отцветшую и стареющую! Однажды за пиром Ламия играла на флейте, и Деметрий спросил Демо, по прозвищу Бешеная: «Ну, как на твой взгляд?» – «На мой взгляд – старуха, государь», – отвечала гетера. В другой раз, указывая на изысканные блюда, которые подали к столу, Деметрий сказал ей: «Видишь, сколько всего посылает мне моя Ламия?» – «А ты поспи еще с моей матерью – она пошлет тебе и того больше», – возразила Демо.

Часто рассказывают о возмущении Ламии на знаменитый приговор Бокхорида. Один египтянин был влюблен в гетеру Тониду, но та назначила огромную плату, а потом ему привиделось во сне соитие с нею, и страсть его сразу иссякла. Тогда Тонида через суд потребовала назначенной ею суммы. Выслушав обстоятельства дела, Бокхорид велел ответчику отсчитать все деньги сполна, положить монеты в сосуд и провести несколько раз перед глазами гетеры, а истине – забрать тень сосуда, ибо сон – не более, чем тень действительности. Приговор этот Ламия считала несправедливым. Ведь желание гетеры получить деньги, рассуждала Ламия, тень не уняла, а сон страсть влюбленного утолил. Вот что я хотел рассказать о Ламии.

28. Тут судьба и история человека, чью жизнь мы описываем, как бы переносит действие с комической сцены на трагическую. Все цари заключили союз против Антигона и сплотили свои силы воедино. Деметрий покинул Грецию, соединился с отцом и, видя, что Антигон готовится к войне с таким честолюбивым рвением, какого трудно было ожидать в его годы, сам ощутил новый прилив мужества и бодрости. Между тем представляется вероятным, что если бы Антигон пошел хоть на малые уступки и несколько утишил свое непомерное властолюбие, он до конца удержал бы главенство среди царей и передал его сыну. Однако, суровый и спесивый от природы, столь же резкий в речах, как и в поступках, он раздражал и восстанавливал против себя многих молодых и могущественных соперников. И в тот раз он хвастливо говорил о своих врагах, что без труда разгонит их сборище, как одним-единственным камнем или криком вспугивают птиц, слетевшихся клевать зерна, брошенные рукою сеятеля. У Антигона было собрано свыше семидесяти тысяч пехоты, десять тысяч конницы и семьдесят пять слонов, у неприятелей – конницы на пятьсот клинков больше, слонов четыреста да сто двадцать боевых колесниц; пехоты, правда, всего шестьдесят четыре тысячи. Когда оба войска сошлись, настроение Антигона изменилось, надежды его поколебались, но намерения остались неизменны. Прежде в битвах он бывал всегда самоуверен и неприступно горд, говорил громко и надменно, а нередко отпускал язвительные остроты даже во время рукопашной, выказывая этим твердость духа и презрение к врагу. Теперь, напротив, его видели молчаливым и задумчивым, он представил сына воинам и назвал его своим преемником. Но в особенности всех поразило вот что: Антигон закрылся наедине с Деметрием в своей палатке и держал с ним совет, тогда как раньше не посвящал в свои замыслы даже сына, но все решал сам, в полном одиночестве, а затем лишь объявлял эти решения и распоряжался, ничего в них не меняя. Рассказывают, что однажды, еще в ранние годы, Деметрий спросил отца, когда они будут сниматься с лагеря, и Антигон в сердцах воскликнул: «Ты что же, боишься, что один из всего войска не услышишь трубы?»

29. Кроме всего прочего обоих тревожили и угнетали дурные знамения. Деметрию приснился Александр в богатом вооружении, который спрашивал, какой клич дают они с отцом для предстоящей битвы: «Зевс и Победа» – сказал ему Деметрий. И Александр в ответ: «Тогда я уйду к вашим врагам – они принимают меня к себе». Когда пехота уже выстроилась к бою, Антигон, выходя из палатки, споткнулся, упал ничком и сильно расшибся. Поднявшись на ноги, он простер руки к небесам и просил у богов либо победы, либо внезапной и безболезненной смерти до поражения. Завязался бой, и Деметрий во главе многочисленной и отборной конницы ударил на Антиоха, сына Селевка. Он сражался великолепно и обратил неприятеля в бегство, однако слишком увлекся преследованием и

неуместное это честолюбие сгубило победу, ибо и сам Деметрий, возвратившись, уже не смог соединиться с пехотой – путь ему тем временем успели загородить вражеские слоны, – и фаланга осталась без прикрытия, что, разумеется, не укрылось от взора Селевка, который, однако, не напал на пехотинцев, а только теснил их, грозя нападением и как бы призывая перейти на его сторону. Так оно и вышло: значительная часть фаланги откололась и сдалась, остальные пустились бежать. Теперь враги тучей устремились на Антигона, и кто-то из приближенных воскликнул: «Царь, они метят в тебя!» – «Какая же еще может быть у них цель? – возразил Антигон. – Но Деметрий подоспеет на выручку». Эту надежду он сохранил до конца и всё озирался, ища глазами сына, пока не пал, пронзенный сразу несколькими, пущенными в него копьями. Все слуги и друзья тут же бросили мертвого, единственный, кто остался подле тела, был Форак из Лариссы.

30. После битвы цари-победители расчленили всю державу Антигона и Деметрия, словно некое огромное тело, и, поделивши части между собою, присоединяли новые провинции к прежним своим владениям. Деметрий с пятью тысячами пехоты и четырьмя тысячами конницы почти без остановок бежал до Эфеса, и, меж тем как все опасались, что, испытывая нужду в деньгах, он разграбит храм¹⁷¹¹, сам он, в свою очередь, боялся, как бы этого не сделали его солдаты, а потому без промедлений двинулся дальше и поплыл в Грецию, последние свои упования возлагая на афинян. У них оставались и суда Деметрия, и его деньги, и супруга Деидамия, и он полагал, что в эту годину бедствий нет для него надежнее прибежища, чем расположение и любовь афинян. Вот почему, когда подле Кикладских островов его встретили афинские послы и просили не приближаться к их городу, ибо народ постановил никого из царей не принимать и не впускать, Деидамию же со всеми подобающими почестями проводил в Мегары, – Деметрий был вне себя от гнева, хотя до сих пор переносил свое несчастье с полным спокойствием и, невзирая на столь резкую перемену обстоятельств, ни в чем не уронил себя и не унизил. Но обмануться в афинянах вопреки всем ожиданиям, узнать, что их любовь, на самом деле, – пустое притворство, было для Деметрия нестерпимой мукой. Да, сколько я могу судить, непомерные почести – самое ненадежное свидетельство расположения толпы к царям и властителям, ибо почести ценны лишь тогда, когда их оказывают по доброй воле, а почестям, воздаваемым из страха, доверять нельзя: ведь одни и те же постановления выносит и боязнь, и нелицемерное доброжелательство. А поэтому люди разумные смотрят не на статуи, картины и раболепное поклонение, приравнивающее их к богам, а на собственные дела и поступки, и уже в зависимости от них различают почести искренние и вынужденные, и первым верят, а вторых вовсе не принимают в расчет: они знают, как часто народ ненавидит именно тех, кому воздает почести и кто с ненасытимой алчностью и спесью принимает их от недоброхотных дателей.

31. Деметрий чувствовал себя жестоко и несправедливо оскорбленным, но отомстить за обиду был не в состоянии и только отправил к афинянам посланцев со сдержанными укорами и требованием вернуть ему его суда, среди которых было одно с тринадцатью рядами гребцов. Получив корабли, он поплыл к Истму, а оттуда, убедившись, что дела идут из рук вон плохо, – города, один за другим, изгоняли его сторожевые отряды, и все переходило на сторону врагов, – сам направился к Херсонесу, в Греции же оставил Пирра. Разоряя земли Лисимаха, Деметрий, вместе с тем, обогащал и удерживал от распада собственного войско, которое мало-помалу вновь становилось грозной силой. Лисимаху другие цари никакой помощи не оказывали, считая, что он несколько не лучше Деметрия – разве что более опасен, как более могущественный.

Немного спустя Селевк прислал сватов, прося руки Стратоники, дочери Деметрия и Филы. Хотя у Селевка уже был сын от персиянки Апамы, он считал, что держава его и достаточно обширна для нескольких наследников и, вместе с тем, нуждается в родственном

---

¹⁷¹¹ 28. ...разграбит храм... – Речь идет о богатом храме Артемиды Эфесской, «седьмом чуде света» (за 50 лет до того подожженном Геростратом).

союзе с Деметрием, поскольку Лисимах, как ему стало известно, брал одну из дочерей Птолемея в жены себе и еще одну – своему сыну Агафоклу. Для Деметрия свойство с Селевком оказалось неожиданным счастьем. Он посадил дочь на корабль и со всем флотом поплыл прямо в Сирию, однако по пути вынужден был сделать несколько остановок и, между прочим, пристал к берегу Киликии, которую цари после битвы с Антигоном отдали во владение Плистарху, брату Кассандра. Сочтя высадку Деметрия вражеским набегом и желая принести жалобу на Селевка, который готов примириться с общим неприятелем без ведома и согласия остальных царей, Плистарх отправился к Кассандру.

32. Узнав об этом, Деметрий двинулся в глубь страны, к Киндам. Там он обнаружил в сокровищнице нетронутые тысячу двести талантов, забрал деньги, успел погрузить их на корабли и поспешно вышел в море. Той порой приехала и Фила, супруга Деметрия, и подле Россоса¹⁷¹² они встретились с Селевком. Эта встреча от начала до конца была поистине царской, свободной от коварства и взаимных подозрений. Сперва Селевк давал Деметрию пир в своем шатре, посреди лагеря, потом Деметрий принимал Селевка на огромном судне с тринадцатю рядами весел. Были тут и совещания, и досужие беседы, и увеселения, тянувшиеся иной раз целый день; наконец, забрав Стратонику, Селевк торжественно отбыл в Антиохию.

Деметрий завладел Киликией и отправил к Кассандру его сестру Филу [*в оригинальной версии перевода – путаница; исправлено по английскому переводу Джона Дридена*], чтобы очиститься от обвинений Плистарха. В это время из Греции приплыла Деидамия, но вскоре заболела и умерла, а так как Деметрий, заботами Селевка, заключил дружеский союз и с Птолемеем, было условлено, что он женится на дочери Птолемея Птолемаиде. До сих пор Селевк держал себя благородно, но когда затем он попросил, чтобы Деметрий за деньги уступил ему Киликию, и, получив отказ, в ярости стал требовать возврата Сидона и Тира, его уже нельзя было назвать иначе, как обидчиком и насильником, ибо, подчинив своей власти все земли от пределов Индии до Сирийского моря, он выказал себя бесконечно мелочным и жадным до власти. Из-за двух городов он не постыдился притеснять свойственника, человека, испытавшего жестокие удары судьбы, и своим примером как нельзя лучше подтвердил слова Платона, что желающему истинного богатства следует не увеличивать имущество, но умерить собственную ненасытность: кто не положит предела жажде наживы, тот никогда не избавится ни от бедности, ни от нужды¹⁷¹³.

33. Деметрий, однако, не дал себя запугать. Объявив, что не только Ипс, но и еще тысяча подобных поражений не заставят его платить за такого зятя, как Селевк, он усилил караульные отряды в обоих городах, а сам, получив известие, что Лахар воспользовался смутой в Афинах и установил тиранию, загорелся надеждою без труда захватить город, внезапно появившись под его стенами. С большим флотом он благополучно пересек море, но когда плыл вдоль берега Аттики, попал в бурю и лишился почти всех судов и значительной части войска. Сам Деметрий избежал гибели и начал войну с афинянами, вполне, однако же, безуспешную, а потому, отправив своих людей собирать новый флот, ушел в Пелопоннес и осадил Мессену. Во время одной из схваток он едва не погиб – стрела из катапульты попала ему в лицо, пробила щеку и вошла в рот. Оправившись от раны, Деметрий привел к покорности несколько изменивших ему городов, а затем снова вторгся в Аттику, занял Элевсин и Браврон и стал опустошать страну. Захватив судно, груженное хлебом и державшее путь в Афины, он повесил купца вместе с кормчим и этим навел такой страх на остальных мореходов, что в городе начался голод, к которому вскоре прибавилась острая нужда во всем самом необходимом. За медимн соли платили сорок драхм, за медимн пшеницы – триста. Птолемей послал на помощь афинянам полтора суда, и они бросили

¹⁷¹² 29. Россос – приморский городок в северной Сирии, неподалеку от будущей Антиохии.

¹⁷¹³ 30. ...слова Платона... и далее. – В сохранившихся сочинениях Платона такого суждения нет.

якорь у Эгины, но передышка, которую доставила осажденным эта подмога, оказалась непродолжительной, ибо к Деметрию явилось множество кораблей из Пелопоннеса и с Кипра, общим числом около трехсот, и моряки Птолемея поспешно удалились, а тиранн Лахар бежал, бросив город на произвол судьбы.

34. Тут афиняне, хотя сами же ранее постановили казнить любого, кто хоть словом упомянет о мире с Деметрием, немедленно отворили ближайшие к противнику ворота и отправили послов, не ожидая, правда, для себя ничего хорошего, но не в силах дольше терпеть нужду. Из многих ужасных рассказов, которые оставила по себе эта осада, я приведу лишь один. Отец с сыном, отчаявшись во всех надеждах, сидели вдвоем в комнате, как вдруг из-под крыши упала дохлая мышь, и, увидев ее, оба вскочили на ноги и сцепились в драке из-за этой «добычи». Писатели сообщают, что и философ Эпикур делил со своими учениками бобы строго по счету и то была единственная их пища.

В таком положении находился город, когда в него вступил Деметрий и, приказав всем собраться в театре, оцепив сцену вооруженными солдатами, а вокруг логия¹⁷¹⁴ расставив собственных телохранителей, спустился верхними проходами, по примеру трагических актеров, и этим вконец напугал афинян, но первыми же словами своей речи освободил и избавил их от страха. Он воздержался и от резкого тона, и от суровых слов, но, после недолгих и дружеских укоров, объявил им прощение, подарил сто тысяч медимнов хлеба и назначил должностных лиц, более всего угодных народу. Оратор Драмоклид, убедившись, что народ ликует от всей души и нестройными криками восторга хочет превзойти своих вожаков, восхвалявших Деметрия с ораторского возвышения, предложил передать царю Деметрию Пирей и Мунихию. Тут же был принят соответствующий закон, а Деметрий, по собственному почину, разместил караульный отряд еще и на Мусее¹⁷¹⁵, чтобы афиняне, снова взбунтовавшись, не доставили ему новых хлопот и огорчений.

35. Завладев Афинами, Деметрий тут же устремил свои мысли и взгляды к Лакедемону. Он разбил царя Архидама, который встретил его при Мантинее, и вторгся в Лаконию. Выиграл он и второе сражение, перед самою Спартой, истребив двести человек и взявши в плен пятьсот, и, казалось, уже держал в своих руках город, еще никогда не бывавший под властью неприятеля. Но, по-видимому, ни один из царей не изведal столь крутых и стремительных поворотов судьбы, и ничья участь не менялась столь часто, из жалкой обращаясь в блистательную, и снова в ничтожную из великой и высокой. Потому-то и сам Деметрий всякий раз, когда счастье переставало ему улыбаться, обращался к судьбе с Эсхиловым стихом:

Ты вознесла меня, и ты ж свергаешь в прах¹⁷¹⁶.

Вот и тогда, меж тем как обстоятельства были столь благоприятны для него и открывали широкий путь к власти и могуществу, пришли сообщения, что Лисимах отнял у него города в Азии и, далее, что Птолемей занял весь Кипр, кроме одного лишь города Саламина, а Саламин осаждают, заперши там детей и мать Деметрия. Однако ж судьба, которая, словно женщина у Архилоха,

В одной руке воду несла
И, лукавство тая, в другой скрывала огонь,

¹⁷¹⁴ 31. *Логий* – то же, что проскений: узкая площадка перед палаткой-скеной, место, где выступали актеры.

¹⁷¹⁵ 32. *Мусей* (холм Муз) – высокий холм к юго-западу от акрополя, господствовавший над дорогой из Афин в Пирей.

¹⁷¹⁶ 33. ...*Ты вознесла меня, и ты ж свергаешь в прах.* – Стих из неизвестной трагедии Эсхила.

обрушив на Деметрия эти злые и грозные вести и уведя его из Лакедемона, сразу вслед за тем принесла ему свежие надежды и внушила совершенно новые и далеко идущие замыслы.

36. После смерти Кассандра македонянами правил старший из его сыновей, Филипп, но вскоре умер и он, а двое оставшихся вступили между собою в борьбу. Один из них, Антипатр, умертвил мать, Фессалонику, и тогда другой послал за помощью к Пирру, в Эпир, и к Деметрию, в Пелопоннес. Первым подоспел Пирр¹⁷¹⁷, но в награду за помощь захватил значительную часть Македонии, и это близкое соседство пугало Александра. Когда же, получив письмо, явился с войском и Деметрий, юноша, хорошо зная его славу, испугался еще сильнее и, выступив навстречу ему к Дию, горячо и любезно приветствовал своего защитника, но объявил, что обстоятельства больше не требуют его присутствия. Сразу же зашевелились взаимные подозрения, а когда Деметрий шел к молодому царю на пир, кто-то донес, что после пира, за вином, Александр замышляет его убить. Деметрий нисколько не растерялся и только, запоздав на короткое время, отдал приказ начальникам держать войско в боевой готовности, а своим провожатым и слугам – которых было гораздо больше, чем у Александра, – велел войти вместе с ним в мужские покои и не выходить, пока он сам не встанет из-за стола. Александр испугался и не посмел исполнить задуманного. Деметрий, сославшись на то, что худо себя чувствует и не склонен пить, быстро ушел, а на другой день стал собираться в путь. Александру он сказал, будто получил новые важные известия, и просил извинить его, за то что побыл так недолго, обещая, что в другой раз, на досуге, они проведут вместе больше времени. Александр был рад, что Деметрий покидает страну без злобы, по доброй воле, и провожал его до Фессалии. Когда же они очутились в Лариссе, снова начались взаимные любезности и приглашения, причем каждый готовил другому гибель. Это именно и отдало Александра во власть Деметрия: не принимая должных мер предосторожности, чтобы не толкнуть и противника на ответные меры, и слишком долго медля в расчете вернее захватить врага, он не успел осуществить свой коварный замысел, но сам, первый, сделался жертвой коварства. Деметрий позвал его на пир, и он пришел. В разгар угощения Деметрий встал; заметив это, встал в испуге и Александр и двинулся к выходу. В дверях стояли телохранители Деметрия, и, бросив им всего два слова: «Бей следующего!» – Деметрий выскользнул наружу, Александр же был зарублен стражею, а вместе с ним и друзья, которые кинулись на помощь. Как сообщают, один из македонян, умирая, сказал, что Деметрий опередил их только лишь на день.

37. Ночь, как и следовало ожидать, прошла в смятении и замешательстве, однако враждебных выступлений не было, а наутро Деметрий послал в лагерь к македонянам гонца с сообщением, что хочет говорить с ними и оправдаться в своих действиях. Это успокоило и ободрило македонян, страшившихся силы Деметрия, они решили принять его дружелюбно, и, когда он прибыл, в долгих речах нужды не оказалось: матереубийцу Антипатра они ненавидели, где искать лучшего государя, не знали, а потому провозгласили царем Деметрия и немедля повели его в Македонию. Перемена эта была принята не без удовольствия и в самой Македонии, где постоянно помнили о злодеяниях, которые совершил Кассандр против умершего Александра, а если еще сохранялась какая-то память о старшем Антипатре и его справедливости, то и она была на пользу Деметрию, супругу Филы, родившей ему сына и наследника, который в то время был уже взрослым юношей¹⁷¹⁸ и участвовал в походе под начальством отца.

38. Взысканный такой удивительной удачей, Деметрий вскорости узнает, что дети его и мать на свободе – Птолемей не только отпустил их с миром, но и осыпал дарами и

¹⁷¹⁷ 34. ....подоспел Пирр... – См.: Пирр, 6.

¹⁷¹⁸ 35. ....взрослым юношей... – Сын Деметрия Антигон Гонат, будущий македонский царь, родился в 319 г.

почестями, – а затем приходит известие о дочери, выданной за Селевка: она сделалась женою Антиоха, сына Селевка, и царицею над варварами внутренних областей Азии. Случилось так, что Антиох влюбился в Стратонику, которая, несмотря на юные годы, уже родила от Селевка, и, чувствуя себя несчастным, прилагал все усилия к тому, чтобы прогнать страсть, но, в конце концов, пришел к убеждению, что желание его чудовищно, недуг же – неисцелим и, словно обезумев, принялся искать способа покончить с собою. Он представился больным и постепенно изнурил свое тело, отказываясь от пищи и необходимого ухода. Лекарь Эрасистрат без труда догадался, что царский сын влюблен, и, решивши разузнать, в кого именно, – а это было задачею далеко не простою, – постоянно оставался в его спальне, и всякий раз, как входил красивый юноша или красивая женщина, внимательно всматривался в лицо Антиоха и наблюдал за теми членами тела, которые, по природе своей, особенно живо разделяют волнения души. На любое из прочих посещений больной отвечал одинаковым безразличием, но стоило показаться Стратонике, одной или же вместе с Селевком, как тут же являлись все признаки, описанные Сапфо¹⁷¹⁹: прерывистая речь, огненный румянец, потухший взор, обильный пот, учащенный и неравномерный пульс, и, наконец, когда душа признавала полное свое поражение, – бессилие, оцепенение и мертвенная бледность; вдобавок к этому Эрасистрат рассудил, что сын царя, полюби он какую угодно иную женщину, едва ли стал бы молчать и терпеть до самой смерти. Хотя высказать суждение, которое он составил, лекарь считал отнюдь не безопасным, тем не менее, полагаясь на отцовское чувство Селевка, он однажды набрался смелости и объявил, что болезнь юноши – страсть, и страсть непреодолимая и безнадежная. «Почему же безнадежная?» – спросил в испуге царь. «Потому, клянусь Зевсом, – отвечал Эрасистрат, – что любит он мою жену». – «Так неужели ты, Эрасистрат, не пожертвуешь своим браком ради моего сына? – воскликнул Селевк. – Ведь ты мой друг, и ты знаешь, что единственная моя опора – это он!» – «Но на такую жертву не пошел бы даже ты, родной отец», – возразил Эрасистрат. А Селевк ему в ответ: «Ах, дорогой мой, если бы только кто из богов или из людей обратил его страсть в эту сторону! Да ради жизни Антиоха я не пожалел бы и царства!» Эти слова Селевк произнес в крайнем волнении, обливаясь слезами, и тогда лекарь протянул ему руку и сказал, что Селевк не нуждается в услугах Эрасистрата, ибо, в одном лице, он и отец и супруг, и владыка и наилучший целитель собственного дома. После этого разговора Селевк созвал всенародное Собрание и объявил свою волю поженить Антиоха и Стратонику и поставить его царем, а ее царицею надо всеми внутренними областями своей державы. Он надеется, продолжал Селевк, что сын, привыкший во всем оказывать отцу послушание и повиновение, не станет противиться и этому браку, а если Стратоника выразит неудовольствие его поступком, который нарушает привычные понятия, он просит друзей объяснить и внушить женщине, что решения царя принимаются ради общего блага, а потому должны почитаться прекрасными и справедливыми. При таких-то обстоятельствах, как рассказывают, был заключен брак Антиоха и Стратоники.

39. После Македонии Деметрий захватил и Фессалию. Владея к этому времени

¹⁷¹⁹ 36. ...описанные Сапфо... – Имеется в виду одно из самых знаменитых ее стихотворений (пер. В. Вересаева):

...Лишь тебя увижу – уж я не в силах
Вымолвить слова,
Но немеет тотчас язык, под кожей
Быстро легкий жар пробегает, смотрят,
Ничего не видя, глаза, в ушах же
Звон непрерывный.
Потом жарким я обливаюсь, дрожью
Члены все охвачены, зеленее
Становлюсь травы, и вот-вот как будто
С жизнью прощусь я...

большей частью Пелопоннеса, а по сю сторону Истма – Мегарами и Афинами, он двинулся походом на беотийцев. Те сперва заключили с ним дружественный договор на умеренных условиях, но затем в Фивы явился спартанец Клеоним с войском, беотийцы воспрянули духом и расторгли союз с Деметрием, к чему их всячески склонял и феспиец Писид, один из самых знаменитых и влиятельных в ту пору людей. Тогда Деметрий придвинул к стенам Фив осадные машины и осадил город, и перепуганный Клеоним тайно бежал, а беотийцы, в ужасе, сдались на милость победителя. По общему суждению Деметрий обошелся с ними не слишком строго: он расставил в городах сторожевые отряды, взыскал большой денежный штраф и назначил правителем историка Иеронима. Однако всего больше восхищения вызвал его поступок с Писидом, которому он не причинил ни малейшего вреда, напротив – дружески с ним беседовал и сделал полемархом в Феспиях.

Спустя немного времени Лисимах оказался в плену у Дромихета. Деметрий немедленно выступил в поход, рассчитывая захватить Фракию, лишившуюся защитников, но не успел он удалиться, как беотийцы снова отложились, а вслед за тем пришло известие, что Лисимах уже на свободе. В гневе Деметрий повернул назад и, узнав, что сын его, Антигон, уже разбил беотийцев в открытом бою, опять осадил Фивы.

40. Так как Пирр между тем опустошал Фессалию и появился у самых Фермопил, Деметрий двинулся против него, поручив продолжать осаду Антигону. Пирр поспешно отступил, и Деметрий, разместив в Фессалии десять тысяч пехотинцев и тысячу всадников, снова усилил натиск на Фивы. Он приказал подвести так называемую «Погубительницу городов», но из-за громадного веса и размеров ее тянули с таким трудом и так медленно, что за два месяца она прошла не более двух стадиев. Беотийцы оборонялись с решимостью и мужеством, и Деметрий нередко заставлял своих сражаться и подвергать себя опасности не столько по необходимости, сколько из упорства. Видя, как много воинов гибнет, Антигон тяжело страдал и однажды спросил: «Зачем мы допускаем, отец, чтобы эти люди пропадали безо всякой пользы?» – «А ты-то что беспокоишься? – в сердцах возразил Деметрий. – Или, может, тебе приходится выдавать мертвым довольствие?» Не желая, однако, чтобы думали, будто он не щадит лишь чужой крови, Деметрий и сам бился в первых рядах, и получил опасную и мучительную рану – стрела из катапульты пробила ему шею. Тем не менее он не отступился от начатого и взял Фивы во второй раз. Жители были в величайшем смятении, ожидая самой свирепой расправы, но Деметрий, казнив тринадцать зачинщиков и сколько-то человек изгнав, остальных простил. Таким образом, за неполные десять лет после восстановления Фивам довелось дважды побывать в руках неприятеля¹⁷²⁰.

Когда подошло время Пифийских игр, Деметрий отважился на дело, до того дня неслыханное и небывалое: так как перевалы, ведущие в Дельфы, были заняты этолийцами, он устроил состязания и всенародное празднество в Афинах, ибо здесь, как он объяснил, скорее, чем в любом ином месте, надлежало чтить Аполлона, отчего бога афинян¹⁷²¹, слывущего их родоначальником.

41. Из Афин Деметрий возвратился в Македонию, но и сам он не был создан для мирной жизни и, кроме того, не мог не видеть, что подданные его больше преданности проявляют в походах, дома же непокорны и строптивы, а потому выступил против этолийцев, опустошил их страну и, оставивши там Пантавха во главе значительного отряда, сам двинулся на Пирра. Пирр, в свою очередь, выступил против Деметрия, но противники разминувшись, и Деметрий принялся разорять Эпир, а Пирр напал на Пантавха и завязал

¹⁷²⁰ 37. ...за неполные десять лет... дважды... – в руках неприятеля. – Разрушенные Александром Фивы начал вновь отстраивать Кассандр в 316 г.; поход Деметрия в Беотию и двукратное взятие Фив приходятся на 293—291 гг.

¹⁷²¹ 38. ...отчего бога афинян... – Аполлон считался небесным отцом Иона, сына Ксуфа, прародителя ионян и афинян.

сражение, во время которого полководцы сошлись в поединке. Оба были ранены, однако бежал Пантавх, многих потерявши убитыми и пять тысяч пленными. Эта неудача оказалась непоправимой бедой для Деметрия: Пирр стяжал не столько ненависть, сколько восхищение противников, убедившихся, что победа была, в прямом смысле слова, делом его рук. С тех пор имя Пирра пользовалось в Македонии громкою славой, и многие говорили, что среди всех царей лишь в нем одном виден образ Александровой отваги, остальные же – и в первую очередь, Деметрий – словно на сцене перед зрителями, пытаются подражать лишь величию и надменности умершего государя.

И верно, Деметрий во многом походил на трагического актера. Он не только покрывал голову кавсией с великолепною двойною перевязью, не только носил алую, с золотой каймой одежду, но и обувался в башмаки из чистого пурпура, расшитые золотом. Долгое время для него изготовляли плащ – редкостное произведение ткаческого искусства, с картиной вселенной и подобием небесных явлений и тел. Из-за новой перемены обстоятельств работа осталась незавершенной, и никто не дерзнул накинуть на плечи этот плащ, хотя и после Деметрия в Македонии правило немало приверженных к роскоши царей.

42. Но не один внешний облик царя оскорблял македонян, не привычных ни к чему подобному, их тяготил и его разнузданный уклад жизни, и, главным образом, его неприветливость и недоступность. Он либо вовсе отказывал в приеме, либо, если уже принимал просителей, то говорил с ними сурово и резко. Афинское посольство Деметрий продержал в ожидании целых два года, а ведь никому из греков не уделял он столько заботы, сколько афинянам. Когда из Лакедемона прибыл всего один посол, Деметрий счел это знаком пренебрежения и гневно воскликнул: «Как ты сказал? Лакедемоняне прислали одного посла?!» – «Да, царь, одного – к одному», – остроумно и подлинно по-лаконски отвечал спартанец. Однажды окружающим померещилось, будто Деметрий выехал из дворца в более благодушном настроении, чем обычно, и готов оказать внимание чужим речам. Сбежались несколько человек и подали ему письменные прошения. Он принял их все и сложил в полу плаща, а люди радовались и шли следом, однако же на мосту через Аксий Деметрий развернул плащ и вытряхнул прошения в реку. Македоняне были страшно удручены, видя, что Деметрий не царствует, а измывается над ними, и вспоминая Филиппа или же слушая рассказы о том, какой он был справедливый, обходительный и приветливый. Впрочем, раз случилось, что какая-то старая женщина неотвязно плелась за Деметрием, умоляя уделить ей несколько времени, и, услышав, наконец, в ответ, что царю недосуг, вскричала: «Ну, тогда откажись и от царства!» – и слова эти попали в цель. Деметрий глубоко задумался, вернулся домой и, отложив все прочие дела, много дней подряд принимал просителей и жалобщиков, начавши с той старухи. И действительно, нет у царя долга важнее, нежели забота о правосудии. Арес – тиранн, как говорит Тимофей, а закон по выражению Пиндара¹⁷²², – «царь надо всем сущим». И у Гомера мы не прочтем, что цари получают от Зевса осадные машины и обшитые медью суда, – нет, бог дает царям свои заветы с наказом хранить их и беречь, и не самого воинственного, несправедливого и кровожадного из царей называет поэт¹⁷²³ собеседником и учеником Зевса, но самого справедливого. Деметрий, между тем, радовался, слыша свое прозвище, столь несхожее с прозванием царя богов: Зевса величают Хранителем и Владыкою городов, а Деметрия называли Полиоркетом – Осаждающим города. Так грубая сила привела зло на место добра и рядом со славой поселила несправедливость.

43. Когда Деметрий, опасно заболев, лежал в Пелле, Пирр стремительно ворвался в

¹⁷²² 39. ....говорит Тимофей... по выражению Пиндара... – Произведения не сохранились.

¹⁷²³ 40. ....называет поэт... – «Одиссея», XIX, 179 (о Миносе Критском).

Македонию и дошел до самой Эдессы¹⁷²⁴, так что враг его чуть было не лишился престола. Однако, едва оправившись, Деметрий легко изгнал Пирра из своих владений, а затем заключил с ним договор, стремясь положить конец беспрерывным стычкам и схваткам, отвлекавшим его от главного и основного замысла. Замышлял же он не что иное, как восстановить в прежних пределах державу своего отца. Приготовления Деметрия нимало не уступали величию его намерений и упований. Он собрал уже девяносто тысяч пехоты, без малого двенадцать тысяч конницы и намеревался спустить на воду флот из пятисот кораблей, которые строил одновременно в Пирее, Коринфе, Халкиде и близ Пеллы. Каждую из верфей Деметрий посещал сам, давал наставления и советы, работал вместе с плотниками, и все дивились не только числу будущих судов, но и их размерам – ведь никому еще не доводилось видеть корабли с пятнадцатью и шестнадцатью рядами весел. Лишь позднее Птолемей Филопатор выстроил корабль с сорока рядами весел¹⁷²⁵, длина его была двести восемьдесят локтей, высота (до верха носовой надстройки) – сорок восемь, число моряков – четыреста, гребцов – четыре тысячи, да кроме того в проходах и на палубе размещались почти три тысячи воинов. Но это судно годилось лишь для показа, а не для дела и почти ничем не отличалось от неподвижных сооружений, ибо стронуть его с места было и небезопасно и чрезвычайно трудно, тогда как у судов Деметрия красота не отнимала мощи, устройство их не было настолько громоздким и сложным, чтобы нанести ущерб делу, напротив, их скорость и боевые качества заслуживали еще большего изумления, чем громадные размеры.

44. Видя, что против Азии вскоре выступит такая огромная сила, какую после Александра не располагал еще никто, для борьбы с Деметрием объединились трое царей – Селевк, Птолемей, Лисимах. Все вместе они отправили посольство к Пирру, убеждая его ударить на Македонию и считать недействительным договор, которым Деметрий не ему, Пирру, дал обязательство воздерживаться от нападений, но себе присвоил право нападать на кого сам пожелает и выберет. Пирр согласился, и вокруг Деметрия, который еще не завершил последних приготовлений, разом вспыхнуло пламя войны. У берегов Греции появился с большим флотом Птолемей и склонял города к измене, а в Македонию, грабя и разоряя страну, вторглись из Фракии Лисимах, а из сопредельных областей Пирр. Деметрий оставил в Греции сына, сам же, обороняя Македонию, двинулся сперва на Лисимаха. Но тут приходит весть, что Пирр взял город Берию. Слух об этом быстро разнесся среди македонян, и сразу же всякий порядок в войске исчез, повсюду звучали жалобы, рыдания, гневные речи и проклятия Деметрию, солдаты не хотели оставаться под его начальством и кричали, что разойдутся по домам, но в действительности собирались уйти к Лисимаху.

Тогда Деметрий решил держаться как можно дальше от Лисимаха и повернуть против Пирра, рассудив, что Лисимах его подданным – соплеменник и многим хорошо известен еще по временам Александра, но Пирра, пришельца и чужеземца, македоняне Деметрию никогда не предпочтут. Однако ж он жестоко просчитался. Когда Деметрий разбил лагерь невдалеке от Пирра, его македоняне, уже давно восхищавшиеся воинской доблестью Пирра и с молоком матери впитавшие убеждение, что самый храбрый воин всех более достоин и царства, узнали вдобавок, как милостиво и мягко обходится он с пленными, и, одержимые желанием во что бы то ни стало избавиться от Деметрия, стали уходить. Сперва они уходили тайком и порознь, но затем весь лагерь охватили волнение и тревога, и, в конце концов, несколько человек, набравшись храбрости, явились к Деметрию и посоветовали ему бежать и впредь заботиться о своем спасении самому, ибо македоняне не желают больше воевать ради

¹⁷²⁴ 41. Эдесса – город в 40 км от столицы Македонии – Пеллы.

¹⁷²⁵ 42. ...корабль с сорока рядами весел... – Собственно «рядов весел» было, конечно, меньше, но на каждом было по многу рядов гребцов. Длина корабля – ок. 125 м, высота – ок. 22 м, «имел он два носа, две кормы и семь таранов» (Афиней, 203e—204d).

его страсти к роскоши и наслаждениям. По сравнению с грубыми, злобными криками, которые неслись отовсюду, эти слова показались Деметрию образцом сдержанности и справедливости. Он вошел в шатер и, уже не как царь, но как актер, переоделся, сменив свой знаменитый, роскошный плащ на темный и обыкновенный, а затем неприметно ускользнул. И сразу чуть ли не все войско бросилось грабить царскую палатку, начались драки, но тут появился Пирр, первым же своим криком водворил тишину и завладел лагерем. Вся Македония была поделена между ним и Лисимахом – после семи лет твердого и уверенного правления Деметрия.

45. Итак, Деметрий лишился власти и бежал в Кассандрию. Фила была безутешна; не в силах глядеть на своего супруга, злополучнейшего из царей, который снова сделался обыкновенным смертным и изгнанником, отрекшись от всех надежд, проклявши судьбу, в счастии столь ветреную, в бедах же столь упорную, она выпила яду и умерла, а Деметрий, задумав собрать хотя бы обломки, оставшиеся после этого кораблекрушения, уехал в Грецию и стал созывать своих тамошних военачальников и приверженцев.

Вот какой картине уподобляет превратности своей судьбы Менелай у Софокла:

Несется жизнь моя на быстром колесе,
И шлет мне божество судьбы круговорот.
Так светлый лик луны один и тот же вид
В течение двух ночей не может сохранять.
Сперва из мрака он выходит нов и юн,
Прекрасней и полней становится потом.
Но лишь он явит нам свой высший дивный блеск,
Как, умаляясь вновь, уйдет в небытие¹⁷²⁶.

Картине этой с еще большим правом можно уподобить судьбу Деметрия – его рост и умаление, блеск и угасание. Вот и тогда, казалось, он уже совершенно увял и погас, как вдруг могущество его вспыхивает новым светом, стекаются понемногу боевые силы и оживает надежда. Сперва Деметрий объезжал города как частное лицо, без единого из знаков царского достоинства, и кто-то, увидевши его в Фивах, не без остроумия прочитал на память два стиха из Эврипида¹⁷²⁷:

Свой образ божества сменив на смертный лик,
Узрел он Дирки ключ и ток Исменских вод.

46. Но едва лишь он вступил на «царский путь» надежды, как вернул себе и внешнее обличие, и самое существо власти. Фиванцам он даровал их прежнее государственное устройство, афиняне же отпали от Деметрия и, вычеркнув из списка эпонимов Дифила, который был внесен туда по праву жреца Спасителей¹⁷²⁸, постановили снова выбирать должностных лиц в согласии с отеческими обычаями, а поскольку Деметрий, вопреки их ожиданиям, быстро входил в силу, призвать из Македонии Пирра. В ярости Деметрий начал жестокую осаду города, но, когда народ прислал к нему философа Кратета, человека прославленного и уважаемого, он склонился на просьбы этого посланца, а вместе с тем признал и справедливость его советов, касавшихся преимуществ и выгод самого Деметрия;

¹⁷²⁶ 43. *Несется жизнь моя... уйдет в небытие.* – Фрагмент из неизвестной драмы Софокла.

¹⁷²⁷ 44. *...два стиха из Эврипида...* – Несколько измененные ст. 4—5 из «Вакханок». *Цирка* и *Исмен* – ручьи в Фивах.

¹⁷²⁸ 45. *...жреца Спасителей...* – См. выше, гл. 10.

прекратив осаду, он собрал все суда, какие были в его распоряжении, и, погрузив на них одиннадцать тысяч пехотинцев и конницу, поплыл в Азию, чтобы отнять у Лисимаха Карию и Лидию.

В Милете его встретила сестра Филы Эвридика с Птолемаидой, своей дочерью от Птолемея, которая давно уже была помолвлена за Деметрия хлопотами Селевка. Теперь Деметрий принял девушку из рук матери и женился на ней. Сразу же после свадьбы он двинулся против азийских городов и многие взял силой, а многие присоединились к нему добровольно. Занял он и Сарды. Иные из Лисимаховых наместников перешли на сторону Деметрия, предоставив в его распоряжение казну и солдат. Но когда появился с войском Агафокл, сын Лисимаха, Деметрий ушел во Фригию, чтобы затем, – в случае если бы удалось добраться до Армении, – возмутить Мидию и утвердиться во внутренних провинциях Азии, где гонимому легко было найти укрытие и прибежище. Но Агафокл следовал за ним по пятам, и хотя Деметрий в нескольких стычках одержал верх, положение его было трудным, ибо враг не давал собирать продовольствие и корм для лошадей, а воины уже начинали догадываться, что их уведут в Армению и Мидию. Голод усиливался, а тут еще случилась беда при переправе через бурный и стремительный Лик – переправе, стоившей жизни многим людям Деметрия. Но страсть к насмешкам не иссякла и тут, и кто-то начертил на земле перед палаткою Деметрия начало «Эдипа», чуть изменивши написание одного стиха:

О, чадо старика слепого Антигона,
В какой мы край пришли?...¹⁷²⁹

47. Наконец, к голоду присоединился мор, – как и во всех прочих случаях, когда нужда заставляет употреблять в пищу что ни попало, – и, потеряв в общем не менее восьми тысяч, Деметрий повел уцелевших назад.

Он спустился в Тарс и хотел оставить в неприкосновенности страну, находившуюся тогда под властью Селевка, чтобы не дать ему ни малейшего повода к враждебным действиям, но это оказалось невозможным, потому что воины были в последней крайности, а перевалы через Тавр закрыл Агафокл, и Деметрий написал Селевку письмо с пространными жалобами на свою судьбу и горячей мольбою смилостивиться над родичем, претерпевшим такие беды, какие даже у врагов не могут не вызвать сострадания. Селевк, и в самом деле, был растроган и отправил приказ своим наместникам выдавать Деметрию царское содержание, а его солдатам – продовольствие в полном достатке. Тут, однако, царя посещает Патрокл, считавшийся верным его другом и человеком проницательным, и внушает Селевку, что издержки на прокорм воинов Деметрия – еще не главная беда, но смотреть сквозь пальцы на то, как этот человек располагается в его владениях, – непростительное легкомыслие, ибо Деметрий и всегда-то был самым бесчинным и беспокойным между царями, а теперь, вдобавок, находится в таких обстоятельствах, которые и смирного от природы человека толкнут на любую дерзость и насилие. Доводы Патрокла оказали свое действие, и Селевк с большим войском выступил в Киликию.

Деметрий, пораженный и испуганный этой внезапной переменою, отступил в дикую, неприступную местность среди гор Тавра и через посланца просил Селевка, чтобы тот, по крайней мере, не препятствовал ему покорить какое-либо из независимых варварских племен и там, среди варваров, провести остаток своих дней, положив конец бегству и скитаниям; если же Селевк и на это не согласен, пусть снабдит его людей пропитанием до весны и оставит их здесь же, в горах, но не гонит прочь и не выдает врагам страдальца, совершенно беспомощного и беззащитного. 48. Селевку, однако, внушали подозрения оба этих плана и

¹⁷²⁹ 46. *О чадо старика...* и далее. – Софокл, «Эдип в Колоне», 1—2; в подлиннике – обращение к царевне Антигоне, в переделке – к Деметрию, сыну Антигона Одноглазого.

он предложил Деметрию провести, если угодно, два зимних месяца в Катаонии, но потребовал в заложники первых и самых видных из его друзей, а сам, в то же время, стал заграждать перевалы, ведущие в Сирию, так что Деметрий, обложенный точно дикий зверь на охоте, вынужден был обратиться к силе и принялся разорять набегами страну, неизменно выходя победителем из столкновений с войсками Селевка. Он обратил в бегство даже пущенные против него серпоносные колесницы и овладел перевалами на пути в Сирию, выбив оттуда вражеских воинов, которые вели заградительные работы.

После этого к Деметрию вернулось все его мужество, и, видя, что воины также вновь исполнены веры в собственные силы, он начал готовиться к последнему и решающему бою с Селевком. Теперь уже в невыгодном и трудном положении оказывался Селевк, который помощь Лисимаха отклонил, не доверяя фракийскому царю и страшась его, сразиться же с Деметрием один на один не смел, робея пред отчаянной его смелостью и переменчивой судьбой: не было случая, чтобы за крайними бедами судьба не послала ему величайшую удачу. Но в это время Деметрий тяжело захворал, и болезнь не только жестоко изнурила его тело, но и смешала, расстроила все его планы, ибо часть воинов ушла к неприятелю, а многие просто разбежались. Насилу оправившись после сорока дней недуга, он собрал остатки своих людей и двинулся, – насколько мог видеть и предполагать неприятель, – в Киликию, но затем ночью, соблюдая полную тишину, повернул в противоположную сторону, перевалил через Аман и принялся разорять лежавшую у его подножья страну вплоть до самой Киррестики.

49. Когда же Селевк, явившись по его следам, разбил лагерь невдалеке, Деметрий, подняв войско среди ночи, выступил в сторону вражеского лагеря и прошел значительную часть пути, меж тем как Селевк крепко спал, ни о чем не подозревая. В конце концов, перебежчики все же предупредили его об опасности, он в испуге вскочил с постели и тут же приказал трубить боевой сигнал – еще не успев обуться и крича друзьям, что схватился со страшным зверем. По шуму у неприятеля Деметрий понял, что хитрость его раскрыта, и поспешно отошел. На рассвете Селевк бросился в наступление. Деметрий отправил на другое крыло кого-то из друзей, а сам, между тем, сумел привести врага в замешательство и потеснить его. Тогда Селевк соскочил с коня, снял шлем и с одним щитом в руке зашагал навстречу наемникам, стараясь, чтобы его узнали, и призывая всех перейти на его сторону: пора им, наконец, понять, кричал Селевк, что лишь ради них, а не щадя Деметрия, он проявляет столько терпения. Все горячо его приветствовали, называли царем и обращали оружие против Деметрия, а тот, почувствовав, что свершается последняя из превратностей, какие были суждены ему в жизни, оставил поле боя и бежал по направлению к Аманским воротам. С несколькими друзьями и ничтожной горсткою слуг он забился в чащу леса и дожидался ночи, рассчитывая, если ничто не помешает, выбраться на дорогу к Кавну и проскользнуть к берегу моря – там он надеялся найти корабли на якорной стоянке. Ему сказали, однако, что припасов не достанет даже на этот один день; надо было искать другого выхода, но тут подоспел друг Деметрия Сосиген с четырьмястами золотых в поясе. На эти деньги беглецы могли проделать весь путь до моря, и, когда стемнело, они тронулись к перевалу. Однако на высотах близ перевала уже пылали вражеские костры, и, окончательно отказавшись от своего замысла, они вернулись на прежнее место, но уже не в прежнем количестве – некоторые покинули Деметрия и бежали – и не с прежнею бодростью. Кто-то решился заметить, что Деметрию, дескать, следовало бы сдаться на милость Селевка. Деметрий выхватил меч и хотел заколоть себя, тогда друзья обступили его, утешая и в один голос уговаривая последовать этому совету, и, в конце концов, Деметрий отправил к Селевку гонца с известием, что готов предать себя в его руки.

50. Когда Селевку доложили об этом, он сказал, что спасением Деметрий обязан не своей, а его, Селевка, счастливой судьбе, которая, после всех прочих благодеяний, преподносит ему и этот дар – случай выказать человеколюбие и доброту. Кликнув слуг, он распорядился поставить царский шатер и сделать все остальные приготовления к великолепному, щедрому приему. В окружении Селевка был некий Аполлонид, в прошлом

близкий знакомый Деметрия. Царь немедленно послал его к Деметрию, чтобы тот не унывал и не падал духом, – ведь его ожидает встреча с родичем, с зятем. Когда решение Селевка получило огласку, сперва немногие, а затем чуть ли не все его друзья наперебой устремились к Деметрию в твердой уверенности, что скоро он сделается первым человеком при государе. Это превратило в ревность сострадание Селевка, а людям злонамеренным и завистливым предоставило повод подавить всякое человеколюбие в душе царя, пугая его, что стоит лишь Деметрию показаться в лагере – и немедленно, в тот же самый миг начнется всеобщий мятеж.

И вот, едва успел прибыть к Деметрию ликующий Аполлонид, едва подоспели остальные царедворцы с вестями о поразительном великодушии Селевка, едва сам Деметрий ободрился после такого несчастья и невезения, поверил новым надеждам и взглянул новыми глазами на свое согласие сдать, которое прежде казалось ему позором, – как вдруг появляется Павсаний во главе примерно тысячного отряда пехоты и конницы, мгновенно окружает Деметрия, гонит прочь всех остальных и, даже не заходя в царский лагерь, уводит пленника прямо в Херсонес Сирийский. Там был уже размещен сильный сторожевой отряд, но потом Селевк прислал Деметрию многочисленную челядь для услуг, с безукоризненной щедростью назначил ему ежедневное содержание и разрешил охотиться в царских заповедниках, гулять и заниматься телесными упражнениями в царских садах. Никто из друзей, которые бежали с ним вместе и теперь хотели навестить пленника, не встречал отказа, а иногда наезжали и приближенные Селевка, пересказывали утешительные слухи и просили Деметрия мужаться, потому что, уверяли они, как только приедут Антиох со Стратоникой, его освободят.

51. В этих горестных обстоятельствах Деметрий дал знать сыну, а также своим наместникам и приверженцам в Афинах и Коринфе, чтобы они не доверяли ни письмам его, ни печати, но берегли бы все города и все, что еще сохранилось от его власти и державы, для Антигона так, словно его, Деметрия, уже нет в живых. Антигон, узнавши о пленении отца, был в страшном горе; он облачился в траурные одежды и написал всем царям и самому Селевку, моля о помощи и милосердии и предлагая, если только он согласится освободить Деметрия, в первую очередь, себя – заложником, а затем – все уцелевшие остатки своего достояния. Просьбы Антигона поддерживали многие города и властители, и только Лисимах сулил Селевку большие деньги, если он умертвит Деметрия. Селевк, который всегда испытывал к Лисимаху отвращение, после этого случая считал его совершеннейшим злодеем и варваром, однако ж с освобождением Деметрия медлил, желая, чтобы оно совершилось милостью Антиоха и Стратоники.

52. Вначале Деметрий переносил свою участь спокойно, приучался не замечать тягот неволи, много двигался – охотился (в пределах дозволенного), бегал, гулял, но постепенно занятия эти ему опротивели, он обленился, и большую часть времени стал проводить за вином и игрою в кости, то ли ускользая от дум, осаждавших его, когда он бывал трезв, и стараясь замутить хмелем сознание, то ли признав, что это и есть та самая жизнь, которой он издавна жаждал и домогался, да только по неразумию и пустому тщеславию сбился с пути, и причинил немало мук самому себе и другим, разыскивая среди оружия, корабельных снастей и лагерных палаток счастье, ныне обретенное, вопреки ожиданиям, в бездельи, праздности и досуге. И верно, есть ли иная цель у войн, которые ведут, не останавливаясь перед опасностями, негодные цари, безнравственные и безрассудные?! Ведь дело не только в том, что вместо красоты и добра они гонятся за одною лишь роскошью и наслаждениями, но и в том, что даже наслаждаться и роскошествовать по-настоящему они не умеют.

На третьем году своего заключения Деметрий, от праздности, обжорства и пьянства, заболел и скончался в возрасте пятидесяти четырех лет. Все в один голос порицали Селевка, и сам он корил себя за чрезмерную подозрительность и за то, что не последовал примеру хотя бы варвара-фракийца Дромихета, который так мягко и подлинно по-царски обошелся с пленным Лисимахом.

53. И в погребении Деметрия было многое от показного блеска трагедии на театре. Сын

его, Антигон, получив сообщение, что везут прах умершего, собрал все свои корабли, вышел навстречу к самым Островам¹⁷³⁰ и принял золотую урну на борт самого большого из флагманских судов. Города, близ которых флот останавливался на якоре, возлагали на урну венки либо даже отряжали особых посланцев в траурных одеждах сопровождать скорбную процессию и участвовать в похоронах. Когда корабли подходили к Коринфу, урну поместили высоко на корме, украсив ее царской багряницею и диадемой, а вокруг стали в караул юноши с копьями. Подле сидел Ксенофант, самый знаменитый из тогдашних флейтистов, и играл священный, глубоко чтимый напев, а так как весла двигались в строгой размеренности, их удары сопровождали песнь флейты, словно тяжкие биения в грудь. Наибольшую скорбь и сострадание у собравшихся на берегу вызывал, однако, сам Антигон, убитый горем, обливающийся слезами. Коринфяне оказали останкам Деметрия подобающие почести, возложили венки, а затем Антигон увез урну в Деметриаду и похоронил. Этот город носил имя умершего и был создан из нескольких небольших поселений близ Иолка, сведенных в одно.

Деметрий оставил сына Антигона и дочь Стратонику от Филы, еще двух сыновей по имени Деметрий – одного, по прозвищу Тоций, от жены-иллирянки, и другого, который впоследствии правил Киреной, от Птолемаиды, – и, наконец, от Деидамии Александра, окончившего свои дни в Египте. По некоторым сведениям, у него был еще сын Корраг от Эвридики. Потомки Деметрия непрерывно занимали престол вплоть до Персея, при котором Македония была покорена римлянами.

Итак, македонская драма сыграна, пора ставить на сцену римскую.

Антоний

1. Дед Антония был оратор Антоний, убитый Марием как приверженец Суллы, отец – Антоний Критский, человек не слишком видный и мало чем прославившийся на государственном поприще¹⁷³¹, но великодушный, честный и щедрый, как можно убедиться хотя бы по одному, следующему примеру. Он владел весьма скромным состоянием и потому не давал воли своей доброте – за этим зорко следила его супруга. И вот как-то раз приходит к нему приятель просить денег, денег у Антония нет, и он велит рабу принести воды в серебряной кружке, смачивает подбородок, словно собираясь бриться, а затем, еще под каким-то предлогом выслав раба из комнаты, отдает кружку другу, чтобы тот распорядился ею, как захочет. Слуги хватились пропажи, начались поиски, и, видя, что жена вне себя от гнева и хочет пытать всех рабов подряд, Антоний во всем признался и просил прощения.

2. Он был женат на Юлии из дома Цезарей, и благородством натуры, равно как и целомудрием эта женщина могла поспорить с любой из своих современниц. Она вырастила сына Антония, выйдя после смерти его отца замуж за Корнелия Лентула, который участвовал в заговоре Катилины и был казнен Цицероном. Это, возможно, послужило поводом и началом лютой вражды Антония к Цицерону. Антоний утверждает, будто даже тело Лентула им не желали выдать, пока его мать не обратилась с мольбою к супруге Цицерона. Но это, по общему суждению, ложь, ибо никому из казненных тогда Цицероном в погребении отказано не было.

Антоний в юности был необычайно красив, и потому с ним не замедлил сблизиться Курион, чья дружба оказалась для молодого человека настоящею язвой, чумой. Курион и сам не знал удержу в наслаждениях, и Антония, чтобы крепче прибрать его к рукам, приучил к попойкам, распутству и чудовищному мотовству, так что вскорости на нем повис огромный

---

¹⁷³⁰ 47. ...к самым Островам... – Т.е., по-видимому, к крайним островам Греческого архипелага.

¹⁷³¹ 1. ...Антоний Критский ... мало чем прославившийся... – Само прозвище Критский было ему дано в насмешку после поражения от критских пиратов в 74 г.

не по летам долг – двести пятьдесят талантов. На всю эту сумму за друга поручился Курион, и когда о поступке сына узнал Курион-отец, он запретил Антонию переступать порог его дома. На короткое время Антоний оказался в числе единомышленников Клодия, самого наглого и гнусного из тогдашних вожakov народа. Люди Клодия привели в смятение все государство, и Антоний, быстро пресытившись бешенством их главаря, а к тому же и страшаясь его врагов, которые уже соединяли свои силы, уехал из Италии в Грецию, чтобы там телесными упражнениями приготовить себя к службе в войске и изучить ораторское искусство. Он взял за образец так называемое азиатское направление в красноречии¹⁷³², которое в ту пору процветало и обнаруживало, вдобавок, большое сходство с самою жизнью Антония, полною хвастовства и высокомерия, глупого самомнения и непомерного честолюбия.

3. Бывший консул Габиний, отплывая в Сирию к войску, приглашал Антония с собою, но частным лицом Антоний ехать не пожелал и присоединился к Габинию не прежде, чем получил назначение на должность начальника конницы. Высланный сначала против Аристобула, который пытался поднять восстание иудеев¹⁷³³, он первым взобрался на стену самого сильного из укреплений врага и выбил его из всех остальных крепостей. Затем он завязал сражение, обратил в бегство неприятелей, превосходивших римлян числом в несколько раз, и почти всех уложил на поле боя. Сам Аристобул вместе с сыном попал в плен. Вскоре после этого Птолемей стал убеждать Габиния¹⁷³⁴ вступить в Египет и вернуть ему царство, суля в награду десять тысяч талантов, но бо льшая часть начальников противилась этому предприятую, и Габиний не решался начать войну, хотя десять тысяч талантов безраздельно владели всеми его помыслами, и тут не кто иной как Антоний, который мечтал о подвигах и хотел оказать услугу Птолемею, убедил римского полководца двинуться в поход. Главные опасения вызывала не сама война, а путь до Пелусия – по глубоким, безводным пескам, мимо Промоины и болот Сербониды, которые египтяне называют «Выдохом Тифона»¹⁷³⁵ (вероятно, это просачиваются воды Красного моря, в том месте, где оно всего ближе подходит к морю Внутреннему). Антония отправили с конницей вперед, и он не только захватил узкие проходы, но и взял самый Пелусий, большой город с караульным отрядом, обезопасив путь для войска и внушив полководцу твердую надежду на победу. Его честолюбие сослужило добрую службу и неприятелям, ибо, когда Птолемей, едва вступив в Пелусий, в гневе и злобе хотел было перебить всех египтян, Антоний не позволил ему исполнить свое намерение. В больших и частых сражениях Антоний дал многочисленные доказательства и своей отваги воина, и дальновидности военачальника и получил подобающие награды и отличия; особенно прославило его одно сражение, когда, обойдя противника и ударив ему в спину, он принес победу тем, кто бился с египтянами грудь на грудь. Многие с одобрением говорили и о благородной доброте Антония к убитому Архелаю: обстоятельства вынудили его воевать против друга и гостеприимца, но, когда тот пал, Антоний отыскал его тело и с царскими почестями похоронил. Таким-то вот образом он оставил у александрийцев громкую молву о себе, а римским воинам внушил убеждение в

¹⁷³² 2. ...азиатское направление в красноречии ... – В противоположность консервативному «аттическому», «азиатское» красноречие стремилось к блеску и эффекту путем нагнетания пышных риторических фигур и нарочитого ритма фраз.

¹⁷³³ 3. ...восстание иудеев ... – Имеется в виду междоусобная война братьев Аристобула и (поддерживаемого римлянами) Гиркана из династии Маккавеев (57 г.).

¹⁷³⁴ 4. Птолемей ... Габиния – См.: КМЛ., 35.

¹⁷³⁵ 5. ...мимо Промоины ... – Речь идет о соленых лагунах на Суэцком перешейке; Тифон – сын Земли, боровшийся с Зевсом и брошенный им в Тартар.

блестящих своих качествах.

4. Он обладал красивою и представительной внешностью. Отличной формы борода, широкий лоб, нос с горбинкой сообщали Антонию мужественный вид и некоторое сходство с Гераклом, каким его изображают художники и ваятели. Существовало даже древнее предание, будто Антонии ведут свой род от сына Геракла – Антона. Это предание, которому, как уже сказано, придавало убедительность обличие Антония, он старался подкрепить и своею одеждой: всякий раз, как ему предстояло появиться перед большим скоплением народа, он опоясывал тунику у самых бедер, к поясу пристегивал длинный меч и закутывался в тяжелый военный плащ. Даже то, что остальным казалось пошлым и несносным, – хвастовство, бесконечные шутки, неприкрытая страсть к попойкам, привычка подсесть к обедающему или жадно проглотить кусок с солдатского стола, стоя, – все это солдатам внушало прямо-таки удивительную любовь и привязанность к Антонию. И в любовных его утехх не было ничего отталкивающего, – наоборот, они создавали Антонию новых друзей и приверженцев, ибо он охотно помогал другим в подобных делах и нисколько не сердился, когда посмеивались над его собственными похождениями. Щедрость Антония, широта, с какою он одаривал воинов и друзей, сперва открыла ему блестящий путь к власти, а затем, когда он уже возвысился, неизменно увеличивала его могущество, несмотря на бесчисленные промахи и заблуждения, которые подрывали это могущество и даже грозили опрокинуть. Приведу всего один пример. Он приказал выдать кому-то из друзей двести пятьдесят тысяч денариев – эту сумму римляне обозначают словом «декиес» [decies]¹⁷³⁶. Управляющий был изумлен и, чтобы показать хозяину, как это много, положил деньги на видном месте. Проходя мимо, Антоний заметил их и осведомился, что это такое, управляющий отвечал, что это сумма, которую он распорядился выдать, и тогда Антоний, разгадав его неприглядную хитрость, воскликнул: «Вот уж не думал, что декиес – такая малость! Прибавь еще столько же!» 5. Впрочем, это относится к более позднему времени.

Когда римское государство разделилось на два враждебных стана и сторонники аристократии поддерживали Помпея, находившегося в Риме, а приверженцы демократии призывали Цезаря, который стоял с войском в Галлии, Курион, друг Антония, изменил своим прежним взглядам и принял сторону Цезаря, увлекши за собою и Антония. Опытный и сильный оратор, Курион пользовался огромным влиянием среди народа, вдобавок он, не считая, тратил деньги, которыми снабжал его Цезарь, а потому неудивительно, что он сумел доставить Антонию должность народного трибуна и место среди жрецов, гадающих по полету птиц и именуемых авгурами.

Вступив в должность, Антоний оказал друзьям Цезаря немало важных услуг. Прежде всего, когда консул Марцелл задумал передать Помпею уже набранных воинов и разрешить ему новый набор, Антоний помешал консулу исполнить свой план, предложив Собранию, чтобы готовое к боевым действиям войско было отправлено в Сирию, на помощь Бибулу, который вел борьбу с парфянами, а новобранцы в распоряжение Помпея не поступали. Затем, пользуясь властью и полномочиями трибуна, он огласил письма Цезаря, которые сенат не желал ни слушать, ни даже принимать, и заставил многих переменить прежний образ мыслей, ибо, судя по этим письмам, Цезарь выдвигал требования справедливые и умеренные. Наконец, когда сенаторам было предложено два запроса – угодно ли им, чтобы Помпей распустил свое войско, и желают ли они, чтобы это сделал Цезарь, – и за первое предложение высказались очень немногие, а за второе почти все, поднялся Антоний и предложил третий запрос: угодно ли господам сенаторам, чтобы Помпей и Цезарь разоружились и распустили воинов одновременно? Эти слова были встречены живейшим одобрением, все громко восхваляли Антония и требовали открыть подачу голосов. Консулы, однако, не соглашались, тогда друзья Цезаря выступили с новыми и, казалось бы, вполне разумными условиями, но после резкого отвода, который дал им Катон, консул Лентул

¹⁷³⁶ 6. *Decies* – сокращение от *decies centena milia*, т.е. 1 000 000 сестерциев (монет в четверть денария).

выгнал Антония из курии. Выходя, Антоний осыпал сенаторов угрозами и проклятиями, а затем переоделся в рабское платье, нанял вместе с Квинтом Кассием повозку и уехал к Цезарю. Едва появившись перед ним, оба разразились жалобами, что в Риме нет больше никакого порядка: даже народные трибуны, кричали они, лишены права говорить свободно, и всякий, кто скажет хоть слово в защиту справедливости, подвергается гонениям и должен страшиться за свою жизнь!

6. После этого Цезарь с войском вторгся в пределы Италии. Вот почему Цицерон в «Филиппиках»¹⁷³⁷ пишет, что Троянскую войну развязала Елена, Междоусобную – Антоний. Но он, без всякого сомнения, заблуждается, ибо не настолько легкомыслен был Гай Цезарь и не так скоро терял в гневе рассудок, чтобы вдруг начать войну против отечества из-за того только, что увидел Антония и Кассия, бежавших к нему в жалком наряде, на наемной повозке. Нет, он давно решился на этот шаг и только ждал случая, удобного и благовидного повода, который теперь и представился. Против целого света его вела, как некогда Александра, а еще раньше Кира, ненасытная любовь к власти и безумная, неистовая жажда первенства, достигнуть которого было невозможно, пока на пути стоял Помпей.

Стремительно продвинувшись вперед, Цезарь занял Рим, вытеснил Помпея из Италии и, решив сначала сломить силы противника в Испании, а тем временем собрать флот и тогда уже обратиться против самого Помпея, поручил столицу заботам претора Лепида, Италию же и войско – народному трибуну Антонию. Солдаты сразу полюбили Антония, который проводил с ними много времени, участвовал в их упражнениях и делал им подарки в меру своих возможностей, зато многим другим он стал ненавистен. По беспечности он был внимателен к обиженным, выслушивая просителей, часто сердился и пользовался позорною славой прелюбодея. Следует вообще заметить, что власть Цезаря, которая, поскольку это зависело от него самого, ничем не напоминала тиранию, была опорочена по вине его друзей; больше всего злоупотреблений приходится, по-видимому, на долю Антония, облеченного наибольшими полномочиями, а потому и бремя вины ложится, главным образом, на него. 7. Тем не менее Цезарь, когда возвратился из Испании, пропустил мимо ушей жалобы на Антония, а позднее, пользуясь его услугами на войне, ни разу не имел случая разочароваться в предприимчивости, мужестве и полководческих способностях этого человека.

Сам Цезарь с незначительными силами переплыл Ионийское море и тут же отослал суда назад, в Брундизий, с наказом Габинию и Антонию поскорее грузить войска и отправлять в Македонию. Но Габиний испугался тяжелого и опасного в зимнее время плаванья и повел своих людей сушею, кружным и долгим путем, Антоний же, страшась за Цезаря, теснимого многочисленными врагами, отбросил Либона, который стоял на якоре у входа в гавань, окружил его триеры целой тучей мелких суденышек и, посадив на корабли восемьсот всадников и двадцать тысяч пехотинцев, вышел в море. Враги заметили его и пустились в погоню, но этой опасности он благополучно избежал, так как под резким нотом¹⁷³⁸ на море поднялось сильное волнение и остановило триеры преследователей, однако тот же ветер понес суда Антония на обрывистые скалы, подле которых невозможно бросить якорь. Всякая надежда спастись была уже потеряна, как вдруг заливдохнул сильным либом¹⁷³⁹, волны покатались в обратном направлении, и, вылетев на их гребнях далеко в море, Антоний вскоре увидел берег, усыпанный обломками кораблекрушения: сюда выбросила буря вражеские триеры, и немалое число их погибло. Антоний захватил богатую

---

¹⁷³⁷ 7. ...Цицерон в «Филиппиках» ... – «II филиппика», 22, 55.

¹⁷³⁸ 8. ...под резким нотом ... – Т.е. южным ветром.

¹⁷³⁹ 9. ...сильным либом ... – Т.е. юго-западным ветром (дувшим от Италии в Адриатику).

добычу и много пленных, взяв Лисс и сразу прибавил Цезарю отваги и бодрости, когда появился столь своевременно и с такою значительной силой.

8. Сражения следовали одно за другим, и в каждом Антоний сумел отличиться; дважды останавливал он бегущих без оглядки воинов Цезаря и, заставляя их повернуть и снова сойтись с неприятелем, гнавшимся за ними по пятам, выигрывал бой. Поэтому после Цезаря наибольшим весом и уважением в лагере пользовался Антоний, да и сам Цезарь показал, как высоко его ценит. Перед битвою при Фарсале, которая была последнею и решающей, он встал во главе правого крыла, а начальство над левым поручил Антонию как самому опытному воину среди своих подчиненных.

После победы Цезарь был провозглашен диктатором. Сам он пустился в погоню за Помпеем, Антония же назначил начальником конницы и отправил в Рим. Начальник конницы – второе лицо рядом с диктатором, если же диктатор отлучается, его должность первая и почти единственная, ибо избрание диктатора прекращает полномочия всех должностных лиц, кроме народных трибунов.

9. Один из тогдашних трибунов, Долабелла, человек молодой и жаждавший перемен в государственных порядках, внес предложение об отмене долгов и убеждал Антония, который был его другом и, вдобавок, всегда стремился угодить народу, оказать поддержку этому начинанию. Меж тем как Азиний и Требеллий пытались внушить Антонию противоположный образ мыслей, у него внезапно зародилось сильное подозрение, что Долабелла оскорбил его супружеские права. В гневе и обиде он выгоняет из дома жену, – она была его родственницей, дочерью Гая Антония, товарища Цицерона по консульству, – и открывает борьбу против Долабеллы, принявши сторону Азиния. Долабелла занял форум, чтобы провести свой законопроект силой. Тогда Антоний, получивший поддержку сената, который постановил, что Долабеллу следует усмирить любыми средствами, не исключая и оружие, завязал с бунтарями настоящее сражение, некоторых из них убил и сам потерял несколько человек убитыми. С тех пор народ проникся к нему враждою, что же касается порядочных и разумных граждан, то им, как говорит Цицерон¹⁷⁴⁰, был противен весь образ жизни Антония, – им внушало омерзение и его безобразное пьянство, и возмутительное расточительство, и нескончаемые забавы с продажными бабенками, и то, что днем он спал или бродил сам не свой с похмелья, а ночами слонялся с буйными гуляками, устраивал театральные представления и веселился на свадьбах шутов и мимов.

Рассказывают, что однажды он пировал на свадьбе у мима Гиппия и пил всю ночь напролет, а рано поутру народ позвал его на форум, и он, явившись с переполненным желудком, вдруг стал блевать, и кто-то из друзей подставил ему свой плащ. Среди самых влиятельных его приближенных были и мим Сергей, и возлюбленная Антония – бабенка из той же труппы, по имени Киферида; объезжая города, Антоний возил ее за собою в носилках, которые сопровождала свита, не меньшая, чем при носилках его матери. Взор римлян оскорбляли и золотые чаши, которые торжественно несли за ним, словно в священном шествии, и раскинутые при дороге шатры, и роскошные завтраки у реки или на опушке рощи, и запряженные в колесницу львы, и дома достойных людей, отведенные под квартиры потаскухам и арфисткам. И все возмущались и негодовали, что тем временем, как сам Цезарь, за пределами Италии, ночует под открытым небом и ценою огромных трудов и опасностей гасит последние искры войны, в это самое время другие, пользуясь властью, которою их облек Цезарь, утопают в роскоши и глумятся над согражданами.

10. Это, по-видимому, усугубило смуту, а воинов подстрекнуло к наглым бесчинствам и грабегам. Поэтому Цезарь, вернувшись, простил Долабеллу и, в третий раз избранный консулом, товарищем по должности взял не Антония, а Лепида. Антоний купил дом Помпея, который продавался с торгов, но был возмущен, когда у него потребовали назначенную цену.

---

¹⁷⁴⁰ 10. ...как говорит Цицерон ... – Об этом говорится в разных местах уже упоминавшейся «Пфилиппики».

«Я потому только не пошел за Цезарем в африканский поход, – сказал он, – что не получил никакой благодарности за прежние заслуги».

Но все же, сколько можно судить, Цезарь не остался равнодушен к безобразиям Антония и принудил его обуздать свое безрассудство и распутство. Расставшись с прежнею жизнью, Антоний решил жениться и взял за себя Фульвию, вдову народного вожака Клодия, женщину, на уме у которой была не пряжа и не забота о доме – ей мало было держать в подчинении скромного и невидного супруга, но хотелось властвовать над властителем и начальствовать над начальником. Фульвия замечательно выучила Антония повиноваться женской воле и была бы вправе потребовать плату за эти уроки с Клеопатры, которая получила из ее рук Антония уже совсем смирным и привыкшим слушаться женщин. Впрочем, и ее Антоний пытался расшевелить своими шутками и мальчишескими выходками. Как-то раз, после победы Цезаря в Испании¹⁷⁴¹, Антоний в числе многих других выехал ему навстречу, но затем по Италии внезапно пронесся слух, будто Цезарь убит и враги приближаются, и он повернул обратно. Прибывши в Рим, он переоделся в рабское платье и посреди ночи явился к себе в дом с сообщением, что привез Фульвии письмо от Антония. Закутанного с ног до головы в плащ, его провели к Фульвии, и та, вне себя от волнения, первым делом спросила, жив ли Антоний. В ответ он молча протянул ей письмо, а когда она распечатала его и начала читать, обнял и поцеловал жену. Среди многих подобных случаев это лишь один, который я привожу для примера.

11. Когда Цезарь возвращался из Испании, все виднейшие люди государства встречали его на расстоянии многих дней пути от Рима. Антония он отметил особенно высокою почестью: проезжая по Италии на колеснице, Цезарь посадил его рядом с собою, а позади – Брута Альбина и Октавиана, сына своей племянницы, который впоследствии получил имя Цезаря и долгие годы правил римлянами. Избранный консулом в пятый раз, Цезарь товарищем по должности немедленно назначил Антония, а затем пожелал сложить с себя консульское достоинство и передать его Долабелле. Когда он известил об этом сенат, Антоний выступил с резкими возражениями, осыпал Долабеллу бранью, немало ругательств услышал и на свой счет, и Цезарь, смущенный таким бесчинством, вышел из курии. Некоторое время спустя он все же хотел провозгласить Долабеллу консулом, но Антоний кричал, что гадания по птицам неблагоприятны, зловещи, и в конце концов Цезарь уступил – к великой досаде Долабеллы. Скорее всего, и тот и другой были ему одинаково противны; рассказывают, что однажды, выслушав жалобу на обоих сразу, Цезарь заметил, что боится не этих, жирных и красиво причесанных, а бледных и худых – намекая на Брута и Кассия. Позже он, действительно, пал жертвою их заговора.

12. Отличный повод к решительным действиям дал заговорщикам, сам того не подозревая, Антоний. Римляне справляли праздник Ликеи – который они зовут Луперкалиями¹⁷⁴², – и Цезарь в пышном наряде триумфатора сидел на форуме, на ораторском возвышении, и смотрел на бегунов. В этот день многие молодые люди из знатных домов и даже иные из высших должностных лиц бегают, натершись маслом, по городу и в шутку хлещут встречных бичами из косматой, невыделанной шкуры. И вот Антоний, который тоже был среди бегунов, нарушает древний обычай, приближается с увитою лавром диадемою к возвышению, те, кто бежит с ним вместе, поднимают его высоко над землей, и Антоний протягивает руку с диадемою к голове Цезаря – в знак того, что ему подобаet царская власть. Цезарь, однако, принял строгий вид и откинулся назад, и граждане ответили на это радостными рукоплесканиями. Антоний снова поднес ему диадему, Цезарь снова ее отверг, и борьба между ними тянулась долгое время, причем Антонию, который настаивал на своем, рукоплескали всякий раз немногочисленные друзья, а Цезарю,

¹⁷⁴¹ 11. ...после победы Цезаря в Испании ... – Победа при Мунде в 45 г., над сыновьями Помпея.

¹⁷⁴² 12. ...Луперкалиями ... – См.: Ром., 21.

отклонявшему венец, – весь народ. Удивительное дело! Те, что по сути вещей уже находились под царскою властью, страшились царского титула, точно в нем одном была потеря свободы! Цезарь спустился с возвышения; не в силах сдержать гнев, он откинул с шеи тогу и кричал, что готов подставить горло любому, кто пожелает лишить его жизни. Венок с диадемой, возложенный на одну из его статуй, несколько народных трибунов сняли, и народ, с громкими криками одобрения, проводил их до дому, зато Цезарь – отрёшил от должности.

13. Это событие укрепило сторонников Брута и Кассия в их намерениях. Выбирая для заговора верных друзей, они думали и об Антонии. Все высказывались за то, чтобы привлечь его к делу, и только Требоний был против. Он рассказал, что в ту пору, когда они встречали возвращавшегося из Испании Цезаря, он путешествовал вместе с Антонием и жил с ним в одной палатке, и еще тогда, со всеми возможными предосторожностями, пробовал узнать его образ мыслей. Антоний понял, к чему он клонит, и никак не отозвался на его попытку, однако и Цезарю ни о чем не донес, но честно хранил их разговор втайне. Тогда заговорщики стали совещаться, не убить ли Антония вместе с Цезарем. Против этого решительно восстал Брут, потребовав, чтобы дело, на которое они отваживаются во имя права и законов, было безукоризненно чисто от какой бы то ни было несправедливости. Вместе с тем, опасаясь большой телесной силы Антония и того влияния, какое давала ему консульская должность, заговорщики назначили нескольких человек, которые перед самым покушением, когда Цезарь уже войдет в курию, должны были важным разговором задержать Антония у входа.

14. Все произошло так, как они и замыслили, – Цезарь был убит в здании сената, и Антоний, в одежде раба, немедленно скрылся. Когда же он узнал, что заговорщики, никому больше не причинив никакого вреда, собрались на Капитолии, он убедил их спуститься и дал в заложники собственного сына. В тот же вечер он угощал обедом Кассия, а Лепид – Брута. Созвав сенат, Антоний предложил предать прошлое забвению и назначить Кассию и Бруту провинции, сенаторы одобрили его мысль, а, кроме того, постановили в указах и распоряжениях Цезаря ничего не изменять. В тот день Антоний вышел из курии самым знаменитым и прославленным в Риме человеком – все считали, что он уничтожил в зародыше междоусобную войну и с мудростью великого государственного мужа уладил дела, чреватые небывалыми трудностями и опасностями. Но благоразумные замыслы оказались недолговечны: слава, которою он пользовался у толпы и которая внушала ему надежду, что, свергнув и сокрушив Брута, он достигнет неоспоримого первенства, – эта слава заставила его забыть о прежних замыслах. На погребении Цезаря, когда останки несли через форум, Антоний, в согласии с обычаем, сказал похвальную речь умершему. Видя, что народ до крайности взволнован и увлечен его словами, он к похвалам примешал горестные возгласы, выражал негодование происшедшим, а под конец, потрясая одеждой Цезаря, залитою кровью и изодранной мечами, назвал тех, кто это сделал, душегубами и подлыми убийцами. Народ пришел в такую ярость, что, сложивши костер из скамей и столов, сжег тело Цезаря тут же, на форуме, а потом, с пылающими головнями, ринулся к домам заговорщиков и пытался в них ворваться.

15. Видя все это, Брут и его сторонники бежали из Рима, друзья же Цезаря сплотились вокруг Антония, а вдова убитого, Кальпурния, прониклась к нему таким доверием, что перевезла в его дом чуть ли не все оставшиеся после смерти супруга деньги – в целом около четырех тысяч талантов. В руках Антония оказались и все записи Цезаря, среди которых были намеченные им замыслы и решения. Дополняя эти записи любыми именами по собственному усмотрению, Антоний многих назначил на высшие должности, многих включил в сенаторское сословие, а иных даже вернул из ссылки и выпустил на свободу из заключения, неизменно утверждая, будто такова воля Цезаря. Всем этим людям римляне дали насмешливое прозвище друзей Харона¹⁷⁴³, потому, что, когда их привлекали к ответу,

¹⁷⁴³ 13. ...друзей Харона ... – Лат. *ociņi*: так же назывались рабы, освобожденные по хозяйскому завещанию. Харон – перевозчик в подземном царстве мертвых.

они искали спасения в записках умершего. И вообще Антоний держал себя как самовластный правитель, что вполне объяснимо – ведь сам он был консулом, а двое братьев тоже занимали высшие должности: Гай – претора, Луций – народного трибуна.

16. Вот в каком положении находятся дела, когда в Рим прибывает молодой Цезарь, внучатый племянник умершего и наследник его состояния; во время убийства он был в Аполлонии. Сразу по приезде он является с приветствиями к Антонию – другу своего приемного отца – и напоминает о деньгах, переданных тому на хранение: завещание гласило, что молодой Цезарь должен раздать римлянам по семидесяти пяти денариев каждому. Сперва Антоний, полный пренебрежения к его юным годам, говорил ему, что он просто не в своем уме и лишен не только разума, но и добрых друзей, если хочет принять на свои плечи такую непосильную ношу, как наследство Цезаря. Однако юноша не уступал и по-прежнему требовал денег, и тут Антоний принялся всячески унижать его и словом и делом. Он домогался должности народного трибуна – Антоний встал ему поперек дороги, он выставил в общественном месте золотое кресло своего отца – в полном согласии с постановлением сената, – Антоний пригрозил заключить его в тюрьму, если он не прекратит заискивать у народа. Но когда он поручил себя заботам Цицерона и всех прочих, кто ненавидел Антония, и через них начал располагать в свою пользу сенат, меж тем как сам старался приобрести благосклонность народа и собирал в Рим старых воинов из их поселений, – Антоний испугался и, устроив встречу с Цезарем на Капитолии, примирился с ним. В ту же ночь он увидел страшный сон – будто в правую его руку ударила молния, а через несколько дней разнесся слух, что Цезарь готовит ему гибель. Цезарь оправдывался, но подозрений Антония не рассеял, и вражда загорелась вновь.

Оба противника объезжали Италию, громкими посулами поднимали на ноги бывших солдат, уже наделенных землею, и наперебой склоняли на свою сторону войска, еще не выпустившие из рук оружие. 17. Цицерон, обладавший в ту пору наибольшим влиянием в Риме, восстановил против Антония всех и вся и, в конце концов, убедил сенат объявить его врагом государства. Особым постановлением Цезарю была отправлена ликторская свита и остальные знаки преторского достоинства, а Пансе и Гирцию, консулам того года, поручено изгнать Антония из Италии. Консулы дали Антонию битву близ города Мутины, в присутствии и при поддержке Цезаря, и разбили врага, но сами оба погибли.

Во время бегства Антонию пришлось вынести много тяжелых испытаний, и самым тяжелым среди них был голод. Но таков он был от природы, что в несчастьях, в беде превосходил самого себя и становился неотличимо схож с человеком, истинно достойным. Правда, всем людям свойственно, потерпев крушение, вспоминать о требованиях долга и чести, но далеко не у каждого хватает при этом силы следовать тому, что он признал достойным, и избегать того, что осудил, – многие по слабости уступают давним привычкам и не слушаются голоса разума. Антоний, однако, в те дни был замечательным примером для своих воинов: после всей роскоши, всего великолепия, которые его окружали, он без малейшей брезгливости пил тухлую воду и питался дикими плодами и кореньями. Рассказывают, что, переваливая через Альпы, его люди ели и древесную кору, и животных, никогда прежде в пищу не употреблявшихся.

18. Его целью было соединиться с войском, стоявшим по ту сторону гор под командою Лепида, который считался другом Антония и с его помощью извлек немало выгод из дружбы с Цезарем. Когда же, завершив путь и расположившись лагерем неподалеку, он увидел, что ни малейшего дружеского участия в Лепиде не встречает, то решился на отчаянный поступок. С нечесаными волосами, с длинною бородой, которая отросла после поражения, в темном плаще он подошел к лагерю Лепида и заговорил с воинами. Многие были растроганы его видом и захвачены его речью, и Лепид, испугавшись, приказал трубить во все трубы, чтобы заглушить слова Антония. Но это лишь усилило сочувствие солдат к Антонию, и они завязали с ним тайные переговоры, отправив Лелия и Клодия, переодетых солдатскими

потаскухами. Посланцы убеждали Антония смело напасть на лагерь: найдется, говорили они, немало людей, которые примут его с распростертыми объятиями, а Лепида – если он пожелает, – убьют. Лепида Антоний трогать не велел, а сам рано поутру начал переправляться через реку. Он вошел в воду первым и двинулся вброд к противоположному берегу, где уже толпились воины Лепида, протягивая к нему руки, меж тем как другие разрушали лагерьный вал. Вступив в лагерь и овладевши им, он обошелся с Лепидом до крайности мягко – почтительно его приветствовал, назвал отцом и сохранил за ним титул императора и все почести, хотя по сути дела безраздельным хозяином положения был теперь он, Антоний. Это привлекло на его сторону и Мунатия Планка, который находился вблизи со значительными силами. Так, снова поднявшись на ноги и выпрямившись во весь рост, Антоний перевалил Альпы и повел на Италию семнадцать легионов пехоты и десять тысяч конницы. Кроме того, в Галлии, для сторожевой службы, он оставил шесть легионов во главе с Вარიем, одним из своих приятелей и собутыльников, известным под прозвищем Пропойца.

19. Между тем Цезарь, видя приверженность Цицерона свободе, совсем к нему охладил и через друзей предлагал Антонию и Лепиду мирное соглашение. Втроем они встретились на маленьком островке посреди реки и совещались три дня подряд. Без особого труда они договорились обо всем прочем и, точно отцовское наследство, поделили между собою Римскую державу, и лишь вокруг осужденных на смерть разгорелся яростный и мучительный спор, ибо каждый хотел разделаться со своими врагами и спасти своих приверженцев. В конце концов уважение к родственникам и любовь к друзьям склонились перед лютою злобой к неприятелям и Цезарь уступил Антонию Цицерона, а тот ему – Луция Цезаря, своего дядю по матери. Лепиду был отдан в жертву Павел, его родной брат. Правда, некоторые утверждают, что смерти Павла требовали двое остальных, а Лепид лишь уступил их требованиям. Нет и не было, на мой взгляд, ничего ужаснее и бесчеловечнее этого обмена! За смерть платя смертью, они были одинаково повинны и в убийстве тех, над кем получали власть, и тех, кого выдавали сами, хотя большею несправедливостью была, разумеется, расправа с друзьями, ни малейшей ненависти к которым они не питали.

20. Когда согласие было достигнуто, воины, обступив Цезаря, потребовали, чтобы он скрепил новую дружбу браком, взявши за себя Клодию, дочь супруги Антония – Фульвии. Ни Цезарь, ни Антоний не возражали. Затем были объявлены вне закона и казнены триста человек. Цицерону Антоний приказал отсечь голову и правую руку, которою оратор писал свои речи против него. Ему доставили эту добычу, и он глядел на нее, счастливый, и долго смеялся от радости, а потом, наглядевшись, велел выставить на форуме, на ораторском возвышении. Он-то думал, что глумится над умершим, но скорее, на глазах у всех, оскорблял Судьбу и позорил свою власть! Его дядя, Цезарь, за которым гнались убийцы, искал убежища у своей сестры. Когда палачи вломились в дом и уже готовы были ворваться в ее спальню, она встала на пороге и, раскинув руки, воскликнула: «Вам не убить Луция Цезаря, пока жива я, мать вашего императора!» Так она спасла брата от верной смерти.

21. Власть троих по многим причинам тяготила римлян, но главная доля вины падала на Антония, который был старше Цезаря и могущественнее Лепида и теперь, едва оправившись от бедствий, снова с головою ушел в прежнюю жизнь, разнузданную, полную наслаждений. Вдобавок к дурной молве, всеобщей и единогласной, немалую ненависть разжигал самый вид его дома, где прежде жил Помпей Великий, славою своею столько же обязанный трем триумфам, сколько воздержности и строгой простоте: римляне негодовали, видя этот дом почти всегда закрытым для военачальников, полководцев и послов, которых бесстыдно гнали прочь от дверей, зато битком набитым фокусниками, мимам и пьяными льстецами, на которых уходили чуть ли не все деньги, добывавшиеся ценою жесточайших насилий. В самом деле, трое властителей не только пускали с торгов имущество казненных, возводя при этом клеветнические обвинения на их родственников и жен, не только ввели налоги всех видов, – в довершение ко всему, разузнав, что у жриц Весты хранятся ценности, доверенные им иностранцами и римскими гражданами, они изъяли эти вклады. Но Антоний был по-прежнему ненасытен, и Цезарь потребовал поделить собранные деньги. Поделили

они и войско, оба отправляясь в Македонию против Брута и Кассия, а Рим вверив охране Лепида.

22. Когда, переправившись за море, они начали военные действия и разбили лагеря вблизи неприятеля, так что Антоний стал против Кассия, а против Брута Цезарь, последний ничем себя не прославил, у Антония же успех следовал за успехом. В первой битве Брут нанес Цезарю решительное поражение, взял его лагерь и во время погони едва не захватил в плен самого полководца. Впрочем, Цезарь в своих «Воспоминаниях» сообщает, что накануне битвы уехал – по совету одного из друзей, видевшего дурной сон. Антоний разгромил Кассия; следует, правда, заметить, что, по словам некоторых писателей, сам он в сражении участия не принимал и появился лишь после боя, когда уже началось преследование. Кассия, который не знал о победе Брута, убил, подчиняясь его желанию и приказу, верный вольноотпущенник Пиндар. Немного дней спустя состоялась новая битва, и Брут, потерпев поражение, покончил с собой. Почти вся слава победы досталась Антонию, потому что Цезарь был болен. Подойдя к телу Брута, Антоний сперва поставил мертвому в укор смерть своего брата Гая – Брут казнил его в Македонии, мстя за гибель Цицерона, – но затем сказал, что в убийстве брата винит скорее Гортензия, чем Брута, и распорядился зарезать Гортензия на могиле Гая, а Брута прикрыл своим пурпурным плащом, который стоил огромных денег, и велел одному из своих вольноотпущенников позаботиться о его погребении. Впоследствии выяснилось, что этот человек и плащ на погребальном костре не сжег, и похитил большую часть отпущенной на похороны суммы, – и Антоний его казнил.

23. После этого Цезарь уехал в Рим – недуг был настолько силен, что, казалось, дни его сочтены, – Антоний же, намереваясь обложить данью восточные провинции, во главе большого войска двинулся в Грецию; трое властителей обещали каждому воину по пяти тысяч денариев, и теперь требовались решительные и крутые меры, чтобы добыть необходимые суммы. С греками, однако, он держался – по крайней мере, сначала – без малейшей строгости или грубости, напротив, он слушал ученых, смотрел на игры, принимал посвящения в таинства, и лишь в этом обнаруживала себя его страсть к забавам и развлечениям; в суде он бывал снисходителен и справедлив, он радовался, когда его называли другом греков и еще того более – другом афинян, и сделал этому городу много щедрых даров. Мегаряне, соперничая и соревнуясь с афинянами, тоже хотели показать Антонию что-нибудь замечательное и пригласили его посмотреть здание Совета. Гость все оглядел и на вопрос хозяев, каков у них Совет, ответил: «Тесный и ветхий». Он приказал сделать обмеры храма Аполлона Пифийского с целью довести строительство¹⁷⁴⁴ до конца. Такое обещание дал он сенату в Риме.

24. Когда же, оставив в Греции Луция Цензорина, Антоний переправился в Азию и впервые ощутил вкус тамошних богатств, когда двери его стали осаждать цари, а царицы наперебой старались снискать его благосклонность богатыми дарами и собственной красотой, он отдался во власть прежних страстей и вернулся к привычному образу жизни, наслаждаясь миром и безмятежным покоем, меж тем как Цезарь в Риме выбивался из сил, измученный гражданскими смутами и войной¹⁷⁴⁵. Всякие там кифареды Анаксеноры, флейтисты Ксуфы, плясуны Метродоры и целая свора разных азиатских музыкантов, наглостью и гнусным шутовством далеко превосходивших чумной сброд, привезенный из Италии, наводнили и заволокли двор Антония и все настроили на свой лад, всех увлекли за собою – это было совершенно непереносимо! Вся Азия, точно город в знаменитых стихах

¹⁷⁴⁴ 14. ...*Строительство* ... – Речь идет о храме Аполлона в Дельфах, за несколько десятилетий до того пострадавшем от пожара.

¹⁷⁴⁵ 15. ...*смутами и войной* ... – Речь идет о «Перузинской войне» – восстании, поднятом Луцием, братом Антония, и Фульвией, его женой.

Софокла¹⁷⁴⁶, была полна

Курений сладких, песнопений, стонов, слез.

Когда Антоний въезжал в Эфес, впереди выступали женщины, одетые вакханками, мужчины и мальчики в облиии панов и сатиров, весь город был в плюще, в тирсах, повсюду звучали псалтерии¹⁷⁴⁷, свирели, флейты, и граждане величали Антония Дионисом – Подателем радостей, Источником милосердия. Нет спору, он приносил и радость и милосердие, но – лишь иным, немногим, для большинства же он был Дионисом Кровожадным и Неистовым¹⁷⁴⁸. Он отбирал имущество у людей высокого происхождения и отдавал негодям и лъстецам. Нередко у него просили, добро живых – словно бы выморочное, – и получали просимое. Дом одного магнесийца он подарил повару, который, как рассказывают, однажды угодил ему великолепным обедом. Наконец, он обложил города налогом во второй раз, и тут Гибрей, выступая в защиту Азии, отважился произнести меткие и прекрасно рассчитанные на вкус Антония слова: «Если ты можешь взыскать подать дважды в течение одного года, ты, верно, можешь сотворить нам и два лета, и две осени!» Решительно и смело напомнив, что Азия уже уплатила двести тысяч талантов, он воскликнул: «Если ты их не получил, спрашивай с тех, в чьи руки эти деньги попали, если же, получив, уже издержал – мы погибли!» Эта речь произвела на Антония глубокое впечатление. Почти ни о чем из того, что творилось вокруг, он просто не знал – не столько по легкомыслию, сколько по чрезмерному простодушию, слепо доверяя окружающим. Вообще он был простак и тяжелодум и поэтому долго не замечал своих ошибок, но раз заметив и постигнув, бурно раскаивался, горячо винился перед теми, кого обидел, и уже не знал удержу ни в воздаяниях, ни в карах. Впрочем, сколько можно судить, он легче преступал меру награждая, чем наказывая. Равным образом его разнузданная страсть к насмешкам в себе самой заключала и своего рода целебное средство, ибо каждому дозволялось обороняться и платить издевкою за издевку, и Антоний с таким же удовольствием потешался на собственный счет, как и на счет других. Однако же на дела это его качество оказывало большею частью пагубное воздействие. Он и не догадывался, что люди, которые так смелы и вольны в шутках, способны льстить, ведя беседы первостепенной важности, и легко попадался в силки похвал, не зная, что иные примешивают к лести вольность речей, словно терпкую приправу, разжигающую аппетит, и дерзкою болтовней за чашею вина преследуют вполне определенную цель – чтобы их неизменное согласие в делах серьезных казалось не угодничеством, но вынужденной уступкою разуму, более сильному и высокому.

25. Ко всем этим природным слабостям Антония прибавилась последняя напасть – любовь к Клеопатре, – разбудив и приведя в неистовое волнение многие страсти, до той поры скрытые и недвижимые, и подавив, уничтожив все здравые и добрые начала, которые пытались ей противостоять. И вот как запутался он в этих сетях. Готовясь к борьбе с Парфией, он отправил к Клеопатре гонца с приказом явиться в Киликию и дать ответ на обвинения, которые против нее возводились: говорили, что во время войны царица много помогла Кассию и деньгами, и иными средствами. Увидев Клеопатру, узнав ее хитрость и

¹⁷⁴⁶ 16. ...в ...стихах Софокла ... – «Царь Эдип», 4 (о Фивах, страдающих от чумы и возносящих умиловительные мольбы к богам).

¹⁷⁴⁷ 17. Псалтерий – струнный щипковый инструмент восточного происхождения, похожий на лук с натянутыми струнами.

¹⁷⁴⁸ 18. Податель радости, Источник милосердия, Кровожадный, Неистовый – различные культовые прозвища Диониса.

редкое мастерство речей, гонец римского полководца Деллий сразу же сообразил, что такой женщине Антоний ничего дурного не сделает, напротив, сам полностью подпадет ее влиянию, а потому принялся всячески обхаживать египтянку, убеждал ее ехать в Киликию, как сказано у Гомера¹⁷⁴⁹ – «убранством себя изукрасив», и совершенно не бояться Антония, среди всех военачальников самого любезного и снисходительного. Клеопатра последовала совету Деллия и, помня о впечатлении, которое в прежние годы произвела ее красота на Цезаря и Гнея, сына Помпея, рассчитывала легко покорить Антония. Ведь те двое знали ее совсем юной и неискушенной в жизни, а перед Антонием она предстанет в том возрасте, когда и красота женщины в полном расцвете и разум ее всего острее и сильнее. Итак, приготовив щедрые дары, взяв много денег, роскошные наряды и украшения, – какие и подобало везти с собою владычице несметных богатств и благоденствующего царства, – но главные надежды возлагая на себя самое, на свою прелесть и свои чары, она пустилась в путь.

26. Хотя Клеопатра успела получить много писем и от самого Антония, и от его друзей, она относилась к этим приглашениям с таким высокомерием и насмешкой, что поплыла вверх по Кидну¹⁷⁵⁰ на ладье с вызолоченной кормой, пурпурными парусами и посеребренными веслами, которые двигались под напев флейты, стройно сочетавшийся со свистом свирелей и бряцанием кифар. Царица покоилась под расшитой золотом сенью в уборе Афродиты, какою изображают ее живописцы, а по обе стороны лежа стояли мальчики с опахалами – будто эроты на картинах. Подобным же образом и самые красивые рабыни были переодеты nereидами и харитами и стояли кто у кормовых весел, кто у канатов. Дивные благовония восходили из бесчисленных курильниц и растекались по берегам. Толпы людей провожали ладью по обеим сторонам реки, от самого устья, другие толпы двинулись навстречу ей из города, мало-помалу начала пустеть и площадь, и в конце концов Антоний остался на своем возвышении один. И повсюду разнеслась молва, что Афродита шествует к Дионису на благо Азии.

Антоний послал Клеопатре приглашение к обеду. Царица просила его прийти лучше к ней. Желая сразу же показать ей свою обходительность и доброжелательство, Антоний исполнил ее волю. Пышность убранства, которую он увидел, не поддается описанию, но всего более его поразило обилие огней. Они сверкали и лили свой блеск отовсюду и так затейливо соединялись и сплетались в прямоугольники и круги, что трудно было оторвать взгляд или представить себе зрелище прекраснее. 27. На другой день Антоний принимал египтянку и приложил все усилия к тому, чтобы превзойти ее роскошью и изысканностью, но, видя себя побежденным и в том и в другом, первый принялся насмехаться над убожеством и отсутствием вкуса, царившими в его пиршественной зале. Угадавши в Антонии по его шуткам грубого и пошлого солдафона, Клеопатра и сама заговорила в подобном же тоне – смело и без всяких стеснений. Ибо красота этой женщины была не тою, что зовется несравненно и поражает с первого взгляда, зато обращение ее отличалось неотразимою прелестью, и потому ее облик, сочетавшийся с редкою убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, накрепко врезался в душу. Самые звуки ее голоса ласкали и радовали слух, а язык был точно многострунный инструмент, легко настраивающийся на любой лад, – на любое наречие, так что лишь с очень немногими варварами она говорила через переводчика, а чаще всего сама беседовала с чужеземцами – эфиопами, троглодитами, евреями, арабами, сирийцами, мидийцами, парфянами... Говорят, что она изучила и многие языки, тогда как цари, правившие до нее, не знали даже египетского, а некоторые забыли и македонский.

28. Антоний был увлечен до такой степени, что позволил Клеопатре увезти себя в

¹⁷⁴⁹ 19. ...сказано у Гомера ... – «Илиада», XIV, 162 (о Гере, обольщающей Зевса).

¹⁷⁵⁰ 20. Кидн – река в Киликии, на которой лежал Тарс.

Александрию – и это в то самое время, когда в Риме супруга его Фульвия, отстаивая его дело, вела войну с Цезарем, а парфянское войско действовало в Месопотамии, и полководцы царя уже объявили Лабиена парфянским наместником этой страны и готовились захватить Сирию. В Александрии он вел жизнь мальчишки-бездельника и за пустыми забавами растрачивал и проматывал самое драгоценное, как говорит Антифонт, достояние – время. Составился своего рода союз, который они звали «Союзом неподражаемых», и что ни день они задавали друг другу пиры, проматывая совершенно баснословные деньги. Врач Филот, родом из Амфиссы, рассказывал моему деду Ламприю, что как раз в ту пору он изучал медицину в Александрии и познакомился с одним из поваров царицы, который уговорил его поглядеть, с какою роскошью готовится у них обед. Его привели на кухню, и среди прочего изобилия он увидел восемь кабанов, которых зажарили разом, и удивился многолюдности предстоящего пира. Его знакомец засмеялся и ответил: «Гостей будет немного, человек двенадцать, но каждое блюдо надо подавать в тот миг, когда оно вкуснее всего, а пропустить этот миг проще простого. Ведь Антоний может потребовать обед и сразу, а случается, и отложит ненадолго – прикажет принести сперва кубок или увлечется разговором и не захочет его прервать. Выходит, – закончил повар, – готовится не один, а много обедов, потому что время никак не угадаешь». Так рассказывал Филот. Немного спустя он оказался в числе приближенных старшего сына Антония от Фульвии и вместе с остальными друзьями постоянно у него обедал, – кроме тех дней, когда мальчик обедал у отца. Однажды за столом какой-то врач держал себя крайне вызывающе и был в тягость всем присутствующим, пока Филот не зажал ему рта таким хитроумным рассуждением: «Кому жарко, тому надо дать холодной воды. Но всем, у кого жар, жарко. Стало быть, каждого, у кого жар, надо поить холодной водой»¹⁷⁵¹. В полной растерянности наглец замолчал, а мальчик весело засмеялся и крикнул: «Все, что здесь есть, дарю тебе, Филот!» – и с этими словами указал на стол, тесно уставленный вместительными кубками. Филот горячо благодарил, но был далек от мысли, что такому юному мальчику дано право делать столь дорогие подарки. Однако, спустя короткое время, является один из рабов, приносит корзину с кубками и велит ему скрепить своею печатью расписку. Филот стал было отказываться и боялся оставить кубки у себя, но раб ему сказал: «Чего ты трусишь, дурак? Не знаешь разве, кто тебе это посылает? Сын Антония, а он может подарить и золотых кубков столько же! Но лучше послушайся меня и отдай нам все это обратно, а взамен возьми деньги, а то как бы отец не хватился какой-нибудь из вещей – ведь среди них есть старинные и тонкой работы». Эту историю, говорил мне мой дед, Филот любил повторять при всяком удобном случае.

29. Клеопатра, между тем, исхитрилась разделить лесть не на четыре, как сказано у Платона¹⁷⁵², а на много частей и, всякий раз сообщая все новую сладость и прелесть любому делу или развлечению, за какое ни брался Антоний, ни на шаг не отпуская его ни днем ни ночью, крепче и крепче приковывала к себе римлянина. Вместе с ним она играла в кости, вместе пила, вместе охотилась, бывала в числе зрителей, когда он упражнялся с оружием, а по ночам, когда, в платье раба, он бродил и слонялся по городу, останавливаясь у дверей и окон домов и осыпая обычными своими шутками хозяев – людей простого звания, Клеопатра и тут была рядом с Антонием, одетая ему под стать. Нередко он и сам слышал в ответ злые насмешки и даже возвращался домой помятый кулаками александрийцев, хотя большинство и догадывалось, с кем имеет дело. Тем не менее шутовство Антония было по душе горожанам, они с охотой и со вкусом участвовали в этой игре и говорили, что для

¹⁷⁵¹ 21. ...поить холодной водой ... – Пить холодную воду как раз недопустимо при лихорадке; это рассуждение – образец любимой греческой игры в софизм (в данном случае – с двусмысленностью слова «жар»).

¹⁷⁵² 22. ...сказано у Платона – «Горгий», 464с—465с (поварское и косметическое дело – «лесть» телу, софистика и риторика – «лесть» душе).

римлян он надевает трагическую маску, для них же – комическую.

Пересказывать все его многочисленные выходки и проказы было бы пустою болтовней, достаточно одного примера. Как-то раз он удил рыбу, клев был плохой, и Антоний огорчился, оттого что Клеопатра сидела рядом и была свидетельницей его неудачи. Тогда он велел рыбакам незаметно подплывать под водою и насаживать добычу ему на крючок и так вытащил две или три рыбы. Египтянка разгадала его хитрость, но прикинулась изумленной, рассказывала об этом замечательном лове друзьям и приглашала их поглядеть, что будет на другой день. Назавтра лодки были полны народу, Антоний закинул лесу, и тут Клеопатра велела одному из своих людей нырнуть и, упредивши рыбаков Антония, потихоньку насадить на крючок понтийскую вяленую рыбу. В уверенности, что снасть не пуста, Антоний вытянул лесу и под общий хохот, которым, как и следовало ожидать, встретили «добычу» все присутствующие, Клеопатра промолвила: «Удочки, император, оставь нам, государям фаросским и канопским¹⁷⁵³. Твой улов – города, цари и материки».

30. Среди подобного рода глупейших мальчишеских забав Антония застигают два сообщения: одно из Рима – что его брат Луций и супруга Фульвия, сперва боровшиеся друг с другом, а потом вместе воевавшие против Цезаря, потерпели полное поражение и бежали из Италии, и другое, ничуть не более отрадное, – что парфяне во главе с Лабиемом покоряют Азию от Евфрата и Сирии до Лидии и Ионии. Насилу пробудившись и стряхнув с себя хмель, он двинулся против парфян и уже дошел до Финикии, когда получил полное жалоб письмо от Фульвии, прекратил поход и с двумястами судов вышел в море, взяв направление на Италию. По пути он принял на борт бежавших из Рима друзей, которые рассказали ему, что виновницей войны была Фульвия: беспокойная и дерзкая от природы, она вдобавок надеялась, раздув беспорядки в Италии, оторвать Антония от Клеопатры.

Как раз в это время Фульвия, которая плыла к мужу, заболела и в Сикионе умерла, что сильно помогло Антонию достигнуть согласия с Цезарем. Действительно, когда Антоний высадился в Италии и оказалось, что Цезарь ни в чем его не обвиняет, а все вины, какие противники возводили на него самого, возлагает на Фульвию, друзья не дали обоим углубляться в объяснения, но примирили их и помогли разделить верховное владычество. Границею было сделано Ионийское море, и владения к востоку от него получил Антоний, к западу Цезарь, Африку уступили Лепиду; консульскую должность решили занимать поочередно или, поочередно же, назначать на нее своих друзей.

31. Сколь ни удачен казался этот договор, обеим сторонам хотелось заручиться более надежным обеспечением, и судьба представила к тому счастливую возможность. У Цезаря была старшая сестра Октавия, не родная, а единокровная (ее родила Анхария, а Цезаря, позже, – Атия). Цезарь горячо любил сестру, которая была, как говорится, настоящим чудом среди женщин. Гай Марцелл, ее супруг, незадолго до того умер, и она вдовела. После кончины Фульвии вдовел, по-видимому, и Антоний, который сожительства с Клеопатрой не отрицал, но признать свою связь браком отказывался – разум его еще боролся с любовью к египтянке. Итак, все хлопотали о браке Антония и Октавии в надежде, что эта женщина, сочетавшись с Антонием и приобретя ту любовь, какой не могла не вызвать ее замечательная красота, соединившаяся с достоинством и умом, принесет государству благоденствие и сплочение. Когда обе стороны изъявили свое согласие, все съехались в Риме и отпраздновали свадьбу, хотя закон и запрещал вдове вступать в новый брак раньше, чем по истечении десяти месяцев со дня смерти прежнего мужа; однако сенат особым постановлением сократил для Октавии этот срок.

32. Сицилия находилась под властью Секста Помпея, который опустошал берега Италии и, собрав большой разбойничий флот с Менекрытом и пиратом Меном во главе, сделал море несудоходным, однако во внимание к его заслугам перед Антонием – Секст

---

¹⁷⁵³ 23. ...фаросским и канопским ... – Фарос, портовая часть Александрии; Каноп, соседний с Александрией город, место развлечений для александрийцев.

оказал гостеприимство матери Антония, бежавшей из Рима вместе с Фульвией, – решено было и с ним заключить мир. Собрались подле Мисенского мыса и мола, корабли Помпея стали у берега на якорь, а напротив разбили лагерь войска Антония и Цезаря. После того, как договорились, что Помпей получает Сардинию и Сицилию, но обязуется очистить море от разбойников и отправить в Рим известное количество хлеба, все трое стали приглашать друг друга в гости. Бросили жребий, и быть хозяином первому досталось Помпею. На вопрос Антония, где они будут обедать, Секст промолвил: «Там, – и указал на флагманское судно с шестью рядами весел. – Вот отцовский дом, который остался Помпею», – прибавил он, метя в Антония, владевшего домом, который прежде принадлежал Помпею-отцу. Корабль бросил якоря поближе к суше, навели что-то вроде моста, и Помпей радушно принял своих гостей. В самый разгар угощения, когда градом сыпались шутки насчет Клеопатры и Антония, к Помпею подошел пират Мен и шепнул ему на ухо: «Хочешь, я обрублю якорные канаты и сделаю тебя владыкою не Сицилии и Сардинии, но Римской державы?» Услыхав эти слова, Помпей после недолгого раздумья отвечал: «Что бы тебе исполнить это, не предупредивши меня, Мен! А теперь приходится довольствоваться тем, что есть, – нарушать клятву не в моем обычае». Побывав, в свою очередь, на ответных пирах у Антония и Цезаря, Секст отплыл в Сицилию.

33. После заключения мира Антоний отправил в Азию Вентидия, чтобы остановить парфян, а сам, уступая желанию Цезаря, принял звание и должность жреца старшего Цезаря¹⁷⁵⁴. И вообще они согласно и дружно решали важнейшие государственные дела, и лишь игры и забавы доставляли Антонию огорчения, потому что Цезарь неизменно брал над ним верх. В свите Антония был один египетский прорицатель, составлявший гороскопы, и, то ли в угоду Клеопатре, то ли без всякой задней мысли, он прямо, не стесняясь, говорил Антонию, что его счастье, как бы велико и блистательно оно ни было, Цезарем затмевается, и советовал держаться как можно дальше от этого юноши. «Твой гений, – говорил египтянин, – боится его гения¹⁷⁵⁵, сам по себе он высокомерен и кичлив, но вблизи от него впадает в смирение и уныние». И, сколько можно судить, происходившее подтверждало слова египтянина. В самом деле, передают, что когда они в шутку метали о чем-нибудь жребий или играли в кости, в проигрыше всегда оставался Антоний. Всякий раз, как они сражали петухов или боевых перепелов, победа доставалась Цезарю, Антоний втайне об этом сокрушался; все чаще и чаще прислушивался он к речам египтянина и наконец покинул Италию, домашние свои заботы передав Цезарю. Октавия, которая тем временем родила дочку, проводила его до самой Греции.

Зимуя в Афинах, Антоний получил известие о первых успехах Вентидия, который разбил парфян, причем в сражении пали Лабиен и лучший из полководцев царя Гирода – Франипат. На радостях Антоний задавал грекам пиры и исполнял обязанности афинского гимнасиарха. Оставляя дома знаки своей высочайшей власти, он появлялся на людях в греческом плаще, в фекадах, с тростью гимнасиарха¹⁷⁵⁶ и, схватываясь с молодыми борцами, ловким приемом валил их наземь. 34. Готовясь выехать к месту военных действий, он украсил себя венком из ветвей священной маслины и, повинувшись какому-то оракулу, набрал в мех воды из Клепсидры¹⁷⁵⁷ и повез с собою.

¹⁷⁵⁴ 24. ...*должность жреца старшего Цезаря* ... – Вскоре после смерти Юлий Цезарь был объявлен богом, а явившаяся в небе комета – его вознесенной душой; в честь нового бога был учрежден особый культ.

¹⁷⁵⁵ 25. *Гений* (греч. «демон») – божество-хранитель, спутник каждого человека.

¹⁷⁵⁶ 26. ...*фекады* – белые башмаки, знак достоинства гимнасиарха; *Гимнасиарх* – см. Фем., примеч. 10.

¹⁷⁵⁷ 27. *Клепсидра* – священный источник на акрополе; там же росла и священная маслина, сотворенная будто бы самой богиней Афиной.

Между тем Вентидий встретил в Киррестике царского сына Пакора, снова наступавшего на Сирию с огромным войском, и разгромил врага, нанеся ему страшные потери. Одним из первых был убит сам Пакор. Победою этой – одною из самых прославленных своих побед – римляне полностью отомстили за гибель Красса и снова загнали парфян, потерпевших подряд три тяжелых поражения, в пределы Миндии и Месопотамии. Преследовать парфян далее рубежей Месопотамии Вентидий не захотел – он боялся зависти Антония, – но обратился против изменивших римлянам городов, привел их к покорности и осадил в Самосате Антиоха, царя Коммагены. Антиох был согласен уплатить тысячу талантов и впредь подчиняться распоряжениям Антония, но Вентидий приказал ему отправить послов к самому Антонию, который был уже близко и не позволял своему полководцу заключать мир, желая хоть это единственное дело обозначить своим собственным именем, чтобы не казалось, будто все достижения на Востоке – заслуга одного Вентидия. Осада, однако ж, затягивалась, неприятели за стенами Самосаты отказались от надежды на перемирие и стали защищаться с удвоенной силой, и Антоний, ничего не достигнув, в стыде и раскаянии, был рад примириться с Антиохом, получив от него триста талантов.

Произведя кое-какие незначительные перемены в Сирии, Антоний возвратился в Афины и послал Вентидия праздновать триумф, предварительно сам оказав ему заслуженные почести. Вплоть до нашего времени Вентидий остается единственным, кому довелось справить триумф над парфянами. Он был человек незнатного происхождения, но дружба с Антонием открыла ему путь к великим подвигам, и, со славою пройдя этот путь до конца, он подтвердил уже и без того распространенное мнение, что Антоний и Цезарь более удачливы в войнах, которые ведут не сами, но руками и разумом своих подчиненных. И верно, полководец Антония Соссий блестяще действовал в Сирии, а Канидий, которого он оставил в Армении, одержал верх и над армянами, и над царями иберов и альбанов и продвинулся до Кавказа, так что имя Антония и молва об его могуществе прогремели среди варваров с новою силою.

35. Сам Антоний между тем из-за каких-то наветов, проникся к Цезарю новой враждою и отплыл в Италию с флотом из трехсот судов. Брундизий отказался его принять, и он пристал в Таренте. Отсюда, соглашаясь на просьбы Октавии, он отправляет ее к брату (супруга, родившая Антонию еще одну дочь и беременная в третий раз, плыла вместе с ним из Греции). Она встретилась с Цезарем в пути и, заручившись поддержкою двоих из его друзей – Агриппы и Мецената, умоляла и заклинала не допустить, чтобы из самой счастливой женщины она сделалась самою несчастною. Теперь, говорила Октавия, все взоры с надеждою обращены на нее – сестру одного императора и супругу другого. «Но если зло восторжествует и дело дойдет до войны, кому из вас двоих суждено победить, а кому остаться побежденным, – еще неизвестно, я же буду несчастна в любом случае». Растроганный ее речами, Цезарь вступил в Тарент вполне миролюбиво, и все, кто был тогда в городе, увидели несравненной красоты зрелище – огромное войско, спокойно расположившееся на суше, огромный флот, недвижно стоящий у берега, дружеские приветствия властителей и их приближенных. Антоний первым принимал у себя Цезаря, который ради сестры пошел и на эту уступку. Уже после того, как была достигнута договоренность, что Цезарь даст Антонию для войны с Парфией два легиона, а Антоний Цезарю – сто кораблей с медными таранами, Октавия выпросила у брата для мужа еще тысячу воинов, а у мужа для брата – двадцать легких судов, на каких обыкновенно ходят пираты. На этом они расстались, и Цезарь немедленно начал войну против Помпея, желая овладеть Сицилией, тогда как Антоний, вверив охране и заботам Цезаря Октавию со всеми детьми – и от самой Октавии и от Фульвии – вернулся в Азию.

36. Но любовь к Клеопатре, – эта страшная напасть, так долго дремавшая и, казалось, окончательно усыпленная и успокоенная здравыми рассуждениями, – вспыхнула вновь и разгоралась все жарче, по мере того как Антоний приближался к Сирии. И в конце концов, –

как говорит Платон о строптивом и безудержном коне души¹⁷⁵⁸, – отбрыкнувшись от всего прекрасного и спасительного, он поручает Фонтею Капитону привезти Клеопатру в Сирию. Она приехала, и он тут же сделал ей подарок, не скупой и не малый – к ее владениям прибавились Финикия, Келесирия, Кипр, значительная часть Киликии, а кроме того рождающая балзам область Иудеи и та половина Набатейской Аравии, что обращена к Внешнему морю¹⁷⁵⁹. Эти дары оскорбили римлян как ничто иное. Антоний и прежде многим частным лицам жаловал тетрархии и целые царства и у многих отбирал престолы, как, например, у иудейского царя Антигона (которого, по его приказу, позже обезглавили на глазах у толпы, хотя до того никто из царей такому наказанию не подвергался). Но в наградах, которыми он осыпал Клеопатру, совершенно непереносимой была позорная причина его щедрости. Всеобщее негодование Антоний усугубил еще и тем, что открыто признал своими детьми близнецов, которых родила от него Клеопатра. Мальчика он назвал Александром, девочку Клеопатрой и сыну дал прозвище «Солнце», а дочери – «Луна». Мало того, прекрасно умея находить благовидные поводы для самых неблагоприятных поступков, он говорил, что величие римской державы обнаруживает себя не в стяжаниях, но в дарениях и что многочисленное потомство и появление на свет будущих царей умножает знать. Так, дескать, появился на свет и его предок – от Геракла, который не связывал всех надежд на потомство с одною-единственной женщиной и не страшился ни законов Солона, ни зачатия, грозившего ему жестокими карами, но давал полную волю своей натуре, чтобы положить начало и основание многим новым родам.

37. Когда Фраат умертвил своего отца Гирода и овладел царскою властью, многие парфяне бежали из отечества и среди них – Монес, человек видный и могущественный. Он искал прибежища у Антония, который, уподобив его судьбу судьбе Фемистокла, а собственную власть и великодушие – великодушию и власти персидских царей, даровал ему три города – Лариссу, Аретусу и Гиераполь, который прежде называли Бамбикой. Но затем парфянский царь прислал Монесу заверения в своей благосклонности, и Антоний охотно его отпустил с тайною целью обмануть Фраата. Антоний просил передать ему, что согласен заключить мир, если парфяне вернут знамена, захваченные при разгроме Красса, и уцелевших с того времени пленных, но сам, отправив Клеопатру назад, в Египет, выступил через Аравию в Армению, где римское войско встретилось с союзными царями, которых было великое множество, и первое место среди них принадлежало Артабазу Армянскому, выставившему шесть тысяч конницы и семь пехоты. Антоний устроил смотр. Римской пехоты было шестьдесят тысяч, ее поддерживала испанская и кельтская конница, числом десять тысяч, всех остальных союзников – вместе с конниками и легковооруженными – набралось тридцать тысяч. И такая исполинская сила, испугавшая даже индийцев за Бактрианой и повергнувшая в трепет всю Азию, пропала даром, как говорят – из-за Клеопатры. И верно, думая лишь об одном – как бы провести зиму с нею вместе, Антоний начал поход раньше срока и далее действовал, ни в чем не соблюдая должного порядка, ибо уже не владел своим рассудком, но, во власти какого-то колдовства или же приворотного зелья, постоянно устремлял взоры к Египту и в мыслях держал не победу над врагами, но скорейшее возвращение.

38. Прежде всего, ему следовало перезимовать в Армении и дать передышку войску, изнуренному переходом в восемь тысяч стадиев, а в начале весны, прежде чем парфяне снимутся с зимних квартир, занять Мидию; но Антоний не выждал надлежащего срока, а немедленно двинулся дальше, оставив Армению по левую руку, и, достигнув Атропатены,

¹⁷⁵⁸ 28. ...говорит Платон о ... коне души ... – «Федр», 253—256 (где две части влюбленной души сравниваются с двумя конями, благородным и норовистым).

¹⁷⁵⁹ 29. Внешнее море (в противоположность Внутреннему, Средиземному) – Красное море, залив мирового океана.

стал разорять страну. На трехстах повозках везли осадные машины, в том числе восьмидесятифутовый таран, но если какая-нибудь из них получала повреждения, починить ее было невозможно, потому что во внутренней Азии нет леса нужной твердости и длины, и Антоний, которого этот обоз только обременял и задерживал, оставил его под охраною сторожевого отряда во главе со Статианом, сам же осадил большой город Фрааты¹⁷⁶⁰, в котором находились дети и жены мидийского царя. В самом непродолжительном времени обнаружилось, какую громадную ошибку он совершил, бросив машины, и тогда, подступив к городу почти вплотную, Антоний начал насыпать вал, но работа шла медленно и очень трудно. Фраат с большим войском уже шел на выручку осажденным и, узнав об оставленных повозках с машинами, выслал сильный отряд конницы, которая зажала Статиана в кольцо и перебила десять тысяч римских солдат. Сам Статиан тоже погиб, машины варвары изломали и разбили. Кроме машин, в их руках оказались множество пленных, и среди них – царь Полемон.

39. Эта неожиданная неудача в самом начале, разумеется, привела в глубочайшее уныние Антония и его людей, а царь Армении Артабаз счел дело римлян проигранным и, забрав всех своих, удалился, хотя главным виновником войны был именно он. Вскоре появились гордые победой парфяне. Они глумились над осаждающими и осыпали их угрозами, и Антоний опасался, как бы войско, томясь бездействием, не пало духом окончательно, а потому с десятью легионами, тремя преторскими когортами¹⁷⁶¹ и всю конницу отправился добывать продовольствие и корм для лошадей – в надежде, что так скорее всего вынудит врагов принять открытый бой. После первого дневного перехода, наутро, Антоний увидел, что парфяне окружают расположение римлян и готовятся напасть на врага в пути, и поднял в лагере сигнал к битве, но, в то же самое время, свернул палатки, словно намереваясь отступить, а не сражаться, и двинулся мимо варваров, выстроившихся полумесяцем. Римская конница получила приказ, как только тяжелая пехота приблизится к первым рядам парфян на полет стрелы, – немедленно гнать коней на врага. Парфян, стоявших при дороге, построение римлян до крайности изумило, и они настороженно следили за неприятельскими воинами, которые шли молча, спокойно, храня равные промежутки между рядами, и только потрясали на ходу копьями. Когда же прозвучала труба и римские конники повернули и с шумом ринулись в нападение, их натиск парфяне выдержали (хотя луки сразу оказались и бесполезны и бессильны – враги были слишком близко), но следом в дело вступила пехота, издавая оглушительные крики и грохоча оружием; тут и парфянские кони испугались, и сами всадники обратились в бегство, не дожидаясь рукопашной. Антоний с жаром преследовал бегущих, питая немалые надежды этим сражением завершить войну полностью или, по крайней мере, в основном. Пехотинцы гнались за парфянами пятьдесят стадиев, конница – втрое больше, но, подсчитав вражеские потери, обнаружили, что пленными противник потерял тридцать человек, а убитыми восемьдесят; и всех охватило чувство бессилия и отчаяния, всех угнетала страшная мысль, что победа дает им выигрыш, столь ничтожный, а поражение может снова отнять столько же, сколько отняло побоище у повозок.

На другой день римляне вернулись в свой лагерь под Фраатами. По пути они встречают сначала небольшой вражеский отряд, потом врагов становится больше, и вот уже перед ними все парфянское войско – полное бодрости, словно бы и не ведающее, что такое неудача, оно вызывает неприятеля на битву, налетая то с одной, то с другой стороны, так что римляне насилу добираются до своего лагеря. После этого мидийцы, совершив набег на лагерные укрепления, распугали и отбросили передовых бойцов, и Антоний, в гневе, применил к малодушным так называемую «десятинную казнь». Он разбил их на десятки и из каждого

---

¹⁷⁶⁰ 30. *Фрааты* – местоположение этого города неизвестно.

¹⁷⁶¹ 31. *Преторская когорта* – личная охрана командующего.

десятка одного – кому выпал жребий – предал смерти, остальным же распорядился вместо пшеницы выдавать ячмень.

40. Впрочем, война была нелегкой для обеих сторон, а будущее представлялось еще более грозным. Антоний ждал голода, потому что уже тогда любая вылазка за продовольствием стоила римлянам многих раненых и убитых. А Фраат, зная, что для парфян нет страшнее мучения, как зимовать под открытым небом, опасался, что его люди просто-напросто разбегутся, если римляне проявят твердость и останутся на месте, – ведь осеннее равноденствие было уже позади и погода начинала портиться.

И вот какую придумывает он хитрость. Во время столкновений с неприятелем, пытавшимся запастись хлебом или выходявшим из лагеря за иной какой-либо надобностью, знатнейшие из парфян уже не выказывали прежней враждебности, не старались отбить у врага все до последнего зерна, но расхваливали римлян за храбрость и несравненное мужество, которыми по достоинству восхищается даже их – парфянский – государь. Мало-помалу они стали подъезжать ближе, пускали коней шагом и бранили Антония: Фраат, дескать, жаждет заключить перемирие и спасти жизнь столь многим и столь отважным воинам, а Антоний не дает ему к этому ни малейшей возможности и упорно ждет появления двух лютых и могучих врагов – голода и зимы, от которых нелегко будет ускользнуть даже с помощью и под водительством парфян. Антонию часто доносили об этих разговорах, и хотя новые надежды уже согревали его душу, он отправил послов к царю не прежде, чем расспросил тех, дружески расположенных варваров, отвечают ли их слова намерениям Фраата. Те утверждали, что именно так оно и есть, просили оставить всякий страх и недоверие и, в конце концов, Антоний посылает нескольких друзей с прежним требованием вернуть знамена и пленных, – чтобы его не могли упрекнуть, будто он удовольствовался одним лишь благополучным бегством. Обсуждать это требование парфянин отказался, но обещал Антонию мир и безопасность, если он без промедлений отступит, и после сборов, которые заняли несколько дней, Антоний снялся с лагеря. И хотя он умел и убедительно говорить с народом и увлекать войско зажигательной речью, как мало кто из его современников, на этот раз стыд и сокрушение не дали ему сказать ни слова, и он поручил ободрить воинов Домицию Агенобарбу. Иные негодовали, усмотрев в этом знак неуважения, но большинство сочувствовало Антонию, верно его понимало и потому считало своим долгом беспрекословно ему повиноваться.

41. Антоний решил было возвращаться тем же путем – безлесным и равнинным, но один из его людей, родом мард¹⁷⁶², до тонкостей знакомый с обычаями и нравами парфян и уже доказавший римлянам свою верность в битве подле осадных машин, пришел к нему с советом держаться ближе к горам, которые поднимались по правую руку, и не подставлять тяжелую пехоту на открытой равнине под удар огромной конницы и ее луков, ибо это как раз и замышлял Фраат, когда мягкими условиями перемирия побудил Антония снять осаду. Мард прибавил, что поведет римлян сам, более короткою дорогой и такими местами, где будет легче раздобыть необходимые припасы. Выслушав все это, Антоний задумался. Ему не хотелось обнаруживать перед парфянами свое недоверие теперь, когда договор вступил в силу, но краткость пути, пролегавшего, к тому же, мимо населенных деревень, заслуживала всяческого предпочтения, и он потребовал у марда залога или поручительства. Тот предложил держать его в оковах, пока войско не вступит в пределы Армении. Антоний согласился, и два дня римляне шли в полном спокойствии. На третий день, когда мысль о парфянах уже перестала тревожить Антония и, воспрянув духом, он отменил меры предосторожности на походе, мард, заметив недавно разрушенную запруду и убедившись затем, что воды реки, хлынувшие в пролом, затопили дорогу, которою им предстояло идти, понял, что это дело рук парфян – это они выпустили реку, чтобы затруднить и замедлить движение римлян. Проводник советовал Антонию быть настороже, потому что неприятель

---

¹⁷⁶² 32. Мард – племя мардов обитало в южной Армении.

где-то совсем рядом. Антоний еще строил тяжелую пехоту в боевой порядок, оставляя в рядах бреши для вылазок копейщиков и пращников, как уже появились парфяне и стали разворачиваться, чтобы окружить врага и напасть со всех сторон сразу. Им навстречу выбежали легковооруженные, и хотя многих сразили стрелы, не меньшими были потери и у парфян. Под градом копий и свинцовых ядер они отступили, затем снова бросились вперед, но тут кельтские всадники рассеяли их, ударив плотно сомкнутым клином, и больше в тот день они не показывались.

42. Это научило Антония, как нужно действовать, и, усилив множеством копейщиков и пращников не только тыл, но и оба фланга, он выстроил походную колонну прямоугольником, а коннице дал приказ завязывать бои с противником, но, обращая его в бегство, далеко не преследовать, так что парфяне, в продолжение четырех следующих дней не имевшие над римлянами никакого перевеса, – потери с обеих сторон были равны, – приуныли и, под предлогом надвигающейся зимы, уже сами подумывали об отступлении.

На пятый день к Антонию явился один из начальников, Флавий Галл, человек решительный и опытный воин, и попросил дать ему побольше легковооруженных пехотинцев из тылового охранения и сколько-нибудь всадников из головного отряда, чтобы исполнить многообещающий, как ему казалось, замысел, Антоний согласился, и Галл, отбив очередное нападение парфян, не вернулся сразу же под прикрытие тяжелой пехоты, как поступали римляне все последние дни, но завязал дерзкую рукопашную. Начальники тыла, видя, что он теряет связь с главной колонной, посылали к нему и звали назад, но безуспешно. Квестор Титий, как передают, пытался даже повертывать знамена силой и бранил Галла, крича, что он губит попусту много храбрых воинов. Галл тоже отвечал бранью и призывал своих оставаться на местах. Тогда Титий удалился, а Галл, ведя ожесточенный бой с врагом грудь на грудь, не заметил, как значительные силы парфян зашли ему за спину. Осыпаемый стрелами отовсюду, он посылал просить помощи. Тут начальники тяжелой пехоты, среди которых был и Канидий, один из друзей Антония, имевший на него громадное влияние, совершили, сколько можно судить, грубую ошибку. Надо было сомкнуть ряды и двинуть против неприятеля всю боевую линию разом, а они отправляли подмогу мелкими отрядами, которые, один за другим, терпели поражение, и мало-помалу ужас и бегство охватили чуть ли не все войско, но в последний миг подоспел из головы колонны сам Антоний с воинами, и третий легион, стремительно пробившись сквозь толпу бегущих, встретился с противником и остановил преследование. 43. Убитых было не менее трех тысяч, и пять тысяч раненых товарищи принесли в лагерь. Принесли и Галла – с пробитой четырьмя стрелами грудью, но он уже не оправился от ран. Остальных же Антоний, со слезами на глазах, пытался ободрить, обходя палатки. Раненые радостно принимали его рукопожатия, просили идти к себе, позаботиться о собственном здоровье, не сокрушаться так горько, называли его своим императором и в один голос говорили, что пока он цел и невредим – их спасение обеспечено.

Вообще можно утверждать, что ни один из полководцев в те времена не собирал войска крепче, выносливее и моложе. Что же касается глубокого почтения к своему императору и соединенного с любовью послушания, что касается общей для всех – знатных и незнатных, начальников и рядовых бойцов – привычки ставить благосклонность Антония и его похвалу выше собственного спасения и безопасности, то в этом его люди не уступали и древним римлянам. К тому было много оснований, как уже говорилось раньше: знатное происхождение, сила слова, простота, широкая и щедрая натура, остроумие, легкость в обхождении. А тогда сочувствием к страдающим и отзывчивой готовностью помочь каждому в его нужде он вдохнул в больных и раненых столько бодрости, что впору было поделиться и со здоровыми.

44. Но врагам, которые уже устали и готовы были отказаться от борьбы, победа внушила новое мужество и бесконечное презрение к римлянам. Всю ночь они провели подле лагеря, под открытым небом, в ожидании, что палатки вот-вот опустеют и они смогут разграбить имущество бежавших. Наутро число парфян стало заметно расти, и в конце концов собралось не меньше сорока тысяч всадников, ибо царь, на этот раз твердо

уверенный в победе, прислал даже тех воинов, которые несли постоянную службу при его особе; сам он ни в одной битве участия не принимал: Антоний решил выступить перед солдатами и потребовал темный плащ, чтобы видом своим вызвать больше жалости. Но друзья отговорили его, и он вышел в пурпурном плаще полководца и сказал речь, в которой хвалил победителей и срамил бежавших. Первые кричали в ответ, чтобы он не падал духом, вторые оправдывались и выражали готовность подвергнуться любой каре, какую он ни назначит, даже десятичной казни – лишь бы только Антоний перестал гневаться и печалиться. Тогда Антоний воздел руки к небу и взмолился богам: если следом за бывалым его счастьем идет злая расплата, пусть падет она на него одного, а войску да будет дарована победа и спасение.

45. На другой день, усилив охрану еще более, римляне продолжали путь, и для парфян, которые возобновили нападение, события приняли совершенно неожиданный оборот. Они думали, что идут за добычей, на грабеж, а не на битву, но были встречены тучею стрел, дротиков и свинцовых ядер и, увидевши врага полным воодушевления и свежих сил, снова утратили недавнюю решимость. Когда римляне спускались с какой-то крутой высоты, парфяне ударили на них и разили стрелами, меж тем как они медленно сходили вниз, но затем вперед выдвинулись щитоносцы, приняли легковооруженных под свою защиту, а сами опустили на одно колено и выставили щиты. Находившиеся во втором ряду своими щитами прикрыли их сверху, подобным же образом поступили и воины в следующих рядах. Это построение, схожее с черепичной кровлей¹⁷⁶³, напоминает отчасти театральное зрелище, но служит надежнейшей защитой от стрел, которые соскальзывают с поверхности щитов. Видя, что неприятель преклоняет колено, парфяне сочли это знаком усталости и изнеможения, отложили луки, взялись за копья и подъехали почти вплотную, но тут римляне, издав боевой клич, внезапно вскочили на ноги и, действуя метательным копьем словно пикой, передних уложили на месте, а всех прочих обратили в бегство.

То же повторялось и в следующие дни, зато переходы стали гораздо короче, и начался голод: непрерывные столкновения с противником мешали добывать продовольствие, а, с другой стороны, не хватало орудий для помола – большую часть их бросили, ибо множество выючных животных пало, остальные же везли больных и раненых. Говорят, что за один аттический хеник пшеницы давали пятьдесят драхм, а ячменный хлеб был на вес серебра. Воины искали трав и кореньев, но знакомых почти не находили и, поневоле пробуя незнакомые, натолкнулись на какую-то травку, вызывающую сперва безумие, а затем и смерть. Всякий, кто ел ее, забывал обо всем на свете, терял рассудок и только переворачивал каждый камень, который попадался ему на глаза, словно бы исполняя задачу величайшей важности. Равнина чернела людьми, которые, склонясь к земле, выкапывали камни и перетаскивали их с места на место. Потом их начинало рвать желчью, и они умирали, потому что единственного противоядия – вина – не осталось ни капли. Римляне погибали без числа, а парфяне все шли за ними следом; и рассказывают, что у Антония неоднократно срывалось с уст: «О, десять тысяч!» – это он дивился Ксенофону и его товарищам¹⁷⁶⁴, которые, отступая из Вавилонии, проделали путь, еще более долгий, бились с неприятелем, превосходившим их силою во много раз, и, однако, спаслись.

46. Итак, парфяне оказались не в силах ни рассеять войско римлян, ни хотя бы расстроить его боевой порядок, сами же не раз терпели поражение в боях и обращались в бегство, а потому снова стали приближаться с мирными речами к тем, кто выходил на поиски хлеба или корма для скота, и, показывая луки со спущенными тетивами, говорили, что сами они возвращаются и на этом кладут конец своей мести, но что небольшой отряд

¹⁷⁶³ 33. ...схожее с черепичною кровлей ... – Сами римляне называли такое построение, использовавшееся преимущественно при штурме высоких укреплений, «черепайхой».

¹⁷⁶⁴ 34. ...Ксенофону и его товарищам ... – См.: Арт., 4—20.

мидян будет провожать римлян еще два или три дня – не с враждебными намерениями, но единственно для защиты отдаленных деревень. К таким речам присоединялись ласковые приветствия и заверения в дружеских чувствах, так что римляне снова осмелели и Антоний задумал спуститься ближе к равнине, потому что путь через горы, как все говорили, был до крайности беден водою. Он уже готов был исполнить задуманное, когда к лагерю с неприятельской стороны прискакал какой-то человек по имени Митридат; это был двоюродный брат того Монеса, который пользовался гостеприимством Антония и получил от него в дар три города. Он просил, чтобы к нему вышел кто-нибудь, знающий по-парфянски или по-сирийски. Вышел Александр из Антиохии, близкий друг Антония, и парфянин, назвавши себя и объяснив, что благодарностью за этот его приезд римляне обязаны Монесу, спросил Александра, видит ли он высокую цепь холмов вдалеке. Александр отвечал, что видит, и Митридат продолжал: «За этими холмами вас поджидает все парфянское войско. У их подножия начинается обширная равнина, и парфяне рассчитывают, что вы на нее свернете, поверив лживым уговорам и оставив горную дорогу. Что верно, то верно – горы встретят вас жаждою и другими, – уже привычными для вас, – лишениями, но если Антоний пойдет равниною, пусть знает, что там ему не миновать участи Красса».

47. С этими словами Митридат уехал. Антоний, выслушав донесение Александра, в сильной тревоге созвал друзей и велел привести проводника-марда, который и сам держался того же мнения, что посланец Монеса. Даже вне всякой зависимости от неприятеля, говорил он, идти равниною тяжело, потому что хоженной дороги нет, направление едва обозначено и, следовательно, ничего не стоит сбиться, в горах же никакие особые трудности их не ждут, и только на протяжении одного дневного перехода не будет воды. Итак, Антоний в ту же ночь повернул к горам, распорядившись взять с собою воды, но у большинства воинов никакой посуды не было, и они несли воду в шлемах, а некоторые – в кожаных мешках.

Когда войско было уже в движении, об этом узнают парфяне, тут же, не дождавшись, вопреки своему обыкновению, рассвета, пускаются вдогонку и с первыми лучами солнца настигают хвост вражеской колонны. Римляне были истомлены бессонной ночью и усталостью – они уже успели пройти двести сорок стадиев, – и появление врага, которого они не ждали так скоро, повергло их в замешательство. Отбиваясь, они продолжали путь, и битва усиливала их жажду. Передовые между тем вышли к какой-то реке. Вода в ней была студеная и прозрачная, но соленая, негодная для питья: она мгновенно вызывала схватки в животе и еще сильнее распаляла жажду. Мард предупреждал об этом заранее, но воины, оттолкнув выставленный караул, припали к воде. Подбегая то к одному, то к другому, Антоний умолял потерпеть еще совсем немного, ибо невдалеке другая река, со сладкой водой, и местность дальше сильно пересеченная, недоступная для конницы, так что враг окончательно оставит их в покое. Вместе с тем он подал знак прекратить сражение и распорядился ставить палатки, чтобы солдаты хотя бы передохнули в тени.

48. Римляне разбивали лагерь, а парфяне, как всегда в подобных обстоятельствах, быстро отходили, когда снова появился Митридат и, через Александра, который вышел к лагерным воротам, советовал Антонию не мешкать, но сразу же после короткого отдыха вести войско к реке: ее берег, говорил Митридат, последний рубеж преследования, переправляться парфяне не будут. Пересказав это Антонию, Александр принес от него Митридату множество золотых кубков и чаш, а тот спрятал, сколько мог, под одеждою и уехал.

Еще засветло римляне снялись с лагеря и тронулись дальше, и враги не тревожили их, но они сами сделали для себя эту ночь самою трудною и опасною из всех ночей похода. Солдаты стали убивать и грабить тех, у кого было серебро или золото, расхищали выюки с поклажей, а, в конце концов, набросились на обозных Антония, ломали на части драгоценные столы и сосуды для вина и делили между собою. Страшное смятение и тревога разом охватили войско – каждый думал, что напали враги и началось всеобщее бегство, – и тогда Антоний, подозвав одного из своих вольноотпущенников и телохранителей, по имени Рамн, взял с него клятву, что, услышав приказ, он немедленно пронзит своего господина мечом

и отрубил ему голову – не только попасть в руки парфян живым, но даже быть опознанным после смерти представлялось невыносимым римскому полководцу. Друзья залились слезами, но мард убеждал Антония не отчаиваться, ибо река уже близко. И верно, потянул влажный ветерок, воздух сделался прохладнее, становилось легче дышать, и затем, как говорил мард, само время показывало, что конец пути недалек: ночь была на исходе. Тут Антонию доложили, что замешательство вызвано алчностью и незаконными действиями своих же солдат, и, чтобы восстановить порядок и вновь обратить нестройную, разбушевавшуюся толпу в войско, он подал сигнал устраивать лагерь. 49. Уже светало, солдаты понемногу успокаивались, и водворялась тишина. В это время стрелы парфян вновь обрушились на замыкающих, и легкая пехота получила распоряжение вступить в бой, а тяжеловооруженные опять прикрыли друг друга щитами и тем единственно отражали нападение лучников, которые на ближний бой не отваживались. Между тем голова колонны медленно двинулась дальше, и, наконец, впереди блеснула река. Развернув конников лицом к неприятелю, Антоний начал переправлять больных и раненых. Теперь, однако, бойцы могли спокойно и не торопясь утолить жажду, ибо парфяне, едва завидев реку, спустили тетивы у луков и, на все лады восхваляя мужество римлян, призывали их ничего больше не опасаться. Итак, беспрепятственно перейдя реку и собравшись с силами, они продолжали поход, однако ж поверить парфянам до конца все еще не решались.

На шестой день после заключительного сражения римляне пришли к реке Араксу, отделяющей Мидию от Армении. Она была с виду глубокой и бурной, а вдобавок разнесся слух, будто враги укрылись в засаде, чтобы ударить на них во время переправы. Когда же, благополучно достигнув противоположного берега, они ступили на армянскую землю, то, словно бы впервые увидевши сушу после долгих скитаний в открытом море, они целовали камни и песок, и плакали от радости, обнимая друг друга. Идя затем богатою, процветающею страною, они слишком много ели и пили после такой жестокой нужды и заболели водянкою и поносом.

50. Здесь Антоний устроил смотр своему войску и установил, что потеряно двадцать тысяч пехоты и четыре тысячи конницы. Не все пали в боях – больше половины унесли болезни. Выступив из лагеря под Фраатами, римляне находились в пути двадцать семь дней и одержали над парфянами восемнадцать побед, но все это были неверные, ненадежные победы, – из-за того, что преследовать разбитого неприятеля по-настоящему Антоний не мог. Последнее свидетельствует особенно убедительно, что неудачным завершением похода он обязан был Артабазу Армянскому. Если бы в его распоряжении оставались те шестнадцать тысяч всадников, которых привел из Мидии Артабаз, вооруженных почти так же, как парфяне, и привыкших бороться с ними, то римляне разбивали бы неприятеля в открытом бою, а армяне истребляли бегущих, и враги были бы уже не в силах столько раз оправляться после поражений. Естественно, что все были полны ярости и побуждали Антония расправиться с армянским царем. Но Антоний хорошо понимал, что войско его ослабело и нуждается в самом необходимом, а потому прислушался к голосу рассудка и ни словом не упрекнул Артабаза в предательстве, по-прежнему был любезен и оказывал царю подобающие почести. Впоследствии, однако, снова вступив в Армению, он многочисленными обещаниями и заверениями побудил Артабаза отдаться в его руки, но затем заключил под стражу, в оковах привез в Александрию и провел в триумфальном шествии. Этим он жестоко оскорбил римлян, видевших, что в угоду Клеопатре он отдал египтянам прекрасное и высокое торжество, по праву принадлежавшее отечеству. Но это, как уже сказано, случилось позднее.

51. А тогда несмотря на суровую зиму и беспрестанные снегопады он поспешил дальше и потерял в пути еще восемь тысяч. Расставшись с основными силами, Антоний, в сопровождении небольшого отряда, спустился к морю и в деревне под названием Белое селение – она лежит между Беритом и Сидоном – ждал Клеопатру. Царица задерживалась, и Антоний, терзаемый мучительной тревогой, часто и помногу пил, но даже хмельной не мог улежать за столом – посреди попойки он, бывало, вскакивал и выбегал на берег, поглядеть не

плывет ли египтянка, пока наконец она не прибыла, везя с собою много денег и одежды для воинов. Некоторые, правда, утверждают, будто одежду Антоний получил от нее, а деньги солдатам роздал из собственных средств, но сказал, что это подарок Клеопатры.

52. Тем временем вспыхнул раздор между царем Мидии и Фраатом Парфянским, начавшийся, как рассказывают, из-за римской добычи и внушивший мидийцу подозрение и страх, что Фраат покушается на его престол. Поэтому он присылает послов к Антонию и зовет его к себе, обещая выступить на стороне римлян со всем своим войском. Новые и самые радужные надежды открывались Антонию (если в прошлый раз, чтобы одолеть парфян, ему не достало, по-видимому, лишь одного – многочисленной конницы, вооруженной луками и стрелами, то теперь она была в его распоряжении, и вдобавок без всяких просьб с его стороны, напротив, он еще оказывал услугу другому), и он уже готовился еще раз пройти через Армению, чтобы, соединившись с мидийцем у реки Аракса, открыть военные действия.

53. Октавия в Риме хотела ехать к мужу, и Цезарь согласился, как говорит большинство писателей, – не из желания угодить сестре, но рассчитывая, что она будет встречена самым недостойным и оскорбительным образом и он тогда получит прекрасный повод к войне. В Афинах ей вручили письмо Антония, который просил ждать его в Греции и сообщал о предстоящем походе. Хотя Октавия понимала, что это не более, чем отговорка, и горько сокрушалась, она написала мужу, спрашивая, куда отправить груз, который с нею был. Она везла много платья для солдат, много вьючного скота, деньги, подарки для полководцев и друзей Антония; кроме того, с нею вместе прибыли две тысячи отборных воинов в великолепном вооружении, уже разбитые на преторские когорты. Об этом рассказал Антонию один из его друзей по имени Нигер, присланный Октавией, и к рассказу своему присовокупил подобающие и заслуженные похвалы щедрой дарительнице.

Чувствуя, что Октавия вступает с нею в борьбу, Клеопатра испугалась, как бы эта женщина, с достойною скромностью собственного нрава и могуществом Цезаря соединившая теперь твердое намерение во всем угождать мужу, не сделалась совершенно неодолимою и окончательно не подчинила Антония своей воле. Поэтому она прикидывается без памяти в него влюбленной и, чтобы истощить себя, почти ничего не ест. Когда Антоний входит, глаза ее загораются, он выходит – и взор царицы темнеет, затуманивается. Она прилагает все усилия к тому, чтобы он почаще видел ее плачущей, но тут же утирает, прячет свои слезы, словно бы желая скрыть их от Антония. Все это она проделывала в то время, когда Антоний готовился двинуться из Сирии к мидийской границе. Окружавшие его льстецы горячо сочувствовали египтянке и бранили Антония, твердя ему, что он жестокий и бесчувственный, что он губит женщину, которая лишь им одним и живет. Октавия, говорили они, сочеталась с ним браком из государственных надобностей, подчиняясь воле брата, – и наслаждается своим званием законной супруги. Клеопатра, владычица огромного царства, зовется любовницей Антония и не стыдится, не отвергает этого имени – лишь бы только видеть Антония и быть с ним рядом, но если отнять у нее и это, последнее, она умрет. В конце концов, Антоний до такой степени разжалобился и по-бабьи растрогался, что уехал в Александрию, всерьез опасаясь, как бы Клеопатра не лишила себя жизни, а мидийцу велел подождать до следующей весны, хотя ему и доносили, что Парфянская держава охвачена волнениями и мятежом. Несколько позже он все-таки посетил Мидию, заключил с царем дружественный договор, помолвил одну его дочь, еще совсем маленькую, за одного из своих сыновей от Клеопатры и возвратился назад, уже целиком занятый мыслями о междоусобной войне.

54. Когда Октавия вернулась из Афин, Цезарь, считая, что ей нанесено тяжкое оскорбление, предложил сестре поселиться отдельно, в собственном доме. Но Октавия отказалась покинуть дом мужа и, сверх того, просила Цезаря, если только он не решил начать войну с Антонием из-за чего-либо иного, не принимать в рассуждение причиненную ей обиду, ибо даже слышать ужасно, что два величайших императора ввергают римлян в бедствия междоусобной войны один – из любви к женщине, другой – из оскорбленного

самолюбия. Свои слова она подкрепила делом. Она по-прежнему жила в доме Антония, как если бы и сам он находился в Риме, и прекрасно, с великодушною широтою продолжала заботиться не только о своих детях, но и о детях Антония от Фульвии. Друзей Антония, которые приезжали от него по делам или же чтобы занять одну из высших должностей, она принимала с неизменной любезностью и была за них ходатаем перед Цезарем. Но тем самым она невольно вредила Антонию, возбуждая ненависть к человеку, который платит черной неблагодарностью такой замечательной женщине.

Еще одну волну ненависти Антоний вызвал разделом земель между своими детьми, устроенным в Александрии и полным показного блеска, гордыни и вражды ко всему римскому. Наполнивши толпою гимнасий и водрузив на серебряном возвышении два золотых трона, для себя и для Клеопатры, и другие, попроще и пониже, для сыновей, он прежде всего объявил Клеопатру царицею Египта, Кипра, Африки и Келесирии при соправительстве Цезариона, считавшегося сыном старшего Цезаря, который, как говорили, оставил Клеопатру беременной; затем сыновей, которых Клеопатра родила от него, он провозгласил царями царей и Александру назначил Армению, Мидию и Парфию (как только эта страна будет завоевана), а Птолемею – Финикию, Сирию и Киликию. Александра Антоний вывел в полном мидийском уборе, с тиарою и прямою китарой, Птолемея – в сапогах, македонском плаще и украшенной диадемою кавсии. Это был наряд преемников Александра, а тот, первый, – царей Мидии и Армении. Мальчики приветствовали родителей, и одного окружили телохранители-армяне, другого – македоняне. Клеопатра в тот день, как всегда, когда появлялась на людях, была в священном одеянии Исиды; она и звала себя новою Исидой.

55. Донося об этом сенату и часто выступая перед народом, Цезарь ожесточил римлян против Антония. Не оставаясь в долгу, Антоний посылал своих людей с ответными обвинениями. Важнейшие из них были таковы. Во-первых, отняв у Помпея Сицилию, Цезарь не выделил части острова ему, Антонию. Во-вторых, он не вернул суда, которые занял у Антония для войны с Помпеем. В-третьих, лишил власти и гражданского достоинства их общего соправителя Лепида и ныне сам распоряжается его войском, его провинцией и назначенными ему доходами. И, наконец, чуть ли не все земли в Италии он поделил между своими воинами, солдатам же Антония не оставил ничего. Оправдываясь, Цезарь заявлял, что Лепида он отрешил от власти за наглые бесчинства, что военной добычею готов поделиться с Антонием, если и тот поделится с ним своим завоеванием – Арменией, а что на Италию у солдат Антония никаких притязаний быть не может: ведь в их распоряжении Мидия и Парфия, земли, которые они присоединили к Римской державе, отважно сражаясь под начальством своего императора.

56. Этот ответ Антоний получил в Армении и немедленно отдал распоряжение Канидию спускаться во главе шестнадцати легионов к морю, а сам вместе с Клеопатрою отправился в Эфес. Туда со всех сторон собирался его флот, числом восемьсот кораблей (включая грузовые), из которых двести выставила Клеопатра. От нее же Антоний получил две тысячи талантов и продовольствие для всего войска. По совету Домиция и некоторых иных Антоний приказал Клеопатре плыть в Египет и там дожидаться исхода войны. Но, опасаясь, как бы Октавия снова не примирила враждующих, царица, подкупивши Канидия большою суммою денег, велела ему сказать Антонию, что, прежде всего, несправедливо силою держать вдали от военных действий женщину, которая столь многим пожертвовала для этой войны, а затем, вредно лишать мужества египтян, составляющих значительную долю морских сил. И вообще, заключил Канадий, он не может назвать ни единого из царей, участвующих в походе, которому Клеопатра уступала бы разумом, – ведь она долгое время самостоятельно правила таким обширным царством, а потом долгое время жила бок о бок с ним, Антонием, и училась вершить делами большой важности. Эти соображения взяли верх, – все должно было устроиться наивыгоднейшим для Цезаря образом, – и меж тем как войска продолжали собираться, Антоний с Клеопатрой отплыли на Самос и там проводили все дни в развлечениях и удовольствиях. Подобно тому как все цари, властители и тетрархи,

все народы и города между Сирией и Мэотидой, Иллирией и Арменией получили приказ посылать и везти военное снаряжение, так же точно всем актерам было строго предписано немедленно отправляться на Самос.

Чуть ли не целая вселенная гудела от стонов и рыданий, а в это самое время единственный остров много дней подряд оглашался звуками флейт и кифар, театры были полны зрителей, и хоры усердно боролись за первенство. Каждый город посылал быка, чтобы принять участие в торжественных жертвоприношениях, а цари старались превзойти друг друга пышностью приемов и даров, так что в народе с недоумением говорили: каковы же будут у них победные празднества, если они с таким великолепием празднуют приготовления к войне?!

57. Затем Антоний назначил актерам для жительства город Приену, а сам уехал в Афины, и снова непрерывною чередой потянулись зрелища и забавы. Ревнуя к почестям, которые город оказал Октавии, – афиняне горячо полюбили супругу Антония, – Клеопатра щедрыми подарками старалась приобрести благосклонность народа. Назначив почести и Клеопатре, афиняне отправили к ней домой послов с постановлением Собрания, и одним из этих послов был Антоний – в качестве афинского гражданина; он произнес и речь от имени города. В Рим он послал своих людей с приказом выдворить Октавию из его дома, и она ушла, говорят, ведя за собою всех детей Антония (кроме старшего сына от Фульвии, который был с отцом), плача и кляня судьбу, за то что и ее будут числить среди виновников грядущей войны. Но римляне сожалели не столько об ней, сколько об Антонии, и в особенности те из них, которые видели Клеопатру и знали, что она и не красивее и не моложе Октавии.

58. Узнав о стремительности и размерах вражеских приготовлений, Цезарь был в тревоге. Он опасался, как бы не пришлось начать военные действия в то же лето; между тем ему еще многого не доставало для войны, а вдобавок повсюду звучал ропот, вызванный высокими налогами. Свободнорожденные должны были внести в казну четверть своих доходов, а вольноотпущенники – восьмую долю всего имущества, и каждый гневно взывал к Цезарю, вся Италия волновалась. Поэтому одной из величайших ошибок Антония считают промедление: он дал Цезарю время подготовиться, а волнениям – улеться, ибо пока шли взыскания, люди негодовали, но заплатив, успокоились.

К Цезарю бежали Титий и Планк, друзья Антония и бывшие консулы, жестоко оскорбленные Клеопатрою, за то что самым решительным образом возражали против ее участия в походе, и осведомили Цезаря о завещании Антония, которое было им известно. Оно хранилось у девственных жриц богини Весты. Цезарь потребовал выдать завещание, но весталки отказались, заявив, что коль скоро Цезарь желает получить завещание Антония, пусть придет сам. Он и пришел, и забрал его, и сперва проглядел сам, помечая все места, доставлявшие очевидные поводы для обвинений, а затем огласил в заседании сената – при явном неодобрении большинства присутствовавших: им представлялось неслыханным беззаконием требовать ответа с живого за то, чему, в согласии с волею завещателя, надлежало свершиться после его смерти. С особою непримиримостью обрушивался Цезарь на распоряжения, касавшиеся похорон. Антоний завещал, чтобы его тело, если он умрет в Риме, пронесли в погребальном шествии через форум, а затем отправили в Александрию, к Клеопатре. Друг Цезаря Кальвизий вменял в вину Антонию следующие проступки, также сопряженные с Клеопатрой: он подарил египетской царице пергамские книгохранилища с двумястами тысяч свитков; исполняя условия какого-то проигранного им спора, он на пиру, на глазах у многих гостей, поднялся с места и растирал ей ноги; он ни словом не возразил, когда эфесяне в его присутствии величали ее госпожою и владычицей; неоднократно, разбирая дела тетрархов и царей, он принимал ониксовые и хрустальные таблички с ее любовными посланиями и тут же, на судейском возвышении, их прочитывал; когда Фурний, человек глубоко уважаемый и превосходный оратор, говорил однажды речь, а в это время через площадь несли Клеопатру, он, едва завидел ее, вскочил, не дослушав дела, и отправился провожать царицу, буквально прилипнув к носилкам. Впрочем, как тогда полагали, бо льшая часть этих обвинений была Кальвизием вымышлена.

59. И все же друзья Антония в Риме умоляли народ о милости, а к Антонию отправили одного из своей среды, некоего Геминия, прося, чтобы он не дал противникам беспрепятственно отрешить его от власти и объявить врагом отечества. Приехав в Грецию, Геминий сразу же попал в немилость к Клеопатре, подозревавшей в нем приверженца Октавии, а потому его постоянно высмеивали за обедом и отводили оскорбительно низкие места в пиршественной зале. Геминий все сносил, терпеливо ожидая приема у Антония, но, в конце концов, ему было предложено высказаться, не выходя из-за стола, и тут посланец объявил, что обо всем остальном следует говорить на трезвую голову, но одно он знает наверное, пьяный не хуже, чем трезвый: все пойдет на лад, если Клеопатра вернется в Египет. Антоний был в ярости, а Клеопатра промолвила: «Умница, Геминий, что сказал правду без пытки». Спустя несколько дней Геминий бежал и благополучно отплыл в Рим. Льстецы Клеопатры заставили уехать и многих иных друзей Антония, до отвращения пресытившихся шутловством и пьяным разгулом. Среди них был Марк Силан и историк Деллий, который, как он сам рассказывает, кроме всего прочего, опасался за свою жизнь: лекарь Главк предупреждал его, что Клеопатра готовит ему гибель, за то что раз, во время обеда, он задел ее, заметив, что, дескать, их потчуют прокисшею бурдой, а Сармент в Риме пьет фалернское. Сармент был у Цезаря один из мальчишек-любимчиков, которых римляне зовут «диликиа» [deliciae].

60. Когда Цезарь счел свои приготовления достаточными, было постановлено начать войну против Клеопатры и лишить Антония полномочий, которые он уступил и передал женщине. К этому Цезарь прибавил, что Антоний отравлен ядовитыми зельями и уже не владеет ни чувствами, ни рассудком, и что войну поведут евнух Мардион, Потин, рабыня Клеопатры Ирада, убирающая волосы своей госпоже, и Хармион – вот кто вершит важнейшими делами правления.

Войне, как сообщают, предшествовали следующие знамения. Выведенная Антонием колония Пизавр на берегу Адриатического моря была проглочена пучиной во время землетрясения. В Альбе с мраморной статуи Антония струился пот, и несколько дней подряд статуя не просыхала, как ее ни вытирали. Когда Антоний находился в Патрах, молния сожгла тамошний храм Геракла, а из «Битвы с гигантами»¹⁷⁶⁵ в Афинах порыв ветра вырвал изображение Диониса и забросил в театр. Между тем Антоний, как уже говорилось выше, происхождение свое возводил к Гераклу, а укладом жизни подражал Дионису и даже именовался «новым Дионисом». Та же буря, обрушившись на Афины, из многих гигантских статуй опрокинула только две – Эвмена и Аттала, которые, по надписям на цоколях, были известны под названием «Антониевых». Флагманское судно Клеопатры звалось «Антониада», и на нем случилось вот какого рода зловещее происшествие: ласточки свили под кормою гнездо, но прилетели другие ласточки, выгнали первых и убили птенцов.

61. Когда противники двинулись друг против друга, под начальством Антония находилось не менее пятисот боевых кораблей, – в том числе много судов с восемью и десятью рядами весел, украшенных пышно и богато, – сто тысяч пехоты и двенадцать тысяч конницы. На его стороне выступали подвластные цари Бокх Африканский, Тархондем – властитель Верхней Киликии, Архелай Каппадокийский, Филадельф Пафлагонский, Митридат Коммагенский и царь Фракии Садал. Это лишь те, что явились сами, а войска прислали Полемон, царь Понта, Малх, царь Аравии, и царь Иудейский Ирод, а также Аминт, царь Ликаонии и Галатии. Пришел вспомогательный отряд и от царя Мидийского. У Цезаря было двести пятьдесят судов, пехотинцев восемьдесят тысяч, а конницы примерно столько же, сколько у противника. Антоний правил землями от Евфрата и Армении до Ионийского моря и Иллирии, Цезарь – от Иллирии до Западного океана и от Океана до Тирренского и Сицилийского морей. Частью Африки, лежащею против Италии, Галлии и Испании, вплоть до Геракловых столпов, владел Цезарь, от Кирены до Эфиопии – Антоний.

¹⁷⁶⁵ 35. «Битва с гигантами» – скульптурная группа, украшавшая акрополь.

62. Но Антоний уже до такой степени превратился в бабьего прихвостня, что, вопреки большому преимуществу на суше, желал решить войну победою на море – в угоду Клеопатре! А ведь он видел, что на судах не хватает людей и что начальники триер по всей и без того «многострадальной» Греции¹⁷⁶⁶ ловят путников на дорогах, погонщиков ослов, жнецов, безусых мальчишек, но даже и так не могут восполнить недостачу, и суда большею частью полупусты и потому тяжелы, неповоротливы на плаву! Напротив, Цезарь сосредоточил в Таренте и Брундизии флот, отличавшийся не хвастливою высотой или громадными размерами кораблей, но удобоуправляемостью, быстротой и безупречной оснащенностью каждого судна, и отправил к Антонию гонцов с требованием не терять времени даром, а немедленно выходить с боевыми силами в море. Он, Цезарь, готов предоставить вражескому флоту надлежащие якорные стоянки и гавани, а сам отступит от берега на день пути верхом, пока Антоний не закончит высадку и не разобьет лагерь. В ответ на этот хвастливый вызов Антоний, столь же хвастливо, предлагал Цезарю поединок, хотя был старше годами, а в случае отказа – сражение у Фарсала, там же, где некогда встретились войска Цезаря и Помпея. Опередив Антония, который стоял с флотом у Актия, – как раз против нынешнего Никополя, – Цезарь первым пересекает Ионийское море и захватывает местность в Эпире, называемую Торино, что означает «мешалка». Антоний был в тревоге – его сухопутные силы запаздывали, – но Клеопатра, смеясь, говорила: «Ничего страшного! Пусть себе сидит на мешалке!»

63. Рано поутру враги двинулись вперед, и Антоний, опасаясь, как бы они не захватили его корабли, на которых не было воинов, вооружил для вида гребцов и расставил их на палубе, весла с обеих сторон распорядился поднять и закрепить и разместил суда, носом к противнику, в горле залива – так, словно бы они полностью снабжены гребцами и готовы к обороне. Цезарь вдался в обман и отступил. Затем с помощью искусно возведенных запруд Антоний лишил неприятеля воды, которой повсюду в тех краях немного, да и та, что есть, – нехороша на вкус. С Домицием, вопреки советам Клеопатры, Антоний обошелся великодушно и благородно. Когда тот, уже в жару, в лихорадке, бежал к Цезарю, Антоний, хотя и был раздосадован, отослал ему все его вещи, отпустил его друзей и рабов. Но Домиций вскоре умер, видимо, страдая от того, что его предательство и измена не остались в тайне. К Цезарю переметнулись также двое из царей – Дейотар и Аминт.

Убедившись, что флот ни в чем не имеет удачи и никуда не поспевает своевременно, Антоний, волей-неволей, снова обратил главные свои надежды на сухопутные силы. Их начальник, Канидий, пред лицом опасности тоже переменял свое прежнее мнение: теперь он советовал отправить Клеопатру обратно и, отступив во Фракию или в Македонию, дать сухопутное сражение, которое и определит исход всего дела. Царь гетов Диком, убеждал Антония Канидий, обещает сильную подмогу, и нет никакого позора в том, чтобы уступить море Цезарю, который приобрел навык в морских боях, отвоевывая у Помпея Сицилию, – гораздо хуже будет, если Антоний, не знающий себе равных в искусстве борьбы на суше, не воспользуется мощью и боевой готовностью столь многочисленной пехоты, но распределит всю эту силу по кораблям и, тем самым, растратит ее впустую. Однако ж верх взяла Клеопатра, настоявшая, чтобы войну решила битва на море. Она уже высматривала себе дорогу для бегства и думала не о том, где принесет больше всего пользы, способствуя победе, но откуда легче всего сможет ускользнуть в случае поражения.

Лагерь был соединен с якорной стоянкой длинными стенами, под защитою которых Антоний часто ходил, не страшась никакой опасности. Какой-то раб открыл Цезарю, что Антония можно захватить, когда он спускается к берегу этой дорогой, и Цезарь послал людей, чтобы его подкараулить. И дело чуть было не завершилось успехом, да только караульщики выскочили из засады раньше срока, и в руки им попался воин, который шел впереди Антония, сам же он, хотя и с трудом, но бежал.

¹⁷⁶⁶ 36. ...«многострадальной» Греции ... – Реминисценция из Эврипида, «Геракл», 1250.

64. Приняв решение дать морской бой, Антоний распорядился все египетские суда, кроме шестидесяти, сжечь, а лучшие и самые большие из своих – от триер до кораблей с десятью рядами весел – снабдил гребцами и разместил на палубах двадцать тысяч тяжелой пехоты и две тысячи лучников. Говорят, что один начальник когорты, весь иссеченный в бесчисленных сражениях под командою Антония, увидевши его, заплакал и промолвил: «Ах, император, ты больше не веришь этим шрамам и этому мечу и все упования свои возлагаешь на коварные бревна и доски! Пусть на море бьются египтяне и финикийцы, а нам дай землю, на которой мы привыкли стоять твердо, обеими ногами, и либо умирать, либо побеждать врага!» На это Антоний ничего не ответил и, только взглядом и движением руки призвав старого воина мужаться, прошел мимо. Он уже и сам не верил в успех, и когда кормчие хотели оставить паруса на берегу, приказал погрузить их на борт и взять с собой – под тем предлогом, что ни один из неприятелей не должен ускользнуть от погони.

65. В тот день и еще три дня сильный ветер и бурные волны не давали начать сражение, но на пятый день наступило затишье, море сделалось ровным, как зеркало, и противники наконец сошлись. Антоний и Попликола вели правое крыло, Целий – левое, серединою командовали Марк Октавий и Марк Инстей, Цезарь левое крыло поручил Агриппе, а себе оставил правое. Начальники сухопутных сил, со стороны Антония – Канидий, со стороны Цезаря – Тавр, выстроили своих подчиненных вдоль берега и ожидали исхода борьбы. Что касается самих императоров, то Антоний, объезжая на лодке свои корабли, призывал воинов сражаться уверенно, словно на суше, полагаясь на большую тяжесть судов, а кормчим наказывал, принимая удары вражеских таранов, удерживать суда на месте, так словно бы они стоят на якорях, и остерегаться сильного течения в горле залива. Цезарь еще до рассвета вышел из палатки и обходною дорогой направился к судам, и тут, как рассказывают, навстречу ему попался какой-то человек, который гнал осла. На вопрос, как его зовут, погонщик, узнавши Цезаря, отвечал: «Меня зовут Эвтих-Счастливец, а моего осла – Никон-Победитель». Вот почему впоследствии, воздвигая на этом месте трофей, украшенный носами вражеских судов, Цезарь поставил рядом бронзовое изображение осла с погонщиком.

Оглядев с борта триеры весь боевой порядок, Цезарь прибыл на правое крыло и изумился, увидев, как неподвижно стоит неприятель в узком проливе, – казалось, будто корабли бросили якоря. Довольно долго он был уверен, что так оно и есть, и потому удерживал своих примерно в восьми стадиях от противника. В шестом часу¹⁷⁶⁷ поднялся ветер с моря, и люди Антония, наскучив ожиданием и надеясь на высоту и громадные размеры своих судов, по их мнению – неодолимых, привели в движение левое крыло. Заметив это, Цезарь обрадовался и приказал правому крылу дать задний ход, чтобы еще дальше выманить врага из залива, а потом окружить его и своими отлично снаряженными судами ударить по кораблям, которые делала неуклюжими и неповоротливыми чрезмерная тяжесть и недостача в гребцах.

66. Наконец завязался ближний бой, но ни ударов тараном, ни пробоин не было, потому что грузные корабли Антония не могли набрать разгон, от которого главным образом и зависит сила тарана, а суда Цезаря не только избегали лобовых столкновений, страшась непробиваемой медной обшивки носа, но не решались бить и в борта, ибо таран разламывался в куски, натываясь на толстые, четырехгранные балки кузова, связанные железными скобами. Борьба походила на сухопутный бой или, говоря точнее, на бой у крепостных стен. Три, а не то и четыре судна разом налетали на один неприятельский корабль, и в дело шли осадные навесы, метательные копья, рогатины и огнеметы, а с кораблей Антония даже стреляли из катапульт, установленных в деревянных башнях. Когда Агриппа принялся растягивать свое крыло с расчетом зайти врагу в тыл, Попликола был вынужден повторить его движение и оторвался от середины, где тут же возникло

---

¹⁷⁶⁷ 37. В шестом часу ... – Т.е. перед полуднем.

замешательство, которым воспользовался для нападения Аррунтий¹⁷⁶⁸. Битва сделалась всеобщей, однако исход ее еще далеко не определился, как вдруг, у всех на виду, шестьдесят кораблей Клеопатры подняли паруса к отплытию и обратились в бегство, прокладывая себе путь сквозь гущу сражающихся, а так как они были размещены позади больших судов, то теперь, прорываясь через их строй, сеяли смятение. А враги только дивились, видя, как они, с попутным ветром, уходят к Пелопоннесу.

Вот когда Антоний яснее всего обнаружил, что не владеет ни разумом полководца, ни разумом мужа, и вообще не владеет собственным разумом, но – если вспомнить чью-то шутку, что душа влюбленного живет в чужом теле¹⁷⁶⁹, – словно бы сросся с этою женщиной и должен следовать за нею везде и повсюду. Стоило ему заметить, что корабль Клеопатры уплывает, как он забыл обо всем на свете, предал и бросил на произвол судьбы людей, которые за него сражались и умирали, и, перейдя на пентеру, в сопровождении лишь сирийца Алекса и Сцеллия, погнался за тою, что уже погибла сама и вместе с собой готовилась сгубить и его.

67. Узнавши Антония, Клеопатра приказала поднять сигнал на своем корабле. Пентера подошла к нему вплотную, и Антония приняли на борт, но Клеопатру он не видел, и сам не показался ей на глаза. В полном одиночестве он сел на носу и молчал, охватив голову руками. Тут появились либурны¹⁷⁷⁰ Цезаря. Антоний велел повернуть судно носом к врагу и отогнал преследователей, только лаконец Эврикл неукротимо рвался вперед, потрясая копьем и стараясь попасть в Антония с палубы своего суденышка. Тогда Антоний выпрямился на носу во весь рост и спросил: «Кто это там так упорно гонится за Антонием?» – «Я, сын Лахара Эврикл, которому счастье Цезаря доставило случай отомстить за смерть отца!» – последовал ответ. Этот Лахар был обвинен в морском разбое и, по приговору Антония, обезглавлен. Впрочем, корабль Антония Эврикл оставил в покое и, напавши на другое флагманское судно (всего их было два), таранил его, лишил управления и, зайдя с борта, взял в плен вместе с еще одним судном, на котором везли драгоценную столовую посуду.

Когда Эврикл отстал, Антоний снова застыл в прежней позе и так провел на носу три дня один, то ли гневаясь на Клеопатру, то ли стыдясь ее. На четвертый день причалили у Тенара, и здесь женщины из свиты царицы сперва свели их для разговора, а потом убедили разделить стол и постель.

Туда же, к Тенару, уже собирались в немалом числе грузовые суда, начали прибывать и друзья, спасшиеся после поражения: они сообщали, что флот погиб, но сухопутные силы, по их мнению, еще держались. Антоний отправил к Канидию гонца с приказом, не теряя времени, отступить через Македонию в Азию, а сам, собираясь переправиться в Африку, выбрал один корабль с большим грузом денег и драгоценной, серебряной и золотой утвари из царских кладовых и передал друзьям, чтобы они разделили всё между собою и не думали больше ни о чем, кроме собственного спасения. Друзья не соглашались и плакали, но он ласково и мягко уговорил их подчиниться и они уехали, увозя письмо Антония, в котором он наказывал Феофилу, своему, управляющему в Коринфе, предоставить им безопасное убежище до той поры, пока они не вымолят прощение у Цезаря. Этот Феофил приходился отцом Гиппарху, который занимал самое высокое положение среди приближенных Антония и, однако, первым из вольноотпущенников перебежал на сторону Цезаря; впоследствии он жил в Коринфе.

68. Но расстанемся на время с Антонием. Флот при Акции долго сопротивлялся и,

---

¹⁷⁶⁸ 38. *Аррунтий* – командовал центром Октавианова флота.

¹⁷⁶⁹ 39. *...чью-то шутку ...* и далее. – См.: КСт., 9, Плутарх приписывает эту шутку Катону.

¹⁷⁷⁰ 40. *Либурны* – быстроходные галеры по образцу лодок иллирийского племени либурнов (ср.: КМл., 54).

несмотря на тяжелые повреждения, которые наносили судам высокие встречные валы, прекратил борьбу лишь в десятом часу. Убитых насчитали не более пяти тысяч, зато в плен взято было триста судов, как рассказывает сам Цезарь. Немногие видели бегство Антония собственными глазами, а те, кто об этом узнавал, сперва не желали верить – им представлялось невероятным, чтобы он мог бросить девятнадцать нетронутых легионов и двенадцать тысяч конницы, он, столько раз испытывший на себе и милость и немилость судьбы и в бесчисленных битвах и походах узнавший капризную переменчивость военного счастья. Воины тосковали по Антонию и всё надеялись, что он внезапно появится, и выказали при этом столько верности и мужества, что даже после того, как бегство их полководца не вызывало уже ни малейших сомнений, целых семь дней не покидали своего лагеря, отвергая все предложения, какие ни делал им Цезарь. Но в конце концов однажды ночью скрылся и Канидий, и, оставшись совсем одни, преданные своими начальниками, они перешли на сторону победителя.

После этого Цезарь поплыл в Афины, примирился с греками и разделил остатки сделанных для войны хлебных запасов между городами, которые терпели жесточайшую нужду – ограбленные, лишившиеся всех своих денег, скота и рабов. Мой прадед Никарх рассказывал, что всех граждан Херонеи заставили на собственных плечах перенести к морю близ Антикиры сколько-то пшеницы, да еще подгоняли их при этом плетьюми, а когда они вернулись, им отмерили еще столько же и уже готовы были взвалить им на плечи, когда пришла весть о поражении Антония, и это спасло город: управители Антония и солдаты тут же бежали, и хлеб граждане поделили между собою.

69. Высадившись в Африке, Антоний отправил Клеопатру из Паретония в Египет, а сам бродил с места на место в подавленности и глубоком уединении, которое с ним разделяли лишь двое друзей – греческий оратор Аристократ и римлянин Луцилий. (Об этом последнем мы уже рассказывали в другом месте¹⁷⁷¹: при Филиппах, чтобы помочь Бруту бежать, он выдал себя за него и отдался в руки преследователей, а потом был помилован Антонием и, в благодарность, оставался непоколебимо верен ему вплоть до последнего мига). Когда же полководец, которому он поручил свои силы в Африке, сам склонил это войско к измене¹⁷⁷², Антоний хотел покончить с собой, но друзья помешали ему и увезли в Александрию, где он встретился с Клеопатрою, занятой большим и отчаянно смелым начинанием. В этом месте, где перешеек, отделяющий Красное море от Египетского и считающийся границей между Азией и Африкой, всего сильнее стиснут обоими морями и уже всего – не более трехсот стадиев, – в этом самом месте царица задумала перетащить суда волоком, нагрузить их сокровищами и войсками и выйти в Аравийский залив, чтобы, спасшись от рабства и войны, искать нового отечества в дальних краях. Но первые же суда сожгли на суше, во время перевозки, петрейские арабы, а вдобавок Антоний выражал надежду, что сухопутные силы при Актии еще держатся, и Клеопатра отказалась от своего замысла и выставила сильные сторожевые отряды на главных подходах к Египту¹⁷⁷³.

Антоний между тем покинул город, расстался с друзьями и устроил себе жилище среди волн, протянувши от Фароса в море длинную дамбу. Там он проводил свои дни, беглецом от людей, говоря, что избрал за образец жизнь Тимона, ибо судьбы их сходны: ведь и ему, Антонию, друзья отплатили несправедливостью и неблагодарностью, и ни единому человеку он больше не верит, но ко всем испытывает отвращение и ненависть.

70. Тимон этот был афинянин и жил примерно в годы Пелопоннесской войны, сколько можно судить по комедиям Аристофана и Платона, в которых он осмеивается как враг и

¹⁷⁷¹ 41. ...в другом месте ... – См.: Брут, 50.

¹⁷⁷² 42. ...полководец ... к измене ... – Это был Л. Пинарий Карп, державший для Антония Кирену.

¹⁷⁷³ 43. ...на главных подходах к Египту . – Т.е. на западе у Паретония и на востоке у Пелусия.

ненавистник людей. Не желая встречаться ни с кем, он дружелюбно приветал одного лишь Алкивиада, в ту пору – еще наглого юнца. Как-то раз Апемант, недоумевая, спросил его о причине такого странного предпочтения, и Тимон отвечал, что любит этого мальчишку, предчувствуя, сколько зла причинит он афинянам. Апемант, такой же человеконенавистник и ревностный подражатель Тимона, был единственным, кого он изредка допускал в свое общество. В Праздник кувшинов¹⁷⁷⁴ они сидели вдвоем за обедом, и Апемант сказал: «Какой славный у нас пир! Верно, Тимон?» – «Да, если бы еще тебя здесь не было...» отвечал Тимон. Рассказывают, что однажды в Собрании он поднялся на ораторское возвышение, и, когда все замолкли, до крайности изумленные, произнес следующие слова: «Есть у меня, господа афиняне, участочек земли подле дома, и там растет смоковница, на которой уже немало из моих любезных сограждан повесилось. Так вот, я собираюсь это место застроить и решил всех вас предупредить – на тот случай, если кто желает удавиться: пусть приходит поскорее, пока дерево еще не срублено». Когда он умер, его схоронили в Галах, у моря, но берег перед могилою осел и ее окружили волны, сделав совершенно недоступною для человека. На памятнике было начертано:

Здесь я лежу, разлучась со своею злосчастною душою.
Имени вам не узнать. Скорей подышайте, мерзавцы!

Говорят, что эту надгробную надпись Тимон сочинил себе сам. Другая, известная каждому, принадлежит Каллимаху:

Здесь я, Тимон Мизантроп, обитаю. Уйди же скорее!
Можешь меня обругать – только скорей уходи!

Вот немногие из бесчисленных рассказов о Тимоне.

71. С сообщением о потере войска, стоявшего при Актии, к Антонию прибыл сам Канидий. Одновременно Антоний узнал, что Ирод, царь Иудейский с несколькими легионами и когортами перешел к Цезарю, что примеру этому следуют и остальные владетели и что кроме Египта за ним уже ничего не остается. Но ни одна из этих вестей нимало его не опечалила, напротив – словно радуясь, отрекся он от всякой надежды, чтобы вместе положить конец и заботам, бросил свое морское пристанище, которое называл Тимоновым храмом, и, принятый Клеопатрою в царском дворце, принялся увеселять город нескончаемыми пирами, попойками и денежными раздачами. Сына Клеопатры и Цезаря он записал в эфебы, а своего сына от Фульвии, Антулла одел в мужскую тогу без каймы¹⁷⁷⁵, и по этому случаю вся Александрия много дней подряд пьянствовала, гуляла, веселилась. Вместе с Клеопатрой они распустили прежний «Союз неподражаемых» и составили новый, ничуть не уступавший первому в роскоши и расточительности, и назвали его «Союзом смертников». В него записывались друзья, решившиеся умереть вместе с ними, а пока жизнь их обернулась чередой радостных празднеств, которые они задавали по очереди. Тем временем Клеопатра собирала всевозможные смертоносные зелья и, желая узнать, насколько безболезненно каждое из них, испытывала на преступниках, содержащихся под стражею в ожидании казни. Убедившись, что сильные яды приносят смерть в муках, а более слабые не обладают желательною быстротою действия, она принялась за опыты над животными, которых стравливали или же напускали одно на другое в ее присутствии. Этим она тоже

---

¹⁷⁷⁴ 44. Праздник кувшинов – справлялся на второй день мартовских Анфестерий в честь Диониса: молодое вино разливали по кружкам и пили взапуски.

¹⁷⁷⁵ 45. ...записал в эфебы ... – Греческий акт совершеннолетия; ...одел в мужскую тогу без каймы ... – Знак римского совершеннолетия.

занимались изо дня в день и, наконец, пришла к выводу, что, пожалуй, лишь укус аспиды вызывает схожее с дремотою забытие и оцепенение, без стонов и судорог: на лице выступает легкий пот, чувства притупляются, и человек мало-помалу слабеет, с недовольством отклоняя всякую попытку расшевелить его и поднять, словно бы спящий глубоким сном.

72. Вместе с тем они отправили к Цезарю в Азию послов. Клеопатра просила передать власть над Египтом ее детям, а Антоний – разрешить ему провести остаток своих дней если не в Египте, то хотя бы в Афинах, частным лицом. По недостатку в друзьях и по недоверию к ним – ведь кто только не перебежал на сторону врага! – послом был отправлен Эвфроний, учитель детей царицы. В самом деле, когда Алекс из Лаодикии, который познакомился с Антонием в Риме через Тимагена и пользовался у него таким влиянием, как ни один из греков, а впоследствии был сильнейшим орудием в руках Клеопатры и с успехом подавлял в душе Антония все остатки его добрых чувств к Октавии, – когда, повторяю, этот Алекс поехал по поручению Антония к царю Ироду, чтобы удержать его от измены, он там и остался и затем, полагаясь на Ирода, дерзнул еще явиться на глаза Цезарю. Но заступничество Ирода не помогло – его тут же схватили, в оковах отвезли в Лаодикию и там, исполняя приказ Цезаря, казнили. Так еще при жизни Антония поплатился Алекс за свое вероломство.

73. Просьбу Антония Цезарь отверг, а Клеопатре отвечал, что ей будет оказано полное снисхождение при одном условии – если она умертвит или изгонит Антония. Этот ответ повез в Александрию один из вольноотпущенников Цезаря, Фирс, человек весьма смысленный и сумевший самым убедительным образом говорить от имени молодого императора с надменною и непомерно гордившейся своей красотой женщиной. Клеопатра проявляла к нему особое уважение и беседовала с ним дольше и охотнее, нежели с остальными; это внушило Антонию подозрения, и он высек Фирса плетьюми, а затем отпустил назад, к Цезарю, написав, что несчастья сделали его вспыльчивым и раздражительным, а Фирс держал себя слишком заносчиво и высокомерно. «Впрочем, – прибавлял он, – если ты сочтешь это оскорблением, то у тебя мой отпущенник Гиппарх – высеки его как следует, и мы будем квиты». Желая рассеять его подозрения, Клеопатра после этого случая ухаживала за ним с удвоенным усердием. Собственный день рождения она справляла скромно и сообразно обстоятельствам, но в день рождения Антония задала празднество такое блестящее и пышное, что многие из приглашенных, явившись на пир бедняками, ушли богатыми.

Между тем Агриппа посылал Цезарю письмо за письмом, сообщая, что положение дел в Риме требует его присутствия. 74. Поход был отложен. Но когда зима миновала, Цезарь снова двинулся на Египет через Сирию, а его полководцы – через Африку. После взятия Пелусия распространился слух, что Селевк впустил неприятеля в город не без согласия Клеопатры. Но Клеопатра выдала Антонию на казнь жену и детей изменника, а сама приказала перенести все наиболее ценное из царской сокровищницы – золото, серебро, смарагды, жемчуг, черное дерево, слоновую кость, корицу – к себе в усыпальницу; это было высокое и великолепное здание, которое она уже давно воздвигла близ храма Исиды. Там же навалили груды пакли и смолистой лучины, так что Цезарь, испугавшись, как бы эта женщина в порыве отчаяния не сожгла и не уничтожила такое громадное богатство, все время, пока подвигался с войском к Александрии, посылал ей гонцов с дружелюбными и обнадеживающими письмами.

Когда враги расположились наконец подле самого Конского ристалища, Антоний дал Цезарю бой, сражался с большим успехом и, обратив неприятельскую конницу в бегство, гнал ее до самого лагеря. Гордый победою, он возвратился во дворец, поцеловал, не снимая доспехов, Клеопатру и представил ей воина, отличившегося больше всех. Царица наградила его золотым панцирем и шлемом. А награжденный, захватив свою награду, в ту же ночь перебежал к Цезарю.

75. Снова Антоний послал Цезарю вызов на поединок. Тот отвечал, что Антонию открыто много дорог к смерти, и Антоний понял, что нет для него прекраснее кончины,

нежели гибель в сражении, и решил напасть на противника и на суше и на море разом. Передают, что за обедом он велел рабам наливать ему полнее и накладывать куски получше, потому что, дескать, неизвестно, будут ли они потчевать его завтра или станут прислуживать новым господам, между тем как он ляжет трупом и обратится в ничто. Видя, что друзья его плачут, он сказал, что не поведет их за собою в эту битву, от которой ждет не спасения и победы, но славной смерти.

Около полуночи, как рассказывают, среди унылой тишины, в которую погрузили Александрию страх и напряженное ожидание грядущего, внезапно раздались стройные, согласные звуки всевозможных инструментов, ликующие крики толпы и громкий топот буйных, сатировских прыжков, словно двигалось шумное шествие в честь Диониса. Толпа, казалось, прошла чрез середину города к воротам, обращенным в сторону неприятеля, и здесь шум, достигнув наибольшей силы, смолк. Люди, пытавшиеся толковать удивительное знамение, высказывали догадку, что это покидал Антония тот бог, которому он в течение всей жизни подражал и старался уподобиться с особенным рвением.

76. С первыми лучами солнца Антоний расположил войско на холмах перед городом и стал наблюдать, как выходят навстречу врагу его корабли. В ожидании, что моряки проявят и доблесть, и упорство, он спокойно смотрел вниз. Но едва только сблизились они с неприятелем, как, подняв весла, приветствовали суда Цезаря и, получив ответное приветствие, смешались с ними, так что из двух флотов возник один, который поплыл прямо на город. Пока Антоний глядел на это зрелище, успела переметнуться и конница; а когда потерпела поражение пехота, Антоний возвратился в город, крича, что Клеопатра предала его в руки тех, с кем он воевал ради нее.

Полная ужаса пред его гневом и отчаянием, царица укрылась в своей усыпальнице и велела опустить подъемные двери с надежными засовами и замками. К Антонию она отправила своих людей, которые должны были известить его, что Клеопатра мертва. Антоний поверил и, обращаясь к самому себе, воскликнул: «Что же ты еще медлишь, Антоний? Ведь судьба отняла у тебя последний и единственный повод дорожить жизнью и цепляться за нее!» Он вошел в спальню, расстегнул и сбросил панцирь и продолжал так: «Ах, Клеопатра, не разлука с тобою меня сокрушает, ибо скоро я буду в том же месте, где ты, но как мог я, великий полководец, позволить женщине превзойти меня решимостью?!». У него был верный раб по имени Эрот, которого Антоний уже давно уговорил убить его, если придет нужда. Теперь он потребовал, чтобы Эрот исполнил свое слово. Раб взмахнул мечом, словно готовясь поразить хозяина, но, когда тот отвернул лицо, нанес смертельный удар себе и упал к ногам Антония. «Спасибо, Эрот, – промолвил Антоний, – за то, что учишь меня, как быть, раз уже сам не можешь исполнить, что требуется». С этими словами он вонзил меч себе в живот и опустился на кровать. Но рана оказалась недостаточно глубока, и потому, когда он лег, кровь остановилась. Антоний очнулся и принялся молить окружающих прикончить его, но все выбежали из спальни, и он кричал и корчился в муках, пока от Клеопатры не явился писец Диомед, которому царица велела доставить Антония к ней в усыпальницу.

77. Услышав, что она жива, Антоний с жаром приказал слугам немедленно поднять его с ложа, и те на руках отнесли хозяина к дверям усыпальницы. Дверей, однако, Клеопатра не открыла, но, появившись в окне, спустила на землю веревки, которыми обмотали раненого, и царица еще с двумя женщинами¹⁷⁷⁶ – никого, кроме них она с собою внутрь не взяла – собственными руками втянула его наверх. Эти женщины – единственные свидетельницы происходившего – говорили, что невозможно представить себе зрелище жалостнее и горестнее. Залитого кровью, упорно борющегося со смертью, поднимали его на веревках, а он простирали руки к царице, беспомощно висая в воздухе, ибо нелегкое то было дело для женщин, и Клеопатра, с искаженным от напряжения лицом, едва перехватывала снасть,

¹⁷⁷⁶ 46. ...с двумя женщинами ... – Ирадой и Хармион, ср. гл. 60 и 85.

вцепляясь в нее что было сил, под ободряющие крики тех, кто стоял внизу и разделял с нею ее мучительную тревогу.

Наконец Антоний очутился наверху, и, уложив его на постель и склонившись над ним, Клеопатра растерзала на себе одежду, била себя в грудь и раздирала ее ногтями, лицом отирала кровь с его раны и звала его своим господином, супругом и императором. Проникшись состраданием к его бедам, она почти что забыла о своих собственных. Утишив ее жалобы, Антоний попросил вина – то ли потому, что действительно хотел пить, то ли надеясь, что это ускорит его конец. Напившись, он увещал ее подумать о своем спасении и благополучии, если только при этом окажется возможным избежать позора, и среди друзей Цезаря советовал больше всего доверять Прокулею. А его, продолжал он, пусть не оплакивает из-за последних тяжких превратностей, пусть лучше полагает его счастливым из-за всего прекрасного, что выпало на его долю – ведь он был самым знаменитым человеком на свете, обладал величайшим в мире могуществом и даже проиграл свое дело не без славы, чтобы погибнуть смертью римлянина, побежденного римлянином.

78. Едва только Антоний испустил дух, как явился присланный Цезарем Прокулей. Случилось так, что когда раненого Антония понесли к Клеопатре, один из его телохранителей, Деркетей, подобрал меч Антония, тайком выскользнул из дому и побежал к Цезарю, чтобы первым сообщить о кончине Антония и показать окровавленное оружие. Услышав эту весть, Цезарь ушел в глубину палатки и заплакал, горюя о человеке, который был его свойственником, соправителем и товарищем во многих делах и битвах. Потом, достав письма, он кликнул друзей и принялся им читать, чтобы они убедились, как дружелюбно и справедливо писал он и с какою грубостью, с каким высокомерием всегда отвечал Антоний. Затем он отправляет Прокулея с наказом употребить все средства к тому, чтобы взять Клеопатру живой: Цезарь и опасался за судьбу сокровищ, и считал, что, проведя Клеопатру в триумфальном шествии, намного увеличит блеск и славу своего триумфа. Встретиться с Прокулеем лицом к лицу Клеопатра не пожелала, однако между ними произошел разговор, во время которого Прокулей стоял снаружи у дверей, хотя и крепко запертых, но пропускавших голоса. Клеопатра просила оставить ее царство детям, а Прокулей убеждал ее не падать духом и во всем полагаться на Цезаря.

79. Внимательно осмотрев место кругом усыпальницы, Прокулей доложил Цезарю, и туда был отряжен Галл, чтобы продолжать переговоры. Он подошел к дверям, вступил в беседу и умышленно ее затягивал, а тем временем Прокулей, приставив лестницу, забрался внутрь через окно, в которое женщины до того втянули Антония. Не теряя ни мгновения, он вместе с двумя слугами помчался к дверям, где стояла Клеопатра, поглощенная разговором с Галлом. Одна из женщин, замкнувшихся с царицею в усыпальнице, воскликнула: «Клеопатра, несчастная, ты попалась! Клеопатра обернулась, увидела Прокулея и, выхватив пиратский кинжал, висевший у пояса, хотела убить себя. Но римлянин успел подбежать, стиснул ее обеими руками и сказал: „Клеопатра, ты несправедлива и к самой себе, и к Цезарю, лишая его случая во всем блеске выказать свою доброту и навлекая на милосерднейшего из полководцев ложное обвинение в вероломстве и жестокой непреклонности“. С этими словами он отобрал у египтянки оружие и резко отряхнул на ней платье, чтобы узнать, не спрятан ли где яд. Цезарь прислал еще своего вольноотпущенника Эпафродита, поручив ему зорко и неотступно караулить Клеопатру, чтобы она не лишила себя жизни, в остальном же обходиться с нею самым любезным образом и исполнять все ее желания.

80. Сам Цезарь вступил в город, беседуя с философом Арием и держа его за руку, чтобы таким свидетельством особого уважения сразу же возвысить философа в глазах сограждан. Он вошел в гимнасий, поднялся на воздвигнутое там возвышение и, когда люди, в страхе, упали ниц, велел им встать и объявил, что освобождает город от всякой вины – во-первых, ради основателя его, Александра, во-вторых, потому что восхищен красотой и величиной Александрии, и в-третьих, чтобы угодить своему другу Арию. Вот какою честью был взыскан Арий, и его заступничество спасло многих и многих. Среди спасенных им был и

Филострат, софист, не знавший себе равных в искусстве говорить без подготовки, но совершенно безосновательно причислявший себя к Академии. Цезарю его самонадеянность внушала отвращение, и он отклонил все просьбы Филострата. Тогда софист, с небритою седою бородой, в темном плаще, стал ходить следом за Арием, твердя один и тот же стих¹⁷⁷⁷:

Мудрец поможет мудрым, если сам он мудр.

Узнав об этом, Цезарь помиловал его, не столько желая избавить Филострата от страха, сколько Ария от зависти.

81. Сына Антония от Фульвии, Антулла, Цезарь казнил. Мальчика выдал его дядька Феодор и, когда солдаты отрубили ему голову, украдкой снял с шеи казненного громадной ценности камень и зашил себе в пояс. Несмотря на все запирательства Феодор был изобличен и распят. Что касается детей, которых Антонию родила Клеопатра, то они вместе со своими воспитателями содержались хотя и под стражей, но вполне достойно их звания. Цезариона же, слывшего сыном Цезаря, мать снабдила большою суммою денег и через Эфиопию отправила в Индию, но другой дядька, Родон, такой же негодяй, как Феодор, уговорил юношу вернуться, уверив, будто Цезарь зовет его на царство. Говорят, что, когда Цезарь раздумывал, как с ним поступить, Арий произнес:

Нет в многоцезарстве блага...¹⁷⁷⁸

И позднее, после кончины Клеопатры, Цезарь его умертвил.

82. Многие цари и полководцы вызывались и хотели похоронить Антония, но Цезарь оставил тело Клеопатре, которая погребла его собственными руками, с царским величием, получив для этого все, что только ни пожелала. Нестерпимое горе и телесные страдания – грудь ее под жестокими ударами воспалилась и покрылась язвами – привели за собою лихорадку, и царица радовалась болезни, которая открывала ей возможность беспрепятственно умереть, отказываясь от пищи. В числе ее приближенных был врач Олимп, которому она открыла свое истинное намерение и пользовалась его помощью и советами, как пишет сам Олимп, издавший рассказ об этих событиях. Но Цезарь, заподозрив неладное, стал угрожать ей расправою с детьми, и угрозы эти, словно осадные машины, сокрушили волю Клеопатры, и она подчинилась заботам и уходу тех, кто хотел сохранить ей жизнь.

83. Немногими днями позже Цезарь навестил Клеопатру и сам, чтобы сколько-нибудь ее утешить. Она лежала на постели, подавленная, удрученная, и когда Цезарь появился в дверях, вскочила в одном хитоне и бросилась ему в ноги. Ее давно не прибранные волосы висели клочьями, лицо одичало, голос дрожал, глаза потухли, всю грудь покрывали еще струпья и кровоподтеки, – одним словом, телесное ее состояние, казалось, было ничуть не лучше душевного. И однако ее прелесть, ее чарующее обаяние не угасли окончательно, но как бы проблескивали изнутри даже сквозь жалкое это обличие и обнаруживались в игре лица. Цезарь просил ее лечь, сел подле, и Клеопатра принялась оправдываться, все свои действия объясняя страхом перед Антонием или принуждениями с его стороны, но Цезарь опроверг один за другим каждый из ее доводов, и тогда она тотчас обратилась к мольбам о

---

¹⁷⁷⁷ 47. ...стих ... – Из неизвестной трагедии.

¹⁷⁷⁸ 48. Нет в многоцезарстве блага ... – Переделка знаменитого места из «Илиады» (II, 204), слова Одиссея бунтовщику Ферситу:

Нет в многовластии блага, да будет единый властитель
Царь нам да будет единый...

сострадании, словно обуянная жаждою жить во что бы то ни стало. Под конец она вынула опись своих сокровищ и передала Цезарю. Селевк, один из ее управляющих, стал было уличать царицу в том, что какие-то вещи она похитила и утаила, но Клеопатра набросилась на него, вцепилась ему в волосы, била по лицу и, когда Цезарь, улыбаясь, пытался ее унять, вскричала: «Но ведь это просто неслыханно, Цезарь! Ты, в моих жалких обстоятельствах, удостоил меня посещения и беседы, а мои же рабы меня обвиняют, и за что? За то, что я отложила какие-то женские безделушки – не для себя, несчастной, нет, но чтобы поднести Октавии и твоей Ливии и через них смягчить тебя и умиловить!» Эти слова окончательно убедили Цезаря, что Клеопатра хочет жить, чему он немало радовался. Он сказал, что охотно оставляет ей эти украшения и что все вообще обернется для нее гораздо лучше, чем она ожидает, а затем удалился с мыслью, что обманул египтянку, но в действительности – обманутый ею.

84. Среди друзей Цезаря был знатный юноша Корнелий Долабелла. Он не остался нечувствителен к чарам Клеопатры и, желая оказать ей услугу, тайно известил царицу, что Цезарь выступает в обратный путь через Сирию, а ее с детьми решил на третий день отправить в Рим морем. Тогда Клеопатра, прежде всего, упросила Цезаря, чтобы ей разрешили совершить возлияние в честь умершего. Со своими доверенными служанками она пришла к могиле Антония и, упав на его гробницу, промолвила: «О, мой Антоний, еще так недавно я погребала тебя свободною, а сегодня творю возлияние руками пленницы, которую зорко стерегут, чтобы плачем и ударами в грудь она не причинила вреда этому телу рабы, сберегаемой для триумфа над тобою! Не жди иных почестей, иных возлияний – это последние, какие приносит тебе Клеопатра. При жизни нас не смогло разлучить ничто, но в смерти нам грозит опасность обменяться местами, ибо ты, римлянин, покоишься здесь, а я, злосчастная, лягу в землю Италии и чрез это – но только чрез это одно! – приобщусь к твоему отечеству. Однако ж, если хоть один из тамошних богов владеет силою и могуществом (ибо наши, египетские боги, от нас отвернулись) – не выдавай свою супругу живую, не допусти, чтобы во мне триумфатор повел за своею колесницею тебя, но укрой, схорони меня здесь, рядом с собою: ведь из всех неисчислимых бедствий, выпавших на мою долю, не было горше и тяжелее, чем этот короткий срок, что я живу без тебя».

85. Так она сетовала и сокрушалась, а затем украсила гробницу венком и вернулась во дворец. Она велела приготовить себе купание, искупалась, легла к столу. Подали богатый, обильный завтрак. В это время к дверям явился какой-то крестьянин с корзиною. Караульные спросили, что он несет. Открыв корзину и раздвинув листья, он показал горшок, полный спелых смокв. Солдаты подивились, какие они крупные и красивые, и крестьянин, улыбнувшись, предложил им отведать. Тогда они пропустили его, откинувши всякие подозрения. После завтрака, достав табличку с заранее написанным и запечатанным письмом, Клеопатра отправила ее Цезарю, выслала из комнаты всех, кроме обеих женщин, которые были с нею в усыпальнице, и заперлась. Цезарь распечатал письмо, увидел жалобы и мольбы похоронить ее вместе с Антонием и тут же понял, что произошло. Сперва он хотел броситься на помощь сам, но потом, со всею поспешностью, распорядился выяснить, каково положение дела. Все, однако, совершилось очень скоро, ибо когда посланные подбежали ко дворцу и, застав караульных в полном неведении, взломали двери, Клеопатра в царском уборе лежала на золотом ложе мертвой. Одна из двух женщин, Ирада, умирала у ее ног, другая, Хармион, уже шатаясь и уронив голову на грудь, поправляла диадему в волосах своей госпожи. Кто-то в ярости воскликнул: «Прекрасно, Хармион!» – «Да, поистине прекрасно и достойно преемницы стольких царей», – вымолвила женщина и, не проронив больше ни звука, упала подле ложа.

86. Говорят, что аспиды принесли вместе со смоквами, спрятанным под ягодами и листьями, чтобы он ужалил царицу неожиданно для нее, – так распорядилась она сама. Но, вынувши часть ягод, Клеопатра заметила змею и сказала: «Так вот она где была...» – обнажила руку и подставила под укус. Другие сообщают, что змею держали в закрытом сосуде для воды и Клеопатра долго выманивала и дразнила ее золотым веретеном, покуда

она не выползла и не впиалась ей в руку повыше локтя. Впрочем, истины не знает никто – есть даже сообщение, будто она прятала яд в полый головной шпильке, которая постоянно была у нее в волосах. Однако ж ни единого пятна на теле не выступило, и вообще никаких признаков отравления не обнаружили. Впрочем, и змеи в комнате не нашли, но некоторые утверждали, будто видели змеиный след на морском берегу, куда выходили окна. Наконец, по словам нескольких писателей, на руке Клеопатры виднелись два легких, чуть заметных укула. Это, вероятно, убедило и Цезаря, потому что в триумфальном шествии несли изображение Клеопатры с прильнувшим к ее руке аспидом. Таковы обстоятельства ее кончины.

Цезарь, хотя и был раздосадован смертью Клеопатры, не мог не подивиться ее благородству и велел с надлежащей пышностью похоронить тело рядом с Антонием. Почетного погребения были удостоены, по его приказу, и обе доверенные служанки.

Клеопатра умерла тридцати девяти лет; двадцать два года она занимала царский престол и более четырнадцати правила совместно с Антонием. Антоний прожил, по одним сведениям, пятьдесят шесть, по другим – пятьдесят три года. Изображения Антония были сброшены с цоколей, а за то, чтобы эта участь не постигла и статуи Клеопатры, один из ее друзей, Архивий, заплатил Цезарю две тысячи талантов.

87. Антоний оставил семерых детей от трех жен, и лишь самый старший из них, Антулл, был казнен Цезарем. Всех прочих приняла к себе Октавия и вырастила наравне с собственными детьми. Клеопатру, дочь Клеопатры, она выдала замуж за Юбу, самого ученого и образованного среди царей, Антония же, сына Фульвии, возвысила настолько, что если первое место при Цезаре принадлежало Агриппе, а второе сыновьям Ливии¹⁷⁷⁹, третьим и был и считался Антоний. От Марцелла Октавия родила двух дочерей и одного сына, Марцелла, которого Цезарь сделал своим сыном и зятем, а одну из его сестер отдал за Агриппу. Но когда Марцелл вскорости после свадьбы умер и Цезарю оказалось нелегко выбрать достойного доверия зятя из числа своих друзей, Октавия предложила, чтобы Агриппа развелся с ее дочерью и взял в супруги дочь Цезаря. Сначала ей удалось уговорить Цезаря, потом Агриппу, и ее дочь, вернувшись в дом матери, вышла замуж за Антония, а Агриппа женился на дочери Цезаря. Из двух дочерей Антония и Октавии одну взял Домиций Агенобарб, другую – знаменитую своим целомудрием и красотой Антонию – Друз, сын Ливии и пасынок Цезаря. От этого брака родились Германик и Клавдий; второй из них впоследствии правил Римскою державой. Сын Германика, Гай, после недолгого, но громкого правления был убит вместе с дочерью и супругой, а дочь Агриппина, у которой от Агенобарба был сын Луций Домиций, вышла замуж за Клавдия Цезаря; Клавдий усыновил мальчика и дал ему имя Нерона Германика. Нерон правил уже на нашей памяти. Он умертвил родную мать и своим безрассудством и безумием едва не погубил римскую державу. Он был потомком Антония в пятом колене.

[Сопоставление]

88 (1). Итак, мы убедились, что и Деметрий и Антоний испытали тяжкие превратности судьбы, а потому рассмотрим сначала природу могущества и славы обоих. Первый и то и другое получил из рук отца, ибо среди преемников Александра Антигон был сильнейшим и еще до того, как Деметрий возмужал, прошел с боями и покорила чуть ли не всю Азию. Антоний же был сыном человека хотя и вполне достойного, но отнюдь не воинственного и не оставившего ему громкого имени, а всё-таки отважился захватить власть Цезаря, притязать на которую по праву преемства никак не мог, и сам сделал себя наследником

¹⁷⁷⁹ 49. *Сыновья Ливии* – (от первого ее мужа, Тиб. Клавдия Нерона) – Тиберий, будущий император, и Друз, рано умерший полководец, упоминаемый ниже.

достояния, созданного трудами Цезаря. Полагаясь лишь на собственные силы и способности, он поднялся так высоко, что, разделив всю Римскую державу на две части, выбрал и взял себе лучшую и руками своих помощников и заместителей, сам находясь далеко от театра войны, много раз побеждал парфян и отбросил прикавказских варваров к самому Каспийскому морю. О величии Антония свидетельствуют даже те поступки, которые ставились ему в укор. И верно, отец Деметрия радовался, когда ему удалось женить сына на Филе, дочери Антипатра, хоть она и была старше годами, Антония же срамили браком с Клеопатрой – женщиною, которая могуществом и блеском превосходила всех царей своего времени, исключая лишь Арсака¹⁷⁸⁰. Но такого величия достиг этот человек, что другие считали его достойным большего и лучшего, нежели то, чего желал он сам.

89 (2). Цель, которую ставили себе тот и другой, приобретая власть, у Деметрия поводов к упрекам не дает, ибо он намеревался править и царствовать над людьми, привыкшими повиноваться царю. Наоборот, намерения Антония были злыми и тиранническими – он хотел поработить римский народ, только что избавившийся от единовластия Цезаря, и самое известное, самое значительное из его деяний – война против Кассия и Брута, которую он вел, чтобы лишить свободы отечество и сограждан. Деметрий, пока обстоятельства ему благоприятствовали, неизменно стремился к освобождению Греции и изгонял вражеские сторожевые отряды из греческих городов – в противоположность Антонию, который гордился тем, что перебил в Македонии освободителей Рима. Одно в Антонии, во всяком случае, заслуживает похвалы, – его щедрость и широта, но здесь Деметрий обладает неизмеримым превосходством: он дарил врагам столько, сколько Антоний не давал и друзьям. Правда, Антонию делает честь, что он приказал достойно похоронить Брута, но Деметрий предал погребению всех убитых неприятелей, а захваченных в плен вернул Птолемею, богато их одарив.

90 (3). В пору удач оба бывали разнузданы и наглы, оба без удержки предавались наслаждениям. Но никто не может сказать, будто Деметрий, за удовольствиями и распутством, хоть раз упустил случай и время действовать, – нет, всевозможные утехи он всегда соединял с обилием и избытком досуга, и со своею знаменитою Ламией, словно она, и в самом деле, вышла из сказки¹⁷⁸¹, развлекался лишь играючи, как бы в ленивой дреме. Когда же начинались приготовления к войне, копье его не было увито плющом и шлем не благоухал душистыми притираниями, он не выходил на битву сияющим и упоенным, прямо из женской спальни, но прекращал веселые сборища, полагал конец вакхическому неистовству и становился, говоря словами Эврипида, слугою нечестивого Арея, так что никогда решительно не совершал ошибок по легкомыслию или же из-за любви к наслаждениям. Другое дело Антоний: подобно тому, как на картинах мы видим Омфалу, которая отбирает у Геракла палицу или сбрасывает с его плеч львиную шкуру, так и Антоний, обезоруженный и околдованный Клеопатрой, не раз оставлял важнейшие дела и откладывал неотложные походы, чтобы разгуливать и развлекаться с нею на морском берегу близ Канопы или Тафосириды. А под конец он, словно Парис¹⁷⁸², бежал из сражения и спрятался у ее ног, только Парис-то бежал в опочивальню Елены побежденный, а Антоний, поспешая за Клеопатрой, упустил победу из рук.

91 (4). Далее, Деметрий не просто беспрепятственно, но в прямом соответствии с обычаем, укorenившимся среди македонских царей со времен Филиппа и Александра, заключил несколько брачных союзов, точно так же, как Лисимах и Птолемей, и всем своим

¹⁷⁸⁰ 50. Арсак – т.е. парфянский царь.

¹⁷⁸¹ 51. ...вышла из сказки ... – См. Дем., примеч. 27.

¹⁷⁸² 52. ...словно Парис ... – см. «Илиада» III, 340—448, где Париса, побежденного Менелаем, Афродита спасла с поля боя и перенесла в терем Елены.

супругам оказывал подобающее уважение. Антоний сначала имел двух жен сразу, на что не отваживался ни один из римлян, а потом, ради чужеземки, с которой состоял в незаконном сожительстве, прогнал римскую гражданку, соединенную с ним узами брака. Вот почему для одного связь с женщиной никогда не была источником несчастья, другому – принесла величайшие бедствия. Но того чудовищного кощунства, к которому приводил Деметрия разврат, жизнь Антония не ведает. В самом деле, как пишут историки, афиняне не пускали на Акрополь собак, потому что эти животные менее всех других склонны таиться во время соития, а Деметрий в самом Парфеноне спал со своими потаскухами и обесчестил многих горожанок. Жестокость – тот порок, который, сколько можно судить, до крайности редко сочетается с подобными радостями и утешами, но любострастие Деметрия была присуща и жестокость: он допустил, или, говоря вернее, все сделал для того, чтобы самый красивый и целомудренный из афинян погиб ужасною смертью, спасая себя от насилия. В общем можно сказать, что своею неводержанностью Деметрий наносил вред другим, Антоний – самому себе.

92 (5). По отношению к родичам Деметрий был совершенно безупречен. Антоний отдал на смерть брата своей матери, ради того чтобы убить Цицерона, – злодейство и само по себе настолько гнусное и кровавое, что Антоний едва ли заслуживал бы снисхождения, даже если бы смерть Цицерона было платою за жизнь дяди. Что касается клятвoprеступления, то в нем были повинны и тот, и другой: Антоний вероломно захватил Артабазу, Деметрий – убил Александра. Но Антоний, в свое оправдание, может сослаться на предательство Артабазы, который бросил его в Мидийской земле, тогда как Деметрий, по словам многих писателей, приводил вымышленные, ложные причины своего поступка с Александром и винил во всем жертву насилия вместо того, чтобы самому защищаться от справедливых обвинений.

Зато свои подвиги Деметрий совершал сам, а наиболее крупные и прекрасные из побед Антония были одержаны его полководцами в отсутствие главнокомандующего.

93 (6). Оба потеряли власть и господство по собственной вине, но неодинаковым образом: один был брошен на произвол судьбы – македоняне от него отступились, – другой бежал и бросил на произвол судьбы тех, кто сражался и погибал за него. И первому ставят в вину то, что он внушил своим воинам такую ненависть к себе, другому – что предал такую любовь и верность.

И наконец – смерть обоих. И тот и другой умерли недостойно, однако большего порицания заслуживает Деметрий, который согласился стать пленником и рад был выгнать еще три года, чтобы пьянствовать и обжираться в неволе – словно пойманный и прирученный зверь. Антоний покончил счеты с жизнью трусливо, жалко и бесславно, но, по крайней мере, в руки врагов не дался.

ДИОН И БРУТ

[Перевод С.П. Маркиша]

Дион

1. Симонид¹⁷⁸³ говорил, что Илион не питал злобы в коринфянам, участвовавшим в походе вместе с ахейцами, ибо Главк – коринфянин по происхождению – отважно сражался на стороне илионян. Точно так же, Сосий Сенецион, ни римляне, ни греки, по всей вероятности, не будут в обиде на Академию, ибо в этой книге, заключающей жизнеописания

---

¹⁷⁸³ 1. Симонид – отрывок из несохранившейся оды, вероятно, в честь коринфского героя. Встреча на поле боя наследственных друзей Главка и Диомеда, сражавшихся один за троян, другой за греков, – знаменитый эпизод в «Илиаде», VI, 119—234.

Брута и Диона, и те, и другие стяжают равную хвалу: Дион был учеником самого Платона, а Брут воспитан на Платоновом учении, и оба вышли на великую и грозную борьбу словно бы из одной палестры. А потому нет ничего удивительного, если множеством сходных и как бы родственных деяний они подтвердили мысль своего наставника, что с мудростью и справедливостью должны соединяться сила и удача – лишь тогда деятельность на государственном поприще обретает и красоту, и величие. Как учитель гимнастики Гипподам, по его словам, издали узнавал своих учеников в любых обстоятельствах, даже если видел только одно – как человек несет с рынка мясо, так вполне естественно, чтобы люди, воспитанные в одинаковых правилах, следовали усвоенным ими началам и в своих поступках, которые через это приобретали бы вместе с достоинством и стройную слаженность.

2. За всем тем еще больше сходства жизненному пути того и другого придает судьба, а схожесть судьбы зависит не столько от разумного выбора, сколько от непредвиденных случайностей. Оба погибли безвременно, не сумевши, невзирая на все труды и усилия, достигнуть намеченной цели. И что самое поразительное, божество обоим возвестило близкую кончину – и тому, и другому было зловещее видение. Правда, есть люди, которые вообще отрицают подобного рода вещи, и говорят, что человеку в здравом уме никакой дух, никакой призрак не явится, но что лишь несмышленные дети, женщины да помешавшиеся вследствие душевного или же телесного недуга способны разделять эти пустые и нелепые предрассудки и что злого духа они носят в себе самих: имя ему – суеверие. Но коль скоро Дион и Брут, мужи степенные, философы и ни в малой мере не склонные поддаваться обману чувств, были так встревожены видением, что даже рассказывали о нем другим, то уж не знаю, не придется ли нам вернуться к совершенно нелепому представлению очень давних времен, будто злые и коварные духи завидуют лучшим людям, препятствуют их действиям, смущают и пугают их в надежде расшатать и сокрушить их доблесть – и все для того, чтобы люди, если они сохраняют нравственную чистоту и пребудут верны добрым своим намерениям, не удостоились после кончины более завидной участи, нежели доля самих духов.

Но это уже предмет для иного сочинения, а теперь, в двенадцатой по счету книге сравнительных жизнеописаний, мы хотим рассказать сперва о том из двух названных выше мужей, который жил раньше.

3. Дионисий Старший, сразу же вслед за тем, как забрал власть в свои руки, женился на дочери сиракузянина Гермократа. Тиранния не успела еще упрочиться, и сиракузяне вскоре восстали, а восстав, учинили над молодой женщиной страшное и чудовищное насилие, так что она сама лишила себя жизни. Дионисий вновь захватил власть и утвердился в ней, а затем взял двух жен сразу – локрийку по имени Дорида и свою землячку Аристомаху, дочь Гиппарина, одного из первых людей в Сиракузах и в прошлом товарища Дионисия по должности (вместе с Гиппаринем он был в первый раз избран полководцем с неограниченными полномочиями). Говорят, что обе свадьбы он справил в один день и никто не знал, с которой из двух женщин он сочетался раньше, а в дальнейшем оказывал обоим равное внимание, так что и та и другая постоянно обедали вместе с супругом, ночами же делили с ним ложе по очереди. Сиракузскому народу, разумеется, хотелось, чтобы их соотечественница имела преимущество перед чужеземкой, но Дориде посчастливилось первой родить Дионисию сына и наследника и таким образом надежно защититься от нападков на свое происхождение. Аристомаха, напротив, долгое время оставалась бесплодной, хотя Дионисий до того жаждал иметь от нее детей, что даже обвинил мать локрийки в колдовстве над Аристомахой и казнил ее.

4. Дион был брат Аристомахи и вначале пользовался почетом лишь благодаря этой родственной связи, но затем, обнаружив силу своего ума, и сам приобрел благосклонность тиранна, который, кроме всех прочих милостей, приказал своим казначеям выдавать Диону любые суммы, какие он ни попросит, но ежедневно докладывать об этих выдачах ему, Дионисию. Дион и от природы обладал нравом мужественным, высоким и благородным, но

еще более развились в нем эти качества, когда в Сицилию приехал Платон – приехал единственно волею божества, а не по человеческому расчету или же разумению. Видимо, некое божество, заглядывая далеко в грядущее, полагало основания свободы для Сиракуз и уже готовило гибель тирании, когда, приведя Платона из Италии, свело и познакомило с ним Диона; в ту пору он был еще совсем юн, но среди всех учеников Платона оказался наиболее способным и с небывалою жадностью внимал словам учителя о нравственном совершенстве, – как пишет Платон¹⁷⁸⁴ и свидетельствует самый ход событий. И верно, выросший при дворе тиранна, среди всеобщей приниженности и малодушия, привыкший к жизни, полной страха, к свите, чванлившейся своим недавно нажитым богатством, к неумеренной роскоши, к низменному убеждению, что счастье заключается в удовольствиях и стяжательстве, и уже пресытившийся всем этим Дион, едва узнавши вкус философии, ведущей к нравственному совершенству, вспыхнул всей душой и, судя по собственной восприимчивости к прекрасному, с юношеским простосердием заключил, что такое же действие учение Платона должно оказать и на Дионисия, а потому не пожалел трудов и добился, чтобы тиранн на досуге встретился с Платоном и послушал его.

5. В начале беседы речь шла о нравственных качествах вообще, и, главным образом, о мужестве, и Платон доказывал, что беднее всех мужеством тиранны, а затем обратился к справедливости и высказал мысль, что лишь жизнь справедливых людей счастлива, тогда как несправедливые несчастны. Тиранн был недоволен, считая, что слова эти нацелены в него, и гневался на присутствовавших, которые принимали философа с удивительным воодушевлением и были зачарованы его речью. В конце концов, его терпение иссякло, и он резко спросил Платона, чего ради тот явился в Сицилию. «Я ищу совершенного человека» – отвечал философ. «Но клянусь богами, ты его еще не нашел, это совершенно ясно», – язвительно возразил Дионисий.

Дион боялся, что гнев тиранна на том не кончится, и помог Платону, торопившемуся покинуть Сиракузы, сесть на триеру, которую уводил в Грецию спартанец Поллид. Но Дионисий тайно просил Поллида убить Платона во время плавания или же, по крайней мере, продать его в рабство, ибо философ, дескать, не понесет от этого никакого ущерба – человек справедливый, он останется по-прежнему счастлив, даже превратившись в раба! И, как рассказывают, Поллид привез Платона на Эгину и продал его¹⁷⁸⁵, воспользовавшись тем, что жители этого острова воевали с Афинами и приняли постановление продавать в рабство любого из афинян, который будет захвачен на их земле.

Этот случай, однако, не уменьшил уважения и доверия Дионисия к Диону. Тиранн посылал его с важнейшими поручениями – среди которых было и посольство в Карфаген – и настолько отличал среди всех прочих своих приближенных, что от него лишь одного, пожалуй, соглашался выслушивать откровенные речи, и Дион безбоязненно говорил все, что думал. Однажды, например, зашел разговор о Гелоне, и все наперебой издевались над его правлением, а сам Дионисий заметил, что Гелон стал посмешищем для всей Сицилии. Остальные прикинулись будто восхищены этой шуткой¹⁷⁸⁶, но Дион возмущенно воскликнул: «А ведь властью своей ты обязан Гелону – только ради него тебе и поверили! Зато ради тебя уже никому доверия не будет!» И верно, сколько можно судить, Гелон показал единовластие в его самом прекрасном облике, а Дионисий – в самом гнусном и позорном.

6. От локрийки у Дионисия было трое детей, от Аристомахи – четверо, и из них две

¹⁷⁸⁴ 2. ...пишет Платон... – «Письма», VII, 327а. Это автобиографическое письмо (подлинность которого иногда оспаривается) было одним из главных источников Плутарха в этой биографии.

¹⁷⁸⁵ 3. ....и продал его... – История, по-видимому, легендарная или сильно преувеличенная.

¹⁷⁸⁶ 4. ...шуткой... – Gelōs по-гречески «смех», отсюда каламбур Дионисия.

дочери, Софросина и Арета. Софросину он выдал за сына своего Дионисия, Арету – за Феорида, своего брата. После смерти Феорида Арету взял в жены Дион, приходившийся ей дядей.

Когда Дионисий захворал и, по общему суждению, был уже безнадежен, Дион всячески пытался переговорить с ним о детях от Аристомахи, но врачи, в надежде угодить уже назначенному преемнику, помешали Диону исполнить свое намерение. А по словам Тимея, когда Дионисий попросил снотворного, они дали ему такого зелья, которое лишило его чувств и сразу вслед за сном привело смерть. И однако в первом же собрании друзей, которое созвал Дионисий Младший, Дион говорил о неотложных делах настолько дальновидно и смело, что все прочие показались против него несмысленными мальчишками и рабами тирании, подло и трусливо подающими лишь такие советы, какие должны были прийтись во вкусу юному государю. Все они со страхом твердили об опасности, которою грозит Сиракузской тирании Карфаген, и потому были особенно поражены, услышав, что Дион вызывается, в случае если Дионисий желает мира, немедленно плыть в Африку и прекратить войну на самых выгодных условиях, какие удастся выговорить: если же он хочет воевать, – Дион изъявлял готовность выставить и содержать на собственный счет пятьдесят триер.

7. Дионисий до крайности изумился его щедрости и горячо благодарил за усердие и преданность. Но остальные, считая, что слава Диона покрывает их позором, а его сила – повергает в ничтожество, сразу же не щадя слов и убеждений, принялись чернить его в глазах молодого тиранна: они внушали Дионисию, что, действуя на море, Дион мало-помалу лишит его власти и, с помощью флота, передаст главенство детям Аристомахи – своим племянникам. Самой важной и очевидной причиной злобы и ненависти к Диону был его образ жизни – замкнутый и столь несхожий с нравами и привычками окружающих. В самом деле, остальные посредством лести и всевозможных удовольствий с самого начала сумели сделаться необходимыми спутниками и ближайшими приятелями молодого и плохо воспитанного властелина и постоянно придумывали для него все новые любовные потехи и беспутные увеселения. Благодаря этому тирания, словно железо в огне, размягчилась, стала казаться подданным кроткой и как будто утратила свою непомерную бесчеловечность – однако же не по доброте правителя, а по его легкомыслию. Вот почему распущенность юноши, заходя постепенно все дальше и дальше, расплавила и сокрушила те адамантовые¹⁷⁸⁷ цепи, которыми Дионисий Старший, по его словам, скрепил единодержавие, прежде чем передать его своему наследнику. Передают, например, что однажды новый тиран пьянствовал девяносто дней подряд, и во все эти дни двор был заперт и неприступен ни для серьезных людей, ни для разумных речей – там царили хмель, смех, песни, пляски и мерзкое шутовство.

8. Вполне понятно, что Дион, решительно сторонившийся развлечений и юношеских забав, вызывал к себе неприязнь, и врагам легко было клеветать на него, называя его лучшие качества именами пороков: степенность – высокомерием, прямою – самонадеянностью. Его увещания звучали обвинениями, неучастие в грязных проделках казалось знаком презрения к другим. Нельзя, правда, отрицать, что и от природы он был не чужд гордыни, отличался резкостью, необщительностью, неприветливостью. Общество его было тягостно не только для молодого человека, чей слух уже успела развратить лесть: многие из близких и верных друзей Диона, любивших благородную цельность его нрава, порицали его, однако, за излишнюю суровость и резкость обращения с теми, кто имел в нем нужду, – суровость, в государственном муже недопустимую. Недаром и Платон впоследствии, словно провидя будущее, писал Диону¹⁷⁸⁸, чтобы он, насколько возможно, остерегался самонадеянности,

¹⁷⁸⁷ 5. ...адамантовые... – Адамантом греки называли какой-то сказочный твердый металл или сплав.

¹⁷⁸⁸ 6. ...Платон... писал Диону... – «Письма», IV, 321b (к Дионисию после захвата им власти); это письмо обычно считается неподлинным.

этой подруги одиночества. И хотя в тогдашних обстоятельствах Дион пользовался величайшим влиянием и считался единственным, или, во всяком случае, первым среди тех, кто способен поддержать и спасти колеблющуюся тиранию, – все же он ясно сознавал, что высокое свое место занимает не по благосклонности тиранна, но вопреки его воле, вынужденной смирять себя перед соображениями пользы.

9. Причиною всего зла Дион полагал невежество тиранна и потому старался обратить его к занятиям, достойным свободного человека, приохотить к наукам и книгам, воздействующим на душевный облик, чтобы он перестал бояться нравственно совершенного и приучился находить удовольствие в добре и красоте. По природным своим задаткам Дионисий был не худшим из тираннов, но отец, опасаясь, как бы из общения с разумными людьми он и сам не набрался ума, не приобрел уверенности в своих силах и не лишил его власти, держал сына дома, взаперти, и от одиночества, не зная никаких иных занятий, он, как рассказывают, мастерил повозки, подставки для светильников, деревянные кресла и столы.

Старший Дионисий и вообще был до такой степени недоверчив и подозрителен, так тщательно остерегался злоумышленников, что даже ножу цирюльника не позволял коснуться своей головы – ему опаляли волосы тлеющим углем. Ни брат, ни сын не входили к нему в комнату в своем платье, но каждый должен был сперва переодеться в присутствии караульных, чтобы те удостоверились, не спрятано ли где оружие. Когда брат Дионисия, Лептин, описывая ему какую-то местность, взял у одного из телохранителей копье и древком стал чертить на земле, тиранн жестоко разгневался на брата, а воина, который дал копье, приказал умертвить. Он не раз объяснял, отчего опасается друзей: они, дескать, люди разумные, а потому предпочитают сами быть тираннами, нежели подчиняться власти тиранна. Некому Марсию, которого он сам же возвысил и назначил начальником в войске, привиделось во сне, будто он убивает Дионисия, и тиранн немедленно его казнил, рассудив, что это ночное видение вызвано дневными раздумьями и помыслами. Вот как труслив был человек, негодовавший, когда Платон не пожелал признать его самым мужественным на свете, и от трусости душа его была полна неисчислимых пороков.

10. Считая нрав его сына, как уже сказано, поврежденным и обезображенным невежеством, Дион убеждал молодого человека обратиться к наукам и настоятельнейшим образом просить первого из философов приехать в Сицилию, а затем отдать себя в его руки, чтобы образовать свой характер в согласии с учением о нравственном совершенстве и применительно к тому самому божественному и самому прекрасному образцу, следуя которому все сущее из неупорядоченного хаоса становится стройным мирозданием, и даровать величайшее счастье не только себе, но и своим согражданам: приказы, которые они теперь исполняют без всякой охоты, по необходимости, он превратит в разумные, справедливые и благожелательные отеческие указания и сам из тиранна сделается царем. Ибо алмазные цепи – не страх и насилие, не громадный флот и несметная свита варваров-телохранителей, как утверждал его отец, но любовь, доброжелательство и преданность, внушенные нравственным совершенством и справедливостью, и эти цепи, хоть они и мягче тех, тугих и постылых, охраняют власть крепче, надежнее. И наконец, помимо всего прочего, нет ни честолюбия, ни величия в правителе, который облекает свое тело в роскошные одежды, щеголяет пышным убранством своего жилища, но в обхождении и в речах нисколько не выше любого из подвластных и отнюдь не заботится о том, чтобы достойно, истинно по-царски украсить дворец своей души.

11. Дион до тех пор повторял эти увещания, примешивая к ним иные из мыслей самого Платона, пока Дионисия не охватило жгучее желание увидеть Платона и услышать его речи. И тут в Афины полетели письма Дионисия, сопровождавшиеся просьбами не только Диона, но и итальянских пифагорейцев, которые призывали философа приехать в Сиракузы, чтобы принять на себя заботу о молодой душе, не выдерживающей бремени громадной власти, и здравыми убеждениями оберечь ее от пагубных ошибок. И вот Платон, которому, как пишет

он сам¹⁷⁸⁹, становилось до крайности совестно при мысли, что его сочтут мастером лишь гладко говорить, но к любому делу совершенно безучастным, принял приглашение – в надежде, что, освободив от недуга одного, он исцелит всю тяжело больную Сицилию, ибо этот один – как бы голова целого острова.

Но противники Диона, страшась возможной перемены в Дионисии, убедили последнего вернуть из изгнания Филиста, человека и образованного, и отлично знакомого с нравами тираннии, – уговорили ради того, чтобы приобрести в нем средство для борьбы с Платоном и философией. Филист с самого начала выказал себя ревностнейшим приверженцем тираннического правления и долгое время командовал сторожевым отрядом, занимавшим сиракузскую крепость. Ходил слух, будто он состоял в близких отношениях с матерью Дионисия Старшего и тиранну это было известно. Но когда Лептин, приживший с чужою женой, которую он соблазнил и увел от мужа, двух дочерей, выдал одну из них за Филиста, не спросившись и не предупредив Дионисия, тиранн рассвирепел и жену Лептина заковал в кандалы и бросил в тюрьму, а Филиста изгнал из Сицилии. Филист поселился у каких-то своих гостеприимцев на берегу Адриатики и, по всей видимости, там, на досуге, составил основную часть своей «Истории». При жизни старшего из Дионисиев он так и не вернулся в отечество, но после его кончины ненависть к Диону, как сказано выше, возвратила Филиста, в котором остальные придворные видели сильного единомышленника и твердую опору тираннии.

12. И верно, сразу по возвращении он выступил как надежный защитник тираннии, а на Диона в это же время посыпались градом доносы, будто он вступил в сговор с Феодотом и Гераклидом, замышляя низвергнуть существующую власть. В самом деле, сколько можно судить, он надеялся с помощью и через посредство Платона отнять у тираннии ее деспотическую и ничем не ограниченную силу и сделать Дионисия умеренным и уважающим законы властителем, однако в случае, если бы тиранн оказал сопротивление и не смирился, Дион решил низложить его и вернуть Сиракузам демократическое устройство – не потому, чтобы он вообще одобрял демократию, но отдавая ей безусловное предпочтение перед тираннией, коль скоро здорового аристократического правления достигнуть не удастся.

13. При таком-то положении дел и приехал в Сицилию Платон и поначалу был встречен с небывалым почетом и дружелюбием. И пышно украшенная царская колесница ждала его на пристани, когда он сошел с корабля, и жертву богам принес тиранн в ознаменование великой удачи, выпавшей на долю его государства. Умеренность пиршеств, скромное убранство двора, мягкость самого Дионисия в любом из дел, какие он разбирал, внушали гражданам живейшую надежду на счастливые перемены. Всеми овладело горячее рвение к наукам и философии, дворец тиранна, как передают, был засыпан пылью¹⁷⁹⁰ из-за множества любителей геометрии. Немного дней спустя во дворце справляли старинное празднество. Когда глашатай, по заведенному обычаю, начал молитву о долговечности и неколебимости тираннии, Дионисий, который стоял с ним рядом, воскликнул: «Долго ли ты еще будешь нас проклинать?!» Это чрезвычайно огорчило Филиста и его друзей, которые поняли, что время и привычка сделают неодолимой силу Платона, если уже теперь, за такой короткий срок, он сумел произвести столь разительную перемену в мыслях молодого человека.

14. Теперь враги бранили Диона уже не порознь и не втихомолку, но все хором и совершенно открыто твердили, что Платоновыми речами он, не таясь, околдовывает и отравляет Дионисия, чтобы, заставив того добровольно отречься и отступить от власти, передать ее сыновьям Аристомаху, своим племянникам. Иные прикидывались возмущенными, вспоминая, как в былые годы афиняне приплыли в Сицилию с огромными

¹⁷⁸⁹ 7. ...пишет он сам... – Платон, «Письма», VII, 328с.

¹⁷⁹⁰ 8. ...засыпан пылью... – Геометрические чертежи делались на тонком песке.

морскими и сухопутными силами, но погибли, сгинули, так и не взяв Сиракузы, – а тут, дескать, через одного-единственного софиста сокрушают тираннию Дионисия, уговоривши его расстаться с десятью тысячами личной охраны, бросить четыреста триер, десять тысяч конницы и искать неизреченного блага в Академии, счастья – в занятиях геометрией, а то счастье, что заключается в наслаждениях, власти и богатстве, уступить Диону и Дионовым племянникам!

Следствием этих нападков были сперва подозрения, а потому нарастающая озлобленность и прямой разлад, и как раз тогда Дионисию тайно передали письмо Диона карфагенским властям, в котором он советовал, если они решат искать мира с Дионисием, не начинать переговоров без его, Диона, посредства, ибо с его помощью они безошибочно достигнут всех намеченных целей. Прочтя письмо Филисту и спросив его совета, тиранн, как рассказывает Тимей, обманул бдительность Диона ложным примирением. Объявив, что все прежние недоразумения забыты, он под каким-то незначашим предлогом увел Диона, совсем одного, на берег моря, к подножью холма, на котором стоит крепость, и здесь, показав письмо, обвинил его в преступном сговоре с карфагенянами. Дион стал было оправдываться, но тиранн отказался слушать и распорядился немедленно бросить его в лодку, перевезти через пролив и высадить в Италии.

15. Распоряжение это было исполнено, и все считали его свирепым и бесчеловечным, так что даже дом тиранна погрузился в скорбь – из-за женщин, – а город бурлил, ожидая, что падение Диона и всеобщее недоверие к тиранну вызовут беспорядки, которые быстро приведут к восстанию и государственному перевороту. Дионисий испугался и принялся успокаивать друзей и женщин, заверяя, будто не изгнал Диона, а просто отправил его за границу, чтобы в раздражении, вызванном его присутствием и самонадеянностью, не оказаться вынужденным обойтись с ним более круто. Родичам Диона он дал два корабля и разрешил доставить изгнаннику в Пелопоннес его вещи и рабов по их собственному выбору и усмотрению. Дион владел большим имуществом и мало чем уступал самому тиранну в пышности домашнего убранства, которое ему и перевезли целиком. К этому присоединились щедрые и многочисленные подарки, посланные супругою, сестрой и друзьями, так что богатство его сделалось известно в Греции и по благосостоянию изгнанника судили о могуществе тираннии.

16. Платона Дионисий сразу же переселил в крепость и, под предлогом гостеприимства и особого расположения, окружил его почетною стражей, чтобы философ не уехал вслед за Дионом и не выступил свидетелем учиненного над ним насилия. Время и постоянное общение приучило Дионисия терпеть беседы и речи Платона, как привыкает дикий зверь к прикосновению человеческой руки. Мало того, он проникся к своему учителю любовью тиранна и, требуя, чтобы и Платон любил одного лишь его и восхищался им больше всех на свете, был готов отдать философу всю свою власть – лишь бы только дружбе Диона он предпочел его дружбу. Для Платона, однако, эта бешеная страсть была настоящим бедствием, ибо Дионисий, подобно всем, без ума влюбленным, мучился ревностью и то ссорился с Платоном, то мирился с ним и умолял о прощении, горел желанием слушать его и изучать философию – и не был глух к уговорам тех, кто старался отвратить его от этих занятий, твердя, что они действуют на него пагубно. В это время началась какая-то война, и Дионисий отправил Платона домой, пообещав к весне возвратить Диона. Слова своего он не сдержал, но доходы с имений посылал Диону исправно и просил у Платона прощения и отсрочки до конца войны: как только будет заключен мир, он вернет Диона незамедлительно, а до тех пор пусть изгнанник хранит спокойствие, не замышляет никаких беспорядков и не чернит его в глазах греков.

17. Пытаясь исполнить просьбу Дионисия, Платон обратил Диона к занятиям философией и словно приковал его к Академии. В Афинах Дион жил у одного из своих знакомцев по имени Каллипп, а для отдыха и развлечений купил за городом усадьбу. Впоследствии, перед отплытием в Сицилию, он подарил это имение Спевсиппу, с которым среди афинских своих друзей сошелся особенно близко и коротко, ибо Платон рассчитывал,

что общество человека любезного, мастера удачно и вовремя пошутить, смягчит характер Диона. Именно этими качествами и обладал Спевсипп – недаром Тимон в «Силлах» называет его замечательным остроумцем. Когда Платон готовил к состязаниям хор мальчиков, Дион обучал хороводов и принял на себя все расходы, и Платон не препятствовал ему обнаруживать перед афинянами свою честную щедрость, потому что она скорее доставляла расположение народа Диону, нежели славу – ему самому.

Дион посещал и другие города, участвовал в торжественных празднествах и собраниях, сводил знакомства с лучшими и наиболее искусными в государственных делах людьми, и в поведении его не было и следа грубости, тираннических замашек или изнеженности, напротив, он блистал скромностью, воздержностью, мужеством и прекрасными познаниями в науках и философии. Везде поэтому он приобретал благосклонность и вызывал восхищение греков, и многие города оказывали ему почести и выносили особые постановления, прославляя его достоинства. Лакедемоняне даже сделали его полноправным гражданином Спарты, пренебрегши гневом Дионисия, хотя как раз в ту пору тиранн был их верным и преданным союзником в борьбе с фиванцами.

Рассказывают, что однажды Диона пригласил к себе мегарянин Птеодор. По-видимому, это был один из самых богатых и влиятельных людей в Мегарах. Видя, что у дверей его стоит целая толпа и что к хозяину, обремененному и перегруженному делами, не подступиться, Дион обернулся к друзьям, которые негодовали и громко возмущались, и сказал им: «Вправе ли мы порицать этого человека? Разве не то же самое творилось и у нас в доме, пока мы были в Сиракузах?»

18. С течением времени Дионисий начал завидовать любви греков к Диону и бояться ее, а потому прекратил посылать ему его доходы и передал имущество изгнанника своим управляющим. А чтобы как-то утишить дурную молву, которая пошла о нем среди философов из-за Платона, он собрал вокруг себя множество людей, пользовавшихся славой ученых. Стремясь всех превзойти и одолеть в искусстве спора, Дионисий был вынужден вспоминать то, что краем уха слышал от Платона, но повторял слова учителя без толку и невпопад. Им снова овладела тоска по Платону, и он корил себя за то, что не извлек всей возможной пользы из его пребывания в Сиракузах и часто пропускал беседы, которые были для него, Дионисия, столь важны и полезны. А так как это был тиранн, безудержный во всех своих желаниях и слепо следующий любому из своих порывов, он решил вернуть Платона во что бы то ни стало и, пробуя все средства подряд, уговорил пифагорейца Архита выступить за него поручителем и пригласить Платона в Сицилию. (Дело в том, что первое их знакомство состоялось через Архита.) Архит послал к Платону Архедама. Одновременно Дионисий отправил в Афины корабли и своих приближенных, которым наказано было умоливать и привезти Платона. Сам Дионисий написал философу ясно и определенно, что если он не согласится приехать в Сицилию, никакого снисхождения Диону не будет, если же согласится – изгнанник будет восстановлен во всех правах. К самому Диону пришли письма от сестры и супруги с настоятельными увещаниями убедить Платона, чтобы он уступил Дионисию и не давал ему повода к новым жестокостям. Таким-то вот образом, пишет Платон¹⁷⁹¹, он в третий раз оказался на берегу Сицилийского пролива, и

Снова обратной дорогой его на Харибду помчалю.

19. Его приезд исполнил великою радостью Дионисия и новыми надеждами всю Сицилию, которая молилась и прилагала все усилия к тому, чтобы Платон одержал верх над Филистом и философия над тираннией. Большую поддержку оказывали ему женщины¹⁷⁹²

¹⁷⁹¹ 9. ...пишет Платон... – «Письма», VII, 345е; здесь же цитата из Гомера, «Одиссея», XII, 428.

¹⁷⁹² 10. ...женщины... – Т.е. сестра Диона, Аристомах, и его супруга Арета.

во дворце тиранна, и сам Дионисий почтил Платона неслыханным доверием, каким не пользовался больше никто: философ входил к нему, не подвергаясь обыску. Дионисий неоднократно делал своему гостю богатые денежные подарки, но Платон не принимал ничего, и Аристипп из Кирены, который жил тогда в Сиракузах, заметил: «Право же, щедрость никогда не разорит Дионисия: нам, которые просят много, он дает мало, а Платону, который ничего не берет, – много».

После первых приветствий и любезностей Платон завел речь о Дионе, и сперва тиранн все откладывал этот разговор, а затем пошли споры и упреки, о которых, однако, никто не догадывался, ибо Дионисий старательно скрывал эти разногласия и всевозможными угождениями и почестями пытался заглушить любовь философа к Диону. Платон с самого начала разгадал его вероломство и лицемерие, но терпел, не выдавая себя ни словом, ни взглядом. В то время как оба настороженно и недоверчиво следили друг за другом в полной уверенности, что никто об этом не подозревает, Геликон Кизикский, один из друзей Платона, предсказал солнечное затмение¹⁷⁹³. Предсказание его сбылось, и тиранн, изумившись, подарил Геликону талант серебра. Тогда Аристипп шутливо объявил остальным философам, что и он, дескать, может предсказать кое-что неожиданное. Все стали упрашивать его открыть свое пророчество, и он возвестил: «Предрекаю вам, что в скором времени Платон и Дионисий станут врагами!» В конце концов, Дионисий пустил с торгов имущество Диона, а вырученные деньги оставил себе, Платона же, до тех пор жившего в саду подле дворца, поселил среди наемников, которые уже давно его ненавидели и хотели убить за то, что он убеждал Дионисия отказаться от тираннической власти и распустить телохранителей.

20. Об угрозе, которая нависла над Платоном, узнает Архит и, немедленно снарядив тридцативесельный корабль, отправляет к Дионисию посольство с требованием отпустить Платона к нему и напоминанием, что философ приплыл в Сиракузы лишь после того, как он, Архит, поручился за его безопасность. Пытаясь оправдаться и скрыть свою вражду, тиранн давал пир за пиром в честь отъезжающего и осыпал его всевозможными знаками внимания, но однажды не вытерпел и спросил: «Что же, Платон, ты, верно, много всяких ужасов нараскажешь о нас своим друзьям-философам?» – «Помилуй, навряд ли Академия способна ощутить такую нужду в темах для разговора, чтобы кто-нибудь стал вспоминать о тебе», – возразил Платон, улыбнувшись. Вот как, судя по сообщениям, писателей, проводил Платона Дионисий, но сам Платон рассказывает¹⁷⁹⁴ об этом несколько иначе.

21. Уже и эти события повергали Диона в ярость и негодование, а вскоре он проникся непримиримой враждою к Дионисию – когда узнал о судьбе своей жены. (О супруге Диона намеками говорит и Платон в письме Дионисию¹⁷⁹⁵). Дело происходило следующим образом. Отпуская Платона в Грецию в первый раз, Дионисий тайно поручил ему выспросить у Диона, не будет ли он возражать и препятствовать, если его жену выдадут за другого: ходила молва – истинная или пущенная врагами Диона, неизвестно, – будто брак этот был Диону не по сердцу и он не ладил с женою. Когда Платон приехал в Афины и переговорил с Дионом, он написал тиранну письмо, во всем остальном ясное и понятное, но об этом деле выразился так, чтобы никто, кроме Дионисия, понять не мог. Он беседовал, писал Платон, об известном Дионисию предмете, и совершенно очевидно, что Дион будет чрезвычайно раздражен, если Дионисий исполнит свой план. В ту пору еще было много надежд на примирение, и тиранн не внес в жизнь сестры никаких перемен, но оставил ее по-прежнему вдвоем с младенцем, которого она родила от Диона. Но теперь, откинув какую бы

¹⁷⁹³ 11. ...солнечное затмение. – 12 мая 361 г.

¹⁷⁹⁴ 12. ...сам Платон рассказывает... – «Письма», VII, 350a—c: Платон сам написал Архиту с просьбой выручить его.

¹⁷⁹⁵ 13. ...в письме к Дионисию. – «Письма», XIII (неподлинное), 362e, пересказ – ниже.

то ни было мысль о примирении и враждебно расставшись с Платоном, он отдает Арету, вопреки ее воле, одному из своих друзей, Тимократу, хотя мог бы вспомнить о милосердии, которое в подобном случае обнаружил Дионисий Старший, и поступить по примеру отца.

У старшего из Дионисиев, как рассказывают, тоже был шурин, который сделался его врагом; звали его Поликсен, и он был женат на сестре тиранна Теста. В страхе перед шурином Поликсен бежал из Сицилии. Дионисий велел привести к себе сестру и обвинил ее в том, что она знала о бегстве мужа, но не донесла ему, Дионисию. А Теста бесстрашно и решительно отвечала: «Слишком низко ты обо мне судишь Дионисий! Не такая уж я скверная и малодушная, чтобы, зная заранее о бегстве мужа, не взойти вместе с ним на корабль и не разделить его участь! Нет, я ничего не знала. Ибо несравненно лучше бы мне называться супругой изгнанника Поликсена, нежели сестрою тиранна Дионисия!» Говорят, что тиранн был восхищен смелой речью Тесты. Доблестью этой женщины восхищались и сиракузяне – настолько, что даже после крушения тираннии продолжали оказывать ей царские почести, а когда Теста умерла, за погребальным ложем шел весь город. Отступление, которое я здесь себе позволил, отнюдь бесполезно, а потому оправдано.

22. Теперь все помыслы Диона были устремлены к войне. Сам Платон, который чтит узы гостеприимства, связывавшие его с Дионисием, и, кроме того, был уже слишком стар, уклонился от участия в его планах, но Спевсипп и остальные друзья были заодно с Дионом и призывали его освободить Сицилию, простираящую к нему руки и с нетерпением его ожидающую. Когда Платон был в Сиракузах, Спевсипп, по-видимому, много вращался среди граждан, выведывая настроение умов. Сперва он опасался откровенных разговоров, подозревая, что они подстроены тиранном, но потом поверил искренности своих собеседников, ибо у всех на устах было одно – все звали и молили Диона вернуться, пусть даже без единого корабля, без пехоты и конницы, на утлой лодчонке, только бы самого себя и свое имя отдал он сицилийцам для борьбы с Дионисием! Спевсипп рассказывал об этом Диону, и тот, утвердившись в своем решении, но старательно скрывая его от посторонних, принялся тайно, через подставных лиц, набирать наемников. Ему помогали и многие из государственных людей и философов, как, например, Эвдем Кипрский, на смерть которого Аристотель написал «Разговор о душе»¹⁷⁹⁶, и Тимонид Левкадский. Свели с Дионом и фессалийца Мильта, прорицателя, участника бесед и занятий в Академии. Но из сиракузян, изгнанных Дионисием, которых было не меньше тысячи, к Диону примкнули лишь двадцать пять человек, все прочие малодушно отступились.

Исходною позицией избрали остров Закинф, куда и съехались воины. Число их не превышало восьмисот, но все это были люди, испытанные во многих и трудных походах, отлично закаленные, не знавшие себе равных в отваге и воинском опыте и способные воспламенить и вовлечь в дело великое множество единомышленников, которых Дион рассчитывал найти в Сицилии.

23. Узнав, что их ведут против Дионисия, наемники сперва испугались и дружно кляли Диона, крича, что лишь в исступлении и неистовстве гнева или же вконец отчаявшись мог он пуститься в такое безнадежное предприятие. Негодовали они и на своих начальников и вербовщиков, которые не сказали им заранее, с кем они будут воевать. Но когда Дион, обратившись к ним с речью, описал, как гнила и немощна тиранния, и заверил их, что везет в Сицилию не воинов, а скорее начальников для сиракузян и других сицилийцев, уже давно готовых взбунтоваться, когда после Диона перед ними выступил Алкимен, самый знаменитый и знатный из ахейцев, который также был участником похода, – они смирились и успокоились.

Была середина лета, на море дули этесии¹⁷⁹⁷, ночью светила полная луна. Приготовив

¹⁷⁹⁶ 14. «Разговор о душе», или Эвдем – это знаменитое сочинение молодого Аристотеля не сохранилось.

¹⁷⁹⁷ 15. Этесии – см.: Циц., примеч. 58.

щедрую жертву Аполлону, Дион и все его наемники в полном вооружении торжественным шествием двинулись в храм. После жертвоприношения он задал на закинфском ристалище пир, и воины, дивясь великолепию серебряных и золотых чаш и столов, великолепию, превосходившему всякое представление о богатстве частного лица, размышляли про себя, что человек уже в летах и владелец огромного состояния едва ли решился бы на такой опасный шаг, если бы не имел твердой надежды на успех и не полагался на друзей, которые на месте окажут ему самую действенную и сильную поддержку.

24. Когда были совершены возлияния и закончены предписанные обычаям молитвы, вдруг затмилась луна¹⁷⁹⁸. Диона, который был знаком с круговоротами затмений и понимал, что земля может заслонить свет солнца и тень тогда падает на луну, – Диона, повторяю, это нисколько не изумило, но воины были встревожены и пали духом. Тогда прорицатель Мильт, выйдя на средину, призвал их мужаться и уповать на все самое лучшее, ибо божество возвещает затмение чего-то ярко блистающего ныне. А что блистает ярче тирании Дионисия? Ее-то блеск они и угасят, едва ступивши на сицилийскую землю! Это Мильт объявил во всеуслышание, но в узком кругу предупреждал Диона и его друзей, что опасается, как бы дело их, благополучно достигнув цели, затем, после краткого процветания, не погасло. Страхи эти внушил прорицателю рой пчел, который видели над кормою Дионова корабля.

Говорят, что и Дионисию божество явило много удивительных знамений. Орел вырвал из рук телохранителя дротик, поднял его высоко в воздух, а потом бросил в пучину. В течение одного дня вода в море у подножия крепости была пресной и годной для питья, в этом убеждался каждый, кто ее ни пробовал. На скотном дворе у тиранна свинья принесла поросят, вполне обыкновенных с виду, но без ушей. Прорицатели объявили, что это предвещает неповиновение и мятеж – граждане не станут больше слушаться приказов тиранна. Пресная вода в море, толковали они далее, означает, что печальные и тягостные обстоятельства переменятся для сиракузян к лучшему. Орел – слуга Зевса, копье – символ власти и господства, а стало быть, величайший из богов желает исчезновения и гибели тирании. Об этом сообщает Феопомп.

25. Воины разместились на двух торговых кораблях, следом за которыми шло одно небольшое судно и два тридцативесельных. Помимо того оружия, какое имели при себе солдаты, Дион вез две тысячи щитов и много стрел и копий; погрузили на борт и обильный запас продовольствия, чтобы ни в чем не нуждаться во время пути, который предстояло проделать от начала до конца под парусами, вдали от суши¹⁷⁹⁹, ибо у берегов Япигии, как стало известно, их подстерегал целый флот во главе с Филистом. Двенадцать дней они плыли под легким и слабым ветром и на тринадцатый оказались в виду Пахина – южной оконечности Сицилии. Кормчий Прот советовал поспешить с высадкой. В противном случае, говорил он, если их унесет от земли или же они минуют мыс по собственной воле, придется провести в открытом море много дней и ночей, дожидаясь нечастого в летнюю пору южного ветра. Но Дион не решился высаживаться в такой близости от неприятеля и желая выбрать место подальше, прошел мимо Пахина. И почти сразу же задул резкий ветер с севера, развел высокую волну и погнал корабли прочь от Сицилии, а там и Арктур¹⁸⁰⁰ появился на небосклоне, и началась страшная буря с громом, с молнией, с проливным дождем. Моряки были в смятении и уже не могли понять куда плывут, как вдруг убедились, что валы мчат суда к Керкине, лежащей вблизи Африки, – к той именно части острова, где берег особенно

---

¹⁷⁹⁸ 16. ...затмилась луна. – Лунное затмение 9 августа 357 г.

¹⁷⁹⁹ 17. ...вдали от суши... – Был проделан путь не вдоль берегов, как привыкли греки (чтобы избежать встречи с Филистом у берегов Италии), а через Ионийское море прямо к Сиракузам.

¹⁸⁰⁰ 18. Арктур (в созвездии Волопаса) – звезда, восход которой приходится на первую половину сентября.

крут и обрывист. Еще немного – и их бы выбросило на камни и разбило о скалы, но, налегая из последних сил на багры, они все же пронесли мимо. Наконец, буря улеглась, и, встретившись с каким-то кораблем, они узнали, что находятся недалеко от так называемых Голов Большого Сирта¹⁸⁰¹. На море опустилась полная тишь, и войско охватили тревога и уныние, но внезапно с суши потянул ветерок. Они не ждали южного ветра и не хотели верить счастливой перемене, однако ветер крепчал, набирал силу, и, поставив все паруса, какие у них были, помолившись богам, они пустились напрямик от африканского берега к сицилийскому. Плавание было легким и быстрым, и на пятый день они бросили якоря подле Минои, небольшого городка в той половине Сицилии, что была под властью Карфагена.

По случайности там оказался в ту пору карфагенский военачальник Синал, гостеприимец и друг Диона. Ничего не зная ни о целях похода, ни о том, кто его возглавляет, он попытался воспрепятствовать высадке. С оружием в руках воины устремились вперед и, хотя никого не убили – таково было распоряжение Диона, дорожившего своею дружбой с карфагенянином, – на плечах бегущих ворвались в город и заняли его. Когда же начальники встретились и обменялись приветствиями, Дион возвратил Синалу город, которому не было причинено ни малейшего ущерба, а Синал оказал воинам радушный прием и постарался снабдить Диона всем, чего ему не доставало.

26. Больше всего бодрости придало солдатам Диона одно – чисто случайное обстоятельство: Дионисия в Сиракузах не было. Незадолго до того он отплыл с восьмьюдесятью кораблями в Италию. Вот почему, хотя Дион убеждал своих людей, измученных трудным путешествием, отдохнуть подольше, они не соглашались и, боясь упустить счастливый случай, требовали, чтобы он вел их на Сиракузы. Итак, сложив в Миное запасное оружие и лишний груз и взявши с Синала слово отправить все к нему, когда настанет срок, Дион двинулся к Сиракузам. В пути к нему присоединились сначала двести всадников из числа граждан Акраганта, обитавших близ Экнома, а затем жители Гелы.

Молва о случившемся быстро достигла Сиракуз, и Тимократ, за которого Дионисий выдал супругу Диона и который возглавлял оставшихся в городе друзей и сторонников тиранна, поспешно отправил к нему гонца с письмом, а сам зорко следил за любым движением среди сиракузян, ибо весь город уже готов был подняться и лишь из страха и неуверенности в успехе хранил спокойствие. Но с посланцем Тимократа приключилась удивительная история. Благополучно переправившись в Италию и миновав на пути в Кавлонию, к Дионисию, землю регийцев, он повстречался с каким-то своим приятелем, который нес тушу только что заколотого жертвенного животного. Сиракузянин взял у него кусок мяса и поспешил дальше. Он шел весь день и еще добрую часть ночи, пока усталость не заставила его хоть немного вздремнуть, и, свернув с дороги в лес, он лег, как был – не снимая платья и обуви. Но мясной дух приманил волка, зверь схватил мясо, привязанное к сумке, и убежал, вместе с добычею унося и сумку, и письмо которое в ней было. Когда же гонец проснулся и обнаружил пропажу и, сколько ни блуждал по лесу, сколько ни искал – ничего не нашел, он решил без письма на глаза тиранну не показываться, но лучше скрыться совсем. (27). Вот как вышло, что Дионисий узнал о войне в Сицилии слишком поздно и из вторых рук.

Дион между тем подвигался вперед. К нему примкнула Камарина, а затем стали стекаться во множестве и сиракузские граждане из деревень, восставшие против тиранна. Среди леонтинских и кампанских воинов, которые под начальством Тимократа охраняли Эпиполы, Диону удалось распространить ложный слух, будто в первую очередь он нападет на их города, и наемники, оставив Тимократа, бросились на помощь к своим. Когда эта весть дошла до Диона, разбившего лагерь подле города Акры, он, не дожидаясь утра, поднял воинов и вышел к реке Анапу всего в десяти стадиях от Сиракуз. На берегу он сделал привал и, помолившись восходящему Солнцу, стал приносить жертвы. Прорицатели объявили, что

---

¹⁸⁰¹ 19. *Головы Большого Сирта* – побережье нынешней Ливии.

боги сулят ему победу. Увидев на голове Диона венок, надетый по случаю жертвоприношения, все присутствовавшие, в едином порыве, тоже украсили себя венками. Число присоединившихся к нему в походе достигало теперь пяти тысяч. Вооружены они были скверно, чем ни попадя, но недостатку эту с лихвою восполняли пламенным воодушевлением, и когда колонна тронулась с места, все побежали следом, громко и радостно призывая друг друга сразиться за свободу.

28. Из тех сиракузян, что были внутри городских стен, самые известные и образованные вышли в белых одеждах навстречу, к воротам, а простой люд тем временем расправлялся с друзьями тиранна и хватал так называемых «осведомителей» – нечестивых, ненавистных богам людей, которые шныряли по городу, смешивались с толпой, все выспрашивали, вынюхивали, а потом доносили тиранну, каковы настроения и речи каждого из граждан. Они-то и понесли заслуженную кару первыми: кому бы в руки они ни попадались, их забивали насмерть. Тимократ не смог пробраться в крепость, под защиту сторожевого отряда, и, вскочив на коня, ускакал, повсюду на пути своего бегства сея страх и смятение, ибо нарочито преувеличивал численность и мощь врага, чтобы никто не подумал, будто он потерял город, испугавшись незначительной опасности. А тут уже и Дион показался в голове отряда. Он был в богатых, красивых доспехах, по одну руку от него шагала его брат Мегакл, по другую – афинянин Каллипп, оба в венках. За ними следом шла сотня наемников – телохранители Диона, остальных солдат, в строгом порядке, вели начальники, а сиракузяне любовались этим зрелищем, словно священным, поистине божественным шествием, и приветствовали как бы самое Свободу, возвращающуюся к ним после сорока восьми лет разлуки.

29. Дион вступил в город Теменитскими воротами и, когда звуки трубы восстановили порядок и тишину, приказал глашатаю объявить, что Дион и Мегакл явились низложить тираннию, а потому отныне сиракузяне и прочие сицилийцы от власти Дионисия свободны. Дион хотел и сам обратиться к согражданам и двинулся вверх по городу через Ахрадину, между тем как по обе стороны улицы, которою он шел, сиракузяне уже ставили столы, выносили из домов мясо жертвенных животных и чаши с вином и, едва завидев Диона, бросали ему под ноги цветы и листья и провожали молитвами, точно одного из богов. Прямо под крепостью и Пятивратием¹⁸⁰² были солнечные часы, установленные Дионисием – высокие, хорошо отовсюду заметные. Поднявшись на них, Дион произнес речь, в которой горячо убеждал народ не расставаться с обретенною вновь свободой. А народ, ликуя, избрал обоих братьев полководцами с неограниченными полномочиями и, по их просьбе и желанию, дал им в товарищи двадцать человек, из которых половину составляли изгнанники, вернувшиеся вместе с Дионом. Прорицатели усмотрели еще одно доброе предзнаменование в том, что Дион, говоря к народу, попирая ногами дар тиранна, плод его честолубивой расточительности. Но, с другой стороны, они опасались скорой перемены в счастливом течении дел – ведь в тот миг, когда Диона избрали полководцем, под ногами у него были часы.

Затем Дион занял Эпиполы, выпустил на волю граждан, которые были заперты в тюрьме, и возвел стену, отделившую крепость от города¹⁸⁰³.

Дионисий прибыл в крепость морем лишь шестью днями позже, и в тот же день к Диону пришли повозки с оружием, которое он оставил у Синала. Оружие это Дион разделил среди сиракузских граждан, а прочие вооружались, как могли, но каждый рвался в бой.

30. Первым делом, испытывая Диона, Дионисий отправил послов к нему лично. Но

¹⁸⁰² 20. *Пятивратие* – ворота с пятью проемами, закрывавшие, по-видимому, дорогу в сиракузскую крепость.

¹⁸⁰³ 21. *...возвел стену, отделившую крепость от города.* – Стена была возведена поперек дамбы, ведущей к крепости на острове, где еще держались сторонники Дионисия.

Дион предложил тиранну обратиться ко всем гражданам – ныне свободным! – и Дионисий, через своих посланцев, повел дружелюбные речи, обещая облегчить бремя налогов и военной службы и призывать граждан в войско лишь в тех случаях, когда они сами постановят участвовать в походе. Но сиракузяне смеялись послам в лицо, а Дион объявил им, что Дионисий должен сперва отречься от власти, а потом уже пусть ведет переговоры; он же, помня об их свойстве, позаботится не только о неприкосновенности тиранна, но и об иных справедливых условиях перемирия – в полную меру своих сил. Дионисий был удовлетворен таким ответом и отправил новое посольство с просьбою, чтобы в крепость к нему явились выборные от сиракузян, с которыми он мог бы договориться – к общей выгоде и на основе взаимных уступок. Народ отрядил нескольких человек, назначенных самим Дионом, и тут же из крепости в город поползли упорные слухи будто Дионисий слагает с себя звание и власть тиранна, причем делает это скорее по собственному убеждению, нежели покоряясь требованию Диона. Но то было лишь коварное притворство, своего рода военная хитрость, направленная против сиракузян, ибо присланных к нему граждан Дионисий посадил под стражу, а на рассвете напоил наемников несмешанным вином и бросил их на приступ стены, воздвигнутой сиракузянами.

Нападение оказалось совершенно внезапным, и когда варвары¹⁸⁰⁴, с бешеной отвагой, с оглушительным ревом проломив стену, ринулись на врагов, никто не посмел оказать им сопротивление, кроме солдат Диона, которые, едва заслышав шум, поспешили на выручку. Но и они не могли ничем помочь, сбитые с толку и оглушенные криками бегущих сиракузян, которые ошалело метались, прорывая и расстраивая их ряды, пока Дион, убедившись, что распоряжений его никто не слышит, и желая на собственном примере показать, как следует действовать, не врубился в гущу варваров первым. Вокруг него сразу же загорелась ожесточенная сеча – враги узнавали его с такою же легкостью, как и свои, и под грозный боевой клич рвались отовсюду разом. Дион был уже немолод и недостаточно крепок для боя, столь напряженного и упорного, однако ж стойко выдерживал натиск нападающих, но был ранен копьем в руку, да и панцирь, поврежденный бесчисленными копьями, пробивавшими щит насквозь, едва выдерживал удары дротиков и мечей. В конце концов, и щит и панцирь раскололись, и Дион упал, но воины вырвали его из рук врагов. Оставив вместо себя начальником Тимонида, он проехал верхом через город, по пути успокаивая бегущих, поднял наемников, карауливших Ахрадину, и повел этот полный отваги и свежих сил отряд против варваров – обессиленных и уже теряющих веру в успех своего дерзкого предприятия. Ведь они рассчитывали захватить весь город с первого же натиска, но, вопреки ожиданиям, столкнулись с отличными, неутомимыми бойцами. Итак, они дрогнули и начали отходить назад, а греки, видя, что неприятель поддался, ударили с удвоенной яростью и стремительно загнали его в крепость, потеряв семьдесят четыре человека убитыми, но и врагу нанеся существенный урон. После этой блестящей победы сиракузяне дали наемникам в награду сто мин, а наемники поднесли Диону золотой венок.

31. Вскоре из крепости спустились гонцы от Дионисия и доставили Диону письма от жены и сестры, и еще одно с надписью: «Отцу от Гиппарина». Так звали сына Диона. Правда, если верить Тимею, он носил имя Аретей, в честь своей матери, Ареты, но я полагаю, что в этом случае скорее следует положиться на Тимонида, друга и соратника Диона. Все письма, полные женских мольб, были оглашены пред сиракузянами, и лишь то, которое, по видимости, прислал Диону сын, граждане просили не вскрывать у всех на глазах, однако Дион, вопреки их настояниям, распечатал и это письмо. Оно было от Дионисия, который на словах обращался к Диону, а по существу к сиракузянам, ибо все его просьбы и оправдания были направлены лишь к тому, чтобы очернить Диона. Начиналось письмо с напоминаний, как много сам Дион сделал для тираннии в свое время и с каким усердием ей

---

¹⁸⁰⁴ 22. ...варвары... – Имеются в виду наемники сицилийских тираннов – преимущественно не греки, а итальянцы разных племен (напр., кампанцы, упоминаемые в гл. 27).

служил, далее следовали угрозы расправиться с теми, кто был ему дороже всего, – с его сестрою, сыном и супругой, и, наконец, после жалобных сетований, перемешанных со страшными заклятиями, шло предложение, которое, по мысли Дионисия, должно было подействовать на Диона всего сильнее, – предложение не уничтожать тиранию, но сделаться тиранном самому, не дарить свободы людям, которые питают к нему давнюю злобу и ненависть, но подчинить их своей власти и тем вызволить из беды друзей и родичей.

32. Казалось бы, что, слушая чтение этих писем, сиракузяне должны были восхищаться твердостью и величием духа Диона, который ради добра и справедливости отказывается внять голосу ближайшего родства, но вместо этого в них зашевелились подозрения и страхи, как бы он, смирившись пред крайнею необходимостью, не пощадил тиранна; они сразу же принялись высматривать себе иных руководителей, и в особенное возбуждение их привела весть, что возвратился Гераклид.

Этот Гераклид был изгнанник, человек искушенный в деле войны и прославившийся на посту полководца, который он занимал при обоих тираннах, но непостоянный, до крайности легкомысленный и в совместных действиях, сопряженных с властью и славой, ни малейшего доверия не заслуживавший. С Дионом он повздорил и разошелся в Пелопоннесе и решил выступить против тиранна сам, со своим собственным флотом. И вот, приплыв в Сиракузы на семи триерах и трех грузовых судах, он застаёт Дионисия в осаде, а граждан – в тревоге и волнениях и немедленно принимается искать расположения народа. Владея природным обаянием и даром увлекать толпу, жаждущую лести, он без труда переманивал на свою сторону сиракузян, которые терпеть не могли неуступчивости Диона, видя в ней угрюмство, губительное для государственных дел, и до такой степени обнаглели после победы, что, не до конца еще избавившись от рабства, уже сами требовали раболепных угождений.

33. Прежде всего, сойдясь по собственному почину в Собрание, они избрали Гераклида начальником флота. Но Дион выступил и с упреком заявил, что этим назначением сиракузяне уничтожают власть, которою прежде облекли его, Диона, ибо неограниченные полномочия его кончаются, коль скоро морские силы отданы под начало другого. И народ, хотя и против воли, отменил свое решение. После этого Дион позвал Гераклида к себе домой и выразил ему свое недовольство тем, что он затевает неподобающий и вредный спор из-за власти в такое время, когда город стоит на краю гибели. Снова открылось собрание, и Дион – на этот раз уже сам – назначил Гераклида начальником флота и убедил сограждан дать ему телохранителей, которых, кроме как у самого Диона, не было ни у кого. На словах Гераклид оказывал Диону полное уважение, рассыпался в благодарностях, повсюду следовал за ним с видом униженным и сокрушенным и неукоснительно исполнял его приказы, но втайне сбивал с пути и подстрекал к возмущению толпу и, в особенности, любителей перемен, и тем доставлял Диону невероятные, неразрешимые трудности. В самом деле, советуя заключить с Дионисием перемирие и выпустить его из крепости, Дион навлекал на себя обвинение, будто хочет спасти тиранна, а продолжая осаду – чтобы не раздражать народ, – он, по общему суждению, умышленно затягивал войну с целью подольше начальствовать и держать в страхе сограждан.

34. Жил в Сиракузах некий Сосид, известный всему городу мерзавец и наглец, полную и совершенную свободу полагавший лишь в крайней распушенности языка. Составив коварный умысел против Диона, он, прежде всего, выступил в Собрании и резко обрушился на сиракузян, которые (так он кричал) не понимают, что, избавившись от безмозглого и пьяного тиранна, они посадили себе на шею нового владыку – зоркого и трезвого. Итак, заявивши себя в тот день прямым и открытым врагом Диона, он ушел с площади, а назавтра промчался по улицам города совсем нагой, с окровавленной головою и лицом, словно спасаясь от погони. Выскочив на площадь, он завопил, что наемники Диона покушались на его жизнь, и показывал рану на голове. Вокруг него быстро собралась целая толпа негодующих и возмущавшихся Дионом, который ведет себя с тиранической свирепостью и под угрозою смерти лишает граждан права свободно выражать свои мысли. Тут же открылось Собрание, наредкость беспорядочное и шумное но все-таки Дион смог произнести

речь, в которой постарался очистить себя от обвинения и говорил, что брат Сосида – телохранитель у Дионисия и что это он надоумил клеветника посеять в городе мятеж, ибо никакой иной надежды на спасение, кроме взаимного недоверия и раздоров сиракузян, у тиранна не остается. Сосида немедленно осмотрели врачи и нашли, что рана не рубленая, а резаная, ибо удар мечом всегда оставляет глубокую вмятину посередине, а у Сосида рана поверхностная и нанесена не в один прием: вероятно, от боли он то опускал руку, то снова принимался резать. В это время подоспели несколько видных граждан и принесли в Собрание бритву. Нынче утром, рассказали они, им встретился на дороге Сосид, весь в крови, и крикнул, что спасается от наемников Диона, которые только что его ранили. Не теряя ни мгновения, они бросились догонять злодеев, но никого не поймали, зато в том месте, откуда приблизился к ним Сосид, заметили спрятанную в полем камне бритву.

35. Дело сразу же приняло дурной для Сосида оборот. Когда же к этим уликам присоединились показания рабов, сообщивших, что Сосид еще затемно вышел из дому один, захватив бритву, обвинители Диона отступились, а народ вынес Сосиду смертный приговор и примирился с Дионом.

К наемникам, однако, сиракузяне продолжали относиться с недоброжелательством, особенно возросшим после того, как на помощь Дионисию прибыл из Япигии Филист с многочисленным флотом и война в основном перешла с суши на море. Теперь граждане считали, что пехотинцы-наемники им больше не нужны, а потому должны беспрекословно подчиняться сиракузянам – морякам, чья сила в судах. Еще большим высокомерием наполнило их удачное морское сражение, в котором они разбили Филиста и затем поварварски жестоко расправились с побежденным. Правда, по словам Эфора, Филист, когда его корабль был захвачен неприятелем, покончил с собою, но Тимонид, с самого начала участвовавший в событиях вместе с Дионом, пишет, обращаясь к философу Спевсиппу, что триера Филиста выбросилась на берег и он попал в руки сиракузян живым. Враги сорвали с него панцирь, раздели донага и всячески измывались над стариком, а потом отсеки ему голову и отдали тело мальчишкам с наказом проволочить труп через Ахрадину и бросить в каменоломни. Если же верить Тимею, над убитым надругались еще гнуснее: мальчишки зацепили труп за хромую ногу и таскали его по всему городу под злорадные насмешки сиракузян, которые вспоминали, как этот самый человек поучал Дионисия, что не бежать ему нужно от тираннии и не коня запасать для бегства, но, напротив, держаться у власти до последнего, покуда его не потащат за ногу. Впрочем Филист говорил это Дионисию не от своего имени, а пересказывая чужие слова.

36. Преданность Филиста тираннии – бесспорно, справедливый повод для нападок, но Тимей не знает в брани ни границы, ни меры, а между тем, если прямым жертвам тогдашних беззаконий, быть может, еще и простительно вымещать свой гнев даже на бесчувственных останках, то писателям, повествующим о делах прошлого, не потерпевшим от умершего никакой обиды, мало того – использующим его сочинения, таким писателям забота о собственном добром имени воспрещает глумиться или потешаться над несчастиями, от которых, по воле случая, не защищен даже самый прекрасный и достойный человек. С другой стороны, не по разуму усердствует и Эфор, восхваляющий Филиста, который при всем своем мастерстве отыскивать благовидные извинения и звучные слова для несправедливых поступков и низких нравов, при всей своей изворотливости, и сам не в силах снять с себя упрек в беспримерном преклонении перед тираннией, в том, что он постоянно превыше всего ставил и ценил роскошь тираннов, их силу, богатство и семейные связи. Нет, самое правильное и надежное – и не хвалить дел Филиста, и не глумиться над его участью.

37. После гибели Филиста Дионисий прислал к Диону новое посольство, обещая сдать крепость со всеми запасами оружия, со всеми наемниками и пятимесячным жалованием для них, при условии, что ему предоставят право свободно уехать и жить в Италии, пользуясь доходами с Гиата – так называлась большая и плодородная область в сиракузских владениях, тянувшаяся от моря в глубь острова. Дион вести переговоры отказался и предложил Дионисию обратиться со своею просьбой к сиракузянам, а сиракузяне, надеясь взять врага

живым, прогнали послов, и тогда Дионисий, поручив начальство над крепостью старшему из своих сыновей, Аполлократу, дождался попутного ветра, посадил на корабли тех из своего окружения, кто был ему особенно дорог, погрузил самые ценные вещи и уплыл, обманув бдительность Гераклида. Сиракузяне громко и на все лады проклинали своего начальника флота, и, чтобы положить этому конец, Гераклид выпустил некоего Гиппона, одного из народных вожakov, который призвал народ устроить передел земли, ибо начало свободы – это равенство, а бедность для неимущих – начало рабства. Гераклид поддержал это предложение и, преодолевая упорное противодействие Диона, убедил сограждан его одобрить, а заодно – лишить наемников жалования и выбрать новых полководцев, чтобы раз и навсегда избавиться от Диона и его тяжелого нрава. Словно человек, который после долгого недуга сразу же пытается встать на ноги, сиракузяне, едва избавившись от тираннии, слишком скоро захотели действовать по примеру и подобию независимых народов и в начинаниях своих терпели неудачу за неудачей, а Диона, который, точно врач, пытался назначить городу строгие и воздержные правила поведения, – ненавидели.

38. Была середина лета, и в течение пятнадцати дней подряд неслыханной силы гром и другие зловещие знамения мешали сиракузянам назначить новых полководцев: они сходились в Собрание, но всякий раз, во власти суеверного страха, расходились ни с чем. Когда же, наконец, выдалась ясная и устойчивая погода и народные вожаки открыли голосование, случилось так, что какой-то вол, ходивший в упряжке и привычный к толпе, вдруг нивесть почему разозлился на погонщика, вырвал шею из ярма и опрометью помчался к театру. Народ тут же повскакал со своих мест и бросился врассыпную, а вол, в неистовой ярости, пробежал по улицам той именно части города, которая впоследствии была захвачена врагом. На сей раз, однако, сиракузяне пренебрегли недобрым предзнаменованием и выбрали двадцать пять полководцев, в числе которых был Гераклид. Тайно подсылая своих людей к наемникам, они звали их к себе на службу и уговаривали оставить Диона, а в награду сулили не только жалование, но и право гражданства. Но те даже не удостоили их ответа; храня верность начальнику, они построились, приняли Диона под охрану своих мечей и копий и двинулись прочь из города, никому не чиня вреда, но жестоко кляня каждого, кто ни попадался им на пути, за неблагодарность и подлое вероломство. Тем не менее граждане, которым внушило презрение и малое число наемников и то, что они не напали первыми, собрались толпой куда более многочисленной, чем отряд Диона, и сами кинулись вперед, рассчитывая без труда одолеть их еще в пределах города и уложить на месте всех до последнего.

39. Оказавшись пред роковою необходимостью либо вступить в сражение с согражданами, либо погибнуть вместе с наемниками-чужеземцами, Дион умолял сиракузян образумиться, простирая к ним руки и указывая на стены крепости, полной врагов, следивших за тем, что творилось внизу. Но толпа была глуха к убеждениям, ибо речи своекорыстных льстецов народа возмутили весь город, как буря до дна возмущает пучину, и Дион приказал своим дать толпе отпор, однако ж ударов не наносить. И стоило солдатам с боевым кличем и бряцанием оружия сделать рывок в сторону граждан, как ни один из них не остался на месте – все опрометью понеслись по улицам, хотя никто за ними не гнался: Дион немедленно повернул наемников и повел отряд к Леонтинам. Но сиракузские власти, которые сделались посмешищем даже для женщин, рвались загладить свой позор, а потому, вооружив граждан еще раз, поспешили вслед за Дионом, настигли его у переправы через какую-то реку и пустили вперед конницу с намерением завязать бой. Видя, однако, что он более не расположен с отеческой снисходительностью терпеть их наглость, но в гневе развертывает боевую линию, все обратились в бегство позорнее прежнего и, понеся незначительные потери убитыми, вернулись в город.

40. Леонтинцы приняли Диона с величайшим почетом, наемникам предложили жалование и права гражданства, а к сиракузянам отправили послов с требованием по справедливости рассчитаться с наемниками. Сиракузяне, в свою очередь, прислали посольство с обвинениями против Диона. Тогда в Леонтины собрались все союзники, и

состоялся совет, на котором виновниками обиды были признаны сиракузяне. Сиракузяне, однако, уже избаловавшиеся и полные гордыни, – еще бы, ведь народ теперь никому не подчинялся, напротив, сам держал в страхе и рабской покорности своих полководцев! – сиракузяне оставили без внимания приговор союзников.

41. Вскоре к Сиракузам пришли триеры от Дионисия, который послал осажденным деньги и хлеб. Командовал судами неаполитанец Нипсий. Состоялось сражение, и сиракузяне, одержав верх и захватив четыре корабля, принадлежавших тиранну, так дико бесчинствовали по случаю победы, а по случаю безначалия выражали свое ликование в таких чудовищных попойках, что совершенно забыли об осторожности и, видя себя уже владыками крепости, потеряли и самый город. Убедившись, что весь город обуян безумием, что народ с утра до поздней ночи пьянствует под пение флейт, а из полководцев кто сам от души наслаждается этим празднеством, кто просто боится напоминать пьяным о деле и обязанностях, Нипсий как нельзя лучше воспользовался счастливым случаем и напал на укрепления. Захватив стену и пробив брешь, он выпускает в город варваров с разрешением не щадить никого и действовать как придется. Сиракузяне быстро сообразили, какая стряслась беда, но навстречу врагу поднимались медленно и с огромным трудом – слишком велико было их замешательство, ибо то, что происходило, по праву можно было назвать гибелью города: мужчин убивали, сносили стены, истошно вопивших женщин и детей угоняли в крепость. Полководцы сиракузян не могли даже собрать и выстроить своих людей, – варвары повсюду перемешались с гражданами, – и в отчаянии отказались от борьбы.

42. В таком положении находился город, и опасность уже придвигалась к Ахрадине – и мысли всех устремлялись к тому человеку, кто был их последней и единственной надеждой, но стыд за собственную неблагодарность и безрассудство не давали никому выговорить его имя. И все же нужда одолела стыд: среди союзников и всадников раздались голоса, что надо вернуть Диона и позвать из Леонтин пелопоннесцев. И едва лишь прозвучало заветное имя, как сиракузяне разразились радостными криками и слезами, молили богов, чтобы Дион явился поскорее, мечтали увидеть его снова, вспоминали его неиссякаемое мужество в грозных обстоятельствах, которое не только его самого делало неустрашимым, но и им внушало бесстрашие и уверенность в своих силах перед лицом неприятеля. Незамедлительно отправляется посольство – Архонид и Телесид от союзников, а от всадников Гелланик и еще четверо. Они скакали во весь опор и прибыли в Леонтины уже под вечер. Соскочив с коней, они бросились прямо к Диону и, обливаясь слезами, стали рассказывать о беде, постигшей сиракузян. Между тем подходили и жители Леонтин, во множестве собирались вокруг Диона и пелопоннесцы, по стремительности, с которою примчались гонцы, и по их униженным мольбам догадывавшиеся, что события приняли совершенно неожиданный оборот. Не трата времени даром, Дион направился вместе с приехавшими в Собрание. Быстро сошелся народ, и Архонид с Геллаником, в кратких словах обрисовав леонтинцам размеры бедствия, обратились к наемникам с призывом не помнить зла и защитить сиракузян, которые уже понесли кару куда более суровую, нежели та, какую желали бы наложить на них сами обиженные.

43. Послы умолкли, и глубокая тишина объяла театр. Тогда поднялся Дион, но обильные слезы душили его и не давали говорить. Солдаты кричали ему, чтобы он не падал духом, и плакали вместе с ним. Наконец, несколько оправившись от волнения, Дион сказал: «Пелопоннесцы и союзники, я собрал вас сюда держать совет о ваших делах. О себе же в час, когда гибнут Сиракузы, мне думать не пристало: я должен их спасти, а в случае неудачи уйду, чтобы найти могилу в пламени и развалинах своего родного города. Если вы согласитесь еще и на сей раз помочь нам, самым безрассудным и несчастным из смертных, и это будет делом ваших рук, вы поднимете Сиракузы из праха! Ну, а если вы не простите сиракузянам прошлого и оставите без внимания их мольбу, пусть за всю вашу храбрость, за всю вашу былую преданность достойно воздадут вам боги. Не забывайте же Диона, который сперва не покинул вас, когда вы стали жертвою несправедливости, а потом – сограждан,

когда они попали в беду». Он еще не кончил свою речь, как наемники, с криком вскочивши с мест, уже требовали, чтобы он скорее вел их на выручку, а послы сиракузян обнимали его и целовали, и молили у богов щедрых милостей и для Диона, и для его солдат. Когда шум улегся, Дион велел разойтись и готовиться к походу, а после ужина явиться в полном вооружении сюда же, к театру: он решил выступать, не дожидаясь утра.

44. Между тем в Сиракузах полководцы Дионисия, причинив городу за день громадный ущерб и сами понеся некоторые – весьма, впрочем, незначительные – потери, к ночи отступили в крепость. Тут народные вожаки воспрянули духом и в надежде, что враги успокоятся на достигнутом, принялись уговаривать народ снова отказаться от помощи и услуг Диона и, если он подойдет со своими наемниками, не принимать их, не уступать чужакам первенства и главенства в доблести, но спасти город и свободу собственными силами. И снова к Диону отправляются послы – от полководцев с требованием повернуть назад, от всадников и видных граждан с просьбою поспешить. По этой причине он подвигался вперед то медленнее, то скорее.

Глубокой ночью, в то время как ненавистники Диона караулили ворота, чтобы преградить ему доступ в Сиракузы, Нипсий опять выслал из крепости наемников, которые были теперь и смелее, и многочисленнее и, в один миг сравнив с землею весь вал, бросились опустошать город. Теперь уже убивали не только мужчин, но и женщин и младенцев, и грабежей было немного, зато жесточайших разрушений – без числа. Отчаявшись в успехе и люто ненавидя сиракузян, сын Дионисия словно задумал похоронить издыхающую тиранию под руинами города. А чтобы упредить приближающегося с подмогою Диона, враги обратились к скорейшему средству предать все уничтожению и гибели – к огню; те здания, что стояли вблизи, они поджигали факелами и пламенем светильников, а вдаль пускали зажигательные стрелы. Сиракузяне в ужасе бежали, но на улицах беглецов настигал и беспощадно истреблял неприятель, а других, искавших спасения в домах, снова гнал наружу огонь, ибо многие строения уже пылали и рушились.

45. Главным образом это бедствие и открыло Диону ворота с единодушного одобрения граждан. Получив сперва известие, что неприятель заперся в крепости, Дион распорядился убавить шаг, но затем, уже днем, прискакали всадники и сообщили о новом захвате города, а затем появился даже кое-кто из противников Диона, и все в один голос просили поторопиться. Опасность становилась все более грозной, и Гераклид послал своего брата, а следом дядю, Феодота, умолять Диона о помощи и сказать, что неприятель уже нигде не встречает сопротивления, что Гераклид ранен, а город в самом скором времени будет разрушен и сожжен до тла.

Когда эти гонцы встретили Диона, он был еще в шестидесяти стадиях от городских ворот. Он рассказал наемникам о случившемся, призвал их напрячь все силы и повел свой отряд уже не шагом, но бегом, меж тем как все новые гонцы убеждали и увещевали его не медлить. Во главе солдат, выказавших изумительное усердие и проворство, он достигает ворот и врывается в так называемый Гекатомпед. Легковооруженных он выпускает на врага тут же, рассчитывая, что самый вид их вселит в сиракузян бодрость и надежду, тяжелую пехоту строит в боевой порядок, а граждан, стекающихся к нему отовсюду, разбивает на колонны и во главе каждой колонны ставит особого начальника, чтобы ударить со многих сторон разом и мгновенно повергнуть неприятеля в ужас.

46. Когда, закончив приготовления и помолившись богам, он двинулся через город навстречу противнику, среди сиракузян, видевших это, зазвучали громкие крики радости, смешивавшиеся с добрыми пожеланиями и ободряющими напутствиями; Диона они называли спасителем и богом, наемников – братьями и согражданами. И не было человека настолько себялюбивого, настолько дорожающего собственною жизнью, который бы в тот миг не тревожился об одном Дионе более, нежели обо всех остальных вместе, – Дионе, во главе войска шагавшем сквозь огонь, по улицам, залитым кровью и заваленным трупами. Немалую опасность представлял собою и вконец озверевший неприятель, который успел занять сильнейшую, почти неприступную позицию подле разрушенных укреплений, но еще опаснее

было пламя, – оно расстраивало ряды наемников и преграждало им путь. Повсюду кругом полыхал огонь, пожиривший дома. Идя по дымящимся развалинам, пробегая с опасностью для жизни под градом громадных обломков, в густых тучах дыма и пыли, солдаты еще старались не растягиваться и не размыкать строя. Когда же, наконец, они сошлись с врагом грудь на грудь, вступить в рукопашную, из-за тесноты и неровности позиции, смогли лишь немногие, но сиракузяне своими криками и воодушевлением придали пелопоннесцам столько отваги, что наемники Нипсия не выстояли. Большая часть их укрылась в крепости, под стенами которой происходил этот бой, а тех, что остались снаружи и рассеялись по городу, пелопоннесцы выловили и перебили. Однако ж насладиться победой на месте, отдаться радости и взаимным поздравлениям, каких заслуживал столь славный и замечательный успех, не позволили обстоятельства. Сиракузяне разошлись по домам, трудились не покладая рук всю ночь напролет и к утру погасили пожар.

47. На другой день ни единого из народных вожаков в городе уже не было – все бежали, сами осудив себя на изгнание, – и только Гераклид и Феодот явились к Диону с повинной и отдали себя на его милость, умоляя поступить с ними не так жестоко, как они ранее поступили с ним: Диону, человеку недостижимой нравственной высоты, следует и в гневе быть выше своих обидчиков, которые прежде хотели состязаться с ним в доблести, а ныне приходят к нему затем, чтобы признать свое поражение. Так молил Гераклид, а друзья советовали Диону не щадить этих злобных завистников, но выдать Гераклида солдатам и избавить государство от своекорыстных заискиваний перед народом – от этого бешеного недуга, ничуть не менее опасного, нежели тирания! Дион, однако, внушал им, что если все прочие полководцы обучаются главным образом одному – владеть оружием и вести войны, то он в Академии долгое время постигал искусство укрощать гнев, зависть и всяческое недоброжелательство. Искусство же это обнаруживает себя не в доброте к друзьям и людям порядочным, но в умении прощать обиды и в снисходительности к провинившимся перед тобой, а потому он хочет для каждого сделать ясным, что превосходит Гераклида не столько силою или умом, сколько кротостью и справедливостью. Истинное превосходство заключено единственно лишь в этих качествах, ибо славою военных подвигов неизменно приходится делиться – если не с людьми, то с Судьбой. Если Гераклид вероломен и порочен из зависти, это отнюдь не значит, что и Диону следует пятнать свою нравственную чистоту, уступая гневу и запальчивости. Верно, законом установлено, что мстить обидчику справедливее, чем наносить обиду первым, но по природе вещей и то и другое – следствие одной и той же слабости. А человеческая порочность, хотя и упорна, но не столь уже безнадежно неукротима, чтобы не превозмочь ее милостью и частными благодеяниями.

48. Рассуждая подобным образом, Дион простил Гераклида. Затем он занялся отстройкой разрушенного укрепления и распорядился, чтобы каждый из сиракузян вырубил кол и принес его к развалинам стены, а ночью наемники взялись за дело и, пока сиракузяне спали, отгородили крепость от города палисадом, так что на рассвете и неприятель, и ни о чем не подозревавшие граждане дивились быстроте, с какою была исполнена эта работа. Похоронив убитых сиракузян и выкупив пленных, которых было не меньше двух тысяч, Дион созвал Собрание. Выступил Гераклид и предложил назначить Диона полководцем с неограниченными полномочиями на суше и на море. Лучшие граждане благосклонно выслушали его слова и требовали открыть голосование, но моряки и ремесленники громко зароптали, недовольные тем, что Гераклид теряет начальство над флотом: не слишком высоко ценя все прочие его качества, они знали, что он, во всяком случае, ближе к народу, чем Дион, и с большою охотой подчиняется желаниям толпы. Дион, однако, уступил им и передал власть над морскими силами Гераклиду, но разочаровал и озлобил народ, воспротивившись его плану поделить заново поля и дома и отменив все прежние постановления, касавшиеся передела. Гераклид немедленно воспользовался этим предложением и, стоя с флотом в Мессене, начал подстрекать воинов и моряков к возмущению, восстанавливая их против Диона, – который, якобы, ищет тирании, – а сам через спартанца Фарака вступил в тайный сговор с Дионисием. Виднейшие из граждан провели об его

кознях, дело дошло до прямого восстания в лагере, которое, в свою очередь, привело к нужде и нехватке хлеба в Сиракузах, и Дион был в крайнем затруднении, а друзья резко упрекали его за то, что, себе на горе, он возвысил и усилил такого неисправимого и злобного негодяя, как Гераклид.

49. Вскоре Дион с сиракузянами выступил в поход против Фарака, который стоял лагерем близ Неаполя в акрагантских владениях. Сначала Дион хотел дать сражение несколько позже, но Гераклид и его моряки кричали, что командующий не желает закончить войну решительной битвой, но намерен тянуть ее вечно – лишь бы не выпускать из рук власти, и он оказался вынужден сойтись с врагом и потерпел неудачу. Поражение было не слишком тяжелым да и вызвано не столько силою неприятеля, сколько раздорами между своими, и Дион готовился к новой битве и старался восстановить в войске порядок, ободряя солдат. Однако в начале ночи ему донесли, что Гераклид с флотом снялся с якоря и плывет к Сиракузам, намереваясь захватить город и запереть ворота перед Дионом и пешим войском. Дион немедленно выбрал самых крепких и преданных из числа своих людей, скакал всю ночь напролет и около третьего часа дня был у стен Сиракуз, покрыв за эту ночь семьсот стадиев. Гераклид, как ни торопился, прибыл слишком поздно, а потому повернул назад и скитался по морю без всякой цели, когда ему встретилось судно спартамца Гесила. Гесил сказал, что плывет из Лакедемона принять начальство над сицилийцами, как некогда Гиалипп. Сразу усмотрев в этом человеке своего рода противоядие для борьбы с Дионом, Гераклид с радостью за него ухватился и представил союзникам, а затем отправил в Сиракузы гонца с советом выбрать в начальники этого спартамца. Дион отвечал, что начальников у сиракузян достаточно, а коль скоро обстоятельства вообще требуют участия в деле спартамца, так он и сам получил в Лакедемоне право гражданства. Тогда Гесил отказался от надежды на власть и, приплыв к Диону, примирил его с Гераклидом, который под величайшими клятвами присягнул в нерушимой верности, а Гесил обязался собственной рукой отомстить за Диона и покарать Гераклида, если тот снова начнет плести свои козни.

50. После этого сиракузяне распустили морские силы, которые теперь не приносили никакой пользы, но лишь требовали громадных расходов и служили постоянным источником разногласий между начальниками. Напротив, осада крепости продолжалась. Строительство укреплений было завершено, и, так как помощи осажденным никто не оказывал, а запасы хлеба у них вышли и наемники готовы были взбунтоваться, сын Дионисия, отчаявшись в успехе, заключил с Дионом перемирие и сдал ему крепость со всем оружием и прочим снаряжением, а сам, забравши мать и сестер, на пяти груженных триерах отплыл к отцу. Дион позаботился о том, чтобы никаких препятствий отъезжающим не чинилось, но не было в Сиракузах человека, который бы не вышел полюбоваться этим зрелищем, и все громко выкликали имена отсутствующих, скорбя о тех, кто не дожил до этого дня и не видит солнца, восходящего над свободными Сиракузами. Если и по сию пору бегство Дионисия считается самым знаменитым и самым убедительным примером непрочности человеческого счастья, то какою же безграничной была тогда радость и гордость людей, которые, начав борьбу с самыми ничтожными средствами, низвергли тиранию, самую могущественную из всех, когда-либо существовавших!

51. Когда триеры Аполлократа отошли от берега, Дион отправился в крепость. Женщины во дворце не снесли ожидания, но выбежали к крепостным воротам. Аристомаха вела сына Диона, а Арета следовала за нею в слезах и смущении, не зная, как встретить и приветствовать мужа, после того как она была в браке с другим. Дион обнял сперва сестру, потом ребенка, а потом Аристомаха подвела к нему Арету и сказала: «Мы все были несчастны, Дион, пока ты находился в изгнании. Твое возвращение и победа избавляет от скорби и печали всех – кроме нее. Мне, горемычной, довелось увидеть, как твою жену, при живом супруге, силою заставили выйти за другого. Теперь, когда судьба сделала тебя нашим господином и владыкою, как расценишь ты насилие, которое над нею учинили? Приветствовать ли ей тебя как дядю или же как супруга?» После этих слов Аристомахи Дион залился слезами и нежно привлек к себе жену. Передав Арете сына, он велел ей идти в свой

дом, где остался жить и сам, всю крепость целиком предоставив в распоряжение сиракузян.

52. Итак, начатое Дионом дело благополучно завершилось, но он не пожелал вкушать плодов своей удачи, пока не отблагодарил друзей и не одарил союзников, а в особенности, пока не почтил заслуженными наградами и почестями своих ближайших друзей в Афинах и пелопоннесских наемников – с великодушием и широтою, превосходившими его возможности. Сам он жил просто и воздержно, вполне довольствуясь тем, что имел, и вызывая всеобщее изумление: меж тем как не только Сицилия, не только Карфаген, но и вся Греция почтительно взирали на его счастье, меж тем как современники Диона не знали ничего более прекрасного, нежели его подвиги, и не могли назвать полководца отважнее или удачливее, он обнаруживал такую скромность в одежде, столе и прислуге, словно разделял трапезы с Платоном в Академии, а не вращался среди наемных солдат и их начальников, которые находят отдых от трудов и опасностей в каждодневных пирах и наслаждениях. Платон писал ему¹⁸⁰⁵, что ныне взгляды всех людей устремлены на него, но сам Дион, по-видимому, глядел, не отрываясь, на один уголок одного города – на Академию, зная, что тамошние зрители и судьи не дивятся ни подвигам, ни отваге, ни победам, но следят лишь за тем, насколько разумно и достойно распоряжается он своим счастьем и не нарушает ли границ справедливости, взойдя на вершину славы и власти. Однако ж он и не думал смягчить или ослабить суровую надменность в обхождении и строгость к народу, хотя и обстоятельства требовали от него милосердия, и Платон, как мы уже упоминали¹⁸⁰⁶, порицал его в письме, говоря, что самонадеянность – подруга одиночества. Но, мне кажется, Дион и по натуре был чужд искусству мягкого убеждения, и, кроме того, горел желанием обуздать безмерную распущенность и испорченность сиракузян.

53. В самом деле, Гераклид опять принялся за старое. Во-первых, он не пожелал ходить в Совет: он-де никаких должностей не занимает и потому намерен участвовать и выступать только в Народном собрании, наравне со всеми гражданами. Во всеуслышание порицал он Диона за то, что тот не срыл крепость, запретил народу разрушить гробницу Дионисия Старшего и выбросить вон останки тиранна и, наконец, – из пренебрежения к согражданам – призвал советников и помощников из Коринфа. И верно, Дион пригласил коринфян, надеясь, что с ними легче введет новое государственное устройство, которое задумывал установить. А задумывал он, ограничив полную демократию (ибо вместе с Платоном¹⁸⁰⁷ считал ее не правлением, но крикливым торжищем всех видов правления), ввести нечто вроде лаконского или критского строя, то есть смешать власть народа с царскою властью, так чтобы вопросы первостепенной важности рассматривались и решались лучшими гражданами; при этом он замечал, что весьма близки к олигархическому устройству и коринфяне, у которых лишь немногие из государственных дел поступают в Народное собрание. Предвидя, что Гераклид будет самым упорным противником его планов, и вообще хорошо зная переменчивый, буйный и мятежный нрав этого человека, Дион дал, наконец, волю тем, кто давно хотел убить Гераклида и кого он прежде удерживал от этого шага. Они ворвались к Гераклиду в дом и умертвили его. Эта смерть повергла сиракузян в глубокую скорбь. Но так как Дион устроил убитому пышные похороны и вместе с войском участвовал в погребальном шествии, а затем обратился к народу с речью, сиракузяне успокоились, согласившись, что невозможно было положить предел смутам, пока Гераклид и Дион оставались на государственном поприще вместе.

---

¹⁸⁰⁵ 23. Платон писал ему... – «Письма», IV, 320d.

¹⁸⁰⁶ 24. ...как мы уже упоминали... – В гл. 8.

¹⁸⁰⁷ 25. ...вместе с Платоном... – «Государство», VIII, 557d.

54. Среди друзей Диона был афинянин Каллипп, с которым, как говорит Платон¹⁸⁰⁸, его свели и сблизили не совместные занятия философией, но посвящения в таинства и повседневное общение. Он принял участие в походе, и Дион ценил его так высоко, что Каллипп первым из друзей вступил вместе с ним в Сиракузы, с венком на голове. Постоянно отличался он и в боях. Но после того, как лучших друзей Диона похитила война, а Гераклид умер насильственной смертью, Каллипп, видя, что народ в Сиракузах лишен вожака и что среди наемников никто не пользуется большим влиянием, нежели он, обернулся внезапно гнуснейшим из смертных и начал восстанавливать против Диона часть солдат, в твердой уверенности, что наградой за убийство друга ему будет вся Сицилия, а судя по некоторым сообщениям – еще и потому, что получил от врагов Диона двадцать талантов в уплату за злодеяние. Он приступил к делу самым подлым и коварным образом, постоянно пересказывая Диону разговоры солдат, либо действительно подслушанные, либо даже вымышленные им самим, и благодаря доверию, которое питал к нему Дион, забрал такую власть, что мог встречаться наедине и вести откровенные беседы с кем заблагорассудится: таково было распоряжение самого Диона, желавшего, чтобы ни один из тайных врагов не укрылся от его взора. Так Каллиппу в короткое время удалось выискать и сплотить всех недовольных и просто негодяев, а если кто отвергал его испытующие речи и доносил о них Диону, последний и не гневался, и даже не тревожился, полагая, что Каллипп только выполняет его приказ.

55. Когда заговор созрел, Диону явился громадный и жуткий призрак. День уже клонился к вечеру, и Дион, погруженный в свои думы, сидел один во внутреннем дворе дома. Вдруг в противоположном конце галереи раздался шум, Дион повернул голову и в последних лучах заката увидел высокую женщину, платьем и лицом ничем не отличавшуюся от Эриннии на сцене. Она мела метлою пол. Дион оцепенел от ужаса. Он послал за друзьями, рассказал им о видении и умолял не уходить и провести ночь вместе с ним, смертельно боясь, как бы знамение не повторилось, если он останется в одиночестве. Однако призрак больше не показывался. А спустя несколько дней сын Диона, едва вышедший из детского возраста, огорченный и разгневанный какою-то пустячной шуткой, бросился вниз головой с крыши¹⁸⁰⁹ и разбился насмерть.

56. Меж тем как Дион был в таком горе, Каллипп двинулся к цели еще решительнее и распустил среди сиракузян слух, будто Дион, оставшись бездетным, решил вернуть и сделать своим преемником сына Дионисия, Аполлократа, который супруге его приходится племянником, а сестре – внуком. Теперь уже и сам Дион, и обе женщины догадывались о том, что происходит вокруг, да и доносы сыпались градом. Но Дион, по-видимому, сожалел об убийстве Гераклида, которое ложилось пятном на всю его жизнь и деяния, и постоянно храня угрюмую озабоченность, говорил, что готов тысячу раз умереть и подставить горло под любой нож, коль скоро приходится жить, хоронясь не только от врагов, но и от друзей. Зато женщины старательно искали и распутывали нити заговора, и Каллипп, испугавшись, явился к ним сам, отрицал свою вину и со слезами на глазах вызывался дать любое ручательство, какого бы они ни пожелали. Они требовали, чтобы он принес торжественную клятву. Обряд ее совершается в храме Законодательниц¹⁸¹⁰: после особых священнодействий надо облечься в багряницу богини, взять в руку горящий факел и так произнести слова клятвы. Каллипп исполнил весь обряд от начала до конца и поклялся, как надлежало, чтобы позже кощунственно насмеяться над богинями. В самом деле, он дождался

¹⁸⁰⁸ 26. ....говорит Платон... – «Письма», VII, 333e.

¹⁸⁰⁹ 27. ...бросился... с крыши... – «Этот подросток Гиппарин вырос в изнеженном доме Дионисия; теперь суровое отцовское воспитание повергло его в отчаяние и довело до самоубийства» (комм. К. Циглера).

¹⁸¹⁰ 28. Законодательницы (Фесмофоры) – Деметра и Персефона-Кора, покровительницы Сицилии.

праздника Коры, которую клялся, и как раз тогда совершил убийство, презрев высокое достоинство ее дня. Впрочем в какое бы время ни убил он миста¹⁸¹¹ богини, которого сам же посвятил в ее таинства, это было бы чудовищным нечестием.

57. Заговорщики (число их успело значительно возрасти) окружили дом, встали у окон и дверей, и сами убийцы – несколько солдат с Закинфа – без мечей, в одних хитонах, ворвались в комнату с застольными ложами, где находился Дион и его друзья. В тот же миг их сообщники плотно заперли двери снаружи, а закинфяне бросились на Диона и попытались прикончить его голыми руками, но безуспешно. Тогда они стали кричать, чтобы им подали меч, однако никто наружу не решался отворить дверь, потому что в доме с Дионом было много людей. Ни один из них, впрочем, не захотел прийти ему на помощь, в надежде, что, предоставив друга его участи, спасет собственную жизнь. После недолгой заминки сиракузянин Ликон протянул кому-то из закинфян кинжал через окно, и этим кинжалом они, словно жертву у алтаря, зарезали Диона, который уже давно перестал бороться и с трепетом ждал смерти.

Сразу же вслед за тем сестру и беременную жену убитого бросили в тюрьму. Там эта несчастная и родила, разрешившись от бремени мальчиком, которому женщины отважились сохранить жизнь и выкормили его, заручившись согласием стражи, что оказалось нетрудным, ибо Каллипп был уже накануне своего падения.

58. Вначале после убийства он приобрел огромное влияние в Сиракузах и крепко держал власть. Он даже обратился с письмом в Афины, хотя после такого гнусного злодеяния именно этот город – наравне с самими богами – должен был бы внушать ему и страх, и стыд. Но, видно, недаром ходит поговорка, что доблестные люди, которых производят на свет Афины, не знают себе равных в доблести, а порочные – в пороке, так же точно как земля Аттики приносит и лучший в Греции мед и сильнейший из ядов – цикуту. Недолго, впрочем, оставался Каллипп укором судьбе и богам, которые, дескать, попускают нечестивцу пользоваться властью и могуществом, приобретенными столь гнусно. Заслуженная кара постигла его незамедлительно. Выступив в поход на Катану, он потерял Сиракузы. Тогда-то он и сказал, что отдал город, а взамен получил скребок для сыра¹⁸¹². Потом он напал на мессенцев, но лишился почти всех своих солдат – в числе погибших были и убийцы Диона, – и так как ни один из сицилийских городов его не принимал, но все с ненавистью гнали прочь, он из последних сил захватил Регий. Там он бедствовал сам и заставлял бедствовать наемников, и, в конце концов, был убит Лептином и Полисперхонтом, и по случайности – тем же самым кинжалом, которым, как говорят, перерезали горло Диону. Его узнали по длине (он был короткий, спартанского образца) и по искусной, богатой отделке. Вот такое возмездие понес Каллипп.

Аристомеху и Арету, когда их выпустили из тюрьмы, взял к себе в дом сиракузянин Гикет, один из друзей Диона, и поначалу обходился с ними прекрасно, с искренним расположением и сочувствием. Но затем, склонившись на уговоры врагов Диона, он снарядил для обеих женщин судно и сказал, что отправляет их в Пелопоннес, а морякам велел обеих в пути умертвить и бросить тела в море. Некоторые даже сообщают, что они были утоплены живыми, и вместе с ними ребенок. Однако ж и Гикет справедливою ценою заплатил за свое злодеяние: его самого захватил в плен и казнил Тимолеонт, а двух его дочерей, мстя за Диона, убили сиракузяне, о чем подробно рассказано в жизнеописании Тимолеонта¹⁸¹³.

¹⁸¹¹ 29. *Мист* – посвященный, участвующий в мистериях.

¹⁸¹² 30. ...скребок для сыра. – Вероятно, обыгрывание какой-то народной этимологии названия Катана.

¹⁸¹³ 31. ...в жизнеописании Тимолеонта. – Тим., 32—33.

Брут

1. Предком Марка Брута был Юний Брут, чье бронзовое изображение с мечом в руке древние римляне поставили на Капитолии среди статуй царей, ибо ему главным образом обязан Рим падением Тарквиниев. Древний Брут и от природы нравом обладал твердым, как закаленный меч, и нимало не смягчил его изучением наук, так что ярость против тираннов довела его до убийства родных сыновей¹⁸¹⁴, тогда как тот Брут, о котором идет речь в нашей книге, усовершенствовал свой нрав тщательным воспитанием и философскими занятиями и с природными своими качествами – степенностью и сдержанностью – сумел сочетать благоприобретенное стремление к практической деятельности, приготовив наилучшую почву для восприятия всего истинно прекрасного. Вот почему даже враги, ненавидевшие его за убийство Цезаря, всё, что было в заговоре возвышенного и благородного, относили на счет Брута, а всё подлое и низкое приписывали Кассию, родичу и другу Брута, но человеку не столь прямому и чистому духом. Мать Брута, Сервилия, возводила свое происхождение к Сервилию Ахале; когда Спурий Мелий, замышляя установить тиранию, начал возмущать народ¹⁸¹⁵, Сервилий спрятал под мышкой кинжал, вышел на форум и стал рядом с Мелием, точно желая что-то сказать, а когда тот наклонился к нему, нанес удар и уложил злоумышленника на месте. Эта сторона его родословной ни у кого сомнений не вызывает, что же касается отцовского рода, недоброжелатели Брута, гневавшиеся на него за убийство Цезаря, утверждают, будто, кроме имени, он ничего общего с Брутом, изгнавшим Тарквиниев, не имеет, ибо, умертвив сыновей, тот Брут остался бездетным, и что дом убийцы Цезаря был плебейским, и к высшим должностям поднялся совсем недавно. Однако философ Посидоний говорит, что казнены были, – как у нас об этом и рассказывается, – лишь двое взрослых сыновей Брута, но оставался еще третий, совсем маленький, от которого и пошел весь род. По словам Посидония, в его время было несколько видных людей из этого дома, обнаруживавших явное сходство с тем изображением, которое стояло на Капитолии. Но достаточно об этом.

2. Братом Сервилии был философ Катон, и никому из римлян не подражал Брут с таким рвением, как этому человеку, который приходился ему дядей, а впоследствии сделался и тестем. Среди греческих философов не было, вообще говоря, ни одного, совершенно Бруту незнакомого, или же чуждого, но особенную приверженность он испытывал к последователям Платона. Не слишком увлекаясь учениями так называемой Новой и Средней Академии, он был поклонником Академии Древней и неизменно восхищался Антиохом из Аскалона, однако же другом себе избрал его брата Ариста, в искусстве рассуждений стоявшего позади многих философов, но никому не уступавшего воздержностью и кротостью нрава. И сам Брут в письмах, и его друзья часто упоминают еще одного близкого приятеля – Эпила. Это был оратор, оставивший небольшое по размерам, но отличное сочинение об убийстве Цезаря; называется оно «Брут».

Прекрасно владея родным своим языком, Брут был мастером не только судебной, но и торжественной речи, по-гречески же всегда стремился изъясняться с лаконскою краткостью и сжатостью, что заметно кое-где в его письмах¹⁸¹⁶. Так, когда военные действия уже начались, он писал пергамцам: «Дошло до меня, что вы дали деньги Долабелле. Если дали по доброй воле, это очевидное преступление, а если вопреки своему желанию – докажите это,

¹⁸¹⁴ 1. ...до убийства родных сыновей ... – см. Попл., 3—6.

¹⁸¹⁵ 2. ...начал возмущать народ ... – в 439 г. Спурий Мелий раздавал во время голода хлеб неимущим, что заставило подозревать его в искании популярности и стремлении к тирании.

¹⁸¹⁶ 3. ...в его письмах . – Письма Брута из Малой Азии во время борьбы за малоазиатские города (Ксанф, Патары и др.) в 43—42 гг., упомянуты и ниже, гл. 30 сл.

давши добровольно мне». А вот его послание самосцам: «Советы ваши небрежны, помощь ленива. К чему же вы клоните?» О патарцах... [Текст в оригинале испорчен .]: «Ксанфии пренебрегли моею благосклонностью и превратили свой город в могилу собственного безрассудства. Патарцы доверились мне и ни в малейшей мере не поступились своей свободой. Ныне и вам представляется выбрать либо решение патарцев, либо судьбу ксанфиев». Таков характерный слог его писем.

3. Еще совсем молодым Брут ездил на Кипр вместе со своим дядей, Катон¹⁸¹⁷, отправленным против Птолемея. Птолемей покончил с собой, и Катон, которого неотложные дела задерживали на Родосе, послал вперед одного из друзей, Канидия, охранять царскую казну, но затем, испугавшись, как бы и сам Канидий чего не украл, написал Бруту в Памфилию, где тот отдыхал, поправляясь после какой-то болезни, чтобы он как можно скорее плыл на Кипр. Брут повиновался, хотя и с крайнею неохотой: ему было неловко перед Канидием, которому Катон выказывал оскорбительное недоверие, и вообще, неопытный юноша, до тех пор всецело погруженный в науки, считал это поручение низким и недостойным. Тем не менее он исполнил все с таким усердием, что Катон горячо его хвалил и, когда царское имущество было распродано, отправил племянника в Рим с большою частью вырученных денег.

4. Когда Помпей и Цезарь взялись за оружие и государство разделилось на два враждебных стана, а власть заколебалась, никто не сомневался, что Брут примет сторону Цезаря, ибо отец его был убит Помпеем¹⁸¹⁸. Но ставя общее благо выше собственной приязни и неприязни и считая дело Цезаря менее справедливым, он присоединился к Помпею. Прежде он не здоровался и не заговаривал с Помпеем при встречах, считая великим нечестьем сказать хотя бы слово с убийцею своего отца, но теперь, признавши в нем вождя и главу отечества, подчинился его приказу и поплыл в Киликию легатом при Сестии, получившем в управление эту провинцию. Но там все было спокойно и тихо, а Помпей и Цезарь между тем уже сошлись, готовясь к решающему сражению, и Брут по собственному почину уехал в Македонию, чтобы разделить со своими единомышленниками все опасности. Помпей, как рассказывают, был настолько изумлен и обрадован его появлением, что поднялся с места и на глазах у присутствующих обнял Брута, словно одного из первых людей в своем лагере. В продолжение этого похода Брут все свободное время, когда он не был с Помпеем, посвящал наукам и книгам – и не только в остальные дни, но даже накануне великой битвы. Была середина лета, и нестерпимый зной палил воинов, разбивших лагерь в болотистой местности. Рабы, которые несли палатку Брута, где-то замешкались; вконец измученный, он лишь в полдень мог натереться маслом и утолить голод, но затем, пока остальные либо спали, либо с тревогою размышляли о будущем, вплоть до темноты писал, составляя извлечение из Полибия.

5. Говорят, что и Цезарь не был безразличен к его судьбе, и приказал начальникам своих легионов не убивать Брута в сражении, но живым доставить к нему, если тот сдастся в плен добровольно, а если окажет сопротивление, – отпустить, не применяя насилия. Такой приказ он отдал в угоду Сервилии, матери Брута. Известно, что в молодые годы он находился в связи с Сервилией, которая была без памяти в него влюблена, и Брут родился в самый разгар этой любви, а стало быть Цезарь мог считать его своим сыном. Рассказывают, что когда в Сенате обсуждалось чрезвычайной важности дело Катилины¹⁸¹⁹, едва не

¹⁸¹⁷ 4. ...Брут ездил на Кипр ... со своим дядей Катон ... – Подробнее см.: КМл., 34—39.

¹⁸¹⁸ 5. ...Был убит Помпеем . – Отец Брута был убит при подавлении мятежа Лепида в 78 г., в котором он участвовал.

¹⁸¹⁹ 6. ...обсуждалось ... дело Катилины ... – 5 декабря 63 г., в храме Согласия (Циц., 20—21, КМл., 22, Цез., 7). В год рождения Брута (85 г.) Цезарю было 15 лет; слух, будто Брут – сын Цезаря, пошел от предсмертных слов Цезаря «И ты, дитя мое?...» (см.: Светоний . Божественный Юлий, 82).

погубившего государство своим заговором, Катон и Цезарь спорили, стоя рядом и защищая противоположные точки зрения. В этот миг Цезарю откуда-то принесли маленькое письмецо, которое он молча прочел. Тогда Катон стал кричать, что Цезарь творит чудовищное бесчинство – в самой курии он принимает письма от врагов отечества! – сенаторы грозно зашумели в ответ, и Цезарь немедленно передал табличку Катону, который увидел бесстыдную записку своей сестры Сервилиии. Швырнув табличку назад Цезарю, он воскликнул: «Держи, пропойца!» – и вернулся к своей речи. Таким образом страсть Сервилиии к Цезарю стала достоянием всеобщей молвы.

6. Битва при Фарсале была проиграна, и Помпей бежал к морю, а Цезарь напал на вражеские укрепления, но Брут, незаметно выскользнув какими-то воротами и укрывшись на болоте, залитом водою и густо поросшем камышами, ночью благополучно добрался до Лариссы, откуда написал Цезарю. Цезарь был рад его спасению, позвал Брута к себе и не только освободил его от всякой вины, но и принял в число ближайших друзей. Никто не мог сказать, куда направился Помпей, Цезарь не знал, что делать, и однажды, гуляя вдвоем с Брутом, пожелал услышать его мнение. Догадки Брута, основанные на некоторых разумных доводах, показались ему наиболее вероятными и, отвергнув все прочие суждения и советы, он поспешил в Египет. Но Помпей, который, как Брут и предполагал, высадился в Египте, уже встретил там свой последний час.

Затем Брут убедил Цезаря простить и Кассия. Выступая в защиту царя галатов Дейотара, он потерпел неудачу – слишком тяжелы были обвинения, – но все же горячими просьбами спас для своего подзащитного значительную часть его царства. Рассказывают, что Цезарь, когда впервые услышал речь Брута, молвил, обращаясь к друзьям: «Я не знаю, чего желает этот юноша, но чего бы он ни желал, желание его неукротимо».

Вдумчивый и строгий от природы, Брут отзывался не на всякую просьбу и не вдруг, но лишь по здравому выбору и размышлению, убедившись, что просьба справедлива, однако ж, раз принявши решение, от намеченной цели не отступал и действовал, не щадя трудов и усилий. К бесчестным домогательствам он оставался глух, невзирая на самую изощренную лесть; уступать наглым и назойливым требованиям – что иные объясняют стыдливостью и робостью – он считал позором для великого человека и любил повторять, что те, кто не умеет отказывать, по всей видимости, худо распоряжались юною своей прелестью.

Готовясь переправиться в Африку для борьбы с Катонем и Сципионом, Цезарь назначил Брута правителем Предальпийской Галлии¹⁸²⁰, что было огромною удачей для этой провинции: меж тем как остальные области Римской державы из-за наглости и корыстолюбия тех, кому они были доверены, подвергались грабежу и разорению, словно земли, захваченные у врага, Брут не только не запятнал себя ничем подобным, но и бедствиям минувших времен положил конец и дал жителям вздохнуть спокойно, а все благодеяния, какие он творил, относил на счет Цезаря. Поэтому, возвратившись и объезжая Италию, Цезарь с живейшим удовольствием взирал на города, которыми управлял Брут, и на самого Брута, умножившего его славу и доставлявшего ему радость своим обществом.

7. Существует несколько преторских должностей, но одна из них – так называемая городская претура – самая важная и почетная из всех, и должность эту, по общему разумению, предстояло занять либо Бруту, либо Кассию. Некоторые писатели уверяют, будто они и прежде не питали друг к другу добрых чувств, а теперь разошлись еще сильнее, несмотря на свойство (сестра Брута, Юния, была замужем за Кассием), но другие говорят, что их соперничество было делом рук Цезаря, который тайно обнадеживал и обещал свою поддержку обоим, так что, в конце концов, распаленные этими посулами, они вступили в борьбу. Оружием Брута была добрая слава и нравственные достоинства. Кассий опирался на

---

¹⁸²⁰ 7. ...правителем Предальпийской Галлии ... (в пропреторском звании) – на 46 г.; городским претором Брут был избран на 44 г.; намечалось его избрание в консулы на 41 г. (Цез., 62).

свои блестящие и отчаянные подвиги в Парфянском походе¹⁸²¹. Цезарь выслушал и того и другого и сказал, совещаясь с друзьями: «Доводы Кассия справедливее, однако же предпочтение следует отдать Бруту». Кассий получил другую претуру, но благодарность за эту должность была несравненно слабее гнева, вызванного обманутыми надеждами.

Брут и вообще пользовался могуществом Цезаря в той мере, в какой желал этого сам. Будь на то его желание – и он мог бы стать первым среди приближенных диктатора и самым влиятельным человеком в Риме. Но уважение к Кассию отрывало и отвращало его от Цезаря; еще не примирившись со своим противником по той честолубивой борьбе, он, однако же, внимательно прислушивался к советам общих друзей, убеждавших его не уступать вкрадчивым и соблазнительным речам тиранна, но бежать от его ласк и милостей, которые он расточает не для того, чтобы почтить нравственную высоту Брута, но чтобы сломить его силу и сокрушить твердость духа.

8. Впрочем, Цезарь и сам подозревал недоброе и не был глух к обвинениям против Брута, но, опасаясь его мужества, громкого имени и многочисленных друзей, он твердо доверял его нраву. Когда Цезарю говорили, что Антоний и Долабелла замышляют мятеж, он отвечал, что его беспокоят не эти долгогривые толстяки, а скорее бледные и тощие, – намекая на Брута и Кассия. Но когда ему доносили на Брута и советовали остерегаться, он говорил, касаясь рукою груди: «Неужели, по вашему, Брут не повременит, пока это станет мертвою плотью?» – желая сказать, что никто, кроме Брута, не достоин унаследовать после него высшую власть. Мало того, Брут, сколько можно судить, непременно занял бы первое место в государстве, если бы, еще некоторое время довольствуясь вторым, дал отцвести могуществу Цезаря и увянуть славе его подвигов. Но его разжигал и торопил Кассий, вспыльчивый, страстный, в котором кипела скорее личная вражда к Цезарю, нежели ненависть к тираннии. Говорят, что Брут тяготился властью, а Кассий ненавидел властителя. Он многое ставил Цезарю в вину и, между прочим, не мог простить ему захвата львов, которых он, готовясь занять должность эдила, добыл для себя¹⁸²², а Цезарь захватил в Мегарах – когда город был взят его полководцем Каленом – и не вернул Кассию. Звери эти, как передают, оказались сущим бедствием для мегарян, которые, видя, что неприятель уже ворвался в город, сбили замки и засовы и выпустили львов в надежде, что они преградят путь наступающим; звери, однако ж, бросились на самих жителей и, преследуя безоружных людей, рвали их на части, так что страшное это зрелище внушило жалость даже врагам.

9. Но глубоко заблуждаются те, кто утверждает, будто это происшествие было главною причиною составленного Кассием заговора. С самого начала характеру Кассия были свойственны неприязнь и отвращение ко всем тираннам без изъятия, и чувства эти он обнаружил еще мальчиком, когда ходил в одну школу с Фавстом, сыном Суллы. Хвастаясь и бахвалясь в кругу детей, Фавст превозносил единовластие своего отца, тогда Кассий вскочил и набросился на Фавста с кулаками. Опекуны и родичи Фавста хотели подать жалобу в суд, но Помпей помешал им исполнить свое намерение; позвав обоих мальчиков к себе, он стал расспрашивать их, как началась ссора, и тут Кассий воскликнул: «Ну, Фавст, только посмей повторить здесь эти слова, которые меня разозлили, – и я снова разобью тебе морду!»

Вот каков был Кассий. А Брута долго призывали к решительным действиям не только речи друзей, но и многочисленные увещания сограждан – и устные и письменные. Статуя древнего Брута, низложившего власть царей, была испещрена надписями: «О, если бы ты был сегодня с нами!» и «Если бы жил Брут!». Судейское возвышение, где Брут исполнял свои обязанности претора, однажды утром оказалось заваленным табличками со словами: «Ты спишь, Брут?» и «Ты не настоящий Брут!». Виновниками этого озлобления против

¹⁸²¹ 8. ...в парфянском походе . – Т.е. имеется в виду битва при Каррах 53 г. и события после нее.

¹⁸²² 9. ...львов ... добыл для себя ... – Львы нужны были для зрелищ, которые Кассий должен был устраивать как эдил 47 г.

диктатора были его льстецы, измышлявшие для него все новые ненавистные римлянам почести и даже как-то ночью украсившие диадемами его изображения: они рассчитывали, что народ провозгласит Цезаря царем, но случилось как раз обратное. Подробно об этом рассказано в жизнеописании Цезаря¹⁸²³.

10. Кассий выводил настроения друзей, и все соглашались выступить против Цезаря, но при одном неременном условии – чтобы их возглавил Брут, ибо заговор, по общему рассуждению, требовал не столько отваги или же многих рук, сколько славы такого мужа, как Брут, который сделал бы первый шаг и одним своим участием упрочил и оправдал все дело. А иначе – тем меньше твердости выкажут они, исполняя свой план, и тем бо льшие навлекут на себя подозрения, завершив начатое, ибо каждый решит, что Брут не остался бы в стороне, коль скоро цели и побуждения их не были бы низки и несправедливы. Принявши все это в расчет, Кассий встретился с Брутом, первым предложив ему примирение после долгой размолвки. Они обменялись приветствиями и Кассий спросил, намерен ли Брут быть в сенате в мартовские календы; объясняя свой вопрос, он прибавил, что в этот день, как ему стало известно, друзья Цезаря внесут предложение облечь его царскою властью. Брут отвечал, что не придет. «А что, если нас позовут?» – продолжал Кассий. «Тогда, – сказал Брут, – долгом моим будет нарушить молчание и, защищая свободу, умереть за нее». Воодушевленный этими словами, Кассий воскликнул: «Но кто же из римлян останется равнодушным свидетелем твоей гибели? Разве ты не знаешь своей силы, Брут? Или думаешь, что судейское твое возвышение засыпают письмами ткачи и лавочники, а не первые люди Рима, которые от остальных преторов требуют раздач, зрелищ и гладиаторов, от тебя же – словно исполнения отеческого завета! – низвержения тирании и сами готовы ради тебя на любую жертву, любую муку, если только и Брут покажет себя таким, каким они хотят его видеть?» С этими словами он обнял Брута, попрощался с ним, и оба вернулись к своим друзьям.

11. Жил в Риме некий Гай Лигарий, бывший приверженец Помпея. Привлеченный к суду, он был помилован Цезарем, но не испытывал ни малейшей признательности к тому, кто избавил его от наказания, и ненавидел власть, из-за которой предстал перед судом. Этот человек был врагом Цезаря и одним из ближайших товарищей Брута. Он приболел, и Брут пришел его навестить. «Ах, Лигарий, – сказал он на пороге, – как же некстати ты захворал!» Лигарий тут же приподнялся на локте, схватил гостя за руку и отвечал так: «Нет, Брут, если только ты решился на дело, достойное тебя, я совершенно здоров!»

12. Вслед за тем, исподволь испытывая знакомых, которым они доверяли, заговорщики начали открывать им свой замысел и склонять их на свою сторону, выбирая сообщников не просто среди близких приятелей, но лишь среди тех, что были известны за людей храбрых и презирающих смерть. Вот почему они таились даже от Цицерона, на чью верность и благожелательство полагались без всяких оговорок; но, скудный мужеством от природы, он стал вдобавок по-стариковски осторожен с годами, и мелочными расчетами, погоней за сугубой безопасностью каждого шага мог притупить острие их меча, который должен был разить метко и стремительно. Равным образом Брут обошел доверием еще двух друзей – эпикурейца Статилия и Фавония, горячего поклонника Катона, ибо когда в ходе беседы о каких-либо философских предметах он дальними намеками повел речь о заговоре, Фавоний заметил, что междоусобная война еще хуже, чем попирающее законы единовластие, а Статилий заявил, что человеку разумному и здравомыслящему не должно подвергать себя опасности¹⁸²⁴ ради порочных и безрассудных. Обоим возражал Лабейон (тоже участвовавший в разговоре), а Брут промолчал, словно бы держась того мнения, что вопрос слишком сложен и труден, но позже посвятил Лабейона в свои намерения, и тот горячо их

¹⁸²³ 10. ...в жизнеописании Цезаря. – Гл. 60 сл.

¹⁸²⁴ 11. ...не должно подвергать себя опасности ... – Эпикурейское правило «живи незаметно».

одобрил. Затем решено было привлечь к заговору другого Брута, по прозвищу Альбин, не блиставшего, правда, ни особою отвагой, ни предприимчивостью, но сильного поддержкою многочисленных гладиаторов, которых он содержал и готовил для игр на потеху римлянам, и пользовавшегося у Цезаря большим доверием. Кассию и Лабеону он не дал никакого ответа, но встретившись с Брутом с глазу на глаз и узнав, что голова всему делу он, охотно обещал свою поддержку. Подобным же образом слава Брута привлекла и остальных лучших граждан, и скоро подавляющее их большинство оказалось в числе заговорщиков. И хотя не было ни совместной присяги, ни торжественного обмена клятвами над закланной жертвой, все хранили такое нерушимое молчание, настолько глубоко скрыли в душе тайну, что никто не верил в надвигающуюся грозу, хотя боги заранее возвещали о ней устами прорицателей, зловещими видениями и дурными приметами при жертвоприношениях.

13. Брут, на плечи которого легла теперь ответственность за все, что было в Риме самого доблестного, родовитого и высокого, и который представлял себе опасность во всей ее полноте, – Брут на людях старался сохранить совершенное спокойствие и ничем не выдать истинные свои мысли. Однако ж дома, и особенно по ночам его нельзя было узнать. То забота прогоняла сон и не давала сомкнуть глаз, то он с головою уходил в свои думы, снова и снова измеряя трудности, стоящие на пути, и от жены, которая спала подле, не укрылось, что супруг ее полон непривычного смутения и вынашивает какой-то опасный и сложный замысел.

Порция, как уже говорилось выше, была дочерью Катона. Брут, приходившийся ей двоюродным братом, взял ее в жены не девицею, но молодой вдовою, после смерти первого мужа, от которого у Порции остался маленький сын по имени Бибул. Этот Бибул написал небольшую книгу воспоминаний о Бруте, она сохранилась и до наших дней. Отлично образованная, любившая мужа, душевное благородство соединявшая с твердым разумом, Порция не прежде решилась спросить Брута об его тайне, чем произвела над собою вот какой опыт. Раздобыв цирюльничий ножик, каким обыкновенно срезавают ногти, она закрылась в опочивальне, выслала всех служанок и сделала на бедре глубокий разрез, так что из раны хлынула кровь, а немного спустя начались жестокие боли и открылась сильная лихорадка. Брут был до крайности встревожен и опечален, и тут Порция в самый разгар своих страданий обратилась к нему с такою речью: «Я – дочь Катона, Брут, и вошла в твой дом не для того только, чтобы, словно наложница, разделять с тобою стол и постель, но чтобы участвовать во всех твоих радостях и печалях. Ты всегда был мне безупречным супругом, а я... чем доказать мне свою благодарность, если я не могу понести с тобою вместе сокровенную муку и заботу, требующую полного доверия? Я знаю, что женскую натуру считают неспособной сохранить тайну. Но неужели, Брут, не оказывают никакого воздействия на характер доброе воспитание и достойное общество? А ведь я – дочь Катона и супруга Брута! Но если прежде, вопреки всему этому, я полагалась на себя не до конца, то теперь узнала, что неподвластна и боли». С этими словами она показала мужу рану на бедре и поведала ему о своем испытании. Полный изумления, Брут воздел руки к небесам и молил богов, чтобы счастливым завершением начатого дела они даровали ему случай выказать себя достойным такой супруги, как Порция. Затем он попытался успокоить и ободрить жену.

14. Было назначено заседание сената, на которое непременно ожидали Цезаря, и заговорщики решили действовать, рассудив, что так они смогут сойтись вместе, не вызывая никаких подозрений, и окажутся в окружении лучших и первых людей государства, которые, как только великий замысел исполнится, сразу же встанут на защиту свободы. Знамение свыше – и знамение благоприятное – усматривали они и в самом месте заседания. Это был портик, один из тех, что окружают театр, а под кровлею портика находилась зала с сидениями и статуей Помпея, воздвигнутой государством в память о том, что никто иной, как Помпей, украсил театром и портиками эту часть города. Там-то вот и должен был собраться сенат в самой середине месяца марта – в день, который римляне называют

мартовскими идами¹⁸²⁵, и казалось, что Цезаря ведет туда некое божество, чтобы воздать ему за смерть Помпея.

Когда день настал, Брут опоясался кинжалом (никто, кроме жены, об этом не ведал) и вышел из дому. Остальные встретились у Кассия и повели на форум его сына, которому предстояло облачиться в так называемую мужскую тогу¹⁸²⁶, а оттуда все вместе направились в портик Помпея. Цезаря ждали с минуты на минуту, и доведись тогда кому-нибудь проникнуть в мысли и намерения этих людей, он был бы несказанно поражен их хладнокровием и самообладанием, ибо многие по долгу и обязанности преторов занимались разбором судебных дел и не только спокойно и сосредоточенно, словно бы не думая ни о чем ином, выслушивали тяжущихся, но и выносили точные, обдуманые и надежно обоснованные решения. Когда же кто-то из осужденных, не желая подчиниться приговору, стал с возмущенными криками взывать к Цезарю, Брут обвел взглядом всех присутствующих и сказал: «Цезарь и не препятствует и никогда не воспрепятствует мне действовать в согласии с законами».

15. А между тем много тревожных неожиданностей могли бы вывести их из равновесия. Во-первых и в-основных, время уходило, а Цезаря все не было, ибо внутренности жертвенных животных сушили беду, и не только женщины, но и гадатели удерживали его дома. Во-вторых, к Каске, одному из участников заговора, подошел какой-то человек и, взяв его за руку, промолвил: «Ты, Каска, скрыл от нас свою тайну, а Брут все мне рассказал». Каска был поражен, а тот продолжал со смехом: «С чего же это ты, мой любезнейший, так быстро разбогател, что нынче собираешься искать должности эдила?¹⁸²⁷» Вот как вышло, что Каска, обманутый двусмысленностью речи своего знакомого, едва было не выдал тайны! А Бруту и Кассию сенатор Попилий Ленат, приветствуя обоих живее обыкновенного, прошептал чуть слышно: «Всей душой желаю вам счастливо исполнить то, что задумали, но советую не медлить: про вас уже заговорили». Вслед за тем он удалился, внушив и тому и другому опасение, что замысел их обнаружен.

Спустя немного к Бруту подбегает кто-то из домочадцев с вестью, что Порция при смерти. И верно, Порция была в таком напряженном ожидании и настолько переполнена тревогой, что с величайшим трудом могла принудить себя остаться дома, при любом шуме или же крике вскакивала с места, словно одержимая вакхическим безумием, жадно расспрашивала каждого приходившего с форума, что с Брутом, и сама посылала гонца за гонцом. Задержка тянулась нестерпимо долго, и, в конце концов, под воздействием душевного смятения, телесные силы ее иссякли и угасли. Она не успела даже уйти к себе в спальню, но впала в беспамятство и оцепенение там, где сидела, щеки ее мертвенно побелели, голос пресекся. Увидев это, служанки подняли страшный крик, к дверям сбежались соседи, и тут же разнесся слух, будто Порция скончалась. Однако же она быстро очнулась и пришла в себя, и женщины, опомнившись от испуга, захлопотали вокруг нее. Брут, разумеется, был немало встревожен сообщением, которое ему принесли, но не уступил чувству настолько, чтобы покинуть общее дело и вернуться домой.

16. Тут объявили, что Цезарь уже близко и что его несут в носилках. Обеспокоенный недобрыми предзнаменованиями, он намеревался ни одного из важных дел в этот день не решать, но, сославшись на нездоровье, отложить все до другого раза. Едва он вышел из носилок, к нему подбежал Попилий Ленат, тот самый сенатор, который несколько времени

---

¹⁸²⁵ 12. ...мартовскими идами ... – 15 марта 44 г.

¹⁸²⁶ 13. Мужскую тогу (белую, вместо отроческой белой с красной полосой) надевали в Риме при совершеннолети, около 16 лет.

¹⁸²⁷ 14. ...так быстро разбогател, что ... собираешься искать должности эдила! – Эдильство требовало значительных расходов, в первую очередь – на устройство зрелищ для народа.

назад желал Бруту удачи и успеха, и довольно долго что-то ему говорил, а Цезарь внимательно слушал. Слов заговорщики не улавливали, но подозревали, что этот тихий разговор – не что иное, как донос, изобличение их умысла, а потому пали духом и переглянулись, давая понять друг другу, что следует не дожидаться, пока их схватят, но немедленно умертвить себя собственными руками. Кассий и некоторые иные уже нащупали под одеждой рукоятки кинжалов и вытягивали клинки из ножен, когда Брут по выражению лица Лената убедился, что он никого не обвиняет, напротив – о чем-то горячо просит; не произнеся ни звука, ибо рядом было много чужих, он бросил на Кассия светлый, радостный взгляд и вернул ему мужество. А спустя еще немного Ленат поцеловал руку Цезаря и отступил в сторону, и стало уже совершенно ясно, что он толковал с Цезарем лишь о себе самом и о своих нуждах.

17. Сенаторы вошли в залу, и заговорщики сразу же окружили кресло Цезаря, как будто собрались обратиться к нему с каким-то делом. Тут Кассий, как рассказывают, поднял взор к изображению Помпея и призвал его на помощь, словно тот и впрямь мог услышать его зов, а Требоний вывел Антония наружу и затеял долгий разговор, удерживая консула за дверями.

Увидев Цезаря, весь сенат поднялся, а когда он сел, заговорщики, обступили его тесным кольцом и вытолкнули вперед Туллия Кимвра, который стал просить за своего брата-изгнанника. Все присоединились к просьбе Туллия, ловили руки Цезаря, целовали ему грудь и голову. Сперва Цезарь отвечал спокойным отказом, но потом, видя, что просители не унимаются, резко вскочил, и тогда Туллий обеими руками сорвал у него с плеч тогу, а Каска первым – он стоял позади – выхватил кинжал и нанес диктатору удар в плечо. Рана оказалась неглубокой, и Цезарь, перехватив руку Каски, стиснувшую рукоять кинжала, громко закричал по-латыни: «Каска, злодей, да ты что?» – а тот по-гречески кликнул на помощь брата. Удары уже сыпались градом, Цезарь, однако ж, все озирался, ища пути к спасению, но, когда заметил, что оружие обнажает и Брут, разжал пальцы, сдавившие запястье Каски, накинул край тоги на голову и подставил тело под удары. Слепо и поспешно разя многими кинжалами сразу, заговорщики ранили друг друга, так что и Брут, бросившийся на Цезаря вместе с остальными, получил рану в руку, и все без изъятия были залиты кровью.

18. Итак, Цезарь умер, и Брут, выступив вперед, хотел произнести речь. Но как ни успокаивал он сенаторов, как ни старался удержать их на месте, все в ужасе, в величайшем смятении бежали, и у двери началась жестокая давка, хотя никто за ними не гнался: заговорщики твердо положили не убивать никого, кроме Цезаря, но всех призвать к освобождению. Правда, когда они обдумывали и обсуждали свой план, все высказывались за то, чтобы умертвить еще Антония, человека дерзкого и наглого, приверженца единовластия, ибо долгим общением с солдатами он приобрел большое влияние в войске, а главное – с неумным и буйным нравом соединил теперь высокое достоинство консула, будучи товарищем Цезаря по должности. Но Брут решительно воспротивился этому намерению, во-первых, взывая к справедливости, а во-вторых, надеясь, что Антоний переменится. Он верил, что этот человек – с добрыми задатками, честлюбивый и жадный до славы – после убийства Цезаря будет увлечен их примером, их прекрасною целью и поможет отечеству вернуть утраченную свободу. Так Брут спас Антонию жизнь, но тот, охваченный страхом, переоделся в платье простолудина и бежал.

Между тем Брут и его товарищи, с окровавленными руками, потрясая обнаженными мечами и кинжалами, двинулись вверх, на Капитолий, призывая сограждан к освобождению. Поначалу всюду звучали отчаянные крики, люди метались с места на место, увеличивая смятение, вызванное непредвиденным поворотом событий, но, убеждаясь, что ни дальнейшего кровопролития, ни грабежа брошенных без присмотра денег и товаров не происходит, все мало-помалу успокоились, и многие из сенаторов и незнатных граждан начали стекаться к Капитолию. Когда собралась большая толпа, Брут произнес подходящую к случаю речь, стараясь оправдаться перед народом и склонить его на свою сторону. Собравшиеся отвечали громкими похвалами и призывали всех сойти вниз, так что заговорщики, ободрившись, стали спускаться на форум. Во главе их шел Брут в блестящем

окружении виднейших граждан; они торжественно свели его с Капитолия и поставили на ораторское возвышение. Это зрелище смутило пеструю и далеко не мирно настроенную толпу на форуме, она притихла и чинно ждала, что будет дальше. Когда Брут начал говорить, его не перебивали и слушали спокойно, но случившееся было по душе отнюдь не каждому, и это обнаружилось, едва только вперед выступил Цинна с обвинениями против убитого: площадь огласилась гневными воплями, Цинну осыпали бранью, так что в конце концов, заговорщикам пришлось снова удалиться на Капитолий. Брут опасался осады и, считая несправедливым, чтобы не участвовавшие в деле подвергали себя опасности наравне с ним и его товарищами, отослал лучших граждан, которые вместе с ним поднялись в крепость.

19. На другой день, однако, сенаторы сошлись на заседание в храм Земли и, выслушав Антония, Планка и Цицерона, – все трое говорили о единодушии и забвении прошлого, – постановили не только считать заговорщиков свободными от вины, но и просить консулов представить сенату мнение, какими наградами следует их почитать. После заседания Антоний немедленно отправил сына заложником на Капитолий, и когда Брут и его сообщники спустились, пошли взаимные приветствия и объятия, а затем Антоний пригласил к обеду Кассия, Лепид – Брута, и так каждый получил приглашение от кого-либо из своих друзей или доброжелателей. С первыми лучами солнца снова собрался сенат. Засвидетельствовав вначале свою признательность Антонию, за то, что он пресек междоусобную войну в самом зародыше, и обратившись с похвалами к тем из заговорщиков, которые присутствовали в курии, сенаторы произвели распределение провинций. Бруту был назначен Крит, Кассию – Африка, Требонию – Азия, Кимвру – Вифиния, другому Бруту – Галлия, что лежит по Эридану.

20. После этого заговорили о завещании и похоронах Цезаря, и Антоний требовал огласить завещание во всеуслышание, а тело предать погребению открыто и с надлежащими почестями – дабы лишний раз не озлоблять народ; Кассий резко возражал Антонию, но Брут уступил, совершив, по общему суждению, второй грубый промах. Его уже и прежде обвиняли в том, что, пощадив Антония, он сохранил жизнь жестокому и до крайности опасному врагу, а теперь, когда он согласился, чтобы Цезаря хоронили так, как желал и настаивал Антоний, это сочли ошибкою и вовсе непоправимой. Прежде всего, Цезарь отказывал каждому из римлян по семидесяти пяти драхм и оставлял народу свои сады по ту сторону реки (ныне там воздвигнут храм Фортуны) – и, узнав об этом, граждане ощутили пламенную любовь к убитому и горячую тоску по нему. Далее, когда тело было вынесено на форум, Антоний, произнося в согласии с обычаем похвальную речь умершему, заметил, что толпа растрогана его словами, переменял тон и с горестными сетованиями схватил и развернул окровавленную тогу Цезаря, всю изодранную мечами. От порядка и стройности погребального шествия не осталось и следа. Одни неистово кричали, грозя убийцам смертью, другие – как в минувшее время, когда хоронили народного вожака Клодия, – тащили из лавок и мастерских столы и скамьи и уже складывали громадный костер. На эту груду обломков водрузили мертвое тело и подожгли – посреди многочисленных храмов, неприкосновенных убежищ и прочих священных мест. А когда пламя поднялось и загудело, многие стали выхватывать из костра полуобгоревшие головни и мчались к домам заговорщиков, чтобы предать их огню. Но Брут и его единомышленники, надежно приготовившись заранее, отразили опасность.

Жил в Риме некий Цинна, поэт, не имевший к заговору ни малейшего отношения, напротив – верный друг Цезаря. Ему приснилось, будто Цезарь зовет его на обед, он отказывается, а тот упорно настаивает и, в конце концов, берет его – изумленного и испуганного – за руку и силою ведет в какое-то обширное и темное место. После этого сна его лихорадило всю ночь до рассвета, но утром, когда начался обряд погребения, Цинна постыдился остаться дома и вышел. Толпа между тем уже бушевала, его увидели и, приняв не за того, кем он был на самом деле, но за другого Цинну, который недавно поносил Цезаря на форуме, растерзали в клочья.

21. Этот ужасный случай всего более – наряду с переменой в поведении Антония –

напугал Брута и его друзей, и они покинули Рим. Первое время они оставались в Антии, рассчитывая вернуться, как только ярость народа уляжется и утихнет, а этого, полагали они, дожидаться будет нетрудно, ибо порывы, владеющие толпою, неверны и мимолетны. Кроме того, они располагали поддержкой сената, который, правда, оставил убийц Цинны безнаказанными, но пытался выловить и заключить под стражу поджигателей, напавших в день похорон на их дома. Уже и простой люд начинал тяготиться Антонием, который сделался чуть ли не единоличным властителем, и тосковать по Бруту. Ожидали, что он сам будет руководить и распоряжаться играми¹⁸²⁸, которые должен был устроить по долгу претора, но Брут узнал, что многие старые воины, прежде служившие под началом Цезаря и получившие от него землю в деревнях и близ городов, замышляют отомстить его убийце и небольшими отрядами стекаются в Рим, а потому не посмел приехать. Тем не менее игры были даны и отличались большою пышностью и великолепием, несмотря на отсутствие претора, который заранее скупил великое множество диких зверей и теперь распорядился ни единого не продавать и не оставлять, но всех до последнего выпустить на арену. Сам он нарочно отправился в Неаполь, чтобы встретить большую труппу актеров, а друзьям писал, чтобы они уговорили выступить некоего Канутия, который тогда пользовался на театре громадным успехом, – уговорили, ибо принуждать силою никого из греков не годится. Писал он и Цицерону и просил его быть на играх непременно.

22. В таком-то вот положении находились дела, когда в Рим прибыл молодой Цезарь, и события немедленно изменили свой ход. Это был внучатый племянник Цезаря, по завещанию им усыновленный и назначенный наследником. Во время убийства он находился в Аполлонии, занимаясь науками и поджидая Цезаря, намеревавшегося в самом ближайшем будущем выступить походом на парфян. Узнав о случившемся, молодой человек немедленно приехал в Рим. Торопясь приобрести благосклонность народа, он, первым делом, принял имя Цезаря и, распределяя между гражданами деньги, которые им оставил его приемный отец, одним ударом пошатнул положение Антония, а щедрыми раздачами привлек и переманил на свою сторону многих старых солдат Цезаря. Когда же, из ненависти к Антонию, приверженцем молодого Цезаря сделался и Цицерон, Брут резко порицал его¹⁸²⁹ и писал, что Цицерон не властью господина тяготеет, но лишь испытывает страх перед злым господином и, когда он и в речах и в письмах клянется, будто молодой Цезарь – достойный человек, он просто-напросто выбирает себе ярмо полегче. «Но предки наши не смирялись, – продолжает Брут, – и с добрыми господами!» Сам он еще твердо не решил, начинать ли войну или хранить спокойствие, но одно ему ясно уже теперь – никогда и ни за что он не будет рабом. И он не может не удивляться тому, что Цицерон, который так отчаянно боится ужасов междоусобной войны, позорного и бесславного мира не боится и в уплату за ниспровержение одного тиранна – Антония – требует для себя права поставить тиранном Цезаря.

23. Так писал Брут в первых своих письмах. Но видя, что государство разделилось на два враждебных стана – стан Цезаря и стан Антония, что войска, словно на продаже с торгов, изъявляют готовность присоединиться к тому, кто больше заплатит, он, в совершенном отчаянии, решил покинуть Италию и сухим путем, через Луканию, добрался до Элеи, что на берегу моря. Оттуда Порции предстояло вернуться в Рим. Она пыталась скрыть волнение и тоску, но, несмотря на благородную высоту нрава, все же выдала свои чувства, рассматривая картину какого-то художника, изображавшую сцену из греческой истории: Андромаха прощается с Гектором и, принимая сына из его рук, пристально глядит на супруга. Видя образ своих собственных страданий, Порция не могла сдержать слез и все плакала, много раз

---

¹⁸²⁸ 15. ...играми ... – «Аполлоновы игры» 5 июля 44 г.

¹⁸²⁹ 16. ...Брут резко порицал его ... – Письма Брута к Цицерону сохранились частично в составе переписки Цицерона; см.: «К Бруту», I, 16 и др.

на дню подходя к картине. Когда же Ацилий, один из друзей Брута, прочитал на память обращенные к Гектору слова Андромахи¹⁸³⁰:

Гектор, ты все мне теперь – и отец, и любезная мать.
Ты и брат мой единственный, ты и супруг мой прекрасный.

– Брут улыбнулся и заметил: «А вот мне никак нельзя сказать Порции то же, что говорит Андромахе Гектор:

Тканьем, пряжей займись, приказывай женам домашним.

Лишь по природной слабости тела уступает она мужчинам в доблестных деяниях, но помыслами своими отстаивает отечество в первых рядах бойцов – точно так же, как мы». Об этом разговоре сообщает сын Порции Бибул.

24. Из Элеи Брут поплыл в Афины. Народ приветствовал его не только восторженными кликами на улицах, но и особыми постановлениями Собрания. Поселившись у одного из своих гостеприимцев, Брут ходил слушать академика Феомнеста и перипатетика Кратиппа и, занимаясь с ними философией, казалось, с головою был погружен в науку, но между тем, исподволь, вел приготовления к войне. Он отправил в Македонию Герострата, чтобы расположить в свою пользу начальников тамошних войск, и спланировал вокруг себя молодых римлян, которые учились в Афинах. Среди них был и сын Цицерона. Брут расхваливал его на все лады и говорил, что и во сне и наяву восхищается редкостным благородством юноши и его ненавистью к тирании. Наконец, он переходит к открытым действиям и, узнав, что от азиатского берега отошло несколько римских судов, груженных деньгами и находящихся под командою претора, отличного человека и доброго его знакомого, выходит к Каристу ему навстречу. Брут убедил претора передать суда и груз в его распоряжение, а затем принимал его у себя. Пир отличался особою пышностью (Брут справлял день своего рождения), и когда, покончив с едою и перейдя к вину, гости пили за победу Брута и свободу римлян, хозяин, желая воодушевить собравшихся еще сильнее, потребовал себе чашу, но, приняв ее, без всякой видимой причины вдруг произнес следующий стих:

Грозная Мойра меня и сын Лето погубили¹⁸³¹.

В дополнение к этому писатели сообщают, что накануне своей последней битвы Брут дал воинам пароль «Аполлон». Вот почему в стихе, который сорвался тогда у него с уст, видят знамение, предвостившее разгром при Филиппах.

25. После этого Антистий передает ему пятьсот тысяч драхм из тех денег, какие должен был отвезти в Италию, а все остатки Помпеева войска, еще скитавшиеся в фессалийских пределах, начинают радостно собираться под знамена Брута. У Цинны Брут забрал пятьсот конников, которых тот вел к Долабелле в Азию. Приплыв в Деметриаду, он завладел большим складом оружия, которое было запасено по приказу старшего Цезаря для парфянского похода, а теперь ждало отправки к Антонию.

Претор Гортензий уже уступил Бруту власть над Македонией, а все цари и правители окрестных земель уже обещали ему свою поддержку, когда пришла весть, что брат Антония, Гай, переправившись из Италии и высадившись, немедленно двинулся на соединение с

---

¹⁸³⁰ 17. ...слова Андромахи ... – «Илиада», VI, 429—430; дальше приведен ст. 491.

¹⁸³¹ 18. *Грозная Мойра* ... и далее. – Слова умирающего Патрокла, «Илиада», XVI, 849 (пер. М.Е. Грабарь-Пассек). *Мойра* – богиня судьбы, *сын Лето* – бог Аполлон.

войском Ватиния¹⁸³², занимавшим Эпидамн и Аполлонию. Чтобы упредить Гая и расстроить его планы, Брут внезапно выступил со своими людьми и, несмотря на сильнейший снегопад и бездорожье, шел с такою быстротой, что намного опередил подсобный отряд, который нес продовольствие. Но вблизи Эпидамна, от усталости и стужи, на него напал волчий голод. Главным образом недуг этот поражает скот и людей, измученных долгим пребыванием под снегом, – то ли потому, что при охлаждении и уплотнении тела вся теплота его уходит внутрь и до конца переваривает всю принятую человеком пищу, либо же, напротив, оттого, что едкие и тонкие испарения тающего снега пронизывают тело и губят его теплоту, выгоняя ее наружу. Ведь и испарина, сколько можно судить, вызывается теплотою, угашаемою встречей с холодом на поверхности тела. Более подробно этот вопрос рассматривается в другом сочинении¹⁸³³.

26. Брут лишился чувств, и так как ни у кого из воинов не было с собою ничего съестного, его приближенные вынуждены были обратиться за помощью к неприятелю. Подойдя к городским воротам, они попросили у караульных хлеба. Но те, узнавши, что Брут заболел, явились сами и принесли ему еды и питья. В благодарность за услугу Брут, овладев городом, обошелся милостиво и дружелюбно не только с этими воинами, но – ради них – и со всеми прочими. Между тем Гай Антоний прибыл в Аполлонию и созывал туда всех воинов, размещенных неподалеку. Но воины уходили к Бруту, и убедившись, что Бруту сочувствуют жители города, Гай выступил в Буфрот. Еще в пути он потерял три когорты, которые были изрублены Брутом, а затем, пытаясь отбить у противника выгодные позиции близ Биллиды, завязал сражение с Цицероном и потерпел неудачу. (Молодой Цицерон был у Брута одним из начальников и много раз одерживал победы над врагом.) Вскоре после этого Гай, оказавшись среди болот, слишком рассредоточил боевые силы, и тут его настиг сам Брут; не позволяя своим нападать, он окружил противника отрядами конницы и распорядился щадить его – в надежде, что спустя совсем немного эти воины будут под его командой. И верно – они сдались сами и выдали своего полководца, а войско Брута сделалось многочисленным и грозным. Пленному Гаю он оказывал долгое время полное уважение и даже не лишил его знаков власти, хотя многие, в том числе и Цицерон, писали¹⁸³⁴ ему из Рима, настоятельно советуя казнить этого человека. Когда же Гай вступил в тайные переговоры с военачальниками Брута и попытался вызвать мятеж, Брут велел посадить его на корабль и зорко сторожить. Воины, которые, поддавшись соблазну, стеклись в Аполлонию, звали туда Брута, но он отвечал, что это противно римским обычаям и что они сами должны прийти к полководцу и умолять его о милости и снисхождении к их проступкам. Они выполнили его условие, и Брут их простил.

27. Брут собирался переправиться в Азию, когда получил сообщение о случившихся в Риме переменах. Сенат поддержал молодого Цезаря в борьбе с Антонием, и Цезарь, изгнав своего врага из Италии, теперь уже сам внушал страх и тревогу, ибо вопреки законам домогался консульства и содержал громадное войско – без всякой нужды для государства. Видя, однако, что сенат недоволен и обращает взоры за рубеж, к Бруту, и даже особым постановлением утвердил за ним его провинции¹⁸³⁵, Цезарь испугался. Он отправил к

¹⁸³² 19. ...Брат Антония Гай ... двинулся на соединение с войском Ватиния ... – Гай был назначен в Риме преемником претора Македонии Кв. Гортензия, перешедшего на сторону Брута; Ватиний был наместником Иллирии с резиденцией в Аполлонии.

¹⁸³³ 20. ...в другом сочинении . – «Застольные беседы», VI, 8.

¹⁸³⁴ 21. ...Цицерон ... писали ... – «К Бруту», II, 5, 5.

¹⁸³⁵ 22. ...утвердил за ним его провинции ... – Т.е. Македонию, Иллирию и Эпир вместо прежде назначенного Крита (гл. 19).

Антонию гонца с предложением дружбы, а потом окружил город своими солдатами и таким образом добился консульства, хотя был еще совершеннейший мальчишка и не достиг даже двадцати лет, как сказано в его же собственных «Воспоминаниях». Немедленно вслед за тем он возбуждает против Брута и его товарищей уголовное преследование за убийство без суда первого из высших должностных лиц в государстве. Обвинителем Брута он назначил Луция Корнифиция, обвинителем Кассия – Марка Агриппу. Они были осуждены заочно, причем судьи подавали голоса, подчиняясь угрозам и принуждению. Рассказывают, что когда глашатай, в согласии с обычаем, выкликал с ораторского возвышения имя Брута, вызывая его на суд, народ громко застонал, а лучшие граждане молча понурили головы, Публий же Силиций у всех на глазах разразился слезами, за что имя его, спустя немного, было внесено в список обрекаемых на смерть. После этого трое – Цезарь, Антоний и Лепид – заключили союз, поделили между собою провинции и истребили, объявив вне закона, двести человек. В числе погибших был и Цицерон.

28. Когда весть об этом достигла Македонии, Брут оказался перед необходимостью написать Гортензию, чтобы он казнил Гая Антония – в отместку за смерть Брута Альбина и Цицерона: с первым Брута связывало родство, со вторым дружба. Вот почему впоследствии, после битвы при Филиппах, Антоний, захватив Гортензия в плен, приказал заколоть его на могиле своего брата. Брут о кончине Цицерона говорил, что сильнее, чем скорбь и сострадание, его сокрушает стыд при мысли о причинах этой смерти, и вину за все случившееся возлагал на друзей в Риме. Они сами, больше, чем тиранны, виновны в том, что влачат рабскую долю, восклицал Брут, если терпеливо смотрят на то, о чем и слышать-то непереносимо!

Перевезя свое – теперь уже внушительное и мощное – войско в Азию, Брут приказал снаряжать корабли в Вифинии и близ Кизика, а сам подвигался сушею, улаживая дела городов и ведя переговоры с властителями. Одновременно он послал гонца в Сирию, чтобы вернуть Кассия из египетского похода¹⁸³⁶, ибо, как писал ему Брут, не державы для себя ищут они, но хотят освободить отечество и того лишь ради скитаются по свету, собирая военную силу, с помощью которой низложат тираннов. Всякий миг и час им следует держать в уме эту главную цель, а потому не удаляться от Италии, но спешить домой на помощь согражданам. Кассий согласился с этими доводами и повернул назад, а Брут выступил ему навстречу. Они встретились близ Смирны – впервые с тех пор, как расстались в Пирее и один направился в Сирию, а другой в Македонию, – и оба ощутили живейшую радость и твердую надежду на успех при виде войска, которое собрал каждый из них. И верно, ведь они покинули Италию наподобие самых жалких изгнанников, безоружными и нищими, не имея ни судна с гребцами, ни единого солдата, ни города, готового их принять, и вот, спустя не так уж много времени, они сходятся снова, располагая и флотом, и конницей, и пехотою, и деньгами в таком количестве, что способны достойно соперничать со своими противниками в борьбе за верховную власть в Риме.

29. Кассий желал, чтобы они с Брутом пользовались равными почестями, но Брут опередил и превзошел его желание, и обыкновенно приходил к нему сам, принимая в расчет, что Кассий старше годами и менее вынослив телом. Кассий пользовался славой опытного воина, но человека раздражительного и резкого, который подчиненным не внушает ничего, кроме страха, и слишком охотно и зло потешается насчет друзей, Брута же за его нравственную высоту ценил народ, любили друзья, уважала знать, и даже враги не питали к нему ненависти, ибо он был на редкость мягок и великодушен, неподвластен ни гневу, ни наслаждению, ни алчности и с непреклонною твердостью держался своего мнения, отстаивая добро и справедливость. Всего более, однако, славе и влиянию Брута способствовала вера в

¹⁸³⁶ 23. ...из египетского похода ... – Как Брут вместо Крита захватил Македонию, так Кассий вместо Африки – Сирию, вытеснив оттуда наместника Долабеллу; за того вступилась египетская Клеопатра, и Кассий был вынужден с нею воевать.

чистоту его намерений. В самом деле, даже от Помпея Великого никто всерьез не ожидал, что в случае победы над Цезарем он откажется от власти и подчинится законам, напротив, все опасались, как бы он не удержал власть навсегда, назвав ее, – чтобы успокоить народ, – именем консульства или диктатуры, или какой-либо иной, более скромной и менее высокой должности. Что же касается Кассия, такого горячего и вспыльчивого, так часто отступавшего от справедливости ради собственной выгоды, и сомнений-то почти не было, что он воюет, терпит скитания и опасности, ища лишь могущества и господства для себя, а отнюдь не свободы для сограждан. Ведь и в более ранние времена люди вроде Цинны, Мария, Карбона обращали отечество в военную добычу или, если угодно, в награду победителю на состязаниях и разве что во всеуслышание не объявляли, что вооруженною рукой оспаривают друг у друга тиранию. Однако ж Брута, сколько нам известно, даже враги не обвиняли в подобной переменчивости и вероломстве, а Антоний в присутствии многих свидетелей говорил, что, по его мнению, один лишь Брут выступил против Цезаря, увлеченный кажущимся блеском и величием этого деяния, меж тем как все прочие заговорщики просто-напросто ненавидели диктатора и завидовали ему. Вот почему Брут, как явствует из его писем, не столько полагался на свою силу, сколько на нравственную высоту. Так, когда решающий миг уже близится, он пишет Аттику, что нет судьбы завиднее его: либо он выйдет из битвы победителем и освободит римский народ, либо погибнет и тем самым избавит себя от рабства. «Все остальное для нас ясно и твердо определено, – продолжает Брут, – неизвестно только одно – предстоит ли нам жить, сохраняя свою свободу, или же умереть вместе с нею». Марк Антоний, говорится в том же письме, терпит достойное наказание за свое безрассудство. Он мог бы числиться среди Брутов, Кассиев и Катонов, а стал прихвостнем Октавия, и если теперь не понесет поражения с ним вместе, то вскорости будет сражаться против него. Этими словами Брут словно бы возвестил будущее, и возвестил точно.

30. В Смирне Брут просил Кассия поделиться с ним деньгами, – которых тот собрал немало, – ибо все, что было у него самого, он израсходовал на постройку флота, достаточно многочисленного, чтобы сделать их безраздельными хозяевами Средиземного моря. Друзья не советовали Кассию давать деньги. «Несправедливо! – кричали они. – Ты берёг и хранил, ты взимал и взыскивал, навлекая на себя всеобщую ненависть, а плоды забирает Брут, чтобы угождать своим солдатам!» Тем не менее Кассий отдал Бруту третью часть своей казны.

После этого они снова расстались, и каждый принялся за свои дела. Кассий взял Родос и обошелся с жителями очень жестоко, – и это после того, как, вступая в город, отвечал тем, кто приветствовал его именем царя и владыки: «Не царь и не владыка, но убийца и каратель владыки и царя!» Брут требовал у ликийцев денег и воинов, но народный вожак Навкрат склонил города к мятежу, и ликийцы заняли несколько высот, чтобы помешать Бруту вторгнуться в их страну. Сперва Брут двинул против них свою конницу, которая напала на врага во время завтрака и перебила шестьсот человек, а потом, захватив несколько крепостей и городков, отпустил всех пленных без выкупа, надеясь привлечь к себе народ добротой. Но ликийцы были строптивы, урон, который они несли, крайне их озлоблял, а снисходительность и человеколюбие Брута нимало не трогали, и в конце концов Брут загнал самых горячих и воинственных среди них в Ксанф и осадил город.

Осажденные пытались бежать, переплыв под водою реку, что протекала у стен Ксанфа, но запутывались в расставленных на глубине сетях, которые звоном колокольников, привязанных к поплавкам, немедленно выдавали попадавших. Тогда ксанфийцы сделали ночью вылазку и подожгли часть осадных машин, но римляне быстро заметили противника и оттеснили его назад, а когда сильные порывы ветра стали перебрасывать языки пламени через крепостные зубцы и занялись близлежащие дома, Брут испугался за судьбу всего города и приказал своим помочь горожанам тушить пожар. 31. Но ликийцев внезапно охватило чудовищное, поистине неопишное безумие, которое скорее всего следовало бы назвать жаждой смерти. Люди всех возрастов, свободные и рабы, вместе с женщинами, с детьми, взбирались на стены и оттуда копьями и стрелами осыпали неприятелей, спешивших

им на помощь, а сами тащили камыш, дрова и вообще все, что легко воспламеняется и горит, и таким образом разнесли огонь повсюду, непрерывно его поддерживая и всячески раздувая его ярость. Пламя опоясало Ксанф сплошным кольцом и ослепительно полыхало в ночной мгле, а Брут, глубоко потрясенный тем, что совершалось у него на глазах, проезжал верхом вдоль городских стен, страстно желая помочь, простирал руки к осажденным и упрашивал их пожалеть и спасти свой город. Но никто его не слушал, все стремились любым способом лишить себя жизни, – не только мужчины и женщины, но даже малые дети: с криками и воплями они прыгали в огонь, бросались вниз головой со стен, подставляли горло или обнаженную грудь под отцовский меч и молили разить без пощады. Когда город уже погиб, римляне заметили женщину, висевшую в петле, к шее удавленницы был привязан мертвый ребенок, и мертвой рукой она подносила горящий факел к своему жилищу. Столь страшным было это зрелище, что Брут не решился на него взглянуть, но, услышав рассказ очевидцев, заплакал и через глашатая посулил награду воинам, которые спасут жизнь хотя бы одному ликийцу. Сообщают, что набралось всего сто пятьдесят человек, не противившихся спасению и не уклонившихся от него. Так ксанфийцы, спустя долгое время, словно бы завершили назначенный судьбою круг и своею неукротимой отвагою пробудили воспоминание об участии их предков¹⁸³⁷, которые в войну с персами подобным же образом сожгли и разрушили свой город и погибли от собственной руки.

32. Патары упорно отказывали римлянам в повиновении, и Брут не решался напасть на город, боясь такого же безумия, как в Ксанфе. После долгих размышлений он отпустил без выкупа несколько женщин из Патар, захваченных его солдатами. То были жены и дочери видных граждан, и своими рассказами о Бруте, о его необыкновенной честности и справедливости они убедили отцов и мужей смириться и сдать город римлянам. После этого и все прочие ликийцы покорились и доверились Бруту. Его честность и доброжелательность превзошли все их ожидания, ибо в то самое время, когда Кассий заставил родосцев выдать все золото и серебро, какое было у каждого в доме (из этих взносов составила сумма около восьми тысяч талантов), да сверх того обязал город в целом уплатить еще пятьсот талантов, в это самое время Брут взыскал с ликийцев сто пятьдесят талантов и, не причинив им более никакого вреда или же убытка, ушел в Ионию.

33. Среди многих достопамятных поступков, которые совершил Брут, награждая и карая по заслугам, я расскажу лишь об одном, доставившем наибольшее удовлетворение и самому Бруту и благороднейшим из римлян. Когда Помпей Магн, разбитый Цезарем и лишившийся своей великой власти, бежал и приблизился к египетскому берегу у Пелусия, опекуны малолетнего царя держали совет с друзьями, и мнения разделились – одни считали нужным принять беглеца, другие советовали не впускать его в Египет. Но некий хиосец Феодот, нанятый к царю учителем красноречия и, за недостаткою более достойных, тоже приглашенный на совет, объявил, что и те и другие не правы и что в сложившихся обстоятельствах единственно целесообразное решение – принять Помпея, а затем его умертвить. И в заключение речи примолвил, что, дескать, мертвец не укусит. Все согласились с Феодотом, и Помпей Магн пал, явивши своею участью пример величайшей неожиданности, подстерегающей человека, и гибель его была плодом и следствием изощренного красноречия софиста, как похвалялся сам Феодот. Немного спустя в Египет прибыл Цезарь, и все эти злодеи понесли жестокую кару и расстались с жизнью, только Феодот получил от судьбы отсрочку, но, вдосталь вкусив позора, нищеты и бездомных скитаний, в конце концов, не укрылся от взора Брута, когда тот проходил через Азию. Злодея привели на суд и казнили, и смертью своей он приобрел больше известности, нежели жизнью.

34. Брут звал Кассия к себе в Сарды и выступил ему навстречу вместе с друзьями, а все

---

¹⁸³⁷ 24. ...об участии их предков ... – Имеется в виду завоевание Лидийского царства Киром Старшим в 546 г.; см.: Геродот, I, 176.

войско, выстроенное в полном вооружении, провозгласило обоих императорами. Но, как всегда бывает в важных предприятиях, сопряженных с участием многих друзей и полководцев, у обоих накопились обвинения и жалобы, и первым делом, прямо с дороги, они заперлись вдвоем и, с глазу на глаз, принялись осыпать друг друга упреками, потом перешли к прямым нападкам и обличениям, а под конец даже полились слезы и зазвучали слова, чересчур страстные и прямолинейные, так что друзья за дверями дивились их ожесточению и силе гнева и опасались, как бы разговор этот не кончился бедою, однако ж войти, памятуя строгий запрет, не смели. Только Марк Фавоний, горячий поклонник Катона, в любви своей к философии высказывавший больше необузданного чувства, чем здравого размышления, все же попытался проникнуть внутрь. Слуги задержали его на пороге, но не так-то просто было остановить Фавония, рвущегося к цели, – в любых обстоятельствах он действовал одинаково стремительно и буйно. Свое достоинство римского сенатора он не ставил ни во что, и нередко киническою откровенностью речей заглушал их оскорбительный смысл, так что грубая его назойливость воспринималась как шутка. Вот и в тот раз, оттолкнув стражу, он силою ворвался в двери и деланным голосом произнес гомеровские стихи¹⁸³⁸, вложенные поэтом в уста Нестору:

Но покоритесь, могучие! оба меня вы моложе

и так далее, Кассий рассмеялся, но Брут выгнал Фавония, обозвав его грязным псом и лжепсом¹⁸³⁹. Все же вторжение Фавония положило спору конец, и они разошлись. Затем Кассий давал обед, на который Брут позвал своих друзей. Все уже легли за стол, когда появился Фавоний, только что после купания. Брут объявил во всеуслышание, что этого гостя никто не приглашал, и велел ему поместиться на верхнем ложе, но Фавоний оттолкнул служителей и улегся на среднем¹⁸⁴⁰. И за вином царили веселые шутки, перемежавшиеся приятными рассказами и философской беседою.

35. На другой день Брут разбирал дело римлянина Луция Оцеллы, бывшего претора и доверенного своего помощника, которого сардийцы обвиняли в хищении казенных денег, и осудив его, лишил гражданской чести. Это чрезвычайно раздосадовало Кассия. Сам он незадолго до того, когда двоих его друзей изобличили в таком же точно преступлении, изругал их с глазу на глаз, но в открытом заседании оправдал и продолжал пользоваться их услугами. Он даже порицал Брута за чрезмерную приверженность законам и справедливости в такое время, которое требует гибкости и снисходительности. Но Брут просил его вспомнить иды марта, когда они убили Цезаря, – а ведь Цезарь сам не грабил всех подряд, он только давал возможность делать это другим. А стало быть, если и существует какое-либо основание, позволяющее не думать о справедливости, то уж лучше было бы терпеть бесчинства друзей Цезаря, чем смотреть сквозь пальцы на бесчинства собственных друзей. «Да, – пояснил Брут свою мысль, – ибо тогда нас корили бы только за трусость, а теперь, к довершению всех трудов наших и опасностей, мы прослышем врагами справедливости». Таковы были правила и убеждения Брута.

36. Когда они уже готовились переправиться из Азии в Европу, Бруту, как сообщают, явилось великое и удивительное знамение. Он и от природы был не сонлив, а упражнениями и непримиримою строгостью к себе сократил часы сна донельзя, так что днем вообще не

¹⁸³⁸ 25. ...гомеровские стихи ... – «Илиада», I, 259.

¹⁸³⁹ 26. *Пёс*, *лжепёс* – обычное прозвище киников (народная этимология от *куоп* – «пёс»), философской школы, ещё более резкой в парадоксах и вызывающем поведении, чем стоики.

¹⁸⁴⁰ 27. ...улегся на среднем (из трех лож, окружавших стол). – Т.е. на почетном «консульском» месте или рядом.

ложился, а ночью – лишь после того, как не оставалось ни единого дела, которым он мог бы заняться, и ни единого человека, с которым он мог бы вести беседу. А в ту пору, когда война уже началась и исход всего начатого был в руках Брута, а мысли и заботы его были устремлены в будущее, он обыкновенно с вечера, сразу после обеда, дремал недолго, чтобы всю оставшуюся часть ночи посвятить неотложным делам. Если же он все завершал и приводил в порядок скорее обычного, то читал какую-нибудь книгу, вплоть до третьей стражи¹⁸⁴¹ – пока не приходили с докладом центурионы и военные трибуны. Итак, он собирался переправлять войско в Европу. Была самая глухая часть ночи, в палатке Брута горел тусклый огонь; весь лагерь обнимала глубокая тишина. Брут был погружен в свои думы и размышления, как вдруг ему послышалось, будто кто-то вошел. Подняв глаза, он разглядел у входа страшный, чудовищный призрак исполинского роста. Видение стояло молча. Собравшись с силами, Брут спросил: «Кто ты – человек или бог, и зачем пришел?» Призрак отвечал: «Я твой злой гений, Брут, ты увидишь меня при Филиппах». – «Что ж, до свидания», – бесстрашно промолвил Брут.

37. Когда призрак исчез, Брут кликнул рабов. Они уверяли, что ничего не видели и не слышали никаких голосов. Всю ночь Брут не сомкнул глаз, а рано поутру отправился к Кассию и рассказал о своем видении. Кассий, который держался взглядов Эпикура и нередко беседовал об эпикурейской философии с Брутом, отвечал так: «По нашему учению, Брут, не все, что мы видим или же чувствуем, – истинно. Ощущение есть нечто расплывчатое и обманчивое, а мышление с необычайною легкостью сочетает и претворяет воспринятое чувствами в любые мыслимые образы предметов, даже не существующих в действительности. Ведь эти образы подобны отпечаткам на воске, и человеческая душа, которой свойственно не только воспринимать их, но и создавать самой, способна сама по себе, без малейших усилий, придавать им самые различные формы. Это видно хотя бы на примере сновидений, силою воображения создаваемых почти из ничего, однако же насыщенных всевозможными картинками и событиями. По своей природе душа находится в непрерывном движении; движение ее и есть то, что мы называем представлениями и мыслями. Что же касается тебя, то, вдобавок ко всему, тело твое, измученное непосильными трудами, колеблет и смущает разум. Теперь о духах. Мы не верим в их существование, а если они существуют, то не могут иметь ни человеческого обличия, ни голоса, и власть их на нас не распространяется. Я бы, впрочем, хотел, чтобы все было иначе – тогда мы с тобою, возглавляя самое священное и самое прекрасное из всех людских начинаний, могли бы полагаться не только на пехоту, на конницу и на многочисленный флот, но и на помощь богов». Такими доводами пытался Кассий успокоить Брута.

Когда воины всходили на корабли, сверху слетели два орла и уселись на первые знамена. Они сопровождали войско до самых Филипп и кормились тем, что бросали им солдаты, но ровно за день до битвы улетели.

38. Большая часть племен, землями которых следовало войско, уже покорилась Бруту, а если встречался город или властитель, раньше избегнувший его внимания, Брут и Кассий склоняли его на свою сторону теперь и так достигли морского берега против острова Фасоса. Там близ Симбола, в так называемых Теснинах, стоял лагерем Норбан. Страшась окружения, он вынужден был отойти и уступить позицию противнику, который едва не захватил Норбана вместе со всеми его людьми, – ибо Цезарь задерживался из-за болезни, – но Антоний подоспел на помощь с такой быстротой, что Брут просто не поверил своим глазам. Спустя десять дней появился и Цезарь и разбил лагерь напротив Брута, а напротив Кассия стал Антоний. Равнину, которая разделяла враждебные лагеря, римляне называют «Филиппийские поля» [campi Philippi].

Никогда еще столь громадные войска римлян не сражались друг против друга. Числом солдат Брут намного уступал Цезарю, зато войско его отличалось поразительной красотой и

¹⁸⁴¹ 28. ...до третьей стражи ... – Т.е. до полуночи.

великолепием вооружения. Почти у всех оружие было украшено золотом и серебром; на это Брут денег не жалел, хотя во всем остальном старался приучать начальников к воздержности и строгой бережливости. Он полагал, что богатство, которое воин держит в руках и носит на собственном теле, честолюбивым прибавляет в бою отваги, а корыстолюбивым – упорства, ибо в оружии своем они видят ценное имущество и зорко его берегут.

39. Цезарь произвел смотр войску и распорядился выдать каждому из солдат понемногу хлеба и по пяти драхм для жертвоприношения. Тогда Брут, в знак презрения к нужде или же скупости противника, сперва, в согласии с обычаем, устроил на открытом месте смотр и принес очистительные жертвы, а затем распределил по центуриям¹⁸⁴² множество жертвенных животных, да еще сверх того каждый воин получил по пятидесяти драхм, так что в сравнении с неприятелем люди Брута обнаруживали куда больше преданности и рвения.

За всем тем во время смотра Кассию было дурное предзнаменование – ликтор протянул ему венок верхом вниз. Рассказывают, что еще до того, на каких-то играх, в торжественном шествии несли золотую статую Победы, принадлежавшую Кассию, но носильщик поскользнулся, и она упала на землю. Вдобавок, что ни день, над лагерем во множестве появлялись плотоядные птицы, а в одном месте внутри лагерных укреплений заметили рой пчел. Место это прорицатели огородили, чтобы с помощью искупительных обрядов унять суеверный страх, безраздельно завладевший воинами и мало-помалу начинавший смущать и самого Кассия, невзирая на его эпикурейские убеждения. Вот почему Кассий не был склонен немедленно решать исход войны битвою, но советовал отложить сражение и затянуть борьбу, поскольку денег у них достаточно, а численно они слабее врага. Но Брут и раньше стремился как можно скорее завершить дело битвой и либо вернуть отечеству свободу, либо избавить всех людей от бедствий, причиняемых бесконечными поборам, походами и военными распоряжениями, а теперь, видя, что его всадники берут верх во всех стычках и пробных схватках, утвердился в своих намерениях еще более. Кроме того, несколько отрядов перебежали на сторону противника, начались доносы и подозрения, что примеру их готовы последовать другие, и это обстоятельство заставило многих друзей Кассия принять на военном совете сторону Брута. Впрочем и среди друзей Брута нашелся один – Ателлий, – который поддержал Кассия и предлагал хотя бы переждать зиму. На вопрос Брута, что надеется он выгадать, дождавшись следующего года, Ателлий отвечал: «Да хоть проживу подольше, и на том спасибо!» Кассий был возмущен этим ответом, да и всех остальных до крайности раздосадовали слова Ателлия. Итак, решено было дать битву на другой день.

40. Брут был полон счастливых надежд, и после обеда, за которым не смолкали философские рассуждения, лег отдохнуть. Но Кассий, как сообщает Мессала, обедал в узком кругу самых близких друзей и был задумчив и молчалив, вопреки своему нраву и привычкам. Встав из-за стола, он крепко сжал Мессале руку и промолвил по-гречески (как всегда, когда хотел выказать особое дружелюбие): «Будь свидетелем, Мессала, я терплю ту же участь, что Помпей Магн, – меня принуждают в одной-единственной битве подставить под удар все будущее отечества. Не станем, однако ж, терять мужества и обратим взоры наши к Судьбе, ибо отказывать ей в доверии несправедливо, даже если решения наши окажутся неудачны!» И не прибавив больше ни слова, продолжает Мессала, Кассий обнял его; еще раньше он пригласил Мессалу на завтра к обеду – то был день его рождения.

На рассвете в лагерях Брута и Кассия был поднят сигнал битвы – пурпурный хитон, а сами полководцы встретились посредине, между лагерями, и Кассий сказал: «Я хочу, чтобы мы победили, Брут, и счастливо прожили вместе до последнего часа. Но ведь самые великие из человеческих начинаний – в то же время самые неопределенные по конечному своему исходу, и если битва решится вопреки нашим ожиданиям, нам нелегко будет свидетельствовать

¹⁸⁴² 29. ...по центуриям ... – Т.е. по «сотням», боевым отрядам: не путать с гражданскими центуриями, группами народа, по которым велось голосование в некоторых народных собраниях.

снова. Так скажи мне теперь, что думаешь ты о бегстве и о смерти?» и Брут отвечал: «Когда я был молод и неопытен, Кассий, у меня каким-то образом – уж и сам не знаю как – вырвалось однажды опрометчивое слово: я порицал Катона за то, что он покончил с собой. Мне представлялось и нечестивым, и недостойным мужа бежать от своей участи, не претерпеть бесстрашно все, что бы ни выпало тебе на долю, но скрыться, исчезнуть. Теперь я иного мнения. Если бог не судил нам удачи в нынешний день, я не хочу подвергать испытанию новые надежды и новые приготовления, но уйду с благодарностью судьбе за то, что в мартовские иды отдал свою жизнь отечеству и, опять-таки ради отечества, прожил еще одну жизнь, свободную и полную славы». Тогда Кассий улыбнулся, обнял Брута и промолвил: «Что же, с этими мыслями – вперед, на врага! Мы либо победим, либо не узнаем страха пред победителями».

Затем, в присутствии друзей, они уговорились насчет построения войска. Брут просил Кассия уступить начальствование над правым крылом ему, хотя, по общему суждению, и опыт, и годы давали Кассию больше прав на это место в строю. Тем не менее Кассий согласился и даже приказал стать на правое крыло самому лучшему и отважному из своих легионов во главе с Мессалою. И Брут, не теряя ни мгновения, бросил вперед свою пышно разубранную конницу и столь же стремительно начал строить в боевой порядок пехоту.

41. Тем временем Антоний вел от болота, у края которого находился его лагерь, рвы по направлению к равнине, чтобы отрезать Кассию путь к морю, а Цезарь, или, вернее, войска Цезаря, – ибо сам он был нездоров и в деле не участвовал, – спокойно выжидали, никак не предполагая, что неприятель завязывает сражение, но в полной уверенности, что это всего-навсего вылазка с целью помешать работам и распугать солдат-землекопов дротиками и грозным шумом. Не обращая внимания на тех, кто выстроился против их собственных позиций, они с изумлением прислушивались к громким, но невнятным крикам, доносившимся со стороны рвов.

Меж тем как сам Брут верхом на коне объезжал легионы, ободряя воинов, начальники, один за другим, получали написанные его рукою таблички с паролем. Но лишь немногие воины успели услышать пароль, который стали передавать по рядам, – большинство, не дождавшись команды, в едином порыве, с единым кличем ринулось на врага. Это беспорядочное движение сразу же искривило боевую линию и оторвало легионы друг от друга, и первым легион Мессалы, а за ним соседние соприкоснулись на ходу с левым флангом Цезаря. Едва вступив в схватку с передними рядами и сразив очень немногих, они обошли неприятеля и захватили лагерь. Как рассказывает сам Цезарь в своих «Воспоминаниях», одному из его друзей, Марку Арторию, во сне явилось видение, повелевшее, чтобы Цезарь поднялся с постели и покинул лагерь. Он подчинился – и едва успел выбраться за лагерные укрепления. Враги решили, что Цезарь мертв, ибо пустые его носилки были насквозь пробиты дотиками и метательными копьями. Победители учинили страшную резню и, кроме захваченных в самом лагере, уложили две тысячи лакедемонян, которые явились на помощь Цезарю в разгар битвы.

42. Те воины Брута, которые не участвовали в обходе неприятельского фланга, легко потеснили приведенного в замешательство врага и, изрубив в рукопашной три легиона, упоенные своим успехом, ворвались в лагерь на плечах беглецов. С ними был и сам Брут. Тут, однако, побежденные воспользовались благоприятным для них обстоятельством, которого не приняли в расчет победители: они нанесли ответный удар по лишенной прикрытия и уже вконец расстроенной боевой линии противника, правое крыло которой, увлекшись погонею, потеряло всякую связь с главными силами. Срединка, правда, отбивалась с величайшим ожесточением, и ее сломить не удалось, но левое крыло, где царил беспорядок и где ничего не знали о ходе сражения, они обратили в бегство и гнали до самого лагеря, который и разорили, – без ведома обоих своих полководцев. В самом деле, Антоний, как сообщают, при первом же натиске неприятеля укрылся на болоте, а Цезарь, покинув лагерь, исчез без следа, и к Бруту даже являлись воины с донесением, что убили Цезаря, потрясали окровавленными мечами и описывали наружность и годы. Наконец, после кровопролитного

боя, середина отбросила врага, так что Брут одержал полную победу. Зато Кассий понес полное поражение, и вот что единственно сгубило обоих: Брут, полагая, что Кассий победил, не пришел ему на выручку, а Кассий думал, что Брут погиб, и не дождался его помощи. Мессала считает доказательством победы то, что они захватили у врага трех орлов и много иных знамен, тогда как враг не взял у них ничего.

Разрушив дотла лагерь Цезаря и возвращаясь назад, Брут удивился, не видя на прежнем месте ни шатра Кассия, возвышающегося, как обычно, над другими, ни остальных палаток (почти все они были сметены и опрокинуты, как только неприятель ворвался в лагерь). Несколько его приближенных, отличавшихся особою остротой глаза, говорили, что различают в лагере Кассия множество ярко сверкающих шлемов и серебряных щитов, которые движутся с места на место и ни по числу своему ни по внешнему виду не могут принадлежать страже, охраняющей лагерь. Впрочем, продолжали они, по ту сторону укреплений не видно и такой горы трупов, какая непременно осталась бы после разгрома стольких легионов. Эти слова первыми навели Брута на мысль, что стряслась беда. Он велел одному из отрядов нести стражу во вражеском лагере, а сам, прекратив погоню и собрав всех своих воедино, поспешил на подмогу Кассию.

43. Пора, однако, рассказать, что приключилось тем временем с Кассием. Его нисколько не обрадовал первый бросок людей Брута, которые пошли в наступление без пароля и без команды, и с большим неудовольствием следил он за дальнейшим ходом событий – за тем, как правое крыло одержало верх и тут же кинулось грабить лагерь, даже и не думая завершить окружение и сжать неприятеля в кольцо. Но сам он вместо того, чтобы действовать с расчетом и решительностью, только медлил без всякого толка, и правое крыло врага зашло ему в тыл, и немедля конница Кассия дружно побежала к морю, а затем дрогнула и пехота. Пытаясь остановить воинов, вернуть им мужество, Кассий вырвал знамя у одного из бегущих знаменосцев и вонзил древко перед собою в землю, хотя даже его личная охрана не изъявляла более ни малейшего желания оставаться рядом со своим командующим. Так, волей-неволей, он с немногими сопровождающими отступил и поднялся на холм, с которого открывался широкий вид на равнину. Впрочем, сам он был слаб глазами и даже не мог разглядеть свой лагерь, который разоряли враги, но его спутники заметили приближающийся к ним большой отряд конницы. Это были всадники, посланные Брутом; Кассий, однако, принял их за вражескую погоню. Все же он выслал на разведку одного из тех, кто был подле него на холме, некоего Титиния. Всадники заметили Титиния и, узнавши друга Кассия и верного ему человека, разразились радостными криками; приятели его спрыгнули с коней и горячо его обнимали, а остальные скакали вокруг и, ликуя, бряцали оружием, и этот необузданный восторг стал причиной непоправимого бедствия. Кассий решил, что под холмом, и в самом деле, враги и что Титиний попался к ним в руки. Он воскликнул: «Вот до чего довела нас постыдная жажда жизни – на наших глазах неприятель захватывает дорогого нам человека!» – и с этими словами удалился в какую-то пустую палатку, уведя за собою одного из своих отпущенников, по имени Пиндар, которого еще со времени разгрома Красса постоянно держал при себе на случай подобного стечения обстоятельств. От парфян он благополучно спасся, но теперь, накинув одежду на голову, он подставил обнаженную шею под меч отпущенника. И голову Кассия нашли затем отдельно от туловища, а самого Пиндара после убийства никто не видел, и потому некоторые даже подозревали, что он умертвил Кассия по собственному почину. Прошло совсем немного – и всадники стали видны вполне отчетливо, а тут и Титиний с венком, которым его на радостях украсили, явился, чтобы обо всем доложить Кассию. Когда же он услышал стоны и рыдания убитых горем друзей и узнал о роковой ошибке командующего и о его гибели, он обнажил меч и, отчаянно проклиная свою медлительность, закололся.

44. При первом же известии о поражении Брут поспешил к месту боя, но о смерти Кассия ему донесли уже вблизи лагеря. Брут долго плакал над телом, называл Кассия последним из римлян, словно желая сказать, что людей такой отваги и такой высоты духа Риму уже не видать, а затем велел прибрать и обрядить труп и отправить его на Фасос, чтобы

не смущать лагерь погребальными обрядами. Собрав воинов Кассия, он постарался успокоить их и утешить. Видя, что они лишились всего самого необходимого, он обещал каждому по две тысячи драхм – в возмещение понесенного ущерба. Слова его вернули солдатам мужество, а щедрость повергла их в изумление. Они проводили Брута, на все лады восхваляя его и крича, что из четырех императоров один только он остался непобежденным в этой битве. И верно, течение событий показало, что Брут не без основания надеялся выйти из битвы победителем. С меньшим, чем у неприятеля, числом легионов он опрокинул и разбил все стоявшие против него силы, а если бы, к тому же в ходе боя смог воспользоваться всем своим войском, если бы бо́льшая его часть не обошла вражеские позиции с фланга и не бросилась грабить, – вряд ли можно сомневаться, что противник был бы разгромлен наголову.

45. У Брута пали восемь тысяч (вместе с вооруженными рабами, которых Брут называл «бригадами»). Однако противник, как утверждает Мессала, потерял более чем вдвое и потому был опечален и подавлен гораздо сильнее, но – лишь до тех пор, пока, уже под вечер, к Антонию не явился слуга Кассия, по имени Деметрий, и не принес ему снятые прямо с трупа одежды и окровавленный меч. Это настолько воодушевило вражеских начальников, что с первыми лучами солнца они вооружили своих и повели их в битву. Между тем в обоих лагерях Брута царили волнения и тревога, ибо собственный его лагерь был битком набит пленными и требовал сильной охраны, лагерь же Кассия не так-то уж легко и спокойно встретил смену полководца, а, вдобавок, потерпевшие поражение страдали от зависти и даже ненависти к своим более удачливым товарищам. Итак, Брут решил привести войско в боевую готовность, но от сражения уклоняться. Между пленными было множество рабов, и, обнаружив, что они замешались в гущу воинов, Брут счел это подозрительным и приказал их казнить, из числа же свободных некоторых отпустил на волю, объявив, что скорее у его противников были они пленниками и рабами, тогда как у него вновь обрели свободу и гражданское полноправие. Видя, однако, что и его друзья и начальники отрядов полны непримиримого ожесточения, он спрятал этих людей, а затем помог им бежать.

Среди прочих в плен попали мим Волумний и шут Саккулион; Брута они несколько не занимали, но друзья привели к нему обоих с жалобами, что даже теперь не прекращают они своих дерзких речей и наглых насмешек. Занятый иными заботами, Брут ничего не ответил, и тогда Мессала Корвин предложил высечь их плетью на глазах у всего войска и нагими отослать к вражеским полководцам, чтобы те знали, какого рода приятели и собутыльники нужны им в походе. Иные из присутствовавших рассмеялись, однако Публий Каска, тот, что в мартовские иды первым ударил Цезаря кинжалом, заметил: «Худо мы поступаем, принося жертву тени Кассия забавами и весельем. Но мы сейчас увидим, Брут, – продолжал он, – какую память хранишь ты об умершем полководце, – ты либо накажешь тех, кто готов поносить его и осмеивать, либо сохранишь им жизнь». На это Брут, в крайнем раздражении, отвечал: «Вы же сами знаете, как надо поступить, так зачем еще спрашиваться у меня?» Эти слова Каска счел за согласие и смертный приговор несчастным, которых без всякого промедления отвели в сторону и убили.

46. Затем Брут выплатил каждому обещанные деньги и, выразив некоторое неудовольствие своим воинам за то, что они бросились на врага, не дождавшись ни пароля, ни приказа, не соблюдая строя и порядка, посулил отдать им на разграбление два города – Фессалонику и Лакедемон, – если только они выкажут отвагу в бою. В жизни Брута это единственный поступок, которому нет извинения. Правда Антоний и Цезарь, чтобы наградить солдат, чинили насилия, куда более страшные, и, очищая для своих победоносных соратников земли и города, на которые те не имели ни малейших прав, чуть ли не всю Италию согнали с давно насиженных мест, но для них единственной целью войны были власть и господство, а Бруту, чья нравственная высота пользовалась такою громкою славой, даже простой люд не разрешил бы ни побеждать, ни спасать свою жизнь иначе, чем в согласии с добром и справедливостью, и особенно – после смерти Кассия, который, как говорили, иной раз и Брута толкал на чересчур крутые и резкие меры. Однако же, подобно

тому как на судне, где обломилось кормовое весло, начинают прилаживать и приколачивать всякие доски и бревна, лишь бы как-нибудь помочь беде, так же точно и Брут, оставшись один во главе такого громадного войска, в таком ненадежном, шатком положении, и не имея рядом с собой полководца, равного ему самому, был вынужден опираться на тех, что его окружали, а стало быть, – во многих случаях и действовать, и говорить, сообразуясь с их мнением. Мнение же это состояло в том, что необходимо любой ценой поднять боевой дух воинов Кассия, ибо справиться с ними было просто невозможно: безначалие сделало их разнузданными наглецами в лагере, а поражение – трусами пред лицом неприятеля.

47. Впрочем, и у Цезаря с Антонием положение было ничуть не лучше. Продовольствия оставалось в обрез, и, так как лагерь их был разбит в низине, они ждали мучительной зимы. Они сгрудились у самого края болота, а сразу после битвы пошли осенние дожди, так что палатки наполнялись грязью и водой, и месиво это мгновенно застывало от холода. В довершение всего приходит весть о несчастье, постигшем их силы на море: корабли Брута напали на большой отряд, который плыл к Цезарю из Италии, и пустили его ко дну, так что лишь очень немногие избежали гибели, да и те умирали с голода и ели паруса и канаты. Получив это сообщение, Антоний и Цезарь заторопились с битвою, чтобы решить исход борьбы прежде, чем Брут узнает о своей удаче. И сухопутное и морское сражения произошли одновременно, но вышло так – скорее по какой-то несчастливой случайности, чем по злему умыслу флотских начальников, – что даже двадцать дней спустя после победы Брут еще ничего об ней не слышал. А иначе, располагая достаточными запасами продовольствия, разбивши лагерь на завидной позиции, неприступной ни для тягот зимы, ни для вражеского нападения, он не скрестил бы оружия с неприятелем еще раз, ибо надежная победа на море после успеха, который одержал на суше он сам, исполнила бы его и новым мужеством и новыми надеждами. Но власть, по-видимому, не могла долее оставаться в руках многих, требовался единый правитель, и божество, желая устранить того единственного, кто еще стоял поперек дороги будущему правителю, не дало добрым вестям дойти до Брута. А между тем они едва не коснулись его слуха, ибо всего за день до битвы поздним вечером из вражеского стана явился перебежчик, некий Клодий, и сообщил, что Цезарь, получив донесение о гибели своего флота, жаждет сразиться с неприятелем как можно скорее. Но словам этого человека не дали никакой веры и даже не допустили его к Бруту в твердом убеждении, что он либо пересказывает нелепые слухи, либо просто лжет, чтобы угодить новым товарищам по оружию.

48. Говорят, что в эту ночь Бруту снова явился призрак. С виду он был такой же точно, как в первый раз, но не проронил ни слова и молча удалился. Правда, философ Публий Волумний, проделавший под командою Брута весь поход от начала до конца, об этом знамении не упоминает, зато пишет, что первый орел был весь облеплен пчелами и что на руке у одного из начальников вдруг, неизвестно от чего, выступило розовое миро и, сколько его ни вытирали, выступало снова, а что уже перед самою битвой в промежутке между обоими лагерями сшиблись и стали драться два орла и вся равнина, затаив дыхание, следила за боем, пока, наконец, та птица, что была ближе к войску Брута, не поддалась и не улетела прочь. Часто вспоминают еще об эфиопе, который, когда отворили лагерные ворота, попался навстречу знаменосцу, и воины, сочтя это дурной приметой, изрубили его мечами.

49. Брут вывел войско на поле и выстроил его в боевом порядке против неприятеля, но долгое время не начинал битву: проверяя построение, он получил несколько доносов и сам заподозрил иные из отрядов в измене. Кроме того он видел, что конница отнюдь не горит желанием сражаться, но все время озирается, выжидая действий пехоты. И тут, внезапно, один конник, прекрасный воин, чья отвага была отмечена высокими наградами, выехал из рядов неподалеку от Брута и ускакал к неприятелю. Звали его Камулат. Брут был до крайности раздосадован этим неожиданным предательством и, уступая чувству гнева, но вместе с тем и страхась, как бы пример Камулата не оказался заразителен, тут же двинулся на врага, хотя солнце уже склонялось к западу – шел девятый час дня. Тот фланг, что находился под прямым начальством Брута, взял верх над неприятелем и обратил в бегство

левое его крыло. Конница своевременно поддержала пехоту и вместе с нею теснила и гнала расстроенные ряды противника. Но другой фланг начальники, чтобы предотвратить окружение, растягивали все больше и больше, а так как численное превосходство было на стороне Цезаря и Антония, боевая линия истончилась в середине и потеряла силу, так что натиска врага выдержать не смогла и побежала, а те, кто совершил этот прорыв, немедленно ударили Бруту в тыл. В этот грозный час Брут свершил все возможное и как полководец и как воин, но победы не удержал, ибо даже то, что было явной удачей в первой битве, теперь обернулось ему во вред. В самом деле, тогда вся разбитая часть вражеского войска была тотчас истреблена, а войско Кассия, хотя и понесло поражение, мертвыми потеряло совсем немного. Но разгром превратил этих спасшихся от смерти в неисправимых трусов, и теперь они заразили робостью и смятением чуть ли не каждого из бойцов.

В этот же час сын Катона Марк, сражаясь среди самых храбрых и знатных молодых воинов и чувствуя, что неприятель одолевает, тем не менее не побежал, не отступил, но, громко выкликая свое имя и имя своего отца, разил врага до тех пор, пока и сам не рухнул на грудь вражеских трупов. И по всему полю боя падали мертвыми лучшие, самые доблестные, бесстрашно отдавая свою жизнь за Брута.

50. Среди близких его друзей был некий Луцилий, человек благородный и достойный. Он заметил, что отряд варварской конницы, не обращая внимания ни на кого из беглецов, упорно гонится на Брутом, и решил любой ценой их остановить. И вот, немного поотстав от прочих, Луцилий кричит преследователям, что Брут – это он, и всадники поверили с тем большею легкостью, что пленник просил доставить его к Антонию: Цезаря, дескать, он боится, Антонию же готов довериться. В восторге от этой счастливой находки, восхваляя свою поразительную удачу, они повезли Луцилия в лагерь, выслав вперед гонцов. Антоний до того обрадовался, что несмотря на поздний час – уже ложились сумерки – поспешил навстречу всадникам, а все остальные, кто узнавал, что Брута схватили и везут живым, сбегались вместе, и одни жалели об его злой судьбе, другие твердили, что он опорочил былую свою славу, сделавшись из недостойной привязанности к жизни добычею варваров. Конники были уже близко, и Антоний, не зная, как ему принять Брута, остановился, а Луцилий, когда его вывели вперед, без малейших признаков страха объявил: «Марка Брута, Антоний, ни один враг не поймал и, верно, никогда не поймает – судьба да не одержит такой победы над доблестью! Если же его все-таки сыщут – живым или мертвым, – он в любом случае окажется достоин себя и своей славы. Я обманул твоих воинов – и потому я здесь, и без возражений приму любую самую жестокую кару за свой обман». Все были поражены и растеряны, но Антоний, обернувшись к тем, кто привез Луцилия, сказал так: «Вас, друзья, эта ошибка, конечно немало огорчает, вы считаете себя оскорбленными не на шутку. Но будьте совершенно уверены, вам досталась добыча еще лучше той, какую вы искали. Ведь искали вы врага, а привели нам друга. Что бы я стал делать с Брутом, если бы он живым попал в мои руки, – клянусь богом, не знаю, но такие вот люди пусть всегда будут мне друзьями, а не врагами!» Он обнял Луцилия и поручил его заботам одного из своих приближенных, а впоследствии мог твердо рассчитывать на его верность во всех случаях жизни, до самого конца.

51. Брут переправился через речушку с крутыми и лесистыми берегами и, так как уже стемнело, счел ненужным забираться далеко в чашу, но вместе с немногими друзьями и начальниками расположился в какой-то лощине у подножья высокой скалы. Опустившись наземь, он поднял глаза к усыпанному звездами небу и произнес два стиха, из которых один Волумний привел:

Зевс, кару примет пусть виновник этих бед!¹⁸⁴³

¹⁸⁴³ 30. Зевс, кару примет ... и далее. – Эврипид, «Медея», 332 (пер. М.Е. Грабарь-Пассек).

а другой, как он пишет, забыл. Помолчав немного, Брут принялся оплакивать друзей, которые пали, защищая его в бою. Он не пропустил никого, каждого назвал по имени, но особенно горько сокрушался о Флавии и Лабеоне. (Лабеон был у него легатом, а Флавий – начальником рабочего отряда.) Один из его спутников, который и сам хотел пить, и видел, что Брута тоже томит жажда, взял шлем и бегом спустился к реке. В этот миг в противоположной стороне раздался какой-то шум, и Волумний со щитоносцем Дарданом пошел взглянуть, что случилось. Вскоро они были обратно и первым делом спросили, не осталось ли воды. Ласково улыбнувшись Волумнию, Брут отвечал: «Всё выпили, а вам сейчас принесут еще». Снова послали того же, кто ходил в первый раз, но он встретился с неприятелем, был ранен и едва-едва ускользнул.

Брут предполагал, что потери убитыми не столь уже велики, и Статилий вызвался пробиться через неприятельские караулы, – ибо другого пути не было, – осмотреть лагерь и, если расчеты Брута верны и лагерь цел, дать сигнал факелом и возвратиться назад. Горящий факел вдаль они увидели и поняли, что Статилий благополучно достиг цели, но время шло, а он все не возвращался, и Брут сказал: «Если Статилий жив, он непременно будет с нами». Случилось, однако ж, так, что на обратном пути он наткнулся на врагов и в стычке погиб.

52. Была уже глубокая ночь, и Брут, не поднимаясь с места, наклонился к своему рабу Клиту и что-то ему шепнул. Ничего не сказав в ответ, Клит заплакал, и тогда Брут подозвал щитоносца Дардана и говорил с ним с глазу на глаз. Наконец, он обратился по-гречески к самому Волумнию, напомнил ему далекие годы учения и просил вместе с ним взяться за рукоять меча, чтобы усилить удар. Волумний наотрез отказался, и остальные последовали его примеру. Тут кто-то промолвил, что медлить дольше нельзя и надо бежать, и Брут, поднявшись, отозвался: «Вот именно, бежать, и как можно скорее. Но только с помощью рук, а не ног». Храня вид безмятежный и даже радостный, он простился со всеми по очереди и сказал, что для него было огромною удачей убедиться в искренности каждого из друзей. Судьбу, продолжал Брут, он может упрекать только за жестокость к его отечеству, потому что сам он счастливее своих победителей, – не только был счастливее вчера или позавчера, но и сегодня счастливее: он оставляет по себе славу высокой нравственной доблести, какой победителям ни оружием, ни богатством не стяжать, ибо никогда не умрет мнение, что людям порочным и несправедливым, которые погубили справедливых и честных, править государством не подобает.

Затем он горячо призвал всех позаботиться о своем спасении, и сам отошел в сторону. Двое или трое двинулись за ним следом, и среди них Стратон, с которым Брут познакомился и подружился еще во время совместных занятий красноречием. Брут попросил его стать рядом, упер рукоять меча в землю и, придерживая оружие обеими руками, бросился на обнаженный клинок и испустил дух. Некоторые, правда, утверждают, будто Стратон сдался на неотступные просьбы Брута и, отвернувши лицо, подставил ему меч, а тот с такою силой упал грудью на острие, что оно вышло между лопаток, и Брут мгновенно скончался.

53. Этого Стратона Мессала, близкий товарищ Брута, привел впоследствии к Цезарю, с которым к тому времени успел примириться, и, заплакав, сказал: «Смотри, Цезарь, вот человек, оказавший моему Бруту последнюю в жизни услугу». Цезарь обласкал Стратона, и тот, в числе других греков из окружения Цезаря, отлично исполнял все его поручения во многих трудных обстоятельствах и, между прочим, в битве при Акции. А сам Мессала, когда Цезарь хвалил его за то, что он выказал так много рвения при Акции, хотя прежде, при Филиппах, храня верность Бруту, был столь ревностным в своей непримиримости врагом, – Мессала отвечал: «Да, Цезарь, я всегда стоял за тех, кто лучше и справедливее».

Антоний нашел тело Брута и распорядился обернуть его в самый дорогой из своих пурпурных плащей, а когда узнал, что плащ украли, казнил вора. Урну с пеплом он отправил матери Брута, Сервилии.

Супруга Брута, Порция, как сообщает философ Николай и вслед за ним Валерий

Максим¹⁸⁴⁴, хотела покончить с собой, но никто из друзей не соглашался ей помочь, напротив, ее зорко караулили, ни на миг не оставляя одну, и тогда она выхватила из огня уголь, проглотила его, крепко стиснула зубы и умерла, так и не разжав рта. Впрочем, говорят о каком-то письме Брута к друзьям, где он обвиняет их и скорбит о Порции, которую они, по его словам, забыли и бросили, так что, захворав, она предпочла расстаться с жизнью. А так как письмо – если только, разумеется, оно подлинное – говорит и о болезни Порции, и о ее любви к мужу, и об ее мучительной кончине, разумно предположить, что Николай просто-напросто перепутал сроки и времена.

[Сопоставление]

54 (1). Среди многих достоинств, присущих и Диону и Бруту, одно из главнейших то, что оба достигли громадного могущества, не имея вначале почти ничего, в особенности – Дион. Ведь подле Диона не было никого, кто бы состязался с ним в славе, а рядом с Брутом был Кассий, человек, хотя и не равный ему нравственными качествами и доброй славой, а потому и равного доверия не внушавший, но своею отвагой, опытом и неутомимую деятельностью внесший в дело войны не меньший вклад, нежели сам Брут; а некоторые и первый шаг во всей череде событий приписывают Кассию, утверждая, что Брут бездействовал, Кассий же вовлек его в заговор. Между тем, совершенно очевидно, что Дион не только оружие, корабли и воинскую силу, но и друзей и соратников собирал и приобретал сам. И если Бруту лишь война доставила и богатство и власть, то Дион обратил на нужды войны собственное богатство и ради свободы сограждан израсходовал все средства и запасы, на какие существовал в изгнании. Далее, для Брута и Кассия хранить спокойствие после бегства из Рима было отнюдь не безопасно, им вынесли смертный приговор, их гнали и преследовали, – и они волей-неволей искали спасения в войне. Доверившись охране мечей и копий, они терпели невзгоды и опасности, защищая скорее самих себя, нежели сограждан, а Дион, чья жизнь в изгнании была беззаботнее и отраднее жизни тиранна, его изгнавшего, добровольно пошел навстречу величайшей опасности ради спасения Сицилии.

55 (2). Но избавить сиракузян от Дионисия – совсем не то же самое, что римлян освободить от Цезаря. Дионисий и сам не отрицал, что был тиранном и наполнил Сицилию неисчислимыми бедствиями, а власть Цезаря лишь при возникновении своем доставила противникам немало горя, но для тех, кто принял ее и смирился, сохраняла лишь имя и видимость неограниченного господства и ни в одном жестоком, тиранническом поступке виновна не была: мало того, казалось, будто само божество ниспослало жаждущему единовластия государству целителя самого кроткого и милосердного. Вот почему римский народ сразу же ощутил тоску по убитому и проникся неумолимою злобой к убийцам, а Диона сограждане всего больше порицали за то, что он выпустил Дионисия из Сиракуз и не дал разрушить могилу прежнего тиранна.

56 (3). Что касается прямых военных успехов, то Дион обнаружил дар безупречного полководца, ибо не только блестяще исполнял собственные замыслы, но и, поправляя чужие ошибки, умел изменить положение к лучшему. Брут же, сколько можно судить, поступил опрометчиво, отважившись на последнюю и решительную битву, а понеся поражение, не нашел средств снова подняться на ноги, но отрекся и отказался от всякой надежды и в борьбе с судьбой уступил решимостью даже Помпею. А ведь он мог еще твердо рассчитывать на значительную часть своих сухопутных войск и, главное, на свой флот, который безраздельно властвовал на море.

Самое тяжкое из обвинений против Брута – то, что, спасенный милостью Цезаря и сам доставив спасение всем товарищам по плену, за кого ни просил, считаясь другом Цезаря,

¹⁸⁴⁴ 31. Валерий Максим – см.: «Достопамятные деяния и изречения», VI, 6, 5.

который ставил и ценил его выше многих других, он сделался убийцею своего спасителя. Ни в чем подобном Диона обвинить нельзя, напротив, пока он был другом и приближенным Дионисия, он охранял его власть, старался направить ее на лучший путь, и лишь изгнанный из отечества, потерпев оскорбление в супружеских своих правах и лишившись имущества, открыто начал справедливую войну.

А впрочем, не взглянуть ли на дело с противоположной точки зрения? Ведь то качество, которое обоим вменяется в самую высокую похвалу – вражда к тираннам и ненависть к пороку, – качество это в Бруте кристально чисто, ибо, лично ни в чем Цезаря не виня, он подвергал себя смертельной опасности ради общей свободы. А Дион, не сделайся он сам жертвою обиды и насилия, воевать бы не стал. Это с полною очевидностью явствует из писем Платона: Дион, утверждает философ, низложил Дионисия не потому, что отверг тираннию, но потому, что тиранния отвергла его. Далее, не что иное, как соображения общественного блага сделали Брута сторонником Помпея, – хотя он был врагом этого человека, – и противником Цезаря, «ибо и для вражды и для дружбы единственною мерою у него была справедливость, меж тем как Дион, пока чувствовал себя уверенно при дворе тиранна, всячески поддерживал Дионисия, стараясь снискать его расположение, а выйдя из доверия, затеял войну, чтобы утолить свой гнев. Поэтому чистосердечие Диона вызывало сомнения даже у иных из его друзей, которые опасались, как бы, свалив Дионисия, он не оставил власть за собою, обманув сограждан каким-нибудь безобидным, несхожим со словом „тиранния“ названием, о Бруте же и у врагов шли речи, что между всеми заговорщиками только он один от начала до конца преследовал единственную цель – вернуть римлянам прежнее государственное устройство.

57 (4). Но и помимо всего этого войну с Дионисием, разумеется, и сравнивать нельзя с борьбою против Цезаря. Ведь среди приближенных Дионисия не было человека, который не презирал бы своего властителя, чуть ли не все дни и ночи проводившего за вином, игрою в кости и любовными утехами. А задумать свержение Цезаря и не испугаться неодолимой мощи и счастливой судьбы человека, одно имя которого лишало сна царей Индии и Парфии, – это требовало души необыкновенной, души, чье мужество никакой страх сломить не в силах. Вот почему стоило только Диону появиться в Сицилии, как вокруг него сплотились многие тысячи врагов Дионисия, слава же Цезаря – даже мертвого! – поддерживала его друзей, а тот, кто принял его имя, из беспомощного мальчишки мгновенно сделался первым среди римлян, словно бы надев на шею амулет, защищавший его от могущества и вражды Антония. Но Дион, могут мне возразить, свалил тиранна в трудной и долгой борьбе, а Цезарь пал под ударами Брута безоружным и беззащитным. Однако в этом как раз и обнаруживается тончайшая хитрость и точнейший расчет – захватить беззащитным и безоружным человека, облеченного неизмеримою мощью. Ведь Брут напал и убил не вдруг и не в одиночку или же с немногими сообщниками, но составил свой план задолго до покушения и осуществил с помощью многих единомышленников, из которых ни один его не выдал: либо он с самого начала выбрал лучших из лучших, либо же выбором своим сообщил превосходные эти качества людям, которым доверился. А Дион то ли плохо выбирал и доверился негодяям, то ли неумелым, неверным обхождением превратил в негодяев честных людей – и то и другое для человека разумного непростительно. И Платон порицает¹⁸⁴⁵ его за то, что он приблизил к себе таких друзей, которые его погубили.

58 (5). После смерти Дион не нашел ни мстителя, ни заступника, Брута же один из его врагов, Антоний, со славою похоронил, а другой, Цезарь, не лишил оказанных при жизни почестей. В Медиолане, что в Предальпийской Галлии, стояла бронзовая статуя Брута – прекрасной работы и точно передающая сходство. В более поздние годы Цезарь, находясь в Медиолане, заметил эту статую. Сперва он молча прошел мимо, но затем остановился, велел позвать правителей города и в присутствии многих, слышавших этот разговор собственными

¹⁸⁴⁵ 32. ...Платон порицает ... – В сборнике платоновских писем такого высказывания нет.

ушами, заявил, что Медиолан, как ему стало доподлинно известно, нарушил условия мира и укрывает у себя врага Цезаря. Медиоланцы, разумеется, клялись, что ни в чем неповинны, и недоуменно переглядывались, как бы спрашивая друг друга, что имеет в виду император. Тогда Цезарь обернулся к статуе и, грозно нахмурив лоб, спросил: «А вот этот, который здесь стоит, разве он нам не враг?» Главы города смешались еще более и умолкли, но тут Цезарь улыбнулся и, похвалив галлов, за то что они верны друзьям и в беде, приказал оставить изображение Брута на прежнем месте.

АРТАКСЕРКС

[Перевод С.П. Маркиша]

1. Артаксеркс Первый, всех, кто царствовал в Персии, превосходивший милосердием и величием духа, носил прозвище Долгорукого, потому что правая рука у него была длиннее левой. Он был сыном Ксеркса. Второй Артаксеркс, по прозвищу Мнемон, которому посвящен этот рассказ, приходился первому внуком по дочери. У Дария¹⁸⁴⁶ и Парисатиды родилось четверо сыновей: старший Артаксеркс, следующий за ним Кир, и двое младших – Остан и Оксатр. Кир получил имя в память о древнем Кире, а того, как рассказывают, нарекли в честь Солнца¹⁸⁴⁷, ибо Солнце по-персидски «Кир». Что же касается Артаксеркса, то он вначале звался Арсик. Правда, Дион привводит другое имя, Оарс, но трудно себе представить, чтобы Ктесий¹⁸⁴⁸ – при всем том, что сочинения его полны невероятнейших и глупейших басен, – не знал имени царя, при дворе которого жил, пользуя и самого государя, и его супругу, и мать, и детей.

2. С самых ранних лет Кир отличался нравом настойчивым и горячим, тогда как Артаксеркс во всех своих поступках и устремлениях казался сдержаннее и мягче брата. Повинуясь воле родителей, он взял в жены прекрасную и достойную женщину¹⁸⁴⁹, а впоследствии сохранил этот брак в неприкосновенности уже вопреки их воле. Казнив брата этой женщины, царь хотел предать смерти и ее, но Арсик бросился к матери и, обливаясь слезами, до тех пор умолял пощадить его супругу и не разлучать его с нею, пока наконец не вымолил у Парисатиды согласия. Но вообще мать больше любила Кира и хотела, чтобы царство унаследовал он. Поэтому, когда Дарий заболел и Кира вызвали из приморских областей ко двору, он ехал в твердой уверенности, что, заботами и стараниями матери, уже назначен наследником престола. В самом деле, Парисатида выдвигала тот же самый благовидный довод, которым, в свое время, по совету Демарата, воспользовался Ксеркс¹⁸⁵⁰,

---

¹⁸⁴⁶ 1. *Артаксеркс Первый...* и далее – Артаксеркс I правил в 465—423 гг., *Дарий II* Незаконнорожденный в 423—404, *Артаксеркс II Мнемон* («памятливый») в 404—359.

¹⁸⁴⁷ 2. *...в честь Солнца...* – Народная персидская этимология (Kurash «Кир» от зенд. hvare).

¹⁸⁴⁸ 3. *...Дион... Ктесий...* – Дион Колофонский и Ктесий Книдский, 20 лет живший придворным врачом при Артаксерксе II (и стяжавший худую славу выдумщика и персофила), – главные источники греческих знаний о Персии IV в.

¹⁸⁴⁹ 4. *...взял в жены... достойную женщину...* – Т.е. Статиру, дочь гирканского сатрапа Гидарна; брат ее Теритевхм поднял восстание и был казнен.

¹⁸⁵⁰ 5. *...довод, которым... воспользовался Ксеркс...* – Ксеркс убедил Дария передать престол не старшему из всех сыновей, а старшему из сыновей, рожденных после воцарения, т.е. ему, Ксерксу.

а именно – что Арсика она родила еще подданному, а Кира – уже царю. Однако уговоры ее на Дария не подействовали, и царем, под новым именем Артаксеркса, был провозглашен старший, а Кир назначен сатрапом Лидии и начальником войск в приморских провинциях.

3. Вскоре после смерти Дария новый государь отправился в Пасаргады, чтобы персидские жрецы совершили над ним обряд посвящения на царство. Там стоит храм богини войны¹⁸⁵¹, которую можно, пожалуй, отождествить с Афиною. Ищущий посвящения входит в храм, снимает свою одежду и облачается в платье, которое носил Кир Древний до того, как вззошел на престол, затем он отведывает пастилы из плодов смоковницы, разгрызает несколько фисташковых орехов и выпивает небольшую чашу кислого молока. Присоединяются ли к этому какие-либо иные действия, посторонним неизвестно. Артаксеркс уже был готов приступить к исполнению обряда, когда приблизился Тиссаферн¹⁸⁵², ведя за собою одного жреца, который был наставником Кира в детские годы и открыл ему учение магов, а стало быть, больше всех в Персии сокрушался, видя, что царство досталось другому. Вот почему его обвинения против Кира прозвучали особенно веско. Обвинял же он своего ученика в том, что тот намеревался укрыться в храме и, когда царь разденется донага, напасть на него и убить. Некоторые утверждают, что по этому доносу Кир был немедленно схвачен, другие – что он сумел проникнуть в святилище и там притаиться, но жрец его выдал. Его приговорили к смерти, и приговор уже должен был свершиться, но мать сжала Кира в объятиях, окутала его своими распущенными волосами и прильнула шеей к шее сына¹⁸⁵³; нескончаемыми мольбами и слезами она убедила царя простить брата и отправить его назад, к морю. Но не в радость была Киру его власть, не освобождение свое держал он в памяти, но заточение и, кипя гневом, пуще прежнего жаждал царства.

4. Иные писатели сообщают, будто Кир поднялся на царя из-за того, что ему не доставало ежедневного содержания, отпускавшегося на стол, но это сущий вздор. Ведь, помимо всего прочего, за спиною у него была мать, всегда готовая выдать из собственных средств, сколько бы он ни попросил. О богатстве Кира свидетельствуют и отряды наемников, которые во многих местах содержали для него друзья и гостеприимцы, как об этом говорится у Ксенофонта¹⁸⁵⁴. Стараясь до поры до времени скрыть свои приготовления, он не сводил все наемное войско воедино, но под всевозможными предлогами держал вербовщиков в разных землях и областях. Подозрения царя в значительной мере усыпляла мать, находившаяся при нем безотлучно, да и сам Кир неизменно писал брату в тоне почтительном и подобострастном и либо о чем-нибудь его просил, либо взводил ответные обвинения на Тиссаферна, словно бы целиком поглощенный завистью и враждой к этому человеку.

Кроме того, в натуре царя была какая-то медлительность, которую большинство принимало за кротость и доброту. А в начале его правления казалось даже, будто он горячо подражает милосердию Артаксеркса, своего соименника, – так дружелюбно беседовал он с просителями, так щедро преступал меру заслуженного в наградах и почестях, так решительно изымал из наказаний все, что было похоже на издевательство или злорадство. Он с одинаковой обходительностью и благожелательностью и принимал подарки, и сам одаривал других, и не было дара настолько малого и незначительного, чтобы царь не принял

¹⁸⁵¹ 6. ...храм богини войны... – Т.е. Анаитиды, о которой см. ниже, гл. 27.

¹⁸⁵² 7. Тиссаферн – сатрап Лидии, несколько лет был фактическим правителем всей Малой Азии, но около 407 г. в этой должности над ним был поставлен Кир; отсюда их взаимная ненависть.

¹⁸⁵³ 8. ...прильнула шеей к шее сына... – Очевидно, Киру была назначена казнь через отсечение головы – такая же, какая описана ниже, гл. 29.

¹⁸⁵⁴ 9. ...у Ксенофонта. – «Анабасис», I, 1, 6 сл.

его с удовольствием. Как-то раз некий Омис поднес ему гранат – один, но необычайно крупный, и царь воскликнул: «Клянусь Митрой, доверьте этому человеку город – и вы оглянуться не успеете, как он превратит вам его из малого в великий!»

5. Во время какого-то путешествия, когда все наперебой подносили ему разные подарки, один бедный крестьянин не успел найти второпях ничего и, подбежав к реке, зачерпнул обеими горстями воды и протянул царю. Артаксеркса настолько это порадовало, что он велел отправить ему золотую чашу и тысячу дариков. Лаконцу Эвклиду, который бывал с ним слишком дерзок, он передал через одного из хилиархов¹⁸⁵⁵: «Ты можешь что угодно говорить, но я-то могу не только говорить, а и делать». Как-то на охоте Тирибаз сказал царю, что его кандий¹⁸⁵⁶ разодрался. «Как же быть?» – спросил Артаксеркс. «Надень другой, а этот отдай мне», – отвечал Тирибаз. Царь исполнил просьбу своего приближенного, однако ж сказал ему: «Хорошо, Тирибаз, возьми, да только не вздумай носить». Тирибаз не обратил на эти слова никакого внимания – не по злему умыслу, а по всегдашнему своему легкомыслию и безрассудству – и тут же облачился в подаренный кандий да еще вдобавок навесил на шею золотые ожерелья, какими украшают себя женщины из царского дома, и все громко негодовали, ибо это было запрещено, но царь только посмеялся и промолвил: «Можешь носить и то, и другое: золотые побрякушки – как женщина, царское платье – как безумец».

Прежде трапезу с царем не разделял никто, кроме его матери или жены, и первая сидела выше царя, а вторая – ниже. Артаксеркс, однако ж, стал приглашать к своему столу младших братьев, Остана и Оксатра. Но что восхищало персов всего больше, так это выезд Статирь, царской супруги, которая всегда появлялась в повозке без занавесей, так что всякая женщина из народа могла подойти и приветствовать царицу, и она пользовалась всеобщей любовью.

6. Тем не менее горячие головы и любители перемен считали, что положение дел требует человека блестящих дарований, очень воинственного и горячо привязанного к друзьям – одним словом, такого человека, как Кир, – и что громадной державе необходим государь, отличающийся отвагою и честолюбием. И вот Кир, возлагая на своих приверженцев внутри страны не меньшие надежды, чем на собственное войско, решает начать войну. Он пишет лакедемонянам, призывая их оказать ему поддержку и прислать воинов, и тем, кто придет пешком, обещает коней, кто явится верхом – парные запряжки, тем, у кого есть поле, он даст деревню, у кого деревня – даст город, а жалование солдатам будет не отсчитывать, но отмерять меркою! Себя он восхвалял до небес и утверждал, что и сердцем он тверже брата, и лучше знаком с философией, и в магии более сведущ, и даже пьет больше и легче переносит опьянение. А брат, Артаксеркс, слишком труслив и изнежен не только для того, чтобы сидеть на престоле в годину опасностей и бедствий, но даже для того, чтобы усидеть на коне во время охоты! В ответ на это лакедемоняне посылают Клеарху скиталу¹⁸⁵⁷ с распоряжением во всем повиноваться Киру.

Итак, Кир выступил против царя во главе огромного варварского войска и без малого тринадцати тысяч греческих наемников. Истинную цель похода он скрывал, измышляя то один, то иной предлог, но долго таиться оказалось невозможным, потому что Тиссаферн сам приехал к царю и рассказал ему обо всем. Во дворце поднялось смятение, и главную

¹⁸⁵⁵ 10. *Хилиарх* – «тысяченачальник», греческая передача персидского звания.

¹⁸⁵⁶ 11. *Кандий* – персидская верхняя одежда с рукавами.

¹⁸⁵⁷ 12. *...посылают Клеарху скиталу...* – Скитала – см.: Лис, 19. Клеарх, начальник греческих наемников Кира, был спартанским наместником Византия, попытался захватить в городе тиранническую власть и после этого оказался в изгнании. О том, что на службе Кира он продолжал получать секретные инструкции из Спарты, Ксенофонт в «Анабасисе» не упоминает.

виновницей войны называли Парисатиду, а ее приближенных подозревали и даже открыто вину в измене. Больше всех досаждала Парисатиде Статира. До крайности встревоженная надвинувшейся опасностью, она кричала: «Где же теперь твои клятвы и заверения?! Где слезные мольбы, которыми ты спасла злодея, покушавшегося на жизнь брата, – спасла для того, чтобы ныне ввергнуть нас в бедствия войны?!» С тех пор Парисатида возненавидела Статиру; гневливая и по-варварски злопамятная от природы, она задумала известить невестку. Динон пишет, что она исполнила свой замысел еще во время войны, но, по словам Ктесия, это случилось позднее, и мало вероятно, чтобы Ктесий, очевидец всего происходившего, не знал времени такого важного события, а с другой стороны, у него не было никакого основания нарочито изменять эту дату в своем рассказе (хотя часто его повествование уходит далеко от истины и не раз обращается в басню или же драму); поэтому об убийстве Статир и мы расскажем в том же месте, где Ктесий.

7. Меж тем как Кир подвигался вперед, до него доходили и слухи, и надежные известия, что царь не склонен дать ему битву немедленно и вообще не торопится вступить в соприкосновение с противником, но намерен оставаться в Персиде до тех пор, пока все его войска не сойдутся к нему в эту провинцию. Он велел провести ров глубиной в десять оргий¹⁸⁵⁸ и столько же шириной, который протянулся по равнине на четыреста стадиев, но и за пределы этого рва пропустил Кира без сопротивления, так что вскорости мятежник оказался недалеко от самого Вавилона. Наконец, как передают, Тирибаз собрался с духом и первым дерзнул заметить Артаксерксу, что не надо избегать сражения и оставлять врагу Мидию, и Вавилон, и Сузы, а самим забираться в Персиду, когда они во много раз превосходят врага числом и у царя тысячи сатрапов и полководцев и храбрее, и искуснее Кира.

Тогда Артаксеркс решил сразиться с братом как можно скорее. И вот с девяностотысячным, прекрасно вооруженным войском он внезапно появился перед неприятелями, которые, твердо полагаясь на свои силы и презирая врага, шагали как придется и даже без оружия, и настолько их испугал, что среди всеобщего замешательства и отчаянных криков Киру едва удалось построить своих в боевую линию. Кроме того, царские воины шли вперед молча и неторопливо, и греки только дивились строгому порядку в их рядах, – ведь при таком громадном стечении варваров они не ожидали ничего иного, кроме диких воплей, судорожных скачков, страшной неразберихи и частых разрывов в боевой линии. И, наконец, Артаксеркс поступил вполне разумно, разместив самые мощные из серпоносных колесниц против греков, перед пехотным строем своих, чтобы еще до рукопашной стремительный удар колесниц разметал ряды наемников Кира.

8. Битва эта изображена у многих писателей, а Ксенофонт показывает ее чуть ли не воочию¹⁸⁵⁹ и силою своего описания неизменно заставляет читателя ощущать себя участником всех тревог и опасностей так, словно они принадлежат не прошедшему, но сегодняшнему дню, а потому неразумно излагать события следом за ним еще раз, и я приведу лишь те заслуживающие упоминания подробности, которые пропустил Ксенофонт.

Место, где противники выстроились для боя, называется Кунакса и отстоит от Вавилона на пятьсот стадиев. Перед самым сражением Клеарх, как сообщают, убеждал Кира оставаться позади бойцов и не подвергать себя опасности, но тот воскликнул в ответ: «Что ты говоришь, Клеарх! Я ищу царства, а ты советуешь мне показать себя недостойным

¹⁸⁵⁸ 13. ...ров глубиной в десять оргий... (ок. 18,5 м) – Цифры фантазера-Ктесия; Ксенофонт («Анабасис», I, 7, 14) говорит: «шириной в 5 оргий, а глубиной в 3».

¹⁸⁵⁹ 14. ...Ксенофонт показывает... ее чуть ли не воочию... – «Анабасис», I, 8. Кир хотел поставить Клеарха с греческими наемниками в центре, чтобы ударить на царя, однако Клеарх, привыкнув к греческому обычаю выставять лучшие силы на правое крыло, занял эту позицию, опрокинул врага, но тем временем Кир погиб в центре боя, и победа оказалась бесполезной.

царства?!» Кир совершил страшную ошибку, когда, забыв обо всем на свете, не щадя собственной жизни, ринулся в самую гущу схватки, но не меньшей, а, пожалуй, даже большей была ошибка и вина Клеарха, который отказался поставить греков против царя и, опасаясь окружения, растянул свой правый фланг вплоть до реки. Если в первую очередь ты думаешь о собственной безопасности и главную задачу свою видишь в том, чтобы избегнуть каких бы то ни было потерь, тогда уж оставайся лучше всего дома, но пройти от моря в глубь Азии десять тысяч стадиев, без всякого принуждения, единственно чтобы посадить Кира на царский престол, а потом выискивать себе место понадежнее и потише, совершенно не заботясь о спасении своего полководца и нанимателя, – это значит во власти минутного страха забыть обо всем начинании в целом и упустить из виду истинную цель похода. И верно, из событий этого дня видно, что силы, окружавшие царя, ни в коем случае не выдержали бы натиска греков, а если бы они были выбиты со своих позиций и царь бежал вместе с ними или пал, победа доставила бы Киру не только безопасность, но и царство. Вот почему в гибели Кира и его дела повинна скорее осторожность Клеарха, чем безрассудная отвага самого Кира. Если бы даже никто иной, как царь, выбирал, где поставить греков, чтобы удар наемников оказался наименее для него чувствителен, он бы тоже поместил их как можно дальше от себя и своего окружения: ведь недобрые вести оттуда даже не достигли его слуха, а Кир был убит прежде, чем успел воспользоваться победой Клеарха. А между тем Кир отлично видел, в чем его выгода, и потому именно приказывал Клеарху стать посередине. Но Клеарх просил во всем положиться на него – и погубил всё дело.

9. Греки одержали над варварами полную победу (полнее нельзя было и желать) и, преследуя бегущих, ушли очень далеко, а тем временем на Кира, который скакал на чистокровном, но слишком горячем и порывистом коне по кличке Пасак (так сообщает Ктесий), наехал предводитель кадусиев Артагерс и громко крикнул: «Эй, ты, опозоривший самое прекрасное у персов имя – имя Кира, ты, самый бесчестный и безрассудный человек на свете, ты ведешь злодеев-греков на злодейский грабеж персидских сокровищ, да еще надеешься убить господина твоего и брата, у которого миллионы рабов лучше и храбрее тебя. Сей же час ты в этом убедишься! Ты сложишь голову, раньше чем увидишь светлый лик царя!» С этими словами он метнул в Кира копье. Панцирь выдержал, и Кир остался невредим, но едва усидел на коне – такой силы был удар. Тут Артагерс повернул, и Кир в свою очередь бросил копье, да так метко, что острие, пройдя над самой ключицей, пробило шею.

Что Артагерс погиб от руки Кира, согласно сообщают почти все писатели. Но о кончине самого Кира Ксенофонт говорит немногословно и как бы вскользь, что легко объяснимо – ведь он не был очевидцем этой кончины; а стало быть, ничто не препятствует мне изложить сначала рассказ Динона, а потом Ктесия.

10. Итак, Динон пишет, что Артагерс испустил дух, а Кир яростно налетел на царское охранение и ранил коня Артаксеркса, а сам царь свалился на землю. Тирибаз тут же подал ему другого коня и помог сесть, промолвив: «Запомни этот день, царь, его забывать не след!» Кир снова ринулся на брата и снова сшиб его, но когда он и в третий раз погнал коня, царь пришел в ярость и, крикнув окружающим: «Коли так, лучше вовсе не жить!» – сам поскакал навстречу Киру, который уже несясь вперед, безрассудно подставляя грудь остриям вражеских копий. Дротик метнул и сам Артаксеркс, копье за копьем метали окружавшие его солдаты, и, в конце концов, Кир упал, сраженный то ли царем, то ли, как утверждают некоторые, каким-то карийцем. В награду за подвиг царь пожаловал его особым отличием: во всех походах этот воин должен был возглавлять строй, неся на копье золотое изображение петуха, ибо персы прозвали карийцев «петухами» – по султанам из перьев, которыми они украшали свои шлемы.

11. Рассказ Ктесия – в сильно сокращенном виде – сводится к следующему. Умертвив Артагерса, Кир погнал коня на царя, а тот – на Кира, и оба хранили молчание. Первым метнул копье друг Кира Арией и промахнулся. Копье царя, нацеленное в Кира, тоже пролетело мимо, но угодило в Сатиферна, знатного и преданного Киру человека, и лишило

его жизни. Наконец, пустил копье и сам Кир и ранил царя сквозь панцирь, так что острие вошло в грудь на два пальца. Удар сбросил Артаксеркса с лошади, и в свите его тут же началось смятение и бегство, но царь поднялся на ноги и с немногими провожатыми, среди которых был и сам Ктесий, взшел на соседний холм и там остановился. Тем временем Кира, попавшего в гущу неприятелей, горячий конь уносил все дальше. Было уже темно, и враги не узнавали его, друзья же искали повсюду, а он, гордясь своею победой, полный дерзкого пыла, скакал вперед с криком: «Прочь с дороги, оборванцы!» Много раз выкрикивал он персидски эти слова, и все расступались и склонялись ниц. Но внезапно с головы Кира упала тиара, и тут какой-то молодой перс, по имени Митридат, подбежал сбоку и, не зная, кто перед ним, метнул дротик, который попал Киру в висок, совсем рядом с глазом. Из раны хлынула кровь, и Кир, оглушенный, упал на землю. Конь его прынул в сторону и затерялся во мгле, а залитый кровью чепрак, соскользнувший со спины скакуна, подобрал слуга Митридата. Когда после долгого обморока Кир, наконец, очнулся и пришел в себя, несколько евнухов, которые оказались рядом, хотели посадить его на другого коня и увезти в безопасное место. Но он был не в силах удержаться на коне и захотел идти пешком, и евнухи повели его, поддерживая с обеих сторон. Ноги у него подкашивались, голова падала на грудь, однако он был уверен, что победил, слыша, как бегущие называют Кира царем и молят его о пощаде. Тем временем несколько кавнийцев – убогие бедняки, которые следовали за царским войском, исполняя самую черную и грязную работу, – случайно присоединились к провожатым Кира, считая их за своих. Но, в конце концов, они разглядели красные накидки поверх панцирей и, так как все воины царя были в белых плащах, поняли, что перед ними враги. Тогда один из них отважился метнуть сзади дротик в Кира (кто это такой, он не знал) и рассек ему жилу под коленом. Кир снова рухнул наземь, ударился раненым виском о камень и умер. Таков рассказ Ктесия, в котором он убивает Кира медленно и мучительно, словно режет тупым ножом.

12. Кир был уже мертв, когда Артасир – государево око, – проезжая по случайности мимо, услышал причитания евнухов и спросил самого верного среди них: «Над кем это ты так убиваешься, Париск?» – «Разве ты сам не видишь – Кир погиб!» – отвечал евнух. Пораженный Артасир просил Париска не падать духом и зорко оберегать труп, а сам во весь опор поскакал к Артаксерксу, который был в полном отчаянии и, вдобавок, жестоко страдал от жажды и от раны, и радостно сообщил царю, что собственными глазами видел Кира мертвым. Царь хотел было немедленно идти сам и уже приказал Артасиру показывать дорогу, но так как все с ужасом, в один голос твердили о греках, о том, что они неутомимо гонятся за бегущими и натиск их не в силах остановить никто, решил выслать на разведку целый отряд, и тридцать человек с факелами двинулись следом за Артасиром.

Царь между тем умирал от жажды, и евнух Сатибарзан рыскал повсюду в поисках какого-нибудь питья: местность была безводная, а лагерь остался далеко. В конце концов, ему встретился один из тех же жалких кавнийцев, который в худом бурдюке нес около восьми котил грязной и гнилой воды. Эту воду Сатибарзан забрал и подал царю, а когда тот осушил мех до последней капли, спросил, не слишком ли противно было ему пить. В ответ Артаксеркс поклялся богами, что никогда в жизни не пивал он с таким удовольствием ни вина, ни самой легкой, самой чистой воды. «И если, – прибавил он, – я не смогу разыскать и вознаградить человека, который дал тебе эту воду, пусть сами боги даруют ему и счастье, и богатство».

13. В это время возвратились разведчики и, вне себя от восторга, доложили царю, что весть о неожиданной его удаче верна. Вокруг Артаксеркса уже снова начала собираться толпа придворных и воинов, и, ободрившись, он спустился с холма, ярко освещенный пламенем многочисленных факелов. Он подошел к мертвому Киру; по какому-то персидскому обычаю труп отсекли голову и правую руку, и Артаксеркс велел подать ему голову брата. Ухватив ее за волосы, густые и длинные, он показывал отрубленную голову всем, кто еще сомневался и бежал, и все дивились и склонялись ниц, так что в короткое время к Артаксерксу стеклось семьдесят тысяч человек, и с ними царь вернулся в свой

лагерь.

По словам Ктесия, царь вывел на битву четыреста тысяч, но Динон и Ксенофонт называют число гораздо больше¹⁸⁶⁰. Потери убитыми, пишет Ктесий далее, составляли девять тысяч – так донесли Артаксерксу, но, по мнению самого Ктесия, на поле сражения легло не меньше двадцати тысяч. Здесь, однако, еще возможны споры, но когда Ктесий заявляет, будто он сам вместе с закинфянином Фалином и еще несколькими посланцами ходил к грекам для переговоров, – это уже очевидная ложь! Ведь Ксенофонт отлично знал, что Ктесий состоит при царской особе (в своей книге он и прямо упоминает о нем, и дает понять, что читал его сочинение), и конечно не обошел бы его молчанием, если бы тот, в самом деле, явился в греческий лагерь и выступал переводчиком в столь важных переговорах, – тем более, что и закинфянина Фалина Ксенофонт называет по имени¹⁸⁶¹. Но, по-видимому, Ктесий был безгранично честолобив и столь же безгранично привержен к Спарте и Клеарху, а потому во всяком разделе своего рассказа отводит место самому себе, чтобы с этого места пространно восхвалять Клеарха и Лакедемон.

14. После битвы царь отправил богатейшие подарки сыну Артагерса, павшего в поединке с Киром, и щедро наградил Ктесия и остальных. Найдя кавнийца, который дал евнуху бурдюк с водой, он из ничтожного бедняка сделал его знатным и богатым. Со вниманием отнесся он и к наказанию провинившихся. Одного мидийца по имени Арбак, который во время битвы перебежал к Киру, а когда тот пал, возвратился на сторону царя, Артаксеркс признал виновным не в измене и даже не в злом умысле, а только в трусости и приказал ему посадить себе на шею голую потаскуху и целый день ходить по площади с этой ношей. Другой перебежчик лгал, что сразил двух неприятелей, и царь распорядился проткнуть ему язык тремя иглами. Желая, чтобы все говорили и думали, будто он убил Кира своею рукой, Артаксеркс отправил Митридату – тому персу, что нанес Киру первую рану, – дары и велел сказать ему так: «Царь награждает тебя этими подарками за то, что ты нашел и принес чепрак Кира». Награды просил и кариец, который ранил Кира под колено и свалил его с ног. Артаксеркс и ему не отказал и велел передать: «Царь одаряет тебя за вторую весть: первым о смерти Кира сообщил Артасир, вторым – ты». Митридат затаил обиду, но смолчал, а злополучного карийца быстро постигла обычная и общая для всех глупцов беда. Ослепленный благами, которыми он был вдруг осыпан, человек этот надумал искать иных, несовместных с ничтожным его положением, и не пожелал считать того, что получил, наградою за добрую весть, но в негодовании кричал и клялся, что Кира убил он, и никто иной, и что его несправедливо лишают высокой славы. Узнав об этом, царь страшно разгневался и велел его обезглавить, но Парисатида, которая была при этом, сказала сыну: «Не казни, царь, негодяя-карийца такою легкою казнью, отдай его лучше мне, а уж я позабочусь, чтобы он получил по заслугам за свои дерзкие речи». Царь согласился, и Парисатида приказала палачам пытать несчастного десять дней подряд, а потом выколоть ему глаза и вливать в глотку расплавленную медь, пока он не испустит дух.

15. Немного спустя погиб жестокою смертью и Митридат – все из-за той же глупости. Его пригласили на пир, и он пришел в драгоценном платье и золотых украшениях, пожалованных царем. На пиру были и царские евнухи, и евнухи Парисатиды, и после еды, за вином, главный из евнухов царицы-матери промолвил: «Что за прекрасное одеяние, Митридат, подарил тебе царь, что за ожерелья и браслеты, и какую драгоценную саблю! Какой же ты, право, счастливец, все взоры так и тянутся к тебе!» А Митридат, уже захмелевший, в ответ: «Это все пустяки, Спарамиз! В тот день я оказал царю услугу, достойную и более щедрых и более прекрасных даров». – «Я нисколько тебе не завидую,

¹⁸⁶⁰ 15. ...число гораздо большее. – По Ксенофону, I, 7, 11—12, в битве участвовало около 900 тысяч царского войска, а всего было поднято более миллиона (обычные греческие преувеличения персидских сил).

¹⁸⁶¹ 16. ...называет по имени. Ксенофонт называет Ктесия в I, 8, 26—27, а Фалина в II, 1.

Митридат, – заметил с улыбкою Спарамиз, – но если верно говорят греки, что истина – в вине, объясни мне, друг, неужто и в самом деле такой славный и великий подвиг подобрать и принести чепрак, свалившийся со спины у коня?» Вопрос свой евнух задал не потому, что сам не знал истины, но, желая обнаружить ее перед всеми присутствовавшими, подстрекнул легкомыслие молодого человека, которому уже и так развязало язык вино. Не сдержавшись, Митридат отвечает: «Можете сколько угодно болтать про всякие там чепраки, а я говорю вам определенно: Кир был убит вот этою рукой! Я не то, что Артагерс, – я пустил копье не зря, не впустую! Метил я в глаз, да чуть-чуть промахнулся, но висок пробил насквозь и свалил Кира с лошади. От этой раны он и умер». Все остальные, уже видя беду и злой конец Митридата, уставили глаза в пол, и только хозяин дома сказал: «Друг Митридат, будем-ка лучше пить и есть, преклоняясь перед гением царя, а речи, превышающие наше разумение, лучше оставим».

16. Евнух передал этот разговор Парисатиде, а та царю. Царь был вне себя от гнева. Еще бы, ведь его уличали во лжи и лишали самой прекрасной и самой сладостной доли в победе: он хотел, чтобы все – и варвары, и греки – верили, будто в столкновении и схватке с братом он обменялся с ним ударами и, получив рану сам, сразил противника. Итак, Артаксеркс приказывает умертвить Митридата корытною пыткой. Казнь эта заключается в следующем. Берут два в точности пригнанных друг к другу корыта и в одно из них навзничь укладывают осужденного, а сверху накрывают вторым корытом, так что наружу остаются голова и ноги, а все туловище скрыто внутри. Потом человеку дают есть, и если он отказывается, колют иголкой в глаза и так заставляют глотать. Когда он поест, в рот ему вливают молоко, смешанное с медом, и эту же смесь размазывают по всему лицу. Корыто все время повертывают так, чтобы солнце постоянно светило пытаемому в глаза, и неисчислимое множество мух облепляет ему лицо. А так как сам он делает все то, что неизбежно делать человеку, который ест и пьет, в гниющих нечистотах скоро заводятся черви, которые заползают в кишки и принимаются грызть живое тело. Когда же наконец приходит смерть и верхнее корыто снимают, все мясо оказывается уже съеденным, а внутренности так и кишат этими тварями, неутомимо пожирающими свою добычу. Так мучился Митридат семнадцать дней и лишь на восемнадцатый умер.

17. Теперь непораженною оставалась лишь одна, последняя цель – царский евнух Масабат, который отсек Киру голову и руку. Но поведение его было безукоризненно, и тогда вот какую придумала Парисатида хитрость. Она и вообще отличалась умом и способностями, и, между прочим, мастерски играла в кости, и до войны царь нередко с нею играл. Когда война была окончена и Парисатида вновь примирилась с сыном, она не только не избегала его общества, но всячески выказывала Артаксерксу свое дружелюбие, разделяла его забавы, оказывала помощь во всех любовных делах, одним словом – почти не оставляла его наедине со Статирой, которую ненавидела, как никого в целом свете, желая сама играть первую роль при государе. Однажды Артаксеркс томился безделием и хотел развлечься, и, застав его в таком расположении духа, Парисатида предложила бросить кости, сделав ставку в тысячу дариков. Сперва она умышленно проиграла и тут же отсчитала деньги, но прикинулась огорченной и жаждущей продолжить борьбу и просила царя сыграть еще раз – на какого-нибудь евнуха. Царь согласился. Уговорились, что каждый делает исключение для пяти самых верных своих евнухов, из числа же остальных победитель вправе выбрать любого, а побежденный обязан отдать, и на этих условиях снова стали метать кости. На этот раз Парисатида была само внимание и сама сосредоточенность, да и кости легли удачно. Она выиграла и тут же взяла Масабата, который в пятерку вернейших включен не был. И не успел царь заподозрить недоброе, как она уже передала евнуха палачам, приказавши содрать с него живьем кожу и тело приколотить к трем столбам – поперек, – а кожу распалить отдельно. Эта расправа возмутила царя, и он разгневался на мать, а Парисатида с издевательской усмешкой сказала сыну: «Какой ты у меня, право странный – сердисься из-за старого мерзкого евнуха. А я вот проиграла целую тысячу дариков – и молчу, ни слова». Царь раскаивался, что позволил так себя провести, однако ж сдерживался, но Статира,

которая и во всем прочем открыто враждовала со свекровью, не таила своего возмущения тем, что Парисатида мстит за Кира, жестоко и незаконно истребляя евнухов – вернейших слуг царя.

18. Тиссаферн обманул Клеарха¹⁸⁶² и остальных греческих начальников и, вероломно нарушив клятву, схватил их и в оковах отправил к царю. Клеарх попросил Ктесия раздобыть ему гребень и, когда просьба его была исполнена и он прибрал волосы, в благодарность за услугу подарил Ктесию перстень – чтобы тот когда-нибудь предъявил это свидетельство дружбы друзьям и родичам Клеарха в Лакедемон. На перстне был вырезан священный танец в честь Артемиды Карийской. Все это рассказывает сам Ктесий. Пищу, которую посылали Клеарху, отбирали и съедали воины – товарищи по заключению, Клеарху же доставалась лишь самая малость, но Ктесий, по его словам, помог и этой беде, добившись, чтобы Клеарху присылали больше, а остальным назначили особое содержание. Оказать грекам эту помощь ему удалось милостью и заботами Парисатиды. Каждый день, кроме прочей еды, Клеарх получал целый окорок, и он горячо убеждал Ктесия вложить в мясо маленький ножичек и тайно передать ему, не дожидаясь конца, который готовит узнику жестокость Артаксеркса, но Ктесий боялся и не согласился. Между тем царь, склонившись на просьбы матери, поклялся ей пощадить Клеарха, но затем послушался Статире и, изменив своему слову, казнил всех, кроме Менона. С этих пор, утверждает Ктесий, и замыслила Парисатида известить Статиру и в скорости ее отравила, но утверждение это неправдоподобно и даже нелепо – можно ли поверить, чтобы из-за Клеарха Парисатида решилась на такой страшный и опасный шаг и убила законную супругу царя, родительницу наследников престола?! Нет никакого сомнения, что Ктесий сильно преувеличивает, желая почтить память Клеарха. В самом деле, он сообщает далее, будто после казни трупы остальных начальников растерзали собаки и хищные птицы, а тело Клеарха невесть откуда налетевший вихрь засыпал землею и скрыл под большим курганом, на котором, спустя недолгое время, из нескольких финиковых косточек поднялась густая пальмовая роща и осенила весь холм тенью своих ветвей, так что даже сам царь горько раскаивался, что погубил Клеарха – угодного богам мужа.

19. Парисатида, которая с самого начала была полна ненависти и ревности к Статире, видела, что собственная ее власть покоится лишь на сыновнем уважении царя, тогда как Статира сильна любовью и доверием Артаксеркса. Вот тогда-то, считая, что все главнейшее и основное в ее жизни поставлено под удар, она решилась покончить с невесткой. У нее была верная служанка, по имени Гигия, пользовавшаяся чрезвычайным влиянием на свою госпожу; эта Гигия, по словам Динона, и помогла ей отравить царицу, но Ктесий пишет, что она лишь была посвящена в замыслы Парисатиды, да и то вопреки своей воле. Того, кто достал яд, Ктесий называет Белитаром, Динон – Меланфом.

После прежних раздоров и открытых подозрений обе женщины начали снова встречаться и обедать вместе, но, по-прежнему опасаясь друг друга, ели одни и те же кушанья и с одних блюд и тарелок. Родится в Персии маленькая птичка, у которой во внутренностях нет никаких нечистот, но один только жир, и поэтому все считают, что она питается лишь ветром и росой. Название ее – ринтак. Эту птичку, как сказано у Ктесия, Парисатида разрезала ножом, который с одной стороны был смазан ядом, и, обтерши отраву об одну из половинок, вторую – чистую и нетронутую – положила в рот и стала жевать, а отравленную протянула Статире. Но, если верить Динону, птицу делил Меланф, а не Парисатида, и он же поставил перед Статирией смертоносное угощение. Умирая в жестоких муках и страшных судорогах, царица и сама обо всем догадалась, и царю успела внушить подозрение против матери, чей звериный, неумолимый нрав был Артаксерксу хорошо известен. Царь тут же нарядил следствие и приказал схватить и пытать прислужников

---

¹⁸⁶² 17. Тиссаферн обманул Клеарха... – Тиссаферн вызвал на переговоры 5 старших и 20 младших греческих военачальников, и все были вероломно арестованы и казнены (Ксенофонт, II, 5).

Парисатиды, в первую очередь тех, что подавали к столу. Гигию Парисатида долго прятала у себя и не выдавала, несмотря на все требования сына, но позже, когда служанка сама упросила отпустить ее домой, царь, прознав об этом, устроил засаду, поймал Гигию и осудил на смерть. Отравителей у персов казнят по закону так. Голову осужденного кладут на плоский камень и давят и бьют другим камнем до тех пор, пока не расплющат и череп, и лицо. Вот какою смертью умерла Гигия. Парисатиде же Артаксеркс и не сказал, и не сделал ничего дурного и только, в согласии с ее же собственным желанием, отослал мать в Вавилон, объявив, что, пока она жива, его глаза Вавилона не увидят. Таковы были семейные обстоятельства царя персов.

20. Захватить греков, участвовавших в походе Кира, царь считал не менее важным, чем одолеть брата и сохранить за собою престол, однако ж цели своей достигнуть не смог. Потеряв главнокомандующего и собственных начальников и все-таки благополучно вырвавшись чуть ли не из самого царского дворца, греки обнаружили и доказали, что власть персов и их царя – это груды золота, роскошь, да женская прелесть, а в остальном лишь спесь и бахвальство, и вся Греция воспрянула духом и снова исполнилась презрения к варварам, а лакедемонянам представлялось прямым позором хотя бы теперь не положить конец рабству и наглому притеснению, которое терпели азийские греки. Сперва спартанцы воевали под командою Фиброна, потом – Деркиллида, но никаких важных успехов не достигли и тогда поручили вести войну царю Агесилаю¹⁸⁶³. Переправившись с флотом в Азию, Агесилай сразу же взялся за дело со всею решимостью. Он разбил Тиссаферна в открытом бою, склонил к отпадению от персов многие города и приобрел громкую славу. Только тут Артаксеркс сообразил, каким образом лучше всего бороться с лакедемонянами, и отправил в Грецию родосца Тимократа с большою суммою денег, чтобы подкупить самых влиятельных людей в разных городах и поднять против Спарты всю Грецию. Усердно исполняя царский наказ, Тимократ сумел сплотить крупнейшие города, так что в Пелопоннесе начались сильные волнения и власти отозвали Агесилая из Азии. Передают, будто отплывая в обратный путь, он сказал друзьям, что царь изгоняет его из Азии с помощью тридцати тысяч лучников: на персидских монетах был отчеканен лучник.

21. Артаксеркс очистил от лакедемонян и море, воспользовавшись службою афинянина Конона, которого, вместе с Фарнабазом, поставил во главе своих сил. После морской битвы при Эгоспотамах Конон задержался на Кипре – не потому, чтобы искал места потише и поспокойнее, но дожидаясь перемены обстоятельств, словно попутного ветра. Понимая, что его замыслы требуют значительных сил, а царские силы нуждаются в разумном руководителе, он написал царю письмо, в котором изложил свои планы и намерения, и велел гонцу передать его Артаксерксу лучше всего через критянина Зенона или Поликрита из Менды, – Зенон был танцовщиком, а Поликрит врач, – если же ни того ни другого при дворе не окажется, то через врача Ктесия. Рассказывают, что Ктесий, приняв письмо, приписал к просьбам Конона еще одну – чтобы к нему отправили Ктесия, который, дескать, будет полезен в действиях на море; но сам Ктесий утверждает, будто царь дал ему это поручение по собственному почину.

Когда Фарнабаз и Конон выиграли Артаксерксу сражение при Книде и царь лишил лакедемонян владычества на море, он обратил к себе взоры чуть ли не всей Греции, так что смог даже установить меж греками тот пресловутый мир, который носит название Анталкидова. Анталкид был спартанец, сын Леонта. Усердно служа царю, он добился того, что все греческие города в Азии и все острова, лежащие близ азийского берега, сделались данниками Артаксеркса с согласия лакедемонян, а греки заключили между собою мир – если только можно называть миром измену Элладе и ее бесчестие, ибо ни одна война не принесла столько позора побежденным, сколько этот мир его участникам.

22. За это Артаксеркс, ненавидевший спартанцев и считавший их, как пишет Дион,

---

¹⁸⁶³ 18. ...царю Агесилаю. – см.: Агес, 6.

самыми наглыми людьми на свете, выказал чрезвычайную благосклонность Анталкиду, когда тот приехал в Персию. Однажды за пиром он взял венок из цветов, окунул его в драгоценнейшие благовония и послал Анталкиду; и все дивились царской милости и расположению. Но, как видно, человек, надругавшийся в присутствии персов над памятью Леонида и Калликратида, замечательно подходил для всей этой варварской роскоши, и благовонный венок был ему к лицу. Правда, Агесилай в ответ на чьи-то слова: «Горе тебе, Греция, раз уже и спартанцы становятся персами», – заметил: «А не наоборот ли: персы – спартанцами?» Однако ж остроумные слова не искупают позорных дел, а лакедемоняне в неудачной битве при Левктрах потеряли свою власть и первенство, славу же Спарты сгубили еще раньше – Анталкидовым миром. Пока Спарта оставалась самым могущественным государством Греции, царь хранил узы гостеприимства, связывавшие его с Анталкидом, и называл лакедемонянина своим другом. Но когда после поражения при Левктрах обстоятельства резко изменились и спартанцы, нуждаясь в деньгах, отправили Агесилая в Египет, а Анталкид снова приехал к Артаксерксу и просил оказать помощь Лакедемону, царь отнесся к нему с таким невниманием и пренебрежением, так сурово его оттолкнул, что, вернувшись домой, он уморил себя голодом – страшась эфоров и не вынеся насмешек врагов.

У царя побывали также¹⁸⁶⁴ фиванец Исмений и Пелопид, незадолго до того выигравший битву при Левктрах. Пелопид держал себя с безукоризненным достоинством, а Исмений, когда ему приказали поклониться царю, уронил перед собою наземь перстень, а затем нагнулся и поднял, персы же решили, будто он отдал земной поклон. Афинянин Тимагор передал через писца Белурида записку с тайными вестями, и Артаксеркс был до того обрадован, что дал ему десять тысяч дариков, а так как Тимагор хворал и лечился коровьим молоком, приказал гнать за ним следом восемьдесят дойных коров. Кроме того, царь подарил ему ложе с постелью и рабов, чтобы ее постилать, – точно сами греки готовить постели не умеют! – а также носильщиков, которые несли больного до самого моря. Пока же он находился при дворе, ему посылали необыкновенно богатые и обильные угощения, так что однажды брат царя Остан промолвил: «Помни, Тимагор, этот обед: не за малую, видно, службу так пышно тебя потчуют». Слова эти были скорее укором изменнику, чем напоминанием об оказанных милостях. Впоследствии афиняне осудили мздоимца на смерть.

23. Чиня грекам бесчисленные обиды и притеснения, Артаксеркс доставил им радость лишь однажды – когда казнил Тиссаферна, заклятого их врага. Казнил же его царь после того, как Парисатида искусно увеличила бремя уже и прежде лежавших на нем обвинений. Царь недолго гневался на мать, но примирился с нею и снова приблизил к себе: он ценил ум Парисатиды и ее царственную гордость, а никаких причин, способных вызвать взаимные подозрения или обиды, более не существовало. С тех пор Парисатида во всем угождала царю, не противилась ни единому из его действий и таким образом приобрела громадную силу, ибо сын исполнял любое ее желание. И вот она обнаруживает, что Артаксеркс безумно влюблен в одну из своих дочерей, Атоссу, но прячет и подавляет эту страсть (в основном из-за нее, Парисатиды), хотя, – как сообщают некоторые писатели, – уже вступил с девушкой в тайную связь. Едва догадавшись о чувствах сына, Парисатида делается к Атоссе приветливее прежнего, начинает расхваливать Артаксерксу ее красоту и нрав – поистине-де подобающие царице, и, в конце концов, убеждает царя жениться на дочери и назвать ее законной супругой, пренебрегши суждениями и законами греков, ибо для персов он, по воле бога, сам и закон и судья, и сам вправе решать, что прекрасно и что постыдно. Иные – и среди них Гераклид из Кимы – утверждают, будто Артаксеркс взял в жены не только Атоссу, но и другую дочь, Аместриду, о которой мы расскажем немного ниже. Атоссу же он любил так сильно, что, хотя по всему телу у нее шли белые лишай, нимало ею не брезгал и не гнушался,

¹⁸⁶⁴ 19. ...побывали также... – При Артаксерксе в Сузах было два съезда греческих послов – в 387 г., когда был выработан «Царский мир» («Анталкидов»), и в 367, когда в нем участвовали Пелопид и Исмений.

но молил Геру об ее исцелении и единственно пред этою богинею склонился ниц, коснувшись руками земли, а сатрапы и друзья, повинувшись царскому приказу, прислали богине столько даров, что все шестнадцать стадиев, отделявшие храм Геры от дворца, были усыпаны золотом и серебром, устланы пурпуром и уставлены лошадьми.

24. Артаксеркс начал войну с Египтом¹⁸⁶⁵, но потерпел неудачу из-за раздора между полководцами, возглавлявшими поход, – Фарнабазом и Ификратом. Против кадусиев царь выступил сам с тремястами тысячами пеших и десятью тысячами конницы. Вторгнувшись в их землю, гористую, туманную и дикую, не родящую никакого хлеба, но питающую своих воинственных и непокорных обитателей грушами, яблоками и иными подобными плодами, он незаметно для себя попал в очень трудное и опасное положение: ни достать продовольствие на месте, ни подвезти извне было невозможно, так что питались только мясом выючных животных и за ослиную голову охотно давали шестьдесят драхм. Царские трапезы прекратились. Лошадей осталось совсем немного – остальных забили и съели.

Спас в ту пору и царя, и войско Тирибаз, человек, который, благодаря своим подвигам и отваге, часто занимал самое высокое положение и столь же часто его терял из-за собственного легкомыслия и тогда прозябал в ничтожестве. У кадусиев было два царя, и каждый имел свой особый лагерь. И вот Тирибаз, переговоривши с Артаксерксом и открыв ему свой замысел, едет к одному из царей, а ко второму тайно отправляет своего сына, и оба принимаются обманно внушать обоим кадусиям, будто другой царь уже отряжает к Артаксерксу посольство с просьбою о дружбе и союзе, но – только для себя одного. А стало быть, единственно разумный шаг – предупредить события и вступить в переговоры первым, причем оба перса обещали всемерно содействовать успеху этих переговоров. Кадусии дались в обман, оба спешили опередить друг друга, и один отправил послов с Тирибазом, а другой – с сыном Тирибаза.

Все это заняло немало времени, в продолжение которого враги Тирибаза всячески чернили его пред Артаксерксом и успели заронить подозрения в душу царя: он пал духом, раскаивался, что оказал доверие Тирибазу, и благосклонно прислушивался к речам его ненавистников. Но когда, ведя за собою кадусиев, появился и сам Тирибаз, и его сын, когда с обоими посольствами был заключен мир, Тирибаз прославился и возвысился. Он двинулся в путь вместе с царем, который в тогдашних обстоятельствах убедительно показал, что трусость и изнеженность порождаются не роскошью и богатством, как принято думать, но низкой, неблагородной и следующей дурным правилам натурой. Ни золото, ни кандий, ни драгоценный, в двенадцать тысяч талантов, убор, постоянно украшавший особу царя, не мешали ему переносить все труды и тяготы наравне с любым из воинов. Спешившись, с колчаном на перевязи, со щитом в руке, он сам шагал во главе войска по крутым горным дорогам, и остальные, видя его бодрость и силы, испытывали такое облегчение, словно бы за плечами у них выросли крылья. Таким образом, они ежедневно проходили двести стадиев, а то и более.

25. Наконец Артаксеркс приблизился к царской стоянке с изумительными, великолепно разукрашенными садами¹⁸⁶⁶, и, так как ударил мороз, а места вокруг были пустынные и безлесые, он разрешил воинам запасаться дровами в садах и рубить все подряд, не щадя ни сосны, ни кипариса. Но воины жалели деревья, дивясь их высоте и красоте, и тогда Артаксеркс взял топор и собственными руками свалил самое высокое и самое красивое

---

¹⁸⁶⁵ 20. ...начал войну с Египтом... – Египет вновь отложился от Персии еще в 404 г. и был окончательно покорен только к 343 г. Поход старого Фарнабаза и афинянина Ификрата на Египет относится к 379 г.; одновременно царю приходилось воевать с Эвагором Кипрским и с горцами-кадусиями. Плутарх останавливается только на последней кампании, потому что Артаксеркс в ней участвовал лично.

¹⁸⁶⁶ 21. ...садами... – разведение парков было неизвестно в Греции, само слово для них пришло из персидского языка (paradeisos – сперва «сад», потом «рай»).

дерево. Тут все принялись за дело и, разведя множество костров, с удобством провели ночь.

Так возвратился царь, понеся тяжелые потери в людях и лишившись почти всех коней. Полагая, что неудачный поход вызвал чувство презрения к государю, он стал подозревать виднейших своих приближенных и многих казнил в гневе, но еще больше – от страха. Ибо главная причина кровожадности тираннов – это трусость, тогда как источник доброжелательства и спокойствия – отвага, чуждая подозрительности. Вот и среди животных хуже всего поддаются приручению робкие и трусливые, а благородные – смелы и потому доверчивы и не бегут от человеческой ласки.

26. Артаксеркс был уже стар, когда впервые заметил, что сыновья заранее оспаривают друг у друга престол и каждый ищет поддержки среди друзей царя и могущественных придворных. Люди справедливые и рассудительные высказывали мнение, что ему следует оставить власть Дарию – по праву первородства, ибо и сам он получил царство в согласии с этим правилом. Но младший сын, Ох, отличавшийся нравом горячим и резким, имел немало приверженцев во дворце, а главное, рассчитывал склонить отца на свою сторону с помощью Атоссы. Он домогался ее благосклонности и обещал взять ее в жены и сделать своею соправительницей после смерти отца, но ходил слух, будто он состоял с Атоссой в тайной связи еще при жизни Артаксеркса. До сведения царя, однако же, это не дошло.

Желая разом лишить Оха всякой надежды, чтобы он не вздумал повторить того, на что некогда отважился Кир, и царство не оказалось бы еще раз ввергнутым в жестокую войну, Артаксеркс провозгласил Дария, – которому шел уже пятидесятый год, – царем и позволил ему носить так называемую прямую китару¹⁸⁶⁷. По персидскому обычаю вновь назначенный наследник престола мог просить любого подарка, а царь, назначавший наследника, был обязан исполнить любую его просьбу, если только это оказывалось возможным, и Дарий попросил Аспасию, – в прошлом первую среди возлюбленных Кира, а теперь наложницу царя. Она была из Фокеи в Ионии, родилась от свободных родителей и получила хорошее воспитание. Вместе с другими женщинами ее привели к Киру, когда он обедал, и остальные сразу же сели подле и без всякого неудовольствия принимали его шутки, прикосновения и ласки, Аспасия же молча остановилась у ложа и, когда Кир велел ей подойти ближе, не послушалась. Слуги хотели подвести ее насильно, но она воскликнула: «Горе тому, кто тронет меня хотя бы пальцем!» Все присутствовавшие подумали, что она груба и неотесана, а Кир был доволен, засмеялся и сказал человеку, который привел женщину: «Вот видишь, из всех, что ты мне доставил, только одна свободная и неиспорченная!» С тех пор он оказывал Аспасии особое внимание и вскоре полюбил ее больше всех других и прозвал Умницей. Она была захвачена после смерти Кира на поле битвы, когда победители грабили лагерь.

27. Ее-то Дарий и попросил и просьбою своей раздосадовал отца. Варварские народы ревнивы до последней крайности – настолько, что смерть грозит не тому даже, кто приблизится и прикоснется к какой-нибудь из царских наложниц, но тому, кто хотя бы обгонит на дороге повозку, в которой они едут. Царь был женат на Атоссе, взяв ее за себя по любви и нарушив при этом все обычаи, – и все же он содержал при дворе триста шестьдесят наложниц замечательной красоты. Итак, он отвечал сыну, что Аспасия не рабыня, а свободная, и, если она изъявит на то свое согласие, Дарий может ее взять, силу же употреблять не следует. Послали за Аспасией, и, вопреки ожиданиям царя, она избрала Дария. Скрепя сердце Артаксеркс подчинился обычаю и отдал наложницу, но вскорости снова отобрал – чтобы назначить жрицею чтимой в Экбатанах Артемиды, которую называют Анаитидой¹⁸⁶⁸, и чтобы остаток своих дней она провела в чистоте и непорочности. Царь

¹⁸⁶⁷ 22. ...прямую китару. – Т.е. тиару; см.: Фем., примеч. 49.

¹⁸⁶⁸ 23. Анаитида – богиня плодородия и стихийных сил природы; становится популярна в Иране именно при Артаксерксе (как и Митра, упоминаемый в гл. 4).

считал, что наказывает сына не сурово, а очень мягко и как бы шутя, но Дарий был в ярости, то ли потому, что без памяти любил Аспасию, то ли полагая, что отец жестоко его оскорбил и насмеялся над ним.

Тирибаз угадал настроение царевича и постарался ожесточить его еще сильнее, в участии Дария узнавая собственную участь. Дело заключалось в следующем. У царя было несколько дочерей, и он обещал отдать Апаму Фарнабазу, Родогуну – Оронту, а за Тирибазу выдать Аместриду. Два первых обещания он сдержал, но Тирибазу обманул и женился на Аместриде сам, а с Тирибазом помолвил самую младшую дочь – Атоссу. Когда же он взял в жены и эту свою дочь, вспыхнувши к ней страстью, как уже рассказано выше, Тирибаз ожесточился окончательно. Он и вообще-то не обладал твердым характером, но был человек неуравновешенный и неровный и, то становясь в один ряд с первыми людьми в государстве, то впадая в немилость и терпя унижение, ни одну из таких перемен не сносил с подобающею сдержанностью: находясь в чести, вызывал всеобщее недоброжелательство своим высокомерием, а в пору неудач выказывал не смирение и спокойствие, но неукротимую гордыню.

28. Маслом в огонь были для заносчивого Дария речи Тирибазу, упорно твердившего, что бесполезно водружать на голову прямую китару тому, кто сам не стремится верно направить свои дела, и что глубоко заблуждается Дарий, если твердо рассчитывает получить престол в то время, как братец его крадется к власти через гинекей, а характер отца столь переменчив и ненадежен. Ради какой-то гречанки он вероломно нарушил нерушимый у персов закон – кто же поверит, что он, и в самом деле, исполнит уговор о вещах первостепенной важности? И притом не достигнуть царского достоинства – совсем не то же самое, что лишиться его, ибо Оху никто не воспрепятствует жить счастливо и частным лицом, а ему, Дарию, уже провозглашенному царем, не остается ничего иного, как либо царствовать, либо вовсе не жить.

Да, безусловно справедливы слова Софокла:

Совет поспешный нас ведет дорогой зла¹⁸⁶⁹,

ибо легок и гладок путь к тому, чего мы хотим, а большинство – по незнанию и неведению прекрасного – хочет дурного. Правда, во многом помогли Тирибазу соблазнительное величие царской власти и страх Дария перед Охом; не без вины оказалась и Киприда – я имею в виду удаление Аспасии.

29. Итак, Дарий полностью доверился Тирибазу. Когда в заговор были вовлечены уже очень многие¹⁸⁷⁰, какой-то евнух открыл Артаксерксу все их планы, в точности выведав, что они решили ночью проникнуть в спальню царя и убить его в постели. Отнестись безразлично к нависшей угрозе и пропустить донос мимо ушей Артаксеркс считал опасным, но еще более опасным представлялось ему поверить доносчику без всяких доказательств. И вот как он поступил. Евнуху он велел оставаться при заговорщиках и зорко за ними следить, а в спальне распорядился пробить стену позади ложа, навесить дверь и прикрыть ее ковром. Когда срок покушения настал, евнух известил об этом царя. Артаксеркс не поднялся с постели до тех пор, пока не приметил и не разглядел каждого из вошедших, и только увидев, что они обнажили мечи и ринулись к нему, мгновенно откинул ковер, проскользнул во внутренний покой и с криком захлопнул за собою дверь. Убийцы, так и не исполнившие своего замысла, но узванные царем, выбежали в те же двери, которыми прокрались в

---

¹⁸⁶⁹ 24. *Совет поспешный нас ведет дорогой зла...* – Слова из неизвестной трагедии Софокла.

¹⁸⁷⁰ 25. *...в заговор были вовлечены уже очень многие...* – Т.е. 50 сыновей Артаксеркса от его наложниц, не имевшие сами права на престол. Всего у царя было 115 сыновей, но от Статирис только трое: Дарий, Ариасп и Ох.

спальню. Тирибазу все советовали спастись, потому что вина его открылась; рассыпались кто куда и остальные. Тирибаз был настигнут, положил в схватке многих царских телохранителей и, в конце концов, пал сам, сраженный брошенным издали копьем.

Дарий, взятый под стражу вместе с детьми, предстал перед царскими судьями – так распорядился отец. Сам Артаксеркс на суде не присутствовал, и с обвинением выступили другие, но служителям приказал записать мнение каждого из судей и записи подать ему. Все высказались единодушно и приговорили Дария к смерти. Прислужники взяли его и отвели в темницу по соседству с дворцом. На зов их явился палач с острым как бритва ножом, которым отрезают головы осужденным, однако ж, увидев Дария, в ужасе отступил, оглядываясь на дверь и словно не имея ни сил, ни мужества наложить руку на царя. Но судьи снаружи грозно приказывали ему делать свое дело, и тогда, отвернувшись, он схватил Дария за волосы, запрокинул ему голову и перерезал ножом горло. Некоторые писатели сообщают, что суд происходил в присутствии самого Артаксеркса и что Дарий, под бременем улик, пал ниц и молил отца о пощаде, но царь в гневе вскочил, вытащил из ножен саблю и зарубил сына. Потом он вышел на передний двор, помолился Солнцу и промолвил: «Ступайте персы, ступайте с радостью и расскажите остальным, что великий Оромазд покарал замысливших ужасное преступление!»

30. Таков был исход этого заговора. Ох, которого поддерживала Атосса, питал теперь самые светлые надежды на будущее, но все еще опасался Ариаспа – единственного оставшегося в живых законного царевича, а из побочных братьев – Арсама. Ариаспа персы считали достойным престола не потому, что он был старше Оха, но за его мягкий, простой и добрый нрав, Арсам же славился умом и был особенно мил и дорог отцу, о чем Ох отлично знал. Задумав погубить обоих, Ох, отличавшийся разом и кровожадностью, и коварством, против Арсама пустил в ход природную свою жестокость, а против Ариаспа подлую хитрость. Он стал подсылать к Ариаспу одного за другим царских евнухов и друзей, всякий раз приносивших грозные и пугающие вести, будто царь решил предать его мучительной и позорной казни. Что ни день доставляя с таинственным видом такого рода сообщения и то нашептывая, что царь откладывает свой приговор, то – что вот-вот приведет его в исполнение, они до предела запугали несчастного, смешали все его мысли, наполнили душу робостью и унынием, и, в конце концов, он раздобыл смертоносного яда, выпил и положил конец всем своим тревогам. Узнав о том, как он скончался, царь горько оплакал сына. Он догадывался, кто повинен в гибели Ариаспа, но, по старости лет, был не в состоянии расследовать дело до конца. Тем горячее полюбил он теперь Арсама и открыто выказывал ему величайшее доверие. Тогда Ох пришел к убеждению, что медлить нельзя, и подговорил Арпата, сына Тирибаза, убить Арсама. Артаксеркс был уже в таком преклонном возрасте, когда любое огорчение может оказаться роковым. Узнав о страшной участи Арсама, он в самый короткий срок угас от печали и горя. Он прожил девяносто четыре года, правил царством шестьдесят два и оставил по себе славу доброго, любящего своих подданных государя – главным образом, в сравнении с сыном своим Охом, который всех превзошел кровожадностью и страстью к убийствам.

АРАТ

[Перевод С.П. Маркиша]

1. У философа Хрисиппа, Поликрат, приводится одна древняя поговорка. Но, вероятно, страшись зловещего смысла этой поговорки, Хрисипп передает ее не в подлинном виде, а в том, какой сам находит более пристойным и уместным:

Кто, как не сын, вспомнит отца при судьбине счастливой?

Дионисодор из Трезена, опровергая Хрисиппа, восстанавливает истинное ее звучание:

Кто, как не сын, вспомнит отца при судьбине злосчастной?

и прибавляет, что она затыкает рот тем, кто, сами по себе не стоя ничего, хотят укрыться за доблестями предков и неумеренно их превозносят. Но в ком, по слову Пиндара¹⁸⁷¹, «обнаруживается природное благородство отцов», как, например в тебе, устраивающем свою жизнь в согласии с самым прекрасным из семейных образцов, для того, конечно, истинное счастье – вспоминать о великих и славных предках, слушать рассказы о них или же рассказывать самому. Ибо такие люди не по недостатку собственных заслуг ссылаются на заслуги чужие, но, видя в своих достоинствах наследие отцов и дедов, тем самым воздают им хвалу и как родоначальникам, и как наставникам жизни.

Вот по этим-то причинам я и посылаю тебе составленное мною жизнеописание Арата, твоего согражданина и прародителя, которого ты не посрамляешь ни славою твоей, ни могуществом. Правда, ты и сам не пожалел трудов, чтобы с величайшею тщательностью собрать все известия о нем, но я хочу чтобы на семейных примерах воспитывались твои сыновья, Поликрат и Пифокл, сперва слушая, а позже и читая о том, чему им надлежит подражать. Ведь ставить всегда и во всем на первое место одного лишь себя свойственно не любви к прекрасному, а необузданному себялюбию.

2. С тех пор как город сикионян расстался с подлинно дорийским аристократическим строем¹⁸⁷², былому согласию пришел конец и начались раздоры между честлюбивыми вожаками народа. Сикион беспрерывно страдал от внутренних неурядиц и менял одного тиранна на другого, пока, после убийства Клеона, правителями не были избраны двое самых известных и влиятельных граждан – Тимоклид и Клиний. Казалось, государство вновь начинало обретать спокойствие и устойчивость, когда Тимоклид скончался, а Клиния Абантид, сын Пасея, стремясь к тирании, умертвил, друзей же его и родичей кого изгнал из Сикиона, а кого и убил. Семилетнего сына Клиния, Арата, Абантид тоже обрек на смерть и разыскивал его повсюду, но в охватившей дом сумятице мальчик ускользнул вместе с теми, кто спасался бегством, и, беспомощный, полный ужаса, долго блуждал по городу. Случайно оставшись незамеченным, он попал, наконец, в дом одной женщины по имени Сосо – супруги Профанта, брата его отца, приходившейся сестрою Абантиду. Женщина эта и вообще отличалась благородством характера и, к тому же, подумала, что ребенку удалось спастись по воле кого-то из богов, а потому укрыла его у себя и ночью тайно отправила в Аргос.

3. Так с самого раннего детства в душу Арата, хитростью спасенного от гибели, запала жестокая, пламенная ненависть к тираннам, которая с годами разгоралась все жарче. Жил он у аргосских гостеприимцев и друзей своего отца и получил воспитание, подобающее свободному гражданину. Видя, что тело его быстро растет и мышцы наливаются силой, Арат посвятил себя упражнениям в палестре и преуспел в них настолько, что состязался в пятибории и получал венки. И верно, в изображениях его сразу угадывается атлет, и несмотря на ум и царственную величавость, запечатлевшиеся в чертах его лица, нетрудно заметить, что человек этот много ел¹⁸⁷³ и что рука его привыкла к заступу. Поэтому,

---

¹⁸⁷¹ 1. ...по слову Пиндара... – «Пифийские оды», 8, 44.

¹⁸⁷² 2. С тех пор как город сикионян расстался с подлинно дорийским... строем... – Речь идет о тиранических режимах, насаждавшихся в греческих городах эллинистическими монархами (с одной стороны, македонскими, с другой – египетскими). Падение Клеона (Элиан, XII, 43, называет его морским разбойником) относится к 264 г., падение Никокла – к 251 г.

¹⁸⁷³ 3. ...много ел... – Греки были умеренны в еде, но атлетам полагалась очень обильная мясная диета, вредное действие которой умерялось физическим трудом (лопатой и заступом).

вероятно, он уделил красноречию меньше внимания, чем надлежало государственному мужу, хотя был не столь уже неискусен в речах, как представляется некоторым, кто судит лишь по его «Воспоминаниям»¹⁸⁷⁴: ведь воспоминания эти писаны урывками, между делом, без отбора соответствующих слов и выражений.

С течением времени Диний и знаток диалектики Аристотель составили заговор против Абантида, который имел обыкновение слушать их беседы на городской площади и вмешиваться в ученые споры, и наконец, в разгар одного из таких споров, убили его. Власть захватил Пасей, отец Абантида, но и он погиб, предательски умерщвленный Никоклом, который вслед за тем провозгласил себя тиранном. Говорят, что этот Никокл был в точности похож лицом на Периандра, сына Кипсела, так же, как походил на Алкмеона, сына Амфиарая, перс Оронт или на Гектора – один спартанский юноша, о котором Миртил рассказывает, что его растоптала толпа любопытных, проведавших об этом необычайном сходстве.

4. Никокл правил Сикионом пятый месяц и за это время причинил городу немало зла и сам едва не лишился власти происками этолийцев. Между тем Арат, уже вышедший из детского возраста, пользовался большим уважением – не только по знатности рода, но и за свой ум, глубокий и кипучий и, вместе, степенный, не по возрасту осмотрительный и осторожный. Поэтому и сикионские изгнанники главным образом к нему устремляли свои взоры, и Никокл не закрывал глаза на то, что делалось в Аргосе, напротив – хотя и скрытно, но зорко наблюдал за каждым шагом Арата. Он, правда, не ждал какой-нибудь отчаянной выходки с его стороны, но опасался, не вступил ли юноша в переговоры с царями, которых связывали с его отцом узы дружбы и гостеприимства. И верно, Арат хотел вступить на этот путь, но Антигон, несмотря на щедрые обещания, выказывал полное равнодушие к делам сикионян и упустил время, а Птолемей и Египет были слишком далеко, и он решился низложить тиранна собственными силами.

5. Первыми он посвящает в свой план Аристомах и Экдела. Аристомах был изгнанник из Сикиона, а Экдел аркадянин из Мегалополя, философ и человек дела, когда-то слушавший в Афинах академика Аркесилая. Оба горячо одобрили замысел Арата, и тогда он обратился к остальным изгнанникам, но из них лишь немногие, те, кто считал позором не откликнуться на зов надежды, приняли участие в его начинании, большинство же пыталось удержать и самого Арата, твердя, что дерзкая отвага его вызвана неопытностью, незнанием жизни.

Арат думал о том, как захватить в сикионских владениях хотя бы уголок, откуда можно будет начать борьбу с тиранном, и в эту самую пору является в Аргос один сикионянин, бежавший из тюрьмы. Это был брат изгнанника Ксенокла. Ксенокл привел его к Арату, и он рассказал, что благополучно перебрался через городскую стену в том месте, где изнутри она почти вровень с землей, потому что примыкает к каменистому холму, а снаружи сравнительно невысока и с помощью лестницы вполне преодолима. Арат выслал на разведку Ксенокла и двух своих рабов, Севфа и Технона, с наказом внимательно осмотреть стену: он решил, что лучше – если только окажется возможным – пойти на риск и, соблюдая тайну, решить все разом, чем начинать с тиранном длительную и открытую борьбу, оставаясь частным лицом. Ксенокл и его спутники, измерив стену, вернулись и сообщили, что вообще-то подходы к стене нетрудны и даже удобны, но приблизиться незаметно – задача непростая: мешают сторожевые собачонки в каком-то саду, маленькие, но до крайности злобные. Выслушав это донесение, Арат немедленно приступил к делу.

6. Запасаться оружием было тогда делом обычным, – потому что чуть ли не любой в те времена покушался на чужое имущество и жизнь, – а лестницы совершенно открыто сбил плотник Эвфранор, чье ремесло ставило его вне подозрений, хотя и он принадлежал к числу

---

¹⁸⁷⁴ 4. ...по его «Воспоминаниям»... – Это большое (около 30 книг) сочинение было главным источником Плутарха здесь и в биографиях Агида и Клеомена.

изгнанников. Каждый из друзей, каких Арат успел приобрести в Аргосе, дал ему по десяти человек, а сам он вооружил тридцать своих рабов. Кроме того, через некоего Ксенофила, вожака разбойничьей шайки, он нанял небольшой отряд воинов, которым дали понять, что готовится набег на царские табуны¹⁸⁷⁵ в Сикионской земле. Большая часть людей была небольшими группами отправлена вперед с приказом собраться и ждать у Полигнотовой башни. Вперед был выслан и Кафисий с четырьмя товарищами, все пятеро налегке; они должны были под вечер прийти к садовнику, назваться путешественниками и остановиться на ночлег, а потом запереть хозяина вместе с его собаками – иного способа устранить препятствие не было. Разборные лестницы спрятали в ящики и, погрузив на повозки, увезли заранее.

Между тем до Арата дошел слух, будто в Аргосе находятся соглядатаи Никокла, которые бродят по городу и тайно за ним следят. Тогда он рано утром отправился на городскую площадь и долгое время оставался там у всех на виду, беседуя с друзьями, а потом натерся маслом в гимнасии, захватил из палестры нескольких молодых людей, вместе с которыми обыкновенно пил и веселился, и повел их к себе. Спустя немного на рынке появились его рабы – один нес венки, другой покупал светильники, третий о чем-то толковал с кифаристками и флейтистками, которых всегда приглашали играть на пирушках. Все это обмануло соглядатаев, и они, посмеиваясь, говорили друг другу: «Вот уж, поистине, нет ничего трусливее тиранна, если даже Никокл, владея таким обширным городом и такою силой, боится мальчишку, который проматывает свое содержание изгнанника на беспутные удовольствия и попойки среди бела дня!»

7. С тем они и удалились, ни о чем не подозревая, а Арат сразу после завтрака выступил из Аргоса, соединился у Полигнотовой башни со своими воинами и повел их в Немею, где и открыл всему отряду истинную цель похода. Постаравшись ободрить людей щедрыми обещаниями и дав им пароль – «Аполлон Победоносец», он двинулся прямо на Сикион, соразмеряя скорость движения с ходом луны по небосклону: сперва торопился, чтобы проделать весь путь при свете, а потом замедлил шаг, чтобы оказаться у сада рядом со стеною как раз на закате луны. Там его встретил Кафисий и сообщил, что собачонки в руки не дались и убежали, а садовника он запер. Чуть ли не весь отряд сразу пал духом и потребовал отступления, но Арат успокаивал воинов, заверяя, что сразу же повернет назад, если собаки подымут слишком громкий лай. Тут он высылает вперед людей с лестницами – во главе их были поставлены Экдел и Мнасифей, – а сам медленно движется следом, несмотря на неистовое тявканье собачонок, которые бегут вровень с Экделом. Все же изгнанники достигают стены и беспрепятственно устанавливают лестницы. Но не успели еще первые взобраться на верх, как начальник, разводивший по постам утреннюю стражу, принялся поверять караулы: зазвенел колокольчик, замелькали многочисленные факелы, раздался шум голосов и лязг оружия. Люди Арата замерли на ступеньках лестниц и таким образом без труда укрылись от глаз караульных, но навстречу первому приближался еще один отряд, и опасность была чрезвычайно велика, однако ж и эти солдаты прошли мимо, ничего не заметив. Мнасифей и Экдел мгновенно поднялись на стену, заняли подходы с обеих сторон – изнутри и извне – и отправили к Арату Технона с призывом поспешить.

8. Незначительное расстояние отделяло сад от городской стены и башни, в которой сидел большой сторожевой пес охотничьей породы. Сам он не услышал приближавшихся врагов – то ли потому, что вообще был недостаточно чуток, то ли чересчур умаявшись за день. Но собачонки садовника подняли его на ноги; сперва он только глухо ворчал, однако ж, по мере того, как люди подходили ближе, лаял громче и громче, и, в конце концов, все кругом загудело от лая, и караульный с поста напротив во весь голос окликнул псаря, спрашивая, на кого это так свирепо лает его пес и не случилось ли какой неожиданной беды. Псарь на башне отвечал, что ничего особенного не случилось, а просто собаку растревожили

---

¹⁸⁷⁵ 5. ....царские табуны... – Т.е. принадлежавшие царю Македонии.

факелы охраны и звон колокольчика. Это всего больше ободрило воинов Арата, которые решили, что псарь с ними заодно и старается ничем их не выдать и что в самом городе они тоже найдут немало верных помощников. Но подъем на стену оказался делом трудным и опасным и слишком затянулся, потому что взбираться можно было только по одному и не торопясь – иначе лестницы угрожающе качались. А между тем времени оставалось в обрез, ибо уже пели петухи и вот-вот могли появиться крестьяне с обычным товаром, который они постоянно возят на рынок. Вот почему, хотя через стену перелезли всего сорок человек, Арат поспешно поднялся сам, подождал еще нескольких воинов и двинулся к дому тиранна и стратегию¹⁸⁷⁶, подле которого всю ночь несли стражу наемники. Неожиданно напавши на них, он захватил всех до единого, но никого не убил и немедленно послал за своими друзьями, вызывая каждого из дому. Друзья сбежались со всех сторон, а тут уже занялся день, и театр наполнился народом, который был встревожен неясными слухами, но ничего достоверного о происходившем не знал, пока не выступил вперед глашатай и не объявил, что Арат, сын Клиния, призывает сикионян к освобождению.

9. Тогда, поверив, что давно ожидаемый час настал, граждане толпою ринулись к дверям тиранна и подожгли дом. Дом быстро запылал, и столб огня поднялся так высоко, что его увидели даже жители Коринфа, и до крайности изумленные, едва не кинулись на помощь. Никокл скрылся в каких-то подземных ходах и бежал из города, а воины, с помощью сикионян, загасив пожар, разграбили его дом. Арат и этому не препятствовал, и остальное имущество тираннов предоставил в распоряжение сограждан. Ни среди нападавших, ни среди их противников не было ни одного убитого или хотя бы раненого, но охраною и заботой судьбы все начинание в целом осталось незапятнано междоусобным кровопролитием.

Арат вернул восемьдесят изгнанников, покинувших город в правление Никокла, и всех, кого изгнали тиранны до Никокла, а их набралось не менее пятисот, и многие уже давно скитались на чужбине, иные – чуть ли не пятьдесят лет. Возвращались они по большей части нищими и заявляли притязания на имущество, которым когда-то владели. Они приходили прямо в свои прежние дома и поместья, доставляя величайшие трудности Арату, который видел, что город, вновь обрета свободу, не только сделался предметом покушений извне и навлек на себя ненависть Антигона, но и раздирается смутною изнутри.

Здраво оценив сложившееся положение, Арат счел наилучшим присоединить Сикион к Ахейскому союзу, и сикионяне, дорийцы по происхождению¹⁸⁷⁷, добровольно приняли имя и государственное устройство ахейцев, которые тогда не блистали ни славою, ни могуществом. Города их в большинстве своем были маленькие и малолюдные, земли тощие, неплодные, владения тесные, примыкающие к морскому берегу, почти сплошь обрывистому, скалистому и лишенному гаваней. Однако ж никому не удалось яснее и убедительнее доказать, что греческая мощь неодолима, если только она соединяется с порядком и стройным согласием и обретает разумного предводителя, ибо, совершенно непричастные к древней славе Греции, а в ту пору не владея, все вместе взятые, силою хотя бы одного значительного государства, ахейцы своею мудростью и единодушием, своим умением не завидовать самому доблестному, но добровольно ему подчиняться не только сохранили собственную свободу в окружении могущественных городов, грозных армий и тиранний, но постоянно освобождали и спасали от рабства других греков.

---

¹⁸⁷⁶ 6. *Стратегий* – звание военного совета; здесь, по-видимому, упоминается в качестве главной военной ставки тиранна.

¹⁸⁷⁷ 7. *...дорийцы по происхождению...* (население Лаконии, Мессении, Арголиты с прилегающими областями Коринфа и Сикиона) – были последней волною греческих переселенцев, оседавших на Пелопоннесе, и чувствовали себя потомками победителей, а ахейцы (население северного и центрального Пелопоннеса) считались потомками побежденных и в классическую эпоху (V—IV вв.) политической роли не играли.

10. Арат был словно рожден для управления государством. Великодушный, более строгий и взыскательный в делах общественных, нежели в собственных, лютый враг тираннов, он всегда и ненависть, и дружбу соразмерял с общественною пользой. Вот почему, сколько можно судить, он выказал себя скорее снисходительным и мягкосердечным врагом, чем надежным другом, ибо изменял образ мыслей в любом направлении согласно нуждам государства и требованиям минуты. Выше всех благ на свете он ценил согласие народов, общение городов между собой, единодушие в советах и собраниях. Открытых столкновений он опасался и войну начинал без веры в успех, зато был величайший искусник вести тайные переговоры и скрытно склонять на свою сторону тираннов и города. Поэтому во многих случаях он, проявив решительность, вопреки всем ожиданиям добивался успеха, но, по-видимому, ничуть не реже счастливые возможности оказывались упущенными из-за чрезмерной его осторожности. Вероятно, не только среди животных бывают такие, что прекрасно видят в потемках, но днем слепнут, ибо влага, окутывающая их глаза, слишком тонка и не переносит соприкосновения со светом, — так же точно встречаются люди, красноречие и ум которых при сиянии солнца в зычных криках глашатая пропадают, но если дело вершится втихомолку и украдкой, способности их вновь обнаруживаются в полном блеске. Такая неуравновешенность есть следствие недостаточного философского образования при хороших природных задатках, которые в этом случае рождают нравственную доблесть, лишенную знаний, — словно дикий, сам по себе выросший плод. Мысль эту можно пояснить примерами.

11. Соединив свою судьбу и судьбу родного города с Ахейским союзом, Арат поступил в конницу и беспрекословным повиновением быстро приобрел любовь начальников. Хотя он сделал важный вклад в общее дело, поставив на службу ахейцам славу собственного имени и силу Сикиона, но все распоряжения очередного стратега — будь то уроженец Димы, Тритеи или какого-нибудь иного, еще меньшего города — исполнял как любой из рядовых воинов. Царь¹⁸⁷⁸ прислал ему подарок — двадцать пять талантов. Арат деньги принял, но, приняв, тут же роздал неимущим согражданам на покрытие всяческих нужд, а главным образом для выкупа пленных.

12. Бывшие изгнанники были глухи ко всем уговорам и продолжали неотступно тревожить тех, в чье владение перешла их собственность. Городу грозил мятеж, и Арат, последнюю и единственную свою надежду возлагая на доброту Птолемея, решил плыть в Египет и просить у царя денег для примирения враждующих. Он вышел из Мефоны, что севернее Малей, желая совершить плавание как можно скорее. Но кормчий не смог справиться с яростным ветром и огромными валами, катившимися из открытого моря, судно сбилось с пути и после долгих блужданий пристало... [*Текст в оригинале испорчен.*] Адрия¹⁸⁷⁹ была враждебна: она находилась под властью Антигона и приняла македонский караул. Предупреждая события, Арат высадился, покинул корабль и, в сопровождении одного из друзей, Тиманфа, успел уйти подальше от берега. Они забились в чашу леса и там провели мучительную ночь. Едва они скрылись, как к кораблю примчался начальник караула и стал искать Арата, но слуги знали, что отвечать, и обманули македонянина, уверив его, будто их хозяин сразу же бежал на Эвбею. Тогда начальник караула объявил корабль со всем грузом и рабами вражеским имуществом и наложил на него руку.

Арат был в безвыходном положении, как вдруг, немного дней спустя, ему выпала неслыханная удача: как раз у того места, где он скрывался, высматривая, не появится ли откуда помощь, бросило якорь римское судно. Оно держало путь в Сирию, но Арат уговорил судовладельца отвезти его в Карию и прибыл туда, вновь испытав на море опасности не менее грозные, чем в начале плавания. Из Карии он, наконец, переправился в Египет и нашел

¹⁸⁷⁸ 8. Царь... — Птолемей II (285—246), союзник ахейцев против Македонии.

¹⁸⁷⁹ 9. ....Адрия... — Текст испорчен; может быть, имеется в виду Андрос, остров к югу от Эвбеи.

царя полным благожелательства и чрезвычайно довольным картинами и рисунками, которые Арат посылал ему из Греции. (Арат обладал тонким вкусом и постоянно собирал произведения лучших художников, главным образом – Памфила и Меланфа.)

13. В ту пору слава сикионской живописи была еще в полном расцвете, считалось, что она одна лишь хранит красоту неизвращенной, неиспорченной, и даже великий Апеллес, уже пользуясь громкою известностью, приехал в Сикион и, заплатив талант, вступил в круг тамошних живописцев – желая, впрочем, приобщиться скорее к их славе, нежели к искусству. Вот почему Арат, который, освободив город, уничтожил все изображения тираннов, долго раздумывал, как поступить с картиною, изображающей Аристрата. Этот тиранн жил во времена Филиппа, а картину писали все ученики Меланфа, и, как сообщает Полемон Путешественник, в работе участвовал сам Апеллес. Аристрат стоял на колеснице рядом с богинею Победы, и картина была так хороша, что Арат сперва смягчился, тронутый совершенством письма, но тотчас же ненависть к тираннам взяла верх, и он приказал вынести и разбить доску. Тогда, как передают, живописец Неалк, друг Арата, заплакал и стал просить его сжалиться, но ни слезы, ни мольбы не помогли, и Неалк воскликнул, что воевать надо против тираннов, а не против их сокровищ. «Давай оставим хотя бы колесницу и Победу, – предложил Неалк, – а самого Аристрата я уберу». Арат согласился, и Неалк стер Аристрата и на его месте написал только пальму, не решившись прибавить ничего иного. Рассказывают, что оставались видны и ноги тиранна, частично скрытые колесницей. Любовь к искусству и принесла Арату расположение Птолемея, а теперь, при близком знакомстве, царь привязался к нему еще крепче и подарил Сикиону сто пятьдесят талантов. Из них сорок Арат забрал с собою сразу и вернулся в Пелопоннес, а остальные царь разделил на части и позже постепенно пересылал в Сикион.

14. Раздобыть для сограждан так много денег было великою заслугой, ибо другие полководцы и народные вожаки, получая от царей хотя бы малую толику такой суммы, чинили насилия, предавали свои родные города и отдавали их в рабство царям; но еще важнее были мир и единодушие между неимущими и богачами, установленные с помощью этих денег, спокойствие и безопасность, которыми мог наслаждаться отныне весь народ, и поразительна была воздержность, которую обнаружил Арат, пользуясь огромной властью. Назначенный посредником с неограниченными полномочиями и облеченный правом единолично решать все вопросы, сопряженные с имущественными притязаниями бывших изгнанников, он не принял этого права, но избрал себе среди сикионян пятнадцать помощников и вместе с ними, после долгих трудов и забот, полностью примирил сограждан. За эту неоценимую заслугу все граждане вместе назначили ему подобающие почести, а изгнанники особо поставили бронзовую статую Арата с такою надписью в элегических двустихиях:

Слава о подвигах ратных, отваге и мудрых советах
Этого мужа дошла вплоть до Геракла Столпов.
Доблесть твою почитаем, Арат, и твою справедливость!
В день возвращения мы, образ воздвигнув того,
Кто нам спасителем был, богов-спасителей славим;
Дал ты отчизне свой равенства правый закон.

15. Все это подняло Арата выше зависти кого бы то ни было из сограждан, которых он облагодетельствовал, но царя Антигона его успехи удручали и, желая либо овладеть его дружбой безраздельно, либо по крайней мере очернить его перед Птолемеем, Антигон оказывал ему всевозможные знаки внимания, – которые Арат принимал не слишком охотно, – и, между прочим, принося жертвы в Коринфе, отправил ему жертвенного мяса. Вслед за тем, на пиру, он громко сказал, обращаясь к многочисленным гостям: «Я думал, что этот сикионский юноша просто горячо любит свободу и родной народ. Но, оказывается, он способен, вдобавок, верно судить о жизни и поступках царей. Раньше он нами пренебрегал,

надежды свои устремлял за море и восхищался несметными египетскими богатствами, слыша рассказы о слонах, о флотах и дворцах, но теперь, побывавши, так сказать, в самой сцене¹⁸⁸⁰ – увидев, что в Египте нет ничего, кроме театральной пышности и показного блеска, целиком переходит на нашу сторону. Поэтому я и сам принимаю мальчика с полным радушием, чтобы впредь всемерно пользоваться его службою, и вас прошу считать Арата другом». Слова эти были подхвачены завистниками и зложелателями, которые засыпали Птолемея письмами, наперебой взводя на Арата тяжкие обвинения, так что в конце концов Птолемей послал к нему своего гонца с выражением неудовольствия. Вот сколько зависти и зложелательства сопряжено с дружбою царей и тираннов, которой ищут и домогаются с пламенным вождением!

16. Когда ахейцы впервые избрали Арата стратегом, он опустошил лежащие на другом берегу залива¹⁸⁸¹ Локриду и Калидонию и с десяти тысячным войском двинулся на подмогу беотийцам, но опоздал – этолийцы успели одержать при Херонее победу, в битве пал беотарх Абеокрит и с ним тысяча воинов.

Год спустя Арат снова занял должность стратега и приступил к исполнению своих замыслов, касавшихся Акрокоринфа. На сей раз он трудился не только ради сикионян или ахейцев, но задумал, если можно так выразиться, сразить тиранна, угнетавшего всю Грецию, – изгнать из Акрокоринфа македонский караул. Афинянин Харет, разгромив в каком-то сражении царских полководцев, писал афинскому народу, что выиграл битву – сестру Марафонской. Но тогда подвиг Арата по праву можно назвать родным братом подвигов фиванца Пелопида и афинянина Фрасибула, с тем лишь выгодным отличием, что оружие было направлено не против греков, но против чужой, иноземной власти.

Коринфский перешеек, разделяя моря, служит мостом между двумя областями и смыкает воедино наш материк, а потому сторожевой отряд, поставленный на Акрокоринфе, – высоком холме, что поднимается в самой середине Греции, – прерывает всякое сообщение с землями за Истмом, препятствует любому военному походу, как сухопутному, так равно и морскому, и делает того, кто занял этот холм и держит его в своих руках, безраздельным властелином. И, по-видимому, отнюдь не острословил младший Филипп, когда при всяком удобном случае называл город Коринф оковами Эллады.

17. Вполне понятно, что эта местность постоянно была предметом ожесточенной борьбы между всеми царями и правителями, а желание Антигона овладеть ею ничуть не уступало самой жаркой и неистовой любовной страсти, и он с головою был погружен в думы, измышляя хитрость, которая помогла бы ему отнять Акрокоринф у тогдашних его владельцев, ибо открытое нападение было заведомо обречено на неудачу. Когда умер Александр¹⁸⁸², которому подчинялась вся та округа, – умер, как тогда говорили, отравленный им же, Антигоном, – и власть взяла Никея, жена умершего, продолжавшая зорко охранять Акрокоринф, Антигон немедленно подослал к ней своего сына Деметрия и, внушая Никее сладкие надежды на брак с царевичем и супружескую жизнь с молодым человеком, завидную для пожилой вдовы, уловил ее в сети, использовавши сына как приманку. Тем не менее крепости она без надзора не оставляла, напротив, караулила ее по-

¹⁸⁸⁰ 10. ...в самой сцене... – Т.е. театральной палатке, из которой выходили играть на «проскений» переодетые актеры.

¹⁸⁸¹ 11. ...на другом берегу залива... – Имеется в виду Коринфский залив напротив Ахайи. Арат и беотийцы должны были с двух сторон разбить войско этолийского союза, но план не удался, и Беотия попала в зависимость от Этолии.

¹⁸⁸² 12. ...Александр... – Этот Александр был сыном Кратера, единокровного брата Антигона, державшего македонский контроль над Коринфом и Эвбеей; но после смерти отца он отложился от Антигона, пытался вести самостоятельную политику, вошел в союз с ахейцами и погиб.

прежнему зорко, и Антигон, делая вид, будто ему это безразлично, справлял в Коринфе свадебные обряды, устраивал игры, задавал что ни день пиры, – одним словом, держал себя так, как свойственно человеку, который переполнен своею радостью и не помышляет ни о чем, кроме забав и удовольствий. Наконец, намеченный срок настал. В этот день пел Амебей, и Антигон сам отправился проводить Никею в театр. Гордая этой честью новобрачная возлежала в носилках, украшенных по-царски, совершенно не подозревая о том, что должно было вот-вот свершиться. Дойдя до поворота, где начиналась тропа, ведущая наверх, Антигон приказал нести Никею дальше, в театр, а сам, не думая больше ни об Амебее, ни о свадьбе, не по годам резво и поспешно пустился к Акрокоринфу. Ворота были заперты, царь поднял посох, постучался и велел отворить, и стража, в крайнем изумлении, отворила. Так он овладел Акрокоринфом, и, не в силах сдержать восторг, пил и веселился прямо на улицах, и с венком на голове в сопровождении флейтисток и шумной ватаги друзей, расхаживал, ликуя, по городской площади, и горячо приветствовал всякого встречного, – старик, испытавший на своем веку столько превратностей судьбы! Да, действительно, ни горе, ни страх не будоражат и не потрясают душу сильнее, чем нечаянная и не умеренная рассудком радость. (18). Захватив, как уже сказано, крепость, Антигон разместил в ней лишь тех воинов, к которым питал особое доверие, а начальником отряда поставил философа Персея.

Арат помышлял об Акрокоринфе еще при жизни Александра, но когда ахейцы заключили с Александром союз, отказался от этих мыслей. Теперь он возвратился к ним снова и вот по какому поводу. Жили в Коринфе четверо братьев, родом сирийцы, и один из них, по имени Диокл, был наемником и служил в караульном отряде. Другие трое похитили царское золото и явились в Сикион к меняле Эгию, к которому нередко обращался по делам и Арат. Часть украденного они обратили в деньги сразу, а остальное разменивал постепенно один из братьев, Эргин, зачавший с этой целью к Эгию и близко с ним сошедшийся. Как-то раз меняла завел речь о сторожевом отряде, и сириец рассказал, что, поднимаясь к брату в крепость, заметил отлогую расселину в круче, выводящую как раз к тому месту, где стена ниже всего. Тогда Эгий шутливым тоном заметил: «Что же это, мой милейший, из-за какой-то горстки золота вы грабите царскую сокровищницу, а ведь могли бы один час своего времени продать за громадные деньги! Разве ты не знаешь, что и взломщиков, и предателей, если уж они попадутся, ожидает одна и та же смерть?» Эргин только засмеялся в ответ и на первый раз согласился испытать Диокла (остальным братьям он не слишком доверял), но немного дней спустя пришел снова и уговорился провести Арата к той части стены, где высота не больше пятнадцати футов, а также помочь ему и во всем остальном – вместе с Диоклом.

19. Арат обещал им в случае удачи шестьдесят талантов, а если попытка его будет безуспешна, но все останутся живы, – каждому дом и по таланту денег. Надо было оставить у Эгия шестьдесят талантов для Эргина и Диокла, а так как Арат и сам не располагал такой суммой, и занимать ни у кого не хотел, чтобы не сеять подозрений, он собрал большую часть своих кубков и чаш и золотые украшения жены и дал Эгию в залог. Так высок духом был этот человек и такою горел любовью к прекрасным деяниям! Ведь он отлично знал, что Фокион и Эпаминонд стяжали славу самых справедливых, благороднейших среди греков уже тем, что отвергли богатые дары и не согласились предать за деньги свою честь и достоинство, – знал, но, не довольствуясь таким бескорыстием, прежде всего тайно пожертвовал собственным имуществом ради дела, в котором подвергал себя опасности один за всех сограждан, даже не догадывавшихся о происходившем у них за спиною. Кто бы еще и сегодня не восхитился его великодушием, не протянул руку помощи человеку, который за такие деньги покупал... опасность, и опасность столь грозную, который закладывал самое ценное свое имущество ради того, чтобы ночью проникнуть в гущу неприятеля и биться не на живот, а на смерть, не взявши сам никакого иного залога и обеспечения, кроме надежды на подвиг!

20. Дело и вне зависимости от всего прочего было сопряжено с громадным риском, а тут еще в самом начале вышло опасное недоразумение. Раб Арата Технон, высланный на

разведку, чтобы вместе с Диоклом осмотреть стену, никогда прежде Диокла в лицо не видел, но думал, что достаточно хорошо представляет себе его наружность по описанию Эргина, который изображал брата кудрявым, смуглым и безбородым. Придя на условленное место за городом – называлось это место Петух, – он ждал Эргина, который должен был привести Диокла. Но тем временем, по чистой случайности, появился старший брат Эргина и Диокла, Дионисий, не посвященный в дело и не принимавший в нем никакого участия, но похожий на Диокла. Технон, введенный в заблуждение сходством внешних примет, спросил его, связан ли он как-нибудь с Эргином. Тот отвечал, что Эргин ему брат, и Технон совершенно уверился, что говорит с Диоклом. И, уже не спросив даже имени незнакомца и не дождавшись никаких иных подтверждений, он протягивает ему руку, заводит речь об осмотре стены и задает разные вопросы. Дионисий сообразил, что Технон обознался, но, ловко воспользовавшись этим, стал усердно ему поддакивать и, повернув назад к городу, повел его за собою, все время поддерживая разговор и не возбуждая ни малейших подозрений. Он был уже подле самых городских ворот и уже собирался схватить и задержать Технона, как вдруг, – снова по какой-то случайности, – им повстречался Эргин. Догадавшись, какая произошла ошибка и какая опасность с нею сопряжена, он движением глаз приказал рабу бежать и сам последовал его примеру. Оба мчались что было мочи и благополучно прибыли к Арату. Арат, однако ж, не оставил своих надежд, но сразу отправил Эргина обратно с деньгами для Дионисия и с просьбою, чтобы тот хранил молчание. Эргин не только исполнил поручение, но вернулся вместе с Дионисием. Теперь, когда Дионисий был в Сикионе, ему уже не дали уйти, но связали и заперли его в каком-то домишке, приставив к дверям стражу, а сами стали готовиться к нападению.

21. Когда же приготовления были завершены, Арат приказал войску оставаться всю ночь в полном вооружении, взял четыреста отборных бойцов – даже они за немногими исключениями, не знали и не понимали, что происходит, – и повел их к тем воротам Коринфа, что обращены к Герею¹⁸⁸³. Была середина лета, полнолуние, ночь стояла ясная, безоблачная, и Арат опасался, как бы блеск оружия в лунном свете не выдал их караульным. Но когда голова отряда уже подходила к воротам, с моря набежали тучи и покрыли тенью самый город и ближайшую окрестность. Воины сели на землю и стали разуваться: босые ноги и ступают почти бесшумно, и не скользят на ступенях лестницы. Тем временем Эргин и семеро молодых людей, одетые по-дорожному, подкрались к воротам и убили привратника со всеми караульными. Тут приставляют лестницы, Арат во главе сотни воинов быстро перелезает через стену и, приказав остальным следовать за ним как можно скорее, втягивает лестницы вверх и пускается со своею сотнею через город к крепости, безмерно радуясь тому, что остался незамеченным, и уже твердо уверенный в успехе. Вдруг вдалеке показались четверо караульных с факелом. Они шли навстречу отряду и были видны как на ладони, сами же не видели врага, который еще оставался в тени. Арат велел своим отступить немного назад, под прикрытие каких-то стен и развалин, и устроил засаду. Напав на караульных, они троих уложили на месте, но четвертый, хоть и раненный мечом в голову, пустился бежать с криком, что в городе неприятель. Сразу же загрели трубы, весь город проснулся и пришел в движение, улицы наполнились бестолково мечущейся толпой, зажглись многочисленные огни – и у подножья холма, и наверху, в самой крепости, – и отовсюду неся глухой, неясный гул.

22. Между тем Арат упорно взбирался по круче, но вначале подвигался вперед медленно и с большим трудом, потому что потерял тропинку, которая, бесконечно петляя и прячась в густой тени громадных камней, вела к крепостной стене. Но тут, говорят, луна каким-то чудом проглянула сквозь облака, осветив самую трудную часть пути, и светила до тех пор, пока нападающие не достигли стены в нужном месте, а потом снова спряталась в

---

¹⁸⁸³ 13. ...к Герею. – Мыс (с храмом Геры, отсюда название), с Коринфского перешейка выдающийся в Коринфский залив.

туцах и все погрузила во мрак.

Воины, которых Арат оставил за городскими укреплениями невдалеке от Герее, числом триста человек, проникли в город, когда он был уже полон смятения и огней, и не смогли ни найти тропы, ни вообще напасть на след своих товарищей, а потому сбились все вместе в какой-то темной расселине и замерли в ожидании, вне себя от тревоги и страха, ибо люди Арата уже вступили в соприкосновение с противником, который метал со стены копья и дротики, и сверху неслись крики, которые, однако, отражаясь от горных склонов, смешивались в сплошной шум, так что нельзя было понять, откуда он идет. А пока воины медлили, не зная, в какую сторону обратиться, с их расселиною поравнялся царский полководец Архелай во главе многочисленного отряда, который под громкий воинский клич, под рев труб поднимался в гору, чтобы ударить на Арата. Тогда эти триста, оказавшиеся как бы в засаде, выскочили из своего убежища и напали на царских воинов. Первых они убили, а остальные, вместе с самим Архелаем, бежали в таком ужасе, что преследователи рассеяли и разогнали их по всему городу. Едва они с успехом завершили бой, как спустился Эргин и сообщил, что наверху сражение в разгаре, но противник упорно обороняется, что идет ожесточенная борьба на самой стене и что нужна срочная помощь. Воины потребовали, чтобы он немедленно вел их за собой. По пути они криком предупреждали о своем приближении, ободряя товарищей. Издалека щиты и шлемы, мерцавшие в свете полной луны, казались врагам куда многочисленнее, чем на самом деле, а ночное эхо умножало голоса. В конце концов, уже не рассвете, они единым натиском отбрасывают неприятеля, врываются в крепость и захватывают стражу в плен, и солнце первыми своими лучами озаряет их подвиг, а тут из Сикиона подходит и остальная часть войска, коринфяне радостно встречают ее у ворот и вместе с воинами Арата принимаются ловить царских солдат.

23. Когда все волнения и опасности были, по-видимому, позади, Арат спустился из крепости в театр, куда текли бесконечные вереницы людей, желавших взглянуть на него и послушать, что он скажет коринфянам. Поставив своих ахейцев в проходах с обеих сторон, он вышел на оркестру¹⁸⁸⁴ – как был, в панцире, с осунувшимся от усталости и бессонной ночи лицом, и телесное утомление заглушало гордую радость, которая владела его душой. Так как собравшиеся, когда он вышел вперед, разразились бурей приветствий, он переложил копье в правую руку, оперся на него, чуть наклонившись и слегка согнув колено, и долго стоял молча, принимая рукоплескания и восторженные крики коринфян, слушая, как они превозносят его доблесть и восхваляют его удачу. Когда же они утихли и успокоились, он собрался с силами и произнес подходящую к случаю речь, в которой объяснял действия ахейцев. Он убедил коринфян присоединиться к Ахейскому союзу и вручил им ключ от ворот, тогда впервые со времен Филиппа очутившийся в руках жителей города. Одного из полководцев Антигона, Архелая, который был захвачен в плен, он освободил, другого, Феофраста, отказавшегося покинуть Коринф, велел казнить. Персей после падения крепости бежал в Кенхреи. Впоследствии, как передают, беседуя с кем-то на досуге, он в ответ на замечание, что, дескать, лишь мудрец способен быть хорошим полководцем, воскликнул: «Да, клянусь богами, и мне когда-то всего больше нравилось учение Зенона! Но теперь, получивши урок от сикионского юноши, я переменяю свое мнение». Этот рассказ о Персее приводят многие писатели.

24. Немедля вслед за тем Арат овладел Гереем и гаванью Лехеем. Он захватил двадцать пять царских судов и отдал на продажу пятьсот коней и четыреста сирийцев. На Акрокоринфе ахейцы поставили сторожевой отряд из четырехсот воинов и поместили в крепости пятьдесят сторожевых псов и столько же псарей.

Римляне восхищаются Филопеменом и называют его последним из эллинов, словно после него Эллада великих людей уже не рождала. А я полагаю, что последним среди греческих подвигов был подвиг Арата и что не только отвага, но и счастливый исход ставят

¹⁸⁸⁴ 14. *Оркестра* в театре – большая круглая площадка перед сценой с алтарем в середине.

этот подвиг в один ряд с самыми прославленными и блестящими деяниями. Об этом свидетельствует весь ход ближайших событий. Действительно, мегаряне изменили Антигону и присоединились к Арату, Трезен и Эпидавр вошли в Ахейский союз, и Арат, впервые выступив в дальний поход, вторгся в Аттику, переправился на Саламин и разграбил его, по собственному усмотрению распоряжаясь силами ахейцев, которые словно бы вырвались из тюрьмы на волю. Афинянам он возвратил свободнорожденных пленных без выкупа, положив тем самым начало их отдалению от Антигона. Птолемея он сделал союзником ахейцев, уступив ему верховное начальство и в сухопутной, и в морской войне. И влияние Арата среди ахейцев было так велико, что, хотя стратегом его избирали через год (ежегодное избрание возбранялось законом), по сути вещей он постоянно был первым и в делах, и в советах. Ибо все видели, что ни богатство, ни славу, ни царскую дружбу, ни выгоду родного города, одним словом, ничто на свете не ставит он выше преуспевания Ахейского союза. Он считал, что отдельные города, сами по себе бессильные, могут спастись и уцелеть благодаря взаимной поддержке, как бы связанные воедино соображениями общего блага, и подобно тому, как части тела, пока они сращены одна с другою, живут и все вместе поддерживают свое существование, но, если их расчленишь, гибнут и разлагаются, так же точно и города приходят в упадок по вине тех, кто расторгает сообщества, и, напротив, каждый из них упрочивается и процветает, когда, сделавшись частью некоего большого целого, пользуется плодами общего попечения и заботы.

25. Видя, что все наиболее достойные из соседей независимы и подчиняются своим законам и лишь аргивяне остаются в рабстве, Арат сокрушался об их участи и задумал низложить их тиранна Аристомаха, считая для себя честью вернуть Аргосу свободу и этим отблагодарить за воспитание, которое он там получил, и, вместе с тем, рассчитывая присоединить город к Ахейскому союзу. Нашлись и люди, соглашавшиеся взять на себя это опасное предприятие; во главе их стояли Эсхил и прорицатель Харимен. У заговорщиков не было мечей, ибо иметь оружие аргивянам строго запрещалось и тиранн жестоко наказывал тех, кто нарушал его запрет. И вот Арат заказал для них в Коринфе короткие кинжалы и зашил во вьючные седла; а седла надели на мулов и лошадей, нагрузили животных каким-то дрянным товаром и отправили в Аргос. Но тут прорицатель Харимен привлек к заговору какого-то человека вопреки желанию Эсхила, Эсхил был возмущен и решил устроить покушение сам, без Харимена. Тот проведал об его намерении и, не помня себя от злобы, донес на заговорщиков, которые уже шли на тиранна с оружием в руках. Большинство их, однако, успело бежать прямо с городской площади и благополучно добралось до Коринфа.

Спустя немного Аристомах был убит собственными рабами, но власть немедленно захватил Аристипп – тиранн еще более страшный. Арат собрал всех ахейцев, способных носить оружие, какие оказались на месте, и поспешил на помощь городу в уверенности, что аргивяне встретят его с распростертыми объятиями. Но народ уже свыкся с рабством, и ни один человек в Аргосе Арата не поддержал, так что он отступил ни с чем и лишь навлек на ахейцев обвинение, что они нарушают мир и разжигают войну. Иск Аристиппа разбирали мантинейцы и, так как Арат на суд не явился, приговорили ответчика к штрафу в тридцать мин.

Аристипп ненавидел и боялся Арата и замышлял погубить его, пользуясь содействием и помощью царя Антигона. Почти повсюду у них были свои люди, которые выжидали удобного случая для покушения. Но нет для правителя крепче стражи, чем искренняя и верная любовь подчиненных. Когда и простой люд, и первые граждане привыкли бояться не правителя, но за правителя, он видит множеством глаз, слышит множеством ушей и обо всем догадывается и узнает заранее. Поэтому я хочу прервать здесь мой рассказ, чтобы нарисовать образ жизни Аристиппа, который навязала ему тиранния, столь завидная в глазах людей, и гордое единовластие, повсюду возглашаемое счастливым.

26. Этот человек был союзником Антигона, держал многочисленных наемников для охраны собственной особы, не оставил в живых ни единого из своих врагов в Аргосе – и все-таки телохранители и караульные, исполняя его приказ, размещались в колоннаде вокруг

дома, всех слуг, как только заканчивался обед, он немедленно выгонял вон, замыкал внутренние покои и вместе со своею возлюбленной укрывался в маленькой комнатке верхнего этажа с опускаю дверью в полу. На эту дверь он ставил кровать и спал – насколько, разумеется, способен уснуть и спать человек в таком состоянии духа, одержимый тревогою и отчаянным страхом. Лестницу мать любовницы уносила и запирала в другой комнате, а утром приставляла снова и звала этого удивительного тиранна, который выползал из своего убежища, словно змея из норы. Арат, приобретший пожизненную власть не силою оружия, а в согласии с законами и благодаря собственным достоинствам, ходивший в самом обыкновенном плаще, заведомый и непримиримый враг всех и всяческих тираннов, оставил потомство, которое до сих пор пользуется в Греции высочайшим уважением. А из тех, кто захватывал крепости, держал телохранителей и полагался на оружие, ворота и опускаемые двери, лишь немногие, точно трусливые зайцы, ускользнули от насильственной смерти, семьи же, или рода, или хотя бы почитаемой могилы не осталось ни от кого.

27. Арат еще не раз пытался низложить Аристиппа, но любая его попытка овладеть Аргосом – как тайная, так и явная – заканчивалась неудачей. Однажды он приставил лестницы, смело поднялся с немногими воинами на стену и перебил стражу, оборонявшую эту часть укреплений. Но когда настал день и тиранн со всех сторон двинул на него свои отряды, аргивяне, словно на глазах у них происходила не битва за их же свободу, а состязание на Немейских играх, где они распоряжаются и судят, оставались беспристрастными и безучастными зрителями и соблюдали полное спокойствие. Арат сражался не щадя сил и в рукопашной схватке был ранен копьем в бедро, но удерживал захваченную позицию до самой ночи, несмотря на жестокий натиск врагов. Если бы он продержался еще до утра, борьба была бы выиграна, ибо тиранн готовился к бегству и уже отправил к морю значительную часть имущества. Но никто об этом Арату не сообщил, между тем как запас воды у него вышел, и сам он из-за раны не мог больше находиться в строю, и ахейцы отступили.

28. В конце концов, Арат отчаялся достигнуть чего бы то ни было этим путем. Вторгшись с войском в Арголиду, он сперва разорял страну, а затем сошелся с Аристиппом в яростной битве у реки Харета. Арата упрекали в том, что он слишком рано прекратил борьбу и упустил верную победу. Другая часть ахейского войска бесспорно одержала над неприятелем верх и, преследуя бегущих, ушла далеко вперед, но отряд Арата в беспорядке отступил в лагерь – и не столько потому, что врагу удалось его потеснить, сколько из страха и неверия в успех. Остальные, возвратившись после преследования, возмущенно роптали, что, обратив врага в бегство и нанеся ему ущерб куда больший, чем их собственные потери, они уступают теперь побежденным право поставить трофей в поношение победителям, и Арат, устыдившись, решил сражаться еще раз – из-за трофея. Через день после первой битвы он снова выстроил войско в боевой порядок, но, убедившись, что число сторонников тиранна умножилось и что сопротивляются они решительнее прежнего, не отважился продолжать сражение. Он заключил с Аристиппом перемирие, похоронил убитых и отступил.

И все же, благодаря своему умению обходиться с людьми и вести государственные дела, благодаря доверию и любви ахейцев он сумел загладить эту провинность: он присоединил к Ахейскому союзу Клеоны и справил там Немейские игры¹⁸⁸⁵, сославшись на древние обычаи, которые отдают все преимущества этому городу. Однако аргивяне тоже устроили игры, и тогда впервые была нарушена дарованная участникам состязаний неприкосновенность, ибо всех, кто был задержан в ахейских владениях на возвратном пути из Аргоса, ахейцы рассматривали как врагов и продавали в рабство. Так горяч и непримирим был Арат в своей ненависти к тираннам.

---

¹⁸⁸⁵ 15. *Немейские игры* – первоначально устраивались в Немейской долине под наблюдением властей соседнего города Клеон; но скоро это покровительство над играми перешло к аргивянам, а потом и самые игры были перенесены в Аргос.

29. Немного спустя Арат узнал, что Аристипп готовит нападение на Клеоны, но боится исполнить свой план, пока он, Арат, стоит в Коринфе. Тогда он отдал приказ воинам собраться, велел им запастись продовольствием на несколько дней и ушел в Кенхрей, хитростью выманивая Аристиппа и побуждая его напасть на Клеоны. И хитрость удалась – Аристипп поверил, что враги далеко, и тут же выступил с войском из Аргоса. Но Арат, как только стемнело, возвратился из Кенхрей в Коринф, расставил на всех дорогах стражу и повел дальше своих ахейцев, которые следовали за ним в таком строгом порядке, с такою быстротой и воодушевлением, что они проделали весь путь до Клеон и – все еще под покровом ночи – вступили в город и выстроились для битвы, а Аристипп так ни о чем не знал и не догадывался. На рассвете распахнулись городские ворота, загремели трубы, и воины Арата с громким боевым кличем стремительно обрушились на неприятеля, тут же обратив его в бегство. Арат упорно преследовал беглецов, сам направляя погоню в ту сторону, где, по его расчетам, должен был искать спасения Аристипп: местность была изрезана целою сетью дорог и тропинок. Преследование продолжалось до самых Микен, где тиранн, как сообщает Диний, был настигнут и убит неким критянином по имени Трагиск; общее число павших превысило тысячу пятьсот. Несмотря на эту блестящую победу, которую он одержал, не потеряв ни единого из своих воинов, Аргоса Арат не взял и не освободил: Агий и младший Аристомах с царским войском незаметно проникли в город и взяли власть в свои руки.

Эта победа заставила умолкнуть многих клеветников и заткнула рот льстецам, которые, лебезя перед тираннами, осыпали Арата насмешками и выдумывали дурацкие небылицы, будто у ахейского стратега во время всякой битвы бывает расстройство желудка, будто у него кружится голова и темнеет в глазах, как только рядом становится трубач, будто, выстроив войско в боевой порядок и передавши по рядам пароль, он осведомляется у своих помощников и младших начальников, не нужно ли больше его присутствие, – ведь жребий уже все равно брошен! – а затем уходит подальше и напряженно выжидает исхода дела. Эти слухи имели такое широкое распространение, что даже философы в своих школах, рассматривая вопрос, являются ли сердцебиение, бледность и слабость кишечника в минуты опасности следствием страха или же какого-то телесного расстройства и врожденной вялости, всегда приводили в пример Арата, который, дескать, прекрасный полководец, но в сражениях постоянно испытывает подобного рода недомогание.

30. Покончив с Аристиппом, Арат немедленно обратился против Лидиада из Мегалополя, который был тиранном своего родного города. Человек этот не был бесчестен или же низок от природы, и не алчность или невоздержность увлекли его на этот несправедливый путь, как бывает с большинством единовластных правителей, но, ослепленный еще в молодые годы жаждою славы и безрассудно впитав в гордую свою душу лживые и пустые речи о тирании, о том, что нет ничего завиднее ее и ничего счастливее, он сделался тиранном, однако же очень скоро пресытился тяготами самовластия. Завидуя успехам и славе Арата и опасаясь его происков, Лидиад ощутил благороднейшее желание самому совершить перемену, самому избавиться и освободиться от ненависти, страха, караула, телохранителей и, вместе с тем, стать благодетелем отечества. И вот он посылает за Аратом, отрекается от власти и присоединяет Мегалополь к Ахейскому союзу. Ахейцы прославляли его за это до небес и выбрали стратегом. Лидиад горел желанием сразу же превзойти Арата славою и предлагал много различных планов, казавшихся, однако, излишними и опрометчивыми, между прочим – поход против лакедемонян. Арат возражал, но все считали, что он завидует Лидиаду, и тот был избран стратегом во второй раз, хотя Арат открыто противодействовал этому избранию и всячески старался передать власть кому-нибудь другому. (Сам он, как уже говорилось выше, занимал должность стратега каждый второй год.) Вплоть до третьей своей стратегии Лидиад продолжал пользоваться всеобщим расположением и управлял Союзом через год, попеременно с Аратом. Но когда он вступил с Аратом в открытую вражду и принялся обвинять его перед ахейцами, то был с презрением отвергнут, ибо всякому стало ясно, что здесь напускное благородство борется против

доблести истинной и неподдельной. И подобно тому, как у Эзопа¹⁸⁸⁶ кукушка спрашивает мелких птишек, почему это они летят от нее прочь, а те отвечают: «Да потому, что ты когда-нибудь обратишься в ястреба!» – так же, по-видимому, и Лидиад со времен своей тирании продолжал вызывать подозрения, подрывавшие доверие к перемене, которая в нем совершилась.

31. В борьбе с этолийцами Арат снова прославил свое имя. Ахейцы хотели дать им сражение на границе Мегариды, на помощь союзникам подошел с войском спартанский царь Агид и, со своей стороны, уговаривал ахейцев решиться на битву, но Арат был решительно против, и, терпеливо вынеся потоки хулы, вынеся бесчисленные издевательства и насмешки над его слабостью и трусостью, не побоявшись видимости позора, он не отказался от плана, сулившего выгоду и успех, но позволил противнику, перевалившему через Геранию, беспрепятственно пройти в Пелопоннес. Однако ж немного спустя, когда этолийцы внезапно заняли Пеллену, это был уже совсем другой человек. Не теряя времени и не дожидаясь, пока отовсюду соберутся войска, он с теми силами, что были в его распоряжении, немедленно двинулся на врагов, которые, – в упоении победою, – были совершенно обессилены беспорядком и наглым своеволием: ворвавшись в город, солдаты рассыпались по домам и принялись ссориться и драться друг с другом из-за добычи, а старшие и младшие начальники рыскали повсюду и ловили жен и дочерей пелленцев, надевая на голову пойманным свои шлемы, чтобы уже никто более не наложил на них руку, но по шлему сразу было бы видно, кому принадлежит каждая пленница. И вот в таком-то расположении духа и за такими занятиями они вдруг получают известие о нападении Арата. Началось смятение, какого и следовало ожидать при полном беспорядке, и еще прежде, чем все узнали об опасности, первые, вступив в бой с ахейцами у ворот и в предместьях, уже были разбиты и бежали и, в ужасе спасаясь от погони, привели в замешательство и тех, что собирались вместе и готовились оказать им помощь.

32. В самый разгар всеобщего смятения одна из пленниц, дочь Эпигета, известного в городе человека, девушка замечательно красивая, статная и высокая, сидела в святилище Артемиды, куда ее отвел начальник отборного отряда, предварительно надев ей на голову свой шлем с тройным султаном; на шум она неожиданно выбежала из храма и когда, остановившись перед воротами, в шлеме с пышным султаном, взглянула вниз на сражающихся, то даже своим согражданам представилась исполненной нечеловеческого величия, а врагов, решивших, что пред ними явилось божество, это зрелище наполнило таким страхом и трепетом, что никто уже и не думал о сопротивлении. Правда, сами пелленцы рассказывают иначе. По их словам, к кумиру богини обыкновенно никто не притрагивается, когда же жрица снимает его с подножия и выносит из храма, ни один человек не смеет на него взглянуть, но все отворачиваются, ибо не только для людей страшен и непереносим вид богини, но даже деревья, мимо которых ее проносят, делаются бесплодны или же роняют плоды до срока; этот кумир жрица, дескать, и вынесла в тот день и, постоянно обращая его ликом к этолийцам, отняла у них разум и поразила безумием. Арат, однако же, в своих «Воспоминаниях» вообще ни о чем подобном не говорит, но просто сообщает, что обратил этолийцев в бегство, ворвался на плечах у бегущих в город и с боем изгнал врага, который потерял убитыми семьсот человек. Победу Арата восторженно прославляли, и художник Тиманф написал картину, живо и верно изображавшую эту битву. (33). Тем не менее, видя, что против ахейцев объединяются многие народы и властители, Арат, не теряя времени, начал искать дружбы с этолийцами и с помощью Панталеонта, пользовавшегося среди этолийцев огромным влиянием, сумел заключить с ними не только мир, но и союз.

---

¹⁸⁸⁶ 16. ...у Эзопа... – Басня 446П. (198X.) в рукописных сборниках отсутствует. Поверье, что в кукушку превращается на время ястреб-перепелятник, опровергалось еще Аристотелем («История животных», VI, 7, 41), но дожило до очень позднего времени.

Он старался освободить и афинян, но столкнулся с открытым недовольством и прямыми обвинениями со стороны ахейцев, когда, невзирая на перемирие, которое они заключили с македонянами, предпринял попытку захватить Пирей. Сам Арат в «Воспоминаниях» отрицает свою вину и всю ответственность перекладывает на Эргина, с чьей помощью овладел когда-то Акрокоринфом. Эргин, утверждает он, напал на Пирей по собственному почину, а когда лестница подломилась и враги пустились за ним в погоню, стал выкрикивать имя Арата, словно тот и в самом деле был рядом, и благодаря этой уловке ускользнул, обманувши неприятеля. Но оправдания эти не кажутся убедительными. Невозможно себе представить, чтобы Эргин, не занимающий никакой должности, и к тому же сириец родом, задумал такое опасное и отчаянное дело, если бы не находился под началом у Арата, не получил от него людей и не узнал удобного для нападения срока. Да и сам Арат выдал себя тем, что не дважды и не трижды, но многократно, словно без памяти влюбленный, покушался овладеть Пиреем, и неудачи не обескураживали его, напротив, обманываясь в своих надеждах всякий раз уже близ самой цели, он именно в этой близости к цели черпал новое мужество. Однажды на Фриасии, спасаясь бегством, он даже вывихнул себе ногу, и лекарь должен был сделать ему несколько разрезов, так что долгое время в походах он руководил военными действиями, оставаясь в носилках.

34. Когда Антигон умер и престол перешел к Деметрию, Арат еще усилил натиск на Афины, а к македонянам проникся величайшим презрением. И все же в сражении при Филакии он был разгромлен Битием, полководцем Деметрия, и сразу же пошли упорные слухи, будто он захвачен в плен, и другие, не менее упорные, будто он убит. Тогда Диоген, начальник караула в Пирее, отправляет в Коринф письмо с требованием, чтобы ахейцы оставили город, ибо Арата нет в живых. Но вышло так, что когда явились гонцы с письмом, Арат находился в Коринфе, и люди Диогена, доставив коринфянам пищу для бесчисленных шуток и насмешек, убрались восвояси. Мало того, сам царь выслал из Македонии корабль, на котором к нему должны были доставить Арата в цепях. Что касается афинян, то, стараясь угодить македонянам, они дошли до крайних пределов легкомыслия и, при первых же вестях о гибели Арата, дружно украсили себя венками. Арат был в негодовании и тут же выступил против них походом. Он дошел до самой Академии, но, в конце концов, внял уговорам и не причинил городу никакого вреда. Афиняне узнали всю высоту его нравственных качеств, и когда после смерти Деметрия они решили вернуть себе свободу, то обратились за помощью к Арату. В том году Союзом управлял другой, и вдобавок сам Арат был прикован к постели продолжительною болезнью, и все же он в носилках поспешил на зов, чтобы сослужить городу добрую службу, и уговорил начальника сторожевого отряда Диогена передать афинянам Пирей. Мунихию, Саламин и Суний за плату в сто пятьдесят талантов, из которых двадцать ссудил он сам. Сразу после этого к ахейцам присоединились Эгина и Гермiona; в Союз вошла и почти вся Аркадия. А так как внимание и силы македонян были отвлечены войнами на границах, а этолийцев связывал с ахейцами договор, мощь Ахейского союза сильно возросла.

35. Стремясь исполнить давнее свое намерение и не в силах терпеть тиранию в таком близком соседстве с ахейскими владениями – в Аргосе, Арат через своих посланцев принялся убеждать Аристомаха возвратить аргивянам свободу, присоединить город к Союзу, и лучше – по примеру Лидиада – со славою и почетом стать стратегом целого эллинского племени, чем оставаться тиранном одного-единственного города, подвергаясь опасностям и терпя всеобщую ненависть. Аристомах согласился и попросил Арата прислать ему пятьдесят талантов, чтобы рассчитаться с наемниками и распустить их, но пока деньги перевозили в Аргос, Лидиад, который еще был стратегом и питал честолюбивую мечту представить все дело в глазах ахейцев как плод его, Лидиада, трудов, стал чернить Арата перед Аристомахом, уверяя, что ненависть этого человека к тираннам непреклонна и неумолима, и уговорил аргосского правителя довериться полностью ему. С тем он и привел Аристомаха в Собрание ахейцев. Вот когда с особенной убедительностью выказали представители ахейцев свою любовь к Арату и веру в него! Сначала он в гневе не советовал принимать Аргос – и

Аристомаху отвечали решительным отказом, но затем смягчился и сам просил за аргивян – и все было тут же решено. Ахейцы приняли в Союз Аргос и Флиунт, а годом позже даже избрали Аристомаха стратегом.

Аристомах приобрел влияние среди ахейцев и, задумав вторгнуться в Лаконию, вызывал из Афин Арата. Но Арат письмом отговаривал его от похода: он не хотел, чтобы ахейцы вступали в борьбу с Клеоменом, человеком отважным и дерзко рвущимся ввысь. Аристомах, однако ж, настаивал, и Арат согласился и сам принял участие в походе. Он помешал Аристомаху дать сражение Клеомену, встретившему ахейцев у Паллантия, и за это подвергся обвинениям со стороны Лидиада, который выступил соперником Арата на выборах в стратеги. Но Арат одолел его и получил должность стратега в двенадцатый раз.

36. В эту свою стратегию он потерпел поражение при Ликее¹⁸⁸⁷ и бежал от победителя-Клеомена. Ночью он заблудился, и друзья решили было, что он погиб, и снова громкая молва о смерти Арата облетела всю Грецию. Благополучно ускользнув от погони и собрав своих воинов, он не удовольствовался возможностью беспрепятственно отступить, но блестяще воспользовался сложившимся положением и внезапно напал на мантинейцев, союзников Клеомена, – в то время, как ни один человек такого оборота событий не ожидал и не предвидел. Заняв город, он поставил там караульный отряд, дал чужеземным поселенцам права гражданства и один доставил побежденным ахейцам такие выгоды и преимущества, какие и победителям было бы нелегко приобрести.

Когда лакедемоняне предприняли поход против Мегалополя, Арат пришел на помощь мегалополитанцам, но упорно уклонялся от сражения, хотя Клеомен бросал ему вызов за вызовом, и сдерживал боевой пыл самих мегалополитанцев, отвечая отказом на все их настояния. Он и вообще-то не был создан для открытых битв, а в тот раз еще и уступал врагу числом и соперником имел молодого и отчаянно храброго человека, меж тем как собственное его мужество уже увядало и честолюбие утихло. Вдобавок он считал, что славою, которой нет у молодого царя и которую тот надеется приобрести своею отвагой, эту славою он сам уже обладает и должен сберечь ее своею осторожностью.

37. Тем не менее однажды, во время вылазки, легкая пехота оттеснила спартанцев до самого лагеря и рассыпалась между палатками, однако ж Арат и тут не повел войско вперед, а остановился у какого-то рва на полпути и запретил тяжеловооруженным переходить этот ров. Но Лидиад, которого до крайности огорчало все происходившее, осыпал Арата бранью, стал скликать всадников и призывал их поддержать тех, кто преследует неприятеля, не упускать из рук победу и не покидать его, Лидиада, который сражается, защищая отечество. Много сильных бойцов собралось на его зов, и Лидиад, воспрянув духом, обрушился на правое крыло противника, обратил его в бегство и пустился в погоню; но горячность и честолюбие ослепили его и завели на неровное место, густо засаженное деревьями и изрезанное широкими рвами, и там он пал, отбиваясь от Клеомена, пал после славной и самой прекрасной борьбы – у ворот родного города. Остальные искали спасения под прикрытием тяжелой пехоты, но, ворвавшись в ее ряды, расстроили их, и теперь уже разбитым оказалось все войско ахейцев. Главную вину за это поражение ахейцы возлагали на Арата и кричали, что он предал Лидиада. Отступая, они в гневе заставили своего стратега последовать за ними в Эгий и там, в Собрании, постановили не давать ему больше денег и не содержать наемников, а если Арату нужна война, то средства для нее пусть добывает сам. (38). Подвергнувшись такому унижению, Арат решил было немедленно снять с руки перстень с печатью и сложить полномочия стратега, но затем, поразмыслив, остался в должности, повел ахейцев к Орхомену и дал битву Мегистоною, отчиму Клеомена; он одержал победу, убил триста спартанцев, а Мегистоною захватил в плен.

Обыкновенно Арат бывал стратегом каждый второй год, но тут, когда снова подошла его очередь и он получил приглашение занять должность, он отвечал отказом, и стратегом

¹⁸⁸⁷ 17. ...поражение при Ликее... – См. : Кл., 5.

был избран Тимоксен. Предлог для такого отказа – раздражение и гнев против народа – считали неправдоподобным и неубедительным, истинною же причиной были трудные обстоятельства, в которых очутились ахейцы, ибо Клеомен уже откинул прежнюю осторожность и неторопливость и никакие гражданские власти его больше не связывали – перебив эфоров, устроив передел земли и наделив гражданскими правами многих чужеземных поселенцев, он приобрел ничем не ограниченную мощь и тут же усилил натиск на ахейцев, требуя для себя первенства и верховенства. Вот за что и порицают Арата, который в жестокую бурю, обрушившуюся на государство, бросил кормило и передал другому, меж тем как долгом его было сохранить за собою руководство даже вопреки воле подчиненных и спасти общее дело. Если же он отчаялся в успехе ахейцев и потерял веру в их силы, следовало уступить Клеомену, но не отдавать снова Пелопоннес во власть варваров из македонских сторожевых отрядов, не наполнять Акрокоринф иллирийским и галатским оружием, а тех, кого он сам побивал и на полях сражений, и на государственном попрании и кого без устали хулит в своих «Воспоминаниях», не делать под безобидным именем «союзников» владыками городов. Допустим даже, что Клеомен поступал незаконно и был склонен к тирании, но и за всем тем предками его были Гераклиды и отечеством Спарта, а лучше иметь вождем самого захудалого спартанца, чем первейшего из македонян, – так думал всякий, кто придавал хоть сколько-нибудь цены эллинскому благородству происхождения. А ведь Клеомен, требуя у ахейцев высшей власти, сулил городам, в обмен на честь и титул, множество всяких благ, Антигон же, провозглашенный предводителем с неограниченными полномочиями на суше и на море, принял звание не прежде, чем в уплату за предводительство ему обещали Акрокоринф. Он действовал в точности, как охотник у Эзопа¹⁸⁸⁸, и сел верхом на ахейцев, которые молили его об этом и покорно подставляли спину, лишь после того, как они согласились, чтобы царь, если можно так выразиться, «взнуздал» их заложниками и караульными отрядами. Арат самыми яркими красками расписывает безвыходное положение, в котором он очутился, но Полибий утверждает¹⁸⁸⁹, что еще задолго до того, как это положение сложилось, он начал поглядывать с опаскою на отвагу Клеомена, завел тайные сношения с Антигоном и подговорил граждан Мегалополя, чтобы те просили ахейцев призвать Антигона (мегалополитанцы страдали от войны больше всех, ибо Клеомен беспрерывно разорял и грабил их землю). Одинаково рассказывает об этом и Филарх, которому, впрочем, особо доверять не следует – если только сообщения его не подтверждены Полибием, – ибо, едва лишь речь заходит о Клеомене и Арате, он, из расположения к царю спартанцев, увлекается сверх всякой меры и, словно не историю пишет, а говорит на суде, одного неизменно обвиняет, а другого столь же неизменно оправдывает.

39. Потеряв Мантинею, которую снова занял Клеомен, и потерпев поражение в большой битве при Гекатомбее, ахейцы пали духом настолько, что немедленно пригласили Клеомена в Аргос, обещая передать ему верховное командование. Но когда Арат получил известие, что Клеомен уже в пути и расположился с войском близ Лерны, то в страхе и смятении отправил послов с требованием, чтобы спартанский царь явился в Аргос всего с тремястами спутников, как приходят к друзьям и союзникам, если же он не доверяет ахейцам, пусть возьмет заложников. Клеомен отвечал, что это наглое издевательство над ним, и повернул обратно, написав ахейцам письмо, полное нападок на Арата и обвинений против него. Арат, в свою очередь, писал письма, направленные против Клеомена. Они хулили и поносили друг друга с такой яростью, что замаранными оказались даже брак и

¹⁸⁸⁸ 18. ...охотник у Эзопа... – Эзопова басня (269П.) о коне, который, желая отомстить оленю, взял в союзники человека и потом уже не мог от него освободиться, в политическом применении приводилась еще Аристотелем («Риторика», II, 20).

¹⁸⁸⁹ 19. ...Полибий утверждает... – II, 47–48.

супруги обоих противников.

После этого Клеомен через вестника объявил ахейцам войну и сразу же едва не захватил изменою Сикион, но повернул на Пеллену и взял ее, изгнав ахейского стратега. Немного спустя он овладел также Фенеом и Пентелием. Тогда аргивяне немедленно перешли на его сторону, и Флиунт принял спартанский караул. И вообще ни единое из вновь приобретенных владений ахейцы уже не могли считать своим, и Арат вдруг увидел себя окруженным отовсюду волнениями и беспорядками – весь Пелопоннес был потрясен, и любители перемен и переворотов подстрекали города к мятежу.

40. Спокойствия не было нигде, нигде не довольствовались существующим положением вещей, но даже в Сикионе и в Коринфе обнаружилось многие, кто состоял в связи с Клеоменом и уже давно, мечтая взять власть в свои руки, питал тайную вражду к Союзу. Получив по этому случаю неограниченную власть¹⁸⁹⁰, Арат казнил в Сикионе всех виновных, но когда попытался нарядить следствие и наказать изменников в Коринфе, то вконец ожесточил народ, уже и без того роптавший и тяготившийся порядками, которые установили ахейцы. И вот, сбежавшись к храму Аполлона, коринфяне посылают за Аратом, чтобы еще до начала восстания убить его или захватить живым. Арат пришел, ведя в поводу коня и словно не подозревая ничего дурного и вполне доверяя собравшимся, а когда многие повскакали на ноги и принялись осыпать его обвинениями и бранью, он, несколько не изменившись в лице, ровным голосом убеждал их сесть и не кричать безо всякого толка, но первым делом впустить тех, кто остался за воротами. С этими словами он медленно двинулся назад, словно намереваясь передать кому-нибудь своего коня. Так он незаметно выскользнул за ограду. С коринфянами, которые встречались ему по пути, он говорил очень спокойно и всех просил идти к святилищу Аполлона, но когда оказался, наконец, вблизи от крепости, то вскочил на коня, приказал Клеопатру, начальнику караула, зорко охранять Акрокоринф и ускакал в Сикион в сопровождении всего тридцати воинов – остальные бросили его и разбрелись кто куда. Коринфяне скоро узнали об его бегстве и кинулись вдогонку, но было уже поздно, и они, послав за Клеоменом, передали ему город. Но Клеомен считал это приобретение ничтожным по сравнению с оплошностью, которую они совершили, упустив Арата. Вслед за тем к спартамцам присоединились жители так называемого Скалистого берега¹⁸⁹¹ и вверили им свои города, а Клеомен принялся обносить Акрокоринф частоколом и стеною.

41. Большинство ахейцев сошлось и съехалось к Арату в Сикион. Составилось собрание, Арат был избран стратегом с неограниченными полномочиями и окружил себя охраною из своих сограждан. После тридцати трех лет, проведенных на государственном поприще во главе Ахейского союза, после того, как и славою, и силою этот человек превосходил всех в Греции, он остался один, сокрушенный и беспомощный, и теперь, когда его родина потерпела крушение, носился по волнам в разгар губительной бури. Да, ибо и этолийцы отвечали отказом на его просьбу о помощи, и город афинян, связанный долгом благодарности Арату и готовый оказать ему поддержку, не сделал этого, внявши грозным предупреждениям Эвриклида и Микиона. В Коринфе у Арата был дом и прочее имущество, и Клеомен ничего не тронул сам и не позволил прикоснуться никому другому, но вызвал к себе друзей и управляющих ахейского стратега и велел вести дела и оберегать все с такою тщательностью, словно им предстоит дать отчет самому Арату. Частным образом он отправил к Арату сперва Трифила, а потом своего отчима Мегистоноя, предлагая ему, кроме всего прочего, двенадцать талантов ежегодного содержания, то есть вдвое больше, чем давал Птолемей, – тот посылал ему шесть талантов. За это он требовал звания главы и предводителя ахейцев и права совместно с ними охранять Акрокоринф. Арат отвечал, что он

¹⁸⁹⁰ 20. Получив... неограниченную власть... – Только в Сикионе, а не в целом союзе.

¹⁸⁹¹ 21. Скалистый берег – «Акта», большой полуостров, которым выдается в море Аргонида.

более не направляет течение событий, но скорее сам плывет по течению. Клеомен счел его ответ издевательским и, вторгнувшись без промедления в Сикионскую землю, три месяца грабил ее и разорял, а самый город держал в осаде. В продолжение этих месяцев Арат стойко переносил бедствия войны, все еще не решаясь принять помощь Антигона, который в обмен желал получить Акрокоринф и ни на каких иных условиях помочь не соглашался.

42. Ахейцы между тем собрались в Эгии и пригласили туда Арата. Дорога была сопряжена с немалым риском, потому что Клеомен стоял лагерем близ Сикиона. Сограждане умоляли Арата остаться, кричали, что не позволят ему подвергать себя опасности, когда неприятель так близко, даже дети и женщины окружали его, словно общего отца и спасителя, и с плачем ловили его руки. Тем не менее, успокоив их и ободлив, он поспешил верхом к морю в сопровождении десяти друзей и уже взрослого сына. У берега их ждали на якоре суда, они взошли на борт и благополучно прибыли в Эгий, и там, в Собрании, было решено призвать Антигона и передать ему Акрокоринф. В числе других заложников Арат отправил к царю и своего сына. Узнав об этом, коринфяне пришли в ярость и разграбили имущество Арата, а дом его подарили Клеомену.

43. Антигон с войском уже двинулся в поход (он вел двадцать тысяч македонской пехоты и тысячу триста всадников), и Арат с демиургами¹⁸⁹², тайком от неприятелей, выехал морем навстречу ему в Пеги – не слишком полагаясь на Антигона и не доверяя македонянам. Ведь он прекрасно знал, что возвышение его было обратной стороною того ущерба, который он причинил македонянам, и помнил, что первую и главнейшую основу для своих действий на государственном поприще в свое время избрал вражду против Антигона. Но, видя себя во власти жесточайшей необходимости, видя, как неумолимы обстоятельства, которым рабски служат те, кого принято считать властителями, он решился на этот тяжкий шаг. Антигон, однако ж, когда ему доложили, что приехал Арат с ахейцами, всех остальных принял сдержанно, но Арату уже при первой встрече оказал необычайные почести, а впоследствии, узнав его ум и нравственные достоинства, приблизил к себе на правах друга. Ибо Арат оказался полезен не только в важных делах, но и часы досуга царь разделял с ним охотнее, чем с кем бы то ни было еще. Несмотря на молодость Антигон сумел разглядеть характер этого человека, убедился, что он-то как раз и должен быть царским другом, и с тех пор оказывал ему неизменное предпочтение не только перед ахейцами, но и перед македонянами из своей свиты. Так сбылось и исполнилось знамение, которое бог явил однажды во время жертвоприношения. Передают, что незадолго до этих событий Арат, разглядывая печень жертвенного животного, заметил два желчных пузыря в одном пласте жира, и прорицатель объявил, что вскорости он самым дружеским образом сойдется со злейшим своим врагом. Тогда Арат пропустил эти слова мимо ушей (он и вообще не питал особого доверия к жертвам и гадателям и больше полагался на здравый смысл). Но впоследствии Антигон, по случаю больших военных успехов, устроил многолюдный пир в Коринфе и отвел Арату место за столом выше собственного; вскоре после начала пира он распорядился принести покрывало и спросил Арата, не холодно ли ему, Арат отвечал, что ужасно озяб, и тогда царь велел ему придвинуться поближе, и рабы накрыли обоих одним ковром. Вот тут-то Арат и вспомнил о том жертвоприношении, громко рассмеялся и рассказал Антигону о знамении и о прорицании. Но это, повторяю, случилось значительное время спустя.

44. В Пегах Антигон и Арат обменялись клятвами и без промедления двинулись на врага. У Коринфа завязалась борьба, потому что Клеомен хорошо укрепил город, а коринфяне сопротивлялись с большим упорством. В разгар этой борьбы аргивянин Аристотель, друг Арата, тайно присылает к нему человека с обещанием склонить Аргос к мятежу, если он явится с войском на подмогу. Арат сообщил об этом Антигону и с тысячей пятьюстами воинов поспешно отплыл с Истма в Эпидавр, но аргивяне восстали раньше

---

¹⁸⁹² 22. *Демиурги* – высшие должностные лица в городах Ахейского союза.

срока, напали на отряд Клеомена и заперли его в крепости, а Клеомен, узнав о случившемся и испугавшись, как бы неприятели, если они займут Аргос, не отрезали ему путь домой, еще ночью оставил Акрокоринф и бросился на помощь своим. Он поспел в Аргос первым и сумел потеснить восставших, но немного спустя подошел Арат, а следом появился и царь с войском, и Клеомен отступил в Мантинее. После этого все города снова примкнули к ахейцам, Акрокоринф перешел в руки Антигона, а Арат, которого аргивяне избрали своим полководцем, уговорил их подарить царю имущество тиранна и предателей.

Аристомаху подвергли в Кенхреях мучительной пытке и утопили в море, и все в один голос осуждали Арата, считая, что он равнодушно отдал на незаконную казнь ни в чем не повинного человека, который находился в прямой связи с ним самим и, последовав его же, Арата, убеждениям, добровольно отказался от власти и присоединил свой город к Ахейскому союзу.

45. И множество иных обвинений выдвигалось теперь против Арата. Когда Антигону подарили Коринф, словно какую-то жалкую деревушку, когда ему отдали на разграбление Орхомен, а затем позволили разместить там македонский сторожевой отряд, когда было принято постановление, запрещавшее без ведома и согласия Антигона писать и посылать послов к любому из остальных царей, когда греков заставляли содержать македонян и платить им жалование, когда они приносили Антигону жертвы, совершали в его честь торжественные шествия и устраивали игры, – чему начало положили сограждане Арата, всем городом принимавшие у себя Антигона, которого пригласил в гости Арат, – во всем этом винили его, Арата, не видя того, что, передав поводья Антигону и влекомый неукротимым потоком царского могущества, он остался хозяином и владыкою лишь собственного голоса, да и голосу-то звучать свободно было уже небезопасно. Мало того, многое из совершавшегося в ту пору тяжко оскорбляло Арата, как было, например, в случае со статуями: все изображения тираннов в Аргосе, сброшенные с подножий, Антигон распорядился поставить на прежнее место, а статуи тех, кто захватил Акрокоринф, – напротив, сбросить и разбить, за исключением только статуи Арата. И сколько Арат его ни упрашивал, царь своего решения не изменил.

И с Мантинеей, по общему суждению, ахейцы обошлись вопреки всем греческим обычаям. Взявши город с помощью Антигона, самых первых и видных граждан они казнили, остальных либо продали, либо в оковах отправили в Македонию, женщин и детей обратили в рабство, а все деньги, какие удалось собрать, разделили на три части: одну взяли себе, две получили македоняне. Но это еще можно как-то оправдывать, ссылаясь на закон возмездия¹⁸⁹³. Ужасно, конечно, так свирепо расправиться в гневе со своими родичами и соплеменниками, но, по слову Симонида, в крайности сладостна и жестокость – она как бы приносит целительное удовлетворение страдающему и распаленному духу. То, однако ж, как Арат поступил с Мантинеей в дальнейшем, нельзя извинить и оправдать ничем – ни справедливостью, ни необходимостью. Когда ахейцы, получив город в дар от Антигона, решили снова его заселить, Арат, занимавший тогда должность стратега и избранный основателем колонии, провел закон, чтобы впредь она звалась не Мантинеей, но Антигонией. Так зовется она и по сей день, и, стало быть, по его вине исчезла с лика земли «веселая Мантинеея»¹⁸⁹⁴, но остался город, который носит имя убийцы и погубителя своих граждан.

46. После этого Клеомен, разбитый в большом сражении при Селласии, покинул Спарту и уплыл в Египет, Антигон же, с крайнею добросовестностью и благожелательностью исполнив все свои обязательства перед Аратом, возвратился в

¹⁸⁹³ 23. ...ссылаясь на закон возмездия. – Незадолго до того мантинейцы с помощью лакедемонян перебили стоявший в их городе ахейский гарнизон.

¹⁸⁹⁴ 24. «Веселая Мантинеея» – так называет этот город Гомер («Илиада», II, 607).

Македонию и, уже больной, отправил в Пелопоннес Филиппа, наследника престола, едва вышедшего из детского возраста, с наказом неуклонно следовать советам Арата и только через него вести переговоры с городами и приобретать знакомства среди ахейцев. И Арат так крепко забрал царевича в свои руки и так сумел его направить, что тот вернулся домой полный любви к своему наставнику и честолюбивого интереса к делам Греции.

47. После смерти Антигона этолийцы, презирая легкомыслие ахейцев, которые, привыкнув ждать спасения от чужих рук и прятаться под защитой македонского оружия, предавались праздности и бездействию и забыли о порядке, – этолийцы начали тревожить Пелопоннес. Ограбив мимоходом владения Димы и Патр, они вторглись в Мессению и принялись разорять страну. Арат был в негодовании и, видя, что Тимоксен, тогдашний стратег, нарочито медлит – срок его стратегии подходил к концу, а на следующий год главою Союза был избран Арат, – вступил в должность на пять дней раньше времени, чтобы помочь мессенцам. Он быстро собрал ахейцев, но они и телом ослабели и воинский дух утратили, а потому при Кафиях Арат потерпел поражение. Слыша упреки в излишней горячности, которая, дескать, и привела к неудаче, он сразу же пришел в отчаяние и отказался от всех своих планов и надежд, так что ни разу не воспользовался случаем сквитаться с этолийцами, хотя такие случаи представлялись неоднократно, и терпеливо сносил все наглые бесчинства врага, который словно бы справлял праздничное шествие по землям Пелопоннеса. Снова ахейцы с мольбою простирали руки к Македонии и звали Филиппа вмешаться в греческие дела, главным образом рассчитывая на его расположение и доверие к Арату и потому ожидая найти в царе благосклонного заступника и сговорчивого союзника.

48. Но как раз в эту пору Апеллес, Мегалей и еще кое-кто из придворных впервые начали клеветать на Арата, и Филипп, поверив этим наветам, поддержал на выборах его противников и заставил ахейцев избрать стратегом Эперата. Новый стратег, однако, не пользовался ни малейшим уважением, а Арат совершенно устранился от дел, ничего хорошего из этого избрания не вышло, и Филипп, в конце концов, понял, что совершил огромную ошибку. Он снова обратился к Арату, целиком подчинил себя его влиянию, и поскольку весь ход дальнейших событий способствовал росту славы и могущества Филиппа, дорожил связью с этим человеком, считая, что обязан ему своим возвышением и громким именем. Все убедились, что Арат прекрасный наставник не только для демократии, но и для царской власти, ибо образ его мыслей и его характер как бы окрашивали действия и поступки царя. Сдержанность молодого государя по отношению к провинившимся лакедемонянам, его обхождение с критянами, благодаря которому он в течение нескольких дней привел весь остров к покорности, поход против этолийцев, отличавшийся редкостною стремительностью, – все это приносило Филиппу славу человека, чуткого к добрым советам, а Арату – славу доброго советника.

Зависть царских приближенных разгоралась все сильнее, и, ничего не достигнув тайными наветными, они перешли к открытой брани и нагло, с шутовскими кривляниями оскорбляли Арата на пирах, а однажды, когда он после обеда возвращался к себе, преследовали его до самой палатки и забросали камнями. Филипп пришел в ярость и немедленно наложил на виновных штраф в двадцать талантов, а позже, убедившись, что они наносят вред его делам и сеют беспорядок, приказал их казнить. (49). Но когда милости судьбы вскружили ему голову и он дал волю своим многочисленным и сильным дурным страстям, когда природная испорченность одолела наносную сдержанность и вырвалась из-под ее власти, постепенно обнажился и выявился истинный нрав Филиппа. Прежде всего, царь нанес обиду младшему Арату, нарушив его супружеские права, и долгое время никто об этом не догадывался, ибо Филипп был семейным другом обоих Аратов и пользовался их гостеприимством. Потом он начал выказывать враждебность к государственным порядкам греков, а вскоре уже открыто давал понять, что хочет избавиться от Арата.

Первый повод к подозрениям доставили события в Мессене. В городе вспыхнула междоусобная борьба, Арат с помощью запоздал, и Филипп, явившись на день раньше, тут же подлил масла в огонь: сначала он особо беседовал с властями и спрашивал, неужели у них

нет законов против народа, а потом, в особой беседе с вожаками народа, спрашивал, неужели у них нет силы против тираннов. Обе стороны осмелели, и власти попытались схватить и взять под стражу вожаков народа, а те во главе толпы напали на своих противников, убили их и вместе с ними – еще без малого двести человек.

50. Меж тем как ужасное это дело, подстроенное Филиппом, уже свершилось и царь старался еще сильнее ожесточить мессенцев друг против друга, прибыл Арат, который и сам не скрывал своего возмущения, и не остановил сына, когда тот набросился на Филиппа с резкими и грубыми упреками. Сколько можно судить, юноша был влюблен в Филиппа и потому, среди прочих злых слов, сказал ему так: «После того, что ты сделал, я больше не вижу твоей красоты, нет, теперь ты самый безобразный из людей!» Младшему Арату Филипп ничего не ответил, хотя и кипел от гнева и несколько раз прерывал юношу яростными воплями, а старшего – прикидываясь, будто спокойно проглотил все сказанное и будто по натуре он сдержан и терпелив, как подобает государственному мужу, – старшего взял за руку и увел из театра в Ифомату¹⁸⁹⁵, чтобы принести жертву Зевсу и осмотреть место. Оно укреплено не хуже Акрокоринфа и, занятое сторожевым отрядом, становится грозным и неприступным для тех, кто живет поблизости. Филипп поднялся наверх и совершил жертвоприношение, а когда прорицатель подал ему внутренности заколотого быка, взял их обеими руками и показал Арату и фаросцу Деметрию, наклоняясь к каждому по очереди и спрашивая, что усматривают они во внутренностях жертвы: суждено ли ему удержать крепость или же вернуть ее мессенцам. Деметрий засмеялся и ответил: «Если у тебя душа гадателя, ты потеряешь это место, а если царя – то крепко схватишь быка за оба рога». Он имел в виду Пелопоннес, который оказался бы целиком подвластен и покорен царю, если бы Филипп к Акрокоринфу присоединил Ифомату. Арат долго молчал и, наконец, в ответ на просьбу Филиппа высказать свое мнение, промолвил: «Много высоких гор на Крите, Филипп, много вершин поднимается над землею беотийцев и фокейцев. И в Акарнании – и в глубине страны, и на берегу – тоже немало удивительных твердынь. Ни единого из подобных мест ты не занимаешь, однако ж все эти страны добровольно подчиняются твоим приказам. Разбойники гнездятся в скалах и ищут убежища среди отвесных круч, но для царя нет твердыни надежнее верности и любви. Это они открывают тебе Критское море, они отворяют ворота Пелопоннеса; через них ты, в твои молодые годы, уже сделался у одних народов вождем, а у других – владыкою». Не успел еще он закончить свою речь, как Филипп отдал внутренности жертвы прорицателю, а Арата взял за руку, привлек к себе и сказал: «Ну что ж, пойдем и дальше той же дорогой», – точно соглашаясь освободить Мессену, побежденный правотой его слов.

51. Теперь Арат начал отдаляться от двора, мало-помалу прекращая общение с Филиппом, и, когда царь двинулся в Эпир и просил его принять участие в походе, отвечал отказом и остался дома из опасения, как бы действия Филиппа не покрыли дурной славой и его. Когда же Филипп самым позорным образом лишился в борьбе с римлянами флота и вообще потерпел полную неудачу¹⁸⁹⁶, а затем возвратился в Пелопоннес и снова попытался обмануть мессенцев, но сохранить тайну не сумел и стал чинить открытое насилие и разорять их страну, – тут же Арат порвал с ним окончательно, тем более, что проведаль и о бесчестии, которое Филипп нанес его дому, и был тяжело опечален, но сыну ни о чем не рассказывал: ведь ничего, кроме сознания собственного позора, молодому Арату это дать не могло, ибо отомстить обидчику он был не в силах.

Мне кажется, что Филипп претерпел самую крутую и самую неожиданную перемену,

---

¹⁸⁹⁵ 25. *Ифомата* – святилище Зевса Ифомского на горе Ифоме, твердыне Мессении.

¹⁸⁹⁶ 26. *...потерпел полную неудачу...* – Речь идет о I македонской войне с Римом (215—205), когда Филипп намеревался послать флот к Италии в помощь Ганнибалу, но появление римской флотилии расстроило его планы.

из милосердного царя и скромного юноши превратившись в разнузданного и гнусного тиранна. Впрочем это не было переменою в характере, просто при полной безнаказанности вышло наружу зло, долгое время таившееся во мраке, под гнетом страха. (52). Да, ибо чувство, которое он питал к Арату, с самого начала складывалось из стыда и страха, и об этом свидетельствует его расправа с прежним своим наставником. Филипп хотел убить Арата в уверенности, что пока тот жив, ему никогда не быть не только что тиранном или царем, но даже свободным; все же прибегнуть к прямому насилию он не решился и поручил Тавриону, одному из своих полководцев и друзей, известить его тайком, лучше всего с помощью яда, и вдобавок в такое время, когда его, Филиппа, на месте не будет. Таврион сумел сблизиться с Аратом и дал ему яду, но не сильного и не быстродействующего, а такого, что вначале вызывает легкий жар и небольшой кашель, а потом постепенно приводит к чахотке. Арат понял, в чем причина его недуга, но переносил его спокойно и молча, словно какую-нибудь самую обычную болезнь, понимая, что никакими разоблачениями делу не помочь. И только раз, когда один из близких друзей, сидя у него в комнате, увидел, как он харкает кровью, и удивился, Арат сказал ему: «Это, мой Кефалон, воздаяние за дружбу с царями».

53. Так он скончался в Эгии, в семнадцатую свою стратегию, и ахейцы непременно желали там же его и похоронить и воздвигнуть памятник, достойный жизни этого человека. Но сикионяне считали для себя несчастьем, если тело Арата не будет предано погребению у них и убедили ахейцев уступить им эту честь, а так как в Сикионе существовал древний обычай, запрещающий хоронить мертвых в городских стенах, и так как обычай этот поддерживался сильнейшим суеверием, послали в Дельфы спросить совета у Пифии. Пифия изрекла им следующий оракул:

Ты решил, Сикион, вождя, ушедшего ныне,
Славной наградой навеки почтить и священным обрядом?
Да, оскорбленье ему нанести – нечестивое дело,
Землю и небо оно оскорбит, и широкое море.

Все ахейцы обрадовались этому прорицанию, но больше всех радовались сикионяне, которые превратили скорбь в праздник и немедленно, украсив себя венками и облачившись в белые одежды, с хвалебными песнопениями и хороводными плясками, понесли труп из Эгии к себе в город. Выбрав видное отовсюду место¹⁸⁹⁷, они погребли Арата, величая его основателем и спасителем Сикиона. Место и поныне зовется Аратием, и здесь ежегодно приносили Арату две жертвы: одну в день, когда он освободил город от тираннии. – в пятый день месяца десья, который афиняне называют анфестерионом, и сама жертва именовалась Избавительною, а другую – в день и месяц его рождения. Первый из обрядов совершал жрец Зевса Избавителя, второй – жрец Арата, головная повязка у него была не чисто белая, а белая с красным, и жертвоприношение сопровождалось звуками песен, которые под кифару пели актеры, а в шествии участвовали мальчики и подростки во главе с гимнасиархом, за ними следовали члены Совета в венках и всякий желающий из прочих граждан. Кое-какие из этих обрядов сикионяне благоговейно хранят и теперь и совершают их в те же самые дни. Но большая часть почестей, которые прежде оказывались Арату, забыта с течением лет и под бременем новых забот.

54. Вот что рассказывают писатели о жизни и характере старшего Арата. Сына же его гнусный Филипп, с жестокостью соединявший наглую разнузданность, отравил ядом, не смертельным, но лишаящим рассудка. Им овладели странные и страшные желания, он испытывал неодолимую тягу к нелепым поступкам, к вещам, столько же постыдным,

¹⁸⁹⁷ 27. ...видное отовсюду место... – Т.е. место перед бывшим дворцом тираннов; это святилище описывает Павсаний, II, 8, 2.

сколько губительным, и смерть, хотя он был еще так молод, пришла к нему не бедою, но избавительницей и исцелением от бед. Правда, и Филипп понес заслуженное возмездие за свое подлое злодеяние, держа ответ перед Зевсом-Покровителем Дружбы и Гостеприимства. Разбитый римлянами¹⁸⁹⁸ и сдавшись на милость победителей, он лишился своей державы, лишился всего флота, за исключением лишь пяти кораблей, а кроме того обещал уплатить тысячу талантов и выдал сына заложником – и лишь на этих условиях удержал за собою Македонию и данников Македонии. Бесперывно истребляя самых достойных людей государства и ближайших своих родственников, он наполнил всю страну ужасом и ненавистью к царю. Среди всех этих бедствий лишь одна была у него удача – замечательных достоинств сын, но, завидуя почестям, которые оказывали юноше римляне, Филипп убил его и престол передал другому сыну, Персею, – как идет слух, не кровному, а подкидышу, появившемуся на свет у какой-то штопальщицы Гнафении. Этого Персея провел в триумфальном шествии Эмилий, и на нем царский род, получивший начало от Антигона, прекратился. А потомство Арата и в наши дни процветает в Сикионе и в Пеллене.

ГАЛЬБА

[Перевод С.П. Маркиша]

1. Афинянин Ификрат считал, что наемник должен быть жаден до денег и удовольствий, – тогда, дескать, ища средств утолить и утишить свои страсти, он будет храбрее сражаться, – но большинство требует, чтобы войско было подобно могучему телу, которое собственных побуждений не знает и движимо лишь волею полководца. Вот почему и Павел Эмилий в Македонии, приняв начальство и убедившись, что воины чересчур болтливы и любопытны и вмешиваются в дела командующего, отдал, как сообщают, приказ¹⁸⁹⁹, чтобы каждый держал в готовности свои руки и наточил свой меч, а об остальном позаботится он сам. Хороший военачальник и полководец бессилен, если в войске нет послушания и единодушия, и Платон¹⁹⁰⁰, отлично это видя, полагал, что искусство повиноваться подобно искусству царствовать и что оба нуждаются как в хороших природных задатках, так равно и в философском воспитании, которое прививает кротость и человеколюбие и тем особенно удачно умеряет дерзость и вспыльчивость. Мнение Платона подтверждается множеством различных примеров, в том числе – и бедствиями, обрушившимися на римлян после смерти Нерона; все они в своей совокупности доказывают, что нет ничего страшнее военной силы, одержимой темными и грубыми страстями, когда она стоит у власти.

Демад после смерти Александра сравнил македонское войско с ослепленным Киклопом, наблюдая, как много беспорядочных и бессмысленных движений оно совершает. Римская же держава испытывала потрясения и муки, схожие с воспетыми в сказаниях муками и борьбой Титанов, – раздираемая на много частей¹⁹⁰¹ сразу и все снова яростно

---

¹⁸⁹⁸ 28. *Разбитый римлянами...* – Имеется в виду поражение Филиппа во II Македонской войне, описанное в биографии Тита.

¹⁸⁹⁹ 1. *...Павел Эмилий ... отдал ... приказ ...* – См.: ЭМП., 13.

¹⁹⁰⁰ 2. *...Платон ... полагал ...* – См., напр.: «Государство», II, 376 с.

¹⁹⁰¹ 3. *...раздираемая на много частей ...* (как Титаны, казнимые в Тартаре) – В междоусобицу 68–69 гг. н.э. почти каждая окраинная римская армия выдвигала своего претендента на императорскую власть: галльская – Виндекса, испанская – Гальбу, германская – Вителлия, восточная – Веспасиана.

устремляющаяся сама на себя, – и не столько из-за властолюбия тех, кого провозглашали императорами, сколько из-за алчности и распушенности солдат, сбрасывавших одного императора с помощью другого, точь-в-точь как вышибают клин клином. Дионисий назвал того уроженца Феры¹⁹⁰², что властвовал в Фессалии десять месяцев, а потом был убит, тиранном из трагедии, насмехаясь над кратковременностью его правления. Но дом Цезарей, Палатин, за более короткий срок принимал четверых императоров¹⁹⁰³, которых, и в самом деле, приводили и уводили, точно актеров на театре. И лишь одно служило утешением несчастным гражданам Рима – что не надо было искать возмездия для виновников их бедствий, но они сами истребляли друг друга. И первым понес справедливейшую кару тот, кто развратил войско, научил его ждать от перемены Цезаря благ, какие сам же сулил, и таким образом запятнал и опорочил платою прекраснейший подвиг, превратив восстание против Нерона в обыкновенное предательство.

2. Когда положение Нерона сделалось безнадежно и стало ясно, что он вот-вот бежит в Египет, Нимфидий Сабин, который, как сказано¹⁹⁰⁴, занимал вместе с Тигеллином должность начальника двора¹⁹⁰⁵, уговорил солдат – словно Нерона уже не было в Риме – провозгласить императором Гальбу и обещал каждому из дворцовой стражи, или так называемых преторианцев, по семи с половиной тысяч драхм, а тем, кто нес службу за пределами Рима, по двести пятьдесят; однако, чтобы собрать такие деньги, надо было взвалить на плечи всей державы бремя неизмеримо более тяжкое, чем то, какое она несла при Нероне. Нерона эти посулы погубили немедленно, но вскоре вслед за ним погубили и Гальбу. Первого солдаты бросили на произвол судьбы, надеясь получить обещанное, второго убили, обманувшись в своих надеждах, а затем, ища нового вождя, который бы расплатился с ними сполна, растратили все силы в мятежах и изменах, так ничего и не достигнув. Рассказать об этом подробно и обстоятельно – задача истории, описывающей событие за событием, но мимо достопамятных обстоятельств в жизни Цезарей нельзя пройти и мне.

3. Общепризнанно, что Сульпиций Гальба был самым богатым из частных лиц, которые когда-либо вступали в дом Цезарей. Принадлежность к роду Сервиев¹⁹⁰⁶ ставила его в ряды высшей знати, но сам он больше гордился родством с Катулом, который опережал всех своих современников славою и нравственным достоинством, хотя первенство в силе и мощи добровольно уступал другим. В какой-то родственной связи находился Гальба и с Ливией, супругой Цезаря, и благодаря ее покровительству покинул Палатинский дворец в звании консула. Передают, что он отлично командовал войском в Германии и стяжал самые высокие похвалы на посту наместника Африки. Но впоследствии, когда он стал императором, простота его образа жизни, скромность и воздержность в расходах навлекли на него обвинение в скупости, так что молва о любви Гальбы к порядку и отвращении к

---

¹⁹⁰² 4. ...того уроженца Феры ... – По-видимому, это Полидор, брат и кратковременный преемник Александра Ферского (370 г.).

¹⁹⁰³ 5. ...дом Цезарей, Палатин ... принимал четверых императоров ... – Начиная с Августа императоры строили здесь свои жилища, и постепенно почти весь Палатин обратился в императорскую резиденцию. Четверых императоров – т.е. Нерона (погиб в октябре 68 г.), Гальбу (убит 15 января 69), Оттона (покончил самоубийством 14 апреля 69), Вителлия (убит 24 декабря 69), после которых к власти пришел Веспасиан.

¹⁹⁰⁴ 6. ...положение Нерона сделалось безнадежно ... как сказано ... – Упоминается биография Нерона, до нас не дошедшая. Положение Нерона сделалось безнадежным после того, как за Виндексом восстали Гальба в Испании и Клодий Макр в Африке, а войска отказались поддержать Нерона.

¹⁹⁰⁵ 7. Начальник двора – так Плутарх называет начальника преторианцев, императорской гвардии, лагерь которой находился на окраине Рима.

¹⁹⁰⁶ 8. ...к роду Сервиев ... – В роде Сульпициев почти все мужчины носили личное имя Сервий.

расточительству имела дурной привкус. Нерон послал его правителем в Испанию – еще до того, как выучился бояться людей, пользующихся большим уважением в Риме. Впрочем Гальба и вообще казался человеком спокойного нрава, а преклонные его годы заставляли верить, что он будет осмотрителен и осторожен.

4. Императорские управляющие¹⁹⁰⁷, эти сущие преступники, жестоко терзали и грабили его провинцию, помочь этой беде Гальба был не в силах, но открыто давал понять, что разделяет горе и обиды жителей, и тем доставлял хоть какое-то утешение осуждаемым и обреченным на продажу в рабство. На Нерона сочинялись язвительные стишки, которые разносили и распевали повсюду, и Гальба не препятствовал их распространению и на возмущенные речи управляющих отвечал полным равнодушием. За это жители любили его еще сильнее. Они успели узнать Гальбу уже достаточно близко, когда, на восьмом году его наместничества, поднялся против Нерона Юний Виндекс, претор Галлии. Сообщают, что еще до открытого восстания к Гальбе пришли письма от Виндекса; он не дал никакого ответа, однако ж и не донес в Рим, как другие наместники, которые отправили полученные письма Нерону и таким образом сделали все, от них зависевшее, чтобы погубить начинание Виндекса, хотя впоследствии приняли в нем участие, тем самым признавшись, что предали не только Виндекса, но и себя самих. Но когда Виндекс, начав открытую войну, написал Гальбе, призывая его принять верховное начальство и придать еще более силы могучему телу, ищущему головы, – возглавить Галлию, которая уже имеет сто тысяч вооруженных воинов и может выставить еще больше, Гальба созвал друзей на совет. Иные из них считали, что надо ждать, пока не выяснится, чем ответит Рим на этот переворот. Но Тит Виний, начальник преторской когорты, недолго думая, вскричал: «Какие еще тут совещания, Гальба! Ведь размышляя, сохранить ли нам верность Нерону, мы уже ему не верны! А если Нерон нам отныне враг, нельзя упускать дружбу Виндекса. Или же, в противном случае, следует немедленно выступить против него с обвинением и военной силой, за то что он хочет избавить римлян от тирании Нерона и дать им в правители тебя».

5. После этого Гальба особым указом назначил день, в который обещал освободить значительную часть узников; молва и слухи об этом распространились заранее и собрали громадную толпу людей, жаждавших переворота. Не успел Гальба появиться на возвышении, как все в один голос провозгласили его императором. Гальба в тот раз императорского звания не принял; произнес обвинение против Нерона и оплакавши самых сильных и знаменитых из числа его жертв, он согласился послужить отечеству, именуясь, однако ж, не Цезарем и не императором, а полководцем римского сената и народа.

Что Виндекс поступил верно и дальновидно, предложив верховное начальствование Гальбе, об этом свидетельствует сам Нерон. Он делал вид, будто презирает Виндекса и ни во что не ставит события в Галлии, но узнав об измене Гальбы, – это случилось за завтраком, после купания, – опрокинул стол. Тем не менее, когда сенат принял постановление, объявлявшее Гальбу врагом, император, желая покрасоваться перед друзьями, шутливо заметил, что ему, дескать, открывается совсем недурной выход из денежных затруднений: во-первых, он ограбит до нитки галлов, как только они будут усмирены, а пока можно воспользоваться имуществом Гальбы и пустить его с торгов, раз хозяин уже объявлен врагом государства. И действительно, он приказал продать имения Гальбы, а Гальба, в ответ на это, объявил о продаже всех владений Нерона в Испании и легко нашел многочисленных покупателей.

6. Многие наместники отпадали от Нерона, и почти все принимали сторону Гальбы, только Клодий Макр в Африке и Вергиний Руф, начальник германского войска в Галлии, действовали особо и, к тому же, каждый по-своему. Клодий погряз в убийствах и грабежах, и было ясно, что, одержимый кровожадностью и корыстолюбием, он не решается расстаться с

---

¹⁹⁰⁷ 9. *Императорские управляющие* – прокураторы, финансовые чиновники, собиравшие налоги в частную казну императора и независимые от провинциальных наместников.

властью, но и удержать ее не в силах; Вергиний, стоявший во главе самых лучших и сильных легионов, которые уже не раз пытались провозгласить его императором против его воли, говорил, что и сам не примет верховного владычества и не позволит вручить его никому иному помимо воли и выбора сената. Уже и это обстоятельство само по себе причиняло Гальбе немалое беспокойство. Когда же войска Вергиния и Виндекса чуть ли не силою заставили своих полководцев – точно колесничих, которые уж не могут удержать вожжи, – решиться на битву и сошлись в жестокой сече, когда Виндекс, потеряв убитыми двадцать тысяч галлов, покончил с собой и разнесся слух, будто все солдаты после такой победы единодушно желают, чтобы Вергиний принял императорское достоинство, а в противном случае грозят снова перейти на сторону Нерона, – тут Гальба в полном смятении написал Вергинию, предлагая объединиться и совместными усилиями сберечь римлянам их державу и свободу. Затем он вернулся вместе с друзьями в испанский город Клунию и проводил свои дни в сожалениях обо всем происшедшем и в тоске по прежней и такой привычной праздности – вместо того чтобы принять хоть какие-нибудь самые необходимые меры.

7. Однажды под вечер, уже в начале лета, из Рима прибыл вольноотпущенник Икел, проделавший весь путь за семь дней. Узнав, что Гальба отдыхает, он бегом бросился к его покоям, отворил, несмотря на сопротивление слуг, двери спальни и, войдя, объявил, что еще при жизни Нерона, когда он скрылся из дворца, сперва войско, а затем и народ и сенат провозгласили императором Гальбу¹⁹⁰⁸. Вскоре после этого, продолжал Икел, он узнал о смерти Нерона, но не поверил чужим словам и отправился в путь лишь после того, как увидел труп собственными глазами. Эта весть необыкновенно воодушевила Гальбу; перед домом быстро собралась толпа, которой он также внушил твердые и самые светлые надежды на будущее. И все же скорость путешествия Икела многим внушала недоверие. Но двумя днями позже из лагеря приехали Тит Виний и еще несколько человек и подробно рассказали о решениях сената. Виний получил в награду высокую должность, а отпущеннику Гальба дал золотое кольцо, и в дальнейшем, под именем Марциана Икела, он пользовался наибольшей силою и влиянием среди всех отпущенников.

8. Между тем в Риме Нимфидий Сабин подчинил все своей власти и не постепенно, не мало-помалу, но разом. Гальба, рассуждал Сабин, дряхлый старик, в свои семьдесят три года он с трудом найдет в себе силы добратся до Рима хотя бы в носилках, а войска в столице и прежде были преданы ему, Сабину, а теперь и слышать ни о ком другом не хотят и после щедрых его раздач Сабина считают своим благодетелем, Гальбу же – должником. Не теряя времени даром, он приказал Тигеллину, своему товарищу по должности, сложить оружие, стал задавать пиры, принимая бывших консулов и полководцев (приглашения, правда, рассылались еще от имени Гальбы), а в лагере¹⁹⁰⁹ многие по его наущению вели разговоры, что надо, мол, отправить к Гальбе послов с просьбою назначить Нимфидия единственным и бессменным начальником двора. Росту славы и могущества Нимфидия способствовал и сенат, который дал ему звание «благодетеля», собирался ежедневно у дверей его дома и предоставил право предлагать и утверждать всякое сенатское решение, и это завело его еще дальше по пути дерзости и своеволия, так что очень скоро он сделался не только ненавистен, но и страшен даже для тех, кто перед ним пресмыкался. Когда консулы¹⁹¹⁰ поручили было нескольким государственным рабам отвезти императору вынесенные постановления и дали

¹⁹⁰⁸ 10. ...провозгласили императором Гальбу (см. гл. 2). – 8 июня 68 г. Нерон покончил с собою на следующий день.

¹⁹⁰⁹ 11. ...в лагере ... – У преторианцев; см. примеч. 7.

¹⁹¹⁰ 12. Консулы 68 г. н.э. – Тиб. Силий Италик (впоследствии известный поэт, автор «Пуники») и П. Галерий Трахал.

им так называемые двойные грамоты¹⁹¹¹, запечатанные консульскими печатями, – чтобы власти в городах не задерживали гонцов, но поскорее меняли им повозки и лошадей, – Сабин страшно разгневался, что не воспользовались ни его печатью ни солдатами, и даже, говорят, совещался со своими приближенными, как наказать «виновных», но затем внял их извинениям и просьбам и сменил гнев на милость. Заискивая перед народом, он не препятствовал ему зверски расправляться с любым из приближенных Нерона, попадавшим в руки толпы. Гладиятора Спикула бросили под статуи Нерона, которые волокли через форум, и он был раздавлен, Апония, одного из доносчиков, швырнули на землю и переехали повозками, на которые грузят камень, многих растерзали в клочья, причем иных – без всякой вины, так что Маврик, сенатор, пользовавшийся огромным и вполне заслуженным уважением, заметил в курии: «Боюсь, как бы нам скоро не пожалеть о Нероне».

9. Так Нимфидий подвигался к цели все ближе и потому отнюдь не старался опровергать молву, будто он сын Гая Цезаря, правившего после Тиберия. В самом деле, Гай, еще подростком, был, по-видимому, близок с его матерью, которая обладала приятной наружностью и родилась от вольноотпущенника Цезаря по имени Каллист и какой-то швейцарки. Но, скорее всего, связь ее с Цезарем относится ко времени более позднему, чем рождение Нимфидия, отцом которого чаще называли гладиатора Мартиана. Нимфидия влюбилась в него, привлеченная громкой славой этого человека, и, судя по внешнему сходству, Нимфидий и Мартиан, действительно, были соединены кровным родством. Но Нимфидию он, во всяком случае, признавал своей матерью, а между тем, изображая свержение Нерона делом единственно лишь своих рук, он все полученные награды – и почести, и богатства, и Спора, возлюбленного Нерона, за которым он послал, еще стоя у погребального костра, когда тело убитого императора еще горело, и с которым спал, обращаясь с ним как с законной супругой и называя Пoppеей, – все эти награды считал недостаточными и исподволь прокладывал себе путь к императорской власти. Кое-какие шаги в этом направлении он предпринимал в Риме сам, с помощью друзей, и некоторые женщины и сенаторы тайно ему содействовали, а одного из своих приверженцев, Геллиана, отправил в Испанию соглядатаем.

10. Однако ж у Гальбы после смерти Нерона все шло как нельзя лучше. Правда, Вергиний Руф со своими колебаниями по-прежнему причинял ему беспокойство: стоя во главе многочисленного и очень храброго войска, он к силе своей присоединил теперь славу победы над Виндексом и, вдобавок, усмирил и покорил всю объятую мятежом Галлию, которая составляет немалую часть Римской державы, и Гальба опасался, как бы Вергиний не внял наконец голосу тех, кто призывал его взять власть. Да, не было в ту пору имени громче и славы блистательнее, ибо труды и заслуги Вергиния принесли Риму избавление и от жестокой тирании и от войны с галлами. Но он оставался верен первоначальному своему решению и упорно признавал право выбора императора за одним лишь сенатом, хотя, когда в лагере узнали о смерти Нерона, не только солдаты обратились к Вергинию с прежним настоятельным требованием, но и один из военных трибунов, находившихся в палатке полководца, обнажил меч и крикнул: «Либо принимай власть, либо клинок в грудь!» После того, как Фабий Валент, начальник одного из легионов, первым привел своих людей к присяге на верность Гальбе, а из Рима пришло письмо с рассказом о решениях сената, Вергиний, хотя и с величайшим трудом, уговорил воинов признать Гальбу императором. Сам он радушно принял преемника, назначенного Гальбой, Флакка Гордеония, передал ему войско и, выехав навстречу императору, который был уже близко, присоединился к его свите. Его приняли без какой бы то ни было враждебности, но и без особых почестей; первому был причиною сам Гальба, несколько опасавшийся Вергиния, второму – его

---

¹⁹¹¹ 13. *Двойные грамоты* (т.е. сложенные вместе и скрепленные печатью две таблички, по-гречески *diplomata*, откуда русское «диплом») – род мандата, исходящего от высших властей и заключающего в себе рекомендацию, предоставление каких-либо льгот предъявителю и т.п.

приближенные, и главным образом Тит Виний, который завидовал Вергинию и считал, что унизил его, но, неведомо для себя, оказал помощь доброму его гению, задумавшему избавить этого человека от войн, от тревог и бедствий, какие выпали на долю другим полководцам, и сберечь его для тихой жизни, для старости, полной мира и безмятежного досуга.

11. Близ галльского города Нарбона Гальбу встретили посланцы сената, приветствовали его и просили поскорее появиться перед римским народом, который жаждет увидеть своего императора. Гальба принимал сенаторов самым ласковым образом, беседовал с ними дружелюбно и совсем запросто, а устроив пир, не воспользовался ничем из обильной царской утвари и никем из многочисленной прислуги, присланных ему Нимфидием из дворца Нерона, – все на пиру было его собственное, и это сразу же принесло ему похвалы и славу человека достойного, стоящего выше соблазнов тщеславия. Но эту благородную скромность и обходительность Виний быстро сумел представить своекорыстным заискиванием перед толпою и трусостью, которая сама считает себя недостойною величия, и уговорил Гальбу распоряжаться богатствами Нерона, а, принимая гостей, не скрывать от их взоров царской роскоши. И вообще становилось ясно, что старик мало-помалу подпадает влиянию Виния.

12. Этот Виний был так корыстолюбив, как никто другой в целом свете, и чудовищно похотлив, что иной раз доводило его до преступления. Так, еще молодым юношей, служа под началом Кальвизия Сабина и впервые участвуя в походе, он привел ночью в лагерь супругу Сабина, женщину распутную и разнузданную, закутав ее в солдатский плащ, и совершил соитие прямо перед палаткою полководца – в том месте, которое римляне называют «принкипия»¹⁹¹² [principia]. За это Гай Цезарь посадил его в тюрьму. Но Винию повезло – Гай умер, и он вышел на волю. Обедая у Клавдия Цезаря, он украл серебряную чашу. Цезарь об этом узнал и на завтра снова пригласил его к обеду, а слугам велел, когда он явится, принести и поставить перед ним прибор не серебряный, а весь, до последнего предмета, глиняный. Так, благодаря умеренности Цезаря и его любви к шуткам, Виний был сочтен заслуживающим скорее смеха, чем гнева. Но то, что он вытворял в погоне за деньгами в пору, когда забрал Гальбу в свои руки и пользовался огромною силой, было уже не поводом для шуток, а причиною или началом истинно трагических событий и громадных несчастий.

13. Как только возвратился подосланный к Гальбе Геллиан и Нимфидий от этого своего лазутчика услышал, что начальником двора и личной стражи назначен Корнелий Лакон, что всем заправляет Виний, что Геллиану не пришлось ни поговорить с Гальбой наедине, ни даже приблизиться к императору, ибо все глядели на него с опаской и подозрением, – услышав об этом, Нимфидий встревожился не на шутку и, собрав начальников войска, объявил им, что сам Гальба – добрый и мягкий старик, но теперь он почти совсем не способен к здравому суждению, а Виний и Лакон вертят им как хотят. Поэтому, прежде чем они исподволь заберут такую же силу, какая была у Тигеллина, надо отправить к императору послов от лагеря и внушить ему, что, удалив из своего окружения единственно лишь этих двоих, он станет для всех еще милее и дороже. Но речь Нимфидия никого не убедила: казалось странным и нелепым поучать престарелого императора, точно мальчишку, недавно узнавшего вкус власти, и навязывать ему выбор друзей, – и тогда Нимфидий избрал другой образ действий и попытался запугать Гальбу. То он писал, что в Риме все ненадежно, неустойчиво и полно тайной вражды, то – что Клодий Макр задерживает в Африке суда с хлебом, потом сообщал, что волнуются германские легионы и что подобные же вести получены из Сирии и Иудеи. Но Гальба не придавал большого значения его письмам и не слишком им доверял, и Нимфидий решил нанести удар первым. Правда Клодий Цельс из Антиохии, человек рассудительный и верный друг, отговаривал его, уверяя, что ни один из

---

¹⁹¹² 14. *Принкипия* – место, где стояли алтари богов и боевые знамена, а потому и самое оно было священным.

римских кварталов не назовет Нимфидия императором, но многие осмеивали Гальбу, и в особенности Митридат Понтийский, который, потешаясь над его плешью и морщинами, говорил: «Теперь он еще что-то значит для римлян, но пусть только они увидят его собственными глазами – они сразу поймут, что Гальба будет всегдашним позором тех дней, в которые носил имя Цезаря».

14. Итак, было решено около полуночи привести Нимфидия в лагерь и провозгласить императором. Но вечером первый из трибунов, Антоний Гонорат, собрал своих воинов и принялся порицать и себя и их за то, что в короткое время они так часто и круто меняют путь – без всякого толка и смысла и даже не ища чего-то лучшего, но словно злой дух гонит их от предательства к предательству. «Сперва, – продолжал он, – у нас были на то основания – злодеяния Нерона. Но теперь, готовясь предать Гальбу, можем ли мы и его обвинить в убийстве матери и супруги, скажем ли снова, что краснели от стыда за своего императора, выступающего на театре? А между тем, мы и Нерона, невзирая на все это, не бросили бы, да только вот Нимфидий нам внушил, будто Нерон сам, первый бросил нас и бежал в Египет. Неужели вслед за Нероном мы принесем в жертву и Гальбу, неужели, избрав Цезарем сына Нимфидии, убьем родича Ливии, как уже убили сына Агриппины? Или же, напротив, воздадим Нимфидию по заслугам и будем мстителями за Нерона и верными стражами Гальбы?» Воины единодушно присоединились к мнению своего трибуна, а затем пошли к остальным солдатам и уговаривали всех хранить верность императору. Большая часть лагеря приняла их сторону, загрели крики, и Нимфидий, то ли, как утверждают некоторые, вообразив, будто солдаты уже зовут его, то ли спеша расположить в свою пользу тех, кто еще роптал или был в нерешительности, двинулся вперед, при ярком свете факелов, захватив с собою свиток с речью, которую ему написал Цингоний Варрон и которую он выучил наизусть, чтобы произнести перед воинами. Увидев ворота запертыми, а на стенах множество вооруженных людей, он испугался, но все-таки подошел ближе и спросил, что случилось и кто приказал взять оружие. Все дружно, в один голос, отвечали, что признают императором только Гальбу, и Нимфидий, изъявляя одобрение, присоединился к общим крикам и велел сделать то же самое своим спутникам. Тем не менее, когда привратники пропустили его с немногими провожаемыми внутрь, в него тут же полетело копье. Копье вонзилось в щит, которым успел загородить начальника Септимий, но тут другие воины бросились на Нимфидия с обнаженными мечами, он пустился бежать, его настигли в солдатском домишке и убили. Труп вытащили на открытое место, вокруг поставили ограду и на другой день пускали всех желающих полюбоваться на это зрелище.

15. Получив весть о гибели Нимфидия, Гальба распорядился казнить всех его сообщников, которые тут же не покончили с собою сами. Среди казненных были Цингоний, написавший для Нимфидия речь, и Митридат Понтийский. Римляне считали, что, отправив на смерть без суда людей отнюдь не безвестных, император действовал если и не вопреки справедливости, то, во всяком случае, противозаконно и своевольно. Все ждали иного образа правления, обманутые, – как это бывает всегда, – звонкими словами, которые произносились на первых порах. Разочарование сделалось еще горше, после того как приказ умереть получил Петроний Турпилиан, бывший консул и неизменный сторонник Нерона. И верно, когда Гальба руками Требония умертвил Макра в Африке и, руками Валента, Фонтея в Германии, он мог хотя бы сослаться на то, что боялся этих людей, которые были вооружены и стояли во главе сильных войск. Но выслушать оправдания Турпилиана, беззащитного и безоружного старика, не мешало ничто, если только человек, возвещавший об умеренности и кротости, намеревался подтвердить свои слова делом! Вот каким упрекам подвергаются эти его поступки.

Когда до Рима оставалось всего около двадцати пяти стадиев, императора остановила буйная и истошно вопившая толпа гребцов, которые заняли дорогу заранее и теперь обступили Гальбу со всех сторон. Это были мореходы, которых Нерон свел в один легион и

объявил солдатами¹⁹¹³; теперь они хотели, чтобы их солдатское звание было подтверждено, и встречающие не могли ни увидеть императора, ни услышать его голос, тонувший в оглушительных воплях гребцов, требовавших для легиона знамени и лагеря. Гальба велел им явиться для разговора в другое время, но они приняли отсрочку за отказ, пришли в ярость и, не переставая кричать, двинулись следом за императором, а некоторые даже обнажили мечи. Тогда Гальба приказал всадникам ударить на них; сопротивления никто из бунтовщиков не оказал, и одни были убиты на месте, а другие погибли во время бегства, явивши тем самым недоброе, зловещее знамение Гальбе, который вступал в столицу по трупам, после страшной резни. И если до тех пор были люди, которые относились к императору с пренебрежением, видели в нем бессильного старикашку, то теперь он всем внушал страх и трепет.

16. Он хотел показать, что расточительности Нерона и непомерной щедрости даров настал конец, но при этом, сколько можно судить, нарушил границы приличий. Когда, например, Кан играл ему за обедом на флейте (этот Кан был знаменитый музыкант), Гальба выслушал его благосклонно и похвалил, а после велел принести ларчик, вынул оттуда несколько золотых и вручил Кану, примолвив: «Это я дарю тебе из собственных денег, а не за счет казны». Подарки, которые Нерон делал актерам и борцам, он приказал неукоснительно истребовать назад, оставив награжденным лишь десятую долю, но так как получал ничтожно мало, – все это были люди легкомысленные, сущие сатиры в жизни, и подаренное успело просочиться у них между пальцев, – стал разыскивать тех, кто у них что-либо купил или же просто взял, и найденные вещи заставлял возвращать в казну. Розыскам этим не было конца, и они захватывали все более широкий круг лиц, так что об императоре говорили с презрением, а на Виния обрушилась и зависть, и ненависть, ибо разжигая в государе мелочную скарედность по отношению к остальным, он сам не знал ограничений ни в чем, присваивал и продавал все подряд. Гесиод учит¹⁹¹⁴:

Пей себе вволю, когда начата иль кончается бочка,

и Виний, понимая, что Гальба стар и слаб, торопился насытиться удачей, которая и начиналась и шла к концу в одно и то же время.

17. Виний причинял старику вред не только тем, что плохо распоряжался делами первостепенной важности, но и стараясь опорочить правильные решения самого императора или даже препятствуя их исполнению. Так было и с наказанием Нероновых прислужников. Многих из этих негодяев – в том числе Гелия, Поликлита, Петина, Патробия – Гальба приказал казнить, и когда их вели через форум, народ рукоплескал, крича, что это прекрасное и угодное богам шествие, но что и боги и люди требуют присоединить к нему учителя и пестуна тираннии – Тигеллина. Но этот достойнейший человек успел заранее, щедрыми задатками, приобрести покровительство Виния. Затем умер Турпилиан, который был окружен ненавистью за то, что, при всех пороках своего императора, никогда его не предавал и не питал к нему злобы, – умер, хотя сам не был замешан ни в одном крупном преступлении, меж тем как тот, кто сперва превратил Нерона в злодея¹⁹¹⁵, заслуживающего смерти, а доведя его до такого состояния, бросил и предал, уцелел и этим убедительно доказал, что для Виния нет ничего неисполнимого и что, подкупив его, можно твердо надеяться на успех. Да, ибо не было для римского народа зрелища более желанного, чем Тигеллин, которого ведут на казнь, и во всех театрах, на всех ристалищах не смолкали крики,

¹⁹¹³ 15. ...объявил солдатам ... – Матросы стояли на общественной лестнице несравненно ниже легионеров и поэтому так боялись потерять свое новое положение.

¹⁹¹⁴ 16. Гесиод учит ... – «Работы и дни», 366 (пер. В. Вересаева).

¹⁹¹⁵ 17. ...тот, кто сперва превратил Нерона в злодея ... – Тигеллин.

требующие отдать его в руки палачей, пока император особым указом не выразил римлянам своего неудовольствия, объявив, что Тигеллин смертельно болен и стоит на пороге могилы, и советуя не ожесточать государя и не обращать его власть в тираннию. После этого, в насмешку над народом и его досадою, Тигеллин принес благодарственную жертву богам и устроил великолепный пир, а Виний, прямо из-за стола императора, отправился к нему во главе шумной ватаги друзей. Вместе с Винием была его вдовья дочь, и Тигеллин, подняв чашу за ее здоровье, подарил ей двести пятьдесят тысяч драхм, а потом приказал главной своей наложнице снять с шеи ожерелье и надеть на шею гостье. Цена этому украшению была, как сообщают, сто пятьдесят тысяч драхм.

18. Тут уже и разумные действия императора стали толковать в дурную сторону, как, например, награждение галлов, восставших под начальством Виндекса. Все считали, что сокращением налогов и гражданскими правами они обязаны не человеколюбию императора, а продажности Виния. Народ проникся враждою к правлению Гальбы, но солдаты, хотя и не получали обещанного подарка, поначалу тешили себя надеждой, что если и не всё, то, по крайней мере, столько, сколько давал Нерон, новый император им заплатит. Когда же, узнав, что они бранятся, Гальба вымолвил слово, достойное великого императора, а именно – что привык набирать, но не покупать солдат, они зажглись ужасною, неукротимою ненавистью: Гальба, казалось им, не только обманул их сам, но и устанавливал своего рода закон, подавая пример своим преемникам.

Тем не менее в Риме недовольство оставалось скрытым, присутствие Гальбы и остатки почтения к нему притупляли и сдерживали порыв к мятежу, и так как прямых причин для переворота не было, это, – худо ли, хорошо ли, – загоняло вглубь неприязнь солдат. Но войско в Германии, которым прежде командовал Вергиний, а теперь Флакк, считало, что заслуживает большой награды за победу над Виндексом и, не получив ничего, было глухо ко всем уговорам своих начальников. Самого Флакка, из-за жестокой подагры немощного телесно и к тому же неискушенного в делах, не ставили ни во что. И однажды на играх, когда военные трибуны и центурионы, следуя принятому обычаю, произнесли пожелания счастья императору Гальбе, солдаты сперва подняли страшный шум, а когда те повторили свои пожелания, стали кричать в ответ: «Если он того стоит!».

19. Подобные же дерзости не раз позволяли себе и легионы, находившиеся под начальством Тигеллина¹⁹¹⁶, и управляющие Гальбы писали ему об этом. Император был испуган и, считая, что причина солдатского презрения – не только его старость, но и бездетность, задумал усыновить молодого человека из знатного дома и назначить его своим преемником. Жил в Риме некий Марк Отон, человек родовитый, но с самого детства до крайности развращенный роскошью и погоней за наслаждениями. Подобно тому, как Гомер часто называет Александра «супругом лепокудрой Елены»¹⁹¹⁷, возвеличивая его славою жены, ибо ничем иным Парис славен не был, так же точно об Отоне заговорили в Риме благодаря браку с Пoppеей. Пoppея была супругою Криспина, когда в нее влюбился Нерон и, еще не потерявши стыда перед собственною супругою¹⁹¹⁸ и страха перед матерью, тайно подослал к ней Отону. С императором Отону связало тесною дружбою распутство и мотовство, и он нередко вышучивал своего приятеля за скупость и мелочность – к немалому удовольствию Нерона. Рассказывают, что однажды Нерон душился каким-то драгоценным

¹⁹¹⁶ 18. ...под начальством Тигеллина ... – По-видимому, описка, и следует читать «Вителлия» (преемника Фонтя Капитона и будущего императора).

¹⁹¹⁷ 19. ...Гомер часто называет (Париса)... – Напр., «Илиада», III, 328.

¹⁹¹⁸ 20. ...перед собственною супругою ... – Т.е. Октавией, дочерью императора Клавдия, образ которой идеализировался оппозиционной историографией. Ниже она названа «сестрой» Нерона, ибо тот был усыновлен Клавдием.

благовонием, а заодно опрыскал и Отона; на другой день Отон принимал императора у себя, и внезапно со всех сторон выдвинулись золотые и серебряные трубки, и из них дождем, словно вода, потекли благовония. Однако ж вернемся к Поппее. Соблазнив ее надеждами на благосклонность Нерона и сперва совратив сам, а затем сведя с императором, Отон уговорил женщину разойтись с мужем, а когда она вошла супругою в его дом, не захотел довольствоваться лишь частью, но с великою неохотою уступал Нерону его долю. Саму Поппею эта ревность, как сообщают, отнюдь не огорчала; рассказывают даже, что она запирала двери перед Нероном, когда Отона не было в городе, то ли чтобы оградить страсть от пресыщения, то ли, как утверждают иные, тяготясь связью с Цезарем, но по распутству своему не отвергая любовной близости совершенно. Отон был на волосок от гибели, и казалось просто невероятным, что император, убив ради брака с Поппеей свою сестру и супругу, Отона все-таки пощадил.

20. Но дело в том, что другом и заступником Отона был Сенека, и, сдавшись на его просьбы и уговоры, Нерон послал своего соперника наместником в Лузитанию, к берегу Океана. Правителем Отон был мягким и с подчиненными народами жил в согласии, ибо знал, что его наместничество – не более, чем почетное изгнание. Когда Гальба восстал, он первым из наместников присоединился к нему, привез все золотые и серебряные чаши и столы, какие у него были, чтобы новый государь перечеканил их в монету, и подарил ему рабов, обученных прислуживать высокому властителю. И во всем остальном Отон хранил верность Гальбе и на деле доказал, что никому не уступит в опытности и умении управлять. Много дней подряд, на протяжении всего пути, он ехал с императором в одной повозке. В том же совместном путешествии он сумел снискать привязанность Виния – любезным обхождением и подарками, а главное, тем, что в любых обстоятельствах первенство неизменно уступал ему. Таким образом, с помощью самого Виния, он прочно занимал второе место после него, обладая в то же время одним важным преимуществом: он ни у кого не вызывал зависти или злобы, потому что помогал безвозмездно каждому, кто просил о помощи, и со всеми бывал приветлив и благожелателен. Больше всего внимания проявлял он к солдатам и многим доставил начальнические должности, то обращаясь с просьбами к самому императору, то к Винию или к отпущенникам Икелу и Азиатику, которые пользовались при дворе огромной силой. Всякий раз, как Отон принимал у себя Гальбу, он подкупал караульную когорту, выдавая солдатам по золотому, и, делая вид, будто чествует государя, на самом деле обманывал его и склонял войско на свою сторону.

21. Когда Гальба стал раздумывать, кого избрать в преемники, Виний предложил ему Отона, и тут, однако ж, действуя своекорыстно: он рассчитывал выдать замуж дочь и взял с Отона обещание жениться, если Гальба его усыновит и назначит своим наследником. Но Гальба и сам говорил, и всеми своими действиями давал понять, что общее благо ставит выше собственных интересов и хочет назвать сыном не того, кто будет всех приятнее ему самому, но кто принесет больше всего пользы Риму. Мне кажется, он едва ли мог бы избрать Отона наследником даже собственного своего имущества, зная, что это распутник и мот и что у него на пятьдесят миллионов долгов. Во всяком случае, Виния он выслушал молча и сдержанно и составление завещательной записи отложил. Затем он назначил себя и Виния консулами; ожидали, что в начале года он объявит, наконец, имя преемника, и солдаты всем остальным именам предпочли бы Отона.

22. Но пока он медлил и размышлял, в германских легионах вспыхнул мятеж. Все войска ненавидели Гальбу, который так и не дал им обещанного подарка, но у солдат, служивших в Германии, были с ним особые счеты: они ставили в вину императору и позорную отставку Вергиния Руфа, и награду, которую получили галлы, воевавшие с ними, меж тем как всех, кто не поддержал Виндекса, постигло наказание, и вообще пристрастие к Виндексу – ему одному только и признателен Гальба, ему оказывает посмертные почести, приносит в его честь заупокойные жертвы от лица государства, будто его лишь поддержкою сделался императором римлян. Подобные речи звучали в лагере уже вполне открыто, когда наступило первое число первого месяца, которое римляне называют «январскими

календами» [Calendae Januariæ]. Флакк собрал солдат, чтобы в согласии с обычаем привести их к присяге на верность императору, но они кинулись к изображениям Гальбы, сбросили их на землю, а затем, поклявшись в верности сенату и римскому народу, разошлись. Начальники почувствовали страх, как бы неповиновение полководцу не привело к настоящему бунту. И вот один из них говорит остальным: «Что это с нами творится, друзья? Мы и нового государя не выбираем, и нынешнего отвергли, словно не только Гальбу, но вообще никакого властителя и никакой власти не желаем признавать! Конечно, о Флакке Гордеонии и говорить не приходится – он жалкая тень Гальбы, и только, но от нас всего день пути до Вителлия, правителя остальной Германии. Его отец¹⁹¹⁹ был цензором и трижды консулом и как бы правил вместе с Клавдием Цезарем, а сам он своею бедностью, которою иные его попрекают, блестяще доказывает и честность свою и благородство. Давайте-ка провозгласим его императором и покажем всему миру, что умеем выбирать государей лучше, чем испанцы и лузитанцы».

Кто одобрял это предположение, кто нет, а тем временем какой-то знаменосец тайком выбрался за ворота и уже ночью сообщил о случившемся Вителлию, у которого как раз собралось много гостей. Весть быстро разнеслась по всей войску, и первым Фабий Валент, начальник одного из легионов, прискакал на другой день во главе большого отряда конницы и приветствовал Вителлия, называя его императором. До тех пор Вителлий решительно отвергал эту честь, по-видимому, страшась громадности императорской власти, но тут, как рассказывают, он вышел к солдатам сразу после полуденной трапезы, отяжелевший от еды и вина, и согласился принять имя Германика, титул же Цезаря отклонил и на этот раз. Повиноваться распоряжениям императора Вителлия поклялось и войско Флакка, немедленно забывшее свою прекрасную и демократическую присягу сенату.

23. Так Вителлий был провозглашен императором. Узнавши о перевороте в Германии, Гальба не стал дольше медлить с усыновлением. Ему было известно, что иные, немногие, из друзей стоят за Долабеллу, а все остальные за Отону, сам же он не одобрял ни того, ни другого, и вот внезапно, никого не предупредив, он посылает за Пизоном, сыном Красса и Скрибонии, которых казнил Нерон, – молодым человеком, от природы одаренным всеми нравственными достоинствами, но особенно славившимся чистотой и суровостью жизни. Затем он отправился в лагерь и объявил Пизона Цезарем и своим преемником. Но на всем пути, от самого Палатина, его сопровождали грозные знамения с небес, когда же он обратился к солдатам, а потом начал читать свою речь, загредел гром, засверкали молнии, хлынул проливной дождь, и на лагерь, на город опустилась такая мгла, что, каждому сделалось понятно: происходящее не угодно божееству, и усыновление Пизона на благо Риму не послужит. Сумрачно было и на сердце у солдат, ибо даже теперь никакого подарка они не получили.

Глядя на лицо Пизона и слушая его голос, присутствовавшие дивились, как спокойно – хотя и отнюдь не равнодушно – принимает он столь великую милость; напротив, по обличению Отону было ясно видно, с какою горечью, с каким гневом встретил он крушение своих надежд. Ведь его считали достойнейшим из притязавших на эту высочайшую награду, и он был уже почти у цели, и потому, не достигнув ее, считал это верным признаком нерасположения и ненависти Гальбы. Он уже не был спокоен и за свое будущее; боясь Пизона, кляня Гальбу и отчаянно негодуя на Виния, он ушел домой, переполненный различными и многими чувствами, ибо совсем отказаться и отречься от своих упований ему не давали постоянно его окружавшие гадатели и халдеи. Особенно усердствовал Птолемей, ссылавшийся на свои неоднократные предсказания, что Нерон Отону не убьет, но сам умрет первым, а Отон переживет его и будет властвовать над римлянами, и так как первая половина прорицания сбылась, призывал не терять веры и в другую его половину. Всего же более разжигали Отону те, кто тайно разделял его горе и обиду, считая, что Гальба отплатил

¹⁹¹⁹ 21. *Его отец* ... – Луций Вителлий, консул 34, 43 и 47 гг. н.э., крупный политик и дипломат.

ему черной неблагодарностью. К нему переметнулось, сочувствовало ему и все сильнее его ожесточало и большинство приверженцев Тигеллина и Нимфидия, которые прежде были окружены почетом, а теперь отвергнуты и унижены.

24. Среди этих последних были двое по имени Ветурий и Барбий, один оптион [optio], а другой тессерарий [tesserarius] – так называются люди, несущие службу нарочного и помощника центуриона. К ним присоединился отпущенник Отона Ономаст, и втроем они ходили в лагерь и, не скупясь на деньги и обещания, подкупали солдат, и без того уж насквозь развращенных и только ищущих предлога для новой измены. Да, ибо разрушить верность здорового духом войска за четыре дня невозможно, а между тем именно таким сроком отделены друг от друга усыновление и убийство: в шестой день¹⁹²⁰ после усыновления (восемнадцатый перед февральскими календами, по римскому счету) Гальба и Пизон были убиты.

Ранним утром того дня Гальба приносил на Палатине жертву в присутствии друзей, и едва жрец Умбриций взял внутренности жертвенного животного и оглядел их, он тут же, и притом без всяких околичностей объявил, что видит знамения великого смятения и опасности, коварно грозящей жизни императора, – бог словно бы сам отдавал Отона, который стоял позади и внимательно прислушивался к каждому слову жреца, в руки Гальбы. Отон испугался и от страха побелел, как мертвец, но в этот миг рядом появился отпущенник Ономаст и сказал, что пришли строители и ждут его дома. Это был условный знак, по которому Отону надлежало немедленно идти к солдатам. Итак, он объясняет, что купил старый дом и хочет показать продавцам места, внушающие ему тревогу, а затем через так называемый Дом Тиберия¹⁹²¹ спускается на форум, к Золотому столбу, у которого заканчиваются все дороги Италии.

25. Число тех, что встретили его там и приветствовали, называя императором, не превышало, как передают, двадцати трех. Отон оробел, хотя вообще, при всей своей телесной изнеженности, духом слаб не был, но отличался решительностью и перед опасностями не отступал. Однако собравшиеся не дали ему ускользнуть. Обнажив мечи, они обступили его носилки и приказали двигаться дальше, и Отон, крича, что погиб, стал торопить и погонять носильщиков. Несколько прохожих слышали его крики, но были скорее изумлены, чем встревожены, видя малочисленность участников этой отчаянной затеи. Впрочем, пока его несли через форум, к ним присоединилось еще столько же, и подходили все новые, группами по три-четыре человека, и наконец все вместе повернули назад, в лагерь, громко именуя Отона Цезарем и простирая обнаженные мечи к небу. Начальником караула в тот день был трибун Марциал; говорят, что он ничего не знал о заговоре, но так испугался, что впустил Отона в лагерь, а там уже никто сопротивления ему не оказал, ибо те, кто не принимал участия в деле, были по одному, по двое окружены заговорщиками (которые умышленно держались все вместе) и, сперва повинаясь угрозам, а потом и убеждениям, последовали примеру товарищей.

О случившемся немедленно сообщили Гальбе на Палатин. Жрец еще не ушел, и внутренности закланного животного по-прежнему были у него в руках, так что даже самые упорные маловеры были поражены и дивились исполнению божественного знамения. Пестрая толпа хлынула с форума ко дворцу, и Виний, Лакон и несколько отпущенников с обнаженными мечами стали подле Гальбы, а Пизон вступил в переговоры со стражей, охранявшей дворец. В так называемом Випсаниевом портике был размещен иллирийский

¹⁹²⁰ 22. ...в шестой день ... – 15 января 69 г.: по римскому порядку надо считать и день усыновления и день убийства.

¹⁹²¹ 23. Дом Тиберия ... к Золотому столбу ... – Часть дворцового комплекса на Палатине. Золотой мильный столб был поставлен по приказу Августа на форуме перед храмом Сатурна как конец всех дорог, ведущих в Рим, и на нем были обозначены расстояния от главнейших городов Италии до Рима.

легион; чтобы заранее заручиться поддержкою этих солдат, к ним послали Мария Цельса, человека верного и честного.

26. Гальба хотел выйти к народу, Виний его не пускал, а Цельс и Лакон, напротив, побуждали, горячо нападая на Виния, как вдруг разнесся слух, что Отон убит в лагере. А немного спустя появился Юлий Аттик, служивший в императорской охране и пользовавшийся некоторой известностью; потрясая мечом, он кричал, что убил врага Цезаря. Оттолкнув стоявших впереди, он показал Гальбе окровавленный меч. Взглянув на Аттика, Гальба спросил «Кто отдал тебе такой приказ?» – «Верность и присяга, которую я приносил», – был ответ, а так как народ рукоплескал Аттику и повсюду гремели крики, что он поступил правильно, Гальба сел в носилки и покинул дворец, чтобы принести жертву Юпитеру и показаться гражданам.

Но тут словно бы задул противный ветер – форум встретил императора молвою, что войско подчинилось Отону. Как всегда бывает в гуще толпы, одни советовали ему повернуть назад, другие – продолжать путь, одни кричали, чтобы он не падал духом, другие – чтобы не доверял никому, и носилки, всякий раз круто наклонявшиеся, бросало то туда, то сюда, словно по бурным волнам, а между тем сперва появились всадники, а затем и пехотинцы, наступавшие через Павлову базилику¹⁹²². Громко, в один голос, они приказывали всем частным лицам очистить площадь. Народ пустился бежать, но не рассеялся, а заполнил портики и возвышенности вокруг форума, будто боясь пропустить какое-то зрелище. Атилий Вергилион швырнул оземь изображение Гальбы¹⁹²³, и тут же солдаты, открывая военные действия, забросали копьями императорские носилки, а убедившись что ни одно из копий Гальбу не задело, ринулись на него с мечами. Никто не дал им отпора, никто не вступился за императора, никто, кроме одного человека – единственного, кого среди стольких тысяч солнце того дня узрело достойным римской державы. То был центурион Семпроний Денс; никакими особыми милостями Гальбы он никогда не пользовался, но теперь, исполняя свой долг и защищая закон, встал впереди носилок. Сначала, поднявши трость, которою центурионы наказывают провинившихся солдат, он громким голосом убеждал нападающих пощадить императора, а когда те сошлись с ним вплотную, вытащил меч и долго отбивался, пока не упал, раненный под колено.

27. Подле места, называемого «Куртиос Лаккос»¹⁹²⁴ [Lacus Curtius], носилки опрокинулись, и Гальба, в панцире, вывалился на землю; тут и набежали на него убийцы. А он, подставляя горло, промолвил только: «Разите, если так лучше для римского народа». Он получил много ран в бедра и руки, а смертельный удар, судя по большинству сообщений, ему нанес некий Камурий из пятнадцатого легиона. Некоторые, правда, называют имя Теренция, другие – Лекания, третьи – Фабия Фабулона, про которого рассказывают еще, будто он отсек убитому голову и унес с собою, завернув в плащ, потому, что плешь оголила череп и ухватиться было не за что, но товарищи кричали, чтобы он не скрывал и не прятал своего подвига, и Фабий насадил на копье и поднял высоко в воздух голову старца, который был умеренным правителем, верховным жрецом и консулом. Потом он бегом понесся по улицам, точно вакханка, то и дело потрясая окровавленным копьем и повертывая его в разные стороны.

Отон, однако же, когда ему принесли эту добычу, воскликнул: «Это еще ничего не значит, друзья, а вот, покажите-ка мне голову Пизона!» И спустя немного ему принесли и эту голову. Молодой человек был ранен, бежал, но некто Мурк настиг его у храма Весты и

¹⁹²² 24. ...через Павлову базилику. – Базилика Эмилия Павла стояла на северной стороне форума, откуда и наступали из своего лагеря преторианцы.

¹⁹²³ 25. ...изображение Гальбы ... – Медальон на легионном знамени.

¹⁹²⁴ 26. Куртиос Лаккос – см.: Ром., 18.

убил. Был убит и Виний, который сам признался, что участвовал в заговоре против Гальбы: он кричал, что умирает вопреки воле Отона. Тем не менее солдаты отсекли голову и ему и Лакону и бросили к ногам нового императора, требуя награды. У Архилоха говорится¹⁹²⁵:

Мы настигли и убили счетом ровно семерых:
Целых тысяча нас было...

Так же и тогда многие, не принимавшие никакого участия в резне, пачкали кровью руки и мечи и показывали Отону, подавая прошения о награде. Во всяком случае, с помощью этих записок были открыты впоследствии имена ста двадцати человек, которых Вителлий разыскал и всех до одного казнил.

В лагерь пришел и Марий Цельс. Многие накинулись на него с обвинением, что он уговаривал солдат защищать Гальбу, и толпа кричала: «Смерть ему! Смерть!» – но этого человека Отон казнить не хотел. В то же время он боялся спорить с солдатами, а потому сказал, что торопиться с казнью не следует, – сперва, дескать, нужно кое-что у Цельса выпытать, – и распорядился заключить его в оковы и взять под стражу. Охрану заключенного Отон поручил самым надежным из своих людей.

28. Немедленно был созван сенат. И словно то были иные люди или же боги над ними стали иными, но, собравшись, они принесли Отону клятву на верность – такую же точно, какую лишь недавно приносил он сам и не сдержал. Они дали ему имена Цезаря и Августа, меж тем как обезглавленные трупы в консульских одеяниях еще валялись на форуме. Отрубленные головы уж не были никому нужны, и голову Виния за две с половиной тысячи драхм отдали дочери, голову Пизона вымолила его супруга, Верания, а голову самого Гальбы подарили рабам Патробия. Те надругались над нею как только смогли и наконец бросили туда, где приводятся в исполнение смертные приговоры Цезарей. Место это называют Сессорием [Sessorium]. Тело Гальбы, с дозволения Отона, забрал Гельвидий Приск, и ночью вольноотпущенник Аргий его похоронил.

29. Такова участь Гальбы. Мало кто из римлян во все времена превосходил его богатством или же знатностью рода, а среди своих современников он и по богатству и по знатности был самым первым. При пяти императорах жил он в чести и славе, и не силе, а куда больше доброй славе обязан победою над Нероном. Среди тех, кто боролся против Нерона вместе с ним, одних никто не считал достойными императорской власти, другие сами от нее отказывались, Гальба же и получил приглашение стать во главе римской державы, и охотно его принял и, присоединив к отваге Виндекса свое имя, обратил его восстание, которое сперва называли мятежом, в междоусобную войну, ибо теперь движение приобрело настоящего предводителя. Вот почему, считая, что он не столько подчиняет государство своей власти, сколько отдает себя государству, Гальба хотел начальствовать над зверями, чуть прирученными Тигеллином и Нимфидием, так же, как начальствовали над римлянами в старину Сципион, Фабриций, Камилл. Несмотря на преклонные годы, он во всем, что касалось оружия и войска, был подлинным императором¹⁹²⁶ в исконном смысле этого слова, но, отдав себя во власть Виния, Лакона и своих отпущенников, за деньги продававших всё и вся без изъятия, – так же, как Нерон отдал себя во власть самых алчных в мире людей, – он не оставил никого, кто бы пожалел о его правлении, хотя большинство римлян жалело о его жестокой кончине.

ОТОН

---

¹⁹²⁵ 27. У Архилоха ... – Отрывок в пер. В. Вересаева.

¹⁹²⁶ 28. ...Подлинным императором ... – Т.е. победоносным полководцем (ср.: Сул., примеч. 4).

1. На рассвете новый император поднялся на Капитолий и принес жертву. Потом он велел привести Мария Цельса и, после ласкового приветствия, в мягких и дружелюбных выражениях просил его не считать себя обязанным благодарностью за освобождение, а главное – забыть обо всех событиях прошедшего дня. Цельс отвечал и с благородством и не без чувства благодарности, сказавши, что самое обвинение против него подтверждает истинное свойство его нрава: ведь в вину ему вменяется верность Гальбе, который, однако ж, никаких милостей ему не оказывал. Присутствующие восхищались и императором и его пленником, довольны были и солдаты. В сенате Отон произнес длинную речь, очень благожелательную и дружелюбную. Часть того срока, в который отправлять должность консула предстояло ему самому, он уступил Вергинию Руфу, но за всеми, кому обещали консульство¹⁹²⁷ Нерон и Гальба, он подтвердил их права. Людей, достигших преклонного возраста, либо пользовавшихся добрым именем, он награждал жреческими должностями. Всем сенаторам, которые при Нероне отправились в изгнание, а при Гальбе вернулись, он возвратил имущество – ту его часть, что оставалась непроданной и была разыскана. И этот словно бы улыбающийся лик нового правителя ободрил первых и самых видных граждан, сперва дрожавших от ужаса, точно не человек, но какая-то Пэна¹⁹²⁸ или демон возмездия обрушился внезапно на государство.

2. Ничто, однако ж, не доставило большей радости всем римлянам, ничто не привязало их к Отону сильнее, нежели расправа над Тигеллином. Правда, неприметным для постороннего глаза образом Тигеллин уже был наказан самим страхом перед наказанием, которого Рим требовал как бы некоего общественного долга, и неисцелимыми телесными недугами; и люди разумные считали крайнею карой, стоящею многих смертей, невероятную мерзость общения с потаскухами и распутницами, в чьи объятия загоняла его – даже в предсмертных муках! – беспредельная похоть. Но народу тяжело было вспоминать, что все еще видит солнце тот, кто навеки погасил его свет для стольких лучших людей Рима. Отон отправил своих солдат в имение Тигеллина близ Синуессы, где тот жил, держа наготове несколько кораблей, чтобы в случае нужды бежать в дальние края. Тигеллин пытался подкупить императорского посланца, предлагая ему громадные деньги, но безуспешно, и тогда, все-таки одарив его, просил подождать, пока он побреется. Взяв бритву он перерезал себе горло.

3. Доставив народу эту самую справедливую радость, Цезарь на собственных врагах зла не помнил совсем, а угождая толпе, не отвергал имени Нерона, которым его стали величать прежде всего – в театрах. В нескольких общественных местах были выставлены изображения Нерона, и Отон этому не препятствовал. Клувий Руф сообщает, что в Испанию были доставлены грамоты, какими снабжают в дорогу гонцов, и в этих грамотах к имени Отона было прибавлено имя Нерона. Замечая, однако, что первым и лучшим гражданам это не по душе, император от такого прибавления отказался.

Таково было начало этого правления, но наемники уже не давали Отону покоя, настаивая, чтобы он остерегался значительных граждан и умерил их силу, – то ли они действительно были преданы императору и боялись за него, то ли искали предлога разжечь беспорядки и войну. Когда Отон поручил Криспину привести из Остии семнадцатую когорту

---

¹⁹²⁷ 1. ...обещали консульство ... – В эпоху империи консульское звание стало наградой, которую императоры раздавали доверенным лицам; чтобы шире удовлетворить их, назначения стали раздаваться заранее («консулы-десигнаты») и, кроме главной пары консулов, стали назначаться «сменные» («консулы-суффекты», как Вергиний Руф).

¹⁹²⁸ 2. Пэна – римская богиня, олицетворение мести и кары.

и тот, еще ночью, стал готовить отряд к выступлению и грузить на повозки оружие, самые дерзкие из солдат разом подняли крик, что Криспин, дескать, явился к ним с недобрыми намерениями, что сенат замышляет переворот и что оружие везут в Рим не к Цезарю, но против Цезаря. Крики эти многих подняли на ноги и ожесточили настолько, что одни напали на повозки, другие убили двух центурионов, пытавшихся оказать сопротивление, и самого Криспина, а потом все снарядились в путь и, призывая друг друга помочь Цезарю, тронулись в столицу. У Отона в тот вечер обедали восемьдесят сенаторов; узнав об этом солдаты решили, что им предоставляется счастливый случай перебить всех врагов императора разом, и помчались ко дворцу. В городе поднялся отчаянный переполох – все были уверены, что сейчас начнется грабеж, – люди во дворце лихорадочно заметались, забегали, а сам Отон оказался в тяжелейшем затруднении: страхась за своих гостей, он сам был им страшен, он видел их взоры, прикованные к нему в безмолвном ужасе, тем большим, что некоторые пришли с женами. Послав начальников охраны переговорить с солдатами и успокоить их, император в то же время выпустил приглашенных через другие двери. И едва успели они скрыться, как наемники вломились в залу и потребовали ответа, куда подевались враги императора. Отон встал во весь рост на своем ложе и лишь ценою долгих уговоров, просьб и даже слез удалось ему заставить солдат уйти. На другой день, назначив каждому в награду по тысяче двести пятьдесят драхм, он отправился в лагерь и сперва хвалил всех вместе за преданность и верность, но потом сказал, что иные – немногие – со злым умыслом мутят войско, выставляя в ложном свете доброту императора и преданность ему воинов, просил разделить его негодование и помочь наказать смутьянов. Речь его была встречена дружным одобрением, все кричали, чтобы он поступал так, как находит нужным, и Отон, схвативши всего двоих, чья смерть ни у кого не могла вызвать жалости, возвратился к себе.

4. Тех, кто одобрял действия Отона и верил ему, эта перемена восхищала, но другие считали все происшедшее вынужденным шагом, навязанным обстоятельствами, ибо дело шло к войне и приходилось угождать народу: поступали вполне надежные известия, что Вителлий принял императорскую власть и достоинство, и непрерывно прибывали гонцы с сообщениями о все новых областях, которые к нему присоединялись. Правда, другие нарочные сообщали, что войска в Паннонии, Далмации и Мёзии вместе со своими начальниками высказались за Отона, а вскоре пришли дружественные письма от Муциана и Веспасиана, стоявших во главе больших сил в Сирии и Иудее. Отон ободрился и написал Вителлию, советуя здраво поразмыслить об опасностях войны и обещая ему много денег и город, в котором он мог бы вести жизнь легкую, приятную и досужую. Вителлий отвечал сперва в тоне легкой насмешки, однако ж, постепенно распаляясь, они стали обмениваться письмами, полными брани и грубейших поношений, не то, чтобы клеветнических, но бессмысленных и смехотворных, ибо каждый упрекал другого в том, что было вполне приложимо к обоим. Да, нелегко было решить, кто из них двоих больший мот, больше изнежен, меньше смыслит в делах войны и сильнее запутался в долгах в былую пору бедности.

Повсюду шли толки о знамениях и призраках, и, хотя большею частью это были безымянные и весьма сомнительные слухи, но что Капитолийская Победа, стоявшая на колеснице, выпустила из рук поводья, словно не в силах удерживать их дольше, а статуя Гая Цезаря на острове посреди Тибра, глядевшая прежде на запад, обернулась лицом к востоку, хотя никакого землетрясения или урагана не было, – это видели все. Говорят, это случилось как раз в те дни, когда Веспасиан заявил открытые притязания на верховную власть. Народ усматривал дурное предзнаменование и в разливе Тибра. Правда, было время половодья, но никогда прежде не поднималась вода так высоко и не причиняла столько ущерба: выйдя из берегов, она затопила значительную часть Рима, а в особенности хлебный рынок, так что в продолжение многих дней город терпел жестокую нужду.

5. Когда было получено известие, что полководцы Вителлия, Цецина и Валент, овладели перевалами через Альпы, наемники в Риме заподозрили Долабеллу, человека высокого происхождения, в заговорщических намерениях и планах. Боясь либо его, либо еще

кого-то, Отон отправил Долабеллу в город Аквин, заверив его, однако ж, в своей благосклонности. Выбирая себе среди должностных лиц спутников для похода, он включил в их число и Луция, брата Вителлия, ничего не отняв от почестей, которыми тот пользовался, и ничего к ним не прибавив. Он принял решительные меры для защиты матери и супруги Вителлия, чтобы они чувствовали себя в полной безопасности. Хранителем Рима¹⁹²⁹ он назначил Флавия Сабина, брата Веспасиана, либо и тут желая почтить память Нерона – при Нероне Сабин получил эту должность, а при Гальбе был отставлен, – либо, скорее, чтобы возвышением Сабина засвидетельствовать свою благосклонность к Веспасиану!

Сам император остался в итальянском городе Бриксилле близ реки Эридан, а во главе войска выслал Мария Цельса и Светония Паулина вместе с Галлом и Спуринуою. Все это были люди прославленные, знаменитые, но руководить военными действиями по собственному разумению они не могли из-за распушенности и наглости солдат, которые не желали повиноваться никому, кроме императора, ссылаясь на то, что от них получил император свою власть. Впрочем, и неприятельское войско страдало тем же недугом и смирным нравом отнюдь не отличалось, но было безрассудно и чванливо – и по той же самой причине. Все же воины Вителлия обладали опытом боев и сражений и не старались увернуться от тяжелого труда, к которому давно привыкли, тогда как люди Отона были развращены безделием и изнежены мирной жизнью, проходившею главным образом в театрах и на празднествах, но бессилие свое хотели скрыть за похвальбой и высокомерием и, отказываясь исполнять свои обязанности – которые просто не могли нести, – делали вид, что это, дескать, слишком черное для них занятие. Когда же Спурин попытался заставить их подчиняться приказам, его едва не убили. Не было такой грязной брани, которой бы на него не обрушили; его называли предателем и погубителем счастья и дела Цезаря, а уже ночью несколько пьяных негодяев пришли к его палатке и требовали денег на дорогу: они, мол, должны ехать к Цезарю, чтобы безотлагательно принести жалобу на него, Спурину.

6. Но в то время и положение дел, и самого Спурину спасли... оскорбления, которые нанесли в Плаценции его солдатам. Едва только воины Вителлия подступили к этому городу, они принялись издеваться над противниками, стоявшими меж зубцов крепостной стены, обзывая их скоморохами, плясунами, праздными зеваками от дельфийского Пифона и Олимпии¹⁹³⁰, которые никогда не видели войны и ничего не смыслят в походах и только знай себе выхваляются, отсекая голову безоружному старику (враги имели в виду Гальбу), но еще ни разу не выходили на открытую битву, чтобы сразиться с мужами! Это позорная хула привела защитников Плаценции в такое расстройство и ожесточение, что они бросились к Спурине с мольбою командовать ими, как он находит нужным, а они, мол, впредь ни от каких трудов не откажутся и никаких опасностей не испугаются. Начался яростный приступ, нападавшие подвели множество осадных машин, и все же воины Спурины взяли верх, отбросили неприятеля, нанеся ему огромные потери, и утвердили за собою замечательный город, процветанием и благоденствием никакому иному в Италии не уступавший.

Надо заметить, что полководцы Отона обходились и с городами и с отдельными людьми более мягко, чем полководцы Вителлия. У одного из этих последних, Цецины, ни в голосе, ни в облике не было ничего привлекательного, но все отталкивало и ужасало – и исполинский рост и галльское платье¹⁹³¹, закрывающее ноги и руки, и то, что даже с начальниками и властями римлян он нередко объяснялся знаками и мановениями головы.

¹⁹²⁹ 3. *Хранитель Рима* – так Плутарх называет должность городского префекта, заместителя императора по управлению столицей.

¹⁹³⁰ 4. *...обзывая их скоморохами ... от дельфийского Пифона и Олимпии ...* – Т.е. праздными зрителями пифийских и олимпийских игр – намек на привольную жизнь преторианской гвардии в Риме.

¹⁹³¹ 5. *Галльское платье* – с рукавами и шароварами, непривычными в Риме и Греции.

Жена его в роскошном уборе ездила верхом в сопровождении отборных всадников. Другого полководца, Фабия Валента, не могли насытить ни отнятая у врагов добыча, ни ограбления союзников и взятки, которые он у них вымогал; именно поэтому, из-за алчности, как многие полагали, он подвигался вперед слишком медленно и опоздал к первому сражению. Но другие во всем винят Цецину, который спеша одержать победу собственными силами, до прихода Валента, допустил множество мелких ошибок, а главное – начал сражение несвоевременно и бился недостаточно храбро, так что едва не погубил всего дела.

7. Вот как это произошло. Отброшенный от Плаценции, Цецина двинулся на Кремону, тоже большой и богатый город, и Анний Галл, который шел к Плаценции на помощь Спурине, узнав в пути, что плацентинцы спасены, Кремона же, напротив, в опасности, первым повел свое войско туда и разбил лагерь невдалеке от неприятеля, а затем и остальные военачальники Отона поспешили, один за другим, ему на подмогу. Цецина разместил в густом лесу сильный отряд пехоты, конникам же велел выехать вперед и завязать бой, а затем понемногу отходить, отступать – до тех пор, пока ложным своим бегством не заманят врага в засаду. Но перебежчики выдали этот план Цельсу, и он ударил на Цецину лучшей частью своей конницы, во время преследования соблюдал сугубую осторожность, и лишь после того, как обошел засаду с фланга и привел неприятельских воинов в замешательство, вызвал из лагеря пехоту. Если бы она подоспела в срок и двинулась вплотную за всадниками, то, сколько можно судить, никто из противников не уцелел бы, но все войско Цецины до последнего человека было бы перебито. Однако Паулин шел слишком медленно и прибыл на место слишком поздно, чрезмерною осторожностью уронив свою славу опытного полководца, а большая часть воинов прямо обвиняла его в измене и старалась разжечь негодование Отона, хвастливо утверждая, что они победили, но победа оказалась неполной из-за трусости начальников. Отон не столько верил этим обвинителям, сколько хотел скрыть свое недоверие к ним, а потому отправил к войску брата Титиана и начальника дворцовой стражи Прокула. Вся власть, по сути вещей, была у Прокула, Титиана же император послал лишь для вида. Впрочем, Цельс с Паулином тоже не имели никакой власти и только носили звание друзей и советников. Тревога и беспорядок царили и у врагов, больше всего – среди людей Валента: узнав о битве и о неудачной засаде, они страшно возмутились, оттого что не были тогда с товарищами и не могли спасти жизнь стольких бойцов. Они уже готовы были расправиться со своим начальником, но все же Валенту удалось их успокоить и, снявшись с лагеря, он соединился, наконец, с Цециной.

8. Отон прибыл в лагерь при Бедриаке (это маленький городок близ Кремоны) и стал держать военный совет. По мнению Прокула и Титиана, следовало дать решительное сражение, пока войско полно бодрости после недавней победы, а не сидеть сложа руки, притупляя острие своей силы, и не ждать, пока Вителлий явится из Галлии собственной особой. Паулин заявил, что у врагов собрано для битвы все, что только возможно, тогда как Отон ждет из Мёзии и Паннонии еще одно войско, не меньше того, что уже есть, и непременно дождется его, если хочет использовать собственные преимущества и не давать никаких преимуществ врагам. В самом деле, его солдаты, которые теперь, уступая неприятелю числом, полны мужества, не станут сражаться хуже оттого, что получают подкрепление, напротив, численное превосходство придаст им еще больше отваги. Да и помимо этого, промедление для них выгодно – ведь у них всего в изобилии, а тем, находящимся посреди неприятельской земли, долгая задержка принесет нужду в самом необходимом. Так рассуждал Паулин, и к нему присоединился Марий Цельс. Анний Галл на совете не присутствовал – он лечился после тяжелого падения с лошади, – но в ответ на письменный запрос Отона советовал ему не спешить и дожидаться войска из Мёзии, которое было уже в пути. Ко всем этим доводам своих военачальников Отон, однако ж, остался глух, и верх взяли те, кто торопил императора со сражением.

9. Разные писатели по-разному объясняют это решение. Но совершенно очевидно, что так называемые преторские солдаты, составлявшие личную охрану императора, лучше узнали подлинный вкус военной службы и, тоскуя по прежней своей жизни в Риме, которая

была сплошным праздником и с войною не имела ничего общего, неудержимо рвались в битву, ибо рассчитывали с первого же удара разметать и истребить врага. По-видимому, и сам Отон не мог дольше терпеть неопределенности положения, не мог, по изнеженности своей, переносить непривычные для него мысли об опасности и, истомленный заботами, зажмурившись, словно перед прыжком с обрыва, поторопился отдать исход всего дела на волю случая. Так рассказывает оратор Секунд, который вел переписку Отона. Но другие сообщают, что оба войска неоднократно хотели сойтись для переговоров и, если удастся достигнуть согласия, избрать императором самого достойного из присутствующих полководцев, если же не удастся, – созвать сенат и право выбора предоставить ему. И так как ни один из двоих, носивших тогда имя императора, доброю славой не отличался, то вполне вероятно, что истинным воинам, закаленным в боях и трезво мыслящим, приходили в голову одинаковые соображения: ужасно, думали они, если бедствия, которые граждане, ко всеобщему сожалению, причиняли друг другу сперва из-за Суллы и Мария, а потом из-за Цезаря и Помпея, – ужасно, если все эти бедствия теперь повторятся снова для того лишь, чтобы верховная власть была отдана на потребу обжорству и пьянству Вителлия или же роскоши и разнузданности Отона. Цельс, как предполагают, о такого рода настроениях знал, а потому и советовал не спешить, втайне надеясь, что все решится без битвы и без мук; но этих же настроений боялся Отон, а потому и отверг всякую отсрочку.

10. Сам он возвратился в Бриксилл, и это было ошибкою не только потому, что император отнял у солдат честолубие и стыд, которые внушало им его присутствие, но и потому, что, уведя с собою в качестве личной охраны самую лучшую и самую преданную ему часть конницы и пехоты, он как бы лишил войско главной его силы.

В эти дни произошла еще одна стычка – у Эридана. Цецина начал наводить переправу, а солдаты Отона напали на него и пытались помешать работе, но безуспешно. Тогда они нагроутили несколько лодок смоляными, густо посыпанными серой факелами и поплыли на другую сторону, но под внезапным порывом ветра горячий материал, предназначенный для борьбы с врагом, занялся. Сначала появился дым, потом рванулись вверх языки пламени, и солдаты в ужасе попрыгали в воду, перевернув свои суденышки и оказавшись во власти потешавшегося над ними неприятеля. А на речном островке германцы вступили в бой с гладиаторами Отона, разбили их и немалое число положили на месте.

11. После этого столкновения, войска при Бедриаке яростно требовали битвы; в конце концов, Прокул увел их от Бедриака и расположил в пятидесяти стадиях от прежнего лагеря, но выбрал место до того неумело и нелепо, что в весеннюю пору, среди долин, изобилующих ключами и непересыхающими речками, солдатам приходилось страдать от нехватки воды. На другой день он хотел вести войско дальше, на неприятеля, который был не менее чем в сотне стадиев, но Паулин возражал, высказывая суждение, что следует подождать, а не изматывать себя раньше срока и не затевать сражения прямо с дороги, против врагов, которые спокойно, не торопясь, вооружатся и выстраются в боевой порядок, пока сами они, со всем обозом и обозными, будут одолевать такой длинный путь. Полководцы заспорили, но как раз во время этого спора прискакал нумидийский всадник с письмом императора, который приказывал им не ждать и не медлить, но выступать как можно скорее. Итак, они подчинились и двинулись дальше, и Цецина, узнав о приближении неприятеля, был сильно встревожен, поспешно бросил все работы у реки и вернулся в свой лагерь. Когда бо льшая часть воинов уже вооружилась и получила от Валента пароль, легионы стали делить между собой по жребию места в общем строю, а полководцы выслали вперед отборный отряд конницы.

12. Внезапно по первым рядам Отонова войска побежал неизвестно откуда взявшийся слух, будто полководцы Вителлия готовы перейти на их сторону. И вот, подступив ближе, они дружелюбно приветствуют неприятелей, называя их товарищами и соратниками. Те, однако ж, отвечали не ласковыми словами, но грозным и гневным воинским кличем, так что сами приветствовавшие были повергнуты в уныние, остальные же заподозрили их в измене. Это с самого начала посеяло замешательство среди воинов Отона, а враги между тем уже

начали бой. Все дальнейшие события также были полны беспорядка. Немалое смятение вызывали выючные животные, замешавшиеся между бойцами, а неровная, вся изрезанная рвами местность была причиной многочисленных разрывов в боевой линии, ибо, остерегаясь этих естественных ловушек и старательно их обходя, воины не могли сражаться иначе, как небольшими отрядами, без всякой связи друг с другом. Только двум легионам, по прозвищу «Хищник» и «Заступник» (первый из войска Вителлия, второй – Отона), удалось развернуться на гладкой и широкой равнине, и они долго вели правильный бой в сомкнутом строю. Солдаты Отона были и храбры, и крепки телом, но лишь впервые пробовали свои способности в войне; воины Вителлия были закалены во многих битвах, но уже стары и недостаточно сильны. Натиск «заступников» отбросил врага назад, они захватили орла и уничтожили почти всех бойцов в первых рядах. Тогда «хищники», вне себя от стыда и от гнева, в свою очередь ринулись вперед, убили начальника легиона, Орфидия, и взяли много знамен.

На гладиаторов, которые считались и искушенными и отважными в рукопашных схватках, Альфен Вар повел так называемых батавов. Это лучшие конники во всей Германии; живут они на острове, омываемом водами Рейна. Лишь немногие из гладиаторов выдержали их удар, остальные бежали к реке, натолкнулись на выстроенные там вражеские когорты и все до последнего погибли в бою.

Но самым постыдным, самым безобразным было поведение преторских солдат, которые так и не посмели сойтись с врагом грудь на грудь; мало того, спасаясь бегством, они прокладывали себе дорогу сквозь ряды, еще не тронутые поражением, и расстраивали их, заражая своим страхом. Тем не менее многие из воинов Отона, одолевая всех подряд, кто бы ни вставал у них на пути, сквозь гущу неприятелей, уже торжествовавших победу, прорвались к себе в лагерь.

13. Что же до полководцев, то ни Прокул, ни Паулин не посмели войти в лагерь вместе с прочими, но оба скрылись – в страхе перед солдатами, всю вину за поражение уже возлагавшими на своих командующих. Тех, кто благополучно выбрался с поля битвы, укрыл в городе Анний Галл, который пытался успокоить их и ободрить, уверяя, что исход дела остался неясен, ибо во многих местах они взяли верх над противником. Но Марий Цельс собрал начальников и просил их подумать об общем благе. После такой страшной беды, говорил Цельс, после избиения стольких граждан сам Отон, если только он человек достойный, не захотел бы снова испытывать судьбу. Даже Катона и Сципиона, не пожелавших подчиниться Цезарю после его победы при Фарсале, укоряют в том, что они понапрасну сгубили в Африке много храбрых воинов, – а ведь оба боролись за свободу римлян! Во всем прочем судьба одинаково властна над любым из людей, и лишь одного не в силах она отнять у доблестных и благородных – способности действовать разумно и осмотрительно даже вслед за жестокою неудачей.

Речь Цельса оказала свое действие. Когда же начальники, выведывая у монастроение солдат, убедились, что они жаждут мира, а Титиан предложил отправить к неприятелю посольство, Цельс и Галл решили встретиться с Цециною и Валентом сами. В дороге они неожиданно съехались с центурионами Вителлия, которые рассказали, что войско уже снялось с лагеря и идет к Бедриаку, а их выслали вперед полководцы для переговоров о перемирии. Цельс не скрыл своего удовольствия и просил центурионов повернуть и вместе с ним ехать к Цецине.

Когда они были вблизи от вражеской походной колонны, Цельс едва не погиб. По случайности в голове колонны находились те самые всадники, которые незадолго до того потерпели поражение подле засады. Увидев приближающегося Цельса, они тут же с криком ринулись на него. Но центурионы заслонили своего спутника и отбросили конников, остальные начальники тоже стали кричать, чтобы они не смели прикасаться к послу. На шум прискакал Цецина, быстро пресек беспорядок и унял всадников, а с Цельсом дружески поздоровался и вместе с ним продолжал путь к Бедриаку. Но тем временем Титиан успел раскаяться в своем решении отправить послов; самых храбрых солдат он снова расставил на

стенах, а остальных призывал помочь защитникам города. Когда, однако же, верхом на коне приблизился Цецина и протянул дружелюбно правую руку, сопротивления не оказал никто, и одни приветствовали его людей со стены, а другие распахнули ворота, выбежали наружу и смешались с недавним противником. Никто не обнаруживал ни малейшей враждебности, напротив, повсюду звучали изъявления радости и слова приветов, а затем все объявили себя сторонниками Вителлия и принесли ему присягу.

14. Так рассказывают об этом сражении почти все, кто в нем участвовал, в то же время признавая, что за подробностями, из-за страшного беспорядка, уследить не могли. Много спустя мне довелось проезжать через поле битвы, и Местрий Флор, бывший консул, один из тех, что находились тогда в свите Отона – не по доброй воле, а по принуждению, – показал мне старинный храм и вспомнил, как подойдя к нему сразу после битвы, увидел такую гору трупов, что верхние были вровень со щипцом. Он пытался разузнать, для чего сложили эту гору, но и сам не догадался, и другие ничего не могли ему объяснить. Вполне естественно, что в междоусобных войнах во время бегства гибнет особенно много людей – ведь проку от пленных никакого¹⁹³², и потому пощады не дают никому, – но зачем было сносить в одно место столько мертвых тел и громоздить их одно на другое, понять не так-то просто.

15. Как всегда бывает в подобных обстоятельствах, до Отона сперва дошли только неясные и неопределенные слухи, и лишь потом появились раненые и рассказали о битве с большею достоверностью. И если никого не может удивить, что друзья не давали императору отчаиваться и убеждали его не падать духом, то чувства, выказанные воинами, превзошли все ожидания. Ни один из них не бежал, ни один не переметнулся к победителям, ни один, видя отчаянное положение своего императора, не думал тем не менее о собственной безопасности, но все дружно пришли к дверям Отона и стали вызывать его, а когда он показался на пороге, с криками, с горячей мольбою ловили его руки, падали к его ногам, плакали, просили не бросать их на произвол судьбы и не выдавать неприятелю, но располагать душами их и телами до последнего дыхания. Так умоляли они все, в один голос, а какой-то никому неведомый солдат выхватил меч и с криком: «Будь уверен, Цезарь, что каждый из нас предан тебе вот так – до смерти», – покончил с собой.

Но ничто не сломило решимости Отона. Обведя всех спокойным и светлым взором, он сказал: «Друзья мои, товарищи по оружию, нынешний день я полагаю еще более счастливым, чем тот, когда вы впервые назвали меня императором, – такую любовь вижу я сегодня в ваших глазах, такое высокое слышу о себе мнение. Не лишайте же меня еще большего блага – права честно умереть за моих сограждан, столь замечательных и многочисленных. Если я в самом деле был достоин верховной власти над римлянами, мой долг не пощадить жизни ради отечества. Я знаю, что победа противника и не надежна, и не полна. Поступают вести, что наше войско из Мёзии всего в нескольких днях пути отсюда и уже спускается к Адриатическому морю. С нами Азия, Сирия, Египет и легионы, ведущие войну против евреев, в наших пределах не только сенат, но и супруги и дети наших врагов. Но ведь не от Ганнибала, не от Пирра и не от кимвров защищаем мы Италию, нет! римляне, мы воюем против римлян и – победители или побежденные, безразлично – причиняем вред и горе отечеству, ибо выигрыш победителя есть тяжкий проигрыш Рима. Поверьте мне, когда я снова и снова повторяю, что с большею славой могу умереть, нежели править. Я далеко не убежден, что, победив, принесу римлянам столько же пользы, сколько отдав себя в жертву во имя мира и согласия, во имя того, чтобы Италии не довелось пережить такой же страшный день еще раз».

16. Вот что он сказал и, решительно отклонив все возражения, все попытки его утешить, велел уезжать друзьям, а также сенаторам, которые были подле него; тем, кого рядом не случилось, он отдал такое же распоряжение письменно, а чтобы обеспечить им безопасность и подобающие почести на пути домой, снабдил их особыми письмами к

¹⁹³² 6. ...Проку от пленных никакого ... – Сограждан невозможно было обратить в рабов и продать.

городским властям. Потом позвал к себе племянника, Кокцея, еще совсем юного, и просил его не отчаиваться и не бояться Вителлия, ибо сам он оберегал мать, детей и супругу своего врага с такою заботой, словно то была его собственная семья. «Знаешь ли, почему я не исполнил своего желания усыновить тебя, – продолжал Отон, – но все откладывал усыновление? Я хотел, чтобы в случае победы ты правил вместе с императором, а в случае неудачи не погиб бы с ним вместе. Одно, мой мальчик, завещаю я тебе напоследок – не забывать до конца, что дядя твой был Цезарем, но и не слишком часто об этом вспоминать». Только он отпустил племянника, как у дверей послышались крики и шум: это солдаты грозились убить отъезжавших сенаторов, если они не останутся с Отоном и бросят его одного. Испугавшись за них, Отон снова вышел к дверям, теперь уже не с кротким лицом просителя, но суровый и гневный; мрачно взглянув на главных зачинщиков беспорядка, он привел их в трепет и заставил беспрекословно удалиться.

17. Был уже вечер. Император захотел пить, утолил жажду водою и принялся осматривать два своих меча, подолгу проверяя остроту каждого, потом один отложил, а другой взял подмышку и кликнул рабов. Ласково с ними беседуя, он роздал им деньги – одному побольше, другому поменьше, отнюдь не так, словно расточал чужое, но стараясь наградить каждого по заслугам. Отославши их, он весь остаток ночи провел в постели, и слуги слышали, что он спит глубоким сном. На рассвете он позвал отпущенника, который, по его поручению, принял на себя заботу о сенаторах, и велел узнать, как обстоят дела. Услышав, что каждый при отъезде получил все, в чем имел нужду, Отон промолвил: «Ну, теперь ступай, да побудь на глазах у солдат, если не хочешь, чтобы они убили тебя, как собаку, решивши, будто ты помог мне умереть».

Как только вольноотпущенник вышел, Отон поставил меч острием вверх, держа оружие обеими руками, и упал на него. Боль была настолько коротка, что он вскрикнул всего раз, и крик этот известил о случившемся тех, кто был за дверями спальни. Рабы подняли жалобный вопль, и тут же весь лагерь и весь город наполнился рыданиями. Воины, с громкими стонами сбегавшись к дому, отчаянно сокрушались и корили себя за то, что не уберегли императора и не помешали ему умереть ради них. Враги были уже совсем близко, и все-таки никто из города не ушел, но, украсив тело и сложив костер, они в полном вооружении провожали своего императора, и те, кому удалось подставить плечи под погребальное ложе, почитали это честью для себя, а остальные припадали к труп, целуя рану, или ловили мертвые руки Отона, или же склонялись ниц в отдалении. А несколько человек, поднеся факелы к костру, покончили с собой, хотя, сколько было известно, никаких особых милостей от умершего не получали, а, с другой стороны, и особого гнева победителя не боялись. Но, по-видимому, никто из тираннов или царей во все времена не был одержим такой иступленною страстью властвовать, как иступленно желали эти люди повиноваться Отону. Даже после его смерти не покинуло их это желание, но осталось неколебимо, превратившись в жесточайшую ненависть к Вителлию. 18. Обо всем последующем, однако ж, будет рассказано в своем месте¹⁹³³.

Прах Отона предали земле и поставили памятник, не вызывавший зависти ни громадною величиной, ни слишком пышною надписью. Я был в Бриксилле и своими глазами видел этот скромный могильный камень с надписью, которая в переводе звучит так: «Памяти Марка Отона». Отон умер на тридцать восьмом году жизни и на четвертом месяце правления. Его жизнь порицали многие достойные люди, но не меньшее число – и не менее достойных людей – восхваляло его смерть. В самом деле, прожил он несколько не чище Нерона, но умер гораздо благороднее.

Один из двоих начальников двора, Поллион, немедленно отдал распоряжение присягать на верность Вителлию, но солдаты возмущенно роптали и отказывались повиноваться. Узнав, что иные из сенаторов еще в городе, они всех прочих оставили без внимания, а Вергинию

¹⁹³³ 7. ...будет рассказано в своем месте . – Т.е. в жизнеописании Вителлия (не сохранившемся).

Руфу причинили немалую тревогу: с оружием в руках они пришли прямо к его дому и начали вызывать Вергиния, требуя, чтобы он либо принял власть, либо отправился от их имени послом. Но Вергиний прежде не захотел владычествовать над победителями – вполне понятно, что становиться во главе побежденных он считал безумием; а идти послом к германцам, которых он неоднократно принуждал действовать вопреки их воле, – безо всякого, как им казалось, на то основания, – Вергиний просто боялся. Поэтому он тайком вышел через другую дверь и скрылся. Как только солдаты узнали о его бегстве, они принесли присягу и, получив прощение, присоединились к Цецине.

Хронологическая таблица

[таблица составлена М.Л. Гаспаровым.]

В таблицу включены важнейшие исторические события, упоминаемые Плутархом. В скобках указаны главы, где упоминается событие. Указания «до н.э.» и «н.э.» опускаются, когда они ясны из контекста, т.е. всюду, кроме перелома летоисчисления при Августе. Таблица составлена М. Л. Гаспаровым. (* Все сокращения заглавий см. в преамбуле к комментарию (т. I). Сокращения типа «Тес./Ром.» относятся к «Сопоставлению» Тесея и Ромула и т.п.).

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ВРЕМЕНА (даты античных историков и мифографов)

1466 – Царь Данай в Аргосе.
1313 – Царь Кадм в Фивах.
1261—1209 – Геракл (Тес., 6).
1235 – Царь Тесей в Афинах объединяет Аттику (Тес., 24).
1225 – Плавание аргонавтов (Тес., 29).
1213 – Поход Семерых против Фив (Тес., 29).
1192—1183 – Троянская война (Кам., 19).
ок. 1150 – Асканий, сын Энея, основывает Альбу Лонгу в Италии (Ром., 3).
1104 – Переселение дорян в Пелопоннес.
866 – Законы Ликурга в Спарте (по Эратосфену).

АРХАИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА

776 – Начало счета олимпиад в Греции: предполагаемое время жизни Ликурга (по Аристотелю) (Лик., 1).
753 – Традиционная дата основания Рима (Ром., 11—12).
753—716 – Царствование Ромула.
714—671 – Царствование Нумы Помпилия.
671—640 – Царствование Тулла Гостилия.
640—615 – Царствование Анка Марция.
ок. 636 – «Килонова скверна» в Афинах (Сол., 12; Пер., 33).
ок. 625—584 – Тирани Периандр в Коринфе. Время «семи мудрецов» (Сол., 4).
621 – Законы Драконта в Афинах (Сол., 17).
615—578 – Царствование Тарквиния Старшего.
ок. 600 – Война Афин с Мегарами за Саламин по побуждению Солона (Сол., 8).
594 – Законодательство Солона в Афинах (Сол., 14).
578—534 – Царствование Сервия Туллия.

ок. 561, 551, 539—527 – Три захвата власти Писистратом в Афинах (Сол., 29—32).

ок. 560 – Смерть Солона (Сол., 32).

560—546 – Крез, царь Лидии; легендарная встреча его с Солоном (Сол., 27—28).

ок. 540 – Расцвет философа Пифагора (Нума, 1). Родился Аристид.

534—509 – Царь Тарквиний Гордый (убит в 494).

ок. 525 – Родился Фемистокл.

514 – Убийство Гиппарха, сына Писистрата, Гармодием и Аристогитоном.

ВРЕМЯ ФЕМИСТОКЛА И КОРИОЛАНА

510 – Падение тирании в Афинах. Падение царской власти в Риме (Поп., 1; ТГр., 15).

ок. 510 – Родился Кимон (Ким., 4).

509 – Первые римские консулы Брут и Коллатин, потом Попликола. Заговор и смерть сыновей Брута (Поп., 1—12) Гибель Брута и законы Попликолы.

508 – Реформы Клисфена в Афинах (Ар., 2). Война Рима с Порсеной (Поп., 16).

507 – Подвиг Муция Сцеволы (Поп., 17).

505—499 – Война Рима с сабинами (Поп., 20—23).

500—494 – Неудачное ионийское восстание (при поддержке афинян) против Персии, сожжение Сард (Ар., 5).

ок. 499 – Война Рима с латинами, победа при Регилльском озере (Гай., 3; ЭМП., 25).

ок. 495 – род. Перикл (Пер., 3).

494 – Уход плебеев из Рима на Священную Гору. Учреждение трибуната (Гай., 6—7).

493 – Взятие Кориол, подвиги Гая Марция (Гай., 8). Латинская колония в Велитрах (Гай., 13).

491 – Выступление Гая Марция против трибунов и его изгнание (Гай., 16—21).

490 – Поход Датиса на Грецию, победа Мильтиада при Марафоне; Аристид – один из стратегов (Фем., 3; Ар., 5).

489 – Осуждение и смерть Мильтиада (Фем., 4; Ар., 26; Ким., 4).

488 – Поход Гая Марция с вольсками на Рим, его отступление и смерть (Гай., 28—39).

487—481 – Война между Афинами и Эгиной (Фем., 4).

483 – Постройка нового афинского флота на лаврийское серебро (Фем., 4).

482 – Остракизм Аристида (Фем., 5, 11; Ар., 7).

481 – Конгресс на Истме, общий мир между греками (Фем., 6).

480 – Нашествие Ксеркса на Грецию: конец августа – Фермопилы, Артемисий, конец сентября – Саламин (Фем., 5—17; Ар., 8—9). Победа Гелона Сиракузского над карфагенянами при Гимере (Тим., 23).

479 – Поражение Мардония при Платее (Фем., 16; Ар., 11—21) и персидского флота при Микале (ЭМП., 25).

479—478 – Постройка афинских стен (Фем., 19).

478 – Павсаний в Византии; он отозван в Спарту (Ким., 6). Основание афинского морского союза (Ар., 24—25).

476—475 – Кимон берет Эион (Ким., 7) и переносит прах Тесея со Скироса в Афины (Ким., 8; Тес., 36).

ок. 473 – Остракизм Фемистокла (Фем., 21).

472 – Падение и смерть Павсания (Фем., 23).

471 – Бегство Фемистокла (Фем., 24).

468 – Первая театральная победа Софокла (Ким., 8).

ок. 468 – Смерть Аристида (Ар., 26). Победа над персами при Эвримедонте (Ким., 12).

466 – Кимон занимает Херсонес (Ким., 14).

465 – Смерть Ксеркса. Фемистокл у персидского царя (Фем., 27).

ок. 465 – Расцвет философа Зенона Элейского, учителя Перикла (Пер., 4).

ВРЕМЯ ПЕРИКЛА

- 464 – Землетрясение и восстание илотов в Спарте (Ким., 16).
462 – Восстание в Египте против персов (Фем., 31). Реформа Эфиальта: ограничение политической роли ареопага (Пер., 9; Ким., 15). Перикл вводит жалование судьям (Пер., 9). Поход Кимона на помощь Спарте (Ким., 16).
461 – Остракизм Кимона (Ким., 17). Убийство Эфиальта (Пер., 10).
459 – Поход афинского флота на помощь египетскому восстанию (Фем., 31).
ок. 459 – Умер Фемистокл (Фем., 31).
457 – Битва при Танагре (Ким., 17; Пер., 10).
456 – Смерть поэта Эсхила (Ким., 8). Завершение Длинных Стен в Афинах.
454 – Поражение афинян в Египте (Ким./Лук., 3). Перенесение союзной казны с Делоса в Афины (Пер., 12). Поход Перикла вокруг Пелопоннеса (Пер., 18).
451 – Закон об ограничении афинского гражданства (Пер., 37). Возвращение Кимона из изгнания (Ким., 17).
ок. 450 – Родился Алкивиад.
449 – Поход Кимона к Кипру, битва при Саламине Кипрском, смерть Кимона (Ким., 18—19). Каллиев мир с Персией (Ким., 13).
448 – Попытка всегреческого конгресса в Афинах (Пер., 17). «Священная война» дельфийцев и фокидян (Пер., 21).
447 – Поражение афинян при Коронее в Беотии (Пер., 18; Алк., 1; Агес., 19). Военные колонии афинян (клерухии) в Херсонесе, Наксосе и др. (Пер., 11, 18).
447—438 – Строительство Парфенона в Афинах (Пер., 13).
446 – Отпадение Эвбеи и Мегар, поход Плистоанакта в Аттику (Пер., 22). 30-летний мир между Афинами и Спартой (Пер., 24).
445 – Основание Фурий в Италии на месте древнего Сибариса (Пер., 11; Ник., 5).
444 – Остракизм Фукидида, соперника Перикла (Пер., 6, 14). Перикл – ежегодный стратег в Афинах (Пер., 16). Род. Агесилай (Агес., 1).
440—439 – Восстание и осада Самоса (Фем., 2; Пер., 24—29).
439 – Сп. Мелий покушается на тиранническую власть в Риме (Брут, 1).
ок. 437 – Поход Перикла в Понт (Пер., 20).
436—431 – Строительство Пропилеев на афинском акрополе (Пер., 13).
432 – Помощь афинян Керкире против Коринфа. Постановление против мегарян (Пер., 30). Поход на Потидею (Алк., 7). Преследование Аспасии, Фидия и Анаксагора (Пер., 31—32).
431 – Начало Пелопоннесской войны: первое вторжение спартанцев в Аттику (Пер., 33). Первая победа Камилла над латинами (Кам., 2).
430 – Чума в Афинах (Пер., 34).
429 – Умер Перикл (Пер., 28).

ВРЕМЯ АЛКИВИАДА И НИКИЯ

- 427 – Восстание и подавление Митилен, самоубийство Пахета (Ар., 26; Ник., 6). Никий осаждают Мегары (Ник., 6).
426 – Поражение афинян в Этолии (Ник., 6).
425 – Демосфен занимает Пилос. Победа Клеона при Сфактерии (Ник., 7—8).
424 – Никий занимает Киферу и делает набег на Фирею. Поражение афинян при Делии в Беотии (Ник., 6; Алк., 7).
423 – Победы Никия во Фракии (Ник., 6).

- 422 – Битва при Амфиполе, гибель Клеона и Брасида (Ник., 9; Лик., 25).
421 – Никиев мир (Ник., 9).
420 – Спартанские и аргосские послы в Афинах (Ник., 10; Алк., 14—15).
418 – Победа спартанцев над отпавшими союзниками при Мантинее (Алк., 15).
417 – Остракизм Гипербола (Ар., 7; Алк., 13; Ник., 11). Алкивиад укрепляет Аргос (Алк., 15).
416 – Победа Алкивиада на играх в Олимпии (Алк., 11). Расправа афинян с Мелосом (Алк., 16).
415 – Сицилийский поход, повреждение герм и бегство Алкивиада в Спарту (Ник., 12—15; Алк., 17—23; Агес., 3).
414 – Осада Сиракуз Никием. Подкрепление Гилиппа (Ник., 17—19).
413 – Демосфен присоединяется к Никию; поражение афинян под Сиракузами и смерть Никия (Ник., 20—30). Спартанцы занимают Декелею – возобновление Пелопоннесской войны (Алк., 23, 24).
412 – Отпадение ионийских союзников от Афин. Алкивиад в Ионии, бегство его к Тиссаферну (Алк., 24).
411 – Олигархия Четырехсот в Афинах. Возвращение Алкивиада на Самос, победа его при Абидосе (Алк., 26—27). Восстановление демократии в Афинах, казнь Антифонта (Ник., 6).
410 – Победа Алкивиада при Кизике (Алк., 28).
408 – Алкивиад занимает Халкедон, Селибрию, Византий (Алк., 30—31). Кир Младший – персидский наместник Малой Азии (Арт., 2; Лис., 4).
407 – Алкивиад с торжеством возвращается в Афины (Алк., 31—32). Лисандр во главе спартанского флота; победа его при Нотии, падение и бегство Алкивиада (Алк., 35; Лис., 3—5).
406 – Калликратид во главе спартанского флота; победа над ним при Аргинусских островах (Пер., 37; Лис., 6—7).
405 – Лисандр в Милете; победа его над афинянами при Эгоспотамах (Алк., 37; Лис., 8—14). Дионисий Старший – тиранн Сиракуз (Дион, 3).
404 – Капитуляция Афин. «Тиранния Тридцати», убийство Алкивиада в Персии (Алк., 38—39; Лис., 14—15).

ВРЕМЯ АГЕСИЛАЯ И КАМИЛЛА

- 404—359 – Царствование Артаксеркса II в Персии.
403 – Падение «Тридцати», восстановление демократии в Афинах Фрасибулом (Лис., 21, 27). Камилл – цензор (Кам., 2).
ок. 402 – Родился Фокион.
401 – Поход Кира Младшего против Артаксеркса, гибель Кира при Кунаксе, отступление 10 000 греков (Арт., 6—11; Агес., 9).
ок. 400 – Ретра Эпитадея, конец ликургова «равенства» в Спарте (Агид, 5; Лик., 30).
399 – Агесилай в Спарте становится царем при поддержке Лисандра (Лис., 22; Агес., 4). Казнь Сократа в Афинах (Ник., 23).
398 – Дионисий Сиракузский подавляет мятеж и вновь утверждает свою тираннию (Дион, 3).
396 – Поход Агесилая в Азию (Лис., 23; Агес., 6—7). Камилл – диктатор; взятие Вей (Кам., 5).
395 – Победа Агесилая при Сардах (Агес., 10). Лисандр замышляет государственный переворот; гибель его при Галиарте (Лис., 24—29). Бегство спартанского царя Павсания Младшего (Агид, 3). Казнь сатрапа Тиссаферна (Арт., 23). Война и переговоры Агесилая с Фарнабазом (Агес., 12). Триумф Камилла (Кам., 7).

394 – «Коринфская война» Фив, Коринфа, Аргоса и Афин против Спарты. Возвращение Агесилая из Азии и победа его при Коронее (Агес., 15—18). Битва при Книде (Агес., 17; Арт., 21) и восстановление афинских стен.

393 – Камилл подчиняет Фалерии (Кам., 10).

391 – Изгнание Камилла (Кам., 12). Галлы под Клузием (Кам., 17).

390 – Нашествие галлов на Рим, возвращение Камилла (Кам., 18—30). Нападение Агесилая на Коринф (Агес., 21). Победа Ификрата над спартакцами (Агес., 22).

389 – Поездка Платона к Дионисию Старшему (Дион, 5). Камилл – диктатор в третий раз (Кам., 33).

386 – Анталкидов мир; конец Коринфской войны (Агес., 23; Арт., 21).

384 – Родился Демосфен. Казнь Манлия Капитолийского (Кам., 36).

382 – Спартакцы захватывают Кадмею в Фивах (Пел., 5; Агес., 23).

381 – Камилл – в шестой раз военный трибун (Кам., 37).

379 – Пелопид освобождает Фивы (Пел., 8—12).

378 – Неудачное нападение Сфодрия на Пирей (Агес., 24—25; Пел., 14). Афины – в союзе с Фивами (Пел., 15). Организация второго афинского морского союза.

376 – Победа Хабрия над спартакцами при Наксосе (Фок., 6).

375 – Поражение спартакцев при Тегирах (Пел., 16—17; Агес., 27).

374 – Ификрат помогает Артаксерксу против восставшего Египта (Арт., 24).

371 – Попытка мирного конгресса в Спарте (Агес., 27—28). Поражение спартакцев при Левктрах, гибель царя Клеомброта (Агес., 28; Пел., 20—23; Агид, 21).

370 – Первое вторжение Эпаминонда в Пелопоннес, основание Мессены и Мегалополя (Агес., 34; Пел., 24—25).

369 – Второе вторжение Эпаминонда в Пелопоннес (Пел., 24; Агес., 31). Попытка заговора в Спарте (Агес., 32).

368 – «Бесслезная битва» при Мидее: победа Спарты над аркадянами (Агес., 33). Пелопид в Фессалии и Македонии; Филипп Македонский – заложник в Фивах (Пел., 26—27). Камилл – диктатор в 4-й раз; законы Лициния – Секстия в пользу плебеев (Кам., 39).

367 – Пелопид – пленник Александра Ферского (Пел., 28—29). Пелопид и другие греческие послы у Артаксеркса (Пел., 30; Арт., 22). Смерть Дионисия Старшего, Дионисий Младший у власти в Сиракузах (Дион, 6). Камилл – диктатор в 5-й раз, победа его над галлами (Кам., 40—41).

366 – Первая поездка Платона к Дионисию Младшему (Дион, 13). Изгнание Диона из Сиракуз (Дион, 14). Тирания Тимофана в Коринфе и убийство его Тимолеонтом (Тим., 4).

365 – Смерть Камилла (Кам., 43). Дело об Оропе в Афинах (Дем., 5).

364 – Гибель Пелопида в битве с Александром Ферским (Пел., 32). Первое выступление Демосфена (Дем., 6).

362 – Расправа фиванцев с Орхоменом (Пел./Марц., 1). Мантинея передается Спарте; четвертое вторжение Эпаминонда в Пелопоннес, битва при Мантинее и его гибель (Агес., 34—35).

362—360 – Восстание Таха в Египте, Агесилай и Хабрий у него на службе (Агес., 36; Арт., 22).

361—360 – Вторая поездка Платона к Дионисию Младшему (Дион, 19).

360 – Смерть Агесилая на пути из Египта (Агес., 40). Заговор и казнь Дария, сына Артаксеркса (Арт., 29).

358 – Убийство Александра Ферского (Пел., 35).

ВРЕМЯ ДЕМОСФЕНА И АЛЕКСАНДРА

357 – «Союзническая война» Хиоса, Родоса, Византия и др. против Афин (Дем., 17). Гибель Хабрия (Фок., 6). Дион отплывает на Сицилию (Дион, 22—25).

356 – Дион изгоняет Дионисия Младшего из Сиракуз (Дион, 26—50). Фокиядне захватывают Дельфы, начало «Священной войны» (Тим., 30). Род. Александр Македонский (Ал., 3).

354 – Дион убит Каллиппом (Дион, 57; Тим., 1). Речь Демосфена против Лептина (Дем., 15). Тимофей после поражения в Союзнической войне привлечен к суду и уходит в изгнание (Сул., 6).

351 – Первые «Филиппики» Демосфена (Дем., 12). Гибель Каллиппа в Сицилии (Дион, 58).

346 – Возвращение Дионисия Младшего в Сиракузы (Тим., 1). Афинские послы в Македонии (Дем., 16), «Филократов мир» с Филиппом.

344 – Поход Тимолеонта в Сицилию, окончательное низложение Дионисия Младшего (Тим., 8—13); Дионисий в изгнании в Коринфе (Тим., 14—15).

343 – Тимолеонт овладевает Сиракузами и низлагает тираннов в сицилийских городах (Тим., 17—23).

342 – Аристотель – при македонском дворе как учитель Александра (Ал., 7). Фокион укрепляет Мегары (Фок., 15).

341 – Победа Тимолеонта над карфагенянами при Кримиссе (Тим., 26—29). Фокион освобождает Эвбею (Фок., 12; Дем., 17).

340 – Нападение Филиппа Македонского на Византий и Перинф; Демосфен объезжает греческие города (Ал., 9; Фок., 14; Дем., 17).

339 – Нападение амфисян на Дельфы; Филипп Македонский карательным походом занимает Фокиду (Дем., 17).

338 – Союз Афин и Фив против Македонии, битва при Херонее; Коринфский конгресс объявляет обще греческий мир (Дем., 17—20; Фок., 16; Ал., 9).

337 – Смерть Тимолеонта (Тим., 39). Брак Филиппа и Клеопатры (Ал. 9).

336 – Убийство Филиппа Македонского, воцарение Александра (Ал., 10; Дем., 22; Фок., 16). Род. Деметрий, сын Антигона (Дем., 2).

335 – Поход Александра на Иллирию. Восстание и разорение Фив (Ал., 11), спор о выдаче афинских вождей (Дем., 23; Фок., 17).

334 – Поход Александра на Персию, битва при Гранике (Ал., 15—16).

333 – Битва при Иссе (Ал., 20).

332 – Взятие Тира (Ал., 25).

331 – Александр в Египте, основание Александрии (Ал., 26). Битва при Гавгамелах (Ал., 31).

330 – Александр в Сузах и Персеполе (Ал., 36—38). Смерть Дария (Ал., 43). Казнь Филота и Пармениона (Ал., 49). Антипатр подавляет восстание в Спарте: битва при Мегалополе (Агид, 3; Дем., 24; Агес., 15). Дело о венке в Афинах (Дем., 24).

329 – Александр в Бактрии.

328 – Убийство Клита и казнь Каллисфена (Ал., 50—55).

327 – Поход Александра на Индию (Ал., 57).

326 – Победа Александра над Пором (Ал., 60). Спуск по Инду (Ал., 66). Эвмен – начальник конницы при Александре (Эвм., 1).

325 – Возвращение Александра через Иран (Ал., 67).

324 – Александр в Сузах. Смерть Гефестиона (Ал., 72). Бегство Гарпала в Афины с казной Александра (Ал., 25; Фок., 21).

323 – Смерть Александра в Вавилоне (Ал., 76; Фок., 22); царями объявлены Филипп-Арридей и новорожденный Александр Младший, регент – Пердикка; раздел сатрапий (Эвм., 3). Восстание афинян против Македонии, Ламийская («Леосфенова») война (Тим., 6; Дем., 27; Фок., 23; Пирр, 1).

322 – Антипатр разбивает греков при Кранноне и при Аморгосе, гарнизон в Афинах, смерть Демосфена (Дем., 11, 29; Фок., 26—29).

ВРЕМЯ ДЕМЕТРИЯ И ПИРРА

321 – Антипатр с Кратером идут на Азию; победа Эвмена над Кратером (Эвмен, 7).
Смерть Пердикки в Египте, регент – Антипатр (Эвм., 8).

320 – Антигон разбивает Эвмена и осаждает его в Норах (Эвм., 9—11).

319 – Смерть Антипатра, регент – Полисперхонт; Кассандр, Антигон и Птолемей в союзе против него, Эвмен в союзе с ним (Эвм., 12). Казнь оратора Демада (Дем., 31; Фок., 30). Родился Пирр (Пирр, 1).

318 – Полисперхонт в борьбе против Кассандра объявляет греков свободными. Казнь Фокиона (Фок., 32—37).

317—307 – Деметрий Фалерский, ставленник Кассандра, у власти в Афинах.

317 – Поход Эвмена в Месопотамию на соединение с Певкестом против Антигона (Эвм., 13—16).

316 – Поражение Эвмена и Певкеста в Мидии, плен и смерть Эвмена (Эвм., 16—19).

315—311 – Война Антигона против Птолемея (Д-й, 5).

313 – Переворот в Эпире, спасение малолетнего Пирра (Пирр, 2).

312 – Победа Птолемея над Деметрием при Газе (Д-й, 5). Борьба Деметрия и Селевка за Вавилон (Д-й, 7).

307 – Воцарение 12-летнего Пирра в Эпире (Пирр, 3).

307—302 – Война Антигона против Кассандра (Д-й, 7). Деметрий Полиоркет освобождает Афины от Деметрия Фалерского и занимает Мегары (Д-й, 8).

306 – Победа Деметрия над Птолемеем при Саламине Кипрском (Д-й, 16). Антигон, Птолемей, Лисимах и Селевк принимают царские титулы (Д-й, 18).

305—304 – Деметрий осаждает Родос (Д-й, 21—22).

304—302 – Деметрий вытесняет Кассандра из Греции; он провозглашен «вождем Эллады» (Д-й, 25).

302 – Пирр изгнан из Эпира и присоединяется к Деметрию (Пирр, 4).

301 – Союз Птолемея, Лисимаха, Селевка и Кассандра против Антигона; битва при Ипсе, гибель Антигона, раздел его державы (Д-й, 28—30).

300 – Деметрий в Эгейском море; Селевк заключает с ним союз (Д-й, 31).

299 – Мир Деметрия с Птолемеем; Пирр – его заложник в Египте (Пирр, 5).

297 – Смерть Кассандра, Лахар – тиран в Афинах (Д-й, 33).

296 – Пирр возвращается на царство в Эпире (Пирр, 5).

295 – Деметрий занимает Афины (Д-й, 34), Пирр – часть Македонии (Пирр, 6).

294 – Раздоры сыновей Кассандра. Деметрий – царь Македонии (Д-й, 36; Пирр, 7).

293—291 – Двукратное взятие Фив Деметрием (Д-й, 39—40).

292 – Селевк делит власть со своим сыном Антиохом (Д-й, 38).

291 – Лисимах в плену у гетов (Д-й, 39).

290 – Пифийские празднества в Афинах (Д-й, 40).

289 – Война Деметрия с Пирром (Д-й, 41; Пирр, 7—10). Деметрий замышляет поход в Азию (Д-й, 43).

288 – Союз Птолемея, Лисимаха, Селевка и Пирра против Деметрия. Бегство Деметрия и раздел Македонии между Лисимахом и Пирром (Д-й, 44; Пирр, 11—12).

287 – Деметрий в Малой Азии (Д-й, 46).

286 – Лисимах вытесняет Пирра из Македонии (Пирр, 12).

285 – Деметрий сдается Селевку (Д-й, 49).

283 – Смерть Деметрия в плену (Д-й, 52).

282 – Конфликт Рима с Тарентом (Пирр, 13).

280 – Поход Пирра в Италию, победа его при Гераклее (Пирр, 15—16). Посольства Киней и Фабриция (Пирр, 18—21). Организация Ахейского союза.

279 – «Пиррова победа» при Аскуле (Пирр, 21).

- 279—275 – Нашествие галлов на Грецию и Малую Азию (Ким., 1; Пирр, 22).
278—276 – Поход Пирра в Сицилию (Пирр, 22—24).
276—239 – Антигон II Гонат, сын Деметрия – царь Македонии.
275 – Поражение Пирра при Беневенте (Пирр, 25). Возвращение его в Эпир.
274 – Нападение Пирра на Македонию (Пирр, 26).
272 – Нападение Пирра на Пелопоннес; гибель его в Аргосе (Пирр, 26—34).

ВРЕМЯ АРАТА И КЛЕОМЕНА

- ок. 271 – Родился Арат (Ар., 2).
265 – «Хремонидова война» Афин и Спарты против Антигона II. Битва при Коринфе, смерть спартанского царя Арея I (Агид, 3).
264 – Тирания Абантида в Сикионе (Ар., 3).
264—241 – I Пуническая война.
ок. 253 – Род. Филопемон (Фил., 1).
251 – Арат освобождает Сикион и присоединяет его к Ахейскому союзу. Поездка Арата к Птолемею II (Арат, 5—15; Фил., 1).
245 – Арат – стратег Ахейского союза; неудачная борьба с этолийцами за Беотию (Арат, 16). Война Селевка II с Птолемеем III, битва при Андросе (Пел., 2).
244 – Лидиад – тиранн в Мегалополе; Агид IV – царь в Спарте.
243 – Арат освобождает Коринф и присоединяет его к Ахейскому союзу (Арат, 16—23). Реформы Агида в Спарте, низложение Леонида (Агид, 8—12).
241 – Арат и Агид под Коринфом (Арат, 31; Агид, 15). Победа Арата над этолийцами при Пеллене (Арат, 31—32). Падение и казнь Агида (Агид, 16—20). Мир Рима с Карфагеном (Марц., 3).
240 – Аристипп – тиранн Аргоса; нападение Арата на Аргос (Арат, 25) и на Афины (Арат, 33).
239—229 – Деметрий II – царь Македонии (Арат, 34).
238 – Война римлян с галлами, единоборство Марцелла (Марц., 3—8).
237—221 – Клеомен III – царь в Спарте (Кл., 3).
236 – Нападение Арата на Аргос, битва при Харете (Арат, 28).
235 – Немейские игры в Клеонах (Арат, 28). Нападение Арата на Аргос, гибель Аристиппа (Арат, 29). Поражение Арата при Филакии в Фессалии (Арат, 34).
234 – Лидиад слагает тиранию и присоединяет Мегалополь к Ахейскому союзу (Арат, 30). Родился Катон Старший (КСт., 1).
233—1-е консульство Фабия Максима (Фаб., 2).
229—221 – Антигон III Досон – царь Македонии.
229 – Арат освобождает Афины от македонского гарнизона. Аристомех слагает тиранию и присоединяет Аргос к Ахейскому союзу (Арат, 34—35).
228 – Клеомен начинает войну с Ахейским союзом (Кл., 4).
227 – Клеомен разбивает Арата при Ликее (Арат, 36; Кл., 5) и Лидиада при аркадских Левктрах (Арат, 37; Кл., 6). Он низлагает эфоров и начинает реформы (Кл. 7—11).
226 – Нападение Клеомена на Мегалополь (Кл., 12). Мантинейя переходит от Ахейского союза к Клеомену (Арат, 29; Кл., 14).
225 – Нападение Клеомена на Ахайю, битва при Гекатомбее (Кл., 14).
224 – Аргос и Флиунт переходят к Клеомену (Арат, 29; Кл., 17, 19). Арат – диктатор в Сикионе (Арат, 40).
223 – Клеомен в Коринфе, он разоряет Сикион. Арат – верховный стратег; ахейцы призывают на помощь Антигона III (Арат, 41—43; Кл., 16, 19). Вторжение македонян (Кл., 20—21). Клеомен отступает; его союз с Птолемеем III, его мать и дети – заложники в Египте (Кл., 22).

222 – Клеомен вооружает илотов; он разоряет Мегалополь (Кл., 23; Фил., 5), ахейцы – Мантинею (Арат, 45).

221 – Поражение Клеомена при Селласии (Кл., 29; Арат 46), бегство его в Египет (Кл., 31). Антигон занимает Спарту (Кл., 30). Птолемей IV – царь Египта (Кл., 33).

221—179 – Филипп V – царь Македонии.

221—206 – Маханид – тиранн Спарты.

220—217 – Война между Ахейским и Этолийским союзами (Арат, 47).

ок. 220—210 – Филопемени воюет на Крите (Фил., 7).

219 – Мятеж и гибель Клеомена в Александрии (Кл., 37).

ВРЕМЯ ФИЛОПЕМЕНА И ФЛАМИНИНА

219—202 – II Пуническая война.

218 – Вторжение Ганнибала в Италию, поражение римлян при Требии (Фаб., 2—3).

217 – Поражение римлян при Тразименском озере (Фаб., 3), диктатура Фабия Максима (Фаб., 3—13). Катон впервые на войне (КСт., 1).

216 – Эмилий Павел Старший и Теренций Варрон – консулы; поражение при Каннах, Ганнибал в Капуе (Фаб., 14—18, Марц., 9; ЭМП., 2).

215 – Успех Марцелла при Ноле (Марц., 10—11).

214 – Поход Марцелла в Сицилию (Марц., 13), Катон при нем военным трибуном (КСт., 3). Волнения в Мессении, столкновение Арата с Филиппом V (Арат, 49—50).

213 – Смерть Арата (Арат, 53).

212 – Взятие Сиракуз Марцеллом (Марц., 18—19), взятие Капуи Фульвием и Аппием (Пер./Фаб., 2).

211—205 – I Македонская война: Рим в союзе с Этолией и Пергамом против Филиппа V.

210—4-е консульство Марцелла; жалобы на него сицилийцев и успехи его в Лукании (Марц., 23—24).

209 – Фабий Максим отбивает у Ганнибала Тарент (Фаб., 21—23; КСт., 2; Тит, 1), Марцелл отвлекает Ганнибала у Канузия (Марц., 25—26).

208 – Филопемени – начальник конницы Ахейского союза. Битва при Лариссе (Фил., 7). Смерть Марцелла (Марц., 29; Фаб., 19).

207 – Филопемени – стратег Ахейского союза. Его победа над спартанским тиранном Маханидом при Мантинее (Фил., 8, 10).

206—192 – Набид – тиранн Спарты, войны его с Ахейским союзом (Фил., 12).

205 – Чествование Филопемени на Немейских играх (Фил., 11). Спор Сципиона и Фабия Максима об африканском походе (Фаб., 25).

204 – Африканский поход Сципиона (Фаб., 26), Катон – квестор при Сципионе (КСт., 3).

203 – Победа Сципиона над Ганнибалом при Заме. Смерть Фабия Максима (Фаб., 27).

200—196 – II Македонская война: Рим в союзе с ахейцами против Филиппа V и этолийцев.

ок. 200—193 – Филопемени воюет на Крите (Фил., 13).

198 – Тит Фламинин – консул: его действия в Эпире и Фессалии (Тит, 3—6). Катон – претор в Сардинии (КСт., 6).

197 – Битва при Киноскефалах (Скотуссе): победа Фламинина над Филиппом V (Тит, 8; Фил., 14; ЭМП., 7—8).

196 – Мир римлян с Филиппом; Фламинин провозглашает в Коринфе «свободу Греции» (Тит, 10).

195 – Катон – консул, война его в Испании (КСт., 10). Фламинин участвует в войне против Набида (Тит, 13). Бегство Ганнибала в Азию (Тит, 9, 20).

194 – Триумф Фламинина (Тит, 13—14), триумф Катона (КСт., 11). Катон помогает Семпронию во Фракии (КСт., 12).

193 – Эмилий Павел – эдил (ЭмП., 3).

192 – Гибель Набида, Филопеман присоединяет Спарту к Ахейскому союзу (Фил., 15).

192—189 – Война Рима с Антиохом III и этолийцами (КСт., 12; Фил., 17).

191 – Поход Антиоха на Грецию и отражение его при Фермопилах (Тит, 15; КСт., 12—14).

190 – Битва при Магнесии, поражение Антиоха (Фил., 17). Эмилий Павел – претор, успехи его в Испании (ЭмП., 4).

189 – Фламинин – цензор (Тит, 18).

188 – Филопеман подавляет восстание в Спарте и разоряет город (Фил., 16).

187 – Безуспешное обвинение Петилия против Сципиона (КСт., 15). Сципион удаляется от дел (КСт., 24).

ВРЕМЯ КАТОНА И ЭМИЛИЯ ПАВЛА

184 – Катон – цензор (КСт., 16; Тит, 19). Смерть Ганнибала (Тит, 20).

183 – Восстание в Мессене против ахейцев, плен и казнь Филопемана (Фил., 18—19).

182 – Эмилий Павел – консул, война его с лигурами (ЭмП., 6).

179—168 – Персей – царь Македонии (ЭмП., 8).

173 – Царь Эвмен Пергамский в Риме (КСт., 8).

171—168 – III Македонская война: Рим против Персея. Первые неудачи римлян (ЭмП., 7, 9).

168 – Победа Эмилия над Персеем при Пидне (ЭмП., 10—22; КСт., 20).

167 – Триумф Эмилия Павла (ЭмП., 31—34). Отмена подати с римских граждан (ЭмП., 38).

164 – Эмилий Павел – цензор. Смерть царя Персея в римском плену (ЭмП., 37—38).

ок. 163 – Родился Тиберий Гракх (ТГр., 1).

160 – Смерть Эмилия Павла (ЭмП., 39).

156 – Родился Гай Марий (Мар., 3).

155 – Посольство трех философов в Риме (КСт., 22).

154 – Смерть Тиберия Семпрония, отца Гракхов (ТГр., 1). Род. Гай Гракх.

152 – Посольство Катона в Африку (КСт., 26).

151 – Попытка аграрной реформы Гая Лелия (ТГр., 8). Греческие заложники отпущены из Рима (КСт., 9).

149 – Речь 85-летнего Катона против Гальбы (КСт., 15). Смерть Катона (КСт., 27).

149—146 – III Пуническая война, разрушение Карфагена Сципионом Младшим (КСт., 27). При нем воюет Тиберий Гракх (ТГр., 4).

146 – Разрушение Коринфа Муммием; Македония и Греция – римские провинции (Мар., 1; Цез., 57).

ВРЕМЯ ГРАКХОВ

142 – Сципион Младший – цензор (ЭмП., 38).

140 – Лелий, друг Сципиона – консул (ТГр., 8).

138 – Родился Сулла (Сул., 1).

137 – Тиберий Гракх – квестор в войске Манцина под Нуманцией (ТГр., 5).

135—132 – Восстание Эвна в Сицилии (Сул., 36).

133 – Взятие Нуманции Сципионом Младшим; при нем воюют Гай Гракх и Гай Марий (ТГр., 13; Мар., 3). Тиберий Гракх – трибун; его аграрное законодательство и гибель (ТГр.,

8—20).

132—130 – Восстание Аристоники в Пергаме (Тит, 21; ТГр., 20).

129 – Смерть (убийство?) Сципиона Младшего (ГГр., 10; Ром. 27).

126 – Гай Гракх – квестор в Сардинии (ГГр., 1).

125 – Восстание в Фрегеллах против Рима (ГГр., 3).

123 – Гай Гракх – трибун, его аграрное законодательство (ГГр., 3—7).

122 – Фанний – консул; Гай Гракх – вновь трибун, основание аграрных колоний.

Борьба Друза против Гракха (ГГр., 8—12).

121 – Опимий – консул. Восстание и гибель Г. Гракха и М. Фульвия (ГГр., 13—17).

ВРЕМЯ МАРИЯ И СУЛЛЫ

119 – Марий – трибун (Мар., 4).

ок. 117 – Родился Лукулл (Лук., 1).

115 – Марий – претор (Мар., 6). Род. Красс (Кр. 1).

113 – Поражение Карбона от кимвров в Норике (Мар., 16).

112 – Югурта в Нумидии убивает брата и подкупает присланного для расследования Опимия и др., (ГГр. 18).

109 – Метелл – консул, он ведет войну с Югуртой, Марий при нем легатом (Мар., 7).

107 – Марий – консул, его реформа в войске (Мар., 9). Его победы над Югуртой (Мар., 10). Сулла при нем квестором (Сул., 3).

106 – Сулла захватывает Югурту в плен (Мар., 10; Сул., 3). Родились Помпей и Цицерон (Циц., 2).

105 – Поражение Цепиона от кимвров при Аравсионе (Мар., 16). Серторий участвует в бою (Сер., 3).

104—2-е консульство Мария, его триумф, казнь Югурты (Мар., 12). Сулла – его легат (Сул., 4).

102—4-е консульство Мария; он разбивает тевтонов при Аквах Секстиевых (Мар., 14—22), Серторий участвует в бою (Сер., 3).

101—5-е консульство Мария: он и Катул разбивают кимвров при Верцеллах (Мар., 24—27).

100—6-е консульство Мария: он подстрекает, а потом подавляет восстание трибуна Сатурнина (Мар., 28). Родился Цезарь.

99—97 – Поездка Мария на Восток (Мар., 31). Серторий служит в Испании (Сер., 3).

95 – Родился Катон Младший (КМл., 1).

93 – Сулла – претор (Сул., 5).

92 – Сулла – пропретор в Малой Азии (Сул., 5).

91 – Попытка Друза Младшего выступить в пользу италиков (КМл., 1—2).

91—89 – «Марсийская война»: восстание италийских союзников против Рима (Мар., 32—33; Сул., 8; Циц., 3; КМл., 2). Отец Помпея руководит его подавлением (Пом., 1). Лукулл сближается с Суллою (Лук., 2).

90 – Серторий – квестор Предальпийской Галлии (Сер., 4).

88 – Сулла – консул (Сул., 6). Мятеж Сульпиция Руфа, его подавление, поход Суллы на Рим, бегство Мария (Мар., 34—40; Сул., 7—10). Наступление Митридата в Азии и Греции (Сул., 11).

87 – Цинна и Октавий – консулы. Сулла воюет с Митридатом, осада Афин (Сул., 12), посольство Лукулла, его квестора, в Египет (Лук., 2—3). Марий и Цинна захватывают Рим, репрессии (Мар., 41—44; Сер., 4—5; Пом., 3); Красс скрывается в Испании (Кр., 4).

86—7-е консульство Мария, его смерть (Мар., 45). Взятие Афин Суллою и победы его при Херонее и Орхомене (Сул., 14—21).

85 – Цинна и Карбон – консулы (Сул. 22). Лукулл помогает Сулле в морской войне с

Митридатом (Лук., 3—4). Дарданский мир Суллы с Митридатом (Сул., 24). Гибель в Азии марианцев Флакка и Фимбрии (Сул., 23, 25). Родился Брут.

84 – Гибель Цинны (Пом., 5; Кр., 6).

83 – Поход Суллы на Италию, к нему присоединяется Помпей (Пом., 6—8), с ним Лукулл, Красс (Сул., 29; Кр., 6). Победы Суллы при Сигнии и у Коллинских ворот (Сул., 28—30). Серторий бежит в Испанию (Сер., 6). Родился Антоний.

82 – Сулла захватывает Рим и провозглашает себя диктатором; проскрипции (Сул., 31—33). Смерть Мария Младшего (Мар., 46; Сул., 32). Бегство Цезаря в Вифинию (Цез., 1). Помпей подавляет марианцев в Сицилии (Пом., 10).

81 – Триумф Суллы. Помпей подавляет марианцев в Африке и тоже справляет триумф (Пом., 14). Плавание Сертория в Африку и к Счастливым островам (Сер., 7—9).

80 – Серторий во главе лузитанского восстания (Сер., 10). Первая речь Цицерона – за Росция Америкейского (Циц., 3).

80—77 – Цицерон скрывается в Греции (Циц., 4).

79 – Сулла слагает диктатуру (Сул., 34). Победы Сертория над Метеллом (Сер., 18). Лукулл с братом – эдилы (Лук., 1).

ВРЕМЯ ПОМПЕЯ И ЦЕЗАРЯ

78 – Смерть Суллы. Попытка антисулланского мятежа консула Лепида (Сул., 34, 37; Пом., 16).

77—76 – Первые судебные выступления Цезаря (Цез., 4).

76 – Поход Помпея в Испанию (Сер., 18; Пом., 18). Перпенна присоединяется к Серторию (Сер., 15).

75 – Цицерон – квестор (Циц., 6). Битва при Сукроне между Серторием и Помпеем (Сер., 19; Пом., 19). Переговоры Сертория с Митридатом (Сер., 23).

74 – Лукулл – консул. Начало новой войны с Митридатом (Лук., 5—8; Пом., 20).

73 – Победа Лукулла при Кизике (Лук., 9—11) и Риндаке. Восстание Спартака (Кр. 8), Цезарь – военный трибун (Цез., 5), Катон – доброволец (КМл., 8).

72 – Убийство Сертория в Испании (Сер., 25—26).

71 – Взятие Амиса Лукуллом, бегство Митридата в Армению (Лук., 18—19). Красс подавляет восстание Спартака (Кр., 10—11), Помпей добывает беглецов и справляет 2-й триумф (Пом., 21—22).

70 – Помпей и Красс – консулы, восстановление досулланских порядков (Пом., 22; Кр., 12). Процесс и осуждение Верреса (Циц., 7). Лукулл занимает Синопу (Лук., 23).

69 – Цицерон – эдил (Циц., 8). Победа Лукулла при Тигранокертах (Лук., 26—28).

68 – Речь Цезаря памяти вдовы Мария. Цезарь – квестор в Испании (Цез., 5). Лукулл занимает Нисибиду (Лук., 32).

67 – Победа Митридата над Триарием при Зеле. Лукулл отозван в Рим (Лук., 35—36). Закон Габиния: Помпей ведет войну против пиратов (Пом., 25—29), Катон служит в Македонии (КМл., 9—11).

66 – Цицерон – претор (Циц., 9). Закон Манилия: Помпей сменяет Лукулла в войне против Митридата (Лук., 36; Пом., 30—31). Его встреча с Катоном (КМл., 14).

65 – Цезарь – эдил, восстановление марианских памятников (Цез., 6). Катон – квестор (КМл., 16—18). Красс – цензор (Кр., 13). Триумф Лукулла (Лук., 37). Поход Помпея на Кавказ (Пом., 32—38).

64—63 – Помпей в Сирии и Иудее (Пом., 38—42).

63 – Цицерон – консул. Заговор Катилины; выступления Цезаря и Катона (Циц., 10—22; Цез., 7—8; КМл., 22—23). Самоубийство Митридата в Боспоре (Пом., 41). Цезарь избран великим понтификом (Цез. 7).

62 – Цезарь – претор. Катон – трибун (КМл., 21), его конфликт с Метеллом из-за

Помпея (КМл., 26—29). Клодий на тайнствах Доброй Богини (Цез., 10; Циц., 28).

61 – Возвращение и триумф Помпея (Пом., 42—45). Конфликт его с Катонем (КМл., 30). Суд над Клодием (Циц., 29). Цезарь с помощью Красса уезжает пропретором в Испанию (Кр., 7; Цез., 11).

60 – «Первый триумвират» Цезаря, Помпея и Красса (Цез., 13; Пом., 47; Кр., 14).

59 – Цезарь – консул (Цез., 14; Пом., 47; КМл., 32—33). Дело Веттия (Лук., 42).

58 – Клодий – трибун (Циц., 30; Пом., 49). Он удаляет Цицерона в изгнание (Циц., 31; Пом., 46) и отправляет Катона на Кипр (КМл., 34); Антоний среди его приверженцев (Ант., 2). Цезарь в Галлии ведет войну с гелльветами и Ариовистом (Цез., 15, 18—19).

57 – Война Цезаря с белгами (Цез., 20). Возвращение Цицерона в Рим (Циц., 33). Катон и Брут на Кипре (КМл., 37—38; Бр., 3). Антоний восстанавливает в Египте Птолемея XII (Ант., 3; КМл., 35).

ок. 57 – Умер Лукулл.

56 – Свидание Цезаря, Помпея и Красса в Луке (Цез., 21; Пом., 51; Кр., 14; КМл., 41).

55 – Помпей и Красс – консулы (во 2-й раз) (Пом., 52; Кр., 15); их конфликт с Катонем (КМл., 41—43). Театр Помпея в Риме. Походы Цезаря за Рейн и на Британию (Цез., 22—23).

54 – Катон – претор (КМл., 44). Красс выступает на Восток (Кр., 17). Второй поход Цезаря в Британию; восстание Амбиорига. Смерть Юлии, дочери Цезаря и жены Помпея (Цез., 23—24).

53 – Поражение и смерть Красса при Каррах (Кр., 23—31).

52 – Помпей – консул без коллеги (Цез., 28; КМл., 47). Волнения в Риме (Пом., 44), гибель Клодия, речь Цицерона за Миллона (Циц., 35). Катон неудачно домогается консульства (КМл., 49). Восстание Верцингеторига в Галлии и подавление его Цезарем (Цез., 26—27).

51 – Цицерон – наместник Киликии (Циц., 36). Попытки лишить Цезаря командования (Цез., 29).

50 – Курион – трибун, он агитирует в пользу Цезаря (Пом., 58; Цез., 30—31), с ним Антоний (Ант., 5).

49 – Цезарь переходит Рубикон, занимает Италию, разбивает помпеянцев в Испании (Цез., 32—36; Пом., 60—63; КМл., 52—53; Ант., 6). Первое избрание Цезаря диктатором.

48 – Цезарь переходит в Грецию, осажден в Диррахии, вырывается и разбивает Помпея при Фарсале (Цез., 37—47; Пом., 65—72). Бегство и гибель Помпея в Египте (Пом., 74—80). Катон в Африке (КМл., 56); Брут и Цицерон переходят от Помпея к Цезарю (Бр., 4—6; Циц., 39).

47 – Александрийская война и победа Цезаря над Фарнаком (Цез., 48—50). Второе избрание Цезаря диктатором (Цез., 51). Попытка мятежа Долабеллы (Ант., 9).

46 – Африканская война и победа Цезаря над Сципионом и Юбой при Тапсе; самоубийство Катона (Цез., 52—54; КМл., 58—70). Четыре триумфа Цезаря (Цез., 55). Брут правит Предальпийской Галлией (Бр., 6). Развод Цицерона (Циц., 41).

45 – Испанская война и победа Цезаря над сыновьями Помпея при Мунде; пятый триумф Цезаря (Цез., 56). Введение юлианского календаря (Цез., 59). Смерть дочери Цицерона (Циц., 41).

ВРЕМЯ БРУТА И АНТОНИЯ

44 – Брут – претор (Бр., 7). Цезарь на Луперкалиях притязает на царскую власть (Цез., 61; Ант., 12). Заговор Брута – Кассия и убийство Цезаря (Цез., 62—66; Бр., 9—18). Консул Антоний во главе государства (Ант., 14). Брут уезжает в Грецию (Бр., 21). Цицерон уезжает и возвращается в Рим (Циц., 43). Союз его с Октавианом против Антония (Ант., 16).

43 – Гирций и Панса – консулы. Мутинская война. «Второй триумвират» Антония, Октавиана и Лепида, проскрипции, гибель Цицерона (Ант., 17—20; Циц., 45—48; Бр., 27). Брут подчиняет Македонию, Кассий – Сирию, и они соединяются в Смирне (Бр., 29).

42 – Брут и Кассий подчиняют Малую Азию (Бр., 30—32). Битва при Филиппах, поражение и самоубийство Брута и Кассия (Бр., 38—52; Ант., 22). Антоний в Малой Азии (Ант., 24).

41 – Встреча Антония с Клеопатрой на Кидне (Ант., 26). Антоний в Александрии (Ант., 28). Перузинская война между Октавианом и Луцием Антонием (Ант., 30).

40 – Брундизийский договор между Октавианом и Марком Антонием, брак Антония с Октавией (Ант., 30—31).

39 – Мизенский договор между Октавианом, Антонием и Секстом Помпеем (Ант., 32).

38 – Антоний и Октавия в Афинах. Победы Вентидия над парфянами, гибель Пакора (Ант., 33—34; Кр., 33).

37 – Тарентский договор между Октавианом и Антонием (Ант., 35). Победы Сосия в Сирии (Ант., 34). Антоний в Антиохии женится на Клеопатре (Ант., 36).

36 – Неудачный парфянский поход Антония (Ант., 37—51).

33 – Неудачная попытка Октавиана примирить Октавию и Антония (Ант., 53—54).

32 – Антоний разводится с Октавией (Ант., 57). Октавиан объявляет войну Антонию и Клеопатре (Ант., 60).

31 – Поражение Антония и Клеопатры при Акции (Ант., 61—68).

30 – Самоубийство Антония и Клеопатры в Александрии. Присоединение Египта к Римской державе (Ант., 74—86).

ВРЕМЯ ГАЛЬБЫ И ОТОНА

30 до н.э. – 14 н.э. – Правление Октавиана Августа.

14—37 – Правление Тиберия.

33 н.э. – Гальба – консул (Гал., 3).

37—41 – Правление Гая Калигулы.

39—41 – Гальба – военачальник в Германии (Гал., 3).

41—54 – Правление Клавдия.

45—47 – Гальба – наместник Африки (Гал., 3).

ок. 46 – в Беотийской Херонее родился Плутарх.

54—68 – Правление Нерона.

61 – Гальба – наместник в Испании (Гал., 3).

62 – Казнь Октавии и брак Нерона с Поппеей; Отон – наместник в Лузитании (Гал., 19).

66 – Иудейское восстание и назначение Веспасиана в Иудею.

67 – Нерон совершает поездку по Греции и дарует греческим городам автономию (Тит, 12).

68 – Восстание и поражение Виндекса в Галлии (Гал., 4—6). Провозглашение Гальбы императором в Риме и потом в Испании; самоубийство Нерона (Гал., 7). Гальба вступает в Рим (Гал., 15).

69 – Провозглашение Вителлия императором в Германии (Гал., 22). Усыновление Гальбой Пизона (Гал., 23). Падение Гальбы и Пизона, провозглашение Отона императором в Риме (Гал., 24—28; Отон, 1). Наступление вителлианцев и поражение Отона при Бедриаке (Отон, 8—14), его самоубийство (Отон, 17). Вителлий в Риме. Провозглашение Веспасиана императором в восточной армии. Войско Веспасиана идет на Рим; поражение и убийство Вителлия. Веспасиан – император.

ВРЕМЯ ПЛУТАРХА

69—79 – Правление Веспасиана. Соглашение между императором и сенатом – основа дальнейшей стабилизации власти. Государственные риторические школы в Риме, во главе

одной из них – Квинтилиан. Первое изгнание неблагонадежных философов из Рима (71 г.). Греция вновь обращена в проконсульскую провинцию (74 г.). Плутарх потом скажет, что за временное освобождение Греции Нерону смягчены его загробные муки («О промедлении божьей кары», 22). Плутарху в 70—71 г. ок. 25 лет. Прадед его Никарх и дед его Ламприй помнили войну Антония с Октавианом (Ант., 28, 68); отца и мать он не упоминает; у него два брата (ср. трактат «О братской любви»). Около этого времени он женится (у него и жены его Тимоксены – пятеро детей, из которых трое умерли ранее отца; на смерть младшей дочери он напишет «Утешение жене»). Он учится в Афинах у философа-платоника Аммония, занимается математикой и религиозными древностями, совершает поездку в Александрию (отсюда – будущий трактат «Об Исиде и Осирисе»). С Афинами он связан всю жизнь, у него афинское гражданство, его юношеские декламации – «О славе афинян», «Об удаче римлян», «Об удаче и доблести Александра».

Вторая половина 70-х гг. – Первая засвидетельствованная поездка Плутарха в Италию и Рим. «При старом Веспасиане» он видит в цирке удивительную ученую собаку («О смекалке животных», 19). С сенатором Л. Местрием Флором (сменный консул между 72 и 75 гг., участник войны 69 г.) совершает поездку по северной Италии (родине Местриев): поле боя при Бедриаке, гробница Отона в Брикселле, статуя Мария в Равенне (Отон, 14, 18; Мар., 2). Местрий помогает ему получить римское гражданство, официальное его имя – Местрий Плутарх. Впрочем, «когда я жил в Риме и в других местах Италии, государственные заботы и ученики, с которыми я занимался философией, не оставляли мне досуга упражняться в языке римлян, так что лишь поздно, на склоне лет, я начал читать полатыни» (Дем., 2). В Риме в это время Плиний Старший заканчивает «Естественную историю» (77 г.), а Валерий Флакк пишет поэму «Аргонавтика». Родился будущий император Адриан (76 г.).

79—81 – Правление Тита, сына Веспасиана. Извержение Везувия и смерть Плиния Старшего (79 г.), пожар Капитолия (80 г.). Открытие Колизея; Марциал начинает писать эпиграммы.

81—96 – Правление Домициана, брата Тита. Отношения между императором и сенатом портятся. Ритор Дион Хрисостом, сверстник Плутарха, уходит в 14-летнее изгнание бродячим философом. Умирает Местрий Флор; у Плутарха нет сочинений, ему посвященных, – видимо, он еще мало пишет, а только делает записи и выписки впрок. Плутарх живет в Херонее, ездит по Беотии (Феспии, Танагра, Платея), по Пелопоннесу (Спарта, Патры), по Эвбее (Халкида, Эдепс), выступает в Малой Азии (Сарды), часто бывает в Дельфах, в Олимпии, в Афинах.

Начало 90-х гг. – Вторая засвидетельствованная поездка Плутарха в Рим (вероятно, не последняя). Он видит новый дворец Домициана и отстраиваемый Капитолий (Попл., 15). Он читает лекцию в присутствии стоика Арулена Рустика (сменный консул 92 г.), «во время чтения солдат принес ему письмо от императора, я остановился, но он не захотел распечатывать письмо, пока я не кончу» («О любопытстве», 15). В 94 г. Арулен вместе с другими сенаторами-оппозиционерами казнен, философы вновь изгнаны из Рима. Стоик Эпиктет переселяется в Никополь, там с ним беседует ученый раб Плутарха Онесим (диалог Фаворина «Эпиктет», не сохр.). Силий Италик (консул 68 г.) пишет поэму «Пуника», а Стаций заканчивает поэму «Фиваида».

96 – Заговор сенаторов и убийство Домициана; императором становится Нерва, он объявляет амнистию и назначает своим преемником полководца Траяна. Смерть чудотворца Аполлония Тианского. Тацит, сверстник Плутарха, – консул (97 г.): его «Агрикола» и «Германия».

98—117 – Правление Траяна. Плиний Младший – консул (100 г.); его панегирик Траяну. Дион Хрисостом произносит перед Траяном речи «О царской власти». Новый покровитель Плутарха Кв. Сосий Сенецион (консул 99, 102, 107 гг.), адресат двух писем Плиния; ему посвящены «Сравнительные жизнеописания» и «Застольные беседы», самые обширные из сочинений Плутарха. Траян назначает Плутарха консультантом по местным

делам при проконсуле Греции («дал ему проконсульские почести и приказал, чтобы наместник Иллирии ничего не предпринимал без его одобрения», по гиперболическому выражению словаря «Суды»).

Начало 100-х гг. – Плутарх избран пожизненным жрецом в Дельфах, пишет диалоги на дельфийские темы, посвящает дельфийской жрице Диониса, Клее, трактаты «Об Исиде и Осирисе» и «О добродетелях женщин». Родился Герод Аттик, ритор и меценат, центральная фигура следующего поколения греческой литературы.

100—110-е гг. – Написано большинство сочинений Плутарха. Неполный список их («Каталог Ламприя») составляет 227 названий, сохранилось около половины. К историческим сочинениям, кроме «Сравнительных жизнеописаний», относятся биографии первых римских императоров (сохранились «Гальба» и «Отон») и заготовки «Изречения царей и полководцев», «Римские вопросы», «Греческие вопросы» и др. К «нравственным сочинениям» (“*Moralia*”) относятся «О воспитании», «Как читать поэтов» (педагогика), «Платоновские вопросы», «О противоречиях у стоиков», «Нельзя счастливо жить по Эпикуру» (философия), «О душевном спокойствии», «Об алчности», «О самохвальстве», «Об отличии льстеца от друга» (этика), «О надписи “Е” в Дельфах», «Об упадке оракулов», «Почему пифия больше не вещает стихами», «О промедлении божьей кары», «О судьбе» (религия), «О лике, видимом на луне», «О первичном холоде», «Что полезнее, вода или огонь» («физика»), «Государственные наставления», «Заниматься ли в старости государственными делами» (политика), «О любви», «О братской любви», «Супружеские наставления» (семья), «Сопоставление Аристофана с Менандром», «О злокозненности Геродота» (словесность) и многие другие.

117—138 – Правление Адриана. «Анналы» Тацита (ок. 117 г.), «Двенадцать цезарей» Светония (ок. 120 г.). Ритор Фаворин из Галлии, ученик Диона Хрисостома, – младший друг, адресат и подражатель Плутарха; потом он напишет диалог «Плутарх» (не сохр.). Родился Марк Аврелий, будущий император-философ (121 г.).

119—120 – «Плутарх из Херонеи, философ, в старости назначен попечителем Греции» (не совсем ясная заметка в хронике Евсевия под 119 г.). Плутарх – в коллегии устроителей Пифийских игр в Дельфах, член Беотийского совета и совета амфикионионов. Когда в Дельфах ставится статуя в честь Адриана, то в надписи среди жрецов назван Местрий Плутарх. Это последнее прижизненное упоминание о нем. Перед смертью ему приснилось, что Гермес возводит его живым на небо (Артемидор, IV, 72). В Дельфах сохранилась надпись на постаменте его статуи:

Здесь Херонея и Дельфы совместно Плутарха воздвигли:
Амфикионионы его так повелели почитать.

Племянник Плутарха, стоик Секст Херонейский, был одним из воспитателей императора Марка Аврелия. «Мы гордимся происхождением от знаменитого Плутарха через племянника его Секста-философа», – говорит герой «Метаморфоз» Апулея (I, 2) ок. 175 г. Род Плутарха прослеживается в Херонее вплоть до конца IV в.

Указатель имен

[указатель составлен М. Л. Гаспаровым.]

Лица включены в указатель под теми именами, под которыми они чаще встречаются в тексте: например, «Цицерон, Марк Туллий», а не «Туллий Цицерон, Марк». Имена писателей, упоминаемых Плутархом как его источники, выделены курсивом. Мифологические имена, как правило, не включены. Римские личные имена даны в обычных сокращениях: А(вл), Ап(пий), Г(ай), Гн(ей), Д(ецим), Кв(инт), Л(уций), М(арк), Ман(ий),

П(ублий), С(екст), Сер(вий), Т(ит), Тиб(ерий). При датах указания «до н.э.» опускаются. Указатель составлен М. Л. Гаспаровым. (* Все сокращения заглавий см. в преамбуле к комментарию (т. I). Сокращения типа «Тес./Ром.» относятся к «Сопоставлению» Тесея и Ромула и т.п.)

- А бантид, тиранн Сикиона – Арат, 2.
 Абгар, князь арабской Осроены – Кр., 21.
 Абеокрит, беотийский военачальник – Арат, 16.
 Абра, служанка – Цез., 10; Циц., 28.
 Абртонон, мать Фемистокла – Фем., 1.
 Абулит, сатрап Сузианы при Дарии III и Александре – Ал., 69.
 Авиллий (Аоллий), сын Ромула – Ром., 14.
 Аврелий, Г. – ближе неизвестен – Кр., 12; Пом., 23.
 Аврелий, Кв., ближе неизвестен – Сул., 31.
 Аврелия, дочь консула 119 г., мать Цезаря – Цез., 9—10; Циц., 28.
Автоклиз Афинский (конец IV в.), автор «Толкований» религиозных обрядов – Ник., 23.
 Автолеонт, царь пеонийцев – Пирр, 9.
 Автолик, основатель Синопы – Лук., 23.
 Автолик, панафинейский победитель 422 г. – Лис., 15.
 Авфидий, заговорщик, ближе неизвестен – Сер., 26—27.
 Агариста, мать Перикла – Пер., 3.
 Агасий, ахарнянин – Ар., 13.
 Агафарх Самосский (V в.), живописец – Пер., 13; Алк., 16.
 Агафоклея, наложница Птолемея IV – Кл., 33.
 Агафокл, тиранн сиракузский (317—289) – Пирр, 9, 14; Д-й, 25.
 Агафокл, сын Лисимаха, впоследствии казненный отцом – Д-й, 31, 46—47.
 Агенобарб, Домиций, предок знатного римского рода – ЭмП., 25.
 Агесилай, спартанский царь (399—361) – Агес.; Лик., 12, 29; Тим., 36; Пел., 16, 21, 30; Тит. 11; Лис., 22—27, 30; Ким., 10, 19; Фок., 3; Аг., 3—4, 14; Арт., 20.
 Агесилай, дядя Агида IV – Агид, 6, 9, 12—13, 16, 19; Агид—Кл./ТГр.—ГГр., 4.
 Агесиполид I, спартанский царь (394—380) – Пел., 4; Агес., 20, 24; Агид, 3.
 Агесиполид II, спартанский царь (371—370) – Агид, 3.
 Агесистрата – мать Агида IV – Агид, 4, 20.
 Агиатида, жена Агида и потом Клеомена – Кл., 1, 22.
 Агид II, спартанский царь, сын Архидама (427—402) – Лик., 11, 18, 28, 29; Алк., 24—25, 34, 38; Лис., 9, 14, 22; Агес., 1—4.
 Агид III, спартанский царь (338—330) Лик., 19; Агес., 15; Агид, 3; Дем., 24.
 Агид IV, спартанский царь (244—241) – Агид; Агес., 40; Кл., 1; Арат, 31.
 Агилей, спартанский эфор – Кл., 8.
 Агриппа, М. Випсаний (62—12), полководец, зять и соправитель Августа – Дем./Циц., 3; Ант., 35, 65—66, 73, 87; Бр., 27; Гал., 25.
 Агриппина Младшая, Юлия (15—59 гг. н.э.), мать Нерона – Ант., 87; Гал., 14.
 Ада, сестра Мавсола, жена Гидриея, правительница Карики (343—340) – Ал., 22.
 Адимант, архонт 476 г. – Фем., 5.
 Адимант, афинский стратег 405 г. – Алк., 36.
 Адмет, эпирский царь (V в.) – Фем., 24.
 Адриан, см. Фабий Максим Адриан.
 Азиатик, вольноотпущенник Вителлия – Гал., 20.
Азиний Поллион, Г. (75 г. до н.э. – 4 г. н.э.), консул 40 г., участник гражданских войн, оратор и поэт, автор «Истории» о событиях ок. 60—42 гг. – Пом., 72; Цез., 32, 46, 52; КМл., 53; Ант., 9.

- Аимнест, спартанец – Ар., 19.
Аквиллий, Ман., легат Мария в 103 г., потом казнен Митридатом – Мар., 14; Лук., 4.
Аквиллий Галл, М., нар. трибун 55 г. – КМл., 43; Циц., 27.
Аквин, легат Метелла в Испании – Сер., 13.
Акестодор Мегалопольский (III в. ?), историк – Фем., 13. Акрон, сабинский царь – Ром., 16; Тес/Ром., 1; Марц., 8.
Акротат, дед царя Акротата – Агид, 3. Акротат, спартанский царь (265—262) – Пирр, 26, 28; Агид, 3.
Аксий, ближе неизвестен – Циц., 25.
Аксиох, милетянин, отец Аспасии – Пер., 24.
Акуфид из Нисы – Ал., 58.
Алекс, лаодикеец, доверенное лицо Антония – Ант., 66, 72.
Александр I, сын Аминты, македонский царь (V в.) – Ар., 15; Ким., 14.
Александр II, македонский царь (370—369) – Пел., 26—28.
Александр III Великий, македонский царь (336—323) – Ал.; Тес., 5; Кам., 19; Эмп., 23; Пел., 34; Ар., 11; Фил., 4; Тит, 7, 21; Пирр, 8, 11, 19; Ник./Кр., 4; Эвм., 1, 6—7; Агес., 15; Пом., 2, 34, 45; Агес./Пом., 2; Цез., 11; Фок., 9, 17—18, 22; Кл., 31; Дем., 9, 20, 23—25, 27; Д-й, 10, 25, 27, 29, 37; Ант., 6, 80; Д-й/Ант., 4.
Александр IV, сын Роксаны, номинальный македонский царь (316—312), убитый Кассандром – Пирр, 4.
Александр, сын Антония и Клеопатры – Ант., 54.
Александр, сын Деметрия – Д-й, 53.
Александр, сын Кассандра – Пирр, 6—7; Д-й, 36; Д-й/Ант.
5. Александр, племянник Антигона II, тиранн Коринфа и Эвбеи ок. 265—244 – Арат., 17.
Александр, сын Пирра – Пирр, 9.
Александр, сын Полисперхонта – Фок., 33; Д-й, 9.
Александр, сын Персея – Эмп., 37.
Александр, тиранн ферский (369—358) – Пел., 26, 31, 32.
Александр, фракийский полководец – Эмп., 18.
Александр, македонский юноша – Ал., 58.
Александр, антиохиец, доверенное лицо Антония – Ант., 46.
Александр, вольноотпущенник – Пом., 4.
Александр, философ-перипатетик, наставник Красса – Кр., 3.
Александр Миндский (I в.), историк, автор книг о чудесах природы – Мар., 17.
Алексикрат, приближенный Пирра – Пирр, 5.
Алексипп, врач – Ал., 41.
Алкандр, спартанец – Лик., 11.
Алкей Мессенский (II в.), поэт-эпиграмматист – Тит, 9.
Алкей из Сард, ближе неизвестен – Пом., 37.
Алкет, эпирский царь, прадед Пирра – Пирр, 1.
Алкет, брат Пердикки – Эвм., 5, 8; Ал., 55. (погиб в 319 г.).
Алкивиад – Алк.; Лик., 15; Нума, 8; Пер., 20, 37; Пел., 4; Ар., 7; Тит, 11; Лис., 3—4, 10—11; Лис./Сул., 4; Ник., 9—15; Ник./Кр., 2—3; Агес., 3; Дем., 1, 27; Ант., 70.
Алкидамант Элидский (V в.), софист-ритор – Дем., 5.
Алким, воин Деметрия – Д-й, 21.
Алкимен, ахейский наемник – Дион, 23.
Алкионей, сын Антигона II – Пирр, 34.
Алкман из Сард (VII в.), лирический поэт, автор хоровых песен, работавший в Спарте – Лик., 28; Сул., 36.
Алкмеон, сын Мегакла, дед законодателя Клисфена – Сол., 11.
Алкмеон, обвинитель Фемистокла – Фем., 23; Ар., 25.

- Альбин, Сп. Постумий, консул 110 г., разбитый Югуртой – Мар., 9.
Альбиний, Л., благочестивый римлянин – Кам., 21.
Альфен Вар, военачальник Вителлия – Отон, 12.
Амбиориг, вождь эбуронов в Галлии – Цез., 24.
Амебей, певец – Арат, 17.
Аместрида, дочь Артаксеркса – Арт., 2—3, 27.
Амикла, кормилица Алкивиада – Алк., 1.
Аминий из Декелей, герой Саламинского сражения – Фем., 14; Ар./КСт., 2.
Аминий, фокеец, военачальник Антигона II – Пирр, 29.
Аминт, царь Ликаонии и Галатии – Ант., 61, 63.
Аминт, посол Филиппа – Дем., 18.
Аминт, македонский перебежчик – Ал., 20.
Аммоний, философ-платоник I в. н.э., учитель Плутарха – Фем., 32.
Амней, ближе неизвестен – КМл., 19.
Амомфарет, спартанский судья – Сол., 10.
Амомфарет, спартанский военачальник при Платее – Ар., 17.
Амулий, брат Нумитора, царь-узурпатор Альбы – Ром., 3, 6—9; Тес/Ром., 1.
Амфарет, спартанский эфор 241 г. – Агид, 18—21.
Амфикрат Афинский, ритор – Лук., 22.
Амфитей, фиванец-демократ – Лис., 27.
Анакреонт Теосский (VI в.), лирический поэт – Пер., 27.
Анаксагор Клазоменский (ок. 500—428), философ и ученый – Фем., 2; Пер., 4—6, 8, 16, 32; Лис., 12; Ник., 23.
Анаксандрид (III в.), автор сочинения «О священных приношениях, похищенных из Дельфов» – Лис., 18.
Анаксарх Абдерский (ум. ок. 320), философ-атомист и скептик, спутник Александра – Ал., 8, 28, 32.
Анаксенор, музыкант – Ант., 24.
Анаксидам, херонеец – Сул., 17, 19.
Анаксилай, спартанский судья – Сол., 10.
Анаксилай, византиец – Алк., 31.
Анаксимен Лампсакский (ок. 390—320), ритор и историк, участник похода Александра – Поп., 9; Дем., 28; Дем./Циц., 2.
Анахарсис (VI в.), легендарный скифский мудрец – Сол., 5.
Ангел, из Эпира – Пирр, 2.
Андокид (ок. 440—390), афинский оратор, 4 речи его сохранились – Фем., 32; Алк., 21; Ник., 31.
Андрокид Кизикский, живописец – Пел., 25.
Андрокл, афинский демагог – Алк., 19.
Андроклид, фиванец-демократ, зачинщик Коринфской войны – Пел., 5; Лис., 27.
Андроклид из Эпира – Пирр, 2.
Андроклид, ближе неизвестен – Лис., 8.
Андрокл ион из Эпира – Пирр, 2.
Андрокотт (Чандрагупта, ок. 324—298) – царь Индии, основатель династии Маурья – Ал., 62.
Андромах из Карр – Кр., 29.
Андромах, тиранн Тавромения, отец историка Тимея – Тим., 10.
Андрон Галикарнасский (IV в.), автор генеалогических исследований – Тес., 25.
Андроник Родосский, философ, глава перипатетиков в Риме в I в. – Сул., 26.
Андротион (IV в.), ученик Исократа, историк Аттики, оппонент Демосфена – Сол., 15; Дем., 15.
Аниен, ближе неизвестен (имя в тексте испорчено) – Цез., 58.

- Анит, афинский стратег 409 г., один из обвинителей Сократа в 399 г. – Алк., 4; Гай, 14.
Аниций, Л., претор 168 г. – Эмп., 13.
Анк Марций, четвертый римский царь – Гай, 1.
Анний, Л., сенатор, ближе неизвестен – Ник./Кр., 2.
Анний, П., убийца оратора Антония – Мар., 44.
Анний Галл, Ап., сменный консул ок. 66 г., военачальник Отона – Отон, 7, 8, 13.
Анний Луск, Г. – военачальник Суллы – Сер., 7.
Анний Луск, Т., консул 153 г. – ТГр., 14.
Антагор, хиосский военачальник – Ар., 23.
Анталкид (самоуб. ок. 370), спартанский флотоводец и дипломат, организатор «царского мира» 386 г. – Лик., 13; Пел., 15, 30; Агес., 23, 26, 32; Арт., 21, 22.
Антиген Одноглазый, начальник аргираспидов – Ал., 70; Эвм., 13.
Антиген, историк, ближе неизвестен – Ал., 46.
Антигенид, флейтист (нач. IV в.) – Д-й, 1.
Антигон (I) Одноглазый, полководец Филиппа и Александра, царь в 306—301 гг. – Ром., 17; Эмп., 8, 33; Пел., 1, 2; Пирр, 4, 8; Сер., 1; Эвм., 3, 8—19; Сер./Эвм., 2; Ал., 77; Фок., 29—30; Д-й; Д-й/Ант., 1; Арат, 54.
Антигон II Гонат, внук предыдущего, македонский царь (283—240) – Эмп., 8; Пирр, 26, 29—34; Д-й, 39—40, 51, 53; Арат, 4, 9, 12, 15, 17—18, 23—25, 34, 43.
Антигон III Досон, племянник предыдущего, македонский царь (229—221) – Гай, 11; Эмп., 8; Фил., 6—7; Кл., 16, 20—23, 25—32, 34, 36.
Антигон, сын Аристобула, иудейский царь (40—37), союзник парфян – Ант., 36.
Антигон (Каристский, III в. ?), историк – Ром., 17.
Антигона, дочь Береники, жена Пирра – Пирр, 4—5, 9.
Антигона из Пидны – Ал., 48.
Антикира, гетера – Д-й, 10.
Антиклид (III в.), афинский историк-антиквар – Ал., 46.
Антикрат, спартанский воин – Агес., 35.
Антиллий, Кв., ликтор – ТГр., 13—14; Агид—Кл/ТГр., 5.
Антилох (нач. IV в.), поэт, ближе неизвестен – Лис., 18.
Антимах Колофонский (IV в.), эпический поэт, самый знаменитый после Гомера и Гесиода – Тим., 36; Лис., 18.
Антимах Теосский (VII – VI вв. ?), эпический поэт, подражатель Гомера, автор поэмы о походе «эпигонов» на Фивы – Ром., 12.
Антиор, сын Ликурга – Лик., 31.
Антиох I Сотер, сирийский царь (281—261) – Д-й, 20, 31, 38, 51.
Антиох III Великий, сирийский царь (223—187) – Эмп., 4, 7; КСт., 12—14; Ар./КСт., 2, 5; Фил., 17; Тит, 9, 15—17, 20; Сул., 12; Лук., 11, 31; Кр., 26.
Антиох, коммагенский царь (ок. 70—35) – Ант., 34.
Антиох, афинский кормчий – Алк., 10, 35; Лис., 5; Лис./Сул., 4.
Антиох Аскалонский (ок. 127—68), афинский философ-академик, друг Лукулла и учитель Цицерона – Лук., 28, 42; Циц., 4; Бр., 2.
Антипатр (ок. 400—319), полководец Филиппа, потом правитель Македонии, в 321—319 регент македонской державы – Кам., 19; Гай/Алк., 3; Ар./КСт., 2; Эвм., 3—4, 6, 8, 12; Агес., 15; Ал., 11, 39, 46, 47, 74, 77; Фок., 1, 17, 23, 25—31; Агид, 2; Дем., 27—29; Дем./Циц., 5; Д-й, 14, 47; Д-й/Ант., 1.
Антипатр Тарсский (II в.), философ-стоик – Мар., 46; ТГр., 8.
Антипатр Тирский (I в.), философ-стоик – КМл., 4.
Антистий, П., тесть Помпея, нар. трибун 88 г. (не претор!) – Пом., 4, 9.
Антистий Ветер, Г., претор 68 г. – Цез., 5.
Антистий Ветер, Г., квестор Сицилии в 44 г. при Долабелле – Бр., 25.
Антистия, теща Тиб. Гракха – ТГр., 4.

- Антистия, жена Помпея – Пом., 4, 9.
- Антисфен (ок. 445—365) – ученик Сократа, основатель кинической школы – Пер., 1; Алк., 1.
- Антифан Родосский (сер. IV в.), поэт средней аттической комедии – Дем., 9.
- Антифат, афинянин – Фем., 18.
- Антифил, афинский стратег – Фок., 24—25.
- Антифонт Рамнунтский, афинский оратор, казнен в 411 г. за участие в олигархическом перевороте – Алк., 3; Ник., 6; Ант., 28.
- Антифонт, агент Филиппа Македонского в Афинах – Дем., 14.
- Антоний, убийца Сертория – Сер., 26.
- Антоний, Г., брат триумвира, претор 44 г., проконсул Македонии в 43 г. – Ант., 15—22; Бр., 26—28.
- Антоний, Л., брат триумвира, нар. трибун 44 г., консул 41 г. – Ант., 15.
- Антоний, М., оратор, консул 99 г., триумфатор (над киликийскими пиратами) 102 г. – Мар., 44; Пом., 24; Ант., 1.
- Антоний, М., триумvir, нар. трибун 50 г., консул 44 г. – Ант.; Нума, 2; ЭМП., 38; Пом., 58—59; Цез., 30—31, 39, 44, 51, 61, 62, 66—67, 69; КМл., 73; Циц., 41—46, 48—49; Дион/Бр., 5.
- Антоний Гибрида, Г., сын оратора и дядя триумвира, консул 63 г., цензор 42 г. – Циц., 11—12, 16; Ант., 1.
- Антоний Гибрида, П. (в действительности – тождествен с предыдущим) – Цез., 4.
- Антоний Гонорат, ближе неизвестен – Гал., 14.
- Антоний Иулл, сын триумвира, консул 10 г., казнен в 2 г. Ант., 87.
- Антоний Критский, М., отец триумвира, претор 74 г. – Ант., 1.
- Антоний Сатурнин, Г., наместник Верхней Германии (I в. н.э.) – ЭМП., 25.
- Антония, дочь триумвира, жена Друза – Ант., 87.
- Антулл, М. Антоний, сын триумвира, казнен в 30 г. – Ант., 71, 81, 87.
- Анфемиион, сын Анита – Алк., 4; Гай, 14.
- Анфемокрит, афинский посол – Пер., 30.
- Анхарий, Кв., претор ок. 88 г. – Мар., 43.
- Анхария, мать Октавии – Ант., 31.
- Апама, дочь Артабаза – Эвм., 1.
- Апама, дочь Артаксеркса – Арт., 27.
- Апама, жена Селевка – Д-й, 31.
- Апеллес, македонянин – Арат, 48.
- Апеллес Колофонский (вторая пол. IV в.), знаменитый художник – Ал., 4; Д-й, 22; Арат, 13.
- Апелликон, философ-перипатетик I в. – Сул., 26.
- Апемант, афинский человеконенавистник – Ант., 70.
- Аполлодор, афинский богач, покровитель и клиент Демосфена – Дем., 15; Дем./Циц., 3.
- Аполлодор, военачальник в Вавилоне – Ал., 73.
- Аполлодор, сицилиец – Цез., 49.
- Аполлодор* Афинский (II в.), автор стихотворной хронологии греческой истории – Лик., 1.
- Аполлодор Фалерский, ученик Сократа, персонаж сократических диалогов – КМл., 46.
- Аполлонид, друг Селевка и Деметрия – Д-й, 50.
- Аполлонид, философ-стоик, советник Катона Младшего – КМл., 65—66, 69—70.
- Аполлоний, правитель Зенотии – Кр., 17.
- Аполлоний, сын Молона (нач. I в.), ритор, преподававший на Родосе и в Риме – Цез., 3; Циц., 4.
- Аполлофан из Кизика, Агес., 12.
- Аполлофемид*, ближе неизвестен – Ликург, 31.

- Апоний, доносчик – Гал., 8.
Аппий, М., ближе неизвестен – Циц., 26. '
Аппий Клавдий Пульхр, внук Слепого, консул 212 г. – Пер./Фаб., 2; Марц., 13—14.
Аппий Клавдий Пульхр, тесть Тиб. Гракха, консул 143 г., цензор 136 г. – Эмп., 38; ТГр., 4, 9, 13.
Аппий Клавдий Пульхр, консул 79 г. – Сул., 29.
Аппий Клавдий Пульхр (Клодий), брат известной Клодии, консул 54 г., цензор 50 г. – Лук., 19, 21, 29; Пом., 57; Цез., 21.
Аппий Клавдий Слепой, цензор 312, устроитель первой италийской дороги и первого римского водопровода, правовед и оратор – Пирр, 18—19.
Аппий Клавз, родоначальник Клавдиев – Поп., 21—22; Гай, 19.
Апсефион, архонт 469/468 г. – Ким., 8.
Апулей, Л., нар. трибун 391 г. – Кам., 12.
Арак, начальник спартанского флота в 405 г. – Лис., 7.
Арат Сикионский (271—213) – Арат; Фил., 1, 8; Агид, 15; Кл., 3—4, 6, 15—17, 20, 25.
Арат, сын предыдущего – Арат, 49—54.
Арбак, перебежчик – Арт., 14.
Арг, поэт, осмеивавшийся комиками IV в. – Дем., 4.
Аргий, ближе неизвестен – Гал., 28.
Аргиленида, мать Брасида – Лик., 25.
Арей, спартанский царь (309—265) – Пирр, 26—27, 29—30, 32; Агид, 3.
Арей II, спартанский царь (262—254) – Агид, 3.
Арета, жена Диона – Тим., 33; Дион, 6, 31, 51, 58.
Ариамен, брат Ксеркса (у Геродота – Артабазан) – Фем., 14.
Ариарат II, царь Каппадокии – Эвм., 3.
Ариарат, каппадокийский князь (?) – Пом., 42.
Ариарат, сын Митридата – Сул., 11; Пом., 37.
Ариасп, сын Артаксеркса – Арт., 29—30.
Арибб, эпирский царь (ок. 350—342), дядя (не брат!) Олимпиады, дед Пирра – Ал., 2; Пирр, 1.
Арией, военачальник Кира Младшего, потом сатрап Фригии – Арт., 11.
Арий Дидим, философ-стоик, учитель Октавиана – Ант., 80.
Аримнест, платейский стратег – Ар., 11.
Ариобарзан I, каппадокийский царь (ок. 95—62) – Сул., 5, 22; Циц., 36.
Ариобарзан, родоначальник понтийских царей – Д-й, 4.
Ариовист, германский вождь, разбитый Цезарем-Цез., 19.
Ариоманд, персидский военачальник – Ким., 12.
Арист Аскалонский, друг Брута – Бр., 2.
Аристагор из Кизика, писец – Лук., 10.
Аристандр Тельмесский, придворный прорицатель македонских царей – Ал., 2, 25, 33, 50.
Аристей, вождь антимакедонской партии в Аргосе – Пирр, 30, 32.
Аристей Проконнесский (VI в.), пифагорейский поэт и чудотворец – Ром., 28.
Аристен, ахейский стратег 198 г. – Фил., 17.
Аристид (ок. 540—468) – Ар.; Фем., 3, 5, 11—12, 16, 20; Пер., 7; Гай/Алк., 1, 3; Пел., 4; Ким., 5—6, 10; Ник., 11; Ник./Кр., 1; Фок., 3, 7; Дем., 14.
Аристид, сын Ксенофила – Ар., 1.
Аристид, локриец, враг Дионисия Старшего – Тим., 6.
Аристид, (II в.), автор «Милетских рассказов» – Кр., 32.
Аристион, эпикурейский философ, тиранн Афин, поставленный Митридатом в 88—86 гг. – Нума, 9; Сул., 12—14, 23; Лук., 19. Аристипп, тиранн Аргоса, – Арат, 25, 30. Аристипп Киренский (ок. 435—355), ученик Сократа, философ-гедоник – Дион, 19.

- Аристокбул II, иудейский царь (67—63) из династии Маккавеев – Пом., 39, 44; Ант., 3.
Аристокбул из Кассандрии (нач. III в.), спутник и историк Александра – Ал., 15, 18, 46, 74; Дем., 23.
Аристогитон, тиранноубийца – Ар., 27.
Аристогитон, афинский сикофант, против него произнесены 2 речи Демосфена – Фок., 10; Дем., 15.
Аристодем, древнейший спартанский царь – Лик., 1; Агес., 19.
Аристодем, тиранн Мегалополя (ок. 271—252) – Фил., 1; Агид, 3.
Аристодем Милетский, друг Антиоха и Деметрия – Д-й, 17.
Аристодик из Танагры, предполагаемый убийца Эфиальта – Пер., 10.
Аристократ, афинянин, обвинявшийся Демосфеном – Дем., 15.
Аристократ, ритор – Ант., 69.
Аристократ (I в. н.э.), автор фантастической истории Спарты – Лик., 4, 31; Фил., 16.
Аристокрит, отец Лисандра – Лис., 2.
Аристокрит, актер и дипломат, сопровождавший Александра – Ал., 10.
Аристоксен Тарентский (ок. 354—300), ученик Аристотеля, исследователь музыки, автор биографий поэтов и философов – Лик., 31; Тим., 15; Ар., 27; Ал., 4.
Аристомах, тиранн Аргоса – Арат, 25.
Аристомах, тиранн Аргоса, потом ахейский стратег 222 г. – Арат, 35, 44; Кл., 4.
Аристомах, сикионский заговорщик – Арат, 5.
Аристомаха, сестра Диона и жена Дионисия Старшего – Тим., 33; Дион, 6—7, 14, 34, 51—58.
Аристомен (VII в.), вождь мессенян в войне против Спарты – Ром., 25; Агид, 21.
Аристон, друг Писистрата – Сол., 30.
Аристон, коринфский кормчий – Ник., 20, 25.
Аристон, вождь пеонийцев – Ал., 39.
Аристон Кеосский (III в.), философ-перипатетик – Фем., 3; Ар., 2.
Аристон Хиосский (III в.), философ-стоик – КСт., 18; Дем., 10.
Аристоник Марафонский, сторонник Демосфена – Дем., 28.
Аристоник, сводный брат царя Аттала III, вождь восстания рабов в Пергаме – Ал., 51; ТГр., 20.
Аристоник, военачальник Митридата – Лук., 11.
Аристоной, кифарист – Лис., 18.
Аристофан, телохранитель Александра – Ал., 51.
Аристофан (ок. 445—386), афинский комедиограф – Фем., 19; Пер., 30; Алк., 16; Ким., 16; Ник., 4, 8; Д-й, 12; Ант., 70.
Аристофонт, афинский архонт 330 г. – Дем., 24.
Аристофонт Фасосский (V в.), художник, брат Полигнота – Алк., 16.
Аристотель, аргивянин, друг Арата – Кл., 20;
Арат, 44.
Аристотель Стагирский (384—322), философ – Тес., 3, 16, 25; Лик., 5, 6, 28; Сол., 11, 31; Фем., 10; Кам., 22; Пер., 9—10, 25; Гай/Алк., 3; Пел., 3, 18; Ар., 27; Ар./КСт., 2; Лис., 2; Сул., 26; Ким., 10; Ник., 1—2; Кр., 3; Ал., 7—8, 17, 52, 54—55, 74, 77; Кл., 9; Циц., 24; Дион, 22.
Аристотель Сикионский, логик – Арат, 3.
Аристрат (IV в.), тиранн Сикиона – Арат, 13.
Арифрон, брат Перикла – Алк., 1, 3.
Аркесилай, олимпийский победитель – Ким., 10.
Аркесилай, спартанец – Агид, 18.
Аркесилай, философ-академик (ум. ок. 240) – Фил., 1; Арат, 5.
Аркисс, спартанский военачальник – Пел., 13. Арнак, евнух Ксеркса – Фем., 16; Ар., 9.
Арпат, сын Тирибаза – Арт., 30.

- Арренид, ближе неизвестен – Дем., 25.
Арридей, слабоумный брат Александра Македонского, номинальный царь в 323—316 гг. – Ал., 10, 77.
Аррий, Кв. (у Саллюстия – Марий), ближе неизвестен – Циц., 15.
Аррунт, сын Порсены – Поп., 19.
Аррунт, сын Тарквиния – Поп., 9.
Аррунт, этруск, виновник галльского нашествия – Кам., 15.
Аррунтий Л., военачальник С. Помпея, потом Октавиана, консул 22 г. – Ант., 66.
Арсак IX Митридат II, парфянский царь (124—88) – Сул., 5.
Арсак XIII Ород II («Гирод»), парфянский царь (58—39) – Кр., 18, 27; Пом., 76; Д-й/Ант., 1.
Арсам, сын Артаксеркса – Арт., 30.
Арсик (вернее, Арсак), первоначальное имя Артаксеркса III – Арт., 1.
Артабаз II (Артавазд), сын Тиграна II, армянский царь (56—34) – Кр., 19, 22, 23; Ант., 37, 39, 50; Д-й/Ант., 5.
Артабаз, родственник Артаксеркса III, отец Барсины – Эвм., 1; Ал., 21.
Артабаз, военачальник при Мардонии – Ар., 19.
Артабан, тысяченачальник («великий визирь») Артаксеркса I – Фем., 27.
Артагерс, предводитель кадусиев – Арт., 9.
Артаикт, зять Ксеркса – Фем., 13.
Артакс (Арташес I), армянский царь (189—161), основатель династии – Лук., 31.
Артаксеркс I Долгорукий, персидский царь (465—423) – Алк., 37; Арт., 1.
Артаксеркс II Мнемон, персидский царь (404—359) – Арт.; Пел., 30.
Артасир, зять и советник Артаксеркса III – Арт., 12, 44.
Артемидор, понтийский грек – Лук., 15.
Артемидор Книдский, ритор – Цез., 65.
Артемий Колофонский, ближе неизвестен – Ал., 51.
Артемисия, правительница Галикарнаса (нач. V в.) – Фем., 14.
Артемон, механик – Пер., 27.
Артмиад, друг Ликурга – Лик., 5.
Артмий из Зелеи в Троаде, персидский посол – Фем., 6.
Артонида, дочь Артабаза – Эвм., 1.
Арторий Асклепиад, М., врач Цезаря – Бр., 41.
Архедам, этолиец – ЭмП., 23.
Архедам, друг Архита – Дион, 18.
Архедем, этолиец – Фил./Тит, 2.
Архелай, спартанский царь – Лик., 5.
Архелай, каппадокийский царь (36 г. до н.э. – 17 в. н.э.) – Ант., 61.
Архелай, египетский узурпатор, убит в 57 г. – Ант., 3.
Архелай, полководец Антигона II – Арат, 22.
Архелай из Каппадокии, полководец Митридата, потом Лукулла – Сул., 11, 15—17, 19—24; Лис./Сул., 4; Лук., 3, 8—9, 11.
Архелай, делосец – Сул., 22.
Архелай Милетский (сер. V в.), философ, естествоиспытатель, считавшийся учителем Сократа – Ким., 4.
Архептолид, сын Фемистокла – Фем., 32.
Архестрат, учитель хора – Ар., 1.
Архестрат, афинский стратег ок. 407 г. – Алк., 16; Лис., 19; Фок., 33.
Архибиад, ближе неизвестен – Фок., 10.
Архибий, придворный Клеопатры – Ант., 86.
Архидам II, спартанский царь (469—427) – Пер., 8, 29, 33; Ким., 16; Кр., 2; Агес., 1, 2; Кл., 27.

- Архидам III, спартанский царь (361—338) – Кам., 19; Агес., 25, 33, 39, 40; Агид, 3.
Архидам IV, спартанский царь (ок. 305—275) – Агид, 3; Д-й, 35.
Архидам V, спартанский царь (228—227) – Кл., 1, 5; Агид—Кл./Тиб.—ГГр., 5.
Архидамид (тождествен царю Архидаму IV?) – Лик., 20.
Архидамия, жена Архидамa IV, бабка Агида – Пирр, 27; Агид, 4, 20.
Архий, афинский жрец Деметры – Пел., 8.
Архий, фиванский олигарх – Пел., 5—7, 9—11.
Архий, фуриец, ближе неизвестен – Дем., 28—29.
Архилох Паросский (VII в.), лирический поэт – Тес., 5; Нума, 4; Пер., 2, 27; Мар., 21; Фок., 7; КМл., 7; Д-й, 35; Кал., 27.
Архимед Сиракузский (ок. 287—212), математик и физик – Марц., 14—19.
Архипп (конец V в.), афинский комедиограф – Алк., 1.
Архиппа, жена Фемистокла – Фем., 32.
Архит Тарентский (ок. 400—365), пифагореец, математик и политический деятель – Марц., 14; Дион, 18, 20.
Архитель, афинский триерарх – Фем., 7.
Архонид, сицилиец – Дион, 42. Асия, дочь Фемистокла – Фем., 32.
Аскалид, мавританский царь – Сер., 9.
Асклепиад, афинянин, ближе неизвестен – Фок., 22.
Асклепиад Мирлейский (I в.), грамматик, работавший в Риме – Сол., 1.
Аспасия, милетянка, вторая жена Перикла – Пер., 24—25, 30, 32.
Аспасия, фокеянка (Мильто), любовница Кира Младшего и потом Артаксеркса II – Пер., 24; Арт., 26—28.
Астерия, саламинская гетера – Ким., 4.
Астероп, ближе неизвестен – Кл., 10.
Астиох, спартанский военачальник – Алк., 25.
Астифил из Посидонии, прорицатель – Ким., 18.
Атей, М., римский воин – Сул., 14.
Атей Капитон, Г., нар. трибун 55 г. – Кр., 16.
Ателлий, ближе неизвестен – Бр., 39.
Атилий Бальб, М. (в действительности – Гай), консул 235 г. – Нума, 20.
Атилий Вергилион, знаменосец – Гал., 26.
Атилий Регул Серран, М., консул 257 и 250 гг., герой I пунической войны – Ар./КСт., 1.
Атилия, жена Катона Младшего – КМл., 7, 9, 24.
Атия, мать Октавиана – Ант., 31; Циц., 44.
Атосса, дочь Артаксеркса – Арт., 23, 26, 27, 30.
Аттал I, пергамский царь (242—197), союзник римлян – Тит, 6; Ант., 60.
Аттал III Филометор, пергамский царь (138—133) – Кам., 19; ТГр., 14; Д-й, 20.
Аттал, дядя Клеопатры, жены Филиппа – Ал., 9—10.
Аттик, Т. Помпоний (110—32), крупный римский финансист, книгоиздатель и историк, друг Цицерона – Циц., 45; Бр., 26, 29.
Аттик, Юлий, преторианец – Гал., 26.
Афанид, сиракузский историк, продолживший «Историю» Филиста с 363 до 337 г. – Тим., 23, 37.
Афинодор с Имброса, начальник наемников на персидской службе – Фок., 18.
Афинодор, актер, спутник Александра – Ал., 29.
Афинодор Тарсский, философ-стоик, учитель Августа – Поп., 17.
Афинодор Горбун, философ-стоик, начальник Пергамской библиотеки – КМл., 10, 16.
Афинофан, афинянин – Ал., 35.
Афраний, Л., консул 60 г., помпеянец, погиб в 45 г. – Сер., 19; Пом., 34, 36, 44, 67; Цез., 36, 41, 53.
Ахилл, македонянин – Пирр, 2.

- Ахилла, советник Птолемея XIII – Пом., 77—80; Цез., 49.
Ацилий, друг Брута – Бр., 23.
Ацилий, Г., римский историк сер. II в., писавший на греческом языке – Ром., 21; КСт., 22.
Ацилий, Г., воин Цезаря – Цез., 16.
Ацилий Глабрион, Ман., консул 191 г., победитель Антиоха III – КСт., 12, 14; Фил., 17, 21; Тит, 15, 16.
Аэроп, македонский царь (396—393) – Дем., 20.
Аэроп, друг Пирра – Пирр, 8.
- Б** агей, брат Фарнабаза – Алк., 39.
Багой, евнух, отравивший Артаксеркса III и отравленный Дарием III – Ал., 40.
Багой, певец, любимец Александра – Ал., 67.
Базилл, Л., военачальник Суллы – Сул., 9.
Бакхид, евнух Митридата – Лук., 18.
Бандий, Л., ноланец – Марц., 10—11.
Барбий Прокул, преторианец – Гал., 24.
Бардиллий, иллирийский царь – Пирр, 9.
Барка, Гамилькара – Фаб., 17; КСт., 8.
Барка, киприот, друг Катона – КМл., 37.
Барсина, жена Александра – Эвм., 1; Ал., 21.
Барсина, жена Эвмена – Эвм., 1.
Батак, жрец Кибелы – Мар., 17.
Батал, флейтист – Дем., 4.
Батиат, Лентул, хозяин гладиаторской казармы – Кр., 8.
Батон Синопский (II в. ?), – ближе неизвестен – Агид, 15.
Батт, легендарный киренский царь – Гай, 11.
Бафикл, легендарный ваятель и резчик VII в. – Сол., 4.
Бебий Тамфил, М., консул 181 г. – Нума, 22.
Белей, ближе неизвестен – Мар., 40.
Белитор, ближе неизвестен – Арт., 18.
Беллиен, претор, ближе неизвестен – Пом., 24.
Белурид, писец – Арт., 22.
Береника, сестра и жена Птолемея I – Пирр, 4, 6.
Береника, жена Митридата – Лук., 18.
Бесс, сатрап Бактрии, убивший Дария III и провозгласивший себя царем – Ал., 42.
Бестия, Л. Кальпурний, консул III г., подкупленный Югуртой – Мар., 9.
Бестия, Л. Кальпурний, нар. трибун 62 г. – Циц., 23.
Биант Приенский, один из 7 мудрецов – Сол., 4.
Бибул, Л. Кальпурний, коллега Цезаря по консульству 59 г., зять Катона – Пом., 47—48, 54; Цез., 14; КМл., 25, 31, 32, 47, 54; Ант., 5.
Бибул, Л. Кальпурний, сын предыдущего – Бр., 13, 23.
Бибул, Публиций, нар. трибун 209 г. – Марц., 27.
Биллий, Г. – ближе неизвестен – ТГр., 20.
Бион Проконнесский, историк, ближе неизвестен – Тес., 26.
Биркенна, жена Пирра – Пирр, 9.
Битий, военачальник Деметрия II – Арат, 34.
Битон, аргивянин – Сол., 27.
Блоссий Кумский, философ-стоик, советник Тиб. Гракха, потом Аристоники – ТГр., 8, 17, 20.
Бокх I, тесть Югурты, мавританский царь (ок. 110—80) – Мар., 10, 32; Сул., 3, 5, 6.
Бокх II, мавританский царь (40—33) – Ант., 61.

- Бокхорид, легендарный египетский царь – Д-й, 27.
Брасид (погиб в 422) спартанский полководец – Лик., 24, 30; Лис., 1, 18; Ник., 9.
Брахилл (нач. II в.), глава македонской партии в Фивах – Тит, 6.
Бренн, вождь галлов, взявших Рим – Кам., 17, 22, 28—29.
Бритомарт, вождь инсубров – Ром., 16; Марц., 6—8.
Брут, Д. Юний, консул 138 г. – ТГр., 21.
Брут, Д. Юний, претор ок. 80 г., отец Брута Альбина – Сул., 9.
Брут, Д. Юний, организатор изгнания царей, консул 509 г. – Поп., 1, 7, 9, 10, 16; Цез., 61; Бр., 1, 9.
Брут, Д. Юний, первый нар. трибун 493 г. – Гай, 7, 13.
Брут, Д. Юний, нар. трибун 83 г., убит в 77 г. – Пом., 16; Бр., 4.
Брут, Д. Юний, сын предыдущего, убийца Цезаря – Бр.; Пом., 16, 64, 80; Цез., 46, 54, 57, 64—69; КМл., 36, 73; Циц., 42—43; 45, 47; Дем./Циц., 4; Ант., 11, 13—15, 21, 22; Д-й/Ант., 2; Дион, 1—2.
Брут, Тиб. Юний, и Брут, Тит Юний, сыновья Л. Брута – Поп., 6.
Брут Альбин, Д. Юний, претор 48 г., военачальник Цезаря, потом заговорщик, покончил с собой в 42 г. – Цез., 64, 66; Ант., 11; Бр., 12, 17, 38.
Брут Дамазипп, Л. Юний, претор 82 г., марианец – Пом., 7.
Бруттий Сура, легат – Сул., 11—12.
Бут, персидский военачальник – Ким., 7.
Бут, вольноотпущенник и секретарь Катона – КМл., 70.
Бутас, поэт, может быть, тождествен с предыдущим – Ром., 21.
- В** агиз, парфянский посол – Кр., 18.
Вакхилид Кеосский (ок. 505—450), лирический поэт – Нума, 4.
Валерий, Ман., диктатор 494 г. – Гай, 5.
Валерий Антипат (1 пол. I в.), историк, автор «Летописи» с древнейших времен до современности, славился безвкусными преувеличениями – Ром., 14; Нума, 22; Тит, 18.
Валерий Волез Талп, родоначальник римских Валериев – Поп., 1.
Валерий Корв (Корвин), М., шестикратный консул в 348—299 гг. – Мар., 28.
Валерий Леон, медиоланец – Цез., 17.
Валерий Максим, М., брат Попликолы, консул 505 г. – Поп., 5, 20.
Валерий Максим, историк (I в. н.э.), автор «Достопамятных деяний и речений» – Марц., 34; Бр., 53.
Валерий Потит, Л., посол римлян в Дельфы – Кам., 4.
Валерий Соран, Кв., нар. трибун 82 г., дидактический поэт – Пом. 10.
Валерий Флакк, Л., консул 195 и цензор 186 г., покровитель Катона – КСт., 3, 10, 16, 17.
Валерий Флакк, Л., консул 100 г., цензор 97 г., марианец – Мар., 28; Сул., 12, 20, 23; Лук., 7, 34.
Валерия, сестра Попликолы – Гай, 33.
Валерия, дочь Попликолы – Поп., 18—19.
Валерия, жена Суллы – Сул., 35—37.
Вар, П. Аттий, пропретор Африки в 46 г., помпеянец – КМл., 56, 57, 67.
Варгунтей, легат Красса – Кр., 28.
Варий, друг и легат Антония – Ант., 18.
Вариний Глабр, П., претор 73 г. – Кр., 9.
Варрон, Г. Теренций, консул 216 г. – Фаб., 14—16, 18.
Варрон, М. Теренций (116—28), энциклопедический писатель, помпеянец – Ром., 12, 16; Цез., 36.
Ватиний П., цезарианец, претор 55 г., консул 47 г., речь против него написал Цицерон – Пом., 52; КМл., 42; Циц., 9, 26; Бр., 25.
Ведий, ближе неизвестен – Пом., 6.

- Велес, сенатор-сабинянин – Нума, 5.
Вентидии, братья из Пицена – Пом., 6.
Вентидий Басс, П., консул 43 г., полководец Антония, осмеиваемый за низкородность – Ант., 33—34.
Верания, жена Пизона – Гал., 28.
Вергилий, Г., претор 62 г., помпеянец – Циц., 32.
Вергилия, жена Гая Марция – Гай, 33.
Вергиний Руф, Л., консул 97 г. н.э., наместник Германии при Нероне, подавитель Виндекса – Гал., 6, 10, 18, 22; Отон, 1, 18.
Верения, весталка – Нума, 10.
Верцингеториг, арверн, вождь галльского восстания 52 г. – Цез., 25—27.
Веррес, Г., претор 74 г., пропретор Сицилии в 73—71 гг., ум. 42 г. – Циц., 7—8.
Веспасиан, Т. Флавий, римский император (69—79 гг. н.э.) – Поп., 15; Отон, 4—5.
Веттий Л., участник заговора Катилины, потом агент Цезаря, убит в 59 г. – Лук., 42.
Веттий, друг Г. Гракха – ГГр., 3.
Веттий, Сп., сенатор – Нума, 7.
Ветурий, телохранитель Гальбы – Гал., 24.
Ветурий, Г., ближе неизвестен – ГГр., 3.
Ветурий, П., первый римский квестор – Поп., 12.
Ветурий Мамурий, оружейник – Нума, 13.
Вибий, сицилиец – Циц., 32.
Вибий Пакциан, клиент Красса – Кр., 4—5.
Вибуллий Руф, Л., начальник интендантства у Помпея – Пом., 65.
Виллий Таппул, П., консул 199 г., легат Т. Фламинина – Тит, 12.
Виндекс, Г. Юлий, пропретор Галлии, восставший и разбитый в 68 г. н.э. – Гал., 4—6, 10, 18, 22, 29.
Виндиций, вольноотпущенник – Поп., 4—7.
Виний, Т., консул 69 г., фаворит Гальбы – Гал., 10—13, 16—18, 20—21, 23, 25—27, 29.
Виргиний, М., нар. трибун 87 г. – Сул., 10.
Вителлий, А., римский император 69 г. – Поп., 15; Гал., 22—23, 27; Отон, 4.
Вителлий, Л., брат императора – Отон, 5.
Воконий Назон, Кв., легат Лукулла – Лук., 13; Циц., 27.
Волумний, мим – Бр., 45.
Волумний, П., друг Брута, автор воспоминаний о гражданской войне – Бр., 51—52.
Волумния, мать Гая Марция – Гай, 4, 33—36.
- Габиний, А., военный трибун – Сул., 16—17.
Габиний, А., нар. трибун 67 г., консул 58 г. – Пом., 25, 27, 48; КМл., 33; Циц., 30—31; Ант., 3, 7.
Гагنون, отец Ферамена, приверженец Никия – Пер., 32; Лис., 14; Ник., 2.
Гагنون, теосец, военачальник Александра – Ал., 40, 55.
Гагنونид, афинский сикофант – Фок., 29, 33—35, 38.
Гагнофемид, ближе неизвестен – Ал., 77.
Гай, приближенный Митридата – Пом., 42.
Гай Цезарь (Калигула), римский император (37—41 гг. н.э.) – Ром., 20; Ант., 87; Гал., 9.
Галл, Анний, полководец Отона и потом Веспасиана – Отон, 5, 7, 8, 13.
Галл, Г. Корнелий, известный поэт, военачальник Октавиана, первый римский наместник в Египте – Ант., 79.
Гальба, Г. Сульпиций, претор 63 г. – Циц., 19.
Гальба, Г. Сульпиций, дед императора, историк – Ром., 17.
Гальба, Сер. Сульпиций, претор 151, консул 144 г., известный оратор – ЭМП., 31; КСт., 15; Ар./КСт., 1.

- Гальба, Сер. Сульпиций, легат Суллы – Сул., 17.
Гальба, Сер. Сульпиций, претор 54 г., заговорщик против Цезаря – Цез., 51.
Гальба, Сер. Сульпиций, римский император 68—69 н.э., – Гал.; Отон, 1, 6.
Гамилькара, карфагенский полководец – Тим., 25.
Ганнибал Барка (247—183), карфагенский полководец – Ром., 22; Пер., 2; Фаб., 2, 3, 5; Эмп., 7; Пел., 2; Марц., 1, 9—10, 24—25; Пел./Марц., 1—3; КСт., 1, 12; Тит, 9, 13, 20—21; Пирр, 8; Лук., 31; Сер., 1, 33; Агес., 15; ТГр., 1; Отон, 15.
Ганнон, карфагенский флотоводец – Тим., 19.
Гарпал, друг и казначей Александра, бежавший с казной в Афины и убитый на Крите – Ал., 8, 10, 41; Фок., 21—22; Дем., 2.
Гарпал, командир всадников – Эмп., 15.
Гасдрубал, брат Ганнибала – Тит, 3.
Гасдрубал, карфагенский полководец – Тим., 25.
Гегания, весталка – Нума, 10.
Гегания, свекровь Талии – Лик./Нума, 3.
Гегемон, афинский архонт 327 г., оратор македонской партии – Фок., 33, 35.
Гегесий Магнесийский (III в.), ритор пышного «азианского» стиля, автор «Истории Александра» – Ал., 3.
Гегесипила, мать Кимона – Ким., 4.
Гегестрат, афинский архонт 560 г. – Сол., 32.
Гекатей, кардийский тиранн – Эвм., 3.
Гекатей Абдерский (III в.), философ-скептик – Лик., 19.
Гекатей Эретрийский, ближе неизвестен – Ал., 46.
Гелен, сын Пирра – Пирр, 9, 32—34.
Гелий, вольноотпущенник Нерона – Гал., 17.
Геликон Кипрский, ткач – Ал., 32.
Геликон Кизикский, математик, ученик Эвдокса и Платона – Дион, 19.
Гелланик, сиракузянин – Дион, 42.
Гелланик Милетский (V в.), мифограф и историк – Тес., 17, 25—27; Алк., 21.
Геллиан, агент Нимфида Сабина – Гал., 9, 13.
Геллий, М., сенатор-цезарианец из «новых людей» – Циц., 27.
Геллий Попликола, Л., претор 94, консул 72 г. – Кр., 9; Пом., 22; КМл., 8; Циц., 26.
Гелон, первый тиранн Сиракуз (491—478), победитель карфагенян – Гай, 16; Тим., 23; Дион, 5.
Гелон, приверженец Неоптолема Эпирского – Пирр, 5.
Гельвидий Приск, Г., один из вождей сенатской оппозиции, гонимый Нероном и Веспасианом – Гал., 28.
Гельвия, мать Цицерона – Циц., 1.
Геминий, таррацинец – Мар., 38.
Геминий, друг Помпея – Пом., 2, 16.
Геминий, сторонник Антония – Ант., 59.
Гентий, иллирийский царь – Эмп., 9, 13.
Генуций, нар. трибун 241 г. – ГГр., 3.
Герард, спартанский военачальник – Лик., 15; Пел., 25.
Геракл, сын Александра и Барсины, убит в 319 г. – Эвм., 1.
Гераклид, сиракузский мальчик – Ник., 24.
Гераклид (убит в 354), начальник конницы у Дионисия Младшего, мятежник – Дион, 12, 32—33, 37—38, 45, 47—49, 53.
Гераклид Кимский (IV в.), автор истории Персии – Фем., 27, Арт., 23.
Гераклид Понтийский (IV в.), философ и ученый, ученик Платона и соперник Аристотеля, прославивший тщеславным фантазером – Сол., 1, 22, 31; Кам., 22; Пер., 27, 35.
Гераклид (Лемб, из Оксирина, II в. ?) – историк – Ал., 26.

- Гераклит Эфесский (ок. 500), философ – Ром., 28; Кам., 19; Гай, 38.
Герей Мегарский, ближе неизвестен – Тес., 20, 32; Сол., 10.
Геренний, полководец Сертория – Пом., 18.
Геренний, центурион, убийца Цицерона – Циц., 48.
Геренний, Г. ближе неизвестен – Мар., 5.
Гериппид, спартанский военачальник, принявший под команду 10 000 бывших наемников Кира Младшего – Пел., 13; Агес., 11.
Гермагор Темносский (II в.), ритор, реформатор теории красноречия – Пом., 42.
Германик, Юлий Цезарь (15 г. до н.э. – 19 г. н.э.), приемный сын императора Тиберия, известный полководец – Ант., 87.
Герминий, римский воин – Поп., 16.
Гермипп Смирнский (III в.), александрийский филолог, ученик Каллимаха, автор серии жизнеописаний великих людей – Лик., 5, 22; Сол., 2, 6, 11; Ал., 54; Дем., 11, 28, 30.
Гермипп Одноглазый (2-я пол. V в.), афинский комический поэт – Пер., 32—33.
Гермократ, сиракузский полководец, отразивший афинян, погиб при попытке захватить тиранническую власть (408) – Ник., 1, 16, 28; Дион, 3.
Гермолай, глава «заговора пажей» против Александра – Ал., 55.
Гермон, афинянин – Алк., 25.
Гермон, сиракузянин, отец Гермократа – Ник., 1.
Гермотим, фокеец, отец Мильто – Пер., 24.
Геро, двоюродная сестра Аристотеля, мать Каллисфена – Ал., 55.
Герод Афинский, друг Цицерона – Циц., 24.
Геродор Гераклеяский (V в.), историк и мифограф – Тес., 26, 29—30; Ром., 9.
Геродот Галикарнасский (ок. 484—425), историк греко-персидских войн – Фем., 7, 17, 21; Ар., 16, 19; Ар./КСт., 2.
Герострат, военачальник Брута, – Бр., 24.
Герофит, самосец – Ким., 9.
Герсилия, сабинянка – Ром., 14, 18, 19; Тес./Ром., 6.
Гесил, спартанец, вождь наемников – Дион, 49.
Гесиод (VIII—VII в.), дидактический поэт, автор «Трудов и дней» – Тес., 3, 16, 20; Нума, 4; Сол., 2; Кам., 19; Ар./КСт., 3; Гал., 16.
Гесихия, жрица – Ник., 13.
Гефестион (ум. 324), ближайший друг и помощник Александра – Пел., 34; Эвм., 1—2; Ал., 28, 39, 41, 47, 49, 54—55, 72, 74.
Гибрей Миласский (I в.), малоазиатский ритор – Ант., 24.
Гигия, служанка Парисатиды – Арт., 19.
Гидрией, правитель Кари (350—343) – Агес., 13.
Гиёмпсал II, нумидийский царь (ок. 88—50), союзник сулланцев – Мар., 40; Пом., 12.
Гиерон I, сиракузский правитель (478—467) – Фем., 24.
Гиерон II, сиракузский правитель (270—215) – Марц., 8, 14.
Гиерон, воспитанник Никия – Ник., 5.
Гикет, тиранн Леонтин – Дион, 58; Тим., 1—2, 7—33.
Гилипп, начальник спартанского похода в Сицилию в 414—413 гг. – Лик., 30; Пер., 22; Алк., 23; Эмп./Тим., 2; Лис., 16; Ник., 18—21, 26—28; Дион, 49.
Гилипп, отец Агиатиды – Кл., 1.
Гилон, дед Демосфена по матери – Дем., 4.
Гимерей Фалерский, оратор антимакедонской партии – Дем., 28.
Гипат, фиванец-олигарх – Пел., 11.
Гипербат, ахейский стратег 226 г. – Кл., 14.
Гипербол, афинский демагог, предмет насмешек Аристофана – Алк., 13; Ар., 7; Ник., 11; Ник./Кр., 2.
Гиперид (396—322), афинский оратор, союзник Демосфена – Фок., 4, 7, 10, 17, 23, 26—

27, 29; Дем., 12—13, 28.

Гиппарета, жена Алкивиада – Алк., 8.

Гиппарин, отец Диона – Дион, 3.

Гиппарин (Аретей), сын Диона – Дион, 31.

Гиппарх из Холарга (в действительности из Коллита), изгнан из Афин в 487 г. – Ник.,

11.

Гиппарх, отец Аристократа – Лик., 4, 31.

Гиппарх, отец Асклепиада – Фок., 22.

Гиппарх, вольноотпущенник Антония – Ант., 67, 73.

Гиппий из Эпира – Пирр, 2.

Гиппий, мим – Ант., 9.

Гиппий Элидский (конец V в.), софист и разносторонний ученый – Лик., 23; Нума, 1.

Гиппит, друг Клеомена – Кл., 37.

Гиппокл, отец Пелопида – Пел., 3.

Гиппократ, отец Писистрата – Сол., 30,

Гиппократ, тиранн Халкедона – Алк., 30.

Гиппократ, афинский военачальник – Ник., 6.

Гиппократ, сиракузский военачальник – Марц., 14, 16.

Гиппократ Косский (V—IV в.), знаменитый врач – КСт., 23.

Гиппократ Хиосский (сер. V в.), математик-геометр – Сол., 2.

Гиппомах, учитель гимнастики – Дион, 1.

Гиппомедонт, сын Агесилая, приверженец Агида IV – Агид, 6.

Гиппон, мессенский тиранн – Тим., 34, 37.

Гиппон, сиракузский демагог – Дион, 37.

Гиппоник, друг Солона – Сол., 15.

Гиппоник, отец Каллия – Пер., 24; Алк., 8.

Гиппосфенид, фиванский демагог – Пел., 8.

Гипсей, П. Плавтий, квестор Помпея, кандидат в консулы 52 г. – Пом., 55; КМл., 47.

Гипсикратия, наложница Митридата – Пом., 32.

Гипсихид, спартанский судья – Сол., 10.

Гирод (Ород II), парфянский царь (58—39) – Кр., 18, 22, 31, 33; Ант., 37.

Гирций, А., легат Цезаря в Галлии, консул 43 г. – ЭмП., 38; Циц., 43, 45; Ант., 17.

Гискон, карфагенский военачальник – Тим., 30.

Гискон, участник битвы при Каннах – Фаб., 15.

Глабрион, Ман. Ацилий, консул 191 г., победитель Антиоха III при Фермопилах – КСт., 12, 14; Фил., 17, 21; Тит, 15.

Глабрион, Ман. Ацилий, внук предыдущего, претор 70 и консул 67 г. – Сул., 12; Пом., 30.

Главк, афинский воин – Фок., 13.

Главк, врач – Ал., 72.

Главк, врач – Ант., 59.

Главкий, иллирийский царь, родственник эпирских царей – Пирр, 3.

Главкипп, сын Гиперида, оратор – Фок., 4.

Главция, П. Сервилий, претор 100 г., участник мятежа Сатурнина – Мар., 28; Лис./Сул.,

1.

Гликон, афинский демагог – Пер., 31.

Гнафения, мнимая мать Персея Македонского – ЭмП., 8; Арат, 54.

Гобрий, отец Ариоманда – Ким., 12.

Гомер, легендарный автор «Илиады» и «Одиссеи» – Тес., 5, 16, 20, 25, 34; Лик., 1, 4; Сол., 10, 25, 30; Фаб., 19; Алк., 7; Гай, 32; Тим., 36; ЭмП., 28, 34; Пел., 1, 18; Марц., 1; КСт., 27; Ар./КСт., 3; Фил., 1, 4, 9; Пирр, 22; Мар., 11; Ким., 7; Ник., 9; Сер., 8; Агес., 5; Ал., 26; Фок., 17; Кл., 9; ТГр., 21; Д-й, 42; Ант., 25; Бр., 34; Гал., 19. Цитируется без упоминания:

Тес., 2; Гай, 22; Тим., 1; Пирр, 13, 29; Ник., 5; Пом., 29, 72; Ал., 28, 54; Кл., 34; Дем., 12; Дион, 18; Бр., 23—24.

Гомолоих, херонеец – Сул., 17, 19.

Гонгил, коринфский военачальник – Ник., 19.

Гораций Коклес, римский воин-герой – Поп., 16.

Гораций, М., консул 509 г. – Поп., 13—15.

Торг, кеосец – Тим., 35.

Горгид, друг Эпаминонда – Пел., 12—13, 19.

Горгий, военачальник Эвмена – Эвм., 7.

Горгий Леонтинский (V в.), софист, философ, оратор – Ким., 10.

Горгий, афинский ритор – Циц., 24.

Горго, спартанская царица – Лик., 14.

Горголеон, спартанский военачальник – Пел., 17.

Гордеоний Флакк, наместник Верхней Германии в 69 н.э. – Гал., 10, 18, 22.

Гордий, легендарный царь Фригии – Ал., 18.

Гордий, наместник Митридата в Каппадокии – Сул., 5.

Гортензий Гортал, Кв., консул 69 г., известный оратор – Сул., 35; Лук., 1; КМл., 25, 52; Циц., 7, 35.

Гортензий Гортал, Кв., сын оратора, пропретор Македонии в 44 г. – Цез., 32; Ант., 22; Бр., 25, 28.

Гортензий Гортал, Л., брат оратора (?), военачальник Суллы – Сул., 15—17, 19.

Гостий, Л., отцеубийца – Ром., 22.

Гостилий, дед Тулла – Ром., 14, 18.

Гостилий, Тулл, третий римский царь – Ром., 18; Нума, 21; Гай, 1.

Гостилий Манцин, А., консул 170 г. – ЭмП., 9.

Гракх, Г. Семпроний (153—121), нар. трибун 123—122 – ГГр.; Агид, 2; ГГр., 2, 13, 21.

Гракх, Тиб. Семпроний (162—133), нар. трибун 133 г. – ТГр.; Агид, 2; ГГр., 1, 14—15.

Гракх, Тиб. Семпроний, отец предыдущих, консул 177 и 163, цензор 169 г. – Марц., 5; КСт., 12; ТГр., 1, 4, 17.

Граний, друг Мария – Мар., 35, 37.

Граний, должностное лицо в Путеолах – Сул., 37.

Граний Петрон, квестор Цезаря – Цез., 16.

Грецин, заговорщик против Сертория – Сер., 26.

Гур, правитель Нисибиды – Лук., 32.

Д аимах Платейский (IV—III в.), историк – Сол./Поп., 4; Лис., 12.

Дамагор, родосский триерарх – Лук., 3.

Дамаст, историк, ближе неизвестен – Кам., 19.

Дамипп, спартанец – Марц., 18.

Дамокл, афинский мальчик – Д-й, 24.

Дамоклид, фиванец-демократ – Пел., 8, 11.

Дамократ, спартанец – Кл., 4.

Дамон, херонейский разбойник – Ким., 1—2.

Дамон, македонянин – Ал., 22.

Дамон (сер. V в.), пифагореец, музыкант и теоретик музыки – Пер., 3; Ар., 1; Ник., 6.

Дамонид из Эй, может быть, тождествен с предыдущим – Пер., 9.

Дамотель, спартанский военачальник – Кл., 28.

Дамофант, элидский военачальник – Фил., 7.

Дамохарет, спартанец – Агид, 18—19.

Дандамид, индийский мудрец – Ал., 8, 65.

Даох, ближе неизвестен – Дем., 18.

Дардан, щитоносец Брута – Бр., 51.

- Дарий I Гистасп, персидский царь (522—486) – Фем., 4, Ар., 5.
Дарий II Нот, персидский царь (423—404) – Арт., 1, 3.
Дарий III Кодоман, персидский царь (336—331) – Агес., 15; Ал., 16, 19—22, 29—31, 37, 38, 42—43; Фок., 17.
Дарий, сын Артаксеркса II – Арт., 26, 29.
Датис, персидский полководец при Марафоне – Ар., 5.
Деидамия, сестра Пирра, жена Деметрия – Пирр, 1, 4, 7; Д-й, 25, 30, 32, 53.
Дейотар – царь галатов, союзник Помпея, подзащитный Цицерона в 45 г. – Кр., 17; Пом., 73; КМл., 12, 15; Бр., 6.
Дексий, римский воин – Пирр, 17.
Деллий Кв., по прозвищу «Перебежчик», приверженец Антония, потом Октавиана, историк парфянского похода, адресат оды Горация – Ант., 25, 59.
Демад (казнен в 318), афинский оратор, сторонник македонской партии, славившийся язвительной легкостью речи – Сол., 17; Фок., 1, 16, 20, 22, 26—27, 30; Кл., 27; Дем., 8, 10—11, 13, 23, 30; Гал., 1.
Демарат, спартанский царь (ок. 510—491), низложенный и бежавший в Персию – Лик., 19; Фем., 29.
Демарат, родосский военачальник – Фок., 18.
Демарат, друг Филиппа и Александра – Агес., 15; Ал., 9, 38, 56.
Демарет, коринфянин, военачальник Тимолеонта (может быть, тождествен с предыдущим) – Тим., 24, 27.
Демариста, мать Тимолеонта – Тим., 3.
Деменет, сикофант – Тим., 37.
Деметрий (I) Полиоркет (336—283), сын Антигона, македонский царь в 294—287 – Д-й; ЭмП., 8; Пирр, 4, 7, 10—12; Эвм., 18; Дем., 13.
Деметрий II, македонский царь (240—229) – ЭмП., 8; Тит, 9; Арат, 17.
Деметрий, сын Полиоркета, киренский царь – Д-й, 53.
Деметрий Тоций, сын Полиоркета – Д-й, 53.
Деметрий Фалерский (346—283), философ и политик македонской ориентации, правитель Афин в 317—307, оратор, автор воспоминаний – Тес., 23; Лик., 22; Сол., 23; Ар., 1, 5, 27; Фок., 35; Дем., 9, 11, 14; Д-й, 8—9.
Деметрий Фидон, льстец Александра – Ал., 54.
Деметрий с Фароса, ближе неизвестен – Арат, 50.
Деметрий, сиракузский глашатай – Тим., 39.
Деметрий из Гадар, вольноотпущенник Помпея – Пом., 2, 40; КМл., 13.
Деметрий, слуга Кассия – Бр., 45.
Деметрий Магнесийский (I в.), историк-биограф – Дем., 15, 27.
Деметрий, философ-перипатетик, советник Катона – КМл., 65—66, 69—70, 75—76, 79—80.
Демея, сын Демада – Фок., 30.
Демо, гетера – Д-й, 24, 27.
Демократ, афинянин, ближе неизвестен – Алк., 3.
Демокрит (460—371) Абдерский, философ-атомист – Тим., 1.
Демон, родственник Демосфена – Дем., 23, 27.
Демон (конец IV в.), историк Аттики – Тес., 23.
Демонакт, гонец – Лук., 9.
Демополид, сын Фемистокла – Фем., 32.
Демострат, афинский демагог – Алк., 18; Ник., 12.
Демосфен (убит в 413), афинский военачальник – Алк., 1; Ник., 7—8, 20—21, 28.
Демосфен (384—322), оратор – Дем.; Алк., 10; КСт., 2, 4; Пирр, 14; Ал., 11; Фок., 5, 7, 9, 15, 17, 26—27, 29; Циц., 24.
Демосфен, отец Демосфена – Дем., 4.

- Демофил, афинский демагог – Фок., 38.
Демофонт, сын Тесея – Тес., 28; Сол., 26.
Демохар из Сол, ближе неизвестен – Д-й, 27.
Демохар, племянник Демосфена, оратор, автор воспоминаний – Дем., 30; Д-й, 24.
Денс, Семпроний, центурион – Гал., 26.
Деркеллид, спартанский полководец, воевавший в Азии в 411—394 гг. – Лик., 15; Арт., 20.
Деркилл, афинский стратег – Фок., 32.
Диагор Родосский (V в.), знаменитый атлет – Пел., 34.
Дидий, Г., легат Цезаря – Цез., 56.
Дидий, Т., консул 98 г. – Сер., 3.
Дидим «Медноутробный», плодовитый александрийский грамматик I в. – Сол., 1.
Дикеарх Мессенский (конец IV в.), ученик Аристотеля, автор сочинений по истории греческой культуры – Тес., 21, 32; Агес., 19.
Димн из Халастры, ближе неизвестен – Ал., 49.
Динарх, коринфянин, военачальник Тимолеонта, потом ставленник македонян над Пелопоннесом – Тим., 21, 24; Фок., 33.
Диний, убийца Абантида – Арат, 3.
Диний, историк (III в.) – Арат, 29.
Динократ, мессенский политик, друг Т. Фламинина – Фил., 17—21; Тит, 17.
Диномаха, мать Алкивиада – Алк., 1.
Дион Колофонский (IV в.), отец Клитарха, автор истории Персии – Фем., 27; Ал., 36; Арт., 1, 6, 9—10, 13, 19, 22.
Диоген, военачальник Деметрия II – Арат, 34.
Диоген, пасынок Архелая – Сул., 21.
Диоген Синопский (ок. 412—323), философ-киник, знаменитый аскет и насмешник – Фаб., 10; Тим., 15; Ал., 14—15.
Диоген Вавилонский, философ-стоик (II в.) – Лик., 31; КСт., 22.
Диогитон, фиванский военачальник – Пел., 35.
Диодор Путешественник (конец IV в.), первый из «перизэгетов» – составителей записок о путешествиях – Тес., 36; Фем., 32; Ким., 16.
Диокл, сын Фемистокла – Фем., 32.
Диокл, сириец – Арат, 18, 20.
Диокл Пепарефосский (нач. III в. ?), историк – Ром., 3, 9.
Диоклид, обвинитель Алкивиада – Алк., 20.
Диомед, афинянин, друг Алкивиада – Алк., 12.
Диомед, писец Клеопатры – Ант., 76.
Дион (уб. 354) – Дион; Тим., 1, 13, 22—23; Тим./ЭмП., 2; Ар., 1; Ник., 14, 23.
Дионасса, мать Ликурга – Лик., 1.
Дионисий Старший, тиранн Сиракуз (405—367) – Сол., 20; Тим., 6, 15; Пел., 31, 34; КСт., 24; Лис., 2; Агес., 33; Дион, 3—6, 9, 11, 21, 53; Гал., 1.
Дионисий Младший, тиранн Сиракуз (367—357 и 347—344) – Тим., 1; 7—8, 11, 13—16; Тим./ЭмП., 1; Ник., 23; Дион, 2, 6—9, 11—14; Дион/Бр., 2—4.
Дионисий, коринфянин, законодатель – Тим., 24.
Дионисий, магнесиец, ритор – Циц., 4.
Дионисий, мессенянин, ближе неизвестен – Ал., 73.
Дионисий, сириец – Арат, 20.
Дионисий Галикарнасский (ок. 55 г. до н.э. – 8 г. н.э.), греческий историк, автор «Римских древностей», истории Рима с древнейших времен до 264 г. – Ром., 16; Гай/Алк., 2; Ар., 1; Пирр, 17, 21.
Дионисий Колофонский (IV в.), художник-портретист – Тим., 36.
Дионисий Медяк (сер. V в.), поэт и религиозно-политический деятель – Ник., 5.

- Дионисодор* Трезенский, грамматик, оратор и полководец – Арат, 1.
Диопиф, афинянин, инициатор декрета против философов – Пер., 32.
Диопиф, афинский оратор и полководец – Фок., 7; Дем./Циц., 3.
Диопиф, спартанский прорицатель – Лис., 22; Агес., 8.
Диоскорид (IV в.), ученик Исократа – Лик., 11; Агес., 35.
Диофан, ахейский стратег 191 г. – Фил., 16; Тит., 17; Фил./Тит, 3.
Диофан Митиленский, ритор – ТГр., 20.
Диофант из Амфитропа – Ар., 26.
Дифил, афинянин, ближе неизвестен – Д-й, 46.
Дифил Синопский (2 пол. IV в.), поэт новоаттической комедии – Ник., 1.
Дифилид, афинянин – Фем., 5.
Дифрид, спартанский эфор – Агес., 17.
Диэвхид, мегарский историк – Люс., 1.
Доким, военачальник Пердикки – Эвм., 8.
Долабелла, Г. Корнелий, сын Публия – Ант., 84.
Долабелла, Гн. Корнелий, консул 81 г., сулланец – Сул., 28—29; Лис./Сул., 2; Цез., 4.
Долабелла, Гн. Корнелий, дальний родственник Гальбы – Гал., 23; Отон, 5.
Долабелла, П. Корнелий, сын Гнея, зять Цицерона, известный мотовством и разгулом, нар. трибун 47 г., участник заговора против Цезаря – Цез., 62; Циц., 41; Ант., 9—11; Бр., 2, 8, 25.
Домициан, Т. Флавий, римский император (81—96 гг. н.э.) – Нума, 19; Поп., 15; ЭмП., 25.
Домиций Агенобарб, Гн., приверженец Мария – Пом., 10—12.
Домиций Агенобарб, Гн., сын консула 54 г., военачальник Антония – Ант., 40, 56, 63.
Домиций Агенобарб, Л., брат марианца, зять Цинны, консул 54 г., погиб при Фарсале – Кр., 15; Ник./Кр., 4; Пом., 52, 67, 69; Цез., 29, 34—35, 42, 44; КМл., 41—42; Циц., 38.
Домиций Агенобарб, Л., сын военачальника Антония, консул 16 г., дед Нерона – Ант., 87.
Домиций Кальвин, Гн., консул 53 и 40 г., цезарианец – Пом., 54, 69; Цез., 44, 50.
Домиций Кальвин, М., отец предыдущего, наместник Ближней Испании – Сер., 12.
Дорида, локриянка, жена Дионисия Старшего – Дион, 3.
Дорилай, военачальник Митридата – Сул., 20; Лук., 17.
Драконт (конец VII в.), афинский законодатель – Сол., 17, 19, 25.
Драконтид, может быть, один из Тридцати тираннов – Пер., 32.
Дромихет, гетский царь – Д-й, 39, 52.
Дромоклид, афинский демагог (конец IV в.) – Д-й, 34.
Друз, М. Ливий (Старший), нар. трибун 122, консул 112 г. – ТГр., 2; ГГр., 8—11.
Друз, М. Ливий (Младший), сын предыдущего, нар. трибун 91 г., автор законопроекта о гражданских правах для италиков – КМл., 1—2.
Друз, Клавдий Нерон (38—9 гг. до н.э.), брат императора Тиберия, воевавший в Германии – Ант., 87.
Дурид Самосский, правитель Самоса и ученый-перипатетик, автор «Истории», охватывавшей 370—281 гг. – Пер., 28; Алк., 32; Лис., 18; Эвм., 1; Агес., 3; Ал., 15, 46; Фок. 4, 17; Дем., 19, 23.
З алевк (VII в.), локрийский законодатель – Нума, 4.
Зарбиен, царь Гордиены – Лук., 21, 29.
Зевксид Гераклеяский (конец IV в.), знаменитый живописец – Пер., 13.
Зевксидам, отец царя Архидама II – Ким., 16; Агес., 1.
Зенодот Трезенский, автор римской истории – Ром., 14.
Зенон, критский танцовщик – Арт., 21.
Зенон Китийский (ок. 335—262), философ, основатель стоической школы – Лик., 31;

Фок., 5; Кл., 2; Арат, 23.

Зенон Элейский (ок. 490—430), философ, прославившийся диалектическими парадоксами – Пер., 4—5.

Зоил, оружейник – Д-й, 21.

Зопир, воспитатель Алкивиада – Лик., 15; Ал., 1.

Зопир, македонянин – Пирр, 34.

Зосима, жена Тиграна – Пом., 45.

И арб, нумидийский князь, союзник марианцев – Пом., 12.

Ивик (VI в.), лирический поэт – Лик./Нума, 3.

Идей, писец Агесилая – Агес., 13.

Идоменей Лампсакский (нач. III в.), эпикуреец, историк-биограф – Пер., 10, 35; Ар., 1, 4, 10; Фок., 4; Дем., 15, 23.

Иероним, внук Гиерона II, правитель Сиракуз (215—214) – Марц., 13.

Иероним из Карр – Кр., 25.

Иероним Кардийский, доверенное лицо Эвмена, потом Антигона, автор истории, охватывавшей 323—272 гг. – Пирр, 17, 21, 27; Эвм., 12; Д-й, 39.

Иероним Родосский, философ-перипатетик (III в.) – Ар., 27; Агес., 13.

Икел, Марциан – вольноотпущенник и советник Гальбы – Гал., 7, 20.

Иктин, зодчий Парфенона – Пер., 13.

Илия, мать Ромула (см. Рея Сильвия) – Ром., 3, 8.

Илия, жена Суллы – Сул., 6.

Инстей, М., начальник флота Антония – Ант., 65.

Иокс, внук Тесея – Тес., 8.

Иол, сын Антипатра, брат Кассандра (ум. до 317) – Ал., 74, 77.

Ион, фессалоникиец – ЭмП., 26.

Ион Хиосский (ум. 422), трагический и лирический поэт, автор записок о своих поездках – Тес., 20; Пер., 5, 28; Алк./Гай, 2; Ким., 5, 9, 16; Дем., 3.

Иофонт, сын Писистрата – КСт., 24.

Ипполита, дочь Агесилая – Агес., 19.

Ирада, рабыня Клеопатры – Ант., 65, 85.

Ирод, иудейский царь (37—4) – Ант., 61, 71, 72.

Исад, сын Фебида, спартанец – Агес., 34.

Исей (ок. 420—350), один из 10 крупнейших афинских ораторов – Дем., 5.

Исидор, военачальник Митридата – Лук., 12.

Исий, военачальник Тимолеонта – Тим., 21.

Исмений (казнен в 382 г.), фиванский демократ, зачинщик Коринфской войны – Пел., 5.

Исмений, может быть, сын предыдущего – Пел., 27, 29; Арт., 22.

Исмений, знаменитый флейтист – Пер., 1; Д-й, 1.

Исодика, жена Кимона – Ким., 4, 16.

Исократ (436—338), афинский оратор-педагог и писатель-публицист, сторонник Филиппа Македонского – Алк., 12; КСт., 23; Дем., 5; Дем./Циц., 2.

Истр Пафосский (III в.), ученик Каллимаха, составитель сводной истории Аттики – Тес., 34; Ал., 46.

Италия, дочь Фемистокла – Фем., 32.

Ификрат (ок. 419—353), афинский полководец, начальник наемников, военный реформатор – Пел., 2; Агес., 22; Арт., 24; Гал., 1.

Ифит, элидский царь, учредитель олимпийских игр – Тес., 6; Лик., 1, 22.

Ифт, мавританский царь – Сер., 9.

К адмея, сестра Неоптолема Эпирского – Пирр, 5.

Калан, индийский мудрец – Ал., 8, 65, 69.

- Кален, Кв. Фуфий, нар. трибун 61, консул 47 г., цезарианец – Цез., 43; Бр., 8.
Каллесхр, отец Каллия – Алк., 33.
Каллибий, спартанский военачальник – Лис., 15.
Каллий Богатый, афинянин-демократ, организатор мира с Персией в 449 г. – Пер., 24; Алк., 8; Ким., 4.
Каллий, факелоносец, дед предыдущего – Ар., 5, 25; Ар./КСт., 4; Ким., 13.
Каллий, афинский стратег 432 г. – Ник., 6.
Каллий Сиракузский, лицо неуставленное – Дем., 5.
Калликл, ростовщик – Фок., 9; Дем., 25.
Калликрат, зодчий Парфенона – Пер., 13.
Калликрат, потомок Антикраты – Агес., 35.
Калликрат, спартанец – Ар., 17.
Калликрат, сиракузский военачальник – Ник., 18.
Калликратид, спартанский флотонадчик в 406 г. – Лик., 30; Пел., 2; Лис., 5—7; Арт., 22.
Каллимах, герой битвы при Марафоне – Ар./КСт., 2.
Каллимах, полководец Митридата – Лук., 19, 32.
Каллимах (ум. ок. 240), александрийский поэт – Ант., 70.
Каллимедонт «Краб», афинский оратор македонской партии – Фок., 27, 33, 35; Дем., 27.
Каллипид, знаменитый афинский актер – Алк., 32; Агес., 21.
Каллипп, ученик Платона, убийца Диона, тиранн Сиракуз в 354—353 гг. – Тим., 11; Тим./Эмп., 2; Ник., 14; Дион, 17, 28, 54, 56, 58.
Каллист, императорский вольноотпущенник – Гал., 9.
Каллистрат, афинский политик и оратор IV в. – Дем., 5.
Каллистрат, приближенный Митридата – Лук., 17.
Каллисфен, афинский оратор – Дем., 23.
Каллисфен, вольноотпущенник Лукулла – Лук., 43.
Каллисфен Олинфский (ок. 370—327), ученик Аристотеля, автор истории Греции (за 387—357 гг.) и незаконченной истории Александра – Кам., 19; Пел., 17; Ар., 27; Сул., 36; Ким., 12—13; Агес., 34; Ал., 27, 33, 52—54.
Каллифонт, афинянин – Сул., 14.
Кальвизий Сабин, Г., легат Цезаря, потом Октавиана – Ант., 58—59.
Кальвизий Сабин, Г., консул 26 н.э., погиб при Калигуле – Гал., 12. Кальп, сын Нумы – Нума, 21. Кальпурний Ланарий, ближе неизвестен – Сер., 7.
Кальпурния, жена Цезаря – Пом., 47; Цез., 63—64; Ант., 15.
Камбиз, персидский царь (529—522) – Ал., 26.
Камилл, Л. Фурий, сын следующего – Кам., 35.
Камилл, М. Фурий, диктатор 390 (387?) г. – Кам.; Ром., 29; Нума, 9; Фаб., 3; Мар., 1; Гал., 29.
Камулат, перебежчик – Бр., 49.
Камурий, легионер – Гал., 27.
Кан, флейтист – Гал., 16.
Канидий, друг Катона, ближе неизвестен – КМл., 35—37; Бр., 3.
Канидий Красс, П., военачальник Лепида, потом Антония – Ант., 34, 42, 56, 63, 65, 67—68, 71.
Каниний Галл, Л., нар. трибун 56 г. – Пом., 49.
Каниний Ребил (Ребилиус), Г., легат Цезаря, сменный консул 31 декабря 45 г. – Цез., 58.
Канниций, Г. (Ганник), военачальник Спартака – Кр., 11.
Канулея, весталка – Нума, 10.
Кануттий, актер – Бр., 21.
Капитолин, товарищ Марцелла по эдильству – Марц., 2.
Каран, легендарный родоначальник македонских царей – Ал., 2.

- Карбон, Г. Папирий, консул 113 г., разбитый кимврами в Норике – Мар., 16.
Карбон, Гн. Папирий, консул 85—84 и 82 гг., марианец – Сул., 22, 28; Сер., 6—7, 22; Пом., 5—7, 10; Бр., 29.
Карвилий, Сп., консул 234 и 228 г. – Тес/Ром., 6; Лик./Нума, 3.
Карнеад Киренский (214—129), философ-скептик, глава новоакадемической школы, посол в Риме в 155 г. – КСт., 22; Лук., 42; Циц., 4.
Каррина, Г., претор 82 г., марианец – Пом., 7.
Каска, П. Сервилий, нар. трибун 43 г., один из убийц Цезаря – Цез., 66; Бр., 15, 17, 45.
Кассандр, сын Антипатра, правитель Македонии (317—298) – Пирр, 3, 6; Эвм., 12; Ал., 74; Фок., 31—32; Дем., 31; Д-й, 8, 18, 23, 31, 36, 37, 45.
Кассандр, посол Филиппа Македонского – Дем., 18.
Кассий, Кв., нар. трибун 50 г., потом легат Цезаря – Ант., 5—6.
Кассий Лонгин, Г., консул 73 г., разбитый Спартаксом – Кр., 8.
Кассий Лонгин, Г., квестор 53, нар. трибун 49, претор 46 г., глава заговора против Цезаря – Кр., 18, 20, 22, 28—29; Пом., 16; Цез. 57, 62, 64, 66, 68—69; Циц., 42; Ант., 11, 13—16, 21—22, 25; Д-й/Ант., 2.
Кассий Сабакон, ближе неизвестен – Мар., 5.
Кассий Сцева, М., центурион Цезаря – Цез., 16.
Каст, военачальник Спартака – Кр., 11.
Катилина, Л. Сергий, претор 68 г., заговорщик 63 г. – Сул., 32; Лук., 38; Кр., 13; Цез., 7; КМл., 22; Циц., 10—12, 14—16, 18, 21, 24; Дем./Циц., 3; Ант., 2; Бр., 5.
Катон Старший, М. Порций (234—149) – КСт.; Гай, 8; ЭМП., 5; Пел., 1; Тит, 18—19; КМл., 1.
Катон, прадед Катона Старшего – КСт., 1.
Катон, М. Порций, сын Катона Старшего, консул 118 г. – ЭМП., 21; Тим./ЭМП.; без имени – КСт., 20, 24.
Катон Салоний (Салониан), М. Порций, сын Катона Старшего – КСт., 24, 27.
Катон, М. Порций, сын предыдущего, отец Катона Младшего – КСт., 27.
Катон Младший (Утический), М. Порций (95—46) – КМл.; КСт., 27; Лук., 28, 40—43; Кр., 7, 14—15; Ник./Кр., 2—3; Пом., 40, 44—45, 48, 52, 54, 56, 65, 67, 76; Цез., 3, 8, 13, 21, 23, 35, 39; Ант., 5; Бр., 2—3, 5—6, 12—13, 29, 34, 40; Отон, 13.
Катон, М. Порций, сын Катона Младшего, погиб в 42 г. – КМл., 73; Бр., 49.
Катул, Кв. Лутаций, консул 102 г., погиб в 87 г. – Мар., 14, 23—27, 44; Сул., 4.
Катул Капитолин, Кв. Лутаций, консул 78 г., сын предыдущего – Поп., 15; Сул., 34; Кр., 13; Пом., 15—17, 25, 30; Цез., 6—7; КМл., 16; Циц., 21, 29; Гал., 3.
Кафис, фокеец, агент Суллы – Сул., 12.
Кафисий, сикионец, друг Арата – Арат, 6.
Кафисий, флейтист – Пирр, 8.
Квинктион, вольноотпущенник на службе Катона – КСт., 21.
Квинт (Квинтий) Капитолийский, Т., диктатор 384 г. – Кам., 36.
Квинтий, Л., трибун 74 г. – Лук., 5, 33; Кр., 11.
Кебалин, ближе неизвестен – Ал., 49.
Кен, начальник пехоты у Александра – Ал., 60.
Кефал, законодатель – Тим., 24.
Кефалон, друг Арата – Арат, 52.
Кефисодор, фиванец-демократ – Пел., 11.
Кефисодот (1-я пол. IV в.), афинский скульптор, отец Праксителя, автор известной статуи Мира с Богатством на руках – Фок., 19.
Кибисф, племянник (или сын) Фалеса Милетского – Сол., 7.
Килл, полководец Птолемея I – Д-й, 6.
Килон, пытавшийся захватить тираннию в Афинах в 636 г. – Сол. 13.
Кимон, отец Мильтиада – КСт., 5.

- Кимон (ок. 510—449), сын Мильтиада – Ким.; Тес., 36; Фем., 5, 20, 24, 30; Пер., 5, 7, 9—10, 16, 27; Пер/Фаб., 1, 3; Пел., 4; Ар., 10, 23, 25; Тит, 11; Дем., 13.
- Кимон, прозванный Коалемом – Ким., 4.
- Кинегир, брат поэта Эсхила, герой битвы при Марафоне – Ар./КСт., 2.
- Киней, афинянин – Фок., 13.
- Киней, фессалиец, ученик Демосфена, советник Пирра – Пирр, 14—15, 18, 20—22.
- Киниска, сестра Агесилая – Агес., 20.
- Кипсел (конец VII в.), тиранн Коринфа – Арат, 3.
- Кир (Старший), первый персидский царь (559—529) – Сол., 28; Ал., 30, – 69; Ант., 6; Арт., 1, 3.
- Кир Младший, брат Артаксеркса II, верховный наместник Малой Азии в 407—401 гг. – Пер., 24; Алк., 35; Лис., 4—7, 9, 18, 45; Лис./Сул., 4; Ант., 6; Арт., 1—4, 6—15, 17, 20, 26.
- Кисс, ближе неизвестен – Ал., 41.
- Киферида, актриса, любовница Антония и Корнелия Галла – Ант., 9.
- Клавдий Глабр, Г., претор 73 г. – Кр., 9.
- Клавдий Цезарь, римский император (41—54 гг. н.э.) – Ант., 87; Гал., 12, 22.
- Клавдия, жена Тиберия Гракха – ТГр., 4.
- Клеандр, посол Филиппа Македонского – Дем., 18.
- Клеандр, воспитатель Филопемена – Фил., 1.
- Клеандрид, спартанский военачальник, отец Гилиппа – Пер., 22; Ник., 28.
- Клеанф Ассосский (331—251), философ-стоик – Алк., 6.
- Клеанф, врач – КМл., 70.
- Клеарх, македонянин – Дем., 18.
- Клеарх, спартанец – Арт., 8, 13, 18.
- Клелия, легендарная героиня-римлянка – Поп., 19.
- Клелия, жена Суллы – Сул., 6.
- Клеобис, аргосский атлет – Сол., 27.
- Клеокрит, коринфский стратег при Саламине – Ар., 8.
- Клеомброт I, спартанский царь (380—371) – Пел., 13, 20, 23; Лис./Сул., 4; Агес., 24, 26, 28; Агид., 3, 21.
- Клеомброт II, спартанский царь (243—241) – Агид., 11, 16—18.
- Клеомед Астипалейский (нач. V в.), атлет – Ром., 28.
- Клеомедонт, ближе неизвестен – Д-й, 24.
- Клеомен II, спартанский царь (370—309) – Агид, 3.
- Клеомен III, спартанский царь (235—221) – Кл.; Фил., 5; Агид, 2; Арат, 35—40, 44.
- Клеомен, спартанский судья – Сол., 10.
- Клеомен, афинский демагог – Лис., 14.
- Клеон, сикионский тиранн (уб. 264) – Арат, 2.
- Клеон, афинский демагог (погиб в 422) – Пер., 33, 35; Ник., 2—4, 7—9; Ник./Кр., 2—3; ТГр., 2; Д-й, 11.
- Клеон Галикарнасский, софист, ближе неизвестен – Лис., 25; Агес., 20.
- Клеонид, военачальник Птолемея I – Д-й, 15.
- Клеоника, любовница Павсания – Ким., 6.
- Клеоним, сын Клеомена II и дед Клеомена III – Пирр, 26—27; Агид, 3; Д-й, 39.
- Клеоним, сын Сфодрия – Агес., 25, 28.
- Клеопатр, ахейский военачальник – Арат, 40.
- Клеопатра VII, царица Египта (51—31) – Цез., 48—49; КМл., 35; Ант., 10, 25—33, 36—37, 50—51, 53—54; 56—60, 62—63, 66—67, 69, 71—74, 76—79, 81—87.
- Клеопатра (Эвридика), последняя жена Филиппа Македонского – Ал., 9—10.
- Клеопатра, сестра Александра Македонского, жена Александра Эпирского (убита 308) – Эвм., 8; Ал., 25, 68.
- Клеопатра, дочь Антония и Клеопатры – Ант., 36, 87.

- Клеопатра, дочь Митридата, жена Тиграна – Лук., 22.
Клеоптолем, халкидянин – Тит, 16.
Клеора, дочь Агесилая – Агес., 15.
Клеофан, афинский воин – Фок., 13.
Клеофант, сын Фемистокла – Фем., 32.
Клеэнет, ближе неизвестен – Д-й, 24.
Клидем (середина IV в.), историк Аттики – Тес., 19, 27; Фем., 10; Ар., 19.
Клиний, друг Солона, может быть, предок Алкивиада – Сол., 15.
Клиний, отец Алкивиада – Алк., 1, 11.
Клиний, отец Арата – Арат, 2, 8.
Клисфен, сын Мегакла, организатор демократической реформы в Афинах в 508 г. – Пер., 3; Ар., 2; Ким., 15.
Клит Белый, военачальник Александра, сатрап Лидии после его смерти – Фок., 34—35.
Клит Черный, военачальник и друг Александра, убитый им – Ал., 13, 16, 50—52.
Клит, слуга Брута – Бр., 52.
Клитарх Колофонский, спутник Александра, автор «Истории Александра» – Фем., 27; Ал., 13, 16, 50—51.
Клитомах Карфагенский (сер. II в.), философ Новой Академии – Циц., 3—4.
Клодий, римский воин – Ант., 18.
Клодий, перебежчик – Бр., 47.
Клодий, историк (может быть, анналист Клавдий Квадригарий, 1-я пол. I в.) – Нума, 1.
Клодий Пульхр, П., нар. трибун 58 г., знаменитый демагог, враг Цицерона – Лук., 34; Пом., 46, 48, 49; Цез., 9—10, 14; КМл., 19, 31—34, 40, 45; Циц., 28—31, 33—34; Ант., 2, 10; Бр., 20.
Клодий Макр, Л., начальник африканского войска, восставший против Нерона в 68 г. и казненный Гальбою – Гал., 6, 13, 15.
Клодий Цельс Антиохийский, ближе неизвестен – Гал., 13.
Клодия («Квадрантария»), сестра Публия, возлюбленная Катуллы, известная развратница – Циц., 29.
Клодия, другая сестра Публия, жена Лукуллы – Лук., 38.
Клодия, дочь Публия – Ант., 20.
Клувий Руф, М., сменный консул ок. 40 г. н.э., автор истории правления Нерона и междоусобной войны 68—69 гг. – Отон, 3.
Кодр, легендарный последний афинский царь – Сол., 1.
Кокцей (Л. Сальвий Кокцейян), племянник Отона, погиб при Домициане – Отон, 16.
Коллатин, Л. Тарквиний, участник заговора против римских царей – Поп., 1, 3—4, 6—7.
Комий, афинский архонт 561 г. – Сол., 32.
Коминий Аврунк, Постумий, консул 493 г. – Гай, 8, 10.
Коминий, Понтий, римский гонец – Кам., 25—26.
Коннид, учитель Тесея – Тес., 4.
Конон (ум. 392), афинский стратег 405 г., победитель при Книде в 394 г. – Алк., 37; Лис., 11; Сул., 6; Агес., 17, 23; Арт., 21.
Конон, друг Солона – Сол., 15.
Конопион, ближе неизвестен – Фок., 37.
Консидий Галл, Кв., сенатор, «человек добрый и независимый» (Цицерон) – Цез., 14.
Копилл, галльский вождь – Сул., 4.
Копоний, военачальник Красса, ближе неизвестен – Кр., 27.
Кориб, афинский зодчий – Пер., 13.
Корнелий, военачальник Суллы – Цез., 1.
Корнелий, Г., из Патавия – Цез., 47.
Корнелий Бальб, Л., консул 40 г., приверженец Цезаря и затем Октавиана – Цез., 60.

- Корнелий Косс, А., консул 428 г., победитель этрусков – Ром., 16; Марц., 8.
Корнелий Непот (ок. 100—32), историк; его «Хроника», которой пользовался Плутарх, не сохранилась – Марц., 30; Пел./Марц., 1; Лук., 43; ТГр., 21.
Корнелий Сципион Кальв, Гн., консул 222 г. – Марц., 6.
Корнелий Цетег, П., консул 181 г. – Нума, 22.
Корнелия, дочь Сципиона Африканского, мать Гракхов – Мар., 34; ТГр., 1, 4, 8; ГГр., 4, 13, 19.
Корнелия, жена Помпея – Пом., 55, 66, 73, 79.
Корнелия, жена Цезаря – Цез., 1, 5.
Корнифиций, Л., консул 35 г., приверженец Октавиана – Бр., 27.
Корнут, ближе неизвестен – Мар., 43.
Корнелий Лакон, начальник преторианцев – Гал., 13.
Корраг, дед Деметрия – Д-й, 2.
Корраг, сын Деметрия – Д-й, 53.
Косид, альбанский князь – Пом., 35.
Косконий, Г., нар. трибун 59 г., потом претор, цезарианец – Цез., 51.
Коссиний, римский военачальник, ближе неизвестен – Кр., 9.
Коста, П., ближе неизвестен – Кр., 9.
Котий, пафлагонский царь – Агес., 11.
Котта, Л. Аврелий, консул 119 г. – Мар., 4.
Котта, Л. Аврелий, консул 65 г. – Циц., 27.
Котта, М. Аврелий, брат предыдущего, консул 74 г. – Лук., 5, 8; Сер., 12.
Котта, М. Аврелий, претор ок. 54 г., легат Цезаря – Цез., 24.
Кравгид, отец Филопемена – Фил., 1.
Красс, М. Лициний (115—53), триумвир – Кр.; Сул., 28—30; Лук., 36, 38, 40, 42; Ник., 1; Пом., 31, 43, 51, 53; Цез., 11, 13—14, 21; КМл., 19, 41; Циц., 15, 25, 26, 36; Ант., 34, 37, 46; Бр., 43.
Красс, П. Лициний, сын предыдущего, легат Цезаря, друг Цицерона – Кр., 13, 25—26; Пом., 55; Циц., 33, 36.
Красс, П. Лициний, консул 171 г. – Эмп., 9.
Красс, П. Лициний, консул 205 г., великий понтифик – Фаб., 25.
Красс Муциан, П. Лициний, консул 131 г., тесть Г. Гракха, разбитый Аристонином – ТГр., 9, 21; ГГр., 15.
Красс Фруги, М. Лициний, консул 27 н.э., отец Пизона, усыновленного Гальбою – Гал., 23.
Красс Юниан, П. Лициний – нар. трибун 53 г., легат Катона в Африке – КМл., 70.
Крассиан или Крассиний (в действительности, Крастин), Г., передовой воин Цезаря – Пом., 71; Цез., 44.
Кратер (погиб в 321 г.), военачальник Александра, потом соправитель Македонии (с Антипатром) – Эвм., 5—8; Ал., 40—41, 47, 55; Фок., 18, 26; Дем., 28; Д-й, 14.
Кратер, сын предыдущего (?), историк – Ар., 26; Ким., 13.
Кратесиклея, мать Клеомена – Кл., 6, 22, 38.
Кратесиполида, любовница Деметрия – Д-й, 9.
Кратет Фиванский (конец IV в.), философ-киник, ученик Диогена – Д-й, 46.
Кратин (ум. после 423), афинский комедиограф, соперник Аристофана – Сол., 25; Пер., 3, 13; Ким., 9—10.
Кратипп Пергамский (I в.), философ-перипатетик – Пом., 75; Циц., 24; Бр., 24.
Крез, лидийский царь (560—546) – Сол., 27—28; Сол./Поп., 1.
Креофил Хиосский (или Самосский), ученик и зять Гомера – Лик., 4.
Криспин, Вибий, трибун преторианцев – Отон, 3.
Криспин, Т. Квинтий, консул 208 г. – Марц., 29.
Криспин, Руфрий, начальник преторианцев при Клавдии, первый муж Поппеи – Гал.,

19.

Критий, ученик Сократа, поэт и философ, глава «Тридцати тираннов» 404—403 гг. – Лик., 9; Алк., 33; 38; Ким., 10, 16.

Критолайд, спартанский судья – Сол., 10.

Критолай Фаселидский (II в.), философ-перипатетик – Пер., 7.

Критон, ученик Сократа, персонаж диалога Платона – Ар., 1.

Кробил, коринфянин, ближе неизвестен – Ал., 22.

Кробил, прозвище оратора Гегесиппа – Дем., 17.

Ксанфипп, отец Перикла, победитель при Микале – Фем., 10, 21; Пер., 3; Алк., 1; Ар., 10; КСт., 5.

Ксанфипп, сын Перикла – Пер., 24; 36.

Ксанфипп (Ксанфиппид), архонт 479 г. – Ар., 5.

Ксенагор, поэт – Эмп., 15.

Ксенар, друг Клеомена – Кл., 3.

Ксенарх, ближе неизвестен – Ник., 1.

Ксенокл, спартанский посол – Агес., 16.

Ксенокл, сикионский изгнанник – Арат, 5.

Ксенокл Адрамиттийский, ритор – Циц., 4.

Ксенокл из Холарга, зодчий – Пер., 13.

Ксенодох, кардиец, ближе неизвестен – Ал., 51.

Ксенократ Халкедонский, философ-академик, глава школы в 339—314 гг., образец несокрушимой добродетели – Тит., 12; Мар., 2; Ким./Лук., 1; Ал., 8; Фок., 4, 27, 29.

Ксенофант, флейтист – Д-й, 53.

Ксенофил, отец хорега Аристида – Ар., 1.

Ксенофил, разбойник – Арат, 6.

Ксенофонт, афинский стратег 429 г. – Ник., 6.

Ксенофонт, (ок. 430—354), писатель, ученик Сократа, автор «Греческой истории» (о событиях 411—362), «Анабасиса» (о походе Кира Младшего), «Агесилая» и др. – Лик., 1; Алк., 32; Марц., 21; Пел./Марц., 3; Лис., 15; Агес., 9, 19, 20, 34; Агес./Пом., 2; Ант., 45; Арт., 4, 8—9, 13.

Ксеркс, персидский царь (486—464) – Фем., 4, 9, 12—16, 20, 27; Ар., 8, 10; Ар./КСт., 5; Сул., 15; Агес., 16; Ал., 37—38; Арт., 1—2.

Ксуф, флейтист – Ант., 24.

Ктесибий, ближе неизвестен – Дем., 5.

Ктесий Книдский (ок. 400 г.), придворный врач Артаксеркса, автор сочинения о Персии, – Ким., 8; Арт., 1, 11, 13, 18, 21.

Ктесипп, сын Хабрия – Фок., 7; Дем., 15.

Ктесифонт, афинский политический деятель, подзащитный Демосфена – Дем., 24.

Курий Дентат, Ман., консул 290, 275 и 274 г., победитель самнитов и Пирра – КСт., 2, 8; Ар./КСт., 1, 4; Пирр, 25.

Курион, Г. Скрибоний, претор 82, консул 76 г. – Сул., 14; Цез., 8; КМл., 14; Ант., 2.

Курион, Г. Скрибоний, сын предыдущего, эдил 53, нар. трибун 50 г. – Пом., 58; Цез., 29—31; КМл., 46; Ант., 2, 5.

Курций, Меттий, римский вождь – Ром., 18.

Л абеон, Пакувий Антистий, заговорщик против Цезаря, отец известного юриста – Бр., 12, 51.

Лабиев, Т. Аттий (погиб в 48 г.), нар. трибун 63 г. военачальник Цезаря в Галлии и Помпея в гражданской войне – Пом., 64, 68; Цез., 18, 34; КМл., 56; Циц., 38.

Лабиев, Кв. Аттий, сын предыдущего, приверженец Брута и Кассия, бежавший на парфянскую службу – Ант., 28, 30, 33.

Лаида, коринфская гетера IV в. – Алк., 39; Ник., 4.

- Лакедемоний, сын Кимона – Пер., 29; Ким., 16.
Лакратид, афинянин, обвинитель Перикла – Пер., 35.
Лакратид, спартанский эфор – Лис., 30.
Лакрит, ученик Исократы – Дем., 28.
Ламах (погиб в 414 г.), афинский полководец – Пер., 19; Алк., 1, 17, 20; Ник., 12, 14—15, 18.
Ламах Смирнский, оратор на службе Филиппа – Дем., 9.
Ламия, любовница Деметрия – Д-й, 10, 16, 19, 24—25, 27; Д-й/Ант., 3.
Лампидо, мать Агида II – Агес., 1.
Лампон, афинский религиозный деятель, помощник Перикла – Пер., 6.
Лампоний, М., полководец-марианец – Сул., 29; Лис./Сул., 4.
Ламприй, дед Плутарха – Ант., 28.
Ланасса, дочь Агафокла, жена Пирра – Пирр, 9—10.
Лаомедонт, афинянин – Ким., 9.
Лаомедонт Орхоменский, бегун – Дем., 6.
Ларентия, легендарная римская гетера – Ром., 5.
Ларентия, Акка – приемная мать Ромула – Ром., 4, 7.
Ларций, Т., консул 501 г., первый римский диктатор – Поп., 16; Гай, 8—10.
Латиний, Т., ближе неизвестен – Гай, 24.
Латтакий, вождь фессалийцев в конце VI в., ближе неизвестен – Кам., 19.
Лафистий, сикофант – Тим., 37.
Лахар, афинский тиранн (301—297) – Д-й, 33.
Лахар, отец Эврикла – Ант., 67.
Лахарт, коринфянин – Ким., 17.
Левин, П. Валерий, консул 280 г. – Пирр, 16—18.
Леканий, убийца Гальбы – Гал., 27.
Лелий, ближе неизвестен – Ант., 18.
Лелий, Г., консул 140 г., друг Сципиона Младшего – КМл., 7; ТГр., 8.
Лелий, Д., нар. трибун 54 г. – Дем./Циц., 4.
Лентул, Гн. Корнелий, консул 201 г., участник битвы при Каннах – Фаб., 16.
Лентул, П. Корнелий, претор 214 г., легат при заключении мира 196 г. – Тит, 12.
Лентул Батиат, хозяин гладиаторской школы – Кр., 8.
Лентул Клодиан, Гн. Корнелий, консул 72 г. – Кр., 9; Пом., 22.
Лентул Крус, Л. Корнелий, консул 49 г., погиб в Египте – Пом., 59, 73, 80; Цез., 29, 33; Ант., 4.
Лентул Марцеллин, Гн. Корнелий, консул 56, – Кр., 15; Пом., 51;
Лентул Сура, П. Корнелий, консул 71 г., один из вождей заговора Катилины – Цез., 7; КМл., 22, 26; Циц., 17—18, 22, 24, 30; Ант., 2.
Леобот, обвинитель Фемистокла – Фем., 23.
Леократ, афинский стратег, покоритель Эгины – Ар., 20; Пер., 16; Пер./Фаб., 1.
Леонид I, спартанский царь (490—480), герой Фермопил – Лик., 13, 19; Фем., 9; Пел., 21; Агид, 14; Кл., 2; Арт., 22.
Леонид II, спартанский царь (254—235) – Агес., 40; Агид, 3, 7, 10—12, 18—21; Кл., 1, 3.
Леонид, спартанец – Лик., 3.
Леонид Эпирский, воспитатель Александра – Ал., 5, 22, 25.
Леоннат (погиб в 322 г.), родственник и военачальник Александра – Эвм., 3; Ал., 21, 40; Фок., 25.
Леоннат, македонянин – Пирр, 16.
Леонт, отец Анталкида – Арт., 21.
Леонт Византийский, философ-платоник, руководивший защитой Византии от Филиппа в 340 г. – Ник., 21; Фок., 4.
Леонтиад, фиванец-олигарх – Пел., 5—6, 11; Агес., 23.

- Леосфен (погиб в 322 г.), афинский полководец, герой Ламийской войны – Тим., 6; Пирр, 1; Фок., 7, 23—24; Дем., 27; Дем./Циц., 3.
- Леотихид I, спартанский царь (VII в.) – Лик., 12.
- Леотихид II, спартанский царь (491—469) – Фем., 21; Ким./Лук., 3.
- Леотихид, сын Агида II – Алк., 23; Лис., 22; Агес., 3—4; Агес./Пом., 1—2.
- Леотихид, зять Клеонима – Пирр, 26.
- Леохар (IV в.), афинский скульптор, предполагаемый автор Аполлона Бельведерского – Ал., 40.
- Лепид, М. Эмилий, консул 187 и 175 г. – ЭМП., 38.
- Лепид, М. Эмилий, мятежный консул 78 г. – Сул., 34, 38; Пом., 15—16, 31; Агес./Пом., 1.
- Лепид, М. Эмилий, сын предыдущего, триумвир, консул 46 г., в 44 г. наместник Галлии – Цез., 63, 67; Циц., 46; Ант., 6, 10, 18—19, 30, 55; Бр., 19, 37.
- Лепида, жена Метелла Сципиона – КМл., 7.
- Лептин, брат Дионисия Старшего – Тим., 15; Дион, 9, 11.
- Лептин, тиранн Аполлонии, может быть, сын предыдущего – Тим., 24.
- Либий, отец Лисандра Младшего – Агид, 6.
- Либон, Л. Скрибоний, консул 36 г., в 49 г. начальник флота у Помпея – Ант., 7.
- Ливий, Т. (59 г. до н.э. – 17 г. н.э.), автор истории Рима с древнейших времен до своего века – Кам., 6; Марц., 12, 24, 30; Пел./Марц., 1; КСт., 17; Тит, 18: 20; Сул., 6; Лук., 28, 31; Цез., 47, 63.
- Ливий Макат, М., защитник тарентской крепости – Фаб., 23.
- Ливий Постум (IV в.), вождь латинян – Ром., 29.
- Ливий Салинатор, ближе неизвестен – Сер., 7.
- Ливия Друзилла, жена Октавиана Августа – Ант., 83, 87; Гал., 3, 19.
- Лигарий, Кв. (не Гай!), легат Помпея, подзащитный Цицерона в 46 г. – Циц., 39; Бр., 11.
- Лигдамид, вождь киммерийцев (VIII в.), ближе неизвестен – Мар., 11.
- Лидиад, мегалопольский тиранн, потом ахейский стратег 233 г. – Кл., 6; Арат, 30, 35, 37.
- Ликомед, афинский триерарх, герой битвы при Артемисии – Фем., 15.
- Ликон, сиракузянин – Дион, 57.
- Ликон Скарфийский (из Локриды), актер – Ал., 29.
- Ликорт Мегалопольский, ахейский стратег 184 г., отец историка Полибия – Фил., 20—21.
- Ликофрон, брат жены Александра Ферского – Пел., 35.
- Ликофрон, коринфский военачальник – Ник., 6.
- Ликург, законодатель – Лик.; Тес., 1; Нума, 4; Сол., 16, 22, Алк., 23; Ар., 2; Ар./КСт., 3; Фил., 16; Лис., 1; Агес., 26, 33; Фок., 20; Агид, 5—6, 9, 19; Кл., 10, 12, 18; Агид—Кл./ТГр.—ГГр., 1, 5.
- Ликург, вождь педиев в Афинах – Сол., 29.
- Ликург, глава афинского казначейства в 338—326 гг., крупный оратор – Тит, 12; Ник./Кр., 1; Фок., 7, 17; Дем., 23.
- Ликург, византиец – Алк., 31.
- Лимней, телохранитель Александра – Ал., 63.
- Линкей Самосский (III в.), историк и комедиограф – Д-й, 27.
- Лисандр, спартанский полководец – Лис.; Лик., 30; Алк., 35—39; Тит, 11; Ник., 28; Агес., 2—3, 5, 7—8, 20; Агес./Пом., 2; Агид, 14.
- Лисандр, потомок полководца, сторонник Агида IV – Агид, 6, 8, 11—14, 19.
- Лисандр из Ал опеки, тесть Фемистокла – Фем., 32.
- Лисандрид из Мегалополя – Кл., 24.
- Лисанорид, спартанский военачальник – Пел., 13.
- Лисий (ок. 445—380), знаменитый афинский оратор – КСт., 7.

- Лисикл, афинский демагог – Пер., 24.
Лисимах (ок. 355—281), полководец Александра, с 305 г. царь Фракии – Пирр, 6, 11, 13; Ал., 46, 55; Д-й, 12, 18, 20, 25, 27, 31, 35, 39, 44, 46, 48, 51, 52.
Лисимах, отец Аристида – Фем., 3, 12; Ар., 1, 25.
Лисимах, сын Аристида – Ар., 27.
Лисимах, внук Аристида – Ар., 27.
Лисимах, акарнанец, дядька Александра – Ал., 5, 24.
Лисимах, приближенный Пирра – Пирр, 29.
Лисипп Сикионский (2-я пол. IV в.), знаменитый скульптор – Ал., 4, 16, 40.
Лициний, слуга Г. Гракха – ТГР., 2.
Лициний, С., нар. трибун 138 г. – ГГр., 16.
Лициний, С., ближе неизвестен – Мар., 45.
Лициний Косс (П. Лициний Кальв Эсквилин, консулярный трибун 400 и 396 гг.) – Кам., 4.
Лициний Красс, П., консул 171 г. – ЭМП., 9.
Лициний Макр, Г., нар. трибун 73 г., оратор и историк – Циц., 9.
Лициний Столон, Г., нар. трибун 367, консул 364 г. – Кам., 39.
Лициний Филоник, разбогатевший вольноотпущенник – ЭМП., 38.
Лициния, жена Г. Гракха – ТГР., 21; ГГр., 15, 17.
Лициния, весталка – Кр., 1.
Лих, спартанец – Ким., 10.
Лоллий, М., квестор 65 г. – КМл., 16.
Лузий, Г., племянник Мария – Мар., 14.
Лукреций, Л., сенатор – Кам., 32.
Лукреций, Офелла, Кв., полководец Мария, потом Суллы – Сул., 29, 33; Лис./Сул., 2.
Лукреций Триципитин, Сп., отец Лукреции, сменный консул 509 г. – Поп., 12.
Лукреций Триципитин, Т., консул 508 и 504 гг. – Поп., 16, 22.
Лукреция, жена Нумы – Нума, 21.
Лукреция, жена Коллатина, изнасилованная Тарквинием – Поп., 1, 12.
Лукулл, Л. Лициний (ок. 117—57) – Лук.; Кам., 19; КСт., 24; Тит, 21; Мар., 34; Сул., 6, 11, 27; Ким., 2—3; Кр., 11, 16, 26; Ник./Кр., 4; Пом., 2, 20, 30—32, 45, 48; Агес., Пом., 4; КМл., 19, 29, 31, 54; Циц., 29, 31.
Лукулл, М. Теренций Варрон Лициниан, брат предыдущего, консул 73 г. – Сул., 27; Лук., 1, 37, 43; Цез., 4, 10.
Лукумон, этруск – Кам., 15.
Луцилий, друг Брута – Ант., 69; Бр., 50.
Луцилий Гирр, Г., нар. трибун 53 г. – Пом., 54.

Маврик, Юний, сменный консул ок. 99 г. н.э. – Гал., 8.
Маг, сводный брат царя Птолемея IV – Кл., 33.
Магон, начальник карфагенского похода на Сицилию – Тим., 17—18, 20.
Мазон, Папирий Г., консул 231 г. – ЭМП., 5.
Мазэй, сатрап Вавилонии при Дарии и Александре – Ал., 39.
Малак, историк, ближе неизвестен – Кам., 19.
Мал кит, фиванский военачальник – Пел., 35.
Малх, царь набатейской Аравии – Ант., 61.
Мамерк, сын Нумы – Нума, 8, 21.
Мамерк, итальянский военачальник, тиранн Катаны – Тим., 13, 30, 31, 34, 37.
Мамерк, сын Пифагора – Нума, 8; ЭМП., 2.
Мандроклид, спартанец – Пирр, 26; Агид, 6, 9, 12.
Маний Курий, нар. трибун 199 г. – Тит, 2.
Маналий, изгнанный из сената – КСт., 17.

- Манилий, Г., нар. трибун 66 г. – Пом., 30; Циц., 9.
Манлий, один из командиров Сертория – Сер., 26—27.
Манлий, Г., ветеран Суллы, участник заговора Катилины – Циц., 14—16.
Манлий, Л., наместник южной Галлии, разбитый серторианцами – Сер., 12.
Манлий, Л., воин – КСт., 13.
Манлий Капитолин, М., консул 392 г., казнен в 384 – Кам., 27, 36.
Манлий Максим, Гн., консул 105 г., разбитый кимврами – Мар., 19.
Манлий Торкват, Ман., консул 149 г. – ТГр., 10.
Манлий Торкват, Т., консул 347, 344, 340 гг. – Фаб., 29.
Манлий Торкват, Т., консул 235 г. – Нума, 20.
Манцин, Г. Гостилий, консул 137 г. – ТГр., 5, 7.
Мардион, евнух Клеопатры – Ант., 60.
Мардоний, полководец Ксеркса – Фем., 4, 16; Ар., 5, 10, 14—17, 19; Агид, 3.
Марий, Г. (156—86) – Мар.; Тит, 21; Сул., 7—10, 12, 17; Лис./Сул., 4; Лук., 4, 38; Кр., 24; Сер., 2, 4—6; Пом., 8, 13; Агес./Пом., 4; Цез., 1, 5, 15, 19; Ант., 1; Бр., 29; Отон, 9.
Марий, Г., отец предыдущего – Мар., 3.
Марий, Г. (Младший), сын Г. Мария, консул 82 г. – Мар., 35; Сул., 27—29; 32; Сер., 6; Пом., 13; Цез., 1.
Марий, М., посланец Сертория к Митридату – Лук., 12; Сер., 24.
Марий Гратидиан, М., племянник Гая Мария – Сул., 32.
Марий Цельс, назначенный консул на 70 н.э. – Гал., 25—27; Отон, 1, 5, 7—9, 13.
Марсий (ок. 300), македонский историк – Дем., 18.
Марсий, сиракузский военачальник – Дион, 9.
Мартиан, гладиатор – Гал., 9.
Марулл, нар. трибун 44 г. – Цез., 61.
Марфа, сириянка – Мар., 17.
Марфадат, каппадокиец – КМл., 73.
Марцелл, Г. Клавдий, консул 49 г. – Пом., 58.
Марцелл, Г. Клавдий, консул 50 г., муж Октавии – Марц., 30; Циц., 44; Ант., 87.
Марцелл, М. Клавдий, легат Мария в 102 г. – Мар., 20—21.
Марцелл, М. Клавдий (погиб в 207 г.) – Марц.; Ром., 15; Фаб., 19, 21, 22; Тит, 1, 18; Кр., 11.
Марцелл, М. Клавдий, отец предыдущего – Марц., 1.
Марцелл, М. Клавдий, консул 51 г., подзащитный Цицерона – Цез., 29; Циц., 15.
Марцелл, М. Клавдий, сын Октавии, рано умерший наследник Августа – Марц., 30.
Марцеллин, Г. Корнелий Лентул, консул 56 г. – Кр., 15; Пом., 51.
Марциал, преторианец – Гал., 25.
Марций, родственник Нумы – Нума, 5, 6, 21.
Марций, внук предыдущего, отец Анка Марция – Нума, 21.
Марций, участник заговора Катилины – Циц., 16.
Марций, Анк – четвертый римский царь – Нума, 9, 21.
Марций Кориолан, Г. – Гай, 11, 23.
Марций Рекс, Кв., претор 144 г. – Гай, 1.
Марций Рекс, Кв., консул 68 г., зять Клодия – Циц., 29.
Марций Рутил Цензорин, Г., консул 310 г. – Гай, 1.
Марций Филипп, Кв., консул 186 и 169 г. – ЭмП., 38.
Марция, жена Катона Младшего – КМл., 25.
Масабат, евнух Артаксеркса – Арт., 17.
Масинисса, нумидийский царь (ок. 215—149) – КСт., 26.
Масистий, брат Ксеркса, персидский военачальник – Ар., 14.
Матий, Г., римский всадник, друг Цезаря и Цицерона – Цез., 50.
Маханид, тиранн Спарты (221—206) – Фил., 10, 12.

- Махар, сын Митридата, наместник Боспора – Лук., 24.
Махат, эпирский князь – Тит, 4.
Мегабат, сын Спифридата – Агес., 11.
Мегабакх – ближе неизвестен, – Кр., 25.
Мегабиз, наместник Эфеса – Ал., 42.
Мегакл, отец Алкмеона, убийца Килона – Сол., 12.
Мегакл, сын Алкмеона, вождь паралиев в Афинах – Сол., 29—30.
Мегакл, дед Алкивиада – Алк., 1.
Мегакл, отец Эвриптолема – Ким., 4, 16.
Мегакл, брат Диона – Дион, 28.
Мегакл, военачальник и друг Пирра – Пирр, 16—17.
Мегалей, ближе неизвестен – Арат, 48.
Мегалофан, опекун Филопемена – Фил., 1.
Мегелл, элеец – Тим., 35.
Мегистоной, отчим Клеомена – Кл., 7, 11, 21; Арат, 38, 41.
Медий из Ларисы, друг Александра – Ал., 74; Д-й, 19.
Меланипп, сын Тесея – Тес., 8.
Меланоп (сер. IV в.), афинский политик – Дем., 13.
Меланф, ближе неизвестен – Арт., 19.
Меланф Сикионский (сер. IV в.), художник, ученик Памфила – Арат, 12.
Меланфий, афинянин – Фок., 19.
Меланфий, трагический поэт (сер. V в.) – Ким., 4.
Мелесий, отец Фукидида – Пер., 8; Ник., 2.
Мелесиппид, дед Агесилая – Агес., 1.
Мелий, Сп., замышлявший тираннию в Риме в 439 г. – Бр., 1.
Мелисс Самосский (сер. V в.), философ-элеат и политический деятель – Фем., 2; Пер., 26—27.
Мелон, фиванец-демократ – Пел., 8, 11—13, 25; Агес., 24.
Меммий, Г., муж сестры Помпея и его квестор в Испании, погиб в 75 г. – Сер., 21.
Меммий Гемелл, Г., нар. трибун 66, претор 58 г., покровитель Катутла и Лукреция – Лук., 37; КМл., 6.
Мемнон Родосский, начальник греческих наемников Дария III – Ал., 18, 21.
Мен, военачальник С. Помпея – Ант., 32.
Менандр, афинский стратег 405 г. – Алк., 36; Ник., 20.
Менандр, казненный Александром – Ал., 57.
Менандр, сатрап Лидии, союзник Антигона – Эвм., 9.
Менандр, полководец Митридата – Лук., 17.
Менандр (ок. 342—292), поэт новоаттической комедии – Ал., 17.
Менедем, раб Лукулла – Лук., 16.
Менеклид, фиванский демагог – Пел., 25.
Менекрат, врач – Агес., 21.
Менекрат, военачальник С. Помпея – Ант., 32.
Менекрат Нисский, историк Вифинии – Тес., 26.
Менелай, брат Птолемея I – Д-й, 15—16.
Менемах, военачальник Митридата – Лук., 17.
Менений Агриппа, плебей-миротворец – Гай, 6.
Менесфей, сын Ификрата (IV в.), афинский полководец – Фок., 7.
Менилл, македонский военачальник – Фок., 28, 30—31.
Менипп, афинский стратег – Пер., 13.
Менипп Стратоникейский, ритор – Циц., 4.
Менон, фессалийский военачальник на службе Кира Младшего, предатель – Арт., 18.
Менон, фессалийский военачальник в Ламийской войне – Пирр, 1; Фок., 25.

- Менон, отец Феано – Алк., 22.
Менон, скульптор – Пер., 31.
Ментор, слуга Александра – Эвм., 2.
Мерокл, афинский оратор, сподвижник Демосфена – 13, 23. Дем.
Мерула, Л. Корнелий – сменный консул 87 г. – Мар., 41, 45.
Мессала, отец Валерии, жены Суллы, ближе неизвестен – Сул., 35.
Мессала Корвин, М. Валерий, консул 31 г., сторонник сената, потом Антония, потом Октавиана, оратор и мемуарист, покровитель поэтов – Бр., 40—42, 45, 53.
Мессала Руф, М. Валерий, консул 53 г., отец предыдущего – Пом., 54.
Местрий Флор, Л., секатор консульского звания, друг Веспасиана и покровитель Плутарха – Отон, 14.
Метаген из Ксипеты, зодчий – Пер., 13.
Метелл, Г., ближе неизвестен – Сул., 31.
Метелл, Л. Цецилий, консул 68 г. (?) – Мар., 4; Сул., 6; Пом., 2.
Метелл, Л. Цецилий, сын Метелла Критского, нар. трибун 49 г. – Пом., 62; Агес./Пом., 3; Цез., 35.
Метелл Диадема, Л. Цецилий, консул 117 г. – Гай, 11.
Метелл Критский, Кв. Цецилий, консул 69 г. – Пом., 29.
Метелл Македонский, Кв. Цецилий, консул 143 г., победитель македонского восстания 148 г. – Мар., 1; Ник./Кр., 2; ТГр., 14.
Метелл Непот, Кв. Цецилий, нар. трибун 62, консул 57 г. – Цез., 21; КМл., 20—21, 26—29; Циц., 23, 26.
Метелл Нумидийский, Кв. Цецилий, племянник Македонского, консул 109 г. – Гай/Алк.; Мар., 7—8, 10, 28—31, 42; Лук., 1; КМл., 32.
Метелл Пий, Кв. Цецилий, консул 80 г., сын предыдущего – КСт., 24; Мар., 42; Сул., 28; Лук., 6; Кр., 6; Ник./Кр., 3; Сер., 1, 12—13, 19, 21—22, 27; Пом., 8, 17—19; Цез., 7.
Метелл Пий Сципион, Кв. Цецилий, приемный сын предыдущего, консул 52 г., убит 46 г. – Пом., 62, 66—67, 69, 76; Агес./Пом., 1, 4; Цез., 16, 30, 39, 42, 44, 52—53, 55; КМл., 7, 47, 56—58, 60, 67, 68, 70—72; Циц., 15; Бр., 6; Отон, 13.
Метелл Целер, Кв. Цецилий, может быть, сын Диадемата – Ром., 9; Гай, 11.
Метелл Целер, Кв. Цецилий, брат Непота, претор 63, консул 60 г. – Циц., 16, 29.
Метелла, Цецилия, внучка Метелла Нумидийского, жена Скавра и потом Суллы – Сул., 6, 13, 22, 33—35, 37; Пом., 9; КМл., 3.
Метилий (М. Цецилий Метелл, нар. трибун 217 г.) – Фаб., 8.
Метон, астроном, реформатор греческого календаря, друг Перикла – Алк., 17; Ник., 13.
Метон, тарентинец – Пирр, 13.
Метробий, писец – Ким., 10.
Метробий, актер – Сул., 2, 36.
Метродор Скепсийский, советник Митридата – Лук., 22.
Метродор, танцовщик – Ант., 24.
Меценат, Г. Цильний (ум. 8), советник Октавиана, дипломат и покровитель писателей – Дем./Циц., 3; Ант., 35.
Мидас, легендарный фригийский царь – Поп., 15; Тит, 20; Ал., 18; Цез., 9.
Мидий, обвиненный Демосфеном – Алк., 10; Дем., 12.
Микион, македонский военачальник – Фок., 25.
Микион, афинский демагог, брат Эвриклида – Арат, 41.
Милон, македонский военачальник – ЭМП., 16.
Милон, Т. Анний, претор 55 г., римский демагог, подзащитный Цицерона – КМл., 47; Циц., 33, 35.
Мильт, ученик Платона, гадатель – Дион, 22, 24.
Мильто, фокеевка, наложница Кира Младшего и Артаксеркса II – Пер., 24; ср. Арт., 26.
Мильтиад, отец Кимона, победитель при Маратоне – Тес., 6; Фем., 3, 4; Ар., 5, 16, 26;

Ар./КСт., 2; Ким., 4—5, 8; Д-й, 14.

Мимнерм (нач. VI в.), элегический поэт – Сол./Поп., 1.

Миндар (убит в 410 г.), спартанский военачальник – Алк., 27—28.

Минуций, диктатор – Марц., 5.

Минуций, М., первый римский квестор – Поп., 3.

Минуций Руф, М., консул 221, начальник конницы при Фабии Максиме – Фаб., 4—5, 7—13; Пер./Фаб., 2.

Минуций Терм, Кв., нар. трибун 62 – КМл., 27—28.

Мирон из Флии, обвинитель Алкмеонидов – Сол., 12.

Мирон, военачальник Митридата – Лук., 17.

Миронид, афинский полководец, победитель при Платее и Энофитах – Пер., 16, 24; Пер./Фаб., 1; Ар., 10, 20.

Миртил, виночерпий Пирра – Пирр, 5.

Миртил Мефимнский (III в.), историк – Арат, 3.

Мирто, внучка Аристида – Ар., 27.

Митридат, родоначальник понтийских царей – Д-й, 4.

Митридат VI Эвпатор, понтийский царь. (111—64) – Нума, 9; Тит, 21; Мар., 31, 34, 41, 45; Сул., 5—8, 10—11, 13, 20—24, 27; Лис./Сул., 4—5; Лук., 2—4, 6—9, 11, 13—19, 21—24, 26, 28—29, 31, 34, 35, 37; Ким./Лук., 3 Кр., 16; Сер., 23—24; Пом., 24, 30, 32—33, 35—39, 41—42, 44; Цез., 5.

Митридат Понтийский, царь Боспора (39—45 гг. н.э.), после низложения живший в Риме – Гал., 13, 15.

Митридат, убийца Кира Младшего – Арт., 11, 14—16.

Митридат, двоюродный брат Монеса – Ант., 46.

Митробарзан, военачальник Тиграна – Лук., 25.

Митропавст, родственник Артаксеркса I – Фем., 29.

Миципса, нумидийский царь (149—118), союзник римлян и друг рода Сципионов – ГГр., 2.

Мнесикл, афинский зодчий – Пер., 13.

Мнесиптолема, дочь Фемистокла – Фем., 30, 32.

Мнесифей, сикионский изгнанник – Арат, 7.

Мнесифил Фреарский (конец VI в.), ученик Семи мудрецов, учитель Фемистокла – Фем., 2.

Мнестра, гетера – Ким., 4.

Молосс, афинский стратег – Фок., 14.

Монес, парфянский вельможа – Ант., 37, 46.

Монима, жена Митридата – Лук., 18; Пом., 37.

Муммий, легат Красса – Кр., 10.

Муммий, Г., военачальник Суллы – Сул., 9.

Муммий Ахейский, Л., консул 146 г., разрушитель Коринфа – Фил., 21; Мар., 1; Лук., 19; Ник./Кр., 3.

Мунатий Планк, Л., наместник Галлии в 43 г., консул 42 г., приверженец Антония, потом Октавиана – Ант., 18, 58; Бр., 19.

Мунатий Планк Бурса, Т., нар. трибун 52 г. – Пом., 55; КМл., 48; Циц., 25.

Мунатий Руф, друг и биограф Катона – КМл., 9, 30, 36—37.

Мурена, Л. Лициний, военачальник Суллы – Сул., 17—19.

Мурена, Л. Лициний, сын предыдущего, консул 62 г., подзащитный Цицерона – Лук., 15, 19, 25, 27; КМл., 21, 28; Циц., 14, 35; Дем./Циц., 1.

Мурк, убийца Пизона – Гал., 27.

Мусей, легендарный поэт и пророк, ученик Орфея – Мар., 36.

Муциан, Г. Лициний, наместник Сирии в 67—70 н.э., союзник Веспасиана в борьбе за власть, трижды консул – Отон, 4.

- Муций, тесть Мария Младшего – Мар., 35.
Муций (по Аппиану – Муммий), нар. трибун 133 г. – ТГр., 13, 18.
Муций Сцевола, герой войны с Порсеной – Поп., 17.
Муций Сцевола, П., (по прозвищу Юрист), консул 133 г., – Сул., 36; ТГр., 9.
Муций, жена Помпея, дочь Кв. Сцеволы – Пом., 42.
Набид, тиранн Спарты (206—192) – Фил., 12, 14, 19; Тит, 13; Фил./Тит, 3.
- Н** авкрат, ликийский мятежник – Бр., 30.
Навсикрат из Эрифр (IV в.), ритор, ученик Исократа – Ким., 19.
Назика, П. Корнелий Сципион, консул 138 г., двоюродный брат и политический враг Тиб. Гракха – ТГр., 13, 19—21.
Назика Коркул, П. Корнелий Сципион, консул 162 и 155 гг., зять Сципиона Старшего – Эмп., 15—18, 22, 26; Марц., 5; КСт., 27.
Неалк, друг Арата – Арат, 13.
Неандр из Эпира – Пирр, 2.
Неанф Кизикский (конец IV в.), автор мифографических и исторических сочинений – Фем., 1, 29.
Неарх, критянин, военачальник Александра, описавший плавание вдоль южного берега Персии – Эвм., 2, 18; Ал., 10, 66, 68, 73—75.
Неарх, тарентинский пифагореец, последователь Архита – КМл., 2.
Нектанебид, египетский царь (360—343) – Агес., 37—40.
Нелей Скепсийский (III в.), ученик Феофраста, философ-перипатетик – Сул., 26.
Неокл, отец Фемистокла – Фем., 1; Ар., 2.
Неокл, сын Фемистокла – Фем., 32.
Неон, беотиец – Эмп., 23.
Неон, коринфянин, военачальник Тимолеонта – Тим., 18.
Неоптолем, эфирский царь, отец Олимпиады – Пирр, 2.
Неоптолем II, эфирский царь, троюродный брат Пирра – Пирр, 4—5.
Неоптолем, начальник щитоносцев Александра, потом сатрап Армении (погиб в 321 г.) – Эвм., 1, 4—7.
Неоптолем, полководец Митридата – Мар., 34; Лук., 3.
Неохор из Галиарта, – Лис., 29.
Нерон Клавдий Друз Германик Цезарь, римский император (54—68 гг. н.э.) – Тит, 12; Ант., 87; Гал., 1—11, 14—20, 23, 29; Отон, 1, 3, 5, 18.
Нигер, друг Антония – Ант., 53.
Нигидий Фигул, П., претор 58 г., ученый-пифагореец, друг Цицерона и Варрона – Циц., 20.
Никагор из Трезена – Фем., 10.
Никагор из Мессении, враг Клеомена – Кл., 35.
Никанор, сатрап Каппадокии, союзник Антигона – Эвм., 17.
Никанор Атарнейский, приемный сын Аристотеля, наместник Кассандра в Афинах – Фок., 30, 32—33.
Никарх, прадед Плутарха – Ант., 68.
Никерат, отец Никия – Ник., 2.
Никерат Гераклеяский, поэт, ближе неизвестен – Лис., 18.
Никея, вдова Александра Коринфского – Арат, 17.
Никий (ок. 470—413) – Ник.; Алк., 1, 13—14, 17, 20—21; Пел., 4; Ар., 7; Тит, 11.
Никий, друг Агесилая – Агес., 13.
Никий, управляющий Птолемея Кипрского – КМл., 39.
Никий из Энгия – Марц., 20.
Никоген, друг Фемистокла – Фем., 26, 28.
Никодем, мессенец – Дем., 13.

- Никодем, фиванец – Пел., 3.
Никокл, сикийский тиранн (свергнут ок. 251) – Фил., 1; Арат, 3, 4, 6, 7.
Никокл, друг Фокиона – Фок., 17, 35—36.
Никокреонт, царь Саламина Кипрского (с 332) – Ал., 29.
Николай Дамасский (конец I в.), советник Ирода Иудейского, автор всеобщей истории и истории Августа – Бр., 53.
Никомах из Карр – Кр., 25.
Никомах, македонянин – Ал., 49.
Никомах (IV в.) Фиванский, художник – Тим., 36.
Никомаха, дочь Фемистокла – Фем., 32.
Никомед IV Филопатор, последний вифинский царь (ок. 95—74) – Сул., 22, 24; Цез., 1.
Никомед, афинянин – Фем., 32.
Никон, беглый раб – Ал., 42.
Никонид, военный инженер Митридата – Лук., 10.
Никопола, развратница – Сул., 2.
Нимфидий Сабин, Г., начальник преторианцев при Нероне – Гал., 2, 8—9, 11, 13, 15, 18, 23, 29.
Нимфидия, мать предыдущего – Гал., 9, 14.
Нипсий Неаполитанский, военачальник Дионисия Младшего – Дион, 41, 44, 46.
Нисей, сводный брат Дионисия Младшего, тиранн Сиракуз в 351—346 гг. – Тим., 1.
Ноний, А., нар. трибун 101 г. – Мар., 29.
Ноний Суфенат, М., претор 52 г., помпеянец – Циц., 38.
Ноний Суфенат, С., претор 81 г., сын сестры Суллы – Сул., 10.
Норбан, Г., консул 83 г., марианец – Сул., 27; Сер., 6.
Норбан Флакк, Г., военачальник Антония, консул 38 г. – Бр., 38.
Нума Помпилий, второй римский царь – Нума; Тес., 1; Ром., 18, 20, 21; Кам., 18, 20, 31; Гай, 1, 25, 39; Эмп., 1; Марц., 8; Цез., 58; Фок., 3.
Нумерий, друг Мария – Мар., 35.
Нумерий Магий, друг Помпея, начальник интендантства в его войске – Пом., 63.
Нумитор, дед Ромула, царь Альбы – Ром., 3, 6—9.
- О** арс, первоначальное имя Кира Младшего – Арт., 1.
Оксатр, брат Артаксеркса II – Арт., 1, 5.
Оксиарт, бактрийский князь, отец Роксаны – Ал., 58.
Оксиарт, сатрап Согдианы при Александре – Ал., 68.
Октавий, ближе неизвестен – Циц., 26.
Октавий, легат Красса – Кр., 29—31.
Октавий, Г., отец Августа, претор 61 г. (умер в 58 г.) – Циц., 44.
Октавий, Г., участник заговора против Цезаря – Цез., 67.
Октавий, Гн., консул 165 г. – Эмп., 26.
Октавий Гн., консул 87 г., убитый марианцами – Мар., 41—42, 45; Сул., 12; Сер., 4.
Октавий, Л., консул 75 г., наместник Киликии – Лук., 6.
Октавий, Л., легат Помпея – Пом., 29.
Октавий, М., нар. трибун 133 г. – ТГр., 10—12, 15; ГГр., 4.
Октавий, М., эдил 50 г., военачальник помпейцев, потом Антония – КМл., 65; Ант., 65.
Октавия, сестра Октавиана Августа, жена Антония – Поп., 17; Марц., 20; Циц., 44; Ант., 31, 33, 35, 53—54, 56—57, 83, 87.
Олимп, врач – Ант., 82.
Олимпиада (375—316), эпирская царица, жена Филиппа Македонского – Эвм., 12—13; Ал., 2—3, 9—10, 25, 39, 68, 77; Д-й, 22.
Олимпиодор, афинский военачальник – Ар., 14.
Олор, фракийский царь – Ким., 4.

- Олор, отец Фукидида – Ким., 4.
Олтак, меотийский князь – Лук., 16.
Ольбий, прорицатель – Фем., 26.
Омис, ближе неизвестен – Арт., 4.
Онесикрит Астипалейский, философ-киник, спутник Александра, написал историю его похода – Ал., 8, 15, 46, 60—61, 65—66.
Ономарх (убит в 352 г.), брат и наследник Филомела, вождь фокидян – Тим., 30.
Ономарх, македонянин – Эвм., 18.
Ономаст, агент Отона – Гал., 24.
Опимий, Л., консул 121 г. – ГГр., 11, 13—14, 16—17.
Оплак, итальянский воин – Пирр, 16.
Оппий, Г., друг Цезаря и Цицерона – Пом., 10; Цез., 17.
Оресс, критянин – Пирр, 30.
Орест, Л. Аврелий, консул 126 – ГГр., 1—2.
Орнит, ближе неизвестен – Тес., 7.
Ороанд, критянин – ЭмП., 26.
Оробаз, парфянский посол – Сул., 5.
Оронт, зять Артаксеркса II, потом вождь восстания сатрапов против царя – Арат, 3; Арт., 27.
Орсодат, казненный Александром – Ал., 57.
Орфагор, прорицатель – Тим., 4.
Орфидий Бенигн, легионный командир – Отон, 12.
Остан, брат Артаксеркса II, дед Дария III – Арт., 1, 5.
Отацилий Красс, Т., претор 217 и 214 г. – Марц., 2.
Отон, Л. Росций (у Плутарха ошибочно – претор Марк), нар. трибун 67 г. – Циц., 13.
Отон, М. Сальвий, римский император (69 г. н.э.) – Отон; Гал., 19—20, 23—28.
Офельт (точнее Офелл), киренский тиранн (322—308) – Д-й, 14.
Ох, прозвище персидского царя Артаксеркса III (358—338) – Ал., 69; Арт., 26, 28, 30.
Оцелла, Л., бывший претор – Бр., 35.
- П**авел, Л. Эмилий (Старший), консул 216 г., разбитый при Каннах – Фаб., 14, 16; ЭмП., 2; Марц., 10.
Павел, Л. Эмилий (Младший) (ок. 228—160), консул 182 и 168 г. – ЭмП.; Тим., 1; КСт., 15, 20, 24; Сул., 12; Арат, 54; Гал., 1.
Павел, Л. Эмилий, консул 50 г., родственник Лепида – Пом., 58; Цез., 29; Циц., 46; Ант., 19; Гал., 26.
Павсаний, спартанский царь-регент (480—469), победитель при Платеях – Лик., 19; Фем., 21, 23; Ар., 11, 14—18, 20, 23; Ар./КСт., 2; Ким., 6; Ким./Лук., 3; Агид, 3.
Павсаний, спартанский царь (409—394) – Лис., 14, 28, 30; Агид, 3.
Павсаний, убийца Филиппа Македонского – Ал., 10; Дем., 22.
Павсаний, военачальник Селевка – Д-й, 50.
Павсаний, врач – Ал., 41.
Паккий, раб Катона – КСт., 10.
Пакор I, сын Орода (Гирода), парфянский царь (ум. 38) – Кр., 38; Ант., 34.
Пакциан, Г., воин Красса – Кр., 32.
Пакциан, (Вибий?), военачальник Суллы – Сер., 9.
Пакциан, Вибий, друг Красса – Кр., 4—5.
Паммен, фиванский военачальник, друг Пелопида и Эпаминонда – Пел., 18, 26.
Памфил Сикионский (IV в.), живописец, учитель Апеллеса – Арат, 12.
Панетий, теносский триерарх – Фем., 12.
Панетий Родосский (ок. 170—100), философ-стоик – Ар., 1; Ким., 4; Дем., 13.
Панса, Г. Вибий, консул 43 г. – ЭмП., 38; Циц., 43, 45; Ант., 17.

- Пантавх, военачальник Деметрия – Пирр, 7; Д-й, 41
Панталеонт, этолиец, вождь партии, союзной ахейцам – Арат, 33.
Пантей, друг Клеомена – Кл., 23, 38.
Пантоид, спартанский военачальник – Пел., 15.
Панфид, хиосец – Фем., 32.
Панп, ближе неизвестен – Дем., 30.
Папирий, Ман., сенатор – Кам., 22.
Папирия, жена Эмилия Павла – ЭмП., 5.
Парал, сын Перикла – Пер., 36.
Парисатида, дочь Артаксеркса I, мать Артаксеркса II и Кира – Арт., 1, 6, 14, 16—17, 23.
Париск, евнух Кира Младшего – Арт., 12.
Парменид (ок. 540—480), философ, основатель элеатской школы – Пер., 4.
Парменион (казнен 330), военачальник Филиппа и Александра – Ал., 3, 10, 19, 22, 29, 31—33, 39, 48—50.
Паррасий Эфесский (IV в.), знаменитый живописец – Тес., 4.
Пасей, сикионский тиранн – Арат, 2, 3.
Пасикрат, царь Сол на Кипре – Ал., 29.
Пасифонт, ближе неизвестен – Ник., 4.
Патек, ближе неизвестен – Сол., 6.
Патробий, вольноотпущенник Нерона – Гал., 17, 28.
Патрокл, друг Селевка – Д-й, 47.
Пахет, афинский стратег, привлеченный к суду и покончивший с собой в 427 г. – Ар., 26; Ник., 6.
Певкест, сатрап Персиды при Александре, союзник Эвмена, потом Антигона – Эвм., 13—16; Ал., 41—42, 63.
Педарит, спартанец – Лик., 25.
Пелагонт, эвбеец – Фем., 7.
Пелоп, византиец – Циц., 24.
Пелопид (погиб в 364 г.) – Пел.; Тим., 36; Ар., 1; Агес., 24; Арат, 16; Арт., 22.
Пенелопа, жена Лисимаха – Д-й, 25.
Пеон Амафунтский, ближе неизвестен – Тес., 20.
Пердикка, полководец Александра, регент 323—321 гг. – Эвм., 1, 3—5, 8; Ал., 15, 41, 77; Дем., 31.
Пердикка II, македонский царь (ок. 445—413), воевавший с афинянами – Ник./Кр., 2.
Периандр, коринфский тиранн (ок. 627—586), один из Семи мудрецов – Сол., 4, 12; Арат, 3.
Перикл (ок. 495—429) – Пер.; Лик., 16; Фем., 2, 10; Алк., 1, 3, 6, 14, 17; Пел., 4; Ар., 1, 24—26; КСт., 8; Ким., 13—17; Ник., 2—3, 6, 9, 23; Ник./Кр., 1; Пом., 63; Фок., 7; Дем., 6, 9, 13, 20; Циц., 39.
Периклид, спартанский посол – Ким., 16.
Перперна Вентон, М., претор 82 г., убийца и преемник Сертория – Сер., 15, 26—27; Пом., 10, 18, 20.
Персей, македонский царь (179—168) – Эмилий П., 7—8, 10, 12, 13, 16, 23—24, 26, 33—34, 37; ЭмП./Тим., 1; КСт., 15, 20; Д-й, 53; Арат, 54.
Персей, философ-стоик, ученик Зенона, доверенное лицо Антигона II – Арат, 18, 23.
Петилий, Кв. – нар. трибун 187, претор 181 г., обвинитель Сципиона – Нума, 22; КСт., 15.
Петин, вольноотпущенник Нерона – Гал., 17;
Петиций, корабельщик – Пом., 73.
Петрон, Граний – Цез., 16.
Петроний, военачальник Красса – Кр., 30—31.
Петроний Турпилиан, П., консул 61 г. н.э. – Гал., 15, 17.

- Пигрет, начальник пафлагонской конницы – Эвм., 6.
Пиерион, поэт, ближе неизвестен – Ал., 50.
Пизон, Г., историк, ближе неизвестен – Мар., 45.
Пизон, Г. Кальпурний, консул 67 г. – Пом., 27; Цез., 7; Циц., 19.
Пизон Фруги, Л. Кальпурний, консул 133 г., автор римской истории с древнейших времен до своего времени – Нума, 21; Циц., 31, 41.
Пизон Фруги Кальпурниан, М. Пупий, военачальник Помпея, консул 61 г. – Пом., 43; КМл., 30.
Пизон Фруги Лициниан, Л. Кальпурний, усыновленный Гальбой – Гал., 23, 25, 27—28.
Пизон Фруги Цезонин, Л. Кальпурний, консул 58 г., тесть Цезаря, враг Цицерона – Пом., 47—48; Цез., 14, 37; КМл., 34; Циц., 30.
Пизон Фруги, Г. Кальпурний, квестор 58 г., зять Цицерона – Циц., 31.
Пиксодар, сатрап Кари, отложившийся от Дария III – Ал., 10.
Пиктор, Кв. *Фабий* (конец III в.), первый римский историк-анналист – Ром., 3, 9, 14; Фаб., 18.
Пилад, кифаред – Фил., 11.
Пин, сын Нумы – Нума, 2 1.
Пинарий, ближе неизвестен – Лик./Нума, 3.
Пинарий Карп, Л., военачальник Антония, потом Октавиана – Ант., 69.
Пиндар (518—446), лирический поэт – Тес., 28; Ром., 28; Лик., 20; Нума, 4; Фем., 8; Марц., 21, 29; Мар., 29; Ник., 1; Ал., 11; Д-й, 42; Арат, 1.
Пиндар, вольноотпущенник Кассия – Ант., 22; Бр., 43.
Пириламп, богач-демократ, начавший разводить в Афинах павлинов – Пер., 13.
Пирр, эпирский царь (319—272) – Пирр; КСт., 2; Тит, 5, 20—21; Сер., 23; Кл., 18; Д-й, 25, 31, 36, 40—41, 43—44, 46; Отон, 15.
Пирр, сын Неоптолема – Пирр, 1.
Писандр, афинский военачальник-олигарх – Алк., 26.
Писандр, спартанский военачальник, шурина Агесилая – Агес., 10, 17.
Писид, феспиец, ближе неизвестен – Д-й, 39.
Писистрат, афинский тиранн (561—527, с перерывами) – Сол., 1, 10, 29—31; Сол./Поп., 3; Пер., 3, 7; Ар., 2; КСт., 24.
Писистрат, дед тиранна – Сол., 8.
Писсуфн, сатрап Сард (сер. V в.) – Пер., 25.
Питтак Митиленский, один из Семи мудрецов – Сол., 14.
Питфей, царь Трезена, дед Тесея – Тес., 3—4, 7, 19.
Пифагор Самосский (2-я пол. VI в.), философ и чудотворец, и двойник его Пифагор Спартакский (VIII в.) – Нума, 1, 8, 11, 14, 22; Эмп., 1; КСт., 2; Ал., 65; Дион, 11, 18.
Пифагор, предсказатель – Ал., 73.
Пифей (IV в.), афинский оратор из простонародья, сторонник македонской партии – Фок., 21; Дем., 8, 20, 27; Дем./Циц., 1.
Пифодор, кимеец, ближе неизвестен – Фем., 26.
Пифодор, факелоносец – Д-й, 26.
Пифокл, друг, потом противник Демосфена – Фок., 35.
Пифокл, потомок Арата – Арат, 1.
Пифоклид, учитель музыки – Пер., 4.
Пифон, византиец, агент Филиппа Македонского – Дем., 9.
Пифон, военачальник Александра, потом сатрап Мидии – Ал., 75.
Пифон, флейтист – Пирр, 8.
Пифоника, афинская и коринфская гетера – Фок., 22.
Платон (конец V в.), афинский комедиограф – Фем., 32; Пер., 4, 7; Алк., 13; Ник., 11; Ант., 70.
Платон (427—347), знаменитый философ – Тес./Ром., 1; Лик., 5, 7, 15—16, 28—29;

Нума, 8, 11, 20; Сол., 2, 26, 31—32; Пер., 8, 15, 24; Алк., 1, 4; Гай, 15, Алк./Гай, 3; Тим., 15; Пел., 18; Марц., 14; Ар., 1, 25; КСт., 2, 7; Фил., 14; Мар., 2, 46; Лис., 2, 18; Лук., 2; Ким./Лук., 1—2; Ник., 1, 23; Фок., 24; КМл., 68; Агид—Кл./ТГр.—ГГр., 2; Дем., 5; Циц., 2, 24; Дем./Циц., 3; Д-й, 1, 32; Ант., 29, 36; Дион, 4—5, 8, 11—13, 18—22, 24, 52—53; Гал., 1.

Плистарх, брат Кассандра – Д-й, 31—32.

Плистоанакт, спартанский царь (458—409) – Лик., 20; Пер., 22; Агид, 3.

Плотин, ближе неизвестен – Кр., 1.

Плутарх, тиранн Эретрии (ок. 349) – Фок., 12—13.

Пол Эгинский, актер – Дем., 28.

Поламах: ближе неизвестен – Ал., 69.

Полемон, понтийский царь (38—8) – Ант., 38, 61.

Полемон из Тимфея, военачальник Пердикки, потом Антигона – Эвм., 8.

Полемон Путешественник из Троады (III—II вв.), историк – Арат, 13.

Полиалк, спартанский посол – Пер., 30.

Полиарх, эгинский посол – Фем., 19.

Полибий Мегалопольский (ок. 200—120), автор всеобщей истории о событиях 264—144 гг. – ЭмП., 15—16, 18; Пел., 17; Пел./Марц., 1; КСт., 9—10; Фил., 16, 21; Кл., 25, 27; ТГр., 4; Бр., 4; Арат, 38.

Полигнот Фасосский (1-я пол. V в.), живописец – Ким., 4.

Полидект, брат Ликурга – Лик., 1—2.

Полидор (нач. VII в.), спартанский царь – Лик., 6, 8.

Полиевкт, сын Фемистокла – Фем., 32.

Полиевкт из Сфетта, оратор, сподвижник Демосфена – Фок., 5, 9; Дем., 10, 13, 21.

Полиен, телохранитель Филопемена – Фил., 10.

Полизел, брат Гелона Сиракузского – Ник., 27.

Полизел Родосский (нач. III в.), историк Родоса – Сол., 15.

Поликлет Ларисский, спутник и историк Александра – Ал., 46.

Поликлет, скульптор (2-я пол. V в.) – Пер., 2.

Поликрат, самосский тиранн (ок. 538—522) – Пер., 26, Лис., 9.

Поликрат Сикионский, потомок Арата – Арат, 1.

Поликрат, сын предыдущего – Арат, 1.

Поликрит из Менды, врач – Арт., 21.

Поликрита, внучка Аристида – Ар., 27.

Поликсен, зять Дионисия Старшего – Дион, 21.

Полимед, ближе неизвестен – Фок., 23.

Полисперхонт (ок. 385—303), полководец Александра и Антипатра, регент македонской державы ок. 319—316 гг. – Пирр, 8; Эвм., 12—13; Фок., 31—33; Д-й, 9.

Полисперхонт, один из убийц Каллиппа – Дион, 58.

Полистрат, воин Александра – Ал., 43.

Полистратид, спартанец – Лик., 25.

Политион, друг Алкивиада – Алк., 19, 22.

Полифрон, ферский тиранн (370—369) – Пел., 29.

Поллид, спартанский посол – Дион, 5.

Поллион, начальник преторианцев – Отон, 18.

Поллих, сиракузянин – Ник., 24.

Помпедий Силон, Кв., вождь италийского восстания 91 г. – КМл., 2, Мар., 33.

Помпей, А., нар. трибун 102 г. – Мар., 17.

Помпей, Гн., сын триумвира – Пом., 62; КМл., 55, 59; Ант., 25.

Помпей, Кв., консул 141 г. – ТГр., 14.

Помпей, С., сын триумвира – КМл., 56; Ант., 32, 35, 55.

Помпей, С., племянник триумвира – КМл., 3.

Помпей Магн, Гн., триумвир – Пом.; Нума, 19; Кам., 19; Сул., 28, 33, 38; Лис./Сул., 2;

Лук., 1, 4, 35—36, 38—40; Ким./Лук., 3; Кр., 3, 6—7, 11—12, 14—16, 21; Ник./Кр., 3; Сер., 1, 12, 15, 18—21, 27; Сер./Эвм., 2; Ал., 1; Цез., 5, 14, 21, 23, 28—29, 33—46, 48, 56—57, 69; КМл., 10, 13—14, 25, 29—30, 41—43, 45—48, 52—56; Циц., 8, 9, 12, 18, 27, 30, 33, 35, 37—40; Дем./Циц., 3; Ант., 5—6, 8, 10, 21, 33, 62; Бр., 4, 6, 9, 11, 14, 17, 25, 29, 33, 40; Дион/Бр., 4; Отон, 9.

Помпей Руф, Кв., консул 88 г. – Сул., 6, 8.

Помпей Страбон, Гн., отец триумвира, консул 89 г. – Пом., 1, 4.

Помпея, дочь триумвира, жена Цезаря – Цез., 5, 9, 10; Циц., 28.

Помпилий, Г., ближе неизвестен – Цез., 5.

Помпилия, дочь Нумы – Нума, 21.

Помпон, сын Нумы – Нума, 21.

Помпоний, отец Нумы – Нума, 3.

Помпоний, друг Г. Гракха – ГГр., 16.

Помпоний, соратник Лукулла – Лук., 15.

Помпоний, М., претор 217 г. – Фаб., 3.

Помпония, жена Кв. Цицерона, сестра Аттика – Циц., 49.

Понтий, ближе неизвестен – Сул., 27.

Понтий Коминий, римский гонец – Кам., 25—26.

Попилий Ленат, сенатор – Бр., 15—16.

Попилий Ленат, Г., консул 132 г. – ГГр., 4.

Попилий Ленат, Г., военный трибун – Циц., 48.

Попликола, П. Валерий – Поп.; Ром., 16; Гай, 33.

Попликола, Л. Геллий, консул 36 г., военачальник Антония – Ант., 65.

Поппея Сабина, жена Отона и затем Нерона, убитая им – Гал., 19.

Пор, индийский князь (страны Паурава) – Ал., 60—62.

Порсена, Ларс, этрусский царь – Поп., 16—19; Сол./Поп., 4.

Порция, сестра Катона Младшего – КМл., 2, 41.

Порция, дочь Катона Младшего, жена Брута – КМл., 25, 73; Бр., 13, 15, 23, 53.

Посидоний Апамейский (ок. 135—51), философ-стоик, ученый-энциклопедист, автор истории (продолжавшей Полибия) о событиях 146 – ок. 86 гг. – Фаб., 19; Марц., 1, 9, 20, 30; Мар., 1, 45; Пом., 42; Циц., 4; Бр., 1.

Посидоний, придворный историк Персея Македонского – ЭМП., 19, 21.

Постума, дочь Суллы – Сул., 37.

Постумий, прорицатель – Сул., 9.

Постумий, Сп., консул 110 г. (?) – ТГр., 8.

Постумий Альб, зять Попликолы – Поп., 22.

Постумий Альбин, А., Консул 151 г., автор римской «Летописи» на греческом языке – КСт., 12.

Постумий Альбин, А., консул (а не претор) 99 г. – Сул., 6.

Постумий Туберт, А., диктатор 431 г. – Кам., 2.

Постумий Туберт, П., консул 505 г. – Поп., 20.

Потамон Митиленский (I в.), ритор, автор истории Александра Македонского – Ал., 61.

Потин, советник Птолемея XIII – Пом., 77, 80; Цез., 48, 49; Ант., 60.

Праксагор из Неаполя – Пом., 57.

Праних, поэт, ближе неизвестен – Ал., 50.

Преция, любовница Цетега – Лук., 6.

Пританид, отец Ликурга – Лик., 1.

Прокл, основатель двух спартанских династий – Лик., 1.

Проксен, придворный Александра – Ал., 57.

Прокул, Лициний, полководец Отона – Отон, 7—8, 11, 13.

Прокулей Варрон Мурена, Г., римский всадник на службе Октавиана – Ант., 77—79.

- Промафион*, историк, ближе неизвестен – Ром., 2.
Промах, ближе неизвестен – Ал., 70.
Прот, кормчий – Дион, 25.
Протагор Абдерский (ум. 411), философ-софист, изгнанный из Афин – Пер., 36; Ник., 23.
Протей, паж Александра, племянник Клита – Ал., 39.
Протид, основатель Массилии – Сол., 2.
Протоген Кавнский (IV в.), знаменитый художник, соперник Апеллеса – Д-й, 2.
Профит, фиванец – Ал., 11.
Профант, дядя Арата – Арат, 2.
Профой, спартанец – Агес., 28.
Прусий I, вифинский царь (ок. 230—182) – Тит, 20.
Псаммон, легендарный египетский мудрец – Ал., 27.
Псенофис, гелиопольский жрец – Сол., 26.
Психея, жена Марфадата – КМл., 73.
Птеодор, мегарянин – Дион, 17.
Птолемаида, дочь Птолемея I, жена Деметрия – Д-й, 32, 46, 53.
Птолемей I, друг и военачальник Александра, египетский царь (305—282), автор «Записок» – Пирр, 4, 6, 11; Эвм., 1, 5; Ал., 10, 38, 46; Д-й, 5—9, 15—19, 21—22, 25, 31, 35, 38, 44; Д-й/Ант., 3.
Птолемей II Филадельф, египетский царь (282—246) – Фил., 8; Арат., 4, 12, 15, 41.
Птолемей III Эвергет, египетский царь (246—222) – Фил., 8; Агид, 7; Кл., 19, 22, 31, 33; Арат, 24, 41.
Птолемей IV Филопатор, египетский царь (222—205) – Кл., 33—38; Д-й, 43.
Птолемей V Эпифан, египетский царь (204—180) – Фил., 13.
Птолемей VI Филометор, египетский царь (180—145) – ТГр., 1.
Птолемей XII Авлет, египетский царь (80—58 и 55—51) – Лук., 2—3; Пом., 49; КМл., 34—35; Ант., 3.
Птолемей XIII, египетский царь (51—47) – Пом., 77—79; Цез., 48—49.
Птолемей, сын Птолемея IX, царь Кипра (80—58) – КМл., 34—36; Брут, 3.
Птолемей, македонский царь-узурпатор (369—365) – Пел., 26.
Птолемей, сын Пирра – Пирр, 2, 28, 30.
Птолемей, племянник Антигона – Эвм., 10.
Птолемей, сын Антония и Клеопатры – Ант., 54.
Птолемей, сын Хрисерма, ближе неизвестен – Кл., 36—37.
Птолемей, комендант Александрии – Кл., 37.
Птолемей, евнух Митридата – Лук., 17.
Птолемей, предсказатель – Гал., 23.
Птолемей Керавн, отвергнутый сын Птолемея I, советник и убийца Лисимаха, в 280—279 гг. царь Македонии – Пирр, 22.
Публий, ближе неизвестен – Пом., 42.
Публиций Бибул, нар. трибун 209 г. – Марц., 27.

Р амн, вольноотпущенник Антония – Ант., 48.
Рем, брат Ромула – Ром., 5—11;
Ресак, персидский беглец – Ким., 10.
Ресак, (сер. IV в.), сатрап Лидии – Агес., 16.
Рея, мать Ромула (Илия, Сильвия) – Ром., 3.
Рея, мать Сертория – Сер., 2.
Ресак, персидский военачальник – Ал., 16.
Риметалк (2-я пол. I в.), фракийский царь – Ром., 17.
Родогуна, дочь Артаксеркса – Арт., 27.

- Родон, вольноотпущенник Антония – Ант., 81.
Роксана, дочь Оксиарта, жена Александра – Пирр, 4; Ал., 47, 77.
Роксана, сестра Митридата – Лук., 18.
Ромул, основатель Рима – Ром.; Тес., 1—2; Нума, 2, 5, 16, 18—19; Поп., 1, 6; Кам., 31—33; Марц., 8; Пом., 25; Фок., 3.
Росций Америкский, С., подзащитный Цицерона – Циц., 3.
Росций Галл, Кв., актер, друг Цицерона – Сул., 36; Циц., 5.
Росций Отон, Л., нар. трибун 67 г. – Пом., 25.
Росции, братья, ближе неизвестны – Кр., 31.
Рубрий, нар. трибун 122 г. – ГГр., 10.
Рубрий, М., пропретор Македонии в 67 г. – КМл., 9.
Рубрий, М., военачальник помпеевцев – КМл., 62—63.
Рулл (Кв. Фабий Максим Руллиан, диктатор 315 г.), предок Фабия Максима – Фаб., 1; Пом., 13.
Рустий, ближе неизвестен – Кр., 32.
Рутилий Руф, П., консул 105 г., изгнанный в 92 г.; стоик, историк – Мар., 10, 28; Пом., 37.
Руфин, П. Корнелий, консул 290 и 277 г., предок Суллы – Сул., 1.
- С абба, индийский сатрап, отложившийся от Александра – Ал., 64.
Сабин, друг Цицерона – Циц., 25.
Садал, фракийский царь – Ант., 61.
Саккулион, шут – Бр., 45.
Салий, предводитель пелигнов – ЭМП., 20.
Сальвиен, воин Суллы – Сул., 17.
Салоний (М. Порций Катон Салониан), сын Катона – КСт., 24, 27.
Салоний, тесть Катона – КСт., 24.
Сальвий, участник убийства Помпея – Пом., 78—79.
Саллюстий Крисп, Г. (86—35), автор «Югуртинской войны», «Заговора Катилины» и «Истории» 78—67 гг. – Лис./Сул., 3; Лук., 11, 33.
Самон, приближенный Неоптолема Эпирского – Пирр, 5.
Сандака, сестра Ксеркса – Фем., 13; Ар., 9.
Сандон, отец Афинодора – Поп., 17.
Сармент, актер-мим – Ант., 59.
Сарпедон, дядька Катона Младшего – КМл., 1, 3.
Сатибарзан, вельможа Артаксеркса – Арт., 12.
Сатир, прорицатель – Тим., 4.
Сатир Олинфский, комический актер, учитель Демосфена – Дем., 7.
Сатиферн, друг Кира Младшего – Арт., 11.
Сатурей, П., нар. трибун 133 г. – ТГр., 19.
Сатурнин, Л. Апулей, нар. трибун 100 г., вождь народного восстания – Мар., 14, 28—30; Лис./Сул., 1.
Сапфо (ок. 600 г.), лирическая поэтесса – Д-й, 38.
Светоний Паулин, Г., консул 66 г. н.э., полководец Отон – Отон, 5, 7, 8, 11—13.
Севф, раб Арата – Арат, 5.
Секстий, Тидий, ближе неизвестен – Пом., 64.
Секстий Секстин, Л., консул-плебей 366 г. – Кам., 42.
Секстий Сулла, друг Плутарха – Ром., 15.
Секстилий, претор, ближе неизвестен – Пом., 24.
Секстилий, легат Лукулла – Лук., 25.
Секстилий, П., пропретор Африки в 88 г. – Мар., 40.
Секунд, Юлий, секретарь Отон, персонаж «Диалога об ораторах» Тацита – Отон, 9.

- Селевк I Никатор, сирийский царь (311—321) – КСт., 12; Лук., 14; Ал., 42, 62, 76; Д-й, 7, 18, 25, 29, 31—33, 38, 44, 46—53.
- Селевк II Каллиник, сирийский царь (246—225) – Агид, 3, 7, 10.
- Селевк, управляющий Клеопатры – Ант., 74, 83.
- Семпроний Лонг, Тиб., консул 194 г. – КСт., 12.
- Сенека, Л. Анней (4 г. до н.э. – 65 г. н.э.), философ-стоик и писатель, воспитатель и (в 54—62 гг.) советник Нерона – Гал. 20.
- Сентий Сатурнин, Г., претор 94 г., потом наместник Македонии – Сул., 11.
- Септимий, ближе неизвестен – Гал., 14.
- Септимий, участник убийства Помпея – Пом., 78—79.
- Септимулей, убийца Г. Гракха – ГГр., 17.
- Серапион, паж Александра – Ал., 39.
- Сервий Туллий, шестой римский царь – Нума, 10.
- Сервилий, ближе неизвестен – Сул., 10.
- Сервилий, авгур – Лук., 1.
- Сервилий Альбинован, П., претор 88 г. – Сул., 9.
- Сервилий Ахала, Г., убийца Сп. Мелия – Бр., 1.
- Сервилий Ватия Исаврийский, П., консул 79 г., внук Метелла Македонского, победитель киликийских племен – Сул., 28; Пом., 14; Цез., 7.
- Сервилий Ватия Исаврийский, П., сын предыдущего, консул 48 и 41 гг. – Пом., 34; Цез., 37.
- Сервилий Гемин, М., консул 202 г. – ЭмП., 31.
- Сервилия, сестра Катона, мать Брута – Бр., 1—2, 5, 53.
- Сервилия, племянница (не сестра!) Катона, жена Лукулла – Лук., 38; КМл., 24, 29, 54.
- Сергий, актер-мим, – Ант., 9.
- Серторий, Кв. (123—72) – Сер.; Мар., 1, 44; Лук., 5—6, 8, 12; Кр., 11; Пом., 17—20, 31.
- Сестий, П., нар. трибун 57 г., подзащитный Цицерона, помпеянец – Циц., 26; Бр., 4.
- Сибарида, дочь Фемистокла – Фем., 32.
- Сибиртий, хозяин палестры – Алк., 3.
- Сибиртий, сатрап Арахосии – Эвм., 19.
- Сизенна, Л. Корнелий (умер в 67 г.), историк – Лук., 1.
- Сикинн, агент Фемистокла – Фем., 12.
- Силан, Д. Юний, отчим Брута, консул 62 г. – КМл., 21—22; Циц., 14, 19—21.
- Силан, М. Юний, квестор 34, консул 25 г. – Ант., 59.
- Силанион (IV в.), скульптор – Тес., 4.
- Силен Понтийский, агент Лисандра – Лис., 26.
- Силиций Корона, П., сенатор, погибший в проскрипциях – Бр., 27.
- Силлак, парфянский сатрап Месопотамии – Кр., 21.
- Сильвия (Рея, Илия) – мать Ромула – Ром., 3.
- Симил, поэт, ближе неизвестен – Ром., 17.
- Симмий, обвинитель Перикла – Пер., 35.
- Симмий, телохранитель Филопемена – Фил., 10.
- Симонид Кеосский (556—468), лирический поэт, автор хоровых песен – Тес., 10, 17; Лик., 1; Фем., 37; Агес., 1; Дион, 1; Арат, 45.
- Синал, карфагенский наместник Минои – Дион, 25—26, 29.
- Сиппий, ближе неизвестен – КМл., 3.
- Сирм, царь трибаллов – Ал., 11.
- Сисимитр, согдийский князь – Ал., 58.
- Сициний, Гн., нар. трибун 76 г. – Кр., 7.
- Сициний Беллут, Г., нар. трибун 493 г., инициатор ухода плебеев на Священную Гору – Гай, 13, 18.
- Скавр, М. Эмилий, консул 115, цензор 89 г., «первый сенатор» своего времени – Сул.,

23; Пом., 9.

Скирафид, спартанец – Лис., 17.

Скиф, посол Агесилая – Агес., 16.

Скиф, раб Помпея – Пом., 78.

Скопад (конец V в. ?), фессалиец из знатного и богатого рода – КСт., 18.

Скрибония, мать Пизона – Гал., 23.

Скрофа, Гн. Тремеллий, легат Красса, потом претор и сельскохозяйственный писатель – Кр., 11.

Сой, спартанский царь доликурговских времен – Лик., 1—2.

Сокл из Педиэи, афинский триерарх – Фем., 14.

Сократ (469—399), знаменитый философ – Лик., 30; Пер., 13, 24; Алк., 1, 3—4, 6, 17; Ар., 1, 25, 27; КСт., 7, 20, 23; Мар., 46; Лис., 2; Ник., 13, 23; Ал., 65; Фок., 38.

Солон, архонт-законодатель 594 г. – Сол.; Поп., 9; Фем., 2; Фок., 7; Кл., 18; Ант., 36.

Сонхис, саисский жрец – Сол., 26.

Сорас (С. Атилий Серран Гавиан), нар. трибун 57 г. – КМл., 7.

Сорик, актер – Сул., 36.

Сорнатий, военачальник Лукулла – Лук., 17, 24, 30, 35.

Сосибий (III в.), спартанский историк – Лик., 25.

Сосибий, приближенный Птолемея IV – Кл., 33—35.

Сосиген, друг Деметрия – Д-й, 49.

Сосид, сиракузский демагог – Дион, 34—35.

Сосий Сенецион, Кв., друг императора Траяна, покровитель и адресат Плутарха – Тес., 1; Дем., 1, 30; Дион, 1.

Сосо, тетка Арата – Арат, 2.

Соссий, Г., претор 49 г., потом военачальник Антония – Ант., 34.

Сострат, претендент на тираннию в Сиракузах – Пирр, 23.

Сотион (I в. н.э.), философ-перипатетик, учитель Сенеки – Ал., 61.

Софан, декелеец, герой битвы при Платеях – Ар./КСт., 2; Ким., 6.

Софокл (496—406), знаменитый драматург – Нума, 4; Лик./Нума, 3; Сол., 20; Пер., 8; Тим., 36; Ким., 8; Ник., 15; Пом., 78; Ал., 7—8; Фок., 1; Агид, 1; Дем., 7; Д-й, 45—46; Ант., 24; Арт., 28.

Софросина, дочь Дионисия Старшего – Дион, 6.

Спарамиз, евнух Парисатиды – Арт., 15.

Спартак, вождь восстания рабов 74—71 гг. – Кр., 8—11; Ник./Кр., 3; Пом., 31; КМл., 8.

Спартон, беотийский военачальник – Агес., 19.

Спартон, родосский военачальник, брат Демарата – Фок., 18.

Спевсипп, племянник и ученик Платона, глава Академии после его смерти (347—339) – Дион, 17.

Спендонт, спартанский поэт, ближе неизвестен – Лик., 28.

Спикул, гладиатор, фаворит Нерона – Гал., 8.

Спинтер, П. Корнелий Лентул, консул 57 г. – Пом., 49, 67, 73; Цез., 42; Циц., 33, 38.

Спинтер, П. Корнелий Лентул, сын предыдущего – Цез., 67.

Спифридат, персидский военачальник – Лис., 24; Агес., 8, 11.

Спифридат, персидский военачальник, брат Ресака – Ал., 16, 50.

Спор, евнух, любовник Нерона и Отона – Гал., 9.

Спурина, Вестриций, военачальник Отона, потом видный государственный деятель и поэт-любитель – Отон, 5—6.

Стасикрат (у других авторов – Динократ), архитектор Александра – Ал., 72.

Стаиан, Оппий, военачальник Антония – Ант., 38.

Стаикий, ближе неизвестен – КМл., 65, 73; Бр., 51.

Стаикий, философ – Бр., 12.

Статира, жена Артаксеркса II – Арт., 5—6, 17, 19.

- Статира, жена Дария III – Ал., 30.
Статира, дочь Дария III, жена Александра – Ал., 70, 77.
Статира, сестра Митридата – Лук., 18.
Стафил, сын Тесея – Тес., 20.
Стенид Олинфский (конец IV в.), скульптор, работавший в Афинах – Лук., 23.
Стертиний, Л., легат при заключении мира 196 г. – Тит, 12.
Стесилай, кеосец – Фем., 3; Ар., 2.
Стесимброт Фасосский (конец V в.), автор антидемократического сочинения «О Фемистокле, Фукидиде и Перикле» – Фем., 2, 4, 24; Пер., 8, 13, 26, 36; Ким., 4, 14, 16.
Стефан, афинянин – Дем., 15.
Стефан, раб Александра – Ал., 35.
Стилбид, друг Никия – Ник., 23.
Стильпон, философ мегарской школы – Д-й, 9.
Страбон (ок. 63 г. до н.э. – 20 г. н.э.), географ и историк, описавший события 146—27 гг. – Сул., 26; Лук., 28; Цез., 63.
Стратокл, афинский демагог – Дем., 11—12, 24.
Стратон, друг Брута – Бр., 52—53.
Стратоник (IV в.), странствующий кифарист и шутник – Лик., 30.
Стратоника, мать Деметрия – Д-й, 2.
Стратоника, дочь Деметрия – Д-й, 31—32, 38, 51, 53.
Стратоника, жена Митридата – Пом., 36.
Сузамитр, дядя Фарнабаза – Алк., 39.
Сулла, Л. Корнелий (138—78) – Сул.; Поп., 15; Гай, 11; Тит, 21; Мар., 1, 10, 25—26, 32, 34—35, 41, 45; Лук., 1, 3, 4, 19, 43; Кр., 2, 6; Сер., 1, 4, 6—7, 9, 18, 23; Пом., 8—9, 13—16, 21; Агес./Пом., 1; Цез., 1, 3, 5—6, 14—15, 37; КМл., 3, 17—18; Циц., 3—4, 10, 12, 14, 17, 27; Ант., 1; Бр., 9; Отон, 9.
Сулла, Секстий, друг Плутарха – Ром., 15.
Сульпиций, Кв., военный трибун – Кам., 28.
Сульпиций, Кв., фламин – Марц., 5.
Сульпиций, Г., претор 63 г. – Циц., 15.
Сульпиций Гальба, П., консул 200 г. – Тит, 3.
Сульпиций Руф, П., нар. трибун 88 г. – Мар., 34—35; Сул., 8.
Сульпиций Руф, С., консул 51 г., известный юрист, друг Цицерона – Пом., 54; КМл., 49.
Сурена, парфянский военачальник – Кр., 21, 23, 29—33.
Сфенний из Гимеры – Пом., 10.
Сфер Борисфенский (III в.), философ-стоик, советник Клеомена, автор сочинения о государственном устройстве Спарты – Лик., 5; Кл., 2, 11.
Сфин, настоящее имя мудреца Калана – Ал., 65.
Сфодрий, спартанский военачальник – Пел., 14; Агес., 24—26; Агес./Пом., 1.
Сцеллий, ближе неизвестен – Ант., 66.
Сципион Африканский (Старший), П. Корнелий, консул 205 и 192 г., умер в 183 г. – Фаб., 25—27; Пер./Фаб., 2; Эмп., 2, 5; Пел./Марц. 1; КСт., 3, 11, 15, 24; Ар./КСт., 1, 2, 5; Тит, 3, 18, 21; Пирр, 8; Мар., 1; Кр., 26; Пом., 14; ТГр., 1, 4, 8, 17; ГГр., 19; Гал., 29.
Сципион Африканский (Младший), П. Корнелий, консул 147 г., разрушитель Карфагена – Ром., 27; Эмп., 5, 22; КСт., 15, 26; Мар., 3, 12, 13; Лук., 28; КМл., 7; ТГр., 1, 4, 7—8, 13, 21; ГГр., 10.
Сципион Азиатский, Л. Корнелий, консул 190 г., победитель Антиоха – КСт., 15, 18.
Сципион Азиатский, Л. Корнелий, консул 83 г., правнук предыдущего – Сул., 28.
Сципион Кальв. Гн. Корнелий, консул 222 г. – Марц., 6—7.
Сципион Метелл (Кв. Цецилий Метелл Пий Сципион), нар. трибун 60, консул 52 г., тесть Помпея – Пом., 62, 66—67, 69, 76; Агес./Пом., 1, 4; Цез., 16, 30, 39, 42, 44, 52—53, 55; КМл., 7, 47, 56—58, 60, 67—68, 70—72; Циц., 15; Бр., 6; Отон, 13.

- Сципион Салутион, ближе неизвестен – Цез., 52.
Сципион, П. Корнелий, начальник конницы при Камилле – Кам., 5.
- Тавр, Т. Статилий – легат Октавиана, консул 26 г. – Ант., 65.
Таврей, соперник Алкивиада – Алк., 16.
Таврион, доверенное лицо Филиппа V – Арат, 52.
Таксил, индийский князь одноименного города – Ал., 59, 65.
Таксил, полководец Митридата – Сул., 15, 19; Лук., 26—27.
Таласий, легендарный спутник Ромула – Ром., 15; Пом., 4.
Талия, жена Пинария – Лик./Нума, 3.
Талл, афинский воин – Фок., 13.
Танузий Гемин, историк и политический противник Цезаря – Цез., 22.
Тарквиний Гордый, седьмой римский царь – Лик./Нума, 3; Поп., 1—3, 9, 13, 16, 18; Гай, 2; ТГр., 15.
Тарквиний Старший, пятый римский царь, этруск – Ром., 16, 18; Поп., 14—15.
Тарквиния, весталка – Поп., 8.
Тарпей, военачальник на Капитолии – Ром., 17.
Тарпея, дочь предыдущего – Ром., 17—18.
Тарпея, весталка – Нума, 10.
Таррип, сын Адмета (V в.), эпирский царь – Пирр, 1.
Тарутий, римлянин – Ром., 5.
Тарутий Фирмиан, Л., друг Варрона и Цицерона, астролог – Ром., 12.
Тархондем, царь Киликии – Ант., 61.
Татий, сабинский царь, соправитель Ромула – Ром., 17—20, 23—24; Нума, 2, 5, 17.
Татия, жена Нумы – Нума, 3, 21.
Тах, египетский царь (363—360) – Агес., 36—38.
Тевкр, обвинитель Алкивиада – Алк., 20.
Тевтам, начальник аргираспидов – Эвм., 13, 16—17.
Телевтий (погиб в 381 г.), спартанский флотоводец – Агес., 21.
Телезин, Понтий, полководец-марианец – Сул., 29; Лис./Сул., 4.
Телеклид, коринфянин – Тим., 7.
Телеклид, афинский комедиограф (440—420-е гг.) – Пер., 3, 16; Ник., 4.
Телемах, военачальник Тимолеонта – Тим., 13.
Телесид, сицилиец – Дион, 42.
Телесиппа, гетера – Ал., 41.
Телест Селинунтский (конец V в.), лирический поэт – Ал., 8.
Телл, афинянин – Сол., 27; Сол./Поп., 1.
Теренций, убийца Гальбы – Гал., 27.
Теренций, Л., ближе неизвестен – Пом., 3.
Теренций Куллеон, Кв., нар. трибун 189, претор 187 г. – Тит, 18.
Теренций Куллеон, Кв., нар. трибун 58 г., друг Помпея – Пом., 49.
Теренция, жена Цицерона – КМл., 19; Циц., 8, 20, 29—30, 41.
Терпандр Лесбосский (VIII—VII вв.), лирический поэт – Лик., 20, 29; Агид, 10.
Терция, сестра Клодия – Циц., 29.
Терция, дочь Эмилия Павла – ЭмП., 10; КСт., 20.
Тесей – Тес.; Сол., 26; Сул., 13; Ким., 8.
Теста, сестра Дионисия Старшего – Дион, 21.
Технон, раб Арата – Арат, 5, 7, 20.
Тигеллин, Г. Софоний, фаворит Нерона, начальник преторианцев в 62—68 н.э. – Гал., 2, 8, 13, 17, 19, 23, 29; Отон, 2.
Тигран II Великий, армянский царь (95—56), союзник Митридата – Кам., 19; Сул., 27; Лук., 9, 14, 19, 21—23, 25, 28—36; Ким./Лук., 3; Кр., 16, 26; Пом., 28, 30, 32—33, 36, 45, 67;

Агес./Пом., 3.

Тигран III, сын предыдущего, армянский царь (20—8) – Пом., 33, 45, 48.

Тидей, афинский стратег 405 г. – Алк., 36—37; Лис., 10.

Тидий Секстий, ближе неизвестен – Пом., 64.

Тимаген Александрийский (в Риме во 2-й пол. I в.), историк событий своего времени – Пом., 49; Ант., 72.

Тимагор, афинский посол в Персию в 367 г. – Пел., 30; Арт., 22.

Тимандра, любовница Алкивиада – Алк., 39.

Тиманф, друг Арата – Арат, 12.

Тиманф Сикионский (IV в.), известный художник – Арат, 32.

Тимей, друг Андокида – Алк., 21.

Тимей из Тавромения (ок. 356—260), историк, автор истории Сицилии и итальянской Греции с древнейших времен до 264 г. – Лик., 1, 31; Тим., 4, 10, 36; Тим./Эмп., 2; Ник., 1, 19, 28; Дион, 6, 14, 31, 36.

Тимесилей, тиранн Синопы – Пер., 20.

Тимесифей, липарский военачальник – Кам., 8.

Тимея, жена Агида II – Алк., 23; Лис., 22; Агес., 3.

Тимодем (у Диодора – Тимэнет), отец Тимолеонта – Тим., 3, 39.

Тимоклид, тиранн Сикиона – Арат, 2.

Тимоклея, сестра Феагена – Ал., 12.

Тимократ, афинянин, обвиняемый Демосфеном – Дем., 15.

Тимократ, сиракузянин, зять и наместник Дионисия – Дион, 21, 26, 28.

Тимократ, родосец, посол Артаксеркса – Арт., 20.

Тимокреонт Родосский (1-я пол. V в.), лирический поэт, автор застольных песен, враг Симонида и Фемистокла – Фем., 21.

Тимоксен, ахейский стратег 225 и 223 гг. – Кл., 20; Арат, 38, 47.

Тимолай, спартанец – Фил., 15.

Тимолеонт (умер в 337 г.) – Тим.; Кам., 19; Дион, 58.

Тимон Афинский (V в.), мизантроп – Алк., 16; Ант., 69—71.

Тимон Флиунтский (ок. 320—230), философ-скептик и сатирический поэт, автор «Силл» с насмешками над всеми философами – Нума, 8; Пер., 4; Дион, 17.

Тимонасса, жена Писистрата – КСт., 24.

Тимонид Левкадский, ученик Платона, спутник Диона – Дион, 22, 30, 31, 35.

Тимофан, коринфский тиранн – Тим., 3—4.

Тимофей (умер в 354 г.), сын Конона, афинский полководец – Тим., 36; Пел., 2; Сул., 6; Дем., 15.

Тимофей, македонский воин – Ал., 22.

Тимофей Милетский (ок. 450—360), лирический поэт – Фил., 11; Агес., 14; Агид, 10; Д-й, 42.

Тинний, минтурнец – Мар., 38.

Тиннонд, эвбейский тиранн – Сол., 14.

Тираннион, грамматик, друг Цицерона, учитель Страбона – Сул., 26; Лук., 19.

Тирей, евнух Дария III – Ал., 30.

Тирибаз, сатрап Лидии с 392 г., преемник Тифравста, потом заговорщик – Агес., 23; Арт., 5, 7, 24, 27—29.

Тиرون, вольноотпущенник и секретарь Цицерона – Циц., 41, 49.

Тиртей (VII в.), афинский поэт, писавший в Спарте, автор гражданских элегий – Лик., 6; Кл., 2.

Тисамен, гадатель – Ар., 11.

Тисандр, свояк Перикла – Пер., 36.

Тисий, друг Алкивиада – Алк., 12.

Тисифон, брат жены Александра Ферского – Пел., 35.

Тиссаферн, сатрап Лидии ок. 413—395 гг. – Алк., 23—28; Гай/Алк., 2; Лис., 4; Агес., 9—10; Арт., 3—4, 6, 18, 20, 23.

Тит (Квинтий Фламинин) (ок. 227—174) – Тит; Эмп., 8; КСт., 12, 19; Ар./КСт., 1; Фил., 2, 14—17; Сул., 12.

Тит (Вольтурций), кротонец – Циц., 18—19.

Титиан, Л. Сальвий Отон, брат императора, консул 52 и 69 н.э. – Отон, 7—8, 13.

Титий, Кв., купец – Сул., 17.

Титий, М, квестор 36, консул 31 г., племянник Мунация Планка – Ант., 42, 58.

Титиний, Л., военачальник Кассия – Бр., 43.

Титурий Сабин, Кв., легат Цезаря в Галлии – Цез., 24.

Тифравст, побочный сын Ксеркса – Ким., 12.

Тифравст, сатрап Лидии, преемник Тиссаферна – Агес., 10.

Толмей, отец Толмида – Пер., 18.

Толмид (погиб в 447 г.), афинский полководец – Пер., 16, 18; Пер./Фаб., 1, 3; Агес., 19.

Толумний, этрусский вождь – Ром., 16; Марц., 8.

Торий, военачальник Метелла Пия – Сер., 12.

Трагиск, критянин, ближе неизвестен – Арат, 29.

Требатий Теста, Г., друг Цицерона и Цезаря, видный юрист, адресат сатиры II, I Горация – Циц., 37.

Требеллий, Л., нар. трибун 47 г. – Ант., 9.

Требоний Гаруциан, прокуратор Африки в 68 г. н.э. – Гал., 15.

Требоний, Г., нар. трибун 55 г., потом заговорщик – Пом., 52; КМл., 43; Ант., 13; Бр., 17, 19.

Триарий, Г. Валерий, легат Лукулла, потом помпеянец – Лук., 35; Пом., 39.

Тритималл, мессенянин – Кл., 19.

Трифил, агент Клеомена – Арат, 41.

Троада, бабка Пирра – Пирр, 1.

Троада, сестра Пирра – Пирр, 1.

Туберон, Кв. Элий, нар. трибун 129 г. – Лук., 39.

Тудитан, Г. Семпроний, консул 129 г., историк и оратор – Тит, 14.

Тулл, Аттий, вождь вольсков – Гай, 22; Циц., 1.

Тулл, Л. Волкаций, консул 66 г. – Пом., 60; Циц., 29.

Туллий Кимвр, Л., участник заговора против Цезаря – Цез., 66; Бр., 17, 19.

Туллия, дочь Цицерона – Циц., 41.

Турпилий Силан, Т., клиент Метелла – Мар., 8.

Тутула (Филотида), рабыня – Ром., 29; Кам., 33.

У лиад, самосский наварх – Ар., 23.

Умбриций, гадатель-гаруспик – Гал., 24.

Фабий, М., великий понтифик – Кам., 21.

Фабий Амбуст, Кв., военный трибун 406 г. – Нума, 12; Кам., 4, 17, 18.

Фабий Бутеон, М., диктатор 216 г. – Фаб., 9.

Фабий Валент, командир легиона при Вергинии Руфе и Вителлии – Гал., 10, 15, 22; Отон, 5—7, 11, 13.

Фабий Максим, Кв., сын Эмилия Павла – Эмп., 5, 15, 35.

Фабий Максим, Кв., консул 45 г. – Цез., 58.

Фабий Максим Адриан, М., военачальник Лукулла – Лук., 17, 35.

Фабий Максим Аллоброгский, Кв., пропретор Испании в 123 г., консул 121 г. – ГГр., 6.

Фабий Максим Веррукоз, Кв. – Фаб.; Пер., 2; Эмп., 5; Марц., 9, 21, 25; КСт., 2—3; Агес./Пом., 4.

Фабий Максим Эмилиан, Кв., сын Эмилия Павла, консул 145 г. – Эмп., 5, 15, 35.

- Фабий Пиктор*, Кв. (2-я пол. III в.), первый римский историк, автор «Летописи» на греческом языке – Ром., 3, 9, 14; Фаб., 18.
- Фабий Фабуллон, ближе неизвестен – Гал., 27.
- Фабия, весталка – КМл., 19.
- Фабриций Лусцин, Г., консул 282 и 278 гг. – Ар./КСт., 1, 4; Пирр, 18, 20—21; Гал., 27.
- Фавоний, М., эдил 53, претор 49 г. – Пом., 57, 60, 73; Агес./Пом., 4; Цез., 21, 34, 41; КМл., 32, 46; Бр., 11, 34.
- Фавст Корнелий Сулла, сын диктатора, квестор 54 г., зять Помпея – Сул., 34; Пом., 42, 47; Агес./Пом., 1; Цез., 14; Циц., 27; Брут, 9.
- Фавста, сестра предыдущего, жена Милона – Сул., 34.
- Фаида (Таида) – афинская гетера, любовница Птолемея – Ал., 38.
- Фаилл, кротонец, пифийский победитель, герой греко-персидских войн – Ал., 34.
- Фалес Милетский (нач. VI в.), один из Семи мудрецов, «первый греческий философ» – Сол., 2, 6—12.
- Фалет Критский (VII в.), полулегендарный реформатор греческой музыки – Лик., 4.
- Фалин, закинянин на персидской службе – Арт., 13.
- Фаний Эресский* (Лесбосский) (конец IV в.), ученик Аристотеля, автор сочинений по истории культуры – Сол., 14, 32; Фем., 1, 7, 13, 27, 29.
- Фанипп, афинский архонт 490 г. – Ар., 5.
- Фанний*, Г., консул 122 г., зять Лелия, личный друг и политический противник Г. Гракха, автор истории своего времени – ТГр., 4; ГГр., 8, 12.
- Фанния из Минтурн – Мар., 38.
- Фанодем* (IV в. ?), историк Аттики – Фем., 13; Ким., 12, 19.
- Фарак, спартанский военачальник на службе Дионисия Младшего – Тим., 1; Эмп./Тим., 2; Дион, 48—49.
- Фаргелия, милетянка, вдова 14 мужей (Афиней, XIII, 608 f) – Пер., 24.
- Фарнабаз, сатрап Фригии, союзник спартанцев в Пелопоннесскую войну – Алк., 24, 27—31, 37, 39; Лис., 19—20, 24; Агес., 9, 11—13, 17, 23; Арт., 21, 24, 27.
- Фарнабаз, сын Артабаза, персидский военачальник на македонской службе, свойственник Александра и Эвмена – Эвм., 7.
- Фарнак II, сын Митридата, понтийский царь (63—47) – Пом., 41; Цез., 50.
- Феаген, фиванский полководец при Херонее – Ал., 12.
- Феак, афинский оратор и дипломат – Алк., 3; Ник., 11; Агес., 15.
- Феано, жрица – Алк., 22.
- Феарид, муж Ареты – Дион, 6.
- Феарид, мегалополитанец – Кл., 24.
- Фебид, спартанец – Кл., 8.
- Фебид, спартанский военачальник – Пел., 5—6, 15; Агес., 23—24, 34; Агес./Пом., 1.
- Федим, военачальник Эвмена – Эвм., 16.
- Федон, афинский архонт 476 г. – Тес., 36.
- Федра, жена Тесея, погибшая от любви к своему пасынку Ипполиту – Тес., 28.
- Фемистокл (ок. 524—459) – Фем.; Тес., 6; Пер., 7; Алк., 37; Гай/Алк., 1; Пел., 4, 21; Ар., 2—5, 7—9, 11, 22, 24—26; КСт., 8; Ар./КСт., 1—2, 5; Тит, 20; Лис., 14; Ким., 5, 8, 10, 12, 16; Ким./Лук., 3; Ник./Кр., 3; Пом., 63; Агес./Пом., 4; Фок., 3; Дем./Циц., 4; Ант., 37, 46.
- Фемистокл, друг Плутарха – Фем., 32.
- Фенарета, жена Самона – Пирр, 5.
- Фенестелла* (нач. I в. н.э.) – римский историк, автор «Летописи» преимущественно историко-бытового содержания – Сул., 28; Кр., 5.
- Феникс, тенебосец – Эвм., 7.
- Феникс, фиванец – Ал., 11.
- Фенон, претендент на тираннию в Сицилии – Пирр, 23.
- Феогитон, мегарский стратег – Ар., 20.

- Феодект Фаселийский, трагический поэт и ритор, друг Аристотеля – Ал., 17.
Феодор, афинянин, верховный жрец – Алк., 33.
Феодор, афинянин (фегеец), друг Алкивиада – Алк., 19, 22.
Феодор, тарентский работороговец – Ал., 22.
Феодор, воспитатель Антулла – Ант., 81.
Феодор Безбожник (IV в.), философ школы Аристиппа – Фок., 38.
Феодот, прорицатель – Пирр, 16.
Феодот, сиракузянин, дядя Гераклида – Дион, 12.
Феодот Хиосский, советник Птолемея XIII – Пом., 77, 80; Цез., 48; Брут, 33.
Феокрит, прорицатель – Пел., 22.
Феомнест, философ-академик – Бр., 24.
Феопомп (нач. VII в.), спартанский царь – Лик., 6—7, 20, 30.
Феопомп, спартанский военачальник – Пел., 17.
Феопомп, фиванец-демократ – Пел., 8.
Феопомп (конец V в.), комический поэт – Лис., 13.
Феопомп Хиосский (ок. 377—320), ученик Исократа, автор «Истории Греции» (411—394) и «Истории Филиппа» (360—336) – Фем., 19, 25, 31; Алк., 32; Тим., 3; Лис., 16, 30; Агес., 10, 31—33; Дем., 4, 14, 18, 21, 25; Дион, 24.
Феопомп Книдский, мифограф, друг Цезаря – Цез., 48.
Феор, афинский демагог – Алк., 1.
Феорид, брат Дионисия Старшего – Дион, 6.
Феорида, жрица, осужденная за нечестие и колдовство – Дем., 14.
Феофан Митиленский, советник Помпея и историк его восточного похода – Пом., 37, 42, 49, 76, 78; Циц., 38.
Феофил, оружейник – Ал., 32.
Феофил, управляющий Антония – Ант., 67.
Феофраст, военачальник Антигона II – Арат, 23.
Феофраст Эресский (372—287), ученик и преемник Аристотеля, философ-энциклопедист – Лик., 10; Сол., 31; Пер., 23, 35, 38, 40; Фем., 25; Алк., 10; Ар., 24; Лис., 13, 19; Сул., 26; Ник., 10—11; Сер., 13; Агес., 2, 36; КМл., 37; Агид, 2; Дем., 10, 17; Циц., 24.
Ферамен (убит в 404 г.), афинский политический деятель, участник олигархических переворотов 411 и 404 гг. – Алк., 1, 31; Лис., 14; Ник., 2; Циц., 39.
Ферекид Афинский (V в.), историк и мифограф – Тес., 19, 26.
Ферекид Сиросский (VI в.), полубогендарный учитель Пифагора – Пел., 21; Сул., 36; Агид, 10.
Ферекл, агент Лисандра – Лис., 25.
Ферендат, персидский военачальник – Ким., 12.
Ференик, фиванец-демократ – Пел., 5, 7.
Ферикион, спартанец – Кл., 8, 31.
Ферикл Коринфский (конец V в.), литейщик и ювелир – ЭмП., 33.
Ферсипп, калека – Солон, 31.
Феспид, начинатель афинской трагедии (VI в.) – Сол., 29.
Фессал, актер и дипломат, спутник Александра – Ал., 10, 29.
Фессал, сын Писистрата – КСт., 24.
Фессал, сын Кимона – Пер., 29; Алк., 19, 22; Ким., 16.
Фессалоника, жена Кассандра – Пирр, 6; Д-й, 36.
Фиброн, спартанский военачальник в войне против Персии в 399—398 гг. – Арт., 20.
Фива, жена Александра Ферского – Пел., 28, 31, 35.
Фидий (сер. V в.), знаменитый афинский скульптор, автор «Зевса» в Олимпии и «Афины» в Парфеноне, друг Перикла – Пер., 2, 13, 32; ЭмП., 28.
Фила, дочь Антипатра, жена Деметрия – Д-й, 14, 22, 27, 31—32, 37, 45, 46, 53; Д-й/Ант., 1.

- Филагр, учитель Метелла – Циц., 26.
Филадельф, пафлагонский царь – Ант., 61.
Филакион, гетера – Д-й, 11.
Филаргир, вольноотпущенник Катона Младшего – КМл., 38.
Филарх Навкратийский (III в.), автор «Истории» о событиях 272—221 гг. – Фем., 32; Кам., 19; Пирр, 27; Агид, 9; Кл., 5, 28, 30; Дем., 27; Арат, 38.
Филемон (ок. 360—263), комический поэт, мастер нравственных сентенций – Пер., 2.
Филинна, наложница Филиппа II – Ал., 77.
Филипп II, македонский царь (359—336) – Кам., 19; Пер., 1; Эмп., 12; Тим., 15; Пел., 26; Сер., 1; Эвм., 1, 16, 18; Ал., 1—6, 9—10, 12, 16, 27—28, 50, 53; Фок., 9, 12, 14—17, 29; Кл., 31; Дем., 9, 12, 14, 16—18, 20—22; Дем./Циц., 3; Д-й, 10, 20, 25; Д-й/Ант., 4; Арат, 13, 23.
Филипп III (Арридей), македонский царь (323—316) – Эвм., 13; Ал., 10, 77.
Филипп IV, сын Кассандра, македонский царь (297—294) – Д-й, 36.
Филипп V, македонский царь (221—179) – Эмп., 7—8; КСт., 12, 17; Фил., 8, 12, 14—15; Тит, 2—10, 14; Фил./Тит, 1; Д-й, 3; Арат, 16, 46—52, 54.
Филипп, фиванский олигарх – Пел., 5, 7.
Филипп, врач Александра – Ал., 19.
Филипп, сатрап Александра в Индии – Ал., 60.
Филипп, сын Антигона – Д-й, 23.
Филипп, первый муж Береники – Пирр, 4.
Филипп, вольноотпущенник Помпея – Пом., 78—80.
Филипп Феангельский (III в.), автор истории Карики – Ал., 46.
Филипп Халкидский, ближе неизвестен – Ал., 46.
Филипп, Л. Марций, консул 91 г., известный оратор – Пом., 2, 17.
Филипп, Л. Марций, консул 56 г., отчим Октавиана, тесть Катона Младшего – КМл., 25, 39; Циц., 44.
Филиппид, друг Лисимаха – Д-й, 12.
Филист (ок. 430—356), военачальник Дионисиев Сиракузских, враг Диона и Платона, автор истории Сицилии с древнейших времен до 363 г. – Тим., 15; Пел., 34; Ник., 1, 19, 28; Ал., 8; Дион, 11, 14, 19, 25, 35—37.
Филлид, фиванский писец – Пел., 7, 9—11.
Филлий, спартанский воин – Пирр, 28.
Филокипр, кипрский царь – Сол., 26.
Филокл, ближе неизвестен – Сол., 1.
Филокл, афинский стратег 405 г. – Лис., 9, 13; Лис./Сул., 4.
Филократ, афинский оратор и дипломат – Дем., 16.
Филократ, слуга Г. Гракха – ГГр., 17.
Филоксен, военачальник Александра – Ал., 22.
Филоксен, сын Птолемея Македонского – Пел., 27.
Филоксен Киферский (нач. IV в.), лирический поэт, работавший в Сиракузах – Ал., 8.
Филолог, вольноотпущенник Цицерона – Циц., 48, 49.
Филомброт, афинский архонт 595 г. – Сол., 14.
Филомел, вождь Фокидян в Священной войне 356—346 гг. – Тим., 30.
Филомел из Ламптры, ближе неизвестен – Фок., 32.
Филон, архитектор (IV—III вв.) – Сул., 14.
Филон Ларисейский, философ, глава Новой (скептической) Академии, в 88 г. бежавший в Рим, учитель Цицерона – Лук., 42; Циц., 3—4.
Филон Фиванский, ближе неизвестен – Ал., 46.
Филоник, фарсалец – Ал., 6.
Филопемен Мегалопольский (253—183) – Фил.; Тит, 1, 13, 17; Кл., 24; Арат, 24.
Филостефан Киренский (III в.), историк и географ, автор трактата «Об изобретениях» – Лик., 22.

- Филострат, философ и ритор, ближе неизвестен – КМл., 67; Ант., 80.
Филот, начальник македонян в Фивах – Ал., 11.
Филот, сын Пармениона, начальник гвардейской конницы Александра, – Ал., 10, 31, 40, 48, 49.
Филот из Амфиссы, врач – Ант., 28.
Филотида (Тутула), рабыня – Ром., 29; Кам., 33.
Филохор (III в.), автор сочинений по истории Афин, их древних памятников и обычаев – Тес., 14, 16—17, 19, 26, 35; Ник., 23.
Фимбрия, Г. Флавий, марианский полководец – Тит, 21; Сул., 12, 23—25; Лук., 3, 6, 34—35; Сер., 23.
Фирс, вольноотпущенник Октавиана – Ант., 73.
Флавий, военный трибун – Марц., 26.
Флавий, народный трибун 44 г. – Цез., 61.
Флавий, всадник и делец, упоминаемый в переписке Цицерона и Аттика – Бр., 51.
Флавий Галл., военачальник Антония – Ант., 42—43.
Флавий Сабин, брат Веспасиана, префект Рима в 56—69 гг. – Отон, 5.
Фламиний, Г., консул 223 и 217, разбитый при Тразименском озере – Фаб., 2—3; Марц., 4, 6, 27; Лук., 37.
Фламинин, Л. Квинтий, брат Тита, консул 192 г., наместник Галлии – КСт., 17; Тит, 3, 18—19.
Флогид, спартанец – Лис., 16.
Флора, гетера – Пом., 2, 53.
Фок, друг Солона – Сол., 14.
Фок, сын Фокиона – Фок., 20, 30, 36, 38.
Фокион (402—318) – Фок.; Тим., 6; Ал., 39; Агид, 2; Дем., 10, 14; Арат, 19.
Фонтей Капитон, Г., консул 33 г., антонианец – Ант., 15, 36.
Фонтей Капитон, Г., консул 59 н.э., наместник Нижней Германии, убитый в 68 г. – Гал., 15.
Форак, спартанский военачальник – Лис., 9, 19.
Форак, ларисеец, спутник Антигона – Д-й, 29.
Формион, афинский полководец 430—420-х гг. – Алк., 1.
Формион, афинский банкир – Дем., 15; Дем./Циц., 3.
Фраат IV, сын Гирода, парфянский царь (40—3) – Кр., 33; Ант., 37—38, 40—11, 52.
Фрасея Пет, Т. Клодий (умер в 66 г. н.э.), сенатор-стоик, вождь оппозиции при Нероне, биограф Катона – КМл., 25.
Фрасибул, сын Лика (убит в 389 г.), военачальник и политик, восстановитель афинской демократии в 411 и 403 гг. – Алк., 1, 26; Пел., 7, 13; Лис., 27—28; Арат, 16.
Фрасибул, сын Фрасона – Алк., 36.
Фрасикл, племянник Фемистокла – Фем., 32.
Фрасилл (казнен в 406), афинский военачальник-демократ – Алк., 29.
Фрикс, спартанец – Агес., 32.
Фринид Лесбосский (конец V в.), лирический поэт – Агид, 10.
Фриних (убит в 411 г.), афинский военачальник-олигарх – Алк., 25.
Фриних (нач. V в.), афинский трагический поэт – Фем., 5.
Фриних (умер в 413 г.), афинский комический поэт – Алк., 20; Ник., 4.
Фтия, жена Адмета – Фем., 24.
Фтия, мать Пирра – Пирр, 1.
Фудипп, осужденный вместе с Фокионом – Фок., 35—36.
Фукидид, сын Мелесия, соперник Перикла – Пер., 6, 8, 11, 14, 16; Пер./Фаб., 3; Ник., 2, 11; Дем., 13.
Фукидид, сын Олора (ок. 460—396), историк Пелопоннесской войны (432—411) – Лик., 27; Фем., 25, 27; Пер., 9, 15—16, 28, 34; Фаб., 1; Алк. 6, 11, 13, 20; Ар., 24; КСт., 2;

Ким., 4; Ник., 1, 4, 19—20, 28; Агес., 33; Дем., 6.

Фульвий, нар. трибун 199 г. – Тит, 2.

Фульвий Флакк, Кв., консул 212, диктатор и консул 209 г. – Пер./Фаб., 2; Марц., 25.

Фульвий Флакк, М., консул 125 г. – ТГр., 18, 21; ГГр., 10—18.

Фульвий Флакк (Сер., консул 135 или Г., консул 134 г.) – ТГр., 11.

Фульвий Центумал, Гн., консул 211 г. – Марц., 24.

Фульвия, жена Клодия и потом Антония – Ант., 10, 20, 28, 30—31, 54, 87.

Фульвия, знатная римлянка – Циц., 16.

Фульцина, мать Мария – Мар., 3.

Фурий, римский военачальник, ближе неизвестен – Кр., 9.

Фурий, Л., военный трибун 381 г. – Кам., 37.

Фурий Фил, П., консул 223 г. – Марц., 4.

Фурний, Г., участник перузинской войны и парфянского похода Антония, нар. трибун 50 г. – Ант., 58.

Фуфидий, Л., претор 81 г., наместник Дальней Испании – Сул., 31; Сер., 12.

Х абрий (погиб в 354 г.), афинский военачальник – Кам., 19; Агес., 37; Фок., 6—7; Дем., 15.

Харет (IV в.), афинский демагог и военачальник, умер на персидской службе – Пел., 2; Фок., 5, 7, 14; Дем./Циц., 3; Арат, 16.

Харет Митиленский, придворный Александра, автор «Истории» – Ал., 20, 24, 46, 54—55, 70; Фок., 5, 7, 9—10.

Харидем из Орея, наемный полководец на афинской службе, потом на службе Дария III – Сер., 1; Фок., 16—17; Дем., 23.

Харикл, афинянин – Ник., 4.

Харикл, зять Фокиона – Фок., 21—22, 33, 35.

Харилай (Харилл), спартанский царь – Лик., 3. 19; Кл., 10; Агид—Кл./ТГр.—ГГр., 5.

Харимен, прорицатель – Арат, 25.

Харин, афинский демагог – Пер., 30.

Харм, тесть Гиппия, афинский военачальник – Сол., 1.

Хармион – рабыня Клеопатры – Ант., 60, 85.

Харон Лампсакский (V в.), автор исторических заметок о разных странах – Фем., 27.

Харон, фиванец – Пел., 7—10, 13, 25.

Хароп, эпирский князь – Тит, 4.

Херил Самосский (конец II в.), автор поэмы об истории Самоса – Лис., 18.

Херон, мегалополитанец – Ал., 3.

Херонд, афинский архонт 338 г. – Дем., 24.

Хилей, тегеец, единомышленник Фемистокла – Фем., 6.

Хилон Спартанский, один из Семи мудрецов – КСт., 20.

Хилонида, дочь Леонида – Агид, 17—18.

Хилонида, жена Клеонима Спартанского – Пирр, 26—28.

Хлидон, фиванец – Пел., 8.

Хрисанф, спартанец – Пел./Марц., 3.

Хрисерм, отец Птолемея – Кл., 36.

Хрисиды, гетера – Д-й, 24.

Хрисипп (276—204), философ-стоик – Арат, 1.

Хрисогон, вольноотпущенник Суллы – Циц., 3.

Хрисогон, флейтист – Алк., 32.

Ц едиций, М., римский плебей – Кам., 14, 30.

Цезарион – сын Юлия Цезаря от Клеопатры – Цез., 49; Ант., 54, 81—82.

Цезарь, Г. Юлий (100—44), диктатор – Цез.; Ром., 17, 20; Нума, 19; Мар., 6; Лук., 42;

Кр., 3, 7, 13, 17, 25; Ник./Кр., 4; Пом., 10, 25, 45—46, 51, 56; Агес./Пом., 1; Ал., 1; КМл., 24, 26—27, 31, 33, 41, 45, 48—49, 51—52, 58, 61—66, 68, 72—73; Циц., 20—24, 29, 37—39; Ант., 5—15; Бр., 1—2, 4—12, 14—18, 19—22, 29, 33, 35; Дион/Бр., 2; Отон, 4, 9, 13.

Цезарь (Октавиан), Г. Юлий (63 г. до н.э. – 14 г. н.э.), усыновленный племянник предыдущего, триумvir и потом император (Август) – Нума, 19; Поп., 18; Пер., 1; Марц., 30; Ал., 69; Цез., 67, 69; КМл., 73; Циц., 43—47, 49; Дем./Циц., 3—4; Ант., 16—24, 30—35, 53—56, 58—63, 65—68, 71—87; Д-й/Ант., 1—2; Бр., 22—23, 27, 38—39, 41—42, 47, 50, 53; Гал., 3.

Цезарь, Л. Юлий, квестор при Катоне в Африке – КМл., 66.

Цезарь, Л. Юлий, дальний родственник диктатора, консул 64 г. – Циц., 46; Ант., 19—20.

Цезарь, С. Юлий, дядя диктатора – Сул., 5.

Целер, друг Ромула – Ром., 10, 26; Нума, 7.

Целий, марианский военачальник, ближе неизвестен – Пом., 7.

Целий Руф, М. (погиб в 48 г.), нар. трибун 52 г., друг и подзащитный Цицерона – Циц., 36.

Цензорин, Г. Марций, противник Суллы – Сул., 5.

Цензорин, Л. Марций, военачальник Антония – Ант., 24.

Цензорин, Г. Марций Рутил, четырежды консул и дважды цензор (IV в.) – Гай, 1.

Цензорин, сенатор – Кр., 25.

Цепион, Сервилий, жених дочери Цезаря – Пом., 47; Цез., 14.

Цепион, Гн. Сервилий, консул 106 г., разбитый кимврами – Кам., 19; Мар., 16, 19; Лук., 27; Сер., 3.

Цепион, Кв. Сервилий (умер в 67 г.), брат Катона Младшего – КМл., 1—3, 8, 11, 15.

Цетег, Г. Корнелий, участник заговора Катилины – Цез., 7; КМл., 22; Циц., 16, 19, 22, 30.

Цетег, М. Корнелий, консул 204 г., великий понтифик – Марц., 5.

Цетег, П. Корнелий, консул 181 г. – Нума, 22.

Цетег, П. Корнелий, бывший марианец, претор 74 г. – Лук., 5—6.

Цецилий Калактин (нач. I в. н.э.), ритор-аттицист – Дем., 3.

Цецилий Нигер, Кв., конкурент Цезаря по обвинению Верреса – Циц., 7; Дем./Циц., 1.

Цецилия, сестра Метелла Нумидийского, мать Лукулла – Лук., 1.

Цецилия, племянница предыдущей, жена Суллы – Сул., 6.

Цецина Алиен, А., консул 69 н.э., военачальник Вителлия, победитель Оттона – Отон, 5—7, 10—11, 13, 18.

Цингоний Варрон, Г., заговорщик, назначенный консул 69 г. н.э. – Гал., 14.

Цинна, Г. Гельвий, поэт, друг Цезаря, нар. трибун 44 г. – Цез., 68; Бр., 20—21.

Цинна, Л. Корнелий, консул 87—84 гг. – Марий, 41—42, 44; Сул., 10, 12, 22; Кр., 4—5; Сер., 4—6; Пом., 3, 5; Цез., 1, 68; Циц., 17; Бр., 29.

Цинна, Л. Корнелий, сын предыдущего, претор 44 г., заговорщик – Цез., 68; Бр., 18, 20, 25.

Цицерон, М. Туллий (106—43) – Циц.; Эмп., 10; КСт., 17; Тит, 18; Лук., 41—43; Кр., 3, 13; Пом., 42, 46, 49, 59, 63; Цез., 3—4, 7, 14, 54, 57—59; Фок., 3; КМл., 19, 22, 40, 55; ГГр., 1; Дем., 3; Ант., 2, 6, 17, 19, 20, 22; Д-й/Ант., 5; Бр., 12, 19, 21—22, 26—28.

Цицерон, Кв. Туллий, брат оратора – Цез., 24; Циц., 20, 33, 47—48.

Цицерон, М. Туллий, сын оратора, сменный консул 30 г. – Циц., 45, 49; Бр., 24, 26.

Э акид, эпирский царь, отец Пирра – Пирр, 1—2.

Эвагор, царь Саламина на Кипре (410—374) – Лис., 11.

Эвалк, спартанский военачальник – Пирр, 30.

Эвандр, критянин – Эмп., 23.

Эвангел, домоправитель Перикла – Пер., 16.

- Эвангел, автор «Тактики», ближе неизвестен – Фил., 4.
Эванф Самосский, ближе неизвестен – Сол., 11.
Эвбул (умер в 330 г.), демагог, враг Демосфена, автор запрета траты праздничной казны на военные нужды – Фок., 7.
Эвдам, военачальник Эвмена – Эвм., 16.
Эвдамид I, спартанский царь (331 – ок. 305) – Агид, 3.
Эвдамид II, спартанский царь (ок. 275—244) – Агид, 3.
Эвдамид, спартанец – Агид, 3.
Эвдем Кипрский (погиб в 354 г.), ученик Платона и друг Аристотеля – Дион, 22.
Эвдем Пергамский, посол в Риме – ТГр., 14.
Эвдокс Книдский (ок. 408—355), математик и астроном, ученик Архита и друг Платона – Марц., 14.
Эвий, флейтист – Эвм., 2.
Эвклид, спартанский царь (227—221) – Фил., 6; Кл., 11, 28; Агид—Кл./ТГр.—ГГр., 5.
Эвклид, афинский архонт 403 г. – Ар., 1.
Эвклид, коринфянин, военачальник Тимолеонта – Тим., 13.
Эвклид, спартанский посол в Персии – Арт., 5.
Эвкт и Эвлей, казначеи Персея – ЭмП., 23.
Эвмен (362—316) – Эвм.; Сер., 21; Ант., 60.
Эвмен II, пергамский царь (197—159), союзник Рима – КСт., 8.
Эвмолп, легендарный учредитель Элевсинских мистерий – Сул., 13.
Эвн, сириец, вождь сицилийского восстания рабов 137—132 гг. – Сул., 36.
Эвном из Фрии, оратор, ученик Исократа и друг Лисия – Дем., 6.
Эвном («Благозаконный», имя аллегорическое), спартанский царь – Лик., 1.
Эвполем, сын тиранна Гикета – Тим., 32.
Эвполид (умер ок. 411 г.), афинский комедиограф – Пер., 3, 24; Алк., 13; Ким., 15; Ник., 4.
Эвполия, мать Агесилая – Агес., 1.
Эвполия, дочь Агесилая – Агес., 19.
Эврибиад, спартанец, командующий флотом при Саламине – Фем., 7, 11, 17; Ар., 8.
Эвридика, жена Деметрия – Д-й, 14, 53.
Эвридика, жена Птолемея I – Д-й, 46.
Эврикл, сиракузянин – Ник., 28.
Эврикл, спартанец – Ант., 67.
Эвриклид, спартанец – Кл., 8.
Эвриклид, афинский демагог – Арат, 41.
Эврилох из Эг, македонский воин – Ал., 41.
Эвримедонт, афинский стратег – Ник., 20—21.
Эврипид (480—406), знаменитый драматург – Тес., 3, 15, 29; Лик., 31; Лик./Нума, 3; Сол., 22; Гай, 17; Алк., 1, 11; Пел., 3, 29; Марц., 21; Пел./Марц., 3; Пирр, 9, 14; Лис., 15; Сул., 4; Ким., 4; Ник., 17, 29; Кр., 33; Ник./Кр., 4; Ал., 8, 10, 51, 53; КМл., 52; Дем., 1, 7; Д-й, 14, 45; Д-й/Ант., 3; Бр., 51.
Эврипонт, спартанский царь – Лик., 1—2.
Эвриптолем, двоюродный брат Перикла и тесть Кимона – Пер., 7; Ким., 4, 16.
Эвриптолем, двоюродный брат Алкивиада – Алк., 32.
Эвтерпа, мать Фемистокла – Фем., 1.
Эвтих, погонщик – Ант., 65.
Эвфемид, отец Эпаминонда – Фем., 6.
Эвфидем, афинский стратег – Ник., 20.
Эвфим, военачальник Тимолеонта – Тим., 30.
Эвфим, начальник конницы Гикета – Тим., 32.
Эвфин, феспиец – Агес., 34.

- Эвфипп, товарищ Кимона – Ким., 17.
Эвфорион, предполагаемый отец Солона – Сол., 1.
Эвфранор, сикионский изгнанник – Арат, 6.
Эвфрантид, прорицатель – Фем., 13; Ар., 9.
Эвфроний, александрийский грамматик – Ант., 72.
Эвхид, платейский бегун – Ар., 20.
Эгий, сикионский меняла – Арат, 18—19.
Эгнатий, военачальник Красса – Кр., 27.
Эзоп, полулегендарный баснописец VI в. – Сол., 6, 28; Пел., 34; Кр., 32; Арат, 30, 38.
Эзоп, Клодий (I в.), трагический актер – Циц., 5.
Экдем (он же Экдел), опекун Филопемена – Фил., 1; Арат, 5, 7.
Экпреп, спартанский эфор (ок. 400) – Агид, 10.
Эксатр (Оксиатр), брат Дария III, принятый Александром в число друзей – Ал., 43.
Эксеkestид, отец Солона – Сол., 1.
Экфан, отец Мандроклида – Агид, 6.
Элат, первый спартанский эфор – Лик., 7.
Элей, сын Кимона – Ким., 16.
Элий Пет Кат, С., консул 198 г. – Тит, 2.
Элий Туберон, П., претор 201 и 177 г., зять Эмилия Павла – Эмп., 5, 27—28.
Элия, жена Суллы – Сул., 6.
Эльпиника, сестра Кимона, жена Каллия – Пер., 10, 28; Ким., 4, 14, 15.
Эмилий, глашатай – Эмп., 38.
Эмилий Лепид, М., консул 187 и 175, цензор 179 г. – Нума, 9; Эмп., 38.
Эмилий (Мамерк), легендарный сын Пифагора – Эмп., 2.
Эмилий Мамерции, М. (в действительности, Л.), консул 366 г. – Кам., 42.
Эмилия, жена Сципиона Африканского – Эмп., 2.
Эмилия, дочь Скавра и Метеллы, жена Помпея – Сул., 33; Пом., 9.
Эмпедокл Акрагантский (ок. 495—435), философ и поэт – Д-й, 5.
Эмпил, друг Брута – Бр., 2. Энанта, мать Агафоклеи – Кл., 33.
Энопион, сын Тесея – Тес., 20.
Эпаминонд (погиб 362), друг Пелопида, вождь фиванской демократии, талантливый полководец – Лик., 12; Фаб., 27; Гай, 4; Гай/Алк., 3; Тим., 36; Пел., 3; Марц., 21; Пел./Марц., 21; Пел./Марц., 1—2; Ар. 1; КСт., 8; Ар./КСт., 4; Фил., 3, 14; Лис./Сул., 4; Агес., 19, 27—35; Фок., 3; Дем., 20; Арат, 19.
Эпафродит, вольноотпущенник Октавиана – Ант., 79.
Эперат, афинский стратег 218 г. – Арат, 48.
Эпигет, пелленец – Арат, 32.
Эпигон, колофонский тиранн – Лук., 3.
Эпикид, афинянин, ближе неизвестен – Фем., 6.
Эпикидид, спартанец – Агес., 15.
Эпикл, гермионский кифарист – Фем., 5.
Эпикрат, ахарнянин – Фем., 24.
Эпикрат «Щитоносец», афинский посол в Персию (392) – Пел., 30.
Эпиксий, персидский сатрап – Фем., 30.
Эпикур, пищик, деятель антимакедонской партии – Фок., 38.
Эпикур (342—271), философ – Пирр, 20; Ким./Лук., 1; Цез., 66; Д-й, 34; Бр., 37, 39.
Эпилик, афинянин – Пер., 36.
Эпименид Критский, религиозный деятель VI в. – Сол., 12.
Эпитадей, спартанский эфор (ок. 400) – Агид, 5.
Эпифим из Фарсала, атлет – Пер., 36.
Эпихарм (ок. 550—460), сиракузский поэт-комедиограф и философ-пифагореец – Нума, 8; Поп., 15.

- Эрасистрат, отец Феака – Алк., 13.
Эрасистрат, сын Феака – Агес., 15.
Эрасистрат, врач, крупнейший представитель послегиппократовской медицины – Д-й, 38.
Эратосфен Киренский (ок. 275—195), александрийский математик и филолог, автор трудов «О древней комедии» и «О хронологии» – Лик., 1; Фем., 27; Ал., 3, 31; Дем., 9, 30.
Эргин, сириец – Арат, 18—21, 36.
Эрготель из Кимы, ближе неизвестен – Фем., 26.
Эриант, фиванец – Лис., 15.
Эригий Митиленский (умер в 327 г.), начальник конницы у Александра – Ал., 10.
Эриций, военный трибун – Сул., 16—18.
Эрот, раб Антония – Ант., 76.
Эсион, ближе неизвестен – Дем., 11.
Эсхил, аргивянин, заговорщик – Арат, 25.
Эсхил (525—456), знаменитый драматург – Тес., 1; Ром., 9; Фем., 14; Ар., 3; Ким., 8; Пом., 1; Ал., 8; Дем./Циц., 2; Д-й, 35.
Эсхил, тиранноубийца, родственник Тимолеонта – Тим., 4.
Эсхин, ламптриец – Ар., 13.
Эсхин (умер в 314 г.), оратор, знаменитый противник Демосфена – Дем., 4, 9, 12, 15—16, 22, 24.
Эсхин, ученик Сократа, автор диалогов («Аспасия» и др.) – Пер., 24, 32; Ар., 25.
Этеокл, спартанец – Лис., 19.
Этимокл, друг Агесилая – Агес., 25.
Эфиальт (убит в 461 г.), союзник Перикла, организатор демократической реформы ареопага – Пер., 7, 9—10, 16; Ким., 10, 13, 15; Дем., 14.
Эфиальт, афинский политик и полководец IV в., потом бежавший в Персию – Дем., 23.
Эфиальт, македонянин, ближе неизвестен – Ал., 41.
Эфор из Кимы (ок. 380—320), ученик Исократы, автор первой общей истории Греции с древнейших времен до 340 г. – Фем., 27; Алк., 32; Тим., 4; Пел., 17; Лис., 16, 20, 25, 30; Ким., 12; Дион, 35—36.
Эхекрат, беотийский прорицатель – Пел., 16.

Ю ба I, сын Гиемпсала, нумидийский царь (ок. 50—46), союзник Помпея – Пом., 76; Цез., 52—53, 55; КМл., 56—57, 67—73.
Юба II, сын предыдущего, нумидийский царь (30 г. до н.э. – 19 г. н.э.), автор истории Рима до 70-х гг. (на греческом языке) и других сочинений – Ром., 14—15, 17; Нума, 7, 13; Пел./Марц., 1; Сул., 16; Сер., 9; Цез., 55; Ант., 87.
Югурта, нумидийский царь (118—104), воевавший с Римом, известен коварством и подкупам – Мар., 7—8, 10—12; Сул., 3, 6; ГГр., 18.
Юлий, Г., цензор 392 г. – Кам., 14.
Юлий Аттик, телохранитель Гальбы – Гал., 26.
Юлий Прокул, прорицатель – Ром., 28; Нума, 2, 5.
Юлия, дочь Августа – Марц., 30; Ант., 87.
Юлия, дочь Цезаря, жена Помпея – Пом., 49, 53, 70; Цез., 14, 23, 55; КМл., 32.
Юлия, сестра Л. Юлия Цезаря, мать Антония – Ант., 2.
Юлия, жена Мария – Цез., 1, 5.
Юний, М., диктатор 216 г. – Фаб., 9.
Юния, сестра Брута, жена Кассия – Бр., 7.
Юнк, М. Юний, пропретор Азии – Цез., 2.

Я сон, тиранн ферский (380—370) – Пел., 28.
Ясон из Тралл, актер – Кр., 33.

